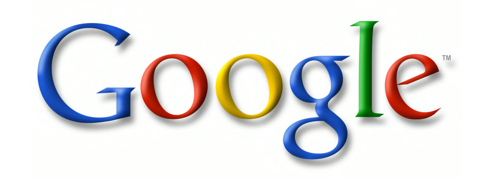

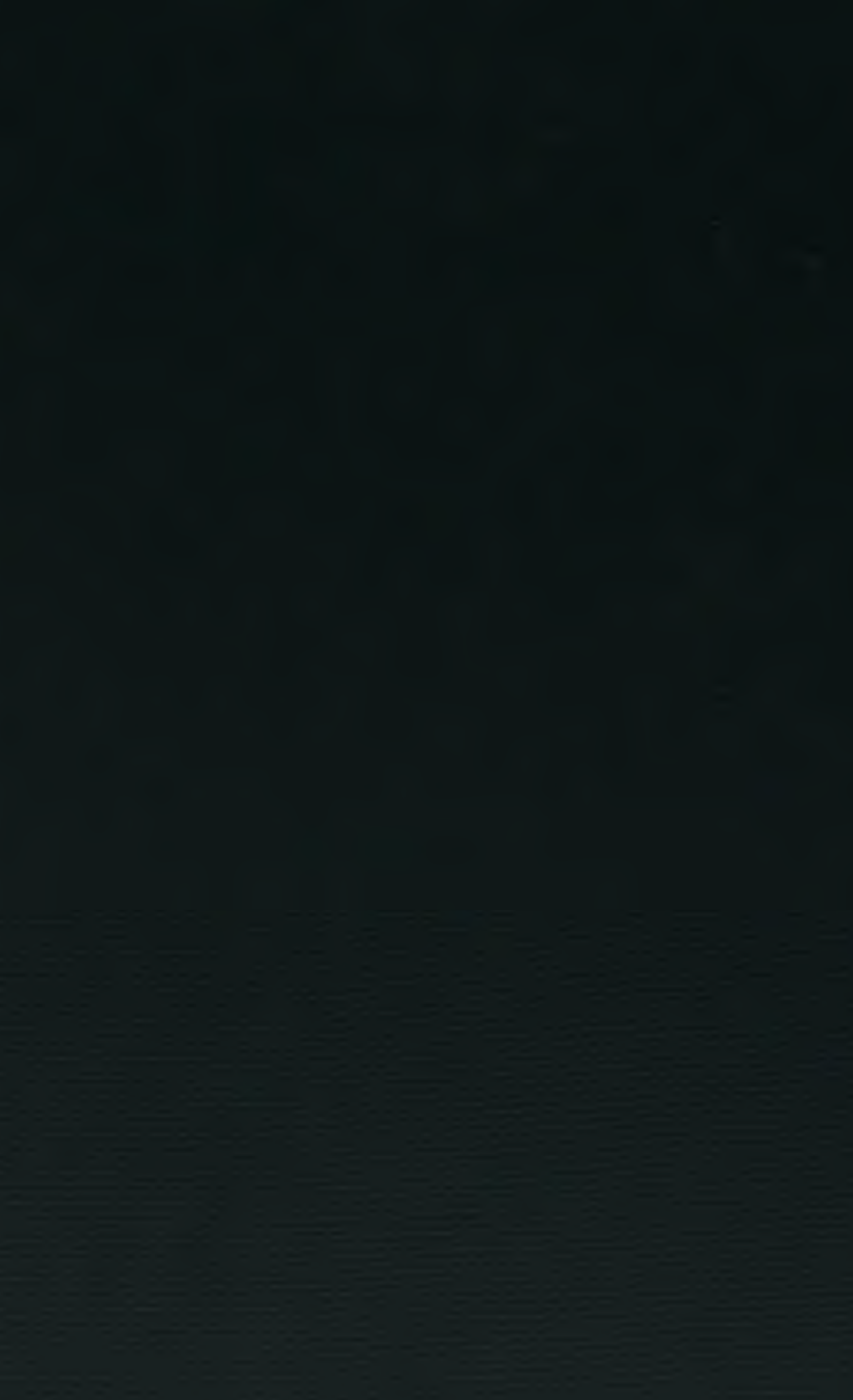

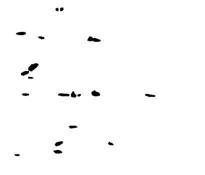

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ и ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

1889 годъ.

КНИГА ПЕРВАЯ

СТО СОРОКЪ ВОСЬМАЯ.

издана

подъ завѣдываніемъ

Е. В. Барсова.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1889.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВОЙ КНИГИ ЧТЕНІЙ 1889 ГОДА.

I. МАТЕРІАЛЫ ИСТОРИЧЕСКІЕ.

II. ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Къ сей книжкѣ прилагается трудъ покойнаго Дѣйств. Члена Юрія Венелина „Критическое разложеніе всѣхъ именъ Аттилина семейства и прочихъ, такъ называемыхъ, гуннскихъ его вельможъ, о которыхъ упоминаетъ Прискъ въ своихъ путевыхъ запискахъ".

I.

МАТЕРІАЛЫ ИСТОРИЧЕСКІЕ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ

о

ЦЕРКВАХЪ И СЕЛАХЪ

XVII — XVIII ст.

ВЫПУСКЪ СЕДЬМОЙ.

ПЕРЕМЫШЛЬСКАЯ и ХОТУНСКАЯ ДЕСЯТИНЫ

(московскаго уѣзда).

В. и Г. Холмогоровыхъ.

церквей; за тѣмъ въ первой половинѣ XVIII ст. было 47 церк (изъ нихъ 10 каменныхъ); кромѣ того двѣ церкви деревянныя, строенныя во второй половинѣ XVIII ст.

Села, причисленныя къ Перемышльской десятинѣ, въ XVII занимали юго-западную часть московскаго уѣзда, а со времени ге ральнаго межеванія 1765 г. находятся въ подольскомъ, серпуховско и верейскомъ уѣздахъ.

Хотунская десятина съ причисленными къ ней селами до ге ральнаго межеванія 1765 года занимала южную часть московск уѣзда. По приходнымъ книгамъ Патріаршаго Казеннаго Прика составленнымъ по дозорнымъ книгамъ письма и дозора Ивана В волоцкаго 128 (1620) г., въ этой десятинѣ за 1628 — 1650 г. бы 20 церквей (изъ нихъ 2 церкви отошли въ коломенскую епархію во второй половинѣ XVII ст.—21 деревянная церковь. Въ настоя время всѣ села этой десятины находятся въ серпуховскомъ уѣздѣ.

ПЕРЕМЫШЛЬСКАЯ ДЕСЯТИНА.

1. Церковь Николая чудотворца на погостѣ, на рѣчкѣ Бобровкѣ *).

Церковь Николая чудотворца на погостѣ, на рѣчкѣ Бобровкѣ, въ 1627 г. была „деревянная клѣтцки, строеніе приходныхъ людей“ (Писцов. кн. 689, л. 1233). Въ 7136 (1628) г. по окладу дани 3 алт. 4 ден., десятильничихъ 3 алт. 2 ден. Подъ 7162 (1654) г. отмѣчено: „по новому письму и дозору Михаила Павлова 7161 г. (на Николаевскую церковь) дани положено рубль 19 алт. 2 ден., заѣзда гривна“; а за 1712—1739 гг. платилось дани рубль 32 алт. 4 деньги (Патр. прик. кн. 2, л. 62, кн. 35, л. 387, кн. 196, л. 196).

По писцовымъ книгамъ письма и мѣры Ѳедора Пушкина, да дьяка Андрея Строева 7135 и 7136 (1627—1628) гг. московскаго уѣзда, Замыцкой волости, значится: „погостъ приходный, на рѣчкѣ Бобровкѣ, а на погостѣ церковь, у церкви во дворѣ попъ Иванъ Яковлевъ, во дворѣ дьячекъ Илейко Константиновъ, во дворѣ пономарь Бориско Оносовъ, во дворѣ проскурница Ульяница Иванова, да крестьянъ и бобылей 4 двора съ 4 челов.; пашни паханой середней земли четверикъ, да наѣздомъ пахано 10 четьи, да перелогомъ и лѣсомъ поросла 20 четьи безъ четверика въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 50 копенъ; пустошь Псинійская, на рѣчкѣ Бобровкѣ, пашни перелогомъ и лѣсомъ поросло середней земли 35 четьи въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 35 копенъ, лѣсу 3 десятины“. Въ приходѣ Николаевской церкви 7161 (1653) г. были „дворъ поповъ, дв. пономаревъ, на церковной землѣ дв. бобыльской, 7 двор. помѣщиковъ, дв. подьячаго, 51 дв. крестьянскихъ, 3 дв. вдовьихъ, пашни церковныя земли 4 четьи, сѣна 5 копенъ. Въ 1678 г., на погостѣ, на церковной землѣ дворъ попа Андрея Иванова, у него во дворѣ жили 3 челов. бобылей. Въ

*) Нынѣ Бобровки Серпуховскаго уѣзда.

7188 (1680) году князю Ивану Андреевичу Шелешпальскому, при досмотрѣ имъ церковныхъ земель Николаевской церкви, что на погостѣ, на рѣчкѣ Бобровкѣ, попъ Андрей Ивановъ сказалъ: владѣетъ онъ землею 20 четьи въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 40 копенъ и та земля съ писцовыми книгами не сошлась" (Патр. кн. довор. 141, л. 107—109; переп. кн. 9811, л. 1284).

При Николаевской церкви были священники: Дмитрій Ивановъ 1704—1710 г., Терентій Козминъ 1704—1722 г., Василій Дмитріевъ 1722 г., дьяконъ Василій Терентьевъ 1722 г., дьячки: Ѳедоръ Хрисанфовъ, Степанъ Пантелѣевъ 1704 г., Алексѣй Дмитріевъ 1722 г., пономари: Парфеній Евтифѣевъ 1704 г. и Петръ Васильевъ 1722 г. (Переписн. кн. 9816, л. 357; ландр. кн. 1710 г., л. 318 и кн. 1722 г. л. 264 об.).

2. Ц. Покрова Пресв. Богородицы на погостѣ на рѣчкѣ Челвенѣ.

Въ началѣ XVII ст., въ московскомъ уѣздѣ, Замыцкой волости, находился „погостъ приходный, на рѣчкѣ Челвени, (близъ сельца Венюкова, на той же рѣчкѣ*). Въ писцовыхъ книгахъ 7135 и 7136 (1627—1628) гг. говорится: „на погостѣ церковь Покрова Пресвятыя Богородицы древяна клѣтцки, строеніе приходныхъ людей; у церкви во дворѣ попъ Петръ Ивановъ, во дв. церковной дьячекъ Микифорко Ивановъ, во дв. пономарь Богдашко Павловъ, дворъ просвурницынъ, въ немъ живетъ бобыль, да на погостѣ 3 двора бобыльскихъ; пашни церковной земли по 10 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 8 копенъ; того жъ погоста пустошь Селище, пашни по 10 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 5 копенъ" (Писцов. кн. 689, л. 1236—1237).

Въ приходныхъ книгахъ Патріаршаго каз. приказа за 713[6] (1628) г. писано „церковь Покровъ Святѣй Богородицы, что н[а] Цолвени, дани 10 алт. 2 ден., десятильничьихъ 3 алт. 2 ден. По писцовымъ боровскимъ книгамъ 7161 (1653) г. у той церкв[и] дворъ поповъ дв. пономаревъ, дв. бобыльской на церковной земл[ѣ] 3 дв. помѣщиковыхъ, дв. подьяческой, 17 дв. крестьянскихъ, 8 д[в.] бобыльскихъ, дв. вдовей, пашни церковной земли 10 четьи въ по[-]лѣ, а въ дву потому жъ, сѣна по рѣчкѣ по Вельи 10 копенъ. По[д] 7162 (1654) г. отмѣчено: „по новому письму и дозору на сію цер[-]ковь дани положено 26 алт. съ деньгою, заѣзда гривна"; съ 171

---

*) Нынѣ сельцо Венюково Подольскаго уѣзда.

по 1740 г. платилось „дани рубль 6 алт. съ деньгою (Патр. прик. кн. 2, л. 62, кн. 35, л. 395). Въ 1704 г., на погостѣ находились 4 дв. бобылей.

При церкви были священники: Артемонъ Никифоровъ 1646 г. Савва Ивановъ 1667 г., Епифанъ Яковлевъ 1680—1704 г.; Василій Никоновъ 1704 г.; дьячки: Никонъ 1680 г., Андрей Епифановъ 1704 г. пономарь Акимъ Васильевъ 1704 г. (Переписн. кн. 9809, л. 766, кн. 9816, л. 357; отказн. кн. 9, № 84; патр. прик. дозорн. кн. 105, л. 12, кн. 141, л. 119).

3. Ц. Казанскія Пресвятыя Богородицы съ придѣломъ св. великомученика Георгія въ селѣ Новоселкахъ *).

Село Новоселки въ началѣ XVII ст. находилось московскаго уѣзда, въ Замыцкой волости, при погостѣ, на рѣчкѣ Люторицѣ, о которомъ въ писцовыхъ книгахъ 7135 (1627) г. говорится такъ: „погостъ приходный, на рѣчкѣ Люторицѣ, а на погостѣ приходскіе люди сооружаютъ церковь ново Страстотерпца Христова Георгія, у церкви во дворѣ вдовой попъ Еремей Прокофьовъ. во дворѣ проскурница Акулинница Иванова; пашни церковныя земли 28 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ; сѣна 25 копенъ, да въ церковной пустоши Глиницахъ, на врагѣ, пашни 10 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ (Писцов. кн. 689, л. 1231 об. и кн. 9808).

Въ окладныхъ книгахъ Патр. приказа 7136 г. пишется: „церковь мученика Егорія, на Лютеричи, дани 5 алт. 2 ден., десятильничихъ 3 алт. 2 ден. Подъ 7162 (1654) г. отмѣчено: „по новому окладу дани рубль 27 алт. съ деньгою, заѣзда гривна, у той церкви 2 двора поповыхъ, дв. просвирнинъ, дв. бобыльской на церковной землѣ, 5 дв. помѣщиковъ, 54 дв. крестьянскихъ, 11 дв. бобыльскихъ, пашни церковной земли 20 четьи въ полѣ, а въ дву потомужъ. сѣна 15 копенъ". Въ 1720 и 1739 гг. платилось дани 2 руб. 7 алт. съ деньгою. (Патр. прик. кн. 2, л. 62, кн. 196, л. 196, кн. 261 и кн. 427).

Въ 1646 г. къ погосту, что на рѣчкѣ Люторицѣ, принадлежали деревни: Люторицкая, на рѣчкѣ Лополнѣ, съ 7 дв. крестьянъ, Солнышково, на рѣчкѣ Лопаснѣ, съ 9 дв. крестьянъ, Телячкова, на рѣчкѣ Люторицѣ, съ 3 дв. крестьянъ, Козмина, на рѣчкѣ Люторицѣ, съ однимъ дворомъ, Воронова съ 4 дв. и Гридякина съ 11 дв. крестьянъ. (Переписн. кн. 9809, л. 465).

---

*) Нынѣ село Новоселки Серпуховскаго уѣзда.

Въ 7188 (1680) г., при досмотрѣ церковныхъ земель княземъ Иваномъ Андреевичемъ Шелешпальскимъ, „погоста Гергіевскаго, что на Люторицѣ, попъ Михаилъ Афанасьевъ, да дьяконъ Игнатій Фирсовъ сказали: владѣютъ де они церковною землею и сѣнными покосы и пустошью Глинищи по писцовымъ книгамъ, а выписи съ писцовыхъ книгъ имъ не дано" (Патр. прик. дозорн. кн. 141, л. 104—105).

По переписнымъ книгамъ 1710 г. „въ вотчинѣ за Алексѣемъ и Иваномъ Петровыми Шереметевыми, за Иваномъ и Сидоромъ Ивановыми и Иваномъ Фадѣевымъ Молчановыми село Новоселки, а въ селѣ церковь Пресв. Богородицы Казанскія, да въ предѣлѣ св. великом. Георгія (построенная между 1704—1709 гг.), а слыветъ погостъ что на Люторицѣ". При церкви были священники: Максимъ Фирсовъ и Иванъ Михайловъ 1704—1710 г. и Дмитрій Михайловъ 1722 г., бывшій дьякономъ при оной же церкви въ 1710 г., дьячки: Иванъ и Алексѣй Игнатьевы 1704—1710 г., Григорій Дмитріевъ 1722 г. (Переписн. кн. 9816, л. 334 об. и кн. 1710 г., л. 207).

4. Ц. Николая чудотворца въ селѣ Любучанахъ *).

Въ началѣ XVII ст. церковь Николая чудотворца находилась на погостѣ въ Любучанахъ, вверхъ рѣчки Рожаи, „деревянная клѣтцки а въ церкви образы и книги, и ризы, и колокола и всякое церковное строеніе приходныхъ людей" (Писцов. кн. 689, л. 1234). По окладу церковной дани платилось за 7136 (1628) г. „6 алт. 4 ден., десятильничихъ 3 алт. 2 ден." По писцовымъ боровскимъ книгамъ Михаила Павлова 7161 (1653) г. у той церкви въ приходѣ дворъ поповъ, 4 двора помѣщиковъ, 21 дв. крестьянскихъ, 11 дворовъ бобыльскихъ. Подъ 7162 (1654) г. отмѣчено: „по новому письму и дозору на Николаевскую церковь положено вновь дани 32 алт., заѣзда гривна, а за 1712—1739 гг. платилось дани рубль 12 алт. (Патр. прик. кн. 2, л. 6[illegible] кн. 35, л. 391).

По писцовымъ книгамъ 7135 и 7136 (1627—1628) гг. московскаго уѣзда, въ Замыцкой волости, значится: „погостъ приходный вверхъ рѣчки Рожаи, а на погостѣ церковь, у церкви во дворѣ вдовой попъ Филиппъ Ивановъ, во дворѣ пономарь Ермачко Ѳедотовъ; да къ церкви пустошь церковная Остринская, вверхъ рѣчки Рожаи, пашни церковной земли 10 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна подъ погостомъ и на пустоши 25 копенъ". Въ 7188 (1680) г., при д[illegible]

---

*) Нынѣ Любучаны, село Подольскаго уѣзда.

смотрѣ церквей и церковныхъ земель въ Перемышльской десятинѣ княземъ Иваномъ Андреевичемъ Шелешпальскимъ, священникъ Николаевской церкви, что на погостѣ въ Любучанахъ, вверхъ рѣчки Рожаи, Емельянъ Ивановъ показалъ, что онъ владѣетъ церковною землею и сѣнными покосами, по писцовымъ книгамъ, а въ межахъ та земля съ разными помѣщиками и вотчинниками (Писцов. кн. 689, л. 1234 патр. прик. дозор. кн. 105, л. 8, кн. 141, л. 111).

Въ записной книгѣ исходящихъ бумагъ Синод. каз. приказа, за 1722 г., написано: „іюля въ 5 день, запечатанъ указъ о строеніи церкви, по челобитью стольника Алексѣя Иванова сына Нарышкина, велѣно ему въ подмосковной ево вотчинѣ, въ Замыцкой волости, въ селѣ Любучанехъ, при холодной церкви Николая чудотворца, на томъ же погостѣ построить теплую церковь во имя св. Апостолъ Аристарха, Пуда и Трофима; пошлинъ (съ указа) 2 гривны взято“ (Патр. прик. кн. 262, л. 152).

При Николаевской церкви были священники: Самуилъ Константиновъ 1690 г., Θеодоръ Константиновъ 1704—1710 г., Василій Осиповъ 1722 г.; дьяконъ Алексѣй Θедоровъ 1722 г.; дьячокъ: Василій Самойловъ 1704—1722 г.; пономари: Гавріилъ Константиновъ 1704 г., Василій Фирсовъ 1709 г. и Михаилъ Васильевъ 1722 г., просвирня и сторожъ.

Близь погоста, что въ Любучанахъ, находилось сельцо Гришино Любучаны тожъ, на рѣчкѣ Рожаи. Въ 1627 и 1628 гг. одна половина сельца состояла въ „вотчинѣ охотника Григорья Омосова сына Солицына, а другая половина—въ помѣстьи князя Петра Владимірова Мосальскаго, что было прежде за княземъ Романомъ Троскуровымъ, а послѣ за Васильемъ Измайловымъ, въ сельцѣ было 2 двора—помѣщиковъ и вотчинниковъ съ дѣловыми людьми и 9 дв. крестьянскихъ и бобыльскихъ съ 12 челов.“ По переписнымъ книгамъ 7154 (1646) г. за Жданомъ Васильевымъ сыномъ Кондыревымъ половина сельца Гришина, а Любучаны тожъ, а другая половина того сельца, по другую сторону рѣчки Рожаи, за Дмитріемъ Чубаровымъ, въ сельцѣ 12 дв. крестьянскихъ и бобыльскихъ, въ нихъ 18 челов.“ Въ тѣхъ же книгахъ за 7186 (1678) г.—„за окольничимъ Иваномъ Тимофеевичемъ Кондыревымъ половина сельца Гришина, а Любучаны тожъ, что было за отцомъ его за окольничимъ за Жданомъ Васильевичемъ Кондыревымъ, а другая половина того сельца за Дмитріемъ Чубаровымъ, въ сельцѣ дворъ съ дѣловыми въ немъ людьми и 24 дв. крестьянскихъ и бобыльскихъ, въ нихъ 152 челов.“ Въ 1689—1722 гг. сельцо Любучаны принадлежало Алексѣю Ивановичу Нарышкину; въ 1704 г.,

въ сельцѣ находились дворы: вотчинниковъ, конюшенный и скотный; въ нихъ жили прикащикъ, конюхи и дѣловые люди и 48 дв. крестьянскихъ; да къ этому сельцу была деревня Тягинъ врагъ съ 4 дв. крестьянъ, вывезенныхъ изъ сельца Любочаны послѣ 1678 г. По смерти Алекс. Ив. Нарышкина селомъ Любучаны владѣлъ въ 1741 г. его внукъ Петръ Петровичъ Нарышкинъ, а отъ него оно было продано въ 1784 г. Михаилу Ивановичу Измайлову (Переписн. кн. 9809, л. 651—652; кн. 9811, л. 575—577, кн. 9816, л. 368—372; Вотч. колл. по гор. Москвѣ, мол. л., кн. 35, № дѣла 15; стар. л. кн, 30 № дѣла 8; кн. 81, № дѣла 12 и вязка 6, № дѣла 5).

5. Ц. Воскресенія Христова въ селѣ Молодяхъ *).

Въ началѣ XVII ст. церковь Воскресенія Христова находилась „на погостѣ, что на Молодяхъ, на рѣчкѣ Рожаѣ, древяна клѣтцки въ церкви образы и книги, и ризы, и на колокольницѣ колоколы всякое церковное строеніе приходныхъ людей“ (Писцов. кн. 68? л. 1232).

Въ окладной книгѣ Патр. Каз. Приказа за 7136 (1628) г. написано: „церковь Воскресенія Христова, что въ Молодѣхъ, дан 8 алт. 2 ден., десятильничихъ 3 алт. 2 ден. (Патр. пр. кн. 2, л. 62 По писцовымъ боровскимъ книгамъ Михаила Павлова 7161 г. у т церкви: дворъ поповъ, дьячковъ, 2 дв. помѣщиковъ, 8 дв. крестьянскихъ, 11 дв. бобыльскихъ, пашни церковныя 6 четьи въ полѣ, а въ двуу потомужъ, да на пустоши Афанасовой, Бородатое тожъ, пашни распахано 2 четьи въ полѣ, а въ двуу потомужъ, а достальная земля лѣсомъ поросла большимъ, сѣна 15 копенъ“. Подъ 7162 (1654) отмѣчено: „по новому письму и дозору на Воскресенскую церковь дани положено 26 алт. 2 деньги, заѣзда гривна“; а за 1715—1739 платилось дани рубль 6 алтынъ 2 ден. (Патр. прик. кн. 35, л. 3? кк. 261 и 427).

По писцовымъ книгамъ 7135 и 7136 (1627—1628) гг., московскаго уѣзда, Замыцкой волости, значится: „погостъ приходный, на Молодяхъ, на рѣчкѣ Рожаѣ, а на погостѣ церковь, у церкви во дворѣ попъ Максимъ Малафѣевъ, во дворѣ вдовой попъ Макс[им] Кондратьевъ, во дворѣ церковный дьячекъ Самсонко Прокофьевъ, во дворѣ пономарь Малафейко Ивановъ, мѣсто просвирницыно; пашни церковной земли по 6 четьи въ полѣ, а въ двуу потомужъ, сѣна

*) Нынѣ Молоди, село Подольскаго уѣзда.

копенъ; да въ той же Воскресенской церкви пустошь Афанасова, а Бородатая тожъ, пашни паханой наѣздомъ середней земли 2 четьи, да перелогомъ и лѣсомъ поросло 10 четьи въ полѣ; а въ дву потомужъ, сѣна 15 копенъ, лѣсу непашеннаго 2 десятины". Въ 7188 (1680) г., при досмотрѣ церковныхъ земель княземъ Андреемъ Ивановичемъ Шелешпальскимъ, церкви Воскресенія Христова попъ Игнатій Никитинъ объявилъ: „владѣетъ онъ землею, сѣнными покосами и лѣсомъ по писцовымъ книгамъ сполна" (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 105—107).

Въ селѣ Молодяхъ была построена каменная церковь во имя Воскресенія Христова и ко дню освященія новопостроенной церкви 1706 года, мая въ 14 день, по благословенной грамотѣ, выданъ антиминсъ подъ росписку той же церкви священника Архипа (Патр. прик. кн. 138, л. 282). Подъ 1721 г. упоминается: „въ селѣ Молодяхъ каменная церковь во имя Живоноснаго Воскресенія Христова" (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ стар. л. кн. 40, № дѣла 16). При ней были священники: Іоакимъ Игнатьевъ 1691 г., Архипъ Трофимовъ 1700—1731, діаконъ Степанъ Ивановъ 1709—1722, дьячки: Гавріилъ Якимовъ 1704 г., Степанъ Пантелѣевъ 1709 г. и Василій Архиповъ 1722 г. (Отказн.: кн. 17 № 150; кн. 22, л. 368 по Москвѣ, переписн. кн. 9816, л. 326; кн. 9820, л. 595; кн. 1722 г., 1 рев., л. 160; Патр. прик. кн. 355, л. 76 об.)

Въ первой половинѣ XVII ст. около погоста, что въ Молодяхъ, были расположены деревни: Головина, а Минина тожъ, на рѣчкѣ Рожаѣ, на Молодяхъ, и Сандырева, вверхъ рѣчки Рожаи, которыя принадлежали въ 7154 (1646) г. новокрещену Ѳедоту Измстъ-Гильдееву сыну Резанову и Прокофію Ѳедорову Соковнину, „что онъ, Соковнинъ, купилъ у князя Льва Шлякова Чешскаго, да что было прежде за новокрещеномъ Петромъ Девлетъ-Козинымъ сыномъ Резановымъ"; въ деревнѣ Головиной, а Минино тожъ, находились дворъ вотчинника Соковнина и 16 дв. крестьянъ, а въ дер. Сандыревой—крестьянъ и бобылей 3 дв., итого 19 дворовъ, людей въ нихъ 38 челов. При Соковнинѣ погостъ, что въ Молодяхъ, назывался селомъ Молоди, которымъ владѣли въ 7186 (1678) г. его дѣти: окольничій Ѳедоръ и стольникъ Алексѣй Прокофьевичи Соковнины, въ селѣ было: 2 двора вотчинниковыхъ, людей въ нихъ 18 чел., 13 дв. крестьянскихъ, въ нихъ 96 чел. 11 дв. бобыльскихъ, въ нихъ 49 челов. и 3 дв. задворныхъ людей съ 11 челов., да къ селу Молодямъ принадлежали деревни Головина, а Минина тожъ, и Обанина безъ крестьянъ (Переписн. кн. 9809 и 9811). Въ 1697 г., по именному указу, село Молоди у Алексѣя Соковнина

было отписано на великаго государя и въ 1699 г., въ ноябрѣ сяцѣ пожаловано боярину Θедору Алексѣевичу Головину, при э владѣльцѣ въ Молодяхъ была построена въ 1706 г. каменная ковь. Въ 1704 г., въ селѣ Молодяхъ находились: дворъ вотчинни дворъ скотный и 58 дв. крестьянскихъ (Вотч. колл. по гор. М стар. л., кн. 12, № дѣла 12; переписн. кн. 9816, л. 326—327). П боярина Θедора Алексѣевича Головина, умерш. 1706 г., селомъ дѣлъ его сынъ Александръ и за нимъ оно было утверждено въ 17 отказною книгою, въ которой между прочимъ упоминается, ч селѣ дворъ боярскій каменный. По смерти графа Александра ровича Головина село Молоди принадлежало его женѣ вдовѣ гра Аннѣ Петровнѣ, урожд. Салтыковой, которая съ тѣмъ имѣніе 1736 г. вышла замужъ за князя Александра Ивановича Барятин Княгиня Анна Петровна скончалась въ декабрѣ 1771 г., имѣні сталось двоюроднымъ ея внукамъ Алексѣю Иванову и Ивану гѣеву Салтыковымъ и въ 1781 г. продано Сергѣю и Ивану Ге мовымъ Домашневымъ (Вотч. колл. по гор. Москвѣ, ст. л. кн № дѣла 16, мол. л. кн. 46, № дѣла 4).

6. Ц. Николая чудотворца на погостѣ, у Перемышльскаго Го ща, на рѣчкѣ Мочѣ.

Церковь Николая чудотворца находилась въ 7135—7137 (1 1629) гг. московскаго уѣзда, въ Перемышльской волости, „на по приходномъ, на рѣчкѣ Мочѣ, у Городища Перемышля, древяна к ки, въ церкви образы, и свѣчи, и книги и всякое церковное ніе мірское—приходныхъ людей; у церкви во дворѣ попъ Иван насьевъ, во дв. дьячекъ Алешка Афанасьевъ, да съ нимъ брат пономарь Михалко Афанасьевъ; пашни церковныя земли 12 чет въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 20 копенъ“. „А межа учине кольскому погосту, что у Перемышльскаго Городища отъ вотч земли станичнаго татарина Посольскаго приказа Богдана Есенч сына Байкишева отъ Перемышльскаго Городища, (которое дан въ вотчину за московское за царя Васильево осадное сидѣн у Городища бугоръ, а у бугра яма, а въ ней уголье, да камен кое, а отъ бугра и отъ ямы прямо межею на яму, а въ ней у а отъ ямы дорогою, что ѣздятъ отъ Москвы въ село Сертякин дороги на правой сторонѣ яма, а въ ней уголье да каменья, а ѣхавъ дорогу, у той же дороги, на лѣвой сторонѣ, противъ т ямы, на межѣ яма, а въ ней уголье, направо земля пашенна

колы чудотворца, а налѣво земля вотчины Посольскаго приказа татарина Богдана Есенчюрина Перемышльскаго Городища, а отъ ямы и отъ дороги прямо межею на березу, а на ней грань, а отъ березы прямо межею въ дорогѣ, что ѣздятъ изъ Никольскаго погоста въ сельцо Никольское, а у дороги, на лѣвой сторонѣ, яма, въ ней уголье, а отъ ямы поворотить налѣво дорогою до дорожки, что ѣздятъ въ деревню Салкову (нынѣ селоПодольскаго уѣзда), а у дороги направой сторонѣ береза, а на ней грань, направо земля Никольскаго погоста, а полѣву земля Михайлова помѣстья Пушкина—пустоши Ильиной, а отъ березы поворотить дорогою направо до вершины Михайловскаго врага, а у вершины врага на правой сторонѣ яма, а въ ней каменье мелкое, а врагомъ Михайловскимъ въ рѣчку Мочу, на правой сторонѣ Михайловскаго врага на водомойну земля и лѣсъ Никольскаго погоста, а на лѣвой сторонѣ врага—Перемышльскаго Городища" (Писцов. кн. 9808, лл. 247, 257 и 268).

Въ приходной окладной книгѣ Патр. каз. приказа, за 7136 (1628) г., написано: „церковь Николы чудотворца, что въ Перемышлѣ, на Городищѣ; дани гривна, десятильничьихъ 3 алт. 2 ден. 7139 (1630) года, декабря въ 13 день, по государевѣ жалованной грамотѣ, велѣно съ тоѣ церкви дань и наказныя деньги платить на Москвѣ вдвое" (Патр. Прик. кн. 2, л. 62, кн. 6, л. 412).

По писцовымъ боровскимъ книгамъ 7161 (1653) г. у той церкви 2 дв. поповыхъ дв. просвирнинъ, на церковной землѣ 2 дв. бобыльскихъ, 6 дв. помѣщиковъ, 8 дв. новокрещеновъ - помѣщиковъ, 9 дв. крестьянскихъ, 8 дв. бобыльскихъ; пашни церковные 12 четьи въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна по Игумному врагу 5 копенъ. Подъ 7162 (1654) г. отмѣчено: „по новому дозору на Николаевскую церковь положено дани 31 алт. 3 ден., заѣзда гривна". Эта церковь въ приходныхъ книгахъ того же Каз. приказа писалось по 1740 г., церковной дани платилось въ 1712—1739 гг. „рубль 11 алт. 3 ден. (Патр. прик. кн. 35, л. 405, кн. 261 и 447). За 7188 (1680) г. писано: церковь Николая чудотворца въ Перемышльскомъ Городищѣ новая, а старая сгорѣла, при церкви попъ Иванъ Григорьевъ; „владѣетъ онъ церковною землею и сѣнными покосами, по писцовымъ книгамъ, да въ тѣхъ же граняхъ владѣетъ сверхъ того церковною землею перелогомъ и лѣсомъ поросло 27 четьи въ полѣ, въ дву потомужъ, сѣна 40 копенъ, лѣсу 2 десятины" (Патр. Прик. дозор. кн. 105, л. 19; кн. 141, лл. 81—82).

При Николаевской церкви были священники: въ 1676 г. Θеодоръ Патрикѣевъ, въ 1710 г. Θедоръ Никитинъ, дьячекъ Θеодоръ Ивановъ и просвирня.

7. Ц. Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы въ селѣ Салковѣ *).

Село Салково въ 1628 г.—сельцо на рѣчкѣ Уневкѣ, московскаго уѣзда, Перемышльской волости, вотчина Спаса Новаго монастыря; въ сельцѣ значится: „дворъ монастырскій, дворъ дѣтеныша монастырскаго и 12 дв. крестьянскихъ и бобыльскихъ, людей въ нихъ тожъ“. Въ смежности съ сельцомъ Салковымъ находился по писцовымъ книгамъ 7136 (1628) г. „погостъ приходный, что въ Бочарникахъ, на рѣчкѣ Уневкѣ, а на погостѣ церковь св. мученицы Параскевеи древяная клѣтцки, строеніе приходныхъ людей, у церкви во дворѣ попъ Артемій Ивановъ, да съ нимъ дьячекъ Ивашко Михайловъ“ (Писц. кн. 9808, лл. 251, 256, 266—267).

Въ приходныхъ окладныхъ книгахъ Патр. каз. приказа за 7136 (1628) г. написано: „церковь св. Пятницы, что въ Бочарникахъ, новоприбылая во 135 (1627) году, по новому окладу дани гривна, десятильничихъ гривна“. „По писцовымъ боровскимъ книгамъ 7161 (1653) г. у той церкви дворъ поповъ, 16 дв. крестьянскихъ 6 дв. бобыльскихъ, пашни церковной 15 четьи въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна по рѣчкѣ по Уневкѣ и по вражкамъ 10 копенъ“. Подъ 7162 (1654 г. отмѣчено: „по новому письму и дозору Михаила Павлова, на сю церковь положено дани 23 алт. 4 ден., заѣзда гривна“; въ 1689—1739 гг. пишется: „церковь Св. Пятницы въ селѣ Бочарникахъ, въ вотчинѣ Спаса Новаго монастыря, дани рубль 4 алт. 4 ден. (Патр. прик. кн. 2, л. 62; кн. 35, л. 392; кн. 132, л. 172; кн. 181, л. 137, кн. 196, л. 199 об.)

Въ переписныхъ книгахъ 1704 г.: показано: „Спаса Новаго монастыря вотчина село Салково, а въ селѣ церковь во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, въ 1722 г.—каменная. (Переписн. кн. 9816, л. 454).

Въ книгѣ исходящихъ бумагъ Синод. каз. приказа за 1729 г. записано: „декабря 18 числа, запечатанъ указъ о строеніи церкви, по челобитью Ново-Спасскаго монастыря архимандрита Евфимія съ братіею, велѣно въ московскомъ уѣздѣ, въ монастырской ихъ вотчинѣ, въ селѣ Салковѣ, въ Благовѣщенсвой церкви святый престолъ и протчее починить и построить вновь; пошлинъ 3 алт. 2 ден. взято, нужнѣйшихъ одна четь“ (Патр. приказъ кн. 328 л. 83).

---

[1]) Нынѣ село Салково Подольскаго уѣзда.

При церкви св. Мученицы Параскевеи Пятницы, что въ Бочарникахъ, находились священники: Григорій Артемьевъ 1680—1684 г., Ѳеодоръ Хрисанфовъ 1690 г., Василій Степановъ 1694 г.; при Благовѣщенской церкви онъ же, Василій Степановъ, 1704 г., Алексѣй Петровъ и Иванъ Васильевъ 1722 г., дьячки: Василій Трофимовъ 1704 г., Степанъ Петровъ 1722 г., пономари: Иванъ Васильевъ 1704 г., и Иванъ Ивановъ 1722 г.

По писцовымъ книгамъ 7136 и 7137 (1628—1629) гг. на погостѣ, что въ Бочарникахъ, на рѣчкѣ Уневкѣ показано: „пашни церковной середней земли 5 четьи, перелогомъ и лѣсомъ поросло 10 четьи въ полѣ, а въ дву потому, а третье поле того погоста за рѣчкою Уневкою, сѣна 20 копенъ, лѣсу 2 десятины". Къ церкви св. Параскевеи Пятницы изстари принадлежала пустошь Харитонова, Нечаевская тожъ о которой въ 7155 (1647) г. „билъ челомъ великому государю въ Помѣстномъ приказѣ дьякъ Казеннаго приказа Иванъ Кокошиловъ: въ московскомъ уѣздѣ, въ Перемышльской волости состоитъ въ порозжихъ земляхъ пустошь Харитонова, Нечаевская тожъ, и чтобъ великій государь пожаловалъ его велѣлъ ту пустошь продать ему въ вотчину". Вслѣдствіе онаго прошенія Помѣстнымъ приказомъ былъ посланъ подъячій о розыскѣ той пустоши чрезъ окольныхъ людей, точно ли пустошь Харитонова находится въ порозжихъ земляхъ. „Въ обыскѣ окольные люди, по крестному цѣлованію, объявили: пустошь Харитонову, Нечаевская тожъ, они знаютъ, а владѣли тою пустошью изстари погосту св. мученицы Параскевеи, нарицаемыя Пятницы, что на рѣчкѣ на Уневкѣ, попы, которые у той церкви служили и нынѣ владѣетъ тою пустошью тоѣ жъ церкви попъ Артемій Ивановъ, а по чему владѣли—того они не вѣдаютъ". Въ описныхъ и мѣрныхъ книгахъ 155 (1647) года мая въ 22 день написано: „въ московскомъ уѣздѣ, въ Перемышльской волости, пустошь Харитонова, а Нечаевская тожъ, на рѣчкѣ на Трескѣ, пашни перелогомъ 35 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ, лѣсу по пашнѣ поросло около поль 15 десятинъ, лѣсу непашеннаго по смѣтѣ стороннихъ людей 10 десятинъ, да рощи дубовыя и осиновыя десятина". Того же года іюня 12 дня въ Помѣстномъ приказѣ послѣдовало распоряженіе: „поставить попа къ допросу въ Помѣстномъ приказѣ и допросить и крѣпости велѣть положить". Въ допросѣ попъ Артемій Ивановъ сказалъ, что „пустошь Харитонова, Нечаевская тожъ, онъ знаетъ, а лежитъ она изстари въ порозжихъ земляхъ, а кто де тою пустошью прежъ сего владѣлъ—того онъ не вѣдаетъ, а онъ де попъ Артемій тою пустошью не влаживалъ

и нынѣ не владѣетъ и дѣла де до той пустоши нѣтъ и крѣпо(ту пустошь у него нѣтъ".

Іюня 3 числа 7155 (1647) г. церковная пустошь Хари' продана изъ Помѣстнаго приказа дьяку Ивану Кокошилову въ в(и выдана купчая.

7170 (1661) г. въ декабрѣ мѣсяцѣ, били челомъ въ Помѣ(приказѣ Максимъ Григорьевъ сынъ Ртищевъ, Степанъ Енак. сынъ Челищевъ, Иванъ Михѣевъ сынъ Савеловъ, Степанъ П(сынъ, да Елистратъ, да Викула, да Микита Васильевы дѣти Рез Иванъ Дмитріевъ сынъ Сабанинъ, да Иванъ Павловъ сынъ Т) помѣстьи и вотчины за ними въ московскомъ уѣздѣ, въ Перем ской волости, и въ приходѣ они и люди и крестьяне къ церкв тыя Великомученицы Парасковеи, нарицаемые Пятницы; во 15 билъ челомъ патріаршей дьякъ Иванъ Кокошиловъ на пятн церковную землю о пустоши Харитоновой, а Нечаевское тожъ, . назвавъ порозжсю обводною землею, и обыски онъ составил будто та земля ни кому не отдана и ни къ какимъ землямъ н(писана, а та пустошъ дана была къ церкви и ввозная грам(тое церковную пустошъ была дана жъ, и писцы де Федоръ Пу съ товарищи, по той ввозной грамотѣ, и въ межевыхъ книгахъ сали, а та де ввозная грамота была тое церкви у попа Артемь нова, и въ то время тотъ попъ Артемій овдовѣлъ и онъ Иван кошиловъ) того попа мочью своею держалъ у себя на патріа дворѣ въ цѣпи и въ желѣзахъ и тое ввозную жалованную г у него попа Артемья, замуча разными муками, отнялъ, и от его Иванова (Кокошилова) разоренья та церковь Божья многое была безъ пѣнія и стояла пуста сгнила и нынѣ они тое ц построили вновь и у той церкви и у нихъ отъ его Иванова ренья попы жить не смѣютъ, что онъ Иванъ попамъ угрожаетъ свою, что онъ сидитъ у государева дѣла на патріаршемъ дв(онъ попъ сидитъ у него Ивана въ приказу и просили пожа ихъ не велѣть тому Ивану Кокошилову у тое церкви той стар пустоши отнять и ложному ево Иванова челобитью не вѣрить и церковную пустошь Харитонову сыскать большимъ повальным скомъ тутошними сторонними многими людьми и сторожилы, была пустошъ изстари церковная и по сыску тое пустошъ Х нову отдать по прежнему своему указу къ церкви Божіей".

Вслѣдствіе его прошенія въ Помѣстномъ приказѣ на с выписано: „въ межевыхъ книгахъ письма и межаванья Федора кина, да дьяка Андрея Строева 7135 (1627) г. въ Перемыш.

волости, въ вотчинахъ, въ церковныхъ земляхъ, написано: межа Спаса Новаго монастыря пустоши Кореневой отъ пустоши Престольной, что къ Пятницкому погосту, отъ пустоши Харитоновой съ перваго урочища, отъ дуба и отъ грани на три дуба, на дубѣ грань, а отъ дубовъ на осину, на ней грань, а отъ осины межею на яму, а яма у дороги, которою дорогою ѣздятъ отъ Пятницы къ Молоди, черезъ дорогу межею на осину, на ней грань, а отъ осины на старую яму, а отъ ямы лѣсомъ на осину, на ней грань, а осина стоитъ на межѣ Смышляя Айгустова пустоши Шатровой, полѣву земля Пятницкая пустоши Харитоновой, а поправу земля вотчины Спаса Новаго монастыря—пустоши Кореневы".

7171 (1662) г. декабря въ 9 день, помѣтою на томъ дѣлѣ велѣно: по указу великаго государя послать грамоту, велѣть сыскать большимъ повальнымъ обыскомъ про тое землю, кто тою землею владѣлъ прежъ сего и взять у попа сказку, для чего онъ Ивану (Кокошилову) ту пустошъ церковную поступился и, о кромѣ тое пустоши, иной пустоши тѣмъ именемъ нѣтъ ли". Декабря въ 31 день, изъ Помѣтнаго приказа посланъ въ московскій уѣздъ въ Перемышльскую волость подъячей Иванъ Шерановъ для розыска пустоши Харитоновой „повальнымъ обыскомъ многими людьми".

„А въ обыску вдовы Василисы Андреевой окольничего Ивановой жены Васильева сына Олферьева села Ознобишина староста Василій Никоновъ со крестьяны, бояриня князя Василья Григорьевича Ромодановскаго села Воскресенскаго, Савино тожъ, старостажъ Дементій Григорьевъ со крестьяны жъ, вотчины Спаса Новаго монастыря деревни Салкова староста со крестьяныжъ сказали, по святѣй и непорочной евангельской заповѣди господни: то имъ вѣдомо, что въ московскомъ уѣздѣ въ Перемышльской волости, пустошъ Харитонова, Нечаево тожъ, есть, и изстари та пустошъ была церковная церкви Великомученицы Параскoвеи, нарицаемыя Пятницы, что на рѣкѣ на Уневкѣ, и владѣли тою пустошью тоѣ жъ церкви Пятницкіе попы, а нынѣ тою пустошью владѣетъ патріарша приказу дьякъ Иванъ Кокошиловъ, а почему владѣетъ—того они невѣдаютъ, а иной пустоши Харитоновы, Нечаево тожъ, въ Перемышльской волости тѣмъ именемъ нѣтъ и не знаютъ".

„Въ сказкѣ чернаго попа Антонія, а въ мірѣ былъ Артемій, что служилъ въ московскомъ уѣздѣ, въ Перемышльской волости, у церкви Святыя Мученицы Параскoвеи Пятницы, на рѣчкѣ на Уневкѣ, за его рукою написано: въ московскомъ уѣздѣ, въ Перемышльской волости, пустошь Харитоново, Нечаева тожъ, онъ знаетъ, а изстари та пустошъ

была церковная церкви Святыя Мученицы Параскеви, нари Пятницы, что на рѣчкѣ на Уневкѣ, и изстари де тою пустош дѣли тоѣ жъ церкви Пятницкіе прежніе попы, которые у той до него служили, и онъ де попъ Антоній владѣлъ тою пу Харитоновою по 155 годъ, а владѣли де тою пустошью по гос царевѣ и великаго князя Федора Ивановича, всеа Руссіи, жал грамотѣ 92 (1584) г., а во 155 (1647) г. билъ челомъ пат дьякъ Иванъ Кокошиловъ на тоѣ пустошъ Харитонову Нечаев назвавъ порозжею обводною землею, а онъ де попъ Антоні время овдовѣлъ и, пріѣхавъ къ Москвѣ, билъ челомъ на патрі дворѣ о патрахельной грамотѣ, и онъ Иванъ мочью своею жалъ у себя на патріаршемъ дворѣ въ цѣпи и въ желѣзах государеву жалованную грамоту, замуча его, отнялъ и отос въ Помѣстной приказъ за приставомъ, и велѣлъ ему дать с рукою, что та пустошъ лежитъ порозжа, а церковною земле вать се не велѣлъ, а велѣлъ ему сказать, что онъ тою пуст владѣетъ и дѣла ему до той пустоши нѣтъ, и онъ попъ Арт перетерпя его муки и убоясь угрозъ его Ивановыхъ и ссылк сказку далъ за своею рукою, что въ московскомъ уѣздѣ, в мышльской волости пустошъ Харитоново, а Нечаево тожъ, житъ порозжа, ни кому не отдана и не владѣетъ ею никт тою пустошью не владѣетъ и дѣла ему до той пустоши нѣт что онъ у той церкви не служитъ, а что онъ сказалъ, что та лежитъ порозжа и онъ ею не владѣетъ и то онъ сказалъ терпя муки и убоясь угрозъ его Ивановыхъ, потому что ему терпѣть было не вмочь, а иной пустоши Харитоновой, Неча нѣтъ и окромѣ той церковной пустоши въ Перемышльско не знаетъ.

Во 171 же году января въ 11 день, били челомъ Мак щевъ, Степанъ Челищевъ, Иванъ Савеловъ, да Богдашка Степанъ да Листратъ да Викулъ, да Никита Резановы, Сабанинъ, Иванъ Тутаевъ, во 171 де году, били они челом на Ивана Кокошилова о старинной церковной землѣ о пус ритоновой, Нечаево тожъ, что онъ Иванъ въ 155 году би на тое церковную землю, назвавъ порозжею обводною землею, составилъ друзьями и хлѣбоятцы и что онъ же Иванъ, прежняго Пятницкаго попа Артемья жалованную грамот его попа Артемья, отнялъ и по нынѣшнему челобитью велѣ церковную землю сыскать и попа Артемья допросить и землю сыскивано и у попа Артемья сказка взята, и тот

попова сказка въ Помѣстномъ приказѣ и просили тое старинную церковную пустошъ по обыскамъ дать къ церкви, чтобы де та церковь Божія безъ пѣнія не запустѣла и имъ и людишкамъ ихъ и крестьянишкамъ безъ покоянія и безъ причастія не помереть.

Того жъ 7171 (1663) г. августа въ 19 день, приговоромъ велѣно: быть той пустоши въ церковныхъ земляхъ и послать подьячего велѣть ту пустошъ отказать, по челобитью прихожанъ и по обыску окольныхъ людей и по межевымъ книгамъ, и отказные книги прислать въ Помѣстной приказъ.

Въ отказныхъ книгахъ, 7171 (1663) г. августа въ 22 день написано: „отказано къ церкви Святыя Мученицы Параскoвеи нарицаемыя Пятницы, на рѣчкѣ на Уневкѣ, въ московскомъ уѣздѣ въ Перемышльской волости пустошъ Харитонова Нечаева тожъ, на рѣчкѣ на Треснѣ три мѣста дворовыхъ пашни тридцать пять четвертей въ полѣ, а вдву потомужъ, сѣно сто пятьдесятъ копенъ, лѣсу по пашнѣ поросло около поль пятнадцать десятинъ да лѣсу жъ непашеннаго десять десятинъ, да рощи десятина.

Во 191 году марта въ 17 день, билъ челомъ московскаго уѣзду Перемышльской волости Пятницкой попъ Григорій Артемьевъ съ церковниками: въ прошломъ 92 (1584) г. дана пустошъ Харитонова къ церкви Святыя Великомученицы Параскoвеи, нарѣченныя Пятницы, изъ дворцовыхъ пустыхъ земель, по челобитью тое церкви прадѣда его попа Михаила Родіонова и выпись ему съ книгъ была дана; и во 155 (1647) г. отецъ его попъ Артемій у тое церкви овдовѣлъ и билъ челомъ о патрахельной грамотѣ въ Патріаршемъ казенномъ приказѣ и того приказу дьякъ Иванъ Афонасьевъ сынъ Кокошиловъ отца его мучилъ и тое выпись у него отнялъ и тое пустошъ церковную Харитонову старинную, назвавъ порозжею обводною землею, купилъ ее въ вотчину себѣ, а та церковная пустошъ Харитонова въ Перемышльской волости писца Федора Пушкина, да дьяка Андрея Строева отъ монастырскихъ земель и отъ иныхъ отмежевана и во 171 (1663) г. той церкви прихожена Максимъ Ртищевъ съ товарищи били челомъ о той церковной пустоши, и по ихъ челобитью выписано, и сыскивано, и перечневая выписка выписана жъ, и въ докладѣ были и помѣчено, велѣно ту пустошъ Харитонову отдать къ церкви по прежнему, и та пустошъ отказана, и отказные книги въ Помѣстной приказъ присланы и съ отказныхъ книгъ дана послушная грамота; а во 191 (1683) же году билъ челомъ стольникъ Леонтій Афонасьевъ сынъ Стрѣшневъ на пустошъ Попкову въ Замыцкой волости и велѣно подьячему помѣстнаго приказу Василью Домашневу про тое пустошь

по Попкову въ Замыцкой волости, на рѣчкѣ на Песоченкѣ, сыс
отказать, буде спору не будетъ, и онъ сыскивалъ въ Перемыш
волости, а не въ Замыцкой, и рушниковъ съ собою возилъ и
вали тое пустошъ церковную Харитонову — Попковою и отказ
Замыцкой волости, на рѣчкѣ на Песоченкѣ, а та пустошъ Хари
въ Перемышльской волости, и просилъ чтобъ пожаловать его
лѣть его Леонтьеву челобитью и ложнымъ обыскомъ повѣрить
церкви тое пустоши напрасно отнять, а велѣть тою пустошы
дѣть по прежнему.

Въ 7192 году октября въ 17 день, по указу и по нака
Помѣстнаго приказу за приписью дьяка Дмитрія Федорова, по
битью московскаго уѣзду Перемышльской волости церкви Па
веи, нарицаемые Пятницы, попа Григорья Артемьева, Помѣстнаг
казу подъячей Хрисанфъ Игнатьевъ, пріѣхавъ въ московской
въ Перемышльскую волость на пустошъ Харитонова, Нечаево
да ту пустошъ при понятыхъ людяхъ отказалъ по прежнему къ
Парасковеи, нарицаемые Пятницы, а въ отказныхъ книгахъ на
отказано въ московскомъ уѣздѣ, въ Перемышльской волости
ная къ церкви Парасковеи нарицаемые Пятницы пустошъ Хари
Нечаево тожъ, на рѣчкѣ на Трешнѣ, а въ ней пашни тридца
четвертей въ полѣ, а вдву потомужъ, со всѣми угодьи, а угодье
попу Григорью и кто по немъ будетъ у той церкви владѣть п
писцовыхъ книгъ и по старинѣ, а что во 191 г. ту пустошъ в
помѣстье стольникъ Леонтій Стрѣшневъ, назвавъ пустошью По
на рѣчкѣ на Песоченкѣ и ему Левонтью пустошью Харитоново
чаево тожъ, владѣть не велѣно для того, что пустошъ Поп
дачѣ за Даниломъ Шишкинымъ, а пустоши Харитоновой, Н
тожъ, велѣно быть по прежнему къ церкви Святыя Мученицы
сковеи, нарицаемой Пятницы, а на той пустоши отказано ем
Григорью: сѣна семь стоговъ, да на той же пустоши дворъ .
Стрѣшнева, а по сказкѣ старинныхъ людей то строенье .
Стрѣшнева, а на томъ дворѣ избы людскіе огорожены заборо
де онъ Леонтій построилъ насильствомъ".

По переписнымъ книгамъ въ сельцѣ Салковѣ въ 7154
году: дворъ монастырскій, 13 дворовъ крестьянскихъ и бобы
въ нихъ 35 человѣкъ; въ 7186 (1678) г. — 19 дв. крестьян
бобыльскихъ, въ нихъ 88 человѣкъ; подъ 1704 г. значитс
Салково съ 38 дв. крестьянъ. (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ,
кн. 23, № дѣла 1, л. 2 — 5; отказн. кн. 8, л. 435 — 437;
л. 1515 —1517. Переписн. кн. 9809, л. 722—723; кн. 9811, л
614; кн. 9816, л. 454—457).

8. Ц. Вознесенія Господня въ селѣ Русскомъ Сатинѣ *).

Церковь Вознесенія Господня въ селѣ Русскомъ Сатинѣ, по писцовымъ книгамъ 7135 (1627) г. „деревянная клѣтцки, строеніе приходныхъ людей, у церкви во дворѣ попъ Мина Ивановъ, съ нимъ живетъ дьячекъ Афонко Самгоновъ, во дворѣ пономарь Маковѣйко Сидоровъ, во дворѣ проскурница Марьица Филимонова, пашни церковной земли 13 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 15 копенъ" (кн. 9808, л. 155).

Въ приходныхъ книгахъ Патр. каз. приказа, за 7136 (1628) годъ пишется: „церковь Вознесенія Господня, что въ Сатинѣ, дани 5 алт. 2 ден., десятильничьихъ гривна" (Патр. прик. кн. 2, л. 63). Подъ 7162 (1654) г. отмѣчено: „по новому письму и дозору Михаила Павлова 7161 г. у той церкви дворъ поповъ, дьячковъ, пономаревъ, просвирнинъ, 5 дв. помѣщиковъ, 34 дв. крестьянскихъ, 21 дв. бобыльской, 2 дв. вдовьихъ; пашни церковные земли 13 четьи въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна на рѣчкѣ Колобенкѣ и на пустоши Савиной 10 копенъ; на сію церковь положено дани рубль, 9 алтынъ съ деньгою, заѣзда гривна"; а съ 1712—1739 гг. платилось дани рубль 22 алтына 3 деньги (Патр. Прик, кн. 35, л. 388; кн. 196, л. 196).

По переписнымъ книгамъ 7154 (1646) г.: „погостъ Вознесенія Христова, на рѣчкѣ Колобенкѣ, что былъ села Русскаго Сатина, во дворѣ попъ Макковей, во дворѣ дьячекъ Микитко Нестеровъ, во дворѣ пономарь Микишка Сидоровъ, во дворѣ просвирница Зиновица Семенова, дворъ бобыльскій" (Переп. кн. 9809, лл. 765—767).

Въ дозорныхъ книгахъ Патр. каз. приказа написано: „188 (1680) года, августа въ 4 день, князю Андрею Ивановичу Шелешпальскому села Русскаго Сатина, церкви Вознесенія Господня, попъ Өедоръ Степановъ сказалъ: церковной де земли у нихъ 5 четьи въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 30 копенъ волоковыхъ, а достальною землею, противъ писцовыхъ книгъ, владѣютъ вотчины Өедора (Саввича) Нарбекова того же села крестьяня, да у него жъ попа вкладу къ той церкви пустошь Савина, сѣнныхъ покосовъ 40 копенъ, лѣсу 10 десятинъ" (Патр. Прик. дозорн. кн. 141).

„1700 г., апрѣля въ 30 день, по благословенной грамотѣ, выданъ антиминсъ, въ московскій уѣздъ, въ село Шатино (Сатино), въ ново-

---

*) Нынѣ село Руское Сатино Подольскаго уѣзда.

построенную церковь во имя Вознесенія Господня", подъ ро(попа Θедора Степанова (Патр. Приказ. кн. 136, л. 187).

Въ 1704—1710 гг. при церкви были священникъ Θедоръ пановъ и дьячки: Иванъ Васильевъ и Михаилъ Ивановъ (Пер кн. 9816, л. 240),

Село Русское Сатино, на рѣчкѣ Колобенкѣ, по писцовым гамъ 7135 и 7136 (1627—1628) гг. находилось московскаго въ Перемышльской волости, за разными владѣльцами—новокрещ татарами, въ числѣ которыхъ былъ вотчинникъ станичный та Богданъ Есенчюринъ сынъ Байкишевъ, „что ему дано за московс царя Васильево осадное сидѣнье, жеребій села Русскаго Сатин этомъ селѣ числилось 8 дворовъ крестьянскихъ, (писцов. кн. 9

9. Ц. Троицы Живоначальныя въ селѣ Ознобишинѣ *).

Въ началѣ XVII ст. въ селѣ Ознобишинѣ была церковъ Покрова Пресв. Богородицы съ придѣломъ св. Николая дерев Въ писцовыхъ книгахъ московскаго уѣзда, Перемышльской в 7137 и 7138 (1629—1630) гг. это село описано такъ: за Михе да за Иваномъ Васильевыми дѣтьми Олферьева старинная ихъ в село Ознобишино, а Мирославское тожъ, по обѣ стороны рѣки а на усадищи подлѣ вотчинникова двора два пруда; а селище того села Ознобишина Мирославскаго по другую сторону рѣки на врагѣ и на прудѣ, а припущено то селище къ тому селу О шину въ пашню, а на селищѣ три мѣста дворовыхъ; а по окольнихъ людей: жилъ де на томъ селищѣ прежній вотчинн съ того де онъ селища переселился на другую сторону рѣки что нынѣ село Ознобишино, Мирославское тожъ; да къ тому се тошь по конецъ Ознобишинскаго поля на рѣкѣ Мочѣ припущено в ню, а старожильцы сказали, что они тому селищу имени не упо а въ селѣ церковь во имя Покрова Пресв. Богородицы, да въ п престолъ Великаго чюдотворца Николы древянъ клѣтцки, а въ Покрова Пресв. Богородицы деисусъ да поникадило мѣдное, да царскія, да образы мѣсные: образъ Покрова Богородицы, да Великаго чюдотворца Николы, да образъ Пречистые Богородиц читріи, да передъ мѣсными образы у Покрова Пречистые Бого да у Николы чюдотворца двѣ свѣчи поставные съ красками,

*) Нынѣ Ознобишено село Подольскаго уѣзда.

обѣихъ олтаряхъ два образа Пречистые Богородицы напрестольные, да евангеліе печатное, а евангелисты на евангельѣ мѣдные, да книгъ: служебникъ, да апостолъ, да чесословъ, да шестодневецъ печатные, да псалтирь писменная съ слѣдованіемъ; сосуды церковные бѣлые оловянные; да ризы: стихарь и патрахель и поручи; да у церкви два колокола; а церковь и въ церкви Божіе милосердіе образы и книги и колокола и все церковное строеніе вотчинниково Михаила и Ивана Олферьевыхъ; да въ селѣ во дворѣ попъ Иванъ, да съ нимъ же во дворѣ мать ево просвирница Устинья, да братъ пономарь Сергѣйко Степановъ, во дворѣ дьячекъ Гришка Ивановъ; пашни церковные земли 10 четвертей въ полѣ, а вдву потомужъ, сѣна за рѣкою Мочею 20 копенъ; да въ селѣ дворъ вотчинниковъ, живутъ дѣловые люди, дворъ прикащиковъ, дворъ дѣловаго человѣка и 3 дв.—крестьянъ и бобылей" (Писцов. кн. 264, л. 655—659).

Въ приходныхъ книгахъ Патр. каз. приказа 7136 (1628) года значится: „церковь Николы чюдотворца въ селѣ Ознобишинѣ, дани 2 алт. 3 ден., десятильничихъ гривна; и тѣ денги платилъ дьячекъ Гришка Ивановъ" (Кн. 2, л. 63).

По писцовымъ боровскимъ книгамъ 7161 (1653) г. у той церкви „дворъ поповъ, дв. дьячковъ, 5 дв. помѣщиковыхъ, 41 дв. крестьянскихъ, 7 дв. бобыльскихъ; пашни церковные земли 3 десятины въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 30 копенъ". Подъ 7162 (1654) г. отмѣчено: „писать церковь настоящую Воскресенія Христова, да Покровъ Святѣй Богородицы, а Николы—въ предѣлѣ, по новому письму и дозору Михаилы Павлова 7161 г. дани положено рубль 14 алт., заѣзда гривна" (Патр. прик. кн. 35, л. 392).

Послѣ окольничаго Ивана Васильевича Олферьева его вотчина отдана въ 7163 (1655) г. окольничему Богдану Матвѣевичу Хитрово, у котораго потомъ „та вотчина взята и отказана женѣ окольничаго Ив. Васильевича Олферьева вдовѣ Василисѣ Андреевнѣ". Въ Помѣстномъ Приказѣ производилось дѣло о вотчинахъ Алферьева. 7163 (1655) г. „билъ челомъ великому государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу (т.) окольничей Богданъ Матвѣевичъ Хитрово: подмосковного де помѣстья за нимъ и вотчины нѣтъ, а дано де ему было подмосковное помѣстье 50 четьи, да 4 мужика и тѣ въ моровое повѣтріе всѣ померли. И великій государь пожаловалъ бы его родственною вотчиною окольничаго Ивана Васильевича Олферьева въ московскомъ уѣздѣ селомъ Ознобишинымъ, а роду-де окольничаго Ивана Васильевича Олферьева никого не осталось, а жена ево осталась бездѣтна, а что-де объявитца влишкѣ, по уложенью, подмосковныхъ

помѣстей четвертные пашни въ томъ село Ознобишинѣ и тѣ-де перехожіе чети велѣлъ бы государь дать ему вмѣсто дальняго помѣстья".

На челобитной его помѣта думнаго дьяка Алмаза Иванова: 163 г. марта во 2 день, государь пожаловалъ велѣлъ тое вотчину отдать ему въ подмосковное помѣстье, по своему государеву указу, а что въ четвертяхъ тѣ вотчины будутъ влишкѣ и то отдать ему въ окладъ въ дальнія помѣстья.

По указной книгѣ 157 году: за окольничими въ московскомъ уѣздѣ быти помѣстья по 150 четьи за человѣкомъ.

А за окольничимъ Матвѣемъ Богдановичемъ Хитрово подмосковнаго помѣстья 50 четьи. Додати ему помѣстья 100 четьи.

На дѣлѣ помѣта дьяка Ивана Фомина: 163 г. марта во 2 день, по государеву указу и по подписной челобитной за помѣтою думнаго дьяка Алмаза Иванова, дать тое окольничаго Ивана Васильевича Олферьева подмосковную вотчину въ помѣстье окольничему Богдану Матвѣевичу Хитрово къ подмосковному его помѣстью къ 50 четьямъ въ окладъ сво подмосковной сполна, а что сверхъ государева указу 150 чети въ той вотчинѣ будетъ влишкѣ и то дать ему въ дальное помѣстье въ окладъ, и послать подъячаго добра, велѣть ему тое вотчину отказать въ помѣстье и отказные книги прислать въ Помѣстной приказъ.

7163 г. марта въ 8 день била челомъ в. г. царю и в. князю Алексѣю Михайловичу (т.) вдова Василиса окольничаго Иванова жена Васильевича Олферьева: мужа еѣ на государевѣ службѣ (въ Могилевѣ) не стало, а послѣ смерти мужа своего била она челомъ великому государю въ Помѣстномъ приказѣ о помѣстьяхъ и вотчинахъ и ей де государева указу нѣтъ, только-де указано отдать подмосковная вотчина сельцо Ознобишино съ деревнями окольничему Богдану Матвѣевичу Хитрово, съ которой-де вотчины служилъ великому государю мужъ еѣ нужные службы и голову свою на государевѣ службѣ положилъ. И великій государь пожаловалъ бы еѣ тою вотчиною сельцомъ Ознобишинымъ съ деревнями за смерть мужа еѣ и за службы многі и велѣлъ бы государь о томъ указъ свой учинить.

На челобитной помѣта думнаго дьяка Семена Заборовскаго 163 г. марта 8, государь пожаловалъ велѣлъ ту вотчину дать по е животъ, а какъ еѣ не станетъ и той вотчины въ родъ не отдавать.

Того же года іюня 16, вотчина—село Ознобишино съ деревнями отказано вдовѣ Василисѣ Андреевнѣ Олферьевой.

7182 г. государю царю и в. к. Алексѣю Михайловичу (т.) билъ челомъ бояринъ и оружейничій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово:

прошломъ-де во 163 году по указу великаго государя дано ему послѣ окольничего Ивана Васильевича Олферьева изъ старинныхъ вотчинъ въ московскомъ уѣздѣ въ подмосковное и въ дальное помѣстье село Ознобишино съ деревнями и то-де помѣстье ему отказано и отказные книги въ Помѣстный приказъ поданы; и въ прошломъ же во 163 г. то ево подмосковное помѣстье село Ознобишино съ деревнями, по подписной челобитной, за помѣтою думнаго дьяка Семена Заборовскаго, велѣно у него взять безвинно и отдать окольничего Ивана Васильевича Олферьева женѣ ево вдовѣ Василисѣ Андреевнѣ, а онъ-де въ то время посланъ былъ на государеву службу съ полками въ Смоленскъ и безъ нево-де о томъ помѣстьѣ оспорить и бить челомъ было некому. И великій государь пожаловалъ бы его велѣлъ то ево помѣстье село Ознобишино, противъ своего великаго государя указу за нимъ справить по прежнему.

На челобитной ево помѣта думнаго дьяка Григорья Богданова. 7182 г. августа 7, государь пожаловалъ велѣлъ выписать и учинить о томъ указъ думному дьяку Герасиму Дохтурову, по уложенью, а будетъ за чѣмъ указу учинить не мочно доложить себя государя.

184 года мая 4, великій государь царь и в. к. Ѳеодоръ Алексѣевичъ (т.), слушавъ сей выписки, указалъ и бояре приговорили: старинной вотчинѣ окольничего Ивана Васильевича Олферьева въ московскомъ уѣздѣ, селу Ознобишину съ деревнями и пустошами 492 четьямъ и тридцати дворамъ, по прежнему указу отца ево государева блаженныя памяти в. г. царя и в. к. Алексѣя Михайловича (т.) и по подписной челобитной, за помѣтою дьяка Алмаза Иванова и по дачѣ 163 году, быть въ подмосковномъ и въ дальномъ помѣстьѣ за бояриномъ и оружейничимъ за Богданомъ Матвѣевичемъ Хитрово; а что въ 163 году та окольничего Иванова вотчина Васильевича Олферьева дана была женѣ ево вдовѣ Василисѣ Андреевнѣ, по еѣ челобитью, за помѣтою думнаго дьяка Семена Заборовскаго, и ту дачу великій государь указалъ и бояре приговорили отставить и въ той вотчинѣ ей вдовѣ Василисѣ Андреевнѣ отказать, потому въ челобитьѣ своемъ она написала будто билъ великому государю бояринъ и оружейничій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово о вотчинѣ мужа еѣ о селѣ Воскресенскомъ, а не о селѣ Ознобишинѣ, и то она въ челобитьѣ своемъ написала ложно, боярина и оружейничего Богдана Матвѣевича Хитрово о селѣ Воскресенскомъ челобитья ево не было, а билъ челомъ и дача ему учинена на село Ознобишино; и потому государь указалъ и бояре приговорили вдовѣ Василисѣ Андреевнѣ въ той вотчинѣ отказать, да и потому что та вотчина дана ей была не противъ

уложенья, а такія вотчины по указу великаго государя и по уло
послѣ умершихъ велѣно давать родственникамъ, а женамъ бездѣ
давать не велѣно, а буде послѣ котораго умершаго роду не оста
и такія вотчины даваны челобитчикомъ въ помѣстье".

И та вотчина за нимъ бояриномъ Богданомъ Матвѣев
Хитрово того же года отказана. Въ отказныхъ книгахъ гово
„лѣта 7184 мая въ 6 день, по государеву цареву и великаго
Феодора Алексѣевича (т.) указу и по наказу изъ Помѣстнаго пр
за приписью дьяка Ивана Протопопова и по выписи съ отказныхъ
7163 г., за приписью дьяка Семена Струкова, по челобитью бояр
оружейничаго Богдана Матвѣевича Хитрово, подьячей Семенъ Дми
взявъ съ собою тутошнихъ и стороннихъ людей, сколько человѣк
гожъ, ѣздилъ въ московской уѣздъ, въ Перемышльскую волость,
чину окольничаго Ивана Васильевича Олферьева, что во 163 г
вотчина дана окольничему Богдану Матвѣевичу Хитрово въ подм
ное и въ дальное помѣстье, а послѣ того та вотчина отказана
ничаго Ивана Васильевича Олферьева женѣ его вдовѣ Васили
древнѣ, въ село Ознобишино съ деревнями и пустошми и, пр
въ тое вотчину съ понятыми людьми, переписалъ дворы и во
людей по имяномъ и мѣста дворовые и пашню и сѣно и лѣсъ
кія угодья, а по описи той вотчины: село Ознобишино, на р
Мочѣ и на ручью, а въ селѣ церковь во имя Воскресенія I
Бога и Спаса Нашего Iисуса Христа, да предѣлы Покровъ
стыя Богородицы да Николая Чюдотворца древянная клѣтск
церквѣ образы и книги и ризы и колокола и всякое церковное
ніе вотчинниково; да у той же церкви дворъ попа Степа
горьева, дворъ попа Ивана Иванова, дворъ пономаря Гришки
дворъ просвирницы, да въ селѣ жъ дворъ вотчинниковъ, а н
строеніе—горница съ комнатою бѣлые на подклѣтяхъ, пова
трехъ житьяхъ, сѣни дощатыя, ветхо, да дворъ конюшенной
кой, ветхо, да три житницы съ хлѣбомъ, а въ нихъ ржи ст
овса 90 четьи, ячменя 30 четьи, пшеницы 8 четьи, конопель
семени ольнянова 2 четьи съ полуосминою, да на дворѣ вотч
вѣ шесть избъ людцкихъ, а въ нихъ живутъ дѣловые люд
селѣ жъ крестьянъ (15 дворовъ): деревня, что было село Т
на рѣкѣ Мочи, по обѣ стороны Костомарова врага, а въ ней
янъ (25 дворовъ); дер. Костешова, на рѣчкѣ Костюшевкѣ, а
крестьянъ (9 дворовъ); дер. Батыбина, на рѣкѣ Мочѣ, а
крестьянъ (6 двор.), да шесть пустошей, пашни 492 четьи
а въ дву потому жъ, всего въ селѣ и деревняхъ 55 дворовъ к

скихъ, людей въ нихъ 292 человѣка, а переписавъ отказалъ боярину и оружейничему Богдану Матвѣевичу Хитрово въ подмосковное и въ дальное помѣстье". (Помѣст. прик. по гор. Москвѣ столб. 128 и отказн. кн. II, лл. 1215—1234).

184 г. мая 10, великій государь пожаловалъ велѣлъ, по челобитью боярина и оружейничаго Матвѣя Богдановича Хитрова, за ево многіе службы и за раны, продать ему село Ознобишино съ деревнями въ вотчину, а деньги взять по указу за четь по рублю 492 руб. и пошлинъ съ рубля по алтыну, а всего 504 руб. 25 алт. 2 деньги и дать ему на ту вотчину купчую (помѣст. Прик. столб. 128).

Въ дозорныхъ книгахъ Патр. Приказа за 7188 (1680) гг. написано: „въ селѣ Ознобишинѣ—вотчинѣ боярина и дворецкаго и оружейничаго Богдана Матвѣевича Хитрово церковь Живоначальныя Троицы, да въ предѣлѣ Николая Чудотворца, а та церковь построена четвертый годъ; церковной земли по 8 четьи въ полѣ, а въ дву потомуж ъ, сѣна 20 копенъ" (Дозорн. кн. 109, л. 9).

7188 (1680) гг. апрѣля 8 вотчина боярина Хитрово, послѣ его смерти, отписана на великаго государя въ Приказъ Большаго дворца, а потомъ отдана того же года во владѣніе по прежнему женѣ окольничаго Ивана Васильевича Олферьева вдовѣ Василисѣ Андреевнѣ. Въ 7191 (1683) г. село Ознобишино съ деревнями и пустошами отдано въ вотчину князю Василью Васильевичу Голицыну и за нимъ того же года оно утверждено отказною книгою, въ которой упоминается: „въ селѣ церковь Живоначальныя Троицы съ предѣлами Покрова Пресвятыя Богородицы и Св. Николая деревянная, да другая церковь во имя Воскресенія Христова деревянная жъ ветха" (Вотч. колл. по гор. Москвѣ, стар. л. кн. 16, № дѣла 38; отказн. кн. 14, л. 89). Въ 7198 (1689) г. сентября 8, по именному великого государя указу вотчины князя Голицына отписаны на великаго государя въ Приказъ Большаго дворца. Въ описныхъ книгахъ говорится: „лѣта 198 (1689) сентября 29 дня, по указу великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича (т.) и по указу изъ Помѣстнаго приказу, за приписью дьяка Анисима Невѣжина, Помѣстнаго приказу подьячій Борисъ Климантовъ, пріѣхавъ въ Московскій уѣздъ, въ Замыцкой станъ, въ Перемышльскую волость, въ князь Васильеву вотчину Голицына, въ село Ознобишино, Троецкое тожъ съ деревнями и пустошми и, не доѣзжая того села, взявъ съ собою тутошнихъ и стороннихъ людей, старостъ и цѣловальниковъ и крестьянъ, сколько человѣкъ пригожъ, да въ той вотчинѣ переписалъ дворы вотчинниковы и крестьянскіе и бобыльскіе и въ тѣхъ дво-

рѣхъ хоромное строеніе и въ нихъ людей по именомъ и па сѣню и лѣсъ и всякія угодья и на рѣкахъ и на прудахъ мелы рыбныя ловли, а переписавъ, да ту вотчину село Ознобишино ревнями и пустошами, а въ немъ пашни 746 четьи въ полѣ дву потому жъ, чѣмъ онъ, князь Василій владѣлъ, отписалъ на кихъ государей. Въ селѣ Ознобишинѣ, Троицкое тожъ, церков святыя Троицы съ предѣлы: предѣлъ Покрова Пресв. Богор другой—Николая Чюдотворца, древяна; у той церкви свящ Маркелъ Леонтьевъ, дьяконъ Марко Петровъ, во дворѣ дьяче федка Ивановъ, во дв. пономарь Гришка Ильинъ, во дв. просві да у той же церкви богадѣльня. Да въ селѣ жъ Ознобишинѣ вотчинниковъ, а въ немъ 12 горницъ съ сѣнми и съ окончі на дворѣ двѣ избы съ сѣнми, да погребъ съ надпогребицею и ницы и погребы и житницы съ хлѣбомъ запечатаны, а по сказ щенника, что де тое церковь со всякою утварью и колокол дворѣ всякой заводъ переписалъ и лошади и всякую рогатую кую скотину и въ житницахъ всякой хлѣбъ и въ скирдахъ н ченный переписалъ же стольникъ Петръ Дмитріевъ сынъ Да да подьячій Гуръ Немятой до сего великихъ государей указу селѣ приказной человѣкъ и тотъ приказной изъ того села в да въ селѣ 4 дв. конюховъ, да крестьянъ 22 дв., дворъ конк и дв. скотной; подъ селомъ рѣчка Моча, на ней мельница, двои жерновы; деревня Троецкое, а въ ней крестьянъ 34 дв. ня Русинова, а въ ней крестьянъ 5 дв.; деревня Батыбино, а крестьянъ 6 дв.; деревня Хлыново, да сельцо Максимовско сельцѣ въ боярскомъ дворѣ дворникъ, а въ деревнѣ крестьянъ деревня Костешова, на рѣчкѣ Костешовкѣ, а въ ней крестьянъ деревня Филипова (Ростовской волости), а въ ней крестьян всего въ селѣ и въ деревняхъ крестьянскихъ и бобыльскихъ (Отказн. кн. 18, № 83).

10. Ц. Іоанна Богослова въ селѣ Сынковѣ *).

Церковь Іоанна Богослова съ придѣломъ св. Николая ч ца въ селѣ Сынковѣ, въ началѣ XVII ст., была деревянная. ходныхъ окладныхъ книгахъ Патр. Каз. Приказа за 7136 (1 подъ Перемышльскою десятиною написано: „церковь Иванн слова въ вотчинѣ Петра Мансурова, въ селѣ Медвѣдковѣ, а

*) Нынѣ Сынково, село Подольскаго уѣзда.

тожъ, декабря въ 13 день, на нынѣшній 136 (1627) годъ, по жалованной не судимой грамотѣ, вдвое дани 16 алтынъ, намѣстничихъ 6 алтынъ, заѣзда 2 алтына взято, платилъ попъ Евтифій" (Патр. прик. кн. 2, л. 64—65).

По писцовымъ книгамъ 7135—7137 (1627—1629) гг. село Сынково, на рѣчкѣ Рогожнѣ, московскаго уѣзда, Ростовской волости, „за Петромъ Ивановымъ сыномъ Мансуровымъ старинная его вотчина, что было дѣда его роднаго Никифора Владимірова, жеребій села, а три жеребья за вдовою Марьею Парфеньевскою женою Мансурова съ дѣтьми Тимофеемъ и Васильемъ Мансуровыми старинная вотчина мужа ея, а въ селѣ церковь Іоанна Богослова, да предѣлъ Николы чудотворца древянъ клѣтцки, строеніе вотчинниковъ и приходскихъ людей, у церкви во дворѣ попъ Евтифій Ѳедоровъ, во дворѣ церковный дьячекъ Ѳедка Нефедьевъ, во дворѣ пономарь Якушка Никоновъ; да въ селѣ дворъ вотчинниковъ, дворъ прикащиковъ, дворъ двороваго человѣка, 6 дв. крестьянскихъ и 4 дв. бобыльскихъ, въ нихъ 20 челов. церковной земли 16 четвертей" (Писцовая кн. 689, л. 1463.

Въ переписныхъ книгахъ 7154 (1646) г. село Сынково записано: за вдовою Марьею Парфеньевскою женою съ сыномъ Тимофеемъ и внукомъ Алексѣемъ Васильевымъ Мансуровыми, въ селѣ дворъ вотчиниковъ, 11 дв. крестьянскихъ и 2 дв. бобыльскихъ (Переписн. кн. 9809, л. 669).

По писцовымъ боровскимъ книгамъ 7161 (1653) г. у церкви Іоанна Боослова въ приходѣ дворъ поповъ, дв. дьячковъ, дв. вотчинниковъ, 2 дв. задворныхъ людей, 39 дв. крестьянскихъ, 14 дв. бобыльскихъ; пашни церковной земли вотчинникова данья 3 десятины въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна по рѣчкѣ по Рогожѣ 10 копенъ. По новому окладу дани положено рубль 3 алт. 5 ден., заѣзда гривна (Патр. прик. кн. 33, л. 411, кн. 35, л. 404).

Въ 1654—1678 гг. владѣли селомъ Алексѣй Васильевъ и Андрей Тимофеевъ Мансуровы; въ 1678 г. въ селѣ состояло 2 двора вотчинниковыхъ, 20 дв. крестьянскихъ и 2 дв. бобыльскихъ (Переписн. кн. 9811, лл. 632 и 634).

Въ 1680 г., при досмотрѣ церковной земли въ селѣ Сынковѣ, священникъ церкви Іоана Богослова Мелентій Гавриловъ объявилъ, что „онъ попъ съ причетниками владѣетъ церковною землею по 5 четьи въ полѣ, а въ дву потомужъ, а сѣнныхъ покосовъ нѣтъ" (Патр. прик. дозор. кн. 141, л. 124; кн. 105, л. 18).

Въ 1704—1722 гг. владѣльцами села показаны: Герасимъ Алексѣевъ и Максимъ Андреевъ Мансуровы; въ 1704 г. въ селѣ находи-

лось 2 двора вотчинниковыхъ, въ которыхъ жили 43 челов. дворовыхъ людей и 22 дв. крестьянскихъ съ 97 челов. (Переписн. кн. 9814, лл. 429 и 441).

„1711 г. сентября въ 20 день, по благословенной грамотѣ, выданъ антиминсъ въ московскій уѣздъ, въ вотчину стольника Максима Андреева Мансурова, въ новопостроенную церковь, въ предѣлъ во имя Николая чудотворца" (Патр. прик. кн. 138, л. 352).

При церкви Іоанна Богослова были священники: Тихонъ Өедоровъ 1646—1651 г., Мелентій Гавриловъ 1680 г., Кондратій Мелентіевъ 1704—1722 г., пономарь Савва Афанасьевъ 1646 г. и Петръ Кондратьевъ 1722 г.

Въ 1755 г. владѣльцомъ села Сынкова былъ Николай Максимовъ Мансуровъ (Вотч. колл. по гор. Москвѣ ст. л. кн. 86, № дѣла 15).

11. Ц. Знаменія Пресв. Богородицы въ селѣ Дубровицахъ *).

Въ началѣ XVII ст. въ селѣ Дубровицахъ была деревянная церковь во имя Иліи Пророка. Въ писцовыхъ книгахъ 7135 (1627) г. церковь описана такъ: „въ Молоцкомъ стану за бояриномъ Иваномъ Васильевичемъ Морозовымъ старинная вотчина село Дубровицы на рѣкѣ Пахрѣ, усть рѣчки Десны, а въ селѣ церковь Илья Пророкъ древяна клѣтцки, а въ церкви образы и книги и свѣчи и на колокольницѣ колоколы и всякое церковное строеніе вотчинниково; у церкви во дворѣ попъ Иванъ Өедоровъ, во дв. дьячекъ и просвирница; пашни церковные земли 10 четьи въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 20 копенъ, да въ селѣ дворъ боярской, а въ немъ живетъ прикащикъ, дворъ коровій съ дѣловыми людьми и 6 мѣстъ дворовыхъ крестьянскихъ пустыхъ" (Писцов. кн. 9807, л. 251).

Въ окладныхъ книгахъ Патр. каз. приказа за 1628—1676 гг. Ильинская церковь писалась „въ вотчинѣ боярина Василія Петровича Морозова", безъ означенія села, по окладу 1628 г. „дани 2 алт., по наказу гривна" (Патр. прик. кн. 2, л. 63).

Въ 1646 г. въ с. Дубровицахъ вотчинѣ боярина Ивана Вас. Морозова находились дворы: боярскій, прикащичій и 13 дв. дворовыхъ людей (переп. кн. 9809, л. 578 об.—580).

Въ 7164 (1656) г. бояринъ Иванъ Вас. Морозовъ (въ инокахъ старецъ Іоакимъ) „тое свою подмосковную вотчину село Дубровицы

---

*) Село Дубровицы Подольскаго уѣзда.

да село Ерино написалъ въ духовной дочери своей Аксиньѣ князь Ивановой женѣ Андреевича Голицына“ (Вотч. колл. по гор. Москвѣ ст. л. кн. 33 № дѣла 5).

Въ окладныхъ книгахъ Патр. каз. прик. подъ 1676 г. въ статьѣ объ Ильинской церкви отмѣчено: „впредь писать въ вотчинѣ боярина князя Ивана Андреевича Голицына въ селѣ Дубровицахъ, дани 2 алт., заѣзда гривна, платилъ деньги тоя жъ церкви попъ Иванъ“. Въ 1677 г. „у попа Ивана взято вѣнечныхъ пошлинъ съ 7 отроковъ, которыхъ онъ вѣнчалъ въ прошломъ въ 1675 и 1676 гг., 28 алт.“ (Патр. прик. кн. 97, л. 461 и кн. 196, л. 191).

Въ 1678 г. въ с. Дубровицахъ показано: „дворъ вотчинниковъ строится вновь“, дв. скотный и 4 дв. дворовыхъ людей; къ сему принадлежала дер. Фокина, Гридина тожъ, на рѣкѣ Пахрѣ (Переписн. кн. 9.811, л. 182—185).

1685 г. августа 11, „по докладной выпискѣ за помѣтою думнаго дьяка Лукьяна Голосова, тѣми вотчинами, которыя написалъ въ духовной бояринъ Иванъ Вас. Морозовъ, во иноцѣхъ старецъ Іоакимъ, своей дочери княгинѣ Аксиньѣ, велѣно владѣть послѣ ея смерти мужу ея князю Ивану Андреевичу Голицыну съ его дѣтьми“.

„Боярина кн. Ивана Андреевича Голицына не стало, а послѣ его остались дѣти бояря кн. Андрей и Иванъ большой и стольникъ Иванъ меньшой“. Въ 1683 г. они полюбовно между собою помѣстья и вотчины отца своего раздѣлили и село Дубровицы досталось князю Ивану большому Ивановичу Голицыну и того же года оно было продано кн. Борису Долгорукову; въ 1687 г. у послѣдняго оно куплено женою кн. Ивана большаго Ивановича Голицына вдовою княгинею Марфою Өедоровною и въ 1688 г. продано князю Борису Алексѣевичу Голицыну (вотч. колл. по гор. Москвѣ ст. л. кн. 33, № д. 5).

При кн. Борисѣ Ал. Голицынѣ построена была въ с. Дубровицахъ каменная церковь во имя Знаменія Пресв. Богородицы *) на мѣстѣ Ильинской церкви, которая была перенесена въ село Лемешево, находившееся близъ села Дубровицъ (переп. кн. 9814, л. 341 и наши „Истор. Матер. Загородская десятина“ стр. 337).

---

*) А. Вельтманъ „обновленіе храма Знаменія Пресв. Богородицы“. Москва 1850 г. говоритъ, что по показанію священника, находившагося въ прошломъ столѣтіи при оной церкви, храмъ этотъ основанъ въ 1690 году и освященъ въ 1704 году въ присутствіи государя царя Петра Алексѣевича митрополитомъ Стефаномъ Яворскимъ.

Кн. Борисъ Голицынъ при жизни отдалъ это село своему кн. Алексѣю, по смерти котораго жена его вдова княгиня Анна новна въ 1734 г. раздѣлила недвижимое имѣніе разныхъ уѣ между дѣтьми князьями: Сергѣемъ, Яковомъ и Иваномъ Алекс чами Голицыными и село Дубровицы досталось кн. Сергѣю, а рямъ кн. Марьѣ и Екатеринѣ она отдала приданыя свои вотчи ярославскомъ уѣздѣ. Послѣ кн. Сергѣя Голицына и его жень стасьи Васильевны, рожд. Толочановой, селомъ владѣлъ ихъ князь Алексѣй, а отъ него перешло къ его сыну кн. Сергѣю. продалъ село Дубровицы въ 1781 г. князю Григорью Александр Потемкину, а у него оно куплено въ 1787 г. Александромъ М евичемъ Дмитріевымъ-Мамоновымъ (Вотч. колл. по гор. Москвѣ л. кн. 5, № дѣла 8; кн. 47 № д. 1; кн. 58, № д. 19).

12. Ц. Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы въ селѣ Мат скомъ *).

Въ селѣ Матвѣевскомъ издревле существовала церковь в Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, которая въ началѣ XV была уничтожена,—неизвѣстно по какому случаю. На мѣстѣ у ненного храма была построена новая церковь, которая и обл данью. Въ приходной окладной книгѣ Патр. каз. приказа за (1628) г. подъ Алексинскою десятиною написано: „церковь Бл щенія Святѣй богородицы; дани 9 денегъ десятильничихъ гр По писцовымъ Боровскимъ книгамъ 7161 (1653) г. у той п дворъ поповъ, 4 дв. помѣщиковыхъ, 35 дв. крестьянскихъ, 14 быльскихъ, пашни церковной вотчинникова данья пол-десятин приходной книгѣ за 7162 (1654) г. подъ статьею о Благовѣще церкви отмѣчено: „писать въ вотчинѣ Тимофея, да Алексѣя М ровыхъ, въ селѣ Матвѣевскомъ, по новому дозору Михаила Па положено дани 30 алтынъ 4 деньги, заѣзда гривна"; а съ по 1739 гг. платилось дани рубль 10 алт. 4 деньги (Патр. прик. л. 66, кн. 32, л. 394, кн. 196, л. 201).

Въ 7188 (1680) гг., при досмотрѣ церквей и церковныхъ въ Перемышльской десятинѣ княземъ Иваномъ Андреевичемъ Ш пальскимъ, оказалось: „въ селѣ Матвѣевскомъ церковное ст новое деревянное Ивана Ѳедорова Бутурлина, а по сказкѣ Бл

*) Нынѣ село Матвѣевское Подольскаго уѣзда.

щенской церкви попа Семена Никитина: церковной земли и сѣнныхъ покосовъ и руги нѣтъ, а питается онъ, попъ, мірскимъ подаяніемъ" (Патр. прик. дозор. кн. 105, л. 11, кн. 141, л. 123—124).

Въ 1704—1710 гг. при Благовѣщенской церкви были: священникъ Дмитрій Никифоровъ и дьячекъ Михаилъ Дмитріевъ (Переписн. кн. 9814, л. 445, Ландр. кн. 1710 г., л. 313).

Село Матвѣевское, на рѣчкѣ Рогожнѣ, по писцовымъ книгамъ 7135 и 7136 (1627—1628) гг. значится: московскаго уѣзда, Ростовской волости, „старинная родовая вотчина, половина села за Петромъ Ивановымъ сыномъ Мансуровымъ, а другая половина—за вдовою Марьею Парфеньевскою женою съ дѣтьми ея Тимофеемъ и Васильемъ Мансуровыми, что прежъ сего бывала вотчина Улья Овчинниной жены и Якова Давыдова сына Мансуровыхъ, а въ селѣ мѣсто церковное, что была церковь Благовѣщенія Пресв. Богородицы, да въ селѣ 12 дв. крестьянскихъ (Писцов. кн. 689, лл. 1452—1457).

Послѣ Петра Иванова Мансурова его половина досталась его родной сестрѣ Прасковьѣ Ивановой, женѣ Бориса Нащокина; въ 1646 г. владѣли Григорій Борисовъ Нащокинъ, а другою половиною—вдова Марья Парфеньевская жена съ сыномъ Тимофеемъ и внукомъ Алексѣемъ Васильевымъ Мансуровыми; въ селѣ Матвѣевскомъ числилось 19 дворовъ крестьянскихъ; въ 1678 г. оно принадлежало Аграфенѣ Григорьевнѣ, урожд. Нащокина, жена князя Григорья Васильева Тюфякина и Алексѣю Васильеву Мансурову; въ селѣ состояли: дворъ вотчинниковъ (кн. Тюфякина) и 20 дв. крестьянскихъ и бобыльскихъ; а въ 1704 г.—22 дв. крестьянскихъ. Въ 1757 г. князь Сергѣй Ѳедоровъ Тюфякинъ (родной внукъ кн. Григорія Васильевича Тюфякина) продалъ половину села Матвѣевскаго Тимофею Карповичу Шелашникову, а другая половина находилась во владѣніи въ родѣ Мансуровыхъ. (Вотч. колл. по гор. Москвѣ, ст. л. кн. 86, № дѣла 15; кн. 89, № дѣла 4; мол. л. кн. 61, № дѣла 7 и кн. 31, № дѣла 8; переписн. кн. 9809, лл. 666, 669—670; кн. 9811, лл. 634—635, 642—643; кн. 9814, л. 445).

13. Ц. Космы и Даміана въ селѣ Окуловѣ *).

Космодаміанская церковь деревянная была построена въ первой половинѣ XVII, на рѣкѣ Мочѣ, близъ деревни Макаровой и пустоши Окуловой. О новопостроенной церкви въ приходной окладной книгѣ Патр. каз. приказа „жилыхъ данныхъ церквей" за 7138 (1630) г. го-

*) Нынѣ Окулово, сельцо Подольскаго уѣзда.

ворится: „новоприбылая церковь Козмы и Даміана, что на р
Мочѣ, въ Замыцкомъ стану, въ Перемышльской десятинѣ, по
за рукою тоя церкви попа Кузмы, дани по окладу 5 алт. 5 д
писцовымъ боровскимъ книгамъ 7161 (1653) г. у той церкви
ходѣ 2 дв. вотчинниковыхъ, дворъ новокрещеновъ, 5 дв. крестья
пашни церковные 5 десятинъ во всѣхъ 3 поляхъ, сѣна 30
Подъ 7162 (1654) г. приписано: „по новому письму Михаил
лова, дани положено 18 алт., заѣзда гривна"; а въ 1712—1
платилось дани 31 алтынъ 2 деньги (Патр. прик. кн. 5,
кн. 35, л. 379).

Священникъ церкви Космы и Даміана, что на рѣкѣ Моч
досмотрѣ церковныхъ земель княземъ Иваномъ Андреевичемъ
пальскимъ, въ 7188 (1680) г., объявилъ, что церковной зе
церкви Космы и Даміана находится „по 5 чети въ полѣ, а
потомужъ, сѣна 50 копенъ, а лѣсъ не размежеванъ". В
(1686 г.) Космодемьянская церковь стояла „безъ пѣнія", вс
чего, по распоряженію Каз. приказа церковною землею
владѣть Патр каз. приказа подьячему Василію Дементьеву,
поръ пока у той церкви попъ будетъ; а оброкъ за землю
данью по 18 алт. заѣзда гривна на годъ" (Патр. прик. дозор.
л. 13, приход. кн. 72, л. 525, кн. 91, л. 491).

По переписнымъ книгамъ 1704 г. значится: „село Окул
чина Тихона Никитича Стрешнева, а въ селѣ церковь Козмы
міана деревянная, у церкви находились: во дворѣ попъ Өедо
левъ 1704—1722 г.; дьячекъ Иванъ 1704—1722 г. и поном
силій Никифоровъ 1722 г. (Переписн. кн. 9816 и кн. 1 рев

Окулово, по писцовымъ книгамъ 135 и 136 (1627—1
московскаго уѣзда, Перемышльской волости, значится: „пусто
было сельцо, на рѣкѣ Мочѣ, вотчина за Прокофьемъ Иванов
номъ Враскимъ, по закладной, что ему заложилъ жеребій то
ши Өедоръ Григорьевъ сынъ Хомяковъ; во 133 (1625) г.
Враскому принадлежала „дер., что была пустошь Макарова,
долѣ, а подъ нею прудъ; а въ деревнѣ селятся ново, ставят
его люди"; а три жеребья пустоши Окуловой состояло за Ку
мофѣевымъ Хомяковымъ какъ старинная вотчина дѣда и отца
7155 (1647) г. деревня Макарова съ пустошью Окуловою на
во владѣніи Өедора Саввича Нарбекова; при этомъ владѣльц
тоши Окуловой поставленъ былъ дворъ, въ которомъ жили в
17 человѣкъ старинныхъ его людей, и Окулово называлось с
ему же Нарбекову принадлежала дер. Овечкина съ 5 двора

стьянъ. Въ 7190 (1682) г. Өедоръ Нарбековъ свое имѣніе продалъ Якову Аверкіеву Кириллову, а въ 7199 (1691) г. у него оно куплено женою боярина Тихона Никитича Стрешнева Екатериною Богдановною; послѣ ихъ смерти Окулово, бывшее селомъ, въ которомъ находились дворъ вотчиниковъ и 4 дв. крестьянъ и дер. Овечкина принадлежали ихъ сыну Ивану Тихоновичу Стрешневу, а отъ него перешло въ 1714 г. къ его дочери дѣвицѣ Софьѣ, которая съ тѣмъ имѣніемъ вышла замужъ за князя Бориса Васильевича Голицына. Въ 1768 г. селомъ Окуловымъ владѣлъ князь Василій Борисовичъ Голицынъ, по раздѣлу съ его родными братьями князьями Владиміромъ и Алексѣемъ Голицыными (Писцов. кн. 9808, лл. 224 и 239; вотч. колл. по гор. Москвѣ, мол. л. кн. 49, № дѣла 14; кн. 52, № дѣла 17; перепися. кн. 9811, л. 391—395 кн. 9816, л. 243).

14. Ц. Михаила Архангела въ селѣ Бѣлоусовѣ *)

Въ началѣ XVII ст., московскаго уѣзда, въ Шаховѣ стану, находился „погостъ приходный на рѣчкѣ Сохнѣ, усть рѣчки Блиневки". Въ писцовой книгѣ 7135 (1627) г. о немъ говорится такъ: „на погостѣ церковь Архангела Михаила древяна вверхъ, а въ церкви образы и книги и ризы и на колокольницѣ колокола и все церковное строенье приходныхъ людей; пашни церковной земли 12 четьи въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 12 копенъ; у церкви дворъ поповъ, дв. дьячковъ, пономаревъ". Близъ этого погоста въ 7135 (1627) г. находилось сельцо Бѣлоусово, на рѣчкѣ Сохнѣ (въ послѣдствіи село),— „старинная вотчина князей Никиты и Өедора Самойловыхъ Бѣльскихъ, что прежде было за княземъ Григорьемъ Петровымъ Бѣльскимъ, а въ сельцѣ 2 двора вотчинниковыхъ и дворъ людской съ дѣловыми людьми" (Писцов. кн. 689, л. 90 об; кн. 9807, л. 620—623).

7154 г. въ приходной книгѣ Патр. каз. приказа написано: „по книгамъ Боровской десятины старосты поповскаго Троицкаго попа Деомида прибыла вновь въ нынѣшнемъ во 154 (1646) г. церковь Архангела Михаила въ вотчинѣ князь Өеодора княжъ Самойлова, да князя Григорія Никитина сына Бѣльскихъ, въ селѣ Бѣлоусовѣ, дани 5 алтынъ съ деньгою, десятильничьихъ гривна; іюня въ 20 день, на нынѣшній 154 годъ тѣ деньги платилъ староста поповской Деомидъ" (Патр. прик. кн. 20, л. 336). А по писцовымъ боровскимъ книгамъ

*) Нынѣ село Бѣлоусово Верейскаго уѣзда.

7161 (1653) г. у той церкви дворъ поповъ, дьячковъ, 2 дв. вотч никовъ, дв. пономаревъ и просвирнинъ, 2 дв. помѣщиковыхъ, 19 крестьянскихъ, 3 дв. вдовьихъ, 12 дв. бобыльскихъ, пашни 4 десят въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна по рѣчкѣ по Сохнѣ 10 копе За послѣдующіе годы Архангенгельская церковь въ тѣхъ же при ныхъ книгахъ писалась подъ Перемышльскою десятиною. Подъ 7 (1654) г. отмѣчено: „по новому дозору Михаила Павлова на церк Архангела Михаила дани положено 27 алтынъ 4 деньги, за гривна" (Патр, прик. кн. 35, л. 339 об.).

При досмотрѣ церквей и церковныхъ земель 7189 (1680) г сентября въ 8 день, оказалось: „на погостѣ возлѣ вотчины князя дора Ѳедорова сына Бѣльскаго сельца Бѣлоусова церковь Арханг Михаила каменная новая, да церковь древяная Іоанна Богослов тѣхъ церквей попъ Никифоръ Никифоровъ сказалъ: церковной де ли у нихъ во владѣньи по 6 четьи въ полѣ, а въ дву потому сѣна 12 копенъ, а достальною землею владѣетъ князь Ѳедоръ Б ской насильно, называя своею вотчинною землею, а межъ и гр около той земли нѣтъ; да онъ же попъ сказалъ: та де церковь ремышльской десятины, Шахова стана, церковное каменное стро князь Ѳедора Бѣльскаго, построена во 187 (1679) году, а древ изстари". (Патр. прик. дозорн. кн. 105, л. 14, кн. 141, лл. 137 и 3

По распоряженію патр. Каз. приказа 7203 (1695) г. фев 13 дня, велѣно: „на Архангельскую церковь дани прибавить съ ни съ 12 чети, по 3 деньги съ чети, да съ сѣнныхъ покосов 12 копенъ, по 2 деньги съ копны, итого 10 алтынъ и ту стар новую дань всего рубль, 4 алт., заѣзда гривна платилъ попъ келлъ", а съ 1712—1739 г. платилось дани рубль 17 алт. 4 д (Патр. прик. кн. 153, л. 385, кн. 261, л. 427).

При церкви Архангела Михаила были священники: Ник Михайловъ 1627—1628 г., Ѳома Давыдовъ 1646 г., Никифор кифоровъ 1680 г., Игнатій Архиповъ 1704 г. и Дмитрій Миха 1710—1722 г., бывшій дьячекъ при оной же церкви въ 1704 дьячки: Якимъ Ивановъ 1627 г., Петръ Ананьинъ 1646 г. и Ст Ивановъ 1710—1722 г.; пономари: Ефимъ Ѳедоровъ 1627—16 Семенъ Юдинъ 1710 г. и Василій Дмитріевъ 1722 г.

Село Бѣлоусово съ 2 дв. вотчинниковъ въ 1646 г. прина ло князю Ѳедору Самойлову и его племяннику князю Григорі китину Бѣльскимъ; по смерти кн. Ѳедора Сам. Бѣльскаго его вина села Бѣлоусова въ 1678 г. находилась во владѣніи его князя Ѳедора; а другая половина—стольника Льва Иванова С

кова. Въ 1703 г. селомъ владѣла княжна Авдотья Андреева Бѣльская, (внука кн. Өедора Бѣльскаго), которая съ тѣмъ имѣніемъ вышла замужъ за Өедора Михайлова Полева, а послѣ его смерти, въ 1713 г. была за другимъ мужемъ Степаномъ Андреевичемъ Колычевымъ; отъ нихъ перешло въ 1750 году Степану и Алексѣю Степановымъ Колычевымъ; въ 1769 году—къ Степану Алексѣеву Колычеву, по раздѣлу съ родною сестрою Екатериною Алекс. Колычевою и въ 1787 г. село Бѣлоусово продано князю Ивану Сергѣевичу Борятинскому (Переписн. кн. 9809, л. 627- 628; кн. 9811, л. 47—48, 56—57. Вотч. колл. по гор. Москвѣ, мол. л. кн. 5, № дѣла 17; кн. 7, № дѣла 23).

15. Ц. Рождества Христова въ селѣ Рождественскомъ, Семенчино тожъ.

Христорождественская церковь „въ селѣ Рождественномъ, Семенчино тожъ, на Сенкинѣ Мытищѣ, на рѣкѣ Пахрѣ“, въ началѣ XVII ст., была деревянная. Въ приходной окладной книгѣ Патр. каз. приказа написано: „по книгамъ Боровской десятины старосты поповскаго троицкаго попа Деомида, въ нынѣшнемъ во 154 (1646) году, прибыла вновь церковь Рождества Христова, что на Сенкинѣ Мытищѣ, въ вотчинѣ стольника Василія Васильевича Бутурлина, дани 4 алт., по наказу гривна; іюля 20 дня, на нынѣшній 154 г. тѣ деньги платилъ староста поповскій попъ Деомидъ“. По писцовымъ боровскимъ книгамъ 7161 (1653) г. у той церкви дворъ поповъ, дьячковъ, пономаревъ и просвирнинъ, 10 дв. помѣщиковъ, дв. монастырской, 62 дв. крестьянскихъ, 20 дв. бобыльскихъ, дворъ вдовы; пашни 4 десятины въ полѣ, а въ дву потомужъ сѣна 10 копенъ. За послѣдующіе годы Христорождественская церковь въ тѣхъ приходныхъ книгахъ писалась подъ Перемышльскою десятиною. Въ книгѣ подъ 7162 (1654) г. отмѣчено: „по новому дозору Михаила Павлова на церковь Рождества Христова положено дани рубль 29 алт. 2 ден., заѣзда гривна“ (Патр. прик. кн. 20, л. 336; кн. 35, л. 399).

Въ дозорныхъ книгахъ Патр. каз. прик. говорится: „7189 (1680) г. сентября въ 9 день, по досмотру князя Ивана Андреевича Шелешпальскаго: церковь Рождества Христова древяна, стара, на рѣкѣ Пахрѣ, у церкви дворъ попа Андрея Исакова, дворъ дьячковъ; а по сказкѣ тоя церкви попа Андрея Исакова: церковной де земли у нихъ во владѣніи только пашни по 6 четьи въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна на 100 копенъ малыхъ волоковыхъ, а достальною землею вла-

дѣетъ князь Юрій Даниловъ сынъ Великогагинъ; да онъ же пс
сказалъ: та де церковь Перемышльской десятины, построена изста
а пустовыхъ церковныхъ земель у него попа, въ приходѣ нѣ
(Патр. пр. дозорн. кн. 105, л. 15; кн. 141, л. 130 и 328).

„1706 г., марта во 2 день, выданъ антиминсъ, по указу п
освященнаго Стефана митрополита рязанскаго и муромскаго, вмѣ
ветхаго, въ московской уѣздъ, въ село Сенкино, въ церковь Рож
ства Христова" (Патр. прик. кн. 138 л. 279).

При церкви Рождества Христова были священники: Андрей (
доровъ 1646 г., Андрей Исаковъ 1680 г., Θедоръ Васильевъ 170
1722 г., діаконъ Семенъ Васильевъ 1709—1722 г., дьячки: Григо
Герасимовъ 1627 г., Василій Алексѣевъ 1709—1710 г.

„Село Рождественное, Семчино тожъ, на Сенкинѣ Мытищѣ,
рѣкѣ Пахрѣ", по писцовымъ книгамъ 7135 и 7136 (1627—1628)
находилось московскаго уѣзда, Шахова стана, „въ помѣстьи за окс
ничемъ за княземъ Григорьемъ Константиновичемъ Волконскимъ,
было прежъ того въ помѣстьи за Петромъ Кошелевымъ, а въ с
церковь Рождества Христова древяна вверхъ, а въ церкви образ
книги и свѣчи и все церковное строеніе помѣщиково и приходн
людей; у церкви во дворѣ попъ Герасимъ Харитоновъ, да съ н
церковный дьячекъ сынъ ево Гришка; пашни церковные земли 10 че
въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 6 копенъ; да въ селѣ дворъ
мѣщиковъ, живетъ въ немъ прикащикъ, да дворъ дѣловыхъ людей
писано за нимъ то помѣстье по жалованной грамотѣ 7127 (1619
(Писцов. кн. 9807, лл. 572—573). Въ 1645 г. это село прина
жало Василію Васильевичу Бутурлину; въ 1658 г.—его дѣтямъ Ив
и Борису, которые отдали это имѣніе въ 1675 г. въ приданое род
своей сестрѣ Авдотьѣ Васильевнѣ, при выходѣ замужъ за князя К
Даниловича Великогагина, а отъ нихъ поступило въ 1692 г. та
въ приданое ихъ дочери Марьѣ Юрьевнѣ,—женѣ князя Алексан
Петровича Прозоровскаго. Въ 1722 г. селомъ Семчинымъ влад
Матвѣй Дмитріевъ Алексѣевъ, по смерти котораго оно было прод
въ 1731 г. его сыномъ Василіемъ Михаилу Афанасьевичу Мат
кину, а въ 1743 г. куплено у жены Матюшкина вдовы Софьи Дм
ріевны Яковомъ Матвѣевымъ Евреиновымъ и за нимъ оно утвержд
въ 1752 г. отказною книгою, въ которой между прочимъ упоминае
„въ селѣ Рождественномъ, Семчино тожъ, церковь Рождества Хри
ва деревянная, у церкви дворъ попа Михаила Семенова, дворъ дь
на Андрея Никифорова".

Въ селѣ Рождественѣ находились: въ 1646 г. дворъ боярскій, въ которомъ жили прикащикъ и приспѣшникъ и 6 дв. крестьянскихъ въ нихъ 17 человѣкъ; въ 1678 г.—дворъ вотчинниковъ съ 5 челов. кабальныхъ людей, дворъ задворнаго челов. и 4 дв. крестьян. и бобыльскихъ, въ нихъ 18 челов.; въ 1704 г.—дворы: вотчинниковъ, прикащичій, конюшенный и скотный съ 6 челов. и 9 дв. крестьянскихъ съ 36 челов. (Вотч. колл., по гор. Москвѣ, ст. л., кн. 13, № дѣла 19; кн. 86, № дѣла 5; переписн. кн. 9809, л. 621 об.; кн. 9811, л. 53, кн. 9814, л. 725—726).

16. Ц. Успенія Пресвятыя Богородицы на погостѣ Корытнѣ *).

Успенская церковь на погостѣ „приходномъ", на рѣчкѣ Коротенкѣ, въ началѣ XVII ст. стояла „ветха и обвалилась" и погостъ былъ обращенъ въ пустошь. Въ писцовыхъ книгахъ 7135 и 7136 (1627—1628) гг. московскаго уѣзда, Замыцкой волости, говорится: „на пустоши, что былъ погостъ приходный пашни церковной наѣздомъ паханой середней земли 35 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 100 копенъ, лѣсу непашеннаго 3 десятины; къ томужъ погосту пустошь Коптева, на врагѣ, пашни середній земли 10 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 15 копенъ" (Писцов. кн. 698, л. 1236).

Церковная земля, принадлежавшая Успенской церкви, отдавалась на оброкъ и въ приходныхъ оброчныхъ книгахъ Патр. приказа за 7146—7162 (1637—1654) гг. писалась подъ Загородскою десятиною „на головѣ стрѣлецкомъ на Никитѣ Бестужевѣ **), оброку рубль 2 алт. 4 ден. (Дворцов. прик. кн. 6, лл. 89—98). Подъ этою статьею въ книгахъ за 7156 и 7162 (1648—1654) гг. отмѣчено: „на сей церковной Успенской землѣ въ прошломъ во 155 (1647) году поставлена церковь и обложена данью, а писана въ приходной книгѣ, въ Боровской десятинѣ, и впредь той церковной земли въ оброчной книгѣ не писать" (Патр. прик. кн. 25, л. 117; кн. 32, л. 337; кн. 94, л. 6 об.).

Въ приходной окладной книгѣ того же приказа „жилыхъ данныхъ церквей" за 7155 (1647) г. написано: по книгамъ Боровской деся-

---

*) Нынѣ Корытня, погостъ Подольскаго уѣзда.

**) За Никитою Дмитріевымъ Бестужевымъ, въ 1627 г., состояло помѣстье деревня Якимово, Якимцово тожъ, на рѣчкѣ Рогожнѣ съ дворомъ помѣщичьимъ въ которомъ жили дѣловые его люди (писцов. кн. 9807, л. 686 об.—687); въ 1678 г. „сельцо Якимцово—вотчина стольника Ивана Игнатьева Бестужева, въ сельцѣ дворъ вотчинниковъ, 6 дв. крестьянскихъ и 2 дв. бобыльскихъ, въ нихъ 25 челов. и дворъ мельника" (переписн. кн. 9811, л. 641—642).

тины десятильника Андрея Нагаева, да старосты поповскаго Борисо глѣбскаго попа Агафоника прибыла вновь церковь Успенія Пресвяты Богородицы, на Корытнѣ, дани 3 алт. 2 ден., по наказу гривна, апрѣля въ 1 день, тѣ деньги платилъ староста поповской Борисоглѣб ской попъ Агафонникъ" (Патр. прик. кн. 30, л.372); по писцовым боровскимъ книгамъ 7161 (1653) г. у той церкви дворъ поповъ, д дьячковъ, дв. просвирнинъ, 4 дв. помѣщиковъ, 36 дв. крестьянскихъ 8 дв. бобыльскихъ, пашни церковные земли 4 десятины въ полѣ, въ дву потомужъ, сѣна 15 копенъ". Въ 7162 (1654) г. „по новом дозору на сію церковь положено дани рубль 7 алт. заѣзда гривна"; съ 1712—1739 г. платилось дани рубль 20 алт. 2 ден." (Патр. прик кн. 35, л. 401; кн. 261 и кн. 447).

Въ 7155 (1647) г. на погостѣ Корытнѣ церковь Успенія Пр святыя Богородицы, у церкви во дворѣ попъ Иванъ Ивановъ съ дѣт ми, во дворѣ просвирница Домница и дворъ бобыльскій. Въ 1722 церковь деревянная, у церкви попъ Семенъ Ивановъ, дьяконъ Иван Ивановъ дьячекъ Михаилъ Алексѣевъ; пономарь Гавріилъ Ивановъ престарѣлый попъ Иванъ Дмитріевъ (Переписн. кн. 9809 л. 766 о 1 ревизіи, 1722 г., л. 952).

17. Ц. Воздвиженія честнаго Креста Господня на погостѣ, на рѣчк Лютерицѣ *).

Воздвиженская церковь, въ 7135—7137 (1627—1629) гг. стоя „на пустоши, что былъ погостъ приходный, на рѣчкѣ Люторицѣ московскаго уѣзда, Замыцкой волости, „древяна клѣтцки, безъ пѣні ветхая и обвалилась; у церкви мѣсто попово, мѣсто пономарево пуст пашни церковной перелогомъ и лѣсомъ поросло, середней земли четьи въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 50 копенъ, лѣсу не паше наго 2 десятины" (Писцов. кн. 9808, л. 464).

Церковная земля на Воздвиженскомъ погостѣ отдавалась на о рокъ и въ приходныхъ книгахъ Патр. приказа писалась подъ Загор скою десятиною за 7146 (1638) г. такъ: „съ церковной земли Во движенія честнаго Креста Господня, что на рѣчкѣ Лютерицѣ, на М китѣ Беглецовѣ, оброку гривна", въ 7156 (1648) г.—отдана изъ то же оброка Григорію Степанову Караулову, а подъ 7177 (1669) г домъ отмѣчено: „марта въ 3 день, оброчныя деньги платилъ вотчи

*) Нынѣ Воздвиженскій (Люторица) погостъ Серпуховскаго уѣзда.

никъ Сытнаго дворца стряпчій Кондратій Лунинъ *), потому что у нихъ на той церковной землѣ построена церковь жилая и попъ есть, а объ окладѣ въ жилыя церкви и о запискѣ принесутъ роспись прихожаны съ челобитной" (Дворц. прик. кн. 6, л. 89—98; Патр. пр. кн 63, л. 146).

О новопостроенной церкви Воздвиженія Господня извѣстно по приходнымъ окладнымъ книгамъ Патр. каз. приказа съ 7181 (1673) г. гдѣ по Боровскою десятиною написано: „десятильникъ Андрей Заворотковъ, да староста поповскій Троицкій попъ Никита обложили вновь церковь, написанную въ старостинныхъ книгахъ, нынѣшняго 181 году, Преображенскаго попа Ѳеодора: церковь Воздвиженія честнаго Креста Господня, на рѣчкѣ на Люторицѣ; дани 8 алт. 4 ден., заѣзда гривна и тѣ деньги взято, платилъ староста поповской попъ Ѳедоръ".

7186 (1678) г. мая въ 11 день, въ патріаршемъ приказѣ, по помѣтѣ на выпискѣ дьячка Перфилія Сѣменникова, Боровской десятины, въ Перемышльской волости, на Воздвиженскую церковь, что на рѣчкѣ на Люторицѣ, велѣно положить вновь, по сказкѣ тоя церкви попа Димитрія Васильева, дани съ дворовъ: съ попова, съ пономарева, съ вотчинникова, съ 5 дворовъ крестьянскихъ среднихъ, да съ церковной земли, по писцовымъ книгамъ московскаго уѣзда, письма и мѣры Ѳедора Пушкина, да дьяка Андрея Строева, 7135 и 7136 (1627—1628) гг., что написано въ Замыцкой волости: пустошь, что бывалъ погостъ приходный, на рѣчкѣ на Люторицѣ, съ пашни съ 20 четьи въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣнныхъ покосовъ съ 50 копенъ, по указной статьѣ, 31 алтынъ съ деньгою, заѣзда гривна. И по тому окладу тѣ данныя деньги на 187 годъ взяты и впредь писать въ приходныхъ книгахъ церковь Воздвиженія честнаго Креста Господня на погостѣ на рѣчкѣ на Люторицѣ". Церковной дани платилось въ 1712—1739 гг. „рубль, 11 алт. съ деньгою (Патр. прик. кн. 77, л. 254; кн. 91, л. 493).

---

*) По переписнымъ книгамъ московск. уѣзда, Замыцкаго стана, 7186 (1678) г. за стряпчимъ сытнаго дворца Кондратіемъ Ивановымъ Лунинымъ состояла вотчина сельцо Новоселки, деревня Оксина и деревня, что была пустошь, Чудинова, на вершинѣ рѣчки Хотешевки, а въ нихъ числилось 24 дв. крестьянскихъ съ 118 челов., 10 дв. бобыльскихъ съ 31 челов., 12 дв. задворныхъ людей съ 40 челов.; дворъ вотчинниковъ и дв. скотный съ 6 челов. (кн. 9811 л. 580—585).

Въ 7188 (1680) г. священникъ Воздвиженской церкви Дмитрі Васильевъ, при досмотрѣ церковной земли княземъ Андремъ Иван вичемъ Шелешпальскимъ, объявилъ, что церковной земли у нихъ владѣніи 12 четьи въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 30 копен лѣсу 2 десятины, а крѣпостей на ту землю у него, попа, никаки нѣтъ и ему дана выпись съ писцовыхъ книгъ (Патр. прик. кн. 10 л. 19; кн. 141, л. 115).

При церкви были священники: Илларіонъ Алексѣевъ, Илларіо Дмитріевъ 1704—1710 г., Тимофей Илларіоновъ 1722 г., бывш дьякономъ при оной же церкви въ 1704—1710 гг.; дьячки: Трофи Мартиновъ 1704—1710 г. и Алексѣй Тимофеевъ 1722 г. (Перепис кн. 9816, л. 359: Ландр. кн. 1710 г. л. 227; кн. 1 ревизіи, 1722 л. 171 об.).

18. Ц. Николая Чудотворца въ селѣ Кленовѣ *).

Николаевская церковь въ селѣ Кленовѣ въ 7135 (1627) г. бы „деревянная вверхъ, а въ церкви образы, и свѣчи, и книги, и ко кола на колокольницѣ и всякое церковное строеніе вотчинникова церкви во дворѣ попъ Гавріилъ Кондратьевъ, во дворѣ церковн дьячекъ Ивашко Ѳедоровъ, во дворѣ пономарь Андрюшко Алекс дровъ, во дворѣ проскурница Ѳедосьица" (Писцов. кн. 9808, л. 2 По приходнымъ книгамъ Патр. каз. приказа съ 1628 по 1675 г Николаевской церкви не было извѣстно. Въ 7184 (1676) г., по у зу патріарха и по помѣтѣ на выпискѣ дьяка Перфилія Сѣменнико по челобитью князя Степана Васильева Ромодановскаго, обложена Москвѣ вновь данью церковь въ московскомъ уѣздѣ, Перемышльс волости, въ вотчинѣ ево, въ селѣ Кленовѣ, Николая Чудотворца на тою церковь положено, по сказкѣ человѣка ево Ивана Дьяк дани по указной статьѣ съ дворовъ: съ вотчинникова, съ попова, номарева, дьячкова, просвирницына, съ 15 дворовъ крестьянских 5 дворовъ бобыльскихъ, да съ церковной пашни 4 четьи, съ сѣнн покосовъ съ 10 коненъ—15 алтынъ 5 денегъ, заѣзда гривна и тому окладу велѣно взять и на прошлый 183 и на нынѣшній 18 (Патр. прик. кн. 87, л. 553 об.).

Въ 7188 (1680) г. священникъ Николаевской церкви, что селѣ Кленовѣ, Емельянъ Ивановъ, при досмотрѣ церковной зе

---

*) Нынѣ Кленово, село Подольскаго уѣзда.

объявилъ, что „къ церкви дано изъ вотчинной земли стольника князя Степана Ромодановскаго 2 десятины въ полѣ, а въ дву потомуж ъ, сѣнныхъ покосовъ 10 копенъ; да сверхъ земли попу съ причетниками дается руги денегъ 9 рублевъ съ полтиною, хлѣба—ржи и овса 31 четь" (Патр. прик. дов. кп. 105, л. 23; кн. 141, лл. 74—75).

Въ 7192 (1684) года, по помѣтѣ на выпискѣ казначея старца Паисія Сійскаго, на Николаевскую церковь велѣно прибавить дани съ церковной земли, что къ той церкви дала вотчинница княжна Марфа Степанова Ромодановская съ пашни съ 15 четьи въ полѣ, а въ дву потомужъ —7 алт. 3 ден." Церковной дани въ 1712—1739 г. платилось рубль съ деньгою (Патр. прик. кп. 114, л. 192 об. и кн. 142, 261 и 447).

Въ 1722 г. церковь Николая Чудотворца деревянная, при ней были священники: Емельянъ Ивановъ 1670—1691 г., Иванъ Ивановъ 1704—1722 г., дьячки: Иванъ Ивановъ 1681 г., Өедоръ Емельяновъ 1704-1710 г., Алексѣй Кондратьевъ 1722 г., пономари: Кононъ Венедиктовъ 1681 г., Степанъ Акимовъ 1722 г.

Село Кленово, на рѣкѣ Мочѣ, по писцовымъ книгамъ 7135—7136 (1627—1628) гг., находилось московскаго уѣзда, Перемышльской волости, въ вотчинѣ „за княземъ Никитою Петровымъ сыномъ Борятинскимъ, что было прежъ сего вотчина брата ево роднаго князя Михаила Борятинскаго, а послѣ князя Михаила было въ вотчинѣ за братомъ же ево роднымъ княземъ Өедоромъ Борятинскимъ, въ селѣ дворъ вотчинниковъ, въ которомъ жилъ прикащикъ, дворъ дворового человѣка, 3 дв. крестьянскихъ и 7 дв. бобыльскихъ, людей въ нихъ тожъ". По смерти князя Никиты Петровича Борятинскаго вотчина осталась его сыну князю Өеодору, а отъ него перешла къ родному его брату князю Юрію Никитичу Борятинскому и за нимъ утверждено отказною книгою 7179 (1670—1671) г., въ которой между прочимъ упоминается: „въ селѣ Кленовѣ церковь во имя Николая Чудотворца". Въ 1675 г. князь Юрій Ник. Борятинскій продалъ село Кленово князю Степану Васильевичу Ромодановскому, а отъ него перешло въ 1681 г. къ его дочери княжнѣ Марфѣ, которая съ тѣмъ имѣніемъ вышла замужъ за князя Бориса Михайловича Черкасскаго; въ 1722 г. селомъ владѣлъ князь Петръ Борисовичъ Черкасскій.

Въ с. Кленовѣ числилось въ 1646 г. 5 дв. крестьянскихъ и дворъ вотчинниковъ; въ 1678 г.—17 дв. крестьянскихъ, въ 1704 г.—18 дв. крестьянскихъ и дворъ вотчинниковъ (Писцов. кн. 9808, л. 220-230; отказн. кн. 7, л. 260; вотч. колл. по гор. Москвѣ, ст. л. кн. 20, № 44 и помѣстн. прик. оклеен. ст. 20, № дѣла 11; переписн. кн. 9809, л. 669; кн. 9811, л. 375 и 381 кн. 9816, л. 274 об.).

19. Ц. Воскресенія Христова въ селѣ Воскресенскомъ-Савин

Воскресенская церковь въ селѣ Савинѣ деревянная съ д
престолами была построена между 1644—1646 годами. Въ запи
книгѣ исходящихъ бумагъ патр. Каз. приказа 7152 (1644) г. зн
ся: „мая въ 15 день запечатана благословенная грамота (о стр
церкви), въ московской уѣздъ, по челобитью стольника князя I
лія Григорьевича Ромодановскаго, въ вотчину ево, въ деревню (
ну, на три престола: Воскресенія Христова, да Николая Чудотв
да Параскевеи, нарицаемыя Пятницы; пошлинъ 10 алтынъ в
(Патр. прик. кн. 19, л. 107).

7154 (1646) г. въ селѣ Воскресенскомъ, Савино тожъ—вот
окольничаго князя Василія Григорьевича Ромодановскаго, пока
церковь Воскресенія Христова деревянная, у церкви во дворѣ
Нестеръ Еремѣевъ, во дворѣ дьячекъ Ивашка Ивановъ (Вотч.
переписн. кн. 9809, л. 610).

Около 1660 г. въ этомъ же селѣ была построена другая
вянная церковь во имя Іоанна Предтечи съ предѣломъ Алексі
ловѣка Божія. Въ приходной окладной книгѣ Патр. каз. приказ
писано: „въ нынѣшнемъ во 169 (1660) году, по челобитью и п
ручной сказкѣ, за помѣтою дьяка Парфенія Иванова, обложена
данью однорядная церковь Воскресенія Христова, да церковь І
Предтечи въ вотчинѣ боярина князя Василія Григорьевича Ро
новскаго, въ московскомъ уѣздѣ въ селѣ Савинѣ, дани въ одн
16 алт. съ деньгою, десятильничихъ и заѣзда гривна. И декаб
3 день, тѣ деньги платилъ боярина князя Ромодановскаго чел
Титка Дьяковъ" (Патр. прик. кн. 50, л. 253).

По дозорнымъ книгамъ Патр. каз. приказа 7188 (1680)
селѣ Савинѣ, Перемышльской десятины,—вотчинѣ за вдовою б
нею княгинею Прасковьею Архиповною Ромодановскою двѣ ц
Воскресенія Христова да Іоанна Предтечи, у церквей попъ I
Ивановъ, церковной земли 4 десятины въ полѣ, а dву потому
пустоши: Суслова и Мальцова, на нихъ сѣна 100 копенъ; по
съ причетниками дается руга: денегъ 19 руб. съ полтиною, хл
ржи и овса 59 четвертей; церковной дани платится 16 алт. съ
гою, заѣзда гривна (Патр. прик. дозорн. кн. 105, л. 24).

---

*) Нынѣ Воскресенское-Савино, село Подольскаго уѣзда.

7195 (1687) г. апрѣля въ 20 день, въ патріаршемъ приказѣ „по помѣтѣ на выпискѣ казначея старца Паисія Сійскаго, велѣно: церкви Воскресенія Христова, да Іоанна Предтечи, что въ московскомъ уѣздѣ, Перемышльской волости, въ селѣ Савинѣ, на попа съ причетники къ старой дани, къ 16 алт. съ деньгою, дани прибавить съ церковной земли „что къ той церкви дала княжна Марфа стольника князь Степанова дочь Ромодановскаго изъ своей вотчинной земли въ томъ же селѣ Савинѣ, по памяти изъ помѣстнаго приказа, за приписью дьяка Анисима Невѣжина, съ пашни съ 10 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна съ 10 копенъ, по указной статьѣ, 8 ал. 2 ден. и впредь подъ тою церковью писать дани 24 алт. 3 ден., заѣзда гривна. И по тому окладу деньги имать со 196 (1688) г." Въ 1712—1739 гг. писалось дани рубль 4 алт. 3 ден. (Патр. прик. кн. 121, л. 190).

Въ 1694 г. церковь Іоанна Предтечи съ предѣломъ Алексія человѣка Божія была ветхая и стояла безъ пѣнія (Вотч. колл. отказн. кн. 15, л. 1418; кн. 20, № 23). Въ 1704 г. въ селѣ Савинѣ значится одна церковь Обновленія храма Воскресенія Христова (Переписн. кн. 9816, л. 279). При церкви были священники Иванъ Ивановъ 1672--1681 г., Аверкій Ивановъ 1704—1722 г.; дьяконы: Иванъ Ивановъ 1681 г., Алексѣй Аверкіевъ 1722 г., дьячки: Маркъ Ивановъ 1672—1681 г., Кириллъ Борисовъ 1704 г.; пономари: Борисъ Васильевъ 1672—1681 г., Михаилъ и Иванъ Аверкіевы 1722 г., просвирня Анна Никитина 1672 г.

Село Воскресенское, Савино тожъ, по писцовымъ книгамъ 7135 (1627) г., значится: „пустошь Савина, на рѣчкѣ Волчкѣ", московскаго уѣзда, Перемышльской волости, находившаяся „въ порозжихъ земляхъ", въ 7136 (1628) г.—продана изъ помѣстнаго приказа въ вотчину князю Василію Григорьевичу Ромодановскому, при этомъ владѣльцѣ пустошь Савина была деревнею, въ которой между 1644—1646 г. построена церковь во имя Воскресенія Христова, отъ чего деревня и стала называться по церкви селомъ Воскресенскимъ, Савино тожъ. По смерти боярина Вас. Гр. Ромодановскаго этимъ селомъ владѣла въ 1672 г. его жена боярыня вдова Прасковья Архиповна съ сыномъ княземъ Степаномъ; въ 1684 г. перешло къ дочери послѣдняго дѣвицѣ княжнѣ Марфѣ Степановнѣ, которая съ тѣмъ имѣніемъ вышла замужъ за князя Бориса Михайловича Черкасскаго и за нимъ оно было утверждено въ 1694 г. отказною книгою. Въ 1722 г. село Воскресенское-Савино принадлежало князю Петру Борисовичу Черкасскому.

Въ с. Воскресенскомъ, Савинѣ тожъ, находились въ 1646 г дворъ вотчинниковъ, дворъ скотный, въ которомъ жили дѣловые лк и дворъ прикащика; въ 1678 г.—дворъ вотчинниковъ съ дѣловыми немъ людьми и въ 1704 г.—одинъ дворъ скотный съ дѣловыми людьми. Къ сему принадлежали деревни: Маврина, Великій-Вр Падолова и Самойлова, всѣ на рѣчкѣ Волчкѣ (Вотч. колл. по і Москвѣ, ст. л. кн. 64, № дѣла 15; отказн. кн. 7, № 114; кн. л. 479 и 1418; переписн. кн. 1 рев., 1722 г., л. 184; переписн. 9809, л. 610, кн. 9811, л. 375; кн. 9816, л. 279).

20. Ц. Рождества Христова въ селѣ Рождественѣ.

Въ селѣ Рождественѣ издревле существовала церковь во Рождества Христова, которая была уничтожена, когда—не извѣс Въ писцовыхъ книгахъ 7135 и 7136 (1627—1628) г. значится: селѣ мѣсто церковное, что была церковь Рождества Христова, па церковнй земли 15 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ" (кн. 9 л. 225).

Въ 1679 г. въ этомъ селѣ построена новая деревянная цер во имя Рождества Христова. Въ приходной окладной книгѣ П каз. приказа написано: „въ нынѣшнемъ во 187 (1679) г., авг 27 дня, по помѣтѣ на выпискѣ дьяка Перфилія Сѣменникова, въ сковскомъ уѣздѣ, въ Перемышльской волости, на церковь Рожде Христова, что въ вотчинѣ стольника князя Ивана Козловскаго вдовы Анны дьяка Ивановой жены Рагозина, въ селѣ Рождествен велѣно дани положить съ дворовъ: съ попова, съ дьячкова, съ ходскихъ двухъ дворовъ вотчинниковыхъ, съ 3 дворовъ бобыльск да церковныя земли, по писцовымъ книгамъ московскаго уѣзда, дора Пушкина да дьяка Андрея Строева, 135 и 136 (1637—1628 съ пашни съ 15 четьи въ полѣ, а въ дву потомужъ, по ук статьѣ, 12 алт. 2 ден., заѣзда гривна, и по тому окладу тѣ де велѣно на 187 годъ взять и впредь писать". Въ тѣхъ же приход книгахъ каз. приказа Христорождественская церковь писалас 1680—1739 гг. подъ Перемышльскою десятиною „въ вотчинѣ с ника князя Ивана Козловскаго, да вдовы дьяка Ивановой жены] зина, въ селѣ Рождественомъ". Въ 1712—1739 гг. платилось 25 алт. 4 деньги (Патр. пр. приход. кн. 97, л. 469; дозорн. кн. л. 73).

Въ 1704—1722 гг. церковь Рождества Христова деревянная, при ней были священники: Өедоръ Савельевъ, Косма Өеодоровъ 1704 г. Левъ Емельяновъ 1709—1733 г., діаконъ Михаилъ, дьячекъ Василій пономарь Иванъ Львовы 1722 г.

Село Рожествено, на рѣчкѣ Рожественкѣ, по писцовымъ книгамъ 7135 и 7136 (1727—1628) гг. находилось московскаго уѣзда, Перемышльской волости, въ вотчинѣ „за княжною Өедосьею княжъ Петровою дочерью Козловскаго, прадѣда ея Давыдова вотчина Иванова сына Маркова, а послѣ та вотчина было за дѣдомъ ея за Осипомъ Хлуденевымъ и за Борисомъ Ладыженскимъ, а въ селѣ дворъ вотчинниковъ съ дѣловыми въ немъ людьми и 2 дв. крестьянскихъ съ 5 челов". (Писцов. кн. 9808, л. 225). Въ 7140 (1632) г. княжна Өедосья Петрова Козловская была выдана замужъ за Павла Өедорова Леонтьева, которому отдано въ приданое село Рожествено. Послѣ Өедосьи Петр. Леонтьевой, умер. 7149 (1641) г., селомъ владѣли мужъ ея и родной ея братъ княжь Иванъ Петровъ Козловскій; а послѣ Павла Леонтьева думный дворянинъ Замятня Өедоровичъ Леонтьевъ (1663 г.), Никифоръ и Андрей Замятнины Леонтьевы (1674 г.); князь Иванъ Петровъ Козловскій и дьякъ Иванъ Степановъ Рагозинъ (1678 г.); бояринъ князь Григорій Афанасьевичъ Козловскій (умер. 15 ноября 1694 г.), которому досталось въ 1681 г. отъ кн. Ив. Петрова Козловскаго; князь Степанъ Григорьевъ Козловскій (убитый подъ Нарвою въ 1700 г.); жена окольничаго Ивана Ивановича Головина вдова Варвара Петровна съ княземъ Борисомъ Алексѣевичемъ Голицынымъ (1704 г.); Сергѣй Ивановъ Головинъ и Андрей Степа- Боевъ (1722 г.) послѣдній купилъ у жены князя Бориса Алексѣевича Голицына вдовы Анны Ивановны; князь Алексѣй Сергѣевичъ Голицынъ (умер. 1765 г.) и затѣмъ его сынъ князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ съ княземъ Борисомъ Александровичемъ Шеховскимъ; (1794—1780 г.).

Въ селѣ Рождественѣ числилось 1646 г. 4 дв. крестьянскихъ съ 8 челов. и дворъ вочинниковъ; въ 1678 г.—7 дв. крестьянскихъ съ 25 челов., 2 дв. задворныхъ съ 11 челов. и 2 дв. вотчинниковыхъ въ 1704 г.—6 дв. крестьянскихъ. Къ селу Рожествену принадлежали деревня Пруды, ѣдучи съ Москвы на Серпуховской дорогѣ, по правую сторону, въ которой находилось въ 1704 г. 3 дв. крестьянскихъ, вывезенныхъ изъ села Рожествена, и деревня Костомарова, на Суходолѣ, съ однимъ дворомъ крестьянскимъ, переведеннымъ изъ того же села. (Вотч. колл. по городу Москвѣ мол. л. кн. 43, № дѣла 13; кн. 58, № дѣла 19; кн. 71, № 15; переписн. кн. 9809, л. 609; кн. 9811, л. 490—491; кн. 9814, л. 312 и 352).

21. Ц. Спаса нерукотвореннаго образа въ селѣ Спасскомъ Н линѣ *).

Въ селѣ Спасскомъ-Никулинѣ издревле существовала церков имя Всемилостиваго Спаса, уничтоженная неизвѣстно когда и по кому случаю; подъ 7137 (1629) г. значится: „въ селѣ мѣсто поп дьячково, проскурнино, пашни церковной земли 12 четвертей въ п а въ дву потомужъ; сѣна 10 копенъ“ (Писцов. кн. 264, л. 674

Въ этомъ селѣ была построена новая церковь во имя Прео женія Господня. Въ приходной окладной книгѣ Патр. каз. при 7186 (1678) читаемъ: „генваря въ 21 день, по указу патріарха помѣтѣ на выпискѣ дьяка Перфилія Сѣменникова, по челобитью пана Борисова сына Челищева, обложена вновь на Москвѣ нов строенная въ московскомъ уѣздѣ, въ Перемышльской волости, въ чинѣ ево, Степана Челищева, въ селѣ, что было сельцо, Спасск Микульское тожъ, церковь Преображенія Спасова, а на тое цер положено дани, по сказкѣ Степана Челищева и по выпискѣ изъ сцовыхъ книгъ, за ево, Степановою, рукою, съ дворовъ: съ по дьячкова, просвирницына, съ вотчинникова, съ 3 дворовъ задвор съ церковной земли, по писцовымъ книгамъ 7136—7138 (16 1630) годовъ, съ пашни съ 12 чети въ полѣ, а въ дву потом сѣнныхъ покосовъ съ 10 копенъ, по указной статьѣ, 12 алт. 2 заѣзда гривна, и потому окладу тѣ данныя деньги велѣно на ны ній 186 г. и впредь по тому имать и писать церковь Преобра Спасова въ вотчинѣ Степана Челищева, въ селѣ Спасскомъ, а кульское тожъ, на рѣчкѣ Руденкѣ, дани 12 алт. 2 ден., заѣзда на. И генваря въ 28 день, на нынѣшній 186 годъ, тѣ деньги пла Степанъ Челищевъ“. Спасская церковь въ томъ же порядкѣ пис въ приходныхъ книгахъ каз. приказа по 1740 г., церковной дани тилось съ 1712—1739 гг. 25 алт. 4 ден. (Патр. прик. кн. 91, л об.; кн. 100, л. 195; кн. 447). Въ 1683 г., въ селѣ Микульс церковь Всемилостиваго Спаса деревянная клѣтцки. (Вотч. колл гор. Москвѣ, отказн. кн. 14, № 54).

Въ 1704 г. церковь Спаса нерукотвореннаго образа, въ 1722 каменная. (Переписн. кн. 9816, л. 272; 1 ревизіи, 1722 г., л.

При церкви были священники: Θеодоръ Тимофѣевъ 168 Андрей Григорьевъ 1704—1710 г., Макаръ Яковлевъ 1722 г.,

*) Нынѣ Спасское-Никулино, село Подольскаго уѣзда.

мій при оной же церкви дьячкомъ въ 1709 г.; дьячки: Прокопій Осиповъ 1704 г., Иванъ Макаровъ 1722 г.

„Село Спасское, Микульское тожъ, на рѣчкѣ Руденкѣ", по писцовымъ книгамъ 7136—7137 [1628—1629) гг., находилось московскаго уѣзда, Перемышльской волости, „за Енаклычемъ Чеботаевымъ сыномъ, Андреемъ и Ѳедоромъ Ивановыми дѣтьми Челищевыми старинная ихъ вотчина, что было за Борисомъ Ивановымъ Челищевымъ, а въ селѣ 2 двора вотчинниковыхъ съ дѣловыми въ нихъ людьми, да на другой сторонѣ рѣчки Руденки 3 двора бобыльскихъ съ 7 человѣк." Потомъ этимъ селомъ владѣли: Михаилъ Борисовъ и Василій Максимовъ Челищевы (1663—1673 г.), Степанъ Борисовъ Челищевъ (1678 г.) и князь Ѳедоръ Ивановичъ Дашковъ (1693 г.). По смерти Дашкова жена его вдова княгиня Авдотья Михайловна, урожд. Челищева, въ 1711 г., своими вотчинами ударила челомъ государынѣ царицѣ и великой княжнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ и тѣ вотчины были приписаны къ хоромамъ царевны, а въ 1722 г. изъ числа тѣхъ вотчинъ село Спасское-Никулино, по именному ея царевны указу, продано Ивану Никитичу Хитрово, по смерти котораго владѣлъ его сынъ Николай Ивановичъ Хитрово, а отъ него перешло въ 1789 г. къ его женѣ вдовѣ Татьянѣ Леонтьевнѣ, по раздѣлу съ ея дѣтьми Наркизомъ Ивановымъ и Соснпатромъ Николаевыми Хитрово.

Въ селѣ Спасскомъ, Микульское тожъ, находились въ 1646 г. дворъ вотчинниковъ съ 8 челов. дѣловыхъ людей и одинъ дворъ крестьянскій съ 7 челов., въ 1678 г.—дворъ вотчинниковъ съ 9 челов. и 4 дв. задворныхъ съ 17 челов.; въ 1704 г. дв. вотчинниковъ и 11 дв. крестьянскихъ (Вотч. колл. по гор. Москвѣ ст. л. кн. 26, № дѣла 43; кн. 67, № дѣла 1; по гор. Торжку, мол. л. кн. 7, № дѣла 18; переписн. кн. 9809, л. 606, кн. 9811, л. 383—384; кн. 9816, л. 272).

22. Ц. Рождества Пресвятыя Богородицы на погостѣ Лубенкѣ, при селѣ Кузеневѣ *).

Церковь Рождества Пресв. Богородицы, построенная изстари на погостѣ Лубенкѣ, на рѣкѣ Похрѣ, была разорена, но когда—неизвѣстно. По смежности съ этимъ погостомъ находилась деревня Кузенева, бывшая во владѣніи Артемія и Богдана Полибиныхъ, при нихъ на погостѣ Лубянки и построена была новая церковь. До построенія же оной церкви, принадлежавшая къ ней церковная земля отдавалась

*) Нынѣ Кузенево, дер., Подольскаго уѣзда.

въ оброкъ и въ приходныхъ оброчныхъ книгахъ Патр. каз. пр за 7146 (1638) г. подъ Боровскою десятиною писалась такъ: „съ ковной земли Рождества Пресвятыя Богородицы, что на рѣкѣ П на Лубянкѣ (sic), боярина князя Ивана Борисовича Черкасскаг человѣкѣ ево на Ивашкѣ Никитинѣ оброку 17 алт. 4 ден.“; въ (1677) г. числилась на оброкѣ у думнаго дворянина Аврама Ни ча Лопухина. Подъ 7186 (1678) г. отмѣчено: „на сей церковної лѣ велѣно построить церковь“. Въ приходной окладной книгѣ же Приказа находимъ запись слѣдующаго содержанія: „7186 (16 іюля въ 18 день, по указу патріарха и по помѣтѣ на выпискѣ Перфилія Сѣменникова, по челобитью стольника Богдана, да А Полибиныхъ, велѣно имъ въ московскомъ уѣздѣ, Боровской деся на пустовой церковной землѣ Рождества Богородицы, что на Пехрѣ, на Лубянкѣ, что была на оброкѣ на думномъ дворянинѣ мѣ Никитичѣ Лопухинѣ, построить церковь во имя Рождества родицы и о томъ имъ дана благословенная грамота; а на тою построенную церковь велѣно положить дани, по сказкѣ Богда Артемія Полибиныхъ человѣка ихъ Никитки Степанова, съ дв съ попова, что у той церкви будетъ, съ дьячкова просвирницы 2 дворовъ вотчинниковыхъ, съ 12 дв. крестьянскихъ, среднихъ церковной земли 7 четьи, съ сѣнныхъ покосовъ 20 копенъ; по ной статьѣ, 19 алтынъ съ деньгою, заѣзда гривна. И тою церк лѣно внести въ приходную книгу жилыхъ церквей, а въ пустово гѣ оброчныхъ земель, впредь не писать“ (Дворцов. прик. кн. 101; Патр. прик. кн. 91, л.л. 494—495).

Въ дозорныхъ книгахъ Патр. каз. приказа 7188 (1680) ворится: „на погостѣ Лубянкѣ, что на рѣкѣ Пахрѣ, строится церковь Рождества Пресв. Богородицы думнымъ дворяниномъ номъ Θедоровичемъ и стольникомъ Артемьемъ Полибиными; цер земли десятинъ съ 10, сѣнныхъ покосовъ съ копенъ 50; зем смежна съ деревнею Софьиною—вотчиною боярина Ивана Ми вича Милославскаго, деревнею Дерибрюховою—вотчиною думна ка Аверкія Кирилова; деревнею Пещеровою—боярина Петра ловича Салтыкова и сельцомъ Кузеневымъ—вотчиною думнаго нина Богдана Θедоровича и стольника Артемья Полибиныхъ“. (к л.л. 1—9; кн. 105, л. 26).

„7197 (1689) г., мая въ 21 день, святѣйшій патріархъ, с дѣла и челобитья окольничаго Богдана Θедоровича и думнаго нина Артемья Θедоровича Полибиныхъ, указалъ: старинный погостъ Рождества Пресвятыя Богородицы въ своемъ патріарш

зенномъ Приказѣ въ приходныхъ и у старостъ поповскихъ въ сборныхъ книгахъ съ нынѣшняго 197 года и впредь для обереженья тоя церковной земли писать въ вотчинѣ ихъ, въ сельцѣ Кузеневѣ, потому что ту церковную старинную Рождественскую землю отъ смежныхъ земель со всѣхъ сторонъ обмежевали и отъ стороннихъ людей оберегаютъ они, окольничій Богданъ Өедоровичъ и думный дворянинъ Арсеній Өедоровичъ Полибины и церковь на той церковной землѣ, на старомъ кладбищѣ, по обѣщанію своему, вновь построили и попа съ причетники къ ней призвали и всякое имъ вспоможеніе чинятъ они же, Богданъ и Артемій Өедоровичи Полибины,—а точію ихъ вотчинного сельца Кузенева земля съ тою церковною Рождественскою землею и сѣнными покосами сошлась смежна; а сего Рождественскаго особаго погоста въ иныхъ ни въ чьихъ помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ смежныхъ и несмежныхъ въ селахъ и деревняхъ въ приходныхъ не быть и у старостъ поповскихъ въ сборныхъ книгахъ нынѣ и впредь не писать, а быть тое церкви и впредь на томъ же старинномъ погостѣ, а на иныя мѣста ни въ чьи помѣщиковы и вотчинниковы усадьбы и въ деревни отнюдь никуда не переносить, и на той церковной землѣ никому никакого строенія не строить, опричь попа съ причетники, и владѣть тою Рождественскою церковною усадебною и пашенною и непашенною землею, по писцовымъ и межевымъ книгамъ стольника Семена Готовцова, да дьяка Семена Васильева и нынѣшняго 197 года, пашни 4 десятины въ полѣ, а въ дву потомужъ, а на 2 десятины со всѣми угодьи попу съ причетники вѣчно и дань ему попу съ причетники съ той земли платить, противъ иныхъ церквей, по указу" (Патр. Прик. кн. 131, л. 196).

Рождественская церковь въ приходныхъ книгахъ того же Казеннаго Приказа писалась съ 1679 по 1739 г. подъ Перемышльскою десятиною „на рѣкѣ Похрѣ, на Лубянкинѣ погостѣ"; церковной дани платилось за 1679—1712 г.г. „19 алт. съ деньгою, заѣзда гривна, а съ 1712 по 1740 г.г.—32 алт. 2 деньги" (Патр. прик. кн. 91, л. 495; л. 447).

Въ записныхъ книгахъ исходящихъ бумагъ Синодальнаго каз. приказа за 1731 г. значится: „іюня 6 числа, запечатанъ указъ о строеніи церкви, по челобитью бригадира Өедора Артемьева сына Полибина, велѣно: въ московскомъ уѣздѣ, въ вотчинѣ ево, въ селѣ Богородскомъ, Кузенево тожъ, вмѣсто ветхой церкви Рождества Пресв. Богородицы, построить вновь церковь древянную жъ, во имя тотъ же престолъ; пошлинъ 3 алтына, 2 деньги, нужнѣйшихъ одна четь взято". Въ 1736 г.: —„октября въ 20 день, указъ (Синод. каз. приказа), о

освященіи церкви Большаго Успенскаго собора протопресвитеру Никифору Іоаннову съ братіею, по челобитью бригадира Өедора Артемьева сына Полибина, велѣно въ московскомъ уѣздѣ, въ Перемышльской десятинѣ, въ вотчинѣ его, новопостроенную церковь Рождества Пресв. Богородицы, на рѣчкѣ Похрѣ, на Лубянкинѣ погостѣ, деревянную, которая построена, вмѣсто ветхой церкви, освятить ему протопресвитеру съ братьею, на выданномъ освященномъ антимин (Патр. прик. кн. 337, л. 33; кн. 382, л. 37).

При церкви были въ 1704 г. священникъ Гавріилъ Ивановъ, у него сынъ дьячекъ Иванъ, который былъ потомъ при оной же церкви въ 1729 г. священникомъ.

Кузенево въ 7135 и 7136 (1627—1628) г.г.—деревня, московскаго уѣзда, Лукомскаго стана, съ 3 дворами крестьянъ, принадлежала Алексѣю и Ивану Ивановымъ дѣтямъ Головинымъ и трубникамъ Ивану и Юрію Салтановымъ дѣтямъ Өоминымъ; въ 1669—1689 г. Богдану и Артемію Өедоровичамъ Полибинымъ; при этихъ владѣльцахъ Кузенево обращено въ сельцо; въ 1690 оно досталось ихъ дѣтямъ Алексѣю Богданову, Андрею, Өедору и Ильѣ Артемьевымъ Полибинымъ, между которыми имѣнія находившіяся въ разныхъ уѣздахъ было раздѣлено и на часть Өедора Арт. Полибина досталось Кузенево, обращенное въ село, а отъ него перешло въ 1742 г. къ его племяннику Ивану Андрееву Полибину, по смерти котораго дочь его дѣвица Анна въ 1766 г. продала село Кузенево — Богородское, Максимовой Римско-Корсаковой.

Въ с. Кузеневѣ, въ 1654 г., находились: 3 дв. крестьянъ съ 7 челов.; въ 1678 г.—дворъ вотчинниковъ съ 9 челов., 3 дв. дворныхъ и 1 дв. бобыльскій съ 4 въ нихъ челов.; въ 1704 г. дворы: вотчинниковъ и прикащичій и 3 дв. крестьянскихъ (Писцов. 9807, л. 420—421; вотч. колл. по гор. Москвѣ, мол. л., кн. дѣла 23; вязка 10, № дѣла 22; переписн. кн. 9809, л. 534; кн. л. 409—410, кн. 9816, л. 232).

23. Ц. Казанскія Пресвятыя Богородицы въ селѣ Григорьевскомъ, Товарищево тожъ.

Церковь во имя иконы Пресв. Богородицы Казанскія построена въ селѣ Григорьевскомъ въ 1680 г. деревянная. Въ приходной окладной книгѣ патр. Каз. приказа написано: „7188 (1680) г., генваря 31 день, по указу патріарха и по помѣтѣ на выпискѣ дьяка Іларіона Сѣменникова, велѣно на ново-построенную церковь въ м

скомъ уѣздѣ, въ Перемышльской волости, въ вотчинѣ стольника Петра Иванова сына Потемкина, въ полусельцѣ Григорьевскомъ, во имя Пресв. Богородицы Казанскія положить вновь дани, съ дворовъ: съ попова, съ дьячкова, съ просвирницына, съ приходскихъ—вотчинникова, съ 2 дворовъ крестьянскихъ среднихъ, да съ церковной земли, по памяти изъ помѣстнаго приказа, какова прислана въ 187 (1679) г. генваря 30 дня, за приписью дьяка Ивана Рагозина, что Петръ Потемкинъ далъ къ той новопостроенной церкви попу съ причетники на прокормленіе изъ вотчинной своей земли въ полусельцѣ Григорьевскомъ, пашни 2 четверти, да въ Шаховѣ стану въ пустоши Терешковѣ 8 четвертей, всего 10 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 20 копенъ, по указной статьѣ, 14 алт. 4 ден., заѣзда гривна и по тому окладу данныя деньги, на нынѣшній 188 годъ, велѣно принять и записать въ приходъ. И февраля въ 18 день тѣ деньги платилъ Петра Потемкина человѣкъ Митка". Село Григорьевское находилось отъ Москвы 40 верстъ, а отъ дороги Теменской съ версту.

За послѣдующіе годы въ тѣхъ же приходныхъ книгахъ Каз. приказа Казанская церковь писалась подъ Перемышльскою десятиною „въ вотчинѣ стольника Петра Иванова Потемкина, въ селѣ Григорьевскомъ, дани 14 алт. 4 деньги, заѣзда гривна". Подъ 7192 (1684) г. отмѣчено: „съ сей (Казанской) церкви данныхъ денегъ доимки на прошлые 189—192 (1681—1684) годы на Петрѣ Потемкинѣ имать не велѣно и впредь за тѣ лѣта въ доимку не писать для того, что тоя церковь въ тѣ годы была не посвящена, и службы и попа у ней не было и данныя деньги по тому окладу имать со 193 (1685) года". Церковной дани въ 1712—1730 г. платилось 28 алт. (Патр. прик. приходн. кн. 98, л. 445; кн. 100, л. 194, 114, л. 193, 447; дозорн. кн. 141, л. 149).

Въ Синодальномъ казенномъ приказѣ производилось дѣло о построеніи въ селѣ Григорьевскомъ, Товарищево тожъ, каменной церкви во имя Казанскія Пресвятыя Богородицы съ предѣломъ Преподобнаго отца Сергія. Дѣло началось по прошенію дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Степановича Потемкина. Въ прошеніи, поданномъ въ казенный приказъ 1731 г. марта 22 дня онъ, Потемкинъ, писалъ: „имѣю я въ московскомъ уѣздѣ, въ Перемышльской волости, селю Григорьевское, Товарищево тожъ, да въ Замыцкомъ стану деревня Малинки и во ономъ селѣ церковь деревянная во имя Пресвятыя Богоматери чудотворнаго образа Ея явленія Казанской и оная церковь весьма ветха и служатъ въ ней святыя службы съ нуждою, за ветхостію; а нынѣ я желаю во ономъ своемъ селѣ на мѣстѣ оной

церкви построить вновь каменную церковь во имя того жъ храма въ трапезѣ предѣла во имя Преподобнаго Сергія, и чтобъ повелѣ было о строеніи каменной церкви дать позволительный указъ".

Вслѣдствіе сего прошенія въ Синодальномъ казенномъ прик на справку выписано: „по окладнымъ онаго приказа книгамъ с 731 года въ московскомъ уѣздѣ, въ Перемышльской десятинѣ, на сано: съ церкви Казанскія Пресвятыя Богородицы въ вотчинѣ д наго дворянина Петра Ивановича Потемкина въ селѣ Григорьевск дани и заѣзда и десятильнича доходу 84 коп., казенныхъ пошл 17 коп., итого рубль одна копѣйка, и тѣ данныя и пошлинныя де ги на 725 годъ не плачены. А въ писцовыхъ московскаго уѣзда к гахъ вышеписанной Казанской церкви не написано; а прибыла с церковь въ окладъ во 188 (1680) году, у той церкви написано: ры поповъ, дьячковъ, просвирницынъ, въ приходѣ дворъ вотчинни два двора крестьянскихъ, пашни церковныя земли, по памяти изъ мѣстнаго приказа 187 (1679) году генваря въ 8 день, за припи дьяка Ивана Рагозина, 10 четвертей въ полѣ, а въ двупотомужъ, на 20 копенъ. А въ переписныхъ 1703 года книгахъ у оной це написано: попъ Ѳедоръ Ивановъ, пономарь Афанасій, дьячекъ I симъ Марининовъ, въ приходѣ 11 дворовъ, землею владѣетъ По кинъ".

Резолюція: „1731 года февраля въ 8 день, по указу Ея И В. и по благословенію святѣйшаго правительствующтго Синода о еніи церкви съ предѣломъ дать указъ". Того же года апрѣля 12 ла изъ Синод. каз. приказа выдалъ указъ Ивану Степановичу П кину о строеніи церкви; печатныхъ пошлинъ съ указа 6 алт. 4 ги, нужнѣйшихъ одна четь.

1735 года декабря 12 числа служитель Потемкина Григорій горьевъ входилъ въ Синод. казенный приказъ съ прошеніемъ, в торомъ объяснялъ, что „въ вышеозначенной вотчинѣ онаго ево госп церковь во имя Казанскія Пресвятыя Богородицы съ предѣломъ гія игумена Радонежскаго каменная построена и ко освященію товлена и чтобы повелѣно было о освященіи оной Казанской ц съ предѣломъ Сергія игумена Радонежскаго отправить указъ про пу Успенскаго Собора Никифору Иванову и для освященія осв ные антиминсы выдать". Резолюція преосвящ. Веніамина епи коломенскаго и каширскаго: „Дать о посвященіи указъ и освяще антиминсъ, 1735 года декабрь 19 дня". Того же года декабря 2 ла изъ Синод. казеннаго приказа выданъ указъ Большаго Успе го Собора протопопу Никифору Иванову объ освященіи церкви в

Казанскія Пресв. Богородицы съ предѣломъ Сергія игумена Радонежскаго (Патр. прик. связка 461 № дѣла 1721; прих. кн. 337, л. 78; кн. 382, л. 19).

При церкви были священники: Өедотъ Ивановъ 1704—1709 г., Степанъ Өедотовъ 1722—1734 г., дьячки: Петръ Өедоровъ 1704 г., Антипъ Өедотовъ 1709—1722 г.

Село Григорьевское въ 7135 — 7136 (1627—1628) гг. — „пустошь, что было сельцо, на рѣчкѣ Липичнѣ, у рѣчки Мочи", московскаго уѣзда, Перемышльской волости,—„вотчина Бориса Иванова Головина и Саввы Грибанова, что прежде была вотчина Ивана Грибанова, а владѣетъ Борисъ Ив. Головинъ тою вотчиною, по рядной Прасковьи Ивановской жены Грибанова 133 (1625) года". По переписнымъ книгамъ 7186 (1678) г. значится: „за стольникомъ Петромъ Ивановымъ сыномъ Потемкинымъ сельцо Григорьевское, что была пустошь, на рѣчкѣ Липечнѣ, по обѣ стороны той рѣчки, и у рѣчки Мочи, а въ сельцѣ дворъ вотчинниковъ", въ которомъ жили прикащикъ и дѣловые люди (50 челов.), переведенные изъ вологодскаго уѣзда, 3 дв. задворныхъ и дворъ бобыльскій, въ нихъ 16 челов. Послѣ думнаго дворянина Петра Ив. Потемкина селомъ Григорьевскимъ, Товарищево тожъ, владѣлъ въ 1704—1731 гг. его родной внукъ Иванъ Степановичъ Потемкинъ. Въ 1704 г. въ селѣ числилось 19 дв. крестьянскихъ (Писцов. кн. 9808, л, 334 — 335; переписн. кн. 9811, л. 372—373; кн. 9816, л. 267).

24. Ц. Спаса Нерукотвореннаго образа въ селѣ Вороновѣ *).

Въ селѣ Вороновѣ, въ 7135 и 7136 (1627—1628) гг., существовала церковь Происхожденія честнаго Креста Господня деревянная клѣтски и стояла безъ пѣнія (Писцов. кн. 9808, л. 253). Между 1633—1635 гг. она была возобновлена и обложена данью. Въ приходной окладной книгѣ Патр. Каз. Приказа за 7143 (1635) г. подъ десятиною троицкихъ вотчинъ написано: „церковь Происхожденія честнаго Креста Господня въ селѣ Вороновѣ, дани 3 алтына 2 деньги, десятильничьихъ гривна; апрѣля въ 22 день, тѣ деньги платилъ Троицкаго монастыря слушка Иванъ Мешковъ" (Патр. прик. кн. 196, л. 676). Въ той же формѣ сія церковь потомъ писалась въ приходныхъ книгахъ того же Казеннаго приказа за 7154—7186 (1646—

---

*) Нынѣ село Вороново Подольскаго уѣзда.

1678) гг. подъ Загородскою, а съ 7187 (1679)—1739 г.—подъ П мышльскою десятинами.

Въ дозорныхъ книгахъ Патр. каз. приказа 7188 (1680) г казано, что „при церкви Происхожденія честнаго Креста Госп попа нѣтъ съ мороваго повѣтрія, а какъ былъ у той церкви по въ то время давалась ему попу руга; а та церковь отъ Москв верстъ, стоитъ на большой калужской дорогѣ". Село Вороново н дилось во владѣніи у боярина Василія Семеновича Волынскаго (I Прик. дозорн. кн. 105, л. 27; кн. 141, л. 79).

По приходнымъ книгамъ Патр. каз. приказа на церкви П хожденія честнаго Креста Господня числилась „доимка данныхъ д на 7165, 7167-7172, 7176—7190 годы, по двѣ гривны на го ноября въ 19 день 7190 (1681) года тѣ доимочныя данныя день 22 года платилъ изъ животовъ боярина Василія Семеновича В скаго подьячій изъ патріарша разряда Григорій Яковлевъ".

7197 (1688) г., октября въ 12 день, по указу патріарха помѣтѣ на выпискѣ казначея Андрея Владыкина велѣно: на це Происхожденія честнаго Креста Господня въ селѣ Вороновѣ, мо скаго уѣзда, Перемышльской волости, въ вотчинѣ Волынскаго, н па съ причетники дани положить вновь съ дворовъ: съ попова, съ кова, съ вотчинникова, съ 35 дворовъ крестьянскихъ среднихъ, ровъ бобыльскихъ, да съ церковной земли, которую къ той ц справилъ въ нынѣшнемъ во 197 году изъ вотчинной своей земли с никъ Иванъ Волынскій, въ селѣ Вороновѣ жъ, съ пашни съ 1 вертей въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣнныхъ покосовъ съ 10 ко по указной статьѣ, 28 алтынъ 3 деньги, заѣзда гривна".

Во 7197 (1689) г. „села Воронова на спаскомъ попѣ Иван ріоновѣ съ свадебъ, которые онъ вѣнчалъ безъ вѣнечныхъ па 197 года въ лѣтнихъ мѣсяцахъ и 198 г. въ осеннихъ мѣсяцах нечныхъ пошлинъ за вину его вдвое рубль 7 алт. 2 ден., пе денегъ править для его бѣдности на немъ не велѣно; а за тое его держать въ хлѣбнѣ, на чепи, 4 дня". (Патр. Прик. кн. 1 12 об.; кн. 131, лл. 177—178 и 192).

Въ селѣ Вороновѣ была построена вмѣсто старой новая це во имя Спаса Нерукотвореннаго образа и ко дню освященія к 1709 г. „августа въ 12 день, по благословенной грамотѣ, выданъ минсъ подъ росписку дьякона Василія Васильева" (Патр. при 138, л. 326).

Въ 1722 г. въ селѣ Вороновѣ церковь Всемилостиваго деревянная; при ней были священники: Семенъ Леонтьевъ 1646 г

силій Семеновъ 1704—1709 г., Василій Васильевъ 1722 г., дьячекъ Василій Васильевъ 1704 г., пономарь Петръ Васильевъ 1722 г.

Село Вороново, на рѣчкѣ Вороновкѣ, усть рѣчки Бобровки, въ 7135 и 7136 (1627—1628) гг., московскаго уѣзда, Перемышльской волости (въ другомъ мѣстѣ Замыцкаго стана),—„вотчина Троицы Сергіева монастыря, что было прежъ того Вознесенскаго монастыря за старицею Марфою Александровою дочерью Воронова—Волынскаго, Димитріевой жены Булгакова, старинная вотчина отца ея Александра Иванова Воронова—Волынскаго, въ селѣ дворъ вотчинниковъ, дворъ прикащиковъ, 2 дв. людскихъ, да крестьянскихъ и бобыльскихъ 16 дв., въ нихъ 17 челов.; а писана та вотчина (въ писцовыхъ книгахъ) за Троицкимъ монастыремъ, по даной старицы Марфы Булгаковой, 137 (1629) г.“. Въ 1640 г., вслѣдствіе челобитья Θедора Васильева Волынскаго, „эта вотчина отдана ему на выкупъ у Троицкаго монастыря“; въ 1663 г., село Вороново принадлежало Василію и Михаилу Семеновымъ и Якову Волынскимъ; въ 1678 г.—Василію же Семеновичу Волынскому съ его родными племянниками Иваномъ Михайловымъ, Иваномъ и Михайломъ Яковлевыми Волынскими, въ 1704—1726 гг.—Василію Иванову, въ 1728 г.—Артемію Петрову Волынскимъ, въ 1768 г.—Марьѣ Артемьевой Волынской по мужѣ Воронцовой; въ 1800—1815 гг. — графу Θедору Васильевичу Ростопчину, купленное имъ у Артемія Иванова Волынскаго.

Въ селѣ Вороновѣ находились въ 1646 г. дворъ боярскій, 15 дв. крестьянскихъ, въ нихъ 36 челов. и 13 дв. бобыльскихъ, въ нихъ 14 челов.; въ 1678 г.—21 дв. крестьянскихъ, въ нихъ 92 челов. и 2 дв. боб. съ 3 челов.; въ 1704 г.—49 дв. крестьянскихъ, и дворы: вотчинниковъ, скотный и конюшенный (Писцов. кн. 9808, л. 253—254; вотч. колл., по гор. Москвѣ, мол. л. кн. 35, № дѣла 16; кн. 71, № дѣла 2; ст. л. кн. 55, № дѣла 4; переписн. кн. 9809, л. 660—661, кн. 9811, л. 263—266; кн. 9816, л. 320).

25. Ц. Николая чудотворца въ селѣ Колчевѣ, Голохвастово тожъ *).

Церковь Николая чудотворца въ селѣ Колчевѣ — Голохвастовѣ, построенная издревле, въ началѣ XVII ст. уничтожена и село было сельцомъ (Писцов. кн. 689, л. 962). Потомъ въ этомъ сельцѣ была построена деревянная церковь во имя Николая чудотворца, но когда—неизвѣстно. Въ дозорныхъ книгахъ Патр. Казеннаго Приказа написа-

*) Нынѣ Колчево, Никольское, село Подольскаго уѣзда.

но: „7189 (1680) г. сентября въ 5 день, по досмотру княземъ Иваномъ Андреевичемъ Шелешпальскимъ въ селѣ Колчевѣ, а Голохвастово тожъ, церковь Николы чудотворца древяна клѣтцки, ветха, около церкви кладбища на полдесятины, отъ Мосвы 40 верстъ; та церковь, ѣдучи отъ Москвы, по большой калужской дорогѣ, въ лѣвої сторонѣ, отъ большой дороги съ полверсты; а тоя церкви попъ Иванъ Никифоровъ сказалъ: та де церковь нынѣ въ вотчинѣ стольника Өедора Ивановича Потемкина, и церковной земли у него ничего нѣтъ а нанимается-де онъ, попъ, у него Өедора Потемкина погодно, руга идетъ па мѣсяцъ: денегъ по полуполтинѣ, хлѣба—по осминѣ ржи по осминѣ овса, а данью та церковь не обложена; а по досмотру ж въ приходѣ у той церкви дворъ вотчинниковъ, въ немъ дворовые дѣловые люди, а крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ въ приход нѣтъ" (кн. 141, лл. 135 и 334).

Въ селѣ Колчевѣ была построена каменная церковь во имя С Николая (Вотч. кол. по гор. Москвѣ, стар. л. кн. 23, № дѣла 26 Въ приходной окладной книгѣ Патр. каз. приказа написано: „въ нынѣшнемъ во 193 (1685) г. іюля въ 9 день, по помѣтѣ на выпис казначея старца Паисія Сійскаго, велѣно церкви Николая чудотворц которая построена въ московскомъ уѣздѣ, въ Шаховѣ стану въ во чинѣ стольника Өедора Иванова сына Потемкина въ дву третяхъ сел ца Колчева, Голохвастово тожъ, на попа съ причетники положить д ни вновь съ дворовъ: съ попова, съ дьячкова, съ пономарева, съ пр свирницына, по сказкѣ вотчинника Өедора Потемкина, да съ прих скихъ—съ его вотчинникова, да съ 2 дворовъ крестьянскихъ средни да съ церковной земли, которую далъ къ той церкви Өедоръ Поте кинъ изъ своей вотчинной земли, по памяти изъ помѣстнаго прика за приписью дьяка Анисима Невѣжина, 193 года апрѣля 7 дня, пашни съ 10 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ, съ сѣнныхъ косовъ съ 10 копенъ, по указной статьѣ, 11 алтынъ, 3 деньги, за да гривна, и по тому окладу данныя деньги имать велѣно со 1 (1685—1686) года" (Патр. прик. кн. 114, л. 109).

Въ 1704 г., въ селѣ Колчевѣ, Голохвастово тожъ, церковь Н колая чудотворца каменная (Переписн. кн. 9814, л. 770). При были: священники Андрей Борисовъ 1686—1710 г. и Василій Васи евъ 1722, дьячекъ Иванъ Яковлевъ 1704—1722 гг.

Село Колчево, Голохвастово тожъ, по писцовымъ книгамъ 71 и 7136 (1627—1628) гг.—сельцо, на рѣчкѣ Олешенкѣ, московск уѣзда, Шахова стана, „вотчина за дьякомъ Иваномъ Ларіоновымъ (, трети сельца) и за подъячимъ Иваномъ Сѣверовымъ (треть селы

что прежъ сего была вотчина Алексѣя Голохвастова, а послѣ его сына Богдана Голохвастова, а въ сельцѣ была церковь Николы чудотворца, да въ томъ же сельцѣ 2 двора вотчинниковыхъ съ дѣловыми въ немъ людьми, да 3 дв. бобыльскихъ съ 4 челов.; а владѣютъ дьякъ Иванъ Ларіоновъ и подъячій Иванъ Сѣверовъ тѣмъ сельцомъ по купчей 131 (1623) г. отъ Богдана Голохвастова". Потомъ это сельцо было куплено Иваномъ Щербачевымъ, послѣ его смерти владѣла во 1647 г. его вдова Матрена, а отъ нея перешло по купчей 1650 г. къ Алферію Петрову Баскакову, въ 1655 г.—къ его женѣ вдовѣ Пелагеѣ (по первомъ мужѣ Потемкиной), которая двѣ трети села Колчева, Голохвастова тожъ, продала своему сыну стольнику Ѳедору Иванову Потемкину, отъ него перешло къ его сыну Дмитрію и за нимъ утверждено отказною книгою 1698 г., въ которой между прочимъ упоминается, что въ селѣ Колчевѣ церковь Николая чудотворца каменная. Послѣ Дмитрія Ѳед. Потемкина, умерш. 1748 г. 16 мая, этимъ имѣніемъ владѣлъ его сынъ Сергѣй Дмитріевичъ Потемкинъ, умер. 1772 г. 18 февраля, который отказалъ свое имѣніе дѣтямъ своимъ Михаилу—село Колчево, Никольское тожъ, а Петру и Павлу—въ другихъ уѣздахъ и при этомъ завѣщалъ имъ похоронить его „въ подмосковскомъ имѣніи, въ селѣ Никольскомъ при гробахъ его родителей". Въ 1781 г. село Никольское Колчево принадлежало Михаилу Сергѣевичу Потемкину.

Въ селѣ Колчевѣ находились въ 1678 г. дворъ вотчинниковъ, въ которомъ жили 22 челов. дворовыхъ и дѣловыхъ людей, въ 1704 г.—дворъ вотчинниковъ, людей въ немъ 17 челов. и дворъ скотный въ немъ 35 челов. (Вотч. колл. по гор. Москвѣ, ст. л. кн. 23, № дѣла 26; мол. л. кн. 25, № дѣла 39; кн. 64, № дѣла 1; переписн. кн. 9811, л. 79; кн. 9814, л. 770).

26. Ц. Николая Чудотворца на погостѣ Ровкахъ, на рѣкѣ Лопаснѣ.

Церковь Николая Чудотворца, построенная издревле „на погостѣ Ровкахъ, на рѣкѣ па Лопаснѣ", боровскаго уѣзда, въ Козлобродскомъ стану, въ началѣ XVII ст. уничтожена и погостъ обращенъ въ пустошь. Церковная земля, принадлежавшая оной церкви съ 7137 (1629) года, отдавалась въ оброкъ, а съ 7171 по 7192 г. владѣльцы оброчныхъ денегъ въ патріаршую казну за землю не платили, вслѣдствіе чего въ патр. каз. приказѣ послѣдовало распоряженіе о взысканіи оброчныхъ денегъ съ тѣхъ лицъ, у кого оная земля находилась во владѣніи. Объ этомъ въ приходныхъ книгахъ Патр. каз. приказа оброчныхъ земель 7192

(1684) г. говорится такъ: „въ списку съ писцовыхъ книгъ боровск го уѣзда, письма и мѣры Василья Колычева, да подьячаго Васи Рожнова 136—138 (1628—1630) гг., каковъ въ тетрадехъ, изъ п мѣстнаго приказа, за приписью дьяка Ивана Хрипкова написано: Козлобродскомъ стану, въ церковныхъ земляхъ пустошь, что бывa погостъ, а на погостѣ была церковь Николы Чудотворца на Ровка на рѣкѣ на Лопаснѣ, пашни паханыя церковныя середніе земли 8 ч ти въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна по рѣкѣ по Лопаснѣ 10 к пенъ, а владѣетъ тою церковною землею Константина Михалкова с ла Зачатейскаго попъ Иванъ Ѳедоровъ, а платитъ оброкъ въ госу реву казну, на патріаршѣ дворѣ, и въ Патріаршемъ казенномъ пр казѣ въ оброчныхъ книгахъ пустовыхъ церковныхъ земель со 1 (1629) г. по 171 (1663) годъ та церковная Николаевская земля, ч на Ровкахъ, писана на оброкѣ села Зачатейскаго на попѣ Иван и иныхъ разныхъ оброчникахъ, по разнымъ оброкамъ и оброчныя де по 171 годъ въ патріаршую домовую казну плачены; а съ 171 г. нынѣшній 192 (1684) годъ той церковной земли въ пустовыхъ обр ныхъ книгахъ не написано и оброчныхъ денегъ ни почему съ н неплачено для того, что во 172 (1664) году та церковная Никола ская земля, что на Ровкахъ, по писцовымъ книгамъ, по челоби зачатейскаго попа Стахѣя приписана была къ церкви Зачатія Пре стыя Богородицы, что въ селѣ Зачатейскомъ, и о томъ дана ему п пу Стахѣю во 172 г. марта въ 7 день, межъ патріаршества, вели го государя грамота изъ Казеннаго приказа, за приписью дьяка П филія Иванова, велѣно ему, попу Стахѣю, платить дань съ Зачат скою данью, а почему платить того въ грамотѣ не написано, и све зачатейской дани онъ, попъ Стахѣй, и по немъ попы съ той Ни лаевской земли съ 171 года по нынѣшній годъ ни почему не пла ли. И въ нынѣшнемъ во 192 (1684) г., марта въ 14 день, по ук св. патріарха и по помѣтѣ на выпискѣ дьяка Перфилія Сѣменни ва, съ той церковной земли Николая Чудотворца, что на Ровка оброчныя деньги со 171 г. по 192 годъ, по писцовымъ книгамъ, пашни съ 8 четьи, сѣнныхъ покосовъ съ 10 копенъ, по указ статьѣ, какъ накладывается дань на жилыя церкви для того, что земля была приписана къ жилой церкви, по 7 алт. по 2 ден. на го велѣно взять тоя Зачатейской церкви на попѣ Ермилѣ и записать оброчную пустовыхъ земель книгу и впредь писать на оброкѣ. И въ 10 день, съ той церковной Николаевской земли, что на Ровка всего на 21 годъ, по 7 алт. 2 ден. на годъ, итого 4 рубли 2 а 4 ден. взято“ (Патр. прик. кн. 109, л. 179; Дворц. прик. кн. 6

107). Того же года церковная земля отдана на оброкъ Никифору, да Еремѣю, да Степану Вельяминовымъ, съ платою оброка по 7 алт. 2 ден. на годъ (Патр. прик. кн. 113, л. 189).

7192 (1684) г., мая въ 24 день, въ Патріаршемъ казенномъ приказѣ, по прошенію Льва Никифорова сына, Еремея, да Тимофея Степановыхъ дѣтей, Никиты да Якова Ивановыхъ дѣтей Вельяминовыхъ, „велѣно имъ Тимофею Вельяминову съ товарищи на той писцовой церковной Николаевской землѣ, что на Ровкахъ, построить церковь Николая Чудотворца древяную и дать имъ благословенную грамоту и въ томъ церковномъ строеніи взять на немъ Тимофеѣ поручную запись, что ему ту церковь построить въ нынѣшнемъ во 192 и 193 (1684—1685) гг., одноконечно, и на нынѣшній 192 г. съ той церковной земли на немъ Тимофеѣ взять оброчными деньгами, а на 193 г. взять данными деньгами; а дани съ тоя церкви довелось положить, по сказкѣ Тимофея Вельяминова, съ дворовъ: съ попова, съ дьячкова, съ пономарева, съ просвирницына, да съ приходскихъ—съ 3 вотчинниковыхъ съ 12 крестьянскихъ среднихъ, съ 14 молодчихъ, съ церковной земли, по предписаннымъ писцовымъ книгамъ, съ пашни съ 8 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, съ сѣнныхъ покосовъ съ 10 копенъ, по указной статьѣ, 22 алт. съ деньгою, заѣзда гривна. И іюня въ 11 день съ тоя николаевской земли оброчныя деньги на нынѣшній 192 г. взято, платилъ Тимофей Вельяминовъ. На церковное строеніе благословенная грамота дана и въ церковномъ строеніи поручная запись взята“ (Патр. прик. кн. 109, л. 170).

Новопостроенная „церковь Николая Чудотворца на погостѣ Ровкахъ, на рѣкѣ Лопаснѣ, дани 22 алтына съ деньгою, заѣзда гривна“ въ приходныхъ окладныхъ книгахъ Патр. каз. приказа съ 7193 по 7195 (1685—1687) г. писалась подъ Боровскою, а съ 1688—1739 гг. „по близости“ подъ Перемышльскою десятинами. Въ 1712—1739 гг. церковной дани платилось рубль 2 алт. съ деньгою (Патр. прик. кн. 116, л. 399; кн. 124, л. 167 и кн. 447).

27. Ц. Θеодоровскія Пресв. Богородицы въ селѣ Ворсинѣ *).

Село Ворсино въ XV ст. принадлежало боярамъ Колычевымъ. Въ немъ находилась деревянная церковъ во имя Андрея Стратилата, построенная, вѣроятно, въ память владѣльца этого села—Андрея Θедоровича Колычова, прадѣда св. Филиппа Митрополита. О ней стало извѣст-

*) Нынѣ село Ворсино Подольскаго уѣзда.

но по писцовымъ книгамъ московскаго уѣзда, Перемышльской во: сти, 7135 и 7136 (1627—1628) гг., въ которыхъ записано такъ: , вдовою за Анною Ивановскою женою Колычова, что бывало пре: того вотчина Меньшаго да Бориса Колычовыхъ, а послѣ за муже еѣ Иваномъ Колычовымъ, село Ворсино, на рѣчкѣ Мочѣ, а въ се храмъ Андрея Стратилата древянъ вверхъ, стоитъ безъ пѣнья, да въ сс дворъ вотчинниковъ, къ немъ 2 человѣка дѣловыхъ людей, дворъ при щина и дв. крестьянской; а владѣетъ вдова Анна тою вотчиною по го даревой жалованной грамотѣ 131 (1623) г., за приписью дьяка Ве дикта Махова (писц. кн. 9808, л. 236—237). Потомъ это село на: дилось во владѣніи Ивана и Михаила Дмитріевичей Колычовыхъ, „ они выкупили въ 1637 г. изъ Вознесенскаго монастыря родовую в чину дѣда своего боярина Ивана Ѳедоровича Колычова. Въ 1646 въ селѣ было 2 дв. вотчинниковыхъ, въ кототорыхъ жили прикащ и 2 челов. дѣловыхъ людей людей, 4 дв. крестьянскихъ съ 19 чел и дворъ дѣловой съ 8 челов. (Переп. кн. 9809, л. 612—613).

Въ селѣ Ворсинѣ вмѣсто старой церкви построена была но деревянная церковь во имя Ѳеодоровскія Пресв. Богородицы съ п дѣлами Андрея Стратилата и св. Филиппа Митрополита, „а строе церковное и книги и ризы и колокола вотчинниково; въ 1663 г. п оной церкви попа и причетниковъ не было. Владѣльцами села бы Иванъ Ивановичъ Колычовъ (1654—1661 г.) и Иванъ Михайлові Колычовъ, женатый на Маврѣ Григорьевнѣ, урожд. княгини Долго ковой (1654—1697 г.). Въ 1678 г. въ селѣ числилось 7 дв. крес янскихъ, въ нихъ 21 челов., дв. бобыльской съ 2 челов. и одинъ вотчинниковъ, въ которомъ жили 9 челов. дѣловыхъ людей (Вс колл. по гор. Москвѣ, отказная кн. 8, л. 397—398; переп. кн. 98 л. 366; по гор. Ярославлю стар. л. кн. 22 № дѣла 70).

Въ дозорныхъ книгахъ Патр. казеннаго приказа 7189 (1680) написано: „сентября во 2 день, по наѣзду князя Ивана Андреев Шелешпальскаго и по досмотру, въ вотчинѣ стольника Ивана М хайлова сына Колычова, въ селѣ Ворсинѣ церковь деревянная клѣ ки старая, а во имя та церковь Пресв. Богородицы Ѳеодоровскія въ предѣлѣхъ Андрея Стратилата и Филиппа Митрополита, ок церкви кладбища съ четверть десятины, а по сказкѣ прикащика с Ворсина Ивашки Шкоты да старосты Ѳедки Мокина:, та де церк въ Перемышльской волости, построена изстари, отъ Москвы 40 верс ѣдучи большою Калужскою дорогою та церковь въ лѣвой сторонѣ версту, а съ другой стороны Теменская дорога отъ церкви 2 верс а данью та церковь не обложена и въ данныхъ книгахъ не написа

церковной земли ничего нѣтъ, а попу и дьячку идетъ руга—денегъ по три рубли, хлѣба—ржи и овса по 15 чети въ годъ; у той церкви дворъ поповъ, да въ приходѣ дворъ вотчинниковъ, 4 дв. крестьянскихъ; а попа и дьячка въ то время дома не было, были на Москвѣ" (Патр. прик. дозорн. кн. 115, л. 1; кн. 141, л. 148—149).

7199 (1691) г. апрѣля въ 3 день, по указу св. патріарха и по помѣтѣ на выпискѣ Андрея Денисовича Владыкина (въ Патр. каз. приказѣ) велѣно церкви Пресв. Богородицы Феодоровскія, которая построена въ Перемышльской десятинѣ московскаго уѣзда, въ вотчинѣ Ивана Михайлова сына Колычева—въ селѣ Ворсинѣ, на попа дани положить, по описнымъ книгамъ московскаго уѣзда Давыдовой пустыни игумена Аврамія 193 (1685) г. да по челобитной Ивана Колычева, съ дворовъ: попова, вотчинникова, съ 7 дворовъ крестьянскихъ, противъ среднихъ, да съ церковной земли, по памяти изъ помѣстнаго приказа нынѣшняго 199 г. февраля 11 дня, за приписью дьяка Ивана Векентьева, которую къ той церкви поступился Иванъ Колычовъ изъ той своей вотчины, съ пашни съ 10 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣнныхъ покосовъ съ 10 копенъ, по указной статьѣ, 13 алт. 3 ден., заѣзда гривна. И потому окладу данныя деньги съ попа съ причетники на нынѣшній 199 г. взяты и впредь принимать и вчесть въ приходную книгу жилыхъ данныхъ церквей и старостѣ поповскому о томъ дать указъ" (Патр. прик. кн. 135, л. 193).

Послѣ Ивана Михайловича Колычова имѣніе досталось его сыну Ивану большому, умер. въ 1709 г. (Вотч. колл. по гор. Москвѣ, стар. лѣт. кн. 58, № дѣла 93).

1703 г. генваря въ 17 день, по благословенной грамотѣ, выданъ антиминсъ въ московской уѣздъ въ вотчину стольника Ивана большаго Ивановича Колычова въ село Ворсино, въ новопостроенную церковь во имя Пресв. Богородицы Феодоровскія (Патр. прик. кн. 138, л. 228).

1704 г. въ селѣ Ворсинѣ находились дворы: вотчинниковъ прикащика и 10 дворовъ крестьянъ (Переп. кн. 9816, л. 269).

Въ 1713 г. владѣла селомъ жена Ивана большаго Ивановича Колычова вдова Авдотья Петровна съ дѣтьми Александромъ и Андреемъ, по раздѣлу съ пасынками Михаиломъ и Петромъ.

Подъ 1722 г. значится: въ селѣ Ворсинѣ церковь Филиппа Митрополита деревянная. Церковной дани съ 1712 по 1739 г. платилось 26 алт. 5 ден.

Въ 1750 г. Ворсино принадлежало Александру Ивановичу Колычову (Вотч. колл. по гор. Москвѣ связка 13, № дѣла 1; отк. кн. 21, л. 778; переп. кн. 1722 г. 1 рев. л. 768).

При церкви Пресв. Богородицы Θеодоровскія были священни Григорій Перфильевъ 1698—1710 г. и Игнатій Антоновъ 1722 дьячки: Василій Ивановъ 1698 г., Иванъ Корниловъ 1704 г., Степа Пантелѣевъ 1710 г. и Петръ Дмитрiевъ 1722 г.

28. Ц. Троицы Живоначальныя, въ селѣ Ордынцахъ *).

Троицкая церковь издревле находилась „на погостѣ въ Замы у Углишны, московскаго уѣзда, въ Замыцкой волости. По упраздне Троицкой церкви этотъ погостъ въ началѣ XVII ст. былъ пустош на которой находилось, по писцовымъ книгамъ 135 и 136 (1627—16 гг. церковной земли 15 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ, с 10 копенъ, лѣсу 5 десятинъ (Писцов. кн. 689). Эта церковная з ля отдавалась въ оброкъ и въ 7146 (1638) г. числилась на обр за Захарьемъ Шишкинымъ, оброку 10 алтынъ (Патр. прик. кн. л. 100; кн. 94, л. 302).

Близъ Троицкаго погоста въ XVII ст. состояло сельцо Орд цы, которое по построеніи въ немъ деревянныя церкви во имя Живо чальныя Троицы, стало селомъ. Въ переписныхъ книгахъ 7154 (1646 написано: „вотчина Захара Григорьева Шишкина село Ордынцы, на р кѣ на Песочнѣ, а въ селѣ церковь Троицы Живоначальныя, у ц кви во дворѣ попъ Кирилла Семеновъ, во дворѣ дьячекъ Василій заревъ“ (Переписн. кн. 9809, л. 658).

Въ приходной книгѣ Патр. каз. приказа за 7186 (1678) г. писано: „прибыла вновь церковь Пресвятыя Троицы въ московск уѣздѣ, въ Пехрянской десятинѣ, въ Замыцкомъ стану, въ вотчинѣ нила Шишкина, что построена на прежнемъ церковномъ мѣстѣ, давнихъ лѣтъ, а данью была не обложена, а нынѣ, по сказкѣ н поставленнаго попа Софронія, дани положено съ дворовъ: съ поп съ дьячкова, просвирницына и вотчинникова, съ 18 дворовъ кре янскихъ среднихъ, да съ 5 дворовъ бобыльскихъ, съ пашни и л съ 25 четьи, съ сѣнныхъ покосовъ съ 10 копенъ, по указной ста 24 алтына 4 деньги, заѣзда гривна, обоего дани и заѣзда 28 алт и іюля въ день, тѣ деньги, на нынѣшній 186 годъ, платилъ попъ С роній, принялъ Ивашко Неустроевъ“ (Приход. патр. прик. кн. 91, л. 2

По дозорнымъ книгамъ Патр. Каз. Приказа 7188 (1680) г., густа въ 3 день, князю Ивану Шелешпальскому Троицкаго пого

*) Нынѣ село Ордынцы Подольскаго уѣзда.

что въ Замытьѣ у Углешны, церкви Св. Троицы попъ Софроній Григорьевъ сказалъ: „что церковною землею, сѣнными покосами и лѣсомъ владѣетъ онъ, попъ противъ писцовыхъ книгъ“ (Патр. прик. дозор. кн. 141, л. 113 и 759).

Въ тѣхъ же приходныхъ книгахъ за 1679—1693 гг. Троицкая церковь писалась подъ Пехрянскою десятиною, а 1694 г. въ книгѣ отмѣчено: „впредь сей церкви здѣ не писать, переписана въ Перемышльскую десятину, по близости“. Церковной дани съ 1712—1739 гг. платилось „рубль 4 алтына, 4 деньги“ (Патр. Прик. кн. 142 и 447).

7204 (1696) года, мая въ 4 день, по указу св. патріарха, даны два антиминса въ московской уѣздъ, въ село Ордынцыно, въ церковь Пресвятыя Троицы, да въ предѣлъ чудотворца Николая, на старые престолы; взялъ антиминсы тоя жъ церкви попъ Андрей“ (Патр. пр. кн. 138, л. 108).

Въ селѣ Ордынцахъ построена каменная церковь во имя Св. Троицы съ предѣломъ Св. пророка Иліи. „1713 года, іюля въ 6 день“, говорится въ книгѣ исходящихъ бумагъ Синод. каз. приказа, „запечатанъ указъ о освѣщеніи предѣла, по челобитью стольника Юрья Ѳедорова сына Шишкина, велѣно ему въ подмосковской его вотчинѣ, въ селѣ Троицкомъ, подлѣ каменныя церкви Пресвятыя Троицы, новопостроенный предѣлъ каменный же во имя Св. пророка Иліи освятить большаго Успенскаго собора протопопу Ѳеодору съ братьею и антиминсъ въ тотъ предѣлъ выданъ; за одно полотно деньги взяты“ (Патр. прик. кн. 438, л. 31).

Подъ 1704 г. значится „на погостѣ церковь Живоначальныя Троицы“; у церкви были священники: Андрей Сафроновъ 1699—1710 г., Иванъ Андреевъ 1722 г., дьячки: Иванъ Кондратьевъ 1704 г., Иванъ Герасимовъ 1710 г., Илья Герасимовъ 1722 г., пономари: Трофимъ Антроповъ 1704—1710 г. и Петръ Ивановъ 1722 г. (Переписн. кн. 9816, л. 358; ландр. кн. 1710 г., л. 266 об.; 1 ревизіи, кн. 1722 г. л. 245; отказная кн. 22, л. 370).

Село Ордынцы въ началѣ XVII ст.—пустошь, на рѣчкѣ Песочнѣ, московскаго уѣзда, Замыцкой волости, находившаяся „въ порожнихъ земляхъ. Въ 1631 г. она продана изъ Помѣстнаго приказа въ вотчину Захарію Григорьеву Шишкину, при этомъ владѣльцѣ пустошь Ордынцы стало селомъ, которымъ владѣли, по смерти его въ 1657 г.,—его сынъ Матвѣй, въ 1677 г.—родной внукъ Данилъ Матвѣевъ; въ 1691 г.—Григорій и Юрій Ѳедоровы Шишкины, по раздѣлу съ ихъ племянникомъ Михаиломъ Васильевымъ Шишкинымъ; въ

1710—1722 г.—Семенъ Михайловъ Шишкинъ; въ 1733 г.—В Михайловъ Шишкинъ, (умерш. 1737 г.), а отъ него перешло къ д черямъ Марьѣ, по мужѣ Ивановой, и Аннѣ, по мужѣ Клока Въ 1781—1791 гг. село Троицкое—Ордынцы принадлежало А Яковлеву Маслову и Василію Леонтьеву Клокачеву (Вотч. кол гор. Москвы, ст. л. кн. 97, № дѣла 1; мол. л. кн. 7, № дѣла 1 ка 24, № дѣла 21).

Въ 1646 г. Ордынцы—село, къ немъ находились дворъ в никовъ съ дѣловыми людьми и 8 дв. крестьнскихъ, изъ нихъ 4 пустыхъ; а съ 1678 г. Ордынцы было сельцомъ, въ немъ вотчинниковъ съ дѣловыми людьми и 7 дв. задворныхъ съ 23 ч въ 1704—одинъ дворъ вотчинниковъ, въ которомъ жили прика и дѣловые люди (Переписн. кн. 9809, л. 658; кн. 9811, л. 571 — кн. 9816, л. 365).

29. Ц. Св. Александра Свирскаго чудотворца въ селѣ Ясном

Церковь во имя преподобнаго отца Александра Свирскаго творца въ селѣ Ясномъ была деревянная, построенная въ 1693 приходной книгѣ Патр. приказа написано: „7202 (1693) году, ок въ 25 день, по указу патріарха и по помѣтѣ на выпискѣ Андре нисовича Владыкина, а по челобитью стольника Ржевскаго, в новопостроенныя церкви преподобнаго отца Александра Свирска дотворца, которую построилъ стольникъ Тимофей Ржевскій въ мо скомъ уѣздѣ, въ вотчинѣ своей, въ селѣ Ясномъ, на попа съ пр ники положить дани съ дворовъ: съ попова, съ дьячкова, съ про ницына, съ одного двора вотчинникова, по указной статьѣ, съ 1 ловѣкъ дѣловыхъ людей по деньгѣ съ человѣка, съ 10 дворовъ стьянскихъ, по 3 деньги съ двора, да съ церковной земли, по п канова вынесена изъ помѣстнаго приказа, за приписью дьяка Ал Волкова, въ прошломъ въ 201 г., іюля въ 21 числѣ, съ 15 четь 3 деньги съ четьи, да съ 12 копенъ сѣна, по 2 деньги съ копны, дани 20 алт. съ деньгою, заѣзда гривна. И тѣ деньги велѣно пл съ нынѣшняго 202 г. И ноября въ 15 день тѣ деньги на нын 202 годъ взяты, принялъ Дмитрій Аврамовъ, платилъ человѣкъ фея Ржевскаго Онисимко Ѳедоровъ“. За послѣдующіе 1694— годы церковь св. Александра Свирскаго чудотворца въ тѣхъ же

---

*) Нынѣ Ясенки, сельцо Подольскаго уѣзда.

...дныхъ книгахъ Патр. каз. приказа писалась „въ вотчинѣ стольника Тимофея Ржевскаго, въ селѣ Ясномъ, дани 20 алт., съ деньгою, заѣзда гривна", а съ 1712—1739 гг. платилось дани рубль съ деньгою (Патр. прик. приход. кн. 151, л. 396 об.; кн. 153, л. 388 об., кн. 447).

Въ Синодальномъ казенномъ приказѣ производилось дѣло о построеніи въ селѣ Ясномъ новой деревянной церкви. Дѣло началось по прошенію лейбъ-гвардіи коннаго полка поручика Ильи Васильева Ржевскаго. Въ своемъ прошеніи, поданномъ въ Синодальный казенный приказъ 1735 г., сентября 16 дня, онъ писалъ: „въ вотчинѣ моей въ московскомъ уѣздѣ въ Перемышльской десятинѣ въ селѣ Ясномъ имѣется деревянная церковь во имя Александра Свирскаго чудотворца и нынѣ оная церковь весьма обетшана и божественныя службы отправлять не возможно и чтобъ повелѣно было означенную ветхую церковь перестроить вновь на томъ же церковномъ мѣстѣ во имя тотъ же храмъ Александра Свирскаго чудотворца и годные отъ ветхой церкви бревна употреблять въ строеніи оной новостроющей церкви и о томъ строеніи дать указъ".

Въ Синодальномъ казенномъ приказѣ по этому прошенію на справку выписано: по окладной книгѣ сего 1735 году въ московскомъ уѣздѣ въ Перемышльской десятинѣ написано: церковь св. Александра Свирскаго чудотворца, что въ вотчинѣ Тимофея Ржевскаго въ селѣ Ясномъ, дани и заѣзда и десятильнича доходу рубль $^1/_2$ коп. казенныхъ пошлинъ 17 копѣекъ итого рубль $17^1/_2$ копѣекъ. А прибылая церковь въ окладъ въ 1202 (1693) году октября въ 25 день по челобитью стольника Тимофея Ржевскаго и у той церкви написано: дворъ поповъ, дворъ дьячковъ, дворъ просвирницынъ, въ приходѣ 11 дворовъ, да 10 человѣкъ дѣловыхъ людей, пашни церковныя по памяти изъ помѣстнаго приказу 15 четвертей, сѣна 12 коненъ".—По сему дѣлу резолюція преосвященнаго Веніамина епископа коломенскаго и каширскаго: „дать храмозданную, 1736 году генваря 8 дня". Того же года марта 26 числа выданъ указъ изъ Синода каз. приказа поручику Ильѣ Васильеву Ржевскому, которому велѣно мѣсто вышеписанной древяной Александра Свирскаго чудотворца церкви построить на томъ же мѣстѣ вновь древяную жъ церковь во имя прежде бывшій храмъ, по подобію протчихъ святыхъ церквей, безъ всякаго по своему смышленію приложенія или умаленія, и ветхой церкви годное употребить въ новой церкви строеніе, а негодное на пустомъ мѣстѣ сожещь". Пошлинъ съ указа 10 копѣекъ и одна восьмая взято.

Новопостроенную церковь въ селѣ Ясномъ, вслѣдствіе резо преосвящ. Веніамина 1737 года августа 5, велѣно протопопу шаго Успенскаго Собора Никифору Иванову освятить „на выда изъ синодальнаго дому освященномъ антиминсѣ, по новоиспра требнику"; о чемъ и выданъ ему указъ (Патр. прик. вяз. № дѣла 2638 и кн. 391, л. 13; кн. 406, л. 42; кн. 410, л. 2

При церкви Александра Свирскаго чудотворца были свяще Өедотъ Дмитріевъ 1704 г. и Степанъ Ивановъ 1709—1722 г.; д Василій Васильевъ 1704 г., Өедоръ Алексѣевъ 1710 г., Иванъ пановъ 1722 г., пономари: Василій Гавриловъ 1704 г., Афа Ивановъ 1710 г.

Село Ясное въ переписныхъ книгахъ московскаго уѣзда, З каго стана, 1704 г. записано: „за стольникомъ Тимоѳеемъ Иван Ржевскимъ, въ селѣ дворъ вотчинниковъ, а въ немъ прикащикъ, скотный съ дѣловыми людьми и 7 дворовъ задворныхъ людей, а селено то село послѣ 7186 (1678) года". По смерти Тимоѳея Ржевскаго владѣли селомъ Илья и Матвѣй Васильевы Ржевскі 1710 г., въ селѣ находились дворы: вотчинниковъ и скотный и задворныхъ. Къ этому селу принадлежало сельцо Сахарово (Пере кн. 9816, л. 315, кн. 9820, л. 579—582).

30. Ц. Преображенія Господня на погостѣ, на Страдани, на Пахрѣ *).

Въ 7135 и 7136 (1627—1628) гг., московскаго уѣзда, Ш стана находился погостъ приходный, на рѣкѣ Пахрѣ, съ цер Преображенія Господня и при ней придѣломъ Николы чудот „деревянною клѣтцки, а въ церкви образы, и книги, и ризы и п локольницѣ колокола и все церковное строеніе приходныхъ л у церкви во дворѣ попъ Михаилъ Петровъ, во дворѣ церковной чекъ Васка Семеновъ, во дворѣ пономарь Өедка Захаровъ, во просвирница Прасковьица; да на погостѣ на церковной землѣ 2 бобыльскихъ; пашни пахатной церковной земли по 40 четверте полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна по рѣкѣ Пахрѣ 70 копенъ, лѣ пашеннаго 3 десятины" (Писцов. кн. 689, л. 981).

---

*) Нынѣ Страдаль-Спасское Подольскаго уѣзда.

Въ приходныхъ окладныхъ книгахъ Патр. каз. приказа „церковь Преображенія Господня, что на Страдани", писалась съ 7143 (1635) г. подъ Серпуховскою десятиною, по окладу „дани 5 алт. 5 ден., десятильничьихъ гривна". Подъ 7152 (1644) г. въ книгѣ отмѣчено: „по новому письму и дозору Михаила Павлова на сю церковь дани положено 3 рубля 21 алт. 5 ден., заѣзда гривна". Въ 7187 (1679) г. велѣно: „сію церковь писать въ Пехрянской десятинѣ" (Патр. прик. кн. 196, л. 215 об.; кн. 4, л. 333; кн. 35, л. 424; кн. 87, л. 570).

Въ дозорныхъ книгахъ Патр. каз. приказа написано: 7189 (1680) г. сентября въ 9 день, по досмотру (князя Шелешпальскаго) церковь Преображенія Спасова древяна нова, стоитъ на погостѣ, а у церкви дворъ попа Василія Михайлова, дворъ церковнаго дьячка Ивашки Васильева, дворъ пономаря Сенки Матвѣева, да на церковной землѣ 2 двора церковныхъ бобылей. И той церкви попъ Василій сказалъ та де церковь построена вновь на старомъ мѣстѣ, на церковной землѣ, во 186 (1678) году, строеніе мірское, а церковной земли у нихъ во владѣніи только 25 четьи въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 50 копенъ, а владѣютъ тою землею близъ погосту, а смежна та земля вотчины боярина Ивана Богдановича Милославскаго съ сельцомъ Варвариньшмъ, да вотчины стольника Луки Ляпунова съ деревнею Остреговою" (Патр. прик. дозор. кн. 141, лл. 138, 337 и 760).

„7205 (1696) г. ноября въ 5 день, по благословенной грамотѣ, данъ антиминсъ ко освященію церкви Преображенія Спасова въ московской уѣздъ, что на Похрѣ", подъ роспи)ску тояжъ церкви попа Василія. (Патр. прик. кн. 138, л. 118).

Съ 7202 (1694) г. Спасо-Преображенская церковь причислена къ Перемышльской десятинѣ церковной дани въ 1712 г. платилось 3 руб., 21 алт., 5 ден., заѣзда гривна. „1713 г., декабря въ 22 день, по указу великаго государя и по помѣтѣ на выпискѣ казначея Алексѣя Андреевича Владыкина, въ Казенномъ приказѣ, велѣно по челобитью церкви Преображенія Спасова поповъ, данныя деньги снять и положить на новопостроенныя церкви на Рождественскую, что въ селѣ Варваринѣ, да на Богословскую, что въ селѣ Красномъ, для того, тѣ церкви построены вновь и приходскіе дворы отошли къ тѣмъ церквамъ отъ сея церкви, а на сю церковь Преображенія Спасова дани положить, по переписнымъ книгамъ Патр. казеннаго приказа подьячаго Филиппа Корытникова, съ дворовъ: съ 2 поповыхъ, съ дьячкова, съ просвирницына, да съ приходскихъ 3 помѣщиковыхъ, съ 47 крестьянскихъ, съ 9 вдовьихъ, да съ пашни церковной съ 40 четвертей, съ сѣнныхъ покосовъ съ 50 копенъ, итого рубль 18 алт. 4 ден.,

заѣзда гривна, десятильнича доходу 10 алт. (Патр. прик. кн. 2 191 и кн. 261).

Въ Синодальномъ казенномъ приказѣ производилось дѣл исправленіи Спасо-Преображенской церкви. Дѣло началось пс шенію священника оной же церкви Іоанна Васильева и ст крестьянина Космы Антонова. Въ своемъ прошеніи, поданно казенный приказъ 1736 г. іюля 22 дня, они писали: „въ моско уѣздѣ, въ Шаховѣ стану, въ Перемышльской десятинѣ, въ Си номъ погостѣ, у церкви Спаса Преображенія Господня, что на Похрѣ, на Страдани, глава, кровля и паперть имѣются ветхи, и ветхости безъ перестройки пробыть не возможно и чтобъ указ велѣно было о перестройкѣ у означенной церкви объявленно хости дать указъ“.

Вслѣдствіе сего прошенія въ Синодальномъ Каз. Приказѣ на ку выписано: „по окладнымъ книгамъ онаго Приказа прошлых и сего 736 года, московскаго уѣзда, въ Перемышльской де написано: съ церкви Преображенія Спасова, на Страдани, дан ѣзда и десятильнича доходу рубль, 96 коп., казенныхъ пошл копѣекъ и тѣ данныя и пошлинныя деньги по 1736 годъ плач въ писцовыхъ 161 (1653) года боровскихъ книгахъ у оной П женской церкви написано: дворъ поповъ, дворъ дьяконовъ, дв номаревъ и келья просвирницына, въ приходѣ 160 дворовъ, ной земли 40 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 50 а въ переписныхъ книгахъ за 1703 годъ у оной же церкви по 2 двора бобыльскихъ, въ приходѣ 194 двора“. По этому дѣлу довала резолюція преосвящ. Веніамина, епископа коломенскаг ширскаго: „дать указъ о перестройкѣ церкви, 1736 году дека день“. 1737 года марта 3 числа выданъ изъ Синод. Каз. I указъ священнику Ивану Васильеву съ приходскими людьми, „на оной церкви главу, кровлю и паперть за ветхостію перес пошлинъ 10 копѣекъ, одна осмая взято“ (Патр. прик. вяз № дѣла 2928; кн. 401, л. 10.; переписн. кн. 9814, л. 821; лан 1710 г., л. 264; кн. 1 рев., 1722 г., л. 413 об.).

При церкви были священники: Никита Васильевъ 1703— Василій Васильевъ 1703—1710 г., Иванъ Васильевъ 1722—1 бывшій діакономъ при оной же церкви въ 1704 г., дьячки: Ивановъ 1704 г. и Аѳанасій Никитинъ 1722 г.

31. Ц. Иліи Пророка на погостѣ Углѣшнѣ.

Въ писцовыхъ книгахъ московскаго уѣзда Замыцкой волости, письма и мѣры Өедора Пушкина да подъячаго Андрея Строева, 7135 и 7136 (1627—1628) гг. написано: „пустошь, что былъ изстари погостъ приходной Угрѣшна, по обѣ стороны врага, а на погостѣ была церковь Илій Пророка; пашни церковныя перелогомъ и лѣсомъ поросло середніе земли 15 четьи въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 10 копенъ, лѣсу 6 десятинъ". При досмотрѣ церковныхъ земель въ 7188 (1680) г. княземъ Иваномъ Шелешпальскимъ, по указу изъ Патр. Каз. Приказа, оказалось: „церковною землею на пустоши Углѣшна (sic) владѣетъ лѣтъ съ 10 Кондратій Лунинъ", купившій ее у думнаго дворянина Григорья Степановича Караулова (Патр. прик. дозорн. кн. 141, лл. 112—113).

Въ дозорныхъ и описныхъ книгахъ игумена Давыдовой пустыни Авраамія 7193 (1682) г. говорится: „церковь Иліи Пророка, Перемышльской десятины, что на погостѣ, служба въ церкви почала быть съ 17 іюня 7192 (1684) г., при церкви попъ Терентій Евстафьевъ; пашни церковной съ 10 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣнныхъ покосовъ по 7 копенъ въ полѣ, а въ дву потомужъ; въ приходѣ 4 двора крестьянскихъ, данью не обложена" (Патр. прик. описн. кн. 115, л. 4).

Въ приходной окладной книгѣ Патр. каз. приказа за 7193 (1684) г. читаемъ: „сентября въ 24 день, по указу патріарха и по помѣтѣ на выпискѣ казначея старца Паисія Сійскаго, на новопостроенную церковь Иліи Пророка велѣно положить дани съ пашни и съ сѣнныхъ покосовъ, по писцовымъ книгамъ, да по сказкѣ тоя церкви попа Терентья Евстафьева, съ дворовъ: съ попова, дьячкова, пономарева, просвирницына, да съ приходскихъ 2 дворовъ крестьянскихъ, 2 дв. бобыльскихъ, по указной статьѣ, всего 15 алт. съ деньгою, заѣзда гривна; и по тому окладу деньги платилъ попъ Терентій" (кн. 110, л. 536).

По переписнымъ книгамъ 1704—1710 г. при церкви Ильинской были: священникъ Терентій Евстафьевъ и дьячекъ Степанъ Терентьевъ (Переписн. кн. 9816, л. 341 об.).

32. Ц. Покрова Пресвятыя Богородицы въ селѣ Покровскомъ рикова тожъ *).

Покровская церковь въ селѣ Покровскомъ Чириковѣ, на шаяся изстари, въ началѣ XVII ст. была уничтожена, а потом строена новая деревянная, при ней въ 1667 г. былъ попъ Савв стеровъ. По дозорнымъ книгамъ Патр. каз. приказа: „7189 (16 сентября въ 5 день, по дозору князя Шелешпальскаго „въ селѣ чинкѣ Покровскомъ, а Чириково тожъ, церковь Покрова Богор древянная, клѣтцки, ветха, стоитъ безъ пѣнія, и около церкви клад земли съ четверть десятины; отъ Москвы та церковь 40 верстъ; а шая калужская дорога того села Чирикова по полю, отъ Москвы чи по большой калужской дорогѣ та церковь въ лѣвой сторонѣ сказкѣ того села старосты вотчинниковъ Іова Семенова сына, д мянника ево Никиты Осипова сына Коковинскихъ, да стольник зя Бориса Петрова Львова: та де церковь въ ихъ вотчинѣ в Чирикова изстари строеніе вотчинниковъ, а попа и дьячка у то кви съ мороваго повѣтрія нѣтъ, а церковной земли не было, да руга, а сколько руги давано—того невѣдомо, а дань съ той платится или нѣтъ—того не вѣдаютъ же; да по досмотру же в селѣ, которые были у той церкви въ приходѣ, 3 двора вотчи выхъ, да крестьянскихъ и бобыльскихъ 12 дворовъ, въ приходѣ въ селѣ Голохвастовѣ, къ церкви Николая чудотворца, въ в Ѳедора Иванова сына Потемкина" (Патр. прик. дозор. кн. 105 кн. 141, л. 133; вотч. колл. по г. Москвѣ отказная кн. 9, №

Въ этомъ селѣ на мѣстѣ ветхой была построена новая це О ней находимъ свѣдѣніе въ приходной окладной книгѣ Пат приказа: 208 (1699) г. ноября въ 1 день, по указу патріарха помѣтѣ на выпискѣ казначея монаха Тихона Макарьевскаго, п битью стольниковъ: князя Бориса Петрова сына Львова, да Іова нова сына да Никиты Іосифова сына Коковинскихъ, велѣно н строенную церковь Покрова Пресвятыя Богородицы, которую или они въ московскомъ уѣздѣ, въ Шаховѣ стану, въ вотчинѣ въ селѣ Чириковѣ, освятить Большаго Успенскаго собора про Моисею съ братіею, а тоя церкви на попа съ причетники да ложить, по сказкѣ челобитчика стольника Никиты Осипова Ко

---

*) Нынѣ село Покровское, Чириково Подольскаго уѣзда.

скаго, съ дворовъ: съ попова, съ дьячкова, пономарева, просвирницына, да съ приходскихъ 3 дворовъ вотчинниковыхъ, съ 12 дворовъ крестьянскихъ молодчихъ, да съ церковной земли, по памяти какова вынесена изъ Помѣстнаго приказа, за приписью дьяка Ивана Векентьева, въ прошломъ во 199 году, мая въ 20 день, которую они челобитчики поступились изъ своей земли, пашни съ 15 четьи въ полѣ, а въ дву потомужъ, съ сѣнныхъ покосовъ съ 15 копенъ, по указной статьѣ, 20 алт. 4 ден., заѣзда гривна. И по тому окладу данныя деньги велѣно имать съ нынѣшняго 208 года" (Патр. прик. кн. 174, л. 158).

„7208 (1699) года, октября въ 6 день, по благословенной грамотѣ, данъ антиминсъ въ московскій уѣздъ, въ село Чириково, въ церковь Покрова Богородицы, въ вотчину стольника Никиты Коковинскаго (Патр. прик. кн. 138, л. 179). За 1712—1739 г. церковной дани платилось рубль 4 алт.

Въ 1704 — 1709 гг. церковь Покрова Богородицы деревянная, при ней были: священникъ Петръ Поликарповъ и дьячекъ Иванъ Ивановъ 1704—1710 гг.

„Село Починокъ Покровское, а Чириково тожъ, на прудѣ у болота", по писцовымъ книгамъ 7135 и 7136 (1627—1628) гг., московскаго уѣзда, Шахова стана „старинная вотчина за Андреемъ Ивановымъ сыномъ Коковинскимъ и за дѣтьми его Богданомъ, Семеномъ и Алексѣемъ Коковинскими, въ селѣ мѣсто церковное, что была церковь Покровъ Пресвятыя Богородицы, да въ селѣ дворъ вотчинниковъ, дворъ прикащиковъ, дворъ людской, 4 дв. крестьянскихъ и 5 дв. бобыльскихъ". Потомъ оно принадлежало въ 1667 г. Осипу и Іову Семеновымъ Коковинскимъ; въ 1678 г.—князю Борису Петрову Львову, женатому на Θеклѣ Степановой Коковинской, и Никитѣ Осипову съ его дядею Іовомъ Семеновымъ Коковинскимъ, въ 1710 г.—князю Михаилу Борисову Львову и Θедору Іевлеву Коковинскому, въ 1749—1754 гг.—Никиты Θедорову Коковинскому (Писцов. кн. 689, л. 938—939; вотч. колл. по гор. Москвѣ, ст. л. кн. 49, № дѣла 17; кн. 63, № дѣла 13; кн. 90, № дѣла 5).

Въ с. Покровскомъ—Чириковѣ находились въ 1646 г. 2 двора вотчинниковыхъ съ дѣловыми людьми, 7 дв. крестьянскихъ и дворъ бобыльскій съ 17 въ нихъ челов.; въ 1678 г. — дворъ вотчинниковъ съ 12 челов., 2 дв. задворныхъ съ 5 челов. и 10 дв. крестьянскихъ съ 30 челов. (Переписн. кн. 9809, л. 626 об.; кн. 9811, л. 70—72; кн. 9814, л. 769).

33. Ц. Михаила Архистратига въ селѣ Быловѣ *).

Церковь Чуда Архистратига Михаила въ селѣ Быловѣ, въ 7135 (1627) г. была „древяна вверхъ, а въ церкви образы, и ризы, и книги, и на колокольницѣ колокола и всякое церковное строенье монастырское (Симонова монастыря) и приходныхъ людей; у церкви во дворѣ попъ Агафонъ Өедоровъ, во дворѣ церковный дьячекъ Ивашко Өедоровъ, во дворѣ пономарь Лукашко Ивановъ, во дворѣ просвирница Афимьица". Въ 7154 (1646) г. у церкви: во дворѣ попъ Иванъ Ивановъ, во дворѣ дьячекъ Ивашко Меркульевъ (Писц. кн. 689, л. 82; переписн. кн. 9809, л. 728).

Въ приходныхъ окладныхъ книгахъ Патр. каз. приказа, за 7185 (1677) г. написано: „прибыла вновь церковь Архистратига Михаила въ вотчинѣ Пречистыя Богородицы Симонова монастыря, въ селѣ Быловѣ, а по сказкѣ тоя церкви попа Гавріила, положено дани съ дворовъ: съ попова, съ дьячкова, съ монастырскаго, да съ крестьянских съ 23 дворовъ молодчихъ людей, да съ 16 дворовъ бобыльскихъ, да съ церковной пашни съ 2 десятинъ, сѣнныхъ покосовъ съ 10 копенъ по указной статьѣ 17 алт. 3 ден., заѣзда гривна. Іюня въ 21 день тѣ деньги платилъ тоя жъ церкви попъ Гавріилъ". Во 186 (1677) г. „въ ноябрѣ мѣсяцѣ, у попа Гавріила вѣнечныхъ пошлинъ, что онъ вѣнчалъ въ своемъ приходѣ, въ нынѣшнемъ 186 г., съ двухъ отроковъ, женились на дѣвкахъ, взято 8 алт." (Патр. прик. кн. 88, л. 285; кн. 91, л. 254).

Церковь Архангела Михаила въ тѣхъ же приходныхъ книгахъ за 1677—1694 гг. писалась подъ Пехрянскою, а за 1695—1739 гг. подъ Перемышльскою десятиною (Патр. пр. кн. 100, л. 563 и кн. 142

Въ дозорныхъ книгахъ Патр. каз. приказа значится: „189 (1681) года, сентября въ 8 день, по досмотру князя Шелешпальскаго, церковь Архангела Михаила въ селѣ Быловѣ древяна, ветха, клѣтцки, а по сказкѣ тоя церкви попа Гавріила Артемьева, церковной де земли у него нѣтъ, а дано де ему на пропитаніе изъ монастырской земли по три десятины въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 20 копенъ" (Патр. прик. кн. 141, лл. 136 и 335).

Въ 1704 г. церковь была таже деревянная. Церковной дани платилось съ 1712—1739 гг., 30 алт. 5 ден. При церкви были свяще

*) Нынѣ Былово, село Подольскаго уѣзда.

ники: Иванъ Филатовъ 1704 г., Семенъ Юдинъ 1722—1732 г.; дьячки: Алексѣй Кирилловъ 1704 г., Θедоръ Акимовъ 1722 г.; пономари: Θедоръ Гавриловъ 1704 г. и Данила Семеновъ 1722 г.

Село Былово, на рѣчкѣ Желетовкѣ, у рѣчки Пахры, въ 7135 и 7136 (1627—1628) гг., московскаго уѣзда, Шахова стана—вотчина Пречистыя Богородицы Симонова монастыря; въ селѣ находились: дворъ монастырскій, въ которомъ жили старецъ, да приказщикъ, 6 дворовъ крестьянскихъ, 6 дв. бобыльскихъ, дворъ монастырскаго дѣтеныша, людей въ нихъ 16 челов.; въ 7154 (1646) г.—15 дв. крестьянскихъ; въ 7186 (1678) г.—25 дв. крестьянскихъ; въ 1704 г.—дворы: монастырскій, скотный и конюшенный, въ нихъ 7 челов.; 35 дв. крестьянскихъ, въ нихъ 146 челов. и 1 дв. бобыльскій съ 3 челов. Съ 1764 г. это село находилось въ вѣдѣніи коллегіи экономіи (Писцов, кн. 9807, л. 637; переписн. кн. 9809, л. 728; кн. 9811, л. 85—86. кн. 9814, л. 805).

34. Ц. Рождества Пресвятыя Богородицы въ селѣ Рожественѣ, Песье тожъ *).

Церковь Рождества Пресв. Богородицы въ селѣ Песьѣ, во второй половинѣ XVII ст. была деревянная, время построенія которой—неизвѣстно. О ней встрѣчается первое свѣдѣніе въ приходныхъ окладныхъ книгахъ Патр. каз. приказа: „во 191 (1682) году, октября въ 24 день, по указу патріарха и по помѣтѣ на выпискѣ казначея старца Паисія Сійскаго, въ московскомъ уѣздѣ, въ Пехрянской десятинѣ, въ селѣ Рожественномъ, Песье тожъ, что въ вотчинѣ Якова Кириллова, церковь Рождества Пресвятыя Богородицы данью обложена, а дани положено, по памяти изъ помѣстнаго приказа, за приписью дьяка Семена Карево, какова прислана въ казенный приказъ о справкѣ къ той церкви земли, съ 10 чети, да съ 10 копенъ сѣна, да по переписке села Поливанова благовѣщенскаго попа Ивана, съ дворовъ: съ попова, съ дьячкова, съ пономарева, съ приходскихъ—одного вотчинникова, да съ 48 дворовъ крестьянскихъ, всего по указной статьѣ имѣется дани рубль 6 денегъ, заѣзда гривна; и по тому окладу велѣно взять данныя деньги на прошлые и на нынѣшній 191 годъ. И тѣ деньги на прошлый и на нынѣшній 191 годъ платилъ Якова Кириллова человѣкъ“. „Съ попа церкви Рождества Богородицы Діонисія взято вѣнечныхъ пошлинъ за прошлый 190 годъ 28 алт., да на немъ

*) Нынѣ Рождествено Песье, деревня Подольскаго уѣзда.

же пеняхъ, что онъ вѣнчалъ свадьбы безъ памятей, 2 руб. 4 алт. 2 ден." (Патр. прик. кн. 106, лл. 508 и 509).

Церковь Рождества Богородицы въ тѣхъ же приходныхъ книгахъ за 1684—1694 гг. писалась подъ Пехрянскою, а за 1695—1739 гг. подъ Перемышльскою десятинами. Церковной дани платилось съ 1712—1739 гг. рубль 14 алт. Въ 1704—1722 гг. показано: церковь деревянная (Переписн. кн. 9864, л. 389).

Въ записной книгѣ исходящихъ бумагъ Синодальнаго казеннаго приказа, за 1736 г. значится: „іюля 23 числа, указъ Донскаго монастыря, что при Москвѣ, архимандриту Кириллу съ братіею, по ихъ прошенію, велѣно въ московскомъ уѣздѣ, въ Молоцкомъ стану, въ вотчинѣ ихъ, въ селѣ Рожественномъ, въ церкви Рождества Пресвятыя Богородицы и въ олтарѣ мостъ перемостить вновь и святый престолъ построить; пошлинъ 10 копѣекъ одна осмая взято" (Патр. прик. кн. 391, л. 33).

При церкви были священники: Петръ Афанасьевъ 1704 г., Алексѣй Өедоровъ 1722 г.

По писцовымъ книгамъ 7135 и 7136 (1627 и 1628) гг., московскаго уѣзда, Молоцкаго стана, значится: „за бояриномъ княземъ Володиміромъ Тимофеевичемъ Долгорукимъ, сельцо Песье, на рѣчкѣ Лубенкѣ, а въ сельцѣ дворъ его помѣщиковъ съ дѣловымъ человѣкомъ, дв. прикащиковъ, дв. дѣловаго человѣка и 3 дв. крестьянскихъ а владѣетъ онъ, бояринъ кн. Володиміръ Долгоруковъ тѣмъ помѣстьемъ по ввозной грамотѣ 127 (1619) г." Въ 1633 г. это сельцо принадлежало думному дьяку Ивану Грязеву; въ 1634 г.—Ивану Гавреневу; въ 1669 г.—боярину Афанасію Лаврентьевичу Ордину-Нащокину; при этомъ владѣльцѣ сельцо Песье называлось по церкви Рождественскимъ, которымъ владѣлъ въ 1677—1678 гг. его сынъ стольникъ Воинъ Аф. Ординъ-Нащокинъ, въ 1679 г. оно куплено думнымъ дьякомъ Аверкіемъ Кирилловымъ, послѣ его смерти его сынъ Яковъ въ 1693 г. промѣнялъ село Рождествено въ Донской монастырь архимандриту Антонію съ братіею (Писцов. кн. 9807, л. 237—238; Вотч. колл. по гор. Москвѣ, ст. л. кн. 29, № дѣла 20).

Въ 1646 г. Песье сельцо, въ которомъ находились: дворъ вотчинниковъ съ дѣловыми людьми и 7 дв. крестьянскихъ; въ 1678 г. село Рождествено, Песье тожъ—дворъ вотчинниковъ съ дѣловыми людьми, 4 дв. задворныхъ и 21 дв. крестьянскихъ; въ 1704 г.—дворы: монастырскій, скотный и конюшенный и 40 дв. крестьянскихъ (Переписн. кн. 9809, л. 575; кн. 9811, л. 189, кн. 9814, л. 389—39

35. Ц. Покрова Пресвятыя Богородицы въ селѣ Покровскомъ—Макѣевѣ *).

Покровская церковь въ селѣ Макѣевѣ деревянная построена въ 1695 г. княземъ Ѳеодоромъ Ивановичемъ Мещерскимъ (вотч. колл. по гор. Москвѣ отказн. кн. 23, л. 134). Въ приходной окладной книгѣ Патр. каз. приказа написано: „въ 7203 (1695) г., генваря въ 20 день, по указу патріарха и по помѣтѣ на выпискѣ Андрея Денисовича Бладыкина, а по челобитью князь Ѳедора княжъ Иванова сына Мещерскаго, велѣно новопостроенной церкви Покрова Пресвятыя Богородицы, которую онъ, князь Ѳедоръ Мещерскій, построилъ вновь въ московскомъ уѣздѣ, въ Замыцкой волости, въ помѣстьи своемъ, въ селѣ Макѣевѣ на попа съ причетники положить дани, по сказкѣ ево князь Ѳедорова, съ дворовъ: съ попова, съ дьячкова, съ просвирницына, съ помѣщикова, съ 6 дв. крестьянскихъ, да по памяти изъ Помѣстнаго приказа 201 (1693) г., марта 29 числа, за приписью дьяка Семена Васильева, съ церковной земли, которую къ той церкви поступился онъ, князь Ѳедоръ Мещерскій, помѣстной земли села Макѣева, съ пашни 10 четвертей съ одного поля, сѣнныхъ покосовъ съ 10 копенъ, по указной статьѣ, 13 алт. 2 ден., заѣзда гривна. И по тому окладу данныя деньги велѣно принимать съ нынѣшняго 203 года. И августа въ 30 день, тѣ деньги, на нынѣшній 203 годъ, платилъ человѣкъ князя Мещерскаго". 7203 (1695) г., „генваря въ 21 день, выданъ антиминсъ ко освященію храма Покрова Пресв. Богородицы въ московскій уѣздъ, въ село Покровское". За послѣдующіе 1696—1639 гг. Покровская церковь писалась въ приходныхъ книгахъ того же каз. приказа „въ помѣстьи князя Ѳедора Иванова Мещерскаго, въ селѣ Макѣевѣ. Церковной дани платилось съ 1712—1739 гг. 26 алт. 4 ден. (Патр. прик. кн. 153, л. 389, кн. 138, л. 80; кн. 158, л. 250; кн. 447).

При Покровской церкви были священники: Артемій Афанасьевъ 1704—1710 г., Петръ Васильевъ 1722 г., дьячекъ Илья Ѳеогентовъ и пономарь Василій Михайловъ 1704 г,

По писцовымъ книгамъ 7135 и 7136 (1627—1628) гг. московскаго уѣзда, въ Замыцкой волости, написано: „за княземъ Булатомъ (онъ же Иванъ) Михайловымъ Мещерскимъ въ помѣстьи пустошь Мо-

*) Нынѣ Покровское-Мещерское, село Подольскаго уѣзда.

кѣева, на рѣчкѣ Рожаѣ", въ 1636 г. это помѣстье дано его сыну князю Ивану Иванову Мещерскому. При немъ пустошь Макѣева была сельцомъ. По смерти князя Ив. Ив. Мещерскаго вотчина его сельцо Макѣево въ 1685 г. досталось его сыну князю Өедору; онъ построилъ въ этомъ сельцѣ церковь во имя Покрова Пресв. Богородицы, отъ чего сельцо и стало называться по церкви селомъ Покровскимъ, Макѣево тожъ. Въ 1708 г. жена князя Өедора Ив. Мещерскаго вдова княгиня Матрена Илларіоновна продала село Покровское, Макѣево дьяку Адріяну Григорьеву Ратманову, а у него оно было куплено въ томъ же году стольникомъ Матвѣемъ Васильевымъ Колычевымъ. Въ 1767 г. это село принадлежало Петру Ивановичу, а въ 1799 г.—его сыну Николаю Голохвастовымъ (Писцов. кн. 9808; вотч. колл., по гор. Москвѣ, ст. л. кн. 31, № дѣла 23; кн. 70, № дѣла 4; мол. л. кн. 73, № 44). Затѣмъ оно перешло во владѣніе барона Льва Львовича Боде, которымъ построена въ этомъ селѣ въ 18... церковь во имя Покрова Пресв. Богородицы и въ ней онъ похороненъ у праваго клироса (Боярскій родъ Колычевыхъ. Барона Боде—Колычева. Москва 1886 г. стр. 229).

Въ с. Макѣевѣ—Покровскомъ находились въ 1678 г. дворъ вотчинниковъ съ 9 челов. дѣловыхъ людей и 3 дв. задворныхъ съ 13 челов., въ 1704 г—дворъ вотчинниковъ съ дѣловыми людьми и 1 дв крестьянскій (Переписн. кн. 9811, л. 567—568; кн. 9816, л. 437).

36. Ц. Воскресенія Христова въ Сертякинѣ*).

Церковь Воскресенія Христова построена въ с. Сертякинѣ въ 169 г. деревянная. Въ приходной окладной книгѣ Патр. каз. приказа написано: „въ 202 (1694) г. марта въ 3 день, по указу патріарха и по помѣтѣ на выпискѣ Андрея Денисовича Владыкина, а по челобитью Михаила Леонтьева сына Минина, велѣно новопостроенныя церкви Воскресенія Христова, которую онъ, Михаилъ Мининъ, построилъ вновь въ московскомъ уѣздѣ, въ Перемышльской волости, въ вотчинѣ своей, въ четверти сельца Сертякина, на попа съ причетники положить дани, по сказкѣ Михайлова, съ дворовъ: съ попова, съ пономарева, съ просвирницына, да съ приходскихъ—3 дворовъ помѣщиковыхъ, съ 5 дворовъ крестьянскихъ среднихъ, да по памяти изъ помѣстнаго приказа 7202 (1694) года, марта 6 числа, за приписью

*) Нынѣ село Сертякино Подольскаго уѣзда.

дьяка Алексѣя Волкова, съ церковной земли, съ пашни съ 10 четьи въ полѣ, а въ дву потомужъ, съ сѣнныхъ покосовъ съ 10 копенъ, по указной статьѣ, 14 алт. 5 ден., заѣзда гривна. И по тому окладу тѣ данныя деньги велѣно принимать съны нѣшняго 203·г. Платилъ деньги тоя церкви благословенный въ попы діаконъ Іоаннъ". За послѣдующіе 1694—1739 гг. въ тѣхъ же приходныхъ книгахъ Воскресенская церковь писалась „въ вотчинѣ Михаила Минина, въ четверти села Сертякина" церковной дани съ 1722—1739 гг. платилось 30 алт. 4 ден. (Патр. прик. кн. 153, л. 390 об.; кн. 158, л. 150; кн. 447).

Въ Синод. казенномъ приказѣ производилось дѣло о построеніи въ селѣ Сертякинѣ новой деревянной церкви во имя Воскресенія Христова. Дѣло началось по прошеніи прапорщика Александра Степанова Минина. Въ прошеніи, поданномъ въ казенный приказъ 1735 года февраля 25 дня онъ,召 Мининъ, писалъ: „въ вотчинѣ моей въ московскомъ уѣздѣ, въ Перемышльской десятинѣ, въ селѣ Воскресенскомъ, Сертякино тожъ, имѣется древянная церковь во имя Воскресенія Христова, которая весьма обветшала и божественной службы за ветхостію отправлять не возможно и чтобъ повелѣно было вмѣсто оной ветхой Воскресенской церкви на томъ же церковномъ мѣстѣ построить вновь древянную церковь во имя тотъ же храмъ и о строеніи оной церкви дать указъ".

Вслѣдствіе сего прошенія на справку выписано: „по окладной книгѣ сего 735 года московскаго уѣзда, въ Перемышльской десятинѣ написано: съ церкви Воскресенія Христова въ вотчинѣ Михаила Минина въ четверти села Сертякина дани и заѣзда и десятильнича доходу 92 коп., казенныхъ пошлинъ 17 копѣекъ и тѣ данныя деньги по сей 1735 годъ плачены. А въ писцовыхъ книгахъ вышепоказанной церкви не написано. А прибыла въ окладную книгу въ 203 (1695) году и у той церкви написано дворъ поповъ, дворъ пономаревъ, дворъ просвирницынъ, въ приходѣ 8 дворовъ, пашни по памяти изъ помѣстнаго приказа 10 четвертей, сѣнныхъ покосовъ 10 копенъ. Да въ переписной 1703 года книги у оной же церкви показано попъ Иванъ Тимофеевъ дьячекъ Стефанъ Михайловъ, въ приходѣ 9 дворовъ, церковной земли 10 четвертей, сѣнныхъ покосовъ 10 копенъ.

По этому дѣлу состоялась резолюція преосвященнаго Іоакима архіепископа ростовскаго и ярославскаго: „дать указъ о строеніи церкви". Докладываю февраля 26 дня 1735 года. Того же февраля 28 числа изъ Синод. казеннаго приказа выданъ указъ за № 135 прапорщику Александру Минину о построеніи въ селѣ Сертякинѣ вмѣ-

сто ветхой, на томъ же церковномъ мѣстѣ, вновь деревянной церкви во имя Воскресенія Христова.

1735 г. октября 9 дня онъ же, Александръ Степановъ Мининъ, поданнымъ въ Синод. казенный приказъ прошеніемъ объявилъ, что „Воскресенская церковь, на томъ же мѣстѣ въ селѣ Сертякинѣ построена и ко освященію совсемъ изготовлена и чтобъ повелѣно было освященіи оной церкви на прежнемъ антиминсѣ послать указъ Перемышльской десятины старостѣ поповскому Николаевскому попу Алексѣю Өедорову“.

Резолюція преосвящ. Веніамина, епископа коломенскаго и каширскаго: „дать о посвященіи указъ и освященный антиминсъ, 1735 году октября 17 дня“. Того же октября 20 числа изъ Синод. каз. приказа выданъ указъ Большаго Успенскаго собора протопопу Никифору Иванову велѣно: „вышепоказанную построенную церковь Воскресенія Христова, будо построена, освятить ему протопопу съ братьею, взявъ изъ синодальнаго дому освященный антиминсъ, по новоисправному требнику, какъ о томъ напечатано“ (Патр. прик. вязка 474, № дѣла 3096; кн. 381, л. 10; кн. 382, л. 14).

При Воскресенской церкви были священники: Өедотъ Өедоровъ 1704—1711 г., Антонъ Емельяновъ 1712—1722 г., переведенный изъ села Михайловскаго, дьячки: Степанъ Михайловъ 1704 г., Өеодоръ Ивановъ 1709 г. и Иванъ Антоновъ 1722 г.

37. Ц. Николая чудотворца въ селѣ Юшковѣ *).

Юшково въ началѣ XVII ст. пустошь, на рѣчкѣ Челвени, московскаго уѣзда, Замыцкой волости, принадлежала нѣкогда Данилу Понтелѣеву Слѣпушкину, а потомъ его сыну Сергѣю. Близъ пустоши Юшковой находилась, какъ значится въ писцовыхъ книгахъ 7135 г., пустошь, что изстари бывалъ Ильинской погостъ, на рѣчкѣ Сухой Челвени, пустъ“, а на погостѣ стояла деревянная церковь Иліи Пророка безъ пѣнія, церковной земли пашни наѣздомъ пахано и перелогомъ и лѣсомъ поросло, середней земли 10 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 12 копенъ“ (Писцов. кн. 689 лл. 1236 и 1245). Церковная земля отдавалась въ оброкъ и по приходнымъ книгамъ Патр. каз. приказа за 7182 (1694) г. числилась на оброкѣ за Иваномъ Савиновымъ Потаповымъ, оброку рубль съ гривною на

*) Нынѣ Юшково (Никольское, Слѣпушкино), деревня Подольскаго уѣзда.

годъ. Въ дозорныхъ книгахъ 7188 (1680) г. говорится: „на церковной Ильинской землѣ построена новая деревянная церковь Пророка Иліи, но еще не освящена и попа у той церкви и причетниковъ нѣтъ, а построилъ боярина Ивана Михайловича Милославскаго человѣкъ Семенъ Тимофеевъ и приходскіе люди; отъ Москвы та земля 45 верстъ, по близости большихъ дорогъ нѣтъ; а приказано беречь ту Ильинскую землю погоста, что на рѣчкѣ Чолвени, церкви Покрова Богородицы попу Епифану да дьячку Никонку (Патр. прик. дозорн. кн. 141, л. 118—119).

Потомъ церковь Иліи пророка сгорѣла и о построеніи новой церкви послѣдовало въ Патр. каз. приказѣ 7202 (1693) г., декабря въ 5 день, распоряженіе: „ся Ильинская церковь велѣно построить противъ челобитья окольничаго Михаила Ивановича Глѣбова въ московскомъ уѣздѣ, въ Замыцкой волости, въ деревнѣ Юшковѣ, а прежнее церковное мѣсто и кладбище, гдѣ была Ильинская церковь до пожара, огородить заборомъ, а подъ усадьбу попу съ причетники земли велѣно отвести въ деревнѣ Юшковѣ, близъ того мѣста гдѣ церковь построить, а прежнюю Ильинскую землю, всего что есть, отдать тоя Ильинской церкви, что будетъ въ деревнѣ Юшковѣ, попу съ причетники; а о строеніи церкви въ деревнѣ Юшковѣ благословенная грамота дана" (кн. 151, л. 396 об.).

Церковь была построена въ сельцѣ Юшковѣ во имя Николая чудотворца окольничимъ Михаиломъ Ивановичемъ Глѣбовымъ и по распоряженію Патр. каз. приказа 7204 (1696) г., генваря въ 18 день, велѣно новопостроенныя церкви Николая чудотворца, которая построена въ сельцѣ Юшковѣ, на попа съ причетники положить дани, по сказкѣ человѣка Михаила Глѣбова Ивашки Двойнина, съ дворовъ: съ попова, дьячкова, просвирницына, съ одного вотчинникова, съ 8 дворовъ крестьянскихъ среднихъ, съ 6 дворовъ бобыльскихъ да по памяти изъ помѣстнаго приказа, съ пашни съ 10 четьи въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна съ 10 копенъ, по указной статьѣ, 15 алт. 2 ден., заѣзда гривна. И тѣ данныя деньги принимать какъ будутъ бить челомъ объ освященной грамотѣ, или какъ къ той церкви попъ благословенъ будетъ, или какъ къ той церкви попу дана будетъ перехожая память" (кн. 158, л. 151).

„1702 г., ноября въ 30 день, въ новопостроенную церковь Николая чудотворца, въ сельцѣ Юшковѣ, по благословенной грамотѣ, выданъ антиминсъ" (Патр. прик. кн. 138, л. 226).

Никольская церковь въ приходныхъ книгахъ каз. приказа за 1695—1739 гг. писалась „въ вотчинѣ окольничаго Михаила Ивано-

вича Глѣбова, въ селѣ Юшковѣ". Церковной дани платилось съ 17 1739 гг. 28 алт. 4 ден. При церкви были священники: Левъ Е яновъ 1704 г., Сергѣй Тимофеевъ 1709 г., дьячки: Антонъ Е яновъ 1704 г. и Леонтей Ѳедоровъ 1709 г.

Пустошь Юшково, принадлежавшая, какъ было сказано в Слѣпушкинымъ, въ 1635 г. продана помѣстнымъ приказомъ д Ѳедору Панову, а въ 1643 г. владѣла его жена вдова Наталья, шедшая потомъ замужъ за Ѳедора Михайлова Толочанова, по см которыхъ пустошь Юшкова, названная деревнею Слѣпушкиной фамиліи прежнихъ владѣльцовъ, въ 1652 г. была отписана на каго государя къ помѣстнымъ землямъ и въ 1657 г. отдана мѣстнымъ приказомъ во владѣніе князьямъ Ѳедору Семенову, Да и Андрею Ѳедоровымъ Болховскимъ, а отъ нихъ перешло, по мѣнной записи 1683 и 1688 гг., окольничему Михаилу И вичу Глѣбову, при этомъ владѣльцѣ въ сельцѣ Юшковѣ пос на церковь, отъ чего сельцо и стало называться селомъ по кви Никольскимъ, Юшково тожъ. Послѣ Михаила Ив. Глѣбов ломъ владѣли: его сынъ Леонтій (умер. въ февралѣ 1740 г.), в Иванъ Леонтьевъ, правнукъ Александръ Петровичъ (ум. 1722 г затѣмъ праправнукъ Петръ Александровичъ Глѣбовы (Вотч. кол гор. Москвѣ, мол. л. кн. 59, № дѣла 21).

Въ дер. Юшковой, Слѣпушкино тожъ, въ 1678 г. находи 3 двора вотчинниковыхъ, въ которыхъ жили 6 челов. дѣловыхъ дей, а въ 1704, въ селѣ Никольскомъ, Юшковѣ—дворы: вотчинн и скотный и 15 двор. крестьянскихъ (Переписн. кн. 9811, л. 61 кн. 9816, л. 360).

38. Ц. Смоленскія Пресвятыя Богородицы въ селѣ Жоховѣ

Церковь Пресв. Богородицы Смоленскія построена въ се Жоховѣ въ 1694 г. деревянная. Въ приходныхъ окладныхъ кн Патр. каз. приказа написано: „7205 (1694) г. декабря въ 10 по указу патріарха и по помѣтѣ на выпискѣ Андрея Денисовича дыкина, велѣно новопостроенныя церкви Пресвятыя Богородицы гитрія, которую построилъ вновь стольникъ Иванъ Богдановъ Яковлевъ въ московскомъ уѣздѣ, въ Замыцкой волости, въ Перемь ской десятинѣ, въ вотчинѣ ево, въ сельцѣ Жоховѣ, на попа съ четники положить дани вновь, по сказкѣ человѣка ево Ивашки

---

*) Нынѣ Жохово, село Подольскаго уѣзда.

липова, съ дворовъ: съ попова, съ дьячкова, съ просвирницына, съ одного вотчинникова, съ 6 дворовъ крестьянскихъ среднихъ, да по памяти изъ помѣстнаго приказа, за приписью дьяка Петра Вяземскаго, нынѣшняго 205 года октября 4 дня, съ пашни съ 10 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна съ 10 копенъ, по указной статьѣ, итого 13 алт. 2 ден., заѣзда гривна. И тѣ деньги велѣно имать съ нынѣшняго 205 года. И декабря 13 дня тѣ данныя деньги платилъ человѣкъ Ивана Яковлева Ивашко Филипповъ; принялъ Дмитрій Аврамовъ". За последующіе 1695—1739 гг. въ тѣхъ же приходныхъ книгахъ писалось: „церковь Пресв. Богородицы Одигитріи въ вотчинѣ стольника Ивана Богданова сына Яковлева, въ селѣ Жоховѣ, дани 13 алт. 2 ден., заѣзда гривна"; а съ 1712—1739 гг. „дани 26 алт., 4 ден. (Патр. прик. кн. 163, л. 146; кн. 167, л. 154; кн. 447).

Въ Синодальномъ казенномъ Приказѣ производилось дѣло о построеніи въ селѣ Богородскомъ, вмѣсто ветхой деревянной, новой каменной церкви во имя Пресвятыя Богородицы Смоленской. Дѣло началось по прошенію служителя подполковника Михаила Афанасьевича Матюшкина Никифора Михайлова сына Звѣрева. Въ прошеніи, поданномъ въ казенной приказъ 1733 г. іюня 6 дня, онъ, Звѣревъ, писалъ: „въ вотчинѣ господина моего, въ московскомъ уѣздѣ, въ селѣ Богородскомъ Божія церковь деревянная во имя Одигитрія Смоленскія Пресвятыя Богородицы обетшала и служить въ ней невозможно и чтобъ повелѣно было вышеозначенную церковь разобрать, а на томъ мѣстѣ построить каменную во имя тотъ же престолъ Одигитрія Пресвятыя Богородицы и о томъ строеніи дать указъ".

Вслѣдствіе сего прошенія на справку выписано: „по окладнымъ книгамъ казеннаго приказа за 1733 годъ въ московскомъ уѣздѣ, въ Перемышльской десятинѣ написано: съ церкви Пресв. Богородицы Одигитрія въ вотчинѣ стольника Ивана Яковлева, въ селѣ Жоховѣ, дани и заѣзда и десятильнича доходу 80 копѣекъ, казенныхъ пошлинъ 17 коп., и тѣ данные и пошлинные деньги на прошлые годы плачены. А въ писцовыхъ книгахъ означенной церкви не написано. А въ переписной книгѣ 1703 г. у вышеозначенной церкви написанъ попъ Тихонъ Максимовъ, въ приходѣ 18 дворовъ, церковной земли по 10 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣнныхъ покосовъ 10 копенъ".

Резолюція: „дать указъ о строеніи церкви". „Докладывано іюля 1 дня 1733 г." Того года іюня 15 числа изъ Синод. казеннаго приказа выданъ указъ Михаилу Афанасьевичу Матюшкину о строеніи ка-

[illegible] построен [illegible]

[illegible] Богородиц[illegible]

[illegible] изъ Симо[illegible]

[illegible] Собора [illegible]

[illegible] достраиву[illegible]

[illegible] Кипрiяновъ 1744–1[illegible]

[illegible]

[illegible] Прест. Б[illegible]

[illegible] Богород[illegible]

[illegible] досталось его [illegible]

[illegible] 2 окт. 1779 [illegible]

[illegible] Петра Иван[illegible]

[illegible] Петра Петрова Яковлева его имѣнiе, въ 17[illegible]

опредѣленіемъ вотчинной коллегіи утверждено за его женою вдовою Натальею Андреевою, вообще съ Елизаветою Петровою (урожд. Стрешневою) женою Ѳедора Иванова Глѣбова, Еленою Андреевою женою Николая Шемякина и Надеждою Андреевою женою Василія Панина (Вотч. Колл. по гор, Москвѣ мол. л., кн. 2, № дѣла 16, вязка 21, № дѣла 5).

Въ с. Жоховѣ находились въ 1646 г. дворъ вотчинниковъ съ 6 челов. дѣловыхъ людей, 3 дв. крестьянскихъ съ 12 челов. и 2 двора пустыхъ; въ 1678 г —дворъ вотчинниковъ съ 7 челов. 4 дв; задворныхъ съ 12 челов. и 3 дв. крестьянскихъ съ 21 челов.; въ 1704 г. 9 дворовъ крестьянскихъ и дворы вотчинниковъ и скотный (Переписн. кн. 9809, л. 542—543; кн. 9811, л. 601; кн. 9816, л. 361 об.).

39. Ц. Преображенія Господня въ селѣ Чудиновѣ *).

Церковь Преображенія Господня каменная построена въ селѣ Чудиновѣ въ 1697 г. Въ приходной окладной книгѣ Патр. каз. приказа читаемъ: „7205 (1697) г. іюля въ 17 день по указу патріарха и по помѣтѣ на выпискѣ Андрея Денисовича Владыкина, а по челобитью разряднаго приказа дьяка Степана Ступина, велѣно новопостроенныя церкви Преображенія Господня, которую онъ, Степанъ, построилъ вновь въ московскомъ уѣздѣ, въ Замыцкой волости, въ вотчинѣ своей, въ деревнѣ Чудиновой, на попа съ причетники положить дани, по памяти изъ разряднаго приказа, за приписью дьяка Ивана Уланова, нынѣшняго 205 г. февраля 17 числа, а противъ его, Степанова, челобитья іюня 4 дня, нынѣшняго 205 г., съ церковной земли съ пашни въ деревнѣ Чудиновой съ 15 четьи, да въ пустоши Свиридовой съ 15 четьи, всего съ 30 четьи, да съ дворовъ: съ поповa, дьячкова, просвирницына, съ одного вотчинникова, съ 10 крестьянскихъ среднихъ, по указной статьѣ, итого 22 алт. заѣзда гривна. И августа въ 30 день деньги на нынѣшній годъ платилъ человѣкъ Степана Ступина Тимошка Вѣтровъ“ (Патр. прик. кн. 163, л. 146 об.).

7205 (1697) г. августа въ 31 день, „по благословенной грамотѣ, данъ антиминсъ къ новопостроенной церкви Преображенія Господня, что въ московскомъ уѣздѣ, въ селѣ Спасскомъ“, подъ росписку тоя жъ церкви попа Василія (тамъ же кн. 138, л. 134).

*) Нынѣ Чудиново, село Серпуховскаго уѣзда.

Въ приходныхъ книгахъ того же казеннаго приказа за 1698 1739 гг. писалось: „церковь Преображенія Господня въ вотчинѣ д ка Степана Ступина, въ селѣ Чудиновѣ, дани 22 алт., заѣзда гривн а съ 1712—1739 г. дани рубль 2 алт.“ (кн. 167, л. 154, кн. : и 447).

Въ Синодальномъ казенномъ приказѣ производилось дѣло (исправленіи церкви во имя Преображенія Господня въ селѣ Спасск(вотчинѣ Николая Автомоновича Иванова. Дѣло началось по проше священника оной церкви Василія Сергѣева. Въ своемъ прошеніи, данномъ въ казенный приказъ 1726 года іюня 28 дня, онъ писалъ: , нынѣшнемъ 1726 году великій постъ передъ Вербною недѣлею, пятницу, волею Божіею домишка мой и на помѣщиковѣ дворѣ и погорѣли и отъ тѣхъ избъ на церкви Божіи кровля загорѣлась и о томъ невѣдомъ былъ и посторонніе люди иныхъ деревень кресть: сбѣжались и церковныя двери выломали и утварь церковную выне и престолъ разломали и вынесли вонъ изъ церкви, а я въ то вр около дворишка своего убирался и былъ въ безпамятствѣ, а аı минсъ со всѣмъ въ цѣлости вынесенъ, и чтобъ указомъ повелѣно б о томъ престолѣ милостивое разсмотрѣніе учинить и объ освящ(дать указъ, чтобъ оная церковь безъ пѣнія не стояла“.

Въ Синод. казенномъ приказѣ, вслѣдствіе сего прошенія, справку выписано: „Въ окладной книгѣ сего 1726 г. въ московск уѣздѣ въ Перемышльской десятинѣ написано: церковь Преображ(Спасова, что въ Замыцкой волости, дани и заѣзда и десятильнича ходу рубль 2 алт., казенныхъ пошлинъ 5 алт. 4 ден. и тѣ деньгı прошлые годы плачены. А въ писцовыхъ московскаго уѣзда книг оной церкви не написано; а прибыла и данью обложена въ (1697) году и у той церкви написано дворъ поповъ, дворъ дьячк дворъ пономаревъ, въ приходѣ 11 дворовъ; пашни церковные зе 30 четьи, а сѣннаго покосу не написано. А въ переписныхъ 1 года книгахъ у оной же церкви написано попъ Василій Сергѣ въ приходѣ 10 дворовъ, пашни церковные 30 четьи въ полѣ, а въ потомужъ, сѣна не написано“. Резолюція: „1726 августа 3 день указъ о строеніи противъ прошенія и освященіи“.

Того же числа августа, по благословенію преосвященнаго . нида архіепископа сарскаго и подонскаго изъ Синод. казеннаго : каза выданъ указъ: „въ означенной церкви поврежденной прес построить и утвердить на старомъ мѣстѣ и освятить Большаго Ус скаго Собора протопопу Семену Лукину, старымъ антиминсомъ“ (П прик. № д. 1171).

Подъ 1700 г. значится: „церковь Преображенія Господня каменная"; при ней были священникъ Василій Сергѣевъ 1697 — 1710 г. дьячки: Левъ Емельяновъ 1700 г., Яковъ Васильевъ 1709 г., пономарь Семенъ Самсоновъ 1700 г. (Перепис. кн. 9816, л. 408, кн. 9820, л. 801, отказн. кн. 30, л. 136 об. по г. Москвѣ).

Чудиново въ 7135 (1627) г.—„пустошь, на рѣчкѣ Люторицѣ", московскаго уѣзда, Замыцкой волости,—„вотчина за вдовою Анною Ивановскою женою Мордвинова, да за ея сыномъ Семеномъ Ивановымъ и дочерью дѣвкою Авдотьею Мордвиновыми, что было за Өедоромъ Васильевымъ, да за его дѣтьми Иваномъ и Афанасьемъ Мордвиновыми; а владѣетъ вдова Анна Мордвинова тою вотчиною по государевѣ жалованной грамотѣ 121 (1613) г., за приписью дьяка Өедора Шушерина, какова грамота дана свекру еѣ конному псарю Өедору Мордвинову, да мужу еѣ Ивану, да дѣверю Афанасью Өедоровымъ Мордвиновымъ" (Писцов. кн. 689, лл. 1197—1198). Въ 1637 г. вдова Анна Мордвинова свою вотчину заложила Ивану Өомину Стрѣшневу; въ 1651 г. его сынъ Иванъ Ивановичъ Стрешневъ продалъ Ивану Жукову, а у него куплена въ 1658 г. Андреемъ и Иваномъ Луниными и въ 1665 г. продана сытнаго дворца стряпчему Кондратію Иванову Лунину. При этомъ владѣльцѣ пустошь Чудинова въ 1678 г. была деревнею, на которой были поселены, на вершинѣ рѣчки Хотешевки, 7 дворовъ задворныхъ людей. По смерти Кондратія Ив. Лунина деревня Чудинова досталась, въ 1683 г., его сыну Петру, а отъ него перешла къ его женѣ вдовѣ Аксиньѣ, она по промѣнной записи 1694 г. уступила дьяку Степану Ступину. Въ 1697 г., въ деревнѣ Чудиновой построена каменная церковь во имя Преображенія Господня, отъ чего деревня и стала называться селомъ по церкви Спасскимъ, Чудиново тожъ. У Степана Ступина имѣніе было отписано на великаго государя и въ 1700 г. пожаловано въ вотчину Автомону Ивановичу Иванову, при немъ въ селѣ Спасскомъ Чудиновѣ находилось 10 дв. крестьянскихъ съ 67 челов. и дворъ его вотчинниковъ съ дѣловыми людьми. Послѣ Автомона Иванова (умер. 1709 г.) селомъ владѣли его сынъ Николай, потомъ родной внукъ Сергѣй, умер. 1746 г. 6 ноября и за тѣмъ двоюродный братъ послѣдняго Василій Васильевичъ Ивановъ 1756 г. (Вотч. колл., по гор. Москвѣ, стар. л. кн. 26, № д. 27 и кн. 91, № д. 10; мол. л. кн. 25, № дѣла 86; кн. 77, № д. 15, отказн. кн. 30, л. 136; переписн. кн. 9811, л. 580—583 кн. 9816, л. 408.

40. Ц. Рождества Христова въ предѣлахъ Св. пророка Иліи селѣ Варваринѣ *).

Церковь во имя Рождества Христова съ придѣломъ Св. про[ро]ка Иліи каменная построена въ селѣ Варваринѣ, въ 1693 году. [В] приходной окладной книгѣ Патр. каз. приказа говорится: „въ про[ш]ломъ во 197 (1689) году, мая въ 6 день, по указу патріарха и [по] помѣтѣ на выпискѣ казначея старца Паисія Сійскаво, а по челобит[ью] стольника Сергѣя Иванова сына Милославскаго, велѣно ему въ в[от]чинѣ своей, въ московскомъ уѣздѣ, въ Шаховѣ стану, въ селѣ Ва[р]варинѣ, что на рѣкѣ Пахрѣ, построить вновь церковь Рождес[тва] Христова, да въ предѣлѣ Св. пророка Иліи, а дани положено на [ту] церковь, по сказкѣ человѣка ево Андреяна Закровскаго, съ дворо[въ] съ попова, съ дьячкова, съ просвирницына, съ вотчинникова, съ [...] дворовъ крестьянскихъ среднихъ и 10 бобыльскихъ, съ церковн[ой] земли, по памяти изъ помѣстнаго приказа 197 (1689) года, апр[ѣля] 29 дня, за приписью дьяка Василія Мануйлова, съ пашни съ 10 чет[вертей] съ сѣнныхъ покосовъ съ 10 копенъ, по указной статьѣ, 17 алт., [за]ѣзда гривна. И тѣ данныя деньги велѣно имать какъ къ той цер[кви] будетъ попъ благословленъ, или освященіи тоя церкви будутъ б[ить] челомъ. А по справкѣ съ записною книгою, что св. патріарха у к[ре]стовыхъ іеромонаховъ отпуску антиминсовъ, написано: 202 (1693) ноября 14 дня, даны два антиминса въ московскій уѣздъ, въ но[во]построенную церковь Рождества Христова, да въ предѣлѣ прор[ока] Иліи, а взялъ антиминсъ тоя жъ церкви попъ Іоаннъ. И въ нынѣ[ш]немъ въ 206 (1698) г., августа во 2 день, по указу патріарха и [по] помѣтѣ на выпискѣ казначея монаха Тихона Макарьевскаго, велѣ[но] съ той новопостроенной церкви данныя деньги взять прошлаго 202 года и на нынѣшній 206 годъ, всего на 5 лѣтъ, по 17 алтъ [...] заѣзда гривна на годъ, и внесть тоя новопостроенную церковь [въ] приходную книгу жилыхъ церквей. И августа въ 5 день, тѣ ден[ьги] три рубля 10 денегъ взяты, платилъ тоя жъ церкви попъ Іоан[нъ]. Въ тѣхъ же приходныхъ книгахъ за 1694—1739 годы, писано: „ц[ер]ковь Рождества Христова, да въ предѣлѣ Иліи пророка въ вотч[инѣ] стольника Сергѣя Иванова сына Милославскаго, въ селѣ Варвар[инѣ] на рѣкѣ Пехрѣ, дани 17 алт. заѣзда гривна"; а 1713 года, по [...] поряженію казеннаго приказа, велѣно: „на церковь Рождества Х[ристова]

*) Нынѣ Варварино, село Подольскаго уѣзда.

стова дани положить, по переписнымъ книгамъ Патр. каз. приказа, съ дворовъ: съ попова, съ дьячкова, съ одного вотчинникова да съ 65 крестьянскихъ, съ пашни съ 10 четьи съ сѣнныхъ покосовъ съ 10 копенъ рубль 9 алт. 3 ден." (Патр. прик. кн. 171, л. 142; кн. 174, 152; кн. 221, л. 192).

Въ 1704 г. „въ селѣ Варваринѣ церковь каменная"; при ней были: священникъ Сергѣй Кипріяновъ 1704—1722 г., дьячки: Григорій Архиповъ 1704 г., Осипъ Емельяновъ 1709 г., пономари: Иванъ Леонтьевъ 1704 г. и Дмитрій Сергѣевъ 1722 г. (Переписн. кн. 9814, л. 734).

Варварино, по писцовымъ книгамъ 7135 и 7136 (1627—1628) гг., деревня на рѣчкѣ Варваркѣ, у рѣки Похры, московскаго уѣзда, Замыцкой волости, вотчина за Пантелѣемъ, да за Степаномъ, да за Константиномъ Михайловыми дѣтьми Чирикова, въ деревнѣ 2 двора крестьянскихъ и дворъ бобыльскій, въ нихъ 4 челов.; владѣютъ они, Чириковы, тою деревнею по купчей 7096 (1588) года, что отецъ ихъ Михаилъ Ивановъ Чириковъ купилъ у Авдотьи Ивановой дочери Волчичева, Ивановской жены Чирикова" (Писцов. кн. 9807, л. 614—617). Въ 1646 г. деревнею Варвариною владѣли Степанъ Михайловъ и его племянникъ Алексѣй Пантелѣевъ Чириковы; въ 1678 г.—бояринъ Иванъ Богдановичъ Милославскій, при этомъ владѣльцѣ Варварино было обращено въ сельцо. Послѣ боярина Ив. Богд. Милославскаго и его жены Дарьи Прохоровны этимъ сельцомъ владѣлъ въ 1686 г. ихъ сынъ Сергѣй. Въ 1692 г. въ сельцѣ Варваринѣ построена каменная церковь во имя Рождества Христова, отъ чего сельцо и стало называться селомъ, по церкви Рождественскимъ, Варварино тожъ, которымъ владѣлъ въ 1708 г. Михаилъ Сергѣевичъ Милославскій (женатый первымъ бракомъ на Марьѣ Андреевнѣ урожд. княгини Шеховской, а вторымъ бракомъ—на Марьѣ Васильевнѣ урожденной княгини Мещерской), у нихъ были дѣти: Екатерина—жена Петра Степановича Колычева, Анна—жена князя Александра Михайловича Оболенскаго, дѣвица Клеопатра и Николай, послѣднему принадлежало село Рождествено въ 1738—1760 годахъ (Вотч. колл., по гор. Москвѣ, мол. л. кн. 13, № дѣла 16; кн. 40, № дѣла 20).

Въ дер. Варваринѣ находились въ 1646 г. 2 двора вотчинниковыхъ и 8 дв. крестьянскихъ; въ 1678 г. дворы: вотчинниковъ и скотный и 15 дв. крестьянскихъ и бобыльскихъ; въ 1704 г. въ селѣ Рождественѣ—дв. вотчинниковъ, въ которомъ жилъ прищикъ и дворы: скотный и конюшенный съ 13 челов. дѣловыхъ людей; къ сему принадлежала дер. Варварина съ 20 дв. крестьянъ (Переписн. кн. 9809, л. 626—627; кн. 9811, л. 74—75; кн. 9814, л. 734—736).

41. Ц. Спаса Нерукотвореннаго Образа въ селѣ Прохоровѣ *).

Спасская церковь въ селѣ Прохоровѣ построена около 1687 г. деревянная. Въ приходной окладной книгѣ Патр. каз. приказа имѣется запись: „въ прошломъ въ 206 (1698) году, февраля въ 3 день, писалъ къ святѣйшему патріарху московскаго уѣзда, Перемышльской десятины староста поповскій села Кленова николаевскій попъ Иванъ, а въ отпискѣ ево написано: въ Перемышльской десятинѣ, въ вотчинѣ стольника Сергѣя Милославскаго, въ селѣ Спасскомъ, Прохорово тожъ, построена церковь и попъ де у той церкви есть, а данных денегъ не платитъ, а что съ той церкви дани—того ему не вѣдомо. И по указу св. патріарха въ то село на попа посланъ казеннаго приказа приставъ по наказу, и по посылкѣ приставъ въ казенный приказъ тоя церкви попа Алексѣя явилъ; а въ допросѣ попъ Алексѣй сказалъ: въ селѣ де Спасскомъ, Прохорово тожъ, построена церковь во имя Всемилостиваго Спаса, а въ которомъ году построена церковь—того онъ не вѣдаетъ; а онъ де попъ Алексѣй къ той церкви посвященъ въ 200 (1692) году; а у той де церкви дворъ ево поповъ, а причетниковыхъ дворовъ нѣтъ, да въ приходѣ дворъ вотчинниковъ, да 6 дв. крестьянскихъ, а пашни церковной и сѣнныхъ покосовъ нѣтъ, а служитъ де онъ у той церкви съ 201 (1692) года декабря съ 22 числа. И въ нынѣшнемъ въ 207 (1699) году, марта 15 дня по указу патріарха и по помѣтѣ на выпискѣ Андрея Денисовича Владыкина велѣно: данныя деньги взять съ попова, съ вотчинникова и съ крестьянскихъ дворовъ съ 202 г. и на нынѣшній 207 годъ, всего на 7 лѣтъ, и внесть въ приходную книгу, а церковную землю пашню и сѣнные покосы велѣно справить и о строеніи благословенную грамоту спрашивать, какъ Сергѣй Милославскій изъ посылки будетъ. И дани положить съ попова, съ вотчинникова, съ 6 дворовъ крестьянскихъ молодчихъ 3 алт. 4 ден., заѣзда гривна" (Патр. прик. кн. 171, л. 142).

Спасская церковь по приходнымъ книгамъ того же каз. приказа писалась подъ Перемышльскою десятиною съ обозначеніемъ дани съ 1712—1739 гг. 17 алтынъ.

Въ записной книгѣ исходящихъ бумагъ каз. приказа за 1720 г. значится: „декабря во 2 день, запечатанъ указъ о строеніи церкви по челобитью стольника Сергѣя Иванова сына Милославскаго, велѣно

---

*) Нынѣ Прохорово, село Подольскаго уѣзда.

ему въ московскомъ уѣздѣ, въ вотчинѣ ево, въ селѣ Спасскомъ, вмѣсто ветхой деревянной церкви, на томъ же мѣстѣ построить вновь церковь во имя Всемилостиваго Спаса деревянную жъ; пошлинъ гривна взято" (Патр. прик. кн. 246, л. 96).

Подъ 1741 г. значится: „церковь Спаса Нерукотвореннаго образа деревянная"; (Вотч. колл. по гор. Москвѣ, мол. л. кн. 76, № д. 13). При ней были: священникъ Алексѣй Евстратовъ 1699—1722 гг. и его дѣти: дьячекъ Ѳеодотъ и пономарь Семенъ 1704—1722 г.

Село Прохорово въ 7135 (1627) г. подъ названіемъ: „пустошь Захаркова, на рѣчкѣ Рожаѣ, усть рѣчки Бобровки", находилась московскаго уѣзда, Замыцкой волости „въ обводныхъ земляхъ"; въ 7143 (1635) г. пустошь эта продана изъ помѣстнаго приказа Прохору Ѳедорову Данилову; при этомъ владѣльцѣ на ней были населены крестьяне и названа сельцомъ „Захаровскимъ, Захарково тожъ, въ которомъ находились въ 1646 г. дворы: вотчинниковъ, прикащичій и 3 дв. крестьянскихъ. По смерти Прохора Ѳедорова Данилова этимъ сельцомъ въ 1654 г. владѣлъ его сынъ Иванъ; а въ 1678 г.—бояринъ Иванъ Богдановичъ Милославскій, женатый на Дарьѣ Прохоровнѣ, урожд. Даниловой. Въ 1687 г., сельцо Захаровское, названное селомъ Прохоровымъ (по имени бывшаго владѣльца) съ находившеюся въ немъ церковью Всемилостиваго Спаса, принадлежало Сергѣю Ивановичу Милославскому, а въ 1737 г. оно продано Александромъ Сергѣевичемъ Милославскимъ Ивану Петрову Раговскому. Въ 1752 г. владѣла селомъ княжна Екатерина Ивановна Трубецкая, по закладной отъ Ивана Петрова Раговскаго (Вотч. колл. по гор. Москвѣ, ст. л. кн. 65, № дѣла 16; кн. 97, № дѣла 1; мол. л. кн. 76, № дѣла 13).

По переписнымъ книгамъ 7186 (1678) года: село Спасское, Захаровка тожъ, въ селѣ дворъ вотчинниковъ и 6 дворовъ крестьянскихъ, въ нихъ 22 челов.; въ 1704 г.—дворы: вотчинниковъ и конюшенный съ дѣловыми людьми и 22 дв. крестьянскихъ" (Переписн. кн. 9811, л. 567; кн. 9816, л. 438).

42. Ц. Покрова Пресвятыя Богородицы въ селѣ Покровскомъ *).

Въ селѣ Покровскомъ изстари была построена деревянная церковь во имя Покрова Пресв. Богородицы, которая стояла въ 1627 г. „безъ пѣнія" (Писцов. кн. 9808). Подъ 1646 г. находимъ въ селѣ Покровскомъ „церковь Покрова Богородицы, да въ предѣлѣ Николая чудотворца деревянная" (Переписн. кн. 9809, л. 606 об.).

*) Нынѣ село Покровское Подольскаго уѣзда.

Въ Покровскомъ разрѣшено построить новую церковь и о строеніи оной 7160 (1652) г. іюня въ 28 день, запечатана благословенная грамота, по челобитью Матвея Стрешнева, на два престола: Покрова Пресв. Богородицы, да Николы чудотворца, пошлинъ двѣ гривны; у грамоты припись дьяка Василья Потапова" (Патр. прик. кн. 31, л. 37).

Въ приходной книгѣ Патр. каз. приказа, за 7187 (1678) годъ, написано: „сентября въ 7 день, по указу патріарха и по помѣтѣ на выпискѣ дьяка Перфилія Сѣменникова обложена данью церковь Покрова Пресвятыя Богородицы въ московскомъ уѣздѣ, въ Перемышльской волости, въ вотчинѣ боярина Родіона Матвѣевича Стрешнева, въ селѣ Покровскомъ, а дани на тоя церковь положено съ дворовъ, по указной статьѣ, 17 алт. 4 ден., заѣзда гривна. И сентября въ 7 день тѣ деньги платилъ села Покровскаго попъ Иванъ". За послѣдующіе 1678—1693 гг. въ тѣхъ же приходныхъ книгахъ Покровская церковь писалась подъ Пехрянскою десятиною; а съ 1694 — 1739 гг. — подъ Перемышльскою. Церковной дани платилось въ 1712 — 1739 гг. 3 алт. (Патр. прик. кн. 97, л. 593; кн. 242 и 447).

По дозорнымъ книгамъ Патр. каз. приказа 7189 (1681) г. сентября 4 числа „въ селѣ Покровскомъ церковной земли, сѣнныхъ покосовъ и никакихъ угодій нѣтъ, а по сказкѣ попа Покровской церкви Ивана Поліектова, ему попу съ причетниками дается руга хлѣба,— ржи и овса 20 чети, денегъ нѣтъ" (Патр. прик. кн. 141, лл. 78 и 762).

Въ 1687 г. при Покровской церкви находились два предѣла: Николая чудотворца и св. Апостола Иродіона. Въ 1703 г. Иванъ Родіоновичъ Стрешневъ отдалъ изъ своей земли въ селѣ Покровскомъ четвертей въ церкви Покрова Богородицы (Вотч. колл. по гор. Москвѣ, ст. л. кн. 49, № дѣла 40; отказн. кн. 34, № 6).

Въ Синодальномъ каз. приказѣ производилось дѣло о построеніи каменной церкви въ селѣ Покровскомъ. Дѣло началось по прошенію стольника Ивана Родіоновича Стрешнева, поданному въ казенный приказъ 1722 г. апрѣля 20, въ своемъ прошеніи Стрешневъ объяснялъ: „Въ подмосковной ево вотчинѣ въ Замыцкой волости, въ селѣ Покровскомъ изстари построена деревянная церковь во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, да въ предѣлѣ Николая чудотворца, да св. Апостола Иродіона и оная де церковь съ предѣлы ветха и служить въ ней невозможно, того ради обѣщался онъ, чтобы въ томъ селѣ построить новую церковь каменную, да предѣлъ въ трапезѣ Николая чудотворца, а безъ указу оную церковь и предѣлы разобрать и новыхъ строить не смѣетъ, и чтобъ повелѣно было о строеніи вновь каменной церкви

о имя Покрова Пресв. Богородицы, да предѣлъ Николая чудотворца ать ему указъ".

Въ Син. каз. приказѣ того же числа состоялось опредѣленіе: „о троеніи церкви дать благословленная грамота; но токмо о каменномъ троеніи бить челомъ гдѣ надлежитъ, понеже именнымъ указомъ каменнаго строенія строить запрещено".

Вслѣдствіе сего прошенія на справку выписано: „въ приходной нигѣ жилыхъ данныхъ церквей прошлыхъ лѣтъ и нынѣшняго 1722 оду въ московскомъ уѣздѣ, въ Перемышльской десятинѣ, написано: ерковь Покрова Пресвятыя Богородицы въ Перемышльской волости, ю въ вотчинѣ боярина Родіона Матвѣевича Стрешнева, въ селѣ Покровскомъ, дани и заѣзда и десятильнича доходу 31 алт., казенныхъ ошлинъ 5 алт. 2 ден. и тѣ деньги плачены. А по писцовымъ книмъ у вышеписанной церкви пашни и сѣнныхъ покосовъ и приходихъ дворовъ, не написано. Въ переписныхъ же книгахъ 1703 г. у й церкви написано два попа въ приходѣ 71 дворъ, пашни церков- и 7 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 10 копенъ".

По этому дѣлу послѣдовала резолюція: „1722 года августа въ 17 нь дать грамота о строеніи по указу".

Того же августа въ 25 день изъ Синод. каз. приказа выданъ азъ Ивану Родіоновичу Стрешневу „о строеніи каменной церкви окрова Богородицы съ предѣломъ Николая чудотворца теплую.

Церковь каменная въ селѣ Покровскомъ была построена и 1726 да, апрѣля въ 22 день, вслѣдствіе прошенія его же, Стрешнева, по агословенію преосвященнаго Леонида архіепископа сарскаго и поискаго, выданъ указъ изъ Синод. каз. приказа протопопу Большаго спенскаго собора Симеону Лукину велѣно „предѣльную церковь во я Николая чудотворца, буде построена, освятить ему протопопу по овоисправному требнику, какъ о томъ напечатано, и для того освяенія антиминсъ выдать попу Аѳанасію".

Камеръ-юнкеръ Василій Ивановъ Стрешневъ въ прошеніи, поданомъ въ Синод. каз. приказъ 1728 г. апрѣля въ 26 день писалъ: „въ осковскомъ уѣздѣ, въ вотчинѣ его, въ селѣ Покровскомъ построена аменная церковь во имя Покрова Богородицы и ко освященію приготовлена и чтобы указомъ повелѣно было въ вышеозначенную церковь дать освященный антиминсъ и для освященія послать архангельскаго собора протопопа".

На прошеніи написано: „1728 году іюля во 2 день дать указ освященіи, которой послать къ Успенскому протопопу" (Патр. прик.

вызка 448, № дѣла 748; кн. 262, л. 154). Въ 1704 г. при Покровско церкви были: священникъ Иванъ Поліевктовъ, дьячекъ Иванъ Өедоровъ

Село Покровское, на рѣчкѣ Песоченкѣ, по писцовымъ книгам 7135 и 7136 (1627—1628) гг. находилось московскаго уѣзда, Пер мышльской волости—часть этого села „въ вотчина за Терюшным Леонтьевымъ сыномъ Облязовымъ, что ему дано за московское оса ное сидѣнье въ королевичевъ приходъ, и три части—въ помѣстьи Мнкифоромъ Ивановымъ сыномъ Нерыбинымъ, за Алексѣемъ Васил евымъ сыномъ Облязовымъ, за Васильемъ Григорьевымъ сыномъ Свѣр ковымъ, и Разряднаго приказа за подъячимъ Иваномъ Сѣверовым что прежъ сего было за княземъ Михайломъ Котыревымъ—Росто скимъ, за Петромъ Никитичемъ Шереметевымъ, въ селѣ церковь П кровъ Пречистыя Богородицы, древяна клѣтцки, стоитъ безъ пѣнія, церкви мѣсто попово, мѣсто церковнаго дьячка, мѣсто пономарево; въ селѣ жъ дворъ вотчинниковъ, дворъ помѣщиковъ съ дѣловыми ниxъ людьми, дв. прикащиковъ, 4 дв. людскихъ и 2 дв. бобыльских (Писцов. кн. 9808, л. 147—151 и 237). Въ 1646 г., село Покровск принадлежало Матвѣю Ивановичу Стрешневу, въ 1678—1686 гг. боярину Родіону Матвѣевичу, въ 1687—1726 гг.—его сыну Ивану 1728—1782 гг.—внуку Василію Ив. Стрешневымъ (Вотч. колл. гор. Москвѣ, мол. л. кн. 57, № дѣла 9; отказн. кн. 34 № 6).

Въ селѣ Покровскомъ находилось въ 1646 г. 9 дв. крестья скихъ и бобыльскихъ и дворъ вотчинниковъ съ дѣловыми людьми; 1678 г.—8 дв. крестьянскихъ; въ 1704 г.—7 дв. крестьянскихъ дворъ вотчинниковъ съ дѣловыми людьми (Переписн. кн. 9809, л. 6 кн. 9811, л. 367—368; кн. 9816, л. 288).

43. Ц. Рождества Пресвятыя Богородицы въ селѣ Васькинѣ *).

Церковь Рождества Пресв. Богородицы съ двумя предѣлами менная построена въ селѣ Васькинѣ въ 1700 г. Въ приходной окл ной книгѣ Патр. каз. приказа написано: „1700 года, мая въ 28 де по указу патріарха и по помѣтѣ на выпискѣ монаха Тихона Мака евскаго, положено новопостроенной церкви Рождества Пресв. Бо родицы, которую построилъ окольничій Михаилъ Тимофеевичъ Ли чевъ въ московскомъ уѣздѣ, въ Замыцкой волости, въ вотчинѣ сво въ селѣ Васькинѣ, на попа съ причетники дани, по сказкѣ челов

---

*) Нынѣ Васькино, село Серпуховскаго уѣзда.

его Семена Петрова, съ дворовъ: съ попова, съ дьячкова, съ просвирницына, съ одного вотчинникова, съ 8 дворовъ крестьянскихъ молодчихъ, да по памяти изъ Помѣстнаго приказа, за приписью дьяка Ивана Шеина, съ церковной земли съ пашни съ 10 четвертей въ полѣ, а дву потомужъ, съ сѣнныхъ покосовъ съ 15 копенъ, по указной статьѣ, 14 алт. 4 ден., заѣзда гривна. И тѣ данныя деньги велѣно имать съ нынѣшняго 1700 г.“.

„1700 г., сентября въ 5 день, по благословенной грамотѣ, выданы три антиминса въ московскій уѣздъ, въ новопостроенную церковь Рождества Пресв. Богородицы, да въ предѣлы Друга Божія Лазаря, да преподобнаго Никиты столпника Переяславскаго чудотворца, въ Замыцкой волости, въ вотчинѣ окольничаго Михаила Тимофеевича Лихачева, въ село Васькино на новое мѣсто“ (Патр. прик. кн. 174, л. *158 об.*; кн. 138, л. 193).

По приходнымъ окладнымъ книгамъ того же каз. приказа церковь Рождества Пресв. Богородицы писалась подъ Перемышльскою десятиною съ обозначеніемъ дани съ 1701—1711 г. 14 алт. 4 ден., заѣзда гривна; а съ 1712—1739 гг. дани 28 алт. (кн. 191, л. 139; кн. 447).

Подъ 1708 г., значится: въ селѣ Васькинѣ церковь Рождества Богородицы каменная съ двумя предѣлами Лазарево воскресеніе и преподобнаго отца Никиты столпника (Вотч. колл. по гор. Москвѣ, стар. л. кн. 35, № д. 11). При церкви были священники: Харитонъ Кавельевъ 1704—1710 г. и Василій Харитоновъ 1722 г., бывшій дьячкомъ при оной же церкви въ 1704—1710 гг., дьячекъ Андрей Васильевъ и пономарь Иванъ Ивановъ 1722 г.

Васькино, по писцовымъ книгамъ 7135 и 7136 (1627—1628) гг.,—„деревня, по обѣ стороны рѣчки Люторицы“, московскаго уѣзда, Замыцкой волости, „помѣстье за Петромъ Игнатьевымъ сыномъ Рыбинымъ, что было за Никитою Собынинымъ, въ деревнѣ дворъ помѣщиковъ“ въ которомъ жили дѣловые люди помѣщика Рыбина, и 6 дворовъ крестьянскихъ съ 12 челов“. Въ 1629 г. это помѣстье продано изъ Помѣстнаго приказа въ вотчину Венедикту (умерш. 1635 г. *) и Галактіону Маховымъ, у которыхъ оно было отписано на великаго государя, а въ 1640 г. продано изъ того же Помѣстнаго приказа Никитѣ Наумову Бѣглецову. При этомъ владѣльцѣ Васькино было сельцомъ. По смерти Никиты Бѣглецова владѣла сельцомъ его жена вдова

*) Въ приходной книгѣ за 7143 (1635) г. значится: „августа въ 28 день, и запрудную свѣчу и за ладонъ 8 алт. 2 денги взято на погребеніе, отпѣвалъ государь патріархъ у Антипія чудотворца, въ Чертольѣ, дьяка Венедикта Махова (кн. 196, л. 693).

Анна, а отъ нея перешло къ родному ея брату Никитѣ Филатьеву Лиха‘ ву. Въ 1689 г. оно досталось по духовному завѣщанію окольничему М хаилу Тимофеевичу Лихачеву, при которомъ въ сельцѣ Васькинѣ бы построена церковь, отъ чего сельцо и стало называться селомъ по цер Рождественскимъ, Васькино тожъ. Въ 1708 г. жена окольничаго Мих ла Тимоф. Лихачева вдова Татьяна Никитична продала село Рож ствено князю Матвѣю Петровичу Гагарину, а у него оно куплено томъ же году Автамономъ Ивановичемъ Ивановымъ; въ 1721 г. п надлежало его сыну Николаю Автамонову, умерш. 1731 г., а по перешло къ его женѣ вдовѣ Аннѣ Ивановой (бывшей за вторымъ жемъ Бредихинымъ) съ дѣтьми: Сергѣемъ, Татьяною, Аграфеною, М фою и Дарьею Николаевыми Ивановыми; въ 1743 г. они между бою имѣнія, находившіяся въ разныхъ уѣздахъ, раздѣлили и село Р дествено, Васькино тожъ, досталось Сергѣю Иванову, умерш. 174 а отъ него перешло къ его матери и сестрамъ Аграфенѣ по м Тютчевой, и дѣвицѣ Марфѣ (Писцов. кн. 9802; вотч. колл., по Москвѣ, ст. л. кн. 35, №№ дѣлъ 4 и 11).

Въ дер. Васькинѣ находились въ 1646 г. дворы вотчиннико скотный съ дѣловыми людьми и 4 дв. крестьянскихъ съ 9 челов. 1678 г.—дворъ вотчинниковъ съ дѣловыми въ немъ людьми и 3 крестьянскихъ съ 13 челов.; въ 1704 г. въ селѣ Васькинѣ — дв вотчинниковъ и скотный съ дѣловыми людьми и 13 дв. крестьянск (Переписн. кн. 9809, л. 647—648, кн. 9811, л. 579—580; кн. 9 л. 389).

44. Ц. Похвалы Пресвятыя Богородицы въ селѣ Дальнемъ регѣ *).

Церковь Похвалы Богородицы построена въ 1705 г. Въ П аршемъ приказѣ производилось дѣло о построеніи оной церкв прошенію князя Ивана Андреевича Голицына. Онъ въ прошеніи данномъ въ приказъ 1704 г. октября 1, писалъ „державнѣйшій государь милостивѣйшій, въ московскомъ уѣздѣ, въ Сѣтунскомъ с вотчина у меня село Марково, а въ томъ селѣ церковь Божія во Похвалы Пресв. Богородицы, а у той церкви приходскихъ дво ничего нѣтъ, только одинъ дворъ вотчинниковъ, и священника

*) Нынѣ Бережки (Похвальное), село Подольскаго уѣзда, приписано селу Коледину.

жественной службы въ ней нѣтъ, а въ томъ же, государь, московскомъ уѣздѣ, въ Ростовской волости, вотчина у меня сельцо Дальній Берегъ, а въ немъ дворъ помѣщиковъ и со крестьяны, и въ томъ сельцѣ обѣщаніе у меня построить вновь церковь Божію во имя Похвалы Пресв. Богородицы. Всемилостивѣйшій государь, прошу вашего величества, вели государь изъ того села Маркова церковь Божію перевести въ вотчину жъ мою въ сельцо Дальній Берегъ и построить и о томъ вели государь пресвящ. Стефану митрополиту рязанскому и муромскому дать благословенную грамоту".

На прошеніи написано: „дать благословенная грамота церковь перевесь".

Того же года, декабря 7, помѣстный приказъ прислалъ въ казенный приказъ память, въ которой между прочимъ говорится: „вслѣдствіе челобитья жены князя Ивана Андреевича Голицына Прасковьи изъ ея вотчины деревень Ближніе Берешки и Дальней Берешки, на рѣчкѣ Конопенкѣ, утверждено земли 10 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 10 копенъ къ новопостроенной церкви Похвалы Пресв. Богородицы.

Въ казенномъ приказѣ по сему прошенію на справку выписано: „въ приходной книгѣ жилыхъ данныхъ церквей нынѣшняго 1704 г. въ Загородской десятинѣ написано: церковь Похвалы Пресв. Богородицы въ вотчинѣ Ивана Богдановича Хитрово, жены его боярыни вдовы Акилины Афанасьевны въ селѣ Марковѣ, дани на 1701 и на нынѣшній 1704 годы по 13 алт. съ деньгою, заѣзда гривна и тѣ деньги не плачены. А прибыла та церковь и данью обложена въ 7195 г."

„Князя Ив. Андреевича Голицына человѣкъ его Иванъ Картавой сказкою объявилъ: у церкви Похвалы Богородицы, которая передена будетъ и построена въ сельцѣ Дальнемъ Берегу, будетъ дворъ поповъ, дворъ дьячковъ, дв. просвирницынъ, да въ приходѣ дворъ вотчинниковъ, 6 дв. крестьянскихъ среднихъ".

И буде великій государь князя Ивана Голицына пожалуетъ велить вышеписанную церковь изъ вотчины его изъ села Маркова перевесть и построить въ вотчинѣ его въ сельцѣ Дальнемъ Берегу во имя Похвалы Богородицы дани положить, по сказкѣ человѣка его, а прежнюю церковную землю въ селѣ Марковѣ положить въ оброкъ, по указной статьѣ, и имѣтца дани съ дворовъ: съ попова 4 деньги, съ дьячкова съ просвирнина по одной деньгѣ, съ приходскихъ съ одного двора вотчинникова 6 денегъ, съ 6 дворовъ крестьянскихъ среднихъ по 3 деньги съ двора, съ церковной земли пашни съ 10 чети, по 3 деньги съ чети, съ 10 копенъ сѣнныхъ покосовъ, по 2 деньги

съ копны, итого 13 алт. 2 ден., заѣзда гривна, казенныхъ пошлин 5 алт. 4 ден., десятильнича доходу 10 алт., а всего 32 алт. 2 ден А съ церковной земли, что въ селѣ Марковѣ доведется оброку положить съ пашни 10 чети, по 3 деньги съ чети, сѣнныхъ покосов съ 10 копенъ, по 2 деньги съ копны, итого 8 алт. 2 ден., казенныхъ пошлинъ 2 алт. 2 деньги, а всего 11 алт. 1 ден.".

По этому дѣлу послѣдовала резолюція Патр. каз. приказа: „170 года, мая 1 дня, вышеписанную дань имать какъ церковь посвящен будетъ, съ будущаго 1706 года, а съ прежнія тоя церкви земли сѣнныхъ покосовъ имать оброкомъ съ того жъ году и внести тѣ новоданныя деньги въ жилые книги, а прежнюю землю въ книгу пустовыхъ земель" (Патр. прик., № дѣла 134).

Въ приходныхъ книгахъ казеннаго приказа писалось: „церков Похвалы Пресв. Богородицы въ вотчинѣ князя Ивана Андревича Голицына въ селѣ Дальнемъ Берегу". Церковной дани по окладу 1712—1739 гг. 26 алт. 4 деньги (кн. 191 л. 140; кн. 197, л. 141 и кн 447).

При церкви были священники въ 1710 г. Тихонъ, въ 1729 г.— Иванъ Семеновъ (Патр. прик. кн. 324, л. 63).

Церковная земля въ селѣ Марковѣ находилась въ оброкѣ с 1706 по 1728 г. у князя Ивана Андреевича Голицына съ плато оброка по 8 алт. 2 ден. и пошлинъ по 2 алт. 2 ден. въ годъ; а с 1728 по 1745 г. отдавалась въ оброкъ разнымъ лицамъ.

1746 г. Никита Григорьевъ Тихменевъ въ прошеніи, поданном въ Синодальное экономическое правленіе, писалъ: „по окладным оброчнымъ книгамъ пишется пустовая церковная земля Похвалы Прес Богородицы, что въ селѣ Марковѣ, изъ оброку и пошлинъ по 33 ко на годъ, а нынѣ оную землю желаетъ взять изъ оброку онъ во вл дѣніе и сверхъ прежняго оброку и пошлинъ наддаетъ 17 коп. и пр силъ, чтобъ повелѣно было помянутую церковную землю отдать ем во владѣніе изъ вышеписанной наддачи впредь на 20 лѣтъ и для вл дѣнія дать ему данную" (Синод. экон. прав. связка 347, № дѣла 77

Дальній Берегъ (въ другомъ мѣстѣ Долгій Берегъ) по писц вымъ книгамъ 7135 и 7136 (1627 и 1628) гг.—„деревня, по обѣ ст роны рѣчки Конопенки", московскаго уѣзда, Ростовской волости,- вотчина за бояриномъ Васильемъ Петровичемъ Морозовымъ", въ д ревнѣ числилось 4 дв. крестьянскихъ, а въ 7154 (1646) г.—3 д крестьянскихъ (Писц. кн. 9807, л. 691—692 и переписн. кн. 98 л. 663). Потомъ этою вотчиною владѣла сестра (?) боярина Ива Васильевича Морозова (во инокахъ Іакимъ) вдова Степанида Сем

новна; въ 1687 г. продана князю Василію Васильевичу Голицыну, у него всѣ имѣнія были отписаны на великаго государя; въ въ 1690 г. деревня Дальній Берегъ безъ крестьянъ пожалована отъ великаго государя Матвѣю Григорьевичу Башмакову, послѣ его смерти владѣли въ 1701 г. его родной братъ Петръ Григорьевичъ съ сыномъ Осипомъ они промѣнили въ 1702 г. думному дворянину Борису Ивановичу Лихареву и за нимъ записано въ переписныхъ книгахъ 1704 г. такъ: „сельцо Верхній (Дальній и Долгій) Бережокъ, на прудѣ, а въ сельцѣ дворы вотчинниковъ и скотный съ дворовыми людьми, къ тому жъ сельцу деревня Нижній Бережокъ съ 3 дв. крестьянъ; сельцо и деревня поселены послѣ 1678 года, а крестьяня переведены изъ сельца Поливанова, Мясоѣдово тожъ". Потомъ владѣла этимъ имѣніемъ дочь Бориса Лихарева Прасковья, жена князя Ивана Андреевича Голицына, при которомъ въ этомъ сельцѣ и была построена церковь во имя Похвалы Пресв. Богородицы (Вотч. колл. по гор. Москвѣ, стар. лѣт., кн. 48, № дѣла 20 и мол. л. кн. 11, № дѣла 11; переписн. кн. 9814, л. 427—428).

45. Ц. Іоанна Богослова въ селѣ Красномъ Паховѣ *).

Церковь Іоанна Богослова построена въ 1706 г. каменная. Въ прошеніи, поданномъ въ помѣстный приказъ 1703 г. мая 6 дня, отъ имеритинскаго царя Арчила, написано: „обѣщаніе сына моего Александра построить въ московскомъ уѣздѣ, въ подмосковной своей вотчинѣ, въ селѣ Красномъ, Пахово тожъ, церковь во имя Іоанна Богослова каменную, а къ той церкви земли даетъ священнику съ причетники 10 четвертей, да сѣнныхъ покосовъ 10 копенъ" и просилъ, чтобы оную землю утвердить за оною церковью и объ этомъ увѣдомить патріаршій казенный приказъ. Вслѣдствіе этого прошенія помѣстнымъ приказомъ того же года, декабря 24 числа, дано было знать патріаршему приказу, что земля съ сѣнными покосами утверждена къ церкви Іоанна Богослова, которая будетъ построена въ сельцѣ Красномъ, Пахово тожъ (Вотч. колл. по гор. Москвѣ, ст. л. кн. 4, № дѣла 13).

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1706 г. царь Арчилъ Вахтангѣевичъ Имеритинскій входилъ съ прошеніемъ въ Патр. казенный приказъ, въ которомъ объяснялъ: „въ прошломъ, государь, 1703 году по обѣщанію

*) Нынѣ Красное (Пахово), село Подольскаго уѣзда.

сына моего царевича Александра въ московскомъ уѣздѣ, въ подмосковной ево вотчинѣ, въ селѣ Красномъ, Пахово тожъ, построилъ я церковь каменную во имя Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова а та церковь еще не освящена, и просилъ дать ему изъ Патріаршаго приказа освященную грамоту". По этому прошенію въ Патр. каз. приказѣ, 1706 г., декабря 20 числа, послѣдовало распоряженіе: „новопостроенной церкви Іоанна Богослова, которую построилъ подданный царь Арчилъ Вахтангѣевичъ Имеретинскій въ вотчинѣ своей въ селѣ Красномъ, Пахово тожъ, на попа съ причетники дани положить, по сказкѣ человѣка ево Леонтія Юрьева, съ дворовъ: съ попова, съ дьячкова, съ пономарева, съ просвирницына, да съ приходскихъ: — съ одного вотчинникова, съ 100 крестьянскихъ среднихъ, да съ церковной земли, по памяти какова вынесена изъ помѣстнаго приказа, за приписью дьяка Анисима Невѣжина, прошлаго 1703 года, декабря 24 числа, пашни съ 10 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, съ сѣнныхъ покосовъ съ 10 копенъ, по указной статьѣ, рубль 27 алтынъ съ деньгою, заѣзда гривна". (Патр. прик. № дѣла 85; приход. кн. 197, л. 170; кн. 206, л. 156 и кн. 447).

Въ 1709 г. церковь Іоанна Богослова стояла не освященною (Переписн. кн. 9820, л. 292). И когда она была освящена изъ документовъ не видно.

Въ 1712—1739 гг. церковной дани по окладу платилось 2 руб. 7 алт. съ деньгою.

Пахово, по писцовымъ книгамъ 7135 и 7136 (1627—1628) гг.— „сельцо, на рѣкѣ Пахрѣ, московскаго уѣзда, Лукомскаго стана, „помѣстье за бояриномъ княземъ Иваномъ Борисовичемъ Черкасскимъ; въ сельцѣ дворъ боярскій съ дѣловыми людьми и дворъ конюшенный, да за рѣкою за Пахрою, на перевозѣ, на калужской дорогѣ, 3 дв. бобыльскихъ съ 4 челов." Къ этому сельцу принадлежали деревни Горки, на рѣкѣ Пахрѣ, и Гавриловка, а Страдань тожъ, на рѣчкѣ Страдани (Писцов. кн. 9807, л. 422—424).

Въ 1646 г. этимъ помѣстьемъ владѣлъ князь Яковъ Куденстовичъ Черкасскій (племянникъ кн. Ив. Бор. Черкаскаго); въ 1648 г. оно пожаловано Ильѣ Даниловичу Милославскому, а отъ него перешло въ 1668 г. къ его племяннику Ивану Михайловичу Милославскому, по смерти котораго оно досталось въ 1695 г. имеритинскому царевичу Александру Арчиловичу (женатому на Ѳедосьѣ Михайловнѣ Милославской), при этомъ владѣльцѣ сельцо Пахово, Красное тожъ было селомъ. Послѣ царевича Александра Арчиловича (умерш. 1711 г.) имѣніе досталось его родной сестрѣ царевнѣ Дарьѣ Арчиловнѣ, она отказала по духовному завѣщанію 1728 г. родной племянницѣ Софьѣ

Александровнѣ (бывшей замужемъ за княземъ Егоромъ Леонтіевичемъ Дадіанъ). Въ 1816 г. селомъ Паховымъ владѣли князья: Дмитрій, Александръ и Сергѣй Николаевичи Салтыковы, которымъ оно досталось отъ ихъ отца князя Николая Ивановича и матери княгини Наталіи Владиміровны Салтыковыхъ. (Вотч. колл., по гор. Москвѣ, ст. л. кн. 99, № дѣла 7; мол. л., кн. 45, № дѣла 19; кн. 81, № дѣла 14; кн. 60, № дѣла 6).

Въ с. Паховѣ находились въ 1646 г. дворы: боярскій и конюшенный, въ которомъ жили прикащикъ и дѣловые люди, въ дер. Горкѣ, Гавриловской, а Страдань тожъ, и Слободкѣ 56 дв. крестьянскихъ и 2 дв. бобыльскихъ, въ нихъ 100 челов.; въ 1678 г.—въ сельцѣ дворы: вотчинниковъ, конюшенный и скотный, въ нихъ 5 челов. и въ деревняхъ: 19 дв. крестьянскихъ въ нихъ 69 челов. и 43 дв. бобыльскихъ, въ нихъ 90 челов.; въ 1704—въ сельцѣ дворы: вотчинниковъ скотный и конюшенный (Переписн. кн. 9809, л. 534—536; кн. 9811, л. 406—409; кн. 9816, л. 212).

46. Ц. Рождества Пресвятыя Богородицы въ селѣ Толбинѣ *).

Церковь Рождества Богородицы построена въ селѣ Толбинѣ въ 1733 г. Въ записной книгѣ исходящихъ бумагъ Синод. каз. приказа за 1728 г., значится: „ноября 27 дня, запечатанъ указъ Давыдовой пустыни, что въ московскомъ уѣздѣ, въ Хотунской десятинѣ, игумену Іакову, по челобитью генералъ кавалера князя Григорія Дмитріевича Юсупова-Княжева, велѣно: противъ его челобитья въ московскомъ уѣздѣ, въ Перемышльской десятинѣ, пустовыя церковныя Покрова Богородицы и Дмитрія Селунскаго земли оному игумену учинить правдивое слѣдствіе, а именно: къ новопостроенной церкви въ приходѣ колико приходскихъ дворовъ число порознь будетъ и тѣ приходскіе дворы на предъ сего въ которыхъ приходахъ обрѣтались и оныя церковныя земли отъ другихъ церквей и отъ онаго его сіятельства сельца Толбина въ коликомъ разстояніи верстъ имѣются и, учиня оное слѣдствіе, прислать въ Синодальный казенный приказъ при обычайномъ доношеніи; пошлинъ 8 алтынъ 2 деньги и полторы чети взято“. Новопостроенная церковь въ селѣ Толбинѣ была обложена данью. Объ этомъ въ приходной окладной книгѣ Патр. каз. приказа имѣется запись: 1733 г., іюня въ 8 день, по указу ея императорскаго вели-

*) Нынѣ Толбино (Рождествено), сельцо Подольскаго уѣзда.

чества и по благословенію святѣйшаго правительствующаго синода, велѣно: новопостроенную церковь Рождества Пресвятыя Богородицы, которая построена въ прошломъ 1732 году, по прошенію покойнаго генералъ - лейтенанта и кавалера и лейбъ гвардіи преображенскаго полка подполковника князя Григорія Дмитріевича Юсупова, въ вотчинѣ его, въ московскомъ уѣздѣ, въ Перемышльской десятинѣ, въ Замыцкой волости, въ селѣ Толбинѣ, а освящена по прошенію онаго генерала и кавалера князя Григорія Дмитріевича Юсупова-Княжева жены его вдовы Анны Никитишны, въ нынѣшнемъ 1733 году, дани положить, противъ прочихъ церквей, съ дворовъ: съ попова 2 деньги съ дьячкова, съ пономарева, съ просвирницына по деньгѣ, да съ приходскихъ съ 10 дворовъ крестьянскихъ среднихъ по 3 деньги съ двора, да съ данной отъ показанной княгини Юсуповой къ той церкви 15 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ, по 3 деньги съ четверти, сѣнныхъ покосовъ съ 15 копенъ, по 2 деньги съ копны, итого 18 алт. 4 ден., заѣзда 3 алт. 2 ден., десятильнича доходу 10 алтынъ, казенныхъ пошлинъ 5 алт. 4 ден., на подмогу полковымъ попамъ 3 алт. 2 ден., всего одинъ рубль 7 алт. 4 ден. 1734 г. генваря въ день оныя деньги на 1733 годъ въ приходъ записаны и отпись отправлена" (Патр. прик. кн. 315, л. 50; кн. 356, л. 97 об.).

Церковь Рождества Пресвятыя Богородицы въ селѣ Толбинѣ писалась въ приходныхъ окладныхъ книгахъ того же каз. приказа съ 1734 по 1740 г. подъ Перемышльскою десятиною.

Село Толбино въ 7186 (1678) г.—сельцо, московскаго уѣзда, Перемышльской волости, одна половина онаго сельца находилась въ вотчинѣ за Даниломъ, Прокофьемъ и Ѳедоромъ Евтропьевыми Коптевыми, а другая половина -въ помѣстьи за рейтаромъ Михаиломъ Григорьевымъ Бидѣевымъ, въ сельцѣ показаны: „дворъ вотчинниковъ, дворъ помѣщиковъ, въ нихъ 6 человѣкъ, 5 дв. задворныхъ, людей въ нихъ 12 челов. и 6 дв. крестьянскихъ и бобыльскихъ, въ нихъ 22 челов.; въ 1704 г. сельцо Толбино съ 15 дворами крестьянъ и 2 дв. вотчинниковыхъ принадлежало стольнику князю Григорію Дмитріевичу Юсупову-Княжеву и Борису, Ивану, Гавріилу, Іову и Петру Михайловымъ Бидѣевымъ, послѣ князя Григорія Дмитр. Юсупова-Княжева владѣлъ его сынъ князь Григорій; въ 1754 г. жена послѣдняго вдова княгиня Марья Петровна, бывшая за вторымъ мужемъ за княземъ Николаемъ Сергѣевымъ Долгоруковымъ, продала указную свою часть имѣнія въ селѣ Толбинѣ князю Борису Григорьевичу Юсупову-Княжеву. (Переписн. кн. 9811, л. 561 об. 610 -611 кн. 9816, л. 259—261; вотч. колл. по гор. Москвѣ мол. л. кн. 1, № дѣла 12).

47. Ц. Іоанна Богослова въ селѣ Жадочи *).

Въ казенномъ приказѣ производилось дѣло о построеніи въ селѣ Жадочи каменной церкви во имя Іоанна Богослова. Въ прошеніи, поданномъ въ оный приказъ 1715 года, въ іюлѣ мѣсяцѣ жена думнаго дьяка Перфилія Ѳедоровича Оловянникова вдова Ирина Никифоровна писала: „Державнѣйшій царь, государь милостивѣйшій, въ московскомъ, государь, уѣздѣ, въ Шаховѣ стану, въ сельцѣ Жадочи обѣщаніе у меня есть, въ томъ моемъ сельцѣ построить вновь церковь каменную во имя Іоанна Богослова, а безъ указу великаго государя на то церковное строеніе всякихъ припасовъ готовить и церковь строить не смѣю. Всемилостивѣйшій государь, прошу вашего величества, вели государь преосвященному Стефану, митрополиту рязанскому и муромскому о строеніи новой церкви дать мнѣ свой великаго государя указъ".

1715 г. помѣстный приказъ увѣдомилъ патр. приказъ, что „вдова Ирина думнаго дьяка Перфилья Ѳедоровича жена Оловянникова въ прошеніи, поданномъ въ помѣстный приказъ объясняла: вотчина де у нее въ московскомъ уѣздѣ, въ Шаховѣ стану, сельцо Жадычь и та вотчина по купчей справлена за мужемъ ея, а въ той вотчинѣ обѣщаніе мужа ея и ее построить вновь каменную церковь во имя Іоанна Богослова, а къ той церкви приказалъ мужъ ея дать земли 10 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ, да на тѣ четверти сѣнныхъ покосовъ на четверть по копнѣ. А въ дачѣ 197 (1688) года декабря въ 3 день, написано: дано дьяку Перфилью Ѳедорову сыну Оловянникову, купленная вотчина, что онъ купилъ у Андрея да у Михаила Борисовыхъ дѣтей Стараго-Милюковыхъ въ московскомъ уѣздѣ, въ Шаховѣ стану, сельцо, что было село Жадычь, на рѣчкѣ на Жадычѣ, съ пустошми, а въ нихъ по писцовымъ книгамъ московскаго уѣзда, письма и мѣры Ѳедора Пушкина, да дьяка Андрея Строева 136 и 137 годовъ и по дачѣ 145 и 190 годовъ написано: пашни въ сельцѣ Жадычь, да въ пустошахъ Горней и Медвѣжинской, а Медвѣдково тожъ, съ пустошми 89 четвертей. И великій государь указалъ справить земли къ церкви по указу 10 четвертей".

Резолюція патр. приказа: „взять къ челобитью, а у челобитчика взять сказка о приходскихъ дворахъ и дань росписать".

---

*) Нынѣ полагаемъ Жадочи, сельцо Верейскаго уѣзда.

„А у выписи думнаго дьяка Перфилья Федорова сына Оловенникова жены сво вдовы Ирины Никифоровой человѣкъ её Данила Степановъ сказалъ: у вышеписанной де новопостроенной церкви Іоанна Богослова, которая будетъ строиться въ вышеписанномъ сельцѣ Жадочь, будетъ дворъ поповъ, дворъ дьячковъ, дворъ просвирницынъ, да приходскихъ въ томъ сельцѣ Жадочь дворъ помѣщиковъ да два двора крестьянскихъ. И на тоѣ церковь дани доведется положить съ дворовъ съ попова 4 деньги, съ дьячкова 1 ден., съ просвирницына 1 ден, съ приходскихъ съ помѣщикова 6 денегъ, съ 2 дворовъ крестьянскихъ, по три денги съ двора, пашни церковныя съ 10 четвертей, по 3 денги съ чети, сѣнныхъ покосовъ по 2 денги съ копны, итого дани 11 алт. 2 ден., заѣзда гривна, десятильнича доходу 10 алт., казенныхъ пошлинъ 5 алт. 4 ден., всего 30 алт. 2 ден.“

Резолюція: „дать указъ о строеніи церкви“.

1716 г. въ генварѣ мѣсяцѣ била челомъ въ Патр. каз. приказѣ вдова Ирина Федорова дочь Оловянникова: по указу великаго государя въ московскомъ уѣздѣ, въ сельцѣ Жадочи построена церковь Божія во имя Іоанна Богослова каменная и нынѣ та церковь ко освященію вготовности; всемилостивѣйшій государь, прошу вашего величества, вели государь преосв. Стефану, митрополиту рязанскому и муромскому о освященіи вышеписанной церкви дать указъ и антиминсъ въ тое церковь“.

Резолюція: „1716 г. генваря въ день, пріискавъ прежнее прошеніе, дать указъ о освященіи церкви Божіи и антиминсъ выдать, а данныя денги имать съ нынѣшняго 716 года“ (Патр. прик. д. № 111)

Въ записной книгѣ исходящихъ бумагъ Синод. каз. приказа за 1716 г. значится: „генваря 21, запечатанъ указъ по челобитью думнаго дьяка Перфилья Федоровича Оловянникова жены его вдовы Ирины Никифоровой дочери велѣно: въ московскомъ уѣздѣ, въ Шаховѣ стану, въ вотчинѣ ея, въ сельцѣ Жадочи построенную вновь церковь во имя Іоанна Богослова освятить Большаго Успенскаго собора протопопу Феодору съ братіею и антиминсъ выдать; денги за одно полотно взято“ (Патр. прик. кн. 438 л. 78).

1722 г. церковь Іоанна Богослова каменная, при ней попъ Григорій Елизаровъ, дьячекъ Яковъ Константиновъ и пономарь Степанъ Яковлевъ (переписн. кн. 1722 г. л. 405).

По писцовымъ книгамъ 7135 (1627) г. Жадочи—сельцо, что было село Жадычь, на рѣчкѣ Жадычи, московскаго уѣзда, Шахова стана, старинная вотчина Ивана Иванова Старово-Милюкова, въ сельцѣ былъ дворъ вотчинниковъ съ дѣловыми людьми и дворъ дѣловаго

ыовѣка (Писцов. кн. 9807, л. 611). Послѣ сельцомъ владѣли (1646—678 гг.) Матвѣй большой и Матвѣй меньшой Ивановы Старово-Миюковы и дьякъ Иванъ Захаровъ Ляпуновъ, а въ 1704 г.—стольникъ етръ Перфильевъ Оловянниковъ. Въ сельцѣ Жадочи числилось въ 154 (1646) г. 2 дв. крестьянскихъ съ 12 челов. и въ 7186 (1678) г.—дв. крестьянскихъ и бобыльскихъ съ 10 челов. Подъ 1704 г. знатся: „сельцо Жадочи, на суходолѣ, а въ немъ дворъ вотчинниковъ оръ прикащика и дв. скотный, въ нихъ 9 челов. дѣловыхъ людей 3 дв. крестьянскихъ съ 7 челов. (Переписн. кн. 9809, л. 626—627; . 9811, л. 59—60 и кн. 9814, л. 717—718).

48. Ц. Рождества Христова въ селѣ Мелеховѣ *).

Мелехово въ XVIII ст. было сельцомъ, принадлежавшимъ пору-ку Андрею Наумову, онъ построилъ въ этомъ сельцѣ церковь во я Рожд. Христова.

1756 г. апрѣля 27 числа Андрей Наумовъ входилъ съ прошеніемъ духовную консисторію о разрѣшеніи ему построить въ его вотчинѣ сельцѣ Мелеховѣ вновь деревянную церковь во имя Рожд. Хри-ва и при этомъ онъ Наумовъ объяснялъ, что „подъ строеніе цер- и священнику съ причетники подъ усадьбу и пашни уступаетъ своей дачи земли 15 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна копенъ, и когда де оная церковь построена будетъ, то положенныя оной Рождественской церкви данныя деньги какъ онъ Наумовъ, ъ и наслѣдники его по окладу все сполна повсягодно платить обя-тся, безъ доимки.

Св. Прав. Синода контора, вслѣдствіе доношенія духовной кон-торіи, указомъ велѣно: „въ показанномъ сельцѣ Мелеховѣ для про-анныхъ въ доношеніи виновловій вновь церковь построить дозво-ь".

Новопостроенная церковь была освящена 16 марта 1757 г. прото-юмъ большаго Успенскаго собора.

При церкви Рождества Христова находились свящ. Василій Ва-ьевъ, дьячекъ Николай Антоновъ, въ приходѣ было семь дворовъ ѣщичьихъ, 39 дворовъ крестьянскихъ, „почему съ оной новопо-оенной церкви дани на каждый годъ брать надлежитъ: съ одного ра попова 2 коп., съ дьячкова одна коп., съ пашенной земли 15

*) Нынѣ Мелехово, село Серпуховскаго уѣзда.

четв. по 1½ коп.—22½ коп., съ сѣнныхъ покосовъ 15 копенъ по копѣйкѣ съ копны—15 коп. съ помѣщиковыхъ семи дворовъ, по т коп. съ двора—21 коп., съ крестьянскихъ 39 дворовъ по 1½ к. двора—59½ коп., заѣзда 10 коп., десятильнича доходу 30 к. каз ныхъ пошлинъ 17 коп., полковымъ попамъ 10 коп., полоняничныхъ попова и дьячкова дворовъ по 4 коп. съ двора, нужнѣйшихъ 1½ к съ рубля—2½ коп., итого рубль 90 коп. И въ духовной консисто опредѣлено: „новопостроенную церковь вписать въ окладныя книги о взысканіи данныхъ денегъ съ освященія церкви посланъ ук въ Перемышльское духовное правленіе (Канц. Синод. эк. прав. вя 481 № 29).

1704 г. въ переписной книгѣ по московскому уѣзду Ростовс волости записано: „за стольникомъ Андреемъ Тимофеевымъ Мансу вымъ пустошь Мелехова, на рѣчкѣ Корытнѣ, а на ней построенъ вн дворъ для сторожи лѣсовъ, а приходятъ на сторожу крестьяне села Синкова и изъ сельца Володимірова, и изба для пріѣзда его А рея Мансурова и его людей“ (кн. 9814, л. 448).

49. Ц. Знаменія Пресвятыя Богородицы въ селѣ Лисинцовѣ*

Церковь во имя Знаменія Пресв. Богородицы построена въ с Лисинцовѣ при владѣльцѣ этого села Василіѣ Михайловичѣ Глѣбо по смерти котораго дочь его Анна Васильевна по мужѣ Кошелев прошеніи, поданномъ въ вотчинную коллегію 1765 г., мая 6 писала: „въ сельцѣ Лисинцовѣ по дозволенію московской духов консисторіи построена вновь церковь во имя Знаменія Пресв. Б родицы и обязана она, чтобъ ко оной церкви дать попу съ причет ками на построеніе земли и сѣнныхъ покосовъ, и она изъ своего н нія оному попу съ причетниками отдала земли 15 четвертей въ п а въ дву потомужъ, и сѣнныхъ покосовъ 15 копенъ, и просила ч вышеписанную землю къ новопостроенной церкви справить и о зать и о томъ дать знать моск. дух. консисторіи. Въ 1769 г. вотчинной коллегіи опредѣлено: „къ построенной церкви Знам Пресв. Богородицы попу съ причетниками земли 15 четвертей и ныхъ покосовъ 15 копенъ справить и отказать“. Того же года земля была утверждена отказною книга, которая отослана въ ду ную консисторію (Вотч. колл. по гор. Москвѣ, мол. лѣтъ, кн. № дѣла 25 и кн. 89, № дѣла 11).

---

*) Нынѣ Лисинцово, село Верейскаго уѣзда.

Лисинцово въ 1627 г.—деревня, на рѣчкѣ Гниловодкѣ, московскаго уѣзда, Шахова стана, помѣстье за Семеномъ Дементьевымъ сыномъ Яковлева, въ деревнѣ дворъ помѣщиковъ съ дѣловымъ человѣкомъ и 2 дв. бобыльскихъ; въ 1678 г.—одинъ дворъ помѣщика съ 4 челов., а крестьянъ нѣтъ. Въ 1693 г. жена Ѳедора Романовича Яковлева вдова Афимья Степановна, урожд. Вельяминова Зернова, промѣняла дер. Лисинцова Михаилу Ивановичу Глѣбову, а послѣ досталась его сыну стольнику Василію Мих., при этомъ владѣльцѣ Лисинцово было сельцомъ, въ которомъ находились въ 1704 г. дворы помѣщиковъ, скотный и конюшенный, въ нихъ 8 челов. дворовыхъ и дѣловыхъ людей и 10 дв. крестьянскихъ, въ нихъ 40 челов. По смерти Василія Михайловича Глѣбова Лисинцовымъ владѣла, въ 1765 г., его дочь Анна Васильевна, бывшая замужемъ за Андреемъ Родіоновичемъ Кошелевымъ (Писцов. кн. 9807, л. 567—568, переписн. кн. 9811, л. 47 и кн. 9814, л. 701—703).

ЦЕРКОВНЫЯ МѢСТА И ЗЕМЛИ.

1711 г. іюля 16, по указу великаго государя и по приказу ярина князя Петра Ивановича Прозоровскаго Перемышльской десят церковныя земли св. муч. Димитрія да Покрова Пресв. Богород что на рѣкѣ Пехрицѣ, которыя въ 7176 (1668) г. въ Патріарш зенномъ приказѣ писаны на оброкѣ за разными обротчиками, и 177 (1669) году тѣ земли даны были въ помѣстье патріаршу дв нину Борису Армаметеву, а послѣ смерти Борисовой отданы сыня Михайловой женѣ по смерть, приписать по прежнему въ оброкъ августа въ 17 день, изъ вышеписанныхъ пустошей—пустошь Дмит ская, что на рѣкѣ Петрицѣ (sic), съ торгу, по помѣтѣ на дѣлѣ начея Алексѣя Андреевича Владыкина, отдана на оброкъ на 1 годъ и впредь до указу оружейной полаты подьячему Андрею Б изъ рубля 16 алт. 4 д. (Патр. прик. кн. 215, л. 118).

1754 г. октября въ 16 день, по опредѣленію канцеляріи эк мическаго правленія въ московскомъ уѣздѣ въ Перемышльской д тинѣ, въ Замыцкой волости, церковная Покровская земля отдана оброкъ, за пріискъ вновь, въ вѣчное владѣніе дѣйствительному ному совѣтнику сенатору князь Борису Григорьевичу Юсупову— жеву изъ оброку и пошлинъ по рублю на годъ. (Дворц. прик. кн. л. 13 об.).

ХОТУНСКАЯ ДЕСЯТИНА.

1. Церковь Воскресенія Христова на Городицѣ, въ селѣ Хатунѣ *).

По приходнымъ книгамъ Патр. казеннаго приказа за 7136 (1627—1628) годъ: „церковь Воскресенія Христова на Городищѣ, дани 7 алт. съ денгою, по наказу гривна; тѣ деньги платилъ староста поповскій попъ Миня“ (Патр. прик. кн. 2, л. 38).

По переписнымъ книгамъ 7154 (1646) г. московскаго уѣзда: „села Хатуни третьяго приходу, что на Старомъ Городищѣ, церковь Воскресенія Христова деревянная клѣтцки, у церкви во дворѣ попъ Миня Григорьевъ, во дворѣ пономарь Мосейко Григорьевъ, во дворѣ просвирница Ольгинница Иванова и дворъ бобыля“ (Переписп. кн. 9809, л. 455 об.).

Подъ 7183 (1675) г. говорится: „церковь древяная клѣцтки, около церкви паперть, два всхода, надъ всходами лѣсницы, верхи шатровые; церковь и паперть крытые тесомъ. Въ церкви царскія двери, сѣнь и столбцы, по правую сторону царскихъ дверей образъ Воскресенія Христова въ кіотѣ столярномъ, вѣнецъ и цата серебреные, рѣзные, золочены; образъ Аѳанасія и Кирилла Александрійскихъ съ житіемъ, вѣнецъ и цата серебреные, чеканные, золочены; по лѣвую сторону царскихъ дверей образъ Пречистыя Богородицы Казанскія въ кіотѣ столярномъ; въ тяблѣ деисусовъ и празниковъ и пророковъ 11 иконъ, передъ ними поникадило мѣдное о 8 шанданахъ, передъ мѣстными образы свѣчи поставныя, восковыя, да двѣ деревянныхъ писаны красками. Хоругвь, на ней писаны съ одной стороны—образъ Богоявленія Господня, съ другой—Всемилостиваго Спаса. Въ алтарѣ за престоломъ образъ Знаменія Пресв. Богородицы, вѣнцы и цата серебреные, поднизь ожерельицо жемчужное, по другую сторону образъ Николая Чудотворца вѣнецъ и цата серебреные, чеканные, золочены; на престолѣ евангеліе печатное, оболочено бархатомъ чернымъ, евангелисты серебреные, чеканные, золочены, два креста благословенные—

*) Нынѣ село Хатунь Серпуховскаго уѣзда.

одинъ обложенъ серебромъ чеканнымъ, золоченъ; на жертвенникѣ с суды оловянные; на колокольницѣ три колокола, вѣсу въ нихъ смѣтѣ пуда полтора. При церкви во дворѣ попъ Маркъ Васильев во дворѣ дьячекъ Евсейко Григорьевъ, во дворѣ пономарь Сенка В сильевъ, подъ дворами и огородами земли десятина, подъ кладбище полдесятины; пашни паханой церковной земли, подлѣ государева гу на и подлѣ десятинной пашни, 4 десятины, да подлѣ врага и дес тинной пашни полдесятины, да у него же попа съ причетниками п стошь Марданова, на рѣкѣ Лопаснѣ и на верховьѣ рѣчки Соломе ки, пашни паханой середней земли по 15 чети, да лѣсомъ порос 10 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна по рѣкѣ Лопаснѣ и лужку Гусля 50 копенъ; пустошь Яковлевская по обѣ стороны вра пашни перелогомъ и лѣсомъ поросло середнія земли 20 чети бе третника въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна по оселку и по пе ложной землѣ 100 копенъ; пустошь Миронкова у болота, подлѣ стоши Яковлевской, пашни паханой и лѣсомъ поросло середней зе ли 5 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна по оселку 10 копе (Вотч. колл. по гор. Москвѣ, мол. л. кн. 50, № дѣла 15).

Въ 7186 (1678) году на церковь Воскресенія Христова поло но вновь дани рубль 27 алт. 2 ден., заѣзда гривна. По дозорны книгамъ Патр. приказа 7188 (1680) года: церковной земли 61 ч въ полѣ, а въ дву потомужъ сѣна 160 копенъ, изъ этой земли д къ церкви Великомученика Георгія, что на посадѣ въ селѣ Хату 2 десятины въ полѣ, а въ дву потомужъ (Патр. прик. кн. 91, л. 3 дозорн. кн. 105, л. 29).

Въ 1708 г. при Воскресенской церкви, что въ Городищѣ бы священникъ Василій Евсевьевъ, дьяконъ Василій Ларіоновъ и дьяч Андрей Марковъ (Переписн. кн. 1708 г., л. 356).

2. Ц. Рождества Пресвятыя Богородицы въ селѣ Хатуни *)

По приходнымъ окладнымъ книгамъ Патр. каз. приказа за 7 (1628) г. „церковь Рождество Пречистые Богородицы на посадѣ, 5 алт. 2 деньги, по наказу гривна; тѣ деньги платилъ староста повскій попъ Миня“ (кн. 2, л. 38).

По переписнымъ книгамъ московскаго уѣзда 154 (1646) „дворцовое село Хотунь, на рѣкѣ Лопаснѣ, стоитъ приходомъ на т

*) Нынѣ село Хатунь Серпуховскаго уѣзда.

а въ селѣ первая церковь Рождества Пресв. Богородицы древяна клѣцки, дворъ поповъ пустъ, дворъ государевъ конюшенной, дворъ прикащиковъ, да крестьянъ 3 двора и безпашенныхъ бобылей промышляютъ разными промыслы 16 дв. (Переписн. кн. 9809, л. 455).

Въ писцовыхъ книгахъ 183—185 (1675—1677) гг. Богородицы Рождественская церковь описана въ слѣдующемъ порядкѣ: „церковь деревянная клѣцки, около церкви паперть, на паперти два всхода, церковь и паперть крыты лесомъ. Въ церкви царскія двери, сѣнь и столбцы; по правую сторону царскихъ дверей образъ Всемилостиваго Спаса, на оной же цкѣ написанъ образъ чудотворца Тарасія и Григорія Ниссійскаго (sic); образъ Рождества Пресв. Богородицы въ кіотѣ; по лѣвую сторону царскихъ дверей: образъ Николая чудотворца съ житіемъ въ кіотѣ, передъ мѣстными иконами три свѣчи деревянныхъ поставныхъ, писаны красками; въ таблѣ деисусовъ 11 иконъ, передъ ними паникадило мѣдное о 10 шанданахъ; въ олтарѣ на престолѣ евангеліе печатное, оболочено бархатомъ травчатымъ евангелисты серебреные, рѣзные; два креста благословенныхъ; одинъ—обложенъ серебромъ басемнымъ, золоченымъ, съ каменьи, распятіе чеканное золочено, другой—обложенъ серебромъ басемнымъ, распятіе чеканное, бѣлое; за престоломъ образъ Пресв. Богородицы окладъ вѣнецъ и цата серебреные басемные, золочены, на другой сторонѣ той же иконы образъ Николая чудотворца; на жертвенникѣ сосуды оловянные, два кадила мѣдныхъ чаша водосвятная, укропникъ мѣдные. Передъ церковью колокольница на столбѣ, на ней 4 колокола по смѣтѣ пудъ съ пять; а церковь отъ попова и отъ крестьянскихъ дворовъ въ 25 саженяхъ. На церковной землѣ во дворѣ попъ Григорій Васильевъ, во дворѣ дьячекъ Ефремко Стахѣевъ, мѣсто пономарево и мѣсто просвирницыно; усадебной церковной земли десятина безъ чети; а подъ усадьбу земли дано ему попу съ причетники изъ государевой десятинной пашни, подлѣ прикащикова двора, а прежняя церковная усадебная земля взята подъ кладбище церкви Рождества Б—цы; пашни церковной паханой земли 10 чети въ полѣ; а въ дву потомужъ, сѣна на рѣкѣ Лопаснѣ 50 копенъ да межъ государевы десятынныя пашни по попадьину да по говенному лоскомъ 40 копенъ, да по лоску жъ что за церковною усадьбою, гдѣ стоятъ ветлы 6 копенъ; да пустошь Чернятина, а въ ней пашни лѣсомъ поросло середнія земли 14 чети въ полѣ, сѣна на оселкѣ и по лоскомъ 40 копенъ, лѣсу непашеннаго 5 десятинъ, да церковной же земли сѣннаго покосу по рѣкѣ Лопаснѣ и за разовъ на ключахъ 3 десятины, а на той землѣ построены кабацкихъ откупщиковъ винокурни, а съ тѣхъ винокурень давали они попу по 2 рубли, да пол-

два ведра вина на годъ, и та земля взята на великаго государя, а попу съ причетники въ то число дано изъ государевы десятинной пашни позади церковной усадьбы 3 жъ десятины, а съ той земли кабацкимъ откупщикамъ платить въ государеву казну, въ Приказъ Большаго дворца, оброкъ по 20 рублевъ на годъ. Въ селѣ жъ Хатуни государевъ дворъ, гдѣ живутъ прикащики, дворъ конюшенный, дворъ кружечной, кабацкіе заводы, на площади кабацкихъ двѣ житницы, да на той же площади 2 анбара и житницы, а торгуютъ по два дни въ недѣлю, въ среду и субботу, хлѣбомъ и инымъ мелкимъ товаромъ села Хатуни крестьяне и бобыли, а оброкъ платятъ въ Приказъ Большаго дворца съ анбаровъ по 10 алтынъ, съ житницъ по 8 алтынъ по 2 деньги, съ кузницъ по 3 алт. по 2 деньги съ кузницы; да въ селѣ дворъ земскаго дьячка и 33 двора бобылей" (Вотч. колл., по гор. Москвѣ, мол. л. кн. 50, № дѣла 15).

Въ 7186 г. на церковь Рождества Богородицы положено вновь дани рубль 14 алт. 5 ден., заѣзда гривна. По дозорнымъ книгамъ Патр. каз. приказа 7188 (1680) года: церковной земли 10 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 80 копенъ. Въ 1703 г. при церкви были: священникъ Григорій Васильевъ, дьяконъ Афанасій, дьячекъ Ефремъ, пономарь Данила; въ приходѣ числилось 102 двора; въ 1708 г.—священникъ Афанасій Григорьевъ, дьяконъ Иванъ Ефремовъ, дьячки Даніилъ Григорьевъ и Андрей Гавриловъ (Патр. прик. кн. 91, л. 309, дозорн. кн. 105, л. 30; вязка 471, № дѣла 2854).

„1708 г. ноября въ 13 день великій государь царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ всея Россіи самодержецъ пожаловалъ князя Григорія Өедоровича Долгорукаго, за его многія службы, указалъ ему дать изъ своихъ великаго государя дворцовыхъ волостей московскаго уѣзда изъ Хатунской волости остаточныя селы и деревни, которыя остались за дачею думнаго дьяка Автомона Иванова, съ крестьянами, съ пашенною землею и со всѣми угодьями". Послѣ это имѣніе по прежнему было причислено къ дворцовому вѣдомству, а въ 1772 г. сентября 12 числа и 1773 г. октября 28 числа указами всемилостивѣйше пожаловано графу Алексѣю Григорьевичу Орлову Чесменскому изъ вѣдомства дворцовой канцеляріи Хотунская волость съ принадлежавшими къ ней селами, погостами, деревнями и пустошами, изъ которыхъ было продано въ 1783 г. графомъ Орловымъ Чесменскимъ роднымъ братьямъ Өедору Григорьевичу Орлову—село Горки и Владиміру Гр. Орлову—села: Авдотьино, Ивановское и Талежъ съ деревнями (Вотч. колл. по гор. Москвѣ, мол. л. кн. 50, № дѣла 15).

3. Ц. Николая чудотворца въ селѣ Хатунѣ.

7136 (1627—1628) г. „церковь Николы чудотворца на Хотуни, за рѣкою за Лопасною, по окладу дани 4 алт., по наказу гривна; тѣ деньги платилъ староста поповскій" (Патр. прик. кн. 2, л. 38).

По переписнымъ книгамъ 154 (1646) г. московскаго уѣзда: „въ селѣ Хатунѣ, на другой сторонѣ рѣки Лопасни, приходская церковь Николая чудотворца деревянная клѣтцки, у церкви во дворѣ попъ Сысой Ефимовъ, во дв. дьячекъ Клементій Антоновъ, во дв. дьячекъ Иванъ Григорьевъ, да безпашенныхъ бобылей 12 дворовъ. Къ Николаевской церкви церковная вотчинная деревня Попова близъ рѣки Лопасни съ 4 челов. крестьянъ (Переписн. кн. 9809, л. 455—465).

По писцовымъ книгамъ 183—185 (1675—1677) годовъ: „церковь Николая чудотворца деревянная клѣтцки, около церкви паперть, на паперти два всхода; церковь и паперть крыты тесомъ. Въ церкви царскія двери, сѣнь и столбцы, да мѣстныхъ образовъ по правую сторону царскихъ дверей: образъ Николая чудотворца съ житіемъ, вѣнецъ и цата серебреная, басемная, по лѣвую сторону царскихъ дверей: образъ великомученицы Парасковеи съ житіемъ; въ таблѣ деисусовъ и праздниковъ 10 иконъ; два паникадила: одно мѣдное о шести шанданахъ, другое желѣзное о 4 шанданахъ; въ олтарѣ за престоломъ образъ Пресв. Богородицы Одигитрія вѣнецъ и цата серебреные басемные, золоченые; на престолѣ евангеліе печатное оболочено барзатомъ травчатымъ, евангелисты басемные, серебреные, золочены, крестъ благословенный обложенъ серебромъ, басемнымъ; на жертвенникѣ сосуды оловянные. Въ предѣлѣ великомученицы Парасковеи, нарицаемыя Пятницы, въ олтарѣ за престоломъ образъ Пресв. Богородицы Умиленія окладъ серебреной, басемной, золоченъ; на престолѣ евангеліе печатное оболочено камкою, евангелисты мѣдные; два кадила мѣдныя, укрюшникъ. Въ настоящей церкви передъ мѣстными иконы свѣчи поставныя, деревянныя, писаны красками. Колокольница на столбѣ, на ней три колокола, вѣсу въ нихъ по смѣтѣ пуда съ три. На церковной землѣ во дворѣ попъ Семенъ Пименовъ, у него дѣти: Евстратко, да Савко, во дворѣ пономарь Андрюшко Захарьевъ, усадебной земли десятина безъ чети. Къ церкви Николая чудотворца деревня, что была пустошь Попова, Перхурова тожъ, на рѣкѣ на Лопаснѣ, а въ ней бобылей (6 дворовъ) живутъ на церковной землѣ, а пришли изъ разныхъ деревень, а оброкъ платить имъ въ Приказъ Большаго дворца по 3 алт. по 2 деньги съ двора на годъ; подъ дво-

рами и огородами усадебной земли 1½ десятины, пашни паханны церковныя середней земли 30 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣ на рѣкѣ Лопаснѣ 100 копенъ"; пустошь Леонтьева пашни 10 четвер тей, перелогомъ и лѣсомъ поросло 20 чети въ полѣ, а въ дву пото мужъ, сѣна 10 копенъ, пустошь Кашкина, въ ней пахано земли четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 10 копенъ, да сѣн ныхъ покосовъ подъ селомъ въ починкѣ на Скоронейскомъ лоску де сятина (Вотч. колл., по гор. Москвѣ, мол. л. кн. 50, № дѣла 15

Въ 1678 г., на церковь Николая чудотворца положено вновь дан рубль 28 алт. 3 ден., заѣзда гривна, въ 1680 году при церкви бы священникъ Семенъ Пименовъ; въ деревнѣ Поповой числилось кр стьянскихъ и бобыльскихъ 6 дворовъ, въ нихъ 27 челов. Въ 1703 въ приходѣ Николаевской церкви находилось 97 дворовъ. (Патр. п кн. 91, л. 309, вязка 467, № дѣла 2352; переписн. кн. 9811, 667—668).

При Николаевской церкви были священники: Евстратъ Семено 1703—1704 г. Продіонъ Евстратовъ 1708—1729 г., діаконъ Саве Родіоновъ 1703—1708 г.; дьячекъ Ермилъ и пономарь Иванъ Се новы 1703—1708 г. (Патр. прик. кн. 334, л. 62 об; переписн. 9816, л. 506 и кн. 1708 г. л. 356).

4. Ц. Космы и Даміана въ селѣ Кузминскомъ *).

7136 (1627—1628) гг. „церковь Козмы и Даміана въ селѣ К минскомъ, по окладу дани 3 алт., по наказу гривна" (Патр. прик. 2, л. 39).

По переписнымъ книгамъ московскаго уѣзда 7154 (1646) г. дворцовой Хатунской волости: „село Кузмино, на рѣчкѣ Каширкѣ въ селѣ церковь Кузмы и Даміана; во дворѣ попъ Михаилъ Ѳедоро да крестьянъ 10 дв. (переписн. кн. 9809, л. 461).

Въ писцовыхъ книгахъ 183—185 (1675—1677) гг. Космод анская церковь описана такъ: „церковь древяна клѣтцки, а около кви папертъ съ дву сторонъ, на паперть два всхода; церковь и перть крыты тесомъ; въ церковь двои двери. Въ церкви царскія ри, сѣнь и столбцы, да мѣстныхъ образовъ по правую сторону скихъ дверей: образъ Козмы и Даміана въ кіотѣ, вѣнцы серебре басемные, золочены; по лѣвую сторону царскихъ дверей: образъ Пр

---

*) Нынѣ село Кузминки Серпуховскаго уѣзда.

Богородицы Страстныя, пелена учасковая опушена атласомъ красным, передъ мѣстными образы свѣчи поставныя, передъ Козмою и Даміаномъ свѣча поставная деревянная, писана разными красками, насвѣшникъ жестяной; въ таблѣ деисусовъ 9 иконъ, передъ ними паникадило мѣдное о 6 шанданахъ, въ алтарѣ запрестольной образъ Пресв. Богородицы Одигитрія окладъ и вѣнцы серебреные, басменые, золочены, убрусъ дорогильной, пелена выбойчатая; на престолѣ: евангеліе печатное въ десть, оболочено бархатомъ, евангелисты мѣдные; крестъ благословенной деревянный, обложенъ серебромъ, распятіе чеканное; на жертвенникѣ сосуды оловянаые. Ризы камчатныя, бѣлыя, оплечье обьярь серебреная, ризы выбойчатыя, оплечье камка сѣнная; подризникъ полотняной, оплечье выбойчатое; двѣ патрахели, поручи. Кадило мѣдное. Книгъ: апостолъ, минея общая; псалтирь со вослѣдованіемъ, потребникъ, служебникъ, книга житіе Николая чудотворца. Колокольница на столбахъ, на ней 2 колокола, по смѣтѣ въ нихъ вѣсу больше пуда. А попа съ причетники дворы отъ церкви въ 25 саженяхъ; на церковной землѣ во дворѣ попъ Павелъ Өедоровъ, у него дѣти: Ивашка у той же церкви во дьячкахъ, Илюшка—въ пономаряхъ; мѣсто просвирницыно; подъ дворами и огороды усадебной церковной земли десятина безъ чети; пашни паханыя церковныя земли 12 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна на полянкамъ, по подвязьѣ, да по кузнечьѣ, да по завалью 60 копенъ; да крестьянъ 14 дворовъ (Вотч. колл., по гор. Москвѣ, мол. л. кн. 50, № дѣла 15, л. 58).

Въ 1678 г. ня церковь Космы и Даміана положено вновь дани 22 алт. съ деньгою, заѣзда гривна (Патр. прик. кн. 91, л. 310). По дозорнымъ книгамъ Патр. каз. приказа 7188 (1680) г. „при церкви попъ Павелъ Өедоровъ; церковной земли 8 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 10 копенъ“ (Патр. прик. дозорн. кн. 105, л. 28).

Въ записной книгѣ исходящихъ бумагъ казеннаго приказа за 1712 годъ значится: „октября въ 17 день, запечатанъ указъ, по челобитью князя Григорья Өедоровича Долгорукова, велѣно московскаго уѣзда, въ Хатунской десятинѣ новопостроенную церковь чудотворцевъ Космы и Даміана освятить Большаго Успенскаго собора протопопу Өедору и антиминсъ выданъ; за одно полотно взято“ (Патр. прик. кн. 438, л. 21).

Въ 1722 г. церковь Космы и Даміана въ селѣ Кузминкахъ деревянная; при церкви были священники: Степанъ Павловъ 1710 г. и Василій Степановъ 1710—1722 г.; дьячки Иванъ Герасимовъ 1710 г. и Семенъ Степановъ 1722 г. (Переписн. кн. 1710 г., л. 451 и 1 ревизіи, кн. 1722 г., л. 70).

5. Ц. Покрова Пресвятыя Богородицы на погостѣ на рѣчкѣ Сосенкѣ *).

По книгѣ Каз. приказа за 7136 (1627—1628) г.: „церковь Покровъ Святѣй Богородицы, на Сосенкѣ, дани 6 алт. 4 ден., по наказу гривна" (кн. 2, л. 38).

По переписнымъ книгамъ московскаго уѣзда, Хотунской волости 7154 (1646) г.: Покровское приселокъ дворцоваго села Хотуни, у церкви во дворѣ попъ Василій Богдановъ, а крестьяне въ деревнѣ Конищевѣ (Переписн. кн. 9809, л. 461).

По писцовымъ книгамъ 183—185 (1675—1677) гг. „на погостѣ церковь съ папертью деревянная клѣцки; на паперть два всхода; церковь, паперть и всходы крыты тесомъ; въ церковь трои двери; а въ церкви по правую сторону царскихъ дверей образъ Живоначальныя Троицы, одинъ вѣнецъ, да цата серебреные, рѣзные, съ каменьи, да 4 вѣнца серебреные жъ басемные, золочены; образъ Пресв. Богородицы Покрова въ кіотѣ, вѣнецъ, да цата серебреные, басемные, золочены; образъ пророка Божія Иліи съ житіемъ въ кіотѣ; по лѣвую сторону царскихъ дверей: образъ Николая Чудотворца въ кіотѣ, съ житіемъ, вѣнецъ и цата серебреные, золочены съ каменьи; да въ приписи семъ вѣнцовъ малыхъ серебреныхъ разныхъ золочены; образъ Великомученицы Парасковеи, нарѣченныя Пятницы въ кіотѣ, съ житіемъ; передъ мѣстными иконами поставныхъ свѣчь 4 восковыхъ, да двѣ деревянныхъ, писаны красками, у всѣхъ свѣчь надсвѣчники жестяные. Въ тяблѣ деисусовъ съ празники и пророки 27 иконъ, передъ ними паникадило мѣдное о 12 шанданахъ; хоругвь, на ней писанъ образъ Нерукотвореннаго Спаса, на другой сторонѣ — образъ Архистратига Михаила. Царскія двери, сѣнь и столбцы; въ олтарѣ на престолѣ евангеліе оболочено бархатомъ зеленымъ, евангелисты чеканные, серебреные золочены; крестъ благословенной обложенъ серебромъ басемнымъ, распятіе серебреное чеканное; другой крестъ деревянный; за престоломъ образъ Пресвятыя Богородицы, вѣнцы и цата серебрены, рѣзные, золочены, на другой сторонѣ того же образа образъ Николая Чудотворца, вѣнецъ и окладъ серебреные басемные, золочены; на жертвенникѣ сосуды оловянные; на сѣверныхъ дверяхъ писанъ Благоразумный разбойникъ. Ризы комчатныя, оплечь

---

*) Нынѣ погостъ Покровскій, на рѣчкѣ Сосенкѣ, Серпуховскаго уѣзда.

тласъ цвѣтной, опушка дороги желтыя; двои ризы полотняныя, опле ье у однихъ бархательное, у другихъ выбойчатое; подризникъ таф янной лазаревой, оплечье отласъ цвѣтной опушка отласъ дороги жел ыя; подризникъ полотпяной; поясъ нитяной, двѣ потрахели, одна от ласная красная, другая бархательная, двои поручи. Кадило, чаша во оспятная да укропникъ мѣдные. Книгъ: двѣ тріоди — постная, да цвѣт ая, евангеліе толковое воскресное, минея общая, два служебника, ребникъ, псалтирь, шестодневъ, апостолъ, часовникъ, житіе Николая Чудотворца. Передъ церковью колокольня на столбѣ, на ней три ко окола, а въ нихъ по смѣтѣ вѣсу пуда съ полтретья. У церкви на ерковной землѣ во дворѣ попъ Григорій Константиновъ, у него сынъ илатко во дьячкахъ; во дворѣ пономарь Панфилко Андреевъ; да у ой же церкви на церковной землѣ бобылей (3 двора). Подъ дворами огороды усадебныя земли $1\frac{1}{2}$ десятины; околицы по обѣ стороны ѣчки Каширки десятина, пашни паханныя церковной земли 20 чети ъ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна межъ поль и по оврагамъ и по ѣчкѣ 30 копенъ" (Вотч. колл., по гор. Москвѣ мол. л. кн. 50, дѣла 15)

Въ 7186 (1678) г. на Покровскую церковь, на Сосенкѣ, при вилено дани рубль 10 алт., заѣзда гривна; при церкви попъ Григо ій Константиновъ; по дозорнымъ книгамъ Каз. приказа, того же ода: „церковной земли 16 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 0 копенъ" (Патр. прик. кн. 91, л. 310; дозорн. кн. 105, л. 28).

Въ 1708 г., погостъ Покровскій съ принадлежавшими къ нему еревнями, находился во владѣніи у князя Григорья Өедоровича Дол орукова; на церковной землѣ того погоста числилось 3 двора бо ыльскихъ.

Въ 1722 г. церковь деревянная; при ней были священники: Се енъ Өеофилактовъ 1704—1722 г., дьяконы: Иванъ Спиридоновъ 704—1710 г. и Максимъ Ивановъ 1722 г., дьячекъ: Петръ Спири оновъ 1710—1722 г. и пономарь Петръ Өедоровъ 1722 г. (переписн. к. 9816, л. 505; ландр. 1710 г., л. 436 и 1-й ревизіи, 1722 г., . 133).

6. Ц. Преображенія Господня на погостѣ, что въ Деблѣ *).

7136 (1627—1628) г. „церковь Преображенія Спасова, въ Не бли" (что въ Дебли), по окладу дани 5 алт. 4 ден., по наказу ривна" (Патр. прик. кн. 2, л. 39).

*) Нынѣ погостъ Спасъ Старый, что на Деблѣ, Серпуховскаго уѣзда.

По переписнымъ книгамъ московскаго уѣзда 154 (1646) г. въ дворцой Хатунской волости село Бовыкино, на рѣкѣ Лопаснѣ *), а въ селѣ церковь Преображенія Спасова, у церкви во дворѣ попъ Иванъ Григорьевъ; да въ селѣ крестьянъ 17 дворовъ" (переп. кн. 9809, л. 464).

По писцовымъ книгамъ 183—185 (1675—1677) годовъ: „погостъ на рѣкѣ Лопаснѣ, на Деблехъ, а на погостѣ церковь деревянна клѣтцки, около церкви паперть, на паперти два входа; церковь, трапеза, паперть и всходы крыты тесомъ; въ церкви трои двери. Въ церкви царскія двери, сѣнь и столбцы; по правую сторону царскихъ дверей мѣстныхъ образовъ: образъ Преображенія Господня, вѣнецъ и цаты серебреные, рѣзные, басемные; образъ Пресв. Б-цы Владимірскія образъ Великом. Георгія; по лѣвую сторону царскихъ дверей: образ Великом. Христова Никиты, вѣнецъ серебреной, рѣзной, передъ мѣстными иконами три свѣчи поставныхъ деревянныхъ писаны красками въ таблѣ деисусовъ 11 иконъ; въ олтарѣ на престолѣ одежда выбойчатая, евангеліе оболочено бархателью, распятіе и евангелисты мѣдные, крестъ благословенной деревянный обложенъ серебромъ чеканнымъ золоченьемъ, за престоломъ образъ Пресв. Б-цы Одигитрія, вѣнецъ и цата серебреные, рѣзные, золочены, убрусъ дорогильной, на другой сторонѣ образъ чудотворца Николая; на жертвенникѣ сосуд оловянные, покровы и воздухи киндячные. Ризы полотняные оплечи камка синяя, подризникъ крашенинной, патрахель отласъ цвѣтно поручи камка зеленая; кадило, укропникъ и чаша водосвятная мѣдные. Книгъ: апостолъ, минея общая съ праздники, двѣ тріоди: посная, да цвѣтная, требникъ, служебникъ, псалтирь со вослѣдованіем два октоя. Хоругвь, на ней написаны: образъ Преображенія Господн на другой сторонѣ образъ Происхожденія честнаго Креста Господн На паперти три колокола по смѣтѣ вѣсу въ нихъ пудъ съ семь. , на церковной землѣ во дворѣ попъ Иванъ Ивановъ, у него дѣти: по Ларіонъ, служитъ у той же церкви, Ивашко у той же церкви дьячкахъ, во дворѣ пономарь Тимошка Михайловъ, мѣсто просвирн цыно, да бобыльскихъ дворовъ (3); усадебной церковной земли де тина съ полудесятиною, животиннаго выпуску къ рѣкѣ Лопаснѣ п десятины; пашни паханой церковной земли 20 чети, да лѣсомъ росло 5 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна по рѣкѣ Лопас 30 копенъ". Деревня Бовыкина, на рѣкѣ Лопаснѣ, а въ ней к

*) Нынѣ Бовыкино, дер. онаго же уѣзда.

стьянъ 19 дворовъ (Вотч. колл. по гор. Москвѣ мол. л. кн. 50, № дѣла 15).

Въ 7186 (1678) г. на церковь Преображенія Господня положено вновь дани 3 рубли 20 алт. 3 деньги, заѣзда гривна, на погостѣ, на церковной земли 4 дв. бобыльскихъ въ нихъ 14 челов. (Патр. прик. кн. 91, л. 310 и переписн. кн. 9811, л. 666).

7188 (1680) года, августа 2 дня при досмотрѣ церквей и церковныхъ земель, по указу патріарха, княземъ, Иваномъ Шелешпальскимъ, „государевы Хотунскія волости церкви Преображенія Спасова, на погостѣ Дебли, попъ Ларіонъ Ивановъ сказалъ: церковной де земли у нихъ 60 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 30 копенъ, а въ межахъ та земля съ государевыми крестьяны, да у него жъ попа 4 двора церковныхъ бобылей, да мельница у него вновь построена на рѣкѣ на Лопаснѣ съ одной стороны государевъ берегъ, а съ другой стороны берегъ церковной; а выписи съ писцовыхъ книгъ и иныхъ никакихъ крѣпостей не положилъ, а по досмотру та церковь деревянная ковая; а по сказкѣ попа та де церковь Хотунской десятины изстари, строеніе мірское“ (Патр. прик. дозорн. кн. 141, л. 729).

По переписной книгѣ 1703 г. въ приходѣ церкви Спаса Преображенія 64 двора; церковной земли 60 четвертей, да лѣсомъ поросло 2 десятины, сѣна на 20 копенъ; да на той же церковной землѣ построена мельница; церковныхъ бобылей 5 дворовъ (Патр. прик. казна 471, № дѣла 2797).

Погостъ Спскій, на Деблѣ, съ принадлежавшими къ нему деревнями въ 1708 г. пожалованъ князю Григорью Ѳедоровичу Долгорукову.

Въ 1722 г. церковь деревянная, при ней были священники: Григорій Ивановъ 1703—1704 г., Семенъ Ивановъ 1710 г. Тимофей Семеновъ 1710—1722 г., бывшій при оной же церкви дьякономъ въ 1703—1704 гг.. дьячки: Степанъ Ивановъ 1703—1704 г., Иванъ Гавриловъ 1710—1722 г., пономарь Петръ Тимофеевъ 1722 г. (переписн. кн. 9816, л. 505 об. кн. 1710 г. ландр. л. 393; 1 ревизіи кн. 1722 г., л. 13).

7. Ц. Рождества Іоанна Предтечи въ селѣ Ивановскомъ на погостѣ*).

7136 (1628) г.: „церковь Рожество Іоанна Предтечи въ Ивановскомъ на погостѣ, по окладу дани 14 алт., по наказу гривна“ (Патр. прик. кн. 2, л. 38).

---

*) Нынѣ село Ивановское Серпуховскаго уѣзда.

По переписнымъ книгамъ 154 г. московскаго уѣзда: „къ сем Хотуни село Ивановское, на рѣчкѣ на Сосенкѣ, у церкви во двор попъ Ерофей Ивановъ, во дв. просвирница Афимьица, во дв. поно марь Афонко Ивановъ да крестьянъ (14 дв.) и дворъ бобыльскій (переп. кн. 9809, л. 457).

По писцовымъ книгамъ 183—185 (1675—1677) годовъ: „двор цовое село Ивановское, къ селу припущено въ пашню пустошь, чт была деревня Острюково, а въ селѣ церковь во имя Рождества Іоанн Предтечи съ трапезою и съ папертью деревянная клѣцки, на паперт три всхода; церковь, паперть и всходы крыты тесомъ, въ церков трои двери. Въ церкви царскія двери, сѣнь и столбцы, по праву сторону царскихъ дверей образъ Всемилостиваго Спаса, образъ Рож дества Іоанна Предтечи, образъ св. пророка Иліи съ житіемъ; п лѣвую сторону царскихъ дверей: образъ Пресв. Богородицы Казан скія съ праздники въ кіотѣ, окладъ серебреной басемной, золочен вѣнецъ и цата серебреные жъ, золочены; передъ мѣстными образам 4 свѣчи поставныя деревянныя писаны красками, подсвѣчникъ писан сусальнымъ золотомъ и серебромъ. Въ таблѣ деисусовъ и праздников 23 иконы, передъ ними паникадило мѣдное о 14 шанданахъ. Хору говь, на ней писанъ образъ Нерукотвореннаго Спаса, на друго сторонѣ—Распятіе Господне. Въ олтарѣ на престолѣ евангеліе об лочено бархатомъ, евангелисты мѣдные; крестъ благословенной обл женъ серебромъ, распятіе серебреное чеканное, за престоломъ обра Пресв. Богородицы, вѣнецъ и цата серебреные, подпись жемчужна окладъ серебреной басемной, убрусъ тафтяной; на другой сторон той иконы—образъ Николая чудотворца, вѣнецъ и цата серебрены басемные, золочены. На жертвенникѣ сосуды оловянные. Передъ це ковью на паперти колокольница, рубленая въ замокъ, крыта тесом на ней 4 колокола вѣсу пудъ съ семь. Церковь и образы и всяк утварь строеніе мірскихъ людей. У церкви во дворѣ попъ Иван Ерофѣевъ, да съ нимъ живетъ его сынъ попъ Ѳерапонтъ; понома Ивашко Андреевъ, просвирница Дарьица; усадебной церковной зем за рѣчкою Сосенкою полдесятины, да за овражкомъ четверть дес тины; пашни паханыя церковныя земли 15 четвертей въ полѣ, а і дву потому же, сѣна межъ поль и позаполью 70 копенъ" (Вотч. кол по гор. Москвѣ, мол. л. кн. 59, № дѣла 3 и кн. 50, № 15).

Въ 7186 (1678) г. на церковь Рождества Іоанна Предтечи п ложено дани 2 рубл. 16 алт. 5 ден., заѣзда гривна (Патр. прик. к 91, л. 310 об.).

По дозорнымъ книгамъ Патр. каз. приказа 7188 (1680) г.: въ селѣ Ивановскомъ, на погостѣ, у церкви попъ Ѳерапонтъ Ивановъ; церковной земли 20 десятинъ въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣнныхъ покосовъ и лѣсу нѣтъ (Патр. прик. доз. кн. 105, л. 32 об).

Въ 1703 г. въ приходѣ церкви Іоанна Предтечи находилось 273 двора; пашни церковныя земли 15 четвертей въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣнныхъ покосовъ 70 копенъ (Патр. прик. вязка 470, № дѣла 2715).

Въ 1706 г. декабря въ 20 день, выданъ антиминсъ, по благословенной грамотѣ, московскаго уѣзда, Хотунскія десятины, въ новопостроенную церковь Рождества св. Іоанна Предтечи подъ росписку той же церкви попа Ѳомы (Патр. прик. кн. 138, л. 288).

Въ 1722 г. церковь деревянная, при церкви были священники: Ѳома Ивановъ 1706 — 1710 г., Ананій Васильевъ 1722 — 1732 г., Алексѣй Ѳоминъ 1722—1733 г. и Степанъ Алексѣевъ 1734 г.; діаконъ Петръ Васильевъ 1710 г., дьячки: Иванъ Ипатовъ 1710 г. Алексѣй Алексѣевъ и Еремей Ѳоминъ 1722 г.; пономарь Филатъ Васильевъ 1722 г. (Переписн. кн. 1710 г. л. 436, кн. 1 ревизіи, 1722 г., л. 52 об. Патр. прик. кн. 335, л. 80 об. и вязка 479, № дѣла 2715).

Въ 1708 г. село Ивановское изъ дворцоваго вѣдомства пожаловано князю Григорью Ѳедоровичу Долгорукову, у котораго потомъ оно было отписано и по прежнему причислено къ дворцовому вѣдомству, а въ 1772 г. высочайшимъ указомъ пожаловано графу Григорію Григорьевичу Орлову и его родному брату графу Алексѣю Григорьевичу Орлову-Чесминскому, послѣдній продалъ свою половину имѣнія, въ 1783 г., родному брату графу Владиміру Григорьевичу Орлову (Вотч. колл., по гор. Москвѣ, мол. л. кн. 59, № дѣла 3).

8. Ц. Николая чудотворца на погостѣ, на Мережѣ.

7136 (1627—1628) г. „церковь Николы чюдотворца, на Мережѣ, по окладу дани 10 алт., по наказу гривна“ (Патр. прик. кн. 2, л. 39).

По переписнымъ книгамъ московскаго уѣзда 7154 (1646) г.: дворцовое село Авдотьино, на рѣчкѣ Мережкѣ *), у церкви во дворѣ попъ Парфенъ Сидоровъ, да въ селѣ крестьянъ 10 дворовъ и дворъ церковнаго бобыля“ (переписн. кн. 9809, л. 460—461).

*) Нынѣ Авдотьино, деревня Серпуховскаго уѣзда.

Въ 7186 (1678) г., по переписнымъ книгамъ уставщика іер діакона Моисея, на Николаевскую церковь положено вновь да рубль 26 алт., 5 ден., заѣзда гривна (Патр. прик. кн. 91, л. 310 об

По писцовымъ книгамъ 183—185 (1677—1677) годовъ: въ се Авдотьинѣ церковь Успенія Пресв. Богородицы, да придѣлъ Никол чудотворца деревянная клѣцки, у церкви во дворѣ попъ Илья Гавр ловъ и три мѣста дворовыхъ: пономарево, дьячково и просвирницы церковной усадебной земли десятина безъ чети; паханой земли чети въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣнныхъ покосовъ по рѣкѣ Л паснѣ и по рѣчкѣ Мерсмежкѣ 50 копенъ, да въ селѣ крестьянъ дворовъ (Вотч. колл., по гор. Москвы, мол. л. кн. 50 № 15).

По дозорнымъ книгамъ каз. приказа 7188 (1680) г.: „іюля 31 день при досмотрѣ церквей и церковныхъ земель, по указу па арха, княземъ Иваномъ Шелешпальскимъ, государевы Хотунскія лости села Овдотьина церкви Николая чудотворца, на погостѣ, по Илья Гавриловъ сказалъ: земли де церковной у него 12 чети въ по а въ дву потому жъ, сѣна 50 копенъ, а въ межахъ та земля того села со крестьяны, а выписи съ писцовыхъ книгъ и иныхъ крѣ стей не положилъ; а по досмотру та церковь древяна ветха, а сказкѣ попа Ильи та церковь Хатунской десятины, изстари строе мірское“ (Патр. прик. дозорн. кн. 141, л. 725 об.).

Подъ 1722 г. значится: церковь Николая чудотворца на пого на Мережѣ, деревянная. При ней былъ въ 1710—1722 г. священн Иванъ Ананьинъ.

9. Ц. Рождества Пресвятыя Богородицы на рѣкѣ Лопаснѣ с Горокъ.

7136 (1627—1628) г. „церковь Рожество Пречистые Богор цы, на Горкахъ, на рѣкѣ Лопаснѣ, по окладу дани 4 алт. 3 ден наказу гривна“ (Патр. прик. кн. 2, л. 39).

По переписнымъ книгамъ московскаго уѣзда, Хотунской в сти, 7154 (1646) г.: „дворцовое село Горки, на рѣкѣ Лопасн церкви во дворѣ попъ Родіонъ Семеновъ, да въ селѣ крестьянъ дворовъ“ (перепісн. кн. 9809, л. 462).

Въ 7186 (1678) году, по переписнымъ книгамъ уставщика і діакона Моисея, на церковь Рождества Богородицы, положено в дани рубль 3 алт. заѣзда гривна (Патр. прик. кн. 91, л. 310 о

При досмотрѣ церквей и церковныхъ земель княземъ Ше пальскимъ 7188 (1680) г. „августа въ 1 день, государевы дворц

Хотунской волости, села Горки церкви Рожества Пресв. Богородицы, на рѣкѣ на Лопаснѣ, попъ Филимонъ Родіоновъ сказалъ: церковной де земли у нихъ по 10 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 30 копенъ, а въ межахъ та земля того жъ села съ крестьянскою землею, а выписи съ писцовыхъ книгъ и иныхъ крѣпостей не положилъ; а по досмотру та церковь древяна, нова; а по сказкѣ тоя церкви попа Филимона та де церковь Хатунской десятины, изстари строеніе мірское" (Патр. прик. дозорн. кн. 141, л. 726 об.).

По переписнымъ книгамъ книгамъ 1703 г. въ приходѣ церкви Рождества Богородицы 96 дворовъ, пашни церковной земли по 12 четвертей въ полѣ, а въ третьемъ полѣ 18 четвертей, да лѣсомъ порослю одна десятина, сѣнныхъ покосовъ на 30 копенъ (Патр. прик. вязка 470, № дѣла 2729).

Подъ 1722 г. значится церковь Рождества Богородицы села Горокъ на рѣкѣ Лопаснѣ, деревянная. При ней были священники: Кондратій Филимоновъ 1703—1710 г., Иванъ Филимоновъ 1710—1722 г., Андрей Кондратьевъ 1722 г., дьяконъ Авраамъ Ивановъ 1710 г.

10. Ц. Николая Чудотворца въ селѣ Крюковѣ *).

По писцовымъ книгамъ московскаго уѣзда, Хатунской волости, 7135 и 7136 (1627—1628) гг.: „вотчина Всемилостиваго Спаса Андроньева монастыря, село Кракoво (sic), по обѣ стороны рѣки Лопасны, а въ селѣ церковь Николая Чюдотворца древяна, клѣцки, а въ церкви образы, и книги, и ризы, и свѣчи и всякое церковное строеніе монастырское и приходныхъ людей; у церкви во дворѣ попъ Яковъ Петровъ, во дворѣ пономарь Сенка Лукинъ, дворъ просвирницынъ, а въ немъ живетъ бобыль, да въ селѣ дворъ монастырскій ставятъ ново, дворъ монастырскихъ служекъ на пріѣздъ, да крестьянъ и бобылей 12 дворовъ" (Писцов. кн. 9808, л. 275).

7136 (1628) г. церковной дани по окладу платилось „6 алт. 4 ден., по наказу гривна". Въ 7186 (1678) г.: „на Николаевскую церковь положено вновь дани рубль 12 алт. 3 ден. заѣзда гривна" (Патр. прик. кн. 2, л. 39; кн. 91, л. 311).

По дозорнымъ книгамъ Патр. каз. приказа 7188 (1680) г. августа во 2 день: „церковь Николая Чудотворца въ селѣ Крюковѣ деревянная ветхая, церковное строеніе изстари мірское; попъ Трофимъ

---

*) Нынѣ село Крюково Серпуховскаго уѣзда.

Яковлевъ; церковной земли 4 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣнныхъ покосовъ 40 копенъ" (Патр. прик. дозорн. кн. 141, л. 101 и 729)

Въ книги подъ 7205 (1696) г. отмѣчено: „сентября въ 4 ден на попа съ причетники съ Николаевской церкви прибавлено дани с пашни съ 15 четьи въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣнныхъ покосов съ 15 копенъ, по указной статьѣ, 12 алт. 3 ден." (Патр. прик. кн 113, л. 139 об.).

Въ 1722 году церковь деревянная; при ней были священники Иванъ Лукьяновъ 1704 г., Петръ Өедотовъ 1722 г., дьяконъ Иван Өедотовъ 1704 г., Михаилъ Ивановъ 1722 г.; дьячки: Өедотъ Трофимовъ 1704 г. и Алексѣй Петровъ 1722 г. (переписн. кн. 9816, л. 496 и 1 ревизіи, кн. 1722 г., л. 146).

По переписнымъ книгамъ московскаго уѣзда, въ селѣ Крюковѣ находился дворъ монастырскій, въ которомъ жили монастырскіе служки и дворники и числилось крестьянскихъ и бобыльскихъ за 1646 г 17 дворовъ, за 1678 г.—26 дв. и за 1704 г.—42 двора (переписн кн. 9809, л. 731; кн. 9811, л. 653—655; кн. 9816, л. 496).

11. Ц. Покрова Пресвятыя Богородицы въ селѣ Мышкинѣ*)

7136 (1627—1628) г.: „церковь Покрова Святѣй Богородицы в селѣ Мышкинѣ, по окладу дана полтретья алтына, по наказу гривна (Патр. прик. кн. 2, л. 39).

По переписнымъ книгамъ московскаго уѣзда, дворцовой Хатунской волости, 7154 (1646) года: „село Мышкино, на рѣчкѣ Меремежкѣ, у церкви во дворѣ попъ Родіонъ Ивановъ, да въ селѣ крестьянъ 19 дворовъ (Переписн. кн. 9809, л. 463—464).

По писцовымъ книгамъ 183—185 (1677) гг.: „село Мышенско а Мышецкое тожъ, по обѣ стороны рѣчки Меремежки, а въ сел церковь во имя Пречистыя Богородицы древяна клѣцки, съ трапезо около церкви съ дву сторонъ паперть, на паперти лѣстницы. Церковь, трапеза и паперть крыты тесомъ. Въ церкви царскія двер сѣнь и столбцы, мѣстныхъ образовъ по правую сторону царских дверей: образъ Покрова Пресвятыя Богородицы въ кіотѣ, окладъ серебреной басемной, золоченъ, два вѣнца серебреныхъ рѣзныхъ, золочены; по лѣвую сторону царскихъ дверей: образъ Великомученицы Парасковеи, нарицаемыя Пятницы, въ кіотѣ, передъ мѣстными ико

---

*) Нынѣ Мышенское, село Серпуховскаго уѣзда.

ы свѣча поставная, писана красками; надъ царскими дверьми деисусовъ 11 иконъ; передъ деисусы паникадило мѣдное о 12 шанданахъ, ъ олтарѣ на престолѣ евангеліе печатное, оболочено бархатомъ черчетымъ, распятіе и евангелисты мѣдные; крестъ благословенной обложенъ серебромъ басемнымъ, золоченымъ; запрестоломъ образъ Пресв. Богородицы, вѣнецъ и цата серебреные, золочены, рѣзные, окладъ, серебреный, басемной, да прикладу два золотыхъ, да денегъ 23 алт. деп. серебреныхъ и золоченыхъ, на той же цкѣ на другой сторонѣ бразъ Николая Чудотворца; на жертвенникѣ сосуды оловянные, укропникъ и кадило мѣдное. Риза дороги красныя, оплечье отласъ золотой; риза и стихарь полотняные, поручи, двѣ патрахели отласныя. Книгъ: псалтирь со вослѣдованіемъ, минея общая съ праздники, апостолъ, октоя на 8 гласовъ, двѣ тріоди—постная да цвѣтная, псалтирь небная, служебникъ и требникъ.—Да у той же церкви придѣлъ во имя Николая Чудотворца, а въ предѣлѣ царскія двери, сѣнь и столбы, по равую сторону царскихъ дверей: образъ Николая Чудотворца въ кіотѣ, житіемъ, три вѣнца серебреныхъ рѣзныхъ, образъ Пророка Иліи; престолѣ евангеліе ветхое писменное; за престоломъ образъ Пресв. Бог. Владимірскія окладъ и вѣнцы серебреные, на другой сторонѣ бразъ Николая Чудотворца. Предъ церковью колокольница рубленая шти углахъ, верхъ шатровой, на ней колокола, вѣсу въ нихъ пудъ пять. У церкви во дворѣ попъ Родіонъ Ивановъ, во дворѣ пономарь Левка Моисеевъ; церковной усадебной и огородной земли десятина безъ трети, пашни пахатной середней земли 10 чети, сѣна по ѣ стороны рѣчки Меремежи 20 копенъ". Да въ селѣ Мышенскомъ крестьянъ 21 дворъ (Вотч. колл., по гор. Москвѣ, мол. л. кн. 50, дѣла 15).

Въ 7186 (1678) г. на Покровскую церковь положено вновь дани 3 алт. заѣзда гривна (Патр. прик. кн. 91, л. 311).

По дозорнымъ книгамъ Патр. каз. приказа 7188 (1680) года, августа 1 дня: при Покровской церкви „дьячекъ Родіонъ Родіоновъ, попъ Родіонъ Ивановъ умре; церковной земли 10 чети въ полѣ, а въ двухъ потомужъ, сѣна 25 копенъ; а по досмотру та церковь древяна, стара, изстари строеніе мірское" (Патр. прик. кн. 141, л. 728 об.).

По переписнымъ книгамъ 1703 г. въ приходѣ Покровской церкви находилось 59 дворовъ; церковной земли 8 четвертей въ полѣ, а въ двухъ потомужъ, сѣнныхъ покосовъ 25 копенъ (Тамъ же вязка 459, дѣла 1599).

1706 года, октября въ 8 день, выданъ антиминсъ, по благословенной грамотѣ, въ московскій уѣздъ, въ Хатунскую десятину, въ

село Мышинское, къ церкви Покрова Богородицы (Тамъ же кн. 13 л. 285).

Въ 1722 г. церковь въ селѣ Мышенскомъ деревянная; при н были священники: Семенъ Никитинъ 1703—1710 г., Никита Самс новъ 1722 г., дьяконъ Яковъ Викуловъ 1703—1710 г.; дьячки: Р діонъ Родіоновъ 1680—1710 г., Иванъ Никитинъ 1722 г., перепис кн. 1710 г., л. 399; 1 ревизіи кн. 1722 г., л. 92).

12. Ц. Св. Владиміра въ селѣ Талежѣ *).

7136 (1628) г. „церковь Св. великаго князя Володиміра на і гостѣ Талежѣ, по окладу дани 4 алт. съ деньгою, по наказу гривн (Патр. прик. кн. 2, л. 40).

По переписнымъ книгамъ московскаго уѣзда, дворцовой Хату ской волости, 7154 (1646) года: „село Талежъ, на рѣчкѣ Талежи, церкви во дворѣ попъ Осипъ Степановъ, во дв. вдовой попъ Ѳедо Мелентьевъ, да въ селѣ крестьянъ 15 дворовъ (переписн. кн. 98(л. 462 об.).

По писцовымъ книгамъ 183 — 185 (1675—1677) годовъ: „се Талежи, на рѣчкѣ на Талежкѣ, погостъ, а на погостѣ церковь имя Благовѣрнаго князя Владиміра древяна клѣтцки, около церк съ дву сторонъ паперть, на паперть два всхода, церковь и папе и надъ лѣсницами крыто дранью, въ церковь двои двери. Въ цері царскія двери, сѣнь и столбцы, по правую сторону царскихъ две мѣстныхъ образовъ: образъ Всемилостиваго Спаса; образъ Благов наго князя Володиміра, вѣнецъ серебреной, рѣзной, золоченъ; обр Чудотворца Николая; по лѣвую сторону царскихъ дверей: образъ П чистыя Богородицы Одигитрія въ кіотѣ; у мѣстныхъ образовъ свѣчи поставныхъ деревянныхъ, писаны красками, надсвѣшники стяные. Херуговь, на ней писанъ образъ Воскресенія Христова, другой сторонѣ — образъ Происхожденія честнаго Креста. Въ тя деисусовъ 13 иконъ, передъ деисусы поникадило мѣдное о шти ш данахъ. Въ олтарѣ на престолѣ индитія выбойчатая, евангеліе печ ное оболочено бархателью, распятіе и евангелисты серебреные зо чены; крестъ благословенной обложенъ серебромъ, покровъ крашен ной; за престоломъ образъ Пресв. Б—цы; на жертвенникѣ сосу оловянные. Ризы камка сѣнная, оплечье бархатное; ризы и подризни

*) Нынѣ село Талежъ Серпуховскаго уѣзда.

полотняные, оплечье выбойчатое, поясъ нитяной, поручи баркательныя. Кадило мѣдное. Книгъ: апостолъ, псалтирь совослѣдованіемъ, минея общая, требникъ, служебникъ, часословъ, треодь цвѣтная — печатные. На паперти 2 колокола, по смѣтѣ въ нихъ пудъ съ шесть. На церковной землѣ во дворѣ попъ Василій Васильевъ, во дворѣ дьячекъ Алферко Осиповъ, мѣсто пономарево, мѣсто просвирницыно; подъ дворами и огороды усадебной церковной земли десятина безъ чети; животиннаго выпуску по рѣчкѣ Талежѣ четь десятины, пашни паханыя церковныя середнія земли 16 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна по рѣчкѣ Талежкѣ 25 копенъ. Да въ селѣ Талежѣ крестьянъ 19 дворовъ (Вотч. колл. по гор. Москвѣ, мол. л. кн. 50, № дѣла 15).

Въ 7186 (1678) г., на церковь положено вновь дани рубль 9 алт. 3 ден., заѣзда гривна (Патр. каз. прик. кн. 91, л. 311).

По дозорнымъ книгамъ каз. приказа 7188 (1680) г., августа въ 1 день: при церкви Св. Владиміра попъ Василій Васильевъ; церковной земли 16 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 30 копенъ, земля обмежевана особо; а по досмотру та церковь деревянная, новая, изстари строеніе мірское (Патр. прик. кн. 141, л. 727 дозорн.).

Подъ 1722 г. значится: церковь деревянная. При ней были священники: Артемонъ Парамоновъ 1710 г., Никита Васильевъ 1722 г., дьячки: Семенъ Парамоновъ 1710 г., Василій Никитинъ 1722 г., пономари: Никита Васильевъ 1710 г. и Иванъ Никитинъ 1722 г. (переписн. кн. 1710 г., л. 397 и 1 ревизіи кн. 1722 г., л. 117).

13. Ц. Михаила Архангела на погостѣ, въ Ананьинѣ.

7136 (1627—1628) г. „церковь Архангела Михаила на погостѣ, въ Онаньинѣ, по окладу дани 2 алт. съ денгою, по наказу гривна (Патр. каз. прик. кн. 2, л. 40).

По переписнымъ книгамъ московскаго уѣзда, дворцовой Хатунской волости, 7154 (1646) г.: „село Ананьино, на рѣчкѣ Дубеченкѣ *), а въ немъ церковь Архангела Михаила, у церкви во дворѣ вдовой попъ Харлампій, да крестьянъ 8 дворовъ“ (переписн. кн. 9809, л. 462 об.).

Въ 7186 (1678) г. „на Архангельскую церковь положено вновь дани рубль 7 алт. 5 ден., заѣзда гривна“ (Патр. прик. кн. 91, л. 312).

По дозорнымъ книгамъ Патр. каз. приказа 7188 (1680) года, августа въ 1 день: „въ селѣ Ананьинѣ у церкви собора Архангела

---

*) Нынѣ Ананьина, дер., Серпуховскаго уѣзда.

Михаила попъ Алексѣй Прокофьевъ, церковной земли у него, попа съ причетники 16 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 70 копен и ту де землю и сѣнные покосы перепахали и межи попортили то жъ-села крестьяне; а по досмотру та церковь стара, строеніе изстар мірское" (Патр. приказ. дозорн. кн. 141, л. 726).

Въ 1722 г. церковь деревянная. При ней были: священни Семенъ Алексѣевъ 1710—1722 г., дьяконъ Акимъ Ивановъ 1722

14. Ц. Михаила Архангела въ селѣ Михайловскомъ. *)

7136 (1627—1628) годъ: „церковь Архангела Михаила въ Миха ловскомъ на погостѣ, по окладу дани 2 алт. съ деньгою, по нака гривна" (Патр. прик. кн. 2, л. 40).

По переписнымъ книгамъ 7154 (1646) г. село Михайловское, рѣчкѣ Раменкѣ, у церкви во дворѣ попъ Иванъ Андреевъ, да селѣ крестьянъ 10 дворовъ" (переписн. кн. 9809, л. 458 об.—46

По писцовой книгѣ 183—185 (1675—1677) годовъ: „въ се Михайловскомъ церковь во имя Архистратига Михаила древян клѣцки, около церкви паперть, на паперть два всхода; церковь и п перть и всходы крыты тесомъ; на паперти клѣпало; колокольня столбѣ, на ней два колокола, по смѣтѣ въ нихъ пуда съ три; въ це ковь двои двери. Въ церкви царскія двери, сѣнь и столбцы; мѣ ныхъ образовъ по правую сторону царскихъ дверей: образъ Арх гела Михаила обложенъ серебромъ, окладъ золоченъ, вѣнцы бѣл серебреные, въ кіотѣ, передъ мѣстными образы двѣ свѣчи поставн деревянныя, писаны красками, по лѣвую сторону царскихъ двер образъ Пресв. Богор. Одигитрія, образъ Архангела Михаила об жены серебромъ, окладъ гладкой, золоченъ, въ таблѣ деисусовъ иконъ, передъ ними паникадило мѣдное о 6 шанданахъ. Хоруго на ней писаны на одной сторонѣ образъ Богоявленія Господня, другой сторонѣ—Архангела Михаила. На сѣверныхъ дверяхъ пися образъ Благоразумный Разбойникъ. Въ алтарѣ на престолѣ одея выбойчатая, евангеліе въ полдесть печатное, евангелисты мѣдныя. престоломъ образъ Пресв. Б-цы Одигитрія, окладъ серебряной бас ной, вѣнецъ и цата басемные, золочены; крестъ выносной, больш На жертвенникѣ, сосуды оловянные; кадило и укропникъ мѣдные. церковной землѣ во дворѣ попъ Семенъ Ивановъ, во дворѣ дьяче

*) Нынѣ село Михайловское Серпуховскаго уѣзда.

Ѳедка Семеновъ, мѣсто пономарево, мѣсто просвирницыно, подъ дворами и огороды усадебной церковной земли десятина безъ четверти десятины, животинный выпускъ вообще съ крестьянами; пашни паханыя церковныя земли 9 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ; да церковная пустошь, что было село Маслово, на верховьѣ рѣчки Чегодаевки, а Бытенка тожъ, церковнаго кладбища полдесятины, да мѣсто попово, да мѣсто дьячково, пономарево и просвирницыно, земли подъ тѣми церковными мѣстами десятина безъ четьи, пашни паханыя церковныя земли 2 четьи съ третникомъ да переломъ четь безъ третника, да лѣсомъ поросло 2 четьи въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна на кладбищѣ и на усадебной землѣ и около поль и по лужку Мостищамъ 100 копенъ, церковною землею владѣетъ Михайловской попъ Семенъ съ причетники, а оброкъ за нее платятъ на патріаршѣ дворѣ" (Вотч. колл. по гор. Москвѣ, мол. л. кн. 50, № дѣла 15).

Въ 7186 (1678) г.. на церковь Михаила Архангела положено вновь дани 22 алт., заѣзда гривна" (Патр. пр. кн. 91, л. 312).

7188 (1680) г. іюля въ 31 день, при досмотрѣ церквей и церковныхъ земель княземъ Иваномъ Шелешпальскимъ, по указу патріарха, села Михайловскаго церкви Архангела Михаила попа Семена Иванова сынъ дьячекъ Ѳедка сказалъ: церковной де земли у нихъ, написалъ писецъ Иванъ Офросимовъ (1675—1677 г.) 9 четьи въ полѣ, а въ дву потомужъ, а нынѣ владѣютъ только по 3 четьи въ полѣ, а въ дву потомужъ, а достальною землею владѣютъ насильствомъ крестьяне того жъ села, сѣнныхъ покосовъ 60 копенъ; а по досмотру та церковь деревянная, ветхая, строеніе церковное изстари мірское; да онъ же дьячекъ сказалъ: въ приходѣ у нихъ церковная пустошь Маслова и та де пустошь отдана въ помѣстье князю Ѳедору Степанову Мещерскому" (Патр. прик. дозорн. кн. 141, л. 725).

Въ 1722 г. церковь Михаила Архангела деревянная (1 ревизіи, кн. 1722 г., л. 79).

Въ Синодальномъ казенномъ приказѣ производилось дѣло о церковной землѣ. Дѣло началось по прошенію церкви Архангела Михаила священника Леонтія Андріанова. Въ своемъ прошеніи поданномъ въ каз. приказъ 1732 г. генваря въ 31 день, онъ, священникъ, писалъ: „при означенной Архангельской церкви имѣлась изстари усадебная церковная земля безъ четверти десятина, да пашни по 9 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣннаго покосу на 100 копенъ, да въ пустоши Масловѣ, о чемъ значится въ переписныхъ книгахъ, и оною землею владѣетъ со 186 (1678) и по нынѣ дворянинъ Андрей Калининъ Тяпкинъ, и чтобъ повелѣно было тою приписною церковною

землею владѣть имъ, а оному дворянину Тапкину отъ той земли о казать и о томъ владѣніи дать имъ указъ".

Вслѣдствіе сего прошенія въ Синод. каз. приказѣ на справ выписано: „въ окладныхъ книгахъ сего приказа 1732 г. московска уѣзда, въ Хатунской волости, написано: церковь Архангела Михаи въ селѣ Михайловскомъ, дани и заѣзда и десятильнича доходу руб 6 коп., казенныхъ пошлинъ 17 коп.; а въ писцовыхъ книгахъ вып писанной Архангельской церкви не написано. Въ переписной кни 1703 г. у оной Архангельской церкви написано: во дворѣ попъ Ад анъ Ѳедоровъ, у него во дворѣ братья дьячекъ Дмитрій и понома Василій Ѳедоровы; въ приходѣ 55 дворовъ; да къ той церки церк ной земли безъ четверти десятина, да пашни по 9 четвертей въ по а въ дву потомужъ, да сѣннаго покосу на 100 копенъ; да въ пус ши Масловой, приписанной къ той церкви 2 четверти съ третнико да перелогомъ четверть безъ третника, да лѣсомъ поросло 2 четве въ полѣ, а въ дву потомужъ, да сѣнныхъ покосовъ на кладбищѣ, усе кѣ усадебной церковной земли и около поль и по лужку Мас щемъ на 100 копенъ".

По этому дѣлу въ Синод. каз. приказѣ 1732 г. марта въ 27 де опредѣлено: „вышеписанному попу Леонтію Адріанову съ причетн для владѣнья объявленною у оной Архангельской церкви, по пис вымъ книгамъ 183—185 (1675—1677) годовъ и по переписнь 1703 года книгамъ, пашенною землею и сѣнными покосами изъ зеннаго приказа дать указъ".

Того же года марта въ 30 день изъ Синод. каз. приказа вы указъ попу съ причетниками о владѣніи церковною землею (П прик. вязка 462, № дѣла 1880).

Въ 1722 г. при Архангельской церкви были: священникъ А анъ Ѳедоровъ, дьяконъ Иванъ Адріановъ, дьячекъ Леонтій Адріан и помомарь Михаилъ Ивановъ (Переписн. 1 ревизіи, кн. 1722 л. 79).

15. Ц Михаила Архангела въ селѣ Марьинскомъ, Починки то на рѣкѣ Лопаснѣ *).

7136 (1627—1628) „церковь Архангела Михаила въ селѣ Марьинѣ Починкѣ, по окладу дани 6 алт. 5 ден., по наказу гри (Патр. прик. кн. 2, л. 40).

---

*) Нынѣ село Починки Серпуховскаго уѣзда.

По переписнымъ книгамъ московскаго уѣзда, дворцовой Хатунской волости, 7154 (1646) г. „село Марьинское, Починки тожъ, на рѣкѣ Лопаснѣ, у церкви во дворѣ попъ Иванъ Спиридоновъ; да въ селѣ крестьянъ 9 дворовъ“ (переписн. кн. 9809, л. 461 об.).

По писцовымъ книгамъ 183—185 (1675—1677) гг. „въ селѣ Марьинѣ Починкѣ церковь во имя Архангела Михаила съ трапезою деревянная клѣцки, около церкви съ трехъ сторонъ паперть съ тремя всходами; церковь и паперть крыты тесомъ; въ церковь трои двери. Въ церкви мѣстныхъ иконъ по правую сторону царскихъ дверей: образъ Всемилостиваго Спаса, образъ Архистратига Божія Михаила, окладъ серебреной басемной золоченъ, вѣнцы серебреные жъ рѣзные золочены, передъ мѣстными образами двѣ свѣчи поставныя, подсвѣшники деревянныя, писаны разными красками; по лѣвую сторону царскихъ дверей: образъ Парасковеи, нарицаемыя Пятницы. Надъ царскими дверями деисусовъ 11 иконъ, передъ деисусы пониkадило мѣдное о 12 шанданахъ. Въ олтарѣ на престолѣ индитія выбойчатая, евангеліе печатное, оболочено бархатомъ, распятіе и евангелисти мѣдные; крестъ благословенный обложенъ серебромъ басемнымъ, золоченымъ, распятіе чеканное; за престоломъ образъ Пресв. Богородицы Владимірскія, окладъ серебреной, басемной золоченъ, вѣнцы и цата рѣзные съ каменьи, да прикладу серебреныхъ копеекъ 5 алтынъ, на той же иконѣ на другой сторонѣ образъ Николая чудотворца, вѣнецъ и цата серебреные, басемные. На жертвенникѣ сосуды оловянные. Ризы и стихарь выбойчатыя, двѣ патрахели, поручи отласъ цвѣтной. Чаша водосвятная, укропникъ, кадило мѣдные. Книгъ служебныхъ: двѣ минеи—одна общая съ праздники, апостолъ, шестодневъ, требникъ, книга Ефрема Сирина, тріодь цвѣтная, псалтирь. На колокольнѣ три колокола по смѣтѣ пуда въ три. При церкви на церковной землѣ во дворѣ попъ Афанасій Ивановъ, во дворѣ дьячекъ Костка Ивановъ, мѣсто пономарское, мѣсто просвирницыно. Подъ дворами и огороды усадебной земли десятина безъ чети, пашни паханыя церковныя земли 8 чети въ полѣ, а въ дву потому жъ сѣна по рѣкѣ Лопаснѣ, подлѣ покосовъ Никольскаго попа, 2 десятины безъ чети. Да въ селѣ крестьянъ 15 дворовъ“ (Вотч. колл. по гор. Москвѣ, мол. л. кн. 50, № дѣла 15).

Въ 7186 (1678) г. на церковь Архангела Михаила положено вновь дани рубль 3 алт., заѣзда гривна; по дозорнымъ книгамъ Патр. каз. приказа 7188 (1680) года: у церкви попъ Аѳанасій Ивановъ; церковной земли 12 чети, лѣсомъ поросло 3 десятины въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна 150 копенъ; по переписнымъ книгамъ 1703 го-

да: въ приходѣ Архангельской церкви 64 двора; пашни 12 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна на 80 копенъ (Патр. прик. кн 91, л. 312; дозор. кн. 105, л. 31 и вязка 450, № дѣла 897).

1711 года, декабря въ 13 день, выданъ антиминсъ; по благословенной грамотѣ, въ московскій уѣздъ, въ село Починки, въ новопостроенную церковь во имя Архангела Михаила (Патр. прик. кн. 138 л. 243).

Въ 1722 г. церковь Архангела Михаила въ селѣ Починкахъ деревянная; при ней были священники: Ермилъ Аѳанасьевъ 1703—1711 г., Евтихій Григорьевъ 1722 г., дьячки: Константинъ Ивановъ 1703 г., Василій Семеновъ и Тимофей Григорьевъ 1710 г., пономари Никифоръ Аѳанасьевъ 1703 г., Василій Константиновъ 1710 г. и Дорофей Семеновъ 1722 г. (перепис. кн. 1710 г. л. 421 и 1 ревизі кн. 1722 г., л. 46).

16. Ц. Рождества Христова въ селѣ Каменищѣ, на рѣчкѣ Сушкѣ *)

7136 (1627—1628) г. „церковь Рождество Христово на Каменищѣ, по окладу дани 2 алт., по наказу гривна“ (Патр. прик. кн. 2 л. 40).

По переписнымъ книгамъ московскаго уѣзда, дворцовой Хатунской волости, 7154 (1646) г.: „село Каменищи, на рѣчкѣ Сушкѣ, а въ немъ церковь Рождества Христова, стоитъ безъ пѣнія; да въ селѣ крестьянъ 7 дворовъ“ (переписн. кн. 9709, л. 460 об.).

По писцовымъ книгамъ 183—185 (1675—1677) гг. „село Каменищи, по обѣ стороны рѣчки Сушки, а въ селѣ церковь во имя Рождества Христова деревянная клѣцки, крыта тесомъ, въ церкви двое двери. Въ церкви по правую сторону царскихъ дверей: образъ Рождества Христова, по другую сторону—образъ Николая чудотворца; въ олтарѣ на престолѣ евангеліе печатное въ десть, оболочено бархатомъ, евангелисты мѣдные, крестъ благословенной деревянной; за престоломъ образъ Прес. Богородицы, вѣнцы и цата серебреные, золочены, по другую сторону образъ Николая чудотворца; хоругвь, на ней написанъ образъ Всемилостиваго Спаса. На жертвенникѣ сосуды оловянные; воздухъ выбойчатой, покровы крашенные. Да ризы киндяшныя, оплечье бархательное, подризникъ полотняный, поясъ нитяной патрахель и поручи бархательныя; кадило мѣдное. Да книг

*) Нынѣ село Каменищи Серпуховскаго уѣзда.

тріодь, служебникъ, минея общая требникъ, апостолъ, псалтирь и часословъ. На колокольницѣ два колокола, по смѣтѣ пуда съ два. На церковной землѣ во дворѣ попъ Никифоръ Мартиновъ, у него братъ дьячекъ Нефедко Мартиновъ; мѣсто дьячково, мѣсто пономарево, мѣсто просвирницыно; подъ усадбою земли полдесятины; пашни церковныя земли къ рѣчкѣ Сушкѣ, ниже церкви, ко вражку Гластенку 6 чети, да за рѣчкою Сушкою подлѣ вражка, что вражекъ у бору, и подлѣ дороги, что ѣздятъ изъ села Каменищъ въ село Хатунь, лѣсной поросли 4 чети, да въ другомъ полѣ за тою же рѣчкою Сушкою ко вражку, что вражекъ выше села, пашни паханыя 6 чети, да лѣсомъ поросло 4 чети; въ третьемъ полѣ: ѣдучи изъ села Каменищъ къ Барибану на лѣвой сторонѣ 6 четвертей да лѣсной поросли 4 чети, да пашни въ лугу на рѣкѣ Лопаснѣ, въ Маниловѣ лугу, отъ Глушицъ сверхъ по Лопаснѣ 30 копенъ, да къ тому жъ покосу вверхъ по Лопаснѣ десятина, да подлѣ Глушицъ 15 копенъ. Да въ селѣ жъ Каменищи крестьянъ 9 дворовъ". (Вотч. колл. по гор. Москвѣ, мол. л. кн. 50, № дѣла 15).

Въ 7186 (1678) г. на Рождественскую церковь положено вновь дани 24 алт. 2 деньги, заѣзда гривна (Патр. прик. кн. 91, л. 312 об.)

По дозорнымъ книгамъ Патр. приказа 7188 (1680) г. при церкви попъ Никифоръ Мартиновъ, церковной земли 8 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, лѣсу 2 десятины, сѣнныхъ покосовъ 80 копенъ (Патр. прик. дозор. кн. 105, л. 32).

Въ 7200 (1692) году, по указу патріарха и по челобитью села Каменищи Рождественскаго попа Никифора съ прихожаны, велѣно: въ селѣ Каменищахъ, вмѣсто ветхой церкви, построить новую церковь во имя Рождества Христова; а по переписнымъ книгамъ Чудова монастыря уставщика Моисея 186 (1678) года на тое церковь положено было дани по указу съ церковной пашни съ 3 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, да съ 30 копенъ сѣна; а въ памяти, какова прислана въ Казенный приказъ изъ Приказа большаго дворца, нынѣшняго 200 года, мая въ 12 день, написано: московскаго уѣзда въ писцовыхъ книгахъ стольника Ивана Офросимова, 183—185 (1675—1677) годовъ написано въ церкви Рождества Христова церковной пашни 10 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 55 копенъ, а по тѣмъ писцовымъ книгамъ прибавлено дани 11 алтынъ 5 денегъ и всего съ той церкви съ прибавочными дани будетъ рубль 2 алт. 5 ден., заѣзда гривна. И тѣ прибавочныя деньги велѣно имать съ 201 года и о томъ указъ посланъ къ Хатунскому старостѣ поповскому Николаевскому попу Семену" (Патр. прик. кн. 142, л. 167—168).

Въ 1722 г. церковь Рожоества Христова деревянная. При ней были: священникъ Маркъ Мартиновъ 1710—1722 г., дьячки: Парфеній Никифоровъ 1710 г., Сидоръ и пономарь Өедоръ Марковы 1722 г. (Переписн. кн. 1710 г., л. 424 об. и 1 ревизіи, кн. 1722 г., л. 32).

17. Ц. Преображенія Господня въ селѣ Левчищевѣ*).

По писцовымъ книгамъ московскаго уѣзда, 135 и 136 (1627—1628) гг., въ Хатунской волости „вотчина Давыдовы пустыни село Левчищево, на рѣчкѣ Роденкѣ, а въ селѣ церковь Преображеніи Христова древяна клѣцки строеніе монастырское и приходныхъ людей; да церковь св. мученицы Парасковеи, стоитъ безъ пѣнія, ветха; у церкви во дворѣ попъ Прохоръ Клементьевъ, да съ нимъ дьяконъ Захарій Ефремовъ, мѣсто церковнаго дьячка Ивана Родіонова; дворъ пономаря Никифорка Григорьева, да въ селѣ крестьянъ и бобылей 8 дворовъ (Писцов. кн. 9808, л. 271—272).

По книгамъ Патр. каз. приказа „жилыхъ данныхъ церквей" за 7136 (1627—1628) годъ: „церковь Преображенія Спасова въ селѣ Левчищевѣ, по жалованной и несудимой грамотѣ дани вдвое 15 алт. 2 ден., десятильничихъ 2 гривны; тѣ денги платилъ черной попъ Гарасимъ" (Патр. прик. кн. 2, л. 40 об.).

По переписнымъ книгамъ московскаго уѣзда 154 (1646) г. у церкви во дворѣ попъ Захарій Ефремовъ, во дворѣ дьяконъ Филипъ Захарьевъ; да въ селѣ крестьянъ 14 дворовъ и дворъ монастырскаго служки (Переписн. кн. 9809, л. 754 об.).

Подъ 7155 (1647) г. отмѣчено: „генваря въ 26 день, по челобитной, за помѣтою дьяка Ивана Кокошилова, съ той церкви Преображенія Господня данныя деньги и казенныя пошлины велѣно платить десятильникомъ и старостамъ поповскимъ, а на Москвѣ тѣхъ патріаршихъ данныхъ денегъ имать не велѣно для того, что на тое церковь тарханныя грамоты не положили и впредь тое церковь выписать (по приходнымъ окладнымъ книгамъ каз. приказа) въ однорядныя" (Патр. прик. кн. 21 л. 252).

Въ 7165 (1657) г. Давыдова пустынь съ принадлежащими къ ней вотчинами приписана къ Воскресенскому монастырю, что на рѣкѣ Истрѣ, и того же года августа 15 дня составлены описныя книги монастыря и его вотчинъ, въ которыхъ между прочимъ говорится:

---

*) Нынѣ село Левчищево Серпуховскаго уѣзда.

„село Левчищево, на рѣчкѣ Родинкѣ, а въ селѣ церковь Преображенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христова, да въ предѣлѣ великомученицы Параскотеи, нарицаемыя Пятницы; образъ Пречистыя Богородицы Одигитріи обложенъ серебромъ, вѣнецъ и цата басемныя на другомъ престолѣ образъ Пречистыя Богородицы Одигитрія, окладъ чеканной; на престолѣ 2 евангелія: одно-писменное, другое печатное въ десть, евангелисты басменные мѣдные; двои сосуды церковные одни оловянные, другіе деревянные, на престолѣ индитья выбойка красная, крестъ воздвизальной обложенъ серебромъ басменнымъ; царскія двери и сѣнь и столбцы и сѣверныя двери писаны на прозелени; да надъ царскими дверьми въ трехъ табляхъ деисусъ и пророки и праотцы на 26 цкахъ; да мѣстныхъ образовъ: образъ Преображенія Господня, образъ Великомученицы Параскевеи, нарицаемыя Пятницы, писаны на прозелени, въ кіотахъ; да книгъ печатныхъ и письменныхъ: двѣ треоди: постная треодь—печатная, цвѣтная треодь—письменная, обѣ въ десть; апостолъ печатной въ десть; служебникъ въ полдесть, псалтирь съ слѣдованіемъ печатной въ десть, другая псалтирь писменная въ десть; псалтирь учительная въ полдесть; минея общая печатная въ десть; потребникъ печатной въ полдесть; шестодневъ печатной въ десть; книга Ефрема Сирина печатная въ десть; два трефолоя писменные въ десть; потребникъ въ четверть; два ермолоя въ десть; часовникъ въ четверть дести; два кадила мѣдныхъ; поликадило мѣдное о 9 шанданахъ съ кистью шелковою. На колокольнѣ 4 колокола, да клѣпало. Ризы полотняныя, оплечье выбойка красная, мелкотравная; опушка крашенинная, стихарь золотняной, оплечье выбочайтое; двѣ патрахели: одна золотная, другая выбойчатая, поручи бархатъ золотной, по зеленой землѣ, двѣ свѣчи передъ мѣстными образы, писаны краскою. Да въ томъ же селѣ Левчищевѣ во дворѣ попъ Филипъ Захарьевъ; во дворѣ пономарь Ѳедка Родіоновъ, да крестьянскихъ 8 дворовъ“ (Москва отказн. кн. 13, л. 1235 об.—1239).

Въ 7186 (1678) г. „на церковь Преображенія Спасова положено вновь дани рубль 11 алт. 4 ден., заѣзда гривна“ (Патр. прик..кн. 91, л. 313).

По дозорнымъ книгамъ Патр. каз. приказа 7188 (1680) года: у церкви попъ Филиппъ Захаровъ, пашни церковной земли 14 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 40 копенъ“ (Патр. прик. дозорн. кн 141, л. 100 и 728).

Въ 1722 г., церковь деревянная, при ней были священники: Антипъ Карповъ, умер. 1704 г., Афанасій Антиповъ 1722 г.; дьяконъ Василій Григорьевъ 1704—1722 г., дьячекъ Прокопій Андреевъ и по-

номарь Петръ Григорьевъ 1722 г. (переписн. кн. 9816, л. 179 и 1 ревизіи кн. 1722 г. л. 134).

По переписнымъ книгамъ московскаго уѣзда, въ селѣ Левчищевѣ числилось крестьянскихъ и бобыльскихъ 11 дворовъ, а въ 1704 г.— 39 дв. крестьянскихъ (переписн. кн. 9811, л. 658 и кн. 9816, л. 479).

18. Ц. Рождества Христова въ селѣ Мартиновскомъ *).

Въ приходныхъ окладныхъ книгахъ Патр. казеннаго приказа подъ 7139 годомъ записано: „прибыла церковь нынѣшняго 139 г. въ государевѣ дворцовомъ селѣ Мартиновскомъ во имя Рожества Христова; дани, по новому окладу Давыдовой пустыни игумена Антонія, 6 алт. 3 ден., десятильничьихъ гривна; тѣ деньги платилъ игуменъ Антоній“ (кн. 6, л. 609).

„7140 (1632) г. апрѣля 12, великій государь св. патріархъ указалъ: тое церковь Рождества Христова, что въ селѣ Мартиновскомъ, по отпискѣ коломенскаго епископа Рафаила, отдать въ ево епископство, потому что та церковь прежъ сего его епископа, а написана была въ патріаршу десятину въ прошломъ во 139 году, по сказкѣ села Мещеринова безкуѳейнова попа Лукьяна, и данныя денги, что взяты были съ той церкви на 139 и на 140 гг., государь патріархъ велѣлъ отдать коломенскому епископу“ (Патр. прик. кн. 7, л. 615).

19. Ц. Иліи Пророка церковь въ селѣ Туровѣ *).

Село Турово, на рѣкѣ Лопаснѣ, по писцовымъ книгамъ 1578 и 1579 гг., находилось каширскаго уѣзда, въ Туровѣ стану, „въ селѣ церковь Илья пророкъ, древяна клѣтцки, стоитъ на царя и великаго князя землѣ, а церковь поставленье и церковное строенья приходное, во дворѣ черной попъ, во дворѣ дьячекъ церковной, во дв. проскурница, во дв. пономарь; пашни церковныя земли 10 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, лугу по рѣкѣ Окѣ и по рѣкѣ Лопаснѣ 5 десятинъ, сѣна ставится 100 копенъ, по 20 копенъ на десятинѣ, да въ селѣ же дворъ помѣщиковъ, 6 дворовъ людскихъ, да 10 дв. крестьянскихъ, людей въ нихъ тожъ, да 3 двора пусты“ (Писцов. книги, изданіе Геогр. Общ. подъ редакціею Калачова. Т. II стр. 1509). Въ 7137 (1629)

---

*) Село Мартыновское нынѣ Коломенскаго уѣзда.

*) Нынѣ село Турово Серпуховскаго уѣзда.

...ду: „половина этого села находилась—за Сергѣемъ Алексѣевымъ ...омъ Бохина въ помѣстьи, по государевѣ ввозной грамотѣ, за при...пью дьяка Венедикта Махова, 135 (1627) года, а другая половина— ...Никитою Дмитріевымъ сыномъ Кирѣевскимъ, у церкви были во ...орѣ попъ Клементій, во дворѣ дьячекъ Кипріянко, во дворѣ просвир...ца Иринпца; да въ селѣ 2 двора помѣщиковыхъ, 2 двора крестьянскихъ, въ нихъ 14 челов.; да 9 дв. бобыльскихъ, въ нихъ 18 чел. ...(...л. писцов. кн. 177, л. 449—463).

Въ 7154 (1646) г., въ селѣ Туровѣ, принадлежавшемъ Степану ...ьянову Хрущову и Сергѣю Алексѣеву Бохину, находилось 13 дв. ...стьянскихъ, въ нихъ 43 челов. и 16 дв. бобыльскихъ, въ нихъ 30 ...ов. (*водл.* переписн. кн. 179, л. 587 — 589). Въ 7186 (1678) г. ...дѣльцами этого села были: Сергѣй Ѳедоровъ, Григорій Ивановъ ...Матвѣй Давыдовъ Бохины Романъ и Тимофей Устиновы, Григорій ...ковъ Андреевы Хрущовы; въ селѣ находилось 4 двора помѣщи...ковъ и 37 дв. крестьянскихъ и бобыльскихъ, въ нихъ 154 челов.; у церкви на церковной землѣ: во дворѣ попъ Василій Кипріяновъ, ...въ церковной дьячекъ Елистратко Кипріяновъ (переписн. кн. 9454, ...4–75).

Въ приходной книгѣ Патр. приказа, за 7147 (1639) годъ, напи...: „по книгамъ игумена Антонія прибыла вновь церковь Св. про...ка Иліи Хатунской волости, что въ Туровѣ, дани 2 алт. 3 ден., по ...ду гривна. И марта въ 20 день тѣ деньги взято, платилъ игуменъ ...ній" (Патр. прик. кн. 10, л. 178).

Подъ 7186 (1678) г. отмѣчено: „іюля въ 13 день, по указу пат...ка, а по челобитью преосвященнаго Павла архіепископа коломен...го и каширскаго, сей церкви Св. пророка Иліи въ Туровѣ, что ...по справкѣ съ Помѣстнымъ приказомъ съ писцовыми книгами въ ...ховскомъ уѣздѣ, велѣно быть въ его епархіи, Павла архіепископа ...менскаго и каширскаго, и изъ приходныхъ книгъ Патр. каз. при...каза выложить и впредь не писать" Патр. прик. кн. 91, л. 313).

20. Ц. Николая чудотворца въ селѣ Дубешнѣ *).

По писцовымъ книгамъ московскаго уѣзда 135 и 136 (1627—...) гг. въ Хатунской волости: „вотчина Живоначальныя Троицы ...ева монастыря село Дубешня, на рѣчкѣ Дубешнѣ. на ключахъ, ...нѣ церковь Николы чудотворца древяна клѣтцки, а въ церкви ...и свѣчи и книги и всякое церковное строеніе приходныхъ лю...

*) Нынѣ деревня Дубечна Серпуховскаго уѣзда.

дей; у церкви во дворѣ вдовой попъ Прокофій Васильевъ, двор номаревъ пустъ, да въ селѣ дворъ монастырскій, дворъ монаст го дѣтеныша, да крестьянскихъ 12 дворовъ, пашни церковныя 10 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, да сѣнныхъ покосовъ 8 к лѣсъ у всего села (Писцов. кн. 9808, л. 269).

По переписнымъ книгамъ 154 (1646) года: „у церкви (Ни чудотворца) во дворѣ попъ Иванъ Ивановъ; да въ селѣ кресть дворъ" (Переписн. кн. 9809, л. 746).

Николаевская церковь была обложена данью и въ книгахъ приказа подъ 7173 (1665) г. значится: „по книгамъ десят Данила Сурмина, да старосты поповскаго покровскаго попа Гр прибыла вновь церковь Николая чудотворца въ вотчинѣ Серге настыря, въ селѣ Дубешнѣ, дани 5 алт. съ деньгою, по наказ на. И февраля въ 27 день тѣ деньги платилъ староста скій покровскій попъ Григорій" (Патр. прик. кн. 56, л. 316).

Во 186 (1678) г. на Николаевскую церковь положено ва ни рубль 7 денегъ, заѣзда гривна. Въ селѣ Дубешнѣ числило дворовъ крестьянскихъ (Патр. прик. кн. 91, л. 313 и перепис 9811, л. 615—616).

188 (1680) года августа въ 1 день, при досмотрѣ князем номъ Андреевичемъ Шелешпальскимъ „церковь Николая чудо въ селѣ Дубешнѣ стара, а по сказкѣ тоя церкви дьячка Лари нова: та де церковь изстари строеніе мірское; церковной земл ти въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 60 копенъ; а попа той въ то время не было дома, былъ на Москвѣ" (Патр. прик. кн. 141, л. 99 и 727 об.).

Въ 1704 г. въ селѣ Дубечна показано: церковь Воскресен стова и 39 крестьнскихъ дворовъ, при церкви были въ 1704 щенники: Иванъ Ивановъ и Ларіонъ Ивановъ, дьячекъ Яким новъ; въ 1722 г.—свящ. Якимъ Ивановъ съ дѣтьми (перепис 9816, л. 464 и 1 ревизіи кн. 1722 г., л. 746).

21. Ц. Георгія Великомученика въ селѣ Хатунѣ, на пос

Георгіевская Церковь деревянная въ селѣ Хатунѣ, на дѣ, построена въ 1675 г. Въ книгѣ Патр. каз. приказа данныхъ церквей" написано: „въ нынѣшнемъ во 183 (1675) г книгамъ старосты поповскаго Николаевскаго попа Максима вновь церковь Великомученика Георгія въ московскомъ уѣздѣ даревомъ дворцовомъ селѣ Хатунѣ, на посадѣ, дани положено 4 ден., заѣзда гривна" (Патр. прик. кн. 82, л. 111).

Іо писцовымъ книгамъ 183—185 (1675—1677) годовъ: въ двор-
ъ селѣ Хатунѣ, на посадѣ, церковь древяная клѣцки, около
и паперти, на папертъ три всходы. Церковь и паперть крыты
о. Въ церкви царскія двери, сѣнь и столбцы, да мѣстныхъ об-
по правую сторону царскихъ дверей: образъ Великомученика
я съ житіемъ, вѣнецъ серебреной басемной, золоченъ, привладу
5 алтынъ; въ тяблѣ деисусовъ 11 иконъ, передъ деисусы по-
ило мѣдное о 10 шанданахъ. Въ олтарѣ за престоломъ образъ
. Б-цы Владимірскія, вѣнецъ и цата серебреные, золочены; на
нѣ евангеліе писменное, оболочено бархателью, евангелисты
е; крестъ благословенной, деревянной; а книги и ризы и вся-
ерковную утварь емлютъ для службы изъ церкви Рождества
Б-цы; около той церкви площади 4 десятины; а у той церкви
гъ церкви Рождества Богородицы, (что въ селѣ Хатунѣ на по-
попъ Григорій" (Вотч. колл. по гор. Москвѣ, мол. л. кн. 50,
на 15).

Іо дозорнымъ книгамъ Патр каз. приказа 7188 (1680) года:
ерквн св. великомуч. Георгія попъ Никифоръ Ивановъ; церков-
мли по 8 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 42 копны.
прик. кн. 105, л. 29 об.). Въ 1708 г. при оной же церкви
священникъ Гавріилъ Марковъ съ дѣтьми Порфеніемъ и Але-
ъ (переписн. кн. 2, л. 356).

22. Ц. Флора и Лавра въ селѣ Игумнотѣ *).

Ю писцовымъ книгамъ московскаго уѣзда 135 и 136 (1627—
гг., въ Хатунской волости: „вотчина Высоцкаго монастыря, что
рпуховѣ, село Игумново, на рѣчкѣ Волосовкѣ, въ селѣ церковь
и Лавра древяна клѣцки, стоитъ безъ пѣнія, да въ селѣ дворъ
тырскій да крестьянъ 9 дворовъ и дворъ бобыля, въ нихъ лю-
къ" (Писцов. кн. 9808, л. 277—278).

Церковь Флора и Лавра въ 1646 г. стоявшая „безъ пѣнія" вѣ-
была въ 1672 г. исправлена или вновь построена и обложена
. Въ книгѣ каз. приказа подъ 7184 (1676) г. записано: „іюня
день, обложена вновь на Москвѣ, по сказкѣ поповѣ, въ мо-
комъ уѣздѣ, въ Хатунской волости, церковь св. муч. Флора и
въ вотчинѣ Высоцкаго монастыря, въ селѣ Игумновѣ, а на тою

*) Нынѣ Игумново село Серпуховскаго уѣзда.

церковь, по поповой сказкѣ, положено дани съ попова двора, с
дворовъ крестьянскихъ, съ пашни съ одной десятины 6 денегъ,
ныхъ покосовъ съ 30 копенъ, по 2 деньги, всего 20 алт. 4 де
ѣзда гривна и потому окладу деньги велѣно взять со 181 (167
и впредь писать. Платилъ деньги Высоцкаго монастыря служка Б
Скурохинъ" (Патр. прик. кн. 87, л. 398 и переписн. кн. 9809, л

7188 (1680) года іюля въ 31 день, при досмотрѣ церкве
ковныхъ земель княземъ Иваномъ Шелешпальскимъ, „церкви Ф
Лавра попъ Козьма Өедоровъ сказалъ: служитъ де онъ у овой
со 180 (1672) года, а церковной де земли у него 3 десятины в
а въ дву потомужъ, сѣна 20 копенъ, въ межахъ та земля съ
явскою землею" (Патр. прик. дозорн. кн. 141, л. 102).

Въ 1722 г. показано; церковь Флора и Лавра деревянна
ней были священники: Василій Филиповъ 1704 г., Афанасій
1722 г., дьячки: Григорій Филипповъ 1704 г., Романъ Афа
1722 г. и пономарь Василій Васильевъ, 1722 г. (переписн. кн
л. 491 и 1 ревизіи кн. 1722 г. л. 155 об.).

По переписнымъ книгамъ московскаго уѣзда, въ селѣ Иг
числилось 1646 г. 14 дворовъ крестьянскихъ, въ нихъ 24 чело
1704 г.—27 дворовъ (переписн. кн. 9809, л. 763 и кн. 9816, л

23. Ц. Іоанна Златоустаго въ селѣ Щеглятевѣ *).

Церковь Іоанна Златоустаго построена въ селѣ Щеглят
1694 г. Въ книгѣ Каз. приказа за 7203 (1694) годъ записан
кабря въ 10 день, по указу патріарха, а по челобитью сто
Алексѣя Юрьева сына Лутохина и по помѣтѣ на выпискѣ
Денисовича Владыкина, велѣно ему, Алексѣю Лутохину, въ
скомъ уѣздѣ, въ Замыцкой волости, въ отчинѣ ево, въ сельцѣ
тевѣ построить вновь церковь Іоанна Златоустаго; а тоя цер
попа съ причетники положить дани, по сказкѣ человѣка ево с
ровъ съ попова, съ дьячкова, съ просвирницына, съ вотчинни
20 дворовъ крестьянскихъ, съ 5 дѣловыхъ людей, да по памя
кова прислана изъ Помѣстнаго приказа, за приписью дьячка
Козлова, съ пашни съ 10 чети въ полѣ, а въ дву потомуж
ныхъ покосовъ 10 копенъ, по указной статьѣ, 16 алтынъ,
гривна. И по тому окладу тѣ данныя деньги велѣно имать съ 20
(Патр. прик. кн. 153, л. 383).

---

*) Нынѣ село Щеглятево Серпуховскаго уѣзда.

Церковь Іоанна Златоустаго въ приходныхъ окладныхъ книгахъ ·о же Казеннаго приказа за последующіе 1693—1739 гг. писалась ;ъ Хатунскою десятиною (Патр. прик. кн. 158, л. 141 и кн. 411).

Въ записной книгѣ исходящихъ бумагъ Каз. приказа, за 1721 г., значится: „мая въ 13 день, запечатанъ указъ о строеніи церкви, челобитью Никона Иванова сына Волкова, велѣно ему въ москов-;мъ уѣздѣ, въ Хатунской десятинѣ, въ селѣ Златоустовскомъ, вмѣ-; ветхой церкви, построить новую церковь во имя Іоанна Злато-;аго; пошлинъ гривна, принялъ Романъ Дементьевъ" (Патр. прик. . 255, л. 60).

Въ 1722 г. въ селѣ Щеглятевѣ церковь деревянная; при ней ;и: священникъ Иванъ Лукьяновъ 1704—1722 г., дьячки: Никита ;димировъ 1704—1710 г. и Алексѣй Ивановъ 1722 г. (переписн. . 9816, л. 377 об. и 1 ревизіи кн. 1722 г., л. 173).

Село Щеглятево по писцовымъ книгамъ 135 и 136 (1627—28) г. деревня, на рѣчкѣ Бытенкѣ, находившаяся московскаго уѣзда, ;ыцкой волости, „въ вотчинѣ Перваго Григорьева сына Глазова; въ ;евнѣ 2 двора крестьянскихъ, людей въ нихъ тожъ"; въ 7154 (1646) -„2 дв. крестьянскихъ, въ нихъ 4 челов. и дворъ пустъ" (писцов. . 9808, л. 432—433; переписн. кн. 9809, л. 651). Въ 7168 (1660) г. ;. Щеглятева отписана на великаго государя, а въ 1661 г. отдана владѣніе Андрею и Іову Глазовымъ, отъ нихъ продана въ 1666 г. ;илію Өедорову Пестрикову, а у него куплена въ 1670 г. дьяко-;мъ Васильемъ Ипполитовымъ Протопоповымъ. При этомъ владѣльцѣ ;еглятево было сельцомъ, въ которомъ находились въ 1678 г. дворъ ;инниковъ и 5 дворовъ крестьянскихъ. Дьякъ Протопоповъ про-;ъ свое имѣніе въ 7200 (1692) г. Алексѣю Юрьеву Лутохину, при ;оромъ въ селѣ Щеглятевѣ была построена деревянная церковь, ; чего сельцо и стало называться по церкви селомъ Златоустовымъ, ;еглятево тожъ. Послѣ Алексѣя Лутохина его жена вдова Аграфена ;ьева продала село Златоустово, въ 1709 г., Юрію Степанову Не-;динскому-Мелецкому; въ селѣ находились дворы вотчинниковъ и ;тный съ дѣловыми людьми и 12 дв. крестьянскихъ. Въ 1742 г. ;имъ селомъ владѣла Александра Никонова Нелединская-Мелецкая, ;шая замужемъ за Алексѣемъ Никифоровымъ Дубенскимъ, а въ ;74 г.—ихъ сынъ Сергѣй. Въ 1789 г. Щеглятево продано женою ;на Яковлева Познякова Анною Алексѣевою, урожд. Дубенскою, ;нѣ графа Владиміра Григорьевича Орлова Елизаветѣ Ивановнѣ. ;отч. колл. по гор. Москвѣ, мол. л. к. 42, № дѣла 6. Переписн. ;. 9811 и кн. 9816, л. 377).

22. Давыдова пустынь.

По писцовымъ книгамъ московскаго уѣзда 7135 и 7136 (1627—1628) гг., въ Хатунской волости: „монастырь особнякъ Давыдова пустыня, на рѣчкѣ на Лопаснѣ, а на монастырѣ церковь Вознесенія Христова, да предѣлъ Николы Чюдотворца съ трапезою, древяна клѣтцки, строеніе монастырское и приходныхъ людей, да на монастырѣ жъ церковь каменная Вознесенія Христова да Пречистыя Богородицы Успенія, почата была дѣлать блаженныя памяти при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, да не свершена, а строенье было государево; да на монастырѣ жъ келья игуменская да три кельи братскихъ; да на монастырѣ жъ хлѣбня, да поварня братская; да на монастырѣ жъ дворъ конюшенной, а около конюшеннаго двора роща липовая, а роща кругомъ; а подъ монастыремъ монастырской пашни наѣздомъ пахано пятдесятъ четвертей да перелогомъ и лѣсомъ поросло сто десять чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна на рѣкѣ на Лопаснѣ триста копенъ, лѣсу роща липовая около монастыря 15 десятинъ; *деревня Баранцово, на рѣчкѣ на Лопаснѣ*, да у той же деревни въ полѣ озерко Глухое, а въ ней крестьянъ (16 дв.), да подъ тою жъ деревнею на рѣчкѣ на Лопаснѣ мельница; *село Левчищево, на рѣчкѣ на Родинкѣ, деревня Пронино, а Проняви тожъ, на рѣчкѣ на Родинкѣ*, а въ ней крестьянскихъ и бобыльскихъ (3 дв.); *деревня Ескино на прудѣ*, а въ ней крестьянъ (7 дв.); *деревня Пикалово Нижное* на врагѣ, а въ ней крестьянъ (5 дв.); *деревня Дедяково, на рѣчкѣ на Безумнѣ*, а въ ней крестьянъ и бобылей (10 дв.); *деревня Тинин* на врагѣ, а въ ней крестьянъ (6 дв.); *деревня Куретниково Исаково тожъ, на рѣчкѣ на Родинкѣ*, а въ ней крестьян (3 дв.). Пустошь Горѣлое на прудѣ, пустошь на вопчемъ вражкѣ пустошь Вепревская, пустошь Дольное Болото, пустошь Рыбино, пустошь Бухалово, пустошь Назарьевская, пустошь Кадочниково, пустошь другое Дольное Болото да отхожая пожня Шелкова, на рѣчкѣ на Лопаснѣ, а въ ней крестьянъ и бобылей (8 дв.). И всего Давыдовы пустыни вотчины въ Хатунской волости села да 8 деревень да 11 пустошей, а въ нихъ 55 дв. кр., а людей въ нихъ 56 человѣкъ да 1 дв. бобыльскихъ, а людей въ нихъ тожъ да дворъ дѣтеньшевъ, пашни паханыя середнія земли 4 чети съ полуосминою и съ получетверикомъ, да пашни наѣздомъ пахано и съ монастырскою пашнею 22 четь да перелогомъ и лѣсомъ поросло 996 чети безъ получетверика и всего пашни паханыя и съ наѣзжею пашнею и перелогомъ и лѣ

него пересло середнія земли 1220 чети съ полуосминою въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 770 копенъ, лѣсу непашеннаго 33 десятины да лѣсу жъ рощи 18 десятинъ". (Писцов кн. 9808, л. 270—274).

„Лѣта 7165 августа въ 7 день, по указу великаго государя святѣйшаго Никона патріарха Московскаго и всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи и по наказной памяти изъ его государева патріарша розряду, за приписью дьяка Ивана Калитина, подъячей Яковъ Яковлевъ ѣздилъ въ московскій уѣздъ, въ Хотунскую волость, въ Давыдову пустыню, что на рѣкѣ на Лопаснѣ, а пріѣхавъ, въ той пустынѣ переписалъ церкви и въ церхвахъ Божіе милосердіе—мѣстные образы, деисусы, и пророки, и праотцы, и пядницы, и кадила, и паникадила, и книги и ризы, и на колокольницѣ колокола, и всякую церковную утварь, и въ монастырѣ государевы жалованныя грамоты, и крѣпости, и посуду всякую и въ монастырѣ братью и слуги и служебниковъ по имяномъ и въ сушилахъ и въ житницахъ хлѣбъ и всякіе столовые запасы и поваренные сосуды и на конюшенномъ и на воловьѣ дворѣхъ лошади и волы и коровы и всякую мелкую животину и подъ монастыремъ въ слободахъ и въ монастырскихъ вотчинахъ крестьянъ и бобылей и ихъ братью и племянниковъ и сосѣдъ и подсосѣдниковъ по имяномъ съ прозвищи, и въ житницахъ хлѣбъ молоченой и на поляхъ въ скирдахъ и въ одоньяхъ не молоченой и четвертную пашню и всякія угодья; а переписавъ тотъ монастырь Давидову пустыню, приказалъ новаго государева патріарша строенья въ Воскресенскому монастырю, что на рѣкѣ Истрѣ. А что въ томъ монастырѣ и въ вотчинахъ церквей и въ церквахъ церковныя всякія утвари и въ слободахъ слугъ и служебниковъ и въ вотчинахъ крестьянъ и бобылей по имяномъ и пашни и всякихъ угодій и то писано въ сихъ книгахъ именно норовнь."

„Въ московскомъ уѣздѣ, въ Хатунской волости, Давыдова пустыня—монастырь на рѣкѣ на Лопаснѣ, огороженъ заборомъ, около монастыря роща липовая, да промежъ рощи и монастырской ограды садъ съ яблони, а на монастырѣ церковь Вознесенія Господа Бога и Спаса Нашего Іисуса Христа, да въ придѣлѣ 2 престола—предѣлъ Успенія Богородицы да Николы Чудотворца съ трапезою, древяна, шатровая, о трехъ верхахъ, ветха, строенье монастырское и приходскихъ людей; да на монастырѣ жъ церковь каменная Вознесенія Христово да Успенія Пресвятыя Богородицы почата было дѣлать блаженныя памяти при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, не свершена, а строеніе было государево; а въ церквѣ, въ олтарѣ: на престолѣ образъ Пречистыя Богородицы Одигитріе, индиктья выбойчатая мелкотравная,

евангеліе печатное въ десть, позолочено, бархатъ червчатъ, евангелисти серебреные, басебные, крестъ воздвизальной обложенъ серебромъ басебнымъ; на жертвенникѣ двои сосуды бѣлые оловяные; третіе деревянные; царскія двери и столпцы и сѣнь, царскія двери писаны на празелени; деисусовъ въ трехъ табляхъ, въ нижнемъ поясу среди Спасовъ образъ, по сторонамъ по пяти образовъ, да въ верхнихъ въ двух тяблахъ праздники и пророки по 12 образовъ; да надъ царскими дверьми по тябламъ и по стѣнамъ пядницъ 16 образовъ писаны на вохрѣ. Да въ церквѣ книгъ: 2 псалтыря съ слѣдованіемъ, печатные въ десть; 2 октоя — одинъ печатной, другой письменной въ десть; минея общая печатная въ десть; маргаритъ печатной въ полдесть; сорникъ письменной въ полдесть; книга Ефрема Сирина съ Саввою печатной въ десть, книга о вѣрѣ въ десть; тріодь письменная постная, треодь цвѣтная печатная — обѣ въ десть, 2 служебника: одинъ старой, другой новаго выходу, потребникъ иноческой печатной въ десть; часословъ печатной въ десть; книга Николино житіе печатное въ полдесть; житіе Александрв Свирскаго да Михаила Клопскаго да житіе Сергія Чудотворца письменное — вcѣ въ полдесть. Да мѣстныхъ образовъ: по правую сторону образъ Вознесенія Господа Бога и Спаса Нашего Іисуса Христа въ кіотѣ, окладъ басемной, 6 вѣнцовъ рѣзныхъ; образъ Пречистыя Богородицы Владимірскія, окладъ и вѣнец басемной, а по сказкѣ той пустыни казначея съ братьею съ тѣм образомъ пришелъ въ ту Давыдову пустыню чудотворецъ Давыд; образъ Успеніе Пречистыя Богородицы писанъ на празелени въ кіотѣ; образъ Николы Чудотворца въ кіотѣ, окладъ и вѣнецъ и цаты басменые, да въ прикладѣ гривна серебреная, рѣзная; 2 свѣчи большихъ, писаны красками розными. Да ризъ: ризы — камка бѣлая, оплечье участокъ золотной, по зеленой землѣ, опушка дороги полосатыя; подкладка лазоревая, киндашная; ризы дорогильныя желтыя; оплечье отласъ цвѣтной, мелкотравной, опушка киндяшная; ризы дорогильныя двоеличныя, оплечье участокъ золотной, по черной земли ветхи; ризы полотняныя, оплечье бархатное ветхи; стихарь миткаль бѣлые, оплечье полубархатное дикой цвѣтъ съ уларемъ, стихарь киндяшной зеленой, оплечье киндяшъ лазоревой; 2 поручи: одни шиты по красному бархату золотомъ, другіе участокъ золотной, — обои ветхи; 2 кадила мѣдныхъ; 2 паликадила мѣдныхъ, а въ нихъ по 12 шангановъ; 3 патрахили бархатныя по зеленой землѣ ветхи; чаша мѣдная луженая, водосвятная. Да на монастырѣ жъ часовня древяна, а въ ней образъ Пречистыя Богородицы Одегитріи, да деисусы на одной цкѣ писаны на празелени. Да въ той же часовнѣ опочиваетъ Преподобный отецъ Давыд

мъ спудомъ, на гробницѣ покровъ сукно черное, среди крестъ серебреный. Да на монастырѣ жъ 4 кельи, а въ нихъ казначей старецъ Iосифъ, 2 черныхъ поповъ Харлампей да Ефремъ; рядовыхъ старцовъ: старецъ Рафаило, старецъ Феодосiй, старецъ Гурiй, старецъ Нафанаило, старецъ Авраамей; да слугъ: Алексѣй Ивановъ Величковъ, Еремѣй Семеновъ сынъ Козелѣевъ, Харитонъ Гавриловъ, Созонко Лаврентьевъ, конюхъ Федоско Тимофеевъ, хлѣбникъ Власко Ивановъ, церковной дьячекъ Офонка Харитоновъ. Да на монастырѣ жъ колокольня рубленая въ брусъ, вверхъ шатромъ, а на ней 5 колоколъ, благовѣстникъ вѣсомъ 47 пудъ, другой 7 пудъ 16 гривенокъ, 3-й пять пудъ, 2 малыхъ зазвонныхъ, одинъ въ пудъ, другой въ полпуда. Погребъ каменной съ выходомъ, да поварня, а на погребѣ и на поварнѣ сосудовъ всякихъ, 2 котла мѣдныхъ большихъ, третiй меньше; 2 сковородки бѣлыхъ, 3 черныхъ, 2 братиныхъ бѣлыхъ, солоночка бѣлая, 2 горшечка мѣдныхъ, 2 сковороды блинныя желѣзныя; да деревянныхъ судовъ: 6 бочекъ квасныхъ, 8 стоекъ, квасникъ, 2 чана, корыто квасное. Да на монастырѣ жъ конюшня, на конюшнѣ сушило, житницъ, въ одной житницѣ ржи 40 чети, да въ гумнѣ скирдъ ржи, по сказкѣ строителя и братьи, въ томъ скирдѣ 40 копенъ, а въ копнѣ по 52 снопа; да на монастырской же пашнѣ, что сѣяно къ нынѣшнему 165 году ржи 35 чети, да яроваго всякаго хлѣба 80 чети. Да за монастыремъ дворъ скотей, а въ немъ живетъ дворникъ на конюшенномъ дворѣ лошадей: 7 мериновъ работныхъ, 4 кобылы; а на воловьѣ дворѣ 8 коровъ дойныхъ, 7 подтелковъ, 20 овецъ. Да за монастыремъ же на рѣкѣ на Лопаснѣ мельница ихъ монастырская, двои жерновы нѣмецкiя, а на мельницѣ дворъ мельничной, монастырскiя пашни наѣздомъ и перелогомъ и лѣсомъ поросло 160 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна по рѣкѣ по Лопаснѣ 300 копенъ, лѣсу роща липовая, около монастыря 15 десятинъ. Да къ тому же монастырю Давыдовѣ пустынѣ вотчинъ въ той же Хатунской волости село *Левчищево*, на рѣчкѣ на Роденкѣ, а въ немъ церковь Преображенiе Господа Бога и Спаса Нашего Iисуса Христа, да въ предѣлѣ мученицы Параскевы, нарицаемыя Пятницы. На престолѣ образъ пречистыя Богородицы Одегитрiе, обложенъ серебромъ, вѣнецъ и цата басебная; на другомъ престолѣ образъ Пречистыя Богородицы Одигитрiе, окладъ чеканной; на престолѣ 2 евангелiя, одно письменое, другое печатное въ десть, евангелисты басебные мѣдные; двои сосуды церковные, однѣ оловяные, другiе деревянные, на престолѣ индитья обойка красная, крестъ воздвизальной обложенъ серебромъ басменымъ; царскiя двери и сѣнь и столбцы и сѣверныя двери писаны на

-празелени. Да надъ царскими двери въ трехъ таблахъ деисусъ и пре-
роки и праотцы на двадцати на пяти дскахъ. Да мѣстныхъ образовъ
образъ Преображенie Господне, образъ Великомученицы Параскевы
нарицаемыя Пятницы, писаны на празелени въ кiотѣхъ. Да книгъ пе-
чатныхъ и писменыхъ: 2 треоди постная, трiодь печатная цвѣтная,
трiодь письменая, обѣ въ десть, апостолъ печатной въ десть, служеб-
никъ въ полдесть, псалтырь съ слѣдованьемъ печатная въ десть, дру-
гая письменая въ десть, псалтырь учительная въ полъ-десть; минѣ
общая печатная въ десть, потребникъ печатной въ полъ-десть, ше-
стодневъ печатной въ десть: книга Ефрема Сирина съ Саввою, До-
рофѣемъ печатная въ десть, 2 трефолоя письменые въ десть; потреб-
никъ въ четверть дести, 2 ермолоя въ десть, часовникъ въ четверть
дести; 2 кадила мѣдныхъ; паникадило мѣдное, 9 шандановъ съ кистью
шелковою; на колокольнѣ 4 колокола да клепало. Ризы полотняныя
оплечье выбойка красная, мелкотравная, опушка крашенинная, стихарь
полотняный, оплечье выбойчетое; 2 патрахели, одна участокъ зело-
ной, другая выбойчетая ветха, поручи бархатъ золотой по зелено-
землѣ; двѣ свѣчи передъ мѣстными образы, писаны краскою. Да в
томъ же селѣ Левчищевѣ во дворѣ попъ Филипъ Захаровъ, во дворѣ
пономарь Федка Родiоновъ, да крестьянскихъ 8 дворовъ; пашни па-
ханыя середнiя земли осьмина да наѣздомъ пахано 35 чети да пере-
логомъ и лѣсомъ поросло 64 чети съ осьминою въ полѣ, а въ д-
потомужъ, сѣна пятдесятъ копенъ, лѣсу не пашеннаго шесть десятинъ
деревня Баранцово, на рѣкѣ на Лопаснѣ, а въ ней крестьянъ (14 дво-
ровъ), пашни паханыя середнiя земли четверть безъ четверика да на-
ѣздомъ пахано сорокъ чети да перелогомъ и лѣсомъ поросло 134 че-
ти съ четверикомъ въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 150 копенъ
деревня Пронино, на рѣчкѣ на Роденкѣ, а въ ней крестьянъ (4 дво-
ра и дворъ пустъ), пашни паханыя и перелогомъ и лѣсомъ поросло
66 четвертей безъ четверика въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 17 ко-
пенъ; *деревня Никалова Нижняя на врагь*, а въ ней крестьянъ (6 дв.
и дв. пустъ), пашни паханыя середнiя земли и наѣздомъ и перело-
гомъ и лѣсомъ поросло 73 четверти въ полѣ, а въ дву потомужъ,
сѣна 20 копенъ; *деревня Дедюнова*, на рѣчкѣ на Безумнѣ, а въ ней
крестьянъ (10 дворовъ), пашни паханыя наѣздомъ и перелогомъ и
лѣсомъ поросло 88 четвертей съ осьминою въ полѣ, а въ дву пото-
мужъ, сѣна 20 копенъ, лѣсу рощи вдлину на три десятины; *дерев-
Тинино*, на рѣчкѣ на Жолнѣ, а въ ней крестьянъ (4 двора и дво-
пустъ), пашни паханыя середнiя земли и наѣздомъ и перелогомъ и
лѣсомъ поросло 66 четвертей безъ полуосьмины въ полѣ, а въ д-

потомужъ, сѣна 20 копенъ; *деревня Пикалово Вержнее*, въ ней крестьянъ (2 дв. и дворъ пустъ), пашни паханыя наѣздомъ и перелогомъ и лѣсомъ поросло 50 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 10 копенъ; *деревня Ескино* на прудѣ, а въ ней крестьянъ (4 двора), пашни паханыя, и перелогомъ и лѣсомъ поросло середніе земли 140 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 50 копенъ, лѣсу непашенаго 10 десятинъ; *полъ деревни Шолкова*, на рѣкѣ на Лопаснѣ, а въ ней крестьянъ (6 дворовъ); пашни паханыя и перелогомъ и лѣсомъ поросло 81 четверть, сѣна 50 копенъ, лѣсу 2 десятины. Да пустошей: пустошь, что была деревня Каретникова, Исакова тожъ, на рѣкѣ Родинкѣ, пашни паханыя и перелогомъ и лѣсомъ поросло 24 четверти, сѣна 10 копенъ; пустошь на Вопчемъ врагѣ, пашни перелогомъ и лѣсомъ поросло 45 четвертей, сѣна 10 копенъ, лѣсу непашенаго 15 десятинъ; пустошь Вепревская пашни 20 четвертей, сѣна 5 копенъ; пустошь Дальное Болото пашни 17 четвертей, сѣна 8 копенъ; пустошь Рыбина пашни 15 четвертей, сѣна 10 копенъ; пустошь Лазаревское пашни 12 четвертей, сѣна 5 копенъ; пустошь Кадочникова перелогомъ и лѣсомъ поросло 10 чети; пустошь Розметокъ пашни паханыя 10 чети; пустошь Другое Долгое Болото пашни 8 чети; всего Давыдовы пустыни въ московскомъ уѣздѣ въ Хотунской волости село да 8 деревень да 10 пустошей, а въ нихъ 62 двора, людей въ нихъ крестьянъ и бобылей и сосѣдъ и подсосѣдниковъ и братьи и племянниковъ 177 человѣкъ да служекъ и служебниковъ 12 человѣкъ, пашни паханыя и перелогомъ и лѣсомъ поросло середніе земли 1220 чети съ полуосьминою въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 310 копенъ, лѣсу непашеннаго 33 десятины, да лѣсу жъ рощи 18 десятинъ.—Да за ними жъ въ вотчинѣ въ коломенскомъ уѣздѣ въ ...ецкой волости сельцо, что была деревня Карпювское, на рѣчкѣ на Городенкѣ, а въ ней дворъ монастырской, а въ немъ живетъ дворникъ Якимко; да крестьянскихъ дворовъ: во дворѣ Кононко Ивановъ, во дворѣ Сенка Гарасимовъ, во дворѣ Федка Васильевъ; во дворѣ Константинко Константиновъ, пашни паханыя и перелогомъ и лѣсомъ поросло 118 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна по рѣчкѣ по Городенкѣ и по врагамъ 100 копенъ; пустошь Куретниково, на рѣчкѣ на Городенкѣ, пашни 80 чети, сѣна по рѣчкѣ по Городенкѣ 55 копенъ. И всего деревня да пустошь, а въ нихъ пашни и перелогу 242 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 155 копенъ.—Да въ монастырѣ жъ въ казнѣ государева жалованная грамота царя Михаила Θеодоровича всея Русіи, а дана имъ та грамота вновь переписана съ старыя грамоты царя Ивана Васильевича, а подлинной грамоты,

печать красная вислая, за приписью дьяка Семена Бредихина, 133 го
ду; денегъ 20 рублевъ; да на вотчину выпись съ писцовыхъ книг
писца Федора Пушкина съ товарищи 135 году, да съ коломенских
книгъ письма и мѣры Семена Усова 136 году, у обѣихъ выписе
припись Ивана Владычина 160 и 165 году; а отписныя книги писа
подъячей Яковъ Яковлевъ своею рукою, потому что въ монастыр
земскихъ дьячковъ нѣтъ, руку приложилъ (отказная кн. 13, л. 1228-
1248 по гор. Москвѣ).

1728 г. генваря въ день запечатанъ указъ о строеніи престол
Вознесенскаго монастыря Давыдовы пустыни игумену Іакову, по ч
лобитью егожъ игумена, велѣно въ той пустынѣ въ Николаевской те
лой церкви на престолъ, вмѣсто ветхаго одѣянія, положить вновь од
яніе, а въ холодной Вознесенской церкви, вмѣсто ветхаго престол
построить вновь престолъ во имя Вознесенія жъ Господня и посв
щеніе учинить почину; пошлинъ 3 алт. 2 ден. нужнѣйшихъ $^1/_4$ взя
(Патр. пр. кн. 315 л. 2).

Игуменъ Давыдовой пустыни Іаковъ съ братьею въ прошен
поданномъ въ Синод. каз. приказъ 1732 г., марта 7 дня, писалъ: „
Вознесенскомъ нашемъ монастырѣ, что слыветъ Давыдова пусты
въ московскомъ уѣздѣ, въ Хотунской десятинѣ имѣется церковь
пенія Пресвятыя Богородицы и на оной церкви глава развалилась
въ ней своды рушатся и въ церкви Божіей и въ олтарѣ полы
опали и огнимя и божественная служба въ ней служить не возмож
а святыя врата каменныя развалилисъ. И чтобъ повелѣно было он
церковь для ветхости разобрать и построить вновь надъ святыми в
тами во имя тотъ же храмъ Успенія Пресвятыя Богородицы и о то
строеніи дать имъ указъ.

Вслѣдствіе сего прошенія въ Сгнодальномъ казенномъ прик
выписано: въ „писцовыхъ и переписныхъ книгахъ московскаго уѣз
въ Хатунской десятинѣ Вознесенскаго монастыря Давыдовой пусть
не написано“.

Резолюція: „1732 года апрѣля во 2 день, по указу Ея Импе
торскаго Величества и по благословенію святѣйшаго правительств
щаго Сгнода о разобраніи старой церкви и о построеніи вновь
вратѣхъ дать указъ“.

Того же года апрѣля въ день, за № 216, выданъ указъ изъ
нодальнаго каз прик. игумену Іакову о построеніи церкви (Па
прик. связка 462, № дѣла 1904 и кн. 347, л. 13).

1734 г. генваря 27, запечатано вѣдѣніе изъ свят. Сгнода
Москвѣ въ свят. Сгнодъ въ С.-Петербургъ, противъ челобитья Да

довой пустыни братіи и служителей и вкладчиковъ, о надлежащемъ опредѣленіи въ тоѣ пустыню во игумена Симонова монастыря, что при Москвѣ, ризничего іеромонаха Филарета на мѣсто умершаго игумена Іакова и о учиненіи о ономъ Филаретѣ резолюціи, а по мнѣнію же св. Сѵнода въ Москвѣ онаго Филарета въ показанную пустыню игуменомъ опредѣлить надлежитъ; пошлинъ 2 руб. 25 коп. нужнѣйшихъ 3 коп. взяты (кн. 372 л. 3).

1735 г. генваря 10 дня „запечатанъ указъ изъ московскаго Сѵнодальнаго правленія канцеляріи Давыдовы пустыни, что въ московскомъ уѣздѣ, братіи служителемъ и вотчиннымъ крестьянамъ о вѣдѣніи, что обрѣтающійся въ Симоновѣ монастырѣ, что при Москвѣ ризничій іеромонахъ Филаретъ, по прошенію ихъ, произведенъ во оную Давыдову пустынь во игумена сего декабря 21 дня синодальнымъ членомъ преосвященнымъ Іоакимомъ архіепископомъ ростовскимъ и ярославскимъ и посвященъ и въ тоѣ пустыню отпущенъ, которому благочестно и братію служителей и крестьянъ содержать, какъ указы повелѣваютъ, а помянутую пустыню и обрѣтающихся въ ней церквей и церковныя и монастырскія казенныя всякія вещи и прочее все, что принадлежитъ по прежнимъ описнымъ книгамъ, освидѣтельствовать ему, игумену Филарету, при знатной тоѣ пустыни братіи и учинить тому всему вновь описныя двои книги и что сверхъ прежняго явится или убылого о томъ въ тѣхъ новыхъ описныхъ книгахъ написать подлинно и изъ тѣхъ описныхъ книгъ одни за руками прислать въ московскую Сѵнодальнаго правленія Канцелярію, а другія оставить въ той Давыдовѣ пустынѣ; пошлинъ взято 75 коп., нужнѣйшихъ 1 коп.“ (Патр. прик. кн. 381, л. 2 об.).

1764 г. опись Вознесенскаго монастыря, называемой Давыдовой пустыни, составленная поручикомъ Андреемъ Писаревымъ, въ которой говорится:

„Оная пустынь, состоящая при рѣкѣ Лопаснѣ, разстояніемъ отъ Москвы въ 75, а отъ города Серпухова въ 20 верстахъ; по какимъ указамъ оной монастырь, въ которомъ году и при которомъ государѣ сооруженъ о томъ извѣстія въ монастырѣ не имѣется. Жалованная (грамота) на оной монастырь и онаго монастыря на вотчины дана была первая блаженныя памяти отъ государя царя и великаго князя Іоанна Васильевича, которая въ 7127 г. въ королевичевъ приходъ, какъ литовскіе люди и черкасы во ономъ монастырѣ стояли, пропала, вмѣсто второй, по прошенію онаго монастыря игумена Антонія съ братьею, дана вторая въ 7133 г. апрѣля въ 1 день, за подписаніемъ блаженныя памяти государя царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича собственныя руки.

Въ оной пустыни церквей каменныхъ двѣ, въ нихъ 4 престол а) соборная церковь во имя Вознесенія Господня о 5 главахъ, п пей 2 придѣла: Знаменія Пресв. Богородицы, что подъ колокольне и Николая Чудотворца, въ немъ печь израсщатая весьма ветха; ок шекъ въ соборной 18, въ предѣлахъ Николая Чудотворца 6 и Знаменскомъ 2, всѣ оныя съ окончинами стеклянными.

Церковной утвари въ соборной церкви Вознесенія Господня: престолѣ одежда алаго бархату, на ней нашиты кресты позумен серебренаго; на жертвенникѣ камка желтая; завѣса тафтяная лазор вая; въ алтарѣ образовъ: образъ Пресв. Богородицы Казанскія запр стольной, вѣнецъ серебреной, поля басемныя вызолочены; Крестъ з престольной писанъ на краскахъ; образъ Знаменія Пресв. Богород цы вѣнецъ съ короною чеканной, поля серебреныя вызолочены; обра Пресв. Богородицы Казанскія вѣнецъ и цата серебреные рѣзные поля серебреныя жъ; образъ Вознесенія Господня вѣнецъ и цата с ребреные вызолочены; образъ преподобнаго Александра Свирска вѣнецъ и поля серебреные, рѣзные вызолочены; образъ Николая ч дотворца вѣнецъ и цата серебреные чеканные вызолочены; обра Нерукотвореннаго Спаса вѣнецъ серебреной чеканной, поля гладк серебрены жъ вызолочены; образъ Пресв. Богородицы Владимірск вѣнецъ и цата серебреные чеканные вызолочены, поля гладкіе сере рены жъ; образъ Знаменія Пресв. Богородицы и св. Николая Чуд творца и преподобнаго отца Сергія чудотворца вѣнцы и цата и по серебреные; образъ Іоанна Предтечи вѣнецъ и поля серебреные; обра свв. Апостолъ Петра и Павла вѣнцы серебреные; двунадесятны праздниковъ одиннадцать образовъ писаны на краскахъ безъ окла Царскія двери и сѣнь рѣзныя вызолочены, столярнаго дѣла; Благо щенія и евангелисты поясные и на сѣни Тайныя вечери. Мѣстн образовъ подлѣ царскихъ дверей по правую сторону: образъ Спа телевъ поясной безъ окладу; образъ Вознесенія Господня, у Спас лева образа вѣнецъ и цата серебреные новолочены, у Пречистыя городицы и у Ангеловъ 7 вѣнцовъ рѣзные серебреные, на южн дверяхъ образъ архидіакона Стефана; подлѣ южныхъ дверей обр Антонія великаго; образъ Николая чудотворца въ чудесѣхъ въ кі окладъ мѣдной вызолоченъ, вѣнецъ и цата серебреные, на лѣвой ронѣ подлѣ царскихъ дверей: образъ Пресв. Богородицы Ивер поясной безъ окладу; образъ Пресв. Богородицы Владимірскія въ десѣхъ въ окладѣ, риза серебреная чеканная вызолочена, вѣнецъ короною рѣзной серебреной, запонка серебреная простая о 5 кам кахъ, въ срединѣ убрусъ богородичина образа обнизанъ жемчугомъ,

ожерельѣ 63 жемчужины, у Превѣчнаго Младенца на ожерельѣ 16 жемчужинъ; на сѣверныхъ дверяхъ Ангелъ Господень писанъ на красхахъ; подлѣ сѣверныхъ дверей образъ Евфимія великаго; образъ Пророка Иліи въ чудесѣхъ. Иконостасъ весь столярнаго дѣла и зымсы и столбики по мѣстамъ посеребрены и позолочены о четырехъ ярусахъ, въ первомъ апостолы, въ срединѣ Спасителевъ образъ, сидящій на престолѣ, во второмъ праздники, въ срединѣ Знаменія Пресв. Богородицы, въ третьемъ пророки, въ четвертомъ праотцы, въ срединѣ Господь Саваофъ; въ верху онаго иконостаса Распятіе Господне съ предстоящими писано на полотнѣ. У праваго столба три образа: Нерукотвореннаго Спаса, Святителей Московскихъ чудотворцовъ и Благовѣрнаго Князя Владиміра; у лѣваго столба образъ Вознесенія Господня, образъ царя Константина и матери его Елены, образъ Трехъ Святителей Вселенскихъ. У праваго крылоса хоругвь писана по зеленой камкѣ, на ней образъ Вознесенія Господня, а на другой сторонѣ—Успенія Пресв. Богородицы, на налоѣ иконъ листовыхъ 12 мѣсяцевъ въ лицахъ писаны мелкимъ письмомъ. Среди церкви паникадило мѣдное большое нѣмецкаго дѣла объ одномъ ярусѣ 10 подсвѣшниковъ. У мѣстныхъ образовъ 8 лампадъ мѣдныхъ.

Въ предѣлѣ Знаменія Пресв. Богородицы, что подъ колокольнею, гдѣ погребенъ преподобный игуменъ Давыдъ, въ олтарѣ за престоломъ образъ Пресв. Богородицы Одигитріи; царскія двери новоманернаго дѣла рѣзныя и вызолочены, надъ царскими дверьми сѣнь рѣзная и вызолочена; на оной сѣни образъ Знаменія Пресв. Богородицы, на немъ риза и вѣнецъ серебреные чеканные, серги серебреныя съ камушками и 8 жемчужинъ; около сѣни 12 апостоловъ; на правой сторонѣ подлѣ царскихъ дверей образъ Всемилостиваго Спаса; на лѣвой сторонѣ образъ Знаменія Пресв. Богородицы; на сѣверныхъ дверяхъ образъ Архангела Михаила. Надъ гробницею образъ преподобнаго Давыда вѣнецъ серебреной чеканной вызолоченъ, къ вѣнцу привешенъ крестъ серебренной маленькой.

Въ предѣлѣ Николая чудотворца съ трапезою за престоломъ образъ Знаменія Пресв. Богородицы, Крестъ запрестольной рѣзной писанъ на краскахъ; надъ царскими дверьми образъ коронованіе Пресв. Богородицы; въ верху Распятіе Господне; на правой сторонѣ подлѣ царскихъ дверей образъ Спасовъ стоящій писанъ на краскахъ, образъ Апостола Іакова; на лѣвой сторонѣ образъ Пресв. Богородицы Одигитрія, образъ Николая чудотворца вѣнецъ и цата серебреные.

Соборная церковь и предѣлы покрыты тесомъ и выкрашены краскою, а главы обиты деревянною чешуею.

При оной церкви колокольня каменная объ одной главѣ, на ней колоколовъ 8, а по скольку въ нихъ вѣсомъ пудъ подписей не имѣется; да на ней русскіе часы.

Подъ оною церковью хлѣбенная палата да два погреба.

Вокругъ церкви съ предѣлы и подъ колокольнею мѣрою земли длиннику и поперешнику по 11 сажень.

б) Церковь Успенія Пресв. Богородицы, что на святыхъ воротахъ съ трапезою объ одной главѣ, покрыта тесомъ, выкрашена краскою, а глава обита черепицею; въ церкви иконостасъ столярнаго дѣла посеребренъ о трехъ ярусахъ.

Церковные сосуды серебреныхъ: 4 потира, 4 дискоса, 8 блюдцовъ, 4 звѣзды и 4 лжицы, 4 кадила, одно изъ нихъ серебреное, и три мѣдныхъ, ковшъ серебреной.

Евангеліе на александрійской бумагѣ, доски мѣдныя позолочены, въ срединѣ Воскресеніе Христово, по угламъ евангелисты серебрены позолочено, застежки серебреные; три евангелія въ десть печатные.

Крестовъ напрестольныхъ пять, изъ нихъ одинъ съ мощами, серебреные позолочены. (За симъ слѣдуетъ описаніе ризъ и стихарей).

Книгъ: евангеліе толковое воскресное, два евангелія повседневныхъ, евангеліе Кириллово, два октоиха, два апостола, два псалтыря, 12 миней, церковной уставъ, два требника большихъ, четыре пролога, Ефрема Сирина, Іоанна Лѣственника, Іоасафа царевича, шестодневникъ, общая минея, три псалтыря, житіе Николая чудотворца и д[...] завѣта.

Въ оной же пустыни каменнаго строенія: кельи длиною на 1[...] шириною на 5 саженяхъ, о двухъ апартаментахъ, въ верхнемъ кел[...] игуменская и келья братская; въ нижнемъ—кельи братскія и двѣ с[...]лодовни и кладовая палата; подлѣ ограды кельи жъ въ длину на 1[...] поперегъ на 4 саженяхъ, о двухъ апартаментахъ. Деревяннаго строені[я] кухня, погребъ, 5 житницъ.

Въ ономъ монастырѣ прудъ вокругъ 80 сажень. Садъ, въ немъ 15 яблонь, да пчелъ 78 ульевъ.

Вокругъ монастыря каменная ограда ветха, мѣрою вокругъ 2[...] сажень.

Подлѣ монастыря конюшенной и скотной дворы, при нихъ д[...] избы; роща липовая на 7 десятинахъ; подлѣ рощи монастырской ог[...]менникъ и сѣнной сарай.

На рѣкѣ Лопаснѣ мельница о 3-хъ поставахъ; на берегу рѣ[ки] Лопасни, озерко Круглое, въ немъ рыба для монастырскаго обиход[а]. На рѣчкѣ Родинкѣ два пруда монастырскіе.

Въ Москвѣ у Арбатскихъ воротъ часовня каменная, которая пожалована въ оную пустынь въ 7199 (1681) г. для исправленія въ монастырѣ свѣчь, ладону и церковнаго вина; изъ оной часовни бываетъ въ годъ доходу до 10 рублей.

Въ томъ монастырѣ игуменъ Никонъ изъ малороссіянъ, ему жалованья въ годъ 16 руб.; 5 іеромонаховъ, имъ жалованья въ годъ по 8 руб. каждому; іеродіаконъ одинъ, жалованья въ годъ 6 руб.; 2 монаха по 3 руб. въ годъ каждому и псаломщикъ изъ монастырскихъ слугъ, жалованья 2 руб. въ годъ; а пропитаніе они имѣютъ въ общей трапезѣ, на которую въ годъ происходитъ: на покупку соли, рыбы, вина простаго и протчаго на 50 руб.; хлѣба—ржи на хлѣбы и ситные, солоду ржанаго на пиво и квасъ 139 четвертей 2 четверика; пшеничной муки на пироги 7 четвертей, гороху 3 четверти 4 четверика, ячменю на крупы и солодъ 58 четвертей; овса на крупы, на толокно и на кисельную муку 40 четвертей, сѣмя конопляннаго 2 четверти, итого хлѣба 249 четвертей 6 четвериковъ. Слугъ монастырскихъ 14 человѣкъ, имъ жалованья каждому въ годъ по 3 руб. и хлѣба по 9 четвертей. На монастырскомъ пропитаніи разнаго званія людей: 2 капрала и 8 солдатъ, имъ жалованья въ годъ 38 руб 43 к. и хлѣба 44 четверти 5 четвериковъ.

Доходы монастырскіе: съ монастырскихъ вотчинъ села Лехчищева и деревень: Баранцовой, Прониной, Екиной, Пикаловой Верхней и Пикаловой Нижней, Дедяковой, Тениной и Щелковой собирается окладныхъ денежныхъ доходовъ въ годъ—за грибы и лучину 6 руб. 56 коп. съ четвертью, за пустоши 39 руб. 62 коп., масла коровьяго 3 пуда 20 ф., яицъ куриныхъ 1.500, веревокъ лышныхъ 750 сажень и дровъ 75 сажень. Съ монастырской пашни снимается хлѣба—ржи 180 четвертей, пшеницы 5 четвертей, овса 278 четвертей, ячменя 42 четверти, гороху 8 четвертей 4 четверика, гречи 8 четв. 4 четверика и сѣмя конопляннаго 2 четверти (коллегіи эконом. № д. 170).

ЦЕРКОВНЫЯ МѢСТА И ЗЕМЛИ.

Рождества Пресв. Богородицы церковная земля въ приселкѣ Ма
ловѣ.

Въ приходной книгѣ Патр. приказа за 7149 г. подъ Хатунско десятиною написано: „по отписи и по сыску старосты поповскаго пре течевскаго попа Андрея, въ нынѣшнемъ 149 году прибыла вновь це ковная земля Рождества Пресв. Богородицы въ приселкѣ Маслов Ловчего пути, и отдана въ оброкъ охотнику Петру Молчанову обр ку 13 алт. 2 ден. на годъ“; въ 7169 (1661) г.—отдана въ оброкъ из наддачи крестьянамъ дер. Сумороковой Хатунской волости за руб въ годъ. Подъ 7180 (1672) г. отмѣчено; „ся церковная земля отда во 7179 г. въ помѣстье князю Ѳедору Степанову Мещерскому, по п мяти изъ патріарша Розряду, и велѣно изъ окладу выложить и въ о рочныхъ книгахъ не писать“.

Во 183 (1675) г. марта 15, по указу патріарха и по памятям изъ Патр. приказа велѣно: сю церковную землю въ пустоши Масл вѣ изъ оброку выложить и въ приходной книгѣ очистить, потому ч ся церковная земля въ прошломъ во 179 (1671) г. отдана въ помѣст князю Ѳедору Степановичу Мещерскому (Патр. прик. кн. 76, л. 59

Въ 7188 (1680) г. пустошь, что было село Маслово съ церко нымъ мѣстомъ находилось въ приходѣ, церкви Михаила Арханге села Михайловскаго *).

196 (1687) г. сентября 2, великому господину святѣйшему па ріарху Іоакиму билъ челомъ богомолецъ великихъ государей дворц вой Хатунской волости, московскаго уѣзда, церкви Архангела Миха ла села Михайловскаго попъ Ѳедоръ Семеновъ: въ прошлыхъ годе написана пустовая церковная земля пустоши Маслова къ церкви А хангела Михаила намъ священникомъ на прокормленіе, потому что той церкви Божіи приходъ малъ и церковною землею и сѣнными п

---

*) Нынѣ село Михайловское Серпуховскаго уѣзда.

косами скуденъ, а написалъ къ той церкви Божіи писецъ стольникъ Иванъ Михайловичъ Офросимовъ ту пустовую церковную землю въ пустоши Масловой въ писцовыхъ книгахъ, а нынѣ, государь, тою церковною землею владѣетъ князь Ѳедоръ Степановъ Мещерской, твоего святительскаго дому, а по какимъ крѣпостямъ онъ владѣетъ — того я богомолецъ твой невѣдаю, великій господинъ св. патріархъ Іоакимъ, пожалуй меня богомольца своего, вели государь тою пустовою церковною землею въ пустоши Масловѣ мнѣ владѣть, по писцовымъ книгамъ, чѣмъ мнѣ богомольцу твоему у той церкви Божіи кормится, а ему князю Ѳедору Мещерскому не вели тою церковною землею владѣть и о томъ вели государь мнѣ дать святительскую грамоту. Великій господинъ смилуйся!

Въ 1732 г. эта церковная земля отдана къ церкви Архангела Михаила, что въ селѣ Михайловскомъ (см. въ семъ выпускѣ стр. 124 и 125).

Церковная земля, что на Великомъ Болотѣ, церкви Георгія Страстотерпца.

„Прибыла оная земля вновь въ окладъ, по выписи изъ дозорныхъ книгъ Андроника Турченина 7178 (1670) г., церковной земли 2 десятины, сѣна 30 копенъ. Іюня 17, по челобитью Хатунской десятины преображенскаго попа Ивана (что на погостѣ въ Деблѣ), отдана ему изъ Патріарша приказа эта земля въ оброкъ на сей 178 годъ, а оброку велѣно имать по 13 алт. 2 ден. на годъ“. Въ 7182 (1674) г. отдана земля въ оброкъ изъ наддачи 8 гривенъ стремянному конюху Афанасью Ладыгину.

Георгія Великомученика мѣсто церковное.

По писцовымъ книгамъ московскаго уѣзда, Замыцкой волости 135 и 136 (1627—1628) гг. „пустошь, что былъ погостъ, на вражкѣ, а на погостѣ бывала церковь Егорья Страстотерпца Христова; пашни церковныя земли 15 чети въ полѣ, а въ двy потомужъ, сѣна 12 копенъ, лѣсу 5 десятинъ“ (Писц. кн. 689, л. 199 об.).

По дозорнымъ книгамъ Патр. приказа 188 (1680) г., августа 2 дня, по досмотру князь Ивана Андреевича Шелешпальскаго, да Хатунскія десятины старосты поповскаго Ларіона Иванова, да вотчины Андроньева монастыря села Крюкова *) попа Трофима Яковлева, да

*) Крюково, село нынѣ Серпуховскаго уѣзда.

Давыдовы пустыни села Левчищева *) попа Карпа Филиппова на пу стоши Георгіевской церковное кладбище есть, сѣна на оселкѣ копен 60, а около оселка поросло лѣсомъ большимъ, а нынѣ хлѣба посѣя но на той пустоши десятина, да сѣна стоитъ 4 стога, а по смѣтѣ в всѣхъ 20 возовъ, а черезъ тоѣ пустошь дорога— ѣздятъ на пустоши и та пустошь въ смежьѣ съ государевы крестьяны, съ помѣщики вотчинники; а владѣетъ тою пустошью Иванъ Афанасьевъ сынъ Ла дыгинъ, а почему владѣетъ — того не вѣдаютъ, и къ нему Ивану в его деревню Мошанкину былъ посыланъ приставъ, чтобъ человѣк его, или крестьяне его, на землю съ крѣпостями ѣхали и они учи нились не послушны" (Патр. прик. дозорн. кн. 141, л. 114—115).

Церковная Георгіевская земля въ 7193—7201 (1685—1693) гг находилась на оброкѣ у игумена Давыдовой пустыни съ братьею, об року рубль; въ 1711 г. отдана на оброкъ изъ наддачи вотчины кня зя Григорья Өедоровича Долгорукова деревни Галыгина крестьянину а оброку велѣно платить старой и новой наддачи 2 р. 11 алт. 4 день ги" (Патр. прик. кн. 226, л. 121).

---

*) Левчищево, село того же уѣзда.

АЛФАВИТНЫЕ УКАЗАТЕЛИ:

1. Указатель лицъ.

Церкви и монастыри:

2. Указатель географическій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Перемышльская десятина.

Хотунская десятина.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно читать.*
12 снизу	3	его	сего
36 сверху	21	Лютерицѣ	Люторицѣ
43 снизу	16	у жены князя Бориса Алексѣевича	у жены князя Алексѣя Борисовича
95 сверху	2	въ въ 1690 г.	въ 1690 г.

II.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

ВЪ ЗАЩИТУ

БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКАГО.

СОЧИНЕНІЕ

Геннадія Карпова.

Историко-критическія Объясненія по поводу сочиненія П. А. Кулиша «Отпаденіе Малороссии отъ Польши».

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ засѣданіи Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, бывшемъ 12 мая 1887 года, на которомъ я по совершенно случайнымъ причинамъ не присутствовалъ и о томъ, что представленное въ Общество сочиненіи г. Кулиша, ничего не зналъ, было между прочимъ постановлено: „просить Г. Ѳ. Карпова разсмотрѣть сочиненіе г. Кулиша „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши" представленное въ Общество для напечатанія въ „Чтеніяхъ" и дать мнѣніе объ его научной цѣнности". По прочтеніи въ рукописи перваго тома этого сочиненія я высказался за его печатаніе въ „Чтеніяхъ"; къ тому же отказъ съ моей стороны, въ настоящее время, напечатать талантливое сочиненіе г. Кулиша былъ бы выставленъ местію, гоненіемъ, а авторъ—мученикомъ идеи. Вообще же редакція „Чтеній" нашла возможнымъ напечатать настоящій трудъ г. Кулиша „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши" на томъ основаніи, что оно, какъ изслѣдованіе въ предѣлахъ находившихся у автора подъ руками источниковъ и пособій, составлено, по его убѣжденію, добросовѣстно; за выводы же изъ этихъ изслѣдованій, изъ уваженія къ свободѣ науки, отвѣчаетъ авторъ и редакція съ его историко - политическими взглядами себя не объединяетъ; къ тому же и ереси подобаетъ вѣдать.

Что касается источниковъ и пособій, на основаніи которыхъ составилъ свое сочиненіе г. Кулишъ, то я нахожу нужнымъ высказать здѣсь слѣдующія отъ себя замѣчанія. Въ русской исторической литературѣ за послѣднія тридцать лѣтъ встрѣчалось часто такое злоупотребленіе: авторъ наполнитъ свое сочиненіе безчисленными ссылками или предпошлетъ въ предисловіи безконечный реестръ источниковъ и пособій, по которымъ будто бы составлено его сочиненіе; на самомъ же дѣлѣ оказывается, что авторъ многихъ изъ нихъ не

только не читалъ, но и не могъ читать; при этомъ часто случалось что въ этотъ реестръ источниковъ и пособій были занесены такія, которымъ тамъ и не слѣдуетъ быть. Подобный пріемъ вѣроятно имѣетъ цѣлію поразить ученостію людей несвѣдущихъ: кто-молъ попробуетъ провѣрить? Сочиненіе г. Кулиша въ этомъ отношеніи является противоположною крайностію: въ немъ почти не встрѣчается ссылокъ. Кромѣ того, при чтеніи втораго тома этого сочиненія, лица знакомыя съ источниками и литературою предмета, встрѣтили еще такую странность: нѣкоторые выводы, которые г. Кулишъ выдаетъ за свои, какъ ученую новость, давно уже извѣстны. Поэтому редакція „Чтеній" обратилась къ П. А. Кулишу за разъясненіемъ и препроводила къ нему одно изъ моихъ сочиненій „Начало исторической дѣятельности Богдана Хмельницкаго", прося сообщить, извѣстно ли ему это сочиненіе. Въ отвѣтъ на это г. Кулишъ изъ деревни, изъ Черниговской губерніи, гдѣ онъ теперь почти безъисходно жительствуетъ, прислалъ въ редакцію „Примѣчаніе", прося, во избѣжаніе недоразумѣній, напечатать его при второмъ томѣ своего сочиненія. Вотъ это примѣчаніе:

„Въ 1873 году вышло въ Москвѣ историко-критическое изслѣдованіе г. Геннадія Карпова подъ заглавіемъ „Начало исторической дѣятельности Богдана Хмельницкаго". Какъ я разминулся съ этой книгой, это я могъ бы объяснить только біографически. Получивъ теперь ее отъ редакціи „Чтеній", я увидѣлъ, что мы, не будучи знакомы съ почтеннымъ ея авторомъ, пришли во многомъ къ однимъ и тѣмъ же выводамъ. Историко-критическое изслѣдованіе Г. Ѳ. Карпова представляетъ важный для чести русской исторіографіи шагъ къ освобожденію отъ сказочности, которою преисполнены Костомаровскія изображенія Хмельнитчины. Особеннаго вниманія и благодарности историка заслуживаетъ его весьма прилежное и проницательное разсмотрѣніе малороссійскихъ лѣтописцевъ".

Изъ дальнѣйшей переписки съ г. Кулишомъ выяснилось, что онъ въ деревенскомъ уединеніи работаетъ при помощи только давнишнихъ своихъ архивныхъ выписокъ и своей библіотеки, большая часть которой нѣсколько лѣтъ тому назадъ погибла въ пожарѣ; вотъ, кажется отчасти извинительная причина отсутствія въ его сочиненіи необходимыхъ ссылокъ на источники и пособія. Что касается того, на сколько г. Кулишъ вообще „въ курсѣ дѣла" къ изданнымъ русскимъ источникамъ, относящимся къ исторіи Малороссіи, то оказывается, что, напримѣръ, у него имѣется только III-й томъ актовъ Южной и Запад-

ной Россіи, изданный подъ его и г. Костомарова редакціей въ 1861 г. Этотъ томъ по содержанію относится ко времени Богдана Хмельницкаго, но въ немъ пропущены редакторами полностію акты, относящіеся къ 1654—55 годамъ; въ настоящее же время Актовъ Южной и Западной Россіи издано уже четырнадцать томовъ и въ томъ числѣ нѣкоторые изъ нихъ относятся непосредственно ко времени Богдана Хмельницкаго какъ до 1653 года, такъ и къ послѣдующимъ годамъ. Этимъ-то почти полнымъ незнакомствомъ или невозможностію познакомиться съ тѣмъ, что сдѣлано въ послѣднее время въ Россіи (въ Петербургѣ и Москвѣ) для исторіи Малороссіи, также объясняются многіе научные недостатки сочиненія г. Кулиша „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши“.

По отношенію къ польскимъ источникамъ, касающихся эпохи Богдана Хмельницкаго, г. Кулишъ находится, кажется, „въ курсѣ дѣла“; во всякомъ случаѣ въ русской литературѣ такія талантливыя описанія аристократической жизни польскаго общества конца XVI и первой половины XVII вѣка рѣдко встрѣчаются: идеалы этого общества, его ничтожество, пошлость и т. п. изображены г. Кулишомъ превосходно. Интеллигентный малороссъ всегда ближе къ польскому шляхетскому обществу, чѣмъ къ московскому-великороссійскому; его даже можно считать членомъ перваго. Никто лучше не зналъ польскаго аристократическаго общества (ужь очень тамъ хорошо живется), какъ страшный губитель шляхты—Богданъ Хмельницкій. Дѣло въ томъ, что онъ до старости всѣми помыслами души стремился сдѣлаться членомъ этого общества, но былъ отвергнутъ съ презрѣніемъ; въ этомъ отношеніи польская аристократія купила себѣ горе да за свои гроши. Г. Кулишъ знаетъ польское аристократическое общество пожалуй не хуже Богдана Хмельницкаго.

Наконецъ, слѣдовало бы сказать объ отношеніи г. Кулиша къ малороссійскимъ источникамъ для исторіи Богдана Хмельницкаго, напримѣръ, къ малороссійскимъ архивамъ (ну хоть къ архиву гетмановъ, о которомъ во время оно толковали); но такихъ архивовъ, къ сожалѣнію, нѣтъ, да пожалуй и не было. Есть однако малороссійскіе источники для исторіи Богдана Хмельницкаго—во-первыхъ, народныя пѣсни; но къ нимъ слѣдуетъ относиться, и по сознанію самого г. Кулиша, съ особенною осторожностію, потому что большинство изъ нихъ сочинено въ позднѣйшее и даже въ наше время. За симъ, во-вторыхъ, рядъ малороссійскихъ историческихъ повѣствованій, которыя прежде называли даже лѣтописями; но это все такія повѣствованія, которыя, какъ источники исторіи, положительно не заслуживаютъ ника-

кого вниманія историка, за исключеніемъ одного повѣствованія—это, такъ называемая, Лѣтопись Самовидца. Открытіе и изданіе Лѣтописи Самовидца (издана въ первый разъ въ Чтеніяхъ нашего Общества въ 1846 году) принадлежитъ г. Кулишу и составляетъ его дѣйствительную ученую славу.

Въ одномъ изъ писемъ къ намъ г. Кулишъ говоритъ, что его взглядъ на личность и дѣятельность Богдана Хмельницкаго „радикально противоположенъ принятому прежде воззрѣнію“. Совершенно справедливо; но въ послѣднія тридцать лѣтъ высказана такая масса радикально противоположнаго прежде принятымъ мнѣніямъ, что насъ теперь положительно ничѣмъ не удивишь. Въ виду талантливаго изложенія этихъ будто бы новыхъ мнѣній г. Кулиша слѣдующія наши Объясненія будутъ имѣть своимъ содержаніемъ „защиту Богдана Хмельницкаго“ по поводу взводимыхъ на него всевозможныхъ преступленій.

II.

Характеристика сочиненія г. Кулиша „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши“ и нѣкоторыя характеристики Богдана Хмельницкаго, какъ историческаго дѣятеля.

За послѣднія десять—пятнадцать лѣтъ въ литературѣ по исторіи Малороссіи вновь напущено столько туману, что является необходимость, сколько возможно, разсѣять эти новыя выдумки. Изданное теперь обширное сочиненіе г. Кулиша „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши“ (около 1200 страницъ самой убористой печати) даетъ наилучшій поводъ приступить къ этому дѣлу: оно при талантливомъ, общедоступномъ и даже иногда блестящемъ изложеніи, кажется, совмѣщаетъ въ себѣ весь этотъ туманъ. Чтобы написать подобное сочиненіе, при всѣхъ литературныхъ дарованіяхъ г. Кулиша и извѣстномъ знаніи имъ предмета, все таки требовались не мѣсяцы, а годы; поэтому естественно предполагать прежде всего, что основная мысль сочиненія (лично ли автору она принадлежитъ, или заимствована у другаго) обдумана и вполнѣ сознательно изложена; это ужъ одно заслуживаетъ вниманія критиковъ. Конечно, мы не беремъ на себя обязанностей говорить обо всемъ, что встрѣчается новаго въ сочиненіи г. Кулиша по исторіи Малороссіи; такая задача была бы можетъ быть внѣ предѣловъ нашихъ силъ: въ сочиненіи г. Кулиша масса всевозможныхъ будто бы новыхъ открытій и научныхъ выводовъ. Воображеніе г. Кулиша и его фантазія поразительны; его жажда къ переворотамъ въ наукѣ положительно подавляетъ читателя; все это представляетъ богатѣйшій матеріалъ не только для журнальной полемики и критики, но и дѣйствительно даетъ поводъ къ новымъ научнымъ изслѣдованіямъ. Послѣднее необходимо прежде всего для того, чтобы поставить многое на прежнее мѣсто, такъ какъ г. Кулишъ, „ничтоже сумняся“, кажется, все по исторіи Малороссіи вывернулъ на изнанку или поставилъ вверхъ ногами. Въ этомъ отношеніи сочиненіе г. Кулиша „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши“ представляетъ, съ отрицательной стороны, круп-

ное научное значеніе; но, къ прискорбію, появленіе на свѣтъ подоб ныхъ сочиненій возбуждаетъ страсти и мѣшаетъ спокойному обсужде нію и разработкѣ научныхъ вопросовъ.

Такъ называемая газетная журнальная полемика противъ г. Ку лиша, намъ кажется, для самаго дѣла будетъ почти что безполезн потому что онъ самъ настолько блестящій мастеръ слова, что отп шется отъ чего угодно великолѣпнѣйшимъ образомъ. Здѣсь не слѣ дуетъ забывать извѣстную способность г. Кулиша мѣнять свои убѣ жденія и пріискивать оправданіе этихъ перемѣнъ; на самомъ дѣл это ему ничего не стоитъ: какъ талантливые адвокаты могутъ гово рить на какую угодно тему, такъ точно и г. Кулишъ можетъ о одномъ и томъ же предметѣ писать тоже на всякую тему. Смотря времени и обстоятельствамъ, какъ онъ ихъ самъ понимаетъ, или дѣ ствительно увлекшись какой-нибудь блеснувшей въ его головѣ идее г. Кулишъ нынче хвалитъ Богдана Хмельницкаго и запорожскихъ к заковъ, а завтра ругаетъ; но принимая во вниманіе литературный т лантъ и изложеніе доступное для лицъ совершенно неподготовленныхъ чтенію серьезныхъ книгъ,—къ разнообразнымъ адвокатскимъ его тѣямъ относиться съ пренебреженіемъ никакъ нельзя. Въ отвѣтахъ газетную полемику у г. Кулиша вѣроятно главная опора будетъ что я-де ученый и пишу изслѣдованія такъ или иначе по источника такъ и опровергайте меня такимъ же изслѣдованіями по источника Поэтому мы надѣемся, что сочиненіе г. Кулиша „Отпаденіе Малоро отъ Польши" вызоветъ разнообразныя изслѣдованія. Мы же теперь своихъ „Объясненіяхъ" беремъ на себя обязанность говорить тольк Богданѣ Хмельницкомъ, да и то лишь объ извѣстныхъ выдающи сторонахъ его исторической дѣятельности.

—

Какъ мы уже указали, г. Кулишъ заявляетъ, что его тепереш взглядъ на личность и дѣятельность Богдана Хмельницкаго „радика но противуположенъ принятому прежде воззрѣнію". Поэтому мы н немъ прямо съ характеристикъ, какія давались въ разныя врем какъ лично Богдану Хмельницкому, такъ и дѣлу, совершившемуся его посредствѣ въ юго-западной Россіи. Въ настоящемъ „Объяснен мы приводимъ изъ нихъ только нѣкоторыя, сопоставивши ихъ съ рактеристикою, какою угодно было наградить г. Кулишу знаменит освободителя Малороссіи отъ польской власти.

Двѣсти сорокъ лѣтъ тому назадъ, послѣ перваго года своего возстанія противъ Рѣчи Посполитой въѣзжалъ въ Кіевъ Богданъ Хмельницкій; кіевскіе ученые и школьники привѣтствовали его тогда рѣчами, въ которыхъ величали освободителя родины Богомъ даннымъ Моисеемъ, выведшимъ свой малороссійскій народъ изъ работы лядскія и т. п. Тогда дѣло Богдана Хмельницкаго только что началось; ему только удалось очистить Малороссію отъ польской власти, но что изъ всего этого должно было выйти, каковы должны быть дѣйствительные результаты удачнаго покуда возстанія, — этого еще ничего не было видно. Теперь, когда дѣло Богдана Хмельницкаго совершенно выяснилось, то мы увѣрены, что если бы тогдашніе кіевскіе ораторы возстали изъ гробовъ, то сравнили бы козацкаго Батьку съ другимъ великимъ пророкомъ, съ Предтечей спасенія рода человѣческаго, и говорили бы о немъ такими словами: „былъ человѣкъ посланный малороссіанамъ отъ Бога, а имя ему Богданъ; онъ приходилъ свидѣтельствовать о свѣтѣ, дабы всѣ вѣровали ему; не былъ онъ самъ свѣтъ, но приходилъ только свидѣтельствовать о свѣтѣ; благовѣствованіе же его было таково. Слышалъ много Богданъ Хмельницкій о славѣ москвичей, что они могущественны и сильны и благосклонно принимаютъ всѣхъ приходящихъ къ нимъ, а съ друзьями своими и съ довѣряющимися они сохранили дружбу и овладѣли царствами ближними и дальними и всѣ слышавшіе имя ихъ боялись ихъ. И зналъ Богданъ Хмельницкій достовѣрно, что у москвичей всякіе ихъ порядки во всемъ противуположны польскимъ: избрали они одинъ родъ себѣ на царство, ввѣрили они одному царю начальство надъ собою и господство надъ всею землею ихъ и всѣ слушаютъ одного и не бываетъ ни зависти ни ревности между ними. А такъ какъ москвичи малороссіанамъ были братья не только единокровные, но и единовѣрные, то и послалъ тогда Богданъ Хмельницкій къ москвичамъ, чтобы они сняли съ малороссіянъ иго, ибо они видятъ, что ляхи хотятъ ихъ поработить, а вѣру ихъ благочестивую совсѣмъ искоренить". По поводу такой характеристики дѣла Богдана Хмельницкаго, хотя и вложенной въ уста кіевскихъ риторовъ, можетъ быть намъ замѣтятъ, что это прежде всего профанація священныхъ словъ. Согласны отчасти съ этимъ; но въ такомъ случаѣ мы знаемъ еще другую довольно позднѣйшую характеристику Богдана Хмельницкаго, которую и приводимъ здѣсь. Покойный нашъ учитель С. М. Соловьевъ еще въ пятидесятыхъ годахъ говорилъ намъ на лекціяхъ: „XVII вѣкъ есть между прочимъ вѣкъ послѣднихъ русскихъ богатырей: богатырь козакъ — Богданъ Хмельницкій, богатырь монахъ — патріархъ Никонъ, богатырь царь—

Петръ Великій; были конечно тогда еще и другіе богатыри, но в сравненіи съ такими крупными величинами ихъ личность и дѣятел ность большею частію мало замѣтна. Что же касается такихъ бо тырей, какъ торговый мужикъ Мининъ и дворянинъ князь Пожарск то ихъ подвиги собственно заканчиваютъ собою XVI вѣкъ".—Но по поводу этой характеристики намъ также могутъ замѣтить, что ея принимать во вниманіе не слѣдуетъ, потому что она высказа хотя и знаменитымъ, но все-таки московскимъ ученымъ, а госпо литераторы изъ малороссіянъ присвояютъ себѣ монополію знать ист рію Малороссіи, почему не только научные выводы, но даже дост вѣрные источники, относящіеся къ исторіи Малороссіи, опубликова ные москвичами, въ большинствѣ случаевъ ими игнорируются. Въ та комъ случаѣ посмотримъ, какъ современный намъ малороссіянин весьма извѣстный и одинъ изъ старѣйшихъ литераторовъ въ Россі характеризуетъ личность и дѣятельность Богдана Хмельницкаго: луч ше ли и опредѣленнѣе ли онъ это дѣлаетъ и кіевскихъ риторов XVII вѣка, и московскихъ ученыхъ XIX вѣка?

Въ первомъ нашемъ „Объясненіи" по поводу сочиненія г. Кулиша „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши" мы указали на то, что незнакомствомъ автора даже съ опубликованными въ послѣднее время источниками, относящимися къ исторіи Малороссіи, объясняются многіе научные недостатки его сочиненія. Но С. М. Соловьевъ въ пятидесятыхъ годахъ, когда читалъ намъ на лекціяхъ своихъ знаменитый VIII томъ (эпоха Смутнаго времени) и вообще исторію Россіи XVII вѣка, имѣлъ подъ руками источниковъ по исторіи Малороссіи несравненно менѣе, чѣмъ ихъ имѣетъ теперь г. Кулишъ въ своемъ деревенскомъ уединеніи; однако же и тогда можно было уже смѣло дѣлать научную характеристику исторической дѣятельности и личности Богдана Хмельницкаго; поэтому все то, что теперь говоритъ объ этомъ предметѣ г. Кулишъ, мы обязаны принимать не за несчастное недоразумѣніе, а за чистую монету. Какъ ни богаты великороссійскій, малороссійскій и польскій словари всяческими бранными выраженіями, но г. Кулишъ, кажется, истощилъ все это богатство въ приложеніи къ Богдану Хмельницкому; но прежде чѣмъ приводить здѣсь эти его выраженія, надо замѣтить, что онъ вообще въ ихъ выборѣ почти ни при какихъ обстоятельствахъ не стѣсняется. Вотъ тому примѣры. Польское правительство XVII вѣка г. Кулишъ презираетъ и выражается о немъ, напримѣръ, такъ: „сеймующіе паны валандались съ дѣломъ правленья, превосходящимъ ихъ способности" (*т. III, стр. 84*); относительно правительства собирателей Русской земли г. Кулишъ заявляетъ, что передъ его

мудростію онъ благоговѣетъ, но однако говоритъ о немъ въ такихъ выраженіяхъ: „король представлялся казакамъ „Царемъ Восточнымъ“,—титулъ, который козаки, уважавшіе силу больше всего на свѣтѣ, перенесли потомъ на московскаго самодержца, согнувшаго ихъ въ бараній рогъ“ (*т. II, стр. 125*). Подобныхъ изящныхъ выраженій намъ еще придется выписывать у г. Кулиша множество; но при этомъ замѣтимъ, что такихъ выраженій у него не встрѣчается, какъ увидимъ ниже, когда ему приходится говорить о Жолкевскомъ, Конецпольскомъ и Вишневецкомъ и вообще о лицахъ, нанесшихъ православію и Русскому народу какой-нибудь жестокій, дѣйствительно больной ударъ; о такихъ лицахъ г. Кулишъ обыкновенно говоритъ въ тѣхъ выраженіяхъ, какія принято употреблять относительно почтенныхъ, заслужившихъ уваженіе особахъ. Что касается Богдана Хмельницкаго, то любимѣйшія выраженія г. Кулиша, при упоминаніи имени знаменитаго гетмана, таковы:

„Свирѣпый разбойникъ, кровожадный звѣрь, козако-татарскій Тамерланъ; кровавый геній, какъ Аттила, Чингизъ и Тамерланъ; злобный умъ, преслѣдовавшій свою руинную цѣль съ настойчивостію сатаны; человѣко-истребитель, ханъ; безпутный варваръ, вѣчно пьяный отъ горилки и проливаемой крови; могучій въ своихъ злодѣяніяхъ духъ; геніальный сочинитель разбойничьихъ походовъ; гордый добычникъ; змѣй горынычъ, у котораго одна лапа была козацкая, а другая татарская; змѣй-горынычъ, иногда превращавшійся въ поджавшую хвостъ собаку; жадный къ обогащенію и власти; мстительное и ревнивое сердце; соръ Рѣчи Посполитой, уродъ нашей малороссійской семьи; загребатель жара чужими руками; развратникъ, пьяница (особенно по этой части, какъ увидимъ, достается Богдану Хмельницкому); грязная душа, которой было пріятно или нужно представляться чистою; интриганъ, плутъ козакъ, каверзникъ, авантюристъ, пройдоха, старый лицемѣръ, лицедѣй, украинскій хамелеонъ; когда случалось несчастіе, то Хмельницкій, летя внизъ, хватался за всякую подлость, лишь бы остаться при своемъ безстыдствѣ, не предаваться безполезному бѣшенству и не впадать въ отчаяніе; увѣрять въ своей преданности, хвастаться своею силою и грозить своею местію—было ремесломъ Хмельницкаго; измѣнникъ, предатель по природѣ и воспитанію“. Встрѣчаются у г. Кулиша и такія выраженія о Богданѣ Хмельницкомъ: „судьба поступала иногда съ Хмельницкимъ, какъ діяволъ съ тѣми, ко-

торые запродали ему душу", или: „на коварномъ пути Хмел нинцкаго бывали случаи, оправдывающіе наблюденіе, сдѣла ное Шекспиромъ, что нѣтъ между людьми такого злодѣя, в которомъ бы не осталось ничего человѣческаго... онъ был даже способенъ каяться". Объ умственныхъ дарованіяхъ Богда Хмельницкаго г. Кулишъ, хотя и пишетъ, что онъ не имѣлъ дальн виднаго ума, однакоже большею частію выражается такъ: „коварны но даровитый... Скупая на талантливыя головы фортуна удѣ лила ихъ въ это время всей Польшѣ и всей польской Рус только двѣ—Хмельницкаго и Вишневецкаго". Отношенія Богда на Хмельницкаго къ татарамъ опредѣляются такимъ ироническим выраженіемъ: „два счастливые, по милости Божіей, и милосерды людоѣды", т.-е. Ханъ и Хмельницкій. Отношенія къ полякамъ: Ян Казиміра, „выродка норманскихъ завоевателей, какъ и всѣх поляковъ, путалъ нашъ старый Хмель, обвиваясь кругом своими цѣпкими завитками", или: „въ Зборовѣ или въ Збаражѣ рано или поздно, но чигиринскій мурлыка сдѣлалъ бы над варшавскою мышью (королемъ) свой цапъ-царапъ". О переписк Богдана Хмельницкаго съ панами читаемъ (съ княземъ Заславскимъ) „лебезила старая лисица предъ старой вороной"; или: зналъ Хмельницкій Киселя „насквозь и писалъ къ нему изъ Чигирина такъ нѣжно, какъ писалъ бы мурлыка-котъ къ неосторожной мыши, желая удержать ее по сю сторону подполья". Сношенія Богдана Хмельницкаго съ Москвою характеризуются г. Кулишемъ между прочимъ, такъ: „умѣлъ Хмельницкій поддѣлываться подъ всякій языкъ и образъ мыслей, но московскаго соловья не удалось ему кормить баснями, какъ польскаго", потому что „Москва знала цѣну и слезамъ и словамъ интригана, принужденнаго переходить отъ Корана къ Евангелію и отъ Евангелія къ Корану". Но, кажется, мы уже достаточно привели выписокъ изъ сочиненія г. Кулиша, чтобы видѣть, какъ онъ характеризуетъ Богдана Хмельницкаго; подобныхъ литературныхъ перловъ у г. Кулиша множество и привести ихъ здѣсь всѣхъ невозможно. Замѣтимъ кстати, что г. Кулишъ признаетъ за Богданомъ Хмельницкимъ еще способность къ сильной настоящей любви—къ своимъ дѣтямъ и къ своей любовницѣ—женѣ.

По поводу сейчасъ приведенныхъ выраженій г. Кулиша о Богданѣ Хмельницкомъ выскажемъ здѣсь покуда только нѣсколько общихъ замѣчаній. Г. Кулишъ въ своемъ сочиненіи постоянно напоминаетъ читателю о своемъ безпристрастіи, но всѣ его выраженія о

Богданѣ Хмельницкомъ, кажется, свидѣтельствуютъ о совершенно противуположномъ; трудно себѣ представить безпощадность, простирающуюся до такихъ размѣровъ. Конечно, у Богдана Хмельницкаго, какъ у всякаго человѣка и политическаго дѣятеля, были свои слабости и пороки; но превратитъ ихъ въ то, во что превратилъ ихъ г. Кулишъ, можетъ только безконечная злоба, зависть и ненависть,—качества, которыми хотя и рѣдко, но иногда награждаетъ природа и нашихъ литераторовъ. Произнося свой судъ надъ Богданомъ Хмельницкимъ, память котораго столькоже ненавистна г. Кулишу, сколько для многихъ другихъ дорога, г. Кулишъ, вѣроятно, зналъ правило, которое примѣняется къ жестокимъ и безпощаднымъ судьямъ: судъ безъ милости не сотворшему милости. По этому случаю отъ себя скажемъ: многое бы мы удержались говорить въ теперешнихъ нашихъ „Объясненіяхъ", еслибы г. Кулишъ не далъ себѣ такой воли въ брани на Богдана Хмельницкаго. Когда г. Кулишъ составлялъ свое сочиненіе „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши", то, очень можетъ быть, онъ имѣлъ въ виду такъ называемую публику, среди которой находилъ нужнымъ агитировать и на которую сильная брань можетъ производить впечатлѣніе; но заявляя желаніе напечатать свое сочиненіе въ „Чтеніяхъ", которыя издаются совсѣмъ не для публики, намъ кажется, изъ уваженія къ званію ученаго слѣдовало бы поменьше употреблять крѣпкихъ словъ: само изслѣдованіе покажетъ, какъ слѣдуетъ назвать тотъ или другой фактъ. Однакоже и для публики, по отношенію къ такимъ выдающимся историческимъ лицамъ, каковъ былъ и по сознанію самого г. Кулиша Богданъ Хмельницкій, при обсужденіи ихъ дѣятельности слѣдовало бы прилагать совсѣмъ иную мѣрку, чѣмъ къ обыкновеннымъ смертнымъ.

Бранитъ г. Кулишъ не одного Богдана Хмельницкаго, но и весьма многихъ западнорусскихъ историческихъ дѣятелей. Мы не станемъ защищать отъ его обвиненій ни князя Острожскаго, ни митрополита Петра Могилу, а тѣмъ болѣе какого-нибудь Адама Киселя; послѣдняго г. Кулишъ, напримѣръ, между прочимъ такъ величаетъ: „жалкій объѣдокъ іезуитства" (*т. II, стр. 211*). Но все-таки находимъ необходимыхъ по поводу брани этихъ историческихъ лицъ сказать нѣсколько словъ. Князя Константина-Василія Острожскаго г. Кулишъ характеризуетъ подобными выраженіями: „нравственно несостоятельный, мизерный эгоистъ, предатель, негодяй; низменное созданіе своего вѣка и общества; безсовѣстнѣйшій, прозванный у сплетниковъ святопамятнымъ" (*т. II, стр. 214, 238; т. III, стр. 270*) и т. п. Намъ кажется напрасно г. Кулишъ трудится такъ срамить князя

Острожскаго: великимъ ревнителемъ православія онъ считался толь до тѣхъ поръ, пока научная критика ни сколько не касалась его вре мени; но какъ только стали писать объ этомъ времени хотя немног серьезно, то сіяніе добродѣтелей знаменитаго магната значительно по тускнѣло. Поэтому, доказывать, со стороны г. Кулиша, вновь давн извѣстное, хотя бы и въ особой рѣзкой формѣ, вещь почти безполез ная; сердиться же на то, что нѣкоторые писатели повторяютъ пе чатно по сіе время все старое, тоже не стоитъ труда. Одн коже, если князь Острожскій не заслуживаетъ той великой славы на которую претендовалъ и которая за нимъ такъ долго оставалас то все-таки съ чего-нибудь эта слава сложилась: онъ былъ, какъ Адамъ Кисель, человѣкъ по своему вѣрующій православный, готовы по своему помочь и православію; другіе же въ его положеніи и ра ные ему стояли несравненно его ниже, не только не помога православію, а спѣшили скорѣй измѣнять ему; онъ только не бы герой, который во что бы то ни стало уперся „противъ течен рѣки". — Что касается митрополита Петра Могилы, то пожал и для него его священный санъ и занятія религіозными дѣлам какъ и для князя Острожскаго, входили иногда въ составъ арист кратическихъ удовольствій. Мы не будемъ здѣсь приводить н лестныхъ выраженій г. Кулиша о митрополитѣ Петрѣ Могилѣ скажемъ только, что онъ, какъ всѣмъ извѣстно, не всегда стѣсня средствами для достиженія своихъ цѣлей. Мы также вполнѣ соглас съ тѣмъ, что оба помянутыя историческія лица понимали не толь интересы православія, но и самое православіе совсѣмъ иначе, чѣ г. Кулишъ; этотъ вопросъ о православіи разработанъ у послѣдня по своему обширно, но мы не считаемъ себя въ правѣ его касатьс Однакоже намъ, пишущей братіи, прежде всего, не слѣдуетъ заб вать если не политическія, то научныя заслуги князя Острожска и митрополита Петра Могилы: чѣмъ бы они ни руководствовалис бросая отъ милліонныхъ доходовъ гроши на научно-церковныя изд нія и типографіи—и за то спасибо; политическая и церковная ихъ ро для насъ теперь совершенно безразлична, а книги, при ихъ посре ствѣ изданныя, въ свое время принесшія много пользы православі и просвѣщенію, да и въ наше время весьма полезныя, существуют Наконецъ кіевскія-могилянскія школы далеко пережили своего осн вателя; изъ нихъ вышли не одни измѣнники времени царя Алекс Михайловича, но и многіе сотрудники Петра Великаго и вообще мно такихъ лицъ, которыми смѣло можетъ гордиться Великая и Мал Россія; другихъ же подобныхъ университетовъ у насъ въ то вре неи мѣлось.

Слѣды политической дѣятельности князя Острожскаго и митрополита Петра Могилы почти исчезли или, лучше сказать, такъ смѣшались съ дѣятельностію другихъ имъ подобныхъ лицъ, что теперь въ западной Россіи не разберешь, результатъ чьей дѣятельности то или другое явленіе; одно только ясно, что мы имѣемъ тамъ дѣло съ весьма непригляднымъ историческимъ фактомъ. Совсѣмъ иное Богданъ Хмельницкій: его политическая дѣятельность для насъ дѣло живое, а слѣдовательно и онъ живъ; и въ Государственномъ Совѣтѣ, какъ крупный общественно-политическій дѣятель, и въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ, какъ одинъ изъ творцовъ исторіи, онъ тутъ, живъ и сидитъ среди насъ. Съ живыми лицами, а тѣмъ болѣе съ такими высокопоставленными особами, при обсужденіи ихъ дѣятельности, слѣдуетъ обращаться вѣжливо: вѣдь они противъ брани беззащитны. Говоря все это, мы нисколько не защищаемъ, напримѣръ, баснословія, сложившагося о Богданѣ Хмельницкомъ; противъ этого баснословія г. Кулишъ ужасно ратуетъ, но вѣдь оно въ основѣ почти-что полностію опровергнуто еще задолго до появленія на свѣтъ теперешняго его сочиненія. Точно также мы ничѣмъ не оправдываемъ человѣческихъ слабостей и даже пороковъ Богдана Хмельницкаго. на которые такъ напираетъ г. Кулишъ, вѣроятно будучи самъ лично отъ нихъ вполнѣ свободенъ; мы только ниже постараемся объяснить, дѣйствительно ли эти пороки были именно таковы, какъ ихъ рисуетъ, вторя полякамъ, г. Кулишъ. Наконецъ, мы также не станемъ защищать идеализацію козачества; замѣтимъ здѣсь только, что правительственный московскій взглядъ XVII вѣка вообще на козачество, по отношенію его происхожденія и первоначальной дѣятельности, какъ на разбойный элементъ общества („донскіе козаки вѣдомые воры, убѣжавши изъ Московскаго государства отъ смертной казни, грабятъ и воруютъ"),— этотъ взглядъ никогда не умиралъ въ обществѣ и давнымъ давно, особенно благодаря трудамъ С. М. Соловьева и современныхъ ему московскихъ ученыхъ, составляетъ достояніе науки. Поэтому всѣ эти для насъ старые, а для г. Кулиша новые, радикально противуположные принятымъ, ему только лично принадлежащіе взгляды на козачество мы считаемъ излишнимъ оспаривать. Что же касается дѣйствительно новаго именно бранныхъ выраженій, которыми въ такомъ изобиліи осыпаетъ г. Кулишъ Богдана Хмельницкаго, то мы по этому поводу предложимъ слѣдующее: г. Кулишъ одинъ изъ самыхъ старѣйшихъ по возрасту и извѣстнѣйшихъ въ Россіи писателей, поэтому предоставляемъ ему самому (къ тому же онъ на это великій мастеръ) пріискать литературное названіе его собственному употребленію всѣхъ этихъ бранныхъ выраженій.

III.

Обвиненія Выговскимъ, Костомаровымъ и Кулишомъ Богдана Хмел-ницкаго въ измѣнѣ великому государю.

Оставляя покуда на отвѣтственности г. Кулиша большинство е брани на Богдана Хмельницкаго, мы беремъ на себя обязанно защищать послѣдняго только отъ названій *коварный разбойникъ*, *мънникъ и предатель по натурѣ* и отъ обвиненія въ безвѣріи и чу не въ безбожіи. Защищать Богдана Хмельницкаго прежде всего о обвиненія въ измѣнѣ и предательствѣ мы пожалуй вызваны и сл вами самого г. Кулиша; онъ пишетъ *(т. III, стр. 33)*: „на общ человѣческомъ судѣ нѣтъ ничего преступнѣе вѣроломства и пред тельства; широкая картина вѣроломства и предательства, созерцаем нами въ прошедшемъ, широко распространитъ отвращеніе къ вѣр ломству и предательству въ настоящемъ".

Но прежде чѣмъ приступить къ этой защитѣ мы принужден въ дополненіе къ предшествующей характеристикѣ сочиненія г. К лиша, сдѣлать теперь еще слѣдующую оговорку. Г. Кулишъ, д подтвержденія своихъ или чужихъ, будто бы уже неоспоримыхъ в водовъ изъ изслѣдованій и источниковъ, обыкновенно неожидан для читателя, спѣшитъ высказать какую-нибудь неопровержимую, родѣ сейчасъ приведенной, истину отъ себя, а то прямо изъ Ева гелія или изъ Шекспира и т. п. По поводу этой крайне непріятн привычки г. Кулиша, съ которою намъ много разъ придется встр чаться, должно замѣтить, что это не какое-нибудь оригинальничан это не привычка малоросса ничего не говорить спроста, а нѣч совсѣмъ другое: это какая-то особаго рода божба, въ которой Кулишъ, примѣняя къ нему его собственное выраженіе, постоян перекидывается отъ Евангелія къ Корану. Подобнымъ пріемомъ Кулишъ, чтобы онъ ни проповѣдывалъ, прежде всего прикрывает себя какъ непроницаемымъ щитомъ; читатель долженъ быть пор женъ, покориться ему: не смѣй и думать со мной спорить, видиш

какая истина, какой авторитетъ защищаютъ мое мнѣніе; если не согласенъ со мной, то оспаривай прежде всего Евангеліе, — да и вѣрный ли ты подданный своего государя? Такъ какъ большею частію этими высокоблагонамѣренными авторитетами и истинами прикрываются у г. Кулиша обыкновенно далеко неблагонамѣренныя его затѣи, то на подобный пріемъ остается отвѣчать: хотя сочиненіе написано въ такомъ тонѣ, что несогласіе съ его выводами слѣдуетъ считать за преступленіе, возраженія недозволительны, но мы все-таки будемъ возражать. Мы не боимся обвиненій со стороны г. Кулиша въ безбожіи, въ измѣнѣ государю, въ полной научной несостоятельности и пр. и пр.; не испугавшись никакихъ авторитетовъ, великія же изреченія и истины отодвинувши въ сторону, осмѣливаемся прямо высказывать свои мнѣнія. Не сдѣлавши же съ своей стороны подобной оговорки, полемизировать противъ г. Кулиша невозможно.

Наша защита Богдана Хмельницкаго отъ обвиненій въ измѣнѣ и предательствѣ будетъ состоять въ отвѣтахъ на вопросы: вѣрны ли прежде всего тѣ изслѣдованія, на основаніи которыхъ построены такія страшныя обвиненія? Но это дѣло мы начнемъ нѣсколько издали, выяснивъ, въ чемъ собственно заключается суть обвиненія и изъ какихъ побужденій оно вытекло у доносчиковъ.

Во второй половинѣ XVII вѣка московскіе приказы, вѣдавшіе дѣла Малороссіи, были положительно завалены доносами малороссіянъ другъ на друга, главнымъ образомъ на тѣхъ, въ чьихъ рукахъ была власть, и все это были обвиненія въ измѣнѣ великому государю. Московское правительство не знало, что дѣлать съ этими доносами, на чью сторону стать; отнесутся къ доносчику, какъ къ доносчику, съ презрѣніемъ, въ концѣ концовъ окажется, что обвиненіе было справедливо; примутъ во вниманіе доносъ,—окажется, что обвиняютъ праваго. Исторія доноса Кочубея и Искры на Мазепу была не первая, а можетъ быть сотая; настоящіе же, что называется форменные доносы изъ Малороссіи начинаются тотчасъ послѣ смерти Богдана Хмельницкаго. Тогда правительство не повѣрило доносамъ Пушкаря и Искры, обвинявшихъ Выговскаго въ измѣнѣ, и они погибли *); но за это московское государство поплатилось потомъ цѣлой арміей и чуть было совсѣмъ не потеряло и всей Малороссіи. Доносчики въ сочиненіи

*) Бумаги о бунтѣ полтавскаго полковника Мартына Пушкаря съ товарищи нынѣ отпечатаны, подъ нашею редакціею, и выйдутъ въ свѣтъ въ XV томѣ Актовъ Южн. и Зап. Россіи.

обвиненій на своихъ враговъ изощрялись до виртуозности: челов҃ съ пьяна вретъ какую-нибудь чепуху, доносчики же записываю такія его рѣчи и шлютъ въ Москву, въ заключеніе же доноса пр бавляютъ отъ себя: „а тѣ его слова тогда слышачи, а нынѣ пишу уды наши трясутся". Это извѣстный доносъ на Многогрѣшнаго, ок завшійся потомъ вздоромъ, но достигшій своей цѣли. Замѣчатель еще, что на генеральныхъ радахъ Войска Запорожскаго иногда і становлялось: просить великаго государя запретить великороссіяна называть малороссіянъ „измѣнниками".

Но неужели же Малороссія страна измѣнниковъ и доносчиков Нѣтъ. Былъ человѣкъ, а имя ему Богданъ, на котораго, пока о былъ живъ, чтобы онъ ни дѣлалъ, никто не смѣлъ доносить, да онъ тоже ни на кого не доносилъ, развѣ только на самого себя; кто же повѣритъ такому доносу, кто осмѣлится превратить открове ное объясненіе своей дѣятельности въ покаяніе, въ доносъ о сво политической неблагонадежности? При жизни Богдана Хмельницка объ немъ молчали, все кругомъ трепетало грознаго „Батьки": начав возстаніе противъ Рѣчи Посполитой, онъ быстро собралъ около сс не только богатырей-запорожцевъ, но и все, что было лучшаго образованнѣйшаго въ Малороссіи, все очутилось волей или невол въ Войскѣ Запорожскомъ. При этомъ онъ умѣлъ заставлять эти даровитыхъ и образованныхъ людей дѣлать и такіе дѣла, и дѣла хорошо, которымъ они лично не только не сочувствовали, но въ ду проклинали, и все-таки принуждены были молчать. Но вотъ за н сколько недѣль до кончины Богдана Хмельницкаго, когда болѣзнь старость его скрутили, когда всѣмъ стало ясно, что страшно тяжел его рука теперь совсѣмъ ослабѣла, нашлись сейчасъ же около не изъ его же собственныхъ образованныхъ птенцовъ, такіе господ которые и заговорили москвичамъ: „гетманъ хочетъ государю изм нить, сносится съ иностранными правительствами, заключилъ (ними такіе договоры, которые противны волѣ и интересамъ велика государя и ему неизвѣстны, мы же сами не знаемъ, какъ это дѣлу помочь и гетмана отъ измѣны остановить..." и т. д. Все э докладывалось москвичамъ самымъ льстивымъ вѣрноподданически образомъ, „великія клятвы вознося" (*Ак. Южн. и Зап. Р. т. II стр. 555—563*). То что одновременно съ этимъ паны доказыва боярамъ, что Богданъ Хмельницкій измѣняетъ своему новому гос дарю, это въ глазахъ московскаго правительства, конечно, имѣ мало цѣны; но то, что гетмана обвиняютъ въ измѣнѣ малороссіян ближайшіе его сотрудники (на самомъ дѣлѣ только пролагавшіе себ

дорогу къ власти), это на московскихъ сановниковъ могло произвести впечатлѣніе. Однакоже старый гетманъ вскорѣ умеръ, хотѣлъ будто бы измѣнить государю, да не измѣнилъ; помянутые же доносчики сами дѣйствительно немедленно измѣнили. Прошло слишкомъ двѣсти лѣтъ, а клевета, пущенная въ оборотъ Выговскимъ и К° о Богданѣ Хмельницкомъ, повторяется и опять только одними малороссіянами по сіе время. Эта клевета теперь повторяется и г. Кулишемъ, конечно безъ оправданія Выговскаго, въ такой формѣ: „Выговскій доигралъ относительно тишайшаго царя ту (измѣнническую) роль, которую самому Хмельницкому не дала доиграть одна привычка къ неумѣренному пьянству" (*т. II, стр. 272*), или: „никогда не думалъ онъ (Богданъ Хмельницкій) быть вѣрнымъ подданнымъ царскимъ; въ этомъ удостовѣряютъ насъ его сподвижники и преемники Выговскій, Тетеря и Дорошенко" (*т. III, стр. 314*). Удивительное доказательство! По поводу его позволяемъ себѣ сдѣлать небольшое историческое сравненіе: птенцы Петра Великаго, которые при немъ такъ дружно дѣйствовали для одной указываемой царемъ цѣли, послѣ его смерти перессорились за власть, другъ друга перегубили и истребили и тѣмъ проложили дорогу бироновщинѣ. Полагаемъ, что Петръ Великій былъ столько же виноватъ въ этихъ дѣлахъ Меншикова и Долгорукихъ съ товарищи, какъ и Богданъ Хмельницкій въ измѣнахъ Выговскаго, Тетери и К°.

Въ малороссійской исторической литературѣ съ начала XVIII вѣка Богдана Хмельницкаго изображали какимъ-то особеннымъ героемъ, который, кажется, и питался не какъ всѣ остальные смертные, а какъ боги; запорожское же козачество идеализировалось при этомъ до крайности. Въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, въ эпоху возрожденія всякихъ народныхъ самосознаній, стала обращаться въ нашей образованной публикѣ рукопись, содержащая будто бы исторію Малороссіи: названіе ей дано „Исторія Руссовъ", авторство ея приписано знаменитому іерарху XVIII вѣка Георгію Конискому. Болѣе злаго политическаго пасквиля, разсчитаннаго притомъ на полнѣйшее невѣжество россійской публики, наша литература не знаетъ. Сейчасъ мы говорили о доносахъ малороссіянъ другъ на друга; но этой страсти къ доносамъ, къ сутяжничеству, въ XVII вѣкѣ можно было найти извиненіе,—это „Смутное время въ Малороссіи", наступившее со времени освобожденія ея отъ польской власти. Скажемъ здѣсь объ этомъ нѣсколько словъ. Г. Кулишъ не разъ, по поводу возстанія Богдана Хмельницкаго, называетъ эту эпоху „Смутнымъ временемъ Рѣчи Посполитой"; нисколько не полемизируя съ г. Кулишемъ, выскажемъ

только свое мнѣніе: въ это время въ Польшѣ никакой „смуты" н было, а если она была, то конечно въ Малороссіи. Бунты и потер цѣлыхъ провинцій, несчастныя войны съ иностранными государствам не являются еще „Смутнымъ временемъ" для государства, котор отъ всего этого страдаетъ. Польское государство при Богданѣ Хмел ницкомъ и потомъ полтораста лѣтъ послѣ него переживало толь свою агонію, сознательно отстаивая, безъ малѣйшей смуты, излюблен ные и давно сложившіеся свои порядки и идеалы, которые его погубили. Совсѣмъ иное дѣло Малороссія: освободившись отъ пол ской власти при помощи козачества, она вдругъ получила какое- господствующее военное сословіе, управляющееся и претендующ всѣмъ управлять, даже среди мира, на основаніи законовъ лагеря время войны. Существованіе въ мирной странѣ такого военнаго с словія, въ дѣйствительности ненавистнаго для другихъ старыхъ сосл вій, было признано и Зборовскимъ договоромъ, и московскими ста ями; дорого поплатилась Малороссія за свое освобожденіе! Существ ваніе такого сословія было признано въ странѣ, но отношеніе е къ остальнымъ жителямъ совсѣмъ не было опредѣлено, и вотъ слѣ ствіе этого въ Малороссіи начинается особаго рода внутренняя борь въ которой борющіяся стороны сами не знаютъ, къ чему окончател стремятся, не знаютъ, за какіе порядки схватиться и какіе иде отстаивать. Эта борьба идетъ не только между сословіями, но о происходитъ прежде всего въ новомъ сословіи, въ Войскѣ Запоро скомъ—борьба за власть. Захватить въ свои руки власть въ Ма россіи, въ Войскѣ Запорожскомъ, въ XVII вѣкѣ было точно та же трудно, какъ всегда и вездѣ; но и удержать власть за собою то въ Малороссіи или особенно сдѣлать при ея помощи что-либо лезное было еще труднѣе или даже невозможно. Все обществен устройство страны, вслѣдствіе способа освобожденія ея отъ польс власти, было до того ненормально, что и вызывало вездѣ и вс только ненормальныя явленія; такъ со стороны борющихся за вл къ числу этихъ ненормальныхъ явленій относятся и доносы въ сква другъ на друга. Вотъ, по нашему мнѣнію, причина доно малороссіянъ XVII вѣка другъ на друга. Совсѣмъ иное дѣло ав „Исторіи Руссовъ": что его побудило въ XIX вѣкѣ продолжать Выговскаго и состряпать подобную вещь, вредную прежде всего самихъ же малороссіянъ? Неужели это сочиненіе слѣдуетъ сч литературнымъ памятникомъ народнаго самосознанія малоросс Кто былъ его авторомъ, къ сожалѣнію, кажется, и по сіе в остается неизвѣстнымъ.

Когда стала извѣстна читающей россійской публикѣ „Исторія Руссовъ", а потомъ была и издана, то тѣхъ дерзкихъ московскихъ ученыхъ, которые позволяли себѣ, послѣ сравненія съ дѣйствительно достовѣрными источниками исторіи, высказывать полнѣйшее сомнѣніе какъ въ достовѣрности извѣстій „Исторіи Руссовъ", такъ и въ авторствѣ ея Георгія Конискаго, такихъ господъ бранили и позорили всячески; имъ обыкновенно выставлялось на видъ, что Пушкинъ, Гоголь и Устряловъ съ восхищеніемъ читали „Исторію Руссовъ" и добивались ее издать (*см. Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ за 1871 годъ, кн. I:* „Объясненіе" О. М. Бодянскаго по поводу нашей диссертаціи „Критическій обзоръ разработки главныхъ русскихъ источниковъ, до исторіи Малороссіи относящихся"). По поводу ссылокъ на указанные авторитеты, относительно критики источниковъ исторіи, сознаемся, что Устряловъ въ этомъ отношеніи для насъ авторитетъ: очень можетъ быть, что онъ и думалъ издать „Исторію Руссовъ", однакоже не приступилъ къ этому дѣлу, хотя ему, какъ академику и члену Археографической Коммиссіи, было несравненно легче это сдѣлать, чѣмъ Бодянскому; говорить, мечтать и дѣлать—большая разница. Мало того: мы весьма сожалѣемъ, что не Устряловъ, а Бодянскій издалъ „Исторію Руссовъ"; мы увѣрены, что первый издалъ бы ее совсѣмъ иначе, чѣмъ второй: мы знаемъ только серьезныя научныя изданія Устрялова; во всякомъ случаѣ увѣрены, что въ предисловіи къ „Исторіи Руссовъ" отъ Устрялова не былъ бы данъ тонъ о важности этого изданія и не встрѣчалось бы тѣхъ побѣдныхъ кликовъ, какіе мы имѣемъ теперь въ предисловіи при изданіи Бодянскаго.—Что касается научнаго авторитета Пушкина и Гоголя, то въ настоящемъ случаѣ, нисколько не оскорбляя памяти великихъ поэтовъ, откровенно выскажемъ только одно мнѣніе: мы почти увѣрены, что донесенія „о поѣздкѣ въ Эмсъ" и „о битвѣ Кушкѣ" (шуточныя произведенія нашего почтеннѣйшаго разсказчика И. Ѳ. Горбунова) были бы приняты ими за достовѣрные документы XVII вѣка; Пушкинъ и Гоголь навѣрное точно также бы восхищались литературными красотами этихъ „донесеній", какъ дѣйствительно невинно восхищались при чтеніи злой брани на великороссійской народъ и его государей въ „Исторіи Руссовъ". Въ настоящее время, кажется, всѣ уже отреклись отъ „Исторіи Руссовъ", какъ источника исторіи, и признаютъ, что Георгій Конискій не авторъ ея; но политическіе принципы этого пасквиля составляютъ катехизисъ такъ называемаго украйнофильства. Въ 1846 году, когда въ „Чтеніяхъ" появилась такая превосходная вещь, какъ „Лѣтопись Самовидца", въ

„Чтеніяхъ“ же была напечатана и „Исторія Руссовъ“. Покой секретарь нашего Общества Исторіи и Др. Россійскихъ О. М. дянскій, кажется, до конца жизни считалъ это изданіе фундамент своей ученой славы.

Лѣтъ тридцать тому назадъ Богдана Хмельницкаго продолж изображать все тѣмъ же идеальнымъ героемъ, какъ и въ XVIII в но только описывали его съ новою подкраскою, согласно господс вавшей тогда литературно-политической программѣ, а именно: поднялъ запорожскихъ козаковъ противъ государства, самъ хо въ народъ, произносилъ рѣчи противъ его угнетателей и т. п. этомъ фактѣ, что такъ или иначе при посредствѣ Богдана Хм ницкаго совершилось соединеніе Малороссіи съ Великой Россіе этотъ фактъ или замалчивался, или выставлялся такъ, какъ онъ о щенъ въ „Исторіи Руссовъ“; а тамъ сказано, что царь Але Михайловичъ билъ челомъ Богдану Хмельницкому о необходим соединенія народовъ, которыми они управляютъ, какъ равнаго равнымъ и пр. Все сейчасъ сказанное относится къ извѣств сочиненію г. Костомарова „Богданъ Хмельницкій“. Г. Костома ужасно сердился на замѣчанія, что между московскимъ правит ствомъ и представителями Войска Запорожскаго не было никак договора о соединеніи; онъ умеръ, утверждая, что между Богдан Хмельницкимъ и московскими великими послами былъ заключ договоръ, и называлъ этотъ договоръ Переяславскимъ (*Вѣстн Европы 1878 года, кн. XII*, статья г. Костомарова „Богданъ Хме ницкій данникъ Оттоманской порты“). По поводу этого, т сказать, научнаго положенія, замѣтимъ, что по извѣстнымъ те источникамъ въ Переяславлѣ только присягали, никакихъ договор не заключали, а объ условіяхъ соединенія обстоятельно толков писали статьи и жалованныя грамоты въ Москвѣ въ мартѣ 165 Не только московскіе бояре и дьяки, но Выговскій, Тетеря и с Богданъ Хмельницкій, которые вели все дѣло переговоровъ, н какомъ Переяславскомъ договорѣ никогда не поминали, а относите московскихъ статей всѣ они очень хорошо знали разницу догов между равными и пожалованіемъ по челобитью отъ самодержав государя: они именно и называли жалованную грамоту государе милостію. Къ чести г. Кулиша нужно сказать, что онъ въ послѣд главѣ своего сочиненія „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши“ (*т. стр. 405—408*) положительно глумится надъ козакоманами, ут ждающими, будто бы Богданъ Хмельницкій соединилъ Малороссію Великою Россіей на основаніи договора.

Если на московскихъ сановниковъ XVII вѣка могло, пожалуй, производить впечатлѣніе, что обвиненіе Богдана Хмельницкаго въ измѣнѣ исходитъ отъ малороссіянъ, отъ самыхъ близкихъ къ нему его сотрудниковъ, то въ наше время на россійскую публику можетъ также производить впечатлѣніе, что теперь, въ послѣднее время, обвиняютъ Богдана Хмельницкаго въ измѣнѣ и позорятъ всячески опять-таки писатели изъ малороссіянъ, а великороссійскіе ученые (да и много ли ихъ спеціально знакомыхъ съ исторіей Малороссія по источникамъ?) или изрѣдка его хвалятъ, или совсѣмъ молчатъ. Кромѣ того естественно у публики можетъ возникнуть вопросъ: за что же измѣннику ставится памятникъ отъ „всея Россіи?" Дѣло заключается въ слѣдующемъ и произошло, кажется, такимъ образомъ. Въ наше время вскорѣ и для такихъ прославителей Богдана Хмельницкаго, какимъ первоначально являлся Костомаровъ съ товарищи, стало яснымъ, что и вышеупомянутымъ объясненіемъ факта соединенія обѣихъ Россій нельзя превратить его во что-нибудь иное, чѣмъ то, что оно есть на самомъ дѣлѣ; да къ тому же московскіе историки всегда хвалили и продолжаютъ хвалить Богдана Хмельницкаго за устройство этого соединенія. Тогда-то тѣ же бывшіе прославители знаменитаго гетмана превратились въ заклятыхъ его враговъ; на него посыпались всевозможныя обвиненія и проклятія, да и не могло быть иначе: при посредствѣ Богдана Хмельницкаго обѣ Россіи, Великая и Малая, такъ соединились, что послѣ него, начиная съ Выговскаго и до нашихъ дней, множество умныхъ и даровитыхъ людей, сколько ни хлопотали, но никакъ не могли раздѣлать этого соединенія Но эта злоба на Богдана Хмельницкаго вскорѣ удесятерилась еще тѣмъ, что кому-то пришла въ голову мысль поставить ему памятникъ на горахъ Кіевскихъ отъ „всея Россіи". Такую обиду нельзя уже было перенести; но чтобы остановить дѣло, не нужно было показывать, что сердятся, а слѣдовало повидимому спокойно, патріотично, научнымъ способомъ убѣдить тѣхъ, кто затѣялъ этотъ памятникъ: этого-де дѣлать не полагается, потому что даже и съ великороссійской точки зрѣнія Богданъ Хмельницкій не заслуживаетъ памятника. И вотъ опять принялись за старое, на Богдана Хмельницкаго снова составляютъ доносы: онъ былъ измѣнникъ и предатель по натурѣ, измѣнилъ своему прирожденному государю—польскому королю, измѣнялъ своимъ союзникамъ татарамъ и признанному имъ новому своему государю—турецкому султану, измѣнялъ и послѣднему своему государю—московскому царю, одновременно съ присягою въ Переяславлѣ вновь присягалъ и турецкому султану. Сочинить такой въ наши

дни доносъ и пустить вновь послѣ Выговскаго въ оборотъ подобн клевету взялъ на себя все тотъ же г. Костомаровъ.

Въ декабрьской книжкѣ „Вѣстника Европы" за 1878 годъ бы напечатана небольшая статья г. Костомарова, озаглавленная: „Богда Хмельницкій данникъ Оттоманской Порты". Вся суть этой стат которая должна была поразить читающую россійскую публику, закл чалась главнымъ образомъ въ ея заглавіи: „данникъ Оттоманск Порты", хотя изъ самаго содержанія статьи далеко еще этого слѣдуетъ, и за симъ въ заключительныхъ словахъ статьи, по пово открытыхъ г. Костомаровымъ будто бы вполнѣ новыхъ источнико которые должны окончательно измѣнить прежній взглядъ историко и общества на Богдана Хмельницкаго. Вотъ эти заключительн слова статьи г. Костомарова: теперь „историческое значеніе личнос Богдана Хмельницкаго должно представиться въ иномъ свѣтѣ; е преемники, преслѣдуя идею самобытности Украины подъ верховн властію Оттоманской Порты, не дѣйствовали въ разрѣзъ съ политик Богдана Хмельницкаго, напротивъ думали только слѣдовать по у занному имъ кривому пути, а Юрій Хмельницкій, пожалованный о султана званіемъ князя Малороссійской Украины, былъ не „сы недостойный славнаго родителя", но вполнѣ его достоинъ, какъ Богданъ оставилъ для Малороссіи достойнаго себя сына". По пово сейчасъ выписаннаго изъ статьи г. Костомарова замѣтимъ здѣсь, ч онъ не открывалъ никакой Америки для того, чтобы имѣлъ пра трубить совершившійся переворотъ въ наукѣ: ему только нуж было осрамить особу Богдана Хмельницкаго, какъ измѣнника. Отн сительно же источниковъ, на основаніи которыхъ написана вся э его „руководящая" статья, скажемъ пока, что содержаніе ихъ дав было извѣстно историкамъ, а также и самому г. Костамарову; о этомъ мы будемъ еще говорить подробно въ особомъ VIII Объяснені которое и будетъ все посвящено только разбору этой статьи. Тепе же укажемъ на одинъ вопросъ, естественно возникающій у кажда читателя помянутой статьи: почему авторъ ея не передѣлалъ и переписалъ прежняго своего „Богдана Хмельницкаго" соотвѣтствен новымъ высказаннымъ имъ идеямъ? Конечно, мы этого не знаемъ, надо думать потому, что каждый человѣкъ въ одномъ дѣлѣ толь одинъ разъ совершаетъ великое; поэтому для славы г. Костомаро было вполнѣ достаточно и одного „хожденія въ народъ" Богда Хмельницкаго.

Г. Кулишъ во всѣхъ своихъ позднѣйшихъ сочиненіяхъ по ист ріи Малороссіи смѣется надъ козакоманами и постоянно, дая

лишне часто бранитъ г. Костомарова, какъ историка, называя о собирателемъ басенъ и историческихъ сплетенъ о Богданѣ мельницкомъ и запорожскихъ козакахъ. Но отказываясь отъ такихъ действительности научныхъ пустяковъ, какъ басни и сплетни Богданѣ Хмельницкомъ, г. Кулишъ въ то же время почти все существенное, что дѣйствительно заслуживаетъ особаго научнаго вниія, оставляетъ за собою и самъ повторяетъ, какъ непререкаео истину, идею бывшаго своего друга, что Богданъ Хмельницкій ыъ измѣнникъ и предатель по натурѣ и, между прочимъ, одновреино съ подданствомъ московскому государю оставался и подданнымъ рецкаго султана. Эта идея постоянной измѣны и предательства ожена въ основу и весьма талантливо развита въ изданномъ теперь „Чтеніяхъ" обширномъ сочиненіи г. Кулиша „Отпаденіе Малосія отъ Польши". Такимъ образомъ г. Кулишъ, сколько бы онъ отрекался, является теперь ревностнымъ продолжателемъ дѣятельи г. Костомарова, выясняя и разрабатывая, иногда до грандіозъ размѣровъ, не вполнѣ договоренныя мысли послѣдняго. Говоря , мы совсѣмъ не утверждаемъ, что основныя идеи сочиненія г. иша заимствованы имъ у Костомарова: выше мы видѣли, на касъ основаніяхъ онъ утверждаетъ, что Богданъ Хмельницкій былъ ѣнникъ московскому государю; а отъ прежнихъ взглядовъ на ковъ, какъ на героевъ, носителей свободы, г. Кулишъ отрекался задолго до появленія указанной выше статьи г. Костома. Вполнѣ новое для насъ въ сочиненіи г. Кулиша, чего прежде у кого не встрѣчалось, кромѣ какъ у поляковъ, это его ненависть езпощадная брань на Богдана Хмельницкаго.

Ненависть г. Кулиша къ Богдану Хмельницкому простирается до , что онъ позволяетъ себѣ писать слѣдующее (*т. II, стр. 123*): „если рдце поляка сжимается при мысли объ этой демонической личности, пускай оно утѣшится хоть малорусскимъ признаніемъ ціональнаго позора въ той славѣ, которую козакующая пресса поила Исламъ-Гиреева сподвижника; пускай утѣшится хоть вѣчнымъ нашимъ сожалѣніемъ о рѣкахъ неповинно пролитой крови... а нашу долю, въ оцѣнкѣ опьянившаго козацкую орду Хмеля, остается олько кровь, пролитая лучшими изъ нашихъ малорусскихъ и великоусскихъ предковъ по милости его предательской политики". Г. Кулишъ можетъ сколько угодно утѣшать поляковъ и протягиать имъ руку на какихъ угодно условіяхъ, но только благоволилъ ы все это говорить имъ отъ себя лично, а не отъ имени великоюссійскаго и малороссійскаго народовъ; такъ говоритъ г. Кулишъ

часто себѣ позволяетъ, но на это его никто не уполномочивалъ. Да
г. Кулишъ говоритъ: „мы, питомцы гражданственности московско-р
ской, сторонимся и отъ панской и отъ козацкой славы одинаков
но опять-таки г. Кулишъ благоволилъ бы не увѣрять поляковъ,
всѣ питомцы этой гражданственности одинаковаго съ нимъ мнѣні
сторонятся „отъ козацкой славы". Вотъ отъ слѣдующей „козац
славы" пожалуй всѣ сторонятся: „превращеніе цвѣтущихъ (малоросс
скихъ заднѣпровскихъ) областей въ безплодную и голодную пустын
началось дѣйствительно при Богданѣ Хмельницкомъ, какъ естеств
ный результатъ продолжительной народной войны, но тамъ еще м
гое и послѣ него оставалось; въ пустыню же эти области окон
тельно превратились по милости измѣннической дѣятельности Выг
скаго и К°. Эти господа, подобно тому какъ теперь г. Кулишъ, нап
нужнымъ послѣ Богдана Хмельницкаго, за счетъ его чести, протян
руку примиренія полякамъ и татарамъ противъ власти Москвы
Малороссіи: Конотопъ и Чудново,—вѣроятно, г. Кулишъ знаетъ это,
были не при Богданѣ Хмельницкомъ.

Несмотря на всѣ здѣсь указанные доносы на Богдана Хме
ницкаго, они и въ наши дни получили точно такое же значеніе, ка
и при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ: имъ не повѣрили или они
успѣли повліять на тѣхъ, на кого были разсчитаны. Сочиненіе г. К
лиша „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши" было готово къ печа
еще весною 1887 и появись оно тогда немедленно на свѣ
оно пожалуй и произвело бы нѣкоторое смущеніе. Но пам
никъ Богдану Хмельницкому открытъ лѣтомъ 1888 года, а это соч
неніе издано для публики только въ концѣ 1889 года. Теперь э
сочиненіе, изданное въ „Чтеніяхъ", получаетъ, по нашему мнѣні
только научное значеніе: ученымъ читателямъ предоставляется см
щаться его содержаніемъ или восхищаться,—это ихъ дѣло, они
малолѣтки. Во всякомъ случаѣ позволяемъ себѣ высказать надежд
что доносы на Богдана Хмельницкаго наконецъ прекратятся и ч
настоящее сочиненіе г. Кулиша есть послѣднее въ русской литер
турѣ надругательство надъ памятью великаго историческаго дѣяте

IV.

Если Богданъ Хмельницкій былъ только разбойникъ и притомъ измѣнникъ и предатель по натурѣ, какъ утверждаетъ это г. Кулишъ, то почему же московское правительство нашло возможнымъ принять его въ свое подданство?

Въ отвѣтъ на вопросъ, поставленный въ заглавіи настоящаго „Объясненія", изложимъ здѣсь по источникамъ, какъ мы понимаемъ отношенія московскаго правительства къ Богдану Хмельницкому за все время, предшествующее принятію его въ московское подданство.

Въ 1648 году, послѣ своего бѣгства на Запорожье, Богданъ Хмельницкій взбунтовалъ тамошнихъ козаковъ и осоюзился съ крымскими татарами; при этомъ онъ насулилъ какъ послѣднимъ, такъ и туркамъ, все, что только было имъ угодно; съ тѣхъ поръ турки и считали его своимъ подданнымъ. Хорошо ли это сдѣлалъ „новый Тамерланъ", сочувствовалъ ли онъ самъ этому необходимому тогда для него союзу, объ этомъ мы не будемъ разсуждать. Общій результатъ войны Богдана Хмельницкаго, при помощи его соратниковъ и союзниковъ, противъ Рѣчи Посполитой извѣстенъ: это руина всей югозападной Россіи, съ полнымъ исчезновеніемъ въ ней всякихъ признаковъ польской власти. Когда въ 1654 году московскія войска вступали въ Бѣлоруссію, то по отношенію къ возсоединяемому краю издавались такіе государевы указы: „костеламъ не быть, а пѣть въ домѣхъ; уніатамъ не быть; жидамъ не быть и никакого житія въ Бѣлоруссіи не имѣти". Подобные указы во время возсоединенія Малороссіи издавать было безполезно: тамъ по этой части было сдѣлано все вполнѣ чисто. Во всякомъ случаѣ уже съ конца 1648 года Богдана Хмельницкаго можно было считать полнымъ господиномъ и распорядителемъ судебъ Малороссіи; онъ самъ о себѣ выражался: „я человѣкъ ничтожный, но Богъ судилъ мнѣ быть единовластителемъ и самодержцемъ русскимъ".

Какъ только успѣхи возстанія оказались блестящими, Богда Хмельницкій немедленно же обратился въ Москву съ предложеніе своего подданства; но тамъ къ этому предложенію отнеслись по е достоинству. Гетманъ и его соратники, притомъ еще осоюзившіе съ татарами, являлись для московскаго правительства такими разбойниками, каковыхъ въ польскихъ владѣніяхъ, на южныхъ гр ницахъ Московскаго государства, въ послѣднее время показывало немало. Въ Москвѣ съ этими защитниками святыхъ Божіихъ церкв были очень хорошо знакомы по событіямъ собственнаго Смутна времени; да къ тому же Московское государство было не Крымско ханство и не Оттоманская Порта, милостиво записывающая въ числ своихъ подданныхъ каждаго, о томъ заявляющаго желаніе; въ Моск не удовлетворили просьбы Богдана Хмельницкаго относительно пр нятія его въ свое подданство. Впрочемъ московскіе посланцы быва шіе потомъ въ Войскѣ Запорожскомъ по инымъ дѣламъ, въ разгов рахъ съ гетманомъ прямо ему говорили, что если съ нимъ случит несчастіе, „что ляхи ихъ одолѣютъ, то въ вѣчномъ докончаніи у в ликаго государя съ польскимъ королемъ о перебѣжчикахъ ниче не сказано и поэтому онъ гетманъ можетъ переѣхать въ государе сторону, гдѣ его и примутъ". При этомъ какъ бы въ утѣшеніе е прибавлялось: „ты, гетманъ, пріѣдешь къ государю служить, ты чел вѣкъ властной; а служба твоя и Войска Запорожскаго у госуда царя нынѣ не забыта и впредь будетъ памятна" (*Ак. Южн. и За Р. т. VIII, стр. 313—348*). Но совсѣмъ не это нужно было Бо дану Хмельницкому: ему дѣйствительно нужно было принятіе подданство и помощь на враговъ, вслѣдствіе же отказа въ это онъ попадалъ въ ужасное, отчаянное положеніе; по вѣрному выр женію г. Кулиша, онъ тогда находился между татарскимъ молото и польскою наковальнею.

Несмотря на первоначальный отказъ, Богданъ Хмельницкій течененіе слѣдующихъ пяти лѣтъ все-таки не отставалъ отъ царя Ал ксѣя Михайловича съ своими просьбами о принятіи его въ подда ство. Въ отвѣтъ на подобныя присылки московское правительст только сносилось съ нимъ, но сносилось точно такъ же, какъ и прочими козацкими вождями. Съ международной точки зрѣнія моско ское правительство вело себя безукоризненно честно и правительст Рѣчи Посполитой на то, что запорожскіе посланцы появляются да въ Москвѣ, претендовать было нельзя: это былъ прежде всего стар обычай; посланцы донскихъ козаковъ могли появляться и въ Варша Мало того: помимо всякихъ слуховъ и подозрѣній, польское прав

тельство могло узнать и все достовѣрное объ этихъ сношеніяхъ. Во-первыхъ, само московское правительство сносится съ своей стороны съ Богданомъ Хмельницкимъ только по поводу разныхъ разбойныхъ дѣлъ его воинства, а вовторыхъ, москвичи на предложеніе со стороны гетмана подданства и просьбу о помощи постоянно отвѣчають: „у великаго государя съ королемъ польскимъ вѣчный миръ и крестное цѣлованіе, которые нарушить никакъ нельзя; вамъ же совѣтуемъ, чтобы вы, православные христіане, какъ-нибудь помирились бы съ своимъ государемъ". Единственно чѣмъ польское правительство, пожалуй, могло быть недовольно, это то, что козаки, вслѣдствіе почти полнаго прекращенія сельскаго хозяйства и всякихъ промысловъ въ Малороссіи во время бунта, покупали свободно въ Путивлѣ и другихъ украинскихъ городахъ всякіе запасы. Дѣйствительно, закрытіемъ своихъ границъ и рынковъ для козаковъ московское правительство, пожалуй, могло если не сразу уничтожить бунтъ въ польскихъ владѣніяхъ, то во всякомъ случаѣ нанести ему страшно тяжелый ударъ; но къ подобнымъ поступкамъ ничто не обязывало московское правительство. Что касается не требованій, а просьбъ со стороны польскаго правительства у дружественнаго сосѣдняго государства, чтобы оно закрыло свои границы и рынки для бунтовщиковъ, то таковыя просьбы предъявлять было бы весьма странно, потому что изъ Москвы всегда могли отвѣчать, что не ихъ дѣло разбирать, кто въ Рѣчи Посполитой вѣрный подданный и кто бунтовщикъ, что продажею запасовъ козакамъ бунтъ не можетъ процвѣтать, что источники его совсѣмъ иные, наконецъ, что озлобленные такимъ запрещеніемъ козаки, пожалуй, могутъ вмѣсто польскихъ опустошенныхъ владѣній броситься грабить московскія. Напротивъ, московское правительство само имѣло поводъ постоянно жаловаться польскому: почему Рѣчь Посполитая не торопится тушить свой домашній пожаръ, который сосѣду видѣть у себя подъ бокомъ нѣтъ ни малѣйшаго удовольствія? Но предъявленіе со стороны москвичей именно подобной жалобы и уже въ 1653 году, съ указаніемъ притомъ и средства, какъ ее удовлетворить, т.-е. вмѣшательство московскаго правительства во внутреннія дѣла Рѣчи Посполитой послужило, какъ извѣстно, поводомъ къ войнѣ.

Такъ дѣло стояло въ началѣ восстанія Богдана Хмельницкаго. Но прошло нѣсколько лѣтъ и то же московское правительство рѣшается принять страшнаго разбойника въ свое подданство, рѣшается объединить себя съ нимъ. Какъ это случилось? Надо полагать, что въ Москвѣ знали, что дѣлали: въ теченіе шести лѣтъ тамъ успѣли

хорошо познакомиться съ Богданомъ Хмельницкимъ и прежде вс видѣли то, что въ теченіе этого долгаго времени разбойникъ ви не провалился, какъ бы слѣдовало случиться непремѣнно со всяки разбойникомъ. За симъ, въ Москвѣ также убѣдились не только правотѣ его дѣла и въ своей обязанности ему помочь, но и въ то что съ нимъ можно имѣть дѣло, не опасаясь, что онъ при слу продастъ своего союзника и покровителя. Въ Москвѣ тогда, по долгаго опыта и личнаго знакомства, пришли къ убѣжденію сов шенно противоположному тому, какое теперь имѣетъ о Богда Хмельницкомъ г. Кулишъ, какъ о коварномъ разбойникѣ, измѣнни и предателѣ по натурѣ и воспитанію.

Поговоримъ обо всемъ этомъ нѣсколько подробнѣе.

Г. Кулишъ теперь, слѣдуя примѣру другихъ, указываетъ на об зецъ дерзости Богдана Хмельницкаго, какъ, просясь въ московс подданство, въ то же время онъ позволялъ будто бы себѣ иногда пьяна ругаться даже съ московскими посланцами: „я доберусь и того, кто у васъ тамъ на Москвѣ сидитъ, и тотъ у меня не от дится". Прежде всего слѣдуетъ сказать, что Богданъ Хмельниц высказывалъ подобныя угрозы часто и далеко не всегда пьяный, а трезвомъ и не въ раздраженномъ состояніи, просто объясняя и ввичамъ свое положеніе. За симъ, по нашему мнѣнію, да и мнѣнію, какъ сейчасъ увидимъ, тогдашнихъ московскихъ госуд ственныхъ людей, всѣ эти угрозы совсѣмъ не имѣли того смыс какой имъ теперь придается. Надо же принимать во внима какъ было больно Богдану Хмельницкому слышать отказъ въ п нятіи его въ московское подданство; отказъ былъ сдѣланъ самой образцовой изящно-вѣжливой дипломатической формѣ, съ у заніемъ и на православную вѣру, и на заслуги самого гетмана пр великимъ государемъ. Но эти послѣднія указанія въ настоящ случаѣ можно было принять со стороны москвичей за злую насмѣш православная вѣра,—но запорожскіе козаки, хотя и провозгласили с борцами за православную вѣру, однако же прежде и не весьма да въ Московскомъ государствѣ всюду, а теперь у себя дома вес часто жгли и грабили православныя церкви; заслуги гетмана пр государемъ,—но эту службу въ первые два года возстанія Богд Хмельницкаго невозможно было и опредѣлить, въ чемъ бы она мо заключаться. Въ дѣйствительности смыслъ отказа былъ самый осн бительный: съ тобой, съ разбойникомъ, великій государь и связыват не намѣренъ; впрочемъ тебя съ твоей компаніей, какъ перебѣжчико пожалуй въ Москвѣ и примутъ; много у насъ этого народа, сумѣ

справиться. Богданъ Хмельницкій понималъ отказъ именно въ томъ смыслѣ, что москвичи не могутъ относиться къ нему иначе, какъ къ разбойнику. Съ нимъ серьезно вели переговоры, какъ онъ самъ выражался, только „за дубы да за пасѣки“, т.-е. уговаривали атамана шайки, чтобы онъ самъ и его товарищи не грабили по своему обычаю московскихъ пограничныхъ жителей, напоминая при этомъ, что за подобныя заслуги великій государь въ ихъ несчастіи можетъ и пригодиться своею милостію. На бѣду Богдана Хмельницкаго, какъ бы въ доказательство ему, что въ Москвѣ на него и на его соратниковъ не могутъ иначе смотрѣть, какъ на разбойниковъ, московскіе посланцы появлялись въ Войскѣ Запорожскомъ только для переговоровъ по дѣламъ весьма некрасивымъ для репутаціи будущихъ подданныхъ великаго государя. Московскіе посланцы пріѣзжали къ гетману, напримѣръ, чтобы указать: „вотъ у васъ въ Войскѣ завелся самозванецъ, вѣдомый намъ воръ, Тимошка Анкудиновъ, называется сыномъ царя Василія Ивановича Шуйскаго, выдайте его намъ“. На это Богданъ Хмельницкій отвѣчалъ: „самъ знаю, что у царя Василія и ни у кого изъ Шуйскихъ дѣтей не было; вижу, что это настоящій воръ, но выдать намъ его нельзя: сами знаете, кто пришелъ въ Войско Запорожское, того у насъ не выдаютъ, меня за такую выдачу козаки убьютъ; но я обѣщаюсь, что этому вору ничего сдѣлать не дамъ“. По-козацки Богданъ Хмельницкій былъ совершенно правъ, но за это и былъ принужденъ слышать отвѣты на тему: „не можете выдать вора, такъ чего же можете требовать для себя отъ великаго государя!“ Богданъ Хмельницкій, по всему видно, былъ всегда чрезвычайно радъ, когда къ нему являлись московскіе посланцы; тогда-то онъ разсыпался передъ ними во всевозможныхъ любезностяхъ и откровенностяхъ, но каждый разъ принужденъ былъ сознаваться, что эти господа пріѣзжаютъ къ нему не для переговоровъ о дѣлахъ, его интересующихъ, а еще, кромѣ разбойныхъ дѣлъ Войска Запорожскаго, пожалуй и дѣйствительно „для лазутчества“. Тутъ ему оставалось одно—злиться и браниться; но и въ этомъ ему не препятствовали и значенія его брани никакого не придавали. Дѣйствительно, видя къ себѣ такое оскорбительное отношеніе москвичей, Богданъ Хмельницкій иногда, не выдержавши, вмѣсто любезностей и дипломатическихъ фразъ, прямо заявлялъ: если меня считаютъ разбойникомъ, то пожалуй и доведутъ до того, что я и буду поступать по-разбойничьи, пойду на Москву и разорю пуще Литвы; я посылаю къ нимъ отъ всего сердца своего, а они лицу моему посмѣхаются“. Но вслѣдъ за этой угрозой, покоряясь факту, иногда со слезами (и мы вѣримъ,

что тутъ Богданъ Хмельницкій плакалъ искренно, отъ чистаго сердца прибавлялъ: „не того мнѣ хотѣлось и не такъ бы тому дѣлу слѣдовало быть". Да и московскіе агенты, слышавшіе эту брань, какъ бы подтверждая наше мнѣніе, замѣчаютъ отъ себя: „знать не добре ем любъ миръ съ ляхи" (*Ак. Южн. и Зап. Р. т. III, стр. 350—35 и 452*)..

Это мы такъ объясняемъ брань Богдана Хмельницкаго; но, конечно, интересно знать, какъ смотрѣли въ Москвѣ на эту брань угрозы, какую имъ цѣну придавали. За 1649 годъ отвѣта на поставленный нами вопросъ мы не подыскали, но за 1650 годъ знаемъ слѣдующее. Въ наказѣ посланца Унковскаго (*тамъ же, т. VIII, № 33* отправленнаго въ Войско Запорожское въ августѣ этого года, был написана статья, имѣвшая въ виду, какъ видно, часто повторявшіяс со стороны гетмана угрозы: „будетъ гетманъ или которые полковни и ясаулы учнутъ говорить: коли царское величество ихъ подъ сво высокую руку принять не изволитъ и помочи на непріятелей не учинитъ, то они, сложась съ татарами, пойдутъ войною на царска величества земли". За симъ въ наказѣ помѣщена длинная рѣчь, которою слѣдовало отвѣчать на подобныя дерзкія слова, заключающая такою фразою: „буде они на христіанство возстанутъ, то имъ Христосъ Богъ противникъ и мститель, а великому государю помощни и угрозы ихъ не страшны". Въ черновомъ спискѣ наказа проти этой статьи рукою думнаго дьяка помѣчено: „та статья, чаять, в не надобна"; а въ концѣ статьи другая такая же помѣта: „по места не надобно". Переводъ этихъ краткихъ помѣтъ, кажется, ясен ревнивые къ чести своего государя московскіе сановники отнесли къ дѣлу здравомыслящe: если гетманъ будетъ говорить грубости, не слѣдуетъ обращать на это вниманіе и придавать имъ какое-либо значеніе, все это только слова и пожалуй дурная козацкая привыч постоянно браниться. Уже за два года знакомства съ Богданом Хмельницкимъ въ Москвѣ убѣдились, что онъ далеко не разбойник Выше мы видѣли, что г. Кулишъ говоритъ: „Москва знала цѣну слезамъ и словамъ интригана" (*т. III, стр. 311—312*). Москва дѣйствительно это знала, но только смотрѣла на Богдана Хмельницка совсѣмъ не какъ на интригана, и современное мнѣніе о немъ Лар она Дмитріевича Лопухина для насъ авторитетнѣе мнѣнія г. Кулиш

Богданъ Хмельницкій съ самаго начала и потомъ много ра объяснялъ, какъ бы по его мысли слѣдовало быть, если бы госуда по первой просьбѣ принялъ его въ подданство и далъ бы на помо ратныхъ людей, хотя бы немного, только для виду, т. е. только

узаконилъ его дѣло: онъ бы первымъ дѣломъ разорвалъ свой союзъ съ татарами, сколько возможно замирилъ бы Малороссію, которую самъ же взбунтовалъ; что же касается Польши, то справиться съ нею, ясное дѣло, ничего не стоитъ. По планамъ Богдана Хмельницкаго собственно выходило то, что онъ теперь являлся какъ бы продолжателемъ дѣла, начатаго полтораста лѣтъ тому назадъ князьями Воротынскими, Одоевскими съ товарищи. На это изъ Москвы ему на первый разъ отвѣчали вѣжливо, но въ томъ смыслѣ: далеко козаку Хмельницкому до князей отъѣзжиковъ временъ Ивана III; тѣ прежде всего были многовѣковые державцы, прирожденные отчичи и дѣдичи своихъ владѣній, а онъ только атаманъ вновь появившейся разбойничьей шайки, захватившей цѣлую страну. Впрочемъ въ московскомъ отказѣ Богдану Хмельницкому относительно принятія въ подданство постоянно слышалось еще и другое: докажи именно, что у тебя дѣйствительно такіе благіе планы, а не разбойничьи. Выходила на первый взглядъ какая-то странность: московское правительство не цѣнило и даже ни во что не ставило великія побѣды запорожцевъ надъ исконнымъ врагомъ Московскаго государства, надъ польскимъ королемъ; мало того, можно было подумать, что дѣйствительное его сочувствіе скорѣй находится на сторонѣ поляковъ, враговъ православія, чѣмъ на сторонѣ малороссіянъ, борющихся съ ними за это православіе. Будь Богданъ Хмельницкій болѣе обыкновенный смертный, онъ однимъ этимъ повидимому неестественнымъ фактомъ вполнѣ бы убѣдился не только въ близорукости, но даже въ тупоуміи московскихъ легитимистовъ, съ которыми поэтому и дѣла никакого имѣть нельзя. Но при своемъ великомъ умѣ, какъ ни было ему лично обидно, Богданъ Хмельницкій сознавалъ истину, что въ двадцать четыре часа попасть въ великіе люди невозможно, что какіе бы ни были блестящіе успѣхи, которые иногда выпадаютъ на долю человѣка, эти успѣхи не всегда доказательство дѣйствительнаго величія человѣка и правоты его дѣла, а чтобы убѣдить другихъ въ этомъ, нужно представить и еще много иныхъ доказательствъ. И вотъ Богданъ Хмельницкій, только что совершившій одно необычайное дѣло, уничтоженіе польской власти въ Малороссіи, рѣшился немедленно за симъ, въ виду выяснившихся для него обстоятельствъ, исполнить еще другое дѣло, несравненно труднѣйшее—превратить свое повидимому беззаконное разбойничье дѣло въ самое святое и правое; при этомъ онъ рѣшился ждать, вѣруя, что правда выяснится, возьметъ верхъ и что его въ заключеніе непремѣнно примутъ въ московское подданство.

Г. Кулишъ постоянно восхищается мудростію московскихъ правителей, удивительной государственной дисциплиной, существовавшей между ними, твердостію, съ которою они держались своихъ вѣковыхъ историческихъ преданій и т. п. Но оказывается, что всѣмъ этимъ онъ восхищается какъ-то по-своему, потому что, говоря такъ хорошо, г. Кулишъ какъ бы боится, чтобы читатель въ самомъ дѣлѣ не остался подъ однимъ такимъ впечатлѣніемъ и поэтому въ дальнѣйшемъ изложеніи событій непремѣнно спѣшитъ разсѣять его, напримѣръ, подобнымъ картиннымъ изображеніемъ, которое и выписываемъ здѣсь вполнѣ (*т. III, стр. 273*):

„Разница между Косткой (Костка Напѣрскій, незаконнорожденный сынъ короля Владислава, бунтовщикъ католическихъ крестьянъ) и Хмельницкимъ только въ томъ, что одинъ попалъ, а другой не попалъ на колъ. Разница между Косолапомъ, Разинымъ, Пугачевымъ и Хмельницкимъ только въ томъ, что тѣхъ поймали небольшою сравнительно облавою, а на украинскаго змѣя-горынычя, разбойнаго чуда-юду не хватало облавы ни у короля польскаго, ни у царя московскаго, ни даже у султана турецкаго. Поэтому каждый изъ троихъ потентатовъ норовилъ схватить его за козацкую чуприну и нагнуть къ подножію ногъ своихъ. Здѣсь нужна была уже не сила, а сноровка, и сноровки оказалось достаточно у наслѣдника собирателей русской земли. Если бы всѣмъ названнымъ разбойникамъ удалось, какъ Хмельницкому, злодѣйствовать безнаказанно, карта Европы въ настоящее время была бы совсѣмъ иная, и человѣчество опоздало бы многими столѣтіями въ развитіи человѣчности. Но слѣдуетъ помнить, что каждый изъ прославленныхъ и каждый изъ заклейменныхъ позоромъ злодѣевъ былъ продуктомъ своего общества, и что каждый изъ нихъ былъ грозящимъ пальцемъ Судьбы для того гражданскаго общества, которое дало злодѣю славу или безславіе“.

По поводу сейчасъ выписаннаго, во-первыхъ, приведемъ по примѣру самого г. Кулиша, изреченіе великаго писателя, содержащее въ себѣ, въ приложеніи къ настоящему картинному изображенію, неопровержимую истину: „читалъ очень пріятное изображеніе бала, описанное курскимъ помѣщикомъ; курскіе помѣщики хорошо пишутъ“ (см. у Гоголя, Записки Сумасшедшаго). Во-вторыхъ, еще замѣтимъ, что если московское правительство посредствомъ сноровки сумѣло ухватить Хмельницкаго за козацкую чуприну и

сдѣлать его въ 1654 году своимъ подданнымъ на всей своей волѣ, то послѣ этого, кажется, могло распорядиться съ нимъ, какъ потомъ распорядилось съ Разинымъ и Пугачевымъ. Поводовъ придраться такъ поступить и средствъ для этого у московскаго правительства тогда было много,—и однакоже оно такъ не поступило, какъ бы слѣдовало по рецепту г. Кулиша.

Если такіе мудрые и солидные государственные люди, какими въ иныхъ случаяхъ изображаетъ московскихъ правителей г. Кулишъ и какими они были въ дѣйствительности, рѣшились связать свое вѣковое дѣло съ дѣломъ какого-то политическаго проходимца и явнаго разбойника, то это, намъ кажется, служитъ лучшимъ доказательствомъ что Богданъ Хмельницкій въ заключеніи оказался въ ихъ глазахъ и не проходимецъ, и не разбойникъ. Неужели эти дьяки „въ приказахъ посѣдѣвшіе" были такъ ловко обойдены хитрымъ хохломъ, или, напротивъ, московскіе коварные государственные сановники перехитрили чигиринскаго плута? Ни того, ни другаго не было. Г. Кулишъ не разъ говоритъ, что Богданъ Хмельницкій и его сорятники „прожужжали уши" тишайшему царю и его боярамъ рѣчами о гоненіи на православіе. Дѣйствительно объ этомъ часто говорилось и это было выставлено почти главною причиною принятія малороссійскаго народа въ московское подданство; но опять таки смѣемъ увѣрить г. Кулиша (да и онъ самъ не разъ въ этомъ сознается), что никакими жалкими словами о самыхъ чувствительныхъ вещахъ нельзя было сбить съ толку московскихъ государственныхъ людей: они все это слушали, но только „добру и злу внимая равнодушно". Что касается самого царя Алексѣя Михайловича, то неужели этотъ гордый легитимистъ не зналъ, что разъ объединивши себя съ разбойникомъ (а присоединяя Малороссію при тогдашнихъ обстоятельствахъ, обойти при этомъ личность и дѣятельность Богдана Хмельницкаго было нельзя), подъ какимъ бы то ни было святымъ предлогомъ, послѣ разъдѣлать это дѣло будетъ уже невозможно? Неужели молодой царь изъ жажды славы и пріобрѣтеній, или подъ вліяніемъ патріарха Никона, или изъ-за того, что при помощи разбойника можно отлично отомстить сосѣду, нанесшему прежде во время неблагополучія Московскаго государства много обидъ этому государству, его отцу и дѣду,— сталъ бы поддерживать самое беззаконное дѣло? Всѣмъ извѣстно, что царь Алексѣй Михайловичъ былъ неспособенъ ни на что подобное. Г. Кулишъ такъ характеризуетъ тишайшаго царя (*т. III, стр. 399*): „истинно благочестивый въ жизни своей и возвышенно честный въ начинаніяхъ своихъ". Но если такой царь, подумавши объ этомъ

однакоже слишкомъ пять лѣтъ, рѣшился принять Богдана Хме
ницкаго въ свое подданство, то, значитъ, онъ убѣдился, что послѣд
не былъ разбойникъ и что его дѣло чистое и святое. Принятіе Б
дана Хмельницкаго въ московское подданство было самое обык
венное принятіе въ подданство, а не какая-нибудь со сторо
преемника собирателей Руси прехитрая, посредствомъ особой с
ровки, ловля великаго разбойника.

Въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія (*т. III*, *стр. 338*) г.
лишъ даетъ еще иное, болѣе, такъ сказать, благовидное объясне
принятія Богдана Хмельницкаго съ его козаками въ московское п
данство: „если Москва запачкала свои руки этимъ орудіемъ въ бор
съ Польшею, то не иначе, какъ пачкаетъ руки человѣкъ, вырыва
щій окровавленный ножъ у того, кто покушался его зарѣзать". М
ковское правительство временъ царя Алексѣя Михайловича не н
дается и въ подобномъ оправданіи: оно принимало въ свое подданс
именно Богдана Хмельницкаго съ его козаками и необходимости
него такъ поступать, какъ пишетъ г. Кулишъ, совсѣмъ не бы
Богданъ Хмельницкій никогда не „покушался зарѣзать" Моск
ское государство, а напротивъ, какъ сейчасъ увидимъ, употребля
кажется, всѣ средства, чтобы и мысли не могло явиться, что
что-либо думаетъ сдѣлать ему во вредъ. Притомъ же московс
правительство принимало его въ свое подданство тогда, когда,
одной стороны, само было настолько сильно, что не имѣло ни
лѣйшей надобности идти на какія-либо сдѣлки съ совѣстію; съ д
гой же, оно принимало Богдана Хмельницкаго не тогда, когда о
былъ силенъ, а въ то время, когда крайне ослабѣлъ, такъ что
приди къ нему въ 1654 году московская помощь, то даже при в
слабости Рѣчи Посполитой малороссійское козачество въ странѣ
жалуй исчезло бы само собою, что называется, измором. Наконе
если московское правительство поневолѣ „пачкало свои руки" со
зомъ съ Богданомъ Хмельницкимъ и его козаками, то ему по крайн
мѣрѣ не слѣдовало бы расписываться въ такомъ собственномъ у
женіи, тѣмъ болѣе что его къ этому никто не принуждалъ; а меж
тѣмъ въ жалованной грамотѣ Богдану Хмельницкому прямо сказа
что онъ награждается отъ государя „за крѣпкое и мужествен
стояніе за православную вѣру и многія вѣрныя службы Московско
государству".

Г. Кулишъ, развивая до конца свою теорію вражды къ козачест
въ заключеніи, по поводу переговоровъ великихъ пословъ въ Пере
славлѣ во время присяги съ представителями Войска Запорожска

восклицаетъ (*т. III, стр. 405*): „козатчина возможна въ Россіи только на бумагѣ и то не вполнѣ“. Напрасно отрицать то, что, какъ существующее, извѣстно всему міру. Русское козачество великороссійскаго и малороссійскаго происхожденія не есть какой-нибудь рыцарскій орденъ съ точно выработаннымъ для опредѣленныхъ цѣлей уставомъ; прямые потомки соратниковъ Богдана Хмельницкаго и Стеньки Разина существуютъ и теперь, какъ козаки, при чемъ въ рукахъ умѣлаго правительства

Видѣлъ свѣтъ
Ихъ полетъ,
Слышалъ шумъ
Ихъ побѣдъ!

А въ мирѣ то же козачество является однимъ изъ полезнѣйшихъ элементовъ государственности и гражданственности Россійской имперіи. Попрекать же кого-либо происхожденіемъ и родствомъ никто не имѣетъ права.

Однако, чѣмъ Богданъ Хмельницкій могъ доказать, что онъ не разбойникъ и какія это онъ успѣлъ оказать заслуги Московскому государству, чтобы правительство считало себя чѣмъ-то передъ нимъ обязаннымъ? Самъ Богданъ Хмельницкій былъ дѣйствительно великій мастеръ указывать и выставлять на видъ свои заслуги; но онѣ впрочемъ были и безъ того ясны. Изложимъ собственными словами гетмана его политическое положеніе послѣ блестящихъ успѣховъ первыхъ двухъ лѣтъ его восстанія и послѣ заключенія зборовскаго договора. Онъ объяснялъ московскому посланцу: „великій государь надъ нами не умилосердился, отъ проклятыхъ ляховъ оборонить не повелилъ; потому я и все Войско Запорожское по неволѣ съ крымскимъ царемъ учинилися въ дружбѣ, да и турскій царь и паши ко мнѣ пишутъ, хотятъ быть со мною въ згодѣ и они мнѣ на враговъ помогаютъ. Ни которыми мѣрами межъ нами и поляками миру состоять не мочно, потому что имъ не состоять въ своемъ правѣ. По теперешнему миру хотя въ городахъ, которые подъ моею властію, урядникамъ и панамъ владѣть мѣщаны, а до козаковъ ни въ чемъ дѣла нѣтъ, только владѣніе ихъ со страхомъ“. Богданъ Хмельницкій не вѣрилъ въ возможность со стороны поляковъ сохранить миръ съ Войскомъ Запорожскимъ, но сознавалъ также, что и ему самому невозможно поддержать этотъ миръ. Невольный союзъ съ крымцами и громадная масса малороссійскаго народа, повороченная въ козаки, заставляла гетмана, особенно въ виду какого-то полумира съ польскимъ прави-

тельствомъ, придумывать занятіе для вызванной обстоятельствами дѣйствію этой страшной силы, дать удовлетвореніе хищническимъ инстинктамъ. Если бы Богданъ Хмельницкій былъ дѣйствительно разбо никъ по натурѣ, то ему было вполнѣ естественно отвѣтить московско правительству на отказъ въ принятіи въ подданство тѣмъ, что в эту разбойную массу бросить въ предѣлы того же Московскаго го дарства: не хотите выручать, такъ сами получите; вполнѣ было ес ственно ему направить 300.000 козаковъ и 200.000 татаръ по на ренной дорожкѣ къ Путивлю, а тамъ что будетъ! Здѣсь замѣчател что какъ лучшій показатель, къ чему все дѣло клонилось, было явленіе именно въ это время въ Войскѣ Запорожскомъ московск самозванца; настоящіе разбойные элементы русскаго общества сейча же предлагали и знамя, подъ которымъ было удобно раззорять М ковское государство. Конечно, можно было быть увѣреннымъ, теперь не повторится въ Великой Россіи вновь эпоха Смутнаго в мени; но разбойникъ не могъ объ этомъ разсуждать, тѣмъ бол что онъ могъ быть такъ же увѣренъ, что подобное нашествіе воинства будетъ для Москвы все-таки очень тяжело. Такъ бы вѣрное поступили всѣ другіе козацкіе вожди и такъ на самомъ дѣ поступалъ прославляемый знаменитый Конашевичъ-Сагайдачный; Богданъ Хмельницкій былъ совсѣмъ иное дѣло. Мы не може утвердительно говорить, какое вліяніе имѣлъ опытъ предшествую козацкой жизни Богдана Хмельницкаго на теперешніе его посту и рѣшенія; но знаемъ, что на старости лѣтъ, когда ему самому п шлось руководить дѣлами, онъ не разъ говорилъ московски посланцамъ, при досадѣ съ бранью и угрозами, а въ спокойн состояніи откровенно выясняя свое положеніе: „истинно объявл что крымскій царь, калга и царевичи и вся орда звали меня всяки мѣрами идти съ ними заодно воевать Московское государство, д наши козаки того же хотѣли. Но я крымскаго царя уговорилъ, своимъ козакамъ учинилъ заказъ крѣпкій подъ смертною казнію впредь всякими мѣрами отъ всякаго дурна Московское государс оберегать буду. Знаю, что если я это сдѣлаю, то мнѣ и Богъ это не потерпитъ". Всѣ приводимыя здѣсь объясненія Богдана Хме ницкаго неизвѣстны г. Кулишу, хотя бумаги посольства Унковск къ гетману, изъ которыхъ мы приводимъ эти объясненія, давно печатаны *). Но мы увѣрены, что если бы эти объясненія и бы

*) Г. Кулишъ (*т. III, стр. 151—152*), приводя извѣстіе одного по скаго письма отъ 26-го ноября 1650 года, гдѣ упоминается о пребывавш

извѣстны г. Кулишу, то онъ навѣрно изложилъ бы ихъ въ такомъ смыслѣ: это-де ложь, обманъ и коварство со стороны Хмельницкаго; онъ только льстилъ московскому посланцу, на самомъ дѣлѣ лгалъ, такъ какъ у него на умѣ было совсѣмъ другое и т. п. Говорить такъ мы позволяемъ себѣ на томъ основаніи, что г. Кулишъ всѣ подобныя откровенности Богдана Хмельницкаго объясняетъ именно въ этомъ смыслѣ. Что было на умѣ у Богдана Хмельницкаго—этого никто не знаетъ; можетъ быть, онъ и льстилъ москалю, но только лгать-то ему было нечего, потому что эти его слова вполнѣ соотвѣтствуютъ тогдашнимъ обстоятельствамъ и на самомъ дѣлѣ оказываются, напримѣръ относительно союза съ крымцами, сущею правдою. Въ теченіе пяти лѣтъ Богданъ Хмельницкій дѣйствительно стоялъ на стражѣ московскихъ границъ какъ отъ татаръ, такъ и отъ своихъ запорожцевъ; выходило то, что онъ какъ бы берегъ московскія силы для самого себя, предвидя, что придетъ время, когда эти силы понадобятся выручать его же самого. Что въ 1649 и даже въ 1650 году запорожцы и татары не бросились раззорять московскія владѣнія, это можно было пожалуй объяснить не заботами Богдана Хмельницкаго о московскихъ интересахъ, а тѣмъ, что для нихъ находилось много разбойничьихъ занятій съ поляками; но послѣ 50 года, когда съ одной стороны отношенія Богдана Хмельницкаго къ польскому правительству въ извѣстной мѣрѣ выяснились вслѣдствіе заключенія договора, а съ другой стороны въ южной половинѣ Рѣчи Посполитой грабить было положительно нечего, потому что тамъ было уже почти все „пусто", удержать въ это время разбойную массу отъ похода на московскія владѣнія было большою его заслугою. Для достиженія этой цѣли Богдану Хмельницкому приходилось бороться болѣе противъ своихъ, чѣмъ противъ чужихъ: отказывая москвичамъ, на основаніи общихъ козацкихъ порядковъ, что не можетъ выдать самозванца, онъ въ то же время не далъ послѣднему ничего сдѣлать—и тотъ исчезъ. Богдану Хмельницкому и послѣ московскаго подданства иногда

тогда въ Войскѣ Запорожскомъ посольствѣ къ гетману изъ Москвы, говоритъ въ примѣчаніи: „въ архивахъ не отыскано слѣдовъ этого посольства. Оно по всей вѣроятности было сочинено Хмельницкимъ для пановъ, какъ и Переяславское 1649 года". Это посольство не выдумано Хмельницкимъ, а дѣйствительно было: это—посольство Унковскаго и бумаги этого посольства, изъ котораго здѣсь приводимъ выписки, давно извѣстны, а за симъ такъ же и давно напечатаны, въ 1875 году, въ *VIII т. Актовъ Южн. и Зап. Росс.*, *въ Приложеніяхъ подъ № 93.*

приходилось указывать правительству на свою прежнюю служб среди этихъ службъ, до самой своей смерти, онъ на первомъ пл всегда выставлялъ: „крымскаго царя уговорилъ и государевы укр ные города воевать и раззорять не допустилъ“ (*Ак. Южн. и Зап. т. III, стр. 569*). Въ теченіе пяти лѣтъ передъ подданствомъ Богдана Хмельницкаго подобныхъ дѣлъ было не мало и всѣ та его заслуги въ Москвѣ очень хорошо понимали и умѣли цѣни тамъ „за царемъ служба не пропадала“. Разбойничій походъ на М кву, напримѣръ послѣ заключенія Зборовскаго договора, для Богд Хмельницкаго была вещь самая естественная; этому въ Польшѣ, нечно, были бы очень рады, только наврядъ-ли сумѣли бы это оцѣни а не только что поддержать и за это наградить. Все это Богд Хмельницкій очень хорошо зналъ.

Г. Кулишъ говоритъ (*т. III, стр. 122*): „судя по полит Козацкаго Батьки, о которой намъ говоритъ не столько его б графія, сколько исторія козачества, Москва въ его умѣ б запаснымъ поприщемъ козацкаго грабежа или послѣднимъ козацк прибѣжищемъ, смотря по тому, какъ укажутъ непредвидѣнныя обст тельства“. Все это опять повтореніе одного и того же обвине Богданъ Хмельницкій хотя и не измѣнилъ, но онъ все-таки удобномъ случаѣ непремѣнно измѣнилъ бы, а поэтому онъ измѣнни Богданъ Хмельницкій не грабилъ Московскаго государства, но непремѣнно бы при удобномъ случаѣ бросился его грабить, поэт онъ разбойникъ и т. п. Случаевъ для того и для другого предостав лось множество, но только Богданъ Хмельницкій ими не воспол вался: то ему помѣшала горилка, которою онъ будто бы преждев менно опился, то московское правительство предупредило, прин его въ свое подданство и т. п. Обвиненія, высказываемыя г. Кулиш въ такой формѣ, могутъ служить не только къ оправданію Богд Хмельницкаго, а прямо къ его прославленію. Къ тому же этотъ тературный пріемъ г. Кулиша восходить отъ частнаго къ общ вообще у него неудаченъ, а въ настоящемъ случаѣ болѣе чѣмъ ког либо: исторія козачества исторіей, однако нельзя же не приним во вниманіе и біографіи историческихъ дѣятелей. Богданъ Хме ницкій не сдѣлалъ набѣга на Москву, употреблялъ всѣ средст чтобы и помимо его этого не случилось, постоянно отрекался навязываемой ему на этотъ счетъ мысли, и поэтому сейчасъ при денное обвиненіе г. Кулиша становится даже болѣе чѣмъ голосл нымъ. Что же касается того, что для Богдана Хмельницкаго „М ква являлась послѣднимъ прибѣжищемъ“, то объ этомъ съ сам

начала своей политической дѣятельности онъ и самъ не разъ заявилъ, но только формулировалъ это совсѣмъ не такъ, какъ г. Кулишъ: Москва для него являлась не только послѣднимъ, но и первымъ прибѣжищемъ. Мы говоримъ о фактахъ, а не о предположеніяхъ; поэтому если даже и справедливъ взглядъ г. Кулиша вообще на исторію козачества, то почему же Богдану Хмельницкому не быть исключеніемъ изъ общаго правила? Вѣдь эти исключенія вездѣ встрѣчаются. Да наконецъ справедливъ ли вообще проповѣдуемый теперь г. Кулишемъ историческій взглядъ на козаковъ, какъ на разбойниковъ, имѣвшихъ наклонность постоянно измѣнять? Можетъ быть, въ измѣнахъ козаковъ они сами не всегда были вполнѣ виноваты. Мы не замѣтили, чтобы г. Кулишъ гдѣ-либо объ этомъ говорилъ; однакоже и на эту сторону предмета слѣдуетъ обращать вниманіе. Московское правительство царя Алексѣя Михайловича сознавало свое призваніе и силу руководить козачествомъ, но дѣйствовало не всегда умѣло, безъ опредѣленно выработаннаго плана или, что еще хуже, постоянно мѣняя эти планы и сочиняя новые. Это фактъ несомнѣнный и съ нимъ въ исторіи малороссійскихъ бунтовъ слѣдуетъ считаться. Можетъ быть, все это происходило отъ того, что московскому правительству въ первый разъ приходилось на этомъ поприщѣ дѣйствовать въ такихъ широкихъ размѣрахъ; но во всякомъ случаѣ надо признаться, что измѣны и бунты гетмановъ происходили не всегда отъ одного того, что они не могли въ нравственно-политическомъ отношеніи подняться на ту высоту, на которой стоялъ и выстоялъ Богданъ Хмельницкій, но и отъ того, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ московское правительство, при безукоризненной своей благонамѣренности дѣйствовало какъ бы ощупью, точно нарочно бунтуя противъ себя тѣхъ, которые и безъ того были наклонны къ бунту и измѣнѣ. Вотъ этому примѣръ? Въ Малороссіи была настоящая смута, а въ Москвѣ въ числѣ разнообразныхъ плановъ, какъ ее прекратить, одинъ разъ придумали даже такой планъ, приложили его къ дѣлу и довели до конца: гетманъ Войска Запорожскаго и всякія мірскія власти въ Малороссіи обязаны были при рѣшеніи своихъ дѣлъ совѣтоваться съ архіереемъ, обязывались жить между собою въ дружбѣ, въ христіанской любви и т. п.,—однимъ словомъ изъ Москвы наградили Малороссію настоящимъ Никономъ! Такимъ способомъ можно и не запорожцевъ взбунтовать; этотъ планъ на дѣлѣ, какъ извѣстно, кончился тѣмъ, что мірскія власти перерѣзались между собою, а въ заключеніе и самъ архіерей измѣннилъ (см. наше изслѣдованіе „Меѳодій Филимоновичъ, епископъ Мстиславскій и Оршанскій, блюститель Кіев-

ской митрополіи“ въ Православномъ Обозрѣніи за 1875 год
Дѣйствительными настоящими измѣнниками изъ гетмановъ, котор
сами сознательно затѣяли и провели дѣло измѣны, намъ кажетс
слѣдуетъ считать только двоихъ, Выговскаго и Мазепу — оба чист
кровные шляхтичи, на которыхъ былъ только обликъ православія
русской народности; остальные же малороссійскіе измѣнники был
въ большинствѣ случаевъ, несчастными игрушками обстоятельствъ.

Но обратимся къ Богдану Хмельницкому. Какъ онъ ухитрил
не только не пропустить въ московскія владѣнія крымскихъ татар
но главное удержалъ отъ такого похода свою запорожскую вольниц
Г. Кулишъ называетъ Богдана Хмельницкаго „геніальнымъ изобрѣт
телемъ разбойничьихъ походовъ“; надо съ этимъ согласиться, но толь
въ похвалу послѣдняго. Послѣ 1649 года Богданъ Хмельницкій дѣ
ствительно началъ изобрѣтать разбойничьи походы: кромѣ войны с
Польшею, которую онъ, не смотря на заключаемые миры или, лучш
сказать, перемирія, и не намѣренъ былъ прекращать, гетманъ прид
мывалъ для запорожцевъ еще походы на Донъ и далѣе на горск
черкасы, а самое главное изобрѣлъ походы на Молдавію, куда
отвлекъ не только своихъ козаковъ, но даже и татаръ; этимъ сп
собомъ, „въ безпрестанныхъ браняхъ и кровопролитіяхъ“, но толь
не съ Москвою, Богдану Хмельницкому удалось протянуть время д
1654 года. Богдана Хмельницкаго объявляютъ „данникомъ Оттоман
ской Порты“; но въ такомъ случаѣ для чего же онъ затѣялъ эт
молдавскіе походы, чего ради вздумалъ грабить турецкихъ под
данныхъ, притомъ еще своихъ единовѣрцевъ, гонять съ престолов
вѣрныхъ вассаловъ султана? Объяснять молдавскіе походы запорож
скихъ козаковъ и татаръ между прочимъ тѣмъ, что гетманъ мечтал
создать какое-то особое государство изъ Малороссіи съ придунай
скими областями, во главѣ котораго стала бы новая европейска
династія Хмельницкихъ (*Кулишъ, т. III, стр. 155*),—такъ объяснят
можно развѣ только для того, чтобы связать все это дѣло съ умыш
ленно нелѣпымъ романтическимъ предлогомъ (Тимоѳей Хмельницкі
получилъ „гарбузъ“), который выдумалъ Богданъ Хмельницкій дл
этихъ походовъ, т.-е. первоначально неудачнымъ сватовствомъ стар
шаго своего сына къ дочери молдавскаго господаря.

По поводу приписываемыхъ Богдану Хмельницкому разных
политическихъ мечтаній и фантазій въ родѣ затѣи создать для своеі
династіи какое-то особое государство изъ Малороссіи и сосѣдних
съ нею странъ, выскажемъ свое мнѣніе, что этотъ гетманъ на са-
момъ дѣлѣ былъ большой реалистъ: онъ кромѣ своей Малороссіи

ничего не зналъ и не хотѣлъ знать. При этомъ этотъ отчаянный украйнофилъ (въ самомъ идеальномъ и благородномъ смыслѣ слова) какъ съ самаго начала своей политической дѣятельности заявилъ, такъ потомъ никогда не отрекался: „чтобы съ нами ни случилось, а все-таки намъ не кому преклониться, какъ только къ московскому государю". Впослѣдствіи къ этому онъ въ поясненіе еще прибавилъ: „Богъ насъ свободилъ изъ рукъ враговъ нашихъ; но мы живемъ въ своей землѣ въ безпрестанныхъ браняхъ и кровопролитіяхъ; это намъ всѣмъ весьма надокучило, и видимъ, что нельзя намъ жить болѣе безъ царя".

V.

Рѣчь Посполитая главный ходатай предъ правительствомъ царя Ал ксѣя Михайловича за Богдана Хмельницкаго о принятіи его въ мо ковское подданство.

Если Богданъ Хмельницкій, такъ или иначе атаманъ разбо ничьей шайки, понималъ и покорялся легитимизму московскаго пр вительства, то польское законное для всей Европы правительст оказывалось неспособнымъ подняться до такой обязательной для не высоты. Въ Польшѣ какъ бы не желали понимать и цѣнить въ вы шей степени легальное отношеніе московскаго правительства тогдашнимъ внутреннимъ ея дѣламъ; тамъ какъ будто не хотѣ видѣть, что при такомъ бунтѣ, какъ бунтъ Богдана Хмельницка самое существованіе Рѣчи Посполитой положительно зависитъ о воли русскаго царя, а что послѣдній не хочетъ помогать бунто щику, этого въ Польшѣ не цѣнили, были не довольны, чег то еще бо́льшаго ожидали отъ московскаго государя. Законност строгое исполненіе договоровъ,—это полякамъ казалось по отношен къ нимъ дѣломъ вполнѣ естественнымъ, для всѣхъ обязательным совсѣмъ иное дѣло исполненіе договоровъ со стороны Рѣчи Посп литой: тамъ объ этомъ, даже при такихъ обстоятельствахъ, въ какихъ о находилась по милости Богдана Хмельницкаго, все еще считали ну нымъ разсуждать. Полтораста лѣтъ подъ рядъ изъ Москвы всячес напоминали Литвѣ и Польшѣ объ уваженіи къ титулу московска царя „государь всея Руси"; не разъ случалось, что польско-литовск государство дорого расплачивалось за неуваженіе къ этому титу Дѣйствительно съ этимъ титуломъ связывались весьма реальныя пр тязанія крайне непріятнаго свойства для Рѣчи Посполитой; но ес послѣдняя, даже послѣ эпохи Смутнаго времени, не смогла застави московскаго государя отказаться отъ такого титула, то при настоящи обстоятельствахъ разсуждать объ этомъ было уже совсѣмъ не врем Въ Польшѣ къ титулу „государь всея Руси" относились съ пр

зрѣніемъ; все, что говорилось о немъ въ договорахъ, не исполнялось; такая насмѣшка и притомъ во время бунта Богдана Хмельницкаго для москвичей была особенно оскорбительна; однакоже московское правительство терпѣло, хотя и не разъ напоминало, что это добромъ пожалуй не кончится. Но такъ какъ и русскому терпѣнію бываетъ конецъ, то въ 1653 году въ Польшѣ услышали отъ московскихъ пословъ такія слова: „присылалъ къ великому государю не разъ гетманъ Богданъ Хмельницкій бить челомъ о своихъ дѣлахъ, просяся въ подданство; поэтому великій государь объявляетъ, что если Рѣчь Посполитая помирится съ гетманомъ на условіяхъ Зборовскаго договора, то государь проститъ и забудетъ всѣ оскорбленія и дѣла, относящіяся къ титулу“. Хотя Богданъ Хмельницкій былъ въ то время всѣми признанная воюющая сторона, но все-таки болѣе оскорбительнаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Рѣчи Посполитой трудно было придумать; тѣмъ болѣе это было оскорбительно, что такое вмѣшательство основывалось на принципахъ все того же титула „государь всея Руси“. Всякое другое правительство, находясь въ подобномъ положеніи, какъ тогда было польское, вѣроятно, рѣшилось бы изъ чувства самосохраненія перенести такое оскорбленіе и постаралось бы все-таки какъ-нибудь избѣгнуть войны; но чувство государственнаго самосохраненія полякамъ было неизвѣстно. Правительство Рѣчи Посполитой не хотѣло ни при какихъ обстоятелствахъ разсудить Богдана Хмельницкаго съ Чаплинскимъ и, наказавши послѣдняго за беззаконія, отнять у перваго предлогъ считать себя обиженнымъ; точно также оно не хотѣло и теперь не только наказать виновныхъ въ пропискахъ въ царскомъ титулѣ и въ сочиненіи пасквилей, но даже и разбирать жалобы москвичей объ этомъ предметѣ. Польскіе правители предпочитали переносить всякія оскорбленія, угрозы и даже брань со стороны московскихъ сановниковъ, но удовлетворить ихъ требованія,—это совсѣмъ иное дѣло; паны, казалось, только удивлялись, на что это Богданъ Хмельницкій и московскіе правители обижаются, вѣдь все это дѣло естественное: Чаплинскій съ товарищи ничего особеннаго не сдѣлали, они только поступали по шляхетски, а слѣдовательно были во всемъ правы. Сама Рѣчь Посполитая вызывала всѣхъ и вся на разсчеты съ собою, ставя каждое вздорное дѣло по отношенію къ собственному существованію въ положеніе—быть или не быть. Рѣчь Посполитая къ половинѣ XVII вѣка внутри совершенно сложилась и замерла и на все, что противорѣчило ся шляхетско-католическому строю, отвѣчала non possumus: или все окружающее должно было ей покориться, или этотъ окру-

жающій міръ долженъ ее сокрушить; поэтому-то съ ней и случалос то, что въ одномъ мѣстѣ съ своими гражданскими безобразіями пань „натрафили“ на Богдана Хмельницкаго, а въ другомъ съ политиче скими безобразіями „натрафили“ прямо уже на московскаго царя.

Богданъ Хмельницкій зналъ и понималъ всѣ отношенія москов скаго правительства къ польскому и конечно не безъ основанія, ещ за нѣсколько лѣтъ передъ подданствомъ, говорилъ Унковскому: „ съ ляхами царскаго величества и впредь никакому докончанію со стояться нельзя: не тѣ они люди, на чемъ бы поляки съ государе выми людьми не доконча̀ли, и никако тому не бывать, солгутъ“. Н въ утѣшеніе же себѣ, при тяжелыхъ обстоятельствахъ, онъ это гово рилъ и со всѣмъ не для того, чтобы сбить съ толку московскаго по сланца; Богданъ Хмельницкій зналъ Польшу и зналъ, что лучша помощника, чтобы заставить московское правительство принять его в свое подданство, кромѣ правительства Рѣчи Посполитой, ему не найти Но не одною этою способностію не соблюдать международныхъ дого воровъ правительство Рѣчи Посполитой помогало Богдану Хмельниц кому въ достиженіи цѣлей его плановъ; оно всѣми зависящими от него средствами, какъ сейчасъ увидимъ, озаботилось еще очистит его въ глазахъ московскаго правительства и отъ страшнаго названі „разбойникъ“.

Стенька Разинъ и Пугачевъ, начиная свое историческое поприщ начинали его прямо съ разбойничества; если у нихъ и могло иногд проявляться сознаніе, что они въ преступленіи далеко зашли, то очи стить себя, разыскать другое знамя кромѣ разбойническаго, для них было невозможно; поэтому они какъ начали, такъ и продолжали сво дѣло, а засимъ конечно погибали. Богданъ Хмельницкій началъ сво дѣло тоже разбойничествомъ, но все-таки нѣсколько при иной обст новкѣ, чѣмъ Разинъ и Пугачевъ: онъ былъ обиженъ и послѣ всево можныхъ, но неудачныхъ хлопотъ законнымъ образомъ добиться пра ды рѣшился наконецъ отомстить врагамъ по-казацки. Для этого он бѣжалъ изъ Малороссіи къ тѣмъ, которые точно такъ же, какъ и он думали только о мести и пожалуй еще о грабежѣ; при ихъ-то пом щи Богданъ Хмельницкій привелъ свою мысль въ исполненіе. Коне но, съ нашей точки зрѣнія это было уже преступленіе; но только т ковымъ оно не считалось въ Рѣчи Посполитой и особенно на Укра нѣ. Мы знаемъ, что послѣ первыхъ своихъ разбойничьихъ успѣхов Богданъ Хмельницкій поспѣшилъ ухватиться совсѣмъ не за разбо ническое знамя; но и самое разбойничество его вскорѣ же было впо нѣ узаконено. На Украйнѣ задолго до Богдана Хмельницкаго пань

при помощи тѣхъ же козаковъ, составлявшихъ ихъ многотысячныя, не всегда даже организованныя дворни, воевали другъ противъ друга, грабили враговъ, захватывали ихъ земли и имѣнія, не обращая вниманія на судъ и ни на какую власть, по вѣрному выраженію г. Кулиша (*т. II, стр. 71*): „въ королевской республикѣ, за отсутствіемъ исполнительной власти, ея мѣсто занимало самоуправство". Такъ поступали колонизаторы благословенныхъ украинскихъ пустынь и объ этомъ ихъ безобразіи г. Кулишъ пишетъ наиподробнѣйшимъ образомъ. Если дозволялось безнаказанно совершать въ дѣйствительности преступленія какому-нибудь князю Іереміи Вишневецкому, излюбленному герою г. Кулиша, какъ это сейчасъ увидимъ, то почему же Богданъ Хмельницкій лишенъ былъ права творить подобное же?

Здѣсь въ разсказѣ о Богданѣ Хмельницкомъ мы позволяемъ себѣ сдѣлать нѣкоторое отступленіе. До сихъ поръ намъ приходилось приводить большею частію только брань г. Кулиша на историческихъ дѣятелей; теперь поищемъ у него и противуположнаго. Въ исторіи какъ въ наукѣ, точно такъ же, какъ и въ жизни, требуется любовь и прощеніе; у г. Кулиша до сихъ поръ мы встрѣчали только злобу и ненависть, любовь же, уваженіе и всепрощеніе мы разыщемъ у него только развѣ въ приложеніи къ собственной его особѣ, да еще къ особѣ князя Іереміи Вишневецкаго. Впрочемъ у него есть еще и другіе герои—это Жолкевскій и Конецпольскій; о нихъ, какъ мы выше указали, г. Кулишъ говоритъ въ выраженіяхъ, какія прилично употреблять относительно почтенныхъ, заслуживающихъ уваженія особахъ. Но мы къ этому здѣсь еще прибавимъ, что говоря о Жолкевскомъ и Конецпольскомъ, г. Кулишъ положительно неузнаваемъ: ни одного площаднаго выраженія даже въ похвалу, которыя онъ не стѣсняется употреблять и относительно собирателей Русской земли, мы не встрѣтимъ, когда ему приходится говорить о Жолкевскомъ и Конецпольскомъ. Засимъ по отношенію къ этимъ господамъ каждый ихъ шагъ даетъ поводъ г. Кулишу сыпать на право и налѣво слово „великій": Станиславъ Жолкевскій „незабвенный русичъ-католикъ, величайшій полководецъ своего времени" (*т. II, стр. 149*); Станиславъ Конецпольскій усмиритель козаковъ, составившій великій проектъ завоеванія Крыма въ союзѣ съ Москвою (*гл. XI*) и т. п. Мы не будемъ подробно говорить объ этихъ великихъ людяхъ и ихъ дѣлахъ, а укажемъ только кратко, въ чемъ дѣйствительно заключалось ихъ величіе. Жолкевскій, помимо всякихъ другихъ его дѣлъ, въ Смутное время занялъ Москву, навязалъ ей въ цари Владислава и привезъ въ Польшу настоящаго русскаго царя Василія Шуйскаго, заманивъ туда же еще двухъ

возможныхъ претендентовъ на московскій престолъ князя Василія Го лицына и митрополита Филарета Романова, а засимъ предоставил королю Сигизмунду доканчивать начатое имъ такъ умно все эт дѣло. Въ этомъ великомъ дѣлѣ Жолкевскаго случилась потомъ кака то неудача,—говорятъ, отъ неумѣлости исполнителей его плана ил может быть, отъ извѣстной глупости москвичей, рѣшившихся въ тако для себя тяжелое время выбрать себѣ въ цари ребенка. Во всяком случаѣ, съ католической точки зрѣнія, за этотъ великій планъ заво ванія Римомъ Россіи, не насилуя притомъ совѣсти москви чей, Жолкевскій дѣйствительно величайшій изъ современныхъ ем смертныхъ; но г. Кулишъ называетъ себя русскимъ и, судя по е сочиненію, онъ даже ревнитель православія; поэтому, какъ то стра но встрѣчать у такого писателя похвалы подобному историческо дѣятелю и стараніе даже навязать Жолкевскаго въ герои русско народу. За тысячу лѣтъ существованія Россіи никто изъ ея враго ничего подобнаго не сдѣлалъ и на зло ей не придумалъ, ка Жолкевскій; Россія скорѣе забудетъ Батыя,—вѣдь тотъ губилъ толь тѣло,—но никогда не забудетъ этого дѣйствительно для нея „незабве наго русича-католика". Что касается другаго великаго русича-катол ка Конецпольскаго, то замѣтимъ, что величіе людей судится по резул татамъ ихъ дѣятельности. Великіе проекты оказываются велики только тогда, когда ихъ приложатъ къ дѣлу и изъ этого дѣла вы детъ дѣйствительно что-нибудь великое; проекты же Конецпольска такъ и остались на бумагѣ: для г. Кулиша они кажутся великими, для другаго, можетъ быть, просто глупыми. Если Конецпольско дѣйствительно удалось повидимому усмирить козаковъ то и въ это его великомъ дѣлѣ точно также какъ и съ проектомъ Жолкевска случилась какая-то неудача. Малороссійское козачество не имѣло н какихъ правъ и жалованныхъ на нихъ привиліевъ; когда Богда Хмельницкій бѣжалъ на Запорожье, то ни какихъ привиліевъ ни кого не похищалъ, потому что таковыхъ нигдѣ не существовал могъ онъ увести на Запорожье только одинъ привилій—это собстве ную королевскую жалованную грамоту на Субботово и то выданну ему только 22-го іюля (по римскому календарю) 1646 года (*Ак. Юж и Зап. Рос. т. X стр. 467*). Самый древній привилій на казацкі права, узаконившій по волѣ казаковъ существованіе въ странѣ каза чества,—былъ Зборовскій договоръ; съ этимъ-то договоромъ и свои субботовскимъ привиліемъ Богданъ Хмельницкій и обратился в 1654 году въ Москву, какъ съ доказательствомъ древнихъ правъ Вой ска Запорожскаго. Но вѣковое фактическое существованіе козачеств

въ Малороссіи давно уже обязывало польское правительство, не по волѣ казаковъ, а отъ себя, озаботиться, чтобы узаконить, оформить это существованіе и вообще что-нибудь сдѣлать для замиренія страны. При подавленіи бунтовъ козаковъ ихъ иногда страшно казнили, истребляли; но послѣ этого панамъ никто не мѣшалъ дѣлать хотя бы то, что въ то же время дѣлали по сосѣдству съ Малороссіей, въ такихъ же благословенныхъ пустыняхъ какъ и вся Малороссія, московскіе воеводы (безъ малѣйшаго притязанія на титулъ „великихъ" людей) съ тѣми же малороссійскими козаками, которые къ нимъ прибѣжали отъ польскихъ порядковъ? Отчего это у слободскихъ козаковъ, которыхъ московскіе власти при томъ обязывали быть вооруженными,— никогда не было бунтовъ и измѣнъ, хотя они и были родные братья козакамъ Богдана Хмельницкаго? Въ Рѣчи Посполитой самостоятельными колонизаторами благословенныхъ украинскихъ пустынь имѣли право быть только Конецпольскіе и Вишневецкіе, но ни какъ не Богданы Хмельницкіе; послѣднимъ дозволялось только быть орудіемъ осуществленія великихъ плановъ этихъ великихъ пановъ. Паны, какъ колонизаторы, устраивали въ Малороссіи вторую Польшу; бѣжавшіе изъ внутреннихъ областей Рѣчи Посполитой въ Малороссію бывшіе крѣпостные должны были въ той или другой формѣ снова сдѣлаться крѣпостными малороссійскихъ пановъ; но замиренные, а не закрѣпощенные козаки, какъ колонизаторы, конечно сдѣлали бы изъ Малороссіи не новую Польшу, а нечто совсѣмъ иное; нельзя же было государству изъ-за того, что козаки на первый взглядъ являлись только элементомъ бунта и разбоя или матеріаломъ для войны,—или истреблять ихъ или изобрѣтать для нихъ войны? Въ сороковыхъ годахъ семнадцатаго столѣтія Конецпольскій взялъ на себя такую важную государственную обязанность замирить Малороссію: но новаго и онъ ничего не придумалъ, узаконять въ дѣйствительности онъ ничего не узаконялъ, а также ничего не оформировалъ, онъ только силою, ни въ чемъ не нарушая общаго строя и всякихъ порядковъ польской государственной жизни, казалось, совсѣмъ раздавилъ козачество. Но не прижми онъ такъ казачество къ стѣнѣ, не согни его дѣйствительно (выражаясь словами г. Кулиша) „въ бараній рогъ", блестящихъ успѣховъ бунта Богдана Хмельницкаго пожалуй и не было бы: насколько дуга была согнута въ одну сторону, на столько она разогнулась въ другую. Что же это за великіе государственные люди, когда результатомъ ихъ великихъ проектовъ и дѣлъ бываетъ гибель государства, которому они служатъ? Здѣсь мы не можемъ удержаться, чтобы не указать на одинъ случай

изъ жизни Конецпольскаго, о которомъ упоминаетъ г. Кулишъ. Богданъ Хмельницкій, какъ извѣстно, имѣлъ любовницу, превратившуюся потомъ во вторую его жену, кажется, католичку (г. Кулишъ утверждаетъ, что она была католичка); за подобную измѣну нравственности и православію г. Кулишъ, какъ увидимъ ниже, казнитъ его безпощадно. Мы не думаемъ оправдывать Богдана Хмельницкаго въ этомъ грѣхѣ и замѣтимъ только, что такія „паденія" случаются нерѣдко съ людьми его возраста: онъ былъ вдовъ, ему было, вѣроятно, около пятидесяти лѣтъ; а вотъ Конецпольскій настоящій, старикъ, пожалуй подъ семьдесятъ лѣтъ (*т. III, стр. 31 и 35*), „разсудилъ за благо жениться" на молоденькой, „но пролежавши въ подагрѣ свой медовый мѣсяцъ", умеръ. За это Конецпольскаго г. Кулишъ не казнитъ; да и въ самомъ дѣлѣ какое же это преступленіе, вѣдь это совершенно въ порядкѣ вещей для такого знатнаго и великаго пана.

Теперь обратимся къ князю Іереміи Вишневецкому, главному врагу Богдана Хмельницкаго и главному герою г. Кулиша. Начнемъ съ того, что мы совсѣмъ не думаемъ отвергать ума и талантовъ у кн. Вишневецкаго; но этого добра было немало и у Емельяна Ивановича Пугачева, а у Стефана Тимоѳеевича Разина—все это было да же съ излишкомъ. Засимъ по словамъ самого же г. Кулиша вотъ какой былъ человѣкъ князь Іеремія Вишневецкій: какъ колонизаторъ украинскихъ пустынь, какъ хозяинъ, онъ презиралъ всякую власть въ государствѣ, не обращалъ ни на что вниманія, захватывалъ чужія имѣнія, былъ главный покровитель жидовъ, при помощи которыхъ вводилъ у себя въ имѣніяхъ сельскохозяйственные промыслы и торговлю когда ему пришлось бѣжать съ восточнаго берега Днѣпра, то за нимъ двинулись многія тысячи жидовъ. Онъ ласкалъ козаковъ до тѣхъ поръ пока они являлись орудіемъ его плановъ (слѣдовательно и для распространенія католицизма, какъ сейчасъ увидимъ), но когда они стали приставать къ Хмельницкому, то болѣе чѣмъ кто либо жестоко ихъ казнилъ; но онъ казнилъ ихъ въ интересахъ гражданственности, а тѣ не хотѣли этого понимать и толковали, что ихъ казнятъ за вѣру. Конечно г. Кулишъ не можетъ отвергнуть факта, что его „пламенный князь Ерема Байдичъ" (какъ любитъ онъ ласкательно называть князя Вишневецкаго) самъ былъ ревностный католикъ, принявшій католицизмъ по убѣжденію: „онъ строилъ католическіе костелы и монастыри, не насилуя совѣсти жителей своихъ владѣній, потому что былъ убѣжденъ, что католическое духовенство своимъ образованіемъ и жизнію, стоя несравненно выше православнаго, и такъ привлечетъ къ себѣ схизматиковъ". Такой недостатокъ въ этомъ русскомъ князѣ-

сознательная измѣна вѣрѣ своихъ отцевъ—какъ-то оказывается по г. Кулишу не особенно преступнымъ; да къ тому же Вишневецкій лично и не особенно виноватъ въ немъ—такое уже было время: „еслибы въ нашу малорусскую семью не вползли изъ за спины пріятелей ляховъ ксендзы, теперь бы два талантливые русича (Хмельницкій и Вишневецкій) вели наши силы противъ общаго непріятеля, а не одну противъ другой, и никто изъ нихъ не носилъ бы на своемъ челѣ печати братоубійцы" (описаніе осады Збаража). Итакъ во всемъ, что ни дѣлалъ князь Вишневецкій противъ русскаго народа и православія онъ нисколько не виноватъ, а виноваты ксендзы. Но въ такомъ случаѣ за что же такая ненависть къ Богдану Хмельницкому? Еслибы не было ксендзовъ, Конецпольскаго и Вишневецкаго, то ему бы не противъ кого было бунтовать. Апотеозъ Вишневецкаго у г. Кулиша относится главнымъ образомъ ко временамъ его военныхъ подвиговъ збаражскихъ и берестечскихъ. Если для Богдана Хмельницкаго нѣтъ преступленія, въ которомъ бы не обвинялъ его г. Кулишъ, то наоборотъ для Вишневецкаго нѣтъ той добродѣтели, которою бы онъ не былъ украшенъ, нѣтъ того идеальнаго героя классической и русской древности, къ которому бы нельзя было его приравнять: главное качество князя Вишневецкаго—скромность; збаражская его защита иначе не называется, какъ Ѳермопилами и т. п. Общая заслуга князя Вишневецкаго по г. Кулишу такова: „потомокъ буйтура Байды, сохранившій всѣ крупныя черты знаменитаго предка... среди всеобщаго страха и унынія польско-русскихъ пановъ, геройскій духъ шляхетскаго народа проявился въ боевыхъ подвигахъ князя Іереміи Корибута-Вишневецкаго" и поднялъ духъ этого шляхетства. За симъ,—и это кажется тоже заслуга князя Вишневецкаго,—„онъ явился какъ ангелъ отмщенія за козацкія злодѣйства". Жестокія казни козаковъ, т. е. такое же человѣкоистребленіе, г. Кулишъ признаетъ со стороны князя Вишневецкаго, какъ видимъ, дѣломъ вполнѣ законнымъ; но при этомъ замѣчательно, что подробныхъ извѣстій объ этихъ его казняхъ г. Кулишомъ не приводится, хотя въ источникахъ эти извѣстія имѣются. За то г. Кулишъ всласть описываетъ козацкія безобразія и особенно любитъ при удобномъ и неудобномъ случаѣ повторять, что козаки „дарили алыя ленты обезчещеннымъ имъ дѣвицамъ, вырѣзанныя изъ ихъ же кожи", или что „у панскихъ женъ у беременныхъ брюха распарывали и многія ругательства дѣлали". Что козаки дѣлали всякія безобразія, точно также какъ и воинство князя Вишневецкаго, это несомнѣнно; но только намъ кажется, что нѣкоторыя извѣстія объ этихъ безобразіяхъ слѣдуетъ приводить

осторожно, потому что источникомъ этихъ извѣстій являются „слухи“, которые записали въ свои донесенія московскіе посланцы въ Польшѣ; авторы этихъ донесеній сами нисколько не думали выдавать эти „слухи“ за что либо достовѣрное. — Г. Кулишъ положительно проклинаетъ польскихъ „безмозглыхъ“ пановъ за то, что они изъ зависти къ талантамъ Вишневецкаго и изъ боязни его диктатуры употребляли всѣ средства, чтобы не давать ему хода и во всемъ мѣшать; но эти жалобы г. Кулиша намъ напоминаютъ жалобы Емельяна Ивановича Пугачева, „что улица его тѣсна“. Еслибы князю Вишневецкому дали ходъ, и онъ сдѣлался бы королемъ, то вотъ что по мнѣнію г. Кулиша ожидало бы человѣчество: „Князь Вишневецкій, рожденный для диктатуры или для самодержавной власти, создалъ бы несчастному народу и кредитъ и войско. Судьба народа козацкаго была бы тогда другая, а съ нимъ и судьба европейскаго Сѣвера, другая въ лучшемъ или въ худшемъ смыслѣ, но только не было бы такого человѣкоистребленія и такого звѣрства“. Почемъ знать? Что же, князь Вишневецкій краснорѣчіемъ что ли убѣдилъ бы, что всѣмъ слѣдуетъ подчиняться его власти и руководству? Думаемъ напротивъ, что еслибы Вишневецкому вполнѣ удалось покорить себѣ козачество, а малороссійскій народъ окончательно превратить въ шляхетское быдло, то наврядъ ли великороссы почли бы за счастье сдаться подъ его власть, и тогда бы кровопролитіе и человѣкоистребленіе, отъ которыхъ въ такой ужасъ приходитъ г. Кулишъ и которыхъ совсѣмъ не боится ни великороссійскій ни малороссійскій народъ, когда приходится отстаивать свою народность и вѣру,—тогда бы кровопролитіе и человѣкоистребленіе было таково, что при всемъ воображеніи г. Кулиша онъ и представить его себѣ не въ состояніи (*т. II, стр. 108—111, 197—209, 287, 296, 300, т. III, стр. 19 и 298*). По случаю извѣстія о смерти князя Вишневецкаго г. Кулишъ величаетъ его „погубленнымъ польщизною русскимъ героемъ“. Благоволилъ бы г. Кулишъ пощадить и не навязывать русскому народу такихъ героевъ: Вишневецкій служилъ по убѣжденію Рѣчи Посполитой, польской шляхтѣ, римской церкви; поэтому если онъ герой, то пусть ужъ онъ будетъ героемъ враговъ нашихъ. Изъ-за того же, что въ Вишневецкомъ текла русская кровь, имени его русской народъ долженъ еще болѣе стыдиться, чѣмъ имени Стеньки Разина и Емельки Пугачева. Козаки Хмельницкаго, хотя можетъ быть инстинктивно, но вѣрно понимали, что князь Вишневецкій, „ангелъ отмщенія“, казнитъ ихъ не за злодѣйства, а дѣйствительно за вѣру; оставаясь по прежнему слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ Вишневецкихъ, Конецпольскихъ и Жолкевскихъ, они

служили не гражданственности, а именно католической церкви. Чьими руками разрушалъ Жолкевскій Московское государство, единственный оплотъ православія? чьими руками строили костелы и католическіе монастыри въ своихъ русскихъ владѣніяхъ Вишневецкій и К°, „не насилуя совѣсти" православныхъ жителей своихъ владѣній? на чьи матеріальныя средства содержались эти учрежденія? Все это принуждены были дѣлать русскіе, козаки, православные на собственную дальнѣйшую погибель. Но наконецъ явилось общее сознаніе и богатыя средства стали сами собою переходить изъ рукъ Вишневецкаго въ руки Хмельницкаго, высоко поднявшаго знамя православія и московскаго подданства. Конечно князь Вишневецкій, какъ врагъ православія и русской народности, сдѣлалъ имъ меньше настоящаго зла, чѣмъ Жолкевскій: онъ только человѣкоистребитель; но мы должны благодарить Бога, что Вишневецкому въ его планахъ была большая неудача, потому что удача его плановъ была бы для русскаго народа пожалуй хуже удачи плановъ Разина и Пугачева. При удачѣ плановъ Вишневецкаго, какъ признаетъ и самъ г. Кулишъ, „судьба европейскаго Сѣвера была бы другая въ лучшемъ или худшемъ смыслѣ". Договоримъ не договоренное г. Кулишомъ: за удачу плановъ Вишневецкаго всѣ мы дорого бы поплатились; покореніе сѣверной Россіи, разумѣется, совершилось бы средствами южной, т.-е. православные малороссійскіе козаки, усмиренные Вишневецкимъ, покорили бы православныхъ великороссіянъ въ пользу Польши, Рима, а за симъ послѣдовало бы прежде всего, что православная вѣра исчезла или сохранилась бы, какъ секта, гдѣ-нибудь въ олонецкихъ трущобахъ или въ нижегородскихъ лѣсахъ, мы же, теперь свободные граждане великаго государства, мы бы превратились въ рабочій скотъ для польскаго шляхетства. Ужъ не о томъ ли что ничего этого не случилось, не объ этомъ ли въ дѣйствительности такъ горько плачетъ г. Кулишъ? Еслибы г. Кулишъ вмѣсто того, чтобы объединять Хмельницкаго съ Разинымъ и Пугачевымъ, напротивъ поставилъ бы на одну доску съ послѣдними князя Вишневецкаго, то никакой ошибки въ томъ не было бы и его слова, которыя были уже выше приведены, были бы не бредъ зарвавшагося, а дѣйствительно неопровержимая истина: если бы этимъ героямъ разрушенія „удалось злодѣйствовать безнаказанно, карта Европы въ настоящее время была бы совсѣмъ иная и человѣчество опоздало бы многими столѣтіями въ развитіи человѣчности".

Теперь обратимся къ Богдану Хмельницкому. Ужъ не потому ли, что князь Вишневецкій былъ чистокровный аристократъ, милліонеръ, а Хмельницкій козакъ, чуть не мужикъ, и притомъ нищій, раз-

бойничество для перваго было добродѣтелью, а для втораго пр
ступленіемъ? Но дѣло въ томъ, что современники, правители Рѣ
Посполитой, признавали за Хмельницкимъ, точно также какъ и
Вишневецкимъ, полное право на ту расправу, которую они твори
своею волею. Русское правительство ни съ Разинымъ, ни съ Пуг
чевымъ не только не заключало договоровъ, но и не вступало съ ни
ни въ какіе переговоры; въ Рѣчи же Посполитой для самаго изъ бе
законнѣйшихъ побѣдителей не существовало дѣйствительнаго лишен
политическихъ правъ: не успѣлъ Богданъ Хмельницкій совершить с
первый разбойничій подвигъ, какъ къ нему являются правительств
ные коммиссары, ведутъ съ нимъ переговоры, его собственные пос
являются на сеймъ и въ концѣ концовъ самъ король заключаетъ
гетманомъ и Войскомъ Запорожскимъ договоръ подъ Зборовымъ. Ка
бы потомъ ни называли этотъ договоръ, амнистіей, пожалованіе
но онъ все-таки оставался договоромъ, вытребованнымъ съ оружіе
въ рукахъ (отчасти въ этомъ же смыслѣ объясняетъ и г. Кул
значеніе Зборовскаго договора—*т. III стр. 52*); это совсѣмъ не
что московскія Статьи и жалованныя грамоты Богдану Хмельницко
выданныя государемъ по челобитью. Изъ такихъ отношеній къ Бог
ну Хмельницкому правительства Рѣчи Посполитой выходило то,
съ политической и общественной точки зрѣнія онъ не былъ разб
никъ, а также никогда не былъ противъ своего государя не то
ко измѣнникомъ, но даже пожалуй и бунтовщикомъ. Выдался же
противъ другихъ подобныхъ бунтовщиковъ только тѣмъ, что посл
нимъ въ большинствѣ случаевъ удавалось сговориться съ польск
правительствомъ, а засимъ потонуть въ шляхетскомъ морѣ Рѣчи
сполитой; Богдану же Хмельницкому такъ и не удалось сговори
съ поляками и поэтому онъ сталъ дѣйствительно историческимъ
цомъ. Московское правительство приняло Богдана Хмельницкаго
свое подданство не въ качествѣ польскаго бунтовщика, а въ каче
всѣми признанной независимой воюющей стороны; не ему же пр
дилось грязнить политически Богдана Хмельницкаго въ то время,
польское правительство такъ его обѣляло. Изъ Москвы въ теч
пяти лѣтъ относились къ гетману осторожно, почти всегда как
разбойнику, а въ это время польское правительство нѣсколько
заключало съ нимъ договоры; оставалось и московскому правит
ству, которое притомъ было жестоко оскорблено польскимъ, по
пать точно также по примѣру послѣдняго.

VI.

На что могъ разсчитывать для себя Богданъ Хмельницкій, добиваясь московскаго подданства?

Не нашелъ Богданъ Хмельницкій или не хотѣлъ найти средства помириться и спѣться съ Рѣчью Посполитой,—объ этомъ не будемъ разсуждать, а обратимся къ тому, на что онъ могъ разсчитывать для себя, добиваясь такъ настойчиво московскаго подданства.

Г. Кулишъ очень часто говоритъ о чувствѣ самосохраненія, которымъ руководствовался Богданъ Хмельницкій въ своихъ дѣйствіяхъ. Чувство самосохраненія вещь вполнѣ естественная даже и у такихъ политическихъ дѣятелей, какимъ изображенъ Богданъ Хмельницкій у г. Кулиша; но какъ чрезвычайно умный человѣкъ, Богданъ Хмельницкій зналъ, что самосохраненіе его можетъ быть обезпечено только при одномъ условіи—если онъ правильно опредѣлитъ цѣль своей политической дѣятельности и потомъ достигнетъ ея, а если онъ уклонится отъ нея или не достигнетъ, то непремѣнно расплатится собственной головой; отдѣлить свою особу отъ дѣла, во главѣ котораго поставила его судьба, ему было не возможно. Чувствомъ самосохраненія у политическихъ дѣятелей, можно объяснять все, что угодно; такъ относительно Богдана Хмельницкаго можно сказать, что послѣ первыхъ успѣховъ своего возстанія онъ изъ чувства самосохраненія, чтобы разбойничья масса не поглотила его самого, изобрѣлъ для нея религіозное знамя, подъ которымъ она смѣло могла продолжать свое разбойничество; изъ чувства самосохраненія онъ предложилъ Москвѣ свое подданство и за симъ постоянно ей угождалъ; изъ чувства самосохраненія онъ выдумалъ для своихъ разбойниковъ молдавскіе походы и такъ далѣе: все, что онъ ни дѣлалъ, все было изъ чувства самосохраненія. Но сохранить временно себя и свою семью цѣлыми, это не значитъ, что можно еще кое на что иное разсчитывать; для этого нужно было придумать что-нибудь вполнѣ опредѣленное, постоянное, а не изобрѣтать все новое и новое: для этого пожалуй и талантовъ Богдана Хмельницкаго не хватило бы.

Неужели этотъ разбойникъ для своей жажды къ грабежу и къ пролитію человѣческой крови могъ мечтать извлечь какую-нибудь пользу изъ московскаго подданства? что его тамъ ожидало? На личное для себя и для своей семьи привилегированное положеніе Богданъ Хмельницкій конечно смѣло могъ разсчитывать; но касательно властолюбія (а о грабежѣ и пролитіи крови говорить нечего), къ которому онъ естественно привыкъ,—эту привычку при московскомъ подданствѣ онъ долженъ былъ весьма ограничить. Если москвичи въ теченіе шести лѣтъ успѣли хорошо познакомиться съ Богданомъ Хмельницкимъ, то и онъ съ своей стороны въ теченіе этого времени не по слухамъ, а на самомъ дѣлѣ, тоже долженъ былъ хорошо познакомиться со всѣми россійскими порядками: одна московская волокита чего-нибудь да стоила, а онъ, повидимому человѣкъ нетерпѣливый, успѣлъ испытать ее на себѣ полностію. За симъ, положеніе царевичей сибирскихъ и грузинскихъ, которые и въ его время пребывали на Москвѣ, наврядъ ли кого могло прельщать и особенно человѣка, привыкшаго дѣйствительно повелѣвать народами, предписывать войну и миръ. Разсчитывать, что война, въ которую онъ втянетъ Московское государство, истощитъ послѣднее, точно такъ же какъ передъ этимъ ему удалось истощить Рѣчь Посполитую, и онъ, разбойникъ, будетъ въ заключеніе царить надъ обстоятельствами, — о такихъ планахъ и подобныхъ результатахъ (во всякомъ случаѣ въ весьма отдаленномъ будущемъ) могъ мечтать развѣ только дѣйствительно постоянно пьяный и сумасшедшій человѣкъ. Напротивъ имѣемъ основаніе думать, что Богданъ Хмельницкій очень хорошо зналъ, что̀ въ этомъ отношеніи его ожидало изъ Москвы, что дѣйствительно тотчасъ же и случилось послѣ переяславской присяги.

Московское государство отдохнуло отъ бѣдствій Смутнаго времени и оно при этомъ постоянно готовилось къ отмѣсткѣ Рѣчи Посполитой; у него завелась великолѣпная по тому времени двухсот-тысячная армія, у него уже водились и лишнія деньги. Но только дѣло разсчета съ Рѣчью Посполитой за Смутное время,—въ чемъ Богданъ Хмельницкій въ теченіе предшествующаго присягѣ времени могъ вполнѣ убѣдиться, — московское правительство совсѣмъ не намѣрено было предоставить въ руководство не только ему, но и никому другому. Гетману и его Войску Запорожскому во всемъ этомъ дѣлѣ могла быть отведена роль, какъ одной изъ составныхъ частей всероссійскаго воинства, всецѣло подчиненнаго и руководимаго самодержавнымъ вождемъ русскаго народа. Начавшаяся въ 1654 году война была не за Малороссію, московскія войска шли не на помощь гетману выручать

его изъ бѣды: помимо даже отмѣстки за Смутное время эта война была главнымъ образомъ продолженіемъ объединительныхъ войнъ начатыхъ Иваномъ III для приведенія въ исполненіе программы титула „государя всея Руси". Князья Воротынскіе и Одоевскіе съ товарищи, по поводу которыхъ тогда начались эти объединительныя войны, не играли въ самыхъ войнахъ видной руководящей роли; точно также и теперь Богдану Хмельницкому, хотя война начиналась, пожалуй, и по поводу Малороссіи, приходилось во всемъ этомъ дѣлѣ отойти на второй планъ.

Когда Богданъ Хмельницкій добился того, что его приняли въ московское подданство, то не только не получилъ руководящей роли въ войнѣ съ Польшею, но даже и у себя въ Малороссіи въ дѣйствительности пересталъ быть полнымъ хозяиномъ. Тотчасъ послѣ присяги въ Переяславлѣ вотъ что послѣдовало. Первое: присяга совершилась въ январѣ мѣсяцѣ, а въ февралѣ московскія войска подъ начальствомъ боярина князя Ѳед. Сем. Куракина съ товарищи вступили въ Малороссію и заняли Кіевъ. Второе: въ Бѣлгородѣ была собрана значительная армія подъ начальствомъ другаго боярина Бор. Вас. Шереметева; она должна была немедленно двинуться въ Малороссію, еслибы случилось нападеніе крымскихъ татаръ на Войско Запорожское (союзъ и братство козаковъ съ татарами, хотя бы и противъ Рѣчи Посполитой, обязательно разрывался). Но надо полагать, что эта армія могла конечно двинуться въ Малороссію, если бы понадобилось, и по другимъ причинамъ. Третье: Богданъ Хмельницкій еще во время присяги въ Переяславлѣ предлагалъ великимъ посламъ свой планъ предстоящей войны съ Польшею, а войсковые посланники, прибывшіе въ Москву въ мартѣ мѣсяцѣ бить челомъ о правахъ Войска Запорожскаго и жителей Малой Россіи всякаго чина, говорили боярамъ (13 марта, 20-й пунктъ наказа): „чтобъ государь указалъ послать своихъ государевыхъ ратныхъ людей къ Смоленску вскорѣ, чтобъ польскимъ и литовскимъ людямъ собраться и исправиться не дать и учинить бы имъ съ той стороны помѣшку,—то намъ вѣдомо, что всѣ Бѣлорусцы, православные христіане, подъ государевою рукою быть желаютъ и его государевыхъ ратныхъ людей ожидаютъ". Отвѣтомъ на это былъ государевъ указъ (переговоры 19 марта): „скажите гетману, что указалъ государь быть съ собою въ походѣ двумъ полковникамъ нѣжинскому Ивану Золотаренкѣ да тебѣ Павлу Тетерѣ". Согласно этому указу вскорѣ два лучшихъ полка Войска Запорожскаго, нѣжинскій и черниговскій, въ количествѣ 18.000 козаковъ, двинулись въ Бѣлоруссію, усиливая главную

московскую армію. Замѣчательно, что такое ослабленіе военныхъ козацкихъ средствъ гетмана совершилось тогда, когда онъ едва могъ собрать подъ свое начальство не много болѣе 50.000 козаковъ, а прежде у него набиралось ихъ нѣсколько сотъ тысячъ. Четвертое: война была объявлена и весною 1654 года, какъ бы въ замѣну нѣжинскаго и черниговскаго полковъ, прибылъ въ Малороссію еще корпусъ московскихъ войскъ подъ начальствомъ окольничаго Ан. Вас. Бутурлина, чтобы совмѣстно съ войскомъ гетмана дѣйствовать противъ поляковъ отъ Кіева. При этомъ гетману предписывалось со всѣмъ этимъ соединеннымъ войскомъ сходиться съ войсками боярина кн. Ал. Н. Трубецкаго къ Луцку.

Мы уже не говоримъ о другихъ не такихъ крупныхъ распоряженіяхъ московскаго правительства, относящихся къ возсоединяемому краю, потому что кажется достаточно и сейчасъ приведенныхъ, чтобы увидать, какими клещами это правительство сразу ухватило какъ гетмана, такъ и его Войско. При этомъ, какъ видимъ, всѣ эти распоряженія въ Москвѣ дѣлали, не стѣсняясь гетманомъ, безъ всякихъ съ нимъ не только договоровъ, но и переговоровъ, а прямо въ формѣ сухихъ указовъ. Возможность такихъ распоряженій и дѣйствій правительства конечно не могли быть особенною неожиданностію для Богдана Хмельницкаго не только въ 1654 году, но и въ 1649, когда онъ въ первый разъ предлагалъ московскому государю свое подданство, находясь самъ на верху могущества и славы; конечно онъ тогда просилъ на помощь себѣ московскихъ войскъ немного, только для виду; но вѣроятно онъ и тогда сознавалъ, что наврядъ ли московское правительство согласится принять кого-либо въ свое подданство только для виду. Г. Кулишъ во всѣхъ дѣйствіяхъ Богдана Хмельницкаго видитъ только коварство и обманъ; но надо полагать, что у послѣдняго, рѣшившагося имѣть дѣло съ такимъ правительствомъ, какъ московское, едва ли могла при этомъ явиться какая-либо мысль объ обманѣ и измѣнѣ, даже по отношенію къ будущему времени: ужь очень опасно было шутитьсъ такими серьезными дѣлами.

Богданъ Хмельницкій по отношенію къ Польшѣ не пробивался въ сенаторы, а по отношенію къ Москвѣ не навязывался въ бояре, какъ это дѣлали нѣкоторые изъ его преемниковъ: для него лично достаточно было спокойно сидѣть въ своей Малороссіи, въ своемъ Субботовѣ. Добиваясь московскаго подданства, онъ могъ разсчитывать только на слѣдующее: онъ будетъ подданнымъ, пользующимся въ войнѣ и мирѣ высокимъ почетомъ во всемъ россійскомъ обществѣ; онъ будетъ облеченъ со стороны государя милостію и довѣріемъ—особы-

і, чрезвычайными, — но все-таки въ предѣлахъ, какіе допускаетъ
ідданство самодержавному государю. Богданъ Хмельницкій всѣмъ
имъ былъ вполнѣ доволенъ и онъ все это получилъ. Что касается
го, были ли какіе-либо иные политическіе планы у Богдана Хмель-
ицкаго касательно своей особы, своей семьи, судьбы Малороссіи
слѣ подданства и послѣ своей смерти,—мы объ этомъ положитель-
ничего сказать утвердительнаго не можемъ. Добившись этого под-
иства, гетманъ дѣйствуетъ совсѣмъ безъ всякаго плана, а такъ
азать по инерціи; руководство всякимъ крупнымъ дѣломъ принадле-
тъ уже Москвѣ. О какой-либо „самобытности Украины" подъ про-
кціею Москвы или другаго государства, кажется, Богданъ Хмель-
цкій не думалъ; да кстати разсужденія объ этой „самобытности"—
днѣйшее изобрѣтеніе. Въ чемъ заключается эта „самобытность",
кто толкомъ хорошенько и теперь не знаетъ; поэтому никто никогда
ли въ чемъ и не нарушалъ. Можно, кажется, смѣло сказать, что
сковское подданство для Богдана Хмельницкаго было конечною
цію его личныхъ и политическихъ плановъ. Засимъ былъ, пожалуй,
него еще планъ, что послѣ подданства, какъ только война минется,
дуетъ не новыя какія-либо дѣла затѣвать, а разобраться въ ста-
хъ внутреннихъ дѣлахъ Малороссіи. Но разбираться Богдану Хмель-
цкому самому во всемъ этомъ не пришлось, потому что онъ недолго
килъ, достигнувши своей главной цѣли.

VII.

**Отношенія Богдана Хмельницкаго къ московскому правительству
поводу его сношеній съ иностранными государствами.**

Московское правительство, согласившись принять Богдана Хме
ницкаго въ свое подданство, принимало его къ себѣ не въ качест
какого-нибудь привилегированнаго вассала на какихъ-либо условія
а какъ подданнаго самодержавнаго государя. 8 января 1654 года,
время присяги, Богданъ Хмельницкій услышалъ отъ московскихъ в
ликихъ пословъ буквально тѣ же слова, какія говорили предки эти
бояръ почти двѣсти лѣтъ тому назадъ новгородцамъ. Хотя казало
бы страннымъ при настоящемъ случаѣ говорить такъ, какъ говор
лось тогда; подъ Новгородомъ говорили побѣдители съ побѣжденны
побѣдители, поставившіе себѣ задачей окончательно уничтожить п
бѣжденныхъ, въ Переяславлѣ же было совсѣмъ иное: подданст
было вполнѣ добровольное, вражды со стороны москвичей къ ма
россіянамъ ни малѣйшей, а посему должно бы происходить скор
нѣчто похожее на договоръ. Но москвичи не измѣнили силѣ свое
историческаго преданія; вотъ эти слова: „государеву и боярско
крестному цѣлованію не быть, подданные присягаютъ государю,
не государь подданнымъ; бейте челомъ великому государю о с
ихъ нуждахъ и правахъ и онъ васъ пожалуетъ, — пожалуетъ, ес
понадобится, и свыше того, о чемъ просите". Богданъ Хмельницк
выслушавъ эту грозную вѣковую теорію, не возражалъ и присягну
но не измѣнилъ ли онъ потомъ этой своей присягѣ?

Послѣ перваго отказа въ принятіи въ московское подданст
Богдану Хмельницкому естественно было не только не разрыв
своего союза съ татарами, но въ собственныхъ интересахъ вступ
въ сношенія и съ другими иностранными государствами. Къ 16
году гетманъ находился въ сношеніяхъ, а иногда и обязательства
весьма со многими тогдашними европейскими правительствами; о
этихъ его отношеніяхъ въ Москвѣ въ дѣйствительности знали весь

подробно. Не только послѣ переяславской присяги, но и до нея Богданъ Хмельницкій по отношенію къ москвичамъ держался такого пріема: онъ откровенно разсказывалъ московскимъ посланникамъ о своихъ отношеніяхъ къ татарамъ, туркамъ и къ другимъ государствамъ, а иногда прямо вручалъ имъ списки съ своихъ дипломатическихъ сношеній. Кромѣ того и сами московскіе посланники иногда „промышляли" доставать себѣ копіи съ той или другой дипломатической переписки гетмана. Однакоже, хотя въ Москвѣ и хорошо знали, въ чемъ состоятъ дипломатическія сношенія гетмана съ иностранными государствами, но все-таки, если Богданъ Хмельницкій былъ „измѣнникъ и предатель по натурѣ", то именно въ этомъ его международномъ положеніи была дѣйствительная опасность для московскаго правительства и оно, принимая его въ подданство, должно было болѣе всего объ этомъ подумать. Но прежде чѣмъ говорить обо всемъ этомъ, скажемъ нѣсколько словъ о тогдашнемъ, такъ сказать, министрѣ иностранныхъ дѣлъ Богдана Хмельницкаго, объ его правой рукѣ—писарѣ Войска Запорожскаго Иванѣ Евстаѳьевичѣ Выговскомъ.

Въ сочиненіяхъ по исторіи Малороссіи уже давно указывается на то, что Выговскій, такъ сказать, по секрету отъ гетмана передавалъ московскимъ посланникамъ списки съ дипломатической переписки послѣдняго съ иностранными правительствами и что за такія услуги получалъ отъ посланниковъ подарки. Система раздачи соболей иностранцамъ за услуги въ Посольскомъ приказѣ практиковалась точно такъ же, какъ и теперь раздача иностранцамъ орденовъ; это ни для кого не составляло тайны и всего менѣе для иностранцевъ; раздача соболей козацкой старшинѣ разработана была положительно въ опредѣленную систему. Выговскій, второе лицо въ Войскѣ Запорожскомъ послѣ гетмана, получалъ соболи въ формѣ награды, а никакъ не въ формѣ подкупа, большею частію въ высшемъ размѣрѣ, чѣмъ остальная войсковая старшина. Но съ его стороны было естественно просить иногда московскихъ посланниковъ, чтобы подобныя высшія награды лучше ему отдавали тайно, а не при всѣхъ, чтобы тѣмъ не возбуждать зависти у сотоварищей. Но кромѣ того москвичи имѣли обычай за каждую отдѣльную услугу давать отдѣльныя награды, и изъ отчетовъ посланниковъ мы знаемъ, что такихъ подарковъ соболями сверхъ положенія Выговскій получалъ довольно много. Для примѣра приведемъ выписку изъ отчета посланника Унковскаго (конца 1650 года) объ этомъ предметѣ (*Ак. Южн. и Зап. Россіи т. VIII. стр. 356 — 357*). При гетманѣ дано Выговскому столько же, сколько одновременно дано и другимъ войсковымъ стар-

шинамъ, „да до пріѣзду гетманова писарю Ивану Выговскому да пара, чтобъ государю служилъ". За симъ еще: „дано двѣ пар писарю Ивану Выговскому для того, что его въ государю слу бы было много". Можно съ достовѣрностію предположить, за ч собственно были даны эти послѣдніе подарки: тогда Унковскій „пр мыслилъ" переписку гетмана съ турецкимъ султаномъ и паша Если во всемъ этомъ предполагать подкупъ, то оказывается, что вся дипломатическая войсковая канцелярія тогда была подкупле Унковскимъ и не только противъ гетмана, но и противъ самого В говскаго, потому что далѣе въ его отчетѣ читаемъ: „дана пара Семе подписку, что живетъ у писаря Ивана Выговскаго; дано двѣ па подписку Песоцкому, что его къ государю службы много и дава списки съ листовъ". Въ этомъ отчетѣ Унковскаго перечисле еще многія другія лица, которыя получили отъ него такія же экстр ныя награды за сообщеніе вѣстей и разныя другія службы; т между прочимъ: „дана пара Ѳедору Вешняку для того, что онъ б безъ гетмана въ Чигиринѣ наказный гетманъ и до него было д много". При рѣдкомъ статейномъ спискѣ московскихъ посланнико въ Войско Запорожское не встрѣчается подобнаго отчета о та раздачѣ такъ соболей; но вотъ вопросъ: были ли эти особенныя н грады подкупъ и именно по отношенію къ Выговскому? Позволя себѣ высказать въ этомъ отношеніи полнѣйшее сомнѣніе. Что со щалъ Выговскій московскимъ посланникамъ и можно ли эти сооб нія поставить ему въ вину, какъ измѣну противъ гетмана? Такъ приведенномъ сейчасъ случаѣ онъ доставилъ посланнику копію дѣйствительно важной переписки гетмана съ султаномъ и паша но передъ этимъ самъ гетманъ подробно сообщилъ какъ объ э перепискѣ, такъ и объ ея содержаніи; поэтому особенно новаго самыхъ документахъ для москвичей не встрѣчалось. И это относи почти безъ исключенія за всѣ девять лѣтъ ко всѣмъ документа которые сообщалъ Выговскій московскому правительству. Дѣло, жется, объясняется проще. Выговскій съ самаго начала своей по тической роли видѣлъ ясно, что вопросъ о московскомъ подданс въ головѣ гетмана рѣшенъ окончательно, „что бы ни случило безповоротно, и что дѣло поляковъ въ Малороссіи, пока живъ Б данъ Хмельницкій, нужно считать проиграннымъ; поэтому и са Выговскій, совсѣмъ не за соболи, а по сознанію поспѣшилъ на встр къ этой же цѣли. Стараясь всячески угодить будущимъ своимъ по лителямъ, онъ, конечно, старался выставить передъ ними и свои слуги, придавая имъ окраску, что это онъ выдаетъ дипломати

сіе секреты Войска Запорожскаго, что онъ и самого гетмана постоянно направляетъ и утверждаетъ въ мысли о московскомъ подданствѣ. Такъ какъ до насъ дошли не только отчеты московскихъ посланниковъ въ Войско Запорожское, но и таковые же отчеты польскихъ, то отъ чего же у послѣднихъ не видимъ, чтобы Выговскій и имъ служилъ точно такъ же, какъ и москвичамъ, чтобы онъ хоть разъ сообщилъ въ такой же формѣ о сношеніяхъ гетмапа, напримѣръ, съ московскимъ правительствомъ? Надо полагать, что личныя симпатіи Выговскаго всегда находились болѣе на сторонѣ поляковъ, а не москвичей; что же касается подкупа, то передъ нимъ польскіе посланники менѣе бы задумались, чѣмъ москвичи. Наконецъ выскажемъ еще предположеніе, что подобное сообщеніе Выговскимъ документовъ москвичамъ совершалось далеко не безъ вѣдома гетмана. Чтобы ни говорилъ Выговскій на словахъ, но на самомъ дѣлѣ передача имъ дипломатической переписки москвичамъ происходила черезчуръ открыто и чтобы въ теченіи девяти лѣтъ все это оставалось неизвѣстнымъ гетману, — это положительно не возможно. Если это было со стороны Выговскаго измѣной противъ гетмана, то при открытіи таковой онъ дорого бы поплатился за нее предъ Богданомъ Хмельницкимъ. Говоря все это, мы не думаемъ доказывать, что Выговскій былъ человѣкъ, напримѣръ, не корыстолюбивый; но онъ былъ человѣкъ умный и изъ-за какого-нибудь сорока соболей никогда бы не рѣшился рисковать своей головой. Если для подписка Выговскаго, который „давалъ списки съ листовъ", подарокъ въ двѣ пары соболей на сумму въ 20 рублей, былъ, можетъ быть, значительная цѣнность, то соболи даже въ сотни рублей для самого Выговскаго были положительно ничтожная прибавка къ тому, что онъ имѣлъ и могъ имѣть; награды за свои заслуги со стороны московскаго правительства Выговскій надѣялся получить въ будущемъ и при томъ совсѣмъ въ другой формѣ. Вскорѣ послѣ подданства Выговскій отправилъ къ государю своего брата Данила Выговскаго хлопотать какъ по своимъ личнымъ дѣламъ, такъ и по дѣламъ своихъ родственниковъ (см. *Ак. Южн. и Зап. Р. т. XIV*, по указателю *Выговскій Данило*); результатомъ этихъ хлопотъ была выдача жалованныхъ грамотъ на обширныя маетности, какъ самому писарю Ивану Выговскому, такъ и многочисленнымъ его родственникамъ и сторонникамъ. Намъ извѣстенъ списокъ, хотя къ сожалѣнію не полный, этихъ маетностей Выговскаго съ товарищи (отпечатанъ и выйдетъ въ свѣтъ въ *XV т. Ак. Южн. и Зап. Р.*); по поводу его можно смѣло сказать, что тотчасъ послѣ подданства Выговскіе съ одной стороны, а

Золотаренки съ другой положительно расхватали по своимъ рукамъ Малороссію *). При этомъ замѣчательно, что тѣ и другіе выпрашивали эти пожалованія у государя по секрету отъ гетмана и даже иногда просили правительство не сообщать объ этихъ пожалованіяхъ ихъ повелителю. Вторая и главная награда, о которой Выговскій, какъ видно, всегда мечталъ, это гетманская власть послѣ смерти Богдана Хмельницкаго, которую при московскомъ подданствѣ безъ поддержки правительства не легко было получить.

Теперь обратимся къ сношеніямъ Богдана Хмельницкаго съ иностранными государствами. Прежде всего вотъ какъ все относящееся къ этому предмету опредѣлилось послѣ переяславской присяги на предбудущее время. Войсковое посольство, прибывшее въ Москву въ мартѣ 1654 года, бить челомъ о правахъ и привилегіяхъ малороссіянъ (*Ак. Южн. и Зап. Р. т. X, № 8*), представило боярамъ свой наказъ, въ 16-мъ пунктѣ котораго говорилось: „бьетъ челомъ государю гетманъ Богданъ Хмельницкій: буде учнутъ приходить къ нему изъ которыхъ пограничныхъ земель посланцы о большихъ дѣлахъ и онъ, гетманъ, тѣхъ посланцовъ учнетъ присылать къ государю и о тѣхъ дѣлахъ, о чемъ они къ гетману присланы будутъ, что государь укажетъ; а буде учнутъ приходить о малыхъ дѣлахъ, и государь бы тѣхъ посланцовъ поволилъ принимать и отпускать ему, гетману, и за зло бы того не поставить". Послѣ объясненій съ войсковыми посланниками объ этомъ предметѣ, въ отвѣтъ на сейчасъ изложенное челобитье, въ такъ называемыхъ Статьяхъ Богдана Хмельницкаго, въ 9 и 10 мъ пунктахъ читаемъ: „гетману пословъ и посланниковъ и гонцовъ изъ окрестныхъ и ни изъ которыхъ государствъ къ себѣ не принимать и противъ тѣхъ присылокъ пословъ же и посланниковъ и гонцовъ отъ себя не посылать, развѣ о какихъ дѣлахъ поволитъ великій государь ему, гетману, въ которое государство послать. А съ крымскимъ ханомъ, кромѣ миру, ни какой ссылки не имѣть, а миръ имѣть съ нимъ по указу великаго государя" (*тамъ же, т. IV, стр 264*). Здѣсь прежде всего замѣчательно, что изъ четырнадцати пунктовъ Статей Богдана Хмельницкаго только эти два пункта изложены прямо въ формѣ указовъ безъ объясненія, такъ

---

*) Жаловались цѣлые города и мѣстечки, съ полнымъ возстановленіемъ польскаго крѣпостнаго права; см. для примѣра челобитную войсковыхъ посланниковъ судьи Самойло Богданова и полковника Павла Тетери, о пожалованіи первому мѣстечка Иинглѣево-Старый, а второму мѣстечка Смѣлую (*Ак. Южн. и Зап. Р. т. X, стр. 487*).

сказать, причины появленія ихъ въ Статьяхъ; остальные же двѣнадцать пунктовъ изложены въ формѣ войсковыхъ челобитій и государевыхъ на нихъ указовъ.

Итакъ, гетману были положительно запрещены какія-либо самостоятельныя сношенія съ иностранными государствами; но на самомъ дѣлѣ оказалось, что исключеніе, о которомъ говорится въ Статьяхъ, должно быть общимъ правиломъ: для иностранныхъ правительствъ международное положеніе Богдана Хмельницкаго и послѣ переяславской присяги, пожалуй и „въ большихъ дѣлахъ", почти нисколько не измѣнилось; онъ по прежнему могъ сноситься съ ними, а московское правительство, зная, о чемъ сносится, признавало эти сношенія. Здѣсь нужно обратить вниманіе на то, что Статьи Богдана Хмельницкаго писались не для него одного; мало того, онъ при составленіи этихъ Статей всего менѣе имѣлся въ виду: въ Москвѣ думали объ его преемникахъ и именно, выскажемъ предположеніе, о Выговскомъ и Тетерѣ, естественныхъ видимыхъ преемникахъ ему по власти въ Войскѣ Запорожскомъ. Къ тому же всѣ эти переговоры съ правительствомъ вели именно эти господа, хотя и именемъ гетмана, но на самомъ дѣлѣ весьма трудно было отличить въ этихъ переговорахъ гдѣ кончался Богданъ Хмельницкій и гдѣ начинался Выговскій съ товарищи. Относительно выдачи жалованныхъ грамотъ на маетности въ Москвѣ были очень податливы, но относительно гетманства вели себя довольно осторожно и положительно не видно, чтобы Выговскій или кто-либо изъ его компаніи былъ со стороны правительства, такъ сказать, намѣченный кандидатъ въ преемники власти стараго гетмана. За симъ легко было предписать гетману разорвать всякія сношенія съ иностранными правительствами, но возможно ли было (оставляя даже въ сторонѣ самолюбіе гетмана, съ которымъ все-таки въ извѣстной мѣрѣ нужно было считаться) все это сразу привести въ исполненіе? Но здѣсь еще слѣдуетъ обратить вниманіе и на то, что большинство постановленій этихъ Статей и жалованныхъ грамотъ при жизни Богдана Хмельницкаго почти ни въ чемъ не было приведено въ исполненіе, даже и въ тѣхъ пунктахъ, которые, казалось, были положительно въ интересахъ гетмана и козачества. Когда московскимъ посланникамъ къ гетману приходилось при переговорахъ касаться подобныхъ предметовъ, напримѣръ о жалованьи Войску Запорожскому, то Богданъ Хмельницкій обыкновенно отвѣчалъ въ такомъ смыслѣ: это нужно сдѣлать, но приступить къ этому, какъ сами видите, возможно только, „когда война минется". При жизни Богдана Хмельницкаго Статьи не были опубликованы въ Ма-

лороссіи, а московское правительство не только на этомъ не настаивало, но даже избѣгало упоминать; но какъ только скончался старый гетманъ и хотя въ то время „война еще не миновала“, первый же московскій посланецъ въ Малороссію В. П. Кикинъ прямо заговорилъ, чтобы эти Статьи непремѣнно были прочитаны въ Войскѣ Запорожскомъ (*тамъ же т. XI, въ Приложеніи, Кикинскія бумаги*).

Сочиненіе г. Кулиша „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши“ оканчивается первыми мѣсяцами 1654 года; но помимо того, что по послѣдующей дѣятельности всякаго историческаго лица можно судить объ его дѣятельности предшествующей, мы въ виду общаго обвиненія Богдана Хмельницкаго въ наклонности къ измѣнѣ говоримъ и о событіяхъ послѣ 1654 года. Но объ этомъ мы будемъ говорить подробно въ дальнѣйшемъ VIII объясненіи; здѣсь скажемъ только о слѣдующемъ. Замѣчательно рѣзко бросается въ глаза разница въ обращеніи Богдана Хмельницкаго въ его сношеніяхъ до московскаго подданства съ польскими и московскими посланниками. Съ поляками Богданъ Хмельницкій позволялъ себѣ всяческое безобразіе, морочилъ ихъ въ глаза, глумился надъ ними; однимъ словомъ, обращался съ ними такъ, какъ можетъ обращаться только побѣдитель съ побѣжденными, сознательно не имѣя въ виду, что обстоятельства могутъ перемѣниться и эти же самые господа могутъ ему впредь понадобиться; Богданъ Хмельницкій по отношенію къ Рѣчи Посполитой постоянно сжигалъ за собою корабли. Польскіе послы все это ужасное обращеніе съ ними переносили и только въ своихъ отчетахъ по этому поводу, какъ бы аппеллируя къ потомству, записывали: „ахъ, какой гетманъ Богданъ Хмельницкій варваръ; ахъ, какіе его запорожскіе полковники пьяницы; ахъ, какъ всѣ они ужасно ругаются!“ Напротивъ, съ москвичами, съ маленькими чиновниками Посольскаго приказа, даже съ посланцами путивльскихъ воеводъ гетманъ еще задолго до подданства считалъ себя обязаннымъ быть иногда даже изящно вѣжливымъ; польскіе послы къ Богдану Хмельницкому, кажется, никогда не видали его иначе, какъ пьянымъ, для москвичей же это было положительно рѣдкость. Выше мы уже говорили о значеніи дерзкихъ и бранныхъ словъ, которыя случалось слышать московскимъ посланцамъ отъ гетмана, что они имѣютъ совсѣмъ иной смыслъ, чѣмъ на первый разъ кажутся; послѣ этихъ дерзкихъ словъ, какъ мы уже указывали, гетманъ обыкновенно немедленно смирялся, объяснялъ свое положеніе и за симъ въ откровенности доходилъ до того, что московскіе посланники въ своихъ статейныхъ спискахъ замѣчаютъ: „видя его гетман-

...ое въ рѣчахъ многое іодательство, мы гетману говорили: съ корол...мъ польскимъ и съ литвою на чемъ у васъ помиренось и на вѣкъ и у васъ миръ..." и пр. (*Ак. Южн. и Зап. Р. т. VIII, стр. 349*). ...о самое главное, что за девять лѣтъ до подданства и послѣ него Богданъ Хмельницкій не только относился почтительно въ власти московскаго государя, но не видимъ, чтобы хитрый хохолъ, „обманъ по натурѣ", хотя разъ въ чемъ-нибудь обманулъ москвичей. Ва...но и со стороны московскаго правительства гетманъ пользовался ...овымъ же довѣріемъ; заслуживаетъ обратить вниманіе на то, что ...времени подданства при немъ не находилось никакого постояннаго ...пломатическаго агента. Конечно, назначеніе такого чиновника на ...омъ дѣлѣ, пожалуй, было бы и безполезно, такъ какъ все, что ...лалось у гетмана, помимо его собственныхъ донесеній въ Москвѣ ...навали и изъ другихъ источниковъ; но важно то, что въ дѣлахъ ...осольскаго приказа мы даже не встрѣтили и намёка о необходимости ...иметь при гетманѣ подобнаго соглядатая. Сношенія московскаго ...авительства съ гетманомъ послѣ подданства были довольно частыя; ...оизводились они черезъ чиновниковъ Посольскаго приказа и раз...ыхъ дворянъ; формы этихъ сношеній были большею частію тѣ же ...пломатическія, такія же, какъ были и до подданства. Многіе изъ ...ихъ посланниковъ, особенно если ихъ чинъ былъ поважнѣе, возвра...ясь изъ Малороссіи, привозили къ государю, помимо разныхъ дру...гихъ документовъ, и копіи съ дипломатической переписки гетмана съ ...остранными правительствами; эти акты вручались имъ попрежнему ...и Выговскимъ, или самимъ Богданомъ Хмельницкимъ. Само собою ...азумѣется, что и со стороны гетмана очень часто присылались къ ...сударю посольства по разнымъ дѣламъ. Наконецъ, московскіе вое...ды, сидѣвшіе въ Кіевѣ, и тѣ, которые по случаю военныхъ дѣйствій ...ходились съ московскими ратными людьми при Войскѣ Запорож...скомъ, состоя съ гетманомъ въ постоянныхъ сношеніяхъ, доносятъ ...же въ Москву, какіе бываютъ у него посланники, о чемъ ведутъ ...нимъ переговоры и т. п. Вотъ способы, почему въ Москвѣ знали ...е, что дѣлается у гетмана.

Изъ всего сейчасъ сказаннаго видно, что отношенія Богдана ...ельницкаго къ царю Алексѣю Михайловичу были какія-то исклю...тельныя, которыя трудно подвести подъ какую-либо юридическую ...рмулу: это было взаимное личное полное довѣріе. Однакоже фак...ческая сторона дѣла сама по себѣ, а все-таки лично, такъ сказать, ...въ совѣсти Богдана Хмельницкаго, московскія Статьи конечно были

для него обязательны; но отвѣтомъ на это служитъ то, что Богданъ Хмельницкій своимъ положеніемъ и довѣріемъ, которымъ пользовался, нигдѣ и никогда не злоупотребилъ. Однакоже именно за это-то время, о которомъ мы сейчасъ говоримъ, Богдана Хмельницкаго и обвиняютъ въ измѣнѣ; поэтому обратимся теперь къ документальному разбору этого доноса, давшаго тонъ къ сочиненію всякихъ уже другихъ современныхъ намъ обвиненій знаменитаго вождя малороссійскаго народа.

VIII.

..зборъ статьи г. Костомарова „Богданъ Хмельницкій данникъ Оттоманской Порты“.

Небольшая статья г. Костомарова „Богданъ Хмельницкій дан..къ Отоманской Порты“, какъ статья руководящая, вещь весьма за..чательная; каждое слово въ ней заслуживаетъ вниманія. Собствен.. главное ея достоинство—это знаніе авторомъ вкусовъ публики, для ..торой она составлена, причемъ соблюдены всевозможные научные ..литературные пріемы.

Свою статью о Богданѣ Хмельницкомъ г. Костомаровъ начи..етъ тѣмъ, что выбранилъ „тѣхъ почтенныхъ особъ“, которыя ..жде завѣдывали Московскимъ Архивомъ министерства иностран..ихъ дѣлъ (подразумѣвай покойнаго князя Михаила Андреевича Обо..скаго) и не давали будто бы ему доступа къ источникамъ, нахо..вшихся въ ихъ завѣдываніи; при новыхъ же порядкахъ въ Архивѣ, ..ри добромъ вниманіи управляющаго Архивомъ барона Ѳ. Ан. Бю..ра и подначальныхъ его чиновниковъ, которыхъ предупредител..ость и готовность оказывать всѣ зависящія отъ нихъ услуги выше ..кой признательности, ему удалось случайно наткнуться на значи..льное количество документовъ, относящихся къ Богдану Хмельниц..ку, изъ которыхъ многіе оказались намъ (т.-е. Костомарову) до сихъ ..ръ неизвѣстными“.

Въ настоящее время по исторіи Малороссіи XVII вѣка и осо..нно относительно эпохи Богдана Хмельницкаго издана такая масса ..нообразныхъ источниковъ, что и этотъ матеріалъ даетъ достаточно ..едствъ правильно судить, во всякомъ случаѣ съ фактической стороны, ..политической дѣятельности знаменитаго гетмана. Что касается во..ще источниковъ для исторіи западной и юго-западной Россіи, то въ ..шихъ архивахъ ихъ остается для разработки и изданія еще неиз..засное богатство. Тенденціозный и талантливый писатель въ родѣ ..стомарова, конечно, можетъ изъ этихъ источниковъ, особенно объ-

явивши ихъ доселѣ неизвѣстными и вновь имъ открытыми, надергат
извѣстій на какую угодно тему и дѣйствительно ввести въ смущені
читающую публику. Естественно для знакомыхъ съ дѣломъ являетс
обязанность указать, такъ ли было на самомъ дѣлѣ.—Даже только п
изданнымъ въ настоящее время сношеніямъ московскаго правител
ства съ Богданомъ Хмельницкимъ, особенно послѣ 1654 года, и гла
ное по приложеніямъ къ статейнымъ спискамъ московскихъ посла
никовъ къ гетману можно уже точно опредѣлить не только, съ к
кими изъ иностранныхъ государствъ состоялъ гетманъ въ сношеніях
но въ чемъ заключались эти сношенія и какія у него были обязател
ства предъ тѣмъ или другимъ правительствомъ. Эти-то именно док
менты, какъ подлинные акты, могутъ служить и уликой всякихъ и
мѣнныхъ дѣлъ Богдана Хмельницкаго, если впрочемъ таковыя су
ствовали. Г. Костомаровъ называетъ Богдана Хмельницкаго „данн
комъ Отоманской Порты„: извѣстны ли были московскому правител
ству эти данническія отношенія гетмана къ Турціи и особенно за
время, когда онъ сдѣлался подданнымъ московскаго государя? Извѣ
ны ли были ему тѣ документы, на основаніи которыхъ произнесе
въ наше время этотъ страшный приговоръ надъ гетманомъ въ измѣн
Если эти документы не были извѣстны московскому правительству
Богданъ Хмельницкій скрывалъ отъ него настоящія свои отноше
къ султану, то конечно онъ измѣнникъ.

Вновь открытые г. Костомаровымъ источники—это, какъ онъ о
являетъ, „документы, которые въ московскомъ Архивѣ Министерс
Иностранныхъ Дѣлъ составляютъ часть отдѣла Коронной Метрик
Сознаемся, что мы не знали до появленія въ свѣтъ статьи г. Кос
марова указываемыхъ имъ документовъ; читали ли ихъ другіе ис
рики, также не знаемъ, но утверждаемъ, что если читали, то не об
тили на нихъ такого вниманія, какого удостоилъ г. Костомаровъ,
тому что содержаніе ихъ давно извѣстно по другимъ русскимъ
точникамъ. Дѣло въ томъ, что объ отношеніяхъ Богдана Хмельн
каго къ крымскимъ татарамъ, въ союзѣ съ которыми онъ воев
противъ Польши, и о томъ что крымской ханъ, какъ вассалъ тур
каго султана, не могъ воевать безъ вѣдома своего верховнаго п
лителя,—говорить обо всемъ этомъ, какъ до сихъ поръ неизвѣ
номъ, кажется смѣшно. На московскихъ соборахъ въ присутс
государя, патріарха и всякихъ чиновъ людей, т.-е. на всю Вели
Россію, а за симъ на радѣ въ Переяславѣ въ слухъ всему Вой
Запорожскому и Малороссіи, толкуютъ и говорятъ о томъ, слѣдуетъ
допустить сдѣлаться гетману окончательно турецкимъ подданн

или нѣтъ и т. п. Но, можетъ быть, г. Костомаровъ открылъ документы; болѣе точно выясняющіе, какъ были до и послѣ московскаго подданства формулированы отношенія гетмана къ его союзнику крымскому хану и къ верховному повелителю послѣдняго турецкому султану? Именно на это между прочимъ и указывается.

Вся небольшая статья г. Костомарова состоитъ изъ текста трехъ-четырехъ открытыхъ имъ документовъ и толкованій содержанія ихъ. Первымъ дѣломъ, по отношенію къ нашему предмету, онъ приводитъ полностію текстъ грамоты турецкаго султана къ гетману отъ конца 1650 года, изъ которой видно, что послѣдній уже „отдался подъ протекцію непобѣдимой Порты и султанъ принимаетъ его, и въ искренности его не сомнѣвается". Засимъ г. Костомаровъ дѣлаетъ къ этой грамотѣ совершенно вѣрное поясненіе: „Хмельницкій въ виду возобновленія войны съ Поляками, подозрѣвая въ крымскомъ ханѣ охлажденіе къ себѣ, хотѣлъ поэтому побудить его черезъ Турцію воевать за казаковъ".—По поводу этого вновь открытаго документа позволяемъ себѣ заявить, что содержаніе его было болѣе, чѣмъ не новость ни для кого и особенно для самого г. Костомарова. Въ концѣ того же 1650 года былъ у гетмана московскій посланникъ Унковскій, которому Богданъ Хмельницкій, какъ мы выше подробно изложили, объяснялъ свое политическое положеніе и говорилъ о своихъ сношеніяхъ съ турками; тогда же Унковскій „промыслилъ списки съ листовъ, которые къ гетману прислали турского царя паши, и каковъ листъ гетманъ отъ себя послалъ къ турецкому царю". Всѣ эти списки сохранились въ приложеніи къ статейному списку Унковскаго и изданы самимъ же г. Костомаровымъ въ VIII томѣ Актовъ Южной и Западной Россіи (*стр. 352—354*) въ 1875 году, т.-е. за три года до напечатанія разбираемой теперь нами его статьи „Богданъ Хмельницкій-данникъ Оттоманской Порты". Разумѣется, въ своей статьѣ г. Костомаровъ совершенно умалчиваетъ объ этихъ прежде имъ же изданныхъ актахъ: забылъ что ли онъ ихъ? А въ этихъ актахъ, въ грамотѣ гетмана къ султану встрѣчаемъ, что Богданъ Хмельницкій называетъ повелителя правовѣрныхъ „своимъ государемъ", грамота же турецкаго султана; которую изъ Коронной Метрики приводитъ въ своей статьѣ г. Костомаровъ, только отвѣтъ на сейчасъ помянутую грамоту гетмана. Но что самое главное, по одной грамотѣ султана еще не вполнѣ точно можно возстановить отношенія гетмана къ туркамъ, а по перепискѣ, доставленной въ Москву Унковскимъ, эти отношенія становятся вполнѣ ясными. Во всякомъ случаѣ фактъ остается тотъ, что въ Москвѣ еще въ 1650 году очень хорошо, документально знали, въ какихъ отно-

шеніяхъ находится Богданъ Хмельницкій къ Турціи, и принимая его потомъ въ свое подданство, знали также, да и не по однимъ бумагамъ посольства Унковскаго, кого принимаютъ. Въ этомъ отношеніи укажемъ, что наканунѣ самаго принятія въ подданство, когда дѣло объ этомъ было почти-что окончательно рѣшено, въ августѣ 1653 года подъячій Иванъ Ѳоминъ, спеціально для того посланный въ Малороссію, объяснялся подробно съ гетманомъ и особенно писаремъ Иваномъ Выговскимъ объ отношеніяхъ Войска Запорожскаго къ Турціи и къ Крыму, причемъ оказывается, что на этотъ разъ Выговскій сообщилъ Ѳомину всю переписку гетмана съ Крымомъ и Турціей даже не въ копіяхъ, а прямо въ подлинникахъ. Акты, относящіеся къ посольству подъячаго Ив. Ѳомина, изданы опять-таки самимъ же г. Костомаровымъ въ соредакторствѣ съ Куляшемъ еще въ 1861 году (*Ак. Южн. и Зап. Р. т. III, №№ 338—343*), и опять-таки г. Костомаровъ молчитъ объ нихъ въ разбираемой его статьѣ.

Далѣе въ статьѣ г. Костомарова читаемъ: въ январѣ 1654 года совершилось подданство Малороссіи московскому государю; „какъ же съ тѣхъ поръ относился бывшій вѣрный подданный турецкаго величества къ этому величеству и къ его подручникамъ?“ Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ г. Костомаровъ приводитъ сначала полностію текстъ обширнаго письма гетмана къ крымскому царю отъ 16 апрѣля 1654 г., отправленнаго въ Крымъ съ посланцемъ Семеномъ Савиновымъ. Въ этомъ письмѣ Богданъ Хмельницкій весьма дипломатично объясняетъ своему старому союзнику между прочимъ свое московское подданство, но не подданствомъ, а вступленіемъ въ союзъ съ москвичами противъ общихъ враговъ поляковъ,—союзъ, заключенный-де по давнишнему совѣту самого же крымскаго царя и т. д. Г. Костомаровъ указываетъ при этомъ, что списки этого письма Богдана Хмельницкаго находятся какъ въ одной изъ разноязычныхъ рукописей Публичной библіотеки, такъ и въ Коронной Метрикѣ Архива Министерства иностранныхъ дѣлъ; указанія интересны, какъ ссылка, но только по отношенію содержанія самаго письма она для ученыхъ имѣетъ весьма мало значенія, потому что вообще этимъ письмомъ не открывается для насъ ничего новаго. *Въ X томѣ Актовъ Южн. и Зап. Россіи*, изданномъ подъ нашею редакціею въ 1878 году, *подъ № 12* напечатаны бумаги посольства отъ государя къ гетману дьяка Томилы Перфирьева, бывшаго въ Малороссіи въ маѣ того же 1654 года. Тогда Богданъ Хмельницкій и Выговскій наиподробнѣйшимъ образомъ,—конечно съ большею ясностію, чѣмъ можетъ дать текстъ приводимаго г. Костомаровымъ письма,—сообщили Перфирьеву о посольствѣ въ Крымъ

Семена Саввинова; да кстати и самъ Семенъ Саввиновъ воротился тогда изъ Крыма въ Чигиринъ 7 мая, а 9 числа явился уже съ докладомъ къ Перфирьеву о своей поѣздкѣ. Всѣ свои разговоры съ гетманомъ, писаремъ, Семеномъ Саввиновымъ и другими лицами о посылкѣ послѣдняго въ Крымъ Том. Перфирьевъ подробно записалъ въ своемъ статейномъ спискѣ; точно такъ же записаны въ статейныхъ спискахъ другихъ московскихъ посланниковъ къ гетману и всѣ дальнѣйшія извѣстія о сношеніяхъ послѣдняго съ Крымомъ (напечатаны *в XIV т. Ак. Южн. и Зап. Россіи*).

Изъ всего сейчасъ сказаннаго, кажется, одинъ выводъ: по поводу сношеній Богдана Хмельницкаго съ Крымомъ въ 1654 году нельзя его не только обвинять въ коварствѣ и въ какихъ-либо измѣнныхъ дѣлахъ противъ великаго государя, но даже и приписывать гетману стремленіе быть независимымъ и самостоятельнымъ въ сношеніяхъ съ прежнимъ своимъ союзникомъ: эти сношенія были своевременно извѣстны въ Москвѣ и притомъ были вполнѣ согласны съ постановленіями недавнихъ московскихъ Статей, т.-е. были необходимыя по обстоятельствамъ сношенія „о мирѣ". Мало того, въ настоящемъ случаѣ нельзя обвинять Богдана Хмельницкаго въ коварствѣ даже и по отношенію къ крымскому хану: гетманъ былъ обязанъ, такъ или иначе, въ той или другой формѣ, извѣстить, и онъ извѣстилъ своевременно стараго союзника о совершившейся перемѣнѣ въ своемъ политическомъ положеніи. Что касается Костомаровскаго письма гетмана къ крымскому хану, то этого письма мы дѣйствительно не встрѣтили въ малороссійскихъ дѣлахъ нашихъ Архивовъ; но это нисколько не значитъ, чтобы Богданъ Хмельницкій что-либо скрывалъ передъ правительствомъ: объяснивъ московскимъ посланникамъ, въ чемъ состоитъ вся суть дѣла, онъ, можетъ быть, и не передалъ имъ копій съ своего письма къ хану. Но что гетманъ ничего не скрывалъ изъ своихъ сношеній съ Крымомъ, кромѣ устныхъ его сообщеній московскимъ посланникамъ, служитъ лучшимъ доказательствомъ этого еще слѣдующее: черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ посольства въ Крымъ Сем. Саввинова гетманъ доставилъ въ Москву документъ чрезвычайной важности,— это письмо къ нему новаго крымскаго хана (отъ октября 1654 года): преемникъ бывшаго гетманскаго союзника уговариваетъ Богдана Хмельницкаго отстать отъ союза съ Москвою и быть попрежнему въ союзѣ съ татарами на всѣхъ враговъ. Это письмо по содержанію не весьма угрожающаго свойства, а скорѣй заискивающее; но вотъ еслибы подобный документъ Богданъ Хмельницкій вздумалъ скрывать отъ правительства, то этотъ документъ получалъ бы во

всѣхъ отношеніяхъ особую политическую важность. Письмо это напечатано нами въ XIV томѣ Актовъ Южн. и Зап. Россіи по двумъ спискамъ (*стр. 115 и 437*): одинъ доставленъ Выговскимъ, а другой присланъ къ государю самимъ Богданомъ Хмельницкимъ.

Но кромѣ того, что всѣ сношенія Богдана Хмельницкаго съ его союзниками были совершенно извѣстны московскому правительству, они были извѣстны и всѣмъ историкамъ нашего вѣка. Почти всѣ документы объ этомъ предметѣ находятся въ дѣлахъ Архива министерства иностранныхъ дѣлъ, а эти дѣла разобраны, приведены въ порядокъ и описаны Н. Н. Бантышъ-Каменскимъ, слѣдовательно задолго до рожденія самого г. Костомарова. Всѣ эти дѣла были всегда доступны для занятій ученыхъ, а въ настоящее время даже и напечатаны. Кстати замѣтимъ, что статья г. Костомарова, члена Археографической Коммиссіи и редактора Актовъ Южной и Западной Россіи, была напечатана въ декабрьской книжкѣ Вѣстника Европы за 1878 г., а нашъ вышеупомянутый X томъ Актовъ Южной и Западной Россіи вышелъ въ свѣтъ въ началѣ 1878 года; слѣдовательно г. Костомаровъ, по меньшей мѣрѣ, не удостоилъ даже и заглянуть въ него, разсказывая, какъ новость, по актамъ Коронной Метрики о посольствѣ въ Крымъ Сем. Саввинова.

Послѣднимъ доказательствомъ измѣны Богдана Хмельницкаго московскому государю г. Костомаровъ приводилъ въ своей статьѣ текстъ султанской грамоты къ гетману отъ сентября 1655 года. Въ этой грамотѣ по поводу соединенія татаръ съ поляками сказано: „видя вокругъ себя враговъ, вы принуждены были позвать къ себѣ Москву на помощь. Тѣмъ не менѣе вы прибѣгаете къ намъ, чтобы мы васъ подъ руку нашу и подъ оборону нашу приняли, сообразно давнимъ писаніямъ вашимъ“ и т. д. Изъ этихъ словъ султанской грамоты ясно, что Богданъ Хмельницкій помимо московской защиты отъ крымцевъ, которые со времени московскаго подданства, не смотря на всѣ вышепомянутыя объясненія гетмана предъ умершимъ ханомъ, превратились изъ союзниковъ ему во враговъ, искалъ помощи и у турецкаго султана, напоминая послѣднему, что онъ считаетъ его своимъ государемъ. Списка этой султанской грамоты по московскимъ малороссійскимъ дѣламъ намъ неизвѣстно, но полагаемъ, что въ дѣлахъ Посольскаго приказа онъ былъ и это мы говоримъ на слѣдующихъ основаніяхъ. Въ XIV томѣ Актовъ Южн. и Зап. Россіи мы издали (*стр. 886*) письмо турецкаго паши къ гетману, относящееся по вре

ленія къ 1655 году *); турокъ пишетъ, что гетманъ „учинился султану въ холопствѣ (т.-е. въ подданствѣ) сначалу и что потомъ Войско Запорожское присылали пословъ, напоминая свое холопство, о томъ, чтобы со стороны турецкихъ подданныхъ не было нападенія на нихъ". По общему содержанію нашъ документъ совершенно схожъ съ Костомаровской грамотой султана къ гетману; въ обоихъ документахъ далѣе говорится: „за эту защиту гетманъ обѣщалъ, что донскіе казаки не будутъ нападать на турецкія владѣнія" и пр. Итакъ, относительно теперешняго Костомаровскаго документа, отысканнаго въ Коронной Метрикѣ, оказывается прежде всего тоже самое: сношенія гетмана съ султаномъ, бывшія послѣ 1654 года были извѣстны въ Москвѣ. Но пояснимъ далѣе. Письмо турецкаго паши вмѣстѣ съ письмомъ венгерскаго владѣтеля Ракоція (должно быть къ Выговскому) составляетъ въ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ (слѣдовательно опять не тайна для ученыхъ) отдѣльную тетрадь, причемъ на спискѣ письма паши читаемъ такое къ нему приказное заглавіе: „переводъ съ листа съ турскаго письма, каковъ писалъ Запорожскаго Войска къ гетману Богдану Хмельницкому янычейской Кенанъ-паша, (далѣе другою рукою:) *а привезъ тотъ листъ къ государю къ Москвѣ въ нынѣшнемъ во 164* (1656) *году апрѣля въ 23 день думной дьякъ Ларіонъ Лапухинъ*". Изъ этого заглавія ясно, что письмо паши есть отрывокъ бумагъ изъ дѣла о пребываніи у гетмана думнаго дьяка Лар. Дм. Лопухина. Остальныя бумаги этого дѣла намъ не извѣстны: онѣ или истребились, или современемъ отыщутся; но суть дѣла состоитъ въ томъ, что если Богданъ Хмельницкій или Выговскій передали Лопухину (тогдашнему, такъ сказать, министру иностранныхъ дѣлъ) письмо паши, то конечно должны были передать или по крайней мѣрѣ сообщить о грамотѣ султана, такъ какъ содержаніе послѣдней послѣ сообщенія первой не могло составлять никакого секрета.

Вотъ и всѣ новые документы, заключающіеся въ статьѣ г. Костомарова; самое большое научное значеніе, какое они могутъ имѣть— это дополненіе, поясненіе давно уже извѣстнаго, но никакъ не переворотъ въ наукѣ. Но если уже искать подобныхъ дополненій и поясненій, то кстати замѣтимъ, что ихъ слѣдуетъ искать не въ Коронной Метрикѣ (въ которую будто бы попала часть архива гетмановъ, какъ утверждаетъ г. Костомаровъ), а въ другихъ болѣе обильныхъ источникахъ; такъ, толкуя объ отношеніяхъ Богдана Хмельниц-

*) Въ изданныхъ нами Актахъ опечатка: сказано „въ концѣ 1653 года" слѣдуетъ читать „1655 года".

каго и его преемниковъ въ Турціи и къ Крыму, положительно нельз ограничиваться извѣстіями, встрѣчающимися въ изданныхъ польских источникахъ и въ нашихъ малороссійскихъ дѣлахъ, а слѣдуетъ прям обратиться къ нашимъ дѣламъ Турецкимъ, Крымскимъ и къ сноше ніямъ съ другими иностранными государствами. Мы здѣсь въ полемик противъ г. Костомарова и Кулиша вообще избѣгали ссылаться н какіе-либо рукописные архивные источники, а ссылались только н изданные, чтобы всякій могъ провѣрить справедливость нашихъ опро верженій; но при этомъ позволимъ завѣрить литераторовъ изъ мало россіянъ, интересующихся исторіей Малороссіи, что напримѣръ Крым скія Дѣла временъ Богдана Хмельницкаго (мы ихъ не только читали но даже и списали) представляютъ, какъ источникъ для исторіи Ма лороссіи, нетронутое богатство, ожидающее своего дѣятеля. Малорос сійская исторіографія имѣетъ, можно сказать, громадную литератур однѣхъ исторій о Богданѣ Хмельницкомъ, начиная съ историческаг романа (окрещеннаго впрочемъ въ Лѣтопись) Величка, написаннаг въ началѣ XVIII вѣка и кончая теперешнимъ сочиненіемъ г. Кули ша „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши",—однѣхъ этихъ исторій на писано множество. Но намъ кажется, что прежде чѣмъ писать общі исторіи, малоросійская исторіографія и вообще исторія западной Рос сіи нуждается, кромѣ изданія достовѣрныхъ источниковъ, еще въ из слѣдованіяхъ по этимъ источникамъ отдѣльныхъ историческихъ собы тій. Но таковыхъ серьезныхъ трудовъ къ сожалѣнію мы имѣемъ очен мало.

—

Здѣсь для полноты разсказа объ измѣнныхъ будто бы дѣлах Богдана Хмельницкаго, по поводу его международнаго положені считаемъ нужнымъ сказать еще нѣсколько словъ. Г. Костомаровъ в своей статьѣ пишетъ: „знаменитый казацкій вождь, котораго мы сч таемъ искреннимъ слугою московскаго престола и однимъ изъ славнѣй шихъ двигателей объединенія русской державы, былъ на самомъ дѣл данникомъ Отоманской Порты и не переставалъ считать себя таки и послѣ переяславскаго договора (т.-е. присяги), когда, казалось нам ничто не дозволяло бы сомнѣваться въ его вѣрности Россіи". Счита ли себя Богданъ Хмельницкій данникомъ Отоманской Порты не тол ко послѣ, но даже и до переяславской присяги, это вопросъ весьм сомнительный; но вотъ это достовѣрно, что въ 1653 году онъ та ослабѣлъ въ своихъ военныхъ средствахъ, что московское прави тельство, рѣшившись тогда принять его въ свое подданство, спасл какъ его самого, такъ и Малороссію отъ погибели. При этомъ, за

хорошо отношенія гетмана къ Турціи, въ Москвѣ отнеслись къ этому дѣлу такимъ образомъ: во время мартовскихъ переговоровъ въ Москвѣ (переговоры 19 марта) бояре, не спрашивая войсковыхъ посланниковъ, изъ какихъ пограничныхъ земель приходятъ издавна послы къ Войску Запорожскому, прямо написали указъ: „съ турскимъ султаномъ и польскимъ королемъ безъ государева указу не ссылаться". Однакоже, запрещая сношенія съ турецкимъ султаномъ, московское правительство повидимому не потребовало отъ гетмана, чтобы онъ, такъ сказать, торжественно заявилъ султану: благоволилъ бы тотъ не считать его болѣе своимъ подданнымъ. Да и что это въ самомъ дѣлѣ за подданство или данничество, о которомъ приходилось подданному напоминать каждый разъ, когда ему самому то было выгодно? Крымскіе татары были дѣйствительно союзниками казаковъ, оказывали имъ услуги, были настоящіе сосѣди Войску Запорожскому и поэтому съ ними нужно было считаться; о туркахъ же ничего подобнаго нельзя было сказать. Вѣрующіе въ доброкачественность изслѣдованій г. Костомарова, обобщая предметъ, уже говорятъ, что Богданъ Хмельницкій „и послѣ переяславской присяги велъ дипломатическія сношенія съ иностранными государствами въ качествѣ самостоятельнаго владѣтеля Украины, не всегда уже извѣщая о нихъ въ Москву, если предметъ и характеръ переговоровъ расходился съ ея интересами и стремленіями, какъ напримѣръ уже выяснено Костомаровымъ относительно позднѣйшихъ его сношеній съ Крымомъ и Турціей" (*Кіев. Старина за 1889 годъ, сентябрь, стр. 783*). Но изъ приведенныхъ нами выше актовъ въ параллель къ актамъ Костомаровской статьи выяснилось, кажется, совершенно противоположное: Богданъ Хмельницкій послѣ присяги 1654 года хотя дѣйствительно имѣлъ сношенія съ турецкимъ султаномъ, но эти сношенія вполнѣ совпадали съ интересами московскаго правительства, велись „по государеву указу", т.-е. не только съ разрѣшенія, а пожалуй и по указаніямъ изъ Москвы; при этомъ гетманъ и передъ турецкимъ султаномъ, какъ и передъ крымскимъ ханомъ, не скрывалъ своихъ новыхъ отношеній къ Москвѣ, называя только свое подданство „союзомъ". Таковаго исполнителя воли и интересовъ своего государя, какимъ былъ Богданъ Хмельницкій и въ настоящемъ случаѣ, кажется, невозможно поставить на одну доску, какъ это весьма поспѣшно сдѣлалъ г. Костомаровъ, съ дѣйствительными измѣнниками, съ Выговскимъ и его компаніей.

Если Богдана Хмельницкаго, по поводу его сношеній съ иностранными правительствами, и желательно кому-либо называть измѣн-

никомъ, или, смягчая этотъ жестокій титулъ, говорить, что онъ вел свои дипломатитескія сношенія, не обращая вниманія на интересы Москвы, „самостоятельно", то для примѣра, намъ кажется, слѣдует указывать не на турецкое данничество, которое избралъ, какъ до казательство его измѣны, г. Костомаровъ, а сношеніи гетмана съ швед скимъ королемъ. Московское правительство находится въ войнѣ с Швеціей, а Богданъ Хмельницкій сносится съ Карломъ X, какъ с старымъ другомъ; московское правительство ни разу не попрекнул гетмана сношеніями съ турками или татарами, но считало себя в правѣ упрекать его сношеніями съ шведами: эти сношенія начались у гетмана еще задолго до его подданства, но онъ объ нихъ потом не только не заявлялъ правительству, а еще, по собственному сознанію скрывалъ.

Здѣсь замѣчательно еще то, что если Выговскій, какъ обыкно венно выставляется, находилъ нужнымъ въ собственныхъ интересах въ качествѣ доноса на гетмана, или измѣняя ему, передавать москов скому правительству войсковую дипломатическую переписку съ ино странными государствами, то отъ чего же онъ не объявлялъ о сноше ніяхъ гетмана съ шведскимъ королемъ? Отвѣчать на это, кажется, слѣ дуетъ такъ, что если гетманъ дѣйствительно что скрывалъ, то Выговскій скрывалъ; узнали же обо всемъ этомъ въ Москвѣ пр слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ февралѣ 1656 года прислалъ к государю изъ Вильны тамошній московскій воевода князь Михаил Шаховской цѣлый рядъ бумагъ, относящихся до сношеній гетман Богдана Хмельницкаго, писаря Ивана Выговскаго и наказнаго гетма на Бѣлоруссіи Ивана Золотаренка съ шведскимъ королемъ Карлом X; эта переписка и къ князю Шаховскому доставлена была нѣкіим шляхтичемъ Лукарскимъ въ качествѣ доноса на козаковъ; засим подобныя же бумаги гетмана доставили московскимъ боярамъ польскі коммиссары во время переговоровъ о мирѣ. Такъ какъ эту переписк Богданъ Хмельницкій велъ, что называется, на свой страхъ, безъ вся каго разрѣшенія правительства, то это и послужило поводомъ к объясненію съ нимъ; результатомъ же объясненія было то, что пра вительство получило, какъ бы въ дополненіе къ бумагамъ, доставлен нымъ врагами гетмана, еще бумаги отъ самого гетмана, а именно ег дипломатическую переписку и договоры съ шведскимъ королемъ, гер манскимъ императоромъ и пр. Это объясненіе московскихъ сановни ковъ съ гетманомъ происходило за нѣсколько недѣль до кончин послѣдняго (*Ак. Юж. и Зап. Россіи, т. XIV, стр. 887—897; т. II №№ 349 и 369; т. XI въ Приложеніяхъ, начиная съ стр. 687*).

Выше мы говорили, что Богданъ Хмельницкій пользовался особымъ, исключительнымъ довѣріемъ царя Алексѣя Михайловича; теперь же къ этому слѣдуетъ только прибавить: слава государю, который умѣлъ уважать величіе подданнаго; слава и тому великому подданному, который ни при какихъ обстоятельствахъ не забывалъ, что онъ прежде всего подданный.

IX.

Господа Костомаровъ и Кулишъ редакторы очищеннаго изданія актовъ.

Г. Костомаровъ въ своей статьѣ „Богданъ Хмельницкій данникъ Оттоманской Порты", совершивши вышеуказанныя для науки открытія, какъ мы видѣли, смѣло говоритъ, что они „должны измѣнить вообще принятый наукою взглядъ на личность Богдана Хмельницкаго и на характеръ его многознаменательной эпохи". Вмѣсто такого притязанія, намъ кажется, лучше бы было, если бы г. Костомаровъ своевременно отвѣтилъ: почему онъ, издавая вдвоемъ съ г. Кулишемъ III-й томъ Актовъ Южн. и Зап. Россіи, пропустилъ цѣликомъ всѣ малороссійскія дѣла Архива Министерства Иностранныхъ дѣлъ, относящіяся къ 1654 и 1655 годамъ, дѣла, которыя и дали главный матеріалъ для помянутаго выше X тома тѣхъ же Актовъ, изданныхъ уже подъ нашею редакціею? Существованіе этихъ дѣлъ, какъ мы уже говорили, было извѣстно не по однимъ архивнымъ реестрамъ: еще оба Бантыша-Каменскіе, отецъ и сынъ, дѣлали изъ нихъ выписки и извлеченія, можетъ быть неполныя, неудачныя, но все-таки эти выписки давно опубликованы; кромѣ того нѣкоторые отдѣльные акты изъ этихъ дѣлъ напечатаны еще въ Собраніи Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ. Если бы гг. Костомаровъ и Кулишъ издали эти акты своевременно, гдѣ слѣдуетъ и полностію, то имъ (даже при способности умалчивать или забывать тѣ акты, которые сами же издали) во всякомъ случаѣ не такъ бы легко было совершать перевороты въ наукѣ, до которыхъ они такіе большіе охотники. Кто имъ мѣшалъ дѣлать то, что они обязаны были дѣлать, какъ редакторы государственныхъ актовъ? Ужь не князь ли Оболенскій? Но на этотъ разъ, какъ сейчасъ увидимъ, свалить свою вину на мертваго положительно невозможно. Этотъ вопросъ о пропускахъ въ Актахъ Южн. и Зап. Россіи былъ поставленъ нами г. Костомарову не мертвому, а еще живому, лѣтъ двадцать тому назадъ (въ нашей диссертаціи „*Критическій обзоръ разработки главныхъ русскихъ источниковъ, до исторіи Малороссіи относящихся*".

Москва, 1870 года); но онъ не удостоилъ на него отвѣтить. Конечно въ настоящее время, за смертію Костомарова, отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ дать его тогдашній соредакторъ г. Кулишъ; этотъ отвѣтъ намъ извѣстенъ и мы его печатаемъ здѣсь.

Когда Обществу Ист. и Др. Россійск. угодно было поручить мнѣ разсмотрѣть сочиненіе г. Кулиша „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши", авторъ его, не будучи лично со мною знакомъ, однако вступилъ со мною въ переписку. Въ отвѣтъ на такое ко мнѣ довѣріе я немедленно же предупредилъ г. Кулиша, что хотя я и высказался за напечатаніе его сочиненія въ „Чтеніяхъ", но одновременно съ этимъ въ „Чтеніяхъ" же будутъ напечатаны и мои Объясненія въ защиту Богдана Хмельницкаго. Въ концѣ мая мѣсяца настоящаго года, безъ всякаго съ моей стороны вопроса, г. Кулишъ прислалъ мнѣ объясненіе по поводу пропусковъ въ III томѣ Актовъ Южн. и Зап. Россіи. Воспользовавшись этимъ случаемъ, я обратился къ г. Кулишу прямо съ вопросомъ: дозволитъ ли онъ мнѣ цѣликомъ напечатать теперешнее его объясненіе, или найдетъ нужнымъ что-нибудь къ нему дополнить? Въ отвѣтъ на это г. Кулишъ прислалъ ко мнѣ тоже объясненіе, но уже нѣсколько въ иной редакціи, заявляя, что „литературная порядочность велитъ напечатать его въ слѣдующемъ видѣ". Вотъ это объясненіе:

„Нѣтъ ничего дальше отъ истины, какъ Ваше увѣреніе ученаго свѣта въ томъ, будто бы Костомаровъ и Кулишъ подбирали съ какимъ-то козацкимъ умысломъ документы, составлявшіе III-й томъ Актовъ Южной и Западной Россіи. Какъ появились эти документы на письменномъ столѣ Костомарова, я, не принадлежа къ личному составу Археографической Коммиссіи, ничего о томъ не знаю. Самъ ли Костомаровъ рылся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, или же Коммиссія потребовала въ Петербургъ указанные имъ заочно дѣла,—объ этомъ заботиться не приходилось человѣку постороннему. Я помогалъ Костомарову читать старинныя столбцы, какъ человѣкъ зрячій полуслѣпому; но если бы замѣтилъ со стороны пріятеля злоупотребленія, то не пошелъ бы къ нему въ сотрудники ни за какія блага. Утверждаю, что Костомаровъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, въ качествѣ историка былъ также неспособенъ къ утайкѣ документовъ отъ людей науки, какъ и къ воровству".

Несмотря на предупрежденіе, для чего требуется объясненіе, г. Кулишъ написалъ все-таки какое-то дѣтское оправданіе: знать-молъ не знаю, вѣдать не вѣдаю. И къ чему это заявленіе о неспособности

Костомарова къ воровству? это что-то въ родѣ того, что „палка стоитъ въ углу, поэтому на дворѣ дождикъ". А за симъ главное, кого это г. Кулишъ, говоря объ Археографической Коммиссіи, вздумалъ добродушно морочить? Пишущій эти строки имѣетъ честь состоять членомъ Коммиссіи болѣе пятнадцати лѣтъ, издалъ и издаетъ для нея не первый томъ актовъ; поэтому, надо полагать, порядки Коммиссіи ему извѣстны. Начнемъ съ того, что г. Кулишъ ужъ очень невидную роль отводитъ себѣ въ дѣлѣ изданіи III тома Актовъ Южн. и Зап. Россіи; въ предисловіи же къ этому тому Актовъ сказано, что онъ изданъ подъ редакціею члена-редактора Н. И. Костомарова „при содѣйствіи Пантелеймона Александровича Кулиша, которому Коммиссія считаетъ долгомъ принести свою благодарность". По этимъ словамъ предисловія оказывается, что г. Кулишъ былъ соредакторомъ Костомарова, т. е. несъ на себѣ почти такую же отвѣтственность за изданіе, какъ и главный редакторъ; а по теперешнему объясненію г. Кулиша выходитъ, что онъ былъ чѣмъ-то въ родѣ секретаря, ученаго корректора и что все его сотрудничество ограничивалось ролью „чтеца при полуслѣпомъ". Таковые господа при редакторахъ ученыхъ изданій почти всегда имѣются, но объ нихъ въ предисловіяхъ къ Актамъ никогда не упоминается и благодарности имъ не высказывается: они просто получаютъ деньги за свой трудъ. Теперешнее же невѣдѣніе г. Кулиша, по его объясненію, простирается до того, что онъ не знаетъ, „самъ ли Костомаровъ рылся въ архивѣ", или заочно черезъ Коммиссію выписывалъ оттуда себѣ столбцы.

Чтобы показать, что все сейчасъ сказанное далеко не голословное наше толкованіе одной фразы предисловія къ III тому Актовъ Южн. и Зап. Россіи и не какія-нибудь „выдумки", мы принуждены напомнить г. Кулишу нѣкоторые документы, содержанія которыхъ онъ не могъ не знать: это протоколы засѣданій Археографической Коммиссіи 1860—1862 годовъ. Въ нихъ, какъ сейчасъ увидимъ, имя г. Кулиша встрѣчается нерѣдко, такъ что онъ не можетъ говорить, что былъ тогда по отношенію къ Археографической Коммиссіи „посторонній человѣкъ"; что же касается изданія Актовъ Южной и Западной Россіи, то также и въ этомъ дѣлѣ, согласно протоколамъ, онъ игралъ не послѣднюю ничтожную роль. Здѣсь кстати замѣтимъ, что эти протоколы изданы въ I и II выпускахъ „Лѣтописи занятій Археографической Коммиссіи", которая печаталась точно также, какъ и III и IV томъ Актовъ Южн. и Зап. Россіи, въ собственной типографіи самого же П. А. Кулиша (Спб. 1861—1864 года); слѣдовательно мы ссылаемся здѣсь на изданіе, о которомъ г. Кулишъ

тоже не можетъ сказать, что оно ему до сихъ поръ было неизвѣстно. Вотъ исторія изданія III тома Актовъ Южн. и Зап. Россіи и участія г. Кулиша въ тогдашней дѣятельности Археографической Коммиссіи, по указаннымъ протоколамъ:

Засѣданіе 29 января 1860 года. „Правитель дѣлъ Коммиссіи заявилъ: 1) что г. Предсѣдатель Коммиссіи, доводя до свѣдѣнія г. Министра Народнаго Просвѣщенія о пожертвованіи въ Коммиссію потомственнаго почетнаго гражданина Лыткина (5000 р.), вмѣстѣ съ симъ представилъ его высокопревосходительству о предположеніи Коммиссіи пополнить за счетъ настоящаго пожертвованія изданные въ 1848—53 годахъ Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи, для чего Коммиссіею уже собрано много матеріаловъ, поручивъ редакцію оныхъ профессору Костомарову съ назначеніемъ его членомъ Коммиссіи, 2) что г. Министръ изъявилъ на это согласіе и Н. И. Костомаровъ приказомъ 15 января 1860 года назначенъ членомъ Коммиссіи.—*Опредѣлено*: передать Н. И. Костомарову всѣ собранные Коммиссіею акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи".

Засѣданіе 26 февраля 1860 года. „П. И. Саввантовъ, по случаю бывшаго предъ симъ разсужденія о матеріалахъ, относящихся къ исторіи Западной Россіи, обратилъ вниманіе Коммиссіи на дѣла бывшей греко-уніатской коллегіи, которыя, по возсоединеніи уніатовъ съ православною церковью, поступили въ въ вѣдѣніе Святѣйшаго Синода, такъ какъ въ этихъ дѣлахъ можетъ быть найдено еще много неизданныхъ документовъ, и предложилъ обратиться для сего къ синодальному оберъ-прокурору. — *Опредѣлено*: согласно съ предложеніемъ П. И. Саввантова просить г. оберъ-прокурора Св. Синода о допущеніи Н. И. Костомарова съ чиновникомъ Коммиссіи, который будетъ для сего назначенъ, къ разсмотрѣнію помянутыхъ дѣлъ греко-уніатской коллегіи".— *Въ томъ же засѣданіи опредѣлено:* полученную отъ профессора Харьковскаго университета А. И. Зернина коллекцію западно-русскихъ актовъ передать Н. И. Костомарову для напечатанія ихъ въ дополненіяхъ къ Актамъ, относящимся къ исторіи Западной Россіи".

Засѣданіе 9 декабря 1860 года. „Читаны отношенія управляющаго Московскимъ Главнымъ Архивомъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ князя М. Ан. Оболенскаго на имя г. предсѣдателя и правителя дѣлъ съ увѣдомленіемъ о препровожденіи въ Коммиссію хранящихся въ означенномъ Архивѣ малороссійскихъ дѣлъ, связокъ 12-й (1655—1657 г.) 15-й (1658 - 1659 г.), 3-й (1638—1646 и 1648 г.) и 4-й (1649—1651 г.) и польскихъ дѣлъ, связокъ 48 и 49 (1648 г.)".

Засѣданіе 3 января 1861 года. „Читаны отношенія управляющаго Московскимъ Главнымъ Архивомъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ князя М. Ан. Оболенскаго на имя предсѣдателя Коммиссіи объ отправленіи въ сію послѣднюю польскихъ дѣлъ 1649 и 1650 годовъ и *малороссійскихъ дѣлъ* 1651—*1654* годовъ. При семъ правитель дѣлъ сообщилъ, что дѣла польскія и малороссійскія доставлены Н. И. Костомарову для извлеченія изъ нихъ матеріаловъ въ „Акты *Южной и Западной* Россіи".

Сейчасъ приведенные протоколы указываютъ, что въ числѣ вы писанныхъ изъ Московскаго Архива Мин. Ин. Дѣлъ въ Комис сію находились и малороссійскія дѣла 1654—1655 годовъ, т.-е. дѣл о пропускѣ которыхъ въ изданіи III тома Актовъ мы теперь толку емъ. За симъ, какъ бы въ оправданіе теперешняго объясненi г. Кулиша, что онъ былъ по отношенію къ Археографической Ком миссіи „посторонній человѣкъ", имя его за 1860 годъ нигдѣ не упо минается въ протоколахъ; вездѣ дѣйствуетъ, какъ самостоятельный ре дакторъ Актовъ, г. Костомаровъ. Но въ слѣдъ за упоминаніемъ, чт всѣ помянутыя малороссійскія и польскія дѣла уже выписаны в Коммиссію, въ протоколахъ далѣе читаемъ:

Засѣданіе 18 февраля 1861 года. „Читано донесеніе П. А. Кули (*назначеннаго корреспондетомъ Коммиссіи*) съ предложеніемъ напечатать укр инскую лѣтопись Лукомскаго, относящуюся преимущественно ко временамъ пре шествующимъ Богдану Хмельницкому и заключающую въ себѣ подробности, ни не упомянутыя ни у нашихъ, ни у польскихъ лѣтописцевъ. Вмѣстѣ съ тѣ г. Кулишъ сообщаетъ, что занимаясь изученіемъ южно-русской старины, о списалъ для себя изъ рукописей Императорской публичной библіотеки знач тельное число актовъ (на польскомъ и отчасти на латинскомъ языкахъ), изобр жающихъ то же время, что и лѣтопись Лукомскаго, почему предлагаетъ къ и данію этой лѣтописи приложить и собранные имъ акты; все вмѣстѣ состави томъ около 40 листовъ in 4-to или немного болѣе".

По этому заявленію г. Кулиша, уже принадлежавшаго, хотя и званіи корреспондента, къ личному составу Коммиссіи, о поручен ему самостоятельнаго изданія по исторіи югозападной Россіи

„*опредѣлено*: просить П. А. Кулиша о доставленіи предлагаемыхъ и къ печатанію матеріаловъ, для разсмотрѣнія ихъ и обсужденія въ слѣдующе засѣданіи способа къ изданію ихъ въ свѣтъ." — *Въ томъ же засѣданіи Ко миссіи* „правитель дѣлъ довелъ до свѣдѣнія г. предсѣдателя и членовъ, ч членъ Коммиссіи Н. И. Костомаровъ, которому поручена редакція „Акто для исторіи Южной и Западной Россіи", получивъ уже разрѣшеніе Св. Син брать подъ свою росписку на домъ признаваемые имъ полезными къ напеча нію документы, хранящіеся въ синодальномъ архивѣ изъ дѣлъ бывшихъ гре уніатскихъ митрополитовъ, проситъ объ исходатайствованіи ему разрѣшенія С Синода пользоваться и прочими матеріалами, находящимися въ означенномъ а хивѣ, которые могутъ служить къ объясненію исторіи южной и западной Р сіи. *Опредѣлено*: снестись по этому предмету съ г. оберъ-прокуроромъ Св. С нода и просить его объ исходатайствованіи означеннаго разрѣшенія г. Костомаров

Въ слѣдующемъ *засѣданіи 13 марта 1861 года* „читано донесеніе ко респондента П. А. Кулиша съ препровожденіемъ рукописей, предложенныхъ и въ предыдущемъ засѣданіи для изданія оныхъ Коммисіею... Что же касает актовъ, списанныхъ имъ въ Императорской публичной библіотекѣ, то онъ за

...етъ, что нѣкоторые изъ нихъ списаны имъ не вполнѣ, такъ какъ онъ предназначалъ ихъ первоначально для приложенія къ предпринятому имъ труду по польско-украинской исторіи; но если Коммиссія найдетъ необходимымъ печатать вполнѣ всѣ безъ исключенія списанные имъ акты, то опущенныя имъ мѣста легко пополнить, такъ какъ на спискахъ обозначены листы рукописей, изъ коихъ извлечены эти документы".

Опредѣленіе Археографической Коммиссіи по этому предложенію г. Кулиша выписываемъ здѣсь вполнѣ, чтобы показать, какимъ положеніемъ и довѣріемъ уже пользовался только-что назначенный членъ корреспондентъ Коммиссіи.

„*Опредѣлено:* имѣя въ виду лѣтопись Лукомскаго и другія малороссійскія лѣтописи, на которыя указано было въ засѣданіи нѣкоторыми членами, ...ъ на матеріалы еще неизданные, а между тѣмъ очень важные для русской исторіи, *ввести въ составъ Полнаго собранія русскихъ лѣтописей*, издаваемаго Коммиссіею *отдѣлъ лѣтописей малороссійскихъ*, о которомъ, по собраніи означенныхъ выше рукописей, войти въ особое сужденіе; что же касается до актовъ, сообщенныхъ г. Кулишемъ, то просить его о пополненіи ихъ мѣстами, которыя въ нихъ опущены, и затѣмъ напечатать ихъ вмѣстѣ съ другими актами на польскомъ и латинскомъ языкахъ, относящимися до исторіи Малороссіи, *какъ особое отдѣленіе* издаваемыхъ Коммиссіею иностранныхъ актовъ".

Всѣ эти предполагаемыя грандіозныя изданія впослѣдствіи не осуществились, но за то изъ нижеприводимаго протокола наконецъ узнаемъ, что г. Кулишъ былъ уже давно дѣятельнымъ сотрудникомъ Коммиссіи, чѣмъ и объясняется то особое къ нему довѣріе, которое можно видѣть изъ приведеннаго сейчасъ протокола Коммиссіи.

Засѣданіе 21 ноября 1861 года. „П. А. Кулишъ объяснилъ что занимаясь приготовленіемъ и изданіемъ „Актовъ для исторіи Южной и Западной Россіи" вмѣстѣ съ Н. И. Костомаровымъ, они успѣли уже окончить печатаніемъ *третій томъ* этого *изданія*, первый же, которымъ исключительно занимается г. Костомаровъ, ...ъ и печатается, но за пріисканіемъ новыхъ матеріаловъ для дополненія актовъ, собранныхъ прежде Коммиссіей, потребуетъ еще значительнаго времени для приведенія его къ окончанію, между тѣмъ у нихъ собрано уже очень много даже приготовленныхъ совершенно къ изданію матеріаловъ, которые должны войти въ IV томъ этого же изданія; посему г. Кулишъ предложилъ Коммиссіи, что онъ приметъ на себя безвозмездно изданіе IV тома, если позволятъ настоящія средства Коммиссіи. При семъ правитель дѣлъ довелъ до свѣдѣнія гг. членовъ, что изъ 5000 р. с., пожертвованныхъ Лыткинымъ на изданіе „Актовъ для исторіи Южной и Западной Россіи", донынѣ израсходовано до 3400 р. с. и что остающіеся за симъ 1600 рублей могутъ быть употреблены на изданіе IV тома; въ случаѣ же, если бы эта сумма оказалась не вполнѣ для того достаточною,

необходимая передержка можетъ быть покрыта изъ суммы, получаемой ежегодно Коммиссiею отъ распродажи ея изданiй.—*Опредѣлено*: имѣя въ виду, что на указанныя правителемъ дѣлъ средства можетъ быть изданъ IV томъ Актовъ Южной и Западной Россiи и что Н. И. Костомарову предстоитъ еще много труда для окончанiя печатанiемъ I тома этого изданiя, поручить г. Кулишу изданiе IV тома съ тѣмъ, чтобы онъ приступилъ къ сему немедленно *на правахъ члена Коммиссiи*" *).

Прекращаемъ дальнѣйшую выписку изъ протоколовъ Археографической Коммиссiи; послѣднiй изъ приведенныхъ здѣсь, кажется, не требуетъ никакихъ поясненiй, и г. Кулишъ не имѣетъ уже права, какъ сдѣлалъ въ своемъ намъ объясненiи, скрываться за спиной умершаго г. Костомарова и отрекаться въ чемъ-либо, по отношенiю къ изданiю III тома Актовъ Южн. и Зап. Россiи, незнанiемъ или тѣмъ, что онъ не принадлежалъ къ личному составу Коммиссiи. Поэтому, считая этотъ вопросъ исчерпаннымъ, выскажемъ дальнѣйшiе наши отвѣты на другiя положенiя въ теперешнемъ объясненiи г. Кулиша.—Мы обвиняемъ гг. Костомарова и Кулиша не „*въ подборѣ* съ какимъ-то козацкимъ умысломъ документовъ", какъ пишетъ г. Кулишъ, а въ умышленномъ *пропускѣ* актовъ. Это большая разница: для перваго (т.-е. подбора) требуется прежде всего много труда, времени и внимательнаго изученiя источниковъ; составить подобный томъ актовъ потруднѣе, чѣмъ написать тенденцiозную журнальную статью. Гг. Костомаровъ и Кулишъ предпочли болѣе простое и легкое дѣло: они полностiю, безъ всякой оговорки, пропустили въ изданiи акты, содержанiе которыхъ почему-то казалось имъ непригоднымъ. Г. Кулишъ пишетъ, что „если бы онъ замѣтилъ со стороны прiятеля злоупотребленiя, то не пошелъ бы къ нему въ сотрудники ни за какiя блага". Мы обязаны вѣрить этой божбѣ г. Кулиша, но только замѣтимъ: тенденцiозный подборъ актовъ, если потрудиться и дѣлать его умѣючи, пожалуй, и опытный сотрудникъ не скоро замѣтитъ; однако какъ же это г. Кулишъ не замѣтилъ, что въ III томѣ Актовъ Южн. и Зап. Россiи не помѣщено ничего, относящагося къ исторiи 1654 и 1655 годовъ (оба года полностiю исключены; напечатаны какiе-то не особенно значущiе два-три акта)? Не примѣтить такого слона достойно всякаго удивленiя.

---

*) Этотъ IV томъ Актовъ Южн. и Зап. Россiи потомъ вышелъ въ 186 году, какъ значится въ предисловiи къ нему, подъ редакцiею Н. И. Костомарова. Въ редакцiонномъ отношенiи этотъ томъ, пожалуй, самый худшiй среди нѣкоторыхъ неудачныхъ изданiй Археографической Коммиссiи.

Ученому недобросовѣстному, но опытному и авторитетному, обмануть Археографическую Коммиссію не можетъ составить особенно большаго труда; обманъ, конечно, откроется, но въ большинствѣ случаевъ только по выходѣ въ свѣтъ изданія, да и то, пожалуй, не скоро. Изданіе актовъ настолько дѣло спеціальное (а Россія далеко не богата учеными спеціалистами), что Коммиссія, разъ довѣривши изданіе избранному редактору, должна и потомъ оказывать ему полное довѣріе, потому что провѣрять каждое дѣйствіе редактора дѣло невозможное; даже такое, напримѣръ, дѣйствіе, какъ выписка дѣлъ изъ архивовъ, совершенно зависитъ отъ редактора: выписываются тѣ дѣла, которыя онъ указываетъ, какъ необходимыя для его изданія и важнѣйшія. Около шестидесятаго года сего столѣтія гг. Костомаровъ и Кулишъ, знаменитые писатели новаго направленія, считались при томъ первыми знатоками исторіи западной Россіи; поэтому имъ и былъ оказанъ со стороны Археографической Коммиссіи, какъ можно видѣть изъ приведенныхъ выше ея протоколовъ, полный кредитъ въ дѣлѣ изданія актовъ для исторіи западной Россіи. Мало того, для нихъ даже было измѣнено прежнее заглавіе изданія: оно вмѣсто стараго названія „Акты Западной Россіи" стало съ тѣхъ поръ называться „Акты *Южной* и Западной Россіи". Замѣчательно, что въ протоколахъ Археографической Коммиссіи не встрѣчается опредѣленнаго постановленія о столь важной перемѣнѣ, какъ это заглавіе Актовъ; въ протоколѣ засѣданія 26 февраля 1860 года редактируемое Костомаровымъ изданіе называется по старому „Акты, относящіеся къ исторіи западной Россіи", а за симъ, почти уже черезъ годъ, въ протоколѣ засѣданія 3 генваря 1861 года встрѣчаемъ названіе „Акты *Южной* и Западной Россіи", подъ какимъ заглавіемъ въ томъ же году и вышелъ III томъ этихъ Актовъ (онъ выпущенъ ранѣе I и II томовъ). Но г. Костомаровъ, какъ бы не довольствуясь этимъ допущеннымъ измѣненіемъ заглавія, превратилъ потомъ Акты Южной и Западной Россіи въ изданіе источниковъ, относящихся только до исторіи Малороссіи и притомъ главнымъ образомъ Войска Запорожскаго; актовъ же, относящихся до исторіи остальной западной Россіи, напримѣръ Бѣлоруссіи, во всѣхъ изданныхъ подъ его редакціею томахъ не отыщешь, точно ихъ не существуетъ въ нашихъ архивахъ*). О таковомъ превраще-

*) Въ заглавіи и предисловіи къ XIV тому Актовъ Южн. и Зап. Россіи, изданному подъ нашею редакціею, сказано, что онъ служитъ дополненіемъ къ III тому тѣхъ же Актовъ. Содержаніе нашего тома попреимуществу акты, относящіеся до исторіи Бѣлоруссіи, а содержаніе III тома акты, относящіеся исключитель-

нія стараго почтеннаго изданія въ совершенно новое Археографическая Коммиссія, какъ можно судить по протоколамъ 26 февраля 1860 года и 18 февраля 1861 года, совсѣмъ и не думала,—предполагалось именно продолжать изданіе актовъ, относящихся вообще до исторіи западной Россіи: члены Коммиссіи разсуждали, постановляли, изыскивали средства, ходатайствовали, а гг. Костомаровъ и Кулишъ дѣлали свое дѣло.—Г. Кулишъ говоритъ, что я обвиняю его и Костомарова въ какихъ-то „козацкихъ умыслахъ" при изданіи актовъ; но въ этомъ отношеніи ни о какихъ „козацкихъ умыслахъ" этихъ почтенныхъ господъ я никогда и нигдѣ положительно ничего не говорилъ, да и представить себѣ не могу, въ чемъ бы это могъ выразится „подборъ актовъ съ какимъ-то *козацкимъ* умысломъ"? Намъ извѣстно только одно отношеніе козаковъ вообще къ старой писанной бумагѣ,—это стремленіе истреблять ее въ предположеніи, что на ней только и написаны одни ихъ козацкія вины.

Въ заключеніе своего объясненія г. Кулишъ говоритъ: „*утверждаю*, что Костомаровъ былъ неспособенъ къ утайкѣ документовъ отъ людей науки, какъ и къ воровству". Божба и клятвы г. Кулиша въ настоящемъ случаѣ не имѣютъ ни малѣйшей цѣны: утайка документовъ отъ людей науки совершена и существуетъ, а такая утайка хуже воровства.

—

Здѣсь естественно возникаетъ вопросъ, какъ же гг. Костомаровъ и Кулишъ, когда имъ приходилось, описываютъ событія, относящіяся ко времени соединенія Малороссіи съ Великою Россіей, т. е. 1654 годъ? Но объ этомъ предметѣ, по отношенію къ г. Костомарову мы уже много разъ говорили въ другихъ нашихъ сочиненіяхъ по исторіи Малороссіи, а выше въ III Объясненіи указано, что онъ до самой своей смерти все толковалъ о какомъ-то переяславскомъ *договорѣ*, на основаніи котораго совершилось это соединеніе обѣихъ Россій. Что касается г. Кулиша, то черезъ двадцать пять лѣтъ послѣ того, когда онъ такъ единомысленно дѣйствовалъ вмѣстѣ съ г. Костомаровымъ (много воды съ тѣхъ поръ утекло), какъ мы уже выше сказали, о

но до исторіи Малороссіи или проще до исторіи Войска Запорожскаго; но XIV томъ служитъ дополненіемъ къ III тому не потому только, что въ немъ встрѣчается не мало актовъ, относящихся до исторіи Войска Запорожскаго, а и потому, что послѣдній томъ носитъ все-таки общее заглавіе Актовъ Южной *и Западной* Россіи; поэтому-то и нашъ томъ является именно дополненіемъ къ нему, какъ содержащій въ себѣ акты, относящіеся вообще до исторіи западной Россіи.

описываетъ это соединеніе, въ предѣлахъ имѣвшихся у него подъ руками источниковъ, добросовѣстно и отчаянно полемизируетъ противъ г. Костомарова. Приводимъ здѣсь его слова, относящіяся къ этому предмету (*т. III, стр. 403—409*; напечатанное ниже курсивомъ—курсивъ у г. Кулиша):

„Малорусскія лѣтописи и козацкіе историки присочинили, будто бы вслѣдъ за тѣмъ (за рѣчью Богдана Хмельницкаго на переяславской радѣ) начали читать приготовленныя условія, на которыхъ *Украина* должна соединиться съ *Московіею*. Достовѣрность этого факта заявилъ предъ ученымъ свѣтомъ Костомаровъ даже и въ четвертомъ изданіи своей трехтомной исторической монографіи „Богданъ Хмельницкій“. Но ни *условій*, ни такъ называемаго Переяславскаго *договора* съ царскими уполномоченными не было и по духу московскаго самодержавія быть не могло. Козаки цѣлыя шесть лѣтъ безпрестанно умоляли Восточнаго Царя принять ихъ въ подданство, и великій государь наконецъ сжалился —и то не надъ ними, а надъ „нестерпимымъ озлобленіемъ православной церкви въ Малой Руси“. Эти слова Хмельницкаго, кому бы они собственно ни принадлежали, сами по себѣ дѣлаютъ условія и договоръ съ просителями безсмыслицею... Козацкіе историки приводятъ свидѣтельство фальшиваго лѣтописца временъ Мазепы, будто бы послѣ присяги козаковъ московскіе бояре дали отъ имени царя *клятвенное* обѣщаніе, что онъ будетъ держать всю Малую Россію со всѣмъ Запорожскимъ Войскомъ подъ своимъ покровительствомъ, при ненарушимомъ сохраненіи *всѣхъ ея древнихъ правъ*. Въ этомъ вымыслѣ Россія сдѣлана другою Польшею, а козакамъ открытъ просторъ къ повторенію надъ Царскою Землею того, что сдѣлали они надъ Землею Королевскою“... О мартовскихъ переговорахъ посланниковъ Войска Запорожскаго съ боярами въ Москвѣ г. Кулишъ пишетъ: „такова была петиція, представленная козаками царю черезъ два мѣсяца по принятіи отъ нихъ безусловнаго подданства и ее-то козацкіе историки превращаютъ въ „условія, на которыхъ *Украйна* соединилась съ *Московіею*“; а какъ условій и договора въ козацкой петиціи вовсе нѣтъ, то козакоманы пускаютъ въ ходъ печатную молву, будто-бы договоръ Хмельницкаго съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ *существовалъ*, но какъ-то, кѣмъ-то, гдѣ-то и когда-то потерянъ. Отъ этого взаимныя отношенія Русскаго

Сѣвера и Русскаго Юга представляются любителямъ козатчины въ ложномъ видѣ, и отсюда происходятъ антирусскія стремленія украинскихъ патріотовъ, но извращеніе понятій о Хмельнитчинѣ идетъ у насъ издавна".

Смѣемъ увѣрить г. Кулиша, что сейчасъ приведенные нами отрывки, отдѣльно взятые отъ остальнаго, суть лучшія мѣста во всемъ его обширномъ сочиненіи и къ тому же такой прямолинейности малороссіянина смѣло можетъ позавидовать самый прямолинейнѣйшій изъ великороссіянъ. Здѣсь отъ себя мы находимъ нужнымъ сдѣлать только небольшое пополненіе, поправку къ словамъ г. Кулиша: говоря о козацкой петиціи, онъ собственно говоритъ о наказѣ войсковыхъ посланниковъ (переговоры 13 марта) и о первыхъ государевыхъ указахъ на пункты этого наказа; но къ сожалѣнію г. Кулишу совершенно не извѣстно, да, кажется, онъ и не предполагаетъ, о существованіи статей окончательной редакціи (27 марта), такъ называемыхъ Статей Богдана Хмельницкаго, состоящихъ изъ четырнадцати пунктовъ. Текстъ этихъ статей первоначально напечатанъ въ *IV томѣ Актовъ Южн. и Зап. Россіи, стр. 262—265*, т.-е. въ томъ томѣ, который онъ же г. Кулишъ первоначально готовилъ для изданія Археографической Коммисіи (см. также текстъ этихъ статей, напечатанный по подлинному акту Батуринскихъ статей Брюховецкаго (1665 года) въ нашемъ изслѣдованіи *Переговоры объ условіяхъ соединенія Малороссіи съ Великою Россіей въ Журн. М. Н. Пр. за 1871 годъ кн. XI и XII*). Если бы Статьи Богдана Хмельницкаго были извѣстны г. Кулишу, то мы увѣрены, что онъ и на нихъ бы ссылался, и теперешніе его доводы, которые мы здѣсь выписали, противъ мнѣнія г. Костомарова и К°, что будто бы Малороссія соединилась съ Великою Россіей на основаніи договора, были бы еще болѣе основательны и убѣдительны. Но впрочемъ сомнѣваемся, чтобы слова г. Кулиша и наши могли убѣдить тѣхъ, которые, какъ видно, зачитавшись до опьяненія „Исторіей Руссовъ" и произведеній г. Костомарова, доселѣ все твердятъ старое, что „въ тотъ моментъ, когда южнорусскій народъ одержалъ рѣшительный успѣхъ (въ борьбѣ съ Польшею) и обратился къ протекторату Москвы, не договариваться съ нимъ она *не могла*" (курсивъ у автора), или что только „съ побѣдителями не договариваются" (см. *Кіев. Стар. за 1889 годъ, сентябрь, стр. 787—788*). На подобныя рѣшительныя фразы возражать и отвѣчать мы положительно не въ состояніи, потому что каждое ихъ слово содержитъ въ себѣ только нелѣпость и безсмыслицу: ничего не знаютъ, не понимаютъ, а тоже разсуждаютъ и поучаютъ. Вмѣсто

твѣтовъ на такія фразы въ дополненіе къ выписанному выше у г. Кулиша скажемъ еще о слѣдующемъ. Относительно жалованной грамоты войску Запорожскому и Статей Богдана Хмельницкаго, оба эти документа, пожалуй, можно назвать договоромъ въ томъ смыслѣ, что правительство вообще обязано уважать свою подпись на актахъ, содержащихъ въ себѣ изложеніе пожалованныхъ имъ правъ и привилегій; особенно этого уваженія своей подписи можно ожидать отъ правительства, если со стороны получившихъ пожалованіе оно будетъ видѣть вѣрность и благодарность за такую милость. Насколько московское правительство уважало обѣщаніе великихъ пословъ, что слово государя премѣнено не бываетъ", служитъ лучшимъ доказательствомъ то, что послѣ каждой измѣны гетмановъ, хотя правительство имѣло право и возможность объявить, что отселѣ оно владѣетъ Малороссіей по праву завоеванія (особенно много поводовъ къ этому было послѣ измѣны Юрія Хмельницкаго), и затѣмъ распорядиться въ ней посвоему, но оно ни разу этимъ не воспользовалось. Послѣ Выговскаго, Юрія Хмельницкаго правительство снова позволяло выбирать гетмановъ, оставляя Малороссію при прежнихъ войсковыхъ порядкахъ и только ставя при этомъ нѣкоторыя условія (въ родѣ назначенія государевыхъ московскихъ воеводъ въ нѣкоторые малороссійскіе города и т. п.), которыя, какъ предполагалось, охранятъ правительство отъ дальнѣйшихъ измѣнъ. Гетманство и войсковое управленіе Малороссіей во второй половинѣ XVIII вѣка не уничтожены, а прекратились сами собою, какъ политическая нелѣпость. Пожалуй, не одна изъ козакомановъ и „посѣянныя въ малорусскомъ обществѣ питомцами іезуитовъ предубѣжденія противъ Москвы заставляли „незнающихъ людей" роптать на московское вѣроломство" но и эта снисходительность московскаго правительства,—послѣ совершенія страшныхъ преступленій постоянное полнѣйшее помилованіе,—давала поводъ толковать врагамъ московской власти въ Малороссіи о *договорѣ*.

Мы сказали, что г. Кулишъ излагаетъ событія начала 1654 г. добросовѣстно, но при этомъ должны оговориться, что какъ всегда, такъ и въ настоящемъ случаѣ, къ крайнему нашему прискорбію, онъ описываетъ частности этихъ событій иногда совсѣмъ уже посвоему. Такъ, излагая содержаніе хотя чрезвычайно подробнаго, но крайне сухаго оффиціальнаго документа (донесеніе великихъ пословъ о переяславской радѣ), г. Кулишъ вездѣ и всюду предлагаетъ свои толкованія въ родѣ того, что такое-то историческое лицо, говоря то-то, думало такъ-то. Напримѣръ о переяславскомъ полковникѣ Павлѣ Тетерѣ, будущемъ измѣнникѣ, г. Кулишъ пишетъ: Тетеря „не могъ относиться къ

дѣлу русскаго возсоединенія сочувственно и смотрѣлъ на него, какъ на неизбѣжное, но *временное* зло..... Козацкимъ воротиламъ сдѣлалось тогда холодно въ Малороссіи,—нагналъ имъ холоду крымскій добродій,—и они полѣзли къ московскому царю за пазуху отогрѣваться". Откуда это г. Кулишъ узналъ, что Тетеря именно такъ смотрѣлъ въ то время на московское подданство? Но этого мало: излагая содержаніе всѣмъ извѣстной рѣчи Богдана Хмельницкаго въ Переяславлѣ на радѣ (объ избраніи государя), г. Кулишъ прямо заявляетъ, что эта рѣчь „очевидно была продиктована ему московскими послами, которые даже хвалить своего государя не позволяли иначе, какъ въ духѣ московскаго вѣрноподданства" и т. п. Поразительно новое научное открытіе! Сколько мы ни знаемъ историковъ, писавшихъ объ этомъ извѣстномъ событіи переяславской рады 1654 года, положительно никому изъ нихъ и въ голову не приходило объяснять его подобнымъ образомъ. Но мы прямо заявляемъ, что это толкованіе г. Кулиша есть его личное предположеніе. Однакоже это толкованіе совершенно случайно наводитъ насъ на разныя другія мысли и вопросы и заставляетъ поговорить о слѣдующемъ: чѣмъ могъ воспользоваться г. Кулишъ (хотя онъ самъ объ этомъ ничего не говоритъ), чтобы такъ смѣло выдвинуть свою научную критику, свои предположенія и отрицанія? Это заслуживаетъ вниманія еще и потому, что относится не только къ переяславской рѣчи Богдана Хмельницкаго, но и ко многимъ другимъ подобнымъ рѣчамъ и документамъ: *текстъ переяславской рѣчи гетмана дошелъ до насъ только въ московской редакціи*, въ донесеніи великихъ пословъ о переяславской радѣ и присягѣ. По поводу этой редакціи, ничѣмъ въ статейномъ спискѣ пословъ не оговоренной, можно еще замѣтить (въ дополненіе къ критикѣ г. Кулиша), что Богданъ Хмельницкій не могъ хорошо и чисто говорить по-московски, а не только что составлять свои рѣчи языкомъ Посольскаго приказа. Отвѣчаемъ на эти вопросы: Богданъ Хмельницкій, при составленіи своихъ рѣчей, не нуждался ни въ чьей помощи и руководствѣ; онъ былъ дѣйствительно народный ораторъ (по конечно не въ смыслѣ „хожденія въ народъ"), умѣлъ говорить съ своими козаками и тутъ вмѣшательство москвичей могло только испортить ихъ же собственное дѣло. Къ тому же, относительно содержанія переяславской рѣчи гетмана слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что въ ней нѣтъ положительно ни одной мысли, даже ни одного слова, которыя бы Богданъ Хмельницкій въ продолженіе предшествующихъ шести лѣтъ по нѣскольку разъ не повторилъ не только передъ москвичами, но и передъ поляками, а также и передъ своими

апорожскими козаками. Этотъ старый, даровитый, опытный профессоръ свои лекціи изъ государственнаго права по теоріи самодержавія какъ въ 1649 году предъ польскими послами, такъ теперь въ 1654 году на радѣ предъ козаками, произносилъ, разумѣется, по малороссійски, безъ малѣйшихъ вставокъ московскихъ словъ; за симъ читалъ онъ эти лекціи конечно не по тетрадкѣ, безъ всякаго конспекта, свободно. Поэтому-то ни самъ блестящій лекторъ Богданъ Хмельницкій, ни его адъюнкты Выговскій и Тетеря не могли и оставить великимъ посламъ списка этой его рѣчи, какъ бывало въ иныхъ случаяхъ, по отношенію къ другимъ малороссійскимъ ораторамъ (особенно духовнымъ, какъ Сильвестръ Косовъ, Максимъ Филимоновъ и другіе). Мысли переяславской рѣчи принадлежатъ всецѣло Богдану Хмельницкому, изложены же они на московскомъ приказномъ нарѣчіи, вѣроятно, бывшимъ тогда въ Переяславлѣ, въ составѣ великаго посольства, думнымъ дьякомъ Лар. Дм. Лопухинымъ и изложены относительно достовѣрности наиточнѣйшимъ образомъ. Чистокровный москвичъ Лар. Дм. Лопухинъ не могъ конечно, подобно польскимъ коммиссарамъ, изъ которыхъ многіе были малороссы (какъ это замѣтилъ и г. Кулишъ, *т. II, стр. 356*), записывать рѣчи Богдана Хмельницкаго и другихъ козаковъ точно по-малороссійски. Далѣе — еслибы московскіе послы продиктовали Богдану Хмельницкому, хотя можетъ быть не мысль, а только нѣкоторыя выраженія для рѣчи, то отъ чего же они объ этомъ, въ извѣстномъ смыслѣ похвальномъ своемъ поступкѣ ни словомъ не упомянули въ донесеніяхъ государю? Если же, напротивъ, послы въ своемъ донесеніи вздумали переиначивать не только смыслъ, но даже только слова рѣчи Богдана Хмельницкаго, то какая могла быть этому цѣль, кого они хотѣли этимъ обмануть — государя, Посольскій приказъ, потомство? Не стоитъ и отвѣчать на подобные вопросы.

X.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

По поводу обвиненій Богдана Хмельницкаго въ безвѣріи и безнр ственности.

Г. Кулишъ въ своемъ сочиненіи „Отпаденіе Малороссіи отъ По
ши" постоянно твердитъ и всюду проводитъ мысль, что Богд
Хмельницкій и его запорожцы совсѣмъ не думали о православ
вѣрѣ и только схватились за ея знамя потомъ, какъ за средст
подъ видомъ защиты вѣры, къ дальнѣйшему грабежу; что касает
лично Богдана Хмельницкаго, то онъ будто бы придумалъ для свои
разбойниковъ казаковъ это религіозное знамя, такъ потомъ и московск
подданство, пожалуй, еще изъ чувства самосохраненія.—Можно ч
угодно и въ какую угодно сторону истолковать и извратить; поэто
въ настоящемъ объясненіи мы не будемъ подробно опровергать
новую мысль г. Кулиша, мысль оскорбительную прежде всего д
самихъ же малороссіянъ, и скажемъ только нѣсколько словъ вооб
по поводу обвиненій Богдана Хмельницкаго въ безвѣріи и въ безнр
ственности.

Богданъ Хмельницкій по своему времени былъ человѣкъ обра
ванный и, даже по сознанію самого г. Кулиша, „принадлежалъ къ
дямъ интеллигентнымъ" (къ этому г. Кулишъ еще прибавляетъ: „но іезу
скаго воспитанія", *т. II, стр. 286*); былъ ли онъ при этомъ чел
вѣкъ дѣйствительно вѣрующій, мы не знаемъ: чужая душа потем
Богданъ Хмельницкій исполнялъ и уважалъ церковные обряды, а
безукоризненное отношеніе къ православному духовенству и особе
но къ кіевской церковной іерархіи, которая была положительно вра
дебна его дѣлу, и наконецъ всѣмъ извѣстныя его заботы о благососто
нія святыхъ Божіихъ церквей, — все это, кажется, свидѣтельствуетъ не
мнѣніе г. Кулиша. Конечно, терпѣливое и снисходительное отноше
Богдана Хмельницкаго къ митрополиту Сильвестру Коссову съ то

рищи можно объяснить политическими соображеніями; но въ остальному относительно православной вѣры и церкви его ничто не обязывало. Что касается соратниковъ Богдана Хмельницкаго, запорожскихъ козаковъ, отъ которыхъ его отдѣлить навсегда невозможно, то объ ихъ разбойныхъ безобразіяхъ и грабежахъ, при полнѣйшемъ неуваженіи къ православной церкви, столько писано (конечно всѣхъ краснорѣчивѣе и злѣе г. Кулишомъ) и издано достовѣрныхъ источниковъ, что защищать ихъ, какъ убѣжденныхъ ревнителей православія, кажется, на первый взглядъ невозможно. Г. Кулишъ утверждаетъ, что запорожскіе козаки были готовы сражаться изъ-за добычи подъ какимъ угодно знаменемъ: „козакъ въ своемъ добычномъ промыслѣ не разбиралъ вѣръ и народностей, какъ и татаринъ; лучшей славы для него не было, какъ устрашать всѣ народы и грабить ихъ имущество" (*т. II, стр. 347 и III, стр. 105*). Въ отвѣтъ на это замѣтимъ, что, кажется, никому и въ голову не приходило поднять козаковъ безъ обмана для борьбы за католическую вѣру и особенно противъ православія, какіе бы разбойные интересы ни представляла эта борьба. Въ этомъ отношеніи козаки являлись противуположностью наемнымъ солдатамъ, составлявшимъ главную силу и ядро государственныхъ польскихъ войскъ и воинства князя Вишневецкаго: эти воспитанники лагерей Валленштейна и Густава Адольфа за деньги сражались подъ какимъ угодно знаменемъ. Здѣсь кстати замѣтимъ, что у этихъ наемниковъ, о которыхъ г. Кулишъ выражается обыкновенно съ уваженіемъ, запорожскимъ козакамъ и кромѣ военнаго дѣла многому нужно было поучиться: козаки Богдана Хмельницкаго, большею частію мужики отъ сохи, относительно безобразій должны были до многаго своимъ умомъ доходить, но у героевъ тридцатилѣтней войны грабежъ и человѣкоистребленіе въ самой безобразной формѣ были разработаны положительно въ науку. Козаки считали себя защитниками православной вѣры посвоему, по-козацки; что же касается ихъ разбойнаго способа веденія войны и тѣхъ безобразій, которыя они при этомъ творили, то разбойный способъ веденія войны (напрасно ужъ очень бранятъ этотъ способъ) есть одна изъ формъ, ничѣмъ не худшая всѣхъ другихъ формъ войны. Относительно безобразій, оставивъ въ сторонѣ даже и то, что тогда дѣлалось будто бы регулярными войсками въ тридцатилѣтнюю войну, и не пускаясь вообще по этому поводу ни въ какія разсужденія, мы только попросимъ г. Кулиша, пусть онъ намъ укажетъ какое дисциплинированное христолюбивое воинство, къ которому бы, особенно во время войны, не было полностію приложимо старое изреченіе: „идѣже вои, не умрутъ, аще не согрѣшатъ". За симъ не най-

детъ ли возможнымъ г. Кулишъ отвѣтить на слѣдующіе вопросы: черниговскіе и полтавскіе крестьяне 1708—9 годовъ—разбойники? смоленскіе и московскіе крестьяне 1812 года—разбойники? какая разница между соратниками Кутузова Денисомъ Давыдовымъ, Фигнеромъ и К° съ одной стороны и соратниками Богдана Хмельницкаго Богуномъ, Нечаемъ съ товарищи съ другой?

Политическая карьера, которая выпала на долю Богдана Хмельницкаго, принадлежитъ къ числу такихъ, какія выпадаютъ въ продолженіе вѣковъ только одному изъ многихъ сотенъ милліоновъ людей; да и Богданъ Хмельницкій сознавалъ совершившееся надъ нимъ чудо, о которомъ онъ и не мечталъ: „я человѣкъ ничтожный, но такъ Богъ судилъ". Вполнѣ согласны съ тѣмъ, что въ самомъ началѣ возстанія Богданъ Хмельницкій, а тѣмъ болѣе его соратники всего менѣе думали о вѣрѣ. Рѣшившись бѣжать на Запорожье, а затѣмъ скрываясь въ днѣпровскихъ трущобахъ, въ сказочномъ Лукоморьѣ, Богданъ Хмельницкій прежде всего спасалъ свою собственную голову, въ мысляхъ же у него могло быть только одно—месть: у него у старика имѣніе отняли, раззорили, самого чуть не убили, а одного изъ его сыновей, десятилѣтняго мальчика, плетьми засѣкли! Какъ ни хорошо зналъ Богданъ Хмельницкій всѣ слабыя стороны польской власти въ Малороссіи, но все-таки мечтать о такихъ блестящихъ успѣхахъ, какіе ему удались въ самомъ же началѣ возстанія, онъ не могъ. Мечтать отомстить Рѣчи Посполитой за такіе порядки, при которыхъ могутъ совершаться подобныя неправды, какія случились съ Богданомъ Хмельницкимъ,—было просто нелѣпостію; да къ тому же онъ на своемъ вѣку видѣлъ много всякихъ неудачныхъ козацкихъ возстаній, въ которыхъ вѣроятно, и самъ участвовалъ. Но съ другой стороны, Богданъ Хмельницкій могъ быть вполнѣ основательно (пожалуй, по-разбойничьи) убѣжденнымъ, что ему удастся набрать столько запорожской голытьбы чтобы въ свое удовольствіе расправиться съ личными обидчиками вродѣ Чаплинскаго. Православная вѣра была тутъ дѣйствительно ни при чемъ; да и какъ было тутъ говорить о вѣрѣ, еслибы даже Богданъ Хмельницкій о ней тогда и думалъ? Единственная опора въ просьбахъ и требованіяхъ отъ поляковъ у всѣхъ русскихъ людей могла быть только одна—опора на силу, угроза местію; у бѣглаго Богдана Хмельницкаго ничего этого не было. Но какъ только дѣла на Запорожьѣ пошли для него благопріятно, то онъ тотчасъ же подаетъ жалобу на свои личныя обиды, въ которой сейчасъ же и начинаетъ грозить, но и то только въ общихъ покуда фразахъ: „Хмельницкій бѣжалъ въ низовья Днѣпра къ тѣмъ, которые подобно ему были обижены,

они избрали его себѣ вождемъ". Г. Кулишъ, кажется, ошибочно относитъ подачу этой жалобы ко времени послѣ Желтоводской битвы; она была послана ранѣе этого событія изъ Запорожья. За симъ, говоря вообще объ этомъ времени, онъ торжественно заявляетъ, что „о вѣрѣ, конькѣ нашихъ историковъ, никто ни слова" (*т. II, стр. 155 и 162*); совершенно вѣрно, но только съ другой стороны, потому что даже и послѣ Желтоводской битвы говорить о вѣрѣ было еще не время. Но за то, какъ только Богданъ Хмельницкій сосчитался за свои обиды, даже болѣе чѣмъ ожидалъ, и сталъ дѣйствительною силою, то немедленно высказалъ и свою новую программу, заговорилъ о вѣрѣ. Въ инструкціи козацкимъ посламъ, подданной на сеймѣ въ Варшавѣ 17 іюля 1648 года, въ 14 пунктѣ говорится: „просятъ о духовенствѣ древней религіи греческой, дабы оно оставалось неприкосновеннымъ, чтобы святыя церкви, насильно присоединенныя къ уніи, опять могли оставаться при своихъ стародавнихъ правахъ". Г. Кулишъ объясняетъ, что на мысль дать религіозную окраску своему бунту навелъ Богдана Хмельницкаго іерусалимскій патріархъ Паисій (*т. II, стр. 330*); но источники, которые приводитъ и самъ г. Кулишъ, прямо говорятъ, что гетманъ свидѣлся съ патріархомъ „въ первыхъ числахъ генваря мѣсяца 1649 года", т.-е. полгода спустя, какъ уже написанъ былъ сейчасъ приведенный пунктъ козацкой инструкціи (*Пам. К. К. т. I, отд. IV №№ 1, 25, 57 и стр. 336*). По поводу же этого самаго пункта г. Кулишъ, для подтвержденія своей мысли, замѣчаетъ (*т. II, стр. 223*), что, хотя онъ и былъ написанъ въ козацкой инструкціи, но на сеймѣ козацкіе послы „или не хотѣли, или не умѣли заговорить о дѣлахъ церкви и вѣры". Мы не знаемъ, почему запорожцы не открыли на варшавскомъ сеймѣ богословскихъ диспутовъ,—вѣроятно, потому что не умѣли, а можетъ быть ихъ до этого не допустили; но все это ничего не доказываетъ кромѣ того, что козаки какъ только почувствовали себя силой, то и заговорили, какъ умѣли, о вѣрѣ.

Мы совсѣмъ не утверждаемъ, чтобы идея борьбы за вѣру непремѣнно принадлежала Богдану Хмельницкому. Появившись весной 1648 года на Украйнѣ побѣдителемъ, но все-таки разбойникомъ, онъ немедленно схватился за единственное знамя, именно религіозное, которое могло связывать козаковъ съ мирнымъ населеніемъ Малороссіи, во всемъ остальномъ не сочувствовавшемъ запорожцамъ. Но полагаемъ, что помимо заботъ получить благовидное оправданіе своимъ разрушительнымъ подвигамъ, идея борьбы за вѣру была для козаковъ старымъ притязаніемъ; трудно себѣ представить, чтобы они вновь до-

думались до мысли о необходимости говорить о православной вѣрѣ въ теченіе какого-нибудь мѣсяца послѣ первыхъ своихъ военныхъ успѣховъ. Слухъ о томъ, что козаки „воюютъ за вѣру", появился во всей западной Россіи, Польшѣ, а потомъ и въ Москвѣ, еще ранѣе того, какъ козаки о томъ сами заявили. Эти всеобщіе толки г. Кулишъ (*т. II, стр. 188*) называетъ „нелѣпымъ слухомъ"; но однако же съ чего-нибудь эту „нелѣпость" всѣ стали повторять? Мало того, мы готовы признать, что первыми объ этомъ заговорили паны и ихъ сторонники: имъ лучше чѣмъ кому-либо было знать свои собственные грѣхи. А засимъ, мы даже готовы признать и то, что эти всеобщіе толки навязали и самому Богдану Хмельницкому мысль объявить себя и своихъ соратниковъ борцами за вѣру. Но все это нисколько не уменьшаетъ славы и заслугъ Богдана Хмельницкаго потому, что онъ, разъ ухватившись за религіозное знамя, потомъ уже никогда не выпускалъ его изъ рукъ; онъ держался за него точно также крѣпко, какъ и за другое знамя, за которое онъ одновременно съ этимъ схватился, именно за московское подданство. Мысль взять въ свои руки и послѣднее знамя точно также не принадлежала всецѣло Богдану Хмельницкому: она принадлежала давно всему малороссійскому народу, онъ же только умѣлъ воспользоваться, выдержать и привести въ исполненіе эту мысль. За это-то Богданъ Хмельницкій, и только исключительно за это,—великій историческій дѣятель.

Если человѣкъ не вѣруетъ въ Бога, то вѣруетъ въ черта, во всякомъ случаѣ непремѣнно во что-нибудь да вѣруетъ; г. Кулишъ, кажется, хочетъ доказать, что Богданъ Хмельницкій вѣровалъ не въ Бога, а именно въ черта, въ колдовство. По этому случаю дѣлаемъ нѣсколько выписокъ изъ сочиненія г. Кулиша, относящихся къ этому предмету, предупредивъ читателя, что авторъ очень страшно описываетъ душевныя мученія гетмана, которымъ тотъ иногда подвергался среди своихъ кровавыхъ и пьяныхъ подвиговъ (*т. II, гл. XV и XIX*) Г. Кулишъ разсказываетъ, что послѣ первыхъ своихъ военныхъ успѣховъ 1648 года Богданъ Хмельницкій будто бы „окружалъ себя то странствующими монахами, то колдуньями и ворожеями", а за симъ къ началу 1649 года, воротившись на Украйну, гетманъ находился въ какомъ-то умоисступленіи......

„Весело возвращались козаки на Украину, предводимые козацкимъ Батькомъ, какъ справедливо стали называть Хмельницкаго, но не весело было на душѣ у козацкаго Батька. Тайный голосъ говорилъ ему, что не разбоемъ обезпечиваетс будущность даже и такого общества, къ какому принадле

жалъ онъ, что не кровавыми замыслами успокоивается раздраженное обидою сердце.... Его томили противорѣчія великости и ничтожества его подвиговъ, высоты и низости его положенія, мыслей о безсмертной славѣ и сознанія несовмѣстимой съ нею подлости.... и какъ слѣдствіе всего этого, безмѣрное пьянство дѣлали Хмельницкаго лютымъ звѣремъ и самымъ несчастнымъ человѣкомъ.... То онъ постился, то молился въ древнихъ, созданныхъ и облагодѣтельствованныхъ панскимъ сословіемъ храмахъ и лежалъ по цѣлому часу ницъ передъ образами, то на мѣсто избраннаго въ средѣ избранныхъ духовнаго отца призывалъ къ себѣ трехъ вѣдьмъ которыя постоянно находились при его особѣ и даже въ походѣ..... на него имѣло вліяніе дьявольское запугиванье со стороны вѣдьмъ, безъ котораго не могли онѣ удерживать за собою мѣсто свое".... Одинъ польскій шпіонъ „доносилъ изъ Украйны, что Хмѣль смѣнилъ многихъ полковниковъ, узнавъ отъ ворожеи, что имъ не будетъ уже „счастить козацкая доля", себя же онъ считалъ фортуннѣйшимъ..... Долго спалъ Хмельницкій, ибо допивалъ съ колдуньями, которыя часто занимаютъ его досуги и обѣщаютъ ему счастье на войнѣ еще и въ этомъ году"....

Приведя здѣсь эту встрѣченную нами у г. Кулиша давно утраченную страницу изъ „Битвы Русскихъ съ Кабардинцами", мы снова должны сознаться, что „курскіе помѣщики хорошо пишутъ".—Не будемъ возражать противъ того, что говорилъ „тайный голосъ" Богдану Хмельницкому, такъ какъ по извѣстнымъ намъ источникамъ совершенно не посвящены въ то, что онъ ему говорилъ; но вмѣсто этого скажемъ только то, что знаемъ. Г. Кулишъ, упрекая другихъ въ собираніи сплетенъ и басенъ о Богданѣ Хмельницкомъ, самъ дѣлаетъ тоже, когда эти сплетни даютъ ему возможность подтвердить излюбленныя свои идеи; такъ въ настоящемъ случаѣ о колдуньяхъ онъ полностію повторяетъ сплетню, сообщенную, а всего вѣрнѣе сочиненную поляками о заклятомъ своемъ врагѣ. Разсказъ о колдуньяхъ между прочимъ находится въ дневникѣ польскихъ коммиссаровъ, ѣздившихъ въ Войско Запорожское для переговоровъ съ гетманомъ (*Пам. К. К. т. III, отд. IV № 57*); но и тамъ эта сплетня выставлена какъ-то не такъ рельефно, какъ у г. Кулиша: поляки, какъ бы въ дополненіе и поясненіе сообщаемыхъ ими разнообразныхъ извѣстій, разсказываютъ, что тогда Богданъ Хмельницкій чуть не цѣлый мѣсяцъ безпросыпу пьянствовалъ и въ этомъ-то пьяномъ состояніи призывалъ къ себѣ воро-

жей. Если въ этомъ польскомъ разсказѣ признавать все за достовѣрное, то мы убѣждены, что г. Кулишъ съ нами согласится: кажется естественно, что при подобномъ запоѣ, даже и съ запорожскими нервами, можно достигнуть такого восторга, что не только будешь валяться на церковныхъ помостахъ въ пьяной молитвѣ, а за симъ совѣщаться съ кіевскими вѣдьмами, но, пожалуй, въ заключеніе на одной изъ нихъ тебя и женятъ, что, какъ извѣстно, по разсказу тѣхъ же поляковъ, дѣйствительно тогда и случилось съ Богданомъ Хмельницкимъ. По поводу этой будто бы вѣры Богдана Хмельницкаго въ колдовство не мѣшало бы, кажется, г. Кулишу принимать во вниманіе еще и слѣдующее: пусть онъ намъ разыщетъ въ XVII вѣкѣ искренно вѣрующаго въ Бога русскаго человѣка (Великія или Малыя Россіи—все равно), который при этомъ не вѣрилъ бы и въ колдовство? За симъ, г. Кулишъ въ своихъ сравненіяхъ историческихъ событій любитъ часто обращаться къ древней русской исторіи, къ дѣламъ князей, богатырей; поэтому не лучше ли было, по поводу сплетни о колдуньяхъ, сравнить Богдана Хмельницкаго съ тѣми соратниками этихъ князей, которые не вѣрили „ни въ сонъ, ни въ чохъ, а только въ свой булатный мечъ".

То, что г. Кулишъ внимательно изучалъ польскіе источники и хорошо знакомъ съ польской исторической литературой, относящейся до времени Богдана Хмельницкаго, это конечно похвально. Мы такъ же ничего не имѣемъ противъ того, что онъ знакомитъ русскую публику съ этой литературой, выписывая въ свое сочиненіе иногда по нѣскольку страницъ изъ польскихъ историковъ; это послѣднее, впрочемъ, показываетъ, насколько трудъ г. Кулиша самостоятельное сочиненіе. Русская или, точнѣе сказать, московская историческая литература, какъ мы уже говорили, для литераторовъ изъ малороссіянъ не заслуживаетъ такого вниманія: она для нихъ почти что не существуетъ; не заслуживаютъ для г. Кулиша должнаго вниманія даже и тѣ московскіе достовѣрные источники, которые онъ самъ же издалъ. Но не смотря на все это мы еще болѣе того скажемъ, что и безъ московскихъ источниковъ, даже только по однимъ польскимъ, можно писать исторію Богдана Хмельницкаго, — такъ они обильны содержаніемъ. Польскіе источники еще тѣмъ драгоцѣнны, что состоятъ не изъ однихъ такъ-сказать оффиціальныхъ документовъ; среди нихъ встрѣчаются и совсѣмъ неоффиціальные, напримѣръ, записки современниковъ. Но при такомъ условіи отъ историка естественно потребуется, чтобы онъ постарался быть безпристрастнымъ и освободился отъ односторонности, а главное отъ тенденціи, которою

проникнуты всѣ эти польскіе источники. Но здѣсь точно нарочно ненависть поляковъ къ врагу, который дѣйствительно разрушилъ ихъ благополучіе и государство, совпадаетъ еще съ большею ненавистью къ нему малоросса г. Кулиша, которому, неизвѣстно, что такое непріятное сдѣлалъ Богданъ Хмельницкій. Однако же, если ужъ вѣрить разсказамъ поляковъ о Богданѣ Хмельницкомъ, какъ это дѣлаетъ г. Кулишъ, и приводить, хотя бы и съ оговоркой, въ числѣ историческихъ извѣстій застольные разговоры короля Яна Казимира, который оказывается главнымъ распространителемъ всѣмъ извѣстныхъ теперь разсказовъ о пьянствѣ Богдана Хмельницкаго, о грязныхъ его любовныхъ похожденіяхъ, то, кажется, не мѣшаетъ, на основаніи общихъ научныхъ порядковъ, провѣрить эти извѣстія по другимъ противоположнымъ источникамъ, если есть возможность и таковые существуютъ. Таковыми опять-таки оказываются все тѣ же московскіе источники, съ которыми, какъ мы уже въ началѣ говорили, г. Кулишъ знакомъ только, такъ сказать, на половину изъ того, что можетъ быть всѣмъ извѣстно и доступно. Донесенія московскихъ посланниковъ изъ Войска Запорожскаго и изъ Польши также многообильны содержаніемъ, какъ и польскія донесенія; но здѣсь прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что они представляютъ такую противоположность содержанія донесеніямъ польскихъ посланниковъ, что иногда можно подумать, что москвичи читали польскія донесенія и нарочно въ своихъ написали все противоположное. У поляковъ все изложено весьма литературно, что чрезвычайно подкупаетъ читателя, а за симъ злоба, ложь и клевета всюду до того, что описывая безобразіе врага, авторы донесеній не замѣчаютъ, какъ выставляютъ на посмѣшище свой собственный позоръ, по ихъ же словамъ вполнѣ заслуженный. У москвичей же читаемъ только въ самой оффиціальной приказной формѣ спокойное описаніе того, что они видѣли и слышали.

Еслибы не было польскихъ подробныхъ разсказовъ о пьянствѣ Богдана Хмельницкаго, объ его развратѣ, безвѣріи и т. п., то извѣстій объ этомъ разыскивать въ донесеніяхъ московскихъ посланниковъ, пожалуй, не пришло бы никому въ голову. Взглядъ поляковъ на Богдана Хмельницкаго довольно точно опредѣляется словами современника, которыя и приводитъ г. Кулишъ въ своемъ сочиненіи (*т. III, стр. 143*): „одной головы Хмельницкаго съ его столь быстрымъ умомъ было достаточно, чтобы причинить Рѣчи Посполитой такія тяжкія страданія, того Хмельницкаго, о которомъ всѣ знали, что онъ былъ такой великій пьяница, что никогда не просыпался“. По поводу этихъ словъ поляка о Богданѣ Хмельницкомъ остается только привести

извѣстную пословицу: „пьянъ да уменъ—два угодья въ немъ“. Г. Кулишъ не довольствуется подобными чужими характеристиками и какъ бы въ дополненіе къ словамъ поляка у него читаемъ: „Хмельницкій въ пьянствѣ находилъ лѣкарство отъ удручающей грусти; несчастный любовникъ чужой жены, онъ заглушалъ свою досаду пьянствомъ“ (*тамъ же стр. 220 и 224*). Опять, откуда только все это знаетъ г. Кулишъ, что Богданъ Хмельницкій лѣчился горилкой отъ грусти? Какъ по разсказамъ поляковъ Богданъ Хмельницкій ругался и безобразничалъ въ пьяномъ видѣ надъ ихъ послами, это всѣмъ извѣстно; теперь же приведемъ московское извѣстіе, описывающее гетмана въ пьяномъ состояніи, замѣтивъ при этомъ, что оно чуть ли не единственное изъ извѣстныхъ намъ источниковъ за девять лѣтъ, гдѣ прямо говорится, что гетманъ *былъ пьянъ*. Въ донесеніи подьячаго Ивана Ѳомина (*Акт. Южн. и Зап. Р. т. III., стр. 505—507*) читаемъ: „да августа въ 19 день (1653 года) пришелъ къ Ивану на дворъ суботовскій атаманъ Лавринъ Капуста и сказалъ: прислалъ меня гетманъ къ тебѣ Ивану, чтобы царскаго величества ты, посланникъ, изъ Суботова не уѣзжалъ, а гетманъ-де ужо ѣдетъ изъ Суботова въ Войско и къ тебѣ на дворъ заѣдетъ поговорить о государевыхъ дѣлахъ. И того жъ числа гетманъ Богданъ Хмельницкій вышелъ изъ двора своего, у церкви Воскресенія Христова молебное пѣніе слушалъ, а слушавъ молебнаго пѣнія, отъ церкви гетманъ ѣхалъ къ Иванову двору. И Иванъ гетмана встрѣтилъ у воротъ и билъ челомъ ему, чтобы онъ поѣхалъ на дворъ. И гетманъ на дворъ поѣхалъ, а слѣзъ съ лошади *пьянъ* у воротъ и пошелъ на дворъ пѣшъ, а за нимъ всѣ козаки и его люди, слѣзши съ лошадей, шли на дворъ пѣши жъ. И пришедъ гетманъ на дворъ *сѣлъ*. И Иванъ гетману билъ челомъ, чтобы онъ пошелъ въ сѣни и въ свѣтлицу. И гетманъ въ сѣни и свѣтлицу пошелъ; а пришедъ, помолясь святому образу, сѣлъ за столомъ и сталъ говорить прежнія свои рѣчи съ большимъ прошеніемъ *и со слезами* многожды и билъ челомъ, чтобы великій государь милость надъ ними показалъ, изволилъ ихъ принять подъ свою высокую руку въ вѣчное холопство. А послѣ разговоровъ Иванъ гетмана и козаковъ у себя подчивалъ; и побывъ гетманъ у Ивана поѣхалъ въ Войско, а Иванъ проводилъ его до воротъ“. Этотъ разсказъ москвича наводитъ на мысль, что Богданъ Хмельницкій на самомъ дѣлѣ былъ не такой дикій звѣрь, даже и въ пьяномъ состояніи, какъ его описываютъ враги; естественно предположить, что въ подобныхъ случаяхъ, какъ переговоры съ польскими послами, гетманъ нарочно заряжалъ себя горилкой, чтобы достойнымъ образомъ принять своихъ бывшихъ

обидчиковъ и повелителей. Извѣстный же разсказъ о томъ, что Крымскій ханъ (въ то время готовый, какъ союзникъ, при первомъ же случаѣ измѣнить), приглашенный посѣтить козацкій таборъ подъ Берестечкомъ, вмѣсто того чтобы торжественно быть встрѣченнымъ самимъ гетманомъ, нашелъ, что тотъ пьяный спитъ,—этотъ поступокъ, если онъ достовѣренъ, со стороны Богдана Хмельницкаго идеалъ дипломатическаго шика, хотя и въ козацкой формѣ. Вообще Богданъ Хмельницкій всегда зналъ, что дѣлаетъ, и умѣлъ собою владѣть во всякомъ состояніи и при всякихъ обстоятельствахъ.

Всѣмъ извѣстны отвратительные подробные польскіе разсказы о вѣнчаніи Богдана Хмельницкаго со второй его женой и объ ея кончинѣ. Мы не считаемъ нужнымъ ихъ здѣсь приводить; да къ тому же по поводу послѣдняго событія г. Кулишъ признаетъ (*т. III, стр. 216—224*), что источникомъ такихъ извѣстій,—будто бы казни Тимофеемъ Хмельницкимъ своей мачихи,—служатъ разсказы короля Яна Казиміра, а не что-либо иное; при этомъ онъ заявляетъ, что такую басню придумалъ или самъ Янъ Казиміръ, „или помогли ему и здѣсь готовые на все іезуиты". Но замѣчательно, что сдѣлавши такую оговорку, г. Кулишъ все-таки пользуется этими извѣстіями для того, чтобы по поводу ихъ наградить читателя такими литературными картинами, которыя мы здѣсь и выписываемъ, какъ новость.

Послѣ всѣхъ своихъ блестящихъ успѣховъ „Хмельницкій бывалъ, что называется, не при себѣ: то лежалъ ницъ на церковномъ помостѣ, то предавался мертвому пьянству (Здѣсь ли г. Кулишъ повторяется, или, значитъ, въ серединѣ 1651 года съ гетманомъ по Кулишу повторилось тоже, что было съ нимъ въ началѣ 1649 г.). Наблюдавшіе поступки Хмельницкаго въ таборѣ подъ Берестечкомъ описываютъ его полусумасшедшимъ. Онъ бросилъ по табору, самъ не зная зачѣмъ; вдругъ какъ будто проснувшись, изрыгалъ кровавыя повелѣнія, возставалъ противъ правительствъ и народовъ, отвергая всяческіе законы общественной жизни, кощунствовалъ, проклиналъ и снова впадалъ въ апатію, а потомъ предавался обычному пьянству на цѣлые дни и ночи". Такъ какъ кончина супруги гетмана относится къ самымъ первымъ числамъ мая 1651 года, а пребываніе въ лагерѣ подъ Берестечкомъ къ іюню того же года, то можно предположить, что все это случилось съ Богданомъ Хмельницкимъ подъ впечатлѣніемъ этой тяжкой для него семейной потери. Но г. Кулишъ не ограничивается приведенными фантазіями; воображеніе его настолько сильно, что вотъ еще что онъ пишетъ: „несомнѣнно одно, что Хмельниц-

кій нашелъ въ женщинѣ, которую любилъ, то, что Шекспировъ Троилъ въ Кресильдѣ... Нагроможденныя въ Суботовѣ и Чигиринѣ сокровища требовали для своей охраны дракона. Въ качествѣ таковаго Хмельницкій приставилъ къ своему золотому руну своего достойнаго сына Тимоѳея. Какого рода была между отцомъ и сыномъ переписка, да и была ли, этого нельзя сказать... но драконъ въ одинъ прекрасный день получилъ повелѣніе быть палачемъ своей мачихи, и козацкой Кресильды не стало. Кто знаетъ, какую роль разыгралъ въ семейной драмѣ Тимко Хмельниченко? Въ жаждѣ богатства и власти онъ могъ быть похожъ на отца. Между нимъ и отцомъ стояла женщина, пользовавшаяся вліяніемъ... Старый любовникъ вѣритъ клеветѣ скорѣе молодаго, а такія грязныя личности, какъ Богданъ Хмельницкій, способны въ мрачную минуту мстить и за чужую вину, не только за собственную"... и т. п.

Еслибы г. Кулишъ писалъ историческій романъ, то ему была бы, пожалуй, полная воля фантазировать, сколько угодно; но онъ пишетъ историческое сочиненіе съ претензіей на его научное значеніе; въ приведенныхъ же сейчасъ изъ него выписокъ, и безъ опроверженій съ нашей стороны, читатель можетъ видѣть, что онъ наговорилъ всякихъ, неоснованныхъ даже на польскихъ извѣстіяхъ, предположеній о семейныхъ отношеніяхъ Хмельницкихъ, между прочимъ смѣшалъ событія въ одну груду, нѣсколько мѣсяцевъ превратилъ въ одинъ день и т. п. Но надругавшись всласть надъ Богданомъ Хмельницкимъ, г. Кулишъ этимъ еще не ограничивается; онъ въ заключеніе нашелъ нужнымъ попрекнуть другаго такого же, какъ и онъ, тенденціознаго историка-романиста Костомарова, въ томъ, что „публичное разоблаченіе семейной драмы прилично только малорусскимъ панегиристамъ (Богдана Хмельницкаго) да польско-русскимъ панамъ".

Теперь обратимся къ московскимъ извѣстіямъ. Изъ донесенія Ѳомина мы видѣли, что у козаковъ передъ выступленіемъ въ походъ совершается въ храмѣ „молебное пѣніе"; самъ гетманъ, входя въ свѣтлицу, „молится святому образу". За симъ въ донесеніяхъ нѣкоторыхъ московскихъ посланниковъ (въ отчетахъ о расходѣ государевой соболиной казны) встрѣчаются такія случайныя извѣстія: „данъ соболь Спасскому попу Левонтію, гетманову отцу духовному". О вѣдьмахъ, которыя по г. Кулишу будто бы постоянно находились въ гетманскомъ штатѣ, у москвичей нигдѣ не упоминается. Что касается супру-

и гетмана, по поводу которой составилось столько баснословія, въ осковскихъ извѣстіяхъ встрѣчаются о ней упоминанія, но только въ ѣдующей формѣ. Отъ конца 1649 года: „да гетманова жена говорила ригорью (Неронову, посланнику), что дѣтямъ его (т.-е. ея пасынкамъ имоѳею и Юрію) дано государева жалованья по парѣ соболей, а ѣ государева жалованья нѣтъ. И гетмановой женѣ дана пара собо-ей въ 10 же рублевъ". Отъ конца 1650 года въ одномъ изъ ука-овъ посланнику Унковскому сказано: „да указалъ государь послать оболей на раздачу парами на 100 рублевъ 10 паръ, а дать ему изъ іхъ соболей государева жалованья гетманскому сыну, который по-анъ съ черкасы на Донъ 2 пары, да отъ себя имъ дать гетманской энѣ 2 пары". Замѣтимъ въ поясненіе этого указа Унковскому, и то виду польскихъ разсказовъ объ этой гетманской женѣ, что по-аннику предписывается Тимоѳею Хмельницкому выдать жалованья ъ *государя*, а гетмановой женѣ *отъ себя*. Объ исполненіи этого аза въ отчетѣ Унковскаго сказано кратко: „да гетмановѣ женѣ *по-ана* пара" (*Акт. Южн. и Зап. Россіи, т. VIII, стр. 318, 330 и 357*). ѣ сейчасъ приведенныя московскія извѣстія легкой пищи для во-раженія, можетъ быть, даютъ и весьма мало; но все-таки они, надо лагать, настолько важны, что относиться къ нимъ съ пренебреже-мъ положительно невозможно. О кончинѣ второй супруги гетма-въ московскихъ источникахъ также встрѣчается извѣстіе; въ доне-іи къ государю греческаго монаха, московскаго агента, объ его ѣбываніи въ Войскѣ Запорожскомъ читаемъ (*тамъ же т. III, стр. 2*): „мая въ 10 день (1651 года) пришла къ гетману вѣсть, что не ло жены его *), и о томъ гетманъ былъ зѣло кручиненъ. И я хо-ѣ къ нему о той его кручинѣ разговаривать". И только. Здѣсь за-тимъ, что московскія извѣстія о событіяхъ въ Малороссіи за май іюнь мѣсяцы 1651 года чрезвычайно подробны; поэтому, если въ ьскихъ разсказахъ и фантазіяхъ г. Кулиша о второй супругѣ Бог-а Хмельницкаго и есть что-нибудь достовѣрное, то можно только вляться, почему въ московскихъ источникахъ не проскользнуло ни-о подобнаго въ ихъ тонѣ.

—

*) Укажемъ, что по польскимъ источникамъ (*у Кулиша т. III, стр. 217*) вѣстіе о казни Чаплинской пришло къ королю 9 римскаго іюня, когда онъ ылъ еще подъ Сокалемъ".

Заканчивая наши Объясненія по поводу сочиненія г. Кулиша „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши", считаемъ себя обязанными высказать кротко и точно теперешній собственный нашъ взглядъ на Богдана Хмельницкаго. Но мы какъ двадцать лѣтъ тому назадъ, когда начали свои труды по исторіи Малороссіи и высказали тогда же свой взглядъ на Богдана Хмельницкаго, такъ и теперь остаемся при прежнемъ своемъ мнѣніи; наши идеалы не Вишневецкій и Жолкевскій, не Стенька Разинъ и Пугачевъ, а

„Богданъ Хмельницкій, Вильгельмъ Оранскій, Вашингтонъ и имъ подобные, истинные представители своего народа, борцы за свободу и убѣжденія противъ деспотизма, отсталости и насилія; все это одни и тѣ же лица, одни и тѣ же герои; одного и того же добивались и добились, одинаковыми средствами дѣйствовали—одинаковую славу и заслуживаютъ... Народъ, могущій выставить изъ себя Богдана Хмельницкаго и не отступать въ продолженіе вѣковъ, и при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, отъ разъ высказаннаго своего обѣщанія—„Боже утверди! Боже укрѣпи! чтобъ есми во вѣки вси едино были"—такой народъ заслуживаетъ полнѣйшаго сочувствія и уваженія"...

Мартъ—октябрь 1889 года.
Сушнево—Москва.

П. А. Кулишъ.

ОТПАДЕНІЕ МАЛОРОССІИ

от ъ

ПОЛЬШИ

(1340—1654).

ВЪ ТРЕХЪ ТОМАХЪ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

Глава XXI.

Совѣщанія пановъ о спасеніи отечества.—Выборъ боевой позиціи подъ Збаражемъ.—Козаки и Татары осаждаютъ панское войско.—Переговоры представителя козаковъ съ представителемъ шляхты.—Козацкое искусство маскировать военныя дѣйствія.—Король идетъ къ осажденнымъ на выручку.

Король совѣтовался съ панами рады въ обстоятельствахъ, какъ выражались его совѣтники, „чреватыхъ опасностію (in praegnanti Reipublicae periculo)". Со стороны Москвы не представлялось никакой опасности, но было страшно Венгріи и Шведовъ, да еще пугала пановъ мѣстная, то-есть католическая чернь, какъ бы она не поддалась внушеніямъ своевольниковъ и не взбунтовалась подобно черни схизматической. (Żeby plebs tutejsza, chwyciwszy się jakich licentiosos, nie udała się także do rebeliéj). Находили полезнымъ отправить посольство къ „турецкому императору" и къ хану; но гдѣ взять денегъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ было рѣшеніе эксплоататоровъ государства: отложить посольство до сейма, который назначенъ на 22 ноября.

Между тѣмъ было извѣстно и тутъ же заявлено отъ имени короля, что люди, назначенные прежде въ эти посольства, не двинулись изъ дому, однакожъ деньги на поѣздку получили (a pieniądze Rzpltéj pobrali).

Расхватывая изъ рукъ у короля государственныя имущества, а у своего Шляхетскаго Народа собираемыя съ него деньги, равно какъ и доходы съ городовъ, паны сами устраивали Польшѣ руину, которая постигла бы ее и безъ козакотатарскаго нашествія.

Теперь представлялось два способа спасти отечество: или посредствомъ *грошеваго*, иначе *платнаго* жолнера, или посредствомъ поголовнаго вооруженія шляхты, иначе посполитаго рушенія. Первый способъ находилъ болѣе дѣйствительнымъ даже оракулъ панскаго кунктаторства, Кисѣль; но паны, по его словамъ, не хотѣли прибѣгнуть къ мѣрамъ чрезвычайнымъ, были скупы на пожертвованія; и по-

тому оставался только второй, опасный, по его мнѣнію, способъ. Третьяго не было (non datur tertium), по словамъ Киселя. „Бывали далеко маловажнѣйшіе случаи" (писалъ онъ къ Оссолинскому отъ 23 (13) іюля), „когда духовные и свѣтскіе паны въ нѣсколько недѣль созидали своими пожертвованіями войско. Теперь, когда погибла половина Рѣчи Посполитой, когда дѣло идетъ объ ея остаткѣ и вмѣстѣ съ нимъ о королевской коронѣ, они едва были въ состояніи поставить передъ непріятелемъ 9 или 10 тысячъ. Но мы были бы несправедливы къ Господу Богу, когда бы назвали себя такими убогими, чтобы насъ не хватило на жолнера. За исключеніемъ тѣхъ, которые ничего уже не имѣютъ въ отчизнѣ, у насъ, по милости Божіей, многіе обладаютъ средствами (plurimi pollent facultatibus) къ спасенію отечества".

Одинъ изъ членовъ королевской рады совѣтовалъ назначить одного гетмана: ибо не слыхалъ онъ, чтобы гдѣ-либо на свѣтѣ было три гетмана. По крайней мѣрѣ (говорилъ онъ) деньги на непредвидимыя издержки (propter secretum bellici consilii) надобно вручить одному, а не двоимъ, или троимъ. Но паны не довѣряли взаимно своей честности, и полагали, что между шестью глазъ не такъ будетъ, что́ называется, шито и крыто.

Такъ какъ въ государственномъ совѣтѣ засѣдало шесть бискуповъ, которые первенствовали передъ сенаторами свѣтскими, то король въ рѣшеніи вопроса о походѣ обѣщалъ просить вдохновенія (prosić o natchnienie) у Господа Бога, или какъ это объявилъ онъ потомъ—выступить въ день своего патрона, Св. Яна.

Въ такихъ совѣщаніяхъ уплыла цѣлая недѣля, а между тѣмъ полученныя изъ Украины и отъ Киселя изъ Гощи письма возвѣщали близкую грозу.

Не смотря на унизительный пріемъ королевскихъ коммиссаровъ со стороны Хмеля, Янъ Казимиръ отправилъ къ нему секретаря переяславской коммиссіи, Смяровскаго.

Иначе относился къ бунтовщику Шляхетскій Народъ, каковъ бы ни былъ онъ,—не такъ какъ „возвышенный духомъ и благородный умомъ" избранникъ правительствующихъ пановъ. *Его* взглядъ на Хмельницкаго сохранился въ популярномъ тогда и сохраненномъ для потомства стихотвореніи, въ которомъ говорится, что легче было бы терпѣть „вѣчный и невознаградимый срамъ отъ иноземнаго непріятеля, чѣмъ отъ такого презрѣннаго сора, какъ Хмѣль, и это да близость Польши къ порабощенію хлопами всего больше для націи".

Snaćby znośniejsza od nieprzyjaciela
Ponieść szwank taki; ale, że od Chmiela
Śmieci wzgardzonéj,—to najwięcéj boli,
To, że i chłopskiéj blizcyśmy niewoli.

Смяровскій выѣхалъ изъ Варшавы подъ хорошимъ предзнаменова-мъ,—въ день Благовѣщенія Пресвятой Дѣвы Маріи (in ipso die ntiationis B. V. Mariae), но, по причинѣ опасностей и дурной и, достигъ Чигирина едва въ три недѣли. Хмельницкій былъ да-надменнѣе (daleko większéj nadętości), нежели во время Пе-авской коммиссіи. Принялъ онъ королевскаго посла самымъ не-йнымъ образомъ (indignissime go excepit),—какъ послѣдняго му-(vilissimum de plebe hominem). Когда подали Хмелю королев-листъ, онъ швырнулъ его писарю черезъ столъ, такъ что листъ ь на землю (aż na ziemie upadł). Въ то же самое время прини-онъ (писалъ Смяровскій) московскаго и венгерскаго пословъ ественно (pompatice), съ кавалькадой, съ военной музыкой, и ся слухъ (распущенный самимъ Хмельницкимъ), что Москва да-іу 20.000 своего войска. У Смяровскаго были отобраны всѣ кони, ядь его была изрублена. Но при этомъ Смяровскій—что́ весьма теристично—нашелъ себѣ двухъ покровителей между козаками, це такихъ, которые сообщали ему копіи писемъ своего гетмана лтанъ-галгѣ, къ Періашъ-агѣ, Карашъ-мурзѣ, и помогали достав-его депеши въ Варшаву. Скоро, однакожъ, Варшава узнала, что югибъ жертвою своей ловкости. Козацкій Батько не нашелъ дру-средства обезпечить свои секреты въ предательской средѣ своей, истребить соблазнителя.

Памятникомъ существованія Смяровскаго осталось поздно выска-е имъ убѣжденіе,—что тотъ былъ бы глупъ, кто бы осмѣлился въ это пекло (kto by się w to piekło odważył): „ибо колеса уже разбѣжались, что каждый долженъ здѣсь погибнуть". И его соб-кой пріѣздъ удивилъ Хмельницкаго, потому что чернь была край-раздражена потерею Бара и битвой подъ Межибожемъ, а самъ доносилъ Смяровскій) „только и дышетъ, что яростью да местью iam intus nisi furerem et vindictam spirat)".

По словамъ Смяровскаго, Хмельницкій ежедневно и ежечасно мѣнялъ свои мысли (in dies et horas singulas mutatur). Если подавалъ нѣкоторую надежду на миръ, то черезъ часъ дѣлал-ся непохожъ на самого себя, какъ непохожа ночь на день (w nie odmieni się jako noc ode dnia).

Послѣднее извѣстіе пана Смяровскаго было таково: что вамъ Хмельницкаго, миръ невозможенъ, а должна стѣна объ стѣну, и одна—обвалиться, а другая—остаться (aż się sciana uderzy, a jedna się obali, druga zostanie)". Онъ зва бѣ Татаръ не только на добычу, но и на то, чтобъ „до ко бить поколѣніе и имя ляшеское".

Пугали Польшу и вѣсти, полученныя изъ Подольскаго Оттуда Каменецкій каштелянъ, Станиславъ Лянцкоронскій Оссолинскому, что Хмельницкій прислалъ Туркамъ чере вѣчное подданство, съ тѣмъ, что онъ побусурманится со вс ками, лишь бы только помогли ему истребить польское им и Греки представляли Туркамъ, что Хмельницкій завоевалъ шу по Бѣлую Воду; за Бѣлой Водой осталось Польши только ко: онъ хочетъ завоевать въ этомъ году и остатокъ.

Подъ вліяніемъ страха, бискупы-сенаторы говорили в ственномъ совѣтѣ: „Напрасно думаютъ, что король его мил воевать съ холопами: это не хлопы, а воины, страшные с сарю оттоманскому".—„Не за подданство уже теперь вое (прибавляли другіе), „а за Божію кривду, за святый сакр костелы", и, забывая, что сами съ папою да съ іезуитами жару, норовили загребать его чужими руками. „Добрый кава ворили бискупы) „не спрашиваетъ, сколько непріятеля и как тель, а спрашиваетъ: гдѣ онъ? (qualis sit et quis sit, sed

Тутъ же патріоты, желавшіе, чтобы жолнеръ воева въ долгъ, разсказывали, какое множество невольниковъ нав ры въ Царьградъ сушей и моремъ: за одинъ де лукъ ил токъ стрѣлъ даютъ плѣнника; а плѣнниками были не толь навистные схизматики, не только богоугодные католики, но торыхъ молитвы властны освободить грѣшники изъ чистили въ Царьградѣ и на невольничьихъ рынкахъ каплановъ, ко шали своимъ зрителямъ сострадание больше всего тѣмъ, ч ли ко всевозможнымъ удобствамъ жизни".

Много было новостей, занимавшихъ членовъ королев но всѣ до одной были печальнаго свойства. Напримѣръ: так идутъ къ Хмельницкому, что подъ Добруджей и Бел въ одномъ селѣ не осталось ни одного хозяина: все пош противъ Ляховъ, и жители обеихъ береговъ Дуная дви головно въ козацкія купы; а одинъ шпіонъ доносилъ что Хмѣль смѣнилъ многихъ полковниковъ, узнавъ отъ во

не будетъ уже „счастить козацкая доля“. Себя онъ считалъ *фор-тейнимъ.*

Когда наступила Зеленая Недѣля, послѣдній срокъ заключенна-ъ Переяславѣ перемирія съ козаками, король повелѣлъ своему ивирату соединить войско и приблизиться къ непріятельскимъ зай-дамъ, не ожидая соединенія Хмеля съ ханомъ. Тремя полководца-у него, какъ уже сказано выше, были: Андрей изъ Дубровицы, кей, старый воинъ и опытный вождь, но постоянно хворавшій и ный, Станиславъ Лянцкоронскій, отважный боецъ, какъ и его , предводительствовавшій неомуженными еще козаками, но плю-полководецъ, и графъ Николай Остророгъ, охарактеризовавшій готовностью отдаться на милость пилявецкимъ героямъ, коза-и Татарамъ. Достойно, однакожъ, замѣчанія, что генералъ, во-вшій послѣ пилявецкой паники все потерянныхъ, начальство-водъ Пилявцами авангардомъ дѣйствующей арміи. Еще замѣча-ьне, что при составленіи повтореннаго тріумвирата, не могли ни-замѣнить его; а всего замѣчательнѣе, что въ новой кампаніи рогъ велъ себя, если не прямымъ героемъ, то и не слабодуш-военномъ.

Фирлей съ своей стороны показалъ, что въ его немощномъ тѣлѣ ылъ духъ бодрый. Онъ, вмѣстѣ съ Лянцкоронскимъ, выбралъ по-для генеральнаго лагеря весьма удачно и защищалъ ее съ ве-ъ искусствомъ. Король и коронный канцлеръ указывали имъ на і Константиновъ; но Остророгъ, въ письмѣ изъ-подъ Збаража, іюля, оправдывалъ сдѣланный его товарищами выборъ разум-соображеніями, и этимъ доказалъ, что князь Вишневецкій не сно поднялъ его во Львовѣ изъ упадка.

Занявъ боевую позицію, тріумвиры нашли необходимымъ опе-і на мужество, популярность и боевыя средства Вишневецкаго, oраго, къ удовольствію мудраго на всякое зло Хмеля, Янъ Ка-ѣ взялъ изъ рукъ булаву, ввѣренную ему тѣми людьми, которые исъ мужественнѣе гетмановъ, назначенныхъ сеймомъ. Естествен-ю Вишневецкій, за этотъ глупый и наглый поступокъ, воспы-презрительнымъ негодованіемъ и къ самому королю, и къ его никамъ. Сперва онъ рѣшился было не вмѣшиваться въ толпу , которыхъ, очевидно, судьба обрекла на погибель, такъ какъ отеряли общій человѣческій смыслъ. Потомъ ему стало жаль семьи, своихъ вѣрныхъ слугъ-соратниковъ, и, можетъ быть, своей , неразлучной со славой надающаго уже отечества. Онъ созвалъ свой щитъ, кого могъ, и держался въ полѣ особнякомъ; подобно

тѣмъ „безупречнымъ и знаменитымъ Геркулесамъ", которые „стоя на границахъ, какъ мужественные львы, и жаждали только кроваво бесѣды съ невѣрными". Къ нему присоединился племянникъ его, но сившій имя славнаго Димитрія Вишневецкаго Байды, и бывшій со перникъ его въ колонизаціонной борьбѣ за Хороль и Гадячъ, Александръ Конецпольскій. Ему ввѣрилъ свое ополченіе и князь Доминикъ Заславскій, а братъ его Гризельды, молодой Янъ Замойскій, находясь подъ его опекой, былъ естественнымъ его союзникомъ. „Поднимается страшная буря, наступаютъ времена роковыя" (писалъ княз Іеремія въ универсалѣ къ шляхтѣ). „Уже король выдалъ, какъ говорятъ, вторыя *вици* (оповѣщанія) на посполитое рушеніе; о третьи еще не слышно, но отечество въ крайнемъ положеніи: надобно спѣшить"....

Какъ и въ прошлую кампанію, Вишневецкій намѣревался стоя особнякомъ; но Лянцкоронскій ѣздилъ въ его лагерь и упросилъ пр соединиться къ генеральному лагерю. Лянцкоронскому Рѣчь Посполитая была обязана защитой Каменца Подольскаго: этотъ подвигъ і соко цѣнилъ нашъ Байдичъ, равно какъ и то, что онъ побилъ хмельничанъ подъ Межибожемъ.

По реляціи Остророга, все простонародье между Богомъ, Горын и Случью обратилось въ мятежниковъ, лишь только коронное вой удалилось оттуда. Повторилось то, что было въ Украинѣ послѣ К сунщины: добыча панскаго плуга сдѣлалась добычею козацкаго ме какъ это изображено въ современномъ стихотвореніи:

Zeszły z pól wszystkie po Nadbożu pługi;
Nie obejrzał się aż za Wiłsą drugi *).

А между тѣмъ жолнеры требовали своего жолду, и не тол иностранцы, но и Поляки не хотѣли „воевать въ долгъ". Отъ э малочисленное войско тріумвировъ съ каждымъ днемъ уменьшал И пахолки, и самое товарищество разъѣзжались изъ-подъ хоруг такъ что отъ нѣкоторыхъ оставалось только по половинѣ и еще мен Когда посылали ихъ на подъѣздъ, хоругви соглашались идти то самъ-пятъ. По мнѣнію Остророга, противъ этого зла было только лѣкарство (remedium)—возможно скорая присылка денегъ. Замед ное чѣмъ-то наступленіе Хмельницкаго приписывалъ онъ божест

---

*) Исчезли съ полей всѣ плуги по Надбожію: иной оглянулся назадъ ко лишь за Вислы.

кому Промыслу. „Опять и опять (iterum et iterum) просимъ прислать намъ деньги“ (писалъ Остророгъ къ Оссолинскому): „а то войска этого немного останется. Не ласками и не строгостями возможно удержать его на службѣ, а только деньгами. Въ лошадяхъ у насъ большой недостатокъ отъ безпрестанныхъ чатъ, а купить не за что̀. Шпіона весьма трудно найти: между этой Русью все предатели. А добудешь козака, — хоть сожги его, правды не скажетъ, такъ что намъ надобно ждать отовсюду непредвидѣнной бѣды, не безъ великой опасности столь уменьшившагося войска (insperatum malum undique, non sine grandi periculo tam diminuti exercitus)“.

Эти слова тѣмъ замѣчательнѣе, что оказались вѣрнымъ предсказаніемъ подъ перомъ человѣка, еще недавно совсѣмъ было потерявшагося. „Единственное противъ этого средство“ (повторялъ онъ iterum et iterum)—„поддержать здѣсь насъ деньгами“.

При такомъ хозяйничаньѣ польскихъ скарбовыхъ людей и вообще правительственныхъ представителей Польши, не только такіе мученики ихъ несостоятельности, какъ великіе полководцы Жовковскій и Конецпольскій, являются истинными героями долга и чести, но даже и рядовые жолнеры. Это были честные воины, зависѣвшіе отъ жидовскаго кагала пановъ-доматоровъ. И вотъ почему князь Вишневецкій, вдругъ „потерявшій все, что̀ имѣлъ“, какъ о немъ говорили во Львовѣ, своимъ отважнымъ стояньемъ противъ опаснѣйшаго изъ враговъ отечества—предателя, бунтовщика и поджигателя Хмеля — вселялъ безграничную къ себѣ преданность въ благородныя сердца, которыхъ, увы! всегда и вездѣ бывало мало.

Пока не прибылъ онъ къ Збаражу, въ генеральномъ лагерѣ происходила сумятица, подобная сеймовой польской, или нашей вѣчевой древнерусской: гетманы не ладили между собой; жолнеры не повиновались гетманамъ; войска, способнаго къ бою, осталось всего 6,000. Но когда къ этому войску прибавилось 3.000 панскихъ дружинъ подъ командою любимца полководца, все вдругъ перемѣнилось. Забывая о сеймѣ и королѣ, восторженные жолнеры, по вдохновенію минуты, провозгласили князя Вишневецкаго главнокомандующимъ. Увлеклись порывомъ благороднаго чувства и региментари: отвергнутому королемъ гетману была предложена булава; а войско, еще недавно разбѣгавшееся изъ-за недоплаченнаго жолда, вызвалось служить ему двѣ четверти безплатно. Но Вишневецкій булавы не принялъ, и скромно сталъ въ ряду полковниковъ. Эта нѣмая демонстрація противъ короля соединила съ нимъ еще тѣснѣе всѣ сердца. Збаражское войско видѣло

въ немъ своего главнокомандующаго; *его* совѣты принимались, какъ повелѣнія; нарушить *его* планъ дѣйствія боялся каждый.

Теперь въ генеральномъ лагерѣ насчитывали 15.000 людей; но пѣхоты у пановъ было только 2.000. Всадники были готовы и на пѣшую службу подъ начальствомъ Вишневецкаго. Краснорѣчиво было простое слово его, когда онъ, объѣзжая полки, требовалъ безусловнаго повиновенія, точно импровизированный императоръ, и вспоминалъ о Пилявцахъ, гдѣ все дѣло было погублено отъ неурядицы. Его требованіе было голосомъ каждаго разумнаго сердца: ему внимали, какъ поэту боеваго стоянья.

Непріятель приближался медленно, съ безчисленными толпами соблазненной и запуганной черни, съ безчисленными толпами крымскихъ, ногайскихъ и другихъ наѣздниковъ. Нѣкоторые козацкіе полки состояли изъ 20.000 душъ. Татарами предводительствовалъ самъ ханъ, Исламъ-Гирей, который „правилъ своимъ конемъ хорошо", у котораго „между нимъ и невѣрными была только сабля", какъ заявлялъ онъ Туркамъ при своемъ воцареніи, и который готовъ былъ обманывать своихъ союзниковъ такъ точно, какъ и непріятелей".

Окрестные мужики не были соблазнены добычею и запуганы козакотатарскимъ терроромъ, а потому, въ числѣ 6.000, ушли къ мѣщанамъ въ Збаражъ, подъ защиту панскаго войска.

Положеніе пріютившихся подъ Збаражемъ пановъ было безнадежнѣе того, въ какомъ находился Царь Наливай подъ Лубнами. Они сознавали вполнѣ, что̀ имъ грозитъ, но рѣшились, какъ бы въ искупленіе пилявецкаго бѣгства—или остановить козакотатарскія орды, или погибнуть, какъ это заявилъ старый Фирлей въ прощальномъ письмѣ къ королю. Онъ увѣрялъ, что непріятель пройдетъ во внутренность отечества только по головамъ защитниковъ Збаража. Отъ упадка духа, въ виду наступающихъ сотенъ тысячъ варваровъ, спасала пановъ только надежда, что король скоро придетъ къ нимъ на выручку съ посполитымъ рушеніемъ, котораго двои *вици* они уже читали. Но эта надежда сдѣлалась весьма сомнительною послѣ того, когда ихъ многократныя предостереженія и просьбы о помощи не вызвали у короля и короннаго канцлера никакихъ обѣщаній. Лянцкоронскій писалъ къ полковнику королевской гвардіи, Минору, что можно было бы назвать сумасшедшимъ того, кто бы отважился приблизиться къ Збаражу съ помощью въ нѣсколько сотенъ и даже въ нѣсколько тысячъ воиновъ.

Хмельницкому были извѣстны не только боевыя средства защитниковъ Збаража, но и все, что̀ дѣлаютъ столичные патріоты. Его ко-

заки давали себя сжечь, сохраняя войсковую тайну, но тайны своихъ противниковъ узнавалъ онъ не только отъ захваченныхъ въ плѣнъ жолнеровъ, не только отъ болтливой шляхты, но и отъ варшавскихъ пановъ, такихъ же предателей по природѣ и воспитанію, какимъ былъ онъ самъ. Имѣя всюду подкупленныхъ панскими же деньгами доброжелателей, онъ могъ освѣдомиться даже и о томъ, что цѣлая половина панскаго войска, вписаннаго въ *компутъ*, находилась неизвѣстно гдѣ; что волонтеры бродили по всему государству и опустошали беззащитныя имѣнія своихъ согражданъ, а правители государства, вмѣсто того, чтобы поддержать армію контингентами, „искали только, на кого бы взвалить вину“, какъ это поставилъ Кисѣль на видъ своимъ соотечественникамъ, въ письмѣ къ Оссолинскому отъ 23 (13) іюля. Хмельницкій пользовался панскимъ разномысліемъ и раздѣльностью панскихъ интересовъ съ самаго начала своего бунта. Судьба, казалось, готовила ему и на сей разъ Корсунь да Пилявцы. По словамъ Фирлея въ послѣднемъ, возможномъ еще донесеніи королю, онъ думалъ, что паны бѣжали или готовы бѣжать изъ-подъ Збаража, а потому ускорилъ свое медленное сперва наступленіе, и 6 іюля (27 іюня) былъ уже въ пяти миляхъ отъ нихъ. Въ генеральномъ лагерѣ ждали его черезъ два дня.

Вишневецкій болѣе нежели кто-либо изъ его сподвижниковъ понималъ, какъ трудно подать Збаражскому войску скорую помощь. Онъ лучше нежели кто-либо зналъ, что имѣетъ дѣло съ противникомъ, столь же безпощаднымъ въ холодной хитрости, какъ и въ разъяренномъ бѣшенствѣ. Но бурный духъ нашего Байдича, вооружавшій руку его противъ сеймующаго панства, проявился теперь въ твердой рѣшимости бороться съ дикою силою всѣми своими средствами. Рѣшимость его поддерживала крѣпкая позиція, занятая тріумвирами подъ Збаражемъ.

Збаражъ былъ окруженъ въ то время водами, топями и лѣсами, которые болѣе или менѣе исчезли въ теченіе двухъ сотъ сорока лѣтъ. Эти, какъ говорилось тогда, фортели прикрывали панскій лагерь отъ многочисленнаго непріятеля, а взгорья и байраки, окружавшіе родовое гнѣздо русскихъ нѣкогда князей Збаражскихъ, способствовали вылазкамъ и обезпечивали *пашу* для лошадей.

Черный лѣсъ тянулся тогда до дороги изъ Жалощицъ. Между нею и дорогою, идущею изъ Вишневца, дубовые лѣса съ востока шли до самихъ Люблановъ, а съ юга всѣ окрестности Зарудья, Валаховки, Стрыевки и Кротовичъ были перерѣзаны множествомъ озеръ и топей. Грязистая почва не благопріятствовала движеніямъ татар-

скихъ и козацкихъ наѣздниковъ, тогда какъ у панской конницы на склонахъ окоповъ было довольно мѣста для обороны.

Городъ Збаражъ, окруженный водою съ трехъ сторонъ, помѣщался какъ бы въ глубинѣ подковы. Съ востока и запада обороняли его два озера, соединенныя съ юга рѣчкою Гнѣзною. Отверстіе подковы, обращенное къ сѣверо-западу и глядѣвшее на Жалощицы, было укрѣплено рвомъ и тыномъ. Плеча подковы съ востока продолжали взгорья, а съ запада—черный лѣсъ, такъ что жалощицкою дорогой можно было приблизиться къ городу. На другомъ берегу Гнѣзны, съ востока, возвышался на взгорьѣ сильный зàмокъ Збаражскихъ, зданіе величественное, построенное въ 1587 году, а между нимъ и восточнымъ озеромъ лежало предмѣстье Пригородокъ.

Къ югу отъ города и зàмка волнистая почва представляла высоту, удобную для помѣщенія всѣхъ ожидаемыхъ подкрѣпленій. Начальникъ артиллеріи, Криштофъ Пршіемскій, получившій образованіе во французской арміи, расположилъ становище соотвѣтственно не сбывшимся ожиданіямъ. Тынъ панскаго лагеря прилегалъ къ городу и зàмку, и только одну часть его, выходившую сзади за восточное озеро, предполагалось обезопасить валомъ. Скаредная медлительность худшихъ представителей Польши заставила лучшихъ переиначивать свою диспозицію подъ напоромъ непріятеля.

Вечеромъ того же дня, когда Вишневецкій въѣхалъ въ генеральный лагерь, вернулся пòдъѣздъ, состоявшій изъ 15 хоругвей, и донесъ, что подъ Човганскимъ Камнемъ, въ пяти миляхъ отъ Збаража, встрѣтилъ непріятеля и ведетъ его за собою. Языкъ изъ Гадяча, захваченный пòдъѣздомъ, объявилъ о великой козакотатарской силѣ. И рядовые жолнеры, и полководцы лично бросились къ заступамъ да лопатамъ, какъ это было, полстолѣтія съ небольшимъ, назадъ, въ лагерѣ Яна Замойскаго на Цоцорѣ, гдѣ малочисленное польское войско отсидѣлось въ окопахъ отъ многочисленныхъ азіятцевъ. Скоро старые окопы были возстановлены, и каждый отдѣлъ войска занялъ свою позицію. Войско было раздѣлено на пять частей, подъ начальствомъ пяти дивизіонныхъ полководцевъ: Фирлея, Лянцкоронскаго, Остророга, Вишневецкаго и Конецпольскаго.

Іюля 10 (1), въ субботу, появился козакотатарскій авангардъ. Ему надобно было осмотрѣть непріятельскую позицію и суевѣрно попытать счастья. Первый ударъ предвѣщалъ козакамъ и Татарамъ удачу и неудачу войны.

Панское войско вышло за окопы и построилось въ боевой порядокъ. Въ это самое время къ Збаражу приближался небольшой во-

вой таборъ Вишневецкаго, заключавшій въ себѣ 200 пѣхотинцевъ 200 легко вооруженныхъ всадниковъ. Козаки и Татары окружили, какъ на Желтыхъ Водахъ Стефана Потоцкаго. Но здѣсь не было мѣнниковъ драгунъ. На выручку подоспѣлъ Вишневецкій и первый здоровался съ варварами. Козакотатарскій авангардъ охватилъ его оими крыльями; но на него ударили гусары; онъ разлетѣлся въ кія куны гарцовниковъ,—и возовой таборъ вступилъ въ окопы при юмѣ пушекъ. „Самъ Господь принесъ къ намъ этого человѣка" (пиъ авторъ осаднаго дневника о Вишневецкомъ): „онъ спасалъ насъ совѣтомъ и мужествомъ".

Татары, служившіе въ это время козацкую службу панамъ, сражались храбро противъ своихъ соплеменниковъ, помогавшихъ козакъ, такъ что въ первомъ столкновеніи съ непріятелемъ подъ Збаженъ легло ихъ на мѣстѣ болѣе сотни. Они выходили противъ скихъ гарцовниковъ, раздѣлившись на мелкія части, сперва втроѣ, потомъ вчетверомъ, потомъ вдвоемъ, а потомъ уже бросались ною чатою.

Гарцовники, отступая, облетѣли весь лагерь издали, а между тѣмъ ступали новыя и новыя массы. Онѣ сгущались на горизонтѣ цѣлый ь и продолжали наступать по заходѣ солнца. Теплая и тихая ночь до звучала въ ушахъ осажденныхъ сотнями тысячъ голосовъ.

Чтобъ ободрить войско, князь Вишневецкій задалъ пиръ офицеръ въ замкѣ. Тосты пили подъ звуки трубъ и литавръ. Пушки и ры гремѣли въ отвѣтъ на голоса, долетавшіе въ окопы съ поля. шневецкій вселялъ во всѣхъ бодрость и веселымъ видомъ, и своею ью, которою наставлялъ младшихъ, какъ они должны дѣйствовать ухи прочихъ жолнеровъ... Увы! онъ указывалъ на самое безчест- и вредоносное для Польши дѣло Поляковъ, какъ на самое доивальное и въ настоящемъ случаѣ вдохновительное: онъ пробужъ въ своихъ соратникахъ боевой энтузіазмъ двухлѣтнимъ сидѣнь польскихъ соотечественниковъ своихъ въ сердцѣ Россіи, Москвѣ, лѣтнимъ споромъ за нее съ Московскимъ Царствомъ. Воспитанъ іезуитовъ не нашелъ въ польской исторіи лучшей страницы и ерь, стоя мужественно противъ дикихъ руинниковъ, которые вторгись въ нѣдра цивилизованнаго государства, восхвалялъ такихъ же шниковъ, терзавшихъ сосѣднее государство по указанію папскихъ ретовъ. Римскою логикой своею, онъ побивалъ соотечественниковъ ихъ, въ конечномъ результатѣ больше, чѣмъ хищные варвары— немъ и желѣзомъ.

Козаки и Татары расположились полукружіемъ, символическимъ строемъ послѣдователей Магомета, намекавшимъ на священный для нихъ полумѣсяцъ. Въ полдень слѣдующаго дня, загремѣлъ нашъ Хмѣль 30-ю гарматами своими, и необозримыя массы козако-татарскаго войска двинулись на приступъ, какъ бы съ намѣреніемъ растоптать осажденныхъ въ одинъ пріемъ. Они подняли страшный крикъ, которымъ козаки и Татары всегда сопровождали свои приступы. Но это была фальшивая атака: Хмельницкому надобно было только взвѣсить силу панскаго отпора. Однакожъ тѣхъ, которые не бывали въ бояхъ съ варварами и не знали, что большая часть хмельничанъ была вооружена дубьемъ, дикій крикъ необозримой толпы поразилъ ужасомъ. Участвовавшіе въ походѣ ксендзы вышли съ процессіей, давали всѣмъ желающимъ опрѣсночный сакраментъ и, по выраженію дневника, отрезвили боязливыхъ. Тѣмъ не менѣе густая пальба дѣлала свое дѣло.

„Въ этотъ день" (говоритъ авторъ дневника) „у насъ въ лагерѣ было больше пуль, нежели во Львовскомъ повѣтѣ куриныхъ яицъ. Нѣкоторые изъ региментарей, видя прострѣленными свои палатки и множество падающихъ людей, начали было теряться; но князь Вишневецкій поддержалъ войско своимъ примѣромъ, такъ что Хмельницкій, обѣщавшій хану ночевать въ нашемъ лагерѣ, долженъ былъ отступить со стыдомъ".

Въ понедѣльникъ 12 (2) іюля подошли остальные козацкіе полки съ возовымъ таборомъ и расположились въ четверти мили отъ панскаго лагеря, занявъ цѣлую милю своимъ становищемъ.

Ночью насыпали козаки три шанца, вооруженные 40 пушками и открыли пальбу на разсвѣтѣ. Но козацкіе пушкари больше гремѣли, нежели вредили своему непріятелю. Хмѣль не успѣлъ навербовать пушкарей, которыхъ бы стоило, по примѣру Царя Наливая приковывать къ пушкамъ.

Во вторникъ 13 (3) іюля начался общій приступъ, одинъ изъ самыхъ страшныхъ. Правое крыло, гдѣ стоялъ Вишневецкій, отразилъ нападающихъ скоро. Но лѣвое, напротивъ стоянокъ Фирлея, колебалось между гибелью и спасеніемъ. По словамъ дневника, региментари совѣщались уже о бѣгствѣ въ замокъ (consilia już były uciekać do zamku), и войско спаслось отъ паники только благодаря тому что Вишневецкій, отразивъ у себя нападеніе, подкрѣпилъ во-время Фирлея. Съ величайшими усиліями удалось панамъ сбить хмельничанъ съ валовъ. Въ это время Маркъ Собѣскій выскочилъ за валы съ отрядомъ конницы и ударилъ на бѣгущихъ сбоку. Множество ко-

ихъ потонуло въ озерѣ; но кому посчастливилось выбраться на сушу, тѣ снова лѣзли на валы въ слѣпой завзятости.

Наконецъ Хмельницкій велѣлъ трубить отступленіе. Панскія хоругви преслѣдовали бѣгущихъ, взяли одинъ изъ козацкихъ шанцевъ и овладѣли нѣсколькими *прикмѣтами*, какъ называли козаки свои знамена и бунчуки.

Между тѣмъ со стороны восточнаго озера грозила панамъ великая опасность. Были тамъ еще недоконченные окопы съ весьма слабымъ прикрытіемъ. Ударилъ на нихъ полковникъ Бурлій, обойдя незамѣтно во время приступа правое крыло. Венгерская пѣхота, оборонявшая то мѣсто, начала бѣжать, и Бурлій могъ бы оттуда вторгнуться въ становище Фирлея. Но опасность была замѣчена во-время. Пршіемскій убилъ собственноручно венгерскаго знаменщика, выхватилъ у него знамя и повелъ пѣхоту на Бурлія. Козаки, вторгнувшіеся въ лагерь, были истреблены, и Бурлій отступилъ. Онъ отступилъ въ порядкѣ, но ему было теперь трудно обойти цѣлое крыло панскаго лагеря, чтобы соединиться съ козацкими полками. Хмельницкій послалъ ему на выручку Морозенка съ козацкою конницей; но едва они сошлись, какъ заступила имъ дорогу дивизія Конецпольскаго. Здѣсь Александръ Конецпольскій смылъ съ себя пятно бѣгства изъ-подъ Пилявцевъ. Бѣшено бились козаки съ паномъ, на котораго молва ихъ взваливала вину всего замѣшательства. Наконецъ Бурлій, знаменитый морскими походами своими, палъ вмѣстѣ со множествомъ товарищей своего покушенія; а Морозенка выручили Татары.

Дорого стоили козакамъ ихъ завзятые приступы. Въ озерѣ потонуло ихъ столько, что осажденные не могли больше пользоваться озерной водою, и рыли себѣ колодцы. Козацкій трупъ лежалъ мѣстами высотой въ человѣческій ростъ.

Героемъ этого страшнаго для пановъ дня былъ Вишневецкій: безъ него здѣсь повторилась бы Корсунщина. Съ самаго появленія своего подъ Збаражемъ и до конца грозной осады, онъ подвизался тамъ умѣньемъ возбуждать въ своихъ соратникахъ чувство чести и ярости, которое дѣлало невозможное возможнымъ и сверхчеловѣческое—обыкновеннымъ. За нимъ шли въ огонь тѣ хоругви, которыя поворачивали уже къ бѣгству. При немъ не страшно было умереть. Его слова, его движенія дѣйствовали на изнемогшихъ и отчаявшихся въ успѣхѣ, какъ волшебство. Геройское безстрашіе и козацкая мстительность знаменитаго колонизатора отдаленнѣйшихъ малорусскихъ земель дѣлали смѣлыми воинами шляхетныхъ трусовъ и превращали въ спартанцевъ изнѣженныхъ панятъ. Теперь козаки перемѣнили свое

мнѣніе о Ляхахъ, которые „умираютъ отъ страха“ при видѣ ихъ побратимовъ, Татаръ; а Татары перемѣнили мнѣніе о „козацкомъ счастьѣ“ и о *фортунности* Козацкаго Батька,—тѣмъ болѣе, что въ это время надъ Припетью, между знаменитою по Наливайку, Рѣчицею и Петриковичами, литовское войско разбило полковника Кричевскаго, перебило и потопило въ Припети 28.000 козаковъ, а остальныхъ 5.000 держало въ тѣсной осадѣ.

Но въ опасныхъ бояхъ 13 іюля паны удостовѣрились, что въ такомъ обширномъ лагерѣ нельзя имъ оборониться. Опять принялись они за ремесло *могильниковъ* поголовно, помогая въ работѣ рядовым жолнерамъ, пахолкамъ и сидѣвшимъ въ Збаражѣ мужикамъ. Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня былъ у нихъ конченъ окопъ, надежнѣйші прежняго. Они стѣснили свой лагерь почти на цѣлую треть проти первоначальнаго расположенія: ту часть недоконченныхъ валовъ н лѣвомъ крылѣ, на которую всего сильнѣе напирали козаки, оставил а новый окопъ насыпали поближе къ линіи восточнаго озера. Хмел ницкій не отважился на повтореніе вчерашняго приступа, боясь ур нить себя окончательно во мнѣніи Татаръ, которые многолюдство своимъ и страхомъ имени своего сдѣлали его Желтоводскимъ, Корсу скимъ и Пилявецкимъ побѣдителемъ. Его должна была смущать вѣст о томъ, что его пріятель Кричевскій палъ въ Бѣлоруссіи отъ полу ченной въ грудь раны, а предводимое имъ войско погибло. Блока была болѣе вѣрнымъ и менѣе рискованнымъ дѣломъ. Хмельниц началъ дѣлать къ ней приготовленія чрезвычайныя.

Прежде всего заперъ онъ панское становище и всѣ проход которыми осажденные могли бы отступить, или доставлять ночью кор для лошадей. Съ этою цѣлью занялъ онъ дорогу къ Жалощицамъ Вишневцу, а также села Базаринцы, Залужье и Старый Збараж Потомъ построилъ 16 громадныхъ машинъ, называвшихся *гуляй-го динами*, иначе *штурмами*, на подобіе подвижныхъ замковъ, на к кахъ и колесахъ. Между нихъ двигались готовые мосты для пере да рва, длинныя лѣстницы и другіе снаряды для приступа. Напроти панскихъ окоповъ козаки рыли поперечные рвы и прикрывали землею, такъ чтобъ оттуда можно было стрѣлять и дѣлать подко Этимъ способомъ придвигались они всё ближе и ближе къ панско лагерю, прикрываясь шанцами и защищая пальбою съ нихъ даль шую свою работу; наконецъ такъ близко подступили къ панскому дугу, что могли слышать голоса осажденныхъ.

Во время такихъ приготовленій не переставалъ Хмельниц штурмовать осажденныхъ ни днемъ, ни ночью. Но Татары вовсе

рестали наступать и превратились въ зрителей борьбы небольшаго войска съ подавляющею массою. И было на что смотрѣть. По словамъ пилявецкихъ побѣдителей, въ збаражскихъ окопахъ сидѣли Тхоржевскіе да Заіончковскіе; на дѣлѣ же Татары видѣли тѣхъ Замойскихъ, Жолковскихъ, Ходковичей, Хмелецкихъ и Конецпольскихъ, которые были памятны ихъ отцамъ и имъ самимъ.

Ханъ Исламъ-Гирей началъ подумывать о выборѣ между воюющихъ сторонъ, и прислалъ съ этой цѣлью своего маршала, Сеферъ-Кази, къ Вишневецкому. Они съѣхались въ полѣ для переговоровъ. Вишневецкій увѣрялъ Татаръ, что козаки, опершись на ихъ помощь, отплатятъ за нее предательствомъ. Татары предлагали ему миръ, но князь отвергъ унизительныя условія мира (marszałek hański perswadowал pacem, ale toby było nam infame).

Между тѣмъ Хмельницкій велъ безуспѣшно подкопы подъ городъ, раскапывалъ гребли и пытался отнять у пановъ воду; а когда это не удалось, началъ раскапывать гребельки вверху, чтобы затопить панскій лагерь. Но козаки были такіе же плохіе гидравлики, какъ и пушкари. Свое безсиліе подкрѣпляли они крикомъ (krzykiem siła nadrabiali).

14 (4) іюля козацкіе полковники штурмовали стоянки Вишневецкаго. 16 (6)-го ночью былъ такой сильный приступъ, что Небаба и Гладкій потеряли, какъ записано въ дневникѣ, 3.000 народу. „Едва-едва не овладѣли козаки городомъ (o mały włos nie mieli miasta)“, писалъ авторъ дневника: „тогда бы отняли у насъ и городъ, и воду“. 17 (7-го) подошелъ къ городу отрядъ полковника Θедоренка. Пользуясь утреннею мглою, перешелъ онъ валъ и уже началъ рубить частоколъ, какъ поднялась въ стану и въ городѣ тревога. На звонъ колоколовъ и громъ пушекъ, двинулись отовсюду козаки къ Збаражу. Но мужественный полковникъ Корфъ, предводитель рейтаръ, отразилъ нападеніе.

Послѣ этого паны рѣшили -- насыпать новые валы поближе къ городу. Мѣщане и мужики работали день и ночь. Военные люди помогали имъ ночью, а днемъ отражали приступы. Въ теченіе двухъ дней внутри лагеря появились высокіе валы.

18 (8) іюля козаки, по словамъ дневника, сдѣлались ласковѣе (łaskawszemi się stawili): не очень сильно наступали, только осыпали князя Вишневецкаго бранью и угрозами (tylko mu łajali a grozili).

19 (9) іюля козаки цѣлый день стрѣляли изъ шанца, устроеннаго ими въ прежнихъ стоянкахъ Фирлея, а ночью двинулись на приступъ. Гуляй-городины пришли въ движеніе; козаки лѣзли на валы слѣпо. На стоянки Вишневецкаго напирали такъ бѣшено, что нѣко-

торые региментари опять совѣщались о бѣгствѣ въ за̀мокъ; но Вишневецкій не согласился на это ни подъ какимъ видомъ. Вдругъ полился такой сильный дождь и сдѣлалась такая буря, что козаки были принуждены отступить. Вода залила шанцы, лилась ручьями въ прикрытые землею рвы, въ апроши, и скоро смѣшала все въ одну страшную лужу. Козаки съ трудомъ увезли свои гарматы и аммуницію, а гуляй-городины остались посреди пустаго пространства, затопленнаго мѣстами на 5 шаговъ глубины.

Козаки могли оставить при своихъ машинахъ только небольшое прикрытіе. Для Вишневецкаго это прикрытіе было препятствіемъ ничтожнымъ. Онъ выбралъ 500 жолнеровъ, послалъ ихъ съ зажигательными снарядами подъ гуляй-городины и самъ стоялъ съ обнаженною саблею, а къ региментарямъ послалъ наказъ, „чтобы не думали о бѣгствѣ въ городъ". Захваченные врасплохъ сторожа *штурмовъ* были вырѣзаны, и машины Хмельницкаго запылали, не смотря на продолжавшійся дождь. Конные козаки „погнали" пѣшихъ на оборону штурмовъ, но всѣ усилія погасить огонь были напрасны.

Цѣлость лагеря въ этотъ опасный день жолнеры приписывали, вопервыхъ, вмѣшательству Pana Boga въ дѣла ортодоксальныхъ его поклонниковъ, а вовторыхъ—мужеству князя Вишневецкаго, который дѣлался у нихъ героемъ легендарнымъ.

Утромъ стали паны переходить въ уменьшенное становище. Хмельницкій тотчасъ же занялъ оставленные окопы, и въ наступившій вечеръ 20 (10) іюля сдѣлалъ къ свѣжимъ валамъ приступъ, который продолжался до поздней ночи. Темнота прекратила нападеніе. Свѣтомъ осажденные увидѣли себя окруженными со всѣхъ сторонъ высокимъ валомъ, а пальба не позволяла имъ показываться на своемъ валу. Въ слѣдующее утро увидѣли они другой валъ, еще ближе къ лагерю. Татары густо стрѣляли изъ луковъ, а козаки засыпа̀ли панскій обозъ пулями, точно градомъ. Наконецъ Хмельницкій окружилъ пановъ и третьимъ валомъ, подѣлалъ кругомъ высокіе шанцы и сталъ подкапываться апрошами къ самому редуту своего непобѣдимаго непріятеля. Осажденные защищались кіями, каменьемъ, пращами и чѣмъ ни попало: они щадили порохъ для того, чтобы пасть не иначе, какъ съ оружіемъ въ рукахъ. Когда же начался огненный бой, хоругви въ дыму едва различали своихъ, и жолнерамъ, въ жару завзятости, казалось, что пули отскакиваютъ отъ нихъ чудеснымъ способомъ (nic to było wziąść po boku, po łbu, a nazad cudownym sposobem odlatywały kule bez szkody naszych). Изъ пилявецкихъ трусовъ вдохновительный Байдичъ подѣлалъ козаковъ-характериковъ, которыхъ „не бра-

ла пуля". Еслибы въ нашу малорусскую семью не вползли изъ-за спины пріятелей Ляховъ ксендзы, теперь бы два талантливые Русича вели наши силы противъ общаго непріятеля, а не одну противъ другой, и никто изъ нихъ не носилъ бы на своемъ челѣ печати братоубійцы.

Въ теченіе десяти дней ежедневно и почти ежечасно происходили козацкіе приступы. Но чѣмъ сильнѣе напирали козаки, тѣмъ ближе представлялась панскому войску выручка. „Козаки потому такъ бѣшено рвутся въ окопы" (говорилъ жолнерамъ Вишневецкій), „что приближается король. Еще немного твердости,—и мы помстимся надъ свирѣпыми врагами". Такъ вызывалъ онъ въ своихъ соратникахъ одно чувство за другимъ, точно бойцовъ, смѣняемыхъ для отдыха. И дороже славы, заманчивѣе богатой добычи, сладостнѣе свиданія съ родными, желаннѣе всего на свѣтѣ—представлялось измученному войску чувство возмездія. Богиня Немезида, дочь Ночи, затмевала здѣсь бога Марса, сына блистающаго молніями Зевса и свѣтозарной Геры. Она была божествомъ справедливости, какъ понимаетъ справедливость воинъ. Но истощеніе физическихъ и нравственныхъ силъ доходило у жолнеровъ до крайности, зловѣщей предшественницы апатіи, которая погубила войско великаго Жовковскаго въ самомъ горестномъ и самомъ славномъ его походѣ.

Чтобы сколько-нибудь оправиться и сдѣлать новыя укрѣпленія, паны постановили войти съ Хмельницкимъ и съ ханомъ въ переговоры.

Съ козацкой стороны также чувствовалась надобность въ передохѣ. По извѣстію осаднаго дневника, весьма вѣроятному, у козаковъ подъ Збаражемъ погибло тысячъ 50 народу. Хотя козаки безпощадно гоняли окозаченныхъ мужиковъ на приступы, но собственныя утраты ихъ болѣли, какъ и собственныя раны. Передохъ былъ имъ нуженъ и для того, чтобы потомъ принести тѣмъ болѣе щедрую жертву воинской богинѣ справедливости, которой они поклонялись одинаково съ панами.

Сперва Хмельницкій отпустилъ панскаго трубача безъ отвѣта; но на другой день, передъ обѣдомъ, гарматы его умолкли, и съ козацкихъ шанцевъ раздался крикъ: „Угамуйтесь, не стреляйте, до й мы не будемо"!

Хмельницкій пожелалъ видѣть Зацвилиховскаго, который нѣсколько времени былъ королевскимъ коммиссаромъ у козаковъ, и котораго въ обычной челобитной царю о жалованьѣ назвали они гетманомъ. Въ товарищи ему дали паны молодаго Киселя, новгородсѣверскаго хоружаго. Хмельницкій говорилъ много о своихъ личныхъ и козацкихъ обидахъ, которыя де вызвали все это кровопролитіе.

Переговоры кончились ничѣмъ; но достойны замѣчанія слова Козацкаго Батька, обращенныя къ Зацвилиховскому: „Казàвъ я тобі, шанòвный пàне, що пòки бỳдешъ у насъ комисаровàти, пòти Вíйсько Запорòзьке посѣдить, якъ за бàтька; а тепѐръ щò бỳде, Богъ тѐе знàе".

Потомъ онъ убѣждалъ Зацвилиховскаго остаться у него, обѣщая ему всякія почести (wszelką obserwantiam). Но Зацвилиховскій предпочелъ бѣдствовать съ панами.

Этой сценѣ предшествовала еще одна человѣчная черта козакопанской усобицы. Когда прекратилась обоюдная пальба, паны отправили въ козацкій таборъ трубача съ письмами, въ которыхъ убѣждали козаковъ къ примиренію во имя взаимныхъ выгодъ и чувства долга. Но взаимныя выгоды спутались уже въ нераспутываемый мотокъ взаимныхъ недоразумѣній и предубѣжденій, а понятія о долгѣ совсѣмъ затмились. Московскому мечу предстояло положить конецъ козакопанской путаницѣ, а царской диктатурѣ—обратить и козака и пана на путь общественныхъ и государственныхъ обязанностей. Не смысля ничего такого и не проникая въ будущее разумѣніемъ прошедшаго, козаки остались глухи къ панскимъ убѣжденіямъ, но трубача панскаго приняли хорошо и наградили (nasz trębacz dobrze przyjęty, udarowany).

Въ числѣ людей, запутавшихъ свои счеты съ совѣстью и старавшихся новыми злодѣйствами оправдать старыя, явился здѣсь передъ нами сынъ Хмельницкаго и предокъ Мазепы по душѣ, Выговскій. Покамѣстъ, онъ оправдывалъ свое сообщество съ козаками тѣмъ, что Хмельницкій выкупилъ его на Желтыхъ Водахъ у Татаръ „за одну кобылу", да тѣмъ, что у него въ Кіевщинѣ есть отецъ, братья, сестры etc. и еслибы онъ измѣнилъ Хмельницкому, то Хмельницкій велѣлъ бы истребить все родство его. Но авторъ осаднаго дневника, называвшій себя „украинцемъ", замѣтилъ, что важную роль въ его предательствѣ играетъ его образованность, или умъ, какъ тогда смѣшивали одно съ другимъ, и что этимъ преимуществомъ онъ пріобрѣлъ между козаками значеніе (jako zawsze był nie prostak, tak i teraz u nich swoją ma powagę).

Панскіе переговоры съ ханомъ также не привели ни къ чему. Не хотѣлъ ханъ оставить козаковъ, какъ убѣждали его паны. Напротивъ, объявилъ, что держитъ въ рукахъ пановъ (ma naz w garści), что до сихъ поръ только шутилъ съ ними (żartował), а завтра (27 (17) іюля) вытащитъ всѣхъ ихъ за чубъ (za łeb wszystkich wywlecze).

Іаны отвѣчали ему: „Кто придетъ за нашею головой, тотъ принесетъ свою собственную". Они поклялись лечь одинъ за другимъ.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ слѣдующій эпизодъ козакоанскаго передоха. Когда прекратилась обоюдная пальба, начался (пиеть авторъ дневника, „украинецъ") congressus нашихъ знакомыхъ о знакомыми козаками и пріятельскіе разговоры (rozmowy przyjaielskie). Обоюдное сожалѣніе (compassio), что христіанская кровь ьется невинно. Нѣкоторые спрашивали о домашнихъ дѣлахъ, вышеди за самый валъ. Мы угощали ихъ табакомъ".

Этотъ мимолетный разсказъ дѣлаетъ впечатлѣніе свѣжаго вѣтра въ удушливомъ воздухѣ. Взаимная злоба была не такъ велика и е такъ всеобъемлюща, какъ это можно заключить по звѣрскому остервенію гайдамакъ, очутившихся на произволѣ своихъ дикихъ страей. Кровавый пожаръ, раздуваемый, по признанію Киселя, восточымъ и западнымъ вѣтромъ, утихалъ въ силу изнеможенія природы ловѣческой, и наши православные предки вмѣстѣ съ предками нонизованныхъ Русичей залили бы его слезами своихъ женъ и дѣтей; боги, сражавшіеся руками смертныхъ, въ ревнивомъ обладаніи оемъ землею, не внимали голосу человѣчества, и даже подъ громъ раздѣлившейся на ся государственной арматы, продолжали свое бительное дѣло.

Въ панскомъ стану былъ смертельно раненъ капитанъ артиллеи, то-есть одинъ изъ тѣхъ бойцовъ, которыхъ искусству осажденіе всего больше были обязаны своею цѣлостью; но онъ, въ качеѣ протестанта, признавалъ только небеснаго Бога, отрицая наѣстника его на землѣ. Министръ-капелянъ Фирлея, также протеанта, хотѣлъ напутствовать умирающаго воина въ невѣдомую нико область, но ревнители единаго пастыря душъ человѣческихъ проали съ побоями изъ замка проповѣдника безразличной любви къ къ небеснаго Отца („od naszych księży wybity i wygnany z zamku," шетъ „украинецъ"). Въ другое время вѣрный слуга князя Вишнеаго палъ съ оружіемъ въ рукахъ, какъ подобало честному воину, онъ былъ аріанинъ, и потому, опровергнутый ксендзами, зарытъ въ момъ валу, какъ песъ.

Во время переговоровъ почти не было приступовъ. Стрѣляли лько съ шанцевъ и валовъ какъ бы въ знакъ непримиримости, а въ ромежуткахъ пушечнаго грохота перебранивались и обмѣнивались насмѣшками.

Козаки *гукали*: „Чомъ, панове не загадуете своимъ пiдданымъ жадноі роботы? Осьрікъ минае, літо сходить, а ще чиншi та десяти-

на въ бидла не выбрана. Волы жалібно мукають: хочуть на ярмалокъ до Вроцлава".

— „Даемо вамъ пільгу въ работі" (отвѣчали жолнеры), „та незабаромъ, на оонаку тяжкоі неволі, сыпатимете Вишневѣцькому греблю черезъ Дніпрô. Чиншъ не заляже: выбере ёго військо литовське. Десятины повыбірають Татаре, и замісъ бидла, жінокъ та дітей вашихъ поженуть волй до Крыму".

— „Та годі вамъ, панове пручатись" (кричали съ вала козаки): „тілько кунтуші покаляли та сорочки подрали, по шанцяхъ лазячи. Оцѐ вамъ паробило очковѐ та панщина, та пересуды, та сухомельщина. Гарна въ васъ тоді була музыка, а теперъ ще краще заграли вамъ у дудку козаки".

Но танцовали подъ козацкую дудку только тѣ, которые возвели на польскій престолъ разстригу іезуита, да тѣ, которые вмѣстѣ съ нимъ отняли у князя Вишневецкаго диктатуру. Пока длились переговоры да перебранки, паны еще однажды съузили свои укрѣпленія и придвинулись непосредственно къ замку. Открытую часть города которую рѣчка Гнѣзна отдѣляла отъ замка, укрѣпили валомъ и присоединили къ замку рвами и окопомъ. Насыпали также валы отъ Пригородка, который составлялъ лѣвое крыло, такъ что замокъ, сто на челѣ лагеря, заслонялъ весь городъ: ибо Подзамче и Пригородокъ принадлежали къ городу.

Между тѣмъ жолнеры захватили въ плѣнъ хорунжаго татарско гвардіи Хмельницкаго. Отъ него паны выпытали, что козаки боятс скораго прихода короля, о чемъ у нихъ разнесся слухъ, и пото употребляютъ крайнія мѣры, чтобы „кончить Ляховъ"; а съ друг стороны (говорилъ хорунжій) пришли вѣсти, что литовскія войс идутъ въ Украину; что козаки въ большой тревогѣ за своихъ женъ дѣтей, а Хмельницкій убѣдилъ хана вызвать на переговоры главны пановъ, съ тѣмъ чтобъ оставить у себя въ неволѣ. По словамъ х рунжаго, самъ Хмѣль проговорился объ этомъ съпьяна.

Около того же времени 12 товарищей изъ-подъ разныхъ хор вей князя Вишневецкаго, подкравшись къ непріятельскимъ вала увидѣли троихъ козаковъ, играющихъ въ карты, двоихъ убили, третьяго, Грицька изъ Чигирина, принадлежавшаго къ полку сам Хмельницкаго, привели къ Вишневецкому. По увѣренію Грицька Ч гиринца, Хмельницкій хлопоталъ вовсе не о томъ, чтобы взять п скій лагерь: онъ только хотѣлъ вынудить у пановъ окупъ. Говори еще Чигиринецъ, что козаки боятся наступленія короля, что с боятся за своихъ женъ и дѣтей, которыхъ некому оборонить отъ Л

і, такъ какъ сюда вышли всѣ поголовно, и что мужики начали по ...мъ бѣгать изъ табора. „Эта реляція" (сказано въ дневникѣ „украин..." „поддержала отчаявшійся духъ нашъ (и nas zdesperowane duchy ...silila), и мы, какъ бы воскреснувъ, рѣшились наступать сильнѣе ... непріятеля фортелями".

30 (20) іюля, на разсвѣтѣ, начали паны переходить въ новый ...герь, оставивъ на старомъ валу по 15 человѣкъ изъ каждой хоруг... Не успѣли они занять и половины новаго укрѣпленія, какъ Хмель...чане пошли на приступъ. Пѣшіе панскіе полки обратились на ...трующихъ, и такъ какъ у нихъ не было времени заряжать ружья, ...дрались прикладами и холоднымъ оружіемъ, пока, съ великими по...ями, отступили въ новые окопы къ самому замку.

Хмельницкій занялъ тотчасъ оставленное становище, поставилъ ...валахъ пушки, и подъ защитой пальбы, въ три часа окружилъ ...скій редутъ валомъ, наконецъ придвигался къ нему на 30 ша...въ. Чаще и чаще дѣлалъ онъ покушенія ворваться въ панскій ла...рь; но всякій разъ его Перебійносы сталкивались въ лагерѣ съ Кня...мъ Яремою, съ этимъ шляхетскимъ характерникомъ, съ этимъ пан...имъ козакомъ-невмиракою, котораго не брала никакая пуля, кото...й ночевалъ подъ самимъ валомъ, появлялся впереди своихъ бой...въ при всякой тревогѣ и прогонялъ козаковъ-пищальниковъ руко...пашнымъ боемъ.

Вообще козацкіе приступы не отличались боевой силой и смѣ...лостью, а самого Хмеля никогда не видали въ бою. И у царя Наля...ѣ, въ десятитысячномъ его таборѣ, Жевковскій насчитывалъ только ...00 добрыхъ воиновъ. Пропорціонально столько же было ихъ и меж...козаками Хмельницкаго. Часто впереди наступающихъ козаковъ ...ли рогатый скотъ, чтобъ обезсилить панскую пальбу, а во время ...аго приступа козаки прикрывались мужиками, у которыхъ на гру...вѣсѣли торбы съ пескомъ. Торбоносцы были народъ, попавшій ...ду молота и наковальни. Еслибъ они вздумали бѣжать, имъ сзади ...и козацкіе списы и татарскія луки. Они лѣзли впередъ, зажмуривъ ...за, какъ обреченные на казнь, и часто, среди крика, который под...мали козаки и Татары, умоляли пановъ пощадить ихъ отъ пальбы. ...ерпь молила о милосердіи (plebs o miłosierdzie implorabat), поддава...ясь въ полное рабство", доносилъ въ Варшаву Казимировскому съ по...ля королевскій сподвижникъ, и это было извѣстіе справедливое. О ...мъ, что козаки *загонями* навербованныхъ мужиковъ на приступъ, ...орится въ дневникахъ, какъ о дѣлѣ повседневномъ. Для того, что...бъ вынудить у пановъ окупъ, не щадили несчастныхъ новобранцевъ.

Это было еще хуже со стороны Хмельницкаго, чѣмъ изъ-за своихъ обидъ броситься съ огнемъ и ножемъ на всю шляхту. Козаки-коронники, составлявшіе только малую часть хмельничанъ, выручались и подъ Збаражемъ кровью пѣшихъ затяжцевъ, прозелитовъ козатчины, какъ это было подъ Кумейками, гдѣ они натравили завзятыхъ на Потоцкаго, и убрались прочь за добра ума. Разница была только въ томъ, что они подстрекали мужиковъ къ бою не словами, а коньми.

Напрасно ханъ вызывалъ Вишневецкаго съ первенствующими панами на переговоры: осажденные видѣли въ этомъ злой умыселъ Хмельницкаго, который присовѣтовалъ хану захватить князя Ярему въ плѣнъ во время переговоровъ. Тогда Хмельницкій пытался подорвать осажденныхъ подкопомъ. Мысль эту подали ему перехваченныя письма Вишневецкаго къ королю. Чтобы сломить все еще бодрый духъ полководца, который въ его глазахъ стоилъ больше всего польскаго войска, Хмельницкій возвратилъ Вишневецкому письма съ посланцомъ, которому поручилъ всучить свой универсалъ Нѣмцамъ, которымъ обѣщалъ за измѣну больщій жолдъ и подарки. Но Нѣмцы представили его универсалъ Вишневецкому.

Здѣсь выступаютъ передъ нами два рыцаря въ собственной характеристикѣ. Краткую записку, безъ подписи, съ перехваченными письмами, Хмельницкій адресовалъ князю, называя его своимъ пріятелемъ хотя и не искреннимъ (przyjacielowi naszemu choć nieżyczliwemu oddać); увѣдомлялъ князя, что посланцу его отсѣкли голову; увѣрялъ что король скорѣе дождется къ себѣ козаковъ, чѣмъ осажденные — помощи его, и заключалъ удивленіемъ, что Вишневецкій не удовольствовался своимъ заднѣпровскимъ государствомъ, въ которомъ козаки хотѣли оставить его неприкосновеннымъ.

На грубіянскую и лживую записку Вишневецкій отвѣчалъ приличнымъ письмомъ, въ которомъ называя своего непріятеля мостивымъ паномъ гетманомъ, удивлялся, откуда у него такое недоброжелательство, что и посланца его приказалъ убить, и къ нему самому не обратился съ письмомъ приличнымъ. Вспоминая о прошломъ (писалъ онъ) „Хмельницкій имѣлъ бы много причинъ благодарить его за милости и благодѣянія. Князь увѣщевалъ его опомниться, какъ доброжелатель Запорожскаго Войска отъ предковъ. Далѣе выражалъ увѣренность в могуществѣ короля, и писалъ, что не всѣ донесенія осажденныхъ перехвачены". „И это не хорошо" (внушалъ онъ спокойно Хмельницкому), „что вы прислали универсалъ для возмущенія иноземнаго войска. Между ними большая часть такихъ, которые никогда не измѣняли (замѣчалъ онъ тономъ нравственнаго превосходства, и возвращалъ ун

версалъ, „какъ ненужный)“. „Что вы въ моемъ заднѣпровскомъ владѣніи“ (писалъ онъ далѣе) „не допускали опустошенія, это вы сдѣлали по надлежащему: ибо оттуда Запорожское Войско получало много благодѣяній, какъ отъ предковъ моихъ, такъ и отъ меня“. Въ заключеніе, Вишневецкій писалъ: „Не гнѣваюсь, что мои подданные пристали къ вашему войску: вѣроятно, были они въ тому приневолены (musieli podobno); но прошу не держать ихъ при себѣ, а отправить домой, за что я, въ свое время, буду благодаренъ“, и подписался доброжелательнымъ пріятелемъ (życzliwy przyjaciel Her. Xżę na Wiśniowcu i Łubniach, wojewoda ruski).

Теперь наступили для осажденныхъ такіе дни, что всѣ ихъ предшествовавшіе опасности, труды и бѣдствія показались имъ только началомъ борьбы за свою жизнь и за воинскую честь. Въ распоряженіяхъ козацкаго гетмана была замѣтна лихорадочная поспѣшность, а въ козацкихъ таборахъ—необычайная суетливость. Начиная съ 1 августа, приступъ, можно сказать, не прерывался въ теченіе нѣсколькихъ сутокъ. Шанцы Хмельницкаго стояли всего въ 30 шагахъ отъ панскаго вала. День и ночь козаки безпрестанно стрѣляли изъ своихъ, правда, не очень мѣткихъ гарматъ и весьма мѣткихъ „семипядныхъ“ пищалей, а на разсвѣтѣ, въ полдень и въ полночь штурмовали валы. Всякій разъ на приступъ ходили новые, подпоенные горілкою полки, при звукахъ трубъ, съ пѣснями и восклицаніями. Татары гнали передъ собою чернь и крикомъ *Аллахъ!* и придавали козакамъ смѣлости. Тогда-то были кровавою дѣйствительностью дошедшія до насъ кобзарскія думы, въ которыхъ пьяный и опьяняющій Хмѣль хвалился своею завзятостью:

Та ще й Орду̀ за собо̀ю веду̀,
А все, вра̀жі Ляхи̇, та на ва̀шу бі̇ду̀.

Отъ многочисленныхъ сытыхъ и пьяныхъ полчищъ панскіе окопы защищала, можно сказать, горсть невыспавшихся, голодныхъ и оборванныхъ воиновъ. Малоруская исторіографія въ осадномъ сидѣньѣ подъ Збаражемъ не хочетъ признать за панами превосходство мужества. Она безчестно называетъ героевъ загнанными въ окопы трусами, для которыхъ бѣгство было невозможнымъ. Она съ рабскою насмѣшливостью представляетъ воинственность осажденныхъ однимъ бравурствомъ. „Пускай-де скажутъ о насъ: Ай да Поляки!“ *) И одна-

*) Костомаровъ, „Богданъ Хмельницкій“, изд. 4, стр. 106.

ножъ, этихъ трусовъ, этихъ тщеславныхъ самохваловъ не могло ни взять живьемъ, ни перебить и перестрѣлять стотысячное козацкое войско, вспомоществуемое всѣми татарскими ордами. Одного этого факта достаточно, чтобы всяческая враждебность къ воинамъ-колонизаторамъ исчезла въ благородномъ (у кого оно есть) чувствѣ удивленія къ ихъ доблестямъ въ борьбѣ съ тѣми, которые, какъ у насъ пишутъ, возстали за свою вѣру, за свою честь, за свое имущество, за свою жизнь, и которыхъ Татары подгоняли къ приступамъ нагайками. Еслибы въ какомъ-нибудь новомъ ордынскомъ нашествіи погибли всѣ документы польскорусской дѣятельности и уцѣлѣли только свидѣтельства о збаражской осадѣ, то въ отдаленномъ будущемъ по этимъ свидѣтельствамъ безпристрастный историкъ заявилъ бы вѣкамъ грядущимъ, что былъ на свѣтѣ народъ, выработавшій на чемъ-то величавую твердость духа и благородное самопожертвованіе.

На густую козацкую пальбу отвѣчали уныло замковыя пушки. Но за то у панскихъ пушкарей не пропадалъ ни одинъ выстрѣлъ, тогда какъ гарматы козацкіе часто ревѣли попусту. Въ числѣ панскихъ стрѣлковъ прославился въ это время одинъ изъ новорожденныхъ въ малорусскомъ Переяславѣ іезуитовъ, ксендзъ Муховецкій, котораго авторъ осаднаго дневника называетъ „нашимъ украинцемъ изъ Переяславскаго коллегіума". Въ Збаражскомъ Пригородкѣ стояла дубовая башня. Съ этой башни стрѣлялъ онъ изъ своей рушницы-*гульдынки* и, по общему свидѣтельству, въ теченіе осады убилъ 250 козаковъ. Но и прославленная гульдынка должна была скоро умолкнуть: у пановъ оставалось аммуниціи уже только на шесть дней. Въ темныя ночи бросали они съ валовъ пылающія мазницы и возовыя оси, чтобъ освѣтить крадущихся козаковъ. Старые жолнеры говорили, что ни въ какой войнѣ не дѣлали того, что повыдумали теперь Фирлей да Вишневецкій.

Въ среду 4 августа стали говорить въ панскомъ лагерѣ, что Хмѣль двинулся куда-то съ частью своего войска. Предполагая, что онъ пошелъ для отраженія короля, князь Вишневецкій въ четвергъ, 5 августа, сдѣлалъ смѣлую вылазку, чтобы въ этомъ удостовѣриться. Но вылазка доставила панамъ только 16 козацкихъ прикметъ. Захваченные вмѣстѣ съ тѣмъ языки говорили, что Хмѣль опечаленъ потерею полковника Өедоренка, котораго застрѣлилъ недавно ксендзъ Муховецкій, когда онъ подводилъ мину подъ губительную башню, и что за это хочетъ онъ ударить ночью пановъ всѣми своими силами. Паны приготовились къ ночной битвѣ; однакожъ, ночь прошла безъ тревоги.

Въ пятницу, 6 августа (27 іюля), въ день любимаго козацкаго святого, Палѣя, на разсвѣтѣ, Хмельницкій сдѣлалъ общій приступъ со всѣхъ сторонъ. Напирали въ особенности на стоянки Остророга. Появились новыя гуляй-городины, изъ которыхъ каждую везли на плечахъ 15 человѣкъ. Появилось 400 лѣстницъ, переплетенныхъ лозой для подъемныхъ мостовъ черезъ рвы; каждую тащили на колесахъ 30 козаковъ. Начался рукопашный бой, какъ потому, что у пановъ мало было пороху, такъ и потому, что сабля была шляхетскимъ оружіемъ по преимуществу. „Трусы Поляки" выдержали этотъ бой въ теченіе трехъ часовъ, подъ прикрытіемъ пушекъ, заряжаемыхъ уже, можно сказать, послѣдними зарядами. Панская конница вышла за валы, и врѣзывалась въ подвигающіяся массы. Это была та конница, которую хорошо помнили Кумейки, Сула, Старецъ-Днѣпръ: одушевлялъ ее бурный духъ Князя Яремы. Во рвахъ и на мѣстѣ схватки лежали груды труповъ на высоту копья. Не безъ того, что дневники знаменитаго осаднаго сидѣнья и преувеличивали подвиги шляхетныхъ рыцарей; но Хмѣль истощилъ здѣсь послѣднія средства къ возбужденію своей орды, и долженъ былъ отступить, чтобы его мнимая сила не перешла въ явное безсиліе. Маскируя свою неудачу, онъ штурмовалъ панскій редутъ въ полдень и въ полночь опять, но уже съ меньшимъ жаромъ.

Это были послѣднія усилія Хмельницкаго подавить многолюдствомъ тѣхъ воиновъ, о которыхъ козаки пѣли среди новыхъ малорусскихъ пустынь, что *Ляхъ відъ страху вмірае*, давая камертонъ самохвальства будущимъ грамотѣямъ своимъ. Теперь онъ рѣшился доконать пановъ безпрестанной стрѣльбой да голодомъ, который уже чувствовался въ ихъ стану.

Въ теченіе сутокъ насыпали козаки 15 шанцевъ, высотою въ два копья. На шанцахъ поставили изъ своихъ гуляй-городинъ башни, а на башняхъ укрѣпили лѣстницы, въ видѣ заборовъ такъ высоко, что изъ-за нихъ было удобно стрѣлять въ панскій лагерь. Шанцы были снабжены пушками и обсажены лучшими стрѣльцами. Въ одномъ изъ дневниковъ этой осады, по истинѣ славной для пановъ и позорной для козаковъ, записано:

„Подъ каждою хоругвію ежедневно убивали не меньше 10 человѣкъ. Братъ не смѣлъ спасать брата. Гдѣ кто былъ раненъ, тамъ и лежалъ подъ градомъ пуль до самой ночи; а гдѣ кто легъ убитый, тамъ его ночью и хоронили".

Паны были принуждены оставить въ окопахъ возы и перейти въ замокъ, чтобы тамъ быть наготовѣ всякій разъ выбѣгать на оборону валовъ и табора.

Посреди такой борьбы, замѣтили они 8 августа, съ великимъ удивленіемъ, что козацкій таборъ снимается съ мѣста и передвигается къ Старому Збаражу, гдѣ стояла каменная церковь, построенная еще православными князьями Збаражскими. Ночью передвинулся туда весь таборъ, а палатки хана и козацкаго гетмана, стоявшія въ четверти мили отъ панскаго лагеря, разбили подъ старымъ зàмкомъ, напротивъ ставокъ Вишневецкаго.

Въ теченіе слѣдующихъ четырехъ дней шелъ проливной дождь. Военныя дѣйствія пріостановились. 13 (3) августа въ стану осаждающихъ сдѣлалось необычайное движеніе. Толпы черни валили отъ окоповъ къ табору, какъ бы для насыпки шанцевъ. Остатокъ табора передвинулся къ старому зàмку.

Въ панскомъ стану разнеслась радостная вѣсть, что подкрѣпленія стоятъ уже въ Жалощинцахъ, въ трехъ миляхъ отъ Збаража, и что неиріятель намѣренъ ошанцеваться у себя въ тылу. На другой день распущенъ былъ слухъ, что Хмельницкій двинулся со всѣми силами оборонять отъ короля переправу въ одной только милѣ отъ Збаража. Затрубили въ трубы; ударили въ бубны. Встревоженные козаки начали густо стрѣлять изъ пушекъ.

Въ козацкомъ таборѣ происходило что-то загадочное. Видать было гетманскіе палатки и бунчуки: знакъ, что Хмельницкій находился въ таборѣ. Между тѣмъ пушки молчали, точно ихъ вовсе не было. Козацкіе полки куда-то дѣвались. Изъ шанцевъ стрѣляли только изрѣдка. Едва мѣстами было видать понемногу орды и мужиковъ, которые подкапывались подъ панскіе валы и сражались цѣпами да пращами.

День проходилъ за днемъ. Процессъ загона мужиковъ на битву продолжался даже и тогда, когда пушечное ядро падало въ толпу загонщиковъ. „Mocno zaganiali czerń ku taborowi" (писалъ въ дневникѣ „украинецъ"). Неизвѣстность томила пановъ больше, чѣмъ приступы черни, больше, чѣмъ ея подкопы подъ возы и голодъ, который появился въ лагерѣ. Ночи проводили жолнеры, равно, какъ и осаждающіе, то въ пріятельскихъ бесѣдахъ съ осаждающими, то въ перебранкѣ. Козаки стращали жолнеровъ, что ихъ товарищи облегли короля, а жолнеры козаковъ—тѣмъ, что король бьетъ въ это время ихъ товарищей. „Ночью" (пишетъ „украинецъ") „умолкала битва (silent arma), зато собачій ротъ (psia gęba) говорилъ, что взбредетъ на языкъ, грозя продавать Ордѣ жолнеровъ „по шагòві" (по грошу). Но ни въ одномъ дневникѣ не записано, чтобы psia gęba касалась ляшскаго и жидовскаго ругательства надъ церковью и вѣрою.

Козаки сами не знали, что дѣлается съ тѣми, которые куда-то двинулись. Наконецъ стали къ нимъ возвращаться походные возы съ ...ными. Тогда всѣ увидѣли, что идетъ сильная битва; узнали, что ...ются подъ Зборовымъ, но кто кого побиваетъ, оставалось тайною; ...тѣ полки, которые не вѣрили въ счастье Хмельницкаго, отказыва... идти къ нему на помощь (chyba ci zostają, co nie wierzą, żeby ...róla oblężono).

Наибольшую силу своего разбойнаго генія проявилъ Хмельниц...й въ томъ, что съумѣлъ прервать всякое сообщеніе между осажден... подъ Збаражемъ и королемъ, котораго они нетерпѣливо ждали ... себѣ на помощь. Еще 12 (2) іюля Лянцкоронскій писалъ къ пол...ику Минору, едва владѣя перомъ (такъ у него болѣли руки отъ ...ной работы): „Если не прибудешь съ королемъ скоро, то по...ешь на похороны милой братіи и собственныхъ сыновей твоихъ". ...ду тѣмъ ни къ Минору и ни къ кому изъ окружавшихъ короля ...пришло никакой вѣсти о томъ, что дѣлается въ польскихъ Өер...милахъ. Хмельницкій до такой степени сжалъ подъ Збаражемъ и ...цкую, и татарскую орду, что не выпустилъ за сторожевую цѣпь ...одного загона. О его силахъ Янъ Казимиръ узналъ только тогда, ...да съ ними неожиданно столкнулся.

Поляки до сихъ поръ не могутъ объяснить поведеніе своего ко... и канцлера. Оба они сошли въ могилу заподозрѣнные въ пре...ельствѣ, какъ люди, умышлявшіе на Шляхетскій Народъ вмѣстѣ ...козаками. Но въ чемъ именно состояло предательство, никто не ...снилъ.

Будучи еще королевичемъ, Янъ Казимиръ не стѣснялся говари..., что ему пріятнѣе смотрѣть на пса, чѣмъ на Поляка. Въ этомъ ...и ему сочувствовали. За одно это могли они подарить ему ко...у. Въ одномъ этомъ позволительно видѣть причину злорадства, съ ...ъ, повидимому, узнавалъ король о западнѣ, въ которой очутился ...истный ему Вишневецкій.

Что касается Оссолинскаго, то онъ служилъ съ одинаковымъ ...омъ и самому благому, и самому злому дѣлу, если оно соотвѣт...вало тѣмъ цѣлямъ, которыя, по его іезуитскому воззрѣнію, были ...ими. На Владиславѣ IV онъ испыталъ, какъ выгодно быть „про...ю глиною" въ рукахъ неумѣлаго короля. Быть канцлеромъ при ...ъ безпутномъ потентатѣ, какъ Янъ Казимиръ, значило—зару...а его нравственною отвѣтственностью за всѣ свои внушенія. ...ъ поступилъ онъ, стоя съ королемъ подъ Замостьемъ, гдѣ умылъ ...сто руки въ томъ, чтобы когда-либо не соглашался на посполи-

ное рушеніе, которое тормазилъ изъ-за спины своего повелителя. Не могъ онъ простить своимъ соотечественникамъ упорства, съ какимъ они возстали противъ реформы, которая, очевидно, таилась въ изобрѣтенномъ имъ рыцарскомъ орденѣ. За низведенія съ высоты, на которую мѣтилъ онъ этимъ замысломъ, онъ былъ готовъ отплатить имъ общимъ униженіемъ, а между тѣмъ надѣялся подняться на высоту власти со стороны противоположной.

Такъ ли оно было, или нѣтъ, никто не можетъ утверждать послѣ утайки достойнымъ ученикомъ іезуитовъ руководящей нити къ разъясненію начала Хмельнитчины. Но поведеніе короля и канцлера современные намъ Поляки находятъ болѣе нежели страннымъ.

Король выѣхалъ изъ Варшавы 24 (14) іюня и прибылъ въ Люблинъ 3 іюля, за недѣлю до появленія подъ Збаражемъ козакотатарскаго авангарда. Онъ зналъ, что и султанъ, и ханъ обязались помогать Хмельницкому; зналъ, какими силами располагаетъ опасный бунтовщикъ, но не выдалъ третьихъ *вицей* на посполитое рушеніе. Ограничился только тѣмъ, что станулъ въ Люблинѣ остатокъ чужеземнаго войска, котораго въ запасѣ было еще 2,000, а коронныиъ панамъ велѣлъ привести ихъ надворныя дружины. Такого вооруженія, по его мнѣнію, было достаточно.

Если не предполагать въ этомъ злаго умысла, то „благородный умъ" панскаго избранника оказался въ настоящемъ случаѣ ниже всякой оцѣнки. Янъ Казимиръ надѣялся побѣдить Хмельницкаго еще болѣе недѣйствительнымъ способомъ, тѣмъ тотъ, который былъ панамъ преподанъ миротворцемъ Киселемъ.

Одинъ изъ товарищей Хмельницкаго по бунту, шляхтичъ Забугскій, передался къ панамъ, и король держалъ его при своей особѣ съ тѣмъ, чтобы смутить Хмельницкаго своимъ появленіемъ на театрѣ войны, низложить его среди Запорожскаго Войска и вручить булаву козацкому измѣннику.

Судя по поступкамъ королевскаго агента Смяровскаго и даже по тому, какъ распорядился съ нимъ ежедневно и ежечасно мѣнявшійся Хмѣль, Поляки думаютъ, что дворъ имѣлъ сношенія съ нѣкоторыми козацкими полковниками; а что многіе изъ нихъ были готовы, подобно Забугскому, предать Козацкаго Батька, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Они могли и обѣщать Яну Казимиру торжественную сцену низложенія „русскаго единовладника и самодержца", столь же имъ противнаго, какъ противна была панамъ всякая диктатура. Но Итальянцы сложили мудрую пословицу: „dal detto al fatto v'è un gra

dello" *). А время между тѣмъ уходило, и новой арміи угрожала участь погибшей подъ Корсунемъ. Въ этомъ есть что-то недосказанное польской исторіографіей: чувствуется какая-то утайка отъ исторіи.

Яну Казимиру въ Люблинѣ, пожалуй, могъ присниться сонъ Владислава IV. Венеціянскій посолъ Контарини увѣдомилъ его о страшномъ пораженіи Турокъ и склонялъ, точно второй Тьеполо, къ Турецкой войнѣ. Янъ Казимиръ могъ вообразить козаковъ своимъ авангардомъ, Татаръ — аррієргардомъ, а Марія Гонзага, съ которой онъ разыгрывалъ передъ публикой влюбленную чету, посадила бы его на престолѣ Палеологовъ такъ же успѣшно, какъ готова была посадить перваго супруга. Кто ошибался въ Хмельницкомъ еще грубѣе Владислава, въ томъ позволительно предполагать самыя дикія мечтанія.

Янъ Казимиръ сидѣлъ да сидѣлъ въ Люблинѣ, а дни за днями уходили да уходили, и каждый изъ нихъ уносилъ изъ міра живыхъ цвѣтъ польскорусскаго воинства подъ Збаражемъ. Объ этомъ король зналъ, а, пожалуй, и не хотѣлъ знать. Если одному воспитаннику іезуитовъ, для какой-то, безъ сомнѣнія, благой въ его мысляхъ цѣли, было позволительно обнажить мечъ среди законодателей Польши, то другому, для такой же, или даже лучшей цѣли, не вмѣнялось въ непростительный грѣхъ погубить представителей исполнительной власти, чтобъ очистить себѣ козакотатарскій путь къ обладанію Востокомъ. Политическое развращеніе Польши шло crescendo, какъ смертоносный недугъ, а Янъ Казимиръ, въ этомъ смыслѣ, не оставался ни у кого позади.

Наконецъ было получено громкое извѣстіе, что Збаражъ обложенъ козакотатарскими ордами. У короля набралось всего 7.000 жолнеровъ, да было у него три ничтожныя пушки. Великій монархъ повелѣлъ литовскому полевому гетману, Янушу Радивилу, немедленно двинуться въ Украину и овладѣть „козацкимъ гнѣздомъ", Кіевомъ, а со своей стороны обѣщалъ ему поспѣшить подъ Збаражъ и занимать противника увеличенными силами.

Казалось бы, надлежало немедленно объявить посполитое рушеніе, но король третьей оповѣсткой отсрочилъ его на 11 августа и потребовалъ къ себѣ немедленно посполитаковъ только трехъ воеводствъ: Русскаго, Бельзскаго и Люблинскаго, потребовалъ русскихъ, а не польскихъ землевладѣльцевъ.

---

*) Отъ сказаннаго до сдѣланнаго большое разстояніе.

17 іюля, въ то время когда въ густой утренней мглѣ козаки рубили частоколъ и едва не овладѣли Збаражемъ, двинулся король изъ Люблина, предоставивъ главное начальство надъ войскомъ канцлеру Оссолинскому, причемъ возвелъ его, къ огорченію военныхъ людей, въ званіе генералиссимуса; что опять говоритъ изучающему исторію—или о крайней глупости Яна Казимира, или о чемъ-то по-хуже.

21 іюля послѣ того, какъ проливной дождь, вмѣстѣ съ бурею, „какъ бы чудомъ“, спасъ осажденныхъ отъ гибели, остановился король подъ Замостьемъ. Никакой вѣсти не приходило къ нему изъ-подъ Збаража. Разосланныхъ шпіоновъ нельзя было заставить никакими наградами дойти до самаго Збаража. Характерникъ Хмѣль очертилъ себя громаднымъ кругомъ, и на всемъ его пространствѣ сдѣлалъ Волынь для короля нѣмою, какъ были нѣмы для Николая Потоцкаго Дикія Поля.

Про королевскій походъ одинъ изъ приближенныхъ къ королю писалъ къ министру двора, Казановскому, что денегъ на регимент королевской гвардіи, на Нѣмцевъ поморскаго воеводы, Вейера, и на фурмановъ „не даютъ“; что въ переходахъ—неурядица: „смѣхъ и только“!... и, наконецъ, что шляхта, прибывшая въ Замостье, мѣтитъ отчасти уйти къ Вислѣ (drudzy się ku Wisle mają). Были и такіе, которые представляли короля бдительнымъ и дѣятельнымъ вождемъ, не щадившимъ себя въ походѣ; но эти хвалы уничтожаются ихъ же похвалою, что онъ отправляетъ не только королевскія обязанности (munia no и гетманскія: отсюда-то и выходилъ „только смѣхъ“.

Войска все еще было не больше 7.000, съ тремя жалкими пушками. Пришло извѣстіе, что вмѣстѣ съ Хмельницкимъ воюетъ и ханъ, но этому не вполнѣ вѣрили. Все-таки убѣдили короля потребовать себѣ посполитаковъ немедленно. Но посполитаки замедляли королевскій походъ поджиданіемъ замѣшкавшихся дома, а тѣ, въ свою очередь, „спѣшили медленно“, полагая, что дѣло кончится одними сборами.

Вѣсти продолжали приходить къ медлительному войску, но не согласовались между собой. Однѣ говорили, что Вишневецкій сдѣлалъ вылазку и положилъ трупомъ 40.000 козаковъ; другія, что ханъ п былъ къ нимъ съ 20.000 Татаръ. Наконецъ, и привезенный въ кать шляхтичъ, очевидецъ трехъ приступовъ подъ Збаражемъ, не м сказать ничего вѣрнаго ни о ханѣ, ни о числѣ Татаръ. Въ тотъ день привели двухъ Ногайцевъ, но они оказались крайне глупыми могли только сказать, что вся Орда воюетъ вмѣстѣ съ Хмельницки

Черезъ нѣсколько дней, когда король стоялъ подъ Сокалемъ, привели лучшихъ языковъ, которые показали, что ханъ подъ Збаражемъ, что козаки подкапываются подъ обозъ и прикопались такъ близко, что съ вала на валъ долетѣлъ бы брошенный камень.

На основаніи этихъ вѣстей, король созвалъ тайный военный совѣтъ въ сокальскомъ монастырѣ Бернардиновъ, для рѣшенія вопроса: дождаться ли здѣсь посполитаго рушенія, или идти далѣе? Всѣ были того мнѣнія, что идти на выручку съ малочисленнымъ войскомъ крайне опасно; но король постановилъ—идти: не вѣрилъ онъ, чтобъ у Хмельницкаго было много Татаръ, такъ какъ не видать нигдѣ загоновъ; а канцлеръ-генералиссимусъ пророчилъ, что одинъ слухъ о прибытіи короля поразитъ бунтовщиковъ, и русскіе города вышлютъ къ нему посланцовъ съ покорностью. Изъ Литвы доносили, какъ о фактѣ вѣрномъ, что князь Радивилъ идетъ съ литовскимъ войскомъ къ Кіеву, и уже спустилъ по Днѣпру байдаками пѣхоту. Извѣстія, добываемыя отъ плѣнниковъ, становились все благопріятнѣе. Хотя нѣкоторые увѣряли, что ханъ со всѣми ордами находится подъ Збаражемъ, но имъ не вѣрили: всѣмъ хотѣлось вѣрить, что Татары вернулись помогать султану, а Хмѣль будетъ просить о помилованіи. На бѣду, привели еще козака, который показалъ, что у Хмельницкаго войска немного, и что всѣ козаки въ тревогѣ отъ слуховъ о походѣ Радивила. Король и его генералиссимусъ торжествовали, превзойдя одинъ другаго въ пониманіи дѣла.

Такъ уходилъ день за днемъ. Вѣсти становились все многочисленнѣе и между собой несогласнѣе. Король продолжалъ медлительный походъ; но всѣ подумывали: не лучше ли было бы вернуться на свои слѣды?

Хмельницкій держалъ козацкія и татарскія орды точно какъ бы въ блокадѣ; отпускалъ Татарамъ кормъ изъ собственнаго табора, а своимъ чатамъ, которыми себя окружилъ, какъ цѣпью, не дозволилъ никакихъ сношеній съ главнымъ своимъ войскомъ и таборомъ подъ Збаражемъ. Немало помогала ему въ его замыслѣ и ненависть мѣстныхъ мужиковъ къ жолнерамъ. Мало того, что нельзя было добыть у нихъ никакого извѣстія, они окружали королевское войско постояннымъ предательствомъ. Привозя съѣстные припасы въ лагерь, мужики развѣдывали обо всемъ, что можно было узнать, и тотчасъ увѣдомляли козаковъ. Въ случаѣ подозрѣнія и улики въ шпіонствѣ, они терпѣли всякія муки, но Ляхамъ правды не открывали. Волынская почва была подготовлена для Хмельнитчины Косинщиной и Наливайщиной, такъ

точно какъ украинская—Жмайловщиной, Тарасовщиной и Павлюковщиной.

Наконецъ, подъ Топоровымъ явился въ королевскихъ палаткахъ попрошайка, худой, до крайности изнуренный, и подалъ письма отъ полководцевъ изъ-подъ Збаража. Это былъ отважный панцырный товарищъ, Янъ Скршетускій, посланный Фирлеемъ къ королю. Переправясь ночью черезъ озеро, залегалъ онъ въ камышѣ, ползалъ въ заросляхъ, бродилъ *мановцами*, тонулъ въ болотахъ, и такимъ образомъ ускользнулъ отъ соглядатаевъ Хмельницкаго.

Осажденные писали, что уже обороняются въ городѣ и замкѣ, питаются конскимъ мясомъ, половина лошадей околѣла у нихъ, пороху хватаетъ не больше какъ на три дня, а множество жолнеровъ умираетъ отъ одной безсонницы. Они просили помощи и увѣдомляли, что больше трехъ дней не выдержатъ. Къ этому прибавляли, что на честный миръ нѣтъ никакой надежды (honestae pacis nulla spes), и что Хмѣль намѣренъ быть обладателемъ всей Польши. Поэтому молили объ одной милости: прислать имъ пороху, чтобы, въ случаѣ если помощь опоздаетъ, они могли пасть, какъ подобаетъ воинамъ съ оружіемъ въ рукахъ.

Въ этихъ послѣднихъ словахъ намъ слышится голосъ Вишневецкаго, голосъ его предковъ Русичей: „Станемъ крѣпко, не посрамимъ Земли Русской. Мертвые срама не имутъ. Лучше быть изрубленными, нежели полоненными“. Рѣшимостью пасть съ оружіемъ въ рукахъ, пилявецкіе бѣглецы смыли съ себя пятно, наложенное на нихъ двусмысленными совѣтами Киселей, и одно то, что между ними были Скршетускіе, возвышаетъ ихъ національное достоинство въ нашемъ русскомъ воззрѣніи, какъ бы они ни называли свою націю.

Это было послѣднее, уже не повторившееся извѣстіе о Збаражѣ. У короля, во время его медлительнаго похода, войско выросло до 25,000. Но сравнительно съ козакотатарскою силой, которую открылъ ему великодушный панцырный товарищъ, 25.000 сборной дружины представляли силу ничтожную.

Есть основаніе думать, что король не рѣшился сперва идти впередъ и хотѣлъ было отступить. Прямой путь къ Збаражу лежалъ ему на Броды. Вмѣсто Бродъ, король пошелъ подъ Бѣлый Камень. Тамъ войско простояло четыре дня по причинѣ постоянной слякоти. Во время остановки, мысли Яна Казимира, или Оссолинскаго, перемѣнились. Это видно изъ универсаловъ, разосланныхъ къ мужикамъ, чтобъ они оставили Хмельницкаго. Король обѣщалъ имъ прощеніе, милости и прежнія вольности. Такіе же универсалы были разосланы и по горо

жить. Премудрый канцлеръ вмѣстѣ съ премудрымъ королемъ сулили разкозаковавшейся черни журавля въ небѣ, который не стоилъ ни одной изъ синицъ, попадавшихъ въ ея руки по милости Козацкаго Батька. Они прощали тѣ преступленія, за которыя Хмѣль награждалъ. Они обѣщали какія-то прежнія вольности, не гарантируя ничѣмъ обѣщанія, тогда какъ вольности козацкія были обезпечены повсемѣстнымъ изгнаніемъ пановъ изъ ихъ жилищъ и самимъ истребленіемъ ихъ замковъ и домовъ.

Еще несообразнѣе съ положеніемъ дѣлъ было торжественное низложеніе подъ Бѣлымъ Камнемъ Хмельницкаго и провозглашеніе гетманомъ Запорожскаго Войска Забугскаго, со врученіемъ ему гетманской булавы. Малорусская наша пословица гласитъ: „до булавы трѐба головы", а кто ее самъ не имѣетъ, тотъ и въ другихъ не видитъ. Скупая на талантливыя головы фортуна удѣлила ихъ въ это время всей Польшѣ и всей Польской Руси только двѣ: одна продолжала сдерживать за панами Збаражъ какъ бы сверхъестественною силою; другая двинулась навстрѣчу королю совершенно для него невѣдомо.

Король и его генералиссимусъ рѣшились идти подъ Збаражъ: рѣшимость благородная; но она произошла не изъ того источника, на который, по окончаніи войны, указывалъ во Львовѣ королевскій духовникъ и проповѣдникъ, Цѣклинскій. Онъ увѣрялъ собравшееся въ іезуитскомъ костёлѣ зборовское и збаражское рыцарство, будто бы Янъ Казимиръ и Оссолинскій предпочли явную гибель тѣмъ подозрѣніямъ, которыя на нихъ тяготѣли по навѣту злыхъ языковъ, и притомъ поставилъ ихъ на одной высотѣ съ Вишневецкимъ. Здѣсь онъ прибѣгнулъ къ наглой, истинно іезуитской уловкѣ: сталъ доказывать передъ своими слушателями несправедливость людскихъ толковъ, что будто бы князь Вишневецкій старался въ мутной водѣ поймать гетманскую булаву. Такъ точно де и на короля съ его досточтимымъ канцлеромъ злоумышленные языки возверзали всякаго рода хулы. Но теперь де *всѣ три героя* доблести и чести опровергли общественное мнѣніе столь же достохвальными подвигами *зборовскими*, какъ и *збаражскими*.

Іезуитамъ свойственно смѣшивать высокое съ низкимъ, и пороки возводить въ добродѣтели. Но дѣло въ томъ, что 12 августа привели къ королю плѣннаго Татарина, который увѣрилъ короля и канцлера, что Хмельницкій, узнавъ объ ихъ приближеніи, отступилъ отъ Збаража. Съ радостью приняли они желанное извѣстіе и бодро шествовали раздѣлить съ осажденными славу одолѣнія супостатовъ. По-малорусски это называется: „не говівши, не болівши, пàсочки ззісти".

Когда король приближался къ Злочову, другой татарскій языкъ, человѣкъ знатный изъ Ногайской орды, говорилъ королю откровенно, что ханъ охотнѣе бы держался королевской, чѣмъ козацкой стороны; „а я“ (замѣтилъ онъ), „видя королевское войско, не понимаю, какимъ способомъ король можетъ устоять противъ такой силы“. Онъ совѣтовалъ писать немедленно къ хану. Но его совѣтомъ пренебрегли, чтобы послѣдовать ему тогда, когда испортили уже дѣло.

13 (3) августа, въ пятницу вечеромъ, король остановился въ полумилѣ отъ мѣстечка Зборова, въ селѣ Млиновцахъ, надъ рѣкой Стырною. Въ субботу было предположено сдѣлать въ Зборовѣ два моста, на мѣсто унесенныхъ недавно половодьемъ. Въ воскресенье войско должно было переправиться черезъ Стырну на противоположную мѣстечку сторону, а въ понедѣльникъ идти на Оверную къ Тернополю, вблизи котораго находился несчастный Збаражъ.

Рѣка Стырна, протекая съ сѣвера на югъ, впадаетъ подъ Млиновцами въ длинное озеро, загибающееся далѣе къ востоку. Въ самомъ изгибѣ вытекаетъ она изъ озера, и тамъ, по обоимъ берегамъ рѣки, лежитъ мѣстечко Зборовъ, принадлежавшее тогда Собіскимъ. И подъ Млиновцами, и подъ Зборовымъ протекала она низинами среди обширныхъ, болотистыхъ луговъ. Дорога черезъ низины была поднята плотинами, которыя во время слякоти превращались въ невылазныя топи.

Такъ случилось и въ это бѣдственное время. Въ теченіе пяти дней передъ приходомъ короля шелъ безпрестанный дождь. Вода размыла плотины и снесла въ мѣстечкѣ мосты. Но другаго мѣста для переправы не было.

Генералъ артиллеріи, Артишевскій, посѣдѣлый въ голландской и въ американской службѣ воинъ, цѣлый день въ субботу исправлялъ плотины, дѣлалъ мосты, какъ не извѣстно откуда разнеслась по лагерю вѣсть, что непріятель находится близко, и сдѣлалъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ засады. Немедленно былъ посланъ подъѣздъ подъ начальствомъ опытныхъ офицеровъ. Но Хмельницкій, предвидя рекогносцировку, спрятался съ ханомъ такъ искусно, что на пространствѣ трехъ миль не было найдено никакихъ слѣдовъ засады.

Король спокойно сдѣлалъ распоряженіе къ переправѣ, намѣреваясь расположиться завтра ночевать съ обозомъ по другую сторону мѣстечка и двинуться въ понедѣльникъ далѣе. Если надъ походомъ Яна Казимира смѣялись приближенные люди, то можно вообразить, какъ усмѣхался нашъ усатый котъ, сторожа издали глупую мышь, направлявшуюся къ его когтямъ.

Давно уже онъ зналъ королевскій маршрутъ, и потому-то заблаговременно перенесъ татарское становище и свои таборы съ фронта Збаража на западъ, въ ту сторону, съ которой приближался король. Онъ заслонился Старымъ Збаражемъ такъ, что могъ въ любой моментъ выступить навстрѣчу королевскому войску со всѣми своими силами и совершенно скрыть свой походъ отъ осажденныхъ. Онъ окружилъ ихъ шанцами, оставилъ немного стрѣлковъ и нѣсколько мужицкихъ ополченій съ кольями, да цѣпами, отправилъ незамѣтно пушки и, приготовивши все такимъ образомъ, бросился въ субботу съ небольшимъ отрядомъ къ Зборову на рекогносцировку.

По дорогѣ между Збаражемъ и Зборовымъ, справа отъ Озерной стоялъ тогда дубовый лѣсъ. Съ высокаго дуба видны были Хмельницкому королевскія хоругви, а зборовскіе мѣщане были уже имъ куплены, или запуганы. Они приготовили для Татаръ проводниковъ, хорошо знавшихъ переправы. Въ умѣ Хмельницкаго составился планъ битвы.

Вернувшись подъ Збаражъ, выслалъ онъ татарскія орды на всю ночь къ Зборову съ провожатыми мужиками. Между Озерной и Зборовымъ растетъ и понынѣ вѣтвистый терновникъ. Онъ заслонитъ отъ короля приближающееся войско. Стоя за этой заслоной, Татары ждали условленнаго звона зборовскихъ колоколовъ, дающаго знать, что войско начало переправляться.

Глава XXII.

Битва подъ Зборовымъ.—Безславный для козаковъ и для пановъ миръ.—Печальное освобожденіе отъ осады.—Малорусскій народъ проклинаетъ Козацкаго Батька.—Развращеніе народа козатчиною.

Въ воскресеніе 15 (5) августа (въ день Успенія Богородицы по католическому календарю), съ утра погода была туманная. Шелъ мелкій дождикъ, моросило. Королевскій авангардъ прошелъ черезъ мѣстечко, и находился уже на дорогѣ, ведущей къ Озерной. За нимъ двинулась пѣхота и конница, а за конницей должны были идти возы. Хоругвямъ краковскаго воеводы, Любомирскаго, было приказано стоять въ арріергардѣ и не двигаться съ мѣста, пока не переправятся всѣ скарбовые возы и пушки. Медленно шла переправа, по причинѣ грязной и тѣсной дороги. Войско растянулось на цѣлую милю. Передовыя стражи находились уже въ полумилѣ отъ Зборова и его мостовъ, а посполитаки Львовскаго и Перемышльскаго повѣтовъ съ 1.500 ополченцами Любомирскаго, подъ начальствомъ князя Корецкаго и со множествомъ возовъ, еще не двинувшихся съ мѣста, заняли такое же пространство на противоположной сторонѣ рѣки Стырны.

Тревога началась тѣмъ, что въ тылу табора поднялась какая-то суматоха, съ такимъ крикомъ, что множество людей, вмѣсто того чтобы идти въ порядкѣ дальше, останавливались и задерживали идущихъ сзади. Въ это время въ обѣихъ половинахъ мѣстечка стали звонить колокола, какъ бы на богослуженіе, и вѣстовщики дали королю знать о приближеніи непріятеля.

Король спѣшилъ построить уже переправившееся войско, постоянно прибывавшее изъ-за рѣки. Онъ думалъ, что будетъ имѣть дѣло съ небольшимъ отрядомъ. Но козаки и Татары, одновременно съ прибытіемъ вѣстниковъ, стали выходить изъ заслоны по всей линіи отъ Мстенёва по дорогѣ на Озерную. Татары здѣсь играли главную роль. Они шли сперва раскидисто, потомъ больше и больше сгущались, наконецъ составили сплошную массу и наступили двумя *сакмами*, по 50.000 каждая. Одна сакма остановилась передъ панскимъ фронтомъ

ругая бросилась къ Мстенёву, чтобъ ударить съ тыла на возы и на хъ защитниковъ.

Услыхавъ объ Ордѣ, возницы и челядь, занимавшіе самую среину растянувшагося войска, побросали на мостахъ и плотинѣ возы, ѣхали куда попало и загромоздили дорогу такъ, что сообщеніе межу двумя половинами войска было прервано. Одна часть возовъ оставила уже за собой мѣстечко; другая громоздилась на мостахъ и на лотинѣ.

Князь Корецкій, находясь въ тылу дальше всѣхъ, подался къ Істенёву и не давалъ Татарамъ перейти за Стырну. Но Татаръ было акъ много, что Корецкій отступилъ къ обозу. На выручку ему бросились посполитаки Львовскаго и Перемышльскаго повѣтовъ, а также аштеляны сендомирскій, заславскій, литовскій подканцлеръ Левъ Казимиръ Сопіга, паны Корняхтъ, Фелиціанъ Тишковичъ, племянникъ ссолинскаго, Балдуинъ и князь Четвертинскій со своими дружинаи; но всѣ они были побиты (pogromieni), а Балдуинъ Оссолинскій, ишковичъ и князь Четвертинскій (членъ Переяславской коммиссіи) егли на мѣстѣ.

Исчисляю всѣхъ ихъ по свѣжей реляціи другаго члена Переяславской коммиссіи, Мясковскаго, какъ людей, готовыхъ стоять грудью свою землю, но имѣвшихъ несчастье попасть въ руки безголоваго равительства.

Въ этомъ бою погибли двѣ хоругви Сопіги съ двумя сотнями ю пѣхоты и драгунъ (продолжаетъ Мясковскій). Столько же пало юдей и у Корняхта. Львовскій повѣтъ силился задержать на себѣ рду, но попалъ точно въ западню (говоритъ Мясковскій). Набили и осѣкли Татары множество товарищества, знатныхъ особъ и сановиковъ, и ротмистровъ. Полковникъ и полковое знамя были взяты, очти весь полкъ истребленъ, львовскіе и перемышльскіе возы отобаны. Хоругви сендомирскаго каштеляна и Оссолинскаго легли трупомъ. Погибъ и обозный королевскаго войска Чернецкій, братъ знаменитаго въ послѣдствіи Стефана Чернецкаго. Кто могъ, всѣ бѣжали ъ Зборовской переправѣ; но возы такъ ее загромоздили, что конному полку трудно было пробиться впередъ. Орда наступала по слѣдамъ бѣгущихъ, не брала полона и рубила съ плеча. Остановило ее олько расхищеніе панскаго добра, находившагося въ походныхъ „скарбныхъ“ возахъ.

Обороняя добро свое, погибло и здѣсь множество знатныхъ людей, въ числѣ которыхъ возбуждалъ особенное сожалѣніе павшій вовмѣстѣ съ четырьмя хоругвями своими Станиславъ Рѣчицкій

(имя русское), урядовскій староста, опытный воинъ временъ Влади слава IV, говорившій по-персидски, арабски, турецки и татарски При защитѣ возовъ, по оффиціяльному дневнику, погибло не меньш 1.000 человѣкъ. Остальные добрались таки до мѣстечка, которое обо роняла пѣхота, а къ мостамъ не допустили Татаръ нагроможденны возы, „что послужило къ спасенію короля и всего войска" (пишут Поляки).

Въ то самое время, когда одна татарская сакма переходила Стыр ну, другая наступала на короля съ долины. Здѣсь нашъ землякъ Ар тишевскій пригодился панамъ знаніемъ военнаго дѣла,—пригодил настолько, насколько король и его генералиссимусъ не мѣшали ем своимъ главенствомъ. Съ лѣвой стороны заслонилъ онъ королевск войско непереходимымъ озеромъ, съ правой—долинами и байрака едва возможными для перехода пѣшкомъ. Въ тылу находилось м стечко, а мосты были защищены возами и пѣхотою. Непріятель могъ ни окружить войска, ни развернуть передъ нимъ своего фро та. Въ головѣ королевской арміи стояла иноземная пѣхота Губаль правымъ крыломъ командовалъ подольскій воевода, Станиславъ П тоцкій, знакомый съ Павлюкомъ, Скиданомъ, Остраницею, Кудре Пештою, Гунею; лѣвымъ—Юрій Любомирскій; Краковскій „генера староста".

Сперва Татары „грасовали" по всему полю въ разсыпную; вдру сбились въ густую тучу и грянули на правое крыло. Потоцкій вст тилъ ихъ огнемъ и не двинулся съ мѣста подъ ихъ напоромъ. То часть Орды, подъ начальствомъ Артимиръ-бея, обогнувъ голову ролевскаго войска, ударила на лѣвое крыло. Генералъ-староста выдержалъ удара. Страхъ охватилъ чисто-польскую шляхту. Коро три раза возвращалъ отступающихъ мольбами и угрозами; три ра отбрасывалъ ихъ бурнымъ напоромъ Артимиръ-бей. Наконецъ по спѣли двѣ гусарскія хоругви и королевскіе рейтары. Рейтары стоя противъ азіятскихъ наѣздниковъ непоколебимо, а между тѣмъ майо Гиза, съ двумя компаніями пѣхоты, повернувшись фронтомъ къ вому крылу, открылъ по Татарамъ непрерывную пальбу, а генер Артишевскій разилъ Орду изъ пушекъ. Сколько разъ ни бросалась за отступающими Поляками, боковой огонь заставлялъ ее опомниты

Съ утра до вечерняго благовѣста отбивалось такимъ образо королевское войско отъ ханскаго. Подъ звонъ вечерняго благовѣ Татары отступили въ поле на три стадіи отъ боевища и стали ко мить лошадей. Теперь куда бы ни двинулось королевское войско, вс ду ждалъ его непріятель.

Король потерялъ въ этотъ день, какъ пишутъ не менѣе 2.000 ловѣкъ, заслуживавшихъ лучшей участи подъ начальствомъ лучшаго лководца. Сборное войско показало значительную силу стойкости. булавы недоставало только головы. Нашъ столько же даровитый, къ и коварный Хмѣль, не обнаживъ еще сабли, одною смѣтливостью оею побилъ цвѣтъ королевскаго войска.

Вечеромъ было видать панамъ, какъ у татарскаго и у козацкаго новъ разбивали палатки въ полумилѣ отъ королевскаго лагеря. Коль разставилъ крѣпкія стражи, велѣлъ жолнерамъ стоять всю ночь дъ оружіемъ, насыпать окопы и разобрать мосты на Стырнѣ.

Не сходя съ коней, стали совѣщаться, что̀ дѣлать далѣе. Артиъскій вспомнилъ свою старину и утверждалъ, что занятая войсками иція даетъ возможность обороняться отъ 400.000 варваровъ. Боея фантазія разыгралась въ немъ до такой степени, что онъ вылся довести короля и войско до Збаража. Это показываетъ намъ, о были въ польскорусскомъ обществѣ силы, рвавшіяся изъ-подъ лаго правительственнаго состава къ мужественному выбору между стною смертью и безчестною жизнью. Но эти силы были, можно зать, погублены королевско-канцелярскими проволочками и порядми. Въ настоящемъ положеніи дѣлъ благородная рѣшимость нахъ Артишевскихъ сдѣлала бы не болѣе того, что̀ возмогло сдѣлать лкодушное мужество нашихъ Вишневецкихъ. Малолюдное сравниьно панское войско само пришло въ широко разставленныя неіятельскія руки. Въ Зборовѣ ли, или въ Збаражѣ, рано ли, или дно, но чигиринскій мурлыка сдѣлалъ бы надъ варшавскою мышью ой цапъ-царапъ.

Поняла теперь это безразсудная мышь, и вспомнила о пренебреннымъ совѣтѣ Ногайца—разъединить Хмельницкаго съ Исламъ-Гиемъ. Было уже поздно прибѣгать къ этому средству, но лучше поздно, нежели никогда. Лучше поступиться хану всѣмъ, что̀ дозволяетъ и го не дозволяетъ національная честь, нежели очутиться въ безпощадныхъ лапахъ Козацкаго Батька, заявившаго мысль о панованьѣ дъ всей Польшей.

Паны находили невозможнымъ выдержать блокаду ни по мѣсту, и по запасамъ. Явилась было у нихъ мысль—провести короля тайъ изъ обоза, чтобъ онъ сталъ во главѣ посполитаго рушенія, котоое было уже въ дорогѣ,—опасная мысль, напоминавшая resumere res Киселя, который находился тутъ же, какъ неизбѣжное зло панъихъ совѣщаній. Съ этой ли стороны, показалась она панамъ неудобо-исполнимою, или, можетъ быть, съ той, что въ такомъ случаѣ

они лишили бы себя возможности выбраться изъ западни посредством своего готоваго на все избранника,—неизвѣстно; только было пред почтено написать отъ его имени къ хану.

Въ освобожденіи Исламъ-Гирея изъ польскаго плѣна важн роль игралъ Владиславъ IV. Опираясь на благодѣяніе покойнаго бр та, Янъ Казимиръ обѣщалъ хану свою дружбу и незаплаченный г рачъ, который называлъ подарками. Съ этимъ письмомъ тотчасъ о правили того самаго Ногайца, который давалъ благой совѣтъ се подъ Злочовымъ.

Ночь была тихая. Но войско волновалъ слухъ о намѣреніи к роля и пановъ уйти изъ лагеря. Не умѣли въ погибающемъ панско государствѣ сохранить и настолько тайны, насколько между хме ничанами хранили ее мужики. Зная по бѣгству изъ-подъ Пилявце къ чему способны люди, стоявшіе въ Польшѣ на высотѣ знатнос два ротмистра, представители польской національности, Бележецкій Гидзинскій, упредили предательство предательскимъ бѣгствомъ, а тр тій, котораго называютъ Литвиномъ, взбунтовалъ больше тысячи ч ловѣкъ, объявляя, что короля нѣтъ уже въ лагерѣ. Одни стали го виться къ бѣгству; другіе бросились къ королевскимъ палаткамъ, что узнать правду. Іезуитъ Цѣцишевскій, тотъ самый, который умудри возвести губителей Польши на одну высоту съ ея спасителемъ, р будилъ короля и, вѣроятно, научилъ, что̀ дѣлать. Янъ Казимиръ в хомъ, при свѣтѣ факеловъ, объѣзжалъ войско, останавливался пер каждымъ полкомъ и произносилъ: „Не бѣгите вы отъ меня; а с васъ вѣрно не уйду".

Провожавшіе короля паны принялись разсказывать шляхтѣ русы на колесахъ,—что посполитое рушеніе приближается съ огр ными силами; что Татары хотятъ оставить козаковъ и вырубили множество подъ Збаражемъ, а завтра соединятся съ королемъ и т Такія убѣжденія, вмѣстѣ съ невозможностью бѣжать между пост окружившаго ихъ непріятеля, остановили панику, готовую обнять панское войско. Радивилъ въ своемъ дневникѣ пишетъ: „Только лость Божія да предстательство Пресвятой Дѣвы, польской короле сдѣлали то, что въ день ея вознесенія на небо наше королевство погибло".

Между тѣмъ подоспѣло изъ-подъ Збаража войско Хмельницк въ числѣ 150.000, какъ писали тогда въ дневникахъ и въ реляція Рано утромъ козаки, вмѣстѣ съ Татарами, начали приступъ къ З рову. 50.000 штурмовали городъ со стороны переправы, гдѣ б разобранъ мостъ на Стырнѣ и стояла половина возовъ. Орда рас

вились противъ центра королевскаго войска, которое король построилъ въ томъ же порядкѣ, какъ и вчера, а остальные козаки лѣзли на лагерные валы со стороны озера. Шляхта, напуганная событіями вчерашняго дня и миновавшей ночи, утратила отвагу, и только артиллерія да пѣхота отражали Татаръ, которые теперь напирали слабо. Хуже шло дѣло со стороны переправы и озера. Драгуны, оборонявшіе городъ, не могли выдержать натиска. Гарнизонъ, засѣвшій въ церкви, былъ выбитъ, и козаки двинулись оттуда на валы. Полковнику Гладкому помогали мѣщане, зажигая солому въ болѣе слабыхъ мѣстахъ. Король ѣздилъ безъ шляпы по всему лагерю, и умолялъ шляхту защищать валы. Эта позорная для нея сцена смѣнилась еще болѣе позорною.

Многочисленная шляхетская челядь, созванная королевскимъ гетманомъ Забугскимъ, импровизировала себѣ полотняныя знамена, сдѣлала вылазку, отразила Татаръ, отняла у козаковъ три прикметы, выбила ихъ изъ трехъ шанцевъ и прогнала за переправу; а другая купа той же челяди, подъ начальствомъ іезуита Лисицкаго, погибшаго тутъ въ битвѣ, бросилась на козаковъ Гладкого, которые поставили въ валахъ двѣ пушки и причиняли шляхтѣ много потерь. Смѣлыхъ людей поддержали двѣ сотни драгунъ. Потерявъ двѣ прикметы, Гладкій убрался изъ садовъ. Эти внезапныя нападенія такъ озадачили козаковъ, что они удалились даже изъ церкви, оставивъ на мѣстѣ нѣсколько телѣгъ и возовъ съ аммуниціей. Королевское войско пріободрилось, была даже рѣчь о томъ, чтобы, посадивъ челядь на шляхетскихъ коней, дать непріятелю битву въ полѣ. Но интересъ боевой импровизаціи состоитъ въ томъ, что челядь, почти вся русская, шла противъ отчины за пановъ, и что люди православные, какъ это было и въ Наливайковщину, наступали на православныхъ подъ командой іезуита.

Тѣмъ не менѣе битва шла, хоть и вяло, но томительно, и конецъ ея не предвѣщалъ добра. Послѣ четырехъ часовъ тяжкой и унизительной борьбы короля за корону, а пановъ за панованье, прискакалъ отъ хана гонецъ съ отвѣтомъ на королевское письмо. Это письмо сдѣлалось извѣстнымъ публикѣ въ переиначенномъ видѣ, и представляло короля такимъ героемъ, какими являются наши козаки въ подложныхъ документахъ, въ измышленныхъ сказаніяхъ лѣтописцевъ и основанныхъ на нихъ историческихъ монографіяхъ.

Что касается отвѣта Гиреева, то, титулуя себя „по милости Божіей счастливымъ и милосердымъ“, ханъ объявлялъ, что пришелъ зимовать въ эти края и, поручивъ себя Господу Богу, останется здѣсь

на зиму гостемъ. Если король желаетъ переговорить съ гостемъ и другомъ, то пускай вышлетъ своего визиря, а онъ вышлетъ своего.

Вмѣстѣ съ отвѣтомъ, прислалъ онъ и условія своей дружбы, а именно: 1) удовлетворить Запорожское Войско; 2) уплатить недоплаченный гарачъ съ какою-нибудь значительною прибавкою; 3) предоставить Ордѣ право—на возвратномъ пути воевать польскія владѣнія вправо и влѣво огнемъ и мечемъ.

Тутъ же съ ханскимъ письмомъ подали королю письмо и отъ другаго по милости Божіей счастливаго и милосердаго воина, Богдана Хмельницкаго. Этотъ пѣлъ ту самую пѣсню, но на собственный, на козацкій ладъ, именно — молилъ о прощеніи, запуская панамъ и королю свои когти въ сердце, если только оно имѣлось у короля. Покамѣстъ онъ выражалъ готовность уступить булаву Забугскому, лишь только его королевская милость благоволитъ выслать его въ Запорожское Войско. На языкѣ дѣйствительности это значило, что кости новаго гетмана, съ обломками торжественно врученной ему подъ Бѣлымъ Камнемъ булавы, полетятъ въ лицо королю такъ точно, какъ полетѣло черезъ столъ королевское письмо, привезенное въ Чигиринъ Смяровскимъ.

Но всеподданнѣйшая и униженнѣйшая петиція Хмельницкаго интересна въ самомъ складѣ своемъ: она изображаетъ Козацкаго Батька передъ потомствомъ лучше всѣхъ портретовъ.

„Видитъ Господь Богъ" (писалъ онъ), „что я, будучи нижайшимъ подножкомъ найяснѣйшаго маестата вашей королевской милости, родившись урожденнымъ (то есть шляхетнымъ) Хмельницкимъ, до сихъ пожилыхъ лѣтъ моихъ, не былъ ни въ какомъ бунтѣ противъ маестата вашей королевской милости, милостиваго моего пана. Это показываетъ моя вѣрная служба еще вмѣстѣ съ славной памяти покойнымъ родителемъ моимъ, Михаиломъ Хмельницкимъ, чигиринскимъ подстаростіемъ, который на службѣ святой памяти отца вашей королевской милости, какъ и всей Рѣчи Посполитой, положилъ свою голову подъ Цецарѣ, гдѣ я находился при покойномъ отцѣ моемъ и претерпѣлъ тяжкій двухлѣтній плѣнъ. Когда меня Господь Богъ благоволилъ освободить изъ этой неволи, я всегда пребывалъ вѣрноподданнымъ при войскѣ Рѣчи Посполитой, и теперь свидѣтельствуюсь Богомъ, что былъ бы очень радъ, чтобы христіанская кровь больше не лилась. А что ваша королевская милость въ панскомъ писаньѣ своемъ (къ хану) благоволите считать меня, подножка своего, за какого-то бунтовщика, о чемъ и мысли у меня нѣтъ, и знаю хорошо, что это на меня клевещутъ, то благоволите, ваша королевская милость, по своей

панскому благоволенію, взвѣсить своимъ высокимъ и милосердымъ разсудкомъ и милостиво выслушать тѣхъ пановъ, которыхъ множество тамъ при особѣ вашей королевской милости, какъ они засудили меня безвинно, и какое зло испыталъ я отъ ихъ милостей пановъ державцевъ украинскихъ. Не отъ гордости, а отъ великихъ бѣдъ моихъ, будучи изгнанникомъ изъ собственной отчизны моей и изъ убогихъ добръ моихъ, по-неволѣ долженъ былъ я приникнуть (przygarnąć się) и упасть къ ногамъ великаго царя его милости крымскаго, чтобъ онъ привелъ меня къ милостивому благоволенію вашей королевской милости, моего милостиваго пана. Хотя такъ оно должно̀ было сдѣлаться, что за виновныхъ и невинныя души должны были отвѣчать, но, пускай судитъ Господь Богъ, кто тому причиною"...

Не вполнѣ надѣясь на успѣхъ своего смиренства, Хмельницкій воспользовался настоящимъ случаемъ, чтобы заподозрить короля передъ его республикой, если не въ готовности, то въ возможности опереться на козаковъ. Іезуитское посланіе свое заключилъ онъ слѣдующими словами:

„Хорошо знаю, что, по благоволенію вашей королевской милости, я былъ бы оставленъ невредимымъ; но, знаю о томъ, что паны державцы украинные вашей королевской милости мало въ чемъ обращаютъ вниманіе на вашу королевскую милость, и каждый изъ нихъ самъ себя называетъ королемъ, увѣренъ, что не только не стали бы терпѣть меня въ панствѣ вашей королевской милости, но и душу мою тотчасъ возьмутъ. Вѣдь и съ Войскомъ Запорожскимъ всегда, и въ началѣ счастливаго избранія вашей королевской милости на это панство, очень о томъ старался, и теперь того желаю, чтобъ вы были могущественнѣйшимъ паномъ въ Польской Коронѣ, нежели святой памяти отецъ и братъ вашей королевской милости. Поэтому, не вѣря ничему (въ толкахъ), что вы—невольникъ Рѣчи Посполитой, я буду держаться того пана, который милостиво, по Божію милосердію, держитъ меня подъ своей опекой".

Безстыдное письмо убійцы Смяровскаго и нѣсколькихъ посланцевъ Адама Киселя показалось отвратительнымъ даже и тому, кто выдалъ особу, рисковавшую собой для его освобожденія изъ французской тюрьмы. Письменнаго отвѣта на него не послѣдовало, а хану отписали, что король готовъ прислать канцлера на назначенное мѣсто.

Передъ заходомъ солнца стража донесла, что визирь выѣхалъ въ поле и ждетъ канцлера. Канцлеръ отправился къ нему въ 60 лошадей. Ему сопутствовали кіевскій воевода, Адамъ Кисѣль, и литовскій подканцлеръ, Левъ Казимиръ Сопіга.

Милосердый ханъ стоялъ на своихъ условіяхъ такъ твердо подъ Зборовымъ, какъ плакавшій Хмѣль на своихъ — подъ Львовомъ. Оба счастливые и милосердые по милости Божіей злодѣя, произнеся жестокій приговоръ, не смягчали его ничѣмъ. Только передъ началомъ совѣщаній послалъ визирь козакамъ приказъ — прекратить приступы, а Татарамъ — съѣхать съ поля. Согласясь въ принципѣ на всѣ требованія хана, Оссолинскій съѣхался съ визиремъ въ полѣ на другой день утромъ для опредѣленія подробностей.

Изъ условій пощады самымъ тяжкимъ и унизительнымъ для себя пунктомъ Поляки находили тотъ, въ которомъ король обязался платить ежегодно хану гарачъ; *мы* находимъ безпримѣрно унизительнымъ не только для пановъ, но и для самихъ козаковъ тотъ, по которому хану предоставлялось право — на возвратномъ пути воевать огнемъ и мечемъ польскія владѣнія вправо и влѣво. Такъ думаютъ и благородные польскіе умы нашего времени.

„Трудно сказать" (пишетъ докторъ Кубаля), „какого рода была необходимость, принудившая пановъ къ согласію предать непріятельскому огню и мечу беззащитный край. Но если можно было откупиться, если можно было тотъ ясыръ и добычу, на которые разсчитывали Татары, исчислить и замѣнить деньгами, но этого не сдѣлали, а торговали человѣческою кровью, то король и его совѣтники достойны смертельнаго презрѣнія (król i jego doradcy zasłużyli na śmiertelną pogardę)".

Архидіаконъ іерусалимскаго патріарха, проѣзжавшій по слѣдамъ ясырившей Орды, говоритъ, что король, вмѣсто денегъ, отдалъ ей на расхватъ семьдесятъ городовъ и селъ. То же самое число показываетъ козацкій лѣкарь, Литвинъ Лукашка, прибавляя, что и провожавшіе Татаръ козаки грабили въ тѣхъ городахъ своихъ единовѣрцевъ мѣщанъ. Того мало: лѣкарь Лукашка разсказываетъ, что Хмельницкій сперва ссорился съ татарскою чернью за неправильность козакотатарскаго дувана, но что потомъ онъ послалъ съ нею своихъ полковниковъ, которые, являясь вмѣстѣ съ Татарами подъ видомъ закупки съѣстныхъ припасовъ, отпирали города притаившейся Ордѣ, и что Татары хватали въ полонъ даже своихъ проводниковъ и сограбителей.

По разсказу путивльца Петра Литвинова, гостившаго у Хмельницкаго подъ Збаражемъ и возвращавшагося съ нимъ изъ Волыни, этими полковниками были Небаба и Нечай. „И назадъ де идучи" (доносилъ царскимъ воеводамъ гость Козацкаго Батька), „тѣ Крымскіе Татаровя взяли взятьемъ литовскихъ (то есть малорусскихъ) городовъ

съ тридцать, и тѣхъ городовъ въ уѣздѣ уѣздныхъ людей всѣхъ побили и въ полонъ поимали".

Избіеніе объясняетъ онъ далѣе слѣдующими словами: „...идучи назадъ въ Крымъ (Татары) литовскіе городы на Волыни и на Подольѣ (повоевали) и у Коломы, гдѣ соль варятъ, полонъ многой поимали жъ, да и Бѣлорусцовъ (кіевскихъ) и Черкасъ многихъ поимали жъ, и ведутъ въ Крымъ полону безчисленное множество, а больши ведутъ женской полъ, жонокъ, да дѣвокъ, да робятъ малыхъ, а мужеской полъ всѣхъ сѣкутъ".

Вотъ чѣмъ расплатился Янъ Казимиръ съ ханомъ, а Богданъ Хмельницкій съ татарскою чернью! Малорусская исторіографія до сихъ поръ не упоминала даже вскользь о такихъ поступкахъ своихъ „національныхъ героевъ", козаковъ. Мало того, она ихъ перелыгала подобно тому, какъ это дѣлали придворные непобѣдимаго Яна Казимира, сочинявшіе реляціи о немъ для Европы и передѣлывавшіе собственныя письма его „ради національной чести", точно какъ будто національная честь охраняется ложью и подлогомъ.

Торгуя человѣческою кровью, въ переговорахъ съ ханскимъ визиремъ генералиссимусъ Яна Казимира крѣпко стоялъ на томъ, что „Поляки не знаютъ слова *гарачъ* и привыкли его брать, но не давать. Совсѣмъ иное дѣло, to co innego (говорилъ онъ), если рѣчь идетъ о *подаркахъ* (stipendia gratuita), которые король обязался давать хану.

Визирь, въ качествѣ азіятскаго варвара, спорилъ съ европейскою знаменитостью не о названіи, а о самой вещи. Сверхъ недоимочнаго гарача, онъ требовалъ единовременной дани круглою цифрою 200.000 талеровъ, или 600.000 злотыхъ. 30.000 талеровъ король долженъ былъ уплатить на мѣстѣ, за другими 30.000 послать во Львовъ и отправить къ хану нагонцемъ черезъ Сулейманъ-агу, котораго онъ оставилъ королю въ видѣ заложника. За остальные 140.000 талеровъ—оставить въ залогѣ у хана сокальскаго старосту, зятя Оссолинскаго, Денгофа.

Когда согласились и на этотъ пунктъ, визирь потребовалъ, чтобъ осажденные въ Збаражѣ паны уплатили 200.000 талеровъ отдѣльнаго окупа, который будто бы обѣщали. Король, прибывшій спасать своихъ Ѳермопильцевъ, спокойно, или злорадостно, положилъ такую резолюцію: „Если обѣщали, то пусть и дадутъ, а если у нихъ денегъ нѣтъ, пускай дадутъ заложника, а я постараюсь, чтобы Рѣчь Посполитая заплатила эту сумму". Вотъ какимъ способомъ принималъ онъ къ себѣ въ геройскую троицу князя Вишневецкаго! Всѣ мы, дескать, спаслись окупомъ.

Но все-таки предложенныхъ и принятыхъ условій пощады не для чего было писать на бумагѣ: ханъ гарантировалъ ихъ для себя мечемъ и огнемъ, а королю надобно было сдѣлать изъ нихъ государственную тайну изъ уваженія къ своей чести и къ чести Рѣчи Посполитой (ze względu na honor króla i Rzeczypospolitéj).

Сдѣлавшись тайно рабомъ счастливыхъ и милосердыхъ злодѣевъ, Янъ Казиміръ заключилъ съ Татарами явно такой договоръ, который честь короля и Рѣчи Посполитой дозволяла опубликовать. Обѣ стороны обязывались взаимною помощью и обороною въ войнѣ съ сосѣдями. Рѣчь Посполитая будетъ посылать регулярно подарки въ Каменецъ (30.000 дукатовъ на кожухи). Ханъ обезпечиваетъ за Хмельницкимъ булаву и 40.000 козаковъ, которыхъ никто не смѣетъ обижать. Король предоставляетъ свободную пашу Татарамъ къ западу отъ Азова надъ тремя рѣками (Днѣпромъ, Богомъ и Днѣстромъ), въ Дикихъ Поляхъ. Это значило — во всей *не-городовой* Украинѣ, иначе— въ Запорожьѣ.

Подобно утопающему, Польша хваталась и за соломинку, и за бритву. Но бритвой въ настоящемъ случаѣ были не Татары, придвинувшіе свой Крымскій Юртъ къ украинскимъ *Городамъ*, и не козаки, поступившіеся непріятелямъ Св. Креста своимъ „славнымъ Запорожьемъ“, а нарушеніе вѣчнаго мира съ Московскимъ Царствомъ. Нарушеніе вѣчнаго мира явствуетъ изъ наступательно-оборонительнаго союза христіанъ съ магометанами; но царскій гонецъ Кунаковъ провѣдалъ, что, кромѣ писанныхъ пунктовъ, былъ въ этомъ явномъ договорѣ и такой, котораго публиковать не рѣшились. Объ этомъ секретномъ пунктѣ доносилъ онъ Царской Думѣ (въ декабрѣ 1649 года) слѣдующими характеристическими словами:

„Да паны жъ рада межъ себя совѣтуютъ и разсуждая говорятъ, что съ великимъ государемъ нашимъ, съ его царскимъ величествомъ, вѣчное доконченье не подкрѣплено за пьянствомъ и за табачною торговлею великихъ королевскихъ пословъ. А нынѣ же король въ обозѣ подъ Зборовымъ по-неволѣ вѣчное доконченье съ царскимъ величествомъ *нарушилъ*: позволилъ крымскому хану черезъ Польское и Литовское Панство съ войскомъ ходить, куды ему будетъ потреба, и на томъ де король и присягъ; и только де про то вѣдомо учинится царскому величеству, и по той де причинѣ и съ Московскую Сторону война“.

И въ другомъ мѣстѣ: „И тое де статью королевскіе сенаторы и ближніе люди таятъ и заказано про то всѣ пакты подъ гарномъ. А у кого промысломъ и иманы тѣ Крымскаго и Хмельницкаго пакты

прочесть для вѣдома, и тое статьи въ спискахъ съ пактъ не написано. И сперва де, какъ подъ Зборовомъ договорились и пакты пописали, и канцлеръ съ подлинныхъ пактъ списки послалъ къ пріятелямъ своимъ для вѣдомости, а тое статьи не писалъ".

Зная, что Польши, послѣ этого, ничто уже спасти не могло, слѣдуетъ упомянуть, что пакты съ ханомъ были спрятаны въ тайномъ архивѣ; что на ближайшемъ сеймѣ подтверждены они весьма таинственно и поверхностно *), и что дѣлопроизводитель несчастнаго договора, королевскій секретарь Мясковскій, въ донесеніи королевичу Королю писалъ: „Чѣмъ и какъ обострили Татары свои пакты, было бы *трудно* и долго писать." (Очевидно, что была такая статья, о которой онъ писать не смѣлъ).

Счастливый по милости Божіей ханъ явилъ и въ томъ еще свое милосердіе, что согласился двинуться съ мѣста прежде короля, отозвать посланные за Стырну загоны и возвратить взятыхъ ими плѣнниковъ, хотя на эту послѣднюю милость согласился съ большимъ трудомъ.

Молившій короля о помилованіи Хмѣль былъ упорнѣе хана. Дѣло ясное, что его русское самодержавіе татарскій царь ограничилъ 40.000 козаковъ для собственной безопасности: ибо дружба злыхъ, по замѣчанію Шекспира, переходитъ въ боязнь, а боязнь раждаетъ ненависть. Кунаковъ многое принималъ на вѣру несообразно съ исторической дѣйствительностью, открывающеюся для потомства; но въ этомъ случаѣ изобразилъ весьма правдоподобно сцену между двумя счастливыми по милости Божіей и милосердыми людоѣдами.

„И учиня Крымскій ханъ съ Польскимъ королемъ договоръ чрезъ королевскаго Татарина, и укрѣпясь на договорныхъ записяхъ съ канцлеромъ съ Юрьемъ Оссолинскимъ, послалъ къ Богдану Хмельницкому, даючи ему вѣдомо, на чомъ онъ съ Польскимъ королемъ договорился, и чтобъ Хмельницкой послалъ къ королю пословъ своихъ договариваться о статьяхъ, что ему настоитъ. И Богданъ де Хмельницкой пріѣхалъ въ полки къ Крымскому хану самъ съ 20.000 войска, и хану говорили, что онъ, ханъ, учинилъ договоръ съ королемъ, забывъ шерть свою, что было имъ ни одному, ни безъ одного съ королемъ и съ паны и со всею Рѣчью Посполитою не мириться. И ханъ де Хмельницкому говорилъ, что онъ, Хмельницкой, не знаетъ мѣры своей, хочетъ пана своего до конца разорить, а и такъ панство его изплюндровано

*) Именно вотъ какъ: „Skrypt do archivum dany rationem o brony Rzeczypospolitèj autoritate praesentis Conv. in toto aprobujemy do przyszłego ordynaryjnego sejmu."

досыть: надобно де и милость показать; онъ де, ханъ, монарха породный, узнавъ мѣру свою, съ братомъ своимъ, съ польскимъ монархою, снесся въ добрую згоду, и его, Хмельницкого, съ паномъ его поеднать договаривался, какъ годно: а только онъ договариваться и еднаться съ нимъ не будетъ, и онъ, Крымской ханъ, съ королемъ на него заодно. И Богданъ де Хмельницкой о томъ престалъ, и послалъ къ королю пословъ своихъ".

Въ послѣдствіи, по возвращеніи въ Украину, Хмельницкій говорилъ московскимъ гостямъ своимъ, боярскому сыну Жаденову, да площадному дьячку, Котелкину: „Не того мнѣ хотѣлось, и не такъ бы тому и быть", а потомъ, подпивъ, заплакалъ, и Москали замѣтили: „знать, что ему не добрѣ и любъ миръ, что помирился съ Ляхами".

Но чего бы ни хотѣлось милостію Божіею запорожскому гетману, русскому князю, единовладнику и самодержцу, онъ представилъ королю договорные пункты свои при низкопоклонномъ письмѣ, въ которомъ, падая къ милостивымъ ногамъ его королевской милости, своего милостиваго пана, униженно просилъ простить ему, нижайшему подножку своему, грѣхъ, который де учинилъ онъ по-неволѣ (повтореніе Киселевской фразы), и обѣщалъ быть вѣрнымъ подданнымъ до конца живота своего. Если есть (писалъ онъ) что-нибудь оскорбительное въ представляемыхъ пунктахъ, то объ этомъ усильно проситъ все Запорожское Войско, равно какъ и о томъ, чтобы выданъ былъ ему измѣнникъ его, Чаплинскій, которому понравилось убогое хозяйство его и который отнялъ у него всѣ добра его, а самого его подвергъ было смертной казни у пана хорунжаго. За это де и война началась (а не за вѣру, о которой бы здѣсь было время и мѣсто поговорить съ Ляхами). Пускай де Чаплинскій будетъ наказанъ такою смертью, какую предназначалъ для него (Это для Козацкаго Батька было важнѣе вѣры).

Посламъ Хмельницкаго отвѣчали, что король согласится на все, что только не будетъ противорѣчить изъ цѣлости маестата и безопасности Рѣчи Посполитой, а по врученіи хану денегъ и пактовъ, стали договариваться съ козаками. Результатомъ этого договора былъ актъ, названіе котораго напоминаетъ споръ Оссолинскаго съ ханскимъ визиремъ о названіи гарача подарками.

Декларація королевской милости на пункты просьбы Запорожскаго Войска заключала въ себѣ 11 статей. Можетъ быть, ихъ было и больше, но подлинника Деклараціи въ послѣдствіи никто не доискался, а въ опубликованной тогда же „Привилегіи Русскому Народу" паны солгали весьма грубо, будто бы король „больше всего своею королевскою повагою, нежели кровью, счастливо угасилъ внутреннее

замѣшательство, начавшееся со времени междуцарствія". Это привело къ тому, что договоръ съ Хмельницкимъ, равно какъ и договоръ съ Исламъ-Гиреемъ, былъ подтвержденъ на сеймѣ лишь въ общихъ выраженіяхъ *). Вмѣсто договорныхъ пунктовъ, польская публика читала великодушный королевскій манифестъ, названный привилегіей *Русскому Народу*, подъ именемъ котораго разумѣлись не тѣ землевладѣльцы, которые сохраняли еще православную вѣру, не тѣ пастыри русскихъ душъ, которые болѣли за нее сердцемъ, подобно Филиповичу, и пользовались духовными хлѣбами, подобно Косову да Тризнѣ, даже не купцы и мѣщане, образовавшіе въ Малороссіи городскія муниципіи и основавшіе церковныя братства, а только козаки. Въ манифестѣ было сказано, что король, снисходя къ просьбѣ Запорожскаго Войска, всѣ прежнія привилегіи, на которыя гдѣ-либо въ книгахъ существуютъ крѣпости (extant munimenta), возстановляетъ, и давшія вольности, въ тѣхъ привилегіяхъ дарованныя Запорожскому Войску, признаетъ и подтверждаетъ. Но въ какихъ книгахъ и какія именно вольности, объ этомъ не зналъ ни тотъ, кто составлялъ плутовской актъ, ни тѣ, для кого былъ онъ составленъ, ниже козаки, которые много разъ домогались какихъ-то давнихъ правъ и вольностей, но ни въ одной петиціи не обозначили, въ чемъ состояли онѣ. Въ королевской Привилегіи Русскому Народу все дѣло сводилось къ слѣдующимъ словамъ: „А особливо утверждаемъ за ними (козаками) нашею привилегіей то, чтобъ они не были судимы нашими старостами, державцами и (ихъ) намѣстниками, но во всѣхъ дѣлахъ будутъ чинить имъ судъ и расправу гетманы ихъ. Зато и козаки въ замковыя начальства, также въ аренды, шинки, равно грунты и принадлежности, на которые давнихъ правъ не имѣли, вступаться не будутъ".

Вотъ и все, о чемъ хлопоталъ фиктивный Русскій Народъ королевскаго манифеста. Въ самихъ же пунктахъ „Декларации королевской милости", которые были закрыты отъ публики этимъ манифестомъ,— за исключеніемъ 8-го, говорится о козацкихъ отношеніяхъ и о территоріи, въ которой будутъ имѣть мѣстопребываніе по обѣимъ сторонамъ Днѣпра 40.000 козаковъ. Гетманъ Хмельницкій, которому давалось на булаву чигиринское староство (пунктъ 3), можетъ во всей территоріи козацкаго мѣстопребыванія вписать любаго изъ королев-

*) Именно въ слѣдующихъ: „Ponieważ podług konstyt: koronacy w uspokojenia Kozaków dosyć się stało, tedy deklaracyą łaski naszej uczynioną pod Zborowem autoritate conv. praes. za zgodą wszech stanów aprobujemy".

скихъ или шляхетскихъ подданныхъ въ 40.000-й реестръ. Каждый реестровой козакъ дѣлается свободнымъ отъ всякихъ налоговъ и податей (Это значило, что всѣ украинскіе паны, имѣвшіе добра въ чертѣ козачества, фактически теряли ихъ). Гетманъ имѣетъ право выбрать козака и за чертою, но тогда выбранный долженъ совсѣмъ переселиться въ Украину, чего никто не можетъ ему воспретить (На этомъ основаніи всѣ мужики могли выйти въ Украину, и хотя бы ихъ потомъ не было въ реестрѣ, никто бы не могъ выискать ихъ и вернуть за черту).

Коронныя войска въ козацкой территоріи стоянокъ имѣть не будутъ; Жидовъ и іезуитовъ также тамъ не будетъ (пункты 6, 7 и 8). Горілкою козаки шинковать не будутъ, кромѣ того, что выкурятъ на свою надобность (пунктъ 11). Всѣ должности въ воеводствахъ Кіевскомъ, Брацлавскомъ и Черниговскомъ будутъ раздаваться шляхтѣ религіи греческой.

Относительно уничтоженія уніи (пунктъ 8) и возвращенія правъ и имуществъ грекорусскимъ церквамъ все будетъ постановлено на сеймѣ, съ согласія кіевскаго митрополита, которому король даетъ мѣсто въ сенатѣ.

Въ этомъ пунктѣ мы видимъ, что дѣло Киселей, Древинскихъ, Могилъ, Косовыхъ и Тризнъ перешло снова къ нимъ въ руки, подъ прикрытіемъ сеймовыхъ диспутовъ, отсрочекъ, бездѣйственныхъ постановленій, примѣры которыхъ мы видѣли со временъ Сигизмундовскихъ, и что козаки, эти „единственные борцы за православную вѣру", довольные своею реестровкою да винокуреніемъ во всю мѣру своей надобности, не воспользовались мѣстомъ и временемъ для того, чтобы вопросъ о вѣрѣ и церкви возвратить къ положенію до-уніятскому. Но польская исторіографія тѣмъ не менѣе—въ общемъ смыслѣ Зборовскаго договора видитъ, что Хмельницкій посредствомъ него сдѣлался силою, въ виду которой королевская власть не значила ничего, и что шляхетская Рѣчь Посполитая, при такомъ договорѣ, не могла существовать. Въ своемъ положеніи (говоритъ она) козацкій гетманъ менѣе зависѣлъ отъ короля, нежели крымскій ханъ—отъ султана: ибо власти крымскаго хана не обезпечивала чужеземная сила, а вѣра и обрядъ соединяли его съ государствомъ оттоманскимъ и ставили въ извѣстную зависимость отъ стамбульскаго калифа. Должностное лицо Рѣчи Посполитой, имѣющее 40.000 войска номинально и 100.000 въ дѣйствительности, съ неограниченною властью надъ нимъ, такое лицо, владѣя булавой, которой нельзя было отнять у него безъ войны съ Крымскимъ Юртомъ, никакъ не могло быть фактически подданнымъ

короля и Рѣчи Посполитой. Чтобъ уравновѣсить его власть, Польшѣ оставалось изъ республики сдѣлаться самодержавною монархіей, подобно Московскому Царству. Самое расширеніе Крымскаго Юрта по Ворскло и Тясминъ (замѣчу отъ себя) убивало только русскую идею въ Малороссіи, грозило Москвѣ потерею права на вотчину ея государей, но для Польши дѣлало нашу родину такимъ же неодолимымъ ханствомъ, какъ и Крымское.

Мудреные и опасные для пановъ переговоры съ Хмельницкимъ тянулись до сумерекъ. Особенно трудно было убѣдить его присягнуть. Не даромъ онъ говорилъ царскому дворянину, Унковскому: „Цѣловали мы крестъ служить вѣрой и правдой королю Владиславу, а теперь въ Польшѣ и Литвѣ выбранъ королемъ Янъ Казимиръ. Короля мы не выбирали, не короновали и креста ему не цѣловали, а потому стали свободны". Теперь эта свобода исчезала юридически, да и фактически русскій единовладникъ и самодержецъ дѣлался однимъ изъ польскихъ королятъ. Наконецъ Хмельницкій присягнулъ условно, сидя на конѣ. Присяжный листъ читалъ ему Адамъ Кисѣль.

Когда эта формальность была исполнена, отъ него потребовали, чтобъ онъ отступился отъ Чаплинской, которой православное вѣнчанье при живомъ мужѣ католикѣ, очевидно, и самъ Кисѣль считалъ недѣйствительнымъ. Хмельницкій могъ бы отвѣчать спокойнымъ отказомъ, но онъ чувствовалъ, что находится между ханомъ и королемъ, какъ между двумя силами, которыя изъ-за своихъ выгодъ могутъ погубить его. Непредвидѣнная потеря дикаго самодержавія мучила его до такой степени, что онъ обнаружилъ, можетъ быть, скрываемую подъ покровомъ другихъ обидъ боль своего мстительнаго сердца, и вскричалъ ревниво: „Нехай лучче король звелить утяти мені голову"!

Присягнувъ хранить ненарушимо Зборовскій договоръ, Хмельницкій не соглашался никоимъ образомъ просить у короля лично прощенія и присягать на вѣрность подданства. Поляки объясняютъ это упорство страхомъ убійства или предательства, который успокоился только послѣ того, какъ послали къ нему заложникомъ Юрія Любомирскаго. Но мы, въ жилахъ которыхъ течетъ все та же кровь, которая проявила себя въ этомъ уродѣ нашей Малорусской семьи, позволяемъ себѣ думать, что главную здѣсь роль играли — презрѣніе къ избранному среди презираемыхъ козакомъ „Жидовъ", ненависть къ обидчику, поставившему ничтожнаго Забугскаго наравнѣ съ нимъ, творцомъ своей *фортуны*, и то чувство, которое заставляетъ иногда разбойника бояться взгляда своей жертвы.

Какъ бы то ни было, утромъ въ пятницу 20 (10) августа, Хмѣль нашъ пріѣхалъ къ королю съ сыномъ въ сотнѣ лошадей. Сцену свиданія кота съ мышью сочинители *Деклараціи* и *Привилегіи* описали такимъ образомъ.

Хмельницкій сошелъ съ коня далеко отъ королевской палатки. Кисѣль ввелъ его въ палатку. Хмельницкій бросился королю въ ноги, молилъ о милосердіи и говорилъ, что не такимъ бы способомъ желалъ бы его привѣтствовать.

Эти слова, если они были произнесены Хмельницкимъ, отзываются тою демонической ироніей, съ которой онъ выражалъ князю Заславскому желаніе отдать ему поклонъ лично со всѣмъ Запорожскимъ Войскомъ. Напоминаютъ они также и его застольное слово къ Жаденову и Котелкину: „Не того бы мнѣ хотѣлось, и не такъ бы тому и быть“. Ему бы хотѣлось отправить его королевскую милость, своего милостиваго пана, къ нхъ милостямъ короннымъ гетманамъ, а съ панами-„Жидами“ раздѣлаться по-козацки.

По разсказу присяжныхъ фальсификаторовъ, Хмельницкому отвѣчалъ Левъ Казимиръ Сопіга, что король подражаетъ солнцу, которое всходитъ для добрыхъ и злыхъ, что онъ прощаетъ его преступленія и надѣется, что запорожскій гетманъ вознаградитъ за нихъ цнотою и вѣрностью. Къ этому фальсификаторы прибавляютъ, что, „поговоривъ съ нимъ немного, король удалился“.

Иначе разсказывали Поляки Кунакову. Они присочинили, будто ханъ былъ у короля съ поклономъ, а вмѣстѣ съ нимъ и Хмельницкій, но тѣмъ не менѣе молчали о различныхъ выдумкахъ королевскихъ секретарей и современныхъ книжниковъ: о его паденьѣ къ ногамъ, о его слезахъ, о его реторической рѣчи, которую будто бы онъ произнесъ „съ чувствомъ своего достоинства“, какъ прилыгаетъ отъ себя малорусская исторіографія. Кунаковъ пишетъ о Хмельницкомъ, что „ѣдучи де Богданъ Хмельницкой къ королю, металъ древкомъ“... „и король де говорилъ Хмельницкому: досыть тебѣ быти намъ непріятелемъ, и до ласки нашей тебя припущаемъ, и всѣ вины твои тебѣ и всему Войску Запорожскому отдаемъ, и тебѣ то годится намъ и Рѣчи Посполитой заплатить услугою своею. И Хмельницкой до короля молылъ: Гораздъ, королю, мовишъ, а вѣжства и учтивости никакіе противъ тѣхъ его королевскихъ рѣчей словесне и ни въ чемъ не учинилъ“.

Литовскій канцлеръ Радивилъ прибавляетъ, что Хмельницкій присягнулъ на вѣрность королю, *сидя на стулѣ*, и это мѣсто польскій переводчикъ его латинскихъ „Меморіаловъ“ опустилъ, какъ и многое

шокирующее Поляковъ *). Слова Хмельницкаго, что не такимъ способомъ желалъ бы онъ привѣтствовать короля, также записалъ Радивилъ, и они тоже пропущены переводчикомъ. Для урегулированія правды и вымысловъ, необходимо помнить, что Хмельницкій „казнилъ королевскихъ пословъ" и самъ величался этимъ передъ московскими людьми; что послѣ Зборовскаго договора, передъ одними Москалями онъ пилъ со слезами царское здоровье, передъ другими бѣсновался за отказъ ему въ помощи, а третьимъ напрямикъ говорилъ, что онъ все, и города московскіе, и Москву сломаетъ, да и тотъ, кто на Москвѣ сидитъ, отъ него на Москвѣ не отсидится.

Какъ бы то ни было, только козаки съ досадой пріостановились „варить съ Ляхами пиво", въ которомъ былъ „ляцький сóлодъ, козàцька водà, лàцькі дрòва, козàцькі трудà",—хотя и то довели Польшу до такого изнеможенія, что Радивилъ писалъ въ дневникѣ: „Нѣсколько сотъ лѣтъ уже не была Польша и ни одинъ король въ такихъ *терминахъ*, какъ 15 августа. Едва не вернулась оная гибель подъ Варною и тѣ времена, когда ханъ (Батый) жилъ въ Краковѣ 12 недѣль. Но и этотъ день будетъ у насъ днемъ печали, доколѣ Польша будетъ существовать". А Мясковскій прибавилъ къ этому въ частномъ письмѣ: „Возвращаемся во Львовъ визжа, поруганные, побѣжденные и ободранные".

Ханъ сперва намѣревался взять короля въ плѣнъ, и Хмельницкій этого желалъ, какъ видно изъ упрековъ, которые онъ дѣлалъ хану въ 1655 году; но потомъ крымскій наѣздникъ разсудилъ, что трактаты принесутъ ему больше пользы, и запугалъ своего товарища на счетъ короля. Онъ оказался практичнѣе обоихъ. Кромѣ славы посредника, побѣдителя и протектора, онъ пріобрѣлъ себѣ помощь для войны съ Москвою, содралъ богатый окупъ, возстановилъ ежегодную дань и на возвратномъ пути, по выраженію кіевскаго митрополита, взялъ безчисленное множество *христіянъ*. „Этотъ ясыръ забралъ онъ въ русскихъ областяхъ съ королевскаго дозволенія, *чего бы Хмельницкій не позволилъ*", говоритъ нашъ современникъ Полякъ; но мы ему отвѣтимъ словами польскаго поэта:

Twoja dusza poczciwa zrozmieć nie umie,
Ile jest piekła w obrażonéj dumie *).

---

*) Меморіалы князя Альбрехта Станислава Радивила хранятся въ львовской библіотекѣ Оссолинскихъ, и Поляки, издавшіе такъ много историческихъ памятниковъ, не спѣшатъ издать вполнѣ эту драгоцѣнность.

*) Твоя честная душа не можетъ понять, сколько адскаго зла въ оскорбленной гордости.

Въ тотъ же самый день 20 (10) августа отступилъ Хмельницкі вмѣстѣ съ ханомъ отъ Зборова и вернулся подъ Збаражъ такъ же не замѣтно для осажденныхъ, какъ незамѣтно выступилъ оттуда.

Король послалъ вслѣдъ за нимъ коммиссаровъ, львовскаго писа ря Ожгу и полковника Минора спасать несчастныхъ отъ послѣдних разбойничьихъ ударовъ.

Осажденные не имѣли никакого понятія о томъ, что̀ дѣлалось в 35 верстахъ отъ нихъ подъ Зборовымъ. Они надѣялись ежедневно, ежеминутно увидѣть передъ собой сильное королевское войско, и сомнѣвались въ побѣдѣ посполитаго рушенія шляхты надъ козака Но томительное ожиданіе, голодъ и постоянная борьба съ мужицки цѣпами днемъ и ночью—мучили ихъ не меньше, какъ и прежніе зацкіе приступы.

Нѣсколько недѣль уже питались они кониною. Большая час лошадей пала, для остальныхъ не было корма. Околѣвшихъ и убиты лошадей сѣкли въ мелкое крошево, вялили, снова сѣкли на биос обсыпавъ мукой, давали конское мясо конямъ. Мужиковъ, котор спрятались передъ осадой въ городѣ, давно выпустили. Не помилов ихъ козаки, и всѣхъ, съ женами и дѣтьми, въ числѣ 4.000, отд Татарамъ; но тѣ гнушались такимъ заморенымъ ясыромъ и вырѣз его до ноги. Теперь послѣдніе 2.000 мужиковъ, не взирая на то, дѣлалось у нихъ передъ глазами, просили начальство выпустить и такъ сильно томилъ несчастныхъ голодъ. Должны были выпусти этихъ, за неимѣніемъ корма. Дороговизна возросла страшно: гарн пива стоилъ 2 флорина, кварта водки 20 флориновъ, четверть 60 фр., булка 2 фл., и то было трудно добыть. Жолнеры ѣли соб и кошекъ, а по ночамъ грабили возы, рвали пищу одинъ у друг Дрались за лошадиный кормъ, отнимали у челяди съѣстное, кото она несла своимъ панамъ на валы, такъ что едва не дошло до у бицы (mało ad intestinas caedes nie przyszło).

Между тѣмъ окозаченные мужики подкапывались подъ валы стоянкамъ Конецпольскаго и Фирлея, а такъ какъ лагерь былъ пу отъ безпрерывной пальбы съ шанцевъ, то мужики лѣзли въ отвер заставленныя возами, и, побивая изнуренныхъ жолнеровъ цѣп тащили къ себѣ возы желѣзными крючьями. Жолнеры тянули посредствомъ цѣпей, которыми они смыкались, и вырывали у му ковъ крючья. Мужики бросали въ обозъ пылающія мазницы и пи жердями къ возамъ вязанки соломы съ огнемъ, а воткнувши свои кмѣты на внутренней сторонѣ панскихъ валовъ и овладѣвши вс выходами, сидѣли по цѣлымъ днямъ и ночамъ въ панскомъ ла

между валомъ и возами, съ которыхъ оборонялись осажденные. День и ночь кипѣла тревога, заводились драки, раздавался вызывающій крикъ. Ругаясь всевозможными побранками, мужики грозили панамъ, что будутъ продавать ихъ Ордѣ по шагу и по шелягу. Это была уже не битва, а борьба, но она изнуряла осажденныхъ до упаду своею непрерывностью.

16 (6) августа въ день Спаса, когда король оставался цѣлъ только благодаря челяди, подошелъ небольшой козацкій отрядъ къ панскому лагерю, вызвалъ пахолка подъ видомъ врученія письма и увлекъ его съ собою. Вечеромъ пахолокъ вернулся и принесъ панамъ фальшивое письмо, которое будто бы писалъ Хмельницкій къ своему обозному, Чорнотѣ, изъ-подъ Озерной. Хмельницкій увѣдомлялъ своего обознаго, что королевское войско разбито; что онъ ведетъ къ Збаражу 500 важнѣйшихъ пановъ и наказываетъ ему смотрѣть въ оба, чтобъ осажденные не ускользнули.

Когда жолнеры читали съ ужасомъ это письмо, мужики толпились подъ обозомъ и кричали Ляхамъ, чтобы они поклонились и поддались „пану Хмелю", когда ужъ и король не устоялъ противъ него. Выстрѣлы, радостныя восклицанія и пѣсни въ козацкомъ таборѣ наполняли сердца жолнеровъ тревогой и отчаяньемъ. Они, казалось, готовы были теперь опустить руки. Но на разсвѣтѣ ротмистръ татарской хоругви Вишневецкаго принесъ найденную имъ стрѣлу съ прилѣпленнымъ къ ней смолою клочкомъ бумаги, на которомъ прочитали слова: „Будучи шляхтичемъ, хоть и по-неволѣ среди гультайства, увѣдомляю вашихъ милостей, что король его милость находится въ Зборовѣ съ весьма великою силою, и нѣсколько разъ побилъ Орду и козаковъ. Хмѣль въ таборѣ, а вчерашнее торжество было для вашего страха. Держитесь осторожно нѣсколькихъ дней, и дастъ Богъ будетъ хорошо. Уже въ третій разъ предостерегаю васъ".

Нѣкоторые подозрѣвали, что записка вымышлена; но войско тѣмъ не менѣе ободрилось. Въ послѣдствіи обнаружилось, что это была военная хитрость князя Вишневецкаго, который переносилъ всѣ неудобства, труды и голодъ наравнѣ съ простыми жолнерами, спалъ подъ валомъ, участвовалъ во всѣхъ вылазкахъ и всего досматривалъ, самъ не падалъ духомъ, и веселымъ лицомъ вливалъ надежду въ сердца своихъ соратниковъ.

Такимъ образомъ въ обоихъ лагеряхъ торжествовали: козаки, что облегли короля, а паны, что Хмѣль и Орда поражены королемъ.

Въ слѣдующій день Вишневецкій схватилъ 10 языковъ. Они объявили на пыткѣ, что король бьетъ козаковъ, такъ какъ множество

раненныхъ постоянно привозятъ въ таборъ; что Хмѣль призвалъ къ себѣ новую силу, и только передъ чернью дѣлаетъ видъ, будто облегъ короля.

21 (11) августа около полудня, когда часть Орды вернулась уже подъ Збаражъ, подъѣхалъ къ панскому лагерю Татаринъ, посланный отъ перекопскаго Карачъ-бея, и кричалъ, чтобъ не стрѣляли по козакамъ, потому что съ королемъ заключенъ уже миръ.

Когда паны размышляли объ этомъ, козаки поставили свои гарматы надъ озеромъ, и двинулись нѣсколькими купами на валы, но ихъ встрѣтили такою пальбой, что они были принуждены отступить. Не хотѣлось кровожадному звѣрю разстаться съ вырванной у него Татарами добычею, но и послѣдній прыжокъ не удался ему.

По заходѣ солнца, явился къ Фирлею молодой шляхтичъ Ромашкевичъ, (по фамиліи Русинъ), извѣстный своею посольскою службою покойному Конецпольскому, съ письменнымъ увѣдомленіемъ, что миръ заключенъ, и что королевскіе коммиссары, Ожга и Миноръ, прибудутъ рано утромъ въ лагерь.

Новость эта наполнила всѣхъ безумною радостью, но потомъ—новымъ страхомъ. Сомнѣвались, чтобы король ввѣрилъ столь важное дѣло такому молодому человѣку. Никто лично не зналъ его. Боялись новаго коварства со стороны Хмельницкаго. Почему не пріѣхали новые коммиссары? почему засѣли они въ непріятельскомъ таборѣ и смотрятъ на новый козацкій приступъ? Не такимъ воображали себѣ освобожденіе герои осаднаго сидѣнія. Король зналъ бы цѣну людямъ, которые своимъ самопожертвованіемъ остановили вторженіе дикой силы во внутреннія области королевства....

Региментари допрашивали Ромашкевича публично: на какихъ условіяхъ заключенъ миръ подъ Зборовымъ? Гонецъ сперва молчалъ упорно, наконецъ угрюмо отвѣчалъ, что это не его дѣло, и что коммиссаровъ задержалъ у себя Хмельницкій до утра.

Скоро явился въ панскомъ обозѣ другой гонецъ, съ письмомъ отъ Хмельницкаго. Гетманъ увѣдомлялъ пановъ о заключенномъ мирѣ и окончилъ свое письмо такими словами: „А какъ ваши милости обѣщали хану нѣсколько сотъ тысячъ, то приготовьте ихъ. По полученіи денегъ царь отступитъ“.

Паны отвѣчали Хмельницкому, что не обѣщали ничего, и скорѣе всѣ погибнутъ, нежели заплатятъ хоть одинъ талеръ.

Ромашкевичъ, видя, что региментари готовятся къ завзятой оборонѣ, началъ разсказывать, какъ бились подъ Зборовымъ, какой заключили миръ, и что̀ слышалъ въ козацкомъ таборѣ.

Паны слушали его молча. Отъ стыда и сожалѣнія о своихъ напрасныхъ страданіяхъ, старые воины понивили головами. Гонецъ пересказывалъ имъ, какъ ихъ враги хвалили ихъ мужество, называя юрдитыми, и какъ Татары ломаннымъ языкомъ своимъ издѣвались надъ королевскимъ войскомъ: „Подъ Збаражъ одна Ляхъ десетъ Татаръ звіжъ; на Зборувъ одна Татаръ десетъ Ляхъ бере". Никого не занимали ни хвалы, ни насмѣшки. Извѣстіе о позорномъ мирѣ поразило панскій лагерь великимъ горемъ. Жолнеры, столько разъ видѣвшіе себя героями, теперь упали духомъ, точно на нихъ повѣяло отъ короля заразой себялюбиваго ничтожества. Ихъ подавляла тоска о стольких утратахъ, о стольких напрасныхъ подвигахъ, о столь неслыханныхъ страданіяхъ.

На другой день, когда прибыли Ожга и Миноръ, регментари объявили, что не давали никакихъ обѣщаній и ни о чемъ не трактовали, такъ какъ „разошлись въ прелиминаріяхъ". Но ханъ уперся въ своемъ требованіи, и паны согласились дать ему 40.000 талеровъ, въ счетъ неуплаченнаго окупа за Сѣнявскаго. Въ залогъ за эту сумму дали хану Потоцкаго, богатаго шляхтича, но не изъ того дома, главою котораго былъ Николай Потоцкій.

23 августа жолнерамъ дозволили выходить изъ замка. Тогда между нимъ и козацкимъ обозами появились тысячи торговыхъ будокъ. Открылась ярмарка. Жолнеры покупали у козаковъ лошадей и съѣстное. Знакомые угощались взаимно горілкою, хлѣбомъ, яблоками. Вмѣсто боевой тревоги, поднялся шумъ жизни мирной. Однакожъ, и здѣсь обнаружилась козакотатарская привычка къ воровству и разбою. Сперва хватывали съ головъ у жолнеровъ шапки, потомъ козаки нѣсколькихъ совсѣмъ ограбили, а Татары нѣсколькихъ неосторожныхъ увели въ неволю. „Кто вмѣшивался въ толпу, не имѣя знакомыхъ" (пишетъ очевидецъ), „тѣ попадали въ бѣду".

Наконецъ 25 (15) августа съ разсвѣтомъ, отступилъ ханъ съ торжествующею Ордою, за нимъ двинулись козацкіе возы въ нѣсколькихъ десятковъ рядовъ, а за ними, въ полдень, Хмельницкій, окруженный татарскою гвардіей своей и блестящими „козацкими признаками".

Только тогда осажденные вздохнули свободно. Отворились лагерныя ворота. Толпы народу высыпали обозрѣвать поле. Вся окрестность была изрыта вдоль и поперекъ. Семь большихъ окоповъ, насыпанныхъ Татарами и козаками, окружало панскій лагерь, изъ котораго два хана напрасно грозили повытаскать Ляховъ за чубы. Окопы вокругъ козац-

нихъ таборовъ и татарскихъ юртовъ, жолнерскія „квартиры", шанцы, разбросанные, подобно кротовымъ норамъ, по полю, апроши, поперечные рвы и земляные верки, обломки оружія, возовъ, палатокъ, конская падаль и почетныя „могилы" надъ людьми—покрывали равнины вокругъ Збаража. Вездѣ на этихъ мѣстахъ кипѣлъ бой и лилась кровь. Борьба не прерывалась болѣе шести недѣль. Осажденные выдержали 20 приступовъ; 16 разъ выходили они въ поле и наступали на осаждённыхъ, 4 раза рыли и поновляли валы, редуты, рвы, 75 разъ выскакивали мелкими партіями противъ непріятеля, и одна рука держалась иногда противъ сотни и больше козакотатарскихъ. Таковы польскія преданія, опирающіяся на достопамятномъ фактѣ, что сотни тысячъ варваровъ не одолѣли девяти тысячъ хорошо вооруженныхъ и опытныхъ въ военномъ дѣлѣ жолнеровъ.

Какъ ни величался Хмельницкій передъ королевскими послами своею вѣчною дружбою съ Татарами, но никто лучше его не зналъ, что Татары друзья опасные. Еще до прихода къ Збаражу, о козацкихъ союзникахъ царскіе люди доносили въ Москву такія вѣсти: „А Татаровя стоятъ отъ козаковъ верстахъ въ 10 съ своими полки, и тѣ де Татаровя украдкою ихъ, козаковъ, на проѣздахъ побиваютъ, и въ полонъ емлютъ, и конскія стада отгоняютъ, и отъ того де козаки оберегаютца и страшатца добрѣ, что они, Татаровя, имъ, козакомъ, ставятца сильны".

Такъ было въ самомъ началѣ Збаражскаго похода. По его окончаніи, Татары являются друзьями того же самаго свойства. Вѣстовщики доносили царю: „А шолъ Богданъ Хмельницкой, помирясь съ королемъ и отпустя отъ себя Татаръ, въ свои городы зъ большимъ опасеньемъ полками и съ снарядомъ 10 дней, боясь отъ Татаръ погрому, потому что Татаровя, будучи нынѣшняго лѣта въ Польшѣ съ Черкасы вмѣстѣ, многіе литовскіе городы повоевали и полонъ многой поимали... И для де того Хмельницкой отъ Татаръ держитъ большое опасенье, потому что запорожскіе Черкасы многіе изнужились, и бредутъ назадъ въ городы свои пѣши".

Въ моментъ превозносимаго козацкими историками торжества Хмельницкаго надъ Ляхами, въ судьбѣ Козацкаго Батька сдѣлался поворотъ. Не помогла ему искусственная встрѣча, сдѣланная пилявецкимъ и львовскимъ добычникамъ въ Кіевѣ. Народъ, который онъ, аки Моисей Израиля, спасалъ отъ ляшеской неволи, встрѣчалъ и провожалъ его пѣснями въ родѣ слѣдующей, записанной мною самимъ на его родинѣ:

. Ой богдай Хмеля Хмельницького
Пѐрва кўля не минўла,
Що велівъ брàти парубки й дівки
И молодыі молодиці!
Парубки йдуть співàючи,
А дівчàта рыдàючи,
А молоді молодиці
Старого Хмѐля проклинàючи:
Ой богдай Хмѐля Хмельницького
Пѐрва кўля не минўла! *)

Проклятія несчастнаго народа, безъ всякаго сомнѣнія, долетали до ушей козацкаго Моисея. Для такого сердца, какое выработали въ груди нашего Хмеля іезуиты, сами по себѣ эти проклятія значили столько же, какъ для его сподвижниковъ крикъ облитаго горілкою и подожженнаго святоюрца; но этотъ возлюбленный сынъ своего украинокозацкаго отечества вѣровалъ въ таинственную силу слова, и погубленныя имъ сотни тысячъ земляковъ должны были въ его умѣ имѣть нѣчто общее съ пѣснями, предающими его анаѳемѣ.

Козацкій Батько еще зимою послалъ въ Бѣлоруссію 10.000 малоруссвихъ мужиковъ, подъ начальствомъ Голоты, о которомъ кобзари поютъ, что онъ не боялся ни меча, ни огня, ни третьяго—болота. По словамъ кобзарской думы, долетѣвшей до насъ изъ кровавой пропасти, именуемой Хмельнитчиною, Голота сводилъ свои подвиги къ такому концу:

Дай же, Бòже, щобъ козаки пили та гулàли,
Хорòші мыслі мàли *),
Одъ мѐне більшу здòбычъ здобувàли,
Неприàтеля підъ нòги топтали.

Для „хорошихъ мыслей" Бѣлоруссія представляла козаку Голотѣ еще больше простора, нежели Царю Наливаю. Въ теченіе полусто-

*) Въ варіантѣ этой проклинательной пѣсни, записанномъ И. П. Буцинскимъ, авторомъ книги „О Богданѣ Хмельницкомъ", говорится:

О богдай Хмѐля Хмельницького
Пѐрва кўля не минўла,
А другàя устрѐлила,
У сѐрденько уцѣлила!

*) Выраженіе „хороші мыслі мàти", родственно польскому być dobréj fantazyi, что означаетъ быть смѣлымъ.

лѣтія козацкая пропаганда проникла даже къ подгорецкимъ опришкамъ и варшавскимъ гультаямъ. Города за Припетью, убѣжище осиротѣлаго дома удѣльныхъ князей Олельковичей отъ козаковъ и Татаръ, вскипѣли теперь бунтомъ нетягъ противъ людей имущественныхъ и гулящей черни противъ пановъ. Мѣстная шляхта покидала свои хозяйства и толпами замерзала по дорогамъ. Голота, какъ и Перебійносъ, воображалъ уже себя вторымъ Хмельницкимъ, властвуя надъ лучшими мужиками и мѣщанами посредствомъ худшихъ. Но весной Викентій Гонсѣвскій, собравъ гарнизоны, вытѣсненные козаками Голоты изъ городовъ, напалъ врасплохъ на его скопище, загналъ его самого въ Припеть и потопилъ со множествомъ такихъ же рыцарей „хорошихъ мыслей".

Съ другой стороны литовскій гетманъ Янушъ Радивилъ, съ главнымъ литовскимъ войскомъ, приблизился къ Рѣчицѣ, гдѣ засѣлъ было другой мурза козацкаго хана, Стецько Подобайло. Этотъ былъ посланъ Хмелемъ въ Бѣлоруссію съ 10.000 свѣжаго войска только для того, чтобы не дать Радивилу двинуться въ новое „козацкое гнѣздо", Кіевъ. Радивилъ заперъ его въ устьѣ Сожи надъ Днѣпромъ и началъ громить пушечной пальбой.

На выручку Подобайла Хмельницкій двинулъ 300.000 лучшаго козацкаго войска, подъ начальствомъ одного изъ образованныхъ сообщниковъ своихъ, шляхтича Кричевскаго Но Радивилъ вмѣстѣ съ Гонсѣвскимъ не далъ ему соединиться съ Подобайломъ и, послѣ кровопролитной битвы, окружилъ шанцами въ такой западнѣ, которая напомнила козакамъ Медвѣжьи Лозы. Подобайло воспользовался разъединеніемъ литворусскихъ силъ, вырвался изъ тѣснаго кута и спѣшилъ на соединеніе съ Кривоносомъ, но былъ разбитъ на голову.

Въ то же самое время надъ Кричевскимъ, кумомъ, пріятелемъ и главною опорою Хмельницкаго, совершилось проклятіе, которое посылали ему самому татарскія плѣнницы. Какъ много терялъ Хмѣль въ этомъ сподвижникѣ, видно, между прочимъ, изъ того, что простреленный пулею Кричевскій былъ нарисованъ съ обнаженною грудью и награвированъ въ „Theatrum Europaeum", издававшемся тогда во Франкфуртѣ. Раздраженные Литворуссы поминали своего Буйвида кровавою тризною: съ войскомъ Кричевскаго случилось то, что постигло завзятыхъ козаковъ Наливайкова полковника Мартина подъ Копыломъ. Хмельницкій получилъ объ этомъ извѣстіе незадолго передъ тѣмъ, какъ очутился между татарскимъ молотомъ и польскою наковальней подъ Зборовымъ. Проклятія, встрѣтившія „стараго Хмеля" въ Украинѣ, должны были получить въ его душѣ зловѣщую выразительность.

И въ глазахъ спасаемаго имъ народа, и въ его собственныхъ, на его свирѣпомъ дѣлѣ лежала печать Господня отверженія. Сколько въ Польшѣ, столько же и въ Малороссіи были недовольны заключеннымъ въ Зборовѣ миромъ. Растравленные прошлогодней добычей мужики шли на новую добычу по большей части тѣми самыми мѣстами, въ которыхъ—или хозяйничали по-татарски сами, или предоставляли хозяйничать своимъ наставникамъ, Татарамъ. „Поживы" въ 1649 году было сравнительно мало, ея искателей—сравнительно много, и эти искатели были подгоняемы къ опаснымъ битвамъ козацкими списами да татарскими нагайками. Множество ихъ очутилось у Татаръ въ ясырѣ вмѣстѣ съ тѣми, на кого набѣгали они съ Татарами; множество пало въ битвахъ, которыя „старинные" козаки устраивали такъ, чтобы козаки „охочіе", затяжцы мужики и мѣщане, служили имъ прикрытіемъ вмѣстѣ съ гонимымъ впереди скотомъ; остальные, какъ разсказывалъ въ Москвѣ путивлецъ Литвиновъ, „брели домой пѣши не нажившись".

Оказаченные мужики были крайне недовольны подвигами Хмельницкаго: обманулись они въ своей надеждѣ жить на счетъ Ляховъ, которою такъ восторгалась одичалая въ нашей украинщинѣ Кліо. Еще меньше были ими наушники ихъ, запорожцы, и всѣхъ меньше былъ удовлетворенъ самъ Козацкій Батько.

„Это Москва надѣлала намъ такихъ шкодъ!" (шумѣло преславное Запорожское Войско). „Когда бъ она послушалась на первыхъ же порахъ нашего Батька Богдана, давно были бы мы за Бѣлою Водою; давно бы не было на свѣтѣ ни Ляха, ни Жида, ни проклятой Уніи"! И вотъ по всему московскому пограничью пошла ходить молва о томъ, что козаки, вмѣстѣ съ Татарами, нагрянутъ къ православнымъ тѣмъ же обычаемъ своимъ, что и къ невѣрнымъ Ляхамъ да Люторамъ; а обычай де у нихъ тотъ же татарской: живутъ они добычею, воюютъ изъ-за добычи. А теперь ханъ даже грозитъ Хмельницкому, „сослався съ Польскимъ королемъ и съ Поляки",—грозитъ воевать его самого, если не пошелъ бы воевать съ нимъ государеву землю. На то де они побратимы: поклялись братъ брату на саблѣ, Хмельницкій присягою, ханъ шертью.

Такъ, въ общихъ чертахъ, сложилось общественное мнѣніе пограничниковъ о збаражскихъ и зборовскихъ герояхъ; а признаки враждебныхъ замысловъ видѣли они въ томъ, что „конотопцы государеву землю роспахали многую, и хлѣбъ сѣели орженой и яровой, и сѣна покосили, и лѣсъ хоромной и дровяной и бортной деревья посѣкли, и межи и концы перепахали, и грани попортили",—видѣли въ томъ

что „по рѣкѣ Сулѣ и по рѣкѣ жъ по Терну Черкасы изъ черкаско войска лѣса запустошили, и лошеди у недрыгайловцевъ Черкасы кр дутъ, и дворы и гумна жгутъ, а отъ посаду Недрыгайловскаго все саженехъ во стѣ поселились Черкасы городкомъ Костентиновымъ", видѣли въ томъ, что „дворы деревни Кулешовки поставили на гос даревой землѣ, и мельницу на рѣчкѣ Уси къ государевѣ сторонѣ къ берегу",—видѣли въ томъ, что Черкасы во всѣхъ пограничны городахъ своихъ „говорятъ не тайно" о своемъ намѣреніи „и зъ гетманомъ одноличчо на Московское Государство войною то, что государь не учинилъ имъ, Черкасомъ, ратной помочи на П ляковъ", — наконецъ и въ томъ, что козаки, вспоминая о жалова Запорожскому Войску отъ прежнихъ московскихъ государей, воз мѣрились наложить на Москву такой гарачъ, какой Татары налож на Ляхву; „а будетъ де ты, государь" (писали въ Москву путивль воеводы) „имъ, Запорожскимъ Черкасомъ, своего государсва жалова дать не укажешь, и ему, черкаскому гетману, Богдану Хмельницко съ Черкасы и съ Татары одноличчо итти войною на твое госуда Московское Государство".

Москва смотрѣла на козаковъ Хмельницкаго, какъ на прозе товъ татарщины, и слухи о враждебности мнимыхъ „борцовъ за п вославную вѣру и русскую народность" получили серьезное знач въ ея глазахъ, особенно послѣ собранія въ Царской Думѣ повсе стныхъ въ Украинѣ толковъ о задуманномъ двумя ханами пох на Донъ, съ тѣмъ, чтобы „Татаромъ съ Черкасы збить донскихъ заковъ зъ Дону до одного человѣка", и потомъ „Крымскому цар Запорожскими Черкасы идти войною на Московское Государство".

Дѣйствительно православное значеніе Москвы было для коза послѣднимъ дѣломъ. Это въ Москвѣ знали даже по дѣяніямъ ковъ Сагайдачнаго, возстановителя кіевской митрополіи. Кадры З рожскаго Войска состояли изъ шляхтичей банитовъ, принадлежав не только къ римскимъ католикамъ и къ нѣмецкимъ протестант но и къ аріанамъ. „Какіе они христіане?" (говорили о Москаля данный моментъ козатчины кошевые и куренные витіи). „У них ра царская, а не христіянская: какъ повелитъ имъ царь, такъ о вѣруютъ".—„Колѝ бъ вопѝ зна̀ли благочѐстие" (прибавляли къ з богомольные козаки), „не попустѝли бъ вонѝ Бо̀жихъ церко̀въ Ля на пота̀лу; не далѝ бъ вонѝ побивáти насъ проклятымъ пекѐльным бісовымъ Ляхамъ та Німо̀ті. За моско̀вською підмо̀гою, звоюва̀ мы и спліндрува̀ли бъ увѐсь світъ; мы бъ и само̀го ри̇мського віддалѝ Ту̀рчинові въ нево̀лю. Отъ бы колѝ була̀ на̀ша честь, с

військòва справа! Отъ бы колѝ мы себè на сміхъ не подавàли, ворогівъ підъ нòги топтàли! А не схопѝвъ Москàль намъ помагàти, ходѝмо зъ Ордòю самòго ёго воювàти"!

Что такъ должны были логически послѣдовательно мудрствовать всѣ, кого Козацкій Батько называлъ, по словамъ кобзарей, дітьми, дрỳзьми, небожàтами, это видно изъ того, что логика козакомановъ нашего времени не далеко ушла отъ подобнаго воззрѣнія на порядокъ вещей въ свѣтѣ. Мы уже знаемъ, какими горькими сѣтованіями и злобными угрозами разражался онъ на равнодушіе Москвы къ его великому предпріятію. Но послѣ припадковъ горя и злости опять выражалъ готовность „служить христіанскому государю"; чтò, впрочемъ, не мѣшало ему возвращаться къ старой козацкой темѣ. Однажды, когда путивлецъ Василій Бурово да путивльскій пушкарь Марко Антоновъ явились къ нему съ жалобой на козацкіе захваты по московскому рубежу, „началъ онъ ихъ бранить и называть лазутчиками: ѣздите де вы не для расправы, для лазутчества. А приказывалъ де съ ними съ грозами и велѣлъ намъ" (писали путивльскіе воеводы къ царю) „словесно: не томмо де, что ихъ литовскіе люди твоею государевою землею за межею владѣютъ, ждали бъ де мы, холопи твои, ево къ себѣ въ гости подъ Путивль вскорѣ: идетъ де онъ, гетманъ, войною тотчасъ на твое государево Московское Государство. Вы де за дубье да за пасѣки говорите, а я де все—и городы московскіе и Москву сломаю. Да и противъ тебя, государя, говорилъ онъ, гетманъ, непригожія слова: „Хто де на Москвѣ сидитъ, и тотъ де отъ меня на Москвѣ не отсидитца".

Такъ бѣсновался въ своемъ безсиліи противъ Татаръ и Ляховъ Козацкій Батько, поживившись у хана, „якъ собàка мỳхою", сказали бъ козаки-дрỳзі. Теперь уже не было ему торжественной встрѣчи въ *ею столицѣ*, Кіевѣ, наименованной такъ въ чаду первыхъ успѣховъ. Онъ пересталъ быть *единовладникомъ и самодержцемъ* русскимъ. По своей присягѣ, теперь онъ былъ такой же королевскій подданный, какъ и всякій другой козакъ. Ханъ далъ ему гетманскую булаву и знамя рукою ничтожнаго, по гордому воззрѣнію пилявецкаго героя, *жидовскаго* короля; ханъ могъ ее предоставить Забугскому и любому полковнику козацкому. Этого мало: Хмельницкій очутился данникомъ крымскаго хана. Молва гласила, что гетманъ отсчиталъ ему 500.000 талеровъ изъ собственной „шкатулы"; а „щò по титулі, колѝ немà въ шкатỳлі"? говоритъ малорусская пословица. Но татарская помощь стоила дороже. Для вознагражденія мусульманъ-людохватовъ была

наложена поголовная подать на тотъ народъ, который козацкій Моисей взялся освободить отъ польскаго ига.

Дороговизна съѣстныхъ припасовъ возросла между тѣмъ страшно. Дома оставались только женщины, дѣти да немощные инвалиды. И тѣ работали мало, имѣя въ виду великую и богатую милость отъ Бога за избіеніе злочестивыхъ Ляховъ и проклятыхъ Жидовъ. Но вмѣсто денежныхъ людей, обремененныхъ добычею, возвращались большею частью *изнуженные* оборвыши, часто искалѣченные, вообще облѣнившіеся и, можно сказать, поголовно споенные въ походѣ. Это были не звягельскіе купнеры, сервировавшіе столъ панскимъ серебромъ, не обогатители, а разорители своихъ семействъ. Они увеличили, а не уменьшили, голодъ и нищету въ Украинѣ. Вернувшись домой, они пропивали даже то, что въ ихъ отсутствіе припасали женщины пряжею, тканьемъ и т. п., какъ объ этомъ выразительно говоритъ украинская Одиссея, которая, по милости козацкаго „всегубительства", дошла до насъ въ такихъ отрывкахъ сквозь Хмельнитчину и Руину, какъ эпосъ варягорусскихъ временъ—сквозь Татарское Лихолѣтье.

Скòро ставъ козàкъ изъ похòду прибувàти,
Ставъ до новы̀хъ ворìтъ до лàманыхъ доіждждàти,—
Вінъ съ коня̀ не вставàе,
Кѐлепомъ нові-лàмані ворòта відчиня̀е,
Козàцькимъ гòлосомъ гукàе...
Скòро стàла козàчка козàцький гòлосъ зачувàти,
До вонà не стàла до ёгò дверий выхождàти,
Стàла, мовъ сивою голу̀бкою, въ віннò вылітàти.
Тогді козàкъ дòбре дбàе,
Хорошèнько ії кѐлепомъ по плèчахъ привітàе,
Карбачèмъ по спині затинàе.
Тогдì козàчка у хàту вбегàла,
Бу̀цімъ нèхотя нещѝмный борщъ полìномъ штырк ну̀ла,
Ну ёгò кгъ нечѝстій мàтері! у пічъ обертàла.
До скрѝні тяглà,
Не прòстого, лнянòго полотнà трѝццять лòктівъ узялà,
До шинкàрки тяглà,
Три квàрты не прòстоі горілки, оковиты узялà,
Зъ мèдомъ да зъ пèрцемъ розогрівàла,
Оттѝмъ козакà частувàла та вітàла!..

Украинская Одиссея, съ примѣрнымъ для историковъ прямодушіемъ, изображаетъ милыя привычки козацкаго быта, пріобрѣтаемыя въ безженныхъ товариществахъ. Несчастная Пенелопа наша не зна-

ла, какъ скрыть передъ сосѣдями синяки подъ глазами, которыми наградилъ ее за одиночество козакъ-Одиссей, и, чтобъ отклонить насмѣшки, придумывала разныя небылицы.

А козàкъ седѝть у корчмі, медъ-винò кружàе,
Кòрчму сохвалàе:
„Гей, кòрчмо, кòрчмо княгѝне!
Чомъ то въ тобі козàцько дòбра багàто гине?
И самà есѝ не ошàтно хòдишъ,
И насъ, козаківъ-нетàгъ, підъ случàй безъ свитòкъ водишъ

Результатомъ козацкихъ подвиговъ и пріобрѣтаемой въ походѣ нравственности украинская Одиссея выставляетъ слѣдующую картину:

Знàти, знати козàцьку хату
Крізъ десяту:
Вонà солòмою не покрѝта,
Прѝспою не осѝпана,
Колò дворà не чѝста (сила) ма й колà,
На дровітні дровъ ні поліла:
Седѝть въ ній козàцька жінка, околіла.
Знàти, знàти козàцьку жінку:
Що всю зѝму бòса хòдить,
Горшкòмъ вòду нòсить,
Полòвникомъ діти наповàе *).

Люди этого пошиба, общаго въ козатчинѣ больше всякаго другаго, не могли внести въ Малороссію ни практическаго ума, ни добраго, умиротворяющаго чувства. Съ ними вернулись въ шинки, корчмы, кабаки всѣ тѣ чудовищныя исторіи, которыми запорожцы, подобно іезуитамъ, прикрывали движеніе своихъ корпоративныхъ цѣлей. Съ ихъ бурнымъ наплывомъ въ города и села, нѣжныя пѣсни украинскихъ женщинъ, эти граціозныя въ своей страстности произведенія неграмотной Музы, были заглушены пѣснями разбойными. Они внесли въ города и села запорожскій развратъ мышленія и развратъ чувствованія, въ прибавку къ тому, что угнѣздилось тамъ со временъ оныхъ. Пропагандируя войну за вѣру, вмѣстѣ съ войною за козацкую „честьславу, войсковую справу“, при посредствѣ пьянства, картежничества, костырства и кабачнаго распутства, они поднимали голодную, безпут-

---

*) Полная дума о козацкой жизни напечатана въ моихъ „Запискахъ о Южной Руси“, т. I, стр. 215—220.

ную и безчестную чернь на московскаго царя съ такимъ успѣхомъ, что московскіе пограничные воеводы стали сзывать сельскихъ жителей въ города для осаднаго сидѣнья, а къ царю вопіяли о плохомъ вооруженіи своихъ командъ и замковъ-остроговъ.

Между тѣмъ паны, тѣснившіеся за Случью и Припетью, съ нетерпѣніемъ ждали времени, когда будетъ имъ дозволено вернуться въ свои займища, на пепелища ихъ колоній, въ окровавленныя развалины ихъ домовъ. Дозволеніе зависѣло de jure отъ сеймоваго утвержденія Зборовскаго договора, но de facto—отъ настоящихъ владѣльцевъ панскихъ имѣній, настоящими же, фактическими владѣльцами были тѣ, отъ которыхъ бѣжали владѣльцы юридическіе. Такова была дилемма Хмельнитчины. Руководитель изгнанія изъ Украины Ляховъ католиковъ, Ляховъ-протестантовъ, Ляховъ-православниковъ, то-есть вообще *пановъ Ляховъ*, поднялъ поголовно всѣхъ способныхъ и готовыхъ къ бою какъ вооруженныхъ, такъ и безоружныхъ, подняло не только на освобожденіе Русскаго Народа отъ гонителей *христіянской* вѣры, какъ онъ прокламировалъ, но на истребленіе и самаго имени ляшескаго. Подъ этимъ девизомъ бился онъ съ княземъ Вишневецкимъ, съ королемъ и наконецъ съ панскою челядью—за козацкую „честь-славу, войсковую славу". Чтобъ не было на Украинѣ ни Ляха, ни Жида, ни Уніи, уложилъ онъ по малой мѣрѣ 100.000 ополченцевъ своихъ въ сырую землю на Волыни и въ Бѣлоруссіи, да заплатилъ Ордѣ вдвое или втрое столько же молодыхъ молодицъ, дівчатъ, паробковъ и дѣтей, сверхъ милліона татарскихъ плѣнниковъ, насчитаннаго прежде литовскимъ канцлеромъ, и довоевался до того, что ему повелѣла верховная власть,—не королевская, а ханская, не христіанская, а басурманская,—призвать обратно въ Украину пановъ Ляховъ, безъ различія исповѣданій. Козацкій Батько впутался въ такую игру, что ему осталось одно—сдѣлаться козацкимъ ханомъ, султанскимъ подданнымъ, а своихъ „дѣтей, друзей, небожатъ" превратить въ головорѣзовъ янычаръ. Такъ и рѣшился онъ дѣйствовать. Но этого не знали еще ни въ Москвѣ, ни въ Варшавѣ; этому не вѣрили даже въ Стамбулѣ. Всѣ были затруднены до крайности: какъ быть съ огромной шайкой разбойниковъ, съ козатчиной? и всѣхъ больше затруднялся этимъ вопросомъ атаманъ разбойницкой шайки.

Неопредѣленность его политики обнаружила попытка Киселя заняться своими хозяйскими и воеводскими дѣлами въ Украинѣ. Чтобы позондировать взволнованное море, которое дважды уже выбросило его на опустошенный панскій берегъ, Кисѣль послалъ своего слугу Сосницкаго, подъ прикрытіемъ надворной дружины своей. Сосницкій

...портовалъ ему изъ Кіева, отъ 28 сентября, что мужики не оставляютъ своего предпріятія (plebs w sjwojem przedsięwzięciu nie ustaje), ...противъ они теперь хуже, чѣмъ были въ прошломъ году. „Никакихъ листовъ не респектуютъ" (писалъ онъ). „Хотя мы ѣхали и съ ...ками, но въ нѣскольких мѣстахъ были задержаны, и намъ гро...ла великая опасность; а не будь съ нами козаковъ, Богъ знаетъ, ...лись ли бы мы въ живыхъ".

Въ Кіевѣ Сосницкій засталъ Выговскаго. Тотъ не совѣтовалъ ...у ѣхать къ пану гетману, и далъ для отправки къ пану воеводѣ ...сьмо. Кіевскій войтъ принялъ посланцевъ Киселя радушно. Онъ ...же находился въ великой опасности, и мѣщане лишили было его ...товства. Поэтому не хотѣлъ онъ, да и не могъ, приступить на ...какимъ ревизіямъ имущества, подлежащаго воеводскому вѣдомству. ...роѣзжая черезъ Вышгородъ, Сосницкій видѣлъ въ шалашахъ (szo...ch) не мало „поташей", но считать ихъ было трудно, потому что ...ъ грузили на байдаки и возили въ Кіевъ. Кіевскіе мѣщане купили ...0 бочекъ, а на остальныя трудно было найти купца. „Намъ говори..." (замѣтилъ Сосницкій), „будто бы этотъ остатокъ какъ изъ Кіева, ...къ и изъ Вышгорода приказано спускать на низъ".

Дѣло въ томъ, что когда панскія имѣнія были расхищены, когда ...же „панскія жены сдѣлались женами козацкими", какъ говоритъ ...очевидецъ,—поташъ, главный послѣ земледѣлія и скотоводства про...тъ панскаго хозяйства въ Украинѣ, остался цѣлъ по своему не...дкому и не горючему свойству. Хмельницкій старался превратить ...въ деньги до возвращенія пановъ на свои пепелища и пустыри. ...сказанію Варшавскаго Анонима, изъ одного Мліева, экономиче...го центра украинскихъ имѣній Конецпольскаго, Хмельницкій за по...тъ взялъ отъ волошскихъ купцовъ больше 200.000 битыхъ талеровъ. ...ль было уступить это Полякамъ" (пишетъ онъ). „Но развѣ одинъ ...іевъ? У Конецпольскаго, Вишневецкаго, Замойскаго и другихъ ...что было семьдесятъ городовъ, селъ, слободъ и пасѣкъ, которые ...носили такіе доходы, что горько и вспомнить".

Этимъ объясняется, почему козакамъ надобно было всячески ...ить Вишневецкаго и наслѣдника Станислава Конецпольскаго, со...рника Вишневецкаго въ колонизаціи Малороссіи. Этимъ объясняет...также, почему козаки возставали въ Украинѣ противъ Зборовскаго ...овора еще больше, чѣмъ паны въ Варшавѣ. Анонимъ прямо гово...тъ: „Въ особенности же многочисленныя и многолюдныя добра Виш...вецкихъ и Конецпольскихъ были препятствіемъ этому трактату: ибо ...бываніе такихъ могущественныхъ пановъ на Украинѣ вело къ

постоянной войнѣ съ ними. Лучше было, разъ навсегда отнявши эти имѣнія у магнатовъ, обсадить ихъ козаками и тѣмъ обезпечить себя отъ измѣны".

На Заднѣпріе повѣренный Киселя, Сосницкій, не рѣшился ѣхать. Выговскій далъ ему понять, что гетманъ медлилъ мѣропріятіями для лучшаго перемѣщенія козаковъ изъ-за черты козатчины (ta prolongacya uczyniona dla lepszéj rumacyjéj). Онъ де разосланъ уже на всѣ стороны для сбора извѣстныхъ (wiadomych) данинъ и другихъ доходовъ. Отдавать же шляхетскія мѣстности въ аренду не думаетъ, до утвержденія сеймомъ договорныхъ пунктовъ.

„Духовенство наше" (писалъ Сосницкій) „такое, какимъ было въ прошломъ году". Въ этомъ лаконизмѣ скрывается мысль, что сановитые представители малорусскаго духовенства не соединяли интересовъ церкви съ интересами козачества, и что митрополитъ бесѣдовалъ съ Сосницкимъ такъ же секретно, какъ и съ Киселемъ.

Послѣднія слова донесенія Киселева конфидента заключали въ себѣ самое важное для пановъ извѣстіе, что Хмельницкій не публиковалъ въ Украинѣ о мирѣ.

Въ своемъ письмѣ Выговскій совѣтовалъ Киселю пріостановиться съ пріѣздомъ въ Кіевъ до дальнѣйшаго рѣшенія пана гетмана, потому что онъ не приступилъ еще къ дѣламъ коммиссіи, боясь воспламенить народъ въ самомъ жару его (bo teraz na początku samym ogień i zarzie rzuci się między niemi). „Въ этотъ огонь ѣхать вамъ опасно", писалъ alter ego Хмельницкаго.

Мы знаемъ, какъ безуспѣшно старался Кисѣль въ прошломъ году провести, подъ покровомъ коммиссіи, кіевскую шляхту на ея пепелища. Теперь, въ званіи кіевскаго воеводы и *украинскаго* коммисара, энергическій миротворецъ предпринялъ нѣчто въ родѣ новой колонизаціи возобновившихся малорусскихъ пустынь — водвореніемъ землевладѣльцевъ и должностныхъ лицъ тамъ, гдѣ уже два года царила козакотатарская орда. Чтобъ установить порядокъ вступленія тѣхъ и другихъ въ свои права, онъ созвалъ въ Житомирѣ шляхетскій сеймикъ подъ своимъ предсѣдательствомъ.

Хмельницкій увѣдомилъ его изъ Чигирина отъ 8 октября, что разослалъ всюду универсалы, повелѣвающіе поспольству въ городахъ (pospolstwa po miastach) вести себя смирно, и объявляющіе, что этотъ сеймикъ созванъ для утвержденія козацкихъ правъ и вольностей, а равно и для успокоенія религіи, которая такъ долго не могла стоять на своей старинѣ (według starożytności swéj końca wziąć nie mogła). При этомъ просилъ онъ Киселя внушить шляхтѣ, что „не-

винная кровь лилась такъ долго отъ нарушенія козацкихъ правъ и вольностей", и выражалъ надежду, что на генеральномъ сеймѣ греческая вѣра будетъ успокоена, а унія совершенно (penitus) уничтожена, „и то, что̀ наши предки" (писалъ онъ) „падали на Божіе дома, будетъ возвращено". Онъ увѣрялъ, что ждетъ его пріѣзда въ Кіевъ, какъ давнишняго благопріятеля Запорожскаго войска, „съ великою охотою", а для безопасности проѣзда послалъ къ нему двухъ козаковъ съ универсалами, которыми бы они усмиряли посольство. Относительно дѣдичныхъ и дигнитарскихъ имуществъ Киселя онъ также, по его словамъ, разослалъ всюду универсалы, и старался о томъ, чтобы войско было переписано въ 40.000-й реестръ, а на сеймъ обѣщалъ выслать козацкихъ пословъ.

Въ то же самое время благодарилъ Хмельницкій письменно короля за его великую, истинно-отеческую милость, обѣщалъ привести Запорожское Войско въ опредѣленный порядокъ, увѣрялъ, что никогда не оплачетъ погибели столькихъ невинныхъ душъ, и, „падая низко подъ ноги королевскаго маестата", свидѣтельствовалъ свое вѣрноподданство.

И опять черезъ три дня писалъ онъ къ Киселю, что посылаетъ двухъ товарищей своего войска, чтобъ усмиряли посольство, дабы житомирскій сеймикъ могъ отправляться спокойно", но „просилъ сильно", чтобъ ихъ милости паны-обыватели держались относительно подданныхъ „скромно" до скомпутованья войска, а потомъ" (писалъ онъ) „каждый изъ ихъ милостей, „какъ былъ, такъ и останется". Въ противномъ случаѣ" (прибавлялъ онъ ехидно) „надобно бояться, чтобы малая искра не сдѣлала великаго пожара (parva scintilla magnum excitat incendium), такъ какъ до насъ доходятъ разныя вѣсти, что польское войско готовится приблизиться къ нашимъ краямъ, а это было бы противно волѣ его королевской милости и нарушило бы пункты". Онъ „униженно" повторялъ свою просьбу, чтобы паны не воспрещали тѣмъ, кто принадлежитъ къ Запорожскому Войску, продавать все добро свое (wszystkie dobra) и выходить въ Украину. Онъ убѣждалъ, чтобъ обыватели Кіевскаго воеводства благоволили быть терпѣливыми, и чтобы польское войско не приближалось къ здѣшнимъ краямъ".

Съ своей стороны Выговскій, отъ 9 октября, увѣдомилъ Киселя изъ Чигирина, что посодѣйствовалъ слугѣ его, Сосницкому, ѣхать въ заднѣпровскія имѣнія; „а къ черкасскому полковнику" (замѣтилъ онъ), „хоть и близко, я зналъ, что это будетъ трудно. [1]) Отложимъ

---

[1]) Братъ Адама Киселя, Юрій, былъ черкасскій староста, слѣдовательно, намѣстникъ полковника по доходамъ.

до ревизіи (гдѣ королевскія имущества и гдѣ шляхетскія) и до устройства войска. Послѣ ревизіи, всѣ тотчасъ должны будутъ покориться вашимъ милостямъ. Этого желаетъ и самъ панъ гетманъ (i sam JMP. Hetman przychylnym jest)".

По многимъ причинамъ Малороссію было возможно покорить оружіемъ, но не было никакой возможности слить въ нераздѣльное тѣло съ Польшею и подчинить навсегда панамъ, которые, въ глазахъ церковной интеллигенціи Малоруссовъ, сдѣлались Ляхами, и были ими дѣйствительно, если не по церковному обряду, то по возарѣнію на малорусскую церковь и по обычаю. Кисѣль считалъ свою миротворную миссію дѣломъ практическимъ; но собственный отвѣтъ его на письмо Хмельницкаго показываетъ, что его практичность основывалась на мечтательности. Этого письма Кисѣль ждалъ съ великимъ нетерпѣніемъ, но оно пришло къ нему только 20 октября. Не получая никакого извѣстія, онъ обходился осторожно съ посполъствомъ, которое Зборовскими пактами было освобождено отъ панскаго присуда только по Коростышевъ, но бушевало всюду по-старому. Чтобы раздраженная шляхта не дала козаковатой черни какого-либо повода къ замѣшательству, онъ принужденъ былъ, съ общимъ горемъ и съ умаленіемъ королевскаго достоинства, отправить сеймикъ подъ открытымъ небомъ, надъ рѣкой Случью, между Звяглемъ и Несолонью, терпя крайнія неудобства со всѣми сеймикующими. „Вѣдъ своеволіе—вѣчный врагъ мира (swawola pokojowi na wilki nie·życzliwa)" философствовалъ Іисусъ Навинъ шляхетскаго Израиля въ виду обѣтованной земли, и удовлетворялся только тѣмъ, что кіевская шляхта сеймиковала на кіевской землѣ, хоть не въ обычномъ мѣстѣ. „Если ваша милость" (писалъ онъ) „сдѣлалъ это съ умысломъ, для посмѣянія,—Богъ тебѣ судья, и хотя я, убогій воевода кіевскій, кочевалъ здѣсь со всею братіей, но, въ надеждѣ на будущее, покрываю (молчаніемъ). Что касается другаго пункта вашего письма, относительно того, чтобы паны-обыватели держали себя скромно, то не можетъ быть большей скромности, какъ та, что всѣ мы, глядя на дымы отчизны (ojczyste dymy), ожидаемъ убѣжища у берега отеческой земли,—ожидаемъ возвращенія отправленныхъ къ вамъ съ сеймика нашихъ братьевъ, яко слугѣ его королевской милости и согражданину того же воеводства. Пора уже вамъ умилосердиться надъ нами, вашей братьей и исполнить пакты, на которые вы присягнуты, и которые заключаются въ трехъ пунктахъ: первый, чтобы козакамъ быть только по Коростышевъ; второй, что изъ дальнихъ волостей имѣютъ они право выйти; третій, что не желающіе быть въ реестрѣ, должны оставаться въ

щанствѣ его королевской милости, а въ нашихъ дѣдичныхъ доб-
ахъ—въ обычномъ повиновеніи намъ. Мы готовы поступить по этому
становленію, и всѣ, кто будетъ въ реестрѣ, пускай себѣ на здоровье
дутъ козаками, а мы пускай живемъ въ своихъ домахъ. Уже и сами
дданные наши готовятся къ намъ (garną się do nas), и только тѣ, кото-
ге желаютъ козаковать, все портятъ... Благоволите же выслать свои
иверсалы, чтобы всѣ тѣ, которые хотятъ принадлежать къ войску,
дали каждому изъ насъ въ его имѣніи реестръ, за подписью сот-
ка или атамана, и мы не будемъ къ такимъ имѣть никакого дѣла,
ка вы кончите свою ревизію. Кто войдетъ въ войсковый реестръ,
тъ пускай идетъ себѣ со всѣмъ своимъ имуществомъ, кто же не
йдетъ и захочетъ остаться съ паномъ, пускай здоровъ остается.
аждый панъ въ своей маетности не только не будетъ препятство-
ть этой ревизіи, напротивъ, будетъ помогать ей: если хочетъ имѣть
льше подданныхъ, то будетъ съ ними сноситься, и милостію своею
ивлечетъ ихъ къ себѣ. А кто непремѣнно хочетъ быть козакомъ,
ъ обратится къ вамъ, и это облегчитъ вамъ составленіе реестра.
когда намъ, глядя на наши маетности по заключеніи мира, нельзя
хать въ нихъ,—что̀ жъ это за миръ и за согласіе? Это только
льшая досада... Наступаетъ зима: каждый обогрѣлся бы на своемъ
елищѣ. Да и самая дѣйствительность мира не можетъ имѣть бо́ль-
го ручательства, какъ пребываніе каждаго въ своемъ домѣ. Увѣряю
у милость, что домъ каждому милъ: послѣ двухлѣтней драки,
ждый научился держать себя скромно и привлекать къ себѣ под-
нныхъ... Что̀ касается имѣній въ чертѣ пребыванія козаковъ, то
устите только нашихъ старостъ и подстаростіевъ поселиться на
ихъ мѣстахъ. Они будутъ ждать составленія реестра. Кого вы
шете въ реестръ, тотъ будетъ козакомъ, а кто не будетъ вписанъ,
ъ останется при за̀мкѣ и панѣ. Такъ отъ вѣковъ бывало: почему
не можетъ быть и теперь? Ради Бога (сообразите, что) одинъ
та, который будетъ подстаростіемъ въ королевщинѣ, или старостою
дѣдичствѣ (albo w dziedzictwie Starostą), ничему не помѣшаетъ, а
юли уже начнутся, и будетъ видно, что мы наслаждаемся миромъ,
огласіемъ. Но когда я—воевода кіевскій, а королевскій за̀мокъ и
мирное время пустѣетъ постарому и нѣтъ въ немъ моего подвое-
я, и не будетъ мнѣ никакой власти и дохода,—что̀ жъ это за
ръ такой?... Я бы совѣтовалъ реестровать сперва тамъ, гдѣ сама
рода создала козаковъ (gdzie sama natura kozaków mieć chciała),
къ отдаленнѣйшихъ волостей дополнять... Хотѣлъ бы я видѣться
вашмостью паномъ и, переговоривъ обо всемъ, поспѣшить на сеймъ

для окончательнаго служенію миру и согласію... Для того я жд здѣсь, у воротъ Кіевской Земли, чтобы вы пустили братью вашу ихъ дома, и я, поблагословивъ имъ, ѣхалъ въ Кіевъ и другіе под чальные мнѣ замки: это будетъ пактъ и первый знакъ мира.

Кисѣль увѣрялъ Хмельницкаго, что слухи о приближеніи вой вымышлены, и просилъ его не вѣрить слухамъ. Но Хмельницкій малъ по-своему.

Недѣли черезъ три, писалъ къ нему король, называя его бла роднымъ и вѣрномилымъ (urodzony i wiernie nam mily), требова чтобъ онъ охранялъ общее спокойствіе отъ своевольныхъ куп. указывалъ, что козаки все еще остаются въ Любечѣ, Лоевѣ, Ста дубѣ и другихъ городахъ Великаго Княжества Литовскаго.

Хмельницкій отвѣчалъ ему, отъ 23 ноября, что войсковая визія производится съ великою поспѣшностью, обѣщалъ прислать словъ на сеймъ съ вѣрноподданническимъ поверженіемъ козаковъ ногамъ королевскаго маестата и увѣдомлялъ, что Крымскій ханъ, давнишнему обычаю брать дань въ *Черкасахъ* (то есть въ землѣ Ч *касъ*, Черкесовъ), прислалъ козакамъ наказъ (przysłał do nas, abyś по вѣчной дружбѣ, которую они (Татары) взаимно завязали (zawi дать ему двѣ или три тысячи войска для взысканія дани (kaźni), это выговорено и при договорѣ съ королемъ. „А Татары“ (пис онъ) „всегда готовы служить вашей королевской милости противъ даго непріятеля“.

Положеніе колонизаторовъ пустынной Малороссіи было без мѣрно горестное. Дикая страна, въ которой венеціанскій путешест никъ XV вѣка, Контарини, не находилъ ночлега между Луцк Житомиромъ и Бѣлогородкою, эта Rossia bassa, въ которой Кі стоялъ за чертою населенныхъ мѣстъ (chi è fuori della detta Ros въ которой видалъ онъ только пьянство, слыхалъ только про лѣсн бродягъ,—эта панорама безпріютныхъ и голодныхъ трущобъ тру и подвигами ихъ прадѣдовъ, дѣдовъ и отцовъ была превращен страну, цвѣтущую земледѣліемъ, скотоводствомъ, промыслами, тор лею,—и созданное смѣлою, энергическою колонизаціею предковъ голюдство лишило потомковъ тѣхъ правъ, которыя были утверж вѣками, правительствами, народами,—лишило для того, чтобы „зе текущую молокомъ и медомъ“, превратить въ такую безпріютну голодную пустыню, какою Контарини видѣлъ ее съ ужасомъ 175 назадъ...

Ach! czyjeż serce, czyje w żalu się nie nurzy? *).

невольно повторяетъ потомокъ завзятыхъ и безпутныхъ козаковъ стихъ потомка не менѣе завзятой и по-своему безпутной шляхты, когда широкая земля, напоенная кровью тѣхъ и другихъ, отвѣчаетъ на его вопросы такимъ же широкимъ молчаніемъ.

Bo na rozległych polach rozległe milczenie.
Tylko wiatr szumi, smutnie uginając kłosy;
Tylko z mogił westchnienie i tych jęk z pod trawy,
Co śpią na zwiędłych wieńcach swojej starej sławy **).

Нашихъ полонизованныхъ Русичей мы поминаемъ польскими стихами. Русскихъ стиховъ не заслужили эти жертвы римской политики: они предпочли чуждый элементъ элементу родному, и судьба жестоко покарала ихъ за отступничество вмѣстѣ съ тѣми, для кого они сдѣлались отступниками.

Православный предводитель полонизаціи, не умѣвшій даже повторить малорусской фразы ***), Адамъ Кисѣль, изобразилъ ихъ несчастное положеніе въ письмѣ къ Оссолинскому яркими красками:

„Пять недѣль миновало уже, какъ посылалъ я къ Хмельницкому, и до сихъ поръ не имѣю никакого отвѣта; а при этой его кункціи, всегда для меня подозрительной, чернь остается въ купахъ и не пускаетъ пановъ по домамъ. Въ Брацлавѣ убито нѣсколько десятковъ, въ Бышевѣ—десятка полтора. Меды, чинши, пастевы, аренды съ Кіева и отовсюду берутъ на Хмельницкаго; наконецъ, поташи, гдѣ ни были, распроданы... Получилъ я извѣстіе, что большая часть Орды осталась у него, и кочуетъ здѣсь при немъ. На мои вопросы: для чего? отвѣчаютъ мнѣ, что все это дѣлаютъ наши, которые уже и такою грозятъ имъ войною; при этомъ охуждаютъ пакты и чего только не говорятъ! А Хмельницкій все это знаетъ и слышитъ. Шляхта же (nobilitas) доходитъ здѣсь до послѣдняго отчаянія: негдѣ и нечѣмъ жить. Хотѣли было ѣхать по своимъ домамъ, хоть бы насъ,

---

*) Ахъ, чье же, чье сердце не погрузится въ печаль!

**) Ибо на широкихъ поляхъ широкое молчаніе. Только вѣтеръ шумитъ, клоняя печально колосья; только вздохи изъ могилъ и стонъ изъ-подъ травы тѣхъ, что спятъ на увядшихъ вѣнкахъ своей старой славы.

***) „Были у меня кіевскіе мѣщане“ (разсказываетъ онъ); „вмѣсто раты, принесли мнѣ пять червонцевъ. *Свяшы Божъ! и тое есть, о чемъ восводзѣ на*... *плацъ*? такъ говорить наша Русь“.

говорятъ, и перебили. Едва кой-какъ удержалъ я различными сво собами. Коротко сказать, нѣтъ уже ничего у тѣхъ, у кого было и 100.000 имущества: не за что купить хлѣба".

Эту картину дополняетъ Варшавскій Анонимъ разсказомъ о том какъ бѣдные изгнанники возвращались „къ своимъ порогамъ" по слѣ дамъ Киселя, въѣхавшаго наконецъ въ Кіевъ на воеводство. „Хмел ницкій показывалъ, будто бы искренно вводитъ ихъ, и внушалъ по данным повиновеніе. Но едва вступила шляхта въ свои дома, хло ство снова давай бунтовать, не терпя пановъ, и началѝ убійства. При шлось опять бѣжать, унося свою жизнь. Въ Кіевѣ не допустили и до города; скитались по предмѣстью. Рѣдко кому присылали изъ д му булку хлѣба или возокъ сѣна, а тутъ наступила дороговизна. Ч у кого еще было въ запасѣ, все принуждены были выискрить. Н многимъ удалось даже коснуться границъ имѣнія своего".

Между тѣмъ Хмельницкій (разсказываетъ Анонимъ далѣе) н кладывалъ невыносимыя контрибуціи въ свою пользу на великія до ра, которыя надобно было возвратить панамъ, прочія раздалъ по ковникамъ, захватилъ староства, зàмки, маетности, фольварки, заб рая всюду доходы, скотъ, стада и чтò возможно было взять; что не досталось владѣльцамъ, все брали въ его скарбъ; обогащался од общимъ разореніемъ и оставилъ владѣльцамъ одно право на вст леніе въ тѣ добра".

Кисѣль, вмѣстѣ съ Косовымъ, сталъ убѣждать Хмельницк говоря, что онъ привлечетъ Божіе благословеніе на своихъ дѣт если пріостановитъ разливъ крови и слезы изгнанниковъ. „Эти сле (внушалъ ему митрополитъ) „каплютъ изъ людскихъ очей на т душу. Вѣдь эти люди жили прежде изобильно, какъ и другіе, а перь у нихъ нѣтъ и куска хлѣба. Они же — наши собратія той благочестивой вѣры, чтò и мы съ вами, но дни свои проводятъ поруганіи и въ слезахъ. Нѣкоторые перемерли съ голода, а дру замучили мужики. Богъ это видитъ и грозитъ отмщеніемъ".

Хмельницкій отговаривался, что не онъ причиной медленно въ исполненіи Зборовскаго договора. „Это такое трудное дѣло" (го рилъ онъ), „что его можно сравнить съ толстымъ и высокимъ дубо пока онъ выросъ, надобно было ждать столѣтіе".

Объясненіемъ этихъ словъ было событіе, случившееся вск послѣ архипастырскаго увѣщанія. „Когда компутъ 40.000-го вой приходилъ къ концу" (разсказываетъ Анонимъ), „козаки-ветераны глашались на Зборовскій трактатъ, но тѣ, которые завладѣли чужи добрами, и сдѣлались изъ посполъства коноводами (herszlami) б

товъ, эти *отчайдуши*, для того чтобъ укрыться отъ кары за свои злодѣйства, домогались также включенія въ компутъ, а было такого своевольнаго хлопства, не хотѣвшаго вернуться къ повиновенію своимъ панамъ, еще тысячъ сорокъ. Они прислали къ Хмельницкому пословъ, которые говорили ему: „Такъ-то, пане гетмане, покидаешь ты заслуженныхъ тебѣ людей! выдаешь Ляхамъ на муки тѣхъ, которые тебя обороняли. А ты жъ присягъ не отступать насъ! *Миръ* значитъ *предательство*. Подъ смиреніемъ кроется у пановъ обманъ и месть. Они хотятъ обезоружить тебя, отнять у тебя вѣрныхъ воиновъ, чтобы скорѣе тебя погубить. Но если ты рѣшился уже даться Ляхамъ въ обманъ и погибнуть, то мы будемъ искать такого, который будетъ вѣрнѣе и лучше защищать козацкое имя". — Посольство это пришло къ Хмельницкому отъ козаковъ поднѣстрянъ и побожалъ, прямыхъ разбойниковъ, предводителемъ которыхъ былъ брацлавскій полковникъ Нечай".

„Хмельницкій" (пишетъ Анонимъ далѣе) „боялся, чтобы козаки, воюя одни съ другими, не выгубили сами себя, и потому началъ благодарить своихъ бунтовщиковъ за гетманское достоинство; но потомъ сталъ почесывать въ головѣ (począł się wgłowie skrobać) и высказалъ Киселю свою тайную мысль: „Вы, паны Поляки," (говорилъ онъ) „принудили меня подъ Зборовымъ къ нелѣпому дѣлу, постановивъ, чтобы козаковъ было только 40.000 въ компутѣ. А гдѣ мнѣ дѣвать такое множество людей? Они съ отчаянья или на меня встанутъ, или на васъ".

Мысль о невѣрности затѣяннаго дѣла сопровождала всѣ поступки Хмельницкаго, и пробивалась даже въ его хвастовствѣ передъ Ляхами. По возвращеніи своемъ изъ-подъ Зборова, онъ убѣждалъ разнузданныхъ сподвижниковъ своихъ лестью. Подобно тому, какъ въ свое время пьяница Бородовка ревѣлъ въ казацкой радѣ: „передъ Запорожскимъ Войскомъ трепещетъ земля Польская, Турецкая и весь свѣтъ", Хмѣль проповѣдывалъ за чаркою, что подъ Зборовымъ сила казацкая взвѣшивалась на вѣсахъ судьбы съ силой польскою, и теперь де вся вселенная знаетъ, что̀ за народъ козаки, какая *потуга* ихъ, какое могущество. Но въ то же самое время составлялъ себѣ гвардію, сверхъ татарской изъ отборныхъ козаковъ. Это было ему тѣмъ необходимѣе, что, для расплаты съ ханомъ за Збаражскій и Зборовскій походы, обложилъ онъ поголовнымъ налогомъ весь посполитый народъ. Надворные Татары и задобренные избранники козаки обезпечивали ему сборъ поголовнаго налога въ Украинѣ такъ точно,

какъ вооруженная сила помогала хану взимать съ кавказскихъ *Черкасовъ* дань, или какъ называлъ ее Хмельницкій, *казнь* (kaźń).

Относительно гарантіи личной своей безопасности, Козацкій Батько не представлялъ исключенія. *Роты* тѣлохранителей, подобныя варяго-русскимъ дружинамъ, содержали при себѣ и тѣ казацкіе гетманы, которые предшествовали гетманамъ-бунтовщикамъ, такъ какъ всякая походная неудача подвергала козацкаго вождя опасности потерять не только булаву, но и голову. Молодость и ученическіе годы козакованья Хмельницкаго совпадали съ тѣмъ временемъ, когда представители королевской власти журятъ бывало козаковъ за частое низверженіе и убійство ихъ избранниковъ. Будучи страшенъ каждому въ Украинѣ, Хмельницкій долженъ былъ больше всѣхъ опасаться за свою судьбу и за жизнь. Отсюда-то и происходила та измѣнчивость въ его чувствахъ и намѣреніяхъ, которая озадачивала казацкаго соблазнителя, Смяровскаго, и путала хитроумнаго политика Киселя.

Глава XXIII.

Фальшивое представленіе короля героемъ и патріотомъ.—Немногіе обманываютъ многихъ.—Кто собственно былъ угнетателемъ „убогихъ людей“.—Новая реестровка козаковъ.—Замѣна панскаго ига игомъ козацкимъ.—Бѣдствія малорусскаго посполитства отъ козацкаго бунта.—Двѣ орды въ виду культурныхъ сосѣдей.—Замыслы Татаръ и козаковъ противъ Московскаго Царства.—Турецкая протекція.—Нагроможденіе горючихъ матеріаловъ.—Грозное посольство московскаго царя.

Послѣ многолѣтняго общенія съ польскою шляхтою, козаки, равно какъ и нынѣшніе козакоманы, усвоили отъ нея такую привычку къ самохвальству, что даже разбой и предательство, которыми всего выразительнѣе отличались „украинскіе національные герои“, они старались и стараются прославлять, какъ достойныя подражанія доблести.

Не рѣшая вопроса, ученики ли въ этомъ отношеніи превзошли учителей, или же воспитанные католическимъ Римомъ учители остались на недосягаемой высотѣ своего превосходства, скажу, что Поляки, опозорясь избраніемъ Яна Казиміра на престолъ, имѣли безстыдство называть передъ Европой душу его возвышенною, а его разумъ благороднымъ. За подвиги 1649 года и Шляхетскій Народъ, и Народъ Козацкій превозносили себя одинаково. Но безстрастная муза Кліо, зная, чѣмъ завершились эти подвиги, бросаетъ въ лицо Шляхетскому Народу одинъ стихъ Данта:

E per l'inferno il tuo nome si spandi *).

а Народу Козацкому—другой:

E tu in grande onoranza non ne sali **).

Въ то время, когда милліоны людей страдали нравственно и вещественно за грѣхи королевскаго правительства, католическая Европа была полна хвалы „возвышенной душѣ и благородному разуму“

---

*) И въ аду распространилась твоя слава.

**) И ты не возвысилась тѣмъ до великой чести.

Яна Казимира, она читала распространенную всюду „Реляцію о славнѣйшемъ походѣ, побѣдоноснѣйшемъ успѣхѣ и счастливѣйшемъ примиреніи съ непріятелями всепресвѣтлѣйшаго и могущественнѣйшаго Яна Казимира" *). Но, въ виду противорѣчій козацкаго гетмана, выражаемому имъ смиренію и въ виду невѣрности собственнаго его положенія, замѣченной еще подъ Пилявцами, король предположилъ созвать на 22 ноября чрезвычайный двухнедѣльный сеймъ, собственно для того, чтобъ обезпечить государство военными средствами. Въ инструкціи своей на сеймики Янъ Казимиръ представлялъ Шляхетскому Народу, какъ мало и какъ медлительно помогалъ онъ правительству въ оборонѣ отъ непріятеля. Обстоятельство это называетъ король фатальнымъ и обычнымъ препятствіемъ въ военныхъ дѣлахъ и успѣхахъ Рѣчи Посполитой (naząpiła fatalis zwykła w tèj Rzplièj rzeczom i progressom wojennym przeszkoda). Одни воеводства (писалъ онъ) дали только нѣкоторую часть причитающихся съ нихъ денегъ, а другія до сихъ поръ ничего не дали, такъ что большая часть войска служитъ даромъ, а другая получила лишь немного.

Мы видѣли, что король, съ своей стороны, для чего-то медлилъ третьимъ оповѣщеньемъ посполитаго рушенія, и тѣмъ испортилъ всю кампанію; но шляхетская медлительность въ исполненіи гражданскихъ обязанностей давала ему возможность взвалить вину на другихъ и разыгрывать роль рыцаря безъ страха и упрека, сочиненную іезуитами для оглашенныхъ. Утаенныя отъ общества статьи Зборовскаго договора, разосланныя по Европѣ реляціи о непобѣдимости того, кто вернулся съ похода „визжащимъ, поруганнымъ, побѣжденнымъ, ободраннымъ", возвышеніе присяжными проповѣдниками подвиговъ короля до равенства съ подвигами князя Вишневецкаго, привѣтственныя рѣчи, въ которыхъ представители такихъ городовъ, какъ Львовъ и Замостье, называли Яна Казимира непобѣдимымъ побѣдителемъ, заткнутыя въ варшавскомъ соборѣ Св. Яна козацкія знамена, отбитыя Радивиломъ у Голоты, Подобайла, Кричевскаго, и всевозможныя манифестаціи со стороны тѣхъ, чьи интересы были неразлучны съ его интересами,— все сдѣлало изъ ничтожнаго, презрѣннаго и противнаго дѣло **) ко-

---

*) Relatio, quae exoteros missa est: gloriosissimae expeditionis, victoriosissimi progressu, faustissimae pacificationis cum hostibus serenissimi et potentissimi Domini Johanni Casimiri Regis Poloniae.

**) По замѣчанію Альбрехта Радивила, одною изъ причинъ печальнаго результата было гетманованье короля (Рат. II, 386); а преисполненный уваженія къ царственности Варшавскій Анонимъ, указывая крупныя ошибки Яна Кази-

роля нѣчто похожее на великаго монарха, и самъ онъ, какъ омороченный няньками ребенокъ, возымѣлъ о себѣ такое мнѣніе, что даже многоопытнаго литовскаго канцлера поучалъ литовскимъ законамъ, а въ послѣдствіи и самому князю Вишневецкому давалъ чувствовать недостатокъ боеваго мужества.

Инструкція на сеймики, плодъ пера одного изъ ангеловъ-хранителей Яна Казимира, представила его въ ореолѣ самоотверженнаго *героя*, рвавшагося на подвиги славы и чести, не взирая на совѣты людей, которые клали его жизнь на вѣсы съ цѣлостью отечества. Даже невѣдѣніе о непріятельскихъ силахъ, захватившихъ его врасплохъ, послужило сочинителю инструкціи къ возвышенію короля-полководца: ибо непріятель де такъ сжался, что не выпустилъ ни одного загона за сторожевую линію свою. Этотъ только робкій непріятель два раза пробовалъ подъ Зборовымъ и своего счастья, и могущества его королевской милости; но король де, исправляя должность и полководца, и воина, далъ ему отпоръ, такъ что непріятель *первый склонился къ миру* и отозвался съ такими условіями, которыя были спасительны и славны для Рѣчи Посполитой въ нынѣшнемъ ея положеніи (Reipublicae hoc statu salutares et gloriosae).

Въ виду столь наглаго безстыдства передъ современниками и потомками, знающему закулисную сторону польской государственности, приходитъ на мысль драгоцѣнный дневникъ Освѣцима, изображавшій событія 1643—1651 годовъ. Изъ него исчезли годы 1648—1650; осталась только часть 1650 года (январь, февраль, мартъ) да весь 1651-й (годъ упадка козакотатарской силы). Это, по всей вѣроятности, было дѣло такой руки, какая о московской самозванщинѣ написала, что источникъ этого дѣла должно хранить въ тайнѣ *). Въ истребленной части Освѣцимова дневника и самъ Янъ Казимиръ, и тѣ, которые показывали эту маріонетку обществу іезуитски оглашенныхъ, безъ сомнѣнія, выступали не въ лучшемъ свѣтѣ, какъ и въ тѣхъ документахъ, которые истребить не было никакой возможности **).

...ра передъ походомъ говоритъ: „Żeby większych errorów nie było, odradzali królowi, aby sam nie narażał się na takowe niebespieczeństwa. Król urażony deklarował, że ja sam pojdę z wojskiem.“ (Pam. do Panow. Zygm. III etc. II, 78).

*) Zròdło tey sprowy z ktòrego następujące płynęli potoki w prawdzie tajemne rady skrycie chowane mają i nie trzeba odkrywać tego coby napotym przeszedł nieprzyjaciela miało“. (Рукоп. Библ. Красинскихъ, лит. В. I, 8)

**) Издатель книги „Pamiętniki o Koniecpolskich,“ знаменитый археографъ Пшилэнскій, на стр. 295, объявилъ (лѣтъ 40 тому назадъ), что цѣльнымъ ру-

И инструкція на сеймикѣ была только предъувѣдомленіе славословію короля на сеймѣ. Тамъ Оссолинскій цѣлыхъ четыре ч (удаливъ, однакожъ, лицъ, не принадлежащихъ къ членамъ сейма) д жалъ передъ панами рѣчь о Зборовскомъ походѣ, начавъ съ корона и въ заключеніе прочитавъ редактированное извѣстнымъ способо письмо короля къ хану, въ которомъ де король силу своего ору увѣнчалъ славою дипломата. Наступившій вечеръ не далъ Оссол скому докончить хвалебную реляцію. Въ слѣдующемъ засѣданіи (шетъ въ своемъ дневникѣ Радивилъ) „канцлеръ продолжалъ с реляцію, сравнивая Зборовскій тріумфъ съ Хотинскою побѣдою, од жанною при Сигизмундѣ III, и превознося его даже выше, ибо п Зборовымъ непріятельская сила была больше, а наше войско м численнѣе, да еще и безъ гетмановъ. Одни смѣялись на это, др называли (реляцію Оссолинскаго) ласкательствомъ. Но (прим архіепископъ, вставши со всѣмъ сенатомъ, благодарилъ корол спасеніе Рѣчи Посполитой съ опасностію собственной жизни".

Умолчаніе о Посольской Избѣ показываетъ, что не сенатор нѣкоторые изъ ея членовъ смѣялись и называли канцлера льстец Зато Радивилъ записалъ слухъ, что многіе изъ королевскихъ движниковъ, во время битвы, спрятались въ коноплѣ, гдѣ найде нѣсколько брошенныхъ ими знаменъ.

Радивилъ не былъ подъ Зборовымъ, и писалъ о доблестяхъ ихъ согражданъ по слухамъ. Доблести козацкія были ему извѣс обстоятельнѣе. „*По заключеніи мира* между нашими и Татарами" ворить онъ), „Татары опустошили часть Руси и Волыни, гдѣ и Олыка выдержала ихъ нападеніе съ двухъ сторонъ. Ночью съ о стороны ударили на нее козаки, съ другой Татары, но, съ Бо помощью, были съ обѣихъ сторонъ отражены, и потеряли нѣско человѣкъ убитыми. Другое мое мѣстечко оборонялось нѣсколько д но, когда мѣщане, обманутые присягою козаковъ, впустили их городъ, они, забывъ о своей присягѣ, нѣсколько тысячъ вырубил нѣкоторыхъ взяли въ неволю. То же самое дѣлали по селам нѣсколько городовъ сожгли, какъ-то: Острогъ, Заславъ, Полон Колки, Тучинъ и т. д."

кописнымъ экземпляромъ Освѣцимова дневника владѣетъ нѣкто Мартинъ П быльскій, въ Живцѣ (близъ Кракова). Сколько я ни разспрашивалъ за-г цей у польскихъ археографовъ о судьбѣ этого безцѣннаго мемуара, они отвѣчали съ какимъ-то страннымъ равнодушіемъ, точно родственники того сократилъ экземпляръ, принадлежащій библіотекѣ Оссолинскихъ.

Зная за панами и за козаками такія доблести, мы должны убѣдиться, что тогдашній польскорусскій панъ и польскорусскій козакъ, тогдашній Ляхъ и Русинъ, какой бы ни были они вѣры и безвѣрія, стоили одинъ другаго, по малорусской пословицѣ: „якій піймовъ, такого й зусторіевъ". Панъ былъ достоинъ козацкаго разбоя и предательства, козакъ—панской жадности и презрѣнія.

Уже и въ инструкціи на сеймикѣ король предостерегалъ шляхту, точно кто путный, не медлить больше съ денежными сборами и не допустить снова, чтобы жолнеры, послѣ войны съ непріятелями, воевали свое отечество по-непріятельски и взяли съ него нѣсколько жолдовъ, прежде чѣмъ имъ будетъ уплаченъ одинъ.

Фатальное и обычное въ Польшѣ препятствіе въ военныхъ дѣлахъ и успѣхахъ вело ее къ погибели не только извнѣ государства, но также и внутри его. Жолнеры, равно какъ и козаки, не получая жолда, брали его десятерицею и сторицею посредствомъ разоренія такъ называемыхъ „убогихъ людей", которые, въ концѣ концовъ, ожесточались противъ своихъ властителей и отъ души желали имъ гибели. Альбрехтъ Радивилъ, въ своемъ піетизмѣ, высказалъ мысль реальную: „Чѣмъ кто грѣшенъ, тѣмъ тотъ и карается: ибо нигдѣ не бываетъ такихъ бунтовъ, какъ въ Польшѣ, оттого что нигдѣ такъ не угнетаютъ подданныхъ. Передъ этимъ было у насъ угнетеніе убогихъ; теперь убогіе сдѣлались орудіемъ угнетенія богатыхъ, и, какъ прежде мы различными способами выжимали кровь изъ своихъ подданныхъ, такъ сдѣлалась и наоборотъ. Козаки и посполитство совершили неслыханныя мерзости, потому что и наши грѣхи были неслыханные. Надобно намъ уменьшить нашу вольность, или лучше—ея злоупотребленіе, и ограничить закономъ жолнера, чтобъ онъ воздерживался отъ грабежа подданныхъ: ибо грѣхъ этотъ взываетъ къ Богу о мщеніи"... И въ инструкціи на сеймики прямо сказано, что, „по общему мнѣнію, постигшія Польшу бѣдствія Господь Богъ допустилъ за угнетеніе убогихъ подданныхъ посредствомъ жолнерскихъ становищъ и грабительствъ въ королевскихъ и панскихъ имѣніяхъ" *). Но жолнеры, какъ и козаки, сами по себѣ были меньше виновны, чѣмъ тѣ, которые, зная, съ чего начинаются конфедераціи однихъ и бунты другихъ, тѣмъ не менѣе продолжали расхищать государственные доходы. Литовскій канцлеръ открываетъ намъ, что когда въ 1650 году, при-

*) Это—одно изъ доказательствъ, что паны, какъ паны, говоря вообще, были угнетателями подданныхъ; они скорѣе избаловали крестьянъ своими позывами да перезывами.

шлось расплачиваться съ наемнымъ войскомъ за Корсунскую, Збаражскую и Зборовскую войну, въ скарбѣ недоставало для расплаты съ жолнерами милліона и двухсотъ тысячъ, которыя дѣвались не извѣстно куда, и жолнеры замышляли довести подданныхъ до убожества, грасуя своевольно по селамъ, а это значило—лить воду на козацкія колеса *). Самъ коронный подскарбій, то есть министръ финансовъ, Богуславъ Лещинскій, получивъ деньги на 600 жолнеровъ, и жолнеровъ не доставилъ, и денегъ не возвратилъ. Самъ коронный гетманъ, Николай Потоцкій, по возвращеніи своемъ изъ плѣна, вошелъ въ стачку съ подскарбіемъ: одинъ не представилъ ревизіонной коммиссіи компута войска, а другой не объявлялъ, сколько въ скарбѣ денегъ. Что касается короля, то, въ своихъ денежныхъ дѣлахъ, онъ всегда зависѣлъ отъ пановъ, а теперь королю надобно было еще держаться на высотѣ своей славы, и потому царственною особой своей онъ только увеличивалъ число обманщиковъ Рѣчи Посполитой.

Такое положеніе дѣлъ придало созванному имъ теперь чрезвычайному сейму характеръ собранія, въ которомъ немногіе старались оморочить многихъ, и только нѣкоторые понимали, какъ бы слѣдовало поступить въ грозномъ положеніи отечественныхъ дѣлъ. Къ числу такихъ людей принадлежали тѣ, которые требовали, чтобы гетманская власть не была пожизненною; чтобы князь Вишневецкій былъ вознагражденъ за потерю своихъ имѣній въ Украинѣ, за свои подвиги въ козакотатарской войнѣ, и чтобы, послѣ короля, ему первому была объявлена благодарность Рѣчи Посполитой, „яко Геркулесу“. Но противъ государственной рутины трудно было стоять людямъ независимаго ума и чувства. Освѣцимъ въ своемъ дневникѣ говоритъ выразительно, что отъ несогласія пановъ зависитъ все, что они были крайне своекорыстны въ виду страшнаго положенія отечества, что они домогались пожалованій у короля безстыдно. Сынъ Конецпольскаго, по его разсказу, велъ себя въ этомъ случаѣ скромно, но добрые пріятели разгласили, будто бы онъ хочетъ присоединиться къ жолнерской конфедераціи, чтобы вмѣстѣ съ нею домогаться вознагражденія, и этим исторгнули ему у короля пожалованіе.

Когда сеймующіе паны валандались такимъ образомъ съ дѣломъ правленія, превосходившимъ ихъ способности, король получилъ отъ Киселя изъ Кіева донесеніе, какого никто уже и не ждалъ.

*) Одною изъ причинъ увеличенія числа козаковъ Жевковскій выставлял опустошительные татарскіе набѣги, а жолнерскіе бунты разоряли подданных какъ татарскіе набѣги.

Кисѣль напомнилъ королю тономъ человѣка добродѣтельнаго, что подъ Зборовымъ были постановлены такіе пакты съ Запорожскимъ Войскомъ, какія велѣла принять послѣдняя крайность (jakie przyjąć res nostrae in extremis posita kazały). Для общаго блага, рѣшился де онъ еще на одну попытку къ переговорамъ (tentanda tentare et tractanda tractare), и, точно сквозь терніе, продрался въ Кіевъ, сквозь толпы черни (per obvias catervas plebis). Въ теченіе своего трехнедѣльнаго тамъ пребыванія, добился онъ того, что наконецъ Хмельницкій посѣтилъ его, и что послѣ юрисдикціи козацкой, наступила въ Украинѣ королевская. Кисѣль, по его словамъ, возстановилъ кіевскій магистратъ съ его властью, и за свѣжее убійство пана Голуба покаралъ виновныхъ королевскимъ мечемъ въ присутствіи не менѣе 20,000 козаковъ (mając spectatores najmniéj 20.000 Kozaków). Онъ увѣдомлялъ короля, что составленіе козацкаго реестра приходитъ къ окончанію на обѣихъ сторонахъ Днѣпра, и не совѣтовалъ королю порываться на войну, потому что Орда готова поддержать козаковъ, и задорное поспольство желаетъ войны съ панами. „Но гетманъ со всѣмъ войскомъ“ (писалъ Кисѣль, поддавшись новымъ каверзамъ Хмеля) „сильно желаетъ мира и искренно о томъ заботится; наконецъ, грозитъ наступить на мужиковъ съ войскомъ (nastąpić na nich grozi wojskowo). Но ничего вѣрнаго сказать Кисѣль всё-таки не могъ, при всемъ своемъ желаніи поддержать миръ съ козаками. Такъ какъ чернь, по его выраженію, была полна послѣдней рѣшимости (ostatnéj rezolucyjéj plebs plena), и онъ боялся, чтобы война съ нею не сдѣлалась національною и религіозною (jużby nastało bellum gentis et religionis), а это показываетъ намъ въ Киселѣ сознаніе, какъ Ляхи-католики и Ляхи-православники (отъ нихъ же первый былъ онъ самъ) поставили церковное дѣло въ Малороссіи.

Подъ конецъ сейма, въ началѣ 1650 года, дѣйствительно привезли королю козацкіе послы то, что̀ они, въ своемъ обществѣ, безъ сомнѣнія, называли *мандю* -- 40.000-й реестръ, который король и его миротворцы-паны приняли за самый убѣдительный документъ вѣрноподданства Хмельницкаго и за гарантію мира. „Большинство нашихъ пановъ“ (говоритъ Освѣцимъ), „хорошо знающихъ дѣла Рѣчи Посполитой, были такого мнѣнія, что Хмельницкій — или не хотѣлъ, или не могъ изъ нѣсколькихъ сотенъ тысячъ взбунтовавшагося хлопства сдѣлать воинами такое малое число, а другихъ безъ числа (sine numero) обратить въ хлопы, но у него было столько ума, который мы должны въ этомъ случаѣ за нимъ признать, и столько совѣта (rady), что онъ

привелъ предпринятое въ исполненіе сверхъ общаго чаянія и мнѣнія (ultra spem et opinionem omnium)".

Чтобы замылить глаза панамъ и ихъ королю, Хмельницкій, въ началѣ реестра, изобразилъ свой гербъ, и присовокупилъ къ нему стихотворную октаву, въ которой русская рѣчь такъ безобразно соединена съ польскою, какъ безобразно соединялся русскій элементъ съ польскимъ въ такихъ представителяхъ нашей малорусской народности, какими были Кисели, Древинскіе, Могилы, Косовы Тризны и tutti-quanti... Темный смыслъ этой октавы таковъ: „Старина обновила какъ бы только то, что̀ слава вновь открываетъ явно. Гербъ, украшающій домъ Хмельницкихъ, сильно утверждаетъ въ мужествѣ, въ правдѣ, въ вѣрѣ. И не удивительно: ибо Абданкъ (habe Dank) есть знакъ щедрой покорности, а крестъ означаетъ твердость вѣры Хмельницкихъ и силы. Ты, король, непобѣдимъ въ христіянскомъ государствѣ, имѣя въ своемъ подданствѣ Хмельницкихъ" *).

Одновременно съ козацкими послами прибылъ въ Варшаву кіевскій воевода, Адамъ Кисѣль, а вмѣстѣ съ нимъ и митрополитъ, Сильвестръ Косовъ, которому, по Зборовскому договору, слѣдовало дать мѣсто въ Сенатѣ. Это былъ камень преткновенія на пути польской жизни. Въ сеймиковыхъ инструкціяхъ земскимъ посламъ заключался наказъ утвердить Зборовскіе пакты съ соблюденіемъ правъ Римской церкви (salvis juribus Ecclesiae Romanae). Духовные сенаторы Рѣчи Посполитой боялись быть отлученными отъ церкви за допущеніе схизматика сидѣть съ ними рядомъ въ сенаторскихъ креслахъ. Въ отвѣтъ на это свѣтскіе указывали имъ на кальвинистовъ и лютеранъ, засѣдавшихъ въ сенатѣ. Но въ Польшѣ католическое духовенство было государствомъ въ государствѣ. Столѣтія употребило оно на то, чтобы Шляхетскій Народъ и короли его творили волю папы, яко Христова намѣстника. Только съ исчезновеніемъ Польши могла исчезнуть зависимость католиковъ отъ земнаго Бога, возсѣдавшаго на святомъ престолѣ Петра въ Римѣ. Папы не боялись протестантовъ, и про-

---

*) Starożytność to tylko iakby odnowiła,
Że wiekopomność iawno znowu się odkryła,
Kleinot, ktòry Chmielnickich dom przyozdoblaiet,
W muźnosty, w prawdi, w wiery mocno utwerżaiet.
Nedyw: bo Abdank iest znak szczodrey powolnosci,
Chrest zafirmament wiery Chmielnickich, możnosci.
Nieźwyciezonyś, Krolu, w Chrestianskim Panstwie,
Gdy powolnosc Chmielnickich maiesz w swym poddanstwie.

тестанты начали уже возвращаться на лоно католичества. „Новая вѣра“ основывалась на отрицаніи былаго: она была въ ихъ глазахъ недолговѣчнымъ отступничествомъ. Напротивъ боялись очень польскихъ схизматиковъ, опиравшихся на предковъ и старину заодно съ гражданами обширнаго Московскаго Царства. По этому даже тѣхъ іерарховъ, которыхъ іезуиты соблазняли къ переходу въ унію высокою честью засѣдать въ *сенаторской лавицѣ*, не допустили до равенства съ католическими бискупами. У папъ только католикъ былъ правоправнымъ христіяниномъ. Всякая уступка въ этомъ правилѣ представлялась противодѣйствіемъ ихъ видамъ на вселенскую власть.

Косовъ, съ высоты своего верховенства надъ малорусскою церковью, могъ бы торжественно заявить на сеймѣ о несоблюденіи панами договора въ войнѣ съ „борцами за православную вѣру“, и своимъ протестомъ освятить во мнѣніи народа подвиги Хмельницкаго. Но онъ помышлялъ единственно о томъ, какъ бы, въ своемъ двусмысленномъ положеніи, устоять на высотѣ своего званія и сохранить за собой духовные хлѣбы. Онъ, безъ сомнѣнія, чаялъ выхода изъ обстоявшихъ его золъ посредствомъ гибели *ребеллизантовъ*, отъ которыхъ сторонился и Петръ Могила, завѣщавшій созданной имъ іерархіи свою полонизаторскую политику. Поѣздка Косова въ Варшаву была только послушаніемъ козацкому верховодству въ Малороссіи. Какъ вѣрноподданный короля и Рѣчи Посполитой, онъ совѣтовался тамъ не съ однимъ Киселемъ, какъ ему быть, и смиренно отказался отъ своего спорнаго права на засѣданіе въ Сенатѣ. Для соблюденія того значенія, какое было придано ему Зборовскимъ договоромъ, онъ получилъ отъ короля *апробацію* на возвращеніе вѣдомству митрополита вакантныхъ епархій и т. п Но фиктивныя уступки „схизматику“ подлежали еще рѣшенію высшей католической власти. Поэтому литовскій канцлеръ протестовалъ о своемъ разномысліи съ королемъ передъ папскимъ нунціемъ, а нунцій вписалъ свой протестъ въ канцеляріи литовскаго канцлера,—и огражденная такимъ способомъ унія осталась неприкосновенною „въ правахъ римской церкви“.

Изъ этого мы видимъ, что Зборовскій договоръ былъ нарушенъ въ той статьѣ, которую Хмельницкій въ своей переяславской пропозиціи поставилъ первою, и въ той, которую написалъ второю: унія *не была* уничтожена; кіевскій митрополитъ *не засѣдалъ* въ Сенатѣ. И однакожъ, воитель вѣры и церкви принялъ за благо сеймовое утвержденіе Зборовскихъ пактовъ.

Отправивъ козацкое посольство, король опубликовалъ, посредствомъ вписанія въ житомирскія гродскія книги, универсалъ, въ ко-

торомъ объявлялъ всѣмъ и каждому, „какого бы кто ни былъ состоянія: *шляхетскаго, козацкаго и польскаго*", что заключенный его королевскою повагою подъ Зборовымъ миръ утвержденъ сеймомъ согласно и единомысленно, что миновавшее замѣшательство, допущенное Господомъ Богомъ, предается вѣчному забвенію, что Запорожскому Войску возвращены и подтверждены всѣ права и преимущества, что всѣ реестровые козаки, вошедшіе въ составъ этого войска, должны оставаться при своихъ правахъ и преимуществахъ, всѣ же подданные королевскихъ зàмковъ и городовъ, а равно духовные, панскіе и шляхетскіе, должны оставаться въ обычномъ своемъ подданствѣ; что коронное и чужеземное войско, идущее въ Украину на квартиры, должно оставаться въ прежнемъ мирѣ и согласіи съ Войскомъ Запорожскимъ; а для охраны общественнаго спокойствія назначенъ Адамъ изъ Брусилова Кисѣль, воевода-генералъ кіевскихъ земель, королевскій коммиссаръ, который будетъ имѣть свое мѣстопребываніе въ Кіевѣ, и которому дана полная власть охранять миръ, чинить судъ и расправу между коронпымъ и Запорожскимъ Войскомъ. „Посему" (писалъ король) „мы публикуемъ этотъ универсалъ, дабы всѣ, зная о святомъ мирѣ, нами заключенномъ, прекративши всякія тревоги, хвалили Господа Бога и возвращались въ свои дома, каждый къ своему занятію, и при семъ строго повелѣваемъ, чтобъ никто не отваживался затѣвать какихъ-либо бунтовъ, зная, что наше коронное войско, вмѣстѣ съ соединенными запорожскими силами, будетъ каждому давать отпоръ, какъ пограничному непріятелю, и такимъ образомъ будетъ усмирять всякіе бунты".

Хмельницкій, письмомъ отъ 20 марта, нижайше и вѣрноподданнически благодарилъ короля и всю Рѣчь Посполитую за декларацію, милостиво дарованную козакамъ подъ Зборовымъ, а нынѣ утвержденную сеймомъ. „Все, чтò касается успокоенія религіи" (писалъ онъ) „козаки поручили его милости отцу митрополиту и духовенству. Хотя на нынѣшнемъ сеймѣ не могло состояться окончательное успокоеніе, но козаки и за эту милость униженно благодарятъ и покорнѣйше просятъ, чтобы все, заключающееся въ дипломѣ, съ этого времени было приведено въ исполненіе, потому что у пановъ уніатовъ обычно королевскія повелѣнія откладывать. Въ Запорожскомъ Войскѣ есть много такихъ, которыхъ предки лежатъ въ коронныхъ и литовскихъ церквахъ, присвоенныхъ унитами. Желая, чтобы поминовеніе душъ ихъ совершалось по обряду ихъ старожитной религіи, они до тѣхъ поръ будутъ постоянно ходатайствовать, пока эти церкви не будутъ въ рукахъ у нашихъ православныхъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ Хмельницкій про-

сялъ, чтобы коронныя войска не приближались къ Украинѣ и тѣмъ не производили въ посполитствѣ тревоги.

Это письмо было написано въ отвѣтъ на королевское увѣдомленіе объ утвержденіи сеймомъ Зборовскаго договора, но отправлено лишь черезъ два мѣсяца *). Есть основаніе думать, что оно не было бы совсѣмъ послано, еслибы двѣ личности, которыми Хмельницкій дорожилъ, не очутились въ тюрьмѣ у краковскаго воеводы. Въ самомъ концѣ Козацкій Батько написалъ: „Осмѣливаемся со всѣмъ Войскомъ вашей королевской милости, припадая къ стопамъ наяснѣйшаго маестата, просить объ Иванѣ Тетеревскомъ и Петрѣ Котовичѣ, которыхъ безвинно мучатъ въ тюремномъ заключеніи и доселѣ не выпускаютъ. Благоволи, по своей благосклонной панской милости, повелѣть написать князю его милости, краковскому воеводѣ, чтобъ онъ приказалъ выпустить ихъ со всѣми купеческими товарами".

Такъ и въ Пилявецкую войну Хмельницкій до тѣхъ поръ смиренничалъ и стлалъ себя подъ ноги Рѣчи Посполитой, пока не вернулись изъ Варшавы его послы, о которыхъ кривоносовцы распустили слухъ, что они казнены.

Послѣ опубликованія королевскаго универсала не препятствовалъ онъ украинскимъ панамъ возвращаться въ ихъ имѣнія и на ихъ „уряды". Наученные горькимъ опытомъ вотчинные и помѣстные землевладѣльцы составляли военно-экономическія ассоціаціи, и появлялись въ видѣ колонистовъ среди одичалаго края. Безъ такъ называемой ассистенціи и безъ условія взаимной помощи ни одно панское семейство не дерзало явиться въ подданнымъ, попробовавшимъ безнаказаннаго самоуправства.

Съ удивленіемъ узнали тогда козаки, что имъ нельзя оставаться въ шляхетскихъ имѣніяхъ при своихъ войсковыхъ правахъ и вольностяхъ. Надобно было—или отказаться отъ козакованья, или, забравъ свою движимость, переходить въ тѣ королевщины, которыя назначались коммиссарами для козацкаго жительства. Но удивленіе переходило въ ярость, когда стали дѣлать различіе между вписанными и невписанными въ козацкій реестръ. Первыхъ просили удалиться изъ имѣнія; отъ вторыхъ требовали чиншей, податковъ и отбутковъ, или

*) Хмельницкій пишетъ въ немъ: „посылаемъ войсковой реестръ", а реестръ былъ въ рукахъ у короля въ началѣ января. И потомъ: „Тѣ, которые, по заключеніи мира, умертвили урядниковъ, своихъ пановъ, наказаны по мѣрѣ силы въ *бытность въ Кіевѣ* пана воеводы", а кіевскій воевода былъ въ Кіевѣ снова въ январѣ.

панщины. Хмельницкій долго не объявлялъ Зборовскаго договора, наконецъ разослалъ отъ Малороссіи универсалъ, повелѣвающій повиноваться панамъ дѣдичамъ и панамъ урядникамъ подъ страхомъ смертной казни.

Такимъ образомъ обѣщанія, которыми завлекалъ онъ въ козацкое войско вотчинныхъ и ранговыхъ, иначе *панскихъ* и *королевскихъ* подданныхъ, оказались обманомъ. Обнищавшіе, „изнужившіеся", по выраженію Кунакова, реестровики, вмѣсто переходовъ въ козацкіе поселки, завопили въ панскихъ имѣніяхъ о *зрадѣ*. „Зрàдила насъ наша старшина! зрàдивъ насъ и самъ гетьмàнъ! Дышутъ однѝмъ дỳхомъ зъ нàшими нашийниками, зъ нàшими душманàми! накладàють съ панàми! вырубàють Ляхòмъ"! [1]) Такіе воскликы гремѣли всюду, гдѣ собирались герои поджога и грабежа шляхетскихъ дворовъ, панскихъ домовъ и всякой движимости. Начались повсемѣстные бунты. Повторились убійства надъ панами и отмщенія за нихъ со стороны пановъ. Кто на разоренное козаками хозяйство вернулся въ сопровожденіи надежнаго почта, тѣ брали верхъ надъ бунтовщиками, и въ этомъ случаѣ на своевольныхъ мужиковъ дѣйствовалъ не столько страхъ оружія, сколько увѣренность, что паны въ состояніи охранять ихъ самихъ отъ козакующей голоты, затѣвавшей и поддерживавшей бунты. Тѣ же паны, которые не обезпечили себя ни надворною дружиною, ни подмогою сосѣдей, спѣшили убраться за добра ума въ болѣе безопасныя мѣстности.

Политика Хмельницкаго, часто противорѣчившая собственнымъ правиламъ, поставила его между двухъ лагерей. Съ одной стороны все христіянское общество, въ гражданственномъ строю своемъ, требовало отъ него приноровленія къ правиламъ жизни, выработаннымъ вѣками культуры; съ другой—орда головорѣзовъ и хищниковъ домогалась отъ него полной свободы, не желая знать, что̀ это значитъ и къ чему такая свобода приведетъ въ ближайшемъ будущемъ. Взявшись выместить за Чаплинскаго на всѣхъ его укрывателяхъ, онъ отрекся отъ солидарности съ тѣмъ классомъ, къ которому принадлежалъ отецъ его, чигиринскій подстаростій, сложившій голову рядомъ съ великимъ Жовковскимъ; но теперь видѣлъ, что не сдобровать ему въ роли К

[1]) *Вырубàти Ляхòмъ* значило говорить по-польски, вести себя поляцки, напримѣръ:

Ой пъе Сàва и гуляе,
Ляхòмъ вырубàе...

ицкаго Батька, и потому дѣлалъ уступки панской республикѣ, котоая пріютила его отца въ бѣдственномъ положеніи и взлелѣяла собственное дѣтство его.

Чтобы занять умы, взволнованные бунтовщиками, Хмельницкій озвалъ въ Переяславѣ генеральную раду. На ней былъ прочитанъ и ринятъ козаками реестровый списокъ, посланный къ королю. Этимъ ктомъ, завоеваннымъ подъ Збаражемъ и Зборовымъ, Козацкій Батько сложилъ съ себя отвѣтственность передъ разбойною массою въ томъ, что е ведетъ ее *кончати Ляхівъ*, а, вмѣсто того, еще караетъ смертію анскихъ убійцъ. Всѣ козаки, имѣвшіе, въ глазахъ черни, преимущественное право на козацкія вольности, признавало законнымъ и естественнымъ тотъ порядокъ вещей въ Украинѣ, который былъ низровергнутъ по поводу гонитвы Хмельницкаго за его обидчиками. Чтобъ отмѣнить ихъ общее рѣшеніе, голодная и сравнительно безоружная чернь должна была бы убить не одного Хмельницкаго, но сорокъ тысячъ реестровиковъ, вмѣстѣ со всѣми тѣми, которые льзовались выгодами ихъ положенія *по за реестромъ*.

Такъ изъ-подъ ига панскаго люда посполитые перешли подъ о козацкое, потому что гетманъ каралъ ихъ смертью за бунты противъ пановъ, а сорокатысячный привелигированный Козацкій Народъ, реестромъ доходившій до статысячнаго, содержался на счетъ раты людей посполитыхъ. Это была новорожденная, хоть и не законрожденная, шляхта, которой недоставало только государственной билитаціи. То, что говоритъ о себѣ въ кобзарской думѣ Иванъ Кавченко, сподвижникъ Филоненка, было символомъ вѣры каждаго зака:

И вже мені не честь, не подоба
По рілляхъ спотыкати,
Жовті сапчянці каляти,
Дорогі сукні пыломъ набивати... *)

Теперь людямъ посполитымъ, не шляхтичамъ и не козакамъ, представлялось дѣлать сравненіе между тѣмъ временемъ, которое пред-

*) Хлѣбопашество въ жизни козаковъ (пишетъ достойный оппонентъ костомаровскихъ изображеній козачества въ Смутное Время Московскаго Государства, г. Бѣляевъ) являлось элементомъ развращающимъ, слишкомъ осѣдлымъ, и потому пахать землю, сѣять хлѣбъ, напримѣръ у Донцовъ, строго воспрещалось: „станутъ пахать, и того бить до смерти и грабить", говорятъ одна войсковая грамота 1590 года по Хоперскимъ и Медвѣдицкимъ городамъ. („Мининъ и Пожарскій", стр. 207).

шествовало Хмельнитчинѣ, и тѣмъ, когда „козацкая слава разлилась по всей Украинѣ“.

По свидѣтельству Самовидца, до бунта Хмельницкаго, „посполство во всемъ жили обфито (изобильно): въ збожахъ (хлѣбахъ), въ бидлахъ (скотѣ), въ пасѣкахъ“; досадовали ихъ только не привычные для украинцевъ „вымыслы великіе отъ старостовъ и отъ ихъ намѣстниковъ и Жидовъ. Бо сами державцы на Украинѣ не мешкали (не жили), тилько урядъ держали, и такъ о кривдахъ людей посполитыхъ мало знали, альбо, любо (хоть) и знали, только, заслѣплени будучи подарками отъ (панскихъ) старостъ и Жидовъ арендарей, же (что) того не могли узнати, же (что) ихъ саломъ по ихъ же шкурѣ и мажутъ: зъ ихъ подданныхъ выдравши, онымъ даруютъ, що и самому пану вольно бы узяти у своего подданнаго, и не такъ бы жаловалъ подданный его. А то леда (какая-нибудь) шевлюга (швадь), леда (какой-нибудь) Жидъ богатится, по килько цуговъ коней справляетъ, вымышляючи чинши великіе, поволовщины, дуды, осыпъ, мѣрочки сухіе, зъ жорновъ плату и иное, отниманье фольварковъ, хуторовъ,—що натрафили на чоловѣка одного, у котораго отняли пасѣку, которая всей Землѣ Польской начинила бѣды“...

По свидѣтельству же всѣхъ современныхъ документовъ, въ эпоху Хмельницкаго свирѣпствовала ужасающая нищета въ той массѣ, которая, увлекшись козацкимъ промысломъ, помогла козакамъ отдѣлить на свой пай сытный кусокъ хлѣба на счетъ старость, державцевъ, арендаторовъ Жидовъ, а сверхъ нищеты свирѣпствовалъ козацкій произволъ, безъ всякой апелляціи. Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ козаки не сидѣли на шеѣ у доматоровъ и гречкосѣевъ (названія у нихъ презрительныя), — въ тѣхъ мѣстахъ свободно разгуливали татарскіе загоны. Козаки перебили или предали Татарамъ пановъ, которые набирали бывало изъ своихъ селъ охотниковъ до гонитвы за хищниками, вооружали ихъ на собственный счетъ, водили въ „невѣдомыя“ поля по примѣру древняго князя Игоря, и нерѣдко, какъ это мы знаемъ по „русскому воеводичу“, слагали буйную голову въ бою съ невѣрными. Теперь некому было охранять отъ Орды не только мужиковъ, но и козацкихъ жилищъ. Ворота въ Украину стояли Татарамъ настежь; Зборовскій договоръ отдалъ подъ ихъ кочевья все Черноморіе, отъ Азова до Чигирина, отъ Чигирина до Акермана, и если они уводили въ неволю даже собственныхъ сподвижниковъ, козаковъ, то каково было положеніе доматоровъ и гречкосѣевъ!

Въ то время, когда Хмельницкій просилъ короля объ освобожденіи Тетеревскаго и Котовича изъ тюрьмы, прибавляя: „а мы за на

нѣйшій маестатъ вашей королевской милости готовы жертвовать жизнью (zdrowie swoje ronić)", — въ то самое время Адамъ Кисѣль изображалъ королю положеніе дѣлъ въ Украинѣ такими словами:

„Послѣ моего перваго кіевскаго обжога, о которомъ я увѣдомилъ вашу королевскую милость, — лишь только Хмельницкій велѣлъ снять головы и тѣмъ, которые у береговъ козатчины начинали грабежъ въ панскихъ имѣніяхъ, и тому, что назывался гетманомъ на Запорожьѣ, мужики нѣсколько пріутихли. Однакожъ, желая подѣйствовать еще сильнѣе въ этомъ случаѣ, Хмельницкій намѣренъ въ свое время отправиться (excurrere) челнами на Запорожье, чтобъ очистить скопище (sentinam) своевольства и обсадить Запорожье надежною (podufałą) старшиною. Здѣсь также велѣлъ полковникамъ сторожить берега, чтобы (козаки) не входили ни въ какое замѣшательство съ тѣми регментами, которые приблизились къ Хмельнику и Бару, и предотвращать всякіе бунты. Послы (Хмельницкаго) также ѣхали къ вашей королевской милости съ реестрами, а другіе реестры представили въ кіевскій гродъ. Судя по этимъ поступкамъ и наблюдая за всею старшиною, которой у меня бываетъ полно каждый день, кажется, что они желаютъ сохранить миръ. Только исключенные изъ реестровъ мужики, которые было окозачились, прибѣгаютъ къ разнымъ способамъ, чтобы не быть въ подданствѣ у своихъ пановъ. Одни продаютъ все и, оголѣвъ, идутъ къ козакамъ въ чуры и постои (jedni wszystko sprzedając i ogołociwszy ze wszystkiego, za czurów i postojów do kozaków udają), другіе совсѣмъ идутъ за Днѣпръ, а нѣкоторые— такихъ наименѣе—кланяются уже своимъ панамъ. Поэтому одинъ Господь Богъ, въ своемъ предвѣдѣніи, рѣшилъ и предопредѣлилъ, какъ все это можетъ усмириться и успокоиться. Я не смѣю успокоивать отечество миромъ; точно такъ же не желаю раздражать черней и давать имъ поводъ къ враждѣ. Одинъ, кажется, остается совѣтъ: положиться на волю всемогущаго Бога, какъ Ему будетъ угодно смягчить эту казнь, и на подтвержденіе присягой обѣщаній Хмельницкаго, какъ онъ захочетъ ихъ сдержать, хотя бы это было съ великою кривдою и почти съ порабощеніемъ (a prawie cum servitute) всѣхъ насъ, израненныхъ (пановъ). Еслибъ я не видѣлъ такой силы и готовности, какую здѣсь нахожу, и еслибы могъ видѣть расторгнутымъ товарищество (societatem) съ козаками Орды, а также, когда бы войско могло выступить сюда раньше, нежели рѣки пустятъ (воду), то, какъ я всегда объявлялъ на сеймѣ, наилучшимъ средствомъ (pro maxima), такъ и теперь—не только желалъ бы, но просилъ бы униженно вашу королевскую милость, принимая во вниманіе все униженіе, которое мы

претерпѣваемъ въ мирѣ, похожемъ на рабство, — лучше попытаться прибѣгнуть къ оружію, нежели, имѣя, не имѣть подданныхъ. Имъ помогають всѣ *фортели* и на сушѣ, и на водѣ, потому что у нихъ та же сила, та же готовность, та же лига, хотя меня угнететъ та же бѣдность и несчастіе (egestas et calamitas), что и каждаго. Поэтому я не нахожу другаго способа, какъ только ждать у берега попутнаго вѣтра (secundos spectare in littore ventos). По вышеизложеннымъ причинамъ, больше можетъ сдѣлать половина войска съ осени и зимой, нежели цѣлое войско теперь лѣтомъ: ибо у нихъ (тогда) прекращаются всѣ фортели, и Орда не можетъ оставаться долго съ ними; а когда не будетъ Орды, то мы всегда, по милости Божіей, можемъ взять верхъ. Еще и то надо принять во вниманіе, что теперь *великій голодъ*. Огультаенное хлопство должно̀ снова приняться за землю, или, не будучи задираемо, какъ этого рѣшительно Хмельницкій желаетъ, придумаетъ себѣ куда-нибудь (добычный) путь. Черезъ это могла бы эта вооруженная толпа какъ-нибудь порѣдѣть и разойтись, а если нуженъ поводъ къ войнѣ, то у Рѣчи Посполитой онъ есть всегда, лишь только она будетъ готова къ войнѣ. Если даже козаки пожелаютъ оставить насъ въ покоѣ, то поводомъ къ войнѣ можетъ быть то обстоятельство, что этотъ миръ не только не удовлетворяетъ насъ, обиженныхъ, но не соотвѣтствуетъ и самой транзакціи, учиненной съ ними. Два важнѣйшія обстоятельства, именно: возстановленіе католическаго исповѣданія и такое подданство, которое бы приносило панамъ выгоду (poddaństwo z pożytkiem panom), не скоро могутъ войти въ колею, потому что они — или совсѣмъ не хотятъ, или хотѣли бы мало давать податковъ, и быть въ подданствѣ только по имени. Поэтому признаюсь чистосердечно (ingenue fateor), что такой миръ мнѣ не по сердцу, если его Господь Богъ и самое время не исправятъ. Только теперь опять начать войну было бы, по моему мнѣнію, крайне опасно. Вотъ почему я желаю, чтобы отечество, пользуясь временемъ, исправило то, что̀ должно̀ быть исправлено (tempore temperanda temperare)... и униженно прошу не приближать войска, чтобъ не давать повода къ враждебнымъ дѣйствіямъ... иначе—мнѣ и всѣмъ находящимся здѣсь обывателямъ ipso facto пришлось бы творить предсмертные обѣты (vovere hostias). Если же ваша королевская милость пожелаете приблизить войско и, при первомъ поводѣ (data occasione), предоставить суду Божію то, что оскорбило Республику, не дожидаясь исправленія—если только какое-либо исправленіе возможно въ этихъ своевольныхъ и одичалыхъ подданныхъ,—не дожидаясь даже времени, болѣе благопріятнаго для нашихъ дѣлъ; въ такомъ случаѣ нижайше

прошу о томъ, чтобы, прежде нежели войско двинется въ Украину, я, по какому-нибудь письменному повелѣнію вашей королевской милости, могъ оставить здѣшній мой постъ, и чтобы дворянство не вдругъ, а мало-по-малу... могло уйти отъ опасности, которая захватитъ насъ въ ту же минуту, какъ только пойдетъ молва, что войско двинулось и идетъ въ Украину".

Вмѣстѣ съ тѣмъ Кисѣль увѣдомлялъ, что къ Хмельницкому прибыли съ чѣмъ-то послы изъ Венгріи, Молдавіи, Валахіи: доказательство, что „сила этой черни и счастье Хмельницкаго уважаются", замѣтилъ онъ, и просилъ увѣдомить его съ возможною скоростью; долженъ ли онъ здѣсь укрѣпиться (fidere pedem), или же думать о бѣгствѣ? Не получая ни гроша дохода изъ своихъ заднѣпровскихъ имѣній, не могъ, однакожъ, онъ обходиться безъ ассистенціи, такъ какъ постоянно находился среди опасности (obnoxius semper periculis), а при дороговизнѣ съѣстныхъ припасовъ, издерживалъ на нее не меньше двухъ тысячъ злотыхъ въ недѣлю изъ своего жалованья; поэтому просилъ пособія. „Не получаю" (писалъ онъ) „здѣсь въ резиденціи ни гроша, провьянту же трудно достать, потому что его нѣтъ, а силою трудно взять. Если подданные не хотятъ ничего давать даже своимъ собственнымъ панамъ, то тѣмъ болѣе—жолнеру".

Когда такимъ образомъ спокойные прежде обладатели Малороссіи находились въ положеніи колонистовъ среди свирѣпыхъ дикарей, или—въ положеніи безоружныхъ завоевателей среди враждебныхъ къ нимъ туземцевъ, — двѣ орды, магометанская и христіянская, занявъ своими кочевьями широкое пространство отъ черноморскихъ береговъ до Случи, были поглощены заботой о своемъ существованіи на счетъ культурныхъ сосѣдей.

Не напрасно Хмельницкій говорилъ въ прошломъ году противъ московскаго царя „непригожія слава". Попавъ между татарскаго молота и польской наковальни, по милости юнаго самодержца, щадившаго Рѣчь Посполитую въ ея несчастномъ положеніи, не оставлялъ онъ и теперь мысли показать Москалю, что только тотъ непобѣдимъ, кто „въ своемъ подданствѣ имѣетъ покорность Хмельницкихъ".

Съ Польши *было* уже снято золотое руно: надобно было снять его и съ Москвы. Мысль эту возымѣлъ счастливый по милости Божіей и милосердый соратникъ Хмельницкаго, Исламъ-Гирей. Когда паны выкупили у него своего заложника, Денгофа, ханъ писалъ къ королю: „По благоволенію, помощи и милосердію Божію, мы не имѣемъ теперь никакого непріятеля, и на всѣ стороны обрѣтаемся въ дѣйствительной пріязни. Однакожъ, много бесѣдовали мы съ вашими

послами о предметахъ, достойныхъ бесѣды. О томъ же достаточно мы сообщили и Калиновскому. Посылаемъ съ этимъ главнаго изъ нашихъ слугъ, Мустафу-агу. Ему поручили мы устно все, что есть въ нашемъ сердцѣ,—всѣ наши намѣренія и мысли. Что вамъ онъ разскажетъ, то будутъ наши собственныя слова, лишь бы только, выслушавъ хорошо это дѣло, пожелали вы начать. Къ какому времени собравшись, можете быть готовы? Объ этомъ дайте намъ знать черезъ Мустафу-агу. Лѣтомъ-ли, зимой ли, всегда мы будемъ готовы; ждемъ только вашего рѣшенія. То дѣло великое! Множество царствъ и королевствъ можете пріобрѣсти. О запорожскихъ же козакахъ, если бы стали говорить вамъ, что противное, не вѣрьте: Козацкій Народъ, это ваши слуги и подданные. Куда бы вы ни задумали, всюду они пойдутъ охотно впереди васъ. Они съ нами договорились въ томъ, что безъ нашей воли никуда двинуться не могутъ. Поэтому не наставляйте уха людскимъ розсказнямъ. А чтобы наши дружескія письма были тѣмъ пріятнѣе, посылаю Потоцкаго, подаривъ ему свободу за здоровье вашей головы".

О „предметѣ достойномъ бесѣды" писалъ то же самое и ханскій визирь къ коронному, какъ выражался ханъ, визирю, Оссолинскому, присовокупляя, что походъ въ Москву разъединитъ козаковъ съ окозаченными мужиками, которые, въ ихъ отсутствіе, сдѣлаются тѣми же панскими хлопами, какими были.

Возвращеніе Николая Потоцкаго изъ татарскаго плѣна Кисѣль привѣтствовалъ письмомъ отъ 4 апрѣля, называя его отцомъ отечества и возлагая на него великія надежды, въ противность собственному мнѣнію о причинѣ междоусобной войны и голосу Шляхетскаго Народа, который въ популярномъ стихотвореніи обращался къ нему съ такой оцѣнкою: „Напрасно взваливать несчастье на Бога: не за столомъ было яриться на козаковъ. Мы дома не можемъ ходить безъ чужой помощи, и хочемъ давать битвы въ каретѣ" *).

Голоса тѣхъ, которые требовали отмѣны пожизненнаго гетманства, вопіяли въ пустынѣ. Какими средствами возвысилась Рѣчь Посполитая, такими только могла и поддерживать себя. Зная это изъ Саллюстія, она боялась одной перемѣной подать поводъ къ другимъ, то-есть обнаружить негодность основъ своихъ и пасть, въ лицѣ боль-

---

*) Na niebo próżno i nieszczęście łozyć:
Nie u stołu się na nich było srożyć.
(Этотъ стихъ дошелъ до насъ съ припискою: Tak było).
Duma nie możem o swèj mocy chodzić,
Przecie w karecie chcemy bitwy zwodzić.

шинства пановъ, отъ внутреннихъ причинъ скорѣе, чѣмъ она пала отъ внѣшнихъ. Но не дряхлымъ подагрикамъ было стоять противъ бури, которая, въ короткое время отсутствія Потоцкаго, измѣнила лицо Польши до неузнаваемости.

„Не та rerum facies“ *), (писалъ къ нему Кисѣль), „не тѣ достатки, не та военная сила, но то же самое надменное и окровавленное нашимъ несчастіемъ бѣшенство (ale taż infortunio nostro inflata i zajuszona rabies). Всѣ мнѣнія наши полны пустокъ, такъ что Украина едва въ состояніи содержать стеченіе и сбродъ вооруженной черни (colluviem et congeriem armatae plebis). Увидите сами, въ какомъ хаотическомъ состояніи находится она со стороны Днѣстра. Здѣсь на Днѣпрѣ я сижу въ тройной опасности: вопервыхъ, чтобы Хмельницкій остался вѣренъ клятвенному слову, что обуздаетъ чернь; вовторыхъ, чтобы чернь не возобладала надъ нимъ и не встала подъ новымъ главою (cum novo capite non recrudescat); въ третьихъ, чтобъ наши не застучали въ берегъ (żeby od nas w brzeg nie kołatano), и отъ нашего домогательства не поднялась буря... Мало-по-малу будемъ освоиваться съ нашими одичалыми подданными, довольные, на первый разъ, однимъ признаніемъ нашего хоть и бездоходнаго господства (z razu sola recognitione dominii, chociąż bez pożytku, kontenci)... Принизившись такъ, какъ мы принизились, не надобно давать повода къ войнѣ, а хана какъ можно секретнѣе (quam citissime) увѣдомить что мы все сдѣлали для черни, а она для насъ еще ничего, и дѣла обезпечить тамъ... Теперь уже дѣло идетъ не о ремнѣ, а о цѣлой шкурѣ польской. Въ крайнемъ свирѣпствѣ черни, и потому въ крайней опасности Республики, крайнія средства не уйдутъ отъ насъ... За Днѣпръ поѣхало много братьевъ (шляхты), хоть я и не совѣтовалъ: жестокая стрѣла бѣдности и нужды не взираетъ ни на какія опасности (durum telum egestatis et necessitatis nec periculo respicit). Мои слуги, передъ сеймомъ, введены туда по великой де благосклонности, но до сихъ поръ они тамъ гости, а не хозяева“.

Въ заключеніе письма, Кисѣль говорилъ и что теперь въ Варшавѣ великій посолъ царскій, и что онъ совѣтовалъ бы послу, глядя на Польшу, не подвергать Москвы такой же опасности, и лучше держаться съ панами, нежели съ мужиками... Но и паны, и мужики такъ хорошо зарекомендовали себя передъ Москалями, что царскому послу трудно было рѣшить, которое изъ двухъ золъ меньшее.

*) Лицо вещей, положеніе дѣлъ.

Умудренный горькимъ опытомъ, Кисѣль оставилъ, наконецъ, сво оптимизмъ относительно земляка и пріятеля, Хмельницкаго. Изъ лет вѣрнаго политика онъ превратился въ печальнаго историка, и пись его вносятъ много свѣта въ туманъ, котораго напустили въ тогдаш религіозныя, соціальныя и національныя соотношенія наши украин маны да козакоманы. Отъ 6 мая онъ писалъ къ королю изъ Кіе „Хмельницкій велѣлъ собраться подъ Полтавой на ханскую слу (na usługę hańską) по триста человѣкъ отборныхъ козаковъ изъ ка даго полка, о *о двухъ конь* каждый, къ 26 мая по старому календар Будетъ этого войска 6.000... Изъ этого видно, что Татары отъ ко ковъ не оторвутся. Они не только вмѣстѣ живутъ и кочуютъ, но войска взаимно другъ другу посылаютъ... И на этой недѣлѣ былъ о хана посолъ въ Чигиринѣ съ предложеніемъ и подарками. При ствовали его пальбой изъ пушекъ, и отправили также съ подарк Посольство заключалось въ двухъ пунктахъ: первый—домогательст Порты, чтобы Хмельницкій удерживалъ отъ моря донскихъ козако на что̀ онъ согласился, и тотчасъ послалъ на Донъ письмо. Втор пунктъ: просьба хана о помощи ему противъ *Черкасъ*... *) Съ обѣ сторонъ полюбились другъ другу (zasmakowali się w sobie), живя бычей и грабежемъ (praeda et spoliis gentes nutritae): вошли вкусъ соединенной силы (zasmakowali sobie conjunctum robur)... Заднѣпріе оставлено безъ реестровой ревизіи. Хотя реестры ставлены, однакожъ, козаки по-прежнему лелѣютъ (fovent) при се всѣхъ до святокъ... Бунтуютъ подъ предлогомъ религіи... Х Хмельницкій и усмиряетъ чернь жестокими примѣрами, но кара меньшихъ, а старшихъ преступниковъ не замѣчаетъ, или, удар по карману, выпускаетъ. Такъ недавно поступилъ онъ съ Нечае который надѣлалъ много зла. Обѣщалъ мнѣ, что казнитъ смертью, а потомъ выпустилъ, взявши тысячъ 15 и оправдыва тѣмъ, что будто бы его отпросили ханскіе послы".

Въ письмѣ къ Потоцкому о брацлавскомъ полковникѣ Нечаѣ сѣль писалъ, что нѣтъ бо̀льшаго бунтовщика въ Украинѣ. По отъѣ Хмельницкаго изъ Кіева (разсказываетъ Кисѣль), онъ оставался зд двѣ съ половиною недѣли, увѣдомилъ очаковскаго бея, кочующаго Дикихъ Поляхъ, что съ Ляхами нѣтъ мира, и просилъ прислать 2.000 Татаръ. Орда пришла къ Брацлаву, и, не найдя тамъ Не вернулась въ свое кочевище, но множество людей обезглавила.

---

*) Кисѣль называетъ Черкесовъ такъ, какъ въ Москвѣ называли ма козаковъ.

въ числѣ и одного шляхтича, захваченнаго въ домѣ. Узнавъ объ омъ, Хмельницкій поклялся снять голову Нечаю, и послалъ за нимъ так какъ Нечай человѣкъ богатый, то его ставятъ наравнѣ съ мельницкимъ".

По всему этому Кисѣль совѣтовалъ королю не обезпечиваться тарскимъ предложеніемъ, не приближать войска къ границѣ, въ бѣжаніе дракъ, а написать къ Хмельницкому, чтобъ онъ, согласно оровскому договору, возвратилъ на хвалу Божію костелы, вывелъ аковъ изъ-за линіи, не принималъ въ козаки сверхъ реестра, приелъ подданныхъ къ повиновенію панамъ, да еще, чтобы Нечай, за ызваніе Орды, былъ казненъ смертью. Свое положеніе въ Украинѣ ображалъ Кисѣль такъ,—что, „въѣхавъ между гадовъ и пригасивъ онь бунта, живетъ онъ, какъ Овидій, среди ежеминутной опасноі, не удостоиваясь ни похвалъ, ни порицанія, ни подкрѣпленія... юду полно бунтовъ" (писалъ онъ), „отовсюду получаются страшныя сти, изъ Самуилова, Котельни, Винницы и пр."

Для отвращенія грозившей польскому отечеству бѣды, почтенй Свѣнтольдовичъ пытался свалить ее съ больной головы на здовую, и забывая о своей православности по примѣру Хмельницкаго, дживалъ его къ войнѣ противъ Москвы. „Такъ какъ Москва" (говалъ онъ въ пунктахъ своихъ переговоровъ съ Хмельницкимъ въ еркасахъ, 20 іюня), — „такъ какъ Москва не хочетъ дать козакамъ длежащей дани (dani należącej dać nie chce), и еще домогается у короля правосудія, то чтобы просилъ хана помочь имъ".

Хмельницкій отвѣчалъ, что пошлетъ къ хану, и, безъ сомнѣнія, рда придетъ къ козакамъ: ибо, по договору съ ними, хотя бы ханъ мъ и не пришелъ, то долженъ послать нуреддинъ-султана со всѣмъ йскомъ. Желалъ бы, однакожъ, чтобы король обезпечилъ за собой рду особеннымъ обязательствомъ (osobliwym obowiązkiem): а то Москва отторгнетъ ее подаркомъ, такъ какъ Орда на подарки падка.

„Если бы пришлось воевать съ Москвой" (спрашивалъ Кисѣль), ю съ какой стороны, по его мнѣнію, слѣдовало бы напасть на непріятеля"?

Хмельницкій отвѣчалъ,—что, „соединясь съ Татарами тамъ, гдѣ Муравскій Шляхъ притянулъ къ Сѣверщинѣ и называется Свинною Дорогою (S'winią Drogą), куда Кисѣль, будучи посломъ, шелъ отъ границъ къ столицѣ, тѣмъ шляхомъ идти и, широко распуская загоны, не мѣшкать у замковъ: они потомъ будутъ того, чья будетъ земля.

На вопросъ: нужно ли ему сколько-нибудь польскаго войска? Хмельницкій отвѣчалъ: „Намъ съ Татарами не долго собираться въ походъ, а польское войско надѣлало бы великаго шуму. Съ этой стороны достаточно будетъ козаковъ и Татаръ, только чтобы козаки были увѣрены въ безопасности домовъ, женъ и дѣтей".

А какую бы пору избралъ онъ для войны? спросилъ Кисѣль.

Хмельницкій отвѣчалъ, что Татары пойдутъ не раньше жнивъ, когда выпасутъ лошадей. Но это въ наступательной войнѣ, въ оборонительной же надобно тотчасъ Войску Запорожскому пересунуть (przesunąć) за Днѣпръ; а московскихъ пословъ задержать до тѣхъ поръ, пока не будетъ все устроено къ походу.

„По этимъ пунктамъ нашихъ переговоровъ, Хмельницкій, кажется, искренно желаетъ въ настоящемъ дѣлѣ служить королю и Рѣчи Посполитой", замѣчаетъ въ своемъ донесеніи Кисѣль, и присовокупляетъ нѣсколько благихъ совѣтовъ. Если рѣшится король на войну съ Москвой, то чтобы при письмѣ къ Хмельницкому послать какую-нибудь тысячу червонцевъ и короткій *креденсъ* отъ королевы, дабы его тѣмъ больше заохотить, обязать и утвердить: „ибо" (писалъ Кисѣль) „наше нынѣшнее положеніе таково, что на которую чашку вѣсовъ онъ обратится, та и перетянетъ. А что сказалъ онъ о падкости Татаръ на деньги, то таковъ и его духъ (tenże jest i jego geniusz)".

Кисѣль совѣтовалъ не допускать московскихъ пословъ до разговоровъ съ послами козацкими, такъ какъ хмельничане домогаются отъ Москвы дани (że się u nich upominają o kaźni) и забираютъ у нихъ пасѣки.

Онъ совѣтовалъ народность и религію русскую (gentem et religionem ruską) сохранить въ величайшемъ спокойствіи, такъ какъ Хмельницкій намекнулъ, что, идучи на эту службу, хочетъ потребовать возвращенія церковныхъ имуществъ и владычествъ русскихъ de facto.

Наконецъ, онъ совѣтовалъ прислать Кіевскому и Браиловскому воеводствамъ королевскіе универсалы, чтобы всѣ вели себя какъ можно скромнѣе, сообразно времени (tempori serviendo), а изъ домовъ не уходили. Кромѣ того, совѣтовалъ Кисѣль отсрочить въ этихъ воеводствахъ трибунальскія дѣла до болѣе спокойнаго времени: ибо, подъ предлогомъ выѣзда на трибуналъ, паны уѣзжаютъ изъ Украины, и уѣзжая, подданыхъ обдираютъ безъ всякой мѣры (poddanych bez respektu zdzierają).

У Яна Казиміра не было ни ума, ни совѣсти, ни чести. Любезнѣйшее изъ іезуитскихъ чадъ и орудій, онъ былъ готовъ на всякую войну и на всякій миръ безразлично, по вдохновенію минуты. Такъ онъ отнесся и къ предложенію Исламъ-Гирея. Посылая къ хану съ секретнымъ наказомъ дворянина своего, Бѣчинскаго, онъ поручилъ ему переговорить, по пути, съ мультянскимъ господаремъ, Бессарабомъ, котораго увѣдомилъ письмомъ, чтобъ онъ далъ Бѣчинскому „полную и несомнѣнную вѣру" во всемъ, что̀ онъ скажетъ отъ королевскаго имени.

Въ вопросѣ о Московской войнѣ, на короля дѣйствовалъ Потоцкій, которому съ этою цѣлью ханъ даровалъ свободу. Отъ 26 августа Исламъ-Гирей снова писалъ къ Яну Казиміру, и говорилъ уже прямо, что о *московскомъ* дѣлѣ много толковалъ съ его коронннымъ гетманомъ. При этомъ жаловался, что донскіе козаки сдѣлали морской набѣгъ нѣсколькими чайками и увели много крымскихъ подданныхъ въ неволю. Ханъ довольно комически претендовалъ на предъявленныя Москвою королевскому правительству требованія. „Ваше оскорбленіе" (писалъ онъ) „есть наше оскорбленіе. Мстя не столько за свою, сколько за вашу обиду, мы посылаемъ 27 августа брата нашего, султанъ-галгу, на Москву". Онъ совѣтовалъ, посредствомъ литовскаго войска, овладѣть пограничными московскими городами. „Мы очень сильно уповаемъ на милосердіе Божіе" (говорилъ, точно католикъ, Исламъ-Гирей), „только чтобы вы, поручивъ себя ему, стояли мужественно. Не о себѣ мы думаемъ, а о томъ, чтобы сдѣлать вамъ добро. Мы удовольствуемся завоеваніемъ своихъ единовѣрцевъ (Казанцевъ и Астраханцевъ), а вы, сколько добудете христіянскаго царства, то будетъ ваше. Въ нашемъ сердцѣ нѣтъ никакой хитрости. Что̀ я въ началѣ съ вами подъ Зборовымъ постановилъ, отъ своего слова не отступлю".

Безхитростный хитрецъ умѣлъ задѣть въ пустомъ сердцѣ Яна Казиміра самую чувствительную струну. Выродку норманскихъ завоевателей было пріятно думать, что онъ, по проложенной братомъ Владиславомъ дорогѣ, стяжаетъ себѣ въ Московскомъ Царствѣ славу великаго полководца, и бѣдствіями своихъ сосѣдей осчастливитъ бѣдствующую Польшу. Но его, какъ и всѣхъ Поляковъ, путалъ нашъ старый Хмѣль, обвиваясь кругомъ своими цѣпкими завитками. Послѣ совѣщанія съ Киселемъ въ Черкасахъ о разореніи православнаго царства въ пользу католическаго и мусульманскаго, онъ возмутилъ благочестивые помыслы Адама Свѣнтольдовича непонятною выходкой.

Въ Чигиринѣ появился посолъ турецкаго султана, Осман-ага. Привезли его изъ Очакова. Отъ окозачившихся шляхтичей Кисѣль узналъ, что „Турецкій Цесарь" говорилъ о Зборовскомъ мирѣ: „Не можетъ этого быть, чтобы Ляхи не мстили козакамъ", и совѣтовалъ Хмельницкому вести съ ними войну, а онъ даетъ ему 100.000 войска на цѣлый годъ и обѣщаетъ представить козакамъ „провинцію", гдѣ они будутъ совершенно свободны, „какъ люди Шляхетскаго Народа". Хмельницкій отвѣчалъ, что давно желалъ этого и въ такомъ смыслѣ писалъ къ султану, но что волошскій господарь, яко измѣнникъ цесаря, перехватывалъ ихъ и посылалъ въ Польшу.

Турецкое посольство перестроило всѣ планы Хмельницкаго: оно вдругъ освобождало его и отъ молота и отъ наковальни, между которыхъ онъ попалъ подъ Зборовымъ. Турецкій цесарь повелитъ хану кончать съ нимъ Ляховъ, какъ теперь ханъ повелѣваетъ ему щадить ихъ. Съ помощью Турокъ онъ будетъ силенъ всѣмъ татарскимъ ордамъ, и сдѣлается такимъ ханомъ, какъ потомокъ Чингиса.

Такъ ли онъ думалъ, или какъ-нибудь иначе, только недавній союзникъ Польши противъ Москвы заговорилъ съ благочестивымъ своимъ совѣтникомъ, Свѣнтольдичемъ, по-непріятельски. Теперь де посажу на господарствѣ Моисея Могилу (Петрова брата и по имѣнію наслѣдника), да не только Польскую Корону, и Римъ отдамъ Цесарю!

Въ это время прибыли къ нему послы отъ краковскаго воеводы, князя Владислава Заславскаго, и отъ калусскаго старосты, молодаго Яна Замойскаго, съ разными ходатайствами. Онъ пригласилъ ихъ къ обѣду, выслушалъ каждаго внимательно, и, послѣ разныхъ бесѣдъ, сказалъ *кротко*: „Ни король, ни Рѣчь Посполитая не можетъ принудить меня ни къ чему: бо я собі вольный, и буду служить, кому захочу. Вѣрный у меня помощникъ Турецкій царь, нашъ милостивый панъ, также и царь Московскій, а всѣ орды присягли мнѣ. Не только Польскую Корону, но и Римское Панство кому захочу отдамъ въ руки, а всѣмъ панамъ не пущу маетностей, пока не выдадутъ мнѣ Чаплинскаго. Если Ляхи точатъ (строятъ) обозъ, то и я пускаюсь тотчасъ же (въ походъ), а тѣ, которые тамъ живутъ, первые поплатятся жизнью за свой лагерь".

Вотъ какія вещи говорилъ онъ кроткимъ голосомъ, и голосъ этотъ былъ ужаснѣе того рева, который въ Переяславѣ заставлялъ дрожать на панахъ шкуру. Хмельницкій чувствовалъ себя сильнымъ не только Ляхамъ, не только Татарамъ, но и своимъ дѣтямъ, друзьямъ, небожатамъ съ ихъ Перебійносами, Джедтахлами, Нечаями.

На другой день (разсказываетъ безыменная реляція) ѣздилъ Хмельницкій на проѣздку. Кто знаетъ, что выражала проѣздка у такого человѣка? Можетъ быть—алкающую мщенія ревность къ тому, что смѣлъ съ такимъ крупнымъ звѣремъ спорить за самку. Можетъ быть, его томилъ избытокъ гордыхъ замысловъ; а, можетъ быть, на проѣздку вызывало чувство свойственной кровавому злодѣю тоски, отводимой только новыми кровавыми замыслами. Проѣздившись (говоритъ реляція) Хмельницкій пилъ съ Дорошенкомъ, своимъ гарматнымъ писаремъ (братомъ извѣстнаго наслѣдника его туркоманіи, Петра).

Варшавскій Анонимъ, представляющій такое же эхо слуховъ, занимавшихъ Польшу въ то время, какимъ для Москвы былъ Куновъ, разсказываетъ, съ признаками реальности, о томъ, что заставило козацкій вулканъ извергать зловѣщій пламень, предсказывавшій новые пожары и новыя рѣки человѣческой крови. Османъ-ага привезъ Хмельницкому отъ Султана турецкую саблю въ дорогой оправѣ, знамя съ изображеніемъ полумѣсяца, золотую гетманскую булаву и титулъ Украинскаго Князя. Султанъ желалъ, чтобъ онъ взялъ Каменецъ-Подольскъ и отдалъ Туркамъ въ знакъ вѣрности (какъ это сдѣлалъ черезъ 22 года Петръ Дорошенко). Хмѣль былъ готовъ на этотъ подвигъ, для вѣрнѣйшаго успѣха, просилъ Османъ-агу сохранить его обѣщаніе въ тайнѣ. Но какимъ-то путемъ разнесся слухъ, что онъ говорилъ султанскому послу: „Тутъ польскіе послы шпіонничаютъ и подбиваютъ меня къ войнѣ съ Турками, но я скоро ихъ отправлю ни съ чѣмъ, а неприступную крѣпость Каменецъ захвачу врасплохъ“. Потомъ де пригласилъ Османъ-агу, человѣка трезваго, на попойку, пилъ за здоровье Турецкаго цесаря огромными кубками, и ничего не опустилъ для удостовѣренія Турка въ искренней своей дружбѣ.

Узнавъ объ этомъ (разсказываетъ Анонимъ), Адамъ Кисѣль едва не умеръ съ горя, что онъ увѣрялъ короля въ искренности Хмельницкаго. Адамъ послалъ къ нему своего брата Юрія, черкасскаго старосту. Хмельницкій встрѣтилъ Юрія Киселя словами: „принялъ я протекцію Турецкаго царя“, и „хвалился безбожнымъ дѣломъ“ (пишетъ Анонимъ), „какъ будто чѣмъ добрымъ“.

Свидѣтели этой сцены (продолжаетъ онъ) были делегаты разныхъ пановъ съ подарками, которыми они надѣялись смягчить его и выпросить своимъ панамъ дозволеніе возвратиться въ украинскія маетности. Юрій Кисѣль весьма краснорѣчиво убѣждалъ Хмельницкаго бросить невѣрнаго и коварнаго Турка, но его краснорѣчіе подѣйствовало на Хмельницкаго, разгоряченнаго виномъ, такъ, что онъ велѣлъ всѣхъ панскихъ пословъ и самого Киселя повѣсить, какъ шпіоновъ. Но

Выговскій, вмѣстѣ съ бывшею Чаплинскою, отсрочилъ казнь до утра и, по выраженію Анонима, „апеллировалъ отъ пьянаго къ трезвому. Хмельницкій извинился передъ жертвами своего русскаго единовладничества и самодержавія словами: „Вчора я въ досады впивсь і здурівъ". Но тѣмъ не менѣе отправилъ Османъ-агу, на зло Ляхамъ, торжественно, причемъ было сказано: „отъ гетмана и князя запорожскаго Турецкій цесарь принимается за найвысшаго пана, протектора" и т. д.

„Такъ то Хмельницкій исполнилъ Зборовскій договоръ!" (восклицаетъ совершенно по-католически Анонимъ): „ему лучше быть бісурманомъ, нежели уніатомъ".

Разсказъ Анонима подтверждается лаконическою реляціею, въ которой сказано: „Напившись съ Дорошенкомъ, велѣлъ онъ утопить Ляховъ. Сама упросила. Проспавшись, онъ и самъ раскаялся".

„4 августа" (продолжаетъ безъименная реляція) „прибылъ къ нему ханскій посолъ съ требованіемъ (wołając) идти въ Московщину со всѣмъ войскомъ, и чтобъ 26 августа стоялъ на границѣ, куда и султанъ-галга движется съ Ордою... Теперь разосланы всюду универсалы, чтобы всѣ готовились къ войнѣ, не только реестровые, но и охочіе, только неизвѣстно, къ какой".

До пріѣзда Османъ-аги, не зналъ и самъ Хмельницкій, къ какой готовиться ему войнѣ. Заваривъ „съ Ляхами пиво", онъ долженъ былъ пить его до конца, и для того, чтобъ уцѣлѣть на кровавомъ пиру, бросался въ противоположныя крайности.

Страна, еще не давно представлявшая возможность богатѣть мѣщанамъ и жить изобильно въ хлѣбахъ, скотѣ, пасѣкахъ селянамъ, сдѣлалась теперь голодною не только для отверженныхъ землевладѣльцевъ, не только для козаковъ-реестровиковъ, но и для окозаченныхъ пахарей, которые волей и неволей перестали быть хлѣборобами. Видя, что ему не сдобровать среди раздраженной убожествомъ черни, Хмельницкій нашелся вынужденнымъ изобрѣсть новую войну съ кѣмъ бы то ни было и за что бы то ни было, лишь бы привлечь къ себѣ загятыхъ новой мечтой о добычномъ промыслѣ, сдѣлавшемся почти единственнымъ въ Малороссіи.

До насъ дошла пѣсня, вспоминающая Хмельнитчину и характеризующая чувства хмельничанъ, пропившихся, голыхъ и голодныхъ:

Ой сплавъ пугачъ на могілу
Та й крикнувъ вінъ пугу!
Чи не дасть Богъ козаченькамъ
Хочъ тепѣръ потугу?

И день и нічъ войны ждемо,
Поживы не маемъ:
Давно була Хмельниченька,
Що вже й не згадаемъ...

Козакъ былъ подобенъ пугачу, падающему на степной курганъ съ голоднымъ, отчаяннымъ, зловѣщимъ для многихъ крикомъ *пугу!* Его потуга, то-есть сила, обновлялась войною, которой онъ ждалъ день и ночь для поживы. Война прежде всего и послѣ всего предпринималась изъ-за добычи, прославлялась ради добычи и переходила изъ рода въ родъ, какъ память о добычѣ. Съ отчаяніемъ, какъ голодающій на степныхъ могилахъ коршунъ, напѣваетъ и теперь еще козацкій потомокъ свою жестокосердую пѣсню:

Ой колись мы воювали,
Та більше не будемъ!
Того щастя й тої долі
По вікъ не забудемъ.

Козацкіе историки, поэты и публицисты внушаютъ своимъ читателямъ, что козаки воевали за православную вѣру и русскую народность. Но козакъ, въ своемъ добычномъ промыслѣ, не разбиралъ вѣръ и народностей, какъ и Татаринъ. Онъ былъ готовъ идти на Москаля, какъ и на Турка,—идти на Грека, Серба, Волоха, какъ и на Ляха. Лучшей славы для него не было, какъ устрашать всѣ народы и грабить ихъ имущество.

Что касается Хмельницкаго, то, не говоря уже о его мстительности за батьковщину, за коханку, за посягательство на его жизнь,— въ настоящемъ своемъ положеніи, онъ бы не призадумался погубить весь міръ для спасенія себя отъ раздраженной толпы, — погубить и самихъ сподвижниковъ своихъ, какъ это предлагалъ Наливайко Сигизмунду III. Предательская Наливайкова мысль вертѣлась и у него въ головѣ, какъ это мы видѣли изъ его бесѣдъ съ Киселемъ.

Миновало уже для малорусскаго поджигателя время, когда онъ, по словамъ кобзарской думы, взывалъ къ окозаченной черни:

Идітъ Ляхівъ та Жидівъ зъ Украйны зганяти,
Дакъ будете собі мати—
Хочъ на три тижні хорошенько покозацькі погуляти.

Погулявъ столько, насколько хватило кровавой добычи, усыновленная злобствующимъ шляхтичемъ голота хотѣла гулять покозацки

безконечно. Напрасно Батько Богданъ воспрещалъ своими универсалами бунты и неповиновеніе панамъ, напрасно грозилъ своевольникамъ жестокими казнями и приказывалъ полковникамъ казнить на мѣстѣ всѣхъ, кто окажется виновнымъ, а нѣкоторыхъ сорвиголовъ казнилъ при себѣ въ Кіевѣ. Онъ очутился въ положеніи Нерона, принуждаемаго злодѣйствами къ поступкамъ добродѣтельнымъ, а добродѣтельными поступками — къ злодѣйствамъ. Хмельницкій сдѣлался такимъ чудовищемъ, что даже его достойный біографъ и панегиристъ написалъ о немъ: „Имя его, которое до того времени произносилось съ благоговѣніемъ Русскими, стало у многихъ предметомъ омерзѣнія".

Въ свою очередь, охраняемые Хмельницкимъ землевладѣльцы не могли чувствовать себя безопасными среди народа, который даже козаковъ заставилъ быть его судьями и карателями. „Наше примиреніе пахнетъ рабствомъ для самихъ насъ", говорили паны. Обширныя имѣнія были ихъ собственностью только на словахъ, на самомъ же дѣлѣ составляли кочевья номадовъ, у которыхъ не было другихъ бесѣдъ, кромѣ воспоминаній о спущенной съ рукъ добычѣ и надежды на новое обдиранье пановъ и Жидовъ. Жаднымъ ухомъ прислушивались козаки и мужики къ рапсодіямъ своихъ Гомеровъ:

Якъ почалѝ дїти, друѷзі, небожàта
Жидівъ та Ляхівъ зъ Украйны зганя̀ти,
До въ котóрого не булò дрàноі кожушѝны,
До й той надівъ жидівські кармазѝны.
Хорошѐнько вонѝ собі цокозàцькі походжàли,
Та ще й по кешѐняхъ срібні грóші мàли.
А панъ Хмелнѝцький,
Жѝтель чигирѝнський,
Козàкъ лейстрóвый,
Пѝсаръ військòвый,
До гòрода Полоннòго прибувàвъ,
Та старѝми Жидàми орàвъ,
А Жидівками боронувàвъ,
А котòрі бувàли малì дїти,
До вінъ ихъ кіньми порозбивàвъ.

Мечты кровавыя смѣнили у этого народа заботы о семьѣ, о домѣ, о земледѣльческомъ и промышленномъ благосостояніи. Стоило только ему перейти отъ своей природной угрюмости къ пьяной пѣснѣ, — онъ воспѣвалъ рѣзню да побоища:

Ой не встигъ же козакъ Нечай
　　На кóника спасти.
Та й ставъ Ляхівъ, вражихъ сынівъ,
　　Якъ снóпики класти.
Оглянецця козакъ Нечай
　　На правую руку,—
Не выскочить кінь лыцарській
　　Изъ ляцького трупу.
Озирнецця козакъ Нечай
　　На лівее плече,—
За нимъ річка крівавая
　　По долині тече.

Или о Морозѣ Морозенкѣ:

А въ нашого Морозенка
　　Червóная стрічка:
Де проíде Морозенко,
　　Тамъ кріваве річка.

Или о Кривоносѣ—Перебійносѣ:

Перебійнісъ прóсить немнóго—
Сімъ сотъ юнаківъ съ собою,
Рубає мечемъ голови съ плечей,
А рєшту тóпить водóю:
Ой пийте, Ляхи, воды калюжі,
Воды калюжі болотяныі,
А що пива ли по тій крайні
Пива та меды cытныі!

Жутко было панамъ въ Украинѣ внимать подобнымъ пѣснопѣніямъ. Не дожидаясь появленія въ своихъ дѣдовскихъ усадьбахъ воспѣваемыхъ Нечаевъ, Морозенковъ и Перебійносовъ, они перебирались въ менѣе окозаченныя мѣстности и, покидая земледѣліе, готовили военные снаряды. А тѣ, которые не потеряли еще надежды устоять на поприщѣ предковской колонизаціи, составляли клятвенные союзы между собою съ обязательствомъ собираться въ назначенное кіевскимъ воеводою мѣсто по первому зову, и грозили тѣмъ, кто не явится, лишеніемъ чести и имущества, которое предоставляли въ распоряженіе короля. „Отъ исполненія этой обязанности“ (писали они) „не можетъ отговариваться ни арендаторъ, ни заимодавецъ: арендаторъ лишится своей аренды, а заимодавецъ данныхъ въ займы денегъ“.

Между тѣмъ Хмельницкій раскидывалъ умомъ во всѣ стороны, какъ человѣкъ, стоящій на скользкой вершинѣ и готовый ухватиться за всякую опору, хотя бы даже и за самую гнусную. Турція была готова поддержать его, чтобы шагнуть въ Христіянскую Землю за рѣку Турлу *) и поставить ногу въ Подольскомъ Каменцѣ. Венгрія радовалась его успѣхамъ въ войнѣ съ панами, и молодой Ракочій мѣтилъ на польскій престолъ, до котораго смерть не допустила его отца. Волошскій господарь, Лупулъ, колебался между козацкимъ терроромъ и панскимъ покровительствомъ. Татары были недовольны султанскою протекціей надъ завоеванными ими подъ Зборовымъ козаками, но Татаръ можно было купить новымъ зазывомъ на грабежъ нетронутыхъ еще панскихъ имѣній. Одна Москва стояла въ молчаливомъ и таинственно-грозномъ величіи. Если пылающіе местью паны соединятся съ Москвою, да еще поумнѣютъ на столько, чтобы подавить своего короля въ пользу диктатуры Вишневецкаго, тогда вся политическая сѣть Козацкаго Батька порвется, какъ паутина. Надобно было, во что бы то ни стало, ссорить Москву съ Польшею,—и Хмельницкій, опомнясь, пока еще не было поздно, пересталъ грозить сидящему на Москвѣ, а свое намѣреніе идти вмѣстѣ съ Ордой на Свинной Шляхъ превратилъ въ политическую демонстрацію. Онъ сталъ увѣрять Москалей въ невозможности подобнаго покушенія со стороны Татаръ и, въ доказательство своей преданности царю, сообщилъ въ Москву оскорбительныя для нея сочиненія, печатанныя Поляками.

Москва, какъ мы видѣли, имѣла уже причины гнѣваться на пановъ-рады, высокомѣрныхъ передъ нею даже въ своемъ уничиженіи. Теперь у нея были новыя причины къ нарушенію добраго согласія, которымъ паны не умѣли пользоваться.

Въ Сентябрѣ 1649 года пріѣзжалъ къ царю великій и полномочный посолъ польскаго короля, Добѣславъ Чеклинскій, для заключенія союза противъ Татаръ и козаковъ. Чеклинскаго и его свиту приняли въ Москвѣ не совсѣмъ радушно, а о взаимныхъ интересахъ обѣщали переговорить черезъ нарочитыхъ царскихъ пословъ, которые де не замедлятъ прибыть въ Варшаву.

Дѣйствительно, въ октябрѣ того же года, царь послалъ въ Варшаву своего гонца, Кунакова, съ увѣдомленіемъ, что вслѣдъ за нимъ прибудутъ царскіе великіе и полномочные послы; а между тѣмъ Кунакову было наказано собрать свѣдѣнія о состояніи Рѣчи Посполи-

---

*) Турецкое имя Днѣстра.

і. На Посполитую Рѣчь монархическая Москва смотрѣла, какъ на
ютью послѣ Новгорода и Пскова республику, которую, ради собствен-
го спокойствія, должна она уничтожить, вмѣстѣ съ ея ублюдкомъ—
спубликой козацкою.

Кунаковъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ былъ то, что при Іо-
нѣ III были Товарюковы да Бородатые, предвѣстники покоренія
ъ называемой народной державы—Новгорода. Изъ перваго принад-
жавшаго тогда Польшѣ города, Дорогобужа, онъ донесъ царю, что
у „противъ перваго звычая, чести никакой не учинено, и постави-
его въ самомъ убогомъ, нужномъ дворишкѣ, на всполье по Смо-
нской дорогѣ", а на его протестъ дорогобужскому намѣстнику по-
ызъ такой отвѣтъ: „Какова де намъ на Москвѣ почесть была, та-
і де и вамъ здѣ". Приставомъ къ царскому гонцу намѣстникъ
ставилъ „самово худово человѣка, плутишка и табашника", кото-
о Кунаковъ, послѣ разспроса, „велѣлъ отъ себя сбить со двора";
бъявилъ намѣстнику, что „такому худому человѣченку у него, цар-
ю величества гонца, въ приставѣхъ быть не годитца".

Въ Смоленскѣ Кунаковъ былъ принятъ еще оскорбительнѣе. Его
ставили простоять среди улицы на морозѣ конецъ дня и до 5 ча-
ночи. Не правительство было въ этомъ виновато; но Москва тѣмъ
менѣе была оскорблена. Кунаковъ, вывѣдавъ дѣло у челядника
оеводія, Петра Вяжевича, доносилъ, что „Петръ Вяжевичъ въ Смо-
ку велѣлъ его, гонца, держать на морозѣ и на грязи, и безче-
ъ велѣлъ, сердитуя на то, что на Москвѣ литовскимъ купцомъ не
лено было табакомъ торговать, а онъ де, подвоеводье (принадле-
ъ свитѣ Чеклинскаго) язнулся было тѣхъ литовскихъ купцовъ
пить табачною торговлею на Москвѣ паче того, какъ ихъ табач-
продажею обогатилъ напередъ сего королевской же посолъ, Гав-
Стемпковской, и ималъ де ихъ, купцовъ, нынѣ Петръ Вяжевичъ
Москвѣ, похваляяся о томъ съ клятвою, и отъ того у нихъ по-
ъ многіе гроши; и которые де на Москвѣ табакомъ не исторго-
съ, и тѣ, пріѣхавъ въ Смоленскъ, приходили къ подвоеводью, къ
у Вяжевичу, съ большою докукою, и но ся мѣста ему докучаютъ,
ь гроши взялъ онъ, которые Петръ съ нихъ, купцовъ, за по-
ъ, имъ вернулъ, потому что табаку они на Москвѣ не продали..
і у нихъ де у всѣхъ Петра Вяжевича у слугъ и у челядниковъ
ъ былъ на Москвѣ многой, и на Москвѣ де они будучи, прода-
бáку немного. А какъ литовскіе послы отпущены съ Москвы
ъ, и они де многой табакъ продавали ѣдучи съ Москвы и изв

Можайска въ дорогѣ и на станѣ многіе люди. Да и дворяне и левскіе табакъ возили къ Москвѣ на продажу многой".

Вотъ съ какихъ мелочей начинаются событія, называющіяся своей крупности, историческими. Причиною нанесеннаго царе гонцу оскорбленія былъ не столько холодный пріемъ въ Моск ликаго и полномочнаго посла, Чеклинскаго, сколько неудача по водія Вяжевича въ табачной торговлѣ. По пріѣздѣ въ Варшаву, наковъ протестовалъ передъ панами-рады въ слѣдующихъ выражен

„О моемъ пріѣздѣ подвоеводою было вѣдомо задолго; а прі я къ Смоленску съ приставомъ своимъ противъ прежняго звыч и какъ учали въѣзжать на мостъ съ городскіе стороны, чтобъ ѣхать черезъ мостъ на посадъ, и изъ города, изъ Королевскіе б вышли порутчики и гайдуки съ обухами въ десять человѣкъ, и сили, будто невѣдая: кто и куда ѣдетъ? И приставъ имъ сказал великаго государя, его царскаго величества, гонецъ къ королев величеству. И тѣ поручики приказали, чтобъ онъ меня постав улицѣ, а на мѣщанскіе и ни на чьи дворы, безъ повелѣнія п видія, Петра Вяжевича, не пущалъ. И я, переѣхавъ мостъ, и прі къ мѣщанскому двору, гдѣ напередъ сего ажъ и иные велик сударя нашего, его царскаго величества, гонцы ставали. И пр остановилъ меня среди улицы на морозѣ и на грязи, до ночи за двѣ и, оставя меня одного, пошелъ въ городъ къ подвоево дворы мѣщанскіе всѣ были заперты. И потомъ вскорѣ подво Петръ Вяжевичъ, выслалъ изъ города безчестить меня пахолко ихъ, и тѣ пахолки, а съ ними мѣщаня табашники, оступя м улицѣ, безчестили и лаяли многое время, и говорили: Добро подвоеводье учинилъ, чтобъ камень на шею да съ мосту въ Д А припоминали то, что у нихъ на Москвѣ табаку покупать б казано".

Кунакова задержали въ Дорогобужѣ три дня, въ Смо четыре дня, въ Оршѣ шесть дней, и всюду слушалъ онъ ру упреки за то, что въ Москвѣ не было дозволено литовскимъ торговать табакомъ. Выѣхавъ изъ Орши къ Борисову, царскій испыталъ со стороны Вяжевича новое оскорбленіе. Вяжевич ѣхалъ въ Варшаву, обогнавъ Кунакова на стану въ Бобрѣ, и илъ ему такую непріятность.

Въ третьемъ часу ночи, къ господѣ, гдѣ гонецъ съ при своимъ стоялъ, пришли Юрьева полку Тизнауза рейтары, Рей челядникъ его, Воравскій, со многими людьми, и учали лом ворота пьяны. И приставъ на господу ихъ не пустилъ; и они

пристава лаяли и похвалялись грабежемъ и убойствомъ, и присту-
пи къ воротамъ и къ окнамъ всю ночь съ саблями и изъ пищалей
гремели, и посылали по драгуновъ и по петарды. А гонецъ съ
приставомъ и съ людьми своими, пристроя ружье, сидѣли въ избѣ.
хидъ съ женою и съ дѣтьми, у ково гонецъ стоялъ, видя такую
ть рейтаръ страсть, съ двора бѣжали, пометавъ всѣ свои животы".

Подобно тому, какъ нелѣпая ссора Хмельницкаго съ Чаплинскимъ
жгла внутреннюю войну, безсмысленное нападеніе Вяжевича на цар-
аго гонца повело къ войнѣ внѣшней, и все потому, единственно
тому, что горючіе матеріалы были нагромождены въ Польшѣ и въ
оsквѣ издавна. Недоставало только искры для воспламененія. Съ
ного края польскихъ владѣній запылалъ гибельный пожаръ изъ-за
иной кокетки, которая вскорѣ была заподозрѣна въ новой связи и
гублена тѣмъ же Хмельницкимъ, а съ другой—готова была возго-
ться война между двухъ государствъ, по выраженію пановъ рады,
а такую хлопскую штуку, за табакъ". Но еслибы не было ни по-
аничной прелестницы съ ея завзятыми любовниками, ни табачной
нтрабанды въ Москвѣ подъ прикрытіемъ посольства,—тысячи дру-
ихъ мелкихъ случаевъ привели бы прожитую двумя государствами
знь къ тому же самому результату.

Каждому народу, обществу и государству предстоитъ считаться
въ будущемъ за свое прошедшее. День судный рано или поздно наста-
етъ, и въ этотъ судный день подводится силою вещей итогъ былаго,—
мнится не только всякое злое дѣло, но и всякое праздное слово.
Впридачу къ своимъ злодѣяніямъ, Польша наговорила о Москвѣ
много праздныхъ словъ, не только дома, но и за-границею,—не толь-
ко чрезъ посредство такихъ лаятелей, какъ смоленскіе пахолки да
шане, но и черезъ посредство такихъ Цицероновъ своихъ, какъ
Жолкевскій. А слова эти падали ядомъ на русскія раны, еще не за-
жившія со временъ оныхъ. Теперь наступилъ международный судъ,
и за все памятное, такъ и за все сокрытое въ забвенныхъ моги-
лахъ.

Добытыя Кунаковымъ въ Литовской сторонѣ и въ Польшѣ свѣ-
дѣнія соотвѣтствовали традиціоннымъ взглядамъ Царской Земли на
вредную шляхетскую державу. Не только ради воздаянія за мѣру
злобы, но и ради своего спасенія отъ новыхъ покушеній исконнаго
врага на государственную русскую жизнь, должна была Москва вовъ
имѣть виды на безсмысленную, по ея воззрѣнію, республику съ коро-
лемъ во главѣ, или вѣрнѣе—во хвостѣ. Какъ Новгороду и Пскову
нужно было войти въ систему Россійскаго Государства, такъ неиз-

бѣжно и необходимо слѣдовало Польшѣ съ ополяченною Литвою до
полнить замкнутый морями кругъ русскихъ владѣній. „Москва воле
и неволей расширяется": эти слова Конецпольскаго предсказыва
разливъ Россіи не только по обоимъ берегамъ Днѣпра, но и обои
берегамъ Вислы.

Кунаковъ, какъ бы въ pendant съ полученными въ Москвѣ вѣ
тями о малорусскомъ голодѣ, доносилъ, что Дорогобужскій уѣздъ
порубежныя мѣста полны „прихожими мѣщанами и пашенными мужи
ками", которые безпрестанно идутъ къ московской границѣ изъ пол
скихъ и литовскихъ городовъ „отъ голоду"... „А сказываютъ" (писа
онъ), „что въ тѣхъ мѣстахъ хлѣбъ не родился, а достальной де хлѣ
пограбили у нихъ шляхта и жолнеры, и въ польскихъ, и въ литовски
городѣхъ отъ голоду бѣдные люди помираютъ, да и въ Дорогобу
хлѣбъ не родился, и нынѣ московскую четь ржи купятъ больши д
рублевъ".

Потомъ онъ доносилъ царю, что въ Дорогобужскомъ уѣздѣ
человѣкъ мѣщанъ и холопей пошли въ его государеву сторону
Брянску, —что за ними была погоня, но не догнала до рубежа. „А
зимѣ" (продолжалъ онъ) „зговариваютца холопи и ссылаютца, и ча
что будетъ въ государеву сторону больши 10.000 человѣкъ, только
иные пойдутъ отъ хлѣбнаго недороду, пометавъ жены свои и дѣт
а нынѣ поборы большіе съ пашенныхъ мужиковъ; со всѣхъ безъ о
ходу правятъ по рублю, а говорятъ, что будетъ и больши того".

Это были многозначительныя данныя для хозяйливыхъ царски
совѣтниковъ. Не меньше важно было и слѣдующее извѣстіе Кунако

„Паны-рада литовскіе съ корунными въ розни за то: литовс
говорятъ, что они козакомъ никакіе налоги не дѣлали, а на
имъ учинилась и кровь многая разлилася отъ корунныхъ, и нынѣ
томъ шкода учинилась всей Рѣчи Посполитой; и на сеймѣ де о
литовскіе, о томъ радить не будутъ: какъ они о томъ хотятъ, т
пусть и дѣлаютъ. И боятся, что за тѣмъ сеймъ не скончится, и
чаютъ войны паче прежняго".

Независимо отъ пререканій съ Литвою, Варшава была кра
недовольна Зборовскимъ договоромъ. Паны, тормозившіе сборы кор
въ походъ, удовлетворились бы только совершеннымъ пораженіе
непріятеля. Держа въ рукахъ договорные пункты, не хотѣли они с
пать сочиненныхъ іезуитскою факціею разсказовъ о подвигахъ, ко
рые отвели Яну Казимиру почетное мѣсто между польскими пол
водцами, —разсказовъ о томъ: какъ во время похода шелъ онъ посре
войска, въ пыли, подъ вѣтромъ, подъ дождемъ; съ какимъ само

веніемъ водилъ онъ то одну, то другую часть войска въ огонь; съ какимъ жаромъ и величіемъ обращалъ смущенныхъ ротмистровъ къ исполненію долга, восклицая къ жолнерамъ: „За мной! я вамъ ротмистръ“! Зная короля за-границей и дома, въ монашескомъ и свѣтскомъ званіи, вельможные доматоры относились къ дѣланной молвѣ недовѣрчиво и находили заключенный королемъ договоръ позорнымъ; а вельможные шалуны преслѣдовали его въ Варшавѣ пасквилями, наклеивали ихъ на стѣнахъ, пѣли на улицахъ и даже на придворныхъ празднествахъ, дававшихся по случаю побѣды надъ козаками и Татарами. Королю совѣтовали отыскать людей, которые не только позорили его, какъ государя, но представляли въ унизительномъ видѣ и его домашнюю жизнь. Но Янъ Казимиръ боялся публичной обороной вызвать на свѣтъ многое творившееся въ потемкахъ. Ангелы хранители его распустили слухъ, будто бы онъ припомнилъ своимъ совѣтникамъ замѣчаніе Тацита, писателя слишкомъ для него серьезнаго,—что оскорбительная клевета теряетъ свою силу, когда ею пренебрегаютъ, и внушаетъ себѣ вѣру, когда на нее гнѣваются.

Какъ бы то ни было, только политическое развращеніе, усилившееся при Владиславѣ IV, приняло характеръ истинно зловѣщій при его братѣ. Панская республика покарала сама себя, низведя королевское достоинство съ благотворной высоты его и облекши священнымъ саномъ столь недостойную личность. Каковъ бы ни былъ Янъ Казимиръ по своимъ умственнымъ недостаткамъ и по своимъ сердечнымъ порокамъ, но они были слишкомъ явственны во время рѣшенія вопроса: кому царствовать въ Польшѣ? Теперь панамъ осталось только повторять нашу малорусскую пословицу: „бачили очі, щò куповàли: їжте, хоть повылàзьте“.

Справедливо, или нѣтъ оцѣнивалъ Кунаковъ силу сопротивленія нѣкогда грозной Польши, въ случаѣ, когда бы рѣшено было покарать ее за всѣ грѣхи, но изъ его донесеній видно, что Москали не высоко цѣнили теперь польскую воинственность. Эпоха царя Алексѣя Михайловича была началомъ усовершенствованія московской рати, довершеннаго Петромъ Великимъ. Побитые подъ Смоленскомъ царскіе люди озаботились лучшимъ устройствомъ полковъ своихъ. Сами Поляки, по словамъ Кунакова, говорили, что „нынѣ Москва стала суптельна и часъ отъ часу суптельнѣйши, и райтарского строю войско устроено нынѣ вновь — многіе полки; также и на (московской) Украинѣ всѣ люди разнаго строю навычны, изучены вновь, чего передъ тѣмъ николи не бывало; а жолнеры только свое панство плюндруютъ, а отъ козаковъ всегды утекаютъ, нигдѣ противъ нихъ не стоятъ“.

Польшу смущалъ страхъ новой войны съ козаками. По донесенію Кунакова, польскіе торговые люди твердили, что договоръ Хмельницкаго съ королемъ не крѣпокъ, а паны,—что „вѣчное докончанье съ московскимъ царемъ не подкрѣплено за пьянствомъ и за табачною торговлею королевскихъ великихъ пословъ. А нынѣ де король въ обозѣ подъ Зборовымъ, поневолѣ, вѣчное докончанье съ царскимъ величествомъ нарушилъ: позволилъ крымскому хану чрезъ Польское и Литовское панство съ войскомъ ходить, куды ему будетъ потреба, и на томъ де король и присягъ; а Крымскому де хану, опричь Московского Государьства, съ войскомъ своимъ чрезъ Королевское Панство ходить невуды. И только де то вѣдомо учинился царскому величеству, и по той де причинѣ и съ Московскую Сторону война. А есть ли де съ войскомъ царскаго величества съединится Богданъ Хмельницкой, и то де крайняя Рѣчи Посполитой погибель... Королю де и паномъ-радѣ отъ него отстояться будетъ не умѣть, такъ же какъ и нынѣ въ обозѣ Крымскому хану на всемъ его позволеньѣ поступлено поневолѣ. А Хмельницкой де съ нимъ одной вѣры; а Польша де нынѣ, за злымъ панскимъ несогласьемъ, утрачена и войска польскія и литовскія побиты отъ козаковъ и отъ своихъ холопей многія, а достальныя обѣдняли и устращены... Да у нихъ же въ Панствѣ отъ хлѣбнаго недороду голодъ, и имъ отовсюду стало тѣсно. А на сеймѣ межъ пановъ-радъ и повѣтныхъ пословъ добрые згоды нѣтъ: лише де паны рада вдались въ пыху да въ лакомство и въ лупежство; а впередъ себѣ и Рѣчи Посполитой ничего не прочатъ. А духовенство де наипаче скарбы себѣ эбираютъ и ни о чемъ добромъ не дбаютъ, и грошей своихъ для повою Рѣчи Посполитые нисколько дать не хотятъ... А польскіе де и литовскіе бискупы и ксмодѣи по волшебнымъ книгамъ дочитываются: сего де пришлого 1650 року будетъ знаменье—два затмѣнья въ солнцѣ и два затмѣнья въ мѣсяцѣ; и то де досвѣченая рѣчь, что то все на погибель Рѣчи Посполитой, и одолѣетъ де въ Польшѣ и Литвѣ Римскую вѣру Грецкая вѣра вскорѣ. И та у нихъ рѣчь обносится во всѣхъ людехъ, и отъ того де наипаче въ Польскихъ и въ Литовскихъ людяхъ ужесть Великая".

Все это были уличныя и трактирныя росказни; но эти росказни организовались въ общественное мнѣніе народа подъ вліяніемъ разнообразныхъ событій. Кунаковъ пыталъ по-своему духа народнаго, и видѣлъ, что польскій духъ падаетъ передъ русскимъ. Съ такой точки зрѣнія, достойны нашего вниманія и слѣдующія вѣсти, сообщенныя гонцомъ царскому правительству:

„Да у нихъ же обносится рѣчь, что Богданъ Хмельницкой писалъ нынѣ къ царскому величеству, чтобъ Кіевъ и всее Бѣлую Русь и его Богдана со всѣмъ войскомъ изволилъ великій государь, его царское величество принять подъ свою государскую высокую руку. Да Богданъ же де Хмельницкой нынѣ въноябрѣ мѣсяцѣ писалъ къ Крымскому хану, что Польскаго и Литовскаго народу вязней всѣхъ постиналъ, безъ всякаго пожелѣнья, и не учинилъ бы того, что, для пожитку своего, ково изъ нихъ живить: а дастъ де Богъ въ прийдущую весну можетъ онъ Польскаго и Литовскаго народу вязней наимать втрое того. А тѣ де про Хмельницкаго новины учинились въ Варшавѣ отъ польскихъ шпѣговъ, которые были въ Кіевѣ и въ Чигиринѣ.

„Декабря въ 4 день“ (продолжаетъ Кунаковъ) „сказывалъ гонцу приставъ Петръ Свяцкой, что того дни говорили въ Посольской Избѣ повѣтные послове о поборахъ, чтобъ съ Смоленска, съ Дорогобужа и съ Бѣлые и съ иныхъ мѣстъ поборы взять передъ Литовскими городами въ треть или четвертую долю, и о томъ де межъ пословъ учинилась рознь, и маршалокъ де кóла посольскаго, Богуславъ Лещинской, говорилъ во всю Посольскую Избу: чего де вамъ, посломъ, да волать? Навесть де вамъ своею рознью и несогласьемъ на себя сверхъ нынѣшнихъ невзгодъ Москву, а Смоленску де и Сѣвершизнѣ нечего фольговать: давно де они наготовѣ; лише бъ Москва хоти мало наступила, и Смоленскъ и Сѣвершизна—первые здрайцы, и зáмки имъ отворять. И такъ де отъ вашего панскаго несогласья и отъ непорядковъ у насъ въ Панствѣ во всемъ упадки и розоренье. А Москва де своими добрыми порядками стала нынѣ суптельна, и полки рейтарскіе строятъ не наково, ажъ не на насъ; и выбъ, послове, неслушные свои мовы и пыху и лакомство и несогласье отставили, и приступили къ доброму дѣлу всѣми добрыми аффекты, и какъ бы всей Рѣчи Посполитой къ покою и къ тишинѣ. И послы де о тѣхъ маршалковыхъ рѣчахъ не дбаютъ: голосовавъ много, разошлись ни съ чѣмъ“.

Въ виду такого оборота дѣлъ „вѣрные Россы“, навычные и вновь наученные ратному дѣлу, естественно, ждали случая помѣряться силами съ „кичливыми Ляхами“. Поэтому въ Москвѣ прочитали съ удовольствіемъ донесеніе Кунакова о томъ, какъ, по слухамъ, самъ король третировалъ польское войско.

„А король отъ Збаража пошелъ въ Люблинъ и велѣлъ всему своему войску, которые за побѣгами были въ остаткѣ и сидѣли съ нимъ въ осадѣ, выѣхать въ поле всѣмъ. И пріѣхавъ король къ вой-

ску своему говорилъ: при предкахъ нашихъ Поляки отъ давныхъ лѣтъ были доброго (смѣлаго) сердца, и рыцѐрствомъ своимъ славу себѣ и потомству своему зналезли добрую, чего въ иныхъ монархіяхъ нигдѣ не оказалось: описуютъ то всѣ кроники. А вы, нынѣшній злый (дрянной) народе, тое всю предковъ своихъ добрую славу згубили и всей отчизнѣ злую гибель учинили, чего не годится и въ кроники положито: меня, монарха своего, непріятелямъ нашимъ выдали было въ вязни невинно злымъ своимъ утеканьемъ и хованьемъ въ возы, а битьсия есте съ непріятелемъ ведлугъ повинности своей и отчизны боронить не хотѣли. Лѣпѣе васъ учинилися пахолята ваши и кухаре, и ужъ есте нагодни добрые славы. И то вамъ повѣдаю подъ сумнѣньемъ своимъ королевскимъ, что въ предыдущіе дни никгды съ вами, злыми здрайцами, противъ непріятеля ходити не буду, а съ соймy кажу съ васъ имати грôши, и буду наймать чужеземскихъ людей, которые такіе зрады, какъ отъ васъ нынѣ показалось, чинить не навыкли. Ужъ есте показались отчизнѣ горше непріятелей, и отъ мене вамъ ласки никакіе не будетъ".

Эта рѣчь, безъ сомнѣнія, была сочинена и пущена въ народъ іезуитами, какъ противодѣйствіе варшавскимъ пасквилямъ, характеризовавшимъ Яна Казимира по наблюденіямъ ближайшихъ къ нему людей, и насколько возвышала она іезуитскую маріонетку въ глазахъ Шляхетскаго Народа, настолько вредила Польшѣ въ собственномъ ея сознаніи. Москва, напротивъ, возвышалась русскимъ духомъ своимъ надъ польскимъ и питала его даже такими вѣстями Кунакова, что „королевскаго войска Поляки, панскія дѣти и знатная шляхта, и короля (подъ Зборовымъ) видѣвъ, и его королевскія слова слыша, на бой противъ козаковъ и противъ Татаръ нихто не поѣхалъ, и хоронились въ возы свои, а иные подъ возы, въ попоны завиваяся. И король де, ходя пѣшъ, тѣхъ нанятъ и шляхту изъ возовъ и изъ-подъ возовъ пороль на бой палашемъ".

Такъ какъ Янъ Казимиръ не разъ высказывался, что ему пріятнѣе смотрѣть на пса, чѣмъ на Поляка, то не мудрено, что онъ и самъ бравурствовалъ a posteriori въ той роли, которую сочиняли для сцены ангелы хранители его, и съ которой онъ сроднился до того, что и князь Вишневецкій, въ его глазахъ, былъ недостаточно мужественъ.

Москва, съ самаго начала Хмельнитчины, слѣдила за Польскимъ Разореньемъ съ напряженнымъ вниманіемъ, и жадно ловила всѣ слухи, пророчившіе паденіе исконнаго врага. Это видно, между прочимъ, и изъ того „письма по статьямъ", которое было вручено Кунакову при царскомъ наказѣ. Двѣнадцать статей этого письма говорятъ крас-

ѣчно о глубинѣ русской политики. Онѣ-то и послужили Кунакову
оводствомъ для его разспросовъ.

Что касается Хмельницкаго, то царскіе совѣтники, зная о его
нелѣ воевать вмѣстѣ съ Татарами московскую Украину, старались
отить сго „царскою милостью и жалованьемъ, которое царь и впредь
етъ держать, смотря по козацкой службѣ“, отъ наступленія же
стѣ съ нимъ на Поляковъ отговаривались тѣмъ, что „вѣчнаго
ерденья и крестнаго цѣлованья безъ причины нарушить нельзя“,
ить и были напередъ сего со стороны Поляковъ неправды, то царь
детъ отъ нихъ „исправленья“. Въ сущности же Москали давали
ъ одинаково противнымъ для нихъ республикамъ время ослабѣть
воей безпорядочной борьбѣ. Не могла Москва не предвидѣть, что
и, колѣи и рѣзуны прибѣгнуть подъ ея безопасный кровъ изъ
ріютнаго и беззащитнаго руйновища, которое сами себѣ устроятъ.
ество, произведшее Тишайшаго Государя, не могло плѣняться по-
ами Козацкаго Батька, какъ плѣнялись ими наши кобзари и лѣ-
еды. Слухъ о предательствѣ Туркамъ одного изъ древнѣйшихъ
ихъ городовъ, Каменца, приходилъ къ царскимъ боярамъ вмѣ-
съ вѣстями о готовности русской орды воевать Московскую Русь
оюзѣ съ ордой татарскою. Москва не отталкивала предателя, но
ю сторонилась отъ него, и готовилась дѣйствовать независимо
то варварской силы для покоренія подъ нозѣ своего царя извѣч-
врага и супостата.

Кунаковъ привезъ изъ Литвы и Польши зловѣщую для панской
блики увѣренность. „Быть войнѣ“ (доносилъ онъ), „быть войнѣ
гдана Хмельницкаго съ Поляки впрямь,—вопервыхъ, потому что
о его козаки хотѣли убить за Зборовскій договоръ; вовторыхъ,
у что паны-рада, земскіе послы и вся Рѣчь Посполитая не со-
ы на пакты короля съ Крымскимъ ханомъ и съ Богданомъ Хмель-
imъ; а втретьихъ, пріѣхавъ нынѣ въ Варшаву князь Еремей
евецкой говорилъ сенаторамъ и шляхтѣ, которые къ нему прі-
ли на дворъ всѣмъ вслухъ, что де король изволилъ меня при-
на сеймъ, обезчестя меня, и за мои многія службы и за оборо-
ѣчи Посполитой. Даю вамъ шляхетское слово свое подъ сумнѣнь-
воимъ: только нынѣшній сеймъ не на моемъ на всемъ позво-
станетъ, и я де наготовлю вамъ и всей Рѣчи Посполитой пива
Хмельницкаго“.

Одна мысль о возможности такого явленія въ Польскомъ госу-
вѣ,—а Царская Дума въ ней не сомнѣвалась,—поддерживала въ
вѣ политику выжиданія. Преданный москворусской идеѣ не ме-

ніе Товарюкова и Бородатаго, Кунаковъ доносилъ, что „Венгерской Ракочъ со всѣмъ войскомъ готовъ помогать Хмельницкому, котораго (войска) 20.000 стоитъ наготовѣ въ Сочавѣ... „Сѣтуютъ всѣ“ (писалъ онъ о королевскихъ панахъ въ докладной запискѣ) „и ходятъ внѣ ума своего, а многіе де сенатори отпустили скарбы свои въ Гданескъ и хотятъ бѣжать за море. Такова де злова несогласья и во всѣхъ людехъ ужести николи въ Польшѣ и Литвѣ не бывало“.

По донесенію Кунакова, къ Хмельницкому собралось шесть тысячъ шляхтичей, сдѣлавшихся банитами, и эта шляхта (писалъ онъ) „паче всѣхъ Богдана Хмельницкаго къ войнѣ на Польшу наговариваютъ: такіе де намъ поры николи не будетъ; теперь-то де ихъ и смирить, покамѣста не справились“. Вмѣстѣ съ тѣмъ думный дьяк доносилъ, что „вышли изъ Нѣмецъ недавно практики, сирѣчь книги печатные звѣздочетцовъ, въ которыхъ то угадываютъ, что нынѣшній Казимиръ—послѣдній въ Польшѣ король, а Алексѣй Московскій такой славы достигнетъ, какъ Александръ Македонскій“.

Между докладомъ Кунакова и настроеніемъ правительственна общества въ Москвѣ существовала тѣсная связь. Зима, слѣдовавшая за его поѣздкой въ Польшу, рѣшила наконецъ въ принципѣ вопрос о воздаяніи за все, въ чемъ Польша была виновата передъ Россіей Въ іюнѣ 1650 года царь отправилъ въ Варшаву двухъ бояръ своихъ братьевъ Пушкиныхъ, Григорія да Степана, съ товарищи. Неизвѣстно какая была дана инструкція этимъ великимъ и полномочнымъ послам но они, какъ бы въ отмщеніе за то, что претерпѣлъ царскій думны дьякъ отъ Вяжевича, вели себя съ крайнею грубостью въ свиданіях и переговорахъ съ королевскими сановниками. Слова *лжецъ*, *дура* и еще покрѣпче того сыпались у нихъ градомъ на сенаторовъ, кот рые и безъ того уже „ходили внѣ ума своего“ при видѣ настоящи и въ ожиданіи будущихъ бѣдствій Шляхетскаго Народа. Въ поведен предковъ того, кто сказалъ незабвенное слово „клеветникамъ Россі не было ничего похожаго на предшествовавшее посольство „царска дяди“, боярина Стрѣшнева, очаровавшаго Альбрехта Радивила свои „прекрасными обычаями“.

„Кичливые Ляхи“ давали „вѣрнымъ Россамъ“ сдачи, говоря, ч за такія рѣчи у нихъ бьютъ въ рожу, и что посольское дѣло съ т кими грубіянами было бы приличнѣе вести панскимъ гайдукамъ.

Послѣ взаимныхъ привѣтствій въ этомъ родѣ, царскіе послы г ворили не обинуясь, что Господь изберетъ Русскихъ орудіемъ сво мщенія за польскія кривды, и требовали отъ Рѣчи Посполитой в вращенія Смоленска съ Сѣверскимъ и Черниговскимъ княжества

если она дорожитъ миромъ. По ихъ словамъ, Поляки нарушили крестное цѣлованіе тѣмъ уже, что дѣлали въ царскомъ титулѣ пропуски. За это московскіе послы домогались казни такихъ лицъ, какъ Іеремія Вишневецкій. Несчастные паны должны были обѣщать имъ въ принципѣ то, что̀ въ исполненіи не было возможно ни для короля, ни для сейма. Польша путалась въ разставленныхъ ей кругомъ сѣтяхъ. Ей было нужно, во что̀ бы то ни стало, отсрочить разрывъ съ Москвою, чтобы не воевать съ нѣсколькими непріятелями разомъ. За злой умыселъ на христіанское государство вмѣстѣ съ непріятелями Св. Креста, она казнилась уже нравственно.

Но царскіе послы заявили еще болѣе унизительное для панской гордости требованіе,—чтобы всѣ *безчестныя* книги были собраны и сожжены въ ихъ присутствіи, а слагатели ихъ, содержатели типографій, наборщики, печатники и даже владѣльцы маетностей, въ которыхъ находились типографіи, были казнены смертью. Это была уже не на словахъ, а на самомъ дѣлѣ, та наука, которую еще при Владиславѣ IV читали московскіе простоумѣковатые бояре европейскимъ знаменитостямъ Польши,—великая и святая для Москвы наука о томъ, какъ должно блюсти честь и достоинство своего государя.

Паны оправдывались весьма убѣдительно. „Сто̀итъ ли" (говорили они) „какое-нибудь оскорбительное слово, написанное по легкомыслію, или ошибка въ титулѣ, произшедшая, быть можетъ, отъ случайнаго недостатка чернилъ,—сто̀итъ ли все это того, чтобы проливать человѣческую кровь?" Но сильный рѣдко обходится безъ злоупотребленій относительно слабаго. Теперь сила была на сторонѣ Москвы, и Москва платила Польшѣ ея старинною монетой римской чеканки. Конечно, эта монета потеряла въ московскихъ рукахъ тонкость отдѣлки, но стоимость ея не измѣнилась. Отдавая Ляхамъ что̀ называется wet za wet, Москали отвѣчали: „Господь возвеличилъ царя предъ всѣми владыками и монархами земными. Такія укоризны не только помазаннику Божію, но даже и простому человѣку терпѣть не прилично; у васъ за то, по конституціи 1637 года, положена казнь, латинскимъ языкомъ называемая пенамъ пердуелліонисъ: почему его царское величество и требуетъ, чтобъ оскорбители его были наказаны. Это оскорбленіе причиняетъ намъ большую кручину; поэтому мы не хотимъ вести съ вами дальнѣйшихъ переговоровъ, пока король удовлетворитъ насъ".

Насилу угомонили ревнителей царскаго достоинства просьбами, ... дарами, подарками и, наконецъ, сожженіемъ передъ ними безчестныхъ книгъ. Великіе и полномочные послы уѣхали, уничиживъ представи-

телей Польши неслыханными доселѣ грубостями и связавъ ее обя
ніями, которыя оправдывала она крайней нуждою, но которыя ис
нить не могла. Дамокловъ мечъ былъ повѣшенъ надъ Рѣчью Пос
литою въ самое трудное для нея время, когда Корсунь, Пиляв
Зборовъ потрясли ее до основанія, когда Малороссія была готова о
рваться отъ нея навѣки, войско находилось въ безпорядкѣ и жол
ры отказывались отъ службы за недоплату жалованья.

Такъ въ царствованіе Шуйскаго стояли вещи въ Москвѣ, съ
только разницей, что въ своемъ разореньѣ не сама она была вино
Московское Разоренье было задумано въ Римѣ и выполнено Поля
ми чрезъ посредство Русскихъ людей, еще не въ такомъ числѣ сво
совращенныхъ въ католичество, но развращенныхъ уже польскою г
данственностью. Козаки, эти орудія крушенія Московскаго Цар
въ интересахъ Польши, готовы были теперь сдѣлаться, въ интерес
Москвы, орудіями мщенія за невинно разлитую кровь Москворус
го народа, за сожженіе москворусскихъ городовъ, за расхищеніе
скихъ сокровищъ, за поруганіе народныхъ святилищъ. Но козак
камѣстъ, были только бунтовщиками. Манифестація московскаго
по словамъ Іоанна III, дѣдича и отчича Литворусской и Польс
ской земли, могла превратить ихъ въ національную русскую с
Поляки это знали, знали это прежде нихъ просвѣтители Польши.
этому-то и ходили паны сенаторы, сѣтуя внѣ ума своего, какъ в
зился весьма мѣтко царскій думный дьякъ.

Побитые собственными подданными, униженные и обобра
татарскою ордою, *визжа*, по собственному выраженію, отъ всяче
боли, Полякоруссы паны были еще больше побиты въ своей стол
Представители царя, котораго даже воздержный Янъ Замойскій
лицѣ Бориса, называлъ хлопомъ, указывали имъ на то, что пре
пѣли они отъ хлоповъ. „Теперь вы сами смотрите на торжество
шихъ хлоповъ надъ вами“ (говорилъ имъ Григорій Пушкинъ).
ваше панство позорили, гордость вашу сломили, дома ограбили,
лучшія ваши войска побили, гетмановъ вашихъ въ неволю взяли.
ласти ваши опустошены войною и вашими жолнерами до того, что
отъ Смоленска до Станиславова поющаго пѣтуха не слыхали.
ваши умираютъ съ голоду и продаются въ наши края, моля вели
государя о милостынѣ и прокормленіи. А въ нашемъ государствѣ
го довольно. Есть у насъ и чужеземное войско, и даже Шведов
статочно. Вы, паны-рада, сами себя восхваляете и называетесь
ными людьми, а въ пятнадцать лѣтъ не можете научиться, как

туловать нашихъ великихъ государей. Намъ кажется, что вы глупѣе насъ, неучей".

Современный намъ польскій историкъ подтверждаетъ истину послѣднихъ словъ, говоря: „Въ этихъ трактатахъ Пушкинъ показалъ спокойствіе, остроуміе и энергію въ высокой степени". А современнаго боярамъ Пушкинымъ историка Польши поражали они своимъ умомъ такъ, что онъ удивлялся: „какъ эти люди неученые, не знающіе вовсе полатыни, недалекіе въ грамотности и незнакомые съ первыми ея основаніями—могли углубляться въ самыя трудныя политическія дѣла"!

„Подъ давленіемъ угрожающей войны" (пишутъ въ наше время Поляки), „сенаторы и дворъ дѣлали московскимъ посламъ уступку за уступкой, и не спохватились, что, по требованію Пушкина, унижаютъ отечество, покрываютъ правительство позоромъ и ослабляютъ въ народѣ патріотизмъ".

Въ Смутное Время Польскаго Государства, въ бѣдственную и для самихъ разорителей эпоху Польскаго Разоренія, природный русскій умъ, основанный на вѣрности долгу, одержалъ надъ Поляками такую побѣду, которой не забудутъ ни ихъ, ни наши отдаленнѣйшіе потомки. Не восторжествовалъ надъ этимъ умомъ и хитрецъ, который всѣхъ польскихъ мудрецовъ обернулъ вокругъ пальца. Всѣ ухищренія Козацкаго Батька противъ Россіи, въ концѣ концовъ, привели къ тому, чего могъ бы желать ей только преданнѣйшій другъ и почитатель творца ея судебъ—Великорусскаго Народа. Самыя измѣны, посѣянныя имъ въ будущемъ козачествѣ, послужили къ возвышенію Россіи въ собственномъ сознаніи и въ глазахъ всего свѣта.

Глава XXIV.

Козакотурецкая политика.—Козакотатарскій набѣгъ на Волощину.— Предпочтеніе варварства турецкаго варварству козацкому.—Козаки вооружаютъ противъ пановъ сосѣдніе народы.—Мѣра за мѣру въ борьбѣ двухъ вѣроисповѣданій.—Чрезвычайный сеймъ.

Напрасно Хмельницкій переходилъ отъ угрозъ къ ласкательству, напрасно писалъ къ царскимъ воеводамъ: „Того нѣтъ и не будетъ, чтобы татарскіе царики имѣли, побратавшихся съ нами, православную Русь и вѣру нашу воевать“. Кунаковъ донесъ царю обо всѣхъ козацкихъ плутняхъ и, между прочимъ, о наслѣдственномъ козацкомъ плутовствѣ—самозванщинѣ. Въ обширной запискѣ, представленной имъ по возвращеніи въ Москву, мы читаемъ, что Хмельницкій обзавелся какимъ-то царевичемъ Казанскимъ, съ цѣлью возстановить Казанское Царство. И не для одной Казани, онъ и для самой Москвы припасъ такого человѣка, который называлъ себя болѣе законнымъ обладателемъ Русской Земли, нежели Романовы. У козаковъ онъ слылъ внукомъ царя Василія Ивановича Шуйскаго, а по словамъ царскихъ людей, это былъ „человѣкъ самого простого чину и худые породы воришка, Тимошкою зовутъ, Акундиновъ“. Какъ ни отнѣкивался Хмельницкій передъ царскими гонцами въ зловредномъ замыслѣ произвести въ Московскомъ Государствѣ смуту, не вѣрила ему Москва ни въ одномъ словѣ. Маски съ него не срывали, но видѣли подъ ней готовность на всевозможныя предательства, и держали коварнаго Хмеля въ почтительномъ отдаленіи.

Судя по политикѣ Козацкаго Батька, о которой намъ говоритъ не столько его біографія, сколько исторія козачества, Москва, въ его умѣ, была послѣднимъ, запаснымъ поприщемъ козацкаго грабежа, или послѣднимъ козацкимъ прибѣжищемъ, смотря по тому, какъ укажутъ непредвидимыя обстоятельства. Въ Москвѣ, съ своей стороны, были увѣрены, что куда бы ни бросались козаки по замысламъ вихреватаго гетмана,—неизбѣжно придутъ они къ старому своему убѣж-

денію, что кромѣ царскаго величества, дѣться имъ негдѣ. Москва ждала и въ выжиданіи событій заключалась ея наибольшая мудрость.

Въ то время, когда царскіе пограничные воеводы были заняты своимъ, какъ они выражались, „бодроопаснымъ", истинно московскимъ радѣніемъ по случаю козакотатарскаго движенія, центромъ котораго была Полтава, а Поляки надѣялись внутреннюю войну перемѣнить на заграничную,—Хмельницкій разослалъ универсалы, чтобы не только реестровые, но и охочіе козаки поголовно готовились къ войнѣ, а къ какой, никому не было извѣстно. Способъ войны у него былъ татарскій, а Татары, по замѣчанію Варшавскаго Анонима, не любили двухъ вещей: проволочки времени и обнаруженія тайны. „Совѣты" (пишетъ онъ) „соединены у нихъ съ самимъ дѣломъ, такъ что они скорѣе ударятъ, нежели замахнутся". По его разсказу, Хмельницкій приготовленіемъ къ набѣгу на Москву маскировалъ только задуманный набѣгъ на другую христіанскую землю—на Волощину (czynił apparentią). Онъ торопился такъ въ этомъ случаѣ, какъ будто хотѣлъ вылетѣть (iż zdał się wylecieć),—и обманулъ своихъ союзниковъ.

Таковы были слухи, доходившіе до мемуариста. Но мы основемся на письмѣ Исламъ-Гирея къ Яну Казимиру. По его словамъ, козацкій гетманъ уже садился на коня, какъ пришла къ султанъ-галгѣ вѣсть о готовности польскаго войска наступить на козаковъ. Это заставило его остановиться съ походомъ на Москву. „Тогда татарское войско" (писалъ ханъ), „имѣя въ обычаѣ не возвращаться домой безъ добычи, особенно беи и мурзы, да почти и все лучшее войско, упали галгѣ султану въ ноги, чтобы не возвращалъ ихъ домой съ пустыми руками (próżno) и, припомнивъ ему великія кривды со стороны Волоховъ, просили горячо вести ихъ въ Волощину, какъ это и сдѣлано".

Въ королевской же инструкціи на сеймики совмѣстный походъ козаковъ и Татаръ противъ Москвы былъ объявленъ измышленнымъ для того, чтобы тѣмъ удобнѣе броситься вмѣстѣ за Днѣстръ и сокрушить волошскаго государя, тайнаго союзника Польши. Дружба козаковъ съ Татарами представлена въ инструкціи такою, что стóитъ одному кивнуть головою, другой уже зналъ, что̀ ему дѣлать (nie tylko consilia swoje in magna confidentia et majori secreto z sobą odprawują, ale i ad nutum tenli owego ten tego, owych exequntur).

Трудно сказать навѣрное: оба ли хана, козацкій и татарскій, морочили вмѣстѣ короля, или козакъ дурачилъ, въ этомъ случаѣ, и Ляха и Татарина; только походъ въ Московщину перемѣнился на походъ въ Волощину..

Такъ называемая козаками и панами Волощина (Wołoszczyzna) по-нынѣшнему Молдавія въ первой половинѣ XVII вѣка была государствомъ славянскимъ, по языку и обычаю—можно сказать малорусскимъ. „Вѣра у нихъ различная" (говоритъ Варшавскій Анонимъ), „какъ и самый край населенъ различными людьми", (и въ качествѣ латинца, на первомъ мѣстѣ ставитъ папистовъ): „есть католики. Волошскій бискупъ назначается польскимъ королемъ — то изъ францисканов, то изъ доминикановъ. Русь держитъ вѣру схизматическую, и подчиняется константинопольскому патріарху".

Но она-то, эта Русь, и была основою волошской національности, не только по религіи, по языку, но и по самой письменности, господствовавшей въ Волощинѣ. Мы такъ точно омалороссіянили Волощину, какъ, въ свое время, Литовщину, и такъ точно, по нашимъ слѣдамъ, вошла сюда Польша, передѣлывая наше православіе въ католичество, а нашу національность—въ польщизну.

Высшее сословіе въ сбродномъ населеніи Волощины составляли бояре, большею частью выходцы изъ Червоной Руси и вообще изъ Малороссіи, потомъ — изъ Польши, Болгаріи и русской Угорщины. Ниже *бояръ* стояли *магилы*, а за ними слѣдовали *земяне* и все прочее волошское поспольство. Могучій и потому главный элементъ въ волошскомъ населеніи составляли потомки римскихъ Даковъ, отъ которыхъ ведутъ свое происхожденіе воспреобладавшіе надъ всѣми прочими элементами Румыны. Но Славянъ между Даками-Румынами было и до сихъ поръ есть не меньше, какъ было нашихъ Русичей между коренными Литвинами.

Торговое сословіе образовали тамъ Греки, Армяне и Жиды, какъ въ древней Польшѣ—Нѣмцы, вмѣстѣ съ Армянами и Жидами, а подонками всего населенія были Цыгане.

Находясь между двухъ великихъ силъ, христіянской и магометанской, постоянно споровшихъ за обладаніе дунайскимъ, днѣстровскимъ и днѣпровскимъ Черноморіемъ, Волощина носила на себѣ отпечатокъ той и другой силы. Воители реформированной поидумейски вѣры Моисея и Іисуса не могли шагнуть за Мультаны и Волощину съ мечемъ, искавшимъ Божіей правды въ скрещеніи своемъ съ мечами иновѣрцевъ,—не могли потому, что защитники христіянства въ этой небольшой странѣ стояли противъ нихъ упорнѣе, чѣмъ въ обѣихъ Имперіяхъ, раздѣлившихъ между собой цивилизованный свѣтъ. Упорство обходилось Мультянамъ и Волохамъ не дешево. Магометанскій мечъ, скрещенный здѣсь ради Божіей правды съ христіянскимъ, губилъ цвѣтъ населенія края, а менѣе стойкихъ захватывали вассалы

Турокъ Татары, для продажи на европейскихъ и азіятскихъ базарахъ. Но подобно тому, какъ разрѣживаемый воздухъ тянетъ къ себѣ густой; подобно тому, какъ наша Малороссія, Rossia bassa итальянскихъ географовъ, тѣмъ сильнѣе влекла къ себѣ колонистовъ изъ соплеменныхъ и нѣмецкихъ странъ, чѣмъ больше гибло ихъ въ защитѣ плодородной почвы,—Волощина, равно какъ и Мультаны, населялась новыми искателями новаго счастья по утратѣ стараго. Рѣдко встрѣчаемое въ другихъ странахъ разнообразіе пришельцевъ дѣлало въ Волощинѣ то, что днѣпровскій Украинецъ, днѣстровскій Подгорецъ, Подолянинъ, Волынецъ и Бѣлоруссъ, и даже Полякъ—находили между Днѣстромъ и Дунаемъ, въ смыслѣ этнографическомъ, какъ бы другую родину. Съ нами, Малоруссами, этотъ край сосѣдская враждебность раздѣляла, а наше вѣчное исканіе *хоть гіршоі, абы иншоі доли*—связывало. Волощину мы даже воспѣвали, какъ замѣну родины, подчиненной пришельцамъ Ляхамъ:

Бувай здоровъ, Ляцький краю!
Вже жъ я тебѐ покидаю:
Ой пійду жъ я въ Волощину,
И тамъ же я не загину,
Въ Волощині щирі люде,—
И тамъ мені добре буде.

Старинныя наши воспоминанія о такихъ подвигахъ, какими прославились въ Волощинѣ герои нашей утраченной Иліады, братья Струси, дѣлали этотъ край намъ близкимъ, какъ поприще борьбы съ невѣрными, и дорогимъ, какъ мѣсто, гдѣ находили мы богатую поживу въ тяжкой, часто голодной и всегда убогой пограничной жизни. Возможность низвергать господарей съ арендуемаго у Турокъ престола и сажать на него такихъ, которыхъ Туркамъ было слишкомъ трудно спихивать вооруженною рукою,—эта заманчивая возможность особенно влекла нашъ пылкій, не имѣвшій лучшихъ цѣлей духъ въ постоянно опустошаемый и встающій въ новомъ богатствѣ край. Исторія нашего козачества полна былей и небылицъ о подвигахъ Струсей, Байдъ, Филоненковъ и Капивченковъ за Днѣстромъ въ Ясахъ, въ Тягинѣ, въ Сочавѣ, на Киминскомъ полѣ и на Черкенѣ-долинѣ. Общій взглядъ на Волощину былъ у насъ въ XVII вѣкѣ таковъ, что въ Волощину стоитъ ходить за добычею и за спутницею добычи—козацкою славою. Такое впечатлѣніе дѣлала на козаковъ Сагайдачнаго и Московщина, какъ при его жизни, такъ и по смерти. Тамъ обогащала жителей роскошная природа, здѣсь — трудолюбивая промышленность.

Какъ въ одной, такъ и въ другой странѣ преславное Запорожское Войско, привыкшее *плюндрувати* и *руйнувати* во всю ширь „Божіей милости" и „козацкаго счастья",—не стѣснялось ни единоплеменностью, ни единовѣріемъ. Этимъ оно свидѣтельствовало свое родство съ Татарами. Татаринъ, замышляя полонить людей для невольничьихъ базаровъ, говаривалъ: „Мы сильно уповаемъ на милость Божію", и титуловалъ себя счастливымъ и милосерднымъ, а зачатый и рожденный имъ въ незапамятныя времена козакъ, мечтая о пожарахъ и кровавыхъ рѣчкахъ, оставилъ намъ по себѣ богохульную пословицу: „Богъ не безъ милости, а козакъ не безъ щастя", и, сдѣлавшись безопаснымъ, зажиточнымъ, даже просвѣщеннымъ, благодаря Москвѣ, гражданиномъ, до сихъ поръ напѣваетъ съ дикою грустью:

Ой колись мы воювали,
Та більше не будемъ:
Того щастя й тої долі
По вікъ не забудемъ!

Три государства интересовались Волощиною въ политическихъ видахъ своихъ: Турція, какъ завоевательница; Польша, какъ покровительница завоеванныхъ; Москва, какъ земля, единовѣрная съ Волохами. Испытавъ невозможность покорить задунайскихъ христіанъ своему Пророку, правовѣрные мусульмане обрекли невѣрныхъ, по своему закону, на рабство, и довольствовались наложенною на нихъ данью, а чтобъ эта плата за право жизни приходила въ Стамбулъ безъ хлопотъ по взиманію, сдѣлали сборщикомъ самого князя волошскаго, равно какъ и князя мультанскаго, называемыхъ постарославянски господарями.

Польша, посредствомъ своихъ удальцовъ-Русичей, Струсей, Мелецкихъ, Сѣнявскихъ, Вишневецкихъ, помогала искателямъ княжеской чести и наживы свергать съ престола волошскихъ господарей, мирила своихъ ставленниковъ съ султаномъ, иногда ей удавалось и совсѣмъ освобождать ихъ въ свою пользу отъ султанскаго вассальства, какъ это было съ господарями Могилами. Россія ограничивалась дружескимъ общеніемъ съ господарскимъ правительствомъ, какъ единовѣрцами и политическими доброжелателями. Но днѣпровскіе козаки, эти *Черкасы* позабытаго происхожденія, продолжали въ Волощинѣ традиціонное ремесло свое въ силу номаднаго положенія своего среди народовъ культурныхъ. Арендное престолонаслѣдіе Волоховъ представляло имъ такіе случаи къ поживѣ, какой представился ихъ наѣздническому товариществу въ Смутное Время Московскаго Государства. Въ XVI столѣтіи они признавали себя не столько подданными короля польскаго

юлько слугами царя московскаго, и съ этой стороны московское влі- іе на волошскія дѣла было равномѣрно съ польскимъ. Оно даже ревѣшивало польское, и именно съ того времени, когда римская по- итика Польши велѣла ей влiять на воспитаніе Могилъ посредствомъ зуитовъ. Сдѣлавшись политическимъ центромъ и упованіемъ Славян- нны Москва, даже не прилагая попеченій о томъ, поддерживала въ олощинѣ славянскій элементъ, какъ солнце поддерживаетъ теплоту планетѣ, входящей въ сферу центростремительной силы его.

Волошскіе господари, по церковной традиціи, состояли въ ду- вномъ вассальствѣ у Россіи. Молдавская церковь была филіею церк- галицкой, и князья-господари, въ качествѣ верховныхъ ктиторовъ ой церкви, зависѣли отъ галицкихъ митрополитовъ. Они печатали гослужебныя книги во Львовѣ. Этотъ же православный издревле го- дъ отливалъ для нихъ колокола, и такъ какъ православная цер- въ, говоря вообще, стояла у насъ на Украинѣ въ запустѣніи, то лошскіе господари при своемъ дворѣ обучали церковному пѣнію по- вичей, которые потомъ являлись въ Малороссіи дьячками, а изъ ичества „совершались въ попы". Господари, желая, по примѣру мо- овскихъ царей, быть у себя въ краѣ опорою и образцомъ благоче- ія, принимали участіе и въ ставропигіальномъ львовскомъ братствѣ, торое хранило въ своихъ подземельяхъ ихъ сокровища. Одинъ изъ хъ, Александръ Лопушнянъ, дозволилъ даже вписать свое имя въ сло старшихъ братчиковъ, подобно вельможнымъ польскорусскимъ намъ. Іезуиты не сближали ихъ тогда еще, какъ въ послѣдствіи стилъ, съ католическою польщизною путемъ воспитанія богатаго юшества. Лопушнянъ не любилъ Ляховъ за ихъ „кривую вѣру" до кой степени, что, устраивая праздничныя трапезы для братства, на- зывалъ, чтобы допускали Ляховъ за трапезный столъ, но не дозво- ли присутствовать при богослуженіи. „У нашемъ законѣ" (писалъ ъ) „того ся не годитъ. У стола могутъ сѣдѣти и за насъ Бога про- ти, а сами ваши милости пійте и ѣжте, и насъ не забувайте".

Ставропигіальное братство угрожало тогда перейти въ безпопов- щину, подъ вліяніемъ разлившагося по всей Польшѣ протестантства. сподарь убѣждалъ его не пренебрегать попомъ: „...попа ни за що ете" (писалъ онъ), „они въ домы свои у дни недѣльныи и празднич- ни, для благословенія хлѣба, не призываете... Попъ межи вами толь- перекупничествомъ живится: самъ идетъ до церкви, а попадя идетъ рынокъ съ хлѣбомъ и цыбулею, также у другого перекупивши, и то съ того приторгуетъ, тѣмъ ся живятъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ гранялъ братство и отъ другаго нечестія,—чтобы мужчины въ брат-

свой церкви не стояли вмѣстѣ съ женщинами. Такъ было и у насъ въ Малороссіи: для женщинъ назначались притворы, которые до сихъ поръ называютъ *бабинцами.*

Все вмѣстѣ показываетъ, что славянскій элементъ, и преимущественно малорусско-славянскій, господствовалъ тогда за Днѣстромъ во всей своей силѣ и во всемъ безсиліи.

Этотъ элементъ боролся здѣсь издавна, со временъ еще дакоримскихъ, съ элементомъ румынскимъ, восторжествовавшимъ наконецъ при помощи политической махинаціи. Козаки слагавшіе головы за волошское господарство, и козаки, грабившіе православный, почти русскій заднѣстровскій край, какъ Турецкую Землю, наполненную по словамъ кобзарской думы, несчитаннымъ сребромъ—златомъ, немѣрянными поставами саетъ, одамашковъ, кармазиновъ, блаватовъ,—всѣ они, въ войнѣ и въ мирныхъ общеніяхъ, оглашали Волощину своимъ москворусскимъ и польскорусскимъ говоромъ, оживляли своими пѣснями, своими симпатіями и антипатіями. Они вспахивали копьемъ, взрыхляли мечемъ, засѣвали боевымъ удальствомъ эту землю посильнѣе представителей элемента польскаго, который выставлялъ здѣсь одно государственное знамя. На формацію народнаго духа въ Волощинѣ польскій элементъ вліялъ только искусственно, изъ-за спины козацкихъ буйтуровъ пановъ и не пановъ, которые бывали обращены къ Волохамъ то враждебною, то дружескою грудью. Когда наконецъ удалось Польшѣ посадить на волошскомъ престолѣ одного за другимъ трехъ Могилъ, и тогда еще славянскій элементъ за Днѣстромъ опирался на людей русскихъ и единовѣрныхъ съ русскими. Іезуитская махинація, ознаменовавъ себя въ Польшѣ ополяченіемъ дома Острожскихъ, готова была повториться въ Волощинѣ надъ домомъ пріемышей Польши—Могилъ. Но тутъ румынскій элементъ, боровшійся съ элементомъ славянскимъ, выдвинулъ на поприще господарской дѣятельности такого человѣка, который своими способностями превосходилъ трехъ Могилъ и всѣхъ соперниковъ ихъ въ арендаторскомъ соисканіи господарскаго престола. То былъ Василій Лупулъ, родомъ Грекъ, или Албанецъ, или, какъ думаютъ иные, Сербъ.

Волошскіе господари Могилы: Іеремія, дядя нашего Петра Могилы, Симеонъ, отецъ его, Моисей, родной братъ и наслѣдникъ его находились въ родствѣ и дружбѣ съ богатѣйшими польскорусскими домами. Той же политики родства и дружбы держался и Василій Молдавскій (какъ называли Лупула козаки), сдѣлавшійся господаремъ въ 1637 году. Онъ былъ такой же интригантъ, какъ и его предшественники, интригантъ по положенію князя-господаря, или господаря-арен

датора, присяжный, записной интригантъ; но далеко превосходилъ ихъ искусствомъ интриги. Служа нѣсколькимъ господарямъ, особенно же Моисею Могилѣ, своимъ талантомъ пройдошества, онъ усвоилъ себѣ ихъ житейскую практику, которая состояла въ томъ, чтобы, поклоняясь отъ всей души мамонѣ, тѣмъ еще ревностнѣе кланяться Богу, разумѣется, не „духомъ и истиною". Лупулъ умѣлъ служить не только двумъ, но и нѣсколькимъ господамъ въ одно и то же время,—служить не только согласнымъ между собою, но и враждебнымъ. Такъ было необходимо поступать всѣмъ троимъ предшественникамъ его, Могиламъ, въ ихъ положеніи; такъ въ особенности надобно было поступать ему самому.

Лупулъ въ своей господствующей средѣ былъ homo novus. Изъ низменнаго положенія въ свѣтѣ онъ возвысился на степень обладанія свѣтомъ, а возвышаться помогало ему чувство, выраженное Тацитомъ въ изображеніи таланта, возобладавшаго надъ толпой римской знати: „Они презираютъ мою новость, я—вялость ихъ (Contemnunt novitatem meam, ego ignaviam illorum)". Но это чувство двигало его впередъ не облагороживая. Будучи въ началѣ жизни предметомъ презрѣнія со стороны людей, которымъ богатство и знатность не дали энергіи, онъ презиралъ богатыхъ и знатныхъ злобно: онъ вымещалъ претерпѣнное отъ нихъ униженіе на каждомъ, кого ни прибиралъ къ своимъ рукамъ, какъ неудачника. Безъ всякой совѣсти и безъ всякой жалости, онъ дѣлалъ ихъ пѣшками на шахматной доскѣ игры своей въ богатство и знатность. Онъ дурачилъ и предавалъ каждаго по мѣрѣ его неспособности къ политикѣ силы и власти: жертвуя равнодушно единицами, сотнями, тысячами людей, онъ былъ способенъ столь же равнодушно жертвовать и цѣлыми народами.

Но если кто-либо имѣетъ право презирать въ ихъ счастливой судьбѣ людей вялыхъ, бездѣйственныхъ и недалекихъ, то Василь Молдавскій обладалъ этимъ правомъ вполнѣ, будучи полонъ горячей энергіи, неутомимаго трудолюбія и того ума, основаніемъ котораго служитъ ловкость, изворотливость, ехидство и коварство. Сдѣлавшись *вистерникомъ*, то-есть министромъ финансовъ, при господарѣ Граціани, Лупулъ попалъ было въ тюрьму по подозрѣнію въ тайныхъ сношеніяхъ съ турецкимъ правительствомъ; но Граціани палъ на Цецорѣ, и гибель господаря спасла вистерника для новыхъ подвиговъ интриги и предательства. Лавируя въ своемъ пройдошествѣ между Сциллой и Харибдой не хуже Улисса, Василь Молдавскій пережилъ благополучно всѣ послѣдующія княженія: Александра Иліи, Стефана Тисмисевича, иначе Томжи, Радо, Мирона Берновскаго, Александра

Радо, опять Александра Иліи, опять Мирона Берновскаго и наконецъ Моисея Могилы. Противъ Александра Иліи онъ взбунтовалъ народъ, воспользовавшись его ропотомъ на князя господаря за то, что навелъ съ собою Грековъ и вводитъ въ Волощину греческіе порядки. Мирона Берновскаго оклеветалъ онъ передъ султаномъ, и султанъ казнилъ его въ Стамбулѣ смертью. Преемника Миронова, Моисея Могилу, очаровалъ онъ своею угадливостью, но, сдѣлавшись у него великимъ дворникомъ, то-есть генералъ-губернаторомъ, и ходатайствуя въ турецкомъ Диванѣ по его дѣламъ, столкнулъ его съ престола и сдѣлался господаремъ.

Но этого было мало для проходимца, жаднаго къ обогащенію и власти не менѣе нашего Хмеля. Чтобы создать себѣ прочный фундаментъ въ дальнѣйшихъ замыслахъ, необходимо было ему упереться въ Трансильванскія горы, въ Дунай и Черное море. Мысль эта, осуществленная въ новѣйшее время однимъ почеркомъ враждебнаго Славянству пера, возвышаетъ Лупула во мнѣніи румынскихъ патріотовъ надъ всѣми его злодѣйствами, въ числѣ которыхъ исторія записала 14.000 подданныхъ, казненныхъ мучительною смертью въ его царствованіе. Онъ у нихъ считается первымъ законодателемъ, хотя его законы писаны человѣческою кровью: по нимъ, за преступленія гражданскія выкалывали глаза, отрѣзывали руки, подвергали голыхъ бичеванью уличной толпы. Онъ у нихъ и великій господарь, и творецъ народнаго благоденствія, и воскреситель румынской національности, и двигатель интеллектуальной культуры. Онъ у нихъ почти то, что у нашихъ козакомановъ Богданъ Хмельницкій, хотя наши козакоманы съ гордостью могутъ сказать, что Василю Молдавскому далеко до такого человѣкоистребленія, какимъ себя прославилъ Козацкій Батько.

Какъ бы то ни было, но великій умъ героя румынскаго, по извѣстной французской пословицѣ, встрѣтился съ великимъ умомъ героя украинскаго, и вотъ почему его пройдошество получило извѣстное значеніе въ исторіи отпаденія Малороссіи отъ Польши, въ исторіи русскаго возсоединенія, въ исторіи преобладанія Россіи надъ Славянствомъ.

По ту сторону рѣки Молдавы, раздѣлившей два подначальныя Турціи княжества, господарилъ такой же откупщикъ, Матвѣй Бессарабъ. Василь Молдавскій вознамѣрился спихнуть его съ престола. Но Бессарабъ умѣлъ держаться на своей арендѣ подарками, уклончивостью и воинственностью, которую поддерживалъ своими боевыми средствами сосѣдъ его, князь Трансильванскій. Когда многоразличныя средства, придумываемыя Лупуломъ для пагубы князя сосѣда, оказа-

лись безуспѣшными, онъ обратился къ такому средству, которому, въ случаѣ успѣха, могъ бы позавидовать и нашъ Хмѣль.

Чѣмъ усерднѣе служилъ онъ мамонѣ, тѣмъ еще болѣе долженъ былъ служить Богу, чтобы вторымъ служеніемъ прикрывать первое: явленіе обыкновенное въ жизни корыстолюбцевъ и тирановъ, которые, за невозможностью обмануть Бога, весьма усердно обманываютъ людей, а иногда и собственную совѣсть. О сокровищахъ Василя Молдавскаго ходили баснословные слухи, и они подтверждались громадными, документально извѣстными, его тратами, послѣ которыхъ онъ все-таки оставался богачемъ даже и между владѣльцами коронованными. Судя по характеру и поступкамъ Креза Волоха, какъ прозвали Лупула, надобно думать, что его богатство было нажито средствами, тревожившими его душу при мысли о Божеской карѣ въ настоящей и въ будущей жизни. XVII-й вѣкъ былъ эпохою тѣхъ крайностей піэтизма, которыя должны были вызвать реакцію въ скептицизмѣ XVIII-го. Въ грубыхъ правилахъ замаливанья грѣховъ и покупки церковныхъ отпущеній былъ воспитанъ и Лупулъ. Онъ вѣровалъ, что нѣтъ грѣха, котораго не было бы возможности перевѣсить на вѣсахъ Божескаго правосудія созиданіемъ домовъ Божіихъ и благодѣтельствованіемъ храмовъ святыхъ. Подъ вліяніемъ такой вѣры построилъ онъ въ Яссахъ великолѣпную Трехсвятительскую церковь изъ краснаго камня, съ дорогими арабесками снаружи, съ богатою позолотой внутри стѣнъ, съ роскошною ризницей и пр. и пр. При церкви завелъ онъ училище и типографію; выкупилъ у Турокъ мощи Св Параскевіи за 250 кошельковъ золота, или за 125.000 дукатовъ, и перенесъ ихъ изъ Тырнова въ новопостроенную церковь, гдѣ онѣ почиваютъ и нынѣ; основалъ монастырь Галію и церкви въ Оргіевѣ и Киліи. На Трехсвятительской церкви создатель и благодѣтель святаго и всечестнаго храма сего изображалъ альфреско подносящимъ его тремъ святителямъ, которые благословляютъ его съ небесъ.

По старинному противорѣчію въ жизни подобныхъ подвижниковъ благочестія, Василь Молдавскій сочетался вторымъ бракомъ съ Черкешенкой магометанкой. Православники Турецкой Имперіи возроптали за это на великаго подвижника; мѣстная іерархія отказывала господарю въ признаніи брака законнымъ, а правовѣрные были оскорблены сожитіемъ своей мусульманки съ гяуромъ. Но если для богача господаря не было слишкомъ трудно устраивать небесныя свои дѣла, то земныя устраивалъ онъ тѣмъ легче. Молдавская церковь зависѣла въ началѣ отъ галицкихъ митрополитовъ, а потомъ — отъ орхидскаго архіепископа, именовавшаго себя болгарскимъ патріархомъ, слѣдова-

тельно находилась въ подчиненіи славянскимъ іерархамъ. Турціи нужно было подчинить своихъ православниковъ центральной власти, то есть посредствомъ готовыхъ къ услугамъ Грековъ ослабить единеніе Славянъ. Лупулъ это устроилъ могуществомъ своего золота, а какъ центральный константинопольскій патріархъ былъ главнымъ орудіемъ султана по гяурскимъ дѣламъ, то Крезъ Волохъ получилъ отъ него разрѣшеніе на бракъ, заплативъ ему 280 кошельковъ да 50.000 реаловъ султану за право женитьбы на мусульманкѣ. Этимъ достопамятнымъ актомъ положилъ онъ начало преобладанію въ придунайскихъ княжествахъ румынской національности надъ славянскою. Съ подчиненіемъ молдаволахской церкви константинопольскому патріарху, въ православномъ богослуженіи за Днѣстромъ сталъ употребляться, вмѣсто церковнославянскаго языка, румынскій; а какъ румынскія богослужебныя книги заимствованы изъ Трансильваніи, главнаго сѣдалища кальвинства среди Славянъ, то эти книги, будучи проникнуты протестантскимъ ученіемъ, нарушили въ придунайскихъ княжествахъ чистоту православія и оторвали ихъ отъ славянскаго единства. Мѣстная исторіографія называетъ это „штурмомъ, даннымъ церковнославянскому языку", и съ эпохи Лупула да соревнователя его, Бессараба, ведетъ начало новой своей исторіи. Оффиціальнымъ языкомъ въ Молдавіи оставался все-таки славянскій до XVIII столѣтія: только тогда князья фанаріоты замѣнили его греческимъ. Но со времени Лупула и Бессарабы румынская національность получила такую поддержку со стороны правительства, что нашъ малорусскій элементъ самъ собой принижался передъ румынскимъ, такъ точно, какъ онъ дѣлалъ это на своей родной почвѣ передъ польскимъ, и въ послѣдствіи, по своей исторической несостоятельности передъ великорусскимъ.

Еслибы нашъ Богданъ Хмельницкій не былъ безпутный варваръ, онъ могъ бы сдѣлать нѣчто грандіозное въ судьбахъ Сѣверной Славянщины. Наше давнишнее стремленіе изъ *Польскаго* края за Днѣстръ могъ бы онъ привести къ тому, что область двоякаго русскаго языка и обычая, подъ единовѣрнымъ правительствомъ, уперлась бы въ Дунай и Трансильванію, а польскій элементъ растворился бы самъ собою въ энергическомъ русскомъ больше нынѣшняго. Но, вѣчно пьяный отъ горілки и проливаемой звѣрски крови, не могъ онъ воспользоваться горячимъ темпераментомъ древнихъ Русичей, отозвавшимся въ днѣпровскихъ добычникахъ, и разыгралъ роль стихійной силы, исчезающей безъ благотворнаго слѣда послѣ разрушительнаго своего дѣйствія. Грекъ, Албанецъ, или Сербъ Лупулъ, унаслѣдовавшій культурные инстинкты древнихъ народовъ, пытался воспользоваться этой

ійной силой для своихъ замысловъ: но ни въ его народѣ, ни въ ъ самомъ не было всепобѣждающаго творчества, которое проявилъ себѣ народъ Великорусскій вмѣстѣ съ выражавшимъ его духъ пра-ительствомъ относительно превращенія разрушительной козацкой си-въ государственно-строительную.

Съ этой точки зрѣнія, возня козатчины и созданнаго ею Хмеля льницкаго съ Ляхвою и Волохами представляетъ для русскаго мы-теля интересъ, печальный съ одной стороны и торжественный съ ой.

Какъ ни усердно служилъ Василь Молдавскій Турецкому султа-не могъ онъ овладѣть всей территоріей нынѣшней Румыніи, по-ствомъ овладѣнія двумя престолами. Бессарабъ такъ былъ силенъ воей арендѣ, что Лупулъ, превзойдя всѣхъ волошскихъ аренда-въ угодливостью, изворотливостью, подкупами и предательствомъ югъ ничего ему сдѣлать. Турки щадили ростовщика Лупула, и ись покуситься на права воина Бессараба. Такъ наступило то и, когда Владиславъ IV поддался своимъ политическимъ ласкате-и возмечталъ о господствѣ надъ христіанскимъ Востокомъ. Былъ живъ тогда великій Конецпольскій. Изъ его неизданной пока-ъ переписки, сохранившейся въ Императорской Публичной Биб-кѣ, мы знаемъ, что онъ смотрѣлъ на Лупула съ благороднымъ рѣніемъ, и не довѣрялъ его преданности Польшѣ. Но Лупулъ, не ничего, кромѣ себя, полагался вполнѣ на государство, создаю-подобныхъ воиновъ и политиковъ. Лупулъ, въ этомъ отношеніи, тотъ же Петръ Могила, воспитавшійся въ созерцаніи торжества ами надъ Москвой, Турціей, Шведами. Шляхетскій Народъ не ъ еще тогда до погибельнаго униженія верховной власти. Загра-имъ наблюдателямъ Польша казалась еще чѣмъ-то такимъ, какъ разилъ ее краснорѣчивый Оссолинскій передъ папою въ присут-представителей католической Европы. Василь Молдавскій взиралъ ее, какъ на безопасное убѣжище въ случаѣ грозы со стороны ціи, и съ этой цѣлью сталъ подражать политикѣ своихъ предше-нниковъ, Могилъ, умѣвшихъ, подобно князю Василію, соединять еславіе съ противоположными ему вѣрами въ брачныхъ союзахъ. воей стороны Польша, въ лицѣ своихъ пановъ, искала сближенія язьями откупщиками, и одинъ изъ богатѣйшихъ ея представите-князь Янушъ Радивилъ, съ рыцарскимъ постоянствомъ домогал-ри года руки старшей дочери господаря Василія, Елены. Въ ян-1645 года далъ наконецъ Василій Молдавскій согласіе на бракъ і православной дочери съ магнатомъ. Свадьба была царственная.

Женихъ явился съ двухтысячнымъ почтомъ. Торжество длилось д недѣли. Молодыхъ вѣнчалъ митрополитъ Петръ Могила въ раззолоч ной и разукрашенной церкви Трехъ Святителей. Кальвинистъ Ра вилъ, полевой литовскій гетманъ, полукальвинистъ и полумусульман Лупулъ, господарь Волощины, полуправославникъ, полупапистъ Пет Могила, митрополитъ кіевскій и галицкій, молили втроемъ троихъ ликихъ святителей о небесномъ благословеніи дома, столь высоко п нявшагося въ земной славѣ своей, и небеса сіяли, казалось, будущ счастьемъ надъ этимъ домомъ.

Между тѣмъ человѣческія кривды и глупости достигли св крайности и въ Польшѣ вмѣстѣ съ просвѣщенною его Литвой, и Волощинѣ, гдѣ такъ блистательно княжилъ творецъ румунской буд ности, и въ области, избранной самимъ Петромъ Могилой для по низаціи неополонизованной Руси. Все вмѣстѣ сдѣлало возможн появленіе на исторической сценѣ такого лицедѣя, какъ Хмельниц и даже освятило его подвиги въ глазахъ многихъ. Василь Молдав продолжалъ бороться съ Бессарабомъ и, можетъ быть, поборолъ его, но интересы того и другаго столкнулись съ интересами Коз каго Батька, и онъ выступилъ противъ нихъ обоихъ, какъ левъ дѣлежѣ звѣриной добычи. Прочный фундаментъ ему былъ нужн чѣмъ кому-либо, а такого фундамента не обѣщала ему земля изм чивой, лукавой, малодушной черни. Двѣ великія рѣки, горы съ за да, море востока: вотъ что могло спасти Козацкаго Батька, вопервы отъ его дѣтей, вовторыхъ, отъ ободранныхъ пановъ-изгнанников втретьихъ отъ негодующей на козацкую вольницу Москвы, проти цы всѣхъ вѣчъ, всѣхъ панскихъ сеймовъ и чернецкихъ радъ.

Объ этомъ убѣжищѣ могъ онъ мечтать еще въ то время, ко послѣ пилявецкаго трехдневнаго пьянства, козаки воображали, гетманъ ведетъ ихъ съ Татарами за Бѣлую Воду. Безпокойно по тривая тогда на Вислу, на Москву рѣку и на Босфоръ, неожида увидѣлъ онъ передъ собой пословъ Лупула.

Волошскій господарь, какъ и мультанскій, увлекся было ме Владислава IV о Турецкой войнѣ и, подъ вліяніемъ своего зятя, дивила, рѣшился свергнуть съ себя турецкое вассальство. Онъ то ждалъ перехода Поляковъ черезъ Дунай. Но Турецкая война исче какъ миражъ, и могущественная недавно Польша очутилась подъ гами у козаковъ. Заподозрѣнный въ невѣрности Портѣ, Лупулъ борьбѣ съ Бессарабомъ прибѣгнулъ къ помощи побѣдителей панс войска.

Хмельницкій тогда же, должно быть, возымѣлъ мысль, которую слѣдовалъ до послѣдней возможности съ крайнимъ упорствомъ и имъ: столкнуть обоихъ борющихся господарей-откупщиковъ съ ихъ ь, купить престолы ихъ для себя да для своего сына и основать днѣстровской Малороссіи княжество, невозможное въ днѣпров- Для этого ему нужно было всячески ладить съ Портою, и онъ ихъ поръ не вошелъ съ Лупуломъ ни въ какую сдѣлку о помо- юка тотъ не представилъ ему разрѣшенія Порты на призывъ овъ противъ Бессараба. Отправленный въ Волощину съ надеж- козаками Тимоѳей Хмельницкій, подъ опекой Тогай-бея и его ъ, помогъ Лупулу взять верхъ надъ его противниками, но зато бовалъ отъ него черезъ Тогай бея руки младшей дочери его, нды. Лупулъ отвѣчалъ на грубое сватовство гордо. Руки Роксан- жали знатнѣйшіе польскорусскіе дома, въ томъ числѣ Петръ По- , сынъ коронпаго великаго гетмана, и князь Дмитрій Вишне- , племянникъ Іереміи. Что сравнительно съ ними значилъ не- Тимошко Хмельниченко? Но иначе думалъ и чувствовалъ Ко- Батько. О Хмельницкомъ поэтъ могъ бы сказать, какъ о Мазепѣ:

> Что ни единой онъ обиды,
> Съ тѣхъ поръ какъ живъ, не забывалъ...

Не простили господарю отказа и побратимы стараго Хмеля. На тномъ пути изъ-подъ Зборова, крымскія и буджакскія орды огра- ю дорогѣ Бессарабію. Вступаясь за своихъ подданныхъ, волош- господарь послалъ за хищниками погоню. Обремененныхъ ясы- и другою добычею догнать и разбить было не трудно. Орда по- ла пораженіе и лишилась добычи своей при селѣ Братуленахъ, ины и въ Лопушинѣ. На языкѣ хищниковъ по ремеслу, это на- юсь „великими кривдами со стороны Волоховъ", и эти-то крив- рипомнили они, валяясь въ ногахъ у султанъ-галги, когда не со- ся ихъ походъ въ Московщину.

За свою личную кривду Хмельницкій, какъ видно, готовился ото- ъ Лупулу цѣлый годъ. При посредствѣ Тогай-бея сватался онъ ; теперь снаряжалъ къ Василю Молдавскому сватовъ, которыхъ ки прозвали кровавыми.

Но сперва въ Яссахъ появилось его посольство съ такимъ же ымъ требованіемъ, какимъ былъ господарскій отказъ. Это было въ то время, когда козаки, вмѣстѣ съ достойнымъ Батькомъ сво- гремѣли противъ того, кто сидитъ на Москвѣ.

Василь Молдавскій зналъ, что̀ козаки и Татары дѣлаютъ; онъ, б
сомнѣнія, догадывался, что они и потомъ будутъ дѣлать, какъ без
дечный философъ обогащенія и грубой силы, вѣчно работавшій ум
надъ эксплоатаціей окружавшаго его міра. Поэтому съ новыми св
ми заговорилъ онъ другимъ, смиреннымъ и льстивымъ языкомъ. (
отвѣчалъ, что не можетъ принять предлагаемой ему чести единст
но потому, что боится оскорбить своего повелителя, султана, вы
дочь за молодаго Хмельницкаго.

Новый авантюристъ поймалъ стараго пройдоху на словѣ, и
бѣдилъ его превосходствомъ интриги. Сила козацкая перевѣсил
Стамбулѣ силу подкуповъ: князь-господарь получилъ не только до
леніе, но даже приказаніе.

Тогда Лупулъ обратился къ польскорусской воинственности,
торую въ Збаражѣ проявилъ блистательно князь Вишневецкій,
Бѣлоруссіи—князь Радивилъ. Что̀ значила реляція, распростране
въ Европѣ о непобѣдимомъ побѣдителѣ подъ Зборовымъ, онъ з
какъ нельзя лучше; но, взвѣшивая силу руинниковъ съ силой
турниковъ, каковы ни есть одни и другіе, онъ долженъ былъ пр
дѣть, что Польши хватитъ еще надолго не только въ борьбѣ съ
заками, но и съ Москвой. Полагаясь на своихъ родныхъ и пріят
онъ отказалъ сватамъ Хмельницкаго, несмотря даже на султа
повелѣніе.

Случайно ли, или по предусмотрительности Хмельницкаго, вто
ный отказъ пришелъ къ нему въ то время, когда онъ стоялъ пр
Москвы во всеоружіи козацкаго согласія и татарскаго панибрат

О Козацкомъ Батькѣ дѣти его сказали бы, что на Василя Во
на онъ важкѝмъ дýхомъ дыше; а что̀ это былъ за духъ, мы знаем
лѣтописи стариннаго козакомана, который вкладываетъ Хмелю Х
ницкому въ уста такія слова: „Оддáй, господáрю, дочкý за могò сы
не оддасѝ, дакъ я тебè изотрý, изомнý и прахъ твій рознесу по вòзду

По характеру Малорусса, каковъ онъ есть нынѣ, нѣтъ н
обиднѣе, какъ предложить красавицѣ свою руку, а тѣмъ паче
сына, (о сердцѣ здѣсь напрасно говорить) и получить гарбузъ.
по поэтому судить, какъ обидѣлся Козацкій Батько, когда его
далà гарбузà дочь презрѣннаго въ его глазахъ богача, неспосо
наживать богатство кровавою саблею. Нашъ старый Хмѣль, шв
шій съпьяна и Римскою Имперіей, не могъ оставить безъ отм
такого, какъ онъ, безъ сомнѣнія, выражался *Жидюгу-рандаря*, к
долженъ былъ представляться гордому добычнику волошскій госп
И часъ отмщенія насталъ.

Но на дорогѣ въ Волощину стоялъ побѣждавшій козаковъ съ малыми силами Николай Потоцкій, два года тому назадъ потерявшій одного сына и домогавшійся невѣсты для другаго: лицо трагическое въ виду семьянистаго и счастливаго его несчастьемъ Козацкаго Батька. Хмельницкій зналъ, что теперь онъ способенъ „давать битвы только въ каретѣ"; но чья юность не обновится въ порывѣ отмщенія за погибшаго сына и въ защитѣ рыцарскихъ правъ живаго? Хмельницкій это чуялъ, и потому сталъ у Ямполя съ 20.000 мъ обсерваціоннымъ корпусомъ, а другой корпусъ, подъ охраной ангеловъ и духовъ своихъ, Татаръ, послалъ сватать золотое руно у дракона, отца красавицы Роксанды.

Недавнія угрозы Хмельницкаго сломать Москву не помѣшали ему, передъ походомъ въ Волощину, просить у царя попрежнему помощи противъ Поляковъ, если они будутъ воевать съ козаками. Зазвавъ къ себѣ путивльскихъ купцовъ на обѣдъ въ Миргородѣ, онъ старался покормить московскаго соловья баснями, точно польскаго, и говорилъ путивльцамъ такія вещи: „...хотя бы де для славы, государевыхъ ратныхъ людей было у него тысячъ съ шесть или съ десять, и онъ бы де очистилъ и Польскую Землю государю. А онъ де, гетманъ, со всѣмъ своимъ Войскомъ Запорожскимъ великому государю служить радъ всею своею душею, не токмо де что польскіе и литовскіе городы онъ, гетманъ, государю очиститъ, хотя де и Царь-городъ до Ерусалима очиститъ и приведетъ подъ государеву высокую руку".

Но не успѣли эти просьбы и хвастливыя обѣщанія достигнуть мѣста своего назначенія, а магометане, сватавшіе христіянку за христіянина, ограбили уже православную Волощину.

Между тѣмъ король, видя въ этомъ набѣгѣ на его союзника дѣло частное, какъ и его паны, выразительно повелѣлъ коронному великому гетману, стоявшему лагеремъ подъ Каменцемъ, не вмѣшиваться въ волошскія дѣла, или, какъ объ этомъ говорили въ Шляхетскомъ Народѣ, „не обгонять чужаго проса, бросивъ свое". Обезпеченный тѣмъ Хмельницкій вторгнулся тотчасъ по удаленіи Орды, съ 16.000 войска въ Волощину и принялся грабить и опустошать ее въ свою очередь.

Походъ его былъ популяренъ въ козатчинѣ и по своему мотиву, и по богатой добычѣ, затмившей славу Царя Наливая. Козацкіе кобзари воспѣли набѣгъ на благочестивыхъ Волоховъ съ такимъ же кровожаднымъ восторгомъ, какъ и набѣги на злочестивыхъ Ляховъ, вмѣстѣ съ которыми погибали сотнями тысячъ козацкіе единовѣрцы всѣхъ

сословій и состояній. Въ ихъ Иліадѣ Василь Молдавскій вопіетъ къ Николаю Потоцкому слѣдующими словами:

Ой гетьмàне Потòцький,
Що въ тèбе рòзумъ жінòцький!
Ты за дорогùми напùтками, бенкетàми уганяешъ,
А про мою пригòду нічòго не знàещъ:
Що жъ то въ васъ гетьмàнъ Хмелнùцький, Рỳсинъ,
Всю мою зèмлю Волòську обрỳшивъ,
Все моè пòле копъèмъ изорàвъ,
Усімъ моимъ Волòхамъ, якъ галкàмъ,
Съ плічъ гòловы поздиймàвъ.
Де булù въ пòлі стежкù-доріжкù,
Волòськими головкàми повымòщувавъ;
Де булù въ пòлі глыбòкі долùны,
Волòською крòвъю повыпòвнювавъ....

Какъ отражались эти событія въ панскомъ обществѣ, всего лучше видно изъ приведеннаго уже разсказа Варшавскаго Анонима. По дошедшимъ до него слухамъ и толкамъ, Хмельницкій, озабоченный женитьбою сына, дѣлалъ только видъ (czynil apparentią), что готовится къ татарокозацкому походу на Москву. Все дѣло состояло де въ томъ, какъ заставить Орду, вмѣсто Муравскаго и Свиннаго Шляху, броситься за Днѣстръ? Этотъ вопросъ разрѣшилъ случай, можетъ быть, самимъ же Хмельницкимъ и устроенный.

На Днѣстрѣ (разсказываетъ Анонимъ) въ то время славились разбоями козаки Левенцы, извѣстные и по долетѣвшимъ до насъ отрывкамъ современной пѣсенности. Левенцы, подобно позднѣйшимъ гайдамакамъ Мотреннинско-монастырскаго лѣса, гнѣздились въ байраковатомъ лѣсу Недоборахъ. Добычу свою сбывали они въ Волощинѣ за Днѣстромъ, а что добывали воровствомъ и разбоемъ на волошскомъ берегу Днѣстра, то промѣнивали, продавали и пропивали на польскомъ. Потоцкій отправилъ противъ нихъ нѣсколько хоругвей, подъ начальствомъ Кондрацкаго. Предводитель козаковъ Левенцевъ, Мудренко, попалъ Кондрацкому въ плѣнъ съ 20-ю товарищами. Потоцкій де велѣлъ посажать ихъ на колья. Тогда разогнанная Кондрацкимъ дружина Мудренкова бросилась къ Хмельницкому. Хмельницкій провелъ израненныхъ, окровавленныхъ Левенцевъ по своимъ полкамъ въ присутствіи полка нуреддинъ-султанова. „Вотъ миръ съ Ляхами!“ (восклицалъ онъ, заплакавъ передъ козаками и Татарами). „Ихъ миръ жестокосердѣе войны“. И, сдѣлавъ хорошій подарокъ по-

слу, просилъ его донести нуреддину, что съ одной стороны Кисѣль собиралъ въ Кіевѣ войско противъ Турокъ, а съ другой наступаетъ Потоцкій съ намѣреніемъ искоренить козаковъ, если Татары ихъ не оборонятъ.

„Убѣжденный этимъ нурреддинъ-султанъ“ (пишетъ Анонимъ), „оставивъ предпринятый противъ Москвы походъ, грозилъ гетману Потоцкому и донесъ объ этомъ хану, который тотчасъ отправилъ Мехметъ-Гази-Атталыка, сына кормилицы ханскихъ дѣтей, съ жалобой,—что ханъ, яко посредникъ, долженъ вступиться за эту козацкую кривду, какъ за свою собственную“.

Дѣйствительно ханъ писалъ къ королю изъ Бакчисарая, что послалъ къ нему Махметъ-Гази-Атталыка, и прибавилъ съ азіятской непослѣдовательностью и неясностью: „Еслибъ, однакожъ, запорожскіе козаки отъ васъ... находились въ страхѣ, то это было бы нехорошо: ибо миръ между нами заключенъ такимъ способомъ, чтобы никто не смѣлъ мѣшаться въ козацкія дѣла (że od tych czas w kozaków z naszéj strony najmniejszéj przyczyny nie miał się nikt ważyć wdawać), чтобы козаки оставались въ своихъ домахъ безопасными, и ни одинъ панъ или староста вашъ никакой войны къ ихъ вреду не поднималъ; посему, еслибы что-либо такое вредное обнаружилось, то тѣ клятвенные пакты должны бъ этимъ нарушиться. Но сверхъ того, и въ вашихъ пактахъ первое и послѣднее условіе таково: кто бы ни учинилъ запорожскимъ козакамъ какую шкоду, тотъ ни другомъ, ни братомъ нашимъ быть не можетъ“... Но тѣмъ не менѣе ханъ поручилъ своему послу изустно что-то такое, чѣмъ Польша могла бы сохранить за собой дружбу хана.

Далѣе разсказываетъ Анонимъ про посольство Хмельницкаго къ Потоцкому. Оно было переиначено молвою противъ того, какъ описалъ его находившійся въ то время у Потоцкаго подольскій судья, Мясковскій; но разсказъ Анонима показываетъ, какъ представлялся Хмельницкій той публикѣ, къ которой принадлежалъ мемуаристъ.

„Посылаетъ Хмельницкій къ гетману Потоцкому козака Кравченка, который, не сдѣлавъ подобающаго гетману поклона, тотчасъ (будто бы) проговорилъ: „Чи ще ты, гетьмане, не напивсь козацькоі крові, изорвешъ Зборовські пакта? На що се безъ потрѐбы стягаешъ військо польске надъ линіею, козаківъ лякаешъ, а людъ посполитый губишъ? Хочъ вінъ вамъ и підданый, та до такого ярма и мучительства не звыкъ“! Гетманъ замѣтилъ высокомѣрному и глупому хлопу, чтобъ онъ въ другой разъ осторожнѣе приближался и говорилъ съ гетманомъ, а потомъ (будто бы) отвѣчалъ: „Стою здѣсь по королев-

своему ординансу, и буду стоять до полученія новаго ординанса, или другаго случая, выступить отсюда. Старые козаки знаютъ, что и въ мирное время войско выходитъ въ поле, а съ приближеніемъ зимы расходится по зимнимъ квартирамъ. Стою съ войскомъ надъ линіей, хоть и за линіей земля наша, Рѣчи Посполитой. Пускай только козацкій гетманъ похвалится усердіемъ къ королю пану, если онъ вѣренъ королю. Для чего же вся Украина вооружается на войну, собираются купы людей, армуются полки? Неужели онъ думаетъ, что я не замѣчаю измѣны его и хитрыхъ поступковъ"?

„Хмельницкій" (продолжаетъ Анонимъ, напоминающій съ одной стороны нашего Самовидца, съ другой—московскаго Кунакова), „Хмельницкій съ умысломъ прислалъ высокомѣрнаго хлопа, чтобы раздражить гетмана; но гетманъ Потоцкій намѣревался покарать послѣ невоздержный языкъ жолнерскою рукою. Проникалъ онъ въ мысли Хмельницкаго: въ случаѣ неудачи въ Волощинѣ, намѣревался Хмельницкій вырвать у него Каменецъ, напавши на него неожиданно въ своемъ бѣшенствѣ".

Такъ о Хмельницкомъ и Потоцкомъ гласила козако-шляхетская молва, которая изображаетъ замѣшательства въ общественныхъ понятіяхъ о томъ, что̀ дѣлается въ государствѣ, и которую наша исторіографія выдаетъ намъ за точныя свидѣтельства. Мясковскій же писалъ къ своему брату, что 16 октября прибылъ къ Потоцкому ханскій ага въ сопровожденіи Васька изъ Чигирина, хорунжаго Хмельницкаго, да Ѳедора Брагиля, писаря его. Они отправляли посольство публично (publice). Отдавъ письмо отъ хана, ага требовалъ объясненія (expostulował): о собраніи столь великаго войска, о которомъ у нихъ представляютъ, будто бы оно, по своей огромности, стоитъ тремя лагерями; о наступленіи на козаковъ; о несоблюденіи ни въ чемъ относительно ихъ Зборовскаго постановленія: чему ханъ очень удивляется, и требуетъ хранить братство съ Хмельницкимъ, считая кривду его своею собственною.

„Панъ Краковскій" (пишетъ Мясковскій) „отвѣчалъ, что въ нашемъ отечествѣ давнишній обычай ежегодно, жолнера, получающаго жалованье, держать въ обозѣ подъ открытымъ небомъ, а не въ домахъ. Но этотъ обозъ не причиняетъ козакамъ никакой кривды. Мы стоимъ въ 20 миляхъ отъ козацкой линіи, и ничего враждебнаго не замышляемъ, хотя козаки поступаютъ съ нами непріятельски: ни слова, ни присяги не держатъ; не выходятъ не только изъ Браилавскаго, но и изъ Подольскаго воеводства; имѣній нашихъ не пускаютъ; особенно за слова пана Краковскаго—имѣя за Днѣпромъ 150.000 доходу, не

лучилъ еще и гроша, также его милость панъ коронный хорунжій і многіе другіе. Словомъ, козаки дѣлаютъ, что хотятъ, и слугъ нашихъ, и шляхты, братіи нашей, множество перебили въ это время пранскн.

„На это хорунжій Хмельницкаго дерзко (arroganter), не допустивъ переводчика толмачить, возразилъ: Не покажецця воно, милостивый пане гетмане: не наше козацьке діло розбивати мужиківъ: се іші опрашки справляють. Өедоръ поддержалъ его. (Вотъ изъ чего олва сдѣлала невозможную сцену между Потоцкимъ и козакомъ равченкомъ).

„Панъ Краковскій" (продолжаетъ писать братъ къ брату, поучая алоруссовъ отличать былое отъ небывальщины) „представилъ доказательства справедливости своихъ словъ: ибо и его собственныхъ слугъ Днѣпромъ убили теперь нѣсколько человѣкъ, и другихъ перебили заки, убили и пана Воляновскаго, и пана Костына, на котораго вахъ ѣздитъ Нечай, а прочихъ подарилъ Хмельницкому *). Споръ одолжался съ полчаса, и когда переводчикъ все это пересказалъ ю агѣ, тотъ сказалъ: Я сумѣю (będę to umiał) разсказать объ омъ хану, и которая сторона виновна передъ другою, и кто не содетъ Зборовскаго постановленія, противъ того будетъ стоять ханъ: къ и велѣлъ онъ мнѣ сказать.

„При этомъ послы отдали, съ низкимъ поклономъ письмо отъ ельницкаго, въ которомъ письмѣ онъ настоятельно проситъ о расщеніи войска, присовокупляя, что онъ принужденъ держать на Синихъ Водахъ Татаръ съ великими издержками, доставляя изъ Украи стацін, пока не разойдется войско.

„Послѣ того послы были публично на обѣдѣ; ихъ угощали съ четомъ (byli na obiedzie publice, traktowani honorifice), и послѣ го посольства уѣхали въ Варшаву".

По словамъ Мясковскаго, между Потоцкимъ и Хмельницкимъ е недѣли полторы передъ тѣмъ были дружескія сношенія, а недѣтому назадъ Потоцкій отправилъ съ какимъ-то тайнымъ порученіемъ къ хану Бѣчинскаго съ Атталыкомъ. Грозы какъ будто и не ю на горизонтѣ, но она чуялась въ воздухѣ, потому-то и носились едѣлываемые каждымъ слухи о Хмельницкомъ. Но никто не предвидѣлъ козакотатарскаго набѣга на Волощину, о которомъ я долженъ

*) Это показываетъ, что Хмельницкій разыгралъ передъ Киселемъ такую комедію съ Нечаемъ, какую передъ Ляшкомъ съ Кривоносомъ.

билъ прервать повѣствованіе, чтобъ освѣтить истиннымъ свѣто[м] взаимныя отношенія трехъ интригующихъ силъ въ виду четверто[й] лупуловской.

За неимѣніемъ болѣе точныхъ извѣстій о козацкихъ похож[де]ніяхъ въ Волощинѣ, приходится и мнѣ повторить слухи, долетавш[іе] до анонимнаго мемуариста, который, какъ можно догадываться, бы[лъ] адгерентомъ дома Замойскихъ и жительствовалъ въ Замостьѣ.

„Вскорѣ" (пишетъ онъ) „полковники Носачъ, Пушкаренко и [Д]рошенко съ 16.000 козаковъ ворвались къ Волохамъ и соедин[и]ли[сь] подъ Сорокой съ 20.000 Орды нуреддинъ-султана. Татарская гол[ота], какъ муха на медъ, бросилась на грабежъ Волощины. Тамъ люди [за]житочные, есть что грабить, а если будутъ обороняться, то собств[ен]ною кровью заплатятъ.

„Волошскій господарь *Лупули*, не имѣя столько войска, чт[объ] отразить внезапный набѣгъ Татаръ и козаковъ, отослалъ жену и [дѣ]тей въ замокъ Нѣмецъ, за рѣку Серетъ, и велѣлъ тамъ сдѣлать [за]сѣку въ густомъ лѣсу, въ буковинѣ, а самъ скитался въ неприст[уп]ныхъ горахъ, ущельяхъ и нетрахъ. Поэтому непріятели не воев[али], а сплошь граби, опустошали край огнемъ и мечемъ, господарс[кую] столицу сожгли, какъ сожжена изъ-за Елены Троя, и всю Волощ[ину] разорили. Господарь Василій посылалъ людей на высокія деревья, [ве]лѣлъ смотрѣть, въ которой сторонѣ видать огонь, и соображалъ ру[ину]. Было у него нѣсколько приближенныхъ Поляковъ. По совѣту дв[ухъ] изъ нихъ, Кутнарскаго и Доброшевскаго, опытныхъ въ домашних[ъ и] военныхъ дѣлахъ, рѣшился онъ окупиться, и послалъ перегово[ры] съ непріятелемъ.

„Орда уже довольно награбила; козаки опасались Поляковъ, [сто]явшихъ обозомъ на волошской границѣ; поэтому нуреддинъ-сул[танъ] вступилъ охотно въ переговоры, и получивъ 300.000 битыхъ т[але]ровъ, сверхъ подарковъ старшинѣ, выступилъ изъ Волощины. Х[мель]ницкому также было полезно разграбленіе Волощины: ибо госпо[дарь] обѣщалъ ему отдать дочку за его Тимошка, лишь бы только далъ [ему] послѣ этой руины немного осмотрѣться. Онъ до того былъ при[жатъ] къ стѣнѣ, что прежде у *него* присватывались, а теперь самъ онъ [сва]тался ради мира. Отсчитавъ жестокимъ сватамъ такую громадную [сум]му, оплакивалъ онъ выжженный и разоренный край свой, и п[о]пилъ по давнишнему обычаю Волоховъ, которые заискиваютъ б[ла]воленія у всѣхъ и кланяются сильнѣйшему. Несчастное положені[е] было таково, что снизу дымъ выѣдаетъ глаза, а сверху на [голову] каплетъ.

„Удавались эти штуки Хмельницкому“ (продолжаетъ эхо современной молвы, Анонимъ). „Счастливый десператъ, онъ заохачивалъ Орду къ протекціи надъ собою, Орду отвлекъ отъ Московской войны, Москву, обманутую видомъ предательской пріязни, сдѣлалъ непріятелями Поляковъ, волошскаго господаря оклеветалъ, и не пропустилъ никакого случая повредить Польшѣ. Великое диво! человѣкъ низкаго происхожденія однимъ природнымъ умомъ доходилъ до такихъ предательскихъ штукъ и прозорливыхъ мыслей, что не только обманывалъ глупое посольство, но обманывалъ и великихъ монарховъ и, какъ бы помраченныхъ чернокнижными чарами, вооружалъ и соединялъ на Поляковъ. Татары, отъ природы довольно проницательные, повѣрили, что Поляки, будучи не въ силахъ одолѣть козаковъ, хотятъ выбить обезоруженныхъ подъ предлогомъ Зборовскаго трактата. Россіянинъ, устрашенный татарскимъ могуществомъ, принялъ протекцію надъ козаками для обезпеченія своего Московскаго царства; а Турокъ, желая завоевать Украину, предложилъ имъ протекцію, и ослабивъ постоянною войною Поляковъ, надѣялся покорить ихъ своей власти. Какъ-то“ (заключаетъ съ глубокимъ вздохомъ современникъ-мемуаристъ) „одной головы Хмельницкаго съ его столь быстрымъ умомъ было достаточно, чтобы причинить Рѣчи Посполитой такія тяжкія страданія,—этого Хмельницкаго, о которомъ всѣ знали, что это былъ такой великій пьяница, что никогда не просыпался, и, однако жъ, онъ одинъ былъ авторомъ и выполнителемъ столь страшныхъ руинъ, бѣдъ и кровопролитія“.

Совсѣмъ иной взглядъ на козацкіе подвиги и единовѣрной Молдавіи усвоили себѣ отъ козаковъ наши предки Малоруссы; а какъ отъ формаціи мнѣній зависятъ судьбы человѣческихъ обществъ, то заслуживаютъ вниманія историка и тѣ мнѣнія, которыя поворачиваютъ общественный умъ вспять, вмѣсто того, чтобъ устремлять его впередъ. Козацкія воззрѣнія не оставляютъ козацкихъ потомковъ донынѣ, какъ шляхетскія—шляхетскихъ. Малорусская исторіографія до настоящаго момента угощаетъ публику вотъ какими взглядами на героя пожаровъ, руины и человѣкоистребленія:

„Вся страна пылала. Яссы, оставленные жителями, были разорены и сожжены козаками и Татарами. Гетманъ чувствовалъ себя въ положеніи торжествовавшаго побѣдителя, могущаго требовать покорности отъ своего противника, такъ недостойно его обманувшаго и такъ грубо оскорбившаго“ *).

---

*) Кіевская Старина, 1887, мартъ, 491.

Въ томъ крайнемъ положеніи, до котораго была доведена страна и собственная семья Лупула, онъ былъ принужденъ откупиться и отъ козаковъ, какъ откупился отъ Татаръ, обручить Роксанду съ Тимошкомъ Хмельниченкомъ и дать въ залогъ четырехъ богатѣйшихъ бояръ, въ томъ числѣ и своего племянника, какъ удостовѣреніе, что тотчасъ послѣ Рождества Христова 1650 года будетъ свадьба. Но при всей низкопоклонности своей въ бѣдственномъ положеніи, при всемъ своемъ корыстолюбіи и свойственномъ корыстолюбцамъ жестокосердіи, Василь Молдавскій не былъ до конца лишенъ человѣческаго достоинства и сопровождающаго достоинство мужества: онъ рѣшился не выдавать свою Роксанду за козака. Если въ этомъ нехотѣніи участвовало взвѣшиваніе борющихся передъ его глазами силъ, то мужество его возвышается въ нашихъ глазахъ и дальновиднымъ умомъ, котораго не было у Козацкаго Батька. Лупулъ отправилъ свою дочь и жену къ своему зятю, Радивилу, а въ Стамбулѣ хлопоталъ, чтобъ его освободили отъ насильственнаго родства.

Но съ Хмельницкаго было мало сочетанія сына съ дочерью князя-господаря: ему хотѣлось овладѣть и самимъ господарствомъ. Достигнувъ случайно того, о чемъ и не думалъ въ началѣ бунта, онъ потерялъ сообразительность, и ему теперь все казалось возможнымъ, какъ человѣку, не имѣвшему въ основѣ своихъ дѣйствій традиція, наслѣдственности, присущей всѣмъ явленіямъ постепенности и взаимности ихъ зависимости. Пользуясь вліяніемъ своимъ въ Стамбулѣ, онъ, вмѣстѣ съ ханомъ, обвинялъ господаря въ измѣнѣ, домогался низверженія измѣнника и просилъ господарства для себя. Но на вѣсахъ правившаго Портою сераля соперники пройдохи перевѣшивали один другаго. Великій визирь Ахмедъ запретилъ выдавать Роксанду за Хмельниченка и потребовалъ ее въ Стамбулъ, какъ залогъ вѣрности отца.

Въ этомъ требованіи была та же самая горечь насилія надъ сердцемъ отца; но для Василя Молдавскаго магометанское насиліе не было столь тяжкимъ, какъ христіяно-козацкое. Онъ, безъ сомнѣнія, самъ и устроилъ его, — принесъ, такъ сказать, жертву чудовищу Сциллы, лишь бы спастись отъ чудовища Харибды. Свобода выбора облегчала сердце тирана, не знавшаго участія къ страданіямъ чужихъ сердецъ, какъ и его достойный соперникъ, Хмѣль.

Козацкій Батько между тѣмъ видѣлъ на своемъ горизонтѣ бури, и, въ виду этой бури, долженъ былъ отсрочить посягательство на придунайскія княжества. Онъ зналъ, что Польша не до конца разстроена. Онъ ждалъ войны, онъ даже самъ вызывалъ войну, но вызывалъ, как

аго духа,—ужасаясь; и только ангелы хранители его, Татары, поддерживали въ немъ отчаянную дерзость. Чтобъ ослабить естественныхъ враговъ козатчины, пановъ, и увеличить число панскихъ непріятелей, подговорилъ онъ хана отправить въ Стокгольмъ посольство, которое бы служило прикрытіемъ его собственныхъ сношеній со Швеціи,—тѣхъ злотворныхъ сношеній, которыми были вызваны грозныя в Польши событія 1655—1659 годовъ.

Въ Стокгольмѣ не забыли посягательствъ Сигизмунда III и Владислава IV на шведскую корону. Теперь Хмельницкій открывалъ Швецъ виды на польскую. Съ другой стороны Турція, желавшая только одного, чтобъ козаки не разбойничали на Черномъ морѣ, — была перь къ его услугамъ. Хмельницкій получилъ отъ султана титулъ только Украинскаго или Запорожскаго князя, но и Стража Оттоской Порты. По его просьбѣ хану было приказано идти къ нему помощь со всей Ордой, а силистрійскому пашѣ—стягивать войска вмѣстѣ съ обоими господарями присоединиться къ Запорожскому йску. Не сомнѣвался теперь Хмельницкій въ окончательномъ покоіи Польши подъ ногѣ ея враговъ и супостатовъ. Злой духъ войоблекся передъ нимъ въ образъ благовѣстника. Онъ дѣлалъ щед обѣщанія своимъ соратникамъ, а въ Крымъ писалъ игриво: „Прите выбирать медъ изъ Польши. Закуривши подъ носъ Ляхамъ, выгонимъ ихъ прочь, какъ пчелъ".

Седмиградскій князь, Ракочій, условился съ нимъ — въ данный ентъ сдѣлать диверсію и ударить на Польшу съ тыла, а чтобы гбить шляхту до ноги, завзятый Хмѣль разослалъ двѣ тысячи аген по всему краю для взбунтованія не только православной, но и лической черни. „Польская шляхта" (писалъ онъ къ Ракочію), учи за королемъ, оставляетъ безъ обороны свои города и села. Я говорилъ мужиковъ, чтобы вооружились и ударили неожиданно съ у на занятыхъ войной со мною. Наступи одновременно Турецкимъ, миградскимъ и Венгерскимъ Шляхами, возьми старый городъ Ва (Краковъ), и обрящешь въ немъ богатую добычу".

Одинъ московскій царь, наперекоръ молвѣ, не вмѣшивался въ гу сообщниковъ Хмельницкаго, зная, что „вотчина" Іоанна III детъ къ нему, какъ выражались въ Москвѣ, судомъ Божіимъ. По подозрѣвали, что онъ подсылалъ Хмельницкому тайкомъ оружіе ушки; но это были слухи одного происхожденія съ тѣми, какіе зъ 117 лѣтъ были распущены Поляками и гайдамаками о подсылЕкатериною великою ножей для Уманской Рѣзни.

Николай Потоцкій стоялъ подъ Каменцемъ въ видахъ прикрытія родной Подоліи отъ козатчины и защиты землевладѣльцевъ отъ окозаченной черни. Отсюда слѣдилъ онъ за козацкими сношеніями съ Турціей, дунайскими княжествами, Венгріей и сообщалъ о нихъ королевскому правительству.

Волошскій господарь горько жаловался ему на козаковъ, которымъ онъ, по его словамъ, давалъ убѣжище въ своемъ княжествѣ во время польскихъ замѣшательствъ и со всѣми обходился человѣколюбиво (et omni tractabat humanitate), а они де такъ жестоко его придавили! Бѣдствія Польши обрушились и на него (писалъ онъ): ибо Хмельницкій выговаривалъ ему: зачѣмъ старался онъ въ Крыму объ освобожденіи гетмановъ? для чего ихъ на возвратномъ пути изъ плѣна такъ радушно принималъ? зачѣмъ даетъ королю деньги на войско? зачѣмъ дружится съ Ляхами и увѣдомляетъ ихъ обо всемъ, что дѣлается у Порты? Причиной постигшихъ его, Лупула, бѣдствій, по его мнѣнію, были также мультянскій господарь Бессарабъ и седмиградскій князь, Ракочій, заключившіе съ Хмельницкимъ враждебный союзъ противъ Польши. А теперь (писалъ онъ) и его самого Хмельницкій довелъ до того, что долженъ былъ присягнуть ему въ томъ же, сверхъ того далъ письменное обязательство и обѣщалъ послать войско въ помощь противъ короля. Сдѣлалъ де онъ это по-неволѣ (non tam libenter, quam reverenter): ибо у него надъ шеей висѣлъ неотвратимый (nie uchronny) мечъ; а этотъ измѣнникъ непремѣнно хотѣлъ добыть его, Лупула, гдѣ бы то ни было (in omni loco) и добытаго умертвить. Въ такомъ де положеніи дѣлъ своихъ прибѣгалъ онъ подъ покровительство короля, обѣщая ему всяческую преданность, на сколько это возможно при необходимости исполнить обязательства, данныя Хмельницкому. Онъ готовъ нарушить вынужденную у него присягу, лишь бы не принадлежать къ обществу этого измѣнника и укрыться подъ милостивыми крыльями королевскаго орла.

Такъ передавалъ его жалобы и мольбы Потоцкій въ письмѣ къ королю отъ 22 октября 1650 года, и ходатайствовалъ, по его просьбѣ, о дарованіи ему польскаго индигената, дабы пріобрѣсть въ немъ союзника. Что же касается обѣщанной сыну Хмельницкаго дочери, то Лупулъ, по словамъ Потоцкаго, желалъ бы ловко уклониться (kształtnie wyśliznąć) и отъ этого. Потоцкій просилъ короля написать къ Хмельницкому, чтобъ онъ оставилъ свое сватовство къ подданной Турецкаго цесаря, дабы не заподозрить своей вѣрности Рѣчи Посполитой. „Если же такой способъ не подѣйствуетъ“ (писалъ Потоцкій), „то, по моему мнѣнію, надобно этотъ союзъ расторгнуть мечемъ, въ и

жаніе великой опасности, которая бы вытекла изъ успѣховъ Хмель-
цкаго въ его замыслахъ", и здѣсь высказалъ онъ мысль, зароднв-
юся въ козатчинѣ еще при Косинскомъ. Въ теченіе полустолѣтія
я мысль развилась до того, что теперь казалась исполнимою мно
къ. „Намѣренія этого предателя" (писалъ Потоцкій) „вотъ какія
йска вашей королевской милости осадить; Ракочія съ мультанскимъ
подаремъ выпустить къ Кракову; шляхту искоренить (nobilitatem
extirpare); у вашей королевской милости престолъ отнять, и посадить
него кого-нибудь другаго, едвали не самаго Ракочія".

Вмѣстѣ съ тѣмъ Потоцкій доносилъ, что Хмельницкій на тѣ вое-
ства, которыя онъ удерживаетъ за собой противъ Зборовскаго до-
ора, получилъ султанское знамя и обѣщалъ платить съ нихъ га
ъ. „Намъ готовится страшное и неожиданное бѣдствіе" (прибав-
ъ онъ). „Я знаю, что теперь онъ будетъ ласкаться, но это для то-
чтобы миновало неудобное для него зимнее время, и чтобы при-
ти въ исполненіе то, что вознамѣрился и условился съ сосѣдями
лать весною. Теперь намъ остается одно: или поразить козаковъ,
перенести войну за границы государства, поуспокоясь дома.

„Обозъ" (писалъ Потоцкій) „распущу черезъ три дня. Сидѣлъ бы
немъ и дольше, хотя не знаю для чего, когда бы войско не было
такой страшной нуждѣ (gdyby nie to, ze srodze wojsko nędzne)".
Войско Потоцкаго, готоваго и поразить козаковъ, и перенести вой-
за предѣлы государства, не только терпѣло нужду, причиняемую,
всегда, скарбовою неурядицей, но, подъ гнетомъ нужды, и бун-
ло. Мясковскій писалъ о немъ къ брату такъ: „Того, что я за-
ъ въ лагерѣ новаго, неслыханнаго и подающаго дурной примѣръ
um inauditum et pessimi exempli), не могу забыть. Чужеземцы,
лучше нашинцы, одѣтые почужеземски, почти выламывались уже
гетманской юрисдикціи, и не допустили судить себя войсковымъ
амъ по старинному войсковому закону. Послѣ сигнала, дѣлали
голюдныя сборища, поднимали шумъ и крикъ противъ польскаго
на. Ударили было уже въ бубны и наконецъ—разграбили базаръ".

Въ обществѣ разсказывали, что когда передъ роспускомъ войска
танъ дѣлалъ смотръ, у одного жолнера вспыхнулъ безъ выстрѣла
охъ на полкѣ, и онъ сказалъ: „Это—за недоплаченное жалованье",
потомъ выстрѣлилъ изъ другаго пистолета и сказалъ: „А это — за
ченное". Всѣ захохотали, и самъ гетманъ сознался, что голодный
едоплаченный жолнеръ не исполняетъ команды.

Изъ этого лагеря кто-то писалъ къ кому-то отъ 23 октября:
ѣлъ замеръ съ войскомъ своимъ (cicho zapadł z gadziną). Какъ

бы не ожилъ снова, и наидальше—весною. Съ нами фальшивыя, о манчивыя церемоніи. Тѣхъ, которые бѣгали (у него) изъ Волощи обезглавливаетъ и разстригаетъ, а другихъ посвящаетъ".

Далѣе въ безыменномъ письмѣ слѣдуетъ не менѣе характерис ческая черта по отношенію къ татарской помощи: „Былъ въ велико страхѣ, потому что пришелъ въ Украину только съ 30.000. Тата всѣ разошлись. Вотъ когда можно было его напугать или совсѣ уничтожить. Но онъ двинулся хитро (usus stratagemate ruszyl): пр слалъ къ пану Краковскому грозное посольство, готовясь насту на обозъ, а между тѣмъ поскорѣе убрался на Украину, и этакъ ускол нулъ отъ насъ".

Въ заключеніе, безыменный корреспондентъ сѣтуетъ на корол ское запрещеніе вмѣшиваться въ волошскія дѣла—слѣдующими с вами: „Правда, его милость панъ Краковскій зналъ объ этомъ, трудно было что-нибудь дѣлать со связанными руками (związane r mając)".

Кисѣль доносилъ королю изъ Кіева отъ 26 октября, что изъ В лощины только часть Орды пошла въ Крымъ, а другая за Чигирин въ Дикихъ Поляхъ осѣла на кочевищахъ... „Здѣсь всѣ говорятъ" (п салъ онъ), „что если не будутъ успокоены въ религіозныхъ прят ніяхъ и не будутъ обезпечены заложниками, или присягою, то м не можетъ быть проченъ".

Это значитъ, что Хмельницкій, дѣйствуя на Турецкаго сул потурецки, дѣйствовалъ на Московскаго царя помосковски, что приготовить себѣ правовѣрное, или же православное убѣжище, с тря по обстоятельствамъ. То, что во времена оны кіевское духо ство едва смѣло шептать козакамъ на ухо, теперь оно проповѣдыв съ кровель. И почему же нѣтъ? скажутъ объ этомъ его потомки. Н зависимо отъ козаковъ, которые держали въ рукахъ нѣсколько в водствъ и давали ему опору вещественную, на эту проповѣдь упол мочивали его нравственно такіе *душохваты,* какими были Пиза Поссевинъ, Скарга, Кунцевичъ, Рутскій и пр. и пр. со всѣмъ не числимымъ іезуитскимъ сонмомъ. Созданіе этого сонма, уніяты, за тили и подчинили папѣ церкви, въ которыхъ были погребены пре людей православныхъ,—не только такихъ, какіе вписывали теперь напоминаніе въ грознопросительное письмо Хмельницкаго къ коро но и такихъ, какими были Іоаннъ Вишенскій, Іовъ Борецкій, Ис Копинскій и многіе другіе „преподобные мужи Россы, житіемъ и гословіемъ цвѣтущіе". Если позволительно было католическимъ пре тамъ вторгаться въ вертоградъ христіянства, насажденный учени

Кирилла и Меѳодія, то вольми паче было позволительно потомкамъ этихъ учениковъ удалять папистовъ изъ захваченныхъ такъ или иначе церквей. отнимать у нихъ духовные хлѣбы и даже уничтожать католическія насажденія, дабы они, въ римскомъ злочестіи своемъ, не высасывали жизненныхъ соковъ изъ почвы древняго русскаго благочестія. Ею же мѣрою мѣрили апостолы папства, возмѣрилось и имъ, да еще отмѣренная въ воздаяніе мѣра была, по писанію, „мѣрою доброю, натоптанною". Древнѣйшія русскія воспоминанія и самое Повисліе съ его Краковами и Судомирами включало въ область восточнаго проповѣданія христіанской вѣры. Но мы не вторгались въ захваченный у насъ вертоградъ съ насажденіями своего благочестія. Девизомъ нашей проповѣди было: „имѣяй уши слышати да слышитъ"... А деспотическое папство вторгнулось въ православную паству насильственно, и мирнымъ проповѣдникамъ нашимъ не стало отъ него житья. Оно исчезало и являлось подъ новыми видами безконечно, не оставляя въ цѣлости ни древней славы нашей, ни пользованія нашимъ церковнымъ достояніемъ. Беззаконіе, облеченное въ законность, раждало новыя беззаконія, а злочестіе, прикрытое вольностью и равенствомъ, сдѣлалось источникомъ нашей скорби и сѣтованія на гробахъ благочестивыхъ предковъ. Наконецъ, въ Королевской Землѣ не стало добра не только худшимъ, но и лучшимъ изъ насъ. Тогда въ силу закона жизни и свободы, въ сущности нераздѣлимыхъ, Королевская Земля сдѣлалась Царскою; вольная и бѣдствующая Польша уступила мѣсто рабствующей и благоденствующей Россіи. Окозаченные Ляхи Косинскіе, отатаренные шляхтичи Хмельницкіе были въ историческихъ польскорусскихъ судьбахъ только стихійными карами, ниспосланными регулирующею силою жизни на обладателей польскаго Содома, Кракова, и польской Гоморры, Варшавы, — на добровольныхъ рабовъ римскаго папы, прiукрашенныхъ титлами великихъ монарховъ и великихъ пановъ.

Во что бы ни игралъ Козацкій Батько, грозя Москвѣ, прислуживаясь Турціи, живя, повидимому, душа въ душу съ Татарами, но союзъ хана съ королемъ на пагубу Москвы не состоялся. Хмельницкій превзошелъ пановъ искусствомъ загребать жаръ чужими руками. Онъ платилъ союзникамъ не своимъ, а сосѣдскимъ добромъ. У него за все и про все отвѣчалъ неистощимый богачъ Лупулъ, котораго онъ, словно ловкій паукъ рѣзвую муху, запуталъ въ свою паутину. Но хану было не по душѣ слишкомъ уже ловкое запутываніе такой крупной мухи, которая рвала до сихъ поръ всевозможныя паутины. Козаки сдѣлались теперь сильны Татарамъ, и именно тѣмъ, что турецкій султанъ смотрѣлъ на Козацкую Украину, какъ на широкій

шагъ правовѣрныхъ изъ-за Дуная въ области проклятыхъ Пророкомъ гяуровъ. Отъ него пришло строгое повелѣніе помогать Хмельницкому, яко Стражу Оттоманской Имперіи. Дружба злаго къ злому перешла въ боязнь, и боязнь родила взаимную ненависть.

Согласно увѣренію силистрійскаго баши, Мегметъ-Дервиша, Потоцкій думалъ, что Туркамъ былъ не по вкусу союзъ Татаръ съ козаками; но турецкій вкусъ мѣнялся съ перемѣной султанскихъ временщиковъ. Теперь отъ Босфора вѣтеръ дулъ въ паруса Хмельницкаго не хуже того, какъ въ былое время съ Низу Днѣпра. Хмельницкій торжествовалъ, точно Громобой передъ разсчетомъ съ дьяволомъ. Онъ былъ теперь, въ полномъ смыслѣ слова,

И сильныхъ бичъ и слабыхъ страхъ,
И хищникъ, и грабитель.

Откуда бы ни произошла сила, она производитъ явленія соотвѣтственныя. Поклонники истины поклоняются ей духомъ и истиною до конца, а поклонники лжи и насилія рабствуютъ передъ всякимъ успѣхомъ, готовые покинуть своего божка при первой неудачѣ. Хмелю Хмельницкому, этому „сору Рѣчи Посполитой", стали кланяться не одни восточные попрошайки да кіевскіе попы и монахи, но и гордые паны, о которыхъ послѣ Корсунскаго погрома пѣла „Муза яростной сатиры":

Czyli w tém jakie przedwieczne wyroki,
Czy grzech nasz sprawił i zbytek głęboki,
Kiedy bujając myślą nieba blizką,
Ledwie patrzymy na ziemię już nizką *).

Хмелю Хмельницкому кланялся въ злобѣ своей, и обветшалый, полуразрушенный „глубокимъ развратомъ" герой Кумеекъ, Боровицы, Старца Днѣпра. Николай Потоцкій послалъ ему въ подарокъ *оправную* саблю съ увѣреніемъ, что королевское войско чуждается всякой враждебности. Потомъ опять писалъ къ нему пріятельскій листъ (list przyjazny), полный выраженій расположенности (dobrego affektu pełen), какъ объ этомъ увѣдомлялъ брата подольскій судья, Мясковскій. Кисѣль объясняетъ намъ, почему такъ дѣлалось, въ письмѣ къ королю отъ 26 октября: „Мила намъ отчизна и ея спокойствіе, милы

*) Совершился ли въ этомъ какой-то предвѣчный судъ, или сдѣлалъ это нашъ грѣхъ и глубокій развратъ, когда мы, летая мыслью подъ небесами, едва смотрѣли на землю, уже низкую.

намъ староства въ Украинѣ". И поэтому онъ совѣтовалъ,—хоть бы секретно (chocby tež tacite) склонить Хмельницкаго какимъ-нибудь почетнымъ (zacnym) подаркомъ къ возвращенію панамъ козацкихъ захватовъ. „Ибо власть его такова" (писалъ почтенный миротворецъ), „что козаки должны все сдѣлать, что онъ велитъ". Изобрѣтательный Свѣнтольдовичъ предлагалъ сдѣлать съ этой цѣлью починъ складчины въ Кіевскомъ воеводствѣ, „лишь бы не явно (byle było tacitum). Инымъ способомъ" (твердилъ онъ готовому на всякую низость Яну Казиміру) „невозможно намъ нынѣ свергнуть иго (excutere jugum) Орды въ соединеніи съ козаками и всею чернью, а если присоединится къ нимъ Турокъ, то невозможно и никогда".

Политика, оправдываемая горестною необходимостью, велѣла подъ Зборовымъ панамъ, а съ ними и самому Хмельницкому, отдать въ жертву татарскому огню и мечу десятки малорусскихъ городовъ и селъ. Политика, внушаемая отсутствіемъ патріотизма, нагибала теперь ихъ гордую выю передъ тѣмъ, кого безыменный сатирикъ назвалъ „презрѣннымъ сором". Ихъ воспитали многія поколѣнія въ убѣжденіи, что наслѣдственная знатность не существуетъ безъ богатства, а безъ знатности и богатства не существуетъ и не долженъ существовать архичеловѣкъ, то-есть панъ и шляхтичъ. Самая церковь, основанная просвѣтителями и руководителями ихъ на развалинахъ церкви благочестивой, стояла, по своему римскому происхожденію, на принципѣ, противоположномъ ученію Христа: „царство мое не отъ міра сего", и въ этомъ смыслѣ правы были наши ревнители „древняго русскаго благочестія", называя свою вѣру не восточною, греческою, русскою, православною, благочестивою, а просто *вѣрою христіянскою*, въ отличіе отъ римской, латинской, католической, папской, польской. Перечитывая автентическія свидѣтельства о быломъ, мы находимъ и такіе факты панскаго поклоненія Хмельницкому, что еслибы не знали, какъ создался новый, такъ называемый христіянскій Римъ, и какъ онъ созидалъ по образу своему и по подобію Польшу, то не вѣрили бы собственнымъ глазамъ. Дворянинъ коронпаго полеваго гетмана, Мартина Калиновскаго, доносилъ своему пану изъ Чигирина отъ 26 ноября 1650 года нижеслѣдующее:

„По повелѣнію вашмости пана, пріѣхавъ къ пану гетману запорожскому, засталъ я его въ Чигиринѣ. Нашелъ я у него много пословъ: отъ его королевской милости—пана Воронича, а отъ пана Краковскаго—пана Загоровскаго. Этотъ прибылъ съ подарками. Былъ и московскій посолъ съ просьбой о мирѣ. Взявъ отъ него подарокъ, Хмельницкій) отправилъ его не весьма любезно (именно съ тѣмъ) что

если (козаки) заключатъ удовлетворительный миръ съ Рѣчью Посполитою, то зимой обѣщаетъ быть къ нимъ (Москалямъ *). Волошскій митрополитъ былъ у него, прося назначить время свадьбы сына его, Тимка. Назначилъ (ему) время или на русскія святки, или послѣ Трехъ Королей русскихъ. Отправилъ его весьма дружески, и послалъ ему что-то тайкомъ (i coś mu skrycie posłał **). Отъ князя Димитрія (Вишневецкаго), также и отъ пана *русскаго воеводы* (Іереміи Вишневецкаго) были послы съ подарками и съ просьбой—усмирить хлопское своевольство и привести (мужиковъ) къ повиновенію. Все это для нихъ сдѣлавши, благосклонно ихъ отправилъ".

Интересно это письмо и до конца:

„Я только на третій день могъ доложить ему порученіе вашмость пана. Сперва принялъ онъ меня не очень любезно, за то что пріѣхалъ къ нему съ пустыми руками (z niczém), и обиняками намекалъ, что у меня де множество пословъ польскихъ королей (polskich królów) и чужеземныхъ монарховъ пріѣзжало, но ни одинъ съ голыми руками не пріѣхалъ. Я оправдывалъ вашмость пана, что вашмость находитесь въ дорогѣ. А вже жъ! сказалъ онъ мнѣ. Калиновскій теперъ худый нахôлокъ, да трêба ёгô запомогти. Къ этому пришилъ онъ короля его милость. Кôроль допевняецця въ мêне правосу́ддя, а самъ ёгô не чинитъ. Нехай же знае корôль ёгô милость и Річъ Посполитая: коли мені ёгô милость корôль на сёму сейми Чаплинськогô не выдасть, до я бу́ду ёгô шукàти въ Варшàві и Гдàнськову, и вже не я ёгô, а вінъ мій. Потомъ, обращаясь ко мнѣ, сказалъ: Скажи ты відъ мêне пàну Калиновському и князеві (Любомирскому): коли хочутъ миру, дакъ нехай мені ёгô выдаютъ: бо якъ тепêръ васъ зачну до и скінчу. Въ мêне Татàре, Волôхи, Мултяне, Венгры: якъ васъ тепêръ почну, до вже вічна пàмять... Благоволите же ваша милость судить желаетъ ли этотъ человѣкъ мира? Дѣло вѣрное, что весной наступитъ всею силою, не дожидаясь военнаго времени. Онъ и такъ ужъ говоритъ: коли спрàвді воювàти".

Хмельницкій постоянно находился въ противорѣчіи съ самимъ собою: то дѣйтвовалъ онъ по внушенію своего мстительнаго и ревнивого сердца, то внималъ голосу практическаго ума, для обезпеченія себя и своего семейства среди домашнихъ завистниковъ, среди раз огорченныхъ имъ пановъ, среди стороннихъ соискателей господства и

*) Въ архивахъ не отыскано слѣдовъ отъ посольства. Оно, по всей вѣроятности, было сочинено Хмельницкимъ для пановъ, какъ и переяславское 1649 г.

**) Эти неясныя слова переводятъ такъ: „и далъ ему тайное порученіе"

Малороссіи. Готовясь преслѣдовать Чаплинскаго до отдаленнѣйшихъ предѣловъ Польши, онъ въ то же самое время угождалъ великимъ панамъ, даже Потоцкому и Вишневецкому, а взволнованнымъ имъ налійямъ, коліямъ, рѣзунамъ и всякимъ инымъ истребителямъ панскаго рода вѣщалъ своими универсалами точно сердитый Нептунъ бурнымъ вѣтрамъ: „Я васъ!“

Такой универсалъ (отъ 3 русскаго октября) былъ имъ разосланъ изъ Ямполя. Въ немъ объявлялъ онъ, „какъ старшинѣ, такъ и черни, товариществу Войска его королевской милости Запорожскаго, яко межъ мещанамъ и селянамъ, подданнымъ усімъ въ воеводстві Киевськимъ знайдуючимся“, что въ нынѣшнее время, когда пѣшее войско козацкое выступало въ Волошскую Землю, нѣкоторые изъ принадлежащихъ къ „подданству“, не будучи панамъ своимъ послушными и доброжелательными, напротивъ будучи ихъ непріятелями, „много шляхты, пановъ своихъ, потопили, поубивали“, и теперь, не оставляя своего замысла, посягаютъ на жизнь пановъ и не хотятъ быть послушными, а затѣваютъ бунты и своеволіе. Посему, еслибы явились еще такіе своевольники, которые бы покушались на жизнь господъ своихъ и не хотѣли имъ повиноваться, то чтобы такихъ своевольниковъ сами паны, вмѣстѣ съ козацкими полковниками, бѣлоцерковскимъ или кіевскимъ, строго и даже смертью карали. Тѣ же (писалъ Хмельницкій), которые кровь христіянскую невинную пролили и миръ нарушили, не избѣгнутъ „горлового каранья, якожъ и тутъ за тое не одного на горло скарали есмо“.

Съ своей стороны ханъ колебался между Хмельницкимъ и Яномъ Казимиромъ, между козаками и панами. Сперва онъ ластился къ панамъ, сулилъ имъ завоеваніе Московскаго Царства, увѣрялъ, что козаки—ихъ покорные слуги; теперь вошелъ въ свою роль посредника между ними, и заговорилъ съ королемъ угрожающимъ тономъ судьи.

Угрозы хана и самого Хмельницкаго привели польскорусскихъ пановъ къ необходимости созвать и въ 1650 году чрезвычайный двухнедѣльный сеймъ. Окружавшіе короля сенаторы и другіе сановники шумѣли о козацкой дерзости, о пренебреженіи Хмельницкаго къ королю и Рѣчи Посполитой, о претерпѣваемыхъ шляхтою въ Украинѣ обидахъ и убійствахъ, о стремленіи козацкаго гетмана расторгнуть съ Польшею послѣднюю связь и создать отдѣльное гетманство подъ протекціей султана. Были между ними такіе, что, помня опасности послѣдней войны, домогались всячески мира и доказывали, что силы Рѣчи Посполитой слабы, тогда какъ ея бунтовщики сдѣлались могущественны турецкою протекціей; но большая часть представителей

Шляхетскаго Народа, какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціяхъ, взвѣшивая прошедшее и будущее, пришла къ убѣжденіе, что—или Рѣчь Посполитая должна погибнуть, или козаки... Не приходило панамъ тогда въ голову, что должны были неизбѣжно исчезнуть *объ* соперничающія республики: панская потому, что и безъ козаковъ сама собой губила свою общественность и государственность, а козацкая—потому, что не имѣла ни общественности, ни государственности.

И вотъ появился королевскій универсалъ, созывающій повѣтовые сеймики на 7 день ноября, а генеральные на 22-й, съ тѣмъ чтобы Шляхетскій Народъ готовился къ центральному сейму на 5 день декабря. На этомъ чрезвычайномъ сеймѣ предполагалось трактовать лишь о двухъ предметахъ: о защитѣ Рѣчи Посполитой и объ уплатѣ жолда жолнерамъ.

Въ инструкціи королевскаго правительства, разосланной на сеймики, говорится,—что никогда еще Польша не претерпѣвала болѣе постыдныхъ пораженій, какъ въ послѣднее время (po wielkich a przeszłych wiekow nigdy sromotniejszych klęskach), но что король, разогнавъ подъ Зборовымъ всѣ бури и скопища (wszystkie burze i nawalności), освѣтилъ шляхту свѣтомъ любезнаго и желаннаго мира (miłego i pożądanego pokoju światłem nas rozświecił). „Тѣмъ не менѣе“ (продолжаетъ инструкція) „обстоятельства велятъ озаботиться упроченіемъ этого мира на будущія времена, чтобы не было больше повода къ новому бунту и внутреннему несогласію“...

Но прежде всего надобно было устроить самый источникъ постыдныхъ пораженій, какихъ никогда еще не претерпѣвалъ Шляхетскій Народъ. Объ этомъ въ инструкціи сказано премудро: „Какъ въ человѣческомъ тѣлѣ скрытыя болѣзни бываютъ самыми опасными и трудными для излѣченія, такъ и въ тѣлѣ Республики внутреннія зла несравненно опаснѣе внѣшнихъ. Въ этомъ столько разъ уже удостовѣрялось наше отечество, когда отъ неуплаты жолнерамъ жолду появлялись вредоносные заговоры, и военное своевольство причиняло Рѣчи Посполитой больше вреда, нежели самый могущественный непріятель. А теперь особенно кто изъ насъ не испыталъ этого бѣдствія? Теперь отъ нихъ пострадали не только духовныя и государственныя имущества, но и шляхетскія. Вопли убогихъ людей и стоны бѣдныхъ навѣрное прошибли небеса и, должно быть, они-то привели за собой и божеское мщеніе. Отъ незаплаченнаго жолнера едва ли не въ большей опасности была Рѣчь Посполитая, нежели отъ самого непріятеля. Только счастье короля его милости и труды пановъ коммиссаровъ (по регуляціи скарба и удовлетворенію войска) все это успокоили“.

Сознаваясь въ государственной несостоятельности своей, правительство ставило вольному Шляхетскому Народу на видъ, что ему предстоитъ борьба не съ далеко находящимся непріятелемъ, а съ такимъ, который пребываетъ въ границахъ государства и можетъ наступить недѣли черезъ двѣ. Оно умоляло своихъ гражданъ не дѣлать больше такъ, какъ на прошломъ сеймѣ, что нѣкоторыя воеводства не согласились на налоги, а другія, согласясь, не представили ихъ".

Въ это время Потоцкій сообщилъ королю свой взглядъ на политику Хмельницкаго, и король разослалъ дополненіе инструкціи, въ которомъ вопіялъ къ шляхтѣ:

„Пришли къ намъ обстоятельныя и несомнѣнныя извѣстія о непрестанныхъ козняхъ завзятаго и заклятаго врага Рѣчи Посполитой. Извѣщаемъ о нихъ всѣхъ писаніемъ нашимъ. Заключенная Хмельницкимъ дружба съ Татарами такъ нерасторжима, что не только совѣщаются между собой весьма интимно и съ великою тайною, но и мановенія другъ друга взаимно исполняютъ. Рѣчь Посполитая уже претерпѣла отъ этого много непоправимаго вреда (irreparabili damno); но вотъ новое доказательство (ихъ козней). Распустивъ слухъ, будто хочетъ идти на Москву, Хмельницкій, подъ предлогомъ непрочнаго мира, бросился на доброжелательнаго Рѣчи Посполитой волошскаго господаря, съ намѣреніемъ свергнуть его съ престола, а потомъ, подавивъ и другихъ сосѣдей своею силою и окруживъ насъ со всѣхъ сторонъ, довести Рѣчь Посполитую до послѣдней пагубы (in ultimum extreminium). Легко привелъ бы онъ въ исполненіе свои злостные замыслы, когда бы Татары, взявши добрый окупъ отъ волошскаго господаря и нахвативъ множество ясыру (opima praeda obłowiwszy się), не вернулись въ свои жилища. Вслѣдъ за этимъ скопленіемъ козацкаго войска, и взбунтованная имъ чернь начала неистовствовать (furere coepit), и нѣсколько десятковъ шляхетскихъ домовъ, которые, обезпечась миромъ, возвратились въ свои жилища, истребила съ женщинами и дѣтьми, Не высидѣла бы въ обозѣ горсть нашего войска, на которое онъ покушался (na ktore się on kaszal), и навѣрное не выдержала бы такой силы, когда бы Татары, съ такимъ изобильнымъ (obfitym) полономъ, не повредили его замысламъ".

Этими словами инструкція снимала съ короля отвѣтственность за повелѣніе „не обгонять чужаго проса".

„Но предательскій во всѣхъ поступкахъ непріятель, не довольствуясь одной этой нерасторжимой лигой, ищетъ все новыхъ и новыхъ способовъ къ увеличенію силы своей (ad augendam potentiam suam) на угнетеніе Республики. Отдался подъ протекцію Турецкаго

цесаря, и самъ хвалился этимъ (cum suo applausu), принявъ турецкихъ пословъ при нашихъ послахъ, а тамъ держитъ своихъ резидентовъ для взаимныхъ сношеній (ad communicata consilia). Но еще и въ томъ не меньшее доказательство его предательскихъ замысловъ, что, по выходѣ Татаръ изъ Волощины, самъ опять напалъ на волошскаго господаря, и оружіемъ принудилъ обѣщать свою дочь за его сына. Если это придетъ въ исполненіе, то каждый легко можетъ судить, какія опасности угрожаютъ Рѣчи Посполитой. Прибавимъ еще то, что недавно татарскій ханъ послалъ въ Швецію своихъ пословъ, которые проѣхали чрезъ наше государство, а съ чѣмъ ѣхали, не хотѣли сказать; но не можемъ иначе думать, какъ такъ, что—для возбужденія Шведовъ противъ Рѣчи Посполитой по внушенію Хмельницкаго, дабы тѣмъ удобнѣе напасть на развлеченную такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ отъ разныхъ непріятелей Республику, и потомъ придавить. Изъ всего этого слѣдуетъ, что къ веснѣ надобно ждать неизбѣжной козацкой войны".

Изобразивъ грозное положеніе дѣлъ, дополнительная инструкція отклоняла посполитое рушеніе по вытекающимъ изъ него неудобствамъ (incommoditates z niego sami to uważyć możecie), и предпочитала составить регулярное войско въ количествѣ, достаточномъ для отраженія непріятеля.

Глава XXV.

Польша перестаетъ быть государствомъ свѣтскимъ.—Партизанская война въ началѣ весны 1651 года.—Неудачныя покушенія козаковъ на Подольскій Каменецъ

Между тѣмъ какъ Польша была поставлена правительственнымъ сообщеніемъ въ извѣстность о грозѣ, облегавшей ея горизонтъ со всѣхъ сторонъ, Николай Потоцкій донесъ королю изъ Каменца, что Хмельницкій въ Подольскомъ воеводствѣ, за козацкой линіей, записалъ не малое число селянъ въ козаки, по мнѣнію Потоцкаго, для того, чтобы возбудить приверженность къ себѣ въ черни (concitandae plebis gratia) въ видахъ предстоящаго нашествія на пановъ.

Войско было сведено съ поля 29 октября, но его такъ трудно было размѣстить по зимнимъ квартирамъ, что Потоцкій, по его словамъ, предпочелъ бы дать нѣсколько битвъ. Край былъ разоренъ; вездѣ голодъ и дороговизна, а жолнерамъ нечѣмъ было уплатить жолду. Часть войска расположилъ Потоцкій вдали отъ козацкой линіи, въ близкихъ къ украиннымъ воеводствахъ, а верхнія воеводства откупились отъ постоя платою.

Но въ это самое время кто-то писалъ къ кому-то изъ Бара о козацкихъ замыслахъ, то есть о ходячихъ въ народѣ толкахъ, страхахъ и ужасахъ. Была де у Хмельницкаго рада, на которой козаки совѣщались: не оторваться ли имъ совсѣмъ отъ Польши? и что̀ дѣлать, если панское войско не уйдетъ въ Польшу? Было де рѣшено выдержать и вытерпѣть всю зиму, а весной выступить вмѣстѣ съ Татарами и Ляхами *потужно* въ Московщину и, доведя Ляховъ до московской границы, взять ихъ между себя (wziąść między się), да и вырѣзать до ноги, такъ чтобы не ушелъ ниодинъ Ляхъ (aby i jednego Lacha nogi nie upuścić), а потомъ запустить глубоко въ Польшу Татаръ. „Когда же послѣ Татаръ“ (говорили козаки) „добьемъ Ляховъ (wybiwszy te Lachy po Tatarach), тогда уже наша земля *очистится*, и мы будемъ пановать въ мирѣ“.—„Но Господь Богъ“ (утѣшалъ себя

писавшій), „можетъ быть, скорѣе счиститъ ихъ моровымъ повѣтріемъ: уже они тамъ страшно валятся, и лежатъ, какъ дрова, на Поднѣстріи около Шаргорода и далѣе къ Брацлаву. Но мужики наши твердятъ, что у нихъ что-то злое на умѣ: ибо наказано имъ—черезъ двѣ недѣли имѣть въ готовности лошадей и сухари. Хмельницкій еще въ Брацлавѣ, а Татары стоятъ всюду около *Савранъ*“.

Между тѣмъ козацкіе послы прибыли въ Варшаву, по современной перепискѣ, „въ одной сворѣ съ татарскими“, а литовскій канцлеръ замѣтилъ въ дневникѣ, что они даже заняли общую квартиру.

Татары (говоритъ корреспондентъ), въ качествѣ посредниковъ и прокураторовъ, находили Хмельницкаго (точно наши историки) вовсе невиновнымъ въ томъ, что онъ ходилъ въ Волощину. Не согрѣшилъ онъ, по татарскому воззрѣнію, и тѣмъ, что такое множество шляхты перебито; что посылалъ къ турецкому султану пословъ и отдался ему въ подданство. Татары настаивали на исполненіи со стороны пановъ Зборовскаго договора. А козаки пріѣхали свидѣтельствовать свое вѣрноподданство (продолжаетъ корреспондентъ), на всѣ же укоры отвѣчали отрицаніемъ и незнаніемъ. Все дѣло было отложено до сейма.

Но мы прочтемъ такъ названныя *покорныя* petita Хмельницкаго.

Увѣряя короля, „Божія помазанника“, въ своемъ вѣрноподданствѣ, Хмельницкій писалъ: „Посылаемъ нашихъ пословъ только черезъ эти petita, потому что мы, яко простаки, не умѣемъ ходатайствовать изустно (domówić się nie możemy). Мы просимъ о томъ. что̀ наилучше утвердило бы миръ. Пускай этимъ не оскорбляется маестатъ вашей королевской милости и освѣщенный сенатъ.

„Самый прочный и вѣчный миръ всей Рѣчи Посполитой въ панствѣ вашей королевской милости былъ бы тогда, когда бы былъ утвержденъ присягою ихъ милостей ксендза архіепископа гнѣзненскаго, ксендза архіепископа львовскаго, ксендза бискупа краковскаго, его милости пана Лянцкоронскаго, воеводы брацлавскаго, и его милости подканцлера коронного (Іеронима Радзѣёвскаго), а въ залогъ просимъ намъ дать: князя его милость Вишневецкаго, который не желаетъ замѣшательства и милостиво (łaskawie), съ давнишнихъ временъ обходится съ Запорожскимъ Войскомъ и съ подданными, его милость пана хорунжаго короннаго, который, прибывъ на свои староства, привезъ намъ стародавнія привилегіи на Чигиринъ, чтобы здѣсь резидовать; его милость старосту бѣлоцерковскаго (князя Любомирскаго); его милость пана обознаго короннаго (Калиновскаго—сына), которые на своихъ маетностяхъ резидуютъ, и пускай благоволятъ охранять миръ безъ единой хоругви войска, а равно безъ великихъ дворовъ и асси-

стенцій, да просимъ, чтобъ они, будучи заложниками, обходились хорошо съ нами".

Никогда еще волки не предлагали пастухамъ болѣе наглаго договора. Никогда козаки не думали такъ презрительно о здравомъ умѣ пановъ,—и они были правы. Передъ изумляющимся потомствомъ тѣхъ и другихъ лежитъ письмо величайшаго мудреца и глупца въ панской республикѣ, величайшаго патріота и губителя панской среды своей, Адама Свѣнтольдовича Киселя изъ Брусилова, отъ 26 октября 1650 года.

Кисѣль, назначенный на прошломъ сеймѣ, по его словамъ, „стражемъ мира", совѣтовалъ королю, чтобы Рѣчь Посполитая ждала будущаго сейма спокойно, для того, чтобы, взвѣсивши свои и непріятельскія силы, могла рѣшить, чего ей держаться, и чтд замышляютъ въ Крыму, и какъ у Турокъ трактуютъ о *волошскомъ опустошеніи*, и чтд затѣваютъ внутри (interne machinatur). Доказавъ ясно, какъ день, свою химеру, панскій Несторъ и Улиссъ приходитъ къ такой мысли, что средствомъ гарантіи мира Польша достигла бы расторженія козакотатарской лиги, а это было бы величайшимъ для нея благополучіемъ (summa Reipublicae felicitas). „И хотя въ этомъ" (продолжаетъ Кисѣль) „видимъ нѣчто недостойное (indignitatem jakąś), но по мнѣ—наибольшее достоинство—спасеніе Республики (salus Reipublicae, to największa dignitas u mnie). А допустить этого человѣка до послѣдняго отчаянія, въ которомъ онъ поддался бы Турку съ войскомъ и со всѣмъ посполъствомъ, вотъ когда—сохрани Боже—была бы indignitas, а пожалуй, и послѣдняя гибель наша... Когда дѣло дошло до крайности, всегда избираютъ меньшее изъ золъ... Мы могли бы и взять и дать заложниковъ, которые были бы въ родѣ плѣнниковъ у запорожскаго гетмана, но чтобъ они резидовали на Украинѣ за линіей, въ своихъ имѣніяхъ, прилично своему положенію. Чтд лучше: рисковать ли всѣмъ, или же все подвергнуть гибели? Можно бы и на присягу согласиться *своимъ способомъ* (swym sposobem) вмѣсто того, чтобы возбудить еще ужаснѣйшую и злотворную войну. Этихъ заложниковъ можно назвать коммиссарами, и подъ этимъ названіемъ передать въ потомство, а они присягнули бы, какъ на коммиссію". По мнѣнію Киселя, этимъ способомъ, безъ всякаго недостоинства (absque omni indignitate), можно бы удовлетворить и тому, чего желаетъ запорожскій гетманъ для своего обезпеченія, и миръ утвердить, и разорвать козацкій договоръ съ Ордою, а себѣ (козаковъ) присвоить (sobie approrpriare) и отъ Москвы спасти, и миръ, заключенный Киселемъ въ ея столицѣ, осуществить.

Изъ этого документа видно, что Хмельницкій обработалъ стража панскаго мира съ козаками сообразно своимъ цѣлямъ, которыя грубо, но вѣрно, высказывались въ толкахъ поспольства о совмѣстномъ походѣ козаковъ, Татаръ и панскаго воинства въ Московщину. Еще мало было панамъ горькихъ разочарованій! Или въ самомъ дѣлѣ у нихъ, какъ у кобзарскаго Потоцкаго, былъ *рôзумъ жіндоцькій*, довѣрчивый погибельно? Земля, удобренная кровью и орошенная потомъ прадѣдовъ, сдѣлалась теперь маніею правнуковъ. Лишаясь этой земли, вырванной изъ рукъ у голодныхъ номадовъ, Татаръ, несчастные поняли всю цѣну ей, какъ утраченному здоровью, какъ отнимаемой жизни... Только такимъ образомъ возможно намъ объяснить себѣ то жалкое забвеніе національнаго достоинства, съ которымъ они относились къ предателямъ и разбойникамъ, лицемѣря не только передъ совренниками, но и передъ потомствомъ.

Но обратимся къ *покорнымъ петитамъ* „простаковъ", которые не умѣли ходатайствовать изустно.

„Просимъ, чтобъ унія, начало всѣхъ золъ, возмущающая (народъ) съ давнишнихъ временъ, была совсѣмъ уничтожена, какъ въ Коронѣ, такъ и въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, а всѣ владычества, каѳедры, церкви, обращенныя въ костелы, или предоставленныя уніятамъ, и всѣ имущества, наданныя предками владычествамъ, каѳедрамъ и церквамъ искони (antiquitus) были бы возвращены, чтобы отнынѣ униты, какъ они привыкли, своими ухищреніями больше не пускали этого дѣла въ проволочку, и вѣра наша никакихъ притѣсненій не терпѣла. Свобода богослуженія русскаго, чтобы была невозбранна по старинѣ въ городахъ его королевской милости, какъ въ Польской Коронѣ, такъ и въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. Ксендзы и свѣтскіе паны римской церкви всякихъ духовныхъ нашей вѣры, какъ въ добрахъ вашей королевской милости, такъ и въ дѣдичныхъ (панскихъ) не должны принуждать къ своему послушанію (do posłuszeństwa swego) и взимать съ нихъ даннинъ, ни десятинъ изъ церковныхъ мѣстъ. Просимъ, чтобъ униты, по уничтоженіи уніи въ Польской Коронѣ и Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, тотчасъ отдали не унитамъ владычества, каѳедры, церкви, грунты, добра; а кто бы оказался непослушнымъ, на такихъ чтобы была установлена строгая кара. Священники старожитной русской вѣры, чтобъ имѣли такія вольности, какія имѣютъ ксендзы римской церкви, и никакимъ свѣтскимъ законамъ не подчинялись; также чтобы жолнеры у нихъ постоемъ не стояли. Просимъ вашей королевской милости, чтобы село Перетынско было возвращено львовской каѳедрѣ, а село Кцелевъ—галицкой капи-

тулѣ, въ границахъ, означенныхъ въ привилегіи князя Льва, перваго фундатора. Доносимъ также до слуха вашей королевской милости, что Русскій Народъ терпитъ великія преслѣдованія отъ пановъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ. Униженно просимъ, чтобъ они никакъ не мстили. Еслибы мы получили опредѣленную линію, то просимъ вашей королевской милости, чтобъ и по за линіей наши духовные и Русь оставались при своихъ вольностяхъ и старожитныхъ обрядахъ, и чтобы не терпѣли уже отъ унитовъ никакихъ нападковъ: ибо никакія вѣры и въ чужихъ земляхъ не подвергаются такимъ притѣсненіямъ и преслѣдованіямъ, какъ въ нашей землѣ".

Такъ желали говорить съ королевскимъ правительствомъ тѣ попы и мѣщане, которыхъ лживыя манифестаціи князя Острожскаго ввели въ банницію. Такимъ языкомъ имѣлъ бы полную возможность говорить онъ и самъ, стоя во главѣ своего 15-ти или 20-титысячнаго ополченія, когда бы домъ его не находился больше во власти іезуита Скарги, чѣмъ самого главы дома. Теперь языкомъ, подобавшимъ ему больше, чѣмъ кому-либо, заговорили кіевскіе паны и чернецы изъ-за спины православнаго Запорожскаго Войска, котораго послы, увы! прибыли въ Варшаву „въ одной сворѣ" съ новыми протекторами православія — Татарами.

Какъ бы то ни было, но въ Польшѣ боролись уже не люди съ людьми: въ борьбу людей съ людьми вмѣшались боги противъ боговъ, и вопросъ междусословный сдѣлался вопросомъ междуцерковнымъ. Кіевское духовенство заговорило наконецъ языкомъ власть имѣющаго. Тема почиванія предковъ подъ сѣнію созданныхъ и облагодѣтельствованныхъ ими храмовъ была высказана въ „покорныхъ петитахъ" такъ выразительно, какъ будто всѣ наши Святославы, Брячиславы и Мстиславы подали изъ-подъ родной земли голоса свои, — высказана была такъ требовательно, какъ будто сонмы *здѣ лежащихъ* проснулись для рѣшенія стараго спора о томъ, чью вѣру слѣдуетъ признавать христіанскою. Въ смѣшанныхъ воскликахъ близкихъ предковъ намъ слышится приговоръ отдаленнѣйшихъ,—приговоръ надъ пришельцами и отступниками: „Вы отнимали духовные хлѣбы у нашего потомства посредствомъ Городельскаго и другихъ подобныхъ Городельскому, по вашему законныхъ, актовъ. Ваши Ягеллоны, вашъ Трансильванецъ Баторій и ваши Шведы Вазы тревожили нашъ вѣчный сонъ возглашеніемъ въ русскихъ церквахъ того, отъ кого Русь не принимала вѣры. Идите же прочь изъ земли, просвѣщенной христіянствомъ, которое проповѣдали и утвердили въ ней Антоніи, Ѳеодосіи и другіе преподобные мужи Россы, процвѣтавшіе и богословіемъ, и

самимъ житіемъ своимъ. Нѣтъ вамъ, пришельцы-напастники, ниже вамъ, туземцы-отступники, друзья и слуги ихъ, нѣтъ вамъ удѣла здѣсь, до черты той области, которую присвоили римскому папѣ ваши Войцѣхи да Владиславы! И вамъ среди нашего вѣрнаго потомства нѣтъ удѣла, наслѣдники древнихъ Русичей, совратившіеся въ науку вѣры нѣмецкую, родоначальницу ересей, отвергнутыхъ единою соборною церковью, какъ и „кривая вѣра“ латинская. Нѣтъ удѣла и вамъ, что сохранили на себѣ лишь образъ древняго русскаго благочестія, духа же его давно отверглись. Ваши отцы и дѣды позволяли дѣтямъ своимъ католичиться и еретичиться, предавая въ руки иновѣрцевъ имѣнія свои и подданныхъ своихъ, а вы стоите нынѣ въ одномъ стану съ иновѣрцами противъ городовъ и селъ, не признававшихъ и не признающихъ васъ ратоборцами церкви и вѣры своей. Изыдите изъ нашей земли вмѣстѣ съ тѣмъ, на служеніе которымъ выдѣлили вы изсреди себя всѣхъ лучшихъ и всѣхъ худшихъ. Найдутъ себѣ потомки наши иныхъ князей и вельможъ, вѣрою крѣпкихъ, непоколебленныхъ со временъ крещенія Руси, и будутъ съ ними одно стадо, подъ единымъ пастыремъ, Христомъ“.

Таковъ дѣйствительно былъ приговоръ живыхъ представителей Малороссіи отъ лица усопшихъ, сказавшійся въ „покорныхъ петитахъ“,— тѣхъ представителей, которыхъ намъ не стыдно называть Малорусскимъ Народомъ,— и этотъ приговоръ оказался безапелляціоннымъ.

Не чуялъ въ душѣ ничего подобнаго глава нашихъ отверженцевъ, Адамъ Кисѣль. Склоняя короля къ уничтоженію уніи, онъ, со всею силою своего краснорѣчія, увѣрялъ его, что самъ онъ, Кисѣль, по милости Божіей, благопріятствуетъ католической вѣрѣ (której i ja za łaską Bożą przyjacielem jestem), и что переходъ изъ обряда въ обрядъ равенъ перемѣнѣ одной одежды на другую. Онъ писалъ, какъ о дѣлѣ, извѣстномъ королю іезуиту, что лѣтъ пятнадцать трудился съ Оссолинскимъ надъ соглашеніемъ православія съ католичествомъ, и что эти труды оперлись о самый Римъ (i te prace o sam Rzym oparły się). Онъ, очевидно, считалъ соединеніе малорусской церкви съ польскою только дѣломъ времени, въ виду совершившагося уже соединенія національностей. Но католическій Римъ не дѣлалъ попятнаго шага въ своихъ притязаніяхъ, чего бы они ни стоили подчинившимся имъ народамъ, и, какъ увидимъ ниже, потребовалъ отъ своихъ добровольныхъ рабовъ, Поляковъ, защиты „дѣла Божія“, не обращая вниманія на дѣла человѣческія.

Зато и съ другой стороны проявилась необычайная напряженность религіознаго, вѣрнѣе сказать—церковнаго чувства. Кто и благопріятствовалъ до сихъ поръ, подобно Киселю, римской пропагандѣ въ ея апрошахъ, какъ его пріятель, Сильвестръ Косовъ, и тѣ теперь молчали, идучи слѣдомъ за массою кіевскаго духовенства. По общей участи высокихъ идей, осуществляющихся въ низменной средѣ, наше малорусское православіе потеряло много той чистоты, которою сіяло въ трудную для него эпоху Вишенскаго и Борецкаго: но тѣмъ не менѣе духъ его проповѣди оставался несоединимымъ съ духомъ проповѣди римской, по своей противоположности, и каковы бы ни были наши православники вообще, но между ними не переводились ни такіе молчальники, какимъ былъ Исаія Копинскій, ни такіе застолпники, какимъ видимъ мы вопіющаго въ польскорусской пустынѣ Аѳанасія Филипôвича. „Соль земли" не могла обуять въ Малороссіи, и „свѣтъ міра" не могъ погаснуть въ удаленныхъ отъ мірской суеты убѣжищахъ богословія.

Знали это римскіе прелаты по многолѣтней стойкости Малороссіи на своей вѣрѣ, и стали въ упоръ противъ нашей національной церкви по вопросу о томъ, чтобы „не быть и самому имени уніи". При невозможности покорить русскую схизму духовными средствами, они дѣйствовали средствами вещественными, казуистическими. Они опирались на законы, установленные беззаконно, и говорили: „Унія съ римскою церковью установлена въ національномъ синодѣ и утверждена святымъ отцемъ: пускай такимъ образомъ и уничтожается". Другими словами это значило: скорѣе должна погибнуть Польша, чѣмъ прекратиться римское беззаконіе въ Польшѣ. Считая волю святаго отца закономъ, а противящихся ей беззаконными, Поляки сдѣлались патріотами во имя погибельной для нихъ римской политики. Папское знамя замѣнило у нихъ національное, а церковь заняла мѣсто государства. Чего боялась при Владиславѣ шляхта, то постигло ее при Янѣ Казимірѣ: Польша перестала быть государствомъ свѣтскимъ, а это вело неизбѣжно къ тому, чтобъ она и совсѣмъ изчезла съ карты государства.

Въ послѣднемъ засѣданіи чрезвычайнаго сейма, 24 декабря, была объявлена церковная война всѣми голосами. Въ ксендзовско-патріотическомъ энтузіазмѣ, правительствующая шляхта рѣшила — не только собирать подати для уплаты регулярному войску, но созвать и посполитое рушеніе. Явилось единодушіе въ постановленіяхъ, единодушія въ пожертвованіяхъ, явилась даже строгость относительно собиранія налоговъ.

Въ отвѣтъ на покорныя petita Хмельницкаго, представлявші теперь уже ультиматумъ не только Козацкаго, но и Малорусска Народа, король отправилъ Украинскому Коммиссару Киселю ульт матумъ панскій, для предъявленія Хмельницкому. Отъ козацкаго ге мана паны требовали, чтобъ онъ прежде всего (ante omnia) отрекся отступилъ отъ всѣхъ союзовъ (foedera) съ иноземцами, и чтобы войск свои велъ туда, куда ему будетъ повелѣно, а именно противъ Порт еслибъ то было нужно. „Ибо онъ" (писалъ король Адаму Кисел „запрегъ (auctoravit) шею свою въ новыя присяги язычникамъ, и са же намъ въ письмѣ своемъ хвастливо (jactanter) объ этомъ сообщает говоря, что никто этого союза не разорветъ. Вотъ какіе задатки ми со стороны самого Хмельницкаго! Что же касается вѣры, то таке миръ скорѣе можно назвать крайнимъ порабощеніемъ (extremae imag servitutis): Русину, который желаетъ быть унитомъ, онъ велитъ бы дизунитомъ".

На это Кисѣль могъ бы отвѣчать, что паны, съ королями св ими, никому не повелѣвали быть унитомъ, или католикомъ, однако сдѣлали такъ, что теперь онъ одинъ только изъ православныхъ с дѣлъ въ сенаторскихъ креслахъ, которыя въ средѣ литовскихъ се торовъ принадлежали прежде, за исключеніемъ одного или двух православнымъ и протестантамъ. Но Кисѣль былъ конфидентомъ Осс линскаго, Могилы и Косова по тѣмъ трудамъ, которые „оперлись самый Римъ". Онъ высказалъ одну только правду, да и то не корол Убѣждая Раздѣёвскаго, теперь коронного подканцлера, сдѣлать п пытку къ миру и послѣ козацкаго задора, и сожалѣя, что приласка православныхъ духовныхъ, онъ писалъ: „Скажемъ другу правду: сс рятъ насъ духовные съ обѣихъ сторонъ", и этимъ подтвердилъ сло пьянаго Вешняка.

Рядомъ съ достопамятнымъ изреченіемъ объ унитахъ, королевс совѣтники написали отъ имени короля къ Адаму Киселю слѣдующ „Что касается войска, то какая въ томъ справедливость, что наши хоругвямъ и въ собственныхъ стоянкахъ не дозволяютъ сидѣть линіи, а козаки присвоили себѣ право вымышлять и указывать л хамъ границы? А въ новой козацкой милиціи какое это равенство какая безопасность (jaka to paritas, jaka securitas), когда проти нашей воли и выписчики, и реестровые пользуются свободой и сабле а Рѣчь Посполитая остается при умѣренномъ войскѣ"?

Паны, строители Польши изъ русскихъ развалинъ, видѣли і чужомъ глазу сучекъ, а въ собственномъ не замѣчали и бревна. За употребленія нравственнымъ правомъ далеко превышали въ Рѣ

Посполитой вытекавшія изъ нихъ злоупотребленія революціоннымъ безправіемъ. Увѣренные въ своей правотѣ, правительственные паны писали теперь отъ имени короля къ Адаму Киселю: съ энтузіазмомъ, достойнымъ благоразумнѣйшаго дѣла, что „сильно уповаютъ на Бога, подавшаго имъ въ руки мечъ на оборону добрыхъ и покаранье злыхъ", и повелѣвали Киселю, дождавшись другаго коммиссара, Станислава Лянцкоронскаго, потребовать отъ Хмельницкаго въ заложники дѣтей его для обезпеченія коммиссіи среди черни и козаковъ. Они надѣялись устрашить Хмельницкаго сеймовымъ постановленіемъ о двоякомъ вооруженіи.

Здѣсь надобно вспомнить, что въ ихъ средѣ не стало того, кто, какъ видимъ, не напрасно увѣрялъ папу, что Поляки больше занимаются борьбой съ гражданами своими за вѣру, нежели безопасностью и цѣлостью общаго отечества. Оссолинскій почилъ отъ славныхъ и вредоносныхъ дѣлъ своихъ 9 августа 1650 года. Дошедшіе до насъ пасквили говорятъ, что смерть поздно освободила отъ него Польшу, а соучастникъ шашней его, Янъ Казимиръ, рѣдко бывалъ такъ веселъ какъ въ день его смерти: Оссолинскій унесъ въ могилу не одну тайну могущественнѣйшаго и непобѣдимаго монарха. Канцлерство сдѣлалось теперь достояніемъ лица духовнаго бискупа Андрея Лещинскаго.

Ксендзъ канцлеръ увѣдомлялъ Киселя, что козацкими коммиссарами назначены большею частью тѣ, которыхъ онъ самъ предложилъ; что инструкція предстоящей ему коммиссіи будетъ двоякая: одна явная, другая тайная; что первая уже готова, но составленіе второй требуетъ больше времени и хлопотъ. По его словамъ, паны искренно желали мира, но готовили и регулярное войско, и посполитое рушеніе. Если удастся склонить Хмельницкаго къ миру, то оба войска, козацкое и панское, немедленно выступятъ противъ непріятеля Св. Креста.

Такимъ образомъ Шляхетскій народъ, заплативъ такъ дорого за свое противодѣйствіе Турецкой войнѣ Владислава IV, теперь былъ готовъ осуществить его намѣреніе. Немудрено, что правительственные пигмеи, съ пигмеемъ королемъ во главѣ, стали титуловать уничиженнаго ими короля Владиславомъ Великимъ.

Отъ 5 января 1651 года Янъ Казимиръ публиковалъ первыя *вицы*, долженствовавшія служить и за вторыя, съ тѣмъ чтобы шляхта, по полученіи третьихъ, садилась на коня.

14 февраля посланъ былъ сендомирскій каштелянъ, Станиславъ Витовскій, въ Москву съ просьбою, чтобы царскіе бояре сносились съ королевскими полководцами и дозволяли добывать у себя съѣстные

припасы; чтобы было дозволено польскому войску проходить черезъ Московскую Землю; чтобы донскіе Татары царскіе ударили на Крымскихъ и Ногайскихъ, когда королевское войско наступитъ на непріятеля.

Кисѣль заблаговременно убрался изъ Кіева и, въ ожиданіи результатовъ чрезвычайнаго сейма, жилъ въ своей Гощѣ. Онъ былъ такъ боленъ хирагрою, что писалъ чужой рукою и, между прочимъ, хлопоталъ о пожалованіи ему богуславскаго староства, выставляя свою *цнòту* въ такомъ видѣ, что возбуждалъ смѣхъ даже въ варшавскихъ своихъ пріятеляхъ. Онъ спекулировалъ любовью къ отечеству до самой смерти, и въ этомъ смыслѣ былъ истинный Полякъ, о которомъ русскій поэтъ сказалъ:

„Не вѣрю чести игрока,
Любви къ отчизнѣ Поляка“.

Въ числѣ подвиговъ, которыми Кисѣль гордился и которые паны, по своей женской довѣрчивости, считали чѣмъ-то серьознымъ, были его переговоры съ Хмельницкимъ. Изъ Гощи онъ увѣдомлялъ короля, что убѣдилъ Хмельницкаго отказаться отъ своего „новаго, несноснаго требованія въ его петиціи и отъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій“, причемъ представлялъ изобрѣтенныя имъ средства, какими возможно умиротворить его сумасбродное варварство (vesanam barbariam) по предмету вышеозначенной просьбы. (Такъ относился Кисѣль къ церковной уніи). Онъ разослалъ универсалъ и къ обывателямъ Кіевскаго воеводства, обнадеживающій ихъ въ успѣхѣ его коммиссарскихъ внушеній тому, кто столько разъ уже и словомъ, и самимъ дѣломъ заявилъ, что удовлетворится только тогда, когда погубитъ и самое имя польское. Въ качествѣ „охранителя мира“, какъ величалъ себя Кисѣль, онъ былъ похожъ на слѣпаго сторожа горючихъ матеріаловъ. Король писалъ къ нему, что козаки хозяйничаютъ и за линіей, а съ другой стороны наказный брацлавскій полковникъ, Кривенко, еще въ ноябрѣ жаловался брацлавскому воеводѣ, Лянцкоронскому, на пановъ-жолнеровъ, что они переходятъ за козацкую линію, берутъ провіантъ, грабятъ людей, причиняютъ козакамъ нестерпимыя обиды и называютъ своими мѣстечки Морахву, Красное и другія, уступленныя козакамъ по Зборовскому договору. Теперь же по всей Польшѣ тысячи голосовъ повторяли слова королевскаго воззванія: „Уповаемъ сильно на Бога, подавшаго намъ въ руки мечъ на оборону добрыхъ и на покаранье злыхъ“, разумѣя подъ добрыми шляхту и католиковъ,

а подъ злыми—козаковъ и схизматиковъ. Недоставало только несчастнаго случая, чтобы горючіе матеріялы воспламенились.

Слова Вешняка и слова Киселя, сказанныя однимъ въ пьяномъ, а другимъ въ трезвомъ видѣ о духовенствѣ, ссорящемъ вооруженныя массы съ панской и съ козацкой стороны, поясняютъ многое въ исторіи Польской Руины. Мы знаемъ, какъ давно козаки начали хлопотать о томъ, чтобы поднять и мѣщанъ и селянъ противъ *душмановъ* и *душохватовъ*, вообще—противъ Ляховъ не только римской и нѣмецкой, но и русской вѣры. Послѣднихъ они обрекли на изгнаніе и на истребленіе не за вѣру и не за панство, а за то, что ихъ русскія кости обросли польскимъ мясомъ. Злостные посѣвы въ сердцахъ поспольства, какъ со стороны поповствующихъ, такъ и со стороны козакующихъ, принесли теперь обильный урожай, и потому-то Хмельницкій войну за свои личныя обиды соединилъ съ войной за христіанскую вѣру.

То же самое происходило и съ противной стороны. Боги къ богамъ всегда завистливы. Были завистливы и всѣ творившіе боговъ по образу своему и по подобію. Но нигдѣ и никогда божеская зависть не доходила до такихъ крайностей, какъ въ католическомъ свѣтѣ XVI и XVII столѣтій. Нигдѣ и никогда не являлась она среди Славянъ въ такомъ погибельномъ безсмысліи, какъ въ Польшѣ. При Владиславѣ IV въ слѣдствіе терпимости королевскаго правительства, она упала было до того, что католическая шляхта даже на сеймѣ проклинала папу. Но іезуитъ-король во всемъ потакалъ духовенству и его дикой политикѣ, а Хмельницкій, взявши кровавой рукой чистое знамя малорусскаго православія, подливалъ масла въ пылающій фанатизмъ католической партіи.

Варшавскій Анонимъ, очевидно ксендзъ, вписалъ въ исторію Польскаго Разоренія краснорѣчивую страницу, когда пришлось ему описывать чрезвычайный сеймъ. По его взгляду на католичество и православіе, даже Кисѣль былъ врагъ римскаго папы, и письмомъ, убѣждающимъ короля къ церковнымъ уступкамъ, оскорблялъ религіозное чувство Поляковъ.

„Въ этомъ письмѣ" (говоритъ онъ) „духъ схизмы бьетъ на уніятскую вѣру, такъ какъ и самъ онъ былъ схизматикъ. Кисѣль говоритъ: пускай восточная и западная церковь будутъ одна овчарня: ибо глава обѣихъ—Христосъ, преемство у обѣихъ идетъ отъ апостоловъ, одни святые учители и одно ученіе; одна безъ другой не можетъ существовать; въ церемоніяхъ и обрядахъ различаются по различію языковъ, но это не бѣда, когда онѣ имѣютъ одни основанія и начала отъ

Господа Христа; и для чего же пороть Христову ризу не сшитую, называя (послѣдователей той и другой) унитами и дизунитами? для чего раздѣлять церковь, которую соединилъ Богъ? Когда мы примемъ и утвердимъ это основаніе, то не будетъ разницы въ словахъ, не будетъ и диссиденціи между народомъ, исчезнетъ соревнованіе, прекратится война.

„Кисѣль" (продолжаетъ фанатикъ) „призвалъ во свидѣтели тѣхъ, которые вмѣстѣ съ нимъ трудились надъ Зборовскимъ миромъ: они де согласились на уничтоженіе имени уніи, но исполнить это обѣщали его товарищи словесно, не включая въ публичный документъ мира, дабы это было благодѣяніемъ согласнаго отечества, не вынужденнымъ козацкою войною. Если де стоятъ этого тридцать уніятскихъ церквей, чтобы разорить и опустошить нѣсколько тысячъ храмовъ благочестивыхъ, и чрезъ то погубить милліоны христіянскихъ душъ; если эта малая лѣтороль, отщепленная отъ греческой и не приростая къ римской, будетъ разумнымъ основаніемъ такой тяжкой войны, то лучше теперь совѣщаться о безопасности жизни и здоровья, а потомъ, успокоивъ отчизну, созвать на это синодъ, удовлетворяя волю духовенства, и на немъ обсудить это различіе".

„Въ отвѣтъ на это" (говоритъ Анонимъ) „поднялся страшный крикъ въ Посольской Избѣ (не въ Сенаторской, состоявшей на половину изъ бискуповъ, а въ Посольской, гдѣ засѣдали представители свѣтской шляхты)". Какъ козелъ не будетъ барашомъ (завопила шляхта), такъ схизматикъ не будетъ искреннимъ охранителемъ католической вѣры; а тотъ, кто принадлежитъ къ одной и той же вѣрѣ съ хлопами, не можетъ оборонять шляхетскія вольности. Вѣра это даръ Св. Духа; Духъ Святый это іероглифъ вольности: гдѣ хочетъ и какъ хочетъ, даетъ онъ вдохновеніе. Какъ! для схизматиковъ да для обжорства и бунтовъ глупаго хлопства, сдѣлать невольниками шляхту и не дозволить имъ такъ вѣровать, какъ повелѣваетъ Святый Духъ, а такъ (пусть вѣруютъ), какъ предписываетъ сумасшедшая и пьяная голова Хмельницкаго, подъ предлогомъ обороны вѣры (pretext zmyśliwszy obrony wiary)! Вотъ какой проявился новый докторъ чертовской академіи! Недавно выпущенный на волю чернорабочій хлопъ отнимаетъ у Поляковъ даръ Божій, святую вѣру. Если не нравится (имъ) слово унія, то (намъ) не нравится схизма. Пускай же отрекутся ученія своего схизматика патріарха, оскверненнаго аріянскими ересями безумца, посвященнаго бисурманскою властью, и всѣ соединятся съ западною церковью и назовутся правовѣрными: на это Польша согласится легко, а Кисѣль, кіевскій воевода, пускай не будетъ проповѣдникомъ козац-

каго ученія, если хочетъ быть въ числѣ польской шляхты, а не въ *звіонзкъ* козацкаго бунта"!

Вотъ подъ какимъ знаменемъ выступила наконецъ Польша! подъ знаменемъ развратителей ея государственности, общественности и семейности. Свободный паче всѣхъ народовъ Шляхетскій Народъ не признавалъ свободы совѣсти въ томъ народѣ, который раньше его принялъ христіанство, и даже родоначальниковъ польскаго имени видѣлъ крещенными по обряду церкви греческой. Признавъ девизомъ своимъ религіозную нетерпимость и проповѣдуя вѣру, какъ магометане, съ мечемъ въ рукѣ, Поляки оправдали козацкое вмѣшательство въ церковныя дѣла, и поставили московскаго царя въ необходимость отстаивать присвоиваемые папистами владиміровскіе и ярославовскіе храмы.

Но въ составной польской націи было много иновѣрцевъ-иноплеменниковъ, которые худой миръ предпочитали доброй ссорѣ, и они-то способствовали образованію коммиссіи для переторжекъ съ Хмельницкимъ. Съ другой стороны и между козаками были такіе, которые высказывали втайнѣ, что Хмельницкій посягаетъ на то, что́ ему не слѣдуетъ по народному праву, и долженъ самъ нести отвѣтственность за свое предпріятіе, они же готовы отстать отъ него, лишь бы наслаждаться спокойствіемъ. Искушеніемъ Хмельницкій увлекъ на свой путь однихъ, а террором принудилъ идти за собой другихъ; но прожитыя съ панами столѣтія дѣлали въ Малороссіи свое дѣло, и многіе изъ нашихъ предковъ, козаковавшихъ по волѣ и по неволѣ, оглядывались назадъ съ сожалѣніемъ и раскаяніемъ. Этихъ людей Хмельницкій зналъ; онъ ихъ вокругъ себя чуялъ; онъ ихъ боялся,—и вотъ почему, стоя во всеоружіи новаго покушенія на пановъ, или какъ онъ выражался по-козацки, на Ляховъ, не отказывался отъ мирныхъ переговоровъ. Притомъ же у него, какъ у демагога, не все ладилось одно съ другимъ. Турки потому содѣйствовали его союзу съ Татарами, что неудачи Венеціянской войны пугали ихъ; а Татары потому ладили съ нимъ, что не смѣли ослушаться султана. Но ханъ долго не соглашался лично участвовать въ новой войнѣ съ панами, и отправилъ къ нему въ помощь нурэддинъ-султана съ 10.000-мъ отрядомъ, давъ при этомъ нурэддину тайный наказъ избѣгать сраженій и состоять при Хмельницкомъ лишь въ качествѣ стражи; только въ случаѣ крайней опасности, обѣщалъ ханъ прійти къ козакамъ на помощь со всей ордою, когда наступитъ весна.

Съ обѣихъ сторонъ, съ панской и съ козацкой, дѣла стояли въ такомъ сомнительномъ положеніи, что иногда склонялись, повидимому,

къ миру, а иногда—къ войнѣ. Кто чего сильно желалъ, тотъ и вѣровалъ—или въ возможность мира, или въ неизбѣжность войны.

Полагаясь на обѣщаніе хана и на вспомогательный отрядъ его втораго соправителя, Хмельницкій, въ февралѣ, выступилъ изъ Чигирина и направился къ Бару. Слухъ о томъ, что Козацкій Батько идетъ *кончати Ляхівъ*, поднялъ на ноги всю малорусскую голоту, чаявшую такъ называемаго „панскаго добра". Оборвыши мечтали о кармазинныхъ жупанахъ, босоногіе говорили, какъ поютъ у насъ и донынѣ объ уманскихъ гайдамакахъ:

„Будемъ драти, пане брате,
Съ китайки онучі!.."

бывшіе *гречкосѣи* вдохновлялись подвигами Перебійноса и Морозенка.

Оставляя безъ вниманія королевскихъ коммиссаровъ, козаки старались предупредить соединеніе панскихъ войскъ. Но это имъ не удалось. Главное начальство надъ войскомъ, сколько было его въ готовности, король поручилъ полевому гетману, Мартину Калиновскому, а Потоцкаго удержалъ при себѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что ему необходимы совѣты главнаго сенатора, но правдоподобнѣе, какъ были слухи, потому, что не довѣрялъ его распорядительности. Впрочемъ коронные гетманы, враждовавшіе и теперь одинъ съ другимъ, какъ подъ Корсунемъ, не были и порознь одинъ лучше другаго. Потоцкаго одолѣвала дряхлость, Калиновскаго—запальчивость.

Очутясь, по милости короля, главнокомандующимъ, Калиновскій стянулъ войско къ Бару и, узнавъ, что мужики бунтуютъ въ Браиловщинѣ, рѣшился разгонять ихъ козакующія купы. 19 (9) февраля выступилъ онъ изъ Бара по направленію къ Лінцамъ, съ цѣлью преградить путь непріятелю. Остановясь вечеромъ въ мѣстечкѣ Станиславовѣ, онъ узналъ, что брацлавскій полковникъ, Нечай, одинъ изъ главныхъ бунтовщиковъ, котораго козаки считали первымъ лицомъ послѣ Хмельницкаго, занялъ мѣстечко Красное, принадлежавшее, по Зборовскому договору, къ панской территоріи, а не къ козацкой, какъ вопіялъ наказный Нечая.

Въ порывѣ запальчивости, Калиновскій былъ неустрашимый воинъ. Его терзало воспоминаніе о Корсунскомъ погромѣ, вину котораго приписывалъ онъ справедливо Потоцкому. Не завися теперь отъ его старшинства, полевой гетманъ кипѣлъ жаждою боя, какъ юноша. Таковъ былъ въ своемъ гайдамачествѣ и полковникъ Нечай, съ придачею вдохновительнаго пьянства. Не обращая вниманія на

цѣлое войны, оба полководца въ смѣломъ ударѣ видѣли всю ея сущность, и вотъ они столкнулись, — панъ, исключавшій козака изъ жизни и ея правъ, какъ разбойника, козакъ, исключавшій пана, какъ Ляха и душмана.

Подъ начальствомъ Калиновскаго воевали теперь многіе шляхтичи съ древними, прославленными именами, обездоленные нечаевцами, изгнанные изъ предковскихъ займанщинъ, ожесточенные кровавыми утратами. Войска у него было всего 12.000; но еслибъ оно свою жажду возмездія вдохнуло посполитакамъ, козаки были бы истреблены до ноги, какъ они желали истребить всѣхъ дѣйствительныхъ и номинальныхъ Ляховъ.

Выступленіе Нечая за козацкую линію Калиновскій считалъ достаточнымъ поводомъ къ тому, чтобы возобновить Збаражскую и Зборовскую войну. Въ сущности война и не прекращалась, но кипѣла глухо, какъ отодвинутый отъ жару горшокъ. Теперь она заклокотала попрежнему.

Въ авангардъ отправилъ коронный гетманъ брацлавскаго воеводу, Станислава Лянцкоронскаго, и въ понедѣльникъ, на масляной, выступилъ изъ Станиславова съ главнымъ войскомъ. Нечаевцы не предполагали въ панахъ такой быстроты, и спокойно занялись провожаньемъ своей пьяной масляницы. Козацкая пѣсня, въ свободѣ своего творчества, заставляетъ и куму Нечая, гетманшу Хмельницкую, бражничать съ козаками. Когда ему донесли, что идутъ Ляхи, —

Козàкъ Нечàй Нечàенко
 На те не вважàе,
Та съ кумòю съ Хмелнйцькою
 Медъ-винò кружàе.
Бо поставивъ Нечàенко
 Три сторòжі въ місті,
А самъ пійшóвъ до кýшоньки
 Щýку-рыбу їсти...

На Русичей шли Русичи, на православныхъ — большею частью православные. Въ авангардѣ Лянцкоронскаго, потомка козацкаго гетмана, были: черкасскій староста, братъ Адама Кисѣля, уланской староста, представитель недавно еще православныхъ Песочинскихъ (по-польски звавшихся теперь Пясечинскими), и другіе русскаго происхожденія паны. Пируя съ козаками въ Красномъ, Нечай не обратилъ вниманія на появленіе въ мѣстечкѣ Ляховъ. Онъ думалъ, что это пришелъ къ нему изъ Мурахвы сотникъ Шпакъ. Но вскочить

на коня и броситься въ свалку было для него дѣломъ одной минуты. Пѣсня, не умолкающая въ Малороссіи донынѣ, восхвалила знаменитаго *лыцаря* словомъ крылатымъ:

Ой не встигъ же Нечаенко
На кôники сиàсти,
Тай ставъ Ляхівъ, вражихъ сынівъ,
Якъ снôпики класти...

а славный современный мемуаристъ, участвовавшій въ походѣ, пишетъ, что хоть онъ былъ навеселѣ, но, вскочивъ на коня, сталъ сражаться, какъ подобало храброму юнаку, и перначемъ своимъ подгонялъ козаковъ къ бою. Но, среди безпорядка и суматохи, не могъ Нечай организовать сопротивленія и, мужественно защищаясь, образцовый гайдамака, слава и краса козатчины, палъ въ битвѣ со многими козаками.

Въ популярномъ Нечаѣ Хмельницкій потерялъ столько же, какъ и въ образованномъ поиноземному Кричевскомъ. За серебряный перначъ козацкаго лыцаря ссорились потомъ гетманъ Калиновскій съ воеводой Лянцкоронскимъ, какъ за трофей, достойный спора коронныхъ полководцевъ, и это лучшее, что козаки могли бы отмѣтить въ исторіи славы своей; но они были такіе варвары, что ихъ сыновья и внуки, желая славить отцовскіе и дѣдовскіе подвиги, только лгали про нихъ, и потому любителю правды осталось угадывать ее только въ сказаніяхъ козацкихъ враговъ, среди естественныхъ предубѣжденій. До Варшавскаго Анонима дошелъ о Нечаѣ такой слухъ, что съ нимъ было 3.000 козаковъ ветерановъ, кромѣ мѣщанъ; что панскій авангардъ очутился было среди нихъ въ отчаянномъ положеніи, но къ нему подоспѣлъ Косаковскій, командовавшій брацлавскою шляхтою, которую нечаевцы повыгнали изъ ея домовъ; что вслѣдъ за Косаковскимъ прибыли драгуны, вырубили палисадъ, зажгли мѣстечко и выручили своихъ передовиковъ, „почти уже погибшихъ" въ торжествѣ надъ Нечаемъ. Обороняя брата Данила, погибъ и Матвѣй Нечай. Шляхетскій мемуаристъ приписываетъ славу побѣды надъ знаменитымъ козакомъ какому-то Добосѣцкому, который де едва не схватилъ его живьемъ, но къ Нечаю страшно было приступить и Добосѣцкій застрѣлилъ его. Кобзарская Иліада поетъ, что Ляхи застрѣлили Нечая серебряной пуговкой, яко характерника, котораго пуля не брала. Мемуаристъ не могъ отказать шляхетскому сердцу въ отрадѣ: по его разсказу, падшаго наконецъ Нечая изрубила саблями

іляхта, изгнанники Брацлавскаго воеводства, какъ хищника имѣній воихъ (jako wydziercе fortun swych)".

По разсказу Освѣцима, участвовавшаго въ походѣ Калиновкаго, знатные козацкіе сотники Гавратынскій, Красносельскій, братъ Іечая (Иванъ), Степко (Білоченко) и другіе, съ значительнымъ колиэствомъ стрѣлковъ, отступили въ за̀мокъ. Къ за̀мку можно было риступить лишь со стороны става, но и тамъ защищали за̀мокъ поѣланныя во льду проруби. Все-таки гетманъ послалъ иноземную ѣхоту на приступъ, не давая козакамъ опомниться отъ перваго удара. озаки отразили приступъ. Тогда панская конница, спѣшившись, оддержала пѣхоту, и съ распущенными знаменами взбѣжала на валы. е помогло и это. Битва была отсрочена до слѣдующаго дня. Съ азсвѣтомъ начался новый приступъ; спѣшившіеся всадники помогали ѣхотѣ; гетманъ командовалъ приступомъ лично; подъ нимъ даже ылъ раненъ конь. Но сколько ни горячился Калиновскій, жолнеры вечеру выбились изъ силъ, и ночь опять развела сражавшихся. озаки, однакожъ, потеряли увѣренность въ себѣ, и ночью многіе ятались бѣжать. Не вписанный въ козацкій реестръ ихъ сотникъ, іляхтичъ Гавратынскій, попалъ въ плѣнъ и былъ потомъ разстрѣнъ. Жидкевичъ (или Жидовчинъ), писарь Нечая, также попалъ въ ѣнъ, но впослѣдствіи былъ освобожденъ.

Гетманъ отправилъ однѣ хоругви за бѣжавшими, а другіе воались въ за̀мокъ и тамъ изрубили всѣхъ козаковъ, какъ видно по зсказу, павшихъ съ оружіемъ въ рукахъ. Когда кровопролитіе конлось, жолнеры нашли Нечая во гробу, надъ которымъ стояли попы не обращая вниманія на тревогу, молились объ упокоеніи души зацкаго лыцаря.

23 (13) февраля коронный гетманъ сжегъ въ Красномъ городъ ѣсѣ съ за̀мкомъ, и двинулся въ Мурахву, гдѣ собралось 2.000 заковъ подъ начальствомъ сотника Шпака, котораго украинская сня представляетъ виновникомъ оплошности Нечая:

Якъ заквилить-крикне пугачъ
Изъ темного гаю:
Загукали козаченьки:
Втекаймо, Нечаю!
Не честь мені, не подоба
Заразъ утекати,
Славу мою козацькую
Підъ ноги топтати.

Есть у мене Шпакъ Шпаченко,
Козакъ вдовиченко;
Ой той дасть Нечаю знати,
Коли утекати.

Если шляхта столь часто помышляла о бѣгствѣ, то козаки, р ныя чада шляхты, думали о немъ еще чаще, и въ такихъ случа оказаченные города свои оставляли на произволъ судьбы. Шпа Шпаченко убрался изъ Мурахвы куда-то къ Днѣстру, который пре былъ сѣдалищемъ шляхетской, а теперь сдѣлался притономъ козац вольницы, яко рѣка пограничная. Мѣщане и мужики прозелиты з затчины затворились было въ городѣ, однакожъ, не возмогли сто противъ жолнеровъ и перешли изъ города въ замокъ. Здѣсь он они сплоховали, выдали пушки и порохъ, принесли присягу и пр ставили одного изсреди себя, какъ зачинщика бунта; наконецъ п сили гетмана оставить у нихъ въ замкѣ гарнизонъ, который защищалъ ихъ отъ своевольныхъ людей. Но разбой и грабежъ б давнишнею болѣзнью Рѣчи Посполитой Польской, особенно въ Укра Возстановители порядка, панскіе жолнеры, начали разбивать кон грабить провизію, медъ и все прочее совершенно такъ, какъ дѣлали нарушители онаго, козаки, со временъ Грѣнковича, Кос скаго и Наливайка. Между гетманомъ и воеводою началась уже сс за Нечаевъ перначъ, и недавній татарскій плѣнникъ, въ пику ге Збаражскаго осаднаго сидѣнья, велѣлъ повѣсить одного изъ жолнеровъ.

По словамъ лучшаго изъ польскихъ мемуаристовъ, Калинов усмирилъ жителей Мурахвы лишь настолько, „насколько это б возможно въ то время". Житейское море въ Рѣчи Посполитой б воздвизаемо бурею напастей съ разныхъ сторонъ, и тихое пристан обрѣли наконецъ только вопіявшіе къ Тишайшему Государю, д въ его страну козаки внесли волненіе, продолжавшееся до врем Екатерины Великой.

Февраля 27 (17) войско двинулось въ Шаргородъ. „Мѣщ этого города" (пишетъ Освѣцимъ) „озаботились заблаговременно с безопасностью: за два дня до прихода войска, они прислали къ мaну изъявленіе своей покорности и высказали готовность, к вѣрные королевскіе подданные, впустить войско въ городъ. Обѣщ свои они дѣйствительно сдержали. Когда войско простояло нѣско дней на квартирахъ въ Шаргородѣ, прибыла къ гетману депут отъ мѣщанъ изъ Черніевецъ съ заявленіемъ готовности выдать о

іе и принести присягу вѣрности; точно такъ же поступили и другіе ıизлежащіе города.

Повторялось то же явленіе, что и во времена похода Жовковаго за Сулу. Бѣдный народъ не зналъ, какъ ему быть между двухъ ıлъ, изъ которыхъ одна была своя, съ примѣсью польщины, а друя своя, съ примѣсью татарщины. Противъ первой вооружали его, зъ сомнѣнія, натерпѣвшіеся отъ уніи и отъ могилянъ попы; провъ другой не вооружалъ его никто, но козаки были друзья только черного дня, и, кромѣ того, за козакованье съ козаками прихолось ему рано или поздно считаться съ панами, а не то—платить дѣ за ея помощь противъ пановъ своими женами, дѣтьми и самими бою.

Но какъ бы ни были правы, даже святы, паны въ собственномъ знаніи и во мнѣніи католической Европы передъ русскимъ населемъ Польши,—казуистическое насиліе общаго ихъ правительства дъ русскою совѣстью по отношенію къ благочестивымъ предкамъ и екорусской старинѣ отчуждало ихъ на вѣки отъ участія въ тѣхъ авахъ на обладаніе древнимъ русскимъ займищемъ, которыя приэивали себѣ исключительно люди вѣры *христіянской*, а такими дьми, по національному, выработанному малорусскою церковью возѣнію, были только тѣ, чьи русскія кости не обросли польскимъ сомъ,—тѣ, которые не ходили на совѣтъ нечестивыхъ, не стояли на ти грѣшныхъ, не сидѣли на сѣдалищахъ губителей; нечестивыми же, ѣшными и губителями, по суду аѳонскихъ да печерскихъ мужей ксовъ, вынесшихъ въ цѣлости нашу національность изъ потопной льщизны, были, какъ мы уже знаемъ, всѣ князья и всѣ паны безъ ключенія. Не понимаютъ, не хотятъ понять этого полономаны и въ ше время; а въ тотъ хаотическій вѣкъ мудрено было понять правду добнаго суда Калиновскимъ, Лянцкоронскимъ и Кисѣлямъ. Они тольвидѣли, что прутъ противъ рожна, и ихъ раздражительность, равно къ и ихъ снисходительность, кротость, уступчивость были одинаково ı нихъ вредоносны. Тотъ же самый народъ, который въ одномъ родѣ казался имъ довѣрчивымъ, въ другомъ съ ними лукавилъ, а въ етьемъ являлся дикимъ. Кто правилъ умомъ и чувствами милліонй массы въ ея перемѣнчивости, никогда бы паны не доискались, тому что сказанное шепотомъ слово дѣлало съ нею дивныя преащенія.

Въ началѣ римскаго марта Калиновскій двинулся къ Стінѣ, въ торой заперлись козаки и мужики изъ разныхъ другихъ мѣстечекъ. а походѣ встрѣтило его двое мѣщанъ изъ Стіны съ просьбою о мирѣ

отъ всѣхъ жителей, и взялись проводить панское войско. Но въ окружавшіе Стіну хутора набѣжало множество мужиковъ, вооруженныхъ самопалами, луками и другимъ оружіемъ. Они стали стрѣлять, произносили угрозы, крутѝли Ляхàмъ дỳлі *) и даже выставляли заднія части тѣла. Долго это христолюбивое воинство защищало входъ въ хутора и въ нижній городъ, наконецъ его прогнали, овладѣли хуторами и нижнимъ городомъ. Защитники нижняго города отступили въ верхній, обороняемый мѣстоположеніемъ. Попытка взять его приступомъ оказалась безуспѣшною. Начались переговоры. Осажденные предлагали окупъ въ 4.000 злотыхъ и просили гетмана пощадить ихъ, увѣряя, что они—вѣрные подданные калусскаго старосты, Яна Замойскаго. Видя, что силой нельзя съ ними ничего сдѣлать, Калиновскій согласился на контрибуцію, и удовлетворился только тѣмъ, что потребовалъ отъ нихъ присяги. Но, присягнувъ, мѣщане доставили только 1.000 злотыхъ. По общему совѣту, гетманъ возвратилъ имъ и эти деньги.

Неизвѣстно, чтó было говорено на панской радѣ, но дальнѣйшіе поступки пановъ были верхомъ безразсудства. Отступивъ къ Черніевцамъ, они оставили въ одной долинѣ близъ города засаду. Ничего не опасаясь, мужики вышли изъ города на опустѣвшее панское становище. Тогда жолнеры бросились на нихъ изъ засады съ татарскимъ крикомъ *Галла! Галла!* и перебили ихъ до полусотни.

„Въ тотъ же день" (пишетъ Освѣцимъ) „гетманъ послалъ полки князя воеводы русскаго и пана коронпаго хорунжаго въ мѣстечко Ямполь. Они захватили Ямполь ночью въ расплохъ, перерѣзали поголовно всѣхъ жителей и овладѣли богатою добычею; а войско, отступивъ отъ Стіны, расположилось на трехдневный отдыхъ въ Черніевцахъ".

Другой мемуаристъ, называемый мною Анонимомъ, не только не видѣлъ въ этомъ актѣ безразсудной свирѣпости, но распространился о немъ сочувственно, точно наши историки о свирѣпости козацкой.

„Лянцкоронскій" (пишетъ онъ) „вознамѣрился овладѣть Ямполемъ, гнѣздомъ, какъ волошскихъ, такъ и нашихъ разбойниковъ, а между тѣмъ пошла молва, что гетманъ Калиновскій двинулся подъ Винницу. Лянцкоронскій подступилъ къ Ямполю секретно: ибо секретъ на войнѣ—душа тріумфовъ, да и въ мирное время секретъ хорошее дѣло, потому что, разгласивъ, чтó думаешь, рѣдко задуманное сдѣлаешь.

---

*) Показывали кукищи обѣими руками, вертя одну вокругъ другой, что выражало крайнее ругательство.

Курица кудахчетъ, снесши одно яйцо, а ястребъ ловитъ птицъ потихоньку. Поэтому Ямполь ничего не опасался, да еще на то время собралась тамъ ярмарка. Тихохонько подошли хоругви и вступили въ отворенныя ворота. Мѣщане только что проснулись, и стали отворять крамныя коморы (kramy), какъ рынокъ наполнился польскимъ войскомъ. Ударили въ колокола, крикнули на оборону, но Поляки стояли уже съ голыми саблями надъ шеей. Все-таки мѣщане хотѣли защищаться, а пріѣзжіе бросились толпой бѣжать, но мостъ на рѣкѣ обрушился. Оборонявшіеся мѣщане были перебиты; ограбленный городъ былъ зажженъ, а сколько ямпольскихъ мѣщанъ и гостей заходящее солнце оставило въ покоѣ, всѣхъ взошло оно вырубленными. Погибло тамъ десять тысячъ народу обоего пола, въ томъ числѣ и три полка бунтовщиковъ. Достатки ихъ расхватала жолнерская челядь".

Что эти похожденія были дѣломъ произвола Калиновскаго и Лянцкоронскаго, видно изъ письма Адама Киселя, которымъ онъ старался ослабить впечатлѣніе, какое они должны были сдѣлать въ Украинѣ.

Называя Хмельницкаго милостивымъ паномъ гетманомъ, любезнымъ паномъ и братомъ, Кисѣль писалъ, что отъ начала вселенной, „при костелѣ, а по нашему при церкви Божіей", злой духъ устраиваетъ свою капеллу; что онъ, Кисѣль, вмѣстѣ съ Хмельницкимъ, постоянно хлопоталъ о томъ, какъ бы спасти отъ гибели послѣднюю горсть Русскаго Народа (одинъ ополячивая, другой отатаривая); что Хмельницкій вѣрноподданнически *горовалъ* (horował) и трудился для того, чтобы потушить вспыхнувшій пожаръ, но что Нечай, которому де нынѣ да оставитъ Господь его прегрѣшенія, привыкъ было, безъ гетманскаго вѣдома, творить всякое зло: зазывать Татаръ противъ соотечественниковъ, проливать кровь, избивать шляхту. „Такъ и въ послѣднее время" (писалъ Кисѣль) „онъ овладѣлъ артиллеріей въ Брацлавѣ, двинулся къ Ліанцамъ и напалъ на квартиры польскаго войска, нанося письменно и на словахъ знатныхъ вождей и гетмановъ". Узнавъ де объ этомъ столкновеніи и имѣя въ виду охраненіе мира, онъ, Кисѣль, удержалъ королевскимъ именемъ полеваго гетмана и брацлавскаго воеводу отъ дальнѣйшаго движенія за пограничную черту, и теперь коммиссія спокойно ожидаетъ начала своего дѣйствія, а онъ де, Кисѣль, и полевой гетманъ, котораго письмо къ Хмельницкому при семъ прилагается, считаютъ миръ ненарушеннымъ. Когда коммиссія откроется, брацлавскій воевода предъявитъ въ ея засѣданіи *[illegible]* письма и угрозы Нечая. Король де глубоко сожалѣетъ объ этомъ поступкѣ и о возникшей ссорѣ, но увѣренъ, что все это случилось безъ вѣдома Хмельницкаго, и желаетъ, чтобы коммиссія поскорѣе начала.

свои дѣйствія, дабы собранныя военныя силы соединились противъ общаго врага. Гонцу своему Кисѣль назначилъ срокъ до 12 римскаго марта, и если де къ этому сроку не получитъ отвѣта, то потеряетъ всякую надежду на коммиссію и на миролюбивое окончаніе дѣла.

Это письмо было писано за два дня до истребленія Ямполя, такъ что оно могло прійти къ Хмельницкому одновременно съ извѣстіемъ о подвигѣ Лянцкоронскаго. Но раньше, или позже достигло оно своего назначенія, Хмельницкій былъ готовъ къ вѣстямъ о началѣ войны. Онъ вызывалъ ее всѣми неправдами, и, однакожъ, этой грязной душѣ было пріятно или нужно представляться чистою. Козацкій Батько отвѣчалъ панскому Нестору,—что онъ (Кисѣль) обезпечилъ его (Хмеля) коммисеіей и миромъ, а между тѣмъ брата своего отправилъ воевать вмѣстѣ съ Калиновскимъ и Лянцкоронскимъ. За эту де кривду и полегъ братъ его (писано послѣ того, что произошло подъ Винницей), котораго (писалъ Хмельницкій) „мнѣ жаль, какъ великаго рыцаря и моего пріятеля; но самъ онъ того хотѣлъ. И такъ какъ Ляхи начали войну, то и насытятся ею (będą jéj syci)“.

Въ знакъ разрыва дружескихъ отношеній (увѣдомлялъ Кисѣль одного изъ своихъ пріятелей) Хмельницкій продалъ въ свою пользу 2.000 мѣръ его жита за нѣсколько десятковъ тысячъ злотыхъ. Но Кисѣль былъ такой запасливый хозяинъ, что и послѣ этой потери отправилъ обозъ хлѣба въ лагерь короннаго войска.

Между тѣмъ Калиновскій держалъ военную раду и, по ея рѣшенію, выступилъ, 6 марта, изъ Черніевецъ въ Винницу. Войско шло черезъ Мурахву, Красное, и 10 марта остановилось на ночлегъ въ Сутискѣ. Въ ту же ночь гетманъ отправилъ впередъ къ Виннице брацлавскаго воеводу съ его полкомъ на рекогносцировку. Отъ захваченныхъ на пути языковъ Лянцкоронскій узналъ, что въ Виннице расположился, въ видѣ гарнизона, кальницкій полковникъ Богунъ съ 3.000 козаковъ. Калиновскій ускорилъ походъ свой, несмотря на глубокій снѣгъ. Такъ какъ козаки не поставили сторожеваго отряда за мостомъ, то паны ворвались въ предмѣстья неожиданно. Конные и пѣшіе козаки вышли на рѣку Богъ, покрытую льдомъ, въ которомъ они заблаговременно надѣлали прорубей, незамѣтныхъ теперь подъ тонкимъ слоемъ льда и снѣгомъ. Лянцкоронскій съ хоругвями черкасскаго старосты, Юрія Киселя, и новгородскаго подстолія, Николая Мелешка, также Русина, бросился на козаковъ, не осмотрѣвъ мѣстности. Онъ и самъ насилу выбрался изъ проруби, а Кисѣль, Мелешко, одинъ поручикъ, то-есть панскій намѣстникъ въ походѣ, и много товарищей-жолнеровъ погибли. „Тѣло Киселя“ (пишетъ Аноникъ)

„лежало потомъ непогребенное козаками, хоть онъ былъ и одной съ ними вѣры", а звенигородскій староста Гулевичъ (Русинъ), въ письмѣ къ пріятелю изъ-подъ Винницы, прибавляетъ, что его съѣли собаки, осталась только голова и рука, такъ трудно было подступить къ нему осаждавшимъ Богуна.

„Козаки" (разсказываетъ Освѣцимъ) „взяли знамя воеводы и оба камени хоругвей. Хоругви отступили въ безпорядкѣ къ зàмку, который между тѣмъ заняли драгуны, и расположились вокругъ его укрѣпленій, но сильно страдали отъ выстрѣловъ козацкой артиллеріи. Потомъ уже отыскали Лянцкоронскаго, который, выкарабкавшись изъ проруби, лежалъ на льду, избитый прикладами козацкихъ самопаловъ, и онъ отправилъ къ гетману гонца, чтобы спѣшилъ съ главнымъ войскомъ.

По разсказу Анонима, Винница была полна посполитства, сбѣжавшагося отовсюду для козацкаго промысла, такъ какъ въ это Смутное Время Польскаго Государства села перебирались въ мѣстечки, и отъ того мѣстечки дѣлались многолюдными городами. О Богунѣ онъ говоритъ, что это былъ человѣкъ отважный во всѣхъ случайностяхъ войны; что, при своей отвагѣ, онъ былъ и разуменъ, и счастливъ, какъ это рѣдко соединяется въ одномъ человѣкѣ. О его неутомимой дѣятельности и удальствѣ мемуаристъ говоритъ съ удивленіемъ и даже съ любовью. Очевидно, что онъ выражалъ чувства разсказчиковъ-шляхтичей, относившихся къ этому козаку съ рыцарскимъ уваженіемъ. Богунъ (пересказываетъ Анонимъ) выслалъ къ гетману чернеца для переговоровъ и, воспользовавшись проволочкою трактата, выкрался ночью черезъ прилегавшій къ зàмку монастырь съ тремя сотнями конюнника за Богъ, чтобъ развѣдать, не идетъ ли къ нему отъ Хмельницкаго подкрѣпленіе. Въ то же самое время и паны отправили подъѣздъ на рекогносцировку. Панскій подъѣздъ былъ сильнѣе козацкой чаты, и Богунъ, столкнувшись съ нимъ, побѣжалъ къ Винницѣ. Жолнеры узнали его среди козаковъ по блестящему при мѣсяцѣ панцырю, и лучшіе бойцы напрягали всѣ силы, чтобы схватить живымъ знаменитаго полковника. Богунъ уходилъ, обнявъ шею своего чубараго коня, а когда его заскочили и схватили за плечи, онъ стряхивалъ жолнеровъ такъ, что тѣ падали съ коней. Въ такой борьбѣ набѣжалъ Богунъ на одну изъ тѣхъ прорубей, которыми недавно обманулъ пановъ, и погрузился было въ воду, но добрый конь вынесъ его изъ западни. Думали, что ледяная ванна охладитъ его боевой пылъ; но на разсвѣтѣ самъ онъ атаковалъ панскую чату, и потомъ видали его всюду за ретраншаментами на чубаромъ конѣ. Узнавъ издали, паны спрашивали его о здоровьѣ, и Богунъ благодарилъ, что ему от-

платили за купанье купаньемъ. „Такъ мужественные кавалеры бесѣдуютъ и бьются"! восклицаетъ Анонимъ.

По сказанію того же мемуариста, Богунъ укрѣпилъ городъ, замокъ и монастырь такимъ образомъ, что могъ безопасно перейти изъ одного мѣста въ другое, и свое фортификаціонное искусство сосредоточилъ на монастырѣ, занимавшемъ сильную позицію.

Объ этого сочувственнаго противникамъ и уважаемаго ими воина-козака разбился, какъ увидимъ, Калиновскій въ своей кипучей, но бестолковой завзятости.

Онъ пришелъ въ Винницѣ 11 марта и расположилъ войско на позиціяхъ, но, поджидая артиллеріи, не предпринималъ военныхъ дѣйствій. Войско стояло день и ночь въ строю. Козаки, не довѣряя своимъ силамъ, въ полночь съ субботы на воскресенье зажгли городъ во многихъ мѣстахъ и заперлись въ монастырѣ. Тогда паны вступили въ городъ и, лишь только разсвѣло, пошли на приступъ. Бой длился, съ небольшими перерывами, цѣлый день въ воскресенье и всю слѣдующую ночь во вреду осаждающихъ. Въ понедѣльникъ, однакожъ козаки покинули первую линію палисада и сомкнулись во второй линіи своихъ укрѣпленій. Съ наступленіемъ ночи, на нихъ повели приступъ со всѣхъ сторонъ, при непрерывной пальбѣ. Они мужественно защищались огнестрѣльнымъ оружіемъ, косами, дубьемъ, каменьемъ. Борьба продолжалась до полуночи. Съ обѣихъ сторонъ погибло много людей. Ни та, ни другая сторона не торжествовала.

Богунъ повелъ съ панами переговоры, очевидно, желая выиграть время. Съ панской стороны было сдѣлано козакамъ гордое предложеніе—выдать пушки, знамена и полковника Богуна. Козаки предлагали панамъ 4.000 воловъ, соглашались наконецъ, по увѣренію Освѣцима, выдать пушки и знамена, но выдать полковника, или кого-либо изъ старшины отказались на отрѣзъ.

Здѣсь паны прибѣгнули къ такой хитрости, которая должна была въ случаѣ удачи, только создать новое препятствіе къ примиренію польскаго элемента съ русскимъ, панскаго—съ козацкимъ, въ придачу къ тысячѣ уже надѣланныхъ ими самими и въ особенности ихъ руководителями, ксендзами.

Освѣцимъ пишетъ слѣдующее: „Переговоры кончились тѣмъ, что козаки обязались возвратить взятыя у насъ знамена и удовлетворить житомирскаго старосту (Тышкевича), имуществю котораго они разграбили, а также возвратить лошадей, взятыхъ у насъ въ стычкѣ у прерубей, или уплатить ихъ стоимость деньгами. Когда эти условія были заключены, они требовали, чтобы войско наше очистило поле передъ

монастыремъ. Жолнерамъ дѣйствительно было приказано отступить съ поля и укрыться въ замкѣ, а также въ улицахъ и среди домовъ въ городѣ, но оставаться въ строю. Предполагалось употребить слѣдующую хитрость: когда козаки выйдутъ изъ укрѣпленій, окружить ихъ въ полѣ со всѣхъ сторонъ и потребовать выдачи старшинъ и оружія, а если не согласятся, разгромить ихъ окончательно. Намѣреніе это не удалось исполнить"....

Начались новые переговоры. Участникъ осады Винницы, Гуденичъ, писалъ къ пріятелю, что послѣ неудачнаго покушенія къ ночному бѣгству съ 12 на 13 марта, козаки, къ вечеру 13 числа, просили о помилованіи. Гетманъ (продолжалъ онъ) послалъ на переговоры меня и брацлавскаго подстолія, Ревускаго. Начали мы трактовать уже въ сумерки. Трактовали часа четыре подъ самыми ихъ валами, и кой въ чемъ согласились. На утро рано—опять, и было постановлено, что они отдадутъ хоругви, армату, лошадей, дадутъ заложниковъ и разойдутся по своимъ домамъ, съ тѣмъ чтобы не поднимать больше руки противъ королевскаго войска. Отдали послѣ того хоругви, которыя мы и получили, получили также и часть лошадей, но армату они хотѣли оставить на мѣстѣ уходя. Заложниками взяли мы четырехъ весьма хорошихъ сотниковъ. Сверхъ того, присягалъ какъ самъ Богунъ во всякой вѣрности, такъ и войско, и когда все это было уже выполнено, козаки, неизвѣстно по какой причинѣ, вернулись къ своему упорству. Опять нѣсколько дней драка; потомъ вторично просятъ о помилованіи. Пришли мы снова подъ валы, я брацлавскій подсудокъ и стражникъ Замойскій. Но измѣнники показали себя измѣнниками и, вмѣсто привѣтствія, убили гетманскаго трубача и моего хлопца. Думаемъ такъ, что это было дѣломъ или—чернецовъ, которые съ ними сидятъ, или шляхты, которой у нихъ 70 человѣкъ: ибо эти—или боятся за свою шкуру, или по крайней мѣрѣ того, чтобъ ихъ не узнали, когда выйдутъ".

То, что въ этой реляціи говорится о хоругвяхъ, о лошадяхъ, о заложникахъ, очевидно, было только обѣщаніемъ со стороны козаковъ, но не совершившимся фактомъ. Освѣцимъ пишетъ: „Прервавъ переговоры, козаки объявили, что всѣ готовы погибнуть въ бою. Дѣйствительно пошли было они напроломъ, но были отбиты съ большимъ урономъ. Тогда отступили за третью линію укрѣпленій, укрѣпили ее, и въ ней засѣли мужественно; при этомъ часть лошадей своихъ выгнали, и, когда наша челядь покушалась овладѣть ими, многихъ перестрѣляли. Наши окружили козацкія укрѣпленія валами, и постоянно стерегли, но не могли отрѣзать козаковъ отъ воды; громили осажденныхъ

пушечною пальбою, бросали въ ихъ таборъ бомбы; но бомбы козаки успѣвали гасить, и въ сущности не могли мы имъ ничего сдѣлать. Между тѣмъ войско наше выбилось изъ силъ, такъ какъ все время жолнеры и лошадей не разсѣдлывали, и сами не оставляли оружія".

18 марта, въ субботу, коронный обозный, сынъ полеваго гетмана отправился въ Кальникъ, полковой городъ Богуна, на рекогносцировку, съ цѣлью развѣдать, гдѣ находится Хмельницкій, и не подходить ли какое подкрѣпленіе на выручку Богуну. Онъ дошелъ только до Липовца, лежащаго въ 5 миляхъ отъ Винницы, и отправилъ оттуда для развѣдокъ пана Кондрацкаго по направленію къ Кальнику. Но едва Кондрацкій выступилъ въ поле, какъ наткнулся на козацкій передовой отрядъ, и замѣтилъ въ сторонѣ большое войско. Въ то же время другой конскій отрядъ напалъ на молодаго Калиновскаго, расположившагося въ Липовцахъ, и привелъ жолнеровъ его въ большое замѣшательство. Только выскочивъ изъ мѣстечка въ поле, удалось пану обозному привести въ порядокъ свои хоругви, но всѣ разсѣдланныя лошади были потеряны. Притомъ же козаки, прежде чѣмъ напасть на Липовецъ, заняли дорогу въ Кохановку, и потому та часть отряда, которая сопровождала возы съ припасами, также потерпѣла значительный уронъ. Панъ Кондрацкій едва успѣлъ спастись, потерявъ много жолнеровъ, посланныхъ съ нимъ изъ разныхъ хоругвей. Но молодой Калиновскій, вернувшись къ отцу 20 числа подъ вечеръ, все-таки привелъ нѣсколько захваченныхъ въ плѣнъ козаковъ. Они показали, что Хмельницкій былъ въ Бѣлой Церкви, и уже выступилъ навстрѣчу панскому войску.

Коронный полевой гетманъ рѣшился отступить въ какую-нибудь мѣстность, болѣе удобную для продовольствія войска: ибо ледъ на рѣкѣ Богѣ уже тронулся, а по сю сторону рѣки не было возможности добыть фуража. Но прежде онъ хотѣлъ попытаться, не посчастливится ли ему взять приступомъ осажденныхъ. Приступъ начался съ разсвѣтомъ. Козаки сдѣлали тотчасъ вылазку, но нѣсколько человѣкъ ихъ попало въ плѣнъ; зато и они увели къ себѣ двухъ плѣнниковъ. „Вообще козаки сражались храбро", пишетъ Освѣцимъ. Было очевидно, что панамъ съ ними не совладать, и тѣмъ болѣе, что въ панскомъ стану знали о наступленіи большаго козацкаго войска. Напротивъ козаки съ каждымъ днемъ и часомъ ожидали помощи.

Помощь пришла къ нимъ во время самаго приступа, спустя нѣсколько часовъ послѣ восхода солнца. На выручку Богуна подоспѣлъ уманскій полковникъ, Глухъ, съ 10.000 козаковъ. Для пановъ это было неожиданностью: не разсчитывали они такъ скоро столкнутся

съ превосходными непріятельскими силами. Козаки, съ ужасающимъ крикомъ, заняли новый городъ, отдѣленный отъ стараго, занятаго нами, только мостомъ, на разстояніи выстрѣла изъ лука.

„Въ нашемъ войскѣ“ (пишетъ Освѣцимъ) „произошло страшное замѣшательство. Жолнеры не слушали распоряженій и разорвали боевой строй. На трубахъ играли тревогу, что еще больше усиливало страхъ и смятеніе. Наконецъ наши, бросившись на лошадей, выскочили въ поле къ Якушинцамъ, и здѣсь построились въ боевой порядокъ; но часть хоругвей осталась на прежнемъ мѣстѣ, передъ фронтомъ монастыря, въ которомъ заперлись козаки. Панъ воевода, съ нѣсколькими козацкими (легко вооруженными, по-козацки) хоругвями, бросился къ мосту, за которымъ стоялъ непріятель, и завелъ съ нимъ перестрѣлку. Вся эта тревога была совершенно напрасна, хотя бы козаки явились и въ большемъ количествѣ: Богъ уже тронулся, и они не могли переправиться на сю сторону. Но челядь, бывшая у обоза, не обративъ на это вниманія, побросала возы, лошадей и обратилась въ бѣгство. Ея примѣру послѣдовали и товарищи изъ разныхъ хоругвей; другіе же, видя, что возы оставлены безъ присмотра, бросились къ нимъ, и свои стали грабить своихъ. Дѣло вышло похожее на Пилявецкую битву, съ тою разницею, что пѣхота и часть хоругвей, оставшаяся въ строю, сомкнулись, и въ порядкѣ отступили по направленію къ Бару. На прощанье, козаки, взбѣжавъ на валы, провожали нашихъ обычными криками, прилагая къ Ляхамъ разные оскорбительные эпитеты. Цыгане! утікачі! безмозглые! пилявчики! кричали они. *Утікайте дальше за Вислу! не тутъ ваше діло!* *) Гетманъ былъ очень смущенъ отъ этого безпорядка и слишкомъ поспѣшнаго отступленія. Жолнеры негодовали на него за отсутствіе распорядительности. Они сами были страшно изнурены, лошадей измучили и, въ заключеніе, лишились возовъ, запасныхъ лошадей, челяди, съѣстныхъ и боевыхъ припасовъ. Въ большомъ смятеніи, усилившемъ самоувѣренность непріятеля, отступило войско отъ Винницы, прекративъ осаду, и направилось въ Баръ, куда пришло 24 числа“.

Такъ разбилъ себя Калиновскій о Богуна, который—то подставлялъ ему желѣзные бока свои, то выигрывалъ время по-козацки лукавыми переговорами. Постыдное бѣгство его Освѣцимъ снисходительно назвалъ безпорядочнымъ отступленіемъ, но прибавилъ къ нему такія характеристическія черты обоихъ панскихъ полководцевъ, которые низводятъ ихъ до уровня грубіяновъ, крутѣйшихъ дули и т. п.

---

*) Курсивъ писанъ въ польскомъ подлинникѣ порусски.

„Главною причиною смятенія и безпорядка нашего“ (пишетъ онъ) „было соперничество и ссоры вождей, то-есть полевого гетмана и брацлавскаго воеводы. Послѣдній желалъ распоряжаться независимо отъ гетмана; притомъ онъ хотѣлъ удержать у себя серебряный перначъ Нечая, но долженъ былъ отдать его гетману, который выбранилъ его по этому случаю. Другой разъ они столкнулись въ Шаргородѣ: здѣсь, во время разговора, воевода упомянулъ о томъ, что онъ увѣщевалъ жолнеровъ повиноваться гетману; но гетманъ, вспыливъ, отвѣтилъ: Ваши увѣщанія имѣли столько же вѣса, какъ этотъ кукишъ, причемъ онъ показалъ кукишъ воеводѣ. Поистинѣ стыдно и позорно для вождей заниматься такими школьными выходками. Воевода ничего не отвѣтилъ, но вышелъ изъ комнаты. Въ третій разъ гетманъ обругалъ воеводу, когда тотъ попрекнулъ его тѣмъ, что онъ, въ письмахъ къ королю, исключительно себѣ приписываетъ всякое успѣшное дѣйствіе.

„Какъ образецъ безобразія“ (продолжаетъ Освѣцимъ), „до котораго войско дошло вслѣдствіе этихъ ссоръ и неуваженія подчиненныхъ къ вождямъ, приведу очень грустный случай. Когда 18 марта козаки очистили Прилуку, туда отправилось для собранія фуража нѣсколько тысячъ войсковой челяди. На обратномъ пути, жолнеры изъ полковъ гетманскаго и князя воеводы русскаго ограбили жолнеровъ брацлавскаго воеводы. Утверждали, что зачинщикомъ безпорядка былъ какой-то товарищъ изъ хоругви князя Вишневецкаго. Брацлавскій воевода, требуя по этому поводу удовлетворенія у гетмана, попрекалъ указаннаго товарища. Присутствовавшій при этомъ нашъ Незабитовскій, поручикъ той роты, въ которой служилъ товарищъ, замѣтилъ воеводѣ: „Ваша милость постоянно къ намъ придираетесь“. Разговоръ обострился. Наконецъ воевода сказалъ Незабитовскому: „Тебѣ пристало скорѣе быть быкомъ, чѣмъ жолнеромъ“. Панъ Незабитовскій отвѣтилъ на это: „А тебѣ подобаетъ скорѣе быть козьимъ пастухомъ, нежели сенаторомъ“. Воевода замолчалъ, а панъ Незабитовскій вышелъ. Разговоръ происходилъ въ присутствіи гетмана; но, когда воевода ему пожаловался, онъ за него не вступился, и отвѣчалъ пословицей: „гдѣ брѣютъ, тамъ и бьютъ“; потому воевода чувствовалъ себя оскорбленнымъ въ этомъ случаѣ больше гетманомъ, чѣмъ Незабитовскимъ“.

Картину разбившагося о козацкій авангардъ панскаго войска доканчиваетъ Войцѣхъ Мясковскій, авторъ дневника Переяславской коммиссіи, теперь намѣстникъ хоругви калишскаго каштеляна, Розражевскаго. „Увѣряю васъ“ (писалъ онъ, какъ видно, къ Розражевскому), „что нынѣшніе наши труды превзошли Збаражское осадное сидѣнье:

ежедневные приступы, безпрестанныя стражи,—такъ что, стоя три дня и три ночи на стражѣ, не разводя огней, должны были мы отмораживать носы, руки, ноги. А подъѣзды! Счастливая была та недѣля, въ которую мы не по три раза чатовали,—такъ что кони у насъ выбились наконецъ изъ силъ. Пять недѣль не сходятъ съ нихъ сѣдла,— страшныя ссадины, горше чѣмъ подъ Збаражемъ. Въ Липовцѣ всѣ бы мы остались на мѣстѣ, когда бы самъ Господь Богъ не оборонялъ насъ. На одну нашу (Розражевскаго) хоругвь ударила вся непріятельская сила, съ которой, столкнувшись въ тѣсныхъ улицахъ (opłotkach) темною ночью, сѣклись мы два часа, и только днемъ, прійдя въ порядокъ и взявши 19 добрыхъ языковъ, вернулись къ войску. Какимъ это образомъ случилось, что его милость панъ гетманъ не зналъ о непріятелѣ, пока не увидѣлъ его передъ собой,—не могу понять. Отъ этого произошло страшное смятеніе, превосходившее и Пилявецкое. Съ хоругвями одни (бросились) въ ворота, другіе черезъ валъ, одни верхомъ, другіе пѣшкомъ, и еслибъ его милость панъ воевода брацлавскій не уперся на мосту, то легла бы тамъ вся пѣхота. Стояли мы до полуночи въ строю, потомъ двинулись въ Баръ, сведя съ поля пѣхоту и покинувъ съ тысячу больныхъ и раненныхъ. Шла за нами сволочь (colluvies) до нашихъ переправъ, не безъ (нашего) урону: ибо отъ неосторожности старшихъ, не оставившихъ ни одного полка въ арріергардѣ, оторвали у насъ нѣсколько сотъ возовъ и столько же челяди. Отступивъ такимъ образомъ въ смятеніи, въ страшномъ безпорядкѣ, въ проклятомъ разстройствѣ (w przeklętéj sprawie), притащились мы сюда на Барскій постъ, гдѣ намъ придется до остатка поморить измученныхъ лошадей и самимъ бездѣйственно погибать въ страшной истомѣ".

Въ тотъ же самый день Калиновскій доносилъ королю по Яно-Казимировски, что еслибы ему прислали подкрѣпленія, то Хмельницкому давно былъ бы конецъ, и храбро прибавлялъ: „За мною дѣло не стоитъ"... А услужливый сочинитель дневника „козацкой экспедиціи отъ 19 до 24 марта" написалъ даже, что, „получивъ извѣстіе о прибытіи не малыхъ козацкихъ силъ на помощь осажденнымъ, его милость панъ гетманъ велѣлъ войску выходить въ поле и таборомъ идти къ Бару". Липовецкое дѣло молодаго Калиновскаго также здѣсь названо счастливымъ, а потери его покрыты молчаніемъ.

Стѣсняясь въ средствахъ для прокормленія войска въ предѣлахъ одного барскаго староства, Калиновскій распредѣлилъ его всюду, гдѣ могъ, чтобъ дать ему оправиться. Но движеніе козаковъ заставляло пановъ думать объ охранѣ внутреннихъ провинцій. Ланцкоронскій, иду-

чи въ Хмельникъ на указанную его жолнерамъ квартировку, видѣлъ на пути своемъ въ Летичевѣ, 30 марта, многихъ жителей Константинова, бѣжавшихъ отъ Орды и козаковъ. Отправленныя для развѣдокъ двѣ хоругви прискакали въ Константиновъ къ полночи. Ночевавшіе тамъ пьяные козаки полковника Крысенка, вмѣстѣ съ Татарами, бѣжали въ испугѣ, побросавъ свои прикметы и лошадей, какъ верховыхъ, такъ и вьючныхъ. Убито ихъ было немного, но гораздо больше потонуло въ рѣкѣ Богѣ. Счастливыя козакотатарскимъ испугомъ хоругви, захвативъ нѣсколько козаковъ, двоихъ Татаръ и до 20 татарскихъ лошадей, поспѣшили удалиться, чтобы непріятель не напалъ на нихъ, опомнясь отъ своей паники. Дѣйствительно утромъ козаки Крысенка возвратились въ городъ, собрали покинутое тамъ добро свое, перерѣзали многихъ людей, городъ сожгли и отступили въ Хмельникъ, гдѣ расположились въ замкѣ и въ городѣ. Для охраны себя отъ панскихъ подъѣздовъ, они сожгли постройки на панской сторонѣ рѣки Бога и разрушили мостъ. Ляпцкоронскій, вмѣсто Хмельника, долженъ былъ квартировать въ Летичевѣ, сильно страдая отъ голода.

Получивъ извѣстіе о движеніи козаковъ и Татаръ, Калиновскій предпочелъ ожидать ихъ въ болѣе безопасномъ мѣстѣ, у Каменца, а въ Барѣ оставилъ гарнизонъ. Объ этомъ писалъ онъ къ королю изъ Бара отъ 2 апрѣля: „Не видя больше возможности противостоять непріятельской силѣ, снабдилъ я Баръ гарнизономъ, и выступаю (progredior) съ войскомъ далѣе, подъ Каменецъ: такъ какъ нѣтъ сомнѣнія, что всѣ полки, и заднѣпровскіе, и здѣшніе, приблизились къ войску съ немалыми татарскими вспоможеніями. Боюсь поэтому, чтобъ и войска не обмануть (abym i wojska nie zawiódł), и Рѣчь Посполитую не привести къ пагубѣ, и гнѣву вашей королевской милости не подвергнуться... Провожу время не праздно и нынѣ: ибо нѣтъ у меня такого дня, чтобы не добывалъ подъѣздами языковъ и не истреблялъ непріятеля".

Приказъ направляться къ Каменцу былъ горестною необходимостью для отрядовъ, шедшихъ на отдыхъ въ Баръ. Красноставскій староста, Маркъ Собіескій, писалъ къ пріятелю отъ 6 апрѣля изъ-подъ Зѣнькова, что войско держало тамъ раду, куда бы ему обратиться для отдыха, „пока непріятель позволитъ": ибо, въ противномъ случаѣ, осталось бы оно безъ лошадей, „невыразимо измученныхъ и изнуренныхъ". Было рѣшено расквартировать войско полками подъ Каменцемъ такъ, чтобы, въ случаѣ наступленія непріятеля, оно могло собраться къ полевому гетману въ одни сутки. „Не мы виновны въ томъ" (продолжалъ бѣдный Русинъ), „что такъ дурно идутъ дѣла: виновны

подкрѣпленія, которыя къ намъ не подходятъ, а наше войско ежедневно уменьшается. На бумагѣ былъ представленъ сейму большой компутъ войска, а пришло къ намъ только 16 хоругвей; прочія ползутъ какъ раки, и неизвѣстно, придутъ ли къ намъ. Рѣчь Посполитая сама передъ собой виновна. Рванулись мы слишкомъ скоро и зашли слишкомъ далеко, а теперь не можемъ найти себѣ нигдѣ мѣста, кромѣ Каменца"... А подольскій судья Лукашъ Мясковскій прибавляетъ къ этому отъ 7 апрѣля изъ Микулинецъ: „Прибѣжалъ ко мнѣ товарищъ (рядовой шляхтичъ) его милости полеваго гетмана, ища челяди, бѣжавшей со своими почтовыми" (принадлежавшими къ почту) лошадьми. О войскѣ нашемъ говоритъ, что оно отступило по причинѣ голода".

Въ то время, когда одинъ полководецъ разбился о Богуна въ Винницѣ и привелъ подъ Каменецъ остатки войска, какъ пишетъ Мясковскій, проголодавшагося, унылаго, выමореннаго, измученнаго (zgłodzonego, opieszałego, wymorzonego, wymęczonego),—другой (Лянцкоронскій), ободренный нѣсколькими стычками съ непріятельскими чатами, писалъ къ королю, что не нужно было уже никакого войска на козаковъ, и обѣщалъ ему успокоить Украину въ нѣсколько недѣль. Копіи писемъ его, присланныя изъ Варшавы, произвели въ обломкахъ войска Калиновскаго крикъ величайшаго негодованія. И такимъ-то вождямъ, лебезящимъ наперерывъ передъ королемъ польскихъ королей, предстояло спасать Польшу отъ Малороссіи, вооружившейся варварски противъ ея варварскаго господства.

Апрѣля 12 варвары номады напали на варваровъ цивилизаторовъ, охранявшихъ Баръ. Три легкія хоругви, назначенныя для обороны города, слыша, но ничего не зная, о громадныхъ силахъ непріятеля, отступили къ войску, не добывъ даже языка, а 300 человѣкъ Нѣмцевъ ушли изъ замка. Но мужики хмельничане, ограбивъ мѣстечко, на замокъ не покусились, и, погулявъ здѣсь „по-козацки" нѣсколько часовъ, исчезли, къ стыду польской цивилизаціи и гражданственности.

Въ это время достойный такого государства король повелѣлъ коронному великому гетману собрать всѣ вновь навербованные отряды войска у Владиміра, и самъ выѣхалъ, для примѣра польскимъ королямъ, какъ справедливо называлъ пановъ Хмельницкій. Узнавъ, что Потоцкій основалъ обозъ у Владиміра, Калиновскій стянулъ всѣ свои хоругви подъ самый Каменецъ, и 23 апрѣля расположился по ту сторону рѣки, у замка. Каждый сталъ по возможности запасаться провіантомъ, который пришлось покупать по небывало высокимъ цѣнамъ. Мясковскій писалъ еще 7 апрѣля, что жолнеры платили за осьмачку

овса по червонцу и дороже, да и тѣмъ не могли поправить лошадей, „не вставая пять недѣль съ сѣдла“: не было времени кормить ихъ (choć było czém, ale nie było kiedy). Непріятеля ждали ежедневно, и такъ простояли лагеремъ цѣлую недѣлю. Наконецъ военная рада рѣшила—идти на соединеніе съ главными силами, пробиваясь на пути сквозь козакотатарскіе отряды.

Мая 7 войско двинулось, а между тѣмъ Хмельницкій сосредоточилъ свои силы на урочищѣ Ганчарихѣ, между Межибожемъ и Старымъ Константиновымъ. Ему слѣдовало не допустить полеваго гетмана соединиться съ королемъ, и онъ отправилъ впередъ нѣсколько отборныхъ полковъ конницы, да нѣсколько тысячъ Татаръ, съ приказаніемъ—захватить у панскаго войска лошадей, чтобъ остановить, или, по крайней мѣрѣ, задержать его движеніе, пока самъ не подойдетъ съ остальными силами.

Гонитва его за панами и ихъ жолнерами представляла опасность со стороны Литвы, гдѣ погибъ незамѣнимый никѣмъ Кричевскій, гдѣ палъ не боявшійся ни огня, ни меча, ни болотныхъ топей Голота, гдѣ, вмѣстѣ съ мужественнымъ бойцомъ Подобайломъ перетонуло въ болотахъ и рѣкахъ много таки отчаянныхъ козарлюгъ, какими заявили себя Наливайковы мартыновцы. Внукъ Радивила Перуна и сынъ того Криштофа Радивила, который, по словамъ Іова Борецкаго, былъ достоинъ въ памяти всѣхъ грядущихъ вѣковъ за оборону православныхъ іерарховъ, былъ страшилищемъ псевдовоителя за малорусскую церковь. Чтобъ остановить его грозное движеніе въ Украину, котораго боялись, и въ Збаражчину, Хмельницкій отправилъ три полка: полтавскій, переяславскій и черниговскій, составившіе 20.000-й корпусъ, подъ начальствомъ Небабы, по отзыву пановъ, опытнаго и хорошаго воина, и поручилъ имъ не допускать литовскаго войска переправляться черезъ Днѣпръ.

Мысль овладѣть Каменцемъ постоянно занимала Хмельницкаго, не умѣвшаго взять всѣми своими силами и средствами збаражской западни. Этой мысли сочувствовали и лучшіе козаки, которыхъ наша исторіографія представляетъ патріотами. Подъ начальствомъ такихъ сыновей козацкаго отечества, отправилъ Хмѣль надежнѣйшихъ соратниковъ своихъ, среди которыхъ, вѣроятно, находился и будущій предатель Каменца Магомету IV, Петро Дорошенко. Рьяные воины пробѣжали, съ татарской быстротой, 12 миль въ однѣ сутки, и явились подъ скалистымъ городомъ, хранительнымъ устоемъ поколебленной Польши; но воевать было уже не съ кѣмъ, а каменнаго гнѣзда древнихъ Русичей не могъ взять и Перебійносъ, утонившій въ женской

роя Полонное и гордо заявившій во Львовѣ свое равенство съ ..елемъ. Тѣмъ не менѣе хмельничане сдѣлали попытку овладѣть По..льскимъ Каменцемъ, и вотъ какъ доносилъ объ этомъ одинъ изъ ..о защитниковъ коронному полевому гетману.

„Пишу кратко о нашемъ сидѣньѣ въ осадѣ, продолжавшемся три ..и. Когда нашъ обозъ двинулся изъ-подъ Каменца съ понедѣльника ..вторникъ, непріятель сжегъ и вырѣзалъ Дунай городъ, всѣ окрест..сти Каменца уничтожилъ поголовно (zniszczył na głowę), и на ..ущихъ людяхъ въѣхалъ рано утромъ въ предмѣстье. Мы сперва ..али, что это наше войско, потому что сперва подошло подъ городъ ..а 300 человѣкъ ихъ передней стражи. Съ голыми саблями на тем..кахъ, они отнимали у бѣгущихъ въ городъ скотъ. Но на возвышен..сти стараго лагеря появились Татары, и разсыпались, какъ мура..вьинкъ, одни къ Паневцамъ, а другіе къ Черноковеницамъ. Тогда ..потовали изъ замковыхъ пушекъ, а между тѣмъ наступили козацкіе ..лки, которыхъ считали „80.000 языковъ“, да Татаръ 12.000. Ко..и остановились на горѣ, и сдѣлали первый приступъ къ городу ..котою, которая такъ сильно ударила на наши двѣ конныя хоругви ..а 200 Нѣмцевъ, что они отступили въ городъ; а между тѣмъ ..нство напало подъ замкомъ на скотъ и на таборъ мужиковъ, ..гущихъ въ городъ. Забравши у нихъ множество скота, овецъ ..одежды, оно удалилось къ своему обозу. Послѣ обѣда того дня и ..ью не было намъ отъ нихъ безпокойства, однакожъ они послали ..сколько тысячъ войска къ Черноковеницамъ и Паневцамъ. Черно..веницы оборонялись хорошо. Замокъ со шляхтой освободился; городъ ..аки сожгли. Паневцы взяли на третій день предательствомъ Тршил..товскаго, слуги пана каневскаго старосты, который выдалъ имъ ..жды, серебро, обои, нѣсколько турецкихъ коней, и самъ ушелъ къ ..нимъ съ какимъ-то Гловацкимъ; но они Тршиляткювскаго обезглавили, ..а прежде обѣщали ему полковничество, а Гловацкому дали хо..въ. Въ среду сдѣлали одинъ приступъ (къ городу), а другой къ ..ской брамѣ, ударивъ отважно. Но, такъ какъ мы сожгли Караван..ъ, и домики подъ скалой, чтобъ намъ оттуда не вредили, то наша ..хота била ихъ тамъ хорошо и прогнала на самую гору. Выѣхалъ ..же съ 300 комонника и панъ староста каменецкій (Петръ По..кій). Разили ихъ и конница, и замковыя пушки такъ сильно, что ..бѣжали подъ Кешеню. Тамъ наши отняли у нихъ 60 возовъ съ ..ычею, награбленною въ Панёвцахъ, и добыли много козацкихъ и ..рскихъ языковъ, которые показывали согласно, что сюда подъ ..менецъ Хмельницкій выслалъ отборное войско, чтобъ занимало

квартяковъ и не допустило ихъ соединиться съ королемъ... Съ серед на четвергъ устроило себѣ русское хлопство кругомъ (circumcirca) подъ самой скалой шанцы, изъ которыхъ цѣлый день причиняло в ликій вредъ городу и людямъ. Но ихъ также хорошо щупали (macan въ тѣхъ шанцахъ съ замка и башенъ пушечною пальбою, такъ ч принуждены были бѣжать, покидая хоругви. Послѣ обѣда вышло н сколько сотъ пѣшаго охотника и двѣ сотни нѣмецкой пѣхоты па Зыхлинскаго къ старому становищу, а съ другой стороны отъ за къ Кошени выбѣжалъ панъ староста въ нѣсколько сотъ конниц Тамъ дважды наши двинули (ruszyli) ихъ изъ шанцевъ, и отняли н сколько хоругвей, но не могли устоять противъ ихъ силы, потому ч ихъ наводилъ (nawodzil) хорошо Богунъ, подъ которымъ также в замковой пушки убили коня, и самъ онъ едва убрался въ табор Много перебили этого хлопства изъ пушекъ и ружей, такъ что досчитались между собой цѣлаго полка. Хватаясь за сабли, порн лись они къ своему наказному (do połnego), Демку, за то что, п тивъ воли и приказа Хмельницкаго, потерялъ такъ много людей и Каменцемъ, какъ это показали намъ ихъ языки. Въ полночь съ ч верга на пятницу пришелъ къ нимъ горячій (gorący) универса чтобъ оставили совершенно все и шли одни комонникомъ за наш войскомъ, а другіе ему (Хмельницкому) навстрѣчу. Заиграли у н ворю въ трубы, въ шипоши (szyposze), и едва погребли свои тру зарывая съ ними сухари, сала, ветчину, водку въ фляжкахъ*). своемъ таборищѣ, которое растянули отъ самихъ Зѣньковичъ до М ши и подъ Недоборъ, побросали много взятаго скота и баран жаркаго на рожнахъ, муки, хлѣба, возовъ, такъ что каменецкое у жество собирало все это послѣ нихъ три дня. Но, что всего уд тельнѣе, козаки и Татары отпустили на волю много плѣнныхъ ного пола и состоянія. Эти плѣнники разсказывали, что въ ту н такая у нихъ въ таборѣ сдѣлалась тревога, что перекопскій бе Татары, получивъ какое-то нерадостное извѣстіе о Хмелевыхъ вахъ, рвали на себѣ волосы и бились въ землю... Не даромъ они спѣшили, что и подъ Гуменцами бросили нѣсколько возовъ, на женныхъ разнаго рода крупою. Пошли по слѣдамъ нашей милост слышно, сожгли скалу. Татары, однакожъ, упорствовали идти за н и, видно, что-то случилось у нихъ (snać ich sam coś zapadło):

---

*) На старинныхъ кладбищахъ и нынѣ вырываютъ въ головахъ у с товъ горілку въ фляжкахъ.

ю, не хотятъ наступать; говорятъ, что имъ Богъ на эту войну идти не велитъ".

Летучія козацкія чаты настигли пановъ римскаго 9 мая, у переправы черезъ небольшую рѣчку у мѣстечка Пробожной, въ нынѣшнемъ Чортковскомъ округѣ Галиціи. Помѣшать переправѣ были онѣ безсильны, а угнаться за ихъ свѣжими лошадьми не могли паны на своихъ лошадяхъ, истощенныхъ походами да подъѣздами. Одного козака поймали таки живьемъ, да наканунѣ одинъ изъ панскихъ подъѣздовъ привелъ къ гетману нѣсколькихъ Татаръ.

Мая 10, переправляясь черезъ рѣку Серетъ у Янова (въ Тернопольскомъ округѣ Галиціи), паны, къ виду затруднительной переправы, ожидали появленія козаковъ; но ожиданіе было напраснымъ, потому (какъ это сдѣлалось извѣстнымъ послѣ отъ плѣнниковъ), что козацкіе полковники напились черезъ мѣру горілки.

Не менѣе трудную переправу встрѣтилъ Калиновскій и 12 мая у Купчинецъ (въ Бережанскомъ округѣ Галиціи), на рѣкѣ Стрыпѣ. Полковники успѣли опохмѣлиться, догнали пановъ, но дали имъ почти совсѣмъ переправиться. На козацкомъ берегу оставался только полкъ молодаго Калиновскаго. Козаки напали на него внезапно, такъ что онъ едва успѣлъ построиться. Отбиваясь, Калиновскій началъ отступать на другую сторону, расположивъ у переправы пѣхоту подъ начальствомъ того Бутлера, который въ 1630 году, вмѣстѣ съ ротмистромъ Жолтовскимъ, оборонилъ отъ козаковъ-тарасовцевъ тогдашняго архимандрита Кіевопечерской Лавры, Петра Могилу, и его монастырь. Здѣсь Бутлеръ палъ съ нѣсколькими десятками своихъ воиновъ. Козаки не разъ истребляли наемныхъ Нѣмцевъ до остатка. Такъ хотѣли они поступить съ вѣрными хранителями пановъ и теперь; а польская конница не могла подать Нѣмцамъ помощи во-время. Сильно тѣснимые Нѣмцы стали отступать, и въ это время погибъ ветеранъ Бутлеръ. Ободренные успѣхомъ, козаки и Татары начали отважно переправляться, а переправясь, развернулись въ тылу панскаго войска и налегли на его арріергардъ и на обозъ, но были согнаны съ поля, и оставили нѣсколькихъ Татаръ и козаковъ плѣнниками, въ томъ числѣ Нетычай-мурзу, изъ знатной фамиліи даерскихъ мурзъ, и каневскаго сотника, Шабельниченка. Послѣ боя, панское войско простояло всю ночь въ строю подъ проливнымъ холоднымъ дождемъ. Козаки не отважились напасть на него.

Между тѣмъ пріѣхалъ налегкѣ новый коронный подканцлеръ, Іеронимъ Радзѣевскій, и передалъ Мартину Калиновскому посланіе Николая Потоцкаго, передвинувшаго уже свое войско изъ-подъ Вла-

диміра къ Сокалю (въ Злочевскомъ округѣ Галиціи). Дѣло въ томъ, что корсунское несогласіе между главами короннаго войска пережило ихъ плѣненіе. Радзѣевскій, воспитанный въ школѣ отца, разсчетливо щедраго хлѣбосола, умѣлъ говорить и съ козацкими, и съ панскими своевольниками. По порученію короля, онъ подготовилъ уже въ Сокалѣ Потоцкаго къ совмѣстному служенію отечеству съ соперникомъ: точно то же долженъ былъ онъ сдѣлать и съ Калиновскимъ.

13 мая переправились паны въ Поморяны. Козаки показывались на пути маленькими чатами отъ 10 до 20 всадниковъ, но приблизиться не смѣли. Калиновскій зналъ, что сзади быстро наступаетъ Хмельницкій, чтобъ отрѣзать его отъ сокальскаго войска. Въ Поморянахъ паны сожгли всѣ возы, которыхъ оставалось еще по 10 на каждую хоругвь; двѣ пушки, порохъ и больныхъ оставили въ поморянскомъ замкѣ, и спѣшили соединиться съ королевскимъ ополченіемъ, проходя по двѣ и по три мили ежедневно. Козаки ждали ихъ у Зборова; но они круто повернули въ другую сторону, и безъ дальнѣйшихъ приключеній, достигли королевскаго лагеря.

Въ королевскомъ лагерѣ представили они изъ себя не воиновъ, спорившихъ съ дикарями за обладаніе воздѣланнымъ ими краемъ, а дикарей-бѣглецовъ, покусившихся на чужую землю, которою владѣть было не по ихъ нравственнымъ и вещественнымъ силамъ. Преслѣдовавшіе Калиновскаго туземцы, въ числѣ 18.000, съ прибавкою 2.000 Татаръ, довели его до крайняго изнуренія, въ какомъ былъ нѣкогда заклятый врагъ его дѣда, царь Наливай, ускользнувшій, „какъ лѣсной звѣрь“, въ таинственную тогда Уманію къ миѳическимъ Синимъ Водамъ. Оборванные и разстроенные жолнеры Калиновскаго, въ глазахъ защитниковъ польскаго отечества, представляли не больше цѣнности, какъ остатки разбитаго на голову и разбѣжавшагося войска.

Но калиновцы, какъ увидимъ далѣе, не были контрастомъ среди соединившихся въ Сокалѣ помогаловъ.

Глава XXVI.

оюющія стороны, неспособныя къ правотѣ. — Панскій лагерь подъ Сокалемъ.— йна Римлянъ съ Греками посредствомъ пановъ, а Грековъ съ Римлянами поедствомъ козаковъ.—Достоинство московскаго правительства въ виду этой рьбы.—Движеніе панскаго войска къ Берестечку.—Козацкое становище и приходъ Крымскаго хана къ козакамъ.—Первая битва подъ Берестечкомъ.

Несчастенъ былъ тотъ народъ, который ввѣрилъ свою судьбу лонизаторамъ нашей опустѣлой отъ Татарскаго Лихолѣтья Малоссіи, сколько бы ни было между ними аборигеновъ. Колонизаторы ельщали этотъ сбродный народъ, какъ бы новыхъ египетскихъ бѣгцовъ, мечтали о землѣ, текущей молокомъ и медомъ, но не были юсобны воспользоваться благодатною почвою нашей родины, и доиовались въ ней до того, что голодали на самихъ берегахъ молочихъ и медовыхъ рѣкъ, наконецъ были подавлены и изгнаны съ безстіемъ подражателями ихъ самоуправства, козаками. Довѣрчивый увлеченный панами въ обѣтованную землю народъ оказался въ й бѣдствующимъ. Но не меньше выпало бѣдствій и на долю тѣхъ, оторые, въ качествѣ передовиковъ его, двинулись въ роскошныя стыни изъ зажитыхъ и прославленныхъ древнимъ русскимъ, литвоусскимъ, польско-русскимъ, нѣмецко-русскимъ мужествомъ. Они сдѣлись рабами рабовъ своихъ, изгнанниками изъ земли древнѣйшихъ едковъ своихъ.

И вотъ, изгнанные и изгоняющіе собираются передъ нами на слѣднемъ человѣческомъ судѣ за содѣянныя обѣими воюющими стонами неправды, тѣ и другіе преисполненные чувствомъ правоты оей, тѣ и другіе равно жалкіе въ нашихъ глазахъ неспособностью ь правотѣ.

Съ такими чувствами приходится потомкамъ *осадниковъ* и *осадчихъ* арой Малороссіи проповѣдывать спасительную идею русскаго возоединенія въ изображеніи междусословнаго спора, который, съ тече-

ніемъ времени, сдѣлался междуцерковнымъ и наконецъ—международнымъ.

Всмотримся сперва въ панское войско—глазами самихъ потомковъ панскихъ, которыхъ большая часть позабыла свое русское имя ради имени польскаго.

Предводитель панскаго войска, Янъ Казимиръ, называемый Казимиромъ V въ воспоминаніе о Казимирѣ IV Великомъ, прибылъ 27 мая въ лагерь, соединявшій въ себѣ всю вооруженную Польшу. Прибылъ онъ, великій монархъ, непобѣдимый побѣдитель,—и ему (разсказываютъ сами Поляки) представилось поразительное, страшное зрѣлище.

Польскій лагерь подъ Сокалемъ (говорятъ они) былъ готовою для непріятеля добычею. Вмѣсто того, чтобы представлять грозный редутъ вольнаго Шляхетскаго Народа, опору могущества *польскихъ королей* и короля королей польскихъ, онъ казался громаднымъ лазаретомъ: такъ ужасно разбились паны о собственныхъ мужиковъ своихъ во всѣхъ столкновеніяхъ за право владѣть землею,—отъ Желтоводскаго до Крупчинецкаго включительно. Голодный тифъ похищалъ храбрыхъ жолнеровъ одного за другимъ съ бо̀льшею быстротой и безпомощностью, чѣмъ похищаетъ голодный коршунъ цыплятъ. Вокругъ боеваго лагеря, послѣдней опоры славы и вольности шляхетской, не было ни валовъ, ни шанцевъ. Босые оборвыши жолнеры оставались безъ оружія,—изнемогшіе львы безъ когтей и зубовъ. Квартяки Калиновскаго, не уступавшіе въ личной отвагѣ Богуну и его отчаяннымъ шляхтичамъ, таяли здѣсь отъ всякихъ недуговъ поразительно. Они были набраны изъ ветерановъ Тридцатилѣтней войны да переформированы изъ старыхъ полковъ покойнаго короля, побѣдителя многоцарственной Москвы, готовившагося къ покоренію не до покореннаго македонскимъ героемъ Востока. Изнуренные безпрестанною борьбою съ непріятелемъ и многочисленнымъ, и повсемѣстнымъ, уменьшенные и разстроенные бѣгствомъ—сперва изъ-подъ Винницы, потомъ изъ-подъ Каменца, одесятствованные болѣзнью голода—тифомъ, эти мужественные и выносчивые воины сдѣлались негодны для войны Они были теперь способны истреблять не козаковъ и Татаръ, а тѣхъ, которые приняли ихъ, немощныхъ бѣглецовъ, къ себѣ въ лагерь,—истреблять посредствомъ заразы.

Изъ первоначальнаго количества калиновцевъ, изъ 12.000 лучшихъ на свѣтѣ бойцовъ, уцѣлѣло всего 5.985 человѣкъ, и это число съ каждымъ днемъ уменьшалось. Сѣдые усачи и бородачи, смотрѣвшіе недавно еще львами, служившіе подъ начальствомъ генераловъ

Густава Адольфа, или въ прославленныхъ походахъ Владислава IV, до роковаго 1648 года ужасъ козацкой гидры,—теперь нищіе лохмотники, съ печатью голодной горячки на лицахъ, едва держались на ногахъ въ строю подъ своимъ надломаннымъ оружіемъ. Недавно наводили они страхъ на всю Европу; теперь, стыдясь убожества своего, молча валились на солому и умирали безъ ропота; а государство, нанявшее ихъ на службу, не давало имъ даже того, что получалъ каждый попрошайка на дорогѣ, каждый конь и волъ у хозяина (Слова историка-Поляка).

Король очутился подъ Сокалемъ въ ужасающемъ положеніи. Надъ непобѣдимымъ побѣдителемъ здѣсь долженъ былъ повториться, если не Зборовъ, то Корсунь. Толпы малорусскихъ мужиковъ, „пуская на пожаръ“ и грабя все, что было можно истребить, или унести съ собой, валили на Волынь къ главному козацкому табору. 100.000 Татаръ шло на помощь козакамъ изъ-за Днѣпра. Надобно было двинуться впередъ, непремѣнно впередъ, чтобы не дать безчисленному непріятелю усилиться и соединиться съ Ордою, какъ это всуе проповѣдывалъ Вишневецкій послѣ Корсунскаго погрома. Но предводители объявляли, что голодный и неоплаченный жолнеръ не двинется съ мѣста.

Въ Сокальскомъ монастырѣ—замкѣ находилась въ спряту почти вся дорогая движимость окрестной шляхты. Жители южныхъ восводствъ свезли сюда всѣ свои цѣнныя вещи въ серебрѣ, золотѣ и наличныя деньги, подъ защиту войска. Военная рада, съ королевскаго разрѣшенія, изрекла отчаянное постановленіе—обревизовать денежные склады и взять ихъ въ видѣ займа, лишь бы удовлетворить войско.

Послѣ Пилявецкаго бѣгства, нѣчто подобное произошло во Львовѣ, и Рѣчь Посполитая тогдашній военный произволъ заклеймила названіемъ разбоя. Теперь самъ король съ сенаторскою радою предпринялъ то, что было опозорено Шляхетскимъ Народомъ въ другихъ, и выслалъ представителей третьяго государственнаго сословія ломать замки у чужихъ сундуковъ. Но находившаяся тутъ же въ лагерѣ шляхта не дала прикоснуться къ своей собственности: добро отсутствующихъ она припрятала, а въ оставшихся ящикахъ не было найдено ничего. Когда эта позорная экзекуція оказалась безуспѣшною, король обратился къ иному способу. Собрано было 18.000 злотыхъ складчины и роздано по полкамъ. Жолнеры должны были удовольствоваться скудною подачкою. Кисѣль умудрился привезти въ лагерь хлѣба, но хлѣбъ къ этому времени вышелъ, и голодъ снова приступилъ къ войску страшнѣе всякаго непріятеля.

Тогда отчаяніе внушило королевскимъ совѣтникамъ такую мѣру, какая была возможна только въ Польскомъ псевдогосударствѣ. Распустили слухъ, что ханъ соединился уже съ Хмельницкимъ, и оба намѣрены разомъ ударить на королевскій лагерь. Король объявилъ, что останется въ лагерѣ, велѣлъ сыпать валы, какъ бы съ намѣреніемъ выдержать осаду подобно збаражскому герою Вишневецкому, и, при звукахъ трубъ, отдалъ войску приказъ запасаться съѣстными припасами посредствомъ грабежа (wolnego wszędzie brania). Поляки скрываютъ *международное* значеніе необычайнаго приказа, характеризующаго и самого Яна Казимира, и тогдашнее религіозное, то есть польско-національное настроеніе войска. Я повторю подлиннымъ текстомъ опущенное польскою исторіографіей свидѣтельство Освѣцима, панскаго Самовидца. Освѣцимъ пишетъ въ своемъ дневникѣ слѣдующее: „Это было поводомъ къ разоренію всей Волыни (co bylo okazyą zrujnowania wszystkiego Wolynia): ибо *охочая* челядь и чужеземцы, разойдясь послѣ такого дозволенія тотчасъ на чаты въ разныя стороны, не довольствовались скотомъ, съѣстными припасами и другими достатками, находившимися въ убогихъ домахъ у подданныхъ, но даже вторгались толпами по-непріятельски въ дома и зàмочки, въ которыхъ шляхта съ своими подданными заперлась для обороны отъ непріятеля, и, какъ въ непріятельской землѣ, своихъ же, *подъ предлогомъ*, что они русской вѣры, истребляли мечемъ и огнемъ (swoich że pod pretextem wiary ruskiej, mieczem i ogniem znosili)“.

Зналъ старый Хмѣль, кого посадить на польскомъ престолѣ: разоряя русскихъ людей на Волыни, потому что они сохранили вѣру предковъ своихъ, Янъ Казимиръ оправдывалъ козацкіе подвиги во мнѣніи столь страшнаго противника Польши, какъ раздраженное латинцами въ теченіе вѣковъ Московское Царство, и вооружалъ противъ Польши самихъ прозелитовъ полонизма, владѣльцевъ укрѣпленныхъ дворовъ и зàмочковъ. Соименникъ великаго Казимира, „короля хлоповъ“, какъ его прозвали недовольные величіемъ его, отблагодарилъ козакамъ за корону такъ, какъ не смѣлъ надѣяться и самъ Хмѣль, при всемъ презрѣніи своемъ къ уму разстриги-іезуита.

Снабдивъ такимъ способомъ голодное войско съѣстными припасами, король созвалъ знатнѣйшихъ пановъ на совѣщаніе о дальнѣйшемъ походѣ. На этомъ совѣщаніи князь Іеремія Вишневецкій доказывалъ, что сперва надобно подвинуться прямо къ Тернополю, гдѣ находился тогда Хмельницкій, и ударить неожиданно на непріятеля, пока не соединился онъ со своими союзниками. Другіе совѣтовали королю занять Глиняны подъ Львовомъ, чтобы не дать Хмельницкому

единиться съ Ракочимъ. Всѣ же вообще рѣшили, что лучше будетъ ождать, пока соберется шляхта, такъ какъ силы Хмельницкаго, со емени прибытія короля въ лагерь, выросли, и мѣриться съ нимъ невозможно, а между тѣмъ и посполитаки, и квартяки, находясь уже далеко, въ дорогѣ, могли прійти въ лагерь черезъ нѣсколько дней. ишневецкій и его воинственная партія были оставлены въ тѣни.

Дѣйствительно, вскорѣ по прибытіи короля въ лагерь, начали тягиваться отряды посполитаго рушенія. Съ каждымъ днемъ приходили съ боевымъ громомъ нарядныя дружины посполитаковъ, представлявшія воеводства, земли, повѣты, приходили богатые полки великихъ новъ, вербованныя хоругви съ толпами слугъ и съ возовыми таборами, точно какъ будто вся Польша поднялась для возобновленія панской колонизаціи, уничтожаемой козаками, Татарами и собственными руинниками, съ королемъ во главѣ, разорившими Волынь и покоцки, и потатарски.

Но собственные руинники не принимались ею во вниманіе, когда а воодушевлялась рѣшимостью подавить иновѣрныхъ. Не только емныя дружины да панская челядь заставляли въ Польшѣ убогихъ дей всякаго званія „прошибать небеса воплями", даже великодушіе рыцари, волонтеры, принадлежавшіе къ древнимъ и славнымъ домъ, нерѣдко занимались грабежемъ, не обращая вниманія на разніе вѣроисповѣданій и, вмѣсто того, чтобы спѣшить на помощь прижнымъ патріотамъ, предпочитали возвращаться съ награбленной добычей домой, какъ съ трофеями боеваго мужества. Что касается такъ дѣлъ, какое хотѣлъ совершить король надъ шляхетскими сундуми и какое совершилъ надъ шляхетскими домами и за̀мочками, то і дѣла не смущали ни его самого, ни его приближенныхъ.

Такъ какъ походъ былъ въ нѣкоторомъ родѣ крестовый, то христолюбивому панскому воинству по ночамъ являлись видѣнія, знаменавшія будущее величіе Польши и ея короля. Освѣцимъ разсказыетъ весьма серьезно, что ротмистръ канцлерской хоругви (а канцромъ былъ теперь ксендзъ-бискупъ), стоя на часахъ съ пѣхотинца, видѣли въ облакахъ короля, сидящаго на золотомъ престолѣ межд двухъ ангеловъ, изъ которыхъ одинъ держалъ корону, а другой — чъ надъ его головой. Это было на одной сторонѣ лагеря. На друі — Венгерцы видѣли среди голубаго облака зеленый вертоградъ, ень красивый, въ срединѣ котораго они прочли латинскую надпись: perator mundi *), начертанную большими золотыми буквами. Они

*) Повелитель вселенной.

подтвердили присягою (удостовѣряетъ Освѣцимъ), что дѣйствительно читали надпись.

Пройдя молчаніемъ окончательное разореніе волынской шляхты подъ тѣмъ предлогомъ, что она была русской вѣры, польская исторіографія говоритъ съ умиленіемъ, что представляемая походнымъ народомъ Польша была настроена „чрезвычайно набожно". Подобно тому какъ у Яна Казимира, во время его забавъ собаками и кой-чѣмъ похуже, ежедневно служили іезуиты въ передней комнатѣ святую *мшу*, здѣсь безпрерывно отправлялось богослуженіе, а королевскій навѣсъ, въ которомъ стоялъ чудотворный образъ Богоматери, день и ночь былъ полонъ молящихся людей. Подъ вліяніемъ безпрерывнаго богослуженія и назиданій, дозволяющихъ разорять не только козакующую, но и полякующую Русь, ночью 31 мая хоругвь Станислава Потоцкаго видѣла женщину, которая покрывала своимъ плащемъ весь польскій лагерь. Жолнеры, признавши въ ней Божію Матерь, соскочили съ лошадей, упали на колѣни и начали пѣть Litaniam Lauretanam..... Пускай бы они пѣли себѣ въ отраду латинскіе гимны, но грустно думать, что это были наши подоляне, отщепленные отъ вѣры предковъ своихъ, какъ и ихъ паны, Потоцкіе, полонизованные на началахъ отвращенія ко всему русскому и натравленные сперва противъ Великой, а теперь и противъ Малой Руси.

Но одного натравливанья было съ ксендзовъ, „пародныхъ пророковъ" польскихъ, мало. Чудотворный образъ, привезенный ими въ лагерь, принадлежалъ нашей соборной церкви въ Холмѣ, однакожъ молитвословили передъ нимъ не православные священники, а католическіе ксендзы. Русская часть королевскаго войска, молясь подъ ихъ молитвословіе передъ своей святыней, претворялась этимъ способомъ въ сообщниковъ тѣхъ, которые изъ ихъ роднаго края дѣлали Новую Польшу.

Замѣчательно, однакожъ, къ чему вели польское воинство многочисленныя ночныя явленія по замѣчанію современнаго намъ историка Поляка. Онъ говоритъ, что эти явленія „держали умы однихъ въ горячечномъ напряженіи, а у другихъ ослабляли энергію и мужество до ханжества (aż do dewocyi), или совершенной безнадежности (zwątpienia)".

Положеніе Шляхетскаго Народа, консолидированнаго подъ Сокалемъ, вытекало изъ его исторической формаціи. Голова у этого нѣкогда могущественнаго политическаго тѣла была панская, торсъ—шляхетскій, а руки и ноги—простонародныя, мѣщано-мужицкія, по-польски вообще хлопскія. И вотъ, въ то время, когда вся умственная и

нравственная энергія Польши была олицетворена сокальскимъ сборищемъ, ее колебали вѣсти, приходившія изъ Надвислія, изъ Великой Польши, изъ воеводствъ Люблинскаго, Русскаго, о хлопскихъ бунтахъ, которые грозили рѣзнею панскимъ и шляхетскимъ семействамъ,—вѣсти о революціи рукъ и ногъ противъ ихъ собственнаго тѣла. Въ то же самое время Ракочій угрожалъ нападеніемъ со стороны Кракова; а передъ глазами у пановъ стояли козаки съ окозаченною чернью и палѣями мужиками, которые были вооружены списами, ножами, косами, пращами, цѣпами и кіями: милиція, грозная многочисленностью и самымъ дикимъ, жартующимъ свирѣпствомъ. Еслибъ и было возможно презирать эту страшную гидру съ возобновляющимися вѣчно головами, то диверсію панскимъ силамъ ежеминутно могли сдѣлать Оттоманская Имперія, Московское Царство и даже Швеція. Между тѣмъ оборона государства лежала на плечахъ западныхъ воеводствъ, которыя составляли едва третью часть его, такъ какъ Бѣлоруссія должна была обороняться дома. Въ лагерѣ подъ Сокалемъ находились всѣ силы и послѣднія средства Рѣчи Посполитой. Въ случаѣ проигрыша дѣла, Полякамъ, по словамъ польскаго историка, не зачѣмъ было возвращаться домой.

„Зная это“ (продолжаетъ онъ), „паны стояли бездѣйственно, въ то время, когда непріятель соединялся и выросталъ силою, и было у нихъ довольно времени и справедливыхъ причинъ для критики своихъ вождей, для предчувствій, тревогъ и безнадежности. Не доставало человѣка, который бы эти массы взялъ въ сильныя руки, увлекъ ихъ за собою, вдохновилъ вѣрою въ себя и воспламенилъ надеждою побѣды. Войско не имѣло никакой увѣренности въ гетманахъ: ихъ прошедшее не давало для того основанія. Короля не любили и цѣнили низко. Упрекали его въ легкомысліи, въ измѣнчивости и въ совершенной неспособности къ веденію войны. Средства, которыми онъ содержалъ войско, отняли у него и послѣднее достоинство. Постоянные смотры и маневры, посредствомъ которыхъ онъ хотѣлъ править войскомъ, не имѣя объ этомъ никакого понятія, дѣлали его смѣшнымъ въ глазахъ старыхъ воиновъ. Его императорская гримаса (mina imperatorska) не импонировала никому. Его благосклонность къ иностраннымъ офицерамъ досадовала польскихъ предводителей; строгость, посредствомъ которой силился онъ ввести въ лагерѣ соподчиненіе, давала совершенно противный результатъ, а постоянныя перемѣны въ военныхъ планахъ лишали всѣхъ надежды на успѣхъ. Это непостоянство въ намѣреніяхъ было для всего войска наибольшимъ поводомъ къ соблазну. Что ни постановила бы военная рада, какъ дѣло неиз-

мѣнное, было извращаемо всякимъ частнымъ наитіемъ. Первая нелѣпая вѣсть путала отданные приказы и всѣ приготовленія вождей, сдѣланные по общему согласію. Другимъ зломъ была несоподчиненность въ войскѣ, увеличивавшаяся съ каждымъ днемъ, а поводомъ къ ней была безпорядочность военнаго судопроизводства. Въ прежнія времена, когда польскій король находился въ лагерѣ, высшая войсковая власть была всегда у него въ рукахъ, но въ судопроизводствѣ вожди и сановники дѣйствовали самосостоятельно и непреложно. Каждый исполнялъ свою обязанность, и жолнеръ зналъ, откуда можетъ постигнуть его кара. Теперь же, по совѣту иностранцевъ, которые хотѣли присвоить себѣ достоинство военныхъ сановниковъ, король миновалъ старыхъ должностныхъ лицъ, и лежащія на нихъ обязанности поручалъ исполнять лицамъ новымъ. Гетманы не были гетманами, обозный не былъ обознымъ, стражникъ не былъ стражникомъ, потому что самъ король хотѣлъ быть гетманомъ, обознымъ, стражникомъ,— хотѣлъ быть всѣмъ, а для занятія своего мѣста употреблялъ такія личности, которымъ ничто не давало права заниматься этими дѣлами. Потому-то жолнеръ обращалъ мало вниманія на новыхъ и прежнихъ начальниковъ, а офицеры, видя, что ихъ миновали и пренебрегли, не заботились о порядкѣ и субординаціи: такъ какъ о дѣлѣ, о которомъ пекутся всѣ, никто не печется. Отсюда полная неурядица въ войскѣ; отсюда ежечасная перемѣна постановленій; отсюда беззаботность о знаніи непріятельскихъ замысловъ. Одинъ оглядывался на другаго, никто не исполнялъ своей обязанности, никто ни о чемъ не вѣдалъ. Король не имѣлъ никакой увѣренности въ способностяхъ своихъ офицеровъ, а тѣ взаимно себя чернили и постоянно ссорились. Когда доходило дѣло до рады, члены ея подавали самыя противоположныя мнѣнія, и казалось, что никто не зналъ, зачѣмъ прибылъ въ лагерь: ибо всѣ были склонны больше къ трактатамъ, нежели къ битвѣ. Къ счастью (прибавляетъ польскій историкъ), „въ королевскомъ войскѣ находилось два человѣка, которые въ настоящемъ случаѣ могли бы спасти Рѣчь Посполитую отъ окончательной гибели. Первый изъ нихъ, князь Іеремія Вишневецкій, любимецъ всего народа, за котораго грудью могла бы дышать спокойно вся отчизна, держался скромно въ сторонѣ; но его слова, произнесенныя въ рѣшительный моментъ, были всегда сигналомъ и велѣньемъ для всѣхъ, и не было сомнѣнія, что въ случаѣ крайности, вся шляхта безъ колебанья отдалась бы въ руки того, который, по словамъ одного изъ его поклонниковъ, сдѣлавшимся популярными, любилъ славу и ходилъ въ ней, какъ въ солнечномъ сіяніи (w sławie się kochał i w niéj, jak po słońcu, chodził). Другой

былъ мало въ то время извѣстный поручикъ (намѣстникъ) короннаго великаго гетмана, Стефанъ Чарнецкій, но ежедневно, однакожъ, выроставшій вліяніемъ и значеніемъ у короля. И вотъ битва подъ Берестечкомъ для перваго изъ нихъ была яркимъ отблескомъ заходящаго солнца, а для другаго — зарею восходящей славы богатыря", — увы! (скажетъ русскій читатель) „богатыря безплоднаго мщенія, которое ожесточило непримиримыхъ враговъ больше прежняго".

Война, начавшаяся изъ-за ничтожной женщины и мелкопомѣстнаго хозяйства въ глуши Чигиринщины, разбудила въ двухъ націяхъ воспоминанія столѣтій, обнаружила симпатіи и антипатіи великихъ народовъ, затронула интересы политическихъ системъ и превратилась наконецъ въ подобіе крестоваго похода однихъ послѣдователей Христа на другихъ, не признававшихъ взаимно другъ друга христіанами. Не католики шли противъ Сарацинъ, какъ въ оныхъ славныхъ и богопротивныхъ походахъ темнаго времени. Два духовныя стада, образовавшіяся во имя одного и того же божественнаго пастыря, двѣ церкви, создавшіяся во славу одного и того же зиждителя, встали другъ на друга, какъ правовѣрные противъ кривовѣрныхъ и какъ благочестивые противъ злочестивыхъ. Святой отецъ, вмѣсто денегъ, которыхъ у него просили сѣверные обожатели его, прислалъ всѣмъ идущимъ на брань отпущеніе грѣховъ, да какія-то мощи, да золотую розу, шляпу и освященный мечъ королю; а святѣйшіе патріархи восточные прислали къ козакамъ коринѳскаго митрополита, снабженнаго грамотою константинопольскаго патріарха, въ которой онъ восхвалялъ благочестіе Хмельницкаго и одобрялъ войну его съ врагами и угнетателями православія, измѣнниками истинной вѣры, разорителями христіанской церкви, орудіями сатаны, то-есть—съ папистами. Патріархъ писалъ къ Сильвестру Косу, прося его быть *дружелюбнымъ* съ Хмельницкимъ и осѣнить своимъ благословеніемъ его предпріятіе, а коринѳскаго митрополита хвалилъ за то, что онъ состоитъ при Хмельницкомъ, и ободрялъ его на духовные подвиги въ защиту православной вѣры. Достойный мусульманскаго господства Грекъ препоясалъ Козацкаго Батька мечемъ, который былъ освященъ патріархомъ не въ Римѣ, а на самомъ Гробѣ Господнемъ, вручилъ ему частицы св. мощей, принесенныя имъ изъ Греціи, кропилъ святой водою козацкое войско, и вызвался сопутствовать ему на брань, въ сопровожденіи козацкаго духовенства.

Это было нововведеніе въ преславномъ Запорожскомъ Войскѣ: козаки и при Сагайдачномъ, выступая противъ Турокъ, отвергли благой совѣтъ „кіевскихъ обывателей"—допустить въ козацкіе таборы

священниковъ для исповѣди и причащенія. Но въ то время православная шляхта не была еще изгнана изъ Малороссіи заодно съ иновѣрною во имя ея ляшества. Въ то время козаки противопоставлялись панамъ только въ смыслѣ малорусской милиціи. За отпаденіе отъ отеческой церкви Острожскихъ, Радивиловъ, Сопігъ, Замойскихъ, Чорторыйскихъ, Любомирскихъ, Жовковскихъ, Потоцкихъ и другихъ великихъ панскихъ домовъ, въ устахъ такихъ апостоловъ древняго русскаго благочестія, какъ Іоаннъ Вишенскій, подверглась роковому отчужденію и вся меньшая панская братія; а между тѣмъ паписты, видя въ крушеніи аристократическихъ столбовъ православія побѣду надъ греческою схизмою въ Малороссіи, повели слишкомъ уже смѣло свою пропаганду церковнымъ и воспитательнымъ путемъ. Когда буря козацкаго мятежа и мужицкаго разбоя обняла большую половину государства, окатоличенные и оеретичившіеся по примѣру польскихъ пановъ Русичи, вмѣстѣ съ тѣми, чьи русскія кости обросли польскимъ мясомъ, оказались отверженцами роднаго племени и очутились изгнанниками собственныхъ домочадцевъ и захребетниковъ. Теперь они шли завоевывать свое наслѣдіе по благочестивыхъ предкахъ,—шли вмѣстѣ съ коренными папистами, вмѣстѣ съ прозелитами, вмѣстѣ съ еретиками папизма и благочестія, слѣдовательно—подъ знаменемъ вѣры, злочестивой во мнѣніи той простонародной братіи, которая осталась при своемъ исконномъ духовенствѣ,—и козаки выставили противъ нихъ, точно какъ бы во свидѣтельство вѣчнаго отверженія, не только искреннихъ, но и терроризуемыхъ богомольцевъ своихъ. Такъ многіе изъ привѣтствовавшихъ въ Кіевѣ Потоцкаго за подвигъ усмиренія *ребеллизантовъ* очутились теперь волей и неволей во главѣ тѣхъ самыхъ ребеллизантовъ... Чего добраго! сюда могъ попасть и маслоставскій проповѣдникъ Петра Могилы, какъ попалъ митрополитъ Сильвестръ въ процессію, привѣтствовавшую тѣхъ самыхъ козаковъ, которыхъ тогда могиляне вразумляли евангельскими словесами. Трагикомедія безпримѣрная!

Коринескій митрополитъ Іоасафъ, проживая въ Украинѣ, послалъ въ Москву своего двоюроднаго брата, Грека Илью, какъ называли его москвичи, и увѣрялъ черезъ него царя въ доброжелательствѣ козацкаго гетмана. Фальшь этого увѣренія явствуетъ изъ того, что и самъ митрополитъ, и братъ его старательно скрывали отъ царя сношенія Хмельницкаго съ турецкимъ султаномъ, и представляли дѣло въ такомъ видѣ, будто бы султанъ самъ предлагалъ Хмельницкому войско, да Хмельницкій де вовсе въ немъ не нуждается. Однакожъ, не нуждаясь въ войскѣ, Хмельницкій подкрѣпилъ свой походъ отрядомъ ру-

желійскихъ Турокъ да тутъ же и у царя просилъ черезъ Іоасафа помощи на Ляховъ. Честный Грекъ подъѣзжалъ къ царю и съ другой стороны. „Подлинно видимъ и слышимъ" (писалъ онъ, какъ переводили въ Москвѣ съ греческаго по-русски), „что ихъ всѣхъ будутъ Ляховъ побѣдить козаки, а подлинно слышалъ (я) изъ устъ у гетмана, что никако миру съ ними не быть: хочетъ ихъ до конца разорить и посадить короля на королевство христіанского". Этимъ христіанскимъ королемъ Греки старались представить въ Москвѣ Ракочія, который будто бы обѣщалъ Хмельницкому, вступивъ на польскій престолъ, принять православную вѣру. Но ни ласкательствомъ, ни угрозами не могли козацкіе агенты отклонить московскихъ политиковъ отъ того пути, которымъ русское возсоединеніе было достигнуто безъ униженія царскаго правительства.

Хмельницкій держалъ при себѣ и другаго восточнаго митрополита, Гавріила назаретскаго. Выступая въ походъ, онъ отправилъ его въ Москву съ письмомъ, въ которомъ умолялъ царя прислать ему ратную помощь и изъявлялъ готовность поступить въ его подданство со всей Украиною. Но ратные люди обладателя Русіи подали руку помощи разбойникамъ только тогда, когда разбойники, видя, что имъ кромѣ Восточнаго Царя негдѣ дѣться, прибѣжали, вмѣстѣ съ обманутымъ и запуганнымъ ими народомъ, подъ высокую царскую руку. Только въ качествѣ подданныхъ московскаго самодержца получили они значеніе христіанскихъ воиновъ. Съ подданными не стыдно и не грѣшно было идти подъ однимъ знаменемъ. Подданные не смѣли воевать за Божіи храмы подъ мусульманскими бунчуками. Подданные у „единаго сіяющаго подъ солнцемъ православнаго царя" не могли расплачиваться съ Ордою христіанскимъ ясыромъ, какъ они сдѣлали у злочестиваго короля. За подданныхъ козаковъ царь принималъ на себя отвѣтственность передъ судомъ Божіимъ и передъ судомъ подданныхъ не козаковъ, которымъ дорожилъ, въ своемъ самодержавномъ величіи, несравненно больше короля королей-республиканцевъ.

Хмельницкій находился теперь, какъ и всегда, въ положеніи опасномъ. Походъ 1649 года разочаровалъ мужиковъ на счетъ обильнаго грабежа подъ козакотатарскими бунчуками. Голодъ и нищета, наступившіе послѣ внезапнаго обогащенія, обратили многихъ на путь, оставленный ради невѣрнаго козацкаго промысла. Мужики предпочитали быть хлѣборобами и гречкосѣями подъ какой бы то ни было властью, вмѣсто того чтобъ идти съ козаками подъ татарскія нагайки да буздыганы на войну и въ татарскія лыка съ войны. Хмельницкаго проклинали даже послѣ первыхъ его успѣховъ за предательство по-

спольства Татарамъ. Теперь уже не стѣснялись пѣть про него насмѣшливыя и грозящія пѣсни, которыхъ онъ старался не слышать, но которыя, безъ сомнѣнія, доходили до него черезъ его безчисленныхъ шпіоновъ и доносчиковъ. Татарская охота за козацкими женами и дѣтьми вооружила противъ него даже тѣхъ, которые обогатились добычею, какъ онъ самъ. Дошло до того, что нѣкоторые значные козаки, при самомъ началѣ новой войны, предложили свои услуги панамъ противъ Козацкаго Батька. Какими средствами козатчина выросла, такими же должна была себя и поддерживать; а поддержка бунта болѣе завзятымъ бунтомъ и войны болѣе кровавой войною вела къ истощенію массы, изъ которой козатчина начерпала новыя и новыя боевыя силы, или же—къ ея возстанію противъ козацкихъ злодѣяній. Хмельницкому предстояло то и другое.

Около двухъ недѣль уже юртовалось (употреблю здѣсь козако-татарское слово) панское войско въ своемъ бездѣйствіи, давая непріятелю время стянуть всѣ свои силы. Юртовалась бы шляхетная орда и дольше въ своемъ лагерѣ-юртѣ, когда бы не пришла вѣсть, что крымскій ханъ соединился съ украинскимъ. Получено было также извѣстіе, что непріятель занялъ проходы подъ Тернополемъ, попортилъ переправы и подвигается уже къ Вишневцу и Кременцу, между тѣмъ какъ его чати приближаются къ рѣкѣ Стыру. Все сводилось къ тому, что соединенныя козакотатарскія силы перейдутъ Стыръ подъ Берестечкомъ, и вскорѣ явятся подъ Сокалемъ.

Застоявшіеся въ лагерѣ паны всполошились. Немедленно былъ посланъ Александръ Конецпольскій съ 4.000 войска занять подъ Берестечкомъ переправы, а въ сокальскомъ стану собралась военная рада. Въ ней принимали участіе предводители десяти корпусовъ, на которые дѣлилось войско, всѣ министры и сенаторы, каштеляны и старосты, въ качествѣ вождей посполитаго рушенія, всѣ высшіе офицеры, инженеры и войсковые чиновники.

Оба коронные гетмана объявили рѣшительно, что надобно оставаться на мѣстѣ, укрѣпить лагерь сильнѣе и ждать непріятеля. Большая часть полководцевъ была того же мнѣнія. Всѣ они не допускали возможности одолѣть соединенныя непріятельскія силы, и совѣтовали ждать, пока не прибудутъ воеводства Великопольское и Мазовецкое, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, непріятель можетъ ихъ отрѣзать и уничтожить.

Но главнымъ аргументомъ, таившимся въ душѣ каждаго, (пишетъ историкъ Полякъ) было опасеніе неопытности и легкомыслія короля. Безсознательный сотрудникъ Хмельницкаго въ уничтоженіи Польши,

Янъ Казимиръ, теперь, когда приближался послѣдній моментъ войны, вдохновлялся всё большею и большею „ревностью не по разуму".

Къ счастью для пановъ, Русинъ-католикъ Стефанъ Чернецкій началъ уже входить въ славу знатока стратегіи и тактики. Въ противность большинству вождей, онъ соглашался съ тѣми, которые совѣтовали идти подъ Берестечко. Двѣ недѣли уже твердилъ онъ королю и сенаторамъ, что надобно воспользоваться отсутствіемъ хана и ударить на Хмельницкаго: иначе—ожиданіе и бездѣйствіе ослабятъ бодрость духа въ войскѣ и усилятъ козаковъ. На гетманскаго любимца не обращали вниманія; видѣли въ немъ только талантливаго теоретика и смѣльчака. Теперь же большая часть вождей смотрѣла на него, какъ на вреднаго и опаснаго человѣка, который пользуется неопытностью короля, предубѣжденнаго въ его пользу. Его слушали нетерпѣливо, его даже ненавидѣли, но всѣхъ удерживало отъ рѣзкости вниманіе, съ какимъ генералы Пршіемскій, Мандель, Убальдъ выслушивали его доводы.

Три дня боролся Чернецкій съ противниками своего плана, и наконецъ движеніе подъ Берестечко представилось большинству, какъ необходимость и какъ единственное спасеніе войска и Рѣчи Посполитой. Аргументы Полякорусса Чернецкаго отличались тою простотой, съ которой обыкновенно высказываются глубокія и многосложныя соображенія таланта. Остаться подъ Сокалемъ значило—отдать Волынь и Полѣсье въ жертву непріятелю, значило—позволить ему подкрѣпить себя новыми массами мужиковъ и соединиться правымъ крыломъ съ литвокозацкимъ ополченіемъ, отъ чего силы противника возросли бы до полумилліона. Подъ Сокалемъ не было удобнаго мѣста для полевой битвы. Окрестность была голодна и пустынна. Пришлось бы—или уходить, или подвергнуться осадѣ, и въ такомъ случаѣ тысячъ 15 посполитаковъ были бы—или отрѣзаны, или истреблены, а король и Рѣчь Посполитая, не имѣя никакой надежды на спасеніе, зависѣли бы отъ благосклонности судьбы, или непріятеля. Напротивъ подъ Берестечкомъ было мѣсто, удобное для битвы. Оно представляло всѣ шансы побѣды: ибо, хотя бы непріятель былъ втрое и вчетверо многочисленнѣе, то не могъ бы развернуть всѣхъ своихъ силъ. Паши для лошадей было достаточно. Рѣка Стыръ и болота рѣчки Прѣсни защищали лагерь. Въ случаѣ проигрыша, можно было спокойно отступить, а еслибы непріятель, какъ были слухи, имѣлъ намѣреніе отступать къ Кіеву и протянуть войну, оттуда легко было въ этомъ ему помѣшать.

Когда было наконецъ рѣшено, что войско двинется къ Берестечку, Чернецкій выступилъ съ другимъ, еще болѣе смѣлымъ планомъ:

двинуться подъ Берестечко *комонникомъ*, то есть возы и челядь оставить подъ Сокалемъ.

Чтобы понять, какое значеніе придавалъ Чернецкій своему плану, надобно знать, что это были за возы и вся обозная челядь вмѣстѣ съ ея господами, по описанію самихъ Поляковъ. Каждый даже не богатый шляхтичъ (убогіе служили въ надворныхъ хоругвяхъ) бралъ изъ дому палатку, вооруженіе, военные снаряды и съѣстные припасы для себя, для слугъ и для лошадей въ такомъ количествѣ, чтобы во время кампаніи не терпѣть голода. Самъ онъ ѣхалъ на возу, „козакъ" *) его ѣхалъ на верховой лошади, а возница—на кòзлахъ.

Торныхъ дорогъ въ тѣ времена не было. Кони погрязали въ топкихъ мѣстахъ, въ пескѣ или же въ размягченномъ дождями черноземѣ. Поэтому возы долженствовали быть малы и легки на ходу. Колеса дѣлались дома; ободья не отличались правильностью, а оси не всегда подмазывались. Во время похода поднималось такое скрипѣнье, какъ у Половцевъ, о которыхъ нашъ древній баянъ говоритъ: „крычатъ телѣги въ полуночи, рцы лебеди роспущени". На скрипучемъ возу утверждался высокій плетеный кошъ (по-татарски *кхошъ*), и во всей постройкѣ походной колесницы не было ни кусочка желѣза.

Самый убогій шляхтичъ, отправляясь на войну, бралъ съ собой обыкновенно два воза, три или четыре коня и двоихъ слугъ. Можно судить, сколько ихъ бралъ богачъ, не отказывавшій себѣ въ удобствахъ походной жизни. Возили за собой паны полную кухню, цѣлую пивницу, удобные и нарядные шатры, дворовую прислугу въ составѣ королевскаго двора, экипажи и цуговыхъ парадныхъ лошадей. Вельможи вступали въ лагерь цѣлыми таборами, такъ что подъ Пилявцами на 34.000 посполитаковъ было 200.000 слугъ, а бѣглецы оставили на мѣстѣ 160.000 возовъ. Подъ Берестечкомъ не было уже такой роскоши и щеголеватости, но зато въ лагерѣ находился король со дворомъ, всѣ министры Рѣчи Посполитой, 40.000 шляхты, болѣе 20.000 лановыхъ и дворовыхъ жолнеровъ и 36.000 регулярнаго войска, которые также требовали значительнаго числа возовъ. Очевидецъ насчиталъ

*) Въ настоящемъ случаѣ *козакъ* у шляхтича былъ тѣмъ, чѣмъ у козака былъ *чура* или *джура* (джауръ). Воюя мѣстнымъ обычаемъ, шляхтичъ оказачивался, а козакъ отатаривался въ смыслѣ военнаго ремесла; но оба они учились этому ремеслу у азіятскихъ номадовъ, которые уничижили древній Кіевъ и потрясли Краковъ. Здѣсь видно то сродство шляхтича съ козакомъ, которое объясняетъ, почему во главѣ козацкихъ бунтовъ является шляхта различныхъ вѣроисповѣданій. Сродство козака съ татариномъ не менѣе очевидно.

съ полмилліона подъ Сокалемъ, а потому было тамъ не менѣе полумилліона слугъ и милліона полутора лошадей: цифра невѣроятная, но она основывается на общемъ убѣжденіи, что въ панскомъ лагерѣ возы надобно было считать не десятками, а сотнями тысячъ.

Эти возы были причиною, что шляхта, кочуя обозомъ удобно, не охотно перемѣняла мѣсто, и никоимъ образомъ не допускала надъ собой дисциплинарной строгости. Она и здѣсь помнила, что шляхтичъ въ городѣ равенъ воеводѣ, все равно какъ и козакъ помнилъ вездѣ, что онъ вольный козакъ, хоть и гнали его на бой сзади, все равно какъ и Татаринъ зналъ, что хану повинуется Орда только въ Крыму, да и то не всегда. Подъ Берестечко сошлись на бой три вольницы: цивилизованная, полудикая и совсѣмъ дикая.

Столь огромный таборъ, и независимо отъ атавизма, именуемаго шляхетскою вольностью, дѣлалъ невозможнымъ всякое энергическое движеніе, и такъ какъ, при такой массѣ людей, лошадей и возовъ, нельзя было сохранить въ походѣ порядка, то панскому лагерю ежеминутно угрожала опасность, что нападеніе непріятеля, расположеннаго невдалекѣ отъ Стыра, могло разорвать безпорядочную громадину на части. По этой-то причинѣ Чарнецкій предлагалъ оставить возы и людь въ укрѣпленномъ лагерѣ подъ Сокалемъ, съ нѣкоторою частью пѣхоты и конницы для обороны и порядка, а съ остальнымъ войскомъ и необходимымъ багажемъ двинуться подъ Берестечко комонникомъ.

Большая часть вождей не хотѣла рисковать своею популярностью у всемогущей шляхты и отказаться отъ походныхъ удобствъ. Попуранки и сибариты объявили напрямикъ, что—или совсѣмъ не слѣдовало двигаться съ мѣста, или двигаться въ полномъ составѣ. Но, такъ какъ этого мнѣнія не поддержали они никакимъ аргументомъ, то король объявилъ военной радѣ своей, что войско пойдетъ комонникомъ, и съ этимъ отпустилъ гетмановъ и тѣхъ, которые умѣли противорѣчить, но не могли придумать ничего убѣдительнаго. Въ другой, уже ограниченной, радѣ было постановлено—въ слѣдующій же день готовиться къ походу; 15 мая, на разсвѣтѣ, войско выступитъ одной дорогой, а необходимые фургоны и возы пойдутъ тремя дорогами. Въ 4 дня надѣялись прійти подъ Берестечко.

Лишь только этотъ приказъ протрубили въ лагерѣ, шляхта бросилась въ собственную раду. Воеводства, земли и повѣты собрались каждое въ свой кругъ (kolo), и выбрали пословъ для генеральнаго кола. Генеральное коло отправило посольство къ гетманамъ, и такъ какъ не было недостатка въ людяхъ, умѣвшихъ искать своихъ выгодъ подъ прикрытіемъ общественныхъ интересовъ, то пущена была въ

ходъ мысль, что эти огромныя толпы челяди, оставленныя въ лагерѣ, могутъ поднять бунтъ и, въ отсутствіе своихъ пановъ, разграбить ихъ имущество, что̀ поведетъ Рѣчь Посполитую къ послѣдней гибели.

Мысль эта послужила сигналомъ общаго ропота. Предчувствуя грозящее отечеству несчастье отъ рукъ и ногъ, которыя голова и торсъ исключали изъ политическаго тѣла, посполитаки отправили къ королю пословъ; но король не допустилъ ихъ къ себѣ, и они обратились къ генералу Пршіемскому съ мольбой отъ всей шляхты спасать отечество. Пршіемскій, въ качествѣ полеваго писаря, побѣжалъ къ королю, бросился ему къ ногамъ и такъ настойчиво умолялъ его, что король испугался собственнаго рѣшенія. Отданъ былъ приказъ готовиться къ походу съ возами.

Чтобы сохранить, однакожъ, какой-нибудь порядокъ въ громадномъ передвиженіи, королевская канцелярія раздѣлила войско на три дивизіи, начертила весь походъ на бумагѣ и раздала чертежъ во многихъ экземплярахъ по полкамъ, а возы каждой дивизіи велѣла сперва обозначить разными красками. Способъ этотъ, практикованный съ пользою въ голландскомъ войскѣ, произвелъ новое замѣшательство. Посыпались упреки и грубости на вождей: зачѣмъ такое новое дѣло сдѣлано частнымъ образомъ, безъ соглашенія съ посполитаками! Шляхетскій популярникъ, Николай Потоцкій, „счастливый тѣмъ, что думалъ одинаково со всѣми", началъ публично порицать короля, теребилъ себѣ бороду, бросилъ на землю булаву и отрекался отъ гетманства, а когда его упрашивали, чтобъ этого не дѣлалъ, онъ, по примѣру Ходковича подъ Москвою, готовъ былъ собственноручно расправиться съ подчиненными булавою, но, какъ булавы не было уже въ рукахъ, то кричалъ трагически: „Прочь отъ меня, а то пихну ножемъ".

Въ придачу къ кукишу короннаго вице-фельдмаршала, эта выходка характеризуетъ голову Рѣчи Посполитой, боявшуюся, вмѣстѣ съ торсомъ, рукъ и ногъ своихъ. И вотъ какъ готовились паны къ великому походу подъ Берестечко, который только игрою внѣшнихъ обстоятельствъ не сдѣлался для нихъ повтореніемъ Пилявецкаго бѣгства.

Утро 15 (5) іюня было туманное. Далѣе четверти мили не видать было ничего. Изрѣдка только восходящее солнце продиралось межъ облаковъ. На разсвѣтѣ двинулись крикливые возы, за ними — войско; но тотчасъ же наступилъ такой безпорядокъ, что канцелярскіе чертежи послужили только къ общему замѣшательству. Отъ короля и короннаго гетмана до послѣдняго посполитака, за исключеніемъ немногихъ бѣдствовавшихъ среди нихъ, умныхъ людей, всѣхъ можно было назвать сумасшедшими.

Непобѣдимый побѣдитель стоялъ на лагерныхъ шанцахъ, и передъ нимъ необозримая масса нѣсколькихъ сотенъ тысячъ возовъ, съ полумилліономъ людей и лошадей, сбилась въ непонятное мѣсиво, и никоимъ образомъ не могла двинуться съ мѣста. Призывы, крики, проклятія, топотъ и ржанье лошадей, скрипѣнье возовъ — представляли омутъ и хаосъ, который, по словамъ польскаго историка, „увлекалъ каждаго въ свой черторый (wir), отнималъ умъ и сознаніе".

Король разослалъ сильныя стражи во всѣ стороны, опасаясь повторенія зборовской внезапности, а самъ шепталъ молитвы, какъ заклинанія противъ непостижимаго для него смятенія. Едва около полудня перестала шляхта кружиться какъ въ лабиринтѣ и двинулась по направленію своей дороги. Кто-то и какъ-то поставилъ рейтарскіе полки на фронтѣ; кто-то вытянулъ крайніе ряды одинъ возлѣ другаго на дорогу; кто-то рубилъ и громилъ ослушниковъ... наконецъ весь таборъ тронулся съ мѣста.

Двои сутки выступали возы и войско изъ-подъ Сокаля. Пространство въ 8 миль, отдѣлявшее отъ нихъ Берестечко, которое можно пройти форсированнымъ маршемъ въ однѣ сутки, панское войско шло цѣлыхъ пять сутокъ. Въ первый день отодвинулось оно отъ заколдованнаго мѣста только на одну милю.

На половинѣ пути, подъ Стояновымъ, случилось происшествіе, которое, по словамъ почтеннаго историка, свидѣтельствуетъ, что польскому жолнеру, привычному къ боевой жизни, „недоставало только желѣзной руки полководца". Король, окончивъ смотръ полковъ на равнинѣ, ввелъ ихъ около 8 часовъ вечера въ лагерь, который былъ расположенъ между селами Брамою и Доломъ. Едва жолнеры размѣстились по палаткамъ, какъ челядь, стоявшая въ отдаленіи при лошадяхъ и возахъ, затѣяла между собой драку и стала рубиться. Ея паны бросились къ ней съ обнаженными саблями, и челядь побѣжала въ королевскій лагерь.

Отъ этой тревоги распространился въ лагерѣ слухъ, что наступаетъ непріятель. Все войско бросилось къ оружію, вылетѣло въ поле хоругвями и построилось какъ нельзя лучше въ боевой порядокъ. Король, разбуженный Якубомъ Михаловскимъ, составителемъ безцѣнной книги документовъ (Księga Pamiętnicza), выбѣжалъ изъ палатки и велѣлъ трубить тревогу.

Вожди были сконфужены, не видя непріятеля и найдя свое войско совершенно готовымъ къ бою. Король смѣшался больше всѣхъ, и, вмѣсто того чтобы восхищаться войсковою традиціей, бранилъ окру-

жавшихъ его самыми скверными словами (klął brzydko na wszystkich dokoła).

19 іюня вся походная масса стояла надъ Стыромъ. Никто не запомнилъ, чтобы военный народъ собрался въ такомъ количествѣ. Король съ квартянымъ войскомъ расположился надъ Щуровцами, въ двухъ миляхъ къ югу отъ Берестечка, прикрывая переправу таборовъ и посполитаковъ, которые готовились два дня къ переходу черезъ рѣку.

Шляхта не хотѣла переходить за Стыръ, ни соединиться съ войскомъ, пока не подошли великопольскія воеводства.

Король, видя новое упорство шляхты, началъ игнорировать ее; переправился черезъ рѣку съ квартянымъ войскомъ мѣстахъ въ пятнадцати, и 22 числа расположился на Берестечской равнинѣ, велѣвъ укрѣпить лагерь только слегка, такъ какъ не зналъ, долго ли придется стоять. Во время похода онъ получилъ извѣстіе, что непріятель хочетъ протянуть кампанію и рѣшительно замышляетъ отступить къ Кіеву. Чтобы воспрепятствовать отступленію, король вознамѣрился двинуться къ Дубну.

Передъ фронтомъ лагеря, стоявшаго подъ Берестечкомъ, разстилалось широкое, длинное, необозримое поле, весьма удобное для битвы такихъ огромныхъ войскъ. Посреди сухой и длинной равнины возвышалось нѣсколько холмовъ. Съ правой стороны Берестенское поле замыкали густые лѣса, тянувшіеся къ Лѣснёву и Щуровичамъ. Съ лѣвой—протекала къ сѣверу рѣчка Пляшова, и отъ села, называвшагося Королевскою Пляшовою, вливалась въ топи и обширныя непроходимыя болота. Въ тылу лагеря находилось мѣстечко Берестечко и рѣка Стыръ, обнятая съ обѣихъ сторонъ болотами, а надъ нею съ одной стороны село Струмелецъ, а съ другой—зàмокъ Перемиль, оба въ милѣ отъ Берестечка.

Весь лагерь былъ обращенъ къ востоку, какъ бы ждалъ непріятеля съ поля, между селомъ Силенкою и нынѣшнею Пляшовкою. Онъ занималъ обширное пространство, безъ всякаго порядка. Каждый становился тамъ, гдѣ кому правилось, не обращая вниманія на указанія обознаго. Однакожъ, мѣстность имѣла ту важную выгоду, что кругомъ было много пашни для лошадей, и что королевское войско, въ случаѣ битвы, могло на этихъ поляхъ развернуться соотвѣтственно своимъ силамъ, не рискуя быть окруженнымъ, тогда какъ у непріятеля поприще было сравнительно узкое, неровное и болотистое, такъ что превосходство его численности скорѣе могло вредить ему, нежели помогать.

Въ это время агенты Хмельницкаго дѣлали уже свое—какъ назвали бы кіевскіе атависты—достославное дѣло. Велико-и малопольскіе мужики подняли бунтъ противъ единовѣрной шляхты, и готовились вырѣзывать все, что жило въ панскихъ дворахъ, или держало сторону помѣщиковъ, во время ихъ отсутствія. Король отправилъ въ Краковъ 1.000 посполитаковъ противъ предводителя задуманной рѣзни, Костки Напѣрскаго. Другую тысячу послалъ онъ оборонять Радивилову Олыку отъ Богуна, который скоро и отступилъ отъ нея. Александръ Конецпольскій отправился къ Дубну, чтобы занять переправы и выбрать мѣсто для лагеря. Гавріилъ Стемпковскій былъ посланъ съ подъѣздомъ къ Вишневцу, а на Стефана Чернецкаго возложено самое важное дѣло: развѣдать основательно о положеніи непріятеля. Отъ его извѣстій зависѣло рѣшеніе: оставаться ли войску подъ Берестечкомъ, или передвинуться къ Дубну.

Козаки и Татары стояли надъ болотистымъ Горынемъ. На поляхъ за Роковцами кочевалъ нуреддинъ-султанъ, и на правомъ берегу соединялся съ Ордою, кочевавшею между Жиракомъ и Горынемъ, а на лѣвомъ—раскинулся Хмельницкій по Колодинскимъ полямъ. Задачу трудную взялъ на себя Чернецкій. Онъ долженъ былъ идти вдоль Слоновки черезъ Икву и Алексинецъ, безпрестанно сталкивался съ непріятельскими подъѣздами, а переправиться черезъ горынскія болота не осмѣливался: его могли бы отрѣзать.

Вѣстей отъ него ждали въ королевскомъ войскѣ съ крайнимъ нетерпѣніемъ. Оставшаяся за Стыромъ шляхта сеймиковала, и черезъ пословъ своихъ требовала отъ короля, чтобы, согласно праву и обычаю, онъ оставался въ лагерѣ посполитаковъ и командовалъ ими въ качествѣ высочайшаго гетмана. Въ противномъ случаѣ, грозила избрать себѣ генералиссимуса. Не нравилось ей, что король опять намѣренъ передвинуться, что не хочетъ видѣть ея войска, не хочетъ слушать по обычаю представленія шляхетскихъ пословъ и отвѣчать на ихъ требованія. Король отвернулся отъ посольства шляхты и ушелъ, не сказавъ ни слова.

Въ то же самое время начались распри между Нѣмцами и Полякоруссами, а въ лагерѣ сдѣлалась такая дороговизна, что ломоть хлѣба, стоившій полтора гроша, продавался по 18 грошей. Король не сталъ искать „благовидныхъ" способовъ прокормленія войска, и велѣлъ протрубить, чтобы войско само себѣ добывало живность, разрѣшивъ ему такимъ образомъ грабительство. Квартяки, челядь и даже подъѣзды бросились опять, какъ подъ Сокалемъ, опустошать окрестности, изображая собою не защиту края отъ козакотатарской орды, а

хищную и безпощадную орду королевскую. Грабежъ и подъ Берестечкомъ оправдывался тѣмъ, что разоряютъ не ортодоксальныхъ жителей, а схизматиковъ, на которыхъ двинулось посполитое рушеніе: оправданіе, гибельное для будущности Поляковъ, какъ націи шляхетской, которую оставленная въ невѣжествѣ чернь продолжала уничтожать при всякой возможности, и на которую даже въ наше время готова броситься по первому велѣнію сильнаго, какъ на „Ляхову, що сховалась підъ Австріякомъ". Но жалкіе жолнеры жалкаго короля, подобно своимъ выродкамъ, козакамъ, не стѣснялись въ набѣгахъ ни единовѣрствомъ, ни единоплеменностью: у брацлавскаго каштеляна, Стемпковскаго, находившагося тутъ же въ лагерѣ, королевскій подъѣздъ захватилъ 10.000 штукъ рогатаго скота, а замокъ въ Свимухахъ лагерная челядь вмѣстѣ съ Нѣмцами брала приступомъ три дня и наконецъ одолѣла. Въ замкѣ у Стемпковскаго сидѣли, безъ сомнѣнія, такіе же Ляхи, какимъ былъ по рожденію, или сдѣлался по воспитанію и вѣрѣ, онъ самъ; но эти Ляхи правили подзамчанами русскими, и рогатый скотъ былъ захваченъ въ имѣніи Стемковскаго не иначе, какъ съ избіеніемъ и увѣчьемъ его русскихъ подданныхъ. Все это причлось „безмозглымъ" къ старому нашему съ ними счету, начавшемуся при Ягайлѣ и при его тестѣ, Людовикѣ Венгерскомъ, а проценты на проценты въ предубѣжденіяхъ ничего не взвѣшивающей народной Немезиды росли съ быстротой погибельной. Польская исторіографія, безотрадная въ своей вѣрности правдѣ факта, равно какъ и въ софистическомъ самооправданіи, изображаетъ безпримѣрное развращеніе Шляхетскаго Народа его развращеннымъ правительствомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ.

Подъѣзды отказались повиноваться; жолнеръ не хотѣлъ исполнять своихъ обязанностей; въ лагерѣ съ каждымъ днемъ безпорядки увеличивались, и никто не зналъ, что̀ дѣлать (nikt nie wiedział co robić)".

Вотъ какая вѣра, вотъ какая общественность, вотъ какая государственность (скажетъ русскій читатель) усиливались воспреобладать въ Малороссіи! Козаки, какъ беззавѣтные руинники, были еще большимъ зломъ; но ядъ, приподнесенный намъ въ видѣ созданной римской политикой культуры, требовалъ антикультурнаго противоядія. Принявъ именуемой козатчиной и гетманщиной антидотъ, въ ужасающей дозѣ, мы не совсѣмъ выздоровѣли даже и нынѣ, но русское самосознаніе къ намъ возвращается, и русскаго возсоединенія „въ духѣ и истинѣ" мы чаемъ.

Небольшіе подъѣзды и чаты, высылаемые на добываніе языковъ, приводили ихъ множество, но ничего вѣрнаго нельзя было отъ нихъ добиться. Вѣсти, собранныя въ походѣ Чернецкимъ и Стемпковскимъ, не имѣли важнаго значенія. Оба доносили, что главная козацкая сила стоитъ подъ Колоднымъ, въ милѣ отъ Збаража; что Хмельницкій замышляетъ бороться выносчивостью и хочетъ заманить короля въ голодныя области, которыя теперь опустошаютъ огнемъ и мечемъ; что ханъ прибылъ 21 числа на козацкія кочевья; что подъ королевскимъ обозомъ увивается множество козацкихъ чатъ съ цѣлью добыть языка... Вѣстей набралось много, но ничего въ нихъ положительнаго не было. Одни были увѣрены, что Хмельницкій двигается въ Украину, что будетъ все истреблять на своемъ пути, которымъ будетъ преслѣдовать его король. Другихъ смущала мысль, что посполитое рушеніе обратится въ ничто. Если шляхта не пойдетъ *комонникомъ*, то *лѣнивымъ таборомъ* никогда не доберется до непріятеля. Если Хмельницкій удалится за Днѣпръ, то вся кампанія кончится ничѣмъ: ибо посполитаки должны будутъ вернуться домой, а войско безъ нихъ будетъ не въ силахъ идти за Днѣпръ. Были и такіе, что ожидали съ каждой минутой Татаръ въ лагерѣ. Но здѣсь не было коноплянниковъ, какъ подъ Зборовымъ, гдѣ въ убѣжищѣ храбрецовъ нашли даже брошенныя знамена.

Уже первые два дня, проведенные въ бездѣйствіи подъ Берестечкомъ, угрожали паденіемъ военной дисциплины. Король хотѣлъ постановить нѣчто вѣрное, и вотъ, въ день своихъ именинъ, принявъ молча подарки отъ пановъ (оружіе, лошадей, мисюрки, параменники), велѣлъ имъ остаться для совѣщанія. Было рѣшено прождать еще два дня, и еслибы не было новыхъ вѣстей, двинуться къ Дубну. Опять возникъ вопросъ о комонникѣ и лѣнивомъ таборѣ, но остался безъ разрѣшенія. Было только приказано протрубить въ лагерѣ, чтобы войско было готово къ выступленію 27 (17) іюля.

Между тѣмъ подъѣздъ Чернецкаго пропадалъ гдѣ-то безъ вѣсти. Не вернулись и посланные вслѣдъ отряды. Дисциплина падала въ конецъ. Непріятель могъ появиться внезапно, какъ подъ Зборовымъ. Въ лагерѣ господствовала болѣзненная апатія какъ въ умирающемъ тѣлѣ и въ отжившемъ свой вѣкъ государствѣ.

Когда великій монархъ, избранный на царство разбойникомъ среди кичливыхъ Полонусовъ, помогалъ ему такимъ образомъ губить настоящее и будущее Польши,—самъ разбойникъ притаился гдѣ-то въ пустыняхъ, которыя сбросили съ себя полувѣковую работу культурниковъ, какъ дикарь сбрасываетъ не пригодную для его примитив-

наго быта одежду, и снова сдѣлались голыми. Было извѣстно, ч главныя силы страшнаго въ своей таинственности Хмеля стоять меж Тернополомъ и Збаражемъ, но гдѣ находился онъ самъ, сколько него войска и куда намѣревался двинуться, этого не былъ въ состо ніи выслѣдить никакой подъѣздъ.

Чтобы скрыть свои силы и планы, Хмельницкій раздѣлилъ і зацкую орду на многолюдные таборы тѣмъ способомъ, какимъ кочева вь Буджакахъ Татары. Таборъ отдѣлялся отъ табора пространство въ нѣсколько миль. Жолнеры, наткнувшись на козаковъ, не знали, ч вступили въ архипелагъ отдѣльныхъ кочевьевъ, а Хмельницкій иск нымъ расположеніемъ таборовъ и выборомъ мѣстности такъ умѣ маскировать свою позицію, что нельзя было распознать, что это: дѣльный ли корпусъ главной арміи, или же болѣе значительная ча козацкой силы. Если случайно добывали жолнеры языка, то и имъ ничего не могъ сказать ни объ остальномъ, ни о самомъ г манѣ.

Многолюдные козацкіе таборы, обставленные кругомъ сильны чатами, передвигались по временамъ съ мѣста на мѣсто; а за ли чатъ, ихъ безопасность охраняли тысячи развѣдчиковъ, тогда к самъ гетманъ сидѣлъ въ панскихъ окопахъ подъ Збаражемъ.

Хмельницкій отправилъ въ такъ называемую Литву часть вой своего съ 700 Крымцевъ (число символическое *), подъ начальств кіевскаго полковника Антона Ждановича, и стягивалъ теперь оста ныя силы къ себѣ. Сильнѣйшими отрядами занималъ онъ, по возм ности, панское войско и подсылалъ къ нему шпіоновъ, которые п творялись бѣглецами, обманывали шпіоновъ королевскихъ, туман

---

*) Украинская пѣсенность любила это число. Напримѣръ:

Ой якъ изъ низу Днѣпра та й до вершины
Сімъ сотъ річокъ, ще й чотыри.

Или: Перебійнісъ просить немного:
Сімъ сотъ козаківъ съ собою.

И въ женской пѣсенности то же самое:

Сватавъ менè попівъ сынъ,
Давàвъ мені воліввъ *сімъ*.

Или: *Сімъ* день молотила,
Чехъ, чехъ заробила.

Или: Чимъ я въ мужа не жонà
Чимъ не господиня?
Сімъ день хàты не мела,
Смітта не носила.

ъ сказками и, развѣдавъ обо всемъ панскомъ лагерѣ, возвращались ь своему Батьку.

Позиція Хмельницкаго была такова, что, не опасаясь нападенія стороны короля, онъ могъ въ двои сутки передвинуться подъ Сокаль, или подъ Львовъ. Не позволялъ онъ королю ни раздѣлить войска, ни подвинуться далеко впередъ. Становищемъ своимъ парализовалъ онъ непріятеля, могъ легко соединиться съ Татарами, сообщаться съ Ракочіемъ и собрать турецкія подкрѣпленія. Наказный полковникъ Стасенко, состоявшій при походной канцеляріи Хмельницкаго, Збаражѣ, могъ, безъ всякаго затрудненія, сноситься съ цѣлою тую агентовъ, разосланныхъ по схизматической и католической Польѣ для взбунтованія черни.

Теперь уже *вся*, можно сказать, польская Русь, въ лицѣ своихъ юнофобовъ, находилась въ таборахъ Казацкаго Батька. Среди наыва черни и въ самомъ войскѣ толпилось множество поповъ и моховъ. Въ прежнія козацкія ополченія на паповъ Ляховъ, пойманые по подозрѣнію Ляхами папы оправдывались убѣдительнымъ фактъ, что козаки не допускаютъ попа въ походные таборы, а въ 1621 у, благочестивые кіевскіе „обыватели" напрасно писали къ Сагайному: „чому бы и намъ, покинувши поганскіе ворожки, же (что) ъ на всякую потребу (битву) нещасливый,—положивши на Бога ѣю, для исповѣди и для причастя завше (всегда) своихъ поповъ, ей духовныхъ и богобойныхъ, у войску не мѣти"? *) Теперь три окола, висѣвшіе на подвижной колокольнѣ, ежедневно сзывали коовъ на молитву, а въ походной церкви, составленной изъ множе палатокъ, отправлялось архіерейское богослуженіе. Козаки выпали, какъ воители обобранной, приниженной и поруганной малоской церкви.

Но творецъ этой благочестивой новизны, очевидно для всѣхъ, ался какими-то непонятными никому чувствами. Сдѣлавъ такъ го, какъ не сдѣлали козаки со временъ Царя Наливая, Козацкій ько казался теперь чужимъ собственному дѣлу. Можетъ быть, онъ ше кого-либо изъ козаковъ понималъ, что прочность этого дѣла овывается не на собственныхъ силахъ и средствахъ,—что она заитъ отъ непредвидимыхъ случайностей. Можетъ быть, въ тайныхъ тахъ съ разсудкомъ и совѣстью, онъ провидѣлъ и такія событія, ія сопровождали кончину его старшаго сына при его жизни, а

---

*) Археографическій Сборникъ, I, 255.

младшаго—по смерти. Тогда къ чему эти кровавыя рѣки, слезы стольких матерей, гибель стольких сиротъ?

И послѣ своего похода ко Львову и Замостью, послѣ возведенія на престолъ, въ насмѣшку надъ врагами, худшаго изъ нихъ, послѣ тріумфальнаго вступленія въ Кіевъ, Хмельницкій бывалъ, что называется, не при себѣ: то лежалъ ницъ на церковномъ помостѣ, то предавался мертвому пьянству. Теперь его болѣзнь разлада съ самимъ собой усилилась. Наблюдавшіе поступки Хмеля въ таборѣ подъ Берестечкомъ описываютъ его полусумасшедшимъ. Онъ бродилъ по табору, самъ не зная, зачѣмъ; вдругъ, какъ будто проснувшись, изрыгалъ кровавыя повелѣнія, возставалъ противъ правительствъ и народовъ, отвергая всяческіе законы общественной жизни, кощунствовалъ, проклиналъ, и снова впадалъ въ апатію, а потомъ предавался обычному пьянству на цѣлые дни и ночи.

Много было толковъ о причинѣ душевнаго разстройства Козацкаго Батька и Поляки, съ дикой отрадой, повторяютъ ихъ донынѣ, забывая, что это было родное дѣтище ихъ Шляхетскаго Народа. Несомнѣнно одно,—что Хмельницкій нашелъ въ женщинѣ, которую любилъ, то, что Шекспировъ Троилъ—въ Кресильдѣ. Отъ горячей любви къ смертельной ненависти у такого человѣка былъ одинъ только шагъ, и этотъ шагъ онъ сдѣлалъ въ то время, когда попалъ опять въ такую грозную зависимость отъ хана, какую ханъ далъ ему почувствовать подъ Зборовымъ.

Нагроможденныя въ Суботовѣ и въ Чигиринѣ сокровища требовали для своей охраны дракона. Въ качествѣ таковаго Хмельницкій приставилъ къ своему золотому руну своего достойнаго сына, Тимоѳея. Какого рода была между отцомъ и сыномъ переписка, да и была ли, этого нельзя сказать, зная, что и Князь Василій сносился иногда съ Княземъ Перуномъ, въ избѣжаніе случайностей, чрезъ посредство живаго слова; но драконъ, въ одинъ прекрасный день, получилъ повелѣніе быть палачемъ своей мачихи, и козацкой Кресильды не стало. Кто знаетъ, какую роль разыгралъ въ семейной драмѣ Тимко Хмельниченко? Въ жаждѣ богатства и власти онъ могъ быть похожъ на отца. Между нимъ и отцомъ стояла женщина, и эта женщина пользовалась такимъ вліяніемъ, что, какъ мы видѣли, могла отвести пьяную руку мужа отъ убійства гостей и пословъ. Притомъ же эта прелестница дважды перешла въ его объятія изъ чужихъ. Старый любовникъ вѣритъ клеветѣ скорѣе молодаго, а такія грязныя личности, какъ Богданъ Хмельницкій, способны, въ мрачную минуту, мстить за чужую вину, не только за собственную. Какъ бы то ни было, тол

ко извѣстіе о казни Чаплинской пришло къ королю 9 римскаго іюня, когда онъ стоялъ еще подъ Сокалемъ, и король угостилъ своихъ приближенныхъ за ужиномъ разсказомъ, невѣроятнымъ по своимъ гадкимъ подробностямъ. Самъ ли Янъ Казимиръ придумалъ ихъ, или помогли ему и здѣсь готовые на все іезуиты,—дѣло не въ томъ, а въ томъ, что, каковы бы ни были Хмельницкіе, эти божки нашихъ кіевскихъ атавистовъ, допускать съ ихъ стороны публичное разоблаченіе семейной драмы прилично только ихъ малорусскимъ панегиристамъ *) да ихъ смертельнымъ врагамъ, польскорусскимъ панамъ. Освѣцимъ, въ отраду польскому потомству своему, сохранилъ всю скабрезность пріукрашеннаго враждебною молвою романа, и засвидѣтельствовалъ источникъ ея словами: „Это нашъ самъ король за своимъ ужиномъ съ радостью докладывалъ (z uciechą referował)".

Военныя дѣйствія зависѣли теперь отъ того, былъ ли Козацкій Батько пьянъ, или трезвъ. Отъ того же зависѣла и соподчиненность въ его войскѣ. Когда онъ пировалъ, пировало все войско, и тогда не было рѣчи о послушаніи: тогда полковники прятались въ палаткахъ; толпы черни бросались однѣ на другія и, какъ выражались козаки, *жаковали* возы. Такъ разсказываютъ Поляки, и, зная безобразія козацкой республики изъ русскихъ источниковъ, нечѣмъ намъ опровергать подобные разсказы.

Хотя козацкое войско было вдвое многочисленнѣе панскаго, но Хмельницкій не двинулся съ мѣста до прихода хана, „кры̂мськаго добро̂дія", какъ называетъ его иронически украинская пѣсня. Безъ Татаръ, онъ мало полагался на стойкость козаковъ. Даже славный гайдамака Нечай, въ роковой для него схваткѣ, подгонялъ соратниковъ къ бою серебрянымъ перначемъ своимъ. Булава Хмельницкаго также имѣла двоякое назначеніе; но, безъ такихъ понудителей, какъ Татары, не сдѣлалъ бы Козацкій Батько на своей карьерѣ больше Павлюка, Скидана, Острянина и Гуни. Татары въ походахъ стараго Хмеля играли важную роль не столько въ смыслѣ подкрѣпленія козацкихъ силъ, сколько въ смыслѣ водворенія въ козакахъ „воли и думы единой", то-есть въ смыслѣ террора. И желтоводскимъ, и корсунскимъ побѣдителямъ—умирать отъ ляшеской сабли и нѣмецкой пули, картечи, бомбы казалось не столь ужаснымъ, какъ попасть въ татарскія лыка вмѣстѣ съ козачками и козачатами. Безъ татарскаго побратимства, козацкое скопище давно бы уже не существовало: оно—или бы-

*) См. Костомарова „Богданъ Хмельницкій", изд. 4, т. II, стр. 312.

ло бы разсѣяно такими полководцами, какъ Вишневецкій и Чернецкій, или раздѣлилось бы на ся, подобно сподвижникамъ Наливайка, Жмайла, Тараса Өедорóвича, Павлюка, Остряницы. Того мало, что ханъ своимъ присутствіемъ ставилъ козацкія полчища въ необходимость идти на бой: Татары отрѣзывали имъ путь къ бѣгству, и нерѣдко гнали панское войско однимъ своимъ крикомъ.

Положеніе нашихъ добычниковъ на прославленныхъ и опозоренныхъ Збараже-Зборовскихъ равнинахъ становилось затруднительнымъ. Край былъ опустошенъ войною 1649 года, а въ прошломъ году саранча съѣла полевые урожаи. Съѣстные припасы доставлялись издали. Въ козацкомъ войскѣ, какъ и въ панскомъ, открылась повальная болѣзнь, и въ то же время началъ чувствоваться голодъ. Хмельницкій берегъ *харчѝ* на время боевое, и только по временамъ лакомилъ хищныхъ дѣтокъ своихъ жакованьемъ вововъ. Но „кры́мській добродій" приближался; пилявецкія сцены трехсуточнаго пира оживляли козацкое воображеніе, и поднимали козацкій духъ изъ упадка.

Слухъ о намѣреніи козаковъ отступить въ Кіевщину и продлить кампанію паны приписывали изобрѣтательности Хмельницкаго. Гораздо вѣроятнѣе, что этотъ слухъ былъ проявленіемъ общаго чувства козацкой массы, всегда готовой разбѣжаться, когда нечего было жечь и грабить. Иначе—не долетѣлъ бы до насъ изъ позабывшей себя старины козацкій вопль:

Ой рàді бъ мы верну́тися,—
Гетьмàнъ не пускàе!

Чтò касается до козацкихъ вожаковъ, не исключая и самого Хмельницкаго, то надобно отдать честь ихъ разсчетливости: выступая въ походъ, они всегда намѣчали и обезпечивали себѣ дорогу бѣгства, если не въ христіанскую, то въ мусульманскую землю. Такъ объясняютъ и быстрый поворотъ Козацкаго Батька отъ задуманнаго съ Исламъ-Гиреемъ и Киселемъ похода къ набѣгу на Волощину. Если это объясненіе справедливо, то Хмельницкій, отвлекши хана отъ Московской войны своими каверзами, являлся теперь въ нѣкоторомъ родѣ спасителемъ царя отъ ляхо-козако-татарскаго нашествія. Не могъ простить этого плутъ ордынецъ плуту козаку, и приготовился так или иначе отомстить ему за недочетъ въ широко разсчитанной добычѣ, а пожалуй—и за потерянный случай къ возстановленію двухъ татарскихъ царствъ.

Было у Исламъ-Гирея и другое побужденіе къ задуманному коварству; а коварствомъ онъ даже тщеславился въ передѣлкахъ съ ди

мурами: султанъ повелѣлъ ему, наслѣднику древней кипчакской славы, „хорошо править конемъ“ на службѣ бѣглому рабу татарскихъ плѣнниковъ, польскихъ пановъ. Ослушаться своего сюзерена было бы не безопасно; ощетиниться противъ стамбульскаго калифа-султана было бы грѣховно. Но мужество и робость, побѣдоносный разумъ и позорное затменіе ума ниспосылаются однимъ и тѣмъ же Аллахомъ. Такъ долженъ былъ размышлять уповающій сильно на Божію милость хищникъ, и, можетъ быть, этимъ размышленіемъ предрасположилъ себя къ бѣгству изъ-подъ Берестечка.

Въ то время, когда король вступалъ въ лагерь подъ Сокалемъ, ханъ стоялъ уже надъ Днѣпромъ. Тамъ отдыхалъ онъ три дня и раздѣлилъ Орду на три войска. Первое войско, распадавшееся на двѣ половины, составляло правое и лѣвое крыло главнаго полчища, заключавшаго въ себѣ двѣ трети Орды. Во время пути, главный корпусъ шелъ въ ровной линіи съ крыльями, дѣлая шесть миль ежедневно, безъ остановокъ, но каждый часъ все войско пріостанавливалось на 15 минутъ, чтобы кони перевели духъ. Въ это время Татары сходили съ лошадей и, исправивъ, что кому было нужно, летѣли „гнѣвомъ Божіимъ саранчею“ дальше.

По мѣрѣ того какъ Исламъ-Гирей приближался съ востока, Хмельницкій подвигался къ сѣверу, чтобы заслонить Орду отъ панскихъ подъѣздовъ и сойтись въ походѣ съ союзниками. Когда такимъ образомъ Татары достигли Винницы, онъ подвинулся на Колодинское поле и сдѣлалъ тамъ свою главную квартиру. Оттуда двинулся онъ съ частью войска къ Вишневцу, изъ Вишневца протянулъ свои посты до Казимирова, и распустилъ чаты къ Стыру. Въ это самое время передняя стража татарская, подъ начальствомъ султанъ-нуреддина, пришла къ Вишневцу. Хмельницкій выѣхалъ изъ Вишневца со всѣми полковниками привѣтствовать хана, встрѣтилъ его подъ Лябишиномъ, и вмѣстѣ съ нимъ въѣхалъ въ татарскій кошъ при восклицаніяхъ Орды. Загребатель жару чужими руками былъ счастливъ: 100.000 отборныхъ Татаръ готовы были къ его услугамъ. Оставалось только выкурить польскихъ пчелъ и выбирать медъ, какъ подъ Пилявцами. Кони и люди были у Татаръ въ наилучшемъ видѣ, повиновеніе беямъ и мурзамъ полное, въ батовахъ большой запасъ провизіи, и по пути не сдѣлали они въ козацкой области никакого грабежа. Словомъ, татарскій ханъ явилъ свою орду образцомъ и для козацкой, и для панской орды.

На пространствѣ между Сокаломъ и Колоднымъ стояло теперь три силы готовыя къ бою: образцовый ханъ съ двумя братьями соправителями своими, съ отборною Ордою, съ беями, агами, мурзами;

козацкій гетманъ со всѣмъ, что могъ вывезти изъ Украины соблазномъ и терроромъ, и король съ министрами, съ большею половиною свѣтскихъ сенаторовъ и почти со всей коронной шляхтою; а бой предстоялъ теперь уже не за козацкія вольности, давно завоеванныя, не за татарскій гарачъ, возмѣщенный съ лихвою, а за двѣ христіанскія вѣры, изъ которыхъ одну предоставлялось магометанину возвысить, а другую унизить.

Обезпечивъ себя Татарами, Хмельницкій имѣлъ всѣ шансы для торжества надъ панами въ небываломъ еще богословскомъ диспутѣ; но, при всей своей радости, скоро почуялъ, что играетъ въ рискованную игру. Исламъ-Гирей далъ ему замѣтить, что между ними нѣтъ прежняго согласія. Хану была не по сердцу дружба козаковъ съ Турками: козаки, чего добраго, могли сдѣлаться уздою на Татаръ въ рукахъ Дивана. Падишахъ ужъ слишкомъ настоятельно погналъ его, перекопскаго и крымскаго царя, на помощь панскимъ бунтовщикамъ. По мнѣнію Исламъ-Гирея, Чингисхановичамъ, а не Османамъ слѣдовало бы царствовать и въ самомъ Стамбулѣ. Если не обманъ со стороны Хмельницкаго въ походѣ на Москву, обѣщавшемъ хану такъ много, то помыканье крымскимъ величествомъ чрезъ посредство турецкаго султана, одно изъ двухъ, превратило дружбу татарскаго хана съ ханомъ козацкимъ въ тайную боязнь и слѣдовательно въ ненависть.

Ища выхода изъ своей запутанной роли, Хмельницкій перебралъ мѣру въ разнообразныхъ заискиваньяхъ, и теперь видѣлъ, что у побратима Татарина что-то недоброе на умѣ. Не успокоило его и лестное обѣщаніе Исламъ-Гирея посѣтить союзника въ козацкомъ таборѣ. Весь разсчетъ на успѣхъ основывался теперь у Козацкаго Батька на увѣренности, что Татары запугаютъ своими лыками его дѣтушекъ и принудятъ къ отчаянному бою. Но и этотъ разсчетъ сдѣлался сомнительнымъ отъ пріема, какой онъ сдѣлалъ „Крымскому Добродѣю" у себя въ таборѣ, поддавшись обычному своему пьянству, въ которомъ находилъ лѣкарство отъ удручавшей его грусти.

Чтобы маскировать свое охлажденіе къ гетману, ханъ возвратилъ ему визитъ на другой день. Исламъ-Гирей пріѣхалъ въ сопровожденіи князей и бароновъ Крымскаго юрта, на дорогихъ, богато украшенныхъ лошадяхъ, въ легкихъ фригійскихъ шапкахъ, въ длинныхъ холщевыхъ епанчахъ. Загремѣло 60 пушекъ, зазвонили колокола, загудѣли бубны и сурмы; но гетманъ хана не встрѣтилъ: онъ лежалъ пьяный. Невозможно было скрыть это отъ царственнаго гостя. Гетманскій наказный Джеджалла долженъ былъ объявить своимъ

соплеменникамъ правду. Ханъ оскорбился страннымъ пріемомъ, и не скрывалъ своего отвращенія къ пьяницѣ.

Послѣ взаимнаго пересмотра войска, оказалось, что у Хмельницкаго было 90.000 регулярной пѣхоты, 12.000 конницы и болѣе 100.000 затяжцевъ мужиковъ. Пѣхота была вооружена такъ-называемыми семипядными пищалями. Конница имѣла такіе же самопалы, но сидѣла на плохихъ лошадяхъ, которыя служили ей прикрытіемъ во время пѣшей пальбы. Мужики были вооружены, кто какъ могъ: дрекольемъ, вилами, набивными цѣпами и самопалами, какъ ихъ описываетъ козацкая Иліада:

Котòрый козàкъ шàблі булàтноі
Пищалі семипядноі
Не мàе,
Той кия на плèчі забірàе,
За гетьмàномъ Хмельнйцькимъ у похòдъ поспішàе.

На военной радѣ козаки и Татары рѣшили—притвориться отступающими къ Кіеву, согласно носившейся до прихода хана молвѣ, 25 (15) іюня двинуться весьма таинственно къ Берестечку и дать Ляхамъ битву. Ханъ и Хмельницкій, съ 12.000 Татаръ и съ такимъ же количествомъ козацкаго комонника, должны были явиться первые подъ Берестечкомъ для обозрѣнія поля битвы, и еслибы король, какъ они надѣялись, двинулся къ Дубну, напасть на него въ походѣ. За ними должна была идти Орда и полкъ Богуна, а потомъ пойдутъ всѣ таборы и батовы, войска и козацкія гармàты *).

Когда козаки и Татары готовились къ нападенію, паны, не получивъ отъ пòдъѣзда Чернецкаго никакой вѣрной вѣсти и думая, что непріятель отступаетъ къ Кіеву, рѣшались идти къ Дубну.

27 (17) іюня лагерь снялся съ мѣста. Уже нѣкоторые возы выѣхали въ поле; пѣхота и конница стояли наготовѣ; королевскій отрядъ сидѣлъ передъ навѣсомъ и ждалъ окончанія мши, чтобы выступить вмѣстѣ съ королемъ, какъ изъ пòдъѣзда титулярнаго козацкаго гетмана Забугскаго прискакалъ гонецъ съ донесеніемъ, что ханъ и Хмель-

---

*) Фальшивые Греки, агенты Гоасаөа, интриговавшіе, какъ и онъ самъ, передъ царемъ въ пользу Хмельницкаго и турецкаго султана, доносили въ Москвѣ, будто бы „съ кіями, какъ бывало прежъ сего, въ (козацкомъ) войскѣ никого нѣтъ); но это опровергается польскими извѣстіями, а Поляки всячески возвышали одолѣніе козаковъ подъ Берестечкомъ.

ницкій уже въ походѣ, а Богунъ, съ нѣсколькими десятками тысяч народной стражи, достигъ уже рѣки Горынки, чтобы занять переправ

Вслѣдъ за гонцомъ Загубскаго, отъ подъѣзда князя Іереміи Виш невецкаго пришло извѣстіе, что непріятель двинулся съ Колодинскаг поля и залегъ по сю сторону Вишневца въ лѣсахъ, чтобъ ударить н королевское войско при переправѣ черезъ Икву. Гетманы стали убѣ ждать короля, чтобъ дозволилъ войску остаться въ лагерѣ еще один день, какъ пòдъѣзды прислали языка, именно шесть козаковъ и одног попа, которые показали единогласно, что два непріятельскіе пол стоятъ уже подъ Перенятинымъ, въ полуторѣ миляхъ отъ Берестеч и намѣрены въ тотъ же день напасть на королевское войско.

Немедленно отправили Чернецкаго вернуть возы въ лагерь; во ску велѣли занимать валы; выслали сильные отряды для занятія всѣ проходовъ и переправъ; инженеры принялись исправлять окопы шанцы.

Не было никакого сомнѣнія, что козаки и Татары приближают Ежеминутно прибывали новые вѣстники наступающей грозы. Панс пòдъѣзды, столкнувшись съ татарскими, прятались въ лагерь; пос литаки торопливо переправлялись; возы возвращались въ окопы; а вечеру далекое зарево на горизонтѣ и глухой гулъ въ воздухѣ дав знать о приближеніи 300.000-го войска.

Пѣхота и челядь сыпали цѣлую ночь шанцы. Все войско сто подъ оружіемъ, и было запрещено, подъ смертною казнью, отдаля отъ лагеря. Но дерзкая челядь, зборовскіе герои, несмотря на зап щеніе, выгнали нѣсколько тысячъ лошадей на пашу, и всѣ эти шади сдѣлались добычею татарскихъ чатъ.

Разсчитывая на походное движеніе панскихъ ополченіи и встрѣтивъ никакого похода на своемъ пути, Хмельницкій останов въ недоумѣніи въ полуторѣ миляхъ отъ панскаго лагеря. Ночью вторника на среду 27 (17) іюня, сталъ онъ переправлять свое вой и таборъ, устроивъ переправы въ двухъ мѣстахъ. На одной изъ н наткнулся на него подъѣздъ князя Вишневецкаго, подъ начальст Бейдковскаго, и былъ совершенно разгромленъ. Бѣглецы прин вѣрныя вѣсти о непріятелѣ.

Въ то же самое время возвратился изъ разъѣзда Чернецкій. отзыву Освѣцима, онъ уронилъ свою репутацію тѣмъ, что, вм языка и точныхъ извѣстій о намѣреніяхъ непріятеля, пригналъ нѣсколько тысячъ головъ рогатаго скота, захваченныхъ имъ на Вол и едва не подвергъ все войско величайшей опасности, подавъ лож извѣстіе объ отступленіи козаковъ и Татаръ. Но мы уже знаемъ,

сами козаки были поставлены Хмельницкимъ въ невозможность узнать о его намѣреніяхъ, и для насъ ясно, что онъ умышленно не тревожилъ скотогонительства Чернецкаго, дабы край показался ему оставляемымъ непріятелемъ, якобы испугавшимся королевской силы. Упрекаетъ Освѣцимъ знаменитаго воина и въ томъ, что онъ вспомоществовалъ лишь разоренію края. Здѣсь онъ указалъ на самую печальную черту подвиговъ Чернецкаго. Стефанъ Чернецкій всего больше прославился у Поляковъ разореніемъ. Умирая послѣ громкихъ, какъ пустой звукъ, дѣяній своихъ на рукахъ у походнаго исповѣдника іезуита, не могъ онъ утѣшать себя мыслью, что оставляетъ присвоенную Польшею землю, текущею снова молокомъ и медомъ. Напротивъ, его слава, истинно *польская*, въ дурномъ смыслѣ слова, уподобилась той славѣ *козацкой*, которую восхваляли передъ московскимъ царемъ турецкіе интриганы, Греки, говоря о Хмельницкомъ, что онъ, идучи съ Татарами, „все разорястъ до основанія, будто николи ничего нигдѣ не бывало“.

Іюня 28 (18), въ среду, утромъ, было получено извѣстіе, что непріятель переправился и приближается къ панскому обозу, а Татары уже столкнулись съ панскими разъѣздами около переправы черезъ рѣчку Пляшову. Жолнеры собрались толпами слушать богослуженіе. Въ лагерѣ протрубили цѣлодневный постъ по случаю кануна Свв. Петра и Павла. Стоявшая подъ Корницами панская стража прискакала съ извѣстіемъ, что видѣла непріятеля собственными глазами. Выслали на рекогносцировку князя Богуслава Радивила, генерала отъ инфантеріи. Когда онъ съ полкомъ своимъ достигнулъ базара, ему представилось то, что наши кобзари называютъ великими пылами—туманами, и, около полудня, показались первые татарскіе отряды. Перешедши рѣчку Пляшову, они заняли мелкими отрядами взгорья, поля, лѣса и заросли укрывши въ заросляхъ козацкаго комонника.

Панская конница стояла наготовѣ между валовъ и шанцевъ. Войсковой стражникъ, Ясвульскій, расположился съ нѣсколькими отрядами конницы передъ валами, держа непріятельскія купы въ надлежащемъ отдаленіи, а между тѣмъ коронный стражникъ, Замойскій, проѣзжалъ по рядамъ, и именемъ короля запрещалъ выѣзжать на гарцы. Только въ 5 часовъ по полудни, когда уже знали навѣрное, что непріятель не выведетъ бо̀льшихъ силъ на боевое поле, было дозволено самымъ опытнымъ ветеранамъ выѣхать въ поле.

Татары давно уже подъѣзжали подъ шанцы и валы панскаго обоза, съ намѣреніемъ, подъ видомъ гарцевъ, навести жолнеровъ на козацкія засады. Началась ловитва людей, такъ какъ въ гарцахъ не

о томъ старались, чтобъ убить противника, а о томъ, чтобы схватить его живьемъ. Всѣхъ больше обращалъ на себя вниманіе наѣздническимъ искусствомъ Татаринъ, сидѣвшій на дорогомъ пѣгомъ конѣ. Гонялся за нимъ старый Мазуръ и, видя, что схватить его живьемъ нельзя, застрѣлилъ изъ ружья. Татаринъ упалъ головой въ тылъ, къ сторонѣ своего войска: примѣта зловѣщая у Татаръ. Раззадоренные удачей польскаго гарцовника, ордынцы сбѣгаются въ одну кучу, строятся и летятъ къ шанцамъ.

Александръ Конецпольскій смылъ уже съ себя пятно Пилявецкаго бѣгства подъ Збаражемъ. Подъ Берестечкомъ, онъ, „въ глазахъ всего войска“ (пишетъ Освѣцимъ) „разыгралъ первую сцену военной драмы“. Съ горстью дружинниковъ онъ врѣзался въ цѣлую тучу Татаръ. За нимъ бросился съ полкомъ своимъ Опалинскій, коронный маршалъ, посланный въ помощь отважному бойцу. Три раза выбивался Конецпольскій изъ татарской тучи, и три раза бросался снова на непріятеля, къ удивленію всего войска. Видя, что онъ рискуетъ головой, выслали князя Іеремію Вишневецкаго, съ частью козацкихъ, то есть легко вооруженныхъ хоругвей, и Стефана Чернецкаго съ гусарскою ротою,—двухъ знаменитѣйшихъ Русиновъ на выручку стоившаго того Поляка. „Цѣлый часъ“ (разсказываетъ Освѣцимъ) „продолжался смѣшанный бой, среди криковъ и замѣшательства. Наконецъ непріятель не выдержалъ боя на сабляхъ, и обратился въ стремительное бѣгство. Наши преслѣдовали его на разстояніи цѣлой мили, до болотной переправы, гдѣ должны были остановиться по причинѣ приближенія ночи... Взято было въ плѣнъ болѣе 20 всадниковъ и одинъ мурза. Они показали, что этотъ передовой отрядъ состоялъ изъ 12.000 отборной козацкой конницы и Бѣлогородскихъ, Крымскихъ, Урумбеевыхъ Татаръ, отправленный для предварительнаго испытанія нашихъ силъ. Нѣкоторые утверждали, что съ ними находились ханъ и Хмельницкій, но что они заблаговременно удалились“.

По другимъ польскимъ извѣстіямъ, въ пробномъ бою, какъ это и естественно, начальствовали оба хана, татарскій и козацкій. Счастливые любовники своихъ женъ-сестеръ, Конецпольскій и Вишневецкій, бросились въ кипучую свалку очертя голову. Несчастный любовникъ чужой жены, Хмельницкій, казалось бы, долженъ былъ заглушить свою досаду встрѣчею съ тѣми людьми, которымъ онъ приписывалъ козако-панскую усобицу. Но это былъ герой инаго закала; онъ заглушалъ досаду на свои неудачи пьянствомъ, и вдохновлялся только разсчетомъ на успѣхъ войны, кто бы ни помогалъ ему, какими бы средствами ни помогалъ, и чѣмъ бы ни пришлось платить за помощь.

Въ 10 часовъ панское войско сошло съ поля. Изнуренные жолнеры только ночью подкрѣпили силы свои ѣдою.

Въ это самое время (какъ узнали паны въ послѣдствіи) Исламъ-Гирей, недовольный пробнымъ боемъ, созвалъ на раду своихъ беевъ, агъ и мурзъ, съ намѣреніемъ войти въ договоръ съ панами. Свѣдавъ объ этомъ, Хмельницкій прибылъ съ полковниками своими на татарское совѣщаніе, и началъ разувѣрять хана въ его наблюденіяхъ. Онъ уменьшалъ панскія силы, уничижалъ шляхетскій способъ веденія войны, и, между прочимъ, сказалъ: „Это у нихъ только первый пылъ, а лишь только повонтуютъ гарматъ и куль да попробуютъ лагерной нужды, слякоти, жары, безсонныхъ ночей, чатованья, голоду, когда, наконецъ, все повыпьютъ, тогда, непривычные къ водѣ, къ холоду, голоду и непогодамъ, начнутъ бунтовать, ссориться, и самого короля своего бросятъ въ полѣ. Намъ бы только перебить квартяковъ; тогда всѣ посполитаки пойдутъ въ разсыпную. Вотъ уже третій день, какъ нѣсколько полковъ, поссорясь съ королемъ, разошлись по домамъ".

На козакотатарской радѣ было постановлено: завтра хану со всей Ордой, которая подошла только вечеромъ, и со всей козацкой конницей, переправиться черезъ Пляшову, и, занимая пановъ боемъ, овладѣть берестечскими переправами и равнинами, а между тѣмъ Хмельницкій соединить всѣ свои таборы, пѣхоту и гарматы, которые медленно приближались, и приготовится къ переправѣ.

На разсвѣтѣ 29 (19) іюня все панское войско выступило въ поле, и расположилось въ значительномъ разстояніи отъ окоповъ, между тѣмъ какъ остальные полки стояли наготовѣ въ лагерѣ. Лѣвымъ крыломъ командовалъ коронный полевой гетманъ, Мартинъ Калиновскій, въ центрѣ стояли посполитаки, а на правомъ крылѣ—брацлавскій воевода, Станиславъ Лянцкоронскій. Всѣ желали рѣшительнаго боя.

День былъ ясный. Утромъ, со стороны Корыня, появились надъ переправой татарскіе отряды. По нимъ стрѣляли изъ пушекъ, изъ ружей, и прогнали за переправу. Около 11 часовъ ударилъ непріятель большими силами, и. овладѣлъ переправами, которыя были слабо защищены отрядами драгунъ и полевыми пушками. Многолюдныя толпы Татаръ двинулись па равнины, и начали, по обыкновенію, свои гарцы, подъѣзжая къ панскому войску и вызывая на состязаніе въ наѣздническомъ искусствѣ.

Вскорѣ затѣмъ со всѣхъ сторонъ показались столбы дыма: костелы, панскіе дворы, села горѣли на пространствѣ въ нѣсколько миль. Стотысячная Орда и вся козацкая конница разлились по рав-

винѣ, въ разстояніи полуторы мили отъ панскаго войска. Поля и лѣ
са были заняты наступающими.

Черезъ полчаса прискакало множество мелкихъ татарскихъ отдѣ
ловъ, болѣе сгущенныхъ, нежели въ прошлый день, и расположилос
широко отвореннымъ полукругомъ, въ полумилѣ отъ панскаго войск
зажегши всѣ сосѣднія села, для стращанія Ляховъ. На центральном
взгорьѣ появился главный татарскій корпусъ, вмѣстѣ съ козацкой ко
ницей, направляясь къ лѣвому крылу панскаго войска. Между тѣм
какъ оба хана смотрѣли издали въ зрительную трубу, началась битв
какой никто изъ жолнеровъ не видалъ, битва 200.000 всадниковъ.

Лѣвое крыло панское подвинулось впередъ; центръ и прав
крыло стояли неподвижно.

Главная татарская сила ударила на лѣвое крыло, и окружи
его при первой же стычкѣ. Трижды панскіе полки выбивались и
татарской массы; трижды она ихъ поглощала снова. Казалось у
что лѣвое крыло не выдержитъ боя; но сильный ударъ подольска
воеводы, Станислава Потоцкаго, который подкрѣплялъ это крыло с
лѣвой стороны, выручилъ его, потерявъ ротмистра и десятка полтор
товарищей.

Вся козацкая сила ударила тогда на центръ. Противъ нея вы
ступило ополченіе брестолуявской шляхты. Поддержалъ его Лянцко
ронскій. За нимъ спѣшили полевой гетманъ и князь Іеремія Вишне
вецкій. Изъ самаго центра двинулись полки великаго короннаго гетма
и короннаго маршала. Они ринулись на наступающую Орду, прорва
татарскую массу, и смѣшались съ нею такъ, что только бунчуки
хоругви обозначали въ воздухѣ, гдѣ паны, а гдѣ ордынцы. Наконец
удалось имъ отступить подъ полевыя пушки, которыя сильнымъ о
немъ остановили Татаръ.

Яростнѣе всего кипѣлъ бой на лѣвомъ крылѣ. Двѣ свѣжія х
ругви, которыя бросились выручать ослабѣвающее войско, вернулись и
рубленными; оба ея предводителя пали со множествомъ „знаменитых
рыцарей". Здѣсь, на кровавой сценѣ появились творцы ея — козак
Королевскій полкъ ударилъ па нихъ копьями съ энтузіазмомъ. За ним
двинулись полки Собіскихъ и подольская шляхта, всё паши ополяче
ные, недополяченые, и переполяченные Русичи, ожесточенные соп
ники козатчины. Перемѣшанная съ латинцами, папистами и антип
пистами Литвинами Русь воевала съ Русью, перемѣшанною съ Татара
Турками и всякимъ сбродомъ, „вѣрующимъ и невѣрующимъ въ Бог
какъ доносили панамъ подпанки. Татары дрались яростно, и вз
гетманское знамя, причемъ знаменоносецъ остался невредимъ. По вс

ліи битва кипѣла безъ распредѣленія, безъ плана, безъ команды. Каждый вождь предпринималъ, что̀ хотѣлъ. Это пишутъ сами Поляки, свидѣтельствуя тѣмъ самымъ, что европейская тактика въ Польшѣ не далеко ушла отъ азіятской.

Бой прекращался и возобновлялся нѣсколько разъ. Нѣкоторыя хоругви загнались, въ жару отваги, слишкомъ далеко, и были вырублены поголовно. Бились до двухъ часовъ дня. Наконецъ Орда отступила. Паны понесли страшныя потери, что̀ дѣлаетъ имъ традиціонной жолнеріи великую честь. Но потери произошли отъ того, что гетманили одновременно и Янъ Казимиръ, и Николай Потоцкій. Одинъ былъ неспособенъ къ гетманству по природѣ и воспитанію, другой— по своей дряхлости и потому, что потерялъ довѣріе у соратниковъ,— довѣріе къ его счастью; а вѣра въ боевое счастье до того смѣшивалась тогда съ талантомъ полководца, что Потоцкаго стали называть головой немощной (niedołężną). Съ панской стороны пало 200 такихъ воиновъ, которые слыли знаменитыми рыцарями, то-есть такими, которые составляли душу боеваго тѣла, и что̀ еще хуже—непріятель удержалъ за собой позицію, занявши взгорье, проходы, переправы и отрѣзавши пашу для лошадей.

Но и Татары не радовались. У нихъ было до тысячи убитыхъ и раненныхъ, погибло много мурзъ, и въ числѣ ихъ славный Тогай-бей, а Муфачъ-мурзу, молодаго и храбраго воина, близкаго родственника ханскаго и крымскаго казначея, взяли паны въ плѣнъ.

Панское войско упало духомъ, и справедливо ему казалось, что не устоитъ оно, если Татары и козаки ударятъ на него всѣми силами. Но военная рада королевская состояла не изъ однихъ Потоцкихъ да Киселей, и такіе люди какъ Вишневецкій, Чернецкій, Конецпольскій, Лянцкоронскій, предпочитая смерть позорной жизни, взяли верхъ надъ миротворцами. Было рѣшено—выступить утромъ противъ непріятеля и попытать окончательнаго рѣшенія судьбы: быть или не быть Польшѣ.

Во что̀ бы то ни стало, надобно было новою битвою поддержать колеблющееся мужество въ руководящихъ воинахъ и оттѣснить непріятеля отъ паши: а то въ панскомъ лагерѣ начинали уже кормить лошадей дубовымъ листьемъ.

Здѣсь выступили на сцену дѣйствія передовики военной науки, процвѣтавшей за-границею кровавымъ цвѣтомъ на могилахъ милліоновъ, падшихъ за то, чтобы читать или не читать безъ попа Библію, чтобы вѣровать такъ или иначе въ небеснаго Отца всего человѣчества, въ исхожденіе Св. Духа, въ пресуществленіе тѣла и крови Хри-

стовыхъ, въ пріобщеніе таинамъ его подъ однимъ или подъ двумя видами, и т. п. Эти передовики настояли на томъ, чтобы завтра построить войско въ боевой порядокъ не *таборнымъ*, а *иностраннымъ* строемъ. Главную роль между членами военной рады игралъ генералъ Убальдъ, иначе Губальдъ, тотъ, который въ страшный день подъ Зборовымъ, явился такимъ же спасителемъ шляхты, какъ и ея челядь.

Въ 2 часа пополуночи король слушалъ мшу-не такъ, какъ во время оно, когда онъ забавлялся бывало собаками, карликами и кой-чѣмъ другимъ, а іезуиты прикрывали его забавы своею святостью: слушалъ съ вѣрою и надеждою, но, конечно, безъ любви, которой природа не отпустила на его пай и столько, какъ посадившему его на престолѣ козаку. Въ 3 часа, оставивъ 3.000 пѣхоты въ замкнутомъ лагерѣ, вывелъ онъ въ поле все войско, котораго насчитывали 80.000, бывшихъ дѣйствительно въ бою подъ Берестечкомъ. Начали строить войско иностраннымъ строемъ.

Хмельницкій, съ своей стороны, цѣлую ночь перемѣщалъ таборы, гарматы, пѣхоту. Чуть разсвѣло, началъ онъ вмѣстѣ съ ханомъ распредѣлять козакотатарскія силы.

Густая мгла, залившая поля и лѣса, предвѣщала имъ побѣду, такъ какъ Татары воевали счастливѣе всего въ такую погоду, подобно тому, какъ ихъ побратимы, козаки, самые геніальные подвиги свои совершали ночью, которую потому и звали своею матерью. Эта „страшная“ для панскаго войска мгла не давала кровавымъ соперникамъ видѣть себя взаимно до 10 часовъ. Только тогда увидѣлъ каждый и свою и непріятельскую силу.

Грозная теперь для хана боевая линія панскаго войска тянулась на цѣлую русскую милю. Передъ фронтомъ стояли пушки, подъ начальствомъ генерала Пршіемскаго. Правымъ крыломъ командовалъ Лянцкоронскій, такъ какъ Николай Потоцкій въ этотъ день хворалъ; иностраннымъ войскомъ—генералъ гвардіи, Богуславъ Радивилъ, конюшій Великаго Княжества Литовскаго. На правомъ крылѣ полкомъ и дивизіею короннаго великаго гетмана командовали Стефанъ Чернецкій и Адамъ Калиновскій. Кромѣ того стояли тамъ: полкъ Ляховецкаго, дивизія Щавинскаго, полкъ Льва Сопіги, подканлера литовскаго, одноименника знаменитаго канцлера, противника церковной уніи, полкъ познанскаго воеводы, Опалинскаго, и дивизія Собіскихъ, полкъ Юрія Любомирскаго, короннаго маршала, и часть великопольскихъ и мазовецкихъ посполитаковъ. Въ арріергардѣ крыла стоялъ Александръ Конецпольскій съ дивизіею своею. Лѣвымъ крыломъ командовали полевой гетманъ, Калиновскій, и русскій воевода, князь Вишневецкій. Въ

ѣ завѣдываніи стояли три регимента иностраннаго войска, которы-
и командовалъ генералъ-маіоръ Убальдъ, а также—съ полками свои-
и Станиславъ Потоцкій и князь Доминикъ Заславскій. За ними слѣ-
жали полки гетмана Калиновскаго и его сына, короннаго обознаго,
ивизіи князя Димитрія Вишневецкаго и Яна Замойскаго, а въ арріер-
рдѣ—шляхта воеводствъ Краковскаго и Сендомирскаго. Центромъ
мандовалъ король. Въ тылу центра находилась полевая артиллерія,
дъ начальствомъ генерала Пршіемскаго...

Все это рисуется увлекательно для польскаго чувства подъ пе-
мъ польскихъ историковъ, называющихъ день 30 (20) іюня однимъ
ъ великихъ дней національной славы. Но повторяющій повѣсть ихъ
-своему историкъ русскаго возсоединенія въ этой національной сла-
видитъ погибельное для Польши отпаденіе отъ нея Малороссіи,
тораго Поляки не видѣли въ опьянѣніи побѣдою своею,—побѣдою,
меньше жалкою, какъ и та, которую торжествовали козаки подъ
лявцами. Берестечское ополченіе Польши представляетъ ему длин-
ю шеренгу древнерусскихъ именъ, выступающихъ вмѣстѣ съ оболь-
тителями Руси, съ похитителями ея святилищъ и фундацій, съ на-
ювателями ея религіозной совѣсти, съ прямыми виновниками зло-
рнаго развитія козатчины, процвѣтанія Хмельнитчины и возвраще-
въ Южную Русь Батыевщины,—выступающихъ подъ иновѣрнымъ
менемъ и противоположнымъ русской идеѣ девизомъ. Маленькая и
босильная въ дотатарскую эпоху Польша взросла и расширилась
счетъ разгромленной и разогнанной Батыемъ Руси. Она просла-
лась въ Европѣ вооруженіемъ Руси Малой противъ Руси Великой.
а претворяла нашъ русскій элементъ въ польскій, и совершала
нные и умственные подвиги посредствомъ талантливыхъ Русичей,
русское наше имя, какъ и русскую нашу вѣру, уничижала; теперь
выступила противъ той и другой съ ослѣпленною русскою силою,
бражая, что недобитое казуистическою политикою возможно добить
жіемъ... Увы! въ торжественный свой день погубила она не нашу,
свою собственную будущность.

Но докончимъ картину бѣдственнаго ополченія Польши. Съ пра-
й стороны лѣваго крыла стоялъ генералъ Убальдъ съ тремя реги-
нтами, а съ лѣвой стороны праваго — полковникъ Боргеманъ на
тѣ регимента Замойскаго, командуемаго Богуславомъ Радивиломъ, такъ
нѣмецкая пѣхота съ праваго и лѣваго крыла входила своими
ами въ центръ. За пѣхотой, въ третьемъ ея отдѣленіи, въ самомъ
нтрѣ, стоялъ король, можно сказать—подъ командою состоявшихъ
и его особѣ четырехъ рыцарей. Съ одной и съ другой стороны

короля стояло по 500 гусаръ, выбранныхъ изо всего войска, подъ командою Казимира Тишковича и Януша Вешля. Сзади короля стоялъ полкъ пѣшей гвардіи Фромгольда Вольфа де Людисгаузенъ и при немъ рейтарскіе регименты Людовика Вейера, князя Богуслава Радивила и сокальскаго староеты, Денгофа. Поляки берегли даръ Хмельницкаго, въ избѣжаніе новыхъ выборовъ и новыхъ издержекъ на королеву. Въ резервѣ стояли регименты конныхъ драгунъ Якова Вейера и Янка Розражевскаго, въ числѣ 15 хоругвей. За ними эскадроны Грудзинскаго, Лещинскихъ и 500 человѣкъ прусскаго князя, наконецъ шляхта воеводствъ Сѣрадзскаго, Лянчицкаго и Бресто-Куявскаго, къ которой были прикомандированы два полка королевича Карла, подъ командой Юрія графа Шаунготше и Крембса. За лѣвымъ крыломъ стоялъ резервъ всей арміи, и въ немъ дивизія князя Острожскаго, одного изъ Заславскихъ, носившаго по наслѣдству это славное и вмѣстѣ позорное имя, а за его *выправныя* хоругви воеводствъ Люблинскаго и Русскаго. Панскій лагерь находился подъ защитой венгерской пѣхоты и, въ случаѣ крайности, никѣмъ не признанныхъ героевъ, челядниковъ шляхетскихъ.

Число всего панскаго войскаго доходило до 100.000, а конные *люзаки*, то есть подпомонщики гусаръ, еще увеличивали цифру.

Глава XXVII.

Вторая битва подъ Берестечкомъ.—Бѣгство татарскаго хана и козацкаго гетмана.—Блокада козацкаго табора.—Бѣгство козаковъ.—Находки въ козацкомъ таборѣ.—Окончательное превращеніе польскорусскихъ дворянъ въ Поляковъ.— Католическая Хмельнитчина въ Краковскомъ округѣ.

Еслибы король Владиславъ IV не былъ испорченъ отцовскимъ воспитаніемъ, а шляхта—злоупотребленіями свободы, и сошлись бы они во взаимной оцѣнкѣ, и выставили бы такія, какъ теперь, силы противъ азіятцевъ, обезобразившихъ территорію грекорусской культуры,—не было бы тогда на польскорусскомъ имени корсунскаго, пилявецкаго, зборовскаго пятенъ, и не сидѣлъ бы, по милости козака, на польскомъ престолѣ разстрига іезуитъ, еще менѣе способный царствовать, нежели тотъ, котораго паны посадили на престолѣ московскомъ, и пользовалась бы Польша разумною вѣротерпимостью, и не погибла бъ она, захлебнувшись въ польскорусской крови, и даже положеніе наше, которые гордимся великою Имперіей своей, было бы далеко прогрессивнѣе. Но Римъ и его іезуиты погубили знаменитую своими идеалами Королевскую Республику, а Королевская Республика, процвѣтая, въ видѣ русскаго паразита, подъ ихъ руководствомъ и погибая въ видѣ гонителя Руси по ихъ коварству, нанесла намъ такія раны, которыя будутъ болѣть и тогда, когда мы достигнемъ полнаго развитія духовныхъ и вещественныхъ нашихъ преимуществъ.

Въ изображаемый мною моментъ, силу русскаго генія, дикую силу показалъ на Полякахъ разбойникъ Русинъ, котораго стратегическимъ, организаторскимъ и политическимъ способностямъ пострадавшіе отъ нихъ удивляются больше, нежели мы, восторжествовавшіе надъ ними. Поляки должны дивиться даже субординаціи и единодушію, которыя нашъ Хмѣль умѣлъ поддерживать въ толпѣ сообщниковъ своего бунта, и которыя для нихъ ни въ военное, ни въ мирное время не были возможны. Они должны всего больше дивиться тому, что этотъ могучій въ своихъ злодѣяніяхъ духъ, потерявъ разомъ все, что

создалъ титанически въ короткое время, всталъ изъ своего паденія еще болѣе для нихъ опаснымъ, нежели былъ въ моменты величайшихъ успѣховъ своихъ, тогда какъ они, павъ съ высоты своего политическаго величія, остались навсегда притчею во языцѣхъ и покиваніемъ главы въ людѣхъ.

Два хана, козацкій и татарскій, выставили противъ пановъ Полякоруссовъ 300.000 войска. Громадный таборъ свой расположили они на взгорьѣ, помѣстивши въ немъ окозаченныхъ мужиковъ и гарматы. Лѣвое крыло козакотатарскаго полчища находилось подъ командою султанъ-Амурата, одного изъ ханскихъ братьевъ, лучшаго изъ татарскихъ полководцевъ. Онъ уже далъ себя знать панамъ подъ Збаражемъ и Зборовымъ, и если Тогай-бей былъ для нихъ Татариномъ-Патрокломъ, то султану-Амурату надобно дать имя Татарина-Ахилла. Правымъ крыломъ командовалъ змѣй горыничъ, дивное доннѣ для Поляковъ чудо-юдо, Зиновій Богданъ Хмельницкій, единовладникъ и самодержецъ козацкій, князь украинскій, стражъ Порты Оттомановой. Одна лапа у змѣя горынича была козацкая, другая татарская. Одно смертоносное крыло его изображали собою подкрѣпленія турецкія, правовѣрныя, другое—„и вѣрующіе и невѣрующіе въ Бога" головорѣзы, поддерживаемые летучими соправителями ханскими, султанъ-галгою и султанъ-нуреддиномъ. Ядовитымъ зѣвомъ и зубами кровожаднаго чудовища были губительныя чаты гарцовниковъ, сверкающія яркими нарядами и блестящимъ оружіемъ, а подобіе ненасытимаго чрева и чешуйчатаго хвоста преставлялъ далеко тянувшійся позади таборъ, рыгающій изъ себя огонь, дымъ, чугунъ и свинецъ... Центра въ этой азіятской арміи не было, потому что она, въ общемъ начертаніи, имѣла фигуру священнаго у магометанъ знака—полумѣсяца, котораго рога, загибаясь на пространствѣ отъ Инда до Гибралтара, долженствовали все человѣчество, въ видѣ борющихся націй, истребить, или же покорить господству правовѣрныхъ.

Въ 10 часовъ утра іезуитская Европа и чужеядная Азія придвинулись немного одна къ другой, какъ бы всматриваясь другъ въ друга и поражаясь взаимнымъ безобразіемъ. Паны остановились у послѣдняго своего шанца. Орда начала свой обычный *татарскій танецъ*; козаки, по своему обычаю, *закрутили веремія*. Но выѣзжать и участвовать въ той и другой игрѣ на жизнь и на смерть было запрещено въ панскомъ войскѣ подъ смертною казнью. Оба стражника, коронный и обозный, стояли впереди войска, каждый съ своею командой, которыя отпугивали наѣздниковъ и не давали смѣльчакамъ выѣзжать на боевое состязаніе.

Когда такимъ образомъ два громадныя войска стояли одно противъ другаго и каждое ожидало атаки со стороны непріятеля, спустился ханъ со взгорья къ самымъ переднимъ рядамъ Орды своей, осмотрѣлъ въ зрительную трубку панскія силы и сказалъ сопровождавшимъ его козацкимъ полковникамъ: „Ну что̀? проспался уже вашъ Хмѣль? Онъ обманывалъ меня нелѣпыми баснями, что польское войско слабо и молодо. Ступайте къ нему, пускай идетъ сперва самъ выбирать медъ у этихъ пчелъ, да пускай прогонитъ прочь такое множество жалъ".

Объ извѣстномъ читателю зазывѣ Татаръ на добычу и о сарказмѣ Исламъ-Гирея можно сказать съ Итальянцами: si non è vero, è ben trovato *). Но старый Хмѣль нашъ дѣйствительно попалъ въ такое положеніе, что и шесть десятковъ его гарматъ, и десятки тысячъ козацкихъ самопаловъ, мушкетовъ, пищалей оказывались безсильными выкурить польскихъ пчелъ изъ указаннаго Чернецкимъ становища для пасѣки. Если ханъ, воинъ ума посредственнаго, смекнулъ такъ или иначе дѣломъ, то нашъ геніяльный сочинитель столькихъ разбойничьихъ походовъ долженъ былъ предчувствовать результатъ великаго боя. Вся его надежда была на Татаръ, а Татары лизали свои раны съ собачьимъ визгомъ. Созвалъ Хмѣль старшину на совѣтъ, какъ быть,—онъ, въ намѣренія котораго не приникали „ни чуры козацкіе, ни мужи громадскіе",—онъ, который никогда не затруднялся вопросомъ: какъ вокругъ Ляховъ *закрутити веремія*? По всей вѣроятности, Хмельницкій, зная о выраженной ханомъ готовности войти переговоры съ королемъ, опасался вновь очутиться между двухъ силъ, какъ подъ Зборовымъ. Но того, что̀ вскорѣ произошло съ Крымскимъ Добро̀діемъ, не могъ онъ допустить въ потомкѣ великаго завоевателя Чингиса.

Блестящій панскій отрядъ, озиравшій панское войско, обратилъ на себя вниманіе тѣхъ опытныхъ рыцарей, у которыхъ Янъ Казиміръ находился подъ командой. Позвали шляхтича Отвиновскаго, долго жившаго въ Крыму и хорошо знавшаго татарскіе обычаи; дали ему посмотрѣть въ телескопъ, и спросили: что̀ значилъ бы этотъ отрядъ на лѣвомъ татарскомъ крылѣ? Отвиновскій тотчасъ замѣтилъ три бунчука и показалъ хорошо, гдѣ стоитъ ханъ. Туда велѣли пушкарю нацѣлить пушку. Выстрѣлъ былъ мѣтокъ. Ядро сорвало бунчужнаго, и ханъ, раненный въ ногу, убрался поскорѣе изъ рекогносцировки. Такова была первая версія лагерной молвы; послѣ узнали, что хана ядро не тронуло, но убило нѣсколькихъ мурзъ.

---

*) Если это несправедливо, то хорошо придумано.

Оба войска стояли бездѣйственно до трехъ часовъ пополудни. Пушки прогнали гарцовниковъ съ поля. Король отправилъ къ хану парламентера съ вызовомъ на битву, но не получилъ никакого отвѣта. Паны совѣщались уже о томъ, чтобъ отложить битву до утра, а король едва ли не съ тѣмъ и звалъ хана на бой, чтобъ навести его на мысль о переторжкѣ, какъ прискакалъ отъ Вишневецкаго бидговскій староста, Денгофъ, съ настоятельной просьбой не откладывать битвы. Король принялъ гонца за счастливое предзнаменованіе, сдѣлалъ на воздухѣ крестъ и повелѣлъ Вишневецкому начинать.

Затрубили трубы, загудѣли бубны. Изъ лѣваго крыла выскочило въ поле 18 хоругвей въ трехъ эскадронахъ. (Я слѣдую повѣсти польской во всемъ, что касается польской національной славы, равно какъ и безславія). Впереди хоругвей летѣлъ ненавистный и страшный козакамъ князь Ярема съ обнаженной саблею, безъ панцыря, безъ шапки. Его боевому вдохновенію и быстрому движенію лѣваго фланга приписывали многіе всю славу дня. Въ помощь наступающимъ поднялся вихрь, и ударилъ пескомъ въ глаза хмельничанамъ, а солнечные лучи помогали песку. Но козаки бросились навстрѣчу Ляхамъ стремительно всею массою конницы и наступили таборомъ. Они опередили султанскихъ Татаръ, силистрійскихъ Турокъ, и первые приняли панскій ударъ. Въ поддержку Вишневецкому, ринулась въ битву шляхта воеводствъ Краковскаго, Сендомирскаго, Лэнчицкаго и другихъ. По почину пламеннаго Русича, Поляки „позвонили въ дѣдовскую славу" не хуже отступниковъ родной національности. „Весь этотъ флангъ" (пишетъ польскій Самовидецъ) „вскорѣ потерялся въ толпѣ непріятелей, и долго не было видно начинателей боя, только слышенъ былъ гулъ отъ пушечной и ружейной пальбы. Наши полагали, что никто изъ нихъ не возвратится. Оказалось, однакожъ, что атака увѣнчалась успѣхомъ. Стремительнымъ напоромъ они заставили податься все козацкое войско и разорвали было (si é vero) таборъ, хотя при этомъ и сами понесли чувствительныя потери. Въ помощь козакамъ пришли Татары съ лѣваго фланга, и тогда ряды наши, будучи не въ силахъ удержать напора слишкомъ численнаго непріятеля, стали ослабѣвать и отступать къ редутамъ. Но тутъ они оправились, и возобновили нападеніе столь успѣшно, что непріятель, побѣжденный нашею рѣшимостью, долженъ былъ наконецъ податься назадъ. Козаки отступили въ свой таборъ,—хотя онъ въ началѣ и былъ разорванъ, но они успѣли его возстановить,—Орда же удалилась на близъ лежащую возвышенность".

Между тѣмъ іезуиты научили короля ѣздить по рядамъ и заохочивать войско къ бою за вѣру, за поруганныя святилища, за „божеское право“, нужды нѣтъ, что одни изъ его слушателей исповѣдывали „вѣру Хмельницкаго“, послѣдователя „Наливайковой секты“, а другіе истребляли даже своихъ единовѣрцевъ pod pretextem wiary ruskiéj, слѣдовательно шли въ бой, какъ невѣрные.

Теперь коронным канцлеромъ былъ бискупъ. Окруженный духовенствомъ, именующимъ національную вѣру туземцевъ схизмою, онъ велѣлъ поднять высоко надъ валами польскій *кришжъ* съ польскимъ *Iезусомъ*, истребляемый всюду козаками, и всего прежде въ могилянскомъ Заднѣпріи. Польскаго короля—іезуита и кардинала окружало много лицъ, подобныхъ Адаму Киселю, а въ рядахъ его воиновъ навѣрное было больше православныхъ, полуправославныхъ и вовсе неправославныхъ Русичей, нежели коренныхъ Полонусовъ, и все это поклонилось до земли подъ католическій гимнъ, прося польскаго Іезуса помочь имъ противъ тѣхъ, которые идутъ на брань подъ знаменемъ русскаго Іисуса и, увы! Магомета. Просимая помощь естественно дѣлала ихъ обязанными помощнику: этимъ способомъ они исключали себя изъ состава родной націи. Ни паны, ни козаки, ни польскіе ксендзы, ни русскіе попы не предусматривали такого раздѣленія польской Руси на ся. Но ксендзовская и поповская работа надъ религіозной совѣстью нашихъ предковъ увѣнчалась въ извѣстной мѣрѣ горестнымъ успѣхомъ. Попы удержали за собой одну часть нашего древняго займища, а ксендзы оторвали на свой пай другую. Но поклонники папы вмѣстѣ съ землей захватили подъ свою власть и образованную часть Малорусскаго народа, захватили почти все высшее сословіе наше. Въ этомъ смыслѣ Хмельнитчина, будучи прямымъ освобожденіемъ черни отъ панской власти, была, вмѣстѣ съ тѣмъ, косвенною причиною крещенія лучшей части малорусскихъ людей въ папизмъ и въ польщизну. Чего не могли сдѣлать Кисели, Древинскіе, Могилы, Косы, Тризны, то сдѣлалъ Хмель съ Перебійносами, Нечаями, Морозенками, Джеджалами. „Національные герои“ нашихъ козакомановъ привели Малороссію къ новому крещенію.

Крещеніе совершалось огнемъ и мечемъ. При громѣ пушекъ, лучшіе Малоруссы пошли мужественно противъ худшихъ вмѣстѣ съ Поляками, которыхъ однихъ видятъ въ панскомъ войскѣ польскіе, да, правду сказать, и наши историки. По сказанію ксендзовъ, Полякамъ явился въ воздухѣ *Свѣнты Михалъ*, гонящій хана и грозящій ему мечемъ. Но святый Михаилъ не явился своимъ поклонникамъ ни съ панской, ни съ козакотатарской стороны: тамъ не хотѣлъ онъ помо-

гать благочестивымъ, такъ какъ они воевали заодно со злочестивыми; здѣсь еще больше не подобало ему воодушевлять православныхъ, ратовавшихъ подъ эгидою магометанъ. Онъ предпочелъ сіять спокойно Золотымъ Верхомъ своимъ въ Кіевѣ, въ обители Іова Борецкаго, зная, что русское благочестіе восторжествуетъ надъ польскимъ злочестіемъ и безъ кровавыхъ пьяницъ-козаковъ, татарскихъ побратимовъ.

Но каковы бы ни были вымыслы эксплоататоровъ нашей знати, нашей духовной и свѣтской интеллигенціи, облака пыли мѣшали имъ видѣть не только воздушныя чудеса, но и земную дѣйствительность. Только изъ позднѣйшихъ реляцій узнали они, что хоругви князя Вишневецкаго, оправясь подъ прикрытіемъ шанцевъ, сильнѣе прежняго ударили на хмельничанъ,—старшіе братья-*недоляшки* на меньшихъ братьевъ-*потурнаковъ*, тѣ и другіе подъ иновѣрной эгидою, и рубились взаимно не хуже древнихъ братьевъ Русичей, не знавшихъ еще злобы разновѣрія и вдохновлявшихся только задоромъ областнаго соперничества.

Въ это время нуреддинъ-султанъ смялъ Краковянъ и Сандомирцевъ. Но полонизованный Русинъ Вишневецкій, растоптавъ плохихъ козацкихъ лошадей своими сильными конями, оборонилъ Поляковъ отъ Татарина. Козаки между тѣмъ заперлись въ таборѣ. Бросился было Байдичъ вторично на таборъ, но онъ попрежнему былъ скованъ цѣпями въ десять рядовъ, и стоялъ, точно дышащая огнемъ крѣпость. Не испугался пламенный князь Ярема козацкаго огня, и началъ было разрывать скованные возы, какъ въ оной памятной козакамъ битвѣ на Сулѣ, но въ это время султанъ-галга помогъ оправиться султанъ-нуреддину, и ханскіе соправители ударили дружно на Вишневецкаго. Польскій Ахиллъ отступилъ грозно къ шанцамъ.

Изъ современнаго разсказа о боѣ на панскомъ центрѣ видно, что легко вооруженные Татары пришли на зовъ Хмельницкаго выбирать польскій медъ, можно сказать, голыми руками. Не мудрено, что „Поляки вдохновлялись непобѣдимымъ почти мужествомъ (Polacy niezwyciężonego prawie nabierali serca)", какъ выражаются ихъ историки. Подъ прикрытіемъ нѣмецкой пальбы изъ пушекъ и ружей, они были не пчелами, а смертоносными шмелями, обороняющими гнѣздо свое. Но старый нашъ Хмѣль и тутъ едва не напоилъ своихъ сватовъ, какъ бы сказалъ древній баянъ. Онъ притаился съ лучшими стрѣлками въ лѣсу, мимо котораго должно было проходить правое крыло панской арміи. Къ счастью пановъ, засада была открыта во время.

Бой кипѣлъ уже три часа. Видя передъ собой сто тысячъ наѣздниковъ, наступающихъ по всей боевой линіи, и не догадываясь, что это были атаки фальшивыя, паны не обратили вниманія на то, что главная непріятельская сила, таборъ, пѣхота и гарматы, не принимаетъ никакого участія въ битвѣ, и только защищается. Между тѣмъ змѣй-горыничъ засѣлъ, съ корпусомъ стрѣлковъ, подъ заслоной Щуровецкихъ лѣсовъ. Главное начальство въ таборѣ ввѣрилъ онъ козаку-Татарину, Джеджаллѣ, и велѣлъ ему только тогда двинуться съ таборомъ впередъ, когда самъ онъ займетъ невидимую непріятелемъ позицію. Во все это время Татары должны были развлекать вниманіе пановъ фальшивыми нападеніями.

Въ данный моментъ Джеджалла началъ спускаться со взгорья на боевое поле, грозя королевскому центру тысячами смертей, а между тѣмъ командовавшіе правымъ крыломъ Лянцкоронскій и Любомирскій получили извѣстіе, что въ боковомъ лѣсу скрывается засада. Только тогда стало имъ ясно, что Хмельницкій, располагая втрое большими силами, намѣревается занять лѣса, захватить переправы, заперетъ непріятеля между болотъ Стыра и Пляшовой съ тѣмъ, чтобъ окружить его шанцами и морить голодомъ.

Грозная опасность заставила командировъ крыла сохранять свою позицію въ то время, когда центръ и лѣвое крыло наступали на Татаръ энергически.

Между тѣмъ Татары принесли нѣсколько десятковъ убитыхъ мурзъ къ ногамъ хана. Наконецъ и ханскій братъ, татарскій Ахиллъ, Амуратъ, палъ среди ужаснувшейся Орды, пораженный ядромъ въ грудь. Орда начала мѣшаться, и вскорѣ за тѣмъ, какъ бы по данному знаку, разсыпалась во всѣ стороны. Побѣжалъ и самъ ханъ, покинувъ свой рыдванъ, огромный призывный бубенъ и палатку на высотѣ, вмѣстѣ со множествомъ ясыра. Изо всей татарской силы осталось только тысячъ 15 комонника въ арріергардѣ.

При видѣ бѣгущихъ Татаръ, громадный козацкій таборъ остановился, и тихо двинулся вспять. Паны не смѣли на него ударить; послали только нѣсколько региментовъ занять ближайшія высоты.

Джеджалла отступилъ въ совершенномъ порядкѣ къ рѣчкѣ Пляшовой, и тотчасъ началъ окапываться.

Видя бѣгущую Орду, Хмельницкій оставилъ своихъ стрѣлковъ и полетѣлъ верхомъ къ табору. Тамъ онъ сдѣлалъ на скоро кой-какія распоряженія, и поскакалъ вмѣстѣ съ Выговскимъ за ханомъ, чтобы вернуть его на боевище.

Исламъ-гирей, окруженный трупами своихъ полководцевъ, перемѣнилъ коня и спѣшилъ въ дальнѣйшій путь, какъ передъ нимъ явился его искуситель. Не давъ Хмелю промолвить слова, назвалъ его ханъ измѣнникомъ, велѣлъ связать ему ноги подъ брюхомъ у коня и гналъ передъ собой двѣ мили къ Вишневцу того же дня. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорили за столомъ у короля, z uciechą, z największą uciechą, какую когда-либо испытывало польское сердце. Богуславъ Радивилъ, участникъ боя и преслѣдованія Татаръ, писалъ только, что „Орда, захвативъ Хмельницкаго, ушла".

Неожиданное, загадочное и во всякомъ случаѣ постыдное бѣгство полководца 200.000 арміи, коменданта несокрушимой для всей Польши подвижной крѣпости, диктатора-героя, называвшаго своихъ противниковъ Жидами, страшнаго змѣя горынича, превратившагося въ поджавшую хвостъ собаку,—это беспримѣрное въ исторіи кровавыхъ споровъ явленіе рѣшило судьбу кампаніи. Половина панскихъ враговъ ушла, а половина осталась безъ головы, какъ бы въ оправданіе давнишнихъ словъ Киселя: „bellua sine capite" *). Панское войско заняло всѣ взгорье. Александръ Конецпольскій, съ легкими полками, двинулся въ погоню за бѣгущими. Въ 9 часовъ боевое поле опустѣло. На немъ остались только изумленные своею побѣдой паны съ разноплеменными и разновѣрными жолнерами.

Небо покрылось тяжелыми тучами. Молніи летали въ темнотѣ. Проливной дождь омывалъ кровавую землю. Панское войско, подъ руководствомъ зрителей воздушныхъ чудесъ, упало на колѣни, и воспѣло латинскую хвалу Богу за Его, какъ они увѣряли, земное чудо. Русской хвалы не слыхало Берестечко. Туземный элементъ на южномъ займищѣ Рюриковичей представляли теперь, можно сказать, одни разбойники, если не считать чуждавшагося боязливо козатчины духовенства да тѣхъ „статечныхъ людей", въ городахъ и селахъ, которые не дали „діаволу сдѣлать изъ себя смѣхъ", какъ сказалъ бы мой Самовидецъ. Среди малорусскаго міра, растлѣннаго папистами съ одной стороны и развращеннаго козаками съ другой, уцѣлѣли нравственно теперь только такія невѣдомыя исторіи личности, какъ оные „преподобные мужи Россы, житіемъ и богословіемъ цвѣтущіе". Онѣ-то и не дали бѣднымъ остаткамъ нашего народа потерять свою древнерусскую физіономію, по которой свободный отъ подобнаго растлѣнья и разврата Великоруссъ признаетъ въ Малоруссѣ своего брата.

---

*) Чудище безъ головы.

„Разсматривая подробности этого сраженія“ (пишетъ приверженецъ королевской партіи, Освѣцимъ), „всѣ единогласно были того мнѣнія, что война могла бы быть окончена однимъ ударомъ, и отечество освободилось бы отъ дальнѣйшихъ невзгодъ, еслибы битва была начата раньше, такъ чтобы дневнаго свѣта хватило для истребленія врага, и особенно, еслибы правый флангъ дѣйствовалъ такъ же энергично, какъ лѣвый, по крайней мѣрѣ въ то время, когда уже Орда обратилась въ неудержимое бѣгство и козацкій таборъ былъ разорванъ лѣвымъ флангомъ; но правый флангъ сильно опоздалъ и отсталъ на полмили отъ средняго корпуса, вслѣдствіе чего и Орда имѣла время убѣжать, прикрывъ свое бѣгство, и козаки, устроивъ свой лѣвый флангъ, не получавшій подкрѣпленія отъ праваго, успѣли возстановить свой строй, сомкнувши таборъ, и отступили къ болотамъ, гдѣ уже труднѣе было съ ними совладать. Король нѣсколько разъ посылалъ брацлавскому воеводѣ и коронному маршалу приказъ поскорѣе занять мѣсто во фронтѣ на одномъ уровнѣ съ другими частями войска, угрожалъ даже смертью за ослушаніе; но тѣ отвѣтили, что предпочитаютъ смерть гибели отечества и короля, оправдывая свою медлительность тѣмъ, будто въ прилегавшемъ къ нимъ лѣсу устроена засада, и требовали, чтобы король прислалъ имъ нѣсколько пушекъ, обѣщая, обстрѣлявъ лѣсъ и удаливъ изъ него засаду, двинуться впередъ и выровняться съ общимъ фронтомъ. Въ послѣдствіи, въ оправданіе этого опасенія они утверждали, что когда регименть Крейца съ двумя эскадронами конницы и двумя пушками, присланными королемъ, проникъ наконецъ въ тотъ лѣсъ, то заставилъ удалиться бывшихъ непріятелей. Но странно, что они такъ долго сторожили засаду, и позволили ей отступить невредимо“...

Высказанное здѣсь Освѣцимомъ единогласное мнѣніе *всѣхъ* было мнѣніемъ королевскихъ застольниковъ, которые воображали, что однимъ ударомъ было возможно возвратить Польшѣ то, что католическая партія такъ долго отторгала отъ нея своею соединительною политикою. Бездарное сборище придворныхъ не щадило даже стратегика Берестечской войны, Стефана Чернецкаго, которому панское войско всего больше было обязано своимъ успѣхомъ; оставило безъ вниманія и то, что Лянцкоронскій и Любомирскій не были способны ни къ сочиненію грозной засады, ни къ уклончивости въ такой важный моментъ. Но Освѣцимъ точно рукою самого Яна Казимира пишетъ: „Многіе даже изъ числа находившихся на томъ флангѣ утверждали, что никакой засады не было, и что это была лишь пустая выдумка, придуманная для того, чтобъ уклониться отъ опасности, предстоявшей при

штурмѣ козацкаго табора". Это мнѣніе характеризуетъ больше своихъ составителей, нежели цѣлый боевой корпусъ и его полководцевъ. По словамъ Освѣцима, „вся слава этой побѣды должна принадлежать королю, хотя" (продолжаетъ онъ снисходительно) „должны быть упомянуты имена и тѣхъ лицъ, которыя помогали ему въ значительной мѣрѣ, а именно: Николая Потоцкаго, князя Іереміи Вишневецкаго, короннаго хорунжаго Александра Конецпольскаго, полеваго писаря Пршіемскаго и генерала Губальта" (что̀ напоминаетъ пріемъ іезуита проповѣдника, поставившаго короля наравнѣ съ героями збаражской осады).

И такое жалкое общество, которое даже въ лицѣ знаменитаго мемуариста, подчинялось кликѣ ничтожнѣйшаго изъ королей, такое общество мечтало покорить себѣ народъ, глубоко проникнутый ненавистью къ нему и въ лучшихъ, и въ худшихъ своихъ представителяхъ!

Но панское сердце, измученное столькими государственными, общественными, и что̀ было всего для него больнѣе, домашними утратами, нуждалось въ живительной отрадѣ. Оно предалось инстинктивно той иллюзіи, которую природа человѣческаго духа хранитъ въ запасѣ для несчастнѣйшихъ изъ его дѣятелей. Наивный органъ польской жизни, Освѣцимъ, въ заключеніе придворныхъ толковъ о козацкой засадѣ, пишетъ:

„. . . . Пришлось намъ удовлетвориться, хотя и неполною, Богомъ намъ ниспосланные, побѣдою. Она тѣмъ не менѣе была знаменита. Мы побѣдили народы варварскіе, безчисленные, сбѣжавшіеся съ отдаленнѣйшихъ странъ. Передъ саблею короля преклонились и въ паническомъ страхѣ бѣжали дикія татарскія орды: Силистрійская, Урумельская, Добруджская, также Турки, Волохи, Урумбеки, Пятигорцы, полчища, созванныя отъ береговъ Ледовитаго моря, отъ подножій Гиперборейскихъ горъ и отъ Каспійскаго моря. Важнѣе всего то, что мы поразили въ полѣ зловреднаго звѣря, Хмельницкаго, и безчисленную запорожскую саранчу, загнали ихъ съ большимъ урономъ въ таборъ и предоставили дальнѣйшей мести побѣдоноснаго королевскаго оружія. Вѣроятно, со времени битвы подъ Грюнвальдомъ, отечество наше, а, можетъ быть, и весь міръ, не видали столь знаменитаго сраженія. Съ обѣихъ сторонъ въ немъ принимало участіе по меньшей мѣрѣ 500.000 человѣкъ. Этому не повѣрятъ ни иностранцы, ни, можетъ быть, даже наши потомки. Очевидцы сами больше изумлялись нежели вѣрили. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ случилось то, что̀ мы считали невозможнымъ, именно: произошелъ разрывъ Орды съ Хмель

ницкимъ. Правда съ нашей стороны шагъ былъ отчаянный: мы бросили кости, поставивъ за одинъ разъ на конъ существованіе нашего отечества. Но Господу неугодно было допустить посрамленія своего помазанника, святой католической вѣры и находившихся подъ его охраной костеловъ. Въ этой трехдневной битвѣ мы потеряли до 700 человѣкъ, главнымъ образомъ изъ числа товарищей и шляхты воеводствъ: Краковскаго, Сендомирскаго и Лэнчицкаго. Козаковъ легло безконечно больше; Татары же своихъ убитыхъ тотчасъ подбирали, стараясь даже не допускать ихъ падать съ лошадей. Объ этой битвѣ можно сказать то, чтó сказано о битвѣ Римлянъ съ Югуртою: никогда мы не сражались съ такимъ успѣхомъ и со столь малымъ пролитіемъ нашей крови".

Вотъ какой елей отрады проливалъ Шляхетскій Народъ на свои раны, въ предчувствіи безконечной агоніи на рукахъ своихъ губителей, іезуитовъ!

Наступило наконецъ для несчастныхъ пановъ давно желанное время отмщенія за разореніе хозяйства ихъ, за поруганіе ихъ женщинъ, за избіеніе дѣтей и старцевъ ихъ, за изгнаніе ихъ самихъ изъ края, отвоеваннаго ихъ отцами и дѣдами у такихъ же хищныхъ номадовъ, какими были козаки. Боги поднесли таки къ панскимъ устамъ чашу сладчайшаго изъ напитковъ, хранимаго ими для собственнаго употребленія. Ни усталость, ни проливной дождь не подавили въ озлобленныхъ культурникахъ, панахъ, и въ козацкихъ наставникахъ, шляхтичахъ, жажды къ божескому наслажденію. Столь же пылкіе въ начинаніи, какъ неспособные къ довершенію дѣла, они тотчасъ наступили на козацкій таборъ. Но, видя, что вломиться въ него при свѣтѣ молній, раздиравшихъ дождевыя тучи, нельзя, рѣшились не дать козакамъ возможности уйти подъ покровомъ ихъ матери—ночи. Припоминая знаменитыя ночныя ретирады Дмитрія Гуни подъ Кумейками и на Сулѣ, жолнеры остались ночевать на боевомъ полѣ. Мстители-землевладѣльцы бодрствовали всю ночь въ виду логова людоѣдовъ. Напротивъ жолнеры—беззсмельники, которымъ не за что было слишкомъ злобствовать на козаковъ, ложились боевыми рядами на мокрую землю и спали такимъ крѣпкимъ сномъ, что утромъ нельзя было ихъ добудиться.

Король въ эту ночь не ложился спать. Онъ, какъ и ханъ,—гласила молва—былъ раненъ осколкомъ ядра въ ногу, но, превозмогая боль, объѣзжалъ стражи, въ предупрежденіе оплошности, которая могла лишить его славы истребителя драконовъ. Впрочемъ для него

вывезли въ поле каретку, и онъ отъ времени до времени отдыхалъ въ ней.

На другой день усталость людей и лошадей превозмогли въ королевскомъ ополченіи всѣ другія чувства, и торжествующее войско цѣлые три дня провело только въ охраненіи кровавой добычи своей. Паны всего больше радовались, что въ трехдневной битвѣ подъ Берестечкомъ пало у нихъ только 700 человѣкъ. Они видѣли въ этомъ особенную милость Божію къ Шляхетскому Народу и, въ упованіи на божескую поблажку ихъ неспособности къ общественнымъ дѣламъ, продолжали бездѣйствовать.

Между тѣмъ безглавое скопище окружало себя все высшимъ и высшимъ валомъ, какъ со стороны панскаго становища, такъ и со стороны болота. Оно боялось, чтобы паны не переправились на другую сторону болотистой рѣчки, и грозно гремѣло своими гарматами. Въ козацкомъ таборѣ, занявшемъ почти цѣлую милю, сидѣло не меньше 200.000 человѣкъ, не считая женщинъ и дѣтей, которыхъ набралось множество. Численностью превосходили козаки вдвое тѣхъ, которые держали ихъ въ западнѣ, и могли бы, даже безъ Татаръ, запереть пановъ между болотъ и затопистыхъ рѣчекъ. Но безъ Татаръ козацкая завзятость была противъ пановъ безсильна даже и подъ бунчукомъ Хмельницкаго. Еще стоя подъ Сокалемъ, паны слышали отъ захваченнаго въ плѣнъ „добраго реестроваго козака", что Хмельницкій, провѣдавъ о расположенности хана къ мирнымъ переговорамъ съ королемъ, ударилъ въ бубны, созвалъ *чернецкую* (состоящую изъ одной черни) раду и спрашивалъ у козаковъ: согласны ли они на миръ? но козаки отвѣчали: „Бáтьку гетьмáне! и Богъ, и вiйсько тогò хòчуть, щобъ мы съ королèмъ нiякъ не мирились: бо на те мы одвàжились и на те мы сюды̀ прийшлѝ, що хочбы̀ й Ордà насъ покѝнула, до мы всi при твоïй повàзi помiрàтимемъ. Абò самi всi згѝнемо, абò всiхъ Ляхiвъ вы̀губимо"... Казалось бы, чего больше? Но козацкая чернь была предана своему гетману лишь подъ условіемъ успѣха; въ такомъ же положеніи, какъ настоящее, только Татары поддержали бы ту повàзу Хмельницкаго, при которой она была готова *помiрàти*.

Намѣстникъ гетмана, Джеджаллà, былъ однимъ изъ главныхъ участниковъ его первоначальнаго бунта. Онъ прежде всѣхъ взбунтовалъ нѣсколько сотенъ реестровиковъ, и привѣтствовалъ съ ними козацкаго Моисея въ пустынѣ, на Желтыхъ Водахъ. Оставшись подъ Берестечкомъ въ самомъ разгарѣ боя, Джеджаллà оправдалъ званіе наказнаго гетмана грознымъ отступленіемъ и превосходнымъ выборомъ

іновища. Онъ помѣстилъ таборъ подъ лѣсомъ и густыми зарослями. окраинамъ табора стояли мочары, а въ тылу находились непередимыя топи и болотистое озеро. Сидѣлъ онъ точно въ вилахъ и ался неодолимымъ. Оказаченные мужики день и ночь работали на пахъ и шанцахъ.

Поохладѣвъ отъ перваго жару возмездія, паны поняли, что имѣютъ ю не съ толпой взбунтованной черни, а съ неприступною крѣтью. Теперь и самъ Вишневецкій не отваживался разрывать коскій таборъ, какъ покушался на это въ пылу боевой горячки, когда щырь стѣснялъ его завзятое сердце, а подложенная сталью шапка алась ему охраной недостойною. Въ числѣ 700, купившихъ неінно, негаданно торжество надъ ужаснымъ Хмелемъ, пало много цей, которыхъ не напрасно величали знаменитыми рыцарями. Они ш знамениты способностью возбуждать въ соратникахъ мужество, ъ знамениты барды, вдохновляющіе словомъ своимъ слушателей. ерть унесла съ ними самую пламенную часть собирательной души яхетскаго Народа. Приступъ къ табору грозилъ этой душѣ утрами многочисленными, и потому паны рѣшились выжидать голода і вѣрнѣе—результата козацкихъ дракъ, которыя начались въ таборѣ асъ послѣ бѣгства Хмельницкаго. На военной радѣ своей паны ѣдѣлили — начать правильную блокаду. Послали въ Броды и во овъ за тяжелыми пушками. Генераламъ Губальту и Пршіемскому инженеру Гильдгауту было приказано окружить козаковъ шанцами, лать на болотахъ мосты и плотины для штурма съ тѣмъ, чтобы юмоздить возами затылки табора, и, если нельзя будетъ взять коовъ приступомъ, то—выморить голодомъ.

Но голода козаки не боялись: съѣстныхъ припасовъ было у нихъ аточно. Запасы аммуниціи казались неисчерпаемыми. Полководцы алисъ боевыми способностями. Недоставало только того, кто все организовалъ подъ своеобразною диктатурою, да и ему самому диктатуры недоставало бы Татаръ. Бѣгство гетмана подавляло цкій Народъ, задавшійся задачей—или погибнуть, или погубить одъ Шляхетскій. Отрѣзанный панами отъ поприща своихъ пожоубійствъ и грабежей, не могъ онъ даже провѣдать, что̀ дѣлается о путеводителемъ въ безвыходномъ лабиринтѣ злодѣяній: палъ ъ трупомъ, или бѣжалъ съ Татарами, или бросился къ литовсвоему войску для замѣна имъ Орды, и никому не приходило ову, чтобы ханъ поступилъ съ Козацкимъ Батькомъ, какъ поетъ нечистая сила съ человѣкомъ, который на нее положился.

Тѣмъ не менѣе исчезновеніе батька изъ 200.000-й семьи въ такой важный моментъ возымѣло на нее свое дѣйствіе.

По разсказу Освѣцима, козаки уже на третій день, 2 римскаго іюля, въ воскресенье, прислали къ королю письменную просьбу о помилованіи. Другое письмо прислалъ къ Вишневецкому чигиринскій полковникъ Крыса, по фамиліи Великоруссъ (иначе былъ бы онъ не *Крыса*, *а Пацюкъ*). Этотъ просилъ увѣрить короля, что козаки черезъ два дня сдадутся.

Было слышно, что Джеджалла не хотѣлъ гетманить козаками, но что его къ тому принудили, какъ это у нихъ случалось нерѣдко съ ихъ избранниками. Все-таки онъ принялъ гетманство лишь на нѣсколько дней, зная, что можетъ поплатиться головой за свой высокій санъ, если не теперь отъ козаковъ—въ случаѣ неудачи, то въ послѣдствіи отъ Хмельницкаго—въ случаѣ удачи.

„Многіе хотѣли перебѣгать въ нашъ лагерь“ (пишетъ Освѣцимъ), „но король приказалъ стрѣлять по перебѣжчикамъ, а для того, чтобъ они не могли спастись бѣгствомъ, приказано было князьямъ Вишневецкому и Радивилу, съ нѣсколькими тысячами войска, переправиться черезъ рѣчку и занять позиціи сзади козацкаго табора. Но приказъ этотъ не былъ исполненъ, потому что князь Вишневецкій потребовалъ 15.000 войска, а король не хотѣлъ дать ему такого количества“.

Здѣсь невольно вспоминается, какъ долго Янъ Казимиръ держалъ великаго воина въ Збаражской западнѣ, медля выручкою, и какъ охотно далъ вѣру, что онъ предлагалъ окупъ. Не смѣя штурмовать козаковъ съ огромнымъ войскомъ и его челядью, онъ подставлялъ Вишневецкаго подъ 200.000 отчаянныхъ бѣглецовъ съ нѣсколькими тысячами.

„Между тѣмъ“ (продолжаетъ Освѣцимъ) „совѣщались по поводу просьбы о помилованіи. Одни заявляли, что слѣдуетъ оказать милосердіе, казнить смертью только старшину и выдающихся особенно бунтовщиковъ. Другіе настаивали на томъ, чтобы, давъ слово касательно прощенія, отнять потомъ у козаковъ пушки и оружіе, распредѣлить плѣнныхъ по полкамъ, перебить ихъ поголовно, лишить остальныхъ всѣхъ привилегій, запретить на вѣчныя времена оружіе и истребить ихъ вѣру,—въ виду этого предложенія, кіевскій воевода, Адамъ Кисѣль, былъ удаленъ изъ рады подъ благовиднымъ предлогомъ,—и навсегда уничтожить самое имя козаковъ. Такъ препираясь, не пришли ни къ какому окончательному рѣшенію. Непріятель же, пользуясь нашимъ бездѣйствіемъ, не упускалъ никакого средства къ своему спасенію. Онъ отстрѣливался съ валовъ и, выбирая удобное время, дѣлалъ

вылазки. Въ ту же ночь козаки подкрались ползкомъ къ одному изъ нашихъ редутовъ, напали на утомленныхъ пѣхотинцевъ, 8 человѣкъ убили, а многихъ переранили косами, чуть было не овладѣли самимъ редутомъ, и только подоспѣвшее во-время подкрѣпленіе оттѣснило ихъ".

Другой участникъ Берестечской войны писалъ изъ панскаго лагеря, что козаки напали тихо на шанцы въ ночь съ 4 на 5 римскаго іюля и принялись рѣзать жолнеровъ; „но когда начала лаять собака, наши догадались о непріятелѣ и отплатили за свое: 80 козаковъ убили, остальныхъ преслѣдовали до табора. Видя нашу осторожность, козаки для надежнѣйшей обороны стѣснили свой таборъ, въ которомъ для себя и для лошадей рыли ямы (doły) отъ пушечной пальбы. Но это мало имъ поможетъ: ибо они стоятъ возлѣ топей".

„Іюля 3, въ понедѣльникъ" (продолжаетъ Освѣцимъ), „стали перебѣгать къ намъ шляхтичи, утверждавшіе, что находились въ рядахъ бунтовщиковъ по принужденію, и будто ихъ насильно заставляли принимать участіе въ войнѣ. На самомъ же дѣлѣ они, потерявши все имущество, искали исхода въ козацкой службѣ": свидѣтельство драгоцѣнное. Еще бискупъ Верещинскій, въ 1583 году, слѣдовательно за десять лѣтъ до Косинщины, писалъ въ сеймовой брошюрѣ, что промотавшая свои наслѣдства шляхта—или грабитъ на Низу турецкихъ чабановъ, или вытряхиваетъ въ бору у прохожихъ лукошки. Изъ дебатовъ Посольской Избы мы знаемъ, что вытѣсненные ксендзами да монахами изъ имѣній шляхтичи жили среди козаковъ. Изъ донесеній Кунакова намъ извѣстно, что баниты цѣлыми сотнями вписывались въ реестровые козаки. Вотъ какіе люди были двигателями козацкихъ бунтовъ и коноводами козацкихъ предательствъ! Теперь они спасались подъ крыльями тѣхъ, которые были готовы истребить козацкую вѣру, уничтожить на всегда самое имя козаковъ, а потомъ привели развращенную ими массу подъ высокую руку православнаго царя. Подъ высокой царской рукою мутили они воду, для своей корысти, отъ Выговскаго до Мазепы, отъ Мазепы до Желѣзняка, Голты, Калныша, Глобы и, между прочимъ, закрѣпостили себѣ героевъ Корсунщины, Пилявщины и т. д., а болѣе крупныхъ своихъ сподвижниковъ ссылали въ Сибирь чрезъ посредство напуганной козацкимъ предательствомъ Москвы, и если титло Козацкаго Батька принадлежало Хмелю справедливо, то шляхтичи-баниты и перебѣжчики были его чадами по преимуществу.

„Эти-то перебѣжчики" (продолжаетъ Освѣцимъ) „извѣстили, что среди козаковъ возникли несогласія... Вечеромъ, когда отборные наемные полки наши вернулись въ лагерь, на горѣ же, возвышавшейся надъ

козацкимъ таборомъ, были оставлены только два полка,—непріятель, сознавая неудобство для себя этой нашей позиціи, наступилъ на нихъ всѣми своими силами, и они, не получивъ подкрѣпленія, должны были, отстрѣливаясь, отступить, не безъ урона, въ лагерь. Непріятель занялъ гору, но недолго могъ удержать эту позицію: ибо на разсвѣтѣ коронный хорунжій, выступивъ съ нѣсколькими полками изъ лагеря, заставилъ его бѣжать обратно въ таборъ, причемъ козаки во множествѣ были перебиты и потоплены въ озерѣ, позиція же занята нами вновь.

„Іюля 4 хотя и происходили военныя дѣйствія, но вообще можно сказать о насъ, что мы разбитому, объятому страхомъ и ожидавшему окончательной гибели непріятелю дозволили отдохнуть, оправиться, совершенно возстановить упавшую было бодрость духа и возвести сильныя укрѣпленія, себѣ же затруднили путь къ скорому и окончательному истребленію его и сдѣлали сомнительнымъ результатъ дальнѣйшихъ дѣйствій, которыя, при бо̀льшей поспѣшности, могли увѣнчаться успѣхомъ.

„Чтобы не оставаться безъ дѣла, король въ этотъ день подвинулъ войско изъ прежняго лагеря, находившагося у Берестечка, ближе къ непріятельскому табору" (а въ старомъ лагерѣ были оставлены возы съ челядью и съ нѣсколькими полками пѣхоты подъ начальствомъ Николая Потоцкаго). „Принято было рѣшеніе окружить непріятеля со всѣхъ сторонъ окопами, снабдить ихъ войскомъ, сзади же войско обезопасить возами, и такимъ образомъ подавить козаковъ голодомъ, такъ какъ приступомъ взять ихъ было невозможно. Въ тотъ же день воздвигнули множество шанцевъ, редутовъ и почти вся работа была завершена".

Въ это время посполитаки снова начали бунты и ссоры, какъ бы во свидѣтельство своего родства съ козаками. Имъ не понравилась прикомандировка ихъ къ полкамъ квартянымъ въ подражаніе Хмельницкому, который окозаченную чернь подѣлилъ между козацкихъ полковъ. Шляхта послала къ королю посольство. Король отвѣчалъ раздраженнымъ голосомъ: „Здѣсь вамъ не Посольская Изба! Исполняйте что̀ вамъ приказано. Вы находитесь въ войсковомъ вѣдомствѣ, и должны повиноваться". Новый канцлеръ еще усилилъ слова короля, можетъ быть, раскаявшись въ своихъ выходкахъ противъ того, кто могъ бы не допустить Хмельнитчины, и шляхта принуждена была смириться. Но она ждала случая отплатить королю сугубо. Покамѣстъ посполитаки роптали только на его неумѣнье воспользоваться дарованною Богомъ побѣдой, а это неумѣнье до того было очевидно, что даже

роялистъ Освѣцимъ, какъ мы видѣли, возмущался противъ него до глубины души.

Итакъ, шляхетскія ополченія подѣлили на части и присоединили къ отрядамъ наемнаго, иначе регулярнаго, а еще иначе—квартяного войска. Изъ числа ихъ ополченія Краковское, Сендомирское, Познанское и Калишское (прихода послѣдняго еще ожидали) присоединили къ полку королевскому. Ополченія Волынское, Подлясское и Русское сопротивлялись этой мѣрѣ, потому что „не хотѣли идти, согласно приказу, на ту сторону рѣчки, гдѣ козаки часто нападали бы на нихъ".

„Между тѣмъ непріятель" (продолжаетъ Освѣцимъ), „понявъ наше намѣреніе и встревожась отъ приближенія нашего войска, вышелъ съ большою рѣшимостью изъ своего табора и изъ шанцевъ на гору и отважно рѣшился вступить въ битву; но наши оттѣснили его къ табору, причемъ погибло нѣсколько сотъ козаковъ. Досталась не даромъ эта побѣда и намъ... Пушки цѣлый день гремѣли съ обѣихъ сторонъ, но наши были бòльшаго калибра и причиняли больше вреда, а козацкія ядра, хотя на многихъ наводили страхъ, но немногихъ подвергали опасности... Ночью хлопы безпрестанно старались насъ безпокоить и тревожить и даже рѣшились стремительнымъ напоромъ ворваться въ нашъ лагерь; но ихъ зловредныя намѣренія были разстроены предусмотрительностью короля и региментарей, а также свѣтомъ луны, сіявшей ночью въ полномъ блескѣ.

„Утромъ 5 іюня, Татаринъ Мегметъ-Челебей, состоящій на службѣ у краковскаго кастеляна, доставилъ взятаго имъ въ плѣнъ Мургаза-агу. Мурза былъ брошенъ во время бѣгства Татарами, которые не могли увезти его съ собою по той причинѣ, что отъ полученныхъ ранъ не могъ онъ сидѣть верхомъ и долженъ былъ ѣхать на повозкѣ. Муртаза-ага—человѣкъ знатнаго происхожденія и родственникъ бывшаго хана. Всѣ дѣла въ Крыму рѣшались по усмотрѣнію его и ханскаго визиря. Онъ былъ раненъ картечью въ руку, въ бокъ и на силу могъ говорить, когда его взяли въ плѣнъ. Теперь онъ предлагалъ 10.000 Мегметъ-Челебею за то, чтобы тотъ препроводилъ его къ хану, а не въ нашъ лагерь. Вообще Татары оставили по дорогѣ до 1.000 человѣкъ раненныхъ и убитыхъ. Этого прежде не случалось: ибо они считаютъ грѣхомъ бросать трупы убитыхъ; но теперь они были въ замѣшательствѣ и въ упадкѣ духа. Утверждаютъ, что въ теченіе трехъ дней было убито 1.000 Татаръ. Дѣло неслыханное, чтобы татары понесли столь великую потерю въ открытомъ сраженіи".

Отъ 5 іюля одинъ изъ участниковъ Берестечской войны увѣдомлялъ кого-то, что король разослалъ универсалы къ малорусской черни по всѣмъ гродамъ, городамъ, торгамъ и церквамъ, чтобъ она козаковъ и Татаръ вездѣ избивала, и въ этомъ универсалѣ давалъ знать о себѣ, что будетъ стоять лагеремъ подъ Берестечкомъ.

„День этотъ“ (пишетъ Освѣцимъ) „прошелъ спокойно. Ночью козаки приготовлялись къ сильной вылазкѣ; но ливень, продолжавшійся въ теченіе цѣлой ночи, помѣшалъ имъ, причинивъ значительный вредъ и нашему войску, изъ числа котораго 10.000 находилось въ строю и кромѣ того Калишскій полкъ, только что подоспѣвшій въ лагерь, стоялъ на стражѣ. Поздно вечеромъ панъ Балабанъ съ 1.000 человѣкъ перебрался на ту сторону для того, чтобы стать въ тылу козаковъ, не дозволять имъ выходить за провьянтомъ и мѣшать бѣгству, такъ какъ они начали уходить мелкими отрядами въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Притомъ онъ долженъ былъ добыть точное извѣстіе о ханѣ: ибо ходили слухи, что ханъ, по просьбѣ Хмельницкаго, остановился въ 4 миляхъ отъ Вишневца.

„Іюля 6, въ четвергъ, наша артиллерія открыла сильный огонь съ нѣсколькихъ сторонъ. Около полудня прибыли въ посольствѣ три полковника. Крыса, полковникъ чигиринскій, красивый мужчина, и, какъ говорятъ, расположенный къ намъ, Гладкій и Переяславецъ. Ихъ провели прежде къ краковскому кастеляну, который прочиталъ имъ хорошую нотацію, перечисливши всѣ ихъ преступленія. „Вы измѣнники, которымъ подобныхъ нѣтъ на свѣтѣ“, говорилъ онъ. „Вы уже не христіяне, потому что побратались съ Татарами и Турками. Вы недостойны явиться предъ лицо короля“ и т. д. Потомъ, съ разрѣшенія военнаго совѣта, ихъ позвали къ королю. Они, съ земными поклонами, просили помилованія, и на всѣ предложенные ими вопросы отвѣчали только, что просятъ милосердія. Всю вину слагали на Хмельницкаго, а также, по своему обыкновенію, на свои грѣхи. Всѣмъ сенаторамъ они по-очередно цѣловали руки и края одежды; словомъ, заявили достаточно смиренія, лишь бы не притворнаго. Послѣ продолжительнаго совѣщанія король объявилъ имъ черезъ канцлера, что хотя они за совершенныя ими преступленія, равныхъ которыхъ нѣтъ во вселенной, и недостойны помилованія, но что король, яко монархъ милосердый, уподобляясь милосердому Богу, склоняется къ помилованію ихъ, если только ихъ смиреніе будетъ искреннее, и что условія онаго будутъ объявлены имъ завтра, сегодня же они должны, въ доказательство искренности, оставить въ лагерѣ одного изъ среды себя

Остался, по собственной просьбѣ, Крыса, хотя не безъ нѣкотораго страха".

Такъ повѣствуетъ о козакопанской транзакціи одинъ изъ благородныхъ ея свидѣтелей. Къ сожалѣнію, съ 26 римскаго іюня находился онъ въ откомандировкѣ, и конецъ Берестецкой войны описанъ въ его дневникѣ по разсказамъ другихъ очевидцевъ. Нѣкто увѣдомлялъ кого-то, что, по показанію языковъ, полковникъ Крыса хотѣлъ еще прежде уйти отъ козаковъ, но чернь караулила его. По этому извѣстію козацкіе послы были одѣты довольно хорошо и прилично, но Крыса—лучше другихъ.

Вѣтеръ начиналъ дуть въ польскіе паруса, но плевцы правили кораблемъ не въ одну сторону. Этому кораблю и въ прошлую войну облегчилъ опасное плаваніе полонизованный литворусскій князь, Янушъ Радивилъ, уничтоживъ Голоту, Подобайла, Кричевскаго. Теперь онъ одолѣлъ Небабу въ самое то время, когда литовскій или бѣлорусскій корпусъ Хмельницкаго могъ бы приспѣть на помощь осажденнымъ подъ Берестечкомъ.

Одновременно съ походомъ Хмельницкаго на Волынь козацкіе загоны двинулись въ Бѣлоруссію, чтобы занять войною литовскія боевыя силы и не дать Радивилу идти въ Украину. Въ іюнѣ наполнили они уже Овручскій край, но здѣсь литовцы били ихъ успѣшно. Въ мѣстечкѣ Нарадищахъ заперлись козаки въ церквахъ, но ихъ тамъ поджигали и истребляли. Били ихъ и въ Норинскѣ. Козацкіе сотники отстаивали свои прикметы до-упаду. Радивиловы ротмистры напрягали всѣ силы, чтобы взять живыми Лащовца (очевидно, питомца славнаго бапита) и Сагайдачнаго (можетъ быть, родственника Конашевичева), „но острая сабля" (рапортовали они) „была принуждена положить ихъ трупами". Что касается Небабы, то пріятельское письмо одного изъ участниковъ битвы, сохраненное для насъ Освѣцимомъ, описываетъ погромъ его корпуса такъ:

„Панъ стражникъ Мирскій, переправясь на ту сторону Днѣпра, напалъ на козацкій гарнизонъ въ укрѣпленіяхъ, состоявшій изъ 300 всадниковъ. Онъ истребилъ его такъ, что только немногіе спаслись бѣгствомъ. Бѣглецы дали знать Небабѣ о томъ, что Ляхи заняли уже ретраншаменты, но что отрядъ ихъ немногочисленъ. Небаба, желая разгромить Мирскаго, двинулся изъ-подъ Чернигова со всѣмъ войскомъ, котораго было 15.000. Онъ наступилъ на Мирскаго, не зная о томъ, что въ четверти мили дальше переправляется черезъ Днѣпръ гетманъ Янушъ Радивилъ. Послѣдній, успѣвъ переправить лишь часть своего войска, немедленно атаковалъ Небабу съ фланга. Дѣло обо-

шлось даже безъ выстрѣла: ибо, быстро окруживъ эту сволочь, мы рукопашнымъ боемъ истребили ее на повалъ. Не знаю, спаслось ли ихъ хоть нѣсколько человѣкъ. Небаба, видя опасность, сошелъ съ коня и сражался пѣшій. На него напалъ одинъ товарищъ изъ хоругви мозырскаго старосты. Онъ храбро и долго защищался. Товарищъ долженъ былъ также сойти съ коня и они вступили въ рукопашный бой. Въ это время подоспѣлъ на помощь другой товарищъ и они стали вдвоемъ одолѣвать. Однако, Небаба не допустилъ взять себя въ плѣнъ. Когда ему изранили правую руку, онъ оборонялся лѣвою, пока его не убили. Послѣ этого счастливаго вчерашняго дѣла, сегодня 200 козаковъ пѣшихъ, вооруженныхъ самопалами, не зная о пораженіи своихъ, препровождали возы съ провіантомъ въ свой таборъ. Наши окружили ихъ и всѣхъ забрали въ плѣнъ. Плѣнные сказывали, что въ полку Небабы было 20.000 человѣкъ, но 3.000 послалъ онъ въ сторону Кричева, а 2.000 отправилъ собирать провіантъ, такъ что при немъ оставалось только 15.000. Черниговскіе мѣщане пріѣзжали къ князю съ изъявленіемъ покорности. Они просили только о сохраненіи жизни своей и своихъ дѣтей и обѣщали выдать нѣсколько тысячъ паробковъ-броварниковъ, которые начали собираться на помощь Небабѣ. Битва эта происходила въ пяти миляхъ отъ Чернигова. Одержавъ побѣду, князь отправился въ Любечъ, а часть войска отправилъ въ Черниговъ".

Было слышно, что одни бѣлорусскіе паны пошли къ Припети, а другіе—на выручку Кричева. По пути къ Кричеву встрѣтили паны 500 человѣкъ козацкаго комонника, разбили ихъ, и 150 человѣкъ положили на мѣстѣ. На другой день бились они съ 3000 конницъ Небабы. Козаки стояли крѣпко, но были разбиты и разсѣяны. Съ панской стороны пало 20 знатныхъ шляхтичей и 200 человѣкъ рядовыхъ. Кричевъ защищался мужественно, и уже семь разъ отразилъ козацкій приступъ. Вообще въ Польшѣ думали, что „Господь покровительствовалъ литовскому войску", хотя мудрено было бы сказать за что̀. На русскій взглядъ, въ такъ называемой, Литвѣ родной намъ элементъ сохранился цѣльнѣе отъ помѣси съ чужеяднымъ польскимъ, и самый протестантизмъ, распространенный здѣсь больше, нежели гдѣ-либо, не допускалъ въ бѣлорусской шляхтѣ такого растлѣнія духа и тѣла, какое производило въ польскихъ семьяхъ католическое духовенство. Что̀ касается козаковъ, то видно, что здѣсь ихъ сила, при отсутствіи Татаръ, опиралась на сотниковъ и полковниковъ, вѣрнѣе—на кадры опытныхъ бунтовщиковъ.

„Между тѣмъ подъ Берестечкомъ“ (пишетъ Освѣцимъ) „іюля 7, въ пятницу утромъ, пріѣхали козаки, чтобы получить условія капитуляціи. Объ нихъ разсуждали въ военной радѣ такъ, что стыдно и сказать. Успѣхъ разслабилъ насъ до того, что никто энергичнаго предложенія и не высказалъ. Имъ предложили слѣдующія условія: выдать 16 человѣкъ, перечисленныхъ поименно, старшины, въ видѣ заложниковъ, но не безусловно относительно ихъ кары; выдать артиллерію; доставить Хмельницкаго, сына его Тимоша и Выговскаго; выдать присоединившихся къ козакамъ шляхтичей; чернь распустить по домамъ; предоставить королевской милости и рѣшенію будущаго сейма дальнѣйшія распоряженія относительно устройства козацкаго войска*). Козацкіе послы отвѣтили, что Хмельницкаго готовы они разыскивать; что старшину, артиллерію и шляхтичей выдать трудно, но что они предложатъ условія своей радѣ. Крыса остался окончательно въ нашемъ лагерѣ. Вечеромъ козаки дали знать, что старшина и козаки находятся внѣ лагеря на пастбищахъ, а чернь перепилась, и потому не могутъ покамѣстъ столковаться. Весь этотъ день прошелъ мирно, и они допускали нашихъ едва ли не вовнутрь своихъ укрѣпленій“.

Но паны не довѣряли козацкому миролюбію, и совѣтовали одинъ другому держать за пазухой камень (z nimi trzeba traktować kamień mając w zanadrzu). Это тѣмъ больше было необходимо, что козаки однообразно въ 2 часа пополуночи гремѣли своей музыкой и заглушали свои трубы и *шипоши* боевымъ крикомъ, а призывные котлы у нихъ были такіе огромные, что панамъ казалось, будто это бьютъ на майданѣ тревогу.

„Іюля 8, въ субботу“, (продолжаетъ Освѣцимъ) „козаки на предложенныя имъ королемъ условія отвѣтили въ слѣдующихъ приблизительно выраженіяхъ:

„Милостивый, свѣтлѣйшій король! умоляя о пощадѣ, мы уповали на милосердіе вашей королевской милости; помимъ предложены условія невозможныя. Выдать старшину мы не можемъ, и не выдадимъ: такъ рѣшила рада войска и черни. Артиллеріи выдать не можемъ. Шляхтичей выдать не можемъ, и не выдадимъ, такъ какъ, по Зборовскому договору, имъ обѣщано прощеніе вашей королевской мило-

---

*) Въ одномъ увѣдомленіи кого-то изъ-подъ Берестечка, 8 іюля, въ числѣ условій осаждающіе требовали, чтобы чернь присягнула работать своимъ панамъ одинъ день въ недѣлю (dzień panom swoim robić), и что козаки отложили отвѣтъ на предложеніе до утра по той причинѣ, что войско было пьяное (bo teraz wojsko pijane).

сти. Хмельницкаго, его сына и Выговскаго, измѣнившихъ и вашей королевской милости и намъ выдали бы мы охотно, но ихъ нѣтъ среди насъ. Однако, мы обѣщаемъ ихъ разыскивать не только въ нашемъ краѣ, но и въ Крыму, и выдать вашей королевской милости, какъ лицъ, сбившихъ насъ, точно овецъ, съ пути. Обѣщаемъ разорвать всякую связь съ Татарами. Просимъ, чтобы *козаки* и *чернь* оставались на такихъ правахъ, какія были условлены по Зборовскому договору. Паны пускай благополучно возвращаются въ свои маетности на Украину, но безъ военныхъ хоругвей: въ противномъ случаѣ, произойдетъ *великій голодъ*. Вообще просимъ вашу королевскую милость принять насъ подъ свое покровительство, какъ дѣтей и вѣрныхъ подданныхъ. Симъ окончивъ, подписываемъ: Войско вашей королевской милости Запорожское со всею чернью" *).

Далѣе слѣдовали подписи полковниковъ; но Джеджалла не подписался, потому что былъ согласенъ, какъ и Крыса, на всѣ условія помилованія. Не было это самопожертвованіе; не было это и безнадежность дальнѣйшей борьбы съ панами Ляхами: это былъ благоразумный выборъ меньшаго изъ золъ. Какъ ни ужасною казалась козаку сила европейской тактики противъ его азіятчины, но козацкій терроръ надъ старшиною былъ такое страшилище, отъ котораго самъ Козацкій Батько, послѣ Пилявецкаго успѣха, прятался подъ королевскою властью. Джеджалла былъ прямодушнѣе Хмеля, и откровенно высказалъ свое мнѣніе, что лучше идти подъ королевскій мечъ, нежели подъ козацкіе кіи, которые, въ случаѣ неудачи, грозили всякому запорожскому лыцарю, какъ оному славному Филоненку. Охлократія въ нашей козацкой республикѣ имѣла такія же безобразныя крайности, какъ олигархія—въ республикѣ панской.

„Разгнѣванный этимъ отвѣтомъ король" (продолжаетъ Освѣцимъ) „приказалъ немедленно палить въ таборъ изъ пушекъ со всѣхъ сторонъ. Нѣсколько большихъ орудій уже доставили изъ Бродъ, другія поспѣшно везли изъ Львова.

„Іюля 9, вновь прибыли козацкіе послы, возобновили просьбу о помилованіи и обѣщали выдать 16 старшинъ. Но король не хотѣлъ этимъ удовлетвориться, и строго пригрозилъ имъ. Они писали письма къ сенаторамъ, постоянно прося помилованія, но вовсе не соглашались на предложенныя условія и настаивали на сохраненіи Зборов-

---

*) Пользуясь этимъ случаемъ (писалъ нѣкто изъ-подъ Берестяка) „передалось къ намъ три козака, а множество другихъ думаетъ о томъ же".

каго договора. Ихъ отпустили ни съ чѣмъ. Краковскій кастелянъ разорвалъ присланное ему письмо не читая, и строго сказалъ имъ: „Пошли вонъ, хлопы! вы скоро узнаете, что̀ такое Зборовскій договоръ“.

„Между тѣмъ наши, лишь бы дѣлать хоть что-нибудь среди этихъ колебаній, стали устраивать плотины на рѣчкѣ, разсчитывая на то, что, если удастся запрудить воду, то большая половина козацкаго табора, расположенная надъ рѣчкой и у болотъ, будетъ потоплена, и что устроенныя ими переправы будутъ наводнены и уничтожены. Сдѣлано было это по совѣту козака Крысы, который остался добровольно у насъ, не смотря на то, что козаки требовали его выдачи, какъ посла. Онъ притомъ указалъ на нашу оплошность въ двухъ обязательствахъ: вопервыхъ въ томъ, что мы не отправили нѣсколько тысячъ людей въ погоню за Татарами, когда они бѣжали, объятые страхомъ, и когда ихъ легко можно было разгромить и уничтожить; вторыхъ въ томъ, что мы понынѣ дозволяли козакамъ имѣть свободное сообщеніе съ другимъ берегомъ. Пока это будетъ продолжаться, до тѣхъ поръ, по его словамъ, невозможно будетъ смирить ихъ, ибо они постоянно будутъ надѣяться на возможность отступленія. Впрочемъ совѣтамъ его послѣдовали слишкомъ поздно, и потому они не имѣли надлежащаго успѣха.

„Притомъ на военной радѣ было рѣшено, чтобы, въ случаѣ, если погода будетъ благопріятствовать, предпринять приступъ. Для участія въ немъ было предположено командировать пѣхоту, челядь и Мазовецкое ополченіе, которое въ этотъ день подошло. Остальные отряды посполитаковъ,—за исключеніемъ прусскихъ воеводствъ,—должны поддерживать приступъ въ качествѣ резерва. Рѣшеніе это было вызвано показаніями Волоховъ и козаковъ, перебѣжавшихъ къ намъ въ тотъ день. Они утверждали, что козаки рѣшились бѣжать, и уже въ нѣсколькихъ мѣстахъ съ большимъ стараніемъ подготовляютъ переправы. Все войско получило приказъ быть наготовѣ ночью.

„Въ тотъ же день вновь получено извѣстіе, будто ханъ и Хмельницкій остановились у Вишневца. Наши были этимъ сильно встревожены. Для того, чтобы собрать точныя извѣстія, отправили нѣсколько отрядовъ въ разныя стороны. Съ наступленіемъ ночи, полки полеваго гетмана, русскаго воеводы, брацлавскаго воеводы и короннаго хорунжаго должны были выступить противъ Орды. Въ случаѣ же, еслибы ея тамъ не оказалось, имъ было приказано—немедленно вернуться и занять позицію въ тылу козацкаго табора, за рѣчкою, куда наши давно уже собирались. Ночью вернулся изъ разъѣзда Суходольскій и объявилъ, что онъ былъ за нѣсколько миль по ту сторону Вишневца, но

нигдѣ нѣтъ и слуха о Татарахъ. Вслѣдствіе чего предположенная экскурсія была отложена. Приступъ же и вообще всѣ другія постановленія рады не состоялись отъ неурядицы и безпорядка. Только брацлавскій воевода отважился переправить на ту сторону въ тылъ непріятельскаго табора 2.000 человѣкъ" (тотъ, котораго заподозрили въ умышленной мѣшкотности и боязни).

Частное увѣдомленіе изъ-подъ Берестечка, отъ 8 іюля, говоритъ что еще въ среду вечеромъ панъ Балабанъ, съ отрядомъ въ 200 человѣкъ, отбивая у козаковъ пашу за рѣчкою, узналъ, что осажденные начали уходить изъ табора по нѣскольку сотъ человѣкъ, подъ предлогомъ паши и добыванія дровъ. Но его донесеніе не вызвало никакихъ предупредительныхъ мѣръ въ панскомъ лагерѣ.

Наконецъ, подъ вечеръ 8 іюля (по извѣстію очевидца) передался панамъ молодцоватый (hoży) козакъ, и объявилъ, что въ таборѣ готовятъ переправу черезъ болотистое озеро, грузя хворость, возы, наметы, кожухи, кобеняки, и хотятъ бѣжать; что возовъ оставляютъ для ретирады только по два на сотню, а съѣстное вьючатъ на лошадей. И это донесеніе пустили паны мимо ушей, несмотря на то, что голодъ у нихъ одолѣвалъ пѣхоту, что конница отбывала вмѣсто не стражу, и даже лошадьми (по выраженію писавшаго) колыхалъ вѣтеръ (i konie u nas wiatr powiewa).

Когда такимъ образомъ ни представители козацкой, ни представители панской республики не знали, на что рѣшиться и что дѣлать неожиданное стеченіе обстоятельствъ привело тѣхъ и другихъ въ новое движеніе.

Посланныя козакамъ условія помилованія произвели въ ихъ таборѣ полное разстройство и внутренній раздоръ. Козаки помнили такіе случаи, какъ порывы наливайцевъ къ бѣгству лободинцевъ, как бѣгство самого Кремпскаго отъ солоницкихъ недобитковъ,—такіе случаи, какъ стоянье реестровиковъ противъ Тарасова ополченія подъ Переяславомъ,—какъ предательское отступленіе козацкаго комонника подъ Кумейками и повторное бѣгство Остряницы къ московскому рубежу изъ-подъ Сулы. Даже и теперь перебѣгали отъ нихъ въ панскій лагерь ихъ руководители шляхтичи, а чигиринскій полковникъ Крыса, сдѣлался даже панскимъ совѣтникомъ на ихъ пагубу. Зная видя все это, козацкая чернь имѣла полное основаніе ожидать всего отъ людей, которые завлекали ее въ свой опасный промыселъ обманомъ, понуждали къ битвамъ посредствомъ Орды и загребали жаръ ихъ руками. Старшинѣ своей довѣряли козаки и чернь еще меньше нежели шляхта—своимъ панамъ. Неподписавшій общей петиціи Джє

жалла вчера еще былъ въ ихъ глазахъ намѣстникомъ Батька Богдана; сегодня онъ сдѣлался у нихъ зрадникомъ и недоляшкомъ. Самъ Батько Богданъ съ его сыномъ и Выговскимъ, эта троица козацкаго поклоненія, обвинены ими всенародно въ томъ, что сбили ихъ съ пути, какъ овецъ, и Запорожское Войско торжественно вызывалось искать ихъ даже въ Крыму для выдачи Ляхамъ... Чтобъ успокоить козаковъ и чернь, Джаджалла предлагалъ ей выдать королю старшину, въ томъ числѣ и самого его, искупить этимъ общіе грѣхи, и спасти отъ истребленія войско. Но чернь истолковывала такое самопожертвованіе коварствомъ. Она состояла изъ такихъ же единицъ, какъ и ея старшина: состояла изъ людей, готовыхъ на всевозможное предательство,—изъ питомцевъ одной и той же козатчины. Напрасно вызывался Джеджалла отдаться первымъ въ руки побѣдителей: этимъ онъ дѣлался, въ ея глазахъ, послѣдователемъ Крысы и перебѣжчиковъ-шляхтичей. „Геть зрадника! геть панського підлизу"! завопила чернецкая рада, и Джеджалла, съ тайною радостью, положилъ Богданову булаву передъ преславнымъ Запорожскимъ Войскомъ.

Еслибы козаки „стали въ ради, якъ малі діти", по выраженію кобзарской думы; еслибъ они ввѣрились Джеджаллѣ, какъ самому Хмельницкому,—200.000 бойцовъ за козацкія вольности были бы цѣлы, и, бѣжавъ ночью хотя бы даже безъ оружія, скоро явились бы съ кіями на плечахъ, передъ милостивыми панами, чтобъ отнять у нихъ свое оружіе, подобно тому, какъ помилованные подъ Пяткомъ, дѣды ихъ явились подъ Черкасами, или пощаженные въ Медвѣжьихъ Лозахъ, ихъ отцы собрались въ мятежныя купы подъ Переяславомъ, и т. д. Что касается козацкихъ вождей, то паны больше восхищались ихъ дикими доблестями, нежели злились на ихъ злодѣйства, какъ это мы видимъ и на современныхъ намъ польскихъ историкахъ. По своей природной, почти женской довѣрчивости, они были готовы повѣрить козацкимъ клятвамъ въ десятый разъ, и, безъ сомнѣнія, въ десятый разъ были бы обмануты.

Но, къ счастью человѣчества, козацкая орда губила сама себя, какъ татарская. Въ настоящемъ случаѣ, гибели ея способствовало греческое духовенство, такъ точно, какъ это дѣлало относительно шляхты духовенство латинское. Купленный окровавленнымъ золотомъ агентъ восточнаго патріарха, коринѳскій митрополитъ, противодѣйствовалъ всячески договорамъ съ „врагами Божіими, держащими кривую вѣру". Слуги его, попы и монахи, бѣгали по всему табору и пугали чернь такою поголовною рѣзнею, какую сочинилъ, или довѣрчиво записалъ волшебный авторъ Львовской Лѣтописи. Они убѣждали дождаться Хмель-

ницкаго и во всемъ поступать согласно его волѣ. Но ихъ присутствіе въ козацкомъ таборѣ, дотолѣ небывалое и потомъ неповторившееся, еще больше смущало умы суевѣрною примѣтою о поповскомъ окѣ. Въ смущеніи своемъ, козаки забывали о фортеляхъ, которыми былъ окруженъ ихъ таборъ, и обо всѣхъ своихъ преимуществахъ передъ панами. Хмельницкій нагромоздилъ подъ Берестечкомъ столько возовъ со всяческими запасами, что козаки цѣлый мѣсяцъ, даже два и три мѣсяца, могли бы съ своихъ окоповъ отпускать панамъ такія пушки въ качествѣ осажденныхъ, какими угощали ихъ подъ Збаражемъ въ качествѣ осаждающихъ. Будь они только умѣреннѣе въ своей подозрительности къ старшинѣ; будь старшина только меньше напугана расправой черни за боевыя неудачи; не прійди только Веннякъ съ подобными ему вольнодумцами къ убѣжденію, что и попы, и ксендзы въ сущности одно и то же,—Хмельницкій навѣрное поспѣшилъ бы къ осажденнымъ подъ Берестечкомъ не такъ медленно, какъ спѣшилъ Янъ Казимиръ къ Збаражу, и тогда бы свѣтъ увидѣлъ и въ Польшѣ, и въ Литвѣ рѣзню пожесточе кривоносовской въ Полонномъ. Но судьба лишила малорусскую исторіографію новыхъ восторговъ, и еще однажды дала Полякамъ (хотя, правду сказать, напрасно) время образумиться.

На мѣсто Джеджаллы, козацкая чернь провозгласила своимъ гетманомъ Богуна. Это былъ ученикъ той школы, которая воспитала незабвеннаго по своему дикому генію Дмитрія Гуню. Онъ унаслѣдовалъ и боевыя способности Гуни, и его искусство ретироваться.

Держа въ рукахъ Богданову булаву, и не подвергаясь, какъ Джеджалла, общему замѣчанію: „до булавы̀ трѐба головы̀", Богунъ повелѣлъ козакамъ и черни день и ночь сыпать три грѐбли черезъ болотистое озеро, съ тѣмъ чтобы ночью съ понедѣльника на вторникъ переправить весь таборъ на другую сторону рѣчки. Потому ли, что не было времени взгонять сваи и возить землю, или ради самой таинственности работы, на постройку гребель употребляли возы, оставляя только по два на сотню, грузили сѣдла, наметы, катря̀ги, упряжь и даже кожухи. Высоко стоялъ Богунъ во мнѣніи козаковъ и черни; но прецеденты у него были, видно все-таки не тѣ, что у Гуни, чудеснымъ, сверхъ-естественнымъ способомъ ускользнувшаго отъ козацкихъ побѣдителей, да и бѣгство Козацкаго Батька значило для оставленнаго войска не то, что̀ бѣгство съ береговъ Сулы ничѣмъ не прославившаго себя Остряницы. Притомъ же Богунъ, воспитанникъ Хмельницкаго, долженъ былъ скрывать отъ самихъ чуръ и громадскихъ мужей свои намѣренія. Не внушивъ такого довѣрія къ своему разуму

какъ Хмельницкій, Богунъ поставилъ свой кошъ и таборъ въ недоумѣніе. Мужики не понимали, что вокругъ нихъ дѣлается, бѣгали съ окоповъ да молили о пощадѣ, а козаки съ своей стороны были настроены тревожно. Вѣра въ непреодолимость ихъ крѣпости и въ стойкость вождей была поколеблена. Попы, женщины, дѣти ослабляли козацкій духъ самимъ присутствіемъ своимъ среди бойцовъ. Вспоминали, можетъ быть, козаки, что и Наливайщина изъ-за дѣтей да женщинъ пришла къ погибельному концу. Теперь была нарушена и другая относительно боеваго счастья традиція козатчины. Уже по двумъ этимъ причинамъ могла распространить въ таборѣ суевѣрная боязнь за перемѣну *фортуны*, тѣмъ болѣе, что козаки ждали рѣшительнаго приступа, не зная всего того безпорядка и неурядицы, которые раскрывались вполнѣ передъ панскимъ мемуаристомъ. Такимъ образомъ одна часть Козацкаго Народа, ведя переговоры съ Народомъ Шляхетскимъ, проволакивала умышленно время и таинственно готовилась къ отступленію, а другая вдавалась больше и больше въ малорусскую *тугу*. Упадокъ духа и того единомыслія, которое умѣлъ вселять между козаковъ, съ помощью Татаръ, Хмельницкій, увеличивался еще отъ увѣренности, что Татары не вернутся въ свои кочевья съ пустыми руками, и нахватаютъ ясыру въ Украинѣ.

Но ни въ панскомъ, ни въ козацкомъ стану вообще не знали, что дѣлается и что кому грозитъ. Когда молва гласила, что ханъ погналъ передъ собой Хмельницкаго со связанными подъ конемъ ногами, козаки перебѣгали въ панскій лагерь. Но когда здѣсь разнеслась вѣсть, что ханъ и Хмельницкій остановились въ Вишневцѣ и заходятъ королю въ тылъ, перебѣжчики бросались изъ панскаго лагеря среди бѣла дня подъ выстрѣлами, и заставляли пановъ перемѣнять свой лозунгъ.

Первымъ дѣломъ новоизбраннаго гетмана было импровизировать переправу; вторымъ — обезпечить ретираду отъ перешедшихъ черезъ рѣчку Пляшову жолнеровъ. Взявши съ собой козацкую старшину и конницу, то-есть надежнѣйшую боевую силу, Богунъ вышелъ, на разсвѣтѣ 10 (1) іюля, въ понедѣльникъ съ двумя пушками изъ табора, чтобъ, уничтоживъ отрядъ Лянцкоронскаго, общимъ совѣтомъ рѣшить на мѣстѣ, какъ дѣйствовать во время отступленія. Озабоченной важнымъ дѣломъ старшинѣ не пришла въ голову мысль, что ея таинственная вылазка можетъ напомнить кой-кому два предательскіе эпизода войны 1637 и 1638 годовъ; а между тѣмъ въ оставленномъ его таборѣ нашелся человѣкъ, можетъ быть, видѣвшій и самого Хмеля, бѣгущаго изъ-подъ Кумеекъ въ составѣ комонника, и Острянина,

покинувшаго пѣхоту подъ саблею Князя Яремы на Сулѣ. Поставивъ конницу въ арріергардѣ, Богунъ, съ надежнымъ отрядомъ старшины, двинулся впередъ, чтобъ осмотрѣть позицію Лянцкоронскаго. Въ таборѣ между тѣмъ шли своимъ чередомъ приготовленія къ ночной переправѣ, которая, въ случаѣ успѣха, затмила бы славу и самого Гуни. Вдругъ кто-то закричалъ: „Зрада! старшинà втікàе"!

Еслибъ это пагубное подозрѣніе было справедливо, то старшина, во-первыхъ, бѣжала бы не среди бѣла дня, а подъ покровомъ *козацкой матери*—ночи, или по крайней мѣрѣ при свѣтѣ *козацкаго солнца*—мѣсяца, а во-вторыхъ, уходить ей было бы гораздо безопаснѣе со всѣмъ комонникомъ. Но пускай Поляки остаются при своей мысли, что подозрѣніе было справедливымъ. Дѣло въ томъ, что оно произвело въ остальномъ войскѣ панику хуже пилявецкой. Ближайшіе къ заднимъ переправамъ и возовымъ *брóнамъ* козаки выбѣжали смотрѣть, гдѣ старшина и конница. Они увидѣли, что все обстоитъ, какъ слѣдуетъ, но уже не могли вернуться въ таборъ. На нихъ, точно хлынувшая сквозь громадную запруду рѣка, валила безумная масса бѣглецовъ.

Таборныя сторожи были опрокинуты; цѣпи, соединявшія возы, разорваны; возовыя броны сокрушены. Съ неудержимой силой ринулось все живое на греблю и *чаткѝ*, душà и потопляя одинъ другаго въ бѣгствѣ.

Подвигавшаяся въ арріергардѣ за Богуномъ конница, видя громадное толпище и слыша крикъ 200.000 голосовъ, естественно бросилась въ разсыпную, какъ это дѣлали въ опасныхъ случаяхъ Татары.

Крикъ былъ такъ ужасенъ, движеніе было такъ непостижимо, что Лянцкоронскій вообразилъ обратное наступленіе Орды, и полетѣлъ къ своей переправѣ.

Богунъ, съ козацкой старшиной, поскакалъ навстрѣчу валящей къ нему массы. Но въ то время не было уже для козаковъ и черни ни гетмана, ни полковниковъ: козацкая армія, созданная чародѣйскимъ словомъ *на Ляхòвъ*! расточилась отъ чародѣйскаго слова *зрада!* Обезумѣвшая въ ужасѣ панской кары толпа импровизировала себѣ новыя гребли изъ собственныхъ тѣлъ, растоптанныхъ бѣгущими. Все тонуло, задыхалось и гибло хаотически.

Къ сожалѣнію, панскій Самовидецъ не присутствовалъ при козацкой катастрофѣ. Онъ вернулся подъ Берестечко только тогда, когда трагедія была сыграна, и окровавленная сцена опустѣла. Все-таки ему принадлежитъ первое мѣсто между современными историками

борьбы разноплеменныхъ и разновѣрныхъ армій въ пользу русскаго возсоединенія, и мы за нимъ послѣдуемъ, какъ за сравнительно достовѣрнымъ повѣствователемъ.

„Бѣглецы“ (пишетъ онъ) „бросили таборъ со всѣмъ бывшимъ въ немъ добромъ, и оставили множество скота, лошадей, провіанта, пушекъ, пороху и знаменъ. Когда извѣстіе объ этомъ бѣгствѣ распространилось въ нашемъ войскѣ, наши немедленно бросились въ таборъ и стали пользоваться добычей. Кто не полѣнился, тотъ могъ пріобрѣсти значительную долю имущества. Въ то время другія хоругви бросились въ погоню за бѣгущими, но прежде должны были пройти трудныя переправы, весьма узкія и вязкія, такъ что лошади могли по нимъ идти лишь гуськомъ. Между тѣмъ козацкая конница, числомъ до 20.000, успѣла сформироваться и направиться вскачь далѣе. Брацлавскій воевода, который перешелъ было на ту сторону съ отрядомъ въ 2.000 человѣкъ, для того чтобы препятствовать козакамъ пользоваться пастбищами, — жаль, что это было предпринято слишкомъ поздно и съ незначительнымъ количествомъ войска, а то всѣ козаки остались бы въ западнѣ,—увидѣвъ такое множество враговъ, и полагая, что это нападеніе сдѣлано противъ него, отступилъ къ Козину, чтобъ обезпечить себѣ переправу. Между тѣмъ огромное количество нашихъ выступило изъ лагеря, и отправилось въ погоню за бѣгущими, убивая всѣхъ запоздавшихъ и отставшихъ на пути. Едва ли нашелся бы кто-либо, *кому бы не довелось убить козака* *). Наконецъ брацлавскій воевода понялъ, что козаки обращены въ бѣгство, и, оправясь отъ испуга, старался вознаградить потерянное время. Немедленно пустился онъ въ погоню и производилъ се съ такимъ жаромъ, что вернулся послѣднимъ... Въ это время король дѣлалъ смотръ ополченію Плоцкаго воеводства, и велѣлъ ему преслѣдовать непріятеля... Посполитаки били козаковъ до пресыщенія въ лѣсу, въ кустарникахъ и болотахъ. Весь день, пока не стемнѣло, наши, подвигаясь облавою, производили кровавую бойню, вытаскивая козаковъ изъ кустовъ и

---

*) Это пишетъ одинъ изъ самыхъ незлобныхъ пановъ, извѣстный поэтическимъ чувствомъ любви. Долговременное истребленіе пановъ козаками, а козаковъ панами по милости польской неурядицы—породило взаимную ненависть, которая донынѣ отражается въ польской и русской литературахъ въ ущербъ достоинству обѣихъ, а часто высказывается и въ самой жизни. Въ одномъ случаѣ мужики били земляка пана. Прохожій мужикъ остановился и сталъ их просить: „Дàйте бо й менi хочъ разъ удàрити: я зъ рòду не бивъ пàна“. Въ этомъ мужикѣ отозвалось Освѣцимово чувство.

болотъ, разстрѣливая и рубя головы, хотя и они наносили вредъ нашимъ, въ случаѣ неосмотрительности. Цѣлый день продолжалось убійство и кровопролитіе“.

Роли на широкой сценѣ человѣкоистребленія перемѣнились. Прежде война представляла зрѣлища, воспѣтыя кобзарями Хмельницкаго:

Тодì козàкъ и лìсомъ конèмъ біжѝшь,
Колѝ жъ дìвицця, ажъ кущъ дріжѝшь;
Колѝ гляне, ажъ у кущì Ляхъ якъ жлỳкто, лежѝшь.
То козàкъ козàцький звѝчай знàе,
Исъ конѝ ссідàе
И кèлепомъ Ляхà по рѐбрахъ торкàе...

Теперь кусты дрожали отъ прятавшихся козаковъ, а жолнеры сдѣлались храбрецами всѣ, отъ перваго и до послѣдняго. Теперь и тѣ, которые побросали знамена въ зборовскихъ конопляникахъ, смотрѣли такими героями, какъ совращенный въ латинство литворусскій князь, Корибутъ Вишневецкій.

Но даже и въ послѣдней бѣдѣ, какая можетъ озадачить воина, когда творецъ отважнаго и безпримѣрно удачнаго бунта покинулъ свое войско, а войско покинуло свою неодолимую крѣпость,—даже и въ этомъ безнадежномъ положеніи, многихъ бѣглецовъ, унесенныхъ силою паники, можно было назвать образцовыми воинами. Нѣсколько примѣровъ геройской рѣшимости, не имѣющей ничего подобнаго въ бѣгствѣ пановъ *пилявчиковъ,* сохранила для насъ польская исторіографія.

800 козаковъ, засѣкшись въ лѣску, защищались такъ, какъ Вишневецкій въ Збаражской западнѣ. Съ одной стороны билъ ихъ свой же братъ, Русинъ, князь Богуславъ Радивилъ, съ другой—такой же Русинъ, Стефанъ Чернецкій. Они отвергли всѣ условія предлагаемой ими пощады, и всѣ легли на мѣстѣ до послѣдняго, давъ урокъ своимъ отступникамъ, какъ надобно стоять за свободу съ болѣе высокими цѣлями, нежели свобода козацкая.

Другой отрядъ козаковъ, состоявшій изъ двухъ или трехъ сотенъ, укрѣпился на островѣ и рѣшился выпить горькую чашу смерти до дна съ такимъ спокойствіемъ, съ какимъ были распиты и разлиты добрыя горілки, меды и вина подъ Пилявцами. Долго защищались козаки безъ всякой надежды на спасеніе, превосходя въ этомъ случаѣ героя Збаражскаго, котораго надежда на выручку не покидала до конца. Дивясь ихъ мужеству, Николай Потоцкій предлагалъ имъ по-

милованіе. Не захотѣли они принять помилованіе отъ Ляха, отъ *перевертня*. Въ знакъ презрѣнія къ *пекельникамъ* и ихъ дару, высыпали козаки изъ чересовъ деньги въ воду, а сами такъ сильно поражали нападающихъ, что только пѣхота, наступивъ на нихъ колонною, разорвала ихъ и загнала въ болото. Не поддались и тамъ завзятые. Стоя по поясъ въ водѣ, оборонялись они до тѣхъ поръ, пока не перестрѣляли ихъ поодиночкѣ. Одинъ изъ этой горсти героевъ-разбойниковъ добрался какъ-то до челнока, и нѣсколько часовъ игралъ съ неминуемою смертью, отвергая помилованіе. Стрѣляли по немъ съ обоихъ береговъ рѣки. „Не знаю" (пишетъ, пересказывая объ этомъ Освѣцимъ), „стрѣлки ли въ него не попадали, или, можетъ быть, его не брали пули". Наконецъ, одинъ Мазуръ, раздѣвшись до нага, вошелъ по шею въ воду, и нанесъ ему ударъ косою, а жолдакъ пробилъ копьемъ. „Король" (говоритъ очевидецъ) „долго смотрѣлъ съ большимъ вниманіемъ и *радостью* на эту трагедію. Многихъ, точно утокъ, ловили по болотамъ, вытаскивали и убивали; никого не щадили, даже женщинъ и дѣтей, но всѣхъ истребляли мечемъ".

То была въ самомъ дѣлѣ сцена изъ послѣдняго акта *трагедіи*, которой „начало" видѣлъ столь же достойный зритель—нашъ „святопамятный".

Добыча, полученная въ козацкомъ таборѣ, была значительная, хотя, безо всякаго сравненія, не такая, какая досталась козакамъ подъ Пилявцами, „потому" (замѣчаетъ Освѣцимъ), „что козаки на серебрѣ не ѣдали и цугами въ каретахъ не ѣзжали". Взяли побѣдители безъ побѣды весь скарбъ Хмельницкаго, а было въ немъ, по показанію Крысы, двѣ бочки талеровъ для уплаты Ордѣ. Жолнеры такъ поживились при этомъ, что одному товарищу досталось 1.500 дукатовъ. Взяли также паны 60 пушекъ, изъ которыхъ 18 оказались прекрасной работы, съ лафетами, 7 бочекъ пороху, кромѣ того, что̀ было расхватано жолнерами, безчисленное множество огнестрѣльнаго и холоднаго оружія и до 20 знаменъ,—въ томъ числѣ знамя, которое послалъ король Хмельницкому чрезъ коммиссаровъ. Оно было краснаго цвѣта, съ изображеніемъ бѣлаго орла и двухъ *русскихъ* крестовъ. Другое знамя, въ томъ же числѣ голубое, было то, которое далъ козакамъ Владиславъ IV въ 1646 году, зазывая въ Турецкую войну. На немъ былъ изображенъ орелъ, пополамъ бѣлый и красный.

Въ плѣнъ взяли турецкаго посла, втоптаннаго въ болото, и посла отъ константинопольскаго патріарха, присланнаго къ Хмельницкому съ благословеніемъ на войну и съ освященною на Господнемъ Гробѣ саблею. Изъ коринѳскаго митрополита, Іоасафа, Поляки сдѣ-

лали александрійскаго патріарха, Евдоксія, даже константинопольскаго патріарха, „или, вѣрнѣе, обманщика (albo raczej impostora)“... О немъ разсказываютъ и въ наше время польскіе историки, что онъ разсчитывалъ на свою величественную бороду и на важность своего сана, какъ на оборону отъ смерти. Онъ де вышелъ въ золотомъ облаченіи, въ огромной митрѣ изъ краснаго бархата, покрытой кругомъ кусками золота въ видѣ крестовъ, сопровождаемый священствомъ, крестами, свѣчами, церковными хоругвями; но ему тѣмъ не менѣе отсѣкли голову. Это бумагочернильное утѣшеніе подобаетъ намъ предоставить нашимъ иновѣрнымъ завистникамъ, хотя бы въ дѣйствительности смерть постигла Іоасаѳа безъ всякаго народа. Козаки наши, будучи на ихъ мѣстѣ, говорили бы то же самое z uciechą о смерти бискупа и арцыбискупа въ панической давкѣ, а тѣмъ еще паче, когда бы злостная фантазія вмѣшала въ эту давку римскаго папу, котораго наши православники, подзадоренные протестантами, давно уже заклеймили не только именемъ обманщика, но и антихриста, предоставляя потомству судить, кто насколько дѣйствовалъ обманомъ и поступалъ противно ученію Христа. Польская исторіографія включила и митрополита Сильвестра Косова въ число бѣглецовъ, ускользнувшихъ изъ козацкаго табора. Но Хмѣль не могъ держать Коса въ своемъ походѣ подъ надзоромъ козацкой полиціи; а что Косъ не вѣровалъ въ его *фортуну*, или гнушался его подвигами, видно изъ его письма къ Радзѣёвскому. „Лишь только долетѣло до меня перо вашей милости“ (писалъ онъ), „въ тотъ же моментъ (in eodem puncto) послалъ я къ его милости пану гетману запорожскому свои отсовѣтованія отъ войны во внутренности отечества (dissuasorias od wojny in visceribus patriae) Отвѣтъ получилъ я вотъ какой“ (и прописалъ его цѣликомъ).

Весь церковный аппаратъ, вмѣстѣ съ тремя колоколами, печатью Запорожскаго Войска и серебрянымъ портфелемъ Хмельницкаго, уцѣлѣлъ отъ расхищенія, какъ трофей панской побѣды. Въ портфелѣ Хмельницкаго хранились: султанскій дипломъ на русское княжество, договоръ съ Ракочіемъ, войсковой реестръ, счетъ приходамъ и расходамъ. Еслибы въ бумагахъ бѣглаго гетмана были найдены слѣды казни гетманши, пани Чаплинской, то объ этомъ разгласилъ бы самъ король z wielką uciechą. Но вмѣсто утѣшительныхъ для пановъ и ихъ коронованнаго совмѣстника находокъ, оказалась находка весьма печальная и постыдная: въ козацкой канцеляріи были открыты сеймовые *діаріуши* и спеціальныя реляціи всего, что ни дѣлалось наисекретнѣйшаго на сеймахъ, на сенаторскихъ радахъ и даже въ ко-

ролевскихъ покояхъ. „Доблестные Поляки" Оссолинскаго продавали разбойнику свое „свободное королевство, охраняемое" (по словамъ знаменитаго канцлера) „стѣною любви къ отечеству и взаимнаго довѣрія". Хмельницкій (возьму здѣсь мѣткое слово козацкаго Самовидца) „смазывалъ имъ шкуру ихъ же собственнымъ саломъ": грабя у нихъ золото, платилъ имъ этимъ золотомъ за предательство милой ойчизны.

Подобно тому, какъ наши козакоманы издавна твердили своей публикѣ о мурованныхъ столбахъ, о мѣдныхъ быкахъ, о звѣрскомъ терзаніи, среди собравшихся въ Варшавѣ сановниковъ, нашихъ героевъ чести и вѣры вмѣстѣ съ ихъ женами и дѣтьми, о поголовномъ истребленіи Руси за то, что она—Русь, и всю эту ложь завѣщали для обработки нынѣшнимъ ученымъ историкамъ, да геніальнымъ беллетристамъ,—подобно этому и въ панскихъ ополченіяхъ разжигатели международной вражды находили множество вѣрующихъ въ то, что козацкій таборъ (хотя это гораздо правдоподобнѣе) былъ полонъ полунедомученныхъ плѣнниковъ, ободранныхъ живьемъ, жаренныхъ на рожнахъ и пр. и пр. Но если въ козацкомъ таборѣ и не было такихъ мучениковъ, то по одному воспоминанію о томъ, что̀ дѣлали козаки надъ панскими женщинами, старцами, дѣтьми и сосущими младенцами, подогрѣтые своими проповѣдниками жолнеры имѣли теперь случай доказать, что въ безчеловѣчіи не уступали они своимъ противникамъ, козакамъ. Здѣсь было много сѣдовласыхъ старцевъ и почтенныхъ матронъ, убѣжденныхъ въ святости козацкихъ дѣяній не менѣе звягельской кушнѣрки,—много красавицъ дѣвицъ и нѣжнаго возраста дѣтей. Во имя церкви и вѣры, сатана могъ быть угощенъ въ козацкомъ таборѣ такимъ пиромъ, какимъ чествовалъ его въ Полонномъ славный Перебійнос.

Я съ удовольствіемъ отмѣчаю, что благородный, насколько это было возможно подъ іезуитскимъ режимомъ, Освѣцимъ не говоритъ о найденныхъ въ козацкомъ таборѣ мученикахъ-Ляхахъ. Молчитъ онъ и о томъ, чтобы жолнеры были такъ жартовливы въ свирѣпствѣ, какъ наши козаки. Убивали безъ пощады все живое—и только. По свидѣтельству же одного изъ очевидцевъ, козацкіе плѣнники, какъ напримѣръ походный намѣстникъ литовскаго подканцлера, Вилямовскій, вышли изъ табора живыми и здоровыми. Ободранные живьемъ и жаренные на рожнахъ Ляхи нужны были только ксендзамъ, братьямъ по ремеслу такихъ ревнителей вѣры и церкви, какимъ былъ авторъ Львовской Лѣтописи.

Какъ быстро охватила козацкій таборъ тревога, видно изъ того, что въ немъ жолнеры нашли пылающіе огни, кобеняки, шапки, го-

рохъ въ горшкахъ, говядину въ котлахъ и недоѣденное жаркое. Малорусская поговорка: „покидай печене й варене“ могла явиться послѣ такого случая. Съ хохотомъ разсказывала торжествующая шляхта, что козаки, сидя за своимъ *снiданьемъ* полуодѣтые, бѣжали съ ложками во рту. До самой ночи Поляки и полякоруссы рѣзали бѣглецовъ. Легло ихъ подъ Берестечкомъ, по свидѣтельству панской Немезиды, болѣе 20.000. Но неожиданное торжество надъ непріятелемъ отъ веселаго смѣха и радостнаго созерцанія бойни перешло наконецъ въ горестное сознаніе напраснаго человѣкоистребленія. Никому въ панскомъ войскѣ не пришло въ голову воспѣть Te Deum, какъ послѣ бѣгства Татаръ и Хмельницкаго. Сохранилось даже преданіе, что усиленный отрядъ королевской гвардіи, проѣзжая по молчаливому побоищу при свѣтѣ мѣсяца, плакалъ.

Если въ самомъ дѣлѣ такъ было, то въ этомъ глубокочеловѣчномъ плачѣ надобно видѣть предчувствіе градущихъ золъ, которыя были посѣяны и козаками, и панами въ моменты безразсуднаго торжества однихъ надъ другими.

Въ тишинѣ ночи, подъ кроткимъ сіяніемъ полнаго мѣсяца, сцена избіенія безоружныхъ людей воскресала въ полномъ ужасѣ. Сколько можно было завидѣть окомъ, валялись человѣческія тѣла, и потоки еще не застывшей крови изливались дорѣчьемъ въ Пляшовую. Въ этой крови, точно въ сатанинскомъ подражаніи водамъ Іордана, крестилась теперь наша Русь, еще не докрещенная папистами. Послѣ того, что произошло между представителями двухъ республикъ подъ Берестечкомъ, солидарность вѣры панской съ вѣрой козацкою во имя Христа—исчезла, и даже толки Кисѣлей объ этой солидарности умолкли. Побѣда подъ Берестечкомъ была побѣдой не только пановъ надъ козаками, но и Кадлубковъ, Длугошей, Пизоновъ, Скаргъ и прозелитовъ панства, Потѣевъ, Терлецкихъ, Кусевичей, Рутскихъ надъ „преподобными мужами Россами“, которыхъ воззванія и увѣщанія, обращенныя къ польскорусскимъ панамъ, оказались напрасными. Подобно тому какъ мнимый протекторъ православія, Острожскій, соединивъ судьбы своего дома съ судьбами католиковъ и протестантовъ, былъ православнымъ княземъ только снаружи,—всѣ подобные ему православники, и попавшіе въ сѣти Лойолы, Лютера и Кальвина, давно уже только назывались послѣдователями греческой вѣры, въ духѣ же своемъ были завоеваны римскою церковью, и Берестечко довершило завоеваніе.

Кровавымъ днемъ 10 іюля закончилась для пановъ знаменитая кампанія, но не Козацкая война. По мнѣнію Освѣцима, причиной тому была медлительность представителей Польши. „Вмѣсто того“ (ан

шетъ онъ), чтобъ ударить на встревоженнаго непріятеля съ рѣшимостью послѣ первоначальной побѣды, мы стали дѣйствовать медленно, будто на досугѣ; дозволили ему опомниться, собраться съ силами и спастись бѣгствомъ. Указывали много причинъ этой медлительности: частыя перемѣны въ рѣшеніяхъ военной рады, безпорядокъ и отсутствіе дисциплины, слишкомъ недостаточное количество пѣхоты, необходимой для приступа: ибо невозможно было дѣйствовать конницею по причинѣ валовъ, окружавшихъ таборъ, широкихъ и многочисленныхъ рвовъ, защищавшихъ его внутри... Много новліяло на вялое веденіе дѣла и вѣсть о томъ, будто ханъ и Хмельницкій остановились у Вишневца: она произвела было въ нашемъ войскѣ совершенный упадокъ духа, хотя, по моему мнѣнію, въ виду этой вѣсти, слѣдовало тѣмъ съ большею энергіей идти на приступъ, чтобы предупредить приходъ новыхъ силъ къ непріятелю. Тѣ лица, которыя, повидимому, знали тайныя побужденія и намѣренія короля, утверждали, что какой-то астрологъ увѣрилъ его, будто бы числа 5, 6, 11 и 12 іюля для него несчастны, но что конецъ мѣсяца будетъ для него неимовѣрно счастливѣе... Король рѣшился обождать, пока не минуютъ означенные дни. Между тѣмъ среди праздности, продолжавшейся 10 дней, силы наши ослабѣвали, войско стало терпѣть нужду, многіе солдаты въ иностранныхъ и польскихъ регментахъ умирали отъ недостатка пищи, мужество и пылъ улеглись, и среди насъ воцарился такой безпорядокъ, и чувствовался такой недостатокъ во всемъ, что хотя, повидимому, мы осаждали непріятеля, но скорѣе сами чувствовали себя въ осадѣ, подобно тому, какъ сказано въ старой, но остроумной поговоркѣ: „я поймалъ Татарина, но онъ меня не пускаетъ". Непріятель же нашъ набирался храбрости, усиливался, возвелъ укрѣпленія и мужественно въ нихъ держался. Козаки безпокоили нашихъ постоянными вылазками днемъ и ночью, и не оставляли безъ вниманія ничего того, что могло послужить имъ въ защиту. Наконецъ, когда они побѣжали изъ табора, то успѣли спастись и ускользнуть изъ нашихъ рукъ, такъ какъ мы не позаботились заградить имъ путь за рѣчкою.

„То, что происходило въ нашемъ лагерѣ послѣ этого бѣгства и погрома козаковъ, досадно и стыдно передавать потомству: ибо опасно, чтобъ оно не вздумало подражать въ подобномъ случаѣ позорному примѣру предковъ *). Не говоря уже о многочисленныхъ упущеніяхъ, допущенныхъ послѣ битвы, происходившей въ пятницу 30 іюня,

*) Одинъ изъ участниковъ Берестечской войны писалъ къ пріятелю кратко и ясно: „Теперь совѣщаются, что дѣлать? но попросту—у насъ неурядица".

какъ-то: что мы не преслѣдовали разбитыхъ Татаръ; что сейчасъ же не окружили растерявшихся и встревоженныхъ козаковъ; что въ теченіе десяти дней оставались праздными, и что, наконецъ, оставили свободный проходъ для бѣгущихъ козаковъ,—теперь, послѣ побѣды, какъ тогда казалось, окончательной, было сдѣлано еще больше ошибокъ и упущеній, будто нарочно, къ величайшему стыду нашего народа...

„Король" (продолжаетъ Освѣцимъ), „слѣдуя совѣту опытныхъ вождей, рѣшился тотчасъ двинуться за разсѣявшимися козаками, чтобы подавить окончательно непріятеля и добиться наконецъ прочнаго мира въ пользу нашей вѣры и отечества. Онъ хотѣлъ увлечь въ дальнѣйшій походъ не только регулярное войско, сильно ослабѣвшее и утомленное, но и посполитое рушеніе. Но лишь только объявилъ это чрезъ посредство сенаторовъ, какъ вся шляхта, составлявшая поголовное ополченіе, подняла вопль. Основываясь на законѣ, что посполитое рушеніе обязано защищать отечество только въ продолженіе двухъ недѣль, шляхта даже сенаторамъ угрожала саблями, и отправила къ королю рѣшеніе, что дальше идти не намѣрена... Король и сенаторы умоляли шляхту, чтобъ она оставалась въ походѣ хоть еще двѣ недѣли, или, по крайней мѣрѣ, прошла къ Старому Константинову для устрашенія непріятеля".

И князь Вишневецкій, и полевой коронный гетманъ, Калиновскій, теперь болѣе популярный, чѣмъ дряхлый подагрикъ Потоцкій, поддерживали короля въ его увѣщаніяхъ. Ихъ выслушали, какъ и самого короля, молча, а потомъ обвиняли его въ беззаботности, даже въ продажности и измѣнѣ. Подозрѣвали, что онъ добровольно и умышленно выпустилъ козаковъ изъ табора, что онъ взялъ съ козаковъ 800.000 злотыхъ окупа, и разсказывали множество другихъ выдумокъ, „которыя" (пишетъ Освѣцимъ) „даже и вспоминать позорно для нашего народа".

„Шляхту" (говоритъ очевидецъ) „тянуло къ женамъ, хозяйству и къ пуховикамъ. Для прикрытія своей лѣни, выбирала она изъ-подъ земли аргументы"... Сенаторы, съ своей стороны, не слишкомъ усердно ее увѣщевали, потому что угощеніе „младшей братіи", поддерживавшей старшую на выборахъ и сеймикахъ, а также содержаніе многочисленнаго двора для оказалости, стоили имъ дорого.

Наконецъ шляхта предложила королю уплатить за себя деньги въ видѣ военной субсидіи, или снарядить милицію соразмѣрно съ зажиточностью каждаго изъ нихъ. Пришлось принять и эту помощь, при невозможности добиться чего-нибудь болѣе существеннаго. Но то был

только слова. Дѣло кончилось тѣмъ, что собранныя далеко неполнѣ деньги пришлось выдать въ счетъ жалованья болѣе нуждавшимся хоругвямъ регулярнаго войска.

Пока шли переговоры, многіе шляхтичи, то въ одиночку, то цѣлыми толпами, уходили изъ лагеря, и даже цѣлые повѣты бѣжали за Стыръ... „Несчастная наша Рѣчь Посполитая" (пишетъ Освѣцимъ): „безчинства многихъ цѣнятся въ ней больше, нежели благоразуміе немногихъ избранныхъ... Мы до того выродились, что не захотѣли пожертвовать двѣ недѣли времени для сохраненія того, что̀ предки нѣкогда пріобрѣли, щедро жертвуя кровью.

„Король" (продолжаетъ онъ) „не захотѣлъ прощаться съ дворянскими ополченіями. За ихъ позорное поведеніе имъ слѣдовало бы, по примѣру Болеслава Храбраго, послать прялки и заячьи мѣха, особенно тѣмъ, которые не были въ битвѣ и съ умысломъ опоздали приходомъ, чтобы битва произошла безъ нихъ. А между тѣмъ эти-то ополченія больше всего настаивали на томъ, чтобы вернуться скорѣе домой, и скорѣе другихъ бѣжали за Стыръ, бросая возы съ провизіей и заботясь лишь о томъ, чтобы, не обнаживъ сабли, обезпечить себѣ путь къ постыдному отступленію. Знатные вельможи, особенно изъ Великой Польши, владѣющіе богатыми мастностями и бенефиціями, притомъ придворные чиновники, какъ надворный маршалъ и коронный подканцлеръ, не согласились сопровождать короля даже на разстояніи одной мили".

Одною изъ загадокъ тогдашнихъ панскихъ и козацкихъ дѣяній остался фактъ, что ханъ предвидѣлъ сопротивленіе шляхты. 30 римскаго іюня написалъ онъ къ королю письмо, полученное 10 іюля. Ханъ извѣщалъ короля, что отступилъ исключительно потому, что, среди окруженной болотами мѣстности, у Берестечка, не имѣлъ достаточно простора, и что будетъ ждать его тамъ, гдѣ нѣтъ болотъ и лѣсовъ, а въ заключеніе прибавилъ: „Хотя Богъ даровалъ тебѣ побѣду, но мы знаемъ, что ты не пойдешь въ Украину, а только твои паната пойдутъ за нами". Такъ хорошо была извѣстна хану шляхта, эти домашніе козаки польскіе, эти кровные родственники Хмельницкихъ и Выговскихъ, даже въ своемъ разновѣріи.

Тому назадъ недѣли двѣ, Янъ Казимиръ, точно въ чудесномъ снѣ, очутился на высотѣ великаго, могущественнѣйшаго и непобѣдимѣйшаго монарха. Ханъ передъ нимъ бѣжитъ. Хмельницкій передъ нимъ бѣжитъ. Сперва 100.000 Татаръ, а наконецъ и 200.000 козаковъ разбѣгаются передъ нимъ въ ужасѣ, бросая все для нихъ дорогое и святое. Но повелѣнія великаго монарха не исполняются; Шляхетскій

Народъ непобѣдимому побѣдителю не повинуется, и даже придворные сановники поворачиваютъ отъ него восвояси. Не могъ, однакожъ, Янъ Казимиръ спуститься въ одинъ день съ высоты своего величія. По словамъ Освѣцима, онъ „предначерталъ себѣ путь въ Украину, съ намѣреніемъ преслѣдовать непріятеля до самыхъ его кочевій, и тамъ его истребить“. Онъ выступилъ 14 іюля въ походъ, по словамъ, очевидца, иронизующаго его Освѣцима, „съ непоколебимою твердостью“, въ сопровожденіи только наемнаго войска, польскаго и иностраннаго, и остановился на ночлегъ въ полумилѣ отъ Козина, въ имѣніи пана Фирлея. „Здѣсь онъ увидѣлъ“ (пишетъ Освѣцимъ), „что количество его войска уменьшилось въ поражающихъ размѣрахъ“: ибо вмѣстѣ съ посполитымъ рушеніемъ ушли все добровольцы, панскія хоругви, придворныя хоругви воеводъ и другихъ сенаторовъ и при нихъ множество товарищей, челяди и пѣхоты, даже изъ наемнаго войска, подъ тѣмъ предлогомъ, что они намѣрены поступить въ ряды предполагавшихся новыхъ милицій“ (и полководецъ узналъ обо всемъ этомъ только въ походѣ). „Притомъ“ (продолжаетъ Освѣцимъ) „и оставшіяся наемныя хоругви представляли печальное зрѣлище: онѣ имѣли видъ нищенскій. Пѣхота, блиставшая прежде серебряными украшеніями мундировъ, теперь была оборвана; регименты весьма малочисленны, и Нѣмцы безнаказанно бѣжали изъ нихъ, какъ будто война была уже совершенно кончена“.

Тѣмъ не менѣе великій монархъ, упорный тамъ, гдѣ упорство похоже на дѣтскій капризъ, „продолжалъ предначертанный путь съ намѣреніемъ преслѣдовать врага до самыхъ его кочевій, и тамъ его истребить“. Эти слова панскаго Самовидца, вѣроятно, принадлежатъ самому королю. „Но, сообразивъ“ (продолжаетъ Освѣцимъ съ ироническою серьезностью), „что, при такой малочисленности своего войска, если онъ отправится лично въ непріятельскую область, то подвергнетъ великой опасности и себя, и всю Рѣчь Посполитую, созвалъ раду для обсужденія, не будетъ ли полезнѣе отправить гетмановъ съ войскомъ въ Украину, самому же вернуться для того, чтобы руководить доставкою новыхъ средствъ для продолженія кампаніи. Тщательно взвѣшены были всѣ побужденія, клонившіяся въ ту и другую сторону; наконецъ, въ воскресенье, ставъ лагеремъ у Орли, въ полуторѣ миляхъ отъ Кременца и въ милѣ отъ передоваго отряда,—съ которымъ шелъ Калиновскій, — король объявилъ, что возвратится со своимъ дворомъ. Многіе офицеры протестовали весьма грубо противъ этого рѣшенія, особенно же князь Вишневецкій, требовавшій, чтобы король непремѣнно отправился въ дальнѣйшій походъ съ войскомъ. Изъ и

дворныхъ сановниковъ къ этому же мнѣнію склонялся канцлеръ. Но король заставилъ ихъ замолчать, напомнивъ Вишневецкому, что самъ онъ не захотѣлъ отправиться въ тылъ козацкаго табора иначе, какъ въ сопровожденіи 15.000 войска, теперь же требуетъ, чтобы король съ половиной этого количества отправился въ далекій походъ*).

„Іюля 17" (продолжаетъ Освѣцимъ) „король, передъ выѣздомъ, пожелалъ произвести генеральный смотръ войску, и съ этой цѣлью отправился въ Кременецъ. Но такъ какъ случились въ это время проливные дожди, то онъ отмѣнилъ смотръ, и во вторникъ уѣхалъ въ одномъ только экипажѣ, даже не попрощавшись съ тѣми полками, которые находились въ передней стражѣ. Во время его путешествія, постоянно шелъ проливной дождь. Приходилось ѣхать по грязи, оставивши всѣ возы и подвергаясь всякимъ неудобствамъ. Королю этотъ путь опротивѣлъ въ десять разъ больше, чѣмъ пребываніе въ лагерѣ...

„Іюля 21 король прибылъ во Львовъ. Онъ явился incognito, и до ночи остановился въ одномъ частномъ саду. Затѣмъ ночь провелъ въ забавахъ и развлеченіяхъ, вмѣсто того, чтобы начать съ благодарственнаго молебствія Господу за ниспосланный по его милости неожиданный успѣхъ кампаніи".

Подъ перомъ придворнаго и рояллиста, въ этихъ словахъ таился смыслъ, объясняемый слѣдующими за ними словами: „Во Львовѣ король остановился недѣли на двѣ, потому что заболѣлъ вслѣдствіе неудобствъ лагерной жизни. Затѣмъ, излѣчившись, онъ уѣхалъ въ Варшаву".

Въ отчаяньи отъ королевскихъ порядковъ, Освѣцимъ обо всей выигранной кампаніи написалъ слѣдующее сдержанно высказанное мнѣніе: „...подлинно можно сказать, что самъ Господь за насъ воюетъ: ибо мы сами ничего не дѣлаемъ такъ, какъ слѣдуетъ, хотя наши жолнеры и доблестно сражались въ теченіе трехъ дней".

Если изъ позорной транзакціи подъ Зборовымъ придворные Яна Казимира сдѣлали такую пышную манифестацію въ Европѣ, то бѣгство хана и Хмельницкаго представило имъ возможность объявить своего короля вторымъ Казимиромъ Великимъ. Появились его портреты съ хвалебными надписями въ прозѣ и въ стихахъ. Французы не умѣли даже назвать побѣжденнаго польскимъ королемъ Кромвеля: онъ былъ у нихъ Smilinski, но трубили въ католическую трубу изо всей

---

*) У короля было не 7½ тысячъ, а все таки тысячъ 30, но Янъ Казимиръ *могъ* сказать именно такъ, какъ написалъ Освѣцимъ.

силы. Было выгодно и нужно темнымъ личностямъ выставлять героемъ безпутнаго разстригу іезуита, какъ выгодно было и нашимъ жалкимъ православникамъ трубить по всему свѣту про доблести мизернаго эгоиста и предателя, князя Константина—Василія Острожскаго и другихъ подобныхъ ему низменныхъ созданій своего вѣка и общества. Наконецъ Янъ Казимиръ, подъ перомъ доктора Кубали, явился въ польской исторіографіи съ естественной своей физіономіей, тогда какъ наши убогіе собиратели чужихъ сужденій и вѣстей все еще славословятъ князя Василія, какъ „даровитѣйшаго и совершеннѣйшаго во всѣхъ отношеніяхъ человѣка“ *), а вслѣдъ за нимъ восхваляютъ и другихъ негодяевъ, еще болѣе постыдныхъ для малорусской народности. Впрочемъ и тогда въ польскорусскомъ обществѣ было не безъ добросовѣстныхъ людей. Въ то время, когда въ Римѣ, Парижѣ и Вѣнѣ торжественно благодарили Бога за попраніе врага и супостата католичества, въ Польшѣ, наряду съ похвалами Берестечской Викторіи, читались повсемѣстно пасквили. Въ одномъ изъ нихъ сказано прямо, что услугу фортуны подъ Берестечкомъ уничтожила панская факція, а она-то и группировалась вокругъ Яна Казимира.

Въ тотъ опасный и поучительный для гражданскихъ обществъ моментъ, когда третье сословіе Польскаго государства разъединялось со вторымъ и оба они съ первымъ, Хмельнитчина вызвала разъединеніе между шляхтой и тѣмъ народомъ, который не имѣлъ у нея сословныхъ правъ,—вызвала не только въ воеводствахъ, обнятыхъ козацкимъ бунтомъ, но и въ католической Польшѣ. Бунтуя всю чернь, которой не было дѣла до козацкаго девиза *за вѣру*, Хмельницкій звалъ Ракочія въ Краковъ, чтобъ онъ вмѣстѣ съ бунтовщиками подавилъ доматорствующую шляхту въ то время, какъ самъ онъ расправлялся со шляхтою воинствующею.

По селамъ, по шляхетскимъ дворамъ и по городамъ появилось множество чужихъ, никому неизвѣстныхъ попрошаекъ, съ виду здоровыхъ, сильныхъ и наглыхъ. Въ народѣ стали расходиться странныя вѣсти, неправдоподобныя, но тѣмъ не менѣе повторяемыя: будто бы шляхта выступаетъ на рокошъ противъ короля; будто бы она замышляетъ вырѣзать хлоповъ; будто бы козаки идутъ на помощь королю... Шляхта, конечно, видѣла въ этомъ хлопскую глупость, какъ нынѣ мы видимъ ее въ возобновляющихся среди нашей сельской черни слухахъ о раздачѣ мужикамъ панской земли; однакожъ, предсказываемые въ разныхъ мѣстахъ пожары и угрозы безпокоили ее, и въ такомъ

*) „Кіевская Старина“, 1883, ноябрь, 524, отъ редакціи.

тревожномъ настроеніи духа двинулись посполитаки противъ Хмельницкаго. Изъ донесеній, полученныхъ королемъ подъ Сокалемъ, они съ ужасомъ видѣли, что рутина козацкихъ бунтовъ, опустошавшихъ Волынь, Бѣлоруссію и Украину въ теченіе полустолѣтія, не чужда и народу не-Русскому, не-схизматическому. Мужицкое движеніе сзади посполитаго рушенія шляхты, въ случаѣ несчастья на боевомъ полѣ, предвѣщало Польшѣ господство кочевниковъ на обѣихъ сторонахъ Вислы. 350.000 хмельничанъ, въ соединеніи со 100.000 отборной Орды, готовы были двинуться въ самую средину объятой пожарами шляхетчины. Опасность была такъ велика, что, по выраженію польскаго историка, „только незнаніе всей ея громадности могло поддержать въ сердцахъ надежду; только слѣпая судьба могла дать Полякамъ побѣду".

По замыслу взбунтовать противъ землевладѣльцевъ чернь отъ Тесмина до Одера, отъ Карпатскихъ горъ до Балтики, Хмельницкій принадлежитъ къ такимъ кровавымъ геніямъ, какъ Аттилла, Чингисъ и Тамерланъ. Недоставало только исполниться этому геніальному замыслу для умственнаго наслажденія людей, возводящихъ козатчину въ апотеозъ человѣческой славы. Закулиснымъ движеніемъ польскихъ мужиковъ управлялъ у Хмельницкаго полковникъ Стасенко съ помощью двухъ тысячъ агентовъ. Состоя при канцеляріи козацкаго гетмана, этотъ почтенный дѣятель руины разсылалъ ихъ во всѣ стороны по указанію козака Тамерлана. Пожары и грабежи, подобные украинскимъ, волынскимъ, бѣлорусскимъ, должны были начаться по выступленіи посполитаковъ, а повсемѣстная рѣзня отложена *до слушнаго часу*: выраженіе, не позабытое и въ наше время малорусскою чернью.

Такъ какъ Хмельницкому не удалось въ этомъ препріятіи пожать Геростратовскіе лавры, то не буду вдаваться въ подробности. Скажу только, что въ возмущеніи католической и православной черни на западѣ Королевской Земли участвовали и наши попы. Въ Великой Польшѣ отличался предательскимъ рвеніемъ какой-то Грибовскій: имя, напоминающее одного изъ возмутителей въ Павлюковщину. Но всего больше встревожилось королевское правительство извѣстіемъ объ Александрѣ Леонѣ изъ Штернберка Косткѣ, иначе Напѣрскомъ, который поддѣльными королевскими листами вербовалъ въ Силезіи иностранныхъ жолнеровъ и бунтовалъ чернь въ Краковскомъ воеводствѣ,—подъ видомъ услуги королю, овладѣлъ пограничнымъ замкомъ Чорштыномъ *),

*) Переиначенное по польскому произношенію Schorstein (дымовая труба).

и готовился къ широкому бунту. Несмотря на предстоявшую подъ Берестечкомъ битву, отправили противъ него значительный отрядъ: ибо со стороны Чорштына надобно было ждать вторженія Ракочія.

Въ этомъ отрядѣ участвовалъ и польскій Самовидецъ. По его разсказу, Костка-Напѣрскій, подобно Хмельницкому, старался пріобрѣсть популярность въ темной массѣ заботами о неприкосновенности святилищъ, и охранялъ ихъ своими универсалами, въ родѣ слѣдующаго:

„Я, нижеподписанный, поручаю и сурово повелѣваю жолнерамъ, находящимся подъ моею властью, чтобъ они сохраняли въ цѣлости и неприкосновенности монастырь Тынецъ и принадлежащія ему села, подъ опасеніемъ смертной казни всякому не повинующемуся сему военному выданному для охраны монастыря повелѣнію, которое скрѣпляю моею подписью и печатью. Данъ въ Тынцѣ 8 мая 1651 года. Александръ Левъ изъ Штернберка".

Въ настоящее время козакоманы присоединяютъ уже и Шпака, и Гонту съ Желѣзнякомъ къ героямъ Малорусскаго Народа, разумѣемаго ими по-козацки. Соглашаясь, что это были герои одного и того же пошиба, начиная съ Грѣнковича и Косинскаго, вношу въ пантеонъ ихъ чествованія Костку-Напѣрскаго, котораго бунтъ захватывалъ и русскую чернь въ Польшѣ, не взбунтованную самимъ Хмельницкимъ. Притомъ же онъ является послѣдователемъ нашего Наливайка по части вовлеченія въ разбой мѣщанъ. Подобно тому, какъ царь Наливай сдѣлалъ своимъ наперсникомъ брацлавскаго войта Романа Тиковича, Костка-Напѣрскій сдружился съ Станиславомъ Лентовскимъ, маршаломъ солтысовъ, или свободныхъ землевладѣльцевъ-нешляхтичей, обязанныхъ только военною службою въ пользу государства. Сохраненное намъ Освѣцимомъ письмо къ нему Костки сдѣлало бы честь и самому Хмельницкому:

„Милостивый пане Лентовскій, мой милостивый панъ и другъ! Слыша о вашихъ великихъ рыцарскихъ доблестяхъ" (Лентовскій былъ извѣстенъ разбоями), „я только восхваляю ихъ и благодарю Бога. При семъ униженно прошу, чтобы вы съ вашимъ полкомъ приходили какъ можно скорѣе, въ возможно большемъ количествѣ людей, внушая имъ, чтобы припомнили себѣ всѣ кривды отъ своихъ пановъ, какъ убогій народъ угнетенъ и обремененъ, и что теперь представляется имъ прекрасный случай. Пускай же имъ пользуются: ибо, если теперь пропустятъ его и не освободятся отъ бремени, то останутся вѣчными невольниками у своихъ пановъ. Итакъ приходите поскорѣе сами и другимъ, кому сочтете нужнымъ, давайте знать. Только пана Здановскаго, чтобы оставили въ покоѣ, всю же другую шляхту пускай берутъ

и дѣлають съ нею, что хотять. Вотъ какой пускай будеть знакъ, когда пойдете съ полкомъ своимъ: сосновый вѣнокъ на шестѣ: по немъ опознаемся. Не забудьте, чтобъ одни брали съ собой топоры, а другіе—заступы. Пойдемъ всѣ подъ Краковъ и дальше по всей Польшѣ, если будетъ (общая) воля. Мы договорились хорошо съ Хмельницкимъ и съ Татарами, и нѣмецкое войско придетъ на помощь. Благоволите же извѣстить прочихъ, а сами прибывайте. Остальное разскажетъ вамъ изустно податель этого письма. Ожидая васъ нетерпѣливо, остаюсь вашей милости братомъ и слугою—Александръ Левъ изъ Чорштына. 18 іюня 1651 года. Всей братіи нашей, принявшей нашу сторону, бью челомъ. Слѣдуетъ вручить поспѣшно моему любезному другу, пану Станиславу Лептовскому, маршалу братіи нашей".

Разница между Косткой и Хмельницкимъ только въ томъ, что одинъ попалъ, а другой не попалъ на колъ. Разница между Косолапомъ, Разинымъ, Пугачевымъ и Хмельницкимъ только въ томъ, что тѣхъ поймали небольшою сравнительно облавою, а на украинскаго змѣя горынича, разбойнаго чуда-юду не хватало облавы ни у короля польскаго, ни у царя московскаго, ни даже у султана турецкаго. Поэтому каждый изъ тройхъ потентатовъ норовилъ схватить его за козацкую чуприну и нагнуть къ подножію ногъ своихъ. Здѣсь нужна была уже не сила, а сноровка, и снаровки оказалось достаточно у наслѣдника собирателей Русской Земли. Еслибы всѣмъ названнымъ разбойникамъ удалось, какъ Хмельницкому, злодѣйствовать безнаказанно, карта Европы въ настоящее время была бы совсѣмъ иная, и человѣчество опоздало бы многими столѣтіями въ развитіи человѣчности. Но слѣдуетъ помнить, что каждый изъ прославленныхъ и каждый изъ заклейменныхъ позоромъ злодѣевъ былъ продуктомъ своего общества, и что каждый изъ нихъ былъ грозящимъ пальцемъ Судьбы для того гражданскаго общества, которое дало злодѣю славу, или безславіе. Съ этой точки зрѣнія краковскій Хмельницкій заслуживаетъ такого же вниманія, какъ и чигиринскій.

Костка-Напѣрскій былъ побочный сынъ Владислава IV, и назывался Симономъ Бзовскимъ. Младенцемъ былъ онъ отданъ на воспитаніе въ богатый домъ пановъ Костковъ, весьма уважаемый за свою древность и за родство съ патрономъ Польши, Св. Станиславомъ. Въ послѣдствіи взяли ребенка къ фрауциммеру королевы Ренаты. Тамъ онъ росъ, и получилъ воспитаніе при королевскомъ дворѣ. Не достигнувъ еще 20-лѣтняго возраста, говорилъ онъ на нѣсколькихъ языкахъ, легко писалъ стихи и показалъ себя хорошимъ офицеромъ.

Весьма быть можетъ, что Хмельницкій, бывая въ Варшавѣ, познакомился лично съ побочнымъ королевичемъ.

По смерти короля Владислава, Костка пребывалъ не извѣстно гдѣ, можетъ быть, и среди козаковъ, а можетъ быть—при дворѣ Ракочія, но въ 1651 году появился въ окрестностяхъ Кракова, въ видѣ бунтовщика черни, съ намѣреніемъ занять горные проходы для Ракочія и овладѣть Краковомъ.

Сперва онъ, подъ именемъ Костки изъ Штернберка, проживалъ въ панскихъ домахъ, изучалъ города и дѣлалъ знакомства. Часто гостилъ въ Краковѣ, и вездѣ казался человѣкомъ знатнаго происхожденія. Роста былъ небольшаго, щуплый. Черный усъ едва пробился у него. Носилъ остроконечную бородку. Длинные курчавые волосы были пристрижены у него пошведски. Одѣвался онъ также пошведски въ черный цвѣтъ. Обладалъ необыкновенной способностью сближаться со всякаго рода людьми, причемъ держалъ себя, что называлось въ Польшѣ — великимъ паномъ, „который никогда не имѣлъ надобности показывать себя гордымъ и не былъ никогда смиреннымъ".

Въ апрѣлѣ 1651 года явился онъ въ городѣ Новомъ Таргѣ, лежащемъ въ центрѣ Краковскаго Подгорья, въ роли королевскаго полковника, имѣющаго повелѣніе вербовать войско на оборону границъ отъ Ракочія по выступленіи въ походъ посполитаковъ. Съ этой вербовки и началась его работа. Онъ вошелъ въ разбойныя связи съ карпатскими горцами, которые относились къ жителямъ сосѣднихъ городовъ почти такъ, какъ запорожцы къ городовой Украинѣ. Во времена оны эти горцы воевали вмѣстѣ съ нашими козаками противъ Турокъ и Москвы. Они въ своихъ горахъ привыкли къ такому молодечеству, какимъ козаки отличались на Запорожьѣ. Панскія хозяйства они ненавидѣли по подобнымъ же причинамъ, и часто имѣли съ ними столкновенія. Двоихъ предводителей горскихъ шаекъ, которыхъ уже вели въ Новомъ Таркѣ на казнь, Костка освободилъ, подъ предлогомъ вербовки въ королевскія дружины, и посредствомъ тако[го] *военнаго экзампта* сдѣлалъ ихъ атаманами своихъ новобранцевъ ра[з]бойниковъ.

Въ то же самое время познакомился онъ съ намѣстникомъ [Но]вотаргскаго старосты, паномъ Здановскимъ, который уже тридц[ать] лѣтъ сидѣлъ на своей должности и, будучи человѣкомъ спокойны[мъ], сдѣлался образцомъ старопольской захолустной жизни. Старикъ п[о] старостій полюбилъ блестящаго и угодливаго полковника, какъ сы[на], вѣрилъ ему простодушно во всемъ, и своимъ патріархальнымъ ав[т]

ритетомъ способствовалъ тому, что всѣ кругомъ смотрѣли на молодаго авантюриста его глазами.

Въ самозванствѣ своемъ Костка открылся только одному человѣку. Это былъ учитель одной изъ солтысскихъ школъ, Мартинъ Радоцкій, титулуемый изъ учтивости ректоромъ. Радоцкій лѣтъ сорокъ учительствовалъ въ селѣ Щимѣ Мышеницкой волости, и былъ горячимъ приверженцемъ секты анабаптистовъ, которой остатки сохранялись въ краковоподгорской глуши. Онъ всею душою жаждалъ водворенія въ народахъ мира о Христѣ Іисусѣ, а миръ этотъ, по его воззрѣнію, могъ быть достигнутъ лишь полною свободою труждающихся и обремененныхъ, которая бы дала имъ возможность прійти ко Христу для евангельскаго упокоенія. Панская де власть и крѣпостная отъ нея зависимость были препятствіями къ тому, чтобы послѣдовать гласу Спасителя: „Пріидите ко мнѣ вси труждающіеся и обремененніи, и азъ упокою вы"... Въ сущности своей, идеалъ школьнаго ректора былъ анабаптическимъ воспроизведеніемъ грубаго идеала козацкаго: колй бъ хлібъ да одѐжє, то й івъ бы козàкъ лѐжа". Освѣцимъ называетъ Радоцкаго „постояннымъ бунтовщикомъ простонародья противъ всѣхъ краковскихъ кастеляновъ", безъ сомнѣнія, въ смыслѣ распространенія мысли о *пановань*ѣ черни, къ которому панскіе завистники, козаки, стремились посредствомъ набѣговъ, поджоговъ и убійствъ *). Костка подъѣхалъ къ ректору съ этой стороны, и фанатикъ мечтательнаго блаженства труждающихся и обремененныхъ согласился съ нимъ въ іезуитскомъ правилѣ—„цѣль оправдываетъ средства". Будучи искуснымъ калиграфомъ, Мартинъ Радоцкій скопировалъ приповѣдный листъ короля, выданный годъ назадъ какому-то Напѣрскому, вставилъ въ него имя полковника Александра Льва изъ Штернберка Костки Напѣрскаго и поддѣлалъ съ того же оригинала печать. Съ этимъ документомъ въ карманѣ, Костка выступилъ открыто среди мѣстной шляхты, и сталъ вербовать новобранцевъ по всему воеводству, а черезъ своихъ агентовъ—и за-границею, въ Силезіи.

Когда такимъ образомъ все было подготовлено къ бунту, Радоцкій и Лентовскій разослали отъ себя къ меньшимъ солтысствамъ и по окрестнымъ селамъ письма, взывавшія къ народу, чтобъ онъ соединялся подъ предводительствомъ Костки противъ Жидовъ и шляхты во имя Христа, котораго Жиды замучили, и найяснѣйшаго короля,

*) „Когда земля, по истребленіи всѣхъ Ляховъ, *счистится*" (говорили козаки) „тоді вже мы бу̀демо *пану̀вати*".

противъ котораго шляхта замышляетъ бунтъ". Сообщникамъ разбоя обѣщали освобожденіе отъ чиншей, надѣлъ шляхетскими полями и лѣсами, козацкую помощь, и велѣли имъ убирать свои хаты зелеными вѣтками, чтобы проходящія войска не жгли ихъ и не грабили. Все кругомъ начало быстро покрываться зеленью.

Между тѣмъ Костка занялъ во имя короля Чорштынъ, и самъ послалъ въ Краковъ донесеніе, что сдѣлалъ это въ предотвращеніе возможнаго посягательства на него со стороны Венгровъ. Замокъ этотъ лежитъ подъ Дунайцемъ, на скалистой горѣ. Онъ замыкалъ тогда дорогу изъ Венгріи въ Краковъ. Староста чорштынскій, молодой Платтенбергъ, королевскій покоёвый, отправился съ королемъ въ походъ, и противозаконно оставилъ столь важный стратегическій пунктъ безъ гарнизона. Въ пограничной крѣпости Польши, выставленной на первое нападеніе страшнаго уже тогда Ракочія, жило только нѣсколько Жидовъ, арендовавшихъ старостинскія имѣнія.

Въ Краковѣ, между тѣмъ, получились отовсюду донесенія, что народъ по селамъ таинственно *вѣчуетъ* и необычно убираетъ зеленью хаты. Краковскій бискупъ, Гембицкій, смекнувъ дѣломъ, послалъ къ Чорштыну небольшой отрядъ конницы, подъ начальствомъ добчицкаго старосты, Гордола. Но Костка отразилъ нападенія, и описалъ свой подвигъ пріятелю своему, Здановскому, въ стихахъ. Онъ изобразилъ себя львомъ, который залегъ на скалахъ, доступныхъ только для орлицы. „Съ кѣмъ Господь Богъ" (писалъ онъ), „противъ того трудно воевать", и окончилъ указаніемъ на панское корыстолюбіе и надменность, какъ на причину бѣдствія Польши:

„O nieszczęsne łakomstwo! o przeklęta pycho!
Któraś w Polskę—ach! ach! ach! wprowadziła licho" *).

Въ универсалѣ своемъ, сохранившемся вполнѣ, молодой сподвижникъ стараго Хмеля объявляетъ мужикамъ, что шляхта задумала поднять рокошъ противъ короля, обѣщалъ всѣмъ всяческія вольности, дарилъ своимъ соратникамъ шляхетскіе дворы и все, что въ нихъ находится, и совѣтовалъ не вѣрить королевскимъ универсаламъ, съ какими бы подписями и печатями они ни были: ибо король долженъ былъ выдавать по принужденію шляхты.

Ректоръ-анабаптистъ Радоцкій сдѣлался, можно сказать, кратеромъ бунта. Отъ 20 іюня писалъ онъ къ своему соумышленнику:

---

*) „О несчастная жадность! о проклятая надменность! Она ввела въ Польшу — ахъ! ахъ! ахъ!—бѣду."

„Великомилостивый ко мнѣ панъ Леонъ, etc. По полученіи такого извѣстія черезъ это ваше писаніе, буду со всякимъ стараніемъ и поспѣшностью объявлять о немъ посполиству вмѣстѣ съ вѣрными приверженцами Христовой правды, преданными также его милости найяснѣйшему пану Яну Казимиру, милостію Божіею королю польскому. Поспѣшите же снова обослать посполиство въ своихъ краяхъ вашимъ писаніемъ, которому дадутъ иную вѣру, и потому охотнѣе будутъ соединяться. Ибо прежде сего многіе изъ нихъ говорили, что еслибы слышали дозволеніе, или голосъ его милости короля, тогда бы даже сами, наступая на шляхетскіе дворы, уничтожали ихъ, дабы не пановала на землѣ гордость и высокомѣріе съ тиранскою злостью. Затѣмъ униженно отдаюсь милости вашей. Въ Пцимѣ, die 20 Iuni 1651. W. R. rector scholae pcimensis. Слѣдуетъ вручить моему пану, господину Льву, вѣрному подданному его королевской милости".

Согласно этому письму, Костка прислалъ Радоцкому слѣдующій универсалъ:

„Миръ Христовъ! Всѣмъ вообще и каждому въ особенности подданнымъ его королевской милости, нашего милостиваго пана, желаю, при добромъ здоровьѣ, отъ Всевышняго Господа Бога свободы и вольности, объявляя сперва волю Божію, а также и его милости короля, что шляхта хочетъ поднять рѣкошъ противъ его милости короля, милостиваго нашего пана, и потому, кто привержевъ къ его королевской милости, пускай ютится подъ мои крылья, подъ Чорштынъ, при панѣ ректорѣ пцимскомъ, который, яко вѣрный подданный его королевской милости, приведетъ васъ ко мнѣ и будетъ вами региментовать, давая во всемъ наставленія. При этомъ его королевская милость, милостивый нашъ панъ, обѣщаетъ всѣ вольности всѣмъ тѣмъ, которые теперь будутъ при мнѣ стоять, и дворы шляхетскіе, и что̀ въ нихъ, все будетъ ваше, и потому-то сами старайтесь выбиться изъ этой тяжкой неволи, дорожа нынѣшнимъ временемъ. Вмѣсто того, чтобъ они обратили васъ въ ничто до остатка, лучше вы ихъ обратите. Довольно уже намучили васъ эти панки, что уже голосъ вашъ, плачущихся на нихъ, взываетъ къ Богу. А потому, отписывая уже другой разъ его милости пану ректору, выдаю этотъ универсалъ, предостерегая и въ томъ, чтобы вы, какъ это мнѣ повелѣно отъ его милости короля, не давали вѣры никакимъ универсаламъ, хотя бы и съ печатью и съ подписью его королевской милости: ибо онъ принужденъ ихъ выдавать, боясь шляхты. Но мы дѣлаемъ, что̀ должны дѣлать, какъ возможно скорѣе, а на Св. Яна пойдемъ подъ Краковъ. Уже я разослалъ всюду универсалы къ мужикамъ, которые охотно

являются, а въ новотаргскомъ панствѣ всѣ, а панъ Станиславъ, маршалокъ, будетъ ихъ полковникомъ. Только прошу, чтобъ идучи черезъ Новый Таргъ, не трогали его милость пана Здановскаго и тѣхъ всѣхъ, гдѣ увидите на шестахъ вѣнки. Прошу также, чтобы костеламъ всегда была оборона: ибо мы будемъ воевать изъ-за Бога и кривды людской, изъ-за непослушанія королю его милости. Данъ въ Чорштынѣ 22 іюня 1651. Добраго здоровья вамъ желающій Александръ изъ Штернберка Костка, староста Чорштынскій".

Польскій двойникъ Хмельницкаго, въ случаѣ успѣха, доконалъ бы шляхетскую республику, и на широкомъ пространствѣ между двухъ морей были бы поруганы преданія о дѣятельности культурниковъ республиками или ордами антикультурными. Но шляхта и мѣщане вовремя вооружились, и Костка былъ выданъ собственнымъ гарнизономъ. У него нашли универсалы Хмельницкаго, возбуждающіе чернь къ овладѣнію Краковомъ и къ истребленію шляхетскаго сословія. Наливайкова мысль, какъ видимъ, переходила въ Польшѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе: она пришлась по душѣ темной, злобной и лѣнивой массѣ, на которой выѣхала Хмельнитчина.

Съ субъективной точки зрѣнія малорусскихъ лѣтописцевъ и историковъ, польская шляхта должна была бы растерзать своего предателя, какъ терзала въ Варшавѣ измышленнаго ими Остряницу. Вмѣсто того, враги затѣянной Косткою въ Польшѣ козатчины относились къ нему безъ всякой суровости, и только сожалѣли о его безумствѣ. Слѣдуетъ помнить, что столь же мягко отнеслись они и къ выданному имъ козаками Наливайку. Съ своей стороны и польскій Хмѣль до конца сохранялъ ясность и присутствіе духа, точно какъ будто считалъ свой замыселъ великодушною попыткою къ спасенію отечества отъ его безпутства. Даже когда его везли привязаннаго къ телѣгѣ черезъ Краковъ, онъ весело посматривалъ на толпившійся народъ, и такъ какъ всѣ фанатики принадлежатъ къ идеалистамъ, а идеалистамъ свойственны и въ отчаяньи, какъ въ успѣхѣ, самыя крайнія грезы, то—кто знаетъ? можетъ быть, ему въ толпѣ труждающихся и обремененныхъ видѣлись будущіе мстители хмельничане за погубленную славу его отца, величайшаго по замысламъ изъ всѣхъ монарховъ, особенно въ глазахъ сына...

Государственная Ѳемида взяла съ несчастнаго Костки полную дань: его пытали самыми жестокими средствами. Но онъ былъ нѣмъ, когда его допрашивали о сообщникахъ; все же, что составляло его собственныя преступленія, высказывалъ онъ даже въ преувеличенномъ видѣ. Здѣсь проявился въ немъ побочный королевичъ, сынъ Влади-

слава. 11 іюля посадили Костку на колъ, что король могъ бы замѣнить иною казнью, но онъ былъ—Янъ Казимиръ. Костка принялъ страшную казнь спокойно.

По поводу этого событія, паны засвидѣтельствовали передъ нами, что Оссолинскіе да Яны Казимиры были между ними выродки.

„Не понравилась Полякамъ эта казнь“ (говоритъ современный нашъ историкъ). „Молодость Костки, уваженіе къ покойному королю, отвращеніе къ Яну Казимиру, все соединилось для того, чтобы преступленіе бунтовщика съ каждымъ днемъ уменьшалось и уменьшалось. Шляхта Краковскаго воеводства (въ инструкціи посламъ на варшавскій сеймъ) назвала своего разбойника легкимъ человѣкомъ. Въ Варшавѣ вообще думали, что надобно было пользоваться побѣдою подъ Берестечкомъ и, вмѣсто Костки, казнить Хмельницкаго; а Коховскій отпустилъ королю весьма прозрачный сарказмъ въ слѣдующемъ двустишіи:

„Nie wiem, co to za nowy kucharz się pojawił:
Miasto pieczeni, Kostkę nam na rożen wprawił“ *).

При этомъ вспоминается Петръ Могила, угрожавшій такимъ рожномъ родному брату Іова Борецкаго...

Зато шляхта, вернувшаяся изъ-подъ Берестечка, была внѣ себя отъ того, что ей готовили хлопы. Всюду начались розыски и суды, а въ Краковскомъ воеводствѣ цѣлыя села бѣжали въ горы, жили разбоемъ, а не то—перебирались на венгерскую сторону Карпатъ. „Въ глазахъ польской шляхты“ (пишетъ польскій историкъ) „хлопское движеніе заслуживало большей кары, нежели козацкій бунтъ, потому что оно было неожиданнымъ, производилось обманомъ, мѣтило въ безоборонныя семейства и ознаменовало себя измѣною, вопіющею о мщеніи“.

Въ связи съ хорошимъ дѣломъ Козацкаго Батька въ Краковщинѣ, шесть русскихъ шляхтичей православнаго исповѣданія работали по его же внушенію въ Познани и въ Великой Польшѣ. Они сперва прикинулись бѣглецами отъ козацкаго террора, но въ самый разгаръ войны составили изъ мѣстныхъ крестьянъ гайдамацкую шайку, которая начала возмущать народъ обыкновенными козацкими способами—соблазномъ и запугиваньемъ. Тогда князь Чорторыйскій, съ пятью сотнями всадниковъ, разогналъ и казнилъ четверыхъ поборниковъ православія; два остальные бѣжали къ Хмельницкому, а разнесшійся

*) „Не знаю, что это за новый поваръ явился: вмѣсто жаркаго, кость воткнулъ намъ на рожень“.

вслѣдъ затѣмъ слухъ о бѣгствѣ козаковъ изъ-подъ Берестечка окончательно успокоилъ землевладѣльцевъ на счетъ малорусскихъ возмутителей Польши.

Если насъ, наслаждающихся внутреннимъ и внѣшнимъ спокойствіемъ, воображеніе терзаетъ картинами прошлаго и черезъ два съ половиною столѣтія,—терзаетъ, можно сказать, вчужѣ, то каково было на сердцѣ у тѣхъ, которые принесли столько великихъ жертвъ и потомъ, и кровью для превращенія пустошей въ цвѣтущія колоніи, и теперь видѣли „мерзость запустѣнія" на святыхъ для нихъ по памяти былаго мѣстахъ! Освѣцимъ, по возвращеніи изъ экспедиціи противъ Костки, бросилъ на эти мѣста свой поэтически грустный взглядъ, томительный и для польскаго, и для русскаго чувства.

„Августа 21" (пишетъ онъ) „пріѣхалъ я въ свое имѣніе Закоморье, которое сильно опустошили и непріятели, и наши собственные жолнеры. Я прожилъ здѣсь нѣсколько дней. Въ это время ѣздилъ я въ Берестечко, для того чтобы осмотрѣть мѣстность, прославленную столь важными битвами и побѣдою. Я видѣлъ непріятельскіе окопы, весьма крѣпкіе, какъ по мѣстоположенію, такъ и по произведеннымъ фортификаціямъ. Затѣмъ посѣтилъ я Броды, резиденцію покойнаго великаго гетмана, Конецпольскаго. Городъ сожженъ до основанія; остался только замокъ, укрѣпленный на подобіе голландскихъ крѣпостей и превосходящій всѣ другіе замки роскошью украшеній. Въ минувшіе годы крѣпость эта выдержала въ теченіе 12 недѣль осаду отъ 36.000 козаковъ, и успѣшно ихъ отразила. Видѣлъ я также мѣстечко Лесневъ. Оно все было обращено въ пепелъ Татарами, когда они впервые шли атаковать наше войско. Съ глубокимъ сожалѣніемъ осматривалъ я Подгорцы, славившіеся нѣкогда во всей Польшѣ крѣпостью и прекраснымъ дворцомъ, украшеннымъ фонтанами, гротами и каскадою. Дворецъ этотъ выстроилъ гетманъ Конецпольскій, предназначивъ его служить мѣстомъ отдыха послѣ утомительныхъ военныхъ походовъ и другихъ услугъ Рѣчи Посполитой. Мысль эту выразилъ онъ въ слѣдующей надписи, вырѣзанной на мраморной доскѣ, помѣщавшейся надъ воротами:

Sudaris Martis—victoria,
Victoriae—triumphus,
Triumphi praemium—quies *).

---

*) Награда военныхъ трудовъ — побѣда, побѣды — тріумфъ, тріумфа — отдыхъ.

Глава XXVIII.

ходъ панскаго войска изъ-подъ Берестечка въ Украину.—Мародерство произ-
тъ общее возстаніе.—Смерть лучшаго изъ панскихъ полководцевъ.—Походъ
овскаго войска въ Украину.—Вопросъ о московскомъ подданствѣ.—Бѣлоцер-
ковскій договоръ.

Между тѣмъ паны колонизаторы шли съ разстроеннымъ и демо-
изованнымъ королевскими порядками войскомъ для завоеванія сво-
имѣній, не принимая въ соображеніе важнаго обстоятельства,
землевладѣльцы малорусскіе давно уже сдѣлались иностранцами
глазахъ того класса туземцевъ, который былъ хранителемъ нашей
іональности и нашей религіозной совѣсти. Не обращали паны
манія и на то, что даже такіе между ними, которыхъ наши псев-
сторики величаютъ святопамятными, отправляя своихъ сыновей въ
іе края, напутствовали ихъ словами: „Помни, мой сынъ, что ты —
якъ". Каковы бы ни были ихъ доблести и права въ собственномъ
аніи, но Малороссія отвергла ихъ еще до козацкихъ бунтовъ
ми лучшихъ людей своихъ, и теперь имъ оставалось только за-
ять родной свой край у худшихъ.

Варшавскій Анонимъ такъ исчисляетъ силу этихъ conquerrados
эсозданной Польшею Америки: компутоваго войска было 18.000,
оты 6.000; посполитое рушеніе, отходя, прибавило къ нимъ нѣ-
лько способныхъ къ походу (wyprawnych) хоругвей, заключавшихъ
себѣ 7.000 человѣкъ. Въ этомъ войскѣ находились паны съ соб-
нными дружинами, какъ-то: князь Іеремія Вишневецкій, воевода
скій; Станиславъ Потоцкій, воевода подольскій; Лянцкоронскій,
юда брацлавскій; Щавинскій, воевода брестокуявскій; Павелъ Со-
, воевода витебскій; Одривольскій, кастелянъ черниговскій; Цет-
ь, кастелянъ галицкій; Самуилъ Калиновскій, обозный коронный;
ніемскій, генералъ артиллеріи; Маркъ Собіскій, Вишневецкіе, Да-
овичи и другіе русскіе паны; однихъ Потоцкихъ было девять рот-
ровъ, какъ въ Римѣ противъ Вольсковъ (замѣчаетъ наивно Ано-
ъ) девять Фабіевъ.

Къ панамъ, еще до выступленія въ походъ, приходили о ханѣ и Хмельницкомъ различныя вѣсти. Не обладая козацкою способностью развѣдыванья, паны провѣряли эти вѣсти другими способами, и такъ какъ многое зависѣло отъ того, гдѣ и какъ обрѣтаются два главные бѣглеца, то свидѣтелей допрашивали подъ присягою. Одна шляхтянка изъ-подъ Константинова клялась, что 1 іюля, слѣдовательно на другой день послѣ бѣгства, видѣла въ Константиновѣ, какъ вязали Хмельницкаго къ коню среди народа, и слышала, какъ ханъ кричалъ на него: „Я пошлю тебя къ королю и выкуплю тобою моихъ мурзъ". Другіе разсказывали, что коня, къ которому привязали Хмельницкаго ногами подъ брюхомъ, гнали нагайками впереди хана до самаго ночлега.

Но скоро видѣли Хмельницкаго свободнымъ. Въ Любартовѣ кормилъ онъ лошадей. При немъ было нѣсколько козацкихъ старшинъ и 2.000 Татаръ. Старый Хмѣль спокойно обѣдалъ, и съ двумя возами, полными съѣстныхъ припасовъ, отправился въ дальнѣйшій путь. Говорили еще, что, отъѣзжая въ Крымъ, ханъ оставилъ Хмельницкому 10.000 Татаръ, которые должны были кочевать за Уманемъ, надъ Синими Водами, съ тѣмъ чтобы сохранить за Хмельницкимъ его власть, еслибы его подданные вздумали бунтовать.

По всѣмъ этимъ слухамъ, два хана разстались такъ, какъ бы между ними ничего не произошло, а черезъ мѣсяцъ татарскій ханъ писалъ къ козацкому слѣдующее:

„Пріятель мой, запорожскій гетманъ! посылаю вамъ на помощь брата моего, нуреддинъ-султана, Сеферъ-Казы-агу, Субагазы-агу и другихъ агъ и беевъ со всѣмъ войскомъ, какое нашлось, а въ Крыму остаюсь только одинъ. Каковое войско взявши безъ всякой гордости на помощь, давайте отпоръ непріятелю, да прошу, чтобы вы, какъ до сихъ поръ, пьянствомъ не занимались, а просили Бога о побѣдѣ".

Поляки удивляются увѣренности Козацкаго Батька въ себѣ послѣ неслыханнаго приключенія подъ Берестечкомъ, удивляются его присутствію духа, не поддающагося стыду, бѣшенству и отчаянью въ такомъ позорѣ и несчастьѣ. Но передъ нами такихъ удивительныхъ людей проходило множество—и въ видѣ Косинскаго, вчера валявшагося въ ногахъ у князя Острожскаго, а завтра наступающаго на князя Вишневецкаго, и въ видѣ Царя Наливая, готоваго ударить на своихъ въ пользу короля, и въ видѣ Сулимы, поклоняющагося папѣ, разоряющаго королевскую крѣпость и принимающаго католичество, и въ видѣ Павлюка, сходящаго съ эшафота для того, чтобы затѣять новый мятежъ. Каждый изъ такихъ представителей козатчины, колеблясь и

скользкой вершинѣ, чувствовалъ головокруженіе, замѣчаемое нами и въ Хмельницкомъ, но летя внизъ, хватался за всякую подлость, лишь бы остаться при своемъ безстыдствѣ, не предаваться безполезному бѣшенству и не впадать въ отчаяніе.

Поляки, народъ, созданный боевымъ счастьемъ да клерикальными интригами, считаютъ Хмельницкаго, талантливаго стратегика и плохаго тактика, неспособнымъ къ такой торговлѣ человѣческою кровью, къ какой тяжкая необходимость принудила бездарнаго во всѣхъ отношеніяхъ Яна Казимира подъ Зборовымъ. Но, чадо ихъ общественности, Хмельницкій превзошелъ и самого Царя Наливая въ предательствѣ своихъ соратниковъ. Еслибъ Козацкій Батько въ самомъ дѣлѣ сохранялъ увѣренность въ себѣ и присутствіе духа, то онъ долженъ былъ предвидѣть, что̀ станется съ его дѣтьми безъ его булавы и головы; не оставилъ бы онъ ихъ въ такой моментъ ради надежды вернуть бѣгущихъ въ паникѣ Татаръ... Козацкій ханъ потерялся не меньше татарскаго подъ Берестечкомъ, и, можетъ быть, обязанъ только его угрозамъ тою увѣренностью въ себѣ и тѣмъ присутствіемъ духа, не поддающимся стыду, бѣшенству и отчаянью, которому удивляются люди, не знавшіе террора въ своемъ прошедшемъ и не понимающіе, что террористъ прежде всего подчиняется террористу. Это доказали дѣти Козацкаго Батька по отношенію къ нему самому; это доказалъ и Козацкій Батько по отношенію къ хану; доказала, наконецъ, это и вся козатчина по отношенію къ тѣмъ, которые поставили ее во фронтъ и скомандовали *смирно!*

Весьма внушительнымъ былъ для Хмельницкаго фактъ, что бѣгущая домой Орда жгла, грабила и, не довольствуясь ясыромъ, уничтожила 6.000 козаковъ, которые спѣшили подъ Берестечко изъ Паволочи, а чигиринцевъ, собравшихся на выручку козацкаго табора, разогнала.

Одинъ изъ панскихъ развѣдчиковъ, Суходольскій, вернувшись подъ Берестечко изъ-за Винницы, разсказывалъ, что Татары вездѣ во время своего бѣгства убивали и угоняли въ неволю козаковъ. По словамъ Освѣцима, „Суходольскій утверждалъ положительно, что чернь запирается въ городахъ, и вездѣ, гдѣ встрѣтится съ козаками, убиваетъ ихъ, даже истязаетъ ихъ женъ въ отместку за свои семьи, угнанныя Татарами въ Крымъ. Такъ поступило“ (продолжаетъ Освѣцимъ) „ополченіе черни, которое, въ числѣ до 15.000, отправилось было въ помощь козакамъ подъ начальствомъ паволочскаго войта и, встрѣтивъ по дорогѣ Татаръ, было ими истреблено на половину“.

При такихъ обстоятельствахъ Хмельницкій могъ найти прибѣжище только въ Исламъ-Гиреѣ, на какихъ бы то ни было условіяхъ. Этимъ и объясняется его увѣренность въ себѣ, которой удивляются враги его, Поляки.

Вѣсть о несчастьѣ и неволѣ гетмана наполнила Украину тревогой и ропотомъ. Достигнуть оставленнаго табора не было ему никакой возможности. Вспомогательнаго войска взять было негдѣ, а тутъ и Небабу разгромилъ Радивилъ. Хмельницкій послалъ подъ Берестечко фальшивое обѣщаніе татарской выручки, но оно попало въ непріятельскія руки. Ему ничего больше не оставалось, какъ принять отъ хана „безъ всякой гордости" гвардію, охранявшую особу его отъ раздраженной черни и державшую самого его подъ арестомъ. Ему оставалось только воздержаться по мѣрѣ возможности отъ пьянства и просить магометанскаго, но ужъ никакъ не христіянскаго, Бога о побѣдѣ.

Князь Іеремія Вишневецкій еще однажды очутился лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, оспаривавшимъ у него господство на восточной окраинѣ Польши. Хотя традиція Рѣчи Посполитой, царившая надъ умами панской факціи, главное начальство предоставило Николаю Потоцкому съ его товарищемъ, Мартиномъ Калиновскимъ, но въ сущности дѣла путеводною звѣздою и надеждою панскаго войска, по вдохновенному указанію Катерины Слоневской, былъ всё тотъ же герой, котораго Поляки обыкновенно именовали *русскимъ* воеводою, какъ бы въ сознаніи, что *польскаго* воеводы у нихъ нѣтъ. Но, увы! теперь этому безпримѣрному въ Польшѣ воеводѣ остался всего одинъ мѣсяцъ жизни, и она прервалась у самаго входа въ созданное имъ удѣльное княжество. У входа въ обѣтованную землю, потерянную Польшею, скончался черезъ три мѣсяца послѣ Вишневецкаго и тотъ, кто былъ правой рукою великаго, какъ и Вишневецкій, колонизатора въ обузданіи руинниковъ,—кто нанесъ имъ тяжкіе удары въ 1637 и 1638 годахъ. Князь Іеремія умеръ въ Паволочи, Потоцкій—въ Хмельникѣ; и на концѣ военной карьеры оба полководца испытали самое худшее, что въ ней встрѣчается: борьбу съ ненастьемъ, голодомъ и моромъ.

Мартирологія панскаго войска началась въ то время, когда причинившій ее король предавался забавамъ, развлеченіямъ и даже заболѣлъ послѣ забавъ и развлеченій во Львовѣ. Участвовавшій въ Украинскомъ походѣ галицкій стольникъ, Андрей Мясковскій, по особенному порученію, доносилъ Яну Казимиру обо всемъ, касающемся благосостоянія всего войска. По его донесенію, сперва оно „подверглось ужасной слякоти и непогодѣ, которая сильно повредила и лошадямъ

и пѣхотѣ, потомъ—такому голоду, о какомъ не слыхать на людской памяти, развѣ гдѣ-нибудь при самой жестокой осадѣ зàмковъ и городовъ. Но ни въ Хотинскомъ, ни въ Московскомъ войскѣ (писалъ Мясковскій) такого голода не видано. Пѣхота, принужденная къ отвратительной пищѣ (ad nefandos cibos compellitur), достать хлѣба не можетъ и за самую дорогую цѣну; а мяса, кромѣ конской падали, не видятъ; не пренебрегутъ и тѣми лошадьми, которыя уже три дня гніютъ въ грязи (także i tym, które trzy dni już w błocie putrescunt, nie przepuszczą); принуждены питаться сырымъ житомъ, или травой и бурьяномъ, точно какія животныя, къ великой горести и состраданію всего войска. Невольно мы проливаемъ слезы (gdysz to nam lachrymas elicere musi), видя столь блестящую пѣхоту (tam florentem peditatum) вашей королевской милости безполезно погибающую отъ голода (marnie fame pereuntem), а всего горше то, что нельзя придумать никакого способа къ спасенію голодныхъ: ибо тотъ край, въ которомъ имѣемъ надежду на хлѣбъ, еще далеко, но и онъ такъ опустошенъ, что о немъ можно сказать: „земля же была неустроена и пуста". Ни городовъ, ни селъ, только поле и пепелъ. Не видать ни людей, ни живыхъ тварей, развѣ птицы на воздухѣ. Панъ Краковскій, не смотря на слабое здоровье, идетъ съ возможною скоростью къ хлѣбу (ea qua potest celeritate ku chlebu ciągnie), но опять вчерашняя и нынѣшняя страшная непогода замедляетъ движеніе (retardat cusrum). Не взирая на то, такъ какъ мы посвятили себя на эту службу, то уже придется здѣсь преодолѣвать фортуну твердостію духа (fortunam animo superare) и мужественно бороться съ этимъ голодомъ и съ этими небесными невзгодами (y z temi injuriis coeli viriliter lucrari), услаждая горести (cukrując sobie adversa) будущими, дастъ Богъ, успѣхами. Воинъ о томъ вѣдь постоянно долженъ думать, къ чему стремится, а не о томъ, что̀ предстоитъ ему претерпѣть (boć zawsze żołnirz quo tendat, non quid passurus est, ma uważać). Авось-либо всемогущій Богъ поможетъ намъ прійти въ эту обѣтованную землю, гдѣ мы не только наѣдимся хлѣба, но и привольно отдохнемъ послѣ своихъ трудовъ. О Хмельницкомъ, между разными вѣстями, самая вѣрная, кажется, та, что онъ освободился уже отъ хана, не извѣстно, искусствомъ ли и хитростью, или деньгами. Онъ долженъ быть нынѣ въ Чигиринѣ, гдѣ хотѣлъ бы возбудить новое смѣшеніе, и разослалъ универсалы къ черни, но чернь не поддается имъ, напротивъ намѣрена отправлять на Масловомъ Ставу чернецкую раду, на которую зоветъ и самого Хмельницкаго, и, вѣрно, не для чего инаго, какъ для того, чтобы самой подвергнуть его карѣ (aby supplicium z niego

sami sumere mogli). Орда вся пошла назадъ; съ козаками вполнѣ розбратъ, и даже въ нѣскольких мѣстахъ бились, что весьма благопріятно для нашихъ дѣлъ (co bardzo in rem nostram militat). Бунты же черни, хотя бы и были какіе-нибудь, разумѣю, по приближеніи войскъ короннаго и литовскаго,—совсѣмъ угаснуть, а если кой-какіе и отзовутся, то, вѣрно, только въ глубинѣ Украины: ибо у насъ носится слухъ, что литовское войско вырубило уже Вышгородъ... Войско наше идетъ тремя отрядами (tripartito idzie): первый отрядъ составляетъ набранный изъ однихъ иностранцевъ полкъ воеводы брестскаго, полкъ воеводы брацлавскаго вмѣстѣ съ полевымъ гетманомъ; второй отрядъ составляетъ полкъ князя воеводы русскаго, воеводы подольскаго и старосты калусскаго (Яна Замойскаго); третью часть составляетъ полкъ короннаго хорунжаго вмѣстѣ съ нѣкоторыми дополнительными отрядами. Панъ Краковскій посылаетъ къ митрополиту кіевскому съ объявленіемъ, что идетъ съ войскомъ въ Украину для успокоенія бунтовъ, еслибы какіе были, а добрыхъ и вѣрныхъ подданныхъ увѣрить, что ихъ жизнь и имущество останутся неприкосновенными. Изъ Паволочи пріѣзжали уже люди съ поклономъ къ старостѣ калусскому и съ просьбой о гарнизонѣ. Но паволочскій войтъ, наибольшій бунтовщикъ, ушелъ къ Хмельницкому. Волошскій господарь увѣдомляетъ пана Краковскаго, что Хмельницкій все еще задерживается ханомъ, а ханъ до сихъ поръ уже въ Крыму: ибо весьма поспѣшно бѣжалъ, бросая множество больныхъ, которыхъ не мало погребено на дорогѣ, и подстрѣленныхъ лошадей; а наши плѣнники, возвращающіеся изъ языческихъ рукъ, утверждаютъ, что ханъ уже подъ Лиманомъ переправился черезъ Днѣпръ,—потому такъ низко, что боится погони за собою, или—чтобы сами козаки не вздумали бить Татаръ, какъ это сдѣлалъ Глухъ, уманскій полковникъ, сильно громившій Буджацкую Орду на возвратномъ пути, такъ что она была принуждена окупиться".

Таково было положеніе украинскаго дѣла по слухамъ и надеждамъ, когда несчастные побѣдители козакотатарской силы стояли лагеремъ подъ Біличами, оставивъ за собой миляхъ въ двухъ Любартовъ. Еще во Львовѣ, 27 іюля, Янъ Казимиръ получилъ отъ Потоцкаго донесеніе, что нѣмецкой пѣхоты у него частью вымерло, частью разбѣжалось полторы тысячи.

Стоя подъ Смархиномъ, въ 4 миляхъ отъ Ямполя, одинъ изъ участниковъ похода писалъ на родину отъ 31 іюля: „Теперь идемъ все болѣе и болѣе голодными краями; только травъ обиліе невыразимое, такъ что иного коня едва видать въ травѣ; но хлѣба и доброй

воды для питья трудно добыть. Чтó у кого есть, тѣмъ и довольствуются, а другіе мрутъ отъ голода, какъ пѣхота, которой убываетъ ежедневно. Ложатся по дорогѣ и пухнутъ. Сегодня раннимъ утромъ двинемся далѣе, къ Любартову: чаемъ тамъ хлѣба. О, приведи насъ къ нему, Господи Боже"!

Наконецъ, во время холодной слякоти, пришли въ пустки, называвшіеся Любартовымъ. „Очень много людей перемерло и коней переколѣло" (приписалъ тотъ же корреспондентъ въ своемъ неотправленномъ письмѣ). „Отъ страшнаго горя и вспоминать не хочу. Скажу только, что, видно, приходится намъ горько, когда уже не только челядь и пѣхота, но и двое товарищей и семь рейтаръ отъ голода и дождя, въ нашихъ глазахъ, упавши съ коней, умерли".

Отъ 4 августа доносилъ также королю Мясковскій, что страшная непогода, продолжавшаяся пять дней и пять ночей, воспрепятствовала отправить депешу. Не было возможности оставаться и въ палаткахъ сухимъ. Проходя по четверти мили въ день, войско достигло, 3 августа, Любартова, „хотя пустаго и голоднаго, но по крайней мѣрѣ не сожженнаго", такъ что послѣ стольких неудобствъ (tot incommoda), могли осушить себя отъ холодныхъ, точно осеннихъ дождей. Въ Любартовѣ застали они не мало хлѣба на корнѣ, и такъ какъ на Случи не были сожжены мельницы, то можно было сколько-нибудь заготовить пѣхотѣ хлѣба, а для полученія скота были распредѣлены между полками ближайшіе города: Синява, Сѣнявка, Краснополе, Грановъ, Бѣлополе, предоставивъ имъ полную власть (pleniariam facultatem) какъ возможно больше добыть оттуда продовольствія. Но покамѣстъ голодные завоеватели роднаго края питались поджаренными на огнѣ зернами.

Здѣсь они провѣдали, что „хлопство" идетъ къ Хмелю таборами подъ Корсунь; что Выговскій бунтуетъ ему чернь по Заднѣпрію; что поднѣстровскіе хлопи хотятъ выбрать себѣ другаго гетмана; что Богунъ собираетъ хлопство подъ Прилукой надъ Собомъ и съ каждаго хлопа взимаетъ по талеру на Татаръ, которые обѣщали прійти къ нему въ числѣ 40.000.

Между тѣмъ литовскій гетманъ получилъ отъ кіевлянъ и прислалъ Потоцкому слѣдующую *суплику*:

„Ясно освѣщеннымъ, ясно вельможнымъ панамъ регментарямъ войска его королевской милости Великаго Княжества Литовскаго, всему рыцарскому кругу отдавая нижайшій поклонъ.

„Со слезами просимъ милостивыхъ пановъ явить милосердіе, какъ намъ, такъ домамъ Божіимъ и всему городу, не допуская хоругвей до

опустошенія: ибо не только никогда не поднимали руки противъ Божія помазанника и молили Божій маестатъ о счастливомъ его панованьѣ, но еще во время этихъ смутъ сохраняли жизнь многимъ шляхтичамъ и шляхтянкамъ, которые сами о томъ засвидѣтельствуютъ. Давно бы уже мы отозвались къ вашмосцямъ милостивымъ панамъ съ этою покорою нашею, когда бы намъ былъ дозволенъ вольный проѣздъ. Поэтому просимъ и вторично объ оборонѣ отъ военныхъ импетовъ. Въ Кіевѣ, у св. Софіи, дня 21 іюля 1651 года.

„Сильвестръ Косовъ, кіевскій, галицкій митрополитъ.

„Іосифъ Тризна, архимандритъ кіевскій-печерскій.

„Войтъ, бурмистръ, райцы города его королевской милости Кіева".

Потоцкій съ своей стороны послалъ къ митрополиту удостовѣреніе, что идетъ въ Украину для успокоенія бунтовъ, если какіе-либо есть, и предостерегаетъ всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ его королевской милости, чтобы всѣ сидѣли въ своихъ домахъ, не опасаясь никакихъ враждебныхъ дѣйствій (nullam hostilitatem).

Въ трудномъ и голодномъ походѣ радовали жолнеровъ успѣхи литовскаго войска, о которыхъ 3 августа увѣдомилъ Потоцкаго нарочный изъ Бѣлоруссіи. Коронному великому гетману писали, что по разбитіи Небабы Черниговъ былъ взятъ и вырубленъ, что князь Радивилъ идетъ къ Остру и Нѣжину, что козаки сильно побиты подъ Дымеромъ, что и Кіевъ прислалъ просьбу о помилованіи (которая и сообщена Радивиломъ Потоцкому). Любартовскіе „обыватели" разсказывали, что на своемъ побѣгѣ изъ-подъ Берестечка Хмельницкій, съ сотнею конныхъ козаковъ и пятью Татарами, былъ въ Любартовѣ на пóпасѣ. „Ничего не сказалъ онъ тамошнимъ людямъ" (писалъ Мясковскій), „кромѣ того, что идетъ закладывать новый таборъ (obоz toczyć) въ Украинѣ для освобожденія полковъ, оставшихся подъ Берестечкомъ. Когда Орда хотѣла жечь Любартовъ, Хмельницкій послалъ къ ней, чтобъ этого не дѣлали, а то будутъ наказаны царемъ (крымскимъ), и тотчасъ Орда пошла черезъ Случъ на Острополь. Видно, не совсѣмъ потерялъ онъ кредитъ у Орды. Это подтверждаетъ и литовское извѣстіе, что Хмельницкій собираетъ хлопство и Выговскій бунтуетъ ему чернь, въ надеждѣ на скорыя вспоможенія татарскія. Каменецкій староста (Петръ Потоцкій) также пишетъ о завзятости и остервененіи поднѣпровскихъ людей; разсказываетъ, какъ на Днѣстрѣ становятся уже таборомъ, и Ляховъ никогда не хотятъ имѣть панами".

По походному дневнику, Потоцкій двинулся далѣе 4 августа, но проливной дождь не позволилъ ему пройти больше четверти мили. Зато его порадовало извѣстіе пана Мыслишевскаго, что онъ разгромилъ

подъ Браиловымъ два таборка хлоповъ, которые шли къ Хмельницкому. Прислалъ Мыслишевскій и отнятое у нихъ знамя. 5 августа, „переправлялась“ черезъ Любартовъ армата. Офицеры ѣздили подбирать по дорогѣ больныхъ и умирающихъ, а мертвыхъ погребать. Умирали больше пѣхотинцы. Больные шли воевать здоровыхъ, голодные—сытыхъ, нищіе—обезпеченныхъ, иностранцы—туземцевъ. Паны медленно двигались похоронной процессіей умирать въ землѣ предковъ своихъ, послѣ того какъ отверглись ихъ вѣры, пренебрегли ихъ народностью. Но русскіе предки не могли пріютить полонизованныхъ потомковъ даже въ своихъ усыпальницахъ. Шли паны въ Украину собственно для того, чтобы сдѣлать поднѣпрянъ и поднѣстрянъ еще болѣе завзятыми и остервенѣлыми противъ ихъ ляшескаго господства, ненавистнаго въ своей святости еще больше, нежели въ своей грѣховности. Люди, которыхъ знаменитый дипломатъ, князь Криштофъ Збаражскій, заклеймилъ названіемъ scelesle genus hominum, оказались въ проклятіяхъ могущественнѣе тѣхъ, которые прокляли ихъ на Брестскомъ синодѣ,—оказались могущественнѣе потому, что, по малорусской пословицѣ: „въ своей хатѣ своя и правда“. Проклятіе католическое пронеслось изъ Литовскаго Бреста до самаго Рима пустымъ эхомъ. Проклятіе православное залегло въ милліонахъ малорусскихъ сердецъ, и поразило всѣхъ прямыхъ и косвенныхъ дѣятелей уніи козатчиною.

Не поджидая своей арматы, Потоцкій прошелъ въ этотъ день три мили съ конницей на Трошлю, такъ какъ въ Боговой Украинѣ происходили волненія, и онъ одной вѣстью о приближеніи жолнеровъ надѣялся остановить хлоповъ отъ скопленія въ купы. Въ дорогѣ повстрѣчали жолнеры ѣдущаго къ коронному великому гетману городскаго писаря изъ Паволочи вмѣстѣ съ посланцомъ отъ кіевлянъ, которому было поручено удостовѣриться собственными глазами, что коронное войско дѣйствительно идетъ въ Украину. Не довѣряли этому въ Кіевѣ, а между тѣмъ готовы были трактовать съ короннымъ войскомъ охотнѣе, нежели съ литовскимъ.

„Паволочскій писарь“ (сказано въ походномъ дневникѣ) „много разсказывалъ о Хмельницкомъ, какъ онъ во время бѣгства стоялъ три дня въ Паволочи, и вынудилъ у мѣщанъ 3.000 злотыхъ, которые тотчасъ отсчиталъ находившимся при немъ пяти татарскимъ мурзамъ. Когда мѣщане спросили, почему онъ идетъ одинъ и почему назадъ, онъ сказалъ, что оставилъ двадцать полковъ добрыхъ молодцовъ противъ короля, которые будутъ обороняться четверть года. У нихъ де много живности и пороховъ, а вы знаете, какъ мы обороняемся въ таборахъ, и какъ переносимъ голодъ. Потомъ его спрашивали о ли-

товскомъ войскѣ, не будетъ ли оно въ Украину. „Не будетъ" отвѣчалъ онъ: „ибо князь Равидилъ далъ мнѣ слово, что только на пограничьѣ будетъ стоять". Между тѣмъ пилъ два дня и двѣ ночи, какъ на третій день бѣжитъ измѣнникъ Хмелецкій изъ табора и спрашиваетъ о гетманѣ, однакожъ со страхомъ. Проситъ паволочскихъ мѣщанъ, чтобъ смягчили къ нему Хмеля. Лишь только на порогъ, Хмельницкій спросилъ: „А таборъ гдѣ?" Тотъ, пожавъ плечами, сказалъ: Уже у дьявола таборъ.—Почему же?—Потому что молодцы не хотѣли биться.—А знамена?—И знамена пропали.—А гарматы? а шкатула съ червонными злотыми?—Про шкатулу не знаю... Тогда Хмельницкій началъ рвать на себѣ чубъ и проклинать. На эту меланхолію пріѣзжаетъ Джеджалла. Здоровались они съ плачемъ. Потомъ—Гладкій. Но всѣ полковники безъ козаковъ, только во сто, въ полтораста коней. Одинъ Пушкаренко пришелъ съ десятью хоругвями, подъ которыми могло быть коней 600. Другаго войска не было: ибо всѣ пошли въ разсыпную".

Къ этому разсказу прибавлю изъ письма Мясковскаго къ королю, чтó сообщилъ ему хозяинъ, у котораго кормилъ Хмельницкій лошадей (pokarmował). Садясь уже на коня, Козацкій Батько крикнулъ: „Хто зъ васъ, дітки, не козакувàвъ, седіте й ждіте своихъ панівъ, а хто казакувавъ, сідàйте (на кóні) зàразъ зо мною въ Украйну: бо Ляхи́ пóтоптомъ пійдуть за нàми". Въ отвѣтъ на это, люди начали его проклинать (dopiero mu ludzie złorzeczyć poczęli).

Слышалъ, или нѣтъ бѣглый гетманъ эти проклятія, но поволочане поплатились потомъ за свое охлажденіе къ козацкому промыслу. Стоя между двухъ огней, они. подобно другимъ горожанамъ, просили у своего пана охранительнаго гарнизона и получили его; но хмельничане воспользовались первымъ поворотомъ въ ихъ сторону *фортýны,* гарнизонъ Замайскаго прогнали, а мѣстечко вырѣзали.

„Тамъ же въ Паволочи" (записано въ дневникѣ) „пришла къ Хмельницкому вѣсть о погромѣ Небабы отъ литовскаго войска. Когда мѣщане упрекали Хмеля, что вотъ и литовское войско наступаетъ, онъ отвѣчалъ на это: „Не додéржавъ мені слóва Радивѝлъ". Тутъ пришли ханскіе универсалы къ полковникамъ и всей черни, въ которыхъ ханъ оправдывался, что хоть и отступилъ отъ Берестечка, но сдѣлалъ это не изъ болѣзни, а по причинамъ болота и лѣсовъ; однакожъ не такъ отступилъ Запорожскаго Войска, чтобы не возвратиться; нѣтъ, по всякому увѣдомленію объ опасности отъ Ляховъ, готовъ прибыть со всѣми ордами. Эти универсалы Хмельницкій велѣлъ читать публично, для утѣшенія (pro consolatione) черни. Но судьба такъ велѣла, чтобы въ слѣдующій же день пришли отъ хана противныя письма,

когда онъ узналъ, что уманскій полковникъ, Глухъ, билъ Татаръ на Синихъ Водахъ и на Царскомъ Броду. Очень обидѣлся этимъ ханъ, и въ послѣднихъ письмахъ своихъ отказалъ Хмельницкому въ дружбѣ, чѣмъ очень сконфуженный, уѣхалъ онъ изъ Паволочи".

Панскіе вѣстовщики прибавляли къ этому разсказъ, что ханъ отпустилъ Хмельницкаго только въ рубашкѣ да въ кожухѣ, отстегавъ его нагайками и содравъ съ него хорошій окупъ.

Легенду свою приправлями они пріятными для панскаго слуха, хоть и неправдоподобными, словами Хмельницкаго, который де хотѣлъ идти на Запорожье, но не желалъ, чтобы хлопство шло за нимъ, и говорилъ: „Я уже больше съ моимъ паномъ (королемъ) воевать не буду, а вы, какъ прежде отправляли свои повинности, такъ и теперь чините своимъ панамъ".

Носился также слухъ, напоминающій намъ бѣглаго Наливайка—у Пикова и Брацлава, что будто бы чигиринцы не впустили въ городъ ни Хмеля, ни Татаръ.

Но вмѣстѣ съ радостными вѣстями о ссорѣ двухъ бѣглыхъ хановъ, паны завоеватели получили печальныя извѣстія о голодѣ въ Барѣ, о составленіи хлопскихъ купъ на Поднѣстріи и при этомъ—о моровомъ повѣтріи въ Каменцѣ, гдѣ перемерло множество и шляхты.

Когда панское войско вступило въ Кіевщину, и остановилось въ полумилѣ по сю сторону Янушполя надъ Озерками, собравшіеся вожди его мѣнялись различными вѣстями. Со смѣхомъ узнали паны отъ князя Вишневецкаго, что Хмельницкій женился на казачкѣ Пилипихѣ. Но имъ было не до смѣху, когда полевой гетманъ объявилъ, что въ Брацлавѣ посланцовъ его съ универсалами перетопили, и что тамошній народъ о подданствѣ не хочетъ и думать. „Въ это время" (разсказываетъ походный дневникъ) „сѣли мы за столъ у пана воеводы брацлавскаго, который угостилъ насъ порядочнымъ ужиномъ по прибытіи изъ дому отъ Люблина подкрѣпленія въ живности и напиткахъ, какъ прискакалъ брацлавскій чесникъ, панъ Кордышъ, къ пану Краковскому съ письмомъ отъ брацлавской шляхты, вопіющей о спасеніи: ибо хлопы не хотятъ пускать ее въ маетности, а нѣкоторыхъ убиваютъ, села жгутъ, у пана воеводы Черниговскаго (полеваго гетмана) все возлѣ Винницы и Брацлава пожгли, а Богунъ собираетъ свое ополченіе подъ Правковыми лѣсами".

По полученіи такихъ вѣстей, 7 августа сѣли паны въ радѣ, и стали радить, что́ дѣлать имъ въ предотвращеніе хлопскихъ бунтовъ. Ничего не могли они выдумать по этому великому вопросу, казавшемуся всё еще малымъ,—не могли уже по одному тому, что тутъ же

въ лагерѣ присутствовали и руководили ими, какъ школьниками, просвѣтители и, можно сказать, создатели Польши, агенты римской политики.

Предотвратить хлопскіе бунты можно было только въ XVI столѣтіи, когда такіе паны, какъ Острожскіе, не женились еще на католичкахъ, не принимали въ свои дома воспитателями своихъ дѣтей іезуитовъ Скаргъ и не скопляли въ подземныхъ скарбахъ по 20 милліоновъ для передачи ихъ со всѣми добрами своими въ руки наслѣдниковъ—католиковъ. Еслибы „даровитѣйшій и совершеннѣйшій во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ“ нашихъ кіевскихъ профановъ дѣйствительно одушевился мыслью собрать 15 или 20 тысячъ воиновъ на защиту свободы русской совѣсти отъ іезуитской казуистики,—онъ упрочилъ бы за панами то, чего не могъ бы отвоевать и князь Вишневецкій при самыхъ благопріятныхъ для его таланта обстоятельствахъ. Теперь панамъ не было бы уже спасенія въ Украинѣ и въ такомъ случаѣ, когда бы они тутъ же, передъ глазами паствы Вишенскихъ, Борецкихъ, Копинскихъ, изгнали изсреди себя злаго духа въ видѣ своихъ „душпастырей“, и стали въ ряды козаковъ, какъ предлагалъ Киселю Хмельницкій въ Переяславѣ,—не было бы потому, что и козаки, и мужики съ мѣщанами, и самое духовенство, съ двуличнымъ митрополитомъ во главѣ, были крайне извращены въ своей религіозности, общественности и національности. Теперь осталось Малороссіи одно прибѣжище для возрожденія въ древнерусскомъ образѣ—сліяніе съ Великою Россіею; но и оно, какъ извѣстно, совершилось посредствомъ нашего крещенія отъ польскихъ грѣховъ въ потокахъ благороднѣйшей русской крови.

Надумались несчастные паны залить пожаръ ведромъ воды: постановили—послать каменецкому старостѣ въ помощь шесть хоругвей съ приказомъ идти къ Винницѣ и дѣлать, что̀ велятъ обстоятельства, а все войско рѣшились соединить за Махновкою.

Августа 9 стояли паны въ Махновкѣ, 10 шли подъ Бѣлковку, мѣстечко, лежавшее уже за козацкой линіей, „и потому“ (говоритъ походный дневникъ) „застали мы уже отмѣнный край: копы на полѣ густыя; много всякаго хлѣба и скота по полямъ. Однако, товары свои хлопы перенесли въ за̀мокъ: ибо это держава пана короля Потоцкаго. Случилось намъ купить живности побожно, кромѣ напитковъ. Едва для пана Краковскаго нашли для покупки бочку меду за 160 злотыхъ, а другую—весьма дурнаго пива за 80“.

Въ это время подъ Кіевомъ произошло, 10 августа, характеристическое столкновеніе между отрядомъ посланныхъ впередъ Волоховъ

князя Вишневецкаго и пахоликами литовскаго войска. Въ пяти миляхъ отъ литовскаго лагеря, пахолики, принявъ этихъ Волоховъ за козаковъ, ударили на нихъ стремительно, но получили такой отпоръ, что полтораста человѣкъ легло трупомъ. Тогда Волохи, узнавъ, что недобитые пахолики принадлежатъ къ литовскому войску, отпустили ихъ съ миромъ, но сперва ограбили. Волохи были люди православные; литовскіе пахолики—тоже православные. Такіе случаи показываютъ, что значило единовѣріе для тѣхъ и другихъ bravi.

Августа 11 пріѣхалъ въ панскій лагерь посланный отъ кіевскаго митрополита монахъ. Будучи чернорызцемъ-могилянином, онъ привѣтствовалъ Николая Потоцкаго прекрасною рѣчью (mową wyborną). Потоцкій отвѣчалъ, что отцу митрополиту слѣдовало бы раньше выразить королю долгъ вѣрноподданства. Монахъ-витія объяснялъ молчаніе Сильвестра Косова „завоеваннымъ краемъ", и разсказывалъ о себѣ, что его мимовольно завернули къ Хмельницкому, что и письма долженъ былъ онъ одни изорвать, а другія утаить, и что сперва хотѣлъ онъ пуститься въ дорогу съ вѣдома Хмельницкаго. По его словамъ, козацкій гетманъ стоялъ тогда на Русавѣ, въ 8 миляхъ за Бѣлою Церковью. У него было 15 пушекъ, но козаковъ не больше 5.000, и Татаръ 150 коней. Мужики не спѣшили собираться къ нему: ибо полки приходили только въ 100 и въ 200 человѣкъ. Поэтому де послалъ онъ съ полковникомъ Хмелецкимъ въ Бѣлую Церковь одного Татарина, который бы увѣрялъ, будто идетъ 20.000 Татаръ.

Вечеромъ того же дня прибыли паны въ Рожинъ. Титулярный козацкій гетманъ Забугскій прислалъ имъ туда „взятаго на Татарахъ въ Бѣлой Церкви добраго языка", козака, который показалъ, что бѣльничанъ тамъ 6 000. Полковникъ ихъ, Громыка, хотѣлъ бы де попробовать счастья съ панскимъ войскомъ, но чернь не допускаетъ, и держитъ его за сторожею. Надѣясь на татарскую помощь, чернь хочетъ—или обороняться, или бѣжать къ Хмельницкому, а на королевскіе и польско-гетманскіе универсалы не обращаетъ вниманія.

„Здѣсь уже мы увидѣли" (пишетъ мемуаристъ) „какъ бы обѣтованную землю, полную хлѣба и пасѣкъ; но, по неосторожности слугъ пана калусскаго старосты, которые сами не держали въ Рожинѣ гарнизона, ни у пана Краковскаго не просили *), пахолки напали съ другой стороны на городъ, полный стараго хлѣба и другихъ живностей, пивъ, медовъ, и при этомъ стали грабить коморы, между тѣмъ

*) Положеніе этихъ слугъ (шляхтичей) среди козаковъ, очевидно, было незавидное.

какъ войско съ паномъ Краковскимъ проходило по длинному и дурному мосту, подъ страшнымъ дождемъ и громомъ. Панъ воевода (Вишневецкій) бросился какъ можно скорѣе съ гетманскимъ знакомъ въ городъ, и видитъ хлѣбъ высыпанный, пивницы отбитыя, пчелы разбитыя, а къ зàмку, въ которомъ хранилось больше всего лучшаго добра мужицкаго, (католическій) монахъ ведетъ на приступъ пахоликовъ, между которыми были и жолнеры-товарищи. Подскочилъ онъ къ одному, къ другому съ буздыганомъ, а одному товарищу досталось такъ, что хлѣба не будетъ больше ѣсть. Двоихъ вожаковъ-пахоликовъ тотчасъ повѣсили; другихъ били кіями въ рынкѣ передъ глазами посполъства, и такимъ образомъ разогналъ панъ воевода эту саранчу. Но предводитель монахъ прибѣжалъ къ пану Краковскому съ жалобой, что не позволяютъ отомстить за кривду Божію и костеловъ Божіихъ. На вопросъ пана Краковскаго: какъ такъ? онъ говоритъ, что въ зàмкѣ хлопы заперли въ костелѣ скотъ, пчелы и посносили туда разные пожитки. Надобно было вамъ штурмовать этотъ зàмокъ. Такъ де по пивницамъ спрятаны орнаты. А твоя милость, милостивый пане, запрещаешь все это отыскивать. Однакожъ, не произвелъ своею рѣчью никакого зазрѣнія совѣсти: ибо не съ тѣмъ намѣреніемъ благословилъ онъ пахоликовъ, чтобы мстили за Божію кривду, а чтобы нахватали скота и движимости".

Изъ-подъ Рожина Потоцкій хотѣлъ идти черезъ Паволочь немедленно на Таборовку, прямо къ Бѣлой Церкви, но получилъ извѣстіе, что козаки подъ Хвастовомъ разбили звенигородскаго старосту Гулевича, и рѣшился соединить все войско подъ Паволочью.

Августа 13 передовой отрядъ панскаго войска наткнулся подъ Таборовкой на 2.000 чату Хмельницкаго, при которой было 500 конней Татаръ. Въ этомъ отрядѣ было семь выбранныхъ изо всего войска хоругвей, по словамъ походнаго дневника, bardzo dobrych; но не извѣстно, какой судьбой (quo fato), увидѣвъ непріятеля, онѣ тотчасъ начали отступать, бросивъ непріятелю въ добычу возы. За ними гнались до самой Паволочи, и онѣ потеряли двухъ поручиковъ, со множествомъ товарищей. Спасъ ихъ отъ совершеннаго пораженія только ротмистръ князя Вишневецкаго, Войниловичъ, ударившій случайно на козаковъ и Татаръ сбоку, причемъ захватилъ трехъ языковъ татарскихъ *). На вопросъ князя Вишневецкаго: почему они загнались

*) Дней черезъ десять кто то изъ участниковъ похода объяснилъ это бѣгство въ письмѣ къ пріятелю весьма характеристически: „....Ci wprzód Pawołocz, miasteczko P. Starosty kałuskiego, które mogło najmniéj cztery wojska nasz

такъ далеко подъ войско? Татары отвѣчали, что ихъ послалъ Хмельницкій для языка. Онъ де получилъ извѣстіе, что король съ войскомъ вернулся домой и всѣ ляшескія войска разошлись, и потому хотѣлъ знать, кто идетъ въ Украину. На вопросъ: давно ли вы здѣсь? языки отвѣчали, что „когда отходилъ ханъ, мы здѣсь остались ради жолду.“— По чемъ же вамъ дастъ Хмельницкій?—Мурзамъ по 200 талеровъ, а намъ по 10.—Много васъ теперь?—Теперь при Хмельницкомъ 2.000 считанныхъ Татаръ. Считали насъ на одномъ мосту при переходѣ, и тотчасъ давали деньги.—А будетъ васъ еще больше?—Будетъ скоро 4.000, а другіе подпасываютъ коней. Однакожъ, ханъ, кажется, не будетъ въ эту осень“.

Эти вѣсти заставили пановъ соединить свои отряды, а военная рада рѣшила дожидаться пѣхоты и арматы подъ Паволочью, для того чтобы проложить себѣ путь къ соединенію съ литовскимъ войскомъ. Между тѣмъ пановъ печалили получаемыя вновь болѣе точныя вѣсти о ретирадѣ семи отборныхъ хоругвей изъ-подъ Таборовки. Проходя черезъ Паволочь, какъ и чрезъ другіе города, доблестные воины набрали множество живности, серебра и другихъ драгоцѣнностей, но, при видѣ козаковъ и Татаръ, бросили попилявецки весь таборъ, заключавшій въ себѣ больше тысячи возовъ. Теперь надобно было ждать еще болѣе смѣлаго отпора со стороны козаковъ. Авторъ походнаго дневника съ горестью пишетъ: „Будутъ эти фанты скоро въ Крыму для выставки добычи и для хвастовства побѣдою“. Вмѣстѣ съ возами (прибавляетъ онъ) погибла тамъ и почти вся челядь.

Въ такомъ настроеніи духа, 16 августа, войско достигло Паволочи. Стоя подъ Паволочью, паны больше прежняго сѣтовали на разнузданность войска своего. „Господь Богъ“ (писали они) „восхотѣлъ нѣсколько смирить насъ погромомъ семи хоругвей нашихъ и научить насъ большей осторожности: ибо, когда панъ Краковскій, ради важ-

---

...żywić, ze wszystkich dostatków tak złota, srebra, jako i wszelakiéj żywności ...pojów złupiwszy, ku Taborówce poszli: gdzie jako w doma rozgościwszy się, bez...ecznie się zostawali. W tém czata potężna od Chmielnickiego we 200 Kozaków ...500 Tatarów dla języka wyprawiona, napadłszy na naszych śpiących, srogą zdo...cz wozów, więcéj niż tysiąc, srebrem, złotem i innemi rzeczami naładowanych ...ągwszy, na samych wsiedli i aż w przedmieście pawołockie wpędzili; i gdy...zarządzeniem Boskiém P. Wojniłowicz, Rotmistrz Xięcia Wojewody ruskiego, ...sukkiem z futorów w pięć chorągwi z boku nie przypadł, pewnieby byli ...wszyscy zniesieni, i P. Starosta kałuski dostałbysię w ręce nieprzyjaciela, który ...(т. е. староста) na ten czas w Pawyłoczy był“.

ныхъ соображеній (dla różnych wielkich respektów), послалъ эти хоругви впереди, онѣ—да простятъ мнѣ правду (parcant mihi)—увлеклись больше добычей и волами. Не говорю о добрыхъ воинахъ, а только о волонтерахъ и сволочи, которые за нихъ цѣпляются. Одна Паволочь могла прокормить четыре такихъ войска, а они ее разграбили. Досталось и коморамъ; но всего больше намъ жаль напитковъ: ибо въ одной только пивницѣ разсѣкли они 24 бочки вина, которыхъ не могли выпить, а сколько по другимъ пивницамъ попортили медовъ и горѣлокъ, тому нѣтъ конца и счету. А мы теперь, въ эти жары, жаждемъ напитковъ... Непріятель не хочетъ уже пустить насъ за Бѣлую Церковь, и тамъ укрѣпляетъ сильный таборъ, яко на старожитной нѣкогда козацкой линіи (jako przy starożytnéj quondam linii kozackiej *). Хвастовымъ и Трилісами (козаки) овладѣли, не давая намъ соединиться съ литовскимъ войскомъ. Теперь мы окружены непріятелемъ; хлопы позади насъ разоряютъ мосты и портятъ переправы, грозя намъ, что когда бы мы захотѣли уйти, то и нога наша не уйдетъ. Но мы всю надежду возлагаемъ на свое мужество".

Было отъ чего призадуматься и самымъ отважнымъ предводителямъ панскаго войска. Варшавскій Анонимъ изображаетъ этотъ походъ самыми мрачными красками:

„Всего тяжеле было въ немъ голодающей пѣхотѣ. Всадники, чатуя, добывали себѣ живность хоть вдалекѣ, но этимъ подвергали и себя, и пѣхоту голоду: ибо жители не возили и для тѣхъ, кто обходился деньгами. Но и денегъ не было. Или офицеры растрачивали жолнерскій жолдъ, или съ поборцевъ не взыскали. Никакихъ запасовъ не было. А хоть пѣшій жолнеръ и получитъ жалованье, то пропьетъ и проиграетъ въ кости, потомъ долженъ красть и этимъ питаться. Если нельзя украсть, то голодаетъ, пухнетъ... О, какъ много расходуетъ на нихъ Рѣчь Посполитая! а они, бродя по вербункамъ, грабятъ села и мужичковъ. Что схватитъ новозавербованный жолнеръ, то и пропьетъ. Между тѣмъ офицеры вымученныя деньги берутъ себѣ. Ежедневныя у нихъ сдѣлки, окупы. Получая въ городахъ, мѣстечкахъ и селахъ побочные хлѣбы, они покрываютъ себя галунами, а жолнеръ, оборванный точно попрошайка, не скоро доставляется ими въ лагерь, и необмундированный, необученный, принужденъ бѣжать. Всѣ мы стонемъ, ропщемъ, жалуемся, переносимъ терпѣливо такія грабитель-

*) Вспомнимъ универсалъ Павлюка: „По Кіевъ и Бѣлую Церковь паны жолнеры не должны были ступать и ногой по сю сторону (po Kiow i po Białocerkiew P. P. Żołnirze na te strone i nogą nie mogli bywać").

ства, надувательства, а предотвращать ихъ не стараемся, — и теперь вотъ намъ награда, что голодные въ замкнутомъ лагерѣ жолнеры, вымерли во множествѣ отъ заразы"!

Не участвовавшій въ завоевательной экспедиціи Освѣцимъ, по разсказамъ очевидцевъ, даетъ намъ слѣдующій эскизъ похода:

„Едва 30 іюля войско достигло Лабуня. Но городъ этотъ и замокъ въ немъ были сожжены раньше. Во время похода, наемныя хоругви поступали весьма своевольно и, желая вознаградить себя за то, что не получали жалованья отъ Рѣчи Посполитой, страшно грабили и опустошали мѣстности, по которымъ проходили... Литовскій гетманъ, князь Радивилъ, побуждалъ нашихъ вождей, чтобъ они скорѣе двигались къ Кіеву... Но наше войско не могло ускорить своего движенія... Украинскіе хлопы сперва совершенно упали было духомъ, и были готовы отказаться отъ всякихъ бунтовъ, стали подчиняться панамъ и ихъ приказчикамъ, стали исполнять свои обязанности; но когда узнали, что шляхта разъѣхалась по домамъ, что король оставилъ войско, и что войско наше еле двигается черепашьимъ ходомъ,— начали тотчасъ помышлять о бунтѣ; вождей нашихъ и войско безъ короля презирали, управителей стали прогонять, распоряженія ихъ и письменныя инструкціи рвали, отъ исполненія повинностей отказывались и, побуждаемые универсалами Хмельницкаго, начали вновь копляться въ купы... Въ теченіе мѣсяца, непріятель, сразу смутившійся, не только ободрился, но успѣлъ вновь собрать значительныя силы, такъ что былъ въ состояніи вести не только оборонительную, но и наступательную войну... Въ Брацлавщинѣ козаки захватили панскія житницы, а шляхту ограбили и перебили... Среди мужиковъ ходили универсалы Хмельницкаго, говорившіе, что Ляхи находятся у него въ рукахъ, и что уже нѣсколько недѣль назадъ къ нему пришло много Татаръ... Наше войско, углубившись въ страну, столь удаленную, очутилось какъ бы въ осадѣ. Непріятель захватилъ всѣ дороги и пути сообщенія, прервалъ всѣ наши сношенія, безпокоилъ насъ частыми вылазками и, не допуская къ лагерю подвоза припасовъ, произвелъ страшный голодъ. Хлопы въ селахъ и мѣстечкахъ вездѣ насмѣхались надъ нашими: Ляхи отрѣзали насъ отъ Днѣпра, а мы ихъ—отъ Вислы".

Но еще живъ былъ полководецъ, во имя котораго войско, въ лицѣ лучшихъ представителей своихъ, возлагало „всю надежду на мужество". Августа 13, за милю передъ Паволочью, соединились всѣ полки, и гетманы, вмѣстѣ съ региментарями, собрались на раду въ палаткѣ князя Вишневецкаго. Онъ былъ здоровъ и веселъ. Его, безъ

сомнѣнія, радовала надежда возвратиться въ тотъ край, который онъ колонизовалъ съ такимъ успѣхомъ. На другой день, во время жажды, онъ поѣлъ съ аппетитомъ огурцовъ, запилъ неосторожно медомъ, испортилъ себѣ желудокъ; врачъ его швагера, Замойскаго, ксендзъ Куназіусъ, не могъ ему помочь; его перенесли въ паволочскій замокъ и утромъ 20 римскаго августа скончался.

Освѣцимъ пишетъ, что войско готово было бы своею кровью искупить его кончину, еслибъ это было возможно. Теперь поняли всѣ, чего лишились. Органъ шляхетскаго воззрѣнія, варшавскій Анонимъ, приписываетъ королевской факціи то, что Вишневецкому не дали довершить побѣду подъ Берестечкомъ. Королю внушали, что Вишневецкій соперничаетъ съ ними въ славѣ побѣды, и заставили талантливаго полководца посторониться передъ королевскимъ тріумфомъ: только по этому (говоритъ Анонимъ) козаки ушли изъ табора.

Такъ думала о нашемъ Байдичѣ, можно сказать, почти вся Польша, которой лучшая часть вѣровала въ результаты битвъ, а худшая — въ результаты политической казуистики, и обѣ ошибались вмѣстѣ съ погубленнымъ польщизною русскимъ героемъ.

Отправивъ залитый смолою гробъ къ безутѣшной Гризельдѣ, панское войско рвалось въ Украину, которая теперь отвергала уже не только отступниковъ церкви и народности предковъ своихъ, но и всѣхъ, кого видала она подъ однимъ съ ними знаменемъ. Съ другой стороны, козаки, слыша, что нѣтъ уже на свѣтѣ грознаго Князя Яремы, вдохновились новой завзятостью противъ Ляховъ и Недоляшковъ. Когда паны подошли къ мѣстечку Трилісамъ, принадлежавшему къ бѣлоцерковскому староству, и остановились въ небольшой милѣ отъ него, охотники-шляхтичи принялись возстановлять по-козацки славу побитыхъ козаками хоругвей. Они грабили и жгли подгородные хутора; они избивали все живое, не сознавая, что сѣютъ въ обѣтованной землѣ драконовы зубы, которые будутъ безъ конца терзать ихъ польское потомство. Козацкая чернь, въ знакъ презрѣнія къ панамъ завоевателямъ, показывала имъ заднія части, а нѣкоторые, среди всякихъ другихъ ругательствъ, кричали имъ: „Ляхи! продайтесь намъ, не псуйте коней: ато ні на чому буде втекати въ Кравівъ“.

Мѣстечко сохранило въ своемъ названіи память о трехъ лѣсахъ, которые, можетъ быть, видѣлъ Контарини въ XV столѣтіи, когда Rossia bassa состояла изъ безлюдныхъ пустынь. Отъ этихъ лѣсовъ уцѣлѣли вокругъ него великанскіе дубы толщиною въ пивную бочку, а множество другихъ дубовъ употреблено было жителями для устройства частокола, который казался имъ непреодолимымъ. Кромѣ укрѣп-

юннаго такимъ образомъ вала, въ Трилісахъ, какъ и во всякомъ югдашнемъ городкѣ, былъ зàмокъ, снабженный пушками. Изъ-за развѣсистыхъ древнихъ дубовъ эти пушки стрѣляли завзято по разорителямъ любезныхъ украинцу хуторовъ и пасѣкъ. Въ Трилісахъ заперлось тысячи двѣ черни и 600 козаковъ, предводимыхъ сотникомъ Богданомъ. Прилегавшее къ мѣстечку длинное, широкое, болотистое озеро придавало еще больше смѣлости его защитникамъ. Даже и женщины вооружились косами. Корсунскій герой Потоцкій вознамѣрился застращать своихъ побѣдителей истребленіемъ Трилісъ. Остановивъ приступъ къ мѣстечку, дождался онъ пѣхоты, а между тѣмъ велѣлъ приготовиться къ бою по одной хоругви изъ каждаго регимента.

На зарѣ 24 (14) августа грянули пушки. Не устоялъ противъ нихъ частоколъ изъ великановъ-дубовъ. Множество волонтеровъ, обдиралъ и руинниковъ даже родной шляхетчины, какъ бы творя поминки по князѣ Вишневецкомъ, вломились въ мѣстечко вмѣстѣ съ пѣхотой и произвели поголовную рѣзню, не щадя ни женщинъ, ни дѣтей. Уцѣлѣли только тѣ женщины, которыхъ служилые Волохи и другіе товарищи уводили къ себѣ въ лагерь за мѣстечко (które niektórzy ochraniali, uwodząc za miasto, jako Wołosza i inne towarzystwo, tego sobie nabrawszy)... „По милости Божіей“ (пишетъ авторъ дневника, обмакнувъ перо въ горячую кровь) „теперь есть у насъ чѣмъ оживить пѣхоту; только хлѣба всего труднѣе добыть, такъ какъ его надобно молотить и печь, а напитковъ, безъ которыхъ намъ очень худо, если и покажется немного, то дорого: кварта горѣлки по 3 злотыхъ, пива по 1 зл. и 15 грошей, медъ по 2 зл. и 15 гр. гарнецъ, и то самое худшее, вино по 8 зл., петерциментъ (испанское вино) по 10 зл. гарнецъ“.

Возблагодаривъ за Божію милость рѣзнею и грабежемъ, продолжавшимися цѣлый день,—ночью, съ обновленными силами, приступили жолнеры къ зàмку. Служилъ въ региментѣ Богуслава Радивила 60-лѣтній ветеранъ религіозной войны, капитанъ Штраусъ. Этотъ мастеръ своего ремесла вломился въ зàмокъ первый и гналъ передъ собой цѣлую толпу козаковъ; но храбрая козачка нанесла ему два смертельныхъ удара и пала съ честью подъ мечами его дружины. Погибъ и другой наемный Нѣмецъ, капитанъ королевской гвардіи, Валль, вмѣстѣ съ 30 своими сподвижниками. Зàмокъ былъ взятъ лишь въ 4 часа утромъ. Осажденные пытались бѣжать вплавь и на челнахъ черезъ прудъ, но ихъ встрѣчали ружейною пальбою. Спаслись весьма немногіе. „Множество труповъ“ (пишетъ мемуаристъ) „валяется всюду

по ямамъ, пивницамъ, коморамъ, кругомъ мѣстечка и по полямъ, такъ мужчинъ, такъ и женщинъ съ дѣтьми... Все мѣстечко съ зàмкомъ и хуторами обращено въ пепелъ; погорѣли и церкви; даже дубы, окружавшіе зàмокъ и мѣстечко, малымъ чѣмъ тоньше пивныхъ варецкихъ бочекъ, и тѣ сожжены; словомъ, все выгублено огнемъ и мечемъ. Скота досталось каждому войску страшное множество (bydła sroga rzecz wojsku dostała się każdemu)".

Мясковскій доносилъ королю о разореніи Трилісъ въ качествѣ стратегика и политика.

„Августа 23 остановились мы въ двухъ съ половиною миляхъ подъ трилісскими пасѣками среди необозримыхъ пажитей, и въ одинъ часъ лагерь наполнился всякою живностью съ козацкихъ хуторовъ не только для необходимаго, но и для роскоши (non solum ad necessitatem, ale i ad delicias), что трудно было воспретить голоднымъ и гетманскою трубою. Но неукротимая чернь (effrenis plebs), видя передъ глазами наше войско довольно огромное, не выслала и живой души съ просьбой о помилованіи, напротивъ, осыпала нашихъ тысячью ругательствъ (mille conviciis impetebant)... Панъ Краковскій употреблялъ всякія средства, чтобы привести ихъ къ покорности, но они и слышать о томъ не хотѣли. Поэтому въ день св. Варѳоломея, который, яко мученикъ, хотѣлъ ознаменовать свой день широкимъ кровопролитіемъ (jako Martyr, effuso cruore dzień swój chciał illustrare), панъ полевой писарь (Пршіемскій) пошелъ на самомъ разсвѣтѣ, въ Божій часъ, подъ мѣстечко съ 600 пѣхоты, прикомандированной изъ разныхъ региментовъ, и 400 своихъ драгунъ да съ четырьмя полевыми пушками, и, видя, что мы не могли никоимъ образомъ идти далѣе въ Украину, не отворивъ этого прохода черезъ рѣчку Каменицу, которую миновать нигдѣ не могли, а притомъ не слыша никакой просьбы о помилованіи, велѣлъ ударить изъ пушекъ въ крѣпкій частоколъ, составленный изъ цѣльныхъ дубовъ, и, проломавъ его, долженъ былъ уже отважиться черезъ ровъ, хотя сухой, но крутой и глубокій, на приступъ, который, по милости Божіей, совершилъ успѣшно (feliciter z łaski Bożej successit): ибо гарнизонные козаки, устрашенные нашею рѣшимостью, начали отступать въ зàмокъ, болѣе крѣпкій, нежели мѣстечко. По долгомъ козацкомъ сопротивленіи и по долгой кровавой игрѣ, въ которой пало два капитана и одинъ хорунжій (Волеть) вторгнулись наши въ зàмочекъ, гдѣ пораженіемъ и истребленіемъ всѣхъ, безъ различія пола и возраста, отмстили потерю своихъ, хотя и невозвратимую,—пощадили только тѣхъ, которыхъ разсудительнѣйшіе увлекли отъ ярости воиновъ (strage et caede kozaków, ulti sunt

ecturam lubo incomparabilem suorum, sine discrimine poniekąd exus et aetatis, chyba których baczniejszy sustraherunt furori militum). I трудно было, поистинѣ, укротить жолнеровъ, жаждавшихъ мести avidum vindicatae cohibere militem)..., Сотникъ ихъ, комендантъ ста-инный съ предковъ козакъ (Богданъ) взятъ живымъ, и когда его спро-или: что васъ привело къ такому упорству? отвѣчалъ, что сегодня хотѣлъ амъ Хмельницкій прислать ночью подкрѣпленія изъ Хвастова, не умая, чтобъ это мѣстечко такъ скоро было взято. Въ Хвастовъ не огли уйти больше 20 козаковъ: ибо и тѣхъ, которые переплывали елнами, наши тотчасъ на берегу перенимали и убивали. Въ одинъ асъ мѣстечко сдѣлалось жертвой огня съ зàмкомъ и прекрасною ерковью... Думали, что это хлопское упорство легче преодолѣть огнемъ мечемъ (ta chłopska pernikacia facilius dometur szablą i ogniem), ежели угрозой и снисхожденіемъ".

Хмельницкій въ тотъ же день, когда Мясковскій доносилъ королю 26 римскаго августа) объ истребленіи Трилѣсъ, прислалъ къ Николаю Потоцкому смиренное, миролюбивое и богобоязненное письмо, а это начило, что онъ готовитъ ему нѣчто противоположное.

„Видитъ Богъ" (писалъ старый лицемѣръ), „что мы не желали альнѣйшаго разлитія крови и довольствовались ласкою его королев-кой милости. Но вотъ опять зачепка съ обѣихъ сторонъ! Которая торона больше виновата, пускай судитъ Богъ. Намъ трудно было клонять шею подъ мечъ: мы были принуждены обороняться. А на го милость короля, нашего милостиваго пана, не поднимали рукъ: ибо подъ Берестечкомъ, гдѣ войско не испытало милосердія его коро-евской милости, мы должны были уступить ему, яко своему пану, и дти къ своимъ домамъ, желая уже впредь мира. Но, такъ какъ ваша илость изволитъ поступать съ войскомъ своимъ, мы знаемъ, что это клонится не къ миру, а къ большему разливу крови, и что это со-сѣмъ (totaliter) не съ нашей стороны дѣлается, свидѣтельствуемся семогущимъ Богомъ. А такъ какъ вашмость панъ отправлялъ съ ами экспедиціи неоднократно, то съ обѣихъ сторонъ должна быть не-вознаградимая шкода: и теперь, если не употребишь состраданія, каж-ый готовъ умереть при своемъ убожествѣ, и восхочетъ положить олову: ибо всякая пташка охраняетъ свое гнѣздо, какъ можетъ... Мы, однакожъ, о вашмость панѣ думаемъ, что, умилосердясь надъ христіянствомъ, чтобы съ обѣихъ сторонъ не разливалась невинная кровь, благоволишь желать святаго мира. И мы его сильно желаемъ, вашмость пана просимъ, чтобы вашмость панъ, яко primas regni, мудрымъ своимъ совѣтомъ благоволилъ устроить, чтобъ уже кровавый

потокъ былъ остановленъ, и внести къ его королевской милости, нашему милостивому пану, предстательство о насъ, чтобъ онъ благоволилъ оставить насъ при нашихъ вольностяхъ и возымѣлъ отеческое милосердіе надъ своими подданными. Пускай бы уже въ королевствѣ его королевской милости процвѣталъ желанный миръ, и соединенныя силы были готовы на службу его королевской милости; а чего бы вашмость панъ требовалъ, благоволи вашмость, нашъ милостивый панъ, объявить, не наступая съ войсками: ибо мы уразумѣли, что вашмость панъ, какъ это изволилъ выразить въ универсалѣ своемъ, писанномъ въ Бѣлую Церковь, не желаешь уже больше разлитія крови. И мы также съ войсками своими не будемъ двигаться, а будемъ ожидать милостивой декларація отъ вашмость пана, которую надѣемся получить въ понедѣльникъ. Просимъ и вторично вашмость пана, а за дознанное благодѣяніе и милость доживотно будемъ обязаны отслуживать нашему милостивому пану. Теперь же поручаемъ себя усердно съ униженными нашими услугами. Данъ съ табора Явзеня... августа 1651".

На письмо Хмельницкаго Потоцкій не счелъ нужнымъ отвѣчать. Отвѣтъ взялъ на себя кіевскій воевода, Кисѣль. Узнавъ о судьбѣ Трилісъ, козаки оставили Хвастовъ, который былъ очень нуженъ Потоцкому для свободнаго сообщенія съ Полѣсьемъ, для помѣщенія возовъ, которые, увеличиваясь въ своемъ числѣ безмѣрно, затрудняли движеніе войска, а также для больныхъ, которыхъ было въ войскѣ много.

Въ Хвастовѣ не застали паны и одного человѣка: козаки, въ числѣ 4 000, бѣжали въ Бѣлую Церковь, гдѣ стоялъ Богунъ съ значительною силою. Для насъ непонятно, почему сотника Богдана, взятаго въ Трилісахъ, посадили въ Хвастовѣ на колъ. Еще непонятнѣе фактъ, что ночью кто-то укралъ его вмѣстѣ съ коломъ. „Не извѣстно куда онъ дѣвался" (сказано въ дневникѣ). „Велѣли смотрѣть, не похороненъ ли онъ. Полевой гетманъ грозилъ тому, кто его укралъ (groził się na tego, kto go ukradł), и былъ бы наказанъ".

„Теперь уже войско приходитъ въ себя" (пишетъ авторъ походнаго дневника): „ибо здѣсь, по милости Божіей, края обильные урожаемъ хлѣбовъ; только надобно молотить, и кто умѣетъ, молотить, или у кого есть такая челядь. И страшно большая здѣсь копа (srodze tu gęsta kopa), какой въ Польшѣ не увидишь".

Августа 30 (20) явился отъ кіевскаго митрополита къ коронному великому гетману монахъ съ выраженіемъ отъ лица греческаго духовенства покорности королю и съ просьбой о покровительствѣ.

„Онъ оправдывался“ (сказано въ дневникѣ), „что, по причинѣ завоеванія этихъ краевъ, не могъ никоимъ образомъ прибыть раньше. Вмѣстѣ съ тѣмъ поздравлялъ съ побѣдой, моля Господа Бога, чтобъ его милость король могъ скорѣе видѣть свое королевство“. А Кутнарскій привезъ письма отъ волошскаго господаря, и вмѣстѣ съ ними отдалъ Потоцкому прекраснаго коня, весьма богато осѣдланнаго, три кисти съ драгоцѣнными каменьями, еще отъ Солимана, турецкаго императора, два персидскіе ковра, тканные золотомъ, и двѣ штуки персидскаго златоглава.

Сентября 2 Потоцкій получилъ отъ князя Радивила увѣдомленіе, что онъ идетъ на соединеніе съ коронным войскомъ, какъ въ это время прибыли и два посла отъ Хмельницкаго, Романъ Катержный и Самара. Ихъ провели сперва чрезъ весь лагерь къ Адаму Киселю, которому вручили покорное письмо Хмельницкаго къ Потоцкому. Съ вѣдома Потоцкаго, Кисѣль читалъ имъ длинную проповѣдь о томъ, что коронный гетманъ тогда только будетъ трактовать съ козаками, когда они—или Хмельницкаго выдадутъ, или всю Орду, которая пришла къ нимъ, вырѣжутъ, а мурзъ отдадутъ живыми.

На другой день привели Катержнаго и Самару къ Потоцкому въ то самое время, когда войско садилось на коней и вся военная музыка весело и громко играла. „Оба они“ (пишетъ мемуаристъ) „упали къ ногамъ пана Краковскаго и подали письмо. Прочитавъ его, панъ Краковскій выговаривалъ имъ всѣ ихъ злодѣйства, особенно же то ехидство, что Хмельницкій послалъ за Ордой, а они просятъ о помилованіи“. „Поэтому“ (сказалъ имъ гетманъ) „не могу я отвѣчать на письмо Хмельницкаго: ибо не признаю его вашимъ гетманомъ послѣ того, какъ онъ поднялъ руку на его королевскую милость, а къ вамъ, къ вашему войску напишу, что его королевская милость далъ мнѣ въ одну руку мечъ, а въ другую—милосердіе. Не могу я приступить къ трактатамъ съ вами иначе, какъ, если вы сдѣлаете одно изъ двухъ, что вамъ панъ воевода кіевскій напишетъ моимъ именемъ; а времени для образумленія даю вамъ три дня, до среды: потомъ немедленно наступлю съ литовскимъ войскомъ, и христіанская кровь должна разлиться“.

Съ этимъ одинъ посолъ тотчасъ поскакалъ на Русаву, а другой остался въ панскомъ лагерѣ.

Въ тотъ же день двинулся Потоцкій къ Васильхову. Приведенные къ нему языки показали, что козаки въ Бѣлой Церкви мучили своихъ плѣнныхъ жолнеровъ, допытываясь, какъ велико панское войско, но тѣ на пыткахъ говорили въ одно слово, что въ Украину при-

жило все войско, бывшее подъ Берестечкомъ, только нѣтъ короля, а посполитаки на свое мѣсто прислали жолнеровъ. „Потомъ ихъ кропили горілкою й медомъ" (пишетъ мемуаристъ), „и хотѣли вынудить у нихъ число войска; но тѣ говорили то же, что и *на мукахъ*". Конфессату ихъ послали ночью къ Хмельницкому, съ просьбой, чтобъ онъ—или позволилъ имъ—покориться польскому войску, или же позаботился о добрыхъ подкрѣпленіяхъ. Тамъ же посадили на колья десятка полтора Нѣмцевъ, а другихъ жарили на рожнахъ за то, что сотника ихъ, взятаго въ Трилісахъ, покарали коломъ. Поздно ввечеру митрополитъ прислалъ Потоцкому добрыхъ напитковъ. Посланцы его разсказывали „о сожженіи Кіева", и какая великая добыча досталась литовскому войску, какъ въ деньгахъ, такъ и въ движимости. По ихъ словамъ, ее надобно было считать милліонами: ибо только у трехъ купцовъ нашли 160.000, а сколько же у другихъ въ серебрѣ и драгоцѣнностяхъ, которыхъ большая часть осталась въ Кіевѣ послѣ пилявецкой добычи!

По плану Хмельницкаго, который онъ чертилъ себѣ передъ началомъ войны, Литовскимъ Княжествомъ предполагалось овладѣть одновременно съ Короною. Какъ Напѣрскій-Костка долженъ былъ неожиданно наводнить взбунтованною черныо Краковъ, такъ съ другаго края спивной Польши былъ посланъ какой-то Тарасенко для внезапнаго нападенія на Рославль. Тарасенко, не тревожа Бѣлоруссіи слухами о наступленіи новаго Наливайка, провелъ какъ-то 4.000 козаковъ черезъ московское пограничье. Въ Брянскѣ привелъ онъ свое войско въ порядокъ, снарядилъ окончательно, и вторгнулся въ Рославль 16 іюня, ночью, „безъ борьбы и кровопролитія", какъ доносилъ своему воеводѣ подъ Берестечко смоленскій подвоеводій, мстиславскій подкоморій. Находившіеся тамъ въ незначительномъ количествѣ шляхтичи, а также и подстаростій, бѣжали. У Тарасенка было 7 пушекъ. Козаки его сидѣли на прекрасныхъ лошадяхъ и были одѣты въ бѣлыя свитки. Первое извѣстіе о нихъ было получено, когда они отправили впередъ свои чаты для собиранія живности. Былъ слухъ (конечно, распущенный ими самими), что они получили царскую грамоту къ пограничнымъ воеводамъ, разрѣшавшую пропустить ихъ въ Литву еще на русскаго Николая (9 мая). Но брянскій де воевода задержалъ ихъ и послалъ просить вновь царскаго распоряженія, такъ какъ польскіе послы находились тогда въ Смоленскѣ и разсказывали будто имъ, отъ имени царя, данъ такой отвѣтъ: „Управьтесь вы сами со своими хлопами, а потомъ уже я помогу вамъ противъ Татаръ". Кромѣ того, разсказывали они, будто бы съ царскаго разрѣшенія, козаки сами себѣ строили въ Московской землѣ мосты для переправы

Интереснѣе для насъ и самихъ похожденій Тарасенка въ Бѣлоруссіи то, что посланный изъ Смоленска въ Брянскъ лазутчикъ привезъ отъ бояръ, жившихъ въ окрестностяхъ Брянска, Леонтьева и Семеева, „весьма обстоятельныя извѣстія" о томъ, какъ провожали изъ Брянска козацкое войско, кто были провожатые и черезъ какія села вели его. „Семеева" (писалъ подвоеводій), „я полагаю, ваша милость помнитъ. Вы встрѣчали его веселящагося у меня, въ послѣднюю вашу бытность. Это человѣкъ очень хорошій. Онъ передалъ мнѣ весьма обстоятельныя извѣстія. По его словамъ, по царскому указу и по распоряженію брянскаго воеводы, мѣстные бояре провожали козацкое войско. Онъ даже назвалъ поименно бояръ. Провожатыми именно были: онъ самъ, Тимоѳей Голыновъ, Ѳедоръ Безобразовъ, Алексѣй Требашный, Константинъ Мясоѣдовъ и до двадцати другихъ, которыхъ лазутчикъ не помнилъ. Изъ Брянска въ Рославль они вели козаковъ по слѣдующему маршруту: Брянскъ, Леденево, Бирощекъ, Миловники, Клевитовъ, Новоселки, Черебинъ, Горошково, Жарево... Сегодня" (продолжаетъ подвоеводій) „опять получилъ я точное извѣстіе, что начальникъ этой сволочи, Тарасенко, уже разослалъ чаты изъ Рославля: одну въ Прудки и Череповъ, другую въ Ельню и Дорогобужъ. Послѣднимъ городомъ они овладѣли, захватили въ немъ пушки и запасъ пороху, склонили къ бунту всѣ окрестныя волости, и намѣрены изъ Дорогобужа идти въ Кричевъ, Мстиславъ, Могилевъ, Оршу, и затѣмъ, овладѣвъ этими городами, покуситься на Смоленскъ. Пожаръ приближается къ намъ. Уже хлопы у насъ бунтуютъ; а между тѣмъ я не располагаю никакими средствами защиты. Въ подъѣзды мнѣ некого послать, кромѣ грунтовыхъ козаковъ. Но они не годятся для разъѣздовъ: отправивъ ихъ, я бы только доставилъ непріятелю языковъ: ибо козаки эти на клячахъ, взятыхъ отъ сохи, не въ состояніи ничего сдѣлать, и сами, безъ нужды въ томъ, погибнутъ. Изъ земянщиковъ здѣсь нѣтъ никого. Они медлятъ; затѣяли созвать сеймикъ, а между тѣмъ непріятель опустошаетъ уже край, овладѣваетъ селами, и съ каждымъ днемъ усиливается и становится опаснѣе. При козакахъ находится и отрядъ Татаръ въ 600 коней".

Хмельницкій сдѣлалъ поджогъ съ обѣихъ сторонъ весьма искусно, да еще умудрился пустить слухъ, черезъ покупныхъ людей, и о царскомъ вмѣшательствѣ въ его каверзы. Но разгорѣться огню не дали, какъ со стороны Кракова, такъ и со стороны Рославля. Мы уже знаемъ, какъ былъ уничтоженъ Небаба. Хмельницкій возлагалъ на него такую же надежду, какъ и на погибшаго въ Бѣлоруссіи Кричевскаго. Сдѣланный Хмельницкимъ въ этомъ важномъ случаѣ выборъ

можно уподобить выбору каррикатурнаго Зевеса относительно каррикатурнаго Енея:

Чи бачишъ, вінъ якій парнище?
На світі мало е такихъ:
Горілку, такъ мовъ брагу, хлище:
Я въ парубкахъ кохаюсь сихъ.

По словамъ Самовидца, козаки Небабы „зоставали безпечне, болшей бавячися пьянствомъ, анѣжели осторожностію, розумѣючи, же юже невзвитяжоными зостали". Своею *войсковою несправностью*, въ которой упрекаетъ его Самовидецъ, онъ погубилъ и Тарасенка, въ которомъ украинская исторіографія лишилась такого же предмета прославленія, какимъ обѣщалъ ей быть и Костка-Напѣрскій.

Разбивъ Небабу, князь Янушъ Радивилъ отправилъ Гонсѣвскаго на правую сторону Днѣпра, гдѣ Хмельницкій поставилъ на сторожѣ въ Чернобылѣ Горкушу, а подъ Кіевомъ — кіевскаго полковника, Антона Ждановича; самъ же Радивилъ подступилъ къ Чернигову, гдѣ козаки наготовили множество запасовъ. Козацкій гарнизонъ бѣжалъ изъ Чернигова. Радивилъ занялъ городъ и, какъ былъ въ Польшѣ слухъ, опустошилъ понепріятельски окрестныя мѣста.

Между тѣмъ Гонсѣвскій разбилъ Горкушу. Антонъ Ждановичъ встрѣтилъ литовское войско въ 15 верстахъ отъ Кіева, и пытался отразить; но, какъ объясняли царскимъ людямъ въ Чигиринѣ, внялъ совѣту кіевскаго митрополита и печерскаго архимандрита не подвергать козаковъ напрасной опасности и не раздражать Радивила противъ Кіева, только выполнилъ благой совѣтъ съ такой поспѣшностью, что, по словамъ жившаго тогда въ Печерскомъ монастырѣ Ерлича, побросалъ въ Кіевѣ все, даже пушки.

Радивилъ занялъ Кіевъ мирно, на сколько это было возможно при извѣстномъ хищничествѣ литовскаго войска. Лагерь свой расположилъ онъ въ „старосвѣтскихъ валахъ" около Св. Софіи, обезопасилъ Печерскій монастырь сильною стражею, а самъ занялъ квартиру въ резиденціи митрополита у Св. Софіи („w pokojach Ojca Metropolity", пишетъ Ерличъ). Но кіевскіе мѣщане, еще до прихода Литвы, сѣли на байдаки вмѣстѣ съ козаками, и ушли къ Переяславу, Черкасамъ и другимъ поднѣпровскимъ убѣжищамъ, такъ что Радивилъ, по словамъ Самовидца, засталъ Подольское мѣсто мало не пустымъ.

Въ это время проѣзжалъ черезъ Кіевъ къ Хмельницкому царскій подъячій, Ѳоминъ, вмѣстѣ съ возвращавшимся изъ Москвы агентомъ Хмельницкаго, назаретскимъ митрополитомъ Гавріиломъ; но въ

онесенія царю написалъ о своемъ пребываніи въ Кіевѣ только слѣ-
ующія слова:

„А какъ у козаковъ (Ждановича) съ Поляки (т.-е. съ Литвою) ылъ бой, и кіевскіе мѣщане животы свои изъ Кіева вывозили и сами обѣжали за Днѣпръ, и въ тѣ поры, съ великого страхованья, другъ руга топтали, и межъ ими въ Кіевѣ по улицамъ и на перевозѣхъ ѣснота была большая. А митрополитъ (Гавріилъ) и подъячей въ тѣ оры отъ польскихъ людей, будучи въ Кіевѣ, были въ великомъ стра-ованьѣ. А въ Кіевѣ города и никакихъ крѣпостей нѣтъ, и въ осадѣ идѣть отъ воинскихъ людей негдѣ“.

Сентября 4 Потоцкій получилъ увѣдомленіе, что князь Радивилъ етъ на соединеніе съ нимъ съ 2.000 войска, оставивъ свой обозъ войско подъ Кіевомъ. Но еще до прихода Радивила донесли По-цкому, что 5.000 „хлоповъ“, соединясь въ двухъ миляхъ отъ лагеря, утъ къ Днѣпру, неизвѣстно для чего. Полевой гетманъ двинулся отивъ нихъ съ четырьмя полками и съ тысячею пѣхоты, а великій, нарядною кавалькадою, встрѣтилъ въ полѣ Радивила. Съ обѣихъ ронъ (сказано въ дневникѣ) старались показать войсковую роскошь лошадяхъ, оружіи, панцыряхъ, щеголяя кирасами, леопардовыми, гровыми шкурами, серебромъ и золотомъ (z wielkim splendorem ojskowym z obu stron, konno, zbrojno, pancerno, od kirysów świet-ch, lamparłów, tygrysów, srebra i złota).

Начались взаимныя угощенія, а между тѣмъ Калиновскій, какъ ю слышно, положилъ на мѣстѣ 3.000 изъ 5.000 „хлоповъ“, кото-е намѣревались ударить на литовскіе байдаки подъ Кіевомъ и адѣвъ ими, осадить немногочисленное литовское войско. Одновре-нно съ этими „хлопами“ спускались по Деснѣ къ Кіеву козацкія ки, и еслибъ имъ удалось покушеніе, то оно было бы надлежа-къ коментаріемъ смиреннаго, миролюбиваго и богобоязеннаго пись-Козацкаго Батька къ Потоцкому. Козацкая флотилія ударила на овскіе байдаки 6 римскаго сентября, но безъ пособія пѣхоты ни-о больше не сдѣлала.

Въ Кіевѣ между тѣмъ своевольники (какъ пишетъ Ерличъ) за-и „для грабежа“ Подолъ. На другой день пожаръ возобновился. рѣло 2.000 домовъ (однихъ шляхетскихъ 300) и нѣсколько церк-, въ томъ числѣ и Пречистая въ рынкѣ, въ которой хранились дскія и земскія книги; сгорѣли также и (братскія) „школы“.

Козаки чуяли, что конецъ ихъ добычному промыслу приближает-что Ляхи съ одной стороны, а Москали съ другой, какъ народы ійливые, должны вступить въ свои права; что только въ единеніи

съ Татарами возможно еще кочевать въ тѣхъ мѣстахъ, которыя панскій плугъ, подъ защитой сабли, отвоевалъ у такихъ же, какъ они сами, чужеядниковъ. Къ берестечскимъ бѣглецамъ присоединялись всѣ разоренные, споенные, развращенные козатчиной мужики, которыхъ кобзари тѣсно связываютъ въ своихъ думахъ съ днѣпровскимъ рыцарствомъ:

Тоді козàкъ и мужи́къ за пàна Хмельницького Бóга просивъ,
Що не оди́нъ жидівськый жупанъ зносивъ.

Все бездомовное, все задорное, хищное, пьяное поднялось въ козаки по-прежнему; а хоть и были такіе селяне и мѣщане, какъ въ Паволочи, которые на призывъ Козацкаго Батька отвѣчали проклятіями, то ихъ, какъ вскорѣ и поволочанъ, не миновалъ козацкій терроръ въ видѣ кроваваго набѣга. Омужичившаяся Малороссія дышала по-прежнему войною, которую зажигали и мщеніе панамъ за ихъ кары отъ имени королевскаго правительства, и жажда добычи, которою всѣ разлакомились, подобно звягельской кушнѣркѣ, и отвращенія къ труду, отъ котораго всѣ отвыкли.

Интеллигенція церковная, полонизованная Петромъ Могилою, умолкла съ своими наставленіями, обращенными къ Хмельницкому, привѣтствовала классическою польщизною того самаго Потоцкаго, котораго восхваляла за его побѣды надъ *ребеллизантами* Поляки въ облаченіи православнаго митрополита, и хлопотала лишь о томъ, какъ бы остались цѣлы ея духовные хлѣбы. Строгая школа иночества, филія „духовной школы“ Аѳонской, казалось, умерла съ великимъ представителемъ своимъ, столѣтнимъ затворникомъ, преподобнымъ Іовомъ Почаевскимъ, скончавшимся въ этомъ году *). Надъ антипанской паствой Іоанна Вишенскаго, Іова Борецкаго, Исаіи Копинскаго господствовалъ безнравственный козакъ, и въ глазахъ пьяной, грязной, кровавой черни былъ божкомъ, достойнымъ поклоненія. Подобно тому, какъ въ Турціи по базарамъ и караванъ-сараямъ каждая побѣда янычаръ и спаховъ немедленно воспѣвалась присяжными турецкими и славянскими бардами,—среди нашихъ малорусскихъ рынковъ, во всемъ похожихъ теперь на азіятскіе, пѣлись козацкія легенды, имѣвшія цѣлью возбуждать воинственный жаръ въ слушателяхъ. Хотя Хмельницкій говорилъ публично, что воевалъ сперва только за свою обиду, но базарные пѣвцы дѣлали его воителемъ христіанской вѣры съ самаго начала его бунта:

*) 28 октября 1651.

Ой изъ день-годи́ны,
Якъ ста́ла трівóга на Вкраіні,
До ніхтó не мóже ся обібра́ти
За віру християнську односта́йно стати;
Тілько обізва́всь Бараба́шъ та Хмельни́цький,
Та Клю́ша Білоцеркóвський, и т. д.

Теперь война за вѣру сдѣлалась кличемъ и такихъ козаковъ, которые держали татарскимъ обычаемъ по нѣскольку женъ, и такихъ, которые продавали ихъ на рынкахъ вмѣстѣ съ прочею животиною, или, какъ поется въ пѣснѣ, промѣнивали *жінку за тютюнъ та люльку*... Смерть недостойнаго коринескаго митрополита подъ Берестечкомъ сдѣлалась въ козакомужицкой Малороссіи печатью вѣры, и даже татарское людохватство среди козаковъ истолковывалось „гоненіемъ Ляховъ на благочестіе". Между тѣмъ азіятскіе хищники, въ рукахъ Козацкаго Батька, были мечемъ обоюдуострымъ. Кто бы противился новому походу на *пекéльниковъ*, кто бы захотѣлъ вернуться къ прежнему порядку вощей, на того были у него палачи, быстрые въ своемъ дѣлѣ, какъ налетъ коршуна. По мановенію Козацкаго Батька исчезли бы съ лица земли цѣлыя села и мѣстечки, подобно Паволочи, а люди, отвергающіе козатчину, очутились бы въ татарскихъ лыкахъ.

Испытавъ дважды предательство Исламъ-Гирея, Хмельницкій обратился къ его *козакамъ*, къ вольнымъ мурзамъ, относившимся къ ханской власти, какъ запорожскіе баниты къ королевской. Толпы буджацкихъ и другихъ ордынцевъ, составлявшія революціонный элементъ самой татарщины, по соглашенію съ Хмельницкимъ, прикочевали къ Корсуню, и однимъ своимъ появленіемъ обезпечивали ему господство надъ Малороссіей. Объ этомъ знали и въ Москвѣ, которая не упускала изъ виду борьбы, долженствовавшей рано или поздно привести польскорусскую землю подъ высокую царскую руку.

Подъячій Богдановъ, гостившій у Хмельницкаго въ Корсунѣ по 18 іюля 1651 года, доносилъ царю,—что „около Корсуня верстъ по пяти и по шти и по десяти и больши въ поляхъ кочуютъ Татаровя; а начальные люди у нихъ Камаметь-мурза, воевода перекопскій, Ширинъ-мурза, Котлуша-мурза, а всѣхъ двадцать четыре человѣка; а Татаръ съ ними, сказываютъ, тысячъ съ тридцать" (число, преувеличенное бѣглымъ гетманомъ) „и больши; а остались отъ крымского царя и къ гетману пришли на помочь, и кочуютъ подъ Корсунемъ безъ повелѣнья крымскаго царя, своею охотою".

Тотъ же царскій подъячій доносилъ, что посыланныхъ Хмельницкимъ въ Москву назаретскій митрополитъ Гавріилъ, въ его присутствіи, далъ Хмельницкому такой отвѣтъ: „Великій государь, его царское величество, гетмана за то, что онъ его государскіе милости и жалованья къ себѣ ищетъ, милостиво похваляетъ, и впредь онъ, великій государь, его царское величество, его, гетмана, за его службу, въ своей государской милости и въ жалованьѣ держати будетъ".

Проговоря эти слова, Гавріилъ вручилъ Хмельницкому свою рѣчь на бумагѣ. Она была написана „бѣлорусскимъ письмомъ" въ Москвѣ, „для того" (какъ объясняетъ Богдановъ), „чтобы ему, гетману, великого государя, его царскаго величества, милостивое заступленья *вразумѣть доскональ*". Отнестись къ Хмельницкому прямой грамотой Москва не желала, очевидно, изъ опасенія, чтобы козаки не пустили снова въ ходъ царскаго имени, для большаго успѣха въ своихъ варварскихъ дѣлахъ.

Прочитавъ написанное, Хмельницкій, по словамъ Богданова, „учалъ плакать", понимая, конечно, въ досадѣ, что на него въ Москвѣ смотрятъ, какъ на опаснаго злодѣя, но, плача, выражалъ готовность (писалъ Богдановъ) „быть подъ государевою высокою рукою, такъ же, какъ у него, великаго государя, всякихъ чиновъ люди въ подданствѣ и во всей государской волѣ пребываютъ, и въ томъ всею Малою Русью духовного чину и свѣцкого дать на себя договорное письмо за руками, и въ томъ учинить присягу отъ велика и до мала".

Гавріилъ одобрилъ его намѣреніе, и что онъ, гетманъ, великому государю служитъ и его государской милости ищетъ (говорилъ митрополитъ, разумѣется, по московской инструкціи) это его царскому величеству „добрѣ угодно". Только онъ, митрополитъ, тому дивится, что онъ, гетманъ, православный христіянинъ, а держитъ братство и соединенье съ бусурманомъ и съ Крымскимъ царемъ и съ Татары, будучи съ нимъ, гетманомъ, и съ Войскомъ Запорожскимъ въ братствѣ, православныхъ христіянъ побиваютъ и въ полонъ берутъ, и домы ихъ разоряютъ; а нынѣ онъ же, Крымской царь, пришодъ къ нему, гетману, и Войску Запорожскому на помочь противъ Поляковъ, во всемъ противъ присяги своей ему, гетману, зрадилъ и самого было его, гетмана, поневолилъ, и знатное дѣло, что хотѣлъ его польскому королю отдать для бездѣльные своей корысти, чтобъ ему, бусурману, чѣмъ себѣ большую корысть получить. А о томъ бы онъ, гетманъ, вѣдалъ подлинно: онъ, митрополитъ, въ ихъ бусурманскихъ краяхъ живетъ и ихъ бусурманскіе всѣ звычаи знаетъ, что они, бусурманы, людемъ православные христіянскіе вѣры много присягаютъ, и во

всемъ, присягнувъ, лгутъ; да они того себѣ и въ грѣхъ не ставятъ, потому что въ законѣ ихъ написано такъ: будетъ который бусурманъ, съ гауромъ живъ въ братствѣ, умретъ, не учиня ему нѣкотораго зла, за то онъ, бусурманъ, будетъ у Махменя въ вѣчной мукѣ".

Отвѣтъ Хмельницкаго Богдановъ передалъ въ Москву слѣдующими словами: „И самъ де онъ, гетманъ, знаетъ, что съ бусурманы православные христіянскіе вѣры людемъ братство и соединенье держать по неволѣ. Они де, православные христіяне, держатъ съ ними братство для того, чтобъ святые Божіи церкви и православную христіянскую вѣру отъ польскихъ и отъ еретическихъ рукъ свободить. А они, бусурманы, съ ними братство держатъ для того, что вездѣ на войнахъ за ихъ головами многую корысть себѣ получаютъ, и, приходя де къ намъ, православнымъ христіяномъ большое дурно чинятъ".

Умѣлъ Хмельницкій поддѣлываться подъ всякій языкъ и образъ мыслей, но московскаго соловья не удалось ему кормить баснями, какъ польскаго.

О катастрофѣ подъ Берестечкомъ козаки, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, разсказывали царскимъ людямъ, какъ о какой-то побѣдѣ надъ Ляхами, доводя иной разъ ложь до такого безстыдства, что на 6.000 погибшихъ въ бояхъ Ляховъ, съ козацкой стороны падало всего два человѣка да раненныхъ было человѣкъ восемь, и притомъ побитые Поляки „были, извѣстное дѣло, до бою первые люди: мало не всѣ въ кольчугахъ да въ панцыряхъ". Такъ отважно не лгалъ и Фальстафъ у Шекспира.

„А нынѣ де" (писалъ Богдановъ) „и надъ самимъ надъ нимъ, гетманомъ, Крымской царь большое дурно учинилъ, и начомъ присягалъ во всемъ зрадилъ, иево, гетмана, взявъ, отъ козацкого обозу отвезъ въ дальнія мѣста, и къ войску не отпустилъ, невѣдомо для чего, и держалъ у себя съ недѣлю, и знатное де дѣло, что у него, Крымского царя, о немъ, гетманѣ, былъ нѣкакой злой умыселъ. А войско де, видя то, что Крымской царь зрадилъ, и его, гетмана, взялъ съ собою, почаяли того, что Крымской царь сложился съ королемъ и пошелъ украинные ихъ городы разорять, и жены и дѣти въ полонъ брать, и учинилось Войско Запорожское въ великомъ страхованьѣ, и обозъ покинули, и побѣжали на Украину, для того чтобъ Крымскому царю украинныхъ городовъ разорить, и женъ своихъ и дѣтей въ полонъ имать не дать".

До какой степени нужна была теперь Хмельницкому московская протекція, видно изъ дальнѣйшихъ словъ, передаваемыхъ Богдановымъ своеобразно: „И то де самое большое дурно учинилось отъ его, Крым-

скаго царя, зрады, и ему де, гетману, крымской царь какой большой другъ? И только де онъ, гетманъ, и за такое большое дурно роздору никакова не учинитъ, и впредь, до времени, роздору учинить не мочно и всякіе обиды отъ него терпѣть, потому: какъ ему, гетману, съ Крымскимъ царемъ учинить раздоръ, и онъ де, Крымской царь, сложась съ польскимъ королемъ, учнетъ на нихъ воевать, и тѣмъ де Крымской царь страшенъ. А если де великій государь его, гетмана, съ Войскомъ Запорожскимъ и всю Малую Русь всякихъ чиновъ людей приметъ, и онъ бы его, великого государя, его царскаго величества, именемъ былъ Крымскому царю страшенъ, и обидъ бы отъ него, Крымского царя, никакихъ терпѣть не сталъ, никакова бъ братства и соединенья и ссылки съ Крымскимъ царемъ, безъ повелѣнья царского величества, держати не сталъ. А съ польскимъ де королемъ сложиться ему, Крымскому царю, ни которыми мѣрами не мочно, потому что великого государя подданные, донскіе козаки, Крымскому царю страшны, да и онъ бы, гетманъ, и Войско Запорожское, по указу великого государя, промыселъ надъ ними Днѣпромъ учинилъ, и ему де, Крымскому царю, какъ смѣть съ польскимъ королемъ сложиться? Да хотя де и будутъ они въ соединеньѣ, и ихъ бояться нечево, и противъ великого государя, его царского величества, николи стоять не будутъ. А будетъ великій государь, его царское величество ему, гетману, свое государское изволенье пришлетъ, велитъ его призвать подъ свою высокую государеву руку, и онъ, гетманъ, служа ему, великому государю, Крымского царя, конечно, учинитъ подданнымъ".

Но Москва знала цѣну и слезамъ, и словамъ интригана, принужденнаго переходить отъ Корана къ Евангелію и отъ Евангелія къ Корану. Тотъ же Богдановъ вывѣдалъ отъ Выговскаго, что даже кіевскій митрополитъ, съ партіей свѣтскихъ людей, противныхъ козатчинѣ, „хотятъ быть въ подданствѣ и во всей королевской волѣ". Хмельницкій все твердилъ о православной вѣрѣ, а верховникъ православія въ Малороссіи писалъ между отъ лица всѣхъ единомышленниковъ своихъ къ Радивилу, что „если козаки противъ короля стоятъ и войну ведутъ и Кіевомъ владѣютъ, такъ это дѣлается не по ихъ волѣ". Мало того: самое занятіе Радивиломъ Кіева состоялось по ходатайству предъ нимъ Сильвестра Косова, который убѣждалъ полковниковъ Хмельницкаго не отстаивать города, дабы не навлечь бѣды на православное духовенство и разоренія на кіевскія святыни. Митрополитъ Косъ тѣмъ больше былъ въ правѣ защищать Кіевъ по своему, что Хмельницкій, разрушая католическіе храмы, не позаботился объ охраненіи православныхъ. „Въ Кіевѣ *города* и крѣпостей никакихъ нѣтъ, и въ осадѣ сидѣть отъ

воинскихъ людей негдѣ", доносилъ въ Москву Ѳоминъ. Даже для спряту награбленныхъ у пановъ сокровищъ не устроили козаки ни одного замка, не только для охраны древнихъ святынь той вѣры, за которую будто бы они „помирали".

Видя неподатливость Москвы даже на такія посулы, какъ подданство Крымскаго хана, Хмельницкій обратился къ домашнимъ средствамъ защиты отъ угрожающей ему бѣды. Съ веселымъ и самоувѣреннымъ видомъ лицедѣй-козакъ появился среди козацкаго вѣча на Масловомъ Ставу, а между тѣмъ распустилъ слухъ, что у него готовится пиръ на весь міръ по случаю новой, третьей женитьбы на сестрѣ нѣжинскаго полковника, Золотаренка. Этимъ союзомъ хотѣлъ онъ упрочить за собой приверженность популярнаго и богатаго полковника, а широкою свадебною попойкою расположить къ себѣ козацкое общество. Между тѣмъ одинъ изъ его агентовъ работалъ въ Царьградѣ, а другой въ Крыму. Козацкое вдохновеніе, ослабѣвъ немного отъ кровопусканія подъ Берестечкомъ, воспрянуло съ новою силой:

„Гей, выріжмо вражихъ Ляхівъ,
Гей, що до одного"!

восклицали козаки въ своихъ кабачныхъ сборищахъ,—и пустыня, лишенная красоты хозяйственной, красовалась лохмотьемъ панскихъ да жидовскихъ жупановъ, развѣвавшимся на голомъ тѣлѣ козаковъ-нѣтягъ въ дикихъ танцахъ. Наступавшее на Украину коронное и литовское войско придавало козацкому разгулу характеръ того пьянства, которому предаются отчаянные пираты на погибающемъ караблѣ среди бурнаго моря.

Реакцію козакамъ въ Крыму дѣлали съ одной стороны коронный гетманъ, Потоцкій, а съ другой—волошскій господарь, Лупулъ. Они успѣли малорусскій бунтъ представить дѣломъ ненадежнымъ, а дружбу съ козаками для хана унизительною. Исламъ-Гирей колебался, и, какъ мы знаемъ, уже послалъ козацкому гетману наставленіе, чтобъ онъ не пьянствовалъ, а просилъ Бога о побѣдѣ. Въ Малороссіи также окозачившіеся шляхтичи противодѣйствовали, сколько могли, завзятости боевой массы, которая воображала возможнымъ истребить Ляховъ такъ, чтобъ не осталось ни одного на свѣтѣ, и заставляла самого Хмельницкаго повторять эту вздорную фразу. Козацкое шляхетство старалось устроить компромиссъ между козаками и землевладѣльцами. Оно составляло свои замкнутые, таинственные кружки и, возбуждая подозрительность общаго вождя, заставляло его тѣмъ самымъ сближаться тѣснѣе съ козацкою голотою, такъ что онъ подпи-

сывался уже *Богданъ Хмельницкій и вся чернь Войска Запорожскаго*. Для этого класса такихъ же полу-Поляковъ, какими были Петръ Могила, Сильвестръ Косовъ, Іосифъ Тризна, Адамъ Кисѣль, московское подданство представлялось немного лучшимъ турецкаго. Сравнительно образованный и богатый добычею шляхетный классъ тянулъ и церковную іерархію вспять. Составляя вмѣстѣ съ нею интеллигенцію края, онъ былъ увѣренъ, что церковная іерархія можетъ собственными средствами, безъ козацкой войны, добиться того положенія въ панской республикѣ, какое занимала она до 1596 года, то-есть возвратить духовные хлѣбы изъ рукъ папистовъ въ руки православниковъ: а въ этомъ заключалась для нея и вся суть религіознаго вопроса.

Хмельницкій между тѣмъ зналъ, что польскорусская шляхта не проститъ ему своего поруганія и своихъ утратъ. Козацкая чернь также знала, что ее ждетъ возмездіе за тѣ страшныя злодѣйства, которыя она четвертый годъ уже совершаетъ въ Малороссіи подъ видомъ стоянья за православную вѣру. Отсюда между козацкимъ ханомъ и козацкой ордой возникла тѣсная связь самосохраненія; отсюда явилось обязательное для Козацкаго Батька стремленье подъ царскую высокую руку, какъ подъ единое надежное убѣжище отъ казни. Хмельницкому надобно было добить Шляхетскій Народъ, „очистить" землю отъ заклятыхъ враговъ своихъ, или по крайней мѣрѣ совершенно обезсилить ихъ: тогда только могъ онъ эквилибрировать между магометанскимъ и христіанскимъ міромъ, которые оба давали щедрый контингентъ козатчинѣ своими гультаями и преступниками. Но что никогда не думалъ онъ быть вѣрнымъ подданнымъ царскимъ, въ этомъ удостовѣряютъ насъ его сподвижники и преемники Выговскій, Тетеря и Дорошенко.

Отпраздновавъ свадьбу широкими вакханаліями и вернувъ себѣ популярность у черни Запорожскаго Войска, принялся Хмельницкій за переговоры съ панами, и вотъ онъ встрѣтилъ Потоцкаго сладкоглаголивымъ письмомъ своимъ, которое было прологомъ къ новой козакопанской трагикомедіи.

Сентября 8 прибыли къ Потоцкому послы Хмельницкаго, Андрей Кулька и Романъ Лятошъ. Въ собраніи военной рады Кулька упалъ къ ногамъ Потоцкаго съ мольбой о помилованіи, а потомъ оба посла роздали просительныя письма главнымъ членамъ панскаго ареопага. Въ этихъ письмахъ увѣряли они, что искренно желаютъ приступить къ переговорамъ, а самъ Хмельницкій просилъ прислать какого-нибудь разумнаго человѣка, съ которымъ бы онъ могъ совѣщаться чрезъ посредство писаря Выговскаго. Такимъ человѣкомъ оказался у По-

юнусовъ панъ Маховскій, въ безопасности котораго старшина присягнула.

Переходъ пановъ отъ ожесточенія къ уступчивости и довѣрію показываетъ, что они находились въ обстоятельствахъ крайне затруднительныхъ. 9 сентября отправился къ Хмельницкому Маховскій, а 10 въ походномъ дневникѣ записали они слѣдующее:

„Сегодня мы двинулись изъ-подъ Василькова къ Германовкѣ, и остановились надъ селомъ Троского, куда приходитъ къ намъ извѣстіе, что непріятель вырѣзалъ Паволочь. Гарнизонъ пана старосты калусскаго долженъ былъ отступить къ Котельнѣ, потерявъ 10 человѣкъ пѣхоты. Хвастовъ также заняли 1.400 козаковъ, которые побили много нашей челяди, а мы со всѣхъ сторонъ окружены непріятелемъ".

Съ своей стороны и Хмельницкій игралъ въ кровавую игру на послѣднія свои средства. Подъ 11 сентября въ походномъ панскомъ дневникѣ читаемъ:

„Хмельницкій прислалъ двухъ козаковъ подъ Кіевъ, наказывая перемиріе и на водѣ и на сушѣ. И такъ около Кіева остановилась война; а то козаки начали было уже наступать на литовское войско съ днѣпровскихъ острововъ, и оторвали три байдака, хотя и сами потерпѣли не малую шкоду: ибо ихъ поражали изъ пушекъ отъ Никольскаго монастыря, и затопили девять чаекъ съ народомъ. Тѣ же два козака отправились къ Лосву и Любечу, объявляя перемиріе, чтобы козаки перестали осаждать тамошніе литовскіе полки".

Сентября римскаго 12 панское войско взяло полторы мили въ сторону подъ Копачовъ ради воды. Тамъ козацкій языкъ далъ панамъ знать, что Хмельницкій стоитъ на Ольшанкѣ, и Татары тамъ же. Одинъ Татаринъ, въ панцырѣ, прискакалъ на бахматѣ, для того чтобы сказать о многомъ Потоцкому; но челядь убила его изъ-за панцыря и бахмата. Языки показали, что множество скота не позволяетъ Ордѣ думать о битвѣ; что Хмѣль стоитъ на урочищѣ Рокитна; что козаки требуютъ отъ него мира, и всѣ ропщутъ на Татаръ за похищеніе у нихъ женъ и дѣтей. Далѣе дневникъ разсказываетъ характеристическій случай:

„Нѣсколько десятковъ козаковъ застали 20 человѣкъ нашей челяди въ пасѣкѣ. Челядь бросилась въ разсыпную. Одного поймалъ козакъ, содралъ съ него кòнтушъ и кричалъ: „Нà що вы псуетè зѐмлю? нà що лýпите пàсіки? Мы знàемо, що въ васъ протрубѝли—не псувàти, не налѝти, пàсікъ занехàти." Челядь стала оправдываться: „Мы де не знали объ этомъ". Козаки отвѣчали: „Старші сказàли намъ, що

вже миръ бýде; вы землі не псýйте". Тутъ замѣтили козаки одного чужеземца между челядью, начали колотить самопалами и рвать на немъ волосы съ крикомъ: „А ты нà що зѐмлю псуѐшъ? Инша (річъ) Ляхàмъ, а йнша вамъ: бо ты чоловікъ позы̀ченый,—и̂, оборвавъ на немъ волосы, отпустили".

Сентября 13 становился Потоцкій подъ Германовкою, а литовское войско, прійдя изъ-подъ Кіева, расположилось въ полумилѣ. Войска соединялись передъ козацкими послами, которые прибыли съ Маховскимъ. Козаки хвалились, будто бы у нихъ 40.000 Татаръ; но Маховскій вывѣдалъ, что всего только 6.000. „Разсказывалъ Маховскій" (говоритъ походный дневникъ) „о сдѣланномъ ему довольно почтительномъ и пристойномъ пріемѣ, и какіе разговоры и шутки были съ обѣих сторонъ, также и о разладѣ съ Ордою, и о Берестечской войнѣ, какъ она сдѣлала страшнымъ королевское имя... Между прочимъ сама чернь признавала, что подъ Берестечкомъ одна королевская пуля была сильнѣе сотни козацкихъ; что когда въ пятницу били изъ пушекъ, то мы едва не провалились въ землю; какъ ханъ постыдно бѣжалъ, хотя клялся Магометомъ, что вернется за двѣ мили. Хмельницкій же самъ шутя совѣтовалъ пану Краковскому жениться, какъ сдѣлалъ онъ: „бо тимъ робомъ скòрше бýде миръ: бо и я, и вінъ хапати мемось до жінокъ; а пòки бýдемо вдовцàми, дакъ більше бѝтимемось, аніжъ седітимемъ тѝхо". Когда Маховскій отдавалъ коммиссарскій листъ, Хмельницкій мѣнялся въ лицѣ, и былъ очень огорченъ, что ему паны коммиссары не дали гетманскаго титула; а полковникъ Джеджалла тотчасъ началъ браниться и кричать, что „не годилось такъ боронѝти нàшому добрòдіеві гетьмàнського титулу". Но Маховскій такъ успокоилъ ихъ раціями и примѣрами, что всѣ замолчали и, насторожевъ уши (podniesionemi uszami) слушали тотъ листъ, а по прочтеніи его и по удаленіи стороннихъ (semotis arbitris), предложилъ Маховскій Хмельницкому разрывъ съ Ордою. Къ этому онъ отнесся сомнительно и подозрительно, обѣщая лучше вмѣстѣ съ Ордой идти на Турокъ. Три часа препирались они объ Ордѣ. Маховскій нѣсколько разъ порывался отъѣхать, ничего не сдѣлавши; но Выговскій задержалъ его, и съ нимъ опять спорили часа три. Маховскій обнадеживалъ его королевскою милостью и возстановленіемъ чести его на сеймѣ, если приведетъ Хмельницкаго къ войнѣ съ Татарами. Ибо Выговскій владѣетъ сердцемъ и умомъ (posiada cor et mentem) Хмельницкаго, и распоряжается имъ, какъ отецъ сыномъ. Послѣ того заперся Выговскій съ Хмельницкимъ и такъ долго усиливался навести его на лучшія мысли, что дошло у нихъ даже до ссоры, и уже Выговскій уходилъ

съ досадою, но Хмельницкій упросилъ его вернуться. Тогда приступили къ другому вопросу,—чтобы самъ Хмельницкій явился съ Выговскимъ въ нашъ лагерь для трактатовъ, довѣрившись нашему слову; что́ они, вѣроятно, и сдѣлали бы, но чернь и полковники ни подъ какимъ видомъ на это не соглашались, говоря, что опасаются, какъ бы они не остались такъ въ ляшескомъ войскѣ, какъ и Крыса подъ Берестечкомъ; а когда Маховскій никоимъ образомъ не хотѣлъ отступить отъ этого порученія, Выговскій почти на колѣнахъ просилъ его, чтобы съѣздъ коммиссаровъ съ козацкими депутатами былъ назначенъ въ Бѣлой Церкви: ибо и въ полѣ нельзя было безопасно трактовать въ виду своевольной Орды. Для большаго удостовѣренія пановъ коммиссаровъ, Хмельницкій присягнулъ со всѣми полковниками, на колѣнахъ съ поднятыми пальцами, сохранить данное слово".

Послѣ долгихъ совѣщаній, паны рѣшили—вручить коммиссарамъ креденсъ къ Запорожскому Войску и 24 пункта, о которыхъ они должны будутъ трактовать. Коммиссары отправились 16 сентября въ Бѣлую Церковь, подъ прикрытіемъ двухъ полковъ и 500 драгунъ, съ тѣмъ чтобы съ ними остались только драгуны. То были: кіевскій воевода Адамъ Кисѣль, смоленскій воевода Кароль Глѣбовичъ, литовскій стольникъ Викентій Гонсѣвскій и брацлавскій подсудокъ Казимиръ Косаковскій. Глядя на богатство, какъ на внушительную эмблему силы и власти, они взяли съ собой скарбовые возы, не сообразивъ того, что въ козакахъ и Татарахъ эта выставка, вмѣсто уваженія къ посламъ, возбудитъ жажду къ поживѣ.

По отъѣздѣ коммиссаровъ, паны тотчасъ увидѣли, съ кѣмъ имѣютъ дѣло. На панскій лагерь наскочили Татары, въ числѣ 1.000 коней, и „сдѣлали не малую шкоду въ челяди": нахватали людей и лошадей. Пустились жолнеры въ погоню, но настигли одного только хищника, который показалъ, что пришелъ Карачъ-бей съ 4.000 Татаръ, а другіе отряды стягиваются, но хана и султанъ-галги не будетъ, и едвали придетъ больше Орды. Между тѣмъ козаки выказывали крайнее ожесточеніе къ панамъ, и кричали со всѣхъ сторонъ: „Чого́ ці бунтовники̇ Ляхи̇ прийшли сюды̇? Вже жъ коро̇ль верну̇всь. Се вже не ва̇ша земля́, а царська̇". Даже мужикамъ, остававшимся въ тылу панскаго войска, козаки грозили, что будутъ истреблять и ихъ самихъ, и ихъ имущество, а Паволочъ, раздѣлившуюся на ся между хмельничанами и панща̇нами, намѣревались „пустить съ дымомъ къ небу".

Коммиссары не возвращались изъ козакотатарскаго омута, и не было никакой вѣсти о нихъ. На другой день панскій подъѣздъ не

могъ узнать о нихъ ничего, а нашелъ только въ полѣ воткнутый въ землю шестъ съ запиской на литовскомъ языкѣ. Коммиссары просили Радивила поскорѣе прислать сильный конвой и спасать ихъ отъ бунтующаго хлопства.

Записка встревожила все войско. Паны горько раскаивались въ своемъ довѣріи къ варварамъ. Немедленно былъ отправленъ къ Бѣлой Церкви полевой гетманъ со 130 хоругвями для обезпеченія коммиссаровъ. Никто не вышелъ къ нимъ изъ города, и отправленные въ городъ посланцы не вернулись, а между тѣмъ козаки подступили къ Бѣлой Церкви таборомъ, и хоругви, проголодавшись, вернулись въ великой тревогѣ. Былъ уже вопросъ о томъ, чтобы двинуться впередъ всѣмъ войскомъ и биться за коммиссаровъ на пропалую. Но сперва отправили письмо къ Адаму Кисѣлю, чтобъ освѣдомиться, живы ли коммиссары. Въ безпокойствѣ, въ мученіяхъ стыда и раскаянья прошли цѣлыя сутки. Но въ полдень пробѣжалъ гонецъ съ извѣстіемъ, что коммиссары возвращаются, только Татары насѣли на ихъ конвой, и они просятъ помощи. Бросилось все войско къ лошадямъ и оружію. Навстрѣчу коммиссарамъ выскочило тысячи три коронныхъ и литовскихъ охотниковъ, выступила въ поле пѣхота и рейтарія полками, а вмѣстѣ съ ними и множество челяди, которой при коронномъ войскѣ насчитывали не менѣе 15.000, да при литовскомъ было навѣрное 6.000.

Коммиссаровъ благополучно встрѣтили на пути; но скарбовые возы ихъ разграбили уже Татары и козаки, такъ что коммиссары потеряли все свое имущество, и остались только съ тѣмъ, что̀ было на нихъ (tylko jak chodzili, tak byli zostawieni). Авторъ походнаго дневника исчисляетъ потерю ихъ, возбуждая сожалѣніе въ своемъ обществѣ и смѣхъ въ нашемъ: „У пана воеводы смоленскаго“ (пишетъ онъ) „и пана стольника литовскаго расхищено не меньше, какъ на 100.000 злотыхъ деньгами и серебромъ, въ томъ числѣ дорогой перстень и діамантовая запона съ парою такихъ же петлицъ; у пана кіевскаго воеводы—серебро, коней и палатки на 18.000 злотыхъ; у пана брацлавскаго подсудка—на 6.000 злотыхъ*); и которому изъ черни не досталось какой-нибудь драгоцѣнности, тѣ рвали съ рыдвановъ опоны на куски, и потрясая, хвалились, что это—ляцька здо̀бычъ. Мы привѣтствовали пановъ коммиссаровъ съ невыразимою радостью: ибо считали ихъ уже погибшими (obżałowali, jako zgubione głowy)“.

---

*) По извѣстію Освѣцима, Кисѣль и Косаковскій утратили болѣе, чѣмъ на 30.000.

Только тогда признали въ лагерѣ безразсудствомъ со стороны полеваго гетмана, что онъ вернулся вчера съ сотнею хоругвей, не дождавшись коммиссаровъ. Коммиссары отдавали справедливость Хмельницкому, что погибли бы въ Бѣлой Церкви, когда бы не онъ, не Выговскій и не полковники Хмелецкій, Гладкій, Богунъ и Бромецкій. По ихъ разсказу, Хмельницкій искренно желалъ мира вмѣстѣ со всею старшиною; но дерзкая чернь разъ пятнадцать пыталась брать ихъ въ зàмочкѣ „приступомъ и измѣною". Полковники рубили своевольныхъ саблями, били обухами, а одного козака Богунъ обезглавилъ, когда тотъ, при видѣ съѣстныхъ припасовъ для коммиссаровъ, закричалъ: „Дакъ се мы складàтимемо Ляхàмъ стàцію"! Выговскій, увидѣвъ смоленскаго воеводу и литовскаго стольника (у которыхъ было больше другихъ *оказалости*), сказалъ: „Не съ ума ли вы сошли панове? пріѣхали къ мужикамъ въ огонь! И мы, обороняя васъ, погибнемъ". Но такъ усердно всѣ „трактовали" коммиссаровъ, что и спали вмѣстѣ съ ними, разгоняя бунтовщиковъ. „Развѣ по нашимъ трупамъ доберутся до васъ", успокаивали они своихъ гостей, не въ примѣръ такимъ „совершеннѣйшимъ во всѣхъ отношеніяхъ людямъ", какихъ прославляютъ кіевскіе профаны. Татары всего больше порывались на литовскаго стольника. Одинъ изъ нихъ пустилъ изъ лука стрѣлу въ замковое окно, и едва не убилъ Киселя, а другой стрѣлой—литовскаго стольника.

Вотъ все, что̀ намъ извѣстно изъ достовѣрныхъ источниковъ о пребываніи коммиссаровъ среди козакотатарской орды въ Бѣлой Церкви. Что̀ касается самихъ переговоровъ, то въ уцѣлѣвшихъ письменахъ не упомянуто вовсе о трехъ важныхъ пунктахъ, предложенныхъ панами козакамъ, какъ побѣдителями побѣжденнымъ, и упомянутыхъ только въ дневникѣ Освѣцима: 1) чтобы Хмельницкій уплатилъ коронному войску жолдъ за нѣсколько четвертей года; 2) чтобы козаковъ осталось въ реестрѣ только въ 12.000, и 3) чтобы на мѣсто Хмельницкаго былъ выбранъ гетманомъ кто-нибудь другой. Освѣцимъ пишетъ, что козаки въ началѣ согласились было на уплату жолда и на 12.000 реестровиковъ, но Хмельницкій оставленъ гетманомъ попрежнему, и потомъ первыя два условія отвергнуты...

Въ этомъ извѣстіи есть что-то недосказанное. Вѣроятно, Хмельницкій и Выговскій съ братіей согласились на два первыя условія только для того, чтобы коммиссары не настаивали на выборѣ гетмана, а когда вопросъ о гетманствѣ былъ рѣшенъ въ пользу Хмельницкаго, тогда онъ—выражусь по-малорусски—изъ ихъ же хворосту̀ да имъ же загну̀въ и карлю̀чку; а загибая карлючку, онъ больше ниче-

го не долженъ былъ дѣлать, какъ довести подъ рукой до свѣдѣнія черни о ляшескихъ требованіяхъ,—и вотъ Освѣцимъ пишетъ: „Эти условія вызвали среди козаковъ большое волненіе. Чернь вознегодовала на Хмельницкаго: „Ты здобу̀въ собі сла̀ву и збагатѝвся на̀шими голова̀ми, а тепѐръ една̀ессл зъ Ляха̀ми, выпѝсуешъ насъ изъ лэестра, Ляха̀мъ насъ подаѐшъ! Вони̇́ сядуть намъ на шѝю, и т. п".

На всѣ прочіе пункты козаки согласились, но потомъ раздумали, и прислали къ панамъ двухъ полковниковъ, Москаленка и Гладко̀го, трактовать вновь о трехъ пунктахъ: 1) число реестровиковъ соглашались они уменьшить лишь до 20.000; 2) настаивали, чтобы панское войско въ козацкихъ полковыхъ городахъ не квартировало; 3) не соглашались бить Орду и отдать панамъ татарскихъ мурзъ.

Москаленко и Гладкий боялись въ панскомъ лагерѣ за расхищеніе коммиссарскихъ возовъ, и спросили у сендомирскаго хорунжаго: „Па̀не Чернѐцький! чи насъ не постина̀ють за те, що панівъ коммисса̀рівъ пожакува̀ли"? — „Мы не насилуемъ права народовъ", отвѣчалъ съ благородной гордостью питомецъ іезуитовъ, не сознавая, что насиліе надъ самымъ священнымъ изъ народныхъ правъ, надъ свободой религіозной совѣсти, вызвало Польшу на боевой судъ съ недополяченною Русью.

Черезъ нѣсколько часовъ козацкіе уполномоченные получили такую декларацію: „Такъ какъ вы бить Орду не хотите, то отрекитесь отъ нея клятвенно, а мы сами покараемъ ее, безъ вашего вмѣшательства". Послѣ долгихъ переговоровъ, паны согласились на 15.000 реестровиковъ, а Потоцкій обѣщалъ охранить отъ жолнерскихъ постоевъ полковые города: Каневъ, Чигиринъ, Корсунь, Переяславъ и Черкасъ. Что̀ касается кривды коммиссаровъ, то они объявили, что, ради благъ мира, отдаютъ ее Богу и отчизнѣ, а такъ какъ передъ ихъ глазами Хмельницкій тотчасъ велѣлъ обезглавить 15 хищныхъ козаковъ, то желали только, чтобъ и другихъ подвергли такой же карѣ.

„Достойно замѣчанія" (сказано въ походномъ дневникѣ), „что чернь сожалѣла о литовскихъ панахъ, говоря: „Когда бы Ляхи сами были коммиссарами, то не вышли бъ отсюда; но эти хорошіе паны (tak grzeczne panowie) не виновны передъ нами: только это и спасло ихъ отъ разнузданной сволочи (przed wyuzdanym motłochem)"".

Давъ знать козакамъ, что идетъ принять отъ нихъ вѣрноподданническую присягу, Потоцкій двинулся изъ-подъ Германовки 20 сентября. Оба войска, коронное и литовское, шли рядомъ, въ боевомъ порядкѣ. „Строй нашихъ войскъ" (говорится въ дневникѣ) „казался огромнымъ: ибо и таборъ былъ окруженъ войскомъ. Коронные возы

или въ 74 ряда, а литовскіе въ 40, по широкой равнинѣ. Чело войска занимало по малой мѣрѣ такую линію, какъ отъ Варшавы до Воли, а въ длину возы тянулись на громадную подольскую милю, въ большомъ порядкѣ... Посмотрѣвъ на такое прекрасное войско, конное, оружное, панцырное, огромное, обстрѣлянное и хорошо обученное, какъ мы посматривали на него съ высокихъ могилъ, надобно было заплакать вмѣстѣ съ Ксерксомъ,—не о томъ, что отъ этихъ людей ни одного не останется черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, а о томъ, что столь огромное войско должно терзать собственныя внутренности, и что оно не обращается противъ оттоманской силы, которой пришелъ бы конецъ".

Вотъ исповѣдь факта, что не козаки разрушили Польшу, а сама шляхта, продуктомъ которой былъ безнаказанный грабитель, жолнеръ, и безпощадный руинникъ, козакъ!

„Цѣлую ночь" (сказано дальше въ дневникѣ), „какъ остановились мы на походѣ, такъ и ночевали, не допуская сна къ нашимъ глазамъ".

Подъ Бѣлою Церковью Потоцкій получилъ отъ Хмельницкаго письмо, въ которомъ тотъ выразилъ удивленіе, что панское войско приблизилось, и просилъ коммиссаровъ съѣхаться съ козацкими уполномоченными на урочищѣ Гострый Камень, въ 300 коней съ той и другой стороны.

По вчерашнему соглашенію, съ панской стороны выѣхало 12 особъ для переговоровъ о нѣкоторыхъ пунктахъ относительно присяги. Подъ Гострою Могилою была разбита для нихъ палатка, а въ четырехъ выстрѣлахъ отъ нея стояли три гусарскія хоругви. Козаки требовали, чтобы хоругви отошли къ лагерю; но паны видѣли, что они съ умысломъ скрыли Татаръ въ сосѣдней пасѣкѣ. Хоругви всетаки отступили немного въ сторону. Тогда козаки потребовали отъ пановъ заложниковъ. Дали имъ въ заложники шляхтичей Тишу и Люлю. Наконецъ пріѣхало къ палаткамъ 12 простыхъ козаковъ и только одинъ межъ ними изъ старшины, на прозвище Ордынецъ. Поклонясь панамъ, одинъ козакъ началъ говорить, что гетманъ ихъ и Запорожское Войско требуютъ трехъ пунктовъ: 1) чтобы Зборовскій договоръ былъ сохраненъ вполнѣ; 2) чтобы жолнеръ вышелъ отсюда, и не располагался постоемъ; 3) чтобы паны не разрывали дружбы козаковъ съ Татарами: ибо татары—сторожа козацкой свободы.

Паны съ изумленіемъ указали на состоявшееся уже соглашеніе. Козаки отвѣчали: „Мы разъїхались изъ пàномъ гетьмàномъ. Не знàемо, не відиемо, щó міжъ вàми буió, а військо съ тимъ насъ послàю". Кисѣль съ жаромъ (patetice) сталъ ихъ уговаривать; но козаки

были къ его краснорѣчію глухи. Согласились только посовѣтоваться съ Выговскимъ, и лишь только уѣхали, тотчасъ возвратили панамъ заложниковъ.

Чтобы застращать козаковъ, Потоцкій двинулся къ ихъ табору. Правымъ крыломъ вызвался командовать князь Радивилъ, по замѣчанію дневника, жадный къ славѣ: ему предстояла наибольшая опасность со стороны болота, рвовъ и козацкихъ пасѣкъ. Лѣвымъ командовалъ Калиновскій, центромъ — Потоцкій. Подпоенные бочками горілки козаки высыпали съ Татарами въ поле и смотрѣли изъ-за могилъ на движеніе панскаго войска, которое генералъ Пршіемскій построилъ въ боевой порядокъ, подобный берестечскому. Языки показали, что непріятель покрылъ все поле. По почину Радивила, произошла весьма серьезная стычка. Козаки нѣсколько разъ были прогнаны подъ самый таборъ. Два панцырные сотника козацкихъ попали въ плѣнъ, но были такъ пьяны (по словамъ дневника), что не могли и говорить.

На другой день, сентября 24 (14) Хмельницкій прислалъ къ Потоцкому плѣннаго жолнера съ выраженіемъ своего удивленія: онъ де не велѣлъ выходить своему войску, и стычка произошла противъ его воли. Это де одни своевольники съ чужеземцами (т.-е. Татарами) вышли. Онъ радуется, что не произошло большаго кровопролитія, и обѣщаетъ выслать своихъ пословъ для заключенія мира. Ему отписали, что согласны на миръ; но со стороны козаковъ продолжалась война съ участіемъ гарматъ. Татары и козаки заходили со всѣхъ сторонъ, и до позднаго вечера кипѣлъ въ разныхъ мѣстахъ самый разнообразный бой. Но сколько хмельничане ни *крутили веремія* Ляхамъ, сколько ни танцовала *татарскій танецъ* Орда, перевѣсъ боеваго счастья былъ на сторонѣ панской. Особенно досталось козакамъ отъ Радивила.

Когда совсѣмъ уже стемнѣло, прибылъ отъ Хмельницкаго вѣстникъ. Онъ де позабылъ включить въ договоръ нѣкоторые пункты, касающіеся святой вѣры (niektórych punktów do wiary ś. potrzebnych zapomniał przed tym), и завтра пришлетъ пословъ.

25 сентября, въ ожиданіи обѣщаннаго посольства, происходили безпрерывныя стычки съ Татарами. Множество панской челяди, возвращавшейся съ фуражемъ, погибло. Литовцы поймали двухъ козаковъ, и узнали, что множество черни вышло въ сосѣдней Роси. Паны вывели свое войско въ поле, а козаки засѣли въ болотѣ и заросляхъ. Но проливной дождь заставилъ всѣхъ убраться въ свои таборы, и не прекращался до слѣдующаго дня.

26 сентября пріѣхали три козацкіе посла съ требованіемъ, чтобы число реестровиковъ было 20.000, и чтобы козаки могли быть въ

Виницѣ, Брацлавѣ и Черниговѣ, по крайней мѣрѣ по королевщинамъ. Коммиссарамъ было не до упорства. Голодъ въ панскомъ войскѣ возрасталъ съ ужасающей быстротою. Отъ непогоды, продолжавшейся трои сутки, умерло 300 иностранныхъ жолнеровъ. Больныхъ было страшное множество. А между тѣмъ еще въ началѣ сентября паны получили изъ Кіева донесеніе, что войско Хмельницкаго возросло до 60.000; что Татаръ у него 15.000; что ежеминутно ожидаютъ изъ Крыма 30.000, тогда какъ панскаго войска, при началѣ похода, насчитывали только тысячъ 30. Теперь оно поуменьшилось, позаразилось, ослабѣло силами и, что̀ всего хуже, подъ видомъ болѣзни, множество шляхты и Нѣмцевъ уходило домой, набравши лошадей и скота, а нѣкоторые, отъ великой нужды, передавались козакамъ. Чтобы представить всю грозу положенія, въ какомъ очутились паны завоеватели, достаточно сказать, что, по окончаніи Бѣлоцерковской или Украинской войны, у Потоцкаго и польскаго и чужеземнаго войска осталось всего до 18.000. Въ тылу у разслабленнаго остатка Берестечской арміи козаки заняли проходы. Любечь и Лоевъ, занятые литовцами, держали они въ осадѣ; овладѣли Брагинью; сожгли мостъ въ Загалѣ; а на подкрѣпленія отъ короля не было никакой надежды.

Въ силу такихъ внушительныхъ обстоятельствъ, согласились паны и на 20.000 реестровиковъ, но подъ условіемъ, чтобы не было козаковъ ни въ Брацлавѣ, ни въ Черниговѣ, даже и по королевщинамъ. Съ этимъ отвѣтомъ отправили одного изъ козацкихъ пословъ къ Хмельницкому, вмѣстѣ съ Зацвилиховскимъ.

За обѣдомъ у Потоцкаго, одинъ изъ козацкихъ пословъ, Романъ Катержный, сказалъ: „Милости́вый па̀не Кра̀ковській! чомъ вы не пуска̀ли насъ на мо̀ре підъ Ту̀рка? Не було́ бъ у на̀шій землі сёго́ лѝха“

На это Потоцкій отвѣчалъ: „Что̀ мы теперь терпимъ, то все ради турецкаго цесаря: ибо мы, охраняя панство его, обратили собственное въ ничто“,—и при этомъ едва ли вспомнилъ, что самъ онъ былъ главнымъ орудіемъ реакціи Владиславу IV въ его порывахъ къ Турецкой войнѣ.

„Тепѐръ же вже“ (сказалъ козакъ) „неха̀й намъ королівська мѝлость и Річъ Посполѝта не боро́нить мо́ря: бо коза̀къ безъ войни не прожиѐ“.

„Всѣ мы съ этимъ согласились“ (пишетъ мемуаристъ), „прибавивъ, что хоть бы и сейчасъ хотѣли идти, идите“!

Уже паны думали, что совсѣмъ удовлетворили Хмельницкаго, какъ онъ опять прислалъ съ двумя условіями: первое, чтобы до Рождества Христова, пока не выпишетъ онъ козаковъ изъ реестра, жол-

неры не стояли въ Брацлавскомъ и Черниговскомъ воеводствахъ; второе, чтобъ ему Потоцкій уступилъ Черкасы и Боровицу.

Хотя, по мнѣнію пановъ, это были самыя несправедливыя условія (iniquissimae conditiones), но, покоряясь бѣдственнымъ своимъ обстоятельствамъ, они продлили срокъ до русскаго Николая, и утѣшали себя тѣмъ, что Хмельницкій шепнулъ Зацвилиховскому: „Се я роблю задля поспільства. Пропавъ бы я, коли бъ згодивсь на це при брацлавцяхъ. А якъ ихъ роспущу, дакъ хочъ и заразъ у нихъ становітесь".

Что касается Черкасъ и Боровицы, то Потоцкій объявилъ, что этого не можетъ сдѣлать безъ воли его королевской милости, развѣ на сеймѣ надобно постараться.

Тогда Хмельницкій объявилъ, что желаетъ пріѣхать на присягу въ панскій лагерь, только бы дали ему въ заложники двѣ знатныя особы. Паны дали въ заложники литовскаго подстолія и красноставскаго старосту, Марка Собіскаго. Когда Хмельницкій сидѣлъ уже на конѣ, полковники удерживали его и отсовѣтывали, но Зацвилиховскій своимъ давнишнимъ пріятельствомъ привелъ его къ рѣшимости ѣхать. „Вѣдь мы имѣемъ дѣло съ королемъ и Рѣчью Посполитою" (сказалъ Хмельницкій своимъ): „намъ трèба хилѝтись до нихъ, не имъ до насъ".

Каковы бы ни были соображенія стараго Хмеля въ этомъ замѣчательномъ случаѣ, мы впервые на коварномъ его пути видимъ оправданіе сдѣланнаго Шекспиромъ наблюденія, что нѣтъ между людьми такого злодѣя, въ которомъ бы не осталось ничего человѣчнаго. Онъ зналъ пановъ настолько, что, послѣ всѣхъ своихъ злодѣйствъ, рѣшился ввѣрить себя ихъ рыцарской чести. Онъ былъ даже способенъ каяться.

„Когда привели его въ лагерь" (пишетъ авторъ походнаго дневника), „онъ, войдя въ палатку пана Краковскаго, упалъ къ его ногамъ (upadł do nóg), билъ челомъ въ землю и плакалъ (czołem w ziemię bijąc i płacząc) Потомъ, поднявшись, просилъ простить ему прошлое. Панъ Краковскій отвѣчалъ, что давно уже подарилъ свою кривду Богу и отчизнѣ: ибо все это сдѣлалось Господнимъ попущеніемъ; но надѣется, что онъ загладитъ все цнотою и вѣрностью. Потомъ Хмельницкій довольно покорно привѣтствовалъ князя Радивила и другихъ; наконецъ были прочтены пункты. Онъ согласился на все, просилъ только о Черкасахъ и Боровицѣ, но панъ Краковскій отдѣлывался учтивостями (ceremonią go zbywał), такъ какъ это было невозможно. Подписавъ договоръ, тотчасъ присягнули и паны коммиссары, и Хмельницкій съ полковниками. За нимъ стоялъ его оруженосецъ (armiger) съ булавою. Пока былъ трезвъ, не говорилъ Хмель-

ницкій ничего непристойнаго, намекалъ только обиняками: „ваши милости завербовали на меня и литовское войско, а этого не было ни подъ Хотиномъ, ни въ другихъ оказіяхъ". Потомъ обратился къ Радивилу: „Предки вашей милости никогда не воевали противъ Запорожскаго Войска". Но въ пьяномъ видѣ, точно бѣшеный песъ, излилъ онъ всю свою злость, обвиняя волошскаго господаря, что обманулъ Тимоѳея, сына его, и, назвавъ его измѣнникомъ (zmiennikiem) сказалъ: „Хотя это и тесть вашей княжеской милости, но я и въ Волошской землѣ готовъ съ нимъ биться: мае вінъ много грошей, а я — много людей". Князь обидѣлся, что Хмельницкій такія вещи высказывалъ съ такой запальчивостью и грубостью, но сдерживалъ свой гнѣвъ. Будучи великимъ полководцемъ въ бою, онъ желалъ быть такимъ же и гражданиномъ въ сохраненіи мира. Изъ-за этого безстыднаго пьяницы не хотѣлъ онъ подвергать опасности войско, и потому ловко отвѣчалъ, что господарь ни мало того не боится: у него найдутся свои средства для безопасности. Своимъ безстыднымъ бѣшенствомъ разстроилъ Хмѣль нашу веселость, хотя полковники порицали его и сдерживали. И у насъ, и у него стрѣляли изъ пушекъ за здоровье его королевской милости, и трубачи отзывались на виваты (na allegrecę), а онъ, точно бѣшеный, вскочилъ изъ-за стола и вышелъ. Тамъ, однакожъ, отдали ему турецкаго коня отъ пана Краковскаго. Поблагодаривъ, сѣлъ на него Хмельницкій, но потомъ его сняли и отвезли въ коляскѣ въ таборъ.

„На другой день" (продолжаетъ мемуаристъ), „когда войско получило уже приказъ идти въ походъ, пріѣхалъ Выговскій проститься съ паномъ Краковскимъ и просить извиненія за то, что произошло вчера; при этомъ отдалъ турецкаго коня пану старостѣ Каменецкому (сыну Потоцкаго). Князя Радивила просилъ онъ отдѣльно за вчерашнюю экзорбитанцію отъ имени Хмельницкаго. Князь отвѣчалъ: „Если онъ говорилъ въ пьяномъ видѣ, то я говорю въ трезвомъ, что ни я, ни волошскій господарь не боимся, и всегда найдетъ онъ меня готовымъ. Если бы хотѣлъ и тотчасъ, я жду его въ полѣ, и онъ удостовѣрится, что его пьяная фурія ни мало мнѣ не страшна, и я готовъ расправиться съ нимъ, какъ хочетъ, или съ войскомъ, или безъ войска". Но Выговскій смиренно (supplex) просилъ князя забыть объ этомъ".

Съ обѣихъ сторонъ довоевались уже до самаго края, и потому должны были худой миръ предпочитать доброй ссорѣ. Но козаки до того считали миръ непрочнымъ, что не продавали даже татарскихъ бахматовъ панамъ, собиравшимся въ обратный путь. Одинъ изъ пановъ писалъ въ Варшаву съ дороги: „Когда мы пришли въ Бѣлую Церковь,

козаки стояли въ таборѣ, укрѣпленномъ двойными валами. Хмельницкій не хотѣлъ дать намъ битвы въ полѣ, напротивъ, постыдно бѣжалъ съ него въ субботу. Все войско нашло невозможнымъ брать приступомъ окопы, въ которыхъ могло быть тысячъ сто войска, кромѣ Татаръ. Намъ было хуже: приходилось вымирать. У нихъ полно живности, а кругомъ насъ (circum circa) голодъ, такъ что умирало по сто человѣкъ въ одну ночь, а нѣкоторые отъ крайней нужды передавались къ козакамъ. Отступить намъ было жаль; идти въ глубину Украины—опасность очевидная на переправахъ обоза: ибо не пустая молва, но и всѣ языки предсказывали скорый приходъ султанъ-галги. Вотъ почему согласились мы на почетный миръ".

Это былъ въ самомъ дѣлѣ почетный для пановъ и постыдный для козаковъ миръ. „Статьи объ устройствѣ и успокоеніи Войска его королевской милости Запорожскаго, постановленныя коммиссіею подъ Бѣлою Церковью 28 (18) сентября 1651 года", гласили слѣдующее:

„Позволяемъ и назначаемъ устроить реестровое войско въ числѣ двадцати тысячъ человѣкъ. Это войско гетманъ и старшины должны записать въ реестръ, и оно должно находиться въ однихъ только добрахъ его королевской милости, лежащихъ въ воеводствѣ Кіевскомъ, нисколько не касаясь воеводствъ Брацлавскаго и Черниговскаго; а добра шляхетскія должны оставаться освободными, и въ нихъ нигдѣ реестровые козаки не должны оставаться; но кто останется реестровымъ козакомъ въ числѣ двадцати тысячъ, тотъ изъ добръ шляхетскихъ, находящихся въ воеводствахъ Кіевскомъ, Брацлавскомъ и Черниговскомъ, также изъ добръ его королевской милости, долженъ переселиться въ добра его королевской милости, находящіяся въ воеводствѣ Кіевскомъ, туда, гдѣ будетъ находиться Войско его королевской милости Запорожское. А кто будетъ переселяться, будучи реестровымъ козакомъ, такому каждому вольно будетъ продать свое добро, безъ всякаго препятствія со стороны пановъ, также старостъ и подстаростіевъ.

„2. Это устройство двадцати тысячнаго реестроваго войска его королевской милости должно начаться въ теченіе двухъ недѣль отъ настоящаго числа, а кончиться къ Рождеству Христову. Реестръ этого войска, за собственноручною подписью гетмана, долженъ быть отосланъ его королевской милости и вписанъ копіею въ книги гродскія кіевскія. Въ этомъ реестрѣ ясно должны быть записаны реестровые козаки въ каждомъ городѣ, по именамъ и прозваніямъ, и общее число не должно быть болѣе 20 тысячъ. А которые козаки будутъ включены въ реестры, тѣ должны оставаться при давнихъ своихъ правахъ;

тѣ же, которыхъ этотъ реестръ покрывать не будетъ, должны оставаться въ обычномъ замковомъ подданствѣ его королевской милости.

„3. Королевское войско не должно оставаться, ни отправлять лежъ въ тѣхъ мѣстечкахъ Кіевскаго воеводства, въ которыхъ будутъ находиться реестровые козаки, а только въ воеводствахъ Брацлавскомъ и Черниговскомъ, въ которыхъ козаковъ уже не будетъ. Теперь однакоже, до составленія реестровъ къ назначенному сроку Рождества Христова, дабы не происходило никакого замѣшательства, пока не выйдутъ въ свое мѣсто, въ Кіевское воеводство, тѣ, которые будутъ находиться въ числѣ и реестрѣ 20.000, войска должны оставаться и далѣе Животова не ходить до окончанія реестра".

„4. Обыватели воеводствъ Кіевскаго, Брацлавскаго и Черниговскаго сами лично, или чрезъ своихъ урядниковъ, должны вступать во владѣніе своими добрами и тотчасъ брать въ свою власть всѣ доходы, корчмы, мельницы, юрисдикціи, но самое собираніе податковъ съ подданныхъ должны отложить до онаго срока составленія реестровъ, дабы тѣ, которые будутъ реестровыми козаками, выселились и оставались уже тѣ одни, которые подлежатъ подданству; такъ же и въ добрахъ его королевской милости будетъ уже извѣстно, кто останется при вольностяхъ козацкихъ, а кто — въ замковомъ подданствѣ и повиновеніи.

„5. Чигиринъ, по привилегіи его королевской милости, долженъ оставаться при гетманѣ, и какъ нынѣшній гетманъ, благородный Богданъ Хмельницкій, назначенъ привилегіею его королевской милости, такъ и на будущее время гетманы должны состоять подъ верховенствомъ и властью гетмановъ коронныхъ, и должны быть утверждаемы привилегіями. Каждый, дѣлаясь гетманомъ, долженъ дать присягу вѣрноподданства его королевской милости и Рѣчи Посполитой; всѣ же полковники и старшина должны быть назначаемы гетманомъ его королевской милости запорожскимъ.

„6. Религія греческая, которую исповѣдуетъ Войско его королевской милости Запорожское, также соборы, церкви, монастыри и коллегіумъ кіевскій должны оставаться при прежнихъ вольностяхъ по давнимъ правамъ. Еслибы кто-либо во время этого замѣшательства выпросилъ что-либо изъ церковныхъ добръ или подъ кѣмъ-нибудь изъ духовенства, это не можетъ имѣть никакого вѣса.

„7. Всѣхъ шляхтичей римской и греческой религіи, которые во время этого замѣшательства были при Войскѣ его королевской милости Запорожскомъ, также и кіевскихъ мѣщанъ, покроетъ амнистія, и будутъ имъ сохранены жизнь, честь, положеніе и имущество. Еслибы

что̀ подъ которымъ-либо было выпрошено, то должно̀ быть уничтожено конституціею, дабы всѣ пребывали въ королевской милости со своими вольностями, женами и дѣтками.

„8. Жиды въ добрахъ его королевской милости и шляхетскихъ, какъ были жителями и арендаторами, такъ и теперь должны быть.

„9. Орда, находящаяся въ настоящее время въ краѣ, должна быть тотчасъ отправлена и должна удалиться изъ края, не дѣлая никакой шкоды въ областяхъ его королевской милости и не должна кочевать на земляхъ Рѣчи Посполитой. Такъ какъ запорожскій гетманъ обѣщаетъ привести ее къ службѣ его королевской милости, то, еслибы это не состоялось до будущаго сейма, въ такомъ случаѣ Запорожское Войско не должно имѣть съ нею никакого союза и дружбы, но должно считать ее непріятелемъ его королевской милости и Рѣчи Посполитой, оборонять границы и противъ нея становиться съ войскомъ Рѣчи Посполитой. Также и на будущія времена не вступать съ нею и съ иностранными государями ни въ какіе сношенія и заговоры, должны оставаться въ вѣрномъ подданствѣ его королевской милости и Рѣчи Посполитой вполнѣ и ненарушимо, какъ нынѣшній гетманъ со всею старшиною и со всѣмъ Запорожскимъ Войскомъ, такъ и всѣ преемники его на будущія времена должны вполнѣ вѣрно и усердно состоять во всякой службѣ Рѣчи Посполитой.

„10. Какъ Запорожское Войско, при составленіи своего реестра, никогда не касалось границъ Великаго Княжества Литовскаго, такъ и теперь не должно касаться, но, какъ сказано выше, должно̀ ограничиваться Кіевскимъ воеводствомъ.

„11. Такъ какъ Кіевъ есть городъ столичный и судебный, то въ немъ какъ возможно меньше должно принимать реестровыхъ козаковъ.

„...Коронное войско должно̀ тотчасъ двинуться на назначенныя мѣста и ждать составленія реестра, равно и Орда тотчасъ должна выступить изъ края, а Войско его королевской милости Запорожское тотчасъ должно̀ быть распущено по домамъ".

Освѣцимъ пишетъ, что Бѣлоцерковскій договоръ былъ заключенъ съ козаками на условіяхъ, не соотвѣтствующихъ чести и достоинству Рѣчи Посполитой, но вынужденныхъ бѣдственнымъ состояніемъ короннаго войска. „Тѣмъ не менѣе" (продолжаетъ онъ) „договоръ этотъ удовлетворилъ многихъ, особенно тѣхъ, которымъ надоѣла война и постоянный сборъ налоговъ на содержаніе войска, и которые, вслѣдствіе того, желали какъ можно скорѣе заключить миръ, полезный какъ для нихъ, такъ и для отечества. Дѣйствительно, несмотря на нашу

[г]раницу, на малочисленность и страданія войска, договоръ принесъ [Р]ѣчи Посполитой многія выгоды, а именно":

„1. Землевладѣльцы трехъ воеводствъ: Брацлавскаго, Кіевскаго и [Че]рниговскаго были освобождены отъ тяжелаго бремени, возложен[на]го на нихъ Зборовскимъ договоромъ, разрѣшавшимъ записывать къ [ре]естръ козаковъ, жившихъ въ частныхъ имѣніяхъ.

„2. Расторгнутъ былъ опасный союзъ козаковъ съ Татарами, ко[торы]й долженъ былъ окончательно прекратиться въ концѣ декабря.

„3. Войска наши получили вновь право квартировать въ трехъ [н]азванныхъ воеводствахъ, которого были лишены по Зборовскому до[гов]ору.

„4. Постыдная и позорная граница, признанная по статьямъ то[го] договора, какъ будто отчуждавшая въ пользу козаковъ три воевод[ств]а, теперь была уничтожена и предана забвенію.

„Впрочемъ" (говоритъ характеристически Освѣцимъ) „большин[ств]у шляхты и самому королю договоръ не особенно понравился. Они [был]и недовольны тѣмъ, что гетманская булава была оставлена Хмель[ни]цкому, что было признано законнымъ слишкомъ большое количество [коз]аковъ, что обязанность уплаты жолду войску, возложенная въ на[чал]ѣ на Хмельницкаго, потомъ не состоялась; особенно же недоволь[ств]о происходило отъ того, что, въ виду столь счастливаго начала [во]йнія, надѣялись завершить ее крайне выгодными условіями дого[вор]а. Впрочемъ, если результатъ не оправдалъ надеждъ, то на это [был]и весьма важныя и многочисленныя причины, а именно":

„1. Разстроенное здоровье краковскаго кастеляна, въ слѣдствіе [чег]о не только военныя дѣйствія не могли быть ведены энергично, [но] по временамъ войску угрожала серьезная опасность.

„2. Несогласіе вождей, вслѣдствіе котораго въ войскѣ происходи[ли] крупные скандалы: ибо полевой гетманъ публично оскорблялъ дру[зе]й довѣренныхъ лицъ великаго гетмана, изъ-за чего они — стыдно [и] сказать — ругались взаимно матерными словами и хватались за [саб]ли.

„3. Войско наше страдало отъ голода, который и безъ битвы мо[же]тъ привести въ разстройство самыя многочисленныя арміи.

„4 Теряя постоянно людей отъ голода и болѣзней, войско наше [не] имѣло надежды на полученіе подкрѣпленій, между тѣмъ какъ они [бе]зпрестанно прибывали къ непріятелю.

„5. Большая ошибка была сдѣлана въ выборѣ пути: войско наше [попа]лю въ уголъ между рѣками Росью и Руткомъ и не могло отту-

да ни возвратиться, ни двинуться впередъ, не подвергаясь великой опасности.

„6. Въ помощь козакамъ приближался многочисленный отрядъ Орды, подъ начальствомъ нуреддина и находился уже подъ Корсунемъ.

„7. Существовало постоянное опасеніе, что литовское войско, соскучась терпѣть голодъ, недостатокъ и нашу неурядицу, оставитъ насъ и возвратится домой.

„8. Состояніе погоды также принудило насъ къ уступчивости. Дождь и слякоть, продолжавшіеся безпрерывно въ теченіе трехъ сутокъ, до того были вредоносны для войска, что въ одну ночь умерло 300 человѣкъ изъ иностранныхъ наемныхъ полковъ, остальные же иностранцы, не будучи въ силахъ долѣе выносить нестерпимаго голода и слякоти, стали перебѣгать къ непріятелю.

„9. Наконецъ, почти совершенное отсутствіе управленія, этой души военнаго дѣла, проявилось въ такой же мѣрѣ, какъ и въ предшествовавшихъ событіяхъ, и войско дѣйствовало скорѣе на-угадъ, по волѣ судьбы, чѣмъ по разумно обдуманному плану.

„10. Вслѣдствіе всѣхъ перечисленныхъ причинъ была сдѣлана самая крупная ошибка: въ субботу не послѣдовало рѣшительной битвы, которая могла бы увѣнчать и закончить кампанію полнымъ успѣхомъ. Сами враги впослѣдствіи сознавались, что, когда войско наше въ этотъ день двинулось въ атаку, построенное въ такомъ же порядкѣ, какъ у Берестечка, по совѣту и стараніями полеваго писаря Пршіемскаго, то всѣ хлопы, объятые страхомъ, бросились бѣжать; даже полковники стали отступать за Рось, и самъ Хмельницкій сильно струсилъ. Его любимецъ, Выговскій, говорилъ: мы хотѣли бѣжать, подобно тому, какъ бѣжали подъ Берестечкомъ, но Господь отнялъ у васъ разумъ.

„Итакъ“ (заключаетъ откровенно мемуаристъ), „принявъ во вниманіе всѣ перечисленныя обстоятельства, мы должны возблагодарить Господа за то, что онъ дозволилъ намъ заключить миръ и охранить насъ и Рѣчь Посполитую отъ окончательной погибели, которая могла послѣдовать отъ нашего неустройства“.

Что Хмельницкій струсилъ подъ Бѣлой Церковью, какъ и подъ Берестечкомъ, это для насъ не важно: важно то, что успѣхи его были возможны только въ такомъ обществѣ, какъ польское, и въ такомъ государствѣ, какъ Рѣчь Посполитая. Мысль эту рѣзко высказалъ въ глаза правительствующимъ панамъ царскій посолъ, Рѣпнинъ Оболенскій какъ объ этомъ будетъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ. Если вспомнить здѣсь чѣмъ былъ Хмельницкій подъ Зборовомъ и чѣмъ сдѣлался подъ Бѣ

ою Церковью, то въ его нравственной несостоятельности еще больше обнаружится несостоятельность польской общественности и государственности: ибо по плодамъ цѣнится дерево.

Добившись путемъ рѣзни и пожога до 40.000 негербованной шляхты въ Малороссіи, козаки Хмельницкаго разжаловали теперь въ мужики половину реестровиковъ, лишь бы обезпечить за родовитыми представителями своего промысла полумужицкое панованье, а за милліоны земляковъ, погибшихъ подъ саблею и въ татарской неволѣ, вознаградили они свое русское отечество небывалымъ голодомъ и моромъ.

Двукратнымъ изгнаніемъ пановъ изъ наслѣдія по предкахъ и троекратнымъ опустошеніемъ цвѣтущаго края—они пріучили мужиковъ къ разгульной жизни на счетъ людей трудолюбивыхъ, и теперь, подъ Бѣлой Церковью, возвратили озлобленнымъ землевладѣльцамъ всѣ ихъ права надъ одичалымъ народомъ, не освободивъ роднаго края даже отъ жидовской эксплоатаціи, которой приписывали панскія преступленія противъ поспольства. Церквамъ, козаковавшимъ шляхтичамъ и мѣщанамъ вернули козаки то, чѣмъ они пользовались до Хмельнитчины; но многія церкви и школы сгорѣли, мѣщане отъ пожаровъ и военныхъ грабежей обнищали, и широкія пространства недавно еще многолюднаго, богатаго, обильнаго даже въ мужичьемъ быту края превратились въ такія пустыни, „какъ будто тамъ никогда ничего не было“.

Изъ-за чего же было пятнать русское имя столькими злодѣяніями, проливать рѣки человѣческой крови, причинять столько несчастій и страданій не только Шляхетскому, но и Козацкому Народу? Безпутный, безчестный и лишенный чувства своего достоинства Народъ не задавалъ себѣ подобныхъ вопросовъ. Онъ, какъ и его Козацкій батько, умѣлъ только пьянствовать и злиться. Злился на пановъ за то, что не дали ему истребить и самаго имени ляшескаго. Злился на Татаръ за то, что эти, какъ и онъ самъ, воры по ремеслу, бились отважно только въ задорѣ, а потомъ трусили и вознаграждали себя за походъ плѣненіемъ своихъ союзниковъ. Злился на Москалей за то, что не хотѣли участвовать въ его безбожныхъ предпріятіяхъ.

На общечеловѣческомъ судѣ нѣтъ ничего преступнѣе вѣроломства и предательства; но когда эти преступленія дѣлаются причиною гибели многаго множества своихъ и чужихъ людей, тогда нашему бѣдному сердцу остается утѣшать себя только надеждою, что широкая картина вѣроломства и предательства, созерцаемая нами въ прошедшемъ, широко распространитъ отвращеніе къ вѣроломству и предательству въ настоящемъ.

Глава XXIX.

Результатъ козацкихъ бунтовъ.—Неизбѣжность отпаденія Малороссіи отъ Польши.—Козаки переселяются въ московскія владѣнія.—Козацкая интрига въ Турціи.—Походъ въ Волощину.—Битва подъ горою Батогомъ.—Козаки побиты въ Волощинѣ.—Финансовая и нравственная несостоятельность панской республики.

Печаленъ былъ результатъ подвиговъ Хмельницкаго. Сотни сотни тысячъ людей тлѣли въ землѣ, валялись непогребенными по лѣсамъ и болотамъ, по заглохшимъ полямъ и пепелищамъ, а не то—находились, какъ предметъ позорнаго торга, въ рукахъ у Татаръ, которые появлялись иногда съ этимъ товаромъ даже на козацкихъ ярмаркахъ и отдавали обременявшаго ихъ плѣнника за лукъ и десятокъ стрѣлъ, какъ бы въ благодарность за то, что козаки бывало отдавали имъ шляхтича за нюхъ табаку. Множество Руси, освобождаемой Хмельницкимъ изъ-подъ такъ называемаго ляшескаго ига, работало въ турецкихъ сераляхъ, на морскихъ *каторгахъ* и даже за предѣлами Турціи, у Персовъ и другихъ азіатскихъ народовъ. Край былъ теперь малолюденъ и голоденъ. Многіе города и безчисленныя села оставили по себѣ только поросшія бурьяномъ *кучугýры*. Широкія пространства, кипѣвшія прежде земледѣліемъ и промыслами, обратились въ такую молчаливую пустыню, какую видѣлъ въ южной Руси Плано Карпини послѣ Татарскаго Лихолѣтья.

Ко всему этому присоединилось моровое повѣтріе. Вдоль широкаго козакотатарскаго шляху, отъ Берестечка до Случи, перекольло множество татарскихъ и жолнерскихъ лошадей, валялись десятки тысячъ козаковъ, побитыхъ восторжествовавшими панами и голодомъ. Вернувшись въ отчуждавшуюся плуга Украину, многолюдныя толпы охотниковъ до козацкаго хлѣба увеличили голодъ остававшихся дома и принесли имъ заразительную смертность. Осень 1651 года была теплая, а зима мокрая. Зараза, извѣстная подъ именемъ черной смерти (mors nigra), по слѣдамъ козакотатарскихъ вторженій вторгнулась въ глубину польскихъ владѣній, точно ядовитое дыханіе Хмеля, и покарала пановъ за тѣ грѣхи, которыми они породили безпощадную к

затчину. Черная смерть предвѣщала имъ общее затменіе панской республики,—ogólne zaćmienie ziemi naszéj, пишутъ Поляки,—затменіе земли, просвѣщенной обманчивымъ свѣтомъ, при которомъ все русское казалось польскимъ. Черная смерть покрыла заразительнымъ трауромъ своимъ и Малороссію, въ наказаніе за то, что она, въ лицѣ своихъ могилянъ, польскую тьму начала признавать свѣтомъ.

Въ прежнія времена Малоруссы, подъучиваемые запорожцами, жаловались на панскіе порядки, на жидовскія аренды, на жолнерскіе грабежи и насилія, которые казались имъ нестерпимыми. Теперь все это къ нимъ вернулось, но уже не съ прежнимъ характеромъ соглашенія взаимныхъ нуждъ и выгодъ. Паны, отвоевавшіе нѣкогда съобща съ подданными плодородную землю у непріятелей св. Креста, пришли теперь къ своимъ подданнымъ, точно въ непріятельскій лагерь; а подданные, разучившись добывать вмѣстѣ съ ними насущный хлѣбъ' смотрѣли на нихъ, какъ на своихъ поработителей. Даже работать одинъ только день въ недѣлю на пана, какъ требовали отъ нихъ подъ Берестечкомъ, казалось имъ невыносимымъ бременемъ.

Съ другой стороны, ни паны, ни козаки не были довольны Бѣлоцерковскимъ миромъ, также какъ и Зборовскимъ. Тѣ и другіе были приневолены къ нему тяжкой необходимостью. Паны такъ еще недавно шли на Хмельницкаго облавою и думали только о томъ, какъ бы не дать козацкой гидрѣ убраться въ ся „украинскія берлоги". Козаки такъ еще недавно бредили славою, которая донынѣ восхищаетъ ихъ историковъ, повторяющихъ слова кобзарской думы:

Въ той часъ булá честь и слáва,
Військовá спрáва:
Самá себе нá сміхъ не давáла,
Неприя́теля підъ нóги топтáла.

Корсунскіе и шляхетскіе герои не могли удовлетвориться не только бѣлоцерковскимъ, да и зборовскимъ компромиссомъ. Современный имъ польскій поэтъ писалъ, что украинскій народъ лишь тогда можетъ быть побѣжденъ оружіемъ, когда весь край сдѣлается безлюднымъ. Относительно правой стороны это были слова пророческія. Они оправдались бы и на лѣвой сторонѣ „обычнаго козацкаго шляха", когда бъ эта сторона не попала въ хозяйственныя руки Москвы по Андрусовскому миру (1674). Поссоренныя двумя соперничающими церквами сословія и состоянія могли вернуться къ былому согласію скорѣе подъ владычествомъ турецкихъ башей, чѣмъ подъ верховенствомъ польскихъ магнатовъ.

Паны, возвращавшіеся въ свои имѣнія согласно 4-й статьѣ Бѣлоцерковскаго договора, видѣли ясно, что надобно готовиться къ новой войнѣ за существованіе въ томъ краѣ, который слился съ Польшею высшими классами, но разошелся низшими. Если принять во вниманіе, кто и какъ соединялъ несоединимыя основанія греческой и римской вѣры, кто и какъ расторгалъ общественную связь въ интересахъ слiянія церковнаго, то новая война долженствовала быть уже не соціальная, а религіозная,—тѣмъ болѣе, что теперь малорусская религіозность, какова бы ни была она въ новыхъ своихъ защитникахъ, абсолютно отвергала все ляшеское и поставила себѣ девизомъ слѣдующія слова козацкой пѣсни:

Та не бýде лýчче, те не бýде крáщче
Якъ у насъ на Вкраïнi:
Що немáе Ляха, що немáе Жидa,
Не бýде унiï!

Конечно, ни *вѣръ*, ни *церкви*, въ конкретномъ значенiи слова, отъ этой религiозности не здоровилось. Но лучшіе органы древняго русскаго благочестія безмолвствовали, а худшіе проявляли себя соотвѣтственно достоинству своего духовнаго воспитанія. Тѣмъ не менѣе результатомъ религіозныхъ мнѣній, въ которыхъ были воспитаны воюющія стороны, должно было быть расторженіе польскорусской республики. Оно совершилось нравственно уже тогда, когда простой русскій народъ въ Польшѣ, съ голоса подстрекателей своихъ, назвалъ всѣхъ русскихъ пановъ и шляхтичей *Ляхами*. Оно совершилось политически, спустя два съ небольшимъ года послѣ Бѣлоцерковскаго мира. Тѣ муки и насилія, которымъ, по сказанію нашихъ историковъ подвергали своихъ подданныхъ вернувшіеся на свои пепелища землевладѣльцы, были невозможны по самому ходу житейскихъ дѣлъ. Но естественно, что подданные, попробовавшіе козатчины, отбились отъ рукъ у землевладѣльцевъ, отвыкли отъ пониманія взаимныхъ выгодъ, и охотнѣе гайдамачили, чѣмъ пасли стада, сидѣли въ пасѣкахъ, пахали землю. Даже тѣ изъ нихъ, которыхъ врожденная робость или разсудительность удерживала отъ гайдамачества, рискуя быть подожженными, убитыми, замученными козацкой голотою, постоянно колебались между вѣрностью панамъ и проповѣдуемымъ козаками предательствомъ.

Хмельницкій видѣлъ, каковы плоды его разбойной пропаганды, къ которой онъ долженъ былъ прибѣгать въ своей щербатой долѣ. Теперь онъ самъ боялся „безголоваго звѣря“, разлакомленнаго кровью

и добромъ зажиточныхъ людей. Теперь старательнѣе прежняго онъ окружалъ себя Татарами. А голодъ между тѣмъ заставлялъ этого звѣря выть среди родныхъ пустынь, изъ которыхъ война изгнала земледѣліе. Голодный вой долетѣлъ и до нашего времени, въ такомъ, напримѣръ, двустишіи козацкой пѣсни:

И день и нічъ войны ждемо:
Добычи не маемъ...

Ржаной хлѣбъ, рогатый скотъ и овцы сдѣлались въ Малороссіи рѣдкостью. Голодъ свирѣпствовалъ у насъ вмѣстѣ съ черною смертью. Народъ не видѣлъ ничего утѣшительнаго ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ. Онъ былъ беззащитенъ въ малолюдныхъ пустыняхъ своихъ и отъ козаковъ, жолнерскихъ подражателей, и отъ Татаръ, козацкихъ побратимовъ. Послѣ искусственнаго возбужденія его физической и нравственной энергіи, онъ впалъ въ ту малорусскую апатію, памятникомъ которой осталась историческая поговорка: „абы не сидячого Татары взяли".

И вотъ чѣмъ козатчина способствовала русскому возсоединенію, а не тѣми героическими начинаніями, которыми украшаютъ ее псевдоисторики. Не борьба козаковъ за православную вѣру и русскую народность привела уцѣлѣвшіе отъ Хмельнитчины милліоны малорусскаго народа подъ власть московскаго царя: привели ихъ неслыханныя бѣдствія, въ которыя Малороссія была повергнута козаками, а дорогу къ Москвѣ указало имъ наше духовенство, у котораго польскіе ставленники отнимали духовные хлѣбы.

Еще въ эпоху Іова Борецкаго Московское Царство называли въ Малороссіи страною тихою всѣ монахи и монахини, всѣ попы и поповичи, всѣ благочестивые люди, вздыхавшіе по свободѣ религіозной совѣсти, тѣснимой прямо или косвенно папистами. Эта тихая страна сдѣлалась теперь обѣтованною, богатою хлѣбомъ, которымъ она снабжала даже кіевскій рынокъ во славу своего великаго хозяина, царя, разрѣшившаго безпошлинный вывозъ при первомъ приступѣ голода въ 1648 году *). Москва, во многихъ частныхъ случаяхъ, проявляла себя

*) Въ 1650 году лѣтомъ за мацу жита платили въ Кіевѣ по 40 злотыхъ, за осьмачку проса и пшена по $7\frac{1}{2}$ злотыхъ, i to siła Moskwa ratowała (пишетъ Ерличъ), jakoż car moskiewski dozwolił swoim tu na granicę wozić, i sprzedawać zboże, i naszym jezdzić za granicę a kupować u nich, i ztąd posiłek ubogim i ratunek był. Zaczym ubóstwa od wschodu do zachodu słonka od domów swych nie mogli się obegnać ludzie możniejsi, po ulicach wiele tego umierało i puchło w

варварски; но въ распоряженіяхъ своего двора и царскаго правительства поступала съ удивительной человѣчностью сравнительно съ мусульманами и католиками. Одно ея освобожденіе отъ монгольскаго ига достаточно свидѣтельствуетъ о преобладаніи въ ней государственной хозяйственности надъ хозяйственностью Турокъ и Поляковъ. Это преобладаніе объясняютъ возрастаніемъ самодержавія московскаго, заимствованнаго якобы отъ монгольскаго деспотизма. Но мнимые питомцы монгольскаго варварства, падшіе въ Смутное Время отъ козней цивилизованнаго Рима, встали безъ посторонней помощи, чего никакъ не могла сдѣлать ихъ якобы наставница, Золотая Орда, подпавъ подъ ихъ владычество. Возставъ изъ своего Разоренія, Москва доказала превосходство государственной хозяйственности своей и надъ воспитанною Римомъ Польшею. Она привлекла къ себѣ симпатіи всѣхъ, страдавшихъ въ этомъ государствѣ отъ безсудья и самоуправства, даже католиковъ, коренныхъ Полонусовъ, но всего больше расположила къ себѣ малорусское духовенство.

Отклоняя просьбы козаковъ о дозволеніи имъ переселиться всѣмъ войскомъ въ Московское Царство, и не вѣря слезамъ Хмельницкаго, Москва вѣрила православному стремленію къ ней истинныхъ органовъ малорусской церкви. Это стремленіе поощряла она съ политическою послѣдовательностью, по мѣрѣ своей безопасности отъ Польши. Монахи и монахини получали отъ нея „милостыню на церковное строеніе“ безотказно; но сперва пограничныя власти не всѣхъ обращавшихся къ царской благотворительности допускали въ самое сердце Великой Россіи. По царскому указу, многимъ давали милостыню въ Путивлѣ, и затѣмъ возвращали въ „Литовскую Сторону“. Теперь царь подавалъ милостыню не только на церковное строеніе, но и на школы, которыя, какъ жаловался кіевскій митрополитъ, „оскудѣли оскудѣніемъ благодѣтелей своихъ“, разогнанныхъ, разоренныхъ и перебитыхъ козаками (чего не смѣлъ высказать письменно). Теперь въ Москву принимались уходившіе изъ окозаченнаго Кіева эллинисты-богословы „для справки греческихъ книгъ на славянскую рѣчь“, для перевода историкофилософскихъ книгъ съ латинскаго языка и для устройства пѣвческихъ школъ. Наконецъ, въ августѣ 1652 года, было наказано пу-

---

różne choroby wpadało od ziela i liscia różnego na pokarm zbierając. Każdy dzień kupamito się wlekło z różnich krajów, miast i wsi za Dniepr się cisnęło, co chłopska swywola jeszcze nie wybila i Tatarowie nie wybrali. Kraje lwowskie, wołyńskie, podolskie, miasta puste i wsie pozostawali.

тивльскимъ воеводамъ: всѣхъ приходящихъ изъ Кіевской Земли чернецовъ и черницъ, которые выйдутъ на государево имя, пропускать къ Москвѣ безъ малѣйшаго задержанья, съ провожатыми, и давать имъ подводы, „чтобъ имъ ни въ чемъ нужи не было". Вотъ съ кого началось самое искреннее и прочное присоединеніе Малороссіи къ Россіи!

Монахи первые возвѣстили о стремленіи Малоруссовъ къ новому центру русскаго міра; монахи оправдывали его собственнымъ переселеніемъ въ самую среду Великоруссовъ; монахи давали у насъ въ Малороссіи православно-русское направленіе всѣмъ умамъ, остававшимся за предѣлами католическаго вліянія и вообще польщизны. Точнѣе сказать, они сохранили у насъ всецѣло древнее русское благочестіе. Презирая такъ называемое невѣжество этого класса и соединенные съ дѣйствительнымъ невѣжествомъ пороки, игнорировали мы доселѣ великую службу его въ дѣлѣ русскаго возсоединенія, и приписывали это спасительное дѣло отребію польскорусской общественности—днѣпровскимъ гайдамакамъ, черноморскимъ пиратамъ, татарскимъ побратимамъ. Нѣтъ, общественная и семейная жизнь въ тогдашней Малороссіи не давала возможности сохранить въ цѣлости національныя преданія о предкахъ и старинѣ: только порвавъ связи съ міромъ и его житейскими попеченіями, было возможно спасти нашу русскую національность въ будущемъ посредствомъ ясныхъ воспоминаній о быломъ подъ сѣнію древнихъ нашихъ святынь, на гробовищахъ отдаленнѣйшихъ нашихъ предковъ.

Деспотическая политика московскаго правительства проницала во мракъ русскаго будущаго глубже, нежели наши питомцы либеральнаго Запада проницаютъ во мракъ русскаго прошедшаго. Москва привлекала къ себѣ элементы строительные, но вовсе не разрушительные,—вовсе не тѣ, которымъ такъ сочувствуютъ верхогляды малорусской современности. Не изощряла она меча на пагубу сосѣдственной державы, поддерживая въ ней злодѣевъ, какъ это намъ представляютъ; нѣтъ, она своимъ примѣромъ и внушеніемъ воспитывала въ родственной Малороссіи общественное мнѣніе, поколебленное духомъ пагубной польскорусской вольности. Въ лицѣ проповѣдниковъ и хранителей православія, она поддерживала въ польской Руси тѣ правила единовластія и соподчиненности, которыми создалась политическая свобода Руси Московской. Для этого ей были нужны вовсе не козаки, естественные нарушители гражданскаго порядка. Она козаковъ чуждалась. Она не знала, какъ отъ нихъ отдѣлаться и дома въ своей великой работѣ собиранія Русской земли. Наслѣдіе новогородчины съ одной стороны и татарщины съ другой, этотъ разбойный классъ не давалъ

Москвѣ покоя со временъ Іоанновскихъ, колебалъ ея владычество въ эпоху грозныхъ Смутъ и готовилъ ей въ будущемъ Разина да Пугачева. Чтò касается козаковъ днѣпровскихъ, то это разрушительное орудіе было выковано врагами Москвы на ея пагубу, и если Москва запачкала свои руки этимъ орудіемъ въ борьбѣ съ Польшею, то не иначе, какъ пачкаетъ руки человѣкъ, вырывающій окровавленный ножъ у того, кто покушался его зарѣзать.

Вернувшись отъ Хмельницкаго, Богдановъ легко могъ объяснить себѣ, почему для проходимца, хвалившагося и Польшу, и Нѣмецкую Имперію, и самого папу отдать въ руки турецкому султану,—почему для козаковъ, передъ которыми, по ихъ словамъ, дрожалъ весь свѣтъ еще во время Сагайдачнаго, земля сошлась клиномъ въ Московскомъ Государствѣ. На всемъ пути его въ Чигиринъ и обратно, какъ доносилъ онъ царю, куда ни пріѣзжалъ онъ, духовные и свѣтскіе всѣхъ состояній люди окружали его и со слезами молили Бога о томъ, чтобы московскій царь принялъ ихъ въ подданство *на томъ же основаніи, на какомъ пребываютъ всѣ его подданные*. Эта всеобщая мольба была явленіе великое, и если привели къ ней населеніе края козаки, то привели только своимъ безпутствомъ; прямыми же начинателями и творцами русскаго возсоединенія были у насъ на югѣ тѣ, которые, именемъ церкви, воспрещали козакамъ „ходить на Москву, на родъ христіянскій".

Подчиняясь ихъ внушенію, козаки, какъ разноплеменное и разносословное скопище, не могли выдержать своего обѣта до конца. Въ 1633—1634 годахъ они проторили новый татарскій шляхъ отъ воротъ Россіи, Смоленска, къ центру Россіи, Москвѣ. Но, сводя дома кровавые счеты съ землевладѣльцами, они, еще во времена Конецпольскаго, стали переселяться въ сѣверскія и придонецкія пустыни вмѣстѣ съ подпомощниками своими и другими слобожанами. Теперь, послѣ катастрофы подъ Берестечкомъ и неудачнаго отпора подъ Бѣлою Церковью, насталъ новый періодъ переселенія козаковъ, а вмѣстѣ съ ними и другихъ людей въ сосѣднія пустыни.

Жолнерскіе переходы и постои, на которые горько жаловался самъ Конецпольскій, заставили служившаго ему инженера Боплана назвать Польшу папскимъ раемъ и мужицкимъ адомъ. Но и въ тѣ времена къ притѣснителямъ и грабителямъ „убогихъ людей", жолнерамъ, присоединились уже ихъ враги и подражатели, козаки. Косинщина и Наливайщина были для мѣщанъ и селянъ предзнаменованіемъ тѣхъ бѣдствій, которымъ они подвергались отъ козацкаго разгула впослѣдствіи. Козаки Сагайдачнаго, идучи къ Хотину противъ Турокъ, опу-

ошили столько панскихъ имѣній, что, по донесенію королевскаго гента, зазывавшаго ихъ на войну, едва ли сами Турки съ Татарами огли бы причинить больше вреда. Наконецъ Хмельнитчина ринулась поприще Косинщины и Наливайщины въ сообществѣ Татаръ, прогла Волынь во всѣхъ направленіяхъ, недобитковъ меча предала въ атарскія лыка, остальныхъ разогнала по недоступнымъ трущобамъ. олодъ и моръ, слѣдовавшіе за козацкими и жолнерскими похожденіи, заставили волынцевъ бѣжать изъ несчастной родины, куда глять глаза. Еще до Берестечьской войны, дороговизна съѣстныхъ приасовъ дошла до такой степени, что въ Луцкѣ мацу ржаной муки проавали по 120 злотыхъ, и голодные люди умирали толпами. Одна женина подъ Луцкомъ (записалъ въ іюнѣ 1651 года Ерличъ) сдѣлалась юдоѣдкою, и дѣлилась человѣческимъ тѣломъ съ сосѣдями, а другая ѣзала и ѣла собственныхъ дѣтей.

Спасаясь отъ козаковъ, Татаръ и жолнеровъ, волынцы перебѣгаи съ мѣста на мѣсто, прятались по болотистымъ трущобамъ, переходили за Днѣпръ, и нашли наконецъ безопасное убѣжище въ полтавскихъ пустыняхъ, граничившихъ съ московскими пустопорожними землями. Многіе забрели и въ Московскую Землю, въ которую направилъ свое бѣгство знакомый отцамъ и дѣдамъ ихъ царь Наливай съ козацкими семьями, и въ которую проторили дорогу, по сказанію очевидца, игумена Филиповича, бѣглые павлюковцы. Этимъ способомъ явились первыя малорусскія слободы около Путивля и Бѣлгорода.

Отъ нужды и бѣды польскіе и русскіе шляхтичи дѣлались козаками. Когда козацкая сила рушилась подъ Берестечкомъ, разочарованные въ ней прозелиты козатчины бѣжали за предѣлы козацкаго присуда. Объ одномъ изъ такихъ бѣглецовъ, Дзинковскомъ, сохранилось документальное преданіе, что онъ, предводительствуя тысячею козаковъ острожскаго, новообразовавшагося тогда полка, выпросилъ у царя дозволеніе поселиться на его землѣ съ предоставленіемъ ему права сохранить въ новыхъ слободахъ полковые и сотенные порядки козацкіе. Примѣру Дзинковскаго слѣдовали и другіе.

Московскій царь, пользуясь правомъ, выговореннымъ еще въ Поляновѣ, привлекалъ въ свои украйны способныхъ къ ихъ защитѣ выходцевъ, какъ заботливый и практическій хозяинъ. Для бѣглецовъ Хмельнитчины строились у него хаты, въ которыхъ они находили даже готовое зерно на засѣвъ нови, никому не принадлежащей, никѣмъ не распахиваемой. Такимъ образомъ возникнулъ на Тихой Соснѣ городъ Острогожскъ; такъ получили свое начало богатые впослѣдствіи города и мѣстечки: Сумы, Лебединъ, Ахтырка, Бѣлополье, Короча и дру-

гіе; такъ заселились безпріютныя степи и образовались слободско-украинскіе полки по рѣкамъ: Донцу, Удамъ, Харькову, Коломаку. Нынѣшній Харьковъ былъ незначительною въ началѣ слободою; но его безопасная позиція среди болотъ и лѣсовъ привлекла къ нему многолюдство и послужила къ его возвышенію, какъ полковаго города, неподвѣдомаго малороссійскому гетману.

Въ свою очередь поднѣстряне и побожане, не видя добра ни въ козацкихъ, ни въ панскихъ порядкахъ, сожигали свои жилища и кормà, чтобъ не достались ненавистнымъ панамъ Ляхамъ, истребляли все имущество, котораго нельзя было забрать въ *мандрѣвку* и пробирались въ землю Восточнаго Царя, о которой наслышались, какъ о царствѣ скораго правосудія, сытой и мирной жизни.

Хмельницкій испугался повсемѣстной эмиграціи, и пытался остановить ее, какъ это дѣлали коронныя власти и землевладѣльцы во времена Остряницы. Но приверженцы Хмеля оказались безсильными противъ тѣхъ, которые возненавидѣли коварный режимъ его и возгнушались предательскимъ дѣломъ его. Козацкія ватаги переселенцевъ шли на проломъ, увлекали за собой новыхъ отступниковъ Хмельнитчины, угоняли чужой скотъ, били тѣхъ, кто хотѣлъ ихъ остановить, и стремились бурнымъ потокомъ въ Слободскую Украйну, проклиная Хмеля-Хмельницкаго и его торговлю людьми. Эмиграція принимала такимъ образомъ видъ междоусобной козацкой войны.

Наконецъ и самъ „добрѐдій" такихъ людей, какъ Джеджалла, боясь остаться въ своемъ удѣльномъ княжествѣ безъ подданныхъ, просилъ у царя дозволенія перейти на его землю и поселить козаковъ подъ Путивлемъ и Бѣлгородомъ. Мнимое „наслѣдіе Богдана", Кіевъ, и „святыни всѣхъ его гробовъ" оставлялъ онъ въ рукахъ враговъ древняго русскаго благочестія. Но пребываніе козацкой вольницы въ стратегическихъ пунктахъ царской земли повело бы Москву къ новымъ смутамъ. Хмельницкому были указаны пустыни на Дону и Медвѣдицѣ, вовсе не подходящія къ его замысламъ, и онъ остался въ старомъ гнѣздѣ козатчины.

Не находя ни съ которой стороны подступа къ великому русскому хозяину, сталъ онъ опять ладить съ панами, подчинялся напоминаніямъ кіевскаго воеводы, Адама Киселя, и дѣятельно производилъ новую реестровку козаковъ, какъ и послѣ Зборовскаго мира. Въ концѣ февраля 1652 года, Кисѣль доносилъ уже королю, что выписы (то есть исключеніе лишнихъ людей изъ условленныхъ 20.000 козаковъ) произведены, реестры для вписанія въ гродскія кіевскія книги представлены, козацкіе послы на сеймъ посланы, всѣ землевладѣльцы въ

свои добра введены опять (nobilitas wszytka do dóbr swych reinducta) и часть короннаго войска (по Ерличу четыре полка) отправлены за Днѣпръ на зимнія квартиры.

Обманувшіеся столько разъ въ своихъ надеждахъ паны продолжали обманываться неизлечимо. Кисѣль писалъ къ королю, что Хмельницкому можно и вѣрить и не вѣрить, но козаковъ разумѣлъ онъ чѣмъ-то непохожимъ на Хмельницкаго, тогда какъ этотъ каверзникъ былъ самое выразительное созданіе козацкаго ума и козацкой нравственности. „Если вѣрить присягѣ Хмельницкаго" (писалъ Кисѣль), „то надобно оставить войско въ обыкновенномъ числѣ, издержки же, которыя дѣлала до сихъ поръ отчизна, сократить; если же не вѣрить, полагая, что онъ дружбы съ Ордой не разорветъ, въ такомъ случаѣ увеличивать войско и вести войну... Не начиная войны, надобно быть въ готовности на всякій случай... При этомъ обходиться съ Хмельницкимъ какъ можно лучше и привлекать къ себѣ подачкою, о которой онъ проситъ,—какъ для ускоренія ссоры его съ Татарами, такъ и для возобновленія поля и моря... Надежда на Господа Бога приведетъ наше дѣло къ прежнимъ началамъ (W Panu Bogu nadzieja rem nobis ad sua revocabit principia). А что̀ всего важнѣе: когда, не имѣя отъ насъ никакой причины, козаки не будутъ имѣть случая къ возстанію, напротивъ, оставаясь при своихъ вольностяхъ, полюбятъ мирную жизнь (zakochają się w pokoju)"...

Такія дѣтскія мысли преподавалъ Адамъ Свѣнтольдовичъ безпомощнымъ дѣтямъ—панамъ.

Отправленное за Днѣпръ войско сдѣлало центромъ своей оккупаціи Нѣжинъ. Отрядами его командовали Войниловичъ, Маховскій и житомирскій староста Тишковичъ, расквартировавшіе жолнеровъ по Заднѣпрію и Задесенью. Часть литовскаго войска заняла пограничную отъ Литовскаго Княжества Стародубовщину. Край былъ разоренъ до такой степени, что, по мнѣнію Киселя, никоимъ образомъ не могъ прокормить жолнера, „развѣ пришлось бы отпускать провьянтъ изъ всей Короны". Поэтому на жолнерскіе постои смотрѣли голодные жители съ крайней досадою; а жолнеры всетаки не оставляли своего исконнаго обычая грабить хозяевъ. Самовидецъ говоритъ, что „козацтво, зостаючое въ городахъ, волно сходили съ тѣхъ городовъ, кидаючи набытки свои, у городы ку Полтавѣ, и тамъ слободы поосажовали, а инніе на кгрунтахъ московскихъ слободы поосажовали, не хотячи зъ жолнерами зоставати и стацеи онымъ давати: бо незносную стацею брали".

Съ другой стороны томило козаковатыхъ заднѣпрянъ и задесенцевъ пребываніе въ имѣніяхъ землевладѣльцевъ, отъ которыхъ они поотвыкли. Въ интересахъ и самихъ землевладѣльцевъ, и правительственныхъ властей было—задерживать переселенцевъ на мѣстахъ ихъ осѣдлости. Но „жолнеры“ (пишетъ Самовидецъ) „не могли имъ заборонити: бо и зъ гарматами выходили изъ городовъ; але напотомъ хто зостался, гоже оного не пущено, и давати мусѣлъ стацѣю жолнѣрамъ“.

Волненіе въ народѣ по поводу переселенія, реестровки козаковъ, расквартированія жолнеровъ, водворенія помѣщиковъ и задержанія на мѣстахъ жительства тѣхъ, кому не удалось убраться изъ козацкой Украины въ Украину царскую,—все вмѣстѣ повело къ обычному въ нашемъ народѣ гайдамачеству. Убогіе, голодные, обиженные, пьяные, лѣнивые и недовольные ни козацкими, ни панскими порядками стали нападать на панскія имѣнія, на мѣщанскіе дворы, на зажиточныхъ реестровыхъ козаковъ, которыхъ называли *дуками срібляниками*, наконецъ и на жолнеровъ, которыхъ бранили *душманами*.

Хмельницкій издалъ универсалъ, въ которомъ говорилъ, что теперь уже не годится дѣлать того, что̀ дѣлалось прежде, а себя выгораживалъ изъ какихъ-либо бунтовъ посполъства противъ пановъ. Онъ грозилъ непослушнымъ строгою карою; но его угрозы оказались безсильными. Подобно тому какъ Татары повиновались турецкому султану только въ поощреніи, но никакъ не въ прекращеніи набѣговъ, отатаренная Хмельницкимъ чернь смотрѣла теперь *скрива* на того, о комъ кобзари пѣли ей хвалебныя думы за возбужденіе къ поджогу, грабежу и рѣзнѣ. И какъ со временъ Косинскаго гербованная шляхта разбойничала вмѣстѣ съ козаками, такъ теперь шляхта негербованная, реестровые козаки, гайдамачили вмѣстѣ съ развращеннымъ козатчиною посполъствомъ, а во главѣ гайдамачества являлись даже полковники, искавшіе себѣ славу Морозенковъ, Перебійносовъ, Нечаевъ и прокладывавшіе дорогу къ гетманству по примѣру самого Хмеля.

Проживавшій въ это время въ Кіевѣ Ерличъ записалъ у себя въ дневникѣ, что въ мѣстечкѣ Срібномъ (Syḃryi), за Днѣпромъ „хлопская своволя“ измѣною разбила на голову двѣ хоругви (какъ это было сдѣлано при Конецпольскомъ въ Дымерѣ). Но не долго они торжествовали (продолжаетъ православный шляхтичъ): лишь только дали знать объ этомъ Войниловичу, командовавшему полкомъ князя Вишневецкаго, онъ тотчасъ вторгнулся въ городъ, вырѣзалъ всѣхъ отъ великаго до малаго, а городъ сжегъ. Въ отвѣтъ на эту энергическую мѣру, появились гайдамацкія ополченія въ разныхъ мѣстахъ. Въ Липовомъ, въ Рябухахъ, принадлежавшихъ къ миргородскому полку, жол-

неры снова имѣли свалку съ мѣстными жителями. Подъ Лубнами появился гайдамака Бугай. Подъ Нѣжиномъ собралась гайдамацкая купа подъ начальствомъ Лукьяна Мозыры. Этотъ былъ золъ на Хмельницкаго за то, что онъ ссадилъ его съ корсунскаго полковничества, которое отдалъ своему швагеру Золотаренку. Мозыра, какъ и Перебійносъ, воображалъ себя ничѣмъ не хуже Хмеля, и мѣтилъ самъ сдѣлаться гетманомъ. Наконецъ миргородскій полковникъ, Гладкій, заявившій то же стремленіе подъ Берестечкомъ, составилъ заговоръ противъ жолнеровъ, и днемъ ихъ избіенія во всемъ миргородскомъ полку назначилъ день Свѣтлаго Воскресенія, когда жолнеры подгуляютъ. Произошла кровопролитная рѣзня; но, видно, на пьяныхъ напали пьяные: проспавшись, испугались они гайдамацкаго геройства своего, и Гладкій былъ схваченъ хмельничанами. Около Мглина и Стародуба произошло такое же столкновеніе хозяевъ съ постояльцами; а всѣ эти случаи вмѣстѣ выражали раздраженіе Козацкаго Народа противъ гетмана, который столько разъ поднималъ его кончать Ляховъ, и опять возвращалъ Украину къ прежнему порядку вещей. Былъ въ Польшѣ слухъ, что козаки собирались идти на Чигиринъ и положить конецъ орудованью Хмельницкаго. Хмельницкій успокоилъ, или разъединилъ козацкій народъ лишь тѣмъ, что въ прибавку къ 20.000 узаконенныхъ реестровиковъ записалъ въ секретный реестръ еще больше 20.000.

Между тѣмъ онъ просилъ короля назначить военносудную коммиссію для разслѣдованія и кары украинскихъ бунтовъ. Эта коммиссія приговорила къ смертной казни Хмелецкаго, Мозыру, Гладкого, войсковаго судью Гуляницкаго и многихъ мелкихъ ватажковъ гайдаматчины. Хмельницкій игралъ при этомъ роль человѣка подначальнаго, но въ сущности пользовался возможностью извести своихъ недоброжелателей, и особенно тѣхъ, которые, посредствомъ бунтовъ, подкапывались подъ его гетманство. Въ видахъ будущихъ козней, интриганъ очищалъ свой извилистый путь отъ препятствій, и въ то же время сѣялъ въ народѣ новую ненависть къ Ляхамъ, которые, по козацкому воззрѣнію, теряли не только право мести ударомъ за ударъ, но и право государственнаго суда надъ разбойниками. Все-таки ему становилось болѣе и болѣе жутко среди своихъ „дѣтей, друзей, небожатъ“. Мирясь по неволѣ съ панами, ища защиты даже въ ненавистныхъ для него постояльцахъ, онъ видѣлъ, какъ его удѣльное княжество гибло вслѣдъ за своимъ возникновеніемъ. Теперь ему больше, нежели когда-либо, нужна была царская помощь. Онъ домогался у царя хоть небольшаго отряда ратныхъ людей, лишь бы та слава была, что Москва стоитъ съ нимъ заодно. Но царское правительство на всѣ его

представленія о православныхъ церквахъ, на всѣ его проекты широкихъ завоеваній отвѣчало съ мучительнымъ для него достоинствомъ, что великій государь, его царское величество, милостиво похваляетъ его за то, что онъ государской милости къ себѣ ищетъ, и т. д. Царское правительство помогало голодному малорусскому народу московскимъ хлѣбомъ, и оставляло безо вниманія мольбы и слезы козацкаго гетмана.

Хмельницкій видѣлъ, что и безъ него все въ Малороссіи наклонилось въ московскую сторону. Онъ боялся остаться ни причемъ съ ватагой головорѣзовъ да съ Татарами среди края, не имѣющаго ни естественныхъ границъ, ни крѣпостей, и среди народа, проклинающаго его даже въ своихъ пѣсняхъ. Вмѣстѣ съ другомъ и обманщикомъ своимъ, Выговскимъ, онъ обольщалъ царскихъ людей перспективою не однихъ военныхъ, но и промышленныхъ успѣховъ; разоритель обольщалъ строителей, расточитель—собирателей, полудикій номадъ—государственнныхъ экономистовъ. „Великому государю" (доносили они со словъ писаря Запорожскаго Войска), „его государскимъ счастьемъ къ великому московскому пространству и многолюдному государству, и безъ войны, и безъ кровопролитія, учинится прибавленье большое, и овладѣетъ онъ, великій государь, многою землею и городами; и тѣхъ городовъ ему, великому государю, съ мѣщанъ и со всякихъ чиновъ людей и съ ихъ торговыхъ и съ иныхъ и со всякихъ промысловъ учинится ево государской денежной казнѣ прибыль многая, потому что православныхъ христіянъ многолюдство большое, и промыслы всякими промышляютъ въ своихъ городѣхъ, и въ иныя государства для всякихъ своихъ промысловъ ѣздятъ такъ же и къ нимъ въ городы изъ иныхъ государствъ многіе купетцкіе и всякихъ чиновъ люди со всякими многими товары и для иныхъ всякихъ своихъ промысловъ пріѣзжаютъ же".

А что польскій король вздумалъ бы воевать противъ царя (говорилъ имъ Выговскій), такъ этого опасаться напрасно: „польскому де королю противъ великого государя стоять некѣмъ". Онъ поспѣшитъ прислать въ Москву своихъ пословъ, и пойдетъ на всевозможныя уступки. Если же великій государь пошлетъ на него съ козаками своихъ ратныхъ людей, тогда Польская Корона и Великое Княжество Литовское перейдутъ подъ его высокую руку безъ войны: ибо онѣ дрожатъ отъ страху предъ одними козаками. Другое дѣло (продолжалъ Выговскій), если государь не приметъ козаковъ теперь же въ подданство, а польскій король станетъ подговаривать и прельщать ихъ на совмѣстную войну противъ Москвы, дабы поссорить ихъ съ великимъ государемъ и навсегда отвлечь отъ московскаго подданства. Въ

акомъ случаѣ онъ (Выговскій) сильно опасается, чтобы козаки не шли съ панами на московское государство войною; а крымскій царь поготову пойдетъ воевать московское государство. Онъ и теперь пошелъ бы на Москву, да козаки отказались биться съ единовѣрными православными христіянами и проливать между себя христіянскую кровь; „за то де Крымскій на гетмана гнѣвался долгое время".

Видя, что ни слезами, ни политическими и торговыми посулами нельзя склонить Москву въ свою пользу, Хмельницкій вернулся къ прежней политикѣ запугиванья. „Порази меня Богъ" (говорилъ онъ), если не пойду на Москву и не разорю ее пуще Литвы"! И послѣ такихъ угрозъ онъ снова увѣрялъ москвичей въ своей готовности завоевать въ пользу царя всю королевскую землю. Но увѣрять въ своей преданности, хвалиться своею силою и грозить своею местью—было ремесломъ Хмельницкаго, которое онъ прилагалъ къ христіянскимъ и къ магометанскимъ государствамъ безъ всякаго стѣсненія.

Заключивъ Бѣлоцерковскій договоръ, онъ тотчасъ написалъ въ Стамбулъ, что у него была съ Поляками ужасная война, послѣ которой заключилъ онъ миръ, но миръ почетный, безъ нарушенія прежней дружбы съ крымскимъ ханомъ, которую (писалъ онъ) мы желаемъ сохранить до конца дней своихъ, равно какъ и быть вѣрными подданными вашего цесарскаго величества. Онъ просилъ у султана грамоты къ Крымскому хану, повелѣвающей участвовать во всѣхъ козацкихъ войнахъ; а съ нуреддинъ-султаномъ и съ Карачъ-мурзою заключилъ особый договоръ. Предвидя новую войну съ панами, Хмельницкій заручился турецко-татарскою помощью заблаговременно.

Дѣйствительно, сеймъ не утвердилъ статей, стоившихъ Потоцкому послѣднихъ усилій, но не утвердилъ потому, что былъ сорванъ однимъ изъ литовскихъ пословъ, по интригѣ панскихъ партій. Пропившіе свою добычу козаки только того и ждали. Немедленно были призваны Татары, и войско начало готовиться къ походу. Было рѣшено—задѣть Польшу со стороны ея союзника.

Въ октябрѣ 1651 года, Потоцкій послалъ къ Хмельницкому Маховскаго хлопотать о дозволеніи размѣстить коронное войско во всей Брацлавщинѣ. Хмельницкій согласился на это, но ограничилъ право сбора провьянта, и прибавилъ условіе, чтобы жолнеры вели себя во всѣхъ отношеніяхъ скромно и сдержанно. „Тягостно было вождямъ и войску" (пишетъ Освѣцимъ) „получать ограниченія и предписанія отъ подданнаго; но, уступая тяжкой необходимости и не желая нарушать изъ-за мелочи заключенный договоръ, они подчинились. Войско было распредѣлено въ Украинѣ по селамъ и мѣстечкамъ, начиная съ Са-

враня, по всей почти Уманщинѣ, и, согласно съ требованіемъ Хмельницкаго, получало право на сборъ самаго ничтожнаго провьянта. Панъ Маховскій привезъ еще и другую, болѣе серьезную и тревожную новость,—что Хмельницкій намѣренъ отправить своего сына, Тимоша, съ частью войска, въ Волощину, для бракосочетанія съ дочерью волошскаго господаря. Съ Тимошемъ онъ рѣшился отправить и Татаръ, кочевавшихъ на Капустяной долинѣ у Корсуня, и назначилъ время сбора въ походъ черезъ двѣ недѣли".

Маховскій, сверхъ того, вывѣдалъ и донесъ Потоцкому, что къ Хмельницкому пришелъ нуреддинъ-султанъ со всею Крымскою Ордою. Хмельницкій скрывалъ его приходъ, и увѣрялъ Потоцкаго, что размѣстилъ пришедшихъ къ нему Татаръ такъ, чтобъ они не могли вредить королевскимъ областямъ. „Но Татары" (писалъ Потоцкій къ королю) „не привыкли возвращаться безъ *облову*. Они будутъ гостить— или въ польскихъ, или въ волошскихъ владѣніяхъ, которымъ и самъ Хмельницкій грозитъ за свое сватовство". Въ послѣднемъ случаѣ, Потоцкій совѣтовалъ „спасать сосѣда и вѣрнаго слугу" (волошскаго господаря), о чемъ и завелъ съ нимъ переписку; войска же по квартирамъ не распустилъ, и оставилъ его въ сборѣ у Махновки, подъ тѣмъ предлогомъ, что въ Брацлавщинѣ не прекратились еще волненія.

Волненія не прекращались во всю Хмельнитчину въ Малороссіи: мужики вмѣстѣ съ козаками бунтовали то противъ пановъ, то противъ самого Хмельницкаго. Кисѣль, по званію кіевскаго воеводы, пѣнялъ Хмельницкому за новые бунты, и Хмельницкій обѣщалъ ему казнить виновныхъ передъ его глазами; но такія казни служили у него только ширмою замышляемыхъ имъ самимъ набѣговъ. Чтобъ отвлечь вниманіе Потоцкаго отъ Волощины, Хмельницкій писалъ къ нему о старыхъ, не додѣланныхъ при Владиславѣ IV чайкахъ, и манилъ его надеждою на совмѣстный походъ противъ Турокъ.

„Видитъ Богъ совѣсть мою", увѣрялъ онъ въ своей искренности того, которому козаки приписывали „розумъ жиндоцькій". Но сынъ Потоцкаго Андрей, галицкій староста, отзывался о старомъ плутѣ къ Тизенгаузу такъ: „Подозрительна намъ вѣрность нашего пріятеля. Хоть и сладко къ намъ пишетъ, но на дѣлѣ та же у него свирѣпость, что и прежде была: Орды не отсылаетъ, стоянки нашему войску откладываетъ на послѣ Рождества Христова, а противъ господаря волошскаго замышляетъ новыя враждебныя дѣйствія (novam hostilitatem meditatur) за то, что одинъ онъ былъ нашимъ вѣрнымъ сосѣдомъ. Посовѣтуйте королю поскорѣе посылать войска свои въ помощь господарю. Ибо, хоть бы король и написалъ письмо къ этому пьяни-

цѣ, то онъ только фыркнетъ (za firkęto będzie u niego). Вотъ какой прекрасный миръ устроилъ намъ Кисѣль"!

Но Кисѣль до конца вѣровалъ въ возможность невозможнаго, въ соединенье несоединимаго, и теперь въ качествѣ зловреднаго для Поляковъ и для насъ праведника, писалъ королю: „Меня зовутъ не гражданиномъ, а предателемъ Рѣчи Посполитой. Что же дѣлать? Таковъ умъ человѣческій. Терпѣть самое тяжкое, это—знаки праведника (graviora pati sunt signa beati)". А Хмельницкій между тѣмъ новымъ ударомъ ножа въ панское сердце еще разъ опредѣлилъ цѣну киселевской политикѣ.

Намъ опять приходится бродить въ кровавыхъ лужахъ растворенныхъ слезами отцовъ и матерей, женщинъ и дѣтей,—опять приходится описывать подвиги „борцовъ за вѣру православную и народность русскую". Начнемъ съ несчастной женщины, помѣченной Хмелемъ въ число своихъ безчисленныхъ жертвъ.

Въ 1651 году, во время Берестечской войны, Роксанда Лупулова находилась въ Стамбулѣ. Людямъ, окружавшимъ Яна Казимира, нужно было сочинять о невѣстѣ молодаго Хмельницкаго такіе же слухи, какъ и о женѣ стараго Хмеля. Множество ушей, и подлиннѣе, и покороче королевскихъ, внимало этимъ слухамъ z uciechą, и вотъ Поляки до сихъ поръ повторяютъ намъ, что какой-то агентъ Лупула продалъ Роксанду, по словамъ турецкихъ лѣтописцевъ, какому-то венгерскому или польскому магнату за 20.000 піастровъ. Этого съ нихъ мало: ею де интересовался нѣкоторое время и великій визирь, Ахметъ. Но бѣгство Хмельницкаго изъ-подъ Берестечка и паденіе великаго визиря освободили Роксанду изъ унизительнаго положенія.

Тотчасъ по заключеніи Бѣлоцерковскаго договора, Хмельницкій, по словамъ Поляковъ, отправился въ Стамбулъ (отлучка, невозможная для Хмельницкаго), и позвонилъ мѣшкомъ золота передъ янычарскими ...ами. Султанъ Мурадъ былъ малолѣтенъ. Турціей правилъ сераль...кій тріумвиратъ, съ прибавкою женщинъ. Могущественнѣйшій изъ тріумвировъ, Пѣхтасъ-ага, наименовалъ Хмельницкаго сыномъ своимъ, обѣждая отдаться безусловно въ турецкое подданство. Хмельницкій обѣщалъ Туркамъ все, а Турки предоставили ему въ распоряженіе Волощину.

Николай Потоцкій глядѣлъ на задуманное Хмельницкимъ вторженіе въ Волощину, какъ на великую обиду Рѣчи Посполитой. Но его здоровье требовало отдыха; онъ передалъ свою власть полевому гетману и уѣхалъ въ Хмѣльникъ, гдѣ и умеръ.

Пока Тимошъ готовился къ походу, въ Стамбулѣ совершился правительственный переворотъ, и верховная власть перешла къ людямъ враждебнымъ Хмельницкому. Хмельницкій не осмѣлился нападать на Волощину. Въ то время за Днѣпромъ начались противъ него бунты, а до Калиновскаго дошло извѣстіе, что вмѣсто 20.000, въ козацкій реестръ вписано попрежнему 40.000. Коронный гетманъ привлекъ гетмана козацкаго къ отвѣтственности. Хмельницкій отвѣчалъ, что не можетъ совладать съ окозаченною черныо, но что впослѣдствіи все придетъ въ надлежащій порядокъ. Калиновскій помогалъ ему карать бунтовщиковъ, не подозрѣвая, что освобождаетъ врага отечества отъ опасныхъ для него людей; а Хмельницкій ждалъ только весны, чтобы наступить съ Татарами на волошское Заднѣстріе. Въ Стамбулъ писалъ онъ между тѣмъ о своемъ вѣрноподданствѣ и грозилъ, что если не поддержатъ его, то онъ будетъ вынужденъ повиноваться королю и идти, куда ему велятъ, хотя бы даже и на Турокъ.

Турки сами находились въ затруднительномъ положеніи и не могли поддерживать козаковъ. Но Хмельницкому нужно было одно,— чтобъ ему не мѣшали. Къ несчастью для христіанъ, породившихъ такое чудовище, письма его въ Стамбулъ, какъ и письма Крымскаго хана, перехватилъ искусный въ этомъ дѣлѣ Лупулъ и передалъ ихъ черезъ Калиновскаго въ Варшаву.

Калиновскій высказалъ Хмелю напрямикъ, что онъ поступаетъ предательски. Онъ воображалъ, что этимъ смутитъ и запугаетъ Козацкаго Батька. Потомокъ убійцы Наливайкова отца не въ состояніи былъ спуститься до самаго дна въ потемки козацкой души. Хмельницкій не только отвергалъ свое предательство, какъ всегда и все, что ему было нужно отвергать, но еще роптадъ на Калиновскаго, что онъ такими выдумками дразнитъ короля, а между тѣмъ подсказалъ Исламъ-Гирею, что Лупулъ и Калиновскій нанесли ему смертельную обиду. По малорусской пословицѣ: „чортъ у чо̀рта сповида̀вся, оди̇нъ моргну̇въ, дру̇гой догада̀вся", татарскій ханъ воспользовался намекомъ хана козацкаго: и къ Лупулу, и къ Калиновскому отправилъ онъ пословъ, требуя объясненія, по какому праву письма его были перехвачены и вскрыты.

„Да будетъ хвала Господу Богу" (писалъ къ Лупулу достойный побратимъ Хмельницкаго), „что мы, не довѣряя пактамъ съ королемъ, и лѣтомъ, и зимою и во всякое время держимъ наготовѣ татарскія Ногайскія и Крымскія войска, которыя, прося постоянно о войнѣ съ Польшею, вздыхаютъ къ Богу, о чемъ вы лучше можете знать; а если Поляки, разорвавши пакты, отправятъ противъ козаковъ свое войско,

то пускай о томъ вѣдаютъ, что наши Татары умилосердятся надъ козаками, и не перестанутъ ихъ спасать, какъ лѣтомъ, такъ и зимою".

Лупулъ оправдывался передъ ханомъ, что это Поляки перехватывали письма, а Калиновскій—что это не его войско сдѣлало, а получилъ онъ извѣстіе о перепискѣ отъ короля.

Послѣ того оба хана написали другія письма въ Стамбулъ; но Лупулъ подослалъ къ Исламъ-Гирею шпіоновъ и узналъ, что весь походъ, къ которому они готовятся, направленъ противъ него.

Не испугался, однакожъ, господарь, зная, какъ много значитъ въ защитѣ отъ непріятеля богатство, навербовалъ 12.000 войска съ польскими офицерами, можно сказать, обученными Хмельницкимъ, призвалъ на помощь Калиновскаго, а королю написалъ отчаянное письмо, заклиная его любовью къ отечеству (которое для нихъ обоихъ не существовало), заклиная его счастьемъ Поляковъ (которые въ глазахъ Яна Казимира были хуже псовъ), чтобъ онъ повелѣлъ Калиновскому защищать отъ Хмельницкаго входъ въ Волощину.

„Этотъ счастливый и дерзкій человѣкъ" (писалъ господарь) „домогается, чтобъ я отдалъ его сыну дочку, единственную отраду моей старости, и грозитъ мнѣ войною, а шпіоны мои доносятъ, что у него войска готовы, и на челѣ ихъ стоитъ Тимоѳей съ Карачъ-беемъ. Невѣрный сынъ Хмельницкаго, вмѣстѣ съ татарскимъ княземъ, получилъ наказъ—замучить отца и отнять дочку, которая, говорятъ они, принадлежитъ имъ какъ невольница, такъ какъ, два года тому назадъ, разбойничьимъ оружіемъ принудили меня согласиться на это непристойное замужество".

На свое письмо Лупулъ получилъ отъ короля уклончивый отвѣтъ. Король увѣрялъ, что онъ опасается напрасно: ибо Хмельницкій готовится не на него, а на Рѣчь Посполитую; увѣдомлялъ его, что получилъ объ этомъ дѣлѣ самыя обстоятельныя извѣстія, и успокоивалъ господаря, что Хмельницкій не отважился бы нападать на Волощину, землю, принадлежащую султану, подъ опеку котораго самъ онъ теперь мостится.

Получивъ такой отвѣтъ, Лупулъ обратился съ просьбой о помощи къ польскимъ панамъ и нашелъ между ними людей, иначе къ себѣ расположенныхъ.

Гетманъ Калиновскій, о которомъ говорили, что и самъ онъ имѣлъ виды на руку Роксанды, велѣлъ сыпать широкіе окопы въ своихъ юбрахъ подъ горой Батогомъ и расположилъ въ нихъ обозъ, подъ предлогомъ обезпеченія Рѣчи Посполитой отъ набѣговъ Орды и козацкихъ замысловъ.

Выбранное для лагеря мѣсто было неудобное; но оно стояло на пути Хмельницкаго и заслоняло Волощину отъ козакотатарскаго вторженія. Паната обѣщали прислать сильныя хоругви. Во всѣхъ магнатскихъ замкахъ готовились къ походу, который молодымъ аристократамъ представлялся романтическимъ. Всѣ дали себѣ слово не допустить, чтобы прелестная княжна, миновавъ Потоцкихъ, Вишневецкихъ, Калиновскихъ, очутилась въ объятіяхъ дикаго неотесы-козака. Это говорятъ польскіе историки, забывая, что ихъ Потоцкіе, Вишневецкіе, Калиновскіе не брезгали брачнымъ союзомъ съ женщиною, находившеюся въ унизительномъ положеніи одалиски, равно какъ и всѣ паната, заграждавшіе рыцарскою грудью дорогу дикому неотесѣ-козаку

Потоцкіе снабдили гарнизономъ и запасами Подольскій Каменецъ и, чтобъ обезнадежить Хмельницкаго, распустили слухъ, будто бы господаровна тайно обвѣнчана съ Петромъ Потоцкимъ, губернаторомъ Каменца, сыномъ покойнаго гетмана. Калиновскій привелъ въ движеніе всѣ южныя воеводства; агитировалъ противъ Хмельницкаго между козацкими полковниками. Говорили даже, что онъ старался умертвить Хмельницкаго, и съ этой цѣлью подослалъ въ Чигиринъ своего козака, Бублика, но Бубликъ былъ схваченъ, и признался во всемъ на пыткѣ. Этому извѣстію вѣрили тѣмъ больше, что знали. какъ раздражены взаимно козацкій и коронный гетманъ. Самъ де Хмель разсказывалъ объ этомъ во всеуслышаніе, и на вопросъ: почему не навѣстилъ короннаго гетмана? отвѣчалъ: „мнѣ безопаснѣе жить вдалекѣ: уже нѣсколько разъ были на меня засады“.

Въ такомъ положеніи дѣлъ миновала зима 1651—1652 года. Калиновскій проводилъ ее въ Брацлавѣ, гдѣ изъ любви къ единственному сыну содержалъ многочисленный дворъ и угощалъ весьма роскошно молодежь самыхъ знатныхъ панскихъ домовъ. Вся она бредила рыцарскими подвигами въ отраженіи козакотатарской орды и привлекла подъ свои хоругви цвѣтъ молодежи шляхетской, въ качествѣ охотниковъ.

Но наступившая весна не обнаруживала никакихъ признаковъ близкой войны. Въ этомъ виденъ былъ мастеръ козацкаго дѣла. Начали было уже сомнѣваться въ донесеніяхъ Лупула, а коронный гетманъ былъ совершенно увѣренъ, что дѣло обойдется безъ войны. Онъ даже не позаботился стянуть заблаговременно 4.000 жолнеровъ, разставленныхъ по Заднѣпрію. Вдругъ является въ брацлавскомъ дворцѣ козацкій посолъ, сопровождаемый внушительнымъ конвоемъ, привѣтствуетъ величаваго хозяина отъ имени гетмана Запорожскаго Войска и вручаетъ ему письмо слѣдующаго содержанія:

„Не хочу скрывать передъ вашей милостью, что сынъ мой, вихреватый Тимоѳей, собравши нѣсколько тысячъ войска, бѣжитъ въ Волощину, чтобы принудить къ супружескому обѣту господарскую дочку. Поэтому предостерегаю вашу милость, чтобы вы отступили съ войскомъ отъ волошской границы и ушли въ глубину границъ польскихъ: а то, пожалуй, сынъ мой, увлеченный молодецкою запальчивостью, не вздумалъ бы на вашей головѣ попробовать своей военной фортуны".

Коронный гетманъ поскорѣе соединилъ въ лагерѣ подъ Батогомъ, а по-козацки *на Батозѣ*, всѣ силы, какія были у него подъ рукой, и тотчасъ отправился туда самъ.

Укрѣпленный станъ Калиновскаго былъ замкнутъ съ обѣихъ сторонъ байраками, а съ тыла лѣсомъ, и занималъ равнину близъ рѣки въ длину на цѣлую милю Бога. Внутри стояли огромные скирды соломы, фуража, и было заготовлено съѣстныхъ припасовъ на нѣсколько десятковъ тысячъ войска.

Для 20.000-ной арміи, стянутой сюда Калиновскимъ, былъ онъ слишкомъ обширенъ, такъ что и вдвое большее войско едва ли могло бы оборонять его. Такіе размѣры были ему даны съ тою цѣлью, чтобы въ него могли стягиваться отовсюду польскія и литовскія подкрѣпленія.

Едва силы короннаго гетмана соединились въ этомъ несоразмѣрномъ стану, какъ 29 (19) мая 1652 года появились уже на лѣвой сторонѣ Бога бродячія купы Татаръ. На другой день переправился султанъ-нуреддинъ съ ордой своей пониже Батога, и тотчасъ наступилъ на лагерь. Онъ занималъ *польскую* конницу (я уже не пишу *польскорусскую*) въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, а потомъ отступилъ почти на милю отъ становища, между тѣмъ какъ приближающіеся отряды козаковъ остановились не очень далеко на горѣ.

Непріятель обезпечилъ себѣ переходъ черезъ рѣку. Схваченные плѣнники говорили, что Тимоѳей Хмельницкій, съ „великимъ войскомъ", переправляется пониже, и намѣренъ, минуя Батогъ, идти прямо въ Волощину.

Калиновскій отправился на рекогносцировку и съ ужасомъ увидѣлъ передъ собой тысячъ двѣсти войска. Перейдя Богъ, оно шло, подъ вечеръ, по направленію къ западу, и, повидимому, не имѣло намѣренія переходить рѣчку, которая впадаетъ въ Богъ пониже Батога.

Трудно было допустить, чтобы громадныя козакотатарскія войска оставили у себя въ тылу цѣлую армію польскую, не попытавъ счастья. На военномъ совѣтѣ, генералъ Пршіемскій, предводитель артиллеріи и пѣхоты, былъ того мнѣнія, что козаки и Татары не пойдутъ безъ боя за Днѣстръ, а если осадятъ коронное войско, то онъ спасенія не

чаетъ; поэтому совѣтовалъ Калиновскому бѣжать немедленно комонникомъ въ Каменецъ, а онъ, съ пѣхотой, надѣется обороняться до тѣхъ поръ, пока хватитъ съѣстныхъ припасовъ. Между тѣмъ Калиновскій соберетъ войско, и прибудетъ къ нему на выручку. Пршіемскій обѣщалъ продержаться въ осадѣ мѣсяца два, а потомъ сложитъ голову честно въ бою.

Долговременная служба его во французской и въ шведской арміяхъ, его подвиги въ недавнихъ битвахъ за отечество и личный характеръ его внушали всѣмъ довѣріе. Но коронный гетманъ поддался тому самому демону завзятости, который внушилъ мысль окопаться на Солоницѣ сыну старика Наливайка, погибшаго, можетъ быть, и безвинно. Человѣческому сердцу отрадно предполагать невидимую связь между преступленіями предковъ и бѣдствіями потомковъ. Въ своей безпомощности ему отрадно вѣровать, что судьба преслѣдуетъ злодѣянія до седьмаго колѣна. Калиновскій дико воспротивился общему мнѣнію вождей, чтобы погибнуть въ безславномъ бою съ единственнымъ сыномъ своимъ.

Начали ночью рыть землю и уменьшать объемъ. На другой день со всѣхъ сторонъ появились козацкія и татарскія чаты. За чатами наступалъ Тимо́шко, какъ звали его паны, Тимішъ или Тимко́, какъ звали его козаки. Непроглядная туча Татаръ, козаковъ и окозаченной черни нависла надъ панскимъ лагеремъ. Теперь уже Калиновскому не было возможности уйти комонникомъ.

Панское войско упало духомъ, по сказанію самихъ Поляковъ. Особенно конницу поразилъ ужасъ. Она металась въ отчаяньѣ по лагерю, проклиная выборъ мѣста, упорство, несправедливость, наконецъ— измѣну гетмана. Особенно трагическое положеніе было знатныхъ гостей, своихъ и иностранцевъ, которые, протанцовавъ цѣлый сезонъ и пролюбезничавъ начало весны съ дамами, очутились теперь среди козакотатарскихъ танцевъ. Предводители конницы начали составлять круги и совѣщаться о бѣгствѣ. Темою совѣщаній была очевидная и безполезная гибель конницы въ безпрерывныхъ битвахъ съ многолюднымъ непріятелемъ, подъ начальствомъ глупаго старика, тогда какъ пѣхота, имѣя превосходнаго генерала, будетъ въ состояніи обороняться нѣсколько недѣль за валами, и, не дождавшись выручки, сдастся на капитуляцію. Между польскими кавалерами были и такіе шляхтичи-козаки, которые совѣтовали связать короннаго гетмана и выдать Ордѣ для умилостивленія.

Калиновскому живо представился ро̂кошъ, подобный тому, который подняли жолнеры на Цецорѣ и въ которомъ самъ онъ, будучи

юношей, игралъ не весьма почтенную роль. Онъ принялся увѣщевать и просить своихъ соратниковъ, по примѣру Жовковскаго, который, въ знаменитой ретирадѣ къ Днѣстру, честно сложилъ премудрую голову. Но, видя, что его никто не слушаетъ, перешелъ отъ смиренія къ запальчивости, невѣдомой Жовковскому, и еще больше повредилъ дѣлу.

Конница выбрала себѣ вождей и, собравши второпяхъ, чтò было можно, выѣхала за валы въ ожиданіи ночи.

Между тѣмъ Пршіемскій сыпалъ, съ помощью челяди, валы, располагая войско и пушки для обороны западной стороны лагеря отъ козаковъ. Коронный гетманъ, съ своей стороны, взялся за тотъ умъ, о которомъ сами же Поляки сложили не оправданную ими донынѣ пословицу: „mądry lach po szkodzie" *). Онъ вывелъ другую часть пѣхоты противъ Орды и, построивъ ее въ боевой порядокъ подъ валами, выслалъ впередъ нѣсколько вѣрныхъ ему хоругвей и добровольцевъ, подъ начальствомъ Марка Собѣскаго и Одривольскаго, которые мужественно отражали татарскую конницу. Самуилъ Калиновскій, сынъ гетмана, стоялъ съ хоругвями своими въ резервѣ. Онъ получилъ отъ отца приказъ наблюдать за возмутившеюся конницей и, въ случаѣ, когда бы она захотѣла привести въ исполненіе свой замыселъ, принудить ее къ послушанію.

Во все это время непріятель стоялъ бездѣйственно. Былъ слухъ, что Тимкò ѣздилъ съ полковниками къ отцу, который находился въ трехъ миляхъ отъ Батога, съ вопросомъ: чтò дѣлать съ непріятелемъ, котораго держитъ уже въ рукахъ? Единственнымъ наставленіемъ стараго Хмеля молодому были слова: „Дохлый песъ не кусается".

Оставалось два часа до захода солнца. Было ужъ поздно козако-Татарамъ начинать битву, какъ ихъ чаты донесли, что Ляхи—бьются сами между собой.

Тимкò велѣлъ полковнику Зологаренко, съ 30.000 войска, занять панскій станъ съ западной стороны, обороняемой Пршіемскимъ; а между тѣмъ нуреддинъ приблизился къ Батогу, и, видя зрѣлище невиданное, подвигался медленно впередъ. Онъ опасался засады и не смѣлъ сразу ударить на Ляховъ.

Передъ лагеремъ, на широкомъ полѣ, кипѣла бѣшеная битва между пѣхотой и конницей одного и того же войска. Это постыдное для польской націи и польскаго характера дѣло, по разсказу польской исторіографіи, произошло вотъ какимъ образомъ:

Калиновскій, получивъ отъ сына донесеніе, что конныя хоругви вознамѣрились бѣжать вплавь за рѣку Богъ, отправилъ пѣхотные ре-

*) „Уменъ Ляхъ по шкодѣ".

гименты къ конницѣ, „чтобы поддать отваги трусамъ (abu tchórzom napędzić odwagi)“, какъ выразился онъ. Нѣмцы пустили градъ пуль, но больше для острастки, нежели серьезно. Пораженная страхомъ, польская конница сперва не смѣла дышать, ни тронуться съ мѣста. Но, прійдя въ себя, жолнеры стали кричать, проклинать и, доведенные до бѣшенства, метнулись на Нѣмцевъ, чтобы не гибнуть безнаказанно. Нѣмцы дѣлали свое дѣло стойко.

Борьба дошла до наибольшаго ожесточенія, когда ротмистръ Пршіемскаго, Винцентій Зѣлинскій, прибѣжалъ къ гетману, прося подкрѣпленія и донося, что Пршіемскій съ оставленными при немъ 1.500 человѣкъ не можетъ устоять противъ козаковъ.

Гетманъ, занятый борьбою съ собственнымъ войскомъ, не видѣлъ, что козаки напали съ тылу на лагерь. Узнавъ теперь объ этомъ, пріостановилъ пальбу и послалъ пѣхоту спасать Пршіемскаго, а самъ, съ вѣрными хоругвями, вышелъ противъ надвигавшихся Татаръ, воображая, что вся конница послѣдуетъ его примѣру. Но взбунтованные полки, при видѣ наступающей Орды, разсѣялись, по выраженію польскаго историка, какъ табунъ дикихъ лошадей. Одни бросились къ рѣкѣ Богу, другіе разбѣжались куда попало. Но Татары захватили ихъ рогами своего полумѣсяца, и почти всѣ они, кромѣ нѣсколькихъ сотъ, переплывшихъ Богъ, очутились въ плѣну.

Гетманъ, раненный дважды самъ, ушелъ съ Нѣмцами въ лѣсъ; но, услыхавъ, что сына его схватили, вернулся, чтобъ отбить его. Здѣсь, окруженный непріятелемъ, палъ онъ вмѣстѣ съ сыномъ, короннымъ обознымъ. Когда его сѣдую голову принесли къ Тимку Хмельниченку и нуреддинъ-султану, козакъ бросилъ за нее головорѣзу червонецъ, а Татаринъ сказалъ гетманской головѣ: „Не доплатилъ ты мнѣ, христіянинъ“.

Охвативъ конницу, Татары подвигались впередъ, однакожъ осторожно, всё-таки опасаясь военной хитрости. У входа въ окопы, стоялъ молодой Марко Собійскій съ ветераномъ Жовковскаго и Конецпольскаго, Одривольскимъ. Въ славной ретирадѣ съ долины Цецоры къ Днѣстру Одривольскій поддался паникѣ; за то, послуживъ доблестно во многихъ походахъ противъ Татаръ и козаковъ, не посрамилъ теперь своего имени. Съ ними стояли хоругви добровольцевъ, не желавшіе спасаться бѣгствомъ, стояли офицеры взбунтованной конницы и знатные гости, терпѣвшіе на чужомъ пиру кровавое похмелье.

Орда наступала на нихъ нѣсколько разъ и разбивалась, точно объ стѣну; наконецъ позвала на помощь своихъ побратимовъ. При видѣ сверкающихъ въ лѣтнихъ сумеркахъ пищалей и косъ, польскіе всад-

никъ спѣшились, и, стоя за лошадьми, какъ за бруствером, ждали въ молчаніи приступа. Произошла дикая бойня лошадей и людей. Тимкô помнилъ, что дохлый песъ не кусается, и не предложилъ капитуляціи мужественному остатку непріятеля; кавалеры не просили ся у варвара. Долго стояли они въ неравномъ бою,—дорогое для потомковъ свидѣтельство, что паны были не всѣ *пилявчики*,—стояли до тѣхъ поръ, пока легли до послѣдняго и довершили земляные валы кровавымъ валомъ тѣлъ своихъ. Черезъ этотъ ужасный валъ степные людоѣды вошли въ польскій лагерь; но тутъ ихъ ожидала сцена поразительная. При громѣ отчаянной пальбы Пршіемскаго, свирѣпствовалъ пожаръ. Горѣли запасы соломы и фуража, заготовленные на стотысячную армію и не извѣстно кѣмъ подожженные. Подозрѣвая въ поджогѣ предательство, Поляки заявляютъ этимъ въ сотый разъ, что силились подчинить себѣ Русь посредствомъ Руси... Вдругъ огненное море побѣжало бушуя, на жолнерскія палатки и преградило отступленіе Пршіемскому, отступленіе, впрочемъ, безполезное. Стойкая горсть людей ринулась тогда на разъяренную массу козаковъ, какъ бывъ объятіе смерти. Въ этихъ объятіяхъ погибла и коронная пѣхота, и коронная артиллерія.

Сцена батоговской трагедіи была тѣмъ ужаснѣе, что посреди стрѣльбы, пожара и рѣзни очутилось множество шляхетскихъ семействъ, выпугнутыхъ изъ Брацлавщины нечаяннымъ появленіемъ козаковъ и Татаръ. Обезпеченные Бѣлоцерковскимъ договоромъ, несчастные землевладѣльцы только что вернулись на свои пустыри, какъ новый слухъ о наступленіи козацкихъ и татарскихъ загоновъ заставилъ ихъ опрометью бѣжать въ безопасныя мѣста. Самымъ безопаснымъ мѣстомъ показался многимъ гетманскій лагерь, и здѣсь нѣсколько сотъ сельско-хозяйственныхъ семей нашло свою погибель.

Батоговскій погромъ былъ для Поляковъ горестнѣе Корсунскаго. Потеря здѣсь была для нихъ ужаснѣе Пилявецкой. Какъ велико было смятеніе націи, низведенной разбойникомъ съ высоты политическаго величія, видно, между прочимъ, изъ того, что самые серьезные историки ея впали въ легковѣріе, и до сихъ поръ не въ силахъ возвыситься до правосуднаго безстрастія. Они разсказываютъ, подъ вліяніемъ жажды мщенія въ будущемъ, будто бы 5.000 польскихъ плѣнниковъ были на другой день вырѣзаны Татарами, за что де козаки заплатили имъ 100.000 талеровъ. Противъ этого можно было бы сказать, что козаки были не такъ богаты, не такъ щедры, даже не такъ мстительны, и доказать все это исторически; но я скажу только одно: Если бы козаки купили у Татаръ 5.000-ный ясыръ на убой, то этимъ гнуснымъ дѣломъ они величались бы въ своихъ лѣтописяхъ и даже въ

пѣсняхъ, не сознавая своего позора. Доказательствомъ служатъ ихъ историки и поэты, славословящіе козатчину передъ культурнымъ свѣтомъ.

Насколько было правды въ чудовищномъ преданіи о козацкой покупкѣ ясыра, видно изъ показанія одного татарскаго плѣнника, Вильчковскаго, поручика полка сендомирскаго воеводы. Онъ появился подъ Львовомъ въ сообществѣ какого-то пана Корыцкаго. „Побратимъ этого Корицкаго (фактъ замѣчательный), бѣлогородскій Соферъ-бей, взялъ Вильчковскаго у Орды и возвратилъ ему свободу. Отъ него Вильчковскій слышалъ, будто бы Хмельницкій велѣлъ снять голову Калиновскому, Пршіемскому и всѣмъ инымъ панамъ и товарищамъ, что отзывается точностію азіятскихъ преданій вообще. Потомъ де Хмельницкій далъ тутъ же 50.000 талеровъ нуреддинъ-султану и обѣщалъ поддать ему Каменецъ за позволеніе обезглавливать всѣхъ невольниковъ. По разгромѣ де войска, въ понедѣльникъ и во вторникъ снимали головы съ плѣнниковъ. Въ среду появился *эмиръ*, чтобъ оставили въ живыхъ, кого еще не обезглавили; но уже остались только малые хлопцы да женщины, а прочіе всѣ погибли: потому де погибли, что Хмельницкій останавливался съ султаномъ у всякой переправы, плѣнныхъ отбирали и тотчасъ обезглавливали.

Нѣкто Николай Длужевскій спасся вплавь черезъ рѣку Богъ съ однимъ только товарищемъ, прибѣжалъ въ Новый Константиновъ ночью, встрѣтилъ здѣсь королевскую почту, идущую въ Батоговскій лагерь, возвратилъ ее вспять и увѣдомилъ короннаго канцлера о катастрофѣ. По его словамъ, онъ былъ избитъ кистенями, глаза у него были опалены порохомъ; но и въ такомъ положеніи, и въ такой моментъ, когда польской ойчизнѣ угрожала гибель,панъ Длужевскій, подобно Киселю, просилъ, чтобъ его служба не была забыта.

По извѣстію изъ Львова, отъ погрома подъ Батогомъ не ушло ни одной сотни жолнеровъ. Польша затрепетала изъ конца въ конецъ, и въ трепетѣ своемъ вѣрила даже такимъ ужасамъ, которые не были возможны для козаковъ. Она вѣрила и тому, что теперь Хмельницкій отдастъ Каменецъ Туркамъ.

Въ самомъ дѣлѣ, отъ 17 (7) іюля Хмельницкій писалъ къ каменецкому гарнизону, называя себя слугою и пріятелемъ его, и порицая упорство защитниковъ Каменца, которые де возлагаютъ упованіе свое не на Бога, а на крѣпость. „Мы же съ войсками нашими“ (писалъ онъ), „прося Господа Бога, будемъ искать способовъ и не уйдемъ отъ васъ до тѣхъ поръ, пока не совершится Божія воля. Вы окружены со всѣхъ сторонъ. Рѣшайтесь сегодня же“.

Ему отвѣчали, что Богъ справедливо караетъ ихъ за грѣхи, за гордость, за преступленія, но что онъ милосердъ, и по его волѣ судьба войны часто бываетъ не та, на которую разсчитываютъ... Попытка взять Каменецъ опять не удалась Хмельницкому.

Современные Поляки толковали покушеніе козацкаго гетмана на эту крѣпость такъ: Хмельницкій обѣщалъ хану расплатиться за походъ на Батогъ Каменцемъ. Литовскій канцлеръ пишетъ, что извѣстіе о Батоговскомъ погромѣ поразило Польшу до отчаянія, что Богъ, въ безконечномъ милосердіи своемъ, заслѣпилъ Хмельницкому глаза, -абы не шелъ онъ далѣе, а пошелъ бы осаждать Каменецъ: „а то навѣрное все подбилъ бы онъ тогда подъ свои ноги". Но такъ какъ гарнизонъ каменецкій оборонялся сильно (продолжалъ Радивилъ, вѣря ходячимъ слухамъ) и много непріятелей пало трупомъ, то татарскій главнокомандующій ударилъ Хмельницкаго нѣсколько разъ канчукомъ по плечамъ, и онъ долженъ былъ перенести такое оскорбленіе отъ варвара. Та же молва, записанная тутъ же почтеннымъ княземъ Альбрехтомъ Станиславомъ, гласила, что, по донесенію Хмельницкаго о новыхъ польскихъ силахъ, турецкій султанъ велѣлъ хану послать противъ Поляковъ возвращающихся Татаръ, но Татары воспротивились, и разгнѣванный де за это ханъ велѣлъ всѣхъ плѣнниковъ обезглавить. „А другіе говорятъ" (прибавляетъ канцлеръ), „что кровожадный Хмельницкій заплатилъ ему извѣстную сумму, чтобы велѣлъ нашихъ обезглавить, и разлитая такимъ образомъ кровь многихъ вопіетъ къ Богу о мщеніи".

Въ то время, когда Батоговскій лагерь представлялся еще панамъ устоемъ ихъ панованья въ Малороссіи, заднѣпровское войско знало уже о грозящей ему опасности и спѣшило къ нему на помощь. Самовидецъ, какъ мы уже знаемъ, разсказываетъ, что тамошніе козаки покидали свои пріобрѣтенія, переселялись въ Полтавщину, а не то — населяли слободы въ московскихъ земляхъ, не желая оставаться съ жолнерами и давать имъ стацію, которую тѣ взимали въ въ нестерпимыхъ размѣрахъ, дѣлая людямъ кривду по своему жолнерскому обычаю. Теперь жолнеры спасали самихъ себя отъ раздраженнаго народа и спѣшили спасать коронное войско, но тѣмъ не менѣе „чинили не малыя кривды людямъ, простуючи на кіевскія переправы". Въ Кіевѣ воеводствовалъ Адамъ Кисѣль, и жолнеры переправились безпрепятственно, какъ въ это время разнеслась вѣсть о Батоговскомъ погромѣ. Кисѣль услышалъ о ней вечеромъ и бѣжалъ изъ воеводскаго города своего ночью. Зимовавшая въ Кіевѣ шляхта Черниговскаго воеводства толпилась вокругъ жолнеровъ и убиралась вмѣстѣ съ ними за

добра ума. Ерличъ разсказываетъ, что кто остался въ Кіевѣ до полудня, того уже не выпустили. Жолнеры отъ Кіева направились къ Хвастову, а отъ Хвастова къ Ганчарихѣ и Константинову. Въ полѣ, по словамъ Ерлича, обнялъ ихъ страхъ, и они, глядя одинъ на другаго, бросали возы и что у кого было, даже одежду и живность, а военные снаряды (rynstunki) начали жечь, о чемъ впослѣдствіи сердечно сожалѣли, оставшись безо всего. Въ такомъ видѣ достигли Достоянова и тамъ ждали, пока король назначитъ имъ главнокомандующаго.

Поручикъ Вильчковскій разсказывалъ во Львовѣ, что это войско собралось наконецъ подъ Сокалемъ, требуя заслуженнаго жалованья, что король прислалъ ему не въ зачетъ (darowizną) 60.000, но этимъ оно не удовлетворилось и разъѣхалось изъ-подъ Сокаля. Осталось въ службѣ всего едва 1.000 человѣкъ.

Какъ паны ликовали послѣ Берестечскаго бѣгства козаковъ, такъ и козаки—послѣ Батоговскаго погрома пановъ. Но, ликуя, Хмельницкій находилъ нужнымъ унижаться и оправдываться передъ людьми, которыхъ желалъ бы стереть съ лица земли.

Король звалъ въ Варшаву пановъ на чрезвычайный сеймъ для спасенія отечества отъ врага, для котораго не существуютъ никакіе законы. На этомъ сеймѣ булава погибшаго на Батогѣ Калиновскаго была вручена племяннику Николая Потоцкаго, Станиславу Потоцкому; короннымъ обознымъ, на мѣсто его сына, сдѣланъ Стефанъ Чернецкій; на мѣсто Пршіемскаго полевымъ писаремъ назначенъ Сои...; Лянцкоронскому дано воеводство русское, а Тишковичу, сыну Я... черниговское. Рѣшено было—въ крайнемъ случаѣ, созвать посполитое рушеніе, а покамѣстъ набрать 50.000 наемнаго войска.

Хмельницкій прислалъ на сеймъ своихъ депутатовъ съ оправдательными письмами. Онъ былъ тѣмъ ужаснѣе въ своей истребительной дѣятельности, что безпрестанно плакался на пролитіе христіанской крови и обвинялъ представителей Шляхетскаго Народа въ кровожадности. Когда, послѣ Батоговской бойни, всѣ панскіе дома покрылись трауромъ, онъ еще прибавлялъ имъ горечи своимъ крокодиловскимъ плачемъ. Дѣлаясь изъ виновнаго обвинителемъ и мѣшая съ оправданіями угрозы, Хмельницкій являлся самымъ жестокимъ изъ бичей, которыми судьба караетъ народы за ихъ безразсудство. Не одинъ каменецкій гарнизонъ—вся Польша видѣла въ казакахъ кару за содѣянныя панами въ гордости своей преступленія. Пробудилось наконецъ сознаніе правительственной немощи въ сословіи, присвоившемъ себѣ прерогативы царственности. Поняли наконецъ паны, что верховная власть, раздѣленная на куски и кусочки, теряетъ въ раздѣльно...

сти свою цѣну. Но уже было поздно. Уже Шляхетскій Народъ обезсилилъ себя своими хвалеными вольностями до того, что не могъ даже карать преступниковъ и и награждать истинныхъ слугъ отечества. Множество банитовъ, лишенныхъ чести, проживало благополучно въ своихъ имѣніяхъ на правахъ коронованныхъ особъ. Множество заслуженныхъ воиновъ завидовало Жидамъ, получавшимъ за деньги королевскіе зàмки въ державу съ приписанными къ нимъ подданными и землями *). Люди, бѣжавшіе позорно съ поля битвы, непосредственно затѣмъ дѣлались обладателями староствъ, а люди, отсидѣвшіеся отъ непріятеля съ потерей членовъ, оставались въ тѣни среди правительственной лиги.

Находясь въ такомъ разслабленномъ положеніи, Шляхетскій Народъ, говоря вообще, сознавалъ себя уже народомъ погибшимъ. Онъ утратилъ чутье къ правдѣ, утратилъ любовь къ добру и отвращеніе къ злу. Подъ гнетомъ горя отъ новыхъ несчастій, постигшихъ каждый домъ въ прибавку къ старымъ, онъ впалъ въ апатію, подобную той, которая предшествуетъ смерти, и только въ апатіи находилъ облегченіе предсмертной агоніи, которой суждено было быть столь продолжительною.

Хмельницкій, между тѣмъ, боялся, чтобы послѣ Батога, какъ послѣ Корсуня и Пилявцевъ, могучая польская жизнь не воспрянула съ новою силою; чтобъ утрата однихъ энергическихъ людей не вызвала на сцену боевой дѣятельности другихъ,—и готовился къ войнѣ. Но истощая, въ чрезвычайномъ положеніи своемъ, послѣднія силы Козацкаго Народа, онъ старался отдалить его неизбѣжное столкновеніе съ Народомъ Шляхетскимъ. Поэтому-то покорность его справедливо называли паны волчьею (wileza pokora), и его посольство на чрезвычайный сеймъ въ іюлѣ 1652 года было не голосомъ побѣдите-

*) Это было такое застарѣлое зло въ Польшѣ, что и въ самое блестящее время, при Конецпольскомъ, на сеймахъ читаны были petita въ родѣ слѣдующихъ: „Jest wiele godnych, zasłużonych w wojsku W K Mści, jako pułkownicy, rotmistrze, którzy sowitym kosztem przykładać się muszą do żołdu, drogo opłacać towarzysza; jest i towarzystwa wiele, którzy posiwieli na służbie W K M... Ukrainne zamki, od żydów administrowane, wieczną ruiną upadły z nieoszacowaną szkodą W K M i Rzplitèj. Starosty tam żadnego nie widać, bo tego mają wiele i więcèj jeszcze biorą z miłościwèj łaski W K M. Piastowałby na ręku ubogi żołnierz zamek od W K M sobie powierzony, aniżeli żyda czynił uczęstnikiem dobrodziejstw W K M i krwawych zasług swoich.

ля, а мольбою побѣжденнаго. Онъ зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло въ этомъ случаѣ.

Король, изображая въ лицѣ своемъ ту многочисленную клику богачей эгоистовъ, на которую до конца сохранилъ вліяніе Кисѣль вопреки сторонникамъ Вишневецкаго, пріостановилъ вооруженіе, и, вмѣсто того, чтобы готовить кару злодѣю, обѣщалъ ему свою милость: политика нравственнаго безсилія, практиковавшаяся въ Турціи. Для подкупа Хмельницкаго готовностью короля къ чрезвычайнымъ пожалованіямъ, были отправлены Зацвиликовскій (котораго Хмельницкій обласкалъ подъ Збаражемъ) и Черный (черезъ котораго онъ дѣйствовалъ на пановъ послѣ Корсунскаго погрома). Но пока они прибыли, виды Хмельницкаго на свою безопасность перемѣнились, и онъ принялъ королевскихъ пословъ съ пренебреженіемъ. На Батогскую бойню, которая, повидимому, изумила и огорчила его, сталъ онъ смотрѣть, какъ на выигрышъ потеряннаго подъ Берестечкомъ дѣла, и потребовалъ возврата козакамъ Зборовскихъ правъ. Тогда паны снова сдѣлались воинственными, и стали готовиться къ вооруженіямъ чрезвычайнымъ. Это было тѣмъ естественнѣе, что во время сейма скончался проповѣдникъ мирнаго торжества надъ козаками, Адамъ Кисѣль. Съ нимъ умерла и его примирительная политика, сдѣлавшаяся невозможною еще до Хмельнитчины. Вмѣсто посполитаго рушенія, было рѣшено снарядить отъ каждыхъ десяти лановъ по одному конному и по одному пѣшему воину съ мушкетомъ, на подобіе гайдуковъ.

Послѣ Батоговскаго погрома, когда все въ Польшѣ поникло, точно подъ дыханіемъ всесокрушающей бури, только Стефанъ Чернецкій не потерялъ присутствія духа. Онъ вдохновился самою великостью несчастій дорогаго ему польскаго отечества, и уже въ іюнѣ 1652 года писалъ изъ Немирова къ коронному маршалу, Юрію Любомирскому, что если только Польша соберетъ соотвѣтственныя силы и въ лагеряхъ установится повиновеніе (задача выше польской общественности), то онъ свидѣтельствуется Богомъ, что Поляки могутъ не оставить Русина и на лекарство (Bogiem świadczę, że na lekarstwo Rusina możem nie zostawić).

Въ этихъ словахъ, при всей нелѣпости ихъ и въ нравственномъ и въ политическомъ смыслѣ, Чернецкій проявилъ тотъ сильный нервъ, который совершалъ великія въ добрѣ и въ злѣ дѣла, соединенныя съ польскимъ именемъ. Чернецкій, любимый герой падающей и падшей Польши, для насъ—герой вредоноснаго мщенія. Онъ предоставляетъ въ себѣ самый печальный результатъ, къ которому двѣ смѣшанныя

націи привело посягательство католической партіи на духовныехлѣбы русскіе и на свободу религіозной совѣсти русской.

Сперва междоусобная война въ Польшѣ была чисто экономическая, сословная, соціальная; но паписты съ одной стороны, а православники съ другой—превратили ее въ религіозную, а боль отъ нанесенныхъ обоюдно ранъ сдѣлала ее религіозною. Чѣмъ дальше забиралась Польша въ лѣсъ экономическихъ, общественныхъ, религіозныхъ и политическихъ недоразумѣній, тѣмъ больше валилось въ этомъ лѣсу дровъ, то есть виновныхъ и безвинныхъ отвѣтчиковъ за недоразумѣнія съ обѣихъ сторонъ. Теперь передовые люди польскіе, такіе, какъ Чернецкій,—большею частью и почти исключительно люди происхожденія русскаго, свидѣтельствовались Богомъ, иначе—давали Богу обѣтъ—не оставить Русина и на лекарство, какъ разъ въ pendant съ козаками, которые въ своемъ разбойномъ благочестіи, жаждали такъ вырѣзать Ляховъ, чтобъ не осталось на свѣтѣ и одного. Представитель Руси съ худшей стороны, Хмельницкій, низвелъ представителей Польши съ лучшей до своего уровня,—и вотъ мы видимъ знаменитаго стратегика Берестечской войны козакующимъ съ преданными ему смѣльчаками на поприщѣ козацкихъ набѣговъ, пожоговъ и рѣзни, по примѣру Перебійносовъ, Нечаевъ, Морозенковъ.

Теперь паны воевали уже не для того, чтобъ открыть себѣ свободный входъ въ отнятыя у нихъ козаками владѣнія, а для того, чтобъ отомстить непокорной имъ Руси, стоявшей за одно съ козаками. Если прежніе походы ихъ были только разжиганіемъ національной вражды, то съ этого времени они дѣлались и разжиганіемъ, и ковкою, и вѣчнымъ закаломъ этой вражды. Судьба велѣла расторгнутымъ частямъ населенія Рѣчи Посполитой поссориться, если возможно, больше прежняго, чтобы никогда уже нельзя было имъ соединиться ни во имя панской, ни во имя козацкой республики, а развѣ только во имя всеобъемлющей и всепретворяющей въ свою суть Россійской Имперіи.

Этотъ новый періодъ вражды открылъ собою Стефанъ Чернецкій, шляхетскій Косинскій или Наливайко. Ему вѣрили 10.000 войска и предоставили свободу опустошать козацкія займища. Чернецкій отличался умѣньемъ вселять въ своихъ соратниковъ единодушіе. Онъ обладалъ искусствомъ довести боевую шляхту до нѣкотораго соподчиненія. Онъ могъ бы быть великимъ полководцемъ и гражданиномъ; но его польское отечество такъ измельчало, что не могло уже производить великихъ дѣятелей войны и политики. Все, что ни дѣлали во времена Чернецкаго талантливые люди въ Польшѣ, не подпимало ея изъ упадка, напротивъ, ускоряло крушеніе и послѣднихъ устоевъ.

Въ началѣ 1653 года Чернецкій неожиданно для самихъ пановъ появился въ Брацлавщинѣ, и началъ истреблять село за селомъ, мѣстечко за мѣстечкомъ, бросаясь отъ одного къ другому въ противоположныя стороны. Нигдѣ не знали, куда направляется войско, совсѣмъ не похожее на то, которое въ прежніе годы козаки обезсиливали своими развѣдками. Пощады не было никому. Мѣстечки Самгородъ, Прилуки, Липовецъ, Якубецъ, Ліпцы, Борщовка и Погребища были вырѣзаны, разграблены, выжжены. Въ короткое время жолнеры Чернецкаго изъ оборвышей сдѣлались богачами *), а вмѣстѣ съ тѣмъ и героями, въ родѣ нашихъ *лыцарей*. Подобно тому, какъ слава козацкая разливалась по всей Украинѣ, слава жолнерская разлилась по всей шляхетчинѣ: Чернецкій сдѣлался великою знаменитостью, по плечу своимъ хвалителямъ.

Противъ него выслалъ Хмельницкій Богуна. Не смѣлъ Богунъ дать ему поля, и, ловко маневрируя, заперся въ Монастырищѣ. Приступъ Чернецкаго не былъ похожъ на всѣ прежніе, какъ и его быстрыя передвиженія. Въ горячемъ бою на валахъ палъ знаменитый сотникъ Дрозденко. Уже пылалъ зàмокъ въ Монастырищѣ; уже ломились жолнеры въ окопы; но пула пробила обѣ щеки Чернецкому, задѣвъ и поднебенье. Онъ едва не захлебнулся кровью. Его вынесли изъ боевой толпы полуживаго. Очнувшись и узнавъ, что мѣстечко не взято, началъ онъ плевать съ досады кровью; но дѣло было проиграно невозвратно. Давъ камертонъ войны новой, чисто руинной, Чернецкій отступилъ, и, до своего излеченія, расположилъ жолнеровъ надъ Случью.

Не всѣ, однакожъ, восхваляли подвиги шляхетскаго Нечая. Литовскій канцлеръ отнесся къ нему сурово. „Король" (писалъ онъ), „неизвѣстно, по чьему совѣту, выслалъ 10.000 нашихъ противъ козаковъ, чтобъ нападали на нихъ зимою; но напрасна была эта королевская импреза: ибо экспедиція не иной принесла результатъ, какъ тотъ, что хлоповъ нашихъ разогнали, провьянты, которые могли бы пригодиться намъ въ послѣдствіи, переѣли, лошадей замучили и сдѣлали къ дальнѣйшей войнѣ неспособными, и ничего не сдѣлали, какъ только край нашъ опустошили, и вернулись назадъ. Да и отъ самого короля слышалъ я, что еслибъ они поймали одного значительнаго бунтовщика, то предпочли бы взять 10.000 злотыхъ, нежели, имѣя уже въ рукахъ, продолжать осаду".

---

*) Анонимъ пишетъ: „Żołnierz ochoczy, a przy szczęściu srożyli się, dostatków wiele narabowali, y z ubostwa przyszli do fortuny".

Но, не смотря на свое распоряженіе, котораго нелѣпость показалъ результатъ, и на порицаніе со стороны людей, во всякомъ случаѣ, достойнѣйшихъ его самого, Янъ Казимиръ продолжалъ говорить языкомъ Чернецкаго, что̀ дѣлала и вся его клика. Слово *козаки* замѣнилось у нихъ словомъ *Русь*, а Русь долженствовала быть уничтожена такъ, чтобы въ ней некому было воевать противъ *Поляковъ*. Съ этою цѣлью, въ концѣ марта, созванъ былъ въ Литовскомъ Берестѣ генеральный сеймъ, на которомъ было предположено *кончить* козацкую войну. Но отъ слова до дѣла у пановъ было всегда большое разстояніе; а между тѣмъ Хмельницкій продолжалъ свою кровавую интригу. Онъ отправилъ сына къ невѣстѣ, ужасавшейся прихода жениха, и Лупулъ на этотъ разъ не смѣлъ ослушаться „свирѣпаго пьяницы“, какъ справедливо называли Хмельницкаго паны. Свадьба была совершена торжественно, и Тимко̀ вернулся съ женой господаровной въ Украину. Чѣмъ чортъ не шутитъ?

Украинскій хамелеонъ мѣнялъ свой видъ и тонъ безпрестанно, смотря по своимъ обстоятельствамъ, вѣчно рискованнымъ. Съ людьми московскими онъ игралъ также нѣсколько противоположныхъ ролей. Давая Москалямъ понять, что, если захочетъ, изломаетъ Москву, онъ покрывалъ угрозы свои извѣстнымъ всему свѣту пьянствомъ; а погубивъ на Батогѣ польскую силу, послалъ къ царю войсковаго судью Богдановича съ низкими поклонами, чтобы великій государь умилосердился надъ козаками, и велѣлъ принять ихъ подъ свою высокую руку. Повернувъ теперь въ турецкую сторону выразительнѣе прежняго, онъ заметалъ лисьимъ хвостомъ свой слѣдъ передъ силою, которая пугала его съ самаго начала козацкаго бунта.

Зато Москва выдержала до конца характеръ націи, крѣпкой не одной ратною силою. Она молча выслушала донесеніе Богдановича о Батогѣ, о королевскомъ посольствѣ, о приготовленіяхъ короля къ войнѣ. Не высказалась Москва и въ отвѣтъ на увѣренія козаковъ что хоть бы имъ и всѣмъ пришлось помереть, а за православную христіанскую вѣру и за святыя Божіи церкви будутъ стоять, и въ „унѣю“ не отдадутъ. Не поразила ее удивленіемъ и похвальба Хмельницкаго, что у него до 300.000 козаковъ, кромѣ Орды. Она знала, что въ то самое время, когда Богдановичъ напѣвалъ ей въ уши про Божіи церкви да православную христіанскую вѣру, другой козацкій посолъ стлалъ подъ ноги турецкому султану древнія русскія области.

Выжидая по-прежнему времени для наступленія на Польшу безъ нарушенія своего достоинства относительно козатчины, царь прислалъ къ Хмельницкому и всему Запорожскому Войску стольника Лихарева

заявить имъ, что онъ, ради православной христіанской вѣры и святыхъ Божіихъ церквей, хочетъ междоусобье ихъ съ Поляками успокоить миромъ. чрезъ великихъ своихъ пословъ.

Хмельницкій разсыпался передъ царемъ въ благодареніяхъ черезъ своихъ посланниковъ, Бырляя и Мужиловскаго, и жаловался царю, что Поляки въ правдѣ своей никогда не стоятъ: обѣщаютъ прислать полюбовную коммиссію, а между тѣмъ готовятъ противъ него войско; поэтому просилъ онъ у царя такой милости, чтобъ онъ, ради православной христіанской вѣры, принялъ его со всѣмъ Запорожскимъ Войскомъ подъ свою высокую руку, и учинилъ козакамъ на ихъ непріятелей, Поляковъ, помощь „думою и своими ратными людьми". А къ нимъ де писали и присылали много разъ турецкій султанъ и крымскій ханъ, зовучи къ себѣ въ подданство, но они отъ басурманскаго подданства отказались. Между тѣмъ шведская королева послала было къ нимъ своихъ пословъ, но Поляки переняли ихъ на дорогѣ. Теперь Хмельницкій просилъ отпуска посланниковъ своихъ въ Шведскую Землю, дабы провѣдать, въ чемъ заключалось посольство королевы. При этомъ Бырляй и Мужиловскій подали царю перехваченныя ими статьи литовскаго гетмана, Януша Радивила, которыя тотъ посылалъ къ тестю своему, Василію Лупулу, еще передъ сеймомъ въ Литовскомъ Берестѣ. Это былъ проектъ возможнаго по мнѣнію князя Радивила компромисса между шляхтой ик озаками.

Такъ какъ, волею судебъ, Лупулъ былъ теперь въ одинаковомъ родствѣ и съ Радивиломъ, и съ Хмельницкимъ, то Радивилъ совѣтовалъ ему употреблять свое вліяніе на короля и примирить шляхту съ козаками. Всѣхъ статей было 13.

Въ статьѣ 2-й говорилось: „Если дѣло дойдетъ до войны, то кровопролитіе будетъ великое: будетъ бой послѣдній—или Полякамъ погибнуть, или Руси. Если побѣдятъ Поляки, тогда въ концѣ погибнетъ родъ и вѣра русская, и вся Украина, съ великою жалостью сердца человѣческаго, будетъ опустошена, на радость и пользу язычества. Если же побѣдятъ козаки, то неужели Поляки поддадутся козакамъ въ нужду и мучительство? Нѣтъ, лучше ужъ имъ погибать и терпѣть нужду отъ Нѣмецкаго императора и отъ Шведовъ".

Въ статьѣ 3-й: „Хотя бы козаки и побѣдили, то, вслѣдствіе ихъ побѣды, Татары опустошили бы всю землю".

Въ статьѣ 6-й: „По утвержденіи мира, когда разъѣдутся польскія войска, Хмельницкій можетъ выпросить у Поляковъ все, чего желаетъ, такъ какъ онъ больше будетъ имѣть власти, нежели король".

Въ статьѣ 7-й: „Война ли будетъ, или миръ, пускай Хмельницкій будетъ благосклоненъ къ землевладѣльцамъ: у нихъ нѣтъ столько власти, чтобъ дѣлать ему зло, или вредъ, хотя бы и желали. Онъ можетъ достигать почестей наравнѣ съ другими, оставляя за собой же прежнее значеніе. Равно и другіе козаки могутъ, по своимъ заслугамъ, достигать чести и шляхетства".

Въ статьѣ 8-й: „Онъ могъ бы помѣстить при королевской особѣ младшаго сына, въ видѣ заложника; а если у него есть дочери, и тѣ могутъ быть въ замужествѣ за великими людьми. Этимъ путемъ счастье его дома было бы упрочено больше, чѣмъ нынѣшнимъ. Старшему сыну его также могли бы дать какое-нибудь пограничное староство, чтобы постоянно пребывалъ онъ подъ руководствомъ вашей господарской милости".

Представляя царю перехваченный документъ, Хмельницкій хотѣлъ показать передъ Москвой, какой великій онъ человѣкъ въ Польшѣ. Но на Москву не дѣйствовала его великость.

Между тѣмъ ему готовилось такое несчастье, которое одинаково сокрушаетъ и самую высокую, и самую низкую душу. Оно поразило его именно въ то время, когда, повидимому, все сложилось для исполненія плановъ его. Хмельницкій билъ на то, чтобы сынъ его, Тимоѳей, завоевалъ Валахію, по тогдашнему Мультаны, чтобы соединилъ ее съ Волощиной, по нынѣшнему съ Молдавіей, и наложилъ козацкую руку на Ракочія. Ракочій раздосадовалъ стараго Хмеля тѣмъ, что въ 1651 году не овладѣлъ Краковомъ во время шляхетскаго похода подъ Берестечко, и теперь они сдѣлались врагами. Въ слѣдствіе такой перемѣны, валахскій господарь Матвѣй, Бессарабъ, заключилъ союзъ съ Ракочіемъ, прогналъ Василія Лупула, съ господарства и посадилъ на его мѣсто своего великаго логоѳета, то-есть канцлера Стефана Гергицу. Лупулъ бѣжалъ за Днѣпръ, къ своему зятю.

Старый Хмѣль не принималъ участія въ борьбѣ трехъ князьковъ. Онъ готовился къ войнѣ съ Польшею, набиралъ войско, договаривался съ Татарами и Турками. Но, видя Лупула изгнаннымъ, рѣшился воспользоваться этимъ случаемъ согласно своему плану, и отправилъ посольство въ Стамбулъ. Когда Лупулъ сидѣлъ еще на господарствѣ, онъ предлагалъ Туркамъ 40.000 войска изъ своей, какъ писалъ онъ, 300.000 арміи на подавленіе донскихъ козаковъ, прося за эту услугу (напоминающую намъ Наливайка) *) отдать ему хотя часть Волощины,

*) Въ оффиціальномъ донесеніи о событіяхъ въ Украйнѣ отъ 13 (3) сентября 1653 года говорится, что донцы (участвовавшіе въ Берестечской войнѣ)

съ намѣреніемъ присоединить къ ней Украину и сдѣлаться наслѣдственнымъ княземъ, подъ опекой Турціи. Теперь, когда Порта должна была покарать всѣхъ троихъ князьковъ, онъ просилъ у Султана и Волощину и Мультаны. Не имѣя возможности покарать своевольныхъ вассаловъ, турецкое правительство отдало оба придунайскія княжества козацкому гетману, подъ условіемъ ежегодной уплаты такой суммы, какую платили его предшественники. Хану было повелѣно соединить всѣ орды съ козаками противъ Поляковъ, готовившихся къ окончательной борьбѣ съ Хмельницкимъ, а пограничнымъ Туркамъ—помогать козакамъ.

Въ виду открывшейся передъ нимъ перспективы, Хмельницкій посылаетъ сына съ 16.000 войска для подавленія самоуправныхъ господарей, и Лупулъ, весною 1653 года, переправляется съ зятемъ обратно черезъ Днѣстръ. Волощина скоро была очищена отъ напастниковъ. Гоня передъ собой враждебныя силы, козаки не уступали имъ въ грабежахъ и опустошеніяхъ. Потомъ Тимошъ присоединилъ къ своему корпусу ополченіе Лупула, вторгнулся въ Мультаны и предалъ ихъ огню, мечу, грабежу, насилію. Не было пощады и самимъ церквамъ; напротивъ, онѣ-то и составляли главный предметъ козацкаго грабежа. Козаки Хмельницкаго поступали съ православными храмами въ Мультанахъ еще хуже, чѣмъ козаки Сагайдачнаго съ церквами и монастырями московскими: они не только разоряли, но и оскверняли христіанскія святилища. Хмельниченко, вмѣстѣ съ тестемъ своимъ, два раза разбилъ мультанское войско; но противъ нихъ поднялось все населеніе края, раздраженное святотатствомъ и кощунствомъ днѣпровскихъ воителей за православіе. Они, въ свою очередь, были разбиты на голову у рѣчки Яловицы. Козаки потеряли 18 пушекъ съ принадлежностями, всю свою добычу и 2.000 плѣнниковъ. Преслѣдуемый въ бѣгствѣ своемъ Тимко́ заперся въ Сочавѣ вмѣстѣ съ женой, тещей и сокровищами Лупула. Самъ Лупулъ бѣжалъ въ Чигиринъ и, играя снова роль союзника Польши, просилъ короля выручить его семью изъ бѣды. Враги Лупула, съ своей стороны, просили короля прислать подъ Сочаву вспомогательное войско для окончательнаго пораженія Хмельниченка, и обѣщали за то помогать Полякамъ въ предстоящей войнѣ съ Хмельницкимъ. Въ то же время и Тимко́, какъ истинный сынъ своего отца, обратился къ правительствующимъ панамъ съ просьбой о помощи, обѣщая за то воевать для Польши придунайскія области. Король склонился на

продолжали помогать „Хмельницкому въ его войнахъ. (Przyszło do niego Kozaków Dunskich dwa tysiąca“).

просьбу враговъ Хмельницкаго, и послалъ имъ помощь противъ Тимка. Множество шляхетскихъ волонтеровъ отправилось подъ Сочаву на травлю дикаго звѣря, какимъ по справедливости считали Хмельниченка. Крѣпость была сильна позиціей и фортификаціей. Козаки, зная, что предстоитъ имъ за христіянскіе подвиги въ Мультанахъ, защищали ее отчаянно. Наконецъ Тимкô былъ смертельно раненъ пушечнымъ ядромъ, и кончилъ свою разбойную карьеру. Козаки капитулировали, и доставили старому Хмелю гробъ его сына, съ которымъ у него была связана мечта о княжеской династіи.

Я представилъ только перечень событій въ Молдавіи и Валахіи. Для исторіи русскаго возсоединенія они важны лишь тѣмъ, что развлекали вниманіе, ослабляли силы и обманывали антирусскія надежды и Козацкаго, и Шляхетскаго Народа.

Когда Янъ Казимиръ, еще до этихъ событій, находился на генеральномъ сеймѣ въ Литовскомъ Берестѣ, городѣ ознаменованномъ взаимными проклятіями папистовъ и православниковъ, въ этотъ несчастный для Польши городъ пришло письмо, которое повело Полонусовъ къ столь же ошибочнымъ, какъ и церковная унія разсчетамъ. Письмо было отъ Ракочія, который увѣдомлялъ короля, что идетъ противъ волошскаго господаря Лупула, и просилъ не вѣрить слухамъ, будто бы Венгры готовы къ войнѣ противъ Поляковъ. Едва оно было прочитано въ Сенаторской Избѣ, какъ прибылъ въ Литовскую Бресть (московское названіе города) повѣренный Лупула съ выраженіемъ готовности господаря къ посредничеству между Хмельницкимъ и Рѣчью Посполитою. Сенаторская рада признала Лупула посредникомъ надежнымъ, и король послалъ ему условія, на которыхъ паны готовы помириться съ козаками. Но вслѣдъ за тѣмъ пришло извѣстіе, что Лупулъ изгнанъ изъ Волощины и проситъ у короля скорой помощи. Это извѣстіе разсѣяло надежду на умиротвореніе края. Паны знали, что Турція готова помогать Хмельницкому, и что хану дано повелѣніе идти со всѣми ордами на соединеніе съ пограничными башами. Въ виду такой грозы, король послалъ новопожалованнаго подканцлера Гренбецкаго въ Регенсбургъ просить Германскій Союзъ на помощь предостѣнію христіянства, какъ называла себя Польша, и не иначе, какъ до истеченія трехъ мѣсяцевъ. Полякамъ казалось, что вся Европа рухнетъ вмѣстѣ съ ихъ доблестнымъ государствомъ, не умѣвшимъ убраться ни съ жолнерами, ни съ козаками. Въ „деклораціи о грозящей Священной Имперіи опасности“ прямо сказано, что когда передовая стѣна христіянства падетъ, она „засыплетъ своими развалинами Нѣмцевъ“.

И венгерскій, и волошскій послы старались въ Брестѣ перетянуть Рѣчь Посполитую каждый на свою сторону. Венгерскій посолъ домогался наступательно-оборонительнаго союза съ Рокочіемъ и мультанскимъ господаремъ противъ Хмельницкаго. Янъ Казимиръ былъ не прочь отъ этого союза, но отложилъ все дѣло до своего возвращенія въ Варшаву на 28 мая.

На генеральный сеймъ въ литовскую Бресть прибыло лишь нѣсколько сенаторовъ, и королю нельзя было ничего предпринять ко вреду Лупула. Литовскій гетманъ, Янушъ Радивилъ, былъ его зять, а король нуждался въ Радивилѣ для того, чтобы соединить литовское войско съ короннымъ. Поэтому король сдѣлалъ литовскаго гетмана виленскимъ воеводою, не взирая на ропотъ католиковъ, которые, устами проповѣдниковъ, „народныхъ пророковъ“ своихъ, осыпали его съ амвоновъ упреками. Домъ князей Радивиловъ смотрѣлъ на дѣло Лупулово, какъ на свое собственное, а домъ этотъ былъ въ то время могущественнѣйшимъ въ Литвѣ. Громадными владѣніями, можновладнымъ родствомъ и первенствующими дигнитарствами въ княжествѣ достигъ онъ такой силы, что если его приватные интересы не были согласны съ интересами государства, то перевѣшивали ихъ: слова самихъ Поляковъ объ ихъ быломъ отечествѣ. Поляки подозрѣвали князя Януша даже въ тайной политикѣ, основанной имъ на родствѣ съ Лупуломъ и Хмельницкимъ. Но они въ то время такъ потерялись, что подозрительность доходила у нихъ до безумія.

Король совѣтовался въ Варшавѣ съ приглашенными туда членами сенаторской рады, а отсутствующихъ просилъ сообщить свое мнѣніе о волошскомъ вопросѣ письменно. Памятный нашъ бискупъ Гнѣвошъ не совѣтовалъ входить въ союзы съ владѣтелями подначальными. Его мнѣніе поддерживали и другіе. Но избранникъ Хмельницкаго, Янъ Казимиръ, былъ для него полезенъ тѣмъ, что изо всѣхъ золъ избиралъ всегда наибольшее. Такъ поступилъ онъ и въ настоящемъ случаѣ. Онъ вообразилъ, что Ракочій не только самъ послужитъ ему опорою противъ Хмельницкаго, но заставитъ служить Польшѣ и обоихъ господарей. Нѣкоторые стѣснялись относительно Лупула тѣмъ, что онъ столько разъ доказалъ свое доброжелательство Рѣчи Посполитой; что онъ, какъ польскій шляхтичъ и гражданинъ по индигенату, имѣетъ право на оборону со стороны короля; но король, по отзыву нынѣшнихъ поляковъ, торговавшій человѣческою кровью, успокаивалъ свою совѣсть, или свою безсовѣстность, тѣмъ, что Лупулъ отдалъ дочь свою за Хмельниченка, а хоть и перевелъ свои богатства въ Подольскій Каменецъ, но не написалъ объ этомъ къ королю, слѣдовательно

держался въ двусмысленномъ положеніи между нимъ и Хмельницкимъ. Намъ позволительно думать, что эти то богатства и были на умѣ у короля-іезуита, когда онъ рѣшилъ вопросъ о помощи.

Какъ бы то ни было, только венгерскому послу былъ данъ такой отвѣтъ, что король, сочувствуя справедливому дѣлу Седмиграда и Мультанъ, готовъ на союзъ противъ Хмельницкаго. О Волощинѣ не сказалъ онъ ни слова. Этотъ наступательно-оборонительный союзъ названъ conjunctio armorum и, насколько можно судить изъ послѣдовавшихъ за нимъ военныхъ дѣйствій, основывался на обоюдныхъ обѣщаніяхъ воевать противъ козаковъ и Татаръ.

Счастливый политическими иллюзіями своими Янъ Казимиръ отправился послѣ того во Львовъ для дѣла не менѣе важнаго и не болѣе для Поляковъ исполнимаго. Надобно было уплатить войску недоплаченный жолдъ и вести его на Хмельницкаго, пока тотъ не вооружилъ еще черни и не призвалъ Татаръ.

Заготовленное для новой козацкой войны коронное войско новопожалованный коронный гетманъ, Станиславъ Потоцкій, размѣстилъ хоругвями въ разныхъ мѣстахъ, на далекомъ одна отъ другой разстояніи. Онъ боялся жолнерскихъ соглашеній о бунтѣ за неуплаченный жолдъ. Теперь стянулъ онъ войско подъ Глиняны, не вдалекѣ отъ Львова, въ числы 38.000, ожидавшихъ заслуженнаго жолду.

По словамъ самихъ Поляковъ это было не столько войско, сколько собраніе дерзкихъ и нетерпѣливыхъ кредиторовъ панской республики. О военной дисциплинѣ не было въ немъ и рѣчи: оно служило изъ милости. Стоя бездѣйственно вблизи большаго города, жолнеры входили въ долги у Армянъ и Жидовъ для щегольства, разгула пьянства, и все это на счетъ неуплаченнаго жолду. Не обращая вниманія на строгія запрещенія, выходили они тысячами изъ лагеря, шлялись по улицамъ, устраивали сходбища, затѣвали ночныя драки, и возвращались въ сопровожденіи нарушенныхъ съѣстною добычею возовъ да веселыхъ женщинъ.

Лагерь гремѣлъ отъ пирушекъ и товарищескихъ сходокъ, называвшихся у жолнеровъ конверсаціею. Это былъ старинный и пагубный обычай польскаго войска. Жолнеръ обыкновенно приглашалъ къ себѣ сослуживцевъ и, прокутивши съ ними въ одинъ день полугодовое жалованье, шелъ въ гости къ такому же кутилѣ. Бережливость у нихъ подвергалась презрѣнію: только расточительностью можно было угодить и товарищамъ, и начальству. Обычай такой конверсаціи ввела богатая шляхта изъ національнаго гостепріимства. Но эта добродѣтель польская, практикуемая въ лагерѣ, бывала причиною поединковъ

и дракъ, причиною грабежей и насилій во время похода и на лежахъ. Растративши все, жолнеръ нуждался во всемъ. Не удовлетворяясь платою, заявлялъ онъ требованія неслыханныя, и былъ всегда готовъ къ бунтамъ и конфедераціямъ, чтобы вынудить плату за четверть года не въ зачетъ и обезпечить себѣ амнистію за самоуправство. Въ такомъ положеніи находилось войско и тогда, когда король прибылъ во Львовъ.

16-е іюня было срокомъ взноса денегъ для всѣхъ „скарбовыхъ людей" Великой и Малой Польши. Въ этотъ день *поборцы* были обязаны явиться во Львовъ съ деньгами и представить счеты въ коммиссію, которая потомъ должна была уплатить войску недоимку.

Всего съ недополученными казною по прежнимъ окладнымъ суммами набралось, по счетамъ подскарбія, больше 8.000.000 злотыхъ. Не смотря на всѣ бѣдствія свои изъ-за денежныхъ затрудненій, Польша вѣчно впадала въ недочетъ. Не исправленная ни Косинщиной, ни Наливайщиной, ни Павлюковщиной, ни самою Хмельнитчиной, она и теперь, когда готовилось послѣднее столкновеніе Народа Шляхетскаго съ Народомъ Козацкимъ, очутилась въ страшномъ недочетѣ. Одни поборцы не явились въ назначенный срокъ, другіе не привезли всѣхъ денегъ. Въ скарбѣ оказалось только 2 000 000 злотыхъ.

При такихъ обстоятельствахъ, открыли паны во Францисканскомъ монастырѣ коммиссію, составленную изъ 44 членовъ, подъ предсѣдательствомъ сендомирскаго воеводы, маркграфа Мышковскаго. Каждая хоругвь прислала въ нее своего депутата. Эти почтенные представители короннаго войска, единственные защитники отечества, послѣдняя опора Рѣчи Посполитой Польской, тотчасъ же объявили, что не приступятъ ни къ чему, пока обиды, причиненныя жолнерами частнымъ лицамъ, не будутъ покрыты амнистіей. Въ противномъ случаѣ грозили „сорвать" коммиссію и „завязать" конфедерацію. Король обѣщалъ амнистію, и всѣ обиженные, съѣхавшіеся, въ чаяніи правосудія, во Львовъ, уѣхали ни съ чѣмъ.

По сведеніи счетовъ, оказалось, что Рѣчь Посполитая задолжала спасителямъ отечества 6.107.622 злотыхъ. Но жолнеры не признавали счетовъ министра финансовъ, подскарбія. Они требовали уплаты за 13 четвертей года, требовали вазнагражденія убытковъ, понесенныхъ отъ недоимки, и не отступали отъ своего домогательства ни на іоту.

Весь лагерь волновался, твердя, что коммиссія уменьшаетъ жолнерскій заработокъ, торгуетъ жолнерскою кровью и потомъ. Демагоги сзывали сборища, кричали противъ короля, грозили сенаторамъ, и были готовы повторить козатчину надъ королевскими и панскими добра

ми. Субординація, на которую Чернецкій возлагалъ всю надежду истребленія Руси, пала окончательно. Польская пѣхота столкнулась на лагерномъ майданѣ съ иноземною, и между ними завязалась перестрѣлка, напомнившая панамъ Батоговскую катастрофу. Пока ихъ развели, погибло нѣсколько сотъ человѣкъ, безъ сомнѣнія, храбрецовъ, которые, при добромъ порядкѣ, вѣсили бы на вѣсахъ боеваго успѣха столько же, сколько паны задолжали войску. Безнаказанность и дерзость дошли до такой степени, что въ самомъ городѣ поднимались крики и драки; даже подъ окнами королевской квартиры въ архіепископскихъ палатахъ происходили убійства.

Въ это время Хмельницкій, родное чадо польской неурядицы, стоялъ уже невдалекѣ отъ памятнаго панамъ Збаража и, еслибы козаки не были видоизмѣненіемъ шляхты, то могли бы повторить надъ своими учителями Батоговскую кровавую баню. Въ виду грозной опасности, король переселился на нѣсколько дней въ лагерь, чтобы своимъ присутствіемъ возстановить порядокъ и соподчиненность,—онъ, деморализаторъ коронного войска, выполнявшаго свою функцію со славою подъ управленіемъ Владислава IV и его великаго фельдмаршала. Между жолнерами ходили уже слухи, что никакого жолду имъ не дадутъ. Король хотѣлъ ихъ успокоить хоть съ этой стороны, но долженъ былъ вернуться во Львовъ, гдѣ коммиссія не знала, что̀ дѣлать съ войсковой делегаціей.

Польша обнаружила прорѣхи по всѣмъ швамъ. Были въ ней такія восводства, которыя на реляціонныхъ (отмѣняющихъ центральныя постановленія) сеймикахъ не согласились ни на какіе налоги. Другія давали меньше того, что̀ опредѣлили ихъ сеймовые послы; третьи, одобривъ установленные налоги, отложили ихъ на дальнѣйшее время. Государство, сшитое римской политикой на живую нитку, поролось и распадалось отъ фальшивости своего кроя и шитья. Когда дѣло дошло до взноса налоговъ, начались обычныя махинаціи и обманы со стороны поборцевъ. Одни уменьшали поборы, установленные вѣками и утвержденные сеймомъ 1633 года; другіе укорачивали своими *саляріями* цифры, опредѣленныя въ пропорціи новыхъ поборовъ; третьи, раздавши квитанціи въ полученіи налоговъ, внесли въ Скарбъ гораздо меньшія суммы, и т. д. и т. д. Словомъ, не оказалось ни одного воеводства, ни одного повѣта и зѐмли, которые бы все то уплатили, что слѣдовало; а Хмельницкій угрожалъ Польшѣ послѣднимъ ударомъ. Не такъ поступали Пожарскіе и Минины въ Смутное Время, когда для Московскаго Государства эта самая шляхта, со своими жолнерами, представляла козакотатарскую орду: фактъ важный въ рѣшеніи

вопроса: кто былъ достойнѣе владѣть широкими областями отъ моря до моря: „кичливый Ляхъ, иль вѣрный Россъ".

Въ государственномъ Скарбѣ было всего 2.000,000 злотыхъ, коммиссія насчитывала недоимки 8.000.000; а жолнеры требовали 15.000.000.

Послѣ разнообразныхъ споровъ и бунтовъ, дѣло кончилось уплатою жолнерамъ небольшой части недоимки и подкупомъ жолнерскихъ делегатовъ, а для благовидности, возстановившуюся тишину приписали дѣйствію „королевской коммиссіи". Не имѣя того, что̀ составляло силу царскаго правительства, несчастные обманывали свою шляхту и людей заграничныхъ, представляя видъ, будто бы и въ ихъ безпорядочномъ правительствѣ есть эта обезпечивающая всякое право сила. Королевская коммиссія состояла не изъ Аристидовъ-безсребренниковъ, а все изъ тѣхъ же эксплоататоровъ и расхитителей государственныхъ доходовъ. Прижатые жолнерами къ стѣнѣ, они должны были—или подвергнуться другой Хмельнитчинѣ, не козацкой уже, а жолнерской, или же подѣлиться съ мелкими обдиралами своею крупною добычею. Изъ двухъ золъ они выбрали меньшее.

Жолнеры согласились принять отъ коммиссіи деньги подъ условіемъ, что остальная недоимка будетъ уплачиваться имъ по мѣрѣ поступленія въ Скарбъ налоговъ, а король, коронный гетманъ и коммиссары дали имъ ассекурацію на своихъ добрахъ, гарантируя окончательную уплату до 15 сентября. Что̀ же это былъ за король и какія сдѣлки соединяли его съ прочими членами польской олигархіи, явствуетъ изъ слѣдующихъ строкъ роялиста Освѣцима:

„Ноября 20 скончался краковскій кастелянъ" (Николай Потоцкій) „оставивъ свободное поле для соискательства лицамъ, желавшимъ воспользоваться оставшимися по его смерти вакантными должностями. При дворѣ долго колебались и отсрочивали ихъ раздачу, но наконецъ преимущество было оказано тѣмъ, которые съ своей стороны *предложили болѣе возмездія*. Должность краковскаго каштеляна была предоставлена мазовецкому воеводѣ, Варшицкому, несмотря на то, что, по общему мнѣнію, право на нее имѣлъ краковскій воевода (Владиславъ Заславскій). Барское староство передано князю Богуславу Радивилу, люблинское—сендомирскому кастеляну, Витовскому, подъ тѣмъ предлогомъ, что недавно онъ оказалъ значительную услугу, принявъ на себя должность посланника въ Москву, но въ дѣйствительности его успѣху гораздо больше содѣйствовало то обстоятельство, что онъ *поднесъ въ подарокъ королю 15.000 червонцевъ*. Нѣжинское староство предоставлено коронному маршалу (Любомирскому), булаву же вели-

каго гетмана король оставилъ пока при себѣ до дальнѣйшаго усмотрѣнія"...

Орда не пришла еще къ Хмельницкому, а безъ Орды онъ былъ юинъ безъ правой руки. Надобно было пользоваться временемъ. Такъ і думали паны, но выходило у нихъ иначе. Во время передряги съ юйскомъ вышли первыя, вторыя и третьи *вици*. Но многія воеводства ооружались такъ медленно, какъ будто не вѣрили, что Польшѣ угрожаетъ ударъ ужаснѣе всѣхъ, нанесенныхъ ей козако-татарами. Король, въ послѣднихъ универсалахъ, оповѣщалъ, что непріятель приближается со всею силою, а это значило въ числѣ 300.000. „Ежеасно, ежеминутно ждемъ его" (писалъ онъ). „Не думаемъ, чтобы ашелся кто-нибудь нежелающій спасать отечество тамъ, гдѣ дѣло детъ о цѣлости всего". Этимъ способомъ надѣялся онъ вызвать шляху въ поле не позже 10 августа, а ближайшія воеводства увидѣть передъ собой и раньше. Въ отчаянно вопіющихъ универсалахъ рѣчь была уже объ *остаткѣ* Польши. Но патріотизма не было тамъ, гдѣ каждый панскій домъ составлялъ отдѣльное государство, гдѣ каждый городъ былъ самоуправляющеюся республикой, а король не имѣлъ ни самостоятельной власти, ни даже панской независимости.

Хмельницкій, выжидая событій, подвигался впередъ медленно. Становясь не вдалекѣ отъ Сатанова и зная, что происходитъ въ панскомъ лагерѣ подъ Глинянами, онъ крался къ нему волкомъ, съ намѣреніемъ повторить Батоговскую рѣзню. Въ это время изъ панскаго лагеря былъ высланъ легкій подъѣздъ, для освѣдомленія о непріятелѣ. Подъѣхавъ подъ Зборовъ, повстрѣчался онъ съ многолюдною козацкою чатою, разбѣжался во всѣ стороны и привезъ во Львовъ такія преувеличенныя вѣсти, что, по словамъ самихъ Поляковъ, всѣ начали думать о бѣгствѣ.

Это былъ для Хмельницкаго важный моментъ. Орда пришла уже къ нему. Дай судьба ему только нѣсколько дней еще для набѣга, — Польша была бы у него въ рукахъ, и тогда передъ новымъ Тамерланомъ, коронованнымъ короною Казимира Великаго подъ именемъ Богдана I, (Поляки были способны и къ этому) задрожалъ бы дѣйствительно „весь свѣтъ", особенно культурный. Можетъ быть, у Хмельницкаго была уже въ рукахъ прокламація другаго ненавистника аристократовъ, другаго заклятаго врага папистовъ, Оливера Кромвеля, отъ которой до насъ дошелъ одинъ титулъ, а именно: Theodatus Cmielnicki, Dei gratia generalissimus ecclesiae Graecorum, imperator omnium cosacorum Zaporoviensium, terror et exstirpator nobilitatis Poloniae, fortalitiorumque expugnator, exterminator sacerdotum Roma-

norum, persecutor ethnicorum, Antechristi et judaeorum *). Под
одинъ другому руку, эти два различные, но страшные каждый по-с
ему энтузіаста могли бы измѣнить лицо Европы и Азіи. Самыя ди
картины счастья, какъ понимаютъ счастье разбойники, могли предст
ляться Хмельницкому въ этотъ важный моментъ его истребительн
дѣятельности. Но демонъ злобы, корысти и властолюбія, служив
ему до сихъ поръ только съ намеками на свое коварство, явился
редъ нимъ въ образѣ вѣстовщика, и объявилъ „счастливому человѣк
какъ назвалъ его достойный его сватъ, что сынъ его, вмѣстѣ съ
сподаровною и сокровищами тестя, разбитый на голову, осажденъ
Сочавѣ... Сообразивъ послѣдствія погрома и осады, Хмельницкій б
сился стремглавъ изъ-подъ Сатанова (имя, соотвѣтственное событ
и, дѣлая, какъ Татары, по 10 миль въ сутки, долетѣлъ до Бѣ
Церкви безъ отдыха.

Орда, видя такое неожиданное отступленіе, похожее на бѣгст
покинула Хмельницкаго и ринулась на мѣста, гдѣ оставались коз
кія семьи съ запасами. Тогда въ козацкомъ войскѣ послышались г
сающія проклятія и угрозы. Бѣглый гетманъ успокоилъ козаковъ то
ко тѣмъ, что послалъ ихъ по татарскимъ слѣдамъ, и такимъ образ
не могъ ни воевать съ панами, ни выручить сына изъ опасности. I
чистая сила разыграла съ нимъ одну изъ самыхъ замысловатыхъ с
ихъ трагикомедій.

Въ Бѣлой Церкви ждалъ нашего Хмеля турецкій посолъ съ пи
момъ отъ визиря. Это письмо сохранилось въ неясномъ московск
переводѣ и, къ сожалѣнію, въ поврежденномъ видѣ. Его привезъ
Москву царскій подъячій, Иванъ Ѳоминъ, который, можетъ быть,
былъ его и „тайнымъ обычаемъ", такъ какъ о козакахъ давно
писалъ Кисѣль по своей коммиссарской должности: „любятъ голу
ки взять (lubią niebożęta wziąść)".

Великій визирь, Аземъ-Магометъ-баша, обращался къ Хмельн
кому съ дружескимъ привѣтствіемъ, но отъ учтивостей перешелъ
непріятнымъ для Порты поступкамъ Тимоша въ придунайскихъ г
жествахъ. „И то дѣло" (писалъ онъ) „великому государю нашему у
нилось къ прогнѣвленію, что сынъ твой съ ратными людь(ми вошё
въ тѣ государства, а тѣхъ госуд(арствъ люди) межъ собою ссорятс

*) Богданъ Хмельницкій, Божіею милостію генералиссимусъ грековосто
церкви, вождь всѣхъ козаковъ Запорожскихъ, гроза и искоренитель польс
дворянства, покоритель крѣпостей, истребитель римскаго священства, гон
язычниковъ, антихриста и Іудеевъ.

„И такъ какъ сынъ твой“ (продолжалъ визирь) „учинилъ въ Во-
ахъ нѣсколько непристойныхъ дѣлъ, то по этой причинѣ тамош-
дѣла приведены въ прежній порядокъ, и все возвращено „Дупулу,“
да намъ доброжелательному *).

„А ты, достовѣрной другъ нашъ“ (говорится далѣе въ москов-
ъ переводѣ) „(великаго) государя нашего вѣдаешь: не (какъ иные)
дари, онъ—великій государь самодержавный, грозный государь.
подданные его имѣютъ надъ собою страхъ и пребываютъ въ его
лѣньѣ до единого человѣка и въ послушаньѣ: про то вамъ (коза-
) самимъ вѣдомо. А безъ ево, великаго государя, повелѣнья ни-
не можетъ въ его государеву отчину вступить, и благосчастная
ь его къ тому не прилежитъ. И тебѣ бъ его письма, понеже бо
му в(еликому) государю учинилися (вы, козаки) въ подданствѣ, и
царскія чести оберегати и (всѣ) государева повелѣнья творити,
его не опуская). И какъ учнете симъ путемъ быть и добростра-
надъ собою имѣти, и вамъ день ото дни передъ нашими поддан-
чести прибудетъ. И аже дастъ Богъ, и узрите. И вамъ бы рат-
своихъ людей держать въ уйму, и въ государство государя на-
входить не велѣть, и о томъ учинить крѣпкой заказъ.

„А добрычинскимъ ратнымъ людемъ и той сто(роны Та)таромъ
лѣнье послано: къ (вамъ) на помочь будутъ. А же дастъ Богъ
шее дѣло совершится, но и паче съ прибавкою въ вашей помочи
лѣнье будетъ. И крымскому цареву величеству повелѣнье посла-
е единожды, чтобъ онъ къ вамъ на помочь шолъ. И вамъ бы про
ѣдать, и сына своего взять къ себѣ“.

Письмо визиря лишило Хмельницкаго надежды владѣть придунай-
и княжествами. Между тѣмъ король могъ ежедневно удовлетво-
свое войско и двинуться въ походъ, а князьки могли ежеминут-
зять Сочаву, и прійти къ нему на помощь въ то время, когда
ры будутъ еще въ Добруджѣ и въ Крыму.

Визирь писалъ свое письмо еще до вторичнаго бѣгства Лупула.
рь Лупулъ сидѣлъ въ Чигиринѣ и сулилъ козакамъ золотыя горы,
уя войско для освобожденія Сочавы. Хмельницкій поощрялъ вер-
: сокровища значили для него столько же, какъ и отраженіе

*) Эта мысль выражена въ московскомъ переводѣ такъ: „И въ то время,
торое сынъ твой въ Волохахъ нѣсколько непристойныхъ дѣлъ учинилъ,
оно къ тому, какъ прежъ сего Липоль пришелъ въ Ясы, и отъ благо-
аго государя нашего повелѣнье къ нему прислано, и Липоловымъ прихо-
доднесь, кромѣ дружбы и добра, ничего (не) увидѣть“.

союзныхъ князьковъ. Но этимъ самымъ онъ разрушалъ надежду на турецкую помощь, такъ какъ дѣйствовалъ вопреки повелѣніямъ Порты, а между тѣмъ козаки его, ослабленные пораженіемъ подъ Яловицею, были разъединены.

Въ это трудное для стараго Хмеля время, и Поляки, и такая Русь, къ какой принадлежалъ Ерличъ, распространяли и повторяли слухъ, что турецкій посолъ требовалъ отъ него дѣйствительной отдачи тѣхъ земель, которыя онъ столько разъ обѣщалъ Портѣ, и въ то же время—присяги на подданство. Говорили, что будто бы козаки, волнуемые духовенствомъ, грозили бунтомъ по этому поводу; что будто-бы полковники Богунъ, Джеджалла и другая старшина, вмѣстѣ съ гетманомъ, были не прочь отъ присяги султану, но эта присяга ничего бы не значила безъ согласія черни, и что будто бы чернь, отвергая и турецкое подданство, и московскую неволю, высказывала готовность „служить старымъ панамъ и королю, который столько разъ далъ ей доказательства своей милости".

Не таковъ былъ Хмельницкій, чтобы позволить каждому заглядывать себѣ въ карты. Поэтому и такія вѣсти, что будто бы онъ выражалъ Портѣ увѣренность въ расположенности большей части козаковъ къ принятію ислама, повторяемыя польскими историками, показываютъ только незнаніе ни Хмельницкаго, ни козаковъ, ни самой Порты, которой мало было дѣла до вѣры въ вопросѣ о подданствѣ. Всѣ такіе слухи распускали въ Шляхетскомъ Народѣ—или купленные Хмелемъ люди, или козаки, для того, чтобы предрасположить Ляховъ къ извѣстному обману. Тѣмъ же самымъ способомъ морочилъ Козацкій Батько и Турцію, и Москву, и весь свѣтъ, и никто не зналъ истинныхъ его намѣреній, самъ же онъ перемѣнялъ ихъ съ каждой перемѣной обстоятельствъ.

Глава XXX.

Московскій ультиматумъ. — Царское обнадеживающее посольство у козаковъ.— Кому въ Малороссіи было ненавистно московское подданство. — Панскій лагерь подъ Жванцемъ.—Жванецкій договоръ 1653 года. — Козаки поддаются Московскому царю.—Возсоединеніе Малой Россіи съ Великою.

Когда подъ Глинянами узнали, что Хмѣль отступилъ къ Бѣлой Церкви, было послано вслѣдъ за нимъ двѣ хоругви, чтобъ узнать, не военная ли это хитрость. Но едва онѣ сдѣлали нѣсколько миль, какъ повстрѣчали кіевскаго полковника, Антона Ждановича, въ сопровожденіи 12 козаковъ, и привели его въ лагерь вмѣсто языка.

Козацкій посолъ привезъ отъ Хмельницкаго письмо только къ коронному гетману и просилъ его отъ имени гетмана и всего Запорожскаго Войска о предстательствѣ у короля. Ждановичъ говорилъ, что козаки не хотятъ больше воевать, и еслибы король наступилъ на нихъ въ своемъ ожесточеніи, то не будутъ обороняться, а побредутъ куда глаза глядятъ. Кромѣ гетманскаго письма, привезъ онъ просьбу отъ козаковъ къ королю и показывалъ ее каждому.

„По заключеніи Бѣлоцерковскаго мира“ (писалъ въ козацкой просьбѣ сочинитель такой исторіи, какую сочиняютъ намъ донынѣ), „мы были расположены никоимъ образомъ не нарушать онаго, и потому не мало покарали смертью тѣхъ, которые подавали поводъ къ его нарушенію, какъ-то Гладкого, Мозыру и другихъ. Но Войниловичъ, Маховскій и другіе, которые стояли на Заднѣпріи по ординансу вашей королевской милости, напавъ своевольно на людей, обезпеченныхъ миромъ, немало перебили, и кровь невинную пролили, а другія села и мѣстечки огнемъ и мечемъ истребили. Къ тому же покойный его милость панъ Калиновскій, какъ это было намъ достовѣрно извѣстно, соединивъ войска и ставши уже лагеремъ, намѣревался неожиданно на насъ напасть Поэтому мы, предотвращая сіе, должны были двинуться съ частью войска. Ничего, однакожъ, не замышляя противъ вашей королевской милости, и, не идучи въ глубину, вернулись

назадъ. А что случилось по Божію попущенію, то просимъ простить намъ".

Далѣе козаки писали, будто бы они ждали коммиссіи, о которой трактовали съ Зацвилиховскимъ, но, вмѣсто коммиссіи, Чернецкій и Маховскій произвели у нихъ опустошенія и убійства. Ничего, однакожъ, не предпринимая, униженно просятъ они короля оставить ихъ при Зборовскихъ пактахъ, не стѣсняя ничѣмъ вѣры ихъ и вольностей. Еслибы же ему число войска по Зборовскимъ пактамъ казалось слишкомъ великимъ, то просятъ прислать въ Паволочь или въ Бѣлую Церковь коммиссаровъ. Козаки просили также объ уничтоженіи церковной уніи въ Коронѣ и Литвѣ. Въ случаѣ же наступленія на нихъ съ войскомъ (сказано въ просьбѣ), козаки не будутъ уже и обороняться, и не желаютъ больше проливать кровь, а будутъ „промышлять о своей жизни всякими иными способами".

Созвана была рада и рѣшено—трактовать объ этомъ дѣлѣ такъ, какъ будто король ничего не зналъ. Гетманъ отвѣчалъ частнымъ образомъ Хмельницкому: 1) чтобъ онъ отпустилъ турецкаго посла; 2) чтобъ отдался безусловно на милосердіе короля; 3) чтобы союзъ съ Татарами разорвалъ и, для вѣрности дѣла, далъ заложниковъ, какіе будутъ указаны. Антона Ждановича задержали въ Глинянахъ, какъ плѣнника.

Отъ козацкихъ языковъ панамъ было извѣстно, что у Хмельницкаго войска мало, что чернь жаждетъ мира и хотѣла отправить къ королю посла изсреди себя. Козаки съ пытки говорили, что приходили къ нимъ Татары, но вернулись, потому что козаки разъединились, а разъединились изъ-за того ясыра, котораго Татары набрали изъ женъ и дѣтей козацкой *черни* и даже самихъ *реестровиковъ*, и котораго потомъ Хмельницкій выкупилъ собственными деньгами 6.000 душъ. Тѣ же языки разсказывали, что гетманъ и полковники хотѣли присягнуть передъ султанскимъ посломъ на подданство отъ имени всей черни; но чернь и нѣкоторые изъ полковниковъ не согласились на то никоимъ образомъ, „и отсюда-то происходитъ волчья покорность Хмельницкаго", объясняли себѣ паны.

Между тѣмъ Хмельницкій игралъ въ самую опасную для нихъ игру. Въ письмѣ къ королю изъ Чигирина онъ въ сотый разъ призывалъ Бога во свидѣтели, что, какъ прежде, такъ и теперь, козаки отъ чистаго сердца желаютъ быть вѣрными королевскими подданными, и при этомъ доносилъ смиреннѣйшимъ тономъ, что они „упросили Московскаго царя ходатайствовать объ исполненіи ихъ просьбъ,

касающихся вѣры, церквей и вольностей Войска его королевской милости Запорожскаго".

Это письмо было предвѣстіемъ подпаденія Польши подъ власть государства, которое такъ еще недавно попирала она ногами со всѣмъ его великимъ и священнымъ. 27 римскаго іюля прибыло во Львовъ московское посольство, подъ начальствомъ боярина Рѣпнина Оболенскаго. Оно привезло Польшѣ ультиматумъ, согласовавшійся съ чигиринскимъ письмомъ Хмельницкаго. При первомъ же свиданіи съ представителями Рѣчи Посполитой, царскіе послы высказали весьма рѣзко свой русскій взглядъ на ихъ пресловутую республику. Москва выждала наконецъ время для возмездія Польшѣ за всѣ претерпѣнныя отъ нея поруганія, и это было начало возмездія.

Одинъ изъ сенаторовъ спросилъ у боярина: не по тому ли дѣлу прибылъ онъ, о которомъ трактовалъ королевскій посолъ, Адамъ Кисѣль, въ Москвѣ?

Рѣпнинъ Оболенскій отвѣчалъ спокойно, что не былъ тогда въ Москвѣ, и не знаетъ, о чемъ трактовалъ Кисѣль.

„Да вамъ-то что въ этомъ, паны"? (сказалъ его товарищъ). „Пока бы вы что-нибудь постановили, такъ не осталось бы и времени на исполненіе. Вы ищете союза съ монархами, а когда чего не достанетъ съ вашей стороны, говорите, что сеймъ не позволяетъ. Когда бъ на вашемъ сеймѣ можно было рѣшать, чего требуетъ ваша честь и польза вашего королевства,—можетъ быть, тогда сосѣдніе монархи соединяли бы свои силы съ вашими, для своихъ выгодъ, для подавленія общаго непріятеля. Но вы до сихъ поръ не нашли средства сохранять въ тайнѣ свои сеймовыя постановленія, хоть бы на то время, пока приготовитесь; поэтому и мудрено понять, какой бы государь захотѣлъ предпринять съ вами походъ. Развѣ на то предпринялъ бы, чтобъ непріятель на него напалъ, узнавъ тотчасъ обо всемъ".

Сенаторы представляли посламъ, что они мало знакомы съ дѣлами и образомъ правленія государства свободнаго.

„Что̀ это за отвѣтъ"? (сказалъ великій посолъ) „Вы говорите, какъ у васъ должно быть; на бумагѣ, да на словахъ устанавливаете то и се, а на дѣлѣ—неурядица, пальцемъ ткнешь".

Здѣсь одинъ изъ сенаторовъ заговорилъ о силѣ Рѣчи Посполитой и сказалъ, что скоро соберется 40.000 вооруженной шляхты. Тогда она принудитъ Хмельницкаго къ повиновенію и будетъ имѣть довольно времени для того, чтобъ отомстить какому-нибудь сосѣду за пренебреженіе.

„Если таковы силы ваши“ (сказалъ товарищъ великаго посла), „зачѣмъ же эта небольшая часть вашего войска стоитъ въ бездѣйствіи?

„Не понимаю“ (прибавилъ Рѣпнинъ Оболенскій), „что это у васъ за сила, что Ракочій бьется за васъ. Взбунтовавшійся логоѳетъ не испугался сына Хмельницкаго, и если взвѣсить средства, то надѣлалъ больше вреда козакамъ, въ два-три мѣсяца, чѣмъ ваше королевство въ столько же лѣтъ. Если вы допустите, чтобъ онъ уничтожилъ Хмельницкаго, то едва ли другіе народы повѣрятъ, чтобъ этотъ Хмельницкій былъ такой боецъ и силачъ, какимъ онъ представляется, благодаря вашей неудалости, или неурядицѣ. Когда бъ вашъ Калиновскій былъ такимъ воиномъ, какъ драчуномъ, когда бъ у него въ головѣ былъ толкъ, не затѣялъ бы онъ безсмысленно битвы съ Хмельницкимъ и не довелъ бы дѣла до того, чтобъ козаки взяли верхъ и первые нарушили миръ. Если хотѣлъ онъ помѣшать свадьбѣ Тимоша, если думалъ, что этого требуетъ благо королевства, то ему бы слѣдовало расположиться на болѣе крѣпкомъ мѣстѣ, ждать нападенія и тогда только воевать. А онъ взялъ деньги (отъ Лупула), и вовсе не заботился о своей ойчизнѣ“.

Все это было высказано такимъ голосомъ и съ такими жестами, что сенаторы обидѣлись. Не обратили на то вниманія торжествующіе наконецъ надъ Ляхами Москали и стояли за свободу личнаго мнѣнія. У нихъ была въ запасѣ пушка, заряженная царскими титулами, и они не замедлили грянуть. Но сперва пустили въ глаза панамъ ракету, изобрѣтенную на ихъ пагубу старымъ Хмелемъ. Заговоривъ о междоусобіи, раздирающемъ Польшу, послы оправдывали козаковъ тѣмъ, что они взялись за оружіе, видя свои церкви въ арендѣ у Жидовъ...

Если было чѣмъ возмущаться панамъ до глубины души, то всего больше—этой выдумкою, противною и фактамъ, и здравому смыслу. Но относительно русской вѣры и соединенной съ вѣрою народности всѣ они были гораздо виновнѣе даже такихъ невозможныхъ притѣснителей, которые бы отдавали въ аренду Жидамъ церкви воинственнаго народа, заставлявшаго, по его собственнымъ словамъ, трепетать передъ нимъ Турцію, Польшу и весь свѣтъ: они были не столько притѣснители, сколько *соблазнители*, и потому имъ лучше было бы, вмѣсто распространенія въ обществѣ панства и еретичества, повѣсить себѣ на шею жерновый камень и потонуть въ морской пучинѣ: ибо тогда погибло бы одно только поколѣніе пановъ, а польская нація, безъ ихъ козней, благоденствовала бы въ соединеніи дѣйствительно „равныхъ съ равными“ и въ самомъ дѣлѣ „вольныхъ съ вольными“.

Вмѣсто сознанія непростительныхъ грѣховъ своихъ, паны доказывали какъ нельзя яснѣе, что вѣра не была причиною козацкаго бунта, и что козаки одинаково святотатствовали, какъ въ римскокатолическихъ костелахъ, такъ и въ грекорусскихъ церквахъ. Ухмыляясь въ окладистыя бороды, царскіе послы были глухи къ ихъ доводамъ. Мало обращали они вниманія и на представленія пановъ о томъ, что Хмельницкій недостоинъ царской протекціи: ибо, съ самаго начала войны, (говорили они) „въ каждомъ своемъ посольствѣ къ представителямъ Рѣчи Посполитой, утверждалъ, что надобно вести козаковъ противъ Москвы. У короля въ рукахъ" (продолжали паны) „находится множество писемъ, доказывающихъ, что Хмельницкій, во всѣхъ переговорахъ съ Оттоманскою Портою, условливался съ нею воевать Москву. Вотъ и въ декабрѣ 1652 года трактовалъ онъ одновременно съ Москвой, съ Турціей и съ Польшей, и всѣмъ троимъ обѣщалъ вѣрноподданство. Наконецъ, въ письмахъ, добытыхъ Ракочіемъ изъ Константинополя, и которыя не дальше какъ 7 римскаго августа Ракочій переслалъ королю, выразительно говорится, что въ то самое время, когда искалъ царской протекціи, предлагалъ онъ подданство султану и убѣждалъ Порту, что ему будетъ легко, съ помощью Татаръ и турецкихъ подкрѣпленій, занять Польшу, Литву и добраться до Москвы. А что̀ хуже всего, одинъ изъ пословъ самого Хмельницкаго объявилъ, что Хмѣль и большая часть козаковъ склонны принять вѣру Магомета...

Такъ сообщилъ свидѣтель этой сцены панскому нунцію, но, снѣдаемый ревностью къ единой спасающей церкви, прибавилъ очевидную небывальщину,—будто бы царскіе послы не захотѣли дальше слушать, называли Хмельницкаго псомъ, воромъ, разбойникомъ, общимъ предателемъ и восклицали: „Да хранитъ Господь короля"! (слѣдовательно и ту курію, которая отняла у русскаго свѣта древнерусское дворянство въ польскихъ владѣніяхъ и посягала на всѣ другія сословія).

Такой финалъ религіозно-политической при невѣроятенъ уже по одному тому, что послы тутъ же грянули въ представителей Польши и соблазнителей польской Руси царскими титулами, точно громомъ. Напрасно паны представляли свои сеймовые декреты, свои королевскія sancita;—царскіе послы соглашались помиловать Польшу только подъ условіемъ подтвержденія Зборовскаго договора и уничтоженія церковной уніи, яко главной причины возстанія козаковъ.

Имъ опять, со всей убѣдительностью фактовъ, представляли, что религія во всѣхъ козацкихъ бунтахъ была ни при чемъ. Царскіе послы не хотѣли знать исторіи, вѣщавшей устами оіезуиченныхъ пановъ,

какъ не хотѣли въ свое время паны знать исторіи московской самозванщины.

По своему вѣку и по своей образованности, царскіе бояре и дьяки не могли возвыситься до признанія факта, что греческой религіи *нельзя знать* въ такомъ государствѣ, какъ Польша: ее можно было только *совращать*;—не могли возвыситься тѣмъ болѣе, что философское безпристрастіе въ исторіи, еслибъ оно и было для нихъ возможно, то не было бы выгодно: ибо тогда было бы имъ непристойно оправдывать козацкіе разбои, напротивъ, слѣдовало бы видѣть въ козакахъ то, что̀ видѣли въ нихъ паны рады: общихъ враговъ Москвы и Польши... Теперь же, стоя на почвѣ религіи, которая въ своей свободѣ должна быть неприкосновенна ни для прямаго притѣсненія, ни для казуистики, ни для соблазна,—царскій великій посолъ объявилъ торжественно, что царь, „для православныя вѣры и святыхъ Божіихъ церквей", готовъ забыть личную свою обиду, если король и паны рады помирятся съ козаками, которые домогаются неприкосновенности православія въ предѣлахъ Польши, и помирятся не иначе, какъ на основаніи Зборовскаго договора.

Въ переводѣ на языкъ практики, царское великодушіе, въ настоящемъ случаѣ, значило не больше и не меньше, какъ московскій протекторатъ надъ остаткомъ непревращенной еще въ иновѣрщину Руси въ предѣлахъ сосѣдняго государства,—протекторатъ, отъ котораго оставался одинъ только шагъ до занятія всѣхъ польскорусскихъ провинцій во имя охраненія древней русской вѣры. По пословицѣ: „долгъ платежемъ красенъ", московскій царь расплачивался съ Польшею за принятаго Сигизмундомъ III подъ покровительство такого же разбойника, и даже бо̀льшаго, чѣмъ Хмѣль, и за насильственное присвоеніе царскаго права въ Москвѣ Владиславу Жигимонтовичу. Государственное достоинство Россіи требовало отъ Польши, при уплатѣ долга, надлежащихъ процентовъ, и вотъ, при всей фактической правотѣ вѣковой напастницы, она сдѣлана преступницею, требующею казни чрезъ палача, Хмельницкаго.

Царскій великій и полномочный посолъ съ тѣмъ и уѣхалъ, что Польша должна быть казнена за нарушеніе Зборовскаго договора, нарушеннаго козаками. Безпощадный и несправедливый, но вполнѣ заслуженный, приговоръ свой формулировалъ онъ слѣдующимъ образомъ:

„Такъ какъ великій государь, его царское величество, для православные христіанскіе вѣры и святыхъ Божіихъ церквей, желая успокоить междоусобіе, хотѣлъ простить такихъ людей, которые за оскорбленіе чести великаго государя достойны были смерти,—но король Ян

Казимиръ и паны рады поставили это ни во что, поэтому великій государь, его царское величество, не будетъ терпѣть такого безчестія и не станетъ къ вамъ посылать своихъ пословъ, а велитъ о всѣхъ вашихъ неправдахъ и о нарушеніи вами договора писать во всѣ окрестныя государства къ государямъ христіянскимъ и бусурманскимъ, и за православную вѣру, и за святыя Божіи церкви, и за свою честь будетъ стоять, сколько подастъ ему помощи милосердый Богъ".

Эти слова были только перифразомъ того, что говоритъ Іоаннъ III. Мысль Великаго Собирателя Русской земли оказалась безсмертною.

Польша находилась въ отчаянномъ положеніи, какъ это вскорѣ доказали событія, но, по малорусской пословицѣ: „дурень думкою богатіе", она готовилась нанести послѣдній ударъ козацкому Минотавру въ такое время, когда онъ, волею историческихъ судебъ, сдѣлался орудіемъ того, „о чемъ", по его словамъ, „никогда не думалъ". Польша насчитывала сотни тысячъ союзныхъ силъ. Она утѣшалась извѣстіями, что „хлопы не хотятъ слушать Хмеля", а съ Ордой едва начинаютъ сговариваться. Творя своего Пана Бога по образу своему и по подобію, она твердила, что онъ „совершитъ свое дѣло" въ пользу пановъ и шляхты. Наконецъ, она увѣряла и себя, и другихъ, что Москали прислали Хмельницкому деньги и артиллерію, какъ будто ей отъ этого было бы легче.

Между тѣмъ новый волошскій господарь, Стефанъ Гергица, просилъ у пановъ помощи, королевскихъ совѣтниковъ будто у него подъ Сочавой 200.000 боеваго народу, не считая 50.000 союзныхъ силъ, которыя не даютъ козакамъ подойти на выручку Тимоша. За помощь, Герчица обѣщалъ всѣ эти войска вести лично, куда прикажетъ король. Даже силистрійскій баша просилъ короля подъ секретомъ, чтобъ онъ привелъ козаковъ къ невозможности вторгнуться въ Волощину. У Яна Казимира давно уже была, какъ выражались его клевреты, mina imperatorska; про него, по іезуитскому камертону, трубили во всѣ трубы, звонили во всѣ колокола и, можетъ быть, одна только Москва, стоя за предѣлами іезуитскаго господства надъ европейскими и азіатскими умами, понимала все ничтожество польскаго короля и всю несостоятельность его королевства.

Разсчитывая на командованіе сотнями тысячъ войска и на подавленіе не только польской, но и московской Руси, Янъ Казимиръ послалъ въ помощь союзнымъ князькамъ 40 хоругвей и 1.200 драгунъ съ 6 пушками, подъ начальствомъ Кондрацкаго, по имени Руснна. Теперь ему оставалось только ждать отъ совершающаго свое дѣло Пана Бога великія и богатыя милости за свои личныя и за панскія

добродѣтели. Но, чтобы тѣмъ скорѣе и блистательнѣе воспользоваться этой милостью, онъ двинулся со всѣмъ войскомъ къ югу, гдѣ намѣревался занять удобную позицію для соединенія всѣхъ союзныхъ войскъ. Изъ этого мудраго на бумагѣ и на словахъ плана вышла, какъ увидимъ, все та же неурядица, на которую московскіе послы указывали панамъ пальцемъ.

Военная рада представила самому королю назначить мѣстность для лагеря, и король избралъ Галичъ. Разославъ универсалы, возвѣщавшіе, что онъ идетъ на козаковъ, король выступилъ 29 августа изъ-подъ Глинянъ. Онъ подвигался медленно, потому что осенняя слякоть портила дороги.

На пути своемъ получилъ онъ изъ-подъ Сочавы благодарность за подкрѣпленіе и вмѣстѣ съ нею увѣреніе въ общей готовности служить ему. Новый волошскій господарь просилъ его направлять свой походъ въ Украину. Король давно уже думалъ о томъ, чтобъ идти въ Украину, и съ этой цѣлью послалъ литовскому гетману повелѣніе— двинуться къ Кіеву въ то самое время, когда коронное войско будетъ приближаться къ этому центру Малороссіи. Но литовскій гетманъ „не послушался" короля, какъ въ свое время не послушался его брата, Владислава, гетманъ коронный. Ослушаніе свое оправдывалъ онъ тѣмъ, что Москва стягиваетъ войска къ литовскимъ границамъ. Итакъ Янъ Казимиръ напрасно дразнилъ своихъ народныхъ пророковъ, отдавъ кальвинисту виленское воеводство. Всѣ обвиняли Радивила въ измѣнѣ: но въ Польшѣ тогда столько людей было измѣнниками, начиная съ короля, что и самого Хмельницкаго съ его сыновьями, находили возможнымъ уравнять въ дигнитарствахъ съ Замойскими, Жовковскими. Конецпольскими. Какъ въ Московскомъ Государствѣ, опозоренномъ такъ называемымъ разстригою, великопанскому дому Мнишковъ было возможно принять въ свое родство Тушинскаго Вора, такъ и въ королевствѣ „доблестныхъ Поляковъ", послѣ избранія на престолъ разстриги по волѣ разбойника, слѣдовало допустить и этого самаго разбойника къ участію во всѣхъ пожалованіяхъ, предоставленныхъ королю-разстригѣ.

Получивъ благодарственное письмо отъ Стефана Гергицы съ просьбой о походѣ въ Украину, и свѣдавъ, что Хмельницкій, со всѣми своими силами, идетъ на освобожденіе Сочавы, Янъ Казимиръ опять перемѣнилъ свой планъ и рѣшился—часть войска послать комонникомъ подъ Сочаву, а съ остальнымъ подвигаться медленно къ Подольскому Каменцу.

Черезъ нѣсколько дней пришли другія вѣсти,—что Хмельницкій остается въ Бѣлой Церкви, и только часть козаковъ и Татаръ „запустилась" подъ Константиновъ. Опять измѣнили планъ похода окружавшіе своего короля паны: король долженъ былъ остаться въ Галичѣ, а войско идти на козаковъ и Татаръ. Между тѣмъ снова повторились предостереженія, напоминавшія Зборовщину,—что непріятель приближается съ великими силами. Король снова перемѣнилъ свое намѣреніе, и двинулся со всѣмъ войскомъ подъ неприступный Каменецъ, гдѣ онъ могъ дождаться безопасно обѣщанныхъ ему подкрѣпленій изъ-подъ Сочавы.

Еще черезъ нѣсколько дней пришли письма отъ Гергицы и Ракочія. Одинъ увѣдомлялъ, что два козацкіе полка идутъ на выручку Сочавы, что самъ Хмельницкій выступилъ въ походъ, но не извѣстно, куда, въ помощь ли сыну, или же противъ королевскаго войска, и что ханъ, послѣ байрама, садится на коня. Другой просилъ заградить путь въ Волощину — Хмельницкому на выручку сына, а Лупулу на выручку сокровищъ. Ракочія пугало движеніе силистрійскаго баши съ Турками и Татарами на сю сторону Дуная: баша могъ освободить и сына Хмельницкаго и сокровища Лупула отъ осаждающихъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ король узналъ, что Хмельницкій приближается, но хана съ нимъ нѣтъ. Коронное войско стояло уже тогда подъ Каменцемъ. Паны, имѣвшіе добра въ Подоліи и Покутьѣ, боялись жолнерскихъ грабежей, поэтому убѣждали короля отозвать Кондрацкаго изъ-подъ Сочавы, наступить на Хмельницкаго, пока не соединился онъ съ ханомъ, и положить конецъ козацкимъ бунтамъ (uciąć głowę rebellii), а потомъ взять Сочаву. Противорѣчилъ имъ въ военной радѣ коронный маршалъ, Любомирскій: онъ совѣтовалъ взять сперва Сочаву, чтобы не оставлять непріятеля у себя въ тылу, чтобы не потерять союзниковъ, чтобы славою, которою стоятъ войны, поразить слухъ непріятеля и ударить на него соединенными силами. Теперь же, (говорилъ онъ), не имѣя ни откуда вѣрныхъ извѣстій о непріятелѣ, не слѣдуетъ рисковать „послѣдними силами" Рѣчи Посполитой. Много сдѣлалъ коронный маршалъ убѣдительныхъ замѣчаній, но всѣ они представляли короля, вмѣстѣ съ его правительствомъ, въ безотрадномъ видѣ, и чѣмъ были справедливѣе, тѣмъ были для большинства непріятнѣе. Король согласился съ мнѣніемъ большинства и рѣшился идти въ Украину.

Войско выступило въ походъ къ Бару и шло все безлюдными мѣстами, точно вернулось назадъ цѣлое столѣтіе, когда колонизація не смѣла двинуться дальше Бара въ невѣдомыя никому наши пустыни,

и когда въ передовомъ редутѣ колонизаціи, Барѣ, помнившемъ еще древнее имя свое, Ровъ, стояли наши „безупречные Геркулесы", жаждавшіе, по словамъ стариннаго геральдика, „только кровавой бесѣды съ невѣрными". Дорога (писали королевскіе спутники) была похожа на „грязное кладбище". Народъ разбѣжался по лѣсамъ. Отъ многолюдныхъ недавно еще городовъ оставались недогорѣвшія развалины, и отъ богатой Подоліи уцѣлѣло только небо да поле. Богуславъ Радивилъ, въ своей автобіографіи, сохранилъ двѣ, особенно поразившія путниковъ черты Бара. Одинъ жолнеръ, заблудившійся въ буковинскихъ лѣсахъ, ползалъ здѣсь передъ ними на колѣняхъ, не находя пищи девятыя сутки. Четырехлѣтняя дѣвочка лежала уже шесть дней на дорогѣ у пàдали, которую грызла собака и въ которую несчастная малютка запускала свои рученки. Дѣвочка казалась здоровою, но, испивъ теплаго супу, тотчасъ умерла.

На второмъ ночлегѣ, когда войско стояло подъ Зеленцами, пришло неожиданное извѣстіе, что ханъ, со всею силою, выступилъ изъ Крыма. Оно подтвердилось новыми вѣстями. Походъ былъ остановленъ. Военная рада, послѣ трехъ совѣщаній, постановила—занять позицію надъ Днѣстромъ, надъ границами Волощины, дождаться паденія Сочавы и протянуть войну до тѣхъ поръ, пока союзные князья не подойдутъ съ помощью. При этомъ имѣлось въ виду, что, въ случаѣ нападенія, безопаснѣе стоять надъ большой рѣкой, а съѣстные припасы легче добывать изъ Волощины, нежели изъ собственнаго голоднаго и безлюднаго края.

Итакъ вернулись на свои слѣды и расположились лагеремъ подъ Жванцемъ. Отсюда на правомъ берегу виденъ былъ въ полумилѣ тотъ Хотинъ, подъ которымъ „хлопы козаки" сдѣлались розовымъ вѣнкомъ на головахъ теперь борющейся съ ними шляхты, а на лѣвомъ, къ сѣверу, въ двухъ миляхъ, „объѣденный" жолнерами Каменецъ.

Зная, что паны рѣшились бороться напропалую, Хмельницкій, въ августѣ 1653 года, разослалъ универсалы, повелѣвавшіе всѣмъ способнымъ носить оружіе идти въ войско, не отговариваясь никакими хозяйственными занятіями, хотя бы то была и уборка хлѣба съ полей. Его агенты подкупали турецкій дворъ. Крымскій ханъ, выигравъ мало своими интригами послѣ бѣгства изъ-подъ Берестечка, готовъ былъ снова предпочесть панамъ козаковъ, нужды нѣтъ, что называлъ ихъ безумными пьяницами. Но всего важнѣе было для Хмельницкаго—вовлечь въ козакопанскую войну Москву. Онъ умолялъ царя о немедленной помощи, „не желая отдать на поруганіе церквей и монастырей Божіихъ, а христіянъ на мучительство". —„Если же ты,

великій государь“ (писалъ Хмельницкій) „насъ не пожалуешь и не примешь къ себѣ, тогда мнѣ остается свидѣтельствоваться Богомъ, что я многократно просилъ у государя милости и не получилъ. Но съ польскимъ королемъ у насъ не будетъ мира ни за что“.

Въ отвѣтъ на эту мольбу, царь Алексѣй Михайловичъ прислалъ въ Чигиринъ подъячаго Ивана Ѳомина съ грамотой и съ подарками какъ самому Хмельницкому, такъ и Выговскому. Участь Польши была рѣшена въ Москвѣ окончательно.

Переѣздъ Ѳомина черезъ Роменъ, Лохвицу, Лубны, Лукомье, Горошинъ и Бужинъ былъ рядомъ овацій въ пользу поступленія козаковъ, какъ онъ выразился, въ вѣчное холопство великому государю. Встрѣчая царскаго подъячаго за городомъ, козаки съ атаманами своими слѣзали съ коней и низко кланялись.

Хмельницкаго не было ни въ Чигиринѣ, ни въ „его городѣ“, Суботовѣ: онъ ѣздилъ гулять по пасѣкамъ, которыя составляли цвѣтъ козацкаго кочеваго хозяйства. Пользуясь отсутствіемъ гетмана, войсковой писарь сообщилъ царскимъ людямъ „тайнымъ обычаемъ“ подлинные листы турецкаго султана, Крымскаго хана и великихъ пановъ для прочтенія. Болѣе важные документы посылалъ онъ черезъ Ѳомина къ самому царю на короткое время.

Когда гетманъ вернулся съ гулянья по пасѣкамъ, царскаго посла, посаженнаго на дорогаго коня, провожали гетманскіе слуги пѣшкомъ отъ его квартиры къ гетманскому дому. Рядомъ съ нимъ ѣхалъ Выговскій; впереди сынъ Ѳомина, также верхомъ на парадномъ конѣ везъ царскую грамоту, а грамотѣ предшествовали царскіе подарки гетману и войсковому писарю, несомые придворными гетманскими людьми.

Хмельницкій встрѣтилъ царскаго посла на дворѣ поклономъ и, поздоровавшись, провелъ черезъ сѣни въ свѣтлицу. Рядомъ съ этой свѣтлицей были другія, въ которыхъ помѣщалась войсковая канцелярія. Царскую грамоту Хмельницкій принялъ, по выраженію Ѳомина, честно и учтиво, цѣловалъ любезно въ печать и въ бумагу и, распечатавъ и прочитавъ, цѣловалъ снова и поклонился въ землю среди свѣтлицы, благодаря Господа Бога и Пречистую Богородицу за неизреченное государево жалованье. Соболи соотвѣтственной цѣны были вручены тутъ же Хмельницкому и Выговскому, но, по просьбѣ Выговскаго, было послано къ нему на дворъ 40 соболей высшаго достоинства.

Можно предполагать, что эта и другія подобныя уловки дѣлались не безъ соглашенія писаря съ гетманомъ, чтобы тѣмъ вѣрнѣе вселить въ Москаляхъ выгодныя для Хмельницкаго понятія о преданности вой-

сковаго писаря къ царю. Царскіе подарки во всякомъ случаѣ не были бездѣлицей для нихъ обоихъ. Добычное богатство уходило такъ же быстро въ ихъ бѣдственныхъ обстоятельствахъ, какъ приходило въ счастливыхъ. Откупаясь отъ хана, подкупая султанскій сераль, снаряжая новыя войска на мѣсто побитыхъ Вишневецкими да Радивилами и, наконецъ, не умѣя беречь того, что́ не пріобрѣталось честнымъ трудомъ, они жили въ кредитъ у щербатой козацкой доли, по пословицѣ: „не на те козàкъ пъе, що е, а на те, що буде". *Про чѐрный день* козацкіе дуки прятали въ землѣ золото и серебро; но роскошничать въ домашнемъ быту имъ было бы и трудно, и опасно, въ виду врожденной у Малоруссовъ зависти бѣдняковъ къ богачамъ. Притомъ же *богатства*, въ истинномъ смыслѣ слова, козацкая Малороссія не имѣла. Ободравши Малороссію панскую, Хмельницкій торговалъ съ Волощиной такими остатками исчезнувшихъ промысловъ, какъ поташъ. Въ качествѣ сельскаго хозяина, онъ удовлетворялся пасѣками, скотомъ, лошадьми, откармливаньемъ свиней въ дубовыхъ лѣсахъ,—словомъ, вернулся на цѣлое столѣтіе къ стариннымъ панскимъ хозяйствамъ. Даже и скотоводство, не говоря уже о земледѣліи, находилось при Хмельницкомъ въ такомъ состояніи, что Татары, приходившіе къ нему на помощь, затруднялись продовольствіемъ, а паны высказывали такое мнѣніе о былой землѣ, текущей молокомъ и медомъ, что она едва въ состояніи прокормить самихъ козаковъ съ ихъ подсосѣдками и подпомощниками. Ѳоминъ, представитель благоустроенной въ хозяйственномъ отношеніи Москвы, не могъ не обратить вниманія на жалкое хозяйничанье козаковъ. Въ своемъ статейномъ спискѣ говоритъ онъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Сỳботовскій атаманъ, Лавринъ Капуста, сказывалъ: „Пришли де нынѣ къ гетману на помочь крымскіе мурзы... больши 300 человѣкъ, а съ ними пришло Татаръ съ 200.000, и стали около Сỳботова за рѣкою Тесьмою, а иные пошли къ Боркамъ, гдѣ собирается его, гетманское войско. И изъ того де татарскаго войска топерва въ Сỳботовъ пріѣзжалъ къ гетманскому двору Сакалъ мурза съ знаменемъ, а съ нимъ 500 человѣкъ, для того, *чтобъ гетманъ съ ними шолъ на Ляховъ войною тотчасъ*, а имъ де около Суботова стоять нечево: живности нѣтъ, ѣсть нечево, а ѣдятъ де они свой кормъ—бьютъ лошеди"".

Не иначе могла существовать Малороссія подъ козацкимъ режимомъ, какъ въ видѣ широкаго кочевья, по которому изрѣдка были разсѣяны такъ называемые города, то есть огороженныя валомъ и частоколомъ села для нѣкоторой безопасности торговыхъ людей, ремесленниковъ и земледѣльцевъ.

Выступая, по требованію Татаръ, въ походъ, на другой день, Хмельницкій слушалъ у церкви Вознесенія Христова молебствіе, а оттуда заѣхалъ къ царскому подъячему, „и слѣзъ съ лошади пьянъ у воротъ" (пишетъ Ѳоминъ). Здѣсь Хмельницкій „говорилъ прежнія рѣчи, съ большимъ прошеньемъ и со слезами", прося помочь ему какъ можно скорѣе ратными людьми. Онъ обѣщалъ принудить къ царскому подданству и самихъ Татаръ. „Время пришло" (прибавилъ онъ) „и его царскаго величества счастье поспѣло, что и иныя земли, которыя къ намъ близко подошли, у него, великаго государя, будутъ въ подданныхъ". Но замѣчательно, что все это онъ говорилъ тайкомъ отъ „козаковъ и своихъ людей", провожавшихъ его въ походъ, тогда какъ Ѳоминъ объявилъ уже публично важное для него рѣшеніе: „Ты, гетманъ Богданъ, и ты, писарь Иванъ, и все Войско Запорожское *на государеву милость будьте надежны*".

Хмельницкому предстояло искать выхода изъ своего опаснаго положенія всюду и разсчитывать въ настоящемъ на будущія связи съ чѣмъ бы то ни было. Призывъ къ войнѣ дѣйствовалъ теперь на ожесточенный народъ совсѣмъ не такъ, какъ бывало прежде. Для замѣны свободнаго движенія принудительнымъ, Козацкій Батько долженъ былъ прибѣгать къ мѣрамъ до того жестокимъ, что нѣкоторые города приказывалъ жечь. Вмѣсто 200 и 300 тысячъ, какъ бывало прежде, онъ съ трудомъ собралъ 50.000 козаковъ, и съ этими 50 тысячами чувствовалъ себя не совсѣмъ безопаснымъ въ виду 200 тысячной Орды. Кругомъ у него были враги и люди, не вѣрившіе ни одному его слову. Не видѣлъ Хмельницкій на сей разъ другаго выхода изъ опаснаго своего положенія, какъ поддаться царю, перекричавши всѣхъ сеймовыхъ православниковъ, жаловавшихся на гоненіе древней русской вѣры. И вотъ въ такомъ-то положеніи, когда онъ долженъ былъ таить „отъ козаковъ и своихъ людей" съ готовностью воевать въ пользу царя съ сосѣдями, когда нечѣмъ было ему кормить въ Украинѣ вспомогательнаго войска, и когда козацкое войско не представляло ему безопасности отъ посягательства Крымскаго Добрόдія на его особу,— пришло къ нему извѣстіе, что его Тимошъ, Тимошко, Тимкò, его spes magna futuri, не существуетъ, а посланное съ нимъ войско уцѣлѣло едва настолько, чтобы конвоировать гробъ сына къ отцу. Чѣмъ и какъ чортъ не шутитъ?

Еще не зная о такомъ концѣ Лупуловой трагедіи, паны, съ своей стороны, сознавали отчаянное положеніе дѣла своего въ борьбѣ съ козаками. Приближавшаяся зима ужасала ихъ. „Съ такимъ правительствомъ, какъ наше", (писали сенаторы королю) „ваша королевская ми-

лость сдѣлаете голодною всю Польшу". А войско свое называли паны обдиралами, которые пропили и пролюбезничали (przemiłowali) во Львовѣ то, что̀ надрали по Коронѣ и по Литвѣ. По ихъ отзыву, жолнеры были храбры только въ пьяномъ видѣ, но теперь имъ не за что̀ было и напиться. Хотя козаки, по слухамъ, прижали наконецъ Хмеля къ стѣнѣ и не хотѣли больше ему повиноваться, но тѣмъ не менѣе приводили своихъ соперниковъ къ убѣжденію, что у нихъ у всѣхъ одно желаніе и намѣреніе (jedno serce i intencya): биться до тѣхъ поръ, пока—или погибнутъ, или перебьютъ Ляховъ. Одинъ изъ захваченныхъ въ плѣнъ сотниковъ козацкихъ, высказывая все это, смѣялся надъ легковѣріемъ короля и Ляховъ, которые вѣрятъ Хмельницкому, когда онъ проситъ о помилованіи (że tak creduli, iż wierzą, gdy z pokorą Cmielnicki przysyła). Въ своемъ безконечномъ горѣ ловили они молву, которая въ одно и то же время гласила, что „этотъ бѣшеный песъ" разбитъ подъ Жванцемъ на голову, и что онъ опять „выпилъ огромную чашу крови съ языческимъ своимъ полчищемъ". Во всякомъ случаѣ, вѣрно было то, что *чернь* не хотѣла соединить свою судьбу съ его судьбою, и что 50.000 *козаковъ* составляли послѣднія силы его.

Конецъ августа и весь сентябрь 1653 года протекли для Хмельницкаго въ борьбѣ съ козаками и Татарами. Тѣ и другіе готовы были погубить его, какъ измѣнника ихъ, отдающагося тайно въ московское подданство. Представители произвола, буйства и кочеваго быта въ Украинѣ понимали, что Москва должна будетъ подчинить ихъ безпорядочную жизнь своимъ строгимъ, недалекимъ отъ жестокости порядкамъ. Поэтому московское подданство было равно ненавистнымъ и такой окозачившейся шляхтѣ, какъ Хмельницкій да Выговскій, и такимъ стариннымъ козакамъ, которые были воспитаны въ духѣ личной, шляхетской свободы. Ненавистнѣе чѣмъ кому-либо было оно самому Хмельницкому и его наперснику, который, по наблюденію Маховскаго, владѣлъ сердцемъ и умомъ Хмельницкаго и распоряжался имъ, какъ отецъ сыномъ. Но Козацкій Батько потерялъ бы послѣднюю популярность въ Малороссіи, еслибъ осмѣлился высказать свое отвращеніе къ Московскому Государству передъ питомцами нашихъ монаховъ и поповъ. Господь Богъ, Пречистая Богородица, святые Божіи церкви и монастыри, православная христіанская вѣра: эти слова не сходили теперь у него съ языка вмѣстѣ съ его поговоркою: „свидѣтельствуюся Богомъ", и служили ему какъ бы заклинаніями противъ нечистой силы, готовой растерзать его въ виду опозоренныхъ имъ святилищъ. Онъ пятился передъ мусульманами къ богобоязливой Москвѣ; онъ ужасал-

Москвы въ сознаніи запутанности своихъ клятвъ, союзовъ, догово-въ и, можетъ быть, однѣ секретныя бесѣды съ ея будущимъ пре-телемъ, Выговскимъ, облегчали его душу перспективою новыхъ ко-рныхъ комбинацій.

Между тѣмъ вѣсть о гибели Тимка̀ Хмельниченка была бальза-мъ для тѣхъ ранъ, которыя нанесъ панскимъ домамъ кровожадный, къ и онъ самъ, его отецъ. Теперь для пановъ открывалось больше ежняго надежды совладать съ домашнимъ разбоемъ. Но разстроен-й организмъ Шляхетскаго Народа былъ не способенъ къ правиль-й дѣятельности. Время проходило въ совѣщаніяхъ, въ отсрочкахъ, ожиданіяхъ новыхъ полковъ. При несогласіи между собой и при щемъ недовольствѣ королемъ, вѣчно мѣняющимъ планы, паны не ли въ состояніи даже охранить позади себя линію отъ Острога до вова. По этой линіи Татары въ послѣдствіи распустили свои заго-, довершая прежнія опустошенія и уничтожая повторенныя въ со-й разъ попытки хозяйственной колонизаціи. Дошло наконецъ до ычнаго явленія панскихъ походовъ: жолнеры стали кричать, что срокъ ъ трехмѣсячнаго найма кончился, и требовали роспуска. Шляхет-ое воинство разбѣгалось и, стыдясь появляться въ своихъ мѣстахъ, ражнялось въ козакотатарскомъ промыслѣ. Разбойный элементъ при-легированныхъ сословій проявился во всемъ безобразіи своемъ. Слу-лось, что шляхтичи попадались на грабежѣ въ руки мѣщанамъ. Но щане шляхтича судить не могли, а гродскій и земскій суды были ганизованы такъ слабо, что оправдывали злодѣевъ именно съ той ороны, съ которой преступленія ихъ надобно было бы карать еще роже: во уваженіе къ ихъ благородному происхожденію, разбойни-вшіе и грабившіе шляхтичи, какъ это было и въ Наливайщину, лучали свободу.

Панскаго войска въ лагерѣ подъ Жванцемъ было 60.000. Лагерь лъ защищенъ полукругомъ Днѣстра съ юга, востока и запада. Съ вера обороняли его сильныя укрѣпленія Каменца, въ которомъ пре-валъ съ сенаторами король. Подъѣзды нигдѣ не открывали непрі-еля, а между тѣмъ наступала дождливая осень. Бараки, слѣпленные ъ глины и соломы, безъ оконъ, были покрыты дерномъ. Изорванныя латки, задѣланныя хворостомъ и высыпанныя внутри на локоть млею, были снабжены сдѣланными въ ней сидѣньями для жолнеровъ, огрѣвавшихся у костра. Все это подмывалъ дождь, въ дырья лилась да. Огонь разводили изрѣдка, потому что кругомъ было трудно до-вать дрова. Измокшій и озябшій жолнеръ грѣлся прислонясь къ ло-ади, и готовъ былъ примириться съ самимъ дьяволомъ, лишь бы до-

браться до сухаго мѣста. Такъ описываютъ сами себя Поляки. По ихъ разсказамъ, нѣмецкіе *дберииты*, получивъ деньги, морили свой народъ, чтобы плата осталась у нихъ въ карманѣ. А Подолія и Украина теперь не только не представляли поживы, но были приведены въ такое состояніе, что на эти области „было отвратительно и смотрѣть (smród i pojrzeć w Ukrainę)“.

Черниговскій хорунжій, Гулевичъ, (можетъ быть, родственникъ Анны Гулевичевны), въ письмѣ къ пріятелю, дополняетъ эту картину еще такими чертами:

„Рѣшительно не съ кѣмъ продолжать войну. Иностранный жолнеръ хоть бы и хотѣлъ что́ дѣлать своимъ искусствомъ (strojem), и тотъ не можетъ, потому что голоденъ и давно былъ въ избѣ. Бродитъ съ первыхъ чиселъ мая, точно скотина, по полямъ; а наши Поляки-грабители (szarpacze), что̀ въ Коронѣ содрали, то во Львовѣ пропили, промотали, накупили атласныхъ жупановъ, и уже попротирали ихъ на спинѣ панцырями; а эта модная длина, точно исподницы, все это у нихъ загрязнилось въ нынѣшнія ненастья; теперь, подрѣзавъ жупаны, ходятъ кургузыми оборвышами. Они готовы скорѣе пропить, чѣмъ сберегать на овесъ коню, да пить не на что̀“.

Несчастные *шарпачи* щеголи умирали подъ Жванцемъ сотнями отъ холода и голода, хоть и не морили ихъ оберпіты, какъ Нѣмцевъ. Были въ панскомъ войскѣ люди, которые нашли бы возможность поднять на ноги жолнера, одушевить его и занять войною; но король, окруженный такими же неспособными людьми, какимъ былъ самъ, парализировалъ всякую дѣятельность.

Скучное, подавляющее ненастье прерывали изрѣдка ясные дни, а безжизненное уныніе войска—какія-нибудь вѣсти, привозимыя подъѣздами, или королевскіе планы, безпрестанно мѣнявшіеся. Наконецъ унылое войско стали оживлять радостныя вѣсти изъ-подъ Сочавы, а потомъ и союзныя силы, приходившія противъ козаковъ и Татаръ, въ небольшомъ, однакожъ, числѣ. Короля занимала снова мысль о Турецкой войнѣ, унаслѣдованная отъ несчастнаго Владислава. Ракочій поддерживалъ его завоевательныя фантазіи. Вслѣдствіе соглашенія съ Ракочимъ, послалъ онъ одного посла въ Стамбулъ, а другаго въ Москву; но среди своихъ предначертаній былъ встревоженъ извѣстіемъ, что Орда двинулась изъ-подъ Шаргорода на соединеніе подъ Баромъ съ козаками. Панскій лагерь пришелъ въ движеніе. По слухамъ, ханъ шелъ вдоль рѣки Бога изъ Латычева, а оттуда спустился къ Бару и взялъ въ сторону къ истокамъ Смотрича

Не думали паны, чтобъ онъ осмѣлился къ нимъ приблизиться. Полагали, что Татары постоятъ нѣсколько времени на кочевьяхъ и возвратятся въ Крымъ. Но извѣстіе о появленіи Орды заставило рваться домой лановую милицію, которую нѣкоторыя воеводства прислали въ замѣнъ посполитаго рушенія.

На эту, какъ ее называли, „ни къ чему негодную сволочь", все панское войско смотрѣло съ презрѣніемъ. Ей заплатили за четверть года по 100, по 150 и даже по 200 злотыхъ на коня; но одна часть этого „мóтлоха", получивъ плату и за другую четверть впередъ, то-есть за августъ, сентябрь и октябрь, шла въ лагерь такъ медленно, что, пока пришла, четверть истекла уже, и, не видавъ лагеря, она возвратилась домой. Другіе, прибывши подъ конецъ четверти въ лагерь, и услыхавъ теперь о приближеніи Орды, начали дезертировать сперва по одиночкѣ, а потомъ толпами, и панскіе пóдъѣзды грабили ихъ при встрѣчѣ. Когда было получено донесеніе, что непріятель миновалъ Гусятинъ и находится только въ шести миляхъ отъ лагеря, сендомирцы и другіе милиціонеры двинулись черезъ лагерный майданъ таборомъ. Ихъ тотчасъ окружила обозная *галдстра* и начала грабить ихъ возы. Завязалась такая битва, что самъ гетманъ бросился унимать. Нѣсколько человѣкъ было убито, множество подстрѣлено, а десятка полтора очутилось на висѣлицѣ. Среди шума и смятенія, остальныхъ „упросили", и 8.000 лановыхъ жолнеровъ осталось въ лагерѣ.

Венгерское войско, пришедшее изъ-подъ Сочавы налегкѣ, также рвалось домой. Одѣтое по-лѣтнему, оно сильнѣе другихъ страдало отъ морозовъ. Король склонилъ его остаться просьбами и обѣщаніемъ по 2 талера еженедѣльно на голову.

Между тѣмъ ханъ, расположась подъ Гусятиномъ, заперъ короля со всѣхъ сторонъ и пресѣкъ подвозъ аммуниціи и съѣстныхъ припасовъ. Король хотѣлъ было двинуться на Орду комонникомъ, оставивъ пѣхоту въ таборѣ; но ему не совѣтовали раздѣлять войска. Совѣтъ выслушалъ онъ съ крайней досадой, и, однакожъ, послѣдовалъ ему. Отданъ былъ приказъ исправить валы и готовиться къ отраженію непріятеля.

Но продолжать войну, какъ писалъ Гулевичъ отъ 26 октября, *было не съ кѣмъ*; а отъ 29-го сообщали въ Варшаву, что настоящаго (pewnego) войска нѣтъ у короля больше 14.000, „да и тѣ" (продолжалъ вѣстовщикъ съ отчаяньемъ), „вырывъ Нѣмцамъ могилу, сами себя засыплютъ".

Ночью 29 октября привелъ пóдъѣздъ мужика, котораго Орда

поймала въ полѣ, вложила ему въ сапогъ письмо, примчала въ 30 коней къ польской сторожѣ и ускакала обратно.

Письмо было отъ ханскаго визиря къ коронному канцлеру, и написано, противъ обычая, по-польски. Визирь освѣдомлялся о своемъ слугѣ, Фетакѣ, не попалъ ли онъ въ руки жолнеровъ и, подъ этимъ предлогомъ, будто бы безъ вѣдома хана, совѣтовалъ, чтобы король— или переговорилъ съ ханомъ, или „далъ ему поле", вмѣсто того, чтобы сторожить чужія границы, рыться въ землѣ по закоулкамъ, ждать и смотрѣть, какъ его собственное государство будетъ грабить Орда. Онъ припомнилъ Зборовскіе и Бѣлоцерковскіе пакеты, и прибавилъ, что если козаки провинились, то король былъ обязанъ донести хану, а главное—уплачивать правильно гарачъ.

Письмо визиря было получено въ 2 часа ночи, и, однакожъ, немедленно созвали военную раду. Визирю отвѣчали, что ханъ не долженъ мѣшаться между государя и подданныхъ, если, вмѣсто подарковъ, не хочетъ получить чего-нибудь такого, какъ подъ Берестечкомъ; но хана готовы встрѣтить и боемъ, и переговорами, если онъ смѣетъ и желаетъ.

Слуга визиря, Фетакъ, находился въ плѣну у короннаго маршала, Любомирскаго; и Любомирскій писалъ къ визирю, якобы частнымъ образомъ, что готовъ возвратить плѣнника.

Въ отвѣтъ на это письмо, ханъ писалъ къ Любомирскому, называя его милымъ другомъ своимъ, выражалъ готовность къ миру, обѣщалъ прислать къ нему пословъ и подарокъ, яко человѣку, при королевскомъ дворѣ всемогущему.

Послѣ того назначили совѣщаніе между визиремъ съ одной стороны и канцлеромъ съ другой, въ полѣ подъ Каменцемъ, съ тѣмъ чтобъ одна и другая сторона имѣли при себѣ не больше, какъ по 2.000 войска. Въ залогъ прислалъ ханъ королю Османъ-агу. Король отправилъ къ хану въ залогъ гетманскаго намѣстника, Войниловича, подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ десятковъ комонника. Но едва этотъ почтъ отъѣхалъ отъ короля, на него напала татарская чата, однихъ изрубила, другихъ забрала въ неволю. Самъ Войниловичъ насилу пробился съ нѣсколькими жолнерами и вернулся въ лагерь. Послѣ новыхъ варварскихъ покушеній со стороны Татаръ, съѣхались таки наконецъ уполномоченные съ обѣихъ сторонъ подъ Каменцемъ.

Поляки требовали, чтобы ханъ отступился отъ козаковъ, вернулся домой со всѣми ордами и довольствовался годовою пенсіей отъ короля. Татары требовали, чтобы Рѣчь Посполитая уплатила недоимку гарача, не препятствовала Ордѣ брать на возвратномъ пути ясырь,

чтобы король далъ въ залогъ сенаторовъ и сверхъ того нѣсколько милліоновъ окупа. Съ обѣихъ сторонъ говорили запальчиво, и между полякотатарскими коммиссарами поднялась угрожающая ссора. Но договоръ надобно было довести до конца, во что бы то ни стало, потому что король-главнокомандующій допустилъ Татаръ окружить польскій лагерь и такъ стѣснить поле, что трудно было предпринять военныя дѣйствія.

Коммиссары разъѣхались, ничего не рѣшивъ, и Орда, при этомъ удобномъ случаѣ, перехватала собольи шапки съ панскихъ головъ.

На другой день возобновился съѣздъ овецъ съ волками. Татары со всѣхъ сторонъ придвинулись къ лагерю и окружили уполномоченныхъ съ ихъ 2.000-нымъ почтомъ. Поляки боялись и за лагерь, и за коммиссаровъ. Пришлось вывести войско въ поле. Тогда ханъ отступилъ и велѣлъ своимъ уполномоченнымъ окончить переговоры посворѣе, если король согласится на Зборовскій договоръ. Король, съ своей стороны, приказалъ оканчивать, и такимъ образомъ былъ заключенъ миръ, но только на словахъ, потому что ханъ отъ письменнаго договора отказался. Обѣ стороны, положивъ руки на груди и на бородѣ, обѣщали взаимно сохранять этотъ миръ.

Возобновленіе Зборовскаго договора было главнымъ условіемъ Жванецкаго мира. Въ этомъ соглашаются всѣ современники. По словамъ литовскаго канцлера, князя Радивила, подъ Жванцемъ „заключили унизительный миръ, возобновили Зборовскіе пакты, обѣщали обычные подарки и трехлѣтнюю недоимку". Возобновить Зборовскій договоръ значило согласиться на ежегодный въ гарачъ 30.000 талеровъ и предоставить Ордѣ право „воевать на возвратномъ пути польскія владѣнія вправо и влѣво мечемъ и огнемъ". Понятно, почему Радивилъ назвалъ Жванецкій миръ унизительнымъ. Одни изъ находившихся подъ Жванцемъ пановъ опровергаютъ фактъ новаго предательства, другіе подтверждаютъ. Не подлежитъ никакому опроверженію то, что Татары, по заключеніи мира, распустили загоны по самый Богъ и увели въ Крымъ огромный ясыръ, безъ всякаго препятствія со стороны Поляковъ и безъ всякой позднѣйшей рекриминаціи. Современный намъ польскій историкъ говоритъ, что „Жванецкій договоръ, не написанный чернилами, былъ написанъ кровью и слезами человѣческими на Волыни, въ Полѣсьѣ, въ Украинѣ".

И вотъ какъ окончилась шестидесятилѣтняя борьба пановъ съ козаками. Татары примирили Шляхетскій Народъ съ козацкимъ, забравши въ неволю милліоны того и другаго въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ этой постыдной для обѣихъ сторонъ борьбы.

Уже съ половины ноября, когда Орда выступила изъ-подъ Шаргорода, ханъ распустилъ загоны во всѣ стороны. Цѣлыя области лишились населенія, тѣмъ болѣе, что шляхта и мужики, воображая, что находятся подъ защитой королевскаго войска, вовсе не заботились объ осторожности. Имѣя столько тысячъ Орды въ загонахъ, Исламъ-Гирей не думалъ о войнѣ съ Яномъ Казимиромъ. Обремененный ясыромъ, онъ желалъ мира, и началъ самъ переговоры, которые удались ему какъ нельзя лучше. Теперь, по заключеніи мира, распустилъ онъ чамбулами по Волыни и Полѣсью, до самаго Люблина и Замостья загоны, которые заполонили безчисленное множество сельскихъ хозяевъ съ ихъ рабочими. Въ Литвѣ Татары взяли 12.000 шляхты, подошли на полмили къ Пинску и выжгли всѣ окрестности, въ которыхъ 120 лѣтъ не стояла и нога татарская. Ударилъ на нихъ Янъ Сопіга подъ Острогомъ, чтобъ отбить ясыръ, но его не поддержалъ никто, онъ былъ разбитъ, и съ двумя братьями попалъ въ неволю. Потомъ Татары напали на Старый Константиновъ. Тамъ остановился для отдыха визирь съ двумя сыновьями и цѣлый высланный предварительно чамбулъ съ великою добычею.

„Таковы были выгоды нелѣпаго и легкомысленнаго похода" (говоритъ польскій историкъ): „руина всей Руси отъ Бога до Днѣстра руина войска, котораго не меньше 20.000 пало отъ голода и болѣзней подъ Глинянами и подъ Жванцемъ, руина чести Рѣчи Посполитой, ко , располагая такою массою войска, заключила такой постыдный миръ".

Шляхетные республиканцы, воспитавшіе безпримѣрную въ лѣтописяхъ Славянщины тайну разбойниковъ, были достойны своей унизительной участи, достойны посмѣянія со стороны собственной интеллигенціи въ концѣ XIX вѣка, подводящаго строгіе итоги къ прошлому. Конституціонное государство, дошедшее до торговли человѣческою кровью и слезами, лишалось права не только на уваженіе, но и на пощаду со стороны сосѣдей. Какъ ни судить о московской политикѣ, поддержавшей козацкіе возгласы о Божіихъ церквахъ да православной христіянской вѣрѣ,— Польша оправдывала ее, какъ Московскимъ Разореніемъ, такъ и своей неурядицей. Хозяйничая столь безпутно между двухъ живоносныхъ морей подъ знаменемъ общественной свободы, либеральная нація давала законное и даже священное право государству деспотическому взять ея несчастныхъ подданныхъ подъ свою хранительную власть. „Для православные христіянскіе вѣры и святыхъ Божіихъ церквей": эти начальныя слова московскихъ требованій, представляющіяся на поверхностный взглядъ лукавыми,

получаютъ, въ итогѣ столѣтій, смыслъ истинно-религіозный, достойный великаго государства. Польскорусская республика должна была быть расторгнута ради пощады обѣихъ борющихся сторонъ, обѣихъ борющихся церквей и народностей. Члены и жертвы Берестовскаго синода положили начало ея расторженію; герои и разбойники польскорусскихъ усобицъ сдѣлали его неизбѣжнымъ; царскіе думные люди довершили его и довершили такъ, что дѣло руинное обратили въ дѣло строительное, то есть такое, которое обезпечиваетъ наибольшее число жизней отъ элементовъ чужеядныхъ и истребительныхъ.

Во время Жванецкой кампаніи, которая и съ панской, и съ козацкой стороны была борьбой взаимнаго истощенія, обоюдной выносливости, князь Янушъ Радивилъ пытался склонить Хмельницкаго къ уступкамъ перспективою нашествія литовскихъ силъ на козацкія займища. Но Хмельницкій, какъ истинный верховодъ козатчины, отвѣчалъ: „Нападъ Литвы намъ не страшенъ: у насъ ничего нѣтъ (старинное „*козака не по чемъ сыскивать*"). Повертятся по Украинѣ, да и пойдутъ домой. Козацкіе курени трудно разорить. А хоть бы насъ побили и обратили Украину въ безлюдье, Татаръ этимъ не удержатъ Татарамъ тогда останется больше поля на кочевья, и глубже врѣжутся они въ Польшу".

Пригласивъ хана для совмѣстной войны съ панами, и не имѣя, чѣмъ кормить Орду, Козацкій Батько ограничился предоставленіемъ освобождаемаго имъ Русскаго народа въ жертву ясырникамъ; но видѣлъ, что теперь ему не сдобровать въ татарскихъ кочевьяхъ, и умолялъ хана—не оставлять несчастныхъ козаковъ безо всякой помощи въ борьбѣ съ Ляхами. Но ханъ побилъ его собственнымъ его оружіемъ. „Я сдѣлалъ для тебя все, что могъ" (сказалъ онъ Хмелю), „но не могъ кормить голодныхъ Татаръ обѣщаніями и словами".

Пустынность и убожество Малороссіи сдѣлались для Крымскихъ чужеядниковъ невыгодными условіями союза съ такими же чужеядниками туземными. Они предпочли имѣть своими союзниками пановъ, наполнявшихъ край и людьми и продуктами человѣческаго труда.

Наконецъ, татарская дружба, которою такъ хвастался Хмельницкій передъ панами въ 1649 году, высказалась еще характеристичнѣе: ханъ тайно договаривался съ панами дѣйствовать совмѣстно и противъ Москвы, и противъ козаковъ. Онъ повелѣлъ Хмельницкому немедленно вернуться въ Украину, а уѣзжая послалъ надежнаго человѣка къ королю со совѣтомъ, чтобъ онъ начиналъ войну съ Москвой и приказалъ бы идти съ собой козакамъ.

Хмельницкій имѣлъ подкупленныхъ людей всюду. Зловѣщій совѣтъ хана былъ переданъ ему: то, что умышляли козаки съ Татарами противъ Ляховъ, задумавши совмѣстный набѣгъ на Московщину, грозило исполниться надъ ними самими... Онъ поспѣшилъ удалиться въ Чигиринщину, скрывая свой страхъ, свой стыдъ, свою злобу.

Мы презираемъ нашихъ Наливайцевъ, которые грабили Могилевъ и другіе православные города безпощаднѣе, нежели сдѣлалъ бы это непріятель иноплеменный, а потомъ пытались уйти изъ Солоницкихъ окоповъ, бросивши въ жертву панамъ подбитую къ бунту козацкую массу. Больше, чѣмъ Наливайцевъ и другихъ возродившихся отъ этого скопища разбойниковъ, мы презираемъ Хмельничанъ, которые развратили всѣ прикосновенныя къ нимъ сословія, погубили безчисленное множество православныхъ по сю и по ту сторону Днѣстра, проложили Туркамъ дорогу къ обладанію Подоліей и посѣяли въ будущемъ тѣ смуты, которымъ конецъ положили только Петръ Великій и Екатерина Великая, однимъ уничтоженіемъ двухъ союзныхъ ордъ, останавливавшихъ такъ долго гражданственное преуспѣяніе Сѣверной Славянщины. Мы обязаны высказывать искреннія убѣжденія по этому предмету безъ обиняковъ. Пускай панегиристы разбоевъ и всевозможныхъ злодѣяній не превозносятъ безпрекословно стихами и прозою такъ называемыхъ ими украинскихъ національныхъ героевъ на соблазнъ людей малограмотныхъ и на позоръ нашей прессы!

Плодъ многолѣтней работы аѳонскихъ, печерскихъ и другихъ иноковъ, а равно городскихъ и сельскихъ священниковъ, созрѣлъ. Взошли на малорусской почвѣ и московскіе посѣвы: царская милостыня на церковное строеніе обѣщала богатый урожай. Измученный нравственно и разоренный вещественно народъ вопіялъ къ царю о спасеніи. Что касается собственно козаковъ, то теперь болѣе, нежели когда-либо, справедливы давнишнія слова ихъ,—что имъ, кромѣ великаго государя, дѣться негдѣ. Не прими ихъ къ себѣ Москва, собственная чернь выдала бы ихъ панамъ, какъ общихъ враговъ сельскохозяйственнаго и промышленнаго класса, общихъ разорителей и предателей. Это, конечно, обошлось бы ей не дешево. Козаки были столь же сильны въ Малороссіи страхомъ своего мщенія надъ лучшими людьми, сколько и умѣньемъ вовлекать въ бунты худшихъ. Потому-то всѣ мирные жители и большинство самихъ козаковъ съ крайнимъ нетерпѣніемъ ждали отъ московскаго царя исполненія давнишней просьбы кіевскаго духовенства.

Съ своей стороны, Москва достаточно выдержала уже характеръ Государства справедливаго. Она дала Польшѣ всѣ шансы на поправку

ея разстроенныхъ дѣлъ, на умиротвореніе междоусобной брани, на преобразованіе жизни, которой механизмъ удовлетворялъ весьма немногихъ, и лежалъ тяжкимъ бременемъ на большинствѣ людей всѣхъ сословій и классовъ безъ исключенія. Она оставалась вѣрна своему слову, которымъ отвѣтила шведскому послу въ 1626 году: „Только бъ великій государь нашъ похотѣлъ нынѣ польскому королю и сыну его отомстити прежнюю ихъ недружбу, и имъ нынѣ мочно отомстить. Но великій государь войны на нихъ не посылаетъ, ожидаючи отъ нихъ исправленья".

Расторженіе польскорусской республики совершилось вслѣдствіе собственныхъ ея беззаконій. Москвѣ оставалось только дать свою санкцію. Этотъ великій актъ правительство Тишайшаго Государя исполнило съ религіозною торжественностію.

Созвана была въ царственномъ городѣ Москвѣ Земская Дума, или Соборъ, состоявшій изъ представителей всей Россіи. Народъ, испытавшій столь великія неправды, бѣдствія и поруганія отъ Польши, призванъ былъ своимъ царемъ къ рѣшенію вопроса: слѣдуетъ ли еще щадить это злочестивое государство, натравливавшее на него не однихъ латинцевъ и люторовъ, но и людей православныхъ, людей одного корня съ нимъ? Въ такомъ чрезвычайномъ дѣлѣ московскій самодержецъ желалъ быть лишь вершителемъ воли своего вѣрнаго народа. Смиренный христіанинъ, не полагался онъ на собственное желаніе, ни на разумъ думныхъ бояръ и дьяковъ своихъ. Представителямъ всѣхъ концовъ Русской Земли надлежало высказать свое мнѣніе, какъ Россіи поступить съ Польшею.

Истинно благочестивый въ жизни своей и возвышенно честный въ начинаніяхъ своихъ, царь Алексѣй Михайловичъ (1 октября 1653 года) помолился сперва у обѣдни и совершилъ торжественный всенародный ходъ въ Грановитую Палату. Ему предшествовали святые образа, съ которыми соединялись воспоминанія народныхъ бѣдствій и избавленія отъ нихъ. Надъ нимъ развивались, блистая, многочисленныя хоругви, а „сорокъ сороковъ" московскихъ колоколенъ наполняли воздухъ музыкой, въ которой народному собранію слышался хоръ ликующихъ ангеловъ.

Въ Грановитой Палатѣ, сидя на тронѣ Собирателей Русской Земли, среди множества избранныхъ людей царства своего, государь слушалъ письменный докладъ думнаго дьяка, во-первыхъ, о томъ, что польскій король и его паны, въ своихъ грамотахъ и письмахъ, умаляютъ государское достоинство царя, переиначивая царскій титулъ его; во-вторыхъ о томъ, что въ польскихъ книгахъ были напечатаны

злыя безчестья, укоризны и хулы, которыхъ не только великимъ христіянскимъ государямъ, помазанникамъ Божіимъ, но и простому человѣку слышати и терпѣти невозможно; втретьихъ, о томъ, что, не давая государю удовлетворенія на его требованія, Поляки дѣлали разныя притѣсненія порубежнымъ жителямъ Московскаго Государства, и, наконецъ, о томъ, что гетманъ Богданъ Хмельницкій со всѣмъ Запорожскимъ Войскомъ доносилъ царю о гоненіяхъ Рѣчи Посполитой на православную вѣру греческаго закона и на святыя Божія восточныя церкви.

Здѣсь думный дьякъ, будучи органомъ русскаго возмездія за польскія выдумки Смутнаго Времени, то-есть отдавая мѣрою за мѣру и вѣсомъ за вѣсъ, представилъ дѣло въ томъ видѣ, въ какомъ изобразили его въ своемъ донесеніи просители, именно,— что будто бы паны рады и вся Рѣчь Посполитая отвращали запорожскихъ козаковъ отъ истинной вѣры, неволили къ своей религіи, запечатывали Божіи церкви, обращали въ унію и причиняли православнымъ такія поруганія и оскорбленія, какихъ не дѣлаютъ надъ еретиками и Жидами. Вслѣдствіе того будто бы козаки ополчились на Поляковъ, принудили ихъ согласиться на уничтоженіе уніи, но Ляхи на правдѣ не устояли, и потому Богданъ Хмельницкій со всѣмъ Запорожскимъ Войскомъ просилъ царя принять его подъ свою высокую руку.

Затѣмъ въ докладѣ думнаго дьяка было изложено, что государь, ради вѣры и церкви, предлагалъ свою готовность простить оскорбленіе царской чести своей, если только Рѣчь Посполитая возобновитъ Зборовскій договоръ съ козаками, перестанетъ гнать православную вѣру и уничтожитъ унію; что король и паны рады отказали въ этомъ, и начали снова воевать съ козаками; что Турецкій султанъ зоветъ козаковъ къ себѣ въ подданство, но что козаки предпочитаютъ быть подъ высокой рукою Московскаго самодержца.

Отъ Земской Думы требовалось обсужденіе и рѣшеніе вопроса: принимать ли государю козаковъ подъ свою высокую руку? Это была одна формальность. Органъ царскаго правительства, бояре, выражая свое руководящее, лучше сказать обязательное для прочихъ сословій мнѣніе, не взяли на себя даже труда взойти къ началу вопроса о русскомъ возсоединеніи, который былъ поставленъ весьма выразительно Іоанномъ III. Къ вопросу историческому отнеслись они канцелярски, на основаніи козацкаго донесенія о гоненіи православія въ Польшѣ и, безъ дальнѣйшихъ справокъ, приписали это гоненіе неповинному въ немъ, хоть и готовому къ нему, Яну Казиміру, брату оплаканнаго козаками короля и ихъ избраннику. По голословному

козацкому обвиненію, Янъ Казимиръ, вмѣсто того, чтобы, на основаніи своей присяги, оберегать и защищать всѣ вѣроисповѣданія, отличныя отъ католическаго, возсталъ на православныхъ христіянъ греческаго закона, разорилъ многія Божіи церкви, а нѣкоторыя обратилъ въ унитскія. Отсюда, сообразно понятіямъ своей публики, бояре вывели заключеніе, что гетманъ Хмельницкій и все Запорожское Войско сдѣлались людьми вольными; „а потому“ (говорили бояре), „чтобъ не допустить ихъ въ подданство Турецкому султану, или Крымскому хану, слѣдуетъ гетмана, со всѣмъ войскомъ и со всѣми городами и землями, принять подъ высокую государеву руку“.

Во времена оны, вопросомъ о присоединеніи Малой Россіи къ Россіи Великой руководила у насъ церковная іерархія, и вела за собой къ русскому единству всѣхъ поборниковъ православія, во главѣ которыхъ естественно стояли создатели, благодѣтели и хранители Божіихъ церквей, то-есть дворянство, мѣщанство и духовенство. Обработанная Петромъ Могилою въ духѣ единенія съ Польшею, церковная іерархія въ козацкой просьбѣ теперь не участвовала, и даже, какъ увидимъ, уклонялась, подъ разными предлогами, отъ присяги на подданство *царю всея Русіи*.

Какъ обсуждался этотъ вопросъ предварительно въ боярской думѣ, намъ неизвѣстно. Русскому народу было показано рѣшеніе вопроса только со стороны вѣры, въ виду предстоявшей войны съ Польскимъ королемъ. Всѣ выборные Русской Земли, земли царской, нашли рѣшеніе справедливымъ, и приговорили, вмѣстѣ съ боярами, что государь долженъ объявить Польшѣ войну. Дѣло въ томъ, что выборные, вернувшись въ свои мѣста, распубликовали великое предпріятіе, и сдѣлали его предпріятіемъ всенароднымъ.

Война съ Польшею подъ знаменемъ церкви и вѣры, война, вытекавшая изъ событій, памятныхъ русскому сердцу, хотя и не обнятыхъ еще русскимъ умомъ, пришлась по душѣ всѣмъ сословіямъ и состояніямъ. Царская Земля, каковы бы ни были органы ея чувства и мышленія, сознавала важность момента. Томительное чувство недавняго еще безсилія, къ которому привелъ ее іезуитскій подкопъ подъ русское престолонаслѣдіе, разразилось теперь общею готовностью жертвовать достояніемъ и жизнью за всенародное дѣло. Въ этой готовности вовсе не было того добровольнаго холопства, которымъ русскіе враги объясняютъ полное согласіе народа съ его верховною властью. Сравнительно съ польскими сеймами, московская Земская Дума представляла сцену скромную, тихую, антилиберальную; но невозможное для Польши единодушіе дѣлало эту сцену величественною

и по движенію сердецъ, и по предчувствію грядущаго величія Россіи. Тамъ въ кажущейся свободѣ выражалось польское безсиліе; здѣсь въ кажущейся неволѣ пребывала русская сила. Тамъ обнаруживалась дряхлость шляхетскаго равенства; здѣсь чувствовалась юность общаго соподчиненія. Тамъ теченіе политической жизни видимо приходило къ своему концу; здѣсь оно только начиналось, и широкимъ началомъ пророчило развитіе безпредѣльное. Но самую разительную противоположность между той и другой сценами составляли религіозные знаменатели обѣихъ. Въ польскомъ правительствующемъ собраніи высшіе представители церкви ораторствовали въ качествѣ государственныхъ сановниковъ. Въ московской Земской Думѣ, патріархъ, окруженный церковнымъ синклитомъ, возвысилъ голосъ только для того, чтобы благословить своего царя и всю его державу на подвигъ освобожденія древней Русской Земли отъ иноземной власти, обѣщая просить Бога, Пресвятую Богородицу и всѣхъ Святыхъ о помощи и одолѣніи.

Такъ было санкціонировано въ Москвѣ расторженіе хаотически сложившейся польско-русской республики, отдѣленіе русскаго элемента отъ польскаго и привлеченіе къ русскому центру новыхъ силъ, которыя изъ разрушительныхъ и чужеядныхъ превратились въ строительныя и производительныя.

Въ критическій моментъ, когда козаки бѣжали домой, гонимые страхомъ союза европейцевъ съ азіятцами на ихъ погибель, къ нимъ готовились ѣхать отъ царя полномочные послы: бояринъ Бутурлинъ, окольничій Алферьевъ и думный дьякъ Лопухинъ съ товарищами, для принятія Малороссіи въ московское подданство.

Они достигли Переяслава, козацкой столицы, 31 декабря. Слабый ледъ на Днѣпрѣ не позволилъ Хмельницкому поспѣшить навстрѣчу къ нимъ. Вѣрнѣе сказать, Хмельницкій не столковался еще со своими сообщниками касательно того,—что москвичи, не стѣсняясь называли вѣчнымъ холопствомъ. Надобно помнить, что кадрами запорожскихъ бунтовщиковъ и воротилами козацкихъ каверзъ были шляхетные банниты. Москва была имъ не по вкусу своею строгою соподчиненностью, а московскіе порядки казались имъ нестерпимѣе турецкихъ. Непріязненный, презрительный и враждебно предубѣжденный взглядъ на Москву былъ дѣломъ систематической пропаганды воспитателей Польши, и въ этомъ то взглядѣ коренились козацкія предательства отъ Хмельницкаго и Выговскаго до Мазепы и Орлика. Москвѣ предстояла рискованная борьба съ Польшей, у которой оставалось еще много людей, способныхъ и къ войнѣ, и къ политической интригѣ, большею частью полонизованныхъ Русичей, но рискъ этой борьбы, какъ

показали событія, заключался всего больше въ предательскомъ характерѣ козачества, который Москалямъ былъ извѣстенъ еще въ XVI вѣкѣ.

Полномочныхъ царскихъ пословъ принимали въ Переяславѣ переяславскій полковникъ Павелъ Тетера, будущій гетманъ царскихъ отступниковъ и основатель іезуитскаго коллегіума въ Варшавѣ. Не могъ онъ относиться къ дѣлу русскаго возсоединенія сочувственно, и смотрѣлъ на него, какъ на неизбѣжное, но *временное* зло,—смотрѣлъ такъ, какъ въ 1632 году папскій нунцій на уступку православникамъ нѣсколькихъ уніятскихъ хлѣбовъ духовныхъ. Козацкимъ воротиламъ сдѣлалось тогда холодно въ Малороссіи,—нагналъ имъ холоду крымскій добродій,—и они ползли къ московскому царю за пазуху отогрѣваться.

Спустя немного времени прибылъ въ Переяславъ Козацкій Батько и въ день, назначенный для присяги на московское подданство (8 января 1654 года), держалъ съ главною старшиною своею *тайную раду*. Изъ этой тайной рады будущіе крамольники вышли къ собравшимся въ Переяславѣ козакамъ. Хмельницкій произнесъ рѣчь, въ которой волей и неволей долженъ взять ноту малорусскаго большинства, переставшаго бояться его соумышленниковъ.

„Нельзя, видно, жить намъ болѣе безъ царя", говорилъ онъ и назвалъ четверыхъ государей, которые готовы властвовать надъ Малороссіей: турецкаго султана, татарскаго хана, польскаго короля и московскаго царя, „котораго" (продолжалъ онъ) „уже шесть лѣтъ мы безпрестанно умоляемъ быть нашимъ государемъ и обладателемъ". (Вмѣсто *шесть лѣтъ*, Хмельницкій долженъ былъ бы сказать *тридцать лѣтъ*, когда бы церковная іерархія не измѣнила русскому чувству). „Сей-то великій царь христіанскій" (сказалъ онъ въ заключеніе), „сжалившись надъ нестерпимымъ озлобленіемъ православной церкви въ нашей Малой Руси, не презрѣлъ нашихъ шестилѣтнихъ моленій и склонилъ теперь къ намъ свое милостивое царское сердце".

Рѣчь, очевидно, была продиктована ему царскими послами, которые даже хвалить своего государя не позволяли иначе, какъ въ духѣ московскаго вѣрноподданства.

„Возлюбимъ же его съ усердіемъ"! (воскликнулъ пассивный ораторъ). „Кромѣ его царской руки, мы не найдемъ благоотишнѣйшаго пристанища. Кто насъ не захочетъ послушать, тотъ пусть идетъ, куда хочетъ: вольная дорога!"

Козацкая масса, состоявшая изъ московскихъ доброжелателей и враговъ, отвѣчала съ единодушіемъ разбойниковъ, спасающихся отъ кары: „Волимъ подъ Царя Восточнаго!"

Малорусскія лѣтописи и козацкіе историки присочинили, будто бы вслѣдъ затѣмъ „начали читать приготовленныя условія, на которыхъ *Украина* должна соединиться съ *Московіею*". Достовѣрность этого факта заявилъ передъ ученымъ свѣтомъ Костомаровъ даже и въ четвертомъ изданіи своей трехтомной исторической монографіи „Богданъ Хмельницкій". Но ни *условій*, ни такъ называемаго Переяславскаго *договора* съ царскими уполномоченными не было и, по духу московскаго самодержавія, быть не могло. Козаки цѣлыя шесть лѣтъ безпрестанно умоляли Восточнаго Царя принять ихъ въ подданство, и великій государь наконецъ сжалился—и то не надъ ними, а надъ „нестерпимымъ озлобленіемъ православной церкви въ Малой Руси". Эти слова Хмельницкаго, кому бы они собственно ни принадлежали, сами по себѣ дѣлаютъ условія и договоръ съ просителями безсмыслицею. Но и произнесенная при этомъ рѣчь Бутурлина, сочиненная ему царскою думою, не упоминаетъ ни о какихъ обязательствахъ со стороны царя. Бутурлинъ распространялся о бѣдствіяхъ Малороссіи, о гоненіи за вѣру, о многократныхъ козацкихъ посольствахъ, подвинувшихъ великаго государя на милосердое заступничество; потомъ доказывалъ, что присягавшій и не сдержавшій присяги король—болѣе не государь Малоруссамъ; наконецъ сказалъ, что, не желая слышать о конечномъ ихъ разореніи, о запустѣніи и поруганіи благочестивыхъ церквей отъ латинцевъ, московскій самодержецъ велѣлъ принять козаковъ со всѣми городами и землями, и приказалъ помогать имъ противъ разорителей христіянской вѣры. „Козаки" (говорилъ онъ) „за такую царскую милость и жалованье должны служить государю, желать ему добра и надѣяться на его милость. Онъ же, великій государь, будетъ сохранять все Запорожское Войско въ своей милости и оборонять отъ всякихъ недруговъ".

Милость, милость и милость, больше ничего козаки не слышали отъ царскихъ уполномоченныхъ. Когда дошло дѣло до присяги на московское подданство, Хмельницкій сказалъ представителямъ самодержавнаго государя: „Слѣдуетъ прежде вамъ присягнуть отъ имени его царскаго величества въ томъ, что его величество, великій государь, не нарушитъ нашихъ правъ, даруетъ намъ на права наши и имущества грамоты и не выдастъ насъ польскому королю".

На это ему отвѣчали слѣдующими словами, устраняющими всякіе условія и договоры:

„Никогда не присягнемъ мы за своего государя. Да гетману и говорить о томъ непристойно. Подданные должны дать вѣру своему госу-

дарю, который не оставитъ ихъ жалованьемъ, будетъ оборонять отъ недруговъ, не лишитъ правъ и имѣній вашихъ".

Будущій измѣнникъ Тетера и миргородскій полковникъ, Лѣсницкій Саковичъ (напоминающій своимъ именемъ отступника Кассіана Саковича) домогались присяги.

„Это дѣло небывалое" (возразили представители московской царственности). „Одни подданные присягаютъ государю, а государю неприлично присягать подданнымъ".

Крамольники ссылались на примѣръ польскихъ королей. Имъ отвѣчали, что польскіе короли не самодержцы, и что государское слово перемѣнно не бываетъ.

Тогда члены тайной рады Хмельницкаго сказали, что козацкая чернь требуетъ присяги за государя. На это имъ отвѣчали строго:

„Вамъ надлежитъ помнить *милость* великаго государя, слѣдуетъ служить ему и всякаго добра хотѣть, Войско Запорожское привести къ вѣрѣ, а незнающихъ людей *унимать отъ непристойныхъ рѣчей*".

Москва знала, что козакамъ дѣться негдѣ. Москва видѣла, что Малороссія, волею судебъ, сама пришла къ великому государю, и что возврата ей къ польской разнузданности нѣтъ, поэтому и говорила съ козаками повелительно. Но козацкіе историки приводятъ свидѣтельство фальшиваго лѣтописца временъ Мазепы, будто бы, послѣ присяги козаковъ, московскіе бояре дали отъ имени царя *клятвенное* обѣщаніе, что онъ будетъ держать всю Малую Россію со всѣмъ Запорожскимъ Войскомъ подъ своимъ покровительствомъ, при ненарушимомъ сохраненіи *всѣхъ ея древнихъ правъ.* Въ этомъ вымыслѣ Россія сдѣлана другою Польшею, а козакамъ открытъ просторъ къ повторенію надъ Царскою Землею того, что сдѣлали они надъ Землею Королевскою. Но козатчина возможна въ Россіи только на бумагѣ, и то не вполнѣ.

Изъ Переяслава царскіе уполномоченные отправились въ Кіевъ, потомъ въ Нѣжинъ и въ Черниговъ, а по всѣмъ другимъ городамъ разослали своихъ стольниковъ и стряпчихъ для приведенія мѣстныхъ жителей къ присягѣ. Въ Кіевѣ обнаружилось, что церковная іерархія, образованная Петромъ Могилою, изъ отступниковъ Исаіи Копинскаго, не была расположена къ великому дѣлу малорусскаго духовенства, оставленнаго ею въ тѣни. Бутурлинъ обратился къ Сильвестру Косову съ вопросомъ: отчего онъ не искалъ себѣ царской милости въ то время, когда гетманъ Богданъ Хмельницкій и все Войско Запорожское неоднократно просили великаго государя принять ихъ подъ свою высокую руку? Митрополитъ отвѣчалъ, что происходившая между гет-

маномъ и государемъ переписка не была ему извѣстна. Царскихъ уполномоченныхъ, сопровождаемыхъ козаками, онъ встрѣтилъ за Золотыми Воротами, и привѣтствовалъ ихъ, какъ посѣтителей наслѣдія древнихъ князей русскихъ. „Войдите въ домъ Бога нашего, на сѣдалище первѣйшаго благочестія русскаго“ (сказалъ онъ), „и пусть вашимъ присутствіемъ обновится, яко орля юность, наслѣдіе благочестивыхъ русскихъ князей“. Прекрасныя слова, но они были выпуждены обстоятельствами, такъ точно какъ и сравненіе Хмельницкаго съ Моисеемъ. По извѣстію православнаго священника, митрополитъ „замиралъ отъ горя“, а все бывшее съ нимъ духовенство „за слезами свѣта не видѣли“.

Съ точки зрѣнія польской аристократіи, смѣстившей церковную іерархію Борецкаго и Копинскаго, московскіе порядки были не многимъ лучше козацкихъ и татарскихъ. Косовъ уклонился отъ присяги царю, отговариваясь местью польскаго короля, и не послалъ присягать вмѣстѣ съ кіевскими козаками и мѣщанами служившихъ при немъ и при другихъ духовныхъ особахъ шляхтичей. „Я не хочу отвѣчать за невинныя души“, говорилъ онъ и ссылался на печерскаго архимандрита, Тризну, который, съ своей стороны, не хотѣлъ присягать помимо митрополита.

Пока малорусская церковь воинствовала за православіе, отъ ея іерарховъ исходили такія внушенія, какими проникнуто истинно христіанское Совѣтованіе о Благочестіи, а темные представители предковской вѣры и старины сѣяли въ народѣ такіе вымыслы ко вреду русско-латинской „единости“, какими преисполнена извѣстная „Пересторога“. Но когда могиляне сдѣлали церковную единость Руси съ Польшею только дѣломъ времени, іерархи малорусскіе расправлялись по феодальному даже съ такими людьми, какъ Исаія Копинскій, а ихъ клевреты сѣяли въ Козацкомъ Народѣ, съ помощью шляхетныхъ банитовъ, такіе же вымыслы ко вреду русскаго возсоединенія, какіе „Пересторога“ сочиняла противъ уніи. О московской религіозности, о московскомъ управленіи, о московскихъ правахъ и обычаяхъ было распущено теперь множество каррикатурныхъ разсказовъ, подобныхъ тѣмъ, которыми Адамъ Кисѣль, съ товарищемъ своего посольства въ Москву, смѣшилъ сеймовыхъ законодателей. Говорили, напримѣръ, что вѣра московская есть вѣра царская; какъ царь прикажетъ, такъ и вѣруютъ. Говорили, что всѣхъ новыхъ подданныхъ будутъ крестить по-московски, что жить подъ московскимъ управленіемъ значитъ жить въ самой ужасной неволѣ, которая горше турецкой каторги и египетской работы; что подъ московскимъ подданствомъ нельзя будетъ ни-

кому носить *чобітз* и *черевиків*, а надобно будетъ носить *постолы* (лапти). До послѣдняго, до нашего времени, въ малорусскихъ козакопанскихъ кружкахъ разсказывались анекдоты и напѣвались пѣсенки, унижающія великорусскій бытъ и осмѣивающія великорусскую пѣсенность. Это—наслѣдіе нашей козатчины, рожденной Татарами и воспитанной Поляками; это—завѣтъ окозаченной шляхты, которая старалась вооружить общественное мнѣніе противъ московскихъ порядковъ и обычаевъ, поселить въ Козацкомъ Народѣ отвращеніе къ Москалю и презрѣніе къ его нравственности. Всѣ классы безъ исключенія обработывались въ Малороссіи посредствомъ ея полонизаторовъ, и много нужно было великорусскимъ дѣятелямъ времени, много умственныхъ подвиговъ, много благородныхъ общественныхъ дѣлъ, чтобы своихъ порицателей переработать въ своихъ послѣдователей.

Въ началѣ марта 1654 года, явились отъ Хмельницкаго въ Москвѣ посланниками войсковой судья, Самойло Зарудный, и переяславскій полковникъ, Павелъ Тетера, съ прошеніемъ къ царю отъ всего Запорожскаго Войска и отъ „всего христіанскаго міра россійскаго". Они „били челомъ до лица земли и просили вельми" объ исполненіи 23 пунктовъ представленной ими петиціи.

Козаки просили о томъ, чтобы царскіе чиновники въ войсковые суды не вступались; чтобы Запорожское Войско было всегда въ числѣ 60.000; чтобы шляхта, приставшая къ козакамъ, оставалась при своихъ шляхетскихъ вольностяхъ и избрала изъ своей среды старшихъ на должности, какъ было при польскихъ короляхъ; чтобы въ городахъ урядники избирались изъ мѣстныхъ жителей, которые бы отдавали приходъ въ царскую казну и пр.

Все это было козакамъ по царской милости даровано и подъ каждой статьей подписано: „быть по ихъ челобитью "или „быть по тому и пр. Запрещалось только ссылаться, безъ государева указа „съ Турецкимъ султаномъ и съ Польскимъ королемъ; подъ статьею о жалованьѣ полковникамъ, ясауламъ войсковымъ и сотникамъ подписано: „Отговаривать", а относительно платы всему козацкому войску: „Хотя число Войска Запорожскаго и велико будетъ, а государю въ томъ убытка не будетъ, потому что они жалованья у государя просить не учнутъ; говорилъ (объ этомъ) гетманъ при ихъ, при судьѣ (Зарудномъ) и при полковникѣ (Тетерѣ), и имъ нынѣ о томъ говорить не доводится".

При петиціи Запорожскаго Войска было приложено 10 статей отдѣльно. Всѣ онѣ означены въ самой петиціи, но нѣкоторыя въ приложеніи изложены подробнѣе. На эти 10 разъяснительныхъ статей последовало болѣе обстоятельное рѣшеніе. Подъ статьею 9-ю написана особенно длинная резолюція, въ которой поставлено козакамъ на видъ, какъ долго и усердно просили они царской милости и заступничества; какъ съ королевской стороны еще отцу Алексѣя Михайловича, царю Михаилу Ѳедоровичу, и дѣду, патріарху Филарету Никитичу, учинились многія безчестія и укоризны; какъ много великій государь прощалъ Полякамъ ради того, чтобъ они помирились съ гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ и Запорожскимъ Войскомъ по Зборовскому договору; наконецъ, какія рати долженъ былъ царь собрать на защиту ихъ отъ короля, какія понести издержки на ратный строй и на наемъ татарскихъ и нѣмецкихъ войскъ. „Зная все это" (сказано въ резолюціи) „и видя такую царскаго величества милость и къ нимъ оборону, посланникамъ говорить о жалованьѣ не приходится". Впрочемъ государь пошлетъ привести въ извѣстность городскіе и другіе доходы, послѣ чего о жалованьѣ Запорожскому Войску, по разсмотрѣнію царскаго величества, будетъ указъ. „А нынѣ царское величество, жалуя гетмана и все Запорожское Войско, хочетъ послать своего государева жалованья, по бывшимъ обычаямъ предковъ своихъ, великихъ государей царей и великихъ князей россійскихъ, гетману и всему Войску Запорожскому золотыми".

Такова была петиція, представленная козаками царю черезъ два мѣсяца по принятіи отъ нихъ безусловнаго подданства, и ее-то козацкіе историки превращаютъ въ „условія, на которыхъ *Украина* соединилась съ *Московіею*"; а какъ условій и договора въ козацкой петиціи вовсе нѣтъ, то козакоманы пускаютъ въ ходъ печатную молву, будто бы договоръ Хмельницкаго съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ *существовалъ*, но какъ-то, кѣмъ-то, гдѣ-то и когда-то потерянъ. Отъ этого взаимныя отношенія Русскаго Сѣвера и Русскаго Юга представляются любителямъ козатчины въ ложномъ видѣ, и отсюда происходятъ антирусскія стремленія украинскихъ патріотовъ, но извращеніе понятій о Хмельнитчинѣ идетъ у насъ издавна. Подобно тому, какъ во времена Жмайловъ, Тарасовъ, Павлюковъ агитаторы козацкихъ бунтовъ постоянно твердили „людямъ незнающимъ" о нарушеніи Ляхами какихъ-то старыхъ козацкихъ правъ и вольностей, крамольники временъ Выговскаго, Юрія Хмельницкаго, Брюховецкаго, Тетеры и, наконецъ, Мазепы распространяли въ Малороссіи толки о небывалой

рисягѣ бояръ за царя и заставляли „незнающихъ людей“ роптать на осковское вѣроломство. Посѣянныя въ малорусскомъ обществѣ пи-эмцами іезуитовъ предубѣжденія противъ Москвы были поддержаны альшивыми лѣтописями, поддѣльными документами, псевдоисторичекими монографіями, воздыханіями поэтовъ - невѣждъ о козацкой стаинѣ, и эта умственная язва до того въѣлась въ слабые умы, что сказ-и объ отношеніяхъ козаковъ къ двумъ соперничавшимъ государствамъ аходятъ еще и въ наше время довѣрчивыхъ читателей.

КОНЕЦЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОПЕЧАТКИ.

Во II-мъ томѣ на стр. 372, стр. 30, вмѣсто козацкихъ читай кодацкихъ

Стр.	Строка.	Напечатано.	Читай.
9	31	любинца	любимаго
20	38	naz	nas
21	33	опровергнутый	отвергнутый
22	3	рабôті	робôті
—	7	волй	вонй
25	13	и придавали	придавали
26	38	пановъ	на пановъ
30	4	низведенія	низведеніе
36	10	Стырною	Стырпою
—	12	Стырну	Стырпу
—	15	Стырна	Стырпа
38	18	Стырны	Стырпы
—	29	Мстенёва	Метенёва
39	1	Мстенёву	Метенёву
—	10	Стырну	Стырпу
40	9	Стырну	Стырпу
41	10	Стырну	Стырпу
42	40	Стырнѣ	Стырпѣ
44	31	Цецарѣ	Цецорѣ
45	19	знаю	зная
48	39	гарномъ	гарломъ
49	10	Королю	Каролю
—	15	Стырну	Стырпу
50	30	изъ цѣлости	цѣлости
55	34	zronmieć	zrozumieć
56	27	60 фр.	60 фл.
—	32	переноситъ	переносилъ
62	19	300.000	30.000
63	20	были	были довольны
68	15	подняло	поднялъ

71	4	падали	надали
—	19	посольство	поспольство
72	35	присягнуты	присягнули
73	5	готовятся	ютятся
75	5	вопросы	допросы
81	13	только	столь
82	3	И инструкція на сеймики	Инструкція на сеймики
83	4	пійшовъ	пійшовъ
—	6	сеймикѣ	сеймики
86	5	Хмельницкихъ	покорность Хмельницкихъ
90	2	отъ Малороссіи	по Малороссіи
91	18	люда	люди
93	28	шерней	шершней
96	39	Duma	Doma
97	8	мнѣнія	имѣнія
—	32	и что	что
98	9	о *о двуконь*	*о двуконь*
100	32	Браиловскому	Брацлавскому
02	6	представить	предоставить
—	40	Но	Только
13	33	разнаго	ратнаго
16	7	нагодни	негодни
19	32	у васъ	и у васъ
21	6	поражали они	царскіе послы поражали
22	8	побратавшихся	побратавшися
25	34	Киминскомъ	Килінскомъ
26	32	единовѣрцами	съ единовѣрцами
27	35	они	ани
30	7	угадливостью	угодливостью
31	29	изображалъ	изображенъ
32	23	Бессарабы	Бессараба
37	6	покормить	накормить
38	15	повыпдвлювавъ	повыпдвнювавъ
39	35	изорвешъ	що рвешъ
43	9	посольство	поспольство
49	13	папству	паству
51	14	огню и мечу	огню, мечу и плѣненію
52	21	чинйть	чйнить
—	37	отъ посольства	этого посольства
53	10	межъ	тежъ
55	24	extreminium	exterminium
61	17	паны	попы
62	14	съ тѣмъ	съ тѣми

163	38	единодушія	единодушіе
164	25	приласкали	не приласкала
171	30	кўшоньки	кўмоньки
172	39	пуля	свинцовая пуля
175	33	лукавымъ	коварно лукавымъ
—	34	дикимъ	бѣшено дикимъ
183	11	козаками	козацкими
188	22	въ памяти	памяти
190	35	скалу	Скалу
191	16	Стырнѣ	Стырпѣ
192	30	помогалъ	поточанъ
193	11	мечтали	мечтами
—	—	не не были	но не были
204	11	начерпала	черпала
207	8	въ городѣ	въ огородѣ
—	16	порядка	порядокъ
209	1	и передъ	а передъ
210	5	надъ	подъ
212	7	Ляховў	Ляхвў
—	37	именуемой	именуемый
213	25	параменники	нараменники
214	15	остальномъ	остальномъ войскѣ
215	17	паны	попы
216	36	Притомъ же эта	Притомъ же
219	37	Сокаломъ	Сокалемъ
222	2	народной	передней
223	22	Корницами	Корыцами
224	28	отправленный	отправленныхъ
226	14	войско	полки
230	12	Шаунготше	Шауготше
—	15	за его	за нею
233	28	панскій	ханскій
235	24	Но	Только
242	19	затонистыхъ	затонистыхъ
245	31	Голты	Гонты
251	30	попамъ	по намъ
254	28	лободинцевъ	отъ лободинцевъ
256	8	пушки	шутки
—	27	гребни	гребли
257	39	его	ею
258	21	*чатки*	*гатки*
262	11	народа	парада
264	29	Кусевичей	Куцевичей

266	32	выбирала	выдирала
268	29	подвергаетъ	подвергнетъ
274	33	*экзампта*	*экземпта*
276	9	подъ	надъ
—	13	получились	получались
290	35	болѣзни	боязни
292	35	короля	Короля
298	6	скончался	онъ скончался
307	37	градскія	гродскія
308	21	восхваляла	восхвалялъ
—	—	Поляки	Полякъ
16	6	становился	остановился
33	29	шляхетскіе	пилявецкіе
42	7	гоже	юже (уже)
47	14	помѣченный	намѣченный
50	21	гетманъ	гетманы
58	7	достигли	достигли онѣ
61	6	религіозною	національною
32	5	*знать*	*тнать*
33	23	королевскихъ	увѣривъ королевскихъ
4	10	пакеты	пакты
6	26	тайку	шайку
7	39	со совѣтомъ	съ совѣтомъ
8	29	справедливы	были справедливы
1	19	долженъ	долженъ былъ
6	32	правахъ	нравахъ

ъ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московск. Университетѣ продаются слѣдующія книги:

1. Труды и Лѣтописи Общества Исторіи и Древностей Россій-скихъ, 8 частей. М. 1815—1837 г. Цѣна за всѣ части, кромѣ 1-й, ю 50 к. за каждую, на перес. за 2 ф.

2. Русскія Достопамятности. Часть 1-я, 1815 г., ц. 50 к., перес. а 2 ф.; Ч. 2-я (Русская Правда). 1843 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.; I. 3-я (Слово о Полку Игоревѣ). 1844 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.

3. Предварительныя критическія изслѣдованія для Россійской Исторіи. Эверса, пер. съ нѣмец. М. Погодина. М. 1826 г., ц. 1 р., ерес. за 2 ф.

4. Списокъ печатн. книгамъ, рукописямъ, медалямъ, монетамъ вещамъ различнымъ, принадлежащимъ обществу Исторіи и Древ-остей Россійскихъ, состоящему при Импер. Москов. Университетѣ тр. 51 + 16 + 96). М. 1827 г., ц. 1 р.

5. Древности сѣвернаго берега Понта. Соч. П. Кеппена, пере-одъ съ нѣмец. Средняго-Камашева. М. 1828 г., ц. 10 к., пер. за 2 ф.

6. Обозрѣніе Кормчей книги въ историческомъ видѣ. Соч. ба-она Розенкампфа. М. 1829 г., ц. 1 руб., перес. за 3 ф.

7. Корсунскія врата въ Новгородскомъ Софійскомъ Соборѣ. Опи-ны и объяснены Ѳ. Аделунгомъ; пер. съ нѣмец. П. Артемова. Съ сунками. М. 1834 г., ц. 1 р. 75 к., перес. за 3 ф.

8. Супрасльская рукопись, содержащая новгородскую и кіевскую кращенныя лѣтописи. М. 1836 г., ц. 3 р., перес. за 3 ф.

9. Псковская лѣтопись, изд. М. Погодинымъ. М. 1837 г., ц. р., перес. за 3 ф.

10. Русскій Историческій Сборникъ, изд. М. Погодинымъ. М. 837—1846 г. 7 томовъ. Цѣна за каждый томъ по 1 р., перес. за ф. за каждый.

11. Славянскія древности. П. І. Шафарика, перев. съ чеш-каго О. Бодянскаго. 2 тома въ 5 книгахъ. М. 1837 г. Т. I, кн. 1. -е и 2-ое изд.); т. I, кн. 3; т. II, книги 1—3. Ц. 6 р., перес. 10 фун.

12. Историко-критическія изысканія. Ю. Венелина. Томъ II. М. 1841 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 3 ф.

13. Книга посольская метрики великаго княжества Литовскаго, содержащая въ себѣ дипломатическія сношенія Литвы въ государствованіе королей Сигизмунда Августа и Стефана Баторія. Два тома, изданные кн. М. Оболенскимъ, И. Даниловичемъ, М. Погодинымъ и Д. Дубенскимъ. М. 1843 г., цѣна 2 р. за томъ, перес. за 6 ф

14. Повѣствованіе о Россіи въ 3-хъ томахъ. Н. Арцыбашева. М. 1838—1843 г., ц. за всѣ 10 руб., перес. за 13 ф

15. Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червонной или Галицкой Руси до конца XV столѣтія. Соч. Зубрицкаго; пер. съ польск. О. Бодянскаго. М. 1845 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

16. Библіотека Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Сост. П. М. Строевымъ. Со снимкомъ съ 1-го листа Правды Русской по пергам. сборнику конца XIV вѣка. М. 1845 г. ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

17. О Русскомъ войскѣ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича и послѣ его до Петра 1-го. Изслѣд. И. Бѣляева. М. 1846 г., ц. 50 коп. перес. за 2 ф.

18. Книга Большой Чертежъ, изд. по 8 стар. рукоп. и 2 печ книгамъ Г. Спасскимъ. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 3 ф.

19. Исторія о Донскихъ казакахъ. Соч. А. Ригельмана. Съ 1 рисунками. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., пер. за 2 ф.

20. Очеркъ исторіи письменности и просвѣщенія славян. народовъ до XIV в. Соч. А. Мацѣевскаго; пер. съ польскаго П. Дубровскі М. 1846 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.

21. Изслѣдованіе начала народовъ славянскихъ. Разсужде Л. Суровецкаго. Переводъ съ польскаго Юстина Бѣлявскаго. Съ пр дисл. О. Бодянскаго. М. 1846 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.

22. Лѣтопись самовидца о войнахъ Богдана Хмельницкаго и междоусобіяхъ, бывшихъ въ Малой Россіи по его смерти. Съ пред словіемъ П. Кулѣша и О. Бодянскаго. М. 1846 г., ц. 1 р., пер. за 2

23. Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи. Соч. А. Ригельмана. Съ 30 рисун. М. 1847 г., ц. 2 р., перес. за 4 ф.

24. Исторія о казакахъ Запорожскихъ. Съ предисловіемъ О. Бодянскаго. М. 1847 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.

25. Описаніе о малой Россіи и Украинѣ. Соч. Станислава С рульскаго. Съ предисл. О. М. Бодянскаго. М. 1847 г., ц. 25 к перес. за 1 ф.

26. Краткое описаніе о казацкомъ Малороссійс. народѣ и о во

ныхъ его дѣлахъ. Соч. Петра Симоновскаго. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1847 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 3 ф.

27. Переписка и другія бумаги Шведскаго короля Карла XII, Польскаго Станислава Лещинскаго, Татарскаго хана, Турецкаго султана, Филипа Орлика и кіевскаго воеводы Іосифа Потоцкаго на латин. и польск. языкахъ. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1847 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.

28. О Несторовой лѣтописи. Соч. И. Бѣляева. М. 1847 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.

29. Древнія святыни Ростова великаго. Съ 6 изображеніями. Соч. гр. М. Толстаго. М. 1847 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.

30. Описаніе города Острога. Составл. А. Перлштейномъ. Съ планомъ древняго Острога. М. 1847 г., ц. 20 коп., перес. за 1 ф.

31. Паралипоменъ Зонаринъ. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1847 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.

32. Иностранныя сочиненія и акты, относящіеся до Россіи. Кн. М. А. Оболенскаго. В. I. Шаумъ М. 1847 г., ц. 50 коп.; перес. за 1 ф.

33. Краткое историч. описаніе о Малой Россіи до 1765 г., съ дополненіемъ о Запорожскихъ казакахъ и приложеніями, касающимися до сего описанія, собранное 1789 г. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1848 г., ц. 50 к., перес. за 1 ф.

34. Повѣсть о томъ, что случилось на Украинѣ съ тоя поры, какъ она Литвою завладѣна, ажъ до смерти гетмана Зиновія Богдана Хмельницкаго. Сообщ. И. И. Срезневскимъ. Съ предисловіемъ О. Бодянскаго. М. 1848 г., ц. 25 коп., перес. за 1 ф.

35. Малороссійская переписка, хранящаяся въ Московской Оружейной Палатѣ. Сообщ. И. Забѣлинъ. М. 1848 г., ц. 10 к., пер. за 1 ф.

36. Граматично исказанэ об Руском эзику. Соч. попа Юрка Крижанища. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1848 г., ц. 1 р 25 к., перес. за 3 ф.

37. Исторія Россійская. В. Н. Татищева. Книга 5-я, или часть 4-я. М. 1848 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 4 ф.

38. Опытъ русскаго простонароднаго словотолковника. М. Макарова. М. 1848 г., ц. 1 руб.

39. Біографія А. В. Суворова, имъ самимъ писанная въ 1786 г. Сообщ. Дм. П. Голохвастовъ. М. 1848 г., ц. 25 коп., перес. за 1 ф.

40. Списокъ съ чертежа Сибирской земли. Г. Н. Спасскаго. М. 1849 г., ц. 50 коп.; перес. за 1 ф.

41. О поземельномъ владѣніи въ московскомъ государствѣ. Соч. И. Бѣляева. М. 1851 г., ц. 50 коп.; перес. за 1 ф.

42. Исторія славян. законодательствъ. Соч. Вячеслава-Александра Мацѣевскаго. Переводъ съ польскаго. М. 1851 г., ц. 1 руб.

43. Алексѣй Однорогъ. Историч. романъ. Спб. 1853 г., ц. 1 р. съ пересылкою.

44. Статутъ великаго княжества литовскаго 1588 г. на древнемъ западнорусскомъ языкѣ, печат. съ Мамоничев. изданія. Съ предисл. И. Бѣляева. М. 1854 г. (I—XII + 1—24 + 1—382). Ц. 2 руб. перес. за 4 фун.

45. Mémorial poétique sur la guerre d'Orient, écrit en vers grecs par Alexandre Soutzo et traduit en prose française par Lui-Même. Odessa. 1855 (стр. 1—225). Ц. 1 руб.; перес. за 1 ф.

46. О времени происхожденія славян. письменъ. Соч. О. М. Бодянскаго. М. 1855 г., ц. 2 р., перес. за 3 ф.

47. Діаріушъ или журналъ т.-е. повседневная записка случающихся при дворѣ пана гетмана Скоропадскаго оккazій и церемоній, такожъ и въ канцеляріи войсковой отправуемыхъ дѣлъ. Хорунжаго Ник. Дан. Ханенка. Съ историч. свѣдѣніемъ о сочинителѣ О. Бодянскаго. М. 1858 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.

48. Лѣтопись и описаніе г. Кіева. Сост. Н. Закревскій. Съ 4 литогр. рисунками. М. 1858 г., ц. 2 р., перес. за 4 ф.

49. Описаніе Новгородскаго Юрьева монастыря. Съ литограф. видомъ онаго. Соч. архим. Макарія. М. 1858 г., ц. 50 к., пер. за 1 ф.

50. Походы викинговъ, государств. устройство, нравы и обычаи древнихъ скандинавовъ. Соч. А. М. Стрингольма, перев. съ нѣмец. А. Шемякина. Съ приложеніями и примѣчаніями нѣмец. переводчика К. Ф. Фриша. М. 1859 — 1861 г., ц. за обѣ части 3 руб., перес. за 6 фун.

51. Источники малороссійской исторіи, собранные Д. Н. Бантышемъ-Каменскимъ и изд. О. Бодянскимъ. Ч. I. М. 1858 г. Ч. II. М. 1859 г., ц. по 2 р. за томъ; за оба 3 руб., перес. за 3 ф.

52. О земельной собственности въ древней Сербіи. А. А. Майкова. М. 1860 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.

53 и 54. а) Деньги и пулы древней Руси великокняжескія и удѣльныя. Д. Сонцова. М. 1860 г. (стр. I—X + 11—140 съ 11-ю таблицами (№№ 1—11) литограф. снимковъ пулъ и денегъ). Ц. 2 р. перес. за 2 ф. и б)—Прибавленіе 2-е (стр. I—IV + 5—82 + 2 таблицы (№ 13 и 14). М. 1862 г. ц 50 коп. перес. за 1 ф.

55. Переписка между Россіею и Польшею по 1700-й годъ, составленная по дипломатич. бумагамъ Н. Н. Бантышемъ-Каменскимъ. Съ предисловіемъ О. Бодянскаго. Ч. I. 1487—1584 гг. М. 1860 г.—

Ч. II. 1584—1612 гг. М. 1861 г.—Ч. III. 1612—1645 гг. М. 1862 г. Ц. по 1 р. 50 к. за томъ; за всѣ три—3 р. 50 коп., перес. за 4 ф.

56. Путешествія венеціанца Марко Поло въ XIII в. Переводъ съ нѣмецкаго А. Шемякина. М. 1863 г., ц. 2 руб., перес. за 4 ф.

57. Конст. Өедор. Калайдовичъ. Біографич. очеркъ. Матеріалы для жизнеописанія К. Ө. Калайдовича и особенно для изображенія ученой его дѣятельности. П. А. Безсонова. М. 1862 г., ц. 1 р., пер. за 2 ф.

58. Дѣло объ Арсеніи Мацѣевичѣ, б. митрополитѣ Ростовскомъ. М. 1862 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.

59. О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи. Вл. Милютина. М. 1862 г., ц. 3 руб., перес. за 4 ф.

60. Письма и записки императр. Екатерины II къ графу Никитѣ Иван. Панину. М. 1863 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.

61. Матеріалы объ Ив. Ив. Бецкомъ. Сообщ. Илар. А. Чистовичемъ. М. 1863 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.

62. Церковно-историч. описаніе упраздненныхъ монастырей, находящихся въ предѣлахъ Калужской епархіи. Состав. іером. (нынѣ архим.) Леонидъ. М. 1863 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.

63. Сборникъ церковно-историч. и статистич. свѣдѣній о Рязанской епархіи. Сообщ. архим. Макарій. М. 1863 г., ц. 2 р., пер. за 3 ф.

64. Письма Екатерины II къ разнымъ государствен. сановникамъ. Сообщ. А. Ө. Бычковъ. М. 1863 г., ц. 25 коп.; перес. за 1 ф.

65. Журналъ генералъ-маіора и кавалера Петра Никитича Кречетникова о движеніи и военныхъ дѣйствіяхъ въ Польшѣ въ 1767 и 1768 годахъ. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1863 г., ц. 1 руб.; перес. за 2 ф.

66. а) Журналъ реляцій къ Ея Импер. Велич. 1782—1787 гг. Тульскаго, Рязанскаго и Калужскаго генералъ-губернатора Михаила Никитича Кречетникова и б) письма къ нему гр. З. Г. Чернышова и другихъ. Съ предисловіемъ О. Бодянскаго. М. 1863 г. Цѣна 1 руб.

67. Очерки изъ исторіи Россійской церковной іерархіи. Г. Ө. Карпова. М. 1864 г., ц. 1 руб.; перес. за 2 ф.

68. Архивъ военно-походной канцеляріи графа П. А. Румянцева-Задунайскаго. М. 1865—1876 г. Части 1—4; по 1 р. за часть.

69. Жизнеописанія древнихъ и средневѣковыхъ путешественниковъ, посѣщавшихъ Россію или говорившихъ о ней. Перев. А. Н. Шемякина. М. 1865 г., ц. 3 руб., перес. за 4 ф.

70. Обозрѣніе рукописей и старопечатныхъ книгъ въ книго-хранилищахъ монастырей, городскихъ и сельскихъ церквей Калужской епархіи. Состав. архим. Леонидъ. М. 1866 г., ц. 1 руб. съ перес.

71. Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси, собранныя Я. Ѳ. Головацкимъ и изданныя О. Бодянскимъ ч. I—IV. Ц. 10 руб. съ пересылкою.

72. Путешествіе мое въ Имеретію съ линіи Кавказской, мое тамъ у царя пребываніе, съ нимъ сношеніе и обратное оттуда путешествіе въ Грузію. Соч. Алек. Егор. Соколова. Сообщилъ Н. П. Ермоловъ. Съ предисловіемъ О. Бодянскаго. М. 1873 г., ц. 1 р., пер. за 2 ф.

73. Путешествіе въ Московію барона Августина Майерберга и Горація Вильгельма Кальвуччи, пословъ импер. Леопольда къ царю Алексѣю въ 1661 г. Переводъ съ латин. А. Н. Шемякина. Съ предисловіемъ О. Бодянскаго. М. 1874 г., ц. 2 р., перес. за 3 ф.

74. О вліяніи борьбы между народами и сословіями на образованіе русскаго государства въ домонгольскій періодъ. Проф. М. Д. Затыркевича. М. 1874 г., ц. 2 р., перес. за 3 ф.

75. Россія при Петрѣ Великомъ, по рукописному извѣстію I. Г. Фоккеродта и Оттона Плейера. Переводъ съ нѣмец. А. Н. Шемякина. М. 1874 г., ц. 1 руб., перес. за 2 ф.

76. Бытъ западно-русскаго селянина. Юл. Ѳ. Крачковскаго. М. 1874 г., ц. 1 р. 25 коп., перес. за 2 ф.

77. Описаніе путешествія въ Москву посла Римскаго императора Николая Варкоча съ 22 іюля 1593 г. Переводъ съ нѣмецкаго А. Н. Шемякина. М. 1875 г., ц. 1 руб., перес. за 1 ф.

78 Реестра всего войска Запорожскаго послѣ Зборовскаго договора съ королемъ Польскимъ Яномъ Казимиромъ, составленные 1649 г. октября 16-го дня, и изданные по подлиннику, съ предисловіемъ, О. Бодянскимъ, съ 2-мя литографиров. снимками, именно: гербомъ гетмана Богдана Хмельницкаго и его подписью. М. 1875 г., ц. 1 р. 50 коп., перес. за 2 ф.

79. О мѣстѣ погребенія кн. Д. М. Пожарскаго и о томъ, гдѣ онъ лѣчился отъ ранъ осенью 1611 г. Гр. М. Д.. Бутурлина. М. 1876 г., ц. 50 к., перес. за 1 ф.

80. О посольствѣ въ Китай графа Головина. В. Н. Басиина. М. 1876 г., ц. 50 коп.; перес. за 1 ф.

81. Донесеніе о Московіи Іоанна Перштейна, посла импер. Максимиліана II при московскомъ дворѣ. Перев. съ итальянскаго гр. М. Д. Бутурлина. Съ предисловіемъ О. Бодянскаго. М. 1876 г. Цѣна 25 коп.; перес. за 1 ф.

82. Начало и возвышеніе Московіи. Соч. Даніила принца изъ Бухова, дважды бывшаго посломъ у Ивана Васильевича, вел. князя Московскаго. Переводъ съ латинскаго И. А. Тихомирова. М. 1877 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.

83. Богословіе св. Іоанна Дамаскина, въ переводѣ Іоанна ексарха Болгарскаго. М. 1878 г., ц. 3 р.

84. Шестодневъ, составленный Іоанномъ, ексархомъ Болгарскимъ. М. 1879 г., ц. 3 р.

85. Житіе препод. отца нашего Ѳеодосія игум. Печерскаго. Списаніе Нестора. По харатейн. списку москов. Успен. собора буква въ букву и слово въ слово. Съ предисловіемъ Андрея Попова. М. 1879 г., ц. 30 коп., перес. за 1 ф.

86 Библіографич. матеріалы, собранные Андреемъ Поповымъ. IX—XIV. Повѣсть о разореніи Москов. государства. М. 1881 г. Ц. 50 коп.

87. Посланія священно-архим. Фотія къ духовной дщери его дѣвицѣ Аннѣ (1820—1822 гг.). Съ предисл. Андрея Попова. М. 1881 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.

88. Историко-статистич. описаніе заштатнаго Пертоминскаго мужскаго монастыря. Сообщ. Макарій епископъ Архангельскій. М. 1881 г., ц. 25 коп., перес. за 1 ф.

89. Митрополитъ Даніилъ и его сочиненія. Изслѣдованіе Василія Жмакина. М. 1881 г., ц. 4 руб. съ перес.

90. Изъ бумагъ митрополита Московскаго Платона. М. 1882 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.

91. Домострой по списку Императ. Общеста Исторіи и Древностей Россійскихъ. Съ предисловіемъ И. Забѣлина. М. 1882 г., ц. 1 р. 50 коп., перес. за 2 ф.

92. Копіи съ писемъ государя Петра Великаго съ 1700 по 1725 г. Сообщ. архим. Леонидъ. М. 1882 г., ц. 25 коп., перес. за 1 ф.

93. Списокъ и указатель трудовъ, изслѣдованій и матеріаловъ, напечатанныхъ въ повремен. изданіяхъ Импер. Общ. Ист. и Древн. Россійс. при Москов. Универ. (за 1815—1888 гг.), составленный Ив. Забѣлинымъ. Съ присовокупленіемъ историч. очерка дѣятельности общества съ 1804 по 1884 г. Отд. I Списокъ трудовъ. М. 1884 г. Отд. II Указатель трудовъ. М. 1889 г. Ц. за обѣ книжки 1 руб.

94. Сазаво-Емауское Святое Благовѣствованіе, нынѣ же Ремьское, на немъ же прежде присягаша при вѣнчальномъ миропомазаніи цари Францустіи. Съ прибавленіемъ съ боку того же чтенія Латинськыми буквами и сличеніемъ Остромирова Евангелія и Острожскихъ чтеній. Трудомъ и иждивеніемъ Вячеслава Ганки. Въ Чешской Празѣ. 1846. Цѣна 3 р. сер., перес. за 2 ф.

95. Временникъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, съ 1849 по 1858 годъ. 25 книгъ, каждая по два

рубля; а за всѣ безъ перес. 37 р. 50 коп., съ пересылкой 45 руб. На пересылку всякой книги „Временника“ за 4 фунта.

96. Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ. Годъ 1-й (1846), 4 книги; годъ 2-й (1846—1847), 9 книгъ; годъ 3-й (1847—1848), 9 книгъ; и годъ 4-й (1848—1849), 1 книга—по 2 руб. каждая книга. Годы 1861—1886, по 4 книги, каждый годъ по 10 рублей. Отдѣльно книги этихъ годовъ не продаются. За пересылку взимается съ вѣсу по разстоянію. Съ 1887 г. каждая книга „Чтеній“ продается отдѣльно по слѣд. цѣнѣ: за 1887 г. кн. 1, 2, 3 и 4 по 3 рубля за книгу. Остальныя книги по 2 рубля за книгу.

97. Портретъ Кіевскаго митрополита Евгенія, со снимкомъ почерка его руки. М. 1854 г., ц. безъ пересылки 50 коп.

ПРОЛОГЪ.

Глиняная эпоха исторической критики еще не совсѣмъ прошла. Какое либо неясное мѣстечко въ лѣтописи, или даже ошибка, происходящая отъ невѣдѣнія хрониста; какое либо не важное обстоятельство, созвучіе, или даже пошлая догадка, не имѣющая цѣны на вѣсахъ вѣроятности, легко могла вскружить голову легковѣрнымъ писакамъ, которые съ тою же легкостью играли прошедшею судьбою народовъ, съ которою бросались за всякою бездѣлицею, не обращая вниманія на то, что народъ должно обыскать кругомъ и внутри, прежде нежели выражаться на счетъ бывшаго его политическаго достоинства, насчетъ исторической его судьбы; но и этого недовольно: всѣ выводы (resultata) изъ обысковъ, наконецъ, должно повѣрить естественнымъ ходомъ дѣлъ человѣческихъ — это послѣдній пробный камень, о который должно разрушиться всякое неосновательное мнѣніе. Такъ, на примѣръ, одно маленькое созвучіе между словомъ *Hoang-Nu*, которымъ Пекинцы, на своемъ языкѣ, называли, въ насмѣшку, своихъ сосѣдей, Манджуровъ, и Οὖννοι Βουλγα-*ρα*, коимъ два, или три Греческіе писатели именовали три

многочисленныя племена Русскія, подало поводъ къ выводу небывалыхъ произшествій и къ ущербленію историческій извѣстности сихъ послѣднихъ; но этого недовольно: одна несбыточная мысль переходитъ на другихъ писакъ, подобно зѣвотѣ, перерождается подъ разными формами и производитъ, смотря по понятію, разные обороты въ выраженіяхъ. Такъ, на примѣръ, нельзя читать, не улыбаясь, выраженія ученаго Сисмонди (*Sismondi*, Histoire des Français, Tome I. p. 121.) *О происхожденіи Французовъ:* «Сверхъ сего, еще двѣ особенныя породы (races d' hommes), совсѣмъ отличныя (?) отъ Германцевъ *, присоединились къ нимъ при нападеніи на Галлію, и тѣмъ участвовали въ составленіи новаго народа (Французовъ); это были Славяне и Татары» (Татары !); на стр. 21, даже отчаевается въ возможности «открыть между сими племенами предковъ благородныхъ и неблагородныхъ нынѣшнихъ Французовъ,» потому что «всѣ племена смѣшались временемъ, и во всѣхъ классахъ нынѣшняго общества, безъ сомнѣнія, есть Французы, происхожденіемъ Римляне, равно какъ и Кельты, Германцы и Татары.» Такъ подразумѣваетъ Авторъ свое *du Scythe* (стр. 22): не очевидно ли, что какой либо Дюкъ, или Перъ Франціи, происходитъ отъ какого либо мнимаго *Болванджи Ефенди*; какой либо Графъ, или Мусье Шевалье, отъ Дикалларь-Аги; или, наконецъ, какая либо Маркиза Блондетта отъ какого либо Чучелджи-Баши, по тому только, что въ Hoang-Nu находится буква n, а въ Ουννοι, или даже Ουεννοι, тоже, находится буква n?! Вотъ примѣрецъ изъ глиняной эпохи.

Самая рѣзкая и отличительная черта и собственность народа есть его языкъ; самая важная отрасль исторической

* Авторъ не долженъ забывать, что большую часть Германія населяли Славяне.

критики, управляющей прошедшимъ, есть языкъ; самое важное отдѣленіе въ этой отрасли суть собственныя имена, какъ дѣйствователей, такъ и мѣстностей; но и эта отрасль находится въ своей не только глиняной, но грязной эпохѣ. Часто видимъ, съ прискорбіемъ, доказательство похожее: Аттила Монголъ по тому, что Волга по-Татарски Эджелъ; Meroveus, Франкскій, Король, Нѣмецъ, по тому, что *Meer* значитъ *море*, а *wig*, можетъ быть, *дикая коза*; Святославъ Скандинавъ по тому, что *Suen* у Шведовъ, или *Sohn* у Нѣмцевъ значитъ *сынъ*, и можетъ быть употреблено въ имени *Jakobsen*, т. е., сынъ Якова, Яковлевъ; и по тому еще, что Русское Святославъ пишется Греками Сфендостлавосъ!! Эта часть тоже была довольно пренебрежена, и нерѣдко въ очень умныхъ, впрочемъ, сочиненіяхъ встрѣчались цвѣтки подобнаго устроенія.

Французы не охотники до чужихъ языковъ и корнеизысканій, преимущественно нынѣшніе; болѣе ученые и болѣе труболюбивые Нѣмцы оказали болѣе опытовъ на словопроизводномъ поприщѣ; но, къ несчастью, у нихъ непреодолимая привычка объяснять старину чужихъ странъ и народовъ изъ собственнаго своего (Нѣмецкаго) языка, да и то не кстати, мелькомъ и слабо, а иногда и очень смѣшно, Недавно только вышло въ Болонѣ *Vocabolario de nomi propri* sustantivi, tanto d' uomini che di femine, da Claudio Ermanno Ferrari, segiuto da altro Vocabolario degli adiettivi proprj, compilato li Luigi Muzzi, academico della Crusca. Bollogna 1828, въ 8-ку, въ двухъ частяхъ, т. е., Словарь собственныхъ мужескихъ и женскихъ именъ, и проч., о достоинствѣ коего ничего не умѣю сказать, но важность его, каковъ бы онъ ни былъ, очевидна.

По поводу спора о, такъ называемыхъ, Гуннскихъ именахъ для подтвержденія Русско-Славянской старины, предла-

гаю сей отрывокъ, который, кажется, Гунновъ приписываетъ навсегда Русскому народу, и, вѣроятно, избавитъ Мусье Шевалье и Маркизу Блондетту отъ Калмыцкихъ происхожденій и наважденій, и позволитъ имъ безопасно гулять по Булонскимъ лѣсамъ, по Элизійскимъ полямъ, какъ на этомъ, такъ и на другумъ свѣтѣ, т. е., въ Америкѣ.

Д. Чл. Юрій Венелинъ.

КРИТИЧЕСКОЕ РАЗЛОЖЕНІЕ ВСѢХЪ ИМЕНЪ АТТИЛИНА СЕМЕЙСТВА

и

прочихъ, такъ называемыхъ,

ГУННСКИХЪ ЕГО ВЕЛЬМОЖЪ,

о которыхъ только упоминаетъ Прискъ,

ВЪ СВОИХЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСКАХЪ.

Послѣ убѣдительныхъ доказательствъ, что Болгаре, съ самаго начала ихъ бытія, были племя Славянское вообще, въ частности же, именно отраслью Русскаго народа, я приводилъ тоже не слабыя доказательства, что имена *Болгаре* и *Гунны* означаютъ одинъ и тотъ же народъ, и что первое есть *собственное* названіе народа, а послѣднее *нарицательное*. Между прочими доказательствами моего положенія, я ссылался (Томъ I, стр. 94—97 моихъ изысканій), подъ буквою в), на собственныя имена Гунновъ, встрѣчаемыя у Византійцевъ и объяснилъ ихъ Славянизмъ, вкратцѣ, и исторически и филологически, безъ всякихъ натяжекъ и, кажется, удовлетворительно. Впрочемъ, это объясненіе, сдѣланное наскоро и по первымъ, блеснувшимъ во мнѣ, мыслямъ, могло и должно быть еще пространнѣе и еще убѣдительнѣе.

Въ моей поѣздкѣ въ Болгарію я тщательно собиралъ народныя имена, нынѣ употребляемыя, или бывшія въ употребленіи, у Болгаръ. Источники, изъ коихъ я почерпалъ матеріалы для номенклатуры Болгарскихъ именъ, были троякіе: 1) изъ Славянскихъ грамотъ Валахіи, писанныхъ на Болгарскомъ языкѣ (извѣстно, что Валахія была Болгарскою областью и управляема Болгарами) отъ XIV, XV, XVI и XVII вѣковъ; 2) изъ Цер-

ковныхъ Помѣнниковъ Сербской и Букарестской митрополіи, XVI и XVIII вѣковъ, и нынѣ продолжаемыхъ; 3) списывалъ съ нынѣшняго, живаго Болгарскаго народа.

Всѣ сіи выписки, или матеріалы, могутъ составить порядочный словарекъ собственныхъ народныхъ именъ у Дунайскихъ и Задунайскихъ Славянъ; если же бы и́хъ сравнить и объяснить, въ словопроизводномъ и историческомъ отношеніи, съ именами другихъ Славянскихъ племенъ, то вышло бы большое сочиненіе. Какая пища для критики! Какая жатва для Исторіи! *Шлецеръ*, жалуясь (въ Сѣверной Исторіи, помѣщенной въ XXXI части *Allgem. Welthist.*) на темноту и неопредѣленность древнихъ писателей, касательно чужихъ и болѣе отдаленнѣйшихъ народовъ, и на зыбкость ихъ свидѣтельствъ, возможную еще надежду полагаетъ въ *Nomina propria*, т. е., собственныхъ именахъ или мѣстъ, или лицъ. Отрылъ и очистилъ изыскатель какое-либо имя, говоритъ онъ, то *оно для него есть небольшой вѣрный Лѣтописецъ* (а я еще болѣе скажу: какая обильная и важная для Исторіи лѣтопись отрытое и открытое собственное имя народа!). Но здѣсь не мѣсто толковать о всѣхъ собственныхъ Болгарскихъ именахъ; я приведу только тѣ, которыя идутъ, и должны идти, къ дѣлу. Приступая къ сему объясненію Гуннскихъ именъ, скажу прежде нѣчто вообще о Болгарскихъ, въ дополненіе къ тому, что сказано мною (стр 35 — 42) *о Славянскихъ именахъ вообще и о Болгарскихъ въ частности* (о Болгарскихъ тамъ сказано не много) и въ объясненіе Болгарскихъ именъ (стр. 29—34), несправедливо выдаваемыхъ Энгелемъ за Татарскія.

Болгарскія народныя имена можно наблюдать въ двоякомъ отношені: 1) въ отношеніи ихъ *источника*, и 2) въ отношеніи ихъ *формы или образованія*.

1. *Источникъ* Болгарскихъ именъ состоитъ въ языкѣ. Всякій Болгаринъ, или Сербъ, очень неохотно смотритъ на календарскія Греческія, Латинскія, Еврейскія имена; ему гораздо ближе къ душѣ именовать любимое лице извѣстными ему отечественными звуками. Имена почти всегда означаютъ качество, исключая нѣкоторыя существительныя, употребляемыя для наименованія лицъ; посему, имена собственныя суть: а) просто прилагательныя, какъ: *Добръ*, *Мало*, *Драгъ*, *Младъ*, *Живъ*, *Гордъ*, *Благой*, *Богой*, *Боривой*, *Милъ*, *Нѣгой*, мужескаго рода; и *Добра*, *Мала*, *Драгая*, *Млада*, *Жива*, *Горда*, *Благая*, *Богая*, *Боривая*, *Мила*, *Нѣга*, *Нѣгая*, *Руса*,

Краса, *Цвѣта*, *Бѣга*, *Люба*, *Лѣпа*, *Рада*, *Черна*, *Злота*, *Сребрена*, женскаго рода; б) производныя отъ прилагательныхъ, мужескаго рода: *Добранъ*, *Доброта*, *Малета*, *Малко*, *Драганъ*, *Драгошь*, *Младенъ*, *Живко*, *Живанъ* *, *Горданъ*, *Золанъ*, *Милко*, *Нѣганъ*, *Велько*; женскаго роду: *Добрана*, *Живана*, *Малка* , *Драгана*, *Младена*, *Живка*, *Гордана*, *Золана*; б) производныя качественныя отъ существительныхъ: *Лобанъ*, отъ лобъ, *Лозанъ*, отъ лоза, *Вербанъ* отъ верба, *Иванъ* отъ ива, *Волханъ* отъ ольха, *Горанъ* отъ гора, *Шуманъ* отъ шумъ, *Боянъ* отъ бой, *Гроздавъ* отъ гроздь, *Власанъ* отъ власъ, и проч.; симъ же соотвѣтствуетъ и женскія на *ана*: *Лобана*, *Ивана*, *Вербана*; тоже и *Лоза*, *Верба*, *Ива*; *Шеянъ*, отъ шея, *Тиланъ* отъ тѣло, *Душанъ* отъ душа; Главанъ, Зубанъ; г) производныя качественныя отъ глаголовъ; мужескія: *Рѣзанъ*, *Строянъ*, *Каранъ*, *Стоянъ*, *Радованъ* , *Скаканъ* , *Казанъ*, и проч.; женскія: *Рѣзана*, *Строяна*, *Карана* , *Стояна* , *Радована* , *Скакана*, и проч.; д) сложныя: *Владимиръ*, *Рукославъ* , *Святославъ* , *Драгомиръ* и проч.; е) уменьшительныя, м.: Миранъ-*Мирѣ*, Боянъ-*Бойо*, Тѣланъ-*Тилѣ*, *Тѣльо*, Стоянъ-*Стоё* - *Стойко*, Живанъ-*Живко*; ж.: Боя-*Бойка*; Стоя-*Строя*, и пр.; есть даже уменьшительныя уменьшительныхъ: Миръ-*Мирча*, Нено-*Ненчо*, Калѣ-*Кальчо*, Дымо-*Дымчо*, и проч.; ж) сложныя изъ уменьшительныхъ: *Нено-Мирча*, *Нено-Калчо*, *Калчо-Дымо*, *Дымо-Райко*, *Тилѣ-Райко*, *Гено-Дымо*, *Нено-Генчо*, и проч., и проч.

Для лучшаго обзора родословной всей семьи какого-либо имени, здѣсь я прилагаю таблицу встрѣчающихся мнѣ именъ, и происходящихъ отъ одного корня *миръ*:

Корень Миръ — I, произв.: м., *Миранъ*; II, произв.: *Мирканъ*; III, произв.: *Мировой* (*вое*); I, уменьш.: *Мирко*; II, уменьш.: *Мирѣ*; III, уменьш.: *Мирча*; IV, произв. отъ уменьш.: *Мирчета*; V, произв.: отъ ум.: *Мирошъ*; VI, произв. отъ уменьш.: *Миройко*.
ж. *Мирана*, *Миркана*; *Мировая* (*вое*); *Мирка*; *Мира*; *Мирица*.

I. Сложное;	II. Сложное;	III. Сложное.
М. Ж.	М. Ж.	
Драгомиръ, *а*;	*Мирославъ*, *а*;	*Нено-Мирча*;
Добромиръ, *а*;	*Мировидъ* , *а*;	*Мирѣ-Славко*;

* *Zsivany* Hungarorum.

Владимиръ, а; Миролюбъ, а; Генчо-Мирко;
Биломиръ, а; и проч.
Томиръ, а;
Нѣгомиръ, а;
Стоимиръ, а;
Строимиръ, а;
Тихомиръ, а;
Размиръ, а;
Казимиръ, а;
Велимиръ, а;
Болемиръ, а;
Годомиръ, а;

Подобнымъ же образомъ развиваются, болѣе, или менѣе, и всѣ прочіе корни народныхъ именъ, коихъ, посему, у Болгаръ чрезвычайное множество, такъ что изъ онаго можно составить порядочный словарецъ.

2. Все сіе множество народныхъ личныхъ именъ подвергается извѣстнымъ *формамъ* въ своемъ образованіи; я излагаю ихъ съ прибавленіемъ нѣсколькихъ примѣровъ.

I. *ъ, ь: Добръ, Драгъ, Владъ, Младъ, Малъ, Вранъ, Бранъ, Данъ, Нѣгъ.*

II. *анъ: Добранъ, Драганъ, Вландaнъ, Тѣланъ, Дѣянъ, Опрянъ, Убрянъ, Нѣганъ* и *Нѣгованъ.*

III. Ум. *е, ѣ, о: Добре, Драгне, Владай, Тилѣ (я), Дѣё, Опрѣ, Удрѣ, Нѣгой.*

IV. Ум. *ко, чо: Дражко, Влайко, Дѣйко, Калчо, Нѣжко.*

V. *ошъ: Урошъ, Милошъ, Драгошъ, Нѣгошъ.*

VI. *ашъ, ишъ: Добришъ, Одобашъ, Худобашъ, Ивашъ, Петрашъ, Милашъ, Опришъ, Удришъ, Нѣгишъ.*

VII. *шко: Одобашко, Худашко, Ивашко, Петрашко.*

VIII. *ота, ата, ита: Доброта, Драгота, Милета, Милюта, Легота, Бѣлота, Малита, Калета, Гернота, Нѣгота.*

IX. *оло, ило: Драгойло, Радоло, Владойло, Малило.*

X. *иня, ыня: Добрыня, Драгиня, Купина, Оприна* *.

---

* Пробѣлъ въ цѣлую страницу, вѣроятно, для другихъ еще примѣровъ.

Теперь приступимъ къ объясненію, такъ называемыхъ, Гуннскихъ именъ, дѣда, отца, брата, и всего семейства Аттилина, съ его собственнымъ именемъ, равно и его сановниковъ.

1) *Καρατον* (*Каратонъ*), Король Гунновъ IV столѣтія. Я сказалъ (стр. 94 *) въ объясненіе сего имени: «По видимому, это есть *Корданъ* или *Караданъ*. Въ Болгаріи былъ Король *Карданъ* и въ VIII столѣтія.»

Объясненіе, на первый разъ, если и не совсѣмъ вѣрное, то, по крайней мѣрѣ, очень вѣроятное, во первыхъ: по чрезвычайному созвучію; во вторыхъ, по предположенію, что это имя исковеркано Греками; но, теперь вижу, что оно очень мало ими испорчено, если почесть приданное ему Греческое окончаніе. Нахожу, въ нынѣшней Забалканской Болгаріи Болгарское мѣстечко *Каратова*, *Каратово място*. Извѣстно, что Славянскія названія мѣстностей, по большой части, получаютъ свои названія отъ своихъ владѣльцевъ, строителей, или отъ другихъ личныхъ именъ, вообще отъ лицъ; посему именно, *овъ*, *ова*, *ово* есть частица притяжанія, которое Нѣмцы выражаютъ сложнымъ родительнымъ; на пр., *Rupertsdorf*, *Jakobsstadt*, *Marienburg*, *Johannisberg*, *Kampenhausen*, что Славянинъ очень мило перескажетъ: *Рупертово*; *Яковлево*, *Марьино*, *Иваново*, *Кампеново*; посему, *Каратово* показываетъ, что у Болгаръ было въ употребленіи имя *Каратъ* или, можетъ быть, и короче еще, *Кратъ*. Мнѣ дѣйствительно извѣстенъ одинъ изъ Болгарскихъ Королей XIII вѣка, *Кратъ* (Κρατης, Crates), съ коимъ возились Турки во время первой своей попытки въ Европу, и что они послѣдующихъ Болгарскихъ владѣльцевъ именовали Кратовичами, какъ и преемниковъ Карла Дурацкаго Карловичами; отъ сего мѣстечка названа и гора, и цѣлый уѣздъ *Каратовскимъ*, который извѣстенъ въ Турціи своими серебряными рудокопнями. Впрочемъ, знаю еще тамъ же два другія мѣстечка подъ именемъ *Кратово*; дѣло только въ томъ, что Греки къ цѣльному имени прибавляли свое окончаніе ον.

2) «*Βαλαμηρ* или *Βαλαμβηρ*, сказано мною, Король IV вѣка, явно Владиміръ; Болгаре имѣли ихъ также много; Греки писали это имя различно.» (Тамъ же).

---

* См. I томъ «Изысканій» Венелина.

Конечно, такъ можно было подумать, по созвучію, довольно близкому; и въ самомъ дѣлѣ, между Βαλαμήρ и *Владиміръ* казалось такое разстояніе, какое и между Святославъ и Сфендославосъ, Σφενδοσθλαβος; однако, Βαλαμήρ не Владиміръ, а *Баломиръ*. Въ грамотѣ Князя Гавріила Могилы, данной лѣта 7127 (1619, Янв. 13) «людіемъ Младину, Вишану» и проч., между прочимъ сказано о нихъ: «оне се били продали *Баломиру* Ватаву, тъсту (тестю) Войневу.» Въ грамотѣ Князя и Господаря Петра, сына Мирчева, отъ 7068 лѣта (1560, Апр. 29) подписались свидѣтели придворные чины: »Се же и свидѣтели поставляемъ господство ми, Жупанъ Неделко, Велики Дворникъ, и Жуп. Богданъ, Велики Логофетъ, и Бръканъ Спатарь, и Урѣке Столникъ, и *Баломиръ* Пехарникъ, и Жупанъ Станчюлъ Добрушовъ, Велики Постелникъ, и азъ, Драгомиръ, еже написахъ въ столномъ граду, Букорещи;» лѣто и мѣсяцъ. Это имя встрѣчается и въ другихъ грамотахъ, и можетъ встрѣтиться въ болѣе древнихъ, коихъ мнѣ не случалось видѣть; много разъ встрѣчается оно въ Букаретскомъ Помѣникѣ. Сюда можно причислить и названіе села Баломирещи, какъ Стефанещь отъ Стефанъ, Милалещь отъ Милалъ, Букурещь отъ Букуръ. Уменьшительное отъ Баломиръ — *Балъ*, *Балё*, коихъ тоже множество встрѣчается въ грамотахъ. Греки, по неимѣнію буквы *б*, которую часто замѣняли или чрезъ *в*, или *п* и *м*, иногда, не могли лучше выписать это имя, какъ Βαλαμήρ (Valamir, Валамиръ), точно такъ же, какъ и Βούλγαροι, вмѣсто *Болгаре*. Король или вельможа Ост-Готовъ, правившій однимъ крыломъ въ сраженіи подъ Шалономъ, и любимый Аттилою, былъ Valamis. Замѣчательно: фамилія Балашовъ показываетъ, что и на Руси были лица подъ именемъ *Балашъ*, отъ *Баля* или *Баломиръ*.

3) Тамъ же. «Мундіухъ (?), отецъ Аттилы.»

Это имя я оставилъ, съ знакомъ вопросительнымъ, безъ объясненія, самъ будучи тогда въ недоумѣніи. Прискъ пишетъ оное Μουνδιουχος, а въ другомъ мѣстѣ Ομνουδιος, а Іорданъ, пользовавшійся Прискомъ, называетъ его *Мундъ*; не легко съ перваго взгляду вообразить себѣ, которое изъ этихъ двухъ именъ ближе къ подлиннику; съ Іорданомъ могли случиться такія же описки, очетки и, наконецъ, опечатки, какія и съ Греческими лѣтописями. Впрочемъ, какъ Греки уже нѣсколько Гуннскихъ именъ схва-

тили довольно близко къ подлиннику, то я начинаю болѣе склоняться на ихъ сторону. И такъ, *Мундіухъ*, если не описано нѣсколько, то навѣрное не дослышано, или, если и выслушано хорошо, то не хорошо выговорено, или худо передано съ устъ въ уста. *Діухъ* напоминаетъ мнѣ уменьшительное отъ Душанъ-*Духне* (какъ отъ Драганъ-*Драгне*, отъ Мѣшанъ-*Мѝхне*, отъ Боянъ-*Бойо*, *Бойне*, и т. д.); *Мун* напоминаетъ уменьшительное *Манъ*, *Манё*, *Мѣне* (пишется разно въ граматахъ); сверхъ сего, извѣстны изъ Византійцевъ въ среднія времена Болгарской имперіи *Маничь*, *Минко* (Μανιτζης, Μιγχος). Въ этомъ случаѣ, *Мундіухъ* у Грековъ было бы сложное Болгарское *Мѣне-Духне*, *Манъ-Духанъ* или *Душанъ*; впрочемъ, можетъ быть первая половина случайно прибавлена не отъ недослышки, но отъ переслышки. Какъ бы то ни было, въ διουχ вставлено ι отъ недочетки типографщика и эта ошибка осталась по тому, что это имя у того же лѣтописца не встрѣчается въ другой разъ, съ коимъ бы можно исправить эту опечатку; вообще же, болѣе нежели вѣроятно, въ семъ словѣ заключается *Душанъ* или *Духне*, *Духанъ*, имя, употребительное у Болгаръ и даже у Сербовъ (ж. Душа, Душина, Душица); это довольно подтверждается еще и тѣмъ, что отецъ сыну своему, Аттилѣ, изъ ощущенія значенія собственнаго своего имени, далъ соотвѣтствующее ему противоположное, *Тѣланъ*. Замѣтимъ еще, что это имя встрѣчается еще ошибочно и Ομνουδιος; 1) здѣсь явно членъ ὁ прилѣпленъ къ имени, а имя дурно прочтено; отсюда, вмѣсто ὁ Μουνδιουχος, напечатано Ομνουδιος; 2) у Іордана *Mundzak*, а не *Omundzak*.

4) «*Аттила* (*Αττηλας*, Attilas.)»

Это имя (стр. 94—95) объяснено мною вѣрно и естественно; узнать только и прибавить надлежало прагматическія, или законныя тому свидѣтельства, нѣтъ ли въ грамотахъ, или не употребляется ли и нынѣ еще Болгарами подобное имя. На это скажу: одного Тѣлана изъ Забалканской Болгаріи я видѣлъ въ Варнѣ, двухъ Тилё изъ Терновской округи, и одного изъ Орѣховицы; имѣю пѣсню о какой-то красивой Тельянѣ; въ грамотахъ, уменшительное: въ Хрисовулѣ Господаря Матвѣя Басараба, данномъ (1640, окт. 20) Жупану Буневу, между прочимъ, сказано: «Іонъ съ сыны его, и *Тилѣ* съ сыны его;» въ грамотахъ Господ. Радула, отъ 1607 г., упоминается о спорѣ между

сыновьями Драгомира и Опришевыми о вечинѣ (крестьянинѣ), коего имя пишется *Стойко-Телѣ*, и проч.

Поелику уменьшительное *Тилѣ* или *Тѣлѣ* произносится Болгарами (*ѣ* очень часто, преимущественно въ концѣ и въ односложныхъ, за *я*) *Телё*, *Тиля*, то объясненіе Αττιλας выходитъ само собою: Грекъ не могъ не написать τιλας. Ατιλας.

Тѣланъ имѣетъ, какъ и другія имена, нѣсколько уменьшительныхъ: *Тилѣ* (*Тилё*), *Тѣлецъ*, *Тѣлчо*, *Тилчо*. Вотъ что значитъ Κουτιλζης, вождь Гунновъ-Савировъ; сверхъ сего, и Τηλετζης, Teletzes, Король Болгарскій, около 760 году, и сложное Τηλεριχος, Telericos, Король Болгарскій же около 777, извѣстный своимъ бѣгствомъ въ Константинополь.

5) «Супруга Аттилы *Рѣкана* или *Рекана*» (стр. 95.).

Прискъ, бывшій съ Византійскимъ посольствомъ при дворѣ Аттилы, и два раза представлявшійся Королевѣ, въ одномъ мѣстѣ своихъ Записокъ называетъ ее Реканою (Ρεκαν), а въ другомъ Крекою (Κρεκα); но быть не можетъ, чтобы Прискъ называлъ или писалъ двояко извѣстное ему имя; тутъ, очевидно, сдѣлана или описка его переписчиками, или же опечатка перваго типографщика, или издателя; но Рѣкана ли или Крека было настоящее ея имя, въ обоихъ случаяхъ оно чистое Болгарское: *Реканъ*, *Рекана*, также происходитъ отъ глагола *реку*, какъ *Казанъ*, *Казана* отъ *кажу казувамъ*. Болѣе непонятно было бы для Россіянина имя *Крека*; но въ Букарестскомъ Помѣникѣ я нахожу имя *Кирка*, которое пишется и Кърка и Крька, и Крѣка, т. е., какъ вздумается тому, или другому писцу; въ томъ же Помѣникѣ уменьшительное сего имени *Крѣца* и *Кирецa*; если отыскивать мужеское, ему соотвѣтствующее, то вышло бы коренное *Крѣкъ* (чит. *Крекъ*, или *Крякъ*); отъ сего уменьшительное, въ семъ же Помѣникѣ: *Крачѣ* (чит. Краче, Крачя), а увеличительное, въ Помѣникѣ же, *Крьчунъ*, женское *Крьчуна* по нѣскольку разъ; сему, очевидно, соотвѣтствуетъ Польское *Krak* и Чешское *Krok*. Извѣстно, что, по притяжательной формѣ (*овъ*) сего имени (Krakow), много названо мѣстностей въ *Польшѣ*, Богеміи, Помераніи и проч.; слѣдовъ сего имени въ Россіи по сію пору я не замѣтилъ, кромѣ одного, въ благородной фамиліи *Крекшинъ*. *Крека*, по видимому закону, также обратилась въ *Крекша*, какъ и *Нека* (*Неко*, муж., отсюда

Вековичъ) въ *Нѣкша*, очень часто встрѣчаемое въ грамотахъ. *Нѣкта* есть производное, слѣдующею параллелью: *Нѣкъ*, *Нѣко* муж., *Нѣка* ж. = *Нѣкошъ* и *Нѣкашъ* муж.; *Нѣкша* ж.; такъ и *Крекша* отъ *Крека*; а отсюда *Крекшинъ* матреименное. По видимому, въ имени Болгарскаго Коменданта Берника, Κραχρας, упоминаемомъ около 1002 году, есть или недослышка, или описка въ Греческомъ текстѣ; не могу повѣрить, чтобы Болгарское имя, по свойству языка, оканчивалось на Κρας: не былъ ли *Кракошъ*, *Кракашъ*, *Крекошъ*? Замѣчательно и слѣдующее: Москов. Вѣдом. за 1831 годъ N° (?), въ объявленіи о полученіи обратно писемъ съ Почтамта, между прочимъ значится «Москов. мѣщан. Натал. Марковой въ Тирасполь Е. Б. Никитѣ *Крикину*.

6) «Братъ Аттилы, *Владъ* (Βληδας, Bledas). Сіе имя у Болгаръ весьма обыкновенно, даже и въ средніе времена; оно не рѣдко означало Владислава или Владимира,» и проч.

Оно и нынѣ во всенародномъ употребленіи; какъ не сложное, а коренное, оно могло и не означать Владимира или Владислава; хотя, впрочемъ, и то не вѣроятно, тѣмъ болѣе, что и въ Русскомъ просторѣчіи сложное *Владимиръ* часто замѣняютъ уменьш. чистымъ *Володею*. Стриттеръ замѣчаетъ, что это имя Аттилина брата, въ одномъ мѣстѣ писано Βλήδας, въ другомъ Βλιδας и, наконецъ, съ перестановкою, Βδελα; это, впрочемъ, случается не съ однимъ этимъ именемъ, и ясно доказываетъ, что ошибка произошла или отъ безпечныхъ переписчиковъ автора, или первыхъ издателей, не хорошо прочитавшихъ; но какъ бы то ни было съ гласною, по крайнѣй мѣрѣ цѣлъ весь согласный составъ слова *Владъ*, которое, первые Латинскіе переводчики, по незнанію Славянскаго языка, переводятъ Bledas или, по другимъ Византійцамъ, Bladus, какъ и Σφενδοσθλαβος — Sfendosthlabus — *Сфендостлабъ*, вмѣсто *Святославъ*. *Владовъ*, съ разными уменьшительными сего имени, множество и въ грамотахъ.

7) «Сыновья Аттилы: а) Денгисихъ *Δεγγιζιχ*? *Δενζιριχος*? Динсирихъ? б) *Ηρναχ*, Ирнахъ, Ирнакъ; в) Еллакъ.» (Тамъ же.)

а) «Двоякость въ правописаніи именъ первыхъ двухъ сыновей Аттилы подтверждаетъ тоже, что сказано выше о переписчикахъ и разбирателяхъ Приска. Двойныя имена какъ Аттилы, такъ и всего его семейства, показываютъ, что рукопись Приска, какъ одного изъ древнѣйшихъ Византійскихъ писателей, много разъ бы-

ла переписываема, пока дошла до перваго своего издателя, и даже, что сія послѣдняя была очень дурно написана, такъ что разбирать словъ не Греческаго значенія было очень трудно, и ошибиться очень легко; въ этомъ отношеніи, *Денгисихъ*, как короче цѣлымъ слогомъ противъ другаго, я признаю за изуродованное, посему Διγζιριχος останется какъ настоящее или, лучше сказать, ближе къ настоящему. Имя оканчивающееся на ριχος, *ricus* (Theodoricus, Gunericus, Hunericus), показалось мнѣ не чистымъ Гуннскимъ, а Вандальскимъ, у коихъ эта форма была въ употребленіи; вотъ почему выразился я (стр. 228) слѣдующимъ образомъ: «Кажется, что Русскій Царь (Аттила), въ знакъ своего къ нему (Генсерику Карфагенскому, въ Африкѣ) уваженія, одного изъ своихъ сыновей наименовалъ Генсерикомъ по его имени. Διγζιριχος пишутъ Греки, а ошибочно и Δεγγιζιχ.»

Въ этомъ случаѣ надлежало бы отказаться отъ объясненія сего имени; ибо нужно бы углубляться въ Вандальскія древности, въ старину Помераніи, откуда выходили подобные *ricus* (впрочемъ, дѣло осталось подъ вопросомъ, дѣйствительно ли Аттила далъ сыну своему имя это изъ уваженія къ Генсерику Вандальскому; посему я употребилъ намѣкательное слово *кажется*). Впрочемъ, *ricus* встрѣчается не только у, такъ называемыхъ, Прискомъ, Гунновъ, но и у называемыхъ позднѣйшими писателями Болгаръ; былъ, около 774—777, Король Τηρελιχος (Telericus или Telerigus или еще, опиской, Tzerigus), *Тилерикъ*; но это, безъ сомнѣнія, былъ чистый Болгаринъ, съ чистымъ Болгарскимъ именемъ; посему, я сталъ предпологатѣ, что, если у Болгаръ была подобная форма, то и Аттилѣ нечего было обращаться къ Вандаламъ за своимъ Генсерикомъ или Денсерикомъ.

Но какъ было объяснить подобную форму (ricus), которой, буквально, никакъ нельзя примѣнить къ теоріи и практикѣ словопроизводства Болгарскихъ личныхъ именъ? Или Греки прибавили отъ себя цѣлую половину слова? Этого допустить нельзя; ибо, прибавить могли они только окончаніе Греческое ος, или ς, въ случаѣ, если имя въ подлинникѣ оканчивалось на *о*. Наблюдая, вообще, имена, оканчивающіяся на *ricus*, можно замѣтить, что онѣ сложныя; это показываютъ отдѣльныя слова, къ коимъ прибавляется *ricus*: Theodo-ricus, Genze-ricus, Ala-ricus, Herman-ricus. Это истина; *ricus* само собою не есть окончаніе слова Л-

тинскаго, ибо, а) оно двухсложное, т. е., цѣльное слово; б) окончаніе, на примѣръ, въ Alaricus, есть только *us*. Изъ этого выходитъ слѣдующая историческая истина, что Вандалы, или Готы, носили двойныя, т. е., сложныя личныя имена, которыя, при другихъ лицахъ, могли быть употребляемы порознь, какъ простыя личныя. Прагматическо-законное доказательство этому есть имя Gensericus, и имя племянника его Genzo. Отсюда же слѣдуетъ и то, что и *ricus* было имя само по себѣ, которое, будучи именемъ, въ сложныхъ обратилось въ форму, подобно другимъ, на пр., *славъ*, *миръ*. Сюда не принадлежитъ изысканіе Вандальскаго подлинника и значенія упомянутыхъ именъ. Такъ, стало быть, и у Болгаръ были сложныя. Я прежде не обращалъ вниманія на то, что у Болгаръ, кромѣ производно-сложныхъ (Владиміръ, Святославъ), могли и должны были быть и уменьшительно-сложныя, какъ менѣе литературныя, но за то болѣе общественныя личныя. До сихъ поръ я не воображалъ себѣ сложныхъ именъ, пока на нихъ не наткнулся въ живомъ, почти случайно, и не объяснилъ себѣ этихъ двухъ именъ на живыхъ лицахъ въ Букарестѣ. Одинъ изъ чиновниковъ Волошскихъ, если помню, извѣстный подъ именемъ Евстатіе, Болгаринъ, родомъ изъ Свищова въ Болгаріи, сказывалъ мнѣ, что имя его отца *Тилъ-Райко*. При переписи задунайскихъ переселенцевъ въ Валахіи, бывавшей у г. Нен., я слышалъ, что разговаривали однажды о какомъ-то *Генче-Райко*. Чѣмъ менѣе я могъ думать встрѣтить эти имена налицо, тѣмъ болѣе поразили онѣ меня, когда, спустя, я вспомнилъ о моихъ *ricus*; не смотря на то, *Генчъ* и *Райко* самыя употребительныя имена между Болгарами; но удивленіе мое скоро исчезло при замѣчаніи, что *Генчо-Райко* и *Тилъ* и нынѣ употребительны, при взглядѣ на частныя сложныя, *Генъ*, *Гено*, уменьшительное *Генчо*, *Генчъ*; въ Букарестскомъ Помѣнникѣ *Гонцъ*, *Генцъ*; въ грамотѣ Александра Господаря, данной въ лѣто 7079 (1571) Радулу, Драгомиру, Албулу и Нану, братьямъ, между свидѣтелями упоминается «*Гонце* Пехарникъ,» и т. д. Итакъ, Грекамъ встрѣтились лица (и навѣрное когда-либо должны были встрѣтиться, если не при дворѣ Аттилы, то, по крайней мѣрѣ, въ кухнѣ какого-либо удѣльнаго Болгарскаго Князя послѣдующихъ временъ) сложными именами, и, не зная Болгарской филологики, они вписали ихъ, какъ могли, за цѣльное слово, точно такъ же, какъ и нынѣ сдѣлалъ Грекъ же (*Яковаки Ризо Нерулосъ*) въ своей

Histoire de la Grèce moderne, гдѣ Болгарина, участвовавшаго въ войнѣ Грековъ противъ Турокъ, Капитана Калчѣ-Дымо, называетъ и пишетъ *Caldzodemos*.

И такъ, теперь ясно мнѣ, что *Генче* или *Генце-Райко* и *Тилѣ-Райко* очень естественнымъ образомъ пошли въ Gensericus и Telericus, Γενσεριχος и Τηλεριχος, т. е, должны были быть приспособлены къ Греческимъ устамъ. Ни *ч*, ни *ц*, ни *ай* у Грековъ не бывало; замѣнили своими; или изъ ραιχος α выскочило; χ въ Διγζιριχος, опискою, или ослышкою ς замѣнено сходною, и по фигурѣ и по произношенію, γ; только начальное Δ будто не указываетъ на *Генце*, а на *Денце*; но, въ семъ случаѣ, это будетъ уменьшительное имени *Данъ*: *Данъ*, *Данчо*, *Данчюло*; какъ отъ *Стоянъ*: *Станъ*, *Станчѣ*, *Станчо*, *Станчоло*, коихъ всѣхъ примѣры въ находящихся у меня грамотахъ и выпискахъ. По сему, если придержаться Δ, будетъ *Денчо-Райко*, или *Данчѣ-Райко*. Впрочемъ, въ произношеніи между *Денчо и Генчо* столь мало разницы, что я ихъ часто смѣшивалъ, вопреки всему напряженію моего слуха.

И такъ, Аттила не принималъ и не имѣлъ нужды призывать, такъ сказать, въ крестные отцы Генсерика Африканскаго. Мнѣ кажется, напротивъ, онъ адресовался въ этомъ къ своимъ старымъ, родственникамъ Гуннскимъ. Извѣстно, что Аттилѣ, въ восшной славѣ, предшествовали родственники, или дяди его отца Король Δονατος, Χαρατων, и Ρουα, о коихъ онъ или слышалъ, или въ юношествѣ подвизался. Харатона, или Карата, я объяснилъ

Δονατος, *Donatus*; первый, кажется, изъ извѣстныхъ Королей Гунновъ; его имя что-то Латиновато, *donatus*; по видимому, это *Данъ* или *Данота* (какъ Драгъ—*Драгота*, Добре — *Доброта*, Калѣ—*Калита*); по крайней мѣрѣ, именно *Донатосомъ* не назывался.

Ρουα или Ρουα, *Rua*, то же изъ первыхъ, подвизавшихся въ изгнаніи Гото-Вандаловъ изъ Россіи, имя его вѣрно: *Роянъ*, *Раянъ*; можетъ быть, уменьшительное: *Роё*, *Рае* и *Райко*, отъ ра... Замѣчательно, что всѣ почти Европейцы, обратившись въ Христіанство, должны были занять у Грековъ словечко Παραδεισος для означенія мѣста счастливой, будущей жизни: Paradisus, Paradiso, le Paradis, der Paradies, Paraditsom (Мадяр.); тол...

Славяне всѣ имѣли свой языческій *рай*; по видимому, они очень любили образовать изъ сего высокаго понятія имя личное, какъ и изъ другихъ: *славъ*, *миръ*; доказательствомъ тому множество и нынѣ именъ: *Гаянъ*, *Райно*, ж. *Райна*; *Раякъ*, *Райко*, ж. *Райка*; *Рапъ*, ж. *Рая* (что означаетъ, по сему, *mes delices*, *le petit bonheur*); *Ройчо*, *Райчичь*, *Раичь* (у Турецкихъ Славянъ, въ Сербскомъ Помѣникѣ); *Раекъ Райчикъ* (у Западн. Слав.); *Райковъ*, *Райчевичь*, *Райковичь*, *Раевичь*, *Раевскій* и проч. *.

И такъ, уваженіе не къ Генсерику, но къ собственнымъ своимъ предкамъ, къ двумъ великимъ мужамъ, освободившимъ свое отечество, и уже усиленное оставившимъ Аттилѣ, принудило сего монарха дать сыну своему, юному, имена своихъ предшественниковъ, въ уменьшительномъ видѣ: *Данно-Райко*. Слѣдов., Δονατος и Ρουα объясняютъ Διγζιρικα, а сей тѣхъ; между ними взаимные резоны, объясняющіе и подтверждающіе другъ друга, безъ принятія даже во вниманіе, 1) естественной испорченности подъ Греческими перами; 2) дѣлаемыхъ сложныхъ именъ; 3) сихъ же самыхъ, и нынѣ еще въ народѣ употребляемыхъ. Итакъ, въ имени Ρουα *Раянъ*, *Роянъ* ли, или *Рапъ*, *Роё*, заключается, что Греки, преимущественно, *я*, *ё*, *ѣ*, по неимѣнію подобнаго звука въ своемъ языкѣ, выразили чрезъ *а*. Шафарикъ, впрочемъ (въ его Über die Abkunft der Slaven. Ofen; т. е., О происхожденіи Славянъ: Budинъ. 1818, стр. 98), въ словопроизводствѣ словъ *Лучанъ*, *Бобрянъ*, *Краянъ*, ставитъ и *Буянъ* отъ *Буя*; но это слово нѣ не такъ извѣстно въ номенклатурѣ именъ, и могло быть, просто, какъ прилагательное мѣстности, хотя казалось бы, что Руянъ, или уменьшительное *Руё*, *Руя*, было бы еще ближе къ Ρουα. *De hac re examinandum uberius*). Впрочемъ, это слово вовсе не омѣшаетъ имени Ρουα быть въ самомъ дѣлѣ *Раяномъ*, или *Раёмъ*.

Странный вопросъ мнѣ пришолъ было на мысль: какая можетъ быть разница между извѣстными Вандальскими именами *Genzericus* и *Gunericus* или *Hunericus*, или *Honoricus*, или *Genericus*? Какая, по видимому, какая и между Гуннскими (Болгаро-Россославянскими) *Генцо-Райко*, и *Гено-Райко*. Но что значитъ опять *Genzo*, племянникъ Генсерика Вандальскаго въ Африкѣ, скончав-

шійся около 178 году? Что значитъ еще многое другое? Но объ этомъ побольше въ другомъ мѣстѣ.

Источникъ сего имени у Болгаръ нахожу въ словѣ Г... губитель, или *Гонянъ*, преслѣдователь; такъ, по крайней мѣрѣ, ...маю я по уменьшительнымъ *Гинъ*, *Гинчо*, *Генчъ*, *Гено*, ... *Гончо*, *Гончъ*, попеременно встрѣчающихся въ грамматѣ... *Гойно*, *Гойникъ*, *Гойна*, *Гойканъ*, *а*.

б) Ηρναχ, иначе Ηρνας, второй сынъ Аттилы. Опять ... Опять опечатка или описка? Въ моей выпискѣ изъ Серб... Помѣника находится имя *Хернакъ*, а въ другомъ мѣстѣ ... сверхъ сего, *Хранко* и *Хранисдавъ*. Эти имена принадлежатъ ... семьѣ происходящихъ отъ *Хранянъ* (*храна*, пища, воспитаніе; ... *харачь* или короче *харчь*, съѣстныя издержки; *харчевня*, *хар*... кормить).—Хранислав — воспитатель, хранитель, благодѣтель, ... короче, *Хранъ*; уменьшительное отъ *Хранянъ* или *Хрьнянъ*—... *Хьрне*, *Хрьне*, ж. *Хьрна*, а отсюда *Хрьнакъ*, *Хрьнашъ*, *Хран*... болѣе уменьшительныя простонародныя отсюда (въ Серб. ... мѣн.): *Хере*, *Херакъ*, *Хѣруша*, равно и прилагательное ... по Русски *Хрѣнъ*, подразумѣвается *корень* пищевой, или употреб... ляемый съ пищею. Перестановка *е* через *р* очень обыкновенна у Задунайцевъ, на пр., *Гьрдина*, вмѣсто *Градина* и проч.

Впрочемъ, это объясненіе словопроизводства здѣсь почти ... лишнее, потому что *Хернакъ* буквальное и именное имя въ ... мѣн. Сербскомъ, съ другими видами онаго; посему, Греческое ... или Η я предполагаю, въ первоначальномъ текстѣ, съ гор... нымъ удареніемъ ῥρναχ или Ἡρναχ; посему, въ Латинскомъ пе... реводѣ будетъ не Ernach, какъ у Стриттера, но *Hernach*; ... гортанное могло замѣнить χ гортанное же.

Въ заключеніе къ сему прибавлю: что на Руси *Херакъ* было ... нѣкогда народнымъ, показываетъ фамильное *Хераковъ*; Ива-... *Ивашъ*-*Ивашко*; Петръ-*Петрашъ*-*Петрашко*; Хранъ-*Хернашъ*, ... *рашъ*, *Херашко*, которое Молдаване произносили *Хераску*, ... *Филипеску*, *Голеску*, отъ Филипешко, Голѣшко, Славянскаго. Го... рятъ, что предки извѣстнаго подъ симъ именемъ Русскаго ... теля вышли въ Россію подъ именемъ *Хераску*.

в) *Еллакъ*. Сего имени нѣтъ у Приска; оно сохранено *; въ Сербскомъ Помѣникѣ встрѣчаются женскія: *Ела*, *Елка*, *Елица*, *Елика*, которыя требуютъ мужскихъ, имъ соотвѣствующихъ, *Елакъ*, *Елецъ*, *Елчо*, *Елко*. Elitzes, Ηλιτζης упоминается въ Болгарской Исторіи, около 1015 году, *Милинскій* или *Моглинскій* Князь (Princeps Moglenorum), *Елецъ* ли, Елчо ли все' равно.

8) Приближенный Аттилы и главный Воевода—Ονηγησιος въ печатномъ Прискѣ; *Onegesius* пишутъ Латинскіе его переводчики: имя съ перваго взгляду мудреное. Мы видѣли выше, въ изложеніи формъ, между прочими именами, и *Нѣгъ*, *Нѣганъ*, *Нѣгой*, *Нѣгомиръ*, *Нѣгословъ*, *Нѣгоша*, *Негованъ*, *Нѣгошъ*, *Нѣгишъ*; и сіе послѣднее, по тому же закону языка, по которому и *Опришъ* отъ Опре, *Удришъ* отъ Удре, *Добрашъ* отъ Добре, т. е., потому же свойству, по коему и въ Русскомъ языкѣ: *Чернышъ* (евъ), *проигрышъ*, *выкидышъ*, *найденышъ* и пр. *Нѣгишъ* и нынѣ въ употребленіи, вмѣстѣ съ прочими своими родными.

И такъ, Прискъ написалъ ὁ Νηγησιος; ος Греческое окончаніе, а ι прибавилъ, чтобъ буквѣ σ придать болѣе шипѣнія, въ замѣну Славянскаго *ш*; и нынѣшніе Греки ὁ Προτασιος произносятъ почти за *о Протасосъ*. Прискъ выписалъ имя вельможи, у коего имѣлъ честь гостить, по своему, отмѣнно хорошо; но издатели его сдѣлали грубую ошибку, можетъ быть, по невѣдѣнію соединивъ членъ ὁ съ именемъ Νηγησιος, откуда и вышло Ονηγησιος, точно такъ же, какъ сдѣлали и издатели Пахимеровой Исторіи, въ коей ὁ Σφενδοσθλαβος перемѣнили въ Οσφενδοσθλαβος, а переводчикъ *Святослава* (Болгарскаго) въ *Osphendosthlabus*; этому и другіе есть примѣры, какъ въ словѣ Ομουδιος.

Вотъ почему Стриттеръ, въ своихъ Memor. populorum, пишетъ *Onegenius*; вотъ почему и *азъ грѣшный*, въ запискахъ Приска, моего *Нѣгиша* величаю *Онигизіемъ*!! Вотъ какимъ путемъ изуродовано Славянское имя въ Славянской же книгѣ: дурачество одного можетъ обмануть другаго, другой меня, я дальше, и такъ далѣе!

Прибавлю: на Руси я вижу нынѣ: *Нѣгинъ*, *Онѣга*, *Онѣгинъ*.

9) Εδέκων, *Edecon*, мужъ, извѣстный своимъ посольствомъ отъ Аттилы въ Константинополь, храбрый военачальникъ, и управ-

---

* Пробѣлъ.

лявшій, какъ видно, иностранныхъ дѣлъ канцеляріею Аттилы; отъ *Дѣянъ*, уменьш. *Дѣо*, *Дѣйко* и *Дійко* по грамотамъ; Греки не могутъ *о* на конецъ произнести безъ *н*: Дѣйко-ν, а тамъ придаточное ε, съ котораго Славянскія слова не начинаются: ε-Дѣйко-ν,

10) Ησλα, въ другомъ Εὐσλας; *Esla* переводитъ Стриттеръ.

«Явно, остатки имени, оканчивавшагося на *славъ*. Находимъ, что Византійцы, въ позднѣйшія времена, Болгарскихъ *Воеславовъ* именовали *Βοησλας*, *Βοησιλας*, *Βοΐλας*; онъ былъ нѣсколько разъ посланникомъ Аттилы въ Константинополѣ.»

Βοΐλας и Τζιγατος упоминаются послы Болгарскаго Короля къ Константину Копрониму, въ 774 году. Я предполагалъ, что изъ Βοησλας (*Воеславъ*) слово испорчено въ текстѣ въ Βοηλας или Βοΐλας. *Воеславъ* дѣйствительно было употребительно у Болгаръ; въ исходѣ XIII вѣка Βοησιλας, братъ Короля Святослава, Господарь-Князь Болгарскій; въ то же время Βοσσιλας опискою вмѣсто Βοησιλας, братъ *Радомира* Севастократора. Греки между σ и λ вставили ι по той же причинѣ, по коей, въ другихъ случаяхъ ставятъ χ или ϑ: Σχλαβηνοι, Σϑλαβουνοι; то есть по тому, что сл вмѣстѣ для нихъ непріятно, и что у нихъ ни одно слово не начинается съ *сл*; ας вм. *авъ*, потому что *въ* тоже не Греческое окончаніе; они съ нимъ тоже сдѣлали, что и Французы съ Станиславомъ: Stanislas, Boleslas etc; впрочемъ, въ иныхъ случаяхъ, Греки же къ *в* ставили ος. И такъ, называя Воеслава *Воисиласомъ*, я былъ бы также смѣшонъ, какъ былъ вмѣстѣ съ Стриттеромъ и другими учеными, называя Нѣгиша *Онигизіемъ*! Семья, къ коей *Воеславъ*, какъ сложное, принадлежитъ, довольно значительна: въ Сербскомъ Помѣникѣ нѣсколько разъ *Буянъ* вмѣсто *Воянъ*; въ грамотахъ очень часто встрѣчается происходящее отсюда: *Войне*, *Войнѣ*, женское *Война*; отсюда же (какъ и отъ Боянъ, Бойне, Бойо, Бойко, Боейко) и *Войе*, *Войко*, *Воейко* (Воейковъ); впрочемъ, хотя изъ Βοιλας могло выпасть σ, однако и отъ Воянъ могло быть уменьшительное *Войло*, какъ отъ Драгъ, Драганъ, *Драголо*, *Драгойло*, Радъ, *Радо*, *Радойло*, Мънѣ, *Мънойло*, Яго, *Ягойло*; все равно, то ли, или другое.

Можетъ быть, что Ησλα или Εισλας, на семъ основаніи, дѣйствительно *Воеславъ*, какъ я его называлъ въ переводѣ Приско-

ныхъ Записокъ, полагая, что *славъ* само по себѣ не можетъ быть отдѣльнымъ именемъ и что только годится для составленія сложныхъ; но я ошибся. *Славъ*, какъ безпримѣсное имя, встрѣчается въ грамотахъ; отъ него очень употребляемы личныя же: Славко, Славка, Славенъ, Славна; посему, Ησλα могло бы быть просто *Славъ*.

Но, если принять слово Ησλα, или какъ замѣчаетъ еще Стриттеръ изъ другаго мѣста, Εισλας, въ народномъ подлинникѣ, за односложное, то раждается вопросъ: почему прибавлена къ нему гласная η, или двѣ гласныхъ Ει, то есть, прибавленъ другой слогъ? Скажете, что собственное иностранное имя не ловко показалось Приску односложнымъ, и что, посему, прибавилъ въ началѣ слова ἡ, и, наконецъ, что подобнымъ прибавленіямъ примѣры приведены мною выше; но 1) означенныя прибавленія явны; здѣсь же другой случай, а именно имя, которое также могло быть въ подлинникѣ сложнымъ, какъ и простымъ; сверхъ сего, прибавленія и убавленія, или же испорченія именъ, не подвергаются постояннымъ законамъ, но произволу лѣтописцевъ и судьбѣ рукописей; 2) если Приску хотѣлось прибавить другой слогъ, то развѣ не могъ онъ, скажу вамъ, гораздо лучше и естественнѣе, къ σλαβ привить Греческое окончаніе ος—Σλαβος, или Σθλαβος, или даже Σλας? Сверхъ сего, почему въ другомъ мѣстѣ даже прибавлено Ει? Разница въ этихъ прибавкахъ показываетъ, что имя это не хорошо прочтено, или дѣйствительно дурно было выписано: тутъ очевидно η осталось отъ передняго слога, или части слова, которое, но, не оканчивалось на ο: *Драго-Радо-Свято*-славъ, или на ι: *Вади*-славъ, но именно на ε (η), какъ въ Воеславъ—Βοησλας (а это даже ударяетъ ε въ Εισλας), точно какъ и другой Грекъ, XIII вѣкѣ, Воеслава писалъ Βοησ(ι)λας; наконецъ, Прискъ самъ могъ немножечко не разслышать *вое*, которое такъ близко подходитъ къ *ое*. И то даже очень вѣроятно, что, если это имя было *Οησλας*, или (ut tunc) οησλας, то или переписчики, или каллиграфщики ο изъ Прискова οησλας приняли здѣсь за членъ, и отдѣлили отъ слова ὁ Ησλας; или даже, можетъ быть, что самъ Прискъ машинально принялъ ο за членъ, и посклонялъ его въ прочихъ падежахъ. (Videndum, in quo casu prima mentio Onegesii et Eslae). Какъ бы то ни было, но я очень хорошо сдѣлалъ, что въ Запискахъ употребилъ *Воеслава*, какъ имя нынѣ извѣщенное.

11) *Ωηβαρδιος*, дядя Аттилы; *Oebarsius* пишетъ Стриттеръ; *Эварзій*; по Стриттеру, писалъ и я въ Путев. Запиcк. Приска (Том. I, стр. 154).

Почти постоянно, Латинскіе переводчики съ Греческаго, въ собственныхъ именахъ β переводятъ чрезъ *b:* Βλαχος, *Blachus* и проч.; я самъ придержался этой извѣстной мнѣ привычки почти машинально; *oe* выразилъ чрезъ *э*; и вотъ какъ *Оиварсъ* или, по крайней мѣрѣ, *Оиварсъ*, уже и Греками, по видимому, измышленное и выписанное не точно, у меня очутилось *Эварзій*! Впрочемъ, имя это было тогда для меня недоступно, и я оставилъ его въ покоѣ, не впуская его ни въ какія догадочныя словопроизводства.

И это слово имѣло дѣло съ типографщиками, или переписчиками; отнимемъ членъ ό, прилѣпленный къ слову, выйдетъ ό Ηβαρσιος, т. е., имя *Еварсъ*, *Иварсъ*; я не нахожу другаго народнаго имени, которое бы начиналось съ *е* или *и*, и походило бы по составу на это, кромѣ языческаго *Иваш*ъ (отъ *ива*), которого мы видѣли разные виды въ Иванъ, Ивашко, Ивка, Ива, Ивица, Ивка *; вѣрно то, по крайней мѣрѣ, что Славянскія имена не оканчиваются на *съ*; вмѣсто сего, мы видѣли *ашъ*, *ешъ*, *ишъ*, *оишъ*, *ышъ*; сверхъ сего, окончаніе на ιος, въ Ηβαρσιος, есть умягченіе σ или подражаніе Славянскому *ш*, какъ мы видѣли при имени *Нѣгишь*; по сему, кажется, должно быть, кромѣ Греческаго окончанія ος, *Иваршъ*; ρ вброшено случайно, или, можетъ быть, преобразовано изъ длиннаго и двойнаго ςσ; можетъ быть даже, что вмѣсто ς стояло высокое τ, употребляемое древними вмѣсто τ, въ подражаніе Болгарскому Воеводѣ *Ивацъ*, бывш. около 1015 году, коего Греки пишутъ Ιβατζης.

Ивашковъ много въ грамотахъ и въ Букарестскомъ Помянникѣ; мнѣ извѣстны фамиліи Русскія: *Ивашевъ*, и *Ивковъ*; но сей *Ивашъ* и *Ивко*, были нѣкогда, до введенія Календарскихъ заковскихъ, на Руси личными именами.

12) *Βεριχος*, Berichus; владѣтель многихъ селеній въ Скиѳіи; на стр. 155, въ скобкахъ, я прибавилъ «(или Берисъ).»

---

* Въ Россіи фамильныя: *Ивковъ*, *Ивашкинъ*, *Ивашкевичъ*, *Ивковскій*, у Карпато-Россовъ тоже и *Ивашинецъ*.

Буква *в*, въ имени *Верихъ*, можетъ быть въ двоякомъ смыслѣ; или подлинное слово начиналось дѣйствительно съ буквы *в*, или же съ буквы *б*, которую Грекъ выписалъ обыкновеннымъ образомъ чрезъ *в*; въ этихъ-то двухъ отношеніяхъ добиваться подлиннаго имени.

а) Я не помню на сей разъ ни одного имени у Задунайскихъ Славянъ, ни по грамотамъ, ни въ Помѣникахъ, ниже въ народѣ, которое бы, начинаясь съ *в*, заключало въ себѣ буквы *р* и *х*, или, к, какъ составляющія основныя части имени (ибо гласныя не могутъ быть взяты въ уваженіе безусловно, потому что онѣ именно подвергаются измѣненію, какъ въ ослышкѣ, такъ и въ правописаніи, склоненіи, или же произношеніи иностранномъ).

б) Если же читать *Берихъ* вмѣсто *Варихъ* (что, впрочемъ, можно сдѣлать по тому же праву, по которому Βούλγαροι, Αλβανιται читаемъ *Болгаре*, *Албанцы*, а не *Волгаре*, *Алванцы*), то *брх*, или лучше, по видимому, *брк*, указываетъ, что это имя принадлежитъ къ семейству тѣхъ, которыя происходятъ отъ глагола *беру*; семья личныхъ именъ, происходящихъ отъ сего глагола, довольно многочисленна; первое форменное, обыкновенное у Болгаръ и Сербовъ: *Бранъ*, Брана, Бранко (Бранковичь), Бранка, Браница; или Беръ (Боръ), Беранъ, Берко, Борчѣ, Берица, Берница, ж.; Беривой (у Чеховъ и Померанцевъ: Боривой), Берславъ. Тамъ же отъ Берко-Беркань, Беркана; отъ Боръ-Бора, *Боринъ*; наконецъ, *Боръ* или *Беръ*, въ сложныхъ служитъ формою, какъ *Славъ* и *Миръ*: Златиборъ, Ратиборъ, Радоборъ (Αρδαβουριος), Бѣлоборъ, Забор, Велиберъ (Bilibertus), Годоберъ (Dagobertus), Лютоборъ (vid. Schaffar. стр. 58) и проч., Боришъ, Борисъ, коего въ Россію перенесла изъ Болгаріи супруга Владиміра Великаго, мать *Бориса* и *Глѣба*. Можетъ быть кто скажетъ, что упомянутыя выше на *боръ* происходятъ не отъ *беру*, а отъ другаго глагола *бороться*, который также употребителенъ у Болгаръ, какъ и у Россіянъ. Положимъ, что это вѣроятно, или даже справедливо, но все правда останется за мною, ибо и *бороться* происходитъ отъ *беру*, т. е., схватываюсь, обнимаюсь, тягаюсь; также отъ *беру* и *оборъ*, т. е., плетень, обхватывающій гумно; сравни также *выборъ*, *приборъ*, *сборъ*, *уборъ* и проч. Итакъ, по составу слова Βεριχος, будетъ подлинное *Берихъ* или *Берикъ*, имя чистое Славянское; и, если женское въ Сербскомъ Помѣникѣ встрѣчается *Берица* (и Берица, короче, можетъ быть въ другихъ источникахъ),

то какъ будетъ мужеское? *Берникъ* и *Берикъ*. Хотя, впрочемъ, это окончаніе свойственно Славянскому языку, однако я по одному примѣру подозрѣваю, не было ли въ подлинникѣ это уменьшительное въ другой формѣ. Мнѣ не случалось находить у Болгаръ имя *Миникъ*; но есть во множествѣ *Минко*; Грекъ, упоминающій обѣ немъ (какъ о Болгарскомъ послѣ въ Цариградѣ въ царствованіе Романа Лакапина), пишетъ его Μήνικος. Разумѣется, что Грекъ къ Минко прибавилъ, для именительнаго, ος Μήνκος; для болѣе пріятнаго выговора вставилъ ι Μήνικος; переводчики это пишутъ: *Menicus*; теперь для Русскаго склоненія, Греч. ος или Лат. *us* отбрасывается Πέτρος — Petrus — Петръ; если Μήνικος или Menicus просклонять по Русски, т. е., очистить отъ Грецизма и Латинизма, то выйдетъ *Миникъ* или *Меникъ*; но будетъ ли это Славянское слово очищено отъ иноплеменной нечистоты, если мы вмѣсто *Минко*, *Минка* станемъ склонять *Меникъ*, *Меника* и т. д.? Кажется, что и *Берикъ* находится въ подобныхъ обстоятельствахъ. Сверхъ сего, *икъ* не такъ свойственно Болгарамъ и Сербамъ, и даже Малороссамъ, какъ *ко* соотвѣтствуетъ обычному *икъ* у Западныхъ Славянъ, т. е., потому и другому поводу, я думаю, что имя было не *Берикъ*, а *Берко*.

Правда, *Берко* не встрѣчалось мнѣ въ грамотахъ; но за то на всякомъ шагу попадалъ я на образуемое изъ онаго качественное уменьшительное *Бьрканъ*, *Баркинъ*, *Брьканъ*.

Такимъ образомъ объясняю я себѣ мой Гордіевъ узелъ, и тѣмъ оканчиваю критическое разложеніе всѣхъ именъ Аттилина семейства и прочихъ, такъ называемыхъ, Гуннскихъ его вельможъ, о которыхъ только упоминалъ Прискъ въ своихъ путевыхъ Запискахъ.

Этого, кажется, достаточно для того, что могла отъ меня требовать строгая и разборчивая Критика. Не смотря на это, я упомяну еще о другихъ Гуннскихъ именахъ, которыя приводитъ другой Греческій писатель, жившій столѣтіемъ позже Приска, и отчасти налицо знавшій Гунновъ: это *Прокопій*. Можетъ быть не удастся мнѣ до ногточки же разобрать и его имена, ибо можетъ быть, они у него испорченнѣе, можетъ быть у него слухъ хуже былъ, нежели у Приска, можетъ быть его рукопись подвергалась другой особенной участи, можетъ быть онъ и самъ нерадѣлъ о правильности, или точности, можетъ быть... Но чего еще быть не можетъ?

Пусть такъ или иначе, я приведу вкратцѣ и его и другихъ писателей имена, по крайней мѣрѣ по тому, что въ I томѣ моихъ изъисканій о нѣкоторыхъ, изъ оныхъ я упоминалъ.

«*Αἴγαν Айганъ*, (томъ I. стр. 96), начальникъ Гуннской конницы, находившійся въ службѣ Имперіи, приближенный Велизарія; такъ пишутъ это имя при описаніи войны съ Вандалами въ Африкѣ; при описаніи же войны съ Персами въ Азіи называютъ его *Авганомъ*, *Αὐγαν*; у Болгаръ было довольно именъ, кончавшихся на *канъ*, производимыхъ отъ словъ, кончащихся на *акъ, екъ, онъ, инъ;* ближайшее къ сему было имя воеводы *Кавкана, Καυχαν*.»

Объясненіе, хотя неошибочное, но такъ краткое, что само по себѣ требуетъ дальнѣйшаго объясненія и подтвержденія. Дѣйствительно, въ Болгарскомъ и Сербскомъ много именъ, оканчивающихся на *Канъ*; онѣ будучи качественныя, точно образуются изъ уменьшительныхъ, на пр., Раекъ, *Райканъ*, но только не отъ *акъ*, *екъ*, но отъ *ко*: Райко-*Райканъ*, *Бойко-Бойканъ*, *Стойко-Стойканъ*; сюда и другія: *Койканъ*, *Мирканъ*, *Бьрканъ*, *Войканъ*, *Милканъ*, *Живканъ*, *Татрьканъ*, *Удриканъ*, *Петриканъ*, *Тудорканъ*, *Ражканъ*. Сверхъ сего и качественныя простыя, производимыя отъ существительныхъ, кончащихся на *къ*: Бълкъ-*Бълканъ* (*Вуканъ*, Сербск.) и проч.

Итакъ, предполагая, что въ имени Αἴγαν, *г* поставлено Греками вмѣсто *к*, т. е., что въ подлинникѣ было, по видимому, *Айканъ*, я и подвелъ это имя подъ общее правило производныхъ на *канъ*; но если разложить это имя, т. е., отбросить приросшее *канъ*, то останется чистое слово или корень *Ай* (Αἴ) или *Ав*, Αὐγαν; а какъ подобнаго простаго имени или слова нѣтъ, то изъ этого слѣдуетъ, что γαν или γ, по крайней мѣрѣ, должно принадлежать къ самому корню имени, если отдѣлить *анъ*, какъ слово-производный наростъ; отсюда выйдетъ имя простое Αἴγ (Айгъ); однако, и это такъ остаться не можетъ, ибо не только Славянскія имена, но и обыкновенныя слова, съ *а* не начинаются и не начинались, а начинались съ умягченнаго *а*: это *я*; по сему, подлинникъ былъ: *Ягъ*. Доказательствомъ тому то, что Грекъ, не имѣя *я*, старался выразить оное, смягчивая *а* посредствомъ *и*: Αἴγαν, что, по Славянскому подлиннику, *Яганъ*, *Ягъ*. Я не находилъ этого имени въ грамотахъ; нашелъ, однако, въ Сербскомъ Помѣникѣ женскія: *Яга*, и производныя: *Ялга*, *Яглика*, *Ягнина*, *Ягода*, *Якша*. Теперь, изъ этихъ женскихъ, от-

4

роемъ соотвѣтствующія имъ мужескія; 1) простое: *Яга*, мужеск. *Ягъ*. Кто не помнитъ на Руси повѣсти о Ягѣ бабѣ? 2) производныя: а) *Яганъ*, отъ сего *Ягне* (какъ отъ Драганъ-*Драгне*, Душанъ-*Духне*), женское *Ягнина*; б) по другой Славянской формѣ производства на *ало*, *оло*, *ило*, *уло*, или *айло*, *ойло* (Драголо, Радоло, Владоло, Мироло, Сербало, Качало, Дадуло, Владуло *Болг.*; Стрекало(въ), Шипило(въ), Путило(въ), Брусило(въ) Башило(въ) *Русск.*; Ягало или Ягало, женск. Ягла, Яглйка. Кто не помнитъ у Литвороссовъ имени *Ягайло* (Jagello.)? в) на *ода*: *Ягода* (Легъ, Лагъ) *Лагода*, а по переставкѣ, *Ладога*; 2) Нѣгъ-*Нѣгишъ*, женск. *Нѣкша*; Ягъ *Ягишь* ж. *Якша*; *г* въ произношеніи передъ *ш* превращается въ *к*: въ Ягша вѣчно слышно *к*. Кто не помнитъ Русскаго слова, въ просторѣчіи, *якшиться*?

«Сверхъ сего, есть еще и другія Русскія имена, кончащіяся, подобно Болгарскимъ, на *анб*: *Авканб* предводитель своей конницы въ службѣ имперіи противъ Персовъ; *Херсоманб*, *Χορϐομανος*?; *Эсманб* *Αἴϐμανος*? Приближенные Велизарія.» (Тамъ же.)

Замѣчательно, что у Болгаръ и Сербовъ есть довольное число именъ, оканчивающихся на *манъ*, и происходящихъ отъ словъ на *мъ* или *ма*: Шумъ (лѣсъ) *Шуменъ*, *Душманъ*, *Шишманъ*, *Шиша* (пуза), выпуклость; въ Русск. уменьш. *Шишка*, *Радманъ*, *Колманъ*, или *Коломанъ*, *Нѣманъ*, *Костроманъ*; почти всѣ историческія лица:

Шишманъ княжилъ въ Болгаріи около 1206 г., въ Просѣкѣ и окружныхъ мѣстахъ; Грекъ его пишетъ Ἐζυΐσμενος, *Езіесменъ*; вотъ еще примѣръ въ подтвержденіе, что *е* прибавлено въ Εδηκον, Дѣйко (см. выше). *Шишманъ*, Болгарскій Король въ Терновѣ около 1350 годовъ; пишется Σουσμανος, *Сусманосъ*! Этотъ былъ послѣднимъ Королемъ Болгаріи, падшей подъ иго Турковъ; онъ былъ чрезвычайно толстъ, по сему вошелъ въ пословицу, такъ что иные, не только Болгаре, но и Турки, всякаго толстяка называютъ Шишманомъ.

Радманъ, въ Сербскомъ Помѣникѣ и проч., отъ *Радома* вм. *Радомость* (какъ въ: безъ *вѣдома* вм. безъ *вѣдомости*); сюда и *Радимъ*, и мѣста *Радимль*, *Радомль*, *Радомье*, въ Россіи: Болгаріи, и другихъ Славянскихъ земляхъ.

Колманъ или *Коломанъ* I, Καλλίμανος, Болгарскій Король около 1245 года; *Коломанъ* II, Болгарскій Король около 1257; *Кълманъ*, въ Букар. Помѣникѣ (какъ цѣльное: *Кале*, *Кальчо*, *Калица*,

уменьш., въ граматахъ, и въ Букарестк. Помѣникѣ, и нынѣ употребляемые; и производное: *Калота* въ Пом., *Калита* у Русскихъ.

Коломанъ, Король Венгерскій, сынъ Короля (Св.) Владислава I, зять Ярополка Кіевскаго; *Коломанъ*, Царевичь Венгерскій, Король Червенской Руси (Красно-Россіи, нынѣ Галиціи); *Кулиманъ*, прозвище у Карпато-Россовъ, происходитъ отъ *Колома*; отсюда-то и званіе городовъ: *Коломны* въ Московской губерніи, *Коломеи* въ восточной Галиціи.

Нѣманъ, Князь Сербскій.

Костроманъ, Князь Сербовъ Боснійскихъ, около 1244.

Теперь, если надобно объяснить Χορσομανος, то первое бросится въ глаза, что имя въ подлинникѣ дѣйствительно кончилось на *манъ*; Χαρσο же будетъ то, что «*Хриза*, Великій Спатаръ,» какъ свидѣтель въ Хрисовулѣ Константина Господаря, данномъ, въ лѣто 7162, Митрополіи Терговищской; или какъ свидѣтель же «Паль *Хриза*, Великій *Банъ* «Кралевскій,» въ грамотѣ Матвѣя оной же Митрополіи отъ лѣта 7145; или же «*Хриза*, Великій Дворникъ» въ грамотѣ Александра отъ 7137. Часто это имя пишется и *Хризъ*, *Хрьзъ*.

Что такое Αισχμαν, не легко отрыть на сей разъ, принимая оное буквально; но по составу, вмѣстѣ σχμ, видно, что въ словѣ описка, и что χ не на своемъ мѣстѣ, что съ *а* имя Славянское не начинается, что слово очитано или описано, что χαισμαν выразитъ вполнѣ *Шишмана*.

«Ουτουργουρ, *Утургуръ*, первый король Утургуровъ, неизвѣстнаго времени. Κουτουργουρ, *Кутургуръ*, первый король, неизвѣстнаго времени, по Прокопію.»

Прокопій два сосѣдственныя Гуннскія племена означаетъ подъ упомянутыми именами, между коими вся разница состоитъ въ одной лишней буквѣ *к*. Я уже замѣтилъ (въ 1 томѣ), что въ этихъ мнимыхъ двухъ разныхъ именахъ двухъ Гуннскихъ племенъ заключается собственное имя народа *Болгаре*, Βουλγάρα, не точно выписанное. Имена же мнимыхъ этихъ королей, того же разбору, каковаго и *Чехъ*, *Ляхъ* и *Руссъ*, т. е, просто выдуманныя, по смѣшному силлогизму лѣтописца: народъ могъ назваться отъ Короля, слѣдственно, былъ Утургуръ и Кутургуръ!

«Σανδιλ, иначе Σανδιλχος и Σανδικλος, Король Гунновъ-Утургуровъ Прокопіевыхъ 551 — 559.

Сдѣсь припомнимъ себѣ извѣстныя Славянскія: *Судимиръ*, Sandomirz, *Судиславъ*; въ Сербск. Помѣп. *Садивой*; въ Букарестскомъ довольно часто женскія *Сайда* и *Саида*; мужеское *Сундулъ* по Волошскому произношенію, а по Болгарскому *Саидоло*, *Саидойло*; по Русск. *Судило*. Кажется, что Греческое довольно выражаетъ народное имя. Впрочемъ, изъ Σανδίλχος или Σανδιλχος, ошибочно чрезъ перестановку, Σανδιχλος; видно, что имя въ подлинномъ Славянскомъ было *Сѫндилко*, *Судилко* или *Сандилко*, одно и тоже, подобно *Неделко* и другимъ.

«*Χινιαλος* и *Σιννιων*, или ошибочно, *Σιδιννιος*, Короли Кутургуровъ около 551 году.»

Въ грамотѣ встрѣчается *Хоной*. Думаю, что производное *Хонило* или *Хонайло* выражено посредствомъ Χιναλος. Или развѣ тоже Гоянъ, Гойно, Гойникъ, Гоймиръ, Гойнило, или Генъ, Гинѣ, Гинайло? Въ Букарестск. Пом. муж. *Синь*, ж. *Сійка*; въ грамотѣ *Синикоарь* или лучше *Синикарь*.

«*Αναγαιος*, Anageus, Король около 580 года.»

«Въ этомъ имени явный составъ *Нѣгиша*, выраженнаго Прокопіемъ хуже, нежели Прискомъ.»

«*Ζαβεργαν*, иначе *Ζαμεργαν*, Zabergan, Король, около 559.»

По видимому, *Берканъ* или *Заберканъ* (см. выше семью отъ глагола *беру*, равно и *заборъ*); впрочемъ, и *Заверганъ* Славянское слово; однако чрезъ μ въ Ζαμεργαν Прокопій, очевидно, хотѣлъ выразить *б*, также губное, какъ и *м*.

«*Αμβαζουκης*, владѣлецъ Каспійскихъ воротъ во время Анастасія Императора.»

Ζιλιγδης, иначе Ζιλγβι, иначе Ζιαγβιρ, Гуннскій Король, во время Іустина I; убитъ Персидскимъ Королемъ, Кабадомъ.»

Эти два послѣднія лица могутъ и должны быть загадочны для этимолога; онѣ, по замѣчанію Прокопія, относятся къ неизвѣстному Гуннскому племени; сверхъ сего, отдаленность ихъ на Кавказѣ можетъ допустить, что они не были настоящими Гуннами, а только въ Гуннской службѣ, уроженцами Грузинскими, посему считаемыми за Гунновъ. Такъ можно бы сказать, полагаясь на необъяснимость ихъ именъ; впрочемъ, можно бы, по очисткѣ, объяснить оное изъ Славянскаго языка; но какъ узнать, которое изъ трехъ правописаній ближе къ подлинному?

«*Горδας*, Король Гунновъ, около Воспора города, крестившійся и убитый своими около 527 году. (Въ I томѣ, стр. 96, сказано опечаткою въ 627 году).»

О семъ имени нечего болѣе говорить; оно извѣстно ужѐ и объяснено въ I томѣ.

«Μοαγερας, иначе Μουαγερης, братъ и наслѣдникъ предшествующаго.»

Имя это можно прочесть буквально: *Могарь*, подобно Другарь, Ключарь и проч. У Болгаръ были, и теперь еще существуютъ, личныя отъ глагола *могу*: *Моганъ*, *Могана*, *Могошъ*, *Можко*, *Могой*; *Могаря* я не встрѣчалъ, но почему и ему нельзя бы быть? Во вторыхъ, можно прочесть, примѣняясь къ Греческому образу правописанія; Греки часто выражаютъ Славянское *б* другими губными: *в*, *м*, *п*, т. е., имя могло быть и *Богарь*. Славяне Болгарскіе отъ слова *Богъ* имѣютъ нѣсколько именъ; въ Букарестскомъ Помѣнпкѣ слѣдующія: *Богданъ*, а, *Божко*, *Бъжанъ*, по Русск. *Божан*(овъ), *Бужоръ*; въ Сербскомъ: *Божа*, *Бошко* (вм. Божко), Богой, *Божица*, *Божана*; наконецъ, вообще на *ачь*, *апъ*: богатъ, *Богачь*; почему и не *Богарь*? Итакъ, такъ ли прочесть, или попрежнему, все выйдетъ Славянское слово; и развѣ братъ Гордана не долженъ носить имени Славянскаго же?

Около 860 годовъ, Болгарскаго Короля крестившагося, Греки пишутъ: Βογορ, Βογορις или иначе Γοβορις; не есть ли и это *Богарь*, если не Борисъ? Во вторыхъ, около 527 годовъ Христіанство нашло въ братѣ Гордана ревностнаго защитника *боговъ*; не отсюда ли и *Богарь*, его имя?

Γλωνης или Γλωης и Στοραξ.

Имена Гунновъ, служившихъ Имперіи: а) въ войнѣ противъ Вандаловъ:

Βαλας (*Балашъ* или *Балъ*), начальникъ Гуннской конницы.

б) Въ войнѣ противъ Готовъ, кромѣ вышеупомянутыхъ:

Ζαντηρ, Zanter.

Βουχας, *Buchas*, Свитскій Велизарія.

Βουλγουδου, *Bulgudu*, Свитскій Валеріана, спасшій городъ Анкону, осаждаемый Готами.

Ολδογανδων, *Oldogando*, начальникъ гарнизона въ Перуджіо (Praesidio Perusino).

Χαλαζαρ, *Chalazar*, гвардѣецъ (praetorianus), убитъ при взятіи цитадели Castello Rusciano a Tosila.

Ουλδαχ, *Uldach*, начальникъ вспомогательныхъ Гуннскихъ войскъ.

в) Въ войнѣ противъ Персовъ начальники Гунскихъ войскъ.
Συνικας, *Sunicas*.
Αυγαν, иначе Αἵγαν, Augan.
Σιμας, Simas.
Ασκαν, Ascan.
Αργηκ, Argek, Преторіанецъ.
Ελμιογουρ, Elmiuzur, начальникъ войска, взявшій Археополь, городъ Лазовъ.
Βαλμαχ, Balmach, Ιλιγερ, Iliger, Κουτιλζις, Cutilzis, } начальники Савирскихъ вспомогательныхъ войскъ въ службѣ Имперіи.
Αψιχ, Apsich, при Импер. Маврикіѣ, военачальникъ.

Изъ колѣна Акатировъ:

Κουριδαχος, старшій сынъ Аттилы.

Изъ колѣна Кидаритовъ:

Κουγχας, l. Γουγχας, Cunchas, около 457—474 годовъ.

Изъ колѣна Савировъ:

Βαλαχ, l. Μαλαχ, Balach, до 527 год.
Βυαρηξ, l. Βαρηζ, около 528 г., вдова предшествующаго.

Д. Чл. Юрій Венелинъ.

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ

РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

1889 ГОДЪ.

КНИГА ВТОРАЯ

СТО СОРОКЪ ДЕВЯТАЯ.

ИЗДАНА

ПОДЪ ЗАВѢДЫВАНІЕМЪ

Е. В. Барсова.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1889.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОЙ КНИГИ ЧТЕНІЙ 1889 ГОДА,

I. МАТЕРІАЛЫ ИСТОРИЧЕСКІЕ.

II. ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

I.

МАТЕРІАЛЫ ИСТОРИЧЕСКІЕ.

АКТЫ

ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ИСТОРІИ РАСКОЛА ВЪ XVIII В.

.—1725 г. іюля 5. Объявленіе отъ Святѣйшаго Правительствующаго Всероссійскаго Синода во увѣщаніе обрѣтающимся во всемъ Россійскомъ государствѣ раскольникамъ.

Прешедшаго іюля 5-го [1]) дня сего 1725 года всепресвѣтлѣйшей [2]) самодержавнѣйшей, ея императорскому величеству, Екатеринѣ Алеѣевнѣ, самодержицѣ всероссійской, содержащагося въ расколѣ Санктъетербургской портовой таможни досмотрщика Ивана Михайлова въ оданномъ своеручномъ повинномъ прошеніи написано: рожденіе его лонецкаго уѣзду, дворцовой волости, Толвуйскаго погоста въ деревнѣ лубовой, крестьянской сынъ; крещенъ онъ по чину восточныя греческаго закона церкви. И какъ былъ лѣтъ семи, ходили изъ Суземка аскольщики и учили многихъ людей и запрещали о церквахъ, что въ ихъ ученіе новое, неправое и крещеніе неистинное, и тѣла и крови осподней—нѣтъ, а вмѣсто тѣла и крови—жертва антихристова; и

---

[1]) Словъ: іюля 5-го нѣтъ въ спискахъ А. и Б.

[2]) Въ спискахъ А. и Б.: все—ая и с—ая великая государыня императрица ат. Алекс. самодержица Все—рая указала: поданное Е. И. В. бывшаго въ раолѣ СПет—ой портовой таможни досмотрщика Ив. Мих—ва повинное прошее отослать въ Свят. Прав. Всер. Синодъ и учинить по тому ево Михайлова ошенію. А в томъ ево Михайлова своеручномъ повинномъ. . . .

многихъ людей тѣмъ прелстили и отъ церкви отвратили и прост народъ смутили. И тогда онъ и другiе многiе перекрещиваны раско щикомъ старцомъ, и отъ того времяни отъ неразумiя своего и дони пребывалъ въ томъ раскольническомъ нечестiи; и послѣ того, ка былъ въ тамошнихъ мѣстѣхъ гладъ, и отецъ и мать ево скудос ради выѣхали къ Москвѣ, гдѣ тотъ ево отецъ и умре, а мать ш уѣхала на прежнее свое жилище. А онъ, живъ въ Москвѣ, ю в растѣ своемъ записался въ Сыромятную слободу въ тяглецы; и, го говавъ, женился и вѣнчался въ церкви, а пришедъ отъ церкви, і домѣ своемъ вторично перевѣнчивался раскольническими попам, въ церковь ходилъ съ нуждею въ такое время, въ которое инт было нельзя. И послѣ того выѣхалъ въ Тверь и, живъ тамо, от дилъ въ Петербургъ и другiе городы для промысловъ и пропитанi И какъ, по состоявшемуся высокославныя и вѣчнодостойныя пам императорскаго величества указу, повелѣно всякаго чина людей в нуждать къ исповѣди и причащать тѣла и крови Христовы, и въ і время во Твери онъ и съ женою у священника [1]) исповѣдывались, и і причащались, и тому священнику о раскольничествѣ своемъ не об явили, и отъ причастiя тѣла и крови Христовы отолгались нужде и того никогда не сподоблялись; и жену свою и дѣтей и други многихъ училъ онъ Михайловъ тому же раскольничеству и многовр церковь Божiю и церковныхъ учителей и служителей и высокосла ныя и вѣчнодостойныя памяти императорское величество и весь н родъ поносилъ. И въ 723-мъ году ходилъ въ вышеозначенное св уроженство, въ Суземокъ, къ старцомъ; и, бывъ у нихъ, изыскалъ апостолѣ, въ началѣ 284-мъ: „Духъ же явственнѣ глаголетъ: послѣдняя времена нѣцiи отступятъ отъ вѣры, внемлюще духо лѣстчимъ и ученiемъ бѣсовскимъ, въ лицемѣрiи лжесловесникъ, жечнныхъ своею совѣстiю, возбраняющимъ женитися, удалятися брашенъ, яже Богъ сотвори въ снѣденiе со благодаренiемъ вѣрн и познавшимъ истину". И о тѣхъ раскольникахъ, что женитися у не велятъ и сказываютъ: „брака нѣтъ на земли", и съ правос ными и [2]) истинными христiаны не ядятъ, выразумѣвъ, что прот то ихъ житiе вышеобъявленному апостольскому слову, имѣлъ съ раскольщики споръ, въ которомъ говорилъ, что не хорошо живетъ отъ того числа отъ нихъ отсталъ, токмо и еще въ сумнѣнiи

---

[1]) На поляхъ: имяни и отчества священнику не показано.—Этого чанiя въ спискахъ А и Б нѣтъ.

[2]) Союза „и" нѣтъ въ спискахъ А. и Б.

того ради, что бывшій Феодосій архіепископъ разорялъ церкви святыя и образы обиралъ и оклады отымалъ и ругался святымъ иконамъ; и хотя въ церковь и ходилъ, а мнѣніе имѣлъ и святую апостольскую церковь и высокославныя и вѣчнодостойныя памяти государя императора поносилъ же въ томъ разумѣ, что попустилъ такого разорителя на церкви Божія. А нынѣ онъ Михайловъ сталъ быть извѣстенъ, что императорское величество о тѣхъ о всѣхъ Феодосіевыхъ продерзостяхъ былъ неизвѣстенъ; а всемилостивѣйшая ея императорское величество изволила постараться о церквахъ Божіихъ и о святыхъ иконахъ, [якоже равноапостолный царь Константинъ и мати его царица Елена, которые и крестъ Господень воздвигнули], вышеобъявленнаго церквамъ и иконамъ разорителя Феодоса повелѣла смирить и послать въ ссылку, [о чемъ де и весь міръ возрадовался]. И какъ первая мати россійская Ольга [по святомъ крещеніи Елена] просвѣтила святымъ крещеніемъ Россійскую землю, чего ради и вѣнецъ царствія небеснаго Господь дарова ей, подобнѣ де за оное о церквахъ Божіихъ и святыхъ иконахъ стараніе и за смиреніе онаго разорителя Феодоса да даруетъ Господь Богъ и ея императорскому величеству, всепресвѣтлѣйшей государынѣ Екатеринѣ Алексіевнѣ, самодержицѣ Всероссійской многія лѣта, и поможетъ скипетръ царствія содержати и сподобитъ вѣнца царствія небеснаго. И въ чемъ онъ Михайловъ противенъ былъ святѣй церкви и ихъ императорскимъ величествамъ, и въ томъ во всемъ приноситъ повиновеніе и всепокорно проситъ милостиваго прощенія.

И дабы ея императорское величество, всепресвѣтлѣйшая и самодержавнѣйшая государыня Екатерина Алексіевна, самодержица Всероссійская, указала его Михайлова, яко заблудившаго отъ святыя, соборныя и апостольскія церкви, нынѣ, со учиненіемъ ему публичнаго въ томъ покаянія, причести паки къ той съ правовѣрными и истинными христіаны и вину его всемилостивѣйше простити [1]).

И ея императорское величество, всепресвѣтлѣйшая и самодержавнѣйшая государыня императрица Екатерина Алексіевна, самодержица Всероссійская, указала въ святѣйшемъ правительствующемъ Синодѣ учинить по его Михайлова прошенію. И святѣйшій правительствующій Всероссійскій Синодъ, исполняя оной ея императорскаго величества указъ, опредѣлили [2]): для увѣщанія и лучшаго ко истиннѣй

---

[1]) Въ спискахъ А и Б далѣе: и Свят. Правит. Всер. Синодъ. . . .

[2]) Въ спискѣ Б: онаго Михайлова за такое его чистое покаяніе въ тѣхъ

православнаго греческаго исповѣданія восточной церкви обрѣтающихся во всемъ Россійскомъ государствѣ раскольщиковъ обращенія, дабы они вышеобъявленнаго бывшаго въ расколѣ Ивана Михайлова обращеніе и повиновеніе и ея императорскаго величества милостивѣйшее къ таковымъ, обращающимся отъ раскола, снисходительство видя, отъ неразсуднаго своего суевѣрія и упрямства престали, и кто отъ раскольщиковъ ежели пожелаетъ истинно и нелицемѣрно къ святѣй [1]) церкви обратитися и соединеніе съ правовѣрными и истинными христіаны имѣти [2]), [въ ней же церкви и въ правовѣріи нынѣ пребываетъ ея императорское величество, съ нею же и вси духовнаго и мірскаго чина люди пребываютъ], не имѣя никакой опасности, приходя являлися—въ близости живущіе отъ Санктъ-Петербурга—въ святѣйшемъ правительствующемъ Синодѣ, а дальные синодальной области—въ Москвѣ, въ духовной Дикастеріи, а въ протчихъ епархіяхъ—архіереемъ или кому отъ нихъ духовныхъ дѣлъ правленіе ввѣрено; и возымѣли бъ таковое жъ къ святѣй церкви обращеніе и ея императорскому величеству приносили бъ повиновеніе. Сихъ увѣщательныхъ объявленій, напечатавъ довольное число, разослать какъ въ Олонецкой уѣздъ и на Петровскіе заводы, такъ въ епархіи и въ протчія надлежащія мѣста, дабы о томъ всѣ, расколъ содержащіе, старцы, старицы и свѣтскіе люди были извѣстны. И сего ради всѣхъ непритворно Бога ищущихъ отъ всего усердія святѣйшій правительствующій Синодъ увѣщеваетъ дабы, взирающе на вышеобъявленнаго Ивана Михайлова, [бывшаго въ заблужденіи раскола], покаяніе и повиновеніе и на милостивое ея императорскаго величества таковымъ прощеніе, внимали и объявленному отъ святѣйшаго Синода наставленію отъ божественныхъ и учительскихъ писаній, повиновалися—о чемъ пространно утверждено есть въ новопечатной книжицѣ „о блаженствахъ евангельскихъ", и да отвержется всякъ и оплюетъ, аще на мысль найдутъ ему мечтательныя суетнаго и погибельнаго страдальчества помыслы, но со всякимъ прилежаніемъ да смотритъ [3]), какая о семъ есть воля Господня: „блюдите, [глаголетъ апостолъ], како опасно ходите, не якоже немудріи, но якоже премудріи; сего ради не бывайте несмысленни, но разумѣвающе,

---

винахъ простить и пріобщить съ вѣрными къ святой церкви, а для увѣщанія... Въ спискѣ А эти слова написаны на поляхъ тою же рукою, которая дѣлала поправки въ спискѣ и ранѣе.

[1]) Въ сп. Б и А: соборнѣй и апостолстѣй...

[2]) Ibidem: тотъ бы не имѣя...

[3]) Ibidem: досмотритъ.

что есть воля Божія", аще же объявительное сіе увѣщаніе и во всѣхъ дѣлахъ и дѣяніяхъ христіанскихъ потребно есть, но наипаче въ страдальческихъ подвигахъ, гдѣ аще незаконно постраждетъ кто, окаяннѣйшій есть всѣхъ человѣкъ, и времянное бо житіе мученіемъ погубитъ и муки вѣчной не избѣгнетъ. И сіе всенароднаго ради вѣдѣнія священникамъ повсямѣсячно въ воскресные дни и господскіе праздники во святыхъ церквахъ,—а при ярмонкахъ, гдѣ многонародное бываетъ собраніе, и предъ церквами для множества людей по литургіи во услышаніе всѣмъ читать, дабы сіе всему народу вѣдано было.

(М. Г. А. М. И. Д. Дѣла о раскольникахъ, д. № 15. Въ Архивѣ хранятся три копіи этого объявленія, представляющія мало разницы между собою. Этотъ списокъ съ послѣдней (3-й) редакціи; разночтенія 1 и 2 списка см. въ примѣчаніяхъ. 1 списокъ разумѣется подъ буквой А, второй—Б. Въ 2-мъ спискѣ объявленіе начинается словами: по ея имп. вел. указу—объявленіе—отъ святѣйшаго правительствующаго Всероссійскаго Синода.—Прошедшаго дня и т. д. Въ спискѣ 1-мъ: объявленіе от свят. правит. Всер. Синода (*зачеркнуто:* во увѣщаніе.... раскольщикомъ); вверху другой рукой сдѣлана поправка: по указу е. и. в...).

2.—1746 года апрѣля 16-го. Дѣло по промеморіи слѣдственной въ Москвѣ о раскольникахъ Комиссіи въ Контору о истолкованіи нѣкоторыхъ въ письмахъ раскольническихъ найденныхъ странныхъ словъ.

Промеморія.

Изъ слѣдственной о раскольникахъ Коммиссіи Коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ Контору. Понеже во оной Комиссіи по нѣкоторому дѣлу оказались странныя рѣчи, которыхъ для переводу при Комиссіи знающихъ иностранные діалекты людей не имѣется,—того ради, по указу ея императорского величества, въ слѣдственной о раскольникахъ Комиссіи опредѣлено: въ оную иностранную Контору послать промеморію, которою требовать, чтобъ оныя рѣчи, какъ наивозможно по знаемости иностранныхъ діалектовъ, чрезъ имѣющихся въ той конторѣ переводчиковъ переведены были секретно при присутствіи одного той Конторы главнаго члена немедленно, и по переводѣ соблаговолено бъ было изъ той Конторы прислать въ Комиссію извѣстіе безъ замедленія, [ибо оныя по переводѣ посланы быть имѣютъ въ святѣйшій правительствующій Синодъ неукоснительно]:—тѣ слова на

какомъ именно діалектѣ состоятъ и россійскимъ діалектомъ какъ именуются, притомъ же и подлинныя слова по переводѣ обще и съ извѣстіемъ прислать обратно въ Комиссію. Чего для оныя слова пріобщены при семъ, и Контора иностранныхъ дѣлъ да благоволитъ учинить по ея императорскаго величества указу. Апрѣля 16-го дня 1746 года.

Князь Григорій Шаховской.
Въ должности секретаря актуаріусъ Петръ Буторинъ.
№ 259. Подканцеляристъ Алексѣй Дедюлинъ.
„Получена апрѣля 17-го 1746 г. Записать".

Насонтосъ
Өуртусъ
Натрисинөурсъ
Кресентреөертъ
Умилисинтру
Здрувулдремиле
Корнемила
Уздроволне
Здроволде
Ешечерекондре
Насофонтъ
Өеретра
Едрикаөренъ
Хородоякотеревадамъ
Риндринкинъ
Леонтосъ
Натруөутру
Кресерееөире
Читресантроулмири
Черезондроволмире
Черезондроөөордеи
Коремира
Корлемирле
Канөуте
Насиөи
Induвсикти
Еөренъгразонъ
Насонтраөөрте
Драгондоръсолтакъ
Өонъагактусъ.

Петръ Буторинъ.
Подканцеляристъ Алексѣй Дедюлинъ.

Въ государственную Коллегію иностранныхъ дѣлъ оной Коллегіи изъ Конторы

Доношеніе.

Сего числа изъ слѣдственной Комиссіи о раскольникахъ прислана въ Контору промеморія по нѣкоторому дѣлу, имѣющемуся въ той Комиссіи, о переводѣ приложенныхъ при оной иностранныхъ рѣчей на россійской языкъ, о которыхъ имѣющіеся въ Москвѣ при дѣлахъ оной Конторы секретари, знающіе чюжестранные языки, и переводчики, смотря оныхъ рѣчей, сказали: на какомъ оныя языкѣ писаны и что значатъ,—познать они не могутъ. И потому въ такой силѣ въ тое Комиссію и отвѣтъ будетъ учиненъ; а для лутчаго усмотрѣнія

государственной Коллегіи со упоминаемой промеморіи и съ росписи при семъ копія. Апрѣля 17-го дня, 1746 году.

Послано въ коллегію чрезъ почту того жъ числа.

Промеморія.

Государственной Коллегіи иностранныхъ дѣлъ изъ Конторы въ слѣдственную о раскольникахъ Комиссію.

Сего апрѣля 17-го числа промеморіею оная Комиссія требовала, чтобъ приложенныя при оной явившіяся въ той Комиссіи по нѣкоторому дѣлу иностранныя рѣчи перевесть на россійской языкъ секретно; и Коллегіи иностранныхъ дѣлъ Контора оной Комиссіи отвѣтствуетъ: имѣющіеся при дѣлахъ оной Конторы секретари, знающіе чюжестранные языки, и переводчики, смотря оныхъ рѣчей, сказали: на какомъ языкѣ оныя писаны и что значатъ,— познать они не могутъ. И вышереченная Комиссія да благоволитъ о семъ быть извѣстна. Апрѣля 26-го дня, 1746 году.

Подписана и послана того жъ числа къ господину князю Шаховскому съ солдатомъ Анисимомъ Скорлыгинымъ, за печатью коллежскою.

(М. Г. А. М. И. Д. Дѣла о раскольникахъ, д. № 16).

3. 1746 г. декабря 17. Дѣло по промеморіи изъ слѣдственной о раскольникахъ Комиссіи о подписаніи канцелярскими служителями въ слышаніи исполненіи указа о сыскѣ богопротивной ереси наставниковъ и ихъ сообщниковъ.

Промеморія.

Изъ слѣдственной о раскольникахъ Комиссіи государственной Коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ Контору,—каковъ ея императорскаго величества указъ о сыску богопротивной ереси наставниковъ и предводителей и ихъ сообщниковъ, (которыхъ во оную Комиссію и понынѣ не сыскано), правительствующаго Сената при конторѣ сего декабря 13 дня напечатанъ, такожъ для надлежащаго исполненія во оную Контору посланъ при сей промеморіи одинъ указъ, дабы тотъ указъ соблаговолено было объявить всѣмъ той Конторы служителемъ, съ надлежащею подпискою; и Коллегіи иностранныхъ дѣлъ Контора да бла-

говолить учинить о томъ по ея императорскаго величества указу. Декабря 17 дня 1746 году. Архимандритъ Варфоломей Любарскій. Секретарь Левъ Ѳедоровъ. Подканцеляристъ Александръ Подковыровъ.

№ 387. Получена декабря 20-го 1746-го. Записать.—Записано.

1746 г. Декабря въ 20 день.

Государственной Коллегіи иностранныхъ дѣлъ служителемъ, обрѣтающимся въ Москвѣ при Конторѣ и при Архивѣ, въ слышаніи и во исполненіи вышеписаннаго, присланнаго при промеморіи изъ слѣдственной о раскольникахъ Комиссіи, ея императорскаго величества указу о сыску богопротивной ереси наставниковъ и предводителей и ихъ сообщниковъ, при семъ подписаться.

Секретарь Урилъ Ивановъ.

Секретарь Иванъ Юрьевъ читалъ.
Актуаріусъ Николай Коптяревъ.
Секретарь Яковъ Полковъ читалъ.
Секретарь Иванъ Меркурьевъ читалъ.
Переводчикъ Андрей Волковъ читалъ.
Переводчикъ Вилимъ-де-Тейлсъ читалъ.
Канцеляристъ Андрей Протоколовъ читалъ.
Подканцеляристъ Николай Арсеніевъ читалъ.
Канцеляристъ Михайло Стражевъ читалъ.
Подканцеляристъ Иванъ Камаровъ читалъ.
Копіистъ Иванъ Оловениковъ читалъ.
Подканцеляристъ Алексѣй Фроловъ читалъ.
Подканцеляристъ Аѳанасій Некрасовъ читалъ.
Копіистъ Петръ Степановъ читалъ.
Копіистъ Василій Степановъ читалъ.
Копіистъ Алексѣй Домашневъ читалъ.
Копіистъ Петръ Софоновъ читалъ.

(М. Г. А. М. И. Д Дѣла о раскольникахъ д. № 17).

1.—Окт. 1763 г. Мысли о раскольникахъ и о средствахъ къ обращенію ихъ, представленныя императрицѣ Екатеринѣ Иваномъ Мелиссино.

Propositions touchant les Roscolniks par Iean de Melissino.

En considérant les Roscolniks ou nos chismatiques en général, et depuis leur origine, on trouvera, que ce sont des gens du peuple, qui selon la façon du peuple de tout l'univers, n'ont pas voulu souffrir aucune innovation dans la Religion, dont cependant la pluspart ne comprend rien, ou bien peu de chose. Les erreurs, qui par la faute des traducteurs ou écrivains s'étaient glissées dans nos livres ecclésiastiques, et lesquels on tacha de corriger selon la vraie Orthodoxie, et les conciles Oecumeniques donna l'occasion à beaucoup de querelles, aux animosités, et à la haine, qui produisirent à la fin, comme cela se pratique ordinairement, une séparation d'une partie du peuple. Peut être, que l'ignorance du peuple n'avait pas pris garde à cette nouveauté, si l'on n'avait pas en même temps fait quelque changement au Rituel. Ce changement des Cérémonies

---

Переводъ): Предложенія, касающіяся раскольниковъ, Ив. Мелиссино.

Разсматривая раскольниковъ или нашихъ схизматиковъ вообще съ самаго ихъ начала, мы видимъ, что это люди изъ народа, не хотѣвшіе, по обыкновенію народа вообще, терпѣть какого бы то ни было нововведенія въ религіи, въ которой, однако, большинство изъ нихъ не смыслитъ ничего, или очень мало. Ошибки, вкравшіяся въ наши церковныя книги по винѣ переводчиковъ или переписчиковъ, и которыя старались исправить согласно съ истиннымъ православіемъ и вселенскими соборами, подали поводъ ко многимъ спорамъ, къ раздраженію и ненависти, что̀ привело наконецъ, какъ это обыкновенно бываетъ, къ отпаденію части народа. Народъ при своемъ невѣжествѣ, быть можетъ, не обратилъ бы вниманія на это новшество, если бы въ то же время не было сдѣлано нѣкотораго измѣненія въ обрядахъ. Это измѣненіе священныхъ обрядовъ, болѣе осязательное для народа, чѣмъ исправленіе ошибокъ въ церковныхъ книгахъ, сильно подѣйствовало на него и убѣдило его, что дѣло идетъ къ измѣненію всей религіи. Вотъ изъ-за чего поднялись крики. Вотъ источникъ раздора и разъединенія. Между тѣмъ нужно замѣтить, что всѣ измѣненія и исправленія, и необходимыя, и сдѣланныя властью патріарховъ, нисколько не касались догматовъ и основъ религіи. Они все тѣ же. Поэтому

sacrées, étant plus sensuel au peuple que l'émendation des erreurs dans les livres ecclésiastiques, était le grand mobile, qui persuada au peuple, que l'on allait changer la religion entière. Voilà d'ou commencèrent les grandes clameurs. Voilà la source de la discorde et des désunions. Cependant l'on doit observer, que tous les changements et toutes les émendations, et nécessaires, et faites par l'Authorité des Patriarches, ne concernaient en aucune façon les dogmes ni les fondemens de la Religion. Ils sont toujours les mêmes. Il est donc bien étonnant, que de si faibles raisons, ont pû produire des effets si funestes, comme ils sont arrivés et comme ils arrivent encore journellement. Mais le peuple a-t-il de la raison? et s'en sert il? particuliairement, dès qu'il s'agit de la Religion. Mr. Haller parait avoir très bien exprimé la chose par ces vers allemends, que je ne puis me dispenser d'alleguer.

Der Pöbel hat sich nie zu denken unterwunden,
Er sucht die Wahrheit nicht und hat sie doch gefunden;
Sein eig'ner Beifall ist sein bündigster Beweis;
Er glaubet kräftiger, je minderer er weiss;
Ihm wird der Klügeste zu schwache Stricke legen,

очень удивительно, что такіе слабые поводы имѣли такія гибельныя послѣдствія, какъ тѣ, которыя были и повторяются ежедневно.

Но есть ли у народа разумъ? И пользуется ли онъ имъ въ частности, когда дѣло идетъ о религіи? Г-нъ Галлеръ, кажется, очень хорошо выразилъ это въ нѣмецкихъ стихахъ, которые я не могу не привести.

„Простой народъ никогда не бралъ на себя труда думать, онъ не ищетъ правды, и все-таки нашелъ ее; собственное согласіе есть для него самое убѣдительное доказательство; онъ вѣритъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ меньше онъ знаетъ; самый умный человѣкъ не въ состояніи наложить ему достаточно крѣпкія узы; онъ упорно твердитъ свое и разрѣшаетъ ихъ мечемъ."

Но мы перестанемъ удивляться, если дадимъ себѣ трудъ разсмотрѣть обстоятельства, сопровождавшія начало всего этого. Мы тогда найдемъ, что источникъ всего этого зла—невѣжество. Хорошо еще, если бы имъ отличалась только народная партія, но, къ несчастью, наше духовенство, (я говорю не о настоящемъ времени), такъ сказать коснѣло въ томъ же самомъ невѣжествѣ; а такъ какъ оно—мать гордости, особенно въ сановитыхъ особахъ, то оно и оказало здѣсь свое дѣйствіе. Такимъ образомъ духовенство вмѣсто того, чтобы проповѣдывать

Er spricht ein trotzig ja, und löst sie mit dem Degen.

Mais cet étonnement disparaitra, dès qu'on se donnera la peine 'examiner les circonstances, qui ont suivi ce premier début. On ouve, que l'ignorance est la source de tout ce mal. Heureux, si le n'avait subsisté, qu'uniquement dans le parti du peuple, mais alheureusement notre Clergé (je ne parle pas du temps présent) n était pour ainsi dire engourdi de cette même ignorance, et come elle est la mère d'orgueil, particulièrement dans les personnes raduées, elle produisit ici son effet, de sorte, que ce Clergé, au lieu e prêcher le peuple, de l'instruire, et de l'emmener à la raison, ou la vérité, par des voyes convenables et vrayement chrétiennes, étri d'ignorance, et muni de sa trop grande Authorité, au lieu de ondescendre, il se souffit d'orgueil, s'arma de haine et de colère, t voulait ramener ses pauvres brebis egarées, non par le bâton astoral, mais par des menaces et des tourmens, et sévissant ontre un peuple, qui faute de lumière, courrait les tenèbres, il le t courrir à la proscription, et à la mort même. Au lieu donc de convertir, ce Clergé dis-je, l'endurcissait dans l'erreur. Sa sévérité 'op outrée, qui exposa le peuple à l'oprobre et à l'ignominie, à

ароду, учить его и наставлять на умъ или истину, приличествующимъ иму и истинно-христіанскимъ путемъ, пропитанное невѣжествомъ и ользуясь слишкомъ большой властью, вмѣсто того, чтобы относиться нисходительно, исполнилось гордыней, вооружилось ненавистью и гнѣвомъ и хотѣло возвратить на путь истинный своихъ бѣдныхъ заблудшихъ овецъ не пастырскимъ посохомъ, но угрозами и пытками, свирѣпствуя надъ народомъ, за отсутствіемъ свѣта ходившемъ во тмѣ, заставляло его идти въ ссылку и даже на смерть. Такимъ образомъ это духовенство, говорю я, вмѣсто того, чтобы обращать его, утверждало (закореняло) его въ заблужденіи. Его безмѣрная строгость, подвергавшая народъ униженію, безчестью, потерѣ имущества, женъ, дѣтей, а часто и жизни, вызвала сперва сопротивленіе со стороны заблудшихъ, а неослабная суровость духовенства подавала народу законный поводъ къ недовѣрію и упорству.

Дальнѣйшее развитіе зла удручаетъ одну часть народа этой обширной Имперіи. Но такъ какъ одно заблужденіе пораждаетъ другое, очень часто и преступленіе, то случилось, что другая часть его впала и тому и другому пороку. Та часть, которую можно было бы назвать вдвойнѣ заблудшей, сама раздѣлилась, произвела новыя секты,

la perte de leurs biens, de leurs femmes et enfants, et souvent de leur vie, causa premièrement l'opposition du côté des égarés, et la continuation de la dureté du Clergé, fournissait au peuple des raisons légales de defiance et de tenacité.

C'est la progression du mal, qui accable une partie du peuple de ce vaste Empire. Mais comme les erreurs produisent des erreurs, et très souvent le crime, il est arrivé, qu'une autre partie en est tombée dans l'un et l'autre de ces défauts. La partie donc, que l'on pourrait nommer la doublement égarée s'est divisée, elle a produite des nouvelles sectes, des opinions tout à fait érronées, et comme la haine du Clergé en fait le fondement de la division, elle n'a pas voulu avoir de prêtres, les haïssant par un retour sincère; et restant sans conducteurs et sans instruction, elle s'est forgée une religion remplie de mille impertinences, et d'impureté des moeurs, en un mot, elle est tombée et dans les vices, et dans les crimes, qui sont trop notoires, pour que j'en fasse la déscription.

La haine contre les prêtres est devenue une telle fureur, qui dégénère en Enthousiasme, et s'étend déjà sur tous ceux, qui ont une autre croyance, que celle, que leur fantasie leur a suggeree.

крайнія мнѣнія, и, такъ какъ ненависть къ духовенству составляетъ въ ней основу раздѣленія, то она не захотѣла имѣть священниковъ, платя взаимностью за ихъ ненависть, и, оставшись безъ вожатыхъ и безъ образованія, создала себѣ религію, исполненную многихъ безчинствъ и безнравственности, однимъ словомъ, она впала и въ пороки, и въ преступленія, слишкомъ извѣстные, чтобы ихъ описывать.

Ненависть къ священникамъ дошла до такой ярости, которая вырождается въ энтузіазмъ и распространяется уже на всѣхъ, у кого не тѣ вѣрованія, которыя созданы ихъ воображеніемъ. Какъ Ваше Императорское Величество отлично замѣтили въ всемилостивѣйшемъ письмѣ своемъ отъ 12 сего мѣсяца, дай Богъ, чтобы въ концѣ концовъ эта масса заблужденій не породила фанатизма, источника тысячи несчастій и самыхъ ужасныхъ бѣдствій, тѣмъ болѣе гибельныхъ, чѣмъ болѣе толпа ихъ усиливаетъ и увѣковѣчиваетъ. Говорятъ, что число ихъ довольно значительно. Чтобы положить предѣлъ этимъ прискорбнымъ событіямъ, было бы благоразумно и необходимо принять мѣры, способныя предупредить зло и дурныя послѣдствія, которыя могли бы изъ того произойти. Впрочемъ, дѣло усердія каждаго вѣрнаго служителя отмѣчать ихъ при случаяхъ, касающихся общаго бла-

Comme Votre Majesté Impériale l'a très bien remarqué dans sa gracieuse lettre du 12 de ce mois Dieu veuille, qu'à la fin cette énormité d'erreurs n'en produise pas le fanatisme, source de mille malheurs, et des calamités les plus affreuses, et d'autant plus perilleuses, que la multitude leur donne d'accroissement et les perpetue. On dit, que leur nombre excède la mediocrité. Pour obvier à des évènements fâcheux, il est de la prudence, et de la nécessité, de prendre des mesures, qui peuvent prevenir le mal, et le mauvais effet, qui en pourrait résulter. D'ailleurs il est du zèle de chaque fidèle serviteur, de les marquer dans les occasions, qui concernent le bien public. Le mien l'est d'autant plus, que ma place et mon devoir m'y obligent, et que la grâce et la confiance, dont Votre Majesté Impériale, m' honore, m'y contraignent souvent de l'importuner par mes représentations. Je mets celle ci aux pieds de Votre Majesté Impériale, avec le respect le plus soumis et bien éloigné de la pensée, de la pouvoir conseiller dans un cas si compliqué, mais uniquement dans l'intention de marquer mon vray zèle, et de profiter des lumières, avec lesquelles, Votre Majesté Impériale, voudra corriger mes pensées, peut-être assez mal digérées. Quel bonheur pour moi! si,

---

га. Это тѣмъ болѣе мое дѣло, что меня обязываютъ къ тому моя должность и долгъ и что милость и довѣріе, которыми Ваше Императорское Величество меня почтило, часто принуждаютъ меня безпокоить моими представленіями. Я повергаю сіе къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества съ всепокорнѣйшимъ почтеніемъ и очень далекій отъ мысли, что могу давать совѣты въ столь сложномъ предметѣ, но единственно съ намѣреніемъ выказать свое истинное усердіе и воспользоваться просвѣщенными взглядами, которыми Вашему Императорскому Величеству угодно будетъ исправить мои мысли, быть можетъ, очень плохо продуманныя. Какъ я былъ бы счастливъ, если бы Ваше Императорское Величество одобрило ихъ, или по крайней мѣрѣ удостоило благосклонно принять мое доброе намѣреніе.

Не входя въ слишкомъ большія подробности, я раздѣляю раскольниковъ на два класса, на поповщину и безпоповщину. У первыхъ есть священники, или они хотятъ имѣть ихъ; у послѣднихъ ихъ нѣтъ, какъ то показываетъ ихъ названіе, и они не хотятъ ихъ имѣть. Изъ этого слѣдуетъ, что если можно наставить на умъ этихъ людей и возвратить ихъ къ истинному религіозному культу, то нужно начать съ тѣхъ, которые хотятъ имѣть и даже просятъ свя-

Votre Majesté Impériale, les apreciait de son aprobation, ou du moins ne dédaignait d'agréer ma bonne intention. Sans entrer dans un détail trop circonstancié, je divise les Roscolniks en deux classes, en celle de Поповщина et celle de Безпоповщина; les premiers ont ou veulent avoir des prêtres; les derniers ne les ont pas, comme leur nom l'indique, ni les veulent avoir. Il s'en suit par là, que si l'on peut rammener ces gens à la raison, et au vray culte de la Religion, il faut, que l'on commence par ceux, qui veulent, et qui demandent même des prêtres et des instructeurs. Par plusieurs entretiens, que j'ai eu avec eux, j'ai pû remarquer, que non seulement ils souhaitent de se raprocher à l'orthodoxie, mais il nient même, qu'ils s'en soyent éloignés, m'assurant, que toute leur différence ne consistait, qu'uniquement dans les cérémonies ecclesiastiques, qu'ils celèbrent, à ce qu'ils disent, selon le vieux rituel. Et comme ils demandent dêtre absolument séparés des autres Roscolniks, il me parait, que pour la tranquilité publique et le vray bien de l'Empire, on pourrait accepter la proposition, en ajoutant certaines circonstances et conditions par exemple:

Le S-t. Synode devrait faire un Extrait de principaux dogmes de

---

щенниковъ и наставниковъ. Во многихъ бесѣдахъ съ ними я могъ замѣтить, что они не только желаютъ сблизиться съ православіемъ, но даже утверждаютъ, что и не уклонялись отъ него, увѣряя меня, что все ихъ отличіе заключается только въ церковныхъ обрядахъ, которые они отправляютъ, по ихъ словамъ, по старинѣ. И такъ какъ они просятъ не смѣшивать ихъ съ прочими раскольниками, то мнѣ кажется, что для общественнаго спокойствія и истиннаго блага Имперіи, можно было бы принять ихъ предложеніе съ нѣкоторыми, напримѣръ, оговорками и условіями.

Св. Синодъ долженъ былъ бы сдѣлать извлеченіе главныхъ догматовъ религіи и напечатать ихъ. Въ то же время въ Синодъ можно было бы призвать столько раскольниковъ этого перваго класса, сколько ихъ можно найти въ Петербургѣ, и, прочтя имъ это извлеченіе, спросить у нихъ: тѣже ли у нихъ основанія религіи? Хотятъ ли они хранить правила, предписываемыя имъ этими догматами, и сообразоваться съ ними? Хотятъ ли они всегда поступать въ силу своей присяги, т.-е. быть вѣрными подданными и не предпринимать ничего противнаго религіи, или гражданскимъ законамъ и изданнымъ указамъ, въ особенности же отъ всѣхъ пороковъ и мерзостей, въ которыхъ

la Religion, et les faire imprimer. On ferait en même temps venir au Synode tant de Roscolniks de cette première classe, que l'on pourrait trouver à Pétersbourg, et après la lecture de cet Extrait, on leur demanderait s'ils ont les mêmes principes de la Religion, s'ils veulent garder et se conformer aux préceptes, que ces dogmes leur préscrivent; s'ils veulent toujours agir en conséquence de leur serment, c'est à dire, être fidèles sujets, et rien entreprendre, qui soit ou contre la religion, ou contre les loix civiles, et les ordonnances émanées; principalement s'abstenir de toutes les vices et horreurs, dont on accuse en général tous les Roscolniks. Dès qu'ils conviennent en tous les points mentionnés, ils doivent signer chacun séparement en forme de reverse.

On fera encore un autre Extrait des Cérémonies sacrées tant du vieux que du nouveau Rituel, on examinera la cause de leur difference, et l'on leur permettra celles, qui ne sont pas contraires à l'orthodoxie, aussi bien, que les vieux livres. On leur permettra de bâtir des Eglises, et on leur donnera des prêtres, qui déserviront chez eux selon le Rituel, dont on sera convenu, avec l'instruction de rapporter tous les mois à leurs Evêques de la conduite de Roscolniks

---

обвиняютъ всѣхъ вообще раскольниковъ? Какъ только они выразятъ свое согласіе на всѣ упомянутые пункты, они должны каждый отдѣльно дать подписку въ видѣ реверса.

Затѣмъ можно сдѣлать другое извлеченіе, касающееся обрядовъ, какъ новыхъ, такъ и старыхъ, разсмотрѣть причину ихъ различія и позволить имъ тѣ, которые не противны православію, равно какъ и старыя книги. Имъ позволили бы строить церкви и дали бы имъ священниковъ, которые бы служили у нихъ по условленнымъ обрядамъ, съ предписаніемъ ежемѣсячно представлять своимъ епископамъ докладъ о поведеніи раскольниковъ каждаго прихода. Тоже было бы введено во всѣхъ епархіяхъ и этимъ способомъ можно было бы получать точныя свѣдѣнія о поведеніи всѣхъ и каждаго.

Такимъ образомъ первый классъ раскольниковъ будетъ все болѣе и болѣе сближаться съ церковью. Сверхъ вышеупомянутаго снисхожденія имъ можно было бы сдѣлать еще слѣдующее: не называть ихъ болѣе раскольниками, но замѣнить это названіе другимъ, болѣе имъ соотвѣтствующимъ, напр. двоеданцы; имъ болѣе не провозглашали бы анаѳему. Кромѣ того имъ было бы объявлено, что съ тѣми, кто послѣ столь великой, оказанной имъ, милости осмѣлится нару-

de chaque Paroisse. On fera la même chose dans tous les Evéchés ou Eparchies, et par ce moyen on sera exactement instruit de la conduite de chacun en particulier et de tous en general.

De cette manière la première classe de Roscolniks se raprochera de plus en plus à l'église. On pourra leur faire outre les condescendences dessus mentionées encore celles ci, de ne les plus nommer Roscolniks, mais substituer un autre nom, qui leur convient p: e: двоеданцы. On ne les anathematisera plus à l'avenir. Outre cela on leur signifiera, que celui, qui après cette grâce si signalée, qui leur serait accordée, oserait contrevenir en quelque point aux conditions ci dessus marquées, sera traité selon la plus grande rigueur des Loix. Si cet arrangement pouvait avoir lieu, il est à espérer, que les clameurs de part et d'autre, aussi bien, que la haine cesseront, et au lieu de l'animosité une douce tranquilité se répandra partout; que les Roscolniks de la seconde classe se joindront à la première, et avec le temps tous ensemble embrasseront l'église orthodoxe, et la vraye Religion. Peut être, que la Providence a gardé cet heureux évènement, pour le surcroit de gloire, de l'heureux règne de l'Auguste Catherine seconde.

шить въ какомъ-либо пунктѣ вышеприведенныя условія,—будетъ поступлено по всей строгости законовъ. Еслибы могъ установиться такой порядокъ вещей, то можно было бы надѣяться, что взаимныя обвиненія прекратятся, равно какъ и ненависть, и вмѣсто раздраженія повсюду распространится тихое спокойствіе; что раскольники втораго класса присоединятся къ первому и со временемъ всѣ они вмѣстѣ возсоединятся съ православной церковью и съ истинной религіей. Быть можетъ, Провидѣніе берегло это радостное событіе для увеличенія славы счастливаго царствованія августѣйшей Екатерины Второй.

Не захотѣвшіе подписать часто поминаемыя условія будутъ считаться настоящими раскольниками, т.-е. людьми, религія которыхъ совершенно неправая и полная заблужденій и пороковъ, однимъ словомъ схизматиками. А такъ какъ это именно тѣ, энтузіазма и даже фанатизма которыхъ нужно опасаться, то нужно во всѣхъ губерніяхъ не спускать глазъ съ нихъ и съ каждаго ихъ шага. Особенно нужно заботиться о томъ, чтобы у нихъ не было частыхъ собраній и чтобы число ихъ, если возможно, уменьшалось. Меня увѣряли, что по случаю рекрутскихъ наборовъ эти раскольники, когда дѣло доходитъ до нихъ, покупаютъ у сосѣднихъ помѣщиковъ крестьянъ, которыхъ и ве-

Ceux, qui ne voudront pas signer les conditions tant de fois entionées, seront censés vrayement Roscolniks, ça veut dire, gens nt la Religion est absolument fausse, et remplie d'erreurs et du :e, en un mot Chismatiques. Et comme ce sont justement ceux, nt on doit craindre l'Enthousiasme, et même le Fanatisme, on it avoir dans tous les gouvernements l'oeil bien fixé sur eux, et r toutes leurs démarches. On doit avoir un soin particulier, qu'ils ayent pas des fréquentes assemblées, et s'il est possible, que leur mbre diminue. On m'a assuré, qu'à l'occasion de recrues, ces Roslniks, qui en sont destinés achetent de Seigneurs voisins de payis, qu'ils envoyent à leur place aux régiments. On pourrait leur re défense d'user à l'avenir de cette liberté. Comme ils n'accepit point des prêtres, il est très difficile de les instruire, mais nobstant cela, on devrait choisir, quelques uns de bonnes moeurs, ine piété reconnue et qui fussent en même temps doués du ent de les instruire, en leur promettant de récompenses surpour certain nombre de rammenés à l'église. Les récompenagissent aussi sur les âmes pieuses, et leur donnent quelque s plus de ferveur. Enfin le moyen le plus sûr pour diminuer leur

---

іаютъ вмѣсто себя въ полкъ. Имъ можно было бы запретить на ущее время пользоваться этой льготой. Такъ какъ они не призна- ь священниковъ, то наставлять ихъ на путь истинный очень труд- но несмотря на это слѣдовало бы выбрать нѣсколько священни- ъ хорошей жизни, признаннаго благочестія, и въ то же время обла- щихъ учительнымъ талантомъ, обѣщавши имъ вѣрныя награды за ѣстное число обращенныхъ въ церкви. Награды оказываютъ влія- и на благочестивыя души и прибавляютъ имъ иногда рвенія. На- іецъ, самымъ вѣрнымъ способомъ уменьшить ихъ число кажется ѣ указъ Вашего Императорскаго Величества, въ которомъ было бы явлено, что оставившіе эту ложную религію въ теченіе извѣстнаго едѣленнаго срока освобождаются на нѣкоторое время отъ подуш- і, причемъ были бы назначены самыя строгія наказанія тѣмъ, ко- ые возвратятся къ своимъ прежнимъ заблужденіямъ. А такъ какъ ь возможность знать точное число раскольниковъ, потому что три яца, въ теченіе которыхъ они могли записываться, уже истекли, нечего опасаться, чтобы кто-нибудь другой воспользовался этой ивилегіей подъ ложнымъ именемъ.

nombre, me parait un Oukaze de la part de Votre Majesté Impériale, moyennant le quel, on assurerait à tous ceux, qui quitteraient cette Religion fausse pendant un certain terme prescrit, seraient exemptés, pour quelque temps de la capitation. En imposant en même temps des peines les plus dures sur ceux, qui retourneraient à leurs premières erreurs. Et comme l'on peut savoir le nombre précis de tous les Roscolnisk puisque les trois mois, pendant lesquels, ils pouvaient s'inscrire, étant déjà expirés, il n'y a pas à craindre, qu'aucun autre puisse jouir de ce privilège, sous un nom supposé.

Si ma proposition a le bonheur de plaire à Votre Majesté Impériale, mon contentement serait sans bornes. Mes voeux seraient déjà exaucés, si seulement quelques points étarient agréés. Mais si malheureusement le tout ne valait pas la peine de la lecture ne blamez pas, très clemente souveraine, le zèle d'un fidèle serviteur, qui aurait manqué non par la faute du coeur, mais uniquement faute de talent

---

Если мое предложеніе будетъ имѣть счастіе понравиться Вашему Императорскому Величеству, то моя радость будетъ безгранична. Мои желанія уже исполнились бы, еслибы даже на нѣкоторые лишь ихъ пункты дано было соизволеніе. Но еслибъ къ несчастью все изложенное оказалось нестоящимъ прочтенія, то не осудите, Всемилостивѣйшая Государыня, усердія вѣрнаго слуги за неудачное выраженіе мыслей не по недостатку чувства, но единственно по недостатку таланта.

(М. Г. А. М. И. Д. Дѣла раскольнич. № 19.)

5. 1763 года, въ августѣ. Дѣло о возвращающихся изъ-за границы раскольникахъ, содержащее въ себѣ всеподданнѣйшій репортъ Сената и мнѣнія Синодальныхъ членовъ.

Всепресвѣтлѣйшей, державнѣйшей, великой государынѣ-императрицѣ и самодержицѣ Всероссійской

Всеподданнѣйшій репортъ отъ Сената.

Сначала (sic) публикованныхъ изъ Сената о раскольникахъ декабря 14 прошлаго 1762 г. указовъ и въ нынѣшнемъ 1763 годехъ мая 29 чиселъ о позволеніи выходящимъ изъ Польши и Литвы помѣщиковымъ крестьянамъ селитца въ дворцовыхъ волостяхъ вашего императорскаго величества манифестовъ, по полученнымъ изо Псковской про-

инціальной канцеляріи, Новгородской губерніи изъ главной погранич-ой коммиссіи, и изъ Рижской губернской канцеляріи вѣдомостямъ и епортамъ, оказалось:

1-е. Изо Пскова. Когда вашего императорскаго величества вы-очайшее соизволеніе о приниманіи и селеніи бѣглыхъ въ дворцовыхъ олостяхъ живущему въ Польшѣ помѣщика Лаврова крестьянину Ле-ну Козмину, (который, приходя во Псковъ, первый желаніе объявилъ ь поселенію въ тѣ волости), чрезъ нарочно посыланнаго подпорут-ика Галдина объявлено,—то онъ крестьянинъ со всѣмъ семействомъ ь женою и съ дѣтьми, мужеска полу 4, женска 3 души съ его по-итки, да Псковскаго яму ямщикъ Иванъ Шевелѣвъ вышли; и изъ ихъ, по желаніямъ, ямщикъ отослалъ въ прежней ямъ, а крестьянинъ озминъ на поселеніе въ близь состоящую къ Польшѣ дворцовую ревскую волость для того, что какъ помянутой подпоручикъ, такъ они, вышедшіе, объявили: естьли россійскіе бѣглецы то его посе-ніе услышатъ, то де болѣе изъ бѣдныхъ выходить станутъ, а дру-е, по неправности съ засѣянным хлѣбомъ выходить обѣщались; а нимъ подпоручикомъ, чтобъ отъ нихъ польскіе паны пожитковъ отобрали, не пошли. Тамошніе жъ паны объявили, а именно панъ рещинской, что де онъ россійскихъ бѣглецовъ неволею, кромѣ же-нія, не удерживаетъ, да панъ Шадубской, якобы въ Россіи много ляковъ и ежели де ихъ отдадутъ, то и онъ на размѣну россійскихъ глецовъ всѣхъ выдастъ; которые жъ въ Польшѣ россійскіе бѣглецы рошіе домы и довольные пожитки имѣютъ, тѣ и желанія къ добро-льному выходу не имѣютъ.

2-е. Изъ главной пограничной коммиссіи, что съ начала разсѣя-я помянутыхъ манифестовъ по 23 іюля изъ россійскихъ бѣглецовъ илось собою добровольно при одномъ форпостѣ разныхъ вотчинъ орцовыхъ людей и крестьянъ мужеска 28,—женска полу 19 душъ, и, по ихъ желаніямъ, въ дворцовыя волости отправлены во Псков-ую провинціальную канцелярію. А при выходѣ тѣ бѣглецы объяви-, что естли бы отъ шляхетства польскаго препятствія въ выходѣ Россію не было, то бы многіе выходили; и когда о намѣреніи къ ходу бѣглецовъ провѣдаютъ, тѣхъ или заставъ въ домѣхъ, или на-авъ на дорогѣ, немилостивно бьютъ, скотъ и пожитки отбираютъ, оставляютъ только въ однѣхъ рубахахъ. Да и за означенными вы-дцами отъ поляковъ погони чинены были до самой границы.

Сверхъ того оттуда жъ вышло и по требованіямъ выдано пар-тикулярныхъ бѣглецовъ мужеска и женска полу 72 человѣка, изъ ко-

торыхъ иные отосланы въ дворцовыя волости, а другіе на прежнія жилища.

3-е. Изъ Рижской губернской канцеляріи, по 2-е сего августа, въ силѣ публикованныхъ указовъ, прислано съ заставъ непомнящихъ родства россійскихъ людей двое, которые и отосланы по желаніямъ на поселеніе во Псковскія дворцовыя волости.

Всего по вышеписаннымъ репортамъ изъ-за границы обоего полу добровольно вышло и выдано 129 человѣкъ, а кромѣ того репортовъ въ полученіи нѣтъ.

И о вышеписанномъ вашему императорскому величеству всеподданѣйше доноситца во извѣстіе.

Графъ А. Бутурлинъ.
Яковъ Шаховской.
Графъ П. Чернышевъ.
Nikolaus Korff.
Графъ Романъ Воронцовъ.
А. Костыревъ (?)
Василій Суворовъ.
Алексѣй Жеребцовъ.
Оберъ-секрстарь Иванъ Ермолаевъ.

Августа 22-го дня 1763 года.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Высочайшее вашего императорскаго величества повелѣніе чрезъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Якова Петровича Шаховскаго объявлено мнѣ съ тѣмъ, дабы я о находящихся за границею раскольникахъ,—на какихъ до вѣры и церкви касающихся кондиціяхъ онымъ выходъ дозволить мощно, къ благоразсмотрѣнію вашему императорскому величеству мнѣніе мое подалъ, которое я чрезъ сіе всенижайше и представляю. На бывшей Сената съ Синодомъ конференціи предлагаемо было, что помяненныи (sic) за границею находящіеся раскольники въ такой силѣ выходу въ Россію просятъ, дабы имъ по ихъ злочестію церкви свои и поповъ имѣть и всѣ богопротивныя обряды ихъ свободно совершать дозволено, на что Синодъ по совѣсти и должности своей согласитися не могъ, и общее о томъ Синодальное мнѣніе съ надлежащими резонами для представленія вашему императорскому величеству въ Сенатъ подано, къ которому я слѣдующее приполняю: хотя нынѣ внутрь Россіи находящіеся явные, записные раскольники тайнымъ образомъ и содержатъ уповательно при себѣ

бѣглыхъ, запрещенныхъ отъ своихъ архіереовъ, а иныхъ можетъ быть и не посвященныхъ поповъ и бродягъ-монаховъ, и имѣютъ сокровенныя клѣти, въ которыхъ они, по ихъ злочестію, службы свои отправляютъ, но сіе понеже втайнѣ дѣлается,—въ дальнему церкви святой предосужденію и вреду слѣдовати не можетъ. А когда выходящимъ съ заграницы раскольникамъ дозволено будетъ строить церкви, содержать поповъ своихъ и всѣ по ихъ суевѣрію совершать обряды, то явно, церковь россійская на двое раздѣлится: одна будетъ православныхъ, а другая—раскольниковъ; и не токмо въ великомъ числѣ находящіеся внутрь государства явные, записные раскольники съ ними совокуплятся, но и потаенно содержащіе расколъ, (которыхъ когда не цѣлая треть, то, по послѣдней мѣрѣ, четвертая или пятая часть въ народѣ есть), къ нимъ же пристати могутъ. Да и попы ихъ, яко ханжи и обманщики, весьма удобно простій (sic) народъ оболстить и къ своему злочестію преклонять не оставлятъ. И такъ не токмо великій и неминуемій (sic) въ вѣрѣ развратъ, но и самому государству немалая опасность послѣдовать можетъ, понеже бо раскольники насъ за истинныхъ христіанъ не имѣютъ и самодержцовъ всероссійскихъ за благочестивыхъ не почитаютъ. Того ради, когда къ нимъ какіе пристанутъ зломысленники, уповая на великое свое число, удобно весь возмущеніе въ государствѣ и бунтъ начати могутъ; какъ то и самою вещію оказалось при царехъ Іоаннѣ Алексѣевичѣ и Петрѣ Алексѣевичѣ, во время патріарха Іоакима, которой противу ихъ и книгу по сей причинѣ издалъ, называемую „увѣтъ духовный", да и стрѣлецкихъ бунтовъ противо блаженныя памяти Петра Великаго главною причиною было возмущеніе раскольническое.—И ради сихъ причинъ дозволить выходящимъ съ заграницы раскольникамъ строить церкви и имѣть своихъ поповъ и всѣ обряды явно отправлять всячески, кажется, недолжно; а дабы чрезъ сей отказъ вовся имъ дорогу къ выходу въ Россію не пресѣкти, того ради не угодно ли покажется вашему императорскому величеству повелѣть учинить слѣдующее:

1-е Высочайшимъ вашего императорскаго величества манифестомъ, или указомъ Сенатскимъ, не упоминая ничего о дозволеніи церквей и поповъ, въ общихъ терминахъ объявить матернее вашего императорскаго величества сожалѣніе какъ о томъ, что они чрезъ толь долгое время внѣ отечества своего по чужихъ странахъ страждутъ и скитаются, такъ наипаче, что многіе отъ нихъ, не имѣя съ нами въ главныхъ догматахъ никакой почти и разности, ради однихъ токмо при патріархѣ Никонѣ въ книгахъ противъ греческаго исправленныхъ словъ и нѣкоторыхъ обрядовъ, по простотѣ и невѣдѣнію своему отъ

церкви православной отлучилися, и въ несумнѣнной спасенія своего находятся опасности, и что ваше императорское величество дозволяетъ имъ всѣмъ свободный въ Россію, яко отчество свое, выходъ, обнадежуетъ (sic) ихъ высочайшею своею милостію во всемъ, что касается до спокойнаго ихъ житія; что же принадлежитъ до вѣры, то сколь пріятно и желательно вашему императорскому величеству обращеніе ихъ въ православію и присоединеніе церквѣ святой, столь напротивъ того, когда они добровольно обратитися не похотятъ, нѣтъ намѣренія притѣсненія имъ дѣлать и нуждею къ тому ихъ привлекать въ чемъ монаршимъ словомъ своимъ ваше императорское величество ихъ увѣряетъ, токмо бы они отнюдь православныхъ въ расколъ не совращали.

2-е. Для поощренія помянутыхъ раскольниковъ къ скорѣйшему и охотнѣйшему въ Россію выходу не соблаговолите ли, ваше императорское величество дозволить имъ нѣкоторыя выгоды: первѣе-обнадежить ихъ тѣмъ, что они, чьи бы ни были крестьяне, помѣщикамъ своимъ отдаваны не будутъ, (въ чемъ ихъ наибольшая, уповательно, состоитъ опасность), но иные, которые побольше имѣютъ капиталу или научены какому ремеслу, по желаніямъ ихъ, приняты будутъ въ купечество и цехи, а протчіе поселены быти имѣютъ слободами и приписаны въ число дворцовыхъ крестьянъ; другое датъ имъ на пять лѣтъ отъ всѣхъ государственныхъ податей, всякихъ работъ и отдачи рекрутъ свободу, дабы удобнѣе домы построить и съ экономіею своею осмотрѣтися могли.

3-е. Когда помянутые раскольники съ заграницы выходить станутъ, то указать на форпостахъ и заставахъ наиприлежнѣйше смотрѣть, дабы лжепопы и монахи ихъ, (которые имъ ко всякому злу— упрямству въ заблужденіи ихъ и къ возмущенію поводомъ и причиною бываютъ), ни явно, ни тайно съ ними внутрь Россіи не входили а крестить имѣютъ младенцевъ своихъ и вѣнчати вступающихъ въ супружество, (какъ и записные у насъ дѣлаютъ раскольники), у священниковъ православныхъ; да и самихъ ихъ, ради предписанныхъ церкви и государства опасностей, въ одномъ мѣстѣ и въ близости всѣхъ не селить, но часть нѣкоторую ихъ вывесть на Баробинскую степь, (какъ то и на конференціи Сената съ Синодомъ разсуждаемо было), а протчихъ—въ Казанской, Сибирской, Оренбургской, Воронежской, (гдѣ много праздныхъ къ поселенію и хлѣбопашеству удобныхъ мѣстъ имѣется), и въ протчихъ губерніяхъ—порознь, а наипаче при городахъ и крѣпостяхъ, въ которыхъ довольные гарнизоны находятся, поселить слободами.

4-е. По поселеніи показанныхъ раскольниковъ, съ высочайшаго повелѣнія вашего императорскаго величества, Синодъ, выбравъ потребное число духовныхъ персонъ, какъ въ ученіи достаточныхъ, такъ и въ добропорядочномъ житіи свидѣтелствованныхъ, и, давъ имъ довольное наставленіе, имѣетъ ихъ послать ради увѣщанія и обращенія оныхъ раскольниковъ, показуя имъ ясно заблужденіе ихъ; и въ которой слободѣ хотя малое ихъ число обратится, то удобно будетъ и церкви строить и священниковъ православныхъ опредѣлять, которымъ по малу и протчіе безъ сомнѣнія слѣдовать имѣютъ. Токмо бы отъ мірскихъ властей, которымъ раскольники подсудны будутъ, въ томъ препятствія не чинено, (какъ-то самою вещію о записныхъ раскольникахъ казуется). И такимъ образомъ, уповательно, Преблагій Богъ даруетъ, то нещастливые сіи, отъ давнихъ лѣтъ погибающіе люди, при щастливѣйшей державѣ вашего императорскаго величества, церквѣ Его святой будутъ присоединены.

Вашего императорскаго величества всенижайшій рабъ и вѣрный молитвенникъ, смиренный Афанасій Епископъ Тферскій.

Мнѣніе

нижеподписавшихся архіереевъ о принятіи раскольниковъ, которые изъ бѣговъ желаютъ возвратиться въ Россію.

Какое мы нижайшіи (sic) о томъ въ правительствующемъ Сенатѣ на конференціи мнѣніе, а въ Синодѣ вообще имѣли разсужденіе, не и нынѣ всеподданнѣйше представляемъ.

Принять ихъ раскольниковъ въ Россію и содержать безъ всякаго притѣсненія можно только на такомъ основаніи, какъ здѣшніе записные раскольники содержатся. А чтобъ позволить имъ на все то, что они требуютъ, а именно: допустить имъ строить церкви особыя, держать поповъ своихъ, имѣть старопечатныя книги и при тѣхъ же обрядахъ жить, какъ они понынѣ за рубежемъ живутъ, того дозволить предосудительно. Резоны тому слѣдующіе:

1.

Отъ начала исправленія въ нѣкоторыхъ несогласіяхъ противъ оригиналовъ греческихъ книжнаго произникъ въ Россію расколъ и отступленіе отъ всего церковнаго общества между нѣкими малоумными какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго чина людьми, которые начали толковать таковымъ же малосмысленнымъ, что якобы уже и вѣра

православная для того перемѣнилась, и тѣмъ своимъ сумосброднымъ толкованіемъ многихъ совратили простаковъ церквей святыхъ бѣгать и таинствами, у насъ дѣйствуемыми, со всею святынею гнушаться, что и дѣйствительно продолжается доселѣ. Смущенію тому уже нынѣ сто и семь лѣтъ, котораго зла въ прекращеніе всѣ монархи россійскіе, слѣдуя древнимъ греческимъ благочестивымъ царямъ, а наипаче высокославный государь императоръ Петръ Великій, того имъ, яко народнымъ мятежникамъ, не дозволяли, но еще и потаенные ихъ скиты и сборища разорять, а лже-учителей ихъ вѣчными ссылками и другими штрафами истреблять повелѣвали.

2.

Вселенскіе и Россійскіе патріархи, архіереи и весь духовный чинъ въ разныя времена и на разныхъ соборахъ не за маловажныхъ суевѣровъ, какъ нынѣ многіе объ нихъ думаютъ, но за сущихъ еретиковъ признавали и анаѳемѣ не обращающихся предали. Почему и нынѣ присутствующимъ въ Синодѣ на ихъ требованіе пристать невозможно, дабы не подпасть изверженію, которое правиломъ Святыхъ Апостолъ 45-мъ опредѣлено тако: „епископъ, презвитеръ и діаконъ, аще съ еретиками молиться токмо будетъ, общенія да лишится; аще же что имъ клирическое дѣйствовать дозволитъ, да извержется".

3.

Синкретисмъ, или допущеніе разныхъ вѣръ въ самодержавное государство, отъ всѣхъ умныхъ людей за вредъ оному почитается, потому что ничто такъ не обовязуетъ подданныхъ къ своему государю, какъ единовѣріе съ нимъ; вопреки же разность въ вѣрѣ за весьма опасную поставляется, чего избѣгая, многіе государи у себе возникшихъ разновѣрцовъ всячески истребляли и истребляютъ; а гдѣ имъ снисходятъ, тамъ непрестанно, буде не въ политическихъ, то въ духовныхъ дѣлахъ раздоры бываютъ. У раскольниковъ же сколько толковъ, столько вѣръ, а ихъ до сорока и болѣе насчитать можно; да еще такъ замерзѣлыхъ, что не только съ нами православными, но и сами между собою ѣсть и пить съ одного сосуда гнушаются. И, называя насъ никоніанами, нововѣрцами и еретиками, за благочестивыхъ царей не молятъ Бога; но вмѣсто того на всѣхъ насъ, какъ на непріятелей, въ молитвахъ своихъ побѣды просятъ.

4.

Ежели дозволить имъ церкви особыя строить и поповъ особыхъ имѣть, то и архіереевъ особыхъ же дозволить слѣдуетъ, коимъ, не похотя отъ насъ святиться, начнутъ или бѣглыхъ изверговъ нашихъ принимать или сами ставить. Итакъ церковь въ Россіи съ превеликимъ благочестія упадкомъ можетъ раздраться надвое. Да и церковная дисциплина, а святыя правила въ уничтоженіе пріидутъ, потому что кого мы изъ поповъ, православные архіереи, по правильнымъ винамъ запретимъ, того они, раскольники, прельстивъ и разрѣшивъ, въ свое сонмище безъ всякаго уже опасенія пріимутъ, отъ чего на православную россійскую церковь весьма напрасный порокъ наведется. Ибо въ народѣ клеветать станутъ, что якобы она правость ихъ узнала и для того на требованія ихъ склонилась. А тѣмъ и правовѣрныхъ простолюдиновъ къ своему заблужденію, прелщенныхъ же, коихъ и такъ уже, кромѣ потаенныхъ, болѣе тридцати тысячь въ Россіи имѣется, къ твердѣйшему единомыслію приводить могутъ. Кая ихъ послѣдняя лесть будетъ горше первыя!

5.

Еще въ разсужденіе приходитъ и сіе: не кроется ли здѣ какой обманъ и не подаютъ ли поводу имъ заграничнымъ наши домашніе раскольники домогаться такихъ кондицій и привиллегій, которыя бы служить и онымъ могли? Ибо чтобъ заграничнымъ возвращаться въ Россію нужды крайней не предвидится для того, что они тамъ всякую свободу имѣютъ и какъ хотятъ, такъ вѣруютъ и живутъ. Къ тому жъ и правъ государственныхъ, ни должностей общенародныхъ, ни рекрутскихъ наборовъ не знаютъ, а повинуются только однимъ своимъ помѣщикамъ, которые ими партикулярно корыстуются.

6.

Правда, что въ Россійской Имперіи какъ инославнымъ нѣкоторымъ христіанскимъ религіямъ кирхи публичныя, такъ и мугамеданскаго зловѣрія придержащимся свои мольбища имѣть дозволяется. Но о раскольникамъ не въ примѣръ. Ибо отъ тѣхъ нашимъ православнымъ никакого поврежденія не происходитъ, понеже не на россійскомъ діалектѣ богомолье ихъ отправляется, ни въ церковныхъ обрядахъ съ нами сходствуютъ; а мугамедане какъ небо отъ земли, такъ отъ всего христіанства далеки. Раскольники же льстецы весьма къ

намъ по наружности близки, ибо отъ насъ и произошли и нашихъ же, а не чужихъ совращаютъ, потому что однихъ книгъ церковныхъ, только неисправныхъ, съ нами придержатся и тѣ же таинства, что и мы, святотатски дѣйствуютъ,—також посты, праздники и протчіе обряды, хотя инако, однако не иныя содержатъ. Чѣмъ всѣмъ весьма легко нашихъ поселянъ, яко однородцевъ, а многихъ и сродниковъ своихъ, хвастая предъ ними ложно стариною, къ своему суевѣрію прельщаютъ.

7.

Буде же принять ихъ, то развѣ на такихъ кондиціяхъ: чтобъ имъ однимъ только жить въ своемъ суевѣріи безъ притѣсненія, а другихъ никого не прелщать, и сектъ морельщичьихъ, самосожигательскихъ и дѣтоубійственныхъ, такожъ христовщины, изъ коихъ первыя три на истребленіе рода человѣческаго, а четвертая — на посрамленіе всего христіанства отъ нихъ выдуманы, не вводить; желающимъ же братитися въ церквѣ православной вѣнчаться, и рождаемымъ отъ нихъ младенцамъ отъ священниковъ православныхъ быть крещаемымъ, и по седмолѣтіи для исповѣди и причастія представляемымъ къ церквѣ. А перекрещивать и перевѣнчивать отнюдь бы за силу церковныхъ узаконеній и указовъ не дерзали, понеже вторичное крещеніе есть, по слову Божію, второе Господа Іисуса распятіе; а перевѣнчиваніе есть первобрачнаго Божія и церковнаго благословенія попраніе.

8.

Наконецъ, понеже довольно уже было имъ какъ печатныхъ книж-
ныхъ наставленій, такъ и для любовнаго и безопаснаго разговора и-
зывовъ и увѣщаній, но они тое все презрѣли,—того ради, не одолж...
болѣе церкви таковыми ихъ предосудительными требованіями, од...
кожъ и не упуская высокаго интереса, лучше поступить съ ними, ка-
жется, политическими средствами. Ибо они не польскіе, но россійскіе
подданные, потому что ни завоеваны, ни по договорамъ государствен-
нымъ отошли, ниже религію ихъ приняли, но съ которою отъ насъ
изъ Россіи бѣжали, тое и нынѣ содержатъ, и за объявленіемъ мно-
гихъ милостивыхъ о выходѣ изъ-за рубежа указовъ укрываются и
нынѣ, какъ сущіе бѣглецы и измѣнники, коихъ и по заключенны...
трактатамъ, и по всенародному праву выдать, а не удерживать ...
ляки должны. А буде на то не склонятся, то законно и праведно ...
токмо однихъ раскольниковъ, но и земель тѣхъ, яко издревле росс...
скихъ, на коихъ они поселились, по силѣ уничтоженія Прутовы...

актовъ, какъ помнится, при послѣднемъ турецкомъ замиреніи учиненнаго, слѣдуетъ требовать.

Но о политическихъ средствахъ пространнѣе разсуждать не наше духовное, но премудрыхъ министровъ дѣло. А мы какъ сіе скудное наше разсужденіе, такъ и себе самыхъ высокомонаршей вашего императорскаго величества милости и благоразсмотрѣнію всеподданнѣйше предаемъ.

Смиренный Гавріилъ архіепископъ Санктъ-Петербургскій.

Смиренный Амвросій архіепископъ Крутицкій.

(Писано рукою архіепископа Амвросія).

Разсужденіе.

Можно ли въ православной россійской церкви нѣкоторые обряды, содержимые отъ заграничныхъ раскольниковъ, по причинѣ объявляемаго желанія ихъ къ соединенію во всемъ прочемъ съ оною, снести и снисхожденіе сдѣлать имъ?

Кромѣ всякаго сумнѣнія должно всякому признать и исповѣдать, что весьма бы пристойнѣе и полезнѣе было, естлибъ единой церкви чада всѣ не только единство вѣры, что до догматовъ ея касается, сохраняли, но и въ самыхъ бы обрядахъ единой видъ имѣли и ничѣмъ другъ отъ друга не разнствовали для могущихъ оттуда слѣдовать раздоровъ и соблазновъ, особливо въ немощнѣйшихъ; и для того отъ многихъ лѣтъ россійской церкви пастыри, праведною и благочестною ревностію о пользѣ порученныхъ имъ душъ человѣческихъ возбуждены будучи, о семъ крайнее стараніе прилагали и нынѣ прилагаютъ,— въ слѣдствіе чего и многія книги ими сочинены и въ печать изданы на доказаніе самой истины не только,—что́ до благочестивой въ россійской церкви соблюдаемой вѣры, но и что до самыхъ принятыхъ въ ней обрядовъ принадлежитъ, — съ тѣмъ, всеконечно, намѣреніемъ, чтобъ разнствующіе въ тѣхъ съ оною, сами усмотря изъ сихъ книгъ напрасное свое по такой только причинѣ отъ нея отторженіе, прійти въ чувство и обратиться къ своей матери могли. Наконецъ, какъ всѣ протчіе употребленные ими къ тому способы невеликое возымѣли дѣйствіе, но отъ множайшихъ, у которыхъ застарѣлые обычаи почти закономъ сдѣлались и какъ бы въ самое естество ихъ перемѣнились, явились презираемы добрые и человѣколюбные ихъ совѣты,—то оною жъ ревностію приведены они были, и клятвою таковыхъ устрашать и отлученіемъ отъ церкви совершеннымъ.

Но къ крайнему сожалѣнію оказалось, что и то самое не только оныхъ излиха ревнителей своихъ обрядовъ не пользовало, но еще, видя себя они отсѣкаемыхъ отъ церкви, больше въ своихъ обычаяхъ затвердились, а наконецъ и на самую ту церковь вооружаться разными хулами дерзнули. Не надѣяся же, впрочемъ, никогда имѣть въ своемъ отечествѣ свободнаго отправленія своихъ обрядовъ, и изъ него великимъ числомъ бѣгать въ другія государства стали, отъ чего какъ церковь самая, такъ и государство немалой вредъ претерпѣваютъ: овая—по причинѣ погибающихъ чадъ своихъ, овое же — по причинѣ умаленія своихъ подданныхъ.

Итакъ, по примѣру искусныхъ врачевъ, которые, когда одно лекарство не пользуетъ больному, другимъ цѣлить болѣзнь его стараются,—и намъ, имѣющимъ ввѣренное себѣ отъ Бога строеніе спасенія душъ человѣческихъ, слѣдуетъ теперь помышлять о другомъ способѣ, которымъ бы заблуждшихъ овецъ собрать и соединить во едино Христово стадо, по крайнѣйшей мѣрѣ, возможно было.

Къ сему изрядной случай подаетъ нынѣ намъ самъ управляющій сердцами человѣческими, а паче содержащій сердце царево въ руцѣ своей—Богъ, когда вложилъ въ мысль всепресвѣтлѣйшей самодержицѣ нашей благочестивѣйшей великой государынѣ императрицѣ Екатеринѣ Алексіевнѣ, истинной матери отечества, крѣпкой благочестія ревнительницѣ, свято и премудро имперію россійскую управляющей, милостивыми указами оныхъ заблуждающихъ, удаленныхъ отъ церкви и отечества, въ государство свое къ возвращенію призывать, дабы ихъ милосердіемъ своимъ, хотя не вдругъ, но по малу, въ соединеніе церкви присовокупить, отъ которой столь многое время удалялися и тѣмъ какъ благочестію, такъ и людемъ въ государствѣ своемъ приращеніе сдѣлать.

А понеже намѣреніе и желаніе оныхъ заблуждающимъ есть въ оное соединеніе прійти неинако, какъ только съ тѣмъ, чтобъ оставлены были при нихъ нѣкоторые заобыкновенные у нихъ обряды, какъ то: при отправленіи литургіи употребляемыя седмь просфоръ, сложеніе двуперстное въ изображеніи на себѣ креста, хожденіе по солнцу, чтеніе по старопечатнымъ книгамъ, и симъ подобныя, и для того полагая, что естли въ прочемъ всемъ, особливо въ догматахъ вѣры, хотятъ они и обѣщаются послѣдовать святой грекоросійской церкви и никакихъ ересей, проклятыхъ вселенскими и помѣстными святыми соборами, не имѣть и не вводить никогда отнюдь, употребляющихъ другіе отъ ихъ обряды не хулить, епископовъ и священниковъ, поставляемыхъ отъ православныхъ греческихъ и россійскихъ архіереевъ

принимать и повиноваться, и словомъ, кромѣ помянутыхъ обрядовъ, не мудрствовать и содержать по мудрствованію и содержанію православныхъ. Приступимъ мы теперь къ точному того разсмотрѣнію: не можно-ли имъ оные обряды попустить, покамѣстъ они сами, обращаясь между православнымъ обществомъ просвѣтятся и познаютъ благодатію Божіею, что основательнѣе и благопристойнѣе и въ самыхъ обрядахъ есть?

Но, скажетъ кто, какъ мы къ сему дѣлу приступать можемъ, когда уже на бывшихъ при московскомъ патріархѣ Никонѣ и послѣ, при другихъ соборахъ таковые обряды прокляты? Не обряды, отвѣтствуется таковому, но больше содержащіе ихъ сей клятвѣ подвергаются тамъ, и то не за обряды точно самые, но за сопротивленіе ихъ святой церкви и отторженіе самовольное отъ оной; а паче еще за произносимыя отъ многихъ изъ нихъ на оную хулы и ругательства разныя,—какъ то отъ дѣяній и отъ самого намѣренія тѣхъ соборовъ видѣть можно,—въ чемъ и мы правильную находимъ причину. Есть-ли же бы за одни обряды проклятіе то было положено, то была-бъ причина почитать оное за недѣйствительное, и отъ непомѣрной, не по разуму ревности происходящее. Ибо сіе всякому, здравой разумъ имѣющему, извѣстно, что церемоніи, или обряды церковные, не суть догматы вѣры, да и не составляютъ они существа спасенія человѣческаго,—спасаетъ насъ Христосъ, истинная въ Него вѣра, прилежное послѣдованіе Его божественному ученію, при чистой совѣсти; а церемоніи, или обряды, только украшаютъ видъ церкви и иногда подаютъ поводъ неученымъ ко умиленію души, иногда же внутренняго нашего благодаренія предъ Богомъ бываютъ знаменіемъ. Однакожъ со всѣмъ тѣмъ, какъ выше помянуто, не таковы они, чтобъ необходимо отъ нихъ зависѣло спасеніе человѣческое, почему и не дивно, что они по различію мѣстъ, и обычаевъ, и нуждъ различны быть и перемѣняться могутъ. Когда Павелъ святый говоритъ, что по нуждѣ и закону премѣненіе бываетъ, то уже премѣненіе обрядовъ или обычаевъ не больше ли сумнѣнія въ вѣрѣ причинять не должно?

Въ семъ только состоитъ вся сила и должность пастырская—наблюдать, чтобъ иногда такіе обычаи не входили въ ихъ стадо, которые бы могли вредъ немалый нанесть спасенію душевному; а гдѣ сего нѣтъ, то и важности нѣтъ тамо.

Въ разсужденіи чего показываетъ намъ исторія, что древле различные нѣкоторые въ различныхъ церквахъ обряды и обычаи употребляемы были, напримѣръ: индѣ погружаемы были крещающіеся въ воду,—а индѣ поливаніемъ воды на голову крещающагося тайна сія соверша-

лась; также въ иной церкви была больше въ употребленіи литургіи сложенія святаго Іакова, брата Божія, а въ иной сократительнѣйшия святаго Василія Великаго или святаго Іоанна Златоустаго,—въ другихъ же, а особливо въ африканскихъ,—еще другія. А при томъ и самыхъ храмовъ Божіихъ положеніе весьма различно было: въ Антіохіи Сирской, по свидѣтельству Сократову въ книгѣ 5-й, главѣ 22, олтаремъ стояли онѣ къ западу, а въ другихъ странахъ къ востоку обращены онѣ были, какъ и нынѣ у насъ имѣются; также и въ разсужденіи празнованія Пасхи и постовъ немалое различіе въ разныхъ церквахъ имѣлось, какъ можно у Евсевія и у другихъ древнихъ писателей видѣть. Но для сихъ разныхъ обрядовъ не разлучались тѣ церкви другъ отъ друга и не порочила никогда одна сторона другія. Достопамятно слово Иринея, древняго учителя. У Евсевія въ книгѣ 5-й, главѣ 24-й, напримѣръ, о различіи постовъ имѣется: „мы, говоритъ, всѣ между собою миръ хранимъ, и различіе постовъ согласіе вѣры украшаетъ". Особливо можно сказать о восточной и западной церквахъ, что хотя издревле многіе западная церковь различные отъ тѣхъ, какіе въ восточной церкви были, обряды имѣла, но однакожъ не раздѣлялась за симъ восточная церковь отъ западной до того времени, какъ уже порча въ символѣ и премѣненіе въ догматахъ вѣры на западѣ произошло: столько-то обряды или обычаи не за велико, поставлялись,—когда не бѣдствовало для нихъ спасеніе человѣческое.

Яснѣйшій еще и важнѣйшій примѣръ сему, сколь обряды удобопремѣнительные быть могутъ безъ вреда спасенія, подаетъ намъ божественный Павелъ: онъ самъ изъявляетъ въ своихъ посланіяхъ, что онъ обрѣзалъ нѣкогда обращеннаго уже въ вѣру Христову изъ язычниковъ Тимоѳея,—а въ другое время сильно воспротивился тому, чтобъ приходящихъ отъ языкъ отъ Христовой церкви подвергнуть сему и другимъ нѣкоторымъ ветхозаконнымъ обрядамъ. Чтожъ привело въ сихъ случаяхъ Павла, чтобъ онъ нѣкоторымъ образомъ самъ съ собою различествовалъ? Ничто больше какъ польза обращающихся въ Христову церковь: въ одномъ случаѣ хотя зналъ онъ совершенно, что не нужно было обрѣзаніе, однакожъ, понеже соблажнялись вѣрующіе отъ обрѣзанія изъ того, что Павелъ необрѣзаннаго вводитъ въ церковь, и думали, что съ таковымъ сообщенія имѣть не прилично, (ибо не у еще совершенно были утверждены въ вѣрѣ Христовой), то онъ для сего попустилъ обрѣзатися Тимофею, вѣдая, что спасеніе его тѣмъ не могло повредиться, но могъ отнять быть соблазнъ въ церкви; а въ другомъ случаѣ, понеже вѣрующимъ отъ языкъ несносно казалося обрѣзаніе, какъ и другіе обряды іудейскіе, да и не малое от-

уда произойти могло сумнѣніе въ нихъ, что аки бы не довольна была ристіанская вѣра ко спасенію безъ закона церемоніалнаго іудейскаго, о онъ, вѣдая, что „о Христѣ ни обрѣзаніе что можетъ, ни не обрѣзаніе, но нова тварь",—не могъ стерпѣть, чтобъ подвергаемы и нѣкорымъ образомъ еще нудимы были вѣрующіе къ тому, что не только е нужно было къ ихъ спасенію, но еще и соблазномъ имъ быть огло, какъ выше помянуто.

Посмотримъ же, какъ той же божественный языковъ учитель поступалъ, когда нѣкоторыя различныя между учениками его въ упореблении пищи, въ отправленіи праздниковъ и симъ подобныхъ обядахъ произошли пренія, или раздоры: онъ удовольствовался только вѣрить ихъ, что то до вѣры и спасенія человѣческаго ничего не ринадлежитъ и затѣмъ бы не стязались они о такой матеріи и не коряли другъ друга по причинѣ различныхъ обычаевъ своихъ,—лишь ы единако въ спасительной успѣвали вѣрѣ и единой главы, то есть Христа, и единаго тѣла, то есть церкви Его, уды держались. Вотъ то онъ именно о семъ въ посланіи къ Колоссаямъ написалъ: „никтоже васъ да осуждаетъ о яденіи или питіи, или о части праздника, ли о новомѣсячіяхъ, или о субботахъ, яже суть стѣнь грядущихъ, ѣло же Христово". И въ перяомъ къ Тимофею не велитъ точно внимати баснемъ и родословіямъ безконечнымъ, (то есть въ такихъ ещахъ, которыя ко спасенію не нужны), яже стязаніе паче творятъ, ежели строеніе, еже въ вѣрѣ, конецъ же завѣщанія говоритъ: есть юбы отъ чиста сердца и совѣсти благія и вѣры нелицемѣрныя,—сіе олько (даетъ знать) есть нужное ко спасенію, а нагіе обряды, по ебѣ самыхъ, отнюдь не таковы,—почему и споры объ нихъ излишіе. Такой же разумъ есть и въ слѣдующихъ его словахъ, въ посланіи къ Римляномъ написанныхъ: „изнемогающаго въ вѣрѣ пріемлите е въ сомнѣніе помышленій, овъ бо вѣруетъ—ясти вся, а изнемогаяй зліе да ястъ; овъ разсуждаетъ день чрезъ день,—овъ же судитъ на сякъ день: кійждо своею мыслію да извѣствуется. Вѣмъ,—придаетъ въ же далѣе,—вѣмъ и извѣщенъ есмь о Христѣ Іисусѣ, что ничто е скверно само собою, точію помышляющему, что скверно быть,—ому скверно есть: царство же Божіе нѣсть брашно и питіе,—но равда и миръ, и радость о Дусѣ Святѣ; иже кто сими служитъ Христови—благоугоденъ Богу и искусенъ человѣкомъ". Вотъ Павлово аково мнѣніе о вѣщахъ среднихъ и не повреждающихъ вѣры

Таковымъ образомъ и намъ разсуждать о требуемыхъ къ допущенію помянутыхъ обрядовъ можно, когда не перстное сложеніе, но зображеніе креста и воспоминаемая чрезъ то знаменованіе смерть

Христова спасаетъ человѣка; когда не число просфоръ совершаетъ тайну святѣйшей евхаристіи, но точію единъ хлѣбъ, по установленію Христову, непремѣнно къ тому потребенъ; когда, наконецъ, какъ и святый Димитрій Ростовскій пишетъ въ своей книгѣ, о сей матеріи сочиненной: „въ того жъ Бога вѣрить учатъ старыя и новыя книги и тыя-жъ догматы содержать обои, и тѣхъ же добрыхъ дѣлъ поучаютъ“,—и прочая сему подобная снисхожденія,—какъ въ книгѣ его, „розыскъ“ именуемой, довольно изъяснено,—то не видно, для чего бъ ихъ, какъ и другіе помянутые и симъ подобные обряды, не можно было сносить, особливо чтобъ отсѣкаемые за едино тѣхъ употребленіе отъ церкви не пришли по невѣжеству своему въ нѣчто горшее, и чрезъ то бъ напрасно не погибали душею и тѣломъ? Лучше, попусти имъ то, (когда уже инакъ быть неможно), спасти ихъ души присоединеніемъ къ святой церкви, нежели не попущая оставить заблуждать отъ нея и погибать. За что опасно,—дабы не сказано было и о насъ пастыряхъ,—какъ сказалъ Христосъ о учителяхъ жидовскихъ, которые церемоніи и преданія человѣческая паче правды Божія предпочитали: „горе вамъ книжницы и фарисеи-лицемѣри,—яко затворяете царствіе небесное предъ человѣки: вы бо не входите, ни входящихъ оставляете выйти... вожди слѣпіи, оцѣждающіи комары, верблуды же пожирающіе“.

Сіе же согласно быть можетъ не только сомнѣніемъ выше помянутаго божественнаго апостола, но и съ ученіемъ самого небеснаго Учителя: ибо похваляетъ ли онъ во евангеліи тѣхъ, которые разоряютъ заповѣдь Божію за преданія человѣческія? А не Божія ли сія наипервѣйшая заповѣдь,—чтобъ желать другъ другу спасенія и быть въ мирѣ и соединеніи, какъ удамъ единаго тѣла? Напротивъ, обряды которые не имѣютъ ясного основанія или установленія въ словѣ Божіемъ, хотя, впрочемъ, и съ добрымъ и полезнымъ намѣреніемъ установлены,—не человѣческія ли преданія или установленія суть? И такъ поистинѣ бы было разорять заповѣдь Божію за преданія человѣческія, естли-бы за одни обряды присуждать кого въ вѣчную погибель. Пусть убо только они, о комъ намъ здѣсь слово, признаютъ свою матерь, то есть святую церковь, столько пекущуюся о спасеніи ихъ и столько какъ младенствующимъ въ разумѣ и немощнымъ снисходящую; пусть напротивъ различествующихъ отъ нихъ обрядами братій своихъ не порочатъ тѣмъ и не хулятъ, когда сами не могутъ съ ними согласиться въ тѣхъ. Какъ праведно бы было меньшимъ числомъ послѣдовать множайшимъ не только въ россійской, но и въ греческой самой, откуда въ Россію вѣра христіанская принесена, и и

ругихъ православныхъ странахъ находящимся правовѣрнымъ, которые при различныхъ отъ нихъ, а съ нами согласныхъ обрядахъ, исони пребываютъ. Пусть толко они во всемъ, хотя кромѣ обрядовъ, удутъ съ православною нашею церковью единомысленны,—то въ таомъ случаѣ и нѣтъ сумнѣнія, чтобъ ихъ принять и присоединить равославному нашему обществу; а прочее устроитъ Богъ премудрымъ воимъ промысломъ, когда схощетъ.

И сіе есть мнѣніе наше, которое мы, возбуждены ревностію о спасенія всѣхъ погибающихъ и имѣя точное высокомонаршее на то полѣніе, полагаемъ; уповаемъ же, что и прочіи братія наши и сослужители святой церкви по сей причинѣ согласны въ томъ быть будутъ. А когда и соборное разсужденіе приложится къ сему нашему разсужденію, то какъ ему придается твердость, такъ и восторжествоть имѣетъ несумнѣнно вся церковь о спасеніи отлученныхъ чадъ оихъ.

Димитрій митрополитъ Новгородскій.

Гедеонъ епископъ Псковскій.

(Поправки сдѣланы рукой митрополита Димитрія. М. Г. А. М. Д. Дѣла о раскольникахъ № 20).

–1765 года, 26-го сентября. О раскольничьихъ сборищахъ, ...вающихъ въ Козельскомъ уѣздѣ, въ селахъ Клесовѣ и Волосовѣ.

Всемилостивѣйшая государыня!

По высочайшему вашего императорскаго величества повелѣнію › 12 сего мѣсяца велѣно отъ меня по командѣ вывесть изъ Каи отъ втораго Московскаго пѣхотнаго полку двѣ роты и располоть Козельскаго уѣзда въ вотчинѣ князь Николая Голицына, въ селѣ ѣсовѣ одну роту, а другую того жъ уѣзда сенатора Желябовскаго селѣ Волосовѣ, препоруча оныя въ команду одному надежному и равному капитану, которому по точному содержанію того высочайо повелѣнія и по взятымъ отъ тайнаго совѣтника и здѣшняго ѣрнатора Юшкова объясненіямъ сочиненное наставленіе секретно меня дано, какимъ образомъ ему во время въ тѣхъ селахъ стоі при повелѣнномъ развѣдываніи поступать надлежитъ. О чемъ ему императорскому величеству всеподданнѣйше доношу.

Всемилостивѣйшая государыня,
вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ
графъ Петръ Салтыковъ.

ентября 26-го дня, 1765 г.
Москва.

Копія.

Наставленіе.

Втораго Московскаго пѣхотнаго полка капитану, имѣющему команду надъ расположенными двумя ротами Козельскаго уѣзда въ вотчинѣ князя Голицына, въ селѣ Клесовѣ, да того жъ уѣзда сенатора господина Желябовскаго въ селѣ Волосовѣ.

Ея императорскому величеству извѣстно учинилось, что въ помянутомъ Козельскомъ уѣздѣ, въ вышеобъявленныхъ селахъ, а имянно: въ селѣ Клесовѣ—въ домѣ крестьянина Ильи Абросимова, а въ селѣ Волосовѣ—у крестьянина Мокѣя Степанова, бываютъ непозволенныя раскольническія сборища, [по большей части осенью и весною], на которыя съѣзжаются какъ купцы, такъ и разныхъ деревень крестьяне, а въ тѣхъ ихъ сонмищахъ есть между ими такъ называемые Христы, Богородицы, Предтечи, Апостолы и Пророки; они жъ запрещаютъ жениться, а женатымъ—жить съ женами, воскресенія мертвыхъ не признаютъ, младенцовъ закалаютъ и выпускаемою изъ нихъ кровію въ мѣсто причастія пріобщаются. И дабы ея императорское величество могли быть обстоятельнѣе свѣдомы, въ чемъ подлинно такія ихъ сборища состоятъ, того ради избираетесь вы для развѣданія о семъ; расположеніе же въ тѣхъ селахъ команды вашей ни къ чему иному не служитъ, какъ токмо къ прикрытію того намѣренія, которое для точнаго исполненія вамъ симъ препоручается. Почему и имѣете поступать по нижеслѣдующему:

1.

По приходѣ въ помянутыя села съ командою вашею имѣете занять для постою подъ квартиру вашу,—ежели въ селѣ Клесовѣ, то у крестьянина Ильи Абросимова,—буде жъ въ селѣ Волосовѣ, то у крестьянина Мокѣя Степанова, что на произволеніе ваше оставляется, такимъ образомъ, чтобы вы непремѣнно на дворѣ у одного изъ сихъ крестьянъ стояли, а на другой прикажите встать офицеру жъ; прочихъ же нижнихъ чиновъ расположите по другимъ крестьянскимъ домамъ.

2.

Во время постоя имѣете наиточнѣйше наблюдать, чтобъ отъ военныхъ людей тѣхъ селъ обывателямъ никакого оскорбленія чинено не было; въ противномъ же случаѣ всякой команды вашей безпорядокъ по изобрѣтенію дѣла безъ упущенія на васъ взысканъ будетъ

3.

Вамъ же, стоя въ означенныхъ селахъ, повелѣвается высочайшимъ именемъ ея императорскаго величества собственно вашею персоною, не приглашая къ себѣ никого и не открывая сего секрета никому, безпримѣтнымъ и весьма тайнымъ образомъ въ домахъ показанныхъ крестьянъ или гдѣ индѣ въ тѣхъ селахъ примѣчать, въ немъ тѣ сборища состоятъ и какіе происходятъ при томъ непорядки и нѣтъ ли въ томъ такихъ вредныхъ обществу ересей, о которыхъ выше сего упомянуто; и буде свѣдаете о чемъ-либо таковомъ, то не оставляйте надежнымъ образомъ меня о томъ увѣдомлять, что и учинить вамъ по приходѣ въ тѣ села для свѣденія мнѣ: какое въ сихъ раскольщикахъ дѣйство произойдетъ отъ расположенія команды вашей.

4.

Ежели, паче чаянія реченные крестьяне иногда, по введеніи иногда сей воинской команды, всѣми домами тайно или явно побѣгутъ, то въ такомъ случаѣ ихъ въ тотъ часъ переловить; и какъ бѣглецовъ отъ своихъ жилищъ, спрося токмо о причинѣ побѣга, взявъ подъ караулъ, держать до моего приказанія, а мнѣ о томъ дать знать въ непродолжительномъ времени.

5.

Все сіе ввѣряется токмо вамъ одному, и для того сего никому, чтобъ такого званія ни былъ, не открывать, подъ опасеніемъ положеннаго указами за несодержаніе секрета наказанія. И какъ сверхъ сего на всѣ произойти при томъ могущіе случаи, по неизвѣстности впредь будущихъ обстоятельствъ, достаточнѣйшаго наставленія подать вамъ теперь невозможно; того ради развѣданіе сіе препоручается вамъ, съ такимъ при томъ пополненіемъ, чтобъ къ исполненію сего высокомонаршаго повелѣнія удобовозможныя средства и благоразумные способы вами употребляемы были, съ такою при томъ крайнею осторожностію, чтобъ о семъ тайно данномъ вамъ повелѣніи никто какъ изъ подчиненныхъ вашихъ, такъ и изъ постороннихъ людей не токмо вѣдать, но ниже малѣйшей догадки, елико можно, имѣть не могъ.

(М. Г. А. М. И. Д. Дѣла о раскольникахъ № 21).

7. 1769 г. Іюнь. Всеподданнѣйшее донесеніе Сената о появившихся въ Тамбовской и Воронежской губерніяхъ новыхъ раскольникахъ съ наложеніемъ ихъ ученія и опредѣленнаго имъ отъ Сената наказанія.

По секрету.

Репортъ,

которымъ всеподданнѣйше доносится, что съ оказавшимися въ Тамбовской и Воронежской епархіяхъ новой секты послѣдовател Сенатомъ учинить опредѣлено.

Всепресвѣтлѣйшей державнѣйшей великой государынѣ ратрицѣ и самодержицѣ всероссійской.

Отъ Сената всеподданнѣйшій репортъ.

Сенату отъ святѣйшаго Синода двумя вѣдѣніями сообщено, въ Тамбовской и Воронежской епархіяхъ оказались незаписные расколъ новой секты послѣдователи, о которой изъ нихъ нѣкото въ допросахъ не только того, кѣмъ они точно отъ истиннаго бл честія отвращены и научены, и гдѣ оные ихъ учители находятся, мало въ отвѣтахъ своихъ не изъясняютъ; но еще во время спро увѣщанія о томъ показываютъ немалыя суровости, упрямства и учтивости. А другіе, якобы сами начитавши въ книгахъ, иные, б услыша въ церквахъ, а прочимъ на мысль пришло, приняли въ сужденіе, что „Богъ въ нерукотворенныхъ храмахъ живетъ и „дѣлъ рукъ человѣческихъ угожденія не пріемлетъ; не сотворите „образовъ рукотворенныхъ. Образъ Божій рука человѣческая,— „истинные поклонницы поклонятся Отцу духомъ, истиною, ибо „сподъ таковыхъ ищетъ поклонниковъ; исповѣдуйтеся Богу небес „Азъ есмь хлѣбъ животный: иже снѣсть отъ хлѣба сего—живъ бу „во вѣки; а отъ рукотворенного и бездушного Богъ спасенія не „ложилъ"; — и затѣмъ всѣ они состоятъ въ слѣдующей единомыс ной ими сектѣ:

1-е. „Вѣруютъ въ истиннаго живаго Бога, въ Троицѣ С „славимаго Отца, и Сына, сотворшаго небо и землю, и исповѣд „такъ, какъ читается Символъ вѣры". 2 е. Законъ Божій, преда „въ 10-ти заповѣдяхъ, пріемлютъ и почитаютъ, кромѣ написа „въ оныхъ заповѣдяхъ о почитаніи писанныхъ на доскахъ обра „которыхъ они не пріемлютъ, не почитаютъ и не покланяются „затѣмъ, что въ нихъ нѣтъ божества и святости; а все то сд „человѣческими руками, а почитают вмѣсто оныхъ человѣка:

покланяются другъ другу и лобызаются. 3-е. Въ пречистую Божію атерь они вѣруютъ и исповѣдуютъ и ее чтутъ, точію вмѣсто по-оненія тѣломъ покоряются какъ предъ нею, такъ и предъ апо-олы, пророки и всѣми угодниками Христовыми, которыхъ они лько почитаютъ. 4-е. Въ крестъ Христовъ они не вѣруютъ и не кланяются, за тѣмъ, что оный сдѣланъ изъ дерева человѣческими ками, а почитаютъ они крестъ, то-есть слово Господие, за кото-е Господь нашъ Иисусъ Христосъ распятъ и онымъ воск-сь. 5-е. Крестное знаменіе рукою треми первыми персты на себѣ изображаютъ, и оное, вмѣняя ни во что, почитаютъ за щепоть, і того что-де въ ономъ знаменіи нѣтъ спасенія, а крестятся сло-съ Господнимъ, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа—аминь. . Въ церковь святую православную не ходятъ и всѣхъ таинствъ, ядовъ и молитвъ не пріемлютъ, затѣмъ, что оная, со всѣмъ въ і имѣющимся сотворенная человѣческими руками, а въ совершае-съ въ ней таинствахъ, обрядахъ и молитвахъ нѣтъ никакого спа-ія; а къ тому и таинствы оныя устрояются человѣческими ру-и, а не отъ Бога, и преподаются священниками, имѣющими пьян-о, сквернословіе и свары. А желаютъ-де они ходить въ церковь укотворенную, соборную, апостольскую,—собраніе святыхъ, о ко-ой глаголетъ апостолъ: „вы есте церковь Бога живаго, азъ же юся въ васъ и похожду по васъ и буду вамъ Богъ", и таинства істовы принимать — сотворенныя отъ самого Бога и оными при-ятися, также и исповѣдываться у священника, кого они сами ерутъ,—такого, которой посвященъ отъ Бога и слово пріемлетъ устъ Божіихъ. И для того они собираются на молитвословіе ъ къ другу въ домы, гдѣ вмѣстѣ поютъ и читаютъ изъ псалтыри мы, „отче нашъ", и то свое собраніе почитаютъ за нерукотво-ую церковь. 7-е. Святыхъ таинъ, то-есть тѣла и крови Христо-, совершаемыхъ въ церквахъ греческаго исповѣданія подъ ви-хлѣба и вина, не пріемлютъ и ихъ за истинное тѣло и кровь теля нашего не признаютъ и не почитаютъ, а почитаютъ за ой хлѣбъ и вино. И для того вмѣсто причащенія оныхъ таинъ, ютъ они за причащеніе святыхъ, безсмертныхъ и животворя-таинъ соблюденія Слова Божія и исполненія Его заповѣдей. айну крещенія оставляютъ такимъ образомъ: когда младенецъ я, то онъ долженъ быть до самаго возраста безъ крещенія, го что по пришествіи въ возрастъ окрестится онъ Святымъ ь, то-есть покаяніемъ во оставленіе грѣховъ, кротостію, сми-ь и терпѣніемъ. 9-е. Священниковъ, рукополагаемыхъ отъ

„архіереевъ, за истинныхъ не почитаютъ, а почитаютъ за истинныхъ „священниковъ тѣхъ, кои отъ Самого Христа исполненіемъ дѣлъ Его „посвящаются. 10-е. Всѣхъ угодниковъ Божіихъ почитаютъ они за „святыхъ; но мощей ихъ, яко тѣлъ мертвыхъ, за святую вещь не по„читаютъ. 11-е. Между брачившимися отъ посвященныхъ архіереями „священниковъ вѣнчаніе, яко отъ неистинныхъ, почитаютъ за непра„вильное, а по ихъ-де истинному поклонничеству должно жениху „избрать себѣ невѣсту по любви и, при свидѣтеляхъ взявши ее, жить „другъ съ другомъ по закону Божію".

А одинъ изъ нихъ Тамбовской однодворецъ Семенъ Жерноклевъ показалъ, что онъ въ 1765-мъ году въ мартѣ мѣсяцѣ ѣздилъ въ домъ Тамбовскаго уѣзда села Горелаго къ церковнику Кирилѣ Петрову для наученія Божественнаго писанія, гдѣ были того же села однодворецъ Ларіонъ Побирахинъ, (котораго нынѣ за побѣгомъ не отыскано), съ прочими, всего человѣкъ до 8-ми. И оной Побирахинъ сидѣлъ за столомъ въ переднемъ углу, а прочіе всѣ стояли и передъ нимъ пѣли изъ библіи Захаріи пророка 14-ю главу: „сія дни Господни грядутъ и раздѣлятся корысти твоя въ тебѣ", да еще изъ псалтыри разные псалмы, а какіе именно — онъ Семенъ не упомнитъ; по отпѣтіи же тѣхъ псалмовъ означенной Побирахинъ въ противность святой церкви толковалъ имъ тѣ псалмы, между чѣмъ онъ проговаривалъ, что онъ въ писаніи не нашолъ, чтобъ покланяться древянному или мѣдяному. или серебреному, или золотому, или каменному образамъ, а должно поклоняться человѣку, потому что онъ по образу и по подобію Божію созданъ, а потомъ всѣ объявленные разного званія люди, въ томъ числѣ и онъ Жерноклевъ, по приказанію оного Побирахина, какъ начали ложиться въ самую полночь спать, то каждой порознь подходили къ означенному Побирахину, двоекратно кланялися ему въ ноги и цѣловали его въ уста, а послѣ того, еще втретьи поклонясь въ ноги, отходили прочь; которое цѣлованіе и поклоненіе вставши и по утру чинили. А сверхъ онаго еще всѣ они, по приказанію его, всегда называютъ его „радостью", а для чего — онъ Семенъ не знаетъ; а когда-де кто придетъ во время бытія означеннаго Побирахина въ домѣ, то никогда Богу не молятся, а только, какъ скоро въ избу войдетъ, то упадетъ ему въ ноги, а потомъ поцѣлуетъ его во уста, что онъ Семенъ, по повелѣнію ихъ, все и исполнялъ.

Изъ тѣхъ отъ святой церкви отступниковъ Тамбовской епархіи церковникъ Кирила Петровъ по присланному къ тамошнему архіерею сего года, февраля отъ 26-го дня отъ Воронежскаго губернатора сообщенію взятъ къ нему на Воронежъ по особливому объ немъ пове-

ѣнію. А прочіе всѣ, конхъ до 232-хъ человѣкъ, находится въ ихъ ительствахъ.

А объ оказавшихся въ Воронежской епархіи дворцовой Битюцкой волости крестьянинѣ Степанѣ Кузнецовѣ и фабриканта (sic) Тулинова крестьянинѣ жъ Игнатьѣ Болычевѣ и ихъ сообщникахъ имяннымъ вашего императорского величества высочайшимъ указомъ, объявленнымъ въ письмѣ отъ генерала-прокурора и кавалера къ Воронежскому губернатору, повелѣно: разсмотря, надлежащее и немедленное опредѣленіе учинить, что все возложено на Воронежского епархіального архіерея и опредѣленного отъ него—губернатора къ ему слѣдствію депутатомъ надворнаго совѣтника Попова. Но при омъ слѣдствіи при всѣхъ вышепрописанныхъ ихъ суровостяхъ и прямствахъ хотя и показываютъ, что будто бы они никого, кромѣ одержащихся съ ними, въ другихъ мѣстахъ таковой же секты люей не знаютъ, но напротивъ того въ Воронежской консисторіи, вясь собою, живущіе въ городѣ Воронежѣ однодворцы и жены, сего по именамъ 7 человѣкъ, объявили, что они единаго по согласію и ученію сообщества съ предписанными, слѣдующимися въ Воронежской консисторіи церкви святой, противниками и просили о принятіи ихъ къ содержанію обще съ ними жъ; а потому и открылась вная тѣхъ развратниковъ въ показательствахъ, яко бы они въ другихъ мѣстахъ таковой же секты никого не знаютъ, ложь и впредь таковымъ ихъ упрямствомъ и непреклонностію какъ объ обращеніи ь благочестію увѣщанія чинить, такъ и слѣдствія производить болѣе евозможно; и чтобъ они то свое заблужденіе оставили и, въ познаніе истины пришедъ, паки къ церквѣ святой обратились — надежды инѣ не предусматривается. А потому и можетъ произойтить прочимъ азвратъ, а въ обществѣ безпокойство и смущеніе, то въ предупреждніе и отвращеніе онаго какія мѣры употребить—святѣйшій Синодъ редоставилъ на разсмотрѣніе Сената. А къ Тамбовскому и Воронежскому архіереямъ подтвердилъ, чтобъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оные ступники находятся, священники пристойнымъ образомъ накрѣпко блюдали, дабы отъ нихъ другіе таковымъ же заблужденіемъ заражены быть не могли, и естьли бы тѣхъ мѣстъ священники оказались ь тому мало способными, въ такомъ случаѣ, переведши ихъ къ другимъ церквамъ, на ихъ мѣста достойныхъ опредѣлить съ тѣмъ, что стьли бы при всемъ ихъ стараніи какія вновь открылись развращенія, то объ ономъ имъ каждому немедленно доносить своему архіерею, а оные бы представляли святѣйшему Синоду.

И потому хотя вышепрописанные разночинцы за отступленіе ихъ отъ благочестія и хуленіе онаго, по силѣ уложенія 1-й 1-го военнаго артикула 1-й же главъ 3-го пунктовъ, и подвергли себя не только тягчайшему наказанію, но и смертной казни,—но какъ напротивъ того по церковнымъ преданіямъ, основаннымъ на священномъ писаніи, грѣшники оставляются собственному ихъ въ погрѣшеніи признанію, а не признавшіеся—времени къ познанію ихъ заблужденія и покаянію,—то Сенатъ въ разсужденіи того, что оные люди природы и воспитанія подлаго, которыхъ по легкомыслію и суевѣрію, равно и по невѣжеству, не столько можно страхомъ смерти къ познанію истины привести, сколько другими средствами и временемъ, а паче, слѣдуя безпримѣрному вашего императорскаго величества человѣколюбію и милосердію, должное имъ по законамъ осужденіе отмѣнилъ. А по случаю настоящей нынѣ съ турками войны и по надобности въ военныхъ людяхъ, гдѣ не только таковые развратники, но и самыя церкви святой дѣти и истинные сыны отечества противъ непріятеля жертвуютъ своею жизнію, и дабы сіи невѣжды, имѣвъ еще время къ раскаянію своего преступленія, военною службою доведены были ко соединенія святой церкви со всѣми благочестно живущими христіанами въ единомысленное закона Божія почтеніе, опредѣлилъ Воронежскому губернатору: 1-е естьли изъ нихъ кто и по нынѣ въ томъ своемъ заблужденіи состоятъ, мужескъ полъ не извиняя старостію, начавъ отъ 15-ти лѣтъ, всѣхъ безъ изъятія отослать къ находящемуся нынѣ при возобновляемыхъ Азовской и Таганрогской крѣпостяхъ генералъ-порутчику Вернесу, которому, всѣхъ ихъ разобравъ, могущихъ нести военную службу — опредѣлить въ оную, въ число тамъ состоящихъ военныхъ людей, а негодныхъ въ военную службу—въ тамошніе при крѣпостномъ укрѣпленія работы сколько возможно, не соединяя ихъ въ одни мѣста и команды, и съ такою при томъ предосторожностію, чтобъ они, будучи тамъ, никакого между собою въ согласіе ихъ суевѣрія сообщенія не имѣли и той ихъ прелести не разсѣвали, чего за ними накрѣпко приказать смотрѣть. 2-е. Малолѣтныхъ дѣтей ихъ мужеска жъ пола 15-ти лѣтъ и ниже, то-есть до пятилѣтняго возраста, разослать для обученія россійской грамотѣ въ гарнизонныя школы и по приспѣяніи ихъ въ совершенныя лѣта равно съ прочими, находящимися въ тѣхъ школахъ солдатскими дѣтьми распредѣлить по способности по полкамъ. А пятилѣтнихъ и ниже отослать на воспитаніе въ сиропитательной домъ; но всѣхъ изъ сихъ положенныхъ въ подушной окладъ тѣмъ селеніямъ, изъ коихъ оные преступники, въ рекрутскіе наборы не зачитать для того, что они до нынѣ въ тѣхъ

селеніяхъ терпимы были безъ объявленія объ нихъ, къ тому жъ оные по законамъ подлежательны смертному осужденію, а избавлены отъ того только по одному человѣколюбію и милосердію вашего императорскаго величества, то по сему таковые оному зачету и не подлежатъ. А потому (3-е) и имѣнія ихъ, то-есть наличной, стоячей, молоченой и въ землѣ посѣянной хлѣбъ, скотъ, дворовое строеніе и прочее тому подобное описавъ и наблюдая при томъ, чтобъ все оное ихъ совмѣстниками или и самими тѣми преступниками, чрезъ посредство другихъ, растащено и разграблено не было, продать съ публичного торгу, а земли при тѣхъ селеніяхъ, гдѣ они жительство имѣли, раздѣлить прочимъ тѣхъ мѣстъ жителямъ, которые за нихъ положенную до будущей ревизіи тягость нести принуждены останутся, и вырученныя продажею деньги употребить на отправленіе и препровожденіе, такожъ и пропитаніе тѣхъ преступниковъ и ихъ дѣтей до повелѣнныхъ мѣстъ по его губернаторскому разсмотрѣнію. А затѣмъ (4-е) жены сихъ преступниковъ, въ томъ же заблужденіи утвердившіяся, имѣютъ остаться при своихъ мужьяхъ на такомъ основаніи, какъ и прочія солдатскія жены, на собственномъ мужей ихъ попеченіи состоятъ, но съ тою только предосторожностію, чтобъ онѣ отнюдь въ прежнихъ ихъ жительствахъ не оставались. А вдовъ и дѣвокъ, пришедшихъ въ совершенный возрастъ, выведя изъ тѣхъ въ другія жъ селенія, роздать на содержаніе прочимъ правовѣрнымъ и добраго житія однодворцамъ и крестьянамъ съ тѣмъ, чтобъ они, пользуясь будущими при домахъ ихъ отъ нихъ работами, старались вывести оныхъ изъ заблужденія и присоединить святой церквѣ и тогда, по мѣрѣ каждой заслугъ и склонности, роздали ихъ въ замужство въ казенныя разныя селенія за тѣхъ, кто ихъ взять пожелаетъ. А буде ко взятію ихъ желающихъ въ казенныхъ селеніяхъ не отыщется, то и за другихъ разночинцовъ, въ вѣрѣ благочестивой пребывающихъ. Не пришедшихъ же въ совершенный возрастъ, по вышеписанному о малолѣтныхъ мужеска пола ихъ дѣтяхъ основанію, отослать въ сиропитательной домъ. А о самыхъ престарѣлыхъ женщинахъ и неспособныхъ въ замужство дѣвкахъ, которыя не могутъ никакой нести работы и никѣмъ благочестно живущими на содержаніе взяты не будутъ, къ точному объ нихъ положенію прислать въ Сенатъ именную вѣдомость. А наконецъ (5-е) естьли и еще сверхъ оныхъ въ сей жо ектѣ пребывающіе или подобные имъ преступники окажутся, то и съ тѣми ему губернатору поступать такимъ же порядкомъ, какъ о сихъ преступникахъ положеніе сдѣлано, но прежде доносить Сенату. И о томъ къ Воронежскому губернатору, въ военную Колегію, глав-

ную Дворцовую канцелярію, Московскаго воспитательнаго дома въ Опекунскій совѣтъ посланы указы; а въ святѣйшій Синодъ и Московскіе Сената департаменты сообщены вѣдѣнія.

Всемилостивѣйшая государыня, Сенатъ о вышеписанномъ вашему императорскому величеству симъ всеподданнѣйше доноситъ.

Графъ Петръ Панинъ. Николай Чичеринъ. Адамъ Олсуфьевъ. Князь Иванъ Вяземскій. Иванъ Елагинъ. По листамъ скрѣпа: Оберъ-секретарь Николай Самойловъ.

Іюня   дня 1769 года.

(М. Г. А. М. И. Д. Дѣла о раскольникахъ. № 22).

8. Выписка о раскольникахъ.

Выписка.

Отъ коего времяни начались раскольники и что съ ними происходило, о томъ изъ книги „Увѣта", въ Москвѣ въ 1753-мъ году вторымъ тисненіемъ на раскольниковъ напечатанной, нижеслѣдующее значится обстоятельство.

1-е.

Оной расколъ чрезъ ученіе распопы Никиты и прочихъ послѣдовалъ при державѣ государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича и при патріархѣ Никонѣ по причинѣ нѣкоторыхъ въ церковныхъ книгахъ по грамматическимъ правиламъ противъ прежняго исправленій, которое тѣхъ книгъ исправленіе происходило въ 7162-мъ году при ономъ же государѣ царѣ и великомъ князѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и патріархѣ Никонѣ, на бывшемъ въ царскихъ палатахъ соборѣ, на которомъ россійскихъ митрополитовъ, архіепископовъ и прочихъ духовныхъ персонъ 34 человѣка было.

На семъ соборѣ отъ того патріарха Никона предложено было о исправленіи прежнихъ печатныхъ россійскихъ противу древнихъ греческихъ и славенскихъ книгъ такимъ образомъ: что де новымъ-ли Московскимъ печатнымъ книгамъ послѣдовати, въ нихъ же многая обрѣтошася отъ преведшихъ и преписующихъ я не искуснѣ съ древними греческими и славенскими несходства и несогласія и погрѣшенія,—или древнимъ греческимъ и славенскимъ, иже обои единъ купно чинъ и уставъ показуютъ?

2-е.

Почему о исправленіи тѣхъ книгъ и согласіе отъ того собора послѣдовало и нѣкоторое число древнихъ изъ россійскихъ книгохра-

нителъницъ книгъ собрать положено; и собраны. А въ томъ же 7162-мъ году приономъ же государѣ царѣ и великомъ князѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и при патріархѣ посланъ былъ грекъ Мануилъ съ царскою грамотою ко вселенскимъ патріархамъ; изъ коихъ Паисіемъ, патріархомъ Цареградскимъ, собранъ былъ тамо соборъ же, въ 39-ти человѣкахъ духовныхъ состоящей,—по которомъ въ 7163-мъ году прислано оттуда соборное за ихъ руками дѣяніе, повелѣвающее послѣдовать во всемъ древнихъ великихъ православныхъ учителей писаніямъ.

3-е.

Оное соборное дѣяніе государемъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ было разсматривано. А какъ означенныхъ въ Россіи сысканныхъ книгъ къ вышепомянутому исправленію за недовольное почтено, то паки въ Грецію посыланъ былъ старецъ Арсеній Сухановъ, коимъ оттуда разныхъ древнихъ изъ тамошнихъ монастырей писанныхъ греческимъ языкомъ книгъ привезено въ Москву числомъ 500; да Александрійской и Антіохійской и прочіе тамошніе митрополиты таковыхъ до 200 книгъ прислали.

4-е.

И потомъ въ 7163-мъ году паки въ Москвѣ учрежденъ соборъ же, на коемъ были Макарій, патріархъ Антіохійскій, Никонъ Московскій, Гавріилъ Сербскій, съ прочимъ духовенствомъ, и читаны—прежнее соборное дѣяніе, къ Іеву, патріарху Московскому, при государѣ царѣ и великомъ князѣ Θеодорѣ Іоанновичѣ въ 7101-мъ году отъ вселенскихъ же патріарховъ присланное, также и вышеозначенное въ 7162-мъ году соборное положеніе; и по прочтеніи оное книгъ исправленіе суждено за праведное и отъ Святаго Духа составленное быти,—почему всѣ въ тѣхъ прежнихъ россійскихъ книгахъ неисправности исправить и напечатать утверждено.

5-е.

А какъ потомъ отъ означеннаго распопы Никиты и отъ послѣдователей его произошло за означенное книгъ исправленіе возмущеніе, то, вопервыхъ, на его Никитино о томъ названное имъ „обличеніе“ въ 7174-мъ году при Іоасафѣ патріархѣ Московскомъ издана книга „Жезлъ правленія“, которая и вторымъ тисненіемъ въ Москвѣ въ 1753-мъ году напечатана. А потомъ въ 7175-мъ году паки въ наивящшее прежнихъ соборовъ подкрѣпленіе и утвержденіе, (по со-

шествіи уже патріарха Никона съ престола), собранъ былъ въ Москвѣ соборъ же. И на ономъ присутствуя самъ государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ и патріархи Александрійскій Паисій, Антіохійскій Макарій, Московскій Іоасафъ съ прочими россійскими архіереи и другими духовными чинами, коихъ числомъ всѣхъ 76 человѣкъ состояло,—разсматривали номянутые прежде бывшіе отъ 7097-го до того 175-го года соборы; и, утвердя оное, тѣ книги съ древними греческими и славенскими книгами исправлять же и печатать велѣли, не покоряющихся же святѣй церкви отлученію и анаѳемѣ предали, распопа жъ Никита, также и другіе сообщники его тогда жъ въ ссылки и заточеніе посланы,—а нѣкоторые изъ нихъ и сожжены.

И потомъ оной распопа Никита, (какъ въ той же книгѣ „Увѣта" на листѣ 36-мъ на оборотѣ значитъ), въ той ссылкѣ былъ только 40 дней; а послѣ того по ложному его якобы о обращеніи къ православію челобитью изъ ссылки былъ свобоженъ.

6-е.

Въ 7184-мъ году государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ преставился. А послѣ его принялъ престолъ царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ и царствовалъ только 6 лѣтъ и 3 мѣсяца, въ которое время никакихъ отъ тѣхъ раскольниковъ дѣйствій не происходило.

7-е.

А въ 7190-мъ году при державѣ великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича оные раскольники паки возстали и разныя на церковь и на вѣру хуленія, также своевольства и въ народѣ возмущенія чинили [1]; за что изъ нихъ прежде реченной Никита смертію казненъ, а прочіе въ крѣпкое подначальство разосланы.

8-е.

Послѣ сего о тѣхъ раскольникахъ присхожденія никакого не было по 1701-й годъ. А въ томъ году нѣкоторой воръ Талицкой къ возмущенію людямъ писалъ письма о пришествіи антихристовѣ съ великою злобою и бунтовскимъ коварствомъ, чему послѣдовалъ нѣкто иконникъ Иванъ Савинъ, за что оные на смерть осуждены; о чемъ

---

[1]) Какимъ образомъ сіе возмущеніе происходило, о томъ при семъ подъ литерою „А" приложена выписка.

напечатанномъ въ 1722-мъ году генваря 27-го дня Синодальномъ щаніи упоминается [1]).

Послѣ жъ всего вышепрописаннаго при державѣ блаженныя и ной славы достойныя памяти государя императора Петра Вели- о о тѣхъ раскольникахъ происходило нижеслѣдующее:

Именными Его Величества указами велѣно:

1-мъ—1714-го, въ февралѣ мѣсяцѣ,—чтобъ въ Нижегородскомъ, же въ Балахонскомъ, и Юрьевскомъ и другихъ уѣздахъ Нижего- ской губерніи всѣхъ раскольниковъ, гдѣ они живутъ, какъ мужескъ ъ, такъ и женскъ переписать и, переписавъ, положить на нихъ адъ, противъ настоящаго платежа, (почему купечество въ посады, рестьяне съ тяглыхъ своихъ жеребьевъ платятъ), вдвое; а которые жде сего податей никакихъ не платили, тѣхъ обложить, примѣ- съ къ тому жъ. А женска полу—вдовъ и дѣвокъ противъ онаго ы.

2-мъ—1715-го, марта 13-го,—чтобъ въ увѣщаніи раскольниковъ возбранять, но паче вспомогать. А ежели кто въономъ препят- вать будетъ, тотъ безъ всякаго милосердія казненъ будетъ смер- яко врагъ святыя церкви; а буде изъ начальствующихъ вспомо- кто не будетъ, тотъ лишенъ будетъ чести и имѣнія своего.

3-мъ—1716-го, февраля 8-го,—гдѣ есть раскольники, тѣхъ во ъ губерніяхъ губернаторамъ,—какъ мужеска, такъ и женска полу сать (кромѣ тѣхъ, которые живутъ близь рубежей); и, описавъ, по- ить ихъ въ окладъ такъ, какъ и о Нижегородскихъ повелѣно.

4-мъ—1718-го, марта 2-го,—подтверждается первый 714-го года ижегородскихъ раскольникахъ указъ съ тѣмъ, чтобы какъ свѣт- ъ, такъ чернцовъ и черницъ обложить и доправить на нихъ тѣ ати безъ всякаго замедленія.

5-мъ—того жъ 2-го числа марта данными капитану Ржевскому, анными собственною Его Императорскаго Величества рукою, пунк- и—поповъ, которые раскольниковъ укрываютъ, и неисповѣдывав- ся исповѣдавшимися пишутъ, по изслѣдованію въ каторжную ра- послать; также смотрѣть, дабы въ старосты и бурмистры расколь- овъ не выбирали. А кроющихся и живущихъ безъ окладу мірскаго а на каторгу, а монаховъ и монахинь въ монастыри подъ началъ

---

[1]) Со онаго увѣщанія приложена при семъ копія подъ литерою „В“; ма о томъ въ Синодѣ нѣтъ, потому что оное происходило еще до состоянія да между патріаршества при Рязанскомъ митрополитѣ Стефанѣ.

посылать; а заводчиковъ и учителей ихъ, сыскавъ явную вину кро[...]
раскола, съ наказаніемъ и вырѣзаніемъ ноздрей на галеры ссыла[...]

6-мъ—1719-го, марта 14-го,—чтобъ раскольщиковъ обратившихс[...]
отъ побору денежнаго уволить; а кто изъ нихъ женится тайно не [...]
церквей,—сбирать особливой сборъ, а именно рубли по 3 съ чел[...]
вѣка мужеска и женска пола, на обѣ стороны поровну, а съ богатых[...]
и больше.

7-мъ—Духовнымъ Регламентомъ—о мірянахъ 2-мъ, 3-мъ, 4-мъ,
5-мъ и 6-мъ пунктами: по чему познавать раскольниковъ и подозрите[...]
ныхъ приводить къ присягѣ, и обо всѣхъ объ нихъ имѣть въ Син[...]
свѣдѣніе, и чтобъ отнюдь оные раскольники нигдѣ укрываемы не бы[...]
укрывателей же ихъ господъ, по духовному въ Синодѣ розыску, пре[...]
давать анаѳемѣ; также никого изъ раскольниковъ на духовныя и гра[...]
данскія власти, яко лютыхъ государству и государю непріятелей [...]
непрестанно зломыслящихъ, не возводить.

8-мъ—1721-го, ноября 19-го, по подписанію на докладныхъ С[...]
нодальныхъ пунктахъ между прочимъ: чтобъ раскольники и въ то[...]
подозрительные по требованіямъ отдаваны были въ слѣдствіямъ [...]
духовныя команды безъ всякаго прекословія; почему въ духовн[...]
командахъ и слѣдствіи о нихъ чинены были.

9-мъ—1722, октября 15-го,—чтобъ раскольщиковъ необративши[...]
ся—вмѣсто Сибири посылать въ Рогервикъ.

Въ 1722-мъ же году чинено отъ Святѣйшаго Синода всѣмъ [...]
скольникамъ печатными листами увѣщаніе съ такимъ при томъ [...]
надеживаніемъ:

1-е. Чтобъ всякъ, кто бы ни былъ, ежели въ книгахъ, пре[...]
печатныхъ, такожъ и которыя впредь съ разсужденія и опредѣле[...]
Синодальнаго будутъ печатаны, покажется кому нѣкое сумнительст[...]
приходилъ бы съ объявленіемъ онаго сумнительства въ Синодъ бе[...]
всякаго подозрѣнія и опасенія, и таковому въ ономъ Синодѣ то с[...]
мнительство изъяснено будетъ отъ святаго писанія.

2-е Дабы раскольническіе учители должнаго ради съ Синод[...]
о несогласіи ихъ разглагольствія показалися не скрытно, безъ вся[...]
боязни, и въ разглагольствіи, наблюдая надлежащую только учтивос[...]
и не употребляя невѣжескихъ поступокъ, имѣли бъ во объявленіи м[...]
нія своего голосъ свободный; и ежели которые на разглагольствіи п[...]
знаютъ совѣсть свою зазрѣну и пожелаютъ не отъ принужденнаго, [...]
отъ произвольнаго своего усмотрѣнія, къ святѣй церкви обратиться [...]
Синоду и всему церковному исполненію соединиться,—тѣ прія[...]
будутъ усердно со всякимъ прежней ихъ противности отпущеніе[...]

которые явятся къ таковому обращенію непреклонны и останутся прежнемъ своемъ мнѣніи,—тѣмъ дана будетъ не удержанная сво-. А ежели имѣютъ они въ чемъ какое-либо опасеніе, то неусу-тельныя ради безопасности сочинили-бъ они себѣ отъ лица Синода е имъ угодно къ своей сторонѣ въ предостерегательство о не-жаніи и о неозлобленіи ихъ и о неотнятіи имъ свободы обяза-ное письмо, съ показаніемъ усмотрѣннаго ими къ разглагольствію та и времени, и прислали бъ въ Синодъ немедлено, которое письбудетъ отъ Синода подписано и яко залогъ несумнимыя вѣрности отдается; и по тому обязательству не точію Синодъ обѣщанное ремѣнно содержитъ, но и извѣстную Императорскаго Величества о предъявляетъ, что и Его Величество, яко всемилостивѣйшій дарь принужденія имъ безъ самопроизвольной ихъ склонности чи-ь не повелитъ [1]). Причемъ оной ихъ явкѣ и сроки назначены были тѣмъ, что когда раскольнической учитель послѣ того сыскань, по-ъ и обличенъ будетъ, таковый подпадетъ гражданскому суду и и безъ всякой пощады и помилованія.

При таковыхъ увѣщаніяхъ какъ собственно отъ Синода, такъ и е съ Сенатомъ ко удержанію тѣхъ раскольниковъ отъ размноже-ихъ суевѣрствъ и чтобъ они скрываться не могли, чинены доволь-предостереженія. Но никто изъ нихъ и изъ учителей ихъ для ваго разглагольствія въ Синодъ не являлся.

Почему въ томъ же 1722-мъ году по силѣ именного государя ератора Петра Великаго апрѣля 22-го дня тогожъ года указа въ тающіеся въ Олонецкомъ уѣздѣ раскольническіе скиты для раз-ровъ о происходящемъ ихъ со святою церковію несогласіи и ради цанія посыланъ былъ іеромонахъ Неофитъ, которымъ и вопросы заданы были, но отъ нихъ тогда никакихъ отвѣтовъ было не при-ю, и оной іеромонахъ безъ всякой пользы тамо былъ.

А потомъ спустя нѣсколько лѣтъ оные Олонецкіе раскольники, я подъ именемъ тѣхъ отвѣтовъ книжки, въ другіе многіе городы слали, на которые ихъ отвѣты сдѣлана и въ 745-мъ году напе-на особливая книга, „Обличеніе на раскольниковъ“ называемая [2]).—

---

[1]) О семъ же и въ 1745-мъ году таковое жъ оным раскольникамъ пе-ыми указами наставленіе и увѣщаніе чинено жъ, но и по тому никаковаго исправленія отъ нихъ не воспослѣдовало,—съ котораго указа приложена при ь копія подъ литерою „С“.

[2]) Какія же между оными, раскольниками вообще именующимися, въ нихъ а разни (sic) состоятъ, о ономъ при семъ изъ книги „Розыска“ подъ ли-ю „D“ пріобщена подлинникомъ выписка.

Изъ нихъ же раскольниковъ отъ 1708-го года проявилась ихъ ересь, называемая квакерская,—о каковой въ 1734-мъ и 1745-мъ годѣ особливыя слѣдствія происходили. И по оказавшимся отъ нихъ без мерзкимъ въ той ереси дѣйствамъ—иные смертью казнены, а дру въ ссылки разосланы; о чемъ печатными указами, а особливо послѣднимъ въ 1756-мъ году декабря 9-го дня, отъ Синода публико но,—а тѣмъ, кои той ереси участники безъ слѣдствія остались, срокъ, съ отпущеніемъ имъ винъ, въ назначенныхъ мѣстахъ явит велѣно [1]).

Да и нынѣ и въ Сибирской и Оренбургской губерніяхъ о ересь паки возобновилась. И по чинимому о томъ Тобольскимъ мит политомъ слѣдствію оной ереси участниковъ слишкомъ съ 20 че вѣкъ нашлось; а и еще къ тому слѣдствію подлежательными ин оказались [2]).

Что касается до сжигающихъ себя изъ нихъ же раскольн ковъ,—то оныхъ, по дѣламъ въ Синодѣ явствуетъ, съ 1750-го г понынѣ въ Новгородской, Тобольской и Устюжской епархіяхъ сожг близъ двѣ тысячъ человѣкъ.

А о числѣ всѣхъ прежнихъ и нынѣ въ расколъ записавшихс изъ-за границы вышедшихъ въ Святѣйшемъ Синодѣ извѣстія нѣтъ; требуется онаго изъ Правительствующаго Сената. А по прежн вѣдомостямъ оныхъ обоего пола въ наличіи состояло слишкомъ 40,0 человѣкъ.

Нынѣ же какимъ образомъ какъ выходящимъ изъ-за грани такъ и потаеннымъ раскольникамъ въ двойной раскольнической ок записываться и въ назначенныхъ мѣстахъ селиться велѣно, о томъ состоявшихся и въ народъ публикованныхъ Ея Императорскаго В личества высочайшихъ 1762-го и 1764-го годовъ указѣхъ имен объявлено.

Да и въ 1744-мъ году оныхъ раскольниковъ по общему Син

---

[1]) Какія въ той квакерской ереси дѣйствія происходили, о томъ семъ подъ литерою „E" выписка приложена; а подъ литерою „F"—съ у 1734-го года копія.

[2]) Сверхъ прежнихъ подъ вышеозначенною литерою „E" въ выш показанныхъ дѣйствій по оному слѣдствію находится и то, что нѣкоторый лжеучитель прелюбодѣйно прижитаго съ дѣвкой раскольницею мужеска младенца умертвя, и изсуша оное младенческое тѣло, съ пребезаконною си церемоніею освятя, и, безстрашно за тѣло Христово почитая, другихъ оны вмѣсто тѣла Христова причащалъ.

и Сената разсужденію при бывшей тогда ревизіи переписать же велѣно; а съ какимъ основаніемъ, о томъ съ печатнаго того 1744-го года, августа 31-го дня, указа подъ литерою „Н" приложена при семъ копія.

Оберъ-секретарь Михаилъ Остолоповъ.

По листамъ скрѣпа: Секретарь Андрей Орловъ.

A.

Выписка изъ книги Увѣта Духовнаго какимъ образомъ отъ раскольниковъ возмущеніе происходило.

„Нынѣшняго 7190-го лѣта по восприятіи скипетродержавства всего царства Россійскаго..... (л. 39 об. и слѣд.)..... да научатся къ тому не хулити святыя церкви, зане не покаяшася отъ злобъ своихъ".

B.

Копія съ Синодальнаго увѣщанія 1722 года генваря 27-го дня. См. П. С. З. т. VI, № 3891.

C.

Копія съ печатнаго указа свят. Синода 1745 года маія 18-го числа. См. П. С. З. т. XII, № 9155.

D.

Выписка изъ книги Розыска о разни въ толкахъ или ересяхъ между раскольниками.

Гл. 2. л. 25 об. Въ мимошедшемъ 1708-мъ годѣ въ мѣсяцѣ ноябрѣ былъ у насъ въ Ростовѣ черный попъ Іоасафъ, а......... субботники, иже по-жидовски постятъ субботу.

E.

Выписка изъ публикованнаго въ 1756-мъ году декабря 9-го дня Синодальнаго указа какое въ квакерской ереси дѣйствіе происходило.

Всякому вступившему во оную богомерзскую ересь....... какъ отъ онаго грѣхопаденія, такъ и отъ вѣры ихъ не отставала. См. П. С. З. т. XIV, № 10664.

F.

Копія съ Синодскаго указа о квакерской ереси 1734 года. См. П. С. З. т. IX, № 6613.

G.

Копія съ Сенатскаго указа о волшебникахъ 1731 года маія 20-го дня. См. П. С. З. т. VIII, № 5761.

H.

Копія съ Сенатскаго указа о переписи раскольниковъ 1744 года августа 31 дня. См. П. С. З. т. XII, № 9021.

(М. Г. А. М. И. Д. Дѣла о раскольникахъ № 23).

9. 1791 г. — Дѣло о старообрядцахъ Казанскихъ и Нижегородскихъ по жалобамъ ихъ на притѣсненія священниковъ.

Сіятельнѣйшій графъ, Александръ Андреевичъ!

Милостивый Государь!

Исполняя высочайшее Ея Императорскаго Величества повелѣніе, объявленное мнѣ отъ Вашего Сіятельства, относительно къ жалобамъ старообрядцевъ на священниковъ Казанской и Нижегородской епархіѣ, — я къ преосвященнымъ Казанскому и Нижегородскому писалъ, чтобъ они сдѣлали на поступокъ священниковъ вниманіе и развѣдали о томъ, удаляя отъ разглашенія; какія жъ о семъ будутъ ихъ мысли, — меня увѣдомить.

Преосвященный Казанскій пишетъ, что къ Сызранскому протопопу и городничему отъ просителей никакихъ на священниковъ жалобъ не было. И какъ священно-служители вновь удаляющихся отъ церкви пишутъ въ числѣ прочихъ не исповѣдавшимися, — взыскивается штрафъ и присылаются для исправленія и увѣщанія, также и младенцы требуются для крещенія: просители сіе почитаютъ притѣсненіемъ.

Преосвященный Казанскій требуетъ отъ меня совѣту, — почитать ли вновь отлучающихся отъ церкви въ числѣ прежде записанныхъ старообрядцевъ и въ исповѣдныхъ вѣдомостяхъ ихъ не показывать?

Я изъ дѣлъ, которыя многократно относились ко мнѣ, и изъ разговоровъ старообрядцовъ ясно примѣтилъ, что хотя взысканіе за неисповѣдь меньше двойнаго оброка, но для нихъ несносно, что по ихъ мыслямъ съ еретиками пишутся въ одной книгѣ; а паче настоятъ потому, чтобы скрыть умноженіе отвращающихся отъ церкви.

Я намѣренъ сему преосвященному дать совѣтъ, чтобъ присылаемымъ отъ свѣтскаго правленія опредѣлять для увѣщанія время и сверхъ онаго ихъ не держать, отнюдь не допрашивать, и въ письменныя производства не входить, а когда останутся не преклонными, о томъ намѣстническое правленіе увѣдомлять; въ вѣдомостяхъ же писать не неисповѣдавшихся съ прочими сынами церкви: сіе удалитъ обрядъ принятія къ церкви, и когда кто ни размыслитъ,—можетъ всегда исповѣдаться и пріобщаться святыхъ Таинъ. Письмо его, объясненіе Сызранскаго протопопа и городничаго, и выписку консисторіи пріобщаю подъ литерами: „А, В, С, D".

Преосвященный Нижегородскій прислалъ ко мнѣ два письма: въ 1-мъ, отъ 30-го апрѣля сего года, пишетъ: 1-е, что жалобъ отъ старообрядцовъ на священниковъ не было; 2-е, что старообрядцы, сыновъ церкви совращая, умножаются; 3-е, что онъ поступаетъ согласно опредѣленіямъ Синода; 4-е, что деньги сбираются за небытіе у исповѣди отъ свѣтскаго правительства;—при томъ приложилъ въ святѣйшій Синодъ два доношенія, которыя я удержалъ, яко относящіяся къ сему дѣлу.

Во 2-мъ письмѣ, отъ 27-го маія, пріобщилъ пять доношеній отъ священниковъ его епархій,—въ которыхъ изображается: 1-е, что старообрядцы умножаются; 2-е, что деревни Бабина крестьянинъ Гребенщиковъ разглашаетъ,—будто дозволено имъ оставаться въ своихъ мысляхъ и всякому вступать къ нимъ дозволено; 3-е, что въ насланномъ изъ Симбирскаго намѣстническаго правленія въ Алатырской земской судъ указѣ предписано, чтобъ старообрядцовъ отъ священно и церковнослужителей защищать; но какія имъ дѣлаются притѣсненія,—сего не изображено; (4-е,) что старообрядцы почитаютъ свободою отлучаться отъ церкви. Присемъ пріобщилъ изъ Алаторскаго духовнаго правленія доношеніе и два объявленія отъ священно и церковно-служителей, да пять доношеній отъ нихъ же подъ литерами: „E, F, G, H, I, K, L, M, N, O, P". Не могъ я не приложить при семъ записки, присланной отъ преосвященнаго Нижегородскаго при 2-мъ писмѣ подъ литерою „G".

Все сіе препровождая при семъ, пребываю съ совершеннымъ почитаніемъ и обязанностію

Вашего Сіятельства,
Милостиваго Государя,

Усерднѣйшій слуга и богомолецъ Гавріилъ митрополитъ Новгородскій.

Іюня 28-го, 1791-го.

А. Секретно.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко,
Милостивый Архипастырь и благодѣтель!

Писаніе Вашего Высокопреосвященства апрѣля отъ 7-го дня, коимъ дали мнѣ знать, что Сызранскіе раскольники просили, будто они отъ церковнослужителей терпятъ великое притѣсненіе, и что Ея Императорское Величество повелѣла Вашему Преосвященству ко мнѣ написать, дабы я на сіе сдѣлалъ вниманіе, и совѣтовали сіе, удаляя совсѣмъ отъ приказнаго порядка, безъ огласки развѣдать, отъ кого и въ чемъ притѣсненіе происходитъ не только не гласнымъ, но и безпримѣтнымъ образомъ, какое средство приму и какія мои будутъ о томъ мысли, требовали Вашему Высокопреосвященству сообщать, — мною того жъ мѣсяца 24-го дня получено, о чемъ я Ваше Высокопреосвященство и увѣдомилъ отъ того же апрѣля 26-го дня, съ прописаніемъ дѣла города Сызрани о купцѣ Ладвановомъ и того, что болѣе сего никакихъ просьбъ и жалобъ до меня не доходило.

Нынѣ же во исполненіе того, что мною найдено и что сдѣлано, самъ Вашему Высокопреосвященству сообщаю. По многимъ къ развѣданію способамъ употребленнымъ и письменно отъ Сызранскихъ городничаго надворнаго совѣтника Ивана Дмитріева и протопопа показаніямъ, самымъ непримѣтнымъ образомъ истребованнымъ, кои при семъ прилагаю въ подлинникѣ,—отъ кого и какія именно лично притѣсненія происходили,—не оказалось ничего и кто тѣ обиженные и чѣмъ вовся (sic) неизвѣстно. А нашлось только, что вообще, какъ и городничій Сызранскій и протопопъ показали, не прежде записные, а вновь вошедшіе въ раскольническое заблужденіе, въ духовныхъ вѣдомостяхъ были показываемы въ разные годы священниками на исповѣди у нихъ не бывшими безъ отмѣтокъ противъ именъ ихъ, какъ обыкновенно по силѣ формы отмѣчаются записные старообрядцы, за что изъ нихъ въ гражданскихъ присутственныхъ мѣстахъ съ иныхъ взыскиванъ былъ по силѣ указовъ денежной штрафъ, а другіе изъ тѣхъ же мѣстъ присыланы были при сообщеніяхъ для исправленія церковнымъ покаяніемъ въ духовное правительство; что самое, какъ и городничій съ протопопомъ утверждаютъ, и почитаютъ они за притѣсненіе себѣ, чинимое отъ церковнослужителей. Да и я не иначе могу полагать тѣмъ паче, что сверхъ того, будучи въ расколѣ, должны они признавать себя еще зависимыми отъ оныхъ и по крещенію младенцовъ ихъ, чего также они отвращаются. Впрочемъ же, по непринашиванію ими никакихъ жалобъ какъ въ духовномъ, такъ и въ

раждансмомъ правительствахъ, равно и по неимѣнію въ сихъ граж-
анскихъ правительствахъ отъ духовной стороны никакого на нихъ
ребованія,—всякой другой родъ отъ церковнослужителей причисле-
ія должно почесть не бывшимъ и невозможнымъ. Самое то, ежели
оторые изъ нихъ давали что-либо недостойнымъ сего имени нашимъ
вященникамъ, дабы показывали ихъ вмѣсто не бывшихъ бывшими у
исповѣди, отнести должно къ тому же опасенію ихъ отъ онаго взы-
канія, соединеннаго съ волокитами и другими безпокойствами.

Въ разсужденіи же мыслей моихъ относительно къ симъ людямъ и
ержусь тѣхъ, какія показаны въ доношеніи моемъ Святѣйшему пра-
вительствующему Синоду прошлаго 788 го года марта 12-го, по слу-
аю представленія Вятской губерніи села Петропавловскаго отъ цер-
овнослужителей, и кои въ присланномъ ко мнѣ на то указѣ того же
ода маія отъ 8 дня почитая одобренными, всегда по онымъ я пред-
исывалъ, гдѣ надобность открывалась,—то есть дабы, когда гдѣ ока-
ывались вновь впадшіе въ заблужденіе раскола, тѣхъ, по увѣщаніи
ъ должною кротостію и благоразуміемъ, ежели остаются непреклонн-
ыми къ обращенію въ правовѣріе, предавъ суду Божію, оставлять
покойно въ ихъ мысляхъ и церковнослужителямъ, не касаясь до
ихъ ни по какимъ дѣламъ, не входить даже и въ домы ихъ безъ зву
іс), по силѣ указовъ. Внимая сему, въ тѣхъ мѣстахъ священники
оказываютъ ихъ не бывшими у исповѣди, согласно формѣ, съ про-
ими записными прежде старообрядцами, почему они и остаются спо-
ойны; но я ни письменно, ни словесно запрещать и приказывать сего
е смѣлъ, дабы не подать случая къ какому-либо злоупотребленію и
аснымъ слѣдствіямъ тѣмъ паче, что и въ вышеписанномъ указѣ изъ
ятѣйшаго Синода того не приполнено. Да и надобности входить въ
е я не признавалъ, разумѣя принадлежащимъ то до разсмотрѣнія
ятскаго правительства, коему ввѣрено оной штрафъ съ небытейщи-
овъ взыскивать и коему, слѣдовательно, при толь гласномъ дѣлѣ
сегда удобно или отмѣнить оной по объявленію ихъ себя въ общес-
твѣ старообрядцовъ по силѣ указовъ, или о томъ отнестись,—куда
лѣдуетъ. Когда же изъ Сызранскихъ вновь въ расколъ вступающихъ
ыскивано было безвзъятно, изъ того видно, что или они сами,
акъ и въ протопопскомъ объясненіи значится, о своемъ исповѣданіи
о время взысканія въ присутственныхъ мѣстахъ умалчивали, или сіи
ѣста объявленіямъ ихъ не внимали. По сему же надобно разсуждать
о тѣхъ, кои по сообщеніямъ изъ гражданскихъ присутственныхъ
ѣстъ опредѣляемы были для исправленія церковнаго покаянія при
риходскихъ церквахъ за небытіе у той же исповѣди свыше трехлѣт-

шаго времени, и кои въ духовное правительство лично требуются по большей части по учиненіи уже рѣшительнаго объ епитиміи ихъ опредѣленія.

По симъ обстоятельствамъ судя, нахожу, что раскольники тѣ, хотя вновь открывшіе себя таковыми, имѣли однакожъ причину жаловаться на притѣсненіе, поелику они, заплатя штрафъ денежной за небытіе у исповѣди чрезъ три года, для иныхъ по многосемейству въ самомъ дѣлѣ разорительной, опасалися впредь быть отсыланными на церковное покаяніе, не будучи по свободѣ исповѣданія своего обязанными быть на оной исповѣди. Но не имѣли справедливости, умалчивая о настоящей причинѣ, оное притѣсненіе приписывать единственно церковнослужителямъ, которые, почитая ихъ, яко незаписныхъ, по прежнимъ указамъ потаенными, какъ объяснялися предо мною многіе, показывали ихъ просто не бывшими, по долгу своей присяги и по данной имъ формѣ, паче же что, какъ и по дѣлу Ладванова открылось, не будучи точно и извѣстны объ иныхъ,—въ расколѣ ли они, или нѣтъ, а посему опасался и худыхъ слѣдствій въ случаѣ отрицательства, ежели бы показывали ихъ не бывшими по расколу; сверхъ же сего и иная совершенно, что сіе при взысканіи съ нихъ въ свѣтскомъ правительствѣ удобно могло быть открыто и сдѣлано законное разрѣшеніе.

Почему къ отнятію повода къ таковымъ жалобамъ отъ впадающихъ вновь въ раскольническое заблужденіе на церковнослужителей, которые и безъ того отъ одного ихъ заблужденія, разными смущеніями и грубостями сопровождаемаго, погрязаютъ уже въ уныніи, и къ отвращенію всякаго могущаго тутъ быть пристрастія и со стороны священниковъ не находя другого способа, долженъ бы я былъ обще дать предписаніе, дабы всѣхъ въ томъ заблужденіи оказывающихся показывать не бывшими у исповѣди съ прочими записными старообрядцами по формѣ такъ, какъ и Ладвановъ требовалъ поданнымъ въ духовное правленіе прошеніемъ; но опасаясь, дабы симъ не подать случая къ распространенію ихъ заблужденія, сдѣлать того безъ наставленія Вашего Высокопреосвященства не смѣю. Однако же на первой случай до полученія сего наставленія положилъ я учинить слѣдующее: 1-е) Списки небытейщиковъ у исповѣди по всей епархіи изъ консисторіи въ свѣтскія правительства за нынѣшній годъ не посылать. Сіе нужнымъ признаю и для того, дабы по подобной неизвѣстности не подать случая къ подобной жалобѣ и казанскимъ таковымъ же раскольникамъ, коихъ по случаю открывшейся въ минувшемъ году въ Казани раскольнической часовни весьма много прибавилось изъ разныхъ окружныхъ городовъ и уѣздовъ, какъ то изъ приложенной

писки изъ дѣла о священникѣ села Алшѣева Андреѣ Яковлевѣ, домъ изъ черемисъ, коего уловили было они въ свое заблужденіе, примѣтить можно, а наче по доходящимъ до меня отъ священниковъ другихъ извѣщаніямъ. 2-е) Присылаемыхъ изъ гражданскихъ судебныхъ мѣстъ при сообщеніяхъ для церковнаго исправленія за небытіе исповѣди больше, нежели чрезъ трилѣтнее время, въ тѣхъ мѣстахъ ковныхъ, куда они будутъ присланы первѣе всего, допрашивать ихъ увѣщаніемъ: по какимъ стеченіямъ и обстоятельствамъ, и не по своле ли на исповѣди они не были? И сіи допросы разсматривая, ще съ тѣми сообщеніями въ консисторіи дѣлать приговоры съ тѣмы и показали о себѣ, что они пристали къ обществу старообрядцевъ по увѣщаніи отъ того отстать не согласилися,—подъ исправленіе рковное не посылать, но, учиня свободными, сообщать о томъ въ ѣтское правительство, откуда кто присланъ будетъ, для вѣдома; а рковнослужителямъ предписывать, согласно оному моему и Святѣйшимъ Синодомъ одобренному опредѣленію, дабы они, не имѣя до ихъ никакого дѣла, не входили безъ зву и въ домы ихъ; въ вѣдомостяхъ же показывали бы уже ихъ вновь приставшими къ старообрядцамъ. Для сего таковый допросъ приказано отъ меня протопопу азранскому сдѣлать (и прислать) и значущимся въ объясненіи его мъ человѣкамъ: крестьянину, пахотному солдату и женкѣ. Однакожъ и сіе все и что къ тому за нужное признаете, прошу отъ Вашего сокопреосвященства отеческаго наставленія, коего и имѣю ожидать, ѣрая несумнѣнно, что никогда не будетъ жалобъ отъ сихъ людей ъ, какъ и отъ содержащихъ магометанской законъ, ежели при омъ моемъ положеніи будутъ они безопасны отъ взысканія означеннаго штрафа и положенія на нихъ церковнаго исправленія за небытіе исповѣди. Безъ того же должно всегда подобнаго ожидать, потому по неизвѣстности объ нихъ не токмо какія-либо страсти, но и самыя добрыя намѣренія священническія могутъ подавать тому причину, тѣмъ паче, что оные годъ отъ году сильно умножаются вездѣ; настоящіе старообрядцы, почитая ихъ для себя сумнительными, то ни у себя прямо, ни у насъ, могутъ къ тому же побуждать, и тѣмъ средствомъ сдѣлать ихъ записными и для себя несумнительными. Впрочемъ съ совершеннымъ моимъ высокопочитаніемъ и данностію имѣю честь быть

Вашего Высокопреосвященства,

Милостиваго архипастыря и благодѣтеля моего, всепокорнѣйшій и богомолецъ

Амвросій архіепископъ Казанскій.

Маія 26-го дня 1791-го года.

B.

Великому господину преосвященнѣйшему Амвросію архіепископу Казанскому и Свіяжскому

Сызранскаго протопопа Ивана Львова

Объясненіе.

На поданное мнѣ отъ Вашего Высокопреосвященства повелѣніе симъ объясняю,—что въ городѣ Сызрани изъ духовныхъ такихъ людей, кои бы, предавшись совсѣмъ пьянству, обращалися въ сквернословіи и другихъ худыхъ поступкахъ къ всеобщему соблазну, совсѣмъ нѣтъ; а хотя нѣкоторые, будучи въ гостяхъ или по какому небудь случаю имѣя у себя гостей, бываютъ и пьяны, но обывателямъ никакихъ наглыхъ обидъ никому никогда въ бытность мою въ городѣ Сызрани осмилѣтняго времени отъ нихъ не происходило. А кому какая отъ кого хотя и бывала обида, но тѣ имѣли на нихъ письменныя просьбы и тѣ просьбы относились къ Вашему Высокопреосвященству; и по полученіи резолюцій чинимы были тѣмъ просителямъ удовольствія. А притѣсненіевъ отъ духовныхъ обывателямъ и быть не можетъ, ибо они над ними никакой команды и власти не имѣютъ. А естьли кто-либо так Вашему Высокопреосвященству на духовныхъ изъ Сызранскихъ жителей и показываетъ, то надобно быть ему развѣ изъ учителей раскольническихъ, которые всякое слово слышавъ отъ духовныхъ, (гдѣ-либо случится), служащее ко обличенію ихъ раскольническаго ученія, вставляютъ себѣ за обиду, а паче досадуютъ на то, когда духовными на кого не изъ записныхъ раскольниковъ, а только прилѣпившихся къ ихъ ученію донесено будетъ, что они сами собою крестятъ младенцевъ и не призываютъ приходскихъ священниковъ исправлять никакія требы, какъ то Успенской и Ильинской церквей отъ священниковъ доносимо было, и потому имъ въ томъ отъ свѣтскихъ присутственныхъ мѣстъ воспрещено. Кольми же паче почитаютъ себѣ обиды и притѣсненіемъ тѣ прилѣпившіеся къ раскольническому ученію что какъ ихъ, такъ женъ и дѣтей ихъ приходскіе священники пишутъ чрезъ одинъ, два и три года и болѣе не бывшими на исповѣди, которые и дѣйствительно не бываютъ, а за то самое съ свѣтской команды по силѣ указовъ взыскивали и взыскиваютъ съ нихъ денежные штрафы; и случалось, съ купеческихъ домовъ таких въ коемъ семейство большое, напримѣръ: самъ, у него жена, дѣти женатыя и у тѣхъ дѣтей дѣти же, и будетъ человѣкъ до семи и осми, а съ каждаго за первой годъ по рублю, за второй—по два, а третій—по три, то тѣхъ денегъ и немалое количество съ нихъ взыска

А иные за то небытіе на исповѣди болѣе трехлѣтняго времени присланы бывали и на церковное покаяніе. А именно изъ нихъ купецкій сынъ Василій Ладванновъ (sic) присланъ былъ изъ Сызранскаго городового магистрата въ Сызранское духовное правленіе при сообщеніи, о которомъ донесено было, со испрошеніемъ резолюціи, какой онъ Ладванновъ подлежателенъ церковной эпитиміи, и духовной консисторіи; а когда на оное представленіе послѣдовалъ указъ, что быть ему Ладванову на церковномъ покаяніи въ соборной церкви и полагать за вечернею, утреннею и литургіею земные поклоны, поскольку расположено въ томъ указѣ, чрезъ полгода,—то онъ Ладвановъ и тогда отговаривался своими недосугами, а иногда болѣзнію, весьма долгое время, а наконецъ объявилъ прошеніемъ, что онъ той эпитиміи исправлять не будетъ, потому что онъ уже назадъ тому лѣтъ шесть, какъ совсѣмъ пересталъ ходить въ церковь, а присталъ къ ученію старообрядцамъ (sic) (то есть раскольникамъ) и желаетъ приписанъ быть навсегда съ ними, которое его прошеніе немедленно представлено было въ разсмотрѣніе духовной консисторіи и на оное послѣдовалъ указъ, чтобъ отъ оной церковной эпитиміи его Ладванова уволить, и уволенъ. Да еще и нынѣ присланные изъ разныхъ свѣтскихъ присутственныхъ мѣстъ въ духовное правленіе, при сообщеніяхъ же,—одинъ барской крестьянинъ, другой пахотный солдатъ и одна женка, а какъ ихъ зовутъ, не упомню, по указу жъ на представленіе духовнаго правленія таковаго жъ церковнаго покаянія не исправляютъ, и отговариваются такъ же болѣзнями, крайними недосугами и хлѣбопашествомъ, ибо де съ нихъ взыскивается подушной окладъ и всякія государственныя подати, а тому уже прошло время близъ года, къ чему уже многократно и увѣщеваны были, но однако они остаются и поднесь не исправляющими; чрезъ что такъ же и о нихъ заключить можно, что они пристали къ раскольническому ученію. О чемъ какъ они, такъ есть въ городѣ и другіе, хотя словами нѣсколько о себѣ и объявляютъ, что они раскольники, но на письмѣ того подать никакъ не соглашаются; а потому подлинно ли они быть хотятъ раскольниками, на ихъ словахъ утвердиться нельзя, ибо въ какомъ-либо противномъ случаѣ они отъ своихъ словъ отпереться могутъ. А какъ оные барской крестьянинъ и пахотной солдатъ и женка и поднесь числятся въ духовномъ правленіи, (хотя живутъ во всякой свободѣ при своихъ домахъ неотлучно), а въ свои команды не отосланными, (ибо той положенной эпитиміи не исправили), то и конечно все вышеписанное, можетъ быть, вмѣняютъ себѣ за крайнюю обиду и притѣсненіе отъ духовной команды, а не отъ самихъ себя или свѣтской команды, откуда они присылаются

при сообщеніяхъ, и сіе доношу по самой сущей моей справедливости.

Вашего высокопреосвященства нижайшій послушникъ протопопъ Иванъ Львовъ.

Маія 21-го дня 1791-го года.
Подано маія 21-го 1791 г.

С.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко,

Милостивѣйшій Архипастырь.

Вашего высокопреосвященства писаніе, которымъ благоволили меня удостоить отъ 30-го прошедшаго апрѣля, съ должнымъ высокоуваженіемъ моимъ сего текущаго мѣсяца 7-го числа я получить честь имѣлъ, которое поставляя особеннымъ знакомъ вашего высокопреосвященства архипастырскаго къ себѣ милостиваго благоволенія, — вопервыхъ, успѣшаю засвидѣтельствованіемъ всепокорнѣйшаго благодаренія моего, а при томъ на опое и высокопочтеннымъ слѣдующимъ донесеніемъ, что во все прошедшее десятилѣтнее время моего начальства въ городѣ здѣшнемъ не только письменнаго объявленія и просьбы, но ниже словесныхъ жалобъ отъ жителей какъ обрѣтающихся въ православіи, а равно отъ записныхъ и незаписныхъ старообрядцевъ, якобы о чинимыхъ священнослужителями и о самомалѣйшемъ имъ притѣсненіи до меня ни формально, ни по слухамъ не доходило; да и прочіе описанные непристойные поступки когда-либо кѣмъ и гдѣ производимы были-ль,—совсѣмъ мнѣ неизвѣстно. А посему и полагаю, что сію пасквильную жалобу не инаково почесть должно, какъ произведенною отъ отвратившихся отъ православія, каковыхъ въ городѣ здѣшнемъ разномыслящихъ сборищъ и имѣющихъ каждое своего начальника и съ довольнымъ числомъ послѣдователей находится три или болѣе, и столь дерзки, что и съ священнослужителями отважаваются при ихъ увѣщаніяхъ чинить пренія. А какъ по случаю долговременнаго небытія со всѣми семействами ихъ на исповѣди по подаваемымъ вѣдомостямъ нѣкоторые штрафуются денежнымъ взысканіемъ, а иные, по силѣ высочайшихъ узаконеніевъ, отъ гражданскихъ правительствъ отсылаются къ исправленію въ духовное вѣдомство, изъ которыхъ и по нынѣ еще, мню, есть нѣсколько таковыхъ, кои находятся безъ рѣшимости, что они поставляя отъ священнослужителей за родъ себѣ притѣсненія, и вознамѣрились чрезъ таковое несправедливое вашему высокопреосвященству извѣщеніе въ месть здѣшнему священству поселить въ мысляхъ вашихъ хотя нѣкоторое сумнѣніе.

Оканчивая жъ сію матерію, осмѣливаюсь ваше высокопреосвя-
іенство увѣрить, что какъ все вышеописанное мною къ свѣдѣнію ва-
іему объясняю по сущему моему чистосердечію, не менѣе о нераз-
іашеніи и о неповѣданіи никому ввѣреннаго мнѣ вашимъ высоко-
реосвященствомъ, что и оное на вѣчность запечатлѣется въ душѣ моей.
Въ заключеніе жъ сего, ваше высокопреосвященство, всепокор-
ѣйше прося о удостоеніи меня продолженіемъ вашего архипастыр-
:аго благословенія и милости, чего я старался быть достойнымъ, съ
ісокопочитаніемъ и наиглубочайшею преданностію во все теченіе
іей моихъ за счастіе вмѣню именовать себя, высокопреосвященнѣй-
іи владыка, милостивый архипастырь, вашего высокопреосвященства
епокорнѣйшимъ слугою

Иванъ Димитріевъ.

Въ 12 день мая 1791 года,
г. Сызрань.
Пол. маія 18-го 1791 г.

D.

Въ Казанской духовной консисторіи изъ дѣла о побѣгѣ Симбир-
ой округи, села Алшеева священника Андрея Яковлева выписано:
Сего 791 года марта 14 дня при доношеніи въ консисторію изъ
мбирскаго духовнаго правленія прислано поданное во оное февра-
5-го того села Алшеева отъ священника Андрея Степанова съ при-
'ники и отъ всѣхъ мірскихъ людей объявленіе, коимъ прописывали,
прошлаго 790 года сентября на 7 число въ ночи означенной
щенникъ Андрей Яковлевъ и съ дѣтьми своими—Ѳадѣемъ, Але-
ндромъ и дочерью Прасковьею изъ дому своего, распродавъ свое
ніе, невѣдомо куда бѣжалъ. А того жъ марта 18-го оный священ-
ъ Яковлевъ, явясь къ преосвященнѣйшему Амвросію, архіеписко-
Казанскому и Свіяжскому, поданнымъ прошеніемъ просилъ, чтобъ
по вдовству его опредѣлить въ надежду постриженія въ монаше-
въ Казанскую Раифскую Богородицкую пустынь. Послѣдовавшею
отъ его преосвященства резолюціею велѣно консисторіи допросить
гдѣ былъ, и учинить по указамъ.
Почему въ присутствіи консисторіи оной священникъ допросомъ
алъ: прошлаго 790 года въ сентябрѣ мѣсяцѣ онъ, священникъ,
того села Алшеева, объявя о себѣ онаго села священнику и при-
намъ, подлинно и съ дѣтьми своими отлучился; и по отлучкѣ прі-
въ Казань, пришелъ сперва по знакомству въ домъ раскольни-
аго учителя, казанскаго купца Ивана Тихонова, хотя узнать по

любопытству раскольническую вѣру, называемую „перекрещенцы". И какъ между разговоровъ началъ онъ, Тихоновъ, ему ту ихъ вѣру крайне хвалить и утверждать правою, то онъ, для узнанія—въ чемъ они заблуждаютъ, жилъ у него въ домѣ за вѣдомо бѣглаго болѣе мѣсяца; а послѣ пересказывалъ онъ, Тихоновъ, и прочіе приходящіе къ нему въ домъ раскольники жъ, но кто они по именамъ, не знаетъ, что есть у нихъ и еще другая вѣра, называемая „поповщина". То онъ, Яковлевъ, отъ него, Тихонова, отошелъ и, по словамъ его нашедъ, пришелъ здѣсь же въ Казани къ раскольническому бѣглому, называющему себя изъ города Пензы, попу, живущему при ихъ часовнѣ, въ домѣ бывшаго казанскаго купца Болдырева, Петру Васильеву, съ коимъ и жилъ въ томъ Болдыревомъ домѣ, за вѣдомо жъ бѣглаго, мѣсяца съ два; а наконецъ и отъ онаго раскольническаго попа, дабы у него часть приходящими болѣе видимъ не былъ, жительствомъ отошелъ. И пришедъ къ означенному раскольническому учителю Тихонову, просилъ его, чтобъ онъ сыскалъ для жительства мѣстечко поскромнѣе; почему по просьбѣ его донынѣ и жилъ въ домѣ бывшаго купца Дряблова у раскольника жъ, свѣшника Якова Кирилова, для списанія изъ ихъ книгъ, въ чемъ они заблуждаютъ, нѣкоторыхъ главъ для одного только съ ними разговора. Во время жъ того у нихъ жительства вѣры ихъ на себя не принималъ и никакого у нихъ священнослуженія и требъ не исправлялъ; на послѣдокъ усмотря въ обоихъ оныхъ вѣрахъ одну только прелесть, которою они почти ежедневно здѣшнихъ гражданъ, а особливо пріѣзжающихъ къ нимъ изъ разныхъ деревень православныхъ христіанъ прельщаютъ, и въ тѣ вѣры по ихъ обыкновенію принимаютъ, отъ нихъ какъ потому, и что означенный попъ Васильевъ съ тѣми раскольниками хотѣли было его, Яковлева, для наученія по старымъ книгамъ отправить въ Иргизъ, въ ихъ монастырь, чего онъ, а паче увидя такое ихъ заблужденіе, убоясь Бога и сожалѣя православную вѣру, дабы они по такому суевѣрному ихъ прельщенію, ежели не донесено и прекращено не будетъ, не могли и всѣхъ въ свое заблужденіе привесть, отъ нихъ отлучился и для донесенія о семъ явился къ его преосвященству. Дѣти жъ его Ѳадѣй и Александръ жительство имѣли за вѣдомо жъ бѣглыхъ сперва въ домѣ раскольницы жъ Крохиной, къ которой онъ и самъ ходилъ и временно у нее за вѣдомо жъ бѣглаго ночевалъ; а потомъ жили жъ съ нимъ священникомъ въ домахъ Болдырева и Дряблова.

Потомъ въ консисторіи того жъ марта 29 дня опредѣлено и его преосвященствомъ утверждено: онаго священника Яковлева по желанію и просьбѣ его опредѣлить (и опредѣленъ) въ показанную Раиф-

кую пустыню на праздную іеромонашескую ваканцію въ надежду пострижения въ монашество. А какъ выше значитъ, что онъ, Яковлевъ, изъ тѣхъ раскольниковъ съ казанскимъ купцомъ Иваномъ Тихоновымъ имѣлъ знакомство, а изъ сего и примѣчательно, что онъ, Яковлевъ, обращаясь съ нимъ дружественно, развращенъ былъ и въ правовѣріи, почему его и къ священнослуженію вдругъ допустить опасно, коего ему впредь до разсмотрѣнія и не исправлять; а дабы онъ празденъ не былъ, то игумену предписать указомъ, чтобъ онъ побуждалъ его, Яковлева, къ ежедневному въ церковь хожденію, а въ свободное время употреблять его и въ монастырскія послушанія, и за поведеніемъ его, Яковлева, относительномъ до истиннаго въ преступленіи его раскаянія, имѣть неослабной присмотръ, и когда онъ совершенные плоды раскаянія его увидитъ, о томъ отрепортовалъ бы къ его преосвященству на разсмотрѣніе.

Въ Казанское жъ намѣстническое правленіе изъ консисторіи сообщить, (въ которое минувшаго апрѣля 7 съ прописаніемъ его, Яковлева, допроса и сообщено), съ тѣмъ, чтобъ оное благоволило упомянутого, оказавшагося въ городѣ Казани, обращающагося въ раскольническомъ заблужденіи и служеніи, бѣглаго попа Петра Васильева, по силѣ Святѣйшаго Правительствующаго Синода 774 ноября 3 и 779 годовъ октября 29 числъ указовъ, чрезъ кого подлежитъ и сыскавъ, для произведенія ему подлежащаго допроса и прочаго разсмотрѣнія прислать въ консисторію при письменномъ сношеніи; а съ показаннымъ купцомъ Иваномъ Тихоновымъ, купецкою женою Крохиной и мѣщаникомъ Яковомъ Кириловымъ за держаніе ими означеннаго священника Яковлева и дѣтей его завѣдомо бѣглыхъ поступить по законамъ, и что учинено будетъ, консисторію увѣдомить. Точію онаго попа и увѣдомленія еще не прислано.

Е.

По секрету.

Высокопреосвященнѣйшій владыко! Милостивѣйшій архипастырь, благодѣтель и покровитель мой!

Получа благосклоннѣйшее вашего святѣйшества писаніе отъ апрѣля сего года по случаю приносившихъ въ Санктпетербургѣ жалобу здѣшнихъ раскольниковъ на священно и церковно-служителей здѣшней епархіи, якобы отъ сихъ терпятъ они великое притѣсненіе, имѣю честь въ отвѣтъ служить слѣдующимъ: 1) отъ здѣшнихъ раскольниковъ не приносимо было ко мнѣ никакихъ жалобъ, ни письменныхъ, ни словесныхъ на притѣсненіе отъ здѣшняго духовенства,

что извѣстно мнѣ изъ консисторскихъ дѣлъ. 2) Что же духовные притѣсняемы были отъ раскольниковъ, и то нѣкоторыхъ, которые отъ церкви совращали и нынѣ совращаютъ премногихъ въ свое заблужденіе, о томъ я неоднократно доносилъ Святѣйшему Синоду, и нынѣ доношу, прилагая при семъ и поданныя отъ нихъ ко мнѣ бумаги, и предая ихъ въ полное разсмотрѣніе вашего святѣйшества. 3) Что мнѣ предписано было указами Святѣйшаго Синода, какъ въ семъ случаѣ поступать, я такъ и поступалъ и нынѣ поступаю; но сдѣлана ли со стороны свѣтской какая въ томъ предосторожность, мнѣ того неизвѣстно и знать не дано. 4) Слышно только, что собираютъ указныя деньги за небытіе у исповѣди и то съ тѣхъ, кои недавно записались, и сіе почитаютъ сіи, недавно записавшіеся, притѣсненіемъ отъ нашего духовенства, и домогаются, чтобы и съ нихъ не собираны были сіи деньги такъ, какъ и съ давно записавшихся. Болѣе я не слыхалъ никакого раскольникамъ притѣсненія отъ нашего духовенства, да и жалобъ ко мнѣ на сихъ послѣднихъ отъ раскольниковъ не было.

Въ прочемъ препоручая себя многомощнѣйшему вашему покровительству, есмь, и по жизнь мою пребыть имѣю, всегда съ достодолжнѣйшимъ моимъ къ вашей особѣ усердіемъ, преданностію и высокопочитаніемъ

Вашего святѣйшества, милостиваго архипастыря, благодѣтеля и покровителя моего всепокорнѣйшій слуга и всеусерднѣйшій богомолецъ Дамаскинъ, епископъ Нижегородскій.

Апрѣля 30 дня 1791 года.
Нижній Новгородъ.

F.

По секрету.

Высокопреосвященнѣйшій владыко!

Милостивѣйшій архипастырь, благодѣтель и покровитель мой!

Изъ представляемыхъ при семъ вашему высокопреосвященству вступившихъ ко мнѣ отъ нѣкоторыхъ священнослужителей жалобъ усмотрѣть изволите, сколько начало распространяться въ епархіи моей заблужденіе старообрядцевъ.

Главнѣйшею тому причиною, по здѣшнему намѣстничеству, дворцовой Толоконцовской волости, деревни Бабина крестьянинъ Гребенщиковъ, а по Симбирскому насланной изъ тамошняго намѣстническаго правленія Алатарскому (sic) Нижнему земскому суду указъ, ибо Гребенщиковъ, въ прошедшій великій постъ пріѣхавъ изъ Санктъ-

етербурга, разглашаетъ вездѣ простому народу, будто бы какъ ему
прочими старообрядцами въ семъ заблужденіи остаться, такъ въ
ое и всякому, кто только пожелаетъ, вступать дозволено. А помя-
тымъ указомъ предписано земскому суду старообрядцевъ отъ свя-
енослужителей защищать, что самое старообрядцы толкуютъ, якобы
мъ и въ распространеніи ихъ заблужденія дана имъ совершенная
ободa. По которому ихъ ложному разглашенію, какъ мнѣ отъ Ала-
рскаго духовнаго правленія письменно дано знать, Симбирскаго на-
стничества цѣлыхъ шести селъ жители совсѣмъ отъ церкви и ду-
венства отложились и ни съ какими требами священниковъ при-
вать къ себѣ не хотятъ. А потому хотя я къ Симбирскому и здѣш-
му господамъ губернаторамъ, съ описаніемъ открывшихся нынѣ
стоятельствъ отнесшись, требовалъ, чтобы они благоволили къ пре-
ченію означенныхъ ложныхъ и соблазнительныхъ толковъ и разгла-
ній и къ удержанію Гребенщикова и ему подобныхъ отъ уловленія
свое заблужденіе правовѣрныхъ принять должныя мѣры,—но при
мъ за долгъ почитаю все оное предать и въ собственное ваше бла-
разсмотрѣніе.

Впрочемъ съ совершеннѣйшимъ моимъ къ особѣ вашего высо-
преосвященства усердіемъ, преданностію и высокопочитаніемъ имѣю
сть навсегда пребыть

Вашего высокопреосвященства, милостивѣйшаго архипастыря,
агодѣтеля и покровителя моего всепокорнѣйшій слуга и всеусерднѣй-
і богомолецъ Дамаскинъ, епископъ Нижегородскій.

Отъ 27 маія 1791 года.
Нижній Новгородъ.

G.

Секретно пріобщаю еще при семъ, что сегодня были у меня свя-
нники изъ пяти селъ той округи, гдѣ жительство имѣетъ показан-
і Гребе(н)щиковъ, и объявляли, что онъ кромѣ того, что въ домъ
нему всякой день стекается толпа народа и записываются, но еще
ылаетъ отъ себя разсыльщиковъ по многимъ мѣстамъ съ палками,
ими принуждаютъ почти народъ записываться, и записываетъ уже
тѣхъ, кои мало приносятъ денегъ, но тѣхъ, кои за сіе по пяти,
ти и двадцати рублей платятъ; и онъ уже собралъ нѣсколько ты-
ь. Всѣ здѣсь опасаются, чтобы не родилось изъ него что ни есть
снѣйшее, и ихъ только здѣсь три человѣка, кои весь народъ воз-
щаютъ, помянутый Гребенщиковъ, да еще въ превеликомъ селѣ—
одцѣ Рабовъ, а третій въ селѣ Копосовѣ. Ежели сихъ только трехъ

смирить и отдалить, то всѣ замолкнутъ и будутъ въ церковь ходить; но и отдалить ихъ публично нельзя, а секретно, и то не чрезъ здѣшнее правительство, а прямо изъ секретной экспедиціи. Иначе надѣлаютъ они худа много; а во первыхъ, насъ духовныхъ переколотятъ, а потомъ достанется и дворянамъ. Ихъ всѣ намѣренія къ тому стремятся; да и нѣкоторые проговариваютъ уже, чтобъ сперва отложиться отъ церкви и духовенства, а потомъ и отъ дворянства. Какъ бы не вышло тоже, что нынѣ происходитъ во Франціи.

H.

Великому господину преосвященнѣйшему Дамаскину, епископу Нижегородскому и Алаторскому изъ Алаторскаго духовнаго правленія покорнѣйшее доношеніе.

Сего 791-го года апрѣля 30-го и маія 3-го числъ поданными въ правленіе сіе Алаторской округи селъ Кладбищъ и Миренокъ священно и церковнослужители объявленіями прописываютъ, что имѣющіеся въ ихъ селахъ прихожане разные, какъ церкви святой, равно и намъ священно и церковнослужителямъ дѣлаютъ противности и прочихъ приводятъ въ великій соблазнъ; а что именно отъ оныхъ приходскихъ людей происходитъ, — о всемъ томъ явствуетъ въ поданныхъ въ правленіе сіе объявленіяхъ, которыя при семъ вашему преосвященству отъ правленія сего на разсмотрѣніе всепокорнѣйше и представляются.

Троицкаго монастыря игуменъ Амвросій. Василій протоіерей Рождественскій. Іоаннъ протоіерей Спасопреображенскій. Григорій протоіерей Кіевониколаевскій.

Маія 10 дня 1791 года. № 89.

Подканцеляристъ Александръ Лебедевъ.

Получено маія 23-го дня 1791-го года.

I.

Въ Алаторское духовное правленіе Алаторской округи вѣдомства Алаторскаго духовнаго правленія села Миренокъ отъ іерея Ивана Степанова съ причетники

Объявленіе.

Сего 791-го года, прошедшаго апрѣля 15-го дня, во время святыя Пасхи ходилъ я, іерей, съ причетники своими со святыми образами по прежнему обыкновенію по приходскимъ дворамъ безъ всякаго

отъ прихожанъ препятствія. А какъ пришелъ я въ домъ того жъ села крестьянина Ивана Павлова, сына Щеглова, у котораго въ то самое время, не знаемо для чего, того жъ села собралось множество крестьянъ и съ семействами своими, служить молебенъ, меня съ церковниками не допустили, объявивъ притомъ намъ словесно, якобы они съ какого то присланнаго изъ Симбирскаго намѣстническаго правленія въ Алаторской Нижній земской судъ указа имѣютъ копію, которымъ указомъ якобы не велѣно мнѣ іерею и ни съ какими къ нимъ въ домъ ходить требами; и изъ дому своего и съ двора, злодѣйски схвативъ меня, іерея, за волосы и за бороду, вытащили вонъ и съ имѣющимся въ рукахъ моихъ животворящимъ крестомъ и на мнѣ эпитрахиліею, откуда меня вытащивъ, крестъ животворящій во многихъ мѣстахъ ругательски изломали, эпитрахиль стащивъ съ меня изорвали, діакона жъ Стефана Иванова немилостивно съ крыльца сбросили; который святый крестъ на другой день изъ того дому послѣ того бунта діакономъ взятъ и принесенъ въ церковь изломанной, а эпитрахиль изорванная. Да и носящихъ святые образа и запрестольный святый крестъ съ тѣми святыми образами ругательски съ двора согнали и видно, оныхъ азартно толкая съ двора, и въ самой срединѣ тотъ святый крестъ переломили. И ежелибъ сосѣдъ того Щеглова, крестьянинъ Ѳирсъ Трифоновъ, съ своимъ семействомъ, ту самую ссору услышавъ, къ нимъ не вышелъ, и отъ той ссоры означенныхъ крестьянъ не отвелъ, и насъ всѣхъ не защитилъ,—тобъ могло, отъ чего Боже сохрани, послѣдовать намъ отъ нихъ, крестьянъ, и смертоубійство. А били насъ въ томъ помянутаго Щеглова домѣ онаго жъ нашего села крестьяне: Самсонъ Дементьевъ съ женою Еленою Акинфіевою, Петръ Терентьевъ, Гаврила Мироновъ, Петръ Яковлевъ и прочіе, которыхъ мы въ тѣхъ побояхъ и смятеніи примѣтить не могли. А дьячекъ Борисъ Аврамовъ, видя оное все съ нами случившееся, вырвавшись изъ рукъ ихъ, въ тожъ самое время убѣжалъ и ударилъ въ набатъ; и услышавъ оные бунтовщики тотъ набатной бой, разбѣжались всѣ по своимъ домамъ. Отъ которыхъ побой тѣми крестьянами какъ я, іерей, такъ и означенный діаконъ и понынѣ въ крайней находимся болѣзни, да и впредь отъ оныхъ крестьянъ такого жъ безчеловѣчества опасаемся. Прежде же сего въ показанномъ нашемъ селеніи никакого раскола и суевѣрія не бывало. А отъ насъ всѣхъ священно-и-церковнослужителей того села обывателямъ, равно и вышепомянутымъ крестьянамъ никакихъ обидъ и налогъ никогда не происходило.

Того ради Алаторское духовное правленіе покорно просимъ сіе наше объявленіе принять и о защищеніи насъ отъ помянутыхъ кре-

стьянъ въ ихъ намъ причиненномъ злодѣйствѣ, и о поступленіи за оное съ ними по законамъ представить его преосвященству на благоразсмотрѣніе. Маія 3-го дня 1791-го года. Объявленіе писалъ означеннаго правленія копіистъ Михаило Петровъ.

Къ сему объявленію села Миренокъ іерей Иванъ Степановъ руку приложилъ.

Къ сему объявленію тоя жъ церкве діаконъ Стефанъ Ивановъ руку приложилъ.

Тоя жъ церкве дьячекъ Борисъ Аврамовъ руку приложилъ.

Тоя жъ церкве пономарь Алексѣй Макаровъ руку приложилъ.

К.

Въ Алаторское духовное правленіе Нижегородской епархіи вѣдомства Алаторскаго духовнаго правленія Алаторской округи села Кладбищъ отъ священниковъ Ефрема Симеонова и Саввы Макарова съ причетники.

Объявленіе.

Въ показанномъ нашемъ селѣ Кладбищахъ имѣется двѣсти приходскихъ дворовъ, въ нихъ мужеска полу состоитъ семьсотъ двадцать девять душъ, которыя въ церковь Божію на молитвословіе ходили, исповѣдывались у насъ іереевъ и святыхъ Таинъ пріобщались повсягодно; а нынѣ, по возмущенію Алаторской округи крестьянъ разныхъ селеній, а именно селъ: Явлей—Алексѣя Андреева, Кладбищъ—Игнатья Савельева, Чуварлей—Михайлы Ананьина, Миренокъ—Флора Дементьева, Сурскаго мандану—Карпа Спиридонова, Ямской слободы Матвѣя Михайлова съ сообщниками ихъ,—отъ хожденія въ церковь Божію вовсе отреклись, ссылаясь на присланой въ Алаторской нижней земской судъ изъ Симбирскаго намѣстническаго правленія указъ, которымъ якобы велѣно имъ принять какую-то, по примѣру записавшихъ (sic) въ двойной окладъ раскольниковъ, старинную вѣру, сего 1791-го года въ святую четыредесятницу у исповѣди и святаго причастія, по многому нашему увѣщанію во обоихъ нашихъ доляхъ пятьдесятъ четыре двора въ нихъ состоитъ сто сорокъ четыре человѣка и съ ихъ семействомъ вовсе не были, и притомъ намъ объявили, что де они и впредь никогда въ церковь Божію ходить не станутъ и насъ, священниковъ, призывать ко исправленію всѣхъ мірскихъ требъ не будутъ, а исправлять де будемъ мы сами собою по старинной какой-то вѣрѣ, безъ васъ священниковъ, что уже и дѣйствительно ими исполняется. А именно сего 1791-го года, марта 24-го дня, доли іерея Саввы Ма-

карова крестьянина Александра Ѳедорова жена родила младенца мужескаго полу, коей женкѣ молитва исправлена, а младенцу имя наречено мною, іереемъ; для крещенія жъ младенца онъ іерей неоднократно того крестьянина Ѳедорова принуждалъ, да и церковниковъ для того посылалъ. На что тотъ крестьянинъ объявилъ: я де къ тому тебя не требую и призывать не буду; а младенецъ крещенъ по старой нашей вѣрѣ.—Въ долѣ жъ показаннаго іерея Ефрема Семенова крестьянина Тихона Сергѣева жена Ненила Киреева родила младенца, а какого полу,—неизвѣстно, а какъ молитвословія, такъ и крещенія младенцу онъ іерей не исправлялъ,—а все оное исправлено, а кѣмъ неизвѣстно. Оные жъ крестьяне, сто сорокъ четыре человѣка, въ недѣлю святыя Пасхи насъ іереевъ, съ церковниками и со святыми иконами для исправленія молебновъ и въ домы свои вовсе не пустили; которые крестьяне для исправленія жъ мірскихъ требъ и для похороненія умершихъ и часовню близь онаго села самовольно ли, или по отводу Алаторскаго капитана-исправника Якова Кочугова, согласились построить, мы о томъ всѣ священно-и-церковнослужители неизвѣстны.

Того ради Алаторское духовное правленіе покорно просимъ оное наше объявленіе принять и для построенія часовни о запрещеніи предоставить куды надлежитъ на разсмотрѣніе.

Апрѣля 30-го дня 1791-го года объявленіе писалъ означеннаго правленія копіистъ Михайло Петровъ.

Къ сему объявленію села Кладбищъ іерей Ефремъ Симеоновъ руку приложилъ.

Къ сему объявленію того жъ села іерей Савва Макаровъ руку приложилъ.

Того жъ села діаконъ Василій Симеоновъ руку приложилъ.

Того жъ села дьячекъ Игнатій Ѳедоровъ руку приложилъ.

Того жъ села дьячекъ Андрей Яковлевъ руку приложилъ.

Того жъ села пономарь Григорій Максимовъ руку приложилъ.

Протоіерей Кіевониколаевскій.

L.

Великому господину, преосвященнѣйшему Дамаскину, епископу Нижегородскому и Алатырскому.

Семеновской округи села Собчина, церкви Богоявленія Господня отъ священниковъ Іосифа Иванова и Петра Іосифова въ нижеслѣдующемъ

всепокорнѣйшее доношеніе.

Означенной округи дворцовой Толоковцевской волости деревни Бабина крестьянинъ Алексѣй Гребенщиковъ, въ явное сопротивленіе святыя Греко-россійскія церкви перекрестившійся вторично, оставя свое художество, склоняетъ съ своими сообщниками къ отступленію отъ истинныя христіанскія вѣры неликоцемѣрныхъ оныя послѣдователей, коихъ въ сѣти своего заблужденія въ разныхъ селеніяхъ Семеновской, Балахнинской и Макарьевской округъ при помощи своихъ товарищей болѣе трехъ тысячь человѣкъ уловя, сего 1791 года, во время святыя четыредесятницы ѣздилъ въ городъ Санктъ-Петербургъ съ просьбой отъ имени предписаннаго числа людей, дабы позволено было имъ остаться въ отлученіи отъ церкви, породившія ихъ духовно водою и духомъ, откуду прибывши въ свое мѣсто, распространяетъ вездѣ симъ и чрезъ своихъ сообщниковъ, что ему съ согласившимися имъ числомъ людей, разными вразсужденіи церковныхъ обрядовъ, восколебавшихся сумнѣніями, вольность въ отправленіи вѣры дана, да и впредь де желающимъ къ числу ихъ присоединиться не воспрещено; по какимъ его внушеніямъ и разглашенію по пріѣздѣ его изъ Санктъ-Петербурга простой народъ по многіе дни изъ разныхъ приходовъ стекалися въ домъ его для записки въ церковные отступники, почему уже между неограниченнымъ числомъ людей, онымъ Гребенщиковымъ и его сообщниками возмущенныхъ, привелъ въ отступство церковное изъ нашего прихода нѣсколько человѣкъ, кои именно въ приложенномъ при семъ реестрѣ объясняются. Того ради, вашему преосвященству о семъ всепокорнѣйше донося, просимъ архипастырскаго вашего защищенія.—Доношеніе сіе писалъ означенный іерей Петръ Осиповъ и руку приложилъ.

Реестръ

о отлучившихся вновь въ Собчинскомъ приходѣ отъ святыя грекороссійскія церкви въ долѣ іерея Іосифа Иванова.

	Лѣтъ отъ рожденія. Муж.	Жен.
Въ Семеновской округѣ, деревни Бурнакова, Лаврентій Васильевъ съ дѣтьми его, вдовъ	70	
Дѣвка Матрона Евдокимова		60

Деревни Заборья.

Андреянъ Абросимовъ	55	
Жена его Ксенія Иванова		46

..врило Никитинъ	72	
..ментья Дементьева жена Офимья Трофимова		50
..очь ея дѣвица Марья		23

Деревни Ульяниxи.

..еофанъ Лаврентьевъ вдовъ	79	
..ѣвка Анна Кононова		30
..ѣвка Марѳа Емеліанова		27

Въ Макарьевской округѣ, деревни Путькова.

..аритонъ Нестеровъ	73	
..іена его Настасья Матвѣева		73
..ѣти ихъ: Сергій холостъ	39	
..асилій	44	
..3. Жена его Улита Иванова		33

Къ реестру села Сопчина іерей Іосифъ Ивановъ руку приложилъ.

Реестръ

случившихся вновь въ Собчинскомъ приходѣ отъ святыя греко-россійскія церкви по долѣ іерея Петра Іосифова.

	Лѣтъ отъ рожденія. Муж.	Жен.
Въ Семеновской округѣ, деревни Бурнакова:		
1. Иванъ Даниловъ	47	
2. Жена его Ксенія Лукошнова		46
3. Дѣти ихъ дѣвки: Ирина		16
4. Матрена		9
5. Илья Васильевъ	71	
6. Жена его Марина Симеонова		69
7. Антонъ Дмитревъ вдовъ	66	
8. Племянница его дѣвка Елисавета Моисеева		38
9. Братъ ея Гаврило Моисеевъ, холостъ	31	
0. Петръ Логиновъ	60	
1. Жена его Евдокія Исакова		57
2. Зять ихъ Иванъ Спиридоновъ	30	
3. Жена его Марѳа Петрова		26

14. Дѣвка Агрипена Степанова........................ 56
15. Вдова Оксинья Дмитрева........................ 59

Деревни Ульянихи.

16. Вдова Марѳа Евдокимова........................ 48

Деревни Клюкина.

17. Вдова Акилина Петрова........................ 63
18. Дочь ея дѣвица Пераскева........................ 43

Въ Макарьевской округѣ деревни Петрова.

19. Кондратій Михайловъ, холостъ........................ 63

Деревни Ушенина.

20. Анна Антонова........................ 66

Деревни Путькова.

21. Дементій Ефимовъ........................ 36
22. Сестра его дѣвка Глекерья........................ 48

Къ сему реестру села Собчина іерей Петръ Осиповъ руку при-
ложилъ.

М.

Великому господину преосвященнѣйшему Дамаскину, еписко-
Нижегородскому и Алаторскому,

Нижняго Новаграда Ильинской церкви іерея Максима Стефано-
о нижеслѣдующемъ

Доношеніе.

1.

Жительствующіе въ нашемъ приходѣ коренные здѣшніе граж-
не, а не новоявльшіе изъ-за границъ вызванные, а именно нижег-
родской купецъ, онъ же и ратманъ нижегородскаго магистрата, Тр-
фимъ Федоровъ Пономаревъ, да мѣщанинъ Иванъ Яковлевъ Кожеле-
оба съ семействами своими, и прочіе отписавшіеся отъ церкви пр-
ходскіе люди, о коихъ объявлено при семъ доношеніи реестро-
прежде всѣ они были дѣти святыя церкви: въ церковь ходили не л-
ностно, какъ и прочіе христіане, и всякія требы у нихъ исправляе-
нами были, исповѣдывались и святыхъ таинъ причащались и во все-
съ церковью согласны были; а нынѣ отъ потаенныхъ бродягъ, ке-

іскихъ стариковъ и старухъ, въ домахъ ихъ крыющихся, прельще-
и совращены, и отъ церкви вовсе отвращенные не ходятъ уже и
кой святыни гнушаются и въ домы своя насъ не пущаютъ и ска-
аютъ: „мы де записались въ старообрядство“. Почему я ихъ много-
тно увѣщевалъ словесно и письменно, дабы они свое заблужденіе
авили и присоединились по прежнему въ православной церкви; одна-
они, какъ аспиды, глухи, увѣщанія не пріемлютъ.

2.

Показанной же ратманъ Пономаревъ производилъ сперва тайно
домѣ своемъ, въ задней горницѣ, суевѣрное служеніе, почему не-
можно было признать, а нынѣ уже явно и всѣмъ видимо, неубояю-
ь страха Божія, ни властей, по старопечатнымъ книгамъ неправ-
тъ, къ которому изъ многихъ приходовъ, а именно: изъ Мироно-
скаго, Вознесенскаго, Похвалинскаго, Козмодемьянскаго, Пятнин-
аго, не опасаючись ничего, какъ мужеска, такъ и женска пола здѣш-
граждане во время церковныя службы нашей въ праздники и вос-
есные и великихъ святыхъ дни на суевѣрную службу къ нему со-
раются; и онъ Пономаревъ называетъ домъ свой истинною церквію.
ъ же Пономаревъ моего духовенства вдовицу съ тремя дочерьми,
овицу жъ съ одной дочерью и отца роднаго престарѣлаго въ свое
евѣріе прельстилъ и отъ церкви отвратилъ. А вышепоказанный Ко-
левъ иного какого-то раскольническаго толка и съ Пономаревымъ
согласуетъ.

Того ради Ваше Преосвященство всенижайше прошу, чтобъ ихъ
женіе старательствомъ Вашего Преосвященства было пресѣчено и
ребleно, аще ли не будетъ истреблено, то впредь великій отъ По-
марева разродится соблазнъ, потому что онъ имѣется судія маги-
атскій, многихъ проситъ и убѣждаетъ поклонами, чтобъ быть съ
мъ въ согласіи, а не съ церковію; а нынѣ народъ очень склоненъ
соблазнамъ, нежели къ церквамъ. О сихъ то представляю на архи-
стырское Вашего Преосвященства разсмотрѣніе и рѣшеніе. А сіе
ошеніе писалъ вышепоказанный іерей Максимъ Стефановъ и руку
ложилъ.

Реестръ.

1. Нижегородскій купецъ и ратманъ нижегородскаго магистрата
фимъ Федоровъ Пономаревъ.
2. Жена его Марѳа Алексѣева.
3. Отецъ его родной Ѳедоръ Ивановъ.
4. Сноха его Марья Львова.

5. Дѣти ея: Евдокія.
6. Парасковья.
7. Ксенія.
8. Настасья Ѳедорова Пономарева жъ.
9. Мѣщанинъ Иванъ Яковлевъ Кожелевъ.
10. Жена его Евдокія Стефанова.
11. Сынъ ихъ Алексѣй.
12. Вдова посадская Парасковья Григорьева Тулиха.
13. Вдова посадская Мавра Алексѣева Живодерова.
14. Дочь ея Парасковья Лукоянова.
15. Мать ея Маремьяна Никитина.
16. Вдова ямская Парасковья Никифорова.
17. Пономарева дворовые: вдова Ирина Васильева.
18. Дочь ея Анна Михайлова.

Къ сему реестру Нижегородской Ильинской церкви іерей Максимъ Стефановъ руку приложилъ.

N.

Великому господину преосвященнѣйшему Дамаскину, епископ[у] Нижегородскому и Алаторскому

всепокорнѣйшее доношеніе

Нижняго Нова-града Николаевской, что въ Благовѣщенской слободѣ, церкви іерея Алексѣя Стефанова о нижеслѣдующемъ.

Живущіе въ нашемъ Николаевской церкви приходѣ нижегородскіе посадскіе люди, напредь сего бывшіе въ моей духовности пра[во]вѣрными, какъ-то: исповѣдались и нѣкоторые изъ нихъ пріобщал[ись] святыхъ Таинъ и иные браками отъ меня вѣнчались,—а потомъ о[тъ] церкви Божіей отпали: какъ на молитву не приходятъ, такъ въ вел[и]кіе посты никогда не исповѣдываются и святыхъ Таинъ не при[об]щаются, и ни каковыхъ ради требъ меня, священника, къ себѣ не при[]зываютъ, во время жъ праздниковъ съ животворящимъ крестомъ и св[я]щенною водою въ домы свои не допущаютъ; изъ чего по всему, ка[къ] видно, оказалось сдѣлались они развращенными и впали въ раскол[ь]ническое заблужденіе, а кто именно —явствуетъ въ приложенномъ п[ри] семъ доношеніи реестрѣ.

Того ради Вашему Преосвященству объ ономъ на архипастырск[ое] разсмотрѣніе симъ всенижайше доношу. Маія 20 дня 1791 года. [Къ] сему доношенію іерей Алексій Стефановъ руку приложилъ.

Число людей: Дворов.	Мужск.	Женск.	ПОСАДСКІЕ и ДОМАШНІЕ ИХЪ.	Лѣта. Мужск.	Лѣта. Женск.
	1		Θедоръ Никитинъ Рысенковъ, холостъ	24	
		1	Мать его, вдова Анна Васильева		66
1	2		Иванъ Θедоровъ Рязановъ	49	
		2	Жена его—Θедора Андреева		39
	3		Дѣти ихъ: Иванъ	14	
	4		Андрей	6	
		3	Сестра его, дѣвка, Марья Θедорова жъ		33
	5		Иванъ Яковлевъ Манатейниковъ, вдовъ	51	
2	6		Василій Ивановъ Молодовъ	54	
		4	Жена его, Анна Иванова		49
		7	Дѣти ихъ: Максимъ холостъ	24	
	8		Антипа	23	
		5	Пелагея		12
		6	У Антипа жена, Прасковья Семенова		24
3	9		Григорій Васильевъ Прядильщиковъ	45	
	10		Братья его Алексѣй } холосты	40	
	11		„ „ Яковъ }	34	
		7	Сестра ихъ, дѣвка, Анна Васильева		39
		8	У Григорья жена—Марθа Иванова		32
		9	Дочь ихъ, Вѣра		11
4	12		Савва Ивановъ Сѣдовъ	52	
		10	Жена его, Устинья Петрова		38
	13		Дѣти ихъ: Иванъ	16	
	14		Дмитрій	13	
	15		Петръ	5	

Крестьяне и домашніе ихъ.

5	16		Шуйскаго уѣзда, вотчины лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку поручика Василья Николаева сына Сабакина деревни Поповки крестьянинъ Александръ Михайловъ Боронинъ	60	
		11	Жена его, Прасковья Андреева		50
		12	Дочь ихъ—Катерина		16
	17		Зять его—Никита Ивановъ Строгальщиковъ	30	
		13	Жена его—Татьяна Александрова		25
	18		Сынъ ихъ—Иванъ	9	
				10	

Служители и домашніе ихъ.

19 Яковъ Петровъ Свѣшниковъ................ 67

Къ сему реестру іерей Алексѣй Стефановъ руку приложилъ.

O.

Великому господину преосвященнѣйшему Дамаскину, епископу Нижегородскому и Алаторскому

Семеновской округи, села Кононова церкви Преображенія Господня отъ іерея Максима Филипова всепокорнѣйшее доношеніе.

Прихода моего, дворцовой Толоконцовской волости, деревни Бабина крестьянинъ Алексѣй Гребенщиковъ, впадши въ заблужденіе перекрещенства, единственное имѣетъ упражненіе—отвлекать отъ святыя грекороссійскія церкви истинныхъ чадъ ея, изрыгая на служителей Таинъ Христовыхъ блевотины различныхъ злохуленій и поношеній, стараясь чрезъ то самое уменьшать благословенное стадо овецъ Христовыхъ, злобою зіяющи на невѣсту Христову, святую церковь, оный Гребенщиковъ открылъ явно ядъ свой склоненіемъ при помощи сообщниковъ своихъ разныхъ округъ и селеній Нижегородскаго намѣстничества простаго народа ко отступленію отъ церкви болѣе трехъ тысячъ человѣкъ, со взятьемъ съ каждой души по рублю, обнадеживъ исходатайствовать имъ отъ послушанія пастырямъ церковнымъ свободу. Съ тѣмъ самымъ 1791-го года, во время святыя четыредесятницы, ѣздилъ онъ въ городъ Санктъ-Петербургъ; изъ коего явясь въ своемъ мѣстѣ, внушаетъ простому народу,—что якобы остаться ему съ предъявленнымъ числомъ людей во отлученіи отъ церкви позволено, да и впредь де къ нимъ кому угодно присоединяться не воспрещено. Каковыя свои внушенія разгласивъ чрезъ своихъ сообщниковъ по многимъ мѣстамъ Семеновской и Балахнинской округъ, да и въ самомъ городѣ Нижнемъ, умножаетъ число своего разврата, уловляя въ сообщество и единомысліе свое неисчетное простосердечныхъ людей множество, получая за то самое по пріѣздѣ изъ Санктъ-Петербурга съ человѣка по три и съ инаго по пяти рублей; въ домъ его стекается отвсюду народъ въ великомъ количествѣ для записки и отъ церкви отторженія. При неусыпномъ моемъ о врученной мнѣ паствѣ бдѣніи нѣсколько и моего прихода человѣкъ, состоящихъ прежде въ православіи, въ сѣти соблазновъ, происходимыхъ отъ объясненнаго Гребенщикова впало; а кто они именно,—о томъ при семъ реестръ прилагается.

Того ради Вашему Преосвященству о семъ покорнѣйше донося, предаю все вышепредставленное въ ваше святительское благоразсмотрѣніе. Маія 16 дня, 1791-го года, доношеніе писалъ означенный іерей Максимъ Филиповъ своеручно.

Реестръ

вновь отлучившихся отъ церкви приходу села Кононова, деревни Бабина.

	Лѣта. Мужск.	Лѣта. Женск.
1. Григорій Семеновъ Лобковъ	65	
2. Жена его—Парасковья Иларіонова		61
3. Андрей Тимофеевъ	45	
4. Жена его—Анна Алексіева		42
5. Иванъ Михайловъ Зоринъ	27	
6. Сестра его Ирина		16
7. Мать его, вдова, Марья Николаева		49
8. Денисъ Ивановъ	46	
9. Жена его—Өедосья Сысоева		46
10. Сынъ ихъ—Денисовъ Ефимъ	16	
11. Предписанной Алексѣй Гребенщиковъ	41	
12. Жена его Марья Спиридонова		37
13. Сынъ ихъ Василій	13	

Къ сему реестру села Кононова іерей Максимъ Филиповъ руку приложилъ.

Р.

Великому господину преосвященнѣйшему Дамаскину, епископу Нижегородскому и Алаторскому

Нижняго Новаграда Пятницкой церкви іерея Трофима Степанова о нижеслѣдующемъ покорнѣйшее доношеніе.

Имѣющіяся въ моемъ приходѣ нѣкоторыя дѣти мои духовныя прежде сего исповѣдались и святыхъ Таинъ пріобщались, а нынѣ какъ святѣй церкви удаляются и никогда для слушанія божественныхъ службъ въ нее не приходятъ, такъ же ни исповѣдуются и святыхъ Таинъ не пріобщаются, и меня именованнаго не съ какими требами для освященія домовъ въ храмовые и двунадесятые праздники со освященною водою и съ животворящимъ крестомъ къ себѣ въ домы

не пускаютъ, новорожденныхъ младенцевъ въ церкви не крестятъ, браками во оной не вѣнчаются, умершихъ для надгробнаго пѣнія въ церковь не приносятъ, а всѣ тайны и церковные обряды сами собою въ домѣхъ исправляютъ и говорятъ: къ намъ-де отнюдь ни съ какими требами не ходите, ибо мы записаны-де въ двойной старообрядческій окладъ.

Того ради Вашему Преосвященству всенижайше доношу и прошу, дабы благоволено было объ оныхъ прихожанъ моихъ на законномъ основаніи изслѣдовать; а кто они именно,—при семъ пріобщаю реестръ. Сіе прошеніе писалъ Нижегородской Пятницкой церкви іерей Трофимъ Степановъ и руку приложилъ.

Реестръ

которые почитаютъ себя въ двойномъ раскольническомъ окладѣ и поступаютъ святой церкви противно.

Нижегородскіе посадскіе.	Лѣта. Мужеск.	Лѣта. Женск.
Иванъ Кузьминъ Сигинъ	48	
Жена его—Анисья Степанова		48
Дѣти ихъ: Иванъ	11	
Григорій	10	
Теща его, вдова, Настасья Алексіева		61
Иванъ Козьминъ Бѣляевъ	50	
Жена его—Катерина Андреева		48
Самойла Васильевъ Рычковъ	38	
Жена его—Анна Александрова		35
Дѣти ихъ: Овдотья		8
Татьяна		7
Сноха его, вдова, Марья Петрова		38
Дворцовой волости крестьянинъ Иванъ Даниловъ	47	
Жена его Мавра Алексіева		47
Дѣти его: Никита	12	
Михайла	9	

Генералъ поручикъ, правящій должность генерала-губернатора Нижегородскаго и Пензенскаго, и кавалеръ Ребиндеръ его сіятельству господину дѣйствительному тайному совѣтнику и кавалеру, графу Александру Андреевичу Безбородкѣ, прочитавъ доставленныя бумаги, ка-

ющіяся до старообрядцевъ и сдѣлавъ свое примѣчаніе, сообщаетъ ое въ слѣдующемъ.

Просьба сихъ старообрядцевъ, доходимая Ея Императорскому личеству, конечнаго другаго намѣренія не имѣетъ,—какъ того, объ оставлены они были въ свободѣ отправлять церковное служеніе древнимъ обрядамъ и старопечатнымъ книгамъ; привыкшіе быть таковомъ заблужденіи отцы ихъ, дѣды и прадѣды оставили оное и омству своему. А потому не вмѣстна никакая строгость отвратить ъ отъ толь закоснѣлыхъ предразсудковъ. И хотя крестьянинъ Грешниковъ утруждалъ Ея Величества прошеніемъ своимъ отъ имени ехъ тысячъ пяти сотъ душъ, однакожъ, естли взять по всей губерш, такое число послѣдователей имъ будетъ развѣ десятая только сть, кои всѣ вообще присоединиться къ нимъ, какъ видно, не осмѣлись, подъ предлогомъ какого-либо опасенія обнаружить себя. Сей римѣръ для нихъ уже не первой. При самой дозволенной запискѣ двойной окладъ, почитая оной въ тягость, многіе остались не записными, но съ прежними своими суевѣрными мнѣніями. Итакъ изъ сихъ росителей, если отцы остались не записные, то, по крайней мѣрѣ, ѣды или другіе родственники состояли въ ономъ; въ прочемъ же всѣ и отъ церкви всегда были чужды. Но что такъ не видны были,— му нѣтъ другой причины, какъ благорасположеніе къ нимъ церковаго причта, кои изъ прихотей своихъ причисляли ихъ къ прочимъ агомыслящимъ о церкви. А когда уже корыстолюбіе дошло до такой епени, что не стало возможности сносить онаго и умалчивать, то и дилась мстительная отписка небытчиками. Одинъ примѣръ, видимой ъ просьбы церковнослужителей на нижегородскаго купца Пономава, силенъ подтвердить сію справедливость,—которой, какъ я знаю, задъ тому третій годъ при выборѣ въ магистратскіе судьи открылъ бя старообрядцемъ, а нынѣ только вышла на него жалоба въ отденіи отъ церкви; да и сія самая не умалчиваетъ о немъ, что причено и прежде скрытно содержимое имъ въ домѣ служеніе или орище для онаго. И какъ извѣстно мнѣ въ губерніи повсемѣстне сихъ старообрядцевъ обитаніе, то и старался я непримѣтнымъ я нихъ образомъ примѣчать за поведеніями и собраніями; однако жъ чего вреднаго не открылось, кромѣ отправляемаго по ихъ вѣрѣ литвоприношенія. Отъ самихъ же ихъ слышу, что отнюдь они не ючь и отъ церкви, если только согласно съ ихъ мыслями будетъ рковное служеніе; ибо они привержены же во всѣхъ духовныхъ добностяхъ къ священству своему, которое хотя и отдалено отъ наящаго порядка, что или не рукоположенные или какіе бѣглые

изъ-подъ запрещенія архіерейскаго, но поелику держать ихъ открыто опасаются, то въ крайней нуждѣ и безъ нихъ обыкновенной обрядъ отправляютъ. На сей случай мню, еслибъ свободно могли они имѣть ихъ, не было бы таковаго послѣдствія, которое заставляетъ и церковнослужителей дѣлать разныя привязки. Доказательное сіе изъ-за того, что скитскіе жители или прежніе записные раскольники, не имѣя до церковнаго причта никакой надобности или отношенія, бывъ свободны въ своихъ положеніяхъ, живутъ спокойно. Не разумѣю уже того, почему Нижегородскій преосвященной подозрѣваетъ ихъ въ худыхъ намѣреніяхъ,—коего подозрѣнія и причину онъ не описываетъ; однако догадываюсь, что слышитъ онъ только наносимыя отъ церковнослужителей же клеветы. Отсутствіе мое изъ сей губерніи — не такъ давное, но я не только всего того не запримѣтилъ, ниже слышалъ, потому что и крестьянинъ Гребенщиковъ возвратился въ бытность мою еще въ Нижнемъ. Чтожъ касается до того, что происходитъ отъ него якобы другимъ развратъ,—и сіе подтвердить сумнительно, для того что довольное число послѣдователей, кои если и приходятъ къ нему, то узнать о послѣдствіяхъ ихъ просьбы; ибо нельзя того ожидать, чтобъ не было на сіе общаго ихъ соглашенія. А хотя въ исполненіе высочайшаго Ея Императорскаго Величества повелѣнія и не оставилъ лично самимъ имъ подтвердить о неумноженіи числа своихъ послѣдователей, предписавъ при томъ и земскимъ исправникамъ о прилѣжнѣйшемъ надъ ними надзираніи,— однакожъ, чтобъ отвратить развратъ, не нахожу другого средства, какъ показанное въ просьбѣ число душъ объявить духовному правительству, которое, оставивъ ихъ въ свободѣ отправленія своей вѣры, заставитъ умолкнуть всѣмъ жалобамъ и неудовольствіямъ. Въ прочемъ какъ далѣе поступать съ вновь открывающимися, мысли преосвященнѣйшаго Казанскаго благоразсудительны, кои лучше подадутъ способъ видѣть плоды оказываемаго на ихъ суевѣрство снисхожденія. Доселѣ взыскиваемый съ небытчиковъ штрафъ хотя и продолжается взысканіемъ, но мало симъ посредствомъ удерживаются отъ заблужденія: ибо поелику увидѣлъ я, что въ числѣ небытчиковъ показаны и таковые, которые прежде состояли въ двойномъ окладѣ и изъемлемы были отъ сего взысканія,—то сіе самое побудило меня остановить оное до настоящаго о нихъ разсмотрѣнія.

Иванъ Ребиндеръ.

Іюня 25-го дня 1791-го года.

(М. Г. А. М. И. Д. Дѣла о раскольникахъ № 24).

—1792 г. Письмо оберъ-секретаря Святѣйшаго Синода дановскаго къ гр. А. А. Безбородко о появившихся ъ Екатеринославскомъ намѣстничествѣ духоборцахъ.

Высокосіятельнѣйшій графъ Александръ Андреевичъ!

Милостивый государь!

Сего августа 18-го дня вступило въ Святѣйшій Синодъ отъ пре-щеннаго архіепископа Екатеринославскаго донесеніе о жителяхъ теринославскаго намѣстничества, Славенскаго уѣзда, села Береки званія козачьяго 37-ми человѣкахъ обоего пола, совратившихся церкви въ заблужденіе, названное тамъ духоборствомъ. По при-тѣ ихъ изъ намѣстническаго правленія въ консисторію для увѣ-ія, открыли все содержаніе своего заблужденія, но къ церкви титься оказались непреклонными, почему и отправлены въ граж-вое правительство обратно. Святѣйшій Синодъ, увидя изъ пока-і сихъ людей, что они сверхъ заблужденія своего отъ истинныя і, не считаютъ себя подданными ни чьими и о службѣ своей коза-упоминаютъ съ условіями дерзкими, разсудилъ увѣдомить Ваше ельство для донесенія Ея Императорскому Величеству, если то имъ Сіятельствомъ за благо признано будетъ. Сіе Святѣйшаго Си-положеніе, за отсутствіемъ господина оберъ-прокурора, я, испол-прилагаемою запискою, за счастіе почитаю быть съ должнымъ и ршеннымъ высокопочитаніемъ.

Милостивый государь,

вашего высокографскаго сіятельства нижайшимъ и преданнѣй-ь слугою Григорій Рудановскій.

Августа 21-го дня 1792-го года.

(М. Г. А. М. И. Д. Дѣла о раскольникахъ № 25).

1792 г. октября 25. Донесеніе императрицѣ Екатери-II москов. главнокомандующаго кн. А. Прозоровска-построеніи раскольниками церкви въ Москвѣ близъ реображенской заставы (на Рогожскомъ кладбищѣ).

Всемилостивѣйшая государыня!

Высочайшій Вашего Императорскаго Величества указъ отъ 17 ібря я получить удостоился, которымъ повелѣваете мнѣ, всемило-йшая государыня, донести Вашему Величеству о строющейся здѣсь нѣ старообрядцевъ.

Здѣсь, Всемилостивѣйшая государыня, двѣ часовни. Одна въ Пре-
ображенскомъ называемой безпоповщины, которая въ самомъ камер-
коллежскомъ валу близъ Преображенской заставы, для которой ва-
сей заровнянъ, а окружена новымъ, чтобъ болѣе дать мѣста погосту;
сія часовня каменная, представляетъ наружность церкви, около он
довольно каменнаго жилаго строенія, въ которомъ они содержатъ бог-
дѣльню болѣе 1000 человѣкъ. А внѣ камеръ-коллежскаго валу въ н
которомъ разстояніи ихъ кладбище и тамъ часовня вторая, о котор
Ваше Императорское Величество спрашивать изволите, старообрядце
на принадлежащей Андроновской слободѣ землѣ, низменной и
весьма къ хлѣбопашеству способной, между большихъ дорогъ вла
мирской и коломенской, отъ заставы камеръ-коллежскаго валу въ тре
верстахъ, гдѣ тожъ довольно деревяннаго жилаго строенія и бог
дѣльня, гдѣ бѣдные изъ единовѣрцевъ ихъ помѣщаются, и тутъ
садъ и кладбище ихъ. Я по вступленіи въ нынѣшнюю мою должно
былъ на обѣихъ оныхъ кладбищахъ, а у старообрядцевъ по ихъ прос
осмотрѣть одной часовни ветхость, а другой—неспособность. Я о
подлинно нашелъ, что деревянная ветха, а въ каменной отъ сырост
или отъ худаго построенія даже что съ стѣнъ течетъ и такой тяжел
воздухъ, что въ оной и часу пробыть, казалось мнѣ, безъ вреда
можно. И сіи часовни имѣютъ наружность церквей одноглавныхъ. О
просили меня вмѣсто сихъ, ветхой деревянной и сырой каменной,
зволить имъ построить одну каменную новую часовню, въ низу
была теплая, а въ верху холодная.

Итакъ найдя оныя часовни съ немалымъ строеніемъ существу
щія и моленье производится публичное, то и заключилъ я, что
Вашему Императорскому Величеству извѣстно и заведены оныя
чально съ высочайшаго дозволенія. А какъ Вашего Императорск
Величества всемилостивѣйшимъ манифестомъ 762 года повелѣно р
кольникамъ никакого притѣсненія не дѣлать, а за тѣмъ и отъ
апрѣля 790 г. полученный мною отъ Вашего Величества указъ
матеріи потаенныхъ и нелѣпыхъ зборищъ братства, исключая
собранія запрещается полиціи въ оныя входить и дѣлать пре
ствіе въ молитвенныхъ собраніяхъ, а все сіе сообразя,—щиталъ я
можнымъ мнѣ позволить вмѣсто ветхой и другой неспособной постро
имъ новую часовню, зная жъ, что планъ вновь желаемой ими постр
сочинялъ архитекторъ Козаковъ чрезъ посредство именитаго граж
нина Никиты Павлова; но виноватъ я, Всемилостивѣйшая государ
что онаго не посмотрѣлъ, надѣясь несумнѣнно, что архитекторъ К
ковъ сочинитъ оный пристойно съ ихъ положеніемъ. Они часо

сію заложили въ 791 г. Какъ я увѣдомленъ былъ отъ губернатора, что они заложили ее велику и съ выпусками для алтаря и намѣрены поставить пять главъ, я взялъ у нихъ планъ и нашелъ, что они заложили не по плану архитектора Козакова, а сняли сами планъ съ церкви, что въ Бутырской слободѣ. Я приказалъ какъ имъ, такъ и полицейскому архитектору Карину выпуски для олтаря отломать, величины убавить и здѣлать планъ съ одной главой и крестомъ; но о неубавкѣ оной величины они усильно меня просили, поставляя основаніемъ, что имѣютъ они въ Москвѣ и около оной единовѣрцевъ до 20.000 душъ. Я планъ оный съ фасадой у сего всеподданнѣйше Вашему Императорскому Величеству подношу; плана же архитектора Козакова я отыскать не могъ по причинѣ смерти Никиты Павлова, у коего оный былъ, но внукъ его не нашелъ и Козаковъ черняго у себя не оставилъ. Они же симъ лѣтомъ довели часовню до карниза и представляетъ теперь видъ дому. Есть-ли Ваше Величество повелите унизить шпицъ, то я оной совсѣмъ прикажу убавить.

Нынѣ, получа высочайшій Вашего Императорскаго Величества указъ, за долгъ почелъ для всеподданнѣйшаго Вашему Величеству донесенія выправиться съ законами о построеніи часовенъ, какъ я прежде не остерехся о семъ выправиться. И начиная съ древнихъ законовъ получилъ свѣдѣніе, что въ 1718 году, когда по указу государя Петра Перваго была перепись раскольникамъ, отведено имъ за Серпуховскими воротами одно кладбище, не различая разныхъ между ими вѣръ, безпоповщины и старообрядцевъ; а въ 771 г. когда Покровской церкви, что въ Красномъ селѣ, священники жаловались, что раскольники умирающихъ моровою язвою, привозя къ церкви, оставляютъ, то по указу Правительствующаго Сената приказано имъ погребать своихъ мертвецовъ на отведенныхъ въ полѣ кладбищахъ, а буде тамъ мѣста для нихъ недостаточно, то отвести имъ пристойное мѣсто въ полѣ Московской губернской канцеляріи. Въ сіе то время и отведены имъ мѣста для кладбищъ, гдѣ нынѣ и вышеупомянутыя часовни. Я читалъ учрежденіе охранительной коммиссіи, и въ росписаніи о всѣхъ вообще кладбищахъ видны по пріурочкѣ и оныя кладбища; но тогда при назначеніи кладбищъ не различено вѣръ. Но о часовняхъ я ничего не нашелъ кромѣ, что въ 722 г. повелѣно всѣ часовни, не говоря раскольничьи, но вообще, упразнить; а въ 727 году повелѣно —которыя до того времени не разобраны, тѣ оставить, а и прочіе, о коихъ будутъ просьбы, строить позволять, разсматривая архіереямъ, чтобы не было правильнаго препятствія и раскольникамъ способу. Наконецъ, въ 734-мъ г. именнымъ указомъ императрицы Анны Іоанновны запрещено

впредь часовни строить, а старыя гдѣ имѣются, тѣ оставить въ прежнемъ состояніи. Но и въ семъ указѣ о раскольникахъ ничего не упоминается, что меня понудило, Всемилостивѣйшая государыня, переговорить о семъ съ Петромъ Дмитріевичемъ Еропкинымъ, какъ онъ главный членъ былъ охранительной коммиссіи, сказавъ ему, что имѣю я отъ Вашего Величества высочайшее повелѣніе безъ огласки о семъ свѣдать; то онъ мнѣ сказалъ, какъ и по дѣламъ видно, Покровской церкви священники, а онъ сказалъ, что и многіе просили о томъ же священники селъ, близь Москвы лежащихъ, что раскольники умершихъ язвой привозили къ церквамъ и тамъ ихъ оставляли, для чего-де и опредѣлено было къ главнымъ или управляющимъ раскольниками разныхъ сектъ надъ симъ смотрѣніе и даны имъ были доктора. И хотя де время прошло давнее, но помнится ему, что князь Григорій Григорьевичъ Орловъ позволилъ имъ сдѣлать часовни, гдѣ бъ они могли отпѣвать умершихъ; и онъ сказалъ, что я о семъ могу и Вашему Императорскому Величеству донести. Да еще видно по дѣламъ въ губернскомъ правленіи, что когда безпоповщина поставила главу и крестъ на часовнѣ, то во время главнокомандованія графа Чернышева нынѣшній московскій митрополитъ требовалъ отъ губернскаго правленія: для чего оное быть могло? То правленіе, ссылаясь на всемилостивѣйшій Вашего Императорскаго Величества вышеупомянутый 762 г. манифестъ, отозвалось, что въ отмѣну онаго войтить не можетъ.— Сихъ свѣдѣній собираніе умедлѣло всеподданнѣйшее мое о семъ донесеніе Вашему Императорскому Величеству.

Что я не справясь съ законами, а здѣлавъ только заключеніе по видимомъ, далъ на то позволеніе, то заключеніе мое, что рѣшить сіе могу, наипаче подкрѣпилъ высочайшій Вашего Императорскаго Величества указъ, о которомъ я выше упомянулъ, чтобъ старообрядцамъ не наносить никакого препятствія въ ихъ молитвенныхъ собраніяхъ, какъ непозволеніе строить часовню щиталъ я будетъ въ ихъ молитвахъ препятствіе, признаю однакоже себя, Всемилостивѣйшая государыня, виновнымъ, что не доложась Вашему Величеству оное позволилъ. Итакъ павъ предъ стопы Вашего Императорскаго Величества всеподаннѣйше просить милосерднаго прощенія,

Всемилостивѣйшая государыня,
Вашего Императорскаго Величества
всеподаннѣйшій
князь А. Прозоровскій.

Октября 25 дня, 1792 г.
Москва.

(М. Г. А. М. И. Д. Дѣла о раскольникахъ № 26. Было напечатано, но съ ошибками, Н. И. Субботинымъ въ ст. „къ исторіи Рогожскаго кладбища" (М. 1882 г.) стр. 6—10.)

12.—1792 г. ноября 9 д. Записка Гавріила митрополита Новгородскаго и Петербургскаго по поводу прошенія раскольниковъ построить церковь, имѣть своихъ священниковъ и архіепископа и пр.

Старообрядцы петербургскіе подали мнѣ прошеніе, чтобъ имъ быть въ числѣ сыновъ православныя греко-россійскія церкви и отъ меня получать священниковъ равно, какъ въ Екатеринославской епархіи; при томъ пріобщили съ прошенія копію отъ старообрядцевъ московскихъ, поданнаго главнокомандующему въ Москвѣ. Въ ней написано:

1) что они имѣютъ деревянный при кладбищѣ молитвенный храмъ;

2) что отъ дней Никона патріарха терпятъ они духовныхъ властей гоненіе;

3) чтобъ дозволено строить имъ церкви для служенія литургіи по старопечатнымъ книгамъ, какъ и въ Екатеринославской епархіи, умалчивая, что сіе дозволеніе отнесено къ епархіальному архіерею и что они имѣютъ порокъ, что бѣглые попы у нихъ служатъ;

и просятъ:

1) чтобъ имъ построить церковь;

2) имѣть священниковъ приходящихъ къ нимъ;

3) чтобъ быть у нихъ архіепископу приходящему самопроизвольно, на такомъ положеніи, какъ они пребываютъ;

4) чтобъ онъ не былъ подъ вѣдомствомъ духовныхъ властей, отдѣлясь отъ нихъ, какъ въ Городовомъ Положеніи въ статьяхъ 124, 125 и 126 о иностранныхъ предписано;

5) чтобъ имъ въ чиноположеніи ихъ быть вѣдомымъ по духовнымъ дѣламъ въ ихъ консисторіяхъ, не сообщаясь великороссійскимъ духовнымъ властямъ.

Сія просьба довольно изъясняетъ намѣреніе ихъ,—стараются начать свою церковь, отдѣляя отъ господствующей въ Россіи, и имѣть своего архіепископа и консисторіи.

Начали строить церковь, превышающую пространствомъ и огромностью Успенскій соборъ: онъ длиною 17, шириною 12, а ихъ церковь длиною 25, шириною 15 саженъ,—чтобы огромностію сего храма унижать первую въ Россіи церковь въ мысляхъ простаго народа;

а особливо въ преклонныхъ къ расколу усилить къ нимъ уваженіе.

Въ Москвѣ приверженныхъ къ расколу больше 20.000; многія епархіи, особливо Нижегородская до того доходитъ, что церкви лишаются своихъ приходовъ. Ежели изъ губерній соберутся чиноначальники ихъ въ такой пространной церкви, въ которой до 3000 народа можетъ вмѣститься, когда они предполагаютъ быть у нихъ архіепископу и консисторіи, когда сія толпа фанатиковъ сдѣлаетъ соборы, каковые уже и были, и положенія свои возвѣстятъ въ губерніяхъ, изъ которыхъ они придутъ въ Москву,—сіи, не имѣющіе привязанности къ правительству, могутъ ли обнадежить безопасностію столицы?

Они просятъ, чтобъ ихъ почитать такъ удаленными отъ господствующей церкви, какъ удалены католики и лютеране: можно ль надѣяться, чтобъ ихъ фанатизмъ, распространяющійся по всей Россіи, почиталъ государя правовѣрнымъ?

Великій Петръ, монархъ проницательнѣйшій, нарекль ихъ лютыми непріятелями, государству и государю непрестанно зломыслящими.

Внимая симъ обстоятельствамъ, думаю:

1) чтобъ начатую ими церковь обратить на другія, предписанныя закономъ Монархини для призрѣнія бѣдныхъ или для пользы общественной, установленія;

2) дозволить имъ построить часовню, какая для погребенія усопшихъ на кладбищѣ потребна, безъ колокольни.

(Сія записка прислана отъ преосвященнаго митрополита Новгородскаго и Санктпетербургскаго ноября 9 дня 1792 г.)

[М. Г. А. М. И. Д. Дѣла о раскольникахъ № 27.—Была напечатана ранѣе Н. И. Субботинымъ тамъ-же, гдѣ и № 11, на стр. 19—21, но опять не вѣрно. Поводомъ къ составленію этой записки послужило, вѣроятно, то обстоятельство, что „здѣсь находящіеся раскольники, (писалъ изъ Петербурга гр. А. И. Мусинъ-Пушкинъ къ кн. Прозоровскому отъ 23 сентября 1792 г.), подали прошеніе о дозволеніи построить себѣ каменную часовню по примѣру, какъ строится у васъ въ Москвѣ. Я слышалъ, что о семъ къ вамъ писано и спрашивается: какое дано имъ дозволеніе, отъ кого и когда? „Изъ этихъ словъ видно, что тоже обстоятельство имѣло вліяніе на появленіе и предыдущаго акта—донесенія кн. Прозоровскаго. Нѣкоторые любопытные и весьма важные документы, служащіе дополненіемъ къ настоящимъ (№ 11 и 12), напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1864 г. въ статьѣ „нѣкоторыя подлинныя черты изъ исторіи Рогожскаго и дру-

къ старообрядческихъ кладбищъ" (по 2 изд. стр. 104—117). Эта поздняя статья, не смотря на всю ея важность, осталась г. Субботину извѣстной].

—1794 г. октября 5. Дѣло о Москов. купцѣ Дм. Өедоро-, устроившемъ въ своемъ домѣ церковь безъ дозволенія начальства.

Копія.

Рапортъ господину губернатору.

Девятойнадесять части частный приставъ Ахшерумовъ рапорть ко мнѣ донесъ, что въ ввѣренной ему части, въ 3-мъ кварталѣ каменномъ домѣ московскаго 1-й гильдіи купца Дмитрія Өедорова ъ всякаго позволенія скрытнымъ образомъ сдѣланъ въ покояхъ и тавленъ иконостасъ съ царскими, сѣверными и южными дверьми клиросами, а внутри алтаря поставлены престолъ и жертвенникъ; какъ онъ на оное позволенія не имѣетъ, то о семъ въ разсмотрѣ- Вашему Сіятельству представить честь имѣю.

№ 2247-й.

Октября 5-го дня 1794-го года.

Копія.

Вѣдомства Московской управы благочинія—19-й части частному иставу, господину секундъ-маіору—Дмитрію Вельяминовичу Ахшаюву.

Отъ московскаго первой гильдіи купца Дмитрія Өедорова.

Объясненіе.

Потребно Вашему Высокоблагородію сіе свѣдѣніе о томъ, что то бы я выстроилъ по старообрядческому чиноположенію церковь,—орое де учинено почему въ противность высочайше устава благоія 58-го пункта; а притомъ еще требуете свѣдѣнія: кто именно ю святилъ. (Противъ коего требованія сіе покорнѣйшее объясненіе аю). 1-е. Въ части вашей домъ я каменной выстроилъ, а не церь ради каковаго собранія, по данному мнѣ плану отъ московской авы благочинія 1790-го году, сентября 5-го дня; строеніе жъ е происходило подъ присмотромъ архитектора. И что между проіи моими покоями помѣстилъ я въ небольшемъ одномъ покоѣ для его только молитвословія, а не для другихъ моленія, которой по ему старообрядческому положенію украсилъ оной въ (и)коностасѣ тыми иконами, а равно и на стѣнахъ изображенъ страшный судъ

Божій и прочія святоизображенія, въ (и)коностасѣ жъ учредилъ царскія двери, но еще при оныхъ по сторонамъ двѣ двери сѣверныя и южныя на случай временной ради совершенія безкровной жертвы по долгу христіанскому единственно для себя и семейства своего ради пріобщенія святыхъ Таинъ. Но чтобъ сіе мое домовое расположеніе служило въ противность высочайше устава благочинія 58-го пункта, — я безъ всякаго намѣренія поставляю себя несоотвѣтствующимъ противностію противъ означеннаго пункта, поелику я состою въ старообрядчествѣ, а потому особо высочайше именными указами отъ духовныхъ властей по нашимъ обстоятельствамъ во всемъ отречены; а при томъ и иновѣрнымъ я не состою. Въ домѣ жъ моемъ ни сходбищъ, или скопища другихъ для моленія никогда не имѣлъ и не имѣю; о чемъ и Ваше Высокоблагородіе по силѣ своей должности никакихъ качествъ собирающихся для моленія запримѣтить же не могли. Въ прочемъ я сообразжался въ сходственность милостивѣйшихъ высочайше особо изданныхъ о старообрядцахъ указовъ 1762-го декабря 14-го, 1764-го марта 3-го числъ и 782-го годовъ милостивѣйшаго повелѣнія о сложеніи двойного окладу и на случай по дѣламъ касающихся старообрядчества по учиненнымъ слѣдствіямъ послѣдовавшіе правительствующаго Сената указы. А притомъ держась неизгонимыхъ обрядовъ, какъ нынѣ видно изъ изданной со указнаго дозволенія книги, называемая „исторія о старообрядцахъ“, сочинена церкви Сошествія Святаго Духа въ Санктъ-Петербургѣ, что на Охтѣ, протоіереемъ Андреемъ, которыя продаются въ книжныхъ лавкахъ; а во оной между прочимъ напечатано о Стародубскихъ слободахъ, въ которыхъ де имѣется публично болѣе двадцати старообрядческихъ церквей и нѣсколько монастырей, и кто именно оныя святилъ, то есть, какіе священники, во оной книгѣ упомянуто, и что тѣ церкви сооружены не сносясь или не имѣвъ на то благословенія Синода или дозволенія епархіальнаго архіерея, а равно и на основаніе каждой церкви отъ губернскаго правленія повелѣнія, — однако жъ воспрещенія въ священнослуженіи никакого нѣтъ, а равно ни печатей, ни карауловъ при оныхъ не опредѣлено и притѣсненія никакого никому, окромѣ именованнаго меня, не имѣется. А остается все сіе безпрепятственно в волѣ высокомонаршей особо изданныхъ на то указовъ. А при томъ (2-е) освященъ въ домѣ моемъ покой или храмъ проѣзжающимъ по паспорту отъ старообрядческихъ Иргизскихъ церквей, что въ Саратовской губерніи, священноіеромонахомъ Серапіономъ, которой по освященіи храма совершилъ божественную литоргію, за которой по исповѣди пріобщась и я съ семействомъ святыхъ Таинъ; означенной же

вященноинокъ Серапіонъ въ тотъ же день по совершеніи онаго, не ывъ у меня ни однихъ полныхъ сутокъ, изъ дому моего отлучился; равно онъ объявилъ мнѣ, что онъ и изъ Москвы въ тотъ же часъ онъ поѣхалъ,—но куда, и гдѣ нынѣ находится, неизвѣстенъ (sic). верхъ сего (3-е),—ежелибъ я вознамѣрился домъ свой употребить мостыремъ или какою для собранія церковію, а равно хоша храмомъ ія моленія приходящихъ, нимало бъ я не упустилъ въ силѣ высочайаго устава благочинія 58-го пункта просить о томъ дозволенія отъ убернскаго правленія. Въ чемъ сіе объясненіе и даю. Московской эрвой гильдіи купецъ Дмитрій Өедоровъ писалъ сіе своеручно и руку риложилъ.

Октября 23-го дня 1794-го года.

(М. Г. А. М. И. Д. Дѣла о раскольникахъ д. № 28. О дѣяльности Өедорова см. нѣкоторые документы въ „Русскомъ Архи" за 1864 г. (по 2 изд. стр. 117—126) въ упомянутой статьѣ „нѣторыя подлинныя черты изъ исторіи Рогожс. и др. кладбищъ").

II.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

II

[illegible]

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ

КАКЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПАМЯТНИКЪ.

КІЕВСКОЙ ДРУЖИННОЙ РУСИ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Е. В. БАРСОВА.

Томъ III.

Лексикологія „Слова“.

А — М.

Всѣхъ отдѣльныхъ словъ, коими орудуетъ авторъ ,Слова о полку Игоревѣ" 905; въ ряду ихъ именъ суще-ствительныхъ 387, прилагательныхъ 141, числительныхъ и мѣстоименій 29, глаголовъ 297, союзовъ 18, нарѣчій 31, междометій 2.

Задача нашей Лексикологіи состоитъ въ томъ, чтобы прослѣдить каждое изъ нихъ въ слѣдующихъ явленіяхъ:

1. Встрѣчаются ли эти слова въ древнѣйшихъ Славяно-русскихъ переводныхъ памятникахъ, и если встрѣчаются, то какимъ греческимъ выраженіямъ они соотвѣтствуютъ?

2. Какія изъ нихъ вслѣдствіе своей устарѣлости и *когда именно* стали замѣняться иными выраженіями въ позднѣйшихъ спискахъ переводныхъ памятниковъ?

3. Встрѣчаются ли тѣ же слова и выраженія въ самостоятельныхъ произведеніяхъ литературно-повѣствовательной Кіевской дружинной школы?

4. Являются ли они въ твореніяхъ народнаго пѣснотворчества—въ богатырскихъ словахъ, народныхъ плачахъ и пѣсняхъ?

5. Сказываются ли они въ Исторической географіи и въ какихъ именно образованіяхъ?

6. Бытуютъ ли они въ современномъ живомъ языкѣ и въ какомъ именно значеніи?

7. Какъ было понимаемо то или другое изъ нихъ въ литературѣ „Слова" и какъ было переводимо на языкъ современный?

Рѣшеніе этихъ вопросовъ, раскрывая намъ значеніе того или другаго выраженія въ разнообразныхъ его оттѣн-

кахъ, укажетъ намъ болѣе точный смыслъ его въ „Словѣ", уяснитъ намъ архаичность дошедшаго до насъ текста и отношеніе его къ другимъ памятникамъ Кіевской Руси, покажетъ намъ связь его съ народно-поэтическими мотивами и образами и поможетъ болѣе точному и характерному переложенію его на современный живой языкъ.

Двумъ путямъ слѣдовали предшествовавшіе комментаторы при толкованіи отдѣльныхъ выраженій „Слова". 1) Одни обращались къ *корнесловію* и отсюда извлекали тотъ или другой смыслъ, особенно для словъ, которыя не объясняются ни лѣтописными указаніями, ни живыми современными нарѣчіями. Придавая важное значеніе этому методу, мы однако считаемъ его крайне недостаточнымъ для пониманія памятника XII в. Слова, какъ и люди, измѣняются, старѣютъ и вымираютъ. Корень „Слова" весьма важный для пониманія его въ первичномъ его значеніи, не всегда можетъ точно указывать на смыслъ его въ историческомъ его употребленіи. По корню мы никогда не поймемъ, напр.: что значитъ *смага*—въ томъ смыслѣ, съ какимъ является оно въ „Словѣ". Стремленіе понимать памятникъ при посредствѣ *корнесловія* иногда приводило къ большимъ странностямъ; такъ напр. выраженіе: „идутъ сморци мьглами" съ этой точки зрѣнія получало такой смыслъ: смърчь по корню—это *облако*; мьгла—въ значеніи Санскр. mêrha—тоже *облако*; такимъ образомъ „идутъ *сморци* мьглами" значитъ будто бы: идутъ тучи этими же тучами (Потебня, стр. 148). Но если филологическая ученость можетъ довольствоваться такими толкованіями, то съ ними никогда не можетъ примириться никакой поэтъ. Быть не можетъ, чтобы творческій геній автора, столь яркій въ каждомъ выраженіи, говоря о туманахъ, могъ выражаться такъ туманно.

2) Другіе комментаторы направлялись въ сторону юго-западныхъ Славянскихъ нарѣчій и при посредствѣ ихъ старались понять тѣ или другія выраженія нашего „Слова". Не говоря уже о томъ, что одно и то же слово въ разныхъ нарѣчіяхъ бытуетъ иногда въ противоположныхъ значеніяхъ, живое употребленіе ихъ еще чаще не совпадаетъ съ историческимъ ихъ смысломъ. Одностороннее уклоненіе въ эту сторону повело къ отысканію въ „Словѣ" польщизны, болгаризмовъ и даже языка Радимичей, никому до сихъ поръ неизвѣстнаго.

Но всего болѣе насъ поражаетъ, что были ученые, которые за разъясненіемъ того или другаго выраженія „Слова" прибѣгали къ языку Французскому. Такъ, встрѣчая подобныя выраженія въ Библейскихъ книгахъ и не зная греческаго языка, они должны были обращаться къ французскому переводу Библіи. Въ этомъ фактѣ сказывается для насъ вся безпомощность Русской науки, во время отсутствія у насъ классическаго образованія.

Менѣе удивительно то, что норманисты, въ интересахъ своего узкаго ученія, продолжаютъ многія выраженія, имѣющія мѣсто въ „Словѣ" относить къ заимствованнымъ, то у Готовъ, то у Скандинавовъ и т. п.

Намѣченный наминуть, по нашему во зрѣнію, наиболѣе прямо ведетъ къ широкому пониманію и точному уясненію отдѣльныхъ словъ и выраженій памятника XII в.

Предлагаемая Лексикологія „Слова", со стороны древнихъ переводныхъ памятниковъ, составлена нами независимо отъ Словарей Миклошича и Востокова и потому, на нашъ взглядъ, она не лишена существеннаго значенія и для археологическаго лексиса Славяно-русскаго языка вообще. Вводя въ исторію понятій, выражаемыхъ словами въ разное время и въ разныхъ памятникахъ, она, кромѣ того, что даетъ намъ возможность точно понимать разные от-

тѣнки значенія ихъ въ „Словѣ", вводитъ насъ глубже въ область Русскаго Словаря и исторію древне-русской литературы.

Кромѣ именъ и глаголовъ архаическихъ, мы обращаемъ особенное вниманіе на служебныя *частицы*, которыя въ живомъ языкѣ являются или замерзшими словами или же бытуютъ въ другомъ значеніи.

Многія слова въ другихъ древне-русскихъ памятникахъ выражаютъ лишь голыя *понятія*, тогда какъ въ „Словѣ" они имѣютъ эпическое значеніе. Уясненіе смысла творческихъ образовъ, связанныхъ съ тѣми или другими выраженіями, необходимо должно входить въ нашу задачу и стать предметомъ нашей посильной работы; поэтому наша *Лексикологія* должна принять во многихъ случаяхъ характеръ *Символогіи.* Наблюденія классической древности мы сопоставляемъ при этомъ съ наблюденіями Русскаго народа, выраженными въ его пѣснотворчествѣ.

Мы, конечно, никакъ не можемъ примириться съ отношеніемъ нѣкоторыхъ ученыхъ къ творческимъ образамъ „Слова". Если одни, при каждомъ запинаніи въ текстѣ, спѣшатъ видѣть искаженія и *глоссы*, относя ихъ на счетъ безграмотныхъ переписчиковъ и толковниковъ, то другіе, сосредочиваясь на образахъ „Слова" и не находя для нихъ оправданія въ запасѣ личныхъ познаній, спѣшатъ заподозрить ихъ естественность или же указывать на нихъ какъ на слѣды иноземнаго прототипа, который де сквозитъ въ „Словѣ". Такъ напр. въ сравненіи Курянъ съ волками одинъ видитъ болгаризмъ, такъ какъ-де подобное сравненіе встрѣчается въ Болгарскихъ пѣсняхъ (Миллеръ Вс. стр. 195); другой же находитъ это выраженіе просто *страннымъ и подозрительнымъ* (Андріев. стр. 174). Нельзя однако не признать, что подобное отношеніе къ творческимъ обра-

замъ „Слова" безъ должной оглядки, само по себѣ имѣетъ характеръ *волчьяго рысканія* въ области науки.

По отношенію „Слова" къ поэтическимъ мотивамъ народнаго пѣснотворчества наиболѣе другихъ сдѣлано Ѳ. И. Буслаевымъ, Н. С. Тихонравовымъ, Александ. Н. Веселовскимъ, А. И. Смирновымъ и особенно г. Потебнею, но сдѣланныя ими сопоставленія относятся лишь къ нѣкоторымъ выраженіямъ „Слова" и при томъ не всѣ изъ нихъ могутъ быть названы удачными.

Многія слова настолько обыкновенны и понятны, что, казалось бы, не слѣдовало приводить для нихъ никакихъ аналогій: но то, что кажется простымъ съ перваго раза, тотчасъ же можетъ вызывать недоумѣніе, какъ скоро останавливается на немъ аналитическое вниманіе: самыя ходячія и простыя слова представляютъ нерѣдко разный смыслъ въ разныхъ сочетаніяхъ; оттѣнить то или другое значеніе ихъ далеко немаловажно при объясненіи памятника XII в. Во всякомъ случаѣ для насъ не безразлично знать, являются ли эти слова въ другихъ памятникахъ Кіевской эпохи въ тѣхъ же самыхъ грамматическихъ формахъ, въ какихъ встрѣчаемъ ихъ въ „Словѣ". Притомъ же полнота едва ли не одна изъ существенныхъ задачъ всякаго лексиса.

Наконецъ, литература „Слова" особенно за позднѣйшее время показываетъ, сколько потрачено было напрасныхъ усилій на истолкованіе тѣхъ или другихъ словъ и выраженій; комментаторы и переводчики приступали къ своей задачѣ безъ достаточнаго знакомства съ своими предшественниками, лишь съ тѣмъ запасомъ знаній, какой у нихъ случился; придумывали свои толкованія и выдавали ихъ за новыя соображенія, не предполагая, что подобныя толкованія давнымъ давно уже были сдѣланы другими.

Чтобы избавить будущихъ комментаторовъ „Слова" отъ напрасныхъ мудрованій и повторенія стараго, мы слѣдимъ въ нашей Лексикологіи и за тѣмъ, какъ понималось и переводилось то или другое выраженіе прежними толковниками и переводчиками, начиная отъ первыхъ редакторовъ и издателей.

Сложность нашихъ задачъ и напряженіе труда для ихъ выполненія позволяютъ намъ мириться со многими недостатками предлагаемой Лексикологіи, а вмѣстѣ и даютъ право надѣяться на должное снисхожденіе къ нимъ со стороны другихъ. Само собою разумѣется, что не всѣ слова могутъ быть обслѣдованы равномѣрно и съ одинаковою полнотою, да и не всѣ изъ нихъ требуютъ всестороннихъ розысканій. Мы остаемся въ убѣжденіи, что многія отдѣльныя выраженія и образы „Слова" рано или поздно будутъ предметомъ особыхъ нарочитыхъ изслѣдованій.

А.

А (conjunctio) является въ значеніи не только противительномъ,) и соединительномъ. Въ переводныхъ памятникахъ и притомъ са- ıхъ древнѣйшихъ союзъ этотъ отвѣчаетъ Греческимъ:

1) καὶ, et—*и*; такъ въ Святославовомъ Изборникѣ 1073 г.: **іако огни искоушаетьса злато, а ч҃лци** (καὶ ἄνθρωποι) **пріатни** (стр. 161).

2) δὲ, autem, vero—*же*; такъ въ Галицкомъ Евангеліи XII в. *а* **агъ юсть късьмвын** (ὁ δε ἐχθρὸς) *а* **жатва юсть** (ὁ δὲ θερισμὸς). *а* **ітели соуть** (οἱ δὲ θερισταὶ Мѳ. XIII, 39); *а* **словеса моа не мімоїдоуть** ; δὲ λόγοι ib. XXIV, 35 ср. Пандект. Ант. XI в. л. 2 об.)

Но что особенно достойно вниманія, въ древнихъ памятникахъ средствомъ *а* соединялись не только періоды и предложенія, но и илагательныя и существительныя, подлежащія, опредѣленія и до- лненія. Такъ, въ Святославомъ Изборникѣ 1073 г. читаемъ: **Сице зоумии сѫть**, *а* **не съмысльни**—καὶ οὐ συνετοί. Въ русскомъ переводѣ вѣсти Флавія: **ѿ рыданїа** *а* **слезъ его скраташеса гласъ его** (л. 28) ib. I, c. XXXII, 3). **Ревноваахоу** *а* **другъ другу** (л. 207 об.) (Lib. I, c. II, 6). Въ Апостолѣ XVI вѣка, намъ принадлежащемъ: „**бл҃тъ** *а* **миръ** (καὶ εἰρήνη) **ѿ б҃а ѻ҃ц҃а** (Гал. 1, 3).

Въ произведеніяхъ литературно-повѣствовательной Кіевской дру- инной школы соединительное употребленіе этого союза очень обычно. ıкъ въ Кіевской лѣтописи читаемъ: „приѣхавъ Половчинъ ударить мерда) стрѣлою, *а* лошадь его поиметь, *а* в село его ѣхавъ иметь ену" (Лавр. стр. 267). „*а* полонъ свой отъяша, *а* сами возвра- шася въ Кыевъ" (Лавр. 345). „*а* миръ съ нами възми, *а* кресть

къ намъ цѣлуй, *а* крови не проливай“ (Лавр. подъ 1216 г.). Помощ таку же, паки *а* силнѣйшю того (Ип. стр. 58).

У Даніила Заточника (въ спискѣ Чудова монастыря) читаем: „Богатъ мужъ знаемъ есть, *а* въ чуже градѣ друзи имѣетъ“ (Чтені 1883 года).

Въ южно-русской письменности такое употребленіе этого союз держалось въ XVII и даже въ XVIII вв. Такъ въ проповѣдяхъ Ди трія Ростовскаго, писанныхъ на малороссійскомъ нарѣчіи, читаемъ Словемъ же треба Бога славити, *а* самымъ скуткомъ самымъ дѣломъ.. прославите Бога въ телѣсахъ вашихъ, *а* въ душахъ вашихъ (Чтен Общ. Ист. 1884 г. кн. II, отд. II, стр. 1—2).

Въ духовномъ завѣщаніи епископа Рувима 1719 года читаем „прошу, дабы сего монастира не приворочали къ себѣ не архима дритъ Печерскій и не архіепископъ Чернѣговскій, *а* не жадній от духовнаго чину.

На сѣверѣ, какъ и на югѣ, союзъ этотъ въ его соединител номъ значеніи продолжаетъ бытовать и до нынѣ въ живомъ язык Такъ въ „Богатырскихъ словахъ“ читаемъ:

Не бѣлый крычь перелетываетъ,
а не ясень соколъ да перепархиваетъ (Рыбн. III, стр. 179)

Но особенно въ *Сказкахъ* обычно употребленіе этого союза: „ посланной отъ короля поѣхалъ, *а* какъ пріѣхалъ въ ту деревню, призвалъ къ себѣ старосту, *а* говорилъ ему... *а* послѣ того Бо королевичъ спалъ шесть дней, *а* въ то время прибылъ изъ Врахли ска царства царь Салтанъ, *а* войска съ нимъ два милліона, *а* писа онъ къ королю“ и т. д.

Но если здѣсь, на сѣверѣ, соединеніе этимъ союзомъ *предложе* до нынѣ обычно, то сочетаніе при его посредствѣ *опредѣленій* и *допо неній* уже въ XVII вѣкѣ тогдашнимъ ученымъ казалось отжившимъ— потому справщики богослужебныхъ книгъ *а* (καὶ) замѣняли союзо *и*: такъ напр. въ символѣ вѣры вмѣсто „рожен̃на, а (καὶ) несотворе какъ читается даже въ рукописи 1455 года, „въ потруженіи оць на ферапонта и мартиніана“ Бѣлозерскихъ, исправили: „рожденна *и* нес

ворения". Замѣна эта не осталась не замѣченною. Протопопъ Аввакумъ, писавшій народнымъ языкомъ, понималъ живое соединительное значеніе союза *а* и самъ употреблялъ его въ своихъ произведеніяхъ; какъ, напр. въ своемъ „*житіи*", онъ выражается: „и плачу предъ Богомъ, *а* мучу". Ревнуя не по разуму о неприкосновенности символа, онъ горячо ратовалъ противъ этой замѣны и указывалъ на нее, какъ нарушеніе вѣры.

Такимъ образомъ союзъ *а* въ его соединительномъ значеніи сталъ на сѣверѣ союзомъ *историческимъ*. Какъ бы то ни было, съ этого времени *а* въ значеніи *и* стало весьма рѣдко употребляться въ сѣверно-русской письменности; соединеніе же посредствомъ *а* опредѣленій и дополненій сдѣлалось противнымъ сѣверно-русскому литературному языку.

Дошедшій до насъ текстъ „Слова" замѣчательно сохранилъ для насъ эту особенность древняго употребленія *а*. Въ немъ посредствомъ этого союза соединяются не только отдѣльныя части („*а* Святъ-славь мутенъ сонъ видѣ"), періоды (*а* уже не вижду власти сильнаго и богатаго), но и отдѣльныя предложенія (дружину твою, княже, птиць крилы пріодѣ, *а* звѣри кровь полизаша) и дополненія (слава князю а дружинѣ).

Первые издатели были не знакомы съ историческимъ употребленіемъ этого союза и потому допустили зависѣвшія отъ того многія неисправности въ изданномъ ими текстѣ. Такъ, въ силу указаннаго значенія *а*, послѣ заключительныхъ словъ: „Слава князю а дружинѣ", должна быть поставлена точка, но они напечатали такъ: „Слава князю а дружинѣ Аминь. Хотя сами перевели вѣрно, но такимъ изданіемъ, какъ сейчасъ увидимъ, подали поводъ къ очень ошибочнымъ и натянутымъ толкованіямъ подобнаго чтенія.

То же незнакомство первыхъ издателей съ историческимъ употребленіемъ *а* въ его соединительномъ значеніи было причиною съ ихъ стороны невѣрнаго чтенія нѣкоторыхъ мѣстъ. Слова, оканчивавшіяся надписными буквами, они сливали съ слѣдовавшимъ затѣмъ союзомъ *а*, не понимая его значенія. Такъ напр. они напечатали: „кають князя Игоря иже..... Русскаго злата насыпа*ша* вмѣсто того, чтобы читать: „Русскаго злата насыпа̑ *а* ту... (т.-е. насыпаше. *А ту* Игорь").

Союзъ *а* относится здѣсь къ послѣдующей рѣчи и имъ начинается новы мысль. Точно также и по той же причинѣ они ошибочно напечатали: „пѣстворц*а* стараго времени Ярославля Ольгова" вмѣсто: пѣтворца стараго времени (т.-е. пѣснотворецъ *и* стараго времени).

Въ виду всего сказаннаго, мы никакъ не можемъ согласиться съ достопочтеннымъ изслѣдователемъ *„Слова"* кн. П. П. Вяземскимъ, который въ заключительныхъ словахъ пѣсни „слава князю а дружинѣ" выраженіе *„а дружинѣ"* поставилъ въ своемъ изданіи въ скобкахъ и говоритъ по сему случаю слѣдующее: „а дружинѣ" поставлено въ скобкахъ, какъ указаніе для хора пѣвцовъ, что они именно должны сказать: Аминь. На это могутъ замѣтить, что подобныя отмѣтки въ печатныхъ церковныхъ книгахъ ставятся въ именительномъ падежѣ, но едва ли правильно требовать отъ пѣсни, чтобы она строго придерживалась обычая, можетъ-быть и не вошедшаго въ обыкновеніе. (А дружинѣ значитъ: а хору, а присутствующимъ сказать: „Аминь", кажется указаніемъ правильнымъ и понятнымъ). При этомъ онъ приводитъ выписку изъ Супрасльской Мартовской Четь-Минеи „юмоу же слава во вѣки аминь". Множествоу же братьа отвѣштавшемъ: аминь." Князь П. П. *Вяземскій* ошибался, утверждая, будто *а* въ церковно-славянскомъ языкѣ не имѣло значенія союза *и*.

Шишковъ и Сахаровъ въ выраженіи: *„а не сороки втроскоташа"* вм. *„а не"* читали *ажне*, относя, какъ и первые издатели, это предложеніе къ предъидущему.

Дубенскій первый отнесъ его къ послѣдующему, усматривая здѣсь отрицательное сравненіе, какъ и въ сказаніи о Дмитріѣ Ивановичѣ.

Огоновскій считаетъ здѣсь не нужнымъ союзъ *а*, который будто бы выдѣланъ изъ окончанія предъидущаго глагола *сѧ* (м.-б. ся?).

Абы (conjunctio) изъ союза *а* и глагольнаго ростка **бы**. **Абы** нерѣдко встрѣчается въ древне-русскихъ памятникахъ для выраженія разныхъ оттѣнковъ мысли. Значеніе его обусловлено связію и смысломъ рѣчи.

1) Иногда онъ означаетъ *условіе* и отвѣчаетъ союзамъ: *если бы, кабы*. Въ этомъ значеніи весьма часто встрѣчается въ Супрасльской

рукописи: **„господи, абы былъ сьдѣ, не бы оумрѣлъ ми братъ** (κύριε, εἰ ἦς ὧδε Іоан. XI, 32).

2) Иногда указываетъ и отвѣчаетъ союзамъ: *чтобы, дабы*. Напр. въ повѣсти Флавія: **саломи сестра соущи иродова многожды молящися о собѣ, абы ѣдалъ ю ꙁа аравъскаго воеводоу соулея**. (л. 17).— ἱκετεύουσαν γαμηθῆναι τῷ Ἄραβι Συλλαίῳ—multis precibus contenderet ut Sullaeo Arabi nupta deretur Lib. I, c. XXVIII, 6). Въ переводѣ Есфири, сдѣланномъ, какъ полагаютъ, во 2-й половинѣ XV в.: **мардохаи ꙁаповѣдалъ ей абы не повѣдала**– (ἐνετείλατο αὐτῇ μὴ ἀπαγγεῖλαι—гл. 11, ст. 10).

3) Иногда наконецъ выражаетъ желаніе и отвѣчаетъ союзамъ: *бы, какъ бы да*. Такъ въ житіи Андрея цареградскаго читаемъ: **толико абы ми его видѣти**—μόνον ἴδω αὐτὸν. (Зап. И. А. Н. т. XXXIV, кн. 2, стр. 165).

А встрѣчается не въ соединеніи только съ **бы**, но и въ сочетаніяхъ со всѣми другими лицами той же глагольной формы. Такъ, въ повѣсти Флавія: **въдалъ бо ми баше ҃р талантъ. абыхъ не дрьжалъ любьве и рѣчи съ феророю** (л. 20 об.)—ἐπὶ τῷ μὴ διαλέγεσθαι Φερώρᾳ Hib. 1, c. XXX, 3).

Въ литературно-повѣствовательной кіевской дружинной школѣ союзъ **абы** также имѣлъ неодинаковое значеніе: нынѣ пути не мочно учинити, *абы* нынѣ земля своя устеречи (Ипат. стр. 142). И се рекоша (мужи Галицкіе) „абы имъ како прогнати князя (ib. стр. 137). *Абы* ты, господине, здоровъ былъ (16 стр. 214). Въ данныхъ случаяхъ союзъ этотъ означаетъ: *лишь бы*. Послемся къ Васильеви на Щьковичу, *абы* былъ намъ игуменъ и управитель стаду (Ип. стр. 126); здѣсь отвѣчаетъ союзу *дабы*. Встрѣчается выраженіе: *а быхъ* учинилъ рядъ о землю (Ип. стр. 214) „*а быхомъ* ся угадали, а *бысте* пустили жито и т. д.

Въ живыхъ нарѣчіяхъ—*абы* употребляется какъ служебное замершее слово: *Даль* приводитъ великорусское присловье: „*Абы* нога ногу миновала". *Носовичъ*—бѣлорусскіе: „*Абы* якъ пришло легко и зъ рукъ сышло". *Абы* бъ бѣда, а шія будзець (Сборн. 2 отд. И. Ак. Наук. т. XII).

Въ „Словѣ" союзъ этотъ является и въ значеніи *желанія*: „*о Бояне! абы ты сіа плъкы ущекоталъ*"! т.-е. о, Боянъ, *кабы* да ты

воспѣлъ. И въ значеніи *цѣли*: *„абыхъ* **не слала къ нему слезъ на** море: т.-е. *чтобы* мнѣ не посылать слезъ на море.

Аже (conjunctio)—изъ сочетанія двухъ союзовъ **а+же,** отсюда возникло **оже. Аже** и **оже** въ древнѣйшихъ памятникахъ употребляются безразлично.

Въ переводныхъ памятникахъ онъ соотвѣтствуетъ Греческому γουν=γε+ουν.

Значеніе этого союза двоякое: онъ или 1) усиливаетъ значеніе мысли того предложенія, предъ которымъ стоитъ и тогда значитъ: *что дѣйствительно, что подлинно"*. Такъ въ повѣсти Флавія читаемъ: **тогда въꙁъвращѡуса въ їерлимъ. егда вѣсть ми боудетъ, оже иро преставися** (л. 18 об.) т.-е. что онъ дѣйствительно умеръ—ὀμόσας ἕξειν ἕνα τῆς φυγῆς ὅρον τὸν Ἡρώδου θάνατον καὶ μηδέποτε πρὸς ζῶντα ὑποστρέψειν (Lib. I. c. XXI 9, 4). или же 2) если союзъ этотъ служитъ основаніемъ другаго предложенія, изъ него вытекающаго, то въ такомъ случаѣ онъ получаетъ значеніе условія и значитъ: *„если только, если дѣйствительно такъ*. Въ той же повѣсти читаемъ: **нося же въꙁопи оже бжїи градъ есть, то ѡтиноудъ чистъ съхранилъ и еси** (л. 253 об.). с. II, I); **ѡже мы внидемъ в рукы иноплеменницы сотще и ратници, то что ꙁла недостроатъ ли намъ** (л. 106 об.).

Въ томъ и другомъ значеніи встрѣчаемъ этотъ союзъ и въ лѣтописяхъ: „Слышавъ же Всеволодъ, *аже* (т.-е. что дѣйствительно) прислалъ Святославъ сына своего (Ип. стр. 122). Угре же вѣдаюче лесть Галичьскую, *аже* (что подлинно) Галичане ищутъ себѣ князя Руского (ib. стр. 138). И вземше вѣсть (Ростиславъ Рюриковичъ) *аже* Половци днища далѣе лежать (ib. стр. 142). Въ значеніи условія: Игорь же рече съ братьею своею: *оже* ны будешь (если только намъ придется) не бившися возворотитися, то соромъ ны будетъ пущей смерти (Ип. стр. 130); а княгини моа, по моемъ животѣ, *оже* (если только) восхочетъ во черницѣ пойти, пойдетъ; *аже* не восхочетъ ити, а како ей любо (ib. стр. 215) *аже* ли Богъ дастъ милость свою, и слава Богу (ib. стр. 121) Нъ *оже* Богъ по ны, кто на ны (Новг. I, стр. 44).

Въ „Русской Правдѣ" читается: „*аже* не будеть кто его мстя, т.-е. а если не кому будеть мстить".

Въ „Словѣ" *аже* является лишь въ послѣднемъ условномъ значеніи „*аже* бы ты былъ, т.-е. *еслибы да только* былъ ты, была бы чага по ногатѣ. *аже* соколъ къ гнѣзду улетить—т.-е. *если только да* соколъ улетитъ.

Аки и акы (conjunctio). Въ той и другой формѣ встрѣчается въ древнѣйшихъ памятникахъ. Въ переводахъ онъ отвѣчаетъ Греческимъ:

1) ὡς, sicut—какъ бы; въ Изборникѣ Святослава 1073 г. весьма часто встрѣчаемъ выраженія: акы ѿ бга (ὡς ἐκ Θεοῦ) акы оуздою (ὡς ὑπὸ χαλινοῦ) акы во тьмѣ (ὡς ἐν σκοτίᾳ) акы оць къ снѹ (ὡς πατὴρ πρὸς υἱόν. Изд. Имп. Общ. Ист. и Др. стр. 13, 128, 156).

2) ὡσεί, velut—будто, словно: въ томъ же Изборникѣ (стр. 183): акы дымъ (ὡσεὶ καπνός) акы трава (ὡσεὶ χόρτος)

Въ Лѣтописяхъ: Чтяшеть ю, *аки* матерь (Лавр. стр. 254) и плакашася по немъ, *акы* по оци (іb. стр. 421). Въ житіи Бориса и Глѣба: и нападоша, *акы* звѣріе дивіе.. и емь блаженнаго и закла, *аки* агня. У Даніила паломника: образомъ (то древо) *аки* древо и другое древце мало.. *акы* сосна есть.

Въ Словахъ богатырскихъ:

Аки богатырь посвистываеть. (Рыбн. I, стр. 79).

Дюкъ.. приговариваетъ:

Конь мой лошадь, *аки* лютой звѣрь. (16 стр. 150).

Въ живой народной рѣчи говорится: „вертится", *аки* бѣсъ передъ завтреней.

Въ „Словѣ": Сами скачуть, *акы* сѣрыи влъци; дружина рыкають, *акы* тури. Прострошася Половци, *аки* пардуже гнѣздо.

Аминь, ἀμήν, amen значитъ vere: *подлинно*, *истинно* (sicut adverbium), но въ русскомъ языкѣ подчиняется формамъ склоненія (sicut nomen substantivum). *Аминь* нужно считать припискою

позднѣйшаго писца, который трактовалъ „*Слово*", какъ всякую историческую повѣсть. Достойно вниманія, что „*аминемъ*" заканчиваются и „Слово объ Акирѣ Премудромъ" и „Слово о Кіевскихъ богатыряхъ, како ходили въ Царь и убили Цареградскихъ богатырей". Почти нѣтъ ни одного сказанія, ни одной повѣсти, которая бы въ XVI в. не заканчивалась „*аминемъ*". „*Аминь* здѣсь не болѣе, какъ слѣдъ позднѣйшаго обычая писцевъ заканчивать имъ, не отдѣляя сказки отъ были, всякій свой книгописный трудъ. Эту особенность можно наблюдать и во множествѣ книгописаній западныхъ литературъ, гдѣ также средневѣковыя сказанія и повѣсти часто завершаются словомъ—amen".

Арєкѹчи—образовалось изъ союза „*а*" и дѣепричастія рькѹчи или рькаци. Г. Потебня разъясняетъ, что слово это должно быть читаемо раздѣльно: а рькучи (Зам. о м. нар. поэз.—стр. 21 и изъ Зап. по Р. гр. стр. 90); но въ древнихъ рукописяхъ оно читаемо было слитно. Такъ въ одномъ изъ принадлежащихъ намъ лѣтописныхъ списковъ XVI в. читаемъ: древлане же рѣша: посла ны деревьская земля арькучи сице (л. 10). Въ книгѣ λίθος XVII в. а слитно съ рекучи встрѣчается и въ формѣ настоящаго времени—изъявительнаго наклоненія: „а мы вдаучны (на полѣ: аутуе) мнѣ еди дн҃ь во дворѣ твоѣ арекоу ... ...

Повидимому союзъ *а* сливался съ глаголомъ *рьку* въ нѣкоторыхъ формахъ также, какъ и въ словахъ: *абы*, *абыхъ*, *абыхомъ*, *абысте*. Впрочемъ такое заключеніе можно сдѣлать только на основаніи начертанія этого глагола сравнительно въ позднѣйшихъ рукописяхъ. Въ лѣтописяхъ слово это встрѣчается нерѣдко: твориша Новогородци на посадника Дмитра, *а ркучи* (Лавр. стр. 466) и одариша князь русьскыхъ *а рекуче.* (Новг. I, стр. 40 подъ 1224 г.). *Аркучи* удержано и въ Задонщинѣ XV в.: Восплачется жена Микулина Марія *аркучи* такого слово.

Въ Словѣ: жены русскія въсплакашась *аркучи*. Ярославна плачетъ.. на забралѣ *аркучи*—т.-е. причитая, приговаривая.

Аще (conjunctio). Этотъ союзъ господствуетъ во всѣхъ памятникахъ древнерусской письменности. Въ древнихъ переводахъ онъ отвѣчаетъ Греческимъ:

1) κἂν—et; такъ въ повѣсти Флавія: **аще же кто ѿиметь ѿ тебѧ** **шюу, аще и на единъ день, то врагъ ти боудеть и ратникъ** (л. 253 .)—κἂν μὲν σού τις ἀφέληται... (Lib. VI, c. II, I).

2) ἂν—si; такъ въ Евангеліяхъ XI—XII вв. **иже бо аще хощеть** **іво свою спасти**—ὃς γὰρ ἂν. (Мѳ. XVI, 25).

3) ἐι, ἐὰν — si; въ повѣсти Флавія: **вражество велико имѣти** **уа, аще не престанеть ѿ того тщанія** (л. 17)—εἰ μὴ παύσαιτο τῆς :ουδῆς (Lib. 1, c. XXVIII, 6). У Іоанна экзарха Болгарскаго по спи у 1263 г. **аще да соуть ѡтроци** εἰ ἐστὶ τὰ παιδάρια (4 цар. XX, 4).

Въ Кіевской Лѣтописи употребленіе этого союза обычно: „*Аще* і Кій перевозникъ былъ, то не бы ходилъ царюгороду (Лавр. стр. . *Аще* не пойдета къ намъ, то налеземъ князя собѣ и т. п.

Союзъ этотъ имѣлъ мѣсто и въ историческихъ актахъ даже VII в. Такъ, въ выборѣ земскаго судейки Усьянскихъ волостей 58 г. читаемъ: „слушать и смотрѣть и беречи накрѣпко: *аще* кто анетъ невѣжливо слово говорить про Государя царя".

Но уже *Татищевъ*, приводя лѣтописные тексты, находилъ нуж мъ избѣгать употребленія этого союза и древнее *аще* замѣнялъ союзами

1) *когда* (Росс. Ист. стр. 19, 29, 33, 194)

2) *есть ли* (стр. 22, 31, 43, 70 и др.)

3) *ежели* (стр. 21, 33, 47, 53, 64 и др.).

Достойно вниманія, что въ духовныхъ стихахъ и богатырскихъ овахъ союзъ этотъ продолжаетъ еще бытовать.

Отвѣчалъ Самсонъ таковы слова:

> *Аще* въ небѣ было бы кольцо. (Рыбн. 111, стр. 2).
> *Аще* ты, Издолина поганая,
> Тянешься ты, потягаешься (ib. стр. 37).
> *Аще* станутъ тотъ напередъ, да другой напередъ. (ib. стр. 145).

Въ Словѣ: *аще* кому хотяше; *аще* и вѣща душа; *аще* его опу евѣ. Во всѣхъ случаяхъ *аще* значитъ здѣсь *если*.

Б.

Багрянъ (nomin. sing. masc.) **багряная** (nomin. dual. mascul.).— πορφύρεος—purpureus, ярко и чисто красный, пурпурнаго цвѣта.

Во всѣхъ почти Евангеліяхъ XI—XII вв. читаемъ: **въ ризу багряну облѣкоша** (ἱμάτιον πορφυροῦν Іоан. XIX, 2); **багряницею чьрвленою одѣша** (Мѳ. XXVII, 28; Юрьев. сп., 118—28 г.). Въ Апостолѣ XIII—XIV в. встрѣчается выраженіе: **багряная продающи**—(πορφυρόπωλις, qui purpurum vendit, Дѣян. XVI, 14).

Въ повѣсти Флавія: **оболчена въ ризы порфирныя** (л. 253 πορφυρᾶς ἐσθῆτας. Lib. VII, c. V, 4).

Въ лѣтописяхъ читаемъ: Леонъ царь велѣлъ показать посламъ Олеговымъ между прочимъ и хламиду *багряную*. (Лавр. стр. 37). Добрая жена „сугуба одѣнья сотворить мужеви своему, очерьвлена и *багряна* собѣ одѣнья (ib. стр. 79). Каплями кровными очервивши *багряницу* (ib. стр. 135). Одно изъ солнечныхъ затмѣній, бывшее въ 1275 г., изображено съ дугими *багряными*: „солнце, яко круги и посреди круговъ крестъ; дуги сини, зелени... *багряны*".

Въ „Словахъ богатырскихъ":

Какъ у насъ во городѣ во Галичѣ,
Мощены мосты были все дубовые,
Сверху стланы сукны *багречевыя* (Рыбн. III, стр. 155).

Въ живой народной рѣчи одно изъ небесныхъ явленій также изображается въ видѣ *багряномъ*". „*Заря*", говорятъ, „*багрянитъ облака*", т.-е румянитъ, придаетъ имъ ярко-красный цвѣтъ. (Даль).

Бытуетъ это слово и въ именахъ географическихъ: есть деревня именемъ: *багряшь* (Ист. Ак. V, 12).

Багряная или пурпурная краска выдѣлывалась изъ морской улитки, звѣстной подъ именемъ *Muчex.* Багряныя украшенія въ греко-римскомъ рѣ первоначально были исключительнымъ преимуществомъ государей, затѣмъ употребленіе ихъ мало по малу стало всеобщимъ. Чрезмѣрная ѣна этой краски вела къ раззоренію, что повело къ законодательству, направленному къ ограниченію этой роскоши. Императоры представляли нимъ себѣ право посылать суда на ловлю мурекса или конхилія, литки, изъ которой добывали пурпуровую краску. Для той же цѣли ни организовали почетное общество красильщиковъ багряною краской, званіе коихъ переходило по наслѣдству отъ отца къ дѣтямъ. Наонецъ въ императорскомъ дворцѣ было устроено особое помѣщеніе ля производства багряныхъ работъ. Императоры Валентиніанъ и Ѳеодосій закономъ 382 года запретили всѣмъ частнымъ людямъ красить *урпуромъ,* поддѣлывать его и продавать въ шелковыхъ или шерстяныхъ матеріяхъ, подъ страхомъ смертной казни и подъ опасеніемъ конфискаціи всего имущества. Въ 424 г. Ѳеодосій запретилъ сѣмъ безъ исключенія носить платья и эпанчи шелковыя и изъ всяой матеріи, окрашенной багрянымъ цвѣтомъ или другою какою-либо раскою, смѣшанною съ пурпуромъ или поддѣланною подъ сей вѣтъ, который закономъ былъ усвоенъ лишь государю и двору, и ри этомъ приказалъ имѣющимъ таковыя платья отдавать въ импеаторское казнохранилище безъ взякой за то платы, изъясняя, что мъ оказано довольно снисхожденія, что они не наказаны за неуваженіе законовъ; удержавшіе же или скрывшіе у себя такое украшеніе удутъ судимы въ оскорбленіи его величества. Сей же Государь вмѣтѣ съ Гоноріемъ запретилъ закономъ 425 года красить шелкъ или ерсть *поддѣльнымъ* пурпуромъ, добывавшимся изъ рыбы *родинусъ* hodinus) подъ опасеніемъ наказанія, положеннаго также за оскорленіе величества.

Половцы, какъ видно изъ „*Слова*“, также пользовались пурпуовой краской и добывали ее, конечно, изъ Византіи. Стягъ или древо ихъ знамени, доставшагося Игорю послѣ первой стычки, былъ *баяню* т.-е. былъ окрашенъ пурпуровой дорогой Византійской краской.

Далѣе, авторъ „*Слова*", не называя именъ Игоря и Всеволода, изображаетъ ихъ, въ постигшемъ бѣдствіи „столпами *багряными*": „оба *багряная* стлъпа погасоста". Этимъ сказывается не только то, что главные герои погибли, но и выражается со стороны автора *благоговѣніе* къ ихъ героическимъ образамъ, подобное тому, какое возбуждаютъ *багряные* столбы на небѣ, а вмѣстѣ и *участіе въ судьбѣ* ихъ, столь же живое и глубокое, какъ живо и глубоко дѣйствуетъ на душу *кровавый* видъ этого небеснаго знаменія. По крайней мѣрѣ, какъ извѣстно, уже издавна *съ багрянымъ* цвѣтомъ соединялось *понятіе о величествѣ* *), а съ другой стороны—этотъ цвѣтъ сближается съ кровавымъ видомъ и производитъ на душу гнетущее впечатлѣніе.

Головинъ весьма неудачно для объяненія слова *багряный* приводилъ мѣсто изъ Матеея, гл. XXVII, ст. 31; здѣсь *багряница* является лишь въ позднѣйшихъ новоисправленныхъ Кіевскихъ переводахъ; въ древнѣйшихъ же XI—XII вв. здѣсь читалось или **окрїлъ** (Галиц.) или **оироннищоу** (Юрьев).

Бдитъ (praes. 3 pers. sing. indicativ.)отъ **бдѣти**—γρηγορῆσαι vigilare—бодрствовать, не смыкать глазъ или не терять во снѣ сознанія. Въ пандектахъ Антіоха XI вѣка читаемъ: **въ сьдеиьи трезвыи бдимъ**—(γρηγορῶμεν с. 104, л. 255 об.). Въ Остроміровомъ, Галицкомъ и другихъ древнѣйшихъ Евангеліяхъ: **Бъдите оубо, ако не вѣсте дне ни часа**—γρηγορεῖτε οὖν (Мѳ. XXV, 13). **Бъдите и молитеса** γρηγορεῖτε καί προσεύχεσθε (Мѳ. XXVI, 41); **і вратарю повелѣ да бдитъ** (ἵνα γρηγορῇ Марк. XIII, 34). Въ силу указаннаго смысла одна изъ церковныхъ службъ донынѣ называется: „всенощное бдѣніе".

Слово это книжное; въ живомъ народномъ языкѣ является рѣдко; говорятъ впрочемъ „мужикъ *бдющій* т.-е. не любящій дремать, работящій".

Въ „Словѣ": „Игорь *спитъ*, Игорь *бдитъ*". Этими краткими предложеніями выражаются два противоположныя состоянія Игоря, быстро

---

*) Ср. между прочимъ: Beiträge zur Sprach und Alterthums—forschung. Aus jüdischen Quellen. Von Mich. Sachs. 1 Heft. Berl. 1852 г. p. 149; 2 Heft. p. 109. *Касній*, стр. 361).

смѣнявшія одно другое. Кто ясно себѣ представляетъ рѣшимость человѣка бѣжать изъ плѣна, изъ подъ стражи, со всѣми предстоявшими ему опасностями, борьбу со страхомъ и униженіемъ, тотъ понимаетъ быструю смѣну въ такомъ человѣкѣ моментовъ крайняго утомленія и крайняго напряженія, внезапный переходъ отъ сна къ бодрствованію. Игорь спитъ, Игорь бодрствуетъ, значитъ: Игорь спитъ, не спитъ, думу думаетъ; въ чемъ состояли его думы, тутъ же объясняется далѣе: Игорь мыслію поля мѣряетъ отъ Великаго Дона до Малаго Донца. Игорь носился мыслію по степи, обуреваемый то страхомъ опасностей, то окрыляемый надеждою спасенія.

Эти два предложенія, стоящія рядомъ и выражающія противоположныя состоянія Игоря были предметомъ разныхъ недоумѣній.

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ въ переводѣ даннаго мѣста текстъ оставилъ безъ измѣненія.

Малиновскій сначала перевелъ такъ: Игорь легъ спать, Игорь не засыпаетъ; въ первомъ же изданіи: „Игорь лежитъ, Игорь не спитъ“.

Комментаторы:

Шишковъ: „Игорь распустилъ о себѣ слухъ, будто онъ спитъ, а въ самомъ дѣлѣ собирался въ путь и размышлялъ о томъ, какимъ бы образомъ безпрепятственно проѣхать землю непріятельскую.

Пожарскій въ своемъ переводѣ оставилъ текстъ безъ измѣненія.

Грамматинъ: „Первые издатели перевели: *Игорь лежитъ*, но *лежать* не значитъ *спать*. *Пожарскій* перевелъ „Игорь спитъ, Игорь бдитъ, но *спать* и вмѣстѣ *бдѣть*, т. е. не спать — невозможно. Во избѣжаніе этой кажущейся несообразности Грамматинъ предъ глаголомъ „спитъ“ поставилъ отрицаніе „*не*“.

Поправку Грамматина принимали *Вельтманъ* и *Погодинъ*.

Дубенскій, объясняя соотношеніе глаголовъ „бдитъ и спитъ“ полагалъ, что Игорь „притворялся спящимъ“, а на самомъ дѣлѣ онъ бодрствовалъ.

Потебня весьма основательно замѣтилъ, что „соединеніе при одномъ подлежащемъ сказуемыхъ съ противоположными значеніями означаетъ малую степень дѣйствія“.

Смирновъ не примиряется однако съ замѣчаніемъ г. Потебни и предлагаетъ слѣдующую поправку: „не лучше ли послѣ“ „*спитъ*“ поставить вопросительный знакъ, чтобы не было противорѣчія и не было надобности прибѣгать къ натянутому объясненію, что Игорь считается спящимъ“.

Прозоровскій, останавливаясь по обычаю на мнѣніяхъ Погодина, повторявшаго чужія догадки и соображенія, возвращается къ чтенію впервые предложенному еще покойнымъ Грамматинымъ, т.-е. предъ „спитъ“ ставитъ отрицаніе „*не*“ будто бы пропущенное въ текстѣ:

Педагоги:

Погосскій: „Спитъ или бодрствуетъ Игорь: все онъ поле мѣритъ“.

Малашевъ: Игорь будто спитъ, но онъ бодрствуетъ.

Поэты:

Гербель: Игорь дремлетъ, Игорь бодрствуетъ.

Мей и Майковъ угадали творческую мысль автора и выразили ее ближе къ подлиннику: Игорь спитъ-не спитъ.

Бебрянъ (accus. sing. mascul.). **Бебрянъ** (adjectivum) *καστόριος* отъ **бебръ, бьбръ,** *κάστωρ*, castor, звѣрокъ бобръ. Въ литературно-повѣствовательной Кіевской дружинной школѣ слово это, повидимому, бытовало какъ и многія другія, въ формѣ греческой: *кастеръ;* по крайней мѣрѣ въ повѣсти Флавія читаемъ: **постела акы касте́ разнолнчена.** Но всего чаще оно является въ переводѣ; такъ въ повѣсти объ Акирѣ XVI в.: „**и пошли 1000 дивицъ целади моеа... одѣвъ и въ бебръ**“. Н. С. Тихонравовъ приводитъ еще слѣдующій примѣръ: изъ сербской рукописи XV в.: **арьбанасинь беберъ ѥ** (Пам. отр. Р. л. 11, 451).

Въ Азбуковникахъ такъ объясняется это имя: „*бебрь* есть звѣрь нарицаемый мъскусъ, мало животно; зовутъ же его домашніи своимъ языкомъ *бобръ*, гоняще его стрѣляютъ“.

Въ Лѣтописяхъ имя это встрѣчаемъ въ формѣ *бобръ*: „Рече приточникъ: *бобръ* и волкъ и язвецъ снѣдяться (Ип. стр. 180) Андрей же... слуги разграби гордые и тулы ихъ *бобровые* раздра“ (И. Г. Р. IV, пр. 20).

Въ свадебномъ обрядѣ добрый мóлодецъ на вопросъ невѣсты, куда онъ ѣздилъ, куда Богъ носилъ, отвѣчаетъ, что закупалъ онъ ку-

ницы да соболи и *бобры* осистые т.-е. серебристые, съ сѣдою бѣлою остью (Чтен. 1870, кн. 1, стр. 529).

Съ *бобромъ* связано и много народныхъ пословицъ: „убить *бобра*, не видать добра". „Всѣ мужья добры, покупили женамъ *бобры*".

Бобръ и *бебръ*, какъ Волынь и Велынь, на руси употреблялись безразлично. Много есть селеній, кои зовутся: *Боброва* и извѣстны рѣчки, называемыя *Бебрами*; одна напр. *Бебра* впадаетъ въ Вязму, а другая при Райгородѣ въ Ятвезу.

Въ „Словѣ" рукавъ Ярославны, коимъ она хочетъ утереть раны Игоревы, называется *бебрянымъ*, въ поэтическомъ значеніи самаго дорогаго и роскошнаго наряда. Бобровые мѣха всегда и высоко цѣнились у всѣхъ народовъ.

Слова Ярославны: „омочю *бебрянъ* рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру кровавыя раны" означаютъ здѣсь тоже, что и въ современныхъ народныхъ плачахъ выраженія:

„Мнѣ не по́-уму нонь цвѣтно это платьице,
„Мнѣ не по́-сердцу велико украшеньице;
„Не жалѣю нонь любимой я покрутушки".

Любовь ея къ ладѣ, угнетаемая горемъ, не щадитъ самаго драгоцѣннаго пушистаго рукава и готова обтирать имъ кровь, лишь бы не развередить ранъ и облегчить страданія своей милой лады.

Древнѣйшее упоминаніе о существованіи *бобра* на землѣ Славянской читается въ словахъ Геродота о странѣ Будиновъ: ἐν δὲ ταύτῃ λίμνῃ) ἐνύδριες ἁλίσκονται καὶ κάστορες καὶ ἄλλα θηρία τετραγωνοπρόσωπα (IV, 263; Шаф. 11, 674; Будил, 363). Одно изъ древне-польскихъ племенъ называлось *Бобрянами* (Шаф. 11. 424; Будил. 363).

Безводнѣ (local. sing. neutr.) отъ **безводенъ** ἄνυδρος, inaquosus, бѣдный водою, маловодный или вовсе лишенный воды.

Во всѣхъ почти Евангеліяхъ XI—XIII вв. читаемъ: **егда нечістыи дхъ изідеть ѿ члка. прѣходіть сквозѣ безводнаꙗ мѣста** (δι' ἀνύδρων τόπων) (Лук. XI, 24). Въ Псалтири XIII в. **положилъ есть землю безводноу** (γῆν ἄνυδρον) (Пс. 106, 35); **заблоудиша въ поустыни**

бєзводнѣ (ib. ст. 4) **и бєзводнаꙗ боудоуть во єзєра** (Ис. XXXV, 7. Ср. Панд. Ант. XI в. гл. XXVI, л. 65 об., и гл. 128, л. 291).

Во время войны *безводье* являлось, какъ и нынѣ, однимъ изъ величайшихъ бѣдствій. Лѣтописцы поэтому естественно каждый разъ отмѣчали это несчастіе. „Святославъ затворися въ градѣ и бишася крѣпко, изнемогаху же людье въ градѣ *безводьемъ*". (Лавр. стр. 381); не могуще терпѣти дыма и зноя паче же *безводья* (Воскр. подъ 1220 г.).

Безводный есть самый характерный и существенный эпитетъ степи; до нынѣ говорится: „одолѣла насъ въ степяхъ безкормица и безводица" (Даль).

Въ „Словѣ" выраженіе: „въ полѣ *безводнѣ*" значитъ именно: въ степи знойной, гдѣ не доставало воды для питья и поенія коней (см. поле). Лѣтописное сказаніе о походѣ Игоря (сѣверно-русскаго извода) вполнѣ разъясняетъ историческій смыслъ этого выраженія: „Враги Русское воинство отлучиша отъ воды и уже бяху три дни — сами и кони ихъ въ уста не впущаху и изнемогоша безводіемъ сами и кони ихъ: бѣ бо тогда знои велици зѣло". (См. ч. V, прилож. VI).

Бєзъ (praepositio, construitur cum genitivo).

Въ древнѣйшихъ памятникахъ отвѣчаетъ греческимъ:

1) ἄνευ—sine: **бєзъ оц҃а вашего**—ἄνευ τοῦ πατρὸς (Мѳ. X, 29; Галиц. сп.).

2) ἄτερ: **бєз народа**—ἄτερ τοῦ ὄχλου (Лук. XXII, 6).

3) χωρίς: **бєж нєго нїчтоже нє бы**—χωρὶς αὐτοῦ (Іоан. 1, 2).

Во всѣхъ почти Евангеліяхъ XI—XII вв. этотъ предлогъ является и въ начертаніи по выговору такъ: **бєс плода** (Мѳ. XIII, 22), **бєс пєчали** (ib. XXVIII, 14), **бєс порока** (Лук. 1, 6).

Въ лѣтописяхъ: *бес* числа множество (Лавр. стр. 65); *бес* памяти быти (ib. стр. 433); веселье *бес* конца (ib. стр. 103); стояще *бес* пояса (ib. стр. 105—106).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ: „церковь Божья *безъ* священника, изба земская *безъ* старосты" (Пр. С. кр. ч. III, стр. 12).

Въ „*Словѣ*" дьскы *безъ* кнѣса; тіи бо *бес* щитовъ.

Березѣ (local. sing. mascul.) брезѣ (nomin. plur. pro dual.) брезѣ (local. sing.) брезѣхъ (local. plur. antecedente praepositione на)— отъ берегъ, бьрегъ, края суши, межъ коими стоитъ или течетъ вода ручьевъ, озеръ, рѣкъ и морей.

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ XI—XIII вв. слово это отвѣчаетъ греческимъ:

1) αἰγιαλὸς—litus—берегъ морской, такъ въ Евангеліяхъ читаемъ: ста ис при брезѣ—εἰς τὸν αἰγιαλὸν (Іоан. XXI, 4).

2) κρημνὸς, praecipitium, стремнина, утесъ: оустремися стадо... по брегу въ море—κατὰ τοῦ κρημνοῦ (Мѳ. VIII, 32); въ перев. св. Алексія: по слоудкамъ.

Достойно особеннаго вниманія, что слово это сказалось и притомъ въ полногласной формѣ у Византійскаго историка Феофана. Болгаре, овладѣвъ семью колѣнами *Славянъ* и *Сѣверянъ*, часть ихъ поселили на восточной сторонѣ въ тѣснинахъ *береговыхъ*—τῶν βερεγάβων (см. подъ 671 г.).

Въ самостоятельныхъ произведеніяхъ Кіевской дружинной школы весьма часто читаемъ это слово; такъ, въ Лѣтописяхъ: Андрей Первозванный ста подъ горами на *брезѣ* (Лавр. стр. 7). Вои Володимири извержени быша на *брегъ* (ib. 150). Вышату съ изверженными яша на *брегъ* (ib. 151). Михаилъ царь изыде с вои *брегомъ* (ib. 18). Воевода Святополчь ѣздя возлѣ *берегъ* (ib. 138). Глѣбу же убьену бывшю и повержену на *брезѣ* (ib. 139). На *брезѣ* Днѣстра (И. Г. Р. III, прим. 346). Бѣ бо та рѣка (Влена) *бережиста* (Ип. подъ 1181 г.)-

У Даніила паломника: нефъ же тъи есть на брезѣ (мой сп. XVI в.).

Нельзя не замѣтить, что въ народномъ пѣснотворчествѣ *берегъ* служитъ самымъ любимымъ образомъ для поэтическихъ картинъ. Такъ, въ словахъ богатырскихъ:

> Пошелъ, поскакалъ о сине море,
> По этому по крутому по *бéрежку* (Рыбн. I, стр. 450).
> Выходитъ онъ на крутой красной *бéрежекъ* (ib. стр. 122).

Въ „Причитаніяхъ:

Сядь, побѣднушка, на крутой этотъ *бéрежекъ*
Тутъ повыскажи обидную обидушку (Прич. С. к. ч. I, стр. 14).
Вокругъ острова пойду я краснымъ *бéрежкомъ* (ib. стр. 257).
Я на крутой красной *берегъ* выходила (ib. стр 256, ср. 111, 233, 258, 259).

Въ разныхъ творческихъ сочетаніяхъ *берегъ* является и въ „Словѣ", для выраженія то веселыхъ и ликующихъ, то тяжелыхъ и угнетающихъ думъ и чувствъ.

Живописныя берега Донца, лелѣявшаго Игоря, послужили автору для образной художественной картины и называются *серебряными*. Берега Немиги, политые Русскою кровью, напротивъ называются *кровавыми*. Берегъ Стугны, рѣки поганской, есть берегъ *темный*; на *брезѣ* быстрой Каялы разлучились братья; на *брезѣ* синему морю красныя дѣвы воспѣли (см. эти слова).

Берега, какъ веселыя мѣста, бывъ связаны съ представленіемъ печальныхъ событій, лишь усиливаютъ тяжесть нравственныхъ впечатлѣній: здѣсь, кажется, причина того, почему берегъ такъ часто является въ творческомъ произведеніи нашего автора.

Въ Исторической Географіи извѣстны селенія: *Бережекъ* въ Бѣлоз. у. (Ист. Ак. 1, 308), въ Суздал. у. (ib. 1, 414, 428) *Бережецъ* въ Нижегор. у. (ib. 1, 122, 140).

Грамматинъ въ выраженіи „кровави брезѣ" множественное ч. измѣнилъ на двойственное и читаетъ: „кровава бреза бѣста посѣяна, но въ древнихъ памятникахъ какъ и въ другихъ мѣстахъ самаго „Слова" множеств. число замѣняло уже двойственное и потому нѣтъ надобности въ подобной поправкѣ.

Огоновскій „брезѣ" измѣнилъ на „брези".

Будиловичъ замѣчаетъ, что у восточныхъ и западныхъ Славянъ слово *берегъ* преобладаетъ въ значеніи гіра, а у южныхъ въ значеніи collis (Перв. Сл. стр. 36—37).

Бити (infinit.) **бьи** (praes. partic. in brev. form.).

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ глаголъ этотъ соотвѣтствуетъ греческимъ:

1. τύπτειν, tundere. Въ Евангеліяхъ XI—XII вв. читаемъ: **бьющюмоу тя въ десноу ланитоу подаи дроугоую**—τῷ τύπτοντι (Лук. VI, 29) **бьюще пьрси бища**—τύπτοντες (Лук. XXIII, 48).

2. δέρειν, caedere: **что мя бьеши**—τί με δέρεις (Іоан. XVIII, 32) **ового же биша**—ὃν μεν ἔδειραν (Мѳ. XXIII, 35).

3. δαρήζειν, caedere: **бьенъ боудетъ много**—δαρήσεται πολλὰς (Лук. XII, 47).

4. μαστιγεῖν, flagellare: **бивъше оубиютъ и**—καὶ μαστιγώσαντες (Мрк. XVIII, 33).

5. φραγελλᾶν, fragellare: **ї҃са же бивъ**- τὸν δὲ Ἰς φραγελλώσας (Мѳ. XXVII, 26).

Во всѣхъ этихъ переводахъ *бити* является въ значеніи: наносить удары, ударять, колотить, истязать.

Въ Лѣтописяхъ читаемъ: и шедше *биша* Литву (Лавр. стр. 459), гость *біючи*, гонашеся (Новг. 1, стр. 53). Здѣсь *бити*—значитъ разить, поражать, убивать.

Но въ „Словѣ" глаголъ этотъ представляетъ нѣсколько иное значеніе: онъ значитъ здѣсь: *стрѣлять дичь*, *охотиться за птицей*, и вполнѣ отвѣчаетъ греческому κυνηγῆσαι—venari, ловы дѣять, охотиться. Выраженіе **птиць бити**—соотвѣтствуетъ греческому ὀρνιθοθηρεῖν—птичьи ловы дѣять, стрѣлять дичь (ср. ὀρνιθοθήρα—venatio avium, птичья охота).

Такимъ образомъ: „о! далече заиде соколъ, *птиць бья* въ морю", значитъ: „о! далеко зашелъ ты, соколъ, *охотясь за птицами* въ морю". Точно также: „почнутъ наю *птици бити*" значитъ: и станутъ *за нами—птицами охотиться.*

Бишася (aor. 3 pers. plur.) отъ **битися.**

Въ древнихъ переводныхъ памятникахъ слово это соотвѣтствуетъ Греческимъ:

1) Πολεμιζεῖν, pugnare; такъ, въ повѣсти Флавія читаемъ: **и бишася ѿ оутра до вечера** (л. 138)—δι' ὅλης πολεμήσας ἡμέρας (Lib. VI, c. VII, 3).

2) Μάχεσθαι, pugnare: **не бѣ възможно расоудити, кто с кй біется** (Ib. л. 201).—ἄκριτον ἦν ὁποτέρωθεν ἕκαστοι μάχοιντο (Lib. VI, c. I, 7).

3) συμπλέκειν — connectere: **обнаженіе меча**, [illegible] (συνεπλέκοντο (Lib. VI, c. I, 7), т. е. **сняшася мечи въ ру**...
бою.

Въ „Лѣтописяхъ“ читаемъ: Козари... съступишася би...
стр. 63). Кіяне же.. рекоша: хощемъ *ся бити* (Ib. стр. 212) ...
ся день и до ночи (Ib. стр. 471).

Въ „Словахъ“ богатырскихъ:

> Илья.. *бился*—рубился съ Невѣжей богатыремъ. (...
> стр. ...
>
> Начали они *битися*—ратися. (Ib. стр. 199).
> Они *билися* со бѣлой зари до вечера. (Изъ Сборн. Се...

Древнерусская битва въ открытомъ полѣ была обыкнове... *чею* и потому въ лѣтописяхъ безразлично употребляются вы... „бишася“ и „сѣкошася“; подобная битва продолжалась иногда ... ко дней: И тако *бишася*, ту дни и до вечера (Ип. 131). И с... два дни и двѣ нощи (Ип. 36). Тѣмъ же языкомъ описана ... Игоря въ лѣтописномъ Кіевскомъ сказаніи объ его походѣ.

Сосѣдоша съ коней и поидоша, *бьючеся*... и тако *бишася* ... ту днину до вечера... наставши же нощи субботней и поидоша ... *чися*; бысть же свѣтающи недѣли... добри вси *бьяхуться* идуще ... ши... Всеволодъ же толма *бившеся*, яко и оружія въ руку е... доста и *бьяху бо ся*, идуще вкругъ при езерѣ.

Въ „Словѣ“ то же самое выражено лишь въ краткихъ сло...
Бишася день, *бишася* другый; третьяго дни къ полуднію ... ша стязи Игоревы.

БЛЪВАНЪ (nominativ. sing. mascul. pro acclamat.).

Слово это въ древнихъ переводныхъ письменныхъ памятни... отвѣчаетъ Греческому: στήλη столпъ и употребляется въ двухъ ... ныхъ значеніяхъ:

1. *Стълпъ* (στήλη) отъ санскритскаго корня stup—stupa=c... lus, возвышеніе изъ земли и камней, могильный холмъ: (*н*=ъ ... решло въ **ъл**, **а** *в* въ *л*., столпъ, столбъ). Эти могильныя возвы...

ности въ эпоху родоваго культа получили священное значеніе. Отсюда затѣмъ холмъ сдѣлался мѣстомъ капищъ и въ послѣдующія эпохи развитія языческаго культа. И самыя капища, равно какъ и истуканы, получили названіе στῆλαι. (См. Второз. VII, 5).

Слово „блъванъ" въ древне-русскихъ переводныхъ памятникахъ соотвѣтствуетъ такому именно значенію: *столпа*. Въ Святославовомъ Изборникѣ 1073 г. читаемъ: **жена же юго блъванъ бы сланъ**—στήλη ἁλὸς (стр. 92). Въ Синодальномъ спискѣ XII в. тайноводственныхъ поученій Кирилла іерусалимскаго: **бысть блъванъ сланъ** (στήλη). Въ сказаніи о Николаѣ Чудотворцѣ XII в. читается: „**онъ же стояше, кы блъванъ**". Такое понятіе съ словомъ „блъванъ" связывалось между прочимъ и въ Кіевской Руси. Ханъ повелѣлъ Михаилу Черниговскому поклонитися огневи и *болъваномъ ихъ*". (Лавр. 447 г.).

Но кромѣ этого значенія, слово болванъ (στήλη) могло отвѣчать ому понятію столпа, которое имѣлъ онъ на воинскомъ языкѣ. Столомъ называлась крѣпостная башня (πύργος), **овидите людие снона... вѣдите въ стълпѣхъ славьнаю ѐ** (ἐν τοῖς πύργοις Пс. XLVII, 13). **азъ твердихъ столпы ея** (τοὺς στύλους Пс. LXXIV, 4). Въ повѣсти Флаи читаемъ: **връхоу же сътвбы комары създаша, стълпи же камени въ ихъ** (л, 158) αἱ στῆλαι Lib. V, с. V. 2). Въ Кіевской лѣтописи крѣпостныя башни именуются столпами: въ Кіевскомъ патерикѣ читаемъ: монастырь огородища *стлъпіемъ* (по нашему списку XVI в. л. 135). „Уже бо Половци въѣздяче въ городъ просѣкаюче *столпіе*" (Ип. 90). При описаніи осады Новгородка (Литовскаго) читаемъ: и начаша промышляти о взятіи города: столбъ бо бѣ каменъ, высокъ стоя передъ вороты города (Ип. стр. 207).

Эти столпы или башни, возвышаясь надъ стѣнами, не допускали непріятеля къ городу; съ нихъ начинали отраженіе осады; со стѣнъ же стрѣляли главнымъ образомъ тогда, когда непріятель подступалъ къ городу и шелъ на штурмъ. При описаніи той же осады замѣчается: „страхъ же великъ паде на городъ о взятіи *столпа*, зане то бѣсть упованіе ихъ".

Но что для насъ особенно важно, эти столпы или крѣпостныя башни назывались еще „*сынами*", башнями одушевленными. Такъ у

Іоанна экз. Болгарскаго: **акы сыюве дынни пред пльком гредоуть** πύργοι ἔμψυχοι, τῆς φαλάγγης. (Оп. Син. р. ч. 11, стр. 17).

Въ древнихъ переводахъ Библіи читаемъ **да съзиждем грі и сынъ** (πόλιν καὶ πύργιν. Быт. XI, 4). Въ Пѣсни Пѣсней: **съградим на ней сыны, сирѣчь столпы сребрены** (ἐπάλξεις—гл. VIII, с. 9). Въ Супр. лѣтописи: **сынъ колѣбашеса... врата сжштаа на сыноу.. изидо ша изъ сына. стоаштоу.. на въсходѣ сыньнымъ** (451). Въ Кіевской Руси также бытовало названіе сына для крѣпостной башни.

Въ повѣсти Флавія читаемъ: **„създашаса д сыны высоки** (л. 142) (πύργους τέσσαρας μεγίστους—Lib. IV, с. X, 3). **вынкоша ѿ конца сына** (л. 168) **оуголъ сынный пррази** (167 об.) **съмета съ сына** (л. 190 об.) πρὸ τοῦ τείχους ἔρριψε (Lib. V, с. XIII, 2) **идеже бѣ сынъ выннїи всѣхъ**—ὅπερ ἀνωτάτω τῆς πόλεως πύργος ἦν, т.-е. гдѣ на возвышенномъ мѣстѣ стояла башня. Изъ описанія Новгородскаго Кремля (въ бумагахъ Амвросія Орнатскаго) видно, что нѣкоторыя башни также назывались сынами. Названіе крѣпостнаго *столпа* „сыномъ" сближало его съ именемъ болвана [1]). Извѣстенъ изъ лѣтописей „*градъ*", который, всего вѣроятнѣе, по силѣ такихъ укрѣпленій, назывался Болванскимъ. Такъ подъ 1174 г. читаемъ: и абіе снидошася посланіи отъ обою страну Новгородцевъ отъ *Болванскаго* городка и отъ Кашкарова, согласишася устроити единъ градъ крѣпкій надъ рѣкою Вяткою близъ устья Хлыновицы. Этотъ *Болванскій* городокъ стоялъ на высокой горѣ и окруженъ былъ землянымъ рвомъ, такъ что завладѣть имъ стоило не мало труда.

Не можемъ не остановить здѣсь вниманія и на, такъ называемую игру въ „*городки*" или въ *чехи* или *рюхи*. Игра эта представляетъ въ собственномъ смыслѣ взятіе городовъ. Она состоитъ въ томъ, что дѣлаютъ на землѣ грани двухъ городовъ, на нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго, въ видѣ большихъ квадратовъ. На переднихъ граняхъ того и другаго кладутся грудою и плашмя *чехи* или *рюхи*, имѣющіе видъ маленькихъ столбиковъ, которые и разбиваются палками поочередно партіями играющихъ. Но для насъ въ этой игрѣ важнѣе всего то, что та чеха или рюха, которая по разбитіи груды ст

---

[1]) Сынъ передѣлано изъ болгарскаго сжнъ.

новится въ городѣ вертикально, столбикомъ, словно „башня наугольная" называется *болваномъ*.

Если слово *болванъ* въ древнѣйшей русской письменности отвѣчаетъ понятію столпа, (στήλη и πύργος), то всего естественнѣе думать, что авторъ „Слова", описывая походъ Игоревъ, употребляетъ его въ томъ значеніи, какое имѣлъ „*столпъ*" на воинскомъ дружинномъ языкѣ.

Дивъ, подавая вѣсть о приближеніи Русскихъ къ Волгѣ и Поморію и Посулію, и Сурожу и Херсоню, т.-е. Половецкимъ ордамъ этихъ странъ, затѣмъ взываетъ къ „вышнему сыну" къ возвышенной крѣпостной башнѣ Тмутаракани, предостерегая отъ угрожающей опасности самый центръ Половецкаго гнѣзда, жителей самой столицы Половецкой.

Употребленіе въ „Словѣ" части вмѣсто цѣлаго представляетъ любопытнѣйшую стилическую особенность, которая проходитъ чрезъ весь памятникъ отъ начала до конца. Имя „болвана" или вышняго столпа является и здѣсь такъ же, какъ часть вм. цѣлаго, т.-е. подъ именемъ башни разумѣется крѣпость. Итакъ, по нашему мнѣнію: *болванъ Тмутараканскій* есть то же, что нижеупоминаемый въ „Словѣ" градъ *Тмутараканъ*. (См. ниже *градъ*, какъ крѣпость).

Какъ видно изъ повѣсти Флавія на одной изъ крѣпостныхъ башенъ развѣвалось знамя: и поставиша сим҄ѣ надъ сынюмъ (л. 235 об.) ἰς τε συμαίας ἔστησαν. (Lib. VI, c. VIII, 5). Достойно особеннаго нашего вниманія, что Римскія знамена (συμαίαι) вѣроятно потому, что на нихъ были изображенія Римскихъ императоровъ, въ той же повѣсти переведены словомъ „*истуканія*": Римлане же възнесше истоукания своа (κομίσαντες τὰς συμαίας) и поставиша противоу въсточ҄нымъ вратомъ (л. 226. Lib. VI, c. VI, 1).

Въ нашихъ лѣтописяхъ при описаніи города Холма также читаемъ: стоитъ же столпъ... а на немъ *орелъ* каменъ изваянъ, высота же камени десяти лакотъ, съ головами же и подножками 12 лакотъ. (Ип. стр. 197).

Быть можетъ и надъ Тмутараканскимъ градомъ, или точнѣе, надъ главной Тмутараканской башней развѣвалось знамя съ подобнымъ изображеніемъ хана, что еще скорѣе дало поводъ автору „Слова" на-

звать *градъ* Тмутаракань, или употребляя часть вмѣсто цѣлаго, главный крѣпостной столпъ *„Тмутараканскимъ болваномъ"*.

Изложенныя соображенія мы не считаемъ однако безспорными и несомнѣнными. Могутъ быть представлены и другія объясненія Тмутараканскаго болвана, также болѣе или менѣе вѣроятныя. Достойно напр. вниманія, что одинъ изъ заливовъ Бѣлаго моря донынѣ называется *Болванскимъ*. Въ „книгѣ Большаго Чертежа" читаемъ: „отъ Пустоезера 70 верстъ—губа *Болванская* (стр. 187). Градъ Пустоезеро отъ *Болванской* губы, 80 верстъ. (Ib. стр. 188). Заливъ этотъ наиболѣе доступенъ сѣвернымъ вѣтрамъ,—а потому здѣсь валъ вала подталкиваетъ и гребни-волны имъ подтягиваютъ—и море равны горамъ волны сотворяетъ. Быть можетъ по той же самой причинѣ во времена автора „Слова" и Керченскій проливъ назывался *болванскимъ*, какъ и бѣломорская губа.

Въ Исторической Географіи встрѣчаются и другія *болваны*; такъ напр. есть *Болванцы*—починокъ въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ (Истор. Акт. 1, 309); *Болвановье*—урочище за Яузою (Ib. 1, 187). Можетъ быть было и въ Тмуторакани урочище *Болвановское*.

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ въ своемъ переводѣ удержалъ слово болванъ безъ всякаго объясненія.

Малиновскій въ черновомъ переводѣ слово „болванъ" сначала замѣнилъ словомъ *„идолъ"*, а потомъ надъ строкою написалъ: *„истуканъ"*. Тотъ же истуканъ оставленъ и въ *Первомъ изданіи*.

Большая часть комментаторовъ слово „болванъ" оставляли въ переводахъ безъ всякаго объясненія (подобно Мусину-Пушкину) или же переводили истуканомъ (подобно Малиновскому).

Савельевъ: „подъ словомъ „блъванъ" здѣсь разумѣется нѣчто болѣе замѣчательное каменныхъ бабъ, какихъ цѣлыя сотни находились тогда и доселѣ еще встрѣчаются въ степяхъ Южной Россіи. На Таманскомъ полуостровѣ, близъ Тмутаракани почти до прошедшаго столѣтія стояли двѣ колоссальныя статуи, воздвигнутыя божествамъ Санегу и Астартѣ за 300 слишкомъ лѣтъ до Рождества Христова Комосаріей, супругой Босфорскаго царя Перисада. Ихъ то, или одну изъ нихъ, могъ разумѣть пѣвецъ Игоревъ (Зап. Им. Арх. Об. 1, 168).

Шевыревъ: „Тмутараканскій болванъ, котораго „Слово" соединяетъ съ Корсунемъ, есть конечно памятникъ Комосаріи супруги оспорскаго владѣльца Перисада, что замѣчено еще Кеппеномъ [ревв. Крыма, 63, пр. 85).

Эти колоссальныя статуи, воздвигнутыя Комосаріей за 300 лѣтъ) Рождества Христова, какъ для автора „Слова", такъ и для самихъ оловцевъ были, конечно, не болѣе, какъ памятниками древности, и іть-можетъ, также мало понятными, какъ для насъ загадочны южноссскія каменныя бабы. Зачѣмъ было *диву*—взывать къ этимъ памятнкамъ и извѣщать, что русскія войска вступили въ предѣлы земли ловецвой? Натянутость подобнаго объясненія сказывается сама бою.

Сеньковскій:—„Слово" болванъ производилъ изъ Польскаго язы и принималъ въ значеніи *„волны"*, но не обосновалъ своего ѣнія.

Дубенскій: „Варвары, завоевавъ Тмутаракань и уничтожа въ ней істіанскую вѣру, ввели тамъ поганую; на это будто бы и дѣлаетъ іекъ пѣвецъ Игоря словомъ *блъванъ*.

Головинъ: „Слово" болванъ не татарское и не новое, какъ полатъ иные критики; оно находится въ языкѣ всѣхъ Славянъ. Керvan—капищный идолъ. (См. Шафар. 1, 157). Слово *капище*, гдѣ інился болванъ происходитъ отъ глагола копать, обкапывать; отсюпозднѣйшее *городище* отъ слова городить.

Иловайскій: первый обосновалъ мнѣніе о Тмутороканскомъ *болѣ*, какъ бурливомъ проливѣ; „обращая вниманіе на группу словъ, исходящихъ отъ корня *бал* (βάλλω—бросаю) онъ заключилъ, что во болванъ соотвѣтствуетъ понятію болѣе подвижной игривой волны, кели понятію дерева, чурбана, который представляетъ что-то невижное. Именно это слово употреблялось на Руси въ своемъ перачальномъ смыслѣ и могло означать преимущественно волну моро, откуда въ переносномъ смыслѣ означило *проливъ*. Такимъ образь Тмутараканскій болванъ можно перевести Тмутараканскій прољ. Этотъ смыслъ будетъ соотвѣтствовать рядомъ стоящимъ выраімъ, т.-е. Поморію и Посулію. Керченскій проливъ имѣетъ доно сильное теченіе изъ Азовскаго моря въ Черное и по своему

положенію подверженъ вѣтрамъ; почему онъ всегда отличался воинственнымъ бурливымъ характеромъ.

Малышевскій: „болванъ"—это знаменитый Тмутараканскій камень, т.-е. каменный столпъ, каменный обрубокъ, или болванъ, поставленный въ Тмутараканскомъ заливѣ княземъ Глѣбомъ Святославичемъ, роднымъ братомъ Романа и Олега. Правда, этотъ камень не великъ, но онъ могъ быть поставленъ на большемъ пьедесталѣ, чтобы быть достаточно виднымъ и служить своей цѣли. Камень этотъ во дни автора „Слова" оставался какъ бы памятникомъ былаго и за тѣмъ утраченнаго господства Руси въ Тмутаракани, печально ждавшимъ возвращенія его. Зловѣщій кличъ Дива разочаровалъ его въ томъ ожиданіи". Не думаемъ, чтобы Дивъ, скликавшій Половцевъ на защиту своихъ очаговъ, счелъ нужнымъ при этой бѣдѣ разочаровывать камень, печально ждавшій возвращенія въ Тмутаракань русскаго господства.

Прозоровскій: Въ „Тмутараканскомъ болванѣ" едва ли подразумѣвался истуканъ, а въ переносномъ смыслѣ ханъ, потому что въ древнихъ рукописяхъ, насколько онъ примѣтилъ, блъванъ значитъ собственно столпъ, а истуканъ называется капью, капищемъ.

Потебня раздѣляетъ мнѣніе Савельева и Шевырева.

Голубинскій: „Пѣвецъ „Слова", обращаясь къ Тмуторокани съ комплиментомъ: „и тебѣ, Тмутороканскій болванъ", хочетъ сказать: и тебѣ Тмуторокань, которая была христіанскою, а теперь стала болванскою, идольскою, языческою.

Есть еще мнѣніе, высказанное неизвѣстнымъ лицомъ во *Всемірной Иллюстраціи*: „верстахъ въ 17 отъ Керчи и 10 отъ Тамани прямо изъ водъ Азовскаго моря поднимается скала, представляющая очертанія двухъ большихъ и нѣсколькихъ маленькихъ фигуръ—мущины съ длинной бородой и женщины съ Византійской повязкой на головѣ". Высота фигуръ не менѣе 40 саженъ. Трудно опредѣлить, насколько учавствовали человѣческія руки въ образованіи этого феномена. Окрестные рыбаки называютъ его „корабль-камень". Можетъ быть, когда-то здѣсь былъ еще берегъ, составлявшій владѣніе князей Тмутороканскихъ и объ этомъ изображеніи упоминается въ „Словѣ". (1885 г. № 872, стр. 240). Берегъ здѣсь могъ быть во времена допотопныя, а не въ эпоху Игоря. Не видимъ надобности взывать авто-

ру „Слова“ къ этой группѣ каменьевъ, находящихся на отмели русла Дона.

Будиловичъ предполагаетъ, что слово *болванъ* заимствовано въ очень отдаленное время изъ иностранныхъ языковъ, хотя и трудно точно указать источникъ этого заимствованія. (Перв. Слав. стр. 300).

Бо (conjunctio).

Въ литературѣ „*Слова*“ первый обратилъ серьезное вниманіе на эту частицу Огоновскій, замѣтивши при объясненіи одного мѣста, что *бо* висказує *слідство,* а не причину“. Потебня также отмѣтилъ, что во во многихъ мѣстахъ „Слова“ не имѣетъ винословнаго значенія (стр. 11). Но такъ какъ эти замѣчанія, хотя совершенно вѣрныя, были высказаны голословно, не опираясь на какія бы то ни было основанія, то они подали поводъ одному русскому критику къ слѣдующему разсужденію: „г. *Потебня* считаетъ во не союзомъ, а какою-то безсодержательною частицею. Но странно, что *бо* во всѣхъ другихъ памятникахъ значитъ *потому что, ибо,* и въ одномъ только нашемъ памятникѣ теряетъ свое обычное значеніе“.

Это побуждаетъ насъ остановить свое вниманіе на историческомъ употребленіи этой частицы.

Греческое γάρ, сложенное изъ γέ и ἄρα, ἄρ, коему отвѣчаетъ славянское во, въ памятникахъ весьма разнообразилось по своему значенію, отвѣчая своимъ стихіямъ, изъ которыхъ сложилось, то частицѣ γέ, то частицѣ ἄρ.

1) Всего чаще имѣя причинное значеніе, союзъ γάρ—нерѣдко иначе ставился въ предложеніяхъ, относящихся непосредственно къ предъидущему, какъ только дальнѣйшее его развитіе и разъясненіе. Онъ такимъ образомъ замѣнялъ собою другія частицы, спеціально служившія для подобной связи предложеній.

2) Поэтому въ разночтеніяхъ Греческихъ текстовъ въ подобныхъ случаяхъ вмѣсто γάρ—нерѣдко являются οὖν, τοίγοιρ, δέ. (См. напр. Рейнекція въ разночтеніяхъ Евангельскихъ текстовъ—δέ вм. γάρ Марк. V, 42. Мѳ. XI, 13) и вставлено δέ, гдѣ въ другихъ спискахъ его нѣтъ (Мѳ. VI, XVI, 28).

3) Поэтому же наконецъ въ нѣкоторыхъ разночтеніяхъ, γὰρ совсѣмъ выкидывалось, безъ замѣны другими частицами, гдѣ связь предложеній видна была сама собою и отъ того ни мало не страдала. Въ списк. Еп. Порфирія, 1144 г. γὰρ ἂν; въ разночтеніяхъ Рейнекція γὰρ опущено (Мѳ. XIII, 12).

Сообразно такому употребленію частицы γὰρ—и соотвѣтствующее ему бо также разнообразилось въ славянскихъ переводахъ.

Во 1-хъ γὰρ—не всегда переводилось союзомъ бо, но иногда частицей дѣи; такъ напр. Паренисисѣ XIII в.: дѣи ли (μὴ γὰρ) кто васъ стражеть. (Слово 42). Иногда же частицей да; въ Изборникѣ Святослава 1073 г. читаемъ: да кѧнто (εἰ γὰρ) кестьствьнаꙗ прѣмѣноутьсѧ. (Изд. И. Об. Ист. и Др. стр. 134).

2. Бо не всегда отвѣчаетъ Греческому γὰρ, но иногда:

а) Греческому δε, autem. Такъ въ Маріинскомъ Евангеліи XI в. читаемъ: бѣ бо (ἦν δε) ꙁракъ его Мѳ. XXVII, 3). Или напр. въ Мстиславовомъ Евангеліи XII в.: мноꙁи бо (πολλοὶ δε) боудоутъ (Марк. X, 31), тогда какъ въ другихъ Евангеліяхъ столь же древнихъ въ указанныхъ мѣстахъ стоитъ именно же; напр. въ Галицкомъ спискѣ: бѣ же (ἦν δε) ꙁракъ кего... мноꙁї же (πολλοὶ δε) боудоутъ...

б) Иногда союзомъ бо переводилось Греческое οὖν, ergo, itaque. Такъ въ Галицкомъ Евангеліи читаемъ: самъ бо дкдъ (αὐτὸς οὖν) (Марк. XII, 37), тогда какъ въ другихъ οὖν отвѣчаетъ здѣсь оубо, какъ напр. въ Зограф. Ев. XI в.: самъ оубо дкдъ. Точно также въ Карпин. Ев. XIII в. οὖν переведено бо: въ въскрѣшениꙗ бо (οὖν), (Марк.XII, 23), тогда какъ въ другихъ переводахъ стоитъ здѣсь: „оубо".

3) Даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ бо отвѣчаетъ не инымъ частицамъ а именно Греческому γὰρ, оно въ разныхъ переводахъ не оставалось неизмѣннымъ. Такъ въ Маріинскомъ XI в. читаемъ: что бо ꙁъло сътвори (τὶ γαρ—Мѳ. XXVII, 23). Но въ другихъ также древнѣйшихъ спискахъ γὰρ передастся здѣсь или частицей же, какъ напр. въ Архангельскомъ 1092 и Галицкомъ XII в. что же (τὶ γὰρ) ꙁла сътвори или частицей оубо: какъ напр. въ Еван. Констан. 1383: какое оубо (τὶ γὰρ) ꙁло сътвори. Въ большинствѣ позднѣйшихъ Евангелія вмѣсто бо стоитъ здѣсь также оубо.

4) Когда **бо** стоитъ при началѣ рѣчи сразу видно, что оно никакъ не можетъ имѣть здѣсь винословнаго значенія, какъ и Греческое γάρ. Такъ напр. начинается рѣчь Тита къ Римскимъ мужамъ: **достоино бо въ иоуниць слова поманоути васъ** καλὸν γὰρ ἐν ἀρχῇ. Здѣсь бо, какъ и Греческое γάρ, соотвѣтствуетъ Латинскому quippe, которое въ подобныхъ случаяхъ означаетъ: *подлинно, по истинѣ*. (См. Флав. Lib. III, c. X, 2).

5) **Бо** въ переводахъ иногда совсѣмъ опускалось въ тѣхъ случаяхъ, когда оно служило лишь связію для изъяснительныхъ предложеній. Такъ напр. въ Галицкомъ Ев. читаемъ; **вѣдѣ бо** (οἶδα γάρ) **Іса пропатаго ищета** (Мѳ. XXVIII, 5). Въ Савин. же XI в. и Никоновскомъ Сербскомъ XIV в. γάρ оставлено здѣсь безъ перевода. Въ Галицкомъ: **въздыхаши бо си масть**; въ Савинскомъ же бо здѣсь также не читается.

6) Но особенно любопытно употребленіе союза **бо** въ соединеніи съ другими частицами. Такъ напр. при переходѣ отрицательнаго сужденія къ положительному въ древнихъ памятникахъ ставилось **не бо нъ** и **не бо и** въ соотвѣтствіе Греческимъ καὶ γάρ или εἰ γάρ и даже просто καὶ или γάρ. (См. напр. въ Изборн. Свят. 1073; у Іоанна экз. Болгарскаго XIII в. а также въ переводахъ Аѳанасія Александрійскаго, Григорія Богослова и Бесѣдъ Златоустаго къ Антіохійскому народу. Описан. рук. Син. б. ч. III, стр. 40—41, 55, 81 203, 305; и др.).

Въ Кіевской лѣтописи *бо* также не всегда имѣетъ винословное значеніе. Таковы напр. слѣдующія мѣста: Сей же благовѣрный князь Мстиславъ... весь святительскій чинъ достойною честью чтя, бѣ *бо* крѣпокъ на рати (Ип. стр. 121) Игорь Святославичь призва къ себѣ брата, сыновца и сына своего, молвяшеть *бо* ко братіи и ко всей дружинѣ (ib стр. 128). И не бѣ ту меча, то бо мечь бяшешь Святого Бориса (ibi стр. 113).

Въ живой народной рѣчи *бо* бытуетъ лишь въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ говорахъ и служитъ къ усиленію значенія тѣхъ словъ, къ коимъ прилагается; такъ, въ курской и воронежской губерніяхъ говорятъ: иди—*бо*, садись—*бо*, скорѣй—*бо* (Даль).

Въ виду такого употребленія союза бо въ древнѣйшихъ памятникахъ и въ живой народной рѣчи нѣтъ надобности въ текстѣ

„Слова" придавать ему винословное значеніе γὰρ—ehim; бо значитъ здѣсь не болѣе какъ служебныя частицы: *да*, *вѣдь*.

Татищевъ *бо* переводилъ союзами, гдѣ было то можно 1) *зане* (Росс. Ист. 53, 64, 76) 2) *понеже* (ib, 28, 36, 54, 76 и др.) 3) *ибо* (id. 82, 115).

Изъ первыхъ коментаторовъ „Слова" только Шишковъ обратилъ вниманіе на эту частицу. Чѣмъ мы замѣнимъ нынѣ частицу *бо*? спрашиваетъ онъ. Можетъ ли выраженіе: „*ибо* мудрый Боянъ" равняться силою и красотою съ выраженіемъ: „Боянъ *бо*"? Союзъ *ибо* дѣлаетъ слогъ повѣствовательнымъ, простымъ; напротивъ того частица бо дѣлаетъ оный стихотворческимъ, высокопарнымъ".

Въ выраженіи уныша *бо* градомъ забралы, Ербенъ вмѣсто *бо* читалъ *по*. *Вяземскій* и *Потебня* склоняются къ этой поправкѣ, хотя и не рѣшились допустить ее въ изданныхъ ими текстахъ.

БОГАТАГО (gen. sing. masc.) отъ **БОГАТЫИ** — πλούσιος, dives, обладающій избыткомъ, большимъ имуществомъ. Въ Евангеліяхъ XI—XII вв. читаемъ: **улкъ нѣкыи бѣ богатъ** ἦν πλούσιος (Лук. XVI, 19). **оумрѣтъ же и богатый** (16, 22) **ѿ трапезы богатаго** (τοῦ πλουσίου 16. 21).

Въ лѣтописяхъ: бяшеть бо Кириллъ *богатъ* кунами и селы (И. Г. Р. III, пр. 223).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

Я богатому сусѣду не корилася (Ср. стих. о богатомъ Лазарѣ).

Въ живой народной рѣчи говорится: *богатому* житье, а бѣдному вытье; кто *богатъ*, тотъ и рогатъ; *богатому* нужный не товарищъ.

Въ исторической географіи съ именемъ:

Богатый встрѣчается селеніе на Уралѣ (Ист. Акт. III, 38).

Въ „Словѣ" *богатымъ* называется Ярославъ, князь Черниговскій. Не распространяясь о богатствѣ Черниговскаго княжества, замѣтимъ, что сѣверная былина до нынѣ помнитъ Черниговское золото: здѣсь, какъ извѣстно, Черниговъ величается: *золота казна*. (См. урымгові).

Богородици (dat. sing. fem. antecedente praepositione **къ**)—отъ **Богородица** Θεοτόκος, Deipara—Божья матерь. Въ Славяно-русской письменности со временъ Христіанства, имя это какъ извѣстно встрѣчается весьма часто.

Въ „Словѣ" оно является, какъ methonimia; ѣдетъ къ *Богородици* Пирогощей вм. *ко храму* Богородици. Въ живой народной рѣчи этотъ оборотъ до нынѣ обыченъ; говорятъ: ѣхать *ко Спасу* вм. въ Спасскій погостъ; ити къ *Николѣ* вм. въ Никольскій приходъ; *къ Успенью Богородицѣ* вм. въ Успенскій монастырь. (см. **Пирогощен**).

Богъ (nominat. sing. masc.) Θεός, Deus—имя обыкновенное въ Христіанской письменности. Трудно однако рѣшить, дѣйствительно ли авторъ „Слова подъ этимъ именемъ разумѣлъ христіанское содержаніе. Находясь подъ воздѣйствіемъ *„старыхъ словесъ"*, онъ по видимому въ Богѣ мыслитъ лишь верховное существо, правящее судьбами людей и въ особенности *героевъ*—божество судьбы (см. **соудъ**). Съ именемъ *бога*—на Русской землѣ связано множество урочищъ, существовавшихъ во время язычества. (См. выше, ч. 1, стр. 352).

Божія (gen. sing. masc.) отъ **божіи**—τοῦ Θεοῦ, Dei. Во всѣхъ древнѣйшихъ Евангеліяхъ XI—XII в. читаемъ выраженія: **дхъ бжьи** (Мѳ. III, 16), **снъ бжьи** (IV, 3) **храмъ бжьи** (XII, 4) **законъ бжьи** (XV, 6).

Въ „Словѣ", какъ и въ лѣтописяхъ и въ народномъ пѣснотворчествѣ **Божіи** является, какъ epithetum **суда** (см. **судъ**).

Бологомъ (instr. sing. neutr.) отъ **бологo—благо**. Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ *бологo* не встрѣчается, но является лишь въ краткой формѣ *благо*. Такъ въ Пандектахъ Антіоха XI в. читаемъ: **любящиимъ ба въсѧ поспѣшаться къ благо**—εἰς ἀγαθὸν (гл. LXXI, л. 150 об.).

Въ однихъ Евангеліяхъ XII в. греческія выраженія τὰ ἀγαθά μου и πολλὰ ἀγαθὰ передаются словами: „**благаѩ моѩ**" „**многа бл̃гаѩ**", въ другихъ же: „**доброе свое**" „**много добро**". (Лук. XII, 18, 19).

Въ произведеніяхъ Кіевской дружинной Руси слово это бытовало и въ краткой и полногласной формѣ". Въ Кіевской лѣтописи: не *благо* есть сяково знаменіе (подъ 1161 г.), въ Русской же Правдѣ: *бологo* дѣялъ ему. (*Дроздов.* изсл. о Р. Пр. 11, 132).

Какъ и въ древнѣйшихъ переводахъ, въ лѣтописяхъ *бологo* замѣнялось *добромъ*. „Оже не кончати *добромъ* тѣмъ племеномъ (Лавр. стр. 301); дай мою дружину *добромъ*. (ib. 382).

Бытуетъ это слово и въ исторической географіи; такъ есть—Весне*бологo* волость (Луцкая Доп. къ Ист. Акт. 1, 384).

Въ живой народной рѣчи говорится: „*благо*, было ему сказано; *бологo*, все въ прокъ идетъ".

Имѣя въ виду всѣ эти данныя—нетрудно точно понимать тѣ мѣста „Слова", гдѣ встрѣчается слово „*бологомъ*".

А древо *не бологомъ* листвіе срони—значитъ *не съ добра*, съ лиха—отъ лихой причины, лѣсъ поронилъ свое листье (см. древо).

Немизѣ кровави брезѣ *не бологомъ* бяхуть посѣяни—т.-е. не *добромъ*, лихомъ были засѣяны кровавые берега Немиги.

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ перевелъ вѣрно: „Древо не отъ добра листвіе сронило".

„Немиги брега кровавые *не добромъ* были посѣяны".

Малиновскій въ своихъ черновыхъ бумагахъ:

„Не отъ добра опали съ деревъ листы;

„Окровавленные берега Немигскіе *не быліемъ* были засѣяны". Тотъ же переводъ удержалъ онъ и въ первомъ изданіи.

Комментаторы:

Шишковъ замѣтилъ, что первые издатели слово „бологомъ" перевели быліемъ, но почему, не извѣстно.

Пожарскій: Начало сему слову „*не бологъ*, а бологo, по польски *błogo* значитъ благо, добро.

Грамматинъ: Сраженіе, о которомъ здѣсь рѣчь, происходило 3-го марта 1067 г. и берега Немена были покрыты не зеленой травой, а глубокимъ снѣгомъ; поэтому къ нимъ нейдетъ сравненіе: „*не быліемъ* были посѣяны". Бологo то же, что благо, добро. Онъ первый указалъ на употребленіе этого слова въ Русской Правдѣ.

Вельтманъ вм. *не бологомъ* читалъ по болотомъ и думалъ, что *бологъ* значитъ холмъ. Онъ переводилъ: „Весь берегъ кровавой рѣки не холмами усѣянъ, костями онъ Русскихъ сыновъ (въ I изд.) или „кровавые берега Немиги не житомъ посѣяны" (во 2 изд.).

Снегиревъ объяснялъ, что *„благо"* въ углицкомъ нарѣчіи значитъ „вологa, съѣстной припасъ, харчъ, слѣд, жито; въ малороссіи же *„оболоть, облога*—равнина съ хорошими урожаями.

Онъ же потомъ предполагалъ, что вмѣсто не бологомъ слѣдуетъ читать *„по болотомъ"*.

Потебня: *„Не бологомъ"* значитъ „не добромъ, не счастьемъ, а горемъ".

БОЛОНИ (local. sing. fem. antecedente praepositione на) отъ **БОЛОНЬ**.

Слово до нынѣ бытующее на Сѣверѣ.

По объясненію, заонежскаго пѣвца былинъ Касьянова, *болонью* въ сѣверныхъ губерніяхъ называется дыбунъ, низкое ржавое мѣсто, гдѣ можетъ рости дерево не рудовое, а одна прѣснина. Въ деревѣ обыкновенно различаются двѣ части: *сердцевина*, которая смолиста и трудно поддается гніенію и древесина или мязга, которая въ соприкосновеніи съ землею и атмосфернымъ воздухомъ скоро размягчается, напитывается влагою, какъ губка и за тѣмъ скоро загниваетъ. На болони ростетъ только дерево, въ которомъ смолистаго сердца бываетъ не многечко, а все одна мязга или заболонь. Если въ сухомъ мѣстѣ полежитъ такое дерево, заболонь въ немъ замозголѣетъ. Лучину также щеплютъ изъ того дерева, что сердца нѣту. (Ср. *болоно*—больная шишка на тѣлѣ животнаго и болѣзненный наростъ на деревѣ).

Такому сѣверно-русскому описанію *болони* вполнѣ отвѣчаютъ лѣтописныя сказанія.

Болонью называлось низменное мѣсто, которое легко затоплялось водой. Бысть потопъ велика въ Галичѣ: умножившюся дождю вода пойде изъ Днѣстра велика въ *болонье* и взыде оли до Выковскаго болота (Ип. стр. 92) Пойдите черезъ *болонье* и чрезъ дебрь сію: обычай бо есть свиніямъ по дебрямъ ходити и карасямъ въ грязяхъ валятися. (Никон. подъ 1216 г.).

Болони бывали и около городовъ и селеній: и ту ся цѣловаша, не съ сѣдаюче съ коній, у *Сътомля на болоньи* (Ип. стр. 51) Изя-

славъ же выправися весь изъ города и ста *„на болоньѣ"* и с товары *за городы* (Лавр. 305, 1872 подъ 1149 г.).

Володиміръ же (Галицкій), ста исполчився передъ городомъ *„на болоньи"*; симъ же полкомъ не льзѣ битися тѣсноты ради, зане болота пришли оли подъ горы; тѣмъ же взыдоша Русскія полци на горы (подъ 1144 г. Лавр. 295).

На *болоняхъ* росли обыкновенно „лозина и вербье". Изяславъ пойде полкы къ Кіеву и пришедши сташа *„на болоньи въ лозахъ"* противу Дорогожичу (Ип. 89). Приде второе Бонякъ безбожный... къ Кыеву, и мало въ градъ не въѣхаша Половцы, и *„зажгоши болонье около града"*. (Лавр. 224, 1872 г. подъ 1096 г.). Впрочемъ эта „лозина и вербье" не мѣшали иногда воевать на такихъ мѣстахъ: изрядивъ полкы свое и выѣха на *болонье* противу имъ... и се бысть одинъ бой *на болоньи* (Ип. стр. 110). А иніи переѣхаша (Лыбедь) и на *болоньи* бьяхутся (Ип. стр. 61).

Итакъ, *„болонью"* называлось низменное, ржавое мѣсто, на которомъ не могло рости рудоваго дерева, гдѣ росли лишь вербье и лозина, словомъ, *заболонь*, отъ которой и самое мѣсто называлось *болонью*. *Болонь* такимъ образомъ соотвѣтствуетъ Греческому выраженію: χωρίον τῶν παραφυάδων—locus stolonum—мѣстность мелкихъ порослей.

Имя *болонь* бытуетъ и въ исторической географіи: такъ есть *Болонино* въ Ярослав. уѣздѣ (Истор. Акт, 1, 388) село *Оболонье* на правомъ берегу Десны; въ одномъ Универсалѣ 1689 г. упоминается старая дорога *оболонская* (Черниг. Эпарх. Вѣд. 1872 г. № 24). Не мало есть и до нынѣ селеній съ именемъ: *Болонки*.

Татищевъ ошибочно лѣтописное *болонье* переводилъ словомъ: *домы* (Росс. Ист. стр. 161).

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ „болонь" перевелъ „плоскость".

Малиновскій *„на болони"* перевелъ „на выгонѣ". Въ первомъ изданіи онъ привелъ объясненіе этого слова изъ критическихъ примѣчаній Болтина на 2-й томъ „Исторіи" кн. Щербатова: болонье значитъ порожее пространство между валовъ, окрестность города составляющихъ, которое служило для выгона скота, для огородовъ, а иногда и нѣкоторыя строенія были тамъ дѣланы. Въ Кіевѣ, въ Нижнемъ городѣ

выгонная съ валомъ земля, по дорогѣ къ бывшему Межигорскому монастырю, и по нынѣ называется Оболонье. Такое же понятіе „*о болони*" давалъ и Карамзинъ (И. Г. Р. II, 166, 174). „Болонь дѣйствительно служила и служитъ выгономъ или подскотиной, но не всякій выгонъ можетъ называться *болонью*. Между городскими валами могла быть и болонь, но не всякое пространство между ними есть „*болонь*". Словомъ, опредѣленіе „болони" Болтина, принятое первыми издателями, неточно и неполно.

Грамматинъ, основываясь на мнѣніи Карамзина, заключалъ, что болонь есть городская черта, кромѣ того, что сія есть простая межа, а не укрѣпленіе.

Вельтманъ· „*болонье*"—подгорье, луговая сторона рѣки.

Свиньинъ: „*болонье*" въ нѣкоторыхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ — ровное мѣсто (Тр. Об. Ист. и Др. Р. ч. III, 216).

Дубенскій: „*болонь*" поемный лугъ, или порожнее пространство между валовъ.

Погодинъ blon—лугъ, равнина.

Тихонравовъ: въ современномъ народномъ языкѣ „*болонье*" ближайшая окружность города, предмѣстье, слобода.

Потебня: „*на болоньи*"—на ровномъ низменномъ мѣстѣ.

Прозоровскій: „*болонье*"—подгородное поле, выгонъ. По словарю Рос. Академіи: „*болонье*"—лѣсъ, лѣсное мѣсто, дебрь.

Даль также невѣрно сближалъ *болонь* съ словомъ болокъ, волокъ, волочекъ—отъ оболокать.

БОЛОТА (accus. plur. neutr.) **БОЛОТОМЪ** (instrum. sing.) **БОЛОТОМЪ** (dat. plur. antecedente praepositione **по**) отъ **болото**.

Въ древнихъ переводныхъ памятникахъ слово это является лишь въ краткихъ формахъ: **блато**, **блатина** и соотвѣтствуетъ Греческимъ λίμνη или ἕλος (какъ напр. у Іоан. Экз. Болг.), — низкое мѣсто съ грязною, не просыхающею водою или же дыбучими мхами.

Болота всегда представляютъ самыя не удобныя и опасныя мѣста для военныхъ дѣйствій и потому весьма часто упоминаются въ дружинныхъ повѣствованіяхъ: „Тоя же нощи ста на *болотѣхъ*—во островѣхъ (Ип. стр. 193). „Нѣціи налегоша бронѣ у *болотѣ* (ib. 19).

Мнози борове возгарахуся и *болота* (Лавр. 208). Симъ же бяше полкомъ не лзѣ битися съ ними, зане *болота* пришли (Ип. 20). И вбѣже Игорь въ *болото* Дорогожичское и угрязе подъ нимъ конь (ib. 24). Которіи гражане внидоша (изъ Римова) и біяхуся ходяще по Римскому *болоту*, тіи избѣжаша плѣна (Ип. подъ 1185 г.).

Въ „Народномъ пѣснотворчествѣ":

Лузи-*болота* вода поняла (Тр. Этногр. отд. кн. V, 90).

Въ „Словахъ богатырскихъ" добрый конь

Мхи да *болота* между ногъ пущалъ.

Въ исторической географіи съ именемъ *болота* извѣстны урочища на р. Онегѣ (Ист. Ак. I, 212—214) и подъ Москвою (ib. IV, 530).

Въ живой народной рѣчи *болотами* называются также озерины съ зарослями и большія лужи съ грязной стоячей водой.

Кромѣ предметнаго значенія, съ именемъ *болота* связывался и смыслъ эпическій. Въ древнихъ актахъ *болота* не рѣдко назывались *лыгими*. „Болото, говорятъ, не бываетъ безъ черта (Носовичъ: Бѣлор. послов.).

Всѣ вѣдь добрыи-то люди устрашилися:
Не чертъ ли то идетъ да изъ *болотишка*,
Не лѣсовикъ ли то идетъ да со *мху дикаго* (Пр. С. кр. ч. III стр. 234).

Для эпическаго сознанія рѣки и озера такое же участіе принимаютъ въ человѣческихъ чувствахъ, какъ и лѣса, цвѣты и травы.

„Мнѣ спустить ли то обиду во быстру рѣку?
„*Заболотѣетъ* вода да въ быстрой риченькѣ (Прич. С. кр. ч. I, стр. 17).

Въ „Словѣ" *болото* имѣетъ предметное значеніе въ выраженіи: мосты мостити по *болотомъ;* и образное: „Двина *болотомъ* течетъ. Какъ Сула, гдѣ жили Половци бѣсовы дѣти, текла не свѣтлыми, тем-

ми струями, какбы горькими слезами; такъ Двина, которая выхо-
а изъ предѣловъ Литовской погани, текла болотомъ: со обиды за-
ютъла вода да въ быстрой рѣченькѣ.

Самое раннее упоминаніе о *болотахъ* на Русской землѣ встрѣ-
тся у Геродота, который разсказываетъ, что рѣка Τύρης—(Днѣстръ)
ождается въ большомъ болотѣ, отдѣляющемъ землю Скиѳскую отъ
вриды (Шаф. II, 673). Тоже свидѣтельствуютъ Іорнандъ: Sclavini...
ludes silvasque pro civitatibus habent (ib. 689) и Имп. Маврикій:
ἕλεσι δὲ καὶ ποταμοῖς καὶ τέλμασι καὶ λίμναις δυσβάτοις οἰκοῦνται
. 694; Будил. 284).

Бориса (accus. sing. masc.) отъ **Борисъ**. Борисъ, сынъ Вячесла-
Ярославича Смоленскаго. Его мать была Ода, дочь Леопольда графа
аденскаго, которая, по смерти мужа, увезла своего сына въ Сак-
ію и тамъ воспитала. Борисъ, возвратясь въ Россію, нашелъ себя
женнымъ при раздѣлѣ отцовскаго наслѣдія дядями своими Изя-
вомъ и Всеволодомъ. Соединясь съ двоюроднымъ своимъ братомъ
гомъ Святославичемъ, также изгнаннымъ и обдѣленнымъ, они
и въ Тмутаракань къ Олегову брату Роману Святославичу Крас-
у, собрали войско, пошли къ Чернигову и взяли этотъ городъ.
да князья Изяславъ, Всеволодъ, Святополкъ и Мономахъ, соеди-
ь 3-го окт. 1078 г. напали на Бориса и Олега на Нежатиной
ѣ, близь Чернигова. Главные предводители съ обѣихъ сторонъ
г: вмѣстѣ съ княземъ Изяславомъ, отцемъ Святополковымъ, погибъ
ъ и Борисъ Вячеславичъ (Голов. стр. 36).

Боричеву (dat. sing. masc. antecedente praepositione по) отъ
чевъ (подразумѣвается взвозъ). Такъ назывался одинъ изъ Кіев-
ъ спусковъ съ горы къ Днѣпру, гдѣ былъ перевозъ. О Боричев-
ь взвозѣ не разъ упоминается въ Кіевской Лѣтописи. Сѣдяше Кии
орѣ, идѣже нынѣ *оувозъ* Боричевъ. „И присташа" (Древлянскіе
ы) подъ *Боричевымъ* в лодьи. По Боричеву тащили и идола Пе-
і и бросили его въ рѣку. „Перуна же повелѣ привязати коневи
хвосту и влещи съ горы по *Боричеву* на ручай". (Ип. 8, 16).
зъ этотъ былъ тамъ, гдѣ стоитъ теперь церковь Андрея Перво-
наго.

Прозоровскій замѣчаетъ, что въ договорѣ Игоря съ Греками одинъ изъ пословъ именуется „*Боричь*" и что, вѣроятно, отъ него произошло названіе „*Боричева взвозъ*".

Борони (local. sing. fem. antecedente praepositione на) отъ боронь (см. брань).

Босуви (nomin. plur. masc.) отъ босуиъ (см. бусыи).

Босымъ—не вѣрное чтеніе, гдѣ вмѣсто ꙋ прочтено о какъ и въ словѣ подобію вм. по дꙋбію (см. Палеогр. кр. т. ч. II, стр.

Боине (acclam. sing. masc.), боинъ (nomin. sing.); отсюда (adjectivum) боинь—боиню (dat. sing. neutr., antecedente praepositione

Ко всему тому, что нами выше сказано было о Боянѣ (ч. стр. 327—340), присоединяемъ еще слѣдующія данныя, которыя могутъ со временемъ пригодиться для будущихъ изслѣдователей.

Въ Монголіи есть городъ *Боянъ*. (Доп. къ Ист. Ак. X, 274). В настоящее время напечатана нами одна алтайская пѣсня, въ которой упоминается Баянъ-богатырь. (Труд. Этн. Отд. кн. 3. вып. I, стр. 83—

Изъ исторіи литературы „Слова" извѣстно, что были ученые, которые предполагали, что Боянъ „Слова" былъ стихотворецъ татарскій. Но если у Тюрковъ встрѣчается имя Баянъ, то оно еще болѣе существовало у славянскихъ народовъ. Въ „Historia Bizantina" Дюканжа читается слѣдующее извѣстіе о четвертомъ сынѣ Болгарскаго Царя Симеона, зовомомъ „*Баянъ*." Addunt Luithprandus et Albericus alii praterea Symeonis filium Bajanum, qui adeo didicisse autem magicam ferebatur, ut ex homine lupum et quacumque aliam vellet feram faceret. (p. 313. 1680 г.).

Отсюда взялъ это извѣстіе и Раичъ въ свою исторію Славянскихъ народовъ (ч. I, стр. 399, 1799 г.). Оно именно подало поводъ Вельтману и Безсонову (Журн. М. Н. Пр. 1855, т. 87) сближать Бояна „Слова" съ этимъ Болгарскимъ Бояномъ.

Въ Славянскихъ географическихъ названіяхъ съ именемъ Боя извѣстны слѣдующія:

Бояна, Серб. Боіана, рѣка въ Сѣверной Албаніи, текущая изъ дерскаго озера въ Адріатическое море.

Бояново, Польск. Bojanowo, мѣстность Познанской области въ ссіи.

Бояновъ, Чеш. Bojanou, мѣстность Хрудимскаго у. въ Чехіи, у и Хрудимки.

Бояны, Рум. Боянъ, мѣстность въ Буковинѣ. (Головацкій: географ. западно-славянскихъ и юго-славянскихъ земель. Вильно. 1884 г.)

Но какъ было бы опрометчиво, на основаніи географическихъ ъ выводить Бояна „Слова“ изъ Монголіи, такъ было бы потѣшно навать его за одно съ Болгарскимъ Бояномъ, сыномъ царя Сина.

Кромѣ уже указанныхъ нами личныхъ и географическихъ именъ, овавшихъ на Русской землѣ, отмѣтимъ еще, что есть *Бояново* въ дайскомъ уѣздѣ; есть и овраги, извѣстные подъ именемъ *Бояновыхъ*, напр. при Плесковѣ на р. Роскѣ (Русс. Ист. Сбор. ч. III, стр. 122).

Слово „Боянъ“ имѣло и нарицательное значеніе. Такъ на мѣдномъ образцѣ XII в. принадлежащемъ Н. М. Павлову (Бицыну) есть ующая уставная надпись: „Сꙗтый архангелъ Михаилъ Боянъ“, ь имя „Боянъ“, очевидно, отвѣчаетъ Греческому „ἀρχηστράτηγος“ начаетъ военачальника. Въ Славянскихъ языкахъ нерѣдко одно же имя является и нарицательнымъ и собственнымъ (Надежда, Любовь). Но употребленіе „*Бояна*“ въ смыслѣ „военачальника“ даетъ что корень этого имени скрывается никакъ не въ глаголѣ *тися*“, отъ котораго производитъ его г. Потебня, но скорѣе оно сходитъ отъ „*боити*“ — вести бой, драться, какъ слово буянъ го съ нимъ корня происходитъ отъ „*буяти*“, буйствовать; или ъ *бой*; какъ отъ Василей—*Васильянъ* (мѣсти. около Кубенскаго Верюжскій: стр. 180); отъ стоять — *Стоянъ* (въ актѣ Моск. Ин. Д., св. 189, № 69) отъ бутей — *Бутеянъ* (въ Лѣт. юдъ г. ср. Бутеянъ Бутеяновичъ, Рыбн. I, 155).

По объясненію пѣвца былинъ Касьянова *Боянъ* отъ *бой-яти* и ть—наяноватый, наянище, дерзый въ боѣ, герой.

Комментаторы:

Митрополитъ Евгеній, по вопросу Хвостова о Боянѣ, какъ нари-

цательномъ имени, между прочимъ указывалъ, что еще у Византійскихъ историковъ упоминается аварскій князь Боянъ и что имя Боян „Слова" нужно считать именемъ собственнымъ, а не нарицательнымъ. (Сбор. стат., чит. во 2 отд. И. А. Н. т. V, вып. 1, стр. 208).

Н. А. Лавровскій, „Боянъ былъ действительнымъ лицемъ и принадлежалъ также, какъ и авторъ „Слова" къ разряду пѣвцовъ, и отличался отъ послѣдняго тѣмъ, что слагалъ пѣсни по замышленію, а не по былинамъ, какъ этотъ послѣдній. Подъ замышленіемъ едва ли не должно разумѣть свободное и широкое пользованіе народными поэтическими мотивами: эти мотивы у Бояна господствующіе; они сближали его съ пѣвцами народныхъ пѣсенъ и былинъ".

Срезневскій, слова Баянъ и Боянъ относилъ къ корнямъ бай (говорю) и *бой* (битва) какъ *вой*—воинъ и *вой*—крикъ.

Потебня: „Изъ собственнаго имени сдѣлали нѣкогда нарицательное имя поэта, между прочимъ въ томъ предположеніи, что оно сродно съ *баять* и *баюнъ*. Постоянное *о* въ Боянъ ближайшимъ образомъ указываетъ будто бы на *боятися*: это имя, данное ребенку или „*трусливому*" (имена даются прежде чѣмъ можетъ сказаться дѣтская трусость), или тому, появленіе коего на свѣтъ почему-либо боялись (болѣе чѣмъ странное предложеніе) какъ *Стоянъ*—стоящій или которому желали стоять, т.-е. жить въ виду того, что прежнія дѣти не стояли, мерли; *Жданъ*, *Неждань*, жданный нежданный, *Жедънъ*, *Хотѣнъ*, *Бажанъ*— желанный". Относительно гипотезы В. Миллера онъ замѣчаетъ: „Не вижу возможности видѣть въ Боянѣ что-либо спеціально болгарское. (Взгл. 129). Это имя столь же русское, какъ и болгарское. Такъ какъ все, что въ „Словѣ" говорится о Боянѣ, можетъ быть объяснено безъ всякой миѳологичности, то сказаніе, сообщаемое Ліутирандомъ о сынѣ болгарскаго царя Симеона *Баянѣ*, который умѣлъ оборачиваться волкомъ, не имѣетъ отношенія къ нашему Боину. Если Ліутирандъ вѣрно передалъ имя Болгарскаго царевича Bajanus, то можетъ быть и самыя имена различны".

Вс. Миллеръ, рѣшившись, во что бы то ни стало, утверждать, что имя нашего Бояна принадлежало какому-то болгарскому лицу и затѣмъ попало въ русскій памятникъ путемъ безотчетнаго заимствованія, сначала въ слѣдъ за Венелинымъ и Везсоновымъ, сбли

о съ Бояномъ, сыномъ болгарскаго царя Симеона, но потомъ, заѣтивъ несостоятельность этого предположенія, сталъ разыскивать іени Бояна въ народныхъ болгарскихъ пѣсняхъ. Въ числѣ сборниівъ этихъ пѣсенъ, записанныхъ г. Верковичемъ, онъ нашелъ между ючимъ имя Трояна и имя *Бояна*, что еще болѣе убѣдило въ томъ, о Боянъ попалъ въ наше „Слово" изъ Болгарскаго источника.

Приведемъ нѣсколько стиховъ изъ этой пѣсни:

Краль Ката пригласилъ къ себѣ Трояна короля Янской земли и ь ходятъ по землѣ, чтобы найти Трояну невѣсту. Три года ходили и, но ни одна дѣвушка не пришлась Трояну по сердцу. Тогда Ката юритъ Трояну:

„Ей Троянъ, побратимъ!
„Всю землю мы исходили,
„Только не ходили въ городъ Визу,
„Чтобъ Биза краль насъ угостилъ:
„Есть у него дочь невѣста,
„Можетъ быть, она тебя достойна.

Они отправились въ Биза-градъ. Царь принялъ ихъ радушно и юилъ пиръ, причемъ дочь его красавица Фетнуша прислуживала імъ королямъ. Трояну она сразу полюбилась и онъ проситъ руки у отца. Краль Биза говорилъ ему.

„Молчи, король не говори;
„Дочь моя не выйдетъ замужъ,
„А пойдетъ она на небо,
„Чтобы Богу службу править.

Но вотъ наконецъ невѣста добыта:

„Тогда вышла дѣвица изъ тюрмы;
„Когда взошла она на балконъ, что увидѣла?
„Чертоги поплѣнены, заполонены;
„На престолъ сѣлъ Троянъ
„И женился онъ на своей Любѣ,
„И сталъ царемъ онъ на землѣ

„И по всей землѣ прославился.
„*И Боянъ воевода пѣсню ему пропѣлъ,*
„*Что завоевалъ онъ Биза-градъ*
„И эта пѣсня осталася.

Не говоря уже о томъ, что эту пѣсню ни по содержанію, ни по формѣ нельзя сближать съ нашимъ „Словомъ" безъ явной и преднамѣреной натяжки, замѣтимъ, что не много требуется знакомства съ народной поэзіей, чтобы видѣть въ ней полное отсутствіе всякой поэзіи: нѣтъ въ ней ни творчества, ни стиха, ни образовъ; это—на нашъ взглядъ—не болѣе, какъ народная сказка, которой приданъ видъ пѣсни не искусною рукою и жалкимъ подражаніемъ.

Болѧре (nom. plur. masc.) отъ **болѧринъ.** Въ древнихъ Славянскихъ переводахъ слово это является въ формѣ **болѧринъ** и отвѣчаетъ Греческимъ:

1) ἄρχων, princeps, начальный, первовластный человѣкъ, князь: такъ, въ переводѣ Кирилла Іерусалимскаго (Син. сп. XII—XIII в.) ἄρχοντες—**болѧре** (л. 14 об.).

2) μεγιστάν, magnas, именитый человѣкъ, вельможа; такъ въ переводахъ Сираха: **болѧринъ и соудїа**—μεγιστὰν καὶ κριτὴς (X, 27) **посредѣ болѧръ**—ἐν μέσῳ μεγιστάνων (ib, XI, 1); **послоушаите мѧ болѧре**—μεγιστάνες (ib. XXXIII, 18).

3) σύγκλητος, senatus—боярская дума; такъ въ переводѣ Лѣствичника (Син. сп. XIV в.)—выраженіе: ἐπὶ πάσης συγκλήτου—передается словами: **предъ всѣми болѧры** (л. 132 об.).

Бояре представляли собою вмѣстѣ съ княземъ кіевскую дружинную Русь и потому они всего чаще выступаютъ въ лѣтописныхъ повѣствованіяхъ. (См. напр. въ Лавр. стр. 20, 22, 32, 45, 46, 52 66 69, 71, 77, 104—106, 114, 115, 119, 121—123, 128, 140, 145 и мн. др.).

Точно также они непрерывно являются и въ „Словахъ богатырскихъ" на пирахъ вмѣстѣ съ краснымъ солнышкомъ княземъ Владиміромъ. Пиры эти устраивалъ Владиміръ именно „на князи и бояры"

Въ „Словѣ" выраженіе: *бояре*, означаетъ боярскую думу (σύγκλητος), которою Святославъ держалъ совѣтъ относительно своего мутнаго а. Выраженіе *бояре* въ значеніи Думы держалось во всей древней усской Исторіи до государственнаго преобразованіи Петромъ Велимъ и сказывалось въ юридической формулѣ: „бояре приговорили".

Татищевъ, безъ всякой надобности, слово *бояринъ* замѣнялъ слоиъ *велможа*. (Росс. Ист. 51, 52, 62, 104, 126 и др.

Брань (loc. sing. ѣj, antecedente praepositione **на**, pro: **бранѣ и брани**), πόλεμος, proelium—борьба, сраженіе, бой.

Слово это встрѣчается нерѣдко въ древнихъ переводныхъ памятахъ XI—XII вв. Такъ въ „Пандектахъ" Антіоха XI читаемъ: **творе брань съ стими**—ἐποίει πόλεμον (гл. 130, 302). Въ Галицкомъ и др. Евангеліахъ XII—XIII в. **Оуслышати же імате бранї и слышанья**—ἀκούειν πολέμους και ἀκοάς πολέμων (Мѳ. XXIV 6). **Лї кын ь. идыи къ иномоу царю сънїтіся на брань**—συμβαλεῖν ἐις πόλεμον к. XIV, 31. **Єгда оуслышите брани и не строенья**—ἀκούσητε πολέμους к. XXI, 9).

Точно также часто **брань** является и въ повѣствовательныхъ проеденіяхъ Кіевской дружинной Руси: Русь въоружившеся на Греки *рани* межю ими бывши зьли (Лавр. стр. 44) и съступишася битися ывши *брани*, одолѣ Святославъ (ib. стр. 63). Утиши Ярополкъ *брань* лютую. (Ип. стр. 14). *Брани же* велицѣ бывши и мнозѣмъ падаимъ отъ обою полку и видѣвъ Святополкъ, яко люта *брань* и поже. (ib. стр. 260). Данилъ же видѣ, яко крѣпцѣйши *брань* налеъ въ ратныхъ (Ип. стр. 164). Юрьй самъ хотя особь *брань* сотвои (Новг. 1, стр. 51).

Въ живой народной рѣчи говорится: Броня на *брань*, яндова на ъ; послѣ *брани* много храбрыхъ.

Въ „Словѣ" Ольговичи изнемогли „на бранѣ т.-е. въ борьбѣ, на къ. (см. **доспѣша**).

Болонь есть лишь полногласная форма слова **брань** какъ *ло—благо*. На это прямо указываютъ глаголы **братися и боротися**. Пандектахъ Антіоха XI в. читаемъ: **брашася съ мною безумна** —

ἐπολέμησάν με (ср. Пс. CVIII, 3). Въ лѣтописяхъ: выпусти ты свой мужь, а я свой, да *ся борета* (Лавр. стр. 120). Снидеве *ся сама боротъ* (ib. стр. 143). Можеши *ся* съ нимъ *бороти* (ib. стр. 120).

Въ „Словахъ богатырскихъ".

„У тя есть ли охота, горитъ ли душа
„Со моима со борцамы *побоготися?*
„Отвѣчалъ тутъ Василій Викульевичъ:
„И самъ иду съ борцамы *боротися.*

(Рыбн. 1, стр. 248).

Боронь отъ *боротися* происходитъ также, какъ *брань* отъ *бротися*. Итакъ, *боронь*, какъ и *брань*, означаетъ борьбу, бой, сраженіе

Въ силу дружиннаго воинскаго порядка—князь въ бою долженъ былъ стоять впереди. „И бысть рать велика, читаемъ въ галицкой лѣтописи... и рѣша мужи браньніи (князю Даніилу): ты еси король, голова всѣмъ полкомъ; вѣси бо воинскій чинъ, на ратехъ обычай сей есть... *изъиди самъ напередъ...* (подъ 1256 г.).

Такимъ образомъ выраженіе въ „Словѣ": стоиши на *борони* значитъ: на бою стоишь ты впереди, въ рукопашной схваткѣ, говоря по нынѣшнему: въ самомъ огнѣ, въ пылу сраженія.

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ выраженіе перевелъ „на борони": Храбрый туръ Всеволодъ *стоя въ рукѣ правой.* Основаніемъ для такого перевода служило то, что, по сказанію лѣтописей, Игоревъ полкъ былъ въ срединѣ, на правой же сторонѣ былъ братъ его Всеволодъ". Но выраженіемъ *„на борони* не мало не дается представленія о томъ, что Всеволодъ стоялъ въ правой рукѣ.

Малиновскій въ черновомъ переводѣ сначала написалъ: *„обороняясь"* ты пускаешь градомъ стрѣлы, но потомъ вмѣсто „обороняясь" надъ строкою надписалъ „прикрывая отступленіе".

Въ *первомъ изданіи* сдѣланъ новый переводъ: О, богатырь Всеволодъ! Ты, *„стоя на сторожѣ"*, градомъ пускаешь стрѣлы.

Комментаторы:

Карамзинъ *„бороня"*, значитъ—передовой отрядъ, (И. Г. Р. I пр. 342).

Шишковъ: „*боронь*" принималъ въ значеніи „стражи".

Пожарскій: „въ „Переложеніи и въ Примѣчаніяхъ" (Шишкова) слову „*боронь*" дано значеніе стражи. Ежели принять слово „бороня" за „стражу", то Всеволоду, стоявшему, па стражѣ, не слѣдовало прыскать на воиновъ стрѣлами, ибо, слѣдуя военнымъ правиламъ, кто стоитъ на стражѣ или караулѣ, тотъ не пускаетъ стрѣлъ и не гремитъ мечами". Пожарскій первый догадался, что „*бороня*" значитъ „*брань*".

Большая часть послѣдующихъ издателей и комментаторовъ переводили *боронь* въ значеніе передоваго отряда.

Потебня вѣрно указалъ, что „*на борони*" значитъ „въ битвѣ".

Замѣтимъ здѣсь кстати, что *Татищевъ* лѣтописное „*бороненіе*" не вѣрно переводилъ словомъ *нападеніе* (Росс. Ист. 22)

Братъ (nomin. sing. masc.) **брата** (genet. sing.) **брату** (dat. sing.) **брате** (acclam. sing.) ἀδελφος, filius—сынъ по отношенію къ другому сыну тѣхъ же родителей.

Во всѣхъ этихъ формахъ читаемъ это слово въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ XI—XII вв. Такъ, въ Евангеліяхъ: **тъ братъ** οἱ αὐτός μου ἀδελφὸς (Мѳ, XII, 50) **сѣмя брата своѥго** (ib. XXII, 24) **оставі женоу братоу своѥмоу** (ib. 25) **лї како можеши рєщи: брате**—ἀδελφὲ (Лук. VI, 42). Въ библейскихъ спискахъ XV—XVI в. **брате мн.. ми красным, зѣло**—ἀδελφέ μοῦ ὡραιώθης μοι σφόδρα (2 Цар. I, 26).

Въ Лѣтописяхъ слово это также встрѣчается въ всѣхъ этихъ формахъ и весьма не рѣдко въ падежѣ звательномъ: Рече Володимеръ (Святополку): то ти, *брате*, велико добро (Лавр. стр. 267) Юрій взывалъ ко Изяславу: „*брате* и сыну" (Ип. стр. 43).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

Братецъ же ты, братецъ,
Соловей птица вольная. (Пер. Этн. отд. кн. IV, стр. 54).

Бытуетъ это слово и въ именахъ георафическихъ: есть селеніе *Семи-братово*, въ 20 верстахъ отъ Ростова Великаго.

Въ „Словѣ": одинъ *братъ*; рекоста бо *братъ*; брату жаль *мила брата*; сѣдлай, *брате*.

Братїє (acclam. sing. neutr.) отъ братїꙗ (nomen collectivum) ἀδελφοι, fratres.

Въ Пандектахъ Антіоха XI в. читаемъ: добро оубо потроудитисѧ съ... братиѥꙗ—τοῖς ἀδελφοῖς. (гл. 99, л. 215). Въ Евангеліяхъ XI--XII вв.: кто соуть братьꙗ моꙗ—οἱ ἀδελφοί μου (Мѳ. XII, 48) се мти твоꙗ и братьꙗ твоꙗ (Марк. 32).

Кіевская дружинная Русь, какъ извѣстно, связана была клятвою и крестнымъ цѣлованіемъ какъ между собою, такъ и по отношенію князю, а потому въ лѣтописныхъ повѣствованіяхъ—братьями называются не только родные братья, но и вообще вся дружина. Изяславъ рече дружинѣ своей: *братья и дружино*! Нынѣ же, ,*братья* ревнуемы, тому вси. (Ип. стр. 67 И рече Игорь: *братіа*! сего искали и потягнемъ (ib. подъ 1885 г.). Вообще весьма часто встрѣчаются выраженія; по *братіи* своей; паче *братіи*; твоя послѣ же всея *братья*. Лавр. 209) и т. под.

Въ „Словахъ богатырскихъ" богатыри также величаютъ другъ друга братьями въ силу крестнаго цѣлованія:

Нынѣче со мной ты поздоровайся,
Нынѣче крестами *побратаемся*,
Будь-ко ты мнѣ нынѣчку *братъ* родной (Рыбн. III, стр. 128).

Тутъ они крестами *побраталися*:
Старый казакъ Илья Муромецъ былъ *бóльшой братъ*,
Михаило Потыкъ сынъ Ивановичъ былъ *средній братъ*,
А молодой Добрыня, сынъ Никитичъ былъ *меньшій братъ*.
(Рыбн. I, 228—229).

Въ „Словѣ", авторъ обращаясь къ своимъ слушателямъ, также называетъ ихъ братьями: Не лѣпо ли ны бяшетъ, *братіе*. Кая рана дорога, *братіе*. Уже бо, *братіе*, невеселая година въстала. А въстона бо, *братіе*, Кіевъ. А чи диво ся, *братіе*, стару помолодити.

Игорь, обращаясь къ дружинѣ своей, также взываетъ: *братіе* и дружино!

Бремены (accus. plur. neutr.) отъ **брѣмѧ, бремень.**

Въ переводныхъ памятникахъ XI—XIII вв. слово это отвѣчаетъ Греческимъ:

1) φορτίον, onus—всякая тяжесть. Такъ въ Пандектахъ Антіоха X в. **авимлехъ възьмъ брѣмѧ дрѣвъ и възложи на рамѣ свои**—φορτίον ξύλων (гл. III, л. 249; ср. Суд. IX, 48). Въ Евангеліяхъ: **събіраютъ бремена тажка**—φορτία βαρέα (Мѳ. XXIII, 4), **накладаюте на члкы брѣмена не оудобьносима** (φορτία δυσβάστακτα) **а сами ни іединемъ же пьрстъмь пріkасаіетеса брѣменьхъ**—τοῖς φορτίοις (Лук. XI, 46).

2) γόμος, onus navis—корабельный грузъ, товары; такъ въ Апокалипсисѣ: **купьци земьстии възрыдаютъ и въсплачются. яко бремени ихъ никтоже купиетъ** — τὸν γόμον οὐδεὶς ἀγοράζει (гл. XVIII, 11). Здѣсь изчисляются за тѣмъ и самыя *бремена,* каковы напр.: *бремя* золота и серебра, драгоцѣнныхъ камней, тканей и сосудовъ, благовонныхъ духовъ, пшеницы, скота и овецъ, коней и колесницъ, тѣлесъ и душъ человѣческихъ" (ib. ст. 12).

3) βάσταγμα, onus — все носимое на рукахъ, ноша. Такъ въ книгѣ Пророковъ: **не носите бременъ въ днь соуботъ... не износите бременъ изъ домовъ вашихъ** — μὴ ἐκφέρετε βαστάγματα (Іер. XVII, 21, 22).

4) λῆμμα, propositum animi, virilis fostisquê animus, а также забота, корысть; такъ въ книгѣ Пророковъ: **аще въпросатъ... кое брема гдне' рекоуши. вы есте брема**—τί τὸ λῆμμα Κυρίου ...ὑμεῖς ἐστὲ τὸ λῆμμα (Іер. XXIII, 33).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„Кругомъ около безсчастье обстолпилося,
„Всѣмъ *беремечкомъ* злодійно ухватилося" (Пр. С. кр. ч. I, стр. 8).

Въ „Словѣ": „меча *бремены* чрезъ облаки".

Для объясненія этихъ словъ можетъ послужить слѣдующее мѣсто въ повѣсти Флавія: „Си (римляне) акы по облакомъ пришедъше подъ своимъ оружіемъ покорниша а" (Кантавріанъ) ὑπὲρ τὰς ἡρακλείους στήλας ἐκτείναντες τὰ ὅπλα καὶ διὰ νεφῶν ὁδεύσαντες... τούτους ἐδουλώσαντο (Lib. II, c. XVI).

Соотвѣтственно этому мѣсту и въ „Словѣ" подъ *бременами* можно разумѣть оружіе, воинскіе доспѣхи и разнаго рода снаряды, называемые въ лѣтописяхъ „товарами"; въ ряду ихъ особенно тараны и каменобросцы представляли большія тяжести: „любо бѣ у Чернѣгова, оже и таранъ на ны поставиша; меташа бо каменемъ полтора перестрѣла, а камень, яко можаху 4 мужи сильныи подняти (И. Г. Р. III, пр. 346).

Выражая воинское могущество Галицкаго Ярослава, авторъ говоритъ, что *по облакамъ* разноситъ онъ свое оружіе, подобно тому, какъ говорится въ повѣсти Флавія о Римлянахъ, что „по облакамъ ходятъ они подъ своимъ оружіемъ".

Этотъ образъ можетъ имѣть, конечно, и эпическій характеръ и стоять въ связи съ былевой поэзіей.

Въ Словахъ Богатырскихъ читаемъ:

„Тутъ всѣ братья да взбунтовалися,
„Взбунтовалися да перепалися,
„Въ яростяхъ да во великіихъ,
„Въ 500 пудъ палку подъ облака мечутъ".

Авторъ „Слова" могъ воспользоваться образомъ богатырскаго бросанія громадныхъ тяжестей для характеристики воинскаго могущества Галицкаго Ярослава.

Если „*бремя*" понимать въ значеніи γόμος, то здѣсь будетъ указаніе на его обширную торговлю: „товары развозилъ онъ на обоюкахъ". Если же принимать въ значеніи λῆμμα, то будетъ значить „на облакамъ разносилъ онъ свои геройскія силы" или же распространялъ свое вліяніе, свои попеченія (см. *времены*).

Мусинъ-Пушкинъ: „меча *времены*" перевелъ: бросая времена. Малиновскій, какъ въ черновыхъ бумагахъ, такъ и въ первомъ изданіи: бросая тягости подъ облака.

Удерживая этотъ переводъ послѣдующіе комментаторы останавливались лишь на толкованіяхъ „*бременъ*". Кн. П. П. Вяземскій выразилъ предположеніе, не указываютъ ли означенныя слова намекъ автора на какія-нибудь каменоломныя работы, предпринятыя Ярославомъ съ цѣлію загородить путь врагамъ.

Брешутъ (praes. 3 pers. plur. indicat.) отъ **брешити**.

Въ древнихъ церковныхъ покаянныхъ молитвахъ, въ ряду грѣховъ, упоминается **брехапіе**—ἔνεδρον, insidiae—козподѣяніе. Обращаясь къ другимъ древнѣйшимъ переводнымъ памятникамъ, мы видимъ, что Греческій глаголъ ἐνεδρεύειν передавался Славянскимъ: **лаяти**. Такъ, въ Панд. Антіоха: **лая бо львъ въ оградѣ своеи и лаеть намъ сѣти и ловитвы**—ἐνεδρεύη γὰρ (гл. 28, л. 170); въ Псалтиряхъ XII—XIII вв. **лаеть въ таиныхъ, яко львъ**—ἐνεδρεύει... ὡς λέων (Пс. IX, 30). Въ Апостолѣ XIII—XIV в. **лаю бо его мужи**—ἐνεδρεύουσι; въ сп. Гильф. XIV в. **блюдоуть**; въ переводѣ св. Алексія: **локать** (Дѣян. XXIII, 21). Въ библейскихъ переводахъ XV—XVI вв. **доброе на зло обращая лае**—ἐνεδρεύει; въ позднѣйшихъ спискахъ: **подсадоу творить** (Сир. XI, 31); **лаяніа**—ἔνεδρα; въ позднѣйшихъ: **козни** (ib. ст. 29).

Греческій же глаголъ ὑλακτεῖν, latrare—означающій въ собственномъ смыслѣ лаять, брехать, шумѣть, бранить—переводился Славянскимъ **хылати**: такъ въ толков. Апостолѣ XV в. (Син. сп. № 96, л. 423): **псы лающаго хытаю**—ὑλακτοῦσι (Фил. III, 2) и также глаголомъ **лаяти**: **пьси не възмогоуть лаяти**—ὑλακτεῖν (Ис. LVI, 10).

Въ лѣтописяхъ также читается глаголъ *лаяти* и въ томъ же смыслѣ: одинъ же Половчинъ... *лая* дружинѣ своей (Лавр. стр. 315). Въ народномъ пѣснотворчествѣ *брехать* и *лаять*, какъ и въ древнихъ памятникахъ, примѣняется къ псамъ.

Собаки *брешутъ* прилегаючи (Шейнъ: Бѣлор. п. 429).
Видно, участь-ту собаки *пріоблаяли* (Пр. С. кр. ч. I, стр. 7).

Въ живой народной рѣчи говорится: „вольно собакѣ и на хвостъ свой *брехать*“ (Даль).

По словамъ извѣстнаго пѣвца былинъ Касьянова: лисицы также брешутъ, т.-е. воютъ, щекочутъ и умильно лаютъ, какъ собачки; голосъ у нихъ, какъ у собачьихъ щенковъ, тоненькой, визгливой. По наблюденіямъ охотниковъ, лисицы не любятъ краснаго цвѣта и потому лай ихъ на *красные* щиты весьма понятенъ: образъ списанъ съ дѣйствительности.

Но принимая во вниманіе древне-русское значеніе глагола

лаяти, нельзя не видѣть, что авторъ воспользовался этимъ обра[зомъ] именно для выраженія того, что лисицы, выскакавъ изъ своихъ [норъ] также подобно другимъ хищнымъ птицамъ и звѣрямъ, подстерег[аютъ] гибель полковъ Игоревыхъ и своимъ бреханіемъ готовятъ имъ [...]

Брѹзаꙗ (accus. dual. masc.) отъ **брѹзыи.**

Въ переводныхъ памятникахъ XI — XII вв. **бръзый** отвѣ[чаетъ] Греческимъ:

1) ἀνδρεῖος, virilis—мужественный, храбрый. Такъ въ Пандек[тахъ] Антіоха XI в. читаемъ: **пѫтье бръзыихъ гладци**—αἱ ὁδοὶ τῶν ἀνδ[ρείων] (гл. 86, л. 186 об.); въ другихъ случаяхъ **бръзыи** замѣняется сло[вомъ] **въстанныи** (Син. № 153, лл. 34, 62).

2) ταχύς, celer, velox—скорый, быстрый. Такъ въ Юрьев. Е[в.] 1118—28 г. нарѣчіе ταχὺ передается словомъ **бързо**: **и бързо** (καὶ ταχὺ) **шьдъши рьцѣта**; въ Галицкомъ же и др. XII в.: **скоро** (М[ө.] XXVIII, 7). Въ Апостолѣ XIII—XIV вв. **бьрзъ на ѹслышаниѥ**; [въ] Слѣпчинскомъ XI в.: **скоръ ѹслышати**—ταχὺς εἰς τὸ ἀκοῦσαι (Іак. [I,] 19). Въ переводѣ Премудрости Соломоновой, сдѣланномъ съ Ву[ль]гаты, **борзо** отвѣчаетъ Латинскому continuo (V, 13), — которое в[ъ] другихъ случаяхъ передается выраженіемъ: **без постоꙗнія** (ib. [...] Опис. Син. библ. ч. I, стр. 78); отсюда глаголъ: **ѹборзи** (Оп. Си[н.] р. ч. I, 55).

3) ταχινὸς, pernix, celer, проворный, подвижный: **ꙗзыкъ... бръзы ходащи по широтамъ земли**—τὸ ἔθνος... τὸ ταχινὸν (Авв. I, 6).

4) Встрѣчаемъ въ древнихъ переводныхъ памятникахъ сло[во] **бръзыи** и какъ epithetum коня—въ соотвѣтствіе Греческому σπεύδω[ν] festinans. Такъ, въ книгѣ Есөири XV в. читаемъ: **погонници же ѣздахѹ на кони борзы**—οἱ μὲν οὖν ἱππεις ἐξῆλθον σπεύδοντες; въ поз[д]нѣйшихъ спискахъ: „конници оубо изыдоша *спѣшно*" (гл. VIII, 14). Въ древнемъ переводѣ Есфири очевидно отразился языкъ народный, что видно и изъ другихъ встрѣчающихся здѣсь выраженій и об[о]ротовъ.

Въ произведеніяхъ литературно - повѣствовательной дружинн[ой] школы, слово **бръзый** является нерѣдко въ формѣ нарѣчія *оборз*[о]

при глаголахъ означающихъ движеніе. Такъ, напр. въ Лѣтописяхъ: Глѣбъ же *вборзѣ* всѣдъ на конь (Лавр. стр. 132). Оружья не снимайте с себе *вборзѣ* (ib. 237). Бога дѣля, пусти (сноху) ко мнѣ *вборзѣ* (ib. 244) *борзо* бѣжаху (ib. 432). Приде *вборзѣ* (ib. 303). Поиди *вборъзѣ* (ib. 310).

Въ Словѣ Даніила Заточника: „Хоробраго *борзо* добудеши. Луче бо ми смерть *борзо*" (Прав. Собес. іюнь, 1882 г. стр. 229).

У Даніила паломника: тщащеся въборзѣ идти, а сего пути въборзѣ не лзѣ ходити (мой сп. XVI в.).

Борзый является въ лѣтописяхъ и какъ epithetum звѣря и коня: *борзъ* же бѣ, яко звѣрь. (Ип. стр. 182). Да̀ Святославъ Ростиславу... два *коня борза* (ib. 86) Мстиславъ да̀ своему зятю *конь* свой *борзый* актазъ (ib. 165). Мстиславъ же Данилу дасть *конь* свой *борзый* сивый (ib. 161). Бѣ бо *борзъ конь* подъ нимъ (ib. 167) Другое слово рекшю прегордо: острый мецю, *борзый коню* (ib. 162).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ *борзый* является весьма не рѣдко:

> Ай же *борзая* калѣка перехожая. (Прич. С. кр. ч. I, стр. 167).
>
> Не допущу да этой *борзой* я смерётушки (ib. стр. 193).

Еще чаще *борзый* встрѣчается и здѣсь, какъ epithetum коня.

> Вы впрягите *борзыхъ* коней иноходныихъ (ib. ч. III, стр. 21)
> Вы впрягите-тко коня да столько *борзаго.* (ib. стр. 115)
> Напоилъ онъ да онъ коня тутъ скоро *борзаго* (ib. стр. 139).
> Дай, дай Боже, тебѣ хозяину,
> Съ *борзыхъ* коней сыновей женить (Черн. Епарх. Вѣд. 1872 г. № 24).
> Почему коню цѣна пять тысячей?
> За рѣку онъ броду не спрашиваетъ;
> Которая рѣка—верста пятисотная,
> Онъ скачетъ съ берегу на берегъ. (Др. Рус. стих. 1804 г. стр. 15).

Въ живой народной рѣчи говорится: „Кто на *борзомъ* конѣ жениться поскачетъ, тотъ скоро поплачетъ" (Даль).

Такимъ образомъ—*борзый* значитъ проворный, прыткій, быстрый, рьяный. *Борзый* конь не тотъ только, который можетъ бѣгать долго и быстро, безъ устали и отдыха, но главнымъ образомъ тотъ, который не страшится никакихъ препятствій на своемъ пути и умѣетъ одолѣть ихъ—конь своего рода геройскій, мужественный, вѣрный слуга героевъ.

Въ „*Словѣ*": А всядемъ на свои *бръзыя* комони; сѣдлай, брате, свои *бръзыи* комони... Въврьжесся на *бръзъ* комонь; Прстръгоста бо своя *бръзая* комоня. (См. комонь).

Татищевъ лѣтописное вборзѣ замѣнялъ словами *вскорь*, *въ скорости* (Росс. Ист. 48, 93).

Комментаторы „Слова" оставляли *бръзый* безъ всякихъ объясненій, переводчики удерживали его въ своихъ переводахъ.

Брячислава (genet. sing. masc.) отъ **Брячиславъ**. Брячиславъ Васильковичъ былъ княземъ Витебскимъ. Въ 1181 г. онъ участвовалъ въ ополченіи вмѣстѣ съ братомъ своимъ Всеславомъ Васильковичемъ противъ Ростиславичей, ратуя за Святослава Черниговскаго.

Будетъ (futur. 3 per., sing.) отъ быти (см. **Быти**).

Буего (genet. sing. masc.) отъ **Буи** (см. **Буи**).

Буести (loc. sing. fem. antecedente praepositione **въ**) отъ **Буесть** (см. **Буй**).

Буи (adjectivum)—представляетъ разныя значенія въ разныхъ со четаніяхъ, какъ и глаголъ *буяти*, съ производными словами.

1) По отношенію къ органической природѣ *буять* значитъ быстро рости, подыматься къ верху вслѣдствіе избытка органической силы. Говорятъ: „Деревцо *буяло* противъ солнышка т.-е. быстро разцвѣтало; *Буявая* трава на косу не падаетъ" т.-е. не вдругъ беретъ коса высокую траву.

2) По отношенію къ стихійнымъ силамъ *буйный* значитъ бушующій, производящій разрушеніе: „*буйное* море—то которое высоко по-

-тъ свои волны и топитъ корабли; *буйные* вѣтры,—тѣ кои вѣютъ о и срываютъ крыши съ домовъ.

3) По отношенію къ мѣсту *буяно* значитъ: а) всякую *возвышен*-, на которой живетъ и дѣйствуетъ человѣкъ. Есть множество й съ именемъ *Буяново*. Затѣмъ.

б) *Буява*—могильный холмъ, гдѣ привитаютъ души усопшихъ.

в) *Буевище*—погостъ, гдѣ есть церковь съ кладбищемъ, обыкно- на мѣстахъ *высокихъ*.

г) *Буй*—всякое возвышеніе, означающее грань при дѣтскихъ ь.

4) По отношенію къ нравственнымъ силамъ человѣка и ихъ про- ямъ *буй* означаетъ:

а) высокоуміе, надмѣнье мыслію, превозношеніе, гордость. Такъ всѣ эти нравственныя состоянія всегда и безусловно указываютъ достатокъ здравомыслія, то *буй* значитъ и глупый, юродивый.

б) стремительность и отвагу воли. Въ этомъ отношеніи, судя по іямъ нравственныхъ порывовъ и формамъ ихъ проявленія—*буй* Эбразится въ своемъ значеніи. Когда высокіе порывы упра- ся благоразуміемъ—*буй* получаетъ смыслъ „величаваго“, благо- -дерзаго героя; но когда эти порывы проявляются не по разуму, і голову, буй получаетъ значеніе безумно-дерзаго, отчаяннаго, ольнаго.

Если въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ буи съ одной ны отвѣчало Греческому μωρός, stultus, ineptus, юродивый, какъ въ Евангеліахъ XI—XIII вв. (Мѳ. V, 22; VII, 26) то съ другой ютвѣтствовало Греческому θρασύς, audax, дерзый, въ благородномъ ніи этого слова, удалый, величавый. Такъ у Григорья Богослова п. XI в.) читаемъ: Боуи и крѣпъ онъ—θρασὺς καὶ γενναδὰς. Само собою разумѣется что въ воинскихъ повѣстяхъ оно упо- ялось въ этомъ послѣднемъ значеніи; боуи—это эпитетъ храб- и значитъ: самоувѣренный и смѣлый въ порывахъ, рьяный и рашимый въ нападеніи, такъ какъ, по представленіямъ того ени:

„медляй на брань страшливу душу имать (Ип. стр. 172).

Въ Лѣтописяхъ вмѣсто, *буй* преобладаетъ дерзый: Рюрикъ бѣ *дръзокъ* и крѣпокъ на рати (1187) Всеволодъ „много мужствовалъ и *дерзость* имѣлъ на бранѣхъ; Василько бѣ умомъ великъ и *дерзости* (Ип. стр. 182). Новгородци и Смолняне *дерзи* к боеви (Лавр. стр. 470). Здѣсь *дерзскій* является въ томъ же благородномъ смыслѣ, какъ и боуи въ переводѣ Григорья Богослова XI в.

Въ этомъ самомъ смыслѣ Всеволодъ называется въ „Словѣ" *буимъ* туромъ и *ярымъ* туромъ, т.-е. гордо благороднымъ героемъ, подобнымъ туру; величавымъ и удалымъ въ наступленіи, яростнымъ и неустрашимымъ въ самомъ бою. Въ этомъ же смыслѣ и самъ Игорь не разъ называется *буимъ*: „Вступите... господина... за раны Игоревы *буего* Святославича.

Высокоуміе въ лучшемъ смыслѣ этого слова легко переходитъ въ высокомѣріе и потому въ литературно-повѣствовательномъ языкѣ Кіевской дружинной школы слово боуавыи употреблялось весьма часто въ значеніи высокомѣрный.

Такъ въ повѣсти Флавія читаемъ: и бы видѣти смирена и трепещоуща, иже древле горда и боуава быста τοὺς σοβαροὺς καὶ ἀλαζόνας (л. 234 об.).

Въ Лѣтописяхъ: Олегъ восприимъ *буй* помыслъ и словеса величава (Лавр. стр. 222). Глѣбовичи восприимше *буй помыслъ*, начаша ся гнѣвати и болшю вражду вздвигати. (Лавр. 380). Въ томъ же значеніи употреблялось это слово и въ XV в. Такъ въ поученіи іерею 1499 читается: и буди не *буи*, ни гордъ ни яръ. (Акт. Ист. 1, 162). Около того же времени оно стало замѣняться словомъ *буйный* также въ значеніи *высокомѣрный;* въ „Степенной книгѣ" читаемъ: „*буйными* словесы суемысленными Редедя хотя устрашити. (стр 1003).

Имѣя все это въ виду не трудно понять и смыслъ словъ производныхъ: боуесть и боуинство. Боуесть есть качество *буего* и значитъ самонадѣянную стремительность въ нападеніи и ярость въ бою. Въ переводныхъ памятникахъ боуесть отвѣчаетъ греческому θάρσος, audacia. Такъ въ спискѣ Григорія Богослова XI в. читаемъ: боуестию погибе изгоуби. Въ Паренисисѣ Ефрема Сирина XIII в. „на боуесть се прелаcа"...

Въ Кіевской лѣтописи объ одномъ изъ князей читаемъ, что онъ аденства ради и *буести* не чюяше раны, бывшія на тѣлѣси его". ›видно, *буесть* на дружинномъ языкѣ означила не только смѣ- ть, стремительность, но и *ярость* во время боя. (Ср. буй-туръ и ›-туръ).

Такого рода *буесть* была качествомъ главнымъ образомъ *юноше- й* храбрости, а потому могла быть слѣдствіемъ недостатка обдуманности асто граничила съ высокомѣріемъ, заносчивостью и кичливостію.

Это повидимому имѣетъ въ виду Святославъ, когда, упрекая Игоря Всеволода въ томъ, что они *рано* начали искать себѣ славы, гово- ь далѣе, что сердца ихъ въ *буести* закалѣны, ибо они, какъ ажено въ лѣтописи, отворили ворота на Русскую землю, *не воз- жавши юности*. Какъ высокомѣріе, превозношеніе, *буесть* не разъ ›ѣчается въ древнѣйшихъ Русскихъ памятникахъ: такъ въ „Духов- ' Мономаха читаемъ: „О, Владычице Богородице отъими отъ убо- › моего сердца гордость и *буесть*, да не възнесуся (Лавр. стр. 234). Даніила заточника также: обогатѣвъ восприіму гордость и *буесть*.

Буйство есть проявленіе *буести*, ярость въ дѣйствіи, съ на- еніемъ воинскаго чина и наряда: буйство есть бесчиніе, стреми- ›ность дикая, ярость хищническая.

Такъ соколъ въ *буйствѣ* одолѣваетъ птицу. Такъ Половцы, одо- ь Русскіе полки, придали буйство т.-е. дикую, варварскую ярость ' Хиновскому отродью. (Ср. въ „Степенной" л. 170). *буйствомъ* гор- Редедя.

Замѣтимъ, что слово *буй* бытуетъ во множествѣ географическихъ аній: *Буй*—пригородъ Костромской (Ист. Ак. III, 14, 182) *Буй- дъ* въ Волоцкомъ у. (ib. 155—156). *Буй городскій* станъ въ Смо- :к. у. (ib. 202). а на рѣкѣ на Волгѣ *Буй-градъ* (Кн. Больш. Черт. 137).

Татищевъ невѣрно переводилъ лѣтописное *буй* словомъ *безум-* (Росс. Ист. 158).

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ выраженіе: *буй-туръ* объяснялъ такъ: *буй* оз- ›етъ „дикаго", а туръ вола; въ другихъ случаяхъ *буй* принималъ въ ›еніи: отважный; *буесть* переводилъ *буйствомъ* и *отвагою*.

Малиновскій въ черновомъ переводѣ съ выраженіемъ буй-туръ сближалъ слово богатырь; въ другихъ случай *буй* переводилъ словомъ храбрый; *буесть*, и *буйство*—отважностію. Въ 1-мъ изданіи буй-туръ—перевелъ: богатырь.

Комментоторы:

Шишковъ: Колико восхищаетъ меня сіе единое слово: буй-туръ. *Буй* дикій и туръ—волъ, сіи два понятія, соединенныя въ одномъ изъ двухъ слоговъ не представляютъ ли намъ Всеволода исполиномъ, имѣющимъ необычайный ростъ, широкія плечи, толстыя руки, огнистые глаза, мужественный духъ?

Пожарскій: Нельзя думать, чтобы для славныхъ во браняхъ древнихъ Россійскихъ князей былъ принятъ титутъ отъ *буйвола*. Туръ здѣсь существительное, а *буй*—прилагательное, которое притомъ и въ слову туръ не всегда прилагается. Въ другихъ случаяхъ *буй* переводилъ словомъ „храбрый"; *буесть*—буйствомъ, а *буйство*—яростію.

Грамматинъ: Первые издатели говорятъ, что *буй* значитъ дикой; нѣтъ, *буй* никогда не значитъ дикой, даже и въ сложномъ словѣ буйволъ; это животное домашнее, а не дикое. *Буй* тоже, что мужественный, сильный.

Бутковъ: *буй* объяснялъ съ финскаго: puin—бью, поражаю; *буй* будто бы значитъ здѣсь бойца, а *буесть*—битва.

Дубенскій: *буй* переводилъ—буйный (буйнаго Святослава), *буесть*—буйность (въ буести закалѣны) и ярость (вы стремитесь въ ярости на дѣло); *буйство*—дерзость (дерзость придали хану).

Всѣ послѣдующіе толковники *буй* переводили то отважный, то мужественный, то храбрый; *буесть* и *буйство* мало различали.

Потебня, не одобряя предшествовавшихъ переводовъ, первый сталъ различать значенія слова *буй*:

а) *Буй*—большой (буй-туръ значитъ будто бы большой туръ).

б) *Буй*—высокій (птицю въ буйствѣ одолѣти, значитъ будто бы превзойти ее высотою полета, превысить ее).

в) *Буй*—гордый: сердьця въ буести закалѣны—значитъ гордыя, непокорныя, ретивыя.

г) *Буяти* высоко стоять, благоденствовать.

Провоpовскій не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на замѣча-

Потебни и *буй* переводитъ „отважный", а буесть и буйство одинаково *отвагою*.

Буиство (accus. sing. neutr.). См. **буи**.

Буистві (local. sing.). См. **буи**.

Буры (nom. sing. femin.).

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ XI—XIII вв. слово это отвѣчаетъ греческимъ:

1) λαῖλαψ, procella, вьюга, крутящійся вѣтеръ: **и сънидє боура вѣтрьна**—λαῖλαψ ἀνέμου (Лук. VIII, 23), **и бысть боура... вельа**—λαῖλαψ μεγάλη tib. IV, 37).

2) καταιγίς, procella: въ Пандектахъ Антіоха: **яко боура оружие его**—ὡς καταιγίς τὰ ἅρματα (гл. 36, л. 60 об.). **Повелѣ боури**—τῇ καταιγίδι (Пс. CVI, 29), **и ста дхъ боурныи**—πνεῦμα καταιγίδος ib. 25).

3) θυέλλα, procella: **не пристоупити къ... боури** — καὶ θυέλλῃ Евр. XII, 18).

4) χειμών, tempestas, непогода, ненастье. Такъ, въ повѣсти Флавія: **приключися въ нощь боура неиздреченная**—ἀμήχανος χειμών (Lib. V, c. IV, 5).

Въ памятникахъ литературно-повѣствовательной дружинной школы слово это является нерѣдко: такъ, въ лѣтописяхъ: Абье *буря* въста съ вѣтромъ (Лавр. стр. 21). Бысть *буря* велика и разби корабли Руси (ib. 150). Бысть *буря* велика, яка же не была николиже, и разноси хоромы и товаръ и клѣти и жита изъ гуменъ, и просто рещи, яко рать взяла и не осталося въ клѣтѣхъ ничтоже (Ип. стр. 19). ...ше бо того дни *буря* велика и студено вельми (Лавр. 417). Въ се... е (1301) лѣто бысть *буря* сильна, четыре церкви, изъ основанія ...верже (ib. 501). Бысть *буря* велика, по селомъ дубы содрало ...ь. 462). Творяй отъ *буря* тишину (ib. 338). Въ лѣтописномъ сборникѣ XVII в. (мой сп.) читаемъ: Въ лѣто 6914 (1406) въ нижнемъ Новѣградѣ бысть *буря* велия и вихоръ страшенъ; вземъ человѣка съ лошадью и с колесницею и понесе вверхъ. „В лѣто 7137 (1629)

буря со многихъ хоромовъ главы и крыши срывала и с мѣста на мѣсто до полуверсты и на версту переносила".

Въ народномъ пѣснотворчествѣ буря съ вихремъ называется *бурей*-подарой:

Ой, развейся *буря-падара!* (Пр. С. кр. ч. 1, стр. 35).

Въ „*Словѣ*" подъ бурею разумѣется именно эта буря-падара, λαίλαψ, θύελλα, procella, turbo, буйный вѣтеръ, сильный вихорь или, какъ онъ названъ въ „Причитаніяхъ", вѣтеръ *неудольныи* (ч. III, 134), т. е. не одолимый, съ которымъ не можетъ справиться даже могучій соколъ. (Не *буря* соколы занесе).

Что касается происхожденія самаго слова *буря*, то *Фикъ* сближаетъ съ лат. furia, греч. θυράω (W. 1, 163); *Миклошичъ* помѣщаетъ въ числѣ словъ заимствованныхъ, ссылаясь на греческое βορέας; *Меценауеръ* же доказываетъ славянское происхожденіе этого слова (C. Sl. 21; Будил. 14).

Бусымъ (instr. sing. masc.) бусови (nom. plur. masc.) бусово (accus. sing. neutr.) отъ бусын, бусовын.

Бусый и *бусовый* относятся между собою также, какъ буй и *буявый*.

Въ древнихъ переводныхъ памятникахъ слово бусын не встрѣчается, а потому объясненія его мы можемъ искать только въ живомъ языкѣ и памятникахъ народнаго пѣснотворчества.

Въ словахъ богатырскихъ читаемъ:

„Котора была мѣдь аравитская,
„Никогда она не *бусѣла*, ни ржавѣла", т. е. не темнѣла,
не чернѣла. (Гильф. столб. 1169).

Отсюда видно, что *бусѣть* значитъ терять свой естественный блескъ или цвѣтъ.

Въ народныхъ плачахъ:

Побусили жемчуги нонь перебраныи (Пр. Сѣв. кр. ч. 1, стр. 265).
Забусѣютъ жемчуги нонь перебраныи (ib. стр. 123).

Побусѣть, *забусѣть*—значитъ здѣсь *потемнѣть*, полинять отъ печали, отъ скорби, затосковать, загоревать.

Въ живой народной рѣчи *бусѣть* также бытуетъ въ значеніи переносномъ, по отношенію къ перемѣнѣ блеска или цвѣта, вслѣдствіе внутренняго возбужденія; говорятъ: „такой-то разозлился, ажно *побусѣлъ*", т. е. потемнѣлъ, измѣнился въ лицѣ (сообщ. Щеголенковъ).

Въ виду этихъ данныхъ мы полагаемъ, что *бусый* волкъ можетъ значить не просто сѣрый, но полинявшій отъ голода или злости, *хищный*, остервѣнившійся волкъ. По объясненію Щеголенкова *бусый* волкъ—сердитый волкъ.

Бусови врани точно также—*хищные* вороны.

Бусово время значитъ тоскливое, печальное время. (Ср. *сѣрая* т. е. ненастная, тоскливая погода).

Въ первомъ изданіи напечатано *босымъ* вм. бусымъ и *босови* вм. бусови. Это подало поводъ къ самымъ неестественнымъ и мало основательнымъ толкованіямъ.

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ, не понимая словъ *босый* и *босови*, совсѣмъ опустилъ ихъ въ своемъ переводѣ.

Малиновскій въ черновыхъ бумагахъ: *босымъ влъкомъ* перевелъ какъ *обезноженный* волкъ; *бусови же* оставилъ безъ перевода.

Въ первомъ изданіи „*босымъ волкомъ*" удержано безъ перемѣны; *босуви* также оставлено безъ вниманія.

Комментаторы:

Шишковъ: *босый* (волкъ) и *босуви* (врани) не представляютъ никакого удовлетворительнаго разуму.

Пожарскій: *босымъ* влъкомъ перевелъ быстрымъ; а *Босуви* производилъ отъ хана Буса.

Грамматинъ—передъ босымъ влъкомъ поставилъ *и* и читалъ такъ: и скочи съ него *и босымъ* влъкомъ потече. Въ *босуви* онъ видѣлъ ошибку вм. *боси*.

Бутковъ *босувый* производилъ отъ финскаго posaus—шумъ, шорохъ; босуви врани, въ его глазахъ, значило—*крикливые* вороны.

Снегиревъ: *бусъ* значитъ пьяный; существованіе *пьяныхъ* вороновъ принималъ и Погодинъ.

Дубенскій сближалъ между прочимъ слово *босый* съ малороссскимъ *басый* (басистый); откуда глаголъ *басовать*—на одномъ мѣстѣ не постоять и потому: *босымъ* перевелъ: быстрымъ влъкомъ. *Бусови же* онъ читалъ и переводилъ—бѣсови.

Максимовичъ—„*бусови* врани" сначала также читалъ и переводилъ *бѣсовы*, а за тѣмъ доказывалъ, что вороны названы бусовыми отъ Бусой горы подъ Кіевомъ.

Буслаевъ и Ербенъ вмѣсто *бусови* читали *бѣсови*.

Вяземскій въ *босуви* предполагаетъ: во соүи—суетные, вздорные или соүпи, сжп—γυψ, или сүви—проводники въ адъ.

Миллеръ Всев. *босуви* читаетъ *бусови* и предполагаетъ въ нихъ сѣродымчатыхъ воронъ.

Потебня—*бусови* принимаетъ въ мѣст. пад. и производитъ отъ Бусово, усматривая въ немъ вслѣдъ за Максимовичемъ урочище *Бусову* гору или *Бусовицу* подъ Кіевомъ. *Босымъ влъкомъ*, замѣчаетъ онъ, читаютъ *бусымъ*, но для этого въ „Словѣ" есть обычный эпитетъ *сѣрый*. Волчій слѣдъ отчетливѣе собачьяго, такъ что о волкѣ можно сказать: „босоі ноги слід пише". Но вѣдь для того Игорь и превращался въ волка, чтобы не было никакихъ слѣдовъ и чтобы можно было убѣжать отъ погони за нимъ Половецкихъ хановъ. Въ чтеніи текста въ данномъ мѣстѣ Потебня слѣдуетъ Грамматину.

Смирновъ: *бусови* сближаетъ съ ханомъ Бусомъ, предполагая его существованіе, на основаніи географическаго названія: „*Бусовъ яръ*" Этого хана выдумалъ *Пассекъ* (см. Русс. Ист. Сб. т. III, стр. 227).

Прозоровскій: сопоставляя камчатскій смыслъ слова *бусъ* (мелкій дождикъ) съ Костромскимъ (*бусая* кошка — сѣродымчатаго цвѣта) предполагаетъ, что въ примѣненіи къ человѣку, оно означаетъ глаза, потерявшія ясность отъ винныхъ паровъ. *Бусови* врани — значитъ пьяныя, неистовыя, иступленныя; эти вороны суть-де миѳическія существа.

Бы въ сравнительныхъ предложеніяхъ отвѣчаетъ Греческому ς ὅτε, кабы, какъ будто бы, словно какъ, или же: ὡς ἐμοί, ὡς ἐμοί—кажись (думается мнѣ). Бы такимъ образомъ служитъ къ вы-жєнію личнаго мнѣнія въ уступительной формѣ, предполагающаго нако общеизвѣстность, безспорность и очевидность высказываемой тины.

Подобное употребленіе *бы* встрѣчаемъ мы въ „Словахъ" бога-рскихъ:

„Сѣделышки были на золотѣ,
„Сапожки на ножкахъ—зеленъ сафьянъ,
„Кафтаны на молодцахъ голубъ скурлатъ,
„Колпачки—золотые верхи:
„Молодцы *бы* на коняхъ *бы* свѣчи-де горятъ,
„Кони подъ ними *бы* соколы *бы* летятъ (Рыбн. III, стр. 121).

Здѣсь *бы* является именно въ значеніи: кажись, какъ будто бы, вно какъ.

Кажись, молодцы на коняхъ *будто* свѣчи горятъ
Кажись, кони подъ ними, *словно* соколы летятъ.

Въ „Словѣ" *бы* значитъ тоже самое: *словно какъ*, *кажись*. Вы-ая чрезъ *бы* свою личную мысль, Игорь предполагаетъ однако, она несомнѣнно раздѣляется всей дружиной. Луцe жъ *бы*—т.-е. ше *кажись*" изрублену быть, чѣмъ быть въ полону. Предположе-что эта истина раздѣляется всѣми, даетъ ему право продолжать такомъ родѣ: „ну — такъ сядемъ же, братья на борзыхъ коней" д.

Ганка, Снегиревъ *бы* превращали здѣсь въ *ны*, но г. Смирновъ вательно замѣтилъ, что тогда и глаголы: „потяту быти, полонену і" необходимо превратить во множеств. число: потятымъ, полоне-ъ быти".

Потебня также *бы* считаетъ здѣсь лишнимъ: „можетъ быть, это ко описка, говоритъ онъ, вм. *быти*, которое помѣщено ниже". въ подлинникѣ *бы* здѣсь несомнѣнно находилось, такъ какъ въ нѣйшихъ Задонщинахъ оно удержано.

Бываетъ (praes. 3 pers. sing.) отъ **бывати**. γίνεσθαι, бе-находиться, состоять, пребывать.

Въ переведныхъ памятникахъ XI—XIII вв. весьма часто является это слово; такъ, въ Евангеліяхъ: **въ прітчахъ вся бываютъ** (γίνεται—Марк. IV, 11), **руками его бываютъ** (γίνενται—ib. VI, 2), **бываютъ послѣдняя злка** (γίνεται—Лук. XI, 25), **по едіному пісана бываютъ** (γράφηται—Іоан. XXI, 25).

Встрѣчаемъ это слово и въ той же грамматической формѣ: **мси богатьства бес плода бываеть** (Мѳ. XIII, 22).

Была (см. **быти**).

Были (см. **быти**).

Былинамъ (dat. plur. fem. antecedente praepositione по) отъ **былина**.

Въ древнихъ переводныхъ памятникахъ слово это не встрѣчается. *Былина* тоже что современное *быль*; *быль* и *дѣяніе*—въ народномъ языкѣ—слова однозначущія. Такимъ образомъ *былина* соотвѣтствуетъ Греческому: πρᾶξις, factum—событіе, фактъ, дѣйствительность.

Въ „Словѣ" *былина* является въ значеніи историческаго дѣла въ противоположность „старымъ словесамъ" поэтическимъ вымысламъ Боянова замышленія.

Въ наше время имя „*былины*" искусственно придано богатырскимъ пѣснямъ, которыя въ Олонецкой губерніи, этомъ родникѣ эпическаго творчества, отнюдь не называются былинами. Обычное народное ихъ названіе: *старина* или *старинка*. „Дѣдушко, говорятъ, скажи старинку". Достойно также замѣчанія, что изданная нами эпическая пѣсня о 7 богатыряхъ, ходившихъ въ царь-градъ, называется не былиною, а „Богатырскимъ словомъ".

Итакъ, богатырскія пѣсни должны называться или *Старинами* или „Богатырскими словами", а отнюдь не *былинами*.

Современное *искусственное* названіе этихъ пѣсенъ былинами подало поводъ г. Прозоровскому толковать выраженіе „Слова" по

нымъ въ томъ смыслѣ, будто „Слово" написано въ формѣ богатыр-ихъ *былинъ*.

Андріевскій выраженіе „по былинамъ" нашелъ нужнымъ вос-лнить прибавкою и „по дѣломъ". Очень можетъ быть, замѣчаетъ ъ, что *„по дѣломъ"* здѣсь пропущено. Это *„можетъ быть"* служитъ него единственнымъ основаніемъ для совершенно не нужной вставки. ревность слова: *былина* видна изъ подобныхъ же географическихъ ценъ.

Былѫ (см. **бытн**).

Былими (instr. plur. masc. antecedente praepositione съ) отъ ль.

Древне-русскіе переводные памятники раскрываютъ для насъ рный смыслъ этого слова, служившаго такъ долго камнемъ претк-венія для всѣхъ толковниковъ. Въ Славянскомъ переводѣ Амартола ль отвѣчаетъ Греческому μεγιστάν: и се слышавъ мръ скоро посла ил своего къ немоу. Но въ другихъ памятникахъ, какъ напр. въ ятославомъ Изборникѣ 1076 г. тоже Греческое μεγιστὰν передается е не словомъ быль, но именемъ болѧринъ: „сотвори сеѥ и болѧрн-ѹ". Въ книгѣ Сираха μεγιστάνες также переведено болѩре (X, 24; I, 1; XXXIII, 18. Опис. Син. библ. ч. I, стр. 82). Въ спискѣ же ророковъ: οἱ μεγιστάνες—передается словомъ: вельможа (Ис. XXXIV, 2).

Такимъ образомъ быль, по древнѣйшимъ Славянскимъ памятни-мъ, μεγιστὰν—*бояринъ*, *вельможа*.

Далѣе въ *„Хроникѣ Малалы"* читаемъ: нюлии вѣщемъ высть ии своими—συγκλήτῳ; но тоже Греческое σύγκλητος въ Лѣствицѣ IV в. переведено словомъ боѩры: предъ всѣми боѩры—ἐπὶ πάσης γκλήτου (Опис. Син. библ. III, стр. 200).

Отсюда видно, что подъ былемъ въ древности разумѣлся большой ояринъ, входившій въ составъ „боярской Думы". Этимъ именемъ зывались первые люди „извѣсты" какъ назывались они въ лѣтопи-хъ, доказавшіе свою опытность въ дѣлахъ государственныхъ и инскихъ продолжительною службою князю.

Итакъ, подъ Черниговскими былями въ „Словѣ" слѣдуетъ разумѣть старѣйшихъ, большихъ бояръ и опытнѣйшихъ воеводъ, которыхъ не было въ ополченіи, или помочи, данной Черниговскимъ Ярославомъ Игорю, состоявшей изъ однихъ Ковуевъ.

Эти *были*, входившія въ составъ Ярославовой Думы, какъ видно, составляли славу Черниговскаго княженія. Не даромъ, конечно, авторъ, связывая Ярослава съ этими *былями*, счелъ нужнымъ назвать ихъ еще особо былями *Черниговскими*.

Слово *быль* въ томъ же значеніи читается и въ Супр. рукоп.: не боиса былю; видиши ли былю; бѫди былѭ (Вост.).

Первые издатели угадали смыслъ этого слова и *были* перевели „боярами".

Шишковъ замѣтилъ: „слово быль не скрывается ли въ нынѣшнемъ *бобыль*?"

Вельтманъ выразилъ предположеніе: *быль* не значитъ ли „колонистъ". Король Польскій далъ (Русскимъ) княгинямъ на *избылие* городъ Витебскъ. *Были* онъ перевелъ: Черниговская чернь.

Снегиревъ *быль* производилъ отъ слова *болій*, вящій, большій речью, личбою.

Бодянскій: *быль* значитъ былдй, бывалой, опытный воинъ.

Дубенскій: *были* не толи же, что Ковуи Черниговскіе?

Павскій подъ именемъ *былей* разумѣлъ сначала „поселянъ".

Майковъ Ап. Слово *быль* отъ бояринъ; имъ означалась знатная молодежь, отправлявшаяся служить какому-либо князю тамъ, гдѣ была война.

Тихонравовъ *былей* сближалъ съ Греческимъ βοϊλάδες.

Прозоровскій повторяетъ мнѣніе блаженной памяти Шишкова, будто *быль* доселѣ сохраняется въ словѣ *бобыль*, одинокій, бездомный.

Быстрой (genet. sing. fem.) отъ **быстрый**.

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ слово это отвѣчаетъ Греческимъ:

1) ὀξὺς, acutus, острый, бойкій; такъ въ Пандектахъ Антіоха XI в.: обратаєть бо са и на слоужьбѫ быстры—εἰς διακονίαν ὀξὺς (сл. XXVI, л. 65). быстръ ногама своима—ὁ ὀξὺς (Ам. II, 15).

2) ἐντρεχής—celer ingenio, находчивый: **въ всѣхъ дѣлѣхъ своихъ буди быстръ**—γίνου ἐντρεχής (гл. LXXXVI, л. 186 об.).

3) κοῦφος, lévis—легкій: **быстрѣиши кони ихъ**—κουφότεροι οἱ ἵπποι (Іер. IV, 13).

4) Наконецъ Греческое ῥεῖθρον, flumen, переводилось **быстрина** (Вост.).

Какъ epithetum рѣки, *быстрый* особенно часто являются въ народномъ пѣснотворчествѣ:

Вотъ наступаетъ весна красная
Потекутъ да рѣчки *быстрыя*. (Пр. С. кр. ч. 1, стр. 69).
За рѣкою за *быстрою*
Лѣса стоятъ дремучія. (Черн. Еп. Вѣд. 1872, № 24).
Далеко во чистомъ полѣ,
Протекала *быстра* рѣка. (Чт. О. И. 1870, кн. 1, стр. 547).
Я пошла зарученая
Ко Двинѣ да рѣкѣ *быстрой*. (Тр. Этн. отд. кн. V, стр. 104).
„Онъ охочь вѣдь былъ падежная головущка
„Ходить—ѣздить-то ко *быстрымъ* ко риченькамъ. (Пр. С. кр. ч. 1, стр. 282).

Течетъ по Русской землѣ рѣка, коей собственное имя: *Быстрая* (Ист. Акт. III, 18, 260).

Въ „Словѣ"—*быстрый* epithetum рѣки Каялы.

Быти, εἶναι, esse, γίνεσθαι, fieri (verbum substantivum).

Въ „Словѣ" глаголъ этотъ является въ слѣдующихъ формахъ:

Бѣ (imperf. 3 pers. sing. indicat.).

Бѣше, быше, бышетъ (pro **бѣаше, бѣашетъ** imperf. 3 pers. sing. indicat.).

Бѣша (pro **бѣхѫ**, imperf. 3 pers. plur. indicat.).

Бысть (aor. 3 pers. sing. indicat.).

Было (perf. 3 pers. sing. indicat. pro descriptional. было есть.

Были (perf. descriptional. 3 pers. plur. indicat.).

Бѹдетъ (futur. 3 pers. sing. indicat.).

Былъ бы (conditional. perf. 2 pers. sing.).

Была бы (conditional. perf. 3 pers. sing.).

Во всѣхъ указанныхъ формахъ глаголъ этотъ встрѣчается и въ другихъ древнѣйшихъ памятникахъ XII—XIII вв. Сопоставимъ слѣдующія формы:

Бѣ—ἦν: не достоино бѣ (Мѳ. XII, 4). Въ „Словѣ: темно *бѣ*".

Бѧше—ἦν: ѩко близъ бѧше (Іоан. XIX, 42). Въ „Словѣ" не лѣпо ли... *бяшетъ*.

Бѣша: „при мори бѣшѧ" (Мрк. IV, I). Въ „Словѣ" „на болони *бѣша*",

Бысть ἐγένετο: распьрѧ бысть (Іоан. VII, 43). Въ „Словѣ" „брата не *бысть*".

Бѹдетъ — γένηται: да не боудетъ бѣгство ваше (Мрк. XIII, 18). Въ „Словѣ": „ни нама будетъ сокольца".

Бы была спасена всѧка плоть (Мрк. XIII, 20). Въ „Словѣ": аже *бы* ты *былъ*.

Бѣды (genet. sing. fem.) бѣды (accus. plur. femin.) отъ бѣда.
Въ древнѣйшихъ переводныхъ памѣтникахъ XI—XIII вв. слово это отвѣчаетъ Греческимъ:

1) ἀνάγκη, necessitas, pressura—нужда: боудеть бо бѣда велья—ἀνάγκη μεγάλη (Лук. XXI, 23); въ Псалт. XIII—XVI в. и ѿ бѣдъ моихъ

пасе и—καὶ ἐκ τῶν ἀναγκῶν (Пс. cvi. 19). Въ Паренесисѣ Ефрема Сири-
іа и Сборникѣ попа Хрѣна XV в. также: въ бѣдах ἐν ἀνάγκαις (л. 177).
Но тоже ἀνάγκη—уже въ XI в. переводилось и другими словами: такъ
въ Апостолѣ XIV в. читаемъ: или ѿ бѣды — ἐξ ἀνάγκης, а въ Сбор-
никѣ 1076 г. отъ ноужда (2 Кор. IX, 7). Въ Апостолѣ XIII—XIV в.
не имы бѣды—ἀνάγκην; въ переводѣ же Св. Алексія здѣсь стоитъ: ноу-
жа (I Кор. VII, 37). Наконецъ тоже ἀνάγκη—переводилось и сло-
вомъ неволи. Такъ въ Галицкомъ читаемъ: ноужа бо есть прїти; въ
Юграф. XI в. и Конст. 1383 г. неволя, или неволя есть—ἀνάγκη γάρ
ἐστιν (Мѳ. XVIII, 7).

2) κίνδυνος, periculum—опасность. Въ Панд. Ант. XI в.: велицѣ
подълежить бѣдѣ лѣностьнѣ слоужаи—μεγάλῳ κινδύνῳ (с. 88, л. 190).
Въ Изборникѣ Святослав. 1073 г. и плавающимъ бѫдоуть въ бѣдѣ—
ἐν κινδύνῳ. (Изд. О. И. и Др. 149).

3) μάστιξ, flagrum, scutica, наказаніе, рана. Такъ въ древнѣй-
шихъ Евангеліяхъ: иже имяхоу бѣды——μάστιγας; съ XIV в. здѣсь
же раны. (Мрк. III, 10).

4) ταλαιπορία, molestia—печаль, тяжесть; такъ въ книгѣ Проро-
ковъ: бѣда ѿ бѣды приходить—ταλαιπορία ἐκ ταλαιπορίας ἥξει (Іоил.
, 15).

5) πόλεμος, proelium, сраженіе, война; такъ, въ повѣсти Фла-
вія: и ина бѣда въста въ їерлимѣ (л. 137 об.) ἄλλος τοῖς ἱεροσολύμοις
πόλεμος (Lib. IV, c. IX, 3).

6) βία (pro βιαιότης), violentia, насиліе, неволя: „ко ясирию бѣ-
дою обѣдомися" βία ἤχθησαν; въ исправленныхъ пер. „нуждею" (Ис.
Л, 4). См. неволя.

Въ повѣствовательной литературѣ Кіевской дружинной школы
слово это читается нерѣдко: такъ, подъ 866: буря изби я, яко мало
отъ таковыя бѣды избѣгнути (Лавр. стр. 21). Въ посланіи Мономаха:
многы бѣды пріяхомъ отъ рати и отъ голода (Ib. 240). Многы бѣды
пріимъ (Ярополкъ) безъ вины изгонимъ отъ братья своея, обидимъ
разграбленъ прочее. (Ib. 200). „Княже! смирися съ стрыемъ своимъ;
землю свою избавишь отъ великія бѣды. (Ib. 305). Видѣвше князя
своего въ велику бѣду впадша, зане обиступленъ бѣ ратными (Ib. 308).
Есть притча и до сего дня: бѣда, акы въ Роднѣ (Ib. 76). Вписахомъ

памяти ради Русскыхъ князей и *бѣды*, яже бысть имъ (отъ поганыхъ. Ib. 477).

Слово „бѣда" встрѣчаемъ и въ народномъ пѣснотворчествѣ. Такъ въ народныхъ плачехъ:

Все я думала побѣднымъ своимъ разумомъ,
Знать, *бѣда приде* побѣднымъ намъ напрасная,
Пожаръ тамъ па хоромное строеньице,
Либо моръ да на любимую скотинушку;
Не начаялась, побѣдна, не надіялась,
Што потопъ буде на синемъ на Онегушкѣ. (Пр. С. кр. ч. I, стр. 264).

Ужъ ты, ясное солнышко,
Ты взойди, взойди со полуночи,
Штобы батюшку
Не во тьмѣ сидѣть,
Не съ *бѣдой* горевать,
Не съ тоской вѣковать. (Яросл. Губ. Вѣд. 1889, № 54, стр. 4).

Бѣда олицетворяется въ народномъ сознаніи: она ходитъ и всюду разноситъ горе. Есть много пословицъ, относящихся къ бѣдѣ: „Гдѣ *бѣда* не шаталась, а къ намъ припатилась. Гдѣ *бѣда* ни была, а къ намъ пришла. Не ищи *бѣды*, сама тебя сыщетъ. *Бѣда* идетъ, *бѣду* ведетъ. Лиха бѣда — *бѣдѣ* прійти, а *бѣды* съ ногъ собьютъ. *Бѣда* не ходитъ одна, а съ побѣдушками. Пошла *бѣда*, растворяйтесь ворота. (Даль). *Бѣда* не по лѣсу, а по людямъ ходитъ (Насов.)

Въ „Словѣ" *бѣда* является: 1) въ значеніи—πόλεμος, ἀνάγκη, βία бой, насиліе, неволя. *Бѣды* пасетъ птиць. Бѣда идетъ вмѣстѣ съ полками Игоря; завидѣвъ се, хищная птица не спускаетъ съ нее глазъ, опасаясь упустить изъ виду свою добычу. (См. пасетъ птиць).

Некрасовъ полагалъ, что въ выраженіи: „*бѣды*" пасетъ птиць, кѣды nominativus, вм. *бѣда*, какъ мюбы, юркы; но, помимо другихъ синтаксическихъ затрудненій, для подобнаго чтенія—кѣды (in nominat.) вм. кѣда не встрѣчается основаній ни въ письменныхъ памятникахъ, ни въ народномъ пѣснотворчествѣ, ни въ живыхъ нарѣчіяхъ и поднарѣчіяхъ.

2) Въ значеніи опасностей, испытаній—κίνδυνος, μάστιξ, равно какъ въ значеніи воинскихъ страдъ и неудачъ, притѣсненій и насилій νάγκη, βία): „часто бѣды страдаше“.

Напрасно г. Потебня сомнѣвается въ возможности правильнаго четанія глагола: страдати cum accusativo бѣды. (См. страдаше).

Слово *бѣда* сказалось и въ исторической географіи: есть урочи-: и угодье на р. Волховѣ съ именемъ *Бѣдище* (Ист. Ак. III, 200). ть и прозвище: *Бѣда.* Крестьянинъ Иванъ „*бѣда*“ здравствуетъ и нынѣ въ селѣ Выксѣ. (Чер. у. Нов. губ.).

Бѣжать (praes. 3 pers. plur. indicat.) **бѣжить** (praes. 3 pers. g. indicat.)—отъ бѣжати—φεύγειν, fugere, двигаться ускореннымъ гомъ, нестись въ другое мѣсто, обращаться въ бѣгство, удаляться ь погони.

Въ Панд. Ант. XI в. читаемъ: добро же бѣжати—καλὸν δὲ φυγεῖν . 48, л. 107). пасущіи бѣжаша (Мѳ. VIII, 33); въ книгѣ Проро-ъ: бѣжите и спасите—φεύγετε καὶ σώσετε (Iер. XLVIII, 6) бѣжаще не ша—φεύγοντες οὐκ ἔστησαν (Наум. II, 8). Читается этотъ глаголъ и тѣхъ же грамматическихъ формахъ: XI—XIII вв.: а наемникъ бѣ-ъ—φεύγει (Іоан X, 13) бѣжать ѿ него—φεύγονται (ib. 5).

Въ Лѣтописяхъ: Хотяше (Ярославъ) *бѣжати* за море (Лавр. . 140). Угри же, яко *бѣжаще*, минуша Бопяка (ib. 261). Всеславъ *бѣжалъ* (ib. 169). *Бѣжа* Игоревичъ Давыдъ (ib. 198). Половци, шавше походъ, *бѣжаша* и съ вежами къ морю (ib. 394).

Въ живой народной рѣчи говорится: „Конь *бѣжитъ*, земля дро-ъ“. Задумалъ *бѣжать*, такъ нечего лежать. „*Бѣжать*, такъ не ять. Скоро *бѣгутъ*, такъ заднихъ не ждутъ. *Бѣжать* опрометью, *кать*, сломя голову.

Въ „Словѣ“ *бѣжать:* 1) въ значеніи обратиться въ бѣгство, мчаться погони (Гзакъ *бѣжитъ* сѣрымъ влъкомъ). 2) въ значеніи быстро гись, ускоренно двигаться (Галици стады *бѣжать* къ Дону Вели-у). Глаголъ *бѣжать*—по отношенію къ галицамъ указываетъ здѣсь ожительное уподобленіе Половцевъ галичьимъ стадамъ и потому сѣмъ не умѣстно передѣлывать это предложеніе на отрицательное соотвѣтствіе предъидущему: „не буря соколовъ занесла“, какъ то

допускаютъ Павловъ (Бицинъ) и Вс. Миллеръ, читая „не" галицкаго *бѣжать*.

Татищевъ лѣтописное *бѣжать* замѣнялъ глаголами: 1) уйти (Росс. Ист. 60, 100, 101, 119). 2) *уѣхать* (137, 139, 193). 3) поѣхать (ib. 189).

Бѣла (nominat. sing. fem.) **Бѣлымъ** (instr. sing. masc.) отъ бѣлъ—λευκός, albus, свѣтлый, въ противоположность темному и черному.

Въ Евангеліяхъ XI—XIII в. читаемъ: власа бѣла—τρίχα λευκή (Мѳ. V, 36) одѣяние бѣло—ἔνδυμα λευκὸν (ib. XXVIII, 3) ризы бѣлы—ἱμάτια λευκά (ib. XVII, 2; ср. Марк. IX 3).

Въ Панд. Ант. XI в. власа бѣла (гл. 62, л. 134 об.).

Въ живой народной рѣчи говорится: „Бѣлъ, какъ лунь". Изъ черного не сдѣлать *бѣлаго*.

Слово *бѣлъ* бытуетъ во множествѣ географическихъ названій, относящихся къ озерамъ, рѣкамъ, ручьямъ, городамъ, селеніямъ и урочищамъ. Таковы напр. „*Бѣловоды*",—озеро (Ист. Ак. V, 4, 292), *Бѣлоозеро* (ib. I, 218; II, 201; III, 13). *Бѣлая Волокша* рукавъ Волги (ib. II, 425) *Бѣлоручье* урочище въ Двин. у. (ib. II, 92; III, 293) *Бѣлой* ручей въ Вологод. у. (ib. I, 312) *Бѣлой* городъ и уѣздъ (ib. II, 202—203) *Бѣлая Слюда* въ Верхот. у. (ib. IV, 19) *Бѣлое* село Бѣжец. у. (ib. IV, 319) и въ Пошехоньѣ (ib. II, 179, 193) *Бѣлый Яръ* на Волгѣ (ib. IV, 422) *Бѣлый Камень*—урочище въ Кольск. волости (ib. IV, 549) *Бѣлуха*—пустошь въ Новоторж. у. (ib. IV. 240)

Въ „Словѣ" *бѣлый* 1) epithetum хоругви. Ткань Половецкаго знамени была *бѣлаго* цвѣта, но на бѣломъ полѣ, могли быть, конечно, и какія нибудь символическія изображенія. (См. хоругвь).

2) epithetum гоголя. Гоголь называется *бѣлымъ* и въ народномъ пѣснотворчествѣ. (См. гоголь).

Бѣлаграда (genet. sing. masc. antecedente praepositione из) отъ бѣлъ градъ—городъ въ Кіевской губ. Въ лѣтописяхъ упоминается начиная съ X по XIII в. Подъ 980 г. „Наложьницъ бѣ (у Володиміра) 300 в *Бѣлѣгородѣ* (Лавр. подъ 991 г.). Въ лѣто 991 заложи

радъ *Бѣлъ-городъ* и наруби въ нь и отъ инѣхъ городовъ много люій сведе в онь; бѣ бо любя градъ сь (ib. 119); подъ 997 г. „Печеези сташа около *Бѣлагорода* (ib. 124—126); подъ 1069 г. Всеславъ риде *Бѣлугороду* и, бывши нощи, утаився кыянъ бѣжа изъ *Бѣлагорода* Полотьску (ib. 168); подъ 1097 г. „Ведоша (Василька) *Бѣлугороду* (ib. 250); подъ 1150 г. Идущу же (Изяславу) *Бѣлугороду*, Борисъ Георгевичь вибѣже изъ *Бѣлагорода*. (ib. 318); подъ 1151 г. Пришедшю же (Гюргеви), сташа у *Бѣлагорода*, исполчившеся, поидоша Киеву (ib. 315); подъ 1189 г. Князь великий Всеволодъ отда дчерь свою *Бѣлугороду* за Рюриковича Ростислаева (ib. 386); подъ 1206 г. Мьстиславъ Романовичь сѣде в *Бѣлѣгородѣ* (ib. 406); подъ 1207 г. ла вѣсть... *Бѣлѣгородѣ* затворися Мьстиславъ Романовичъ.

(Въ „Историч. Акт." см. IV, 325).

Въ „Словѣ" рѣчь о таинственномъ появленіи Всеслава въ *Бѣлѣгородѣ*.

Б'ѢЛ'Ѣ (dat. sing. fem. antecedente praepositione ПО) **отъ Б'ѢЛА**, **ѣ—бѣлка**.

Въ Толковомъ Ев. XVI в. читается: **кондратъ же есть елико два** —κοδράντης γάρ ἐστιν δύο λεπτά. Въ другихъ же переводныхъ ятникахъ греческое λεπτὸν передается словомъ; **вѣкъща**. Такъ, въ остроуѣ XVI в. **аще ко и кльми кто оубогъ есть, яко и двою вѣкр не имѣеть**—ώς δύο λεπτῶν μόνων μὴ εὐπορεῖν (Мѳ. V, 26 Вост.) Итакъ **бѣла**—λεπτὸν, minutum (т.-е. numisma), мелкая монета, ывавшаяся на Руси также *векшею*.

Въ Лѣтописяхъ читаемъ: „Козари имаху *по бѣлѣ* и вѣвирицѣ дыма", подъ 1068 г. Дворъ же княжь разграбиша, бещисленое жество злата и серебра, кунами и *бѣлью* (Лавр. стр. 167); подъ 5 г." Повелѣ Володимеръ метати паволоки и *бѣль* (ib. 276).

Въ Уставной Двинской грамотѣ 1398 г.: „А другъ друга перегъ... межу селъ, межа вины тридцать *бѣлъ*, а княжа межа—три жи бѣлъ". Въ Новгородской договорной грамотѣ съ королемъ: „А ть у черно кунцовъ по двѣ куницы и по двѣ *бѣль*, а слугамъ— і (И. Г. Р. VI, пр. 42).

Какую цѣнность имѣла *бѣла* въ XII в., точно не определено. По Новгородскимъ писцовымъ книгамъ XV в., замѣчаетъ Прозоровскій, *бѣла* равнялась двумъ деньгамъ Новгородскимъ, т.-е. 36 долям серебра, что составитъ на теперешнія деньги около 9 коп. серебра.

Первоначально *бѣли* имѣла, конечно, значеніе дани, отправляемой натурою. Въ высшей степени любопытна въ этомъ отношеніи сѣверно-русская легенда о Юрьѣ новоселѣ. Въ ней разсказывается, что Новгородцы сначала платили ему дань по половинѣ *бѣличьяго хвоста*, затѣмъ по хвосту, далѣе по цѣлой *бѣличьей шкурѣ*, и наконецъ онъ *бѣлку* перевелъ на деньги, (см. „Древне-русс. пред. о древ. Русс. ц. и кн." Древ. и Нов. Росс. 1887, кн. IX).

Половцы брали дань со двора послѣ пораженія Русскихъ также вѣроятно *бѣличьими* шкурами, подобно тому, какъ нынѣ сбирается дань Русскими съ народовъ Сибири.

Головинъ предполагалъ существованіе кожаныхъ денегъ въ Кіевской Руси XII в.

Слово *бѣлъ* сказалось и въ Исторической географіи, такъ есть *Бѣли* — село въ Городец. у. (Ист. Ак. III, 13) и *Бѣли*—сельцо въ Рузск. у. (ib. III, 158).

Бѣсови (dat. sing. masc.) отъ **бѣсъ**—δαίμων, δαιμόνιον, daemon, daemonium, ворогъ, лукавый, вражья—нечистая сила.

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памяникахъ XI—XIII в. весьма часто читается это слово: не оставлꙗше глати бѣсъ—λαλεῖν τὰ δαιμόνια (Марк. I, 34) и поверⷢ҇ъ и бѣсъ (Лук. IV, 35) поверже бѣсъ и сътрѧ (Лук. IX, 42) изіде бѣсъ дъщере (Марк. VII, 29) седмь бѣсъ изиде (Лук. VIII, 2) бѣсы изгонихомъ (Мѳ. VII. 22) изгна семь бѣсъ (Марк. XVI, 9) бысть же бѣсоу изгнаноу (Лук. XI, 14). Въ псалт. XII—XIII и положиша сны своꙗ... бѣсомъ—τοῖς δαιμονίοις (Пс. CV, 37); въ книгѣ Пророковъ; пожрыше бѣсомъ (Вар. IV, 7) кадатъ бѣсомъ—δαιμονίοις (Ис. LXV, 3).

Въ Лѣтописяхъ: Бѣси на злое всегда ловятъ (Лавр. 132). Единъ Богъ свѣсть помышленья человѣчьская, *бѣси* же не свѣдаютъ ничтоже, суть немощни и худи взоромъ (ib. 174) Сице ти есть *бѣсовская* сила

тѣмъ же прельщаютъ человѣкы, являющеся во снѣ, инѣмъ въ мечтѣ; и мужи бываютъ прельщени отъ *бѣсовъ* невѣрніи, яко се бысть Симонъ волхвъ, иже творяше волшьствомъ псомъ глаголати человѣчьски, и самъ премѣняется ово старъ, ово молодъ, ово ли и иного премѣняше во иного образъ. (ib. 145) Кіевскій печерникъ, Матвей прозорливый, обозрѣвая однажды братію въ церкви, увидѣлъ „*бѣса въ образѣ Ляха* въ лудѣ, носяща в приполѣ цвѣткы" называвшіеся „лѣпокъ": обходя братью *бѣсъ* раскидывалъ между ней эти цвѣтки; къ кому прильнетъ цвѣтокъ, тотъ уходилъ изъ церкви; засыпалъ и не возвращался до конца службы; а къ кому не прилипалъ, тотъ стоялъ крѣпокъ въ пѣніи и достаивалъ всю службу до конца. (ib. стр. 185) Золъ человѣкъ тщася на злое не хуже есть *бѣса, бѣси* бо Бога боятся, а золъ человѣкъ ни Бога боится, ни человѣкъ ся стыдить (ib. 132). И *бѣсъ* того не замыслитъ, еже человѣкъ замыслитъ (ib. 99). Горьше бо суть *бѣсовъ* таковіи (ib. 75).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

Не на смерть да было дитятко вѣдь рожено:
Кабы знала я про скорую смерётушку,
На *бѣсовскіи* бесѣды не спущала бы. (Пр. Сѣв. кр. ч. I, стр. 144).

Въ живой народной рѣчи говорится: „Вертится словно *бѣсъ* передъ завтреней. „Мелкимъ *бѣсомъ* разсыпается". Силенъ *бѣсъ*: и горами качаетъ, а людми, что вѣниками трясетъ. „Не надо и *бѣса*, коли ты здѣся". Навели на *бѣду*, какъ *бѣсъ* на болото. *Бѣсъ*—окаянный; *бѣсова* нога, *бѣсенокъ*... и т. п.

Въ „Словѣ" Половцы называются: дѣтьми *бѣсовыми* т.-е. отродьемъ самаго окаяннаго за ихъ непостоянство, коварства и бѣдствія причиняемыя Русской землѣ ихъ бѣсовскою злобою. Самый кликъ ихъ походилъ на кликъ бѣсовскій (См. кликомъ).

В.

Вами (instrum. plur. masc. antecedente praepositione **съ**) отъ **ты** (pron. 2 pers.). См. **ты**.

Васильковъ (adject. nomin. sing. masc).

Въ Лѣтописяхъ подъ 1132 г. упоминается *Василько*, Полоцкій князь, сынъ Рогволода Всеславича, вѣроятно внукъ Изяслава, того самаго, судьбы коего творчески изображены въ „Словѣ". Упоминаемый здѣсь „Изяславъ, сынъ *Васильковъ*", не былъ ли сыномъ этого *Василька* (См. **изяславъ**).

Васъ ὑμῶν (genet. plur. masc). отъ **ты** (См. **ты**).

Ваши (pron. nomin. plur. masc.) отъ **вашь** ὑμῶν, ὑμέτερος, vester. Ср. въ памятникахъ XI—XII вв. **сынове ваши** (Мѳ. XI, 47; Лук. XI, 19); **отьци ваши** (Лук. XI, 47; Іоан. VI, 49, 58); **ваши очи** (Мѳ. XIII, 16); **миръ вашь** (Мѳ. X, 13).

Ваю ὑμῶν (genet. dual.) отъ **ты** (См. **ты**).

Ваю pro **вашь** (См. **ты**).

Ведетъ (praes. 3 pers. sing. indicat.) отъ **вести**.

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ глаголъ этотъ отвѣчаетъ греческимъ:

1) ἄγειν, ducere: **и веде и въ иерслмъ**—καὶ ἤγαγεν (Лук. IV, 9); **ведахоу же ина два**—ἤγοντο (Лук. XXIII, 32).

2) ἀπάγειν, abducere: **и ведѣте и схранно**—καὶ ἀπάγετε (Мрк. XIV, 44).

3) φέρειν, trahere: **и ведеть аможе не хощеши**—καὶ οἴσει, ὅπου οὐ θέλεις (Іоан. XXI, 18).

Въ „Словѣ" глаголъ этотъ является въ первомъ значеніи: ἄγειν, ducere exercitum, предводительствовать войскомъ. „Игорь къ Дону вои *ведеть*". Отсюда видно, что авторъ «Слова» трактуетъ Игоря, какъ главнаго героя своей повѣсти: онъ, Игорь—руководитель похода, главнокомандующій войсками, предводитель всѣхъ воинскихъ силъ; по его мановенію движутся всѣ другіе полководцы.

Вежи (nomin. plur. fem.) отъ **вежа**, кочевая палатка, шатеръ, кибитка.

Въ Лѣтописяхъ весьма часто встрѣчаемся съ этими кочевыми *вежами*; подъ 898 г. Угри пришедъше къ Днѣпру сташа *вежами* (Лавр. стр. 24); подъ 1095 г. Святополкъ же и Володимеръ идоста на *вежѣ* и взяста *вежѣ* (ib. стр. 221); подъ 1096 г. у Варина *вежѣ* взяхомъ (ib. 240); подъ 1103 г. взяша бо тогда скоты и *вежѣ* съ избыткомъ и челядью (ib. 269); подъ 1112 г. доидоша града Сугрова, веемше *вежѣ* Половечскыѣ (ib. 275); подъ 1151 г. въ то время прибѣгли Берендичи съ *вежами* (ib. 315); подъ 1152 г. Мстиславу Изяславичю поможе Богъ на Половци, самѣхъ прогна, а *вежѣ* ихъ поима (ib. 322); подъ 1186 г. а (Русскіе) идутъ къ *вежамъ* (Половецкимъ); они же, не пустяче в *вежѣ*, срѣтоша ихъ и побѣждени быша Половци и биша я до *вежъ*; и стояще на *вежахъ* 3 дни, веселящеся (ib. 377); подъ 1186 г. Половци възвратишася со малымъ полономъ в *вежѣ* (ib. 379); подъ 1199 г. Половци же, слышавше походъ, бѣжаша и съ *вежами* къ морю (ib. 394); подъ 1202 г. тое же зимы ходи Романъ князь на Половци и взя *вежѣ* Половечьскыѣ (ib. 397); подъ 1206 г. того же лѣта ходиша князи Рязанскыя на Половци и взяша *вежѣ* ихъ (ib. 404); подъ 1215 г. одолѣша Половци самого Володимера (сына Влеволожа) ведоша въ *вежѣ* свои (ib. 417).

Отсюда видно, что Половцы, при всѣхъ своихъ воинскихъ движеніяхъ, какъ кочевники, захватывали съ собою и *вежи* со всѣмъ своимъ имуществомъ. Понятно, что если они болѣе всего оберегали

свои *вежи*, то съ другой стороны завладѣніе этими *вежами* считалось побѣдоноснымъ торжествомъ.

Въ ряду географическихъ именъ въ Кіевской лѣтописи еще подъ 965 г. значится: „Бѣла Вежа“ (Заутра идохомъ къ *Бѣлѣ Вежи* Лавр. 240). Въ Архангельской губерніи до-нынѣ *вежами* называются лопарскіе шалаши, сдѣланные изъ жердей, покрытыхъ хворостомъ.

Слово „вежа“, какъ принадлежащее кочевымъ, поганымъ народамъ, не было принято въ священный языкъ древнихъ переводовъ. Оно отвѣчаетъ греческому σκηνή, tabernaculum, tentorium — и въ древнѣйшихъ болгарскихъ переводахъ передавалось словомъ: „вомъ-могъ“, которое въ Русскихъ переводахъ съ XVI в. замѣнялось словомъ: коуща: и потъче коущю свою—ἔπηξεν τὴν σκηνὴν (Суд. IV, 11); въ новоисправленныхъ же текстахъ переводилось словомъ: шатеръ: и Кагоа ꙁаключи шатеръ ѿкнѣ—συνέκλεισε τὴν σκηνὴν (Іуд. XIII, 1) и вниде Кагоа и тъкне во дворъ шатра—τὴν αὐλὴν τῆς σκηνῆς (ib. XIV, 14).

Въ „Словѣ“ *вежа* является, какъ methonimia вмѣсто жителей вежи. Вежи ся Половецкіи подвизошася—т. е. кочевники—Половцы бросились въ погоню (см. подвизошася).

Мусинъ-Пушкинъ *вежи* перевелъ—заставы Половецкія.

Малиновскій удержалъ этотъ переводъ какъ въ черновыхъ бумагахъ, такъ и въ *первомъ изданіи*. Очевидно, первые издатели въ пониманіи этого слова слѣдовали лексикону Памвы Берынды, по объясненію коего *вежа* значитъ стóрожа (сторожка), или башня, гдѣ стражъ стережетъ. По мысли первыхъ издателей, замѣчаетъ Шишковъ, сторожа были разосланы въ погоню во всѣ стороны.

Всѣ послѣдующіе комментаторы подъ *вежами* разумѣли, какъ и слѣдуетъ, или шатры, кибитки, или же понимали ихъ, какъ станъ, лагерь воинскій.

Татищевъ лѣтописное *вежа* замѣнялъ словами:

1) *станъ* (Росс. Ист. 155, 202).

2) *жилище* (ib. 155).

3) *домъ* (ib. 202).

Велесовъ (acclam. sing. masc. adjectiv.) отъ **Велесъ**. Данныя о Велесѣ восполнимъ здѣсь слѣдующими указаніями. Въ Географич.

оварѣ западно и юго-славянскихъ земель Я. Головацкаго (Вильно, 84 г.) отмѣчены слѣдующія мѣстности съ именемъ *Велеса*: Vele-го—с. Краин. у. въ Краинѣ; Veles—въ западной Болгаріи (Маке-ніи) при впаденіи р. Тополи въ Средній Вардаръ—съ монастыремъ . Димитрія, новою церковію Св. Пантелеимона и старою Св. Спаса.

Русскія мѣстности съ именемъ Велеса указаны выше (I, 353). и нѣтъ основанія, говоритъ Потебня, считать не русскими формы, ъ *тебѣ*, *себѣ*, Несторово *Велыняне;* Мр. *велетень*, Вр. *пелевня*, *пелескань*, *велебей* (Чубин. Тр. Этн. Эксп. V, 557), стоящіе при ѣ, *собѣ*, *Волынь*, *волотъ*, *полова*, *полоскать*, *воробой*, то остается юятность, что и форму *Велесъ* авторъ „Слова" могъ узнать не изъ гарскихъ источниковъ (стр. 22).

Отмѣтимъ здѣсь еще весьма важный выводъ г. Крека относи-льно Велеса. Авторъ превосходнаго „Введенія въ Исторію Славян-хъ Литературъ", Крекъ въ „Архивѣ" Ягича помѣстилъ статью о есѣ подъ заглавіемъ: Beiträge zur Slawischen Mythologie Veles, os und Blasius. Онъ ратуетъ противъ того мнѣнія, будто имя осъ образовалось изъ христіанскаго имени Власія. Такое мнѣніе ѣрно и исторически и лингвистически. Самому смѣлому этимо-/ трудно изъ Blasios вывести форму *Велесъ;* не менѣе трудно ести и болѣе близкую, повидимому, форму *Волосъ*. Еслибы слово осъ было заимствовано, то по звуковому закону Русскаго языка, могло бы возникнуть только изъ формы Bàls или по крайней ѣ Bàlsios. *Волосъ* не болѣе, какъ только легкое измѣненіе формы *есъ* (Arch. f. Slav. phil. I, 134).

Великаго (gen. sing. masc.) **великая** (accus. plur. neutr.) **икхъ** (gen. plur. masc. antecedente praepositione **отъ**) **великое** us. sing. neutr.) **великому** (dat. sing. masc. antecedente praeposi-e **къ**) **великыи** (accus. sing. masc.) **великыи** (acclam. sing. masc.) **великыи** μέγας, magnus.

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ XI—XIII вв. слово кыи, какъ и греческое μέγας, въ разныхъ сочетаніяхъ принимало ія разнообразныя значенія: такъ, встрѣчаемъ:

1) въ значеніи *сильный:* и се троусъ велнкъ бы—σεισμὸς μέγ (Мѳ. VIII, 24) ср. печаль велика—θλῖψις μεγάλη (Мѳ. XXIV, 21) радостью велікою—χαρὰν μεγάλην (Мѳ. II, 10) гласъ велнкъ—φωνὴ μεγάλην (Мрк. XV, 37).

2) въ значеніи *многочисленный:* бѣже тоу стадо велье прі гор—ἀγέλη μεγάλη (Мрк. V, 11).

3) въ значеніи *крупный*, большихъ размѣровъ: изълете мрежю пълноу велікыхъ рыбъ—ἰχθύων μεγάλων (Іоан. XXI, 11).

4) въ значеніи *глубокій:* пропасть велья оутвьрдіса—χάσμα μέγ (Лук. XVI, 26).

5) въ значеніи *грандіозный, величественный:* відіши ли велікыя зданья—τὰς μεγάλας οἰκοδομὰς (Мрк. XIII, 2).

6) въ значеніи дѣла первостепенной важности: дѣло велико творю—ἔργον μέγα (Неем. VI, 3). Въ древнѣйшихъ паремейникахъ и мало показани быша. велнкаа въспріимѫ—καὶ ὀλίγα παιδευθέντες, μεγάλα εὐεργετηθήσονται (Пр. Сол. IV, 12).

7) въ значеніи величества, какъ высочайшаго титула: яко градъ есть велнкаго црѧ—τοῦ μεγάλου βασιλέως (Мѳ. V, 35).

Точно такое же разнообразіе въ значеніяхъ представляетъ сло *великій* и въ памятникахъ литературно повѣствовательной дружинн школы. Такъ, въ лѣтописяхъ встрѣчаемъ его

1) въ значеніи *сильный:* Бѣ гладъ *великъ* (Лавр. стр. 72); мятежъ *великъ* (ib. 144); створиста любовь *велику* (ib. 311); ужасть *велику* (ib. 268).

2) въ значеніи *многочисленный:* Времени минувшу, король с шеть рать *велику* (Ип. 159); топерво *великый* пълкъ идетъ (Лавр. 34

3) въ значеніи *славный*, блистательный: Богъ на врагы дастъ побѣду *велику;* придоша въ Русь с побѣдою *великою* (Лавр. 36

4) въ значеніи *отборный, драгоцѣнный:* украси храмъ Бого дицы жемчюгомъ *великимъ* (Лавр. 372); Мстиславъ же Данилу д дастъ *великыи* (Ип. 161).

5) въ значеніи *широкій, просторный:* Пристрои ю (церк *велікою* пристроею (Лавр. 202).

6) въ значеніи блага государственнаго, первостепенной важнос То, ти брате, *велико* добро створиши землѣ Русскѣй (ib. 267).

7) въ значеніи титула имени Божественнаго: Богъ *Великый* вложасть велику (Лавр. 268); се кляхся именемъ моимъ *Великымъ* стр. 96).

8) въ значеніи титула княжеской власти: *Велиціи* князья, какъ но изъ договора Олега съ Греками, сидѣли въ Кіевѣ, Черниговѣ, реяславлѣ, Полоцкѣ, Ростовѣ, Любечѣ и въ др. городахъ: по тѣмъ городамъ сѣдяху *Велиціи* князи подъ Олгомъ суще (Лавр. 30, ъ 907 г.). Жалостно же слышати, яко отецъ его честный Яровъ *Великый* (ib. 455).

Въ подобныхъ же значеніяхъ слово *великій* является и въ Словѣ“:

1) въ значеніи *сильный: великое* буйство подасть Хинови. Ср. въ ичитаніяхъ:

„И какъ *великая* тоска да разгорѣлася
„И на моемъ нонь на ретливоемъ сердечушкѣ“ (Пр. С. кр. III, стр. 216) (см. Буиство).

2) въ значеніи *многочисленный:* Кобяка выторже отъ *великихъ* ювъ Половецкихъ.

Ср. въ словахъ богарскихъ: Илья Муромецъ рубилъ—

„Эту силу поганую *великую*“ (Рыбн. I, стр. 119).

3) въ значенія *крупный, драгоцѣнный:* сыпахуть ми... *великый* угъ (какъ въ лѣтописи).

Ср. въ Причитаніяхъ: жемчугъ *скачоный, перебраный*, т. е. круп отборный.

4) въ значеніи *широкій*, раздольный: *великая* поля прегородиша, въ нар. поэзіи: *велико* раздольице—чисто поле.

5) въ значеніи *величественный:* не разъ въ такомъ смыслѣ Донъ вается *великимъ*, какъ широкій и глубокій, въ противоположность му Дону, Донцу, сравнительно мелкому и узкому (См. Донъ).

6) въ значеніи дѣла государственной важности: начаша князи малое: се *великое* млъвити.

7) Какъ титулъ божескаго имени: *Великому* Хрьсови путь преше.

8) Какъ титулъ велико-княжеской власти: *Великый* Ярослав; Святъславъ грозный *Великый; Великый* княже Всеволоде!

Предшествовавшіе комментаторы и переводчики, мало различ значеніе слова *великій* въ разныхъ сочетаніяхъ, большею частію ост вляли его безъ вниманія и удерживали его въ своихъ переводах безъ измѣненія. Вотъ какъ напр. толковали выраженіе: про малое се великое млъвити:

Мусинъ-Пушкинъ: „итакъ, начали о маломъ, какъ бы о вели комъ, ссориться".

Малиновскій какъ въ черновомъ переводѣ, такъ и въ перв изданіи удержалъ тотъ же смыслъ почти буквально.

Вельтманъ перевелъ: „ничтожность назвалась величьемъ".

Дубенскій: „и вотъ начали князья малое ставить въ велик

Прозоровскій: „и начали князья про малое толковать свысок

Прейсъ замѣтилъ, что эпитетъ *Великій* при Хръсѣ, соотвѣ ствуетъ эпитету *Господинъ* при Солнцѣ въ плачѣ Ярославны.

Отмѣтимъ наконецъ географическія имена, связанныя съ слово *великій:* оно получило весьма широкое примѣненіе въ географическо именословѣ: *Великое*—озеро (Ист. Ак. I, 308); *Великое*—село Яросл. у. (ib. II, 269); *Великое* на озерѣ *Великомъ* (ib. I, 308); *Великій Наволокъ*—Бѣлозерскій (ib. I, 304); *Великій Врагъ*—урочи при Волгѣ (ib. III, 183); *Великій Дворъ*—деревня въ Обонежс пятинѣ (ib. II, 72); *Великій* Новгородъ, *Велико*—Курскій станъ и т.

ВЕЛИТЪ (praes. 3 pers. sing. indicat.) отъ **ВЕЛѢТИ.**

Въ переводныхъ памятникахъ XI—XIII вв. глаголъ этотъ от чаетъ Греческимъ:

1) θέλειν, velle, optare, хотѣть желать: такъ, въ Пандект Антіоха XI в. читаемъ: не велимъ бо вамъ не вѣдѣти скорбе скръби нашея—οὐ γὰρ θέλωμεν (гл. XV, л. 63 об.) веля вамъ вы візити—βουλόμενος ἡμᾶς (гл. XV, л. 37). Въ Апостолѣ XIII—XIV не велю же вамъ не вѣти—οὐ θέλω δὲ (1 Кор. X, 1).

Съ XIV в. велѣти въ этомъ смыслѣ — стали замѣнять въ пере водахъ глаголомъ хотѣти. (См. напр. въ Нов. Завѣтѣ свят. Алекс

2) ἐπιτάσσειν, imperare, praecipire, предписывать, приказывать: такъ въ Евангеліяхъ: азъ ти велю изіди—ἐγώ σοι ἐπιτάσσω (Мрк. IX, 25).

Встрѣчаемъ здѣсь это слово и въ той же самой грамматической формѣ: велить и послоушають его—ἐπιτάσσει (Мрк. I, 27), велить нечистымъ духомъ и исходать (Лук. IV, 36), кътромъ веліть и водѣ и послоушають его (ib. VIII, 25).

Въ этихъ значеніяхъ читаемъ этотъ глаголъ и въ Лѣтописяхъ: *веляше* въпрячи женъ в телѣги, т.-е. приказывали (Лавр. стр. 11), и *велимъ* князю Рускому, (т.-е. повелѣваемъ) да ихъ не пущасть (ib. 50) и я что *велю* (т.-е. что я прикажу), вы створите (ib. 125). Се наведе на ны Богъ, *веля* намъ имѣти покаяніе (ib. 372) (т.-е. желая) чтобы мы покаялись.

Въ живомъ народномъ языкѣ говорится: „не живи, какъ хочется, а живи, какъ Богъ *велитъ*" т.-е. какъ Богу угодно. „Что *велятъ*, то и твори", т.-е. дѣлай, что приказываютъ.

Въ „Словѣ" велѣти является въ томъ и другомъ значеніи:

1) въ значеніи — ἐπιτάσσειν: Дивъ *велитъ* послушайте землѣ незнаемѣ.

2) въ значеніи θέλειν: Овлуръ... *велитъ* князю разумѣти.

Величія (genet. sing. neutr.) отъ **величіе.**

Въ переводныхъ памятникахъ XI—XIII в. слово это отвѣчаетъ Греческимъ:

1) μεγαλεῖον, magnum: яко сътвори мнѣ величие сильный—μεγαλεῖα (Лук. I, 49).

2) μεγαλειότης, magnitudo: дивляхоу же ся вси о величьи божьи — ἐπὶ τῇ μεγαλειότητι (Лук. IX, 43).

Въ Лѣтописяхъ: Вси възглаголють языци *величья* Божья (Лавр. стр. 27). Ради быша Словени, яко слышаша *величья* Божия своимь языкомь (ib. 26).

Въ „Словѣ" *величіе* является въ значеніи торжества и славы: „Донецъ рече: княже Игорю не мало ти *величія*, т.-е. торжества". Игорь отвѣчалъ: „о, Донче, не мало ти *величія*, т.-е. не мало славы и тебѣ)

Велми (adverbium)—λίαν, valde, весьма. Въ Пандектахъ Антіоха XI в. **вельми полезно**— λίαν ἐποφελὲς (гл. 102, л. 220). Въ Златоструѣ XVI в.: **аще бо и кльми кто оубогъ есть** (л. 150).

Въ Лѣтописяхъ: бяше бо того дни буря и студено *вельми* (Лавр. стр. 471). Бысть знаменье въ солнци и морочно *велми* (ib. 376).

Въ „Словѣ": другаго дни *велми* рано.

Венедици (nom. plur. masc.) отъ **венедикъ**. Венедици—Венеціанци. Въ имени этого народа удерживается та же форма, что и въ названіяхъ Русскихъ племенъ — Вятичи, Угличи и т. п. Въ Кіевской лѣтописи народъ этотъ упоминается на первыхъ же страницахъ: Афетово бо и то колѣно... Римляне, Нѣмци... *Веньдици* (Лавр. 4).

Въ 1489 году, когда была послана грамота Максимиліану, велѣно было соболей продать на золотые на *Венедитскіе* или Угорскіе. Въ 1490 г. Максимиліановы послы поднесли въ даръ Іоанну бархатъ *Венедицкой*, темно-синь гладокъ, тысяча златыхъ *Венедицкихъ*. Венеціане, замѣчаетъ Карамзинъ, узнали Россіанъ чрезъ Константинополь со времени крестовыхъ походовъ (И. Г. Р. III, прим. 238. Дуб. 110).

Венгрія и Богемія хорошо были извѣстны Русскимъ въ XII в. Въ Галичѣ были Нѣмецкія ворота, т. е. застава, чрезъ которую шла дорога въ Нѣмецкія земли. Въ земли сіи ходили не только князья и воины, но, вѣроятно, и торговцы.

Кіевская лѣтопись непререкаемо свидѣтельствуетъ, какъ далеко простиралась тогда слава Русскихъ побѣдъ надъ погаными Половцами; такова напр. была побѣда Мономаха въ 1111 году: слава о ней „пройде по всѣмъ странамъ дальнимъ, рекуще ко Грекомъ и Угромъ, и Ляхомъ и Чехомъ, доиде же и до Рима".

Наши старые скептики позорно преткнулись о камень слова „*Венедицы*".

Вережени (accus. plur. masc. particip. imperf. passiv.) отъ **вережсинъ**.

Въ переводныхъ памятникахъ XI—XII вв. глаголъ **вредити** отвѣчаетъ Греческимъ:

1) βλάπτειν, laedere, портить, повреждать: бѣсъ... изїде из него, нікако же не врѣжъ его—μηδὲν βλάψαν (Лук. IV, 35), аще и сьмртьно что испьють. нічто же ихъ не врєдїть—οὐ μὴ βλάψῃ (Мрк. XVI, 18). Глаголъ этотъ употреблялся и въ смыслѣ переносномъ; ни чѣмь же отънѫдь врѣждаася—μὴ δὲ βλάπτεσθαι (Панд. Ант. XI в. гл. 20, л. 50 об.).

2) ἀδικεῖν, nocere, наносить вредъ, повреждать; се дахъ вамъ власть настоупати... на всю сїлоу врага. и нічтоже васъ врєдїть — οὐ μὴ ἀδικήσῃ (Лук. X, 19).

Въ Кіевской лѣтописи встрѣчаемъ выраженіе, заимствованное изъ Амартола: „птицамъ, могущимъ *вредити* человѣкы" (у Георгія Амартола: βλάπτειν... ἀνθρώπους... стр. 334). „Яко не *врежатися* человѣкомъ отъ нихъ" (Лавр. стр. 39).

Глаголъ этотъ въ литературно-повѣствовательныхъ произведеніяхъ дружинной школы употреблялся безразлично какъ въ краткой, такъ и полногласной формѣ. Такъ въ посланіи Мономаха читаемъ: „Не *врежени* доидохомъ Переяславлю (Лавр. 240). Богъ не *врежена* мя съблюде и руцѣ и нозѣ свои *вередихъ*, въ уности своей *вередихъ* ib. стр. 242).

Въ народномъ творчествѣ видимъ тоже самое:

„А вы красны дѣвицы!
„Сами себя потыните,
„Другъ друга не *вередите*" (Тр. Этн. Отд. кн. V, стр. 131).

Въ „Словѣ" мечи внуковъ Всеславовыхъ называются *вережеными*, т.-е. попорченными, негодными; въ переносномъ же смыслѣ: постыдными.

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ слово *вережени* оставилъ безъ перевода.

Толкованія другихъ комментаторовъ (см. выше, ч. II, стр. 249).

Веселы (nomin. sing. fem.) **весели** (nom. plur. masc.) **веселыми** (instr. plur. fem.) отъ веселыи, веселъ (adjectiv); φαιδρός, hilaris, сіяющій, довольный, радостный. См. веселіе.

веселїе (accus. sing. neutr.) **веселїа**, **веселїи** (genet. sing. neutr.) **отъ веселїе.**

Въ переводныхъ памятникахъ XI—XIII вв. слово это **отвѣчаетъ** Греческимъ:

1) εὐφροσύνη, laetitia, утѣха, отрада, радость. Такъ, въ Пандектахъ Антіох. XI в. **яко наплъниши мя веселия**—πληρώσῃ εὐφροσύνῃ (гл. 118, л. 267). Въ книгѣ Пророковъ: **престало веселие**—πέπαυται εὐφροσύνη (Ис. XXIV, 11) **тамо боудетъ веселїе птицамъ**—εὐφροσύνη ὀρνέων (Ис. XXXV, 7).

Ср. у Екклизіаста: **еже дръжати в веселїи**—ἐν εὐφροσύνῃ (II, 3): **приближаеса бо праведныхъ веселїе**—δικαίοις εὐφροσύνη (X, 28).

2) ἀγαλλίασις, exsultatio, воодушевленіе, ликованіе, восторгъ; такъ, въ Евангеліяхъ: **и боудеть тобѣ радость и веселїе** — χάρα καὶ ἀγαλλίασις (Лук. I, 14); ср. **радоуитеса и веселитеса**—χαίρετε καὶ ἀγαλλιᾶσθε (Мѳ. V, 12). Въ книгѣ Пророковъ: **на главѣ бо ихъ веселїе**—ἀγαλλίαμα (Ис. LI, 11).

3) ἑστίασις, εὐωχία, convivium, пиръ, угощеніе, гостибище. Такъ, въ повѣсти Флавія читаемъ: **поидоша к полатомъ на веселїе. в тои бо днь римъ празноваши побѣдныя на соупостаты** (л. 256 об.) εὐπρεπεῖς... αἱ τῆς ἑστιάσεως ἦσαν παρασκευαί—instructi erant lauti conviviorum apparatus (Lib. VII, c. V, 6). Въ Апостолѣ XIII—XIV в. **сїи ...веселаться с вами**—συνευωχούμενοι; въ списк. XIV в. **гостаще съ вами** (Гильф.); въ Острож. библіи: **съ вами адоущїи** (Іуд. I, 12).

Во всѣхъ этихъ значеніяхъ слово *веселіе* встрѣчаемъ и въ памятникахъ литературно-повѣствовательной дружинной школы:

1) въ значеніи *отрады, утѣхи, радости:* „Все далъ Богъ на угодье человѣкомъ и на *веселіе* (посл. Мономаха, Лавр. стр. 236) Руси есть *веселіе* пити не можемъ безъ того быти (ib. 83). Видѣвшася брата... и пребыста у велицѣ любви и въ *веселіи* (Ип. 39).

2) въ значеніи *воодушевленія*, восторга: „Страхъ нападе на Половцевъ и трепетъ отъ лица Русскыхъ вой, наши же съ *веселіемъ* (т.-е. съ геройскимъ одушевленіемъ) на конѣхъ и пѣши поидоша къ нимъ (Лавр. стр. 268).

3) въ значеніи *брачнаго пира, гостибища, угощенія:* Ростиславъ... вборзѣ ѣха къ отцу въ Вручій; отецъ бо его бяше въ Пинску, у

щи своей и у шурьи своей, тогда бо бяше *веселів* Ярополче, т.-е. адьба его (подъ 1190 г.). Поѣха Кондратъ изъ Луцка въ Гай; стиславъ же срѣте его съ любовію и начаша *веселитися*, т.-е. ощаться (подъ 1280 г.). Ту ловы дѣяша и обловишась множествомъ ѣрей... и пребыста въ *веселіи*, т.-е. въ пирахъ (И. Г. Р. III, пр. 74).

Въ „Словѣ“ точно также какъ и въ лѣтописяхъ веселіе является:

1) въ значеніи εὐφροσύνη: „чему, господине, *веселіе* мое развѣя, е. радость мою, утѣху сердца моего. Здѣсь подъ именемъ *веселія* зумѣется не нравственное только состояніе, но и самый предметъ о возбуждающій (ἀγαλλίαμα) т.-е. самъ Игорь — лада Ярославны милыми дѣтьми.

Ср. въ народныхъ плачахъ;

„Пріукрылось ноньку все твое *веселыице*
„Во матушку укрылось во сыру землю,
„Во погреба укрылось во глубокія (Прич. С. стр. I, 204).

2) въ значеніи ἀγαλλίασις: Донецъ рече; не мало Руской земли *еліа* т.-е. ликованія, восторговъ.

Ср. въ Причитаніяхъ: „Гуляньице буде со *весельицемъ*“ т.-е. съ кованіемъ, играми и пѣснями (ib. стр. 204).

3) въ значеніи εὐωχία: а мы, дружина, жадны *веселія*, т.-е. а въ хотѣлось бы побывать въ гостяхъ, попировать, потѣшиться на ру (см. пиръ, въ значеніи боя).

Прилагательное веселыи получаетъ въ „Словѣ“ соотвѣтствующія ченія: гради *весели*, т.-е. города *ликуютъ*, выражаютъ свои восторги; *веселыми* пѣсьми, т.-е. отрадными, радостными. Не *веселая* щина — безотрадная, печальная, время сѣтованія и скорби.

Всѣ предшествовавшіе комментаторы не различали разныхъ значеній слова *веселія* и потому переводъ данныхъ мѣстъ „*Слова*“ былъ всегда точенъ и выразителенъ.

веслы (instr. plur. neutr.) отъ весло, κώπη, remus, гребло, орудія движенія лодки.

Въ книгѣ Пророковъ читаемъ: ѿ васаниды створиша весла твоя —, ; κώπας σου (Iезек. XXVII, 6). Соотвѣтственно сему и гребцы

орудующіе веслами назывались весельщици—οἱ κωπηλάται (см. ib. ст. 26, 27, 28).

Въ лѣтописяхъ читаемъ: подъ 1151 г., бѣжа бо (въ лодьяхъ) гребьци гребуть не видимо, токмо *весла* видѣти".

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„Подрубили ивушку подъ самый корешекъ
„Сдѣлали изъ ивушки два *весла*.

„Въ руки брали мы *весельшика* дубовыи,
„Отправлялися за сине это морюшко. (Пр. С. кр. ч. I, стр. 253).

Въ „Словѣ": можеши Волгу *веслы* раскропити. О значеніи этого образа см. подъ словомъ раскропити).

ВЕТРѢХЪ. См. ВѢТРѢХЪ.

ВЕЧЕРА (gen. sing. masc. antecedentibus praepositionibus до, съ); вечеру (dat. sing.) отъ вечеръ ἑσπέρα—ὀψία, vesper, serum diei—пора при заходѣ солнца, вечернее время.

Въ переводныхъ памятникахъ XI—XII вв. читаемъ: вечероу сѫщю бывъше—ὀψίας γενομένης (Мѳ. XVI, 2; ср. XX, 8; XXVI. 20) въ тъ дьнь вечероу бывъшю (Марк IV, 35, ср. VI, XIV. 17) яко при вечерѣ юсть—πρὸς ἑσπέραν (Лук. XXIV, 29). Въ Ноябр. четьи-минеи XV в. съ вечера до свѣта поюще и глаголюще (л. 468).

Въ лѣтописяхъ подъ 1065 г. „звѣзда, сходящи *с вечера* по заходѣ солнечнѣмъ (Лавр. стр. 160); его же (дѣтища) позоровахомъ до *вечера* (ib. 160); съ *вечера* до заутрья бысть звѣздамъ теченье (ib. 161) то вѣси ли, что ли до *вечера* хощеть быти (ib. 176); стрѣляющимъ же ся имъ до *вечера* о лыбедь (Ип. 61); одва одолѣ Ярославъ къ *вечеру* (Лавр. 147).

Въ посланіи Мономаха: бившеся с Половци до *вечера* (Лавр. стр. 240).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ не рѣдко встрѣчаются выраженія:

„По утрышку по раннему,
„Да по позднему по *вечеру*. (Тр. Эти. отд. кн. V, стр. 103).

Въ „Словѣ": „съ заранія до *вечера*, это значитъ бой—продолжался ѣлый день. Си ночь съ *вечера*: сны обыкновенно снятся подъ утро; если е Святославъ съ вечера видѣлъ мутный сонъ, то это значитъ, что му, подъ вліяніемъ нравственнаго угнетенія, худо спалось всю ночь. *ечеру* зари", т.-е. вечерпія зори.

Възмоути (aor. 3 pers. sing. indicat.) отъ **възмутити**—*ταράσσειν*, turbare, взволновать, взбуторажить.

Въ переводныхъ памятникахъ XI—XIII в. читаемъ: **агглъ гнь къ ако времѧ.. възмоущаше водѹ**—*ἐτάρασσε τὸ ὕδωρ* (Іоан. V, 4). Въ нигѣ Пророковъ: **възмоущали море и творай шюмъ влънамъ его**—*ταράσσων τὴν θάλασσαν* (Ис. LI, 15). Въ Панд. Антіоха XI в. **клетание възмѫщаетъ мѫдраго** (гл. 39, л. 89 об.). Въ Апостолѣ XIII—IV. „**възмоутише вы словесы** (Дѣян. XV, 24).

Въ „Судѣ Любуши": „Че *мутиши* воду? Че *мутиши* воду стреюпѣну?

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„На синемъ морѣ волна бы не сходилася,
„Со желтымъ пескомъ вода бы не *мутилася*. (Пр. С. кр. ч. I, стр. 266).

Въ „Словѣ": „*възмуты* рѣкы и озеры"—образъ богатырскій: имъ ражается могущество Святослава на водахъ; со множествомъ вой, йствуя на озерахъ и рѣкахъ веслами, онъ волновалъ ихъ такъ, что да съ пескомъ мѣшалася (ср. ты бо можеши Волгу веслы раскропити).

Възыдоша (aor. 3 pers. plur. indicat.) отъ **възити** *ἀναβαίνειν*, cendere, взойти, подняться къ верху.

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ XI—XIII в. щыты, къ и греческое *ἀναβαίνειν*, всего чаще является въ примѣненіи къ

людямъ, въ значеніи *восходить*, *подыматься* на какую нибудь высоту (възіде на гороу—ἀνέβη. Мѳ. V, 1); но встрѣчается и въ примѣненіи къ растеніямъ: зьрно егда късѣано боудеть въздрастеть (так. възідеть—ἀναίβῃ (Марк. IV, 32).

Такимъ образомъ глаголъ възыти въ данныхъ случаяхъ отвѣчаетъ собственно Греческимъ: φύειν,—gignere, ἐκφύειν—nasci, ἀναφύεσθαι—prognasci и древне-славянскимъ: никнути, възникнути, возникать, давать ростокъ. Такъ, въ переводѣ Меѳодія Патарскаго: кора никла—т.-е. корень возникающій давшій ростокъ. (л. 101. Опис. Син. библ. ч. III, 24), или, какъ въ Пандектахъ Антіоха XI в. ксли ко стоудоками ... отъ пинистка въникають—ἀναφύονται (гл. V, л. 17 об.) Ср. въ Евангеліяхъ XI XII в. и въздрастеть тьрние—συμφυεῖσαι (Лук. VIII, 7) и прозябь сътворі плодъ—καὶ φυὲν (ib 8)

До нынѣ въ русской живой народной рѣчи глаголъ *взойти* бытуетъ въ этомъ самомъ значеніи: обыкновенно говорятъ: сѣмена не „*взошли*" или же озимь „*взошла*"; „*всходы* плохи" или же „*всходы*" сулятъ урожай.

Въ „Словѣ": „тугою *взыдоша*" т.-е. посѣянныя кости всходы: туга зезелѣнила, словно озимь.

Пожарскій думалъ, что „*взыдоша*" значитъ здѣсь „*подняли*" огорченые Половцы.

Видѣ (aor. 3 pers. sing. indicat.) отъ **видѣти**—ὁρᾶν, ἰδεῖν—videre, углядѣть, усмотрѣть.

Въ той же самой грамматической формѣ глаголъ видѣти весьма часто читается въ переводахъ XI—XIII вв. Такъ въ Евангеліи: тко видѣние видѣ—ἑώρακεν (Лук. I, 22) и видѣ раздѣльрася небеса—εἶδε (Марк. I, 10) възрѣвъ видѣ и рече—ἀναβλέψας εἶδεν καὶ εἶπεν (Лук. XIX, 5).

Въ „Словѣ": „възрѣ на свѣтлое солнце и *видѣ* и рече".

Здѣсь встрѣчаемъ этотъ глаголъ и въ формѣ: *вижду*, но мы, в силу указанныхъ соображеній, находимъ его здѣсь рѣшительно не умѣстнымъ и неизбѣжно требующимъ исправленія. (См. ч. I2 стр. 229). Тѣмъ не менѣе отмѣтимъ, что въ формѣ вижда (praes. 1 pers. sing. indicat.) глаголъ этотъ сказывается въ переводныхъ памятникахъ

XI—XIII вв. Такъ, въ Евангеліяхъ: ѩко древо вижю ходаща—βλέπω Марк. VIII, 24, сп. Зогр. Мар. и Юрьев.). Въ русскихъ спискахъ однако всего чаще читается: вижю, какъ и въ лѣтописи: не вижу его коня) боле того. (Лавр. стр. 38).

Вина (gel. sing. neutr.) вино (accus. sing.) отъ вино. οἶνος, vinum.

Въ Пандектахъ Антіоха XI в. читаемъ: ѩко вино всселаите срдце гл. 83, л. 175 об.). Въ тѣхъ же самыхъ грамматическихъ формахъ: ни вълиилють вина нова въ мѣхы ветхы—οἶνον νεόν (Мѳ. IX, 17) віна не имать піті (Лук. I, 15), и даахоу юмоу піті огорчено віно (Марк. XV, 23) всакъ чл҃къ преже доброе віно полагає (Іоан. II, 10). Замѣтимъ, что въ переводѣ Сираха οἶνος передано словомъ: медъ: въ медоу не моужаися. многи во погубилъ медъ (гл. XXI, 29; по сп. Моск. Д. Ак. XV в. № 162).

Въ Кіевской Лѣтописи читается: „князь унъ, любяй вино пити Лавр. стр. 136).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

Испивалъ да онъ хмѣльны эти напиточки. (Пр. С. кр. ч. I, стр. 273).
Запивался да онъ тамъ зелена *вина* (ib. 278).
Запивался то вѣдь онъ въ зелено *вино* (ib. 276).

Въ „Словѣ *вино* имѣетъ значеніе символическое: оно указывало на кровавую и смертную участь полковъ Игоревыхъ. Относительно связи винной чаши съ чашею смертною приведемъ здѣсь одно мѣсто изъ „Палеи." Скорбь и ужасъ Адама, увидѣвшаго въ Авелѣ перваго мертвеца и узнавшаго обращеніе перстнаго въ персть здѣсь выражены такъ: и на всякъ день прихождаше и зряше тѣло, зане *смертную горькую чашу хотя испити.* (Чт. Об. И. и Др. 1881, 1). Тоже читаемъ и въ принадлежащей намъ повѣсти о раззореніи Углича: игу-менъ.. изъбра себѣ, иже хотаху съ нимъ пити смертную чашю двадесать осмь братокъ (л. 18). См. пиръ.

Вихръ (nom. sing. masc.) λαῖλαψ turbo, буйный, кружащійся вѣтеръ, ураганъ. (См. боура). Въ дополненіе къ сказанному о *бурѣ*,

замѣтимъ, что въ переводѣ Премудр. Соломон. читается: яко вихорь развѣетъ ихъ—ὡς λαῖλαψ (гл. V, 24).

Въ Лѣтописномъ Сборникѣ подъ 1406 г. „в нижнемъ новѣградѣ бысть буря велия и *вихоръ* страшенъ; вземъ человѣка съ лошадью и с колесницею и понесе вверхъ". Подъ 1629 г. „бысть *вихоръ* зѣльно великъ и дождь презѣланъ и молнія преужасна".

Въ народномъ пѣснотворчествѣ такъ изображается *вихорь:*

„Подымалася погода не померная
„Вврутѣ буйны эты вѣтрышки завіяли,
„Съ тороками эты вѣтры да вѣдь съ западомъ;
„Со хорымышковъ соломы посрывало,
„Со могилушекъ кресты всѣ сокидало. (Пр. С. кр. ч. 1, стр. 253).

Въ „Словѣ": яко *вихръ* выторже, т.-е. словно ураганъ.

Владимїръ, Володимиръ (nomin. sing. masc.) **Владимїра** (genet. sing.) **Владимера** (genet. sing. antecedente praepositione **отъ**) **Владимїру** (dat. sing.).

Съ этимъ именемъ въ „Словѣ" являются князья:

1. Владиміръ Мономахъ. Авторъ относитъ его къ „первымъ князьямъ", къ старой эпохѣ, воспѣтой Бояномъ и потому называетъ его Владиміромъ *старымъ*. Имя его онъ ставитъ на грани, съ которой начинается эпоха нынѣшняя, время Святославово и Игорево. „Почнемъ же, братіе повѣсть сію отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря". Того стараго Владиміра не лзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Кіевскимъ; сего бо *нынѣ* сташа стязи Рюриковы, а друзей Давидови. „Упомянутые здѣсь потомки Мономаха—Рюрикъ и Давидъ не оставляютъ сомнѣнія, что подъ единодержавнымъ Владиміромъ разумѣется Владиміръ Мономахъ.

Достойно вниманія, что авторъ ни разу не называетъ Мономаха по отчеству, какъ величаетъ онъ другихъ Владиміровъ: это, по видимому, указываетъ на всенародную общеизвѣстность имени, ставшаго какъ будто его личною собственностію. Достаточно было произнести это имя, чтобы всякій разумѣлъ подъ нимъ Мономаха.

Первые издатели, а за ними и послѣдующіе комментаторы и переводчики „Слова", въ данныхъ мѣстахъ разумѣли Владиміра Святого. Первый С. М. Соловьевъ доказалъ, что здѣсь идетъ рѣчь о Мономахѣ.

2. Далѣе, упоминается Владиміръ „подъ ранами". Кого разумѣетъ подъ нимъ авторъ, указалъ дальнѣйшими словами: „туга и тоска сыну Глѣбову". Это Владиміръ Глѣбовичь, князь Переяславскій, сынъ Глѣба Юрьевича (Ср. „хоти"). Онъ геройски защищалъ острогъ, т.-е. нижнее укрѣпленіе Переяславское и сдѣлалъ славную вылазку, въ которой прободенъ былъ *треми копьями*: туга и тоска подъ ранами понятны.

Наконецъ, упоминается Владиміръ Игоревичъ, сынъ героя Игоря, котораго въ ряду другихъ авторъ называетъ „молодымъ княземъ".

Власти (accus. plur. fem.) отъ **власть.**

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ XI—XIII вв. слово это отвѣчаетъ Греческимъ:

1) ἀρχή, imperium—начальство: такъ, въ Евангеліяхъ: **єгда же приведоуть вы на сънмища и власти**—καὶ τὰς ἀρχάς; въ пер. Свят. Алексія: **къ началькстоу** (Лук. XII, 11). Въ Пандек. Антіоха XI в. **не прiмъшоу сѫдинскыѣ власти** ἀρχήν(гл. 74, л. 159 об).

Ср. у Гр. Богосл. XI в. (148, β.).

2) ἐξουσία,—potestas—власть: **азъ бо члвкъ юсмь подъ властью;** ὑπὸ ἐξουσίαν; въ Архан. Ев. 1092 г. **подъ владыкоѫ;** (Мѳ. VIII, 9; ср. Іоан. I, 12). Въ Панд. Антіоха: **не имаши власти на насъ**—τὴν ἐξουσίαν (гл. 27, л. 67 об.) **подъ властиѫ иного сѫтъ сирѣчь князя вѣка сего** ὑπ' ἐξουσίας (гл. 15, л. 36).

3) ὑπεροχή, excellentia, властное достоинство; такъ въ Апостолѣ XIII—XIV в. **вса сѫщиꙗ вь власти**—ἐν ὑπεροχῇ; въ Охрид. IX—X в. **и прѣвладычьствѣхъ** (1 Тим. II, 2).

4) αὐθεντία, auctoritas—полномочіе (такъ, въ Супр. р. 226—227).

5) κράτος, potentia, imperium—могущество, власть (такъ, въ сп. Григор. Богослов. 22, β.).

6) κυριότης, dominatio—правительство (Ib. 362, β.).

7) δεσποτεία, dominatio—владычество, власть (Ib. 362, δ.).

8) δυναστεία, imperium—начальство, власть (Ib. 165, α).

Но всѣ эти значенія не имѣютъ отношенія къ слову власть въ изучаемомъ „Словѣ“. Гораздо ближе стоятъ къ нему Греческія:

9) πολιτεία, civitas, политическое устройство, государство; въ такомъ смыслѣ читается въ Святославовомъ Изборн. 1073 г. „иже быша по всеи римьсцѣи власти“ κατὰ πᾶσαν τὴν τῶν Ῥωμαίων πολιτείαν (л. 20)

10) ἐπάρχια, provincia, область, волость; такъ въ Апостолѣ XIII—XIV в., фистъ же быидъ въ власть—τῇ ἐπαρχίᾳ; въ Апост. XIV в. (гр. Толст.) пришедъ къ области; въ томъ же самомъ значеніи встрѣчается и въ Шестодневѣ Іоанна Болгарскаго (сп. 1263 г.). якоже и кнезь или кои ѡходе нимо камо нъ власти своюе поставилъ наместника себѣ соудит и строити власть свою (л. 20 об.).

Въ Краледвор. рук. „dluho wlasti nasie w mirsie biechu, т.-е. долго области наши въ мирѣ были“.

Въ томъ же значеніи слово *власть* нерѣдко является и въ нашихъ лѣтописяхъ: Въ договорѣ Святослава съ Греками (подъ 971 г.) читаемъ: николи же помыслю на страну вашу... ни на *власть* Корсунскую (Лавр. стр. 71). Святославъ же... желая болшее *власти* (Ib. 177). Начаша служити, хотя *власти*, овъ ся овъ же другие; сей же (Всеволодъ) омиряя ихъ, раздаваше *власти* (Ib. 209). Даша ему (Володимеру) Стародубъ и ину *властьцю* (Ib. 420).

Въ этомъ же самомъ смыслѣ слово *власть* является и въ „Словѣ“: не побѣдными жребіи собѣ *власти* расхытисте, т.-е. волости.

Влоуръ—(nom. sinc. masc.) имя Половчина, бѣжавшаго съ Игоремъ. Въ Кіевской лѣтописи онъ названъ Лаверъ. *Влуръ*, или какъ въ другомъ мѣстѣ „Слова“ *Овлуръ* есть, очевидно, только живая народная форма того же имени *Лавра* или *Лавера*.

Влъзѣ (dat. sing. fem.) **Волгоу** (acc. sing.) отъ **Влъга**.

У древнихъ Грековъ рѣка эта извѣстна подъ именемъ ρα (ср ρύω, ρέω—fluo), донынѣ бытующимъ въ названіяхъ другихъ рѣкъ: *руса* (ροῦσα); у Хозаръ называлась *Итиль*. Русское имя—отъ корня ль-гый, откуда *ольга́—вольга́, вóлога, вóлгиа—топь*, болото.

Истоки Волги донынѣ окружены глубокими болотами, кои зовутся мхами; таковы напр. Шиловскій мохъ, зеленый мохъ и другіе. Одно изъ огромныхъ озеръ, чрезъ которыя проходитъ Волга—также называется *Волго*. Одна изъ пустошей на правой его сторонѣ носитъ тоже названіе: *Волго*.

Ольга какъ топкое болото, является и въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„Есть заставы великія:
„Первая застава великая—*Ольги* топучія;
„А другая застава великая у матушки у Почай рѣки.
(Рыбн. III, стр. 19).

Имя *Волги* является на первыхъ страницахъ Кіевской лѣтописи. Приведемъ здѣсь лѣтописныя упоминанія Волги до XIII в. *Вольга*, же идеть на встокъ (Лавр. стр. 3) ис того же лѣса (Волковьскаго) отече *Волга* на въстокъ (Ib. 6). Кривичи, иже сидятъ на верхъ *Волг* (Ib. 10). Святославъ иде па Оку рѣку и па *Волгу* (Ib. 63). Пришедшю же Глѣбу на *Волгу* (Ib. 132). Идоша по *Волзѣ* вси людье в Болгары (Ib. 144). Два волхва поидоста по *Волзѣ* (Ib. 170). Мстислав же приде на *Волгу* (Ib. 230). На *Волзѣ* воротишася Новгородьцы (Ib. 287). Изяславъ с Новгородцы дошедъ *Волги* (Ib. 304). Михалка Богъ поялъ на *Волзѣ* (Ib. 360). Ярополкъ поча воевати *Волгу* (Ib. 368). Наши погнаша поганыя, прибѣгше к *Волзѣ* (Ib. 370). Въ Посланіи Мономаха: усрѣтоша бо мя слы на *Волзѣ* (Лавр. 232).

Въ Олонецкой губерніи есть рѣка Усть—*Волма*, откуда фамилія *Устволгскихъ*. Есть еще *Волжка*, сухое озеро (Ист. Ак. II, 88).

ВЛЪКОМЪ (instr. sing. masc.) **ВЛЪЦИ** (nomin. plur.) отъ **ВЛЪКЪ**—λύκος, lupus—извѣстный хищный звѣрь.

Въ древнихъ письменныхъ памятникахъ *волкъ* всего чаще является 1) образомъ хищничества и жадности: **вълкъ расхытїть и распоудить овьца**—ἁρπάζει καὶ σκορπίζει (Іоан. X, 12) **прїходать къ одеждахъ овьчахъ. вноутрь же соуть вълцї хыщнїцї**—λύκοι ἅρπαγες (Мѳ. VII, 15) **се азъ слю вы ꙗко овьца посредѣ вълкъ**—ἐν μέσῳ λύκων (Мѳ. X, 16; ср. Лук. X, 3). Въ Панд. Антіоха XI в. **вълкъ гоубитель-**

ныи сънѣсть мя—ὁ λύχος ὁ λυμεὼν (гл. 27, л. 68 об.). Въ книгѣ Пророковъ: сѫдии его, ꙗко влъци—ὡς λύχοι (Соф. III, 3).

Въ повѣсти объ Авирѣ (по Серб. сп. XVI в.): сыне, былъ еси. ꙗко влькь срѣть осла.

2) образомъ быстраго бѣга: кони его (народа халдейскаго) быстрѣиши влъкөвъ аравискыхъ—ὑπὲρ λύχους τῆς Ἀραβίας (Авв. I, 8)

Въ лѣтописяхъ: Аще ся въвадить *волкъ* в овцѣ, то выноситъ все стадо (Лавр. стр. 53). Рѣша Древляне Ольгѣ: бяше бо мужъ твой, аки *волкъ* восхищая и грабя (ib. 54). Въ посланіи Мономаха: ѣхахомъ сквозѣ полкы Половечьскыѣ... и *облизахуться* на насъ, аки *волци* стояще (ib. 240). Пріиде, яко *волкъ* хищный, Крымскій царевичъ (Лѣт. Сб.). Дружина же твоя, яко *волци* или подобишася орлу летающу (Ник. л. 172).

Въ томъ и другомъ значеніи *волкъ* является и въ народномъ пѣснотворчествѣ:

1) какъ жадные хищники волки называются здѣсь „*звѣрями сънѣдучими*" (см. звѣрь).

2) какъ борзые бѣгуны, именуются волками *рыскучими*. (См. рыщутъ).

3) Наконецъ съ волкомъ связана живая вѣра въ оборотничество. Такъ въ „Словахъ богатырскихъ":

„Какъ другой-то мудрости учился онъ Волхъ
„Обертываться сѣрымъ *волкомъ* (Др. Росс. ст. 31).
„И обернулся онъ князь
„Сѣрымъ *волкомъ* запольніимъ (Рыбн. III, 280).
„А самъ онъ обернулся сѣрымъ *волкомъ*,
„Это началъ онъ по полю побѣгивать
„Это началъ онъ по чистому порыскивать (Рыбн. III, 280).

До какой степени жива у насъ въ народѣ вѣра въ подобное оборотничество, это видно изъ того, что существуетъ даже заговоръ для оборотня, коимъ онъ можетъ оберечь себя, въ образѣ волка, отъ всякихъ обидъ со стороны другихъ звѣрей, гадовъ и человѣка. Вотъ этотъ прекрасный заговоръ: „На морѣ на океанѣ, на островѣ на Буянѣ, на полой полянѣ, свѣтитъ мѣсяцъ на осиновъ пень, въ зеле

ый лѣсъ, въ широкой долъ. Около пня ходитъ волкъ мохнатый, на убахъ у него весь скотъ рогатый; а въ лѣсъ волкъ не заходитъ, а ъ долъ волкъ не забродитъ. Мѣсяцъ, мѣсяцъ—золотые рожки! Расплавь пули, притупи ножи, измочаль дубины, напусти страхъ на звѣря, еловѣка и гады, чтобы они сѣраго волка не брали и теплой бы ъ него шкуры не драли. Слово мое крѣпко, крѣпче сна и силы боатырской". Выраженія: „въ лѣсъ волкъ не заходитъ, а въ долъ волкъ е забродитъ" прямо указываютъ, что подъ волкомъ разумѣется здѣсь е простой волкъ, живущій въ темныхъ залѣсьицахъ, но „мохнатый олкъ, теплая шкура котораго заговаривается; онъ напоминаетъ, говоитъ Ѳ. И. Буслаевъ, *длаку*, въ миѳическомъ *влкодлаки*" (О знач. обств. им. Лютичи, Вильцы и Волчки, стр. 13).

Вѣра въ подобныхъ оборотней восходитъ ко временамъ глубочайшей древности. Геродотъ разсказываетъ, что по словамъ Скифовъ Грековъ: ἔτεος ἑκάστου ἅπαξ τῶν Νευρῶν ἕκαστος λύκος γίνεται μέρας ὀλίγας καὶ αὖτις ὀπίσω ἐς τὠυτὸ κατίσταται (IV, 105; Шаф. , 674). То же подтверждаетъ и древнее племенное названіе Вильцы, ь сѣверозападномъ Славянствѣ (Шаф. II, 568; Будил. Перв. Слав. р. 366).

Въ „Словѣ", какъ и въ другихъ памятникахъ, *волкъ* является:

1) какъ образъ быстроты движенія: Куряни *скачуть*, акы сѣри *влъци* въ полѣ. Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ *влъкомъ*".

2) какъ выраженіе вѣры въ оборотничество: Всеславъ „скочи *зкомъ* до Немиги съ Дудутокъ; Великому Хръсови *влъкомъ* путь ерыкаше. Въвръжеся на бързъ конь и скочи съ него бусымъ *зкомъ*.

О связи *волка* съ злою судьбою см. подъ словомъ въсрожать.

Имя *волка* связано со множествомъ географическихъ названій, ковы напр.: *Волково*—дер. во Влад. у. (Ист. Ак. II, 98; III, 179). *лковъ наволокъ*—въ Обонеж. пят. (ib. III, 247). *Волковская* пустошь Бѣлоз. у. (ib. I, 301). *Волковской* станъ въ Вят. у. (ib. V, 485). *лковыйскъ*—городъ и уѣздъ въ Литвѣ (ib. I, 525; IV, 260). *Волчю* почин. въ Бѣлоз. у. (ib. I, 308). *Волченкова*—деревня и пустошь лозерск. у. (ib. I, 307). *Волчина*—дер. Московская (ib. III, 104). *лкуша, Волчиха*—деревни (Опис. Волги 1885 г. стр. 3).

Что касается самаго имени *влъкъ*, то оно сродни Греч. λύκος, Лат. lupus и Нѣм. wolf. У Серб. зовется *вук;* Хорут. *volk;* Чех. *vlk.* Полаб. *валкъ;* Польск. wilk. (Будил. Перв. Слав. стр. 195).

Академикъ А. А. Куникъ слово *влъкъ* объединяетъ съ Готскимъ varg, которое въ смыслѣ *заклятаго врага, вора* перешло отъ Готовъ къ Пруссамъ, Литовцамъ, Финнамъ и Славянамъ, гдѣ оно сохранилось и по сіе время, но лишь на Скандинавскомъ сѣверѣ слово varg бытуетъ въ смыслѣ не только *волка*, но и *„свирѣпаго человѣка“* (Кун. стр. 401). Въ Литовскихъ и Славянскихъ нарѣчіяхъ не уцѣлѣло никакого слѣда, чтобы слово *врагъ*, соотвѣтствующее varg, употреблялось въ смыслѣ *волка*, а это уже указываетъ на то, что Готское varg-s перешло какъ въ Славянскій, такъ и въ Финскій и Литовскій языки именно въ то время, когда это слово употреблялось уже преимущественно въ переносномъ смыслѣ (ib. стр. 405). Но это же самое обстоятельство можетъ, на нашъ взглядъ, указывать и на то, что славянское *врагъ* стоитъ внѣ всякой зависимости отъ Готскаго varg и что болѣе правы тѣ лингвисты, которые отдѣляютъ общегерманское varg отъ арійскаго и славяно-литовскаго слова *волкъ* (Wurzel—Wörterbuch der Indogermanischen Sprachen von Pott. 3. Bd. 1875 г. p. 185). Соображенія достопочтеннаго академика только тогда могутъ быть убѣдительными, когда будетъ доказано, что представленіе *врага* всѣмъ народамъ дается лишь *лютостію волка.*

Если у Готовъ varg — волкъ обобщилось въ имя гробокопателя и затѣмъ вообще злодѣя, то отсюда никакъ еще не слѣдуетъ, что Славянское *врагъ*, не означающее волка, но только злодѣя, должно стоять въ генетической зависимости отъ Готскаго varg. Это значитъ только, что Славяне получили понятіе о враждебной силѣ не отъ волка. Съ другой стороны, трудно доказать, что бы Готское varg было древнѣе Славянскаго *влъкъ.* Слово *волкъ* не только является въ древнѣйшихъ Славянскихъ памятникахъ, но и бытуетъ у такихъ Славянскихъ племенъ, которые были слишкомъ далеки отъ какихъ бы то ни было сношеній съ Готами.

Влънахъ (local. plur. fem. antecedente praepositione на) отъ влъна—κῦμα, fluctus, вершина валовъ, гребень.

Въ переводныхъ памятникахъ XI—XIII вв. читаемъ: **кълны же влнахоуся къ корабль**—τὰ δὲ κύματα (Мрк. IV, 37) **яко покрыватися кораблю кълнами**—ὑπὸ τῶν κυμάτων (Мѳ. VIII, 24). **кльны мнюоуіа**—τὰ κύματα διαβαίνων (Панд. Ант. XI в. гл. 21, л. 54). **и оумолкоша кълны его** (Псалт. XIII в. пс. 106, ст. 29) **и къзнесошася кълны юго** (ib. ст. 25). **Нынѣ по морємъ колны нꙁлнваются** (Толк. Ник. Иракл. на Гр. Бог. Син. сп. XIV в. л. 81 об.). **късходить море клънами**—ἐν τοῖς κύμασιν (Іез. XXVI, 3).

Въ лѣтописяхъ: *волнамъ* вельямъ вставшимъ... Руси корабля сяте (Лавр. стр. 21).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„На синемъ морѣ *волна* вдругъ сколыбалася,
„Очень страсть какъ *волна*-то расходилося (Пр. С. вр. ч. I, стр. 252).
„Буйны вѣтрышки вѣдь е да поразвѣялись,
„Уже вкрутѣ тутъ *волна* да расходилася" (ib. ст. 261; ср, Рыбн. I, 119).

Въ „Словѣ" подъ волною разумѣется не бурная, а тихая волна, *зыбь*, качающая лодку, на подобіе люльки. (См. **лелѣяклшу**).

Въ исторической географіи—*Волняниковъ* станъ въ Волоц. и Рузск. уѣзд. (И. А. III, 152—154).

Будиловичъ слово *волна* сближаетъ по корню съ Греч. ἐλύω, Лат. volvo, Литов. wilnis. У Чеховъ „vlna", Поляк. „welna".

Внука (genet. sing. masc.) **внукꙋ** (dat. sing.) **внучє** (acclam. sing.) **внуци** (nomin. plur.) **внуцє** (**внуцѣ**? acclam. plur.) отъ **внукъ**, потомокъ, юное поколѣніе, (**внукъ—унукъ**, **юнокъ**—отъ **юный**).

Въ толкованіи Пророковъ (XV в. съ рук. 1047 г.) читается: „**сего внуци живоуть въ гетѣ**" (Вост.).

Въ этомъ значеніи слово *внукъ* весьма часто является въ лѣтописяхъ: „Святославъ поча молвити: я не Угринъ, не Ляхъ, но одинаго дѣда есмы *внуци* (Ип. подъ 1174 г. стр. 110). Мечь взимаютъ Роговоложи *внуци* противу Ярославлимъ *внукомъ* (Лавр. стр. 285).

Предніи князи не велѣли имъ (Новгородцамъ) *внуки* или правнуки сорамляти (И. Г. Р. III, пр. 5).

Въ „Словѣ" внуками въ этомъ смыслѣ называются: Боянъ (*внукъ* Велесовъ); вѣтры (Стрибожи *внуци*); жизнь (Дажьбожа *внука*) и все потомство Полоцкаго Всеслава (вси *внуце* Всеславли).

Два мѣста однако, гдѣ является слово *внукъ*, возбуждаютъ недоумѣнія, которыя до сихъ поръ остаются не разгаданными.

„Погибашеть жизнь Даждь-божа *внука*". Кого разумѣть здѣсь подъ внукомъ? Мы склонились съ своей стороны къ мнѣнію, высказанному Вс. Ѳ. Миллеромъ (см. ч. I, стр. 368, 369); но не можемъ отказать въ особомъ уваженіи рѣшенію этого вопроса г-номъ Потебнею. Внукъ Даждь-божій въ данномъ мѣстѣ, по его мнѣнію, есть только другое собирательное названіе упомянутыхъ здѣсь „человѣковъ" и „ратаевъ". „Горе, посѣянное княжескими усобицами—состояло въ томъ, что гибло достояніе смерда (Даждь-божья внука); среди княжескихъ крамолъ жизнь человѣческая сокращалась. Даждь-богъ есть солнце, а имѣются Славянскія и Литовскія свидѣтельства, что оно жалостливо; оно свѣтитъ именно на бѣдныхъ людей; бережетъ и согрѣваетъ именно сиротъ; выглядываетъ изъ-за окошка на тѣхъ своихъ дѣтокъ, что плачутъ, ѣсть-пить просятъ. Мы видимъ въ величальныхъ пѣсняхъ, какъ хозяинъ и его семья, не только представляются князьями, но и возводятся въ божества, тѣмъ примѣнимѣе это къ смерду въ смыслѣ собирательномъ".

Еще труднѣе понять слово *внукъ* въ слѣдующемъ мѣстѣ: „Рища въ тропу Трояню, чрезъ поля на горы, пѣти было пѣсь Игореви того (Олга) *внуку*.

Дубенскій замѣтилъ, что въ числѣ бумагъ, найденныхъ у гр. Мусина-Пушкина, сохранилась одна, относящаяся къ изданію Игоревой пѣсни (Сынъ Отеч. 1839, Мартъ), въ которой упомянуто, что въ оригиналѣ не было слова „*Олга*" и что издатели вставили его отъ себя по догадкѣ. Да и въ самыхъ копіяхъ какъ въ Петербургской (Пушкинской), такъ и въ Московской (изданной) не безъ причины, конечно, слово это поставлено въ скобкахъ. Въ скобкахъ же начертано оно и въ черновыхъ бумагахъ Малиновскаго. А все это указываетъ, что дѣйствительно оно вставлено въ текстъ издателями лишь

въ силу своей догадки. Но если такъ, то спрашивается, къ кому же должно относиться выраженіе: *того внуку?*

Мы склоняемся къ мнѣнію Вс. Ѳ. Миллера, что слова эти ни къ кому не могутъ относиться ближайшимъ образомъ, какъ только къ Трояну: „Мчась тропою Трояна, пѣть было въ честь Игоря, того внука". Пѣвецъ долженъ быть достоинъ своего героя — и воспѣвать внука Троянова по достоинству можетъ лишь Боянъ, внукъ Велесовъ. Таково, по нашему мнѣнію, внутреннее соотношеніе здѣсь образовъ и мыслей. (См. выше, ч. I, стр. 382).

Дубенскій полагалъ, что того внуку значитъ здѣсь потомку Владиміра Равноапостольнаго.

Эрбенъ: *тою внуку* значитъ здѣсь Боянову внуку, какимъ называетъ себя самъ авторъ Слова.

Потебня раздѣляетъ то же мнѣніе: я, говоритъ онъ, принимаю Игореви" за дат. лица, въ пользу коего направлено дѣйствіе, а *внуку* за дат. дѣйствующаго лица при неопредѣленномъ „пѣти". Авторъ, характеризовавши пѣснопѣніе Бояново, съ цѣлію показать, что только Боянъ стоялъ бы въ уровень съ задачею воспѣть Игоря, говоритъ о себѣ въ 3 лицѣ; (подобно этому) пѣть было Игорю (въ честь Игоря) того (Бояна) внуку". На нашъ взглядъ, весьма сомнительно, чтобы въ данномъ случаѣ, величая Бояна внукомъ самого Велеса, авторъ позволилъ самого себя назвать внукомъ Бояновымъ. При всемъ своемъ подражаніи Бояну, онъ самъ не разъ даетъ замѣтить, на сколько онъ представляетъ себя ничтожнымъ въ сравненіи съ Бояномъ; свою пѣснь онъ называетъ *повѣстію*, какъ пѣснь, слишкомъ далекую отъ вдохновенныхъ пѣсней Бояновыхъ. Въ виду этого сознанія автора, было бы не естественно, если бы онъ назвалъ себя *внукомъ Бояновымъ* въ томъ смыслѣ, въ какомъ самаго Бояна называетъ внукомъ Велесовымъ.

Малашевъ слово „внуку" относилъ къ Игорю, а „слово" того къ „Бояну", такъ что *Игорь* является у него внукомъ Бояна.

Смирновъ: въ самомъ „Словѣ" мѣстоимѣніе „*тотъ*" не всегда относится къ ближайшему существительному, но иногда указываетъ на отдаленный и неопредѣленный предметъ (то было въ ты рати и въ ты плъкы). Въ этомъ смыслѣ употреблено и „того" при внукѣ, т.-е.

что оно относится къ отдаленному мѣсту, къ заглавію, въ которомъ Игорь названъ внукомъ Олега. Мнѣніе—сколько своеобразное, столько же и странное.

Прозоровскій: Названіе Игоря внукомъ Трояновымъ весьма знаменательно, потому что оно, безъ всякаго сомнѣнія, приличествовало всѣмъ князьямъ.

Во (praepositio). См. **Въ**.

Воду (accus. sing. fem. antecedente praepositione **на**), **водѣ** (local. sing. antecedente praepositione **на**) отъ **вода**—ὕδωρ, aqua.

Въ переводныхъ памятникахъ XI—XIII вв. читаемъ: **падаеть въ водоу**—εἰς τὸ ὕδωρ (Мѳ. VII, 15) **къкьрже... въ водоу**—εἰς ὕδατ (Марк. IX, 22). **хожаше на водахъ**—ἐπὶ τὰ ὕδατα (Мѳ. XIV, 29) **идите на водоу**—εἰς ὕδωρ (Ис. LV, 1).

Въ лѣтописяхъ; ини истопоша въ *водахъ* (Лавр. 297) и переяша *воду* у нихъ (ib. 381).

Въ посланіи Мономаха: Убо *вода бы* ны потопила (ib. стр. 233).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„Какъ смахнуло середи эта Онегушка
„Во этую *воду* во глубокую. (Пр. С. кр. ч. I, стр. 254).

Въ „Словѣ"; „поскочи гоголемъ на *воду*": подъ именемъ *воды* здѣсь разумѣется мѣстность съ широкими и глубокими озеринами, кои встрѣчались Игорю на первыхъ шагахъ его бѣгства. „Стрежашеть гоголемъ на *водѣ*", здѣсь разумѣются воды Малаго Донца, по коимъ плылъ Игорь—болѣе спокойно и безопосно.

Вознѧ (praes. partic. in brev. form.) отъ **вьзнѧтисѧ**—ὑψοῦσθαι, extollere se, подниматься къ верху, возвышаться, Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ глаголъ этотъ встрѣчаемъ въ формѣ **вьзнати** такъ въ повѣсти Филавія: **еще не поспѣвшимъ вьзнати цвѣты, карлоци а сьхахоу** л. 216 об. ib. VI, IV, 1).

Въ лѣтописяхъ: онъ же князь (Борисъ) рече: „не буди мнѣ се

нятн руки на брата своего старѣйшаго (Лавр. стр. 129). Не можемъ а Володимере писмя руки *възняти* (Ип. стр. 31).

Въ „Словѣ": утръ же късна—т.-е. „а на утро поднявшись".

Въ „первомъ изданіи": козни. (См. чтеніе и толкованія предшествовавшихъ комментаторовъ выше ч. II, стр. 252—258).

Вои (accus. plur. masc. antecedente praepositione на) отъ **вой**.

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ XI—XIII в. слово го отвѣчаетъ Греческимъ:

1) στρατιώτης, miles—воинъ, подчиненный воинской дисциплинѣ: ъ юсмъ чл̃къ подъ властели оучиненъ имѣя подъ собою воя—στρατιώτας; ib. V, с. IX, 1) ѿнадоша ѿ вои его множае двою тмꙋ (Тр. пост. Моск. изд. стр. 638).

2) στράτευμα, agmen—отрядъ изъ новобранцевъ назначенныхъ ля похода: оукорже и иродъ съ вої своїмї—σὺν τοῖς στρατεύμασιν (Лук. III, 11). и видѣхъ воя ихъ—τὰ στρατεύματα (Апок. XIX, 19).

3) στρατεία, exercitus—войско, идущее въ походъ: и кънєзмоу сть... множьство вои—πλῆθος στρατιᾶς (Лук. 11, 13) прєдасть а слоужити воемъ—στρατιᾷ (Дѣян. VII, 42).

4) στρατόπεδον, castra—лагерь: єгда же оузріте обьстоимъ вои анмъ—ὑπὸ στρατοπέδων (Лук. XXI, 20).

5) κουστωδία, custodia—стража: печатлѣша камень съ вои—μετὰ ς κουστωδίας (Мѳ. XXVII, 66).

Въ лѣтописяхъ *вой* является съ подобными же оттѣнками значенія:

1) въ значеніи στρατιώτης: ратницы суть и добрая вои (Ип. стр. 54).

2) въ значеніи στράτευμα: Игорь нача совокупляти *вои* многи авр. стр. 44) Ярославъ собра *вои* многи (ib. 147).

3) въ значеніи στρατεία: „Повелѣ Олегъ *воемъ* своимъ (ib. 29). сла князя... съ *вои* и бившеся (Новг. стр. 11).

4) въ значеніи στρατόπεδον: и устави Олегъ воя (ib. 29) и ста *вои* и т. п.

Въ „Словѣ" можно замѣчать тѣ же оттѣнки значенія: Игорь къ ну *вои* ведетъ, тьмою вся *воя* прикраты (στρατεία). Прыщеши на *вои* рѣлами; чему мычеши стрѣлки на моея лады *вои* (στρατιώτης).

ВОЛЮ (accus. sing. fem. antecedente praepositione **НА**) отъ **ВОЛЯ**. Въ переводныхъ памятникахъ XI—XIII вв. слово это отвѣчаетъ Греческимъ:

1) θέλημα, voluntas: **рабъ вѣдѣвыи волю гна своего**—τὸ θέλημα τοῦ κυρίου (Лук. XII, 47). **не нщю воля моея**—τὸ θέλημα τὸ ἐμὸν (Іоан. V, 30). Въ Панд. Ант. XI в. **да не творя волю мою**—τὸ θέλημα τὸ εμὸν (гл. 55, л. 120 об.) Въ Апостолѣ XIII в. **вся воля моя**—πάντα τὰ θελήματα (Дѣян. XXII, 22 ср. Ис. LXIV, 28).

2) ἐπιθυμία, voluntas: **воля оца вашего хощете творити**—τὰς ἐπιθυμίας (въ Остром. похоти, въ пер. свят. Алексіяі **желанья**).

3) τὸ ἱκανὸν, idoneum: **хотя народоу волю сътворіти**—τὸ ἱκανὸν ποιῆσαι (въ Юр. Мстисл. Добр. **въгодье**, **оугодье**. Марк XV, 15).

4) εὐδοκία, benevolentia: **тако бысть воля предъ тобою** (Типогр. XII в. въ другихъ: **блгонзволеные**. Мѳ. XI, 26).

5) Греческій глаголъ συνευδοκεῖν, consentire переводился также **волю нмате**—συνευδοκεῖτε (Лук. XI, 48).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ *воля* въ значеніи θέλημα, какъ сила изволяющая олицетворяется:

„Хотя жъ долго мнѣ—на *воли* возноситися,
„Въ одинъ часъ будетъ неволѣ покоритися. (Пр. С. кр ч. III, стр. 243).
„Вдругъ на стрѣту вольной *волюшкѣ*
„Встрѣтилось великое неволище,
„. . . . .
„И она взадъ да тутъ *воля* ворочалася
„Все горючими слезами обливалася
„И подъ косѣвчатымъ окошечкомъ давалася:
„Ты пусти меня, дѣвица въ свѣтлу свѣтлицу (ib. стр. 35)
„И соберется тутъ бажона дорога *воля*
„И куницею она да въ океанъ море. (ib. 153—154).
„И уже тутъ да моя *волюшка* увернется,
„Повернулась перелётной малой пташечкой (ib. III, 143).
„И она бѣлою то лебедью повернется. (ib. 154).
„И уже *бѣлочкой* по деревцамъ скакаючи
„Истаскала воля цвѣтно свое платьице. (ib. 156).

Въ „Словѣ“ *воля* является также въ значеніи θέλημα какъ *изво-ящая сила* и также олицетворяется: „уже тресну нужда на *волю*“.

Вонзите (imperat. 2 pers. plur.) отъ **кънисти**—βάλλειν, mit-te,—опускать, вкладывать, влагать.

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ XI—XIII в. читаемъ: же пстроки кънъзї ножъ къ ножьницѧ—βάλε τὴν μάχαιραν; въ дру-ихъ спискахъ XII в. вложи (Іоан. XVIII, 11). Итакъ, вонзите зна-итъ: „вложите“.

Отъ этого глагола слѣдуетъ отличать „къзнисти“ (къзнъзъ на тръсть—ριθεὶς καλάμῳ. Мѳ. XXVII, 48).

Первые издатели и послѣдующіе комментаторы „Слова“ смѣши-ли эти глаголы.

Граматинъ первый различилъ „вонзить отъ „*вънъзти*“.

Врани (nom. plur. masc.) отъ **вранъ**; въ полногласіи **воронъ** omin. pro acclamat. sing.)—κόραξ, corvus.

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ XI—XIII вв. чита-ъ: съмотрите вранъ, яко не сѣютъ, ни жьнютъ—κατανοήσατε κόρακας-ук. XII, 24). Вранове въ кратехъ ся—κόρακες ἐν τοῖς πυλῶσιν (Соф 14); въгнѣздатся въ немъ вранове—κόρακες (Ис. XXXIV 11).

Въ лѣтописяхъ слово это читается въ краткой и полногласной рмѣ, и рече посмѣхався Исаакію: *вранъ* черный (Лавр. стр. 190) „бѣ ю его ядь псомъ и *ворономъ* (ib. 453).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ также:

„Налетала птица черный *вранъ*,
„Садился онъ *вранъ* на сырой дубъ. (Рыбн. I, стр. 200).
„Не два *ворона* въ темномъ лѣсу слетаются (ib. III, стр. 350).
„Сидитъ черный *воронъ* во сыромъ дубу (ib. I, стр. 414).

Воронъ отличается отъ другихъ птицъ загнутымъ клювомъ, по-тымъ у основанія твердыми щетинами обыкновенно чернаго цвѣта, ѣпкими ногами и довольно богатымъ опереніемъ чернаго цвѣта съ льшимъ или меньшимъ блескомъ.

„Перьице у *ворона* чернымъ черно
„Крыльице у *ворона* бѣлымъ бѣло (ib. I, стр. 414).

Воронъ въ народномъ пѣснотворчествѣ является, 1) какъ образъ хищничества и жадности:

„Налетѣло на молодца стадо грачей
„По нашему: стадо черныхъ *вороновъ* (ib. III, 151).
„Черные *враны* тѣло трынкають (ib. III, стр. 200).
„Еще обжорные да черны *вороны*
„Разносили ихны косточки
„По темнымъ-то лѣсамъ по дремучіимъ. (Прич. С. кр. ч. I. стр. 268).

При этомъ необходимо замѣтить, что по словамъ знаменитаго естествоиспытателя Брэма, воронъ обыкновенно не любитъ общества даже себѣ подобныхъ: вороны летаютъ лишь парами: но на большой добычѣ, на трупахъ, гдѣ собираются они стаями, ведутъ себя дружно и благодушно дѣлятся общей добычей. Народныя пословицы указываютъ на то же самое: „воронъ ворону глаза не выклюнетъ: два ворона лѣтятъ, *одну голову* ѣдятъ“.

2) какъ образъ злой судьбы:

„Ужъ какое-то великое безчастьице,
„Впереди оно злодѣйно снаряжалося
„Позади оно летѣло чернымъ *ворономъ* (ib. стр. 8)

„Смерть чернымъ *ворономъ* въ окошко залетаетъ (ib. стр. 3

„По пути она летѣла чернымъ *ворономъ* (ib. стр. 167).

По наблюденіямъ военныхъ людей во время походовъ всегда почти появляются и вороны. Поэтому въ народной поэзіи вороны сопоставляются съ воинами.

„Не два ворона въ темномъ лѣсу слѣталося,
„Не два воина въ чистомъ полѣ съѣзжалося. (Рыбн. III стр. 350).

Въ „Словѣ" Половчинъ, по его кровожадности, названъ чернымъ *роном*ъ (ни тебѣ чръный *воронъ* поганый Половчине).

Дружество хищныхъ вороновъ на общей добычѣ также отмѣчено „Словѣ": часто врани граяхуть, *трупіа себѣ дѣляче.*

О зловѣщемъ значеніи ворона для Игорева войска см. подъ сло-мъ: **граяхуть.**

Имя *ворона* широко отразилось въ географическомъ имесловѣ: ть *Вороново*—починокъ въ Бѣлоз. у (Ист. Ак. I, 308), *Вороново*—стошь въ Ржев. у. (ib. II, 413), *Вороново* село въ Чер. у. и мн. др.

Врата (accus. plur. masc.); въ полногласіи: **ворота** (accus. л.) πύλη, porta—двери.

Въ переводныхъ памятникахъ XII—XIII вв. читаемъ: **вънидѣте ими, враты**—διὰ τῆς πύλης; **яко пространа врата**—πλατεῖα ἡ πύλη ѳ. VI, 13) **нииъдиню же ıемоу къ врата**—εἰς τὸν πυλῶνα (Мѳ. XXVI,) **вънити сквозѣ тѣснаѧ врата** (Лук. XIII, 24) **приближися ко вратомъ доу**—τῇ πύλῃ τῆς πόλεως (Лук. VII, 12) **лежаше прї вратѣхъ**—πρὸς πυλῶνα (Лук. XVI, 20). Въ позднѣйшихъ переводахъ: и **прїидоша вратомъ... и рече ѿверзѣте ни, ѿверзѣте врата**—πρὸς τὰς πύλας... ίξατε τὴν πύλην (Іуд. XIII. 10—11) **и гонихомъ ıа до вратъ града**—; τῆς πύλης (2 Цар. XI, 21 ср. XXIII 8).

Въ памятникахъ литературно-повѣствовательной дружинной школы во это является не рѣдко, такъ въ лѣтописяхъ: „поставиша стяга **передъ** *враты*... и высѣкоша *врата* (подъ 1095 г.) да не входятъ градъ одними *вороты* (Лавр. стр. 31); и повѣси щитъ во *вратѣхъ* 31); и доведе Володимеръ (Игоря) до *воротъ* матере своея (Лавр. . 301); заложи на *воротѣхъ* церковь (ib. 391). У Даніила палом-а: **въходитъ... враты, соущими близъ домѹ дѣдка и та врата ѿ вн-ѹ лицемъ, та бо соуть врата зокутся кениаминова** (мой сп.).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„У *воротъ* кольцо забрякало,
„И *ворота* растворилися. (Пр. С. кр. ч. I, стр. 76).
„У Лаврентьева двора были трои ворота;

„Какъ въ первые *ворота* соколъ пролеталъ,
„Какъ въ другіе *ворота* скорый конь прогналъ (Тр. Эти. Отд. кн. V, стр. 119).

Въ „Словѣ", какъ и въ лѣтописяхъ: *врата* и „*ворота*". Выраженіе это является здѣсь въ собственномъ смыслѣ городскихъ воротъ: „отвори *врата* Новуграду", и въ значеніи образномъ „затворивъ Дунаю ворота"; загородите полю *ворота*, отворяеши Кіеву *врата*. (См. затворивъ, загородите, отворяеши).

Времена (accus. plur. neutr. **времени** (genet. sing.), **время** (accus. sing.), **временъ** (genet. plur.) отъ **время**—χρόνος, tempus.

Во всѣхъ этихъ грамматическихъ формахъ читаемъ это слово въ переводныхъ памятникахъ XI—XIII вв. **егда приближися время** (Мѳ. XXI, 34) **искаше подобна времени** (ib. XXVI, 16) **въ то время** (ib. XI, 25) **ѿ многъ временъ** (Лук. XXIII, 8) **въздадать плоды въ времена своя** (Мѳ. XXI, 41).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„У васъ часы часуются,
„*Времена* да временуются (Тр. Этн. Отд. кн. V, стр. 103).

Въ „Словѣ: сего *времени*", стараго *времени;* поютъ *время* пръвыхъ *временъ*; убуди *времена*.

Времены. См. **времены**. Но быть можетъ здѣсь даже не описка, а лишь звуковая замѣна. В. И. Ламанскій въ своемъ описаніи нѣкоторыхъ Славянскихъ рукописей (Прил. къ зап. И. А. Н. т. VI, № 1 1864 г.) между примѣрами замѣны в—к отмѣтилъ: **крiѣсме** и [illegible]. Точно такую же замѣну намъ удалось встрѣтить въ другомъ памятникѣ западно-русскаго письма XVI в. Такъ, въ принадлежащемъ намъ спискѣ „Бесѣдъ Макарія Египетскаго (бесѣда кз) читаемъ: „**не кто бы подвигы были или времена брѧнемъ**". На полѣ же начертано киноварью: **времена брѧнемъ**. Ср. въ Кіев. лѣтописи во Врѣтаніи вм. въ Брѣтаніи (Лавр стр. 15); въ договорной грамотѣ съ Ригою 1229 г. **воудеть** вм. **боудеть**.

Връже (aor. 3 pers. sing. indicat.) **връжеся** (aor. sing. 3 pers. indicat. passiv.) отъ **врѣщи—врѣщися**—βάλλειν, jacere—бросать, кидать, метать.

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ XI—XIII вв, читаемъ: **Вьрьгыи камень на высотоу на главѫ свою мьщеть**, ὁ βάλλων λίθον ἐπὶ τὴν ἑαυτοῦ κεφαλὴν βάλει (Панд. Ант. XI в. гл. 51, л. 113) **вьрзи камень на ню**—βαλέτο (Іоан. VIII, 7) **въздаша же камение да вьргоуть на нь**—ἵνα βάλωσιν (Ib. 59; ср. Мѳ. IV, 6; V, 29; XVIII, 9). **верже и въ землю**—ἔβαλεν (Апок. XII, 4 въ пер. Св. Алексія); **и силоу его връже въ море крѣпкыи во бранѣхъ** (Ирм. гл. д. пѣсн. а); **връзися долоу**—βάλε σεαυτὸν (Мѳ. IV, 6); **връзися отъсѫдоу** (Іоан. IV, 9).

Въ Лѣтописяхъ: „аще ли *вержаше* на другаго (Лавр. стр. 185); Петру же таку бывшу, яко порокомъ *вергшу* (Ип. 196) *връзете* жребій (подъ 1115 г.).

Въ „Словѣ" *въ́рже* жребій, т.-е. кинулъ метнулъ; уже *връжеся* дивь, т.-е. ринулся, повергся на землю.

Въ древнѣйшихъ памятникахъ глаголъ этотъ является и въ сложныхъ формахъ (in annexu praepositionum **въ, въз, по**): **въврещи, възврещи, поврещи**, но безъ особенныхъ оттѣнковъ значенія: **въ огнь въврьже**—ἔβαλε (Мрк. IX, 22) **вдовица въвржe двѣ мѣдници** (Ib. XII, 42; ср. 43, 44). **въврьже въ вьртоградъ** (Лук. XIII, 19) **все имѣние свое въвржe** (Лук. XXI, 4; ср. въ Лѣтописяхъ: „вверглъ еси ножь въ ны". Лавр. 264); **і въвръжеся въ море**—ἔβαλεν ἑαυτὸν (Іоан. XXII, 7); **вся печаль нашѧ въздвръзѣмъ на бга**—ἐπιρρίψομεν (гл. 85, л. 1181); **на земли повержетъ** (κατάξει—Іезек. XXVI, 11).

Особенно весьма часто въ памятникахъ XII—XIII вв. глаголъ врѣщи является въ сочетаніи съ *„жребіемъ"*. (См. **жребии**).

Врьхоу (adverbium pro praepositione).

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ нарѣчіе это отвѣчаетъ Греческимъ:

1) ἐπάνω, supra, надъ чѣмъ, вверху, выше: **градъ... вьрхоу горы стоя**—ἐπάνω ὄρους (Мѳ. V, 14); **възложиша вьрхоу ею ризы** (Мѳ. XXI, 7); **положиша вьрхоу главы его**—ἐπάνω κεφαλῆς (Ib. XXVII, 37).

2) ἄνωθεν, desuper—сверху: **хитонъ.. съврьхоу истъканъ** -ἄνωθεν ὑφαντὸς (Іоан. XIX, 23).

Въ Лѣтописи: „другіи *верху* васъ ѣздятъ (И. Г. Р. II, пр. 205).

Въ „Словѣ": „*връху* древа „значитъ, быть можетъ, не то, что „съ вершины дерева", но именно надъ лѣсомъ, выше лѣсу, чтобы гулъ Дива разносился широко и далеко, достигалъ Волги, Поморія, Посулія и другихъ окраинъ Половецкихъ (см. **дрѣво**).

Всеволодъ (nomin. sing. masc.) **Всеволода** (genet. sing.) **Всеволоду** (dat. sing.) **Всеволоде** (acclam. sing.)

Съ именемъ Всеволода являются въ „Словѣ" слѣдующіе князья: Всеволодъ Ярославичъ, который называется здѣсь „давнимъ" и „великимъ" въ отличіе отъ Всеволода сего времени.

2) Всеволодъ, братъ Изяслава Васильковича Городенскаго.

3) Всеволодъ Юрьевичъ, прозванный „*Большое гнѣздо*" († 1212), сынъ Юрія Долгорукаго, сидѣвшаго на Кіевскомъ престолѣ и потому приглашается „поблюсти престола отецкаго". Походъ его на Волжскихъ Болгаръ (1182 – 1184) доставилъ ему такую славу, что авторъ изобразилъ его въ чертахъ богатырскихъ.

4) Всеволодъ, братъ Игоря—героя поэмы, прозванный „буй-туромъ".

5) Всеволодъ, одинъ изъ Мстиславичей, братъ Ингваря, сынъ Ярослава Луцкаго.

Всеславъ (nomin. sing. masc.) **Всеславу** (dat. sing.).

Всеславъ Брячиславичъ—князь Полоцкій съ 1044 г. Жизнь его была полна всевозможныхъ неожиданностей и приключеній. Лѣтопись самое появленіе его на свѣтъ связываетъ съ необычайностями: „мати роди его отъ волхвованія и бысть язвено на главѣ его; рекоша бо волсви матери его, да носитъ се до живота своего, еже носитъ Всеславъ и до сего дне; сего ради не милостивъ есть на кровопролитье".

Авторъ „Слова" переходя къ изображенію чрезвычайнаго спасенія Игоря, возвращаясь къ „старымъ словесамъ" счелъ нужнымъ познакомить съ странною жизнію этого князя, въ коей наиболѣе в

глядно сказывается идея судьбы, или „суда Божьяго" который видѣнъ и въ спасеніи Игоря.

Всеславли (acclamat. plur.) **Всеславлю** (accus. sing.) отъ **Всеславль** adjectivum.).

Вси (nomin. et. acclam. plur. masc.) **вьсѣмъ** (dat. plur.) **вьсѣхъ** genet. plur. antecedentibus praepositionibus **отъ, съ**) **всю** (accus. sing.) **ся** (accus. plur. neutr. antecedente praepositione **по**) отъ **весь** πᾶς, λος, omnis.

Въ переводныхъ памятникахъ XI—XIII вв. слово это весьма часто читается во всѣхъ этихъ грамматическихъ формахъ: **вси народи** Мѳ. XII, 23) **вси людье** (Ib. XXVII, 25) **ѿ всѣхъ градъ** (Мрк. VI, 3; Лук. VIII, 4) **ѿ всѣхъ прркъ** (Лук. XXIV, 27) **всѣмъ языкомъ** Мѳ. XXIV, 14) **раздѣли всѣмъ** (Мрк. VI, 41) **вся недужныя** (Мѳ. VIII, 16) **грады вся** (Мѳ. IX, 35).

Что касается значенія, то въ „Словѣ", какъ и во всѣхъ древнѣйшихъ памятникахъ, оно отвѣчаетъ или 1) universus—въ совокупности безъ изъятія: *всѣмъ* тепло и красно еси; *вся* своя вои. (Ср. **въ свѣдѣтельство всѣмъ языкомъ**—πᾶσι τοῖς ἔθνεσι (Мѳ. XXIV, 14), **весь народъ**—πᾶς ὁ ὄχλος (Мѳ. XIII, 2), или же 2) totus—цѣлый, безъ перерыва: *всю* нощь съ вечера; *по вся утра* (Ср. **ос нощь всю**—δἰ ὅλης τῆς νυκτὸς (Лук. V, 5), **стоите вьсь днь**—ὅλην τὴν ἡμέραν (Мѳ. XX, 6); **приставихъ стражи весь днь и всю нощь**—ὅλην τὴν ἡμέραν καὶ ὅλην τὴν νύκτα (Ис. LXII, 5). Выраженіе „**по вся оутра**"—отвѣчало же Греческому—ὅτι κατὰ πρωὶ πρωὶ (Ис. XXIX, 19).

Вступилъ (perfect. descriptional. 3 pers. sing. masc. pro: **вступилъ есть**) **вступита** (2 pers. dual. imper.) отъ **вступити**. (См. **въступи**).

Всядемъ (1 pers. plur. imperativ.) отъ **вьсѣсти**.

Въ переводныхъ памятникахъ XI—XIII вв. глаголъ этотъ отвѣчаетъ Греческимъ:

1) καθίζειν, sedere; такъ въ Евангеліяхъ: **и приведоста жребьцъ... въсѣде на нь**—καὶ ἐκάθισεν ἐπ αὐτῷ (Мрк. XI, 7), **приведоста осьла жребя... и въсѣде вьрхоу ихъ** (Мѳ. XXI, 7); **обрѣтъ же осьла въсѣде нь** (Іоан. XII, 14).

2) ἐπίβαινειν, conscendere—восходить, взлѣзать; такъ въ книгѣ Пророковъ: въсадите на кони—ἐπίβητε ἐπὶ τοὺς ἵππους (Іер. XLVI, 9); въсѣдаите коиници—ἐπίβητε οἱ ἱππεῖς (Ib. 4). всадѣши на кони твоя—ἐπιβήσῃ ἐπὶ τοὺς ἵππους (Авв. III, 8) въсѣдъ на конѧ рыжа—ἐπιβεβηκὼς ἐφ ἵππον (Зах. I, 8).

3) ἀναβαίνειν, adscendere—подниматься, взлѣзать: ї идж ї всѧдж въ корабль—καὶ ἀνέβησαν (Іоанна XXI, 3).

Въ памятникахъ литературно-повѣствовательной дружинной школы глаголъ этотъ читается очень часто: Святославъ вборзѣ *сѣдъ* на конѣ съ дружиною своею (Лавр. стр. 66); Глѣбъ же вборзѣ *всѣдъ* на конѣ, с малою дружиною поиде (Ib. 122); Болеславъ *всѣдъ* на конь, вбреде въ рѣку и по немъ вои его (Ib. 140). А самъ Изяславъ *всѣдъ* на конь (Ип. 26). И *всѣдъ* на конь, позва брата к собѣ Володимера (Ib. 55); Володимеръ *всѣдъ* на конь (Ib.) князь Всеволодъ *всѣде* на конь Лавр. 392); и *всѣдоша* на кони (Лавр. 295).

Въ „Русской Правдѣ" говорится о жеребцѣ „оже не *въсѣдано* на нь".

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„Вы *садитесь* скоро на добрыхъ коней". (Рыбн. I, стр. 426).

Въ „Словѣ": а *всядемъ*, братіе, на свои бръзыя комони. Дружина приглашается взлесть, скочить на коней; прямой смыслъ здѣсь тотъ: ну, такъ, братья, на коней скорѣй.

Всѧкыми (instrum. plur. neutr.) отъ **всѧкыи**—πᾶς, omnis.

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ XI—XIII вв. слово это читается между прочимъ и въ значеніи: „разнаго рода, всевозможный": цѣлѧ вьсакъ недоугъ—πᾶσαν νόσον (Мѳ. IX, 35) т. е. разнаго рода; пълнї соуть... всакоѩ нечистоты—πάσης ἀκαθαρσίας (Мѳ. XXIII, 27) т. е. всевозможной; о всакои вещї. ѥже просите—περὶ παντὸς πράγματος (Мѳ. XVIII, 19) т. е. о предметахъ, какихъ бы то ни было.

Въ этомъ смыслѣ „всѧкыи" является и въ „Словѣ": *всякыми* урочьи Половецкыми, т. е. разнаго рода, всевозможными.

Въстрескоташа (правильнѣе: **въстрескоташа** (aor. 3 pers. plur. indicat.) отъ въстрескотати (см. трескоташа).

Въ, во (praepositio, construitur cum accusat. et local.). Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ союзъ этотъ весьма часто является: 1) въ сочетаніи cum local: **къ славѣ**—ἐν τῇ δόξῃ (Лук. XII, 27); **въ мірѣ**—ἐν τῷ κόσμῳ (Іоан. XIII, 1); **въ предѣлѣхъ**—ἐν ὁρίοις (Мѳ IV, 13) и 2) cum accusat. **въ поморье** (ib. IV, 13); **въ страноу**—εἰς περίχωρον (Мрк. I, 28); **въ гороу**—εἰς τὸ ὄρος (Лук. VI, 12).

Въ лѣтописяхъ: *в* порозѣхъ (Лавр. 72), *в* странахъ (ib. 85), *во* идѣніи (ib. 445), *въ* ноги (ib. 56), *в* дапь (ib. 53), *въ* лѣта (ib. 33).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

> „Вы возмите-тко.. *во* дворъ (Пр. С. кр. ч. I, стр. 31).
> „*Во* корелы *во* проклятой (ib. 141).

Въ „Словѣ" (cum accusat.): рища *въ* тропу и (cum local.): порузи *во* днѣ.

Въврьжеса (aor. 3 pers. sing. indicat.) отъ **въврѣщися** (см. **връжеса**).

Възбиваетъ (praes. 3 pers. sing. indicat.) отъ **възбивати** (in annexu praepositionis **въз—бивати**).

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ глаголъ этотъ отвѣчаетъ греческимъ:

1) κρούειν, pulsare—бить, ударять; такъ въ Патерикѣ XI—XII в. ю **възбиста врата**—ὡς οὖν ἔκρουσε; **преже даже не възби било**—πρὸ ῦ κροῦσαι τὸ ξύλον (Зап. И. Ак. Н. т. XXXIV, кн. 2, стр. 100).

2) πατάσσειν, percutere—сильно ушибать, сражать; такъ въ книгѣ Числъ: **възби валамъ осла жезломъ**—ἐπάταξε (XXII, 23).

Въ „Словѣ": соколъ птицъ възбиваетъ—т. е. ударомъ ихъ поражаетъ, убиваетъ.

Въсграяхоу (imperf. 3 pers. plur. indicat.) отъ **въсграяти** (in annexu praepositionis **въз=граяти**). См. **граахуть**.

Възлелѣи (2 pers. sing. imperat.) отъ **възлелѣяти** (in annexu praepositionis **въз—лелѣяти**) см. **лелѣютъ**.

Възлелѣяны (т. е. **выша**, perfect. 3 pers. plur. indicat. passiv.) см. **лелѣютъ**.

Възрѣ (aor. 3 pers. sing. indicat). отъ **възрѣти** (in annexu praepositionis **въ=зрѣти**).

Въ древнѣйшихъ переводахъ XI—XIII вв. глаголъ этотъ отвѣчаетъ греческимъ:

1) περιβλέπειν, circumspicere, озираться, окинуть взоромъ: **вънезапоу възрѣвше никого же не видѣша**—περιβλεψάμενοι (Мрк. IX, 8).

2) ἰδεῖν, videre, видѣть, глядѣть: **и възрѣвъ на оученикы своя**—καὶ ἰδὼν (Мрк. VIII, 33).

3) ἀτενίζειν, defigere oculos in aliquem—устремлять на кого взоръ: **възрѣвъ же... на нь петръ**—ἀτενίσας δε... εἰς αὐτὸν (Дѣян. III, 4).

4) κατανοῆσαι, animadvertere, примѣчать: **не смѣяше възрѣти**: въ сп. XIV в. **разоумѣти** (Дѣян. VII, 32).

5) ἀναβλέπτειν, suspicere, устремлять взоръ, возводить очи горѣ. Этотъ глаголъ является всегда въ тѣхъ случаяхъ, когда взоръ связывается съ небомъ и служитъ выраженіемъ благоговѣйнаго и молитвеннаго настроенія. Такъ, въ Евангеліяхъ читаемъ: **и пріимъ пять хлѣбъ и дві рыбѣ. възрѣвъ на нбо блгви**—ἀναβλέψας εἰς τὸν οὐρανὸν (Мрк. VI, 41: ср. Мѳ. XIV, 19; Лук. IX, 16) **и възрѣвъ на нбо въздохноу и гла** (Мрк. VII, 34). Въ книгѣ Пророковъ: **възрѣ на нбо. яко срдце еяже оупована на гда**—ἀνέβλεψεν εἰς τὸν οὐρανὸν ὅτε ἦν ἡ καρδία πεποιθεῖα ἐπὶ τῷ κυρίῳ (Дан. XIII, 35).

Въ этомъ послѣднемъ значеніи глаголъ **възрѣти** особенно часто читается и въ нашихъ лѣтописяхъ: *Възрѣвъ* на богъ (Ип. стр. 140). Игорь же съ братомъ Святославомъ *възрѣста* на небо и ревоста (ib. 23); *възрече* на Бога, своего труда не правяче, поѣдьмы (ib. 55); а лѣпо ны было братье, *възряче* на Божью помочь поискати отець своихъ и дѣдъ своихъ пути и чести (ib. 97); Ростиславъ видѣ (Половцевъ) много, *възрѣвъ* на небо, и поѣха къ нимъ (подъ 1190 г.): Братіе, се вошли есмя в землю сильную, а *позря* въ Бога, станемъ крѣпко, не *озираемся* назадъ (Лавр. 472). Отсюда видно, что подъ воззрѣніемъ на небо въ языкѣ литературно-повѣствовательной дружин-

ной школы разумѣлось не простое „глядѣніе вверхъ", а именно молитвенное настроеніе, выражавшееся въ возведеніи очей горѣ: взрѣти на небо, значило благоговѣйно предаться волѣ Божьей съ вѣрою и упованіемъ на милость и помощь свыше. Тотъ же смыслъ мы видимъ и въ „Словѣ": Игорь *възрѣ* на свѣтлое солнце—это значитъ: ἀνέβλεψεν εἰς τὸν Ἥλιον—устремилъ онъ къ Солнцу молитвенный взоръ съ упованіемъ на милость и помощь его.

Мусинъ-Пушкинъ удержалъ *„воззрѣвъ"* въ своемъ переводѣ.

Малиновскій, какъ въ черновыхъ бумагахъ, такъ и въ первомъ изданіи: „взглянулъ".

Всѣ послѣдующіе переводчики также.

Максимовичъ: „поглянувъ".

Мей: „посмотрѣлъ".

Скульскій: „глянулъ".

Гораздо правѣе, кои *„воззрѣлъ"* удерживали въ своихъ переводахъ.

Въскладаше (imperf. 3 pers. sing. indicat.) отъ **въскладати** (in annexu praepositionis **въс=кладати**)—ἐπιτιθέναι, imponere, налагать, возлагать.

Въ Галицкомъ Евангеліи XII в. читаемъ: **съкїрають же бремена въскладають на плеща чловѣкъ**—καί ἐπιτιθέασιν; въ другихъ спискахъ того же вѣка **възлагають на рамы**; въ позднѣйшихъ новоисправленныхъ переводахъ удерживалось „**възлагають**". Въ Панд. Антіоха XI в. **въскладаѫть** (гл. 37, л. 86). Въ Апостолѣ XIII—XIV в. **въскладошѧ же на потребѫ**—ἐπέθεντο; въ сп. XIV в.—**възложиша**, что удерживалось въ позднѣйшихъ новоисправленныхъ переводахъ (Дѣян. XXVIII, 10).

Изъ русскихъ историческихъ памятниковъ глаголъ этотъ читается въ Мстиславовой грамотѣ: **въскладывають товаръ на кола** (Русск. Достоп. II, 260).

Ср. въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„Ты *клади* да свое цвѣтно это платьице,
„Ты на лавочку *клади* да на брусовую.

Въ „Словѣ": Бояны пръсты... не струны *въскладаше*—т. е. налагалъ, касался сверху перстами.

Въскръмлени (perfect. 3pers. plur. indicat. passiv. pro **въскръ-млени быша**) отъ **въскормити** (in annexu praepositionis **въс=кръмити**.

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ XI—XIV вв. глаголъ этотъ отвѣчаетъ Греческимъ:

1) ἀνατρέφειν, nutrire, питать, воспитывать; такъ въ Святославо-Изборникѣ, 1073 г. **егоже родиша и въскръмиша акы ратьника**—ἀνέθρεψε ὡς πολέμιον (Изб. Об. Ист. и Др. 171). Въ Апостолѣ XIV в. (по сп. Толст.) **азъ оубо въскормленъ**—ἀνατεθραμμένος; въ Карп. XIII—XIV в. **въспитенъ**; въ позднѣйшихъ новоисправленныхъ переводахъ удерживаюсь: **въспитанъ** (Дѣян. XXII, 3).

2) ἐκτρέφειν, educare—воспитывать; такъ, въ книгѣ Пророковъ: **ни въскръмилъ еси ея**—οὐκ ἐξέθρεψας αὐτὴν (Іоан. IV, 10). Въ Панд. Антіоха XI в. **съвѣтъ въскръмленьныхъ**—τῶν ἐκτραφέντων (гл. 83, л. 176).

Въ литературно-повѣствовательныхъ произведеніяхъ Кіевской дружинной школы глаголъ этотъ читается весьма часто; такъ въ лѣтописяхъ: Ольга *кормящи* сына своего до мужьства и до возраста его (Лавр. стр. 63); рѣша Новгородцы Святополку: а *въскормили* есмі собѣ князь и ты еси шелъ отъ насъ (ib. 266) Владиміръ Васильковичъ говоритъ: Богъ не далъ ми своихъ родити, но си ми бысть (Ольга) аки отъ своее княгинѣ рожена, взялъ бо есть ю отъ своее матере въ пеленахъ и *воскормилъ* (Ип. стр. 214).

Въ повѣсти объ Акирѣ (по сп. XVI в.) читаемъ: **и вдахъ его (анадана) доити и въскръмихъ его медомъ и виномъ... сиу азъ же въ крьмых на свѣтъ.**

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„Не свѣтелъ ли тебя мѣсяцъ воспоилъ—*воскормилъ*?
„Воспоилъ—*воскормилъ* сударь-батюшко. (Тр. Эти. Отд, кн. I,
стр. 118).

„И спасетъ Богъ да свѣтъ—надежа сударь-батюшко,
„И *воскормилъ*—вспоилъ невольну красну дѣвушку. (Пр. С
кр. ч. III, стр. 217).

„Свѣтъ-батюшко величается воскормителемъ:
„И *воскормителю* надежѣ свѣту-батюшку
„На рѣзвы ноги сапоженьки козловыи. (ib. III, стр. 7).

Въ „Словѣ“: Куряне.. конець копія *въскръмлени*—т -е. воспиганы до самостоятельности и возмужанія. Въ дружинной Руси съ раннихъ лѣтъ обучали копьемъ добывать себѣ кусокъ хлѣба. Даже князья ъ самомъ юномъ возрастѣ должны были учавствовать въ бояхъ; такъ о Святославѣ лѣтопись разсказываетъ: суну копьемъ Святославъ на Деевляны и копье летѣ сквозь уши коневи, бѣ бо *дѣтескъ* (Лавр. тр. 56).

Въсплакашась (aor. 3 pers. plur. indicat.) отъ **въсплакатися** n annexu praepositionis **въс=плакатиса**). См. **плачетса**.

Въсплескала (perf. descriptional. indicat. 3 pers. sing. fem. pro ъсплескала есть) отъ **въсплескати** (in annexu praepositionis **въс=плескати**.

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ глаголъ этотъ отвѣчаетъ греческимъ:

1) κρούειν, collidere—хлопать; такъ въ Пандектахъ Антіоха XI в **въсноучъ рѫкама**--κρούσας τὰς χεῖρας (гл. 122, л. 184).

2) κροτεῖν, plavdere ударять въ тактъ руками, рукоплескать; такъ ъ книгѣ Пророковъ: **въсплещи роукою**—κρότησον τῇ χειρὶ (Iезек. I, 11)... **въсплещи роукама**—κρότησον χεῖρα ἐπὶ χεῖρα (ib. XXI, 14) **въсплескаша роукою**—ἐκρότησαν χεῖρας (Пл. іер. II, 15) **и азъ въсплещю роукою моею къ роуцѣ моеи**—κρατήσω χεῖρά μου πρὸς χεῖρά σου (Iез. XXI, 17).

3) ἐπικροτεῖν, pulsare, ударять, хлопать: **вса древеса въсплещють ими**--ἐπικροτήσει τοῖς κλάδεις (Ии. LV, 12) **въсплеска всака роука**—ἐκρότησεν πᾶσα χεὶρ (Iез. XXIX, 7).

Въ народномъ Пѣснотворчествѣ:

„Во длани судинушка *плескала*
„До суженыхъ головъ да добералась. (Пр. С. к. ч. I, стр. 252).

Плесканіе птицы крыльями здѣсь называется также—*хробыстаніемъ* и *бурахманьемъ*:

„И плыветъ утушка вѣдь крыльемъ не *схробынется* (ib. ч. III, 202).
„Подъѣзжаютъ пусть братьица тихошенько,
„И не спугаютъ перелетной моей птиченьки
„И штобы крыльицемъ она да не *сбурахнулась*. (ib. 144).

Въ „Словѣ": дѣва-обида *въсплескала* лебедиными крылы. Плесканіе или хлопанье этой дѣвы—повернувшейся лебедемъ, здѣсь тоже самое, что и плесканіе во длани судины въ народныхъ плачахъ: это плесканіе есть ликованіе злой судьбы о томъ, что жирное заживное время для ней наступило.

Что подобнымъ плесканіемъ выражалось именно ликованіе, изліяніе восторга, это видно между прочимъ и изъ того, что въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ глаголъ *плескати* примѣнялся къ восторгамъ отъ музыкальныхъ звуковъ: **плещющіи ко гласоу пищалеи**—οἱ ἐπικροτοῦντες πρὸς τὴν φωνὴν τῶν ὀργάνων (Ам. VI, 5).

Въспѣти (infinit.) **въспѣша** (aor. 3 pers. plur. indicat.) **отъ въспѣти** (in annexu praepositionis **въс-пѣти**). См. **пѣти**.

Въсрожатъ (praes. 3 pers. indicat.) отъ **въсрожати** (in annexu **въс-рожати**).

Глаголъ этотъ, какъ и нѣкоторыя другія слова въ древнихъ письменныхъ памятникахъ не встрѣчается и долженъ быть отнесенъ къ живому языку Кіевской дружинной Руси. Можно однако предполагать что онъ состоитъ въ генетическомъ соотношеніи съ „гласомъ трубы *рожанѣ*". Въ псалтири XII в. читается: **поите... въ троубахъ кованыхъ и гласъ троубы рожаны**—καὶ φοναῖς σάλπιγγος κερατίνης. Глаголъ **рожити** можетъ вполнѣ отвѣчать Греческому σαλπίζειν, tuba canere, трубить. Въ Евангеліяхъ XI—XIII вв. читаемъ: **егда оубо твориши милостиню. не въструби прѣдъ собою**—μὴ σαλπίσεις (Мѳ. VI, 2). Главнымъ основаніемъ для такого сближенія служитъ то, что авторъ „Слова", не разъ пользуясь образомъ завыванія волковъ ни разу не назвалъ его просто *воемъ*, но

исуетъ его эпически, т.-е по непосредственному впечатлѣнію, произ-
одимому имъ на того, кто слышитъ этотъ вой. Въ другомъ мѣстѣ
іъ называетъ его *свистомъ*, т.-е. выраженіемъ тождественнымъ слову:
срожать. Какъ свистомъ, указывается на пронзительные звуки сви-
ѣли или свистящей трубы (см. свистъ), такъ глаголомъ *въсрожатъ*
итъ же волчій вой рисуется въ образѣ трубнаго хора. Кто самъ
ыхалъ завываніе цѣлой стаи волковъ, тотъ понимаетъ всю правди-
ость и необыкновенную мѣткость уподобленія этого воя трубному
жестру. На сѣверѣ донынѣ говорятъ: „чу, въ стадѣ колокола зво-
итъ не безъ дѣла; знать, волки *затрубили*": (Сообщ. пѣвецъ былинъ
Щеголенковъ). См. свистъ.

Достойно особеннаго вниманія, что въ свадебномъ сѣвернорус-
омъ обрядѣ до нынѣ есть чинъ съ именемъ: *рожники* или невѣсти-
і перезовники; они вызываютъ родню жениха въ домъ невѣсты и
обще играютъ при ней туже роль, какъ и дружки при женихѣ. При-
імая все это въ соображеніе, мы полагаемъ, что *въсрожить* грозу
ачитъ воемъ словно трубнымъ *вызыватъ* грозу.

Въ „Словѣ" это выраженіе имѣетъ еще болѣе глубокое значеніе.
ю стоитъ въ картинѣ, гдѣ изображается злая судьба или смерть,
идающая полки Игоревы, гдѣ хищная птица дозираетъ уже участи
ъ и орлы клектомъ на кости звѣря зовутъ. Смерть и голодна и хо-
дна; она съ жадностью бросается на свою добычу и какъ бы со-
ѣвается ея горячей кровью: это съ особенною силою выражается въ
родныхъ плачахъ, гдѣ говорятъ ей:

„На сине море иди да ты голодная,
„На чисто поле иди да ты холодная.

„Я не брезгую вѣдь смерть да душегубица
„Я не нищіимъ не брезгую убогіимъ.

Уже въ глубокой древности было подмѣчено соотношеніе жад-
сти смерти съ лютостію голоднаго волка: люди похищаются смертію
; ἁρνία ἀπὸ λύκου (Oper. s. Ephr. Syr. III, 272; *Ждан*. Къ истор.
ы. поэз. 216).

Русскіе богатыри волкамъ кидаютъ свою добычу; разрывая на двое Поленицу, Илья Муромецъ:

„Первую частиночку рубилъ на мелки куски
„И рылъ онъ по раздольицу чисту полю
„Кормилъ онъ эту частиночку сѣрымъ *волкамъ*. (Рыбн. I, 74—75).

Голодные волки стаями сбѣгаются на открытыя, явныя мѣста и воютъ не истовымъ раздирающимъ душу воемъ; они просятъ ѣсть—пить и какъ поется въ стихѣ объ Егорьѣ храбромъ:

„Пьютъ·ѣдятъ повелѣное,
„Повелѣное, благословленое.

т.-е. обреченное на то судьбою.

Тихо начинается завываніе волковъ, но потомъ постепенно переходитъ въ цѣлый концертъ трубныхъ звуковъ ужасающій пронзительностію и свистомъ. Въ эту минуту въ душѣ человѣка, которому приходится слышать его, невольно возникаетъ страхъ за свою судьбу и ужасъ предъ смертію, съ сознаніемъ полной безпомощности предъ ея неотразимой силой. Здѣсь основа для сближенія злой судьбы съ лютостію голоднаго волка.

На этомъ соотношеніи волка къ злой судьбѣ, въ дружинномъ быту основались гаданія о предстоящемъ воинскомъ жребіѣ. Вѣрили что той сторонѣ, откуда слышалось завываніе волковъ предстояло пораженіе и гибель. Въ Кіевской лѣтописи подъ 1097 г. читаемъ: яко бысть полунощи, и вставъ Бонякъ, отъѣде отъ вой и поча выти волчьчкы, и волкъ отвыся ему и начаша волцы выти мнози; Бонякъ же пріѣха, повѣда Давыдови, яко „побѣда ны есть за Угры". Подражаніе волчьему вою—было въ обычаѣ у Славянъ съ глубокой древности. Въ вопросахъ и отвѣтахъ Сильвестра и Антонія читаемъ: слоканіе волчьи вымоще себе съзыкаютъ—τῇ λύκων ὠρυγῇ σφᾶς προσκαλούμενοι (Син. биб. № 129, л. 56).

Итакъ, влъки *въсрожатъ* значитъ: волки, слово рожники, трубнымъ воемъ вызываютъ смерть (См. грозу).

Въ древнихъ переводныхъ памятникахъ встрѣчаются другія слова олѣе или менѣе подходящія къ слову *въсрожатъ*. Таковы напр.

1) срагъ (какъ въ Панд. Ант. XI в.) или срагъ и (какъ въ Син. р. : 153) φριχώδης, horrendus, страшный, ужасный: срагъ имж та образъ л. 95, л. 206). Слово срагъ употреблялось въ переводахъ до XV в. огда стали замѣнять его словомъ *страшный*: страшным имоуть та разъ. (Воскр. сп. XV в.)

2) късрмити—ἀνορθοῦν, surrigere, подымать дыбомъ, взъерошивать; такъ въ Пандектахъ Антіоха: класы късрмлетъ—τρίχας ἀνορθοῖ л. 62, л. 134).

3) късрашити—ἀναξυρεῖν, radere—скоблить, царапать, брить; такъ ь Словѣ Ипполитовомъ XII в. късраши сѣдины—ἀνάξύρησον τὰς πολιὰς ъ моемъ сп. XVI в. л. 10).

Но не говоря уже о томъ, что оба послѣдніе глагола не могутъ ыть приняты въ текстъ безъ перемѣны *въсрожатъ*, на „въсрошатъ" и „въсрошаютъ", по внутреннему своему значенію они не даютъ удожественнаго смысла. Весьма сомнительно, чтобы такой художникъ акъ авторъ „Слова" могъ выразиться подобнымъ образомъ что „волки трахъ подымаютъ дыбомъ" или же, что „волки ужасъ брѣютъ".

Что же касается слова срагъ, то съ нимъ стоятъ въ генетическомъ отношеніи нарѣчіе срого и глаголъ срожитися. Но это нарѣчіе и глаголъ читаются лишь въ западно-русскихъ рукописяхъ и при томъ позднѣйшихъ; такъ въ Діаріушѣ Филипповича: гнѣвъ великій Бозскій адъ тѣмъ панствомъ *срого* виситъ (Ист. Библ. т. V, стр. 113). *Срожитися* не разъ читается въ Палинодіи Захарія Копыстинскаго въ наченіи „*свирѣпѣть*, яриться". Въ формѣ *срожити*—ни разу не встрѣчается. Но если бы даже и допустить существованіе въ формѣ дѣйствительнаго глагола, то сочетаніе его въ „Словѣ" было бы также не удожественнымъ: приводить въ ярость или дѣлать жестокимъ страхъ оротъ былъ бы столь же искуственный, какъ и „грозу взъерошивать" и „грозу брить".

Выше мы уже указали, какъ понимали это выраженіе первые здатели и всѣ предшествовавшіе комментаторы. (См. ч. II, стр. 166—70). Здѣсь же остановимся лишь на соображеніяхъ нѣкоторыхъ изъ ихъ относительно слова „*въсрожатъ*".

Шишковъ: „грозу въсрожать" не то значитъ, что волки вытьемъ своимъ страхъ наводятъ, какъ сказано въ переложеніи первыхъ издателей, а то что они тѣмъ же самымъ, что и птицы, угрожаютъ войскамъ Игоревымъ; ибо въ томъ и состоитъ важность описанія или изображенія, что все на нихъ подъемлется и ничто ихъ не устрашаетъ.

Вельтманъ, производя слово „въсрожатъ" отъ „рожати" въ значеніи „повѣщать", замѣчаетъ, что это слово до нынѣ живетъ въ Сербскомъ языкѣ и будто бы отъ него происходитъ слово „сторожъ", ибо въ старину сторожа, выставленные на вершинахъ горъ, повѣщали о приближеніи непріятеля звукомъ рога.

Гедеоновъ. Слово „въсрожатъ" сближалъ съ Чешскимъ strěti, saevire, toben; vrzati—stridere, шумѣть, яриться.

Гонсіоровскій, возражая на мнѣніе Потебни, замѣчаетъ: не считаемъ себя въ правѣ въ глаголѣ въсрожать видѣть замѣну ш и ж и читать; въсрашаютъ, или съ полногласіемъ; въсърошаютъ. Все сказанное Потебней не объясняетъ, почему слѣдуетъ читать въсрошаютъ, а нельзя прочесть въсрожать. Форма „въсорошися", существовала въ Русскомъ языкѣ, но почему не возможны формы въсорожити, въсорожать? Въ виду глагола въ польскомъ языкѣ srożyć, прилагательнаго srogi, какая надобность читать: въсрошаютъ вм. въсрожати. Глаголъ srożyć въ Польскомъ языкѣ употребляется съ мѣстоименіемъ ся—sie и безъ него. 1) Burzy sie zrozy—буря свирѣпствуетъ, бушуетъ 2) Lew grzywę nasrozyl—левъ гриву взъерошилъ, поднялъ дыбомъ. Что касается формы „въсорошися", то она по всей вѣроятности явилась вслѣдствіе затемненія этимологіи этого слова въ сознаніи говорящаго. Неудачнымъ находитъ онъ и переводъ Потебни: волки взъерошиваютъ страхъ по ярамъ. „Слово гроза" въ данномъ мѣстѣ, по мнѣнію Гонсіоровскаго, употреблено въ томъ же значеніи, въ какомъ оно употребляется въ современномъ Русскомъ языкѣ, т.-е. въ значеніи „буря": „вльки грозу въсрожать" значитъ „волки подымаютъ бурю". Что въ повѣрьяхъ о медведѣ и сказаніяхъ о громовникѣ много общаго—общеизвѣстный фактъ; а такъ какъ во многихъ мѣстностяхъ областное названіе для волка—бирюкъ, а въ Симбирской губерніи бирюкомъ называютъ медвѣдя, то отсюда строитъ предположеніе, что

лкъ въ народныхъ повѣрьяхъ отождествляется съ *громовникомъ;* волки грозу въсрожатъ" будетъ значить такимъ образомъ, что Громовникъ подымаетъ бурю".

Вполнѣ соглашаясь, что нѣтъ никакой надобности „въсрожатъ" мѣнять на *въсрошаютъ* или *въсрошатъ* мы должны замѣтить, что слово **гроза** въ древнѣйшихъ памятникахъ XI—XIII вв. не употреблялось въ нынѣшнемъ его значеніи и во всѣхъ переводахъ отвѣчаетъ или греческому ἀπειλή или же φρική (см. **гроза**).

Въстала (perf. inscriptional. 3 pers. sing. indicat. fem.) отъ **въстати** (in annexu praepositionis **въ=стати**).

Въ переводныхъ памятникахъ XI—XIII вв. глаголъ этотъ отвѣчаетъ Греческимъ:

1) ἀναστῆναι—excitare: стать на ноги, подыматься такъ въ Евангеліяхъ: **въстанї.. онъ же въста** — ὁ δὲ ἀναστὰς ἔστι (Лук. VI, 8) **въста самъ на са**—ἀνέστη ἐφ ἑαυτὸν (Марк. III, 26) **за роукоу въздвїже и въста**—ἀνέστη (ib. IX, 27) **и въста чисти** (Лук. IV, 16). **и се законнїкъ нѣкыи въста** (Лук. X, 25) **въста дѣвица и хожаше**—ἀνέστη (Марк. 42). Въ Пан. Антіоха XI в. **мало съна приимъ пакы въстанеть**—πάλιν ἀνίσταται (гл. 26, л. 65).

2) ἐπανίστασθαι, insurgere—подниматься, возставать: **и въстаноуть на родитела**—καὶ ἐπαναστήσονται (Мѳ. X, 21); въ Панд. Антіоха в. **ѿ бесѣды женьскы въстаеть**—ἐπανίσταται (г. 19, л. 46).

3) εγέιρεσθαι, excitare se: **въстанї и станї**—ἔγειραι καὶ στῆθι (Лук. 8) **и въста абье изїде**—καὶ ἠγέρθη (Марк. II, 12) **и въста и слоужаше емоу** (Мѳ. VIII, 15) **пророкъ великъ въста**—ἐγήγερται (Лук. I, 16).

4) διεγείρεσθαι: **въставъ же... ѿ сна**—διεγερθεὶς (Мѳ. I, 24).

Не рѣдко глаголъ этотъ читается и въ памятникахъ литературноповѣствовательной дружинной школы. Въ повѣсти Флавія: „**и нна бѣда въста въ їерлмѣ**"; въ лѣтописяхъ: Буря *въста* съ вѣтромъ и волнамъ *въстившимъ* (Лавр. стр. 21) *Въсташа* волъсви в Суждали (ib. 144); *въставше* людье избиша епископы (ib. 146), *въсташа* вси на рать . 287); **мужъ** *въстаеть* отъ нощи (ib. 79): печали *въсташа* и недузи . 209). Падеся и не приложи *въстати* (ib. 97).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„Какъ *востанетъ* вся любимая семеюшка,
„Обстолпимся кругъ тесовой мы кроваточки. (Пр. С. кр. ч. I, стр. 129).
„То зъ города погоня *вставала*
„Братьевъ моихъ догоняла (Церт. стр. 23).

Въ живой народной рѣчи говорится: „встала волость, какъ одинъ человѣкъ".

Такимъ образомъ—глаголъ *встати* съ одной стороны значитъ воспрянуть, подняться на ноги, а съ другой—возмутиться, взбудоражиться.

Въ „Словѣ": встала Дѣва-обида—т.-е. поднялась и взбудоражилась, взмутилась. (ср. въ Краледв. рук. bieda po Krainach—бѣда встала по всей землѣ).

ВЪСТОНА (aor. 3 pers. sing. indicat.) **ВЪСТОНАТИ** (in annexu praepositionis **въ=стонати**).

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ глаголъ этотъ является въ Славянской формѣ **въстенати** и отвѣчаетъ Греческимъ:

1) στενάζειν—ingemiscere, издавать тяжелыя вздохи, охать; такъ въ Святославовомъ Изборникѣ, 1073 г. читаемъ: **нынѣ въстеню и оутѣшюся**—νῦν στενάζω (изд. Общ. И. и Др. Р. стр. 163); въ книгѣ Пророковъ: **въ болѣзнехъ въстени предъ очима ихъ**—στενάξεις, (Іез. XXI. 6) **егда въстеноуть лзвенїи**—ἐν τῷ στενάξαι (Ib. XXVI, 15) **въстеноуть о тебѣ**—στενάξουσιν ἐπὶ σὲ (Іез. XXV, 16).

2) καταστενάζειν, ingemiscere: **въстенеши егда приидоуть болѣзни** (Іер. XXII, 23).

Въ Лѣтописяхъ есть выраженіе: *стоняше* сердце, (И. Г. Р. III. пр. 187).

Въ „Словѣ", а *въстона*... Кіевъ тугою—т. е. завздыхалъ и зарыдалъ безутѣшно. Лѣтописецъ съ своей стороны также замѣчаетъ, что когда до Кіевской земли дошелъ слухъ о судьбѣ Игоря и его дружины „*въздыханіе и плачь* распространися". (Лавр. стр. 378).

ВЪСТУПИ (aor. 3 pers. sing. indicat.) отъ **ВЪСТУПИТИ** (in annexu **въ=ступити**) ἐμβαδίζειν, ingredi, поставить ступню, ногу на что входить, взлезать.

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ глаголъ этотъ чаще встрѣчается sine praepositione и въ формѣ: стѫпати; такъ въ Пандектахъ Антіоха XI в. правыимь пѫтемь стѫпаетъ—βαδίζει (гл. 60, л. 129. Ср. стѫпание—βάδισμα, ib. гл. 6, л. 19; Сир. XIX, 24).

Въ Лѣтописяхъ: *вступи* ногою на лобъ (Лавр. стр. 38).

Въ „Словѣ": *въступи* въ златъ стремень.

Въшумѣ (aor. 3 pers. sing. indicat.) отъ **въшумѣти** (in annexu praepositionis въс—шумѣти). См. шумить.

Вы (pronom. 2 pers. nominat. plur.) отъ **ты**. См. **тебе**.

Выльяти (infinit. ἐκχεῖν, effundere) изливать, опоражнивать до дна, осушать.

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ глаголъ этотъ является въ формѣ: изливати или изляти, (такъ въ Панд. Антіоха: излѣите—ἐκχέατε (гл. 2, л. 9); и по своему значенію противоположенъ глаголу εἰςχεῖν, infundere, вливать, наливать какой-либо сосудъ жидкостію (см. ли).

Въ „Словѣ": „можеши Донъ шеломы *выльяти*", т.-е. вычерпать, осушить, опорожнить его, словно небольшой сосудъ, наполненный водою.

Подобное гиперболическое выраженіе встрѣчается въ Галицкой лѣтописи относительно Половецкаго хана Кончака „иже снесе Сулу, пѣшь ходя, кошелъ нося на плечеву". Мы признаемъ совершенно основательнымъ замѣчаніе Вс. Ѳ. Миллера, что здѣсь выраженіе „*пѣшь ходя*" не слѣдуетъ отдѣлять отъ предъидущихъ словъ „*снесе Сулу*" и что въ котлѣ, которую онъ носилъ, была вода именно Сулы, что этимъ выраженъ намекъ на побѣдоносный походъ Кончака въ Переяславскую область, область Сулы, подобный славному походу Святослава Грознаго—Кіевскаго, который, по выраженію „Слова", „изсушилъ потоки и болота". Выраженіе „шеломы *выльяти* Донъ—выражаетъ тотъ же смыслъ и относится къ тому же роду дружиннаго поэтическаго языка".

Выскочисте (aor. 2 pers. plur.) отъ **выскочити**.

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ XI—XIII вв. этому глаголу соотвѣтствуютъ:

1) in annexu praepositionis **отъ=скоунти**, ἀποπηδᾶν—exsilire; такъ въ Святославовомъ Изборникѣ 1073 года: **не въпрами оусєє на нѥ, н отъскоун**—ἀλλὰ ἀποπήδησον (изд. Об. И. и Др. Р. 141); въ книгѣ Пророковъ: **ꙗко ѿскоунша ѿ мєнє**—ἀπεπήδησαν ἀπ' μου (Ос. VII, 13).

2) in annexu praepositionis **нꙁъ=скоунти**, ἐξάλλεσθαι, exsilire; такъ въ книгѣ Пророковъ: **нꙁскоуать паче рысєн конн єго**—ἐξαλοῦνται οἱ ἵπποι (Авв. 1, 8).

3) Глаголъ **выскоунти** противоположенъ по своему значенію глаголу **въскоунти** — εἰσπηδᾶν (**ꙋлкъ... въскоунтъ въ домъ**—εἰσπηδήσῃ εἰς τὸν οἶκον (Ам. V, 19). Но и **въскоунти** употреблялось иногда вмѣсто **въс=скоунти** и тогда соотвѣтствовало Греческимъ ἐξάλλεσθαι и ἐκπηδῆσαι; такъ въ книгѣ Дѣяній: **н вьскоун(въ)**—ἐξαλλόμενος (III, 8); **вьскочста к народъ**—ἐξεπήδησαι (XIV, 14) то же, что **выскоунвъ, выскоунста**.

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„Тутъ онъ *скочитъ* изъ-за этого стола изъ-за дубоваго.
(Пр. С. кр. ч. I, стр. 264).
Выскакалъ онъ сквозь тонкій рукавъ. (Рыбн. III, стр. 281).

Въ „Словѣ": *выскочисте* изъ дѣдней славы т.-е. выпрыгнули, отскочили скокомъ, стали слишкомъ далеки отъ дѣдовской славы; быстро разомъ, стали недостойными его славнаго оружія, ибо поганыхъ навели на землю русскую, чего не дѣлалъ ихъ дѣдъ при всѣхъ превратностяхъ своей судьбы.

Высоко (adverbium).

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ нарѣчіе это читается въ формѣ **высоуе**: **птнцн жє ѡрлн высоуе парать**—τὰ ὑψηλά; въ позднѣйшихъ переводахъ: **высоко** (Іов. V, 7).

Въ посланіи Симона къ Поликарпу: „*высокая* мыслиши".

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„Не утреня заря занималася
„Да *высоко* взнималася. (Тр. Эти. Отд. кн. V, 106).
„Звивался онъ *высоко* по поднебесью (Рыбн. I, 15).
„*Съ высока* глядятъ да *выше* лѣсушку. (Пр. С. кр. I, 292).

Нарѣчіе это является въ „Словѣ" въ слѣдующихъ сочетаніяхъ:

1. *Высоко* сѣдиши на столѣ. По отношенію къ Галицкому Ярославу, это выраженіе, имѣетъ особенное значеніе. Д. И. Иловайскій изучавшій Галичь на мѣстѣ, замѣтилъ, что это выраженіе „Слова" списано, такъ сказать, съ самой природы Галича. „Галичь, или точнѣе, Кремль его, говоритъ онъ, находится на холмѣ, съ котораго нижній Галичь видѣнъ, какъ на ладони, равно какъ и дорога, которая шла изъ него въ Кіевъ чрезъ Днѣстръ. Здѣсь находился и княжій теремъ и церковь Св. Спаса. На возвышенное положеніе этого терема и вообще Галицкаго Кремля, быть можетъ, и намекаетъ это поэтическое выраженіе. (Воспоминанія о Галичѣ Древ. и Нов. Россія, 1878 г. № 2). Авторъ „Слова" точно также отмѣчаетъ и мѣстоположеніе Кіева — присоединяя къ сему выраженіе „*на горахъ*". Очень вѣроятно, что и по отношенію къ Галицкому князю выраженіе „*высоко* сѣдиши" значитъ тоже, что по отношенію къ Кіевскому Святославу: „въ Кіевѣ *на горахъ*".

2. *Высоко* плаваеши въ буести (по отношенію къ Роману Волынскому). *Высоко* здѣсь тоже, что подъ облаками, по поднебесью.

Тожественныя этому выраженія встрѣчаемъ въ спискѣ Паренесиса XIII в. яко орьлъ на высотахъ парли—ὡς ἀετὸς εἰς τὰ ὕψη πετόμενος—velut aquila in sublimia volitans, или же орелъ высоте възлѣтаетъ—εἰς τὸν οὐρανόν—coeli sublimitatem.

Впрочемъ въ „Словѣ" высоко можетъ относиться и къ предыдущему слову дѣло (мысль носитъ умъ на дѣло *высоко*) и тогда оно является, какъ nomen adjectivum. Въ этой формѣ оно также читается въ переводныхъ памятникахъ XI—XIII вв. еже есть въ члвцѣхъ высоко. (ὅτι... ὑψηλὸν) мьрзость предъ бмъ есть (Лук. XVI, 15).

3. Соколъ высоко птицъ възбиваетъ, т.-е. на самомъ полетѣ ихъ, въ высотахъ ихъ поражаетъ, не давая опуститься на землю.

Высѣдѣ (aor. 3 pers. sing. indicat.) отъ **высѣсти**.

Глаголъ этотъ по своему значенію противоположенъ глаголу съсѣсти (см. ссадемъ) и значитъ „съсѣсть, пересѣсть". Въ Лѣтописяхъ является неоднократно: *высѣдше* на брегъ, отринуша лодьѣ (Лавр. 139).

И ту повелѣ Изяславъ Ростиславу *выѣсти* въ шатеръ (Ип. 41); ср. вси *съсѣдоша* съ коней (И. Г. Р. Пр. 70).

Татищевъ лѣтописное *выѣсти* замѣнялъ выраженіемъ: выводить войско (Росс. Ист. 97).

Выторже (aor. 3 pers. sing. indicat.) отъ **выторгнути**, ἀνασπᾶν, evellere.

Въ повѣсти Флавія читаемъ: **абіе къітръгнеть корень** (л. 258 об.) ἀνασπᾶται ῥᾳδίως (Lib. VII, c. VI, 2). (Ср. **глава истръжена**—ἐξεσπασμένος. Амос. IV, 11).

Въ другихъ переводахъ XI—XIII вв. этому глаголу соотвѣтствуетъ: **въстъргати, въстъргнѫти: въсторгающе половелъ въстргнете коукол и пшеницю**—ἐκριζώσητε (Мѳ. XIII, 29); **въстъргающающа класы**—τίλλοντες (Мрк. II, 23).

Эти Греческіе глаголы указываютъ, что **выторгнути**—значитъ выдергивать (evellere) вырывать съ корнемъ (exstirpare).

Въ Лѣтописяхъ: „въздвигнувся Ярополкъ *выторгну* изъ себе саблю. (Лавр. стр. 199).

Въ „Словѣ": Святославъ поганаго Кобяка, яко вихрь, *выторже* т.-е. вырвалъ, выдернулъ, какъ буря вырываетъ дубы съ глубокими и крѣпкими корнями.

Вьются (praes. 3 pers. plur. indicat.) отъ **витися**—извиваться, сплетаться: проникать въ душу незамѣтно. Въ живомъ народной рѣчи говорится: Угорь *вьется* какъ змѣя; хмѣль *вьется* вокругъ тычинки; не родня, а въ душу *вьется*.

Пѣніе въ „Словѣ" сравнивается также съ тѣмъ движеніемъ, которое означается глаголомъ *вить*, *виться*: „*вьются* голоса чрезъ море до Кіева". Для уясненія этого образа замѣтимъ, что о дѣвицѣ обладающей звонкимъ голосомъ говорятъ: „экой у ней голосъ, такъ и *выноситъ*", т.-е. высоко и широко несется по воздуху. Разнообразные голоса хора, звонкіе—зычные голоса поющихъ дѣвицъ, громко раздаваясь и какъ бы извиваясь и сплетаясь между собою, высоко и широко несутся по воздуху и проникаютъ душу того, кто ихъ слышитъ. Вой звѣриной, свистъ слышится словно трубные воинскіе звуки, страшные—

душу раздирающіе, а пѣсни дѣвицъ, стройно сочетаясь въ разнообразіи голосовъ, широко несутся по воздуху и пріятно дѣйствуютъ на сердце. (Ср. свистъ, въсрожатъ).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„И запоемъ да звонъ—унылы жалки пѣсенки;
„И звонкой голосокъ какъ слышенъ по чисту полю
„И умильныи словечка во темны лѣса
„И тутъ услышатъ многи добры эты людушки. (Ч. III, стр. 173).

Особенно же, по народному наблюденію, голоса извиваются надъ водой. Вотъ при свадебномъ обрядѣ раздается у запертыхъ воротъ звонкій крикъ голосовъ: то громко ведутъ рѣчи сваты жениха. Игрицы—дѣвицы при этомъ поютъ:

„Зять у воротъ убивается,
„Надъ водой его *гласъ извивается.* (Тр. Этн. Отд. кн. IV, стр. 142).
Ср. „Какъ у мѣсяца
„Круты рожки *взвились*, т.-е. поднялись къ верху, изгибаясь (Ib. IV, стр. 72).

вѣ ἡμεῖς, nos (pronomen. primae personae, dual. nominat. masc. pro ва) отъ азъ.

Въ этой самой формѣ это мѣстоименіе читается въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ XI—XIII вв. кто юмоу отвьрзе оуі. не вѣ вѣ—ἡμεῖς οὐκ οἴδαμεν (Іоан. IX, 21).

Въ Лѣтописяхъ: „а *вѣ* по васъ слевѣ (Ип. 57) *вѣ* же пакы сойдѣ молвивѣ (Ib. 58). Въ посланіи Мономаха: тако *вѣ* даяла; а *вѣ* ему не будевѣ мѣстника, нъ взложивѣ на Бога. (Лавр. 245 и др.).

Въ „Словѣ": „а *вѣ* соколца опутаевѣ".

вѣдоми (praes. 3 pers. plur. indicat. passiv. pro вѣдоми суть) отъ вѣдѣти—εἰδέναι, γνῶναι, scire—знать.

Въ переводѣ Апостола XIV в., читается: вѣдома дѣла—γνωστὰ ἔργα (Дѣян. XV, 18); въ др. сп. свѣдома.

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„Тутъ дѣвица, не *вѣмъ*, взрадовалася,
„Не *вѣмъ*, дѣвица перепалася. (Рыбн. I, стр. 324).
„Говорили, поучали
„Чтобы міру было *вѣсто*. (Ib. III, стр. 329). Ср. въ Панд. Антіоха XI в., а любащи вѣсто, яко бестрастьи—δῆλον ὅτι ἀπαθής (гл. 67, л. 142).

„Таки-ль нé-*вѣсто* было не *вѣстимо*. (Пр. С. кр. ч. I, 137.
ср. ib. послать *вѣдомъ*).

Въ „Словѣ": пути имъ *вѣдоми*, т.-е. извѣстны. (См. свѣдоми).

ВѢЕШИ (praes. 2 pers. sing. indicat.) отъ **ВѢЯТИ** πνεῖν, flare—дуть, производить движеніе воздуха.

Въ Юрьевскомъ Евангеліи 1118—28 г. читаемъ: море же вѣтрꙋ велью вѣющоу—ἀνέμου... πνέοντος (Іоан. VI, 18; въ Галиц. дыхающю; въ Симон. XIII в. дъхноущю; въ Никоп. Серб. XIV в. дышющю): и егда югъ вѣющь ꙁнои боудеть и бываеть—πνέοντα (Лук. XII, 55; въ Галиц. доующа); възвѣяша вѣтри—ἔπνευσαν οἱ ἄνεμοι (Мѳ. VII, 25; во всѣхъ сп. XI—XIII вв.). Въ книгѣ Пророковъ: вѣтръ по всеи странѣ вѣеть—τὸ δ'αὐτὸ πνεῦμα... πνεῖ (Пл. Іер. I, 60).

Особенно часто глаголъ вѣяти является въ народномъ пѣснотворчествѣ:

Въ „Словахъ" богатырскихъ:

„*Віетъ* вѣтеръ со чистà поля. (Рыбн. III, 156).
„Какъ повіютъ вѣтры буйные. (Ib. I, 287).

Въ Причитаніяхъ:

„*Віютъ* витрышки сегодня по-полегошеньку. (Пр. С. кр.
ч. I, 34).
„Вѣтры *віютъ* по-тихошеньку. (Ib. 72).
„*Віютъ* витрышки на широкой на уличкѣ. (Ib. 114).

Въ пѣсняхъ:

„*Віютъ* витры, *віютъ* буйны
„Ажъ деревья гнутся.

Вѣяніе вѣтровъ въ „Словѣ“ представляется не просто, какъ естественное явленіе: *вѣютъ* вѣтры—Стрибожи внуци. Для большой наглядности этого миѳологическаго образа, отмѣтимъ, какъ олицетворялся вѣтеръ въ древне-русскомъ искусствѣ. Какъ извѣстно, князья Волоцкіе вмѣсто печати употребляли гемму Греческой работы, вставленную въ ободокъ съ именною русскою надписью. На этой геммѣ представленъ корабль, а на кормѣ и носу его сидятъ двѣ обнаженныя фигуры вѣтровъ и *дуютъ въ трубы*. Такого рода олицетвореніе вѣтра указываетъ на то языческое представленіе, что вѣтры производятся живыми человѣко-образными силами. Но въ „Словѣ“ вѣтры не только *вѣютъ*, но *вѣютъ* стрѣлами. Это значитъ, что одни вѣтры, подобно Марутамъ въ Вендахъ, стрѣляютъ изъ своихъ метательныхъ луковъ, а другіе дуютъ въ трубы, мча ихъ стрѣлы на храбрые полки Игоревы. Эпическая стихія, насквозь проникающая „Слово“, невольно наводитъ на подобныя соображенія и заставляетъ понимать это мѣсто въ такомъ именно смыслѣ. (См. выше, ч. I, стр.).

Вѣтрехъ (local. plur. masc. antecedente praepositione **на**) **вѣтри** (nomin. plur.) **вѣтрѣ** (acclam. sing.) отъ **вѣтръ**.

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ слово это отвѣчаетъ Греческимъ:

1) ἄνεμος, ventus: **вида же вѣтры крѣпъкы**—τὸν ἄνεμον (Мѳ. XIV, 30) **и събероуть ізбьраныꙗ ѿ четырь вѣтръ**—ἐκ τῶν τεσσάρων ἀνέμων (Ib. XXIV, 31) **прѣста вѣтръ**—ὁ ἄνεμος (Ib. XIV, 32) **запрети вѣтромъ**—τοῖς ἀνέμοις (Ib. VIII, 26) **и вѣтри послоушаютъ юго**—οἱ ἄνεμοι (Ib. VIII, 27) **бѣ бо вѣтръ протівьнъ имъ**—ἦν γὰρ ὁ ἄνεμος (Мрк. VI, 48) **възвѣꙗшѧ вѣтри**—ἔπνευσαν οἱ ἄνεμοι (Мѳ. VII, 25, 27).

2) πνεῦμα, spiritus, flamen; въ Святославовомъ Изборникѣ 1073 г. **вы отъ вѣтръ боурьныихъ**—ὑπὸ πνευμάτων ἀγρίων (изд. Общ. И. и Др. стр. 150).

3) πνοή, flatus; такъ въ Апостолѣ XIV в. **несомоу вѣтроу сильноу**—φερομένης πνοῆς βιαίας (Дѣян. II, 2).

Въ Лѣтописяхъ точно также очень часто является это слово: „абье буря въста съ *вѣтромъ* (Лавр. стр. 21) бывшему повосну *вѣтру*

(Ib. 29) и раздра а (паруса) *вѣтръ* (Ib. 31) и княжь корабль разби *вѣтръ* (Ib. 150) изверже *вѣтръ* (перуна) на рѣкѣ (Ib. 114) вѣтри сильни быша (Ib. 461).

Греческія слова—ἄνεμος и πνεῦμα означають также *духъ* (spiritus) и *душу* (anima) и стоятъ, по всей вѣроятности, въ изстариной связи съ эпическими представленіями вѣтра.

Слѣды подобнаго представленія до нынѣ сказываются въ сознаніи нашего народа. Въ завываніяхъ вѣтровъ на сѣверѣ до нынѣ народъ слышитъ вой душъ усопшихъ. (См. Прич. ч. I, стр. XII).

Христіанское міросозерцаніе миѳическія существа вѣтровъ замѣнило ангелами вѣтровъ и даже лѣтопись связываетъ вѣтеръ съ дѣйствующею въ немъ *„силою Божьею“*: *вѣтру* же таку бывшу, яко порокомъ верггшу; *вѣтръ* же обращаше камень на нѣ.. пакы же.. взлюмися *Божьею силою* пракъ (Ип. 196).

Въ живой народной рѣчи говорится: „смотри у *вѣтра* совѣта, и будетъ ли отвѣта; не вѣрь *вѣтру* въ морѣ; *вѣтеръ взбѣсится* и с бобыльей избы крышу снесетъ“.

Въ народномъ пѣснотворчествѣ не только обычно олицетворені вѣтра, но къ нему обращаются даже съ молитвою:

„Умоленые *вѣтры* буйные
„Ужъ вы скорые ходатели!
„Вы снесите письмо-грамотку
„Въ города-те во дальные,
„Во дальные да во украйные!
„Тамъ отыщите ладу милую,
„Гдѣ моя да лада милая и т. д. (Пр. С. кр. ч. II, LIV).

„Ужъ ты вѣтеръ, вѣтеръ буйный!
„Ты возвей, возвей со полуночи,
„Принеси съ собой вѣсть радостну. (Яросл. Губ. Вѣд. 1889, № 54, стр. 4).

Тоже сказывается и въ южнорусской поэзіи. Женщина такі умоляетъ вѣтеръ повѣять въ ту сторону, гдѣ находится ея милый:

„Повій *вітре*, повій вітре по полю, по полю
„Та разнеси, та разнеси мою лиху долю.

Она проситъ чтобы онъ принесъ къ ней родныхъ издалека:

„Ой, повій, *вітроньку*, зъ гори на долину,
„Та принеси до мене з далека родину.

Буйный вытеръ бываетъ враждебенъ казаку, сбиваетъ его съ гъ въ степи и на морѣ подымаетъ противную волну Черноморскую— разбиваетъ казацкія суда.

А изъ низу буйной вітеръ повивае,
Судна казацьки на три части разбивае. (Чтен. 1884, 4, 390).

Въ „Словѣ" вѣтры также являются не просто, какъ стихійныя ленія, но одухотворяются и очеловѣчиваются, какъ существа жи- ія. Съ одной стороны—это Стрибоговы внуки, которые вѣютъ стрѣ- ми на храбрые полки Игоревы; а съ другой—вѣтеръ-вѣтрило пред- авляется *крылатымъ* и величается господиномъ. Къ нему обращает- Ярославна съ молитвою, очень похожею на моленія, донынѣ столь ычныя въ народномъ пѣснотворчествѣ.

Вѣтрило (acclamat. sing. neutr.) отъ **вѣтрило**.

Слово это весьма нерѣдко встрѣчается въ древнѣйшихъ пере- дныхъ памятникахъ и всегда отвѣчаетъ Греческому ἱστίον, velum— русъ. (См. напр. Ис. XXXIII, 23). Принимая его въ этомъ значе- ін, въ текстѣ „Слова" необходимо измѣнить пунктуацію и читать такъ: вѣтре! вѣтрило чему, господине, насильно вѣеши? т.-е. зачѣмъ на- противъ развѣваешь парусъ?

Но обращая вниманіе на то что придатокъ *ило* былъ въ дру- инной Руси придаткомъ именъ личныхъ; каковы напр. имена *Пет- ило* (1 Новг. стр. 6), *Судило* (Ib. 9), равно какъ и на то, что Солн- е и Днѣпръ, къ которымъ также обращается Ярославна, обставлены крашающими словесами, кажется надежнѣе и Вѣтрило относить къ ѣтру, какъ подобное же украшающее слово, т.-е. слѣдовать уже при- ятому чтенію текста.

Имя *вѣтрило* въ совершенно иномъ значеніи, чѣмъ парусъ, упоминается въ Кіевской Лѣтописи подъ 1160 г. Андрей Боголюбскій, выстроивъ соборную церковь во Владимірѣ на Клязьмѣ, украсилъ ее извнѣ символическими изображеніями: „верхъ бо златомъ устрои и комары позолоти и извнѣ церкве и по комаромъ же птахы золотыи и *вѣтрила* золотомъ устроена постави".

По мнѣнію покойнаго графа А. С. Уварова и другихъ археологовъ здѣсь подъ вѣтрилами разумѣются четыре главныя вѣтра, воплощенные въ искусствѣ. Украшеніе наружности христіанскихъ храмовъ и главнымъ образомъ крышъ подобными символическими изображеніями и даже фигурами стараго язычества было въ обычаѣ у Греко-римской церкви. Къ сожалѣнію, изъ приведеннаго мѣста Кіевской лѣтописи нельзя вывести никакого заключенія о томъ, въ какихъ именно формахъ выражено было представленіе главныхъ вѣтровъ на комарахъ Владимірскаго собора.

Придатокъ *ило* къ слову *вѣтръ* указываетъ на увеличительное его значеніе, соотвѣтствующее современной сѣверно-народной формѣ на *ище*: вѣтеръ-*вѣтрило* то же, что старикъ-*старикище*. При этомъ окончаніе *ило* можетъ указывать не на качество только, но и на генесисъ и значить—не *могучаго* только, но и *старѣйшаго*. „О, вѣтеръ, *вѣтрило!* быть можетъ, то же, что „о вѣтеръ, самъ дѣдушко вѣтеръ!" (Ср. вѣтры внуци Стрибожи). Вѣроятность такого толкованія подтверждаетъ и рядомъ стоящая аналогія: „о Днѣпре Словутичю! Днѣпръ здѣсь также величается по имени дѣда или предка.

Въ древнѣйшихъ символическихъ изображеніяхъ, какъ византійскихъ, такъ и русскихъ вѣтеръ нерѣдко представляется въ старческомъ видѣ съ сѣдыми волосами.

Буслаевъ видитъ въ *ило* придатокъ уменьшительный; Потебня же—увеличительный. Мы склоняемся, какъ видитъ читатель, на сторону послѣдняго.

Вѣци (nom. plur. masc.) **вѣцѣ** (local. sing. antecedente praepositione **на**) **вѣчи** (nomin. plur.) отъ **вѣкъ**.

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ слово это отвѣчаетъ Греческимъ:

1) γενεά, generatio, familia; такъ въ Апостолѣ XIII—XIV в. **въ свои вѣкъ**—ἰδίᾳ γενεᾷ ὑπερετήσας (Дѣян. XIII, 36).

2) αἰων, seculum, aevum: **ни въ сь вѣкъ, ни въ градоущіи**—οὔτε ἐν τῷ νῦν αἰῶνι, οὔτε ἐν τῷ μέλλοντι (Мо. XII, 32).

Всего чаще слово *вѣкъ* какъ и Греческое αἰών, употреблялось въ значеніи seculum—столѣтія столѣтняго времени; такъ напр. въ повѣсти Флавія: (л. 158) **съкръшиша дѣло славно. на неиъ же длъгы вѣкы ѣконуашась**—μακροὶ μὲν αἰῶνες—longa secula (Lib. V, c. I, 1).

Но иногда словомъ **вѣкъ** и Греческимъ αἰών (Hom. il. E. 685) обозначался лишь періодъ чеоловѣческой жизни—aevum: **рабъ не пребываетъ къ дому въ вѣкы. сйъ же пребываетъ въ вѣкы**—εἰς τὸν αἰῶνα Іоан. VIII, 35).

Въ томъ и другомъ значеніи слово *вѣкъ* бытуетъ до нынѣ въ живомъ народномъ языкѣ: „*Вѣка*—вѣкушіе; Каковы *вѣки*, таковы и человѣки". *Вѣкъ* живучи—состарѣешься; *Вѣкъ* живи и *вѣкъ* учись.

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

Гдѣ *вѣк—отъ*, горюша коротать будешь. (Пр. С. кр. ч. I, стр. 31).

На ряду, знать, столько *вѣкушку* уписано. (ib.).

Въ томъ и другомъ значеніи слово *вѣкъ* является и въ „Словѣ".

1) въ значеніи seculum: были *вѣчи* Трояни; на седмомъ *вѣцѣ* Трояни.

2) въ значеніи aevum: *вѣци* человѣкомь скратишась.

Первые издатели и комментаторы слово „*вѣчи*" производили отъ „вѣче" и переводили словомъ „*съѣзды*"..

Карамзинъ вмѣсто „*вѣчи*" читалъ „*сѣчи*".

Дубенскій,—принимая слово *вѣкъ* въ значеніи опредѣленнаго продолжительнаго періода времени, замѣчалъ, что 7-й вѣкъ Трояновъ можно толковать или въ отношеніи къ Римской исторіи или къ нашей. Въ отношеніи къ Римской исторіи вѣкъ Трояновъ было точно седмой въ республики (509—117). Сочинитель „Слова", приводя здѣсь, можетъ быть слова Бояновы, примѣнялъ ихъ къ нашей исторіи и хотѣлъ сказать, что какъ Троянъ на седьмомъ вѣкѣ республики завоевалъ земли

Дунайскія, такъ Всеславъ силою хотѣлъ обладать землею Русскою или Кіевомъ. Но лучше, допустя мнѣніе, что Троянъ есть Владиміръ 1-й, пояснять седьмой вѣкъ Трояновъ Даніиловою седьминою (гл. IX, 24); ибо дѣйствительно по смерти Владиміра прошло семь седминъ, т. е. 49 лѣтъ, когда по Нестору въ 1064 г. Всеславъ рать почалъ.

Головинъ: „Русское счисленіе пѣвца гораздо проще, ближе.

Въ древнихъ Русскихъ сказкахъ упоминается о счастливыхъ войнахъ Трояновыхъ въ Дакіи, и Славяне, помня его побѣды, считали годы и вѣки отъ его завоеваній. Такъ и здѣсь Всеславъ овладѣлъ Кіевомъ на 7 в. отъ Трояна. Извѣстно, что Славяне раздѣляли свое изчисленіе не на десятки и сотни, какъ дѣлимъ мы нынѣ, но на 4 и сорокъ. Сыпучія вещества они мѣряли четвериками и четвертями: въ бочкѣ было 4 четверти, въ осминѣ 4 четверика. Земляныя мѣры изчисляли по посѣву четвертей хлѣба: въ сохѣ считалось 20 сороковъ четвертей дробной земли; въ четверти 30 сороковъ квадратныхъ саженъ (2,400 с.). Хозяйственая десятина наша и до нынѣ имѣетъ въ ширину сорокъ саженъ, а въ длину два сорока саженъ. Славянинъ помѣстилъ въ свою азбуку, которая служила ему также вмѣсто цифръ 40 буквъ. Что же касается до денегъ, то ихъ считали не иначе, какъ сороками. Славянинъ не зналъ изчисленія на десятки и сотни, а имѣлъ свои круглыя числа четыре и сорокъ, четыре сорока, сорокъ сороковъ. Такъ и въ лѣтосчисленіи четыре сорока или 160 лѣтъ составляли для Славянина круглый счетъ—вѣкъ Славянскій. Такъ точно изчисляетъ и пѣвецъ Игоря. Императоръ Троянъ вступилъ на престолъ въ 98 г. умеръ во 117; покорилъ Дакію во 102 отъ Р. Х. Всеславъ же овладѣлъ Кіевомъ во 1068 г. слѣд. спустя 966 лѣтъ послѣ покоренія Дакіи. По нынѣшнему лѣтосчисленью это будетъ въ X, а по древнему въ VII вѣкѣ отъ Трояна считая по 4 сорока или по 160 лѣтъ въ каждомъ вѣкѣ. Въ шести вѣкахъ будетъ находиться 960 лѣтъ. Изъ этого видно, что Всеславъ овладѣлъ Кіевомъ въ 6 году 7-го вѣка отъ покоренія Дакіи Трояномъ.

Миллеръ Вс., разбирая пѣсню Верковича о борьбѣ королей Би... и Трояна съ королемъ Бизомъ, обращаетъ вниманіе на то, что Троянъ съ своимъ союзникомъ *на седьмомъ году* побѣдилъ Биза-краля усматриваетъ здѣсь указаніе на то, что личность Трояна послужи...

автору „Слова" для миѳическихъ деталей, перенесенныхъ имъ на Всеслава, который на *седьмомъ вѣци Трояни връже жребій о дѣвицю себѣ любу*.

Потебня: Можно заключить, что Троянъ былъ для автора носителемъ отдаленной древности, представлявшей какое-то сходство съ былинами сего времени и съ событіями времени не столь далекаго. Болѣе частное представленіе автора о вѣкахъ Трояновыхъ намъ остается неизвѣстнымъ.

Вѣщіа (nomin. sing. femin.) **Вѣщей** (nomin. sing. masc. pro **вѣщій**) **вѣщеи** (acclam. sing. masc. pro **вѣщій**).

Едва ли это не единственное слово въ современномъ Русскомъ языкѣ, которое удерживаетъ свое изначальное значеніе, Происходя отъ корня **вѣ**, оно соединяетъ въ себѣ значеніе *знанія* (ср. **вѣмъ**, **вѣсто**) *слова* (ср. **вѣщать—вѣтіанъин**). Нѣтъ сомнѣнія, что въ эпоху образованія языка, какъ высокое знаніе выражалось въ *прозрѣніи* и усвоялось лишь людямъ, стоявшимъ въ непосредственномъ сношеніи съ богами, такъ и высокое слово—было слово *таинственное*, обладавшее силою и властію надъ лихомъ и зломъ—даръ тѣхъ же боговъ избраннымъ людямъ, стоящимъ къ нимъ близко.

Пѣснотворчество—было первоначально словомъ молитвы и считалось достояніемъ—людей, обладающихъ таинственнымъ прозрѣніемъ и силою таинственнаго слова.

Вотъ почему въ словахъ, относящихся къ пѣснотворчеству, соединяются повидимому разнообразныя значенія. Греческое ἐπῳδή—значитъ и заклятье и чарующее пѣніе. Вотъ почему Греческое ποιητής, poeta—пѣснотворецъ по-славянски переводилось **чародѣица** (Вопр. и Отв. Сильв. и Ант. л. 54. Опис. Син. Б. № 129). Вотъ почему Греческое ἐπῳδός, incantator, по-славянски передавалось словомъ **вѣщтьцъ**.

Кіевскій лѣтописецъ съ словомъ *вѣщій* соединялъ представленіе уже таинственнаго вѣдѣнія или чародѣйства—и, конечно, осудилъ его: „и прозваша Олга *вѣщій*, бѣ бо люди погани и невѣголоси (Лавр. стр. 31).

Въ народномъ сознаніи слово это существенно связано съ прозрѣніемъ: „о робятахъ, говорятъ, что они *вѣщіе*; до семи лѣтъ дано

имъ пророчествіе—и потому душа ихъ *вѣщая*; вѣдають они напередъ што будетъ: такіе и игры заводятъ строить (Сообщ. Касьяновъ).

Говорятъ также: „сердце мое *вѣщуетъ*; *вѣщій* сонъ не обманетъ; *вѣщеё* пѣтухомъ пропѣло; когда бы человѣкъ *вѣщъ* былъ, то бъ не погибалъ, вѣща птица".

„Ай же ты воронъ, птица *вѣщая*,
„*Вѣщая* птица, граючая.
. . . .
„*Испровѣщалъ* воронъ языкомъ человѣческимъ.
(Гильф. № 9).

Имѣя въ виду все сказанное, мы полагаемъ, что „*Боянъ*" вѣщій (praes. partic. отъ вѣ, вѣмъ) значитъ κατάδων вдохновенный пѣвецъ, чарующій пѣснотворецъ, непростой мастеръ пѣть и играть, но обладавшій для того необычайною, таинственною силою.

Вѣща душа—душа прозорливая, впередъ вѣдающая всѣ невзгоды и опасности.

Выраженіе „*вѣщій*" не означаетъ непремѣнно „кобника и оборотня, въ родѣ Бояна, сына Болгарскаго царя Симеона, какъ полагаетъ Вс. Миллеръ, но не достаточно принимать это выраженіе и въ смыслѣ *словеснаго* а поелику слово признакъ мысли, то и *разумнаго*, какъ объясняетъ г. Потебня. Таинственность и необычность вѣдѣнія—вотъ существенный признакъ представленія *вѣщій*. Быть может, чтобъ въ „Словѣ", насквозь проникнутомъ эпическимъ характеромъ, это выраженіе было употреблено болѣе прозаично, чѣмъ какъ оно живетъ въ нынѣшнемъ народномъ сознаніи, когда дѣтей называютъ *вѣщими*, т.-е. обладающими таинственнымъ предвѣдѣніемъ, превышающимъ обычное разумѣніе.

Точно также едва ли достаточно разумѣть, какъ полагаетъ г. Потебня подъ „*вѣщими перстами*" лишь персты *знающіе, искусные*: „персты бьютъ съ налёту, говоритъ онъ, а потому знакомому съ соколиною охотою и употребленіемъ инструментовъ—въ родѣ гуселъ и бандуры, даже и не вычитавшему въ книгѣ про „много очитыя персты накладаемыя Давидомъ на живыя струны" (Тихонр. сл. 26—27) можно было сравнить ихъ съ десятью быстроглазыми соколами. Чис

десять по числу пальцевъ могло быть видоизмѣненіемъ пѣсеннаго образа—стада соколовъ, изъ коихъ одинъ лучше всѣхъ, быстрѣе всѣхъ налетаетъ на птицу (Сахар. Сказан. III, 138, № 113; ср. ibid. 110, № 113). Затѣмъ для струнъ оставалась роль наиболѣе благородной добычи соколовъ, именно лебедей независимо отъ классическихъ преданій о предсмертномъ пѣніи этихъ птицъ и о восхваленіи ими боговъ (Вс. Милл. 183). Соколъ налетѣлъ на стадо лебедей, ушибъ или схватилъ одну, а та ему взмолилась; это обычный пѣсенный образъ. До пѣнія „лебедей—струнъ не далеко отъ очень распространеннаго сравненія: лебедь кикала". Все это прекрасно: сравненіе играющихъ перстовъ съ быстроглазыми и быстролетными соколами и струнъ съ кичущими лебедями естественно; но авторъ „Слова" какъ выше далъ понять о *необыкновенной* поэтичности „Старыхъ словесъ", широтѣ и восторженности Бояновскихъ розмысловъ, такъ и здѣсь выраженіемъ „*вѣщіе персты*" указываетъ, что игра его, какъ и его пѣснотворчество, также была необыкновенная, обворожительная, нечеловѣческая. Умѣлые, искусные персты часто бьютъ по струнамъ, но искусство искусству рознь. Здѣсь, очевидно, авторъ имѣетъ въ виду ту игру, которая служитъ достояніемъ генія и которая не иначе можетъ казаться для эпическаго сознанія, какъ *вѣщею.*

Истинный смыслъ сравненія соколовъ и лебедей съ перстами и струнами въ данномъ мѣстѣ „Слова", по нашему мнѣнію, опредѣляется не качествомъ только зоркости и быстролетности соколовъ и не кыканіемъ лебедей, но взглядомъ пѣвца на этихъ птицъ, какъ *вѣщихъ.* Изъ этого именно взгляда и возникло въ его сознаніи сравненіе „вѣщихъ перстовъ" съ соколами и „живыхъ струнъ" съ лебедями. Вѣра въ „вѣщую" силу птицъ, видимо властвовавшая въ сознаніи пѣвца Игорева породила въ немъ образъ пусканія соколовъ на лебедей для образнаго представленія наилучшей силы или, что тоже, для характеристики Бояна, какъ необычнаго, геніальнаго гусляра. Припомнимъ здѣсь извѣстную повѣсть о написаніи иконы Іоанна Богослова. Чтобы узнать, какой художникъ лучше, учитель ли Хинарь или его ученикъ, царь велѣлъ написать имъ два орла въ своихъ палатахъ и поставить на стѣнѣ. „Азъ возьму ястребъ птицу, говоритъ онъ и котораго орла начнетъ имать ястребъ, той и *гораздъ* будетъ. Такого рода оцѣнка

игры основана на повѣрьи, до нынѣ бытующемъ въ народномъ сознаніи, что хищная птица, при нападеніи на добычу, избираетъ себѣ наилучшую жертву. Чѣмъ живописнѣе будетъ написанъ орелъ и чѣмъ красивѣе будетъ онъ казаться, тѣмъ скорѣе нападетъ на него ястребъ. Въ силу того же повѣрья, намъ кажется, явился и въ „Словѣ“ образъ пусканія соколовъ на лебедей для выраженія необыкновеннаго достоинства струнной игры Бояна. Подъ его вѣщими перстами каждая струна, которой коснется, играла и пѣла, словно наилучшая лебедь избранница сокола. Если хищной птицей „служитъ здѣсь соколъ, то конечно потому, что соколъ съ глубокой древности являлся образомъ мудраго слова точно такъ, какъ лебедь была такимъ же образомъ пѣнія. Въ древне-русской *Пчелѣ* читаемъ: „быстрое летаніе сокола въ полѣ, тако и премудраго человѣка слово“. При томъ же соколиная охота была любимымъ занятіемъ дружинниковъ Кіевской Руси. „И въ ловчихъ ловчій нарядъ самъ есть держалъ, говоритъ Мономахъ, и о соколѣхъ и о ястребѣхъ (Лавр. 242, 1872). Образы, взятые отъ этой охоты очень естественно встрѣтить въ дружинной поэзіи.

Мусинъ-Пушкинъ выраженіе „*вѣщій Боянъ*“ перевелъ Боянъ стихотворецъ; *вѣщіе* персты—стихотворческія персты.

Малиновскій въ черновомъ переводѣ: *вѣщій Боянъ*—премудрый Боянъ; въ 1-мъ изданіи: мудрый! *вѣщіе персты*—искусные персты.

Шишковъ: Въ „Переложеніи“ переведено мудрый. Но слово „мудрый“ можетъ приличествовать всякому разумному человѣку или искусному художнику, хотя бы творимыя имъ дѣла не состояли въ „*вѣщаніи*“; напротивъ того *вѣщій* не иначе можетъ приличествовать, какъ человѣку свѣдущему въ *вѣщаніяхъ*, т.-е. имѣющему превосходныя познанія въ словесныхъ наукахъ: итакъ, подъ словами „мудрый Боянъ“ я еще не знаю, кто сей Боянъ; но подъ словами вѣщій Боянъ я тотчасъ понимаю, что онъ былъ искусный *вѣщатель*, стихотворецъ, писатель.

Пожарскій: слово „*вѣщій*“ не можетъ означать имѣющаго превосходныя познанія въ словесныхъ наукахъ. *Вѣщій* въ Польскомъ языкѣ значитъ гадательный; слово *вѣщій* не отъ глагола: *вѣщаю*, но отъ глагола *вѣмъ* происходитъ. Значеніе слова *вѣщій* объясняется еще въ продолженіи сего „Слова“ въ коемъ на челъ князя Всеслава го-

ворится: *аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ, нъ часто бѣды страдаше*; Всеславъ однако не стихотворецъ былъ, но *умный* и *проницательный* князь“.

Грамматинъ: въ словопроизводствѣ не видитъ ошибки у Шишкова. Онъ объясняетъ, что *вѣщій* въ смыслѣ *вѣщая* или *зловѣщая*, птица, если происходитъ отъ глагола *вѣмъ*, то съ другой стороны оно можетъ быть сокращеннымъ причастіемъ глагола: *вѣчю*, или *вѣщаю*, отъ котораго произошло древне-знаменитое *вѣче* и новѣйшее „*вѣщунъ*“.

Бутковъ слово *вѣщій* производилъ отъ финскаго: wiisas, wiisastun—мудрый, разумный; wiisans—мудрость, itse wiisans—ложная мудрость.

Снегиревъ замѣчалъ, что Боянъ называется *вѣщимъ* подобно Олегу въ Несторовой лѣтописи и что подобное же названіе встрѣчается и у Гомера въ Одиссеѣ: (1, 349): ἀνὴς ἀλφηστὴς.

Дубенскій *вѣщій* принималъ въ значеніи „*мудрый*, *прозорливый*, но выраженія: *вѣщій Боянъ*, *вѣщіа персты* удержалъ въ своемъ переводѣ безъ измѣненія.

Большая часть другихъ комментаторовъ и переводчиковъ „слово *вѣщій* оставляли безъ перифраза, не объясняя, какъ они его понимаютъ.

ВѢЮТЪ (praes. 3 plur. indicat.) отъ **ВѢЯТИ**—λιχμᾶν, ventilare взвѣвать, кидать на вѣтеръ, на воздухъ.

Въ книгѣ Пророковъ читаемъ: **изъвѣеши и вѣтръ възьметь а**— λιχμήσεις καὶ ἄνεμος λήψεται αὐτοὺς (Ис. XLI, 16) **разсыпахъ и развѣяхъ а**—καὶ ἐλίκμησα αὐτοὺς (Іезек. XXXVI, 19).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„Пойду къ косатымъ ластушкамъ.
„*Поразвѣять* своей кручинушки. (Пр. С. кр. ч. I, стр. 56).

Для пониманія „*вѣянія*“ въ „Словѣ“ необходимо имѣть въ виду древнее представленіе смерти храбрыхъ людей. Такъ въ повѣсти Флавія читаемъ:

Славьнѣи смрть лучe живота имать... дша поущена есть ѿ плотьскаго казаніа, ако ѿ долгыа работы свободнившеса, радоуетса и на

высотоу идетъ, и аще блга есть на илюськое поле понесеться, еже есть ꙁа ѡкїаномъ, идѣже есть мѣсто нетажемо ни дождемъ ни снѣгомъ, ни слнчнымъ сїанїемъ, нъ дхъ тихъ ѿ ѡкїана и блгоконенъ оутъ вѣющь на ны. Мню же яко и еллини соуть ту мысль имѣюще, написаша о своихъ яко дша храбрыхъ, нарекше полобогыѧ, ведоуть на блаженъныѧ островъ. (Флав. 48).—Επειδὰν δὲ ἀνεθῶσι τῶν κατὰ σάρκα δεσμῶν, οἷον δὴ μακρᾶς, δουλείας ἀπηλλαγμένας, τότε χαίρειν καὶ μετεώρους φέρεσθαι· Καὶ ταῖς μὲν ἀγαθαῖς, ὁμοδοξοῦντες παισὶν Ἑλλήνων, ἀποφαίνονται τὴν ὑπὲρ ὠκεανὸν δίαιταν ἀποκεῖσθαι..... Δοκοῦσι δὲ μοί, κατὰ τὴν αὐτὴν ἔννοιαν Ἕλληνες τοῖς τε ἀνδρείοις αὐτῶν, οὓς ἥρωας καὶ ἡμιθέους καλοῦσι, τὰς μακάρων νήσους ἀνατεθείκεναι (Lib. II, c. VIII, 11 *).

Что души храбрыхъ людей, по отдѣленіи на бою отъ тѣла, несутся въ воздухъ и затѣмъ въ надзвѣздный міръ—это еще яснѣе сказывается въ слѣдующихъ словахъ: **иже са сѣкоуть ѐ полкѹ. то дши ихъ желѣꙁомъ ѿ тѣла раꙁдроушиатса и приходать къ чистои стихїи къ ефери и сеи прїимъ посажаеть въ ꙁвѣꙁдахъ.** (Греч. тек. см. выше т. I, стр. 222).

Та же вѣра въ отлетаніе душъ въ воздушную область ко свѣтиламъ небеснымъ столь же ясно выражается и въ народномъ пѣснотворчествѣ:

Видѣли ль желанные родители:

„Какъ душа да съ бѣлымъ тѣломъ ликовалася
„*Вывъ какъ облако она да подымалася.* (Пр. С. кр. ч. I, стр. 205).

„*Отлетѣлъ* вашъ соколочикъ златокрыленькой. (ib. 193).
„Пріукрылся *вровень съ облачками* онъ да со ходячими,
„Ко луны онъ нашъ свѣтъ—да подвосточной. (ib. 211).

---

*) Души по разрѣшеніи отъ узъ плоти, какъ бы освободившись отъ долговременнаго рабства, радуются и *на высоту взлетаютъ*. Благочестивымъ душамъ, какъ и по мнѣнію Грековъ, уготована жизнь за океаномъ, въ странѣ, не имѣющей ни снѣговъ, ни дождей, ни зноя, но умѣряемой непрестанно отъ океана дышущими тихими зефирами; мнѣ кажется, что, Греки по сей же мысли, храбрѣйшимъ изъ своихъ мужей, которыхъ называютъ героями и полубогами, приписали счастливыя острова.

„*Улетѣла* моя бѣлая лебедушка
„На иное безвѣстное живленьице (ib. 116).
„Къ красну солнышку во бесѣдушку,
„ Къ свѣтлу мѣсяцу въ прибергушку. (ib. 131).

Бой лишь облегчаетъ это отлетаніе храбрыхъ душъ въ блажен-
ія надзвѣздныя жилища.

Въ „Словѣ": *вѣютъ* душу отъ тѣла—λικμοῦσι τὴν ψυχὴν ἐκ τοῦ ιρχὸς—т.-е. взвѣваютъ, метаютъ къ аэру, возносятъ горѣ. Подобно къ при вѣяніи тяжелое зерно надаетъ на гумно, а легкіе остатки юса теченіемъ вѣтра уносятся въ воздухъ, такъ на войнѣ тѣла, къ грубые и дебелыя, падаютъ на землю, а храбрыя души, какъ гкія и тонкія, уносятся въ область чистаго аэра. Не должно казаться раннымъ, что по нашему объясненію здѣсь душа уподобляется не)ну, а половамъ. Во всякихъ сравненіяхъ имѣется въ виду лишь гько извѣстный признакъ или качество предмета, а не весь пред- гъ во всемъ объемѣ его содержанія. Здѣсь авторъ имѣетъ въ у не относительную цѣнность души въ сравненіи съ другими дметами, но именно судьбу ея по отдѣленіи отъ тѣла. Соотно- віе „*вѣянія*" съ предъидущими образами невольно наводитъ насъ это убѣжденіе. Изобразивъ предъидущими картинами гибель и смерть ающихъ на бою, авторъ затѣмъ выражаетъ легкость отлетанія ихъ гъ въ блаженныя жилища.

Почти всѣ комментаторы и переводчики удерживаютъ въ своихъ еводахъ и изданіяхъ буквально это выраженіе; но никто изъ нихъ постарался уяснить, что оно значитъ.

Шишковъ замѣтилъ: авторъ сильно здѣсь изображаетъ ужасъ и ость убійства, а особливо симъ смѣлымъ и удивительнымъ выра- ніемъ: „вѣютъ душу отъ тѣла". Но въ чемъ здѣсь смѣлость и что нно вызываетъ удивленіе, не нашелъ нужнымъ высказать.

Подъ душею вопреки нашему мнѣнью разумѣли здѣсь зерно, а ь *вѣяніемъ*—отдѣленіе ея отъ плевелъ. Поэтому нѣкоторые пере- ли: „вывѣваютъ" (Мей) или „отвѣваютъ". (Скульскій).

Потебня приводитъ Малор. выраженіе: „кукіль с пшона выбі- а" (изъ тр. Этн. Эксп. V, 946).

Г.

Г̃ ostendit numerale ordinale = третїи. Такъ изображали порядокъ счета въ древнѣйшихъ нашихъ рукописяхъ. Въ „Словѣ: г̃ (третїи — accus. sing. masc. antecedente praepositione въ) т.-е. въ третїи дн.

Галици (nomin plur. fem.) отъ Галица.

Птица эта упоминается въ Шестодневѣ Іоанна Экзарха Болгарскаго, гдѣ имя ея соотвѣтствуетъ Греческому *κολοιός*, monedula.

Въ лѣтописяхъ читаемъ: яко се соколъ сбиваетъ *галицы* (Лавр. стр. 261).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„Хоть съ погоста прилети да черной *галочкой*. (Пр. С. кр. ч. 1, стр. 65).

„Орелъ... бьетъ сорокъ воронъ
„И сѣру *галицу*. (Рыбн. III, 149).

Перья на *лбу* и темени у этой птицы чернаго цвѣта, на затылкѣ свѣтло-сѣраго; глаза серебристо-бѣлые, клювъ и ноги черные.

Двѣ характерныхъ особенности, по словамъ естествоиспытателя Брэма, сказываются въ быту этой птицы:

1) она не только уживается съ подобными себѣ и летаетъ большими стаями, но охотно присоединяется даже къ стадамъ воронъ и особенно грачей.

2) это птица живая и веселая; голосъ ея разнообразенъ; обыкновенный ея крикъ *„крэй"* или *крїей*, но часто слышится и призывный *іекъ* или *дьекъ*. Гибкіе голоса цѣлой стаи галокъ походятъ на разговоръ ихъ между собою.

Та и другая черта сказываются и въ образахъ народнаго пѣснорчества:

„Будто *галицы* летятъ, старицы идутъ;
„По праву руку идутъ сорокъ дѣвицъ,
„Да по лѣвую руку другое сорокъ,
„Позади — дѣвицъ и смѣты нѣтъ. (Др. Рус. Ст. стр. 267).

„*Галица* молвить:
„Какъ намъ безумнымъ и грѣшнымъ
„Предъ Богомъ явитись. (Пѣсня о птицахъ).

Та и другая черта отмѣчены и въ „Словѣ:

1) Галицы *стады* бѣжать" т.-е. многочисленныя орды Полоцкія.

2) *Говоръ* галичь; а галици свою рѣчь *говоряхуть*. (См. юряхуть).

Относительно образованія слова *галица* сравни въ народной поэ: *воронница* полетучая (Пр. С. кр. ч. 1, стр. 212).

Въ исторической географіи встрѣчается *Галкина*—пустошь въ здальск. у. (Ист. Акт. 1, 414).

Древнѣйшее упоминаніе объ этой птицѣ является у Гомера и заъ она описана у Аристотеля.

Потебня въ выраженіи „*галицы* стады" находитъ возможнымъ ать *галицъ*, въ смыслѣ собирательнаго, согласуемаго со множественмъ числомъ.

Павловъ (Бицинъ) и Вс. Миллеръ предъ *галици* ставятъ здѣсь въ соотвѣтствіе предыдущему: „*не* соколы занесе буря; но г. Смирвъ замѣчаетъ, что съ подобной вставкой соотвѣтствіе будетъ слишъ натянуто; оно будетъ между разнородными предметами живымъ твлеченнымъ, при коемъ есть живые предметы соколы. Нельзя ать здѣсь полнаго отрицательнаго сравненія, въ родѣ:

„Не буйные вѣтры навѣяли,
„Не званые гости наѣхали".

Первая часть продолжаетъ онъ въ данномъ мѣстѣ „Слова" заимствована изъ какой-нибудь пѣсни Бояна и представляетъ образецъ его рѣчи; второе же предложеніе галици стады бѣжать не имѣетъ съ первымъ тѣсной связи и представляетъ иной образецъ символическаго языка Бояновскихъ пѣснопѣній".

Галичкы (pro **галичкыи**, acclam. sing. masc. nomen adjectivum отъ галичь).

Городъ *Галичь* весьма часто упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ (см. напр. въ Лавр. стр. 295, 296, 311, 313, 319, 320, 322).

Въ Богатырскихъ словахъ городъ этотъ прославляется:

„Какъ у насъ во городѣ во *Галичѣ*,
„У моей сударыни у матушки,
„На дворѣ стоятъ столбы все серебряные,
„Придернуты кольца золоченыя,
„Разоставлена сыта все медвяная,
„Есть насыпана пшена бѣлоярая.

(Подробное сравненіе Галича съ Кіевомъ см. у Рыбн. 1, 154—157).

Галицкій князь, какъ и городъ его, былъ на славѣ и потому вѣроятно къ имени князя Ярослава авторъ „Слова" прибавляетъ эпитетъ *Галицкій*, чего не дѣлаетъ онъ по отношенію къ князьямъ другихъ городовъ.

На Русской землѣ—есть *Галицкое* озеро (Ист. Акт. V, III).

Гзакъ—(nomin. sing. masc.) имя половецкаго хана, воевавшаго съ Игоремъ и гнавшагося за нимъ во время бѣгства. То же имя и въ томъ же „Словѣ" является и въ формѣ гза. (гзѣ, dat. sing. antecedente praepositione ко). Наконецъ въ лѣтописномъ сказаніи о томъ же походѣ оно читается кза.

Въ Лаврентьевской лѣтописи упоминается рѣка *Кза*: „Всеволодъ же, переѣхавъ рѣку *Кзу* (стр. 362) Ярославъ и Юрьй стаста на рѣцѣ *Кзѣ* (ib. 471); но таже самая рѣка въ Новгородской лѣтописи называется—*Хза*. (Новг. стр. 34. Ср. *хза*—кожа: сдираху съ коней хзы Лавр. 150).

Шевыревъ замѣчаетъ, что „стихія Половецкая сильно вошла въ Русскую жизнь и что Половцы заимствовали отъ насъ нѣкоторое об-

зованіс; имена Половецкія, сохранившіяся въ нашихъ лѣтописяхъ, могли бы облегчить оріенталистовъ, кто были Половцы".

ГЛАВꙊ (accus. sing. fem.) **ГЛАВЫ**(accus.plur.) и въ полносогласіи: **головы** (genet. sing. antecedente **кромѣ**) **головы** (pro **головѣ**, dat sing.) **головами**, (instr. plur.) отъ **глава-голова**, κεφαλή, caput.

Во всѣхъ этихъ грамматическихъ формахъ слово это читаемъ и въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ XI—XIII вв. **вьрхоу главы его**—ἐπάνω τῆς κεφαλῆς (Мѳ. XXVII, 37). **бьяхоть... по главѣ**—εἰς τὴν κεφαλὴν (Мѳ. XXVII, 30), **дажь ми... главоу** —τὴν κεφαλὴν (Мѳ. XIV, 8). **въздвігнѣте главы ваша**—τὰς κεφαλὰς (Лук. XXI, 28). **Покывающе главами**—κινοῦντες τὰς κεφαλάς (Мѳ. XXVII, 39).

Въ памятникахъ литературно-повѣствовательной дружинной школы слово это читается и въ краткой и полногласной формѣ и представляетъ, какъ латинское caput, разнообразныя значенія.

Оно является здѣсь:

1) въ значеніи главной и существенной, средоточной части тѣла, съ которою связана самая жизнь: можемъ *главы* своя сложити за тя (Лавр. стр. 129) (Ср. латинское capite persolvere —поплатиться жизнію). Пометаша *головы* и руки псомъ (ib. 457).

2) въ значеніи *головы*, какъ лица (sicut pars pro toto): „зло есть *нашимъ головамъ* да намъ ясти деревянными лъжицами, т.-е. зло—намъ, дружинникамъ (Лавр. 123); бысть сѣча зла и много паде *головъ*; (Син. 321. Ср. Латинское: avdax caput — храбрый воинъ, отважный человѣкъ). А гдѣ выкопаютъ мѣсто мужу... и ту съ нимъ положатъ малыхъ дѣтокъ семеро или осмеро *голоеъ* (Лѣт. IV, 189); и сгорѣ дворовъ безъ двою сорокъ, а *головъ* сгорѣ семь (Росс. Вивл. II, 676). Въ Русской Правдѣ и позднѣйшихъ историческихъ актахъ слово *голова* (sicut pars pro toto) является весьма не рѣдко. (см. Дроздов. Изсл. о Рус. Пр. II, 142—144).

Въ живой народной рѣчи до нынѣ говорятъ: „послушай, *голова*, что я скажу".

3) въ значеніи верховной власти: Князь *глава* есть земли, читаемъ въ Кіевской лѣтописи; тако бо Исаія рече: согрѣшиша отъ *главы* и до ногу, еже есть, отъ цезаря и до простыхъ людей (Лавр.

стр. 136). Мужи браньніи говорили князю Галицкому: ты еси король, *голова* всѣмъ полкомъ (Ип. стр. 192). Егда ты *глава* убіенъ будеши, камо ся другимъ дѣти (Ник. подъ 1216 г.). „Неидетъ мѣсто къ *голов*ѣ, но *голова* къ мѣсту (см. выше ч. I, стр. 337. Ср. Латинское: quatuor capita—четыре властелина).

Домохозяинъ въ народной семьѣ мыслится также державой дома и потому величается въ народномъ пѣснотворчествѣ „надежная *головушка*".

Во всѣхъ этихъ значеніяхъ слово *голова* является и въ „Словѣ:

1) въ значеніи поплатиться жизнію: хощу *главу* свою приложити.

2) въ значеніи лица (sicut pars pro toto): „камо туръ поскочяше, тамо лежатъ *головы* Половецкія, т. е. потоптанные *Половцы*. На Немизѣ снопы стелютъ *головами* т.-е. дружинниками.

3) въ значеніи государя, князя: Коганѣ! хоть и тяжко ти *головы*, кромѣ плечю; зло ти тѣлу, кромѣ *головы*.

Представленіе внутренняго отношенія между государемъ и государствомъ въ образѣ отношенія головы къ тѣлу—относится къ глубочайшей древности; образъ этотъ главнымъ образомъ созданъ Римомъ. Климентъ Римскій примѣнилъ его даже къ отношеніямъ въ церкви между іерархіей и пасомыми. Каждый въ своемъ чинѣ, говоритъ онъ, исполняетъ приказаніе царя и полководцевъ; ни великіе безъ малыхъ, ни малые безъ великихъ существовать не могутъ. Возмемъ тѣло наше: голова безъ ногъ ничего не значитъ, равно и ноги безъ головы—и малѣйшіе члены въ тѣлѣ нужны и полезны для цѣлаго тѣла; согласнымъ и стройнымъ подчиненіемъ служатъ всѣ для здравія цѣлаго тѣла (Clem ad Corioth. гл. XXXVII)—ἕκαστος ἐν τῷ ἰδίῳ τάγματι τὰ ἐπιτασσόμενα ὑπὸ τοῦ βασιλέως καὶ τῶν ἡγουμένων ἐπιτελεῖ. Οἱ μεγάλοι δίχα τῶν μικρῶν οὐ δύνανται εἶναι, οὔτε οἱ μικροὶ τῶν μεγάλων. Λάβωμεν τὸ σῶμα ἡμῶν· ἡ κεφαλὴ δίχα τῶν ποδῶν οὐδέν ἐστιν, οὕτως οὐδὲ οἱ πόδες δίχα τῆς κεφαλῆς· τὰ δὲ ἐλάχιστα μέλη τοῦ σώματος ἡμῶν ἀναγκαῖα καὶ εὔχρηστά εἰσιν ὅλῳ τῷ σώματι.

Что касается самаго слова *голова*, то Будиловичъ сопоставляетъ: Болг. и Серб. *глава*; Хорв. glava Чеш. hlava; В. луж. и Польск. głowa. Гильфердингъ сравнивалъ съ Санскр. cikhâ—макушка (Пер. Ch. 206)

ГЛАГОЛЮТЪ (praes. 3 pers. plur. indicat.) отъ **ГЛАГОЛАТИ.**

Въ переводныхъ памятникахъ XI—XIV вв. глаголъ этотъ отвѣчаетъ Греческимъ:

1) δημηγορεῖν—orationem ad populum habere; такъ въ Апостолѣ XIII—XIV вв., **на соудищи глаше къ нимъ**—ἐδημηγόρει (Дѣян., XII, 21).

2) φθέγγεσθαι, sonum edere, clamare; **запокѣдаша има не глати**—μὴ φθέγγεσθαι (Дѣян. IV, 18) въ сп. Гильф. XIV в. **не вѣщати**.

3) λέγειν dicere: **възглашають... и глють**—προσφωνοῦσι καὶ λέγουσιν (Мѳ. XI, 16, 17). **сіи глють**—(Мѳ. XXI, 16) **иже глють** (Мрк. XII, 18 ср. Лук. XXIV, 23) **како глють** (Лук. XX, 41) **книгы глють** (Іоан. XIX, 37).

4) λαλεῖν, loqui: **оуста глють**—τὸ στόμα λαλεῖ (Мѳ. XII, 34; ср. Лук. VI, 45); **слѣпыи и нѣмыи глаше**—καὶ λαλεῖν (Мѳ. XII, 22), **и глаше слово**—καὶ ἐλάλει (Мрк. II, 2).

5) φωνεῖν, sonum edere: **не възглють гртанемъ своимъ**—οὐ φωνήσουσιν (Пс. CXIII, 15).

Въ лѣтописяхъ глаголъ этотъ также читается не рѣдко: „привеюша Русскыя слы и велѣша *глаголати* (Лавр. стр. 45); человѣци *глаголаху* (ib. 208); вси *възглаголють* величья Божья (ib. 27).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„Святой Егорей—свѣтъ *глаголуетъ*" (Даль).

Хотя греческія глаголы λέγειν, λαλεῖν, φωνεῖν и употребляются часто безразлично, но, по мнѣнію греческихъ глоссаторовъ (какъ напр. Альберта и др.), собственно только λέγειν значитъ ordinate dicere, глаголы же φωνεῖν и λαλεῖν означаютъ inordinate loqui, garrire, шумѣть, жужжать, щебетать. Соотвѣтственно такому значенію λαλῶ и латинскій глаголъ loquor, ему отвѣчавшій, употреблялся также для выраженія неопредѣленныхъ звуковъ. Таково напр. выраженіе: „Arbores loquentes" (Catull.) — шумящія деревья; или, какъ у Цицерона, Res ipsa loquitur—дѣло говоритъ само за себя.

Въ такомъ же точно смыслѣ и въ нашемъ „Словѣ" употреблено выраженіе „стязи *глаголютъ*", т.-е. знамена шумятъ, жужжатъ, развѣваемыя вѣтромъ. Шумъ этотъ былъ такъ великъ, что говорилъ ясно, какая огромная Половецкая сила на Русь надвигалась.

Мусинъ-Пушкинъ *„стязи глаголютъ"* перевелъ: **„заговорили знамена"**.

Малиновскій—**первый сдѣлалъ переводъ вѣрный, который удерживался большинствомъ комментаторовъ.**

Дубенскій—**сблизилъ это выраженіе съ подобнымъ въ Краледвор. рук. zewznie hlahol trub i kotlow—зазвучалъ гласъ трубъ и литавровъ. Онъ перевелъ: „знамена скрыпятъ".**

Кн. П. П. Вяземскій—**такъ объясняетъ это выраженіе:** *стязи* **т.-е. знаменоносцы, стоящіе на возвышенныхъ мѣстахъ,** *увѣдомляютъ* **о большомъ скопленіи враговъ со всѣхъ сторонъ.**

Хрущевъ И. П. **усматриваетъ здѣсь подобную же метонимію. Стяги здѣсь вм. стяговники (которые обыкновенно становились на возвышенныхъ мѣстахъ съ знаменами и видѣли окрестность) глаголютъ, т.-е. возвѣщаютъ.**

Андріевскій: *глаголати* **употребляется обыкновенно для обозначенія говоренія, рѣчи; слѣдовательно,** *знамена говорятъ*—**безсмыслица. Желая осмыслить безсмысленное выраженіе автора „Слова" онъ** *стязи* **превращаетъ въ** *отязи*—**или оттязи отъ тяжи, а** *глаголютъ* **въ** *глаголющутъ*, **сопоставляя съ словомъ** *клокотати*—scaturire **и все это выраженіе относя къ землѣ. Не можемъ достаточно надивиться отвагѣ Г. Андріевскаго при его раставраціяхъ мнимо испорченнаго текста.**

Прозоровскій **перевелъ: „а стяги говорятъ.**

ГЛАСЪ (nomin. sing. masc.) **и въ полногласіи: ГОЛОСИ** (nomin. plur.) **отъ голосъ, гласъ.**

Въ древнѣйшихъ переводахъ слово это отвѣчаетъ Греческимъ:

1) ἦχος, sonus: **гласъ пѣсней твоихъ**—ἦχον ᾠδῶν σου **(Ам. V, 23).**

2) κραυγή, clamor: **гласъ сътрѣнія** — κραυγὴ συντρίματος **(Іер. XLVIII, 3).**

Но всего чаще φωνή, vox: **гласъ велїи слышанъ бы̑**—φωνὴ.. ἠκούσθη **(Мѳ. 11, 18) гласъ его яко море шюмящь (Іер. 17, 23) и будетъ гласъ твой (Ис. XXIX, 4) гласъ языковъ многихъ (Ис. XIII, 4) возд**виглша гла̑ свои **(Дѣян. XIV, 11). Гласъ радости, и гласъ веселїа**—φωνὴ χαρᾶς καὶ φωνὴ εὐφροσύνης **(Іер. XXV, 10) гласъ копла**—φωνὴ κραυγῆς **(Іезек. XXVII, 28; ср. Іер. XLVIII, 3).**

Въ Лѣтописяхъ читаемъ: „Онъ же (Андрей) начать рычати и гаголати в болѣзни сердца; они (убійцы) *гласъ* услышавше, воротися вань (Лавр. стр. 350). „*Гласъ* его, аки труба въ народѣ (ib. 454).

Въ плачахъ:

„Не попустишь ты, голубушка, зычѐнъ *голосъ*
(Пр. С. кр. ч. 1).

Въ „Словѣ" различаются гласъ *молитвенный* и голоса *пѣсненые*; гласъ Ярославны—есть изліяніе сердечной туги и скорби; голоса дѣвицъ выраженіе радости. Въ первомъ случаѣ гласъ соотвѣтствуетъ Греческимъ φωνή, κραυγή: авторъ въ плачѣ Ярославны какбы слышитъ знакомый ему голосъ и соучавствуетъ въ плачѣ дорогаго общества; въ послѣднемъ—ἦχος: вьются *голоси* чрезъ море, т.-е. разносится *эхо* веселыхъ пѣсенъ.

Глѣбовны (gen. sing. fem.) отъ **Глѣбовна** (nomen adjectivum, possessivum)—отечество Ольги, супруги Всеволодовой, дочери Глѣба Юрьевича, родной сестры Владиміра Глѣбовича, о храброй защитѣ коимъ Переяславля упомянуто здѣсь же въ „Словѣ".

Названія прямо по отечеству до нынѣ бытуютъ въ живой народной рѣчи.

Глѣбову (dat. sing. masc.) **Глѣбовы** (instrum. plur. masc). отъ **…овъ** (nomen adjectivum possessivum).

Подъ *глѣбовымъ* сыномъ въ „Словѣ" разумѣется Владиміръ Глѣбовичъ Переяславскій, умершій въ 1187 г. Апр. 18. *Глѣбовыми* сынами названы Рязанскіе князья дѣти Глѣба Ростиславича: Романъ († 1216), Игорь († 1194) Владиміръ, Всеволодъ и Святославъ. Въ 1180 г. они признали своимъ главою Всеволода III, князя Суздальскаго, который и назначилъ имъ удѣлы. Въ 1183 г. Всеволодъ ходилъ съ ними на Болгаръ, когда, вѣроятно, они отличились и потому авторъ „Слова" называетъ ихъ „удалыми".

Что касается имени *Глѣбъ*, то академикъ А. А. Куникъ полагаетъ, что оно не славянское; если бы де оно было славянское, то по звуковому значенію въ Польскомъ языкѣ оно должно было бы зву-

чать: Gliab. По мнѣнію г. Куника имя это принадлежитъ Хазарскимъ Болгарамъ; впрочемъ послѣдніе могли его, какъ и другія имена заимствовать у Иранцевъ. Глѣбъ, говоритъ, онъ, совершенно соотвѣтствуетъ хазарскому "Гліаб—ар" (βουσήρος Γλιαβάρος), о которомъ, какъ о вусирѣ, т.-е. вельможѣ упомининается около 705 г. (Касиі стр. 680).

Замѣтимъ съ своей стороны, что въ Кіевской лѣтописи подъ 1148 г. упоминается городъ *Глѣбль* и жители его *Глѣбльци* Откуда произошло это географическое имя?

Гнѣзда (genet. sing. neutr.) **гнѣздѹ** (dat. sing. antecedente praepositione **къ**) отъ **гнѣздо**.

Въ переводныхъ памятникахъ XI—XIII вв. слово это отвѣчаетъ Греческимъ:

1) νοσσία, nidus—собраніе дѣтенышей, птенцовъ: **кольకраты въсхотѣхъ събрати чада твоя якоже коурица гнѣздо свое подъ крилѣ**—ἐ... τὴν ἑαυτὴν νοσσίαν ὑπὸ τὰς πτέρυγας (Лук. XIII, 34) **наплъни ловитвы гнѣздо свое**—νοσσίαν αὐτοῦ (Наум. 11, 12); **аще положиши гнѣздо свое среди ѕвѣздъ**—ἐάν θῇς νοσσίαν (Авд. I, 4). **гнѣздо идеже положи птенца своя**—θήσει τὰ νοσσία ἑαυτῆς (Пс. LXXXIII, 4).

2) κατασκήνωσις, habitaculum, nidus, виталище, жилище: **и... ѕвѣрии имоуть .. и птица нбсьскыя гнѣзда**—καὶ πετεινά.. κατασκηνώσεις (Мат. VIII, 20; ср. Лук. IX, 58). Въ переводѣ Григорія Богослова съ толкованіемъ Никиты Ираклійскаго читаемъ: **нынѣ (весною) гнѣздо птица каже** (Син. биб. XIV в. л. 81 об.). Достойно вниманія, что у Горація слово nidus замѣняетъ также слово domus.

Въ лѣтописяхъ: „голуби же и воробьеве полетѣша въ *гнѣзда* свои" (Лавр. стр. 58).

Всеволодъ III, братъ Андрея Боголюбскаго—называется „*великимъ гнѣздомъ*".

Въ народномъ пѣснотворчествѣ *гнѣздо* является въ томъ и другомъ значеніи:

„Летитъ *гнѣздо* лебединое,
„А другое *гнѣздо* гусиное (Симб. Сбор. II, стр. 24; 18.. годъ)

„Во большомъ углу—
„Птицы *гнѣздышка* свиваютъ
„И тамъ выводятъ
„Оны малыхъ своихъ дѣтушекъ (Пр. С. кр. ч. III, 15).

„Жупя соловьи выговариваютъ:
„И наши теплыя *гнѣзда* да раззорилися
„И мы не знаемъ—то куда да пріютитися
„И во котору намъ во рощу придолитися (ib. ч. III, стр. 247).

Въ „Словѣ" точно также *гнѣздо* читается и въ значеніи κατα-ἡνωσις: „аще соколъ къ *гнѣзду* улстить, т.-е. на родину, домой" и значеніи νοσσία—рода племени. Два княжихъ рода называются ѣсь *гнѣздами*. Вопервыхъ—Ольгово хороброе *гнѣздо*: его составля- князья Сѣверскіе—самъ Игорь братъ его Всеволодъ Трубчевскій нъ Владиміръ Путивльскій и племянникъ его Святославъ Ольго-ъ. Другое гнѣздо—*гнѣздо* Мономаховичей: его составляли князья оленскіе Ингварь и Всеволодъ и всѣ три Мстиславича.

Съ представленіемъ гнѣзда существенно связано и ревнивое его реганіе: „глупа, говорятъ, птица, которой *гнѣздо* свое не мило". якой звѣрь *гнѣздо* бережетъ". Въ образѣ *гнѣзда* Святославъ III, ва Ольговичей почерпаетъ силу для своей ревности вступиться за ду сыновцевъ своихъ Игоря и Всеволода. „Когда соколъ въ мыту заетъ, высоко птицъ възбиваетъ: не дастъ онъ въ обиду *гнѣзда* его.

Половецкія орды, связанныя племеннымъ родствомъ, распростер-ся среди Русской земли, также рисуются въ образѣ гнѣзда, но зда лютыхъ звѣрей—рысей (аки пардуже *гнѣздо*).

Говоръ (nomin. sing. masc.) См. **говорихуть**.

Говорихуть (imperf. 3 pers. plur. indicat.) отъ **говорити**; юда (substantivum)—**говоръ**.

То и другое слово въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ рѣчается очень рѣдко.

Въ Амартолѣ XIV в. начаша вси говорити на нь; въ лѣтописи Манассіи 350 г. съ кеплемъ и гоноромь — σὺν κραυγῇ καὶ λαλαγῇ (Вост.).

Въ лѣтописяхъ: и бысть *говоръ* великъ акы до небеси отъ множьства людій, отъ радости великия (Лавр. стр. 401).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„Прилеталъ да этотъ мелкой соловеюшко,
„Друга птиченька орелъ да *говорючей*:
„Отъ крѣпка сна меня тутъ разбудили
„И въпотай мнѣ-ка побѣдной *говорили*. (Пр. С. кр. ч. I. стр. 26).
„И оны жалкимъ голосочкомъ *говорили*
„И оны дѣвушкѣ вѣдь мнѣ-ка взвѣщевали. (ib. ч. III, 26).
„И облукавилъ вѣдь орелъ да *говорючей*. (ib. стр. 28).

Вѣра въ языкъ пернатаго царства сказывается и въ христіанскихъ памятникахъ; такъ въ Огласительныхъ поученіяхъ Кирилла Іерусалимскаго XII—XIII вв. читаемъ: овы (изъ птицъ) языкъ имать гласа красна—γλῶσσαν μουσικὴν (Оп. Син. библ. III, стр. 57).

Особенно же эпическое сознаніе не только переноситъ на пернатое царство человѣческія думы и чувства, но и усвояетъ ему человѣческій языкъ; и въ богатырскихъ словахъ и въ народныхъ плачахъ весьма часто читаются выраженія:

„Проязычитъ птица *языкомъ человѣческимъ*:
„ (Рыбн. I, 415).
„Испровѣщилъ воронъ *языкомъ человѣческимъ*: (ib. I, 200)
„Налетала птица—мала пташечка,
„А сама стала пѣть жупѣть и *выговаривать*. (ib. III, 278-279).
„Сталъ то голубь со голубушкою *разговаривати*. (ib. III, 82)
„Голубушка востро *говорила*. (ib. I, 82)
„Соловей птица свистучая,
„Орелъ птица *говорящая*. (ib. III, 391).

Послушаемъ теперь, что говоритъ знаменитый ес ествоиспытатель ;рэмъ объ языкѣ пернатаго царства. Одною изъ главныхъ особен-юстей птицъ служитъ ихъ гибкій и звучный голосъ, богатство языка пріятность пѣнія. Внимательное наблюденіе несомнѣнно доказываетъ, ю птицы издаютъ различные звуки, смотря по своимъ ощущеніямъ желаньямъ, такъ что звукамъ этимъ безъ всякаго преувеличенія ожно приписать значеніе *слова*, такъ какъ птицы помощію его не лько понимаютъ другъ друга, но даже и внимательный наблюдатель лучивается понимать ихъ. Птицы манятъ или зовутъ, выказываютъ юю любовь и радость, вызываютъ другъ друга на бой или для за-иты и охраны, предостерегаютъ отъ враговъ и другихъ опасностей, ›редаютъ другъ другу всевозможныя сообщенія и не только умѣютъ оворитъся другъ съ другомъ, но даже болѣе способныя птицы мо-тъ говорить съ менѣе способными. Предостереженія большихъ птицъ ушаются всѣ мелкія существа; на крикъ чернаго дрозда обращаетъ иманіе весь лѣсъ. Особенно наиболѣе осторожныя изъ нихъ стано-тся часто сторожами цѣлаго общества и всѣ предостереженія ихъ зпрекословно принимаются остальными. Въ періодъ любви птицы лтливо переговариваются между собою, часто чрезвычайно пріятнымъ разомъ, и точно такимъ же образомъ мать разговариваетъ съ сво-я дѣтьми. (Илл. Жизн. жив. II, стр. V).

Въ „Словѣ": *говоръ* и *говоряхуть* относятся къ галицамъ. Здѣсь дъ этими словами разумѣется не просто только ихъ крикъ или ›мъ, но именно разговоръ ихъ между собою, на подобіе человѣче-аго; галици свою *рѣчь* говоряхуть; далѣе указано здѣсь и то, въ чемъ енно состояла ихъ *рѣчь*. (См. хотать).

Выраженіе: „*галки говорятъ*" до нынѣ бытуетъ въ живомъ народ-мъ языкѣ Ярославской губерніи (Яросл. губ. Вѣд. 1888 г. № 53, р. 3).

Гоголемъ (instr. sing. masc.) отъ **гоголь**.

Гоголь изъ семейства утокъ (anas clangula). Изъ древнѣйшихъ иятниковъ онъ упоминается въ сказаніи о Тиверіадскомъ морѣ не-инѣнно богомильскаго происхожденія, гдѣ читаемъ: егда не бысть ы ни земли и тогда бысть одно море Тивириадское, а береговъ оу

него не было. и сниде гдь по воздуху на море тивериадское и видѣ гдь на мори гогола плокущіа; а тотъ гоголь зарось во евіи морской... и рече гдь понырнса въ море и вынеси мнѣ земли (мой сп. XVI в. л. 76—77). Отсюда видно, что подъ *гоголемъ* разумѣлась въ древности утка, извѣстная въ зоологіи, подъ именемъ: *нырокъ*. За глубокое ныряніе, по богомильскимъ преданіямъ, *гоголю* суждено участвовать даже въ созданіи міра.

Въ живыхъ народныхъ пересказахъ этихъ преданій, какъ великорусскихъ, такъ и южно-русскихъ, *гоголь* также является *нырком* (см. Чт. Об. И. и Др. 1886 г. кн. IV).

О гогольныхъ ловцахъ упоминается въ лѣтописи подъ 1270 г. Новгородцы говорили в. кн. Ярославу Ярославичу: чему еси отъялъ Волховъ *гоголными* ловьци? (И. Г. Р. IV, пр. 130).

Гоголь, какъ поэтическій образъ встрѣчается и въ народной поэзіи:

„А не ярые *гоголи* на сине море выплыли. (Др. Р. Вт. 74).

Въ народномъ быту щеголь называется гоголемъ: „*онъ гоголемъ ходитъ*“; т.-е. хватомъ, самодовольно поднявъ голову.

Въ Историческоы географіи извѣстны: *Гоголь* и *Гоголка*—ручьи (кн. Больш. черт. стр. 9).

Гоголь, по описанію охотника Ефима Егорова, поменьше морскаго селезня, но вѣсомъ—не меньше; темно-сѣраго цвѣта, а крылье весной бываетъ у него бѣлое; яица кладетъ въ дуплахъ, но живетъ постоянно на водѣ; не видано гоголя на берегахъ, а всегда на заливѣ, на рѣкахъ, на озерахъ. Убить его не легко, потому что рѣдко подплываетъ къ берегамъ, ныряетъ быстро и кормится на днѣ.

Отсюда понятно, почему Игорь, спасаясь отъ погони, на водахъ превращался въ *гоголя*. Стаями *гоголей* Донецъ, оберегая Игоря, отвлекалъ вниманіе гнавшихся за нимъ хановъ.

На сѣверѣ слово *гоголь* бытуетъ и въ формѣ *гоголица* (ср. галица).

ГОДИНА (nom. sing. fem.) **ГОДИНУ** (acc. siug.) **ГОДИНЫ** (nomin. plur.).

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ XI—XIV вв. слово это отвѣчаетъ Греческимъ:

1) ὥρα, hora — часъ. Такъ въ Галицкомъ и другихъ Евангеліяхъ читаемъ: годнна мниоу или какъ въ Типогр. годнна мнноула — ὥρα πολλή. Въ Остром. Мстисл. и Добрил. не оу къ пришла годнна юго — ἡ ὥρα αὐτοῦ (Іоан. VII, 30) яко прнде годнна юа — ἡ ὥρα αὐτῆς (ib. XVI, 21). Въ Апокалипсисѣ XIV в. на годнноу εἰς τὴν ὥραν (IX, 15) ѿ годины (III, 10). Въ Пандектахъ Антіоха XI в. дѣти последнаа година юсть — ἐσχάτη ὥρα ἐστὶν (гл. 60, л. 131).

2) Въ томъ же значеніи годнна встрѣчается и въ Патерикѣ Синайскомъ XI—XII в. (Зап. Имп. Ак. н. XXXIV, кн. 2, стр. 101) и въ житіи Андрея Цареградскаго XVI в. (ibid. стр. 167); но въ этихъ послѣднихъ памятникахъ слово это является и въ соотвѣтствіи Греческому καιρὸς — tempus certum et statatum: годнна бꙑвше клеванію — καιρὸς) бꙑ годнна сто комканиꙗ (ibid.).

3) Въ „Словѣ" на Рождество Христово въ харатейномъ спискѣ XIV вѣка (сб. Хлуд. л. 132) читается: „ни часомъ, ни годнною, ни мсцмъ, ни временемъ, ни лѣтомь ѡдрьжнмъ". Здѣсь годнна явно отличена отъ словъ: *часъ* и *время* и означаетъ годъ (annus). У Іоанна Экзарха Болгарскаго читаемъ: ино бо лѣто χρόνος ино же годъ καιρὸς (сп. кн. б. 1263 г. л. 161). Въ значеніи года (annus) слово година является и въ Сербскихъ грамотахъ XIV и XV вв. (Рjечнік Даничича).

Въ Лѣтописяхъ:

„Заутрени сущи *годинѣ* (Лавр. стр. 220).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„А якъ пришибла несщастна *годына*,
„Названа и кривна одреклась родыня. (Цертел. стр. 56).

Слово *година*, замѣчаетъ Академикъ Срезневскій, есть вообще славянское, только получившее въ разныхъ краяхъ особенные оттѣнки значенія какъ и слово *часъ*. На сѣверозападѣ *година* — часъ, hora; на югозападѣ — годъ, annus; на „востокѣ не опредѣленное время въ предѣ эпохи". (Замѣч. на Гедеон. стр. 14). Но едва ли можно признать безусловно такое разграниченіе. Въ живомъ языкѣ сѣвера бытуетъ это слово и теперь въ значеніи годовщины; таково напр. выраженіе: „*годину* справлять", другая *година* пошла. Значитъ, пониманіе этого

слова въ значеніи года не составляетъ особенности юго-запада. Точно также, какъ видно изъ „Слова", година употреблялась въ значеніи эпохи вообще и на югѣ Россіи, а не на одномъ востокѣ.

Три раза встрѣчаемъ это выраженіе въ „Словѣ":

„Невеселая *година* въстала...
„Помянувши пръвую *годину*
„На ничеся *годины* обратиша.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ словомъ година указывается на историческій періодъ или опредѣленную эпоху. Была година *первая* или время старое, когда дѣйствовали *первые* или старые князья и затѣмъ настала невеселая година или нынѣшнее время —эпоха Святослава и Игоря. (Ср. народныя выраженія: тяжкая была *година*; подъ злую *годину*—Даль).

Гораздоу (dat. sing. masc.) отъ гораздъ. Въ Амартолѣ словомъ *гораздъ* переведено Греческое ἄκρος—summum in aliqua re gradum optinens: гораздъ бысть вълшвенымъ прельщеннемъ (Сборн. ст. Имп. Ак. н. т. I, стр. 21). По Востокову и Миклошичу гораздъ—ἐπιστήμων—peritus, искусенъ, знающъ. Въ сказаніи о написаніи иконы Іоанна Богослова говорится: овн убо глаголаху ако ученикъ гораздѣе мастера а друзіи глаголаша мастеръ гораздѣе. (Прологъ, сент. 26). Въ повѣсти объ Акирѣ XVI в. вдалъ бѣ коуетъ на руци пяти гораздъ.

Въ лѣтописяхъ встрѣчается выраженіе: „*гораздъ* къ книгамъ" *гораздый* пѣвецъ (Ип. 14) *гораздъ* бысть волшебствомъ (Лавр. 40) еще чаще въ формѣ нарѣчія: аще хощеши испытати *горазд*о (Лавр. 104); сыну, тако ти и *гораздо* (Ип. 31).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„Она ткать-то *горазда*
„Она прясть-то мастера. (Тр. Этн. Отд. IV, стр. 12)

У Даніила заточника въ нѣкоторыхъ спискахъ читается: „ни хитру уму, ни *горазду* суда Божия не минути".

Въ живомъ народномъ говорѣ слово это живетъ до нынѣ: такая-то, говорятъ *гораздница* тамбуры вышивать; такой-то *гораздъ* больно

т.-е. замысловатъ, искусенъ; очень горяздъ—на всѣ руки, т. е. ловокъ на все. Иной охочъ да не *горяздъ*, иной *горяздъ* да не охочъ.

Въ выраженіи *„ни птицю горазду"* г. Потебня *горяздъ* находитъ возможнымъ считать именемъ существительнымъ; *горяздъ* у человѣка есть хитрость - мудрость, а у птицы—быстрота ея полета. Но ни въ письменныхъ памятникахъ, ни въ народныхъ говорахъ не встрѣчается такого существительнаго.

Горамъ (dat. plur. fem. antecedente praepositione къ) **горъ** (genet. plur.) **горы** (accus. plur. antecedente praepositione на) **горахъ** (local. plur. antecedente praepositione на) отъ **гора**—ὄρος mons.

Въ переводныхъ памятникахъ XI—XIII вв. читаемъ: поять и на гороу высокоу—εἰς ὄρος ὑψηλὸν (Мѳ. IV, 8) въз̑иде на гороу (ib. V, 1) начноуть глати горамъ—τοῖς ὄρεσιν (Лук. XXIII, 30) въ горахъ бѣ—ἐν τοῖς ὄρεσι (Мрк. V, 5) не оставитъ ли... на горахъ—ἐπὶ τὰ ὄρη (Мѳ. XVIII, 12). Въ Книгѣ Пророковъ: и боудеть на всакои горѣ—ἐπὶ παντὸς ὄρους (Ис. XXX, 25) мечемъ падете на горахъ—ἐπὶ τῶν ὀρέων (Iез. VI, 11; ср. XVIII, 6) на горахъ ядахоу (ib. XXXII, 5, 6).

Въ памятникахъ Кіевской литературно-повѣствовательной дружинной школы слово это является также чрезвычайно часто. Такъ въ лѣтописяхъ: Полянамъ же жившимъ особѣ по *горамъ* симъ (Лавр. стр. 6); Андрей первозванный говорилъ своимъ спутникамъ: „видите ли *горы* сія; на сихъ *горахъ* возсіяетъ благодать; и вшедъ на *горы* сія, благослови я (ib. 7); Сѣдяше Кій на *горѣ*, идѣже нынѣ увозъ Боричевъ, а Щекъ сѣдяше на *горѣ*, идѣже нынѣ зовется Щековица, а Хоривъ на третей *горѣ*, отъ него же прозвася Хоревица (ib. 8). Нозари сѣдящіи на *горахъ* сихъ (ib. 16); и поча ходити Антоній... по *горамъ* (ib. 153) и вда имъ *гору* ту (ib. 155); идоша на *гору* съ пѣча (ib. 166) и загна Александръ нечистыхъ человѣковъ въ *горы* полунощныя (ib. 228); взидоша Русскыи полци на *горы* (ib. 296); Володимеръ стоя на *Голыхъ горахъ* (ib. 295); Король Галицкій пойде чресъ *горы* (ib. 405—406); *гора* намъ не поможетъ, ни *гора* насъ побѣдитъ (ib. 471). Евфросинія, прозваніемъ Измарагдъ, была воспитана въ *Кіевѣ на горахъ* (Ип. подъ 1198 г.).

Горы какъ живописныя мѣста—еще чаще являются въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„Протекала быстра рѣка,
„За той за рѣкой крута *гора* (Чтен. 1870. кн. 547).

„На *горѣ* на высокія,
„На красы на великія (Тр. Этн. Отд. кн. V, 18).

„Укатилося красное солнышко,
„За *горы* оно да за толкучія (Пр. С. кр. ч. I, стр. 1).

„Будто двѣ *горы* въ мѣсто столнулись (Рыбн. I, 56).

Горы называются нерѣдко *толкучими*. Что горы сталкиваются, это эпическое представленіе глубокой древности: „Богу повелѣвшу, *ступишася* о нихъ горы великія и ту створишася врата медяна" (Лавр. стр. 228).

Въ живой народной рѣчи *не за горами* значитъ близко, а *за горою* — далеко. *Горою* называется также наиболѣе возвышенный, горный берегъ: ѣхать горою значитъ ѣхать по нагорной сторонѣ рѣки или озера.

Въ „Словѣ": Святославъ мутенъ сонъ видѣ въ Кіевѣ—*на горахъ*, т.-е. стоящемъ на *нагорномъ* берегу Днѣпра, *Каменныя горы*—это утесы Днѣпровскихъ пороговъ (см. каменныя). *Горы* Угорскія—горы Карпатскія (см. Угорскія).

Въ 1-мъ изданіи „Слова" между прочимъ читается: „О вѣтрѣ!.. мало ли ти бяшетъ *горъ* подъ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ?" Какъ не разъ нами было замѣчено, переводчики и комментаторы „Слова" приняли здѣсь поправку Полеваго вмѣсто горъ = горѣ. И въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ XI—XIII вв. и въ Лѣтописяхъ—*горѣ* дѣйствительно читается не рѣдко: възведѣ очї горѣ—ἄνω (Іоан. XI, 41; ср. Дѣян. II, 19); пойде по Днѣпру *горѣ* (Лавр. стр. 7) надъ столпами *горѣ* бяше мѣсяцъ (Ib. 18). Но при ближайшемъ изученіи этого мѣста, обращая вниманіе на связь и сочетаніе рядомъ стоящихъ здѣсь образовъ, мы склоняемся къ тому, что чтенія *горѣ* вмѣсто *горъ*, принять здѣсь не возможно. Это

отому, 1) что, какъ видно изъ народнаго пѣснотворчества, вѣтеръ одобл чный не только не можетъ лелѣять кораблей на синемъ морѣ, о напротивъ разбиваетъ ихъ и губитъ.

„Уси звѣзды пошмырало,
„Половину ясности мисяца закрыло;
„*Съ той хмары буйные витры* вставалы
„Судны казацькы на три части разбывалы;
„Одну часть взяло,
„Въ землю Агарьску занесло,
„Другу часть гирло Дунайске пожирло;
„А третья зле ся мае
„Въ Черному морю потопае (Цертел. 9—10)

е. звѣзды потухли, мѣсяцъ чуть свѣтитъ сквозь тучу, изъ коей съ умомъ вылетаютъ вѣтры и устремляются на Казацкія суда; одну сть ихъ уноситъ въ землю Агарянъ, другую пожираетъ челюсть найская, а третья погибаетъ среди Чернаго моря. Отсюда видно,) вѣяніе вѣтра *горъ* подъ облаками и лелѣяніе кораблей на морѣ— разы трудно сочетаемы. Въ сѣверно-русской поэзіи вѣтеръ дующій море съ облаковъ—называется *бурей—падарой* и изображается же губительнымъ, а не благодѣтельнымъ.

2) Лишь вѣтеръ загорный, дующій изъ-за горъ, есть вѣтеръ лег- и благодатный.

„*Изъ загорья-горья,*
„*Тихой вѣтерокъ* подуваетъ;
„Да корабль выбѣгаетъ
„О двѣнадцати о парусахъ,
„Бѣжитъ, подбѣгаетъ
„Да къ бережку приставаетъ (Тр. Этн. Отд. кн. V, 105).

Отсюда видно, что тихій вѣтеръ, лелѣющій корабли, дуетъ не -подъ облаковъ, а изъ загоръ.

Въ данномъ мѣстѣ „Слова“ выраженіе „*подъ облакы*“ слѣдуетъ осить не къ глаголу *вѣяти*, а къ слову: *горъ*, т. е. мало ли ти

бяшетъ *горъ подъ облакы*, т.-е. *подоблачныхъ*, горъ самыхъ высокихъ, высящихся подъ самыя облака, изъ-за которыхъ вѣялъ бы ты, лелѣя корабли на синемъ морѣ (de infinitivo pro conjunctivo см. т. V въ граматикѣ Слова).

Въ Географическомъ именословѣ есть *Гора*—деревня въ Бѣлоз. у. (Ист. Ак. I, 307); *Гора* — пустошь въ Каргоп. у. (ib. IV, 56); *Горы*—мѣстечко въ Бѣлоруссіи (ib. II, 129); урочищъ и селеній съ именемъ *Горка*—множество.

Татищевъ лѣтописное *горъ* переводилъ словомъ *вверхъ* (Росс. Ист. стр. 5).

Первые издатели, удерживая слово горъ, старались уяснить текстъ своими переводами.

Мусинъ-Пушкинъ перевелъ: мало ли тебѣ горъ подъ облаками, чтобы вѣя носить корабли по синю морю.

Малиновскій въ черновыхъ бумагахъ: или мало тебѣ горъ подъ облаками, развѣвай ты тамо, сберегая корабли; въ первомъ изданіи: „развѣвай ты тамо корабли на синемъ морѣ".

Комментаторы:

Шишковъ: глаголъ *вѣяти* принадлежитъ здѣсь, очевидно, къ первой половинѣ рѣчи: мало ли ти бяшетъ горъ подъ облакы вѣяти, а не ко второй: „лелѣючи корабли на синемъ морѣ". Въ переложеніи же первыхъ издателей сдѣлано два разныхъ смысла; глаголъ *вѣяти* отъ первой половины отнятъ и перенесенъ въ другую съ перемѣною наклоненія, отчего смыслъ сталъ неудобопонятенъ, ибо нарѣчіе *тамо* будетъ значитъ на горахъ. Но какъ же вѣтру, развѣваясь на горахъ, лелѣять корабли на синемъ морѣ? Ошибка сія произошла отъ того, что слово горы взято въ настоящемъ своемъ знаменованіи, тогда какъ надлежало бы взять его въ смыслѣ иносказательномъ, т. е. *волны*. Мысль будетъ такая: „мало ли для тебя было пространныхъ морей, гдѣ ты подъемля волны къ облакамъ, могъ носить по нимъ корабли!

Пожарскій: по мнѣнію г. Шишкова выходитъ, что вѣтеръ въ одно и то же время можетъ развѣвать и на горахъ и на моряхъ только не съ одинаковой силой; въ одномъ мѣстѣ вырывать деревья съ корнемъ, а въ другомъ едва дыхать.

Вельтманъ: мало ли тебѣ горъ! Взвей ихъ подъ небо.

Дубенскій принялъ чтеніе Полеваго, *горъ* вм. горъ и переводилъ: развѣ тебѣ тѣсно вѣять *вверху?*

Кораблевъ: мало ли тебѣ вѣять высоты, вѣять по поднебесью.

Погосскій: мало ли тебѣ вздувать горами подъ облаки волны.

Кораблевъ и Малышевъ: развѣ мало тебѣ вѣять вверху подъ облаками.

Максимовичъ: Чи то-жъ мало тобѣ вѣять зъ облаками *угорѣ*.

Алябьевъ: мало-ль было тебѣ вѣять *ввысь* подъ облаки.

Павловъ (Бицинъ): *высоко* подъ облаками вѣять.

Скульскій: развѣ тѣсно на просторѣ.

Поэты:

Гербель: иль тебѣ ужъ на просторѣ тѣсно вѣять.

Мей: али мало тебѣ вѣять вверху.

Майковъ: въ небесахъ, подъ облаки бы вѣялъ.

Горе (nomin. sing. neut.)—тяжкая бѣда, удручающее бѣдствіе, злая судьба. Въ эпическомъ народномъ сознаніи горе, такъ часто переживаемое, олицетворяется въ яркихъ картинахъ и живописуется въ яркихъ образахъ. Нами записано одно подобное сказаніе о похожденіяхъ горя, которое нами будетъ издано въ одномъ изъ дальнѣйшихъ томовъ. „Причитаній Сѣвернаго края". Здѣсь же довольно указанія на однѣ народныя пословицы: „*Горе* лыкомъ подпоясано; *горе* горькое по горамъ ходило; *горе* вороты припирало; горе одолѣетъ, никто не пригрѣетъ. „*Горе* да бѣда, съ кѣмъ не была".

Горе — въ южно-русскомъ говорѣ употребляется и въ формѣ: *гори*. (См. выраженіе: *гори* топлю. Кулиша Зап. о Ю. Р. 1, 13; Потебни „Слово" 75. См. слакчи).

Горностаемъ (instr. sing. masc.) отъ **горностай** (muscela ermiрea).

Въ Кіевской дружинной Руси князья имѣли обычай дарить горнастаями другъ друга — „Да Ростиславъ Святославу собольми и *горностайми*. (Ип. 86).

Горностай изъ семейства *куницъ*; черные круглые глаза, красно-коричневый носикъ и черный кончикъ хвоста рѣзко выступаетъ на

бѣломъ фонѣ. Зимой надѣваетъ онъ платье бѣлое, какъ снѣгъ — и этотъ-то зимній мѣхъ его идетъ на порфиры царей. Онъ ближайшій родственникъ *ласки*, но только гораздо больше ростомъ, чѣмъ его двоюродная сестрица.

Звѣрокъ этотъ весьма красивое, привлекательное и до нельзя подвижное существо. Его глаза, уши въ постоянномъ движеніи и маленькая головка такъ и вертится во всѣ стороны.

Для горностая, говоритъ Брэмъ, не существуетъ врага, который бы могъ внушить ему страхъ; онъ не только быстро бѣгаетъ, но можетъ переплывать подобно выдрѣ рѣки и моря. Онъ найдетъ выходъ изъ всякой бѣды; своими быстрыми движеніями и поворотами умѣетъ уйти отъ своихъ гонителей, всюду найдетъ себѣ уютный уголокъ, въ которомъ спрячется: и каменья и побѣги молодаго кустарника — равно могутъ служить для него спасительнымъ убѣжищемъ.

Удивительно, какъ мѣтко схвачены и выдержаны эти черты горностая въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„Надо *поскаки* держать да горносталевы (Пр. С. кр. ч. I, стр. 13).

„*Поворотушки* держать да горностая (ib. III, 28)

„Спятъ мои сердечны малы дѣтушки
„Словно *горностали* подъ *малиновымъ* подъ „*пружиком*"
(ib. I, 13).

„И ухитился сѣрый малый *горностаюшко*
„И онъ скрылся подъ катучей малый камешокъ (ib. III, 165).

Отсюда понятно, почему богатыри, особенно въ крайнихъ опасностяхъ, превращались въ горностая:

„Не бѣлый *горностай* слѣды прометывалъ
„Ходилъ да гулялъ купавъ молодецъ (Рыбн. III, 137).

„Повернулся Вольга сударь Буслаевичъ
„Малымъ бѣлымъ *горносталюшкомъ*. (ib. I, 6).

„Обернула тутъ его да *горностаюшкомъ*,
„Взяла *горностаюшка* попуживать (Гильф. Он. Б. 29).

„Князь Романъ Митревичь
„Обернулся тонкимъ бѣлымъ *горностаемъ*,
„Пробѣгалъ онъ скоро въ бѣлый шатеръ. (ib. 10, 427).

Отсюда же понятно и то, почему Игорь во время своего бѣгства, спасаясь отъ погони, оборачивался *горностаемъ* въ тростникахъ.

Въ географическомъ именословѣ значится *Горностаево*—деревня въ Волоцкомъ уѣздѣ.

Будиловичъ приводитъ слѣдующія филологическія сближенія: Болгар. горностай, Чешск. hranostaj, Польск. gronostaj (Б. Арк. Линде).

Городеньскіи (nomin. plur. fem. adjectivum отъ **городень**).

Изяславъ, сынъ Васильковъ удѣломъ своимъ въ Полоцкомъ княжествѣ имѣлъ *Городно* или *Городень*, а потому при смерти его трубили *Городенскія* трубы. Въ Кіевской лѣтописи Полоцкіе князья отмѣчаются подъ именами Туровскихъ, Пинскихъ и Городенскихъ. Полагаютъ, что *Городно* находилось въ Пинскомъ уѣздѣ, Минской губерніи между рѣками Стырью и Горынью (Прозор.). Но въ бывшихъ Полоцкихъ владѣніяхъ могли существовать городцы и въ другихъ мѣстахъ. По крайней мѣрѣ до нынѣ встрѣчаются тамъ селенія съ названіями *Городинки*, *Городзиловъ*, *Городечно*, *Городково* и т. п. На Сѣверъ отъ Виліи и Двины также замѣчается значительное число *Городковъ* (Др. Ист. Геогр. Н. Барсова, стр. 762).

Горячюю (accus. sing. fem.) отъ **горячіи**, пламенѣющій, жгучій, знойный.

Въ древнихъ переводныхъ памятникахъ читается (in forma participii): **горящии**; такъ въ Пандектахъ Антіоха XI в. **ѿ срдца горяща**—ἀπὸ καρδίας καταχαιομένης (гл. 27, л. 67).

Въ повѣсти Флавія: **забылъ еси.. братьство и любовь горящоу** л. 16 об.).

Въ „Словѣ": Ярославна, обращаясь къ Солнцу, взываетъ: чему, господине, простре *горячюю* свою лучу.

Въ томъ же самомъ смыслѣ до нынѣ говорится въ живой рѣчи:

сегодня солнышко *горячо* печеть, т. е. жжетъ; куй желѣзо, пока *горячо*, т. е. пока горитъ, пока раскалѣно.

Господине (acclam. sing. masc.) **господина** (acclam. dual. masc.) **отъ господинъ.**

Въ древнѣйшихъ Славяно-русскихъ переводахъ слово господинъ отвѣчаетъ греческимъ:

1) κύριος, dominus: въ значеніи собственника имѣнія: гда гъ віноградa въ прїставнїкоу своемоу—ὁ κύριος τοῦ ἀμπελῶνος (Мѳ. XX, 8; ср. Лук. XX, 15); въ значеніи властителя, владѣльца: блаженъ рабъ тъ. егоже прїшьдъ гнъ обрящеть—ὁ κύριος αὐτοῦ (Мѳ. XXIV, 46); аще лї речеть рабъ... мьдлїть мои гнъ прїти—ὁ κύριος μου (ib. 48): сице рцѣте господиноу нашемоу—πρὸς τὸν κύριον (гл. XXXVII, 6). Срав. яко бываеть рабомъ господина моего цара—καθὰ γίνεται τοῖς δούλοις τοῦ κυρίου μου βασιλέως (Іуд. XI, 4); жика есть дша твоя господине мои—ζῇ ἡ ψυχή σου, κύριέ μου (Іуд. XII, 4); и нынѣ совокупитеся съ господиномъ царемъ асирійскимъ—καὶ νῦν μίχθητε δὴ τῷ κυρίῳ μου, τῷ βασιλεῖ Ἀσσυρίων (4 Цар. XVIII, 23).

2) οἰκοδεσπότης, herus, paterfamilias въ значеніи большака, дому настоятеля: аще бы видѣлъ гнъ храма—ὁ οἰκοδεσπότης; въ переводахъ XV в. домж влка (Мѳ. XXIV, 43); тъгда разгнѣвавъся гнъ домоу (Лук. XIV, 21); аще бы вѣдѣлъ гнъ храмины (Лук. XII, 39).

При этомъ слова гднъ и гъ употребляются безразлично и являются одно вмѣсто другаго въ одномъ и томъ спискѣ въ соотвѣтствіи одному и тому же греческому слову (Ср. напр. въ Галицкомъ приведенныя мѣста и Лук. XX, 15 и Мѳ. XXIV). Но главнымъ образомъ слово гъ—ὁ Κύριος, Dominus—означаетъ Верховное Существо, Владыку Всяческихъ.

Въ лѣтописяхъ:

1) въ значеніи хозяина-собственника: конь же язвенъ велми унесъ *господина* своего и умре (Лавр. стр. 308).

2) въ значеніи главы рода: послаша къ нему (Всеволоду), глаголюще: ты *отецъ*, ты *господинъ* (ib. 382).

3) въ значеніи государя, носителя верховной власти: Микула рече: (князю Даніилу): *Господине!* Не погнѣтши пчелъ, меду не

ѣдать (Ип. 171). Ты *Господинъ*, Князь Великый! просимъ у тобе сына княжить (Лавр. 394). Великый князь Кыевскый славный (Изяславъ II) преставися... и плакася по немъ вся Русская земля, яко по цари и *Господинъ* своемъ (Ип. подъ 1154 г.).

Въ повѣсти объ Акирѣ Премудромъ (по сп. XVI в.): оумнымь е господинъ твои.

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

Воротись, воротись,
Мой надежа-*господинъ* (Тр. Этн. отд. кн. V, 119).

Уторилъ эту дорожку Григорій *господинъ* (ib. стр. 117).

Въ свадебномъ обрядѣ:

Господинъ хозяинъ! Мы пріѣхали къ тебѣ не по рожь, не по пшеницу, а по красную дѣвицу (ib. 110).

Господинъ тысяцкой! Благослови въ путь шествовать (обращеніе ювно къ воеводѣ ib. 98—99).

Въ живой народной рѣчи: Не по дому *господинъ*, а домъ по *господину*; неволя холопу, а воля *господину* и т. п.

Замѣтимъ, что въ древнѣйшихъ славянорусскихъ памятникахъ, какъ видно изъ выше приведенныхъ примѣровъ, слово господинъ писалось въ сокращенной формѣ гнъ въ соотвѣтствіе Греческимъ подлинникамъ, въ которыхъ слово χύριος — писалось также сокращенно ς. Достойно вниманія, что въ Пушкинской (Петербургской) копіи „Слова" также начертано: Вступита гна (въ 1-мъ изд. Господина). Пушкинъ копируя подлинникъ и удержавъ сокращенное начертаніе этого выраженія, даетъ намъ понять, что бывшая у него подъ руками рукопись „Слова" сохраняла слѣды древнѣйшаго правописанія.

Въ Словѣ: Ярославна, называя и „Солнце" и „Вѣтеръ" „Господиномъ" (χύριος) очевидно, представляетъ ихъ „Владыками" стихій. Ея мольбы имѣютъ сходство съ молитвой XVI в. се, ѧко господарю нколюкус...

Готови (nomin plur.) отъ **готовъ**. Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ слово это отвѣчаетъ Греческому ἕτοιμος, paratus

собравшійся совсѣмъ, рѣшившійся безповоротно что либо исполнить, приготовленный. Въ Остроміровомъ, Галицкомъ и другихъ евангеліяхъ XI—XII в. читаемъ: „и вы боудѣте готови—καὶ ὑμεῖς γίνεσθαι ἕτοιμοι (Мѳ. XXIV, 44. Ср. Лук. XII, 40) вса готова. пріидѣте на бракъ—καὶ πάντα ἕτοιμα (Мѳ. XXII, 4; Ср. Лук. XIV, 17) тъгда глѧ рабомъ своимъ бракъ оубо готовъ ѥсть—ἕτοιμός ἐστιν (Мѳ. XXII, 8). онъ же рече. гй съ тобою готовъ ѥсмь—и въ тьмницю и въ съмьрть ити... μετὰ σοῦ ἕτοιμός εἰμι. (Лук. XXII, 33).

Но едва ли въ изучаемомъ памятникѣ слово готови не относилось къ обычнымъ, принятымъ выраженіямъ воинскаго наряда. Изъ повѣсти Флавія видно, что прежде движенія въ походъ полководецъ трижды спрашивалъ Римскихъ воиновъ: „готови ли есте на сѣчю" и когда тѣ троекратно отвѣчали: „яко уготовихомся", тогда двигались въ путь (ὁ κῆρυξ εἰ πρὸς πόλεμόν εἰσι ἕτοιμοι τῇ πατρίᾳ γλώσσῃ τρὶς ἀναπυνθάνεται. Κἀκεῖνοι τοσαυτάκις ἀντιβοῶσι μέγα τι καὶ πρόθυμον, ἕτοιμοι λέγοντες εἶναι (Lib. III, c. V, 4). А въ первыя зорѣ готовахоуся на брань—ὑπὸ τὰς πρώτας αὐγὰς ἕτοιμοι πρὸς μάχην ἦσαν (Lib. V, c. VII, 3). Латинское paratus, отвѣчающее Греческому ἕτοιμος, на воинскомъ языкѣ, по употребленію его у Цицерона, также означало полководца, имѣющаго войско въ полной исправности и на готовѣ—съ доспѣхами и всякимъ запасомъ.

Въ нашихъ лѣтописяхъ этотъ дружинный оборотъ читается весьма часто: „И рече Святополкъ Ярополку: се азъ брате *готовъ* есмь съ тобою итти на Половцевъ. (Ип. 1) и рече Святополкъ дружинѣ се азъ *готовъ* уже (Лавр. 267).

Когда Мстиславъ предложилъ Новгородцамъ освободить Русскую землю отъ обидъ поганой Чуди—мужи Новгородскіе рекоша ему: „кы же... а се мы *готови есмы*" (Ип. стр. 120 подъ 1148 г.).

Святославъ говорилъ Рюрику: „аже хочешь *ити* на Галичь, а се азъ съ тобою *готовъ* (Ип. стр. 137).

Изяславъ же рече Борисови Городенскому: „а поѣди, брате, к Бѣлугороду. Борисъ же рече: осе язъ, брате, *готовъ* есмь. (Ип. 62

Ольговичи „послаша мужѣ своѣ къ Андрееви Юрьевичю: рькуче ему: кто тобѣ ворогъ, то ти и намъ: а се мы съ тобою *готови*. (Ип. стр. 109).

А чешскій князь рече ему (Изяславу): азъ *готовъ* есмь самъ полки своими (Ип. 45); взострися на рать и бысть *готовъ* (ib. 109) азъ есмь, брате, *готовъ* всегда и нынѣ (ib. 133).

Въ „Словѣ: сѣдлай, брате, свои бръзыи комони, а мои ти *готовы* — т.-е. въ полной исправности, хоть на коней сію минуту. Сравн.: и рече (ахавъ къ іосафатоу): якоже азъ, такожде и ты; якоже людие твои. тако и людие мои съ тобою на брань—ὡς ἐγὼ οὕτως καὶ σύ, ὡς ὁ λαός σου, καὶ ὁ λαός μου μετὰ σοῦ εἰς πόλεμον (2 Пар. XVIII, 3).

Въ одномъ изъ сказаній о Донскомъ бою выраженіе „*готови*" понято въ смыслѣ *охочи*: „и вси вои и богатыри русскіе готовы и *охочи на брань*".

Готскіа (nomin. plur. fem.) отъ готскии*)

Вотъ до чего доходилъ позоръ, разразившійся надъ Русью. Не только сами Половцы, одержавшіе блистательную побѣду, но и подвластные имъ Готы, жившіе въ предѣлахъ Тмутаракани, ликовали Половецкую славу и ублажали месть за Шураканя. Добыча была такъ велика и обильна, что Русское золото перепало и Готскимъ краснымъ дѣвамъ: даже и онѣ тѣшались имъ и, по обычаю восточныхъ народовъ, составивъ изъ себя хоры, пѣли торжественныя пѣсни въ честь побѣдителей.

Первые издатели замѣтили: по какой связи сія одержанная Половцами побѣда могла доставить Готскимъ дѣвамъ Русское золото, вообразить не можно.

Грамматинъ: Въ IV вѣкѣ владычество Готовъ простиралось отъ Волги до Вислы; около 3000 могущихъ сражаться и не покоренныхъ Гуннами Готовъ жили съ сего времени въ южной части Крыма. Въ 679 г. они покорены были Хозарами, которые принудили даже принять магометанскій законъ, но языкъ ихъ сохранился до XIII и даже до XVI вѣка. (Ист. Цар. Хозар. Тавр. 1, 269, 276, 279 и слѣд. стр.). Митрополитъ Сестренцевичъ видѣлъ развалины столицы и бѣдный остатокъ переродившихся Готовъ. На берегу рѣки Кабарды, такъ

---

*) Замѣтимъ, что въ древнихъ Библейскихъ спискахъ греческое выраженіе „ἐν χαλάζῃ"—во градѣ переведено „въ готѣи". 2 Цар. 22, 15. (Опис. Рук. Син. Библ. 1, 33).

пишетъ онъ въ своей Исторіи (1, 283), возвышается величественна гора, на коей видно нѣсколько ветхихъ строеній, обитаемыхъ немногущими жителями. Они происходятъ отъ древняго народа, какъ то можно заключить по мѣстоположенію, особымъ ихъ чертамъ и нарѣчію совершенно отличному отъ языка ихъ сосѣдей. Можно сказать, что они поселены на сей вершинѣ для оживотворенія безмолвныхъ развалинъ обширнаго памятника, который безъ сомнѣнія былъ чертогомъ ихъ государства. Видъ стариковъ живущихъ въ сихъ развалинахъ увѣряетъ меня, что рука времени почтила нѣкоторые остатки сихъ древнихъ Готовъ. Нѣсколько бѣдныхъ уединенныхъ и едва извѣстныхъ семействъ—„вотъ все, что осталось нынѣ отъ сего народа".

Вельтманъ: Готы или правильнѣе Гоѳы, до послѣдованія Исламизму, извѣстные на Кавказѣ подъ именемъ Гебровъ-маговъ (у Магометанскихъ писателей Kuthah и Dschudi, въ Армянской исторіи—hehtik—Халдеи), составляли древнее семитическое племя въ Арменіи. Со времени Митридата, какъ промышленный народъ, они разселились и по торговымъ городамъ: Босфороніи, т. е. Тавридѣ и по Азіатскимъ набережнымъ Донскаго пролива. Римляне въ свое преобладаніе надъ Босфороніей, поставляли намѣстниками Гофскихъ клагановъ, съ коими и велась борьба у Руси. Великій князь Святославъ Игоревичъ рушилъ это преобладаніе и возвратилъ область Руси подъ именемъ уже Тмутаракани. Каганы по при-Донью населили свое сторожевое войско, составленное изъ прозелитовъ, Яссовъ, Косоговъ, бѣглецовъ изъ Руси и выведенныхъ изъ-за Волги Туркменъ и другихъ ордъ прозванныхъ Русью Половцами.

Дубенскій: Почему, спрашиваетъ онъ, побѣда, одержанная Половцами могла доставить Готскимъ дѣвамъ Русское золото? И отвѣчаетъ: для насъ это по изданіи Исторіи Государства Россійскаго не темно. Готы, поселенцы съ III вѣка (Черноморскіе) покорены были Половцами около 1050 г. Слѣды ихъ въ Тавридѣ (въ Крыму) сохранились до XVI в. Бусбекъ (См. его письма, стр. 321 отъ 16 Дек. 1562 г. въ Ист. Госуд. Р. IV, пр. 68) говоритъ, что въ его время Готы жили еще на горахъ Таврскихъ и на Татаръ совсѣмъ не похожіе; волосы у нихъ бѣлокурые, глаза голубые, и особый языкъ, извѣстный по Ульфилову готѳскому переводу Новаго завѣта.

Шевыревъ: Готскія дѣвы тоже, что Половецкія, а о Половецкихъ пѣсняхъ говоритъ также лѣтопись: Сырчанъ, ханъ Половецкій, загнанный за Донъ Владиміромъ Мономахомъ а потомъ ожившій рыбою, какъ выражается лѣтопись, узнавъ о смерти Владиміра, посылаетъ въ радости къ своему брату гудца и велитъ ему пѣть пѣсни Половецкія.

Малышевскій: „Этихъ Готскихъ дѣвъ видѣлъ авторъ „Слова" на Азовско-Черноморскомъ побережьѣ: т.-е. здѣсь только въ его время жили остатки Готовъ, нѣкогда владѣвшихъ участкомъ въ Тавридѣ и у Керченскаго пролива. Вѣроятно, онъ видывалъ, какъ Готы, тогда уже не воинственные и скорѣе торговые люди, перекупали у Половцевъ добычу, набираемую въ Руси, особенно плѣнныхъ, потомъ продавали выкупавшимъ ихъ Русскимъ и такимъ образомъ собирали Русское золото, которымъ *звънели Готскія дъвы*.

Готы, вѣроятно, подобно Кавказскимъ Горцамъ любили наряжать своихъ женъ и дочерей и разорялись на цѣнныя украшенія; а золото на эти цѣнныя иногда тяжелыя металическія украшенія добывалось грабежами на войнѣ и торговлею.

Прозоровскій: „Въ образѣ Готскихъ дѣвъ поэтъ, мнѣ кажется, представилъ ликованіе Половцевъ по случаю побѣды надъ Игоремъ. На Готскомъ берегу, вѣроятно, былъ обычай, по которому тамошнія дѣвы ликовали при возвращеніи своихъ воиновъ съ побѣдами. Во всякомъ случаѣ Готскія дѣвы, какъ и другія метафоры, есть ничто иное, какъ поэтическое представленіе: (стр. 63) въ образѣ шумящихъ воинъ и Готскихъ дѣвъ представлены миѳическія существа, подобныя древнимъ Вакханкамъ, пирующимъ въ честь Буса и во славу Шарукана.

Академикъ *Брунъ*: Готія, лежавшая между Херсономъ и Сурожемъ, должна была подчиниться Половцамъ, чѣмъ и объясняется, почему Готскія красавицы принуждены были на берегу синяго моря воспѣвать месть *Шароканю*, явно тождественному ему хану Половецкому, пораженному Русскими въ знаменитомъ походѣ 1111 года. Эти пѣвицы не только потому названы *Готскими*, что пѣсни ихъ слышались на берегу того синяго моря, гдѣ издревле обитали Готы, но и сами онѣ дѣйствительно были *Готянки*, какъ видно изъ того,

что еще сто лѣтъ спустя Рубруквисъ (Recueil d. Voyages etc. IV, 219) засталъ въ той же мѣстности много Готовъ, которые говорили по-нѣмецки „quorum ydioma est Teutonicum". (Зап. Имп. Ак. Н. т. XXIV, кн. I. Черноморскіе Готы стр. 39).

Академикъ *Куникъ*: „Поэтъ можетъ по своей прихоти переносить горы и людей куда ему вздумается. Если однако снести всѣ мѣста, въ которыхъ говорится въ „Словѣ" о *синемъ морѣ*, то едва ли можно взваливать на него смѣшеніе Азовскаго моря съ Чернымъ. *Готскихъ дѣвъ* придется помѣстить на берегу Азовскаго моря, которое вообще имѣетъ въ виду поэтъ, между тѣмъ какъ нѣтъ ему особеннаго повода упоминать о Черномъ морѣ, хоть онъ впрочемъ въ иныхъ мѣстахъ упоминаетъ о Сурожѣ, о Корсуни и о Тмутараканскомъ болванѣ съ видомъ знающаго человѣка. Другой вопросъ: дѣйствительно ли ему было извѣстно о Готахъ на Азовскомъ морѣ? Изъ мѣста: „се бо Готьскыя красныя дѣвы въспѣша на брезѣ Синему морю" еще не слѣдуетъ, чтобы тамъ жили Готы издавна. Могли Половцы поселить на Азовскомъ морѣ плѣнныхъ Готовъ; могли также тѣ Готскія дѣвы быть похищены ими. Не невозможно наконецъ и то, что Крымскіе Готы платили имъ дань дѣвушками, какъ бывало и прежде у восточныхъ народовъ, между прочимъ и у Хозаръ, по свидѣтельству Ибнъ-Фодлана: „Mos regis Chasarorum fert, ut ipsi viginti quinque foeminae sint, singulae ab aliquo regum, ipsi confinium prognatae, quas sive volentes sive nolentes ad se receperit" (Зап. Имп. Ак. Н. т. XXIV, кн. „О зап. Готск. Топарха стр. 141").

Града (genet. sing. mas.) **граду** (dat. sing. antecedente praepositione **къ**) **градѣ** (local. sing. antecedente praepositione **къ**) **гради** (nomin. plur.) **градомъ** (dat. plur.) **грады** (accus. plur) и въ полногласіи: **городу** (dat. sing) отъ **градъ**, **городъ**—πόλις, civitas.

Во всѣхъ этихъ грамматическихъ формахъ градъ читается и въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ XI—XIII вв. **на мѣсто града**—εἰς τόπον πόλεως (Лук. IX, 10) **стьгны града**—ῥύμας τῆς πόλεως (Лук. XIV, 21). **нежє градоу томоу** τῇ πόλει ἐκείνῃ (Мѳ. X, 15; ср. Мрк. VI, 16) **идє по ксємоу градоу** καθ' ὅλην τὴν πόλιν (Лук. VIII, 39) **възвѣстїша въ градѣ**—εἰς τὴν πόλιν (Мрк. V, 14; ср. Лук. VIII.

4) сѣдѣте въ градѣ ἐν τῇ πόλει (Лук. XXIV, 49) начатъ корити гра-
ы—τὰς πόλεις (Мѳ. XI, 20) поідѣмъ въ ближнѧ грады (Мрк. 1,
8). дроугымъ градомъ подобаѥть—ταῖς ἑτέραις πόλεσιν (Лук. IV, 43).

Въ литературно-повѣствовательной дружинной школѣ слово это
итовало и въ краткой и полногласной формѣ: „возмуть мѣсячное
вое первое отъ *города* Кіева и прочіи *гради* (Лавр. стр. 31); „И на-
ече имя *граду* тому Изяславль (ib. 285) глаголюще: азъ сего *города*
ib. 217); обьступиша татары и со всѣ стороны и огородиша ѝ сво-
мъ *городомъ* (Ип. 564); гражане создаша паки другий *градъ* (ib. 522).

Градомъ или городомъ назывались собственно городскія укрѣп-
енія: „Переяславцы повели Литву подъ Ростовъ, ибо вѣдяху, что въ
остовѣ *града* нѣсть (Ник. VIII, 103) Смоленскій измѣнникъ Доде-
инъ указывалъ Ляхамъ ту сторону городской стѣны, гдѣ *градъ* худо
ѣланъ (ib. 163).

Укрѣпленія эти были двоякаго рода:

1) *верхнее*—τὸ ὑψηλότερον—называвшееся дѣтинецъ (какъ пере-
эдено это греческое слово въ повѣсти Флавія; см. выше ч. 1, стр.
23), и

2) нижнее— τὸ κατωτέρω φρούριον — называвшееся острогъ (см.
. стр. 223).

Первое большею частію состояло изъ крѣпостныхъ стѣнъ, съ
утренней стороны, отъ основанія почти до забралъ, представлявшихъ
сокую земляную насыпь; второе же—строилось большею частію изъ
остренныхъ бревенъ, на подобіе тѣхъ, коими до нынѣ окружаются
троги.

Здѣсь кстати замѣтимъ, что въ библейскихъ книгахъ, переведен-
ыхъ у насъ съ Вульгаты въ концѣ XV в., верхнее городское укрѣп-
ніе называется уже *кромомъ* и *кремлемъ*; такъ въ книгѣ Паралипо-
енонъ читаемъ: обиташе же дв҃дъ въ кромѹ (XI, 7); на полѣ же
ъясненіе: нинъ арсе (in arce) или к вышегородцѣ; въ греч. текстѣ: ἐν
ῇ περιοχῇ—въ новоисправленныхъ спискахъ: во обдержаніи; на полѣ
крѣпости. Въ книгѣ Ездры—Латинское castrum передается словомъ
емль (1 Ездр. VI, 2).—Такимъ образомъ кромъ и кремль—одно и
же —а это въ свою очередь даетъ намъ возможность уяснить значе-
е слова *кремль*.

Въ спискѣ Іоанна Лѣствичника XII в. читается слово **кремлстю** въ соотвѣтствіи Греческому τὸ ἐντὸς: „**овн во ѿ крѣдовъ ѿ кремлсти** (ἐκ τῶν ἐντὸς) **на тѣло прнходатъ**".

Кремль — древне-славянское **кромъ**, очевидно значитъ — внутренность, центръ или обдержаніе—περιοχή, главное и существенное укрѣпленіе,—внутреннюю крѣпость—или, какъ объясняли въ XV вѣкѣ, *вышьгородъ*".

Въ „Словѣ: забывъ... *града*; поискати *града*; течетъ... къ *граду*... скочи къ *граду*; ступаетъ въ *градѣ*; падеся... въ *градѣ*; *градомъ* заборалы; *грады* рядяше, *гради* подѣлиша.

Тьмутаракань издавна была Русскимъ владѣніемъ и потому тмутараканская крѣпость была, конечно, устроена на подобіе другихъ Русскихъ городовъ. Половцы, завладѣвъ Тмутараканью, безъ сомнѣнія, не уничтожили этой крѣпости, и безотрадною казалась она теперь автору Слова", который назвалъ ее „Тмутараканскимъ *болваномъ*". См. **[illegible]**

Огоновскій въ выраженіи: „грады рядяше" *грады* превратилъ въ *ряды*, но г. Смирновъ справедливо замѣтилъ, что при словѣ: *княземъ* болѣе умѣстно *грады*, которые Всеславъ раздавалъ—наряжалъ.

Академикъ Куникъ—слово *городъ* сближаетъ съ Скандинавскимъ gardar, которое употребляется въ смыслѣ *града*, какъ др. Сакское gardôs и англ. Сакское geardâs въ смыслѣ domus, domicilium (Каспій, стр. 672, пр. 4). Подобныя сближенія, конечно въ филологическомъ отношеніи очень любопытны и важны, но въ примѣненіи къ вопросамъ историческимъ мало умѣстны. На основаніи подобныхъ сближеній и русское выраженіе *„огородъ городить"* окажется пожалуй скандинавскимъ.

Граахуть (imperf. 3 pers. plur. indicat.) отъ **граати** φθέγγεσθαι—vocem edere—кричать, κράζειν clamare—вопить, каркать, грakать.

Въ Святославовомъ сборникѣ 1073 г. читаемъ: **граꙗшти врани**—κράζουσα κορώνη (л. 129 об. опис. Син. б. III, 400).

Въ книгѣ Пророковъ: **гръкающе**—φθεγγόμεναι (Наум. 11, 7). въ Пар. XIV в. **врани... граꙗть** Въ книгѣ Сильвестра и Антонія (Вопр

сы й отвѣты); **граканьѧ вранове** (л. 156; спис. Троицк. Сем.). Въ житіи Евстрата и Авкентія: **вранъ оубо сѣдши на дубѣ възграка.**

Въ народномъ пѣснотворчествѣ—epithetum ворона также *граюій*. (Рыбн. 1, 274).

„А не *грай* воронъ черныиъ черенъ (ib. III, 282).

„И слетѣлъ воронъ въ чисто̀ поле...
„И *заграялъ* воронъ на первый на̀конъ (ib. 281).

„Прилетали къ нему соколу во̀роны
„Они *граяли* смѣялись ясну соколу (Пам. Велик. нар. стр. 113).

Граянье называется здѣсь и гарканьемъ:

„Ахъ, ты волчья сыть,
„Не слыхалъ ты *гарканья* вороньяго. (Рыб. 1, 78).

Въ живой народной рѣчи говорится:

„Сороки стрѣкочутъ, а вороны *граютъ*".

„Обыкновенные звуки, издаваемые воронами, замѣчаетъ Брэмъ, ϒтъ *корк-корк* или же *раб-раб*. Звуки эти бываютъ различной высо- и смѣшиваются такимъ образомъ между собою, что пріобрѣтаютъ ѣкоторое разнообразіе. На наблюденіяхъ этого разнообразія снова- ıсь предсказанія по крику ворона".

„Старый воронъ, говоритъ русская пословица, не каркнетъ да- ›мъ, либо было что, либо будетъ что". (Даль).

Въ своемъ граяньи *воронъ* сказывается и какъ врагъ человѣче- ;аго *счастья* и какъ вѣстникъ его *злой судьбы*.

Граетъ онъ, завидѣвъ судьбу добрую, которая пуглива, боится его аянья и удаляется прочь; граетъ онъ и завидѣвъ судьбу злую и ıвуетъ своимъ граяніемъ ея побѣду и свою добычу.

„Была счастлива вѣдь я да все таланная;
„Черны во̀роны таланъ знать *пріограяли* (Пр. С. кр. ч. 1, 4).

„Разметалъ куски по чисту полю,
„Чернымъ ворономъ на *пограяніе* (Рыбн. 1, 53).

„И ты повыглянь-ко, сердечно мое дитятко,
„И ты на всѣ на три—четыре на сторонушки
„И што бы вороны тебя да не *обграяли* (Пр. С. кр. ч. III, 42).

Народная вѣра въ зловѣщее граянье ворона такъ сильна, что есть даже заговоръ отъ воронья граянья, какъ отъ озѣву зловѣщей судьбы.

Вѣра эта восходитъ въ исторіи къ глубочайшей древности. XXV-я глава Энхиридіона философа Эпиктета трактуетъ уже о гаданіи по крику ворона. (Въ Славянскомъ переводѣ глава эта носитъ заглавіе: о смоущеніи къ сновидѣніи).

Въ Словѣ: часто врани *граяхуть*, трупія себѣ дѣляче; Святославъ видѣлъ во снѣ, что на болони у Плѣнска „бусови врани *възграяху*".

Глаголъ *граяти* въ народномъ пѣснотворчествѣ является и въ формѣ (in annexu praepositionis възъ): *възграяти*.

„Какъ *воз*-граю на первый наконъ
„На сыромъ дубу чернымъ ворономъ. (Рыбн. 1, 426).

Въ географическомъ именословѣ извѣстны:

Грай-воронъ на южной границѣ Курской губ.

Грай-воронъ—рѣчка (Кн. Б. Черт. стр. 15).

Гай-воронъ—рѣка и село въ 36 верстахъ отъ Конотопа. О городищѣ *Гай-вороновскомъ* упоминается и въ Истор. Акт. Малорос. Колл. № 5011).

Алексѣевъ въ своемъ „Церковномъ словарѣ" *грай* птицъ принимаетъ въ значеніе *полета* птицъ, кои древніе суевѣрно примѣчали и будущее отъ него предвѣщали.

Гремлеши (praes. 2 pers. sing. indicat) **гримлютъ** (praes. 3 pers. plur. indicat.) отъ **гремѣти, гримѣти**.

Въ толкованіи Никиты Ираклійскаго на Григорья Богослова (по сп. Син. биб. XIV в. л. 15) читается: гримании оружью (Опис. Син. биб. III, 85); плачь имаше гримающь до небеси (ib. л. 13. об.); въ „Оглашеніяхъ Кирилла Іерусалимскаго: гримн ѣъ (Вост.).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„Козаки. . . . .
„Въ семи пядни пищали *гремають* (Церт. стр. 11, 34, 50);

„*Загремьло* тутъ копыто лошадиное. (Пр. С. кр. ч. III, 123)
„И откуль вдругъ да лошадиное копыто *загремьло*. (ib. стр. 116).

Въ „Словѣ: „*гремлеши* о шеломы мечи харалужными; *гримлють* абли о шеломы". Удары металла о металлъ, производили звонъ; но ри этомъ оружье ломалось и производило трескъ; удары цѣлой масой производили раскатъ звуковъ на подобіе грома. *Словно громъ*, гре-ишь ты; *словно громъ*, гремятъ сабли".

Грєци (nomin. plur. masc.) отъ **грєкъ** — οἱ Ρωμαῖοι—Византійцы. изантія изъ всѣхъ сосѣднихъ странъ наиболѣе была близка къ Кіевкой дружинной Руси, а потому все чаще въ нашихъ лѣтописяхъ упоинаются Греки и Греческое царство (см. напр. въ Лавр. стр. 6, 12, 8, 20, 22, 30, 34, 37, 49 и др.). Если донынѣ въ нашихъ богаырскихъ словахъ отражаются преданія о наступательномъ періодѣ уси на Византію, то тѣмъ болѣе эти походы должны были долго остаться въ памяти самой Византіи. Съ другой стороны въ теченіе ѣковъ подвергаясь тяжкимъ испытаніямъ со стороны варварскихъ епняковъ, она научилась зорко слѣдить за ними и въ послѣдующее ремя. Вотъ почему нѣтъ никакого сомнѣнія, что Греки, подчинивъ ебѣ нравственно—Кіевскую Русь чрезъ христіанскую вѣру и церковое устройство, не могли оставаться равнодушными къ побѣдамъ Русихъ надъ погаными, усиленіе которыхъ всегда грозило опасностями ля нихъ самихъ. Вотъ почему неудивительно, если „*Греки* пѣли сла- Святославу" за его побѣдоносное торжество надъ Половцами, о мъ заявляется въ нашемъ „Словѣ".

Гридницѣ (local. sing. fem. antecedente prepositione къ) отъ идница—комната собственно для гридни, княжей стражи, но она ѣстѣ была и комнатой сборной, такъ сказать, пріемнымъ заломъ.

Слово **гридь** встрѣчается въ древнемъ переводѣ Амартола, гдѣ отвѣчаетъ Греческому ἑταίρεια: **семꙋ ꙋгоднвшоу црѣви прнуєта кго андрея старѣншинѣ гридемъ поручи и конѣ его наблюдати повелѣ**—ἑταιριάρχης; **множьство много ѿ ꙋгрьскыхъ дружинъ и ѿ гридей и ѿ унновъ**—ἐκ τῆς ἑταιρίας καὶ τῶν ταγματικῶν; **магистръ Іоанъ изборавые сущи ю гридехъ въ меньшихъ сътворикъ съ оружиемь сия посла на дукса**—τῶν τῆς ἑταιρίας καὶ τῶν ἔλατων (Свѣд. и Зам. Срезневскаго I, 22). Отсюда видно, что *гридины* входили въ составъ дружины, сообщества, союза связаннаго вѣрностію князю—и гридница была мѣстомъ ихъ службы.

Кіевская лѣтопись говоритъ что В. К. Владиміръ устави по вся недѣли на дворѣ въ *гридници* пиръ творити и приходити боляромъ и *гридемъ* и съцкимъ и десяцькымъ и нарочитымъ мужемъ, при князѣ и безъ князя (Лавр. стр. 123) Отсюда видимъ, что „*гридница*" была весьма просторнымъ покоемъ, гдѣ давались княжіе пиры.

Въ Новгородской лѣтописи читаемъ: „Повелѣ вмѣтати въ погребъ, что есть Новгородьцъ, а иныхъ въ *гридницу* и ту ся издъхоша (Новг. стр. 35). Отсюда можно заключать, что гридница въ XIII в. была внѣ княжаго дворца особымъ, нежилымъ строеніемъ, которое кромѣ прямаго своего назначенія—какъ сборнаго мѣста, замѣняло и тюрму для почетныхъ провинившихся лицъ.

Въ концѣ XV в. гридницею, по крайней мѣрѣ на сѣверѣ стали называть просто избу и даже пристройки къ дворамъ; такъ въ Псковской лѣтописи подъ 1470 г. читается: На Званицѣ у коровьи *гридницы* 7 человѣкъ молніею опали... и инѣ въ *гридницѣ*, которіи не были—а тіи добрѣ здоровы (стр. 235). Въ Новгородской: на Славковой улици поставиша *гридницу* нову среднюю".

Въ богатырскихъ словахъ и обрядныхъ народныхъ пѣсняхъ *гридни* упоминаются не рѣдко.

Князь молодой.

„По свѣтлой *гриднѣ* похаживаетъ,
„На свѣтъ княгиню поглядываетъ (Сравн. у Кир. III. 4

„Среди двора свѣтлицы стоятъ
„*Гридни* бѣлодубовыя

„Покрыты сѣдымъ бобромъ.
„........................ (Др. Р. Стих. стр. 159).

„Пришли туть ко князю Владиміру.
„Во тую во *гридню* во столовую (Рыбн. I, 96).

„Отворилась дверь-то дубовая,
„Тая ли *гридня* столовая (ib. III, 215 ср. 183).

„Ему ѣхати во ты ли во *гридни* во *черные* (ib. I, 213).

„Сухмантій Одихмантьевичъ
„Приходитъ изъ *гридни* изъ столовыя (ib. I, 28).

„Василиста Микулична
„Ступила своей ножкой правою
„Во славную во *гридню* княженецкую;
„Столпки во *гриднѣ* постряхнулися (ib. I, 243).

Отсюда видно, что *гридни* различались: была гридня *столовая* и бѣлая и была гридня *черная*.

Въ живомъ народномъ говорѣ донынѣ бытуетъ это слово въ ловской губерній въ значеніи *изба*, *избенка*: хоть разтопись—а все *идня* холодная (Даль).

Ханъ Кобякъ, какъ плѣнникъ, былъ лично приведенъ къ Свято-аву и былъ принятъ имъ почетнымъ образомъ—въ *гридницѣ* бѣлой; ѣсь повергся онъ ницъ предъ своимъ побѣдителемъ, моля его безъ мнѣнья о пощадѣ своей жизни.

Первые издатели перевели: и очутился Кобякъ во градѣ Кіевѣ *дворцѣ* Святославовомъ.

Шишковъ: приведенъ былъ Кобякъ въ *чертоги* Святославовы; ъ производилъ слово *гридня* отъ *городня* (какъ отъ *зижду*—зданіе).

Нормаинсты относили это слово къ языку Скандипавовъ, но упо-ебленіе его въ переводѣ Амартола указываетъ, что оно бытовало въ ікѣ не только русскихъ, но и южныхъ Славянъ, не знавшихъ на-ствія Рюрика съ братьями.

На русской землѣ есть урочище, извѣстное подъ именемъ *Гридскаго* болота въ Суздальск. у. (Ист. Акт. I, 222); есть также селеніе съ именемъ *Гридино* въ Нижегород. Рузск. и Владим. у. (ib. II, 96; III, 152) и Дополн. къ Ист. Ак. IV, 69): *Гридинско*—въ Бѣлоз. у. (Ист. Акт. I, 307).

Гроꙁою (instr. sing. fem.) **гроꙁꙋ** (accus. sing.) отъ **гроꙁа**.

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ слово **гроꙁа** отвѣчаетъ греческимъ:

1) ἀπειλή—угроза, острастка. Въ житіи Андрея Цареградскаго читаемъ: **гроꙁоу, како сѧ бы гроꙁилъ сотона на него**—ἀπειλὴν ἀπειλήσειν (Зап. Имп. Ак. Н. т. XXIV, 168). Въ повѣсти Флавія: **подъострѧюще гроꙁою** (л. 208)—διεγείρων ἀπειλαῖς (Lib. VI c. II, 6). **сгоже кесарь съ гроꙁою ꙁапрети** (л. 192)—μετὰ ἀπειλῆς ἀπεῖπεν ὁ καῖσαρ (Lib. V, c. XIII, 5) **гроꙁою исполнить свою похоть**—καὶ ταῖς ἀπειλαῖς περιδύσῃ τὴν πόλιν—да свяжетъ городъ угрозами (Lib. II, c. XIV, 6).

2) φόβος—metus страхъ. Въ той же повѣсти встрѣчаемъ: **иныхъ же гроꙁою оукроташеть**—ἐν φόβῳ τὸν αἴτιον καταλιπεῖν (л. 113 об.) **гроꙁою промышлѧше себѣ оутверженіе** (л. 17 об.)—ἐκ τοῦ φοβεροῦ (Lib. I. c. XXIX, 1).

3) Но все чаще **гроꙁа** встрѣчается въ соотвѣтствіи греческому φρική—horror ужасъ, дрожь отъ страха. Въ книгѣ Пророковъ: **въсхыти гроꙁоу свою**—ἥρπασεν φρικὴν αὐτοῦ (Амос. I, 11). Въ словахъ Григорья Богослова XI в. **гроꙁа мѧ обходитъ**—φρικῆς πληροῦμαι.

4) Наконецъ, достойно вниманія что въ Пандектахъ Антіоха XI в. грозою названъ тартаръ, идѣже будетъ плачъ и скрежетъ зубовъ: **инии гроꙁѣ предадѧтсѧ**—ἄλλοι δὲ ταρτάρῳ παραδίδονται. (гл. 95 л. 296).

Въ литературно-повѣствовательномъ языкѣ Кіевской школы слово это употреблялось во всѣхъ указанныхъ значеніяхъ. Въ житіи Θеодосія читаемъ: **начатъ оттолѣ бранити кемоу овогда ласкою, овогда гроꙁою.** Кіевской лѣтописи „сдѣ стояче черезъ рѣку" въ *грозѣ* сей створи миръ съ ними. (Лавр. стр. 212) нача Левъ ѣздити около города... рожаномъ *грозу* подавая. (И. Г. Р. IV, пр. 175 Дуб. 158) Рюрикъ

да ему Роману Торцькый, а на брата его насла съ *грозою* (Ип. стр. 137).

У Даніила Заточника: Всѣми обидимъ есмь, зане не огражевъ страхомъ *грозы* твоея (Чтен. Общ. Ист. Чуд. сп. стр. 2).

На сѣверѣ слово это бытовало до XVI в. Въ Новгородской лѣтописи (подъ 1471 г.) читаемъ: „уложи своего гнѣва, меча своего поуйми, *грозы* своея утиши.

Въ народной поэзіи встрѣчается: Грозитъ ему *заугрозою* (Рыбн. II, стр. 130).

„Лучше ты мнѣ-ка пригрози три *грозы*. (ib. I, стр. 184—185).

„Все я буду подъ *грозой* быти подъ великою (Чтен. 1870 г. кн. I, стр 557).

Въ народныхъ пословицахъ: не боюсь богатыхъ *грозъ*, боюсь убогихъ слезъ; жена безъ *грозы*—хуже козы; ты *гроза* грозись, а мы другъ за друга держись.

И такъ, словомъ *гроза*, по употребленію его въ древне-русскомъ языкѣ и народномъ пѣснотворчествѣ, выражалась какъ вообще угроза, такъ въ особенности обозначался самый ужасъ, вызываемый крайнею опасностію и предстоящею гибелью.

Въ „Словѣ“: нощь *грозою* птиць убуди т.-е. страхомъ; *грозы* твоя по землямъ текутъ т. е. слухи о твоихъ страшныхъ и побѣдоносныхъ шествіяхъ.

Влъци *грозу* въсрожатъ—здѣсь подъ грозою, вызываемою волчьимъ воемъ—разумѣется злая судьба или самая смерть. Смерть изображается *грозою* и въ повѣсти объ удаломъ молодцѣ и въ народныхъ плачахъ. (См. **въсрожатъ**).

Мусинъ-Пушкинъ выраженіе „грозы текутъ“ удержалъ буквально въ своемъ переводѣ.

Малиновскій перевелъ: „грозное имя твое разнеслось по всѣмъ землямъ“.

Шишковъ замѣтилъ, что перелагать это выраженіе значитъ уменьшать его краткость и силу.

Дубенскій: молва о грозахъ твоихъ обтекаетъ всѣ земли.

Другіе коментаторы удерживали буквально это выраженіе въ своихъ переводахъ.

Грозными (dat. hlur. masc.) отъ **грозныи**.

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ **грозныи** отвѣчаетъ Греческимъ:

1) φριχτός, φριχώδης horribilis, наводящій страхъ, бросающій въ дрожь; такъ въ Пандектахъ Антіоха XI в. но тоже φριχτός передавалось и словомъ **грѣдый**; такъ въ Святославовомъ Изборн. 1073 г. (л. 31 об.): **страшьное и гърдое имя**—τὸ φοβερὸν καὶ φριχτὸν. Такое имя пріобрѣталось сколько побѣдами и столько же личнымъ характеромъ.

Такъ въ лѣтописяхъ читаемъ: „Бѣ Василько... *грозенъ* взоромъ (Лавр. стр. 493). Романъ Галицкій изострился на поганыя яко левъ, имъ же Половцы дѣти стращаху (подъ 1251 г.); по умертвіи отца своего великій князь Александръ пріиде въ Володимеръ въ силѣ тяжцѣ и бысть *грозенъ* пріѣздъ его, пройде вѣсть до усть—Волги и начаша жены Моавитски полошасти дѣти своя рекуще: великій князь Александръ ѣдетъ" (повѣст. объ Алекс. Невск.); имени его трепетаху вся страны и по всей земли изыде слухъ его (И. Г. Р. III, 477) Объ Иванѣ IV, который до нынѣ въ словахъ богатырскихъ величается: *грозный* царь, лѣтописецъ замѣчаетъ, что онъ наконецъ „мечь свой унялъ и *грозу* свою въ земли удержалъ, т.-е. остановилъ опустошеніе наводившее ужасъ.

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„Строги—*грозны* богоданые родители (Пр С. кр. ч. III, 168 ср. 1, 90)

Въ пословицахъ: „*грозную* тучу Богъ пронесетъ".

2) ἰταμός, audax, animosus, temerarius, дерзый, мужественный, неустрашимый; такъ въ книгѣ Пророковъ: **людье лоуки и щитъ имоуще—грозни соуть**—ἔθνος ἰταμός ἐστι (Іер. L, 42).

Въ томъ и другомъ значеніи *грозный* является и въ „Словѣ:

1) Въ значеніи φριχτός: Святославъ *грозный* великый Кіевскій— т.-е. гордый или побѣдоносный, однимъ своимъ именемъ наводившій ужасъ на враговъ.

2) въ значеніи ἰταμός: „*грознымъ* Полочапомъ" — т. е. отчаянно ьянымъ и безпощаднымъ на бояхъ.

Грозенъ и *грозно*, замѣчаетъ академикъ Срезневскій, извѣстны и ь нарѣчіи болгарскомъ, но здѣсь употребляются лишь въ значеніи *ерзкаго* и *отвратительнаго*. (см. замѣт. на Гедеонова 17—18). Это мѣчаніе достойно особеннаго вниманія тѣхъ ученыхъ, кои въ „Словѣ" дятъ слѣды какого-то болгарскаго прототипа.

Громꙋ (dat. sing. masc.) отъ **громъ.**

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ слово это отвѣчаетъ реческимъ:

1) βροντή, tonitrum—трескъ, раздающійся въ воздухѣ; во время *озы*: **народъ же стоѧи и слышавъ гл҃хоу· громъ быстъ**—βροντὴν γεγονέναι ян. XII, 29).

2) ψόφος, tumultus—шумъ, трескъ; такъ въ повѣсти Флавія: **ве коу бывшꙋ громоу**—μεγιστάνου δ' ἀρθέντος ψόφου (Lib. V, c. VII. 1).

Въ лѣтописяхъ весьма часто отмѣчаются явленія грома: и бывши щи, бысть молонья и *громъ* (подъ 1024 г. Лавр. 144); и на ту нощь сть *громъ* и поторта мало (подъ 1147 г. ib. 299); того же лѣта сть *громъ* страшенъ (подъ 1188 г. ib. 386); вѣтры сильніи быша и *мове* (подъ 1300 г. ib. 461); бысть туча велика и удари *громъ* ьма сильно (подъ 1305 г. ib. 463). Въ Новгородской подъ 1187 г. *мъ* бысть страшьнъ и мълнія (1 Нов. стр. 19); томъ же лѣтѣ бысть *мъ* страшенъ подъ 1224 г. ib. 41).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„Наставала туча темна—не способная,
„Со *громомъ* да эта туча со толкучіимъ. (Пр. С. кр.
ч. I, стр. 246).

Въ произведеніяхъ литературно-повѣствовательной дружинной Руси не рѣдко уподоблялся грому; такъ въ повѣсти Флавія читаемъ: **жвнвше к трꙋбы... и къ ѡрꙋжїе бїюще внидоша къ градъ и нападо ш гражаны съ громомъ** (л. 106 об.). Въ лѣтописяхъ: и сразишася вое съ полкомъ и *тресну*, аки *громъ* (Ип. стр. 2) копьемъ же из ившимся, яко отъ *грома* тресновеніе бысть (ib. 183).

Что громъ съ молніей считались предвѣстниками страшнаго предстоящаго боя, это видно изъ той же повѣсти Флавія: **приключися же въ нощь бурѧ неизреченнаѧ и громи страшни и молніи часты и земли трясущеся реклще**—τῆς νυκτὸς ἀμήχανος ἐκρήγνυται χειμὼν καὶ συνεχεῖς ἀστραπαὶ, βρονταί τε φρικώδεις καὶ μυκήματα σειομένης τῆς γῆς ἐξαίσια (Lib. IV, c. IV, 5). Изъ сего можно было заключить, прибавляетъ Флавій, что сіе предвѣщало не малыя бѣдствія. (καὶ οὐχὶ μικροῦ τις ἂν εἰκάσαι συμπτώματος τὰ τέρατα). Въ другомъ мѣстѣ читается: **и великоу бывшю громоу страхъ нападе на воѧ** (л. 168 об.).

Тоже самое видимъ и въ лѣтописяхъ: се же дивно сдѣяся: въ полунощи бысть *громъ* силенъ, яко воемъ бродящимъ черезъ рѣку, и *страхъ нападе* на воя Володаревы. (Ип. 93—94).

Основа для сближенія боя съ громовыми явленіями кроется въ представленіяхъ миѳическихъ: громъ представлялся страшнымъ боемъ свѣтлаго божества съ темными силами, а потому и человѣческая борьба уподоблялась борьбѣ небесной.

Въ „Словѣ": быти грому великому—тоже что быти треску боевому, на полѣ брани, словно раскаты страшнаго грома.

Что касается самого слова громъ, то Фикъ сближаетъ его съ Литов. grumena, Греч. χρόμος, χρεμίζω (W. I, 84, 582; II, 730).

Будиловичъ составляетъ Болгар. *грьмел*, *грьмеж*, *грьмотевица* Чеш. hrom, hřmot; въ Лужиц. hrimanje; Полаб. gråm; Польск. grom grzmot. Кореннымъ значеніемъ слова громъ онъ предполагаетъ fragor. Множество арійскихъ миѳовъ, замѣчаетъ онъ, связано съ явленіями грома и молніи. Изъ этого круга представленій развился и верховный богъ праславянъ—*перунъ*, о которомъ свидѣтельство можно усматривать въ словахъ Прокопія о Славянахъ: θεὸν μὲν γὰρ ἕνα, τὸν τῆς ἀστραπῆς δημιουργὸν ἁπάντων κύριον μόνον αὐτὸν νομίζουσιν εἶναι (Перв. Сл. 17, 279).

Грязивымъ (dat. plur. neutr. antecedente praepositione **по**) отъ **грязивыи**—πηλώδης, lutosus—топкій, болотистый.

Форма adjectivi на **ивыи**—обычна въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ; таковы напр. слова: **страшивыи** (въ Юрьев. Ев.) **гладивыи** (Опис. Син. биб. I, 36) **проказивыи** (ib. III, 199); **болѧзнивыи** (Сбор. 1469 г. л. 178) и т. п.

Въ народномъ пѣснотворчествѣ встрѣчаемъ тоже самое: „*упадный*" (Пр. С. кр. ч. I, 71) *гульливый* (ib. 47) *держивый* (ib. II, 160) т. п.

Слово *грязивый* до нынѣ бытуетъ въ живомъ сѣверно-русскомъ зыкѣ: „экіи, говорятъ, *грязивыи* мѣста" т.-е. топкія (Сообщилъ Касьяновъ).

Въ Географическихъ именахъ есть: *Грязивая*—рѣка (Юрид. акт. гр. 163) *Грязивый*—ручей (въ Череп. у. близъ села Муравьева).

Грязивыя мѣста въ „Словѣ" тоже, что въ лѣтописяхъ *грязины*: ерейдя *грязину* ту (И. Г. Р. II, пр. 341).

Гуси (accus. plur. masc.) отъ **гусь**—χήν, anser.

Слово это читается въ Златоструѣ XII в. „ты же еси тетрѣви и гуси—καὶ ὄρνεις καὶ χῆνας (Вост.).

Изъ русскихъ памятниковъ *о гусѣ* упоминается въ Ярославовой удной грамотѣ: „за *гуся* 30 купъ" (Русск. Достоп. 11, 61).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ *гусь* является весьма часто:

„Воскрикнули *гуси*,
„Дунай переплывши,
„На горку ушедши:
„Какъ намъ *гусямъ* быть,
„Дунай замерзаетъ,
„Снѣжкомъ западаетъ. (Тр. Этн. Отд. кн. IV,
стр. 140).

Но всего чаще они являются вмѣстѣ съ лебедями или какъ предметы охоты или какъ застольное лакомое блюдо:

„Послухай ты, Чуро,
„Чи-то *гуси* кричать,
„Чи лебеди ячать. (Цертел. стр. 49).

Въ „Словахъ богатырскихъ:

„Ѣздитъ (Добрыня) по тихіимъ по заводямъ,
„Стрѣляетъ *гусей*—лебедей—пернату утушку. (Рыбн. 1, 46).

Дюкъ Степановичъ
„Стрѣлялъ сѣрыхъ *гусей* и стрѣлялъ лебедей. (ib. стр. 285)

Охочь ѣздить молодецъ былъ за охотою:

Охочь-то былъ стрѣлять *гусей*—лебедей. (ib. стр. 413 ср.
пр. С. кр. ч. III стр. 24).

Неси на столъ ѣствы разныя
. . . . *гусей*—лебедей, (Тр. Этн. Отд. кн. V,
стр. 94).

На Руси *гусь* былъ любимой народной птицей—и съ нимъ связано не мало пословицъ: „Летитъ *гусь* на святую Русь". „*Гусь* пролетѣлъ и крыломъ не задѣлъ.

Гусь всегда считался лакомымъ блюдомъ и подавался на столъ въ свадебные дни: „иного уподчуешь кусомъ, а иного не уподчуешь и *гусемъ*".

Нѣтъ сомнѣнія, что въ „Словѣ" *гуси*—лебеди какъ и въ народномъ пѣснотворчествѣ являются только какъ эпическій оборотъ. Авторъ хочетъ сказать, что судьба покровительствовала Игорю на пути счастливой охотой, такъ что не было недостатка въ пропитаніи. Но едва ли автору было извѣстно, какою именно дичью питался Игорь во время своего бѣгства.

Въ ряду географическихъ именъ есть *Гуськая* волость во Владимір. у. (Ист. Акт. 11, 196).

Что касается самаго слова *гусь*, то Будиловичъ находитъ, что оно сродни нѣм. Gans, Латин. anser, Греч. χήν, Сан. hansa. У Болг. зовется: гаскъ, гаскъ; Серб. гуска; Хорв. gusca; Хорут. gos, gosa, goska; Чех. hus; Полаб. гунс; Пол. gęś, gęsior. Пикте предполагаетъ, что уже праарійцы знали не только дикаго, но и прирученнаго гуся (1, 387). Въ Гомеровское время Греки держали гусей, какъ живность (Генъ, 321; Будил. Перв. Слав. 176, 353).

Д.

Д̃ ostendit numerale quantitale=четыре.

Въ „Словѣ: „хотятъ прикрыти д̃ солнца.

Вельтманъ подъ д̃ разумѣлъ здѣсь сокращенное д̃нь; а слово *солнца* будто бы прибавлено послѣ; онъ переводилъ: „хотятъ прикрыть день“ что совершенно нелѣпо.

Да (conjunctio, quae servit ad exprimendum optativum aut per descriptionalem perfectum aut per futurum verborum perfecti generis).

Въ переводныхъ памятникахъ XI—XIII в. союзъ этотъ большею частію отвѣчаетъ Греческому ἵνα, ut: **да съ дроугы своими възвеселилъса быхъ**—ἵνα... εὐφρανθῶ (Лук. XV, 29), **да не съблазнимъ ихъ**—ἵνα μὴ σκανδαλίσωμεν (ib. XVII, 27).

Въ Лѣтописяхъ: „*да* быхъ обуимъ оплакалъ (ib. 244); *да* не погрямимъ землѣ Рускіѣ (ib. 69).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„И сраженьице война *да* уходилась бы (Пр. С. кр. ч. II, стр. 35).

„*Да* подумаемъ мы крѣпкой съ тобой думушки (ibid.).

Въ той и другой формѣ optativus выражается и въ „Словѣ: *да* быхъ не слала слезъ на море; *да* позримъ синяго Дону.

Давеча (adverbium).

Мы принимаемъ поправку этого слова на далече, предложенную Захаровымъ и раздѣляемую Ѳ. И. Буслаевымъ. „Что ми шумить, что ми звенить *давеча*“; здѣсь, при глаголахъ стоящихъ въ настоя-

щихъ времени очевидно не умѣстно *давеча*, т.-е. „въ минувшую пору, на дняхъ". Болѣе сообразно со смысломъ видѣть здѣсь нарѣчіе пространства, а не времени.

Максимовичъ читалъ это слово въ формѣ **дакѣ**, считая окончаніе *ча* прибавкою великорусскаго писца. Но мы видимъ, что уже въ памятникахъ XII вѣка встрѣчается **нынѣчоу** (см. Оп. Син. биб. № 114); въ спискахъ же XVI в. **нынѣча**.

Снегиревъ **давеча** читалъ до вѣча„ т.-е. до восьми часовъ утра, когда сзывали звономъ колокола на вѣче.

Бодянскій сближалъ это слово съ Хорутанскимъ *дави* (davi), что будто бы значитъ *нынче*, *утромъ*.

Давидовы (nomin. plur. masc.) отъ **Давидовъ** (adjectivum possessivum). См. **давыдъ**.

Давныи (nomin. sing. masc.)—ἀρχαῖος, antiquus, старый, древній.

Въ Пандектахъ Антіоха XI в. читаемъ: **не помяни беззаконии давьнихъ**—ἀνομιῶν ἀρχαίων (л. 305 об.). Выраженіе: **ѿ первый родъ** какъ въ сп. XIII—XIV в. въ переводахъ XVI вѣка замѣнялось выраженіемъ: **ѿ родовъ давныхъ** (Дѣян. XV, 21).

Въ Лѣтописяхъ читаются выраженія: „Ростовци *давніи* (И. Г. Р. III, 42) *давныа* тяжа (ib. III, пр. 74).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„Времена *стародавніи* (пл. о Новг.).

Въ Словѣ: „*давныи* Ярославъ, т.-е. *старый* (ἀρχαῖος), какъ называется онъ и „въ другихъ мѣстахъ того же „Слова".

Давыде (acclam. sing.) отъ **Давыдъ**—собственное имя Давида, роднаго брата Рюрика, князя Смоленскаго; тотъ и другой — дѣти Ростислава, сына Мстислава Великаго, (княжившаго по смерти отца своего Владиміра Мономаха). Давидъ Ростиславичъ сначала княжилъ въ Вышегородѣ (1167—1180), и потомъ въ Смоленскѣ (1180—1197). По имени его далѣе упоминаются въ „Словѣ" стязи **Давидовы**. (Ср. Рюрикъ, **Рюриковы**).

Дажь—божа, дажь—божа (genet. sing. masc.) отъ **Дажь—божь.** (Наши замѣчанія о Дажь-богѣ см. выше ч. I, стр. 367—369). Приведемъ здѣсь мнѣнія предшествовавшихъ комментаторовъ.

Мусинъ-Пушкинъ замѣтилъ: Дажь-богъ—былъ кумиръ, княземъ Владиміромъ въ Кіевѣ съ прочими идолами поставленный. Но почему сочинитель именуетъ Половцевъ внуками Даже-божевыми, точно сказать не можно.

Малиновскій: Дажь-богъ кумиръ въ Кіевѣ боготворимый, податель всякихъ благъ. Пользующіеся Дажь-божьевыми дарами именуются здѣсь его внуками.

Шишковъ: поелику сказано здѣсь въ единственномъ числѣ *Дажь-божь-внукъ*, того ради надъ словами: *встала обидя въ силахъ* его, надлежитъ разумѣть, что силы или войска *Дажь-божаго внука*, т.-е. князя Кіевскаго; ослабѣвъ, принуждены были терпѣть обиды, наглости, пораженія отъ непріятелей своихъ Половцевъ. Но въ своемъ переложеніи онъ излагаетъ смыслъ иначе: „страждутъ *народы*, Дажь-богомъ покровительствуемые; насиліе въ видѣ грозной дѣвы вступало въ *землю Русскую*“.

Грамматинъ: Ясно, что внукомъ Дажь-боговымъ названъ здѣсь Русскій народъ. На что жь переводить это выраженіе во множественномъ числѣ? Благодѣяніями Божескими пользуются всѣ народы, а здѣсь рѣчь объ одномъ Русскомъ.

Бутковъ: выраженіемъ „Дажь-божій-внукъ“ здѣсь означается его порожденіе, произведеніе, чѣмъ указывается на происхожденіе Руси отъ Дажь-бога.

Дубенскій: „Дажь“—повел. накл. 2 л. отъ *дати*; Даждь-богъ—тоже, что Дай-Богъ.

Головинъ: *Даждь-богъ*, имя одного изъ 7 главныхъ боговъ Славянскихъ, Богъ плодотворный, освящающій и согрѣвающій землю, которымъ все дышетъ и живетъ, Славянскій Фебъ, свѣтило дня. Сочинитель внуками Дажь-бога называетъ князей Русскихъ.

Буслаевъ: Дажь-богъ—богъ солнца, какъ значится въ Лѣтописи: солнце царь сынъ *Свароговъ*, еже есть Дажь-богъ (Ип. 5). Поэтому онъ же иначе называется *Сварожичъ*.

Тихонравовъ раздѣляетъ то же мнѣніе.

Срезневкій: Дажь-богъ сближалъ съ нѣмец. Tag—день и Исл. Tagr и Хорутанскимъ *дженица*—утренняя заря.

Академикъ Куникъ имя Дажь-бога сближаетъ съ Литовскимъ dègti—жечь и Прусс. tagis—лѣто. (Касп. 54 и 435).

Далече (adverbium).

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ слово это отвѣчаетъ Греческимъ:

1) μακράν, longe: **мьньи сн҃ъ ѿиде на страноу далече**—ὁ νεώτερος υἱὸς ἀπεδήμησεν εἰς χώραν μακράν (Лук. XV, 13) **еще же кемоу гряд далече соущу**—ἔτι δὲ μακρὰν ἀπέχοντος (Лук. XV, 20); **бѣ же далече ѿ нихъ**—ἦν δὲ μακρὰν (Мѳ. VIII, 30)· Въ книгѣ Притчей: **яко далече ѿ себе створи**—ἀπὸ σου μακρὰν (IV, 1, 69).

2) πόῤῥω, procul: **еще далече соущю кемоу**—ἔτι αὐτοῦ πόῤῥω ὄντος (Лук. XIV, 32); **а сьрдьце ихъ далече ѿстоить ѿ мене**—ἡ δὲ καρδία αὐτῶν πόῤῥω ἀπέχει (Мѳ. XV 8).

Въ лѣтописяхъ:

Далече есть ны ити внизъ Днѣпра (Ип. стр. 127) и стрѣльцы Русскія.. гнаша (поганыхъ) в поле *далече* (Лавр. 480); а отецъ свой *далече* есть (Ип. 140); а *далече* есте шли (1 Новг. 34); въ повѣствованіи о походѣ Игоря: *далече* шелъ есть отъ людій.

Въ „Словахъ богатырскихъ":

„Какъ поѣдешь *далече*, *далече* во чисто поле. (Рыбн. I, стр. 272 ср. 125).

„Въ *далечь*, *далечь* во чистомъ полѣ (ib. III, стр. 87).

Въ причитаніяхъ:

„И *далеко* жъ да мои мысли расходилися (ч. III, 216).

Въ пѣсняхъ:

„Куйте коней крѣпче,
„Намъ ѣхать *далече* (Тр. Этн. отд. кн. IV, 143).

Въ „Словѣ": Олгово хороброе гнѣздо *далече* залетѣло; о, *далече* зайде соколъ, т.-е. въ чужую сторону, вдаль отъ родной стороны.

Дань (accus. sing. fem.) отъ **Дань.**

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ XI—XIII вв. отвѣчаетъ Греческимъ:

1) φόρος, tributum—подать: **достоить ли намъ кесаревї дань дати**—φόρον δοῦναι (Лук. XX, 22; **сего обрѣтохомъ... възбраняюща дати кесарові дань**—φόρους διδόναι (Лук. XXIII, 2 ср. въ Пандектахъ Антіоха XI в. **браняще кесарю дати дани** гл. 39, л. 90).

2) τέλος, onus—оброкъ: **цре земьстии ѿ кыхъ пріемлють дани**—λαμβάνουσιν τέλη (Мѳ. XVII, 25).

Данью называлась подать, которую должны были платить побѣжденные побѣдителю—и потому слово *дань* особенно часто читается въ дружинныхъ повѣствованіяхъ: „се суть инии языци, иже *дань* дають Руси (Лавр. стр. 10); рѣша козари: платите намъ *дань*; се налѣзохомъ *дань* нову (ib. стр. 16); имяху *дань* Варязи (ib. 18); устави *дань* даяти (ib. 23); взложи *дань* (ib. 41); пойди съ нами въ *дань*, да и ты добудеши и мы (ib. 53); поималъ еси всю *дань* (ib. 54); явися по *дань* (ib. 57); возми *дань* на насъ (ib. 68).

Въ „Словѣ": а поганіи емляху *дань* по бѣлѣ отъ двора.

Дастъ (futur. 3 pers. indicat.) отъ **Дати**—δοῦναι, dare.

Въ этой самой грамматической формѣ глаголъ этотъ читается и въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ XI—XIII вв. **дасть благая просящіимъ юго**—δώσει ἀγαθὰ (Мѳ. VII, 11); **что дасть чловѣкъ измѣноу за дшю свою**—τί δώσει (Мѳ. XVI, 26); **лоуна не дасть свѣта своюго**—οὐ δώσει (ib. XXIV, 29; ср. Марк. XIII, 24).

Въ лѣтописяхъ:

„Половину *дастъ* князю (Лавр. стр. 162).

„И в*дасть* Казиміръ за вѣно людий (ib. 151).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„И ты не *дай* тоски къ ретливому сердечушку (Пр. С. кр. ч. II, стр. 4)

„Може, *дастъ* тебѣ талану Господь—участи (ibid.).

Въ живой народной рѣчи не рѣдко слышится: „не *дамъ* въ обиду“; „не *вдавайся* въ обиду“.

Въ „Словѣ“: не *дастъ* гнѣзда своего въ обиду.

Дꙗа (nominat. dual. numerale)—*δύο*, duo.

Въ переводныхъ памятникахъ XI—XIII вв. читаемъ: **два боудета на селѣ**—*δύο ἔσονται* (Мѳ. XXIV, 40) **два брата** (Мѳ. IV, 18) **ина дъва брата** (ib. 21).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

Не *два* ворона... не *два* воина. (Рыб. III, 350).

Въ „Словѣ“: се бо *два* сокола... *два* храбрая Святославичя.

Двина—(nomin. sing. fem.) разумѣется—западная.

Въ Кіевской лѣтописи рѣка эта является чрезвычайно рѣдко; она упоминается лишь нѣсколько разъ въ географическомъ очеркѣ начальнаго разселенія славянскаго міра (Лавр. стр. 3, 5, 6, 10).

Авторъ „Слова“ коснулся ее потому, что по нижнему ея теченію обитали поганые литовцы, отъ которыхъ Руси не мало приходилось испытывать бѣдъ и горя; потому же, онъ обрисовалъ ее какъ рѣку нечистую, словно въ самыхъ водахъ ея жилъ *„нечистый“* (см. **болотомъ**).

Двора (genet. sing. masc. antecedente praepositione **отъ**) отъ **дворъ**—*αὐλή*, atrium. 1) собственно внѣшняя окружность дома обнесенная стѣною, 2) сѣни и самый домъ, 3) сельское имѣнье и особенно постройка для скота (ср. *αὐλήτης*, villicus—скотникъ, управляющій сельскимъ имѣньемъ).

Во всѣхъ этихъ значеніяхъ слово **дворъ** какъ и Греческое *αὐλή* является въ переводныхъ памятникахъ XI—XIII вв.

1) въ значеніи двора, какъ домовой окружности: **вънѣ сѣдяше на дворѣ**—*ἔξω... ἐν τῇ αὐλῇ* (Мѳ. XXVI, 69) **соущю... низоу на дворѣ**—*ἐν τῇ αὐλῇ κάτω* (Мрк. XIV, 66) 2) въ значеніи строенія: **ведоша и вънѫтрь на дворъ. иже єсть соудище**—*ἔσω τῆς αὐλῆς, ὅ ἐστι πραιτώριον* (Мрк. XV, 16), 3) въ значеніи скотнаго помѣщенія: **овьца... иже не соуть отъ двора сего**—*ἐκ τῆς αὐλῆς* (Іоан. X, 16).

Въ Кіевской лѣтописи подъ 945 г. читаемъ: „градъ же бѣ Кіевъ ѣже есть нынѣ *дворъ* Гордятинъ... а *дворъ* княжъ бяше въ городѣ, ѣже есть нынѣ дворъ Воротиславъ и Чюдинъ (Лавр. стр. 54); подъ 87 г. „бысть болесть силна... не бяше бо ни одного *двора* безъ болго, а во иномъ *дворѣ* нѣкому бяше ни воды подати (ib. 384). Въ еланіи Мономаха: возвахъ (Олега) к собѣ на краснѣмъ *дворѣ* (ib. 9).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„И отъ *двора* пройду, дѣтина, я дороженькой,
„И ко *двору* да приду малоей тропиночкой,
„И штобъ воротечка у насъ да вѣдь не хломнули
„И желѣзныи заложечки не щелкнули (Пр. С. кр. ч. III, 17).

Но кромѣ указанныхъ значеній слово *дворъ* употреблялось и какъ идическій терминъ, отвѣчавшій выраженіямъ *рало* и *дымъ*—въ смыс хозяйственной единицы обязанной платежемъ податей. Обязатель ю эго вытекало изъ владѣнія хоромами и животами, пахатной и покосной землей.

Въ Словѣ: поганіи емляху дань по бѣлѣ отъ *двора* т.-е. съ каж о платежнаго дома. Ср. отъ *рала*, (Лавр. стр. 63) отъ *дыма* . 18).

Въ исторической географіи извѣстны: *Дворище* —урочище на Пи ѣ (Ист. Акт. III, 293). *Дворишка*—деревня во Владим. у. (ib. II, III, 179).

Татищевъ—лѣтописное *дворъ* переводилъ словомъ *домъ* (Росс. г. 83, 160, 173).

Дебрьски (genet. sing. fem.) отъ **дебрьскни** (adjectivum — отъ рь). Словомъ дебрь въ древнѣйшихъ Славянскихъ памятникахъ пе одились Греческія: 1) φάραγξ—vallis, долина, логовина, ложбина, осшая лѣсной чащей: въ Евангеліяхъ XI—XII вв. встрѣчаемъ: **всака рь испльнітса**—πᾶσα φάραγξ πληρωθήσεται (Лук. III, 5) **посылаж тинкы въ дьбрехъ**—ἐν φάραγξιν—толк. **глеть оубо дьбри горьскыа.** Толк. XI в. Пс. CIII, 10. (Вост.) 2) γέεννα — gehenna. Въ Ник. бск. Ев. XIV в. читается: **вьржеиоу быти въ дебрь**—εἰς τὴν γέεν-

ναν. (Марк. IX, 45). Вопреки другимъ переводамъ здѣсь удержано представленіе исторической геенны, т.-е. логовины, гдѣ сваливались нечистоты. Соотвѣтственно этому представленію и производное прилагательное **дьбрьскыи** въ нѣкоторыхъ Русскихъ спискахъ Евангелій XII в. (какъ-то Юрьевскомъ, Мстиславовомъ Типографскомъ и нѣкоторыхъ другихъ) отвѣчаетъ тому же Греческому слову. Здѣсь читаемъ: **како убѣжіте ѿ огна дьбрьскааго**—ἀπὸ τῆς κρίσεως τῆς γεέννης (вм. ѿ **суда геоньска**, или ѿ **суда рода огньнааго** и т. д. Отсюда видно, что какъ существительное *дебрь*, значило логъ, густо заросшую долину, такъ прилагательное *дебрьскый* — значило полный дебрей, дебристый.

Въ повѣсти Флавія: „а между горами *дебрь* бысть" (л. 157).

Въ Лѣтописяхъ: въ *дебри* бѣжащихъ настиже (И. Г. Р. III, стр. 114); обычно свиніямъ по *дебремъ* ходити (ib. 168) перескочили бяху за *дебрь* (Лавр. 471).

Въ „Словѣ": вороны.... у Плѣсньска на болони бѣша дебрьски сание (въ 1-мъ изд. дебрь кисапю см. выше ч. II стр. 219 - 225). Какъ *болонь* у Плѣсненска означаетъ низменную мѣстность, гдѣ росла лишь одна заболонь, такъ словомъ *дебрьскій* по отношенію къ Сану указывается на такое же низменное прибрежье *Сана* лишь заросшее подобной же чащей.

Деремела (nomin. sing. collectiv.)—имя какого-то литовскаго племени. *Деремела* не то ли же, что лѣтописное—Дяволтва?

„А се князи изъ *Дяволтвы* (Ип. стр. 162).

Дни (genet. sing. masc.) **день** (accus. sing. antecedente praepositione **въ**) отъ **день**—ἡμέρα, dies.

Въ переводныхъ памятникахъ XI—XIII вв. читаемъ: **въ дн҃ь сь**—ἐν τῇ ἡμέρᾳ ταύτῃ (Лук. XIX, 42) **въ тъ дн҃ь**—ἐν ἐκείνῃ ἡμέρᾳ (Іоан. V, 9; XVI, 23) **въ пьрвыи дн҃ь** τῇ πρώτῃ ἡμέρᾳ (Мрк. XIV, 12; cf. Мѳ. XXVI, 17) **въ послѣдніи дн҃ь**—τῇ ἐσχάτῃ ἡμέρᾳ (Іоан. VI, 44, 54; XI, 24; XIII, 48).

Въ „Словѣ: въ третій *день*.

Достойно вниманія, что въ переводныхъ памятникахъ XI—XIII в. слово **день** in genetivo sing. имѣло два окончанія:

1) большею частію употреблялось дьне; такъ въ Евангеліяхъ до (н)шнаго дне μέχρι τῆς σήμερον. (Мѳ. XI, 23) понесъшїимъ тагототдйе — (τ)ῆς ἡμέρας (Мѳ. XX, 12) ѿ дне того—ἀπ' ἐκείνης τῆς ἡμέρας (Мѳ. XX, (4)6. Ср. XXIV, 38). Въ лѣтописяхъ: еже есть и до сего *дне* (Лавр. 36). 2) Но рядомъ съ этой формой уже въ Ев. XI в. genetivo sing. (ч)итаемъ: дйи. Такъ въ Маринскомъ: не вѣсте дьни (Мѳ. XXV, 13). (В)ъ Савин. до нього же дни—ἄχρι ἧς ἡμέρας (Мѳ. XXIV, 38). Чере(до)ваніе дьне и дьни является и въ Остроміровомъ Евангеліи. Въ лѣ(то)писяхъ бяше того *дни* буря (Лавр. 471) (сп. XVI в.).

Въ словѣ точно также: „Другаго *дни*; третьяго *дни*. Въ живой (на)родной рѣчи форма эта до нынѣ удерживается въ сѣверномъ нарѣ(чі)и: такъ, говорятъ: „сево-*дни*; третьёва-*дни*.

Дивицею См. **дѣвицею.**

Диво (nomin. sing. neutr.) чудо, диковина, невидаль. Въ древ(ни)хъ переводныхъ памятникахъ слово это отвѣчаетъ Греческому вы(ра)женію τὸ παράδοξον θέαμα—что значитъ буквально *дивное диво*. Въ (п)ереписсѣ Ефрема Сирина читается: сему дивеси—ἐπὶ τῷ παραδόξῳ (θε)άματι (по сп. 1468 г. попа Хрѣна).

Выраженіе: „*дивнье диво*" встрѣчается и въ извѣстныхъ спискахъ (Да)ніила Заточника. Въ народной поэзіи подобныя выраженія обычны. (Та)къ въ Причитаніяхъ:

„Што за *дивно* въ домѣ *диво* проявилось. (Пр. С. кр. ч. II, стр. 57).

„*Дива дивнаго* оны тутъ дивовалися (ibid. 1, 262).
„Эдакого чуда не наѣзживалъ
„Такого *дива* не видывалъ: (Рыбн. 1, 33).

Въ пословицахъ: „Чего нѣтъ, то и *на-диво*. Вы *диву* дивуетесь, (м)ы ужъ дивовались. Свадьба безъ *дивъ* не бываетъ.

Въ „Словѣ": а чи *диво* ся, братіе, стару помолодити.

„Диво" здѣсь (substantivum pro adjectivo) вм. дивьно—θαυμασ(τόν)—mirabile. (Ср. въ древ. Еван. Іоан. IX, 30: о семъ оуко дивьно

єсть—ἐν γὰρ τούτῳ θαυμαστόν ἐστιν). Ср. въ лѣтописяхъ: „сему же и дивлящу рекоша ми: се не *дивно* (Ип. 5); обаче не *дивно* нашему роду (Лавр. стр. 292). Чи диво—значитъ—или то удивительно?

Дивъ (nomin. sing. masc.)—дивище, чудовище. *Дивъ* здѣсь несомнѣнно относится къ кругу представленій эпическихъ.

Къ тому, что нами выше сказано о дивѣ, считаемъ нелишнимъ присоединить слѣдующую пѣсню:

„Въ лѣсѣ въ темномъ у Вислицы,
„Среди бору на Кислицы,
„Есть заклятой сухой сукъ,
„На томъ суку сидитъ Крукъ:
„Пане-круку, пане-Круку!
„Черна бога старшій внуку!
„Слеты съ древа, черный Крукъ,
„Дай у душу ему стукъ
„Ладно ладо, Дивно диво,
„Не живи моспано криво. (Памятн. народ. твор. въ сѣв.-зап. кр. 1866. стр. 117—118.)

Дивъ „Слова“ сидящій въ верху древа соотвѣтствуетъ Круку и его заклятомъ сукѣ. Любопытно, что этотъ Крукъ называется здѣсь старшимъ внукомъ Чернобога.

Ср. Сидитъ чертъ на дубу, вѣдьму въ гости зоветъ. (Тр. Этн. Отд. IV, 132).

Изъ географическихъ именъ отмѣтимъ: *Дивы* Городище на р. Камѣ (Допол. къ Ист. Ак. II, 98, 99).

Первые издатели полагали, что дивъ значитъ пугало, слѣповоронъ или ночной воронъ. Дивъ кличитъ верху древа—они перевели кричитъ филинъ на вершинѣ дерева.

Шишковъ: „Рѣчь сія въ подлинникѣ весьма темна; въ „Переложеніи“—тоже. Если *Дивъ* точно значитъ филина, то птица сія, сидящая вверху древа и при томъ кличущая, повелѣвающая разнымъ странамъ себя послушати, безъ сомнѣнія, изображаетъ нѣчто подразумѣваемое подъ нею, какъ напр. попеченіе, бодрствованіе правительства

или верховной власти, прорицаніе, провозглашеніе, или что-нибудь сему подобное; а посему вышесказанныя слова должны заключать въ себѣ слѣдующую или сей подобную мысль: „правительство или верховная власть, пекущаяся о безопасности народной, видя приближеніе непріятеля, возвѣщала, или слава разглашала, разносилась по всѣмъ вышеобъявленнымъ странамъ, даже до Тмутараканской земли, клича или сзывая обитающіе въ нихъ народы, дабы они стеклися, соединилися съ Половцами къ отраженію идущихъ на нихъ войскъ Игоревыхъ". По крайней мѣрѣ мысль сія весьма здѣсь прилична и потому вѣроятна".

Пожарскій: „Чтобы подъ словомъ „Дивъ" разумѣлось половецкое правительство, пекущееся о безопасности народной, съ симъ согласиться не возможно, во 1-хъ, потому, что Дивъ явился войску Игореву и давалъ о себѣ знать, какъ кажется, большею частію Русскимъ землямъ; во 2-хъ, потому, что Дивъ давалъ знать крикъ свой жителямъ по Сулѣ. Могло ли Половецкое правительство звать къ себѣ на помощь тѣ города, противъ которыхъ вооружалось? Слово „Дивъ" на Словенскомъ, Польскомъ, Богемскомъ и Сорабскомъ языкахъ означаетъ чудо. Ссылаясь между прочемъ на книгу Zabawy przyjemne i pożyteczne, изданную въ Варшавѣ 1769 г., Пожарскій замѣчаетъ: „Польскій поэтъ въ стихахъ своихъ такое же точно употребилъ выраженіе, какое употреблено въ „Словѣ о П. И. У перваго *Дивъ рычитъ*, а въ послѣднемъ *Дивъ кричитъ*. Итакъ, подъ словомъ *Дивъ* разумѣется чудо, а не филинъ и не половецкое провительство, пекущееся о безопасности народной.

Грамматинъ: „Пожарскій толкуетъ, что Дивъ значитъ не филинъ, а диво или чудо, которое представлялось на вершинѣ дерева и предвѣщало несчастіе не только войску Игореву, но и нѣкоторымъ отдаленнымъ странамъ. Жаль, что онъ не сказалъ, какой видъ имѣло то чудо. Цѣль замѣчаній объяснять, а не затемнять автора, но толкователи Шишковъ и Пожарскій оказываютъ ему дурную услугу. Нѣтъ ничего проще мысли автора: крикъ филина отъ простаго народа почитается и теперь самымъ несчастнымъ предзнаменованіемъ. Какъ стихотворецъ онъ воспользовался народнымъ суевѣріемъ, которое въ поэзіи есть источникъ чудеснаго".

Дубенскій сближалъ съ Славянскимъ словомъ *дивій* — дикій, лѣсной (Пс. 79, 14—уединенный дивій пояде я) и затѣмъ, исчисливъ другія значенія (Дивъ - чудо, Дивъ - пугало, филинъ), замѣчаетъ: что такое *Дивъ* въ пѣсни Игоревой лучше всѣхъ объяснилъ *Гай* изъ Загреба. По его толкованію Дивъ — злокобная птица — avis sinistra, avis mali ominis in augurio всѣмъ южнымъ Славянамъ извѣстная: въ Славоніи *Dib*, въ Кроаціи *Deb*, и вообще у Далматовъ какъ-то въ Сербіи *Dieb* и есть *Upopa*, Удодъ. У Дунайскихъ Славянъ крикъ *Дива* примѣта недобрая, какъ у насъ карканье вôрона. По Зоологіи Мильна Едварса (М. 1839, ч. II, стр. 155) Удодъ живетъ уединенно по лугамъ и мокрымъ мѣстамъ, гдѣ отыскиваетъ насѣкомыхъ и ихъ личинки, составляющихъ главную его пищу. Обыкновенно Удодъ (Upopa, ἔποψ, la Huppe commune) красновато-желтаго цвѣта, спина съ просѣдью, хвостъ черный съ бѣлыми полосками; клювъ тонкій— трехгранный; языкъ короткій мягкій; при основаніи горла находится ошейникъ, крылья посредственной длины; а надъ головою возвышается хохолокъ, состоящій изъ двойнаго ряда длинныхъ рыжеватыхъ перьевъ съ черными кончиками.

Максимовичъ: Дивъ означаетъ духа тьмы, враждебнаго внукамъ Дажьбоговымъ и благопріятнаго врагамъ Руси Половцамъ; онъ сроденъ съ дивами персицкими или дѣвами индійскими. Когда Кіевская лѣтопись дала намъ знать положительно, что Дажь-богомъ у Древней Руси называлось *Солнце*, то для меня еще болѣе подтвердилось вышесказанное миѳическое значеніе *Дива*. Какъ только Игорь, вопреки Солнцу (Дажь-богу), заступавшему ему путь своимъ затмѣніемъ, вошелъ въ Половецкую землю, настаетъ грозная ночь и Дивъ кричитъ поверхъ дерева, подавая вѣсть во всѣ концы земли Половецкой. А когда по паденіи Игоревыхъ стяговъ и по плѣненіи нашихъ князей „встала обида въ силахъ Дажь-бога внука" и простерлись по Русской землѣ Половцы, какъ пардово гнѣздо, и нанеслась хула на хвалу и разразилось насилье надъ волей, тогда и Дивъ низвергся на землю съ высоты. Съ этимъ представленіемъ Дива, не сходится понятіе о простомъ *филинѣ*, или совѣ, тѣмъ менѣе объ Удодѣ.

Бутковъ *Дивъ* сближалъ съ Финскимъ словомъ *tid*—страшная, гнусная птица.

Снегиревъ: *Дивъ* означаетъ здѣсь чудище, нечистую силу.

Вельтманъ: *Дивъ* здѣсь видѣніе, чудо, но не филинъ (въ 1 изд.).

Буслаевъ: образъ „Дива" въ „Словѣ" объясняется пословицею: [зъ пустаго дупла, либо сычъ, либо сова, либо самъ сатана" согла- ю съ древнимъ свидѣтельствомъ въ житіи князя Константина Му- искаго: „дуплиномъ древянымъ вѣтви убрусцемъ обвѣшивающе и мъ покланяющеся". Эта пословица уясняется также однимъ поль- имъ повѣрьемъ, будто бы дьяволъ, превратившись въ сову, сидитъ старой дуплистой вербѣ и оттуда вѣщуетъ, кому умереть. Потому живи опасаются срубать старыя вербы, боясь раздражить тѣмъ иого бѣса; отсюда и польская пословица: „zakochal się jak diabol suchey wierbie", т.-е. полюбилъ, какъ дьяволъ сухую вербу.

Тихонравовъ: *Дивъ* сближаетъ съ Литовскимъ Deiwys, Deive— олъ, ночное чудовище.

Макушевъ съ Сербскими *дивами*.

Веселовскій Александръ Н. въ *Дивѣ* видитъ попытку миеиче- кго овеществленія идеи злой судьбины.

Потебня: *Дивъ* здѣсь существо сродное или тождественное съ *ждою*, *горемъ*. Нужда, какъ и Дивъ—лице миеологическое.

Прозоровскій: въ одномъ мѣстѣ „Слова" разумѣется вообра- емое страшилище (вержеса диво), а въ другомъ будто бы обозна- нъ этимъ словомъ филинъ, сидящій на деревѣ и кличущій; по нынѣ икъ филина въ лѣсу считается въ народѣ за крикъ лѣснаго чудища, шаго.

Изъ другихъ издателей „Слова" заслуживаютъ упоминанія:

Павловъ (Бицинъ): съ одной стороны глоссаторы видятъ миеи ское существо въ Дивѣ; съ другой, выраженіе „земли послушать", итъ имъ поводъ къ смутнымъ догадкамъ. Нѣтъ никакой надобно- і разумѣть тутъ что-нибудь таинственное и миеологическое.

Намъ припоминается сторожевая жизнь степной Русской окраины весьма характерный способъ карауловъ, устроенный для наблюденія степными хищниками. Этотъ способъ, со времени Кіевскихъ кня- і, боровшихся съ Половцами, сохранялся еще и въ Московскій рскій періодъ, когда врагами являлись уже Крымскіе Татары. На иноких дубахъ, разсѣянныхъ по всей безпредѣльной равнинѣ,

сидятъ вверху стражники, дозорцы, и пристально смотрятъ въ безконечную степную даль. Подъ дубомъ еще другой стражникъ и два осѣдланныхъ коня. Завидится вдали пыль или вообще какая-нибудь тревога отъ табуна или отъ войска, стражникъ подаетъ кличъ съ верху дерева; его товарищъ подъ дубомъ садится на одного изъ осѣдланныхъ коней и ѣдетъ къ слѣдующему такому же пункту. Вотъ этихъ-то стражниковъ, вѣстниковъ, дозорцевъ, дружинники на своемъ фамиліарномъ языкѣ и могли величать *дивами*. Когда первый стражникъ, возвѣстившій тревогу, самъ сходилъ съ дерева на землю и на своемъ собственномъ конѣ являлся въ городъ подтвердить тревогу, тутъ ужъ войско не мѣшкая выступало въ походъ противъ вторгнувшагося чужеземца. Вотъ это-то на фамиліарномъ (а вовсе не на торжественномъ) языкѣ дружинниковъ и могло значить: „уже дивъ свергнулся на землю", выраженіе, которое далѣе и встрѣчается въ „Словѣ".

Объясненіе это, какъ выше нами замѣчено, стоитъ несравненно ниже толкованій тѣхъ глоссаторовъ, противъ которыхъ оно направлено, и противно какъ вообще эпическому складу и духу „Слова", такъ въ частности ближайшему контексту рѣчи. Неумѣстно было „*кричать*" при тѣхъ способахъ дозора, о которыхъ говоритъ г. Павловъ; здѣсь все дѣлалось безъ крику и къ тому именно все было направлено, чтобы для врага остаться незамѣченнымъ. Въ „Словѣ" же Дивъ рычитъ такъ, что голосъ его несется по всѣмъ окраинамъ земли Половецкой. Въ самомъ основаніи невѣрно мнѣніе, будто корень *дивъ*, *дивиться*, самъ по себѣ означаетъ дозорца, и будто въ Малорусскомъ нарѣчіи *дивиться* просто значитъ глядѣть; а въ Великорусскихъ нарѣчіяхъ народъ говоритъ: „чему дивиться?", если на что-нибудь пристально глядѣть. Не дѣлая выписокъ изъ Словарей народнаго языка (Областнаго Академическаго и Даля) отвергающихъ подобное мнѣніе, ограничимся замѣчаніемъ, что во всѣхъ переводныхъ памятникахъ XI—XII вв. дивитися отвѣчаетъ Греческому θαυμάζειν. (См. напр. Мѳ. XV, 31; XXVII, 14; Марк. XV, 5 и во многихъ др. сп.).

Карауловъ: „Дивы суть миѳологическія существа свѣта".

Шейковскій: „*дыво* клыкати вверху древа" значитъ будто бы об-урачить кого-либо. По одной сказкѣ: „одинъ отецъ проходилъ съ ыномъ мимо нивы, которую засѣвали цѣлымъ селеніемъ. Сынъ и оворитъ отцу: „тату! я вкраду того насиня".—Якъ же ты вкрадешь, олы такъ богато народу? „Ничого, каже". Взлезъ онъ на высокое ерево, на самый верхъ и сталъ кричать: „*дыво, дыво, дыво!*" Сѣяв-іе, услыхавъ этотъ крикъ, побѣжали въ лѣсъ, повылезли на деревья, тобы посмотрѣть дыва. А онъ тѣмъ временемъ слезъ, да и набралъ *насиня*". По истинѣ, диву даешься, до чего доходила и до чего мо-етъ доходить изобрѣтательность разныхъ толковниковъ, стремящихся ролить свой свѣтъ на геніальный творческій памятникъ XII вѣка.

Майковъ А. перевелъ: *черный дивъ* въ противоположность бо-ествамъ свѣтлымъ упоминаемымъ въ „Словѣ".

Длъго (adverbium)—μακρὰν, longe, procul.

Нарѣчіе это читается въ Панд., Антіоха XI в. въ формѣ: **длъжѣе** ακρότερον (гл. 48 л. 108). Въ Евангельскихъ переводахъ встрѣчаемъ ыраженіе: **на длъзѣ времени**—ἐπὶ χρονόν—per multum tempus (Лук. VIII, 4).

Но достойно особеннаго вниманія, что у Плинія (Junioris) употре-яется выраженіе: „tarda nox" въ значеніи: ночь *не скоро* насту-ающая.

Въ лѣтописяхъ: А самъ же (Святополкъ) *долго* поживе? (Лавр. р. 298); а Святославъ *долго* не бяше (И. Г. Р. II, пр. 276).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

> Малого послать, *долго* ждать (Рыбн. I, 4)
> Што же *по-долгу*, сестрица, снаряжалася? (Пр. С. кр. ч. I,
> стр. 134 ср. въ лѣт. *повелику* Лавр. 213).

Въ „Словѣ": *длъго* т.-е. не скоро ночь меркнетъ: длится, тянется еркавіе ночи (См. **мркнетъ**).

Мнѣнія другихъ комментаторовъ см. выше т. II, стр. 171—172.

Днѣпре (accus. sing. masc.). См. **Днѣпръ**.

Дне (local. sing. neutr. antecedente praepositione во) отъ **дно.**

Въ древнихъ переводныхъ памятникахъ слово это отвѣчаетъ Греческимъ;

1) ἔδαφος, solum, pavimentum—грунтъ, почва въ глубинѣ; такъ въ книгѣ Пророковъ: **къ рокъ левьскъ въвергоша. . и не доидоша дно рва**—εἰς τὸ ἔδαφος τοῦ λάκκου (Дан. VI, 24).

2) πυθμήν, abyssus, глубина, пучина, бездна; такъ въ Пандектахъ Антіоха XI в. **въводаштаа уѧка въ дъно адово**—εἰς πυθμένα ᾅδου. (гл. 73, л. 157).

Въ „Словѣ": погрузи жиръ *во днѣ* Каялы рѣкы; здѣсь *дно*—очевидно въ этомъ послѣднемъ смыслѣ (πυθμήν); *во днѣ* значитъ: въ глубинѣ, въ безднѣ, въ омутахъ.

Г. Потебня разсуждаетъ: погрузи... *во днѣ*—странно, такъ какъ *въ* съ мѣстнымъ пад. означаетъ *среду*, въ которую нѣчто ставится или въ которой нѣчто находится, а *не отношеніе основанія* къ тому, что на немъ. Поэтому, продолжаетъ онъ, я прочелъ „погрузи *жирово днѣ* вм. жиръ *во днѣ*" (стр. 77). Но не говоря уже о томъ, что весьма сомнительно существованіе въ русскомъ языкѣ слова *жирово* даже въ какомъ бы то ни было поднарѣчіи, при указанномъ значеніи слова *дно* въ древнѣйшихъ памятникахъ замѣчаніе Г. Потебни теряетъ всякое значеніе.

Онъ оказывается не правымъ даже и въ томъ случаѣ, если мы будемъ понимать **дно** въ „Словѣ" въ значеніи: ἔδαφος. Дѣло въ томъ, что предлогъ **во** не только въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ употреблялся въ соотвѣтствіи Греческому ἐπὶ, но и въ народномъ пѣснотворчествѣ онъ является иногда въ значеніи *на*; такъ напр.

> „Сидитъ черный воронъ „*во сыромъ дубу*"—вм. *на* сыромъ дубу. (Рыбн. I, стр. 414).

Днѣпрь (accus. sing. masc.).

Рѣка эта въ древности носила разныя названія. Гунны, какъ гласитъ Іорнандъ, называли ее Var (quam lingua sua Hunni Var appelant. Васильевск. Ж. М. Н. Пр. 1882. Авг.) *Варъ*—имя чисто Славянское; оно же сказалось въ названіи одного Днѣпровскаго порога

ιάρο—φορος. (См. т. V. Русская земля). У Константина Багрянород-
іаго тотъ же Днѣпръ βαρούχ=варягъ. Это имя уцѣлѣло въ названіи
дного Днѣпровскаго острова *варяжскимъ* (Лавр. стр. 479). Бееръ
амѣчаетъ что Константинъ Багрянородный Днѣпръ и *Данаприсомъ*
азываетъ, который есть древній *Бористенъ* (стр. 25). Периплъ Пон-
а Евксинскаго такъ гласитъ: *Бористенъ* рѣка нынѣ *Днѣпромъ* про-
менована (ibid.).

Днѣпръ рѣка потече изъ Волковскаго лѣса на полъдне (Лавр. стр. 6)
зо мху, изъ болота, и потекла подъ Дорогобужъ, далѣе подъ Смо-
енскъ а отъ Дорогобужа до Смоленска 80 верстъ (кн. Б. Черт. 78);
впадаетъ Днѣпръ въ Пенетьское море жереломъ (Лавр. 7) въ про-
иву морскую, въ Ильмень отъ Перекопи верстъ съ 70, а отъ Коз-
эва верстъ 40 (кн. Б. Черт. стр. 77).

Рѣка эта искони—русская родная. Съ до—историческихъ вѣковъ
верху ея сидѣли Кривичи, а въ низовьѣ Поляне.

При Ярославѣ Днѣпръ сталъ гранью, раздѣлявшею Полянскую
млю отъ Сѣверянской.

Днѣпръ особенно былъ славенъ порогами. Не даромъ Констан-
інъ Багрянородный счелъ нужнымъ подробно описать ихъ. Слухъ
ъ ихъ величіи и трудностяхъ плаванія по нимъ очевидно занималъ
же Византію.

Какъ рѣка родная, во время борьбы съ погаными, Днѣпръ бла-
пріятствовалъ Руси: это можно замѣчать и въ лѣтописномъ раз-
азѣ о внезапной осадѣ Кіева Печенѣгами, во время отсутствія
вятослава (подъ 968 г.), когда одинъ отрокъ „умѣвшій говорить по
ченѣжски, подъ предлогомъ розыскиванія коня, приблизился къ
ѣкѣ и сунулся въ *Днѣпръ* и побреде; Печенѣги не могоша ему
ичтоже сотворити".

Но особенно сильно покровительство Днѣпра Руси выражается
„Словахъ богатырскихъ":

„Что же ты матушка Нѣпра рѣка,
„Что же ты текешь не по старому,
„А вода съ пескомъ помутилася?

Спрашивалъ ее одинъ богатырь.

Отвѣчала ему матушка Нѣпра рѣка:

— Какъ же мнѣ тещи было по старому
— Какъ за мной, за матушкой рѣкой,
— Стоитъ сила невѣрная—сорокъ тысячей,
— Сорокъ тысячей поганыихъ.
— Мостятъ они мосты калиновы;
— Днемъ мостятъ, а ночью я повырою;
— Изъ силъ матушка Нѣпра рѣка повыбилась (Рыбн. I, 28–29).

Въ „Словѣ" отмѣчены та и другая черта: Ярославна 1) указываетъ на могучую силу Днѣпра, сказавшуюся въ порогахъ и 2) умоляетъ его възлелѣять ладу ея.

Та же вѣра въ покровительство Днѣпра сказывается и въ упрекахъ Игоря поганской Стугны, которая не допустила Ростислава до Днѣпра—рѣки родной, которая, предполагается, не дала бы ему погибнуть.

При ближайшемъ изученіи отдѣльныхъ словъ изучаемаго памятника, мы пришли къ новымъ толкованіямъ нѣкоторыхъ неясныхъ мѣстъ его. Выше мы предложили такое чтеніе: Стугна... уному князю Ростиславу затвори *Днѣпръ. Темнѣ березѣ* плачется мати Ростиславля.

Нельзя не принять въ уваженіе сомнѣнія Вс. Ѳ. Миллера въ возможности того, чтобы мѣстный падежъ „*темнѣ березѣ*" могъ стоять здѣсь безъ предлога. Особенное значеніе получаетъ оно въ виду того, что этимъ выраженіемъ начинается новое предложеніе и новая мысль. Это заставляетъ насъ видѣть здѣсь такого же рода ошибку, какая не разъ повторяется въ дошедшемъ до насъ текстѣ „Слова"; т. е. видѣть въ словѣ днѣпрь два слова, состоявшія изъ однихъ и тѣхъ же звуковъ и слитыя вмѣстѣ, вслѣдствіе слитнаго ихъ начертанія. Въ подлинной рукописи болѣе, чѣмъ вѣроятно, было начертано такъ: ѕатвори днѣпрі. Слѣдовало читать: ѕатвори днѣпрь и прї, какъ предлогъ. Такимъ образомъ чтеніе принимаетъ законную форму. Стугна же ѕатвори днѣпрь. Прї темнѣ березѣ плачется мати Ростиславля. (См. при).

До (praepositio, construitur cum genetivo)—ἕως, usque.

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ читаемъ: **до мѣста** — ως τοῦ τόπου; **до вратъ** ἕως τῆς πύλης; **до столпа**—ἕως τοῦ πύργου Захар. XIV, 10).

Въ лѣтописяхъ: *до* живота своего (Лавр. стр. 87); *до* скота (ib. 8); *до* небесе (ib. 89); *до* запада (ib. 96); *до* ночи (ib. 471). *до* поздоѣ вечернѣ (Ип. 22).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„Ушла сошка *до* рогача (Рыб. 1, 23)
„Допустите *до* хоромнаго строеньица. (Пр. С. кр. 1, 31).

Въ Словѣ: съ заранія *до* вечера; съ вечера *до* свѣта.

Дождю (dat. sing. masc.) отъ **дождь**.

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ слово это отвѣчаетъ 'реческимъ:

1) ὑετός, imber—ливень, туча: такъ въ Пандектахъ Антіоха XI в. **сиа бо речє никъшина съходаштааго на на мъногашьды дъжда**—πολλάκις ρχομένον ὑετὸν (гл. 49, л. 109). **приемєть дъждь ранъ и поздьнъ**— ἀβῃ ὑετὸν πρώϊμον καὶ ὄψιμον (Iак. V, 7).

2) βροχή, pluvia, такъ въ переводахъ Евангельскихъ: въ Галиц. **сніде дъжчь и прїдоша рѣкы** — καὶ κατέβη ἡ βροχή; въ Зогр. XI в. **ьниде дъжди** (Мѳ. VII, 25, 27).

Въ лѣтописяхъ: „и отдождить намъ *дождь* ранъ и позденъ (Лавр. тр. 461); вѣтри силни быша и *дождеве* (ib. 461).

Въ литературно повѣствовательной дружинной школѣ дождь не ѣдко служилъ образомъ множества стрѣлъ и камней, бросаемыхъ во ремя боя: „**и стрѣлы на нѣ лѣтахоу, акы дождъ** (см. т. 1 стр. 264); ечющимъ же пращамъ и стрѣламъ, *яко дождю* идущу (Ип. 181). Цяху стрѣлы, аки *дождь* (Лавр. 262); съ города, аки *дождь*, каменье етаху нань (Ип. 47).

Точно также и въ „Словѣ: „итти *дождю* стрѣлами". *Дождь* здѣсь лиже къ классическому: ὑετός Срав Виргилія: imber ferreus—туча трѣлъ.

ДОКОНЧАША (aor. 3 pers. plur. indicat.) отъ **ДОКОНЧАТИ** (in annexu praepositionis **до=конъчати**).

Въ переводныхъ памятникахъ XI—XIII вв. читаемъ: **что еси не доконъчалъ**—τί ἔτι ὑστερῶ (Мѳ. XIX, 20) **единаго еси не доконьчалъ еси**—ἕν σοι ὑστερεῖ (Мрк. X, 20).

Въ лѣтописяхъ: „*докончати* церковь" (И. Г. Р. II, пр. 97). Кончати верхъ святыя Богородица (Лавр. стр. 273). *Докончать* значитъ довести что-либо до конца, завершить вполнѣ и окончательно.

Въ „Словѣ": пиръ *докончаша*—т.-е отпировали, кончили пиръ, когда продолжать стало не возможно.

Кіевская лѣтопись такъ изображаетъ *докончаніе* этого боевого пира. „Не бяшеть льзѣ ни бѣгающимъ утечи; можахуть Русь съ 15 мужъ утекши, а Ковуемъ мнѣе, а прочіи въ морѣ истопаша (П. С. Р. Л. II, 132).

ДОРОГА (nom. sing. gem.) отъ **ДОРОГЪ**. См. **ДРАГЫИ**.

Здѣсь же обратимъ вниманіе только на особенность употребленія этого слова въ его относительномъ значеніи. Часто грамматически ставится оно не тамъ, гдѣ требуется то логически. *Дороги* ли говорятъ, напасти, коли Божье дѣло творишь". *Дороги* ли протори, коли домъ Божій строишь; „женѣ ли *дороги* побои, коли мужа любитъ". Во всѣхъ данныхъ предложеніяхъ слово *дорогій* грамматически относится къ „напастямъ" „проторямъ и побоямъ", которыя сами по себѣ уже никакъ не могутъ быть *дорогими* для того, кто ихъ испытываетъ; но логически оно относится къ подлежащимъ слѣдующаго предложенія, которыя ставятся въ сравнительное соотношеніе: т.-е. собственно *дорого* творимое Божіе дѣло, а напасти которыя ради его испытываются, мало имѣютъ значенія; *дорогъ* собственно устрояемый домъ Божій, а убытки, которыя связаны съ его постройкой, ничего не стоятъ. Для любящей жены собственно *дорогъ* мужъ, а побои, которыя ей приходится выносить отъ него, слишкомъ мало для нея значитъ.

Въ такой же точно относительной формѣ выраженіе *дорогой* употреблено и въ „Словѣ". Кая рана *дорога*, братіе, забывъ чти и живота и града Чрънигова, отня злата стола и своя милыя хоти крас-

ия Глѣбовны. Здѣсь также, въ силу особенности употребленія слова *дорогій,* грамматически стоитъ оно не тамъ, гдѣ требуется то логически. Дороги для Всеволода собственно честь и жизнь, градъ Черниговъ—отцевскій золотой прєстолъ и красавица Глѣбовна; но онъ забылъ ихъ въ пылу боя; что же могла значить для него та или другая рана?

Дорогами (instrum. plur. fem.) отъ **дорога.** См. **пути.**

Доспѣли (descriptional. perf. 3 pers. plur. indicativ. pro доспѣли суть) отъ **доспѣти** (in annexu praepositionis до=спѣти).

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ глаголы **спѣти** и **успѣти** отвѣчаютъ Греческимъ:

1) προκόπτειν, proficere—успѣвать: такъ въ Панд. Антіоха XI **спѣеть** (гл. 54, л. 118).

2) κατευοδοῦσθαι, profectu uti—преуспѣвать; такъ въ книгѣ Псалмовъ XII—XIII вв. **напрязи спѣи и цр҃ствоуи** κατευοδοῦ (Пс. XLIV, 5).

3) φθᾶσαι, praevenire—предварять, предупреждать: въ тѣхъ же Пандектахъ: **егда доспѣ**—ὅτε ἔφθασεν (гл. 65, л. 138). Но кромѣ того встрѣчаемъ еще въ значеніи:

4) μοχθεῖν, laborare—трудиться, изнуряться; въ древнѣйшихъ славянскихъ переводахъ Екклизіаста: **въ всемъ спѣсѣ своемъ еже спѣетъ**—μόχθῳ, ὢ μοχθεῖ; въ сп. XV в. **въ всемъ спѣшеньи своемъ, еже спѣшитъ**; въ новоисправленныхъ переводахъ XVII в. **во всемъ троуде, иже троудится** (гл. 1, 2, 3 II, 9—11; III, 18).

Точно такъ и слово спѣхъ употреблялось не въ значеніи только τάχος celeritas, или προθυμία alacritas (какъ въ Панд. Ант. гл. 25, л. 61) или προκοπή incrementum (ib. л. 5 об. ср. 2 Кор. IX, 2), но въ значеніи μόχθος (Лѣств. XIV в. Оп. Син. биб. № 141, л. 15 об.). При этомъ считаемъ нужнымъ замѣтить, что какъ Греческое μόχθος—являлось тождественнымъ=πόνος въ значеніи труда воинскаго, такъ и **спѣхъ** было словомъ дружиннымъ. (Ср. „не бѣ *спѣха;* съ *доспѣхомъ* ѣздятъ (Ип. подъ 1185 г.).

5) Соотвѣтственно этому доспѣти встрѣчаемъ—въ значеніи окончить трудъ, довершить усилія: такъ въ повѣсти Флавія: **тщася да**

скоро доспѣеть въ тѣхъ странахъ; т. е. покончитъ войну (л. 132 об)—τὴν ὁρμὴν τοῦ πολέμου (Lib. IV, c. VIII, 1).

Въ лѣтописяхъ глаголы *доспѣти, доспѣвати* также получаютъ разнообразные оттѣнки значенія, смотря по тому, къ какимъ степенямъ труда они относятся.

1) Въ отношеніи приготовленія къ труду, *доспѣти* означаетъ со всѣмъ исправиться, быть наготовѣ, выжидать. „Печенѣзи.... почаша звати: нѣ ли мужа? Се намъ *доспѣлъ* т.-е. готовъ (Лавр. стр. 121).

Вячеславъ рече къ Изяславу и къ Ростиславу: „се есми, братья, уже *доспѣли* т.-е. готовы (Ип. 60). Рюрикъ... Всеволоду рева: азъ... сидѣлъ есть *доспѣвъ*, жда отъ тебе вѣсти; ты же тоѣ же зимы не всѣлъ (ib. 148).

2) По отношенію къ продолженію труда *доспѣвати* значитъ=напрягать усилія, поспѣшать, ускорять, предварять: „Начашася Звенигородьци бити... видѣвъ же то Всеволодъ нача *доспѣвати*, (т.-е. поспѣшать) яко взяти городъ (Ип. 22 подъ 1146 г.) Михалку *доспѣвающу* и наряжающу послы своя и поидоша Мстиславичи кличуче (Лавр. 357).

3) По отношенію къ окончанію труда—*доспѣти* значитъ завершить, покончить совсѣмъ усилія, истощить средства. Въ этомъ послѣднемъ значеніи доспѣти употребляется даже и какъ глаголъ дѣйствительный: „князь Андрей Боголюбскій Владимеръ сильно устроилъ, к нему же врата золотыя *доспѣ* (Ип. 112); Архіепископъ Θеодосій и церкви въ стемъ Иванѣ Прдчи... своды каменные *доспѣлъ*, да надъ гробомъ на чюдотворцевымъ *доспѣлъ* каменный теремецъ (Сб. Чуд. № 53, 355 л. 356 об.). Ср. въ се же лѣто *кончиша* верхъ святыя Богородица. (Лавр. 276).

Въ живой народной рѣчи говорится: „У Бога свѣта, все доспѣло.

Принимая въ соображеніе все сказанное, мы приходимъ къ убѣжденію, что въ „Словѣ": Олговичи храбрыи князи *доспѣли* на брани значитъ: сдѣлали все, что могли, довершили свои усилія, утрудились, *покончили* (изнемогоша и падоша ἠσθένησαν καὶ ἔπεσον (Пс. XXVI, 2).

Мнѣнія другихъ комментаторовъ см. выше т. II, стр. 240—243.

ДОНА (genet. sing. masc. antecedente praepositione отъ); Дону (pro Дона, gen. sing. antecedentibus praepositionibus съ, отъ, ...

Дону (dat. sing. antecedente praepositione къ); Донъ (accus. sing.) тъ Донъ.

Рѣка эта у греческихъ писателей была извѣстна подъ именемъ ναΐς. Акронъ къ Горацію пишетъ, что Донъ и *Танаисомъ* называно. Арабовъ имя эй *„Танъ"* (Бееръ: Геогр. Росс. стр. 23).

Рѣка эта вытекла изъ Иваня озера, отъ Дѣдилова верстъ 30 и отекла подъ Епифань; пала подъ Азовомъ въ море Азовское (Кн. Чер. стр. 27, 42).

Въ лѣтописяхъ имя этой рѣки читается съ 1096 г., когда начинается борьба съ погаными Половцами. Низовья Дона стали собственностію этого народа и овладѣть снова Дономъ стало задачею русскихъ князей. Подъ 1096 г. Мономахъ пишетъ: паkы идохомъ а *Донъ* с Святополкомъ и с Давыдомъ (Лавр. стр. 241); подъ 1109 г. митръ Иворовичъ взя вежи Половечскыѣ у *Дону;* подъ 1116 г.: рополкъ ходи на Половечскую землю к рѣцѣ зовомой *Донъ* (ib. 76); подъ 1120 г.: онъ же ходи на Половци за *Донъ* (ib. 277); дъ 1199 г.: князь же великый ходивъ по зимовищемъ ихъ възлѣ *онъ* (ib. 394).

Въ сѣверномъ изводѣ лѣтописнаго сказанія о походѣ Игоря, язья также говорятъ: „пойдемъ по нихъ за *Донъ* (ib. 377).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ рѣка эта и самое ея происхожденіе ображаются въ богатырскихъ образахъ: Донъ Ивановичъ умертвилъ ѣпру королевичну и самъ палъ па ножище-кинжалище:

„Тутъ отъ нихъ протекала *Донъ* рѣка,
„Отъ тыя отъ крови отъ напрасныя;
„Глубиною рѣка—двадцать саженъ,
„А шириною рѣка—сорокъ саженъ (Рыбн. I, 197).

Множество Русскихъ пѣсенъ, въ которыхъ величается Донъ, азываютъ, что эта рѣка считалась искони Русской и, подобно нѣпру, благопріятствовала Руси.

Въ „Словѣ" Донъ представляется, какъ земля Половецкая; отда поганые приходятъ: „Половцы идутъ отъ *Дона*; итти дождю рѣлами съ *Дону*"; и сюда же бѣгутъ: „Стады галичи бѣжать къ

Дону; а Половцы побѣгоша къ *Дону;* Кончакъ слѣдъ правитъ к *Дону*".

Русскіе съ соучастіемъ относятся къ этой нѣкогда родной рѣкѣ и потому авторъ выражается: „хощу испити шеломомъ *Дону;* да позримъ синяго *Дону;* жалость искусити *Дону* великаго".

Какъ и Днѣпръ, Донъ изображается благопріятнымъ Руси: „*Донъ* ти, княже, кличетъ и зоветъ князи на побѣду".

Пассекъ доказывалъ, что Донецкое городище, о которомъ упоминается въ книгѣ Большаго Чертежа (а по лѣвой сторонѣ вверхъ по Удамъ, стр. 32) представляетъ остатки пограничнаго города Донца, куда Игорь Святославичъ бѣжалъ изъ плѣна Половецкаго (ib. стр. 237).

Донца (genetiv. singul. mascul. antecedente praepositione до): **Донце** (vocativ. sing.) отъ **Донецъ**.

Рѣка *Донецъ* Сѣверской вытекла изъ чистаго поля, отъ верху Семицы Донецкія, ѣдучи къ Перекопи, съ лѣвыя страны дороги Муравьской, отъ Бѣлограда верстъ 60 и потекла подъ Бѣлградъ и впала въ Донъ (К. Б. Ч. стр. 27).

Въ „Словѣ" рѣка эта представляется особенно благопріятною Игорю: задумавъ бѣжать, онъ уже измѣрялъ мыслію, какъ бы отъ Великаго Дону пробраться до малаго Донца; онъ уже вѣрилъ, что не выдастъ его Малый Донецъ.

Разговоръ Игоря съ Донцемъ имѣетъ для себя аналогіи какъ въ народной поэзіи, такъ и въ памятникахъ древне-русской писменности.

Въ Богатырскихъ словахъ читаемъ:

„Ай, ты матушка черная рѣчка Смородинка!
„Есть ли чрезъ тебя переходы-то узкіе?

Тутъ отвѣтъ держитъ рѣка ему Смородина:

— Ай, ты удалый дороднiй добрый молодецъ!
— Есть чрезъ меня рѣку Смородину,
— Есть переходы узкіе,
— Да и переходы есть мелкіе,

— А есть три мосточка калиновы.
— А ты, поѣзжай-ко дороднiй добрый молодецъ.
— Я тебя и такъ теперь пропущу. (Гильф. Онеж. был. 1194 ст.).

Подобное обращеніе къ рѣкѣ отразилось и въ сказаніи о Филиппѣ Ирапскомъ напоминающимъ своимъ складомъ духовный стихъ.

Съѣзжаетъ преподобный Филипей Рапскій
И съ Соловецкаго острова,
И пошелъ подлѣ море,
Взыскующи себѣ мѣста.
И пришедъ къ Выгѣ рѣкѣ
И рѣчетъ Выгѣ рѣкѣ:
Сотворю плотъ на тебѣ;
Куды мене Духъ Господень
По тебѣ понесетъ,
Туто хощу Христа умолити. (Сборн. Троиц. Серг. Лавры XVII в. № 654, л. 58. *Ключевскій:* Житія рус. св. стр. 274 прим. 2).

Дорискаше (imperf. 3 pers. sing. indicat.) отъ **дорискати** (in nexu praepositionis до=рискати). См. рыскаше.

Доста (aor. 3 pers. sing.) отъ **достати** (in annexu praepositionis до=стати).

Въ древнейшихъ переводахъ XI—XIII в. отвѣчаетъ Греческимъ:

1) ἀρκεῖν, sufficere, довольну достаточну быть: еда како не достанамъ—οὐ μὴ ἀρκέσῃ (Мѳ. XXV, 9); въ переводахъ XIV в. не минѣ.

2) не достати выражалось и глаголомъ ὑστερεῖν—deficere, испытать недохватокъ въ чемъ либо; такъ во всѣхъ Евангеліяхъ XI—XVI в. и не доставшю віноу—καὶ ὑστερήσαντος οἴνου (Іоан. II, 3).

Въ повѣсти Флавія: пищи же недоста (л. 245).

Въ живой народной рѣчи донынѣ говорится: „на одного стало, а на всѣхъ не достанетъ" (Даль).

Въ „Словѣ" въ томъ же смыслѣ: ту кроваваго вина *не доста*, т.-е. не хватило, оказалось мало.

Дотечаху (imperf. 3 pers. plur. indicat.) отъ **дотещи** (in annexu praepositionis до=тещи). См. **тече**.

Здѣсь замѣтимъ, что глаголъ этотъ по отношенію къ соколамъ, нападающимъ на лебедей, чрезвычайно выразителенъ. По словамъ Брэма — полетъ соколовъ вообще очень быстръ и въ высшей степени ловокъ. Соколъ пролетаетъ необыкновенно скоро огромныя пространства, а когда нападаетъ на птицу какъ свою добычу, онъ съ высотъ низвергается съ такою быстротою, что даже глазъ не въ состояніи различить его фигуры. (Илл. ж. жив. ч. II, стр. 154—155).

Въ „Словѣ": которыи *дотечаху*, т.-е. какой ринувшись касались, та лебедь запѣвала.

Гедеоновъ глаголъ „*дотечаше*" сближалъ съ Чешск. dotceni отъ dotknauti и Польск. dociać—пронзить.

Срезневскій: „нельзя производить этотъ глаголъ ни отъ тькнуты, ни отъ тъкати, ни отъ тнати. Прошедшее дѣйств. отъ тькнути= тъкнѣаше, отъ тъкати=тъкааше, отъ тнати=тьнѣаше, а не течаше.

(О чтеніи *дотечаху* вм. *дотечаше*, какъ въ 1-мъ изд. см. выше, т. II, стр. 135—142).

Дотчеся (aor. 3 pers. sing. indicat.) отъ **дотъкнутися** (in annexu praepositionis до=ткнутися).

Въ древнихъ переводныхъ памятникахъ **тькнѫти** отвѣчаетъ Греческимъ:

1) *πατάσσειν*—percutere, толкать, ударять, разить и въ значеніи непереходномъ—cum strepitu palpitare, трепетать, дрожать. Въ библейскихъ книгахъ: и тъче срце двда—καὶ ἐπάταξε καρδία (2 Цар. XXIV, 10).

2) *πηγνύναι*, figere—вонзить, втыкать; такъ въ толковомъ Еван. 1434 г. тамь и коуни тькнѣхоу—σκηνὰς ἐφήγνυον. (Вост.).

Въ лѣтописяхъ читается выраженіе „*сътче* его копіемъ, т.-е. пронзилъ. (И. Г. Р. IV, пр. 45).

Такимъ образомъ *доткнутися*—значитъ удариться, вонзиться

Выраженіе—*дотчеся* стружіемъ стола Кіевскаго—почти тоже, что въ повѣсти Флавія: тъ же градъ Гсъ наигинъ добы копіемъ—εἷλε δορίκτητον—cepit jure belli (Lib. IV, c. XXV, 6). Стружіемъ (pars pro toto вм. копіемъ). См. стружіе.

Добыть градъ копьемъ—было самымъ обыкновеннымъ выраженіемъ въ дружинномъ языкѣ.

Въ „Словѣ" оно имѣетъ лишь образное значеніе.

Авторъ воспользовался имъ, чтобы указать не на то, что Всеславъ овладѣлъ Кіевскимъ столомъ jure belli, а на его счастливый жребій, брошенный имъ о милой ему дѣвицѣ. *Дотчеса стружіемъ* Кіевскаго стола значитъ здѣсь просто въ силу брошеннаго жребія онъ *овладѣлъ* Кіевскимъ престоломъ, *добился* его въ силу счастія, по волѣ судьбы, которой предался. (См. жребій).

Мусинъ-Пушкинъ *дотчеся* перевелъ: дотронулся.

Малиновскій: коснулся.

Первому слѣдовали — Грамматинъ, Дубенскій, Гербель и Майковъ; второму—Пожарскій, Малашевъ и Мей.

Максимовичъ и Скульскій переводили: „досталъ".

Павловъ (Бицинъ): достигнулъ.

Дубенскій объяснялъ, что Всеславъ силою овладѣлъ Кіевскимъ столомъ, а Майковъ, что Кіева онъ не добылъ, а только дотронулся древкомъ копья до стола Кіевскаго.

Драгыи (accus. plur. masc.) и въ полногласіи **Дорога** отъ драгыи, дорогъ.

Въ древнѣйшихъ переводахъ XI—XIV вв. слово это отвѣчаетъ греческимъ:

1) βαρύτιμος, preciosus драгоцѣнный, дорого стоющій жена имущи алавастръ мvра драгаго—βαρυτίμου (въ Остр. Арханг. Юрьев. Мстисл. и др. Мѳ. XXVI, 7).

2) τίμιος, carus, honorabilis:—любезный, досточтимый: въ Апостолѣ XIII—XIV в. драгою кръвию τιμίῳ αἵματι (I Петр, 1, 19): въ Инд. Антіох. XI в., драгыи отче — τίμιε πάτρε (л. 2 об.); въ Псалт. XIII в. камениемь драга—λίθον τίμιον (Пс. XIII, 11).

Въ Русской передѣлкѣ повѣсти о Дигенисѣ читаемъ: „на отцѣ моемъ брони... съ каменьмъ *драгымъ*; паволоки зелены... съ *драгымъ* каменьемъ; фари покрыты *драгыми* паволоками; жуковины драгоцѣны съ *драгымъ* каменьемъ (И. Г. Р. III, 272).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„Али будешь брать одежи драгоцѣнныя (Рыбн. 1, 202).
„Ты возми-ка даровья драгоцѣнныя (ib. 260).

Ср. „Мнѣ не *дороги* подарки,

„*Дорога* твоя любовь.

Въ „Словѣ“ *драгій*, именно въ значеніи драгоцѣнный—(*βαρύτιμος*) дорого стоющій (*драгыя* оксамиты); *дорогъ*—многозначущій, имѣющій значеніе—см. дорога.

Слово это сказалось и въ исторической географіи: есть слобода *Дорогомилова* (Ист. Ак. II, 359).

Дрєва (genet. sing. neutr. antecedente adverbio pro praepositione—връхѹ), дрєвѹ (dat. sing. autecedente praepositione по) отъ дрєво—δένδρον, arbor.

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ XI—XIII вв. читаемъ: вьсѧко оѵбо дрєво... посѣкаѥмо бываѥть—πᾶν οὖν δένδρον... (Мѳ. III, 10; ср. VII, 17; XII, 33; XIII, 32; Марк. VIII, 24; Лук. XIII, 19); ср. въ кн. Пророковъ подъ дрєвомъ вѣтвьєнымь—ὑποκάτω... δένδρου (Ос. IV, 13).

Въ лѣтописяхъ читаемъ: „и многы человѣкы сымаху съ древа (Ип. 92).

Достойно особеннаго вниманія употребленіе этого слова въ древнѣйшую эпоху.

1) Иногда Греческое δένδρον (nomin. sing) переводилось (sicut nomen collectivum): садъ; такъ въ книгѣ Прор. Даніила (гл. XIII, по Греч. I, ст. 54), подобно тому, какъ Греческое πεύκη, pinus, сосна передавалось словомъ: кьрь (см. Ис. LX, 13).

2) Иногда на оборотъ Греческое ὕλη, sylva переводилось словомъ древо; такъ въ повѣсти Флавія: пьщица же пристави древо сыро—ἐπι-

λευσε δενδροτομεῖν τὴν ὕλην (л. 262; Lib. VII, c. VI, 5) т.-е. велѣлъ ырубать лѣсъ.

3) Но всего чаще древо является (sicut pars pro toto) въ соотвѣтствіи Греческому τὰ δένδρα: зьрю чл҃кы и яко древо вижю ходащя—ὡς δένδρα ὁρῶ (Мрк, VIII, 24) секыра прї кореиї древа лежїть—πρὸς τὴν ῥίζαν τῶν δένδρων (Мѳ. III, 10); дроугїи же рѣзахоу вѣтви ѿ древа—ἀπὸ τῶν δένδρων (Мѳ. XXI, 8).

Употребленіе древа въ „Словѣ“ отражаетъ ту же особенность; сюду оно является здѣсь (sicut pars pro toto) вмѣсто лѣсъ.

„*Древо* тугою къ земли преклонилось.
„А *древо* не бологомъ листвіе срони.
„И *древо* с тугою къ земли приклонило.

Совершенно аналогичны этимъ картинамъ слѣдующія мѣста народныхъ плачей:

„*Лѣса* къ земи теперь да приклоняются;
„Я сглянула какъ на *рощицы* зеленыя,
„Што уныло стоитъ рощица зеленая;
„Всѣ *листочики* по земи растилаются. (Пр. С. кр. ч. I, стр. 11, 189).

Но если въ указанныхъ мѣстахъ Слова подъ *древомъ* разумѣется, конечно не одно какое нибудь дерево, а лѣсъ вообще, то и въ другихъ случаяхъ мы въ правѣ видѣть туже особенность употребленія этого слова. Быстрое движеніе *мыси* (коей уподоблена творческая Бояновa фантазія) характеризуется не тѣмъ, что она прыгаетъ съ вѣтки на вѣтку, но тѣмъ именно, что носится по деревьямъ словно летаетъ, а потому и въ выраженіи растекашется мысію *по древу* слѣдуетъ разумѣть „по лѣсу“.

Въ мѣстѣ: Дивъ кличетъ връху *древа*—слово *вҍрху*, ἐπάνω, supra, какъ употреблялось оно въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ, указываетъ, что и здѣсь, какъ въ другихъ мѣстахъ, подъ *древомъ* слѣдуетъ разумѣть „лѣсъ“ (см. вьрхъ).

Ср. въ словахъ богатырскихъ: „Ѣдетъ богатырь *выше лѣсу* стоячего (Рыбн. I, 37).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ соловей не разлученъ съ *садомъ* или *рощей* (см. напр. Тр. Этн. Огд. IV, 72; Пр. С. кр. ч. I, 106), а потому и выраженіе „по мыслену *древу*" нужно принимать въ значеніи: „по саду или рощѣ".

Переводы, въ коихъ удерживалось буквально *древо* не выражали на современномъ языкѣ картинъ подлинника.

Что касается самого слова, то *Будиловичъ* относитъ его къ дославянскимъ, сродни Лит. dervа, Гот. triu, Греч. δρῦς, Сан. dru, Болгар. дръво, Серб. дрво, Луж. drjewo, Польск. drzewo.

Дремлетъ (praes. 3 pers. indicat.) отъ **дремати**.

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ глаголъ этотъ отвѣчаетъ Греческимъ:

1) νυστάζειν, dormitare, быть сонливымъ, склоняться ко сну, быть безпечнымъ; такъ въ книгѣ Пророковъ: **дрѣмлющина дрѣмание свое**—νυστάζοντας νυσταγμὸν (Іер. XXIII, 31) **любяціи дрѣмати**—νυστάξαι (Ис. LVI, 10) **въздрѣмашася пастоуси твои**—ἐνύσταξαν (Наум. III, 18). Въ псалт. XIII в.: **се не въздрѣмлеть ни оуснеть храняи**—οὐ νυστάξει, οὐδὲ ὑπνώσει (Пс. CXX, 4) **ни да въздрѣмлеть храняи та**—μὴ δε νυστάξει (ib. ст. 3).

2) στενάζειν, suspirare, скучать, грустить, бездѣйствовать, зѣвать, плошать; такъ въ Паренисисѣ Ефрема Сирина: **троица... призываеть та, а ты дрѣмлешн**—ἡ Τριὰς προσκαλεῖταί σε, καὶ σὺ στενάζεις—et tu suspiras (по сп. попа Хрѣна 1469 г. л. 192).

Слово это встрѣчается и въ произведеніяхъ литературно-повѣствовательной Кіевской дружинной школы; такъ подъ 1103 г. въ лѣтописяхъ читаемъ: „страхъ нападе на Половцѣ и трепетъ от лица Русскыхъ вой и *дремаху* сами (Половцы) и конемъ ихъ не бѣ спѣха въ ногахъ" (Лавр. стр. 266). Здѣсь *дремати* отвѣчаетъ Греческому στενάζειν, suspirare.

Въ живой народной рѣчи говорится: „сонъ да *дрема*, на воле не живетъ. *Дремушка-дрема* отойди ты отъ меня. Дома рука и воля спи, а въ дорогѣ и головушка не *дремли*".

Дремота, какъ состояніе вялости, безпечности и равнодушія къ всему окружающему, въ народномъ пѣснотворчествѣ олицетворяется

и характеризуется чрезвычайно выразительно. Есть святочная игра, въ которой *Дремота* сидитъ среди круга; ее вызываютъ въ пѣснѣ и предлагаютъ ей выбирать любую дѣвушку, миловать и цѣловать ее.

„Сидитъ *Дрема,* сама дремлетъ (bis).
„Полно *Дремушка*—дремать,
„Пора *Дремущкѣ*—вставать.

„Смотри, *Дрема,* на дѣвицы,
„Бери, *Дрема,* кого хочешь;
„Сажай, *Дрема,* на колѣни,
„Погладь, *Дрема,* по головкѣ.

„Цѣлуй, *Дрема,* до любови,
„Цѣлуй, *Дрема,* разъ полсотни.

Но ни краса, ни любовь, ни веселье красныхъ дѣвушекъ—не ъ силахъ разстрогать ее.

„Встала *Дрема,* поглядѣла;
„Снова *Дрема* задремала.

Послѣ первой удачной стычки съ Половцами, герои похода ресытившись одержанной побѣдой, оказались слишкомъ безпечными равнодушными къ окружавшимъ ихъ обстоятельствамъ. Не далеко тъ враговъ, на вражеской землѣ, они расположились ночевать, ни ало не заботясь и не думая о грозившей имъ опасности. Мощные тицы послѣ богатой поживы, очистивъ свои крылья, понуриваютъ олову, смыкаютъ глаза и предаются безпечному покою. Таково же очно было и нравственное настроеніе нашихъ героевъ. *Дремлетъ* гнѣздо храброе Олега! На этотъ разъ обошлось благополучно, но ювѣщая была эта *дремота*; роковая была эта безпечность по взгляду втора.

Такимъ образомъ слово *дремати* здѣсь отвѣчаетъ Греческому: νυστάζειν, dormitare. Съ эпической же точки зрѣнія это значитъ: *Дрема* напала на геройскія души.

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ въ своемъ переводѣ слово *дремлетъ* оставилъ безъ измѣненія.

Малиновскій перевелъ словомъ *покоится.*

Комментаторы:

Шишковъ замѣтилъ: глаголъ *дремлетъ*, думать должно, значитъ здѣсь покоится, пребываетъ безопасно послѣ побѣды надъ непріятелемъ".

Пожарскій слѣдовалъ Мусину-Пушкину.

Вельтманъ во 2-мъ изданіи „Слова" сдѣлалъ слѣдующее предположеніе: Храбрые Ольговичи дремлютъ въ Половецкомъ полѣ только по опискѣ перепищика; они не дремлютъ, а *гремлютъ*, чѣмъ указывается на то, что полки Игоревы полки послѣ первой битвы ночевали на полѣ сраженія или, по Кенигсб. списку, „стояша на вежахъ три дни *веселящеся*".

Другіе комментаторы и переводчики слово *„дремлетъ"* замѣняли словомъ: *„медлитъ"*, но эта замѣна не выражаетъ всей силы подлинника.

Дрꙋгаго (genet. sing. masc.), **дрꙋгыи** (accus. sing. masc.) **дрꙋзїи** (nomin. plur. masc.) отъ **дрꙋгыи**.

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ слово это отвѣчаетъ Греческимъ

1) ἄλλος, alius: бѣгаите въ дроугыи (градъ)—εἰς τὴν ἄλλην (Мѳ. X, 23); дроузїи же рѣхоу ἄλλοι δὲ (Мѳ. XXI, 8).

2) ἕτερος, alter: дроугаго възлюбить—τὸν ἕτερον (Мѳ. VI, 24); дроузїи же рѣша—ἕτεροι δὲ (Мѳ. XVI, 14). Замѣтимъ, что у нѣкоторыхъ древнихъ классическихъ писателей выраженіе—τῇ ἑτέρᾳ означаетъ въ слѣдующій день. (Хсп. и др.).

Въ „Словѣ": *другаго* дни; бишася *другый* (день); не бысть брата, *ни другаго... друзіи* (стязи).

Дрꙋжино (vocativ. sing. fem.) **дрꙋжинꙋ** (accus. sing.) **дрꙋжинѣ** (dat. sing. antecedente praepositione къ) отъ **дрꙋжина**.

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ слово это отвѣчаетъ Греческимъ:

1) συνοδία, comitatus—спутники: оста отрокъ... въ неразумѣ и не вѣста родителя его. мнѣвша же и въ дроужинѣ—ἐν τῇ συνοδίᾳ εἶναι (Лук. II, 43—44). Въ Пандект. Антіоха XI в. нистрюбникъ братъ про·ждаетъ дроужины—συνοδίας (гл. 38 л. 87; ср. Син. сп. XIV в. 153, л. 35 об.) ниостинъ мъногоу дроужинѫ въ томь монастыри събьра—ἄλλην συνοδίαν (ib. л. 5); въ Лѣствицѣ XIV в. дроужина добра сами ставлают,—συνοδία ἀγαθὴ ἑαυτὴν διεγείρει (Син. биб. № 141, л. 204).

Тацитъ, описывая Германскія дружины также называетъ ихъ comitatus. (Germ. c. XIII, 14).

2) ἑταῖροι, socii—союзники; такъ въ повѣсти Флавія: съвокупивъ единоплеменною дроужиноу, глаше к нимъ (л. 270)—τοὺς ἀνδρωδεστάτους τῶν ἑταίρων συναγογὼν (Lib. VII, c. VIII, 6).

Этимъ именемъ, какъ извѣстно, называлась также гвардія Македонскаго царя (Ath. V, 194). Въ Византіи въ IX и X вв. Этеріи (ἑταιρεῖαι) и *Этеристы* (οἱ ἐκ τῆς ἑτερείας) составляли гвардію Византійскихъ Императоровъ—изъ Македонцевъ. Константинъ Багрянородный упоминаетъ βασιλικὴ ἑταιρεία. (Касп. 427).

3) οἱ φίλοι, amici; такъ въ повѣсти Флавія: дружины его почести комждо по достоянію—τῶν τι φίλων ἐτίμισεν ἕκαστον κατ' ἀξίαν (Lib. I, XXV, 6); и тогда поимъ вѣрнѣишюю дроужиноу (л. 242 об.)—τότε ... ν φίλων τοὺς πιστοτάτους παραλαβὼν (Lib. VII, c. 14).

Для характеристики дружинной любьви (φιλία), приведемъ одно мѣсто изъ нашихъ лѣтописей: и положиша межи собою *любовь*, яко имъ снятися любо на Литву, любо на Чюдь (1 Новг. стр. 20).

Итакъ, древнѣйшіе Славянскіе и Русскіе переводы показываютъ что дружиною называлось общество людей шедшихъ по одному пути т. е. одного призванія (συνοδία), жившихъ одними интересами (ἑταῖ —такъ назывались и ученики Сократа), и дѣйствовавшихъ за едино, единодушно (φίλοι).

Полагаемъ, что воинское сословіе на Руси, какъ таковое, образовалось во времена не запамятныя. Если имѣются древнѣйшія непререкаемыя свидѣтельства о томъ, что Славяне, жившіе въ Россіи, были ... fortissimi, то не можетъ подлежать сомнѣнію и то, что у нихъ было воинское устройство. Дошедшія до насъ богатырскія Слова, отвѣчающія до историческія основы и укладъ богатырства, не только

даютъ намъ понятіе о до—историческомъ дружинномъ сословіи, но и живописуютъ отношеніе дружины къ вождю гораздо ярче, чѣмъ изобразилъ это Тацитъ въ своемъ описаніи Германскихъ комитатовъ.

Въ Словѣ: а мы, *дружина*; здрави князи и *дружина*; и рече Игорь къ *дружинѣ* своей; слава князю а *дружинѣ*; *дружину*, твою княже,—птиць крылы пріодѣ; братіе и *дружино!*

Въ Кіевской лѣтописи слово дружина въ первый разъ является подъ 941 г. и за тѣмъ читается весьма часто. Въ формѣ (vocativ) „*дружино*"! также не рѣдко: прочее *дружино* и братье разумѣйте (Ип. 9; ср. братіе).

Академикъ Куникъ Тацитово названіе дружины—comitatus считаетъ Римскимъ прозаическимъ выраженіемъ (Касп. 647) и, въ интересахъ норманскаго ученія, старается раскрыть изначальный смыслъ этого слова. „Въ Готскомъ глаголѣ driugan (отправлять военную службу) и въ новообразованныхъ названіяхъ вождя дружины (древ. верхне-нѣм. truh-t-in, древ. сакс. droh-t-in, англ. сакс. dryh-t-en, др. сѣв. dróttinn; финск. заимствованное слово rühtina, князь) и его свиты (древ. швед. drôtt) долго преобладало воинственное значеніе. Въ нѣмецкихъ словахъ Truchsess и Landdrost это значеніе мало по малу улетучилось.

Съ незапамятныхъ временъ у Германцевъ и Славянъ существовали и положительно мирно настроенные спутники, предававшіеся *только веселію;* главный распорядитель свадебнаго поѣзда называется „дружка, дружба, дружбанъ и т. п.; церковно-славянскій глаголъ дружити, кромѣ обыкновеннаго своего значенія socium esse, comitari имѣетъ еще болѣе древній смыслъ, служившій для выраженія греческаго глагола παρανυμφεύειν". У языческихъ германцевъ существовали подобныя же обычаи и выраженія: дружка—druct; дружинникъ—druhting (ib. 648).

Шведскій wâr-ing первоначально былъ *вѣроятно* только такой человѣкъ, который по принесеніи wâr—присяги на вѣрность вождю поступалъ въ drôtt или дружину. Извѣстно, что организація шведскаго края, при появленіи ея въ исторіи, была военная и сохранилось въ Heimskringla преданіе, что первое поселеніе Шведовъ на берегу Магарскаго озера завела drôtt, (сице dpottning — исключител

›е названіе королевы на Шведскомъ языкѣ) не льзя замѣнить ни-
ікой комбинаціей. (ib. 651).

Признаемся, если всѣ подобныя разсужденія направляются къ
казательству того, что первыя русскія дружины были собственно
ужины шведскія, то на нашъ взглядъ, подобныя филологическіе изво-
ты ни мало того не доказываютъ.

1) Слово *дружина* бытовало, какъ слово искони родное, въ юго-
вянскомъ мірѣ, гдѣ не бывало Рюрика съ братьями, на что указы-
ютъ древнѣйшіе юго-славянскіе переводы.

2) Слово *дружина* въ прямомъ генетическомъ соотношеніи сто-
ъ къ слову *другъ*, а не drôtt. Если бы вся Швеція переселилась
Россію, то и тогда бы Русскій славянинъ изъ слова drott не сдѣ-
лъ слова *дружина*.

3) Свадебные дружки лишь въ позднѣйшее время, съ укладомъ
щественности, превратились въ мирныхъ спутниковъ, предающихся
лько *веселію*; въ болѣе же отдаленное время, въ эпоху умыканія не-
стъ, не только у славянъ, но и у германцевъ они имѣли въ соб-
венномъ смыслѣ воинственное значеніе. Въ этомъ отношеніи мерт-
й обрядъ говоритъ иногда больше, чѣмъ то или другое живое слово.
нынѣ напр. въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ (Новг. губ.) жениховы друж-
ѣдутъ въ домъ невѣсты всегда на коняхъ, съ перекинутыми на
ечо полотенцами, съ оружьемъ въ рукахъ или просто палками.
тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ такъ или иначе продолжается еще умыка-
дѣвицъ (напр. въ Олон. губ.), и нынѣ завязываются иногда цѣлые
. Здѣсь въ этой жениховой *дружинѣ*, игравшей нѣкогда воинствен-
ю роль, при добываніи невѣсты, на нашъ взглядъ, кроется исходное
чало и дружинъ общественныхъ и государственныхъ—какъ военнаго
ловія, какъ у славянъ, такъ и у германцевъ.

4) Слово дружина и по мнимомъ нашествіи варяговъ, имѣло на
си болѣе широкое значеніе, чѣмъ шведское drôtt, какъ то видно
„Русской Правды" и Русской ономологіи.

Дрѹзѣ (instr. sing. neutr. antecedente praepositione къ) отъ
ѹгъ.

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ слово это отвѣчаетъ

Греческому: προπετής, praeceps,—стремительный, неудержимый; так въ Апостолѣ XII—XIV в. ничесо же дрьзо створити—μηδὲν προπετὲς πράττειν. (Дѣян. XIX, 36). Въ данномъ случаѣ προπετής является въ значеніи procax, protervus—и потому въ переводѣ XIV в. передавалось выраженіемъ: тощно творити (сп. Гильф.); въ переводѣ св. Алексія: соурово дѣяти; въ перев. XV и XVI в. наскакаліемъ творити; въ Кутенск. безумнно творити.

Въ Пандектахъ Ант. XI в. оуста дрьзаго приближаються съкрушению—στόμα προπετοῦς (гл. 22, л. 55 об.).

Изъ древнихъ переводныхъ памятниковъ мы видимъ также, что въ воззрѣніяхъ дружинной Кіевской Руси, какъ и въ классическихъ преданіяхъ Греціи и Рима, храбрость усвоялась не только душѣ, но и тѣлу. Такъ въ Русской переводной повѣсти Флавія читаемъ: бысть в немъ положожная дша и храбрѣйши тѣла (л. 99); ἀλλ' ἐκώχει τις ἡρωικὴ ψυχὴ λεπτῷ σώματι. (Lib. VI c. I, 6). Храбрость тѣла, зависѣвшая отъ нервной раздражительности, ставилась ниже душевной храбрости, управляемой разумомъ—и потому тѣлесная дерзость противополагалась *доблести*: съпротивиться же... доблести дьрзость... ἀντίκειται τῇ ἀνδρεία ἡ θρασύτης... opponnitur fortudini audacia. (Изб. Свят. 1073 г. Изд. Общ. Ист. и Др. л. 155). Но всего выше ставилось сочетаніе въ храбромъ мужѣ тѣлесной дерзости (θρασύτης) съ целомудріемъ (ἀνδρεῖα). Въ такомъ именно смыслѣ слово дрьзъ употребляется въ Кіевской лѣтописи, гдѣ о Владимірѣ Глѣбовичѣ читаемъ: бѣ бо мужь бодръ и *дерзокъ* и крѣпокъ на рати, всегда бо тосняся на добрыя дѣла (Ип. 134). См. Буи.

Въ „Словѣ": аще и вѣща душа въ дрьзѣ тѣлѣ, т.-е. въ храбромъ, дерзновенномъ тѣлѣ. (Въ 1-мъ изд. друзѣ)

Дубію (dat. sing.) отъ **дубіе** (nomen collectivum)—δένδρα, ξύλα arbores.

Всего чаще въ древнѣйшихъ славяно-русскихъ переводахъ греческія δένδρον и ξύλον передаются словомъ дубъ. Такъ напр. въ Синодальныхъ спискахъ Евангелія (№ 21, 23, 24, 27, 28, 29, 30) читаемъ: или сътворите доубъ добръ или сътворите доубъ гнилъ (δένδρον Мѳ. XII, 33 ср. Симон. сп. 1270 г.). Въ Святославовомъ Изборникѣ

не можеть дѫбъ добръ плода ꙁъла творити—οὐδὲ γὰρ δύναται δένδρον (изд. Общ. Ист. и Др. стр. 69).

Въ Адріатисѣ XVI в. аки дѫбъ ѿкорененъ на ꙁемли—καθάπερ δένδρον (Син. № 125, л. 277 об.).

Также переводилось и Греческое ξύλον. Въ шестодневѣ Іоанна Болгарскаго 1263 г. читаемъ: всѧкъ дѫбъ красенъ на видѣние—πᾶν ξύλον (Оп. Син. р. № 54, стр. 28). Въ Сборникѣ попа Хрѣна 1469 г. секира при корени дѫба лежитъ—τοῦ ξύλου (л. 182). Однако въ виду однихъ этихъ данныхъ мы не имѣли бы права читать въ „Словѣ" по дубію, если бы въ тѣхъ же древнѣйшихъ переводахъ не встрѣчали выраженія въ формѣ (sicut nomen collectivum) дѫбіє; оказывается дѫбіє употреблялось также часто, какъ и дѫбъ—въ соотвѣтствіи тѣмъ же Греческимъ словамъ. Въ Юрьевскомъ Ев. XII в. читаемъ: (въ сп. Гал. и Тип. XII в.) виждѫ ч҃лкы акы доубиє—ὅτι ὡς δένδρα (Марк. VIII, 24) ини отъсѣкахоу отъ доубиꙗ—ἐκ τῶν δένδρων (Марк. XI, 8).

Въ кн. Пророковъ: въ дѫбравѣ дѫбіе—τὰ ξύλα (Ис. VII, 2). Въ вопросахъ Сильвестра и Антонія 1512 г.—δένδρα—также переведено дѫбіє (Син. № 129, л. 96 об.). Въ книгѣ Пророка Исаіи (XIII, 72) дѫбіе—τὰ ξύλα. (Опис. Син. Р. I, стр. 91). Въ Житіи Св. Великомученицы Екатерины XVI в. также читаемъ: „высока паче всякаго доубиꙗ ꙁемнаго (мой Сбор. л. 387).

Упоминается это выраженіе въ той же собирательной формѣ и въ лѣтописяхъ. Такъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ подъ 1302 г. читаемъ: „бысть буря велика и много пакости бысть, по селомъ *дубье* подрало". (Лавр. стр. 462).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

Пошелъ Илья.....
На тую на работу на крестьянскую,
Очистить надо палъ отъ *дубья*-колодья.
Онъ *дубье*-колодье все повырубилъ. (Рыбн. I, стр. 35).

Лѣвой рукой коня ведетъ,
А правой рукой *дубья* рветъ. (Рыбн. I, 19).

Оны *дубья* рвуть со кореньями. (ib. 105).

Онъ *дубье*-колодье все повырубилъ,
Въ глубоку рѣку повыгрузилъ. (Рыбн. I, стр. 35).

Въ „Словѣ": бѣды пасетъ птицъ по дубію—т.-е. по деревьямъ.

Въ исторической географіи не мало есть именъ связанныхъ съ этимъ словомъ:

Дубки, урочище Нижегородское (Ист. Акт. II, 88) *Дубно*—деревня въ Козельскомъ уѣздѣ (ib. I, 342). *Дубровокъ*—множество и *Боляхъ* и *Малыхъ*.

Дубовой—островокъ на Волгѣ, выше Чернаго Яра (Дополн. къ Акт. Ист. VII, 246).

Дубовикъ, пустошь, въ Новгородскомъ уѣздѣ (ib. VI, 368).

Дубьи Луки—урочище (Кн. Больш. Черт. стр. 36); *Дубенка* рѣка (ib. 22); *Дубня*—кладязь (ib. 91); *Дубенскіе* ворота (ib. 111), *Дубковъ* городъ (ib. 4, 92 173, 278).

Дудутокъ (genet. plur.) отъ дудутки.

Въ ряду внутреннихъ Половецкихъ городовъ XII в. упоминаются Дудутки—нынѣшнее селеніе Дудучи на югъ отъ Минска, въ Игуменскомъ уѣздѣ, недалеко отъ Нѣмана. Мѣстность селенія Дудучей, замѣчаетъ И. Д. Бѣляевъ вполнѣ согласна съ указаніемъ „Слова о п. Иг. о городѣ *Дудучѣ*. Въ „Словѣ" сказано: „скочи волкомъ до Немиги съ Дудутокъ, т.-е. отъ Дудутокъ Всеславъ пустился на Нѣманъ, а нынѣшнія Дудучи стоятъ очень близко отъ Верховьевъ Нѣмана. (Зап. Им. Геогр. Общ. кн. VI, стр. 165). Вѣроятность этого предположенія можетъ быть ослабляема лишь сомнѣніемъ, точно ли подъ *Немигою* въ „Словѣ" разумѣется Нѣманъ, что утверждалъ Карамзинъ. (Ист. Г. Р. II, пр. 118, 194).

Всѣ безъ исключенія комментаторы и переводчики „Слова" повторяютъ въ данномъ случаѣ мнѣніе того же Карамзина, что *Дудутки*—мѣстечко, близь Новгорода, гдѣ и теперь монастырь, такъ называемый на Дудуткахъ. Гдѣ это мѣстечко и что это за монастырь—до сихъ поръ никто не провѣрилъ. *Неволинъ* въ своихъ „Новгородскихъ Пятинахъ" не сдѣлалъ на то ни малѣйшаго намека.

Думою (instr. sing. fem.) отъ **дума**, βουλή, consilium—совѣтъ овѣщаніе. См. сдумати.

Въ одномъ изъ принадлежащихъ намъ сборниковъ XVII в. читаемъ: срдце оутвержено во времѧ думы не устрашится“. Въ Апостолѣ XVI в. възбрани ихъ доумоу (Дѣян. XXVII, 44).

Въ повѣсти Флавія: уистъ есть ѿ доумы ѯлжиганинѡ (л. 246).

Въ лѣтописяхъ: „не отъ насъ бо единѣхъ *думано* и отъ васъ уть въ той *думѣ* (И. Г. Р. III, пр. 23); ни есть *думы* противу Боови (Лавр. 375).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„Молоды жены—не крѣпка мнѣ-ка *думушка*. (Пр. С. кр. ч. I, стр. 63).

„Потеряла я *думу* крѣпкую,
„Словцо тайное—не проносное (ib. стр. 39—44).

„Съ кѣмъ-то думать будешь крѣпку эту *думушку* (ib. 82).

„И просовѣтуемъ мы темну эту ноченьку
„И мы продумаемъ вѣдь крѣпкой съ тобой *думушки* (ib. ч. III, 98).

Дума не рѣдко является здѣсь и въ значеніи розмысла въ ѣдѣ и затрудненіяхъ и какъ бы совѣта съ своимъ печальнымъ разумомъ.

„*Дума думушку* бурлака пошибаетъ (ib. ч. I, 81)

„*Думу* думаетъ, думу крѣпкую (ib. 21).

Одинъ изъ кургановъ извѣстенъ подъ именемъ *Думчей*. (Кн. Б. Церт. 95).

Въ „Словѣ: ни *думою* сдумати. См. сдумати.

Академикъ Куникъ высказываетъ слѣдующее мнѣніе о происхожденіи этого слова: „Готск. dômjan (judicare), откуда церк. слав. *думати* (consulere, putare); Швед. döma (judicare) *исл.* dômari, *шведск.* dômare (iudex), откуда *финское* tuomar (iudex). *Норт.* dœman, *англос.* dêman (iudicare). *Нѣм.*-thum (напр. въ Reichthum). Основная

гласная а̂, изъ которой не могло непосредственно образоваться славянское короткое у, что совершенно упустилъ изъ виду Маценауеръ (Cizi slova ve slovanských řečech. V Brně. 1870, стр. 28, 91. Ср. Das Leben der Wurzel dê. Von Jagić. Wien. 1871, стр. 14).

Доунаєви (dativ. sing. masc.) отъ **Доунай**. Въ древнихъ Греческихъ произведеніяхъ и Славяно-русскихъ переводахъ рѣка Дунай пріурочивается къ библейскому Фисону истекающему изъ рая. Такъ въ „Вопросахъ и Отвѣтахъ Сильвестра и Антонія" читаемъ:

Καὶ ὄνομα τῷ ἑνὶ Φεισσών. οὗτος δὲ τὴν Αἰθιοπίαν φησὶ καὶ τὴν Ἰνδικὴν παροδεύων, Γάγγης παρ' αὐτῶν προσαγορέυεται. παρὰ δὲ Ἕλλησιν Ἴστρος καὶ Ἰνδὸς ποταμὸς. παρὰ δὲ Ἰλλυρίοις καὶ Ριπιανοῖς *) τοῖς παροίκοις τοῦ Ἴστρου, Δάνούβης. παρὰ δέ Γότθοις Δουνάυης.

Имѧ единои (рѣкѣ) Фисонъ. си оубо, мүры и инды обходѧщиа гагисъ ѿ инхъ нарицаетсѧ. ѿ елинъ же истросъ и индъ рѣка. ѿ срьмєнъ же и ѿ словенъ же сѣдащихъ въ рѣцѣ дановисъ. ѿ готфъ же данавъ. (См. Опис. Син. р. III л. 153)

У Іоанна Экзарха Болгарскаго (по сп. 1263 г. лл. 66 об. 77) къ имени р. истръ прибавлено: иже зовоутъ и Доунавъ и (л. 259) и при упоминаніи о Фисонѣ замѣчено: югоже нинѣ мѣнѧтъ мьнози Доунава сѫща.

По имени этой рѣки Славяне назывались у Грековъ фисонити. еже и доунавлане нарицаютсѧ (Ibid. стр. 152).

Въ повѣсти Флавія: по полѹноунымь стрьн. иже есть Доунаи (л. 69 об.) савроматы ωтаи перебрѣше рѣкоу истроу рєуємыи Доунаи (л. 249).

Какъ историческая рѣка, Дунай слишкомъ хорошо былъ извѣстенъ Кіевской Руси. Рѣка эта связывалась съ преданіями о самомъ Кіевѣ и его мнимомъ основателѣ Кіѣ, который придя на *Дунай* хотѣлъ поселиться здѣсь, но его прогнали оттуда жившіе тамъ Дунайцы. Кіевскій лѣтописецъ не разъ упоминаетъ ее въ своемъ очеркѣ разселенія Славянскаго міра и за тѣмъ при разныхъ другихъ обстоятельствахъ

*) Достойно вниманія, что Славяне въ Греческомъ подлинникѣ называются Рипіанами, т. е. жителями сѣвера, откуда вѣетъ борей.

лучи и Тиверцы сѣдяху по Днѣстру къ *Дунаеви*". (Лавр. стр. 12);
ювени, иже сѣдяху по *Дунаеви*, ихъ же пріяша Угри и Морава
. 25). Подъ 915 г. „придоша Печенѣзи первое и, сотворивше миръ
Игоремъ, пріидоша къ *Дунаю* (ib. 41); подъ 944 г. „Игорь не
шедъ *Дуная*, созва дружину и повѣда имъ рѣчь цареву". (ib. 45);
ъ 967 г. Иде Святославъ на *Дунай* на Болгары (ib. 64); подъ
9 г. Рече Святославъ хочу жити в Переяславцѣ на *Дунаѣ*, яко то
ь среди земли моей (ib. 66); подъ 1043 г. и пойде Володимеръ в
ьяхъ и пришедше въ *Дунай* и поидоша ко Цесарю-граду. (ib. 150).
помнимъ походъ къ Дунаю Вячеслава Владиміровича въ 1116 г.
юмахъ же посылалъ туда Ивана Войтишича для посаженія по Ду-
йскимъ городамъ Мономаховыхъ посадниковъ. Въ 1159 г. кн. Иванъ
стиславичъ Берладникъ при помощи Поморскихъ Половцевъ, занялъ
-Дунайскіе города.

Имя *Дуная* широко распространилось по Русской землѣ и являет-
топографическимъ названіемъ множества мѣстечекъ, рѣчекъ и ру-
іковъ. *Дунай* ручей въ Брянскѣ; *Дунай*—поле въ Ладожск. у. *Ду-
йка*—рѣка (Ист. Акт. III, 183). Ходаковскій указываетъ болѣе со-
а подобныхъ названій. Въ принадлежащей намъ писцовой книгѣ
еній по рѣкѣ Шекснѣ, при описаніи деревень Бабинскихъ, чита-
ь: „поѣхали отъ рѣки *Дунаи* межею земною... отъ подкустовъ иво-
ъ въ верховье *Дунайское*.... внизъ пошло рѣкою *Дунаею*.

Имя Дуная является и личнымъ историческимъ именемъ. Такъ
ѣстенъ *Дунай* Ивановъ Лихаревъ. (См. Чтен. Им. Общ. Ист. и Др.
33 кн. III, стр. 45). Еще извѣстнѣе это имя въ народной поэзіи:
ѣсь Дунай является гораздо чаще, чѣмъ въ пѣсняхъ болгарскихъ.

Самое происхожденіе рѣки объясняется превращеніемъ въ него
овѣческаго существа и не только въ „Словахъ богатырскихъ" но
ъ бытовыхъ пѣсняхъ. Таковы напр. черты въ одной бѣлорусской
нѣ.

„Суди, Боже, дождать весны,
„Поѣду, разгонюсь
„Превращусь въ Дунай.

Есть даже такое представленіе о происхожденіи Дуная: въ одной

изъ колядокъ онъ истекаетъ изъ Божьихъ слезъ и объ этомъ говорятъ между собою мѣсяцъ и звѣздочка. (Бесѣда, 1872 г. кн. V. стр. 151—152).

Олицетвореніе *Дуная* обычно въ народномъ пѣснотворчествѣ. Молодая вдова брала воду изъ Дуная и разговариваетъ съ нимъ: „*Дунай, Дунайчикъ!* не тяжело ли тебѣ плескать въ луга, обмывать бѣлый камень, разрывать желтый песокъ? Далѣе слѣдуетъ обращеніе ко вдовѣ отъ имени Дуная.

Еще замѣчательнѣе въ этомъ отношеніи разговоръ Днѣпра—Словуты съ *Дунаемъ*. (См. ibid.).

Дунай, какъ символъ нравственныхъ движеній обыченъ въ народныхъ пѣсняхъ:

„Не разливайся мой тихій *Дунай*,
„Не потопляй всѣ зеленые луга (Симб. Сб. 1870 г. ч. II, стр. 7).

„Щука-рыба по Дунаю,
„А я, дѣвка, погуляю. (Нижег. Сбор. ч. VI, стр. 125).

Дунай чаще прославляется въ Русскихъ пѣсняхъ, чѣмъ Болгарскихъ.

„У воротъ, воротъ батюшкиныхъ:
Дунай мой—*Дунай*, веселый *Дунай!*
„Я ударю въ струну,
„Въ струну серебряную:
Дунай мой—*Дунай* веселый *Дунай*. И проч. (Ср. кн. Вязем. ч. I, стр. 403).

Именемъ Дуная въ народномъ пѣснотворчествѣ называется всякая значительная рѣка; такъ *Дунаемъ* называется Днѣпръ:

„Протекала *Дунай* рѣка
„Ко городу ко Кіеву. (Рыбн. II, стр. 50).

Дунаемъ же величается и Москва-рѣка: вотъ старинная и известная пѣсня:

„Ѣхали обозы
„Да пятеро саней—
Съ Дону, Дону на *Дунай*.
„Во четвертыихъ саняхъ
„Ѣхалъ Гришка съ Марлыкой—
Съ Дону, Дону на *Дунай*.
„Во пятыихъ саняхъ
„Одинъ попъ Емелько—
Съ Дону, Дону на *Дунай*. и т. д.

„Отведите вы горя великаго
„За три горы высокіе,
„А горючихъ-то слезъ
„За три *Дунай*-рѣки быстрыя (Тр. Эгн. Отд. кн. V. стр. 103).

„Унесетъ тотъ *Дунай*
„Въ глухи темные лѣса. (ib. стр. 104).

Есть южно-русскія пѣсни, въ которыхъ Дунай называется даже [мо]ремъ:

„То надъ *моремъ Дунаемъ*
„Вѣтеръ яворъ хитае;
„Мати сына пытае:
„Водколь ѣдешь? Отъ *Дунаю*. (Украин. Н. П. Максимовъ ч. I, 138).

Дунай является наконецъ и въ Русскихъ пословицахъ: О лю[дя]ъ, быстро перешедшихъ рѣку говорится: „Словно черви *Дунай* [пер]еплыли". (Пословица эта подслушана и сообщена намъ покойнымъ [С.] М. Соловьевымъ).

Въ виду такой обдержности и поэтическаго значенія имени [Ду]*нaи*, на Русской землѣ, ни мало не странно, если авторъ „Слова" [хор]ошо зная географическое положеніе Дуная, понималъ и его *идеаль*[ное] значеніе; если влагая въ уста Ярославны возвышенный *пѣсненный* [пла]чъ, онъ Донъ назвалъ здѣсь символически, какъ зовется въ пѣ[сня]хъ, *Дунаемъ* (копія поютъ на *Дунаи*..... полечу, рече зегзицею по [Ду]*наеви*); если заставляя дѣвицъ пѣснями привѣтствовать возвращав-

шагося Игоря, замѣчаетъ, что онѣ поютъ на *Дунаи* вм. на Дону, такъ какъ въ пѣсняхъ припѣвался Дунай. Вообще—имя *Дуная* въ „Словѣ" вмѣсто Дона—является лишь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣчь идетъ о *пѣсняхъ*, гдѣ авторъ говоритъ языкомъ народнаго пѣснотворчества.

Грамматинъ выраженіе „по Дунаеви" замѣнилъ выраженіемъ „по Донови"—совершенно напрасно: подобнымъ образомъ исправлять памятникъ значитъ его портить.

Дубенскій замѣчалъ, что Дунай въ выраженіи Русской пѣсни принимается за общее названіе всякой рѣки.

Головинъ предполагалъ, что Дунаеви—есть только особая форма написанія, вм. Донаеви, такъ какъ названіе главныхъ Русскихъ рѣкъ происходитъ отъ одного корня *Донъ*.

Ягичъ написалъ особую статью „о Дунаѣ въ Славянской народной поэзіи (См. „Dunav-Dunaj in der slav. Volkspoesie"—Arch. f. Slav. Philologie, 1, p. 299—333).

Огоновскій замѣтилъ: „За Дунай народъ русскій весьма часто и охотно уносится въ своихъ пѣсняхъ и величаетъ его то глубокимъ, то далекимъ, то быстрымъ; называетъ также и моремъ. Ярославна хочетъ полетѣть зегзицею по *Дунаю*, чтобы пожаловаться ему о своей сердечной тугѣ, а дѣвици поютъ на Дунаи, значитъ, не только въ Кіевѣ, но и далеко отъ Кіева.

Миллеръ Вс. въ употребленіи „Дуная" въ „Словѣ" увидѣлъ было безотчетное перенесеніе чужаго въ свое. Ярославнѣ нужно не пасть на Каялу, а она летитъ по дорогѣ къ Дунаю; авторъ „Слова" хорошо знаетъ, гдѣ течетъ Дунай; для него Дунай не эпическая рѣка и если онъ въ плачѣ Ярославны какъ бы забылъ географію, это происходило не отъ незнанія, а отъ безотчетнаго сохраненія географическаго названія, найденнаго въ болгарскомъ образцѣ; въ доказательство г. Миллеръ привелъ болгарскую пѣсню, которая изображаетъ богатыря изнемогающаго отъ ранъ и дѣву черпающую воду изъ Дуная и превращеніе ея въ кокушку. (110—116). Однако поближе ознакомившись съ южно-русской поэзіей по сборнику Чубинскаго, онъ убѣдился бы „что прибѣгать автору Слова къ заимствованію изъ болгарскаго источника нѣтъ основанія" (Ibid. стр. 238).

Потебня: Если видѣть признакъ заимствованія въ именахъ и

соотвѣтствіи между „полечу по Дунаю" и „омочу въ Каялѣ рѣцѣ, то нужно соблазняться и не соотвѣтствіемъ между „полечу *зегзицею* и „омочу *бебрянъ* рукавъ. Я думаю, что „полечу по Дунаеви" значитъ „далеко".

Прозоровскій: *Дунай* есть будто бы *поэтическое представленіе южной Руси*, которую Рюрикъ и Давидъ не успѣли защитить, ворота въ которой затворилъ Ярославъ Галицкій, простиравшій свою власть до ея предѣловъ, чрезъ которую Ярославна хотѣла полетѣть за Каялу и въ которой дѣвицы встрѣтили возвращавшагося Игоря и радостными пѣснями провожали его до Кіева. По всей вѣроятности въ древней Руси существовалъ миѳъ Дуная, осколокъ котораго существуетъ до сихъ поръ въ видѣ безсознательнаго припѣва къ нѣкоторымъ пѣснямъ.

Академикъ Беєръ: „*Менинскій* замѣтилъ, что *Донъ* и *Дунаемъ* нѣкоторые зовутъ. Я вѣрю продолжаетъ Беєръ, что все сіе *Танъ*, *Тонъ*, *Дунай* въ прямой рѣчи нѣкоего древняго народа не означало ничего иного, какъ рѣку или воду. (Геогр. Росс. 22).

Академикъ Куникъ: „Славянскія формы *Дунавъ* и *Дунай* не указываютъ такой глубокой древности, какъ обыкновенно полагается. Наука сравнительной потамологіи еще только-что возникаетъ; но будущимъ дѣятелямъ ея предстоитъ рѣшить вопросъ, не есть ли „*Дунавъ*" форма заимствованная, сравнительно въ позднѣйшее уже время, у другаго народа, у котораго имя это уже приняло форму Dôn-au (o?). (См. подробнѣе въ Зап. Гот. Топарха стр. 123).

Доуха (genet. sing. masc.) отъ **доухъ**—πνεῦμα, spiritus.

Какъ въ Греческихъ памятникахъ πνεῦμα, такъ въ древнѣйшихъ славяно-русскихъ переводахъ дх҃ъ имѣетъ значеніе:

1) aut substantia spiritualis: **доухъ ѥсть иже живитъ. ѿ плъти нѣсть польѕы ни коеѩже**—τὸ πνεῦμά ἐστι τὸ ζωοποιοῦν (Остром. Мстисл. и др. Іоан. VI, 63). Въ Панд. Антіоха: **самъ дх҃ъ съпослоушьствоуѥть дх҃оу нашемоу** (гл. 29, л. 294 об.)—αὐτὸ τὸ πνεῦμα συμμαρτυρεῖ τῷ πνεύματι ἡμῶν (Рим. VIII, 16).

2) aut inspiratio: **се исполнихъ его дхомъ смышлениѧ и вѣдѣниѧ въ всакомъ дѣлѣ разоумѣти**—πνεῦμα συνέσεως καὶ ἐπιστήμης (Исх. XXXI,

3). Въ книгѣ Пророковъ: почіетъ на немъ дхъ премудрости и разума, дхъ совѣта и крѣпости — πνεῦμα σοφίας καὶ συνέσεως, πνεῦμα βουλῆς καὶ ἰσχύος (Ис. XI, 2).

Въ этомъ послѣднемъ значеніи выраженіе дхъ ратныи является и въ произведеніяхъ литературно-повѣствовательной Кіевской дружинной школы (Лавр. стр. 454; Новг. стр. 15). Въ повѣсти Флавія оно отвѣчаетъ Греческому: ἀρηΐου πνεῦμα, что значитъ: геройское одушевленіе, доблестное настроеніе, проникнутое мыслію о божествѣ, ведущемъ въ бою (Lib. III, c. V, 4; ср. c. X, 3).

Въ „Словѣ: наплънився *ратнаго духа* т.-е. ἀρηΐου πνεύματος. См. наплънився.

Душа (nomin. sing. fem.) **душу** (accus. sing.)—ψυχή, anima.

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ XI—XIII вв. читаемъ: дша больши есть пища (Лук. XII, 23; ср. Мѳ. VI, 2); не бойтеся отъ оубивающіхъ тѣло. а дша не могоущь оубити (Мѳ. X, 28); кая польза есть чл҃коу. аще весь миръ пріобрящеть. а дшю свою отщетить. и что дасть члкъ изменоу за дшю свою (ib. XVI, 26).

Въ произведеніяхъ литературно-повѣствовательной дружинной школы *душа* трактуется какъ существо особое отъ тѣла, обладающее сознаніемъ (substantia consciens): ослѣпленный Василько „впроси воды... и вступи во нь *душа* (Лавр. стр. 252).

Душа выше всего на свѣтѣ: *душа* ми своя, говоритъ Мономахъ лутши всего свѣта сего (ib. 246).

Загробное ея существованіе связывается съ покоемъ: „оже ли кто васъ не хочетъ добра ни миру хрестьяномъ, и не буди и на ономъ свѣтѣ узрѣти мира *души* его (ib. 245).

Что касается дружинныхъ языческихъ представленій, то лишь *душа* храбрая считалась достойною блаженной жизни за гробомъ: умирающіе естественною смертію люди—*тѣлолюбцы* и *безславные* вои о болѣсти измерають и дши ихъ съ тѣломъ погребены бываютъ. (См. выше ч. I, стр. 221).

Связь души съ тѣломъ, по воззрѣніямъ дружинныхъ *посредственная*: душа выпадаетъ, какъ скоро рушится это посредство (См. изронити).

По разлученіи отъ тѣла, *душа* геройская представлялась существомъ легкимъ, несущимся по аэру, летающимъ. (См. клюгъ).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„Душа съ бѣлыхъ грудей *вынималася*. (Пр. С. кр. ч. I, стр. 167).

Въ „Словѣ: аще и вѣща *душа*; изрони *душу*.

Дьски (nomin. plur. femin.) отъ **дьска**.

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ слово это отвѣчаетъ греческимъ:

1) τράπεζα, mensa; такъ въ Евангеліяхъ: **и дъскы тържьникъ.... испроверже**—καὶ τάς τραπέζας (Мрк. XI, 15, ср. Іоан. II, 15). Здѣсь *дъска*—sicut pars pro toto. Ср. въ народной поэзіи: „па столахъ да всѣ *доски* расклеилися (Пр. С. кр. I, 161).

2) τίτλος, titulus: **написа же и дъскоу пилатъ**—ἔγραψεν δὲ τίτλον Іоан. XIX, 19). Здѣсь *дъска* является въ значеніи τιτλάρια, какъ писчая доска.

3) φάτνωμα, laquear—верхнія деревянныя стропила; такъ въ повѣсти Флавія: **покровъ же** (храма) **бысть кедреными дъсками добрѣ тесаными** л. 158 об.)—κεδρίνοις δὲ φατνώμασιν ὠρόφωντο (Lib. V, c. V, 1).

4) πλάξ, lamina, tabula lata — широкая тесина: **внѣшнее лице цркви златыми дьсками тлъстыми оковано бѣ ксюдоу** (л. 162)—πλαξὶ γὰρ χρυσοῦ στιβαραῖς (Lib. V, c. V, 6).

5) σανίς, tabula, asser, тесина и все связанное изъ пей, рѣшетина кровельная; такъ въ Апостолѣ XIII—XIV в. **они оубо на дьщинахъ**; въ сп. XIV в. **на дъскахъ** (Дѣян. XXVII, 44).

Въ произведеніяхъ литературно-повѣствовательной дружинной школы слово это читается весьма не рѣдко и даже въ разныхъ значеніяхъ: и снемше *доску* с печи и възложиша на перси его (Василька) и сѣдоста оба полы... и сняста другую *дску* с печи и сѣдоста (Лавр. стр. 251); и положиша (тѣло) на велицѣй *досцѣ* и вниша ужи (пов. о Мих. Твер.); бяхуть лодьѣ покрыты *досками* Лавр. 314); ударенъ бысть.. на забаролѣхъ сквозѣ *дъску* скважнею ib. 262). А что на *дъскахъ* (здѣсь писчихъ), а то князю оставиша 1 Новг. 30).

У Даніила паломника: есть же црквь та... помощена досками мраморанъіми... верх же црквными.. свертъ досками и древїемъ тесаными (мой сп. XVI в.).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„На столахъ да вси *доски* роскленилися (Пр. С. кр. ч. I, стр. 161).

„Сведите Дуная во глубокъ погребъ
„И заприте рѣшотками желѣзныма
„*Доскамы* дубовыми (Рыбн. I, 181).

Въ народныхъ пословицахъ: „Избу крой—пѣсни пой, а шесть *досокъ* паси. Въ избѣ *доской*, а въ сѣняхъ трубой".

Въ „Словѣ": дъски—въ значеніи φάτνωμα, σανίς — доски кровельныя, связанныя стропилами.

Дѣвице (pro дѣвицѧ, genet. sing. fem.) дѣвицю (accus. sing. antecedente praepositione о) дѣвицею (instrum. sing.) дѣвици (nomin. plur.) отъ дѣвица.

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ слово это отвѣчаетъ Греческимъ:

1) παρθένος, virgo; такъ въ книгѣ Пророковъ: дѣвица изѓлева— ἡ παρθένος τοῦ Ἰσραήλ (Ам. V, 2. Ср. въ Панд. Ант. XI в. гл. 21, л. 53 об.).

2) Но гораздо чаще — κοράσιον, puella: такъ въ переводахъ Евангельскихъ: рече цр҃ь дв҃ці — τῷ κορασίῳ (Мрк. VI, 22); не бо оумре дв҃ца — τὸ κοράσιον (Мѳ. IX, 24) въста дв҃ца и хожаше (Мрк. V, 42; ср. Мѳ. IX, 24); и дасть дв҃ці и дв҃ца дасть мт҃рі своеи (Мрк. VI, 28; ср. Мѳ. XIV, 14); дв҃це тобѣ гл҃ю—τὸ κοράσιον (Мрк. V, 41).

Изъ дружинныхъ произведеній слово *дѣвица* впервые встрѣчается въ договорѣ Игоря съ Греками (945 г.): ту сице будетъ (полонепъ) уноша или *дѣвица* добра, да вдадятъ златникъ десять и возимуть и (Лавр. стр. 45). Мечемъ жребій на отрока и *дѣвицю* (ib. 80). Въ посланіи Мономаха: *Дѣвице* мати чистая (ib. 246).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ слово это обычно:

„Остоялася, *дѣвича*, пріодумалась,
„Пріумилося *дѣвичѣ* присовѣтовалось (Пр. С. кр. ч. III, 217).

„У тя есть ли охота, горитъ ли душа
„Со мной съ *дѣвицей* позабавиться (Рыбн. I, 64).
„Еще на-морѣ корабль
„Съ красной *дѣвицей* пришелъ (Тр. Этн. Огд. кн. V, 102).

Слово это бытуетъ и въ исторической географіи: въ Черниговской губ. около Бужанки есть два городища, называемыя „*Дѣвичьюра*"-(Черн. Епарх. Вѣд. 1872 г. № 24). Есть рѣка *Дѣвица* (Кн. Бол. Черт. стр. 25) и городокъ *Дѣвичій* въ Усмани (Доп. къ Ист. Акт. VII, 220).

Въ „Словѣ" дѣвица является и 1) въ значеніи κοράσιον, puella: такъ называетъ авторъ дѣвушекъ, которыя восторженными пѣснями привѣтствовали спасеніе Игоря, въ противоположность *дѣвкамъ* Половецкимъ; равно какъ и 2) въ значеніи невѣсты: παρθένος, virgo см. дѣва) и при томъ въ собственномъ смыслѣ: а въ соколца опутаевѣ красною *дивицею*; и въ символическомъ: връже жребій о *дѣвицю* себѣ любу, гдѣ подъ невѣстою разумѣется городъ Кіевъ (см. жребій).

Что касается звуковой особенности—*ди*вицею вм. *дѣ*вицею, то считаемъ нужнымъ замѣтить, что въ данномъ словѣ она впервые оказывается въ памятникахъ XVI в. Въ Прологѣ этого вѣка читается: дѣца мудрость есть бжна... собра дѣцы своа (см. перев. Погодина, о Кириллѣ и Меѳодіи Добровскаго стр. 103; у кн. Вяземскаго ч. II, стр. 23).

Въ повѣсти объ Акирѣ также XVI в. и пошли тысачу дикицъ еллади моеа. которыа моужа не знають.

Въ Историческихъ актахъ южной Россіи XVIII в. встрѣчаемъ то слово съ тою же звуковою особенностью; такъ въ челобитной игумена Варсонофія Гуторовича гетману Даніилу Апостолу отъ 5-го іюля 1730 года женскій монастырь называется „*ди*вичьимъ" (Арх. Харков.).

Въ Пермской губерніи, въ Чердынскомъ уѣздѣ есть гора, которая до нынѣ зовется *дивья* и *дѣвья* гора.

Въ народномъ пѣснотворчествѣ не рѣдко является „дивичество“ вм. *дѣ*вичество.

И ты блюди да прикрашенное *ди*вичество (Пр. С. кр. ч. III. 49; ср. стр. 62, 92, 133, 202).

Въ виду этихъ данныхъ на чтеніе въ „Словѣ“ дивицею вм. *дѣ*вицею слѣдуетъ смотрѣть, какъ на особенность сѣверно-русскаго и южно-русскаго живаго говора, отразившагося въ его текстѣ, всего вѣроятнѣе, въ позднѣйшее время.

Изъ предшествовавшихъ комментаторовъ по отношенію къ данному слову обратимъ вниманіе на Грамматина, который выраженіе (връже жребіи) *о дѣвицу* читалъ во множ. числѣ.

Г. Грамматину, замѣчаетъ Головинъ, мало показалось для Всеслава одной дѣвицы и потому онъ прибавилъ ему милыхъ дѣвицъ, а между тѣмъ представляетъ его дряхлымъ и сажаетъ на лошадь не иначе, какъ съ помощію костылей, подпирая клюками.

ДѢКЫ (accus. plur. fem.) отъ ДѢКА—полуимя или презрительное выраженіе по отношенію къ *дѣвицѣ*.

Слово это читается какъ въ лѣтописяхъ, такъ особенно часто въ словахъ богатырскихъ: „Котянъ (ханъ Половецкій) дары принесе многи, коні, вельбуды и буйволы и *дѣвки* и одари князей Русьскыхъ (Лавр. стр. 478). Король же (Угорскій) не вдасть *дѣвкы* своей Ростиславу (Ип. 177).

„Ахъ ты, *дѣвка* дворовая!
„Не кто тебя *дѣвку* спрашиваетъ,
„Не кто тебя *дѣвку* вывѣдываетъ;
„Знала бы *дѣвка* коровъ доить,
„Коровъ доить и телятъ поить (Рыбн. III, стр. 134).

„Провѣдала *дѣвка* дворовая,
„Тая ли *дѣвка* Челядична (ib. I, 134)

„Старая *дѣвка* Сиверьянична (ib. I, 58).

Въ народныхъ пословицахъ: „Куры да вороны—*дѣвки* дворовы".

Если авторъ „Слова" Русскихъ дѣвушекъ именуетъ *дѣвицами*, то Половецкихъ называетъ полуименемъ, просто *дѣвками*. Достойно особеннаго вниманія, что говоря о многочисленномъ полонѣ, захваченномъ полками Игоря, послѣ первой удачной стычки, состоявшей изъ множества женъ и дѣтей, авторъ обратилъ особенное вниманіе на красавицъ-дѣвокъ Половецкихъ и ихъ богатые наряды. Повидимому онъ хочетъ выразить то, что эти дѣвки вскружили голову побѣдителямъ, усыпили ихъ осторожность и бдительность: „помчаша *красныя дѣвкы* Половецкыя, а съ ними злато и паволоки и драгыя оксамиты". Ср. *дремлетъ* въ полѣ гнѣздо храброе Олега.

Дѣвою (instr. sing. fem.) **дѣвы** (nomin. plur.) отъ **дѣва** — παρθένος, virgo.

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ читаемъ: **иже сътвори дѣва издрлева** (Іер. XVIII, 13); **тъгда въсташа вса дѣвы**—αἱ παρθένο (Мо. XXV, 7); **придоша и проуаа дѣвы** (ib. XXV, 11). У Іоанна Экзарха Болгарскаго: **прѣвою дѣва. тауе оконцанаю. тауе невѣста** (1263 г. л. 193).

Въ Лѣтописяхъ: слышу же се, яко сестру имати *дѣвою* (Лавр. стр. 107).

Въ Русской передѣлкѣ повѣсти о Дигенисѣ: и нача *дѣва* ему глаголати (И. Г. Р. пр. 272).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„И *дѣва* стала будить добра молодца (Тр. Этн. Отд. кн. III, 114).

Въ „Словѣ": обида вътупила *дѣвою* на землю Трояню. Съ Славянскимъ именемъ дѣвы связывается коренное представленіе красоты и очарованія (diva—свѣтлая, чистая, божественная). Обида, разжигательница человѣческихъ страстей и сваръ, здѣсь представляется въ обольстительномъ видѣ *дѣвы*. Чѣмъ очаровательнѣе ея образъ, тѣмъ глубже и гибельнѣе ея дѣйствіе. Такое проявленіе злой силы въ чарующемъ образѣ дѣвы сказывается и въ народномъ пѣснотворчествѣ. Самая смерть коварно облекается въ этотъ образъ:

„Подходила тутъ скорая смерётушка,
„Она крадчи шла злодѣйка-лиходѣица,
„По крылечку ли она да молодой женой,
„По новымъ ли шла сѣнямъ да *красной дѣвушкой* (Пр. С. кр. ч. I, стр. 4).

Дѣва—обида въ „Словѣ", по нашему убѣжденію, несомнѣнно относится къ кругу представленій эпическихъ. (См. выше, т. I, стр. 371—376).

Вступивъ на землю Трояню дѣва эта плещется *лебедиными крылами* на синемъ морѣ. Превращеніе *дѣвы* въ бѣлую лебедушку имѣетъ аналогію въ слѣдующей картинѣ народнаго пѣснотворчества, гдѣ наоборотъ лебедь оборачивается въ красную дѣвицу:

„Эта бѣлая лебедушка
„Поднималася отъ синя̀ моря
„На своихъ на крыльяхъ лебединыихъ;
„Садилась она на черленъ корабль,
„*Обернулась красной дѣвицей* (Рыбн. I, 207).

Какъ по лѣтописи дьяволъ, подвизая свары и зависти, братоненавидѣнье, клеветы, радуется убійству (Лавр. 163), такъ и эта дѣва—обида, повернувшись лебедью, плещется крыльемъ на синемъ морѣ выражая свой восторгъ, что заживное время для ней наступило, (См. въсплескала).

Достойно также вниманія, что Готскихъ дѣвицъ, воспѣвавшихъ пораженіе Игоря, какъ месть за Шураканя, авторъ называетъ не дѣвками, а *дѣвами*. Это, быть можетъ, потому, что они прежде больше сочувствовали Русскимъ, чѣмъ какъ оказалось въ данномъ случаѣ.

Приведемъ здѣсь мнѣнія предшествовавшихъ комментаторовъ о Дѣвѣ обидѣ.

Шишковъ: „*дѣва* употреблено здѣсь въ смыслѣ нѣкоего грознаго или свирѣпаго божества, какъ-то и понынѣ въ сказкахъ привязываемъ мы сіе понятіе къ нѣкоторымъ женскимъ лицамъ: царь-дѣвица, баба-яга и проч. Или, можетъ быть, подъ словомъ *дѣва* со-

чинитель разумѣлъ, что обида никогда не извѣстна была Русской землѣ, никогда не сочетавалась съ нею и дѣвою, т.-е. первый разъ въ нее вступила".

Пожарскій: *Дѣвою* значитъ здѣсь *Діаною*, ибо на Польскомъ языкѣ *Дива* и *Діана* одно и тоже. *Дѣвою*, т.-е. какъ Дѣва *какъ Діана, какъ противъ звѣрей Діана*. Слѣдуетъ замѣтить, что у Поляковъ *Діана* называется еще *Дѣванна*, отъ слова *дѣвка*, *дѣвоя*; сверхъ сего и на Сарматскомъ языкѣ *Дѣванна* означаетъ Діану" *).

Грамматинъ о мнѣніи Шишкова: „тутъ найдешь то, чего не хитрому уму, не выдумать и въ вѣкъ. Русскіе многократно даже противъ Половцевъ испытали превратность воинскаго счастія, но видно исторія, также какъ и географія и генеологія, не входили здѣсь въ изъясненіе. О мнѣніи Пожарскаго: „Г. Пожарскій толкуетъ, что рѣчь идетъ здѣсь о Діанѣ (нашъ авторъ зналъ греческую мифологію!), ибо (чудная логика!), Діана, кромѣ охоты есть богиня дѣвства; сверхъ сего и на Сарматскомъ т.-е. Польскомъ языкѣ *Дѣванна* (не Дѣванна, а Зивонія или Зивонна) означаетъ *Діану*. По мнѣнію самого Грамматина здѣсь разумѣется нѣкая воинственная дѣва.

Вельтманъ: „сравненіе бѣды съ *дѣвой* почерпнуто пѣвцемъ Игоря изъ сказанія о Сиренахъ, сладкогласныхъ дѣвахъ — птицахъ, соблазнявшихъ мореходцевъ и завлекавшихъ ихъ въ пучину или на подводные камни. Эта басни, безъ всякаго сомнѣнія извѣстна была и древнимъ Русскимъ мореходцамъ въ придонье, гдѣ, кромѣ греческихъ городовъ, было цѣлое поселеніе Ахеянъ, по Страбону, со времени похода Аргонавтовъ. По сказаніямъ же объ Аргонавтахъ, отправившихся въ Скиѳію за золотымъ руномъ, только дивныя пѣснопѣнія Орфея, спасли ихъ отъ соблазнительныхъ пѣсенъ Сиренъ. На старинныхъ, такъ называемыхъ лубочныхъ картинахъ сирена изображалась въ видѣ дѣвы-птицы, съ подписью: „птица сиринъ, гласъ ея силенъ".

Дубенскій: „Не лучше ли подразумѣвать здѣсь дѣвъ судныхъ, какъ въ „Судѣ Любуши, тѣмъ вѣроятнѣе, что послѣ этого въ „Словѣ"

---

*) Въ т. I, на стр. 373, въ примѣчаніи ошибкою напечатано: „мнѣніе Шишкова, вмѣсто Пожарскаго.

говорится о жирныхъ временахъ, а въ Судѣ Любуши послѣ Дѣвъ сильныхъ о власти жирной.

Буслаевъ Ѳ. И. дѣву-обиду сближалъ съ Скандинавскими валкиріями въ лебединыхъ сорочкахъ и другими женскими демонами среднихъ вѣковъ въ образѣ лебедей.

Майковъ А. Дѣва-обида имѣетъ здѣсь характеръ личный: поэтическая основа этого образа—*дума* Игоря, ведомаго въ плѣнъ, дума о томъ, что тамъ за нимъ лежитъ эта погубленная имъ сама рать, укоряющая и обвиняющая его; шла рать, которую уже для него пустыня прикрыла т.-е. она скрылась уже изъ глазъ его.

Прозоровскій: „можетъ быть существовало миѳическое повѣрье, въ которомъ *Русь* представлялась *Дѣвою*, вышедшею за мужъ за Дажьбога,

Павловъ (Бицинъ): мы совершенно упраздняемъ эту Дѣву-обиду и читаемъ такъ: „а *Дивъ* вступилъ на землю Тмутораканскую". Всякому—вольная воля; упразднять можно сколько угодно и читать, какъ кому взбредетъ въ голову, но наука не можетъ примириться съ подобнымъ отношеніемъ къ тексту драгоцѣннаго памятника XII в.

ДѢДНИ (genet. sing. fem.) отъ **ДѢДНІИ** (adjectivum possessivum). См. **дѣдъ**.

ДѢДУ (dat. sing. masc.) отъ **ДѢДЪ**, πάππος, avus, προπάτωρ, progenitor.

Въ Пандектахъ Антіоха XI в. читаемъ: роди дѣда дѣда—ἐγέννησε πάππον (гл. 80, л. 167 об.).

Въ лѣтописяхъ весьма часто читается это слово: придѣта Киеву на столъ отецъ нашихъ и *дѣдъ* нашихъ (Лавр. ib. 223); княжь дворъ *дѣда* и отца (ib. 389); ходилъ бо бѣ *дѣдъ* его на Новгородъ (подъ 1178 г.); яко же и *дѣдъ* Всеволодъ (ib.); не было того ни при прадѣдѣхъ, ни при *дѣдѣхъ* (Лавр. 470). Въ посланія Мономаха: „то бо были рати при умныхъ *дѣдѣхъ* нашихъ (ib. стр. 243).

Точно также читаемъ здѣсь и (adjectivum): *дѣдній* (πάππου, avi) и поможе на поганыя *дѣдня* и отня молитва (Лавр. 345); сѣдѣ на столѣ *дѣдни* (ib. 306, ср. 139); лѣплѣе смерть на своей отчинѣ и

на *дѣдитъ* (ib. 291). Въ посланіи Мономаха: „али ти лихое, да то ти сидить сынъ твой хрестьный... хлѣбъ ѣдуча *дѣденъ* (ib. 245).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„Прожилъ прогулялъ все житье-бытье свое...
„Все приданое мое—*дѣдьне* матернее. (Рыбн. III, стр. 440).

Въ исторической географіи есть *Дѣдилово* городъ и уѣздъ (Ист. Ак. IV, 470; V, 534); *Дѣдышевская* — пустошь въ Бѣлоз. уѣз. (ib. , 301).

Въ „Словѣ дѣдъ,—какъ и въ лѣтописяхъ, въ значеніи—προπάτωρ, progenitor—предокъ. О смыслѣ выраженія „*дѣдней*" см. подъ словомъ выскоунсте.

Дѣло (accus. sing. neutr. antecedente praepositione на).

Въ переводныхъ памятникахъ XI—XIII вв. слово это отвѣчаетъ греческимъ:

1) ἔργον, opus; такъ въ Евангеліяхъ: дакъ рабомъ своимъ власть комоуждо дѣло свое—καὶ ἑκάστῳ τὸ ἔργον αὐτοῦ (Мрк. XIII, 34); ю троуждаете женѹ. дѣло бо добро сдѣла къ мнѣ—ἔργον γὰρ καλὸν Мѳ. XXVI, 10; ср. Римл. XI, 6).

На воинскомъ же языкѣ дѣломъ въ соотвѣтствіи Греческому ἔργον—называлась работа по дѣланію приспъ, подкоповъ и вообще всего относящагося къ осадѣ крѣпостей; такъ въ повѣсти Флавія: и изглаждаше коа разъшедъшеса овы на дѣло (Lib. V, c. VI, 5).

2) πρᾶξις, factum, actio: тъгда въздасть комоуждо по дѣломъ своимъ—κατὰ τὴν πρᾶξιν; въ Зогр. XI в. по дѣланию. (Мѳ. XVI, 27).

3) ἐργασία, opera, lucrum, questus; такъ въ Апостолѣ XIII—XIV в., ищьдѣ окрокание дѣла ихъ—τῆς ἐργασίας αὐτῶν; въ пер. XV в. майна ихъ; XVI-го пожитка; XVII—XVIII стяжаніа.

4) πολιορκία, obsidio—осада крѣпости; такъ въ повѣсти Флавія: ... же неполнившеса ярости о нем... крѣпле оустремиваса на дѣло—εἰς τὴν πολιορκίαν (Lib. IV, c. I, 3).

Въ лѣтописяхъ читаемъ: „много бо попеченіе створи... преходя отъ дѣла въ *дѣло*. (Лавр. 436).

Въ живой народной рѣчи: „дерево смотри въ плодахъ, человѣка въ *дѣлѣ*". Было *дѣло* на Дунаѣ; было *дѣло* подъ Азовомъ; было *дѣло* подъ Полтавой. Быть въ *дѣлѣ* значитъ тоже, что и греческое ἐν τῷ ἔργῳ, т.-е. быть въ сраженіи.

Въ „Словѣ: храбрая мысль носитъ вашъ умъ на *дѣло* т.-е. къ битвамъ, осадѣ городовъ или воинскимъ подвигамъ и стяжаніямъ.

ДѢЛЯЧЕ (pro дѣлѧщє, particip. praes.). отъ **ДѢЛИТИ**—μερίζειν, разлагать на части, дѣлать раздѣлъ.

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ глаголъ дѣлити всего чаще встрѣчается (in annexu praepositionis раꙁ) въ видѣ раꙁдѣлити; такъ въ Евангеліяхъ XI—XIII в. и обѣ рыбѣ раꙁдѣли всѣмъ—ἐμέρισε πᾶσι (Врк. VI, 41) раꙁдѣлиша ризы его—διεμερίσαντο (Мѳ. XXVII, 35); раꙁдѣлити имѣніє.

Въ лѣтописяхъ: „и нача Ярославъ воѣ свое *дѣлити*: старостамъ по 10 гривнъ, а смердомъ по гривнѣ, а Новъгородьчемъ по 10 всѣмъ (1 Новг. стр. 1). И начаста *дѣлити* городы (Лавр. 470); раз*дѣливше* всѣ городы Русьскыя (ib. 470).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„Станемъ-ка, братцы, животы *дѣлить* (Рыбн. I, стр. 233).
„*Дѣлишь*, старикъ, деньги на четыре доли,
„Кому *дѣлишь* четвертую часть? (ib. I, 224).

Въ „Словѣ: трупія себѣ *дѣляче* т. е. не ссорясь изъ за труповъ, дружно ихъ пожирая, кому сколько достанется (см. враны).

ДѢТИ (nomin. plur. neutr.) отъ **ДИТѦ**.

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ слово это отвѣчаетъ Греческимъ:

1) παιδίον, parvulus—ребенокъ, мальчикъ: аще не обратитеса и боудете ѣко дѣти—ὡς τὰ παιδία (Мѳ. XVIII, 3); тъгда приведоша к немоу дѣти (Мѳ. XIX, 13; ср. Мрк. X, 13); гла имъ дѣти (Іоан. XXI, 5).

2) τέκνον, filius: всакъ иже оставитъ братью... ли женоу ли дѣти—ἢ τέκνα (Мѳ. XIX, 29).

3) παῖς, puer et filius; такъ въ повѣсти Флавія: боуди ти власть дльголѣтна и твоимъ дѣтемъ и боудоущимъ ѿ нихъ (л. 248)—καὶ παισὶν

αἰ τοῖς ἐξ ἐκείνων ἀεὶ γινομένοις (Lib. VII, c. IV, I); бысть рыданіе ѿ жнъ и дѣтеи (л. 125).

Въ произведеніяхъ литературно-повѣствовательной дружинной колы слово это также читаемъ:

1) въ значеніи τέκνα: въ посланіи Мономаха: „*Дѣти* мои, или нъ кто слышавъ сю грамоту". По истинѣ, *дѣти* мои разумѣйте; да то ы, *дѣти* мои, не тяжка заповѣдь Божья (ib. 235).

2) въ значеніи παιδία: Святославъ... бѣ *дѣтескъ* т.-е. возраста ѣтскаго (τῶν παιδίων, puerorum).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

1) въ значеніи τέκνα:

„Не дай-то Богъ бывать на святой Руси
„Ни мнѣ-ка-ва, *на дѣтямъ*, ни внучатамъ (Рыбн. I, 177).

„Ужъ какъ ростить-то сердечныхъ малыхъ *дѣтушекъ* (Пр. С. кр. ч. I, стр. 163).

„Спятъ ея сердечны малы *дѣтушки* (ib. 13).

„Выходите малы *дѣтушки* умнёшенько
„Вы на уличкѣ, *дѣти*, не балуйте-тко (ib. стр. 18).

2) въ значеніи παιδία:

„Всѣ призаняты старушки стародревніи
„Со *дитямы* по домамъ оны разставлены, т.-е. съ ребятами (иныхъ родителей) (Пр. С. кр. ч. I, 144).

Въ „Словѣ" *дѣти* въ смыслѣ τέκνα: Половцы называются здѣсь *дѣтьми* бѣсовыми, т.-е. порожденіемъ нечистой силы въ противоположность сынамъ Русскимъ, внукамъ Дажь-бога.

ДѢТЛОВЕ (nomin. plur. masc.) отъ ДѢТЕЛЪ δρυοκολάπτης, picida. Птица эта упоминается въ Шестодневѣ Іоанна Экз. Болгарска- Замѣтимъ, что въ одномъ изъ Евангелій XV в. даже Греческое ἐκτωρ передается словомъ дѣтелъ.. (Мѳ. XXVI, 34).

Строеніе дятла, замѣчаетъ Брэмъ, весьма своеобразно; вотъ у него съ пальцами, приспособленными для лазанія по отвѣснымъ стволамъ; хвостъ устроенъ такъ, что служитъ дятлу во время дѣятельности въ видѣ пружины; сильный же острый клювъ приспособленъ для долбленія. Колотя своимъ клювомъ, онъ откалываетъ, смотря по своей силѣ, большіе или меньшіе куски коры; раскрываетъ такимъ образомъ убѣжища насѣкомыхъ, прокалываетъ ихъ своимъ тонкимъ и колючимъ языкомъ и проглатываетъ ихъ.

Звуки отъ долбленія дятла разнообразятся отчасти отъ свойствъ коры, и отчасти отъ силы самыхъ ударовъ. (См. текстомъ). Вѣроятно на этомъ самомъ разнообразіи и сновались древнія гаданія о благопріятномъ или неблагопріятномъ значеніи этихъ звуковъ для пути дороги.

Что въ Кіевской Руси властвовали надъ умами подобныя гаданія это мы видимъ и изъ другихъ памятниковъ помимо „Слова". Такъ Сбор. XV в. читаемъ: вѣроуємъ въ потка и въ дятла (Москв. 1844 I, стр. 242); въ Златоструѣ XII в. въ враны и въ дятелы. (Вост.).

Въ исторической географіи есть названія, связанныя съ именемъ дятла; такъ есть село *Дятлово* въ Галицк. у. (Ист. Ак. II, 402) *Дятлова* гора въ Муромѣ (Юрид. Ак. 249); *Дятловы* горы (Кн. Б. Ч. стр. 139).

Что касается самаго слова, то Пикте производитъ его отъ *ти* (I, 488); Миклошичъ отъ *дьм* (V. Gr. 175). Будиловичъ даетъ слѣд. сопоставленія: Срб. дjетао; Хрв. djetel; Хор. detalj; d'at'el; Чеш. datel; Польск. dzięcioł. (Перв. Сл. 171).

Максимовичъ высказалъ, что въ народно-поэтической символико дятелъ служитъ указателемъ пути на родину, но едва ли онъ создалъ этого мнѣнія, на основаніи того же „Слова", которое объяс

Ѥ.

Ѥ (praes. 3 pers. sing. indicat. pro **ѥсть**) отъ **быти**—εἶναι.

Форма эта весьма часто встрѣчается въ переводныхъ памятникахъ XI—XIII вв. Такъ, въ Святославовомъ Изборникѣ 1073 г. читаемъ: **чьто ѥ бъ** (ср. л. 4 и об. 6, 7, 8 об.). Въ Остроміp. Ев. **чьто є нама и тебѣ**. (Мѳ. VIII, 29). Въ Огласительныхъ поученіяхъ Кирилла Іерусалимскаго XIII в. читается почти только **ѥ** вм. **єсть**. (Син. п. № 114; см. Опис. Син. библ. III, стр. 50, 52).

Встрѣчается эта форма и въ произведеніяхъ литературно-повѣствовательной дружинной школы; такъ въ Кіевской лѣтописи: „иди, впрашай: *е* ли Михаль въ кельи? (Лавр. 185); въ Новгородской: рекоша новгородци (въ защиту Твердислава): *е* ли вина его? (1 Новг. 37).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ употребленіе **е** вм. **есть**—обычно же въ сложныхъ прошедшихъ формахъ:

„Все прошло *е* да миновалося. (Пр. С. кр. ч. I, 220)

„Я въ обидушкѣ вѣдь *е* да не живала. (ib. 210).

Въ „Словѣ“ форму этого глагола мы усматриваемъ въ выраженіи „мыслію“; слѣдуетъ читать: **не мыслї ѥ** т.-е. нѣтъ ли у тебя мысли, желанія. По видимому, неисправность этого чтенія была уже въ Пушкинской рукописи, которая снята была со списка XIV в., когда концы въ **ѥ** очень закруглялись и оно походило на **ю**. (См. выше т. II, стр. 237).

Єго (genet. et accus. sing.) **ємоу** (dat. sing.) отъ **онъ** (pronom. tertiae personae). См. **онъ**.

Єдинъ (numerale, quantitale nominativ sing.).

Въ переводныхъ памятникахъ XI—XIII в. слово это это читается часто и отвѣчаетъ Греческимъ:

1) εἷς, unus; **юдінъ ѿ сихъ**—(Мѳ. VI, 29); **юдинъ кънижьникъ** (Мѳ. VIII, 19); въ Панд. Антіоха: **въпрошѫ вы юдиного слова**—ἕνα λόγον (гл. 32, л. 78 об.).

2) μόνος, solus: **тъкмо оць мои юдинъ** (Мѳ. XXIV, 36); въ Панд. Антіоха: **ни едина ни цр҃кы. тъчьѫ вы едины**—ὑμεῖς μόνοι (гл. 99, л. 215 об.).

3) ἱκανός, sufficiens—довольный, въ смыслѣ избранный, единственный; **и съ нимъ идахоу оученици юго юдини**—οἱ μαθηταὶ αὐτοῦ ἱκανοὶ (Лук. VII, 11).

Въ произведеніяхъ литературно-повѣствовательной школы слово это обычно:

„И бѣ володѣя Ярополкъ *единъ* в Руси (Лавр. стр. 74): и нача княжити Володимеръ въ Киевѣ *единъ* (ib. 77); брате мой... нынѣ же что ради остахъ азъ *единъ* (ib. 133); се князь Печенѣжскій възратися *единъ* (ib. 65); и рече *единъ* Деревлянинъ (ib. 73; ср. 309, 264); и *единъ* отъ нихъ (Кіянъ) рече (Ип. стр. 63); токмо *единъ* утече (ib. 67).

Въ Словахъ богатырскихъ:

„И приходилъ (Илья) во *единъ* шатеръ
„Садись со мной за *единый* столъ. (ib. I, 162).

Вольга:

„Прибираетъ дружину хоробрую
„Тридцать молодцевъ безъ *единаго* (ib. I, 7).

Въ народныхъ плачахъ:

„*Единд* было сердечно у васъ дитятко,
„*Единá* была скаченая жемчужинка. (Пр. С. кр. ч. I, 94).

„*Едины* лежатъ катучи сини камешки (ib. 28).
„*Единымъ*, бѣдна горюша, единёшенька. (ib. 227).

Въ живой народной рѣчи говорится: „Богъ *единъ*, да совѣсть не у всѣхъ *едина*".

Въ „Словѣ" *единъ* же Изяславъ сынъ Васильковъ позвони=εἷς, т.-е. одинъ изъ многихъ. *Единъ* же изрони жемчюжину душу=μόνος, т.-е. одинъ только, одинъ одинёшенекъ. Въ значеніи ἱκανός см. одинъ.

ЄМЛАХУ (imperf. 3 pers. plur. indicat.) отъ **ИМАТИ**.

Въ переводныхъ памятникахъ XI—XIII вв. глаголъ этотъ отвѣчаетъ Греческимъ:

1) λαμβάνειν, apprehendere: се дхъ кмлеть и—λαμβάνει αὐτον (Лук. IX, 39).

2) συλλαμβάνειν, comprehendere; такъ въ Панд. Антіоха: варвари же имлъше и—συλλαβόμενοι αὐτοὺς (гл. 80, л. 167).

Въ повѣсти Флавія: *емлюче* сказывахоу (л. 127).

Выраженія „имати дань" или „ятися по дань" въ произведеніяхъ литературно-повѣствовательной дружинной школы всегда указывали на побѣжденныхъ или побѣдителей. Подобныя выраженія читаются на первыхъ страницахъ Кіевской лѣтописи. „*Имаху* дань Варязи на Чюди и на Словенахъ... а Козари *имаху* на Полянѣхъ и на Сѣверѣхъ... *имаху* по бѣлѣй вѣверицѣ ото дыма (Лавр. стр. 18); а ихъ же *имаху* плѣнникы, овѣхъ посѣкаху (ib. 29); не погубляй града, *имѣмъся* по дань. ib. 29); Святославъ *емля* дань на Грьцѣхъ (ib. 64); се бо *ся* ны дань *ями* (ib. 70). Ростославу сущу Тмутаракани и *емлющу* дань Косогъ (ib. 161—162).

Выраженія *имати* оброкъ, *имати* пошлину, донынѣ бытуютъ въ живомъ народномъ языкѣ.

Въ „Словѣ": *емляху* дань; т.-е. взыскивали, какъ побѣдители. (См. имъ).

ЄСИ (praes. 2 pers. sing. indict.) **ЄСВѢ** (praes. 1 pers. dual. indicat.) отъ **БЫТИ**—εἶναι, esse.

Въ той и другой формѣ глаголъ этотъ весьма часто читается въ переводныхъ памятникахъ XI—XIII вв.

ЄСВѢ (femin. pro masc. **ЄСВА**).

Впрочемъ давно уже замѣчено что роды двойственнаго числа смѣшивались съ самыхъ древнихъ временъ. Такъ во всѣхъ древнѣйшихъ Евангеліяхъ читаемъ: азъ и оць юдино юсва—ἕν ἐσμεν (Іоан. X, 30). Поправка здѣсь есвѣ на есва появилась лишь въ XVII в. и едва ли впервые не въ Нов. Зав. Кут. 1652 г.; въ XVIII в. есва поправили на есма (Кіев. изд. 1788 г.).

Въ посланіи Мономаха къ Олегу также читаемъ: „съ братомъ твоимъ рядилися *всвѣ* и не сотворили *есвѣ* лиха... Святославъ посла къ братома и рече: стоита ли въ крестномъ цѣлованьи, иже *есвѣ* цѣловали".

Въ „Словѣ": „оба *есвѣ*".

Ж.

Жадни (nomin. plur. masc.) отъ **жаденъ**.

Выраженіе—**быти жадну**—по своему значенію совершенно тождественно глаголамъ **жадити** или **жадати**, кои не рѣдко являются въ древнѣйшихъ переводахъ и отвѣчаютъ Греческимъ:

1) γλίχεσθαι, affectare, appetere—томиться желаніемъ чего-либо; такъ въ повѣсти Флавія: **жадахоу битися съ римляны** (л. 96 об.) **жадахоу дроугъ дроуга на посѣченіе** (ib. л. 274)—ἄλλος πρὸ ἄλλου φθάσαι γλιχόμενος (Lib. VII, c. IX, 1). **жадая моея крове** (л. 28).

2) ἐπιθυμεῖν, concupiscere, desiderare страстно сильно желать; такъ въ житіи Андрея Цареградскаго: **жадить лукавын** —ἐπιθυμεῖ (Зап. И. А. Н. XXXIV, 162).

3) Тоже самое выражалось и производными словами: **жаданіє** и **жаденіє**; такъ въ повѣсти Флавія: **римляне (оукрѣпишася) жаданїемъ, славы и ѡрꙋжїемъ** (л. 186)—Ῥωμαίους ἐτνόωσεν αἰδῶς δόξης καὶ τῶν ὅπλων (Lib. V. c. XI, 6). **Слава храбрьствоу жаденїе съмрти** (л. 229 об.).

Въ лѣтописяхъ: „Видѣвъ же Мстиславъ Мстиславичъ пришедшюю рать, изрядивъ полкы своѣ противу имъ, обои бо еще *жадахуть* боя. (Ип. стр. 110).

Въ „Словахъ богатырскихъ“:

„Богатырское сердце на*жадѣлося*. (Рыбн. I, стр. 123; ср. III, 61).

Отсюда видно, что значитъ въ „Словѣ“: „а мы, дружина, жадни веселія, т.-е. и мы страстно желаемъ веселія, не въ моготу намъ хочется потѣшиться. Выраженіе это вполнѣ отвѣчаетъ классическому: „commovemur pugnandi cupiditate“. (См. **веселїе**, пиръ въ значеніи боя).

Мусинъ-Пушкинъ перевелъ: а мы, братіе, *лишены* уже веселія".

Малиновскій: а намъ уже, братцы, *нѣтъ* веселія.

Шишковъ; „а мы, дружина, *погружены* въ бездну золъ, чужды всякихъ радостей".

Пожарскій и Грамматинъ какъ въ 1-мъ изданіи.

Соловьевъ: „мы *лишены*, чужды веселія.

Максимовичъ: „ни якой же радости *нема* намъ".

Малышевъ: а мы *лишены* веселія.

Алябьевъ: а намъ *подождать*, видно, други, веселія.

Павловъ (Бицинъ): а мы только и *ждемъ* веселія:

Скульскій: „ *не пристало же жить* безъ веселія".

Прозоровскій: какъ Мусинъ-Пушкинъ и Малышевъ.

Мей: какъ въ 1-мъ изданія.

Майковъ: До веселья ль, княже, тутъ дружинѣ.

Во всѣхъ этихъ переводахъ мысль подлинника не угадана. Ближе всѣхъ стоялъ къ ней Дубенскій, который перевелъ: „*жаждемъ*" уже повеселиться на свадебномъ пиру.

Жаждою (instr. sing. fem.) отъ **жажда.** (въ 1 изд. **жаждею**).

Въ древнихъ переводныхъ памятникахъ его это отвѣчаетъ Греческимъ:

1) δίψη, sitis—мучительное состояніе отъ неудовлетворенія организма потребною влагою; такъ въ книгѣ Пророковъ: издыкъ ѿ жажды исше—ἀπὸ τῆς δίψης ἐξηράνθη (Ис. LXI, 17).

2) ἀνάγκη, necessitas, нравственная неодолимая потребность; такъ въ одномъ принадлежащемъ намъ Евангельскомъ спискѣ XVI в. съ ясными слѣдами перевода глубочайшей древности читаемъ: жажда же имѣаше (пилатъ) на вса празники ѿпꙋщати и҆ единого—ἀναγκὴν δὲ εἶχεν (Лук. XXIII, 17); въ другихъ переводахъ: имѣаше потребоу или ноуждоу.

Такимъ образомъ слово жажда намъ удалось встрѣтить въ древнѣйшихъ переводахъ въ томъ же самомъ смыслѣ, въ какомъ оно является и въ „Словѣ"—въ значеніи нравственной неодолимой потребности, насилія, неволи.

Греческое ἀνάγκη—тождественно по своему значенію—συνοχή, xietas—а потому въ греческихъ текстахъ онѣ замѣняютъ другъ уга; такъ въ принятомъ греческомъ кодексѣ между прочимъ читает—συνοχὴ ἐθνῶν (Лук. XXI, 25), но въ другихъ также глубокой евности: ἀνάγκη ἐθνῶν; по славянски же то и другое выражалось: [illegible]га языкомъ. Если слово *жажда*, какъ выше указано, соотвѣтство ю Греческому ἀνάγκη, а это было синонимомъ συνοχή, то, значитъ, ественно и жажда сближалась съ значеніемъ тоуга. Какъ *жажда* ъ насиліе, надсада, такъ и *туга* есть стѣсненіе, угнетеніе.

Вотъ почему въ „Словѣ" и жажда и тоуга являются какъ слова онимическія для выраженія одного и того же нравственнаго сояніа.

Оборотъ здѣсь тотъ же:

„Какъ *долитъ* тоска великая кручинушка,
„*Удоляетъ* зла великая обидушка.

Нѣтъ потребности сильнѣе жажды и нѣтъ мученія страшнѣе ея нія и потому жажда есть самый живой образъ, служащій къ вы:енія нужды вообще безъисходной, горя непомѣрнаго и непоьнаго.

Въ „Словѣ" *жаждею* имъ лучи съпряже; изъ сказаннаго видно, жажда не означаетъ здѣсь только физическаго томленія отъ зноя какого либо явленія въ родѣ засухи, жары, но выражаетъ вообще тенное нравственное состояніе (ἀνάγκη) какъ и туга (тугою имъ тули е). Бездѣйственность луковъ и стрѣлъ, выраженную образно, авторъ авилъ въ зависимость отъ нравственнаго изнеможенія воиновъ.

Надсадою ихъ луки свело.
Истомой колчаны заткнуло.
Или что тоже:
Отъ надсады не могутъ стрѣлять.
Отъ натуги и стрѣлъ вынимать.

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ перевелъ: къ чему въ полѣ безводномъ, при *кдѣ* ихъ, устремляешь на нихъ свои лучи.

Малиновскій въ черновомъ переводѣ: „Для чего въ полѣ безводномъ при *жаждѣ* опаляешь ихъ.

Въ первомъ изданіи: „Къ чему въ полѣ безводномъ, мучи ихъ *жаждою*, засушило ихъ луки.

Комментаторы:

Шишковъ: „Рѣчь сія изъ слова въ слово значитъ: лучъ твой въ полѣ безводномъ *жаждою* имъ луки сопрягъ; утомя жаждою, лишилъ ихъ способности употреблять лукъ свой и стрѣлы.

Пожарскій перевелъ: *жаждою* луки ихъ засушило.

Дубенскій: *жажда* здѣсь засуха; онъ перевелъ: „*засухою* нихъ луки согнуло;

Максимовичъ: „на що ти луки *смагою* звело, на що тугою тоскою ти ім тули затьагло".

Потебня привелъ лишь мѣсто „изъ Лаврентьевской Лѣт.: „изнемогли ся бяху безводьемъ, и кони и сами, въ знои и въ тузѣ, по три дни бо не пустили бяху ихъ къ водѣ"; значитъ подъ *жаждой* онъ разумѣетъ здѣсь жажду физическую.

Прозоровскій: Въ полѣ безводномъ ты *жаждою* спуталъ имъ луки.

Педагоги:

Малашевъ: „стянуло имъ луки отъ *жажды*.

Алябьевъ: *жаромъ* за чѣмъ луки покоробило.

Литераторы:

Бицинъ (Павловъ): въ степи безводной *жаждою* повело имъ луки.

Скульскій: Что же ты рать мила-друга злосчастную, *жаждою* въ степи истомило—пожгло?

Изъ поэтовъ приведемъ переводъ А. Майкова:

Жаждой ихъ томишь въ безводномъ полѣ;
Сушишь—гнешь не смоченые луки,

Жалобою (adverbium in litterali forma) жалостно, съ сочувствіемъ, съ соболѣзнованіемъ, печально, скорбно.

Въ народномъ пѣснотворчествѣ нерѣдко является нарѣчіе *жалобно*:

Дѣва не могла разбудить добра молодца

„И *жалобно* расплакалась (Тр. Этн. Отд. кн. III, 114).

Воскликать стану побѣдна *жалобнешенько* (Пр. С. кр. ч. I, стр. 241).

Кукушка горе-горькая:

„Она кукуетъ *жалобнёхонько* (ib. ч. II, 89).

„Соловей сталъ потихошеньку посвистывать
„Какъ орелъ да *жалобненько* выговаривать (ib. ч. I, 26).

„Отчего да вси цвѣточики поблекнули
„Во этой во рощицѣ зеленой?
„Али *жалобно* пекло да красно солнышко (ib. стр. 189).

Въ „Словѣ": уныша цвѣты жалобою, т.-е. печально, скорбно, съ соучастіемъ.

Достойно вниманія, что въ Кіевской лѣтописи *жалоба* (sicut substantivum) встрѣчается уже въ значеніи иска, челобитья (θρῆνος, κλαυθμός, lamentatio, querimonia); такъ подъ 1100 г. читаемъ: Володимеръ говоритъ Давыду Игоревичу: „ты еси прислалъ къ намъ: хочу, братья, прити к вамъ и пожаловатися своея обиды; да се еси пришелъ и сѣдишь с братьею своею на одиномъ коврѣ; то чему не жалуешься, до кого ти насъ *жалоба* (Лавр. стр. 264).

Жалость (nomin. sing. fem.).

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ XI—XIII вв. слово это отвѣчаетъ Греческому ζῆλος. Такъ въ Евангеліяхъ: жалость домоу твоего сънѣсть ма—ὁ ζῆλος τοῦ οἴκου σου (Іоан. II, 17). Въ Псалтыряхъ XII—XIII вв. истаяла ма есть жалость твоя — ὁ ζῆλος σου (Пс. CXVIII, 139).

Но то же самое Греческое ζῆλος и въ столь же древнихъ переводахъ передавалось и словомъ рьвеніе: ражьжеться акы огнь рьвеніе твое — ὁ ζῆλος σου (Пс. LXXVIII, 5). Въ Пандектахъ Ант. XI в.

также: порьвноунимъ рьвнинж жаихѣ — ζηλώσομεν τὸν ζῆλον (гл. 30, л. 31).

Точно также переведено ζῆλος въ Апостолахъ XII в. Охридскомъ и Слѣпченскомъ: яко рьвение бжие имоуть — ὅτι ζῆλον Θεοῦ ἔχουσιν. Въ толковомъ Синодальномъ Апостолѣ 1220 г. читается: раздражаю бо вы рьвениемъ бжиемъ — ζηλῶ ζήλῳ (Опис. Син. рук. II, стр. 149).

Въ Харатейномъ спискѣ Апостола 1309—1312 гг. той же библіотеки (№ 46) также стоитъ: рьвнини.

Въ Адріатисѣ XVI в. (Син. № 125, л. 117): доброволствы рвение к дшъ мало впадъ — ἀρετῆς ζῆλος εἰς ψυχὰς ὀλίγας ἐμπεσών.

Въ XIII в. въ одномъ Синодальномъ спискѣ Апостола (№ 45) ζῆλος передается словомъ реть: яко реть бжию имоу — ζῆλον.

Въ XIV в. въ спискѣ Гильфердинга встрѣчаемъ новую и оригинальную замѣну этого слова: ζῆλος переведено здѣсь: поборьствие по бзѣ (amor cultus divini).

Исторія переводовъ этого слова показываетъ, что за весьма не многими исключеніями*) въ большинствѣ ихъ греческое ζῆλος и славянское *жалость*, понимаются какъ *ревніе*, т.-е. не въ значеніи πένθος, угнетенія, скорби, но въ значеніи стремленія, вытекавшаго изъ сожалѣнія, дѣятельнаго порыва, напряженнаго желанія.

Мы видимъ, что соотвѣтственно такому значенію слова жалость, и глаголъ желѣти въ древнѣйшихъ переводахъ отвѣчалъ не только греческому πενθεῖν, но и θέλειν и ἐπιθυμεῖν; такъ въ Еванг. XII в. желѣньемь се въжделѣхъ — ἐπιθυμίᾳ ἐπεθύμησα; бѣ бо желая ѿ многа времени видѣти — ἦν γὰρ θέλων (Лук. XXIII, 8); въꙁлюби дша моя желѣти судебъ твоихъ — τοῦ ἐπιθυμῆσαι (Пс. XII в. псал. XCVIII, 20).

Но если въ переводахъ библейскихъ книгъ слово жалость есть amor cultus divini, то въ воинскихъ повѣствованіяхъ оно есть impetus belli — и вполнѣ соотвѣтствуетъ греческому πόθος. Приведемъ одно мѣсто изъ Греческой повѣсти о Дигенисѣ: πόθος ἀνῆψεν εἰς

*) Изъ Евангелій лишь въ Юрьевскомъ спискѣ ζῆλος переведено жалисть и въ одномъ Апостолѣ XV в. милость (Син. сп. № 47).

ἔμε τοῦ δοκιμάσαι ἐμαυτὸν ἐις θηριομαχίαν (V. 865), т.-е. привязалась ко мнѣ тоска искусить себя въ борьбѣ со звѣрями.

Въ лѣтописяхъ читаемъ: и *сжалися* о бывшемъ отъ Печенѣгъ *и собра вои* и прогна Печенѣгъ въ поле (Лавр. 66). Жалость какъ чувство бездѣятельное, какъ нравственное угнетеніе, доходящее до отчаянія (πένθος) въ дружинной средѣ считалось чувствомъ *поганскимъ*: „людемъ же видящимъ, яко отъ Татаръ зажженъ бысть градъ и вбѣжавшася въ мѣста лѣсна и тѣмъ не могоша сбиратися. Данилъ же сняся съ братомъ и тѣши и́ не имѣти *жели поганскы* (Ип. 195).

Такое же точно значеніе имѣлъ въ дружинной средѣ и глаголъ *тоснутися*. Мстиславъ Ростиславичъ всегда на великія дѣла *тъсняся* (подъ 1178 г.) всегда *тоснятется* умрети за Рускую землю (Ип. 120, 121); *тосняшется* на войну и т. п.

Такимъ образомъ не только *жалость*, но и *тоска* въ языкѣ литературно-повѣствовательной дружинной школы—являются не страдательнымъ чувствомъ, съ коимъ, по пословицѣ „моря не переѣдешь", а напротивъ силою стремительною и дѣятельною, вытекавшею изъ сожалѣнія.

Глубоко и истово жалѣетъ человѣка не тотъ, кто видя утопающаго, сидитъ на берегу и вздыхаетъ о немъ, но тотъ, кто въ ту же минуту за нимъ бросается и спасаетъ. Въ эпоху эпическаго настроенія общества чувство и воля дѣйствуютъ непосредственно и нераздѣльно и слова *жаль* и *жалость* выражаютъ не движенія только сердца, но и вызываемыя ими движенія воли. Вотъ почему мы видимъ, что слово *желѣти* въ Кіевской Руси получило даже нѣкоторое юридическое значеніе и вошло въ кругъ опредѣленій „Русской Правды". (См. изслѣд. о Р. Пр. Мрочекъ-Дроздовскаго, вып. II, стр. 161).

Въ „Словѣ" выраженіе *жалость*, какъ дѣятельное стремленіе, рвеніе, особенно умѣстно. Оно именно вытекало изъ тоски по Тмутаракани, которая нѣкогда была Русскимъ владѣніемъ и *поискать* которую было историческимъ завѣтомъ русскихъ князей. (См. поискати). Поэтому рвеніе искусить Дону со стороны Игоря весьма понятно.

Гонсіоровскій: вм. жалость читаетъ жадость (одного корня съ древне-болгарскимъ глаголомъ: жадати и тождественно съ Чешск. žadost, Польск. żądza—страсть, сильное желаніе) и замѣчаетъ: при

такомъ чтеніи не будетъ надобности навязывать слову *жалость* такія значенія, какихъ оно не имѣло и не имѣетъ ни въ одномъ изъ Славянскихъ нарѣчій. Тѣ ссылки на древніе памятники Русской литературы, которыя дѣлались въ видахъ уясненія этого мѣста, совершенно будто бы нейдутъ къ дѣлу и ничего не объясняютъ. Любопытно было бы, еслибы г. Гонсіоровскій указалъ намъ хотя одно мѣсто въ древнихъ памятникахъ, въ которомъ встрѣчалось бы Польское żądza или Чешское žadost. Можно встрѣтить слово жадание или жадъние, но никогда жадость.

Замѣтимъ еще, что при объясненіи даннаго слова сказалась и еще не такъ давно вся безпомощность Русской науки, обусловленная отсутствіемъ у насъ классическаго образованія. Головинъ, справедливо пользовавшійся наибольшимъ уваженіемъ среди другихъ комментаторовъ, встрѣтивъ слово *жалость* въ Евангеліи Іоанна (II, 17), за разъясненіемъ его долженъ былъ обратиться къ Французскому изданію новаго завѣта и привести текстъ: „Le zèle de votre maison me devore".

Жалощами (adverbium) жалостно. Въ той же формѣ встрѣчаемъ это слово въ повѣсти Флавія: украдоша бо ны тогда жалощами (л. 41) гдѣ читается также и „жалостно ѕраще (л. 235 об.). Ср. въ Еванг. XI — XII в. радощами: възыграся младьнецъ радощами — ἐν ἀγαλλιάσει (Лук. I, 44); въ повѣсти Флавія: вънилюще по кратомъ кыйцѣ радощами (л. 124); въ поученіи Мономаха: не розглядавше *лѣнощами* (Лавр. 237).

Жаль — жалко — ἔλεον, miseret me. Въ повѣсти Флавія читаемъ: всѣмъ бо иоудеомъ жаль бѣ по братоу — καὶ τὸν τῶν ὀρφανῶν ἔλεον ἐκ τοῦ ἔθνους. (См. выше, ч. I, стр. 266). Въ Лѣтописяхъ: *жаль* бо ны есть брата нашего (Ип. 31); *жаль* бо есть брата своего Игоря (ib. 38); *жаль* ми своея отчины (Новг. 31).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„*Жаль* тошнешенько мнѣ братца сдвуродимаго (Пр. С. кр. ч. I, 194).

„И тебя умной *жаль* надежноей сдержавушки (ib. ч. II, 104).

Въ живой народной рѣчи: *жаль* мо́лодца не бита не ранена; *жаль* мо́лодца похмѣльнаго.

Въ „Словѣ": *жаль бо ему мила брата Всеволода.* По словамъ лѣтописнаго сказанія о томъ же походѣ: Игорь видѣ брата своего Всеволода крѣпко борющася, и проси души своей смерти, яко да бы не видѣлъ паденія брата своего. Жаль бо ему мила брата Всеволода. *Жаль* его была *жаль* дѣятельная: *Игорь пльки заворочаетъ:*

Ждетъ (praes. 3 pers. sing. indicat.) отъ **ждати**.

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ глаголъ этотъ отвѣчаетъ Греческимъ:

1) μένειν, manere: такъ въ повѣсти Флавія: **что ждемъ или что страпемъ** (л. 152)—τί μένοιεν (Lib. V, c. 11, 4).

2) ἐκδέχεσθαι, expectare: **идѣже вси народи съкоупившеся ждоуть** (ib. 251)—πᾶν πλῆθος ἐξεδέχετο (Lib. VII, c. V, 2).

Въ Лѣтописяхъ: азъ сидѣлъ есмь, *жда* отъ тебя вѣсти (Ип. 148).

Въ лѣтописномъ сказаніи о походѣ Игоря: *жда* два дни брата (Всеволо́да).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ.

„Ужъ какъ я младешенька...
„*Ждала*-дожидалася
„Побуду раннево,
„Наряду потѣшнова;
„Не могла дождатися (Тр. Этн. Отд. кн. V, стр. 84).

„Ужь какъ я стану-то горюшица,
„И тебя *ждать* да дожидатися
„Я къ себѣ да въ дороги гости (Пр. С. кр. ч. II, стр. 88).

Въ живой народной рѣчи: „*Ждемъ* - пождемъ, а не то домой пойдемъ"; „пора спать, коли не кого *ждать*".

Въ „Словѣ": Игорь *ждетъ* мила брата Всеволода значитъ готовится къ встрѣчѣ, поджидаетъ.

Же—(conjunctio, quae retro ponitur).

Союзъ этотъ подобно греческой частицѣ δὲ, которой онъ отвѣчаетъ въ древнихъ Славянскихъ переводахъ, имѣетъ разныя значенія. Большею частію онъ служитъ для связи предложеній и замѣняетъ союзы: *а*, *да*, *и*; но иногда онъ отдѣляетъ одно предложеніе отъ другаго, указываетъ на независимость ихъ значеній и представляетъ такимъ образомъ каждое изъ нихъ въ индивидуальномъ свѣтѣ, и въ такомъ случаѣ онъ значитъ: *но нѣтъ*. Противопоставляя одно предложеніе другому, онъ всегда оттѣняетъ собою предложеніе второе—послѣдующее, какъ и греческая частица δὲ: ἤτοι μὲν κεφαλῇ καὶ μείζονες ἄλλοι ἔασιν, καλὸν δ' οὕτω ἐγὼν οὔπω ἴδον ὀφθαλ. ростомъ есть и выше другіе, но нѣтъ, столь прекраснаго собой я не видывалъ (Ил. III, 169).

Такъ и въ „Словѣ": Не лѣпо ли ны бяшеть, братіе, начати старыми словесы... начати *же* ся тъй пѣсни по былинамъ... а не по замышленью Бояню, т.-е. *но* быть той пѣснѣ—начинаться.

Тогда пущашеть ї соколовъ на стадо лебедей... Боянъ *же*, братіе не ї соколовъ пущащеть, т.-е. *но нѣтъ*, Боянъ не десять соколовъ пускалъ...

Кн. П. П. Вяземскій принималъ *же* въ значеніи „*какъ бы то ни было а*".

Желѣзныи (nomin. plur. masc.) желѣзныхъ (genet. plur. masc. antecedente praepositione отъ) желѣзны (accus. plur. antecedente praepositione къ) желѣзными (instrum. plur. masc.), отъ желѣзныи—σιδήρεος, ferreus.

Въ древнихъ переводныхъ памятникахъ слово это является въ значеніи.

1) сдѣланный изъ желѣза: ѹжї желѣзны съвязаноу соущю—ἁλύσεσι; пратызахоуся ѹжа желѣзна—τὰς ἁλύσεις (Марк. V, 3, 4, ср. Лук. VIII, 29); въ книгѣ Псалмовъ: ѹпасеши палицею желѣзною—τῇ ῥαυδῷ σιδηρᾷ (Пс. II, 9); оковы желѣзны (Пс. 149, 8).

2) въ значеніи крѣпкій, какъ желѣзо, могучій, сильный; такъ въ повѣсти Флавія: ѡ, желѣзнии! повергнте ѡружїе; приимите мѧть ѿ отецъ (л. 181) ὦ σιδήρειοι! ῥίψατε τὰς πανοπλίας (Lib. V, c. IX, 4).

Въ томъ и другомъ значеніи слово это читается и въ лѣтописяхъ:

1) желѣзнаа одѣаниа (Никон. сп. стр. 18; ср. лѣтоп. Манас: желѣзнаа одѣаниа л. 109).

2) „Новгородцы же сташа въ лице *желѣзному* полку" (И. Г. Р. пр. 127).

Точно также и въ народномъ пѣснотворчествѣ:

1) „Подломилася у меня ось *желѣзная*. (Рыбн. I стр. 216).
„И спущалъ золоту казну
„На ты на цѣпи на *желѣзныя* (ib. 216).

2) „У чужа сына отецкаго
„*Желѣзныя* рученьки. (Тр. Этн. Отд. кн. V, стр. 108).

Въ „Словѣ" въ томъ и другомъ значеніи:

1) „а самою опутоша въ путины *желѣзны*, т.-е. сдѣланныя изъ лѣза.

2) вытръже отъ *желѣзныхъ* плъковъ Половецкихъ—подперъ горы... *лѣзными* плъки; суть бо у наю *желѣзныи* папорзи. Во всѣхъ этихъ стахъ *желѣзный* значитъ крѣпкій, какъ желѣзо, могучій, сильный папорзи).

Пожарскій въ выраженіи „*желѣзный*" по обычаю видѣлъ польщу, указывая на Польское zelasny kon—сильный конь.

Жемчюжну (accus. sing. femin.) отъ **жемчюженъ** (adjectivum жемчюгъ). См. **женчюгъ**.

Въ народномъ пѣснотворчествѣ слово жемчужный является:

1) въ значеніи сдѣланный изъ жемчуга:

„Ужъ я этую *жемчужную* подвѣсточку,
„Положу да я на бладу ей головушку. (Пр. С. кр. ч. I, стр. 116).

2) *жемчугъ*—(subjectivum pro adjectivo) въ значеніи дорогой, доцѣнный, сокровище,—τίμιος, carus:

„Моя милая скаченая *жемчюжинка*
„Свѣтушко-братецъ родимой (ib. 88).
„И ты сердечное рожено мое дитятко,
„И моя милая скаченая жемчужинка. (ib. II, 189).

Въ „Словѣ": изрони *жемчужну* душу. „Если говорятъ, доброе слово въ жемчугѣ ходитъ" то думы и чувства геройской души—суть самыя драгоцѣнныя жемчужины. „Если дѣвичье терпѣнье жемчужно ожереліе", то храбрость падающихъ на бою—самое дорогое изъ жемчужныхъ ожерелій. Лишь геройская смерть въ дружинной средѣ считалась высочайшею доблестію и проявленіемъ истиннаго благородства великой души и лишь она одна дѣлала душу безсмертною; называя душу Изяслава, геройски умиравшаго на полѣ брани *жемчужною*, авторъ выражаетъ свое глубочайшее сочувствіе къ ней, какъ къ драгоцѣнному желанному сокровищу.

Жены (nomin. plur. femin.) отъ **жена**—γυνή, mulier—замужняя женщина.

Въ древнихъ переводныхъ памятникахъ XI—XIII вв. читаемъ: **бахоу же жены издалече зрящіа**—γυναῖκες (Мѳ. XXVII, 55), **жены иже и бьахоуса и плакахоуса** (Лук. XXIII, 27). Въ Панд. Антіоха XI в. **молахоу женж моѭ** (гл. 99, л. 215 об.). Въ книгѣ пророковъ: **кольно о себѣ и жены ихъ о себѣ**—αἱ γυναῖκες... καθ' ἑαυτάς (Зах. XII, 12).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„Вы злато-серебро по себѣ раздѣлите
„Вы скатны жемчуги по *женамъ* развѣсьте. (Чтен. 1870. кн. I, стр. 523).

Въ „Словѣ" *жены* Рускыя въсплакашась... а злата сребра ни мало потрепати; т.-е. *жены* дружинниковъ хозяйки домовъ оплакивали потерю ладъ, а вмѣстѣ съ ними и утрату семейнаго счастія и домашняго довольства.

Женчюгь (accus. sing. masc.)—отъ **женчюгъ** μαργαρίτης, margarita, unio.

Въ Сборникѣ XV в. (Арх. М. Ин. Д.) встрѣчаемъ выраженіе: **венецъ съ жемъчюгомъ**—διὰ μαργαριτῶν (Зап. И. Ак. Н. XXXIV, стр. 131). Въ церковномъ уставѣ читается **женчюгъ** (Син. библ. № 383; Описан. V, стр. 279).

Иногда впрочемъ Греческое *μαργαρίτης* передавалось и словомъ **бисеръ**, какъ напр. въ Святославовомъ Изборникѣ, 1073 г. **единъ би-**

ръ испадъ помыке — εἰς μαργαρίτης (Изд. Общ. Ист. и Др. стр. 18).

Въ лѣтописяхъ читаемъ: церковь святая Богородица златоверхая, украшенная была—„*женчюгомъ*" великимъ (Лавр. 372); Андрей Боголюбскій вкова въ икону св. Богородици... тридесятъ гривенъ золота, кромѣ серебра и *женчюга* (ib. стр. 329); сгорѣло соеудовъ серебряныхъ безъ числа и портъ, шитыхъ золотомъ и *женчюгомъ* (Ип. 127); въ описаніи церквей, устроенныхъ кн. Владиміромъ Васильковичемъ, упоминаются Евангелія, окованныя сребромъ съ *женчюгомъ* (ib. стр. 222) и платци, шитыя золотомъ съ *женчюгомъ* (ib. 223).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ весьма часто является:

Изнасажена была я скатнымъ *жемчюгомъ* (Пр. С. кр. ч. I, стр. 8).

Въ „Словѣ": сыпахуть... великый *женчюгъ* на лоно. Видѣть во снѣ жемчугъ, по толкованію сонниковъ—знакъ, что придется проливать обильные слезы, плакать горько.

Такое сближеніе слезъ съ жемчугомъ сказывается и въ Кіевской лѣтописи: „Бѣ видѣти слезы его, лежачи на скранью его, яко *жемчюжная зерна* (Ип. 95).

На ту же связь жемчуга съ слезами указываетъ и народная пѣсня:

„Ты раасыпься крупенъ *жемчугъ*
„Что по атласу да по бархату;
„Ты *расплачься* невѣстушка
„Передъ батюшкомъ стоячи.

Замѣтимъ что есть рѣчка которая называется: „*Жемчужная*" (Кн. Б. Черт. 184).

Жестоцемъ (local. sing. masc. antecedente praepositione въ) жестоцѣмъ (local. sing. antecedente praepositione на) отъ жестокыи— σκληρός, durus.

Въ древнихъ переводныхъ памятникахъ слово это читается не рѣдко: вѣмъ ѩко жестъкъ еси и жила желѣзна выѩ твоѩ—ὅτι σκληρὸς εἶ καὶ νεῦρον σιδηροῦν ὁ τράχηλός σου (Ис. XLVIII, 4, ср. Мѳ. XXV,

24; Дѣян. VII, 51). цари крѣпци и жестоци быша—ἰσχυροὶ καὶ σκληροὶ (2 Ездр. II, 27).

Въ Кіевской лѣтописи: „*жестокъ*" еси и шія желѣзна твоя (Лавр. 164).

Въ „Словѣ" *жестокій*—въ значеніи: упругій, крѣпкій, не поддающій гибкости и ломкости, (сердца въ жестоцѣмъ харалузѣ скована) и въ значеніи мужественный, сильный могучій: (утру кровавыя раны на *жестоцѣмъ* его тѣлѣ) сравн. желѣзный. О мужествѣ тѣлесномъ ст. подъ словомъ дръзъ.

Живы (accus. plur. fem. antecedente praepositione на), живыми (instr. plur.) отъ живыи—ζῶν, vivens.

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ XI—XIII вв. читаемъ: ты бо просила оу него и далъ ти водоу живоу—ὕδωρ ζῶν (Ioan. IV, 10); рѣкы ѿ чрева его истекоуть воды живи—ὕδατος ζῶντος (ib. VII, 38).

Въ лѣтописяхъ;

И рече Вышата, аще *живъ* буду, то съ ними (Лавр. 150); и князя своего *живаго* вѣдяче (Ип. 64); въ посланіи Мономаха: Сего яша единаго *живаго* (Лавр. 240); уже *живы* пожерли ны быша (ib. 233); а самы князи Богъ *живы* въ руцѣ дава (ib. 242); конь диких своима рукама связалъ есмь... 20 *живыхъ* конь (ib. 242); а *живъ* и иду изъ своеѣ волости (ib. 292); не бити намъ *живымъ* отъ тѣх (ib. 173).

Въ словахъ богатырскихъ:

„Есть-то *живъ* Добрынюшка Никитиничъ (Рыбн. III, 16

„Только Дунай и *живъ* бывалъ (ib. I, стр. 102).

„Принеси мнѣ *живой* воды,
„Оживить мнѣ молода жена (ib. I, 219).

Отсюда видно, что слово *живый*, по употребленію его какъ въ переводныхъ памятникахъ, такъ и въ народномъ пѣснотворчествѣ, значитъ: „обладающій жизнію, духовною силою, въ противоположно

предметамъ неодушевленнымъ, безжизненнымъ; но оно переносится и на эти послѣднія, когда имъ уподобляются живыя существа или же когда съ ними связываются явленія, свойственныя лишь живымъ разумнымъ существамъ.

Авторъ „Слова" точно также струны (νεῦροι) Бояна назвалъ *живыми*, такъ какъ онѣ, подъ его вѣщими перстами, словно *живыя*, словно *живымъ* языкомъ человѣческимъ, славу князьямъ выговаривали.

Уподобляя героевъ-сыновъ Глѣбовыхъ, коими располагалъ Вел. кн. Всеволодъ, убійственнымъ шерeширамъ, онъ естественно переноситъ epithetum *живый* и на эти послѣдніе.

Мусинъ-Пушкинъ—*живыми* въ данномъ мѣстѣ опустилъ въ своемъ переводѣ.

Пожарскій замѣтилъ, что *живый* будто бы въ польскомъ языкѣ значитъ рѣзкій, острый.

ЖИВОТА (genet. sing. masc.), **ЖИВОТЪ** (accus. sing.) отъ **животъ**—ζωή, vita, органическое существованіе, бытіе въ союзѣ души и тѣла.

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ XI—XIII вв., читаемъ: лѣто живота нашего сконучаемъ—χρόνον τῆς ζωῆς (Панд. Ант. XI в. л. 2); тѣсенъ поуть въводяи въ животъ—εἰς τὴν ζωήν (Мѳ. VII, 4). Въ церковныхъ эктеніяхъ весьма чисто повторяется: весь животъ нашъ Христоу Богу предадимъ—πᾶσην ζωήν.

Въ произведеніяхъ литературно-повѣствовательной дружинной школы слово это связывается въ томъ же смыслѣ; такъ въ лѣтописяхъ: „наши думаша: оже дамы симъ (Половцамъ) *животъ* (Лавр. стр. 341); тако злѣ испроверже *животъ* свой Итларь (ib. 220). Въ житіи Антонія Печерскаго говорится, что онъ „ископа пещеру, въ ней же скончa *животъ* свой.

Въ народныхъ пословицахъ: „Далъ Богъ *животъ*, дастъ и здоровье"; смерть *живота* не любитъ; либо смерть, либо *животъ*; всякій *животъ* боится смерти.

Но въ современномъ народномъ языкѣ слово это весьма часто употребляется и въ значеніи *живности*, домашняго скота: „весь *животъ* прахъ возьми"; безъ *живота* тягла не потянешь; на вѣтеръ *животовъ* не напасешься.

Достойно вниманія, что авторъ „Слова", характеризуя нравственное состояніе Всеволода во время втораго боя именно тѣмъ, что онъ въ эти минуты забылъ все дорогое на свѣтѣ, на первомъ планѣ поставилъ *честь*, а потомъ уже *животъ*—черта самая характерная для Кіевской дружинной Руси.

Уподобляя битву на Немигѣ молотьбѣ, онъ замѣчаетъ, что на токѣ *животъ* кладутъ, т.-е. сгребають ворохъ жизней (См. кладутъ) Татищевъ лѣтописное животъ переводилъ словомъ *духъ* (Росс. Ист. 154).

Жизнь (nomin. sing. fem.) **жизни** (accus. sing. antecedente praepositione на).

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ XI—XIII вв. встрѣчаемъ слово житье въ соотвѣтствіи Греческому βίος, victus, достатокъ: имущество, все добытое жизнію. Такъ напр. въ Евангеліяхъ читаемъ, **вси бо ѿ избытка своего въвьргоша. а си (вдовица) все елико имаше. въвьрже все житье свое**—ὅλον τὸν βίον αὐτῆς (Марк. XII, 44; ср. Лук. XXI, 4).

Въ этомъ же самомъ смыслѣ читается слово *жизнь* въ повѣсти Флавія:

Веспасіанъ Антіоху „дасть **жизнь црьскую и пребытье обильное** (л. 264).

Что дружинное понятіе *жизни*—вполнѣ отвѣчало Греческому βίος, это ясно изъ свидѣтельствъ Кіевской лѣтописи. Выше мы отмѣтили уже нѣсколько подобныхъ указаній (см. ч. I, стр. 369); здѣсь же восполнимъ ихъ новыми свидѣтельствами: „Святославъ Всеволодичь „пріѣха къ Изяславу, поча-ся у него просити, река: отче! пусти мя Чернигову напередъ, тамо ми *жизнь* вся у брату моего (Ип. стр. 31). Изяславъ Мстиславичъ говорилъ: „азъ же съ вама Святослава прогналъ, а волость есмь вамъ изыскалъ.... а *жизнь* его есмы взяли (ib. 32); Изяславъ, совокупивъ всю силу, пришелъ къ Чернигову противъ Ольговичей „и позже вся села ихъ.... и нача Изяславъ молвити: се есмы села ихъ пожгли вся, и *жизнь* ихъ всю, а они къ намъ не выйдуть; а пойдемъ къ Любчю, идѣ же ихъ есть вся *жизнь* (ib. 37); Изяславъ, пришедъ опять къ Чернигову, ставъ на Олговѣ полѣ, ту

села наша пожгли и всю *жизнь* нашу повоевали (ib. 38); Изяславъ же рече дружинѣ своей: вы есте по мнѣ изъ Русіе земли вышли, своихъ селъ и своихъ *жизней* лишився, а азъ паки.... любо голову свою сложу, паки ли отчину свою налезу и *жизнь* всю (ib. 54). Рогвольдъ... поемъ полкъ Святославль, занe не сотвориша ему милости братья его, вземмше волость его и *жизнь* его всю (ib. 82); Полочане чрезъ пословъ говорили Рогволоду: княже! съгрѣшили есмы къ Богу и къ тобѣ, оже встахомъ на тя безъ вины и *жизнь* твою всю разграбихомъ и твоея дружины (ib. 83). Святославъ къ Давыдовичемъ рекы „брата моя! Се еста землю мою повоевали и стада моя и брата моего заяли и жита пожгли и всю *жизнь* погубили еста (подъ 1146 г.). Даніилъ Галицкій, созидая градецъ церковный, нача призывати прихожаѣ Нѣмцѣ и Русь, иноязычники и Ляхы: идяху день и во день; и уноты и мастерѣ всяціи... сѣдѣльници и лучники и тулѣшници и кузнецѣ желѣзу и мѣди и серебру и бѣ *жизнь* и наполниша дворы окрестъ града поля и села (Ип. 196). Въ этомъ послѣднемъ случаѣ подъ жизнію разумѣется, очевидно рабочій людъ, промысловыя руки и все потребное для работъ.

Въ „Словѣ: погибашеть *жизнь* Дажь-божа внука, т.-е. имущество, достоянье.

Начасте наводити поганыя на *жизнь* Всеславлю, т.-е. достояніе Всеславово, какимъ было Полоцкое княжество.

Мусинъ-Пушкинъ и Малиновскій въ первомъ случаѣ слово *жизнь* опустили въ своихъ переводахъ, выражаясь такъ: „была гибель Дажь-боживымъ внукамъ; въ послѣднемъ слово жизнь удерживали, не объясняя, что оно значитъ.

Дубенскій полагалъ, что подъ жизнію Дажь-божья внука разумѣются единомышленики—Олегъ вмѣстѣ съ союзными Половцами; т.е. погибали они сами на ряду съ дѣтьми бѣсовскими.

Большая часть другихъ комментаторовъ и переводчиковъ не правильно подъ словомъ *жизнь* разумѣли ζωή, vita, что выражается здѣсь словомъ *животъ*.

Жирна (nomin. sing. fem.), **жирны** (accus. plur. neutr.) отъ жренъ (adjectivum отъ жиръ). См. жиръ.

Въ „Словѣ: „печаль *жирна* тече“. Ср. народное выраженіе: *жирная* вода, т.-е. разливъ, половодье; текла печаль, словно рѣка половодная.

„Убуди *жирня* времена. Ср. народное выраженіе: „до-сюль *жирное* времячко было, (т.-е. заживное во дворахъ, поляхъ и лугахъ, морахъ и озерахъ) а нонь подъ обидою. (Сообщ. Касьяновъ). Если такія времена пробудила своимъ плесканіемъ Дѣва-*Обида*, то само собою понятно, что онѣ могли быть *жирны* только *обидою*, скорбями и бѣдами. Это были времена заживныя лишь для горя; это былъ такъ сказать, праздникъ на улицѣ Дѣвы-Обиды. См. жиръ.

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ: жирныя времена перевелъ „времена *богатыя*, но это не вяжется съ послѣдующимъ: „престали князи воевать на поганыхъ“.

Малиновскій: въ черновомъ переводѣ: „времена тяжкія; тотъ же переводъ удержалъ онъ и въ первомъ изданіи—переводъ близкій къ подлиннику, хотя *жирный* никогда не значитъ тяжкій.

Комментаторы:

Шишковъ: „Рѣчь сія есть особая, не принадлежащая будто бы къ предъидущей—не относящаяся къ слову *обида*, а потому и не значитъ: *разбудила тяжкія времена*, какъ сказано въ преложеніи; но значитъ *прекратились благополучныя времена*. Прилагательное *жирныя* означаетъ благополучныя, изобильныя, а не тяжкія времена. *Убуди жирныя времена* значитъ „миновали златые дни“. Но такое толкованіе основано на произвольномъ и совершенно не вѣрномъ пониманіи слова: *убуди* (См. слово ѵбуди).

Пожарскій: „Польское прилагательное żyrny означаетъ и *тучный* и *всепожирающій*, и на этомъ основаніи жирныя времена онъ перевелъ: „*убивственныя времена*“.

Грамматинъ: „я согласенъ съ Шишковымъ, что здѣсь разумѣются времена благополучныя, изобильныя, такъ какъ *жирная земля* земля удобренная, а не худая. Здѣсь времена одушевлены: они спали но обида ихъ разбудила, т.-е. благополучныя времена прошли, а настали времена бѣдственныя.

Толкованіе, какъ видитъ читатель, хитрое и натянутое, но авторъ близокъ къ подлинному смыслу текста.

Снегиревъ: *жирный* здѣсь тоже, что въ Судѣ Любуши *žirne lasti*.

Эрдманъ: *жирный* совѣтъ въ Арабскомъ языкѣ означаетъ полезный, здравый совѣтъ; *жирная* жизнь пріятная жизнь; *жирная* побѣда—блистательная побѣда.

Дубенскій: „*Жирное время*, кажется, время самоуправства, насилія: обида убудила, возвратила назадъ времена самоуправства или право сильнаго, — власть всепожирающую, а потому „*жирныя времена*" онъ перевелъ: „*времена насилія*". Но *убудить* никогда не значитъ *возвратить* назадъ и *жирный* не значитъ *насильный*, самоуправный.

Бодянскій: *жирныя* времена—богатыя времена славы и величія.

Буслаевъ: „пробудила богатыя обильныя времена".

Кн. П. П. Вяземскій: *Жирныя времена*—времена обильныя несчастіями. На нашъ взглядъ этотъ переводъ самый удачный.

Веселовскій А. Н. *Обида*, die mit ihren schwanenflügeln.. plätschert, das andenken an jene glücklichen zeiten erheuernd, als die fürsten noch einig und gegen die feinde siegreich waren".

Огоновскій замѣчаетъ, что слово *жирный* будтобы значитъ еще *тяжкій* и отвѣчаетъ нѣмецкому: unheilschwanger.

Миллеръ Вс. „*жирныя времена*—время довольства и богатства, время мира, когда можно жить спокойно и копить жизненныя средства. Въ это время покоя, страна представляется поэту какъ бы спящею тихимъ сномъ. Но вотъ настала гибельная война; обида въ видѣ дѣвы встрепенулась и восплескала крыльями на синемъ морѣ. Она встревожила мирный сонъ людей разбудила времена довольства". Остроумно, но хитро и натянуто.

Потебня: „обида есть лихая доля и потому ей пристало бы не будить счастливыя времена, какъ переводятъ Буслаевъ и др., а усыплять ихъ. Ни на чемъ будто бы не основано и мнѣніе Вяземскаго, что жирныя времена—это времена обильныя *несчастіями*. „Если Дѣва-обида—лихая доля и явилась на землю Трояна и всполоскалась на

морѣ лебединымъ крыльемъ, чтобы взволновать и разлить горе между людьми, то нужно быть уже завзятымъ и строгимъ грамматикомъ, чтобы не видѣть, что пробужденныя ею обильныя (жирныя) времена суть времена обильныя именно *горемъ, несчастіями*. Вся недостаточность основаній для такого пониманія сводится лишь на томъ, что въ выраженіи *жирныя* времена авторъ не прибавилъ словъ *обидою, бѣдою* или т. под.

Но творческій языкъ XII в., рисующій картины, свободенъ отъ современнаго намъ многословія, гдѣ картина говоритъ сама за себя — и противное пониманіе ея разрушаетъ самую картину. Г. Потебня предпочитаетъ читать: *упуди жирныя* времена, т.-е. обида у Дону, плескомъ лебединыхъ крыльевъ, прогнала счастливыя времена. Не говоря уже о произвольности такого чтенія, замѣтимъ, что появленіе дѣвы-обиды стоитъ въ глубочайшей связи со всѣмъ послѣдующимъ—съ тѣми дѣйствіями, которыя затѣмъ описываются. Она появилась, всхробысталась въ морѣ, всплескала лебединымъ крыльемъ—не за тѣмъ, чтобы прогнать *„счастливыя времена"*, но прямо за тѣмъ, чтобы взбудоражить и разлить на Руси горе. Мысль о прогнаніи „счастливыхъ временъ" есть мысль отвлеченная, искусственная, нарушающая непосредственность между причиной и явленіемъ и потому лишняя.

Прозоровскій: времена *жирныя*=тягостныя, невыносимыя, плачевныя времена; перевелъ—грустныя времена. Основаніемъ для такого пониманія и перевода выставляется лишь то, что слова *жирно, жиръ* употребляются въ поэмѣ при обстоятельствахъ печальныхъ.

Педагоги:

Малашевъ: обида, возставшая среди Русскаго войска—пробудила въ памяти, заставила вспомнить *жирна* времена, т.-е. лучшія времена, времена довольства въ то время, когда на Руси настала година невеселая.

Кораблевъ: Возстала обида..... вспомнились *времена лютыя*...

Алябьевъ: обида.... про старое, время доброе (жирна времена) напомнила.

Литераторы:

Павловъ (Бицинъ): „а вѣщутъ.... возвѣстилъ широко-раздольныя времена.

Скульскій: филинъ окаянный крыльями захлопалъ, радостно вѣщая всѣмъ злодѣямъ нашимъ, что теперь на долго ихъ пора настала.

Поэты:

Мей: Залегла обида горькая. ..
Пробудила *время смутное.*

Гербель: Возстала обида кровная....
Пробудила *время тяжкое.*

Майковъ: „О годахъ *счастливыхъ* поминала“.

Жиръ (accus. sing. masc.) **отъ жиръ.**

Въ древнихъ переводныхъ памятникахъ слово это отвѣчаетъ реческимъ:

1) νομή, pastus—кормъ, пажить; въ Пандектахъ Антіоха XI в. таемъ: **гангрена жиръ обраштеть**—νομὴν εὑρίσκει (гл. 40, л. 90); въ игѣ Пророковъ: **на жироу благѣ напасѫ ѩ** — ἐν νομῇ ἀγαθῇ (Іез. XXIV, 14).

2) Но что для насъ особенно важно, въ „Житіи Андрея Царе·адскаго читается слово **жирами**, въ соотвѣтствіи Греческому βίος, :tus — житье - бытье и самая зажиточность: **на семъ свѣтѣ въ нашеи рацѣ** — εἰς τὸν βίον ἡμέτερον (Зап. И. А. Н. т. XXXIV, кн. 2, р. 169).

Въ лѣтописяхъ выражается то же самое глаголомъ *жировати:* не смѣяху людье *жировати* въ домѣхъ, но по полю живяхуть овг. І, подъ 1194 г.). „Иде въ Суждальскую землю и со всѣмъ имъ *житьемъ* (Лавр. 461).

Въ Словахъ богатырскихъ:

Соловей Будиміровичъ говоритъ князю Владиміру: „въ Кіевъ

„Пріѣхалъ я на *жиру жить*,
„Позволь-ко мнѣ мѣстечка не сомнощечно,
„Построить три терема хорошіе. (Рыбн. IV, стр. 58).

Въ Причитаніяхъ:

„Ваша думушка, родители, часовая,
„Моя *жирушка,* родители, вѣковая (Пр. С. кр. ч. III, 4).

„И какъ приду да въ домъ крестьянскую во *жирушку* (ib стр. 29).

„Воспокинуть вся крестьянска надо *жирушка* (ib. ч. I, 147).

Въ чемъ именно состоитъ крестьянскій *жиръ* или *жирушка*, это также видно изъ того же народнаго пѣснотворчества:

Жира—заживность, домовитость, хозяйство, домъ со всѣми животами и имуществомъ.

Злодѣй—большій сватъ—
Онъ хвалилъ-нахваливалъ
Чужу-дальную сторону:
— У чужа чужанина
— *Житью жира добрая*,
— Будто чаша полная:
— Много хлѣба стоялаго,
— Много денегъ лежалыхъ—
— Много платья цвѣтнаго—
— Грядки изнавѣшены;
— У чужаго чужанина—
— Много скота рогатаго
— И семья совѣтная;
— Поля—што скатерти,
— Лугова—што скачены;
Его дворъ колесатой—во 500 рублей,
Его скитня улица
Сто́итъ въ цѣлу тысячу.
Не сдавайся, батюшко,
На зла свата большаго:
Онъ хвалилъ—нахваливалъ,
Говорилъ—обманывалъ,
Все облыжно сказывалъ.

„У чужа чужанина
„*Житью—жира ровная*:
„Нѣтъ хлѣба стоялаго,
„Нѣтъ денегъ лежалыихъ,
„Мало платья цвѣтнаго
„И скота рогатаго—
„И семья-то не совѣтная
„Поля—горбоватыя,
„Пашни—холмоватыя (Тр. Этн. Отд. кн. V, стр. 85).

Жиры различаются: есть жира прокладная — житье-бытье привольное, которое изображается напр. въ слѣдующихъ чертахъ:

...Этому молодцу
На житье на бытье, на богачество
Полтораста быковъ и полтретья быковъ:
Они по пойлу идутъ—помыкиваютъ,
Съ пойлы идутъ—поигрываютъ.
Дай Богъ господину (Петру Савичу)
На *житье*—на *бытье* и на богачество (Тр. Этн. Отд. кн. V, стр. 150).

„Ты въ прохладной живешь да видно *жирушкѣ* (Пр. С. кр. ч. I, 9).

Но гдѣ нѣтъ такого довольства, гдѣ одна лишь маёта изъ-за куска хлѣба, такая *жира* называется сколотною и маэтною:

„Во маётной во сколотной живу *жирушкѣ*
„Въ безпокойномъ горемычноемъ житеньицѣ...
„Расплачусь я, побѣдна, разобидуюсь
„Объ своей да о безсчастной я о *жирушкѣ*...
Та и другая *жира*—удѣлъ *судьбы*.
„И на роду мнѣ-ка, горюшѣ, знать, уписано
„И на дѣлу мнѣ-ка, горюшѣ, доставалося
„Ужъ какъ это зло великое безсчастьице.

Такимъ образомъ *жиръ* значитъ то же, что жизнь (см. жизнь) ιος, victus, все, что нажито, въ силу своей судьбы и счастія. Об-

разное выраженіе въ „Словѣ": погрузи жиръ въ Каялѣ рѣцѣ можетъ означать не только то, что все нажитое погибло, но, быть можетъ, вполнѣ отвѣчаетъ народному:

„Мое *счастье* въ синемъ морѣ утонуло все (Прич. С. ц. ч. I, стр. 266).

Замѣтимъ, что было въ дружинной Руси и собственное им. связанное съ этимъ словомъ: *Жирославъ*—Галицкій бояринъ (Ип. 165).

Первые издатели Мусинъ-Пушкинъ и Малиновскій подъ словомъ *жиръ* разумѣли силу, т. е., вѣроятно, войско Игорево.

Шишковъ: *жиръ* значитъ здѣсь все, что Игорь взялъ съ собою добраго изъ Россіи.

Пожарскій: слово *жиръ* означаетъ: крѣпость, могущество (и Польск. яз. żyr, żer и żernosć означаетъ тучность и посильность, подкрѣпленіе).

Дубенскій слѣдовалъ въ своемъ переводѣ первымъ издателямъ.

Максимовичъ: *жиръ*—золото и русское добро.

Малашевъ: „богатство".

Павловъ (Бицинъ): „все доброе".

Алябьевъ: много добраго.

Скульскій: злато русское.

Прозоровскій: добро.

Тихонравовъ: богатство, изобиліе, избытокъ.

Потебня: *жиръ* здѣсь не жизнь, или богатство, но счастье, доля.

Мей слѣдовалъ первымъ издателямъ.

Майковъ также: жиръ=рать, сила.

Жлѧ (или точнѣе **жьлѧ—желѧ**, nomin. sing. fem.) — πένθος luctus.

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ нерѣдко является это слово: **дніе желѧ**—*αἱ ἡμέραι τοῦ πένθος* (Быт. L, 3) **желѧ велика**—*πένθος μέγα* (ib. 11; Опис. Син. библ. ч. I, 15) **желею**—*μετὰ πένθους* (Вар. IV, 23).

Въ повѣсти Флавія: и погребоша и (Феррору) въ Іерусалимъ и съ

ѣда (Иродъ) всѣмъ людемъ желю (л. 19) — τὸν γὲ μὴν νεκρὸν εἰς ροσόλυμα κομίσας, πένθος τε μέγιστον... κατήγγειλε (Lib. I, c. XXIX, 4).

Въ Кіевскомъ лѣтописномъ сказаніи о походѣ Игоря (П. С. Р. II, 129—134): и тако: въ день Воскресенья Христова... въ радо- и мѣсто (Господь) наведе на ны плачъ и во веселья мѣсто *желю* рѣцѣ Каялы.

Въ „Словѣ": и *жьля* поскочи по Руской землѣ, смагу мычучи".

Разъ дознавшись, что *смага*, которую разносила *желя* по Русой землѣ, есть пепелъ (см. смага), мы полагаемъ, что въ данномъ стѣ отражаются черты языческаго погребальнаго ритуала и какъ *рина* есть вопленница, жрица смерти, кличущая плачъ побѣдный, къ желя есть вѣстница мертвыхъ, разносящая вѣсть и погребальный пелъ о павшемъ Игоревомъ войскѣ. Вопленица вступала въ свои ава тотчасъ же по смерти покойника, *желя* же заканчивала побальный ритуалъ, разнося сѣтованіе по роднымъ и знакомымъ, ѣстѣ съ погребальнымъ пепломъ. Какъ первая до нынѣ во многихъ стахъ зовется *вытея*, *вытница*, такъ послѣдняя *желтя*, *жальница*. назначеніе ея указываетъ пословица: „не мила *гостья желтя*, а юта на-стежъ". (Даль) Миссія этой *желеи* прекрасно изображена изданныхъ нами погребальныхъ плачахъ:

„Взвѣщевало зло-ретливое сердечушко
„Мнѣ сказало про великую незгодушку.

. . . .

„Изъ за горушекъ теперь было высокіихъ
„И съ за темныхъ изъ-за лѣсушекъ дремучіихъ
„Эта малая тропинка устилается,
„Знаменуетъ человѣкъ да поспѣшается

. . . .

„Отворила какъ дверь да тутъ дубовую,
„Увидѣла сусѣдку спорядовую;
„Ужъ я такъ—вдругъ испугалася,
„Въ лицѣ кровь вся помѣшалася;
„Пораздумалась печальнымъ умомъ-разумомъ
„Што-не сбылось на родимой моей родинкѣ.

. . . .

„Супротивъ сѣла побѣдна я головушка,
„Тутъ спросила спорядовую сусѣдушку:
„По завѣту ли идешь Богу молитися,
„Съ какой ли пришла вѣсточкой ты съ радостной?

Отвѣчала тутъ спорядная сусѣдушка:

— Хоть ближняя, голубушко, родимая,
— Ужъ я гостьицей буду не любимой;
— Разсказать тебѣ, подруженько, не смію,
— Огрубить тобя мнѣ бы не хотѣлося:
— Свѣтушко—братецъ родимой
— Приказать долго жить, много кланяться.
„По покоямъ бѣдна стала я похаживать,
„Тосковать стала, горюша, слезно плакать (Пр. С. кр. ч. I, стр. 142—145).

Вѣстница смерти не забывается и на свадьбахъ сироты-невѣсты, причемъ она рисуется здѣсь въ образѣ палачей — гонцевъ съ того свѣта.

„На чистомъ полѣ не туманъ занимался,
„На красномъ крылечкѣ не громы загремѣли,
„На вѣтляной повѣточкѣ громко заговорили.
„Откуда палачи напали да гонцы нагонили?
„Гонцы эти нагонены да изъ сырой земли матери,
„Они правятъ челобитную отъ дѣдушки, отъ бабушки,
„Да отъ умершіихъ родителей (Тр. Этн. Отд. кн. 5, стр. 107).

Желя, какъ и *вытея* въ языческую эпоху были, безъ сомнѣнія, священными особами языческаго погребальнаго ритуала; въ своихъ лицахъ они представляли лишь тѣ миѳологическія существа, которыя воплощали въ себѣ языческія понятія злой судьбы; какъ *вытея* (см. карина) выражала ликованіе Дѣвы-Обиды, смерти, такъ *желя* является неизбѣжной ея спутницей, посланницей, вѣстницей мертвыхъ. Въ этомъ отношеніи не лишенъ значенія переводъ въ хроникѣ Малалы

Греческаго выраженія: τραγικοὺς χοροὺς· желми' лики ...синса (Калайд. Іоан. Экз. Вост.).

Въ „Словѣ": подъ образомъ *жели*—разумѣется именно миѳологическій ликъ вѣстницы мертвыхъ, спутницы Дѣвы-Обиды.

Замѣтимъ, что въ Русской потамологіи извѣстна рѣка *Желенъ*: „а въ рѣку Свапу, отъ верховья верстъ двадцать, пала рѣчка *Желенъ*" (Кн. Б. Черт. стр. 90).

Что разумѣли подъ *желею* въ Словѣ, начиная съ первыхъ издателей, предшествовавшіе комментаторы см. о томъ выше, т. II, стр. 207—210).

Жрѣбїи (instr. plur. masc.), **жрѣбїй** (accus. sing.) отъ **жрѣбїи**—κλῆρος, sors.

Выраженіе „вергать или метать *жребій*" весьма не рѣдко чичается въ древнѣйшихъ славяно-русскихъ переводахъ: раздѣлїша рїзы его. меташа жребьѧ о нѧ—βάλλοντες κλῆρον (Марк. XV, 24; Лук. XXIII. 34) въ же хитонъ несшьвынъ.. рѣша же къ собѣ.. мещѣмъ жребьѧ о нь. комоу боудеть (Іоан. XIX, 23—24) и тъи въвржеть жребиѧ—ἐπιβαλεῖ κλήρους (Ис. XXXIV, 17) о їерслмѣ връгоша жребии (Авд. I, 4); раздѣлиша ризы.. въвьргъше жребьѧ (Мѳ. XXVII, 35).

Въ огласительныхъ поученіяхъ Кирилла Іерусалимскаго XII—XIII вв. и о котыхъ жрѣбиѧ въврьгъша (Син. библ. № 114, л. 155), *жребій* служитъ выраженіемъ судьбы, которая судитъ и *рядитъ*, а потому Греческое κλῆρος переводилось и словомъ радь; такъ въ Карпин. Апостолѣ XIII—XIV вв. (Дѣян. I, 17).

Въ произведеніяхъ Кіевской литературно-повѣствовательной дружинной школы выраженіе это также является не рѣдко. „И рѣша старци и боляре: *мечемъ жребій* на отрока и дѣвицю; на него же падетъ, того зарѣжемъ богомъ (Лавр. стр. 80).

При рѣшеніи дѣлъ церковныхъ—жребій также служилъ рѣшающимъ голосомъ. Когда возникъ споръ между князьями, гдѣ поставить раку новоявленныхъ Бориса и Глѣба, митрополитъ съ соборомъ епископовъ предложилъ метнуть жребій „да гдѣ изволита мученика, ту я поставимъ". „И положи Володимеръ свой *жребей* (онъ хотѣлъ поставить раку посреди церкви), а Давыдъ и Олегъ—свой на святой

трапезѣ и вынася *жребей* Давыдовъ и Ольговъ, и поставиша я въ комару, гдѣ нынѣ лежита". Извѣстно также, что *жеребей* не рѣдко употреблялся при выборѣ новгородскаго владыки: „положимъ три жребія, да который Богъ дасть намъ; и положиша на святѣй трапезѣ, имена написавше... изволи Богъ служителя собѣ и пастуха... Новугороду—и выяся Спиридонъ (Новг. стр. 45).

Но если въ христіанскую эпоху жребій служилъ выраженіемъ воли Божьей, то въ языческую онъ служилъ рѣшающимъ голосомъ именно судьбы, правящей жизнію и дѣлами человѣческими. Въ „Словахъ" богатырскихъ весьма характерно изображается такое значеніе жребія.

Князь Романъ Митревичъ
„Собиралъ онъ силы девять тысячей,
„Самъ говорилъ таково слово:
— Ай же вы, дружинушка хоробрая!
— Дѣлайте дѣло повелѣное,
— Рѣжьте *жеребья* липовы,
— Кидайте на рѣку на Смородину,
— Всякъ на своемъ жеребьѣ подписывай.
„Дѣлали дѣло повелѣное,
„Рѣзали *жеребья* липовы
„Кидали на рѣку на Смородину,
„Всякъ на своемъ *жеребьѣ* подписывалъ.
„Которой силы убиты быть,
„Тыи *жеребія* каменемъ ко дну;
„Которой силы быть изранены
„Тыи *жеребья* противъ быстрины пошли,
„Которой силы быть не ранены,
„Тыи *жеребья* по воды пошли.
„Вставалъ князь Романъ Митріевичъ,
„Самъ говорилъ таковы слова:
— Который *жеребья* каменемъ ко дну,
— Тая сила будетъ убитая;
— Которы *жеребья* противъ быстрины пошли,

— Тая сила будетъ поранена;
— Которы *жеребья* по воды пошли,
— Та сила будетъ здравая.
— Не надобно мнѣ силы девять тысячей
— А надобно столько три тысячи. (Рыбн. I, стр. 426).

Въ народныхъ пословицахъ жребій отождествляется съ судьбою: Каждому, говорятъ, свой *жребій*; отъ *жребія* не уйдешь; *жребій*—удъ Божій (Даль). Та же самая мысль выражена еще Гораціемъ:

„Omnes eodem cogimur: omnium
„Versatur urna serius, ocius
„Sors exitura. (Од. III, 2; Ждан. къ лит. ист. был. п. 226).

Бракъ и смерть въ народномъ пѣснотворчествѣ одинаково тракуются *судомъ Божьимъ* и изъ этого именно представленія возникли сѣ гаданія о *суженомъ-ряженомъ*. Въ Македоніи гадающіе донынѣ знаютъ свою судьбу посредствомъ жребіевъ, которые каждый изъ гаающихъ бросаетъ въ сосудъ съ водою (см. Μακεδονικά ἤτοι νεώτερα λληνικά ἤτοι ἐν Μακεδόνια ἔθη ἐν σχέσει πρὸς τὰ ἀρχαῖα, ὑπὸ Ἰωάννου Ιιχαήλ). Есть также повѣрье, что тамъ невѣста, куда стрѣла падетъ Аѳан. Воззр. Сл. на пр. т. I, стр. 462).

Невѣста нѣкогда добывалась силою и волею судьбы, на что есть казанія и въ Словахъ богатырскихъ; такъ Кощей богатырь говоритъ Івану Годиновичу:

„Станемъ-ко, Иванъ, бой держать,
„Кому *въ бою будетъ Божья помочь*,
„Кому владѣть Настасьею, дочерью Митріевою. (Рыбн. III, 115).

Въ воинскихъ дѣлахъ, какъ и въ бракѣ, все рѣшается жребіемъ, удьбою.

„Ужъ какъ твои удалы добры молодцы
„И оны брали жеребья да тутъ дубовыи—
„И пойти надо тутъ во службу Государеву.
. . . .
„Знать судьба моя теперь да все несчастная;

„И на роду, да видно, служба мнѣ уписана
„И видно на́-дѣлу бурлаку доставалася. (Пр. С. кр. ч. II, 2).

Игра судьбы въ бракѣ подала поводъ къ поэтическимъ картинамъ взятія города въ образѣ добыванія невѣсты.

Изображеніе города дѣвицею, къ которой сватается побѣдитель—это мотивъ, который проходитъ не только чрезъ всю средневѣковую германскую поэзію, но не рѣдко сказывается и въ поэзіи польской и малороссійской; такъ напр. Царь-градъ рисуется въ образѣ панны въ коронѣ:

„Ой, як бье, та й бье на Царів город;
„Цар ся дивує, хто то воює,
„И міщане ходять, все раду рядять
„Що́ тому (паняті) за дари дати,
„Вивели-ж ёму панну в короні. (Ист. пѣсн. Малор. н. I, 15).

Такимъ образомъ „вергнуть жребій" тождественно по своему смыслу выраженію: κλήρῳ ἐπιτρέπειν—предаться, ввѣриться судьбѣ.

Въ „Словѣ": връже *жребій* о дѣвицю себѣ любу, значитъ: на судьбу онъ положился, добывая своей любы: поѣхалъ онъ въ Кіевъ съ мыслію о томъ, что сужено, то и случится; чему быть тому не миновать. И случилось то, что онъ „дотчеся стружіемъ стола Кіевскаго" т.-е. волею судьбы оказался побѣдителемъ—овладѣлъ престоломъ Кіевскимъ. Это послѣднее выраженіе (дотчеся стружіемъ—εἷλε δορίκτητον) стоитъ здѣсь въ самой внутренней связи съ выраженіемъ „връже жребій; jus belli—является здѣсь не болѣе, какъ образное представленіе—benevolentiae fortunae. (См. дотчеса).

З.

За (praepositio, construitur cum accusativo et instrumentali).

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ XI—XIII в. пред-огъ это является:

1) въ значеніи διά, propter—по причинѣ, въ силу: **мнози вѣроваша і слово юго**—διὰ τὸν λόγον αὐτοῦ (Іоан. IV, 41).

2) въ значеніи ὑπέρ, pro, вмѣсто, ради: **молїте за творащиа вамъ пасти**—ὑπὲρ ἐπηρεαζόντων ὑμᾶς (Мѳ. V, 44).

3) въ значеніи ὀπίσω τινὸς, retrorsum, post—позади, вслѣдъ: **идї мною сотоно**—ὕπαγε ὀπίσω μου (Лук. IV, 8).

4) въ значеніи ἀπὸ τινὸς ὀπίσω—по ту сторону: **заставъ есть за домъ**—τῆς πόλεως οπίσω (Нав. VIII, 14).

Въ произведеніяхъ литературно-повѣствовательной дружинной колы:

1) въ значеніи διά: створи Богъ милость вскорѣ *за кровь его* авр. стр. 430).

2) въ значеніи ὑπέρ: а намъ дай Богъ *за крестьяны и за Рус-ую землю* головы своѣ сложити (Ип. 97—98),

3) въ значеніи ὀπίσω τινὸς: „прорѣзавша *за плечемъ*". (Лавр. 95). его чаще въ лѣтописяхъ *за* въ значеніи *позади, вслѣдъ* выражалось едлогомъ *по*: погна *по* нихъ вмѣсто *за* ними

4) въ значеніи ἀπὸ τινὸς ὀπίσω: прiидоша *за* Рось (ib. 221); вшимъ имъ *за* Новымъ городомъ (ib. 428).

Въ памятникахъ народнаго пѣснотворчества:

1) въ значеніи διά:

„*За кои* тяжкіи грѣхи
„*За кое* согрешеньице

„Меня не сталъ Богъ миловать,
„Отецъ-мати жаловать! (Тр. Этн. Отд. кн. V, 84).

2) въ значеніи ὑπέρ:

„Знать *за* гостьицу тебя не почитали (Прич. С. кр. ч. I, 35).

„*За* пропащу ихъ, собаку почитають. (ib. ч. II, XXXVII).

3) въ значеніи ὀπίσω τινὸς:

„Идетъ палачъ напередъ
„*За нимъ* весь народъ. (Тр. Этн. Отд. кн. IV, стр. 137).

4) въ значеніи ἀπὸ τινὸς ὀπίσω:

„Я *за* мхамы, сестрица *за* дыбучима
„Я *за* темныма лѣсама *за* дремучима. (Пр. С. кр. ч. I, стр. 141).

Во всѣхъ этихъ сочетаніяхъ предлогъ *за* является и въ „Словѣ“:
1) въ значеніи διά:

„Вступита, Господина... *За обиду* сего времени; т.-е. въ силу, по причинѣ обиды.

2) Въ значеніи ὑπέρ:

Поборая *за христьяны* на поганыя плъки, т. е. ради христіанъ.

3) въ значеніи ὀπίσω τινὸς: *за нимъ* кликну Карина (т.-е. вслѣдъ его).

4) въ значеніи ἀπὸ τινὸς ὀπίσω: о, Русская земля! уже *за* Шеломенемъ еси! т.-е. уже по ту сторону Шеломени.

Забралѣ и въ полногласіи **заборолѣ** (loc. sing. neutr. antecedente praepositione на) забралы (nomin. plur.) отъ забрало, забороло.

1) забралами назывались сначала деревянныя, а потомъ каменная, раздѣленныя открытыми промежутками, зубцевидныя огражденія на вершинѣ городскихъ стѣнъ—а потому въ древнихъ славяно-русскихъ переводахъ слово забрало соотвѣтствуетъ греческому ἔπαλξις,

propugnaculum muri, что буквально значитъ: „зубцы на укрѣпленіяхъ, такъ въ книгѣ Пророковъ: положю ꙁабрала твоꙗ—τὰς ἐπάλξεις (Ис. LIV, 12) (сравн. повѣсите главу „на ꙁабралѣ стѣны вашеꙗ"—ἐπὶ ἐπάλξεως τοῦ τύχους (Іуд. XIV, 1). Въ повѣсти Флавія: ревнители же съсковавше съ ꙁабралъ бѣжаша—τῶν ἐπάλξεων—ex propugnaculis (л. 154).

2) эти зубцевидныя укрѣпленія составляли одну изъ существенныхъ частей крѣпости, а потому словомъ ꙁабрало (sicut pars pro toto) переводилось и греческое τεῖχος, murus, стѣна; такъ напр. въ повѣсти Флавія: а иже на ꙁабралѣхъ стоꙗще творахоуса біющеса—οἱ δὲ ἀπὸ τοῦ τείχους (л. 155) и даже πῦργος—turris передавалось иногда выраженіемъ: и стѣноу высокоу съ дрѣвеными ꙁабралы—ξυλίνους πύργους (Зап. Имп. Ак. Н. т. XXXIV, кн. 2, стр. 135).

На этихъ забралахъ устраивались площадки, на кои вели особые ходы: разбоиници не вдаша ни на ꙁабрала лазити, ни въ врата входити—ἐπὶ τὸ τεῖχος ἀναβῆναι (л. 112).

Главное назначеніе этихъ забралъ было конечно воинское; такъ въ повѣсти Флавія читаемъ: раставлꙗ съсоуды ратныꙗ по ꙁабраломъ (л. 166); и ставше по ꙁабороломъ огнь метахоу на овенъ и на порокы и воꙗ біахоу (л. 167); іюдеи же раздѣливше са біахоу съ ꙁабралъ крѣпко (л. 169 об.); съ ꙁабралъ поустиша дъскоу и поразиша ꙗ (л. 172 об.); мнози съ ꙁабралъ пороугахоуса мнози же и лаꙗхоу, инии же каменіе метахꙋ и стрѣлы поущахоу (л. 177).

Но тѣ же забрала служили иногда мѣстомъ переговоровъ: Іоанъ же с нимъ ꙁнаемымъ съ ꙁабралъ бесѣдоваше (л. 168 об.)—πρὸς τοῦ τείχους... διαλεγόμενος (Lib. V, c. VI, 5); идоумеомъ съ ꙁабрасъ ѿвѣщаете—ἀπὸ τῶν πύργων διαλέγονται (Lib. IV, c. IV, 7).

Точно также изображается назначеніе *заборолъ* и въ лѣтописяхъ. Съ нихъ стрѣляли и сюда же направлялись выстрѣлы осаждавшихъ враговъ: „Мстиславу же хотящу стрѣляти, внезапу ударенъ бысть подъ пазуху стрѣлою на *заборолѣхъ* сквозѣ *дску* скважнею (Лавр. 262).

Отсюда и сюда бросились камни: „идущу же каменью съ *забралъ*, яко дождю сильну и бысть ранено стоящихъ на *забралѣхъ* сто и шестьдесятъ (Ип. 132). Отсюда же осаждавшихъ бодали копьями: „стрѣлы ратныхъ не дадяхуть выникнути изъ-за *боролъ* и начаша побадыватися копьи (Ип. 210). Главная задача осаждавшихъ состояла въ томъ,

чтобы сбить эти забрала: „и бишася по четыре дни, въ четвертый же сбиша *заборола* съ города (Ип. 199). Иногда во время боя обламывались самыя полщадки: „и вълѣзше на *заборола* и летѣша двѣ городници и съ людьми къ ратнымъ (Ип. 129—134).

Кромѣ воинскихъ цѣлей, забрала даже въ позднѣйшее время служили и цѣлямъ общественнымъ; такъ въ Псковской лѣтописи читаемъ: „на завтрее вышедше со кресты и на *забороль* начаша повѣствовати съ челобитьемъ и съ плачемъ и воеводы челобитье приняли." Одно изъ заборолъ было своего рода княжеской трибуной.

Изъ народнаго пѣснотворчества видно, что подобныя стѣны служили даже мѣстомъ молитвы:

„Помолилась я, печальна сиза голубушка
„*На стѣны да на ограды бѣлокаменной*. (Тр. Этн. Отд. кн. V, стр. 123).

Въ „Словѣ" *забрало* является и

1) въ значеніи ἔπαλξις: Ярославна молится „*на забороль*"; и

2) въ значеніи τεῖχος (sicut pars pro toto): уныша *забралы*, т. е. городскія стѣны.

Мусинъ-Пушкинъ—въ своемъ переводѣ *забрала* оставилъ безъ измѣненія.

Малиновскій—перевелъ *городскія стѣны* и этотъ переводъ удержалъ въ 1-мъ изданіи.

Ему слѣдовала и большая часть послѣдующихъ комментаторовъ и переводчиковъ.

Одинъ лишь г. Андреевскій выраженіе „на заборолѣ" по отношенію къ плачущей Ярославнѣ нашелъ въ текстѣ неумѣстнымъ и съ свойственною ему смѣлостію замѣнилъ выраженіемъ: „*на оградѣ*". „Выраженіе „*на забралѣ*", говоритъ онъ, кажется мнѣ очень подозрительнымъ: не женское это дѣло было всходить на забрала; на нихъ обыкновенно, когда это нужно было, восходили мужи, а не жены. И чего ради Ярославнѣ, чтобы причитать, голосить, нужно было восходить на забрало? Не для того ли, чтобы порисоваться своею печалію предъ публикой? Но въ такомъ случаѣ, что же общаго имѣла бы эта поэзія эффекта и жеманства съ народной поэзіей простоты и правды.

Вотъ это-то соображеніе и заставляетъ меня быть подозрительнымъ по отношенію къ разсматриваемому поэтическому образу. Итакъ, необходимо свести Ярославну съ несвойственнаго ей пьедестала, на которомъ она явилась въ сохранившемся текстѣ вслѣдствіе искаженія его. Думается мнѣ, что *забралѣ* просто на просто искажено изъ *заградьи*". Полагаемъ что подобными разсужденіями трудно свести Ярославну съ того пьедестала, на которомъ она стоитъ въ дошедшемъ до насъ текстѣ Слова. Г. Андреевскій, повидимому, не подозрѣваетъ даже, что плачъ Ярославны есть лишь творческое художественное воспроизведеніе скорби и стенаній Ярославны, а не дѣйствительная запись ея словъ, что этотъ плачъ есть эпическая молитва Ярославны, обращавшейся за помощію къ стихійнымъ силамъ, что самое значеніе этой молитвы въ творческомъ произведеніи ставитъ ее на тотъ пьедесталъ, который г. Андреевскому кажется ей не свойственнымъ и съ котораго хотѣлъ бы онъ свести ее. Или въ самомъ дѣлѣ будетъ художественнѣе и выше эта молитва, если мы будемъ знать и вѣрить, что Ярославна плакала на какомъ-то неизвѣстномъ *пунктѣ за городомъ?*

Прозоровскій—выраженіе: *„уныша бо градомъ забралы"* перевелъ: „оторопѣли городскія охраны". Переводъ крайне отвлеченный и нехудожественный.

Забывъ (gerund. perf. activ. gen.) отъ **забыти.**

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ глаголъ этотъ отвѣчаетъ Греческимъ:

1) ἐπιλανθάνεσθαι, oblivisci; такъ въ Евангеліяхъ XI—XIII вв. **забыша хлѣбы възяти**—ἐπελάθοντο (Мѳ. XVI, 5); въ Панд. Антіоха XI в. **заповѣдь божию забыша**—(гл. 4, л. 14 об.); **забыти дѣла**—ἐπιλαθέσθαι τοῦ ἔργου (гл. 88, л. 191 об.).

2) ἐκλανθάνεσθαι, oblivisci; такъ въ повѣсти Флавія: **паки забыхъ закона ратнаго**—ἐξελαθόμην τῶν τοῦ πολέμου νόμων (Lib. VI, c. VI, 2).

Изъ произведеній литературно-повѣствовательной дружинной школы глаголъ этотъ читаемъ въ посланіи Мономаха: „еже оумѣешь, то *абудешь*".

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„При *забудешь* всю великую кручинушку. (Пр. С. кр. ч. I, стр. 22).

Въ „Словѣ": „*забывъ* чти и живота и града Чрънигова и своя милыя хоти... свычая и обычая", ср. въ повѣсти Флавія подобный оборотъ: ꙁабылъ еси... сестестка и братьстко и любовь горящоу и сынъ и тесть юже тї къда мои потъ и глава си. (л. 16 об. на Греч. нѣтъ). *Забыть*—значитъ потерять изъ виду, выкинуть изъ ума, ни думать, ни вспоминать.

(О сочетаніи въ „Словѣ" „*забывъ*" съ предъидущимъ „кая рана дорога" см. т. V, въ грамматикѣ „Слова".)

Приведемъ здѣсь весьма важное замѣчаніе г. Жданова о томъ, что значитъ „*забыть свычаи и обычаи милой хоти.* „Забыть жену и семью— выраженіе часто встрѣчающееся въ памятникахъ для описанія храбрости. Въ сказаніи о Липецкой битвѣ помѣщена рѣчь Мстислава Мстиславича: братіе, се вошли есмя въ землю силную, а позря Бога станемъ крѣпко; не озираемся назадъ, побѣгше не уйти; *а забудем братье, домовъ, женъ и дѣти*, а кому не умирати и т. д. (Лавр. 472). Вспомнишь жену и дѣтей, потеряешь мужество. Въ сказаніи о смерти Михаила Черниговскаго говорится, какъ бояре уговаривали князя поберечь себя, не жертвовать своею жизнію: „вси за тя примемъ опитемью". Только бояринъ Феодоръ (убитый потомъ вмѣстѣ съ Михаиломъ) думалъ иначе. „Егда же глаголаше къ нимъ Михаилъ, Феодоръ глаголаше въ собѣ: еда како ослабѣетъ Михаилъ моленіемъ сихъ, *помянувъ женьскую любовь и дѣтей ласкание* и послушаетъ сихъ (Макар. Ист. Р. Ц. т. V, стр. 411). Въ разсказѣ о нашествіи Ахмата (1480) упоминается о боярахъ, отговаривавшихъ Ивана III отъ борьбы съ Татарами: „Тѣже бяху бояре богати, князю великому не думаючи противъ Татаръ за хрестьянство стояти и битися, думаючи бѣжати прочь, а хрестьянство выдати, мня тѣмъ безъ року смерть бьющимся на бою и *помышляюще* богатство много, и *жену* и *дѣти* (П. С. Лѣт. VI, 230. *Ждановъ*: Литература Слова о п. Иг. стр. 51—52).

Заворачаетъ (praes. 3 pers sing. indicat.) отъ **заворачати** in annexu praepositionis **za=короуати**).

Славянскіе глаголы **вращати и кратити** всего чаще въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ являются въ сложномъ **видѣ** (in annexu praepositionis **къз**): **къзвращати, къзкратити** въ соотвѣтствіи Греческому—ἐπιστρέφειν, convertere оборачивать въ другую сторону, повертывать назадъ; такъ въ повѣсти Флавія читаемъ: **титъ же къзъврати конь свои** (л. 151) τὸν τε ἵππον ἐπιστρέφει (Lib. V, c. II, 2); **възврати бѣгающихъ** (л. 153)—ἐπιστρέφει μὲν τοὺς φεύγοντας (Lib. V, c. III, 4) **вся плъка възврати** (л. 252).

Въ произведеніяхъ литературно-повѣствовательной дружинной школы глаголъ **кратити**: читается и въ полногласной формѣ **коротити**: „а дружину мою, яже еси заялъ, *вороти* (Лавр. 230); Гюрги.... посла к сынови своему Ростиславу, дабы.... *воротилъ* опять Половцевъ, пришедшихъ въ помочь (ib. 311). Новгородцѣ *вороти* (Ярославъ) Новгороду (ib. 143); равно какъ и въ сложномъ видѣ (in annexu praepositionibus *оу*, *об*): Володимеръ *уворoти* коня направо (ib. 301); *оборотиша* полкы своѣ (ib. 316). сравн. идоша на Половцѣ и *воротишася* (ib. 273).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„И на пути да добры кони становитесь-ко
„И уже взадъ да со дорожки *воротитесь-ко* (Пр. С. кр. ч. II, 54).

Изъ этихъ данныхъ можно видѣть, что глаголъ *заворачивать*—значитъ „поворачивать кого назадъ, повертывать обратно, возвращать на поле брани бѣжавшихъ.

Въ „Словѣ: „Игорь плъкы *заворачаетъ*". Кіевская лѣтопись фактически разъясняетъ истинный смыслъ этого выраженія: „Бысть же свѣтающе недѣлѣ, возмятошася Ковуеве въ полку, побѣгоша. Игорь же бяшетъ въ то время на конѣ, зане раненъ бяше; поиде къ полку ихъ, хотя *возворотити* къ полкомъ; уразумѣвъ же, яко далече шелъ есть отъ людий, и соймя шеломъ, погнаше опять къ полкомъ, того

дѣля, что быша познали князя и *возворотилися* быша; и тако же *возворотися* никтоже (Ип. 131).

Завтроку (dat. sing. masc.) отъ **завтрокъ.**

Слово до-нынѣ—живое, означающее ранній пріемъ пищи, первую выть.

Въ лѣтописяхъ не разъ встрѣчаемъ упоминаніе о завтрокѣ: Владиміръ, приглашая къ себѣ Итлареву чадь, говорилъ: *заутрокавше* у Ротибора, пріѣдите ко мнѣ (Лавр. стр. 220); И рече Святополкъ (Васильку): *заутрокай*, брате! и обѣщася Василко *заутрокати* (ib. 250); и стоя Глѣбъ до *заутрока* и воротися опять (ib. 303).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„И говорилъ Васильюшка Казиміровичъ:
„Ты Иванушка *позавтракалъ*,
„Оставь-ко мнѣ пообѣдати (Рыбн. 1, 162).

Завтракъ въ Кіевской дружинной Руси, по всей вѣроятности, происходилъ въ тѣже часы, въ какіе бываетъ онъ и нынѣ въ быту народномъ—часовъ въ 6—7 утра.

Загородите (2 pers. plur. imperat.) отъ **загородити** (in annexu praepositionis **за – городити**).

Въ древнѣйшихъ переводахъ глаголъ этотъ является въ краткой формѣ **заградити** въ соотвѣтствіи Греческому: φράσσειν,, sepire, munire, ставить ограду, укрѣплять, защищать; такъ въ Апостолѣ читаемъ: **заградиша оуста львомъ**—ἔφραξαν στόματα λεόντων (Евр. XI, 33; по сп Гр· Толст. XIV в.).

Въ Кіевскомъ лѣтописномъ сказаніи о походѣ Игоря встрѣчается выраженіе: *„быти огороженуʺ*: не бяшетъ бо льзѣ не бѣгаючимъ утечи, зане яко стѣнами силными *огорожени бяху* полки Половецькыми (П. С. Р. Л. т. II, 129—134).

Народное выраженіе *огородъ городить*, имѣющее мѣсто и въ народномъ пѣснотворчествѣ, значитъ именно укрѣплять поле.

Въ „Словѣ: *загородите* полю ворота острыми стрѣлами, т. е. поставьте преграду, защитите, укрѣпите степныя ворота, или что тоже.

пусть острыя стрѣлы ваши послужатъ преградою, защитою земли Русской отъ набѣговъ степи т. е. поганыхъ кочевниковъ (см. поле); пусть эти стрѣлы останавливаютъ ихъ на пути, сдерживаютъ ихъ набѣги.

Смыслъ здѣсь тотъ же что выражается въ Словахъ богатырскихъ слѣдующими стихами:

„По дорогамъ поставилъ онъ все разбойниковъ,
„Во темныхъ лѣсахъ напустилъ лютыхъ звѣрей,
„*Чтобы ни кому не пройти, ни проѣхати* (Рыбн. III, 227).

Заднюю (accus. sing. fem.) отъ **задній**.

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ **задній** (adjectivum) по своему значенію стоитъ во внутренней связи cum adverbio **зади** ὀπίσω; retro: въ Евангеліяхъ XI—XIII вв. читаемъ: **и ставши зади при ногоу его**—καὶ στάσα.... ὀπίσω (Лук. VII, 38); сравн. въ посланіи митрополита Никифора: **видѣніе очеи преднѧа видитъ, зади же тѣмъ не видитъ** (Русск. Дост. I, 68). Соотвѣтственно этому и **задній** (adjectivum) значитъ, очевидно, сзади стоящій и по отношенію ко времени, бывшій прежде, миновавшій. Въ книгѣ Пророковъ: **погоублю заднѧа его къ мори**—τὰ ὀπίσω αὐτοῦ (Іол. II, 20). Въ Пандектахъ Антіоха XI в. читаемъ: **задьнаа забываѩ. а напрѣднаа простираѩсѧ**—τὰ μὲν ὀπίσω ἐπιλανθανόμενος (гл. 45, л. 103 об. ср. въ Карп. Апост. XIII—XIV в. Филип. III, 14).

Тотъ же смыслъ имѣло слово **задній** и въ произведеніяхъ литературно-повѣствовательной дружинной школы; такъ въ повѣсти Флавія читаемъ: **црь пріимъ слово се. испыташе заднѧа** (гл. 19)—ταυτῆς τῆς ἀρχῆς.... λαβόμενος ἐπεξῄει πρόσω (Lib. I, c. XXX, 2), т. е. восприявъ бывшее въ началѣ, разслѣдовалъ послѣдующее. Въ лѣтописяхъ: хронографу нужа есть писати овогда же въ предняя, овогда же возступати въ *задняя*... вся же лѣта спишемъ росчетше во *задняя* (П. С. Р. Л. т. II, стр. 189).

Въ живой народной рѣчи слово это бытуетъ въ томъ же значеніи: „Да ужъ, говорятъ, про *заднее*-то знаю, а про переднее сказать не могу, т.-е. что было, то знаю, а что будетъ, того не вѣдаю (Сообщ. Касьяновъ).

Помнишь ты, въ *заднее время* говорилъ—то; или: въ *заднее время* въ Москвѣ досюль бывало (Сообщ. Щеголенковъ). Таковы и выраженія: жить *заднимъ* умомъ; подписывать *заднимъ* числомъ и т. д.

Въ „Словѣ: а *заднею* (славою) сами ся подѣлимъ", т. е. раздѣлимъ между собою славу минувшую, славу походовъ бывшихъ. Быть можетъ, здѣсь имѣется въ виду именно побѣдоносный походъ на тѣхъ же Половцевъ, совершенный союзомъ князей, безъ участія Игоря и его союзниковъ.

Мечтая проникнуть туда, куда не рѣшались проникнуть предки, разбить Половцевъ въ самомъ гнѣздѣ ихъ, они разсчитывали затмить своимъ походомъ своихъ предковъ и прославиться на столько, чтобы на нихъ же падала слава и всѣхъ прежнихъ походовъ.

Заиде (aor. 3 pers. sing. indicat.) отъ **заити** (in annexu praepositionis **за=ити**).

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ глаголъ этотъ отвѣчаетъ Греческому:

1) ἀναχωρεῖν, secedere, далеко отходить, уклоняться въ сторону, удаляться; такъ въ Кормчей книгѣ XIII в. читается: **аще которая жена заиьдъшю моужю ею не дождетъ его** — ἀναχωρήσαντος τοῦ ἀνδρὸς (Вост.).

2) тотъ же глаголъ ἀναχωρεῖν въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ передавался славянскимъ **отити**; такъ въ Евангеліяхъ: **отиде отоудѣ**—ἀνεχώρησεν ἐκεῖθεν (Мѳ. XII, 15); **отиде... въ поусто мѣсто** (ib. XIV, 13) **отиде во страноу** (ib. XV, 21) **отиде.... къ морю**—ἀνεχώρησεν... πρὸς τὴν θάλασσαν (Мрк. III, 7).

3) Глаголомъ **отити** переводился и глаголъ Греческій: ἀποδημεῖν, pergere, proficisci—замѣнявшій не рѣдко ἀναχώρειν: **отиде на страну далече**—ἀπεδήμησεν εἰς χώραν μακράν (Лук. XV, 13).

Отсюда видно, что въ „Словѣ: (о далече *зайде* соколъ)—зайде значитъ ἀνεχώρησεν, ἀπεδήμησεν —ушелъ въ чужую сторону—далеко отъ родной стороны.

Закалена (perf. passiv. 3 pers. dual. (**закалена еста**) отъ **закалити** (in annexu praepositionis **за—калити**)—βάπτειν, temperare, дѣлать металлъ твердымъ, крѣпкимъ посредствомъ огня

Въ древнихъ переводныхъ памятникахъ встрѣчаемъ указаніе на процессъ каленія: **пещь искоушаеть желѣзо въ калѣніи**—κάμινος δοκιμάζει στόμωμα ἐν βαφῇ (Сир. XXXI, 30).

Процесъ закаливанія состоитъ въ томъ что сильно разженное желѣзо или сталь, при посредствѣ горячаго уголья, раздуваемаго мѣхами, разомъ опускаютъ въ холодную воду или снѣгъ. Въ силу общаго физическаго закона, на сколько желѣзо или сталь отъ огня расширяется, на столько же затѣмъ вдругъ при охлажденіи въ снѣгу или холодной водѣ подвергается сжатію; такъ достигается необыкновенная твердость и крѣпость металла. (См. *каленыя* сабли, *каленыя* стрѣлы).

Въ „Словѣ": „ваши храбрыя сердца... въ буести *закалены*". Этимъ образомъ выражается, что въ своей ярости они упорны, словно сталь разженная въ огнѣ и опущенная въ воду, словно булатъ—это желѣзо, красное желѣзо,—перепускное. Говоря нашимъ языкомъ, это значитъ: къ несчастію въ своей ярости сердца ваши неисправимы. (См. **Буи**).

Закладаше (imperf. 3 pers. sing. indicat.) отъ **закладати** (in annexu praepositionis **за=кладати**)—ἐπιφράζειν, obstruere затыкать, залагать.

Въ „Словѣ": а Владиміръ по вся утра *уши закладаше* въ Черниговѣ.

Выраженіе „*уши закладаше*" здѣсь выраженіе образное, символическое, какъ и предъидущее „звонъ слыша".

Чтобы понять его истинный смыслъ, мы должны обратиться къ дружиннымъ повѣстямъ.

Оказывается, что въ древнѣйшія времена, когда кликомъ полки побѣждали, былъ дѣйствительно обычай, при видѣ многочисленныхъ легіоновъ, затыкать уши, чтобы не поддаться малодушію отъ страшныхъ вражескихъ геройскихъ кликовъ. Такъ изъ повѣсти Флавія мы видимъ, что для защиты одной крѣпости Флавій приставилъ къ ней самыхъ храбрыхъ и мужественныхъ воиновъ, среди коихъ и самъ находился; онъ отдалъ имъ приказъ, чтобы они для предохраненія себя отъ малодушія „закладывали уши", отъ клика легіоновъ—ἐκέλευσε τε πρὸς μὲν τὸν ἀλαλαγμὸν τῶν ταγμάτων ἐπιφράξαι τὰς ἀκοάς, ὡς ἂν μὴ καταπλαγεῖεν — hisque praecipit, ut ad clamorem legionum avres

obstruerent (Lib. III, c. VII, 25). Это былъ воинскій маневръ въ борьбѣ со страхомъ и опасностями.

Въ „Словѣ“, на нашъ взглядъ, имѣется въ виду этотъ самый обычай. Изображая, чѣмъ разрѣшилась борьба на нежатиной нивѣ для князей, оставшихся въ живыхъ, авторъ указаніемъ на этотъ обычай, образно выражаетъ, что храбрый Владиміръ (Мономахъ), засѣвшій въ Черниговѣ, долженъ былъ ежедневно *бороться со страхами и опасностями*, ибо былъ обиженъ князь также молодой и храбрый, коему по праву наслѣдства принадлежалъ Черниговъ. Какъ отецъ его Всеволодъ долженъ былъ выдержать страшный бой (звонъ слыша), такъ сынъ его долженъ былъ пережить множество тяжкихъ испытаній въ непрерывной борьбѣ со страхами и опасностями, пока сидѣлъ въ Черниговѣ (по вся утры уши закладаше во Черниговѣ). Пришлось ему переживать какъ бы тяжелое положеніе воина, который боится трубы, трубящія на брани (δειλὸς στρατιώτης φρίσσει σάλπιγγα σημαίνουσαν πόλεμον) (Жит. Іоан. Милост. гл. I, л. 81).

Переводъ даннаго мѣста почти не измѣнялся, но толкованія его были различны.

Шишковъ, какъ относительно этого, такъ и другихъ рядомъ стоящихъ мѣстъ, сдѣлалъ слѣдующее откровенное замѣчаніе. Каждая рѣчь означаетъ здѣсь особливое нѣкое происшествіе или обстоятельство, которыхъ можетъ быть и самая исторія объяснить не въ состояніи, а потому остаются оныя для насъ темны и невразумительны. Статься можетъ, что вникая въ исторію до нѣкоторыхъ изъ нихъ не трудно добраться, но я предоставляю другимъ желающимъ въ томъ потрудиться.

Пожарскій перевелъ: „Владиміръ всякое утро уши свои закладывалъ въ Черниговѣ“.

Грамматинъ, не находя смысла въ такомъ переводѣ, объяснялъ, что Владиміръ не закладывалъ, а *затыкалъ* уши свои въ Черниговѣ къ затѣваемымъ Олегомъ междуусобіямъ.

Вельтманъ: Тому же звуку славы внималъ Ярославъ, а Владиміръ свой слухъ отклонилъ отъ нея.

Дубенскій: *закладаше уши* значитъ—затыкалъ уши, чтобы не слышать звона, т.-е. любилъ миръ, не учавствовалъ въ раздорахъ. Гибельный обычай князей этого времени дружиться съ иноплеменни-

ами и призывать ихъ для ужасныхъ злодѣйствъ въ нѣдра государства, говоритъ Карамзинъ (т. III, 58) всего болѣе обезславилъ князей Черниговскихъ: Владиміръ Мономахъ гнушался онымъ—и это было главною причиною любьви народной къ его племени. „Дѣйствительно, самъ авторъ „Слова" представляетъ Мономаха—на горахъ Кіевскихъ носителемъ знамени единенія Руси; сомнѣнно также, что онъ не наводилъ поганыхъ на землю русскую, но въ данномъ мѣстѣ излагаются печальныя послѣдствія *крамолы*, вызвавшей бой на Нежатиной нивѣ и прежде всего для самихъ же князей: въ этой крамолѣ, какъ также извѣстно, участвовалъ и Владиміръ и засѣлъ въ томъ самомъ Черниговѣ, изъ-за котораго родилась эта крамола. Очевидно указанія, что онъ любилъ вообще миръ, не достаточно для изъясненія даннаго мѣста. Выраженіе „*въ Черниговѣ*" стоитъ здѣсь не безъ причины.

Головинъ: нѣтъ, Владиміръ не отклонялъ своего слуха отъ звуковъ Олега и не затыкалъ своихъ ушей; онъ также имъ хорошо внималъ, какъ и Ярославъ, братъ Олеговъ. Ярославъ радовался походу Олега, чтобы отнять у Владиміра свою отчину Черниговъ. Владиміръ же въ ужасѣ готовился къ оборонѣ и *ночью* и днемъ всякое утро запиралъ ворота Черниговскія. И нынѣ говорятъ простолюдины вмѣсто: запри ворота—*заложи ухо* у воротъ. Одна изъ желѣзныхъ скобокъ въ которую продѣваютъ закладню для запора воротъ, называется *ухомъ*." Не понимаемъ, для чего приплетенъ Ярославъ, братъ Олега къ князьямъ, бившимся на нежатиной нивѣ и испытавшимъ тяжелыя бѣдствія или же нашедшимъ здѣсь свою судьбу. Далѣе „по вся утра" не значитъ ночью и днемъ. Наконецъ совершенно не вѣроятно, чтобы ухо означало здѣсь желѣзную скобку у воротъ.

Кн. П. П. Вяземскій: Олегъ, утративъ княженіе, интриговалъ, подымалъ тревогу у великаго князя Всеволода, но *главное* лицо Владиміръ *не поддавался имъ*." Хорошо не поддавался, когда учавствовалъ изъ-за того въ боѣ и самъ засѣлъ потомъ на Черниговскомъ столѣ обиженнаго Олега.

Огоновскій держась мысли Дубенскаго, замѣтилъ, „что Владиміръ для того затыкалъ уши, чтобы не чуять вѣчеваго звона, скликавшаго на войну во время усобицъ". Итакъ, вѣчевой звонъ раздавался по вся утра, такъ какъ Владиміръ „*по вся утра*" закладывалъ

уши въ Черниговѣ. И какой при этомъ смыслъ имѣетъ выраженіе: *„въ Черниговѣ"*?

Вс. Миллеръ: „Между Всеволодомъ и Владиміромъ та разница, что первый слышалъ звонъ, а второй не хотѣлъ его слышать и затыкалъ уши. Но что значитъ это затыканіе ушей не объясняетъ..

Майковъ: Обыкновенно толкуютъ это выраженіе, что Владиміръ зажималъ уши: выходила безсмыслица. Здѣсь *уши* не означаютъ органъ слуха, а *малыя калитки*, какія дѣлывались въ стѣнахъ по бокамъ большихъ воротъ. Въ такомъ смыслѣ толкуется извѣстный текстъ: „скорѣй вельблюдъ пройдетъ въ иглиныя уши, чѣмъ богатый внидетъ въ царствіе небесное, т.-е. скорѣе пройдетъ въ малыя калитки, которыя у евреевъ назывались *„игольныя уши"* и эти ворота закладывались закладками, что дѣлалъ и Владиміръ ежеминутно ожидая нападенія Олега." Но если Евреи *калитки* называли *ушами*, то позволительно еще сомнѣваться, чтобы такое названіе бытовало въ Кіевской дружинной Руси.

Потебня: „Для меня не вѣроятно мнѣніе, что *уши* означаютъ здѣсь калитки по бокамъ воротъ, которыя Владиміръ закладывалъ по чему то не на ночь, когда скорѣе возможно нечаянное нападеніе, а по утрамъ. Не думаю также, чтобы *тъ же звонъ* могло относиться „къ вѣчевому звону, скликающему на войну во время усобицъ (Огон.). По мнѣнію г. Потебни, сынъ Всеволодовъ Владиміръ каждое утро (какъ только проснется) уши (себѣ) затыкалъ въ Черниговѣ, потому что этого рода слава, по извѣстнымъ личнымъ его свойствамъ, была ему противна". Любопытно бы знать, откуда авторъ „Слова" могъ знать, что Владиміръ, какъ только проснется уши себѣ затыкалъ и почему-то донъ ѣлалъ это только въ Черниговѣ. Въ памятникѣ слово „звонъ" имѣетъ значеніе не молвы только и славы, но и боя и боевыхъ золъ. (См. звонъ).

Андреевскій: нѣтъ основаній утверждать, что Владиміръ Мономахъ не хотѣлъ драться съ Олегомъ и что вообще онъ будто бы не охотно учавствовалъ въ военныхъ предпріятіяхъ. Отъ кого же какъ не отъ Мономаха наибольше досталось Олегу и другимъ князьямъ, затѣвавшимъ усобицы, изъ нежеланія остаться въ обидѣ. Онъ не только вмѣняетъ самъ себѣ въ заслугу, что онъ совершилъ 83 похода большихъ и безъ счету меньшихъ. (Лавр. 241), но и дѣтямъ запо-

уетъ не бояться ни смерти, ни рати. Предполагая въ данномъ мѣстѣ скаженіе текста, онъ *„по вся утра"* передѣлываетъ на ѿвѧ ѹрѧ; *уши* а ѹши; закладаше на ꙁаклаше и прибавляетъ еще слово *мечемъ*. Вмѣсто „Владиміръ по вся утра закладаше уши въ Черниговѣ" выходитъ ладиміръ, отбивая ворота, улицы мечемъ заволокъ въ Черниговѣ. акого рода поправки и толкованія стоятъ уже внѣ всякой критики.

Прозоровскій: Понимая подъ Владиміромъ не Мономаха, а ерниговскаго князя Владиміра Давидовича (на что указано нами выше) мѣчаетъ что этотъ князь, ревнуя сначала объ Ольговичахъ, за тѣмъ тступился отъ нихъ и присталъ къ Мономаховичамъ. Равнодушіе его ъ преданіямъ Ольговичей и есть будто бы *затыканіе ушей* противъ авнишняго Полоцкаго звона, отозвавшагося нѣкогда на Кіевскую муту. „О неправильности перестановки этого мѣста въ Полоцкому вону мы уже говорили. Здѣсь же замѣтимъ, что если г. Прозоровкому и кажется естественнымъ *затыканіе ушей* въ смыслѣ равноушія къ какимъ-то не извѣстнымъ преданіямъ, то въ дѣйствительости образъ не соотвѣтствуетъ общей, отвлеченной и не опредѣенной мысли и кромѣ того ничего не предполагаетъ за собою ромѣ чистаго произвола изслѣдователя.

Залетѣло (perfect. descriptional. 3 pers. sing. neutr.) отъ алетѣти (in annexu praepositionis ꙁа=летѣти). См. прелетѣти.

Здѣсь же отмѣтимъ, что глаголъ этотъ является и въ народномъ ѣснотворчествѣ точно въ такомъ же сочетаніи, какъ и въ „Словѣ":

„*Залетѣлъ* онъ удалый добрый молодецъ. (Рыбн. III, стр. 322).

Въ „Словѣ": Ольгово хороброе гнѣздо далече *залетѣло*.

Замышленію (dativ. sing. neutr. antecedente praepositione по) тъ ꙁамышленіе.

Въ Изборникѣ 1076 г. читается: кыимь ꙁамышленіѥмь таковыи істися можеть.. имъ же ꙁамышлениѥмъ спасеса и мытоимьць (Вост.).

Смыслъ этого слова стоитъ въ прямой и непосредственной связи ъ глаголомъ ꙁамыслити. Въ повѣсти Флавія — Греческое ἐπίνοια —

excogitatio, изобрѣтеніе, выражено глаголомъ *замыслити*: хотяи ови нин казни незмлемы замыслити (л. 244 об.)—κατὰ τὴν ἄλλην ἐπίνοιαν (Lib. VII, c. III, 1). Тотъ же глаголъ соотвѣтствовалъ и Греческому διανοῦσθαι, cogitare, напередъ обдумать: Парояне имѣли бы безопасное убѣжище, еслибы то *замыслили*—εἴ τι τοιοῦτον διενενόηντο (Lib. VIII, c. VII, 1).

Отмѣтимъ также, что въ переводѣ Карпинскаго Апостола XIII–XIV вв. Греческое ἐνθύμησις, cogitatio изобрѣтеніе—переведено словомъ замышленіе, что въ Охридскомъ X—XI вв. передается словомъ мысль (Дѣян. XVII, 29).

Въ лѣтописяхъ не рѣдко встрѣчаемся съ глаголомъ *замыслити*: Изяславъ посла слы своя Чернигову къ Володиміру и брату его Изяславу, и рече имъ: „се есмы путь *замыслили* великъ (Ип. стр. 31); приде Изяславъ изъ Новгорода въ Кіевъ и начаша ему повѣдати на Георгевича на Ростислава рекуче: много зла баше *замыслилъ* (ib. 41); и рекоша Володиміру (Мстиславичу) дружина его: о себѣ еси, княже *замыслилъ* (ib. 97). *Замыслилъ* Святославъ съ Рюрикомъ на Половцы (подъ 1187 г.); Константинъ нача рать замышляти на Георгія (подъ 1213 г.). И сотворихомъ свое *мыленое* (Лавр. 241).

Изъ всего сказаннаго видно, что слово замышленіе значило — предварительное обдумываніе, замыселъ (διάνοια) изобрѣтеніе (ἐπίνοια), творческую мысль, художественное изображеніе—ἐνθύμησις (какъ въ Апост. Охрид. и Карп.).

Авторъ „Слова" самъ разъяснилъ намъ, что значитъ въ его устахъ это слово: замышленье Бояново состояло въ томъ, что, когда хотѣлъ онъ творить пѣснь, какъ художественное созданіе, мысль его уносилась ко временамъ древнимъ (помняшеть бо первыхъ временъ усобіцѣ) и при этомъ она была жива и быстра, какъ прыганіе бѣлки, широка и раздольна, какъ разбѣги волка, восторженна и возвышенна, какъ пареньє орла по поднебесью. Какъ *мысль* въ данномъ случаѣ есть, очевидно, творческая сила, фантазія, такъ замышленіе есть творческій способъ изложенія старыхъ словесъ, пѣсненный планъ, идеальное построеніе и вмѣстѣ изобрѣтательность въ художественномъ сочетаніи разныхъ эпохъ и воспроизведеній существенныхъ моментовъ дѣйствій и характеровъ дѣйствующихъ лицъ. Авторъ чу-

вовалъ себя какъ бы безсильнымъ возвыситься до такого творчества, потому пѣснь свою называетъ былевою, фактическою, прозаическою противоположность пѣснямъ по замышленію Бояню. Мы съ своей ороны находимъ, что народное поэтическое слово, *„розмыслъ“* всего чше можетъ замѣнять въ переводѣ слово—*замышленіе*: имъ указыется какъ на розмахи и полеты творческой мысли, такъ и на цѣсть и художественность пѣсненнаго построенія.

Мусинъ-Пушкинъ выраженіе: *не по замышленію Бояню* пере-лъ: „не употребляя вымысловъ Бояновыхъ“.

Малиновскій: какъ въ черновыхъ бумагахъ, такъ и въ первомъ даніи: не по вымысламъ Бояновымъ“.

Шишковъ замѣчаетъ: „можетъ быть подъ сими словами сочи-тель разумѣетъ, что ему, яко живущему во времена христіанства, всѣ тѣ вымыслы употреблять пристойно, какія употреблялъ Боянъ, ивучи во времена идолопоклонства.

Пожарскій перевелъ: „а не по замыслу Боянову“.

Вельтманъ въ 1-мъ изданіи *замышленье* также понималъ къ вымыслъ, но во 2-мъ изданіи онъ замѣчаетъ, что это про-упокъ со стороны толковниковъ: замысліе или замышленье есть об-манность или опытность и здѣсь рѣчь о замысловатости, искусствѣ ѣснотворца Яна“.

Максимовичъ: по былинамъ *хошь* не по Боянову замышленью.

Дубенскій: а не въ духѣ Бояна.

Кн. П. П. Вяземскій: подъ *замышленіемъ Бояна* разумѣетъ вы-слы поэта Омира.

Огоновскій: *вымыслы* основанные на древнихъ народныхъ пе-сказахъ въ противоположность былинамъ историческимъ:

Прозоровскій: *замышленіе* есть способъ, которымъ Боянъ вы-жалъ свои мысли. *Не по замышленію Бояна* онъ перевелъ: „а не примѣру Бояна“.

Занесе (aor. 3 pers. sing. indicat.) отъ **занести** (in annexu aepositionis **za=нести**)—ἀποφέρειν, auffere, уносить за собою, увле-ть, переносить на другое мѣсто.

. Сила *бури* въ этомъ отношеніи такъ изображается въ книгѣ Пророковъ: **сиж бо вса възметь вѣтръ и ѿнесеть боура** — ἄνεμος λήψεται καὶ ἀποίσει καταιγίς (Ис. LVII, 13); **боура несома.. егда мимоидеть възметь вы**—καταιγὶς φερομένη ὅταν παρέλθῃ, λήψεται ὑμᾶς (ib. XXVIII, 18, 19).

Въ живой народной рѣчи до нынѣ говорится: „не вѣтромъ ли тебя *занесло* (какъ это вздумалъ притти).

Въ „Словѣ": не буря соколы *занесе*, т.-е. унесла, увлекла за собою. См. **боури, вихръ**.

Запала (perfect. descriptional. 3 pers. sing. indicativ. fem.) отъ **ȥапасти** (in annexu praepositionis **ȥа**=**пасти**).

Смыслъ этого глагола видѣнъ изъ слѣдующихъ мѣстъ древнѣйшихъ переводныхъ памятниковъ, XI—XIII вв. **ȥахожаше слнце**—ἔδυ ὁ ἥλιος (Мрк. I, 32) **слнце поȥна ȥападъ свои**—τὴν δύσιν αὐτοῦ (Пс. CIII, 19).

Δῦναι—occidere, западать, скрываться, и δύσις—occasus—заходъ, западъ—въ классической письменности—въ особенности употреблялись по отношенію къ солнцу и звѣздамъ: ἠέλιος δ᾽ ἄρ ἔδυ, δύσετο δ᾽ ἠέλιος—запало, зашло, солнышко; βοώτης ὀψὲ δύων звѣзда поздно западая. (Од. I, 24). Латинское: occidunt lucernae—значитъ: свѣтильники гаснутъ.

Въ живой народной рѣчи донынѣ глаголы заходить и „*западать*" по отношенію къ небеснымъ свѣтиламъ, отвѣчаютъ Греческимъ: δῦναι, καταδῦναι: говорятъ безразлично: „солнышко заходитъ" и „солнышко за лѣсъ *западаетъ*".

Даже и по отношенію къ другимъ предметамъ глаголъ *западать* значитъ или (*изчезать* дорога запала) или *скрываться* („назавтріе поидоша прочь и *западоша*). (И. Г. Р. VI, пр. 514).

Ср. въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„Онъ за кустышки вѣдь заюшко туляется,
„И за ракитовы, упалой-то, *западыватъ*. (Пр. С. Кр. ч. III. стр. 164).

Въ виду всего сказаннаго, думаемъ, что въ „Словѣ": заря—свѣтъ *запала* значитъ заря скрылась, погасла, (ἔδυ, occidit).

Толкованія предшествовавшихъ комментаторовъ см. выше т. II, стр. 170—174).

Г. Гонсіоровскій придумалъ новое толкованіе этого слова, прибѣгнувъ къ языку Польскому. Въ польскомъ языкѣ есть де глаголъ palaç; praesens indicativ, palam; cum praepositione ꙁа=zapalaç, загорѣться, запылать; ꙁапала aor. 3 pers. sing.—значитъ: заря загорѣлась, запылала, занялась.

Во 1-хъ для подобнаго толкованія не видимъ никакой надобности обращаться къ языку Польскому. Глаголъ этотъ является и въ произведеніяхъ Кіевской литературно - повѣствовательной дружинной школы. Такъ, въ повѣсти Флавія читаемъ: палаше пламень и рилла не оужасошася (л. 185); въ Кіевской лѣтописи: „и нача *палати* пламень утлизнами (Лавр. 190). Достаточно заглянуть въ Словарь Даля, чтобы убѣдиться, что этотъ глаголъ и донынѣ бытуетъ въ живой народной рѣчи.

Во 2-хъ, принять такое толкованіе не позволяютъ ближайшія картины „Слова": „долго ночь мркнетъ; мгла поля покрыла"; трудно допустить, чтобы въ средину между этими явленіями авторъ вставилъ—*пылающую зарю*; гораздо умѣстнѣе здѣсь заря потухающая.

Заранїи (genet. sing. neutr.) отъ **Заранїе**, заранокъ, ранняя пора.

Подобное выраженіе читается въ Псковской лѣтописи (in annexu praepositione по pro ꙁа): поранїе: „стояша *въ поранья* до вечера. (И. Т. Р. VI, прим. 252).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ=ꙁаранокъ:

„На разсвити на *заранци*
„Еще стали бусурманци. (Мстл. 274; Тихонр. 56).

Тоже выражается оборотами:

„*Из-по-ранному* было по утрышку. (Пр. С. кр. ч. 1, стр. 126).

„Ѣздитъ онъ изъ *утра* до вечера. (Рыбн. 1, 56).

Въ Кіевскомъ лѣтописномъ сказаніи о походѣ Игоря—историческій моментъ, о которомъ говорится въ „Словѣ" выражается такъ: *утра*—же пятку наставшу.

Какъ въ славяно-русскихъ переводахъ, такъ и въ нашихъ лѣтописяхъ *зараніе*, по своему образованію и значенію, соотвѣтствуетъ слову: *заутріе*; такъ въ книгѣ Пророковъ: прежде заутрна—πρινὴ πρωί. (Ис. XVII, 56); въ Кіевской лѣтописи: съ вечера до *заутрья* (Лавр. стр. 161).

Въ живой народной рѣчи обыкновенно говорится: *съ-изъ-зарання*, *съ-по-заранку*, *съ позараньица*.

Въ „Словѣ": съ *заранія* до вечера. Выраженіе это буквально отвѣчаетъ греческому—ἀπὸ πρωΐ ἕως ἑσπέρας (Дѣян. XXVIII, 23), что въ Карпинскомъ Апостолѣ передается выраженіемъ ѿ зорь до вечера, въ другихъ же спискахъ: ѿ оутра до вечера.

Въ виду этого намъ кажется весьма удачно Н. С. Тихонравовъ *зараніе* сближаетъ съ словомъ *зареніе*—испусканіе зари, разсвѣтъ.

Зари, зори (nomin. plur. femin). отъ зари, зоры—свѣтовой отблескъ отъ солнца, находящагося подъ небосклономъ, при его захожденіи вечеромъ и при его восхожденіи утромъ.

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ XI—XIII вв. слово это отвѣчаетъ Гречвскимъ:

1) αἴγλη, fulgor, отливъ, блескъ отъ солнца; такъ въ Изборникѣ Святослава 1073 г. и въмѣстаста свята сего зарю—τοῦ ϑωτὸς ὅλου τὴν αἴγλην. (Изд. Общ. Ист. стр. 39).

2) αὐγή, splendor, отблескъ солнца; такъ въ книгѣ Діонисія Ареопагита, гдѣ оно передавалось и словомъ лоуча. (Син. сп. № 107 л. 97 об. Опис. Син. библ. III, 7); ср. въ книгѣ Пророковъ. (Ис. LIX, 9).

3) ἀκτίν, radius, лучъ солнечный; такъ въ словахъ Аѳанасія Александрійскаго противъ Аріанъ (Син. № 114; Опис. Син. библ. III, 57).

4) μαρμαρυγή, splendor; такъ въ Панд. Антіоха XI в. зарами обьзарающе—μαρμαριγᾶις περιαυγάζούσης (гл. 119, л. 268).

Въ произведеніяхъ литературно-повѣствовательной дружинной школы слово это читается нерѣдко: Си бысть (Ольга) предътекущая крестьянстѣй земли... аки *зоря* предъ свѣтомъ (Лавр. стр. 66), вид

въ монастыри чрезъ полю *зарю* велику надъ печорою (ib. 204). Иногда *заря*—называется *луча*: явися звѣзда на западѣ, и бѣ отъ нея *луча* (ibid. 425): употреблялось слово *заря* и вмѣсто зарево: бысть знаменье на небеси, акы пожарная *заря* (ibid. 266); сице пламеню бывшу, якоже со всѣе земли *зарѣ* видѣти.. отъ горенья сильнаго пламени (П. С. Р. Л. II, 195).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„*Заря* утреня теперь да спорыдается (Пр. С. кр. ч. I, 210).
„Подъ раннюю *зарю* да во подъ утрену (Ib. I, 211.

Въ живой народной рѣчи говорится: „отъ *зари* до *зари* не гляди въ окно т.-е. въ это время глубокая ночь.

Утренняя заря служитъ моментомъ пробужденія природы и вмѣстѣ съ тѣмъ вызываетъ человѣка на его дѣло и дѣланіе: „*заря* золотомъ сыплетъ; *заря* деньгу родитъ".

Въ эпическомъ сознаніи она получила важное значеніе и вызвала множество примѣтъ и гаданій. Лучшій часъ для ворожбы, заговоровъ и отговоровъ—это утреняя *заря-зарница*.

Какъ въ богатырскихъ словахъ, такъ и въ дружинныхъ повѣствованіяхъ—*заря* является порою, когда по преимуществу начинались бои.

„Тутъ *заря* зарумянилась,
„Бѣлые облака закудрявились;
„*Выѣзжаетъ на зелено поле*
„Дюкъ Степановичь. (Рыбн. I, 314).

„Завричалъ Дюкъ Степановичь:
— Ты сильный злодѣй Шаркъ великанъ!
— Завтра на *зорѣ* биться начнемъ. (Ib. I, 314).

„Не *лучная зоринька* просвѣтила
„Острая сабля промахнула. (Ib. 140).

Бои дружинной Руси также начинались по зорямъ. Утрій же день.. яко *зорѣ почашеся заимати* въ трубы въструбивша, полци начаша доспѣвати (Ип. стр. 63); яко *зорѣ почашеся заниматися*, кликнуша. (Ib. 56).

Заря въ разныхъ своихъ моментахъ представляетъ разныя степени яркости, бле ка и цвѣта и потому она трактовалась какъ *зори*, кои различались. Это видимъ мы въ греческихъ памятникахъ; такъ напр. у Флавія читаемъ: ὑπὸ τὰς πρώτας αὐγάς—**въ первыя зорѣ** (Lib. V, c. VII, 3).

Въ нашихъ лѣтописяхъ встрѣчаемъ тоже: *по зорямъ* исполцися Изяславъ (Ип. 51); *по зорямъ* бишася до поздноѣ вечернѣ (ib. 22); старцу отстоявшу утреню передъ *зорями* (ib. 185).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„На небѣ *зори* и въ теремѣ *зори* (Рыбн. III, 182).
„На небѣ *заря* и въ теремѣ *заря* (ib. III, 195).

Въ „Словѣ" *заря* съ одной стороны является, какъ обычный указатель времени: что ми шумить рано предъ *зорями*? Погасоша вечеру. *зори*; а съ другой—какъ явленіе, къ коему выражается эпическое отношеніе: *кровавыи зори* свѣтъ повѣдаютъ; здѣсь съ ними связано зловѣщее значеніе. Какъ и въ другихъ древнихъ памятникахъ и народномъ пѣснотворчествѣ, *зори* и *зоря* употребляются здѣсь безразлично.

Что касается самаго слова *заря*, то лингвисты считаютъ его праславянскимъ. Будиловичъ дѣлаетъ слѣдующія сопоставленія: Болгар. *зара*, *зоръ*; нов. Серб. *зора*; Хорв. и Хорут. и Чешск. zora в. Луж. zera; Полаб. zörú; Польск. zorza (Перв. Слав. стр. 3). О значеніи *зари* въ миѳологіи см. у Аѳанас. I, стр. 82, 85, 87—88, 594; III, 327)

Зарѣза (aor. 3 pers. sing.) отъ **зарѣзати** (in annexu praepositionis **за**=**рѣзати**).

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ XI—XIII вв., глаголъ **рѣзати** отвѣчаетъ Греческому κόπτειν, caedere, сѣчь, рубить, убивать; такъ въ Галицк. **вѣтві рѣзахоу**—ἔκοπτον (Лук. XI, 8; ср. Мѳ. XXI, 8); въ другихъ списк. **отсѣкахоу**.

Читается также и (in annexu praepositionis **оу**) **оурѣзати** въ соотвѣтствіи Греческимъ: ἀποκόπτειν, abscidere—отрубить и ἀφαιρεῖν auferre—отнять, отдѣлить; такъ въ Евангеліяхъ: **оурѣза оухо**—ἀφεῖλεν (Мѳ. XXVI, 51; Мрк. XIV, 47), ἀπέκοψεν (Іоап. XVIII, 10).

Но собственно ҙарѣҙати въ древне-славянскихъ переводахъ соотвѣтствуетъ глаголу ҙакалати, который встрѣчается весьма часто и отвѣчаетъ Греческимъ κόπτειν, caedere, θύειν mactare и др. (см. напр. Лук. XV, 23; 27, 30).

Въ произведеніяхъ литературно-повѣствовательной дружинной школы глаголъ этотъ читается не рѣдко. Пришедшю (Владиміру къ Гориславѣ) и уснувшу, хотѣ и *зарѣзати* ножемъ (Лавр. стр. 285); Горясѣръ повелѣ вборзѣ *зарѣзати* Глѣба; поваръ же Глѣбовъ именемъ Торчинъ, вынезъ ножь, *зарѣза* Глѣба (ib. 133); Мстиславъ, точно также, поборовъ Редедю вынзе ножь *зарѣза* Редедю (ib. 143); подъ 1230 г. читаемъ: иніи людіе *рѣзаху* своего брата (ib. 485). Здѣсь также читается иногда *закалати* вм. зарѣзати: и начнеть братъ брата *закалати* (ib. 253), привожаху сыны и тщери и *закалаху* (ib. 89).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„Вокругъ огней скамьи стоятъ.
„На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы
. . . .
„Въ срединѣ ихъ старикъ сидитъ,
„Онъ точитъ свой булатный ножъ,
„Возлѣ котла котелъ стоитъ,
„Хотятъ козла *зарѣзати* (Черн. Епарх. Вѣд. 1872 г. № 24).

„Сослучилося несчастіе
„Что жена мужа потѐряла,
„Вострымъ ножичкомъ *зарѣзала*;
„На ножичкѣ сердце вынула,
„На булатномъ сердце встрепенулося (Тр. Этн. Отд. кн. IV, 54).

Изъ сказаннаго видно, что *зарѣзать* значитъ собственно заколоть кого ножемъ, перерѣзать горло.

Въ „Словѣ" о Мстиславѣ храбромъ говорится буквально словами Кіевской лѣтописи: иже *зарѣза* Редедю.

Засапожникы (instrument. plur. masc.) отъ **засапожникъ**, ножъ съ кривымъ клинкомъ, носимый за правымъ голенищемъ, черенъ коего скрытъ напущенными шароварами; нынѣ называется *клинкомъ*. Это—ножъ охотничій и дорожный, а въ старину былъ и ножъ ратный. Ножи подраздѣлялись на поясные, подсайдачные и *засапожные* (Даль).

Что на дружинныхъ бояхъ орудовали ножами, это видно изъ лѣтописныхъ указаній: „Козляне же ножи *рѣзахуся* съ татарами" (Ип. 176); поганіи же... иныхъ ножи *изрѣзаша* (П. С. Р. Л. IV, 51). Въ повѣсти Флавія: ѡфонъ же видѣ бывшее рѣзаса (л. 140 об.).

Первые издатели *засапожникы* перевели „кинжалами".

Шишковъ: точно ли засапожникъ значитъ кинжалъ, сего мнѣ нигдѣ видѣть не случалось.

Пожарскій *засапожники* удержалъ въ своемъ переводѣ.

Вельтманъ: *засапожникъ*—косарь, подобный ханджиру.

Дубенскій: *засапожники*—кинжалы или ножи за сапогами. Ношеніе сапоговъ было въ обычаѣ у дружинной Руси; у Нестора Добрыня говоритъ о Болгарахъ: иже вси въ сапозѣхъ (И. Г. Р. I, пр. 438); новгородци и порты и сапози сметавше, поскочиша боси (Соф. Вр. I. 225). Что оружіе пряталось подъ одеждою, на это есть также историческія указанія (напр. топоръ *подъ скутомъ* т.-е. спрятанъ подъ одеждою. И. Г. Р. II, пр. 141, 143).

Полевой: *засапожники* это—ножи, но не назывались ли такъ и самые воины, подобно тому какъ по копью—копейщики, по мечу—мечники?

Заступаше (imperf. 3 pers. sing. indicat.) **заступи** (aor. 3 pers. sing. indicat.) **заступивъ** (gerund. perfect.) отъ **застоупати**, **заступити**.

Въ древнѣйшихъ Славянскихъ переводахъ глаголъ этотъ отвѣчаетъ Греческимъ:

1) ἀντέχεσθαι, adhaerere—крѣпко держаться за что; такъ въ Пандектахъ Антіоха XI в. застоупающа вѣрное слово оучению—ἀντεχόμενον τοῦ κατὰ τὴν διδαχὴν πιστοῦ λόγου (гл. 122, л. 274).

2) συναντιλαμβάνεσθαι, opitulari—помогать, оказывать содѣйствіе;

такъ въ Карпин. Апостолѣ XIII—XIV в. **застлпаеть немощь нашж**—συναντιλαμβάνεται ταῖς ἀσθενείαις ἡμῶν (Рим. VIII, 26).

Но въ этихъ значеніяхъ глаголъ **застүпати** намъ не встрѣчался въ произведеніяхъ литературно-повѣствовательной дружинной школы.

3) Въ повѣсти Флавія читаемъ его въ значеніи—ὑποτέμνεσθαι, praecidere — отрѣзывать, пресѣкать, adimere — возбранять, заграждать: **антонїи же застүпи имъ вса поүти** (л. 146 об.)—ὑποτέμνεται τὰς εἰσόδους αὐτῶν (Lib. IV, c. XI, 3).

Въ этомъ именно значеніи читаемъ его и въ лѣтописяхъ: се печенѣзи *заступиша* пороги и не бѣ лзѣ пройти порогъ (Лавр. стр. 72 ср. Ип. стр. 76).

У Даніила паломника: **и придохомъ къ црькви... къ западнымъ дверемъ и се множьство людеи застоүпили двери** (мой сп. XVI в.).

Сравн. въ Клаледвор. рук. Woimir zastupi uwal na wzchod na pol—Воймиръ заступилъ выходъ изъ долу на поле (Русс. Достоп. II, 205, пр. 26).

Въ „Словѣ" точно также въ значеніи ὑποτέμνεσθαι: солнце тьмою путь *заступаше*, т.-е. загораживало, пресѣкало; *заступивъ* королеви путь, т.-е. отрѣзавъ путь королю, сдѣлавъ путь непроходимымъ; жалость знаменіе *заступи*, т.-е. заслонила собою.

Кн. Вяземскій замѣтилъ, что выраженіе это соотвѣтствуетъ Французскому: tenir en echec—ставъ на его дорогу.

Затворивъ (gerund. perfect.) отъ **затворити** (in annexu praepositionis **за=творити**).

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ XI—XIII вв. глаголъ этотъ отвѣчаетъ:

1) Греческому—ἀποκλείειν, claudere—запирать, замыкать; такъ въ Евангеліяхъ: **въстанеть гь домоү и затворїть двьри**—καὶ ἀποκλείσῃ τὴν θύραν (Лук. XIII, 25) **и затворь двьри**—καὶ κλείσας τὴν θύραν (Мѳ. VI, 6).

Въ повѣсти Флавія: **затвори врата граднаа** (л. 121)—ἀπέκλειέ τε τὰς πύλας (Lib. IV, c. IV, 3); **внүтрьнаа врата затвориша** (л. 96 об.); **и се нынѣ затворени сѣдимъ** (л. 121).

2) συγκλείειν, concludere; такъ въ книгѣ Псалмовъ XII—XIII в. **и скоты ихъ ꙁатвори**—συνέκλεισεν (пс. 77, 50).

3) Но кромѣ собственнаго значенія глаголъ этотъ употребляет и въ значеніи образномъ—въ соотвѣтствіи Греческому выраженію τὴν πάροδον ποιεῖν κλειστὴν—transitum munire, укрѣпить, замкнуть проходъ, сдѣлать его непроходимымъ; такъ въ повѣсти Флавія: **тъ во кѣ кл҃ка выхода. того же древле александръ цр҃ь ꙁатвори желѣзными враты**—τῆς παρόδου γὰρ οὗτος δεσπότης ἐστὶν ἣν ὁ βασιλεὺς Ἀλέξανδρος πύλαις σιδηραῖς κλειστὴν ἐποίησε—portis ferreis muniveral (Lib. VII, c. VII, 4).

Въ Лѣтописяхъ: „Θеодосій" *затворяше* двери печерѣ (Лавр. 180); Володимеръ же, вомча Игоря во дворъ матери своея *затвори*, ворота (ib. 301); церкви всѣ въ Володимерѣ повелѣ *затворити* (ib. 337); Блудъ же *затвори* двери (ib. 76); Греци замкоша судъ, градъ *затвориша* (ib. 29).

Въ словахъ богатырскихъ ἡ πάροδος κλειστὴ изображается такъ:

„*Заперта* была земля Латинская,
„Не было не выходу—не выѣзду (Рыбн. III, 46).

„Стояли тутъ пять богатырей,
„Не пропускали они ни конного,
„Ни конного—ни пѣшаго (Кир. I, 7).

Въ живой народной рѣчи говорится: „для незванныхъ гостей затворены ворота" т.-е. входа нѣтъ, ихъ не пускаютъ.

Въ „Словѣ": „затворивъ Дунаю ворота" значитъ именно: ποιήσας τὴν πάροδον τοῦ Ἰστροῦ, Δουνάβης κλειστὴν т.-е. замкнувъ переходъ чрезъ Дунай, сдѣлавъ его непроходнымъ, или что тоже: ты укрѣпилъ Дунайскій проходъ, transitum Dunavii muniveris (см. **желѣꙁными**).

Ꙁатче (aor. 3 pers. sing. indicat.) отъ **ꙁаткнѫти, ꙁатъкати** (in annexu praepositionis **ꙁа=тъкнѫти, тъкати**)—βύειν, obturare, замыкать, заложить.

Въ Пандектахъ Антіоха XI в. читаемъ: **ꙁатыкаѭшта оуши** σαβυούσης τὰ ὦτα (гл. 24, л. 60, ср. пс. LVII, 5).

Въ одномъ изъ церковныхъ пѣснопѣній: **роущѣ распростръ данилъ львовъ ꙁїаніе въ ровѣ ꙁатче** (пѣсн. н҃, гл. д҃).

Въ „Словѣ" тугою имъ тули *затче*, т.-е. замкнуло, заложило.

Сравн. въ лѣтописяхъ въ грамматическомъ отношеніи „*сътче*".

Заутренюю (accus. sing. fem.) отъ **Заутренїи** —πρωϊνός, matutinus.

Въ древнѣйшихъ Евангеліяхъ (τέτρω XI в.) читаются указанія: **еѵа҃ ꙁаоутрьнниꙗ.** т.-е. Евангельскія чтенія, положенныя для заутрени (утренней службы).

Что церковныя службы назывались подобнымъ образомъ, это видно и изъ другихъ данныхъ древнѣйшихъ переводныхъ памятниковъ, Такъ напр. въ Студійскомъ Уставѣ, читаемъ: **почннають вѐрнюю** (Опис. Син. библ. № 384, стр. 374). Въ Сборникѣ Скитскихъ моленій XIII в. **по образоу прс҃ писанномоу почннаемъ оутренюю** (Спис. Ярослав. Архіер. библ.).

Тоже видимъ и въ Кіевской лѣтописи; „дондеже отпояху *утреню* и тогда изидяше въ келью свою; по обычаю бо сему старцю, отстоявшю *утреню* предъ зорями, идоша по кельямъ своимъ; и реша: яко давѣ скочилъ есть со столпья по *заутрени* (Лавр. стр. 185).

На утріе по *заутрень* пріиде княгини (Галиц. подъ 1289 г.).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
„Отстоялъ дома раннюю *заутреню*
„Сталъ то я *заутреню* во Муромѣ
„Поспѣвалъ то къ обѣденкѣ въ стольно-Кіевъ градъ (Рыбн. I, 59).

Въ живой народной рѣчи *заутреня* называется и „*завтренья*", тоже, что *заутреняя*. Заутреня въ Кіевской Руси оканчивалась до восхода солнца: „Заутренюю отдавше Богови хвалу и потомъ солнцу въсходящу и, узрѣвше солнце, прославити Бога... тако бо отецъ мой дѣяшеть и вси добріи мужи свершении. (Лавр. стр. 238).

Изъ сказаннаго видно, 1) что подъ словомъ **ꙁаутрениꙗ** разумѣлась именно ранняя церковная служба и 2) что слово это употребля-

лось безразлично и въ полночленной и усѣченной формѣ.—(**ꙁаутрєна** **и ꙁаутрєна**).

Въ „Словѣ": позвонища *заутренюю* рано у Святыя Софеи к колоколы.

Кажется нѣтъ возможности, сомнѣваться что *заутренюю* здѣсь значитъ именно раннюю службу; но г. Потебня сталъ въ недоумѣніе предъ членностію прилагательнаго и предположилъ, будто имъ означается *заутреняя пора*, година, а не церковная служба. Приведенныя имъ лѣтописныя указанія не только не подтверждаютъ его мнѣнія, а напротивъ доказываютъ противное: „бысть знаменье въ солнци въ *вечернюю*, т.-е. во время вечерни (Новг. стр. 6 подъ 1131 г.) поставиша архіепископа Нифонта и пріиде Новгороду... на *обѣдню*, т.-е. къ обѣдни (ib. подъ 1130 г.) Нѣтъ никакого основанія разумѣть здѣсь вечернюю пору или обѣденное время. Лѣтописцы время опредѣляютъ обыкновенно церковными службами. Напрасно также г. Потебня видитъ подтвержденіе своего мнѣнія въ словахъ: *вечерню* же (а не вечернюю—де) поющимъ единъ отъ дьякъ зараженъ бысть (ib. 4) Изъ указанныхъ нами данныхъ онъ можетъ видѣть, что *вечерня* называлась и „**кєрнма**".

Звєнитъ (praes. 3 pers sing. indicativ.) отъ **ꙁвєнѣти**—ἠχεῖν sonare, брящать, издавать звукъ металла.

Въ Пандектахъ Антіоха XI в. **быхъ ꙗко мѣдь ꙁвьнашти**—χαλκὸς ἠχῶν (гл. 56, л. 122 об. ср. Кор. XIII, 1).

Въ живой народной рѣчи говорится: „полно звенѣть пустого-то пять разъ слыхали; про то уши *прозвенѣли*". (Сообщилъ Касьяновъ).

Въ „Словѣ" глаголъ этотъ является;

1) въ собственномъ значеніи: что ми шумить, что ми *звенить*. Авторъ словно слышитъ, какъ Игорь полки заворачиваетъ; до его слуха какбы доносится бряцаніе оружія, доспѣховъ, сбруи конской возвращавшихся полковъ на мѣсто боя; звененіе это имѣетъ аналогію въ книгѣ Пророковъ: „**въꙁопіютъ людіє ѿ шюма оустрємлєніа єго, ѿ оружиа ногъ єго и ѿ грємѣньꙗ колєсницъ єго и ѿ ꙁвоука колєсъ єго**—ἀπὸ φωνῆς ὁρμῆς αὐτοῦ, ἀπὸ τῶν ὅπλων ποδῶν αὐτοῦ, καὶ ἀπὸ σεισμοῦ τῶν ἁρμάτων αὐτοῦ, καὶ ἤχου τῶν τροχῶν αὐτοῦ (Іер XLVII, Греч. XII, 2—3).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„Еще что-де въ чистомъ полѣ стучитъ—брянчитъ? (Рыбн. III, 304).

„*Зазвенѣло* вдругъ копыто лошадиное
„Забрянчала тутъ сбруй да коня добраго. (Пр. С. кр. ч. III).

2) въ значеніи образномъ: *звенитъ* слава въ Кіевѣ, т.-е. раз-
ется въ ушахъ Кіевлянъ: городъ Кіевъ ее переживаетъ.

Звонъ—κώδων, tintinnabulum, гулъ металла, звукъ брязающихъ
едметовъ.

Въ лѣтописяхъ нерѣдко говорится о вѣчевомъ звонѣ: повелѣ
яславъ *звонити* вѣче (И. Г. Р. II, 315); и *взвониша* у св. Николы
. III, пр. 180); упоминается также и о звонѣ церковномъ: не бысть
звоненья, ни пѣнья по всему граду и въ сборной церкви (Лавр.
р. 337).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„Звонили *звоны* въ Данковѣ градѣ,
„Звонили *звоны*—свѣтъ Марія душа;
„Мимо ѣхалъ Иванъ господинъ
„*Звону* ея онъ заслушался,
„Красоты ея онъ засмотрѣлся (Шейн. Р. П. 468).

„Какъ построены были церкви соборные,
„Исподведены *звоны* колокольные. (Рыбн. III, 182).

„Молодой Олеша въ богомольной стороны
„Колокольному *звону* въ Новѣгородѣ (ib. I, стр. 177).

Въ „Словѣ" *звонъ* является:

1) Какъ звонъ колокольный; онъ является здѣсь въ эпической
ртинѣ, изображающей *вѣщую* душу Всеслава; какъ для его держа-
тѣла, крѣпкаго и мужественнаго, не существовало граней, могу-
іхъ утомить и изнемочь его; тысячи верстъ онъ могъ пробѣгать въ
ну ночь и притомъ до восхода солнца—отъ Кіева до Тмуторока-
, превратившись въ волка; такъ и для *чуткости* вѣщей души его

не было предѣловъ: онъ зналъ, гдѣ и что на счетъ его затѣвалось. Тому въ Полотскѣ *позвониша* за утренюю рано у Святыя Софеи *въ колоколы*, а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша.

Припомнимъ здѣсь пословицу: „въ Москвѣ къ заутренѣ звонили, а на Вологдѣ звонъ слышали“. Ею выражается именно чуткость отдаленныхъ областей къ тому, что затѣвалось въ центрѣ Московскаго государства. Или же говорятъ: „слышалъ *звонъ*, да не знаешь, гдѣ онъ“. Вѣщая душа Всеслава была слишкомъ чутка; она знала, гдѣ звонъ и откуда онъ.

2) Далѣе *звонъ* является здѣсь, какъ *звонъ* боевой и вмѣстѣ звонъ бѣдствій, неизбѣжно посылаемыхъ судьбою. Прежде всего это было—дружинное бряцаніе, о которомъ не разъ говорится въ лѣтописяхъ: „и ту бѣ видѣти ломъ копійный и *звукъ* оружьный (Ип. 110); и бысть ту сѣча зла и трускъ отъ копій ломленія и *звукъ* отъ мечнаго сѣченія (Соф. I, стр. 180). Съ этимъ *звономъ* внутренно связывался и гулъ страшныхъ оглушающихъ золъ, неизбѣжно переживаемыхъ въ боевую годину; такъ въ повѣсти Флавія читаемъ: **гнѣвъ бж҃їи тъ есть ѿ множества неправдъ нашихъ собранъ и за безаконьство наро҃ нашь, яко вы вѣсте. мнимъ же яко и по насъ боудеть сь звонъ. нимъ же есми длъжни месть приняти. и глю вамъ моляся да не прінмемъ мы мьсти ѿ врагъ нашихъ римлянъ. но ѿ влки, предь нимъ же съгрѣшихомъ** (л. 271 об). Итакъ, здѣсь *звономъ* называется звонъ мести или гнѣва Божья, проявляющійся въ страшныхъ оглушающихъ бѣдствіяхъ. Достойно вниманія, что въ греческомъ подлинникѣ повѣсти Флавія это мѣсто не читается и потому мы относимъ его къ языку и понятіямъ Кіевской дружинной Руси. (Lib. VIII, с. VIII, 6).

Въ „Словѣ“: туже *звонъ слыша*, Ярославь сынъ Всеволодъ, а Владиміръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ. Эти изображенія рисуютъ лишь внѣшнія ощущенія, но подъ ними разумѣются внутреннія соотвѣтствующія движенія. Здѣсь сказывается Бояновскій языкъ (см. Стиль „Слова“, т. V), который для насъ, привыкшихъ къ отвлеченной мысли, утратилъ свой смыслъ и потому кажется мало понятнымъ. Выраженіе „*слышать звонъ*“ стоитъ во внутренней связи съ понятіемъ звона, который былъ переживаемъ дружинниками, и потому должно быть объясняемо въ связи съ этимъ ихъ переживаніемъ.

Слышать звонъ значитъ ощущать его, быть подъ его воздѣйствіемъ, перепытать, выносить на себѣ тяжесть боя и связанныхъ съ нимъ бѣдствій, оглушающихъ боевыхъ золъ. Такъ дѣйствительно и было съ Всеволодомъ. Вся боевая тяжесть легла именно на него; изъ князей оставшихся въ живыхъ ему болѣе всѣхъ пришлось пережить при этомъ тяжкихъ боевыхъ испытаній, ощущать боевой гулъ и переносить его оглушающую силу. Разбитый на голову онъ долженъ былъ искать помощи у другихъ и лишь благодаря этой поддержкѣ имъ одержана была побѣда на Нежатиной нивѣ. (О смыслѣ закладанія ушей Владиміромъ—см. подъ словомъ закладаше).

Мнѣнія другихъ комментаторовъ см. выше, т. II, стр. 182—186.

Выраженіе: а онъ (Всеславъ) въ Кыевѣ *звонъ* слыша—

Дубенскій толковалъ такъ: „вмѣсто того чтобы итти Богу молиться, поскакалъ въ Кіевъ". За это будто бы пѣвецъ примѣнилъ къ нему пословицу: „хръсови путь прерыскаше".

Потебня вмѣсто: „а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша" читаетъ, „а оно=анъ (Малоросс. *ажъ*) звонъ *ся* слыша", замѣчая при этомъ, что въ фонетическомъ и палеографическомъ отношеніи подобное чтеніе будто бы не требуетъ оправданія. Но, во 1-хъ, желательно бы знать, встрѣчается ли гдѣ въ древне-русской письменности *а оно* въ замѣнъ *анъ* или Малороссійскаго *ажъ*; во 2-хъ, настоитъ ли надобность для такого сомнительнаго оборота, который не имѣетъ для себя аналогій въ древне-русскихъ памятникахъ, привносить *ся* въ текстъ, гдѣ такъ просто можно обойтись безъ него. Г. Потебня переводитъ: „Ему (въ честь его) позвонили въ Полоцкѣ и этотъ звонъ (а онъ звонъ) т.-е. слава его изъ Полоцка дошла до Кіева". Но спрашивается, какая связь подобной мысли совсѣмъ тѣмъ, что выше говорилось о Всеславѣ? Ради падежа dativ. commodi г. Потебня опустилъ изъ виду внутреннее соотношеніе творческихъ мыслей. Въ виду этой связи г. Смирновъ основательно замѣтилъ, что *заутренюю* и *рано*—черта рисуемаго здѣсь образа существенная и необходимая, а потому и поправка: „а оно звонъ ся слыша" совершенно лишняя. Да и томоу здѣсь, какъ и ниже: *тому Боянъ припѣвку рече* значитъ не въ честь его, въ его пользу, а только *ради его, изъ-за него*, т.-е. здѣсь не dat. commodi, а дательный повода или основанія.

Звони, звонячи (praes. gerund. activi generis) отъ **звонити** (verbum activum ab **звенѣти**)—ударять въ звенящій предметъ, производить гулъ разносящійся во всѣ стороны, а въ смыслѣ образномъ: разглашать, прославлять, или же славиться, похваляться.

Въ живой народной рѣчи говорится: „не всѣ пономари, а рѣдко кто не званивалъ"; „больно свято звонишь, чуть на небѣ не слышно"; полно звонить пустова-то и т. п.

Въ „Словѣ": *звоня* русскимъ златомъ—т.-е. побрякивая, въ значеніи хвастаясь, славясь, похваляясь.

Звонячи въ прадѣднюю славу, какъ бы въ колоколъ—значитъ широко и далеко распространяя славу своихъ предковъ.

Академикъ Куникъ—замѣчаетъ, что выраженіе „звоня златомъ" представляетъ быть можетъ, остатокъ не только эпическаго способа выраженія, но и древне-славянской аллитераціи. Ему соотвѣтствуетъ напр. исландское: „gialla gulg". Въ древности и у другихъ народовъ водилось, кажется, подобное выраженіе въ примѣненіи къ женщинамъ. (О Зап. Готск. Топарх. стр. 141).

Звѣремъ (instrum. sing. masc.) **звѣри** (accus. plur. слѣдуетъ—**звѣрѧ**) отъ **звѣрь**—θηρίον, bestia.

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ слово это читается часто: **и бѣ тоу въ поустыни... и бѣ съ звѣрьми** καὶ ἦν μετὰ τῶν θηρίων (Мрк. I, 13); въ Святославовомъ Изборникѣ 1073 г. **аки звѣрь сръташть**—ὡς θηρίον (изд. Общ. Истор. стр. 172); въ книгѣ псалмовъ XII—XIII вв. **запрѣти звѣремъ**—τοῖς θηρίοις (пс. LXVII, 31).

Въ повѣсти Флавія: **ристахоу.. акы звѣри** (л. 170 об.).

Въ лѣтописяхъ: „бяху ловяще *звѣрь* (Лавр. 9) *звѣрь* **крѣпкыи** (ib. 15) гна по *звѣри* въ лѣсѣ (ib. 72).

Въ посланіи Мономаха: „*звѣрье* разноличніи" (Лавр. 235).

Въ повѣсти о Дигенисѣ: „похупается всякый звѣрь побѣдити. (И. Г. Р. III, пр. 272).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„Во темныхъ лѣсахъ *звѣревъ* я не боялася,
„Въ темной рощѣ волковъ сѣрыхъ не страшилася. (Пр. С. кр. ч. I, стр. 152).
„Быдто *звѣрь* напалъ на ўпадь во темнòмъ лѣсу. (Ib. 286).

Въ живой народной рѣчи говорится: „по зубамъ да по костямъ звѣря знать"; но весьма часто, какъ и въ народныхъ пѣсняхъ, звѣрь употребляется въ значеніи *волка*; отъ *звѣря*, говорятъ, житья нѣтъ; *звѣрь* скотину валитъ.

Въ литовскомъ языкѣ—zweris также по преимуществу означаетъ волка. (Прейсъ. Ж. М. Н. Пр. 1841, кн. II, отд. IV, 32—36).

Отсюда (adjectivum) **ꙁвѣринъ**—τῶν θηρίων. Въ Апостолѣ XIV в. читаемъ: **въсако бо єстєство ꙁвѣрино оукрацꙗєтьсꙗ єстєствомъ чл҃вчьскымъ**—πᾶσα γὰρ φύσις θηρίων. (Іак. III, 7).

Въ „Словѣ": на кости *звѣря* зовутъ—τὰ θηρία; свистъ *звѣринъ*—τῶν θηρίων; скочи лютымъ *звѣремъ* (см. лютый). Во всѣхъ этихъ случаяхъ—подъ звѣремъ разумѣется *волкъ* (см. свистъ. лютый).

Ꙁдрави (nomin. plur.) отъ **ꙁдравъ** (adjectivum).

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ слово это отвѣчаетъ Греческимъ:

1) ὑγιής, sanus, такъ въ Евангеліяхъ XII—XIII вв. **съдравъ бывааше** ὑγιής ἐγίνετο (Іоан. VII, 23); **видаще... вѣдныꙗ съдравы**—κυλλοὺς ὑγιεῖς (Мѳ. XV, 31).

2) ὑγιεινός, sanus; такъ въ Пандектахъ Антіоха XI в. **разоумникы и съдравѣиша соуща**—καὶ ὑγιεινοτέρους εἶναι (гл. IV, л. 13 об.).

3) ὑγιαίνων, sanus; Такъ въ Святославомъ Изборникѣ 1073 г. **боластоущимъ бо овьцамъ не лѣпо, съ съдравыими**—μετὰ τῶν ὑγιαινόντων (изд. Общ. Ист. стр. 124).

4) ἰσχύων, robustus, potentia valens: **не трєбоуютъ съдравии врача**—οὐ χρείαν ἔχουσιν οἱ ἰσχύοντες ἰατροῦ (Мѳ. IX, 12; ср. Мрк. II, 17).

5) Наконецъ словомъ **ꙁдравъ** передавалось греческое выраженіе: καλῶς ἔχειν: **на недоужьныꙗ роукы въꙁложатъ и съдрави боудоутъ**—καὶ καλῶς ἕξουσιν (Мрк. XVI, 18); точно такъ словомъ **болащеи** переводилось: κακῶς ἔχοντες (Мрк. II, 17). Эти Греческіе обороты вполнѣ соотвѣтствуютъ выраженіямъ въ народномъ пѣснотворчествѣ: *быть въ добромъ здравьицѣ* или *тяжеломъ неможеньицѣ*—т.-е. чувствовать себя или пріятно или тяжело.

Въ Лѣтописяхъ читаемъ: „Братъ ми Левъ и Мьстиславъ (спрашивалъ Владиміръ Галицкій) и сыновець *въ здоровьи ли?* Они же (слу-

ги) повѣдающе: *здорови* вси и бояре и слуги (П. С. Р. Л. II, подъ 1287 г.). Объ Александрѣ Невскомъ говорится и тѣхъ изби, а самъ пріиде *здравъ* (И. Г. Р. IV, пр. 35).

Въ указанныхъ значеніяхъ при разныхъ сочетаніяхъ слово—это бытуетъ и въ живой народной рѣчи; такъ говорятъ: онъ, славу Богу, здоровъ т.-е. ἔχει καλῶς; чувствуетъ себя хорошо. Онъ *здоровъ* въ значеніи дюжъ ἰσχύων (здоровъ мѣшки носить); онъ всегда *здоровъ*—ὑγιής, ὑγιεινός; всѣ переболѣли, а онъ *здоровъ*, благополучно здравствуетъ—ὑγιαίνων.

Въ „Словѣ": *здравъ* князи и дружина—οἱ ὑγιαίνοντες καὶ καλῶς ἔχοντες καὶ ἰσχύοντες, т.-е. здравствуйте, будьте благополучны, сильны и крѣпки, побарая за христьянъ на поганыя плъкы.

Подобный оборотъ читаемъ въ одномъ изъ принадлежащихъ намъ сборниковъ XVI в. „ꙁдрави боудѣте оцы и братиа. вси ꙁдрави боудѣте блгословенаа дроужина".

Зегзицею (instrum. sing. fem.) отъ **Зегзица**—κόκκυξ, cuculus—кукушка.

Въ древнихъ переводныхъ памятникахъ *зегзица* является въ формахъ: гоꙁлла и гогꙁоула.

Въ переводѣ Сильвестра и Антонія именемъ гоꙁули передана птица *алкіонъ*, точно такъ какъ *совою* замѣнена птица селевкисъ: ни сокы гъꙁули, ни срачіа—τῆς Σελευχίδος ἢ Ἀλχύονος (по списку намъ принадлежащему л. 139; въ Синод. ни сокы жегоꙁлиниа № 129, л. 115 об.). Въ Сборникѣ Кирилловскаго монастыря 1490 г. есть статья „о птицѣ глаголемой гогꙁоулѣ, яже въ инѣхъ птицъ гнѣзда яица своя вноситъ, сама же гнѣзду не хранитель есть (л. 818). Въ Палеѣ XIV в. она называется ꙁегзла: есть оубо птица ꙁегзла есть оубо ꙁлои соуще".

Въ одномъ изъ принадлежащихъ намъ Азбуковниковъ XVII в. она именуется еꙁъгзла; на полѣ той же рукой протолковано: ꙁегз...

Въ посланіи Мономаха, повидимому, эта именно птица названа *горлицею:* Бога дѣля пусти (сноху) съ первымъ сломъ, да с нею въ... чавъ слезы, посажу на мѣстѣ и сядетъ, *акы горлица на сусѣ* ... *желѣючи* (Лавр. 244).

Въ живыхъ народныхъ говорахъ *зегзица* также называется раз-
но: въ Олонецской губ. *загожка*; въ Псковской: *зезюля*; въ Смо-
ской: *зазуля*; въ Бѣлоруссвой: *зязюля*; въ Малороссіи *зозуля*.

Въ народной поэзіи она является съ подобными же именами:
Въ Сѣверно-русскихъ причитаніяхъ:

„Налетятъ да птички ластушки
„Сѣры малы *загозочки* (ч. I, стр. 29).

Въ южно-русскихъ пѣсняхъ:

„Где се взялась сыза *зозуленька*
„Въ головахъ сидѣла,
„Жалобно ковала
„Якъ сестра брата,
„Або маты сына оплакала (Церт. стр. 8).

„А у садочку калина
„А на калинi *зозуля*;
„Вона не куе, воркуе,
„Нихто зозули не чуе (Метлин. стр. 263).

Въ Бѣлорусскихъ пѣсняхъ:

„Якъ позычу, позычу
„Якъ полячу, полячу
„У зязюленьки крыля,
„Къ матынцы у госци (Шейн. Бѣл. II, 239).

Зегзица въ Зоологіи извѣстна подъ именемъ „cuculus canorus"—
ая кукушка. Шея до груди у ней пепельно-сѣраго цвѣта; маховыя
ья свинцово-черныя; рулевыя—черныя съ бѣлыми пятнами; глаза
ожелтые; клювъ черный, желтоватый у корня; ноги желтыя.

Кукушка, по словамъ Брема, существо подвижное, безпокойное
робкое; она избѣгаетъ общества, какъ себѣ подобныхъ, такъ и
бще всѣхъ птицъ. Всѣ виды этого семейства не занимаются сами
щиваніемъ дѣтей, но навязываютъ эту обязанность другимъ пти-
ъ, подкладывая въ ихъ гнѣзда свои яица. Уединенная, лишенная

семьи и собственнаго дома, кукушка на каждомъ почти деревѣ, на которое садится, издаетъ свое печальное *ку-ку*. Поэтому въ народномъ сознаніи она представляется птицей безпривѣтной, кокошей горегорькой, вѣчно оплакивающей свое печальное житье-бытье.

Въ народныхъ плачахъ она особенно часто выступаетъ какъ символъ горюющей и тоскующей женщины:

„Не кукуй кукушечка во сыромъ борочкѣ
„Не горюй, горюша, во сыромъ дубочкѣ (Этногр. Сборн. вып. VI, 112).

„Коковать буду, горюша, подъ околенкой,
„Какъ несчастная кокоша во сыромъ бору,
„На подсушной сижу да деревиночкѣ,
„Я на горькой сижу да на осиночкѣ (Прич. С. кр. ч. I, стр. 102, 201).

Срав. выраженіе у Мономаха: горлица.. *на сусѣ древѣ желѣючи*; и въ Краледв. рук. „na duba zezhulice zakukaze".

„Отойду, млада, послушаю,
„Не кукуетъ ли кукушечка,
„О своемъ о тепломъ гнѣздышкѣ
„Не плачетъ ли дѣвья крàсота?
„Плачетъ, плачетъ дѣвья крàсота (Чтен. 1870 г. кн. I, 557).

Въ „Словѣ" Ярославна точно также представляется въ образѣ *зегзицы не знамой* т.-е. кукушки горегорькой (см. незнаемъ). Полечу *зегзицею* по Дунаеви.

Сравн. въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„Куда летишь кукушечка?
„Лечу, лечу я въ тотъ лѣсокъ,
„Я въ тотъ лѣсокъ,
„Гдѣ милъ дружекъ.

„Не сизая зозуленька
„Въ темномъ лузі ковала;
„Не дрибная пташка

„Въ саду щебетала;
„Сестра з братомъ
„Издалека розмовляла,
„Поклонъ посилала (Максим. Укр. П., стр. 9).

Образъ этотъ въ „Словѣ“ является какъ бы подъ свѣжимъ и непо- ѕдственнымъ впечатлѣніемъ природы. Кукушка на Микольской день ѕуетъ, а какъ жито на полосѣ выйдетъ и куковать перестанетъ юбщ. Касьяновъ). Походъ Игоревъ былъ, какъ извѣстно, въ маѣ, е. въ то самое время, когда именно кукуютъ кукушки.

Что касается самого слова *зегзица,* то Будиловичъ дѣлаетъ ѕдующія сопоставленія Чешск. žezhula; Серб. гнгула; Литов. giegu- Польск. gžegžolka и Великорусс. кокоша—общаго корня κόκκυξ, тин. coccyx. Слово это очевидно звукоподражательное (см. кычеть). арійскихъ миѳахъ, зегзица является какъ птица пророческая (Грим. о. 389—394, 558, 704, 710; Аѳанас. 1, 509; 111, 225, 294, 686, 3; Первоб. Слов. 171, 350).

Зелену (dat. sing. neutr.), зеленоу (accus. sing. femin. sine antecedente praepositione на), отъ зеленъ—χλωρός, viridilis.

Въ переводныхъ памятникахъ XI—XIII вв. читаемъ: повелѣ но- ити вса... на тракѣ зеленѣ—ἐπὶ τῷ χλωρῷ χόρτῳ (Марк. VI, 39); ъ какъ лишь трава молодая бываетъ зелена, то это греческое вы- женіе переводилось также на тракѣ младѣ (Юрьев. сп. 1118—28 г.).

Въ лѣтописныхъ повѣствованіяхъ: „и въ очью яко *зелено* бяше“ Р. Л. IV, 16).

(Сравн. въ Краледвор. рук. kipiese krew po zelene trawie w ı zemiu).

Въ изучаемомъ памятникѣ слово *зеленъ* является точно въ такихъ сочетаніяхъ, какъ и въ народномъ пѣснотворчествѣ.

Такъ въ „Словѣ“: сглавшу ему *зелену траву.*

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„На желтой песокъ,
„На *траву зелену* (Тр. Этн. Отд. кн. III, 81).

Въ „Словѣ": одѣвавшу его... подъ сѣнію *зелену древу.*

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„Ужъ ты матушка *зеленая елиночка!*
„Распусти да свои прутьица ты вѣтлые,
„Ты отъ самой вершиночки до кòрешка
„И пріукрой меня отъ буйнаго отъ вѣтрышка
„И отъ погоды ты меня да все отъ пàдары,
„И ты отъ частыихъ меня да этыхъ дождичковъ
„И ты отъ темной меня тучи страховитой (Пр. С. кр. ч. III, 153).

Въ „Словѣ": на ниву *зелену.*

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„Въ чистыхъ поляхъ *зелены* луга" (пѣсн. „пойду съ горя")

Земле, землѣ (vocativ. sing. fem.), **земли** (genet. sing. antecedente praepositione **средь**), **земли** (dativ. sing. antecedente praepositione **по**), **земли** (local. sing. antecedente praepositione **въ**), **землю** (accusat. sing. antecedentibus praepositionibus **за, на, сквозъ**), **землями** (instrument. plur. antecedente praepositione **за**), **землямъ** (dativ. plur. antecedente praepositione **по**). отъ **земля** γῆ, terra.

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ XI—XIII вв. слово это какъ и Греческое γῆ, является въ разныхъ значеніяхъ:

1) въ значеніи земнаго тѣла: **земля потрясеся**—ἡ γῆ ἐσείσθη (Мѳ. XXVII, 51); **земля мимондеть**—ἡ γῆ παρελεύσονται (ib. XXIV, 35); въ повѣсти Флавія: **земля трясашеся и горы поклянишася** (л. 241 об.).

2) въ значеніи земной поверхности: **ни единъ же (врабіи) не падеть на земли**—ἐπὶ τὴν γῆν (Мѳ. X, 29); **паде на земли и моляшеся**—ἔπεσεν ἐπὶ τῆς γῆς (Мрк. XIV, 35).

3) въ значеніи страны и пространства ею занимаемаго: **изиде вѣсть си по всеи земли той**—ἐξῆλθεν ἡ φήμη αὕτη εἰς ὅλην τὴν γῆν ἐκείνην (Галиц. сп. Мѳ. IX, 26); **проиьнесе вѣсть въ всю землю ту** (Савин. сп. XI в.).

4) въ значеніи народовъ, на ней обитающихъ: **земле, земле! слыши слово гдне**—γῆ, γῆ! ἄκουε λόγον Κυρίου (Іер. XXII, 29); **вься земля**

ἡ πᾶσα γῆ) да поклониться тебѣ и пость тебе; ȥемлꙗ ȥавоулона и ȥемлꙗ сфталимли... обонъ полъ иордана—γῆ ζαβουλὼν καὶ γῆ νεφθαλεὶμ... ἑραν τοῦ ἰορδάνου (Мѳ. IV, 15); и ты віѳлеоме ȥемлѥ июдова... ни іи же мьньши ѥсі въ влкахъ июдовахъ—καὶ σὺ βηθλεὲμ γῆ ἰούδα Мѳ. II, 6).

Въ произведеніяхъ литературно-повѣствовательной дружинной школы слово это также разнообразится въ своихъ сочетаніяхъ; такъ встрѣчаемъ его:

1) въ значеніи земнаго тѣла: стукну *земля* (И. Г. Р. II, пр. 152).

2) въ значеніи земной поверхности, суши въ противоположность морю „се бо не по *земли* ходимъ, но по глубинѣ морьстѣй (Лавр. стр. 45).

3) въ значеніи страны: тѣми же пришедшимъ въ *землю* свою ib. 44); всю *землю Болгарску* именоваху (ib. 28). Князи Черниговскіе послаша къ Изяславу, веляче ему пойти, ревуче: *земля наша* погибаетъ, а ты не хощеши пойти (Ип. стр. 31).

4) въ значеніи народа въ странахъ обитающаго: Приде *Половецкая земля вся* (Лавр. 292); Олегъ на мя приде с *Половечьскою землею* (ib. 292); взятъ бысть Кыевъ... Ольговичи и всею *землею Половецкою* (ib. 397); пріѣха къ нимъ вся *земля Половецкая* (Ип. 164).

Точно также Кіевская Русь и дружинное сословіе назывались *землею Рускою*: *Руськыя дѣля земля* и хрестьянъ дѣля не пролейвѣ крови хрестьянскы (Ип. 43); при этомъ сѣверная Русь въ отличіе отъ южной именовалась *землею лѣсною*: иди въ лѣсную *землю* (Ип. подъ 1146 г.

Въ народномъ пѣснотворчествѣ слово это представляетъ такое же разнообразіе смысла въ разныхъ сочетаніяхъ:

1) земля мыслится какъ земное тѣло:

„Мать сыра *земля* колыбается“ (Пр. С. кр. I, 64).

2) какъ материкъ, суша въ противоположность морю:

„Я сама себя, побѣднушка, не знала,
„Ужъ я какъ да на синемъ морѣ спасалась;
„Тутъ повышла я на матушку *сыру землю*. (ib. стр. 262).

3) какъ страна:

„Идетъ-ступаетъ старый Данила Игнатьевичъ
. . . .
„И хотѣлъ пройти *всю землю* изъ края въ край. (Рыбн. I, 112).

4) какъ народы, на землѣ обитающіе:

„Государыня Никитину говорила:
— Ты ходи-гуляй по всѣмъ родамъ,
— По всѣмъ родамъ и по *всѣмъ землямъ* (ib. I, 173).

Во всѣхъ этихъ значеніяхъ—*земля* (γῆ—terra) читается и въ „Словѣ".

1) въ значеніи земнаго тѣла: стукну *земля*; земля *тутнетъ*.

2) въ смыслѣ земной поверхности: „връжаса дивъ *на землю*, т.-е. на земь, долу.

3) въ значеніи страны: грозы твоя по *землямъ* текуть, т.-е. по чужимъ странамъ. Стрѣляеши... Салтане за *землями*, т.-е. дальними странами.

4) въ значеніи народа и его владѣній: наведе плъкы *на землю Половецкую*, т.-е. Половецкія владѣнія. Загородите полю ворота за *землю русскую*, т.-е. ради народа Русскаго. О, Русская *земля*, уже въ за шеломянемъ еси! т.-е. дружинные Кіевскіе герои.

Опущеніе изъ виду разныхъ оттѣнковъ значенія этого слова вело иногда къ страннымъ толкованіямъ; такъ напр. **Шишковъ** объяснялъ выраженіе: *о русская земля.* „Примѣтимъ силу сего выраженія не войско, а какъ бы вся Русская земля сдвинулась съ своего мѣста и перешла за шеломень".

Злата (genet. sing. neutr.) **злато** (accus. sing.) **златомъ** (instrum. sing.) отъ злато—χρυσός, aurum.

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ слово это читаемъ:

1) въ значеніи металла и всего сдѣланнаго изъ него; не стяжите злата ни сребра—μὴ κτήσεσθε χρυσὸν (Мѳ. X, 9; кьто болии юсть злато ли ц҃ркви... свѧщающиꙗ злато—τίς γὰρ μείζων ἐστὶν ὁ

χρυσὸς, ἢ ὁ ναὸς ὁ ἁγιάζων τὸν χρυσόν (ib. XXIII, 17). Въ повѣсти Флавія: **ни мене стыдаѵеса. ни скоего ороужна сребромъ и ʒлатомъ строена** (*л.* 191 об.),—μηδὲ τὰ ὅπλα... πεποιημένα ἐξ ἀργύρου τε καὶ χρυσοῦ (Lib. V, c. XIII, 5).

2) въ значеніи денегъ (pecunia); такъ въ повѣсти Флавія читаемъ: „Титъ, жалуя послѣ побѣды отличившихся войновъ, каждому изъ нихъ: **къда.. и ѿ плѣненнаго ʒлата и сребра** (л. 241 об. ср. Lib. VII, c. 1, 3).

Въ произведеніяхъ литературно-повѣствовательной дружинной школы въ томъ и другомъ смыслѣ:

1) въ значеніи металла—золотыхъ вещей и богатства вообще „да будемъ золоти яко *золото* (Лавр. стр. 72); Ярославъ украси (Софею) *златомъ* и сребромъ (ib. 149); Святое Богородици Володимерьское *злато* и серебро взяста (ib. 255); Епископъ Митрофанъ постави кивотъ... и украси его *златомъ* и серебромъ (ib. 437); чюдную икону одраша украшену *златомъ* и сребромъ (ib. 440); погорѣ не мало имѣнья *золота* и серебра (ib. 460); Святославъ, величаяся богатьствомъ своимъ, показа *злато* и сребро (ib. 192); Антоній бо не имѣ ни *злата*, ни сребра (ib. 155); т.-е. былъ бѣденъ.

2) Въ значеніи денегъ (pecunia): Въ договорѣ Олега съ Греками (912 г.) читаемъ: еще же и о хрестьянехъ о полоненыхъ отъ коеа любо страны приходящимъ въ Русь, се продаеми бываютъ по 20 *золота* (Лавр. стр. 35). Володимеръ рекъ: яко серебромъ и *златомъ* не имамъ налѣзти дружины, а дружиною налезу серебро и *злато*, яко, отецъ мой и дѣдъ мой доискася дружиною *злата* и сребра (ib. 123—124); тотъ же смыслъ *золото* имѣетъ во всѣхъ тѣхъ лѣтописеныхъ мѣстахъ, гдѣ рѣчь *о дани*: „Что хочемъ боле того, не бившеся имати *злато* (ib. 45). И(царь) посла к нему (Святославу) *злато* (ib. 69); о *дарахъ*: „и дасмѣ (царь) Ольгѣ дары многи, *злато* и серебро (ib. 60); царь же Леонъ почти руские дармы *златомъ* и поволоками (ib. 37); о *выкупѣ*: и приведоша Белдюза к Святополку и нача Белдюзъ даяти на соби *злато* и серебро (ib. 269); и *наймѣ*: Давыдъ затворися в градѣ, чая помощи в Лясѣхъ.... и солгаша ему (Ляси) емлюще *злато* у Давыда (ib. 260).

Двоякое значеніе этого слова сказывается и въ народномъ пѣснотворчествѣ:

1) Золото, какъ металлъ:

„А булатъ не ржавѣетъ,
„Красно *золото* не мидіетъ. (Рыбн. I, 272).

„Обовью волю краснымъ *золотомъ*
т.-е. ленту, которая служитъ символомъ воли (Пр. С. кр. ч. III, стр. 26).

2) Золото, какъ деньги:

„Подошелъ да ко мнѣ брателко,
„Близко не по-да́леку;
„Поднесъ да во бѣлы́хъ рукахъ
„Много *злата* и сѐребра.
— Спасибо тебѣ братенко,
— Да на многомъ приношеньицѣ
— На рублѣ денегъ на полтинѣ,
— Да на цѣлой золотой гривнѣ (Тр. Этн. Отд. кн. V, 92).
Скажутъ....
„Серебро мѣритъ, остудничекъ маленками,
„И ужъ *золото*, остудничекъ, четверками (Пр. С. кр. ч. III. 109).

„Вы снимайте съ Турокъ головы,
„Забирайте злато-се́ребро (Изъ Сборн. Секретева).

Въ „Словѣ“—*золото* въ томъ и другомъ значеніи:

1) въ значеніи денегъ: а *злата* и сребра ни мало того потрепати.

2) въ значеніи драгоцѣннаго металла и всего изъ него сдѣланнаго: Русскаго *злата* насыпаше (въ каялѣ рѣцѣ).

Что именно разумѣется здѣсь подъ *золотомъ*, можно видѣть изъ слѣдующаго лѣтописнаго указанія: „Данило и Василько, сѣкуще Литву, вогнаша въ озеро... ти нагрязе озеро труповъ и *щитовъ* и *шеломовъ* туземци же велику користь имяху, волочаще я. (Ип. стр. 195).

Впрочемъ какъ въ живомъ народномъ языкѣ, такъ и въ языкѣ творческомъ слово *золото*—бытуетъ и въ смыслѣ эпическомъ: оно значитъ иногда или 1) дорогое сокровище: мать, выражая свою ласку и любовь къ ребенку, не рѣдко говоритъ: *золото* ты мое, красное

ю на золотѣ; подобныя обороты встрѣчаются и въ „Причитаніяхъ ѣвернаго края“; или же 2) счастье вообще: хоронить *золото*—хорорть счастье, что выражается въ святочной игрѣ—съ тѣмъ же имемъ. Ср. въ малороссійской пѣснѣ:

„Що тамъ слыхати въ Угорской земли?
. . . .
„Ой бо тале уже преч поорано
„*Золотомъ* засіяно, заволожено. (Истор. п. Антонов. и Драг. I, 43—6).

Въ виду этого оборотъ: „Рускаго *злата* насыпаше“ можетъ имѣть ысль, подобный предыдущему: погрузи жиръ во днѣ Каялы рѣки оловецкыя. Игорь загубилъ Русское добро (погрузи жиръ) добро, рогое—золотое (русскаго злата насыпаше); или же: загубилъ счаіе, счастье желанное, драгоцѣнное: все словно въ воду брошено, и грязло въ омутѣ вражеской рѣки.

ЗЛАТА (genet. sing. masc. antecedentibus praepositionibus сѫ, ъ) златa (accus. dual. masc.), злато (accus. sing. neutr.) златоу (dat. ng. masc. antecedente praepositione къ) златъ (accus. sing. masc. ntecedente praepositione въ) златымъ (instrum. sing. masc.) отъ ать, златыи (adjectivum)—χρυσοῦς, aureus.

Въ Пандектахъ Антіоха XI в. читаемъ: мѫжъ златъ прьстень но—ἀνὴρ χρυσοδακτύλιος, habens aureum annulum (гл. 93, л. 202; . Іаков. II, 2).

Въ повѣсти Флавія: дасть емоу и златъ столъ съ драгымъ каеньемъ оустроенъ—αὐτὸν δωρεῖται θρόνῳ τε χρύσῳ διαλίθῳ (Lib. I, XXV, 6). Титъ жалуя каждаго изъ отличившихся воиновъ, въздожь ы вѣнець златъ и грнвноу златоу и вьда емоу долго копїе зла (л. 241 об.)—καὶ στεφάνους ἐπετίθει χρυσοῦς, περιαυχένιά τε χρυσᾶ ὶ δόρατά μακρὰ χρυσᾶ (Lib. VII, c. I, 3).

Въ повѣсти о Дигенисѣ: и положиша на него драгоцѣнные пор с драгымъ златомъ аравитскимъ — τὰ ὑποδήματα αὐτοῦ χρυσοῦ ɛϊσμένα (υ. 995); обрѣте сестру свою *на златѣ стулѣ* сѣдящу,

(καὶ εὗρον κλίνην γύρωθεν χρυσομένην κειμένην οὖσαν εἰς τὴν γῆν υ. 100); на отцѣ моемъ шеломъ *златъ;* у братіи шеломы *златы* (И. Г. Р. III, нр. 272).

Въ лѣтописяхъ: Якунъ отбѣже луды *златоѣ* (Лавр. стр. 145); града суть *златая* врата (ib. 148); *златы* имуще одежа (ib. 160).

Въ „Словѣ" о Кіевскихъ богатыряхъ, како ходили во Царьградъ—упоминаются чепи *золотые* (стр. 20).

„Князь великій Владимеръ Всеславьевичь
„Почалъ богатырей жаловать,
„Дасть имъ шубы подаксамиты
„И чепи великіи *златыя*.

Въ Словѣ ꙁлатъ epithetum 1) княжаго отняго стола: два солокола слетѣста... съ *злата* стола; *злата* стола поблюсти; Богъ путь кажетъ къ *злату* столу; забывъ... отня *злата* стола.

2) Шеломовъ: *златымъ* шеломомъ посвѣчивая; кое ваши *златыи* шеломы.

3) Сѣдла: вступи въ *златъ* стременъ; высѣде изъ сѣдла *злата*.

4) Ожерелія: чрезъ *злато* ожереліе.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ ꙁлатъ значитъ fabricatus ex aureo.

Но кромѣ этого значенія *золотый*, какъ и *золото* въ живой народной рѣчи бытуетъ и въ смыслѣ эпическомъ: *золотой* ты мой, говорятъ, вм. дорогой, сердечный мой; *золотые* твои уста; твое слово—*золото*; вѣренъ, что *золото* въ огнѣ; съ твоего слова, что съ *золотого* блюда.

Въ изучаемомъ памятникѣ: Святославъ изрони *злато* слово; т. е. красное, какъ *золото*, драгоцѣнное. Ср. въ повѣсти Флавія: а народъ оутѣши слокомъ оумиленѡ и красномъ (л. 33 об. на Греч. нѣтъ).

Златоврьсѣмъ (instrum. sing. masc.) отъ златоврьхъ—ꙁлатоврьхи (adjectivum)

Въ повѣсти Флавія читаемъ выраженія—трекерхніи: оумножишася храми трекерхніи (л. 162)—οἶκοι τρίστεγοι, cum triplice tecto—о трехъ кровахъ (Lib. V, c. V, 5) Ср. на крьхꙋ же ѥсложени быша ꙁлати гвоз-

и—κατὰ κορυφὴν δὲ—in fastigio (ib. V, c. V, 6); връхъ—τὸ δὲ ὑπερῷον ιέρος (Lib. V, c. V, 5).

Въ лѣтописныхъ повѣствованіяхъ слово *златоверхій* является не разъ: „и положиша (Изяслава Глѣбовича) въ Володимерѣ у святой Богородицы *Златоверхой* (Ип. стр. 196); въ 1183 г. „бысть пожаръ великъ въ градѣ Володимерѣ; погорѣ... и сборная церкви святая Богородица *златовьрхая* и вся пять *верховъ златая* сгорѣ (ib. 127); владыка Іоанъ поби св. Софею свинцемъ, а маковицу большую *златоверхую* устрои (Новг. I, стр. 103); *верхъ* (церкви Златоуста устроенной Давидомъ Галицкимъ) былъ украшенъ *звѣздами златыми* по лазури (ib. 196).

У Даніила поломника: „а надъ полатами подъ верхомъ исписаніи суть пророци мусиею. яко живи стоять... въ самомъ же верху написано есть вознесеніе гнѣ (мой сп. XVI в.).

Въ одномъ лѣтописномъ сборникѣ: „въ княженіе Святославича, внука Ярослава Владиміровича „видиша яко разсѣдеся верхъ теремца и вси оужасошася и клеть голоубь былъ и сѣдя оу князя на прѣсѣхъ (мой сп. XVII в.).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„Что это теремъ высокъ сведенъ?
„*Верхи* съ *верхами* совиваются (Рыбн. III, 293).

„Разъѣхался (богатырь) съ раздолья чиста поля,
„Ко славному ко терему *злату верху*
„Билъ-то палицей булатнеей
„По славному по терему *злату верху*.
. . . .
„На теремѣ всѣ маковки покривилися,
. . . .
„Приходитъ онъ во теремъ—*во златой верехъ*:
„Ходитъ Офимьюшка купецъ дочи
„По славному по терему—*по злату верху*.
. . . .
„Вывелъ ю со терема—*злата верха* (Рыбн. I, 254—255; ср. 187, 191; III, 144—145).

„Заштатъ Василей въ терема *златоверхіе* (Рыбн. I, 337).
„Дюкова матушка Добрыню
„Брала за ручки за бѣлые
„Вела въ терема *златоверхіе* (ib. III, 185).

Самъ Дюкъ говоритъ:

„У меня терема *златоверхія* маковки (ib. II, 137).
„Добрынюшка Никитиничъ
„Беретъ Настасью Никуличну,
„Поводитъ въ свой теремъ *златоверховатый* (ib. III, 230).

„Все въ теремѣ по небесному,
„Вся небесная луна понаведена была (ib. III, 123).

„Устроилъ Садко все по́ небесному,
„На́-небѣ солнце и въ палатахъ солнце;
„На́-небѣ мѣсяцъ и въ палатахъ мѣсяцъ,
„На́-небѣ звѣзды и въ палатахъ звѣзды (ib. I, 372).

„Стройте тамъ три терема хорошіе,
„И *златоверхіе*—маковки позолочены,
„И вершечки съ вершечками сплеталися,
„Чтобы на́-небѣ солнце и въ теремѣ солнце
„Чтобы на́-небѣ мѣсяцъ-то бы въ теремѣ мѣсяцъ,
„Чтобы на небѣ звѣзды и въ теремѣ звѣзды,
„Чтобы все въ терему по небесному (ib. IV, 59).

Сравн. въ повѣсти о Каллимахѣ: ἀλλ' εἶχεν στέγην οὐρανὸν καὶ τοὺς ἀστέρων δρόμους (Ж. М. Н. пр. 1884 г. кн. 2 стр. 393).

Изъ сказаннаго видно, что подъ словомъ *златоверхій* разумѣется не только верхній ярусъ съ золотыми маковками, но и внутренній теремный сводъ, расписанный золотомъ (См. теремъ).

Златокованнѣмь (instrum. sing. masc. отъ златокованный.

1) Въ древнѣйшихъ церковныхъ пѣснопѣніяхъ встрѣчается выраженіе: златокованнаа троуба—(χρυσότευκτος ἡ σάλπιγξ—tuba, ex auro fabricata).

2) Но какъ χρυσότευχτος въ Греческихъ текстахъ замѣнялось словомъ ὁλόχρυσος, такъ и въ Славянскихъ переводахъ вмѣсто **златокованныи** является выраженіе: **соухымъ златомъ строенныи**; такъ въ повѣсти Флавія читаемъ: **потиры и дискосы и фиалы вса соухымъ златомъ строена** (л. 233 об.)—πάνϑ' ὁλόχρυσα χαὶ στιβαρώτατα (Lib. VI, c. VIII, 3). **одръ. на немъ же лежаше. злата соуха весь** (л. 34)—χλίνη μεν... ὁλόχρυσος ἦν—totus ex auro (Lib. I, c. XXXIII, 9).

3) Въ дружинныхъ повѣствованіяхъ *сухое золото* называется *сженымъ* златомъ, т.-е. каленымъ въ горнилѣ, въ противоположность золоту расплавленному, для примисей приведенному въ жидкій видъ: „Бѣ конь дивленію достоинъ и сѣдло отъ *злата жьжена* (Ип. 187); у епископьи же Богородици съсуды *жьженаго золота* (ib. 223).

Мимоходомъ замѣтимъ, что напрасно А. Н. Пыпинъ выраженіе: „*сухо злато*“ считаетъ сербизмомъ, на томъ основаніи, что оно встрѣчается въ Сербскихъ пѣсняхъ. (Очерк. Лит. ист. старин. пов. стр. 89); Точно также оно является и въ нашемъ родномъ пѣснотворчествѣ:

„Вершинки на яблони—*сухо-краснаго золота*
„Какъ твои-то молодецкія волосы.
....
„Съ тебя, яблунь кудреватая,
„Посыпалось *сухо-красное золото*,
„Опали молодецкіи волосы
„Со твоей бладой буйной головушки (Пр. С. кр. ч. I, стр. 108).

Въ русской передѣлкѣ повѣсти о Дигенисѣ читается и выраженіе: *сухимъ златомъ* строенный и *златокованный*: подасть ему 50 поясовъ *златокованныхъ*; сѣдла и узды *златомъ кованы* (И. Г. Р. III, пр. 272); 20 поясовъ, *сухимъ златомъ* шитыхъ.

Изъ сказаннаго видно, что въ „Словѣ“ выраженіе: *на златокованнѣмъ* столѣ „значитъ: ἐπὶ ὁλοχρύσου ϑρόνου, in throno ex solido auro et gravissimo fabricato, т.-е. сдѣланномъ изъ чистаго и тяжеловѣснаго золота. Этимъ выраженіемъ указывается что Галицкій князь, подобно князьямъ Кіевскимъ, сидя на горахъ (высоко сѣдиши) былъ особенно богатъ въ сравненіи съ другими князьями.

Злаченни (nominat. plur. masc.) златеными (instrum. plur. fem.) отъ златеныи. περίχρυσος, inauratus, золоченый, позолоченый.

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ: по—злащеный. Такъ, въ повѣсти Флавія читаемъ: **вишнила (двери) коринфенскою мѣдью ѡкованн бахоу свѣтлѣиши позлащеныхъ**—περιχρύσους ὑπεράγουσα (Lib. V, c. V, 3); **позлащена же быша тѣла вса** (л. 160 об.)—κεχρύσετο δὲ... erat inaurata (Lib. V, c, V, 4); **вса прѣградънаа мѣста блещахоуса ѡружїемъ позлащеннымъ** (л. 174 об.).

У Даніила Паломника: **ѣверхоу же надъ пещерою создань ѣко теремецъ... и сребреными чешюйками позолочеными покованъ** (мой сп. XVI в.).

Въ Псковской лѣтописи читается: роги *злащены* (И. Г. Р. пр. 73). *Злаченъ*—особенно часто является въ народномъ пѣснотворчествѣ: Михаило Потыкъ подходилъ къ лебедушкѣ--красной дѣвушкѣ и

„Бралъ-то ю за ручушки за бѣлыи
„И за ней за перстни за *злаченыя* (Рыбн. I, 207).

„Со правой руки дарю тіѣ *злаченъ* перстень (Пр. С. кр. ч. I, стр. 128).

„Послѣ этого *вѣнца* вскорѣ *злаченаго* (ibid. стр. 277).

Богатырь Хотенъ...

„Накатывалъ на головушку *злаченъ* шеломъ (Рыбн. II, стр. 122).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ встрѣчаемъ это слово и въ полногласіи:

„Сдѣланы бочечки серебряныя
„И обручики набиты *золоченые* (Рыбн. I, 287).
„Что по малой по маковцѣ
„По *золоченой* по жемчужинкѣ (Тр. Этн. Отд. кн. V, 118).

Равно какъ и (in annexu praepositione по) *позлаченый*:

„Близъ точенаго столба,
„*Позлаченаго* кольца (ib. кн. IV, 53).

Въ „Словѣ" *злаченъ* epithetum стрѣлъ (рострѣляевѣ своими *[зла]чеными* стрѣлами) и шлемовъ (не ваю ли *злаченіи* шеломы).

Зло (nomin. sing. neutr.).

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ XI—XIII вв. слово отвѣчаетъ Греческимъ:

1) πονηρόν, scelestum, что-либо худое въ нравственномъ смы[сле]: въскоую вы мыслите зло въ срдцихъ вашіхъ—τί ὑμεῖς ἐνθυμεῖσθε [πον]ηρὰ (Мѳ. IX, 4; Лук. VI, 22; ср. въ кн. Прор. Амос. V, 13).

2) κακόν, calamitas, лихо, бѣда, обида: игемонъ же рече имъ что зло сътвори—τί γὰρ κακὸν ἐποίησεν (Мѳ. XXVII, 23; ср. Мрк. XV, Лук. XXIII, 22). Въ Пандектахъ Антіоха XI в. много зло ми [сът]вори—πολλά μοι κακά ἐνεδείξατο (гл. XXXII, л. 77 об. ср. Тимоѳ. 14). Κακὸν въ значеніи несчастія, бѣдствія весьма часто употреб[ляет]ось въ классической письменности (apud. Homer. Herod. Plat. [...]n. et alios.)

Въ дружинныхъ повѣствованіяхъ точно также зло читаемъ.

1) въ значеніи πονηρόν: много зла *бяше* намыслилъ (Ип. 41); [...]е мыслила на нашего князя *зло*, хотяче погубити льстью (ib. 34); [...]гія досады пріа, не видѣхъ тя николи же противу *злу*, ни кото[р]о *зла* въздающа (подъ 1180 г.).

2) Въ значеніи κακόν: „аще зли бываютъ князи: то больше *зло* [на]водить Богъ на землю (Лавр. стр. 136); братье, не на добро, на Богъ намъ знаменья кажетъ (Новг. IV, 45). Вста *зло*: по вся [...] загарашеся невидимо (Нов. Лѣт. подъ 1194 г.); тогда много *зла* [сотв]ориша Половци: пожгоша бо села вся и божницу (ib. 326; ср. Ип. [...]; на Ольговичи ходилъ и много имъ есть *зла* учинилъ, землю ихъ [в]оевалъ есмь (Ип. 37); и много *зла* сотворися (въ день смерти Юрія [В]лодиміровича): разграбиша дворъ его красный и другый за Днѣ[про]мъ; избивахуть Суждальцы по городомъ и по селомъ и товаръ [и]ь грабяче (ib. 81). Великій князь Мстиславъ Кіевскій, видя се *зло*, движеся никако же съ мѣста (Лавр. 281).

Въ этомъ смыслѣ *зло* называется и *пакость*: (Ип. стр. 86).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„Ужъ какое-то *зло*-великое безсчастьице
„Впереди меня злодѣйно снаряжалося (Пр. С. кр. ч. I, стр. 8).

Въ живой народной рѣчи говорятъ: „его *злая* постигла", т. е. тяжкія обстоятельства, горе, бѣда.

Въ „Словѣ" ꙁло=κακὸν. Оборотъ здѣсь тотъ же самый, какъ и въ Кіевской лѣтописи:

Въ „Словѣ":	Въ Лѣтописи:
Святославъ говоритъ:	И рекоша дружина князю:
„нъ се *зло*".	„се *зло*" (Лавр. 167).

Это значитъ: но вотъ бѣда, вотъ несчастіе.

Ꙁнаеми (particip. praes. passiv. nominat. plur. fem.) отъ **ꙁнаемъ**.

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ XI—XIII вв. читаемъ: ꙁнаемъ во июдѣи бъ—γνωστὸς ὁ Θεὸς (Псалт. XIII в). Другыи оученикъ.. тъ бѣ ꙁнаемъ архиереови—ἦν γνωστὸς (Іоан. XVIII, 15) стоꙗхоу же вси ꙁнаемїи его иꙁдалече—οἱ γνωστοὶ αὐτοῦ (Лук. XXIII, 49). Ср. ꙁнаемы сътворите въ людехъ—notas facite in populo (1 Паралип. XVI, 19).

Въ повѣсти Флавія: ꙁапрети да не бесѣдоуеть съ фефорою ни с ꙁнаемыми его (л. 18; ср. Lib. I, c. XXIX, 2).

Въ Кіевской лѣтописи: „нѣкый волхвъ *знаемъ* бѣаше (Лавр. стр. 38).

Въ живой народной рѣчи: „*знамыя* мѣста; *знамое* дѣло".

Въ „Словѣ": яруги имъ *знаемы*—γνωσταὶ, notae, знакомы, извѣстны, всѣ—на перечетъ.

Ꙁнамение (accus. sing. neutr.) отъ **ꙁнамение**.

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ слово это отвѣчаетъ Греческимъ:

1) σημεῖον, miraculum, дивное чудесное явленіе: оучителю! хощемъ ѿ тебе ꙁнамение видѣти—σημεῖον ἰδεῖν (Мѳ. XII, 38); родъ золъ какъ есть. ꙁнаменьꙗ ищють. и ꙁнамение не дасться емоу—σημεῖον ἐπιζητεῖ καὶ σημεῖον οὐ δοθήσεται (Лук. XI, 29; ср. Мѳ. XVI, 4; XXI

Марк. XIII, 4; Лук. 11, 12; XXI, 7) и просиша ꙁнаменья съ небесе показати имъ—σημεῖον ἐκ τοῦ οὐρανοῦ ἐπιδεῖξαι (Мѳ. XVI, 1).

2) τεκμήριον, certum signum—вѣрное, несомнѣнное доказательство; такъ въ Карпинскомъ Апостолѣ XIII—XIV в. въ многыхъ ꙁнаменьихъ—ἐν πολλοῖς τεκμηρίοις (Дѣян. 1, 3); съ XV в. τεκμήριον передавалось уже: истинно ꙁнаменье.

Въ повѣсти Флавія отмѣчено одно изъ небесныхъ знаменій, бывшихъ въ землѣ Іудейской, именно появленіе колесницъ и полковъ, скачущихъ съ оружьемъ сквозь облака, занесенное и въ Кіевскую лѣтопись съ замѣчаніемъ: „се же проявляше нахожденіе Антіохово на Ерусалимъ; къ сему прибавлено: и ина многа ꙁнаменїи страшна сказують бывша тогда (л. 161).

Въ нашихъ лѣтописныхъ повѣствованіяхъ описаны небесныя знаменія, бывшія въ 1113, 1115, 1117, 1121, 1141, 1187, 1195 и 1266 годахъ. Многа *знаменія* бываху по мѣстомъ (Лавр. стр. 208).

Въ народѣ до нынѣ есть повѣрье, что на Тимоѳея въ голодному году бываютъ *знаменья*.

У всѣхъ народовъ небесныя знаменья имѣли глубочайшее значеніе. Въ нашихъ лѣтописяхъ не разъ замѣчено, что сица *знаменья* не на добро бываютъ (Ип. стр. 3, 13, 147); *знаменья* на небеси или на звѣздахъ на зло бываютъ или рати предвѣщаютъ, или смерти прознаменяютъ (подъ 1203 г.); хитрецы, смотрѣвше (одно изъ нихъ) тако рекоша: оже мятежъ великъ будетъ въ земли (подъ 1266 г.).

То же значеніе имѣли подобныя *знаменья* и у древнихъ народовъ. Спартанскій полководецъ Клеомбротъ, отправившись въ походъ противъ Персовъ и встрѣтивъ на пути затменіе солнца, въ страхѣ вернулся изъ похода съ своими войсками—ἀπῆγε δὲ τὴν στρατιὴν ὁ Κλεόμβροτος ἐκ τοῦ Ἰσθμοῦ διὰ τόδε· θυομένῳ οἱ ἐπὶ τῷ Πέρσῃ ὁ ἥλιος ἀμαυρώθη ἐν τῷ οὐρανῷ (Герод. IX, 10).

Солнечное затменіе, которое встрѣтилъ на пути Игорь съ своей дружиной въ лѣтописяхъ изображается въ слѣдующихъ чертахъ: „идущимъ же имъ ко Донцю рѣцѣ, въ годъ вечерній, Игорь же возрѣвъ на небо и видѣ солнце стояще, яко мѣсяцъ (Ип. 130); (мѣсяца мая въ 1 день во звоненіе вечернее); въ середу на вечернія бысть знаменіе въ солнци: морочно бысть вельми (яко на насъ и болѣ, яко и

звѣзды видѣти человѣкомъ, въ очью яко яко зелено бяше и въ солнци учинися, яко мѣсяць изъ рогъ его, яко угль жаровъ (огнь жарящь) исхождаше (Лавр. 376; ср. Новг. IV, 16).

По астрономической таблицѣ въ L' Art de Verifier les Dates, по Парижскому времени было въ часъ; значитъ по Кіевскому времени— около 3 часовъ пополудни (Прозор.).

Страшно бо видѣти человѣкомъ *знаменье* Божье, замѣчаетъ лѣтописецъ при его описаніи (Лавр. стр. 376). Удручающее впечатлѣніе произвело оно и на дружину Игореву: они же узрѣвше и видѣша вси, и понікоша главами и рекоша мужи: „Княже! се есть не на добро знаменье се".

Но Игорь не поступилъ, къ сожалѣнію, подобно Спартанскому воеводѣ Клеомбрету. Въ своемъ геройскомъ распаленіи, по словамъ автора, онъ потерялъ голову и рвеніе напиться шеломомъ изъ Дона не позволило ему понять и оцѣнить, какъ должно, всю силу этого знаменія.

Татищевъ лѣтописное *знаменіе* замѣнялъ словомъ *видѣніе* (Росс. Ист. 144).

Зоветъ (praes. 3 pers. sing. indicat.), **зовутъ** (praes. 3 pers. plur. indicat.) отъ звати.

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ глаголъ этотъ отвѣчаетъ Греческимъ:

1) κράζειν, clamare—взывать, вопіять, обращаться къ кому громогласно: по немь идоста два слѣпьца зовоуща—κράζοντες καὶ λέγοντες (Мѳ. IX, 27), народі же... зъвахоу, глюще.. блгнъ градыи—οἱ δὲ ὄχλοι... ἔκραζον (Мѳ. XXI, 9; ср. Іоан. XII, 13); она же паче зъвахота—ἔκραξαν (Мѳ. X, 31; сп. Ник. Серб. XIV в. въ друг. въпьяста).

2) φωνεῖν, vocare—подавать кому голосъ, приглашать: и зъвахоу слѣпьца глюще к немоу. дьрзаи. зоветъ тя—καὶ φωνοῦσι τὸν τυφλὸν...θάρσει. φωνεῖ σε (Мрк. X, 40); слышавъше, глахоу. яко илію зоветь—ὅτι ἠλίαν φωνεῖ (Мѳ. XXVII, 43). Въ Евангеліяхъ Юрьевскомъ, Добриловскомъ, Мстиславовомъ и др. оучитель се есть и зоветь тя—καὶ φωνεῖ σε (Іоан. XI, 28); въ Галицкомъ же: глашаеть тя.

3) καλεῖν, vocare, convocare—именовать кого, подзывать, созы-

ть: **своа овьца ѕоветь по имени**—πρόβατα καλεῖ κατ' ὄνομα (Іоан. , 3); **єгда твориши пїръ ѕові ніщаа**—κάλει πτωχούς (Лук. XIV, 13); **кын сътворї вечерю велью. и ѕва многы**—καὶ ἐκάλεσεν πολλοὺς [ук. XIV, 16).

Всѣ эти оттѣнки значенія глагола **ѕвати** можно замѣчать и въ ужинныхъ повѣствованіяхъ:

1) κράζειν: „Печенези почаша *звати:* нѣ ли мужа? т. е. стали ичать.

2) φωνεῖν: Святополкъ рече Глѣбу: поиди оборзѣ отець тя *зо-тъ* (Лавр. стр. 132). Рече Бяндюкъ Итлареви: *зоветь* вы князь, е. приглашаетъ (ib. стр. 220). А Филипъ безбожный *зва* князя Да-ла въ Вишню, т. е. пригласилъ (Ип. 170). Послашася Галичкіи жи къ Ростиславу.. *зовуще* его въ Галичь на княженіе, т. е. при-ашая (Ип. 138).

3) καλεῖν: дворъ его за Днѣпромъ разграбиша, его же *зваше*ть мъ раемъ (Ип. 81), т. е. называлъ; посласта по улицамъ кликати, *учи* къ князю на обѣдъ т. е. сзывая (Ип. 40); князь же.. въ вѣче ча *звати* (Новг. I, стр. 32), т. е. созывать.

Въ живой народной рѣчи глаголъ этотъ бытуетъ до нынѣ во ѣхъ этихъ значеніяхъ: *Звалъ, звалъ* говорятъ, ни слуху, ни духу; с. кричалъ, кричалъ—не слышитъ. *Звать* въ гости—значитъ при-шать". Хоть никакъ не *зови*, т. е. не называй, только хлѣбомъ рми. *Зови* на помочь т. е. собирай, сзывай народъ на помочь.

Читаемъ этотъ глаголъ и въ народномъ пѣснотворчествѣ:

1) въ значеніи φωνεῖν:

„*Зови* каликъ въ палаты бѣлокаменны. (Рыбн. I, 232).

2) въ значеніи καλεῖν:

„А довлѣетъ ти жить въ позовщикахъ,
„Ходить-то по городу по Кіеву,
„*Звать* князей—бояръ на почестенъ пиръ. (Рыбн. I, стр. 267).

Въ „Словѣ" точно также: Донъ ти княже кличеть и *зоветь* кня-на побѣду—φωνεῖ, vocat, приглашаетъ къ побѣдѣ. Орлы клектомъ кости звѣря *зовутъ*—καλοῦσι, convocant, т. е. сзываютъ, клектомъ бираютъ звѣрей на кости.

И.

И (conjunctio, quae ubique saepissime occurrit).

Игорєки, Игорю (dativ. sing. masc.), **Игорю** (vocativ. sing.), **Игоря** (genetiv. sing. antecedente praepositione до) **Игоря** (accus. sing.) отъ **Игорь** (nomen substantivum personale).

Игорь князь—Новгородъ-Сѣверскій, главный герой „Слова"; род. 1151, ум. 1202 г.. сынъ Святослава и внукъ Олега Святославича; при крещеніи названъ былъ Георгіемъ. Въ Новгородѣ Сѣверскомъ княжилъ въ 1178—1198 годахъ.

Неизвѣстно, почему Игорь не учавствовалъ въ славныхъ походахъ Святослава Всеволодича III, великаго князя Кіевскаго, одержанныхъ имъ надъ Половцами въ 1183-мъ и 1184-мъ годахъ: Кіевская лѣтопись замѣчаетъ лишь, что Святославу Сѣверскіе князья отвѣчали: „далече ны есть ити внизъ Днѣпра, не можемъ своеѣ земли пусты оставити, но же пойдеши на Переяславъ, то скупимся съ тобою на Сулѣ". „Не любуя на свою братью Святославъ поспѣшилъ въ походъ съ окольными князьями. По видимому въ основѣ этого разногласія скрываются какіе-то родственные счеты Сѣверскихъ князей—съ своимъ старшимъ родичемъ Ольговичемъ—княземъ Кіевскимъ—по видимому подъ вліяніемъ брата его Черниговскаго князя Ярослава. Но приглашенный вмѣстѣ съ другими на борьбу съ Половцами тѣмъ же Великимъ княземъ въ 1185 г. Игорь вполнѣ выразилъ свою высокую благородную душу. Въ то время какъ братъ Святослава, князь Черниговскій, не пошелъ съ нимъ, отдѣлавшись помочью, Игорь ска-

залъ посланному отъ Святослава: „не дай Богъ, на поганыя ѣздя ся отрещи, поганы есть всимъ намъ обьчій ворогъ". Устроивъ засѣданіе думы онъ рѣшилъ спѣшить къ Святославу: но дружина его была болѣе хладнокровна и говорила ему: князю! потьскы не можешь перелетѣти; се пріѣхалъ къ тобѣ мужъ отъ Святослава въ четвергъ, а самъ идеть въ недѣлю изъ Кыева, то како можеши княже постигнути? Игореви же бяшеть не любо, оже ему тако молвятъ дружина". Онъ все-таки рѣшился догнать Святослава, но лишь физическая невозможность его задержала. Едва ли не этотъ возвышенный патріотизмъ Игоря лежитъ въ основѣ того глубокаго сочувствія, какое въ „Словѣ" выражаетъ къ нему Святославъ, на Кіевскихъ горахъ, держащій золотое слово и призывающій всѣхъ князей вступиться за землю Русскую за раны Игоревы.

Далѣе, въ Кіевской лѣтописи отмѣченъ фактъ, который характеризуетъ семейныя отношенія Игоря. Сынъ Галицкаго князя Владиміръ изгнанный отцемъ и скитавшійся въ кіевской Руси, долго сначала не являлся къ Игорю, за которымъ была его сестра *Ярославна*. Онъ пришелъ сначала ко Владимірскому Роману, но „Романъ, блюдяся отца его, не да ему опочити у себе". Отъ него онъ перебрался къ Ингвару Дорогобужскому, „и тотъ блюдяся отца его, не прія его; за тѣмъ онъ направился къ Святославу Туровскому, но тотъ его въ свою очередь направилъ къ Давиду Смоленскому, Давыдъ же отпустилъ его въ Суздаль „къ уеви своему" Всеволоду. Но Владиміръ и тамъ не могъ найти себѣ покоя и долженъ былъ явиться къ своему зятю Игорю. Игорь принялъ его съ любовію, держалъ его у себя два года въ большей чести и наконецъ примирилъ его съ своимъ отцемъ, отправивъ съ нимъ сына своего Святослава (Ипат. стр. 128).

Этотъ фактъ, на нашъ взглядъ, весьма характеренъ для его семейныхъ отношеній. Нѣтъ сомнѣнья, что всѣ услуги, оказанныя имъ Владиміру, обусловлены были съ его стороны любовію къ своей супругѣ Ярославнѣ сестрѣ Владиміра; этотъ фактъ занесенъ въ лѣтопись и, значитъ, любовь Игоря къ своей ладѣ Ярославнѣ извѣстна была всей Кіевской Руси. Едва ли не эта извѣстность ихъ семейныхъ отношеній и служитъ причиною того, что въ „Словѣ" однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ, завершающихъ историческую драму, является

супруга Игорева Ярославна, спасающая его своей молитвой; и въ мутныхъ сновидѣніяхъ (самого) Святослава, жалующаго Игоря — подъ воздѣйствіемъ туги, мысли путаются съ предѣлами Галиціи родины Ярославны.

Академикъ Куникъ имя Игоря продолжаетъ считать Скандинавскимъ ingari. (Каспій, стр. 416). Какъ ни близко звуковое сходство этихъ именъ, поддающееся филологическому производству одного отъ другаго, на нашъ взглядъ это сходство случайно; Русское имя *Игоря*, по нашему мнѣнію, совсѣмъ иного происхожденія. (См. т. V, въ статьѣ „*Русская земля*“).

Игорева (genet. sing. masc.) **Игоревы** (nominat. plur. masc.) **Игоревы** (accus. plur. masc. antecedentibus praepositionibus **на**, **за**); **игоревѣ** (local. sing. masc. antecedente praepositione о) отъ **игоревъ** (adjectivum possessivum).

Игоревичу (dativ. sing. masc.) отъ **игоревичь** (имя по отечеству, или какъ въ народномъ пѣснотворчествѣ, по изотчинѣ).

Идуть (praes. 3 pers. plur. indicat.) отъ **ити** — ἔρχεσθαι, ὑπάγειν — ire, vadere. Подобно этимъ греческимъ глаголамъ, глаголъ **ити** въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ, смотря по сочетаніямъ, является въ разныхъ значеніяхъ:

1) въ значеніи *надвигаться*; такъ въ Евангеліяхъ Юрьевскомъ (1118—28 г.) Добриловскомъ (1164 г.) Мстиславскомъ (XII в.): **егда оузрите облакъ въсходащь ѿ западъ абие глаголете: тоуча идеть** — ὄμβρος ἔρχεται (Лук. XII, 54).

2) въ значеніи *направляться*: **камо идеши** — ποῦ ὑπάγεις (Іоан. XIII, 35) **вы же не вѣсте ѿ кѫдоу градоу и камо идоу** — πόθεν ἔρχομαι καὶ ποῦ ὑπάγω (Іоан. VIII, 14). (Гал. Ев.).

3) въ значеніи двигаться путемъ дорогой—шагать, ступать: **единънадесяте же оученікъ. Ідоша въ галілею гороу** — ἐπορεύθησαν — εἰς τὸ ὄρος (Мѳ. XXVIII, 16).

Въ лѣтописяхъ видимъ подобное же употребленіе этого слова. „*Идяху* стрѣлы, аки дождь“ (Лавр. 1872 г. стр. 262) хочемъ пойти

а Гюрга (Ип. стр. 31). Изяславъ, съвъкупи множество вои и пойде; де же на лто и оттолѣ иде къ Нежатину и отъ Нежатина шедъ и та у Росотины (ibid. стр. 31).

Сравн. выраженія въ живомъ народномъ языкѣ: тучи грозны по однебесью *идутъ*; *иде* горемыка не знамо куда. Наши храбрые солдаты уть-дороженькой *идутъ*.

Въ „Словѣ" глаголъ этотъ является въ тѣхъ же самыхъ значеніяхъ:

„Чръныя туча съ моря *идутъ*.

„*Итти* дождю стрѣлами съ Дону великаго".

„*Идутъ* сморци мьглами".

„Половци *идутъ* отъ Дона и отъ моря и отъ всѣхъ странъ".

Иже (pronom. nomininat. sing. masc. ὅς, ὅστις, qui).

Это мѣстоименіе, какъ и Греческое ὅς, въ разныхъ сочетаніяхъ ринимаетъ разные оттѣнки значенія. Такъ изъ древнѣйшихъ переодныхъ памятниковъ XI–XII. вв. мы видимъ, что *иже* употреблялось:

1) въ значеніи *кто* — τις, quis — по соотвѣтствію къ другому: *отъ* — οὗτος, hic. „иже бо са съмѣрїть — (ὅστις ταπεινώσει) ѩко дѣтищь, ь ѥсть болыи (οὗτος ἔστιν ὁ μείζων Мѳ. XVIII, 4). Ср. въ лѣтопихъ: *иже* бо книги часто четь, той бесѣдуеть с Богомъ (Лавр. 149).

2) въ значеніи: *кто бы ни былъ, всякій кто*: иже бо оубьѥть, окиньникъ ѥсть соудоу — ὃς δ' ἂν φονεύσει (Мѳ. V, 21).

3) въ значеніи: *кто только, который нибудь*... и иже васъ не іимѥть — (ὃς ἐὰν μὴ δέξηται) отрасѣте прахъ (Мѳ. X, 14). и иже хоть въ васъ быти старѣй (καὶ ὃς ἐὰν θέλῃ) да боудеть вашь рабъ (Мѳ. X, 27).

4) Въ греческой письменности въ замѣнъ подобныхъ предложеній реобладало причастіе въ дѣйствительномъ залогѣ съ предшествующимъ му *членомъ* ὁ. Достойно вниманія, что этотъ греческій оборотъ нерѣдко удерживался и въ древнѣйшихъ славяно-русскихъ переводахъ.

ὁ εὑρὼν τὴν ψυχὴν αὐτοῦ.....	обрѣтыи дш҃ю свою, погоубить ю.
καὶ ὁ ἀπολέσας τὴν ψυχὴν αὐτοῦ...	и погоубивыи дш҃ю свою мене радї обрящеть ю (Мѳ. X, 32).

5) Но всего чаще въ славяно-русскихъ переводахъ XI—XII вв. подобныя причастія предваряемыя членомъ превращались въ самостоятельныя предаточныя предложенія при посредствѣ относительнаго мѣстоименія **иже**,—означающаго въ такихъ случаяхъ: *тотъ—кто.*

ὁ φιλῶν πατέρα ἤ μητέρα.	**иже любить оца. ли мтрь паче мене. нѣсть мене достоинъ,** (Мѳ. X, 37).
ὁ μὴ ὢν μετ' ἐμοῦ, κατ' ἐμοῦ ἐστι. καὶ ὁ μὴ συνάγων μετ' ἐμοῦ, σκορπίζει.	**иже нѣсть съ мною на мѧ ѥсть. ї иже не събїраѥть съ мною растъчаѥть** (Мѳ. XII, 30).

6. Въ предложеніяхъ же, служащихъ къ опредѣленію подлежащаго или дополненія главнаго предложенія, **иже** получало значеніе мѣстоименія указательнаго и означало *тотъ самый, что.*

Πάτερ, ἡμῶν ὁ ἐν τοῖς οὐρανοῖς..	**оче нашь їже ѥси на нѣсѣхъ,** т.-е. ты, что въ небесахъ (Мѳ. VI, 9).
οἱ τὰ μαλακὰ φοροῦντες—	**се иже мѧкъкаꙗ носѧть въ домѣхъ цр̄нхъ соуть,** т.-е. тѣ вотъ, что носятъ мягкія одежды, въ чертогахъ царскихъ привитаютъ (Мѳ. XI, 8).

Въ Словѣ „*иже*" является въ трехъ мѣстахъ и только въ этомъ послѣднемъ значеніи:

Пѣснь пояше храброму Мстиславу, *иже* зарѣза, т.-е тому самому, что Редедю зарѣзалъ.

Почнемъ же повѣсть... до нынѣшняго Игоря *иже истягну умь*: т.-е. *того самаго*; *это онъ именно... Онъ вотъ истягну умъ.*

Кають князя Игоря, иже погрузи, т.-е. жалѣютъ именно *его* за то, что погрузилъ онъ...

Изъбивая (gerund. praes.) отъ изъбивати.

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ слово это отвѣчаетъ Греческимъ:

1) ἀναιρεῖν, occidere; такъ въ Галицкомъ и другихъ древнѣйшихъ Евангеліяхъ XI—XII вв. читаемъ: **иродъ... пославъ изби вса** (ἀνεῖλε πάντας) **младенища (младеньца** или отроки Мѳ. 11, 16).

2) φονεύειν—occidere: **ꙗко сꙑне ꙗесте изъбивъшихъ пррокꙑ**—τῶν φονευσάντων τοὺς προφήτας (въ Карп. Ев. XIII в. **избивнихъ** Мѳ. XIII, 31).

3) ἀποκτείνειν, occidere: **оци ваши избиша ꙗ**—ἀπέκταναν αὐτούς (Лук. XI, 47) **иерлме иерлме избивши пррокꙑ**—ἡ ἀποκτεύουσα τοὺς προφήτας.

Въ повѣствованіяхъ Кіевской дружинной Руси глаголъ этотъ встрѣчается весьма часто—1) въ значеніи *погубить*: „и *изби я* (буря), ю мало ихъ отъ таковыя бѣды избѣгнути (Лавр. стр. 21) *изби* оляди Гречьскыя (ib. 151); *избило* море Русь (ib. 151). 2) въ значеніи *умертвить*: „*избиваху* старую чадь (ib. 144); прочая люди *избиша* (ib. 58); вставше люди *избиша* епископы и бояре свое (ib. 146); и дружину его Итларя всю *избиша* (ib. 220).

Въ Новгородской лѣтописи: *избиша* Половъчѣ на Дунаи (Новг. 1, стр. 3); *избиша* князя и княгыню, жены и дѣти, овы огнемъ, а иныя мечемъ (ib. 51).

Въ живой народной рѣчи глаголъ этотъ употребляется какъ въ значеніи сильно изранить побоями, такъ и въ смыслѣ убивать *на смерть*: „къ намъ Французовъ пригнали, а мы ихъ всѣхъ избили, т. е. истребили и огороды ими подпирали". (Изъ разсказа старожила волостюжны Желѣзно-Польской).

Въ „Словѣ": *избивая* гуси и лебеди, что соотвѣтствуетъ въ народномъ пѣснотворчествѣ выраженію: стрѣляя гусей и лебедей; глаголомъ *избивая* указывается здѣсь на то, что дичи было много и Игорь умѣлъ стрѣлять мѣтко.

Татищевъ избити между прочимъ замѣнялъ глаголами: *разбить* (Росс. И. 66, 92) *казнить* (40) *изгубить* (94).

Издалеча—ἀπὸ μακρόθεν, издалека, въ дальнемъ, не близкомъ разстояніи. Въ Галицкомъ и другихъ древнѣйшихъ Евангеліяхъ XII в. читаемъ: **Оузрѣвъ же издалече** ἰδὼν δὲ ἀπὸ μακρόθεν (Марк. V, 6); **етеріи бо издалеча соуть пришлі** — τινὲς γὰρ μακρόθεν ἥκασι (ib. VIII, 3); **иже сташа издалече**—ἔστησαν πόῤῥωθεν (Лук. XVII, 12); **а мытарь издалеча стоꙗ**—μακρόθεν ἑστὼς (Лук. XVIII, 12).

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что въ переводныхъ памятникахъ XII в. это нарѣчіе употреблялось и въ видѣ издалече и издалеча.

Въ Кіевской лѣтописи читаемъ: „примчаша Половчина дикаго и начаста его прошати, отъ котораго есте становища поѣхали"? Онъ же рече: *издалеча.*

Въ живой народной рѣчи употребленіе этого слова обычно. На вопросъ: *„откуда идешь"* часто слышится: *издалече.*

Въ „Словѣ": „не мысль ли є ти прелетѣти *издалеча"*, т. е. съ дальной стороны, съ отдаленной окраины.

Изрони отъ **изронити** — ἐκφέρειν, emittere, выпустить, обронить, потерять.

Глаголъ этотъ въ нашемъ памятникѣ встрѣчается въ двухъ сочетаніяхъ: 1. **изронить слово** и 2. **изронить душю.**

1. **Изронить слово** —оборотъ народно-поэтическій. „Что не ронишь слова ласковаго? Изрони хоть единое словечушко". *Изронить слово*—значитъ вымолвить его невольно, какъ бы отрыгнуть его отъ сердца.

2. **Изронить душу.** Чтобы понимать истинный и точный смыслъ этого выраженія, необходимо имѣть въ виду древнія представленія о связи души съ тѣломъ.

Въ повѣсти Флавія читаемъ: **дш҃а бесмертна есть и смѣситься и прилется к тѣлу приходящи к нему ѿ ефера, акы к темници влучима къ удѣстви акы пищалію нѣкоею тонкою. имъ же пущена есть ѿ плотьскаго казанія, яко ѿ долгыя работы свободившися радуется и на высоту иде** (л. 48). τὰς δὲ ψυχὰς ἀθανάτους ἀεὶ διαμένειν, καὶ συμπλέκεσθαι μὲν ἐκ τοῦ λεπτοτάτου φοιτώσας αἰθέρος, ὥσπερ εἱρκταῖς τοῖς σώμασιν ἴυγγί τινι φυσικῇ κατασπωμένας. Ἐπειδὰν δὲ ἀνεθῶσι τῶν κατὰ σάρκα δεσμῶν, οἷον δὴ μακρᾶς δουλείας ἀπηλλαγμένας, τότε χαίρειν καὶ μετεώρους φέρεσθαι. (Lib. II, c. VIII, 11). Отсюда видно, что душа связывается съ тѣломъ **пищалію нѣкоею;**—или какъ въ Греческомъ подлинникѣ: „ἴυγγί τινι φυσικῇ". (Cp. Aristot. Hist. anim. II, sect. 95; Pind. Schol. p. 257). ἴυγξ называлась птичка, служившая Афродитѣ; она назначалась для чаръ и волхвованія, а по-

тому и все служившее для приманки и возбужденія страсти называлось тѣмъ же именемъ. Итакъ, существовало вѣрованіе, что душу съ тѣломъ связываетъ нѣкая естественная прелесть на подобіе чарующей свирѣли, пищали; лишь только рушится это посредство, душа отпадаетъ отъ тѣла; бывъ пущена отъ плотскаго вязанія, она, какъ бы освободившись отъ долговременнаго рабства, радуется и на высоту идетъ.

Такому представленію разлученія души отъ тѣла вполнѣ отвѣчаютъ воззрѣнія нашей плачущей погребальной причети.

„Столько видѣли ль, безсчастные родители,
„Какъ душа да съ бѣлымъ свѣтомъ разставалася. (Пр. С. кр. ч. I, 193).

....

„Какъ душа да съ бѣлыхъ грудей выходила,
„Ясны очушки съ бѣлымъ свѣтомъ розсталися. (Ib. ч. 1, стр. 194).

....

„Ужъ моя ли какъ жадобна родня дяденька
„Ты злаченъ перстень стеряла со правой руки
„Самоцвѣтъ камень родитель со бѣлой груди. (Ib. ч. I, стр. 190).

....

„Отлетѣлъ вамъ соколочикъ златокрыленькой. (Ib. стр. 190).

Въ живой народной рѣчи бытуетъ выраженіе: *„до изрону души моей"*, т. е. до вѣку, до смерти. (Даль).

Въ „Словѣ": единъ же Изяславъ *изрони* жемчужину *душу* изъ храбра тѣла, т. е. обронилъ словно оброночку, умеръ незамѣтно, тихо, спокойно.

Дубенскій приводитъ здѣсь въ соотношеніе мѣсто краледворской рукописи, гдѣ описана смерть юноши: „злодѣй ударилъ юношу тяжкимъ молотомъ въ перси, уныло зашумѣлъ жалостливый лѣсъ, злодѣй вышибъ изъ юноши душу-душеньку; она вылетала прекраснымъ протянутымъ горломъ, изъ горлышка къ розовымъ устамъ, а тутъ

льется теплая кровь, за душенькою течетъ за отлетѣлою; сырая земля пьетъ кипучую (врѣлую) кровь.

Макушевъ—приводитъ туже аналогію.

Буславъ: по индѣйскому представленію души мыслятся въ видѣ жемчужинъ: всѣ души, отдѣляясь каждая другъ отъ дружки своимъ тѣломъ, какъ бы нанизаны на одной ниткѣ. (Истор. оч. т. I, стр. 141).

Изъ (praepositio, quae coustruitur cum genetivo).

Въ древнихъ славяно-русскихъ переводахъ предлогъ этотъ отвѣчаетъ Греческимъ ἐκ, ἐξ, ἀπὸ, изъмоу соучьць изъ оусее твоего—ἐκ τοῦ ὀφθαλμοῦ σου (Мѳ. VII, 4); изведе и вънъ из всї (веси)—ἔξω τῆς κώμης (Мрк. VIII, 23); оусъхъшю ис кореньꙗ ἐκ ῥιζῶν (ib. XI, 20).

Въ дружинныхъ повѣствованіяхъ: *изъ* града (Лавр. стр. 434); из начала (ib. 85).

Въ словахъ богатырскихъ:

„Сошку *съ* земельки повыдернулъ,
„*Изъ* омешковъ земельку повытряхнулъ. (Рыбн. I, 21).

Въ „Словѣ": *изъ* луку моря... выторже.

Изъостренн (суть—perf. 3 pers. plur. femin. indicat. passiv.) отъ изострити.

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ глаголъ этотъ отвѣчаетъ Греческимъ:

1) ὀξύνειν, acuere—точить, дѣлать острымъ; такъ въ книгѣ Пророковъ: мечю.. изостриса—ῥομφαία.. ὀξύνου (Іер. XXI, 10).

2) ἀκονᾶν, acuere; въ Псалтири XIII—XIV вв. стрѣлы сильнаго изострены—τὰ βέλη.. ἠκονημένα (Пс. 119, 4); стрѣлы твоꙗ изострены (Пс. 44, 6). Въ Пандектахъ Антіоха XI в. изостриша ꙗко оружие—ἠκόνησαν ὡς ῥομφαίαν (гл. 39, л. 89 об.).

Въ „Словѣ": сабли *изъострени* т. е. наточены, навострены.

Изъславъ, сынъ Васильковъ. Въ Лѣтописяхъ не упоминается. Мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе г. Смирнова, что, хотя этотъ князь въ дошедшихъ до насъ лѣтописныхъ спискахъ не встрѣчается

въ числѣ полоцкихъ князей, но, судя по брату Брячиславу Васильковичу, упоминаемому въ „Словѣ" и бывшему княземъ въ Изяславлѣ по лѣтописи подъ 1154 г., онъ также былъ княземъ полоцкимъ, дѣйствовавшимъ на Двинѣ (Смир. II, стр. 71).

Карамзинъ полагалъ, что вмѣсто *Изяславъ* слѣдуетъ читать здѣсь *Всеславъ*, о коемъ упоминаетъ Кіевская Лѣтопись подъ 1178 г. и который вмѣстѣ съ братомъ Брячиславомъ Васильковичемъ Витебскимъ ополчился въ 1181 году за Святослава Черниговскаго на Ростиславичей, чтобы отнять у нихъ Кіевъ (И. Г. Р. III, стр. 58).

Имѣа (gerund. praes.) отъ **имѣти**—ἔχειν, habere. Въ этой самой грамматической формѣ встрѣчается это слово въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ. Въ Остроміровомъ Еванг. XI в. читаемъ: **имѣа оуши слышати да слышить.** (Лук. XIII, 9). Въ Галицкомъ: **бѣ бо имѣа сътажаньа многа**—ἦν γὰρ ἔχων (Мѳ. XIX, 22, ср. Марк. X, 22); **азъ бо ѥсмь члкъ.. имѣа подъ собою воꙗ**—ἔχων... στρατιώτας (Лук. VII, 8); **и иже мнїтьса имѣа. ѿиметьса ѿ нѥго**—καὶ ὃ δοκεῖ ἔχειν (Лук. VIII, 18) **которыи же ѿ васъ раба имѣа**—τις δὲ ἐξ ὑμῶν δοῦλον ἔχων (Лук. XVII, 7).

Въ „Словѣ": „худую струю *имъя*", вм. прич. имущи—т. е. имѣющая.

Иноходьцы (instr. plur. masc.) отъ **иноходьцъ** — конь, во время бѣга, заносящій обѣ ноги одной стороны заразъ. Обыкновенныя лошади шагаютъ иначе, заноси одновременно одну переднюю и одну заднюю ногу.

Слово это встрѣчается и въ народномъ пѣснотворчествѣ:

> Были у нихъ *кони иноходныи*
> Были у нихъ корабли мореходныи. (Прич. ч. II, стр.).

Слово *иноходецъ* образовалось изъ *единоходецъ* посредствомъ сокращенія *един* въ *ин*. Примѣры подобнаго образованія нерѣдки. Въ Пандектахъ Антіоха XI в. встрѣчаемъ: **иномысльный** — μονότροπος: **гдѣ въселяеть иномысльныꙗ въ домъ** (гл. 103 л. 224 об.); въ другихъ случаяхъ тоже μονότροπος — передается въ формѣ: **единомысльный**

(напр. гл. 10, л. 128 об.); **иноудыи** вм. **единоудыи**—μονογενής: **иноудаго твоего сна**—τοῦ μονογενοῦς σου υἱοῦ (л. 304 об. въ Остром. Галиц. и др. Ев. точно также Іоан. III, 14). Въ Псалтирѣ XII в. встрѣчаемъ **снъ инорожь**—μονοκερώτων; въ спискахъ же XV и XVI вв. **единорожь**. (Пс. 28, 6). **Инорогъ** вмѣсто единорогъ (Пс. 77, 69; ср. 71, 11). Сравн. *сполинъ* вм. *исполинъ*, γίγας. Здѣсь кстати замѣтимъ, что *поленица* удалая, упоминаемая въ „Словахъ богатырскихъ" есть ничто иное, какъ подобное же сокращеніе слова: *исполеница* т. е. исполинша. Въ сѣверно-русскомъ живомъ говорѣ такія сокращенія не только обычны, но иногда даже поразительны. Такъ напр. можно ли догадаться, что слово *крема* есть сокращеніе выраженія *крестная мать*?

Инъгварь, сынъ Ярослава Луцкаго, бывшаго Великимъ княземъ Кіевскимъ прежде Святослава Всеволодовича. Ингварь также сидѣлъ потомъ на Кіевскомъ престолѣ, на который онъ возведенъ былъ Романомъ Галицкимъ въ 1202 году.

Искусити. (infinitiv.). Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ глаголъ этотъ отвѣчаетъ Греческимъ:

1) πειράζειν, explorare—производить опытъ, дознаваться. Въ Изборникѣ Святослава 1073 г. читаемъ: **ико же искоусити въ нашь съхранать ли пѫть гнь**—ὥστε πειράσαι (Изд. Общ. Ист. л. 159). Въ Галицкомъ и др. древнѣйшихъ Евангеліяхъ: **се же глаше искоушаа и. самъ бо вѣдаше что хотя сътворити**—ἔλεγεν, πειράζων αὐτὸν (Іоан. VI, 6); **вопроси... законооучитель. искоушаа и**—πειράζων αὐτὸν (Мѳ. XXII, 35). Глаголъ этотъ по соотвѣтствію Греческому ἐκπειράζειν употреблялся и въ значеніи **покоусить**, вводить въ искушеніе, прельщать, соблазнять ко злу. **Писано ѥсть. не искоусиши га ба твоѥго**—οὐκ ἐκπειράσεις (Мѳ. IV, 7); (ср. народн. послов. „вражья сила на грѣхъ покусила").

2) δοκιμάσαι, probare—пробовать, разсматривать. Въ Пандектахъ Антіоха XI в. читаемъ: **дѣло же свое да искоушаеть къжьдо**—δοκιμαζέτω ἕκαστος (гл. XXI, л. 53 об.); **даждь ми власть.. сиѥ или сиѥ вещь искоусити**—τὸ δὲ ἢ τὸ δὲ πρᾶγμα δοκιμάσαι (гл. III, л. 247). Въ Изборникѣ Святослава 1073 г. **ико злато въ сльзѣ искоуси я**—ὡς χρυσὸν ἐν χωνευτηρίῳ ἐδοκίμασεν αὐτοὺς (Изд. И. Об. Ист., стр. 160;

Псалтири XII в.: искоуси мя гй—δοκίμασόν με (пс. XXV, 2). оусилъ мя еси и позналъ мя еси—ἐδοκίμασάς με (пс. 138, I); оуси мя и оувѣжь срце мое (ib. стр. 23). Въ Галицкомъ и другихъ ангеліяхъ XII—XIII в: лице нба и земли оумѣете искоушати а мене сего не искоушаете—τὸ πρόσωπον τῆς γῆς καὶ τοῦ οὐρανοῦ ατε δοκιμάζειν τὸν δὲ καιρὸν τοῦτον πῶς οὐ δοκιμάζετε (Лук. XII, 56).

Въ повѣсти Флавія: копїа и меча искоушахоу (л. 188)—τάς τε ιάς τῶν ξιφῶν ἐδοκίμαζον (Lib. V, c. XII, 3).

Встрѣчаемъ это слово и въ повѣствовательномъ языкѣ дружин- і школы: и рѣша боляре царю: посли к нему (Святославу) дары, кусимъ и, любьзнивъ ли есть злату ли паволокамъ... и рече единъ: куси и еще, посли ему оружіе (Лавр. 1872 г., стр. 69).

Въ живой народной рѣчи говорится: „не искусивъ человѣка не наешь". „Золото огнемъ искушается, а человѣкъ напастьми" (Даль).

Въ „Словѣ": „*искусити* Дону" употреблено въ значеніи Грече- кго: δοκιμάσαι—попробовать, испытать. Ср. „*искусити* Дону" съ раженіями въ томъ же „Словѣ": „*испити* Дону, да *позримъ* синего ну".

Испити—πίνειν, bibere. Въ Галицкомъ и др. древнѣйшихъ Ев. гаемъ: аще и съмьртьно что испьють. нїчтоже ихъ не врѣдїть—κἂν νάσιμόν τι πίωσιν (Мрк. XVI, 18); чашю оубо юже азъ пью испь- а—ὃ ἐγὼ πίνω πίεσθε (ib. X, 39, ср. Мѳ. XX, 23); Въ Святосла вомъ Изборникѣ 1073 г. испити ти есть оуто бжнихъ сѫдьбъ пелынь— ιον... τὸ ἀψίνθιον (Изд. Общ. Ист. стр. 170); въ книгѣ Пророковъ: потечетъ вода и испїютъ людье мои—πίεται ὁ λαός μου (Ис. XLVIII,) испїютъ вино (ib. XXV, 6; ср. Авд. I, 16).

Въ дружинныхъ повѣствованіяхъ: Василько впроси воды, они же на ему и испи воды (Лавр. стр. 252). Рече Котопанъ! княже: хочю ти пити; оному же рекшю: пий. Онъ же *испивъ* половину, а по- вину дасть князю пити; оному же *испившю* (Лавр. стр. 162).

Въ словахъ богатырскихъ:

„Принималъ онъ эту чару одной рукой
„*Испивалъ* эту чару за единый духъ (Рыбн. I, 61).

Станемъ...

„*Испиватъ* мы питьицевъ медвяныихъ (ib. I, 162).

Настасья Микулична

„*Испила* эту чарочку до суха (ib. I, 170).

Въ народныхъ плачахъ:

„Намъ наскучило побѣднымъ сиротаньице
„Столько водушки вѣдь намъ не *испиваючи* (Пр. С. кр. ч. I, 158).

„*Испивалъ* да онъ хмѣльны эты напиточки (ib. стр. 273).
„И другой годъ какъ на остуды обживатися
„И бытто лютая смола да *испиватъ* (ib. III, 28).

Въ живой народной рѣчи говорится: *испей* для дружка, а поѣшь для себя (Даль).

Богатыри имѣли обычай пить воду шеломомъ:

„На той рѣкѣ на Березины,
„Стала сила пить воды
....
„А которая сила *шеломомъ пьетъ*
„Тую силу съ собой беретъ (Рыбн. I, 44).

Въ Галицкой лѣтописи также говорится, что Владиміръ Мономахъ пилъ *шеломомъ Донъ* (П. С. Р. Л. II, 155). Замѣчательно, что выраженіе *пить Дону* въ значеніи обладать водами Дона, удерживалось въ оффиціальномъ языкѣ до XVII вѣка; козаки его (Русскаго царя) съ Азова оброкъ берутъ и *воды изъ Дону пити не даютъ*".

Въ „Словѣ“: хощу главу свою приложити, а любо *испити* шеломомь Дону, т.-е. одержать побѣду, завладѣть водами Дона.

Шишковъ: Сіе выраженіе основано на естественной истинѣ и заключаетъ въ себѣ богатую мысль: воинамъ Игоревымъ иначе не возможно достигнуть до Дону, какъ побѣдивъ непріятелей. Побѣда требуетъ труда, трудъ производитъ жажду: отсюда вижу я ихъ уто-

енныхъ послѣ тяжкой брани, спѣшащихъ съ засохшими гортанями рѣкѣ Дону, черпающихъ изъ ней шлемами воду и утоляющихъ жажду свою.

Игорь на брань только еще приглашаетъ своихъ героевъ, а Шишковъ видитъ въ этомъ приглашеніи ихъ уже утомленными слѣ тяжкой брани.

Иссуши (aor. 3 pers. sing. indicat.) отъ **иссушити**.

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ глаголъ этотъ соотвѣтствуетъ Греческимъ:

1) ξηραίνειν, arefacere; такъ въ книгѣ Пророковъ: **рѣкы ихъ исоу**—τοὺς ποταμοὺς ξηρανῶ (Ис. 64, 27).

2) ἀναξηραίνειν, arefacere: **иссоушитъ жилы и опоустошитъ истоу**и—ἀναξηρανεῖ τὰς φλέβας (Ос. XIII, 15).

Въ живой народной рѣчи говорится: „болота *изсушаютъ* отводми трубами" (Даль).

Въ „Словѣ": „*иссуши* потоки и болота". Гипербола эта значитъ, Святославъ непроходныя мѣста, при своихъ воинскихъ походахъ, лалъ проходимыми.

Истягну см. **стягну**.

Ищучи (gerund. praes.) отъ **искати**.

Глаголъ этотъ въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ отвѣтъ Греческимъ:

1) ζητεῖν, quaerere, такъ въ Остроміровомъ, Галицкомъ и др. XI—XII вв. **хощетъ бо иродъ искати отроуатие**—μέλλει γὰρ ζη- (Мѳ. II, 13); **и ти начаша искати въ себѣ**—καὶ αὐτοὶ ἤρξαντο ζη- (Лук. XXII, 23).

2) ἐρευνᾶν, indagere, investigare; такъ въ переводахъ Апостола I—XIV в. **дхъ бо всего ищетъ**—τὸ γὰρ πνεῦμα πάντα ἐρευνᾶ Кор. II, 10).

Въ литературно-повѣствовательномъ языкѣ Кіевской дружинной ьлы также встрѣчаемъ: и посла (Ярополкъ) *искать* брата своего *искавше* его не обрѣтоша (Лавр. стр. 73). Въ 1174 г. выбѣже

Володимиръ, сынъ Ярославль Галицькаго князя, въ Ярославу въ Лучесекъ: бѣ бо ялся ему волости *искати* (Ип. стр. 108). Рогволдъ Борисовичъ иде отъ Святослава отъ Ольговича *искать* себѣ волости (ib. 82).

Въ живой народной рѣчи употребленіе этого глагола обычно: „Кто правды правды *ищетъ*, того Богъ сыщетъ". „Счастья *ищи*, а въ могилу ложись". „*Ищи* добра на сторонѣ, а дома люди не старятъ" (Даль).

Въ „Словѣ": *„ищучи себѣ чти, а князю славѣ"*. Выраженіе это повторяется дважды въ видѣ пѣсенной припѣвки. *Себѣ славы искати*. Исканіе геройской славы было идеаломъ Кіевской дружинной Руси (см. славы).

I.

Ї ostendit numerale quantitale ДЕСЯТЬ. Въ „Словѣ": *Бяшеть не ї соколовъ.. пущаше*, т.-е. не десять.

К.

Кажетъ (praes. 3 pers. sing. indicat.) **Кажуть** (praes. 3 pers. ur. indicat.) отъ казати.

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ, глаголъ этотъ отвѣ-
етъ Греческимъ:

1) κελεύειν, jubere, повелѣвать, приказывать. Такъ, въ повѣсти
лавія читаемъ: **Титъ же посла воя. каза ловити выходящй** (л. 183)—
ἔλευσε τοὺς ἐξιόντας ἐνεδρεύειν—jussit exeuntibus tendi (Lib. V, c.
I, 1).

2) παραινεῖν, admonere, совѣтовать, одобрать, благопріятствовать.
ь той же повѣсти встрѣчаемъ: **Поусти (наказанныхъ) къ симоноу и
ïωанв, кажа къ нима. да престанета ѿ рати**—νῦν γε παύσασθαι
ραινῶν—admonens, saltem nunc desinerent (ib. c. XI, 2).

Сообразно такимъ значеніямъ глагола *казати* и выраженіе
азать путь" можетъ имѣть двоякое значеніе: указывать дорогу *воль-
ю* или *неволъную*, т.-е. отпускать честно, или прогонять съ без-
стьемъ.

Въ лѣтописномъ языкѣ встрѣчаемъ глаголъ *казати* въ значеніи
лѣть, наказывать (κελεύειν): „Игорь призва слы Гречьскыя, рече имъ:
аголите, что вы *казалъ* царь?" (ἐκέλευσεν—jussit Лавр. стр. 52); и
йде путемъ гость, они же (Половцы) *казаша* рекуще: пойдете по
ою братью (Лавр. 278). Выраженіе *казать путь*—употреблялось въ
аченіи: *отсылать*, *прогонять*. Ростиславичи, Рюрикъ, Давидъ и
стиславъ послаша къ Андрееви: брате! въ правду тя нарекли есмы
цемъ своимъ, а се нынѣ брата нашего Романа вывелъ еси изъ
иева, а намъ *путь кажеши* и изъ Руськой земли (Ипат. стр. 108).
іѣнье многое взяли Ляхове у Изяслава, *показавше ему путь* (Лавр

44

178). Въ новгородской лѣтописи особенно часто въ этомъ смыслѣ читается это выраженіе. Подъ 1170 годомъ: И съдумавъше Новъгородьци. *показаша путь* князю Роману (Новг. I, стр. 15). И *показаша* Новгородьци *путь* Ярополку (ib. стр. 17); Тъгда же.. *показаша путь* Володимиру Святославицю (ib. стр. 18); И съдумавъше Новгородьцѣ и *показаша путь* изъ Новгорода и выгнаша на Бюрчевъ день Ярослава князя (ib. стр. 23). Въ лѣто 6729 *показаша путь* Новгородци князю Всеволоду: не хочемъ тебе, поиди, *камо* хочеши; иде къ отцеви въ Русь. Подъ 1230 годомъ: А княжицю Ростиславу *путь показаша* съ Торжьку къ отцеви въ Цьрниговь (ib. стр. 47). Подъ 1232 годомъ: Пріѣхавъ князь (Ярославъ) изъ Переяславля и посла въ Пльсковъ, рече: мужа моего пустите, а тѣмъ (Борисовой чади) *путь покажите* прочь, отвуда пришли.. а Борисовѣ чади *показаша путь* съ женами (ib. стр. 28).

Встрѣчаемъ это выраженіе и въ значеніи благопріятномъ—соизволять, отпускать съ миромъ: И рѣша Варязи (Володиміру) сольстилъ еси намъ: да *покажи* ны *путь* въ Греки; онъ же рече имъ: идѣте (Лавр. 77).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ *казати* соотвѣтствуетъ Греческому: κελεύειν, jubere.

Въ одной колядкѣ Карпатскихъ горцевъ поется:

Нѣтъ якъ надъ Тебе, великій нашъ Боже!
Ты *кажешь* мѣсяцю: свѣти всему міру;
Ты *кажешь* сонейку: свѣти всему свѣту;
Ты *кажешь* дождейку: мочи суху землю (Чтен. Общ. Ист 1865, II, 24).

Въ томъ же смыслѣ *казати* бытуетъ и въ живомъ южно-русскомъ языкѣ: „скачи, враже, якъ панъ *каже*".

Въ велико-русскомъ нарѣчіи въ томъ и другомъ значеніи: „*кажи ему двери*", т.-е. прогони. „Худой сватается, *хорошему путь кажетъ*".

Въ „Словѣ" выраженіе „*казати путь*" употребляется въ значеніи благопріятномъ—παραινεῖν, admonere,—являть, указывать, направлять. Дятловѣ тектомъ *путь* къ рѣцѣ *кажутъ* т.-е. намѣчаютъ, указываютъ благопріятную дорогу, направляютъ на путь безопасный.

гореви князю богъ *путь кажетъ*, т.-е. на путь благословляетъ или е благопріятствуетъ въ пути.

Каленыи (nomin. plur. fem.) **калеными** (instrum. plur.) отъ леный т.-е. закаленый. Въ чемъ состоитъ процессъ закаливанія см. дъ словомъ закалена.

Въ народномъ пѣснотворчествѣ—*каленый* обычный эпитетъ стрѣлъ.

„Накладывалъ *калену* стрѣлу,
„Самъ ко стрѣлочкѣ приговаривалъ. (Рыбн. I, 20).

Въ Краледворской рукописи siket kalenich strsiel—свистъ калеыхъ стрѣлъ.

Въ „Словѣ" точно также—это эпитетъ „стрѣлъ" „*летятъ стрѣлы каленыя*" и саблей: „посѣкепаны *саблями* „*калеными*" „ранены *саблями калеными*".

Впрочемъ здѣсь—*каленый* можетъ быть понимаемо иногда не смыслѣ—только закаленый, стальный, но и въ смыслѣ разскаливійся: какъ стрѣлы отъ сильныхъ луковъ разогрѣваются при своемъ иженіи отъ воздуха, словно отъ огня, такъ мечи и сабли накалиются отъ ударовъ и даютъ искры, словно разженныя въ горнилѣ.

Каменныи (accus. plur. femin.) **каменныи**, λίθινος, lapideus, ѣланный, состоящій изъ камня и πετρώδης, petrosus, каменистый. ъ Галицкомъ и другихъ древнѣйшихъ Евангеліяхъ читаемъ: ба же тоу доносъ каманъ шесть—ἦσαν δὲ ἐκεῖ ὑδρίαι λίθιναι ἕξ (Іоан. II, 6). другое (сѣмя) паде на каменьнѣмь—ἐπὶ τὸ πετρῶδες (Марк. IV, 5) и сіи коже соуть иже на каменныхъ сѣеми—οἱ ἐπὶ τὰ πετρώδα (ibid. IV, 16).

Въ народной поэзіи *каменистый* является въ значеніи *каменый*, какъ напр. въ причитаніяхъ: „щелье *каменисто* порастрескаось".

Въ живой народной рѣчи извѣстны пословицы: „судія праведный—града *каменна*". Жить за кѣмъ, какъ за *каменной* стѣной. Отъ трудовъ праведныхъ не нажить палатъ *каменныхъ* (Даль).

Въ „Словѣ" подъ „каменными горами", которыя пробилъ Днѣпръ, азумѣются именно „*каменистыя щелья*"—утесы Днѣпровскихъ пороговъ.

Эти утесы своими голыми и высокими вершинами производятъ на зрителя громадное впечатлѣніе и наглядно показываютъ неудержимое могущество рѣки, которая, встрѣтившись на своемъ пути съ преградою высокихъ каменныхъ горъ, силою своего теченія и волнъ побѣдоносно разрушаетъ ихъ, открываетъ себѣ свободный проходъ, оставляя за собою лишь эти каменные утесы, какъ вѣчные свидѣтели ея непобѣдимаго могущества.

Въ Исторической Географіи: *Каменка*—рѣка въ Суздалѣ (Ист. Акт. I, 138; III, 382) и рѣчка въ Вологодскомъ уѣздѣ (ib. I, 311); *Каменное*—деревня въ Суздальскомъ уѣздѣ (ib. I, 414); *Каменный Яръ*—село при-волжское (ib. IV, 404) *Каменный* Поясъ, *Каменный* городъ и т. п.

Камо (adverbium)—ποῦ, quo, гдѣ, куда. Въ Галицкомъ и во всѣхъ древнѣйшихъ евангеліяхъ читаемъ: **не вѣсї, ѿкоудоу прїходить. и камо идеть**—καὶ ποῦ ὑπάγει (Іоан. III, 8; ср. XVI, 35); **камо хощеть нтї**—ποῦ μέλλει πορεύεσθαι (ib. VII, 35). Въ псалтири XII—XIII в. **камо идоу ѿ дха твоюго и ѿ лица твоюго камо бѣжю**—ποῦ πορευθῶ.. ποῦ φύγω (Пс. 138. 7).

Въ литературно-повѣствовательномъ языкѣ Кіевской дружинной школы:

И побѣгоша Печенези разно и не видяхуся, *камо бѣжати* (Лавр. 1872 стр. 147).

Уже намъ не лзѣ *камо* ся дѣти (ib. стр. 167).

И рече имъ старецъ: *камо* идете? (Лавр. 185).

Подъ 1147 г. „И рече Игорь, възря: (Володимеру) охъ, брате, *камо?* (ib. стр. 301 об.).

Мстиславъ говорилъ Володимеровой матери: „иди въ городокъ (Остеръ) а оттуда, *камо* тобѣ годно“. Святославъ говорилъ воинамъ: „уже намъ не *камо* ся дѣти“.

Въ „Словѣ“: *камо* туръ поскочяше—т.-е. гдѣ туръ поскакивалъ, или „*куда* туръ ни скокнетъ, лежатъ тамъ потоптанные Половцы.

Карна (nomin, sing. fem.)—καρίνη, praefica, вопленица, плакальщица. Изображая вопли и скорби, коими разрѣшилась по всей Кіев-

ой Руси гибель дружины Игоревой, авторъ „Слова“ пользуется фак-
ми погребальнаго языческаго ритуала. Оплакиванію женами своихъ
дъ онъ предпосылаетъ кличъ *Карины*; всеобщему сѣтованію—разсы-
піе Желею пепла изъ пламеннаго рога.

Плачъ женъ кабы возбуждается предварительнымъ *кликомъ Ка-
ины;* сѣтованіе распространяется—разсыпаніемъ Желею пепла (См.
мга).

Кликну *Карина*—и восплакались Русскіе жены. Скочила Желя
Русской землѣ, смагу мычучи—и печаль жирная потекла по землѣ
усской. Что же значитъ *кликнула Карина*?

Въ лѣтописяхъ читаемъ: „Умре княгини Миндовгавая и поча
рити по ней и посла Миндовгъ... по свою свѣсть, тако река:
сестра твоя мертва, а поди *карить* по своей сестрѣ (Ип. стр. 201).
акъ глаголъ *карити* указываетъ на плачъ погребальнаго ритуала,
къ *Карина* (χαρίνη, praefica) есть обрядница мертвыхъ, служитель-
ица смерти, погребальная пѣсенница. Авторъ „Слова“, пользуясь ея
наченіемъ въ погребальномъ ритуалѣ, освѣщаетъ ея миѳическимъ
реданіемъ. Характеръ ея причети указываетъ, что это не простая
пленица, не обиходная плакальщица, какія обыкновенно обря-
аютъ покойниковъ. Какъ истая жрица смерти, она является здѣсь
образѣ богатырскомъ: *„кликну Карина“*. Кличъ этотъ безъ сомнѣ-
ія имѣетъ здѣсь тоже значеніе, какъ и во всемъ Словѣ: это кличъ,
добный клику побѣдному или крику богатырскому, (Ср. *кликомъ* плъкы
бѣждаютъ). Кликъ *Карины* раздается и широко и далеко, какъ и
еля *скочила* по всей Русской землѣ. Отсюда можно видѣть, что эта
арина—не обыкновенная плакальщица или обрядница мертвыхъ, но
мая смерть, которая даже въ современной намъ причети является
жду прочимъ то въ образѣ красной дѣвицы, то въ образѣ ста-
шки стародревней.

„А Игорева храбраго плъку не крѣсити! за нимъ кликну *Карина*“.
тотъ восторженный кликъ ея есть гласъ радованія, что нельзя уже
кресить полку Игореву, есть побѣдное ликованіе торжествующей
ерти. Какъ Дѣва-обида, Дѣва раздоровъ и страстей, всплескалась на
немъ морѣ и своимъ плесканіемъ пробудила раздольныя для себя
ремена: братъ сталъ говорить брату: „это мое и то мое-же; такъ не-

избѣжная ея спутница *Карина* возликовала свое торжество и гласомъ своего радованія пробудила въ людяхъ рыданія и вопли: восплакались Русскія жены... Чѣмъ восторженнѣе и могучѣе былъ кличъ *Карины*, тѣмъ горчае зарыдали Русскія жены. Чѣмъ громче было ея ликованіе, тѣмъ сильнѣе должно было отозваться всеобщее горе.

Достойно вниманія что даже въ существующихъ погребальныхъ плачахъ звучитъ струна побѣдной пѣсни смерти и отражается ея ликованіе.

„Воскликать стану печальная головушка"
Тутъ спроговоритъ вдова благочесливая:
Видно нѣтъ того на свѣтѣ да неводится,
Што вѣдь мертвыи съ погоста не воротятся. (Прич. Сѣв. кр. ч. I, стр. 4).

Изъ живаго мертвый станется,
Изъ мертва живой не збудется. (ib. стр. 33).

Какъ булатъ этымъ желѣзомъ груди скованы,
Въ родѣ оловомъ уста его призалиты. (ib. стр. 93).

Чего нѣтъ да того на́—свѣтѣ не водится,
Мертвый живому не товарищъ. (ib. стр. 96).

Видно, нѣтъ того на́ свѣтѣ да не водится
Видно, мертвыи съ живыми не становятся.
Далеко ваше желанье удаляется
Гробовой доской родитель укрывается. (ib. стр. 154).

Видно, вѣкъ тое въ свѣтѣ не сбывается,
Што мертвый съ могилы ворочается (ib. стр. 175).

Што изъ мертвыхъ въ живыхъ да не становятся (ib. стр. 192).

У мертваго съ живымъ дѣло не ладится. (ib. стр. 170).

Воскликать да стать, горюшѣ, не докликаться,
Хоть испытывать, побѣдной, не довѣдаться.
Мнѣ ласкова прелестна нариченьица (ib. стр. 192).

Кого нѣтъ да вѣдь, родитель, того не гдѣ взять (ib. стр. 223).

Не выращивать дерева суховерхова,

Не дожидатся вѣкъ любимаго мнѣ гостюшка. (ib. стр. 219).

Эта самая струна побѣдной пѣсни смерти сказывается и въ востор_енномъ ликующемъ кличѣ *Карины* вслѣдъ за павшимъ на полѣ брани олкомъ Игоревымъ: „Игорева храбраго плъку не крѣсити."

Здѣсь мы встрѣчаемся между прочимъ съ любопытными данными доисторической погребальной причети. Причеть какбы раздѣлена ав-ромъ „Слова". Побѣдная пѣснь смерти, торжествующій кличъ усвоенъ *аринѣ*, а оплакиваніе мертвыхъ со стороны бытовой отнесено къ же-амъ обыкновеннымъ. Дошедшая до насъ погребальная причеть ту и угую сторону совмѣщаетъ смѣшанно: бытовыя обстоятельства пере-етаются въ плачахъ съ пѣснопѣніями смерти; но было, повидимому, ремя, когда вопленица, *карина*, какъ жрица смерти, воспѣвала лишь торжество, житейскую же печаль выражали другія жены.

Достойно вниманія, что греческое имя καρίνη, praefica, одни ексикологи объясняютъ тѣмъ, что погребальные плакальщицы у Гре-овъ были нанимаемы изъ Каріи, другіе же, (какъ напр., Шревелій) близкаютъ его съ словомъ κήρ, fatum, mors.

На русской землѣ слово карина тождественное по значенію съ реческимъ καρίνη бытуетъ въ слѣдующихъ географическихъ назва-іяхъ: *Карина*—деревня (Юридич. Акт. 179); *Каринская* въ Хлынов. у. Ист. Акт. VIII, 133; IX, 187).

Въ 1-мъ изданіи напечатано *Карна* вм. карна. Что разумѣли подъ тимъ словомъ предшествовавшіе толкователи (см. выше т. II, стр. 07—210).

Татищевъ лѣтописное *казати* замѣнялъ глаголами: 1) *сказать* Росс. Ист. 118).

2) *научать* (ib. с. 202).

касожьскыми (instrum. plur. masc.) отъ **касожьскыи** (отъ Касоги).

Касоги—народъ Черкесскаго племени, обитавшій на восточномъ ерегу Понта; область которую они занимали, Константинъ Багря-

народный называетъ *κασαχία*; отсюда произошло слово *казакъ*. Въ Кіевской лѣтописи не разъ упоминаются *Касоги*; такъ подъ 965 г. „Святославъ" Ясы побѣди и Касогы (Лавр. стр. 64); подъ 1066 г. Ростиславу, сущу Тмуторакани и емлющу дань у *Касогъ* и у инѣхъ странъ (ib. 162). Здѣсь изображенъ и тотъ самый поединокъ храбраго Мстислава съ Редедей, который воспѣтъ былъ Бояномъ, по свидѣтельству „Слова".

Каютъ (praes. 3 pers. plur. indicat.) отъ **каяти**.

1) Въ древнихъ переводныхъ памятникахъ глаголъ этотъ отвѣчаетъ греческому ταλανίζειν, miserum et aeromnosum vocare, deflere, miserari—считать кого жалкимъ, несчастнымъ, оплакивать соболѣзновать; такъ въ паренесисѣ Ефрема Сирина (по списку попа Хрѣна): **семоу. не наоучилъ есть, но каялъ есть**—οὐκ ἐδίδαξεν, ἀλλὰ δὲ ἐταλάνισε, verum miserabilia atque infelicia illa censuit (л. 198); въ пергаменномъ Прологѣ новгородскаго письма: **кесарягоса вси каютъ** (Тихонр. 57) никакъ нельзя думать, что **каютъ** значитъ здѣсь „бранять"; несчастнаго всюду и всегда жалѣютъ.

2) Тотъ же греческій глаголъ ταλανίζειν передавался иногда славянскимъ **ѡкаяти** (in annexu praepositionis **о=каяти**). Такъ въ Пандектахъ Антіоха XI в. **добрѣ оубо окаєть таковыя исаия**—καλῶς οὖν τοιαύτους ὁ Ἰσαίας (гл. 83, л. 176); вышеприведенный примѣръ въ другихъ спискахъ читается: **не наоучилъ есть, но ѡкаялъ есть.**

Слово **окаянныи** въ древнихъ памятникахъ также не означало *проклятый*, *осужденный*, но значило *несчастный*, *достойный сожалѣнія*. Такъ въ Пандектахъ Антіоха XI в. **окаянныи** отвѣчаетъ Греческому ταλαίπορος=aeromnosus, miser: „**мысль бо си окаянныихъ улкъ есть**"—ὁ γὰρ λογισμὸς οὗτος.. ταλαιπόρων ἐστὶν ἀνθρώπων (гл. 15 л. 36); или же греческому: ἄθλιος—что также значитъ „убитый горемъ, потерянный, жалкій: въ Паренесисѣ Ефрема Сирина: **и ѡкаяненъ ѿ всѣхъ улкъ**—καὶ ἄθλιος παρὰ πάντας ἀνθρώπους — et miserabilior omnibus hominibus (л. 194).

Сообразно такому значенію въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ глаголовъ **каяти** и **окаяти**, выраженіе „Слова" „*каютъ*

ызя *Игоря*", слѣдуетъ принимать въ значеніи: считаютъ его несчаст-
ымъ, жалости достойнымъ!

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ перевелъ: „*а кленутъ* Игоря".

Малиновскій въ черновомъ переводѣ: „и *хулили* князя Игоря".

Въ *Первомъ изданіи*: и охуждаютъ князя Игоря.

Комментаторы:

Шишковъ: отъ слова *каютъ*, значащаго *хулятъ*, безъ сомнѣнія,
юизошли слова: *окаянный*, также *хаютъ*, *брехаютъ*.

Пожарскій—*каютъ* толковалъ вѣрно въ значеніи *жалѣютъ*,
лижая съ Польскимъ *kaiac*, отъ коего произошло будто бы Далмат-
юе слово *кайба*, означающее *жаль*, *сожалѣніе*.

Грамматинъ: *каютъ* принималъ въ значеніи: *хаютъ*.

Дубенскій перевелъ: *корятъ*.

Вельтманъ: шлютъ Игорю князю проклятья.

Головинъ: „признавали виноватымъ".

Майковъ А.—принялъ въ значеніи: „*смѣются*".

Кн. П. П. Вяземскій—въ словѣ „*каютъ*" усматривалъ осужденіе
горя со стороны иностранцевъ.

Миллеръ Вс.—порицаніе.

Потебня: „трудно себѣ представить, чтобы пѣвцы въ княжей
ндницѣ осмѣлились порицать Игоря или смѣяться надъ несчастнымъ
ідственникомъ Великаго князя, тогда какъ у самаго этого князя
ть для Игоря лишь весьма легкіе упреки и слезы сожалѣнія".

Прозоровскій: „каютъ" по нынѣшнему „хаютъ", опорочиваютъ,
одобряютъ. Несмотря на основательное замѣчаніе г. Потебни онъ
еревелъ: „*порицаютъ*".

Прочіе издатели и переводчики „Слова" держались того или дру-
го изъ указанныхъ толкованій:

Кораблевъ: осужаютъ князя Игоря.

Погосскій: „корятъ".

Малашевъ: охуждаютъ.

Алябьевъ: укоряютъ.

Гербель: „Хулили князя Игоря".

Мей: „и поносятъ князя Игоря".

Каꙗ отъ **кꙑи**—τίς, ποῖος, qui—кой, какой. Въ той же самой грамматической формѣ встрѣчаемъ это слово въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ XI—XII вв. Въ Галицкомъ и другихъ древнѣйшихъ Евангеліахъ читаемъ: **каꙗ польꙁа ѥсть чл҃коу**—τί γὰρ ὠφελεῖται (Мѳ. XѴI, 26. Ср. Мрк. ѴIII, 36, Лук. X, 25); **каꙗ ꙁаповѣдь ѥсть больши въ ꙁаконѣ**—ποία ἐντολὴ μεγάλη (Мѳ. XXII, 36; ср. Мрк. XIII, 30).

Въ живой рѣчи говорится: „*кая* его нелегкая принесла"?

Въ „Словѣ": „*кая* рана, забывъ чти и живота". (См. Палеогр. крит. текста стр.)

Каꙗлꙑ, (genetiv. sing. fem. antecedente praepositione съ) **каꙗлѣ** (local. sing. anteeedentibus draepositionibus на, въ) отъ **каꙗла**.

Впервые кн. П. П. Вяземскій высказалъ сомнѣніе въ существованіи рѣки съ именемъ *Каялы*, считая это названіе загадочнымъ (Замѣчан. на Слово, стр. 181). А. И. Смирновъ, поддерживая это сомнѣніе, имя *Каялы* прямо производитъ отъ слова „*каяться*" сокрушаться и считаетъ его поэтическимъ названіемъ лѣтописнаго Сюурлія, замѣчая, что на какой-нибудь рѣкѣ былъ убитъ и Изяславъ I, а потому и она въ „Словѣ" также названа *Каялой*. Кіевская лѣтопись, упомянувъ имя Каялы, тутъ же объясняетъ и значеніе этого названія. „И тако, гласитъ она, въ день святаго воскресенья наведе на ня Господь гнѣвъ свой, въ радости мѣсто наведе на ны плачъ и въ веселія мѣсто желю *на рѣцѣ Каялы* (т.-е. рѣкѣ раскаянія). Рече бо дѣй Игорь: помянухъ азъ грѣхи своя предъ Господомъ, яко много убійство и кровопролитье сотворихъ въ землѣ крестьянымѣ и такъ далѣе; слѣдуетъ подробное раскаяніе Игоря". Такимъ образомъ *Каяла* упоминается въ лѣтописи не при описаніи историческаго факта, но лишь въ лирическомъ отступленіи отъ историческаго повѣствованія.

Наблюдая за употребленіемъ „рѣки Каялы" въ самомъ „Словѣ" мы приходимъ къ рѣшительному убѣжденію, что и здѣсь имя *Каялы* имѣетъ лишь символическое, а не географическое значеніе. *Каяла* упоминается въ „Словѣ" шесть разъ—и каждый разъ также въ самыхъ лирическихъ мѣстахъ среди символической, образной рѣчи.

1) Она упоминается при воспоминаніи гибели Изяслава I: съ
а же Каялы полелѣялъ Ярополкъ отца своего междю Угорскими
иходцы; но извѣстно, что Изяславъ I, отецъ Ярополка, погибъ на
ежатиной нивѣ, а не на какой-либо рѣкѣ.

2) Далѣе, она упоминается въ картинѣ зловѣщихъ знаменій, пред-
вѣщавшихъ тяжелый бой 2-го дня: „ту ся копіемъ приламати; ту ся
бліямъ потручяти о шеломы Половецкыя *на рѣцѣ Каялѣ, у Дону
еликаго*". Натискъ Половецкихъ полчищъ въ этотъ день застигъ Рус-
іе полки въ той самой мѣстности, гдѣ они ночевали послѣ побѣды,
ержанной въ первый день: это было около рѣки Сюурлія. День и
очь они бились, усиливаясь пробиться къ рѣкѣ Донцу: „хотяхуть бо
бющеся дойти рѣкы Донца"; вси сосѣдоша съ коней и *поидоша* бью-
ся.. и тако бишася крѣпко ту днину до вечера; наставши же кощи
ботніи и *поидоши* бьючеся.. Во всякомъ случаѣ бой этотъ во второй
нь былъ около Сюурлія, а не на какой-либо другой рѣкѣ.

3) Если бы мы даже не знали изъ лѣтописей объ этихъ движені-
хъ Русскихъ войскъ въ теченіе вторыхъ сутокъ, и тогда мы не мо-
ли бы думать, что на третій день бой происходилъ все на одномъ и
омъ же мѣстѣ; между тѣмъ какъ въ картинахъ „Слова" рисуется,
то и на третій день бой опять-таки былъ на той же *рѣкѣ Каялѣ*.
Ту ся брати разлучиста *на берегу быстрой Каялы*. Минута этой
азлуки въ Кіевской лѣтописи очерчена въ слѣдующихъ словахъ:
ержимъ же (плѣнный) Игорь видѣ брата своего Всеволода крѣпко
борющася.. бьяху бо ся идуще *вкругъ при озерѣ*. Итакъ, минута этой
азлуки была „*при озерѣ*", а не на рѣкѣ *Каялѣ*.

4) Далѣе Каяла упоминается при изображеніяхъ гибели Игоре-
ой дружины... иже погрузи жиръ во днѣ *Каялы рѣкы половецкія*;
рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла.. Лѣтопись же такъ изобра-
аетъ гибель дружины; можахуть Русь съ 15 мужъ утекши.. а про-
и *въ морѣ истопоша*". Итакъ эта гибель послѣдовала опять не на
аялѣ, а въ *морѣ* (т.-е. въ озерѣ, вкругъ котораго идучи бились).

5) Итакъ, названіе въ „Словѣ" *рѣкой Каялой разныхъ мѣстъ*,
а коихъ происходили бои *въ разные дни*, указываетъ, что это не
сть собственное географическое названіе, а символическое имя, имѣв-
ее лишь поэтическое значеніе.

6) *Каяла* величается Каялою *быстрою*: этотъ эпитетъ всего ближе можетъ относиться къ Дону, чѣмъ къ какой-нибудь небольшой неизвѣстной рѣчкѣ. Донъ по-нынѣ въ народныхъ пѣсняхъ величается *быстрымъ*.

7) Самъ авторъ „Слова" даетъ замѣтить, что подъ Каялою онъ разумѣетъ *Донъ*: ту ся саблямъ потручати... *на рѣцѣ на Каялѣ — у Дону Великаго*.. Послѣднее выраженіе „у Дону Великаго" служитъ какбы поясненіемъ предъидущаго „на рѣцѣ на Каялѣ". Авторъ какбы говоритъ: „на рѣцѣ на Каялѣ, то есть у Дону Великаго". Иначе нельзя понять сочетанія этихъ выраженій, такъ какъ если въ 3-й день бой и происходилъ на Каялѣ, то въ предыдущій 2-й день, при описаніи коего также является это выраженіе, онъ никакъ уже не могъ происходить на той же Каялѣ, и при томъ еще у Дона.

8) Тотъ же *Донъ* является съ именемъ Каялы и въ плачѣ Ярославны. Называя его символически *Дунаемъ*, Ярославна—тотчасъ же называетъ его и *рѣкой Каялой*, какъ мѣсто бѣдствій Игоря: полечю зегзицею по-Дунаеви, омочу бедрянъ рукавъ въ *Каялѣ рѣцѣ*.

Итакъ, по нашимъ соображеніямъ, подъ *Каялою* въ „Словѣ" разумѣется Донъ съ его притоками и озерами, какъ рѣка Половецкая, бывшая причиною несчастнаго похода Игорева. Игорь хотѣлъ искусити Дона, позрѣти Дона, испити шеломомъ Дона, но этотъ Донъ оказался *рѣкою Каялою. Каяла рѣка* (см. глаголъ каяти) значитъ просто: „*Жаль—рѣка*".

Если лѣтописецъ примѣнилъ имя *Каялы* къ *раскаянію* Игоря, то авторъ „Слова" употребляетъ его въ значеніи *жаль-рѣки*. Очень вѣроятно, что это выраженіе Бояновское и имѣло болѣе широкое примѣненіе: оно могло быть относимо не къ рѣкамъ только или озерамъ но и ко всѣмъ тѣмъ мѣстностямъ, которыя ознаменовались несчастными боями для Кіевской Руси. Въ этомъ именно смыслѣ и Нежатина нива, гдѣ палъ Изяславъ I-й съ такимъ же правомъ могла быть названа *Каялой-нивой*, или что тоже *Жаль-нивой*? Нива эта гибелью на ней Изяслава вызвала особенную жаль Кіева. „Не бѣ лзѣ слышати пѣнія въ плачѣ велицѣ и воплѣ: плакася по немъ весь городъ Кіевъ. (Ип. стр. 141). Палеографическая критика приводитъ именно къ такому пониманію того мѣста въ „Словѣ", гдѣ идетъ рѣчь о боѣ

а Нежатиной нивѣ. Селенія, гдѣ нѣкогда водились разбойники до нынѣ называются *жалями* и существуетъ даже пословица“: *Жали-Жали* всю дороженьку сжали“.

Карамзинъ подъ Каялою разумѣлъ рѣку *Кагальникъ*, впадающую въ Донъ; но нѣтъ ни малѣйшихъ основаній думать, что полки Игоревы такъ далеко заходили къ Азовскому морю. Г. Смирновъ основательно замѣтилъ, что разстоянія на 350 верстъ, въ какомъ отстоитъ Кагальникъ отъ Оскола, нельзя было пройти въ два или три дня.

Бутковъ:—*Каялу* принялъ за рѣку *Калміусъ*, но объ этомъ мнѣніи нужно сказать то же, что и о догадкѣ Карамзина.

Арцибашевъ полагалъ, что *Каяла*—это рѣка Андаръ, впадающая въ Донецъ, ниже Ольховскаго колодца 30-ю верстами.

Другіе комментаторы не устремлялись за географическими поисками рѣки Каялы, но охотно соглашались съ мнѣніемъ Карамзина, голословно замѣчая, что Каяла—это *Кагальникъ*, впадающій въ Донъ.

А. И. Смирновъ склоняется къ предположенію Арцибашева, хотя и не соглашается съ нимъ въ мнѣніи о движеніяхъ полковъ Игоревыхъ.

Андреевскій имя *Каялы* считаетъ испорченнымъ и передѣлываетъ на имя *Казнины рѣки*.

Кикахуть, (imperfect. 3 pers. plur. indicativ.) **кычетъ** (praes. pers. sing. indicat.) отъ **кикати**. Слово звукоподражательное. Выражая звуки *ги-ги*, *ге-гей*, *ки-ки*, *ку-ку* и т. п. оно принимаетъ формы—**гикати**, **гейкати**, **кикати**, **кукати**, **кококати**—и т. п. Звуки *ге-гей*, *ги ги* вызываемыя энергіей воли, въ особенности служатъ къ понуканію и, понужденію воловъ или коней работящихъ; отрыгаемые же подъ давленіемъ тяжелаго чувства, служатъ къ выраженію внутренняго горенья, въ особенности же звуки *ге-ге*, *гу-гу*. Такимъ образомъ, смотря по соотношеніямъ, глаголъ этотъ значитъ или *погайкивать на кого* или же *охтѣть* самому, *понукать* кого *гыканіемъ* или же издавать унылый жалкій голосъ, горевать и плакаться, подобно кокошѣ горегорькой.

О понукающихъ ратаяхъ говоритъ былина:

„Оретъ въ полѣ ратай понукиваетъ. (Рыбн. 1, 19).

О кыканіи какъ жалобныхъ лебединыхъ звукахъ говорится въ пѣсняхъ:

„Какъ бѣлы лебеди *гычуть*. (Рыбн. III, 186).

„Не бѣлая лебедушка *прокырчала*,
„Говорила Катерина-та Микулична.
„Ужъ какъ стали гуси сѣрые,
„Что лебедушку щипати,
„А лебедушка *кикати*. (Тих. 58).

„*Кицетъ, кицетъ* лебедь бѣлая. (Шейн. Бѣлор. п. 556).

„Отойду я, лягу—послушаю
„Не *кицетъ* ли лебедь бѣлая,
„Не плачетъ ли дѣвья красота?
„*Кицетъ, кицетъ* лебедь бѣлая,
„Плачетъ, плачетъ дѣвья красота. (Чтен. Общ. Ист. 1870 г. кн. I, стр. 556).

Кыканіе, какъ кованіе кукушки, въ народныхъ плачахъ часто является образомъ унылой жалобной причети. Кукушка кукуетъ, горе вѣщуетъ. (Даль).

„Ужъ мы станемъ коковать
„Какъ кокушки во сыромъ бору. (Пр. С. кр. ч. I. стр. 270).

Въ „Словѣ" глаголъ *кикати* является и въ дѣйствительномъ и въ страдательномъ значеніи и въ смыслѣ понуканія и въ смыслѣ плачущаго жалобнаго причитанья.

„Рѣтко ратаеве *кикахуть*, т. е. рѣдко погейкивали; понуканіями воловъ работящихъ пахари рѣдко поля оглашали.

„Ярославна.. незнамою вегзицею *кичетъ*, т. е. уныло причитаетъ, бывъ кокоша безпривѣтная кукуетъ.

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ „*кикахуть*" перевелъ: рѣдко былъ слышанъ разговоръ двухъ земледѣльцевъ; *кичетъ*—кличетъ.

Малиновскій—въ черновомъ переводѣ: „рѣдко веселіе хлѣбопашцевъ раздавалося"; *кичеть*—воркуетъ.

Въ первомъ изданіи—удержанъ тотъ же переводъ съ замѣною слова „хлѣбопашцевъ" словомъ „земледѣльцевъ".

Комментаторы.

Шишковъ: „*кикахуть*" перевелъ: рѣдко слышанъ былъ веселый гласъ земледѣльца.

Пожарскій: Ярославня рано *кичеть*—рано вопіетъ.

Грамматинъ: „рѣдко земледѣльцы восклицали".

Вельтманъ: рѣдко ратаевъ голосъ былъ слышанъ.

Дубенскій: Русская земля рѣдко оглашалась крикомъ земледѣльцевъ.

Головинъ: *кикахуть*, значитъ „пѣли; Ярославня кычетъ значитъ *поетъ*.

Погодинъ—*кикахуть* сближалъ съ нѣмецкимъ kichern.

Бутковъ: сближалъ съ Финскими глаголами—kihaan, kihajan и существительными kihautan, kihahutan означающими жужжаніе, журчаніе, свистаніе, шипѣніе, говоръ.

Гедеоновъ: *кикати*—Чешск. kýkati—кричать по журавлиному.

Срезневскій: *кикати*—издавать звукъ голоса, какъ кукушка, куковать, куковати. Въ Сербскомъ есть кикошати cachinnari; *кикило* и *киконя* прозвища быка.

Тихонравовъ: *кикати* издавать жалобный кликъ и преимущественно о лебедяхъ.

Мрочекъ-Дроздовскій: *кыхать* кыкати (гыкать-гукати) чихать и кричать (крикомъ погонять воловъ на пашнѣ).

Прозоровскій, согласно Погодину: *кикать* — хохотать, хихикать.

Педагоги:

Кораблевъ: *кикахуть* перевелъ—мало земледѣльцы „кликали."

Малашевъ: „рѣдко кричали пахари".

Алябьевъ: „рѣдко ратаи перекликалися".

Литераторы:

Павловъ (Бицынъ): „рѣдко покликивали оратаи".

Поэты:

Мей: „не покрикивали пахари“.

Майковъ: Рѣдко ратаи за плугомъ на Руси покрикивали въ полѣ.

Кієва, Кыєва (genet. sing. masc. antecedentibus praepositionibus до, изъ) кієву, кыєву (dativ. sing. antecedente praepositione къ) кієвѣ, кыєвѣ (local. sing. antecedente praepositione въ) отъ кієвъ.

Кіевъ въ „Словѣ“ упоминается 10-ть разъ; отсюда видно, что въ процессѣ творчества автора онъ имѣлъ весьма важное значеніе.

По словамъ Константина Багрянороднаго, Кіевъ слылъ еще подъ именемъ σαμβατάς. (Что значило это прозваніе см. о томъ въ приложеніяхъ т. V, въ статьѣ: *Русская земля*).

Кіевская лѣтопись происхожденіе Кіева относитъ къ тремъ братьямъ *Кію*, *Щеку* и *Хориву*, на подобіе того, какъ тремъ же братьямъ усвоетъ и происхожденіе Русскаго государства.

Одного этого мотива „трехъ братьевъ“ столь обычнаго почти во всѣхъ русскихъ сказкахъ, достаточно для того, чтобы подобныя лѣтописныя сказанія считать чистѣйшимъ баснословіемъ.

Имя *Кіева* принадлежитъ не одному граду *Кіеву*; есть *Кіево*—оврагъ близъ Калуги (Ж. М. Н. Пр. 1844. № 3, стр. (360); есть *Кіевцы* на Окѣ близъ Алексина (ib.); въ писцовыхъ книгахъ упоминается *Кіевецъ*—и въ Новгор. области.

Отъ кієвъ (adjectivum) кієвскыи (nominat. sing.); кієвскаго (genetiv. sing.), кієвскимъ (dativ. plur. antecedente praepositione къ).

Кладутъ (praes. 3 pers. plur. indicat.) отъ **класти** — τιθέναι, ponere.

Глаголъ „*класть*“ въ разнообразныхъ сочетаніяхъ имѣетъ самыя разнообразныя значенія.

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„Идутъ-то они въ Кіевъ градъ на княжій дворъ,
„И ко князю жалобу *кладутъ* (Рыбн. I, 261).

„И ты патретъ взяла бы—бѣло его личушко,
„И ты бы *клала* на столъ да на дубовый“. (Пр. С. кр. ч. II, стр. 54).

Въ „Словѣ“ смыслъ его опредѣляется процессомъ „обмолоченія“, который въ разныхъ ступеняхъ является образомъ боя и гибели людской.

Замѣчая, что „на Немизѣ снопы *стелютъ* головами, *молотятъ* цѣпами булатными, авторъ продолжаетъ: на тоцѣ животъ *кладутъ*, *вѣютъ* душу отъ тѣла. Въ этомъ процессѣ, глаголъ *кладутъ* указываетъ на сгребаніе въ ворохъ измолоченнаго хлѣба, который потомъ *вѣютъ*. Такимъ образомъ—*кладутъ* животъ значитъ здѣсь *укладываютъ*, *складываютъ* жизнь на гумнѣ т. е. въ кучу, въ ворохъ.

При этой картинѣ цѣлыя вороха жизней, погибшихъ на Немизѣ, очевидно, предносятся сознанію автора.

Самая *жизнь* (животъ), бытіе представляется какъ сосуществованіе въ живомъ существѣ *тяжелыхъ*—тѣлесныхъ, и *легкихъ* — духовныхъ элементсвъ. Смерть есть лишь вѣяніе, обособленіе этихъ элементовъ (см. **вьютъ**).

КЛЕКТОМЪ (instr. sing. masc.)—отъ **КЛЕКОТЪ** — κλάγγη — clangor. Слово звукоподражательное отвѣчающее звукамъ — *кля-кля*, издаваемымъ крикомъ журавлей и орловъ. Въ древнихъ переводныхъ памятникахъ **клегътати**, (**клекътати**)—вполнѣ соотвѣтствуетъ Греческимъ:

1) κλαίειν, κλάγγειν, κλαγγαίνειν: **двѣма орлома... верьхоу летащема и клекоующе**—зъ греческомъ κλάγξαιτε. (Тих. стр. 58).

2) φᾶσθαι, dixisse: **такъ**,—δύο φασὶν ἀετούς—въ Амартолѣ переведено: **двѣма орлома клекущема** (**ѡрлома клекъующима ѡбонима**). (Румян. Муз. Временникъ л. 398). Въ Хронографѣ XVI—XVII в. **мы же Рахманѣ.. послоушаемъ гласъ сладкихъ ѿ птицъ и орла клектаниꙗ** (581).

Въ Галицкой лѣтописи читаемъ: „и бывшю знаменію надъ полкомъ сице: пришедшимъ же орломъ и многимъ вороньмъ, яко оболоку велику... *орломъ же клекъщющимъ*, плавающимъ криломы своими и воспрометающимъся на воздухѣ, якоже никогда же и николи же не бѣ. (Ип. стр. 183).

Въ народныхъ пѣсняхъ поется:

„Какъ ни сызи-то орлы *клычутъ*. (Сборн. Доп. пѣс. Секретева № 1).

Въ виду внутренняго соотношенія инстинктовъ орла и дѣйствія смерти уже въ пѣсняхъ Эдды встрѣчается выраженіе: „кормить копьемъ орлиный родъ“ (Буслаевъ: Очерк. I, 220. Полевой: Опытъ обозр. поэз. 2, 41. Ждановъ: къ Истор. был. поэз. 218).

Жалобное клыканіе орловъ—вившихся надъ полками считалось непременно признакомъ гибели или же собственной или своего врага.

> Налетятъ орли хижи, станутъ жалковати
> Да и станутъ здобычи ждати-поджидати (Сбор. Укр. п. 62)

Въ „Словѣ“ выражается, что орлы, паря надъ идущими полками Игоря, не только видятъ въ нихъ свою добычу, не только предчувствуютъ, что сами будутъ сыты отъ такого множества идущихъ живыхъ труповъ, но даютъ знать голоднымъ звѣрямъ, что кости для нихъ готовы.

Орлиное клеканіе весьма походитъ на членораздѣльные человѣческіе звуки, а потому народъ поетъ, что орелъ птица *говорящая* (Рыбн. I, 391). Орелъ *клегчетъ*, когда крови ищетъ (Даль); орлы *клычутъ*, когда истушки (ѣсть) хотятъ (См. Донск. пѣсн. собр. Секретевымъ); но иного рода бываетъ клыканіе, когда они выражаютъ свою радость при видѣ богатой поживы. Не понятны эти звуки для человѣка, но хищный звѣрь понимаетъ ихъ.

Въ „Словѣ“ классически выражено это духовное общеніе одного царства съ другимъ. Голодные волки издаютъ отчаянный вой; орлы, паря надъ воями Игоря и чуя въ нихъ живыхъ мертвецевъ—*клеканіемъ*, т.-е. такого рода звуками, которые понятны для звѣря, даютъ знать голоднымъ волкамъ, что пожива предстоитъ большая: готово имъ лакомое кушанье; *костей* достанется въ сытость. На *клекотъ* орлиный сбѣгается звѣрь. (См. звѣринъ).

Въ Малороссійской поэзіи подобная картина какбы списана съ „Слова“. Вотъ на холмѣ лежитъ умершій козакъ:—сизые орлы выклевываютъ ему глаза; сѣрые волки рвутъ его трупъ на части и межъ кустами *гложутъ* его желтыя *кости*:

> „Орлы сизоперы налиталы
> „Зъ лоба очи высмыкали;

„Вовци сирохманцы набигали,
„Тило козаке рвали;
„По тернамъ, по прикмитамъ
„Жовту кость жвакова̀лы. (Церт. 7).

То же общеніе между этими хищниками встрѣчаемъ и въ велико·
усской поэзіи:

На дубахъ *орлы* воскрежетали,
Въ лѣсахъ *звѣри* засвистали. (Рыбн. II, стр. 137).

Клекътати Ср. съ Лит. klageti—glucken, Лат. clangere Нѣм.
ang и пр.

Малиновскій это выраженіе въ черновыхъ бумагахъ перевелъ:
)лы *скликают* звѣрей на трупы.

Въ „первомъ изданіи": на трупы *созывают*. Переводъ неточный,
ікъ какъ орлы трупы предоставляютъ себѣ, а звѣрямъ предлагаютъ
ишь *кости*.

Почти всѣ послѣдующіе комментаторы слово „*клектомъ*" перевели
;рикомъ"; но здѣсь клекотъ,—какъ слово звукоподражательное, луч-
е всего оставлять безъ перемѣны или же переводить—*клыканіемъ*,
ектаніемъ.

Кликомъ (instr. sing. masc.) отъ **кликъ** (см. **кликну**).

Кликну, (aor. 3 per, sing. indicativ.) отъ **кличетъ** (praes. 3
ers. sing. indicativ.) отъ **кликнути**, **кликати**.

Судя по синтаксическому соотношенію глаголъ этотъ принимаетъ
азные оттѣнки значенія.

1) Иногда онъ отвѣчаетъ Греческимъ καλεῖν или φωνεῖν (**кликъ**—
ροσφώνησις), и значитъ: призывать, вызывать.

Въ этомъ именно смыслѣ глаголъ этотъ является въ народномъ
ѣснотворчествѣ:

„Подойди-тко ты ко братцу ко родимому,
„*Воскликай* да соколочка златокрылаго;
„Ты, голубушка, сестрица поталаннѣе,

„Може, братецъ до тебя да пожеланнѣе:
„Онъ спроговоритъ единое словечушко. (Прич. Сѣв. кр. ч. I стр. 140).

„Владиміръ стольно Кіевскій
„По три дня билицъ волшебницъ *скликивалъ*,
„Не могъ билицъ онъ *докликаться*. (Рыбн. I, 63).

Въ „Словѣ“ не разъ встрѣчаемъ этотъ глаголъ въ этомъ именно значеніи: Донъ *кличетъ и зоветъ*... Овлуръ *кликну*...

2) Иногда словомъ *кликнути* выражался страшный шумъ—или же могучій, необыкновенный богатырскій крикъ. Такъ въ Пандектахъ Антіоха XI в. *кликнути* отвѣчаетъ Греческому κράξαι, какъ напр. фарисеи кликнѫшѧ ἔκραξαν (гл. 71, л. 151 об.). Сюда можетъ быть отнесено и выраженіе „Слова“: „Дивъ *кличетъ*. Этотъ *кликъ* есть крикъ богатырскій, коею аналогію видимъ въ слѣдующихъ стихахъ были

„Воскричалъ тутъ Добрыня громкимъ голосомъ,
„Громкимъ голосомъ кричалъ онъ во всю голову:
— Поспѣвайте ко мнѣ, братьица, на выручку“. (Рыбн. I стр. 160).

Михаило Потыкъ—

„Зарычалъ онъ во всю голову
„Мать сыра земля сколыбалася
„Вода съ пескомъ помутилася. (Рыбн. I, 22).

3) Наконецъ глаголъ *кликати* служилъ къ выраженію гласа радованія и торжества, возвышеннаго и священнаго настроенія, въ соотвѣтствіи Греческому—ἀλαλάζειν: въскликните богоу вса ӡемлѧ—ἀλαλάξατε τῷ Θεῷ πᾶσα ἡ γῆ (Пс. XII в. LXV, 2 ср. Іез. XXVII, 30). На воинскомъ языкѣ *кликъ* этотъ былъ восторженнымъ крикомъ въ честь божества, ведущаго къ бою, (ἀλαλάζειν τῷ Ἐνυαλίῳ) равно какъ и крикомъ побѣднымъ при пораженіи непріятеля. (ἀλαλάζειν νικήν). Такъ изъ повѣсти Флавія видимъ, что вои, исполнившись духа ратнаго—τινός ἀρηΐου πνεύματος—съ кличемъ въсѣдаютъ на кони. (Lib. III, c. V, 4). кликахоу же акы одолѣвше. (Lib. VII, c. VIII, 5). *Кликъ* этотъ соотвѣтствуетъ Греческому βοή или κράτος: Римлане же съ кли-

мѣємъ (μετὰ κράτου) въсиѣша, якоже обычѐ имъ. Греческіе звуки λελεῦ или ἀ-λα-λά—вполнѣ отвѣчали на шему: у—ра̀.

Эти воинскіе клики господствовали и въ кіевской дружинной 'уси и въ половецкихъ ордахъ. Въ лѣтописяхъ весьма часто встрѣаемъ *кликаны* въ этомъ дружинномъ значеніи: „И тако полци *кликуша* и въ трубы въструбиша (Ип. стр. 56). *Кликнуша* людье на авыда. (Лавр. 258). И поидоша Мстиславичи *кличуче*, аки пожрети отяще. (Лавр. 357). *Кликнуша* и печенези побѣгоша и Русь понаша по нихъ секуще. (Лавр. 121).

Авторъ „Слова" повидимому, отличаетъ воинскіе клики Русской дружины отъ кликовъ *поганыхъ*. Говоря о кликахъ Русскихъ онъ змѣчаетъ, что ими звенѣли въ прадѣднюю славу. Говоря же о кликахъ оловецкихъ, оттѣняетъ, что Двина „не болотомъ течетъ *подъ кликомъ* оганыхъ, или что „дѣти бѣсовы *кликомъ* поля прегородили. Кликъ Іоловцевъ былъ неистовымъ рычаніемъ, страшнымъ, безобразнымъ уломъ. Этотъ гулъ, гулъ *бѣсовыхъ* дѣтей, разносясь по степи, раздѣалъ ее на двѣ половины. Въ темныхъ сѣверныхъ лѣсахъ, по народному редставленію, такимъ гуломъ оглашаетъ лѣсныя пространства *лѣшій*, аздѣляя лѣсъ также какбы на двѣ половины. Кликъ половецкій былъ езобразнымъ, слухъ раздирающимъ шумомъ, и отвѣчалъ такимъ обраомъ тому кличу, который въ древнихъ переводахъ соотвѣтствуетъ θόρυβος (Юрьев. Ев. Мрк. V, 38). Въ нашихъ лѣтописяхъ подобному рикливому и нестройному шуму (θόρυβος) отвѣчаютъ отчаянные клики сажденныхъ: людіе во градѣ *кликнуша* (Лавр. стр. 65).

При переводахъ „Слова", равно какъ и при стихотворныхъ поэтическихъ переложеніяхъ, необходимо обращать вниманіе на разные оттѣнки значенія словъ *кликати и кличъ*.

Дубенскій кликъ Дива считалъ, къ удивленію, благопріятнымъ ля Игоря; будто бы этимъ кликомъ Дивъ хотѣлъ предохранить его тъ вѣрной гибели, а выраженіе „прегородиша *кликомъ*" будто бы значитъ, оградились стражею, которая перекликалась.

Клюками (instr. plur. fem.) отъ **клюка**, δόλος, dolus, fraus—риманка, все задуманное и затѣянное съ коварствомъ. Въ древнѣйшихъ ереводахъ встрѣчаемъ: се истиною изл҇итѣнинъ въ немъ же клюки нѣсть

(Еван. XII в. ἐν ᾧ δόλος οὐκ ἐστιν Іоан. I, 47). Въ толковомъ Апостолѣ: клюкави—ὑπούλους (I Тим. III, 8. Опис. Син. Р. II, стр. 96). Въ Амартолѣ—съ тѣмъ же значеніемъ встрѣчаемъ слова: *клюкати*, *переклюкати*: клюкавъ же и възхыщенъ—ὕπουλον τε καὶ ὕφαλον; ами на Ѵалента нападе на нь крамола. тѣмъ и того переклюкавъ добрымъ вѣжанiемъ—τροκωσάμενος (Свѣд. и Зам. о малоиз. пам. I, стр. 24). Въ Хронографѣ XVI в.: констаітинъ болшеса максентїевыхъ гибителныхъ клюкъ... хитрокнымн клюками одолѣти.

Въ Кіевской Лѣтописи также встрѣчаемъ глаголъ: *переклюкати*. Греческій императоръ Константинъ говорилъ княгинѣ Ольгѣ: „*переклюкала* мя еси Ольга" (Лавр. стр. 60). *Клюки* въ немъ (Изяславѣ) не бѣ, т.-е. лукавства.

Въ живомъ народномъ языкѣ бытуетъ это выраженіе въ томъ же значеніи; „*прямъ, что клюка*" говорятъ о человѣкѣ хитромъ и лукавомъ (ср. также выраженіе: „приказныя *клюки* строить" Даль).

Въ „Словѣ" подъ „*клюками*" разумѣются тѣ хитрыя завѣренія, которыя побудили Всеслава спокойно сѣсть на коней и поспѣшно отправиться въ Кіевъ. Кіевская лѣтопись такъ разсказываетъ объ этомъ обстоятельствѣ: Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, *цѣловавше* крестъ честный къ Всеславу, рекше ему: „приди къ намъ, яко не створимъ зла"; онъ же *надѣявся* цѣлованью креста, переѣха в лодьи черезъ Днѣпръ.. и тако яша Всеслава на Рши у Смолиньска, преступивше крестъ. Изяславъ же, приведъ Всеслава Кыеву, всади и в порубъ съ двѣмя сынома (Лавр. стр. 163). Такимъ образомъ завѣренія, утвердившія Всеволода на конѣ, оказались „*клюками*": несчастнаго князя отвезли въ темницу.

Впрочемъ, быть можетъ, то обстоятельство, что Всеславъ изъ тюрьмы попалъ на Кіевскій престолъ, народная молва объясняла его волшебною хитростію, при посредствѣ коей онъ совершенно внезапно, безъ всякой борьбы, овладѣлъ Кіевомъ, какъ своей любой. Всеславъ представлялся повидимому, въ образѣ Нектонава, царя египетскаго, который волшебною хитростію украшенъ былъ зѣло.. не браньми, не ратьми, ни воинствы, ни оружіи противляяся, но помошницу себѣ имѣя *волшебную хитрость* и ею всѣмъ градомъ противляяся (Александр. XVII в.). Въ такомъ случаѣ подъ „*клюками*" разумѣется

лшебная хитрость, которая послужила для него опорою при отправленіи въ Кіевъ и благодаря которой онъ не только остался цѣлъ, и изъ тюрьмы сѣлъ на тронъ своего врага.

Мы предпочитаемъ держаться перваго мнѣнія.

Итакъ, выраженіе: „*клюками подпръся о кони, скочи къ граду иеву*“ значитъ: костылями укрѣпившись на коняхъ, или что тоже, положившись на лукавыя завѣренія (ср. народное выраженіе: Богъ ди твои *костыли*, т.-е. лукавства), онъ смѣло и быстро направился Кіевъ.

Первые издатели слово *клюками* принимали въ смыслѣ клюки, торую употребляютъ хромые.

Шишковъ—рѣчь сію пропустилъ.

Пожарскій: *клюками подпръся о кони* значитъ *самострѣльными шинами* укрѣпился на лошадяхъ, ибо слово *клюка*, на Карніольомъ нарѣчіи *клюка*, на Польскомъ *ключка* имѣетъ между многими ѣдующія значенія: *пасть*, *самоловка*, *машина* и т. п.

Грамматинъ спрашивалъ, какія же это были самострѣльныя шины, и какимъ образомъ посредствомъ оныхъ Всеславъ укрѣплялся лошадяхъ? Жаль, замѣчалъ онъ, что г. Пожарскій не сказалъ ого. И развѣ „Слово“ на Корніольскомъ нарѣчіи или на Польскомъ ыкѣ было писано? Въ переносномъ смыслѣ *клюка* значитъ лукавво, хитрость но здѣсь, кажется слово это употреблено въ собственомъ смыслѣ. Видно Всеславъ былъ раненъ и безъ помощи костылей могъ сѣсть на лошадь.

Вельтманъ—въ 1-мъ изд. перевелъ: оперши́сь въ предѣлы свои стылями, прыгнулъ до Кіева. Во 2-мъ изд. онъ полагалъ, что въ кописи было „кичками“ т.-е. подколѣнками; перевелъ: опоясалъ лѣнами коня да и ринулся къ Кіеву граду.

Шевыревъ и Соловьевъ полагали, что эти клюки—деревянныя ремена, хотя у князей всегда видимъ въ „Словѣ“ златъ стремень.

Дубенскій: „клюка собственно загнутая и кривая палка, въ фиральномъ смыслѣ хитрость“. Между прочимъ онъ выражалъ предположеніе: не поговорка ли: клюками подпереться о кони, вмѣсто ѣхать повозкѣ: *клюка*—оглобля или *клюка* стремя, та часть, куда вкла-

дывалась нога, которая могла быть у древнихъ изъ извилины дерева (Бодянскій).

Головинъ: „къ досадѣ всѣхъ переводчиковъ, Всеславъ не употребилъ ни самострѣльныхъ снарядовъ, ни клюкъ, ни костылей, чтобы овладѣть престоломъ Кіевскимъ, а овладѣлъ имъ своими хитростями“. Но въ чемъ состояли эти хитрости, Головинъ однако не объяснилъ.

Тихонравовъ: „клюка здѣсь хитрость, обманъ“.

Эрбенъ перевелъ: „zahnutyma nohama podepřel se o kone“.

Кн. П. П. Вяземскій: клъка (Лат. poples) клъка ножная; Hüfte—бедра; Болгар. клъка—шенкель (Миклошичъ), Польск. klęczeć и klęcać—вставать на колѣна. Въ Пушкинской рукописи, на основаніи польскаго правописанія, слѣдуетъ предполагать клѧками. Весьма вѣроятно, что выраженіе: подперся клъками о кони, значитъ—сжалъ коня въ шенкеляхъ (Болг.) или еще проще и правильнѣе: сѣлъ твердо въ сѣдло, подперся бедрами на сѣдлѣ.

Огоновскій: подъ *клюками* слѣдуетъ здѣсь разумѣть ноги загнутыя—кривыя: велико-русское *ключить* или *клюкать* значитъ: хромать, ходить на клюкахъ.

Вс. Миллеръ: г. Тихонравовъ находитъ возможнымъ примириться съ отвлеченнымъ значеніемъ этого слова *хитрость*, *обманъ*, но всего будто бы проще объясняется клюка болгарскимъ: клъкъ, клѧка, бедро, ляжка, шенкель; клекнамъ — сгибаю колѣна. Клюками опръся о кони—значитъ: „сжалъ коня бедрами“.

Потебня: хотя есть толкованіе слова: *клюками*—шенкелями, но предпочитаю остаться при извѣстномъ значеніи *клюка*—хитрость. Всеславъ, опершись на хитрость, добылъ себѣ коня (оконился).

Колосовъ сближалъ слово *клюками* съ чудеснымъ костылемъ въ былинѣ о каликѣ богатырѣ:

„У калики костыль—дорогъ рыбей зубъ,
„Дорогъ рыбей зубъ да девяносто пудъ.

Этотъ чудесный костыль, по мнѣнію Колосова, сближаетъ калику съ образомъ Всеслава, какъ рисуется онъ въ „Словѣ“:

„О костыль калика подпирается,
„Высоко калика поднимается,
„Ай, выше лѣсу стоячаго,
„Ай, пониже облачка ходячаго;
„Прискакала каликушка ко городу,
„Ай, ко славному городу ко Кіеву,
„Она въ городъ шла да не воротами,
„Она прямо чрезъ стѣну городовую.

Прозоровскій: *клюка*—принадлежность калѣки—*костыль*; индѣ такъ называютъ кочергу.

Другіе издатели и переводчики держались разныхъ мнѣній:

Кораблевъ переводилъ: Всеславъ поднялся на хитрость въ коняхъ.

В. М. „хитростями досталъ коней".

Малашевъ: „упершись ходулями въ коней".

Павловъ (Бицинъ): „онъ стиснулъ коня колками". Слово „колки" въ смыслѣ шпоръ, замѣчаетъ онъ, могло употребляться въ старину. Вѣроятно (?) *клюками* есть описка (?) вмѣсто колками. Слѣдовательно, подперся *колками*, значитъ втиснулъ въ коня шпоры—и понесся къ городу Кіеву.

Скульскій: „утромъ далъ шпоры коню".

Гербель: „и не клюкой подпираясь, а сѣвъ на коня боеваго".

Мей: „опираясь ходулями, изъ окна скокнулъ онъ къ Кіеву".—Любопытно толкованіе: Всеславу будтобы подали въ тюрьму ходули (клюки) и онъ на нихъ выпрыгнулъ изъ окна.

Майковъ: „перегнулся на сѣдлѣ, помчался". Онъ предполагаетъ, не имѣлъ ли пѣвецъ здѣсь въ виду умыканіе дѣвицъ, которое, совершалось ловкостью, хитростью, удальствомъ; невѣстъ приходилось брать съ бою и иногда биться съ цѣлымъ родомъ: подперся на сѣдлѣ—все равно подколѣнками или на деревянныхъ стременахъ, значитъ—перегнулся и помчался.

По нашему мнѣнію, подъ *„клюками"* отнюдь не разумѣются здѣсь ни *шпоры*, ни *ляжки*, ни *бедры* и ни какъ не слѣдуетъ измѣнять текста ради подобныхъ предположеній. Всѣ рядомъ стоящія выраженія, въ которыхъ рисуется здѣсь Всеславъ, суть выраженія образ-

ныя, а потому и въ этихъ *клюкахъ* естественнѣе видѣть подобный же образъ, а не простое обозначеніе опоры на конѣ при посредствѣ ляшекъ или шпоръ. Клюка—есть именно образное представленіе кривизны души, хитрости—и въ данномъ случаѣ, въ ряду другихъ образовъ, такое представленіе совершенно умѣстно. Употребленіе этого слова въ переносномъ значеніи въ древне-русскихъ переводахъ и лѣтописяхъ даетъ твердое основаніе для подобнаго пониманія.

Кнѧзю (dativ. sing. masc.) **кнѧзи** (local. sing. antecedente praepositionn **по**) **кнѧзи** (nomiv. plur.) **кнѧземъ** (dativ. plur.)—отъ **кнѧзь**—ἄρχων, princeps.

Во всѣхъ этихъ грамматическихъ формахъ слово это читаемъ въ переводныхъ памятникахъ XI—XII вв. Такъ напр. въ Галицкомъ Евангеліи **и въпроси нѣкыи кнѧзь**—τίς ἄρχων (Лук. XVIII, 18); **єгда бо градеші къ кнѧзю**—ἐπ’ ἄρχοντα (Лук. XII, 58); **о кнѧзи бѣсъ изгонить**—ἐν τῷ ἄρχοντι (Мѳ. IX, 34; ср. Лук. XI, 15, Марк. III, 22); **кнѧзї гл҃юще** (Лук. XXIII, 35); **разоумѣша кнѧзї**—οἱ ἄρχοντες (Іоан. VII, 26); **єда кто ѿ кнѧзь вѣрова** (Іоан. VII, 48); **и ѿ кнѧзь мнозї вѣроваша**—ἐκ τῶν ἀρχόντων (Іоан. XII, 42); **вечерю твораше кнѧземъ своимъ**—τοῖς μεγισταῖς (Мрк. VI, 21); **съзвавъ архїереа ї кнѧза**—τοὺς ἄρχοντας (Лук. XXIII, 13). Въ „Словѣ“ (genet. plur.) **кнѧзей** вм. **кнѧзь**: (accus. plur.) **кнѧзи** вм. **кнѧза**. Отъ „**кнѧзь**“ (adjectivum possessivum): **кнѧжь**, **кнѧже** (nomin. sing. neutr.) **кнѧжихъ** (local. plur. antecedente praepositione **въ**).

Въ переводѣ Григорья Богослова съ толкованіемъ Никиты Ираклійскаго (Син. сп. XIV в.) читается: **виимаи хо̑любче кнѧже** (л. 83 об.).

Какъ въ произведеніяхъ литературно-повѣствовательной дружинной школы, такъ и въ народномъ пѣснотворчествѣ слово это на столько обычно, что приводить примѣры считаемъ излишнимъ.

Отмѣтимъ лишь, что слово это бытуетъ въ исторической географіи во множествѣ названій разныхъ урочищъ и мѣстностей, принадлежавшихъ нѣкогда, вѣроятно, Дворцовому Вѣдомству; таковы напр. *Княжія Горы* (Ист. Акт. I, 434); *Князева Гора*—деревня Новогородская (ib. II, 222); *Княжая*—пустошь и деревня въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ (ib. I, 304, 309); *Княжее Поле*—урочище при Волгѣ (ib. III, 183); *Княжь-Островская Лука*—урочище Двинское (ib. I, 204; II,

)3); *Княжь Островскій* станъ, въ Двинскомъ уѣздѣ (ib. II, 117; I, 196); *Княжій* наволокъ Бѣлозерскій (ib. I, 301); *Княжичь городокъ* въ Пошехоньѣ (ib. III, 13); *Княже село*—въ Череповскомъ уѣз- и т. п.; *Князевъ*—ручей въ Череповскомъ уѣздѣ, близъ Середняго.

Кнѣза (въ 1 изд. **кнѣса**) (genet. sing. masc. antecedente praepo- tione **безъ**) отъ **кнѣсъ**.

Въ переводныхъ памятникахъ XI—XII вв. *княземъ* называется ерхняя поперечная балка, соединяющая въ дверяхъ боковые продольные брусья. Такъ въ Псалтиряхъ XII—XIII вв. читаемъ: **възмѣте врата кнѧзи ваши**—ἄρατε πύλας οἱ ἄρχοντες ὑμῶν (Пс. XXIII, 7); въ Греческихъ разночтеніяхъ: ἄρατε πύλαι κεφαλὰς ὑμῶν—**вы, ѡ, врата возвышите верхи ваша** (перев. Фирс.).

Въ живомъ народномъ языкѣ верхній брусъ или желобъ, къ кому привпѣпляются стропила въ разныхъ мѣстахъ сѣверныхъ губерній, также называется *князькомъ* или *княземъ*.

Установка этого *бруса* или *желоба*, какъ завершеніе зданія сопровождается обрядовымъ торжествомъ, разсѣваніемъ по немъ хлѣба хмеля, съ благожеланіями хозяину новопостроеннаго дома и угощеніемъ рабочихъ со стороны послѣдняго сверхъ ряды. Концы этого бруса украшались фигурными конями, что можно видѣть и теперь въ нѣкоторыхъ новгородскихъ захолустьяхъ на крестьянскихъ избахъ. Слово *князь* въ древнихъ письменныхъ памятникахъ принимало сербскую форму **кнезь**. Такъ въ Синаксарѣ 1330 г. встрѣчаемъ: **кнезоу**; въ Паренесисѣ 1337 г. читаемъ: **гдѣ кнѧзь и воевода** (л. 184). Очень можетъ быть, что въ „Словѣ“ *безъ кнѣса* явилось отъ переписчиковъ мѣсто **безъ кнѧза**, но нельзя отрицать и того, что въ мѣстныхъ нарѣчіяхъ могло существовать и слово **кнехъ** или **кнахъ**—въ значеніи *четень*, тожественномъ слову *князь*.

Мусинъ-Пушкинъ—выраженіе „дъскы безъ кнѣса“ перевелъ: *томы* не убраны.

Малиновскій какъ въ черновомъ переводѣ, такъ и въ первомъ изданіи: „безъ верхней перекладины“.

Шишковъ: что значитъ: „уже доски были безъ кнѣса“ истолковать и сообразить не можно.

Пожарскій держался перевода Малиновскаго.

Дубенскій: кнѣсъ—cacumen, caput, верхушка, маковка; онъ перевелъ: „доски безъ матицы".

Головинъ: кнѣсъ—князекъ, связь, служащая для поддержанія досокъ на кровлѣ и потолкѣ; предположеніе вѣрное, но основаній не указано.

Кн. П. П. Вяземскій: кнѣсъ сопоставляетъ съ Нѣмецкими: First Siebel—fastigium, culmen aedium.

Огоновскій перевелъ: „доски безъ сволока".

Потебня: форма *кнѣса* въ фонетическомъ отношеніи непонятна; по сербски было бы *кнеза.* Князь здѣсь матица въ избѣ, на чемъ лежитъ накатъ. Если сволока нѣтъ, то накатъ потолокъ, упадетъ на голову. Смыслъ этого видѣнъ изъ сербскаго: „кад падне тилме на теме, т. е. когда падетъ на голову забота о домѣ, напр. сыну послѣ отца. Сонъ вѣщаетъ Святославу, что на него падетъ забота о родѣ о землѣ". Мы полагаемъ, что *кнѣсъ,* какъ и *кънязь* представляютъ самостоятельныя формы образованія отъ корня *кън,* (ср. кънища,—какъ сосредочіе). Для разъясненія смысла этого сновидѣнія всего ближе заглянуть въ народные русскіе *Сонники,* чѣмъ обращаться за тѣмъ къ сербской литературѣ.

Прозоровскій: „кнѣсъ—князекъ, верхъ надъ дверями". Дъски безъ кнѣса онъ перевелъ: вотъ *двери* безъ *верха.*

Изъ педагоговъ—Погосскій перевелъ: „и потолочины уже безъ матицъ".

Алябьевъ: „а ужь доски безъ князька".

Малашевъ: „доски безъ перекладины".

Изъ литераторовъ—Павловъ-Бицинъ придалъ этому выраженію своеобразный смыслъ: „Ужъ однѣ стѣны голыя! А *угловъ* нѣтъ"!

Скульскій—повторяетъ: въ терему моемъ и *угловъ*-то нѣтъ,—стѣны голыя.

Изъ поэтовъ—А. Майковъ перевелъ:

„Словно изъ конька повыскочили брусья.

КО (praepositio). См. КЪ.

Кобѧка (genet. sing. masc.) отъ **Кобѧкъ** (substavtivum personale).

Кобякъ—ханъ Половецкій. Онъ былъ разбитъ Игоремъ, героемъ „Слова“ близъ урочища Олтавы и рѣки Ворсклы въ 1171 году; затѣмъ вторично великимъ Святославомъ Кіевскимъ за годъ до несчастнаго похода Игорева, въ понедѣльникъ 30 іюля 1184 г. „на берегахъ рѣки Угла (нынѣшній Орелъ въ Екатер. губ.)- Въ „Словѣ“ указывается именно на эту самую побѣду Святославову. Кіевская Лѣтопись гласитъ о ней слѣдующее: „наши же погнаша, сѣкуще я, 7 тысячь рукама изымаша ихъ, князий однихъ было Половьцьскыхъ 400 и 17: *Кобяка* руками яша. (Ип. 167).

Коваше (imperf. 3 pers. sing. indicat.) **ковахоу** (imperf. 3 pers plur. indicativ.) отъ **ковати**.

Достойно особеннаго вниманія употребленіе этого глагола въ древнѣйшихъ славяно-русскихъ переводныхъ памятникахъ. По своимъ значеніямъ онъ не всегда отвѣчаетъ буквальному смыслу воспроизводимыхъ имъ греческихъ глаголовъ Такъ имъ передавались глаголы:

1) ἐπέχειν; въ повѣсти Флавія читаемъ: **толъстота ꙁлата и сребра** (восточныхъ вратъ) **бѣ паче всѣхъ бо инѣхъ ѳ҃. алеѯандръ покова тиверневъ отецъ** (л. 159); ἐπέχεεν (curaverat) ὁ Τιβερίου πατήρ Ἀλέξανδρος (Lib, V, c. V, 3).

2) ἐργάζεσθαι; такъ въ книгѣ Сираха: **аще клюунимъ будеши, куеть на та**—ἐὰν χρησιμεύσῃς ἐργᾶται ἐν σοί (XIII, 4. Опис. Син. биб. I, стр. 82).

3) ἀργυροκοπεῖν: **всуе ковачь сребро куетъ**—ἀργυροκόπος ἀργυροκοπεῖ (Іер. VI, 29).

4) κινεῖν, movere; такъ въ Апостолѣ XIII—XIV вв. **коующа ковъ**—κινοῦντα στάσιν (Дѣян. XXIV, 5); въ сп. Гильф. XIV в. **въздвижуща мятежъ**; въ перев. Св. Алексія **движюща распрю**.

5) Наконецъ въ Пандектахъ Антіоха XI в. встрѣчаемъ **ковати** въ соотвѣтствіи греческому τεκταίνειν, fabricare, struere: **на лици нашемъ коуютъ грѣшьници** (гл. 44, л. 100 об.)—ἐπὶ τὸ πρόσωπον ἡμῶν τεκταίνουσιν οἱ ἁμαρτωλοί. **Не коуи на своего дроуга зъла** (ibid. гл. 59, л.

128). Сравн. въ Паремейникѣ 1271 года: не коуи на свои дроугъ ꙁла— μὴ τεκτήνῃ ἐπὶ σὸν φίλον .κακά (Притч. III, 29).

Изъ этихъ послѣднихъ примѣровъ видно, что тамъ, гдѣ въ Греческомъ образъ заимствуется отъ плотника (τέκτονα) въ Славянскомъ берется онъ отъ *кузнеца*.

Въ произведеніяхъ литературно-повѣствовательной дружинной школы; „повелѣ *исковати* лжицѣ (Лавр. 123); два коня борза у *ковану* сѣдлу (Ип. 86); съсуды серебряные *скова* (ib. стр. 222, 223).

Въ договорной грамотѣ Мстислава Смоленскаго съ Ригою 1229 г. „а другыи (пудъ) *ковати*".

Въ живой народной рѣчи: „Мужъ *куетъ*, жена дуетъ, что-то будетъ". (Даль).

Въ народномъ воззрѣніи образъ *кованія* связывается съ зимою, связующею природу обручами холода и мрака:

Егорей, Егорей! *скуй* свои цѣпи на желѣзныя крючья.

Человѣческая участь есть дѣло того же ковача. Святогоръ обращается къ Микулѣ съ такимъ вопросомъ:

„Ты скажи еще Микулушка, повѣдай-ка, какъ мнѣ узнать судьбину Божію? А вотъ поѣзжай путемъ дорогою прямоѣзжею до розстани, а отъ розстани сверни влѣво.. и подъѣдешь къ сиверныимъ горамъ. У тыхъ горъ подъ великимъ деревомъ стоитъ кузница и ты спроси у кузнеца про свою судьбину".

Въ Причитаніяхъ горюша горегорькая разсказываетъ:

Ужъ какъ въ ту пору,
Знать, кузнецы въ кузницахъ стояли,
Какъ булатъ это желѣзо розжигали,
Знать, желѣзны оны обручи *ковали*,
На мою да на безсчастную утробушку...

Какъ при кованіи огонь, раздуваемый мѣхами, раскаливаетъ желѣзо и какъ затѣмъ отъ ударовъ по немъ молота, разсыпаются искры во всѣ стороны, такъ раздувается и крамола, искрится, раскаливаетъ сердца и тѣмъ больше, чѣмъ чаще раздаются удары оружья. Выраженіе „ковать крамолу" въ эпическомъ языкѣ далеко не

имѣетъ того безнравственнаго значенія, какое имѣетъ слово *крамольникъ* на языкѣ намъ современномъ. Князья въ „Словѣ" являются ковачами раздоровъ, какъ орудія злой судьбы, которая вовлекаетъ ихъ во зло и губитъ ихъ самихъ и народъ.

Дѣва обида, разжигательница раздоровъ и страстей вступила на землю Трояню... и вотъ начаша князи сами на себѣ *крамолу ковати*: а поганіи съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Русскую... Вотъ основная эпическая точка зрѣнія на происхожденіе крамолы. Тъй бо Олегъ крамолу *коваше*; слова эти не значатъ, что Олегъ былъ *крамольникъ* въ нашемъ смыслѣ этого слова; авторъ тутъ же не только называетъ его молодымъ и храбрымъ, но и трактуетъ его княземъ, который самъ былъ обиженъ; онъ достоинъ жалости такъ же, какъ и пострадавшіе и погибшіе князья отъ этой крамолы; онъ былъ лишь орудіемъ злой судьбы, которая чрезъ него разжигала усобицы и разразилась страшными бѣдствіями на Русской землѣ. Выраженіе: *крамолу коваше* должно быть понимаемо съ общей точки зрѣнія автора на дѣла человѣческія, подъ идеею судьбы, проникающею все *Слово* отъ начала до конца.

Дубенскій: По видимому, странно, что пѣснотворецъ Черниговскихъ князей называетъ явно родоначальника ихъ *крамольникомъ*; но теперь, въ вѣкъ Игоревъ, они достигли цѣли своей, старшинства между князьями Русскими—Кіевскаго престола, могли *изъ политики* осуждать Олега и увѣрять Россію, что рѣшились дѣйствовать ко благу ея первые. „Разсуждать подобнымъ образомъ, значитъ совсѣмъ не понимать *эпическаго произведенія*, которое не знаетъ *политики* въ нашемъ смыслѣ и которое имѣетъ въ виду лишь дѣйствіе *судьбы* среди неправды и золъ человѣческихъ.

Андреевскій: представленіе *„ковать мечемъ"*, что бы то ни было, очень вычурно. Предполагаю, что *коваше* искажено изъ „копіемъ копаше"; *крамолу* могло явиться вслѣдствіе превращенія *„копаше"* въ *„коваше"*. Итакъ, г. Андреевскому кажется, что выраженіе „копьемъ копать" болѣе художественно и умѣстно въ данномъ мѣстѣ „Слова", чѣмъ древній и прекрасный образъ: „ковать зло" или „ковать крамолу". Можемъ только удивляться отвагѣ реставратора съ подобнымъ поэтическимъ тактомъ и пониманіемъ!

Ковылїю (dativ. sing. neutr.) отъ ковылїє (nomen collectivum). Ковыль—тирса, степная трава, stipa. Два вида ковыли (pinnata et capillata), у коихъ сѣмечко съ винтоватымъ стержнемъ и долгимъ пушистымъ хвостомъ. „Гдѣ ковыли, тамъ и хлѣбъ родится; гдѣ земля ковыломъ задернѣла, тамъ уродится и пшеница" (Даль). *Ковыль* трава словно шелковая, вполъ человѣка, на раздолистыхъ мѣстахъ, около Кіева, вкусная (Касьяновъ). *Ковыль* характиристичная сорная трава степныхъ мѣстностей (Григорьевъ 317).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„Упала змѣя во *ковыль* траву (Рыбн. I, 62; ср. 124).

Лежитъ (Добрыня)

„Рѣзвыми ножками во *ковыль* травѣ (ib. стр. 86).

„Тоді мене, мила, ждати,
„Якъ стане по степу вітеръ повівати,
„*Ковилу* та камишь по степу разсипати (Метл., стр. 452).

Въ „Словѣ": Чему господине мое веселіе *по ковылію* развѣя, т.-е. по мѣстамъ заросшимъ сорною ковылъ-травою.

Выраженіе: *на канину-зелену* (паполому постла) Тихонравовъ и Огоновскій читаютъ: на *ковылу-зелену*. Потебня такую поправку находитъ не естественною потому, что *ковыль* цвѣта бѣлаго, а не зеленаго. Но значеніе слова „зеленый", какъ сказывается оно въ переводныхъ памятникахъ XII в., не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ, чтобы не принимать этой поправки. Эпитетъ „зеленый" по отношенію къ травѣ просто значитъ *„молодой"*. Такъ въ галицкомъ и типографскомъ Евангеліяхъ читаемъ: на травѣ зеленѣ—ἐπὶ τῷ χλωρῷ χόρτῳ; въ Юрьевскомъ же того же вѣка это греческое выраженіе передается: „на травѣ младѣ". Гораздо существеннѣе возраженіе, что *ковыль* является въ „Словѣ" лишь въ собирательной формѣ—*ковылие* преобладающей и зъ другихъ случаяхъ, а потому едва ли можно допустить въ текстѣ вмѣстѣ съ *ковылие* еще и форму *„ковылу"*.

Что касается самаго слова, то Будиловичъ, предполагая его праславянскимъ, сопоставляетъ Серб. ковиље, Хорут. kovilje, Чешск. kavil.

КОГАНЕ (vocativ. sing. masc.) отъ **КОГАНЪ.**

Это титулъ владыкъ Хазарскихъ, Аварскихъ и велико-тюрковъ Алайскихъ. У Византійскихъ историковъ онъ является въ формѣ χαγάνος. Константинъ Багрянородный, говоря о построеніи Саркелла, хозарскаго повелителя называетъ χαγάνος χαζαρίας. Изъ одного письма Людовика II къ императору Василію мы узнаемъ, что за главою болгаръ, по выраженію Василія, въ византійской государственной канцеляріи признано было званіе *хагана*. Этотъ же титулъ употребляетъ подъ 864 и франкскій лѣтописецъ Гинкмаръ. Въ Кіевской лѣтописи *каганомъ* названъ одинъ изъ князей Хозарскихъ: „Козары изыоша противу (Святослава) съ княземъ своимъ *Каганомъ* (Лавр. тр. 63). Но—быть можетъ—это былъ бій именемъ Каганъ, удѣльный владѣтель, получавшій дань съ Славяно-Вятичей. Въ переводахъ Амартола и Русскихъ хронографахъ встрѣчаемъ этотъ титулъ въ Греческой формѣ: *Хаганъ*. Вслѣдствіе продолжительнаго господства Хозаръ въ Кіевѣ восточные взгляды до того окрѣпли, что и князей Русскихъ называли *коганами*. Но что всего болѣе замѣчательно, уже послѣ того какъ на Руси утвердился титулъ „Великаго князя", такой просвѣщенный проповѣдникъ, какъ Иларіонъ, въ своемъ похвальномъ словѣ князю Владиміру называетъ его *„великимъ каганомъ нашея земли"* (Оп. Син. Библ. № 318, стр. 399). Ни глубокое національное чувство, коимъ дышетъ его слово, ни возвышенная церковная мысль, ему свойственная, не положили запрета на величаніе въ храмѣ Божіемъ равноапостольнаго князя этимъ языческимъ поганскимъ титуломъ. Въ ряду другихъ чертъ, указывающихъ на сочувствіе Иларіона къ старымъ князьямъ и ихъ дѣяніямъ, на его знакомство съ народной поэзіей, славословившей ихъ, это величаніе князя Владиміра *каганомъ* также сближаетъ его слово съ изреченіемъ Бояна: **когане** хоть и тяжко ти головы, кромѣ плечю и проч.

Имя это бытуетъ и въ русской исторической географіи: такъ есть *Каганскій перевозъ*—ручей (Кн. Б. Черт. стр. 31); *Каганскій кладезь* (ib. 14, 31).

Что слѣдуетъ читать именно **когане**, а не *коганя*, какъ въ 1-мъ изданіи, см. о томъ въ Палеогр. крит. текста ч. II, стр. 288.

Кн. П. П. Вяземскій: названіе *когана*, какъ священный титулъ, ставитъ въ связь съ именемъ рѣки *Когэонъ* и лежащей при ней горы Коганеумъ (Coganaeum), на которой, по свидѣтельству Страбона, уединился аскетъ и учитель Замолксисъ, послѣдователь Пифагоровъ. Это названіе, говоритъ онъ, весьма вѣроятно въ сродствѣ съ коганомъ титуломъ Владиміра Святого (I, стр. 351—352). Кагунъ (Kahuon) языческій богъ: божество это, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, имѣетъ для насъ значеніе, какъ прозвище, даваемое Владиміру Святому въ одномъ древне-русскомъ памятникѣ. Этотъ же титулъ принялъ и Чингисъ-ханъ для обозначенія себя главою всѣхъ вѣроисповѣданій подвластныхъ ему народовъ (Ibid. стр. 439). Далѣе онъ продолжаетъ, что титулъ *коганъ* сохранился вѣроятно въ титулѣ Турецкаго султана: „Султанъ надъ землей—Султанъ-елъ-Берейнъ и *Гаканъ* надъ моремъ—Гакканъ-елъ-Берейнъ" (ibid. стр. 485). Наконецъ, онъ замѣчаетъ, что титулъ *каганъ* будто бы тожественен съ титуломъ *Баянъ*, судя по словамъ Менандра объ Аворскомъ вождѣ (конца VI в.), котораго называли *каганомъ* иначе *бояномъ*. *Когенъ* по еврейски—учитель; на народное употребленіе слова каганъ—въ значеніи *солнца* или свѣтила—указываетъ *коганецъ*—свѣтильникъ (ibid. Указ. стр. 47).

Гедеоновъ предполагалъ существованіе внутренней политической связи между хаканомъ 839 г. и Кіевскими коганами Славянскихъ источниковъ.

Академикъ А. А. Куникъ: едва ли слово *ханъ* не представляетъ сокращенія слова *хаганъ*; въ одной изъ редакцій Псевдо-калисфена сказано, что Александръ Великій, заклепавъ князей земель Магога въ Каспійскую (Дербентскую) гору, побѣдоносно прошелъ земли Туровъ (гогарскихъ) и Армянъ и взялъ въ плѣнъ князя ихъ, такъ называемаго Хана—τοῦ καλουμένου Κάνου (Каспій 681).

Кое (nomin. sing. neutr.) отъ **кыи**, τίς, ποῖος—qui.

Соотвѣтственно разнымъ синтаксическимъ сочетаніямъ вопросительное **кое**, въ древнѣйшихъ Славянскихъ и Русскихъ письменныхъ памятникахъ, принимало разные оттѣнки значенія. Въ значеніи τί—*какое* или *что за*.

Въ Евангеліяхъ XI—XII вв. читаемъ:

1) въ значеніи τί—какое: **рьци намъ.. кое боудеть знамение**—

τί τὸ σημεῖον μέλλῃ (Марк. XIII, 4; ср. Іоан. II, 18).

2) въ значеніи πότερον—ἤ—ли—ли, utrum—an: **аще кто хощеть волю его творіти. разоумѣкть о оученіи кок ѿ б҃а кесть. ли азъ о собѣ г҃лю**... πότερον ἐκ τοῦ θεοῦ ἐστὶν ἤ αγὼ ἀπ' ἐμ αὐτοῦ λαλῶ (Іоан. VII, 17).

3) въ значеніи: ποῖος—qualis, каковый, какого рода, какихъ свойствъ: **za кок ихъ дѣло каменье на ма мещете**—διὰ ποίων ἔργων λιθάζετέ με (Іоан. X, 32).

Въ переводѣ огласительныхъ поученій Кирилла Іерусалимскаго читаемъ (въ Сп. Син. XII—XIII в.): **кок** (изъ звѣздъ) **кесть дьньница** φωσφόρος) **кок ли прѣходна** (ἕσπερος—л. 40 об.).

Изъ позднѣйшихъ памятниковъ *кое* встрѣчаемъ въ Палеѣ 1494 г., гдѣ читается: „Совокупила бѣаше отроки и дѣвицы... и рече кое отроки и *кое* дв҃цы (Пам. Стар. Р. Лит. III, 54).

Въ языкѣ Кіевской литературной повѣствовательной школы—*кое* употреблялось въ значеніи: *гдѣ* или *что сталось*. „И призва Олегъ старѣйшину конюхомъ и рече: *кое* есть конь мъй" (Лавр. стр. 38). „Ты намъ тако молвяше: братья вси со мною суть, а *кое* есть Андреевичъ Володиміръ и Ярославъ и Давыдъ" (Ип. стр. 27).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„Я не знаю же побѣдна горепашица
„*Кое* день, *кое* темная е ноченька, т.-е. когда бываетъ
день и когда ночь (Пр. С. Кр. ч. I, стр. 31).

Въ живомъ народномъ языкѣ—*кое* бытуетъ: 1) въ значеніи *что*: *коё кому достанется*, т.-е. какая судьба (Даль); 2) въ значеніи *гдѣ*: *кое топоръ-то*, т.-е. гдѣ топоръ? *кое-ка онъ*, т.-е. гдѣ онъ? (Даль); 3) въ значеніи: *за чѣмъ*: „*кое же* лезешь, слизень дьявольскій", т.-е. за чѣмъ ты идешь, куда не слѣдуетъ (Череп. у. Новг. г.).

Въ „Словѣ": „*Кое* ваши златые шеломы и сулици ляцкія и щиты"? Въ виду историческаго употребленія *кое*, трудно сказать, какой именно оттѣнокъ значенія придать ему здѣсь умѣстнѣе. Можно перевесть: *что сталось* съ вашими сулицами (они бездѣйствуютъ). Или же: „Каковы ваши шеломы, сулицы и щиты... покажите? Или же наконецъ: *къ чему*, *за чѣмъ* ваши. шеломы, сулицы и щиты, если не для отраженія поганыхъ".

Мы предпочитаемъ держаться послѣдняго значенія. Обращаясь къ Ингварю и Всеволоду, авторъ замѣчаетъ: вы не расхитили областей (подобно другимъ) жребіемъ побѣдъ, т.-е. вы не орудовали своимъ оружіемъ для добыванія себѣ областей. За чѣмъ же, къ чему служатъ ваши золотые шеломы, ляцкіе сулицы и щиты? Загородите полю ворота и проч.

Мусинъ-Пушкинъ: *кое* перевелъ союзомъ *но*: не побѣдами счастливыми вы власть себѣ получили, *но* вашими златыми шлемами и проч.

Малиновскій въ черновомъ переводѣ: „*на что же* вамъ златыя шеломы“ въ „Первомъ изданіи“: *къ чему же*“.

Всѣ послѣдующіе комментаторы и издатели держались перевода Малиновскаго.

Кожухы (instrum. plur. masc.) отъ **кожухъ**—опашень, съ широкими, но короткими рукавами, подбитый мѣхомъ. Покрой кожуха очень ясно видѣнъ на одномъ изъ рисунковъ, приложенныхъ къ описанію свадьбы царя Михаила Ѳедоровича (М. 1810 г. стр. 27), гдѣ между прочимъ говрится что „Государь, пришедъ изъ своихъ хоромъ въ золотую среднюю палату, нарядився въ *кожухъ* золотной, аксамитной, на соболяхъ“. (ib. стр. 26). Вѣроятно, половецкія шубы отличались отъ русскихъ и имѣли свои названія, но авторъ „Слова“ сближаетъ ихъ съ русскими и называетъ русскимъ именемъ. Конечно быть можетъ и русскіе кожухи XII в. болѣе или менѣе отличались отъ кожуховъ XVII в.

Въ Галицкой лѣтописи упоминается „*кожухъ* ольвира Грецкаго и кружевы златыми плоскими шиты.

Слово *кожухъ*—не разъ встрѣчается и въ Повѣсти о Дигенисѣ и дасть (Стратигъ) *кожуховъ* 50... а теща подасть ему *кожуховъ* 20. (Кор. И. Г. Р. III, пр. 272).

Въ Актахъ XIV и XV и XVI вв. также говорится о кожухахъ такъ въ грамотѣ Великаго князя Ивана Даниловича Калиты 1328 г. читаемъ: „сыну моему Семену... *кожухъ* черленый жемчужный. А Ивану сыну моему *кожухъ*—желтая обирь (объяръ) съ жемчугомъ... А что нарѣдѣлъ два *кожуха* съ аламы (нашивкою) съ жемчугомъ, а то есть далъ меньшимъ дѣтямъ своимъ. (Собр. Госуд. Грам. и Догов. I, 34).

Въ грамотѣ князя М. А. Верейскаго 1486 г.: „благословилъ своего зятя князя Осифа: *кожухъ* соболій съ камкою да съ пугвицами". (Ibid. стр. 302). Въ грамотѣ князя И. Б. Волоцкаго 1504 г.: въ Мартемьяновъ монастырь *кожухъ* бархатъ, на соболѣхъ шитъ золотомъ да серебромъ; на Каменное—*кожухъ* на черевѣхъ на бѣлиныхъ, бархатъ червчатъ; въ Пафнутьевъ монастырь—*кожухъ* камчатъ на черевѣхъ на лисьихъ; въ Колязинъ монастырь—*кожухъ* камка есѣевъ корень (См. „Опис. Окруж. палаты" Вельтмана, а также Описаніе царскихъ утварей и одеждъ Савваитова). Съ половины XVI вѣка *кожухъ* въ историческихъ актахъ называется также и шубой. Такъ напр. въ одномъ изъ принадлежащихъ намъ актовъ, гдѣ описывается конфискованное имущество читаемъ: „да шуба камчата да ферези тафтяны на горлахъ на лисьихъ, шесть лисицъ черныхъ, три лисицы бурыхъ, одинадцать собольковъ, двадцать одна куница... да шуба кунья нагольная, торлопъ куней подъ дорогами малыми".

Въ живомъ языкѣ есть не мало пословицъ связанныхъ съ *кожухомъ*. Напр. „*Шуба-кожуха* пьешь ли вино? А пью-не пью, а честь люблю". До Святаго Духа не снимай *кожуха*. На Сѣверѣ бытуетъ и особый видъ кожуха: онъ дѣлается изъ тонкой кожи и надѣвается поверхъ шубы или армяка; прежде чѣмъ носить, онъ заваривается т.-е опускается въ бочку дегтя. (Сообщ. Касьяновъ). О другихъ народныхъ значеніяхъ *кожуха*, см. у Даля подъ симъ словомъ.

Слово это является нерѣдко въ Исторической Географіи: *Кожухово*—село въ Галицкомъ уѣздѣ (Ист. Акт. I, 183), *Кожухово*—деревня Московская (ib. III, 183); есть *кожухи* и въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ.

КОЛИ (adverbium)—πότε, quando, когда.

Въ Евангеліяхъ XI—XII вв. читаемъ: **еда коли и ти такоже та възовоуть**—μή ποτε. Въ переводѣ XIV в. св. Алексія: **коли** замѣнено здѣсь словомъ **когда**: **когда и сами та възовоуть**. (Лук. XIV, 12) Даже Греческое: „οὐδὲ εὐκαίρουν" „*не имѣли случая*" въ древнѣйшихъ переводахъ передается при посредствѣ нарѣчія „**коли**". Такъ въ Галицкомъ Евангеліи читаемъ: **и не бѣ имъ коли ясти**—καὶ οὐδὲ φαγεῖν εὐκαίρουν; точно также и въ Конст. Ев. 1383 г.: **и ни ясти имъ бѣ коли**. Въ данномъ слу-

чаѣ „коли" стали замѣнять нарѣчіемъ „когда" съ XVIII в. (Ср въ Апост. 2, Петр. I, 21).

Нарѣчіе это бытовало и въ повѣствовательномъ языкѣ дружинной школы. Такъ въ Кіевской лѣтописи читаемъ: „*коли* будеть межу ими усобица. (Ип. стр. 169). *Коли* можете престояти насъ? (Лавр. стр. 126). *Коли* идяше на войну (Святополкъ) *толи* поклонивъся у гроба Феодосіева. (ib. стр. 272). *Коли* рать была, со мною еси ко цезарю не бѣжалъ (ib. стр. 458). *Коли* насъ не будеть всѣхъ, то все то ваше будетъ (ib. стр. 487). Не слушахуть его, *коли* ѣ зовашеть (Ип. 15). Отецъ ваю добръ былъ, *коли* княжилъ у насъ (Лавр. 353). Употреблялось оно и въ историческихъ актахъ. Такъ въ грамотѣ Мстиславовой: „*коли* пискупъ мертвъ" (Русс. Дост. ч. II, 247).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„*Колижъ* ты спишь такъ Богъ съ тобой. (Шеин. Р. П. 391).
„*Колы* жъ мене, братци, не хотите ждаты. (Церт. стр. 22).

Въ живомъ языкѣ—всего чаще *коли* употребляется также въ значеніи *когда*. *Коли* не людямъ въ честь, ино Богу въ славу; *Коли* быть бѣдѣ, не миновать. „*Коли* придешь? Завтра. „*Коли* рожь, толи и мѣра". (Даль). Въ западно-русскомъ нарѣчіи: „*коли* годъ сухій, купляй пчолку (Носовичъ).

Въ современномъ литературномъ великорусскомъ языкѣ нарѣчіе это не употребляется, но въ южно-русскомъ бытуетъ и до нынѣ, какъ видно изъ изслѣдованія о „Словѣ" г. Огоновскаго.

Въ „Словѣ": *коли* соколъ въ мытехъ бываетъ т.-е. *когда*.

КОЛОКОЛЫ (accus. plur. masc, antecedente praepositione въ) отъ колоколъ—σήμαντρον, tintinnabulum, кампанъ, вылитое изъ мѣди било для церковнаго звона.

Изъ древнѣйшихъ Славянскихъ памятниковъ слово это намъ удалось встрѣтить въ переводѣ Никона Черногорца XIII—XIV в. гдѣ читаемъ: въ колоколъ трапеꙁныи на обѣдъ оударяють и на вечерю (сл. 57, по списк. Яросл. Архіер. Дома).

Въ Кіевской лѣтописи колоколъ называется *биломъ*; такъ подъ 1074 г. читаемъ: „братья же ударивше въ *било* (Лавр. стр. 181): сѣдѣ

почивая подъ *биломъ* (ib. 185); подъ 1091 г. егда удариша въ *било*, идѣша столпы, аки други зарны (ib. 203—204).

Слово *колоколъ* впервые является въ Новгородской лѣтописи подъ 066 г. „приде Всеславъ и възя Новъгородъ и *колоколы* съима у вятые Софіѣ (Новг. I, стр. 2)

Затѣмъ онъ упоминается въ лѣтописяхъ подъ 1035 г. „избишася ъ Ростовѣ *колокола* великая (Лавр. 501); подъ 1408 и 1410 гг. „и *олоколы* разліяшася (ibid. 510—511).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„Не бушуй холодный сѣверъ,
„Не раскачай звонки *колоколы* (Тр. Этн. Отд. кн. V, стр. 120).

„И какъ звонарь да въ большой *колоколъ* вызванивать (Пр. С. кр. ч. III, 190).

„И нѣту звону на отстуды *колокольнаго.* (ib. стр. 15).

Донынѣ въ народномъ быту ударъ колокола къ заутрени служитъ знакомъ для опредѣленія времени; вышелъ, говорятъ изъ дома, какъ *колоколъ* ударитъ т.-е. рано, вмѣстѣ съ благовѣстомъ къ утрени (Пр. С. к. ч. III, стр. 322).

Въ „Словѣ“: тому въ Полотскѣ позвониша заутренюю въ *колоколы*.

Колокольный звонъ, повидимому, съ самаго перваго своего появленія произвелъ сильное впечатлѣніе на русскаго человѣка и потому эпическое отношеніе къ *колоколу* сказывается донынѣ: *колоколъ*, говорятъ, гласъ Божій.

Упоминаніе о церковномъ колоколѣ въ „Словѣ“, отнюдь не можетъ указывать на то, что авторъ его былъ церковный христіанинъ. Колоколъ является здѣсь лишь какъ самый обыкновенный хронологическій терминъ для характеристики *вѣщей* души Всеслава.

Въ исторической географіи—есть не мало селеній связанныхъ съ этимъ именемъ; есть напр. *Колоколово*—деревня въ Рузскомъ у. (Ист. Акт. III, 155); *Колоколово*—село (Юрид. Акт. 235).

Комони (nomin. plur. masc.), **комони** (accus. plur. antecedente praepositione **на**), **комонь** (accus. singul. antecedente praepositione **на**) отъ **комонь**.

По замѣчанію Гедеонова у Льва діакона греческое κομέντος—есть, то же, что славянское *комонство* (I, 340; II, 530).

Въ Кіевской лѣтописи не разъ встрѣчаемъ слово „*комонь*". Въ Переяславцѣ на Дунаѣ сходятся: изъ Чехъ же, изъ Угорь сребро и *комони* (Лавр. стр. 66). И рекоша ему (Изяславу) Угорскіи мужи: ты самъ вѣдаеши люди твоя а *комони* подъ нами; (Ип. стр. 55). Кіяне же дивляхуться Угромъ и *комонемъ* ихъ (ib. стр. 56). Угровъ же одариша съсуды и порты и *комонми* (Ип. 57). Конь же язвенъ вельми унесъ господина своего и умре; князь же, жалуя *комоньства* его, повелѣ й погребсти надъ Стыремъ (Лавр. стр. 308).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„Говоритъ Ставеръ, сынъ Годиновичъ:
„Хотя есть у меня добрыхъ *комоней*,
„Добры *комони* стоятъ все не ѣздятся. (Рыбн. II, стр. 104).

„Стояли *комони*, пошибши головы,
„Не ѣли *комони* сѣна зеленаго, овса ядренаго,
„Не пили *комони* воды студеной
„Слышали *комони* дальную дорожку. (Чтен. 1870 г. кн. I, стр. 563).

„Да чьи жь это *комони*
„Рано въ путь попущены,
„Серебромъ зануздапы?
„Стоятъ эти *комони*
„Пошибши головы;
„Шелковой травы не ѣдятъ,
„Ключевой воды не пьютъ;
„Вотъ и слышатъ *комони*
„Путь-дорожку дальнюю. (ib. стр. 553)

По-досюльному *комонь*, и по понѣшнему *конь*; комони—кони добрые, замѣтилъ намъ былиньщикъ Щеголенковъ; *комонь*—больше у ля-

въ и хохловъ; да и у насъ который ветхій, по ветхому и отвѣтъ ржитъ; о ребятахъ разгулявшихся говорятъ: „экъ комони расходились". „Али нѣтъ у тебе добрыхъ комоней". Комони называются борми въ отличіе отъ лошадей рабочихъ, кои величаютсяступистыми о которыхъ упоминается въ актахъ тоже XII вѣка (Кар. И. Г. Р. рим. 198) Ср. бръзыи.

Слово это является въ исторической географіи; такъ есть Комоево—приходъ и волость въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ (Дополн. къ Акт. стор. II, 14). Комоневъ островъ (Юрид. Акт. 441) Комонево—пустошь b. 146).

По замѣчанію Огоновскаго, корень слова комонь=кон—concu-scere esse. Комонь является вмѣсто кобънь, кобнь; въ формѣ же ок—нь б перешло въ м предъ слѣдующимъ н (Ср. хамникъ вм. хабникъ); со вставкою между ними о является Русское комонь. (Ср. нынѣшнее комоникъ, стар. Польск. komonnik, Чешск. komon Гедеон. I, 28, 335, 340); конь же образовалось изъ комнь чрезъ уподобленіе согласной м дальнѣйшему н, при чемъ м, сливаясь съ н, выпадаетъ. отъ же корѣнь видѣнъ въ словѣ коб—ила, кеб—ета (значитъ охота); Лат. cab—allus, Греч. καβ—άλλης, Нѣм. gaul.

Въ „Словѣ"; комонь въ полуночи; възръжеся на бръзъ комонь; ретръгоста своя бръзая комоня; комони ржутъ; а всядемъ на своя ръзая комони; сѣдлай свои бръзыи комони.

Кому (dativ. sing.)—отъ КТО—τίς, quis. Въ этой самой формѣ лово это встрѣчаемъ въ переводныхъ памятникахъ XI—XII вв. такъ ь древнѣйшихъ Евангеліяхъ читаемъ: ако аще комоу оумреть братъ—τι ἐὰν τινὸς ἀδελφὸς (Мрк. XII, 19; ср. Лук. VII, 31) скажю имъ комоу есть подобнъ—τίνι ἐστὶν ὅμοιος (Лук. IV, 47), а иже оуготова омоу боудоуть—τίνι ἔσται. (Лук. XII, 20) комоу оуподоблю цр̃сьве бжье—ίνι ὁμοιώσω (Лук. XIII, 20).

Въ „Словѣ": „аще хотящеть кому пѣснь творити".

Конець.—1) τὸ ἄκρον, extremum, все крайнее, край, оконечность: ь Галицкомъ, какъ и другихъ древнѣйшихъ Евангеліяхъ XI—XII вв. итаемъ: посли лазара да омочить конець пьрста своего—ἵνα βάψῃ τὸ

ἄκρον τοῦ δακτύλου (Лук. XVI, 24) ѿ конца земли до конца нбсе — ἀπ' ἄκρου γῆς ἕως ἄκρου οὐρανοῦ (Марк. XIII, 27)

2) τέλος, finis: прѣтьрпѣвыи же до конца—ὑπομείνας εἰς τέλος (Мѳ. X, 22. ср. XXIV, 13) не боудеть конца (Лук. I, 33).

Конецъ—одно изъ именъ (nomen substantivum), кои употребляются вмѣсто предлога, (sicut praepositio).

3) πλήρωμα, impletio—исполненіе; такъ въ Апостолѣ XIII—XIV в. концоу временъ—τοῦ πληρώματος τῶν καιρῶν (Еф. I, 10).

Въ произведеніяхъ литературно-повѣствовательной дружинной школы читаемъ: И сомчаша (Игоря) с сѣний и ту убиша и *конецъ всходъ* (т.-е. на концѣ ступенекъ или лѣстницы—край входа) (Лавр. стр. 301).

Въ Новг. Лѣт. (изд. Обоген.) 998 г. А святую Софею замкы дубову, *конецъ* пискупи улици (вм. на концѣ кн. Виз. 94).

Въ русской передѣлкѣ повѣсти о Дигенисѣ по *конецъ* носа 12 замка замчена (И Г. Р. III, пр. 272).

По-конецъ стола мнѣ насидѣтися (Тр. Этн. отд. кн. V, стр. 109).

Въ былинахъ:

Хватилъ онъ камень *конець* рукми. (Рыбн. II, 77).

Въ южно-русскихъ пѣсняхъ:

Одынъ сыдыть *конець* столу, мед-выно кружае. (Метл. 8).
Вымалювала-б мылого соби,
Вымалювала-б *у конець* стола.

(По другому варіанту): на конци стола. (ib. 52. Тихонр. 59). Срав. подобное же употребленіе слова „*край*".

Поставилъ мережи,
Край пути-дороги. (Рыбн. III, 333).
Край пути нашла, горюша, перепутьице;
Край дороженьки любимое гостибище (Пр. С. кр. ч. I, 26).

Въ живой народной рѣчи: „Дѣлай дѣло не *по-конецъ* пальцевъ".

Это другъ *по-конецъ* рукъ. (Даль).

Въ исторической географіи извѣстенъ *Конецкій* островъ на Онежкъ озерѣ (Ист. Акт. III, 248; есть село *Конечное* Череп. у. въ г. губ.

Въ „Словѣ": хощу бо копіе.. приложити *конецъ* поля Половец›, т.-е. въ концѣ, на самомъ краю Половецкой степи.

Конець копія въскормлени, т.-е. о конецъ, самымъ остріемъ ья.

Кони (accus. plur. masc. antecedente. praepositione О) отъ **конь**. всѣхъ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ слово это является соотвѣтствіи греческому ἵππος, equus; такъ напр. въ Пандектахъ гіоха XI в. читаемъ: **иже кони пъкаять** οἱ ἐφ' ἵπποις πεποιθῶτες . 10, л. 217; ср. Ис: XXXI, 1). Въ Кіевской лѣтописи читаемъ: помяну Олегъ *конь* свой (Лавр. стр. 37). *Конь* же его язвенъ велми і. стр. 47); *конь* вынесетъ ны (Ип. 195). Данилови гонящу по ловцѣхъ, донелѣ же *конь* его застрѣленъ бысть гнѣдый? Данилъ , видѣвъ *конь* свой застрѣленъ, навороти (ib. 174).

Въ посланіи Мономаха: азъ всѣдъ *о двою коню* (Лавр. 239).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„*Конь* мой, акы лютый звѣрь" (ср. **комони**).
Стоятъ *кони* да все убраные
Стоятъ *кони* изукрашеные;
Одинъ да тутъ *конь* не убранъ стоитъ
Одинъ не украшенный стоитъ;
Никто *коня* не любитъ,
Никто не ласкаетъ.

Въ исторической географіи есть: *коневскій* наволокъ въ Бѣлоскомъ уѣздѣ (Ист. Акт. I, 303) *коневая* заводь на Волгѣ (ib. III, 3); *коньково* деревня въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ (ib. I, 307) *конь*— стность на р. Уэрви (Дополн. къ Акт. Истор. I, 253).

Въ „Словѣ": **клюками** подръся о *кони* т.-е. на коняхъ.

Дубенскій предполагалъ: „*о кони*" не есть ли описка вм. *оконци*, чрезъ окно, или читая „о кони" не слѣдуетъ ли разумѣть: „съ коньковъ, т.-е. съ кровли" (спустился).

Кн. П. П. Вяземскій вм. *о кони* читаетъ: *на* кони, т.-е. на конѣ (упершись бедрами, сѣлъ твердо).

Потебня, какъ выше нами было уже замѣчено, „*о кони*" превратилъ въ „*оконися*", толкуя, что это значитъ: добылъ себѣ коня и предполагая, что авторъ имѣлъ при этомъ въ виду какой-нибудь варіантъ изъ сказки о двухъ братьяхъ умныхъ и третьемъ дуракѣ.

Прозоровскій: борзый конь въ „Словѣ" называется *комонемъ*: а какъ Всеславъ представленъ здѣсь будтобы въ каррикатурномъ видѣ, то *конь* употребленъ здѣсь для выраженія надсмѣшки и будто бы означаетъ *клячу*.

Кончака (accus. sing.) **Кончакови** (dativ. sing. antecedente praepositione **къ**) **кончакомъ** (instrum. sing. antecedente praepositione **съ**) **кончаку** (dat. sing.) отъ **кончакъ** (substantivum personale)—имя одного изъ Половецкихъ хановъ, которое въ „Словѣ" встрѣчается 7 разъ. Это указываетъ, что Кончакъ занималъ не послѣднее мѣсто въ душѣ автора „Слова". Кіевская лѣтопись разъясняетъ такое значеніе Кончакова имени. „Изыдоша иноплеменницы на Русскую землю, читаемъ здѣсь подъ 1179 г. безбожніи Измаильтяне, окаяніи Огаряне, нечистыи изчадія, дѣломъ и нравомъ сотонины, *именемъ Кончакъ* злу начальникъ... пріѣхали къ Переяславлю, много зла сотвори крестьяномъ, оnихъ плѣниша, а иніи избиша, множайшія избиша младенецъ (Ипат. стр. 121). Въ Галицкой лѣтописи разсказывается, что Кончакъ родился отъ брата Сърчанова, прогнаннаго Владиміромъ Мономахомъ изъ родины въ *Обезы* и возвратившагося лишь по смерти Мономаха, что Кончакъ Сулу снесе пѣшъ ходя, котелъ нося на плечеву (ср. ты бо можеши Донъ шеломы выльяти). Въ 1171 году онъ былъ разбитъ Игоремъ, а въ 1180 г. состоялъ на службѣ у Игоря. Настоящій походъ Игоря завершился тѣмъ, что въ 1187 г. сынъ его Владиміръ возвратился изъ плѣна въ Россію, и сотвори Игорь, какъ гласитъ лѣтопись, свадьбу сынови своему и вѣнча его и съ дитятемъ съ Кончаковною.

Въ „Словѣ“ Кончакъ называется поганымъ кощеемъ: стрѣляй, гос-
дине, Кончака поганого кощея“. Гзакъ и Кончакъ являются при
рвой стычкѣ Русскихъ съ Половцами, гдѣ „Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ
ькомъ, а Кончакъ ему слѣдъ правитъ въ Дону Великому. Они же
еслѣдуютъ убѣжавшаго Игоря, причемъ, въ досадѣ на неудачу,
ікъ готовъ былъ разстрѣлять соколка—сына Игорева, но Кончакъ,
ѣвшій дочекъ—бѣлыхъ лебедей, пожалѣлъ молодаго сокола и отго-
рилъ Гзака отъ столь жестокой мести.

Копїа (nomin. plur. neutr.) **копїѧ** (genet. sing.) **копїємъ**
it. plur.)

Въ переводныхъ памятникахъ XI—XII вв. слово это отвѣчаетъ
еческимъ:

1) λόγχη, lancea; такъ въ Еванг. Галицкомъ и др. читаемъ: дроу-
и же прїимъ копие—λαβὼν λόγχην (въ разночт. Рейнескія Мө.
XVII, 49).. копиемь кемоу ребра прободе—λόγχη... ἔνυξε (Іоан.
X, 34). Ср. сулица.

2) δόρυ, hasta; такъ въ пандектахъ Антіоха XI в. (гл. 104;
6) ср. въ книгѣ Пророковъ: оуставите копиа — τὰ δόρατα (Іер.
ХVI, 4).

Въ дружинныхъ повѣствованіяхъ:

„Се градъ мой; преже бо пріахъ и копьемъ (П. С. Р. л. II,
стр. 178).

Въ русской передѣлкѣ повѣсти о Дигенисѣ: и дасть стратигъ
ю своему копья 4 аравитьская И. Г. Р. III, пр. 272).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

А съ небесъ Добрынѣ гласъ гласитъ:
Возми ты *копье* бурзамецкое,
Ты бей *копьемъ* о сыру землю (Рыбн. I, 66).

Копья всегда дѣлались изъ булата стали или желѣза, плоскія или
ехгранныя и четырехгранныя; насаживались на длинное деревян-
е древко или ратовище, тупой конецъ коего имѣлъ желѣзную или
дную оковку. Собственно копье состояло изъ острія или пера и

трубки или тулеи. Копья насаживались на древко по мѣрѣ надобности и затѣмъ оттачивались, „изряжались", т.-е. приготовлялись; на что указываетъ выраженіе лѣтописей: „и копья не приготовлени, а иніи и не насажени бѣша".

По окончаніи битвы копья снимались съ раговищъ: и сняшася съ ними стрѣльцы и бишася три дни, а копья ся не снимали. а дружины ожидающе (Лавр. стр. 377). Въ походахъ копья скутывались въ сумы и везлись на телѣгахъ. Они были главнымъ боевымъ оружіемъ древне-русскихъ воевъ. Вездѣ, гдѣ говорится объ успѣхахъ русскаго, а не наемнаго войска, копье не только занимаетъ первое мѣсто, но и называется часто лишь оно одно. Отсюда дружинныя выраженія: ударить *копьемъ* (Лавр. стр. 51) сунуть *копьемъ* (ib. 56) изломить *копье* (Ип. стр. 47); взять *копьемъ* (Лавр. 68, 258) добыть *копьемъ* (Ип. 214) и т. п. Войско считалось обыкновенно по числу копій: бысть же у поганыхъ девятьсотъ *копій*, и у Руси девяносто *копій* (Лавр. стр. 341). Наконецъ тоже значеніе копья видно изъ того, что самая война называлась копейною ратью: видимая *копейная рать* временна.. овогда оубо которуются, овогда же тишины наслаждаются (*Жмакинъ*: митр. Даніилъ Чт. И. Об. Ист. и Др. Р. 1881, 11 пр. 31. *Мрочекъ-Дроздовскій*: Изслѣд. о Рус. Пр. 11, 180—182).

Въ „Словѣ": „*копіе* приломити"; ту ся *копіемъ* приламати; *копіа* поять на Дунаи.

Копыты (instr. plur. neutr. antecedente praepositione подъ) отъ копыто—ὁπλή, ungula—роговой наналокъ у коней и другихъ животныхъ, замѣняющій ногти и когти. „Коневье копыто—круглое копыто" (Касьяновъ). Въ древнихъ библейскихъ спискахъ читаемъ: ѿ дѣлащихъ пазнокти на двое но копытъ не раздвоющихъ (Второз. XIV, 6—7); копытами конеи своихъ поперутъ вса стогны—ἐν ταῖς ὁπλαῖς τῶν ἵππων (Іез. XXVI, 11).

Въ дружинныхъ повѣствованіяхъ:

„Не бѣ видѣти самѣхъ, но конь ихъ видѣти копыта (Лавр. стр. 208).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„Вышелъ Михайло на широкій дворъ,
„Ко своему коню богатырскому
„И палъ во *копытцо* во правое. (Рыбн. I, 218).
„У коня —
„Хвостъ по землѣ разстилается
„А грива подъ *копыта* подвигается. (ib. III, 224).

„Есть ли нашимъ конямъ караульщики,
„Чтобы кони *копытъ* не заложили. (Тр. Этн. Отд. кн. V, 94).

Эпическая наблюдательность подмѣтила двоякое значеніе *копыта* въ движеніяхъ коня. Копыто производитъ топотъ и шумъ, слышимый издалека. Копыто выбиваетъ землю и подымаетъ курево, видимое издалека.

„Застучало вдругъ *копыто* лошадиное. (Пр. С. кр.).
„У лошади *копытами* выверчивана
„Мать сыра земля будто сильныма рѣшетамы (Рыбн. I, 274—275).

„Уже почавъ винъ
„Конскими *копытами* землю орати (Цертен. стр. 5).

„Его храбрая поѣздка молодецкая,
„*Ископыти* у коня метано (Рыбн. I, 55).

Въ „Словѣ“: чрьна земля подъ *копыты* – значитъ выбита копытами.

Королеви (dativ. sing. masc.) отъ **король**—титулъ государя.

У Византійскихъ историковъ онъ отвѣчаетъ Греческому *βασιλεύς*, гех. Болгар. цѣсарь, *краль*. Въ шестодневѣ Іоанна Экз. Болгарскаго: боляры цре и кнезн и кралевѣ (Син. сп. 1263 г. л. 140).

Въ дружинныхъ повѣствованіяхъ этотъ титулъ усвоялся только государю Венгерскому. Такъ въ Галицкой лѣтописи подъ 1188 г. читаемъ: Володимеръ Галицкій, убоявъся (мужей Галицкихъ), ѣха въ Угры къ *королеви*. (Ип. 137). Присла *король* полки Угорскія многи сынови своему (Ип. стр. 138). Здумаша Угре послати отъ *короля* своя мужи (И. Г. Р. пр. 323).

Въ Словахъ богатырскихъ *королемъ* называется Государь Ляховъ.

„Прошелъ молодецъ къ королю въ Литву (Рыб. III, 283).
„У того *короля* у литовскаго была дочь...
„Литовскій *король*, земли Польскія (ibid.).

Въ брачномъ народномъ ритуалѣ родители спрашиваютъ сватовъ: „Что вы цари ли—царевичи, аль *короли—королевичи*?

Въ обрядныхъ пѣсняхъ поется:

„По городу гуляе, гуляе,
„Царевъ сынъ—*королевъ* сынъ.

Въ „*Словѣ*: Ярославъ Галицкій" подперъ горы Угорскыи своими желѣзными плъкы, заступивъ *королеви* путь, т.-е. Государю Венгерскому.

Корабли (accus. plur. masc.) отъ корабль—πλοῖον, navis—морское парусное судно. Слово это встрѣчаемъ во всѣхъ древнѣйшихъ переводахъ Евангелій XI—XII вв. Такъ напр. въ Галицкомъ: и ини прїдоша корабли ѿ тиверъяды (Іоан. VI, 23) и вълѣзоша сами въ корабля — ἐνέβησαν αὐτοὶ εἰς τὰ πλοῖα (ibid ст. 24). и сѣдъ оучаше из корабля народы—ἐκ τοῦ πλοίου (Лук. V, 3). Въ псалтири XIII в. корабли преплываютъ—ἐκεῖ πλοῖα (Пс. 103, 26). Въ Святославомъ Изб. 1073 г. читается: „въ корабльныихъ же ратяхъ". У Византійскихъ историковъ *корабль* называется κάραβος. (См. напр. у Конст. Багрян. De cerem. Lib. 11, с. 44 ρουσικὰ καράβια).

Въ нашихъ лѣтописяхъ слово *корабль* впервые является подъ 866 годомъ: и въ двѣ стѣ *корабль* (Русскіе) Царьградъ оступиша... абье буря въста съ вѣтромъ... Руси *кораблѧ* смяте. (Лавр. стр. 20, 21); затѣмъ подъ 907 г. и пойде Олегъ на конѣхъ и на *кораблѣхъ* и бѣ числомъ кораблей 2000 (ib. стр. 29, 30). Подъ 944 г. Се идутъ Русь бещисла *корабль* и покрыли суть море *корабли* (ibid. 45). Въ договорѣ Игоря съ Греками: А великій князь Русскій и бояре его да посылають въ Греки *корабли*, елико хотять (ib стр. 47); подъ 1015 г. и ту абье посланнии яша *корабль* Глѣбовъ (такъ названъ здѣсь *насадъ*; выше замѣчено ста на Смядинѣ въ *насадѣ*) (ib. стр. 133—

14). Подъ 1043 г. Поиде Володимеръ въ лодіяхъ (на Грькы) и бысть ря велика и разби *корабли* Рси (ib. стр. 150—151). Подъ 1155 г. да (Андрей Боголюбскій) икону святую Богородицю, юже при-сопа во единомъ *корабли* съ Пирогощею изъ Цесаряграда (ib стр. 28—329). Подъ 1263 г. король части Римское.. наполни *корабля* юго полковъ своихъ (ib. стр. 454) Новгородецъ Мѣша: сь пѣшь на-че на *корабли* (стр. 456) истопоша *корабли* въ морѣ (стр. 457).

Въ словахъ богатырскихъ корабль изображается въ слѣдующемъ дѣ:

„Изъ заславнаго синя моря Волынскаго,
„Изъ за того Кодоньскаго острова,
„Изъ за того лукоморя зеленаго,
„Выбѣгало—бѣжитъ 30 кораблей,
„Тридцать кораблей со единымъ.
„Единый корабликъ передомъ бѣжитъ,
„Передомъ бѣжитъ, какъ соколъ летитъ;
„Высоко его головка призаздынута,
„Нось-корма была по звѣриному,
„А бока сведены по туриному,—
„Того ли тура заморскаго,
„Заморскаго тура Литовскаго;
„На томъ на черленомъ на кораблѣ
„Были паруса—флаги крупчатой камки,
„Якори-то были булатные,
„Булатъ желѣза сибирскаго (Рыбн. I, стр. 318 Соловей Будимировичъ.
„На кораблѣ бесѣда пріукрашена,
„Пріукрашена бесѣда рытымъ бархатомъ,
„Приколочена бесѣда золотыми звѣздьемъ,
„Покрыта бесѣда чистымъ серебромъ,
„Позолочена бесѣда краснымъ золотомъ
„Пріувѣшена бесѣда скатнымъ жемчугомъ. (Ист. Этн. отд. кн. V, стр. 149).

Слово *корабль* является и въ географическомъ именословѣ; такъ, *раблемъ* называется одинъ изъ острововъ на рѣкѣ Шекснѣ, близь

селенія Васильевскаго, находящійся во владѣніи помѣщиковъ Верещагиныхъ.

Слово *корабль*—(юго-славян. корабь, повидимому, происходитъ отъ коръб, коробить, коробъ (срав. кравии ковчегъ, кравьица—коробка). Достойно вниманія, что *корабликомъ* называется раковина nautilus: она распускаетъ родъ паруса, плывучи по вѣтру (Даль).

Въ плачѣ Ярославны, въ обращеніи къ вѣтру, упоминаются *корабли*: мало ли ти бяшеть горъ подъ облаки вѣяти, лелѣючи *корабли* на синемъ морѣ. Въ обращеніи же къ Днѣпру они называются „*носады*".

Корсуню (dativ. sing.) отъ корсунь—Херсонесъ Таврическій.

Городъ этотъ упоминается въ Апостольскихъ Актахъ (см. у Шлецер. Нест.).

Въ славянскомъ переводѣ Дѣянія апостола Андрея читается, что этотъ апостолъ былъ въ Воспорѣ Θеодосіи и *Херсонесъ* и обрѣтъ корабль Херсонескъ пренде къ синопь и алфавитарь Андреовъ Херсонане сътворниша". Въ сказаніяхъ о мученіи святаго Климента папы Римскаго, „о пренесеніи его мощей" и въ похвальномъ ему словѣ не однократно говорится о градѣ *Корсунѣ*.

Въ лѣтописныхъ повѣствованіяхъ: онъдрею учащу въ Синопии и пришедшю ему в *Корсунь* увидѣ, яко ис *Корсуня* близъ устье Днѣпрьское (Лавр. стр. 7).

Подъ 988 г. Иде Володимеръ съ вои на *Корсунь*, градъ Гречьскій и затворишася Корсуняне въ градѣ (ib. 106); крестишася въ церкви св. Василья въ *Корсунѣ* градѣ, на мѣстѣ посреди града, идѣже торгъ дѣютъ *Корсуняне* (ib. 109).

Подъ 988 г. Вдасть же за вѣно Грескомъ *Корсунь* (ib. 114).

Корсунская страна была достояніемъ Византіи, которая ревниво ее оберегала; въ договорѣ Игоря съ Греками 945 г.) читается, елико есть городовъ на той части, да не имате волости князя Руского и та страна не покаряется вамъ (ib. 50).

Городъ Корсунь находившійся на портомъ берегу Крыма былъ главнымъ торговымъ центромъ, откуда проникали въ Русь всѣ про-

ленности. Какъ видно изъ приведенныхъ лѣтописныхъ указаній, былъ завоеванъ былъ Владиміромъ Великимъ, и затѣмъ снова возвращенъ Византіи.

Въ „Словѣ" Дивъ извѣщаетъ своимъ богатырскимъ кликомъ о ...еніи полковъ Игорехыхъ вмѣстѣ съ землями Половецкими и Кор-. Очевидоо, этотъ городъ, состоявшій изъ разноплеменнаго насе-... въ эту эпоху подобно половцамъ враждебно относится къ Руси, ... завоеванія и подчиненія.

Кости (accus. plur. antecedente praepositione на) костьми (in-plur.) отъ кость—ὀστέον, os. Въ Галицкомъ Евангеліи и въ др. -XII вв., вѫноутрь оудоуже пълни соуть костьи мертвыхъ—ὀστέων ...ῶν (Мѳ. XXIII, 27); въ книгѣ Псалмовъ: съхранають вса кости —τὰ ὀστᾶ αὐτῶν (Пс. XXXIII, 21); въ книгѣ Числъ: и кости да истолкнут ѿ нея—καὶ ὀστοῦν οὐ συντρίψεται (Числ. IX, 12; въ ...ѣ Пророковъ: кости ихъ стлъкоша и съдробиша—καὶ τὰ ὀστᾶ— ...θλασαν καὶ ἐμέλισαν; и кости яко трава прозябноуть—καὶ τὰ ὀστᾶ ...βοτάνη ἀνατελεῖ (Ис. LXVI, 14).

Въ дружинныхъ повѣствованіяхъ:

А то вижу *кости* его (Лавр. 38); прииде же на мѣсто, идѣже ...а лежаще *кости* его (ib. 38). И ту *костью* падоша (Новг. I, 41); ... *кости* его (Романа) и доселѣ лежаче тамо (Лавр. 198).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

У Дюка Степановича:

„Ажно *косточки* захрястали. (Рыбн. I, 315).

Михайло Потыкъ, сынъ Ивановичъ:

„Онъ на четырехъ *костяхъ*
„Поплылъ во зеленый лугъ (Рыбн. I, 240).

Въ живой народной рѣчи говорится: душа не творитъ худо, а ...у, что хуже, то и въ *кость* (Пр. С. кр. ч. II, стр. 319).

Въ „Словѣ": орлы.. на *кости* звѣря зовутъ, т.-е. на поле бит-... наполненное сухими костями.

Костьми была посѣяна (чръна земля); посѣяни костьми Русскихъ сыновъ (берега Немиги).

О значеніи слова „*кость*" въ этихъ предложеніяхъ см. подъ словомъ посѣяна.

Которыѥ (dativ. sing. fem.) **которую** (accus. sing.) **которыи** (genet. sing.) отъ **которыи** τίς, quis.

Это относительное мѣстоименіе было, какъ извѣстно, однимъ изъ основаній скептицизма въ подлинности „Слова" (см. Сынъ От. 1839 г. мартъ). Скептики, указывая, что это слово новое, будтобы свойственное лишь позднѣйшимъ произведеніямъ, тѣмъ доказали только свое полное незнакомство съ древне-русскою письменностью. Мѣстоименіе это встрѣчается почти во всѣхъ извѣстныхъ переводахъ XI—XII вв. Такъ оно является въ Евангеліяхъ Маріинскомъ, Савинскомъ, Юрьевскомъ, Добриловскомъ, Галицкомъ и др. древнѣйшихъ спискахъ. Въ Остроміровомъ Ев. **которыи ѥю паче възлюбить**, τίς οὖν αὐτῶν—πλεῖον αὐτὸν ἀγαπήσει (Лук. VII, 42).

Въ Маріинскомъ Ев. того же вѣка: **котерааго же ѿ васъ оць въпроситъ сн҃ъ хлѣба**—τίνα δὲ ὑμῶν τὸν πατέρα αἰτήσει (Лук. XI, 11).

Въ Галицкомъ XII в.: **котеромъ ихъ боудеть жена**—τίνος αὐτῶν ἔσται γυνή (Марк. XII 23).

Въ дружинныхъ повѣствованіяхъ: Яко не будетъ вы насилья *ни котораго же* (Ип, 22). Рече посолъ Изяславль: *который* то грѣхъ (ib. 31). А с *которато* стану двигнутся (Лавр. 458); дамъ ти *которой* ти городъ любъ (ib. 256). Въ лѣтописномъ описаніи того же самаго похода Игорева читается, что послѣ первой удачной стычки Игоря съ Половцами „поскочиша же и ти Половцы, *которыи же* далече рѣкы стояхуть (Ип. стр. 129). Въ Лаврен. сп. подъ 1097 г Давидъ объявлялъ Васильку: „вдамъ ти *которой* ти городъ любъ (стр. 256). Подъ 1149: Ростиславъ говорилъ Изяславу: кто на мя молвилъ, князь ли *которыи*, мужъ ли *который* (Ип. стр. 41).

Въ повѣсти объ Акирѣ (XVI в.): „поими 1000 дѣвицъ, **которые моужь не знають**".

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„Даваетъ ему чашу княженецкую,
„Съ *которой* чаши Владиміръ князь

„Испиваетъ зелено вино (Рыбн. I, 239).

„Дѣвица-раскрасавица душа
„Есть *котора* круглолика и баска (ib. III, 319).

„Порокъ поставили пятьсот рублей,
„*Который* изъ нихъ не перещипитъ (ib. III, 159).

„*Которая* верста пятисочная (Др. Р. Ст. 1804 г. 15).

Въ южно-русскихъ пѣсняхъ:

„Бѣ который человѣкъ тее уробляя (Церт. 29).

Въ Русской Правдѣ: **аже которыи коупьць, шедъ кдѣ любо съ южнии коунами и истопитьса** (Рус. Дост. I, стр. 46).

Замѣна словъ **который и кыи** другими мѣстоименіями началась съ XIV в. Такъ, въ Зографскомъ Ев. XI в. читаемъ: **которы ко колии** — ίς γὰρ μέιζων (Лук. XXII, 27); въ Константиновскомъ же 1383 и во многихъ позднѣйшихъ вмѣсто **который** является здѣсь уже **кто**. Или же, гдѣ въ переводѣ XI в. читается **которыи**, тамъ въ Островской Библіи XVI в. въ замѣнъ его стоитъ уже мѣстоименіе **иж** (Ерем. XX, 6; XXI, 4 и др. м.).

Мѣстоименіе **который** въ женскомъ родѣ ед. ч., какъ видно изъ „Слова", склонялось такъ: **котораѧ**, род. **которыи**; дат. **котороѣ** вин. **которую** (См. Палеогр. кр. текста стр).

Кощеи. Въ древнихъ переводныхъ памятникахъ встрѣчаемъ слова.

1. **кощь: соухь бѣ и кощь**—ξηρὸς siccus corpore; въ Сказан. о житіи пр. Даніила по Дорофею (Опис. Син. рук. I, стр, 112.)

2. **кощьнъ**. Въ повѣсти Флавія: **савинъ.. бѣ и соухъ и кощенъ**—ἰσχνὸς καὶ τὴν σάρκα πεπιλημένος (л. 199. Lib. VI, с. I, 6. Ср. Зап. Имп. Ак. Н. т. XXXIV, кн. 2. стр. 135).

Имѣя въ виду эти данныя, можно думать, что *кощей* означаетъ именно *костяя*, сухопараго, изможденаго худобою человѣка.

Употребленіе этого слова въ Кіевской лѣтописи указываетъ какъ на физичиское состояніе этого люда, такъ и на презрительный взглядъ боярской дружинной Руси на этотъ классъ.

Это были люди, обреченные на службу своимъ господамъ, особенно рабы, изхудалые, изможденные отъ тяжелой работы и скудной пищи.

Рядомъ съ сидѣльниками, конюхами, сѣдлавшими коней въ кіевской лѣтописи упоминается и *кощеи*, которые очевидно служили при обозахъ и передвиженіяхъ; ихъ не жалѣли и во время боевъ. Подъ 1170 г. читаемъ: Братья вси пожаловаша на Мстислава, оже, утаивъся ихъ, пусти на воропъ сѣдѣльникы своѣ и *кощѣѣ* (Ип. стр. 98). На служебное значеніе кощеевъ указываетъ новгородская лѣтопись: „спящу ему" (князю Андрею) въ Боголюбѣмъ и бѣ съ нимъ одинъ *кощей* малъ (1 Нов. стр. 16). По кіевской лѣтописи при Боголюбскомъ состоялъ паробокъ Прокопій (Ип. стр. 113). Съ другой стороны—съ точки зрѣнія дружинной боярской Руси—это были люди жалкіе, презрѣнные. Лишь геройство дѣлаетъ людей истинно благородными, (см. Духъ Дуnа); а это тѣлолюбцы, съ душею мелкою, живущіе лишь для того, чтобы жить. Богъ отмститъ вамъ хлѣбъ мой, говорилъ, умирая, Боголюбскій слугамъ своимъ предателямъ (Ип. стр. 113). Такими слугами способными къ низостямъ и предательству большею частію были плѣнники, которымъ особенно нельзя было довѣряться. „Идоша князи.. изъ Кіева бысть вѣсть Половцамъ отъ *кощея*, отъ Гаврилкова отъ Иславича, оже идуть на нѣ князи Русьтіи (Ibid. стр. 98).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„Не шумъ шумитъ да не гроза гремитъ,
„Налетѣлъ то *кощей* безсмертный—
„Зарычалъ *кощей* да во всю голову;
„Мать сыра земля всколыбалася,
„Сыры дубья пошатилися (Рыб. I, 115).

Слово это не разъ является въ Исторической Географіи: *Кощѣева Гора*—урочище Двинское (Ист. Акт. III, 125), *Кощѣево*—пустошь въ Клинскомъ уѣздѣ (ib. III, 155), *Кощѣево* деревня и *Кощѣевская* пустошь въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ (ib. 304, 307, 310).

Въ „Словѣ" *кощей* употребляется и въ смыслѣ *плѣнника* *раба*: высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло *кощіево*; аще бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощей по резанѣ"; и въ смыслѣ человѣка низкаго, коварнаго, неблагодарнаго. „Стрѣляй господине Кончака, поганаго *кощея*. Этотъ самый Кончакъ состоялъ иногда на службѣ у Игоря, ѣлъ его хлѣбъ, а нынѣ губитъ землю Русскую.

Сами *кощеи* конечно не раздѣляли на себя боярскаго взгляда и усвояли себѣ *безсмертную* душу. Въ народныхъ сказкахъ *кощей* олицетворяется какъ герой и не иначе величается какъ *безсмертнымъ*; нынѣ въ живомъ народномъ языкѣ сѣвернаго края *кощеемъ и кощуномъ* называется человѣкъ поджарый, сухопарый, костлявый, въ коемъ кости да кожа.

Грамматинъ: *кощей* или кащей (какъ и нынѣ говорится въ смыслѣ стараго гнуснаго скряги), *кащенокъ* (мальчикъ въ призрительномъ смыслѣ) *кащунъ*, пакостникъ и т. п. всѣ сіи слова происходятъ отъ глагола *кощу* или *кащу* тоже, что пакощу". Весьма сомнительно, чтобы *кость* и *касть* происходили отъ одного корня. Въ выраженіи: „стрѣляй поганаго кощея—Грамматинъ безъ всякой нужды слово кощея замѣнилъ именемъ Гзака.

Вельтманъ: Половцы были обрѣзанцы, *каженыя*, *кащеныя*. Въ этомъ смыслѣ будто бы и въ „Словѣ" Кончакъ названъ *кощеемъ*". Но *кощей* и *каженый*—слова совершенно различныя и по своему образованію и по своему значенію; *каженый* происходитъ отъ глагола *казити* искажать, уродовать, а *кащеный* отъ *кастить*—бранить скверными словами—поносить изъ касти въ касть, позорить.

Максимовичъ *кощей* переводилъ словомъ *плѣнникъ*, но это въ нынѣшнемъ смыслѣ не выражаетъ собою понятія *кощея* XII вѣка. Лучше всего, кажется, въ переводахъ оставлять это слово безъ всякой замѣны.

Прозоровскій полагаетъ, что отъ *кощей* произошло слово *кощунъ*, которое, по объясненію трехязычнаго лексикона, значитъ франтъ, скоморохъ; въ виду этого онъ сближаетъ *кощей* съ словомъ коштана (μύθος сказка и λήρος болтовня въ Святославовомъ изборникѣ) и кощуны (μυθολογήματα баснословный разсказъ въ шестодневѣ Іоанна экз. Болгарскаго)". Но если эти слова и происходятъ отъ одного кор-

ня, то очевидно по своему образованію и значенію они не одинаковы съ словомъ *кощей*.

Крамолу (accus. sing. fem.) **крамолами**, (instrument. plur.) **крамолахъ отъ крамола** (local. plur. antecedente praepositione **въ**).

Слово это въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ встрѣчаемъ въ разныхъ значеніяхъ:

1. въ значеніи *мятежа*—στάσις, seditio. Въ Галицкомъ и другихъ древнѣйшихъ Евангеліяхъ XI—XII в. читаемъ: **иже бѣ (варава) за нѣкую крамолоу, бывшюю въ градѣ въвьрженъ въ тьмницю** — διὰ στάσιν τίνα γενομένην ἐν τῇ πόλει (Лук. XXIII, 19); **Ѿпоусти въсаженаго въ тьмніцю за крамолоу**—τὸν διὰ στάσιν.. βεβλημένον (ibid. 25).

2. въ значеніи *коварства*, злаго умысла—ἐπιβουλή, insidium. Въ Пандектахъ Антіоха XI в. читаемъ: **не предаждь мене крамолѣ**—οὐχ παράδως με τῇ ἐπιβουλῇ (гл. 84, л. 179). Въ переводѣ Апостола XIII—XIV в.: **бывшю ковоу**—γενομένης ἐπιβουλῆς; въ переводѣ же Святителя Алексія: **бывши крамолѣ** (Дѣян. XX, 3).

3. Въ значеніи *войны* ополченія: **иже и крамолоу въземъ на Асирію**—ὁπλισάμενος (Амарт. XVI в.) **той** (Веспасіанъ) **въ римъ пришедъ началъ на июдею крамолоу** (Вост.) Подобнымъ же образомъ разъясняется значеніе **крамолы** и въ Новгородской лѣтописи: „дьяволъ" въ звиже *крамолу* межи Русьскыми князи, да быша человѣцы не мирно жили, о томъ бо ся злый радуеть кровопролитью крестьяньску (1 Новгород. 50).

Въ дружинныхъ повѣствованіяхъ:

Солнце без лучь сияше: се же проявляше *крамолы* (Лавр. стр. 161). Подъ 1136 г. и пакы *крамола* бысть не мала: Олговичи придоша к Кыеву, хотяще битися с Володимеричи и прольяти кровь хотяще хрестьяньскую, хвалящеся в гордости своей (ib. стр. 289). Того же лѣта въстави дьяволъ вражду.. подостри Романа, Игоря и Володиміра на Всеволода и Святослава на меньшею брату и бысть *крамола* зла вельми въ Рязани: братъ брата искаше убити; звахуть ею къ себѣ на совѣтъ лѣстію, абы коего яти ею (Лавр. стр. 380)

Отсюда видно, что *крамола* означала неприязнь, вражду, котору διχοστασία—seditio Панд. Ант. гл. 29, л. 72), „сваженіе дьяволе, вызывающее усобную рать" (I Новг. стр. 52).

Тоже самое понятіе *крамолы*, какъ дѣйствія злой силы, проведено въ „Словѣ" лишь на основѣ эническаго преданія. Дѣва-обида вступила на землю Трояпову, всплескала лебединымъ крыльемъ на синемъ морѣ, плескаясь у Дона—и вотъ страсти взволновались: братъ сталъ говорить брату: это мое и то мое же; о пустомъ князья стали говорить—это важное,—и сами на себя *крамолу ковать*, а поганые со всѣхъ сторонъ приходили на землю Русскую. Если въ лѣтописяхъ та крамола усвояется *сваженью дьяволю*, то здѣсь она исходитъ отъ Дѣвы-обиды. Князья, ковавшіе крамолу, суть орудія этой губительной силы и чрезъ то являются не только людьми *злыми*, сколько *окаянными*, кои губятъ самихъ себя и особенно губятъ свою дружину. У князей усобица, а намъ поганые—гибель, говоритъ авторъ „Слова", очевидно, дружинникъ.

Въ живомъ народномъ языкѣ *крамо́лить* значитъ производить смуты; *крамо́льщикъ*—заговорщикъ; *крамо́ла*—измѣна, возмущеніе, бунтъ (Даль).

Красно (nomin. sing. neutr.) **красному** (dat. sing. masc.) **красною** (instrument. sing. fem.) **красны** (genet. sing. fem.) **красныя** (accus. plur. fem.) **красныя** (nomin. plur. fem.) **красныя** (genet. sing. fem.) отъ **красьнъ, красный**.

Если въ современномъ языкѣ слово это служитъ къ обозначенію *краснаго цвѣта*, то въ языкѣ древне-русскомъ оно служило къ выраженію изящной формы, въ соотвѣтствіи нынѣшнимъ: *красивый, миловидный, прекрасный*. Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ слово это отвѣчаетъ Греческимъ:

1) ὡραῖος, speciosus—красивый, имѣющій пріятный видъ. Въ книгѣ пѣснь пѣсней читаемъ: **образъ твои красенъ**—ἡ ὄψις σοῦ ὡραῖα (гл. II, стр. 14). Въ Галицкомъ и др. Еванг. XI—XII вв.: **иже въноудоу оубо соуть красни**—φαίνονται ὡραῖοι (Мѳ. XXIII, 27); **древо красьнъ на видѣнии**—ξύλον ὡραῖον εἰς ὅρασιν (Іоан. Экз. 1263 г. Син. сп. л. 261); **красьнъ доеротою паче сынъ члвчкъ**—ὡραῖος κάλλει παρὰ

τοὺς υἱοὺς τῶν ἀνθρώπων (Въ Чуд. сп. XI в. Пс. XLIV, 3); гласъ твои сладокъ и образъ красенъ—ἡ φωνή σου ἡδεῖα καὶ ἡ ὄψις σου ὡραῖα (пѣсн. пѣсн. II, 14; Ср. Іуд. VIII, 7; Тов. VI, 12).

2) ὡραιώθης, speciosus: болѣзную о тебѣ, брате мой юнафане, красный ми зѣло—ὡραιώθης μοι σφόδρα (2 Цар. II, 26).

3) ἔυμορφος, formosus, пригожій, миловидный. Въ Пандектахъ Антіоха XI в.: отврати очи твои отъ жены красны—ἀπὸ γυναικὸς εὐμόρφου (гл. 19, л. 48. Ср. Сирах. IX, 8; XXXV, 23); и се юноша оуноша красенъ (Мой Сбор. XVI в.).

4) ἀστεῖος, elegans, изящный, прелестный. Въ Апостолѣ XIV в.: зане видѣша красно отроча—διότι εἶδον ἀστεῖον τὸ παιδίον (Евр. XI, 23).

5) κόσμιος, venustus—вѣжливый, привѣтливый. Въ толкованіи Никиты Ираклійскаго на Григорія Богослова XIV в. говорится, что епископъ долженъ быть красенъ—κόσμιος (Оп. Син. библ. III, стр. 67).

6) ποικιλός, varius, maculosus: съвлекоша съ іосифа ризу красныя—τὸν ποικίλον, ризу разноцвѣтную (Быт. XXXVII, 23). Тоже удерж. и въ Островск. изд.

Въ дружинныхъ повѣствованіяхъ это слово является съ тѣмъ же значеніемъ. Нѣкое мѣсто Гай—мѣсто то *красно* видѣніемъ (Ип. стр. 217). Кондратъ плакася по велику о Владимірѣ Васильковичѣ, видя болѣсть его и уныніе тѣла его *краснаго* (ib. стр. 217).

Въ пѣснотворчествѣ „красный" является по преимуществу какъ украшающій эпитетъ солнца и дѣвицы (epihteton ornans):

„*Красно* солнышко выкатается
„*Красно* солнышко во западу двигается (Прич. Сѣв. кр.)
. . . .
„Тутъ ходила-гуляла душа *красна дѣвица* (Кирш. Дан. стр. 209; ср. Рыбн. I, 208).

Образъ *красоты* въ эпическомъ сознаніи существенно связывается съ представленіемъ *свѣта*.

„*Свѣтлое* солнышко *краситъ* Божій міръ".

Потому и дѣва (diva)—какъ свѣтлая въ пѣснотворчествѣ называется *красною*.

Отсюда же возникли ласкательныя выраженія: *красное* солнышко, *сный* денечикъ, *красно* мое на́-золотѣ; они соотвѣтсвуютъ выраже- книжному: *ты — свѣтъ очей моихъ* — φῶς τῶν ἐμῶν ὀμμάτων Деген. ст. 150, 255).

Въ живой народной рѣчи обычны выраженія: *красная* изба т.-е. ая, чистая; *красный* уголъ, украшенный иконами; *красное* крыльце, ашенное столбами, навѣсомъ и т. п.

Какъ въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ, такъ и въ описяхъ слово *красный* является украшающимъ эпитетомъ лицъ только женскаго, но и мужескаго пола. Бѣ у варяга сынъ *красенъ* емъ и душею (Лавр. 80). Подъ 1066 г. читаемъ: бѣ же Ростивъ возрастомъ лѣпъ и *красенъ* лицемъ (Лавр. 162); подъ 1237 г.: же Василько лицемъ *красенъ*, очима свѣтелъ (Лавр. 444); пойдоста ноша *красна* и блистаста лице его, аки солнце (ib. 187). Въ скаін о взятіи Рязани *краснымъ* величается Олегъ Игоревичъ. Въ степной книгѣ есть повѣсть о представленіи Дмитрія Юрьевича *краю*, внука Димитрія Донскаго.

Въ исторической географіи имя это получило широкое примѣіе. Такъ, есть *Красный* Колядинъ мѣстечко Черниговской губ. въ верстахъ отъ Конотопа, одно изъ самыхъ *красивыхъ*; около него вышенность—*Гуляй-гора* (Черниг. Епарх. Вѣд. 1872, № 24); *Краія* слобода въ Шацкомъ уѣздѣ (Ист. Акт. V, 331); *Красное*—почикъ въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ (ib. I, 31) и *деревни*: въ Арбуйской вости (ib. I, 309); въ Надпорожскомъ стану (ib. I, 308) и въ Переславль-Залѣсскомъ уѣздѣ (ib. I, 342); *Красное поле*—урочище въ ринскомъ уѣздѣ (ib. IV, 22); *Красное Раменье*—деревня въ Клинмъ уѣздѣ (ib. III, 152); *Красноярая*—протокъ Волжской (ib. V, 344). *асное*—озеро въ Архангельскомъ уѣздѣ (Дополн. къ Акт. Историч. 303). *Красныя Луки*, *Красный пънь* (Сборн. Импер. Ист. Общ.). 195, 417). *Красная Грива* дер. (Юрид. Акт. ib. 263); *Красный* садъ (254); *Красныхъ Яровъ* есть нѣсколько на побережьяхъ Волги . Поверст. Опис. Волги, 1885 г.). *Краснoярый* учугъ на Волгѣ . V, 343); города: *Красной* (ib. II, 425); *Красный Яръ* (ib. IV, , 386—387); *Красноярскъ* (IV, 247; V, 165). *Красныхъ* селъ множество.

Въ „Словѣ" *красный* 1) эпитетъ солнца: свѣтлое и пресвѣтлое слънце! Всѣмъ тепло и *красно*.

2) эпитетъ жены князя Всеволода: забывъ.. своя милыя хоти *красныя* Глѣбовны свычая и обычая.

3) эпитетъ дочери Кончака: опутаевѣ *красною* дѣвицею... ни нама красны дѣвице.

4) Готскихъ дѣвъ: се бо Готскія *красныя* дѣвы въспѣша.

5) эпитетъ дѣвокъ Половецкихъ, указывающій, что и между ними были красавицы: „помчаша *красныя* дѣвкы Половецкыя".

и наконецъ 6) краснымъ называется Романъ Святославичъ: „пѣсь пояше *красному* Романови Святъславличю".

Татищевъ лѣтописное *красный* замѣнялъ словомъ *лѣпый* (Росс. Ист. 119).

Кречету (dat. sing. masc.) отъ **кречетъ** (Hierofalco)—одинъ изъ видовъ сокола.

Кречетъ упоминается въ Новгородскихъ лѣтописяхъ. Такъ здѣсь встрѣчаемъ, что въ 1476 г. князь Василій Шуйскій подарилъ въ Новгородѣ царю Ивану Васильевичу „*два кречета* да соколъ", да посадникъ Новгородскій „*два кречета*" (I Соф. 16, П. С. Р. л. VI).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„Не ясёнъ соколъ перелетывалъ,
„Не *бѣлой кречетъ* перепархивалъ:
„Пріѣзжалъ добрый мóлодецъ,
„Старый казакъ Илья Муромецъ (Этн. Сб. Вып. VI, стр. 92;
ср. Рыбн. III, 147, 158).

„Вотъ тебѣ двѣнадцать ясныхъ соколовъ,
„Вотъ тебѣ двѣнадцать *бѣлыхъ кречетовъ* (Кир. II, стр. 85).

Михайло Потыкъ—

„Воротилъ назадъ онъ дани-выходы
„Двѣнадцать лебедей, двѣнадцать *креченей* (Рыбн. I, стр. 206).

Говорилъ Василькошко Казиміровъ князю Владиміру:

„Неси-тко ты дары драгоцѣнные,
„Двѣнадцать лебедей, двѣнадцать *креченей* (Рыбн. I, 149).

Въ ряду соколовъ *кречеты* отличаются значительной величиной большой силой; согнутымъ дугой клювомъ, плюснами—покрытыми двухъ третей длины перьями, и довольно длиннымъ хвостомъ срав-нительно съ крыльями. Ловкость и сила ихъ на охотѣ поразительна. ри появленіи своемъ они облетаютъ пространство охоты, схваты-ютъ одну изъ птицъ и уносятъ съ собой. „Я ни разу не видалъ, мѣчаетъ Бремъ, чтобы они промахнулись". Нѣкоторыя птицы такъ льно боятся своего страшнаго врага *кречета*, что при появленіи) чрезвычайно быстро бросаются на снѣгъ и стараются закопаться немъ; морскіе птицы, при видѣ его, разсыпаются въ разныя сто-ны; кречетъ не щадитъ даже ни зайцевъ, ни бѣлокъ, которыхъ гавляютъ въ покоѣ другіе виды соколовъ.

Кречеты цѣнились очень дорого. По Литовскому Статуту кре-тъ красный стоилъ 6 рублей, бѣлый 5 рублей и сѣрый 3 рубля.

Кречетъ, по всей вѣроятности, общаго корня съ Греческимъ ζειν—кракати и есть слово звукоподражательное—крекотати кре-и (ср. рорекали, рурекати). Звуки кречетовъ приближаются къ ро-танію пѣтуховъ. (Ср. Польск. kreczot, krzeczot, Чеш. raroh). По-му кречета—нѣкоторые сближаютъ съ *крагуй*, accipiter, falco nisus. ѣшеніе *кречета* съ коршуномъ сказывается уже въ глубокой древ-сти *).

Потому же, вѣроятно, кузнечикъ—τέττιξ, издающій ударенiемъ лышекъ *крекотаніе*, однообразный, но пріятный звукъ, въ Злато-устѣ переведенъ *кречетомъ:* кречета же благливаго павла—τέττιγα εὔλαλον παῦλον—cicadam eloquentissimum Paulum (Вост.). Впро-тъ древніе представляли *кречета* поющимъ на уединенныхъ де-

*) Въ переводѣ LXX Еврейское הָאַיָּה кречетъ передано словомъ ἴκτι—vultur (Втор. XIV, 13).

ревьяхъ и кустахъ и потому пользовались имъ для многихъ прекрасныхъ сравненій (Hom. Hes. Plat.). Въ Вопросахъ и Отвѣтахъ Сильвестра и Антонія τέττιξ—передается словомъ щоуръ (Синод. библ. № 129, л. 115).

Въ „Словѣ" *кречетъ* выступаетъ, какъ самая страшная и опасная хищная птица для чужихъ гнѣздъ. Не рождено для обиды храброе гнѣздо Олега ни соколу, ни *кречету*, т. е. не только *соколу*, но и *кречету*—самой страшной и опасной соколиной породѣ. Рѣчь здѣсь конечно символическая: приэтомъ имѣются самые страшные и опасные враги Русской земли.

Ученые издатели и переводчики „Слова", начиная съ Мусина-Пушкина, за исключеніемъ Дубенскаго, не останавливались на словѣ *кречетъ*.

Крилцю (local. dual. neutr. antecedente praepositione **на**) **крильца** (accus. plur.) отъ **крильце**. См. **крилы**.

Крилы, крылы (instrumental. plur. neutr.) отъ **крило**,—πτέρυξ, ala.

Въ Галицкомъ и другихъ Евангеліяхъ XI—XII вв. читаемъ: **якоже събираетъ кокошь птенца, своя подъ крілѣ**—τὰ νοσσία ἑαυτῆς ὑπὸ τὰς πτέρυγας (Мѳ. XXIII, 37). Въ Псалтири XIII в. **ходяи на крилоу вѣтрьнюю**—ἐπὶ τῶν πτερύγων ἀνέμων (Пс. 103, 3); **аще възмоу криле мои рано** (Пс. 138, 9).

Въ Кіевской лѣтописи: „орломъ же... плавающимъ *крилома* своима" (Ип. стр. 183).

Въ пѣсняхъ:

Какъ отрощу я свои *крылья* соколиныя,
Опущусь я, младъ ясень соколъ, ко сырой землѣ. (Пам. великорус. нар. стр. 113).

„Этая бѣлая лебедушка,
„Подымалася отъ синя моря
„На своихъ на *крыльяхъ* лебединыихъ. (Рыб. I, 207).

„Сядятъ тутъ птици клевуціи,
„Не успили птицы крылы такъ расправити. (Рыбн. I, 298).

„Моя дѣвья, дорогая красота—
„Она ростить *крылья лебединыя*
„Улетѣть хочетъ съ моей буйной головы (Чтен. 1870 г. кн. I, стр. 555)

Въ живой народной рѣчи: „*ширять крылья*“ значитъ широко размахивать, распускать ихъ. „*Птичье* крыло состоитъ изъ локтевыхъ костей покрытыхъ *перьемъ*; отсюда въ народной поэзіи выраженіе *крылье-перье*. *Крылатый* вѣтеръ—„порывистый вѣтеръ“. „Молодъ бывалъ, на крыльяхъ леталъ“.

„Соколъ *бѣлокрыльчатый!*
. . . .
„Изволь стать да выступить
. . . .
„Пріоправить *крыльица*,
„Пріуладить перьица. (Тр. Эти. отд. кн. V, стр. 86).

„И золоты да у ей *крыльица* примашутся. (Пр. С. кр.ч. III, 154).
„Кабы *крылышки*, горюшѣ, мнѣ гусиныи
„Да другіи, горюшѣ, лебединыи. (ib. ч. I, 112).

Въ „Словѣ“: дружину... птицъ *крилы* пріодѣ т.-е. птица покрыла *крыльемъ*. „Уже соколома *крильца* припѣшали т.-е. соколамъ подрубили крылышка“.

Дѣва-обида... въсплескала лебедиными *крылы* на синѣмъ море.

Въ пѣсняхъ дѣвица также рисуется въ образѣ крылатой лебеди:

Соколъ все стадо разогналъ.
Одное лебедушку ухватилъ,
Ахъ, что *лебедушку*—душу,
Златокрыльцату свою. (Ис. Р. П. стр. 48 Смирн. II, 199).

Въ „Описаніи торжествамъ" бывшимъ въ обыкновеніи у Римлянъ (сочиненіи иноземца XVII в.) между прочимъ читаемъ: образъ „*Побѣды*" бысть лѣтущая крылатая дѣца, носяще передъ собою вѣнецъ или ваевую вѣтвь; *крыла* объявлякуть, что счастливые люди не бѣгутъ, а летятъ. Въ костелехъ образъ ей на иные образы поставленъ бѣ. Древле писана бѣ безъ крылъ, а причинилось въ одно время, что громъ у образа того крыла сжегъ, и о томъ нѣкій стихотворецъ пѣлъ, рекоша: Скажи мнѣ, Римъ, и проч.

Вѣтеръ въ „Словѣ" также представляется крылатымъ: „о, вѣтре вѣтрило! Чему мычеши хиновскія стрѣлкы на своею не трудною *крилцю*. Представленіе быстроты движенія вѣтра въ глубочайшей древности сблизило его съ полетомъ птицы. Уже въ поэзіи Семитовъ вѣтеръ является *крылатымъ*: ходяй *на крилу вѣтреню* (Пс. CIII, 3). У Грековъ ἄνεμος и ἀετός, происходя отъ одного корня ἄημι (также и ἄεμος) тѣсно сроднились и взаимно уподобились въ своихъ представленіяхъ. По этому изображеніе вѣтра съ *крыльями* является въ искуствѣ также въ глубокой древности и не только въ памятникахъ языческихъ, но и христіанскихъ. Такъ, на древнемъ бронзовомъ барельефѣ, найденномъ на островѣ Калимнѣ, *Борей* изображенъ *крылатымъ*, съ трубою и въ котурнахъ [1]). Слѣды античнаго искусства отражаются и въ позднѣйшихъ памятникахъ; въ лондонской толковой псалтири 1066 г. вѣтеръ также изображенъ въ образѣ *крылатаго* юноши, въ голубомъ короткомъ хитонѣ, съ длинными рукавами, въ красномъ колпакѣ и такихъ же сапожкахъ, который распустивъ *крылья*, дуетъ въ трубу, направленную на толпу людей, опрокинутыхъ на землю [2]). Изображеніе—вѣтровъ въ образѣ юношей съ крыльями встрѣчаемъ и въ Годуновской Псалтири (1594—1600 г.). Ср. вѣтръ.

Кричатъ (praes. 3 pers. plur. indicat.) отъ **кричати** — издавать громкіе звуки, рычать, производить трескъ, шумъ-гамъ или же вопить неистово, рыдать (ἀλαλάζειν—ejulare). Въ переводныхъ памятникахъ XI—XIV в. встрѣчаемъ этотъ глаголъ не только въ первомъ, но

---

[1]) Gerhard. Arch. Anzeiger. 1855 г. p. 72; гр. Уваровъ. ib. стр. 10).

[2]) Brit. M. Add. № 19, 352; гр. *Уваровъ*: ib. стр. 9).

ъ послѣднемъ значеніи. Въ маріинскомъ Ев. XI в. читаемъ: **и приде въ мъ.. и видѣ. плачѫшта сѧ. і кричѫшта.** Въ Карпин. 1383 г. и во огихъ позднѣйшихъ: **кричаціїа много** —καὶ ἀλαλάζοντας πολλὰ (Марк. 38).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

Свистнули *крикнули* богатырскимъ громкимъ голосомъ.
Отъ свисту и отъ *крику* лѣсъ розстилается (Богат. Слово стр. 22).

Добрыня—

„*Крыкнулъ* голосомъ богатырскимъ. (Рыбн. I, 87).

„Пришелъ-прискакалъ во царь-градъ,
„*Закричалъ* Ильюша во всю голову (Рыбн. I, стр. 91)

„*Закричали* звѣри вси рыкуціи (Рыбн. I, стр. 304).

„*Кричала я-кричала*,
„Милый не слыхалъ. (Тр. Этн. отд. IV, 53).

Въ живой пародной рѣчи глаголъ этотъ бытуетъ въ томъ и друъ значеніи: „*кричатъ* да бранятся словно звонъ стоитъ"; не своимъ юсомъ *кричитъ* т.-е. неистово воетъ, рыдаетъ.

Въ „Словѣ": *крычатъ* тѣлѣгы полунощы—рци лебеди роспужени. мъ-трескъ, звонъ-скрипъ Половецкихъ уподобляется крику испуганъ лебедей, издающихъ дикіе нестройные слухъ раздирающіе звуки.

Въ „Словахъ богатырскихъ встрѣчается подобное же выраженіе.

„*Гремитъ* телѣга ордынская". (Рыбн. I, 80).

У Римъ *кричитъ* подъ саблями Половецкыми, т.-е. неистово воютъ, даютъ, издаютъ отчаянныя вопли.

Кроваты вм. **кровати** (local. sing. fem. antecedente praepoone **на**) **отъ кроватъ**—κράββατος, grabatus. Въ переводныхъ памятниъ XI—XII вв. Греческое κράβατος—передается словомъ **одръ**; такъ Галицкомъ и др. Евангеліяхъ читаемъ: **съвѣсиша одръ** (Марк. II, 4), мі **одръ**—τὸν κράβατον. (ibid. 9) **възѧтъ одръ**—καὶ ἦρεν τὸν κράβατον ан. V, 9, ср. II. 12). Ср. въ Карп. Апостолѣ: Дѣян. IX, 33; V, 15).

52

Въ Кіевской лѣтописи вмѣсто слова *кроватъ*, какъ и въ переводныхъ памятникахъ употребляется слово *одръ*.

И помолившюся ему (Борису), възлеже на *одрѣ* своемъ (Лавр. 1872 стр. 131).

Вземше и (Θеодосія) братья, несоша въ кѣльѣ и положиша на *одрѣ* (ibid. стр. 131).

Слово *кроватъ* въ древне-русскомъ языкѣ имѣло лишь народное, а не литературное употребленіе.

Въ народномъ пѣснотворчествѣ *кроватъ* встрѣчается весьма часто:

Мнѣ пройти было, побѣднушкѣ,
. . . .
Ко тесовой ко *кроваточкѣ*.
. . . .
Погляжу жъ, бѣдна горюмица,
На тесовую *кроваточку*...
. . . .
И тутъ здынула ручку правую
И на тесовую *кроваточку*. (Прич. III, 160—162).

Тутъ я лягу на унылую тесовую *кроваточку* (ib. ч. I, 229).

Что подъ яблоней *кроватъ*,
Подъ зеленой тесова,
Ножки точеныя,
Да позолоченыя. (Тр. Этн. отд. кн. V, стр. 102).

Кроватъ состоитъ обыкновенно изъ двухъ грядокъ—поперечныхъ связей, съ ножками и изъ переплета или настилки досокъ.

Принадлежности ея, по изображеніямъ народной причети, пуховая перинушка, круто складное зголовьице, соболино одѣяльшко...

Кроватъ украшалась разными символическими знаками для обереженія во снѣ отъ нечистой силы и людскаго лиходѣйства. Въ предсвадебную ночь—въ „причитаніяхъ" всегда является *кроватъ* и съ спящей на ней невѣстой всегда связываются мутныя, не добрыя и безпокойныя сновидѣнія.

Въ „Словѣ": „одѣвахьте мя, рече, чръною паполомою, на *кро-ты* тисовѣ". Слово „*кровать*" является здѣсь, какъ одинъ изъ самыхъ евидныхъ признаковъ воздѣйствія живаго народнаго языка на языкъ лова". Вмѣстѣ съ тѣмъ это указываетъ на глубочайшую древность здѣйствія языка греческаго на языкъ народный Русскій.

Кровь (accus. sing. fem.) **кровїю** (instrum. sing.) **крови** (dativ. ıg. antecedente praepositione **по**) отъ **кровь**—αἷμα, sangvis.

Слово это обычно въ самыхъ древнѣйшихъ переводныхъ памят-ıкахъ XI—XII вв. Въ Галицкомъ и др. Евангеліяхъ XI—XII чи-емъ: **уистъ азъ віны юсмь ѿ кръве сего правьднаго**—ἀπὸ τοῦ αἵματος Іѳ. XXVII, 24) **се уаша новыи завѣтъ моею кръвью**—ἐν τῷ αἵματ ›υ. (Лук. XXII, 20). Въ Апостолѣ XII—XIV в. **до крови не проти-стеса** (Евр. XII, 4—7).

Въ повѣсти Флавія: „**и кроволитьє бысть въ ωбоихъ акы рѣка** . 201).

Въ лѣтописяхъ: „не пролейвѣ *крови* хрестьянскы (Ип. стр. 43). жегъше свѣщи, налезоша и (Андрея Боголюбскаго) *по крови*... не изшелъ бѣ *кровію* (Ип. 64). Удивишася небесніи вои, видяще ›овь, проливаему за Христа (ibid. стр. 113). Проліяша *кровь* ихъ, и воду (Лавр. стр. 398). Всеволодъ не хотя видѣти *кровопролитья*). стр. 380); осквернися *кровьми* земля Русска (ib. 77); въ Никон. т. и заяцъ на *кровь* ходитъ (подъ 1216 г.) князь юный утонулъ въ ›ови (подъ 1237 г.).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„Тая змѣя *кровью* пошла,
„Стоялъ у змѣи онъ трои сутки,
„Не могъ онъ *крови* той пережда́ть. (Рыб. I, стр. 66)
„Затекли мои очи ясныя
„Поганою *кровью* татарскою. (ib. 108).

Стрѣла...

„Пала ему въ буйну голову
„Облился онъ *кровью* горячею (Рыбн. I, 200).

Сравн. народныя выраженія: „прибить до *крови*": „Кровь кровью омыть. Война *кровь* любитъ", и т. под.

Въ „Словѣ": „*кровь* поганую проліясте"; звѣри *кровь* полизаша; земля... *кровію* польяна; по *крови* плаваша.

Кровавый (adjectivum) отъ **кровь** αἱματώδης, cruentus.

Значеніе его обусловлено сочетаніями: *кровавою* вина не доста т.-е. напитка, состоящаго изъ крови; на *кровавѣ* травѣ притрепанъ т.-е. на лугу, облитомъ кровью; (ср. кровави брезѣ); *кровавыя* зори, т.-е. багряныя, какъ кровь; *кровавыя* раны, т.-е. глубокія изливающія много крови.

Сравн. въ лѣтописяхъ си бо звѣзда бѣ акы *кровава* (Лавр. 160); бысть знаменіе въ лунѣ: бысть аки *кровава* (Лавр. 499). Сволокоша с него (Василька) сорочку *кроваву* сущу... Чему есте сняли с мене? Да быхъ в той сорочкѣ *кровавѣ* смерть приялъ и сталъ предъ Богомъ? (ib. стр. 252). Въ Ярославовой судной грамотѣ: „*кровавъ* мужъ" (Рус. Дост. II, стр. 32) и т. п. Въ Галицкой лѣтописи: сулнцѣ *кровавѣ* суще 172).

Кромѣ (adverbium sicut praepositio).

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ Греческимъ.

1) ἔξω, extra—внѣ, опричь, исключая. Въ Галицкомъ и другихъ Евангеліяхъ XI—XII вв. читаемъ: **и молаше и мъного, да не послеть ихъ кромѣ страны**—ἵνα μὴ αὐτοὺς ἀποστείλῃ ἔξω τῆς χώρας (Марк. V, 10); **не бъзможьно есть прркоу погыбноути кромѣ ієрлмиа**—ἔξω Ἱερουσ. (Лук. XIII 33).

2) πόρρω, longe—поодаль, въ сторонѣ: **а срдце ихъ кромѣ отстоить ѿ мене**—πόρρω ἀπέχει ἀπ' ἐμοῦ. (Марк. VII, 6).

„Владиміръ Мономахъ" въ своемъ завѣщаніи говоритъ: и миров ъ есмъ сътворилъ Половечьскыми князи безъ одинаго двадцать и при отци и *кромѣ* отца т.-е. безъ отца (Лавр. стр. 241).

А *кромѣ того* же по Роси ѣздя ималъ есмь своима рукама тѣже кони дикии. (ib. стр. 242).

Въ дружинныхъ повѣствованіяхъ: Подъ 1106 г. „И ста Святополкъ своею дружиною, а Давидъ и Олегъ с своею разно, *кромѣ*

ібе; а Давыдь Игоревичь сѣдяше *кромѣ* и не припустяху его к ›бѣ. (ib. стр. 264).

Сынъ ослушливый в погібель будеть, послушливый же *кромѣ* ея ідеть. (ibid. стр. 436).

Въ „Словѣ": тяжко ти головы *кромѣ* плечю: зло ти тѣлу *кромѣ* ›ловы.

Крепостію (instr. sing. fem.) отъ крѣпость — ἰσχύς — virtus, ıла, мощь.

Въ Псалтири XII в. крѣпость дѣлъ своихъ възвѣстить—ἰσχὺν ἔργων ›τοῦ (Пс. CX, 6). Въ Юрьевскомъ, Мстиславомъ, Добриловскомъ и друıхъ Евангеліяхъ XII в. читаемъ: възлюбиши... всѣмъ оумомь твоімь и ıсеѭ крѣпостиѭ твоеѭ—καὶ ἐξ ὅλης τῆς ἰσχύος (Марк. XII, 30, 31; ›. Лук. X, 27). Въ Пандектахъ Антіоха XI в., отъ крѣпости роукы ›оюа азъ исконьчахъся—ἀπὸ τῆς ἰσχύος τῆς χειρός σου. (гл. 85. л. 381 ›.) възвеличися крѣпость его—ἐμεγαλύνθη ἡ ἰσχὺς (Суд V, 13); сильни крѣпостью—δυνατὸς ἐν ἰσχύι (ib. XI, 1). Въ книгѣ Сираха: особ› и облача въ крѣпость—ἐνέδυσεν αὐτοὺς ἰσχὺν (Оп. Син. библ. ч. I ›р. 80).

На дружинномъ языкѣ *крѣпость*, какъ и *мужество*, были выра›еніями храбраго духа; мужество было проявленіемъ геройски, *му›ески*, настроеннаго сердца; *крѣпость* же считалась доблестію того ›е сердца, но подъ воздѣйствіемъ ума и воли: она была стойкостію ›ротивостоять долгое время устремленью ратныхъ. Такъ, въ повѣсти ›лавія читаемъ: они же їоудеи кликахоу противоу кесаревѣ крѣпости . 151),—τῶν δὲ κραυγή τε ἦν πρὸς τὸν παράστημα τοῦ καίσαρος (Lib. , 11, 2); да днвятся послѣдніи народы и славять римскую крѣпость, зане ›ко силенъ и твердъ градъ възяша мышцею своею (л. 239—240).

Въ Лѣтописяхъ читаемъ: полки идяху съ великою *крѣпостію* ›ердьно (Ип. стр. 209). Филя говорилъ: „Русь тщиви суть на брань, ı стерпимъ устремленія ихъ, не стерпими бо суть на долго время ›а сѣчю". Богу же не услышавшю славы его (Ип. стр. 183). Сердце ›е ею (Даніила и Василька) бѣ *крѣпко* на брань и устремлено ›а градъ (Ип. стр. 183); Святополкъ же стояше *крѣпко* и побѣгоша

людье, не стерпяче ратныхъ противленія (Лавр. стр. 213); Владиміръ Волынскій *крѣпостію* бѣ препоясанъ (Ип. стр. 222).

Въ былинахъ:

Все не для красы, для угожества,
А для—ради *крѣпости* богатырскіе (Рыбн. I, 151).

Въ живомъ народномъ языкѣ *крѣпость* означаетъ именно силу, *мощь*, стойкость; непреклонность, несокрушимость. (Ср. выраженіе: *крѣпокъ* на ногахъ, *крѣпокъ* въ словѣ; *крѣпокъ* на бою).

Въ „Словѣ" Игорь стягну умь *крѣпостію* своею, т.-е. *крѣпко-накрѣпко* сталъ на своемъ, утвердился въ своемъ рѣшеніи безповоротно.

Крѣсити (infinitiv.) ἐγεῖραί—vitam reddere, excitare.

Изъ древнихъ переводныхъ памятниковъ слово это встрѣчаемъ въ толкованіи Никиты Ираклійскаго на Григорія Богослова (въ Син. сп. XIV в.), гдѣ **крѣсити** ἐγεῖραι истолковано **въкрѣсити** (№ 117, л. 87 об. Опис. Син. Р. III, стр. 80).

Въ Русскихъ Лѣтописяхъ не разъ встрѣчается это слово. Подъ 945 г. Ольга говоритъ: „уже мнѣ мужа своего *не крѣсити*" (Лавр. стр. 55). Подъ 1015 г. Ярославъ, пославъ к Новгородцемъ рече: уже мнѣ сихъ не *крѣсити* (ibid. стр. 137). Подъ 1151 г. долго плакавъ Изяславъ надъ братомъ своимъ Володиміромъ рече Изяславу Давидовичу: сего нама уже не *крѣсити* (Ип. стр. 64).

Въ живой народной рѣчи—есть пословица: Упрямаго *крѣси*, а онъ въ могилу лезетъ (Даль).

Въ „Словѣ": А Игорева храбраго плъку не кресити—повторено два раза въ видѣ пѣсенной припѣвки. Смыслъ ея тотъ же, что въ Причитаніяхъ: „нѣтъ того на свѣтѣ и не водится, што вѣдь мертвые съ погоста не воротятся" (ср. **карина**).

Слово *кресъ* (solstitium), замѣчаетъ Будиловичъ, находится, вѣроятно, въ этимологическомъ родствѣ съ глаголомъ *крѣсити*, русск. *кресать*—высѣкать огонь огнивомъ изъ кремня *). По изъясненію

---

*) Первобытные Славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ, 1878. стр. 8.

. И. Буслаева *), слово *кремень* — общаго съ ними корня. *Кремень*, ›ворить онъ, можетъ имѣть двойное значеніе; во 1-хъ можетъ означать орудіе, чѣмъ бьютъ и во 2-хъ—предметъ, по которому бьютъ. ъ послѣднемъ случаѣ, какъ по значенію, такъ и по производству, *ремень*, какъ предметъ подлежащій дѣйствію, будетъ соотвѣтствовать ıову *кресъ*, откуда глаголъ *кресити*—высѣкать огонь изъ кремня. *ресъ*, происходя отъ корня χρ ударять, разить, первоначально могъ мѣть значеніе и огня, вызваннаго ударомъ изъ камня или треніемъ зъ дерева, а также и значеніе огня небеснаго свѣтила по связи понятій луча солнечнаго и стрѣлы въ языкахъ и преданіяхъ индо-Европейскихъ. Мѣсяцъ огня и свѣта небеснаго, а равно и праздникъ это› времени именовались *кресомъ*. Въ одномъ Прологѣ *крѣсъ* и *крѣины* употребляются въ значеніи солнечнаго поворота—ἡ τοῦ ἡλίου ›οπή—solstitium. И доселѣ употребляются слова *кресиво* и *кресъ*, акъ остатки древнѣйшаго быта и вѣрованья: *кресиво*—въ значеніи огниво“, а *кресъ*—жизни, здоровья въ выраженіяхъ „быть на *кресу*“ ›лова на *кресу* „согласно съ глаголомъ *вос-кресить*“. Излагая затѣмъ ıифологическія преданія о человѣкѣ и природѣ, онъ замѣчаетъ: глаолъ *воскресить*—не грецизмъ, но происходитъ отъ *крес* не только ›гонь, но и день Ивана купала; *кресати*, *кресити*, откуда *кресникъ* юнь, т.-е. мѣсяцъ огня, и *кресиво* или *кресало*—огниво (ibid. стр. 139).

Отмѣтимъ съ своей стороны нѣсколько относящихся къ данному ıову указаній. Въ толковой псалтири Θеодорита, въ спискѣ XI в., ереводъ коей несомнѣнно относится къ начальному періоду Славянкой письменности, *крѣсъ* употребляется въ значеніи „поворота солнца“.

Въ „Словѣ“ на день рождества Іоанна Предтечи помѣщенномъ ъ Сентябрской Макарьевской Четіи-Минеи, составитель перечисляя удейскіе праздники, говоритъ: а дроугїи послѣ патьдесатницы празникъ д мца егда начатокъ прьвыхъ хлѣбъ приносатъ, еже мню, бываетъ и крѣсъ егда са креститель родилъ.

Татищевъ лѣтописное крѣсити переводилъ глаголомъ „поднять“ Росс. Ист. 37, 95).

---

*) Русскій бытъ и пословицы. Истор. Очер. Рус. Слов. I, стр. 84.

Коуръ—(genet. plur. masc.) ἀλέκτωρ, gallus.

Въ Галицкомъ и др. Ев. XI—XII вв. читаемъ: **и абье коуръ възгласи**—ἀλέκτωρ ἐφώνησεν (Мѳ. XXVI, 74) **и коуръ въспѣтъ** (Мрк. XIV, 68; ср. Лук. XXII, 60; Іоан. XVIII, 27). Въ житіи Іоанна Златоустаго **даже и до коуръ**—ἕως ἀλεκτοροφωνίας πρώτης. Въ Студійскомъ Уставѣ того же вѣка: **почнилють вєрнюю и до коуръ** (Син. сп. № 384. Опис. Син. Р. V, стр. 274). Въ принадлежащемъ намъ сборникѣ XVI в. (№ 101): **отъ куръ же недѣлнаго вєра падетъ на нѣ тма тьма** (л. 44 об.). Греческое ἀλέκτωρ переводилось также словомъ: **кокотъ: кокотъ ходѧ въ кокошєхъ** (Притч. XXX, 31).

Выраженіе „до куръ" въ древности было однимъ изъ суточныхъ терминовъ и соотвѣтствовало поздней ночи. Въ Кіевской лѣтописи подъ 1152 г. читаемъ: Петрови выѣхавшу изъ Галича, и бѣ ему уже вечеръ, и лежа въ Боушевѣ и *яко бысть уже къ куромъ* и пригна дѣтскій изъ града къ Петрови (Ип. 72). Въ Галицкой—подъ 1288: и бысть въ четвергъ на ночь, (Владиміръ Волынскій) поча изнемогати, *и яко бысть къ куромъ*, и позна въ себѣ духъ изнемогающь ко исходу души (Ип. стр. 220). Подъ 1400 г. есть также извѣстіе о смерти тверскаго князя Михаила Александровича „длъгоночи въ *куромашеніе*".

Въ народной поэзіи:

„Прялочку подъ лавочку сама домой пошла
„*Куры* пропѣли, я не думала домой (Рыбн. III, стр. 447).

Относительно названія пѣтуха *куромъ* приведемъ слѣдующее сказаніе: „и далъ есть Богъ ста ангеловъ облачати солнце, и абіе огненніи птици небесныя нарицаемыя финисы и халендріи летаютъ передъ солнцемъ и макаютъ крылѣ свои по девятидесяти кратъ въ акіанстѣй водѣ и кропятъ крилома и погашаютъ солнце, да не попалитъ лучами всего міра.. и огараетъ отъ огня солнечнаго тѣмъ птицамъ крылье и бываютъ голи, аки оскорблени; и паки зайдетъ солнце и тогда купаются птици въ океянстѣй велицѣй рѣцѣ и обновляются паки и оперяютъ крылѣ ихъ. Того ради и петелъ *куромъ* именуется и имѣетъ подъ своима крылома *перо бѣло* онѣхъ птицъ небесныхъ, да егда

йдетъ солнце отъ запада къ востоку, тогда посверблтъ у петела про то; егда двинуть Ангели одежду отъ престола и тогды ся чуетъ петелъ и открывъ главу пробужается, повѣдаетъ онѣмъ птицамъ ебеснымъ сраженіе, и плещетъ петелъ крылома своима и проповѣдетъ мірови воскресеніе (Хроногр. XVII стр. 23).

Отсюда видно, что въ народныхъ представленіяхъ *куръ* являлся однимъ изъ главныхъ дѣятелей въ общей жизни природы и былъ вѣстникомъ дня—или точнѣе ранняго утра, еще до одѣянія солнца въ азу, т.-е. до зари.

Въ Исторической географіи: *Куръ*—Островская волость въ Двинскомъ уѣздѣ (Ист. Акт. II, 403); *Курьи*—деревни (ib. I, 285): *Куръ*—ѣка (Кн. Больш. Черт. 58, 59, 62 и др.); *Куръ*—рѣка въ Ржевскомъ ѣздѣ; *Куръ*—островъ въ Холмскомъ уѣздѣ.

Въ „Словѣ": Всеславъ дорискаше, до куръ Тмутороканя; т.-е. рыская всю ночь волкомъ, раннымъ рано, до пѣтуховъ, добѣгалъ Тмутаракани.

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ выраженіе „до куръ Тмутараканя" перевелъ: до Курска и Тмутараканя".

Малиновскій какъ въ черновыхъ бумагахъ, такъ и въ 1-мъ изданіи удержалъ этотъ переводъ.

Шишковъ: сомнительно, чтобы слова „до куръ Тмутараканя" значили „до Курска и Тмутараканя".

Пожарскій: куръ на Польскомъ языкѣ значитъ пѣтухъ (въ Мониторѣ Варшавскомъ: do kur dzwonili); да сверхъ сего значеніе слова *куръ* объясняетъ старинное Евангеліе, въ коемъ сказано „куръ возгласи" вмѣсто пѣтелъ возгласи.

Грамматинъ: въ просторѣчіи и нынѣ говорится: „до пѣтуховъ", въ пѣтухи"; а въ старину говорили: до куръ, въ куры.

Ердманъ—*куръ* производилъ отъ арабскаго *герьет*—деревня, вообще обитаемое мѣсто и объяснялъ, что князь Всеславъ поспѣшилъ къ окрестнымъ селеніямъ Тмутараканскимъ мимо Херсона.

Снегиревъ *куръ* сближалъ съ словомъ *курень*, что значитъ селеніе.

Вельтманъ въ 1-мъ изданіи: дорыскивалъ Всеславъ не до куръ

53

или пѣтуховъ, какъ нѣкоторые полагали, но до *куръ*, т.-е. до дворовъ до жилищъ. *Куръ* по-Татарски значитъ *поясъ*. Слѣдовательно „до куръ" Тмутараканскихъ значитъ также до границъ. Во 2-мъ изданіи, въ виду обычнаго значенія этого выраженія въ лѣтописяхъ, онъ склонился къ пониманію „до пѣнія пѣтуховъ, до разсвѣта".

Дубенскій: куръ—Тмутараканъ, кажется, одно слово, судя по предлогу *до*, коему, безъ всякаго сомнѣнія, служитъ дополненіемъ слово Тмутараканя. Вѣроятно, слово куръ—также не русское, какъ *блъванъ*, *харалугъ*, *салтани*, *лошадь*. Сравнимъ у Константина Багрянороднаго 1) γῦρα (γῦρος) округъ и 2) κέρας (рогъ)—sinus Ceraticus, заливъ около гавани Константинопольской. Онъ перевелъ „Всеславъ изъ Кіева кинулся на Куръ—Тмутараканъ".

Головинъ, предполагалъ, что въ *куръ*, на мѣстѣ *у*, стояло не *оу*, какъ писалось обыкновенно *у*, а Греческое υ въ видѣ Славянской ижицы ѵ, которая не вѣрно прочтена первыми издателями за куръ же слово Греческое и значитъ: царь, господинъ, владыка. Поэтъ, говоря о Тмутараканѣ, стольномъ градѣ Олега Святославича, называетъ его подобно Царьграду—*господиномъ*-градомъ, *господиномъ* Тмутараканью. Въ старину и Новгородъ называли: „господинъ великій Новгородъ". (Ср. лѣтописныя выраженія: въ се же лѣто иде Леонъ царевичъ на куръ Олексія царя.. умре куръ Олексій Ип. стр. 7, 8 Голов.).

Ѳ. И. Буслаевъ: трудно рѣшить, означаетъ ли здѣсь *куръ* пѣтуха, или же служитъ выраженіемъ Греческаго κύριος.

Погодинъ, по обычаю, повторялъ разнообразныя мнѣнія, не устанавливая твердо ни одного.

Ч—нъ, принимая чтеніе Головина, *куръ* считаетъ здѣсь тождественнымъ по значенію съ словомъ „блъванъ", представляющимъ въ миѳологическомъ смыслѣ олицетвореніе небесной грозы, свѣта.

Куръ—Тмуторокань одно слово. *Куръ*—пѣтухъ въ миѳологіи олицетворяетъ грозу, молнію, свѣтъ, и потому Куръ Тьмутороканъ—былъ ни что иное, какъ идолъ, болвань, посвященный Великому Хорсови—богу солнца. Пѣвецъ вмѣсто Тмуторокани-града употребляетъ имя Тмутороканьскаго болвана, какъ мѣстно-чтимую святыню. Нужно-де читать это мѣсто такъ: „изъ Кіева дорискаше до Кура-Тмуторо-

ая великому Хръсови, влъкомъ путь прирыскаше тому въ Полоцкѣ“.
г. Ч—нъ, придумывая такое толкованіе, не смутился сомнѣніемъ,
гла ли быть у Половцевъ, во владѣніи коихъ находился тогда градъ
уторокань, мѣстная святыня въ честь Хорса, который былъ боже-
юмъ Славянскимъ.

Тихонравовъ Н. С Всеславъ преупреждалъ появленіе солн-
, перерыскивалъ путь ему, т.-е. Хорсови, ибо Хорсъ тоже, что
жь-богъ: до восхода солнца Веславъ уже былъ въ Тмутаракани.

Малышевскій и Прозоровскій—выраженіе „до куръ“ прини-
ютъ въ значеніи суточнаго термина, т.-е. „до пѣтуховъ“.

Педагоги, литераторы, поэты держались въ своихъ переводахъ и
лкованіяхъ разныхъ мнѣній.

Кораблевъ: ясно, что куръ значитъ здѣсь дымъ, курень, жилье.
основаніи этого мѣста г. Спасскій оспаривалъ даже мѣстонахож-
ніе Тмутараканя на островѣ Таманѣ, указывая оное гдѣ-либо около
ева, ибо невозможно было Всеславу изъ Кіева доѣхать менѣе, чѣмъ
ночь, до Тмутараканя и что, слѣдовательно, сей городъ находился
лизи Кіева, а не на Таманѣ.

Алябьевъ: *до разсвѣта* онъ изъ Кіевъ въ Тмутаракань доры-
ивалъ.

Бицинъ и Скульскій опустили это выраженіе въ своихъ пе-
водахъ.

Мей: слова подлинника „до куръ Тмутараканя“ полагаю воз-
жнымъ перевести „Тмутараканскими куренями“ выраженіемъ, при-
едшимъ къ намъ съ того же юга, гдѣ была Тмутаракань.

Майковъ перевелъ: Всеславъ поспѣвалъ въ Тмутаракань къ
азсвѣту.

Курьска (genet. sing. masc. antecedente praepositione у).

Городъ *Курскъ* въ 488 верстахъ къ югу отъ Москвы, на кру-
мъ и высокомъ берегу р. Тускори, при впаденіи въ нее ручья
ура, раздѣляющаго городъ на двѣ части. Изъ житія преп. Ѳеодосія
ечерскаго видно, что Курскъ существовалъ уже въ 1032 году.
ъ Лѣтописяхъ *Курскъ* впервые является подъ 1095 г. когда вла-

дѣлъ имъ Изяславъ, сынъ Мономаховъ — въ се же время приде Изяславъ, сынь Володимерь ис *Курска* к Мурому (Лавр. стр. 221); за тѣмъ подъ 1096 г. Владиміръ Мономахъ въ завѣщаніи дѣтямъ разсказываетъ: первое к Ростову идохъ сквозѣ Вятичи, посла мя отець, а самъ иде *Курьску* (ib. стр. 238); подъ 1127 г.: въ тоже лѣто посла князь Мстиславъ братью свою на Кривичѣ, четырми пути... и сына своего Изяслава ис *Курьска* (ib. стр. 283); подъ 1139 г.: и тогда Всеславъ, приведъ брата ис *Курьска* Святослава, и иде с нимъ Переяславлю, на Андрѣя.. и Андрей тако рече сдумавъ с дружиною своею: лѣплѣе ми того смерть на своей отчизнѣ и на дѣднѣ, нежели Курьское княженье; отець мой *Курьскѣ* не сѣдѣлъ, но въ Переяславли (ib. стр. 291—292). До покоренія Руси Монголами, Курскъ переходилъ во владѣніе то къ князьямъ Черниговскимъ, то къ князьямъ Переяславскимъ и много терпѣлъ отъ усобицъ князей и набѣговъ Половецкихъ. Во время похода Игорева въ Курскѣ сидѣлъ Всеволодъ Ольговичъ, братъ Святослава III, грознаго Кіевскаго. Въ XIII в. Курскъ разоренъ былъ до основанія. При возведеніи укрѣпленій на южныхъ границахъ Россіи въ 1586 г. укрѣпленъ былъ и Курскъ, при чемъ переселены были сюда жители изъ Орла, Мценска и др. городовъ. Съ этого времени Курскъ несъ сторожевую службу и испытывалъ на себѣ бѣдствія неурядицъ смутнаго времени (1612 г.), то отъ Крымцевъ (1600, 1615, 1645 гг.), то отъ Поляковъ (1634 г.). Въ 1708 г. Курскъ былъ приписанъ къ Кіеву, а съ 1779 г. состоитъ губернскимъ городомъ.

Въ Кіевской Лѣтописи, при описаніи похода Игорева, говорится, что Игорь, перебредя Донецъ, пришелъ къ Осколу, и жда два дни брата своего Всеволода, тотъ бяшетъ шелъ инымъ путемъ изъ *Курьска*.

Въ „Словѣ" Всеволодъ заявляетъ Игорю, что борзые его кони готовы, осѣдляни *у Курьска* напереди. Свою Курскую дружину Всеволодъ называетъ *Курянами*: а мои ти *Куряни* свѣдоми къмети. Слово „*Куряне*" въ Лѣтописяхъ встрѣчается подъ 1223 г. въ описаніи Татарскаго нашествія (Лавр. стр. 479)*).

---

*) Курскіе дворяне, во время Польскаго мятежа въ 1830—31 г. явили героизмъ, одушевлявшій Курскую дружину въ XII в. на свои средства и выди-

КЪ, КО (praepositione, construitue cum genetivo).

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ онъ отвѣчаетъ Греческому πρὸς, ad.

Въ лѣтописяхъ: *къ* женѣ (Лавр. стр. 86); другъ *къ* другу (ib. 88); сла *ко* граду (ib. 466).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ: *къ* дубову столу (Прич. С. Кр. I, стр. 32); *къ* красну солнышку; *къ* свѣтлу мѣсяцу (ib. 33).

Въ „Словѣ“: рече *къ* дружинѣ; *ко* святѣй Софіи *къ* Кіеву.

КЪМЕТИ (nomin. plur. masc.) отъ **КЪМЕТЪ**.

Слово это и по формѣ своего образованія и по своему перво-чальному значенію, видимо, стоитъ въ связи съ Греческимъ κωμήτης гъ κώμη—село, деревня—въ противоположномъ—πόλις) поселянинъ, ітель деревни. Съ такимъ значеніемъ слово это бытуетъ донынѣ въ івомъ употребленіи. Не только у южныхъ Славянъ, но и у насъ въ ссіи *кметь*—крестьянинъ.

На воинскомъ языкѣ *кметами* назывались и дружины, вѣроятно рвоначально земскіе, обязанные являться на службу съ конемъ и оруженіемъ; затѣмъ это названіе было усвоено конницей, жившей ѣ городовъ для удобствъ пропитанія коней.

Въ одномъ изъ принадлежащихъ намъ Хронографовъ XV—XVI в. иложенномъ къ Библейскимъ книгамъ, въ статьѣ: „црство ма юнѣ“ читаемъ: ѡдолѣвъ (маліонъ) того кринарнга... и къстъкнв ихъ его на копіе и множество его комитъ посѣкъ (л. 51). Въ Исто-ческомъ Сборникѣ XV в., принадлежащемъ Московскому Главному

іе они составили особый „*Козачій полкъ*“, давъ ему названіе: „*полка вър-ихъ Курянъ*“ и усвоивъ ему мундиръ цвѣта Курскаго герба, т.-е. голубаго. а самоотверженная готовность Курскаго дворянства стать головою за един-ю и цѣлость Русской земли, охватила тѣмъ же одушевленіемъ всю Курскую берніо, принести всѣ возможныя жертвы на олтарь отечества, кои состояли: изъ личнаго участія дворянъ въ службѣ, 2) изъ пожертвованія имуществомъ, изъ представленія крѣпостныхъ людей ратниками козачьяго полка и 4) изъ ставки годныхъ къ службѣ коней на собственный счетъ. Какъ разительно въ онъ одушевленіи сказались древніе Куряне, упоминаемые въ „Словѣ“: И рече й-туръ Всеволодъ: *а мои ти Куряне* (Моск. Вѣд. 1888 г., № 361).

Архиву Мин. Ин. Дѣлъ, слово *„кметъ"* соотвѣтствуетъ Греческому: συγκλητικός, т. е. тому же слову, которое въ другихъ памятникахъ переводилось словами БЫЛЬ и БОЛѦРИНЪ. Здѣсь встрѣчаемъ выраженіе: БЛОѴДНИКІЮ СЪ БОЛѦРИНОМЪ КМЕТОМЪ—συγκλητικοῦ. Въ „Дѣяніи Девгеніевомъ", въ повѣсти приложенной вмѣстѣ съ „Словомъ" къ Пушкинскому Хронографу, также являются *кмети:* А въ шатеръ во единъ многія тысящи вмѣщаются сильныхъ и храбрыхъ *кметей*.. а иныи многія шатры стоятъ, а въ нихъ пребываютъ многія *кмети* сильнія и храбріи суть; Амиръ царь говоритъ здѣсь: братія моя *сильніи кмети* (Пыпинъ, въ Очерк. ст. Рус. пов., стр. 318—319, 322). Карамзинъ замѣтилъ, что подъ „кметями" разумѣются здѣсь *слуги* (И. Г. Р. ч. III, прим. 272).

Въ нашихъ лѣтописяхъ не разъ упоминаются *кмети.*

Такъ, подъ 1074 г.: нѣмецкіе послы, коимъ Святославъ, величаясь богатствомъ, показывалъ золото, серебро и паволоки, говорятъ ему: „сего суть *кметье* луче: мужи бо ся доищютъ и болше сего" (Лавр. стр. 192).

Подъ 1096 г.: Владиміръ Мономахъ, въ своемъ посланіи говоритъ: а самы князи Богъ живы въ руцѣ дава: Коксусь с сыномъ Акланъ... *и иныхъ кметий молодыхъ* 15-ть (Лавр. 242).

Подъ 1150 г.: Угре на фарехъ и на скокахъ играхуть, на Ярославли дворѣ, многое множество. Кіяне же дивляхутся Угромъ множеству *кметьства* ихъ и *комонемъ* ихъ (Ипат. стр. 56).

Подъ 1187 г. въ лѣтописи Новгородской также читаемъ: въ то же время избьени быша Печерьскѣи даньники и Югърьскіи въ Печерѣ, а друзіи за волокомъ: и паде головъ о стѣ *къметства* (I Новг. стр. 19).

Какого бы происхожденія ни было это слово, замѣчаетъ Академикъ Срезневскій, оно такъ обще всѣмъ Славянамъ, гдѣ бывши, гдѣ и оставшись обычнымъ, что домогаться доказательствъ, что оно перешло отъ однихъ Славянъ къ другимъ, едва ли можно съ успѣхомъ. И легче и, кажется, полезнѣе собирать данныя объ оттѣнкахъ значенія этого слова у разныхъ Славянъ въ разное время. Къ числу такихъ данныхъ, указывающихъ на его употребленіе не только сѣверозападными, но и южными Славянами, прибавлено нѣсколько указаній

ъ этомъ словѣ у Болгаръ въ пѣсняхъ: Че ще бати да ти за сел-
ю то копиле за кметско, че ся събрали сички тѣ селяне попове и
метове (Безсон. 102, 103). Замѣчан. на Гедеонова, стр. 22).

Соображая всѣ приведенныя данныя, мы приходимъ къ заключе-
ію, что кметами первоначально назывались зажиточные однодворцы
затѣмъ дворяне, являвшіеся съ конемъ и оружіемъ на боевую
лужбу. У насъ, въ XII вѣкѣ, названіе это принадлежало мужамъ-
ружинникамъ, входившимъ въ составъ Кіевскаго боярства и соста-
лявшимъ лучшую часть войска, княжескую конницу. Въ „Словѣ"
охранилась для насъ прекрасная, неподражаемая характеристика
ного кметства въ лицѣ Курской дружины Всеволода.

Первые издатели: не поняли этого слова и напечатали раздѣль-
о *къ мети*.

Мусинъ-Пушкинъ перевелъ: а мои Куряне *въ цѣль стрѣлять*
оволько свѣдомы.

Малиновскій въ черновомъ переводѣ: мои Курчане искусны
цѣль стрѣлять (въ 1-мъ изданіи—*въ цѣль стрѣлять* знающи).

Также понимали это выраженіе и первые комментаторы Шиш-
овъ и Пожарскій.

Грамматинъ первый *къ мети* сталъ читать слитно, какъ одно
юво (къмети), и принималъ въ значеніи: искусные всадники.

Снегиревъ замѣтилъ, что kmetie—значитъ царскіе совѣтники,
таршины, слуги. Во всей малороссіи, польской украйнѣ и волыніи
кметъ означаетъ исправнаго хозяина или зажиточнаго крестьянина,
ю затѣмъ повторялъ и Погодинъ.

Вельтманъ въ 1-мъ изд.: *кметъ* значитъ главный начальникъ,
тароста. Въ Сербіи по сіе время есть кметы. „У сваком селу имају по
а, по три кмета". Во 2-мъ изд. *Кметъ* у западныхъ Славянъ значитъ
обственно осѣдлый селянинъ, имѣющій дворъ, однодворецъ. Изъ ко-
оньства, составлявшаго на западѣ дружину княжескую comitatus—
бразовались дворяне княжескія—dworani.

Дубенскій: *Кметь, кмети* въ Судѣ Любуши—судьи, сановники;
Иллирическихъ Славянъ *кметь*—слуга, въ Краледвор. рукоп. *кмети*—
селяне: netuzte, kmetie, netuzte, т.-е. не тужите сельскіе жители,
э тужите!

Тихонравовъ: *къметъ* дружинникъ, воинъ.

Макушевъ: Вооруженіе *кметовъ* напоминаетъ вооруженіе 12-ти земскихъ кметовъ чешскихъ воиновъ въ пѣсняхъ Забой и Славой и Честьмиръ и Владиславъ.

Миллеръ Вс.: можно думать, что слово *кметъ* имѣло въ древне-русскомъ языкѣ такое же почетное названіе, какъ позднѣйшее тоже иноземное, *лыцарь* у Запорожскихъ козаковъ.

Прозоровскій: слово „*кмети*" означаетъ здѣсь *хорошихъ* воиновъ

Погосскій: *кмети*—народъ бывалой.

Малашевъ: опытные воины.

Алябьевъ: бывалые воины.

Павловъ (Бицинъ) и Скульскій: чѣмъ не молодцы славяне.

Мей: конники бывалые.

Гербель: *удалые* куряне.

Майковъ А.: мои куряне ль не смышлены.

Я.

Лады, (genet. sing. fem.) ладу, (accus. sing.) ладѣ, (dativ. sing.) ладъ (genet. plur.) отъ лада—выраженіе эпическое. Въ Русскихъ народныхъ пѣсняхъ оно служитъ ласкательнымъ эпитетомъ не только жены, но и мужа, въ значеніи задушевнаго единомышленнаго друга.

О женѣ или дѣвицѣ:

„Кабы зналъ, что тутъ милой *ладѣ* спать.

О мужѣ

Въ погребальныхъ плачахъ:

„Ты приди-тко, *лада* милая,
„Ты во мнѣ горюкѣ бѣдною,
„На совѣтъ на думу крѣпкую,
„Какъ устроивать малыхъ дѣтушекъ,
„Ихъ учить да уму-разуму.

Въ плачахъ завоенныхъ:

„Умоленая *лада* милая,
„*Лада* милая любимая,
„Провожаю тебя, горюшица,
„Во солдаты новобраные.

. . . .

„Ты послушай, *лада* милая,
„Станешь жить, *лада* любимая,
„На чужой на дальней сторонѣ,
„На злодѣйкѣ незнакомоей.

. . . .

„Такъ ты послушай, *лада* милая,
„*Лада* милая любимая.
„Тамъ ты подумай, *лада* милая:
„Не кукушечка кукуетъ горегорькая,
„Горюетъ-то твоя да молодà жена (ч. II, стр. 89).

Въ древнихъ переводныхъ памятникахъ встрѣчаемъ одного корня прилагательное ладьнъ согласный, дружественный. Въ толкованіяхъ Никиты Ираклійскаго на Григорія Богослова (Син. сп. XIV в. № 117), читаемъ: ладна бо бѣста (Орестъ и Пиладъ) и тѣлô и мдртью (л. 152). Въ народныхъ сказкахъ употребленіе словъ: *ладо* и *лада* обычно: дали вы мнѣ *ладо* понаровное и не дали вы мнѣ с нею пожить отъ младости и до старости (Бова Королевичъ).

Извѣстная обрядовая пѣсня въ честь весны: А мы просо сѣяли, сѣяли, съ припѣвомъ *о Дидъ-Ладо*, повидимому, указываетъ на миѳологическое значеніе этого имени (Ср. пословицы: „*Ладъ* тя возми". „Гдѣ у *Ладовъ*"; у меня *ладо*—змѣя скороспѣя). *Ладами*, повидимому, въ языческую эпоху назывались божества семейнаго счастія, кои созданы были домашнимъ культомъ и были ничто иное, какъ обожествленые предки, съ того свѣта благословлявшіе браки, на что указываетъ самое имя—*Дидъ-Ладо*. Въ христіанскую эпоху эти божества, какъ и всѣ другія, получили характеръ темныхъ, нечистыхъ силъ и самыя имена ихъ, какъ архаическія остатки былаго язычества, удержались лишь въ пѣсняхъ и играхъ.

Мусинъ-Пушкинъ и Малиновскій угадывали значеніе слова *лада* и переводили его или словомъ—*любезный* или словомъ *милый*.

Пожарскій переводилъ его словомъ *другъ*.

Грамматинъ первый указалъ на употребленіе слова въ народныхъ пѣсняхъ.

Бутковъ придумалъ особое объясненіе. Прямое значеніе слова *лада* одинаково съ словомъ *влада*, *владца*, которое на Иллирійскомъ, Сербскомъ и Польскомъ языкахъ значитъ *власть* и которое въ имени *Владиславъ* не рѣдко произносимо и писано было *Ладиславъ*. Посему *ладо* есть тоже, что *владыко*; а у предковъ нашихъ и подлинно мужья были господа своихъ женъ, которые, по Ярославой Правдѣ, составляли ихъ собственность.

Въ „Словѣ" это выраженіе является въ плачѣ женъ дружинниковъ: „уже намъ своихъ милыхъ *ладъ* ни мыслію смыслити, на думою умати" и въ плачѣ Ярославны въ обращеніи къ вѣтру: чему мычеши.. рѣлкы на на моея *лады* вои; въ обращеніи къ Днѣпру: вызлелѣй, сподине, *мою ладу* къ мнѣ и въ обращеніи къ солнцу: чему, госдине простре горячюю свою лучю на *ладѣ* вои? Такое употребле- е *лада* въ мѣстахъ, выражающихъ плачущую поэзію, ясно указываъ, что авторъ *„Слова"* находился подъ воздѣйствіемъ народнаго сснотворчества.

Латинскими (instrum. plur. masc.) отъ **латинскый.**

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ XI—XII вв. латинıы соотвѣтствуетъ Греческому:—ῥωμαϊστί, latine. Замѣна здѣсь *Лаинскы* словомъ *Римскы* появлась не ранѣе XIV в. Въ Евангеліяхъ лицкомъ 1144 г., Добриловскомъ 1164 г., Мстиславовомъ и др. таемъ: **бѣ написано: еврейскы грьчьскы латинскы**—ῥωμαϊστί (Іоан. IX, 20).

Въ повѣсти Флавія не только указывается, что подъ Латинами зумѣлись у насъ—итальянцы и вообще иноплеменники западной ры, но и выражается взглядъ на нихъ, какъ на сѣверныхъ: **Прїимше дары италиине, реченаа латина, похвалоу писаша** (Ироду) **ω типатрѣ** (л. 22 об.). **Таце бо соуть латина текоуть на мъздоиманїе. клатвоу свою престоупать дара дѣла. и въ клеветѣ не творать грѣха ющие како рѣчью молвихомъ, а сами не оубихомъ. иначе ωкаанїи; ю той есть оубїица, иже роукою оубїетъ. клевета же и соуда и по учение на дроуга—не оубїйстко. аще быша разоумѣли законъ бжїи. евле быхъ показалъ имъ, что есть оуко ино ωбаче иноплеменницы уть. а наше оученїе не прикасаетса имъ** (л. 23, на Греч. нѣтъ).

Въ Лѣтописяхъ слово *Латины* впервые упоминается подъ 898 г., разсказѣ о „Пилатникахъ", кои, противодѣйствуя славянскимъ просвѣтителямъ Кириллу и Меѳодію, утверждали: яко не достоитъ ни которому же языку имѣти букъвъ своихъ развѣ Еврей и Грекъ и *Латинъ* (Лавр. 26).

Затѣмъ подъ 988 г. въ епископскомъ наставленіи ново-крещенному князю Владиміру: не преимай же ученія отъ *Латинъ*, ихъ же ученіе развращено (ib. стр. 112).

Подъ 1175 г. при описаніи убіенія Андрея Боголюбскаго: иногда бо аче и гость приходилъ изъ царя города... и аче *Латинникъ* (Ипат. стр. 115).

Въ томъ же году Ярославъ Изяславичъ Луцкій, возвратившись въ Кіевъ, за предательство Святославу, попрода весь Кыевъ и между прочимъ „*Латину*“ (Лавр. стр. 348).

Въ Патерикѣ Печерскомъ пишется: оставивъ латинскоую вѣсть (л. 81 об.).

Латинами, замѣчаетъ Карамзинъ, назывались у насъ Поляки, Венгерцы, Богемцы и др. Съ XIII в. слова: *латина*, *латиненинъ*, *латинескый*, какъ видно, изъ Мстиславовой грамоты 1228 г. стали употребляться вообще вмѣсто: *нѣмецъ*, *нѣмецкый* (Собр. Госуд. Гр. и Догов. ч. II, № 5).

Въ народной поэзіи также встрѣчаемъ прилагательное—*латинскій*:

Заперта была земля *Латинская*, (Рыбн. I, 46).

Самъ говоритъ таково слово:

Спасибо, голи *Латинскія* (Рыбн. I, 47).

„Молодцы на коняхъ одноличныя,
„Кони подъ ними однокаріе,
„Жеребцы все *латынскіе* (Рыбн. III, стр. 123).

Въ "Словѣ" подъ шеломы *Латинскими*, т.-е. подъ шлемами обычными у западныхъ иноплеменныхъ и иновѣрныхъ народовъ.

ЛЕБЕДИ (nomin. plur. fem.) ЛЕБЕДИ (accus. plur.) отъ ЛЕБЕДЬ— κύκνος, cygnus.

Въ Шестидневѣ Іоанна экзарха Болгарскаго читаемъ: птици же лебединии высоуе парать, νεοσσοὶ δὲ γυπῶν (Опис. Син. биб. II, стр. 28

Изъ русскихъ памятниковъ *лебедь* встрѣчаемъ въ Судной Ярославой грамотѣ, гдѣ значится „за *лебедь*“ 30 кунъ (Русс. Дост. ч. II, стр. 61).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ лебедь является весьма часто.

Въ пѣсняхъ:

. . . .
Станетъ рѣчи говорить,
Точно *лебедь* прокричитъ.
. . . . (Шеин. Р. П. стр. 437).

Тутъ бѣлая *лебедушка* жалко воскликнула,
Милосердна наша государыня жалко воскликнула (Кир. в. VIII, стр. 278).

Какъ повѣютъ вѣтры буйные,
Пойдутъ воздухи по погребамъ,
Такъ загочутъ бочки, будто *лебеди*
Будто лебеди на тихіихъ на заводяхъ (Рыбн. I, 282).

Лебедь (Cygnus), *лебедь* кликунъ (Cygnus musicus). Тѣло вынутое, шея очень длинная; голова средней величины; клювъ пря-ой, закругленный спереди, оканчивающійся кругловатымъ ногтемъ; іереніе чрезвычайно богатое; мелкое опереніе очень густое, мягкое безъ блеска; опереніе головы и шеи бархатистое, а нижней сторо-і толстое и мѣховидное, на верхней сторонѣ крупно-перое и по-юду богатое пухомъ.

Въ ихъ нравахъ сказывается сознаніе собственнаго достоинства, въ тоже время имъ свойственна радость и любовь къ одиночеству. кота за ними требуетъ величайшей осторожности и опытности вслѣд-віе ихъ крайней робости и недовѣрчивости. Онѣ очень пугливы—и пуганные издаютъ особые рѣзкіе и оглушительные звуки.

Три наиболѣе характерныя черты этой птицы отражаются въ разахъ „*Слова*".

Во 1-хъ, лебединое пѣніе. Боянову игру на струнахъ авторъ авниваетъ съ лебединымъ пѣніемъ, проводя въ своемъ сравненіи ту исль, что каждая струна подъ его вѣщими перстами рокотала славу, пѣвала, словно лучшая лебедь—избранница сокола (см. *вѣщій*). Поиу *лебедь* какъ въ нашемъ „Словѣ", такъ и въ поэзіи классическаго ра, является символомъ задѣвающаго за душу трогательнаго пѣнія,

это объясняется особенностію лебединыхъ звуковъ, въ силу коей онѣ носятъ характеръ *говорливости* и *плачевности*; есть пословица, что „лебеди разговоръ держатъ". Каждая лебедь издаетъ обыкновенно лишь по два звука одинъ повыше, другой пониже и послабѣе. Въ стадѣ онѣ какъ бы наблюдаютъ очередь и звуки раздаются однообразно съ равными промежутками, что отзывается хоровымъ пѣніемъ похожимъ на погребальные плачи. Поэзія и саги, говоритъ Брэмъ, съ глубочайшей древности прославляютъ лебединое пѣніе. Самое прозваніе лебедя кликуна Cygnus *musicus* указываетъ на эту его особенность. *Науманъ* передаетъ весьма правильно обыкновенный крикъ этого лебедя слогами: „*килл-клїї*", а болѣе нѣжный звукъ слогомъ: *ан*. Подробнѣе объ этомъ говоритъ *Шиллингъ*: Лебедь-кликунъ восхищаетъ наблюдателя не только своими красивыми формами, внимательностію и умомъ, которые выражаются въ его манерѣ двигать головою и держать тѣло, но также своими громкими разнообразными и чистыми звуками, которыя онъ издаетъ при всякомъ случаѣ: какъ зовъ, предостереженіе, или, соединившись большими стадами для собственнаго удовольствія. Когда въ случаѣ сильнаго мороза, вода озеръ всюду покроется льдомъ и любимыя мелководы лебедей закрываются отъ нихъ льдомъ, то эти великолѣпныя птицы собираются сотнями на не замерзшей еще поверхности воды и оплакиваютъ своими грустными криками постигшее ихъ несчастіе, не имѣя возможности достать изъ глубины необходимую пищу. Поющіе призывы лебедей можно сравнить то со звуками колокола, то со звуками духовыхъ инструментовъ; однако они не похожи ни на тѣ, ни на другіе и значительно лучше ихъ во многихъ отношеніяхъ, именно потому, что исходятъ изъ живыхъ существъ и гораздо ближе нашимъ чувствамъ, чѣмъ звуки мертваго металла; это своеобразное пѣніе въ самомъ дѣлѣ оправдываетъ разсказъ о послѣдней пѣсни лебедя, принимаемый обыкновенно за сказку (*Брэмъ*: Иллюстр. жизн. живот. ч. II, стр. 224).

Во 2-хъ—крикъ испуганныхъ лебедей. Кромѣ лебедей поющихъ (кликуновъ) есть особый родъ лебедей, извѣстныхъ подъ именемъ шипуновъ, которыя не издаютъ звуковъ, похожихъ на пѣніе, но шипятъ и кричатъ неистовымъ крикомъ, тотъ и другой родъ лебедей живутъ особыми стаями. Въ испугѣ ночью—шипуны издаютъ нестройные, ди-

кіе и раздирающіе звуки. Съ крикомъ этихъ именно лебедей авторъ „Слова" сравниваетъ скрипъ и шумъ несмазанныхъ Половецкихъ телѣгъ: „крычать тѣлѣгы полунощи, рци лебеди распужени".

Въ 3-хъ—общую черту лебедей составляетъ ихъ высокое пареніе по поднебесью. Черта эта подмѣчена въ глубокой древности и ясно выражается въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ: лебедь въ высокихъ полетахъ не уступаетъ даже соколу.

„Летаетъ соколичекъ, лéталъ высоко;
„Бѣлая *лебедушка* пó—выше его.

Лебеди, какъ видно изъ „Слова" наравнѣ съ гусями, были предметомъ княжей охоты въ Кіевской Руси и составляли любимое купанье. „Игорь полетѣ соколомъ подъ мьглами, избивая гуси и *лебеди* завтроку, обѣду и ужинѣ". Тоже самое было, какъ видно изъ былинъ, въ московской Руси XVI в.

Говоритъ царь Иванъ Васильевичъ:

„Садись, Кострюкъ за столъ,
„Хлѣба соли откушати,
„*Бѣлы лебеди порушати* (Рыбн. I, стр. 404).

Лебедиными (instrum. plur. neutr.) отъ **лебединый**.

Представленіе обиды въ образѣ дѣвы, неволъно вызвало въ душѣ автора и образъ лебеди—такъ какъ „бѣлая лебедушка да молодая молодушка" (Тр. Этногр. Отд. кн. V, стр. 106), въ народномъ пѣснотворчествѣ выраженія тождественныя; по представленію автора, эта дѣва обернулась въ лебедь и плавала по синему морю—но то была не лебедь бѣлая, а злая судьбина, дѣва бѣдъ и золъ человѣческихъ.

Любопытно, что самое *перо лебединое*—по отношенію къ красной дѣвицѣ создало слѣдующій образъ; мы бы сказали о грамотной дѣвицѣ, что она „*умѣетъ читать и писать*".

Народная же пѣсня говоритъ:

Твоя буйная головушка
Въ грамоту поучена,
Прибита рука правая

Къ перу лебединому;
Присмотрѣны очи ясныя
Къ скорописчатой грамотѣ (ibid.).

Лежатъ (praes. 3 pers. plur. indicat.) отъ **лежати** — κεῖσθαι, jacere.

Въ Галицкомъ и др. Евангеліяхъ XI—XII в. читаемъ: **оуже и сѣкыра прї корені древа лежить**—πρὸς τὴν ῥίζαν τῶν δένδρων κεῖται (Мө. III, 10) **се лежїть сь на паданье и на въстанье**—ἰδοὺ οὗτος κεῖται (Лук. II, 34) **иже лежаше прї вратѣхъ**—ὃς ἐβέβλητο (ib. XVI, 20).

Въ повѣсти Флавія: **оуниміа всѣхъ лежащихъ** (л. 140 об.).

Въ лѣтописяхъ подъ 1175 г. читаемъ: а князь нагъ *лежить* (Ип. стр. 114). И рече (Игуменъ Арсеній) долго сему князю *лежати*? (Ип. стр. 115).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„Много примѣчено удáлыхъ добрыхъ мóлодцевъ,
„Много *лежитъ* буйныхъ головушекъ (Рыбн. I, стр. 273).

„Не стало Добрыни Никитича во живности;
„Буйной головой *лежитъ* онъ во ракитовомъ кусту,
„А рѣзвыми ножками во ковыль травѣ (ib. I, 86).

Въ живой народной рѣчи:

„*Лежитъ* словно камень, не ворохнется.

Въ „Словѣ": „тамо *лежатъ* поганыя головы Половецкыя", т.-е. валются на землѣ потоптанные Половцы (см. **голова**).

Лелѣютъ (praes. 3 pers. plur. indicat.) **лелѣючи** gerund. pro **лелѣюще**) **лелѣявшю** (ger. perf. dat. sing. masc.) **лелѣялъ еси** (descriptional. perf. 2 pers. sing. indicat.) отъ **лелѣяти** —τιθηνεῖν, permulcere, fovere, ut nutriux, заботиться, какъ кормилица, холить ласкать.

Въ древнемъ переводѣ Сираха читаемъ: **лѣлѣи дитя** —τιθήνησον τέκνον (Сир. XXX, 9).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„Какъ не долго синю морю *лелѣявати* (Рыбн. III, 452).

Разлилась, *разлелѣялась*,
По лугамъ вода вёшная;
Унесло, *улелѣяло*
Чадо милое—дочь отъ матери (Сахар. Сказ. р. н. 1, стр. 142).

Не утрення ли заря породила молодца?
Не красное ли солнышко вспоило-вскормило?
Не ясный ли мѣсяцъ *вылелѣялъ* его? (Тр. Этн. отд. кн. V, стр. 149).

Когда же мелки звѣзды *взлелѣютъ* молодца?
Возлелѣютъ молодца да родны сестрицы. (ib. стр. 150).

„Меня мать родила,
„*Возлелѣяла* чужая сторона
„Воскачала легка лодочка. (ib. кн. IV, ч. I).

Лелѣяти колыбать, качать, отъ корня *ли*, общаго съ словомъ *ольска*, зыбка. Но какъ качаніе дитятати совершается не только въ ыбкѣ, но и на рукахъ, то и выраженіе „*лелѣять*“ получило болѣе ирокое значеніе: *нянчить*, *холить*. Качаніе ребенка въ ыбкѣ или на рукахъ сопровождается припѣваніемъ, а потому и *лелѣять* значитъ еще *байкать*, *убаюкивать*, пѣть пѣсни подъ ладъ коыханій, люлькать.

Всѣ эти оттѣнки значенія *лелѣяти* отражаются и въ оборотахъ Слова“. Обращаясь къ вѣтру Ярославна говоритъ: „мало ли ти бяеть горъ подъ облакы вѣяти, *лелѣючи* корабли на синѣ морѣ? Обраясь ко Днѣпру, умоляетъ: „Ты *лелѣялъ* еси на себѣ Святославли осады, *възлелѣй*, Господине, мою ладу къ мнѣ“. Или Игорь, въ беѣдѣ съ Донцемъ, выговариваетъ: „о Донче не мало ти величія *лелѣявшу* князя на влънахъ“. Во всѣхъ этихъ случаяхъ глаголъ *лелѣять* приближается къ коренному своему значенію: *колыбать*, *колыхать*, *качать*, словно въ зыбкѣ.

Болѣе широкій смыслъ получаетъ это слово въ выраж... шеломы *възлелѣяни*". Здѣсь оно значитъ, выняньч... ботливо выращены. Предлогъ *въз* указываетъ на ... воспитанія, холенья и няньченія. Рано, съ 10 лѣтъ, ... никовъ на поле брани. Рано ихъ дѣтскія головки ... себѣ тяжелые шлемы.

Еще болѣе широкій оттѣнокъ значенія получаетъ ... выраженіи: „*лелѣютъ* месть Шароканю. Здѣсь оно ... значенію *байкать*, припѣвать, ублажать пѣснями.

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ: „*лелѣючи* корабли" перевелъ ... корабли".

Малиновскій въ черновомъ переводѣ: „зберегая ...

Пожарскій: „бережно носилъ ты корабли.

Снегиревъ: глаголъ *лелѣю* сближалъ съ Греческимъ, ... желаю, жажду (λίαν—очень и λάω—желаю).

Ербенъ безъ всякой надобности *лелѣючи* поправилъ ... лѣючу".

Буслаевъ выраженіе *лелѣютъ* сближалъ съ *Лелею*.

Большая часть другихъ комментаторовъ удерживали ... *лѣятъ* въ своихъ переводахъ безъ перемѣны.

ЛЕТИТЪ (praes. 3 pers. sing. indicat.) **ЛЕТЯТЪ**, (prae... plur. indicat.) **летая** (gerund. praesens.) отъ **летати**—πέτεσθαι...

Въ одномъ изъ принадлежащихъ намъ сборниковъ XVI ... таемъ: **бѣ чл҃къ боговѣренъ... бѣ бо оунъ тѣломъ а оумомъ ст... сокъ мыслїю летаа по̂ нб҃семъ яко орелъ** (л. 31) **стрѣлы летащ...** лѣт. № 347 л. 326).

Въ лѣтописяхъ:

И сѣче по главѣ саблею и ту *летѣ* съ коня (Ип. 90); а по аеру не вѣдяху *летѣти* (Лавр. 506).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„Самъ ко стрѣлочкѣ приговаривалъ:
„*Полети* моя калена стрѣла. (Рыбн. I, 20).

„Гдѣ стрѣла *летитъ*, отъ нея
„Лучь печетъ (ib. III, 149).

„Стрѣла—та *летитъ*
„Какъ травой коситъ. (ib. III, 168).

„Не *леталъ* бы младъ соловей
„По мхамъ, по болотищамъ. (ib. III, 283).

Въ „Словѣ": „*летая* умомъ подъ облакы". *Летятъ* стрѣлы каленыя.

лжу (accus. sing. fem.) отъ **лжа**.

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ слово это встрѣчаемъ въ двухъ значеніяхъ:

1) въ значеніи неправды, противорѣчія истинѣ—τὸ ψεῦδος—mendacium. Въ Евангеліяхъ XI—XII вв. читаемъ: **яко нѣсть истины въ немъ егда глеть лъжю ѿ своихъ глеть**—ὅτ ἂν λαλῇ τὸ ψεῦδος (Іоан. III, 44). Въ другихъ переводахъ также древнихъ греческое ψεῦδος передавалось словомъ **лесть** (Апок. XIV, 5).

2) въ значеніи раздора, свары (μάχη): въ паренисисѣ Ефрема Сирина читаемъ: **а въ лъжахъ и въ пренесловіихъ сильны есмы**—εἰς δὲ τὰς μάχας καὶ τὰς φρατρίας δυνατοὶ ἐσμεν (въ др. сп. **въ сварахъ и в которѣ**) (л. 62 об.*).

Въ лѣтописяхъ встрѣчаемъ это слово въ томъ и другомъ значеніи:

1) въ значеніи обмана τὸ ψεῦδος: о предсказаніи волхвовъ, предсказавшихъ Олегу смерть отъ коня, онъ сказалъ: „все *лжа* есть: конь той умерлъ есть, а я живъ". (Лавр. 38) Святополкъ смятеся умомъ: да се право будеть или *лжа* (ibid. 248).

2) въ значеніи брани, какъ проявленія лжи, какъ свады дьявольей—μάχη: „и въиде *лжа* въ городъ... и бысть *сѣча* у городьнихъ

---

*) Лжа—употреблялась еще въ соотвѣтствіи Греческому κοίτη—ложе. плотское совокупленіе въ дьне доброобразные ходимъ не лжами и не уистотами—ἢ κοίταις. (Въ Свят. Изб. 1073).

воротъ... о, великое, братье, чюдо съвади оканьный діяволъ. (1 Новг. стр. 36—37) Гнѣвъ, укротимъ *лжею*, проливаетъ сваръ (Лавр. стр. 384) Въ особенности клятвопреступленіе считалось *ложью* болѣе тяжкою, чѣмъ пролитіе крови: аже приступить крестное цѣлованье, то есть *лжье* неже прольяти кровь хрестьянску (Лавр. 282).

Въ Словѣ *лжею* называются Половцы и какъ *невѣрные* и какъ клятвопреступники и *раздорники*. Такое понятіе о нихъ не разъ выражено въ лѣтописяхъ; подъ 1095 г. читаемъ: „отвѣщаше же дружина рекоша Владиміру (Мономаху): они всегда къ тобѣ ходяще ротѣ, губять землю Руськую и кровь хрестьянску проливають безпристани. (Лавр. стр. 220) подъ 1184 г. „Кончакъ, пришедъ ста на Хоролѣ; послалъ же бяшеть съ *лестью* Ярославу Всеволодичю, мира прося. Ярославъ же, не вѣды лести ихъ, посла къ нимъ мужъ свой Ольстина Олексича. Святославъ же Всеволодичь, слашеть къ Ярославу река: брате! не ими имъ вѣры. (Ип. стр. 128).

Существительное лъжа употреблено здѣсь вм. прилагательнаго лъжий или лъжь невѣрный, подобному тому, какъ въ лѣтописяхъ употребляется *погань* вм. *поганый*: „и болгаре и жидове и вся *погань*". (Ип. стр. 115); иная *погань* въ рѣцѣ истопоша (Лавр. стр. 507).

Ли отъ лиити, χεῖν, fundere.

Въ Святославовомъ Изборникѣ 1073 г. читается: иже водоу черпл ли и въ оудоробь оутьлоу (εἰς πίθον τετρημένον—въ разбитую бочку) лѣять (л. 33 и 201 об). Всего чаще встрѣчается этотъ глаголъ въ сложеніи съ предлогами *про*, *из*: да прїдеть на вы вьсака кръвь правьдна пролїваюма на земли—ἐκχυνόμενον ἐπὶ τῆς γῆς (Мѳ. XXIII, 35; ср. Лук. XI, 50) просадоуться мѣси и вино прелѣеться—καὶ οἶνος ἐκχεῖται: (Мѳ. IX, 17. Ср. Мрк. II, 22. Лук. V, 37).

Въ лѣтописныхъ повѣствованіяхъ глаголъ этотъ также всего чаще является въ сложномъ видѣ (in annexu variarum praepositionum): „Приведоша къ кладезю и почерпоша ведромъ и *льяша* въ латки (Лавр. стр. 126); и повелѣ... *выльяти* въ кадь (ib. 125); людье же *нальяша* кочергу (ib. А сѣмо ся за нами Днѣпръ *роспольеваеть* (Ип. 37).

Глаголъ *лити* въ живой народной рѣчи до нынѣ употребляется въ среднемъ значеніи—*течь*, *струиться*, *изливаться*: обыкновенно го-

рятъ: Дождь такъ и *льетъ*; кровь изъ носу *льетъ*; потъ съ лица *етъ*; ручьи съ горъ *льютъ* и т. под.

Ли аор. отъ **лити**, какъ **пи** отъ **пити**. (Ср. въ Паренисисѣ: „**кто** **ѣ**, **кто пи**, **кто ходи**. л. 286 мой спис.).

Въ „Словѣ": „не тако *ли*, рече, рѣка Стугна", т.-е. не такъ, какъ скажутъ, *текла* рѣка Стугна.

Всего вѣроятнѣе, что слово *ли* оканчивалось надписнымъ *л* (ли е. лила) которое выпало подъ рукою позднѣйшихъ переписчиковъ— быть можетъ, даже опущено первыми издателями.

Ли—(conjunctio interrogativ.).

Союзъ этотъ весьма часто читается въ самыхъ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ... **не дша ли больши юсть пища**—οὐχὶ ἡ ψυχὴ λεῖον ἐστι (Мѳ. VI, 25) **не вы ли паче лоучьши юсте**—οὐχ ὑμεῖς μᾶλ ον. (Мѳ. VI, 26), **ты ли юси градоущїи**—σὺ εἶ ὁ ἐρχόμενος (Мѳ. XI, 2).

Въ лѣтописяхъ: „И тебе, брате, прашаю въ вдоровьѣ *ли* еси? Іп. 37).

Въ народной поэзіи:

„Самъ *ли* ты поѣдешь,
„Али меня пошлешь (Рыбн. I, 96).

Въ „Словѣ": Не лѣпо *ли*... се *ли* створисте... неваю *ли*...

Лисици (nomin. plur. fem.) отъ **лисица**—ἀλώπηξ, vulpes.

Въ Остромировомъ и др. Ев.—**лисица ѩзвины имоуть**—αἱ ἀλώπεκες ωλεούς ἔχουσιν (Мѳ. VIII, 20); въ др. Ев. XI—XII вв. **лиси**. (Ср. ук. IX, 58).

Въ вопросахъ и отвѣтахъ Сильвестра и Антонія (Сп. Синод. 512 г. № 129): **словане... лисица ѩдоуще**—ἀλώπεκας... ἐσθίοντες (л. 56). **а горѣ сионѣ, ѩко погыбе, лисици ходиша**—ἀλώπεκες διῆλθον (Пл. Іер. , 18).

Въ лѣтописяхъ: *Лихый* Семьюнко, подобный *лисици*, черьмности ади (Ип. стр. 169).

Въ причитаніяхъ:

И соберется моя воля—столько волюшка
И точно *лисенька* въ норы она глубокой,
И во матушкѣ она да во сырой землѣ. (III, стр. 134).

Въ главныхъ чертахъ органическое строеніе *лисы*—таково: голова широкая, лобъ плоскій; уши снизу широкія, вверху заостренныя—торчатъ прямо; ноги тонкія и широкія; хвостъ длинный и пушистый. *Лиса* со всей своей умной родней носитъ платье, которое, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствуетъ ея хищническому нраву: она—сѣровато-красно-чалаго цвѣта, примѣнясь къ мѣстахъ, гдѣ живетъ.

Жильемъ ея служатъ норы глубокія и закрытыя вѣтвями въ какомъ нибудь ущельѣ, или между корнями деревьевъ, или въ другихъ уютныхъ уголкахъ. Всѣ норы заканчиваются помѣстительнымъ гнѣздомъ; кромѣ главной норы—ведутъ сюда побочныя ходы, всегда связанныя между собою. „У доброй *лисы*, говоритъ пословица, по три отнорки.

Лисица обыкновенно представляется олицетвореніемъ лукавства и хитрости: „лиса, говоритъ пословица, семерыхъ волковъ проведетъ". Но въ жизни ея сказываются и другія нравственныя черты не менѣе замѣчательныя.

„Лиса, замѣчаетъ Бремъ, видитъ, слышитъ и обоняетъ удивительно хорошо. Она выскакиваетъ изъ своей норы на малѣйшій шумъ. Лай у нея—короткій, кончающійся протяжнымъ болѣе рѣзкимъ и высокимъ звукомъ. Лаетъ она обыкновенно предъ дурной погодой, въ сильный морозъ и во время любви. Въ гнѣвѣ или при большой опасности лисица ворчитъ и воетъ.

Общительность—не въ нравахъ лисы; она живетъ только парами и всего охотнѣе особнякомъ".

Появленіе ея въ жилыхъ хоромахъ до нынѣ считается въ народѣ дурнымъ предзнаменованіемъ; въ томъ домѣ, говорятъ, будетъ покойникъ.

Дружинникъ могъ видѣть ее и на поляхъ брани, гдѣ она появляется вмѣстѣ съ другими хищниками и лижетъ кровь.

Отсюда понятно, что значитъ картина въ „Словѣ": *лисицы* брешутъ на чръленыя щиты. „Движеніе многочисленныхъ полковъ Игоревыхъ нарушило ихъ покой: они повыскакали изъ своихъ норъ. Самое появленіе ихъ *во множествѣ*—было зловѣщимъ знакомъ. Красный цвѣтъ множества щитовъ привелъ ихъ въ ярость и вызвалъ неистовый лай.

ай этотъ былъ злокозненный, ибо выражалъ жажду крови не вра-
)въ, а самихъ полковъ игоревыхъ. (См. **брешутъ**).

Имя лисы сказалось и въ исторической географіи; такъ, есть
иска—рѣчка (Ист. Ак. IV, 383); *Лисій* починокъ въ Волог. у. (ib. I,
10, 313); *Лисицино*—въ Устюжно-желѣзно-Польск. у. (ib. III, 37, 61)
въ Углиц. у. (III, 231); *Лисицинское*—въ Верейск. у. (ib. IV, 319);
исій ручей въ Черепов. у. близъ Муравьева.

Лисица (canis vulpis) норный звѣрь пѣсьяго рода отъ Санскр.
is—peritum esse. Хорут. и в. Луж. lis; Слов. liska; Чеш. liška; Полаб.
lisaka; Польс. lis, liszka. (Будиловичъ: Первоб. Слав. стр. 196, 396).

Листвие (nomin. plur. collectivum)—τὰ φύλλα, folia: Въ Еван-
еліяхъ XI—XII вв. читаемъ: **видѣвъ смоковницю. имоущю листвье**—
ἔχουσαν φύλλα (Марк. XI, 13) **вѣтвь юа боудеть млада и прозябнеть
листвье**—καὶ ἐκφυῇ τὰ φύλλα (Марк. XIII, 28. Ср. Мѳ. XXI, 19;
XIV, 32). Въ книгѣ Пророковъ: **яко листвіе съ лозы**—ὡς φύλλα
ἐξ ἀμπέλου (Ис. XXXIV, 4); **якоже спадаеть листвіе смоковницы**—
ὡς πίπτει φύλλα ἀπὸ συκῆς (ib. XXXIV, 4); **и листвіе ѿпадоша**—καὶ
τὰ φύλλα κατεῤῥύηκεν (Іер. VIII, 13). У Іоанна экзарха Болгарскаго
(по сп. 1263 г. л. 41): **акы листовѥ (спадоуть) съ виниинаго грьзна**—
ὡς φύλλα ἀμπέλου.

Въ *Паренисисѣ* Ефр. Сирина 1469 г.: **падаю, яко листвіе съ
ягодиціа**—τὰ φύλλα (л. 199 об. мой сп.) **боудоу яко садъ отметноуще
свою листвию; аки дѫбъ съвергъ листвїа**. (Оп. Син. библ. № 424,
стр. 520).

Въ повѣсти Флавія: **иже истаахоу ѿ глада падахоуть акы листвіе**
л. 213).

Листвіе читается и въ умильной повѣсти о нашествіи Батыя (Росс.
времен. сирѣчь лѣтописецъ М. 1790 г.)

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„И всѣмъ-то деревцо изукрашено,
„*Листьемъ* оно изнавешено. (Рыбн. III, 295).

„Всѣ пруточки на деревьяхъ приломалися.
По сырой землѣ *листочки* разстилаются
(Прич. Сѣв. кр. I, 189)

Въ исторической географіи—есть селеніе съ именемъ *Лиственица* въ Бѣлоз. у. (Ист. Акт. I, 308).

Въ „Словѣ": а древо не бологомъ *листвіе* срони. (См. древо въ значеніи садъ, роща).

Что значитъ опаденіе листьевъ см. подъ словомъ (срони).

Литва (nominat. sing. collectivum).

Въ Кіевской лѣтописи *Литва* упоминается на первыхъ страницахъ въ этнографическомъ очеркѣ народовъ, населившихъ Русскую землю: „Въ Афетовѣ же части сѣдять... *Литва*, Зимѣгола (Лавр. стр. 3); се суть инии языци, иже дають дань Руси... Ямь, *Литва*, Зимигола (ib. 10). За тѣмъ она является подъ 1131 г." Ярославъ иде на *Литву* (ib. 150); подъ 1131 г. „Мстиславъ ходи на *Литву* и взяша полонъ многъ воротися (ib. 286); подъ 1205 г." той же зимы биашася Олговичи с *Литвою* (ib. 400). Въ лѣтописяхъ, какъ и въ „Словѣ" Литовцы называются погаными; такъ, въ Новгородской подъ 1234 г. читаемъ: И ту ся би съ безбожными оканьною *Литвою*, и ту пособи Богъ... надъ *погаными* князю Ярославу съ Новгородци (I Новг. стр. 49). Отсюда—(adjectivum) литовскій.

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„Есть подогнано *Литвы* много поганыя (Рыбн. I, 109).
„Поѣхали...
„Во славну хоробру *Литву* (ib. 189).
„Отъ нихъ *Литва* поганая въ побѣгъ пошла (ib. 114).

Въ „Словѣ": *Литва*, Ятвези, Деремела; о шеломы *Литовскія*; мечи *Литовскыми*.

Лоно—(accus. sing. neutr. antecedente praepositione на) отъ лоно κόλπος, sinus, грудь, пазуха, нѣдро. Въ Галицкомъ и др. Евангеліяхъ XI—XII вв. дадать на лоно ваше—δώσουσιν εἰς τὸν κόλπον въ Ев. Алексія XIV в.: въ пазухы вашю вьмѣрить. (Лук. VI, 38) бы же оумрети нищемоу. и несеноу быти на лоно авраамле καὶ ἀπενεχθῆναι... εἰς τὸν κόλπον ἀβραάμ (ib. XVI, 22).

У Григорія Богослова XI в. читаемъ **лоны прьсть нꙁносꙑщꙗ**. Но оже Греческое κόλπος переводилось и словомъ **паꙁоуха**; такъ въ перев. Мео. Патрскаго: **к паꙁѹсѣ авраамлн** (Лук. XVI, 23) ἐν κόλποις (Син. п. XVI в. № 110, л. 197 об.).

То и другое слово читаемъ и въ лѣтописяхъ: На *лонѣ* почивая Лавр. стр. 131); Мстиславъ... внезапу ударенъ бысть подъ *пазуху* трѣлою (ib. 262).

Въ „Словѣ": сыпахуть ми... великый женчюгъ на *лоно,* т.-е. на рудь, перси.

Лугу (dativ. sing. masc. antecedente praepositione **въ**) отъ **лугъ**—λος, palus, низменное луговое мѣсто. Въ древнемъ Славянскомъ пеереводѣ „Пятокнижія" читаемъ: **простри роукоу твою... и на лоугы ихъ**—καὶ ἐπὶ τὰ ἕλη (Исх. VII, 19 ср. Ис. XLI, 18); ἕλος—въ значеніи луговаго мѣста—употреблялось и въ въ языкѣ классическомъ. См. Ил. IV, 483; XX, 221; Одис. XIX, 474). На низменныхъ луговыхъ берегахъ всегда бываютъ *логовины,* малыя озерки, ямы и рытвины, наполненныя весеннею водою, а съ съ другой стороны—эти мѣста, если они не расчищаются, быстро зарастаютъ лѣсными чащами, и потому въ древнихъ переводахъ, какъ и въ нѣкоторыхъ живыхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, подъ *лугами* разумѣются не только наволоки съ сѣнокосными пашнями, но и озерины и лѣсныя чащи, возникшія на подобныхъ мѣстахъ. Такъ, вышеприведенное мѣсто: **простри роукоу твою. и на лугы ихъ**—начиная съ XVI в. стали читать и на **оꙁера ихъ**—ἐπὶ τὰ ἕλη (Исх. VII, 19). Съ другой стороны, *лугомъ* же переводились и Греческія δρῦς и δρυμός; такъ, въ Пс. XII—XIII вв. **и вепрь ѿ лоуга**—ἐκ τοῦ δρυμοῦ (Пс. LXXVIII, 14); въ переводѣ Максима Грека: **ѿ доубравы** ср. **къбыла мескъ** (mulus) **къ чащоу** луга τῆς δρυός, (2 Цар. XVIII, 9); **се ꙗꙁыдоша двѣ медвѣдицы иꙁъ луга** (въ поздн. переводахъ изъ **дубравы** 4 Цар. II, 24).

Въ лѣтописяхъ слово *лугъ* употребляется также для означенія низменныхъ береговыхъ и сѣнокосныхъ мѣстъ. Бяше дворъ княжь внѣ города на *лузѣ* надъ рѣкою надъ Саномъ (Ип. стр. 67). Гюрги (съ союзниками противъ Изяслава) сташа шатры противу Кыеву *по лугови.* (Лавр. 1872 стр. 314). Полци же Гюргеви идяхуть *по лугу,* а

Изяславъ по оной стронѣ Днѣпра по *горѣ* (ibid. стр. 314). Изяславъ исполчи воѣ своѣ и прейде на ону сторону за Трубежь, не всходя на гору, и *ста на лузи* противу Кузнечимъ воротомъ (Ип. стр. 44). Ростиславъ Рюриковичъ и Ростиславъ Владиміровичъ съ черными клобуками ѣхаша въборзѣ до *протолчіи* и ту заяша стада многа Половецкая въ *лузѣ Днѣпровскомъ*... и вѣжа, которѣ бѣхуть осталися въ *лузѣ* и ты вземше и возвратишася во своя си (Ип. стр. 140).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ — слово *лугъ* всего чаще употребляется въ значеніи—травянистыхъ мѣстъ — и потому *луга* называются *зелеными*:

Въ „Словахъ" богатырскихъ:

Михаило Потыкъ сынъ Ивановичъ

„Поплылъ во *зеленый лугъ* (Рыбн. I, стр. 240).

И пріѣхалъ Добрыня во свою землю
И спущалъ коня во *зеленые луга* (Рыбн. I, 82).

Выѣзжалъ удалый добрый молодецъ,
По тѣмъ ли *луговьямъ* по *зеленымъ* (Рыбн. III, 178).

Въ причитаніяхъ луга называются *сѣнокосными*, а пожни *луговыми*.

„Да я шла путемъ—широкой дороженькой,
„Я по вашимъ *лугамъ* сѣнокоснымъ;
„Тутъ посохла на *лугахъ* трава зеленая (Пр. С. кр. ч. I, 240).
„Сѣнокосца на *луговыхъ* нѣту поженкахъ.

Въ пѣсняхъ:

„По *лугу*, *лужочку*, по крутому бережечку,
„Ходила, гуляла тамъ вдовушка молодая (Чтен. 1870 г., кн. I, стр. 563).

Въ живой народной рѣчи подъ *лугомъ* также обыкновенно разумѣются сѣнокосныя мѣста. Но иногда слово *лугъ* употребляется какъ *цѣлое* вмѣсто *части*; говорятъ: ловить рыбу на *лугахъ*, т.-е. озеркахъ находящихся въ лугахъ. Въ такомъ же смыслѣ *лугъ* употребляется въ значеніи лѣса: итти въ *луга* за ягодамъ—значитъ: итти въ *лѣсъ*, растущій на лугахъ.

Въ „Словѣ": потече къ *лугу* Донца.—Здѣсь подъ лугомъ разу-
ѣется именно низменный, поемный берегъ Донца въ противополож-
ость берегу высокому, правому, который обыкновенно зовутъ *„горою"*.
тотъ низменный берегъ Донца, названный въ „Словѣ" *лугомъ*—былъ
нокоснымъ, но мѣстами покрытъ былъ и лѣсомъ какъ то видно изъ
овъ самого Игоря, обращенныхъ къ Донцу; онъ говоритъ, что До-
цъ на пути постилалъ ему *зеленую траву* на своихъ берегахъ и да-
лъ ему покой подъ сѣнію зеленаго *лѣса* (см. древо). Таковъ, зна-
тъ, былъ *лугъ* Донца.

Слово это сказывается и въ географическихъ именахъ, каковы:
уской—погостъ въ Вотской пятинѣ (Ист. акт. III, 146); *Луза*, рѣка
). I, 544); *Лузская* волость (ib. V, 499); *Лужки*—деревня во Вла-
мирскомъ уѣздѣ (ib. II, 98; III, 179); *Лужанскій* станъ въ Слобод-
омъ уѣздѣ (ib. V, 485).

Лукѹ (genet. sing. masc. antecendente praepositione **изъ**, pro
ъ лука)—отъ лукà, изгибъ, извилина, крутой поворотъ. Въ древнихъ
реводныхъ памятникахъ слово это отвѣчаетъ Греческимъ:

1) κόλπος—sinus заливъ (въ переводѣ Дамаскина Іоанномъ экзар-
мъ, Син. р. № 155 л. 75 об. см. Опис. Син. р. ч. III, стр. 298).
о тоже греческое κόλπος передавалось и словомъ: ꙁаножье: иже по
гупетьскыю ꙁаножью ходеть—οἱ τὸν Ἀιγύπτιον ἀγγέυοντες κόλπον
). л. 176).

2) ἠϊὼν—littus—морской берегъ. Въ вопросахъ и отвѣтахъ Силь-
стра и Антонія (Син. сп. 1512 г. л. 54): еже по лоукамъ и брегомъ
ѥмѹ живоуще—κατὰ τοὺς ἠϊόνας καὶ ὄχθας τοῦ ὠκεανοῦ παταμοῦ οἰ-
ῦσι.

Выраженіе *„луку моря"* не разъ встрѣчается въ лѣтописяхъ. Суть
ры зайдуче в *луку* моря (Лавр. 227). Подъ 1096 г. читаемъ: югра
рекоша:—суть горы зайдуче *луку моря*, имъ же высота, яко до
бесе (Лавр. стр. 227). Подъ 1169 г.: Богъ же (князя Михаила) из-
ви отъ смерти, якоже и преже *въ луцѣ морѣ* (Лавр. стр. 342; ср.
п. подъ 1172 г. стр. 104); подъ 1223 г. Половци же не могоша
отивитися... а иныхъ загна по Дону и въ *луку моря* (Лавр. стр.
8). Въ самомъ описаніи похода Игорева—(по сѣверному изводу)

читаемъ: нынѣ пойдемъ по нихъ (Половцахъ) за Донъ и до конца избьемъ ихъ; оже ны будеть ту побѣда, идемъ по нихъ *у луку моря* (Лавр. стр. 377).

Луку является въ род. двойственнаго для обозначенія обоихъ береговъ залива. Изъ этихъ двухъ словъ составилось одно—*лукоморіе*. Подъ лукоморьемъ въ лѣтописяхъ разумѣется изгибъ Азовскаго моря, вдавшійся въ материкъ. Жившіе здѣсь Половцы назывались *Лукоморскими*. Такъ подъ 1193 г. въ Кіевской лѣтописи читаемъ: посла Святославъ къ Рюрикови, река ему: се ты снимался съ Половци съ *Лукоморьскыми*.... и посла Рюрикъ сына своего Ростислава противу *Лукоморскимъ... Лукоморци* хотяхуть мира (Ип. стр. 142).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

Изъ-за славнаго синя моря Волынскаго
. . . .
Изъ-за того *лукоморья* зеленаго (Рыбн. I, стр. 318).

Въ живомъ народномъ языкѣ: слово *лука* примѣнялось къ изгибамъ и заводямъ не только морскихъ, но и озерныхъ и рѣчныхъ водъ.

Лукоморьемъ напр. называется въ народѣ рѣка Шексна, при необыкновенно быстромъ ея поворотѣ съ сѣвера на востокъ и при впаденіи въ колѣно ея рѣки *Суды*. Самое село, стоящее при этой лукѣ, называется *Луковецъ* (въ древнихъ актахъ пишется—*Луковесь*). Извилистые берега также называются *лучистыми*. Въ Исторической географіи извѣстны также: *Луковое*—озеро (Ист. Акт. I, 401) *луковище*—пустошь въ Пусто-Ржевскомъ уѣздѣ (ib. II, 413); *Великіе луки* (ib. II, 344—346).

Слово *лука*—лингвисты сближаютъ съ латинскимъ lacus, lacuna, и греч. λάκκος (Будиловичъ, Первоб. Сл. стр. 25).

Въ „Словѣ": а поганаго Кобяка изъ *луку моря*...... яко вихрь выторже—т.-е. изъ *лукоморья* при-азовскаго—самого гнѣзда Половецкаго.

Лүцѣ (pro лүге adverbium).

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ слово это отвѣчаетъ Греческимъ:

1) χρείσσων. Въ Пандектахъ Антіоха XI читаемъ: лоуче бо тебѣ ти рекать—χρείσσων γάρ σοι ῥηθῆναι (гл. 44, л. 100 об.). Въ Псалри XII—XIII вв. яко лоуче днь единъ въ дворѣхъ—ὅτι χρεῖσσων с. LXXVIII, 11). Въ Апостолѣ XIV в. лоуче бо имъ не позиати—ἧττον γάρ ἦν μὴ ἐπεγνωκέναι (2 Петр. II 21). Въ переводѣ Сиралоуче дѣлая въ всѣ ли хода ли славася или шатаася χρείσσων ἐρζόμενος ἐν πᾶσιν ἢ περιπατῶν (X, 30. Опис. Син. р. I, стр. 80).

2) χρηστότερος. Въ Юрьевскомъ, Галицкомъ и др. Евангеліяхъ XI—I: вв.: ветхое лоуче есть—ὁ παλαιὸς χρηστότερός εστιν (Лук. V, 39).

3) βέλτιον: лоуче есть пребывати къ домѹ, иже исходити—βέλτιον ρ (нил. ѡ й ном.).

4) καλὸν; такъ въ Добрилов. Ев. 1164 г. лоуче ти есть вънити жизнь хромоу—καλὸν ἔστι σε ἐισελθεῖν.. Въ Галицк. добрѣе ти есть рк. IX, 35).

5) ἀμείνων: лоуче нама далече бѣжати ѿ лютаго сего звѣря—ἀμείνον εἶναι ὡς ποῤῥωτάτω φυγεῖν τοῦ θυρίου (Пов. Флав. л. 20. Lib. I, XXX, 3).

6) Глаголъ διαφέρειν—также выражался въ переводахъ при поедствѣ нарѣчія *лоуче*: колмї паче вы есте лоуче птицъ—πόσω μᾶλν ὑμεῖς διαφέρετε τῶν πετεινῶν (Лук. XII, 24).

Нарѣчіе *луче* въ переводахъ иногда тѣхъ же самыхъ греческихъ овъ замѣнялось другими однозначущими, какъ напр. въ Пандектахъ тіоха XI в.: оуне бо приближитися огни. нежели женѣ юнѣ—χρείτν οὖν.. Въ повѣсти Флавія: а лѣпле смрть славна пріяти, неглі жити енн—συμβολῶν θάνατον εὐκλεᾶ τοῦ ζῆν αἰχμάλωτος (л. 122 об. Lib. , с. 4, 3).

Въ лѣтописяхъ весьма часто встрѣчаются подобные же обороты: вуще: *луче* ны бяше въ Еюптѣ (Лавр. 1872 стр. 94). *Да луче ми* помрети (ib. стр. 125). Глѣбъ.. плачася... глаголя: *луче* бы ми рети съ братомь, нежели жити на семъ свѣтѣ (ib. стр. 133). *Луче* ть смиритися (ib. стр. 290). Брань славна *луче* есть мира студна . стр. 383). Всеволодъ рече.. *луче* есть смиритися, Бога ради (Лавр. р. 290). *Луче* есть праведнику малое, паче богатства грѣшныхъ мно- (Лавр. стр. 233). „*Луче*, братье, измремъ здѣ, нежели сесь соимъ възмемъ на ся" (Ип. стр. 51; Лавр. 310). Да *луче* есть на сво-

ей землѣ костью лечи, нежли на чюжѣ славну быти (Ип. стр. 155). *Луче ны* бы есть пріяти ѝ (татаръ) на чюжой землѣ, нежели на своей (Ип. стр. 163). У Даніила Заточника читаемъ: „*Лучше бо* смерть борзо, нежели долгъ животъ въ убожествѣ".

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„*Лучше* матушка земля да разступилась бы (Пр. С. кр. ч. I, 39).

„Чи *лучѐ* тоби на чюжипѣ буде".

Луци (nominat. plur. masc.) и **лучи** (accus. plur.) отъ **лукъ**. Въ древнихъ переводныхъ памятникахъ слово это отвѣчаетъ Греческому τὸ τόξον, arcus. Такъ, въ Перенесисѣ Ефрема Сирина читаемъ: виноудоу лукове и стрѣлы ношахꙋ—τόξα καὶ βέλη (по сп. 1468 г. л. 298). Въ книгѣ „Пророковъ": лоукъ и щитъ въꙁмѫтъ (Iер. VI, 23) Здѣсь τὸ τόξον передается и словомъ рожьнецъ (Ис. XL, 7. Опис. Син. р. 1, стр. 90).

Въ повѣсти Флавія читаемъ: мы немощни и слаби есми противитися римляномъ: иноже и лукъ напряженъ (л. 52).

Въ лѣтописяхъ слово *лукъ* впервые встрѣчаемъ подъ 1095 г., гдѣ читаемъ: Ольбегъ—Ратиборичъ, приимъ *лукъ* свой и наложивъ стрѣлу удари Итларя въ сердце (Лавр. стр. 220). Подъ 1096 г. приводится мѣсто изъ псалмовъ: оружье (грѣшниковъ) внидетъ въ сердца ихъ и *луци* ихъ скрушатся (Лавр. стр. 233). Подъ 1184 г. въ Кіевской лѣтописи: „бяху же у Половцевъ и *луци* тузи самострѣльніи, одва 50 мужъ можаша напрящи" (Ип. стр. 128).

Достойно вниманія, что луки называются рожанцами и въ нашихъ лѣтописяхъ: стрѣльцемъ же... идущимъ и держащимъ въ рукахъ *рожанци* своѣ и наложившимъ на нѣ стрѣлы (Ип. стр. 186).

Въ „Богатырскихъ словахъ" *лукъ* играетъ важное значеніе:

Дюкъ—

„Сталъ *луки* туги натягивати (Рыбн. I, 273).

Василій сынъ Игнатьевичъ:"

„Онъ направливалъ *лукъ*—калену стрѣлу
„Налагалъ то стрѣлочку каленую (Рыбн. I, стр. 175).

„А было намѣренія наряжено:
„Натянуть тугой *лукъ* разрывчатой (Рыбн. I, стр. 96).

Здѣсь есть и прекрасное эпическое описаніе *лука*:

„Еще съ Дюкомъ не много живота пошло,
„Пошолъ тугой *лукъ* разрывчатой,
„А цѣна тому *луку* три тысячи:
„Полосы были серебряные,
„А рога красна золота,
„Тетивочка была шелковая
„А бѣлаго шолку шемахинскова (Кирш. Дан.).

Подобіемъ древнихъ воинскихъ луковъ—нынѣ служатъ „дѣтскіе мострѣлы".

Въ „Словѣ": *лучи* напряжены (см. напряжени); жаждею имъ *лучи* пряже (см. съпряже).

Лѹчѹ (accus. sing. fem.) отъ лѹча—ἀκτίν, radius, solis.—Лоуча разъ встрѣчается въ Святославовомъ Изборникѣ 1073 г. не приемлетъ лоучь—ἀκτίνας (Изд. Общ. И. и Др. Р. стр. 38) лоуча о прикоупена ѥ къ кроугу, а кроугъ... посылаѥ всѣмъ лоуча". (Ср. зара).

Въ лѣтописяхъ: подъ 1223 г. „Явися звѣзда на западѣ и бѣ отъ ея *луча* (Лавр. стр. 425). И тогда явися звѣзда превелика на западѣ, испущающи *луча* (Ип. стр. 21). Паки солнце безъ *лучь* сьяше (Лавр. 161).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„На шатеръ
„Маковку надѣлъ красна золота,
„Отъ маковки *лучи* пекутъ. (Рыбн. I, 214).

Въ „Словѣ": чему, господине, простре горячюю свою *лучу*... свѣтлую волну.

Льзѣ (adverbium)—Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ слово это отвѣчаетъ разнообразнымъ греческимъ выраженіямъ и оборотамъ. Такъ, въ изборникѣ 1073 г. читаемъ: не бо ѥ льзѣ ми господеви

быти—οὔτε γὰρ τὸν κύριόν ἐστι εἶναι (Изд. Общ. И. Др. Р. стр. 70) **не бо ѥ льзѣ стоуда стыдѣнным гонєзнжти**—οὐ γάρ ἐστιν ἐκτὸς αἰσχύνης ἀπαλλαγῆναι (Ibid. стр. 129). **не бꙋдє льзѣ за грѣхы творити жьртвы**—οὐκέτι λοιπὸν περὶ ἁμαρτιῶν ἀπολείπεται θυσία (ib. стр. 109).

Въ повѣсти Флавія: **и не бы лѣзѣ видѣти земли заме вса покрыта бысть трупїємъ** (л. 221) οὐδαμοῦ γὰρ ἡ γῆ διεφαίνετο τῶν νεκρῶν (Lib. VI, c. V, 1).

Въ лѣтописяхъ: „И не бѣ *лзѣ* изъ града вылѣсти, ни вѣсти послати... и не бѣ *лзѣ* внити въ Киевъ... и не бѣ *лзѣ* Володимеру помочи; не бяшеть бо *лзѣ* ни бѣгающимъ утечи (Ин. стр. 132); и не бяше *лзѣ* коня напоити (Лавр. стр. 65). И не бысть *лзѣ* утечи, обишлю бо бяшеть озеро около (Ип. стр. 200).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„Ахъ братцы мужики Бекетовцы
„Не *льзя* мнѣ-ка здѣ жить, (Рыбн. I, стр. 46).

Въ живой народной рѣчи Нов. губ. Чер. у. до нынѣ говорятъ *не лзѣ* вм. не льзя.

Въ „Словѣ": не *лзѣ* бѣ пригвоздити къ горамъ Кіевскимъ, т. е: не было возможности.

Лѣпо (nomin. sing. neutr.) отъ **лѣпъ**.

Въ древне-русскихъ переводныхъ памятникахъ словомъ „*лѣпо*" выражались слѣдующія понятія:

1) понятіе *полезности*. Въ харатейномъ Апостолѣ графа Толстаго XIV в. читаемъ: **и лѣпо же оубо да бысте цр̃твовали**—καί ὄφελόν γε ἐβασιλεύσατε, (1 Кор. IV, 8). Но уже въ томъ же вѣкѣ—слово *лѣпо* было замѣняемо здѣсь словомъ **полезно**; такъ въ „Чудовскомъ апостолѣ, по преданію, усвояемомъ святителю Алексѣю, читаемъ: **и полезно оубо царствовасте**. Въ спискахъ же XVI в. это выраженіе принимаетъ уже такой видъ: **годѣ же оубо, да бысте цр̃твовали**. (въ моемъ спис. л. 86 об.). Нынѣ принято читать „и о! дабы воцарилися есте.

Въ смыслѣ полезности—словомъ „*лѣпо*" въ XV в. было переведено и греческое καλὸς. Такъ въ Геннадіевскомъ переводѣ Сираха

IV, 3) читается: мѫжеви хѫлнѣ не лѣпо есть богатство—ἀνδρὶ μικρολόγῳ οὐ καλὸς ὁ πλοῦτός. (Опис. Син. рук. I, стр. 81—82). Въ повѣсти Флавія: лѣпо при брани оумрѣти быти ѿ ратныхъ (л. 93)—καλὸν πολέμῳ θνήσκειν (Lib. III, c. VIII, 5).

2) Понятіе *справедливости*: Въ повѣсти Флавія: не лѣпо ми, ть презрѣти тщанія ихъ (л. 55)—οὔτε δίκαιον (Lib. II, c. XI, 2). не лѣпо есть да иже выша вѫдли нищіи—non justum est (Жит. Іоан. ил. мой Сборн. л. 41).

3) Понятіе *пристойности* Въ „Пандектахъ Антіоха" XI в. *лѣпо*, отвѣтствуетъ Греческому „πρέπει", приличествуетъ, умѣстно, кстати. не лѣпо бо юсть намъ подобитися въ пѫстыни бывъшиимъ ропътникомъ— γὰρ πρέπει ἡμῖν ἐοικέναι τῷ ἐν ἐρήμῳ γογγυστῇ (гл. 29, л. 72). Въ комъ же значеніи употребляется оно въ Апостолахъ XIII, XIV и V вв. 1-го и 2-го извода. Такъ напр. въ посл. къ Ефесеямъ читается: „якоже лѣпо стымъ" (καθὼς πρέπει ἁγίοις, гл. V, стр. 3). Но стойно замѣчанія, что въ этихъ случаяхъ понятіе *пристойности* передавалось и словомъ *подобаетъ* вмѣсто приличествуетъ. Въ тѣхъ е Пандектахъ Антіоха Греческое „πρέπει" переводится не только ловомъ „*лѣпо*", но и „подобаютъ" (л. 7). Точно такъ и въ псалтри XII вѣка: правьднымъ подобаеть похвала — πρέπει αἶνεσις с. XXXII, 1), тебѣ подобаеть пѣ бе—σοι πρέπει ὁ Θεὸς (пс. LXIV, 2). ъ Апостолахъ позднѣйшаго извода πρέπει также переводится не олько лѣпо, но и подобаетъ, якоже подобаетъ святымъ (ὡς πρέπει οῖς ἁγίοις), какъ читается и нынѣ.

4) Гораздо чаще въ древней русской письменности, начиная съ II вѣка, слово „*лѣпо*" употреблялось въ значеніи „*надобности*", долга ь соотвѣтствіи Греческому δεῖ. Такъ въ Святославовомъ Изборникѣ 073 г. читаемъ: лѣпо оубо бѣ—ἔδει τοίνυν (изд. Общ. Ист. и Др. Р., гр. 14); не лѣпо съ съдравыими съкоуплятися—οὐ δεῖ (ibid. стр. 124); юсть мьртвѣ лѣпо быти вѣрѣ—οὐ νεκρὰν εἶναι δεῖ τὴν πίστην (ib. стр. 77). Въ словѣ Ипполита объ антихристѣ, въ Чудовскомъ харатейномъ писке XII—XIII в. читаемъ: да ни проповѣдати юсть лѣпо (ὥστε ὅτε προκηρύσσειν δεῖ *). Въ Толковомъ Апостолѣ 1220 г. равно какъ

*) См. изд. Невостр., стр. 79.

и во всѣхъ спискахъ Апостола 1-й и 2-й редакцій до XVI в., слово *лѣпо* также весьма часто отвѣчаетъ Греческому δεῖ..

Такъ напр. въ 1-мъ посланіи къ Солунянамъ (гл. IV, 1) читаемъ: **братиѥ бѣдимъ вы и молимъ ꙗко лѣпо вамъ ходити** (τὸ πῶς δεῖ ὑμᾶς περιπατεῖν).

Въ посланіи къ Римлянамъ (XII, 3): **не премоудрати пачє еже єсть лепо моудрити** (παρ' ὃ δεῖ φρονεῖν). Но замѣчательно также, что уже въ XI в. Греческое δεῖ переводилось не только словомъ **лѣпо**, но и словомъ **подобаетъ**. Такъ въ Пандектахъ Антіоха встрѣчаемъ выраженіе": **подобаетъ бѣгати**"—δεῖ φυγεῖν (гл. 53, л. 117). Соотвѣтственно этому и приведенныя мѣста Апостола въ послѣдней исправленной редакціи читаются такъ: Тѣмъ же убо братіе просимъ вы и молимъ ..како **подобаеть** вамъ ходити, не мудрствовати паче, еже **подобаеть** мудрствовати.

5) Но всего чаще въ древнѣйшихъ памятникахъ словомъ „*лѣпо*" выражалось понятіе „*необходимости*", въ соотвѣтствіи Греческому χρή.

Такъ въ Изборникѣ 1073 г.: **обаче вѣдѣти к лѣпо**—εἰδέναι χρή (стр. 132); **нѣсть лѣпо праздьникъ съмотрити**—οὐ χρὴ ἑορτὰς ἐπιτηρεῖν (стр. 132). Въ Пандектахъ Антіоха: **нѣ лѣпо обличати**—οὐ χρεῖ ἐλέγχειν (гл. 66, л. 140 об.), но въ этомъ же памятникѣ слово „*лѣпо*"—(χρεῖ) замѣняется иногда выраженіемъ: **требѣ** (χρεῖ) (гл. III, л. 247 об.).

Въ повѣсти Флавія о разореніи Іерусалима, въ спискахъ XV в. также читаемъ: **можно бо намъ въсхытїти побѣдоу и лѣпо намъ и славоу варити** (ἁρπάσαι δὲ τὴν νίκην δυνάμεθα καὶ χρὴ τοὺς συμμάχους φθάνειν Lib. III, c. X, 2).

Но тоже самое χρὴ передается здѣсь и словомъ **достоитъ**: **вамъ достоитъ разоумѣти правдоу**—ὑμᾶς γε χρὴ σκέπτεσθαι (Lib. IV, c. IV, 3); **достоино бо на свое моужество възъвратитися** (л. 102 об.) χρὴ.. ἀρετὴν ἀναδραμεῖν (Lib. IV, c. I, 6).

Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ только слово „**лѣпо**" употребляется въ значеніи *надобности* и *необходимости*, оно сочиняется съ неопредѣленнымъ ближайшаго глагола.

Въ произведеніяхъ Русской литературно-повѣствовательной школы слово **лѣпо** встрѣчаемъ въ подобныхъ же значеніяхъ:

1) въ значеніи пристойности и умѣстности πρέπει: у Даніила Заточника: „не лѣпо есть у свиніи серги въ устѣхъ".

2) въ значеніи полезности и выгодности ὄφελον: великій князь Василій Ивановичъ поустроилъ свою вотчину градъ Смоленскъ, какъ быти *лѣпо* его государству (Новг. Лѣт. подъ 1515 г.).

3) въ значеніи достойности и справедливости—δίκαιον: И образы подобія ихъ поставляти *лѣпо* есть (I Новг. стр. 12).

4) въ значеніи обязанности и долга δεῖ: *лѣпо* есть намъ братіе положити головы своя (Соф. прилож. стр. 104); а *лѣпо* ты было, братье поискати отецъ своихъ и дѣдъ своихъ пути (Ип. стр. 97).

5) въ значеніи необходимости χρή: въ кіевопечерскомъ патерикѣ: лѣпо на нарекшеса чернцы—каяться о грѣхахъ своихъ (мой п. XVI в. л. 22 об.).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ слову *лѣпо* въ значеніи χρή соотвѣтствуетъ глаголъ *довлѣетъ*.

„Ай же ты, Чурилушка Пленковичъ!
„Не *довлѣетъ* ти жить въ курятникахъ,
„А *довлѣетъ* жить ти въ постельничкахъ (Рыб. I, 265).

Въ „Словѣ": не *лѣпо* ли ны бяшетъ, братіе, начати, т.-е. иль не какъ начать намъ, братья, *подобало бъ* (см. не).

Мусинъ-Пушкинъ: „не *лѣпо* ли ны бяшеть", перевелъ: коль прилично намъ, братцы.

Малиновскій въ черновыхъ бумагахъ: Не прилично ли намъ братцы.

Въ 1-мъ изданіи: Пріятно намъ братцы.

Шишковъ: слово „*не лѣпо ли*" ни мало не означаетъ *пріятности*, ибо какъ можетъ быть пріятна *прискорбность* повѣствованія? „*непристойно намъ будетъ*".

Пожарскій не лѣпо ли бяшетъ, перевелъ: *не лучше* ли намъ.

Грамматинъ: „не *пристойно* ли бы намъ было".

Вельтманъ: не *славно* ли, други.

Максимовичъ: Чи не *добре* бъ було, братья.

Дубенскій какъ Пожарскій: не лучше ли намъ было, братцы.

Прозоровскій: „не *слѣдуетъ* ли намъ, братцы".

Кораблевъ: „не *лучше* ли будетъ намъ·

Погосскій: „не *пригоже* ли будетъ намъ“.

В. М.: „не было ли бы *хорошо*, братья“.

Малашевъ: „не *прилично* ли намъ“.

Павловъ (Бицинъ): вотъ *на чтобы лучше*, братья.

Скульскій: не *въ угоду ли* будетъ братцы, вамъ.

Поэты, перелагавшіе „Слово“ не дѣлали попытки выдержать въ своихъ переложеніяхъ выраженіе—*лѣпо*.

Де-ля-рю: иль начать намъ друзья старымъ складомъ.

Минаевъ: начнемъ, други, складомъ старинныхъ людей.

Мей: аль затягивать, ребята, на старинный ладъ.

Гербель: не начать ли, братцы, мнѣ моего повѣствованія.

Майковъ: не начать ли нашу пѣснь, о братья.

лѣта отъ лѣто. Въ переводныхъ памятникахъ XI—XII вв. слово это является:

1) въ значеніи ἔτος, annus—годъ. Въ Галицкомъ и во всѣхъ древнѣйшихъ Евангеліяхъ читаемъ: хожашета родитела юго по вса лѣта—κατ᾽ ἔτος (Лук. II, 41); егда ҙатворіса ꙗко три лѣта—ἐπὶ ἔτη τρία (Лук. IV, 25) имаші много добро лежаще на лѣта многа—εἰς ἔτη πολλά (Лук. XII, 19).

2) ἐνιαυτὸς, annus; такъ въ Апостолѣ XIII—XIV в. лѣто цѣло—ἐνιαυτὸν ὅλον (Діян. XI, 26).

3) въ значеніи χρόνος, tempus—время: ѿиде на лѣта многа—ἀπεδήμησεν χρόνους ἱκανούς (Лук. XX, 9); ако многа лѣта имаше—ὅτι πόλυν χρόνον ἔχει (Іоан. V, 6. Ср. Дѣян. XV, 33; Апок. X, 6).

Въ томъ и другомъ значеніи встрѣчаемъ это слово и въ лѣтописяхъ: въ се *же лѣто* (1134 г.) заложена бысть церкви камена, святая Богородица, рекомая Пирогоща. Томъ же *лѣтѣ* (1136 г.) церкви Пирогоща свершена бысть. Въ се же *лѣто* (1137 г.) быша знаменія въ солнци. „Такъ глаголеть князь намъ: хощу имѣти любовь съ царемъ Греческимъ.... прочая *вся лѣта*. „Ниже: „до конца вѣка (Лавр. стр. 71). Иногда же слово *лѣто* замѣнялось словомъ *время* „въ то же *время* иде Юрьй Ростову“ (подъ 1137 г. Ип. стр. 14).

Въ живой народной рѣчи слово это служитъ для обозначенія или

лаго года—„лѣтами ушелъ, а умомъ не дошелъ"; „въ семь лѣтъ ребѣдовалъ семьдесятъ бѣдъ"; или же—для обозначенія неопредѣленго времени: „Помилуй его Богъ на многія *лѣта*, значитъ—на доля времена.

Въ „Словѣ" минула *лѣта* Ярославля, т. е. годы Ярославовы или е вообще время его княженія.

Любо (conjunctio). Въ древнихъ переводныхъ памятникахъ союзъ отъ отвѣчаетъ Греческимъ:

1) ἤ—ἤ, aut—aut, имѣющемъ мѣсто въ раздѣлительномъ сочетаніи ловъ и предложеній, всего чаще исключающихъ одно другое; такъ въ овѣсти Флавія: **иродъ рєчє: двою тї волю даю, да которою прїими любо мєнє имєи братомъ, а ты жєноу шрини, любо мєнє лишися, а жноу дръжи** (л. 16. об.). διοῖν θάτερον ἑλέσθαι λέγων, ἤ αὐτὸν ἀδελὸν, ἤ τὴν γυναῖκα (Lib. I, c. XXIX, 2).

2) εἴτε—εἴτε, vel—vel,—въ раздѣлительныхъ сочетаніяхъ словъ предложеній равно возможныхъ и равно значущихъ. Въ Святолавовомъ Изборникѣ 1073 г. читаемъ: **любо тѣмь жє, любо инѣмъ спити ти єсть оуто бжнихъ сѫдєкъ пєлынъ** — εἴτε δι' ἐκείνου εἴτε δι' λλου πιεῖν εἶχες τῶν τοῦ θεοῦ χριμάτων τὸ ἀψίνθιον (стр. 170). ъ Пандектахъ Антіоха XI в. **любо пєчалоуєть, любо скръбить**,—εἴτε θυμεῖ, εἴτε θλήβεται, (гл. 117, л. 284 об.).

3) κἄν—κἄν, sive—sive въ значеніи *то* или *это*, хотя бы въ то, хо и въ другое время. Въ Галицкомъ и другихъ древнѣйшихъ Евангеліяхъ I—XII вв. читаемъ: **любо во вторoую. любо въ трєтьюю стражю рїдєтъ**—καὶ ἐὰν ἔλθη ἐν τῇ δευτέρᾳ φυλακῇ καὶ ἐὰν τῇ τρίτῃ φυλακῇ λθη (Лук. XII, 38).

Достойно особаго нашего вниманія, что въ сочетаніяхъ предложеній не равномѣрныхъ по своему значенію, тоже греческое κἄν—**любо**, тоящее предъ предложеніемъ уступительнымъ передавалось выраженіемъ **понѣ** въ значеніи *по крайней мѣрѣ*: **и молахоуть. да понѣ ъскрилии ризы єго коснoуться**—ἵνα κἄν τοῦ χρασπέδου τοῦ ἱματίου ἅψονται (Мрк. VI, 56; ср. Мрк. V, 28).

Во всѣхъ этихъ значеніяхъ слово *любо* встрѣчаемъ и въ лѣтописяхъ.

1) въ значеніи ἤ—ἤ: поѣдемъ на Дюрдѣя.. *любо* съ нимъ миръ створимъ, *любо* ся съ нимъ бьемъ (Ип. стр. 30); *любо* лихо, *любо* добро всѣмъ намъ, пойдемъ вси (Лавр. 353). А нонѣ пойдита противу поганымъ *любо* съ миромъ, *любо* съ ратью (Лавр. 96); пойдита на Половци, да *любо* будемъ живи, *любо* мертви (ib. 267).

2) въ значеніи εἴτε—εἴτε: Вдамъ ти, которой ти городъ любъ, *любо* Всеволожъ, *любо* Шеполь, *любо* Перемиль (Лавр. 256). Въ Русской правдѣ: „а чи будеть горожанинъ, либо гринь, *любо* купечь, *любо* тіунъ боярескъ, *любо* Словенинъ, то м҃ гривенъ положити“.

3) въ значеніи κἄν—по крайней мѣрѣ: „иди ты, Святополче на Давыда *любо* ими, *любо* прожени и҃; т.-е. или заточи или, по крайней мѣрѣ прогони съ княженія (ib. 255). Новгородцы говорили Гюргеви: мы Ольговича не хочемъ, а *любо*, къ намъ пойди, *любо* сына пусти. т.-е. пріѣзжай самъ, или же по крайней мѣрѣ сына пришли (ib. 293);

Имѣя въ виду такое употребленіе *любо* въ памятникахъ XI—XII вѣковъ, не трудно опредѣлить и точное значеніе его въ „Словѣ“.

Здѣсь оно является 1) въ значеніи ἤ, aut: хощу главу свою приложити, *а любо* испити шеломомь Дону, т.-е. хочу сложить свою голову, *или же* шлемомъ напиться изъ Дона.

2) въ значеніи κἄν: се бо два сокола сълетѣста съ отня стола поискаши града Тьмутороканя, а *любо* испити шеломомь Дону, т.-е. или завладѣть Тьмутороканью, или же *по крайней мѣрѣ*, ознаменовать себя побѣдой.

Въ виду указанныхъ данныхъ мы находимъ не заслуживающимъ уваженія, какъ замѣчено нами и выше, предположеніе г. Потебни, будто авторъ „Слова“ могъ быть не доволенъ выраженіемъ „*поискати града Тъмутюраканя*“ поставленнымъ, быть можетъ, подъ вліяніемъ другаго готоваго сочиненія, напр. объ Олегѣ Святославичѣ, но не соотвѣтствующимъ цѣли похода Игорева; поэтому авторъ замѣтилъ: *а любо* (т.-е. *или такъ сказать*) испити Дону. Переписчикъ внесъ это въ текстъ (стр. 92). Подобный пріемъ толкованія текста такого памятника, какъ „Слово“, мы считаемъ совершенно не научнымъ и недостойнымъ имени г. Потебни. Не льзя указать примѣра, чтобы въ XI или XII вв. слово *любо* употреблялось въ значеніи: „*или такъ сказать*“.

Любу (accus. sing. fem.) отъ **любъ, любын.**

Въ древнихъ переводныхъ памятникахъ слово это отвѣчаетъ
реческимъ:

1) φίλος, amicus, gratus, милый, дорогой:

Въ Сборникѣ 1076 г. встрѣчаемъ: **сноу мои любыи** (стр. 223).

2) ποθεινὸς—amabilis, любезный, желанный. Въ Златоструѣ XI
ка: **нѣсть мнѣ ничьсоже любле васъ**—ποθεινότερον ὑμῶν (Вост.).

Въ Лѣтописяхъ подъ 1015 г. Ярославъ рече: о, *люба* моя дружина (Лавр. стр. 137).

Въ кіевскомъ сказаніи о походѣ Игоря: Святославъ... рече: о
оба моя братья и сынове! (Ип. стр. 132).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„*Любо* ль тебѣ, матушка,
„Приведенье мое. (Чтен. 1870 г. стр. 558),

Въ свадебномъ обрядѣ на вопросъ: *люба* ли невѣста „женихъ
вѣчаетъ: „*люба*—не *люба* да судьба привела (Тр. Этн. Отд. кн. V,
р. 87).

Въ живой народной рѣчи: „милъ да *любъ*, такъ и будетъ другъ".
дѣ, *люба* тамъ не отдаютъ, гдѣ не любы—тамъ двухъ да трехъ (Даль).

Въ „Словѣ" връже... жребій о дѣвицю себѣ *любу*, т.-е. которая
о-люби, по сердцу, о которой душа горитъ.

Людемъ отъ **люди.** Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ
лово это встрѣчаемъ въ соотвѣтствіи слѣдующимъ Греческимъ выра-
еніемъ:

1) λαός, populus. Въ Галицкомъ и другихъ Евангеліяхъ XI—
II вв. читаемъ: **и рекоуть людьмъ**—καὶ εἴπωσι τῷ λαῷ (Мѳ. XXII,
4); **еда како боудеть мълва людьмъ**—τοῦ λαοῦ (Марк. XIV, 2). Въ
вятославовомъ Изборникѣ 1073 г.: **и ты не молися о людьхъ сихъ**—
ερὶ τοῦ λαοῦ (изд. Общ. И. и Др., стр. 120) Въ Псалтири XII—
III в. **исповѣдаться тебе людие вьси**—λαοὶ πάντες (Пс. LXVI, 4).

2) ὄχλος, vulgus; **и вси людье радовахоуся**—καὶ πᾶν ὁ ὄχλος
Лук. XIII, 17).

3) ἔθνος, gens: яко хотяше.. умерети за люді (Іоан. XI, 51).

Въ Лѣтописяхъ встрѣчаемъ это слово во всѣхъ этихъ значеніяхъ:

1) въ значеніи λαός: народъ, вообще подданные, граждане и воины. Видѣвше *людье* князя бѣжавша, взратишася Кыеву и створиша вѣче (Лавр. 168); Святославъ, узнавъ, оже вставають на нь Новгородьци посла къ брату Всеволоду река ему: тягота, брате, *в людехъ сихъ*, а не хочу въ нихъ быти (Ип. стр. 17).

2) въ значеніи ὄχλος, черни, простаго народа: много же отъ мраза измроша *людье* излуплени (Лавр. стр. 457); яко простии *людьи* суть пуще (ibid. стр. 480).

3) въ значеніи ἔθνος, рода-племени: „новии же *людье*.. мѣзянии Володимирьстии" (ibid. стр. 359).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„И много множество народу — *людей* добрыихъ (Прич. С. кр. ч. III, 224).

Въ „Словѣ" *людемъ*—можетъ быть принимаемо во всѣхъ этихъ значеніяхъ: это Русь, въ ея подданныхъ, состоящая изъ разныхъ племенъ и главнымъ образомъ—въ ея простонародьѣ. Всеславъ князь людемъ судяше, т.-е. былъ судьею „сыновъ Русскихъ", подданныхъ Русской земли, разнаго рода-племени, и именно націи, какъ народа, ибо далѣе говорится, что *князьямъ* онъ *грады* рядяше.

Лютымъ (insrum. sing. masc.) отъ **лютын**, χαλεπός, saevus, свирѣпый. Какъ epithetum *звѣря*, слово это встрѣчается уже въ Святославовомъ Изборникѣ 1073 г.: не бꙑде лютѣи звѣрь тъ—οὐ γίνεται χαλεπώτερον τὸ θηρίον (изд. Общ. И. и Др. стр. 149).

Лютый звѣрь есть изобразительное прозвище волка. Ѳ. И. *Буслаевъ* разъяснилъ *по даннымъ языка* тождество этихъ выраженій (См. „О значеніи собственныхъ именъ Лютичи, Вильцы и Волчки). Мы остановимся лишь на историческихъ указаніяхъ. Какъ въ древне-русскихъ писменныхъ памятникахъ, такъ и въ народной поэзіи вмѣсто имени *волка* встрѣчаемъ выраженіе *лютый звѣрь*. Такъ напр. лѣтописецъ, описывая нападенія бѣсовской силы на затворника Исаакія, говоритъ: „другоици бо стращахуть и въ образѣ медвежи, овогда же *лютымъ*

звѣремъ, ово воломъ, ово змиѣ полозяху к нему.... и всякъ гадъ. Лавр. 1872 г. стр. 191); очевидно, подъ *лютымъ звѣремъ* здѣсь разумѣется *волкъ*, издавна служившій въ народномъ сознаніи образомъ нечистой силы. Далѣе, Владиміръ Мономахъ въ своемъ посланіи къ Олегу, говоря объ охотѣ на звѣрей, водившихся въ южной Россіи, умалчиваетъ о волкѣ; за то прибавляетъ: „*лютый звѣрь* скочилъ ко мнѣ на бедры и конь со мною поверже" (ib. стр. 242).

Въ древнихъ Русскихъ стихотвореніяхъ является выраженіе *лютый звѣрь* не въ смыслѣ только звѣря вообще, но и въ опредѣленномъ значеніи извѣстнаго звѣря, именно—волка:

„По той по порохѣ—по бѣлу·снѣгу,
„И лежать три слѣда звѣриные:
„Первый слѣдъ—гнѣдаго тура,
„А другой слѣдъ—*лютаго звѣря*
„А третій слѣдъ дикаго вѣпря. (Иванъ Годиновичъ; стр. 130).

Послѣдніе два стиха замѣчательно совпадаютъ съ текстомъ „Чаровника": „рыщутъ *лютымъ звѣремъ* и вепремъ".

Самая живая черта, которая дается въ сознаніи представленіемъ *лютаго звѣря* и на которую указывается исторіею языка (корень *лю*— рвать, терзать, грабить, Лит. lûtas), есть его *свирѣпость*. Черта эта, естественно, нашла себѣ примѣненіе и въ воинскихъ повѣстяхъ для характеристики геройства и мужества воиновъ. Такъ напр. въ „Повѣсти Флавія имъ усвояется ярость самыхъ *лютыхъ звѣрей*—τοὺς δὲ θυμοὺς τῶν ἀγριωτάτων θηρίων (Lib. II, c. XVI, 4). Или же: καὶ τοῖς ἀγριωτάτοις παραπλήσιοι θηρίοις ὅρμων ἐπὶ σίδηρον (Lib. IV, c. VII, 4) они уподобляютси *лютымъ звѣрямъ*, которые прутъ на желѣзо.

Но съ выраженіемъ „*лютый звѣрь*" существенно связана и другая изобразительная черта, которая не дается его корнесловіемъ, но лишь указывается историческимъ его употребленіемъ—это именно *быстрый бѣгъ, рысканіе*. Эта черта *лютаго звѣря* также является въ воинскихъ повѣстяхъ, какъ образъ для представленія быстрыхъ воинскихъ движеній. Такъ у того же Флавія читаемъ: ὡς τὸν δρόμον

αὐτῶν τοῖς ἀγριωτάτοις εἰκάζειν—ut bestias immanissimas cursu adaequarent (Lib. V, c. II, 5) т. е. по своему бѣгу, *скаканію*, они похожи на самыхъ *лютыхъ звѣрей.*

Въ классической словесности подъ *лютыми звѣрями* разумѣлись разные звѣри и между прочимъ *волкъ* (такъ ferus—*лютый* у Овидія—звѣрь—*волкъ*).

Въ повѣсти о Дигенисѣ—читается подобное же сравненіе.

Но если въ историческихъ повѣствованіяхъ и романическихъ повѣстяхъ—выраженіе *лютый звѣрь* употребляется какъ риторическій сравнительный оборотъ, то въ произведеніяхъ творческихъ оно имѣетъ болѣе глубокое и жизненное значеніе, такъ какъ стоитъ въ связи съ древнимъ и глубочайшимъ вѣрованіемъ въ упырей и волкодлаковъ. Вѣрованіе это отразилось еще въ сказаніи Геродота о баснословныхъ Неврахъ, предкахъ Лютичей и Волковъ и засвидѣтельствовано въ славяно-русскихъ памятникахъ: „а переже того клали требу *упиремъ* і берегинямъ". „Чаровникъ также говоритъ объ оборотняхъ въ разныхъ звѣрей и птицъ", но съ древнѣйшихъ временъ и до сихъ поръ оборотень, по преимуществу, оборачивается у насъ въ волка. (См. у Буслаева: о значеніи собственныхъ именъ Лютичи, Вильцы и Волцы).

Въ „Словѣ: скочи отъ ныхъ (града Кіева и Кіевскаго стола) *лютымъ звѣремъ*.... скочи (отъ Новгорода) *вълкомъ* до Немиги: оба выраженія указываютъ на одного звѣря: авторъ лишь разнообразилъ ихъ названія во избѣжаніе неблагозвучія рѣчи чрезъ повтореніе рядомъ одного и того же слова. *Волкъ* или *лютый звѣрь* здѣсь является во 1-хъ въ качествѣ быстраго бѣга и во 2-хъ не какъ риторическая фигура, но какъ дѣйствительное превращеніе Всеслава въ волка. На это указываетъ и такого пониманія требуетъ весь обликъ Всеслава со всѣми его очертаніями, среди коихъ стоитъ это выраженіе.

Въ Исторической географіи есть: *Лютинъ* городъ и уѣздъ (Истор. Акт. IV, 309); *Лютежъ* рѣчка (ib. V, 292). *Лютая гора*—урочище (Дополн. къ Акт. Истор. I, 83).

Лѧцкїи (nominal. plur. masc.) отъ **лѧцкїи** — adject. отъ **лѧхъ**.

Въ „Словѣ": сулици *Ляцкіи*—значитъ Польскій.

М.

Малаго (genetiv. sing. masc. antecedente praepositione **до**) **малое**, (accus. sing. neutr. antecedente praepositione **про**) отъ **малый**.

Слово это въ древнѣйшихъ Славяно-русскихъ переводахъ отвѣчаетъ греческимъ: 1) μικρός, pusillus—*младшій* въ противоположность *старшему*. Такъ, въ Галицкомъ и др. Еванг. XII в. читаемъ: **и марія іакова малаго**—τοῦ ἰακώβου τοῦ μικροῦ (Марк. XV, 40) **и ты віѳлеоме земле июдова. ні чім же мьньші єсі въ владыкахъ июдовахъ**—οὐδαμῶς ἐλαχίστη εἶ (Мѳ. II, 6). **ѿ мала даже до велика** — ἀπὸ μικροῦ ἕως μεγάλου (Иуд. XIII, 4, 13; ср. Іер. XLII, 8; XXIV, 12).

2) ὀλίγος, parvus, modicus—въ значеніи: *недостаточный*, *немногій* въ противоположность *многому*: **и мнози соуть въходащеи... и мало ихъ есть. иже и обрѣтають,**—καὶ πολλοί εἰσιν οἱ εἰσερχόμενοι... καὶ ὀλίγοι εἰσὶν οἱ εὑρίσκοντες (Мѳ. VII, 13—14). **жатва оубо многа, а дѣлатель мало**—ὁ μὲν θερισμὸς πολύς. οἱ δὲ ἐργάται ὀλίγοι (Мѳ. IX, 37. Ср. XV, 34, XX, 16; Марк. VI, 5; VIII, 7; Лук. X, 2). Ср. въ книгѣ Пророковъ: **оуцѣлѣвшіи ѿ меча малымъ числомъ**—ὀλίγοι ἀριθμῷ (Іер. XXIV, 12); **яко малъ есть** (Амос. VII, 5; Мих. V, 2).

3) βραχύς, exiguus: въ значеніи *маловажный*, *пустяжный*, *незначительный* въ противоположность чему-либо *великому* и *значительному*—„**да къждо мало что пріиметь**—ἵνα ἕκαστος αὐτῶν βραχύ τι λάβῃ. (Іоан. VI, 7).

Въ подобныхъ же значеніяхъ слово это является и въ литературно-повѣствовательномъ языкѣ Кіевской дружинной школы.

1) въ значеніи *невысокій*: *Малъ* столпъ постави (Лавр. стр. 39)

2) въ значеніи не многочисленный: Убоявся Изяславъ, зане бѣ остался на полку съ *малою* дружиною. (Ibid. 323).

3) въ значеніи незначительный, маловажный: такъ въ лѣтописяхъ читаемъ: „Ты Вифлеоме! Еда *малъ* еже быти въ тысящахъ (Лавр. стр. 98). Ольга говорила Древлянамъ: хощу дань имати по *малу*.... азъ бо не хощу тяжки дани възложити... се прошу у васъ *мало* (вмѣсто скары и меду по 3 голуби и воробьи)... вы бо есте изнемогли въ осадѣ, да сего прошу у васъ *мала* (Ibid. 57).

Въ богатырскихъ Словахъ— *малый* также встрѣчаемъ въ значеніи *маловажный*:

„Видитъ онъ: дѣло есть не *малое* (Рыбн. I, 190).

Въ живомъ народномъ языкѣ говорится: „*Малъ* золотникъ да дорогъ“. „Соколъ *малъ* да удалъ“. „Въ *малѣ* Богъ и въ великѣ Богъ и т. п.

Малый, также какъ и слово *великій* входитъ во множество образованій географическихъ именъ: таковы напр. *Малово*—деревня въ Обоненской пятинѣ (Истор. Акт. II, 74); *Малое-городище*—сельцо въ Суздальскомъ уѣздѣ (ib. I, 319); *Малая Болда*—рѣка (ib. III, 14—15, 17; V, 344) *Малая Горка*—деревня въ Череповскомъ уѣздѣ и въ др. мѣстахъ.

Въ „Словѣ“ *малый* является: 1. въ значеніи *не большаго*, въ противоположность *большому*. Такъ Донецъ называется *малымъ* т. е. рѣкою болѣе узкою и менѣе глубокою, чѣмъ *Великій* Донъ—и глубокій и широкій.

2., въ значеніи *маловажнаго, пустяжнаго*: „и начаша князи про *малое*, се великое млъвити“.

Мало какъ нарѣчіе количества встрѣчаемъ въ тѣхъ же переводныхъ памятникахъ, въ соотвѣтствіи Греческому: ὀλίγον: **и почіите мало**—καὶ ἀναπαύεσθε ὀλίγον (Марк. VI, 31) **молї и ѿ земла отступити мало**—ἀπὸ τῆς γῆς ἐπαναγαγεῖν ὀλίγον (Лук. V, 3). **сѣасте много и въꙁасте мало** πολλά... ὀλίγα (Агг. I, 6).

Въ лѣтописяхъ: *мало* (людей) обрѣтается въ церкви (Лавр. стр. 56) а увѣсть царь, яко *мало* насъ пришедше оступятъ ны (ibid. 70); рече Василько: се *мало* ся насытилъ (Давидъ) крови моея а се хочеть болѣ насытитися (ib. 256); у тебе дружины *мало* (ib. 310); Андрееви же гнавшю ратныѣ *мало* не до полковъ ихъ (ib. 315); удари на Угры Володимерко и *мало* отъ нихъ изыма (ib. 319), онѣхъ же Половцевъ прїѣха *мало* (ib. 328).

Въ „Словѣ" *мало* (sicut adverbium) также является въ значеніи количественномъ: *мало* ли ти бяшеть горъ подъ облакы вѣяти"; не *мало* ти величія, а Кончаку нелюбія"; а злата и сребра ни *мало* того потрепати.

Мати (nominat. sing. fem.) μήτηρ, mater. Въ той же самой грамматической формѣ встрѣчаемъ это слово въ древнѣйшихъ славяно-русскихъ памятникахъ. Такъ во всѣхъ евангеліяхъ XI—XII вв. читаемъ: прїстоупї к немоу м҃ті с҃нкоу ꙁеведеокоу (Мѳ. XX, 20) прїде же м҃ті юго (Мрк. III, 31) се м҃ти твоꙗ (ibid. 32) и м҃ти носїнна (ibid. IV, 40. Ср. Мѳ. XII, 46, 47; XIII, 55).

Въ Пандектахъ Антіоха XI в. также читается: м҃ти моꙗ ἡ μήτηρ σοῦ (гл. 93, л. 202).

Въ лѣтописяхъ: при сравненіи Ольги съ равноапостольной Еленой читаемъ: яко же и древняя царица *мати* великаго Константина (Лавр. стр. 60); живяше Ольга съ сыномъ.... и учашеть и *мати* крестится (ib. 61); Всеславъ... его же роди *мати* отъ вълхвованія (ib. 151); И плакася по немъ (Ростиславѣ) *мати* его (ibid. 213).

Въ „Словахъ богатырскихъ: Дюкъ говоритъ своей матери:

Государыня свѣтъ—моя матушка!
Во всѣхъ городахъ, *мати*, много бывано,
А во градѣ во Кіевѣ не бывано,
Владиміра князя, мать, не видано (Рыбн. III, стр. 149).

Въ „Пѣсняхъ:

„Выглянь, выглянь, *мати* въ стекольчато окошко (Тр. Этн. Отд. кн. IV, 143).

Въ живыхъ народныхъ поднарѣчіяхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (напр. въ Ряз. губ.) мать употребляется въ формѣ *мати* (См. у Даля).

Въ „Словѣ: Плачется *мати* Ростиславя.

Мгла, мъгла, (nomin. sing. femin.) **мглѣ,** (local. sing. fem. antecedente praepositione **въ**) **мъглами,** (instrumental. plur.) **мъглами** (instrumental. plur. antecedente praepositione **подъ**). Слово это не у однихъ Чехо-Славянъ, особенно въ городахъ, получило очень опредѣленное значеніе облака или облаковъ, каковы они сами въ себѣ, сохраняя вмѣстѣ съ тѣмъ и значеніе тумана вообще и соединенной съ нимъ тьмы, въ полномъ соотвѣтствіи греческому ὁμίχλη, nebula, Литов. migla. Въ такомъ значеніи встрѣчаемъ это слово въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ. Такъ въ книгѣ Пророковъ читаемъ: **творяи оутро и мьглу**—ποιῶν ὄρθρον καὶ ὁμίχλην (Амос. IV, 13); въ книгѣ Іова: **мьглою же и повихъ** — ὁμίχλῃ δε αὐτὴν ἐσπαργάνωσα (XXXVIII, 9).

Въ тѣхъ же памятникахъ слово это отвѣчаетъ и греческому γνόφος, caligo, tenebrae, мракъ, тьма. Такъ въ пятокнижіи Моисеевомъ читаемъ: **вниде въ мглоу**—εἰς τὸν γνόφον (Исх. XV, 2); въ книгѣ Пророковъ: **мьгла не имащи свѣта своего**—γνόφος οὐκ ἔχων φέγγος (Ам. V, 20). Въ книгѣ „препод. Нила о 8-ми помыслахъ: „**оуи очеси унитъ мгла** ὀφθαλμῶν ἐνέργειαν ἀμαυρεῖ γνόφος (Мой сборн. XVI в. л. 86).

Въ лѣтописяхъ *мгла* описыватся такъ: „Устрои Богъ *мглу*, якоже не видѣти никоможе, толико до копья видѣти (Ип. стр. 63). И бысть въ тъ день *мгла* велика яко не видѣти до конецъ копья (ibid. стр. 73). Подъ 1223 годомъ: „бѣ бо яко *мгла* к земли прилегла, яко и птицамъ по аеру не бѣ лзѣ летати (Лавр. стр. 424). Подъ 1371 годомъ: „*мъгла* стояла по ряду съ два мѣсяца, толь велика *мъгла* была, яко за двѣ сажени предъ собою не видѣти человѣка в лице, а птицы по аеру не видаху летати, но падаху на землю съ воздуха (ibid. стр. 506). Гребци сѣдяху, аки *мглою* одѣни (ib. 456).

Замѣтимъ, что малороссійская дума о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова сопоставляетъ ихъ отважное бѣгство съ образомъ поднимающагося тумана:

„Не великіи тумани вставали
„Якъ три брати зъ Турецкой неволи втікали (Чт. Общ. Ист. 1863 г. III, 41).

Бытуетъ это слово и въ именахъ географическихъ; въ „Книгѣ льшаго Чертежа читаемъ: „отъ Семги 50 верстъ рѣчка *Мгла* р. 183).

Югозападнымъ Славянамъ, замѣчаетъ Академикъ Срезневскій ›во это было извѣстно также, какъ и сѣверозападнымъ и Русскимъ, къ напр. въ болгарскихъ пѣсняхъ: „Мгли са прахове дихнаха. эзсон. Болг. п. стр. 27).

Въ „Словѣ" *мглы* являются 1, въ значеніи тумановъ (ὁμίχλη): ,утъ сморци *мьглами*,—т. е. движутся туманы въ видѣ столповъ ерчей см. Грамматику „Слова"); полетѣ соколомъ подъ *мьглами*; ѣвавшу его теплыми *мглами*; и 2, въ значеніи туманной густоты, ьы, мрака (γνόφος): „*мгла* поля покрыла"; обѣсися синѣ *мглѣ*; здѣсь, этомъ послѣднемъ мѣстѣ, *мгла* приближается къ значенію *облака* потому называется *мглою синею*.

Между (praepositio, construitur cum instrumentali) μεταξύ, inter.

Въ Маріинскомъ евангеліи XI в. читаемъ: обличи и междю со ю и тѣмь единѣмь —μεταξὺ σοῦ καὶ αὐτοῦ μόνου. (Мѳ. XVIII, 15) юже оубисте междю црквнѣ и олтаремь —μεταξὺ τοῦ ναοῦ θυσιαστη-ου. (ibid. XXIII, 35. Ср. Лук. XI, 51) междю нами и вами пропадь лиѣ оутврьдися—μεταξὺ ἡμῶν καὶ ὑμῶν (Лук. XVI, 26).

Въ Остроміровомъ Ев. пишется: междю въ другихъ XI—XII вв. ежю. *Междю* вм. *межу* встрѣчаемъ и въ позднѣйшемъ западнорусюмъ спискѣ Ев. XVI в.; очевидно это слѣдъ воздѣйствія юго славянаго правописанія на Русскихъ книжниковъ XVI в. Выраженіе: „*междю орскими иноходци*" указываетъ на древне-русскій способъ перенеснія тѣлъ умершихъ. Такъ въ статьѣ Степенной книги о преставлеи Дмитрія Юрьевича Краснаго читаемъ: „и тогда отпѣвше надгробная адъ нимъ, положиша его въ колоду и смоливша съ полстьми, повезоша о въ Москву *на носилахъ*; везуще же сронища дважды съ носиецъ; на Москву же привезоша его мѣсяца октября въ 14 день 6935 г.

внесоша его въ церковь Св. Михаила". (Мой сп. стр. 583). Для того, чтобы везти покойника на носилахъ, очевидно требуются кони съ обѣихъ сторонъ. Обычай этотъ восходитъ къ глубокой древности; уже подъ 1087 г. Кіевская лѣтопись гласитъ: „а Ярополка взяша на кони предъ ся Радко и Воикина и иніи отроци, несоша къ Володимерю, а оттуду Киеву (Смирн. II, 90). Перевозить покойника такимъ образомъ—промежъ дву конь могли какъ и въ *колодѣ бѣлодубовой*, такъ и на коврѣ, особенно же поднимая его съ поля сраженія.

Бутковъ: „рѣчь: *междю Угорскими иноходцы* переведена (первыми издателями): *между Венгерскою конницею*; но какъ въ XII в., прежде и долго потомъ, предлогъ *между* писанъ былъ у насъ: *межь, межи, межю* (Воскр. Лѣт. 11, 24, 42, 53 и др. и м. Духов. Вл. Мон. стр. 49); то оныя слова означаютъ, что тѣло Святополкова тестя доставлено съ Каялы въ Кіевъ, на чемъ либо утвержденномъ „межъ *дву* Венгерскихъ иноходцевъ". Это предположеніе замѣчаетъ А. И. Смирновъ мало имѣетъ основаній въ языкѣ „Слова", въ которомъ двойственное число большею частію соблюдено; здѣсь же „Угорскими иноходци" стоитъ во множественномъ числѣ. Съ своей стороны онъ строитъ другую догадку: „не было ли въ окончаніи *межю* какое-либо числительное, но только не два и не выражено ли было въ рукописи буквой или двумя. Кажется, говоритъ онъ, что после *межю* здѣсь было дi оугорьскими и можетъ быть безъ титла; могло статься, что i=10 издатели слили съ слѣдующимъ о и образовали ю, а д=отнесли къ *межю* и вышло *междю*. Между тѣмъ слѣдовало читать: „межь четырьми на десяте оугорьскими иноходьцы". Съ палеографической точки зрѣнія такое объясненіе имѣетъ полное основаніе. Въ рукописяхъ XVI в. церковныя числа не рѣдко вводили въ ошибки писцевъ кои при чтеніи сливали эти числа съ рядомъ стоящими словами; такъ въ Апостолѣ XVI в. намъ принадлежащемъ начертано: бежевсе мужъ ѩкй—слѣдовало читать и написать: бѣ же всѣхъ мужъ ѩко вї т. е. яко 12-ть (Дѣян. XIX).

Но съ точки зрѣнія исторической мало вѣроятно, чтобы авторъ „Слова" внесъ въ свое произведеніе такую подробность, что Изяславъ перевезенъ былъ съ Нежатиной нивы въ Кіевъ именно между конями.

Патерикѣ Печерскомъ XVI в. читается уже **блеснп млънію** (мой л. 103 об. ср. 3 Цар. II, 19; XXIV, 28). Въ повѣсти Флавія **клюунса громи страшни и молніи часты**—καὶ συνεχεῖς ἀστραπαὶ ѣ. IV, с. IV, 5). При военныхъ походахъ, по свидѣтельству о же Флавія, частое блистаніе молній предвѣщало не малыя бѣвія (ibid.).

Греческое ἀστραπή передавалось также и словомъ **блистаные**; такъ переводѣ Апокалипсиса: **и блистанья**—καὶ ἀστραπαὶ (Ап. VIII, 5); переводѣ св. Алексія: **молнья**.

Въ Кіевской лѣтописи читаемъ подъ 1024 г. бысть тьма, *молонья* громъ (Лавр. стр. 144), Сильное и частое сверканіе молніи въ друнныхъ представленіяхъ связывалось съ грозною сѣчею; такъ лѣтосецъ послѣ приведенныхъ словъ непосредственно замѣчаетъ: и бѣ оза велика и *сѣча сильна и страшна* (ib. 144).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„Наставала туча темна-неспособная,
„Со громомъ да эта туча со толкучіимъ,
„Вдругъ со *молвіей*—то тученька свистучей,
„Со этыимъ огнемъ да она плящіимъ. (Пр. С. кр. ч. I, стр. 246).

Въ „Словѣ": а въ нихъ трепещутъ синіи **млънін** (См. **синін**).

Многи (nominat. plur. fem. отъ **многъ** — πολύς, multus. Въ евнѣйшихъ памятникахъ слово это въ формѣ **многи** и **мнози**— потреблялось безразлично. Въ древнихъ переводахъ Псалтири являетта и другая форма: **щедроты твоя многи**—οἱ οἰκτιρμοί σου πολλοὶ Іс. CXVIII, 57) **и мнози изгонащии мя**—πολλοὶ ἐκδιώκοντές με bid. 58).

Точно также и въ лѣтописяхъ:

Половци придоша *мнози* (Лавр. стр. 405).
Многи крови проливахуться (ib. стр. 329).

Въ „Словѣ": и *многи* страны хинова...

дѣло каменье на мя мещете—διὰ ποῖον αὐτῶν ἔργων λιθάζετέ με (Іоан. X, 32) о добрѣ дѣлѣ не мещемъ каменье на тя—οὐ λιθάζομέν σε (ibid. 33).

Въ Кіевской лѣтописи глаголъ этотъ встрѣчаемъ въ формѣ *метати*: „повелѣ Володимеръ *метати* паволоки (Лавр. стр. 276); а съ города, аки дождь, каменье *метаху* на нь (ib. 308).

Въ живой народной рѣчи говорится: „зря добра не *мечутъ*. Не изруть ядра *мечутъ*" и т. п.

Мечемъ, (instrument. sing. masc.) **мечи** (accus. et instrum. plur.) отъ **мечь**—μάχαιρα, gladius.

Въ древнѣйшихъ Славянскихъ переводахъ слово это отвѣчаетъ Греческимъ:

1) μάχαιρα, gladius: въ Галицкомъ и др. Ев. XII в. **не придохъ въврѣщь мира нъ мечь**—ἀλλὰ μάχαιραν (Мѳ. X, 34) **и падутъ въ острїи меча**—στόματι μαχαίρας (Лук. XXI, 24). Въ Юрьев. Ев. **се меча сьде дъва**—ἰδοὺ μάχαιραι δύο (Лук. XXII, 38 ср. Дѣян. XII, 2). Въ Остроміp. Ев. **ꙗко на разбоиника ли придосте съ мечи** (Лук. XXII, 52). Въ Пандектахъ Антіоха XI в. **ꙗзыкъ ихъ мечь остръ**—μάχαιρα ὀξεῖα (гл. 50, л. 111).

2) ῥομφαία, gladius, framea: такъ въ книгѣ Пророковъ: **мечь вражїи обитаетъ окрестъ**—ῥομφαία τῶν ἐχθρῶν (Іер. VI, 25).

Мечь оружіе обоюдуострое, чѣмъ оно и отличался отъ сабли острой лишь съ одной стороны. Мечь состоялъ изъ широкой полосы или клинка и изъ крыжа или ефеса. Вкладывался мечь въ ножны, оболоченныя кожею, хзомъ (сафьяномъ) и бархатомъ. Полосы мечей дѣлались изъ булата, стали и желѣза. Привѣшивался мечь при посредствѣ двухъ колецъ къ поясу. Мечи были у грековъ, римлянъ и германцевъ; они же входили въ составъ доспѣховъ Русскаго оружія, но у кочевниковъ хозаръ, печенеговъ и половцевъ ихъ не было и потому они считали *мечи* самою дорогою для себя добычею. Въ этомъ отношеніи любопытны подарки коими въ 968 году обмѣнялись Русскій воевода Претичь и Печенежскій князь. Этотъ послѣдній далъ Претичю коня, *саблю* и стрѣлы, а Претичь отдариваетъ его броней, щитомъ и *мечемъ* (Лавр. 65). Мечь составлялъ существенную принад-

ежность воина, и обычнаго княжескаго наряда. Такъ Андрей Боголюбскій никогда даже въ ложницѣ не разставался съ своимъ мечемъ, оставшимся ему отъ Св. Бориса (Лавр. 308, 350). Мономахъ въ своемъ посланіи къ Олегу между прочимъ упоминаетъ о томъ, что однажды на охотѣ вепрь сорвалъ у него мечь съ бедра (Лавр. 242). Онъ же говоритъ: разгнахомъ силны вои Белкатчина, а се *мечи* и полонъ весь отъяхомъ (Лавр. 239). Не мечемъ конечно сражались съ дикими звѣрями и онъ былъ на бедрѣ Мономаха, безъ сомнѣнья, какъ принадлежность княжескаго наряда! Къ мечу въ битвѣ прибѣгали, когда ломалось копье, что бывало не рѣдко и объясняется силою и стремительностію перваго натиска. Вотъ напр. описаніе битвы: (князь) ободе копье свое въ ратьнаго, изломившуже ся копью, и обнажи *мечь* свой (Ип. 512). Битва начиналась конечно издали, и каждый воинъ стремился сразить непріятеля копьемъ, не допуская его до себя; лишь при натискѣ и рукопашной схваткѣ приходилось дѣйствовать *мечемъ*. Этотъ послѣдній бой мечами весьма походилъ на молоченіе сноповъ цѣпами; лишь испробовавъ *копейное дѣло*, бросались по обычаю въ рукопашную схватку.

П. Н. Мрочекъ-Дроздовскій указываетъ еще эмблемматическое значеніе меча. Мечь есть эмблемма суда и, слѣдовательно княжеской власти. Всеволодъ III, отправляя сына своего Константина на Новгородское княженіе благословилъ его Св. крестомъ, какъ схранникомъ и помощникомъ и вручилъ ему *мечь*, какъ прещеніе и опасеніе, еже пасти люди своя отъ противныхъ (Лавр. 401). Константинъ, не разъ принимавшій участіе въ отцевскихъ походахъ, конечно, владѣлъ мечемъ и до посылки его въ Новгородъ; въ данномъ же случаѣ крестъ данъ ему, какъ благословеніе отеческое, а мечь, какъ поставленіе „княжича" въ санъ князя, правителя и судіи. Въ виду сего соображенія П. Н. Мрочекъ-Дроздовскій мѣсто „Слова", гдѣ говорится, что Половцы подклонили свои главы подъ мечи харалужные Галицкихъ князей, объясняетъ такъ что они, положивъ оружіе предъ этими князьями, покорились ихъ власти. (Изсл. о Р. Пр. 11, 199).

Въ русской передѣлкѣ повѣсти о Дигенисѣ читаемъ: и *мечь* дасть (Стратигъ) прадѣда своего (И. Д. Р. III, 272).

Въ Богатырскихъ словахъ являются и богатырскіе мечи:

Вынимае (Дюкъ) булатный *мечь* въ 40 пудовъ.

. . . .

Самъ тутъ Шаркъ Великанъ *мечь* булатный вытягивае

. . . .

Оба булатные *мечи* въ черепья разсыпывались (Рыбн. I, стр. 314).

Въ южно-русскихъ пѣсняхъ:

„Кто отца-мать почитаетъ
„Смертельный *мечь* того минае. (Церт. стр. 29).
„Коновченко....
„*Мечемъ* своимъ якъ блискавка сіяе. (ib. 34).

Въ исторической Географіи есть селеніе съ именемъ *Мечево* (Ист. Акт. V, 387).

Въ „Словѣ" *мечь* является въ слѣдующихъ сочетаніяхъ:

„Олегъ *мéчемъ* крамолу коваше,
„Половци главы своя подклонишя подъ тыи *мечи* харалужныи;
„Вонзить свои *мечи* вережени;
„(Святославъ) бяше притрепалъ... харалужными *мечи*,
„Рано еста начала Половецкую землю *мечи* цвѣлити,
„(Изяславъ сынъ Васильковъ)... притрепанъ Литовскыми *мечи*.

Изображая геройство Всеволода на бою, авторъ говоритъ: „гремлеши *мечи* харалужными, а не *мечемъ*; это значитъ, что въ лицѣ Всеволода авторъ мыслитъ цѣлое войско, во главѣ котораго онъ стоялъ.

Ми (dativ. sing.) отъ **АЗЪ** (pronomen primae personae).

Во всѣхъ древнѣйшихъ письменныхъ памятникахъ saepissime occurrit.

Въ „Словѣ": чръпахуть *ми* синее вино; княже *ми* не пособіе".

Но не рѣдко ми въ древнѣйшихъ славяно-русскихъ переводахъ встрѣчается sicut dativus ethicus.*

Въ подобныхъ случаяхъ значеніе его видоизмѣняется въ зависи-сти отъ того, къ какому непосредственному ощущенію оно отно-тся, къ ощущенію ли зрѣнія или слуха лица говорящаго, въ томъ другомъ случаѣ ми получаетъ значеніе разныхъ частицъ.

По отношенію къ зрѣнію—ми употреблялось при божбѣ и клят-хъ—и въ древнѣйшихъ переводахъ соотвѣтствуетъ греческой части-; μά; такъ въ Сказаніи о святѣй Софіи Цареградской, ангелъ, по-лая отрока, стороживщаго строительный матеріалъ, за рабочими, едшими обѣдать, чтобы они скорѣе вернулись на работу, увѣрялъ о, что въ это время онъ самъ будетъ сторожить: иди скоро и рци ъ, яко да придоуть, скорѣе и азъ кленоутися чадо, тако: ми сты офиа, иже есть слово б҃жие, си имъ зижема, не ѿидоу ѿсюдоу, дон-же възратишися *) καὶ ἐγὼ ὄμνυμί σοι, τέκνον, οὕτως· μὰ τὴν ἁγίαν φίαν τὸν Λόγον τοῦ Θεοῦ, τὴν νῦν κτιζομένην. **)

Ми (μά)—значитъ здѣсь „*вотъ*": клянусь тебѣ, чадо: *вотъ* святая фія—т.-е. свидѣтель мой; какъ и нынѣ высказывается божба: *вотъ*—гъ, *вотъ*—Пресвятая Богородица, что говорю правду. *Ми* или *вотъ* божбѣ значитъ тоже, что гляжу я на Бога, говорю, какъ предъ той Богородицей.

Въ „Словѣ" ми относится къ непосредственному ощущенію слуха потому оно здѣсь значитъ: „чую я", чуется мнѣ, или что тоже: *чю!*

Что *ми* шумитъ, что *ми* звенитъ т.-е. *чю!* что-то шумитъ, что-то внитъ. Ярославны *ми* гласъ ся слышитъ: *чю!* Ярославны слышится асъ. (De dativo ethico см. т. V въ грамматикѣ „Слова").

Мила, (accus. sing. masc.) **милыя**, (genet. sing. fem.) **ми-ъ** (genet. plur. fem.) отъ **милый**, συγγνωστός, excusabilis близ-і къ сердцу, вызывающій соучастіе, милость и жалость. Въ Корм-й XIII в. читается: аще ли ...оумреть рожение то да мила боудеть и—συγγνωστὴ ἡ μήτηρ. Во всѣхъ Евангеліяхъ XI—XII вв. Грече-ій глаголъ—σπλαγχνίζεσθαι, misericordia moveri—переведенъ милыимъ ти. Такъ въ Остромировомъ, Галицкомъ и др. Ев. читаемъ: мілъ

---

*) Издано о. арх. Леонидомъ въ „Памятникахъ Имп. Общества любителей вней письменности". LXXVIII, стр. 11—12.

**) Саввантовъ: путешествіе Антонія; столб. 72.

мї ѥсть народѣ сь—σπλαγχνίζομαι ἐπὶ τὸν ὄχλον. Въ Ев. Конст. 1383 г. и др. позднѣйшихъ милосрдоую о народѣ (Марк. VIII, 2). Въ евангеліяхъ Зографскомъ, Маріинскомъ XI в.: и милъ емоу бысть—καὶ ἐσπλαγχνίσθη ἐπ' αὐτοῖς (Мрк. VI, 34). Въ Остроміровомъ, Галицкомъ и др.: оузрѣ и отць его. и мілъ емоу бысть—καὶ ἐσπλαγχνίσθη (Лук. XV, 20). Въ Повѣсти Флавія: ономоу же (Ферору) зѣло бѣсть мила жена (л. 16 об.).

Милый по употребленію въ древнѣйшихъ славяно-русскихъ памятникахъ сближается такимъ образомъ съ словомъ милый ἐλεεινός. Въ Пандектахъ Антіоха XI в. читается: къ бо мильно видѣние—ἦν γὰρ ἐλεεινὸν θέαμα (гл. 84 л. 180 об.). глаголати мильнымы глы—τὰ ἐλεεινὰ ῥήματα (гл. 95, л. 195 об.).

Въ томъ же значеніи милыи является и въ языкѣ литературно-повѣствовательной дружинной школы: Бяшеть бо Олегъ Настасьчичь и бѣ (Ярославу Галицкому) *милъ* (Ип. стр. 136). Ѣха же (Всеволодъ Юрьевичъ) по *милой* своей дочери до трехъ становъ и плакася по ней отецъ и мати: занеже бѣ *мила* има и млада суща 8 лѣтъ (Ип. стр. 136). Володиміръ Васильковичь Владимірскій начать ѣздя молвити княгини своей: а быхъ рядъ учинилъ (съ братомъ) о землю и о городы и о тобѣ княгини моя *мила* Олго и о семъ дитяти о Изяславѣ, иже *миловахъ* ю, аки свою тщерь родимую (Ип. стр. 214); не бѣ вѣдалъ встанья на сына своего *милаго* (Лавр. 455). и нача (Володиміръ Андреевичъ) молвити: азъ есмь не ратью пришелъ къ вамъ (подъ городъ Червнь), зане есте людіе *милии* отцю моему (Ип. стр. 80). Князь Кодратъ нача ѣздя молвити: „братья моя *милая* Руси! Потягните за одино сердце. (Ип. стр. 210). Въ лѣтописяхъ слово *милый* является не только эпитетомъ *дорогихъ* людей, но и видныхъ, красивыхъ и привлекательныхъ мѣстоположеній: *Гостиньое*—то бо бяшеть *милое* мѣсто Болеславле (Ип. стр. 209).

Въ посланіи Мономаха также встрѣчаемъ это слово: Тако бѣ дѣяла... и *мила* ся дѣюща по тебѣ (Лавр. стр. 245). Въ житіи Бориса и Глѣба—Борисъ плачеть о братѣ и взываетъ: о милыи мои брате! Далѣе: возрѣвъ умиленныма очима и слезама.. начать глаголати сице: о, милыи мой отче Василие! Несторъ въ заключеніи взыва-

ъ отъ себя: а вы братія моя милая, ω блаженоя сестрица не забывите и нашихъ дальныхъ странъ Руськыхъ земель.

Въ народномъ пѣснотворчествѣ слово *милый*, какъ ласкательный питетъ друга, встрѣчается также часто, какъ и въ живыхъ устахъ арода.

Ой, не дай же Боже Господи,
Также жить бѣдной горюшицѣ
Безъ тебя да *мила* ладушка (Прич. С. кр. ч. I, стр. 36).

Думать мнѣ думушку со *милымъ* дружкомъ,
Та мнѣ думушка и крѣпка и вѣрна (Шеин. Р. Н. П. стр. 464)

Безъ *мила* дружка
Обуяла грусть-тоска (ibid. стр. 173).

„Мнѣ жаль тошно *мила* дитятка (Пр. С. кр. ч. I, стр. 178).
„Я *умильно* свѣтушка да уласкала (ib. III, стр. 177).

Въ народныхъ пословицахъ довольно обстоятельно выражено поятіе о миломъ: *мило*, что душа, и горько, что бѣда. *Мило*, пока не остыло. *Милому* дидятку да горькая часть. Къ *милому* и семь верстъ е околица. Въ *миломъ* нѣтъ постылаго, а въ постыломъ нѣтъ *милаго*. Іе пилъ бы не ѣлъ, все бъ на *милую* глядѣлъ. Всякому мужу своя кена *милъе*. Князю княжна, крестьянину Марина, а всякому *мила* воя Катерина.

Въ исторической географіи встрѣчаются имена: *Мило-славское*—еревня въ Шелонской пятинѣ (Ист. Акт. III, 347). *Мило-будь*—уроище и волость въ Бѣлозерск. уѣзд. (ib. 304, 307—308).

Въ „Словѣ" *милымъ* называется Всеволодъ братъ Игоря и *милою* упруга Всеволода—красавица Глѣбовна. Жены дружинниковъ плаутъ *о милыхъ* своихъ ладахъ: „уже намъ своихъ *милыхъ ладъ* ни мыію смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати".

Минула (perfect. descriptional. 3 pers. sing. neutr.) отъ **инути**.

Въ древнихъ славяно-русскихъ переводахъ глаголъ этотъ отвѣаетъ Греческимъ: παρέρχεσθαι, διαβῆναι, διέρχεσθαι, διαγίνεσθαι, tra-

nsire, praeterire: пройти, кончиться, остаться позади. Въ Галицкомъ, какъ и другихъ древнѣйшихъ Евангеліяхъ, читаемъ: не можаше никтоже миноути поутьмь тѣмь—παρελθεῖν διὰ τῆς ὁδοῦ ἐκείνης (Мѳ. VIII, 28). и година миноу оуже ὥρα ἤδη παρῆλθεν (Мѳ. XIV 15. Ср. Мрк. VI, 34, 35. Лук. XIX, 4).

Въ повѣсти Флавія: врема прощенія миноую (л. 226 об.).

Въ Галицкой Лѣтописи: времени же *минувшу* король спѣшаеть на рать (Ип. стр. 159); малу же времени *минувшу*, Ляхове почаша воевати и т. п.

Въ народныхъ пѣсняхъ:

„Не *миновати* да чужи дальные сторонушки (Труд. Этн. отд. кн. V, 91).

Въ словахъ богатырскихъ: „Ильюшѣ слава не *минуется*" (Рыбн. I 85).

Въ живомъ народномъ языкѣ: Двухъ смертей не бываеть, одной не *миновать*. Вся бѣда *миновала*. *Миновало* царство наше (Даль).

Въ „Словѣ" Суда Божья *не минути*, т. е. не обойти, не объѣхать. Смыслъ здѣсь тотъ же что въ словахъ лѣтописи: „преложися ко отцемъ и дѣдомъ, отдавъ общій долгъ, его же нѣсть *убъжати* всякому роженому (Ип. стр. 220). *Минула* лѣта Ярославля, т.-е. прошли, далеко остались позади.

Млада (accus. sing. masc.) въ полногласіи молоды (nomin. dual. masc). молодымъ (dativ. plur. masc). отъ младъ, молодъ ἁπαλός, tener. Въ Галицкомъ, какъ и другихъ евангеліяхъ XI—XII вв. читаемъ: егда оуже вѣтвь ея (смоковницы) боудеть млада—γένηται ἁπαλός (Мѳ. XXIV, 32; ср. Мрк. XIII, 28).

Въ лѣтописяхъ также читаемъ: Володимера же не пусти кормилецъ его, зане *младъ* бѣ въ то время (Лавр. 315). Преставился князь Феодоръ, сынъ Ярославль большой.. и еще *младъ* и кто не пожалуетъ сего (ib. 485); Лъвъ, *младъ* сый, изломи копье свое (Ип. 183). Се же паки *млади* князи (Ип. стр. 163); *младъ* сы показа мужество свое (Ип 163): се же паки *младшии* князи"; (Лавр. 479). *Младшии* князи сопоставляются здѣсь съ князьями старѣйшими: „Юрьи же все

азаи *молодымъ* княземъ (ib. 480). И рекшимъ *молодымъ* княземъ
ш. стр. 164). Отсюда видно, что *младъ* и въ полногласіи молодый
лѣтописяхъ употреблялись безразлично.

Въ народныхъ пѣсняхъ и въ Словахъ богатырскихъ: я вечеръ
ада во пиру была. Добрыня не иначе величается, какъ *молодой*
брюнюшка Микитинецъ (Рыбн. I, 171).

Въ южно-русскихъ пѣсняхъ:

„А луче бъ ты маты вробыла
....
„Мене *молодого* въ походъ знаряжала (Цертел. стр. 31).

Въ живой народной рѣчи такое же употребленіе: *Младъ*, говоитъ, годами, да старъ бѣдами. Пожила *млада*, всего отвѣдала. *Молой* работаетъ, старый умъ даетъ. *Молодъ* князь, молода и душа. Наждающійся мѣсяцъ называется *молодымъ* мѣсяцемъ.

Въ „Словѣ“ князь Игорь называется *младымъ* княземъ. Герои его въ отивоположность князьямъ эпохи старой, времени Ярослава и Олега зываются князьями *молодыми*. Соотвѣтственно такому представлею—младшіе изъ нихъ уподобляются *молодымъ* мѣсяцамъ.

Точно также въ „Словахъ богатырскихъ“ Добрыня сопоставляется мѣсяцемъ:

„А лежитъ же тутъ Добрыня во чистомъ полѣ,
„А плеча его да испрострѣлены,
„Голова его да испроломлена,
„*Закатается да младъ свѣтелъ мѣсяцъ* (Гильф. Он. б. стр. 43).

МЛЪКИТИ (infinitiv), **МЛЪКИТЪ** (praes 3 pers. sing. indicativ). Въ древнихъ Славяно-русскихъ переводныхъ памятникахъ слово то отвѣчаетъ Греческимъ:

1) περισπᾶσθαι, satagere, заботиться. Въ Пандектахъ Антіоха I в. читаемъ: **млъкеніе люто дастъ б҃ъ сномъ члвчемъ млъкити въ емъ**—περισπασμὸν πονηρὸν ἔδωκε Θεὸς τοῖς υἱοῖς τῶν ἀνθρώπων τοῦ ερισπᾶσθαι ἐν αὐτῷ (гл. 14, л. 33). Въ Евангеліяхъ XI—XII вв:.

Марѳа же мълвлаше о мноѕѣ слоужбѣ—ἡ δὲ μάρθα περιεσπᾶτο. Въ переводѣ Св. Алексія: **тщашеса** (Лук. X, 40).

2) θορυβεῖσθαι, tumultuare—смущаться, тревожиться: **что мълвите и плачетеса**—τί θορυβεῖσθε καὶ κλαίετε (Марк. V, 39).

3) τυρβάζεσθαι, turbari—хлопотать, суетиться: **печешиса и мълвиши о мноѕѣ**—καὶ τυρβάζῃ περὶ πολλά (Лук, X, 41).

Въ языкѣ Кіевской литературно-повѣствовательной школы глаголъ этотъ является въ значеніи *высказывать* что—живыми устами въ противоположность, выраженіямъ: положить храненіе устомъ, *таить* въ себѣ, *молчать*! Въ лѣтописяхъ нерѣдко встрѣчаются выраженія: „тако ти *молвить* (Ип. стр. 53); иніи же друго яко *молвяху* (ibid. 72). Изяславу же *молвящу*: мнѣ отцины въ Угрѣхъ нѣту-ть (ibid. 52). Галицкіи мужи почаша *молвити* (князю Ярославу): хочемъ за отца твоего честь и за твою головы своя положити (ibid. 73) Игорь же *молвяшеть* Святославлю мужеви (подъ 1185 г.).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„За одну думу думали
„И въ одно слово *молвили* (Тр. Этн. Отд. кн. V, 86).

Въ живой народной рѣчи глаголъ этотъ бытуетъ въ томъ же значеніи: Бай-бай да и *молви*; „не *молвя* крѣпись, а *молвя* держись' „*Молвя* правду, правду и чини".

Отсюда *молва*—широкій говоръ, шумная рѣчь, повсюдные разговоры. „Вѣтромъ море колыбается, *молвою*, народъ". не вѣрь тишинѣ морской, да рѣчи людской: *молва* людская, что волна морская. „*Молву* и чрезъ море слышно".

Въ „Словѣ": „И начяша князи про малое, се великое *млъвити млъвитъ* Гзакъ Кончакови".

Млънїи (nominat. plur. masc. —отъ **млънїй**—ἀστραπή, fulgur. Въ Евангеліяхъ XI—XII вв. читается: **Бѣше зракъ его яко мълнии**—ἦν δὲ ἡ ἰδέα αὐτοῦ ὡς ἀστραπή (Мѳ. XXVIII, 3) **якоже бо мълнии исходїть ѿ въстокъ**—ὥσπερ γὰρ ἡ ἀστραπὴ ἐξέρχεται ἀπὸ ἀνατολῶν (ibid. XXIV, 27). **яко бо мълнїи блїстающїи** (Лук. XVII, 24) въ Псалтиряхъ XII—XIII вв. **бльсни молнию**—ἄστραψον ἀστραπὴν (Пс. CXLIII, 6).

ъ Патерикѣ Печерскомъ XVI в. читается уже **блесни млънїю** (мой ı. л. 103 об. ср. 3 Цар. II, 19; XXIV, 28). Въ повѣсти Флавія **рикл̃ючися громи страшнии и молнїи части**—καὶ συνεχεῖς ἀστραπαὶ ıib. IV, с. IV, 5). При военныхъ походахъ, по свидѣтельству ıго же Флавія, частое блистаніе молній предвѣщало не малыя бѣтвія (ibid.).

Греческое ἀστραπή передавалось также и словомъ **блистанье**; такъ ь переводѣ Апокалипсиса: **и блистанья**—καὶ ἀστραπαὶ (Ап. VIII, 5); ь переводѣ св. Алексія: **молнья**.

Въ Кіевской лѣтописи читаемъ подъ 1024 г. бысть тьма, *молонья* громъ (Лавр. стр. 144), Сильное и частое сверканіе молніи въ друнинныхъ представленіяхъ связывалось съ грозною сѣчею; такъ лѣтоıсецъ послѣ приведенныхъ словъ непосредственно замѣчаетъ: и бѣ юза велика и *сѣча сильна и страшна* (ib. 144).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„Наставала туча темна-неспособная,
„Со громо̀мъ да эта туча со толкучіимъ,
„Вдругъ со *молоіей*—то тученька свистучей,
„Со этыимъ огнемъ да она плящіимъ. (Пр. С. кр. ч. I, стр. 246).

Въ „Словѣ": а въ нихъ трепещутъ синіи **млънїи** (См. **синїи**).

Многи (nominat. plur. fem. отъ **многъ** — πολύς, multus. Въ ревнѣйшихъ памятникахъ слово это въ формѣ **многи** и **мноѕи**—потреблялось безразлично. Въ древнихъ переводахъ Псалтири являетı та и другая форма: **щедроты твоя многи**—οἱ οἰκτιρμοί σου πολλοὶ Іс. CXVIII, 57) и **мноѕи изгонащии мя**—πολλοὶ ἐκδιώκοντές με bid. 58).

Точно также и въ лѣтописяхъ:

Половци придоша *мнози* (Лавр. стр. 405).
Многи крови проливахуться (ib. стр. 329).

Въ „Словѣ": и *многи* страны хинова...

Многовои (accus. sing. masc. въ 1-мъ изд. **многовои**). Въ одномъ изъ принадлежащихъ намъ сборниковъ XVI в. съ статьею Антонія Подольскаго „объ огнѣ просвѣтительномъ" читаемъ: **и видѣ оуланина многовоя** (л. 530).

С. М. Соловьевъ первый замѣтилъ, что **многовои** должно быть читаемо, какъ одно слово: *многовой* что значитъ обладающій множествомъ войска. (См. выше. палеогр. кр. т. стр. 229).

Въ „Словѣ": *многовоемъ* названъ Ярославъ, князь черниговскій Бѣликовъ *многовой*—относилъ къ слову „власти".

Могуты (instumental. plur. antecedente praepositione **съ**) отъ **могутъ**—δυνάστης, robustus—мощный, крѣпкій, силачъ, богатырь. Въ „Пандектахъ Антіоха XI в. читаемъ: **ако не подобно юсть ны (мы) съ могѫтомь тщитатися**—ὅτι ἀσύμφορον ἡμῶν ἔστιν μετὰ δυναστοῦ ἐρίζειν (гл. 37, л. 85 об.). Въ Псал. XII в.: **вьси цсри и властели и могѫты** (Пс. XII, 21). Греческое δύνατος—въ Карпинскомъ Апостолѣ передается словомъ **сильнъ**; въ переводѣ же св Алексія словомъ **могоутъ** (Дѣян. XI, 11). Въ вопросахъ и отвѣтахъ. Сильвестра и Антонія (въ спискѣ Троицк. Д. Семинаріи по описанію Арх. Леонида, № 156) противъ слова **могоуть** на полѣ написано **исполинъ**.

Въ Никоновской лѣтописи есть цѣлая повѣсть о разбойникѣ *Могутѣ* подъ 1008 г.

Слово это, замѣчаетъ Академикъ Срезневскій, если и было занято, то никакъ не съ сѣверо-запада Славянскаго, а развѣ съ юга. По крайней мѣрѣ оно встрѣчается преимущественно, почти исключительно въ памятникахъ церковнославянскихъ, также, какъ и происшедшія отъ него слова: **могѫтьныи, могѫтьникъ, могѫтель, могѫтьцъ могутьство**, для перевода Греческихъ δυνάστης, δυναστεία, ἐνδυναστεία и т. п. какъ напр. у *Григ. Наз.* XI в. читается: **старѣишини и могѫтии въ житии семь** (ср. *Жит. Алекс. Троиц. Чет. мин. февр.* 233 Сир. XLIII, 31; 2 Мак. IX, 25). Но мы съ своей стороны замѣтимъ, что слово *могутъ* въ томъ же самомъ значеніи донынѣ бытуетъ въ живомъ народномъ языкѣ въ Псковской губ. именно на сѣверо-западѣ. (См. у Даля).

Могутъ—δυνάστης, въ древнемъ переводѣ Златоуста, замѣчаетъ кн. П. П. Вяземскій, означаетъ довольно значительныхъ вассаловъ,

нако не самыхъ важныхъ, потому что потому же переводу слово *ьможа* передается въ превосходной степени δυνατώτατος (Замѣч. удиловичъ, стр. 72 и 85).

Въ „Словѣ" *могуты* стоятъ рядомъ съ *Черниговскими былями татранами* и проч. которые безъ щитовъ съ засапожными ноыми, кликомъ полки побѣждаютъ.

Мнѣ (dativ. sing. antecedente praepositione **къ**) отъ **азъ** ronom. primae personae). Въ древнѣйшихъ памятникахъ, равно къ и въ позднѣйшихъ, saepissime occurrit.

Мои—мое, моего, моемъ, моеѧ, мою, моѧ — ἐμός, μοῦ, eus. Во всѣхъ этихъ грамматическихъ формахъ встрѣчаемъ это ѣстоимѣніе въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ XI—XII вв. къ напр. въ Галицкомъ Ев.: nomin. sing. neutr. **иго мое благо** bid. 30), accus. sing. masc. **твораи волю оца моего** (Мѳ. VII, 21) enet. sing. masc. **имени моего ради** (Мѳ. X, 22). genet. fem. **ѿ юности моеѩ** (Мѳ. XIX, 20; ср. Марк. X, 20) **главы моеѩ** (Лук. II, 46) dat. fem. **възвѣстита братьи моеи** (Мѳ. XXVIII, 10) **и рекоу ш моеи** (Лук. XII, 19) accus. fem. **въ житницю мою** (Мѳ. XII, 30) **ковь мою** (Мѳ. XVI, 18) local. masc. **въ виноградѣ моемъ** (Мѳ. XI, 28) **въ словеси моемъ** (Іоан. VIII, 31). dual. nomin masc.: **садета сына оба сна моа**—οἱ δύο υἱοί μοῦ (Мѳ. XX, 21). plur. omin masc.: **юньци мои** (Мѳ. XXII, 4) **оученици мои** (Іоан. VIII, 31)

Въ „Словѣ": се *мое*, а то *мое* же; многовоя брата *моего*, *моей* ребреней сѣдинѣ; възлелѣи *мою* ладу; в *моемъ* теремѣ златовръсѣмъ, *моя* сыновчя; а *мои* ти готови.

Можеши (praes. 2 pers. sing. indicat.) отъ **мощи** — δύνασθαι, osse. Въ Галицкомъ Ев. читаемъ: **аще хощеши можеши мѧ оучисти**—δύνασαί με καθαρίσαι (Мѳ. VIII, 2; ср. Марк. I, 41; Лук. V, 12) **е что можеші помоѕі намъ**—εἴ τι δύνασαι, βοήθησον ἡμῖν (Марк X, 22) **аще можеші вѣровати. вса възможьна вѣроующемоу**—τὸ εἰ ύνασαι πάντα δυνατὰ τῷ πιστεύοντι (ibid. 23). **лі како можеші рещі братоу твоемоу**—ἤ πῶς δύνασαι λέγειν (Лук. VI, 42).

Въ „Словѣ“: Ты бо *можеши* Волгу веслы раскропити. Ты бо *можеши* посуху живыми шереширы стрѣляти.

Молотятъ отъ **молотити**, Славян. **млатити**, ἀλοᾶν, triturare, выбивать зерно изъ колоса.—Въ древнихъ переводахъ Библіи читается: гедеωнъ сынъ егω млаташе пшеницу—ῥαβδίζων σῖτον (Суд. VI, 11). Однако въ древнѣйшихъ переводахъ Греческое ἀλοᾶν передавалось глаголомъ крыщи; такъ въ Пандек. Ант. (гл. 2, л. 10); ср. въ книгѣ Пророковъ врьхущиа—ἀλοῶντας (Ис. XL, 15).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„И будешь зимня на гумнѣ да *замотчичка*. (Пр. С. кр. ч. III, 33).

Бой въ Словѣ уподобляется молодьбѣ—есть бой рукопашный, въ коемъ, словно цѣпами, дѣйствуютъ мечами и саблями бьютъ съ маху, ударяютъ съ плеча, и выбиваютъ враговъ изъ рядовъ, словно зерна изъ колоса.

Буслаевъ въ выраженіи „*молотять* цѣпами булатными“ усматривалъ молотъ—самолетъ, а въ молотѣ молнію, неотъемлемую принадлежность Тора—бога грома.

Морава (nominat. sing. nomen collectivum)—имя народное, которое не разъ встрѣчается въ нашихъ лѣтописяхъ: „По мнозѣхъ временехъ сѣли сушь сравени по Дунаеви гдѣ еять нынѣ Угорьская земля и Болгарьска; и отъ тѣхъ Словенъ розыдошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ; яко пришедше, сѣдома на рѣцѣ именемъ *Морава* и прозвашася *Морава* (Лавр. стр. 5) подъ 6898 г. И начаша воевати Угри на Греки и попѣниша землю Фрачьску и Макидоньску, даже и до Сулуня; и начаша воевати на *Мораву* и на Чехи (ibid. стр. 25) Костянтинъ возратися вспять, а Меѳодій оста в *Моравѣ* (ibid. стр. 27). Подъ 1219 г.: пойде князь великій Мстилавъ и князь Володимеръ и Кіева въ Галичь на королевича и выидоша Галичане противу и Ляхове и *Морава* и Угри. (ibid. 476). Самъ бо король Угорскій плѣняше землю *Моравску* (Ип. 186). Отсюда видно, что подъ Мора-

ю въ „Словѣ" разумѣются Славяне, вѣроятнѣе всего, жители Велико-Моравской державы, сѣверной части Македоніи, древней Мизіи.

Море (nomin. sing. neutr.) **морѧ** (genet. sing. antecedentibus praepositionibus **отъ**, **съ**) **морю** (dativ. sing. antecedente praepositione **съ**) **море** (accus. sing. antecedentibus praepositionibus **на**, **чрезъ**) **мори** (local. sing. antecedentibus praepositinoniaus **къ**, **на**) θάλασσα, mare.

Въ Галицкомъ и другихъ древнѣйшихъ Евангеліяхъ встрѣчаемъ во всѣхъ сихъ грамматическихъ формахъ:

Nomin. sing. **вѣтрї и море послоушають его**—οἱ ἄνεμοι καὶ ἡ θάλασσα ὑπακούουσιν (Мѳ. VIII, 27).

Genet. sing. **и прїдоша на онъ полъ морѧ**—εἰς τὸν πέραν τῆς θαλάσσης (Марк. V, 1).

Dat. sing. **ѿиде съ оученїкы своимї къ морю**—πρὸς τὴν θάλασσαν (Марк. III, 7).

Accus. sing. **прїде на море**—ἦλθε πρὸς τὴν θάλασσαν (Мѳ. XVII, 27); **връзїса въ море**—βλήθητι εἰς τὴν θάλασσαν (Мѳ. XXI, 21).

Local. sing. **троусъ великъ бꙑ въ мори**—ἐν τῇ θαλάσσῃ (Мѳ. VIII, 24); **сѣдаше при мори**—παρὰ τὴν θάλασσαν (Мѳ XIII, 1).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„Я ѣздилъ богатырь за славно сине море (Рыбн. I, 216).

Моремъ называется *озеро:*

„Да ты дай-ко теперь, Боже, дай-ко Господи
„Тиху тишинку на синемъ на Онегушкѣ,
„Благодать да Ты на *кругломъ этомъ морюшкѣ* (Прич. Сѣв. кр. I, 254).

Моремъ же называется и просто рѣка (Сборн. Укр. п. Максимов., стр. 96); Днѣпръ называется Дунаемъ (см. **Дунай**), а потому какъ въ выраженіи: а быхъ не слала слезъ на *море*—море значитъ просто рѣка Донъ; точно такъ въ выраженіи: вьются голоси чрезъ *море*—море значитъ Днѣпръ.

Въ „Словѣ": прысну *море*; чръныя тучи съ *моря* идуть; Половци идуть отъ Дона и отъ *моря*; изъ лубу *моря*... выторже; птиць бья въ

морю; несошся къ синему *морю*; а быхъ не слала слезъ на *море*, вьются голоси чрезъ *море*; въсплескала.... на синемъ *морѣ*; и въ *морѣ* погрузиша та.

Кн. П. П. Вяземскій предполагаетъ, что „море рано" значитъ *море восточное*, но трудно примириться съ подобнымъ толкованіемъ.

Мосты (accus. prul. masc.) отъ **мостъ** γέφυρα, pons; **мостити** στρωννύναι, sternere.

Какъ слово мостъ, такъ и выраженіе *мосты мостити* не разъ встрѣчаемъ въ лѣтописныхъ повѣствованіяхъ и притомъ въ разныхъ значеніяхъ:

1) въ значеніи бревенчатой настилки, на сваяхъ или козлахъ поперегъ рѣки или оврага: Бяше *чересъ* гроблю мостъ ко вратомъ граднымъ... спехнуша Ольга *с мосту* в Дебрь (Лавр. стр. 73); и рече единъ Деревлянинъ: азъ видѣхъ, яко вчера спихнуша *с мосту* (ib.) Володимеръ подбѣгъ ста *подъ мостомъ*, одвя укрыся противныхъ (ib. стр. 112). Подъ 1147 г. идяхуть людье по мосту (ib. стр. 301) И рече Володимеръ: требите путь и *мостите мостъ* (Лавр. стр. 127): Да того же лѣта по всѣмъ городомъ *мосты мостили* и дороги чистили (Новг. Л. 120); Володимеръ, всѣдъ на конь погна, и народи идяху по мосту (Ип. 33); Ярославъ Всеволодовичь по рѣкамъ велѣ мосты подсѣти (Ип. 149).

2) въ значеніи бревенчатой или хвойной стлани по болоту и грязнымъ мѣстамъ, или же мостовой по улицамъ. Въ Новгородѣ на Ильинѣ улицѣ мостили новымъ мостомъ улицу (Новг. Л. 76). Борисъ посадникъ замысли помостити торговище и замостиша (Цар. кн. 10)

3) въ значеніи избнаго помоста и большихъ сѣней: Горѣло на Вѣдогощи монастыри подъ въ келарской *мостъ* да опечекъ (П. С. Р. Л. IV, 205. Мрочекъ-Дроздовскій, Изслѣд. о Р. Пр. вып. II, стр. 201).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ не рѣдко является слово *мостъ*: Въ словахъ богатырскихъ:

„Попалъ онъ имъ въ стрѣту на *мостику* золоченомъ
(Рыбн. I, 237)
„Рукой онъ коня повелъ,
„А другой началъ *мосты мостить* (Рыбн. I, стр. 47).

Въ причитаніяхъ:

„И черезъ рѣченьку *мосты* они *мостили* (Пр. С. кр. ч. III, 126).

Въ поэзіи южно-русской:

„Чречъ ті річки *мостятъ мости*
„*Мостятъ мости* да все головками (Максим. Укр. пѣс. I, 176).

Въ смыслѣ образномъ слово это также бытовало въ языкѣ лѣтописномъ: И бысть лзѣ ходити по трупью, аки *по мосту* (Ип. стр. 199).

Ср. въ повѣсти Флавія: и тако исполнися рѣка оутопшими и хожахоу по нимъ, акы по мостү (л. 132; Lib. IV, c. VII, 6).

Въ живой народной рѣчи для обозначенія множества говорится: Этимъ хоть пруды-пруди, хоть *мосты-мости*" (Даль).

Въ исторической географіи встрѣчаемъ: *Мостище*—урочище въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ (Ист. Акт. I, 305); *Мостовая*—рѣчка (ibid. IV. 1—45).

Въ „Словѣ" мостъ является въ значеніи *мостовой* и выраженіемъ *мосты мостили*" указывается, что послѣ первой стычки съ Половцами добыча Русскихъ была такъ велика, что они увезли съ собой только парчи и аксамиты, а менѣе цѣнное платье валили ворохомъ по дорогамъ и застилали имъ грязныя мѣста; въ смыслѣ образномъ это значитъ: такъ много досталось имъ всякой рухляди, что нельзя было всего захватить съ собою.

Мркнетъ (praes. 3 pers. sing. indicativ.) отъ **мьркнѫти**—σκοτίζεσθαι, obscurari.

Въ древнѣйшихъ переводныхъ памятникахъ глаголъ этотъ употребляется:

1) по отношенію къ свѣтиламъ небеснымъ, въ значеніи: терять блескъ, тускнѣть, гаснуть. Такъ, въ Галицкомъ, какъ и въ другихъ евангеліяхъ XI—XII в. читаемъ: слнце мьркнеть—ὁ ἥλιος σκοτισθήσεται (Мѳ. XXIV, 29). Въ принадлежащемъ намъ Сборникѣ 1469 г.: слнце и мiръ померкнета (л. 207). Въ Лѣт. уже солнце твое зашло есть и свѣтъ *смерчеся*.

2) по отношенію къ дневному свѣту, въ значеніи: вечерять, темнѣть, смѣняться мракомъ. Въ Псалтири XII—XIII вв. читаемъ: **посла тьмоу и мерче**—ἐξαπέστειλεν σκότος καὶ ἐσκότασεν (Пс. 104, стр. 28). (Въ перев. Максима Грека 1592: **помрачися**, т.-е. днемъ явилась тьма и смерклось). Въ Четіи-Минеи XV в.: **свѣтъ мрькноу** (л. 531).

Въ живомъ народномъ языкѣ говорится: *день меркнетъ*, т.-е. склоняется къ вечеру; *солнце меркнетъ*, т.-е. погасаетъ во время затменія; *глаза меркнутъ*, т.-е. тускнѣютъ, начинаютъ худо видѣть.

Глаголомъ *меркнуть* выражаются собственно переходные моменты отъ свѣта къ мраку, такъ-сказать, моменты борьбы того и другаго, полусвѣтъ и полумракъ и потому въ народныхъ сѣверно-русскихъ говорахъ *меркнуть* и *мелькнуть* взаимно себя замѣняютъ. *На дворѣ*, говорятъ, *мелькнетъ* и *смелькается*, т.-е. вечеряетъ.

Сумерки во многихъ мѣстахъ средней Россіи называются не иначе какъ *мéркоть* (въ губ. Кал. и Костр. Даль).

Въ „Словѣ": „Длъго ночь *мркнетъ*", т.-е. долго остается въ состояніи *меркоти*, или что тоже: тянутся—длятся сумерки ночи. *Ночь* мыслится здѣсь не во всемъ объемѣ, но лишь въ первомъ ея періодѣ, въ моментахъ вечерянія и сумерокъ при заходѣ солнца и потому глаголъ *меркнуть* при данномъ подлежащемъ далеко не такъ не умѣстенъ, какъ это представляется нѣкоторымъ комментаторамъ, мыслящимъ *ночь* не подъ понятіемъ суточнаго періода въ разныхъ его моментахъ, но лишь подъ понятіемъ *мрака*, тьмы, въ противоположность дню, какъ *свѣту*. Если говорятъ, что „*ночь свѣтла, какъ бѣлый день*", то стольже естественно сказать, что и „*ночь мркнетъ*". Степени мерцанія въ вечернюю и утреннюю пору весьма многочисленны и указать ихъ относительныя грани, конечно, не возможно. Здѣсь вся сила именно въ томъ, въ какомъ объемѣ мыслится понятіе ночи. Глаголъ *меркнетъ* именно указываетъ, что въ подлежащемъ *ночь* авторъ „Слова" разумѣетъ ночь *смелькающую*, въ періодѣ вечерянія, въ моментахъ борьбы свѣта со тьмою до заката солнца.

Мстиславе (vocativ. sing.) **Мьстиславу** (dativ. sing.) отъ **Мстиславъ**.

Съ этимъ именемъ въ „Словѣ" являются 1) Мстиславъ удалой († 1036) младшій братъ Ярослава I, побѣдившій его при Лиственѣ,

і сразившій въ поединкѣ богатыря Редедю предъ полками Косоговъ
і 2) Мстиславъ Ярославичъ, сынъ Ярослава Луцкаго, и двоюродный
братъ Романа Мстиславича Волынскаго; въ 1183 г. участвовалъ въ
походѣ князей на Половцевъ.

Въ лѣтописяхъ имя это встрѣчаемъ также въ формѣ vocativi:
Мстиславе—и другій *Мстиславе*! Не стоита, пойдемъ противу имъ
Ип. стр. 164).

Мстиславичи (vocativ. plur.) отъ **Мстиславичъ** (nomen
atrisfamiliae).

По мнѣнію Дубенскаго и Θ. И. Буслаева такъ величаются
въ „Словѣ" Ингварь, Всеволодъ и *Мстиславъ* дѣти Ярослава Луц-
каго, бывшаго великимъ княземъ Кіевскимъ или по дядѣ ихъ Мсти-
славу II или по прадѣду ихъ Мстиславу Великому старшему сыну
Мономахову. Князь же П. П. Вяземскій полагаетъ что *„всѣ три
Мстиславичи"* суть двоюродные братья Ингваря и Всеволода: Ро-
манъ, умершій въ 1205 г. Всеволодъ, умершій въ 1195 г. и Свя-
тославъ, упоминаемый въ 171 г. суть сыновья Мстислава Изяславича,
умершаго въ 1170 г. Изяславъ Мстиславичъ внукъ Мстислава стар-
шаго сына Владиміра Мономаха. Прозоровскій съ своей стороны
замѣтилъ: какіе разумѣются здѣсь Мстиславичи, сказать трудно. По-
видимому, въ то время, когда писано „Слово о полку Игоревѣ", они
были еще молоды. Но намъ кажется, нѣтъ никакихъ указаній въ
„Словѣ" на эту *видимость* молодости упоминаемыхъ *трехъ Мсти-
славичей*.

Мужаимыся или **мужаимѣся** (praes. 1 pers. plur. indicat. (въ
въ 1-мъ изд. **мужа имѣся**) отъ **мѫжатися** ἀνδρίζεσθαι, confortari.

Слово это, замѣчаетъ Академикъ Срезневскій, не есть достояніе
одного народа или одного племени. Ни нѣмцу отъ Славянина, ни
славянину отъ нѣмца, ни тому или другому отъ грека или рим
лянина, не нужно было побираться, чтобы слову **мѫжь**: vir, ἀνήρ,
mann, придать то особенное качественное значеніе, которое дало
возможность въ каждомъ языкѣ производить разныя слова, суще-
ствительныя, прилагательныя, глаголы съ одинаковыми качествен-

ными оттѣнками значенія, очень мало напоминающими значеніе кореннаго слова: **мѫжьство** — manheit, virtus, ἀδρεία, ἀνδρότης; **мѫжьскый** — männlich, ἀνδρεῖος; **мѫжатися** — mannlich sein, ἀνδρίζομαι и проч. Не мудрено найти эти слова въ разныхъ нарѣчіяхъ Славянскихъ съ давняго времени, между прочимъ и въ памятникахъ церковно-славянскихъ. Такъ глаголъ **мѫжатися** есть и въ переводѣ Даніила (с. X, 19 **мѫжайся и крѣпися**) и въ переводѣ Григорія Назіанзина XI в. (**моужаимъся**) и въ Златоструѣ Симеона Болгарскаго: **рьсте моужаимъся, доколѣ не насытистеся зълобъ вашихъ** (Замѣч. на Гедеон. стр. 24—25). Съ своей стороны замѣтимъ, что въ Пандектахъ Антіоха XI в. также читается: **въ винѣ не моужайся**—ἐν οἴνῳ μὴ ἀνδρίζον (гл. 5. л. 16 об.).

Въ лѣтописяхъ, какъ и въ „Словѣ" читаемъ:

Въ лѣтописи:	Въ „Словѣ":
Но ресте: *мужаимъся* (Лавр. стр. 164).	**Нъ рекосте: мужаимъся.**

Великій князь Всеволодъ много *мужествовахъ* и дерзость имѣвъ на бранѣхъ (Лавр. 415).

Во всѣхъ древнѣйшихъ памятникахъ *мужатися* имѣетъ одно и то же значеніе: быть храбрымъ, неустрашимымъ, крѣпиться духомъ, стоять за что доблестно, не поддаваясь малодушію, не робѣя.

Мужествомъ (instrument. sing. neutr.) отъ **мужество** — ἀνδρεία, virtus.

Въ ПандектахъАнтіоха XI в. читаемъ: **а мѫдрость раждаетъ моужьство**—ἡ δὲ σοφία τίκτει ἀνδρείαν (гл. 95; л. 208; ср. Притч X, 23). Греческое ἀνδρεῖος передавалось и словомъ: **кстанивый** (Прит. X, 4 XI, 16).

Мужество есть **неледущие**, стойкость въ бѣдѣ и борьбѣ, спокойная смѣлость въ бою и опасностяхъ, нравственная крѣпость, безбоязненность смерти—качество, по воззрѣнію древнихъ, составляющее самую сущность мужской природы, въ противоположность роду женскому, коему наиболѣе свойственны *малодушие*, *робость*, и т. п. (Viri sunt validioris animi quam mulieres). Воззрѣніе это сказалось и въ памятникахъ дружинной Руси. Въ завѣщаніи Мономаха читаемъ: „Смерти бо ся, дѣти, не бояще ни отъ рати, ни отъ звѣря, но *мужьское* дѣю

ѣрите (Лавр. стр. 243). Сіи два Рахъ съ Прусиномъ (изъ полка адиміра Васильковича Владимірскаго)... начастася бити *мужескы*. і два умроста *мужественъмъ* сердцемъ, оставлеша по себѣ славу слѣднему вѣку (Ип. стр. 210). Потягнемъ *мужскы*, братья и друно (Лавр. стр. 68). Вниде велій страхъ въ Ляхи. Пріѣхавъ же Дало (Галицкій) и рече: „почто ужасывается? не вѣсте ли, яко война ъ падшихъ мертвыхъ не бываеть? Не вѣсте ли, яко на *мужи* на тные нашли есте, а *не на жены?* Укрѣпите сердца ваши и подвигте оружье свое на ратныѣ! (Ип. стр. 189). Половцы послаша едъ собою Алтонопу, иже словяше в нихъ *мужествомъ* (Лавр. 268) ужество считалось первою доблестію въ Кіевской Руси. Въ друнныхъ характеристикахъ нерѣдко встрѣчаются выраженія: „*мужество* и умъ въ немъ живяше (Ип. стр. 221); младъ сый показа *мужьство* свое (ibid. 161); князь думенъ и хоробръ и крѣпокъ на рати, мало бо показа *мужьство* свое во многыхъ ратѣхъ (Ип. стр. 226).

Въ „Словѣ": поостри сердца своего *мужествомъ*, т.-е. сдѣлалъ рдце свое стремительнымъ на брань, вдохновилъ его безстрашіемъ я боя; это значитъ сердце его горьма горѣло на дѣло, какъ обънилъ намъ пѣвецъ былинъ Касьяновъ (См. поостри).

Мутенъ (accus. sing. masc.) отъ мѫтъ = волненіе, смущеніе. ь древнихъ переводныхъ памятникахъ отвѣчаетъ Греческимъ:

1) θολώδης—темный, неясный, нечистый (отъ θόλος—грязь, бото, θολόω—взмулять воду, дѣлать ее нечистою, не прозрачною). Въ реносномъ смыслѣ тѣмъ же словомъ обозначается внутреннее волніе, обуреваніе, разстройство мыслей и движеніе страстей. Въ Панд. нт. XI в. спокойная безмятежная душа—безмоутнаꙗ дш҃а—ἀθολώτης χὴ (гл. CII, л. 157 об.). Молитва обуреваемая нечистымъ помысмъ называется молитвой *мутною*. Такъ въ Панд. Антіоха XI в. чиемъ: кольми паче молитвѫ мѫтьнѫ—εὐχὴν θολώδη (XIII, л. 171).

2) Въ силу этого послѣдняго значенія—глаголы моутитиса, съмоутитиса отвѣчаютъ и греческому—ταράσσεσθαι (отъ ταράσσω бутаражу, зпокою, тревожу)—conturbari, возмущаться, безпокоиться. Въ Панд. нт. XI в. читаемъ: ѹлкъ обаче вьсоуе моутитьса—μάτην ταράσσεται л. XIII, л. 32). Ѡнѣмъ же мѫтащемса на нь—his autem turbantibus

contra eum. (Жит. Іоан. Милост. мой сб. л. 41). Въ пс. XII в. **съмѧшѧ и съмоутишасѧ воды** ἐταράχθησαν τὰ ὕδατα (Пс. XLV, 4).

3) Такъ какъ степень смущенія можетъ доходить до состоянія испуга, ужаса, то глаголъ **съмѫтитисѧ** — соотвѣтствуетъ иногда Греческому βασανίζεσθαι—**и видѣвъше й оученици... съмѫтишасѧ** (въ Остр. Зогр. **съмѧтошѧсѧ**; въ Сав. **оубоꙗшѧсѧ**; въ Асс. и Мар. **съмѧшѧсѧ**. Мѳ. XIV, 26).

4) Сравненіе морскаго волненія съ волненіемъ страстей видно изъ слѣдующаго примѣра читаемаго въ Святославовомъ Сборникѣ 1073 г. **Єгда вѣтри рамяни въ пѫчиноу въпадоуть, вьсе възмѫтять и възгрѣзѧть горѣ пѣсъкъ**,—ὅταν πνεύματα ραγδαῖα εἰς πέλαγος ἐμπέσῃ, πάντα ταράττει καὶ ἡ βυθία ἄνο φέρεται ψάμμος—**такоже и оу насъ съмоутитьсѧ дш҃а**. (Изб. Свят. изд. И. Общ. Ист. и Д. Р. стр. 149)... **Вьси оубо състрастиии помыслї или помысльное дш҃а възоуштаѭть или пехотьное съмоуштаѭть**=πάντες οὖν οἱ ἐμπαθεῖς λογισμοὶ, ἢ τὸ ἐπιθυμητὶκὸν τῆς ψυχῆς ἐρεθίζουσιν, ἢ τὸ θυμικὸν... ἐκταράσσουσιν (ibid. 146). Въ книгѣ Пророковъ: **горе напаѭщемоу развращеніемъ моутнымъ**—ἀνατροπῇ θολερᾷ (Авв. II, 15).

Въ *Краледв.* р. о Забоѣ сказано: dluho se mutie—долго смущался, оставался въ смущеніи.

Въ Соф. лѣтописи читаемъ: Граду же *моущящуся*, аки морю въ велицѣй бури. (Приб. 99).

Въ тѣхъ же значеніяхъ слово это встрѣчаемъ и въ живомъ народномъ пѣснотворчествѣ:

„Тихая заводь сколыбалася,
„Съ пескомъ вода *помутилася*. (Рыбн. I, 76. Ср. Пр. С. кр. ч. III, стр. 13, 116, 117, 193).

Съ представленіемъ мутной воды въ народной поэзіи обыкновенно связывается печаль. (Потеб. стр. 84).

„А теперь ты, кормилецъ, все *мутенъ* гечешь,
„Помутился ты, Донъ сверху дó-низу.
„Ужъ какъ—то мнѣ все мутну не быть?
„Распустилъ я своихъ ясныхъ соколовъ,
„Ясныхъ соколовъ Донскихъ козаковъ. (Сахар. Сказ. Русс. нар. стр. 240).

Въ живой народной рѣчи: Весна *мутитъ* воды; на душѣ *мутищъ;* ъ *мутные* глаза песокъ сыпать. Вода съ горъ, такъ и рѣки *мутны.* е *мутясь*, и море не остановится; пришло горе, взволновалось оре".

Въ исторической географіи встрѣчаемъ:

Мутно озеро въ Обонеж. пятинѣ (Ист. Ак. I, 349).

Въ „Словѣ": *мутенъ* сонъ; *мутенъ*—можетъ значитъ здѣсь не лько то ,что Святославу видѣлось сновидѣніе не ясное, туманное, гадочное но и именно сновидѣніе такого рода, что возбуждало трево- у, безпокойство, страхъ нагоняло, какъ сновидѣніе зловѣщее по самой оей таинственности.....

Мутно (adverbium). Тождественно по своему значенію cum djectivo **мутенъ**. Въ Псалтири XII—XIII в.: **съмутнишася воды ихъ**— ταράχθησαν τὰ ὕδατα (Пс. XLV, 4).

Въ народномъ пѣснотворчествѣ:

„И онъ *смутилъ* да въ быстрой рѣчинькѣ свѣжу воду. (Пр. С. кр. ч. III, 116).

И со желтымъ пескомъ вода да *помутилась* (ib. стр. 13, 155).

Нарѣчіе „*мутно*" здѣсь тождественно выраженію: *болотомъ* (Дви- на *болотомъ* течетъ)—т.-е. рѣки текутъ не свѣтлыми, не прозрачными труями, а грязными, взмулеными, смѣшанными съ пескомъ, иломъ, труями болотными.

На большихъ рѣкахъ до ледолома, говорятъ, показывается вода *утница*, вода не чистая т.-е., грязная, изъ маленькихъ болотныхъ ѣчекъ, обыкновенно вскрывающихся ранѣе большихъ рѣкъ. *Муть* ообще все—нечистое, грязное, жижа, малопрозрачная вода (Даль).

Мысленоу (dativ. sing. neutr. antecedente praepositione **по**) отъ **мысленъ**=**мысленын**. умозримый, воображаемый, фантастическій (**меуст- ый**). Въ Пандск. Ант. XI в. **мысльный** отвѣчаетъ греческому τῶν

λογισμῶν (гл. XXV, л. 62). Въ службѣ мученику (генв.) читается: мысленое море страстей оуспивь пощеніемъ. Въ славянскомъ переводѣ Сильвестра и Антонія: мысленьныа совы... долы съклещи (л. 155). Въ мѣсячной Миніи XV в. (мой спис.) ражегса ѩко оуглъ мысленыи: мысленыма ѡчима. Въ словѣ Златоуста на Евдокію: радуиса пастуше добрыи мысленыхъ овецъ крѣпкыи стртотрьпце. (Ноябр. 20 нот. Евдокия црца).

Въ древне-славянскомъ языкѣ имя существительное, стоящее въ зависимости отъ другаго существительнаго вмѣсто родительнаго падежа, весьма часто принимаю форму прилагательнаго. Такъ напр. αἰχμὴ δόρατος—наконечникъ копья, въ переводѣ читаемъ: копійна соулица. Подобныхъ примѣровъ въ переводныхъ памятникахъ XI—XIII вв. встрѣчаемъ безчисленное множество, какъ напр. нивьныи (τοῦ ἀγροῦ Мѳ. XIII, 36) пустошныи (τῆς ἐρημώσεως Мѳ. XXIII, 15) стадьнаа (τῆς ποιμνῆς Мѳ. XXVI, 31) ратьнаа (τῶν πολεμῶν Мѳ. XXIV, 6) и т. п. Въ виду этой особенности древне-русскаго языка выраженіе „мыслено древо" можетъ быть понимаемо, какъ древо мыслей δένδρον τῶν λογισμῶν или древо мысли—воображенія—τῆς φαντασίας. Какъ выше замѣчено „*древо*" во всемъ „Словѣ" употребляется какъ часть вмѣсто цѣлаго въ значеніи *лѣса*, *рощи*, *сада*. (См. древо). Авторъ „Слова", приглашая соловья-Бояна воспѣть полки Игоревы, заставляетъ его порхать подобно соловью; но если настоящій соловей при своемъ веселомъ пѣніи порхаетъ по рощѣ дѣйствительной, то, понятно, что соловей-Боянъ, подражая ему, можетъ порхать лишь по саду мысленному, воображаемому, по саду фантазіи (κατὰ τὸ δένδρον τῆς φαντασίας). Садъ этотъ для поэта-творца есть внутренній міръ жизненныхъ явленій, міръ образовъ разновидныхъ, свѣжихъ, полныхъ силы и жизни, богатство поэтическихъ цвѣтовъ и узоровъ. Приглашая соловья-Бояна порхать, подобно соловью, по саду фантазіи, авторъ указываетъ тѣмъ эпически, сколько на богатство Бояновой фантазіи, столько же на свободу, игривость и непосредственность его пѣснотворчества. Творить пѣснь порхая по саду фантазіи, на нашемъ языкѣ, значитъ именно воспѣвать художественную пѣснь, черпая непосредственно поэтическія украшенія изъ внутренняго творческаго міра, изъ запаса поэтическихъ образовъ, изъ сокровищницы своей фантазіи.

Литература представляетъ весьма разнообразныя и любопытныя
лкованія этого „*мысленаго* древа". *Мусинъ-Пушкинъ*, *Малиновскій*,
ревели это выраженіе одинаково: „скача *мысленно по дереву*".

Шишковъ изъясняетъ: „о, Боянъ, соловей древнихъ лѣтъ. Почто
ты сіи поля воспѣваешь, паря за ними воображеніемъ"?

Пожарскій слѣдовалъ первымъ издателямъ.

Грамматинъ „*по мысленному древу*" оставилъ безъ измѣненія

Вельтманъ: „о если бы ты запрыгалъ по мысленнымъ вѣтвямъ"
1 изд.; во 2-мъ оставилъ текстъ безъ перемѣны.

Дубенскій: раскатываясь соловьемъ по мысленному древу.

Кораблевъ—повторилъ переводъ первыхъ издателей.

В. М. „Скача по древу мысли". Этотъ толковникъ, издававшій
ой комментарій „Слова" въ эпоху увлеченія естествознаніемъ, при-
ѣнилъ свои антропологическія познанія къ изъясненію эпическаго
ыраженія: „скаканія по мысленному древу". Оказывается, что разрѣзъ
ловнаго мозга представляетъ развѣтвленія и потому авторъ „Слова"
одъ древомъ могъ разумѣть здѣсь *мозгъ*. (См. выше).

Алябьевъ: Что бъ тебѣ этотъ походъ воспѣть, *мыслями* поска-
ивая *по дереву*.

Павловъ (Бицинъ) соловьемъ разсыпаясь по дереву. Читая выше
стекашется *славіемъ* вм. *мыслію* въ данномъ мѣстѣ „*мысленну*" счи-
етъ позднѣйшей вставкой, явившейся подъ воздѣйствіемъ предыду-
аго „растекашется *мыслію*".

Кн. Вяземскій: Древо, по которому растекался Боянъ, есть
ево жизни человѣческаго рода и авторъ намекаетъ на воспоминаніе
ояна про древніе роды и подвиги предковъ воспѣваемыхъ героевъ;
о древо и называетъ онъ *мысленнымъ*.

Гербель: „порхая *лѣснымъ* соловьемъ".

Мей: „ты порхнулъ бы въ вѣтви мысленнаго дерева.

Майковъ: „подъ мысленымъ древомъ разумѣетъ то миѳичче-
ое древо, которое росло въ царствѣ боговъ, на верху небеснаго сво-
, вѣтвями впизъ.

Прозоровскій: удержалъ въ переводѣ подлинникъ.

Ждановъ: Указавъ мѣста изъ памятниковъ древне-русской пись-

менности, изъ коихъ видно, что слово *мысленый* равнозначительно нашимъ терминамъ: *иносказательный*, *метафорическій*, онъ излагаетъ свою догадку, что подъ мысленымъ, т.-е. метафорическимъ деревомъ дано намъ символическое изображеніе преемственности родовъ въ видѣ дерева, т.-е. такъ-называемое родословное древо. Соловью стараго времени слѣдовало бы порхать по „мыслену древу“ пѣть то на той, то на другой вѣткѣ. Бояну слѣдовало бы слагать пѣсни и о старыхъ князьяхъ и о новыхъ. Г. Ждановъ самъ признаетъ, что это образъ довольно искусственный, но примиряется съ нимъ въ виду предположенія, что вѣдь и многое въ „Словѣ“ искусственно и риторично.

Мысль (nomin. sing. fem.) мыслию (instr. singul. fem.).

Древне Славянская письменность не представляетъ строго обработанныхъ терминовъ для обозначенія разныхъ психическихъ силъ и явленій. Въ переводныхъ памятникахъ въ этомъ отношеніи замѣчается большая сбивчивость. Такъ напр. ἰδέα переводилось словомъ ѡзрѣчь (Дан. IV, 33) и тѣмъ же словомъ θέα (Ис. II, 16. Опис. Син. р. I, стр. 89). εἶδος переводилось словомъ оузрокь (Бесѣд. Злат. на кн. Быт. Син. № 62, л. 55); μύθος же словомъ кощоуна (Меѳод. Патр. Син. № 110, л. 136 об.).

Актъ *представленія* въ соотвѣтствіи греческому φαντάζειν—выражался словомъ мечьти. Такъ напр. въ Син. сп. Григорья Богослова XIV в. (№ 117, л. 26) читаемъ: ѣ есть свѣ.. елико аще очищени мечьта и елико мечьтеть на любви (φαντάζομεν καὶ ὅσον ἂν φαντασθῶμεν) т.-е. по мѣрѣ нашего очищенія *представляемый и по мѣрѣ представленія* любимый. (Опис. Син. р. III, стр. 78). Но достойно вниманія что слово φαντάσια—было понимаемо не въ смыслѣ *силы представленія*, а лишь въ значеніи явленія: такъ въ переводѣ Ефрема Сирина читаемъ: ни красами мира сего (φαντασίαις κόσμου) прельщаемся. или же въ переводѣ Прор. Аввакума: дасть бездьна гласъ свой и высоту велнчія своего—ὕψος φαντασίας αὐτῆς (Оп. Син. р. I, стр. 122). Точно также и слово φάντασμα (Мѳ. XIV, 26) передавалось выраженіями: призракъ. (Остр. и Еван. Синод. № 25, 26, 31). призоръ (№ 20), привидѣние (№ 23), мечеть (во мног. Ев. XII, XIII и XIV вв. и тѣмъ же словомъ переводилось Греческое ποικιλία (Син. № 110

238). Достойно вниманія, что „*мечетный*" сохранилось и въ лѣписяхъ въ выраженіи „*сопта мечетнаго*". (Лавр. стр. 244. 1872.

Что касается слова *мысль*, то прежде всего замѣтимъ, что оно древнѣйшихъ переводахъ отвѣчало иногда Греческому νοῦς, ratio t actus pro causa); такъ въ Апостолѣ XIII — XIV в. читаемъ: тожде мысли—ἐν τῷ αὐτῷ νῷ (1 Кор. I, 10); въ сп. Гр. Толстаго IV въ томъ же разоумѣ; въ сп. XV в. въ томъ же оумѣ.

Иногда же *мысль* какъ дѣйствіе, отличалось отъ *ума*, какъ силы. къ въ Пандектахъ Антіоха XI в. читаемъ: яко же бо помрачить ньце подътекъ облакъ. тако оума мысль памятьника zълоу—οὕτως νοῦ γισμὸς (гл. 52, л. 115).

Въ частности словомъ *мысль* (λογισμὸς) во 1-хъ обозначался всякій тъ мышленія. Въ Пс. XII в. читаемъ: Отмѣтаеть же мысли людии—γισμοὺς λαῶν; мысли срдца его—λογισμοὶ τῆς καρδίας. Въ Изб. Святоава: мысль вѣры—λογισμὸς πίστεως (изд. Общ. Ист. стр. 43).

Во 2-хъ слово *мысль* въ переводныхъ памятникахъ XI—XIII в. сто соотвѣтствуетъ греческому ἐνθύμησις, означающему все то, что, житъ тай души и близко сердцу: (quod in animo versatur) умыселъ, счетъ, задушевное желаніе, намѣреніе. Такъ напр. въ Галицк. Ев. 144 г. читаемъ: видѣвъ же ісъ мысли ихъ=εἰδὼν δὲ ὁ Ἰσ τὰς ἐνθυμήσεις τῶν (Мѳ. XII, 25). Въ житіи Іоанна Милостиваго (Болг. Сб. IV в.): мысль оубо едина, иже и прежде насъ. трудолюбнвою и подобнею мужь. к нынѣшней блаженаго мужа житіе и повѣсть. (Intento quidem una est nostra, quoque et eorum qui ante nos fuerunt udiosorum et sanctorum virorum, super praesenti memorabilis viri tae narratione (мой сп. XVI в.).

3) *Мысль*, встрѣчаемъ приблизительно къ ἐνθύμησις и въ значеи цѣли: σκόπος. Такъ въ Панд. Антіоха XI в.: конечные мысли оюа отъпадъше—τέλος τοῦ σκόπου ἐκπέσοντες.

4) Мысль—встрѣчается въ древнихъ переводныхъ памятникахъ въ значеніи διανόια—cogitatio; Такъ въ Галицкомъ Евангеліи: възлюбиши га ба твоѥго... и всею мыслью твоѥю—καὶ ἐν ὅλῃ τῇ διαία σου (Мѳ. XXII, 37). растоучи, гърдыя мыслью срдца ихъ—ὑπερηνους διανοίᾳ καρδίας (Лук. I, 51). Съ XI вѣка выраженіе ἐξ ὅλης ς διανοίας σου—переводилось и словами: всѣмь оумомь твоимь (какъ

то Зограф. Ев. XI, Карп. XIII, Конст. 1383 г.; въ Новомъ же Завѣтѣ Св. Алексія: і ѿ всего помышле́ твое́.

5) Наконецъ, слово *мысль* встрѣчается въ значеніи воображенія, поэтическаго розмысла, силы парящей и творческой—φαντασία. Такъ выраженіе возлетать мыслію встрѣчаемъ въ Шестодневѣ Іоанна Экзарха Болгарскаго (XVI в. Син. № 56).

Въ произведеніяхъ литературно-повѣствовательной дружинной школы—*мысль* также встрѣчаемъ:

1) въ значеніи, воображенія, фантазіи: бѣси... взнесше *мысль* его (Өеодорца) до облакъ (Лавр. стр. 338).

2) въ значеніи намѣренія, желанія: „вложи Богъ *мысль* добру в Русьскыѣ князи, умыслиша дерзнути на Половци (ib. 266); Святополкъ и Володимеръ говорили Олегу: ты *мыслиши* на наю и поганымъ памагити хощеши (ib. 222); и нача Игорь *мыслити* на Деревляны, хотя примыслити большую дань (ib. 53). Но не сбыся *мысль* его (ib. 312). Въ посланіи Мономаха къ Олегу: „и створихомъ свое *мышленное*" т.-е. желанное, задуманное. (ib. 241). Даніилъ Паломникъ гласятъ: показа мн бгъ видѣти, его же желахъ по многи дни. мысліѫ своею мнѵнмъ бѣхъ,

Въ Поученіи Мономаха: повѣжь явѣ дѣянья и вся *мысли* т.-е. намѣренія (стр. 59) мысляще перейти Днѣпръ.

Въ народной поэзіи: не по *мыслямъ* дѣло ставится, т.-е. не по желаніямъ.

Въ живой народной рѣчи: „мнѣ-то не по *мысли*—т.-е. этого не желаю; эта *мысль* запала мнѣ на-сердце, т.-е. этого мнѣ захотѣлось. Онъ *мыслитъ* уйти, т.-е. хочетъ убѣжать.

Въ значеніи фантазіи: „ишь куды *зарыснулъ мыселью*"!

Въ „Словѣ" является это выраженіе въ томъ и другомъ смыслѣ:

Растѣкашется *мысль* мысію по древу, т.-е. фантазія носилась, что бѣлка по лѣсу. (См. выше Палеогр. Крит. текста ч. II, стр. 128—132)

Уже намъ своихъ милыхъ ладъ *ни мыслію смыслити*, т.-е. сколько ни мечтать—не вымечтать.

Игорь *мыслію* поля мѣритъ, т.-е. воображеніемъ измѣряетъ.

Въ значеніи намѣренія: не мыс҃ ли к ти прелетѣти—нѣтъ ли желанія у тебя перелетѣть.

Храбрая *мысль носитъ вас умъ на* дѣло—т.-е. храбрые замыслы, важная рѣшимость увлекаетъ умъ вашъ къ дѣйствію.

Недостаточно опредѣленное пониманіе слова *„мысль"* повело къ разнообразію переводовъ особенно послѣдняго мѣста.

Мусинъ-Пушкинъ: „храбрая ваша *мысль* возводитъ васъ къ подвигамъ великимъ".

Малиновскій: *„мысль* ваша твердая возноситъ умъ къ подвигамъ".

Первые издатели: „ваша *мысль* твердая возноситъ умъ на подвиги".

Шишковъ замѣтилъ: кажется „васъ" есть ошибка и глаголу надлежало быть въ двойственномъ числѣ.

Дубенскій: храбрая ваша *мысль* возноситъ вашъ умъ на подвигъ высокій.

Максимовичъ (изд. 185̄ г.) „храбра думка носитъ умъ вашъ на подвигъ ратный".

Малашевъ: Отважный вашъ духъ уноситъ васъ *мыслью* на ратное дѣло.

Алябьевъ: Ты на подвигъ высоко летаешь въ своей храбрости.

Скульскій: „вашъ воинскій духъ увлекаетъ васъ къ ратнымъ подвигамъ".

Мей: „васъ манитъ на поле молодечество и высоко вы, буйные, залетаете.

Гербель: „однажды рѣшившись отважно, стремитесь вы къ цѣли своей".

Майковъ: смѣло мысль стремитъ умъ на подвигъ.

Достойны особеннаго вниманія лингвистическія замѣчанія г. Потебни о словѣ *мысль*.

Мысію (instrum. sing. fem.) (см. о Палеогр. кр. текста ч. II, стр. 128—132). Слово—народное и бытуетъ въ живомъ языкѣ губерній Псковской и Новгородской. Въ ряду бѣлокъ, по объясненію охотника Ефима Федорова (села Выксы, Ч. у.) есть *лѣтущая векша*; она прыгаетъ съ де-

рева на дерево, словно мелькаетъ; не вдругъ ее убьешь ружьемъ и загоняешь собакой. У летучей бѣлки перепонка сверху покрыта шерстью отъ передней къ задней лапкѣ въ помощь къ прыжкамъ (Даль). Бытованіе слова *мыси* въ Новгородской губерніи засвидѣтельствовано П. И. Савваитовымъ; въ Псковской же губерніи, въ Опочецкомъ уѣздѣ— г. Карелкинымъ, который первый же и воспользовался имъ для объясненія выраженія „Слова" растекашется *мыслію*, предполагая, что и „*по мыслену древу*", прочтено не вѣрно по мыслену древу вмѣсто „по мысину древу".

До нынѣ столь замѣтная связь Новгородскаго нарѣчія съ древнимъ южно-русскимъ даетъ право предполагать, что автору „Слова", судя по многимъ его образамъ, столь знакомому съ охотой, слово *мысь*, какъ названіе одного изъ видовъ бѣлки, хорошо было извѣстно.

Во всякомъ случаѣ образъ какъ нельзя болѣе умѣстенъ и выразителенъ при чтеніи: „Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашется мысль мысію по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы", т.-е. когда хотѣлъ онъ пѣснь творить, фантазія его носилась, что бѣлка по лѣсу, словно волкъ сѣрый по землѣ, будто сизый орелъ по поднебесью.

Возраженіе, почему авторъ „Слова" не употребилъ здѣсь имени „векша" какъ слова болѣе извѣстнаго и обдержнаго не представляетъ никакой силы. Слово „векша" какъ и слово „бѣль" въ XII в. по преимуществу имѣли значеніе юридическое. Такъ въ этомъ смыслѣ векша является напр. въ Русской Правдѣ; въ переводныхъ же памятникахъ она отвѣчаетъ Греческому λέπτη: аще ко и кльми кто оубогъ єсть ꙗко и двою вѣкшоу, не имѣеть—ὡς δύο λέπτων μόνων μὴ ἐμπορεῖν (Златостр. XVI в. Вост.). Бѣль же въ смыслѣ дани встрѣчается и въ самомъ „Словѣ". Притомъ же именемъ *мысь* указывается здѣсь на тотъ именно видъ бѣлокъ, который отличается наибольшей быстротой бѣга, доходящей до мельканія, едва уловимаго глазами. Очень можетъ быть, что и имя *мысь* есть звукоподражательное слово, указывающее на звукъ, производимый необыкновенно быстрымъ движеніемъ летучей бѣлки.

Мытехъ (local. plur. fem. antecedente praepositione **въ**) отъ мыть или во множ. мыти — періодъ линянія птицъ. Соколъ въ мытяхъ; мытится, линяетъ, перебирается перомъ. Соколъ, говорятъ, двухъ или трехъ мытей, т.-е. двухъ или трехъ лѣтъ. Когда соколиха запариваетъ яица, соколъ также мытится, паритъ; онъ бываетъ самъ не свой и роняетъ перье; пока соколиха насиживаетъ яица, соколъ караулитъ гнѣздо; онъ подымается вверхъ и, какъ завидитъ врага, быстро спускается внизъ и бьетъ его соколкомъ, т.-е. острою костью въ грудяхъ. Такъ, коли соколъ въ мытѣхъ бываетъ, птицъ высоко взбиваетъ, т.-е. свысока (сообщ. Касьяновъ). Соколъ птица ревнивая; налетѣлъ разъ на соколиху другой соколъ и вытопталъ; та не успѣла схробыстнуться, какъ соколъ, съ которымъ она летала, палъ о землю и убился до смерти. Когда соколиха запариваетъ яица, соколъ караулитъ гнѣздо; въ это время его можетъ взять только орелъ (сообщ. Щеголенковъ).

А чи диво ся, братія, стару помолодити? Коли соколъ въ *мытехъ* бываетъ, высоко птицъ взбиваетъ; не дастъ гнѣзда своего въ обиду. Или на-диво, братья, вѣдь старику молодиться? Чѣмъ старше соколъ, тѣмъ могутнѣе, тѣмъ страшнѣе онъ для враговъ своего гнѣзда. Коли въ яреньяхъ (линяньяхъ) соколъ бываетъ, свысока онъ птицъ убиваетъ; не дастъ онъ обидѣть гнѣзда своего.

Мусинъ-Пушкинъ перевелъ: А вотъ дивно, братіе, ежели старикъ помолодѣетъ; когда сокола *на охотѣ* спускаютъ, онъ высоко птицъ загоняетъ.

Малиновскій: Но мудрено уже, братцы, помолодѣть старому; когда соколъ въ мыту бываетъ, то высоко онъ птицъ загоняетъ.

Первые издатели: Но мудрено ли, братцы, и старому помолодѣть? Когда соколъ *перелиняетъ*, тогда онъ птицъ высоко загоняетъ.

Шишковъ: Святославъ говоритъ здѣсь о самомъ себѣ, ободряя себя въ старости примѣромъ *выученнаго* или *выношеннаго* сокола, разгоняющаго птицъ и не дающаго имъ птенцевъ своихъ обижать. Не знаю, замѣчаетъ онъ, почему слово „въ мытехъ“ въ первомъ изданіи взято за глаголъ *линять* или перелинять; но какъ у соколиныхъ охот-

никовъ и понынѣ тотъ, который выноситъ ихъ, называется *помытникомъ* (см. Акад. Слов.) то и я подъ словами: „*соколъ въ мытехъ*, разумѣю выученнаго, выношеннаго сокола.

Пожарскій: для опроверженія такого разумѣнія слѣдуетъ только присовокупить вопросъ: имѣютъ ли ученые соколы гнѣзда и подвержены ли оныя нападенію дикихъ птицъ. Въ подлинникѣ дѣлается сравненіе съ дикимъ соколомъ, имѣющимъ гнѣздо свое и защищающимъ оное отъ нападенія прочихъ дикихъ птицъ. Слову: *мытехъ* начало *мыто*, означающее *дань*, *подать*, добыча, отъ коего произошло слово *мытарь*, собиратель дани. Онъ перевелъ: когда соколъ на добычѣ бываетъ.

Грамматинъ: Подтверждая мнѣніе Пожарскаго, что здѣсь рѣчь о дикомъ соколѣ, спрашиваетъ еще: почему Святославъ III говоритъ: а чи диво ся, братіе стару помолодити? И отвѣчаетъ: потому, что соколъ перелинявши одѣвается молодыми перьями. Про охотничьихъ птицъ обыкновенно говорится: третьей, четвертой мыти, т.-е. птица линяла въ 3-й, 4й разъ.

Вельтманъ: въ мытехъ значитъ въ „*пониманьи*“, когда свито гнѣздо для самки и самца. Въ книгѣ *Урядникъ* (Др. Росс. Вивл. ч. III, стр. 436) сокольничьяго пути, говоритъ онъ, сказано: *прими у Андрюшки челига* (самку сокола или кречета) *размыть и поднеси ко мнѣ*; здѣсь размытити значитъ отдѣлить отъ самца. Соколъ, съ воли взятый, на волѣ выведенный, т.-е. недоморощенный, называется *дикомыть*; слѣдовательно въ мытехъ бывать, не значитъ ли выводить, насиживать птенцевъ.

Дубенскій, основываясь на приведенныхъ соображеніяхъ Вельтмана, перевелъ: когда соколъ птенцовъ выводитъ, высоко птицъ загоняетъ.

Максимовичъ: Коли соколъ излиняе, мае вôнъ завзятья, вôнъ за птицею женеться, высоко й сердито.

Педагоги и поэты слѣдовали тѣмъ или другимъ ученымъ комментаторамъ.

Кораблевъ и Погосскій: когда соколъ на добычѣ бываетъ.
Алябьевъ: „когда соколъ птенцовъ своихъ выкармливаетъ".
Мей: „Коли соколъ понимается,

„Отбиваетъ онъ съ налету птицъ.

Майковъ: Слѣдуетъ замѣтить, что *мыть* птицъ нужно отличать отъ *мыта*, болѣзни животныхъ при переходѣ съ молока на сѣно или хлѣбъ, когда ударитъ изъ него слюна изъ носу и изо рта и сдѣлается съ нимъ поносъ.

Мычеши, (praes. 2 pers. indicat.) **мычючи** (gerund.) отъ **мыкати** трепать, метать, отсюда **мыкатися**, мчаться, мелькать отъ быстроты движенія: **видъ ихъ яко свѣща огнены и яко млъніи мыкающаяся** (διατρέχουσαι по нынѣшнему переводу протекающая. Наум. II, 4); **языци мыеми** (Пс. толк. CVI, 3). *Мыкати ленъ* есть дѣйствіе, замѣчаетъ И. И. Срезневскій, почти что общее Славянское.

Въ Кіевской Лѣтописи встрѣчается тотъ же глаголъ съ предлогомъ *вы*: вымыкати въ значеніи выметать, выкидать. Во время пожара во Владимірѣ въ 1185 г. *вымыкаша* изъ церкви на дворъ до всего, а изъ терема куны и книги и паволоки церковныя, иже вѣшаху на праздникъ (И. Г. Р. III, пр. 147).

Въ народной поэзіи: „въ дѣвкахъ сижено, горе *мыкано*, замужъ выдано вдвое прибыло"

Въ живой рѣчи глаголъ этотъ бытуетъ особенно въ сочетаніи съ разными предлогами. *Мыкнулся* я было къ сосѣду—метнулся, бросился. Шеломъ на буйной головѣ *замычется*, заколеблется; отсюда глаголы домыкивать, отмыкивать, перемыкивать, промыкивать, размыкивать, умыкивать (примѣры см. у Даля).

Въ „Словѣ": желя посючи по Руской земли смагу *мычючи*, т.-е. метая, раскидывая. Чему *мычеши* хиновьскыя стрѣлкы, т.-е. зачѣмъ мечешь, бросаешь.

Мѣритъ (praes. 3 pers. sing. indicativ.) отъ **мѣрити**, μετρεῖν, metiri, измѣрять, опредѣлять по извѣстной мѣркѣ величину или количество. Слово это встрѣчаемъ въ переводныхъ памятникахъ XI—

XIII вв. Такъ напр. въ Галицкомъ Ев. 1144 г.: **тою бо мѣрою юже мѣріте. възмѣрітьса вамъ**—τῷ γὰρ αὐτῷ μέτρῳ, ᾧ μετρεῖτε ἀντιμετρηθήσεται ὑμῖν (Лук. VI, 38); **въ нюже мѣроу мѣрите. възмѣрѧ вамъ**—ἐν ᾧ μέτρῳ μετρεῖτε μετρηθήσεται ὑμῖν (Мѳ. VII, 2; ср. Марк. IV, 24).

Существительное *мѣра*—читается въ поученіи Мономаха: „въ *мѣру* слово Господне".

Въ живой народной рѣчи говорится: „чужаго на свой аршинъ не *мѣряй*". „Дорога *мѣряется* верстами, бархатъ вершками".

Въ „Словѣ": „Игорь мыслію поля *мѣритъ* отъ Великаго Дону до Малаго Донца". Задумавъ бѣжать, среди полусонной ночи, Игорь измѣрялъ степь своимъ воображеніемъ отъ Дона до Малаго Донца. Авторъ „Слова", рисуя его нравственное положеніе, конечно лишь предполагаетъ въ немъ эти полусонныя мечтанія и даетъ намъ право уяснять эти мечтанія. Игорю прежде всего должны были представляться неминуемыя опасности во время бѣгства и главнымъ образомъ по степному пути. Степь, какъ видно, ему хорошо была извѣстна, и вотъ онъ думаетъ, какъ далеко онъ можетъ убѣжать, пока его не хватятся, въ какихъ мѣстахъ за холмами или въ оврагахъ ему укрыться или остановиться, какъ долго продолжится этотъ опасный путь до Малаго Донца. Далѣе, путь ему казался уже болѣе безопаснымъ. Въ такихъ мечтаніяхъ проводилъ Игорь послѣднюю ночь въ Половецкомъ стану. Игорь спитъ, Игорь бдитъ, Игорь мыслію поля мѣритъ отъ Великаго Дона до Малаго Донца.

Мѣстомъ (dativ. plur. antecedente praepositione **по**) отъ **мѣсто**—ὁ τόπος, locus, извѣстное пространство вообще, занятое или пустое.

Въ памятн. XI—XIII вв. Въ Галицкомъ Ев. 1144 г. читаемъ: **и боудоуть троуси по мѣстамъ**; въ Конст. Ев. 1383 г.: **по мѣстѡ**—καὶ ἔσονται... σεισμοὶ κατὰ τόπους (Мѳ. XXIV, 7; ср. Мрк. XIII, 8; Лук. XXI, 11); **преходіть сквозѣ безводьнаꙗ мѣста**—διὰ ἀνύδρων τόπων (Мѳ. XII, 43); **и познавъше и моужі мѣста того**—οἱ ἄνδρες τοῦ τόπου (Мѳ. XIV, 24).

Не только въ древне-русскихъ памятникахъ, но и въ народной поэзіи встрѣчаемъ это слово и притомъ въ той же самой граммати-

свой формѣ. Такъ въ лѣтописяхъ читаемъ: Многа знаменья бываху
 мѣстомъ (Лавр. стр. 208); повелѣ рубити церкви и поставити
 мѣстомъ, иде же стояху кумиры (ib. 116).

Въ словахъ богатырскихъ:

„И вывелъ всѣхъ царей, всѣхъ царевичей Илья Муромецъ,
„И распустилъ ихъ всѣхъ *по своимъ мѣстамъ* (Рыбн. I, 49).

Въ пѣсняхъ:

„Будто птицы залетные
„*По мѣстамъ* испадали (Тр. Этн. Отд. кн. V, 85).

Въ живой народной рѣчи: соколъ съ *мѣста*, ворона на *мѣсто*.

Въ „Словѣ": по *грязивымъ мѣстомъ*—выраженіе тождественное
 домъ стоящему: „*по болотамъ*" (см. грязивый).

Мѣсяца (nomin. dual. masc.) отъ **мѣсяцъ**—σελήνη, luna—
 чное свѣтило.

Въ Зогр. Ев. XI в. и Карп. XIII в. читаемъ: и мѣсѧць не дасть свѣта
 своего—καὶ ἡ σελήνη οὐ δώσει τὸ φέγγος αὐτῆς (Мѳ. XXIV, 29). Въ
 постолѣ XIII–XIV в. слава мѣсѧцоу—δόξα σελήνης (Кор. XV, 41) въ
 р. Св. Алексія лоунѣ. Въ Зогр. XI в.: и боудоуть знамениѣ въ
 нци і мѣсѧци—ἐν ἡλίῳ καὶ σελήνῃ (Лук. XXI, 25). Въ большей
 сти другихъ такихъ памятниковъ той же эпохи удерживается ла-
 нское названіе *луна*; но съ XV в. стали пояснять его Русскимъ
 мѣсяцъ; отсюда явилось чтеніе: и лоуна и мѣсѧць не дасть свѣта своего.

Изъ Русскихъ письменныхъ памятниковъ слово *мѣсяцъ* встрѣ-
 емъ въ лѣтописномъ повѣствованіи о томъ же походѣ Игоревомъ:
 солнци учинися, *яко мѣсяць*, изъ рогъ его, яко угль жаровъ
 схожаше.

Подъ 1207 г. Тояже зимы бысть знаменія въ лунѣ... бысть по-
 рачена вся, и остася ея мало, яки *мѣсяцъ* в настатьи перваго дни
 Лавр. 1872, стр. 412).

Подъ 1230 г. Солнце нача погыбати ...и бысть, акы *мѣсяць* три
 ни ...и мнози мняху *мѣсяць*, идуще чресъ небо, зане бяшеть *межи-
 мѣсячье*... всѣмъ зрящимъ, бывшю солнцю *мѣсяцемъ* (ib. стр. 432).

Въ народной поэзіи *младъ свѣтелъ мѣсяцъ*—выраженіе обычное и весьма часто является съ символическимъ значеніемъ (въ богатыр. словахъ и обрядовыхъ пѣсняхъ).

„И какъ на нашіихъ новыхъ сѣняхъ рѣшетчатыхъ
„И какъ свѣтитъ да точно бладенькой *свѣтелъ мѣсяцъ*
(Пр. С. кр. ч. III, стр. 158).

Въ живой народной рѣчи говорятъ: *мѣсяцъ народился*, т.-е. молодой новый мѣсяцъ, когда серпъ, луны покажется послѣ новолунія на первую четверть. *Молодой мѣсяцъ* обмывается (о перемѣнѣ погоды въ новолуніе). Свѣтилъ бы мнѣ *ясный мѣсяцъ*, а по частымъ звѣздамъ коломъ бью.

Олицетвореніе мѣсяца видно изъ слѣдующей рѣчи: *Мѣсяцъ! Мѣсяцъ!* Гдѣ ты былъ? Въ лѣсу. Что ты дѣлалъ? Лыки дралъ. Куда клалъ. Подъ колоду. Кто взялъ? Родіонъ. Поди вонъ. (Игра, въ коей рѣшается очередь по жеребью, считанье конами).

Въ „Словѣ“: *молодая мѣсяца*, Олегъ и Святославъ тъмою ся поволокоста.

Мя отъ **азъ**—ἐγώ, ego—saepe occurrit во всѣхъ древне-Славянскихъ переводныхъ памятникахъ и Русскихъ произведеніяхъ.

Указатель словъ памятника.

*) Какъ сей указатель, такъ и всѣ другіе составлены студентомъ Москов-
каго Университета В. В. Бѣловымъ, коему и выражаемъ здѣсь свою призна-
ельность.

*

Указатель Греческихъ словъ.

Указатель латинскихъ словъ.

Указатель латинскихъ словъ.

Указатель географическихъ именъ.

Указатель личныхъ именъ и названій памятниковъ:

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
5	**deretur**	**daretur**
—	Συλλάιῳ	Συλλαίῳ
6	γουν=γε+ουν	γοῦν=γέ+οὖν
—	ἕξειν ἑνα	ἕξειν ἕνα
—	(**Lib. I. c. XXI, 9, 4**)	(**Lib. I. c. XXIX, 4**)
7	ὡσὲι	ὡσεὶ
9	ἑι	εἰ
—	ἃν	ἂν
—	**et**	**etsi**
10	ἱματιον	ἱμάτιον
12	γρηγορἓιτε	γρηγορεῖτε
—	γρηγορῆσαι	γρηγορεῖν
15	ἀνύδρος	ἄνυδρος
19	ὃν μεν	ὃν μὲν
—	ἵς	ἴς
—	ἕκαστοι	ἕκαστοι
—	ἃκριτον	ἄκριτον
20	σνμπλεκεῖν	συμπλεκεῖν
21	ἀλὸς	ἁλὸς
22	πύργιν	πύργον
—	ἔρριψε	ἔῤῥιψε
23	συμαίαι	συμαῖαι
28	δε (во всѣхъ примѣрахъ)	δέ
—	τὶ γαρ	τὶ γάρ
29	ἑι γὰρ	εἰ γὰρ
—	ἑν ἀρχῆ	ἐν ἀρχῇ
30	**Ербенъ**	**Эрбенъ**
31	τὰ ἀγαθὰ μου	τὰ ἀγαθά μου
35	ἕλος	ἕλος
42	επὶ πάσης	ἐπὶ πάσης
43	**Болонь**	**Боронь**
—	και ἀκοὰς	καὶ ἀκοὰς
—	ἑις πόλεμον	εἰς πόλεμον

45	αδελφος	ἀδελφός
—	ἀδελφὲ μοῦ	ἀδελφέ μου
—	2. Цар. 11, 26	2. Цар. 1, 26.
46	ἀδελφοι	ἀδελφοί
47	Аполипсисъ	Апокалипсисъ
—	λῆμμα	λῆμμα
50	ἀνδρείος	ἀνδρεῖος
—	τὸ ἀκούσαι	τὸ ἀκοῦσαι
—	ἵππεις	ἱππεῖς
—	σπέυδοντες	σπεύδοντες
53	γενναδὰς	γεννάδας
54	45	54
57	ἄνεμου	ἀνέμου
60	γυψ	γύψ
64	ὁ δξὺς	ὁ ὀξὺς
65	ρεῖθρον	ῥεῖθρον
68	(Насов.)	(Носов.)
70	ἔνδομα	ἔνδυμα
80	1) θέλειν	1) θέλειν, βούλεσθαι
81	praecipire	praecipere
84	συνευοχούμενοι	συνευωχούμενοι
—	ἐν εὐφροσύνην	ἐν εὐφροσύνῃ
—	ἐστίασις	ἑστίασις
—	ἐυωχία	εὐωχία
86	ἐσπέρα	ἑσπέρα
88	ἐώρακε	ἑώρακε
92	ἐπάρχια	ἐπαρχία
—	ρύω, ρέω	ῥύω, ῥέω
—	ροῦσα	ῥοῦσα
93	ἀρπάζει	ἁρπάζει
95	ἑκάστου ἅπαξ... ἕκαστος	ἑκάστου ἅπαξ... ἕκαστος
—	οπίσω	ὀπίσω
100	Филавія	Флавія
103	Граматинъ	Грамматинъ
107	ἐπιρρίψομεν	ἐπιῤῥίψομεν
—	βᾴλλειν	βάλλειν
109	(Ис. XXIX, 19)	(Ис. XXVIII, 19)
110	ἐπίβαινειν	ἐπιβαίνειν
112	ἀναβλέπτειν	ἀναβλέπειν
121	εγέιρεσθαι	ἐγείρεσθαι
125	ἐις τὸν	εἰς τὸν
128	ἔπνευσαν	ἔπνευσαν

—	δήλον	δῆλον
133	αίων, αιῶνι. αίών	αἰών, αἰῶνι, αἰών.
139	ἀνὴς	ἀνὴρ
155	**statatum**	**statum**
164	Ασσυρίων	Ἀσσυρίων
166	(ὅ τε... εἰ... εἰσι ἕτοιμοι...)	(ὅτε... εἰ... εἰσι ἕτοιμοι)
167	χαλάζη	χαλάζη
171	371	171
174	*Гай-воронъ*	*Грай-воронъ*
—	*Гай-вороновскомъ*	*Грай-вороновскомъ*
176	ἑταίρεια	ἑταίρεια
—	ἑταιριάρχη	ἑταιριάρχη
177	**Норманисты**	**Норманисты**
181	ἱταμός	ἱταμός
186	ἀρχαίος	ἀρχαῖος
196	*Upopa*	*Upupa*
200	ἅδου	ᾅδου
201	βάρο-φορος	βαρό-φορος
211	**preciosus**	**pretiosus**
217	ἑταῖροι	ἑταῖροι
—	ἑταιρεία	ἑταίρεια
220	ἀνδρεῖα	ἀνδρεία
224	Ινδικὴν	Ἰνδικὴν
—	Δουνάυης	Δουναύης
—	ἐνὶ	ἐνὶ
230	πράξις	πρᾶξις
245	εἶναι	εἶναι
246	ἓν ἐσμεν	ἕν ἐσμεν
247	Ρομαίους	Ῥωμαίους
248	δίψη	δίψα
—	δίψης εξηράνθη	δίψης ἐξηράνθη
249	2 9	249
254	ἀγαλλίασει	ἀγαλλιάσει
—	ἔλεον	ἐλεόν
—	ὀρφανῶν	ὀρφανῶν
256	**Боякъ**	**Боянъ**
—	ἀλύσεις	ἀλύσεις
—	ραυδῷ	ῥαυδῷ
—	**milier**	**mulier**
261	πᾶσην ζωὴν	πᾶσαν ζοὴν
—	νεύροι	νεῦρα
272	**—Приказать долго жить...**	**—Приказалъ долго жить**
293	**auffere**	**auferre**

294	λήψετα	λήψεται
296	άίγλη	αἴγλη
—	ἀυγή	αὐγή
—	(Ис. XVII, 56)	(Ис. XVII, 14)
302	ἡ παρόδος	ἡ πάροδος
313	viridilis	viridis
320	fabricatus ex aureo	fabricatus ex auro
333	(Мѳ. X, 32.)	(Мѳ. X. 39.)
336	αεὶ	ἀεὶ
339	μονοτρόπος	μονότροπος
342	indagere	indagare
352	aeromnosum.	aerumnosus
—	aeromnosus	aerumnosus
365	μετὰ κράτου	μετὰ κράτους
383	столпы, аки аругы	столпы, аки дуги
385	concupiscere esse	concupiscere alacrem esse
387	οἱ ἐφ' ἵπποις	οἱ ἐφ' ἵπποις
392	ρουσικὰ	ῥουσικὰ
399	λήρος	λῆρος
—	μύθος	μῦθος
400	insidium	insidiae
402	ἔυμορφος	εὔμορφος
—	ποικιλός	ποικίλος
409	κράββατος	κράβατος
413	τὸν παράστημα	τὸ παράστημα
414	ἐγεῖραί	ἐγεῖραι
—	(intinit.)	(infinit.)
418	γύρος	γῦρος
435	mencium	mendacium
441	δρὺς	δρῦς
445	ὅτι κρεῖσσων (Ис. LXXVIII, 11)	ὅτι κρείσσων (Ис. LXXXIII, 11)
448	οΐτε γὰρ	οὔτε γὰρ
—	ἀισχύνης	αἰσχύνης
477	accus. sing.	genit. sing.
486	ἡ βυθία ἄνο	ἡ βυθία ἄνω.
—	ούν... τὸ ἐπιθυμητὶκόν..	οὖν... τὸ ἐπιθυμητικὸν

МОСКОВСКАЯ

ПОМѢРНАЯ ИЗБА.

Дѣйств. чл.

Н. Оглоблинъ.

Московская Помѣрная Изба.

Помѣрная Изба, завѣдывавшая хлѣбною торговлею города Москвы и собиравшая „помѣрныя пошлины“ съ привознаго хлѣба, принадлежала къ числу тѣхъ многочисленныхъ финансовыхъ учрежденій XVII в., которыя были основаны на принципѣ безвозмезднаго привлеченія торговыхъ людей къ „государевой службѣ“. Исходя изъ того справедливаго основанія, что торговое сословіе обязано отплатить охраняющему его интересы государству за тѣ выгоды и преимущества, какія связаны съ торговымъ ремесломъ, московское правительство требовало, чтобы и купечество съ своей стороны служило государству именно въ той области, которая всего болѣе знакома торговымъ людямъ. Какъ московскія финансовыя учрежденія (Соболиная казна и Розцѣнная Палата при Сибирскомъ приказѣ [1]), Большая Таможня и Мытная Изба при Приказѣ Большаго Прихода, Кружечный дворъ при Новой Чети и пр.), такъ и провинціальныя (таможенныя избы, кружечные дворы и пр.), равнымъ образомъ и различныя правительственныя комиссіи торговаго характера (Кизылбашскій „торгъ“, Архангельскій, Литовскій и др. „торги“ и проч.)—всѣ эти учрежденія управлялись именно торговыми людьми подъ высшимъ надзоромъ правительственной администрація. Къ этой службѣ привлекались какъ высшіе ранги торговыхъ людей—„гости“, „гостинная“ и „суконная сотни“, такъ и всѣ остальные — торговые люди московскихъ „черныхъ сотень“ и слободъ и посадовъ провинціальныхъ городовъ [2]). Первые завѣдывали

---

[1]) См. о нихъ ст. *Н. А. Попова* „Вопросъ о Приказѣ Купецк. Дѣлъ“ („Ж. М. Н. Пр.,“ 1889, № 2).

[2]) Проф. Владимірскій—Будановъ („Обз. ист. русск. права,“ 103 — 105) справедливо называетъ гостей, гостинную и суконную сотни *„полуслужилыми людьми“*, но совершенно напрасно *оттѣняетъ* служебную ихъ повинность сравнительно съ такою же повинностію низшихъ торговыхъ людей. Въ дѣйствительности и высшіе и низшіе торговые люди совершенно одинаково отбывали государеву службу и равномѣрно могутъ быть названы „полуслужилыми людьми“.

преимущественно московскими финансовыми учрежденіями, а вторые—провинціальными. Но тѣ и другіе служили государству по очереди („погодно") и вообще „по перемѣнамъ" и безвозмездно, т. е.—не получали „государева жалованья" за свою службу, подобно служилымъ людямъ.

Московская Помѣрная Изба принадлежала къ числу именно такихъ учрежденій, управлявшихся торговыми людьми. И въ этомъ отношеніи, и по предмету своего вѣдомства она представляетъ значительный интересъ. Между тѣмъ, въ нашей литературѣ очень мало встрѣчается свѣдѣній объ этомъ любопытномъ учрежденіи. Такъ, извѣстны два „наказа" головамъ и „ларечнымъ" Помѣрной Избы, но уже конца XVII в.—189 г. [3]) и 205 г, [4]). Сохранились свѣдѣнія о количествѣ подъячихъ Избы въ 177 г. [5]) и въ 183 г. [6]). Извѣстенъ, наконецъ, фактъ перехода Помѣрной Избы въ 188 г. изъ вѣдомства Приказа Большаго Прихода подъ управленіе Приказа Большой казны [7]).

Такимъ образомъ всѣ эти матеріалы относятся къ концу XVII в. Между тѣмъ, въ Моск. Архивѣ М—ва Юстиціи въ дѣлахъ *Сибирскаго приказа* находится *столбецъ № 346*, содержащій документы Помѣрной Избы за болѣе раннее время—за 167—171 г.г. Среди этихъ документовъ встрѣчаются свѣдѣнія о Помѣрной Избѣ и за предшествующіе 157—166 г.г.

Еще вопросъ—кто больше служилъ государству: привилегированные-ли торговые люди, сидѣвшіе около государева дѣла преимущественно въ Москвѣ, или же городовые посадскіе люди, разбросанные по всѣмъ концамъ московскаго государства?—Сибирь, напр., не видѣла въ своихъ таможенныхъ избахъ представителей московской торговой аристократіи: головами этихъ избъ въ XVII в. были посадскіе торговые люди преимущественно „поморскихъ" городовъ—Устюга Вел., Сольвычегодской и пр. А „головство" въ Сибири, продолжавшееся не по одному году, какъ въ Москвѣ, несомнѣнно было потруднѣе головства въ Соболиной Казнѣ и т. п. Въ ту же, кажется, сторону долженъ быть рѣшенъ и вопросъ о сравнительной пользѣ, принесенной государству высшими и низшими торговыми людьми XVII в.

[3]) Полн. Собр. Зак., II, № 874.

[4]) Ibid III, № 1592.

[5]) „Опис. Разр. Архива" *Иванова*, с. 64.

[6]) *Соловьевъ*, т. XIII, стр. XVII приложеній.

[7]) *Неволина* „Полн. Собр. Соч." VI, 164; „Опис. докум. М. А. М. Ю." V, 143, 145.—Общее, хотя очень краткое, понятіе о дѣятельности и устройствѣ Помѣрной Избы даетъ *Костомарова* „Очеркъ торговли Моск. Гос.," сс. 209—210.

Къ Сибирскому приказу Помѣрная Изба не имѣла никакого отношенія и ея документы совершенно случайно очутились здѣсь, подобно документамъ Разряднаго, Малороссійскаго и др. приказовъ,

Столбецъ № 346 состоитъ изъ 41 склейки-листа и содержитъ въ себѣ около 30 разнообразныхъ документовъ Приказа Большаго Прихода и Помѣрной Избы. Первое мѣсто здѣсь принадлежитъ *„наказной памяти"* головѣ избы „Гостинной сотни торговому человѣку" Исаку *Шиловцову*, 167 г. (л. л. 1—5). Наказная память даетъ ясное представленіе о задачахъ Помѣрной Избы и обязанностяхъ головы и его товарищей—цѣловальниковъ. Характеристику дѣятельности этихъ лицъ, завѣдывавшихъ такимъ крупнымъ торговымъ дѣломъ Москвы, находимъ въ 3-хъ *челобитныхъ дѣлахъ* Помѣрныхъ головъ, 169—170 гг.. (л. л. 22—25, 33—36 и 37—41). Есть свѣдѣнія о выборѣ торговыхъ людей въ головы и цѣловальники избы въ 167—8 гг., о приведеніи ихъ къ присягѣ и пр.—въ *памятяхъ* изъ Земскаго приказа въ Приказъ Большаго Прихода (л. л. 8—9), въ памятяхъ послѣдняго въ Архангельскій соборъ (л. 6, 7, 11, 12) и проч. Сохранилась одна память Помѣрной Избы въ Пр. Большаго Прихода, 169 г. (л. 20). Любопытны, наконецъ, *росписи цѣнъ* на Московскомъ хлѣбномъ рынкѣ за ноябрь—февраль 170 г. (л. л. 26—32).

На основаніи этихъ документовъ столбца № 346 и вышеуказанныхъ печатныхъ матеріаловъ постараюсь обрисовать дѣятельность Московской Помѣрной Избы во 2-й половинѣ XVII в.

I.

Время возникновенія Помѣрной Избы трудно опредѣлить. Начало Приказа Большаго Прихода, въ вѣдомствѣ котораго находилась изба до 188 г., относятъ ко 2-й половинѣ XVI в. [8]). Если изба не возникла одновременно съ своимъ приказомъ, то во всякомъ случаѣ сборъ помѣрныхъ пошлинъ съ привознаго въ Москву хлѣба—главный предметъ дѣятельности Помѣрной Избы—былъ организованъ приказомъ уже въ концѣ XVI в. Въ началѣ XVII в. встрѣчаемся со сборомъ помѣрныхъ пошлинъ не только въ городахъ, но и на сельскихъ „торгахъ". Такъ, о сборѣ „помѣрнаго" въ Суздалѣ говоритъ уставная таможенная грамота 114 г. [9]). Въ 110—111 гг. собиралось „помѣрное" на „торгу", учрежденномъ въ „селѣ на Словинскомъ Волочкѣ", Бѣ-

---

[8]) *Неволинъ*, VI, 165.

[9]) А. А. Э., II, № 65.

лозерскаго уѣзда [10]). Тѣмъ болѣе, конечно, должно было развиться въ XVII в. это дѣло въ Москвѣ. Извѣстная „Записка о царскомъ дворѣ“ и пр., начала XVII в., намекаетъ на дѣятельность Помѣрной Избы, когда говоритъ, что *„мѣры житные* какъ *на Москвѣ*, такъ и по всѣмъ городомъ, съ государскою печатью, чтобы были вездѣ ровны, а кто мѣры прибавитъ, вельми смиряютъ и заповѣдь емлютъ...“ [11]). Какъ увидимъ ниже—наблюденіе за правильностью хлѣбныхъ „мѣръ“ на московскихъ рынкахъ входило въ обязанности Помѣрной Избы. Котошихинъ [12]) прямо говоритъ, что Приказъ Большаго Прихода вѣдалъ, между прочимъ, сборы въ Москвѣ и др. городахъ „съ мѣры, чѣмъ всякіе товары и питья мѣряютъ“...

Какъ бы тамъ ни было, но первое прямое и документальное извѣстіе о Помѣрной Избѣ находимъ въ Сибир. приказа столбцѣ № 346. Именно, здѣсь говорится, что *въ 157 г.* „головою“ Помѣрной Избы былъ Логинъ *Ляпинъ* (л.л. 36 и 39). Но документы не даютъ никакого основанія заключать, что Л. Ляпинъ былъ именно первымъ головою Избы. Слѣдовательно, 157 г. нельзя считать годомъ основанія Помѣрной Избы.

Послѣ Л. Ляпина, по даннымъ того же столбца, Помѣрною избою управляли слѣд. головы: въ 158 г.—Богданъ Арефьевъ, въ 159 г.—Василій Онтипинъ, въ 160 г.—Мелентій Крестьяниновъ, 165 г.—Моисей Облезовъ, 166 г,—Иванъ Смолинъ, 167 г.—Исаакъ Шиловцовъ, 168 г.—Афанасій Спиридоновъ, 169 г.—Кузьма Подошевниковъ, 170 г.—Иванъ Коверинъ [13]). Въ напечатанныхъ наказахъ 189 и 205 г.г. [14]) встрѣчаемъ еще 4 головъ: въ 188 г.—Григорія Солодовникова, 189 г.—Ивана Зиновьева, 204 г.—опять Григорія Солодовникова и въ 205 г. Гаврилу Чернаго. Итакъ, намъ извѣстны имена 14 головъ [15]), управлявшихъ Помѣрною Избою въ теченіе 14 лѣтъ—въ 157—160, 165—170, 188—189 и 204—205 гг. Причемъ одинъ изъ нихъ (Гр. Солодовниковъ) былъ головою два раза—въ 188 и 204 гг., чрезъ промежутокъ времени въ 16 лѣтъ.

---

[10]) Ibid, №№ 21 и 22.

[11]) А. И., 11, № 355.

[12]) Изд. 2-е, стр. 87.

[13]) Сибир. Приказа столбецъ № 346, л.л. 1, 20, 22, 33, 36, 39, 40 и др.

[14]) П. С. З., 11, № 874 и III, № 1592.

[15]) Любопытно, что нѣкоторыя фамиліи этихъ головъ и сейчасъ встрѣчаются среди московскаго купечества, напр.—Ляпинъ, Солодовниковъ, Арефьевъ и др.

Четверо изъ этихъ головъ, какъ показываютъ настоящіе докумен-
і, были торговые люди *Гостинной сотни* [16]): И. Шиловцовъ,
. Подошевниковъ, И. Коверинъ и Г. Черной. Объ остальныхъ не из-
;стно, но можно предполагать, что и они принадлежали къ той же
)стинной сотнѣ. Въ XVII в. было въ обычаѣ, чтобы торговые люди
вѣстной категоріи отбывали государеву службу въ одномъ и томъ же
режденіи, или по крайней мѣрѣ въ однородныхъ учрежденіяхъ: этимъ
темъ преслѣдовалась и достигалась равномѣрность раскладки слу-
эбной повинности среди лицъ одной категоріи. Этотъ принципъ, напр.
житъ въ основѣ того явленія, что головами таможенныхъ избъ Си-
ри были почти исключительно торговые люди „поморскихъ" городовъ.
гучаи же посылки въ эти изби торговыхъ людей изъ внутреннихъ,
)сковскихъ городовъ—являются очень рѣдкими исключеніями.

Впрочемъ, есть основаніе заключать, что головами Помѣрной Из-
і могли быть и *„гости"* — высшій торговый классъ XVII в. Такъ,
/зьма Подошевниковъ въ своей челобитной царю говоритъ, что онъ
ілъ „Помѣрной Избы головою" въ 169 г. „по государеву указу и
выбору гостей и гостинной сотни" (л. 37). То же самое утвержда-
ъ и Ив. Коверинъ въ своей челобитной: въ 170 г. „по твоему го-
дареву указу и по выбору гостей и гостинной сотни служилъ я, хо-
пъ твой, тебѣ великому государю въ Помѣрной Избѣ головишкомъ"...
. 33).

Если гости наряду съ гостинной сотней участвовали въ выборѣ
мѣрныхъ головъ, значитъ—они имѣли право и быть выбранными на
о „головство". Возможно, поэтому, что среди вышеуказанныхъ 14
мѣрныхъ головъ, кромѣ торговыхъ людей Гостинной сотни встрѣ-
ются и гости. Такимъ образомъ, головство въ Помѣрной Избѣ было
къ сказать приписано къ числу служебныхъ повинностей двухъ пер-
:хъ торговыхъ классовъ XVII в., слѣдовательно—Помѣрная Изба счи-
лась однимъ изъ высшихъ финансовыхъ учрежденій.

Какъ мы видѣли, головы избирались на годичный срокъ. На та-
й же, повидимому, срокъ выбирались и ихъ товарищи—*„цѣловаль-
ки"*. Въ концѣ XVII в. видимъ, что старшіе изъ цѣловальниковъ
зывались *„ларечными"*. Наказы 189 и 205 гг. давались на имя го-
вы и ларечнаго: въ 189 г., у головы Ив. Зиновьева ларечнымъ былъ
іть Емельяновъ, а въ 205 г., у головы Г. Черннаго—ларечный Ан-
ей Словинской. По Наказъ 167 г. писанъ на имя одного головы—

[16]) Такимъ образомъ, опровергается показаніе *Котошихина*, будто „го-
інная и суконная сотни" служили только „зъ гостми *въ товарищахъ*" (стр. 115).

Ис. Шиловцова. Вообще, въ документахъ столбца № 346 ни разу не встрѣчаемъ „ларечныхъ". Можно отсюда утверждать, что въ 157—171 г.г. ларечныхъ еще не было у помѣрныхъ головъ.

Изъ какого разряда торговыхъ людей выбирались „ларечные"— трудно сказать. Но врядъ ли они принадлежали къ гостинной сотнѣ, скорѣе всего это были торговые люди московскихъ *„черныхъ сотенъ" и слободъ*. По крайней мѣрѣ остальные цѣловальники Помѣрной Избы были именно изъ этихъ сотень и слободъ.

Столбецъ № 346 сохранилъ имена [17]) всѣхъ 12-ти помѣрныхъ цѣловальниковъ 167 г. (л.л. 6, 8, 9, 17, 18). 5 цѣловальниковъ были взяты изъ 4 черныхъ сотенъ: два изъ Дмитровской и по одному—изъ Срѣтенской, Покровской и Новгородской. Затѣмъ, 2 цѣловальника принадлежали къ Мясницкой и одинъ къ Устюжской „полусотнямъ." Остальные были изъ „слободъ": два изъ Голутвиной и по одному—изъ Алексѣевской и Семеновской.

Цѣловальника изъ послѣдней слободы—Жданка Васильева [18])— пришлось вскорѣ замѣнить другимъ торговымъ человѣкомъ. *Земскій приказъ*, завѣдывавшій дѣломъ выбора помѣрныхъ цѣловальниковъ въ черныхъ сотняхъ и слободахъ Москвы и отправкою ихъ на службу въ Помѣрную Избу, произвелъ эти выборы на 167 г. въ свое время— въ концѣ августа 166 г., а 1 сентября 167 г. всѣ новые цѣловальники были уже отправлены въ Избу и 2 сентября „приведены къ вѣрѣ" на службу государю (л. 6). Въ числѣ ихъ былъ и Жданко Васильевъ. Но 13 сентября Земскій приказъ прислалъ въ Пр. Большаго Прихода слѣд. *„Памятъ"* (л.л. 8 — 9), за приписью дьяка Өедора Иванова:

1 сентября посланъ былъ изъ Земскаго приказа въ Помѣрную Избу въ цѣловальники—„Заяуской Семеновской слободы тяглецъ" Жданко Васильевъ. Но *„по очереди* довелось" ему теперь „государева служба служить въ цѣловальникахъ *у большихъ тюремъ*, и *выборъ* на него сотенные люди въ Земской приказъ подали". Какимъ образомъ случилось, что выборъ въ цѣловальники Помѣрной Избы палъ на Васильева не „по очереди", когда его очередь была идти въ цѣловальники „большихъ тюремъ"—Земскій приказъ, къ сожалѣнію, не объясняетъ.

---

[17]) Не привожу этихъ именъ, потому что ничего характернаго въ нихъ нѣтъ: все это отчества, а не прозвища.

[18]) Въ одномъ изъ документовъ столбца № 346 встрѣчаемъ относительно этого лица слѣд. любопытное дополненіе: „Семеновской слободы *Жданко* Васильевъ, молитвенное имя—Харламъ" (л. 14).

Онъ сообщаетъ только, что „на перемѣну“ Васильева посылается въ цѣловальники Помѣрной Избы тяглецъ Панкратьевской слободы Куприянка Тарасовъ. Васильева же Пр. Большаго Прихода долженъ прислать обратно въ Земскій приказъ.

За 168 г. извѣстны по тѣмъ же документамъ (л.л. 10, 12, 16) 3 цѣловальника: по одному—изъ Алексѣевской, Голутвиной и Семеновской слободъ, т. е.—изъ тѣхъ слободъ, изъ которыхъ избирались цѣловальники и въ 167 г. Повидимому, помѣрные цѣловальники выбирались преимущественно изъ нѣкоторыхъ московскихъ черныхъ сотенъ и слободъ. Три цѣловальника 168 г. избраны были не въ обычное время — въ августѣ или сентябрѣ, а въ декабрѣ. Очевидно, что трое изъ выбранныхъ въ свое время цѣловальниковъ почему-то выбыли до срока изъ состава Помѣрной Избы и ихъ пришлось замѣнить новыми лицами—въ декабрѣ. Но нѣтъ сомнѣнія, что и въ 168 г. было столько же цѣловальниковъ, какъ и въ предъидущемъ году, т. е.—12 человѣкъ.

Такой составъ цѣловальниковъ сохранялся и въ слѣдующее время. Именно это количество цѣловальниковъ опредѣлено и въ наказѣ 205 г.

Въ столбцѣ № 346 сохранились документы, при которыхъ Земскій приказъ отправлялъ въ Помѣрную Избу цѣловальниковъ. Это простыя записи такого рода: „168 г., декабря во 2 день, посланъ изъ Земского приказу въ Помѣрную Избу цѣловальникъ Алексѣевской слободы тяглецъ Ивашко Павловъ, съ приставомъ съ Өедоромъ Сухимъ“ (л. 10). Другой цѣловальникъ того же 168 г. былъ отправленъ въ избу „съ приставомъ съ Ильею Тонкимъ“ (л. 16). Сохранились подобныя записи и за 167 г. (л.л. 17—18). Но головы отпускались Земскимъ Приказомъ въ Избу безъ сопровожденія приставовъ. Сохранилась такая запись 167 г.: „посланъ въ Помѣрную Избу гостинной сотни Исакъ Шиловцовъ“ (л. 15).

Головы и цѣловальники приводились „къ вѣрѣ“ въ Архангельскомъ соборѣ. 1 сентября 167 г. Приказъ Большаго Прихода отправилъ такую память „Архангела Михаила протопопу Кондрату зъ братьею“, за приписою дьяка Томилы Истомина (л. 6):

„Привести имъ ко Христовѣ Евангельской заповѣди Дмитровской сотни Аврама Ондрѣева... (слѣдуетъ перечень 11 цѣловальниковъ)... по государеву указу быти имъ въ Помѣрной Избѣ въ цѣловальникахъ у денежного збору въ нынѣшнемъ во 167 году“.—На об. помѣта: „167 г., сентября во 2 день, привелъ къ вѣрѣ по Евангельской непорочной заповѣди попъ Өедоръ“.

5 сентября была отправлена такая же память, за приписсою старшаго дьяка Приказа Большаго Прихода Александра Дурова, о приводѣ, къ „заповѣди“ помѣрнаго головы Исаака Шиловцова. Привелъ его „къ вѣрѣ Архангельского собору попъ Сергій“ (л. 7). Сохранились такія же памяти и за 168 г. (л.л. 11, 12).

Архангельскій соборъ съ своей стороны отвѣчалъ „памятями“ Приказу Большаго Прихода, напр.: „сентября въ 3 день (167 г.) привелъ къ вѣрѣ Архангельского собору попъ Ѳедоръ Карпа Яѳимова въ томъ, что быти ему въ Помѣрной Избѣ въ цѣловальникахъ; а *память* писалъ того жъ Архангельского собору діаконъ Іюда Ѳедоровъ“ (л. 19).

Для веденія дѣлопроизводства въ Помѣрной Избѣ существовали *подьячіе*. Въ столбцѣ № 346 встрѣчаемъ упоминаніе объ одномъ подьячемъ 170 г.—Борисѣ *Давыдовѣ* (л. 24). Но изъ другихъ источниковъ извѣстно, что подьячихъ состояло въ избѣ до 10 человѣкъ. Такъ, въ 177 г. было 3 верстанныхъ подьячихъ (денежные оклады ихъ — 10, 8 и 5 р.) и 7 неверстанныхъ [19]), въ 183 г. — одинъ верстанный (окладъ—5 р.) и 10 неверстанныхъ [20]). Извѣстно существованіе подьячихъ Помѣрной Избы и за другіе года XVII в. [21]).

Изъ низшихъ служилыхъ лицъ Помѣрной Избы упоминаются въ столбцѣ № 346—„ходоки“. Такъ, на памяти помѣрнаго головы Кузьмы Подошевникова въ Приказъ Большаго Прихода, въ августѣ 169 г., читаемъ (внизу текста) такую помѣту приказа: „подалъ Помѣрной Избы *ходокъ* Прохорко, августа въ 15 день“ (л. 20). Судя по этому примѣру и по названію—„ходоки“ играли роль нынѣшнихъ курьеровъ, разсыльныхъ, исполняя разныя мелкія порученія властей Помѣрной Избы.

II.

Въ чемъ же заключалась дѣятельность всѣхъ этихъ лицъ, входившихъ въ составъ Помѣрной Избы?—Отвѣтомъ послужитъ „*наказная память*“, *выданная Приказомъ* Большаго Прихода помѣрному головѣ 167 г. „торговому человѣку Гостиные сотни„ Исааку Шиловцову [22]). Привожу ее въ извлеченіяхъ.

Ис. Шиловцовъ былъ назначенъ „вѣрнымъ головою“ на мѣсто Ивана Смолина, на срокъ съ 1 сентября 167 г. до 1 сентаря 168 г.

---

[19]) „Опис. Разр. Архива“ *Иванова*, стр. 64.

[20]) *Соловьевъ*, XIII, стр. XVII.

[21]) *Н. А. Попова* „Вопросъ о пр-зѣ Купецк. дѣлъ“, сс. 2, 4.

[22]) Сибир. пр—за столбецъ № 346, л.л. 1—5 (черновая „наказная память“).

„И будучи въ Помѣрной Избѣ въ головахъ — предписываетъ наказъ Шиловцову—*збирать* на великого государя... *помѣрная пошлина съ продажного хлѣба*", именно—съ пшеницы, ржи, овса, ячменя, солоду, проса, гречи, пшена, крупъ—гречневыхъ, овсяныхъ и житныхъ, муки пшеничной и ржаной, конопли, сѣмени конопляного и толокна.

Кромѣ помѣрныхъ пошлинъ съ хлѣба, помѣрный голова долженъ собирать ихъ также съ огородныхъ *овощей* — гороха, бобовъ, маку, рѣпы, съ *грибовъ*—сухихъ, моченыхъ и соленыхъ и съ *ягодъ*—клюквы и „брусницы". Наказъ 167 г. указываетъ только эти 2 вида ягодъ, но въ наказѣ 205 г. встрѣчаемъ еще слѣд. виды ягодъ московскаго рынка: малина, смородина, вишни, „земляница", „черница", „пьяница" и „голубица" [23]).

Со всѣхъ этихъ товаровъ—съ хлѣба, овощей, грибовъ и ягодъ, помѣрный голова долженъ собирать помѣрныя пошлины „*съ продавцовъ*", въ размѣрѣ—„*по 10 денегъ съ рубля* съ прямые съ продажные цѣны".

Эта пошлина съ цѣнности товаровъ введена Торговымъ Уставомъ 1653 г. [24]) и Уставной Грамотой 1654 г. [25]). Раньше же помѣрная пошлина взималась не съ цѣнности, а съ разныхъ мѣръ товаровъ. Такъ, въ 110—111 г.г. на сельскомъ „торгу" въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ брали „съ продавца *съ 4 четьи* московскихъ *деньга*" [26]), въ 114 г. въ Суздалѣ—„съ *чети* по *полуденьгѣ*" [27]), въ 141 г. въ Гороховцѣ—„съ *четверти* по *деньгѣ*" [28]) и т. п. За количество хлѣба „меньши осьмины" помѣрная пошлина не бралась.

Возвращаюсь къ наказу 167 г.

Помѣрную пошлину велѣно взимать „съ продавцовъ, а не съ купцовъ" (т. е. — покупателей)—со всякаго чину людей, привозящихъ и продающихъ хлѣбъ въ Москвѣ, именно: съ московскихъ и „всѣхъ городовъ" посадскихъ людей и „слобожанъ", съ крестьянъ „дворцовыхъ"

---

[23]) *Костомаровъ* („Очеркъ торговли Моск. Гос—ва") говоритъ о сборѣ пошлинъ Помѣрною Избою только съ хлѣба (с. 209), а о сборѣ ихъ съ овощей, ягодъ и грибовъ вовсе не упоминаетъ. Правда, ниже онъ говоритъ о московской торговлѣ овощами и пр. (с.с. 216—217), но безъ всякаго отношенія къ Помѣрной Избѣ.

[24]) Собр. Г. Гр. и Дог., III, № 158.

[25]) Ibid., № 173.

[26]) А. А. Э., II, 21 и 22.

[27]) Ibid., № 65.

[28]) Ibid., III, № 241.

и „черныхъ" волостей, духовныхъ властей, монастырскихъ, боярскихъ, окольничьихъ и др. „всякихъ чиновъ служилыхъ и не служилыхъ людей—чей хто ни будь", также „съ прикащиковъ и старостъ и съ цѣловальниковъ". Отъ платежа помѣрныхъ пошлинъ не освобождались даже тѣ, „у которыхъ есть государевы царевы... жалованныя тарханныя грамоты".

Помѣрная пошлина взималась не только „съ пріѣзжихъ людей"—продавцовъ первой руки, но и съ *перекупщиковъ* хлѣба изъ первыхъ рукъ. Такъ, наказъ предписываетъ: „а которые торговые люди мельники покупаютъ хлѣбъ *на вскупъ*", по 10 — 20 и больше четей — съ нихъ имать помѣрное „какъ и съ пріѣзжихъ людей", т. е.—„*рублевая* жъ пошлина по 10 денегъ съ рубля". Далѣе говорится вообще о всякихъ скупщикахъ хлѣба: „а которые торговые люди прежъ сего на хлѣбномъ торгу покупали у пріѣзжихъ людей хлѣбъ всякой и продавали *съ саней* и *съ коробовъ*, а оброкъ съ тѣхъ саней платили въ Помѣрной Избѣ головамъ — и впредь тѣмъ людемъ у пріѣзжихъ людей хлѣбъ покупати и продавать тутъ же на торгу, а помѣрные пошлины у нихъ съ того *перекупного хлѣба* имати также, какъ и у пріѣзжихъ людей. А *намѣтомъ* бы нихто не торговали, и стрѣльцы бъ и торговые люди у пріѣзжихъ людей закупя—на возѣхъ не сидѣли и у пріѣзжихъ людей съ возовъ хлѣба не продавали. А коробомъ у нихъ на саняхъ съ хлѣбомъ быть не велѣть, а велѣть имъ продавать хлѣбъ съ саней также, какъ продаютъ пріѣзжіе люди".

Помѣрный голова и цѣловальники должны наблюдать, чтобы никто и нигдѣ на боярскихъ, монастырскихъ и др. „подворьяхъ" и на частныхъ „дворахъ"—хлѣба не продавали и не покупали. Всѣ должны *вывозить* хлѣбъ „*на торгъ*", чтобы въ помѣрныхъ пошлинахъ „истери и недобору не было". Если же кто продастъ 3—4 чети хлѣба „*не явя* головѣ и цѣловальникомъ" Помѣрной Избы, съ тѣхъ „имати на великаго государя *заповѣди*" по 2 р. 4 алт. 1½ ден. „на человѣкѣ", а у продавшихъ такимъ образомъ по 10—20—50 и больше четвертей—у нихъ „имать" на государя тотъ „неявленой хлѣбъ" и „сказывати про то" въ Приказѣ Большаго Приходу, окольничему Родіону Матвѣевичу *Стрешневу* и дьякамъ Александру Дурову и Томилѣ Истомину. Отобранный хлѣбъ хранить въ Помѣрной Избѣ „до государева указу" [29]).

---

[29]) Въ 114 г. въ Суздалѣ брали „заповѣди" съ тѣхъ, кто продастъ хлѣбъ „безъ мѣры, или кто купитъ не въ (таможенную) пятенную мѣру"—по 2 р. съ 1—3 *возовъ*, по 1 р. съ 4 четей и пр. (А. А. Э., II, № 65), въ Гороховцѣ, въ 141 г.—по 2 р. 4 а. 2 д. съ 2—3 возовъ и пр. (Ibid., III, № 241).

Къ числу главныхъ обязанностей помѣрныхъ головы и цѣловальниковъ наказъ относитъ наблюденіе за правильностью мѣръ употребляемыхъ на хлѣбныхъ торгахъ: „а хлѣбъ всякой велѣть мѣрити и муку въ осьмины и въ пол-осмины и въ четверики и въ получетверики вверхъ, каковы мѣры въ Помѣрной Избѣ, за государевою орленою печатью". Торговымъ людямъ „заказъ учинити крѣпкой, чтобъ хлѣбъ всякой и муку продавали и покупали въ прямые въ *печатные мѣры*, и *припущати* тѣ мѣры въ Помѣрной Избѣ почасту, чтобъ по уличнымъ торшкомъ *воровскихъ* не прямыхъ мѣръ не было". „Государевы печатныя орленыя мѣры" выдавать только на „торги", а на „подворья" и „дворы" не отпускать, такъ какъ тамъ хлѣбная торговля запрещена.

Каждый день голова долженъ посылать своихъ цѣловальниковъ „по большимъ улицамъ и по всѣмъ слободамъ и по хресцомъ", для сбора помѣрныхъ пошлинъ, которыя они обязаны собирать въ особые „*ящики*, за печатьми". Но главный сборъ долженъ происходить около Помѣрной Избы, гдѣ часть цѣловальниковъ обязана „дневать и ночевать", да и „самому *головѣ* быти въ Помѣрной Избѣ *безотходно*". Цѣловальники, собравши около Помѣрной Избы пошлины „не со многихъ возовъ"—приносятъ ихъ въ Избу, гдѣ сами они не должны класть денегъ въ ящики, „а давали бъ головѣ *на столъ*, по запискѣ". Собранную помѣрную пошлину голова „приноситъ" (въ какіе сроки—не сказано) въ Приказъ Большаго Прихода.

Приходъ каждаго дня помѣрной пошлины голова долженъ (конечно черезъ подьячихъ) „писать въ *книги*", въ которыя, кромѣ того, вносить также записи о томъ—сколько и какого именно хлѣба, „на сколькихъ возѣхъ и хто имяномъ явитъ", какая *цѣна* продававшемуся въ данный день хлѣбу „(порознь" каждому) и пр., все это вносить „въ книги подлинно, порознь по статьямъ". Въ концѣ мѣсяца голова и цѣловальники должны составить „перечень" собранныхъ помѣрныхъ пошлинъ, „а какъ годъ дойдетъ—и имъ велѣти написати и *большой перечень*", т. е. годовой отчетъ. Книги „за руками" головы и цѣловальниковъ представляются по истеченіи года „*къ счоту*" въ Приказъ Большаго Прихода.

Привозимый по р. Москвѣ „въ стругахъ и во всякихъ судахъ" хлѣбъ „досматривать" головѣ и цѣловальникамъ, „допрашивая" продавцовъ про количество и родъ хлѣба въ каждомъ стругѣ, а помѣрную пошлину имать со струговъ также, какъ и съ возовъ.

Въ заключеніе наказъ предписываетъ головѣ и цѣловальникамъ—собирать помѣрныя пошлины „съ великимъ раденіемъ" и „противъ прежнихъ головъ съ прибылью", „самому головѣ и цѣловальникомъ

государевыми пошлинами *не корыстоватца, и своими товары* безпошлинно *не торговати,* и сроковъ безъ поруки въ пошлинахъ никому не давать".

Если же они станутъ безпошлинно торговать своими хлѣбными товарами и проч., „а про то сыщетца допряма — и головѣ и цѣловальникомъ за то отъ великаго государя царя... быти въ великой опалѣ".

Кромѣ обязанностей, изложенныхъ въ этомъ наказѣ, на помѣрныхъ головъ возлагались Приказомъ Большаго Прихода и другія порученія, такъ или иначе связанныя съ хлѣбною торговлею. Объ одномъ изъ такихъ порученій говоритъ, напр., слѣд. *память* головы Кузьмы Подошевникова въ Приказъ Большаго Прихода (привожу ее цѣликомъ, какъ образецъ дѣлопроизводства Избы):

„Лѣта 7169-го, іюня въ 11 день, по государеву... указу, окольничему Р. М. Стрешневу да дьякомъ А. Дурову да Томилу Истомину: прислана память въ Помѣрную Избу, къ головѣ Кузьмѣ Подошевникову, за твоею Томиловою приписью—велѣно *принять* у каширянина у Ондрѣева приказщика Колтовского Гараськи Ларіонова 100 чети *сухарей* въ торговую мѣру, а сколько чети примешь—и о томъ отписать для вѣдома въ Приказъ Большого Приходу, къ тебѣ окольничему... да дьякомъ... И Помѣрной Избы голова *принялъ* у Ондрѣева приказщика Колтовского у Гараськи 81 четь, а допять по памяти на немъ Гараськѣ 19 чети.—Голова Козьма Подошевниковъ" (л. 20).

Въ августѣ Подошевниковъ принялъ и остальные сухари, какъ говоритъ слѣд. его „*росписка*":

„169 г., августа въ 30, день принялъ Помѣрной Избы голова К. Подошевниковъ у Ондрѣева человѣка Колтовского Аброськи Степанова недоплатныхъ 19 чети сухарей, въ томъ ему и *росписку* далъ за своею рукою.—Голова Козьма Подошевниковъ" (л. 21).

Изъ документовъ этихъ, однако, не видно какіе это были сухари: купленные ли у Колтовскаго, или отобранные у него почему либо „на государя". Не ясно также—почему именно Помѣрной Избѣ поручено было заняться пріемкою сухарей. Во всякомъ случаѣ документы свидѣтельствуютъ, что дѣятельность Помѣрной Избы не ограничивалась только тѣми предѣлами, какіе поставлены были ей наказомъ Большаго Прихода. Довольно широкая сфера дѣятельности этого приказа заставляла его прибѣгать къ содѣйствію подчиненной ему Помѣрной Избы и въ тѣхъ случаяхъ, которые не относились къ прямымъ обязанностямъ Избы.

Такъ, вѣроятно, было и въ то время, когда Изба перешла въ руки другаго крупнаго учрежденія—*Приказа Большой Казны.* Этотъ

переходъ состоялся по указамъ отъ 22 мая 188 г. и отъ 7 ноября 189 г. [30]). Отъ времени подчиненія Избы этому Приказу сохранились *наказы* помѣрнымъ головамъ 189 и 205 г.г. [31]).

Наказъ 189 г., данный Приказомъ Большой Казны головѣ Ивану Зиновьеву и „ларечному“ Титу Емельянову, напечатанъ въ „Полн. Собр. Зак.“ безъ начала и, повидимому, безъ конца. Все существенное наказа 167 г. осталось безъ перемѣны и въ наказѣ 189 г.: тѣ же обязанности Помѣрной Избы, такіе же размѣры помѣрныхъ пошлинъ, пріемы сбора ихъ и пр. и пр. Но всѣ статьи наказа 167 г. болѣе подробно развиты въ наказѣ 189 г. Особенно обстоятельно развиты статьи о „воровскихъ не орленыхъ мѣрахъ“, о „перекупномъ хлѣбѣ“, о „веденіи „книгъ“ Помѣрной Избы и др. Есть и новыя статьи, напр.—относительно пріѣзжихъ продавцовъ хлѣба, которые станутъ представлять „выписи“ отъ иногороднихъ таможенныхъ головъ въ уплатѣ помѣрныхъ пошлинъ за привезенный въ Москву хлѣбъ: у этихъ лицъ велѣно Помѣрной Избѣ „принимать“ представляемыя ими „выписи“ и „въ платежѣ пошлинъ зачитать, а имать съ тѣхъ торговыхъ людей пошлины *по 5 денегъ* съ рубля“ и проч. Любопытна также новая статья о пріемѣ головою Ив. Зиновьевымъ у прежняго головы Григорья Солодовникова съ товарищи—Помѣрной Избы „со всякимъ строеніемъ“ и разныхъ принадлежностей ея. Наказъ перечисляетъ—„хлѣбные мѣдные и деревянные *мѣры*, и *пятна*, и *трубки пятенныя*, и *ящики* и всякой заводъ“.

Наказъ 205 г., данный головѣ Гаврилѣ Черному и ларечному Андрею Словинскому почти буквально сходенъ съ наказомъ 189 г. Новаго въ первомъ то, что не уцѣлѣло въ неполномъ наказѣ 189 г. Такъ, въ началѣ говорится о назначеніи въ помощь головѣ и ларечному 12 цѣловальниковъ, а въ концѣ прибавлено, что „по указу великого государя за службу и за радѣніе они, голова и ларечный и цѣловальники, пожалованы будутъ его великаго государя *жалованьемъ*, смотря по ихъ службамъ и радѣнію“... Объ этомъ „государевомъ жалованьѣ“ (въ смыслѣ награды, а не постояннаго жалованья) въ наказѣ 167 г. не было и помину: тамъ говорилось только о „великой опалѣ“ отъ государя въ случаѣ нерадѣнія и злоупотребленій помѣрныхъ головъ и цѣловальниковъ.

---

[30]) „Опис. докум. М. А. М. Ю.“, V, 143, 145.

[31]) П. С. З., II, № 874 и III, № 1592.

III.

Переходя къ вопросу о результатахъ дѣятельности Московской Помѣрной Избы, нельзя не пожалѣть, что не сохранились тѣ „книги", гдѣ записывались ежедневные отчеты о дѣятельности Избы. Эти книги дали бы цѣнныя данныя для исторіи и самой Избы, и московскаго хлѣбнаго рынка. За неимѣніемъ ихъ приходится довольствоваться и тѣми немногими данными, какія заключаются въ столбцѣ № 346. Сюда относятся *3 челобитныхъ дѣла* помѣрныхъ головъ, 169 и 170 гг. (л.л. 22—25, 33—36 и 37—41). Первое дѣло приводитъ одинъ изъ многочисленныхъ, вѣроятно, примѣровъ столкновенія помѣрныхъ головъ съ торговыми людьми, а послѣднія два говорятъ о финансовыхъ результатахъ дѣятельности головъ и о тѣхъ наградахъ („государево жалованье"), какія они получали за эти результаты. Такимъ образомъ эти дѣла даютъ и характеристику, и оцѣнку дѣятельности Помѣрной Избы.

Первое дѣло начинается слѣд. явочной челобитной головы Ив. Коверина, 170 г. (л. 22):

„Царю государю..... бьетъ челомъ и *являетъ* Гостиной сотни Помѣрной Избы головишко Ивашко Коверинъ: въ нынѣшнемъ, государь, въ 170 г., октября въ 14 день, явилъ Житного ряду торговый человѣкъ Василей Матвѣевъ сынъ, прозвище *Грошонокъ*, что купилъ ему на боярскомъ дворѣ 10 чети крупъ грешневыхъ, да 10 чети крупъ овсяныхъ. И я, холопъ твой, у нево Василья допрашивалъ: гдѣ ему на которомъ дворѣ купить?—И онъ Василей *не сказалъ*, а я ему Василью говорилъ: какъ тотъ хлѣбъ купишь и къ лавкѣ привезешь—и ему было тотъ хлѣбъ въ Помѣрной Избѣ объявить. И онъ *не объявя* тотъ хлѣбъ ссыпалъ въ чюжую лавку и передъ лавкою, а я, холопъ твой, въ тѣ поры мимо той лавки *волокся*, какъ онъ Василей ссыпалъ, и учелъ ему говорить: для чево не объявя ссыпаешь?—И онъ Василей учелъ меня съ товарищи своими бранить. А хлѣба у нево ссыпано *45 чети*.—Милосердый государь!... пожалуй меня, холопа своего—вели, государь, челобитье мое записать, а въ лишнемъ не записномъ хлѣбѣ — что ты, великій государь, укажешь? — Царь-государь, смилуйся!"

Помѣта Приказа Большаго Прихода (л. 22 об.): „170 г., октября въ 17 день, роспросить Ваську Микиѳорова (?)—сколько купилъ четвертей хлѣба?"

Въ своихъ „*роспросныхъ рѣчахъ*“ (л.л. 23—24) въ Приказѣ (18 октября) Васька Грошоновъ („Конюшенной слободы тяглецъ)“ пробовалъ оправдаться отъ обвиненій помѣрнаго головы. По разсказу Васьки дѣло происходило такъ: „октября въ 15 день *явилъ* онъ Васька въ Помѣрной Избѣ головѣ Ив. Коверину—купить на Ивановѣ дворѣ Извольского крупъ грешневыхъ и овсяныхъ *20 чети*, и *въ книги явку записалъ*, и у головы на тѣ крупы *жеребей взялъ*“. Затѣмъ, отправившись на дворъ Извольскаго, „отмѣрялъ“ себѣ тамъ *10 четей* грешневыхъ крупъ (по 7 р. 8 а. 2 д. за четь), да *20 четей* овсяныхъ крупъ (по 4 р. 8 а. 2 д. за четь). Хотѣлъ онъ еще взять у Извольскаго 10 четей грешневыхъ крупъ, но не взялъ, „потому что некому было отмѣрить“. Купленную крупу онъ собирался сначала ссыпать въ лавку, а потомъ уже идти въ Помѣрную Избу и—„сверхъ явки *лишнюю* крупу явить и въ книги записать“. Но только что онъ сталъ ссыпать въ лавкѣ хлѣбъ, какъ „помѣрной голова“ Ив. Коверинъ явился „въ рядъ *съ подъячимъ* зъ Борисомъ Давыдовымъ да съ цѣловальникомъ съ Микиткою, а чей сынъ—того онъ не упомнитъ, и ево Ваську взялъ въ Избу. А крупу ссыпалъ въ лавку онъ Васька при немъ головѣ, а лишніе крупы онъ Васька въ Помѣрпой Избѣ явить въ книги и записать не успѣлъ, потому что крупа въ лавку была не ссыпана. А прежъ де сего *такова обрасца не бывало*: хотя кто явитъ и въ книги запишетъ—*купить* на дворѣхъ четь, *а купитъ* 5 или 10 чети и больши, и ссыплетъ въ лавку, тогда и объявитъ въ Помѣрной Избѣ головѣ“.

Чѣмъ кончилось дѣло Грошонка—неизвѣстно. Видно только, что оно затянулось и, по всей вѣроятности, разрослось въ обширное „розыскное дѣло“—съ допросами сторонъ и пр. На это намекаетъ „*поручная запись*“ по Грошонкѣ, данная 5 торговыми людьми передъ боярскимъ сыномъ Приказа Большаго Прихода, Гаврилой Козыковымъ, 19 октября (л. 25). Товарищи Грошонка ручались въ томъ, что „*ставитца* ему за нашею порукою въ Приказѣ Большого Приходу, передъ окольничимъ передъ Р. М. Стрешневымъ, да передъ дьяки передъ Григорьемъ Порошинымъ да передъ Львомъ Ермолаевымъ, до государева указу, по вся дни, и съ Москвы не съѣхать. А буде онъ, Василей Матвѣевъ за нашею порукою не учнетъ по вся дни ставитца, или съ Москвы съѣдетъ—и на насъ на порутчикахъ пеня государя“... и проч.

Кто былъ правъ въ этомъ столкновеніи, и кто виноватъ—трудно рѣшить: злоупотребленія могли быть съ обѣихъ сторонъ... Но нельзя не замѣтить, что разсказъ Коверина производитъ болѣе благопріятное

впечатлѣніе, чѣмъ показанія Грошонка. Послѣдній видимо выпутывается изъ того затруднительнаго положенія, въ которое поставилъ его Коверинъ... Ниже мы увидимъ, что въ слѣдующемъ году Коверинъ былъ награжденъ государемъ за свое удачное „головство". Отсюда можно заключить, что дѣло Коверина съ Грошонкомъ кончилось въ пользу перваго.

Въ этомъ столкновеніи обращаютъ на себя вниманіе тѣ условія, какими была обставлена Помѣрною Избою покупка „перекупнаго хлѣба". Оказывается, что торговые люди должны были передъ покупкою явитćя въ Избу и подать тамъ словесную „явку" о томъ, гдѣ и сколько собираются они купить и какого именно хлѣба. Подъячіе Избы записывали явку „въ книги", а голова выдавалъ торговцу „жеребей" на право покупки указаннаго торговцомъ количества и рода хлѣба. По всей вѣроятности этотъ „жеребей" представлялъ документъ, заключавшій въ себѣ разрѣшеніе Избы на покупку хлѣба. Произведя покупку, торговецъ долженъ былъ прежде ссыпки хлѣба въ лавку „объявить" Избѣ о состоявшейся покупкѣ.

Въ 171 г. Иванъ Коверинъ получилъ награду за свое выдающееся по удачному сбору помѣрныхъ пошлинъ головство. Въ мартѣ 171 г. онъ подалъ государю *челобитную* (л. 33), въ которой говоритъ, что въ 170 г. онъ „*прибралъ*" помѣрныхъ пошлинъ „передъ прошлымъ головою (т. е.—передъ К. Подошевниковымъ) *тысечь съ 15* и больши", за что и проситъ: „пожалуй меня, холопа своего, своимъ государевымъ жалованьемъ противъ моей братьи"!...

По помѣтѣ („171 г., марта въ 3 день, выписать)" Приказъ Большаго Прихода сдѣлалъ „выпись" (л.л. 34—36), въ которой заключаются любопытныя данныя о количествѣ сбора въ Москвѣ помѣрныхъ пошлинъ. Приказъ дѣлаетъ слѣд. выписку изъ „приходной книги" 170 г,: „противъ 169 году" въ 170 году „*помъчено*" было собрать въ Москвѣ помѣрныхъ пошлинъ съ хлѣба, ягодъ, грибовъ и проч. на *17803 р.* 26 алт. 1 ден. (т. е.—цыфра сбора 169 г.). Въ 170 г. „збиралъ на вѣрѣ" пошлину „вѣрной голова" Ив. Коверинъ и—*собралъ* на *33852 р.* 30 алт. 1 д., т. е.—„*прибралъ*" больше 169 г. на *16049 р.* 4 алт. За этотъ то „*приборъ*" онъ и бьетъ нынѣ челомъ о государевомъ жалованьѣ „за ево службу".

„И выписано на примѣръ кому дано великого государя жалованья [33]) Помѣрные Избы головамъ *за приборы*": а) въ 157 г., голо-

---

[33]) *Котошихинъ* говоритъ, что за удачные сборы во время „головства" въ таможняхъ и проч. царь жалуетъ головамъ „по *купку* или по *ковшу* серебряному, да по *сукну*, да по *камкѣ*" (стр. 116).

вѣ Логину Ляпину, „за приборъ за 2426 р. за 3 алт. за 2 ден." пожалованы—„*ковшъ* въ 2 гривенки, 40 *соболей* въ 40 р., *камка* куөтерь"; *б*) въ 158 г., головѣ Богдану Ареөьеву, „за приборъ за 578 р. за 5 алт. за поль-денегъ«—такой же ковшъ и столько же соболей, въ ту же цѣну, затѣмъ — „*отласъ* глаткой, камка *евская*"; в) въ 160 г. Мелентью Крестьянинову [33]) „за приборъ" 59 р. 32 а. 2 д.—ковшъ, 40 соболей въ 30 р. и „камка куөтерь"; г) въ 166 г., Ив. Смолину за 2352 р. 11 ден. пожаловано тоже, что и Л. Ляпину.

Конца „выписи" не сохранилось, такъ что остаются неизвѣстными награды послѣдующимъ головамъ. Поэтому же и приговоръ на челобитье Коверина уцѣлѣлъ только въ слѣд. отрывкѣ (по лицевымъ склейкамъ л.л. 33—36): „171 г. марта въ 6 день, по указу великого, государя окольничей Родіонъ Матвѣевичь *Стрешневъ приказалъ дати* ево великого государя"... Что именно было дано Коверину за его рѣдкій „приборъ" въ 16 т. р. слишкомъ (при общемъ сборѣ въ его головство болѣе 33 т. р.).—остается, къ сожалѣнію, неизвѣстнымъ. Но несомнѣнно, что награда была дана ему: объ этомъ говоритъ и сохранившійся обрывокъ приговора („дати"), и самая выпись свидѣтельствуетъ, что государево жалованье давалось за „приборъ" даже нѣсколькихъ десятковъ рублей.

Сохранилось подобное же челобитное дѣло и предшественника Ив. Коверина по головству въ Помѣрной Избѣ—Кузьмы Подошевникова, головы 169 г. Въ 170 г. онъ подалъ *челобитную* (л. 37), въ которой пишетъ: въ 169 г. собралъ онъ „передъ прошлыми своею братіею головами" помѣрныхъ пошлинъ „больши *8 тысечь*", „а прежъ сего кои наша братія служили тебѣ великому государю и *приборъ* чинили, и имъ было твое великого государя жалованье", которое онъ и проситъ пожаловать ему—„противъ моей братіи", „какъ тебѣ великому государю Богъ извѣститъ"...

„*Выпись*" (отъ 21 марта) (л.л. 38—40) говоритъ, что въ 169 г., по „приходной книгѣ", „помѣчено" было взять „противъ 168 году"—*9191 р.* 30 а. 4 д. Голова же Подошевниковъ *собралъ 17803 р.* 26 а. 1 д., т. е. „*прибралъ*" *8611 р.* 28 а. 5 д.

„На примѣръ" выписаны вышеприведенныя пожалованія головамъ Ляпину, Арефьеву, Крестьянинову, Смолину и еще слѣд. головамъ: а) въ 159 г., Василью Онтипину, „за приборъ" 43 р. 8 а. 2 д., пожаловано „противъ Богдана Ареөьева" (см. выше) и б) въ 168 г., Афа-

[33]) Въ „выписи" здѣсь (л. 36) ошибочно поставлено имя головы 159 г. Вас. Онтипина: ошибку разъясняетъ „выпись" слѣдующаго дѣла (л. 40).

насью Спиридонову, за 2359 р. 5 а. 5½ д., дано „противъ Ивана Смолина“ (см. выше).

Приговоръ (л.л. 37 — 40): „170 г., марта въ 23 день, по указу великого государя, головѣ Козьмѣ Подошевникову, за его *приборъ* помѣрныхъ пошлинъ въ 169 году, государева жалованья ему *выдать*: *ковшъ* серебреной въ 2 гривенки, сорокъ *соболей* въ 40 р., *камка* куетерь, да *атласъ* глаткой, и о томъ послать въ Казенной приказъ память“.

Память эта, отъ 26 марта (черновая, — л. 41), на имя дьяковъ Данилы Панкратьева и Ивана Харламова, предписываетъ „выдать“ Подошевникову соболей, камку и атласъ (о ковшѣ посылалась память въ другой приказъ).

IV.

Итакъ, „государево жалованье“ давалось головамъ Помѣрной Избы не за сборъ вообще помѣрныхъ пошлинъ, но только „за приборъ“ ихъ, т. е.—за излишекъ, собранный противъ смѣты. За обычный же сборъ, не переходившій предѣловъ смѣты, награды не полагалось. Изъ „выписей“ по дѣламъ Коверина и Подошевникова мы видѣли, что награды даны головамъ 157—160 г.г., 166 г. и 168—170 г.г., т. е.— именно за тѣ года, за которые былъ „приборъ“ въ Избѣ. Слѣдовательно, въ 161—165 г.г. и въ 167 г. „прибора“ не было.

Оба челобитья о наградахъ поданы головами въ мартѣ слѣдующихъ послѣ головства годовъ. Очевидно, подобныя челобитья могли подаваться только послѣ того, какъ Приказъ Большаго Прихода произвелъ „счотъ“ прихода помѣрныхъ пошлинъ за истекшій годъ (объ этомъ „счотѣ“ говоритъ наказъ 167 г.). Къ „счоту“ же приказъ могъ приступить только послѣ полученія отъ головы „большаго перечня“, т. е.—годоваго итога (см. тамже). На то и другое требовалось немало времени, оттого награды за „приборъ“ такъ и запаздывали.

Награждался всякій вообще „приборъ“, безотносительно къ его размѣрамъ: мы видѣли награды и за „приборъ“ 43 р., и за 59 р., и за 578 р., 2 т. р., 8 т. и за 16 тыс. Любопытно, что приборное жалованье выдавалось въ одинаковомъ размѣрѣ какъ за десятки рублей, такъ и за сотни, и за тысячи. Мало того: иногда голова, доставившій меньше „прибора“, получалъ болѣе крупную награду, чѣмъ тотъ, кто прибралъ больше помѣрныхъ пошлинъ. Напр.: Арефьевъ прибралъ бол. 500 р., а Ляпинъ бол. 2 т. р. Оба они получили по ковшу, по 40 соболей, по камкѣ, но Арефьевъ кромѣ того, получилъ еще атласъ. Правда, они получили разные сорта камки: Ляпинъ — „куэтырь“, а Арефьевъ — „камку евскую“. Не знаю — можетъ быть „евская“ камка

была ниже сортомъ „куѳтыря"... Въ такомъ случаѣ не для уравненія ли обѣихъ дачъ прибавили Арефьеву атласъ?... Другой примѣръ: Онтипинъ прибралъ 43 р., Крестьяниновъ 59 р. Между тѣмъ первому дано приборное жалованье „противъ Б. Арефьева", а Крестьяниновy—такой же ковшъ, камку куѳтырь и сорокъ соболей не въ 40 р., какъ Онтипину, а въ 30 р. Любопытно также сравненіе Онтипина съ Арефьевымъ: приборъ перваго 43 р., втораго 578 р., а приборное жалованье тому и другому одно и тоже. Разницу между наградами того же Арефьева и Подошевникова видимъ только въ сортѣ камки (первому—„евская", второму—„куѳтырь)", остальное—одинаково у того и другаго. Между тѣмъ, первый прибралъ около 500 р., а второй болѣе 8 тыс. р.

Какимъ именно принципомъ руководилось правительство, одинаково награждая и 50-ти рублевый и тысячный „приборы"?—Мнѣ кажется, что нельзя здѣсь не видѣть намека на свойственное XVII вѣку стремленіе уравнять всѣхъ предъ долгомъ „государевой службы"... И Подошевниковъ и Арефьевъ одинаково обязаны были „съ великимъ радѣніемъ" служить своей землѣ и правительство вѣрило, что они служили одинаково, а потому и награждало ихъ равномѣрно. Если же одинъ прибралъ лишнихъ 500 р., а другой 8 т. р.—это могло зависѣть отъ многихъ причинъ, лежавшихъ внѣ воли Арефьева и Подошевникова. На количество сбора могло вліять и состояніе хлѣбнаго рынка въ Москвѣ, и общее положеніе государства и проч. Возможно, что представляя помѣрныхъ головъ къ наградамъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда „приборы" ихъ были невелики, Приказъ Большаго Прихода разсматривалъ причины, вліявшія на уменьшеніе „прибора", и только послѣ такого разсмотрѣнія считалъ возможнымъ доводить до государя челобитья головъ о приборномъ жалованьѣ.

Кромѣ этой почетной награды въ видѣ жалованныхъ соболей, ковша, камки и пр., помѣрныя головы, какъ и другіе торговые люди на другихъ подобныхъ службахъ—ничего болѣе не получали. *Н. А. Поповъ* говоритъ, что служба торговыхъ людей при соболиной казнѣ „сопряжена была для несшихъ ее съ нѣкоторыми выгодами вслѣдствіе выдававшейся имъ изъ казны *денежной подмоги*" въ 1—2 тыс. рублей [34]). Но выдача торговымъ людямъ „подможныхъ денегъ" за службу какъ при Соболиной Казнѣ, такъ и при другихъ подобныхъ учрежденіяхъ, далеко не была общимъ правиломъ. Случаи выдачи подможныхъ денегъ встрѣчаются довольно рѣдко. Притомъ же, „подможныя деньги"

---

[34]) „Вопросъ о Пр—зѣ Купецк. дѣлъ", с.с. 12—13.

выдавались съ тѣмъ, чтобы послѣ извѣстнаго срока вернуть ихъ въ казну [35]). Это былъ не подарокъ, не награда, а временная ссуда изъ казны, подлежавшая возврату. Притомъ же, не всякій изъ торговыхъ людей нуждался въ такой ссудѣ (напр. — изъ богатыхъ „гостей)“, не всякій, потому, и прибѣгалъ къ ней.

Итакъ, за какой-нибудь серебряный ковшъ въ 2 фунта, за сорокъ соболей цѣною въ сорокъ соболей, да за кусокъ камки и атласа правительство руками торговыхъ людей собирало по нѣсколько десятковъ тысячъ помѣрныхъ пошлинъ!... Намъ извѣстны цыфры помѣрныхъ сборовъ въ Москвѣ только за три года: въ 168 г. было собрано Помѣрною Избою болѣе 9 тыс. р., въ 169 г.—болѣе 17 т., въ 170 г.—болѣе 33 тысячъ. Любопытенъ этотъ прогрессивный ростъ помѣрнаго сбора. Нѣтъ основанія думать, что въ слѣдующіе года онъ уменьшился: населеніе Москвы постепенно росло, а вмѣстѣ съ тѣмъ естественно увеличивался и привозъ и потребленіе имъ хлѣба.

Вообще помѣрный сборъ былъ не маловажною статьею доходовъ правительства. Крайне любопытна и поучительна вся вообще эта финансовая система сборовъ XVII в., покоившаяся на безвозмездной службѣ торговыхъ людей. Взиманіе налоговъ и пошлинъ, обходящееся въ наше время правительству чрезвычайно дорого, въ XVII в. ничего почти не стоило ему. При доходѣ, напр., Помѣрной Избы въ 33 т. р. нельзя же во что-нибудь ставить расходъ на приборное жалованье головѣ, да на ничтожные денежные оклады 2 — 3 подъячимъ Избы, да расходы на ея отопленіе, ремонтъ и пр. Все это едва-ли достигало въ годъ до 300 р. И за этотъ то расходъ въ 300 р. получалось 20—30 т. дохода!...

V.

Въ заключеніе обозрѣнія дѣятельности Помѣрной Избы въ XVII в. [36]) коснусь еще тѣхъ немногихъ данныхъ о состояніи московскаго хлѣбнаго рынка, какія заключаются въ документахъ Сибирскаго

[35]) На этомъ только условіи выдавались, напр., „подможныя деньги“ крестьянамъ, переселяемымъ въ Сибирь. На такой же характеръ „подмоги“ указываетъ и приводимая *Н. А. Поповымъ* челобитная бараша Петрушки Негнутова, который говоритъ, что торговые люди получаютъ подмогу „до тѣхъ мѣстъ, покамѣста живутъ они у твоего государева дѣла“ (стр. 12).

[36]) Дѣятельность Помѣрной Избы, носившей въ XVIII в. названіе „Помѣрной Таможни“, окончательно прекратилась указомъ 20 декабря 1753 г. (П. С. З., XIII, № 10164).

жказа столбца № 346. Эти данныя сохранились въ *росписяхъ* хлѣб-ıхъ цѣнъ, составлявшихся въ 170 г. Помѣрною Избою (л.л. 26—32). цѣлѣло 7 такихъ росписей за ноябрь—февраль этого года. Данныя списей цѣнны для исторіи и московскаго хлѣбнаго рынка XVII в. [37]), сельской производительности вообще [38]).

Первая роспись начинается такъ: „въ нынѣшнемъ во 170 г., ября въ 27 день, *купятъ* на *Житной* площадкѣ хлѣбъ: *муки пше-чной четь* по 9 рублевъ, муки *ржаной* по 8 р. по 5 алт. 2 день-", „ячново молотово *солоду*" по 5 р., *гороху* 9 р., *крупъ овсяныхъ* 5 р., . *грешневыхъ* 8 р. 26 а. 4 д.—„Крупъ *житныхъ* въ Помѣрной Из-*въ явкѣ не бывало* и нынѣ *нѣтъ*"—*Проса* „купятъ" по 10 р. четь, са по 2 р. 10 алт.—Подпись на росписи (на слѣдующихъ роспи-хъ ея нѣтъ): „голова Иванъ Коверинъ" (л. 26).

Слѣдующая роспись, отъ 21 генваря, говоритъ о цѣнахъ хлѣб-го торга „на *Болотѣ*": „добрую *пшеницу*" покупали здѣсь въ этотъ нь по 13 р. четь, „середнюю" по 12 р.; „*рожь* добрую" 10 р., „се-днюю" 9 р.; *жито* 7 р., *коноплю* 8 р.; „доброй" горохъ 10 р. 16 а. д.; крупу: грешневую 12 р., овсяную 9 р.; „доброй" овесъ 3 р. 16 а. д., „середній" 3 р. 6 а. 4 д.; *гречу* 6 р.; добрую пшеничную муку ı р., середнюю 13 р.; ржаную муку 13 р. (л. 27).

Изъ росписи 25 генваря (мѣсто торга не указано, а вообще—упятъ на Москвѣ хлѣбъ)" привожу только тѣ цѣны, которыя измѣ-лись противъ предъидущихъ росписей, именно: добрую рожь поку-ли по 11 р. четь, овсяныя крупы по 12 р., добрый горохъ 12 р., редній 10 р., коноплю 9 р. Остальные хлѣба остались въ тѣхъ же нахъ. Встрѣчается еще новый продуктъ—*пшено*, продававшееся по р. четь (л. 28).

Изъ росписи 28 генваря также привожу только новыя, измѣнив-ıся вверхъ или внизъ цѣны: добрая пшеница стоила 12 р., серед-ı 10 р.; добрая ржаная мука 12 р. 26 а. 4 д., середняя 12 р.; шневая крупа 11 р.; добрый овесъ 10 р., середній 9 р.; добрая оопля 9 р., середняя 8 р.; доброе жито 7 р., середнее 6 р.; доб-ı горохъ 11 р., середній 9 р.; доброе пшено 16 р., середнее 14 р.;

---

[37]) См. *В. О. Ключевскаго* „Русск. рубль XVI-XVIII в.", с.с. 48—63; *омарова* „Оч. торг. Моск. госуд.", с. 214.

[38]) Именно къ вопросу о родахъ и сортахъ хлѣбовъ. Перечень ихъ у *Ко-марова* („Оч. торг. Моск. гос.", с.с. 211—212) далеко не полонъ въ срав-ı съ предлагаемыми росписями.

[illegible]

*) Въ [illegible] росписи вступаетъ новый продуктъ—„[illegible]“ приравнивается по 9 р. четь.

**) См. [illegible] „Русск. рубль“, стр. 19.

Общій взглядъ на состояніе грузинологіи [1]).

Кавказскій край съ каждымъ годомъ все усиленнѣе возбуждаетъ любопытство ученыхъ. Разнообразный и неистощимый матеріалъ, который онъ предлагаетъ въ распоряженіе занимающихся естественными науками, географіей, этнографіей, исторіей, лингвистикой, археологіей и общественными учрежденіями, даетъ ему право считаться однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ въ научномъ отношеніи уголковъ на земномъ шарѣ. Этотъ „муравейникъ народовъ", этотъ этнографическій калейдоскопъ, образовавшійся изъ смѣшенія разноплеменныхъ націй, проносившихся чрезъ Кавказскія ворота изъ Азіи въ Европу, интересовалъ ученыхъ и путешественниковъ всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. Египтяне, Финикіяне, Греки, Римляне стремились на Кавказъ, основывали здѣсь свои колоніи, входили въ торговыя сношенія съ туземцами, распространяли между ними свои языки, свои нравы и свою цивилизацію [2]). Здѣсь искали родину человѣчества и указывали начало образованія религіозныхъ вѣрованій и преданій о всемірномъ потопѣ [3]).

Свѣтъ науки разсѣялъ тотъ фантастическій ореолъ, которымъ окружили Кавказскій край древніе народы. Вершины Кавказа, сосѣдки звѣздъ, какъ называлъ ихъ Эсхилъ, измѣрены нынѣ барометрически и геодезически; на Эльбрусѣ не отыскалось цѣпи Прометеевой, которую такъ усердно искали греки и римляне. Мудрая въ знаніи травъ Медея, конечно, не развѣдала кавказскихъ травъ такъ хорошо, какъ Рупрехтъ и Радде. На Кавказѣ, разсказывали греки, происходила борьба между Зевсомъ и Тифеемъ—огнемъ небеснымъ и огнемъ подземнымъ. На

---

[1]) Вступительная лекція, читанная 23 января 1889 г. въ Лазаревскомъ институтѣ Восточныхъ языковъ.

[2]) Бакрадзе. Археологич. путешествіе по Гуріи и Адчарѣ. Спб. стр. V.

[3]) К. Риттеръ. Исторія Землевѣд. Спб. 81—2. Ethnogénie caucasienne par Moreau de Jonnes. Paris. p. 292—3, 301—40.

Кавказѣ боги Олимпа вели борьбу съ враждебными имъ богами—титанами. Вѣковъ за двадцать тому назадъ греки воспѣвали эту борьбу, теперь мы имѣемъ точную ея исторію, написанную акад. Абихомъ [4]).

Дѣло сложилось иначе въ отношеніи изслѣдованія языковъ многоязычнаго Кавказа. Разнообразіе и многочисленность языковъ, составляющихъ и нынѣ загадку [5]) для ученыхъ, были извѣстны въ глубокой древности. Страбонъ въ своей географіи говоритъ, что въ колоніи Діоскуріяхъ для торговыхъ сношеній служили 70 переводчиковъ [6]). Арабскіе историки называли Кавказъ „горою языковъ". Современная лингвистика раздѣлила, такъ называемые географическимъ терминомъ, „Кавказскіе языки" (Kaukasische Sprachen) на три группы: иверійскую, группу западныхъ горскихъ языковъ и группу восточныхъ горскихъ языковъ. Пространство, на которомъ распространена иверійская группа, извѣстно съ древнихъ временъ подъ именемъ Грузіи, Иверіи, Георгіи, Géorgie, (Гурджистанъ у персовъ) [7]); въ составъ ея входила часть Албаніи, Кахетія, Карталинія, Колхида, Месхія, Страбонова Таохія, или грузинскій Таоскари до Трапезунда. На этомъ пространствѣ господствовала иверійская группа, къ которой относятся языки: грузинскій, мингрельскій, лазскій и сванетскій. Этимологическія формы грузинскаго языка оказываются въ общемъ сложнѣе и разнообразнѣе таковыхъ же формъ сродныхъ съ нимъ языковъ. Но сложность и богатство формъ не даютъ еще права грузинскому языку быть отцомъ остальныхъ языковъ; онъ лишь братъ ихъ, можетъ быть и старшій. Этимологическія формы мингрельскаго и лазскаго языковъ находятся ближе другъ къ другу, чѣмъ къ формамъ остальныхъ сочленовъ иверійской группы [8]).

---

[4]) Усларъ. Чеченскій языкъ. Приложеніе, 76.

[5]) Изъ Кавказскихъ языковъ осетинскій изученъ и разработанъ проф. В. Ѳ. Миллеромъ. Онъ принадлежитъ къ индо-европейской группѣ языковъ. Проф. Миллеръ Осетинскія этюды. Учебныя Зап. Импер. Москов. Унив. вып. II. М. 1882 г.

[6]) Страбонъ. Географія XI, 3, 16. Въ Діоскуріяхъ „собирается 70 (по другимъ... даже 310) народовъ", говорящихъ на различныхъ языкахъ.

[7]) Различныя наименованія Грузіи см. у историка Вахушта. Тифлисъ. 1885 стр. 22. Гурджистанъ представляетъ смѣшеніе двухъ словъ *гурджи*, что значитъ по персидски сила и *станъ*—земля. По объясненію кн. Ал. Амилахварова персы называли грузинъ гурджами потому, что издревле испытали силу и непобѣдимую храбрость грузинъ. Дѣла Грузин. въ Москов. Архивѣ М. И. Д. 1782 г. Родословная грузинскихъ князей Амилахваровыхъ и письма князя Александра Амилахварова съ описаніемъ Грузіи. (листъ 55).

[8]) Сравнительный обзоръ иберійской группы кавказск. языковъ. А. Цага-

На важность грузинскаго языка для изученія Кавказскихъ горскихъ языковъ указывалъ еще въ 40-хъ годахъ бар. Георгъ Розенъ [9]), составившій на мѣстѣ по порученію Берлинской Академіи наукъ первые грамматическіе очерки мингрельскаго, сванетскаго, абхазскаго и осетинскаго языковъ. Онъ замѣтилъ,—какъ впослѣдствіи бар. Усларъ, извѣстный изслѣдователь Кавказскихъ языковъ,—что грузинская азбука наиболѣе соотвѣтствуетъ звукамъ всѣхъ вообще кавказскихъ языковъ, что въ основаніи всѣхъ языковъ иберійской группы, равно и кистинскаго, абхазскаго и черкесскаго языковъ лежитъ одна звуковая система, выражаемая довольно вѣрно знаками грузинскаго алфавита. Онъ ведетъ аналогію еще дальше и, на основаніи постепенности развитія грамматическихъ формъ, соединяетъ въ одну группу языки черкесскій и абхазскій съ иверійской группой языковъ. Какъ ни оригинальны и остроумны соображенія бар. Георга Розена, однако современныя изслѣдованія кавказскихъ языковъ не примыкаютъ къ его теоріи, ограничиваясь изученіемъ матеріальной, фактической стороны ихъ безъ отношенія между собою и къ иверійской группѣ [10]).

О звуковой системѣ грузинскаго алфавита лучшій кавказскій лингвистъ бар. Усларъ отзывается съ самой выгодной стороны. „Если смотрѣть, говоритъ онъ, на грузинскій алфавитъ въ отношеніи къ самому грузинскому языку, то нельзя не сознаться, что онъ удовлетворяетъ всѣмъ условіямъ: едва ли это не есть совершеннѣйшій изъ всѣхъ существующихъ алфавитовъ. Въ немъ каждый звукъ выражается особымъ знакомъ и каждый знакъ постоянно выражаетъ одинъ и тотъ же звукъ. Во всѣхъ европейскихъ языкахъ есть камень преткновенія—орфографія; для грузина благодаря совершенству ихъ алфавита этой трудности почти не существуетъ“ [11]).

рели (автографир.). Спб. 1872. Грузинскій языкъ былъ распространенъ по всей территоріи Арменіи, судя по ванскимъ надписямъ и ихъ толкователямъ. Ленорманъ Гюаръ и Сейсъ. Gujard Jnscriptions de Van въ Mélanges d'Assyriologie. P. 1883. и The cuneiform incriptions of van. Sayce. Jurn. of Asiat Soc-t. XVI, p. III отд. IV. Lenormant Lettres Assyriol. Deuxième lettre.

[9]) Die sprach. der Lazen, Abhandlungen über Mingr., Suanische und Abchasische, in 4. Berl. 1846—46.

[10]) Изъ языковъ иверійской группы научно разработанъ мингрельскій языкъ проф. А. А. Цагарели. Мингрельскіе этюды. вып. I и II. Спб. 1880 г. На важность грузинскаго языка при изученіи армянскаго языка указалъ Gatteyrias l'Arménie et les Arméniens Paris. 1882.

[11]) Записка Услара о составленіи азбукъ кавказ. языковъ, помѣщенная въ

На сколько легко усвоить грузинскую орфографію, на столько же трудно опредѣлить отношеніе этого языка къ другимъ семьямъ языковъ. Онъ испыталъ странную судьбу, едва ли постигавшую какой-либо другой языкъ: его причисляли то къ индо-европейской, то къ туранской, то къ семитической группѣ языковъ и, отчаявшись найти ему мѣсто въ извѣстной семьѣ языковъ, выдѣлили его въ особую группу. Однако и на этомъ рѣшеніи не удовольствовались остановиться и по временамъ прорывается попытка поставить его въ родство то съ баскимъ языкомъ въ Европѣ, то съ дравидійскими въ Азіи, то снова возвращаются къ индо-европейской и семитической теоріямъ. Отецъ сравнительнаго изученія языковъ, замѣчательный лингвистъ Боппъ старался пріурочить грузинскій языкъ къ индо-европейской семьѣ языковъ, основывая свое мнѣніе на разборѣ глаголовъ, личныхъ мѣстоименій и числительныхъ, надъ которыми онъ производилъ всевозможныя операціи, чтобы оправдать свою теорію. Онъ сравнивалъ грузинскій языкъ съ санскритскимъ, ограничиваясь одной лишь морфологической частью, исключивъ изъ сферы сопоставленія фонетику и звуковую систему грузинскаго языка, на которой и должно укрѣпляться научное сравненіе языковъ [12]).

Мнѣніе Боппа о сродствѣ грузинскаго языка съ индо-европейскими раздѣлялъ академ. Броссе, который въ своемъ письмѣ къ Боппу пытался ввести грузинскій языкъ въ индо-европейскую группу не чрезъ санскритскій языкъ, какъ дѣлалъ Боппъ, а чрезъ посредство армянскаго языка, исходя изъ извѣстнаго положенія: quae sunt eadem uni tertio, sunt eadem inter se. [13]) Для подкрѣпленія теоріи о сродствѣ грузинскаго языка съ армянскимъ Броссе приводитъ нѣсколько словъ, одинаково распространенныхъ у армянъ и у грузинъ: zamt'arie (грз.), tzmier (арм.)—зима; boroti (грз.), borot (арм.)—злой; brzola (грз.), mrtsmiel (арм.)—борьба. Такъ какъ трудно доказать заимствованіе приведенныхъ словъ армянами у грузинъ или обратно, то Броссе склоненъ отнести ихъ ко времени существованія армяно-грузинскаго языка. Для убѣдительнаго подтвержденія арійскаго происхожденія грузинскаго

Зап. Кавк. Отд. Георг. Общ. за 1861 г. стр. 43. Изъ трудовъ бар. Услара изданы въ Тифлисѣ изслѣдованія: „Абхазскій языкъ", „Чеченскій языкъ" и „Аварскій языкъ".

[12]) Die Kaukasischen Glieder des Indoeuropaisch. Sprachstamms voy Franz Bopp. Berlin 1847.

[13]) Bul. hist.—philol. t. II. Lettre á M. Bopp sur son rapport relative aux recherches philol. de M. le docteur Rosen, par M. Brosset.

ыка, Броссе обѣщался указать на присутствіе въ иверійской группѣ рней старо-персидскихъ и пехлевійскихъ [14]). Однако онъ не успѣлъ сполнить своего обѣщанія, хотя оно и едва ли бы рѣшило вопросъ ъ арійскомъ характерѣ грузинскаго языка, но за то пролило бы льше свѣта на отдаленное прошлое Картвельскаго племени. Бопиъ Броссе никого не убѣдили въ индо-европейскомъ происхожденіи грунскаго языка и тѣ лингвисты, которые вѣрили въ возможность его одства съ индо-европейской группой, увѣрились, что основаній для кого предположенія весьма мало и недостаточно.

Максъ Мюллеръ [15]) далъ другое направленіе этому вопросу и несъ грузинскій языкъ къ туранской семьѣ языковъ. Не приводя актовъ въ подкрѣпленіе своей теоріи, онъ призналъ грузинскій и сѣро-восточные языки Кавказа „отдаленными членами, разсѣянными ыками" туранскаго семейства. Но такъ какъ въ своихъ чтеніяхъ по укѣ о языкѣ онъ объ этомъ сродствѣ уже не упоминаетъ, то, моетъ быть, самъ же убѣдился впослѣдствіи, какъ мало основаній допугить мысль о подобной связи. Болѣе осторожный лингвистъ вѣнскій роф. Фр. Мюллеръ [16]) предложилъ считать иверійскую группу языковъ, уппой изолированной, стоящей особнякомъ. Грузинскій языкъ, по ому мнѣнію, считается подобно баскскому языку въ Европѣ, остатмъ языка народа, распространеннаго на Кавказѣ до прихода на этотъ решеекъ семитическихъ, арійскихъ и урало-алтайскихъ племенъ.— оявлялась попытка пріурочить грузинскій языкъ къ семитической уппѣ. Но если и эта попытка не увѣнчается успѣхомъ, то даже рицательные ея результаты будутъ положительнымъ пріобрѣтеніемъ ауки въ томъ смыслѣ, что будущіе изслѣдователи грузинскаго языка збавятся отъ возвращенія къ этой теоріи, требующей неблагодарной безплодной работы.

Безуспѣшность научныхъ изысканій въ вопросѣ о происхожденіи грузинскаго языка объясняется тѣмъ, что ученые приступали къ ему съ предвзятой тенденціей, готовой теоріей, въ предѣлы которой отѣли втиснуть формы и законы иберійской группы языковъ. Необ-

---

[14]) Броссе искалъ въ груз. языкѣ и семитическій элементъ. Загурскій. Заѣтка объ изслѣдованіи кавказ. языковъ. V археол. съѣздъ; Труды подготовительго комитета, стр. 108.

[15]) The languages of the seat of war in the east dfed. Lond Leipz, 1855 p. 25.

[16]) Orient und Occident. 1864. B. II p. 546. Такого мнѣнія держался еще лапротъ въ трудѣ „Asia Polyglotta".

ходимо прежде всего, безъ отношенія къ извѣстной семьѣ языковъ, опредѣлить типъ грузинскаго языка и потомъ искать ему мѣста въ морфологической или генетической классификаціи. „Самый вѣрный и научный способъ, говоритъ проф. Цагарели, положить конецъ болѣе полтораста лѣтъ тянущемуся спору, это—тщательное и всестороннее изслѣдованіе грузинскаго языка, а особенно фонетики его съ сродственными иберійскими нарѣчіями—мингрельскимъ, лазскимъ, сванетскимъ и такимъ способомъ возсозданіе путемъ сравненія и дедукціи исконнаго типа (Ursprache) иберійскаго языка, лежащаго въ основаніи всѣхъ упомянутыхъ языковъ грузинскаго класса" [17]). Когда такимъ образомъ будетъ найденъ пра—иверійскій языкъ, то явится возможность ввести иверійскую группу въ семью трехъ извѣстныхъ группъ или же считать ее группой изолированной, какъ предложилъ Фр. Мюллеръ.

Камень преткновенія въ грузинскомъ языкѣ представляютъ глаголы, отъ анализа которыхъ отказался извѣстный лингвистъ Шлейхеръ. Трудность заключается въ томъ, что въ грузинскомъ глаголѣ есть показатель лица, который сливается съ глагольной формой, рѣдко выпускается и при этомъ измѣняется въ другія буквы. Что касается морфологическаго строенія глаголовъ иберійскихъ языковъ, то они считаются флексивными, хотя мѣстоименный элементъ въ видѣ префиксовъ играетъ въ нихъ важную роль. Какъ ни труденъ анализъ глаголовъ никто, конечно, не станетъ послѣ г. Кипіани [18]), давшаго болѣе или менѣе научную обработку глаголовъ, дѣлить ихъ на 20 спряженій, а что еще удивительнѣе признать всѣ неправильными, или считать шесть отдѣльныхъ окончаній для родительнаго падежа, какъ дѣлалъ католикосъ Антоній I, составившій грамматику въ XVIII в. [19]). Хотя такія недоразумѣнія вслѣдствіе отсутствія системы и метода нынѣ значительно устранены, но вообще еще много остается желать въ изслѣдованіи грузинской грамматики.

Въ связи съ вопросомъ о грузинской грамматикѣ стоитъ вопросъ объ изобрѣтеніи грузинской азбуки. У грузинъ существуютъ два алфавита „мхедрули" (гражданскій) и „хуцури" (церковный) [20]). Относительно времени ихъ происхожденія существуютъ также два мнѣнія: по

---

[17]) Грамматическая литература. А. Цагарели стр. 78.

[18]) Грузинская грамматика Дм. Кипіани. Спб. 1882, стр. 64 и др.

[19]) Грузинская грамматика Катол. Антонія I, изд. еп. Александромъ 1885 г.

[20]) Histoire de la Géorgie I, 43. Броссе сопоставляетъ „мхедрули" съ зендскимъ алфавитомъ, съ которымъ познакомилъ насъ ученый Anquetil Du Perron. Броссе сопоставляетъ его и съ санскритскимъ алфавитомъ, ib., т. 4.

ловамъ грузинской лѣтописи Картлисъ-Цховреба первый грузинскій царь Фарнавазъ въ III вѣкѣ до Р. Хр. ввелъ грузинскую азбуку; но лѣтопись не говоритъ, какую именно „мхедрули“ или „хуцури“. Преданіе, укрѣпившееся въ памяти народа и въ литературѣ, ему приписываетъ изобрѣтеніе „мхедрули“.

Въ V вѣкѣ Корюнъ и Моисей Хоренскій, армянскіе историки [21]), утверждаютъ, что Месропъ, изобрѣтатель или пополнитель армянскаго алфавита, изобрѣлъ и грузинскую азбуку. Замѣчательно, что объ этой услугѣ, оказанной Месропомъ иверійцамъ, грузинскія лѣтописи не упоминаютъ. Отсюда возникло сомнѣніе въ достовѣрности сообщаемаго армянскими историками свѣдѣнія. И. Л. Окромчеделовъ въ своей статьѣ „объ изобрѣтеніи грузинской азбуки“ [22]) сильно поколебалъ историческими доводами возможность изобрѣтенія Месропомъ грузинскаго алфавита, при чемъ кстати указалъ, что изобрѣтатель не зналъ грузинскаго языка, и слѣдовательно трудно было ему опредѣлить звуки незнакомаго нарѣчія. Почтенный профессоръ, сопоставивъ начертанія „мхедрули“ съ зендскимъ алфавитомъ и „хуцури“, основательно убѣдился въ заимствованіи перваго алфавита „мхедрули“ изъ зендской азбуки и въ развитіи впослѣдствіи „хуцури“ изъ мхедрули. Вотъ положенія, къ которымъ пришелъ г. Окромчеделовъ въ заключеніи своей статьи:

1) Въ Грузіи азбука была введена царемъ Фарнавазомъ въ концѣ V или въ началѣ III в. до Р. Хр.

2) Церковный алфавитъ „хуцури“ ничто иное, какъ видоизмѣненный „мхедрули“.

и 3) Месропъ, если онъ принималъ какое-либо участіе въ образованіи буквъ алфавита „хуцури“, могъ ограничить все свое участіе лишь введеніемъ прямыхъ линій взамѣнъ круглыхъ фигуръ въ изображеніяхъ буквъ гражданскаго алфавита.

Противники [23]), полагающіе, что обратно „мхедрули“ развился изъ „хуцури“, основываются на отсутствіи древнихъ памятниковъ, писанныхъ алфавитомъ „мхедрули“. Но они забываютъ, что при многострадальческой судьбѣ Грузіи древнѣйшіе памятники могли исчезнуть во время неоднократнаго разоренія Иверіи враждебными народами. Большую услугу въ разрѣшеніи вопроса, который изъ двухъ алфавитовъ

---

[21]) Исторія Арменіи Моисея Хоренскаго, пер. Эмина, стр. 212.

[22]) Труды V археол. съѣзда въ Тифлисѣ 221—228; на грузинскомъ въ журналѣ „Иверія“ за 1881 г., X стр. 98—112.

[23]) Дм. Бакрадзе и Дм. Пурцеладзе. См. Труды V археол. съѣзда въ Тифлисѣ.

древнѣе, оказало бы сравнительное изученіе грузинской палеографіи, которой, къ сожалѣнію, научно никто еще не занимался. Дошедшіе до насъ древнѣйшіе памятники относятся къ христіанскому періоду съ конца VI вѣка. Введеніе въ Грузію христіанства въ IV вѣкѣ [24]) св. равноапостольной Ниной послужило мощнымъ культурнымъ рычагомъ въ развитіи Грузіи. Оно оторвало Грузію отъ вліянія языческаго Востока и поставило подъ благотворное воздѣйствіе христіанскаго Запада. Крестъ Христа, воздвигнутый въ древней Иверіи, былъ въ одно и то же время и религіознымъ и національнымъ знаменемъ грузинъ противъ мусульманскихъ народовъ. Религіозная рознь разобщила Грузію съ Персіей и поставила ее въ непрерывныя сношенія съ Византіей, хранительницей священнаго огня, зажженнаго древними греками и римлянами. Многіе изъ грузинъ [25]), получивъ воспитаніе въ Византіи, единственной тогдашней разсадницѣ образованія, начали заводить школы на родинѣ [26]) и знакомить своихъ соотечественниковъ съ богатой литературой, которую передалъ византійцамъ древній міръ. На Аѳонѣ были предприняты обществомъ грузинскихъ монаховъ переводы св. писанія и сочиненій отцевъ церкви. Въ Грузіи на поприщѣ духовной и свѣтской литературной дѣятельности подвизались получившіе греческое воспитаніе въ Византіи и на Аѳонѣ: Іоаннъ Петрицій, прозванный философомъ, занимался переводами соч. Платона и Аристотеля, Шота Руставели, родомъ мосхъ, жившій въ XII в. при царицѣ Тамарѣ, оставилъ знаменитую поэму „Барсову кожу", изъ которой ясно видно какое глубокое и всестороннее образованіе получилъ этотъ геніальный поэтъ. Петрицій создалъ языкъ научный, Шота Руставели возвелъ до совершенства гибкость стихотворнаго языка; а Евфимій и Георгій Святогорецъ своими сочиненіями и переводами сообщили повѣствовательному языку значительную силу и красоту, изумительную легкость и плавность слога. Развитіе грузинскаго народа опредѣли-

[24]) По грузинскому историку Вахушти крещеніе Грузіи относится къ 329 г., а по счисленію Броссе къ 328. Histoire de la Géorgie t. I, 132 note.

[25]) Давидъ Возобновитель посылалъ по 40 молодыхъ грузинъ для образованія на Аѳонъ. Вахуштъ. Исторія Грузіи, 186.—Варданъ Великій. Всеобщая исторія, стр. 147. См. также Труды Кіев. Д. Акад. 1873 г. I, сообщенія еп. Порфирія.

[26]) Школа Арсенія Икалтоели, учителя Давида Возобновителя, воспитала замѣчательныхъ дѣятелей и между прочимъ поэта Ш. Руставели. Въ XII в. при 250 монастыряхъ въ Грузіи были заведены школы, гдѣ знакомили учащихся съ Закономъ Божіимъ, грамматикой, математикой, моралью, исторіей и пѣніемъ

лось его воспріимчивостью къ высокому ученію Христа и его способностью стать въ уровень съ потребностію культуры.

Къ византійскому вліянію на Грузію съ VII в. присоединяется вліяніе арабовъ, которому предшествовало вліяніе персовъ. Первые распространяютъ свѣдѣнія по точнымъ наукамъ—по математикѣ, астрономіи, (въ Тифлисѣ съ 8 вѣка у нихъ существовала обсерваторія); вторые способствуютъ къ переводамъ съ персидскаго языка цѣлаго ряда поэтическихъ и прозаическихъ произведеній. Подъ воздѣйствіемъ этихъ трехъ культуръ крѣпнетъ и расширяется умственный горизонтъ, вырабатывается и обогащается литературный языкъ, развивается переводная и оригинальная письменность. Грузинская образованность достигаетъ высшаго апогея въ XII в. въ славную эпоху царицы Тамары (1184—1211), доставившей Грузіи своими побѣдоносными войнами преобладающее политическое вліяніе во всей Малой Азіи и на Кавказѣ. Вѣкъ Тамары ознаменованъ литературной дѣятельностію такихъ знаменитыхъ авторовъ, какими являются поэты Шота Руставели, Шавтели, Чахруха, написавшіе поэмы въ прославленіе царицы Тамары, нѣчто въ родѣ Державинской Фелицы. Ея вѣкъ украшаютъ имена талантливыхъ прозаическихъ писателей М. Хонели и Саргисъ Тмогвели, романъ котораго—Висраміани, написанный съ глубокимъ знаніемъ человѣческаго сердца, почтенный ученый Чубиновъ приравниваетъ къ Элоизѣ Руссо [27]). Англичанинъ Вордропъ, путешествовавшій въ прошломъ году по Грузіи, очень лестно отзывается о романахъ этихъ писателей и прибавляетъ, что Диларіани, Дареджаніани и Висраміани могутъ занять почетное мѣсто и въ европейской литературѣ [28]). Не даромъ же вѣкъ Тамары считается золотымъ вѣкомъ грузинской литературы.

Этому блестящему расцвѣту грузинской письменности предшествовалъ подготовительный періодъ, эпоха почти исключительно переводной литературы съ IV до XI в., въ теченіе котораго переведены на грузинскій языкъ церковно-богослужебныя книги и духовно-нравственныя сочиненія св. Евфиміемъ и Георгіемъ [29]) Святогорцемъ,

[27]) Грузинская хрестоматія ч. I, стр. IV. Спб. 1846. Впрочемъ я долженъ замѣтить, что это сходство ограничивается одной внѣшней стороной: герои Висъ и Рамини какъ Saint-Preux и Julie у Руссо ведутъ свое объясненіе въ любви въ эпистолярной формѣ. Rosseau Za nouvelle Héloise Paris 1886.

[28]) Wordrop. Kingdom of Georgia.

[29]) Біографіи этихъ замѣчательныхъ тружениковъ написаны ихъ учениками Евфимія—Георгіемъ Святогорцемъ, послѣдняго—Григоріемъ. Подлинникъ руко-

прозваннымъ Перелагателемъ священнаго писанія на грузинскій языкъ. Къ этому періоду относятся первыя оригинальныя историческія записи, веденныя разными лицами въ формѣ анналовъ: Леонтія Мровели, протоіерея Іоанна, Джваншера Джваншеріани, хроника Сумбата и жизнеописанія Нины, Іоанна, Евфимія, Георгія Святогорца и другихъ святыхъ грузинской церкви.

За классическимъ періодомъ грузинской литературы слѣдуетъ эпоха упадка художественнаго творчества вслѣдствіе внѣшнихъ и внутреннихъ бѣдствій, обрушившихся на Грузію: въ XIII в. Грузія испытываетъ страшное нашествіе монголовъ и хваразмійцевъ, въ началѣ XV в. подвергается варварскому вторженію Тимура; XVII вѣкъ печально ознаменованъ неистовствами Аббаса I, шаха Персидскаго. Сверхъ всѣхъ этихъ бѣдствій со времени взятія Константинополя турками Грузія, окруженная мусульманскими народами, не могла испытывать вліяніе христіанскаго и культурнаго міра въ той мѣрѣ, въ которой испытывала ранѣе. Эти четыре вѣка тяжкихъ испытаній (XIII—XVII), имѣвшихъ естественнымъ послѣдствіемъ культурный упадокъ и политическое раздробленіе Грузіи (въ 1469 г.) на три царства и пять княжествъ, отдѣляютъ древній классическій періодъ грузинской литературы отъ новаго періода возрожденія XVII—XVIII стол., серебрянаго періода грузинской литературы. Но даже эта тяжелая для Грузіи четырехвѣковая эпоха оставила намъ рядъ сочиненій, которыя писались въ короткіе промежутки среди боевой жизни. Поистинѣ нужно удивляться, что эта горсть народа, въ виду постоянныхъ волненій и нашествій разноплеменныхъ народовъ, съумѣла отстоять не только свою національную самобытность, но даже вѣру, литературу, языкъ. Одна волна иноземныхъ завоевателей смѣняла не менѣе всесокрушающую новую орду хищныхъ варваровъ, но Грузія всегда съ честью выдерживала эту неравную борьбу съ своими враждебными сосѣдями. „Эта нація, числительностью своею въ самые лучшіе дни свои (X—XIII в.) преувеличенно показываемая свыше 4-хъ милліоновъ..., испытывала такія сильныя потрясенія, что надо удивляться, какъ она совершенно не исчезла; между тѣмъ она пережила самыя сильныя націи, она была наводняема и порабощаема; ея почву безпощадно попирали; ея святыни подвергали поруганію; ея жителей частью убивали на мѣстѣ, частью выселяли. При всемъ томъ она съумѣла организоваться; она имѣла свою систему управленія, свой судъ и расправу, свое сословносложившееся населеніе, свой со-

---

писи хранится въ Иверской обители на Аѳонѣ. М. Сабининъ. Жизнеописанія груз. святыхъ, стр. 128 и слѣд. На груз. языкѣ см. „Рай Грузіи“.

ціальный и экономическій быть"[30]), свои учебныя и воспитательныя заведенія. Кратковременнымъ перерывомъ между разрушительными кровопролитіями грузины старались воспользоваться для мирнаго культурнаго развитія. Даже отъ такой тревожной эпохи, какъ время XIII—XVII вв., осталось значительное количество переводныхъ и оригинальныхъ сочиненій, изъ которыхъ болѣе 15-ти памятниковъ письменности на „ani", окончаніе идентичное съ адой (Петріада, Генріада и др.). Таковы: Дапнисіани, Камардіани, Камиліани, Амуръ-Мусуріани, Русуданіани, Амиранъ-Дареджаніани, Бараміани, Утрутіани, Маргалитіани, Саридоніани, Алгузіани, Тангиріани, Небротіани, Вармакіани, Ефреміани, Гуласпіани, Саулъ-Давидіани, Усупъ-Касиміани [31]) и др. Нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ переводы съ персидскаго языка, какъ напр. Усупъ-Касиміани, разсказы о персидскихъ герояхъ Усупѣ и Касимѣ; другія несомнѣнно оригинальныя и имѣютъ своимъ содержаніемъ или мѣстные нравы и обычаи, какъ Алгузіани, или заимствуютъ сюжеты изъ Библіи (Саулъ-Давидіани), или касаются такихъ отдаленныхъ и малоизвѣстныхъ народовъ, какъ текинцы въ разсказѣ Амуръ-Мусаріани. Къ этому же періоду относятся важные памятники гражданскаго и каноническаго права: законы царя Георгія V Блистательнаго въ XIV в., законы Беки, которые въ XV вѣкѣ были пополнены Азбугой, владѣтелемъ Самцхе-Саатабаго, (нын. Ахалцихскій уѣздъ Тифлис. г.). Въ XIII в. издаются церковныя постановленія католикосомъ Арсеніемъ, въ XIV в. переводятся церковные законы съ греческаго языка архимандр. Георгіемъ, въ XV в. духовнымъ соборомъ по предложенію католикоса Малахіи издаются обязательные для всѣхъ законы, утвержденные подписью одиннадцати архіереевъ. Послѣдніе вмѣстѣ съ законами царя Георгія V, атабага Беки и Азбуги вошли въ послѣдствіи въ Уложеніе царя Вахтанга VI [32]).

Обозрѣніе этого четырехвѣковаго періода позволительно закончить перечисленіемъ нѣкоторыхъ историческихъ сочиненій, относящихся къ этому же времени: исторія имеретинскихъ царей католикоса Арсенія (XIV в.), Описаніе Самцхе-Саатабаго Ивана Манглели (XV в.), Разореніе Грузіи Исмаилемъ католикоса Доментія (XVI в.), Жизнь и

---

[30]) Бакрадзе. Археол. путешествіе стр. VI—VII. См. также разныя сочиненія Пл. Іосселіани. „Древности Тифлиса", „Историч. судьба Грузіи" и др.

[31]) Всѣ пока остаются въ рукописяхъ, „Алгузіани" только напечатанъ въ Тифлисѣ. Г. Гренъ недавно открылъ важную для исторіи Шахъ-Наме, рукопись на грузинскомъ языкѣ, переведенную съ персидскаго „Густанъ-Наме".

[32]) Уложеніе царя Вахтанга VI, изд. въ Тифлисѣ въ 1887 г., г. Френкелемъ.

дѣянія имеретинскихъ царевичей монаха Евдемона, Вторженіе татаръ въ Грузію монаха Даніила. Я нарочно остановился на перечисленіи письменныхъ памятниковъ, относящихся къ этому, полному тревогъ и волненій, періоду грузинской литературы, съ цѣлью показать, что мнѣніе о бѣдности грузинской письменности не достаточно справедливо и объясняется незнакомствомъ съ древними памятниками литературнаго творчества, большинство изъ которыхъ до сихъ поръ остается или въ неизвѣстности, или не напечатанными. Нельзя произносить окончательнаго сужденія о литературѣ, въ которой только въ послѣднее время открыто до 2000 [33]) рукописныхъ сочиненій духовно-нравственныхъ, историческихъ, поэтическихъ, юридическихъ и др. Можно съ увѣренностью сказать, что много еще произведеній остается подъ спудомъ въ какомъ-нибудь монастырѣ или въ частномъ домѣ, и только счастливый случай дастъ возможность имъ узрѣть свѣтъ.

Эпоха возрожденія грузинской письменности, серебряный вѣкъ, открывается литературной дѣятельностью царственныхъ особъ, царей Арчила, Теймураза I и II, Вахтанга VI, католикоса Антонія и царевича Вахушти. Арчилъ, царь грузинскій и имеретинскій, оставилъ нѣсколько поэтическихъ твореній и „Арчиліани"—поэму, въ которой описана „жизнь и дѣятельность философа и ритора царя Теймураза I". Самъ царь Теймуразъ принималъ дѣятельное участіе въ грузинской литературѣ, возвративши ей прежній блескъ и силу: онъ перевелъ съ грузинскаго языка на греческій „Барсову Кожу" Шота Руставели, составилъ хронографъ на основаніи русскихъ и греческихъ источниковъ, написалъ цѣлую галлерею оригинальныхъ сочиненій въ стихотворной формѣ [34]). Теймуразъ II, сынъ Ираклія I, съ царевичами Іоанномъ [35]), Давидомъ, Теймуразомъ писали трактаты по богословію, философіи, исторіи и разнымъ видамъ поэтической литературы. Всѣ поэмы, составленныя названными царями, представляютъ прекрасный матеріалъ для исторіи, согрѣтый возвышеннымъ національнымъ чувствомъ; но нѣтъ въ нихъ тѣхъ поэтическихъ красокъ и глубины философской мысли, которой исполнена поэма XII в. Шота Руставели.

---

[33]) См. Цагарели „Свѣдѣнія о памятникахъ грузин. письменности".

[34]) Изъ его сочиненій отмѣчу: „Вардбулбуліани" (гдѣ воспѣвается роза и соловей, „Миріанани" (повѣсть), Ляйліани (романъ), „На развалинахъ Грема", „Сравненіе весны и осени", Свѣчка и бабочка, Анбантъ-кеба (поэмы).

[35]) Іоанну принадлежитъ словарь русско-грузинскій, хранящійся въ библіотекѣ покойнаго свѣтл. князя Грузинскаго Давида Багратовича.

Вѣнцомъ національнаго направленія, даннаго Теймуразомъ I, въ зіи по справедливости считаютъ поэму XVIII в., написанную Да,омъ Гурамишвили. Воодушевленный религіознымъ энтузіазмомъ и предѣльнымъ чувствомъ любви къ своей родинѣ, онъ описываетъ ественное положеніе Грузіи, сдѣлавшейся яблокомъ раздора между рціей и Персіей, въ конецъ разорившихъ и приведшихъ ее на край ели. Онъ проливаетъ горькія слезы при видѣ междоусобныхъ войнъ одаловъ, стонъ и плачъ его часто сравниваютъ съ воплями прор. еміи. Его поэма близко описываетъ судьбу Вахтанга VI, который ꙁъ напоромъ непріятельскихъ силъ долженъ былъ прибѣгнуть къ мощи Петра В. и выѣхать въ Россію. Этотъ энергичный и дѣятельй царь покончилъ свою жизнь вдали отъ любимой родины въ гор. страхани, гдѣ онъ и погребенъ [36]). Но онъ останется памятенъ и эсмертенъ той широкой научной и общественной дѣятельностью, корой онъ посвятилъ себя до конца своей жизни. Время не можетъ сглать тѣхъ крупныхъ заслугъ, какія онъ оказалъ Грузіи, какъ историкъ, занодатель, переводчикъ и основатель первой типографіи въ Тифлисѣ. нъ издалъ сборникъ законовъ, извѣстный подъ именемъ Уложеніе ıря Вахтанга VI, составилъ „Дастулама", книгу, заключающую цѣнıя свѣдѣнія объ административномъ строѣ, о доходахъ и расходахъ ıузинскаго царства. Изъ переводовъ слѣдуетъ назвать „познаніе твоэній" астрономическаго содержанія, Калилу и Дамну, первообразомъ эторой является Панчатантра. Онъ также издалъ въ Тифлисѣ „Барсову ожу" Ш. Руставели съ своими примѣчаніями, въ которыхъ старался бѣдить читателей и духовенство, преслѣдующее романтическую поэму, акъ богопротивное твореніе, что она представляетъ священную аллеэрію, имѣетъ въ виду духовную любовь между Богомъ и людьми, епоколебимую вѣрность при всѣхъ превратностяхъ человѣческой :изни.

Сотрудникомъ царя является просвѣщенный монахъ Савва Сулалъ Орбеліани. Онъ много путешествовалъ по Европѣ, два раза редставлялся французскому королю Людовику XIV отъ имени Вахтаıга VI, познакомился съ Лафонтеномъ, перешелъ въ католичество въ 'анъ-Базельскомъ монастырѣ въ виду политическихъ цѣлей и привезъ ъ собою 12 капуцинскихъ монаховъ для распространенія католичетва въ Грузіи. Онъ составилъ грузинскій словарь и такъ называмую „Книгу мудрости и лжи"—сборникъ басенъ, написанный чисымъ народнымъ языкомъ, отличающимся мѣткостью выраженій и

[36]) Histoire de la Géorgie (moderne) p. 36 et sq.

неподдѣльностью юмора. Сынъ Вахтанга VI, Вахушти переноситъ свою литературную дѣятельность въ Москву, печатаетъ полную библію, издаетъ пространный русско-грузинскій словарь, составляетъ исторію и географію по богатымъ матеріаламъ, собраннымъ исторической коммиссіей при Вахтангѣ VI. Въ заключеніе нельзя упомянуть о дѣятельности католикоса Антонія I и его ученика Гаіоза, ректора Телавской семинаріи. Антоній, сынъ грузинскаго царя мусульманина Іесея, составилъ первую грузинскую грамматику, придерживаясь системы латинской грамматики и армянской, армянской вардапета мхитара, извѣстнаго основателя братства мхитаристовъ; перевелъ соч. Аристотеля, физику Вольфа, философію Баумейстера, исторію Александра Макед. Кв. Курція, составилъ теологію, мартирологію—жизнеописаніе грузинскихъ святыхъ, оставилъ „Мѣрное слово", гдѣ кратко, въ стихотворной формѣ, передаетъ о заслугахъ литературныхъ и политическихъ дѣятелей. Достойный его ученикъ Гаіозъ перевелъ Регламентъ Петра В., нравоучительныя книги Марка Аврелія, Исторію Ролена, оставилъ цѣлую галлерею историческихъ и богословскихъ сочиненій [37]): церковную исторію, письма объ исторіи Грузіи, Богословіе и др.

При такомъ обиліи памятниковъ древней письменности у грузинъ до сихъ поръ не существуетъ не только исторіи литературы, но не приведено даже въ извѣстность число манускриптовъ, хранящихся въ монастыряхъ и библіотекахъ владѣтельныхъ особъ. А между тѣмъ знакомство съ грузинскими переводами, напр. Шахъ-Намэ (извѣстн. у грузинъ подъ именемъ „Ростоміани"), Калилы и Димны, Варлаама и Іоасафата [38]) и др. было бы не безполезно даже для исторіи всеобщей литературы, способствовало бы къ разъясненію вопроса объ отношеніи и связи между поэтическими сказаніями и преданіями Востока

[37]) Вотъ нѣсколько изъ нихъ: соч. Амвросія Медіоланскаго, письма Василія В., Военный уставъ съ рус. яз. по приказанію царя Ираклія II, Христіанское богословіе, Проповѣди, Катехизисъ, Китайская мудрость, Государственные законы, Велизаріапи-Мармонтеля, Путешествіе бар. Полницы, Грамматика груз. языка. Кстати замѣчу, что существуетъ масса сочиненій по всеобщей исторіи неизвѣстныхъ авторовъ. Нѣкоторыя изъ нихъ переписаны и переведены на грузинскій языкъ дѣятельнымъ ректоромъ Телавской семинаріи Давидомъ.

[38]) Бар. Розенъ Варлаама и Іоасафата на греч. языкѣ считаетъ переводомъ съ грузинскаго языка. Записки Вост. Отд. И. Рус. О. т. II вып. I, 166—174. Отмѣчу для оріенталистовъ полезныя книги—путешествіе по святымъ мѣстамъ митр. Іоны и Тимоѳея въ XVIII в.; сочиненія ихъ изданы на груз. яз. въ Тифлисѣ.

Запада, вопроса, для выясненія котораго такъ много уже сдѣлалъ академикъ А. Н. Веселовскій. Не безъинтересно сравнить съ оригиналами наши древніе переводы Гомера, Геродота, Плутарха, Платона, Аристотеля [39]), Тацита, І. Флавія, Кв. Курція, М. Цицерона, Іоанна Златоустаго, Василія Вел., Григорія Богослова, І. Дамаскина, Амвросія и другихъ отцевъ церкви. Вышеупомянутый англичанинъ Вордропъ считаетъ полезнымъ обратить вниманіе филологовъ на грузинскіе переводы сочиненій классическихъ писателей, существованіе которыхъ на грузинскомъ языкѣ едва ли многіе подозрѣваютъ.

Если грузинская изящная литература не обратила на себя достойнаго вниманія изслѣдователей, за то грузинскій лѣтописный сборникъ „Картлисъ Цховреба", извѣстный подъ именемъ лѣтописи царя Вахтанга VI, служитъ въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій предметомъ горячихъ споровъ между учеными. Одни изъ нихъ, болѣе безпристрастные, признаютъ историческую важность этой лѣтописи не только для Грузіи, но и для всей передней Азіи, на исторію которой, по словамъ В. Сенъ-Мартена, „Картлисъ-Цховреба" проливаетъ свѣтъ и даетъ ключъ къ уразумѣнію судьбы народовъ, двигающихся чрезъ Кавказъ [40]). Другіе отрицаютъ историческую ея достовѣрность, считая ее поздней редакціей, переработкой ученой коммиссіи, созванной царемъ Вахтангомъ VI въ XVIII в. Ряды этихъ скептиковъ украшаетъ своимъ пресловутымъ именемъ покойный Сеньковскій, который упорно держался того мнѣнія, что грузины впервые появляются въ XII в., спустившись съ ущелій кавказскихъ горъ на равнину, гдѣ условія физической природы благопріятствовали подняться на, сравнительно съ своими собратьями-горцами, значительную высоту культурнаго развитія [41]). (Запоздалые отголоски этого заблужденія послышались въ прошломъ году въ фельетонахъ газ. „Кавказъ").

---

[39]) Изъ сочиненій Аристотеля упоминаются Категоріи, Политика, Метафизика, Этика, Физика, (у прот. Картвелова „Иверія за 1889 г.). Изъ оригинальныхъ философскихъ сочиненій отмѣчу: основанія философіи Катол. Антонія; философія его же, Діалектика, Нравственныя изрѣченія, Логика. Укажу еще на переводъ соч. Монтескье L'esprit des lois, сдѣланный царевичемъ Давидомъ и исправленный ректоромъ Давидомъ.

[40]) Saint-Martin. Récherche sur les popul. du Caucase p. 78—9 Cp. Saint Martin. Mémoire sur l'Arménie II, 190, и Dubois de Montp. Voyage autour de Caucase I, 62—3.

[41]) Нѣкоторыя сомнѣнія касательно исторіи грузинъ въ Библіот. для чтенія 1838 стр. 151—178. Мнѣніе Сеньковскаго нашло поборника въ лицѣ проф. Патканова. См. Журн. Н. Пр. ч. CCXXX, отд. 2.

Ошибка изслѣдователей отрицательнаго направленія скрывается, по моему мнѣнію, въ томъ, что они не хотятъ замѣтить, что „Картлисъ-Цховреба“ представляетъ лѣтописный сводъ, подобно лѣтописи Нестора, въ составъ котораго вошли сказанія очевидцевъ, жизнеописанія святыхъ, царей и именитыхъ дѣятелей. Они какъ бы умышленно игнорируютъ, что грузинская лѣтопись разлагается на составныя части, имена авторовъ которыхъ для насъ не безъизвѣстны. Въ ней вскрываются отдѣльныя хроники, историческія записи, веденныя разными лицами въ разныя времена, слѣды которыхъ не могутъ ускользнуть отъ внимательнаго изслѣдователя. Въ началѣ разсказа о царствованіи царя Іоанна въ VIII вѣкѣ читается слѣдующая знаменательная приписка: эта Картлисъ-Цховреба до сихъ поръ писалась отъ времени и до времени, отъ Вахтанга же [Горгаслана, царствующаго въ V вѣкѣ (446—499)] до царя Іоанна (718—786) описана Джваншеромъ Джваншеріани, затемъ царя Арчила и послѣ потомки пусть опишутъ (дѣянія) по обстоятельствамъ и по умѣнію [42]). Вотъ авторъ трехвѣковой исторіи Грузіи V—VIII вв. Его разсказъ вошелъ въ составъ нынѣ извѣстной лѣтописи безъ существенныхъ измѣненій, въ чемъ легко убѣдиться изъ сопоставленія и сличенія этого разсказа съ дошедшимъ до насъ историческимъ актомъ Мцхетскаго собора, писаннымъ по повелѣнію царя Арчила, можетъ быть, того же самого тестя выше упомянутаго Джваншера въ VIII в. [43]) Далѣе вскрываются въ лѣтописномъ сборникѣ историческое повѣствованіе о Давидѣ Возобновителѣ (1089—1125), при которомъ уже упоминается „Kartlis-Matiane“ лѣтопись Грузіи, хроника Сумбата, обнимающія эпоху отъ VII до XI в., историческія записи Леонтія Мровели, протоіерея Іоанна и другихъ. И сказанное, полагаю, даетъ право заключить, что грузинская лѣтопись представляетъ сводъ отдѣльныхъ лѣтописныхъ разсказовъ [44]), удачную ихъ компиляцію, притомъ составленную за долго до царя Вахтанга VI, ибо варіантъ XVII вѣка, переписанный въ 1636—1646 гг. для царицы

---

[42]) Ce livre de l'Histoire de la Géorgie jusqu'à Wachtang fut redigè par intervalles. De Wakhtang jusqu'à ce temps il a eté composé par Djouancher Djouancheriani... plus tard les generations suivantes ecriront ce qu'elles auront vu, comme les circonstances dutemps endonneront connaissame à leur esprit eclaire de Dieu. His. de la. G. I, 356.

[43]) Пл. Іоселіани. Древности Тифлиса стр. 59, примѣч. 4.

[44]) Ср. изслѣдованія Бестужева-Рюмина. О составѣ рус. лѣтописи до конца XIV в. Nitzsch. Die Romische Annalistik. B. 1873. Nissen Kritische Untersuchun. uber die Quellen der IV и V Dekaden des Zivius. B. 1863.

Маріи, не прошедшій чрезъ редакцію царя Вахтанга, жившаго въ XVIII в., ложно признаваемаго иниціаторомъ составленія грузинской лѣтописи по мѣстнымъ, персидскимъ и армянскимъ источникамъ, является по своему содержанію идентичнымъ съ повѣствованіемъ такъ наз. Вахтанговой лѣтописи [45]). Что грузинская лѣтопись составлена далеко до XVIII в., ясно доказываютъ слова между прочимъ и армянскаго историка XIII вѣка Степаноса Орбеліани, который въ своей исторіи Орбеліановыхъ прямо ссылается на нашу лѣтопись, „Картлисъ-Цховреба".

Кромѣ этого лѣтописнаго свода имѣется еще рядъ историческихъ сочиненій, освѣщающихъ прошлую судьбу Грузіи: записки католикоса Захарія (XVII в.), Сехня Чхеидзе, Папуна Орбеліани, Парсаданъ Горджанидзе, исторія завоеванія Ахалцихской области турками, разрушеніе Тифлиса Ага-Магометъ-Ханомъ, шахомъ персидскимъ; исторіи, составленныя царевичами Багратомъ, Давидомъ, Вахтангомъ, Теймуразомъ и др.; житія святыхъ, представляющія очень важный историческій источникъ, жизнеописаніе Давида Возобновителя, Теймураза I, Вахтанга VI, Ираклія II, исторія князей и дворянъ неизвѣстнаго автора.

Перечисляя, далеко не всѣ, историческіе, юридическіе и поэтическіе памятники, я желалъ подчеркнуть еще разъ неосновательность мнѣнія о бѣдности грузинской письменности. Не слѣдуетъ при томъ забывать, что къ возсозданію историческаго облика Грузіи значительно способствуютъ помимо ея богатой духовной и свѣтской литературы съ V в. сказанія иностранцевъ съ древнѣйшихъ временъ [46]), эпиграфическіе и нумизматическіе факты съ VI в., масса остатковъ церковнаго и гражданскаго зодчества и живописи съ VII в., десятки тысячъ неразобранныхъ историко-юридическихъ актовъ (гуджары и сигели) съ VIII в. Надписи на церковныхъ зданіяхъ передаютъ имена строителей, современныхъ царей и правителей, а иногда эпизоды, относящіеся къ политической и къ внутренней жизни народа. По моне-

---

[45]) Бакрадзе. Статьи по исторіи и древностямъ Грузіи, стр. 16. Мои статьи на груз. языкѣ: „Слѣды народной поэзіи въ Картлисъ-Цховреба".

[46]) Не говоря объ историкахъ восточныхъ—армянскихъ, арабскихъ, персидскихъ, византійскихъ, русскіе и европейскіе путешественники по Грузіи близко знакомятъ насъ съ современной имъ Грузіей. Укажу на Шардена, Ламберта, Контарини, Барбало, Пьетро Делавеле, Олеарія, Гильденштедта, и др. Донесенія русскихъ пословъ Татищева, Толочанова въ Вивліоѳикѣ въ V к. (см. также Нов. Обоз. за 1889); другія у Броссе въ Bul. scienttfique t. X, 17 посольствъ, у г. Бѣлокурова Сношенія Россіи съ Кавказомъ. в. I, М. 1889 г.; также переписка грузинскихъ царей съ Россійскими государями—Броссе. Спб. 1861.

тамъ можно провѣрить время царствованія и имена правителей [47]. Масса изящныхъ архитектурныхъ памятниковъ—замки, башни, храмы Божіи, нынѣ стоящіе уединенно, часто въ пустынныхъ мѣстахъ, молчаливо свидѣтельствуетъ, что нѣкогда и кругомъ нихъ кипѣла жизнь [48]. Акты церковные, крестьянскіе и дворянскіе проливаютъ свѣтъ на тѣ стороны прошлой жизни Иверіи, о которой умалчиваютъ лѣтописныя сказанія. По гуджарамъ можно составить понятіе объ отношеніи церкви къ государству въ Грузіи въ историческомъ развитіи и измѣненіи. Гуджары выясняютъ происхожденіе независимаго положенія церкви, возникновеніе крѣпостной зависимости, права, отношенія церкви къ своимъ крѣпостнымъ, и власть ея надъ ними. Гуджары обрисовываютъ приблизительно умственное, нравственно-религіозное и матеріальное состояніе грузинскаго народа. По гуджарамъ можно провѣрить время царствованія того или другаго царя, опредѣлить преемственность іерарховъ, ихъ участіе въ дѣлахъ общественной жизни. Акты знакомятъ съ судоустройствомъ и судопроизводствомъ, со штрафами и наказаніями, налагаемыми за нарушеніе права собственности церковныхъ каноновъ, семейныхъ узъ и т. д. Они знакомятъ насъ съ порядкомъ отбыванія податей и повинностей церковныхъ, помѣщичьихъ и государственныхъ, даютъ понятіе о земельныхъ отношеніяхъ между помѣщикомъ и крѣпостнымъ, о способахъ перехода земли и обрядностяхъ, при этомъ исполняемыхъ.

Акты даютъ весьма много матеріала для точнаго и вѣрнаго опредѣленія политическаго положенія Грузіи, отношенія иновѣрныхъ завоевателей къ вѣрѣ и обычаямъ нашихъ предковъ. Они выясняютъ, что въ періодъ XVI—XVIII вв. въ Грузіи, находившейся въ полной зависимости отъ Турціи и Персіи, не только гражданскіе споры, но даже купчія крѣпости между христіанами совершались по шаріату. Главная идея, которая проходитъ чрезъ всѣ эти документы и которой объясняются продажа и покупка человѣческихъ личностей, извѣстныя нравственныя и соціальныя явленія,—родовое начало. Слѣдуетъ тутъ же отмѣтить господство и другаго начала, именно соборнаго въ

---

[47]) Нумизматич. факты Баратаева. 1844. Разборъ ихъ Броссе. Rapport sur l'ouvrage intitulé Нум. факты груз. царства. Sptb. 1847. Lettres de M. Bartholomei relatives aux antiquités géorgiennes.

[48]) Brosset. Voyage archeol. 1847—1849 гг. Бакрадзе. Археол. путеш. по Гуріи и Адчарѣ. Мой разборъ грузинскихъ надписей, вывезенныхъ московской археолог. экспедиціей съ Кавказа.

Западной Грузіи, гдѣ всѣ важныя церковно-религіозныя дѣла рѣшались по опредѣленіямъ собора [49]).

Вообще эти документы представляютъ важный историко-культурный очеркъ многострадальческой судьбы Грузіи. Судьба Грузіи по-истинѣ печальна. Грузія [50]) постоянно горитъ, постоянно разрушается, постоянно истребляется. Разореніе ея, избіеніе ея жителей оказывается чѣмъ-то обычнымъ, какъ бы очереднымъ явленіемъ ея нормальной жизни. Въ судьбѣ Тифлиса, какъ микрокозмѣ, ясно отражается вся тяжелая участь, которая не разъ обрушивалась на Грузію. Врядъ ли можно сосчитать возрожденіе Тифлиса изъ пепла, всѣ кровавые фазисы, въ которыхъ онъ, такъ сказать, мѣнялъ свой историческій обликъ. Персы пробуютъ разрушить Тифлисъ еще при первой его постройкѣ Вахтангомъ Горгасланомъ въ V в. Въ VII в. берутъ его приступомъ хозары, соединившіеся съ византійцами императора Ираклія. Почти все населеніе было истреблено, всѣ храмы и зданія были разрушены. „Стоны и вопли матерей къ дѣтямъ, говоритъ лѣтописецъ, раздавались подобно блеянію овецъ къ ягнятамъ своимъ“. Правителямъ Грузіи хозарскій царь велѣлъ выколоть глаза, содрать съ живыхъ кожу, набить ее сѣномъ и повѣсить на зубцахъ стѣнъ. Въ 731 г. Мурванъ глухой, военный халифъ Омара, опустошилъ Грузію, перебилъ ея населеніе; чрезъ 13 лѣтъ арабы опять вторгаются и теперь убиваютъ самого царя. Вслѣдъ за нимъ чрезъ Дарьяльское ущелье прорываются хозары и угоняютъ въ степи массы плѣнниковъ. За ними опять арабы, опять разореніе, опять истребленіе—безъ конца! Въ XI ст. овладѣваютъ Тифлисомъ турки-сельджуки. Давидъ Возобновитель отбиваетъ его у непріятелей послѣ отчаянной осады. Грузія начинаетъ наслаждаться спокойствіемъ, достигнувъ высшаго процвѣтанія при Тамарѣ, которая смирила исламъ силой своего оружія. Послѣ ея смерти Грузію постигли прежнія бѣдствія. Джелалъ-эддинъ, султанъ хваразмійцевъ, вырѣзываетъ населеніе Грузіи. Чрезъ 12 лѣтъ послѣ него монголы, двинувшіеся на Россію, овладѣваютъ Грузіею. Въ XIV ст. Тимуръ 6 разъ вторгается въ Грузію и опустошаетъ все, не оставляя камня на камнѣ. Въ XVI в. овладѣваетъ Грузіей Измаилъ шахъ персидскій, разрушаетъ храмы, строитъ мечеть въ укрѣпленной части гор. Тифлиса. Въ теченіе

---

[49]) Научное значеніе цер. гуджаръ. Д. Пурцеладзе. V археол. съѣздъ. Труды подготов. комитета, с. 426—430. По этимъ актамъ я написалъ статью „крѣпостное право въ Грузіи“, напеч. въ груз. період. изданіи „Иверія“ за 1889 г.

[50]) Марковъ. Очерки Кавказа. Подробности см. въ Hist. de la Georgie.

XVI в. Грузія перекидывается какъ мячъ отъ персовъ къ туркамъ, отъ турокъ къ грузинамъ, отъ грузинъ къ персамъ. Грузинскіе цари принимаютъ магометанскую вѣру, дѣлаются постоянными данниками персидскихъ шаховъ. Въ 1616 г. шахъ Аббасъ I обагрилъ кровью Грузію изъ конца въ конецъ, до 100.000 душъ отвелъ въ плѣнъ, не считая 70.000 павшихъ. Въ 1795 г. при царѣ Иракліи II вторгается въ Грузію свирѣпый Ага-Магометъ-ханъ, шахъ персидскій, предаетъ все огню и мечу и наноситъ послѣдній роковой ударъ независимому существованію Грузіи, которая съ первыхъ годовъ XIX столѣтія входитъ въ составъ Россійской имперіи.

Сношенія Грузіи съ Россіей начались съ давнихъ поръ,—съ IX—X вѣка; о сношеніяхъ въ XI—XII вв. мы имѣемъ положительныя свѣдѣнія. По словамъ Русской лѣтописи князь Изяславъ Мстиславичъ въ 1154 г. женился на царской дочери „изъ Обезъ", подъ каковымъ именемъ разумѣется дочь грузинскаго царя Димитрія I (1125—1154 [51]). Правнучка этого царя, царица Тамара (1184—1212), по совѣту духовенства и князей, выходитъ замужъ за Русскаго князя Георгія, сына Андрея Боголюбскаго, искавшаго убѣжища отъ преслѣдованій Всеволода, своего дяди, у Кипчаковъ, т.-е. Половцевъ [52]). Бракъ былъ впрочемъ несчастливъ: чрезъ три года, по вычисленію историка царевича Вахушти, или по прошествіи 5 лѣтъ, по мнѣнію Броссе, Георгій долженъ былъ отправиться сначала въ Константинополь, а въ 1196 г. удалиться вовсе изъ Грузіи. Сношенія Россіи съ Грузіей съ паденіемъ русскаго Тмутараканскаго княжества и потомъ съ завоеваніемъ Россіи монголами значительно сокращаются: за весь періодъ времени съ XIII в. до второй половины XVI в. мы имѣемъ только одно извѣстіе о сношеніяхъ при вел. князѣ Иванѣ III (въ 1491—1492 гг.), хотя есть основанія предполагать, что онѣ все-таки происходили [53]). Съ завоеваніемъ Московскимъ государствомъ Казанскаго и Астраханскаго царствъ эти сношенія усиливаются. Еще

[51]) П. С. Р. Л. т. I, с. 146; т. II, с. 73, 74, 302; т. VII, с. 60; т. IX, с. 198. Бутковъ. О бракахъ князей русскихъ съ грузинскими въ Сѣв. Архивѣ 1825 г. т. XIII, кн. 4, стр. 317—323. Brosset. Addit. et Eccl. стр. 280· Карамзинъ. Исторія Гос. Рос. т. II, стр. 265.

[52]) Brosset. Notice sur le mari russe de Thamar reine de Géorgie. Bul. hist.—phil., t. I, (1844) col. 209—229, № 14—15, emis le 12 septembre 1843. Его же свѣдѣніе о груз. царицѣ Тамарѣ въ древней рус. литературѣ въ Ученыхъ Зап. Ак. Н. по 1 и 3 отд. т. I, в. 4. Спб. 1853 стр. 478—490. Бутковъ ibid. 323—327.

[53]) Бѣлокуровъ С. А. Сношенія Россіи съ Кавказомъ в. I. М. 1889 г. стр. III—LIII.

557 году Грузин. царь чрезъ черкескихъ пословъ билъ царю у IV о холопствѣ и помощи, а, по извѣстію жалованной гра 1641 года, Кахетинскій царь Леонъ въ 1564 г. былъ при царемъ Иваномъ IV „подъ царскую руку". За время царствованія ра и Бориса сношенія дѣлаются почти постоянными. Въ 1586 г. царѣ Өедорѣ Кахетинскій владѣтель Александръ II изъявилъ жела йти подъ покровительство Россіи и подписать актъ на подданство ей имъ и исполнено было предъ посланными къ нему для этого рус і послами, причемъ онъ обязался ежегодно присылать дань про еніями своей страны. Покровительство Россіи Грузіи не было нальное. Россія нѣсколько разъ оказывала Грузіи помощь про Шевкала, (о чемъ просилъ царь Александръ), посылала свои са—въ 1589—1590 гг. подъ предводительствомъ Терскихъ вое въ 1591 г. кн. Засѣкина, въ 1593 г. кн. Хворостинина. Въ 1601 г. Александръ и вступившій на престолъ его сынъ царь Давыдъ оряютъ снова присягу на вѣрность Московскому государству предъ анными къ нимъ царемъ Борисомъ послами. Отправленнымъ въ і г. въ Грузію посламъ Татищеву и Иванову кромѣ объявленія о по ѣ рати противъ Шевкала подъ начальствомъ Бутурлина поручено было сосватать среди грузинскихъ царевичей и царевенъ дочери царя иса—жениха, а сыну его невѣсту. Они возвратившись между про ь сообщили, что и Карталинскій царь Георгій объявилъ себя дан омъ царя Бориса Годунова. Со смертью Бориса и наступленіемъ ннаго времени въ Москов. государствѣ прекращаются тѣсныя сношенія ду Россіей и Грузіей, постоянный обмѣнъ пословъ между ними; они во овляются только со вступленіемъ на престолъ царя Михаила. Въ 1621 ргій III царь Имеретинскій и Мамій II, владѣтель Гуріи, испра аютъ защиту у царя Михаила Өеодоровича. Въ 1636 г. этому же ю Мингрельскій владѣтель Дадіанъ Леванъ II изъявляетъ готов ть дать присягу на подданство. А въ 1639 г. Кахетин. царь Теймуь, неоднократно бившій челомъ царю Михаилу, былъ принятъ въ под ство Москов. государству. Эти присяги повторялись потомъ нѣсколько ь въ XVII—XVIII вв. грузинскими владѣтелями какъ при своемъ упленіи на престолъ, такъ и при вступленіи новыхъ царей на рус і престолъ [54]).....

---

[54]) Всѣ эти грамоты отъ Русскихъ государей и акты подданства грузинхъ царей можно видѣть въ изданной Броссе „перепискѣ грузинскихъ царей Россійскими государями". Спб. 1861.

Со вступленіемъ на престолъ царя Ираклія II (род. 1721 г. ноября) былъ сдѣланъ имъ значительный шагъ для утвержденія Русскаго владычества на Кавказѣ. Ираклій II, назначенный Надиръ-шахомъ царемъ Карталинскимъ за храброе отраженіе турокъ, нападавшихъ на Грузію, по смерти отца своего Теймураза II сдѣлался обладателемъ двухъ престоловъ Карталиніи и Кахетіи. Онъ принялъ участіе въ первой турецкой войнѣ и въ силу Кучукъ-Кайнарджійскаго мира Грузія освободилась отъ притязаній Порты, а Имеретія и Мингрелія были признаны независимыми, подъ управленіемъ своихъ собственныхъ владѣтелей. Для обезпеченія внѣшней безопасности Грузіи Ираклій II вошелъ подъ покровительство Россіи по договору, заключенному въ гор. Георгіевскѣ 24 іюля 1783 г. [55]). Уполномоченными со стороны Россіи были генералъ-поручикъ П. С. Потемкинъ и подполковникъ Тамара [56]), со стороны Грузіи князь И. К. Багратіонъ, генералъ-адъютантъ кн. Гарсеванъ Чавчавадзе и архимандритъ Гаіосъ, знавшій русскій языкъ [57]). По трактату 1783 г. Грузія поставила себя въ вассальныя отношенія къ Россіи съ правомъ укрѣпить за царствующей фамиліей въ Грузіи прародительскій престолъ, оставить званіе католикоса, имѣть собственную монету и независимое внутреннее управленіе страны [58]). Мусульманскія государства, поочередно разорявшія Грузію, были встревожены извѣстіемъ о подданствѣ ея Россіи. Ага-Магометъ-ханъ, свирѣпый шахъ персидскій, желая отомстить за измѣну, вторгся въ Грузію въ 1795 г., предалъ все огню и мечу, 70.000 душъ избилъ на мѣстѣ, а 100.000 отвелъ въ плѣнъ. Грузія не успѣла оправиться отъ варварскаго вторженія Ага-Магомета-хана, когда 11 января 1798 г. скончался въ гор. Телавѣ царь Ираклій II. На престолъ вступилъ Георгій XII, который былъ утвержденъ на основаніи третьей статьи трактата 1783 г. импер. Павломъ I „преемникомъ" Грузинскаго царства, а Давидъ сынъ его наслѣдникомъ престола [59]). Внутренніе безпорядки заставили Георгія XII отправить пословъ въ Петербургъ и просить о принятіи въ Грузію въ *подданство* съ правомъ сохранить титулъ царя за наслѣдникомъ [60]) грузинскаго пре-

[55]) „Дѣла Грузинскія" въ М. Гл. Ар. М. И. Д.

[56]) Бутковъ. Матеріалы для исторіи Кавказа. II, 127.

[57]) Дубровинъ. Исторія войны на Кавказѣ. II, 7.

[58]) Бутковъ op. cit. стр. 122—130. Дубровинъ op. c. 9—10.

[59]) Дубровинъ op. cit. III, 245.

[60]) Дубровинъ op. cit. III, 335.

Въ 1801 г. при Александрѣ I Благословенномъ Грузія объяв- присоединенной къ Россіи, а въ 1802 г. царевичи, духовенство, нство и все населеніе приведено къ присягѣ на вѣрность рус- престолу. „Не для приращенія силъ, сказано въ манифестѣ импер. :андра I, не для корысти, не для расширенія предѣловъ и такъ обширнѣйшей въ свѣтѣ имперіи, пріемлемъ мы на себя бремя ленія грузинскаго царства. Единое достоинство, единая честь и ѣколюбіе налагаетъ на насъ священный долгъ, внявъ моленію щущихъ, въ отвращеніе ихъ скорбей, утвердить въ Грузіи прав- , которое могло бы утвердить правосудіе, личную имущественную асность и дать каждому охрану закона".

Такъ Грузія добровольно вошла въ составъ Россійской имперіи ала ея передовымъ постомъ противъ Азіи.

При такихъ превратностяхъ судьбы и тяжелыхъ ударахъ, кото- вынесла Грузія, нужно полагать, что масса памятниковъ письмен- и сдѣлалась жертвой истребленія и погибла для насъ безвозврат- Но при всѣхъ неблагопріятныхъ для умственнаго развитія поли- скихъ условіяхъ все-таки осталось намъ цѣнное духовное на- ство—болѣе 3000 названій оригинальныхъ и переводныхъ сочи- й. Для будущаго развитія Грузіи небезполезно справиться, что получила изъ прошлаго, необходимо провѣрить, какъ проченъ духовный фундаментъ, на которомъ возводится новое зданіе куль- і. Словомъ „чтобы знать, куда и какъ идти, нужно знать откуда и ь пришли".

А. Хахановъ.

Въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московск. Университетѣ продаются слѣдующія книги:

1. Труды и Лѣтописи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 8 частей. М. 1815—1837 г. Цѣна за всѣ части, кромѣ 1-й, по 50 к. за каждую, на перес. за 2 ф.

2. Русскія Достопамятности. Часть 1-я, 1815 г., ц. 50 к., перес. за 2 ф.; Ч. 2-я (Русская Правда). 1843 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.; Ч. 3-я (Слово о Полку Игоревѣ). 1844 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.

3. Предварительныя критическія изслѣдованія для Россійской Исторіи. Эверса, пер. съ нѣмец. М. Погодина. М. 1826 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.

4. Списокъ печатн. книгамъ, рукописямъ, медалямъ, монетамъ и вещамъ различнымъ, принадлежащимъ обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ, состоящему при Импер. Москов. Университетѣ (стр. 51 + 16 + 96). М. 1827 г., ц. 1 р.

5. Древности сѣвернаго берега Понта. Соч. П. Кеппена, переводъ съ нѣмец. Средняго-Камашева. М. 1828 г., ц. 10 к., пер. за 2 ф.

6. Обозрѣніе Кормчей книги въ историческомъ видѣ. Соч. барона Розенкампфа. М. 1829 г., ц. 1 руб., перес. за 3 ф.

7. Корсунскія врата въ Новгородскомъ Софійскомъ Соборѣ. Описаны и объяснены Ѳ. Аделунгомъ; пер. съ нѣмец. П. Артемова. Съ рисунками. М. 1834 г., ц. 1 р. 75 к., перес. за 3 ф.

8. Супрасльская рукопись, содержащая новгородскую и кіевскую сокращенныя лѣтописи. М. 1836 г., ц. 3 р., перес. за 3 ф.

9. Псковская лѣтопись, изд. М. Погодинымъ. М. 1837 г., ц. 1 р., перес. за 3 ф.

10. Русскій Историческій Сборникъ, изд. М. Погодинымъ. М. 1837—1846 г. 7 томовъ. Цѣна за каждый томъ по 1 р., перес. за 3 ф. за каждый.

11. Славянскія древности. П. І. Шафарика, перев. съ чешскаго О. Бодянскаго. 2 тома въ 5 книгахъ. М. 1837 г. Т. I, кн. 1. (1-е и 2-ое изд.); т. I, кн. 3; т. II, книги 1—3. Ц. 6 р., перес. за 10 фун.

12. Историко-критическія изысканія. Ю. Венелина. Томъ II. М. 1841 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 3 ф.

13. Книга посольская метрики великаго княжества Литовскаго, содержащая въ себѣ дипломатическія сношенія Литвы въ государствованіе королей Сигизмунда Августа и Стефана Баторія. Два тома, изданные кн. М. Оболенскимъ, И. Даниловичемъ, М. Погодинымъ и Д. Дубенскимъ. М. 1843 г., цѣна 2 р. за томъ, перес. за 6 ф

14. Повѣствованіе о Россіи въ 3-хъ томахъ. Н. Арцыбашева. М. 1838—1843 г., ц. за всѣ 10 руб., перес. за 13 ф

15. Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червонной или Галицкой Руси до конца XV столѣтія. Соч. Зубрицкаго; пер. съ польск. О. Бодянскаго. М. 1845 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

16. Библіотека Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Сост. П. М. Строевымъ. Со снимкомъ съ 1-го листа Правды Русской по пергам. сборнику конца XIV вѣка. М. 1845 г. ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

17. О Русскомъ войскѣ въ царствованіе Михаила Θеодоровича и послѣ его до Петра 1-го. Изслѣд. И. Бѣляева. М. 1846 г., ц. 50 коп. перес. за 2 ф.

18. Книга Большой Чертежъ, изд. по 8 стар. рукоп. и 2 печ. книгамъ Г. Спасскимъ. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 3 ф.

19. Исторія о Донскихъ казакахъ. Соч. А. Ригельмана. Съ 19 рисунками. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., пер. за 2 ф.

20. Очеркъ исторіи письменности и просвѣщенія славян. народовъ до XIV в. Соч. А. Мацѣевскаго; пер. съ польскаго П. Дубровскій. М. 1846 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.

21. Изслѣдованіе начала народовъ славянскихъ. Разсужденіе Л. Суровецкаго. Переводъ съ польскаго Юстина Бѣлявскаго. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1846 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.

22. Лѣтопись самовидца о войнахъ Богдана Хмельницкаго и о междоусобіяхъ, бывшихъ въ Малой Россіи по его смерти. Съ предисловіемъ П. Кулѣша и О. Бодянскаго. М. 1846 г., ц. 1 р., пер. за 2 ф.

23. Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи. Соч. А. Ригельмана. Съ 30 рисун. М. 1847 г., ц. 2 р., перес. за 4 ф.

24. Исторія о казакахъ Запорожскихъ. Съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго. М. 1847 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.

25. Описаніе о малой Россіи и Украинѣ. Соч. Станислава Зарульскаго. Съ предисл. О. М. Бодянскаго. М. 1847 г., ц. 25 коп., перес. за 1 ф.

26. Краткое описаніе о казацкомъ Малороссійс. народѣ и о воен-

ыхъ его дѣлахъ. Соч. Петра Симоновскаго. Съ предисл. О. Бодянкаго. М. 1847 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 3 ф.

27. Переписка и другія бумаги Шведскаго короля Карла XII, Іольскаго Станислава Лещинскаго, Татарскаго хана, Турецкаго султана, Филипа Орлика и кіевскаго воеводы Іосифа Потоцкаго на латин. и польск. языкахъ. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1847 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.

28. О Несторовой лѣтописи. Соч. И. Бѣляева. М. 1847 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.

29. Древнія святыни Ростова великаго. Съ 6 изображеніями. Соч. гр. М. Толстаго. М. 1847 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.

30. Описаніе города Острога. Составл. А. Перлштейномъ. Съ планомъ древняго Острога. М. 1847 г., ц. 20 коп., перес. за 1 ф.

31. Паралипоменъ Зонаринъ. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1847 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.

32. Иностранныя сочиненія и акты, относящіеся до Россіи. Кн. М. А. Оболенскаго. В. І. Шаумъ М. 1847 г., ц. 50 коп.; перес. за 1 ф.

33. Краткое историч. описаніе о Малой Россіи до 1765 г., съ дополненіемъ о Запорожскихъ казакахъ и приложеніями, касающимися до сего описанія, собранное 1789 г. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1848 г., ц. 50 к., перес. за 1 ф.

34. Повѣсть о томъ, что случилось на Украинѣ съ тоя поры, какъ она Литвою завладѣна, ажъ до смерти гетмана Зиновія Богдана Хмельницкаго. Сообщ. И. И. Срезневскимъ. Съ предисловіемъ О. Бодянскаго. М. 1848 г., ц. 25 коп., перес. за 1 ф.

35. Малороссійская переписка, хранящаяся въ Московской Оружейной Палатѣ. Сообщ. И. Забѣлинъ. М. 1848 г., ц. 10 к., пер. за 1 ф.

36. Граматично исказанэ об Руском эзику. Соч. попа Юрка Крижанищя. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1848 г., ц. 1 р 25 к., перес. за 3 ф.

37. Исторія Россійская. В. Н. Татищева. Книга 5-я, или часть 4-я. М. 1848 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 4 ф.

38. Опытъ русскаго простонароднаго словотолковника. М. Макарова. М. 1848 г., ц. 1 руб.

39. Біографія А. В. Суворова, имъ самимъ писанная въ 1786 г. Сообщ. Дм. П. Голохвастовъ. М. 1848 г., ц. 25 коп., перес. за 1 ф.

40. Списокъ съ чертежа Сибирской земли. Г. Н. Спасскаго. М. 1849 г., ц. 50 коп.; перес. за 1 ф.

41. О поземельномъ владѣніи въ московскомъ государствѣ. Соч. И. Бѣляева. М. 1851 г., ц. 50 коп.; перес. за 1 ф.

42. Исторія славян. законодательствъ. Соч. Вячеслава-Александра Мацѣевскаго. Переводъ съ польскаго. М. 1851 г., ц. 1 руб.

43. Алексѣй Однорогъ. Историч. романъ. Спб. 1853 г., ц. 1 р. съ пересылкою.

44. Статутъ великаго княжества литовскаго 1588 г. на древнемъ западнорусскомъ языкѣ, печат. съ Мамоничев. изданія. Съ предисл. И. Бѣляева. М. 1854 г. (I—XII + 1—24 + 1—382). Ц. 2 руб. перес. за 4 фун.

45. Mémorial poétique sur la guerre d'Orient, écrit en vers grecs par Alexandre Soutzo et traduit en prose française par Lui-Même. Odessa. 1855 (стр. 1—225). Ц. 1 руб.; перес. за 1 ф.

46. О времени происхожденія славян. письменъ. Соч. О. М. Бодянскаго. М. 1855 г., ц. 2 р., перес. за 3 ф.

47. Діаріушъ или журналъ т.-е. повседневная записка случающихся при дворѣ пана гетмана Скоропадскаго оказій и церемоній, такожъ и въ канцеляріи войсковой отправуемыхъ дѣлъ. Хорунжаго Ник. Дан. Ханенка. Съ историч. свѣдѣніемъ о сочинителѣ О. Бодянскаго. М. 1858 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.

48. Лѣтопись и описаніе г. Кіева. Сост. Н. Закревскій. Съ 4 литогр. рисунками. М. 1858 г., ц. 2 р., перес. за 4 ф.

49. Описаніе Новгородскаго Юрьева монастыря. Съ литограф. видомъ онаго. Соч. архим. Макарія. М. 1858 г., ц. 50 к., пер. за 1 ф.

50. Походы викинговъ, государств. устройство, нравы и обычаи древнихъ скандинавовъ. Соч. А. М. Стрингольма, перев. съ нѣмец. А. Шемякина. Съ приложеніями и примѣчаніями нѣмец. переводчика К. Ф. Фриша. М. 1859 — 1861 г., ц. за обѣ части 3 руб., перес. за 6 фун.

51. Источники малороссійской исторіи, собранные Д. Н. Бантышемъ-Каменскимъ и изд. О. Бодянскимъ. Ч. I. М. 1858 г. Ч. II. М. 1859 г., ц. по 2 р. за томъ; за оба 3 руб., перес. за 3 ф.

52. О земельной собственности въ древней Сербіи. А. А. Майкова. М. 1860 г., ц. 50 коп., перес, за 1 ф.

53 и 54. а) Деньги и пулы древней Руси великокняжескія и удѣльныя. Д. Сонцова. М. 1860 г. (стр. I—X + 11—140 съ 11-ю таблицами (№№ 1—11) литограф. снимковъ пулъ и денегъ). Ц. 2 р. перес. за 2 ф. и б)—Прибавленіе 2-е (стр. I—IV + 5—82 + 2 таблицы (№ 13 и 14). М. 1862 г. ц 50 коп. перес. за 1 ф.

55. Переписка между Россіею и Польшею по 1700-й годъ, составленная по дипломатич. бумагамъ Н. Н. Бантышемъ-Каменскимъ. Съ предисловіемъ О. Бодянскаго. Ч. I. 1487—1584 гг. М. 1860 г.—

Ч. II. 1584—1612 гг. М. 1861 г.—Ч. III. 1612—1645 гг. М. 1862 г. Ц. по 1 р. 50 к. за томъ; за всѣ три—3 р. 50 коп., перес. за 4 ф.

56. Путешествія венеціанца Марко Поло въ XIII в. Переводъ съ нѣмецкаго А. Шемякина. М. 1863 г., ц. 2 руб., перес. за 4 ф.

57. Конст. Өедор. Калайдовичъ. Біографич. очеркъ. Матеріалы для жизнеописанія К. Ө. Калайдовича и особенно для изображенія ученой его дѣятельности. П. А. Безсонова. М. 1862 г., ц. 1 р., пер. за 2 ф.

58. Дѣло объ Арсеніи Мацѣевичѣ, б. митрополитѣ Ростовскомъ. М. 1862 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.

59. О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи. Вл. Милютина. М. 1862 г., ц. 3 руб., перес. за 4 ф.

60. Письма и записки императр. Екатерины II къ графу Никитѣ Иван. Панину. М. 1863 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.

61. Матеріалы объ Ив. Ив. Бецкомъ. Сообщ. Илар. А. Чистовичемъ. М. 1863 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.

62. Церковно-историч. описаніе упраздненныхъ монастырей, находящихся въ предѣлахъ Калужской епархіи. Состав. іером. (нынѣ архим.) Леонидъ. М. 1863 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.

63. Сборникъ церковно-историч. и статистич. свѣдѣній о Рязанской епархіи. Сообщ. архим. Макарій. М. 1863 г., ц. 2 р., пер. за 3 ф.

64. Письма Екатерины II къ разнымъ государствен. сановникамъ. Сообщ. А. Ө. Бычковъ. М. 1863 г., ц. 25 коп.; перес. за 1 ф.

65. Журналъ генералъ-маіора и кавалера Петра Никитича Кречетникова о движеніи и военныхъ дѣйствіяхъ въ Польшѣ въ 1767 и 1768 годахъ. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1863 г., ц. 1 руб.; перес. за 2 ф.

66. а) Журналъ реляцій къ Ея Импер. Велич. 1782—1787 гг. Тульскаго, Рязанскаго и Калужскаго генералъ-губернатора Михаила Никитича Кречетникова и б) письма къ нему гр. З. Г. Чернышова и другихъ. Съ предисловіемъ О. Бодянскаго. М. 1863 г. Цѣна 1 руб.

67. Очерки изъ исторіи Россійской церковной іерархіи. Г. Ө. Карпова. М. 1864 г., ц. 1 руб.; перес. за 2 ф.

68. Архивъ военно-походной канцеляріи графа П. А. Румянцева-Задунайскаго. М. 1865—1876 г. Части 1—4; по 1 р. за часть.

69. Жизнеописанія древнихъ и средневѣковыхъ путешественниковъ, посѣщавшихъ Россію или говорившихъ о ней. Перев. А. Н. Шемякина. М. 1865 г., ц. 3 руб., перес. за 4 ф.

70. Обозрѣніе рукописей и старопечатныхъ книгъ въ книго-хранилищахъ монастырей, городскихъ и сельскихъ церквей Калужской епархіи. Состав. архим. Леонидъ. М. 1866 г., ц. 1 руб. съ перес.

71. Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси, собранныя Я. Ѳ. Головацкимъ и изданныя О. Бодянскимъ ч. I—IV. Ц. 10 руб. съ пересылкою.

72. Путешествіе мое въ Имеретію съ линіи Кавказской, мое тамъ у царя пребываніе, съ нимъ сношеніе и обратное оттуда путешествіе въ Грузію. Соч. Алек. Егор. Соколова. Сообщилъ Н. П. Ермоловъ. Съ предисловіемъ О. Бодянскаго. М. 1873 г., ц. 1 р., пер. за 2 ф.

73. Путешествіе въ Московію барона Августина Майерберга и Горація Вильгельма Кальвуччи, пословъ импер. Леопольда къ царю Алексѣю въ 1661 г. Переводъ съ латин. А. Н. Шемякина. Съ предисловіемъ О. Бодянскаго. М. 1874 г., ц. 2 р., перес. за 3 ф.

74. О вліяніи борьбы между народами и сословіями на образованіе русскаго государства въ домонгольскій періодъ. Проф. М. Д. Затыркевича. М. 1874 г., ц. 2 р., перес. за 3 ф.

75. Россія при Петрѣ Великомъ, по рукописному извѣстію I. Г. Фоккеродта и Оттона Плейера. Переводъ съ нѣмец. А. Н. Шемякина. М. 1874 г., ц. 1 руб., перес. за 2 ф.

76. Бытъ западно-русскаго селянина. Юл. Ѳ. Крачковскаго. М. 1874 г., ц. 1 р. 25 коп., перес. за 2 ф.

77. Описаніе путешествія въ Москву посла Римскаго императора Николая Варкоча съ 22 іюля 1593 г. Переводъ съ нѣмецкаго А. Н. Шемякина. М. 1875 г., ц. 1 руб., перес. за 1 ф.

78 Реестра всего войска Запорожскаго послѣ Зборовскаго договора съ королемъ Польскимъ Яномъ Казимиромъ, составленные 1649 г. октября 16-го дня, и изданные по подлиннику, съ предисловіемъ, О. Бодянскимъ, съ 2-мя литографиров. снимками, именно: гербомъ гетмана Богдана Хмельницкаго и его подписью. М. 1875 г., ц. 1 р. 50 коп., перес. за 2 ф.

79. О мѣстѣ погребенія кн. Д. М. Пожарскаго и о томъ, гдѣ онъ лѣчился отъ ранъ осенью 1611 г. Гр. М. Д. Бутурлина. М. 1876 г., ц. 50 к., перес. за 1 ф.

80. О посольствѣ въ Китай графа Головина. В. Н. Баснина. М. 1876 г., ц. 50 коп.; перес. за 1 ф.

81. Донесеніе о Московіи Іоанна Перштейна, посла импер. Максимиліана II при московскомъ дворѣ. Перев. съ итальянскаго гр. М. Д. Бутурлина. Съ предисловіемъ О. Бодянскаго. М. 1876 г. Цѣна 25 коп.; перес. за 1 ф.

82. Начало и возвышеніе Московіи. Соч. Даніила принца изъ Бухова, дважды бывшаго посломъ у Ивана Васильевича, вел. князя Московскаго. Переводъ съ латинскаго И. А. Тихомирова. М. 1877 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.

83. Богословіе св. Іоанна Дамаскина, въ переводѣ Іоанна ексарка Болгарскаго. М. 1878 г., ц. 3 р.

84. Шестодневъ, составленный Іоанномъ, ексархомъ Болгарскимъ. М. 1879 г., ц. 3 р.

85. Житіе преподоб. отца нашего Θеодосія игум. Печерскаго. Списаніе Нестора. По харатейн. списку московск. Успен. собора буква въ букву и слово въ слово. Съ предисловіемъ Андрея Попова. М. 1879 г., ц. 30 коп., перес. за 1 ф.

86 Библіографич. матеріалы, собранные Андреемъ Поповымъ. IX—XIV. Повѣсть о разореніи Москов. государства. М. 1881 г. Ц. 50 коп.

87. Посланія священно-архим. Фотія къ духовной дщери его дѣвицѣ Аннѣ (1820—1822 гг.). Съ предисл. Андрея Попова. М. 1881 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.

88. Историко-статистич. описаніе заштатнаго Пертоминскаго мужскаго монастыря. Сообщ. Макарій епископъ Архангельскій. М. 1881 г., ц. 25 коп., перес. за 1 ф.

89. Митрополитъ Даніилъ и его сочиненія. Изслѣдованіе Василія Жмакина. М. 1881 г., ц. 4 руб. съ перес.

90. Изъ бумагъ митрополита Московскаго Платона. М. 1882 г., ц. 50 коп., перес. за 1 ф.

91. Домострой по списку Императ. Общеста Исторіи и Древностей Россійскихъ. Съ предисловіемъ И. Забѣлина. М. 1882 г., ц. 1 р. 50 коп., перес. за 2 ф.

92. Копіи съ писемъ государя Петра Великаго съ 1700 по 1725 г. Сообщ. архим. Леонидъ. М. 1882 г., ц. 25 коп., перес. за 1 ф.

93. Списокъ и указатель трудовъ, изслѣдованій и матеріаловъ, напечатанныхъ въ повремен. изданіяхъ Импер. Общ. Ист. и Древн. Россійс. при Москов. Универ. (за 1815—1888 гг.), составленный Ив. Забѣлинымъ. Съ присовокупленіемъ историч. очерка дѣятельности общества съ 1804 по 1884 г. Отд. I Списокъ трудовъ. М. 1884 г. Отд. II Указатель трудовъ. М. 1889 г. Ц. за обѣ книжки 1 руб.

94. Сазаво-Емауское Святое Благовѣствованіе, нынѣ же Ремьское, на немъ же прежде присягаша при вѣнчальномъ миропомазаніи цари Францустіи. Съ прибавленіемъ съ боку того же чтенія Латиньскыми буквами и сличеніемъ Остромирова Евангелія и Острожскихъ чтеній. Трудомъ и иждивеніемъ Вячеслава Ганки. Въ Чешской Празѣ. 1846. Цѣна 3 р. сер., перес. за 2 ф.

95. Временникъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, съ 1849 по 1858 годъ. 25 книгъ, каждая по два

рубля; а за всѣ безъ перес. 37 р. 50 коп., съ пересылкой 45 руб. На пересылку всякой книги „Временника“ за 4 фунта.

96. Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ. Годъ 1-й (1846), 4 книги; годъ 2-й (1846—1847), 9 книгъ; годъ 3-й (1847—1848), 9 книгъ; и годъ 4-й (1848—1849) 1 книга—по 2 руб. каждая книга. Годы 1861—1886, по 4 книги, каждый годъ по 10 рублей. Отдѣльно книги этихъ годовъ не продаются. За пересылку взимается съ вѣсу по разстоянію. Съ 1887 г. каждая книга „Чтеній“ продается отдѣльно по слѣд. цѣнѣ: за 1887 г. кн. 1, 2, 3 и 4 по 3 рубля за книгу. Остальныя книги по 2 рубля за книгу.

97. Портретъ Кіевскаго митрополита Евгенія, со снимкомъ почерка его руки. М. 1854 г., ц. безъ пересылки 50 коп.
